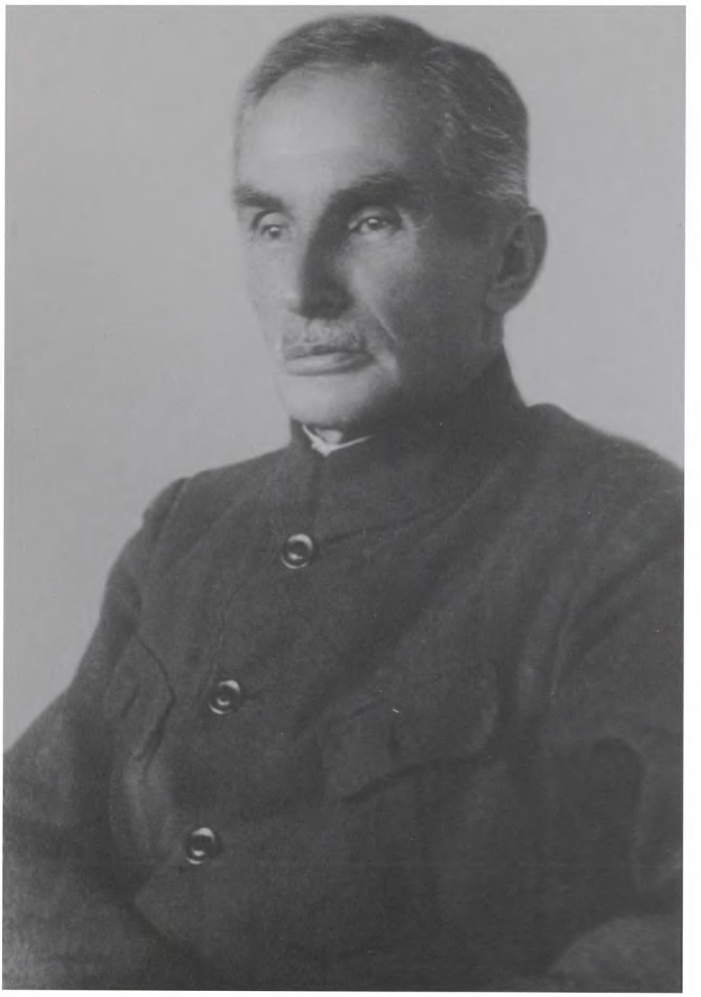
П. К. КОЗЛОВ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

ПЕТР КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ

ДНЕВНИКИ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1923–1926

П. К. КОЗЛОВ.
1923 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХИВ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С. И. ВАВИЛОВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана
академиком С. И. ВАВИЛОВЫМ в 1948 г.

Возобновлена в 1980 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик В. С. Мясников (председатель)
кандидат исторических наук Н. В. Бойко (ученый секретарь)
академик Г. М. Бонгард-Левин
доктор исторических наук В. Д. Есаков
кандидат технических наук Э. П. Карпеев
член-корреспондент РАН В. П. Козлов
доктор исторических наук Б. В. Левшин
академик И. М. Макаров
доктор экономических наук В. М. Орел
академик Н. А. Платэ
академик Ю. В. Прохоров
член-корреспондент РАН Л. П. Рысин
кандидат исторических наук Г. И. Смагина
академик Б. С. Соколов
доктор исторических наук И. В. Тункина
академик Российской академии образования С. О. Шмидт

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2003

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 30

ПЕТР КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ

ДНЕВНИКИ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1923–1926

Редактор-составитель
Т. И. ЮСУПОВА,
составитель
А. И. АНДРЕЕВ

Ответственный редактор
доктор технических наук
А. В. ПОСТНИКОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2003

УДК 910.002.3;-03
ББК 26.89л8
К59

Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923—1926. — СПб.: Наука, 2003. — 1039 с. — (Науч. наследство Т. 30).

ISBN 5-02-027094-6

В дневниках известного российского исследователя Центральной Азии П. К. Козлова (1863—1935) собраны записи, которые ученый вел практически ежедневно на протяжении трех лет во время своей последней экспедиции. Дневники содержат не только сведения о научно-исследовательской деятельности экспедиции — географическое описание местности, метеорологические наблюдения, этнографические заметки, описание археологических раскопок Ноин-Ульских курганов и посещения «мертвого» города Хара-хото,— но и заметки политического, социально-бытового характера о Монголии, Китае, Тибете, а также впечатления П. К. Козлова от встреч с советскими и монгольскими государственными деятелями, руководителями Российской академии наук и Монгольского ученого комитета.

Для географов, этнографов, историков науки, а также для всех интересующихся центрально-азиатским регионом.

Рецензенты:
доктор химических наук И. С. Дмитриев,
доктор географических наук К. В. Чистяков

Рукопись подготовлена к изданию при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 98-03-04287

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 02-03-16059

ТП-2003-II-180
ISBN 5-02-027094-6

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Научное наследство» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 2003

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Целью настоящего издания является публикация полного текста дневников Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923—1926 гг., одного из крупнейших экспедиционных предприятий Русского географического общества (РГО) в XX в. Помимо материалов естественнонаучного изучения Монголии, в центре которых, безусловно, находится рассказ о сенсационных раскопках Ноин-Ульских курганов — главном достижении экспедиции, дневники содержат обширные сведения политического, социально-бытового и культурного характера, что делает их исключительно ценным документальным источником.

Несколько слов о необычной судьбе дневников. Вернувшись из Монголии осенью 1926 г., П. К. Козлов не приступил тотчас же к обработке своих путевых тетрадей, как он это обычно делал по завершении прежних путешествий. Его жена и участница Монголо-Тибетской экспедиции Е. В. Козлова (1892—1975) объясняла это сильной физической усталостью и пошатнувшимся здоровьем исследователя. Между тем известно, что в 1927—1929 гг. П. К. Козлов предпринимал энергичные попытки по организации нового трехлетнего путешествия в Монголию и Тибет и даже готов был лететь на дирижабле в Лхасу. Скорее всего, П. К. Козлов попросту не мог откровенно рассказать о всех злоключениях своей последней экспедиции, то, о чем можно прочитать в его дневниках, а переписывать ее историю заново, очевидно, не пожелал. В итоге вместо большой книги он написал лишь краткий отчет, изданный в материалах Комиссии по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской республик.[1]

После смерти мужа в 1935 г. Е. В. Козлова передала дневники Монголо-Тибетской экспедиции в архив РГО, где они находились некоторое время. В 1939 г. Ю. М. Шокальский и Н. И. Вавилов (бывший и новый президенты Общества) предложили Е. В. Козловой подготовить дневники для печати,[2]

---

[1] *Козлов П. К.* Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923—1926 гг. // Северная Монголия. Л., 1928. Т. 3. 47 с.

[2] Архив музея П. К. Козлова. Ф. 3. Оп. 27. Д. 25. Л. 1.

в связи с чем она забрала их из архива. Эта работа была прервана войной и завершилась лишь в 1949 г. изданием книги: «П. К. Козлов. Путешествие в Монголию 1923—1926 гг.».[3] Публикация представляла собой чрезвычайно вольный пересказ дневников с многочисленными купюрами и огромными лакунами. Особенно пострадали при редактировании первая и третья тетради, содержание которых уместилось всего на нескольких страницах. Редакторами издания Е. В. Козловой и Э. М. Мурзаевым практически полностью был опущен рассказ П. К. Козлова о наиболее драматичном начальном этапе экспедиции — ее многомесячном задержании в Урге и вынужденной переориентации с Тибета на Монголию, о поездке в Москву для отчета перед правительственной комиссией в 1924—1925 гг. и ряд других важных эпизодов. Существенной переработке подвергся и своеобразный, легко узнаваемый авторский стиль Козлова. Не попало в книгу и подавляющее большинство упоминавшихся в тетрадях имен друзей и знакомых П. К. Козлова, его ученых коллег, а также партийных и государственных деятелей СССР и МНР 1920-х гг., многие из которых были впоследствии репрессированы. Но только такое «издание» экспедиционных дневников Козлова и было возможно в те годы: в книге присутствовала «чистая наука» и не было абсолютно никакой политики. В письме к другому участнику экспедиции — С. А. Кондратьеву Е. В. Козлова прямо пишет (3 марта 1946 г.): «...занимаюсь редактированием. Оно сводится к полной переработке дневников, что конечно нехорошо, но другого выхода нет».[4]

В дальнейшем дневники Монголо-Тибетской экспедиции продолжали оставаться у Е. В. Козловой, которая по каким-то причинам не вернула их РГО. В результате несколько поколений исследователей были лишены возможности познакомиться с подлинной историей путешествия.

В 1988 г. решением Ленгорисполкома на базе квартиры П. К. и Е. В. Козловых был создан мемориальный музей, переданный в ведение Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова АН СССР (с 1991 г. Санкт-Петербургский филиал — СПбФ ИИЕТ РАН). О существовании дневников тогда мало кто помнил, и они обнаружились случайно при разборе семейного архива Козловых в начале 1990-х гг.

Дневники П. К. Козлова, хранящиеся в Мемориальном музее-квартире путешественника в Санкт-Петербурге, представляют собой пять толстых кожаных тетрадей одинакового формата (17,0×22,5 см), имеющих сквозную пагинацию (л. 1—1099), общим объемом более 2000 рукописных страниц. Каждая тетрадь имеет свое название. Записи сделаны черными чернилами с обеих сторон каждого листа достаточно легкочитаемым почерком.

Хронологически дневники охватывают период с 12 июля 1923 г. по 22 сентября 1926 г. В нескольких случаях нарушена последовательность повествования, восстановленная составителями по имеющимся указаниям автора. Эти случаи оговариваются в текстовых примечаниях. Дневники также включают четыре небольших самостоятельных текста: краткий отчет

---

[3] *Козлов П. К.* Путешествие в Монголию 1923—1926 гг. Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой // Записки Всесоюз. географ. об-ва. Нов. сер. Т. 7. 1949. 234 с.

[4] Архив музея П. К. Козлова. Ф. 2. Оп. 18. Д. 6.

П. К. Козлова от 1 июня 1924 г. (тетр.1, л. 228—230 об.), его же письмо заведующему Главнаукой Наркомпроса РСФСР от 5 апреля 1924 г. (там же, л. 231—238 об.), его же заметка «Итоги летней деятельности 1924 г.» (тетр. 2, л. 430—430 об.) и запись личного характера, сделанная знакомой путешественника Н. Е. Бок (тетр.3, л. 600—664 об.). Последний текст был опущен, как не принадлежащий перу П. К. Козлова.

К стилистическим особенностям дневников следует прежде всего отнести тесное переплетение записей научно-делового и сугубо личного, интимного характера. Монотонные метеосводки, длинные перечисления местных видов фауны и флоры, денежные калькуляции перемежаются тонкими лирическими отступлениями, воспевающими красоты монгольской природы, и иными откровениями. Как и в своих предыдущих путешествиях, Козлов день за днем скрупулезно фиксирует все события, происходящие в экспедиции и вокруг нее. Правда, теперь (необходимая дань времени) ему нередко приходится прибегать к эзопову языку — намекам, иносказаниям и зашифрованным словам. В то же время обращает на себя внимание некоторая небрежность авторского стиля: неуклюже построенные фразы, повторы, отсутствие единообразия в написании имен и географических названий.

Дневники Монголо-Тибетской экспедиции публикуются полностью, без сокращений, с незначительными купюрами (пропуск текста обозначается отточиями в угловых скобках), необходимость которых оговаривается составителями. Археографическая обработка текста дневников проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (изд. 2-е, перераб. М., 1990). Орфография и пунктуация текста даются в соответствии с современными правилами при сохранении стилистических особенностей автора.

Каждая дневниковая запись начинается обычно с даты, написанной арабскими или римскими цифрами, и астрономического знака, обозначающего день недели. Затем, как правило, следует метеорологическая характеристика.

В самих записях часто встречаются сокращения отдельных слов и словосочетаний, географических названий и собственных имен. Восстановленные части слов или их предположительное прочтение приводятся в квадратных скобках. Сокращенные слова дополняются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования, кроме предложенного составителями (кк — как, чбы — чтобы, оч. — очень, кот. — который, бол. — большой, разнообразное сокращение РАН — Российская академия наук и РГО — Русское географическое общество и т. п.).

Текст цитируемых автором телеграмм приводится с воспроизведением недостающих союзов и предлогов.

Дневники снабжены комментариями по содержанию и примечаниями к тексту. Собственные примечания П. К. Козлова оставлены внутри текста. В конце тома приводится справочный аппарат, который содержит указатели — именной, географических названий, биологических терминов, иноязычных (монгольских, тибетских, китайских и др.) терминов.

В именном указателе в круглых скобках приведены разночтения в написании русских и иностранных имен, если таковые имеют место в тексте. Особенно большую трудность представляет транслитерация монгольских и китайских имен, поскольку П. К. Козлов записывал их исключительно на слух, нередко в нескольких вариантах. В тексте дневников оставлен один

вариант написания, наиболее часто встречающийся у П. К. Козлова. Составители сочли необходимым, однако, наряду с авторскими вариантами привести также и общепринятое в настоящее время написание монгольских сложных имен в одно слово в том случае, если речь идет об известных исторических персонажах и государственных деятелях.

Список иноязычных (главным образом, монгольских и тибетских) терминов составлен исходя из их написания П. К. Козловым. В круглых скобках дается правильное написание этих слов, соответственно в русской и латинской транскрипции, восстановленное по монгольско-русскому и тибетско-английскому словарям (Монгол-орос толь / Ред. А. Лувсандэндэв. М., 1957; *Jaschke H.* A Tibetan-English Dictionary, repr. Delhi, 1992).

Географические наименования приводятся по тексту П. К. Козлова. Имеющиеся разночтения унифицированы по преобладающему варианту и по принятому и устоявшемуся в научной литературе написанию. Варианты написания указаны в круглых скобках.

Естественно-исторические коллекции, собранные экспедицией, поступили в Зоологический, Ботанический и Геологический музеи АН, этнографические — в этнографический отдел Русского музея (ныне Российский этнографический музей), ноин-ульские археологические находки — вначале, для изучения и определения, в Академию истории материальной культуры, а позже — в Эрмитаж, рукописные материалы — в архив РГО.[5]

Практически все экспедиционные фотографии находились в личном архиве П. К. Козлова, после его смерти — у Е. В. Козловой, сейчас — в фондах музея-квартиры путешественника. П. К. Козловым подписана лишь небольшая часть ландшафтных снимков, большая часть осталась неидентифицированной.

Выявленные документы по организации и деятельности Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова хранятся в Архиве Президента РФ, Архиве внешней политики РФ, в ГАРФ, в РГАСПИ, в архиве РГО, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, в архиве музея-квартиры П. К. Козлова в Санкт-Петербурге.

Составители выражают искреннюю признательность за советы и консультации при работе над текстом дневников сотрудникам музея П. К. Козлова — О. В. Альбедилю, Т. Ю. Гнатюк, М. Н. Кожевниковой; сотрудникам Института востоковедения и его Санкт-Петербургского филиала — к.ф.н. И. В. Кульганек, к.и.н. Я. В. Василькову, к.и.н. Е. В. Бойковой, д. и. н. С. К. Рощину; также д. г.-мин. н. А. В. Всесвятскому, к.и.н. А. А. Терентьеву, сотруднику Зоологического института РАН Е. А. Шаповал, сотруднику Ботанического института РАН, к.б.н. А. Е. Грабовской-Бородиной, зав. архивом РГО М. Ф. Матвеевой и сотрудникам СПбФ Архива РАН, ГАРФ, РГАСПИ.

Особую благодарность составители выражают директору СПбФ ИИЕТ д. филос. н., проф. Э. И. Колчинскому за внимание и поддержку, оказанные им на всех этапах работы.

---

[5] Подробнее перечень научного материала, доставленного экспедицией в Ленинград, и его распределение см.: *Козлов П. К.* Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923—1926 гг. // Северная Монголия. Л., 1928. Т. 3. С. 46—47.

П. К. КОЗЛОВ И ЕГО МОНГОЛО-ТИБЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1923—1926 гг.

Выдающийся путешественник Петр Кузьмич Козлов (1863—1935) принадлежит к блестящей плеяде энтузиастов-исследователей Центральной Азии второй половины XIX—начала XX в. Ученик и последователь Н. М. Пржевальского, он целиком посвятил свою жизнь научному освоению обширных территорий азиатского материка, малоизученных или совсем неизвестных географической науке того времени.

П. К. Козлов родился в бедной, малограмотной семье в г. Духовщина на Смоленщине. Окончив городское шестиклассное училище, он собирался поступить в Виленский учительский институт, однако педагоги (среди которых был известный в будущем деятель просвещения В. П. Вахтеров) не смогли выхлопотать ему казенную стипендию. Петру Козлову пришлось устроиться работать в контору местного винокуренного завода в поселке Слобода (ныне г. Пржевальск Смоленской обл.). Случайная встреча с Н. М. Пржевальским в 1882 г. в Слободе, где находилось имение прославленного путешественника, круто изменила жизнь деревенского юноши. Н. М. Пржевальский увидел в юном Петре Козлове родственную «душу номада» и предложил участвовать в своей 4-й Центральноазиатской (2-й Тибетской) экспедиции. Для этого Козлову пришлось сдать экзамен за курс Смоленского реального училища и поступить вольноопределяющимся в армию, поскольку Н. М. Пржевальский комплектовал свои экспедиции исключительно из военнослужащих. «Пржевальский явился моим великим отцом: он воспитывал, учил и руководил общей и частной подготовкой к путешествию», — вспоминал позднее Козлов.[1] Под непосредственным руководством Н. М. Пржевальского юноша приобрел необходимые для дальних странствий знания и практические навыки, в частности обучился искусству препаратора. В дальнейшем, работая рядом с Н. М. Пржевальским, П. К. Козлов сформировался как профессиональный путешественник-исследователь, овладел его экстенсивно-описательным методом «маршрутной рекогносцировки» и успешно использовал в своей исследовательской деятельности.

---

[1] *Козлов П. К.* Николай Михайлович Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии. СПб., 1913. С. 84.

«Из этого двухлетнего, первого для меня путешествия я возвратился иным человеком — Центральная Азия стала для меня целью жизни», — писал Козлов в кратком биографическом очерке. «Такое убеждение не поколебалось, наоборот, еще более укрепилось после тяжелых нравственных страданий, связанных с неожиданной смертью моего незабвенного учителя <...>».[2] Светлый образ Н. М. Пржевальского (Пшевы) вдохновлял Козлова всю его жизнь, и даже жену Елизавету Владимировну Пушкареву он называл ласковым именем Пшевик, Пшевочка.

Другим столь же высокочтимым учителем и покровителем Козлова долгие годы был знаменитый географ-путешественник, вице-председатель ИРГО П. П. Семенов-Тян-Шанский, немало содействовавший его экспедиционной деятельности после смерти Н. М. Пржевальского.

С 1883 по 1926 г. П. К. Козлов совершил шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай и Восточный Тибет, три из которых возглавил лично.[3] Особенно ярко его талант как путешественника-натуралиста проявился во время первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции 1899—1901 гг. Ее научные результаты превзошли все ожидания: Козлов привез в Санкт-Петербург огромную и необычайно разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Тибета, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно неизученных областей Центральной Азии. В результате этой экспедиции, прошедшей со съемкою более 10 000 км, были нанесены на карту крупнейшие хребты в Восточном и Центральном Тибете (хребет Русского Географического Общества, хребет Водораздел (бассейнов Хуан-хэ и Янцзы), хребет Рокхилла и др.). Исследования Козлова получили высокую оценку мирового научного сообщества. Снарядившее экспедицию ИРГО наградило путешественника за выдающийся вклад в изучение Центральной Азии своей высшей наградой — Константиновской золотой медалью.

Следующая экспедиция Козлова — Монголо-Сычуаньская (1907—1909) — прославила его уникальными археологическими находками, сделанными при раскопках «мертвого» города Хара-хото на р. Эдзин-гол, в песках южной Гоби. В одной из культовых построек — субургане-реликварии, получившем название «знаменитый», П. К. Козлову посчастливилось найти богатейшую коллекцию, содержащую тысячи книг и рукописей на тангутском, китайском, тибетском и уйгурском языках, сотни скульптур и икон, святыни из буддийских храмов и т. п. Материалы из «знаменитого» субургана позволили ученым восстановить историю забытого тангутского государства Си-Ся, просуществовавшего около 250 лет (982—1227 гг.) на территории современного северного Китая.

Открытие и сенсационные раскопки Хара-хото получили большой резонанс в научном мире, что принесло Козлову высшие награды Итальянского

---

[2] Цит. по: *Козлов П. К.* Русский путешественник в Центральной Азии. М., 1963. С. 25.

[3] П. К. Козлов участвовал в 4-й Центральноазиатской экспедиции Н. М. Пржевальского 1883—1885 гг., Тибетской экспедиции М. В. Певцова 1889—1890 гг., Тибетской экспедиции В. И. Роборовского 1893—1895 гг.; возглавлял: Монголо-Камскую экспедицию 1899—1901 гг., Монголо-Сычуаньскую экспедицию 1907—1909 гг. и Монголо-Тибетскую экспедицию 1923—1926 гг.

и Лондонского географических обществ, премию им. П. А. Чихачева Французской Академии наук, а ИРГО и Венгерское географическое общество избрали его почетным членом соответственно в 1910 и 1911 гг.

Монголо-Камская и Монголо-Сычуаньская экспедиции Козлова обогатили российские музеи многочисленными естественнонаучными и художественными сокровищами и в то же время существенно упрочили приоритет России в изучении центральноазиатского региона.

Еще одно важное событие в жизни Козлова этого периода — знакомство с духовным и светским правителем Тибета Далай-ламой XIII. Их первая встреча произошла в 1905 г. в столице Внешней Монголии Урге, куда Далай-лама был вынужден бежать из-за вторжения в Тибет англичан. Капитан Козлов[4] приветствовал тибетского первосвященника и преподнес ему подарки от имени ИРГО за гостеприимство, оказанное Монголо-Камской экспедиции в 1899—1901 гг., а также по поручению МИД и Главного штаба обсуждал возможность предоставления Россией помощи Тибету. Встреча Козлова с Далай-ламой, происшедшая в столь драматический для Тибета момент, положила начало их теплым дружеским отношениям, продолжавшимся долгие годы.

В 1909 г. путешественник нанес новый визит правителю Тибета — на этот раз в буддийском монастыре Гумбум (в провинции Амдо, в Восточном Тибете). Завязывание близких отношений с Далай-ламой и его приближенными не только имело важное политическое значение с точки зрения укрепления российско-тибетских связей, но было весьма полезным и в личном плане, поскольку открывало перед пытливым исследователем двери в запретную для европейцев Лхасу.

Этим обстоятельством Козлов попытался воспользоваться в 1914 г., начав подготовку к новому большому путешествию. Экспедиция проектировалась как Монголо-Тибетская. Ее целью должно было стать дополнительное исследование развалин Хара-хото и изучение Тибетского нагорья, главным образом бассейнов верхнего течения трех великих рек Азии — Янцзы, Меконга и Салуэна. В то же время Козлов втайне надеялся, что ему наконец-то удастся осуществить свою и своего учителя заветную мечту — побывать в Лхасе. Но в его планы неожиданно вмешалась мировая война. В результате полковник Генштаба П. К. Козлов отправился на Юго-Западный фронт, где некоторое время исполнял должность коменданта городов Тарнов и Яссы. А затем в 1915 г. его командировали в Монголию во главе особой правительственной экспедиции («Монголэкс»), занимавшейся закупками скота для нужд действующей армии.

Октябрьскую революцию Козлов воспринял неоднозначно, но от сотрудничества с большевиками не отказался. Не последнюю роль в этом сыграла его востребованность новой властью. Уже в ноябре 1917 г. Российская академии наук назначает Козлова комиссаром в знаменитый крымский акклиматизационный зоопарк-заповедник Аскания-Нова. Такое назначение не было случайным: хорошо знакомый с самим зоопарком и его основате-

---

[4] Военная карьера П. К. Козлова была столь же удачной, как и исследовательская. Окончив Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище в 1888 г., он прошел путь от подпоручика до генерал-майора (последнее звание было присвоено в конце 1916 г.).

лем Ф. Э. Фальц-Фейном, Козлов еще до войны энергично выступал за скорейшую национализацию этого уникального уголка природы. И в новых политических условиях он продолжил борьбу за сохранение зоопарка от разграбления и уничтожения, итогом которой стал декрет правительства советской Украины о «сбережении» Аскании-Нова в апреле 1919 г.[5]

С окончанием гражданской войны появилась надежда на возобновление исследовательской деятельности, на новое путешествие в любимую Центральную Азию. 22 августа 1922 г. Козлов выступил с докладом в Совете РГО, в котором поднял вопрос о возрождении несостоявшейся Монголо-Тибетской экспедиции, «на тех же основаниях и с той же программой научных исследований, какая была предложена Обществу в 1914 году». Начальный этап ее деятельности предполагалось сосредоточить в низовьях Эдзингола, в Хара-хото. По окончании работ один из его старших помощников (археолог) с двумя спутниками должны были вернуться в Россию «с караваном научных ценностей», добытых во время раскопок. Тем временем остальные участники во главе с Козловым перемещались в долину Цайдам и в зависимости от времени года либо сразу же поднимались на Тибетское плоскогорье и держали путь к югу, останавливаясь для обследования бассейнов Янцзы, Меконга и Салуэна, либо оставались на зимовку в преддверии Тибета, в Цайдаме. Там намечалось устроить склад, метеорологическую станцию и заняться изучением быта, обычаев и религии кочевых племен верхних монголов и северных тибетцев, обитающих в районе хребта Бурхан-Будда.[6]

Руководство РГО (Ю. М. Шокальский, В. Л. Комаров) горячо поддержало планы Козлова, рассчитывая с помощью новой большой экспедиции поднять престиж Общества и возродить его былую славу главного организатора экспедиционных исследований внутри и за пределами России. Сразу же после своего заседания (27 сентября) Совет РГО направил в Совнарком РСФСР ходатайство о разрешении провести двух-, трехгодичную экспедицию в Монголию и Тибет. В письме руководителей Общества эта экспедиция была представлена как нечто совершенно исключительное, «единственное в своем роде предприятие», «важнейший географический подвиг». При этом подчеркивалось, что от нее ожидают не только «блестящих результатов в научном отношении» — экспедиция Козлова может, кроме того, дать и «немаловажные практические результаты, завязав новые, более тесные сношения с народностями Центральной Азии».[7]

Разрешение было получено без особого труда (благодаря протекции управделами СНК Н. П. Горбунова, старого друга семьи Козловых), и затем Наркомат иностранных дел со своей стороны также одобрил планы Козлова. 26 января 1923 г. проект экспедиции был рассмотрен Временным Комитетом науки при Госплане, который постановил «отпустить 50 тыс. рублей

---

[5] *Борейко В. Е.* П. К. Козлов. Малоизвестные факты природоохранительной деятельности (к 130-летию со дня рождения) // Известия РГО. 1993. Т. 125. Вып. 5. С. 64—66.

[6] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 9. Л. 302—304. Доклад П. К. Козлова Совету РГО, 22 августа 1922.

[7] Там же. Л. 305. Докладная записка Ю. М. Шокальского и В. Л. Комарова в СНК РСФСР, 24 октября 1922.

в серебряных ланах и 50 тыс. в золотом исчислении советскими знаками на оборудование экспедиции Козлова в Тибет».[8] Возражал против такого решения лишь вице-президент АН академик В. А. Стеклов, назвавший проектируемую экспедицию «несвоевременной». Следует отметить, что, несмотря на тесные контакты с академическими учреждениями, Козлов не счел нужным посвятить в свои планы Комиссию по экспедициям РАН, поэтому такое решение Комитета науки явилось неожиданным для академического сообщества. В результате разразился скандал: руководство РАН в лице непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга и В. А. Стеклова было крайне обеспокоено ущемлением интересов РАН, тем более что отпущенные Госпланом на экспедицию РГО средства во много раз превышали стоимость запланированных на 1923 г. академических исследований. Еще одним поводом для недовольства послужили научно-методологические соображения: метод маршрутных рекогносцировок в духе Н. М. Пржевальского, по мнению академиков, давно устарел; на современном этапе изучения Центральной Азии и развития естественных наук назрела необходимость планомерных специализированных стационарных исследований этого региона.

Однако у экспедиции Козлова имелся большой плюс: с самого начала она задумывалась как правительственная, что придавало ей значение важной политико-пропагандистской акции. Поэтому 9 февраля 1923 г., несмотря на противодействие мощного академического тандема В. А. Стеклов — С. Ф. Ольденбург, Малый Совнарком на своем заседании утвердил решение Госплана об отпуске средств на организацию Монголо-Тибетской экспедиции. А 27 февраля уже Большой СНК постановил:

«1. Признать своевременной и целесообразной экспедицию РГО в Монголию и Тибет под руководством путешественника П. К. Козлова сроком на 3 года;

2. Принять расходы экспедиции на средства Правительства».[9]

Этот акт несколько притушил разногласия между РГО и Академией наук. На том же заседании СНК также поручил Наркоминделу рассмотреть совместно с Козловым вопрос о подарках Далай-ламе и его свите, для чего начальнику экспедиции правительство отпустило из казны дополнительно 4000 золотых рублей.

Снаряжение экспедиции заняло чуть более трех месяцев. 1 июня 1923 г. Козлов выступил с большим докладом на Совете РГО, в котором уточнил маршрут, цели и задачи экспедиции, штат сотрудников. Маршрут предполагался следующий: Урга — Хара-хото — Гань-чжоу, горная система Наньшань — Цайдам, затем подъем на Тибетское плато и движение в глубь горной страны к р. Мур-усу и оттуда к Лхасе. Предполагалось, что отряд будет состоять из 21 человека: начальник (П. К. Козлов), 2 старших помощника (ботаник Н. В. Павлов и географ С. А. Глаголев), 4 младших (орнитолог Е. В. Козлова — жена Козлова, врач-энтомолог Е. П. Горбунова — сестра Н. П. Горбунова, ботаник-коллектор А. Д. Симуков и геолог Б. М. Овчинников), 3 препаратора (П. С. Савельев, В. А. Гусев, В. М. Канаев), 6 человек конвойных (П. М. Саранцев, К. К. Даниленко, Н. Н. Барсов, В. М. Худяков,

---

[8] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 126. Л. 343, 366—367.

[9] Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 107. Л. 13.

Н. Ю. Касимов, С. А. Кондратьев), 2 переводчика (Б. Мухарайн, Ш. Эрдэниев), 2 заведующих караваном (А. Мадаев и А. У. Бохин), кинооператор (М. В. Налетный). Многих из присутствовавших смутило то, что костяк отряда состоял из совсем молодых людей, не имеющих ни достаточной научной квалификации, ни экспедиционного опыта. Объяснялось это тем, что на свою экспедицию Козлов по-прежнему смотрел глазами Н. М. Пржевальского как на «научную рекогносцировку», для которой ему требовались прежде всего послушные и аккуратные исполнители его замыслов.

Экспедиция намеревалась выступить из Петрограда в конце июня 1923 г., однако неожиданно была задержана по распоряжению Москвы. Поводом послужил донос на Козлова в ГПУ — обвинение его и других путешественников в «белогвардейских настроениях», что серьезно насторожило советское руководство, поскольку район предполагаемых исследований находился в сфере британского влияния. В результате по инициативе начальника ИНО ГПУ В. Р. Менжинского у членов экспедиционного отряда были отобраны загранпаспорта якобы для проверки, которая вскоре завершилась отчислением из его состава двух младших сотрудников — Б. М. Овчинникова и Н. Н. Барсова. В то же время (25 июня) Ф. Э. Дзержинский обратился в Политбюро с письмом о необходимости создать особую комиссию для рассмотрения вопроса о «целесообразности посылки в настоящей момент экспедиции в Монголию и Тибет». Такая комиссия была создана Политбюро 27 июня в составе четырех человек (Л. Б. Каменев, Г. В. Чичерин, М. Н. Покровский и Ф. Э. Дзержинский). Одновременно принимается и предложение И. В. Сталина: прикомандировать к отряду П. К. Козлова политкомиссара — бурята-коммуниста Д. М. Убугунова, в прошлом сотрудника Монголо-Тибетской секции Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна.[10]

Разрешение Центра на выезд экспедиции в Монголию последовало 17 июля, и уже через неделю Козлов вместе с 14 спутниками и экспедиционным багажом выступил в путь. На границе с Монголией, в Кяхте и Троицкосавске, к отряду присоединились буряты Б. Мухарайн (член Бурревкома в Чите[11]) и лама Ш. Эрдэниев, рекомендованные Козлову его старым другом, «полномочным представителем Тибета в РСФСР» Агваном Доржиевым, а также партийные «контролеры» — Д. М. Убугунов и Л. Е. Помытов (переводчик с бурятского и монгольского языков).

В Ургу экспедиция прибыла 1 октября. Первоначально предполагалось, что она пробудет в столице Монголии недолгое время, необходимое для снаряжения каравана и получения из Пекинского МИДа через советское полпредство охранной грамоты и дорожных паспортов. Каких-либо трудностей с въездом в запретный для европейцев Тибет у Козлова в отличие от

---

[10] О доносе на П. К. Козлова и обстоятельствах задержания его экспедиции см.: *Андреев А.И.* Почему русского путешественника не пустили в Лхасу // От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века. С.-Петербург; Самара; Прага, 1997. С. 92—120; *Андреев А. И., Юсупова Т. И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923—1926 гг.) // ВИЕГ. 2001. №2. С. 51—74.

[11] Речь идет о Бурят-Монгольском ревкоме автономной области Дальнего Востока.

других западных путешественников не предвиделось, поскольку он имел специально посланный ему Далай-ламой в Ургу пропуск, — случай почти беспрецедентный в практике научных путешествий по Тибету.

И все же Козлову не удалось выступить из Урги в намеченный срок. Экспедиционный караван уже был полностью снаряжен, однако Москва почему-то не давала разрешения на выезд; в полпредстве путешественнику объяснили задержку неожиданно возникшими сложностями с получением китайских паспортов советским дипломатическим представителем в Пекине (Л. М. Караханом). Тем временем Политбюро еще 27 сентября 1923 г. поручило В. Р. Менжинскому и М. Я. Лапирову-Скобло пересмотреть состав экспедиции Козлова. Эта новая «чистка» завершилась удалением из отряда без какой-либо мотивировки еще трех человек — старшего помощника С. А. Глаголева, препаратора П. С. Савельева и заведующего транспортом П. М. Саранцева. «И ничего, ничего не выйдет толкового, путного из нашей экспедиции, — сокрушенно записывает Козлов в путевом дневнике 15 ноября 1923 г. — Как блестяще она началась и какие две раны — мучительные раны — она уже получила на своем пути: одну еще в Петрограде, когда навязали "украшение" ученой экспедиции, другую здесь, в Урге, когда вырвали из ее среды самых нужных, толковых людей».

Козлов, однако, не торопится отправлять «забракованных» спутников назад, возлагая надежды на заступничество своих высоких покровителей в Кремле — Н. П. Горбунова, Л. Б. Каменева и А. И. Рыкова. Разворачивающаяся в Центре интрига вокруг его путешествия остается неведомой ему. Развязка наступает 27 ноября, когда Козлов получает телеграмму из СНК от Н. П. Горбунова, уведомляющую его о решении правительства отложить Тибетскую экспедицию на неопределенный срок «в связи с осложнением международных отношений». Именно этой причиной биографы П. К. Козлова долгие годы объясняли вынужденный отказ его от своих первоначальных планов, связанных с исследованием Тибетского нагорья. Так, С. В. Житомирский утверждал, что «под давлением Великобритании» Китай не разрешил экспедиции переход по своей территории, в результате чего «Козлову пришлось ограничиться изучением Монголии».[12] Знакомство с рядом документов из Архива Президента РФ, РГАСПИ, ГАРФ[13] позволяет, однако, говорить о том, что поездка Козлова в Тибет в действительности была сорвана не Пекином, а главным образом Москвой, усилиями руководителей ГПУ и НКИДа — Ф. Э. Дзержинского и Г. В. Чичерина.

Тибет привлек к себе внимание советских вождей вскоре после Октябрьской революции по причине своей сопредельности с Британской Индией. Этот геостратегический фактор приобрел особенно большое значение в контексте острого идеологического противостояния Советской России и Англии, в основе которого лежало возродившееся в послеоктябрьский период традиционное англо-русское соперничество в Азии.[14] В 1921—1922 гг.

---

[12] *Житомирский С. В.* Исследователь Монголии и Тибета П. К. Козлов. М., 1989. С. 158.

[13] Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 65. Д. 739 (Китай—КНР—О Тибете, 1922—1962); ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10, 11; РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 293; Ф. 17. Оп. 3. Д. 362.

[14] Более подробно о советско-тибетских отношениях см.: *Андреев А. И.* Большевики в борьбе за Тибет // От Байкала до священной Лхасы... С. 121—226.

Наркоминдел РСФСР совместно с Дальневосточным секретариатом ИККИ направляет в Лхасу разведывательную экспедицию во главе с калмыком В. А. Хомутниковым, которой предстояло завязать дружеские контакты с Далай-ламой и его правительством и подготовить почву для дальнейшего сближения между двумя странами. Целью Тибетской политики Москвы было утверждение советского влияния в этой стране и одновременно противодействие английской экспансии в Тибете. Осенью 1922 г. (когда НКИД одобрил проект Козлова) в дипломатическом ведомстве уже полным ходом шла подготовка к новой собственной Тибетской экспедиции. Совершенно очевидно, что на тот момент планы путешественника, включая встречу в Лхасе с «фокусом сил Тибета» — Далай-ламой, вполне согласовывались с планами Наркоминдела. Научная экспедиция в Тибет могла бы поднять престиж Советского государства в глазах наиболее влиятельных лидеров буддийского Востока и тем самым в известной степени содействовать политическим целям большевиков. Ситуация, однако, резко изменилась летом 1923 г. после получения Ф. Э. Дзержинским доноса на Козлова. Тем более что 9 августа 1923 г. Политбюро приняло решение о посылке новой советской дипломатической миссии в Лхасу («2-ой Тибетской экспедиции», как она именуется в официальных документах») во главе с бывшим коминтерновским активистом, в описываемое время сотрудником Восточного отдела НКИД С. С. Борисовым.

В этих условиях экспедиция настроенного «по-белогвардейски» Козлова становилась помехой для Г. В. Чичерина, ибо ее «антисоветская агитация» могла, по мнению наркома, привести к срыву всей столь тщательно конструируемой им Тибетской политики. И все же советское руководство не решилось полностью ликвидировать научную экспедицию, позволив Козлову остаться с переформированным отрядом на зимовку в Урге. Между тем невольный «конкурент» Козлова С. С. Борисов благополучно добрался со своей экспедицией до Лхасы уже летом 1924 г., несмотря на все «козни» англичан.

П. К. Козлов же в ожидании улучшения международной обстановки был вынужден внести коррективы в свои планы и заняться изучением богатой и своеобразной природы Ургинского района. В то же время его внимание привлекают сообщения о многочисленных предметах старины, находимых местными жителями в горах Ноин-ула, к северу от монгольской столицы. Здесь же в урочище Дзун-модо (Цзун-модо) еще в 1912 г. техник золотопромышленной компании «Монголор» А. Баллод сделал весьма интересные археологические находки, к которым ученые в то время отнеслись довольно равнодушно. В конце февраля 1924 г. Козлов отправляет на разведку в Дзун-модо «ученую экскурсию» во главе с С. А. Кондратьевым и затем, обследовав курганы лично, решает приступить к раскопкам. И вновь, как и в Хара-хото, путешественника ждала большая удача.

В древних курганах-могильниках «археологи» экспедиции обнаружили большое количество прекрасно сохранившихся предметов: ткани, войлочные ковры с изображениями мифических животных, женские косы, седла, изделия из бронзы, монеты, керамику и многое другое. Впоследствии ученые установили, что погребения принадлежат хуннам (гуннам) Ханьской эпохи III—I вв. до н. э. О своих находках Козлов тотчас же сообщил в РГО Ю. М. Шокальскому и в Главнауку и одновременно отправил статью с рас-

сказом о сделанном открытии в газету «Известия».[15] После ее публикации (15 июля 1924 г.) Тибетская экспедиция вновь оказалась в центре всеобщего внимания.

В то же время руководство РАН, обеспокоенное тем, что отсутствие у Козлова профессиональных археологов не позволит правильно организовать раскопки, обратилось к правительству с предложением о командировании в помощь Монголо-Тибетской экспедиции специалистов. В результате С. Ф. Ольденбургу удалось направить в Ургу (за счет средств экспедиции) двух археологов — С. А. Теплоухова и Г. О. Боровко, а также почвоведа Б. Б. Полынова и минералога В. И. Крыжановского.

В конце 1924 г. Козлов оставляет свой отряд и экстренно выезжает в Москву и Ленинград для отчета о проделанной работе и предварительной оценки ноин-ульских находок. По ходатайству главы Учкома Ц. Ж. Жамцарано монгольское правительство разрешило Козлову вывезти на время для атрибуции памятники археологии, несмотря на принятый закон, запрещающий иностранным экспедициям вывоз научных коллекций из страны.

Огромный интерес к Монголо-Тибетской экспедиции в СССР и за рубежом побудил СНК постановлением от 8 января 1925 г. создать особую правительственную комиссию для рассмотрения ее результатов под председательством Н. П. Горбунова. На своем первом заседании, состоявшемся 31 января 1925 г. в Ленинграде, в малом конференц-зале Академии наук, Комиссия заслушала доклады П. К. Козлова, Н. В. Павлова, В. И. Крыжановского, Б. Б. Полынова, С. А. Теплоухова и Г. О. Боровко. В ходе их обсуждения завязалась бурная дискуссия по поводу методов изучения данного региона. Большинство участников заседания считало, что пришло время налаживания в Монголии стационарной исследовательской работы. Среди защитников старого метода научной рекогносцировки, кроме Ю. М. Шокальского и В. Л. Комарова, оказался и присутствовавший на заседании Н. И. Вавилов, заявивший, что «рекогносцировочный метод может дать не меньшие результаты» и что «стационарными исследованиями мы должны заниматься у себя, так как у нас есть области еще совершенно неисследованные». Н. П. Горбунов, однако, заметил, что стационарная работа в Монголии необходима и «для закрепления связи, для проникновения в Монголию нашего политического влияния».[16] Итогом дискуссии стало признание необходимости стационарного способа исследования Монголии. С этим выводом в конечном счете согласился и сам Козлов.

Сенсационность археологических находок в Ноин-ула предопределила итог обсуждения. Комиссия полностью одобрила деятельность Монголо-Тибетской экспедиции, приняла решение об издании отчетов о результатах ее работы и, кроме того, о продолжении изучения Монголии другими экспедициями. С этой целью постановлением СНК от 31 марта 1925 г. при правительстве была образована постоянная Комиссия «для организации планомерного, систематического и всестороннего исследования Монголии» под председательством Н. П. Горбунова.

---

[15] П. Козлов о своих работах в Монголии // Известия. 1924. № 159 (2194). 15 июля.

[16] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 66—110

Находясь в Москве, Козлов после долгих и утомительных хождений по коридорам власти утверждает также план дальнейших работ экспедиции, главным пунктом которого по-прежнему является исследование Тибетского нагорья, с организацией стационарной базы в Цайдаме. В то же время при поддержке Н. П. Горбунова ему удается «сдвинуть тяжелый камень дипломатии»: Г. В. Чичерин обещал, что поручит полпреду в Пекине убедить Китай выдать пропуск экспедиции в ближайшее время. (Для ускорения решения этого вопроса Козлов сам отправится в Пекин в мае 1925 г.) Кроме этого, власти разрешили ученому вернуть в отряд С. А. Глаголева и взять еще одного спутника на должность препаратора — юного Николая Пржевальского, внучатого племянника Н. М. Пржевальского.

В начале апреля 1925 г. Козлов возвращается в Монголию. Завершив к концу лета работы в окрестностях Урги, экспедиция разделилась на две партии: одна, под руководством С. А. Глаголева, направилась в Монгольский Алтай и оттуда в Хара-хото для дополнительных раскопок и снятия плана городища; другая, которой руководил он сам, выступила в направлении Южного Хангая. Вырвавшись наконец-то на «светлый научный простор Азии», Козлов стремится наверстать упущенное: ведет интенсивную археологическую разведку, занимается маршрутной съемкой, пополняет ботаническую и зоологическую коллекции. Около пяти месяцев его отряд находился в предгорьях Хангая, на юге Монголии. Здесь ученый затеял новые раскопки в урочище Олун-сумэ на месте развалин древнего монастыря, принесшие немало новых ценных находок. Заключительный этап экспедиции (весна—лето 1926 г.) — это палеонтологические раскопки вблизи реки Холт, орнитологические наблюдения на озере Орок-нор, посещение Хара-хото на Эдзин-голе. Выполнить полностью намеченную программу исследований Козлову, однако, так и не удалось: основательно занявшись работой в Монголии, экспедиция уже не смогла выступить в сторону «заветного юга», в Цайдам и Тибет, несмотря на китайские паспорта, полученные из Пекина в ноябре 1925 г.

Подводя итоги трехлетней деятельности Монголо-Тибетской экспедиции, следует сказать, что своими научными достижениями она обязана не только П. К. Козлову, ее организатору и руководителю, но и его молодым, энергичным и, безусловно, талантливым спутникам. Особенно большой вклад в работу экспедиции внесли Е. В. Козлова, Н. В. Павлов и С. А. Кондратьев. Первая исключительно плодотворно занималась орнитологическими исследованиями, которые были продолжены в последующие годы и завершились публикацией сводного труда: «Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Гоби» (Л., 1930). Заслуживают упоминания и работы Н. В. Павлова, связанные с изучением флоры высокогорного Хангая. Многое сделал С. А. Кондратьев, руководивший раскопками ноин-ульских курганов и в то же время с большим успехом занимавшийся собиранием и изучением музыкального монгольского фольклора. Это направление в его исследовательской деятельности также оставило след в науке.

Экспедиция П. К. Козлова в Монголию в 1923—1926 гг. оказалась его последним центральноазиатским путешествием. Несмотря на громкий успех ноин-ульских раскопок, исследователь все же испытывал немалое разочарование от того, что не сумел выполнить своей основной задачи, завещанной ему великим Н. М. Пржевальским, — побывать в наиболее недоступ-

ных частях центрального Тибета, прежде всего в Лхасе. Вернувшись на родину, он в 1927 г. приступает к организации еще одной Тибетской экспедиции с использованием самых современных средств передвижения — автомобилей, самолетов и даже дирижабля. Но повторяется прежняя история: против планов ученого вновь решительно выступают ОГПУ и НКИД, ссылающиеся на неблагоприятную политическую обстановку в Китае и Центральной Азии вообще.[17]

П. К. Козлов провел в путешествиях в общей сложности почти 17 лет. Необычайно суровые климатические условия азиатских высокогорий и пустынь не могли не отразиться на его здоровье. Физические силы были на исходе, но неутомимый исследователь продолжал вести активный образ жизни: часто выступал с лекциями, писал статьи, участвовал в работе Географического общества и Академии наук. В 1928 г. АН УССР избрала его своим действительным членом.

В начале 1930-х гг. Козлов поселился в деревне Стречно, в 60 км от Старой Руссы, в глуши новгородских лесов. Здесь, вдали от суетной городской жизни, он мог спокойно работать в тесном общении с природой. Часто ходил в лес, на охоту. В середине 1934 г., однако, его здоровье заметно ухудшилось в связи с серьезным сердечным недугом. П. К. Козлов умер в ночь с 26 на 27 сентября 1935 г., находясь в санатории в Старом Петергофе. Похоронили его в Ленинграде на Смоленском лютеранском кладбище.

Научное наследие П. К. Козлова необычайно обширно и до сих пор еще не освоено полностью учеными. Оно включает в себя его экспедиционные отчеты, статьи и книги, путевые дневники и сохранившуюся огромную переписку с коллегами и друзьями, картографические и фотографические материалы. В то же время это и новые названия на географических картах, и открытые ученым-путешественником новые виды представителей животного царства, а также уникальные богатейшие коллекции — археологические, этнографические, естественно-исторические и другие, хранящиеся ныне в лучших музейных собраниях Санкт-Петербурга — в Эрмитаже, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере), Зоологическом, Ботаническом музеях и Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН.

---

[17] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 11.

А. И. Андреев
Т. И. Юсупова

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Ю	—	юг
С	—	север
З	—	запад
В	—	восток
t	—	температура
m	—	минута
s	—	секунда
φ (астр.)	—	географическая широта местности
t (астр.)	—	звездное время
h	—	высота

☽	—	понедельник
♂	—	вторник
☿	—	среда
♃	—	четверг
♀	—	пятница
♄	—	суббота
☉	—	воскресенье, солнце
♂	—	самец
♀	—	самка

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1923—1926 гг.

№ 1

«Таких людей, как Прж[евальский], я любил бесконечно», — сказал Чехов в одном частном письме.[1] «[<...>] Такие люди, как покойный, во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение. Один Пржевальский или один Стэнли стоит десятка учебных заведений и сотни хороших книг и т.д. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, холоду, тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фантастическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу! [<...>] В наше больное время, когда европейскими обществами обуяла лень, скука жизни и неверие, когда всюду в страшной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень, свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце. Составляя сильный, поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. [<...>]».[2]

12/VII 1923. Итак, я вновь во главе Тибетской экспедиции. Не могу удержаться, не в силах устоять, чтобы не направиться на Тибетское нагорье, полное таинственной прелести. Меня манит бесконечно район, в котором берет начало Ян-цзы-цзян, и окрест лежащее плато, в особенности к югу и юго-востоку, если не сказать с большим желанием — к юго-западу, в заветную столицу Тибета. Много интереса находится в северной суровой части нагорья, но не меньше, и во всяком случае поэтичнее, к югу, в крайне размытых и расщепленных ущельях южных склонов Тибетских хребтов. Помимо природы манит к себе человек — обитатель тибетской пустыни и культурных долин, где бирюзовое небо и яркое солнце превращают страну в цветущий уголок, где все участники экспедиции найдут себе полное удовлетворение в сборах и изучении всего окружающего, где, между прочим, с успехом можно расположиться на дне долин на зимовку и экскурсировать в соседних лесах и альп[ийских] лугах.

13/VII. Все шло гладко: в большом Совнаркоме единогласно утверждена Тибетская экспедиция, с отпуском из Госуд[арственного] казн[ачейства] ста тысяч рублей золотом и экстраординарных подарков из государственного хранилища (по моему выбору). Усиленным темпом экспедиция вела свои работы по снаряжению и выбору участников. Мастерская Кебке, или

«Красный парус», подготовила палатки, ящики и такие же походные сумы-вьюки. Кроме того, снабдила веревками, брезентами, снарядила разборную брез[ентовую] пробковую лодку, сшила дождевики и охотничье платье (мне и Пшевику[3]). «Сан-Галли»[4] с большим трудом сделал жел[езную] печь. Всякие «союзы» помогли с бельем, обувью, мылом и походн[ыми] принадлежн[остями] вообще. Составлена библиотека. Добыт спирт прекрасный, куплены вино, аптека, седла. Выписаны боевые принадлежности: винтовки, пулеметы, револьверы, гранаты, патроны и проч., проч. Мховое одеяние исполнено ярославцем Бородулиным, консервы [поставлены] С. Зонзом и маг[азином] Прохорова. Пополнены охотничьи принадлежности и т.д. Зоологический музей кое-что дал из ящиков и cyan-calli.[5] К многочисленным хорошим и прекрасным подаркам правительство отпустило пять тысяч золотом на приобретение сапожниковской парчи[6] и т.д. Запаслись бидонами на пустыню. Оружие охотничье, бол[ьшая] часть дроби и весь запас бумаги (отличной) для растений оставались от прежней, несостоявшейся экспедиции.[7]

В общем, с московским снаряжением экспедиция располагает багажом в четыреста пудов (в Географическом обществе и вагоне), спутниками 16 человек: я, С. А. Глаголев, Н. В. Павлов, Е. В. Козлова, Е. П. Горбунова, Борис Овчинников, Котик [Даниленко], Савельев, Канаев, Кондратьев, Саранцев, Симуков, Касимов, Налетный, Барсов, Худяков. Все, за исключением Бориса, в Петрограде. Сначала всем, кроме Овчин[никова] и Барсова, выдали заграничные паспорта и [затем] отобрали.

Страшно нудное состояние настало с последних чисел июня, ведь 29/VI Тибетская экспедиция должна была выступить в далекий путь: все было готово и тариф держался июньский.

Еще более тяжело и томительно потекло начало июля: моя поездка в Москву, бесконечные переговоры по телефону с Кремлем (с Н. П. Горбуновым) и потом из Петр[ограда] с Москвой, телеграммы в ГПУ и наконец, после обстоятельных переговоров с Н[иколаем] П[етрови]чем, телеграмма следующая: «Москва. Совнарком. Каменеву. Экспедиция сильно томится, бездействует, несет большие непроизводительные расходы, умоляет разрешить спешно выдать паспорта. Время уходит. Козлов».

Тибетская экспедиция пока что уже имеет около 16 пудов прекрасного серебра: почти 8 пудов китайского ямбового и столько же плиточного гамбургского.[8] Если удастся в Урге или вообще по дороге приобрести 7—8 пудов, самое большее — десять пудов, то запас экспедиции будет хорошим, принимая, конечно, во внимание то обстоятельство, что экспедиция располагает помимо прекрасных подарков и ор[ужия] еще и маленьким запасом средств в виде остатков: фунтов (англ[ийских]), американских долларов и немножечко золотых червонцев.

Говоря вообще, экспедиция снаряжена прекрасно во всех отношениях! Только было бы счастье — самый важный участник экспедиции, тогда будет успех! Доверие и симпатия народа также играют немаловажную роль в благополучии. Какое огромное дело, ответственную задачу я с легкостью принимаю на себя. Мне кажется, что я помолодел на целых два десятка лет — я живу светлыми мечтами странствований не только в соседней Монголии, но и в отдаленном Тибете. Верю, глубоко верю в мою заветную мечту, звезду, в мечту Пржевальского. Хочу непременно в третий и, может быть, в последний раз свидеться с фокусом сил тибетского народа.[9] После экспе-

диции, в особенности удачной, счастливой, можно будет начать мечтать о переселении на прекрасный Иссык-куль, в соседство святой тени усопшего учителя-друга! Тянь-Шань, Иссык-куль и Пржевальский — одна стройная, красивая гармония![10]

14/VII. Погода стоит замечательная более недели: ясная, теплая, совершенно летняя, страдной поры. Сенокос в полном разгаре, травы отличные. И нам давно пора на юг. Ведь время уходит; тариф железнодорожный поднимается дважды в месяц; пока что он уже доходит до 100% повышения, а ведь нам правительство едва ли добавит на эту непредвиденную и непроизводительную плату. Но главное, действительно экспедиция страшно томится, бездействует. Должен откровенно сказать, что прежде такой «истории» не допускалось; прежде могли раздаваться голоса: «Пора бы ехать!» — и только.

Ныне же наши друзья и знакомые заждались нашего отъезда и, в конце концов, поразъехались по дачам или деревням. И хорошо сделали. На мой вопль, выражаемый в телеграммах в Москву, ни звука. Переговоры по телефону с Н. П. Горбуновым теряют всякий смысл. Никакой последовательности, определенности. «Жду со дня на день», — говорит Н[иколай] П[етрови]ч.

Кого-то мне подсунут помимо моего желания! Говорят, бурята. Вероятно, коммуниста. И что же он будет делать в Центральной Азии?

Привезены (11/VII) мои «дети малые» — хронометры, идут прилично, завожу!

15/VII, ☉. Сегодня в течение всего дня скука смертная. Главное, все разъехались, нет моей милой соседки, не к кому сходить и не с кем погулять, побеседовать, помечтать; все на лоне природы, все дышат полной грудью, набираются сил перед зимним докучливым сидением, все имеют ту или иную цель! Вспоминает ли моя милая соседка того, кто ее сегодня вспомнил бесконечное число раз?

Сегодня с интересом просматривал «Истор[ические] портреты».[11] Как много в них поучительного, занятного. По возвращении непременно осилю их. По крайней мере надо проштудировать хорошенько и кое-что наиболее замечательное следует непременно прочесть сплошь и полностью, как например сегодня, во II томе — Екатер[ининская] эпоха, сестры (три) Энгельгардт, родные племянницы Потемкина.

Между прочим, сегодня же около 12 часов сгустились тучи и пошел дождь; вскоре еще сильнее подул ветер, принося с собою облака. К вечеру заметно посвежело; ночь темнеет! Постепенно солнышко отклоняется к югу. Что же Москва молчит? Можно ли так издеваться над экспедицией? Завтра хочу побывать в Зоол[огическом] музее, в орнит[ологическом] отделении, непременно хочу ознакомиться с хищниками, вьюрками, Ruticilla и кое-какими иными семействами. Надо убивать время — «золотое».

17/VII. В 11 часов утра встретил С. А. Глаголева, с которым дошел до Заячьего [переулка] в разговоре об экспедиции. Потом я поехал в Зоологический музей к Сушкину, с которым интересно побеседовали о птичках и находках американцев в обл[асти] Монгольского Алтая. Итак, завтра и по-

следующие дни я буду занят просмотром Falconid[ae], Fringilla, Ruticilla и немногих других. Необходимо оживить в памяти формы, могущие быть встречены в предстоящем путешествии. Надо также зайти Глаголеву в Музей геолог[ии] в Академию,[12] ознакомиться с собранием окаменелостей и ископаемых.

20/VII. Так долго не писал, потому что нечего было писать или, точнее, не было нового, давно жданного. По-прежнему ждем у моря погоды. Только в минув[шую] среду наконец услышал от Н[иколая] П[етрови]ча, что этой неделей окончатся все дела экспедиции в Москве и что на предстоящей, т.е. в последней трети июля, экспедиция сможет выступить в путь (далекий, славный). Однако вот и суббота, а из Москвы ничегошеньки. Следует сегодня заявить о себе. Следует побеседовать с Горбуновым.

Выясняется, что тариф за этот месяц увеличился вдвое, что за простой вагона, на основании изложенного, придется заплатить около 12 тысяч руб. и что кормежка людей и разъезды их стоят около этого же, что в итоге выйдет, по меньшей мере, около (свыше) 100 тысяч руб. С кого же эти деньги, позвольте, взыскать? Конечно, с правительства, с того, в частности, учреждения, которое задержало экспедицию.

Чтобы войти, углубиться целиком в дело, я стал систематически посещать Зоологический музей Академии и просматривать пернатых, их шкурки. Это занятие привлекло меня всего. Я ознакомился вновь, оживил свою память представлением семейства Falco[nidae], Montifringilla, Ruticilla, Saxicola, Turdus et Merula и проч., проч. Это даст возможность на месте быстрее и вернее разбираться с намеченным орнитологическим материалом.

Между прочим, выписал Hartert'a (прекрасн[ый] опред[елитель] птиц),[13] но не успеет прибыть до нашего, теперь, можно сказать, скорого отъезда!

Погода изменилась: перепадает дождь, повеяло свежестью.

Вчера взглянул на Сибирский почтовый: ничего себе, опустил письмо С. Н. Родионову. Авось скоро [оно] скажет ему о нашем приезде в Иркутск. Интересно, что мне сегодня сообщит центр России — Москва?! Он готовит мне телеграфное сообщение, так, по крайней мере, передала по телефону в 12 ⅓ часа дня барышня — секретарь Н. П. Горбунова. Только вечером, в 11 часов, была наконец получена телеграмма за подписью Горбунова. Вот она целиком: «Выезд экспедиции разрешается. Правительственным комиссаром назначается Убугунов Даниил, который поедет в составе экспедиции вместе [с] двумя-тремя сотрудниками. Убугунов, который присоединится к экспедиции [в] Иркутске, окажет Вам необходимое содействие согласно Вашего ходатайства в СНК от 5 июля 1923 года № 401. Паспорта членам экспедиции высылаются [в] Петроград Александрову для Вас. Управделами СНК Н. Горбунов».

Конечно, я сильно призадумался над этой телеграммой. Спал хорошо. Наутро, **22/VII**, **воскресенье**, я отправился к одному своему другу на Торговую улицу.[14] Долго, долго мы горячо обсуждали наше положение! Важно, чтобы экспедиция была действительно научная и оправдала бы все возлагаемые на нее задачи. Теперь известно всему миру об экспедиции. Экспедиция должна заставить себя уважать и восхищаться ею. Недопустимо мне, на старости лет, идти вниз. Последняя экспедиция должна быть не менее

славной, нежели две мои предыдущие! Помоги, Творец Вселенной, сделать это. Я стремлюсь только к свету и знанию сокровенных тайн природы и человека Нагорной внутр[енней] Азии.

Около 4 часов дня я послал телеграмму в Москву, в Кремль, Н. П. Горбунову: «На каких началах и на какие средства командируется Убугунов [?]. Прошу сообщить срочно. Экспедиция выступает [в] среду [в] три двадцать дня. Козлов». Отряд экспедиции немного оживился. Мне думается, что завтра я уже получу и ответ, и паспорта через посредство Смольного.

Черкнул также [тому], кто особенно болеет душою за экспедицию.

23/VII, ♑. Получены паспорта, и обещана копия с мандата Убугунова. Все в общем вполне приемлемо. У[бугуно]в, при наличии такта, не принесет особого вреда, в некоторых случаях он может быть даже полезным человеком — участником эксп[едиции].

24/VII, ♂. Погрузка багажа в вагон (прежний) московский. Кроме мелочей — собственных вещей снаряжения, части оружия, серебра и проч. (дроби, например) у нас оказалось 333 пуда платных. Вот этот багаж, около 400 пудов весом, и оплата 14 участников экспедиции до Верхнеудинска обошлись экспедиции в 85 000 рублей.

Я говорю о 14, так как двое, Овчинников и Барсов,[15] не получили заграничных паспортов и, таким образом, принуждены были остаться. Трудно описать тяжелое состояние чуть не плачущего, нравственно убитого Барсова. Лично мне его очень жаль, по-моему, из Барсова вышел бы хороший спутник, несомненно принесший бы экспедиции значительную пользу. В 5 часов дня Русское географическое общество устроило проводы Тибетской экспедиции. Было весьма симпатично. От РГО — Ю. М. Шокальский, трижды хорошо сказавший, от Российской академии наук был ее президент — Карпинский (с дочерью, мадам Толмачевой), затем представители: Зоолог[ического] музея — А. А. [Бялыницкий]-Бируля, Бот[аническое] сада — Липский, Федченко, Н. И. Кузнецов, все трое говорили и говорили содержательно (Липский) и красиво (Федченко и Кузнецов). Мои особенно близкие А. П. Семенов-Тян-Шанский, А. А. Достоевский и Г. Е. Грум-Гржимайло мне были очень приятны и прибавили лучшего впечатления. На рауте были бутерброды и чай с печеньем. Стол «покоем»[16] был красиво убран цветами: колокольчиками, васильками и горошком (розовым), что вдохновило Колю Кузнецова произнести поэзию по поводу сочетаний белого и розового цветов. Из академиков были также С. Ф. Платонов и Бартольдт. Все выражали лучшие пожелания и надежды на успех. В числе приглашенных были и мои спутники: жена, Леночка Горбунова и Павлов. С. А. Глаголев опоздал из-за хлопот по уплате за погрузку и доставку багажа экспедиции до Верхнеудинска. Для меня лично день знаменательный в РГО закончился прекрасно еще и вечером, до 12 часов, на прогулке с моим юным милым другом Е[вгенией] Илл[арионовной] К[онстантиновой]. Дома с Пшевочкой мы урывками заняты были укладкой и прощанием со знакомыми и друзьями.

25/VII, ♀. Настал и день отъезда в завстную даль! Все мы дома проснулись и поднялись на ноги довольно рано.

Классный вагон[17] был готов, и началась перевозка так называемого ручного багажа. Сделано было несколько концов, из-за которых я и прибыл не рано на вокзал.

Тяжело было прощание с дочерью Олечкой, которая очень расплакалась и заставила то же сделать и меня! Она, как и я, а я, как она, впечатлительны!

На вокзале у вагона уже были, главным образом, вчерашние (по Географическому обществу), плюс новые наши с Пшевочкой друзья, родные моих спутников и проч. В общем было весьма симпатично. Цветы и проч. Чудный букет был поднесен Пшевочке Главным ботаническим садом. Нас фотографировали. Нас снимал и кинематограф. Некоторые плакали, некоторые истые друзья бежали [за поездом]. Я успел свидеться и мило попрощаться с Ж[еней]. Была также и В. А. Глищинская — моя способнейшая ученица по буддизму! Все эти чуткие милые люди, близкие сердцу, проводили нас. Как сейчас помню грациозную, бегущую Ж[енеч]ку с мрачной, скорбной улыбкой (прощальной). Поезд точно в 3 часа 20 минут оставил милый Петроград. Моя Олюша опять плакала. С Шокальским удалось перемолвиться словом-двумя по поводу Убугунова. И неведомое для меня явление — кто-то из моих (Симуков, вероятно) сказал: «Еще путешествие не началось, а нас превратили в рассыльных!»[18]

День и вечер был хороший. Я с высоким подъемом стоял у открыт[ого] окна и с наслаждением вдыхал в себя ароматный воздух. Запад горел, на востоке лесные дали окутаны были сизой дымкой. На душе легко и хорошо! На лицах моих спутников отражалась сияющая улыбка радости.

До ст[анции] Званка, обит[ели] Державина, меня провожал мой сын Володя, разочарованный в скором отходе поезда (вместо 40 минут мы стояли только 20).

В 10 часов вечера мы прибыли в Тихвин, и, о ужас, нас отцепили. Хотели это сделать только с товарным вагоном, но мы этого не допустили. Остались все. Мотив отцепки: зад[ний] тов[арный] вагон «брыкается», может свалиться и разбиться.

26/VII, 2. Я проснулся очень рано. Меня печалила мысль, что мы стоим и бездействуем. Написали телеграмму с воплем в Москву, в СНК и НКП, помочь выйти экспедиции из затруднительного положения.

Как мертва станция маленького городка! Мои ходили осматривать, покупать и вообще знакомиться с городом. Есть старый монастырь с храмом, в котором оригинальная старинная иконопись. Кругом стены пушки. На площади решетка с пустотой — некогда стоял памятник!

Пока что сулят на утро в 5 часов отход наших вагонов в составе товаропассажирского со сроком прибытия в Иркутск 1—2 августа месяца (в лучшем случае)!

28/VII, ♄. Как-никак мы миновали утром сегодня [Тихвин] и говорим теперь о Вятке. В общем, мы идем хорошо. Погода из рук вон плохая: небо хмурое, плаксивое, воздух сырой, влажный. Я написал несколько писем: Ж[ене], домой, Н. П. Горбунову и А. А. Собенниковой. Нас везет товаропассажирский поезд. Дали серые, лесные, станции запружены дровами, местами их пилят, сортируют, кладут посаженно. В 11 часов попал встр[ечный] почтовый. Движение вперед радует всех нас! Во время движения состав

моей экспедиции настроен несравненно лучше, бодрее, нежели на стоянке, которая [ане]мично настраивает. Пока что самым красивым местом отмечен на первоначальном пути Галич, лежащий на склоне высот, окаймляющих долину с озером того же названия (что и город). Обширная котловина, словно замкнутая кругом, красива вершинами холмов и озером, протянувшимся от юга к востоку на двадцать верст. Наибольший поперечник — 7 верст. Озеро рыбное. На станции и базаре нам предлагали в жареном виде карасей, в копченом — щук.

От Галича на восток местность очень красива, привлекательна. Часами стоишь у окна и любуешься по сторонам.

В последние дни погода совершенно испортилась, дожди и днем и ночью.

29/VII. Говорят (окрестность Вятки), здесь было очень жарко, в Сибири также жарко.

На полях рожь желтая, под Вяткой кое-где начали жать (говорят, бедняки).

Мы пришли в Вятку под вечер. Мурм[анский] поезд (товаропассаж[ирский]) уже ушел. Таким образом, мы обречены еще потерять трое суток, [итого] будет потеря в 5 дней. Однако получена телеграмма о том, чтобы наши два вагона были включены в состав почтового (следующего на восток) поезда. Надо надеяться, что так именно и будет, и мы поедем дальше более успешно, нежели то было до этого времени.

Какую мрачную картину из себя представляет окрестность, заволоченная дождливым туманом и сыростью; грязь непролазная, свежо и даже холодно. Правда, нет пыли и докучливых насекомых. За Уралом, вероятно, все изменится: и природа, и климат.

30/VII, ♑. В конце концов мне удалось убедить нач[альника] отд[еления], чтобы два экспедиционных вагона прицепили к почтовому Петроград — Екатеринбург. После двух-трех фраз этот чин согласился, отдал соответствующее распоряжение, и нас прицепили. Еще 10 минут, и мы отлично поехали вперед, к Перми, а затем и к Екатеринбургу. Особенно приветлива местность от Камы (мост) до Екатеринбурга. Урал мягкий благодаря лесной и травянистой растительности, богат скалами в выемках и по Чусовой, и ее левому притоку...* Не можешь вдоволь налюбоваться красотою долины, постеп[енно] суживающейся и переходящей в извилистое ущелье. Поезд мчится по скату лев[ого] бер[ега] (а сначала и иначе). Против — берег весь на ладони. Пышная растительность, скалы, голубое небо, яркое солнце — все вместе создает очарование. До сгущенных сумерек мои спутники жались к окнам, не отходя от них и не переставая восхищаться красотою мест! На станциях по части еды всего вдоволь, но главный продукт приманки — это прекрасная малина, изредка земляника. Иногда много бывает белых грибов. Однажды мы (я и Пшевочка) купили их немного, готовил наш Худяков, особенно заботящийся о нашем благополучии.

В 11 часов вечера по расписанию наш поезд прибыл в Екатеринбург, уже 1 августа!

---

* *Далее оставлено место для названия притока. (Прим. сост.)*

1—2/VIII, ♂—☿. Утро серое, мрачное. Идем (с Глагол[евым]) хлопотать о дальнейшем проезде в почтовом до Иркутска. Ведь если поедем именно так, то будем успешно отмерять расстояние, отсчитывать всякие пункты: Тюмень, Ялуторовск, Ишим и проч. Из Тайги дадим телеграмму нашему другу С. Н. Родионову. Узнает Иркутск!

Мне думается, что здесь, в Екатеринбурге, все устроится как надлежит! Тогда мы окончательно встанем на рельсы, чтобы двигаться до самого Верхнеудинска. Попутно надо все подготовить к отдаче, чтобы выполнить всевозможные поручения, данные еще в Москве и Петрограде, частью для Иркутска, для Верхнеудинска и даже Харбина.

Сегодня мы (я и Глаголев) с большим интересом ознакомились с местным Екатеринбургским музеем Уральского общества любителей естествознания. Музей богат, в особенности в отделе минералогическом. Камни и камни — редкий подбор по богатству и назиданию. Замечательное разнообразие яшмы самых удивительных красочных рисунков. В отд[еле] орнитол[огии] интерес следующий: Vultur monachus дважды попался не только наблюдению, но и был добыт! Полон и отд[ел] этнографический. Говорят, богата и библиотека (путем обмена). Свои «Записки» в количестве 38 томов.[19] Предполагаю большое содержание материалов по местному краю, по Уралу!

Вынужден был поднести мою книгу «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото», 1923 г.

Много, много интереса кроется в помещении музея, в его всех отделах!

Один из членов музея приезжал ко мне в вагон (он и получил книгу для музея).

Завтра используют день с той же целью, что и мы с С. А. Глаголевым, и остал[ьные] мои спутники. Сегодня знаменательный день — 200 лет городу Екатеринбургу!

2/VIII, ♃. Весь день провели в Екатеринбурге. Глаголев хлопотал с бумагами и поездом. Мальчики (спутники) осматривали Уральский музей. А моя Пшевочка и я (в общ[ественном] автомобиле) скатали наперерез соснового леса в урочище Шара-таш — озеро, окаймленное лесом и высотами (в окружности около 12 верст), дачное место, прекрасный уголок с ароматным чистым воздухом.

Днем еще я отправил заказные письма (3) Е. И. К[онстантиновой] с небольшим приложением.

Возвращаясь из города или, точнее, с пригородного озера, мы с Пшевочкой ехали на извозчике, который указал нам домик белый, в котором проживал последние дни жизни Ник[олай] II (с супругой и сыном). Дом ранее принадлежал инженеру-путейцу. На углу, на скате, перед углом дома капище с 2 святыми. Говорят, во время пребывания в этом доме неслыханных посетителей дом был обнесен кругом высоким забором из теса! Сзади, со стороны сада-огорода, через заплот отличный вид на озеро (городское). Надо отметить, что извозчики (три кряду) все три благоговейно говорили о царе и его семье, не скупясь в критике «тех палачей, которые совершили неслыханное злодеяние».

А в ночь на 3/VIII почтовый поезд № 4 повез нас дальше на восток! В полдень 3/VIII же мы успешно достигли Тюмени, где совершенно неожиданно встретили поезд-транспорт с экспонатами в Москву, на выставку!

Поезд сборный, из двух частей: первой — дальневосточной (с чучелами морского льва, гербарием и проч.), а равно и с живыми объектами вроде ахузов прекрасных; и второй части — монгольской, с образцами рогатого скота, баранов и лошадей. Между прочим, эшелон этот сопровождал мой приятель Б. Б. Барадийн, сообщивший мне кое-что интересное. Чувствовалось, что Бар[адийн] был очень доволен нашей встречей, и первой фразой его было: «Вы, П[етр] К[узьмич], конечно, идете к Д[алай]-л[аме]!» Бар[адийн] сообщил мне еще и о Мухарайне, и об Убугунове. Говоря о последнем, Б[адзар] Б[арадийнович] сказал: «Молодой, энергичный бурят! Но Вы с ним столкуетесь!» Странно, что Мухарайну ставят «палки в колеса». Уж не этот ли франт? Я не допускаю, тем более надо выяснить основательно, ведь мне прямо необходимы: Мухар[айн], Гусев и мой прежний спутник А. У. Бохин.

Сердечно распрощавшись с бурятами и русскими (выставочного транспорта), в особенности с Барадийном,* наш поезд пошел дальше и на следующий день, 4/VIII, уже в 12 часов достиг Омска.

В Омске наш Саранцев отделился от экспедиции с поручением к нач[альнику] Главн[ого] артилл[ерийского] управления для получения нарядов на боевые военные припасы, главным образом патроны. В высшей степени желательно получить патроны, весом около 30 пудов, в Иркутске, или даже в Троицкосавске, или Верхнеудинске, но никоим образом — в Омске.

На вокзале, в Омске же, совершенно неожиданно я встретил супругов Семеновых (Бор[иса] Серг[еевича] и Екат[ерину] Конст[антиновну]), знакомых мне по Барнаулу в 1920—1921 гг.[20] Разговоры. Знакомство с моими спутниками. В результате Екатерина Константиновна едет с нами до Ново-Николаевска, Саранцев пристраивается в Омске у Семеновых. Кроме того, Б[орис] С[ергеевич] обещал мне винчестер — винтовку, годную под казенный трехлинейный патрон.

Дальнейший переезд к Ново-Николаевску ничего из себя не представлял. До и после Омска одна и та же равнина с солончаками, перелесками, культурой и обширными болотами, часто вплотную подходящими к самим станциям. Уток много, охотники также нередки, с двустволками и собаками. От Ново-Николаевска, особенно от Тайги, местность сильнее заволновалась, стала более лесистой, но сухость и туман пылевой по-прежнему омрачали воздух! К Красноярску, в который наш поезд прибыл вечером 6 августа, в Ɔ, местность носила еще более пересеченный характер. Спуски и подъемы, подъемы и спуски чередовались все время. Над отдаленным горизонтом — пыльная сухая завеса. Поезд мчится вниз с гор в пыльной пелене. Трясет ужасно, бросает в стороны. Мы больше всего боимся за свой товарный вагон, расположенный в хвосте.

Интересны два явления: первое — продолжает существовать военный пережиток охраны мостов и [второе] — отряды солдат в поездах, стерегущие воров-зайцев. Бывают даже и нападения партиями в 5—7 человек, вооруженных, как это было недавно, когда такая банда напала на один из вагонов скорого поезда и нескольких человек из пассажиров переранила. Под таким впечатлением мы оставили Красноярск.

---

* Бар[адийну] я поднес мой «Тибет и Далай-лама».

7/VIII, ♂. Мы проснулись очень поздно, все из-за того обстоятельства, что не можем примениться ко времени. Московское время одно, Красноярско-Иркутское — другое. Я велел перевести время и жить временем местным, а не Петроградско-Пулковским.

Миновали Канск, идем к Нижнеудинску. Бросает ужасно. Леса, бесконечные леса, и тайга горит, отчего воздух напоен дымом. Горизонт короткий, мутный. А лес — лес без конца. Идем прекрасно! Местность гористая. На мостах по-прежнему стража. В Нижнеудинске обедал с Андреем (Симуковым). Опять потянулись в горы; в выемке каменистой вдруг стоп — перешибли хребет прекрасной, бывшей в путах, лошади.

8/VIII, ☿. Сегодня должны прийти в Иркутск. До Черемхово поезд почти всю дистанцию поднимался медленно вверх. Местность изменила свой характер. Стала крайняя сухость воздуха, из сплошной влажной лесистости пошла словно степная страна. Воздух с пыльной дымкой. Растительность иная. По обрывчикам и камням — суслики. Вдали типично сидел орел (среди степной полосы), через поезд стрелою пронесся Subbuteo в красных штанах. Скоро вступим в долину красавицы Ангары. Итак, близится давно жданный Иркутск. Получил ли мою телеграмму С[емен] Н[иколаевич] [Родионов] и объявится ли он на вокзале? Скоро узнаем. Черемхово дымит: работает по добыче каменного угля, которым отапливаются все окрестные паровозы. Что даст нам интересного Иркутск? Что узнаем, кого увидим, что сделал наш Саранцев? Тепло, сухо и пыльно!

А вот и Иркутск: поезд наш прибыл на ¼ часа раньше срока. Перрон наконец-то. Дорогост[айский], Собенников и Сеня. Все улыбаются. Объятия, разговоры. Поездка в комплекс к С[емену] Н[иколаеви]чу Родионову, и там основались. Саша-бурятка. Прежние воспоминания. Уютность, обед, хорошо и тихо! Никто не беспокоит, тишина и чистота. До поздней ночи разговоры.

9/VIII, ♃. С[ергей] А[натольевич] и Убугунов. Бани — чудные, с чистой водой. Прекрасно, легко, свободно!

Дома продолжение отдыха и встреча с знакомыми. Чудно. Мечты будят прежнее.

10/VIII. С утра перевезли имущество из Музея. Разобрались, а потом чудное катание на «Чайке» — моторном катере Байкала, в распоряжении В. Ч. Дорогостайского.[21] С нами сам-восемь плюс Илляшевич (С. П. и ее милые дочки). Дивный огненный блеск на поверхности Ангары. Вечер у милой Софи. Наш композитор прекрасно играл и пел, произвел очарование! Поздней ночью дома, спим до 8 часов следующего, канунного дня.

11/VIII. Много посетителей: предст[авители] РГО, просители, мои спутники — Мадаев и другие. Письма Михно и телегр[амма] Цоктоши [Бадмажапову], газетные заметки, репортеры двух газет.

Вечером у милых Яковлевых; Олечка и друг[ие]. Бедная Танечка — безнадежная мечта!

И так бывает нередко: мятущийся дух не всегда находит успокоение!

12/VIII, ☉. Утро такое солнечное, душное. Мы собираемся в вагон. Завтракаем. Едем. Нас провожают Сеня и Вася. На станции объявились, кроме того, С. П. Илляшевич, ее сын Женя, Семенов с дочкой и А. Н. Селиванова с сыном. Жарко очень!

Прощание, и наш поезд бежит вверх по Ангаре, ее левому берегу! Широкая долина, к северу лесные горные гряды, к югу — то же. Над горизонтом темно-серая пыльная завеса. В боковых протоках Ангары детишки, вероятно, целыми днями купаются.

Тем временем мы все любуемся у окон. Наконец, Байкал и его бесконечные тоннели! Который уже раз я еду здесь, а красота местности будто еще того выше, чем раньше. Мои спутники стоят у открытых окон словно очарованные! Первое по красоте место или первое по самой сильной красоте, по самому высокому очарованию!

Перед Слюдянкой ночь зажглась. Огоньки Слюдянки мерцанием манят скорее к себе. А вот уже и Танхой — таможенное заграждение. С нами обходятся доверчиво, учтиво, ограничиваются лишь списком имущества и бумагами от правительства.

После Танхоя я еще долго-долго (с 4 до 8 часов) не спал, долго сидел у окна и много думал. Мысль убегала поочередно по пространству то к России, то к северо-западу, то, наоборот, в даль нашу заветную. В конце концов, я уснул и встал только за 1 час до прихода в Верхнеудинск.

Но уже полдень **13/VIII, ☽**. Прежде всего заботимся о пароходе и жел[езной] дор[оге]. Ведь нам надо скорее добрести до места снаряжения каравана — Кяхты.

Здесь простоим без малого трое суток и затем только поплывем до Усть-Кяхты. Моя Пшевочка укатила в Чжаланьтунь, к своим. Когда-то я туда поеду! Я познакомился с Н. Н. Чеплановым, отдал ему письмо и две посылки; сегодня вечерком собираюсь его навестить. Кстати, туда к нему надо сложить 5 пакетов, долженствующих идти со мною к Пушкаревым.

Того же дня, 13/VIII, вечером у меня было совещание (я, С[ергей] А[натольевич] и Н[иколай] В[асильевич]) по поводу нашего Марка [Налетного], его неряшливости, нечистоплотности и вообще хамства и неподходящества к нам. Я решил прогнать его со всеми принадлежностями — вырвать его от нас совершенно и отправить с [его] кино. До поздних часов потратил время на маленькую дрянь.

Ночью шел дождь и завывал ветер! Наш вагон с протечкой — весь пол залит водой.

14/VIII, ♂. Серо, прохладно. Над отдаленными темными грядами гор лежат облака. Селенга серой лентой извивается к югу и западу. Верхнеудинск лежит в открытой долине, богатой песком. Мы живем в вагоне классном, наше снаряжение стоит с нами рядом — в товарном. Мимо нас бегает народ. Город порядочный по размерам, но низок по качеству жизни.

Нами пройденная местность по горной части долины Селенги, с мостом через нее, очаровательная: река стремительно несется в глубине горных скатов, сверху донизу одетых лесом; иногда очень красиво по скату гор, среди леса, выделяются площади с полями хлеба. Мы ехали в серый день, и

то было прекрасно, могу представить себе эту местность в прозрачный, залитый солнцем день!

Дважды гулял в соседнем, прилежащем к тылу станции сосновом лесу. Здесь железнодорожники устроили парк и клуб для развлечений. Стоило лишь только отгородить изв[естную] площадь, проложить дорожки, и все готово, так как насаждение, да еще прекрасное сосновое, имеется полностью. Прелестный ароматический воздух. В лесу очень чисто, но мертво. Ни одного звука птицы я не слышал. Но зато по временам лес шумит. Дали в облаках.

После Байкала нас сопровождает дождь, дождь и дождь, и днем, и ночью. Хорошо еще, что почва песчаная, а то была бы грязь непролазная. Вечером в ближ[айшей] церкви приятно звонили.

15/VIII, ☿. Утро серое, дождливое, бр-р-р! На горах облачка, кругом лужи, дали в тумане. Сегодня праздник Успения. Соседняя церковь оживлена приятным колокольным звоном.

Дождь льет с ночи, утром и в течение всего дня и промежутков ночи на 16-е. Мы оставляем вагоны и перекочевываем на пристань под дождем!

Ночуем на пристани, в пакгаузе или просто сарае, на овсе или брезентах. Река Селенга катит свои воды весьма быстро с монотонным всплеском. Ночь темна, дождь барабанит по крыше, спутники ежатся, иные бредят во сне. «Хаим» где-то пропал; я его наконец прогнал из нашей чистой семьи. Налетный оказался в совокупности (как выяснилось, от меня скрывали, думая исправить товарища) обладателем всех порочных наклонностей. На мой вопрос, где ты, Налетный, взял денег, чтобы напиться, он мне вначале заметил: «Это секрет», а на второй, более внушительный мой оклик: «Где ты напился?» — страдальчески произнес: «Продал бурку».

16/VIII, ♃. С утра дождь перестал, западный ветер разрядил облачность, появились голубые полоски неба, а затем и выкатилось солнце; мы переносим багаж, и только что это сделали, как хлынул ливень, но мы уже только улыбались, говоря: «Вовремя!»

Сейчас 4 часа дня, через 2 часа — в 6 часов ровно — нам, всем пассажирам, обещали обед, в 9 часов — ужин (из одного блюда). Темно-синие дали открылись вовсю, солнце ярко, ослепительно блестит и греет изрядно!

Береговые террасы и острова сплошь укрыты зеленью, преимущ[ественно] кустарниками, скаты высоких обрывистых берегов — елью, лиственницей, сосной и др. Дождь умыл воздух и лик земли, прозрачность открыла далекие горизонты. Там и сям тянут стада крупных уток; с вечера и самою ночью раздавались свисты мелких куликов.

Налетный снаряжен к отправлению через Иркутск в обратный путь!

17/VIII, ♀. Прелестная погода: ясная, теплая, ароматный воздух бодрит всю вашу внутренность, вам чудно хорошо. Южная даль тянет в бесконечность!

Странное явление: лес на громадном протяжении испогажен, огонь гулял везде, оставив за собою поблекшие огромные полосы.

В общем замечаю: по мере удаления на юг (от Байкала) более и более сказывается влияние Монголии, ее пустынного, сухого воздуха. Растения

приземистые, грязные; из птиц по долине реки наиболее обыкновенны: сер[ые] цапли, большие бакланы, серые береговики, мал[ые] песочники (Tringa temminck[ii]), бол[ьшой] крохаль, утки-кряквы, красноносые нырки, серые гуси, коршун, горлица, белые плиски.* Сегодня первый день сбора жуков по долине речки Селенги.

18/VIII. Я настроен отлично. Что-то теперь с моей Пшевочкой? Как она себя чувствует с родными? Где и что Саранцев? Нас ждут Троицк[осавск] и Кяхта, мои спутники. Интересно, попаду ли я с двумя спутн[иками] (Глаг[олевым] и Дан[иленко]) сегодня, в ♄, в Кяхту! Я очень хочу это сделать. Кто нас первый увидит, встретит! Где мои Телешов, Арьяшка, Гусев? Всех хочу обнять и со всеми ними говорить!

Вечер, дивная заря, причудливые горообразные облака, горящие пурпуром. Мы плывем страшно медленно, все высыпали на палубу, наконец и давно жданный пункт — Усть-Кяхта. Палуба полна народа, среди них милый Михно! Письма, телеграмма. Правда, вестей мало, и все они все еще от конца июля, еще свежо воспоминание о нашем отъезде. Ни одного письма Пш[евочки], ни одной весточки от моего юного друга Е. И. К[онстантино]вой. Может быть, вторник буд[ет] счастливее? Ведь здесь почта только один раз в неделю!

19/VIII, ☉. Прелестный Петр Саввич Михно, милый, сердечный, он сообщил, что город отвел помещение в Троицкосавске, в отделении РГО — в Музее. В последнем нам приготовлена сердечная встреча: хлеб-соль, чашка горячего чая и высокое — родное — внимание. Персонал Музея, отделения РГО, семья П. С. Михно — что может быть лучше, выше, сердечнее! Я тронут до глубины души. Мой верный С. А. Глаголев также. Мы останавливаемся в доме Вязигина. Бохин, Телешка. Милый Телешка растрогался, растрогал и меня сильно. Василий Андреевич Гусев. Теперь я жду Арьяшку, надеюсь, он не изменит мне. (Прощание с миссией Российской, едущей в Ургу.) Косич, Байков А. В. Сколько новых лиц, новых впечатлений. А Музей городской! Сколько интереса! Частями собираемся. Первые — я и С[ергей] А[натольевич], вторые — Котик с ящиками и сумами.

На обеде у П. С. Михно: красная роза, милое, непринужденное гостеприимство. Рассказы, пересказы, впечатления. Музей — и домой с Синицыным.

Чтение лекции в четверг, 23/VIII, в 5 часов дня. Надо обдумать!

Наконец в 8 часов вечера прибыли и наши подводы из Усть-Кяхты со всем имуществом экспедиции, около 400 пудов. К 9 часам внесли багаж в просторное помещение. Усталые спутники мои пошли есть в отделение РГО, а потом и спать.

20/VIII, ☽. Утро тихое, облачное, по горизонту темно-синие тучи. У меня в восточные окна открывается даль со степными и лесными (отдал[енными]) склонами. Мы на окраине — весьма удобно во всех отношениях. Сегодня

---

* Дополнительно: желтая плиска, St[erna] hirundo, C[orvus] corax, T[innunculus] tinnunc[ulus], журавль малый, воробьи, ласточки, а вдали от берега — бол[ьшие] дрофы; у Верхнеуд[инска] — Hal[iaetus] albicilla и немн[огие] друг[ие].

обдумал программу действия на 3 недели до выступления в караванный путь! Режим жизни: встаем в 6 часов, ложимся в 10. Сейчас ¼ 8-го, мои спутники, ввиду вчерашних бол[ьших] трудов и позднего времени, спят без задних ног! Нужно хорошенечко отдохнуть. Затем всем будет работа!

21/VIII, ☽. Мы встаем в 6 часов утра, ложимся в 10 часов вечера. Отлично чувствуем и очень продуктивно работаем. Ожил дом, всколыхнулся весь город. Я с С[ергеем] А[натольевичем] навестил милых Синицыных. Какие славные люди! Они нас угостили обедом и проч. Опять вспомнилось все прекрасное, прежнее, будто я жил и живу всегда здесь, с гостеприимными людьми — друзьями.

По возвращении домой отправились в баньку к П. С. Михно. Там чай, милые речи. Вечером дома, работа и проч. Телеграмма от Саранцева о получении патронов и высылке (по телеграфу) денег.

Сегодня один из лучших дней моей жизни: совершенно неожиданно согласился со мною отправиться в далекое путешествие милый Телешка. Главное — по его собственной инициативе, для всеобщего нашего удовольствия. По этому поводу мы все ликуем: у нас есть учитель, у нас сохранятся традиции моего учителя и мои — Телешка сразу занимается своим делом.

Вечер прелестный, небо глубокое-глубокое, звездное-звездное. А днем синие горы Монголии щемят сердце! Чудно-хорошо, восхитительно!

Мы привыкаем ложиться рано, в 10 часов вечера, и тотчас засыпать!

22/VIII, ☿. Прелестное утро. Отправил телеграмму своей Пшевочке. Познакомился с Бароцци де Эльс, отдал ей все, врученное А. А. Собенниковой. Работа по снаряжению кипит. Участники эксп[едиции] разбиты на группы и усердно работают. Телешов в своей сфере.

Вчерашняя почта так тоща, в особенности по отношению ко мне. Столь жданного письма я не получил. Ужели меня мой юный друг уже забыл. А почта бывает только раз в неделю. Особенно хочется получать весточки обильнее перед отъездом в путешествие!

После 4 часов дня я с С[ергеем] А[натольевичем] отправился к Барбот де Марни, по дороге встретили П. С. Михно, порадовавшего тем, что нам имеются дополнительные письма. И (о, великая радость!) именно то письмо, о котором я так мечтал, пришло ко мне, я рад и счастлив, и на душе тихая, сладкая радость. Котик и С[ергей] А[натольевич] также получили весточки из дома.

23/VIII, ♃. Сегодня встали в 5 часов утра и тотчас пошли на стрельбу. В общем, я очень доволен: стреляли порядочно, ружья также порядочные. Котик — молодец, наше дело стрелковое наладится.

Днем различные дела, вечером — лекция в отделении РГО прошла с успехом, при большом стечении слушателей; были и старые знакомые, с которыми встретиться было весьма приятно. В заключение вечер прекрасный у милого П. С. Михно! Здесь, по обыкновению, засиделись долго в самых разнообразных разговорах. Говорят, лекция произвела сильное впечатление на все возрасты и на все категории слушателей.

24/VIII. Опять ранняя стрельба по мишени, в общем удовлетворительно! Стреляла, между прочим, и Леночка [Горбунова] и, к моему удовольствию, с успехом! Погода серенькая, сухая, в воздухе мгла, солнце смотрит тусклым диском!

25/VIII, ♄. С утра стреляли при серенькой погоде. После обеда нас посетил консул, с которым интересно беседовали вообще около часа.

Вечер проведен у П. С. Михно, вначале по специальным вопросам отд[еления] РГО, примерно около 1½ часа — от 6½ до 8 часов, затем за гостеприимным столом радушных хозяев. Чем больше узнаешь супругов Михно и местных обитателей, тем большим уважением проникаешься к ним.

Вопросы, с которыми обратилось ко мне местн[ое] отд[еление] РГО, в общем, одни и те же, что и в Омске, и в Иркутске. Мест[ное] отд[еление] счастливее прочих тем, что оно сохранило в целости и Общество, и его библиотеку, и музей, что очень важно!

26/VIII, ☉. Все мои, за малым исключением, на экскурсии. Даже С[ергей] А[натольевич]. С утра двор полон всякого рода посетителями.

Прибыл в экспедицию Мухарайн Булат; общее впечатление удовлетворительное. С вечера гроза, отдаленные зарницы очень эффектные (на СЗ), гром.

Первый раз любовались в трубу звездным небом, очарователен Юпитер.

Ночью дождь, небо все покрыто серыми тучами.

Купили первую лошадь (у Бохина) за 28 рублей зол[отых].

27/VIII, ☽. Утро серое, с 8¼ часа падает дождь. Со вчерашн[его] дня начались экскурсии. С[ергей] А[натольевич] видел волка на падали, зверь оскалил зубы. Глаголев экскурсировал к востоку. Павлов, Кондратьев и Лена — на запад, в Ботай, в лесу. Наблюдали и стреляли тарбаганов (сусликов); из птичек, добыли Otomela и Otocorys, посл[едние] в сильн[ом] линянии.

Я собираюсь в дорогу к своим, по направлению в Харбин.

Не знаю, помешает ли дождь или улучшится положение в дороге? Сумею ли я не опоздать на скорый поезд? Иначе очень долго пробуду в дороге.

Свинцовые тучи продолжают окутывать горы до их среднего пояса. Воздух необычайно прозрачный, зелень пробивается из земли, или просто растительность позеленела.

21/IX 1923. Давно-давно я не брал в руки моего дневника и не заносил в него виденное и пережитое. Тем временем совершил поездку в Маньчжурию, в частности в Чжаланьтунь (не доезжая до Харбина около 400 верст, курортное место для харбинцев и пекинцев отчасти, благоустроенный уголок на верховье речки Ялу), к своим родным, где гостила жена, и превосходно отдохнул в течение целой недели. Надо отдать должную заслуженную оценку председателю В[осточно]-К[итайской] дороги Бор[ису] Васил[ьевичу] Остроумову, человеку с умом и несокрушимой энергией, доведшему состояние линии в широком смысле слова до совершенства. После российской разрухи, мерзости и гадости В[осточно]-К[итайская] дорога[22] производит чудное впечатление порядочности технической и красоты внешней. Исследовавший дорогу в мое пребывание в Чжаланьтуне американский посол в Китае

д-р Шурман нашел ее состояние превосходным, образцовым и в заключение осмотра ее заметил Остроумову: «Если бы судьба заставила когда-либо переменить Вас это место на другое, то такое в лучшем виде Вы имеете право получить по Вашей специальности у нас, в Америке!». С этим же д-ром Шурманом я познакомился и беседовал около часа на тему моего Харахотоского путешествия и путешествия американцев в Монгольский Алтай.[23] Замечательно крепкий старик, около 70 лет, д-р Шурман с легкостью поднимался на соседнюю Чжаланьтуньскую высоту, к белой беседке, откуда открывается красивый и полный вид как на курорт, так и на всю прилежащую долину речки Ялу, обставленной горными складками, теряющимися за горизонтом. Оригинально вьется линия железной дороги вдоль описываемой речки: то жмется к горам, их подножию, то пересекает самую долину.

После недельного пребывания (конец августа и начало сентября) мы (я и Пшевик) покинули Чжаланьтунь и на ст[анции] Маньчжурия распрощались со своими родными. Обратный путь нам посчастливилось совершить быстрее и на пятый-шестой день уже быть дома, в Троицкосавске, вместе с экспедицией.

На пути (вперед и обратно), в Чите, я виделся с инж[енером] Селивановым и представителями местного отделения Русского географического общества. Конечно, я не располагал временем, чтобы сделать доклад в Чите, о чем меня так просило местное Читинское общество. В Забайкалье вообще, в Чите же и Верхнеудинске в частности много толков вызывает нарождение так называемой «Бурятской республики».[24]

С возвращением (14/IX) к себе домой я страшно обрадовался и, отдохнув немного, усердно принялся за дело. Вскоре удалось переговорить (по телефону) и выяснить вопрос о покупке животных для экспедиционного каравана, что, конечно, сильно удорожит дело наше и вызовет массу осложнений и затруднений для труда участников экспедиции. Бадмажапов в Урге категорически заявил, что наемных животных достать ныне весьма трудно, сами они очень дороги и проч., теперь иное время, и лучше всего экспедиции иметь собственных караванных животных, чтобы не быть в зависимости от туземцев и не платить за животных* непосильных для экспедиции средств.

Почта и телеграф нас не особенно балуют. Географическое общество интересуется состоянием экспедиции и сделало запрос о нас через местное отделение. Забыл отметить о смерти моего спутника, товарища по двум большим экспедициям в Центральную Азию (1893—1895 и 1899—1901 гг.) В. Ф. Ладыгина, последовавшей в Харбине 21/VIII с.г., в больнице КВЖД. Бедняга до последней минуты жизни мечтал о путешествии и страшно ждал моего приезда в Харбин. Как я ни был подготовлен к его кончине (хроническая, тяжелая болезнь), однако последовавшая смерть произвела на меня тяжелое впечатление. Местные газеты отметили, что Ладыгин умер в нужде, всеми забытый, едва ли кто-нибудь хоть чуть-чуть тепло откликнулся на его последние минуты страданий и отхода в вечность!

Вечный покой тебе, хороший человек, ты искренно любил природу и очень часто глубоко ее понимал. Невольно вспоминаются совместные минуты, проводимые в общении среди роскошных уголков богатого Кама. Ты

---

* Подразумеваются животные наемные для перевозки груза экспедиции.

скорее прочих подчинялся обаянию прелестей, в особенности растительного мира, быстрее других воспламенялся огоньком пытливых стремлений к познанию и, не зная усталости, бродил по долинам и лазал по скалам с целью обогатить научные ценности экспедиции. При всяком воспоминании о тебе, дорогой товарищ, ярко встаст твоя оригинальная, некогда мощная фигура и всегда милый, добродушный взгляд, озаренный при твоих рассказах о красотах гор и лесов посещенных районов. Знаю, как ты увлекался бабочками и как не берег себя при их ловле по крутым скалам.

Я лично навсегда сохраню о тебе самое отрадное, чистое воспоминание!

20/IX. Вечер в отделении Географического общества, доклад Кондратьева о генетической связи музыки Европы с музыкой Азии и задачах предстоящих работ в этой области во время Монголо-Тибетской экспедиции. В общем, все было вполне удовлетворительно и с успехом для докладчика.

Время бежит быстро и подходит к отправлению экспедиции. Все укладывается, сортируется. Прибыл Саранцев и доставил наконец патроны. Приготовлены паспорта. Наняты извозчики. Идут последние приготовления. Между прочим, я решил сдать П. С. Михно, как председ[ателю] Отд[еления] мест[ного] Русского географического общества...*[25]

Третьего дня любовались звездным небом; вчера прозрачный воздух искусил произвести снимки с нашего дома.

Сегодня, **22/IX**, облачно, пыльно, и горизонт значительно сокращен.

Экскурсия на птичек дала в результате: Ruticilla, Otocorys и Poecile. Птицы вообще летят к югу, а некоторые более нежные формы уже отлетели.

23/IX. Боевая смотровая стрельба из ружей, револьверов, пулеметов.

Результат вполне удовлетворительный, я доволен!

В 3 часа дня моя лекция в Народном доме, привлекшая (для города Троицкосавска) очень многолюдное общество. По словам моих спутников, я говорил с подъемом, в особенности после перерыва. Мне поднесли букет красных роз и цветов вообще (другое подношение от гимназистки). Вечером я навестил Ник[олая] Ив[ановича] Саловарова и нашего друга П. С. Михно, у последнего засиделся до поздних часов. В промежутке зашел в спектакль, устроенный в пользу Японии, внес мзду[26] и — восвояси! Молодой человек Потапов из Верхнеудинска — «желает» ...**

С. А. Глаголев долгое время принимал извозчиков и много говорил с ними, и с легковыми (тарантасными), и с тяжелыми (тележными). Поедем транспортом: я с Убугуновым, мои помощники ученые — с остальными спутниками.

24/IX, ♑. Сплошная облачность. Вообще, что-то странное творится с климатом. В прежнее время осень отмечалась сухой, ясной, прозрачной, начиная же с 1915/16-го года, по словам обитателей, сухость является летом, влажность — осенью! Ежедневно ветер приносит и уносит массы

---

* *Далее текст в рукописи отсутствует. (Прим. сост.)*

** *Далее текст в рукописи отсутствует. (Прим. сост.)*

слоистых или слоисто-кучевых облаков. При облачности теплее, при ясности холоднее.

Сегодня у нас все за работой с раннего утра. Все за укладкой и сборами. Пора, пора неотложно в дальнейшую дорогу!

25/IX, ♂. С утра и днем приготовление в дорогу, нагрузка ящиков и сум и вообще багажа экспедиции, вес которого определился в 450 пудов (со всеми патрон[ами]), телег около 35; целая уйма денег за перевозку имущества экспедиции.

Вечер. Торжественное заседание представ[ителей] города по поводу выступления в дал[екий путь] Тибетской экспедиции. Речи почетных членов и моя ответная. Действительно, все носило характер торжественности. Прежде всего в самой большой зале Народ[ного] дома, публики всякого положения масса. Открыто заседание зам[естителем] предс[едателя] исп[олкома], сказавшего тепло и содержательно о самом заседании, о причине, вызвавшей его, о русском известном путешественнике, снискавшем почетное место наряду с европейскими выдающимися деятелями географической науки. «Знаменательный момент — снаряжение ученой экспедиции (РГО) советским правительством...» и т.д. В заключение: «Мы все собрались, объединились в порыве и мысли пожелать нашему рус[скому] иссл[едователю] Центр[альной] Азии и Тибета П. К. Козлову также успешно совершить это его новое путешествие, как и прежнее Хара-хотоское, вплетшее венок или, точнее, лавры в венок России (на поприще изучения диких стран)». Мою ответную речь, как и речи ораторов, поч[етных] член[ов], торж[ественное] собр[ание] приветств[овало] аплодисм[ентами].

26/IX, ☿. Утро, встаем еще ранее обыкновенного. Запрягаем, укладываем наши экипажи. В 9 часов у[тра] народа масса: пришли учащ[иеся] и учащ[ие] проводить экспедицию, пожелать ей счастливого пути и новых завоеваний по открытию неведомого. Пришли остатки прежней кяхтинской семьи богатых симп[атичных] людей,[27] пришла лучшая из всех людей С. Я. Синицына и, конечно, с «хлебом-солью». Неизменный Михно, что наз[ывается], ни шагу не отходил от экспедиции, служил ей верой и правдой как заурядный ее член и неутомимый сотрудник.

Наконец минута расставания. Потянулись телеги. Их целый транспорт. Впоследствии половина — Глаголевская, половина — Павловская. Мальчики рассыпаны там и сям. Последняя телега с Котиком и Мурзилкой, собачкой, к которой невольно все привыкли и взяли до Урги.

До Маймачена и Алтан-булака мы докатили скоро, получили все разрешения и, наконец, распрощались с учащимися города Кяхты и своими спутниками во главе с Глаголевым (там какая-то история с нагрузкой и выгрузкой нашего багажа ямщиками).

Путь от Троицкосавска до Урги на наемных ямщиках (мне и Убугунову) в тарантасах прошел благополучно от 26/IX до 1 октября, только на второй день прошел упорный дождь, смочивший нас на стоянке, в зимовье. Зимовье это нечто новое, непонятное с первого раза, но затем делается ясным. Зимовье — станция, ночлег, семья русских, приютившихся в одной хате, с настилом, дающим дождевую течь, с нарами для спанья, с печью, согревающей всех, и самоварами, утоляющими жаждущих путников, а главное —

приют, ночлег. Ямщики, кроме того, покупают фураж для лошадей и проч. Очень неприятно иногда спать в зимовье, в жарко натопленной хибарке, нечем дышать (вследствие переполнения людьми). Обыкновенно вся семья хозяина тут же с нами и ямщиками. Душно, накурено и проч. Тем не менее, когда устаешь ехать, невольно вглядываешься вдаль, ищешь возвышенной точки, зимовье, и радостно его угадываешь!

Лучшее зимовье — у южного подножия Манхадая, Боротай. Две-три рядом расположенные комнаты, чистые, с железной печью, лавками или нарами для спанья и столами для чаепитий и еды. Девочка Леночка 12 лет, ей обещан и дан гостинец — сережки — через ямщика Димитрия.

Итак, путь совершен в шесть дней, по 60 приблизительно верст [в день] — 335 верст! В общем проехали вполне благополучно, счастливо, не холодно, не поздно! Картина местности между Кяхтой и Ургой следующая.

Горный рельеф ясно выражается на всем пространстве, его можно характеризовать так. С севера встает горная цепь, заметная издали, из Троицкосавска, далее, в середине, кульминирует, или доминирует, хребет Манхадай и, наконец, Тологойту. Этими тремя цепями и их ответвлениями, узлами соединения горных пород, определяется складка горной местности вообще, разбитой ущельями рек и речек: Ибиунк, Иро, Баин-гол, Хара и проч. Одни из них шире, многоводнее, с хорошими долинами, дающими простор тысячам животных, другие, меньшие размером, узкие, извиваются среди отрогов. А корма сколько — ужасно! Иногда попадают чудные картины пастушеской жизни: юрты, юрты, а вокруг многочисленные стада скота — лошадей, рогатого скота и баранов.

Осень предъявила права: лиственница золотая, береза и осина осыпались. Птицы одни стабунились, другие (гуси, утки) несутся к заветному теплому югу. Ночью звездной тишина, ясно, свежо или даже холодно. Едем отлично, питьем и едой наделены также вдумчиво. Настает последний день, конец сентября — начало октября. Температура ночью 3—4 градуса мороза, лед основательно покрыл горные источники, попутные реки и речки. Гуси усиленнее потянули на юг. Снег, упавший в конце сентября, тает. Вершины гор еще убелены красивым бордюром. На вершинах и склонах в соседстве перевала Тологойту виднелся снег. Мною были произведены фотографические снимки — два, на запад и восток от дороги, с зимовьем. Наиболее интересным и поучительным днем был день 1/X, когда экспедиция поднялась на перевал Тологойту, к обо, и увидела священный массив Богдо-ула. Невольно подумал о прежнем, невольно взглянул на сос[едние] вершины, покрытые лесом. Но Богдо-ула лучше всего и загадочнее всего, что-то таинственное заключено в ней. Смотришь и не насмотришься на нее. Она была немою свидетельницей моего восхищения, очарования при возвращении из пятого, Хара-хотоского, путешествия. У ее подножия я счастливым отдыхал и любовался прелестью растительности, привольем табунов лошадей и спокойствием ночной тишины.

Барометр на пер[евале] Тологойту в 12 ½ часа дня (1403 м) 653.0 д[елений], t +13.0°, на ст[анции] Хухо-тологой — 623.0, t +14.0°, северо-западный [ветер] 1–2 [балла], [облака] куч[евые], 5.

В 4 часа дня мы уже прибыли в Ургу и, миновав шумный город с цветными костюмами, а также и таможню и, ранее, пикет, прибыли наконец под гостеприимный кров моего старого спутника-друга Ц. Г. Бадмажапова. Урга прежняя, грязная, с обилием собак и грязных нищих (беднота), крик,

гам, рев животных. Всадники-монголы, непременно вскачь несущиеся в стоячей посадке, невзирая на встречных, там и сям «орлики»;[28] на кучах мусора черные собаки: днем спят или сидят, ночью неистово лают или грызутся одна с другой.

Новость — электричество. Мы в лучшей части Урги, не опоганенной зловонием. Устроились! Благодаря любезности моего Ц. Г. Бадмажапова нам живется отлично, мы в лучших условиях по части свидания с нашими старыми и новыми знакомыми.

Прибыли в Ургу первого октября.

2/X. Я навестил В. И. Юдина, нашего русского консула в Монголии. Первое впечатление отличное. Надеюсь, с ним можно не только симпатично разговаривать, но и дело делать!

Очень приятно было свидеться мне здесь с А. А. Дудукаловым, у которого, между прочим, я произвел обмен или размен амер[иканских] долларов на янчени. Но больше всех мне доставил удовольствия и интереса славный Жамцарано. Сколько интересного он дает моим помощникам — Глаголеву, Павлову, Кондратьеву. Оказывается, здесь, в Монголии, по части ископаемых палеонтологических находок — любопытнейшее место. Кто знает, что нам судьба вручит по части палеонтологических находок? В этом отношении еще ничего или почти ничего не сделано! Если, конечно, не считать первых замечательных находок американской экспедиции.

Итак, ближний район (с юга) — гора Бага-богдо — особенно богат ископаемыми. Американская экспедиция на автомобилях нынче второй год производила свои исследования; кто при них состоял этот год, может сказать Бадмажапов, сопровождавший экспедицию впервые. Цокто Гармаевич говорит, что ам[ериканская] эк[спедиция] была обставлена богато, уютно, предупредительно. Палатка-столовая, столы с бел[ыми] скатертями, у столов — «бои».[29] Консервы надоели очень. Но главный вопрос сводится к тому, что местн[ые] монголы в курсе главных залежей, что они нисколько не были удивлены вопросам американцев: «Где можно найти кости исторических животных?» и проч., и проч. А как игнорировали русские монголов, монгольскую пытливость, любознательность! Даже стыдно становится за все это. Как нужно умело подходить ко всякому вопросу, ко всякому делу в экспедиции, это ясно выражает американская экспедиция во главе с Roy Chapman Andrews. Монголы, по-видимому ничего не смыслящие в вопросах исторического прошлого страны, ее ископаемых остатков, тем не менее на обращение к ним: «Где у вас имеются такие места, в которых можно находить кладбища животных в виде целых скелетов или даже отдельных костей?» — ответили положительным: «Да, имеются, и такой-то хун хорошо знает и может показать вам кое-что в этом отношении».

Таким образом, поставив себе задачей исследовать дно Хан-Хая, или Гоби,[30] т.е. центральноазиатского бассейна, американцы из Урги отправились в юго-западном направлении и в окрестности Бага-богдо, южнее преимущественно, нашли первую находку (палеонтологическую); тут они и устроили свою базу. Некоторые из америк[анцев] экскурсировали в самом массиве Бага-богдо с целью охоты на горных козлов, которых и добыли несколько экземпляров. Тут я невольно вспоминаю, как моя Монг[оло]-Камская экспедиция во время своего пути в области Монгольского Алтая

добыла несколько голов Ovis'ов. В особенности отличался по размерам экземпляр, добытый Телешовым, который, между прочим, в свое время сообщил мне, что аргали его был необычайно сильный и что он (аргали) от пуль Телешова был тяжело ранен и, невзирая на это, на коленях в гору силился тащиться. Этот экземпляр, судя по общим размерам и размерам рогов, был в самой наибольшей силе, мужественности.

Что-то мы добудем в этот раз как в области охот за архарами, так и в области (может быть, не менее интересной, нежели Хара-хото) ископаемых? Аргали надо стараться добыть непременно, как одинаково орнитологов интересует вопрос о хищниках (Falco, Aquila et Bubo). Говоря о птицах, не следует забывать Accentor Kozlowi и Montifringilla вообще. Много, сильно, вдумчиво я всякий раз смотрю на карту и думаю, какой маршрут проведет экспедиция в Азии и что интересное, великое совершит.

3/X. Днем нас никто не беспокоил, за исключением Корзухиной, обратившейся с просьбой обменять ее 500 кит[айских] долл[аров] на золото, очень нужное ей в ее поездке в Читу и т.д. Пришлось согласиться, уступить, считая китайские доллары равными золотому рублю.

Вечером был Дудукалов, которому я отдал все имевшиеся в моем распоряжении американские доллары — 3625, а от него мною получено 620 китайских долларов. Полный расчет с ним я произведу по получении от него известий, по какой цене, какому курсу он продаст или обменяет наши доллары.

Теперь у меня налицо 6500 руб. золотом, из которых я предполагаю израсходовать около половины и почти все америк[анские] доллары, но ведь при возвращении из путешествия на границе и по дороге в центр России потребуются деньги. Вот этот небольшой золотой запас плюс маленькая экономия америк[анских] долларов и должны выручить экспедицию при ее радостном возвращении на родину! Такого расчета в будущем я и должен держаться.

Теперь я должен упомянуть о погоде в Урге и ее ближайшей окрестности. В общем, днем довольно ясно, тепло в тиши, ночью особенно прозрачно и очень холодно. Но к утру температура около –7° С.

3/X. Около 4 часов дня подул сильный ветер с севера и вскоре превратился в бурю, несшую тучи пыли. К ночи стихло совершенно.

4/X, 2. Утро полуясное, прозрачное, холодное. На голубом фоне неба красиво выступают кучевые облака, гонимые от севера к югу. Гора Богдоула словно спит под золотым покровом увядших лиственниц.

Мимо нашего дома снуют с боталами[31] караваны верблюдов, идущие из Калгана с чаем, бензином и другим грузом. Вообще между Калганом и Ургой непрерывное движение: караваны верблюдов (до ...* тысяч в месяц), автомобили, телеги и проч.

Самый город полон народа: монголов, русских, китайцев, тибетцев. Русское влияние огромное. Построек типа русских больше и больше. Вероятно, и торговля с монголами у русских также немалозначаща. Вчера я на-

---

* *Далее оставлено место для указания количества верблюдов. (Прим. сост.)*

блюдал солдат-монголов, марширующих под песни на манер русских. По улицам то и дело снуют конные типичные монголы.

Красавица Богдо-ула словно погрузилась в дремоту: тиха, молчалива. Ее пади отливают по скатам золотом, ниже растительности древесной темной линией или даже сплошной лентой стелется оголенный темный скат. Над массивом Богдо-ула иногда проносятся затейливые по очертаниям облачка. Тихо, стройно они несутся по большей части от запада к востоку.

Жду мой отряд, мою экспедицию, она непременно должна прибыть сегодня или, самое позднее, завтра, т.е. 5/X, и после обеденного времени. Для экспедиции в близком соседстве с Ц. Г. Бадмажаповым, в той же линии, приготовлено помещение в огороженном участке с двумя юртами и сараем. Мы поставим свои палатки, и персонал экспедиции разместится как надо.

Для моих спутников большой урок путешествия — переход с транспортом от Троицкосавска до Урги. Последов[ательно] надвигающийся холод, длительные переходы, холодные ночевки, пёхом в горы и проч. Надо посмотреть внимательно на мальчиков и учесть их настроение!

Пока что ко мне является почти ежедневно Убугунов, старающийся всеми силами извлечь от местных туземцев те или иные интересные данные о наших предстоящих изысканиях. Оказывается, и здесь очень интересуются нашей экспедицией, нашей программой деятельности вообще, в особенности же по отношению посещения заветной страны.

Надо стараться добыть грамоту на посещение стран сопредельных [с Тибетом] от Китайского правительства, иначе могут встретиться больш[ие] недоразумения. Только теперь во всей полноте можно оценить важность наличности китайских паспортов, коими мои экспедиции располагали в предыдущие разы, когда заранее осведомленные китайские власти нередко высылали навстречу экспедиции письма и [проявляли] полную готовность во всей полноте служить интересам экспедиции. Посему и население, и торговцы не чинили нам никаких препятствий, наоборот, старались всячески оказать посильное содействие.

В связи с этим я невольно вспоминаю историю с револ[юцией] в Маньчжурии.[32]

5/X, ♀. Ночь ясная, тихая. К утру, по обыкновению, появились слоистые облака. На заре 3—2°С. Среди абсолютной тишины оригинально раздаются звуки боталов у проходящих мимо нашего дома вьючных верблюдов. Сейчас эти животные в полной красе: сыты и вылиняли окончательно.

Сегодня я жду свой караван, так как уже девятый день, а подводчики рассчитывают ход подвод по 40 верст в день. Надо надеяться, что я встречу всех в полном здравии и благополучии, полных лучшими впечатлениями от пути до Урги, от осенней поры, в которую неудержимо тянут к югу пролетные, или, точнее, крылатые, странники.

Сегодня на солнце довольно тепло, теплее предыдущих дней с холодным северным ветром. Ежедневно наблюдаются стаи черных или темных собак; эти собаки — даровые санитары Урги, в особенности в период боев, когда они единственные уничтожали трупы убитых и тем самым очищали воздух и освобождали места, неприятные для глаза и носа.

Следует говорить или писать об Урге, о ее населении, торговле, о том главным образом, что произошло с этим городом — столицей Монголии,

долженствующей собою отражать быт, силы, материальное и культурное богатство — весь облик страны со времени успокоения ее от той волны, которую развел своим вмешательством в чужие дела так называемый барон Унгерн. Следует писать, но я не могу этого делать, потому что сам не выхожу из-за болезни горла, сведений же пока не получил. Как раньше, так и теперь лучшим знатоком Урги и всей Монголии может, конечно, быть мой спутник и ученик Ц. Г. Бадмажапов. Только он в состоянии дать мне материал для очерка: «Современное состояние Монголии и ее столицы Урги».

Здесь очевиднее, что буряты главным образом обслуживают управление В[нешней] Монголии.

Вечером получено известие о том, что наш транспорт направился в обход перевала Тологойту; ввиду этого он должен пробыть в дороге не 9, а 10 дней, т.е. объявиться в Урге 6/X в ♄.

6/X, ♄. Ночь облачная, тихая. После 7 часов начал падать тонкий снег. Горизонт сокращен до минимума. Нынче зима дает о себе знать чрезвычайно рано. Богдо-ула словно в белом саване. Спит и укрывается теплее на предстоящую зиму! Ну, мальчики мои получат за дорогу всю «прелесть» страннической жизни. Только бы не заболел кто-либо из отряда, в особенности наиболее юные из них. Посмотрим.

В 2 часа дня наконец наши прибыли с транспортом. Как раз в это время падал снег. Мои спутники кислые, хотя некоторые, как например Кондратьев, выглядели отлично. Все доставлено, видимо, в порядке. Даже прибыла собачка Мурзик. В дороге препаратор Канаев удачно подстрелил (влет из нагана) орла, вообще же он добыл: орла, седого луня, куропатку, даурскую галочку и уточку. Привезли и пианино (по просьбе Ц. Г. Бадмажапова). По уборке вещей мои спутники были накормлены и напоены. Странно, что большинство, не морщась, выпили по рюмке, и даже по две, водки. Пшева не похвалил бы, в особенности тех, кот[орые] имели лик ученого. Мои мальчики в дороге простуживались, но все проходило удовлетворительно. Только с Бохиным и Гусевым произошло нечто серьезное, а именно: Бохин подпал, минутно, в маленькое беспамятство, обморок, якобы вследствие потуги или того, что наз[ывается] «надорвался», помогая телеге; с Гусевым же случилось более серьезное: во время простуды у него воспалилось ухо, потекла дрянь, и эта болезнь причиняет ему значительное страдание.

Мой лагерь устроился рядом, восточнее дома Ц. Г. Бадмажапова, в заграждении из частокола. Посередине имеется крытое, с дырявыми окнами помещение, где мы пристроили большую часть нашего экспедиционного имущества. Сами же участники пока разместились в двух больших юртах: в первой, западной, предназн[аченной] для меня, — мои старшие помощники, а во второй, или восточной, — младшие, в большем числе, тут же устроена и кухня.

Питаются они на месте таким образом: им отпускается мяса по 2 ф[унта] и столько же хлеба в день. На мясо убит очень сытый, хороший бык, весом свыше десяти пудов. Чай пьется ими дважды или трижды.

7/X, ☉. День отдыха, день праздничный. Цокто Гармаевич устроил для высших, или старших, членов экспедиции китайский обед, состоящий из 16 блюд закуски и около 20 блюд горячих. Закуски были приготовлены чисто

и вкусно. Но и вообще стол своею изысканностью убранства манил к себе. В числе блюд были, между прочим, сардинки, ананас, груши. Из горячих блюд штук до 6 были замечательно вкусны: курица, баранина, различные трепанги, креветки, пирожки с яблоками и проч., проч. Блюда подавались или по одному, или по два одновременно, а в заключение чуть не 9 блюд кряду. Из последних нам понравилось блюдо «паровые пельмени». Обед сопровождался питьем подогретой рисовой водки, кот[орая], впрочем, не особенно нравилась моим спутникам, они предпочли красное вино и мадеру (из экспедиционных запасов).

Порою хозяин — устроитель самого обеда, китаец-торговец, толстый, бритый, усердно угощавший парисами,[33] поднимал чарку за благополучное пут[ешествие] гостей. Этот китаец оказался моим старым знакомым: я у него немало скупил в свое время интересных, преимущественно коллекционных предметов.

Вечер мы с Пшевочкой провели дома. Мои препараторы «делали птиц», т.е. мастерили шкурки. Понемногу начинает копиться науч[ный] материал.

Один из моих мальчиков мастерил съемку (Андрюша).

8—9/X, ☽ и ☌. Вчера, в ☽, я осмотрел весь лагерь, посмотрел также и вещи нашего спутника ламы-тибетца: несколько винтовок, патроны, один пулемет (старый японский, сист[емы] Tock), и все. На основании отмеченного явствует, что военные принадлежности вообще в Тибете очень и очень в почете и что, невзирая на большие трудности в дороге до Тибета, тем не менее необходимо их везти до главного пункта. Именно это обстоятельство может выручить экспедицию больше прочих, тем более что обо всем этом уже писалось в Тибет Д[алай]-[ламе] моим другом Агваном Доржиевым.

Надо обстоятельно наладить все вьюки, все осмотреть и тогда лишь думать о начале вьючки каравана и об отправлении в дал[екую] дорогу.

Мои ребята все нет-нет и недомогают: кто жалуется ухом, кто стер ноги, у кого разбросаны чирьи, с кем — вроде удара и проч., проч. Всегда так бывает на месте, тогда как в дороге совершенно иначе: хочешь не хочешь, а делать и идти надо. Бывает нередко, что очень трудные заболевания проходят легко в дороге и бесконечно тянутся на месте, чем это объяснить — неизвестно, а это так.

С 8/X настала чудная ясная, тихая погода, я думаю, та прославленная осенняя, чем так славится вообще Центральная Азия.

Ночь замечательно тихая, воздух удивительно прозрачен, и звездный мир невольно влечет вас к себе. Какие глубокие мысли появляются в человеке, и все они уносят вас далеко-далеко в мир тихий, бесстрастный! Вчера я долго-долго любовался звездным небом. Звезды здесь не наши северные, а далекие южные. Как дивно здесь созвездие Ориона, как величествен Млечный Путь, так и не ушел бы и не оторвался никогда от созерцания божественных небес и их светил.

Кстати, когда я смотрю теперь на небо — невольно вспоминаю первую страницу моей последней книги «Хара-хото»,[34] за которую (страницу) меня так восхваляют. Должно быть, это так, справедливо, что все говорят одно и то же.

Вечером, ☽, в прекрасном настроении, я вдруг вижу моего старого заслуженного спутника Цокто Гармаевича, его вдохновленное лицо. Мой

друг поднес мне на память прелестную вещицу, «астрономическую» — солнечные часы, инструмент китайско-корейский, с их иероглифами, великолепно исполненными на слоновой кости как основе инструмента, с бронзовой отделкой, воспринимающий на себе лучи дневного светила и держащий паутинную нить в вертикальном положении. Внизу, в выемке слоновой кости основы, представлен опрокинутый свод неба с нанесением градусной сети для получения координат известных пунктов. Для ориентировки инструмента имеется (выпавший здесь) компас. Все в сумме очень интересное и привлекательное. Очень любопытны иероглифы китайские и корейские.[35] Бадмажапов великолепно знает всегда, что меня больше всего интересует и чем я буду очень и очень доволен! Все предметы, подаренные мне Бадмажаповым, вне конкурса: бурханы, клуазоне[36] и проч. Теперь, например, Цокто Гармаевич поднес моей Пшевочке одну прекрасную вазу клуазоне, в футляре. Он всегда вдумчиво это делает, он все знает!

Вечером 9/X я наблюдал в трубу Юпитер и несколько звезд первой величины. Прозрачность воздуха удивительная. Звезды горят как бриллианты.

У Цокто Гармаевича сидели супруги Байковы до позднего часа ночи, уже потухло электричество. Дни за днями бегут неудержимо. Надвигается не только поздняя осень, но и зима! Как подумаю, тяжело нам будет в начале путешествия по Монголии, южнее Урги, и только станет отраднее в Центральной Гоби.

10/X, ☿. Утро полуясное: на небе сплошь тонко-перистые облака. Богдоула все еще дремлет под сенью растительности (увядшей) и белого снегового покрова. Что-то гудит: барометр сильно упал. А я так надеялся на установившуюся было ясную погоду. Обыватели твердят: «У нас климат изменяется, бывало, летом падает дождь, а нынче это происходит осенью, а летом — сушь, тогда как прежде осенью стояла день в день прелестная (ясно-тихая) погода, как и в глубине Центральной Азии».

Сегодня днем замечательно тепло и тихо. Мне так отрадно всегда бывает смотреть на Богдо-улу, и весь ее золотой покров осенней одежды привлекает меня и вызывает желание снять на фотографию. У меня в лагере идет непрерывная работа по снаряжению вьюков на верблюдов. Все сортируется, прилаживается, завязывается. Чувствуется близость похода. Днем небо покрывается легкими тонко-перистыми облаками, но ночью все исчезает и звезды горят ярко-ярко. Ночи вообще обаятельны и уносят мысль наблюдателя далеко-далеко.

Сегодня же сортировали подарки членам монгольского правительства. Позднее ко мне прибыл Д. П. Першин, с которым я много-много говорил о прошлом и настоящем. Очень-очень осведомленный человек Д[митрий] П[етрович], все он знает, в постоянном общении с монгольским народом, с их духовным и прочим укладом и со своей стороны при следующем свидании с ним обещал много показать и рассказать. Он ведет свои заметки с давних пор, много печатал в отдельности и хочет теперь дать вроде законченной книжки небольшого размера, с общей характеристикой страны, людей и многих лиц, с одной стороны, исследователей Центр[альной] Азии, с другой — всех тех, кто бывал в Урге и виделся с ним.[37]

По вечерам к нам появляется наш композитор и играет на новом пианино. Он больше всего увлекается монгольской музыкой и рад страшно, что так

просто, легко уже устроились его занятия по сбору местных мотивов. Жамцарано сам заинтересован сильно музыкой — монгольской, амдоской и частично тибетской и готов предоставить нашему специалисту полную возможность работать вовсю! Мне также очень хочется приступить к ознакомлению с окрестностью Урги в ботаническом и палеонтологическом отношениях.

11/X, 2. Сегодня мы поднялись очень рано, так как англичане уезжают в Калган. Mister Маршалл и Махнот оказались очень милыми людьми. Первому я подарил мой «Тибет» и дал поручение в Харбин передать письмо Пшевика нашим. День начался очень хорошим, ясным и теплым! Наши спутники продолжают заниматься каждый своим делом!

В такую погоду хорошо ехать.

Долина реки Толы отливает желтизной. На ее свободной, открытой поверхности виднеются казармы для монгольских солдат и там и сям чернеют отдельные группы самих защитников этой страны — монгольских солдат-пехотинцев.

К ночи звезды засверкали на всем небесном своде и в воздухе стало тихо.

Только что возвратились Убугунов и Глаголев после развоза подарков. Много интересного рассказывал по этому поводу С[ергей] А[натольевич], много курьезного, и для моего спутника получилось, таким образом, много поучительного. Все эти господа принимали подарки как должное, только один Жамцарано несколько конфузился и уклонялся, но все же в конце концов принял с благодарностью.

Надо заметить, что, прежде чем поднести подарки известн[ому] члену монгольского правительства, мои спутники держали речь: «Тибетская экспедиция традиционно, по-прежнему, устанавливает лучшие отношения с монгольским правительством вообще, с Вами в частности и надеется на Вас, что Вы будете также прекрасно относиться к экспедиции и будете оказывать ей внимание и содействие к достижению (ее) целей, к которым она стремится. И как скрепу наилучших отношений, залог дружбы, Тибетская экспедиция, ее начальник подносит Вам российские вещицы на память о себе».

Сказав это, мои спутники передавали подарки по назначению. Как и подобает в данном случае, следовал ответ от лица, получившего подарок. Во время вручения подарков все стояли. Цэрэн-Дорчжи, говорят, держал себя особенно с достоинством и внушительно-нежно говорил ответную речь: «Да, мне очень приятно видеть новый знак внимания и дружбы ко мне моего старого знакомого, начал[ьника] экспедиции Козлова, я очень тронут, благодарю и надеюсь в скором времени видеться с Козловым».

Что касается занятий членов экспедиции во время пребывания ее в Урге, то выясняется следующее: Глаголев всецело около меня и является проводником в жизнь моих начинаний, в особенности по организации и снаряжению каравана. Ему нет времени заниматься научными делами. Павлов ушел в ознакомление со сборами местных ботаников монгольского правительства и набирается знаний и ориентировки в отношении флоры Средней Монголии (Ургинского района).

Кондратьев очень доволен знакомством с Жамцарано и в своей музыкальной области добыл значительное количество музык[альных] данных как основу для дальнейшего изучения и усвоения местного музыкального творчества. Кроме того, С[ергей] А[лександрович] старается приобрести

музыкал[ьные] инструменты (этногр[афическая] коллекция) и получить от Жамцарано дальнейшие указания, где и с кем входить в сношения для наибольшего успеха в достижении получения материалов (музыкальных). Между прочим, Жамцарано отметил, что самым интересным центром в области изучения муз[ыкального] творчества является Кам — Вост[очный] Тибет.

Мне с женой очень хотелось навестить музыкальных супругов Жамцарано. Однако выяснилось, что это не так просто. Сам Жамцарано на этот вопрос мой ответил так: нехорошо это, потому что я еще ни у кого из членов монгольского правительства не был. Если бы я был у кого-либо из старших персон, то тогда бы можно было навестить и его, «маленького», говорит в заключение мой старый знакомый. Мне не придется получить лишнее удовольствие посещением Жамц[арано] и, вероятно, других моих старых знакомых.

12/X, ♀. Облачно, снежно. Солнце прогревает настолько, что с крыш потекли капли воды. Выпавший снег испарился. Ветер с севера, но воздух не холодный. По утрам я принимаю с докладом моих старших сотрудников. Выяснилось, что не всем представителям поднесены подарки, добавили еще пять человек. Вместе с тем представилась возможность немедленно отвезти таковые Богдо-гэгэну! Мои спутники: Гл[аголев], Убуг[унов], Бадмаж[апов] и Пшевочка — укатили к святителю. Я их жду! Тем временем меня навестил мой дорогой собеседник в Монг[олии] Жамцарано, поднесший мне ст[атуэтку] (из терракоты) Ундур-гэгэна. Жамцарано, как всегда, оставил светлый след: он надоумил меня тщательно посмотреть за основанием «знаменитого» субургана.[38] По меньшей мере надо углубиться под устои четырех углов, неизвестно только, до какой глубины, — до нахождения реликвий, как у нас под домами. Это надо хорошо знать и помнить.

Вечером вернулся Глаголев, развезший подарки монгольским начальникам, всякого рода большим и малым членам монгольского правительства.

Пока С[ергей] Ан[атольевич] разъезжал по городу, я съездил в Курень[39] с Цокто Гармаевичем, осмотрел несколько магазинов и, кроме удивительного фарфора, бронзы, фигурки слоновой кости и одной нефритовой табакерки, ничего интересного не видел. Из всех этих предметов интереснее шарики в шарике слоновой кости на цепочке из сплошного куска кости.

Пока что купили для нужд экспедиции 600 листов китайской оберточной бумаги и заказали пуд ваты для чучел птиц и укладки.

13/X, ♄. Утро серое, туманное, далее десяти саженей ничего не видно. В воздухе сыро, прохладно, t –4°C. Постепенно холод надвигается бол[ьше] и больше. К полудню небо совершенно очистилось от тумана и облаков, дали открылись, и гора святая Богдо-ула красиво отливает золотым покровом древесной растительности. Воздух прозрачен, по долине двигаются пешие и конные, преимущественно солдаты-цирики. Интересно, между прочим, что обучение строевой линии в пехотном строю делается из экономии — пехотинцы изображают собою в то же время и всадников, поэтому они делятся на 3, как в кавалерийском строе. Применяется ли то же самое в России — не знаю!

К часу дня я уже прибыл из очень хорошей бани. Вероятно, еще разок по-европейски придется умыться, а затем надолго-надолго надо распрощаться с этим высоким удовольствием.

Теперь 2 часа дня, и я сейчас буду принимать тибетцев — представителей Далай-ламы. Старший со своим помощником выглядят типичными тибетцами — стройные, бронзовые, в приличных красных одеждах; они производят хорош[ее] впечатл[ение]. Старший их чиновник — донир[40] (брат Соднама Дорчжи) очень хотел со мною познакомиться как с человеком, давно изучающим Тибет, бывавшим в Каме, Амдо и ныне собирающимся в Цзу.[41] Центральный Тибет.

Очень интересно выяснилось с тибетцами, что здесь, в Урге, ныне находятся несколько человек курлык-цайдамских[42] монголов, которые в недалеком будущем собираются обратно домой. Очень интересно будет повидать и поговорить с такими людьми об их стране, о Цайдаме вообще и, между прочим, о дороге, по которой они пришли в Ургу. Как все последовательно приходит в сферу наблюдения путешественника!

Сегодня меня навестил Данзан, представитель ЦК партии, очень живой, интересный человек, немного говорящий по-русски, имеет у себя барометр, знает его назначение и проч. Интересуется живо всеми новостями России и хочет понять всякие инструменты, их научную пользу и проч., проч.

14/X, ☉. Ясное тихое утро, морозно. Одно тонкое-тонкое, словно перышко, облачко едва проносится над могучей вершиной Богдо-улы. Сегодня я снял вид на святую гору, затем вид на отд[ельный] храм Возрождения и на ближ[айшую] русскую часть Урги.

Воскресный день, монголы проводят обучение гимнастике молодых солдат. Некоторые из них ловко прыгали через «кобылу».

Мои спутники, руководимые ламою Эрдэни, отправились осматривать монастырь Гандан. Пшевик с Цокто Гармаевичем поехали к ламе — «бальзамированному» почтенному старцу, учителю современного Богдо-гэгэна.

Долина реки Толы оживлена народом. Там и сям стоят юрты, едут на скрипучих арбах или лихо катят пестро одетые всадники. Благодаря дивной прозрачности воздуха горизонт отстоит весьма далеко. А все же пора и нам двинуться к заветному югу!

15/X, ☽. Погода прекрасная, сравнительно тихая, теплая, ясная. Даль, синяя горная даль зовет! Становится тоскливо. Сегодня послал все бумаги с препровод[ительной] бумажкой скорее выхлопотать нам мандаты и проч. Юдин продолжает убеждать обещаниями. Купили порядочную лошадку. Скоро проявят снимки фотографические. Сегодня же наконец получили письма. Я доволен в некотором отношении. Надо самому строчить ответы и т.д. и т.д. Необходимо знать мне современное состояние Монголии вообще и Урги в частности. Хочу также иметь очерк священной горы Богдо-ула. Ведь теперь здесь все преходяще!

Интересные сведения по поводу пролета плавающих птиц. В Урге, в долине Толы, вблизи самой электрической станции, останавливаются на отдых и располагаются вдоль родниковых вод дикие серые гуси. Птицы отлично знают, что здесь их никто не стреляет. На мальчишек же, бро-

сающих камни (и нередко убивающих гусей), птицы мало обращают внимания.

Вечер довольно теплый, небо подернуто перистыми облаками.

16/X, ♂. Ночь полуясная, minimum t, вероятно, около 1.0°С, так как в 7 часов утра t возд[уха] –0,7°С. Утром тонко-перистые облака вскоре сменились слоисто-кучевыми, заполнив все небо, преимущественно западный или северо-западный ветер пригнал облака и тоску.

Юдин вторично телеграфировал в Пекин Карахану о необходимости выслать Тибетской экспедиции китайский охранный лист! Посмотрим, что выйдет.

Вчера меня усиленно приглашали тибетцы откушать с ними чашку чая. Не знаю, как быть, приглашение последовало на сегодня, в 3 часа дня. Говорят, что не совсем к лицу навещать тибетцев, не быв здесь ни у одного из монгольских представителей власти. Вероятно, это дело исправит за меня моя помощница — Пшевочка! Уж если обречено засидеться в Урге, то это произойдет не по вине экспедиции. Тогда надо устроить, пока не холодно, хорошую облаву на коз, могут попасться и волк, и лисица, и заяц, и птица.

В 3 часа дня мы (я, Пшевочка, Помытов) отправились во главе с ламой — тибетцем Лапсаном в колонию тибетцев, располагавшуюся в глубине Куреня, в городе. Надо хорошо знать город и уметь ориентироваться, чтобы среди множества улиц и узких переулков добраться до цели! Наконец прибыли и внутри двора были предупредительно встречены любезным хозяином, введшим нас в свою обитель, состоящую из ряда небольших комнат с возвышениями у стен для спанья и сидения. В двух местах группировались пыльные металлические бурханы, среди которых преобладали изображения Будды и его ученика Арьябало. Это и естественно, так как Арьябало суть божество, перевоплощением которого является Далай-лама. Придя в приемную, служащую в летнее время жилой комнатой нашего тибетца, мы были приглашены сесть рядом к столу, слева от хозяина. Несколько поодаль, но за тот же стол был посажен и наш переводчик — Помытов. Тотчас был подан чай с печеньем, а после некоторого перерыва и обед, состоявший главным образом из баранины двух-трех видов и супа-лапши (с той же бараниной). В заключение опять чай с печеньем, молоком. К обеду были поданы рюмки с подогретым вином, которое пил лишь наш Помытов. Во время угощения шел оживленный разговор (самый обыкновенный) с уверениями в дружбе. Лама-хозяин показал нам до десятка фотографий с видами и типами тибетцев, преимущественно правящих классов. Лама — брат покойного учителя тибетского языка моей Пшевочки. В конце обеда пожаловал так называемый «большой лама», весьма приличной внешности, и также уселся в почетном углу — между мною и хозяином, последний познакомил меня с ламой ввиду возможности нашего совместного следования. Этого ламу повезут в Тибет те 20 верблюдов курлык-цайдамцев, о которых упоминалось выше. Распрощавшись с гостеприимн[ым] хоз[яином], мы стали выходить было, как вдруг ламы засуетились и заставили нас принять их символ вежливости — голубой хадак; хадаки от обоих лам были вручены самими виновниками не только мне и Пшевочке, но даже и нашему переводчику, чему Помытов был несказанно обрадован и польщен.

Вечером падал дождь, немного смочивший землю; около 9—10 часов вечера стало разъяснивать: там и сям, как маяки, вспыхивали звезды.

17/X, ☿. Утро ясное, прозрачное, тихое и довольно теплое, 0° в тени. Богда-ула выглядит прекрасной. В такие часы совершенно не могу сидеть на месте, что-то таинственное будит душу, поднимает энергию, толкает вперед той дали, которая рисуется вашим восторж[енным] воображением.

В 11 часов я с Касимовым отправился в город, к китайцу-фотографу, где узнал, что мои люмьеровские пластинки стары, неважны. При лучших условиях снято ниже посредственного; придется попробовать снять и проявить новые, марковские пластинки. Ужели люмьеровские, как заготовка 1914 г., подведут; тогда как же быть в таком продолжительном путешествии, да еще в интересном Тибете?

Затем я навестил моих старых знакомых — Щаповых. По-прежнему очень милая Анна Ивановна. Много вспомнила старого, прекрасного; говорили о детях. Граня вышла замуж, Олечка, милая девочка, уже приближается к возрасту Грани, которую я видел в 1916 году.

В заключение я навестил больного Иринчинова, провел у его постели около получаса, выпил чаю, убедил принять памятку. Очень любезно и деликатно он вспомнил мою лекцию в Иркутске, которая своим вдохновенным заключением заставила всех вздрогнуть, «будто электрическая искра пробежала через всех», заставив невольно отметить сильное впечатление: свобода и наука — гармония. Я воодушевляюсь, стремлюсь к простору Тибетского нагорья — меня даль зовет! Что я скажу: я горю огнем пытливости и новых открытий в области географии.

Я всегда стремлюсь к свободе и простору, меня властно зовет к себе голубая даль высокого Тибета! Какое высокое счастье поведать миру о новых вопросах в истории географической науки!

По возвращении к себе домой я застал тибетцев; главный их разговор сводился к тому, чтобы я выяснил им, почему в Кяхте задержали маленькую партию оружия, принадлежащего Д[алай]-[ламе], его посланцу, везшему посылку в Тибет. Выслушав их внимательно, я направил тибетцев к Убугунову.

Днем то и дело раздавалась стрельба из пушки: это празднует Богдогэгэн день своего рождения. Вечером при той же пальбе он делал выезд в монастырь Майтреи. Говорят, на пути его во многих местах стоял народ, чтобы видеть святителя. Теперь, когда гэгэн слепой, он редко показывается народу, в особенности в выездах, тогда как раньше такие прогулки в нарядном экипаже Богдо-гэгэн любил и разъезжал или в одиночку, или со своей покойной «богиней». Едва скончалась старая, как гэгэн взял себе в жены молоденькую, знатную монголочку, которая ныне и является живым украшением дворца монгольского хана. По обычаю, в день рождения хана ему представляются все высшие монголы, как ламы, так и миряне! До поздней ночи, ½ ночи, раздавалась пальба в долине Толы. На пальбу ответили собаки неистовым лаем. Лай долго-долго не успокаивался.

18/X, ♃. Утро серое, сплошь облачное. Воздух тем не менее не холодный; серая обстановка удручает. Получено сведение, что около Кобдо появился отряд в триста сабель — «бандитов», как говорят здесь.

Ночью, передают, произошел пожар в мон[астыре] Гандан. Горит еще и теперь, но уже слабо. Пожары здесь не редкость и происходят главным образом от поджога с целью грабежа. Обыкновенно поджигателями являются сомнительные типы.

Сегодня весь день холодный, дует северный ветер, в 4 часа дня перешедший в бурю, несшую тучи пыли, омрачившей воздух. Некоторые порывы сбивали на землю людей, уклонявшихся в сторону. Богдо-ула скрылась совершенно, стал падать на землю снег. Сделалось холодно, словно зимою, да и то в клящий период. Что-то будет завтра? Обыкновенно в Центральной Азии после бурана настает прелестная погода. Вот в 9 часов в[ечера] буря было стихла, как вдруг слышу новые завывания бури.

Кондратьев наш продолжает радовать меня своим успешным занятием в области музыки. Кроме того, он уже собрал несколько интересных старинных монгольских и китайских музыкальных инструментов, продолжает и дальше в этом роде. Однако мы засиделись в монгольской столице — Урге.

До поздней ночи порывы ветра продолжали завывать — отзвук бури.

19/X, ♀. Утро холодное, с тонким пронизывающим ветром. Стекла окон покрылись узорами, отмеченными приставшими к ним снежинками. По утрам, так же как и по вечерам, раздаются звуки боталов, привязанных к последнему в караване верблюду.

Утром −11°С, это первый нынче такой мороз. Старожилы думают, что это заключение всяких атмосферных передряг, что отныне настанет наконец настоящая типичная осень (осень Центральной Азии).

Нам необходимо получить здесь φ[43] и время по нашему «Гильдебрандту».[44] Кстати, монголы также получили из Москвы порядочную 4½-дюймовую трубу для наблюдения небесных светил. К сожалению, при пересылке труба немало пострадала. А здесь, в Урге, можно отлично наблюдать и солнце, и планеты, и звезды благодаря великой прозрачности воздуха.

Вечер очень мило провели среди кружка знакомых и самих Байковых. Возвратились домой поздно. Луна чудно озаряла Ургу и прилежащую долину Толы.

20/X, ♄. Сегодня полуясный день. Мы задумали устроить облаву назавтра и ☽ в соседних к северу горах, в ущельях, расположенных вдали от Урги верст на 20. Говорят, там имеется зимовье.

Сегодня меня навестил представитель молодежи с выражением благодарности за подарок. Молодой человек, благодаря меня за внимание, возложил на мои руки хадак, а на стол мой карточку — группу ургинской молодежи, на которой имеется его и Юдина (между прочим) изображение.

Тем временем явилась первая партия наших верблюдов, которые, в общем, не дали того, чего я так ожидал от верблюдов (качества). Вспоминаю время, когда тут же в Урге в 1883 г. Донд[ок] Иринчинов по поручению Н. М. Пржев[альского] купил около 50 верблюдов один лучше другого. Качество этих верблюдов сильно уступает качеству тех. Остается очень внимательно осмотреть их (и сытость, и возраст, и общий хабитус[45]), чтобы выбрать известное число, вполне удовлетворяющее нашим и путевым (до Цайдама) требованиям.

После строгих выборов и отсылок обратно у нас осталось порядочных вьючных животных тридцать, на которых мы и поставили тавро «Э». Тут же на монгольском верблюде мои спутники учились вьючке и развьючке животных, хомутанию и проч. Некоторые из мальчиков садились верхом и ехали по двору. Сердитые животные пробовали плеваться, что вызывало громкий хохот.

Вечер. Идут усиленные сборы на охоту, облаву на диких коз преимущественно. Говорят, бывают в загонах волки, рыси, лисицы, но это редко, большей частью выбегают козы. В Кяхте мне всегда устраивали облавы местные обитатели: Молчановы, Швецовы. Ныне это обстоятельство не нашло себе применения в Кяхте, зато оно выявляется в Урге — там, где я никогда на диких коз не охотился, не знаю даже мест местных охот и облав. Почему-то мне кажется, что в загонах, кроме дик[их] коз, непременно будут и волки, рыси — едва ли! Вот посмотрим, что произойдет на самом деле!

Радостно, с подъемом собираются, кажется, все шесть-семь охотников.

Вот как бывает: завтра, в это время, в 8 часов вечера, я много буду знать, кто знает, может быть, буду уже и «с полем» — результат охоты положительный. Только бы была отличная погода — тихая, ясная, тогда хорошо!

21/X, ☉. Утро серое, облачное, лучи солнца силятся прорваться на землю. Мы готовы ехать, собираем последнее, пьем чай. Что день грядущий нам готовит? С чем возвратимся с охоты? Как будут нас ожидать?

...После нескольких дней отсутствия на облаву или, точнее, зоологическую экскурсию, а именно на воскресенье, понедельник и вторник (вечером которого мы уже возвратились домой), я могу приняться вновь за писание моего дневника. Прежде всего, Убугунов с нами не поехал, говорят, будто бы вдруг заболел, по иным (впрочем, еще не проверенным) источникам, — проводил ночь в экстраординарных занятиях.

Хочу записать последовательно все виденное, все пережитое на охоте.

В воскресенье две тройки прикатили за нами довольно рано. Мы (я, Елизавета Владимировна, Цокто Гармаевич, Н. В. Павлов, И[ван] П[авлович] [Эккель]) покатили к северу, вверх по р. Сельбе. Путь наш шел в строгом северном направлении. Миновав Ургу и пригород с севера, долина открылась в полной прелести. Предгорья приближались, долина-русло страшно каменистое, делает дорогу очень затруднительной, так как последняя нередко перебегает с одного берега на другой. Едва мы вступили в самое ущелье, как вдруг открылись два монастыря, находившиеся значительно впереди нас, примерно на середине общего нашего 20-верстного пути. Первый из них очень богатый, красивый, устроенный по инициативе и на средства богатого монгольского князя, пожертвовавшего, как говорят, что-то очень многое, чтобы можно было придать ему такой хороший вид. Говорят также, что в этом монастыре допускается некоторая свобода к допуску женщин не только на короткое, но и на значительное время. В этом отношении обитель не славится чистотою нравов и словно старается подражать своему главному святителю — Богдо-гэгэну.

Полную противоположность этому равнинному монастырю, устроенному при слиянии с второстепенным, восточным ущельем, или падью, представляет следующая к северу, красиво расположенная по скату гор буддийская обитель (несколько уступающая по богатству первой, но зато превосходя-

щая красотою расположения), ведущая замкнутую, отшельническую жизнь, жизнь, которую и подобает вести всякой ламской группе. В этом монастыре выгодно выделяются две постройки: доминирующая, с золотым верхом, и большая красная, на манер соборного храма, в прочих постройках. Я очень сожалел, что не имел с собою фот[ографического] аппарата, чтобы снять не только виды монастырей, но и виды красивых уголков местной природы.

Миновав выше небольшую узкую группу елового и листвен[ного] леса, прижатого к восточному подножию горного ската, мы вскоре затем увидели в западном распадке гор урочище, занятое постройками и юртами, принадлежащими часовне. Про это урочище-часовню мне передали следующее: в прежние времена, когда нынешний гэгэн был еще молодым человеком, он любил часто посещать его и, говорят, весело проводил здесь время вдали от строгих глаз старейших ургинских монастырей, их служителей-ламам. Впоследствии, когда Богдо-гэгэн постарел и стал вести подобающий его положению образ жизни, а главное, перестал посещать это урочище, здесь основали часовню!

Горы стали грознее, речка зашумела громче, вдали стали более обнаруживаться лесные пади. Они манили нас все больше и больше. Наиглавнейшие вершины, в особенности по соседству с монастырями, имели украшением обо, иногда расположенные на многих чем-либо знаменитых вершинах. Очень интересно, между прочим, то обстоятельство, что в унгерновскую эпоху соседний к равнинному монастырю горный увал, тянувшийся по направлению к Урге, был занят его артиллерией, обстреливавшей китайскую цитадель. Слышно было, что соседних лам обвиняли в преступной дружбе с унгерновскими войсками и пособничестве им. Я думаю, что буду иметь возможность потом сказать более подробно как о монастырях по этой дороге, так и об Унгерновском походе.

Проследовав еще выше, мой собеседник Цокто Гармаевич мне показал на восток уходившую самую богатую дикими козами горную падь Шар[гаморитэ], в которую очень нередко отправлялись все те, которые хотели добыть диких коз. Ныне эта интересная широкая падь стала заповедной, после того как в ней нашла последнее успокоение супруга Богдо-гэгэна.

Еще две версты с небольшим, и мы свернули на восток, в урочище Баин-булак, в укромный уголок по соседству с перевалом. Первый загон. Здесь проживает наш «лейб-егерь», как в шутку я назвал горного отшельника, Ежо (Иосиф Иоганнович) с его женой Таисией Павловной, с двумя птенцами.

Ежо удачно расположил свою усадьбу (очень скромную) на горном воздухе, на склоне, пригреваемом постоянным солнцем. Действительно, здесь в течение всего дня солнце. Вершины гор, гребни, с одной стороны, мягкие долины и сплошные участки леса — с другой, создают приятные для глаза картины. Яркое солнце, необычайная прозрачность воздуха с ярко-синим небом дополняют картину.

В 11½ часа утра мы в урочище Баин-булак, у гостеприимных поселян Ежо. Вкусно едим и собираемся на облаву. В час дня уже стоим на номерах сначала одного, а потом и другого загона. Чудно было вокруг: с звонким криком пролетела дважды стайка свиристелей, вслед за ней проследовала процессия длиннохвостых синичек, немного позже раздался по соседству неприятный крик ореховки, прогнанной сойкой-красавицей. Затем все

смолкло, воцарилась тишина. Довольно наслаждаться картинами природы, мы все идем по пути на табор. Здесь вновь подкрепляемся и вновь на охоту, в так называемую большую соседнюю юго-восточную падь. Тут было очень интересно. Я расположился в лесу у «печи», на срубленном толстом пне. От долгого пристально-наблюдательного состояния я наконец устал. Мысль невольно унесла меня далеко-далеко от действительности, и я мечтал о далеком Петрограде, о милом человеке, который, может быть, в эту же минуту думал о далеком путешественнике-друге, и вдруг среди низких кустарниковых зарослей по соседству с большими деревьями, словно кошка, стелется коза, мне было интереснее наблюдать ее повадку, нежели стрелять, к тому же она была вдалеке от цели. Тем временем облава перенеслась на соседнюю нашу маленькую падь, и мы окончили нашу программу и пошли домой. Елизавета Владимировна отстала, направилась иной дорогой и продвигалась медленнее нас. Я уже был дома, как услышал выстрел, а затем вскоре и увидел трофей Елизаветы Владимировны: она удачно сразила козу, несшуюся на нас очень быстро, после того как ее поднял с места лежки наш Павлов. Так закончилась наша охота первого воскресного дня. Вечер был дивный, Луна тихо и прелестно озаряла наш уголок и прилежащие вершины и скаты падей.

Мы с женой просто были очарованы вечером и под обаянием ласки природы долго не хотели ложиться спать. Однако необходимость назавтра вставать рано заставила нас расстаться с поэзией и отойти ко сну на полу маленькой комнаты, разделенной с хозяйской постелью тощей перегородкой с открытой дверью. По временам ночной крик детей-малюток не особенно беспокоил нас. Но вдруг, среди ночи я проснулся: меня разбудила сильная северная буря, стучавшая в стены ветхого домика, завывая ведьмой или лешим. Грустно отозвалась в сознании мысль о будущем дне, о ранних облавах и проч. Буря бушевала не только до утра, но и до самого полдня следующего дня, ☽, когда мы свободно могли полюбоваться на белую сплошь окрестность. Снежные порывы стихли, и мы отправились на облаву. Идти было близко, только подняться на соседнюю седловину (перевал 1-й облавы), за спуском которой уже начинались номера.

Я встал на 2-й номер, рядом сверху стояла Елизавета Владимировна, внизу — Цокто Гармаевич. Порывистый ветер с севера давал себя чувствовать. Начался гон. Взводишь курки и крепко сжимаешь «Ганошку».[46] Холодно так, что ружье держишь непосредственно шерстяной перчаткой, с перчаткой и стреляешь. От времени до времени посматриваешь на небо, в особенности если по фону последнего кто-либо пролетает. Посматриваешь и на нижнего соседа, который сидит на виду. Вдруг вижу: он прицеливается, затем, взглянув в мою сторону, машет на меня. Все мое внимание сосредоточилось на участке, где мог объявиться зверь, и он выскакивает так же быстро, как готов был и исчезнуть. Я посылаю один, затем, у дорожки, другой выстрел, и могучий гуран на фоне дороги описывает круг своими задними ногами, падает по покатости в кусты и там бьется в последних судорожных движениях. После выстрела тотчас оживают загонщики, лес полон громких голосов, далеко внизу также палят, и гон оканчивается. Сходятся все и делятся впечатлениями. Внизу проскочили козы, с боку — волк, понесшийся по луговой равнине. Стреляные козы также удачно избежали опасности. Целый ряд последующих загонов до вечера не увенчался успехом, если не

считать убитой И[ваном] П[авловичем] козы, подвернувшейся в самую холодную вечернюю пору. Действительно, холодно было очень, в особенности на гребешках гор, во время иногда длительной стоянки. Помню одну падь, один загон, когда стрелки хорошо оцепили лес полукругом вдоль высоты, когда почти весь загон был как на ладони. Едва крикнули загонщики, лес ожил и в нем заметались козы; несколько штук из них понеслись вниз, за ними вторая группа, но вдруг по первой — выстрелы, вторая группочка в парочку коз метнулась назад, по диагонали и прямо на номер Цокто Гармаевича. У самого его, в 10 шагах, они, как ужаленные, повернули кругом и, спустившись к подножию ската, грациозно прыгали вдоль его подножия. Козочки держались в расстоянии восьми шагов одна от другой, бежали и так ловко держали свой курс, что избежали стрельбы от соседних номеров, так велико было расстояние, которое нужно, или, вернее, приходилось, занимать малым количеством стрелков.

Этот второй день, 22/X, охоты я особенно помню по двум обстоятельствам: по тому, что убил отличного козла, а во-вторых, по крайнему холоду и утомлению и тому последнему спуску, с которого благодаря снегу катились ноги и раз я упал как следует. К счастью, ружье не пострадало, я его случайно в этот момент высоко держал. Так закончился второй день охоты.

22/X, ☽. Утро ясное, симпатичное. Сороки и вороны уже прилетели на табор, уже возятся с внутренностями вчерашних коз. Теплое ласковое солнышко выманило всех охотников на воздух, некоторые с биноклями уже разглядели коз, медленно переходивших из одной пади в другую. Вначале предполагали с утра отправиться домой, в Ургу, но прекрасное утро расположило еще немного побыть здесь, еще устроить одну-две облавки-загона и, пообедав, отправиться в Ургу. Так и сделали, приятно провели время, кто-то стрелял, но безрезультатно. Я вдоволь полюбовался на ореховок и соек, по соседству перелетавших с вершины одного дерева на другое. В заключение облавы убили зайца, черного дятла и одного рябчика. Таким образом, все облавы в совокупности дали в коллекцию Тибетской экспедиции три шкуры (с черепами) дикой козы и шкурки двух упомянутых птиц. Мы отправились домой.

Вниз по знакомой дороге наши ямщики катили быстро. Каменистая дорога растрясла нас до боли животов. Отмеченные выше особенности местности я вновь запечатлел в своей памяти. Можно и необходимо еще добавить следующее: в пяти верстах от города, вниз по нашей речке, с востока выбегает чудный родник кристаллически прозрачной влаги. Я слышал, что Унгерн предполагал устроить водопровод, снабдить город этой несравненной водой. Как грустно, что этот родник, дающий целое болотистое место, в своей голове, по соседству, на травянистой площади дает приют стадам скота, проводящим здесь ежедневно несколько часов и оставляющим после себя массу нечистот, несомненно проникающих в источник.

Когда же наконец монголы поймут хоть немного, что хорошо и что худо, и когда приступят к благоустройству своей первобытной страны?

Вечером во ♂ мы наконец возвратились к себе домой, где сверх ожидания мы нашли не все благополучным: несколько моих спутников (специалистов второго разряда) выпили на пятак, а повздорили (Бохин и Телешов) на рубль! Все остальное было в должном порядке. Порассказав свои охот-

ничьи впечатления, мы скоро бы отправились на отдых, но полученный от консула пакет с неприятным известием об отложении дня отхода экспедиции впредь до получения на то разрешения из Российского центра заставил меня немного призадуматься. В конце концов выяснилось, что наше обращение в Пекин, к Карахану, выдать нам от китайск[ого] правит[ельства] паспорт на свободное посещение Тибетской экспедицией территории Китая на западе, встретило временную задержку и сношение по этому поводу с Центром.

23/X, 24/X ♂, ☿. С утра, ясного, теплого, я отправился в экспедиционный лагерь, где дал понять кому следует мое, как начальника, неудовольствие. Затем началась дружная работа по препарированию шкур дик[их коз]. Я осмотрел верблюдов тибетской партии и из 10 выбрал только 6, да и то посредственных. В выборе новых и осмотре старых мне много помогли цайдамские монголы, которые, кстати сказать, очень желают идти в нашей компании. Курлык-цайдамцы подрядились везти в Цайдам одного тибетского большого ламу.

Нам не воспользоваться предложением их нельзя. Надо все сделать, чтобы выйти из города на простор скорее. Надо действовать в этом отношении очень усердно. Надо подналечь на Юдина, чтобы он снесся по телеграфу с Центром, сообщил туда о нашей полной готовности отправиться в дальнейший путь! Вечером у меня долго сидел Юдин со своим секретарем, мы беседовали очень оживленно и искренно! Так, как я предполагал, так и условились. Решили также телеграммой спросить Орлова о судьбе экспедиционного серебра.[47] Вечер мы провели дома в писании и других занятиях!

25/X, ♃. Погода по-прежнему прекрасная, ясная, тихая. Богдо-ула свободна от снега, небо нежно-голубое.

Сегодня мне предстоит ряд обязательных визитов к монгол[ьским] министрам. На автомобиле покатим в присутствии секретаря Юдина Корнакова. Говорят, монгольские представ[ители] готовятся дать экспедиции обед с хорошими напутствиями.

Лошадка Цокто Гармаевича (гнедая породистая кобылица) с его кучером-бурятом, в тележке на резинах ждала нас у подъезда дома. Я поехал в сопровождении молодого человека — переводчика Кандакова, служащего при консульстве. Нам предстояло в один вечер объехать шесть человек, живших разбросанно по Урге.

К первому мы поехали Цецен-хану, министру внутрен[них]* дел, который, как, впрочем, и другие, принял меня изысканно-вежливо, угощал чаем и в заключение поднес прекрасный, богатый шелковый хадак. Наш разговор был общим у всех: как здоровы, как поживаете, какой нынче урожай, обеспечивающий благосостояние, и проч. Спасибо за прием и оказание содействия, надеюсь, вновь увидимся и т. д. Только у министра финансов (кочующ[его] в окрестн[остях] Хурху, восточной оконечности Монг[ольского] Алтая) я беседовал и об отвлеченных вопросах: об охоте моей в Баин-булаке и о загадочном пресмыкающемся — хоргойе,[48] величиною в две четверти,[49] исчезающем незаметно, и проч. Стоит и нам быть внимательным в этом отношении и вес-

---

* *Слово* внутрен[них] *написано сверху над строкой. (Прим. сост.)*

ти переговоры с попутными обитателями. Это непременно. Меня поразило то обстоятельство, что все министры живут в собственных кудонах,[50] загражденных, посередине занятых постройкою русских домиков, обставленных по-русски и с русским укладом. Мебель, зеркала русские, чай и угощение, услады, русский самовар — достояние всякого монгольского чиновника первых степеней! Автомобили, мотоциклетки, в особенности же велосипеды, очень и очень в чести у ургинцев. На улицах то и дело попадаются велосипедисты, иногда в проулочках, тут же и обучаются монголы: падают, смеются, исправляют русские новинки.

Рядом с Цецен-ханом проживает Жамцарано, также в кудоне с русским домиком. Тут я познакомился с милой хозяйкой, получившей образование в Иркутской женской гимназии, ныне надевающей монгольский костюм, как и муж. Тут я застал монгольских степняков, певца и сказателя былин, которых Павлов по моему поручению снял. Милый Жамцарано принес экспедиции огромную пользу тем, что все сделал для свободного изучения моим композитором монгольских напевов. С[ергей] А[лександрович] в сравнительно короткое время сделал в этой области большие успехи.

От Жамцарано мы отправились к министру финансов и одному монгольскому вану, моему старому приятелю, любителю всего изящного (у него, между прочим, я наблюдал лучшую русскую обстановку дома), а затем навестил тоже старого знакомого Цэрэн-Дорчжи — премьер-министра. Последний значительно постарел, но мы сразу узнали друг друга и оживленно вспоминали прежние свидания. Говорили об Азии, о моих многочисленных путешествиях и т.д. Ц[эрэн]-Д[орчжи] сильно интересовался, как и прочие монгольские князья, раскопками Хара-хото, говорили о найденных письменах, картинах и проч., вели и строили по этому поводу многочисленные заключения, предположения.

Теперь мне оставался один визит — к Данзану, но мы по ошибке стучались не в ту дверь, почему и не достигли цели.

Дома провел вечер в писании и разговорах с моим старым спутником.

26/X, ♀. Утро облачное. Облака надвигаются обильно с ССЗ, барометр страшно упал, упал так, как я не наблюдал с 8 октября. Что же будет? По-моему, все это разразится бурей и выпадением (периодическим) снега. Сегодня я опять с утра выезжал: достучался до Данзана, пил у него чай, беседовал о разных разностях и о Хара-хото в особенности. Прощаясь мило со мною (я был с Цокто Гармаевичем), он поднес мне две интересные вещицы: оригинальной формы табакерку из слоновой кости и монгольскую спичечницу с крючком для вынимания табачного нагара.

После Данзана (во дворе которого возводилась обширная постройка китайского типа. Не китайского, а русского!) я направился к выходу (в непременном сопровождении хозяина) и тут же встретился, по уговору, с Пшевочкой, с которой и поехал в народившийся Монгольский музей, ведомый Лисовским — лесоводом. Там только что создается научный естественный уголок. Все прилично, все работают, и надо надеяться, что понемногу дело научное выродится. Библиотека размещена в двух больших шкафах. В числе книг на европ[ейских] и русском языках имеется порядочное количество, относимых к редким. Есть Пржевальский, имеется и Козлов, представленный «Монг[олией] и Кам» и «Монголией и Амдо».

Таким образом, незаметно и неудержимо бежит время!

Падение (сильное) барометра остановилось лишь к утру. Облачность больше и больше сгущалась на западе. Около 5—6 часов подула сильная буря с ССЗ, воздух омрачился тучами. Как неприятно всегда становится, когда взбаламучивается атмосфера и из прозрачной переходит в темную, пыльную. До поздней ночи бушевала, рвала и стучала буря.

Мы беседовали с горячим интересом о предстоящем новом движении нашем из Урги на запад-юго-запад. С картою в руках мы продвигались вперед и отметили наперед несколько опорных пунктов, как-то: изгиб Толы, заворот Орхона, водораздел в системе Хангая (внутреннего и внешнего) в кормную долину, долину озер в области трех значит[ельных] речек, своими устьями образующих озера. Кажется, все это в области хошуна Юм-бэйсэ. К югу — горы, и чем севернее, тем более мощные, покрытые лесами, в которых водится немало характерных для этой страны зверей: маралов, дик[их] коз или косуль, волков, лисиц, зайцев, говорят, бывают и медведи, а из птиц не редок интересный алтайский улар (Tetraogallus altaicus). Я очень радостно приветствую этот проект. Основавшись базою в долине, в лучшем кормном и защищенном от ветров месте, можно совершить ряд географических и зоологических экскурсий, преимущественно вверх по речкам.

Вечером прибыла последняя партия верблюдов для экспедиции, в общем более сытая и нарядная. Рост этих животных средний, упитанность — очень хорошая. Надо внимательно рассмотреть, исследовать их и отделить необходимое количество. Теперь вот что: сколько нам нужно купить непременно верблюдов — 55 или 60? Можно и так, и так сделать, но что выгоднее? Остановиться ли на первой или на второй цифре? В первом случае придется приобрести большее количество лошадей.

27/X, ♄. Утро серое, облачное, довольно холодное, так как с северной стороны все еще продолжает тянуть ветерок, пронизывающий. Надо идти окончательно решить вопрос с верблюдами. И этот вопрос был вскоре решен: у министра финансов мы выбрали 22 верблюда, у тибетцев — 5, таким образом, у нас получился полный комплект верблюдов, а именно 57.

Теперь оставалось собираться на обед, как вдруг неурочно объявился Убугунов, по дороге от Юдина, и сообщил мне очень неприятное известие, пришедшее из Центра России, от ГПУ. Новое недоразумение — не выпускают дальше Урги моих трех спутников: Глаголева, Савельева и Саранцева.[51] Лишиться С[ергея] А[натольевича] я не в силах. В лице этого человека, достойнейшего из достойных, Монголо-Тибетская экспедиция может потерять самого лучшего научного работника. Я был ошеломлен, пришиблен, словно ударенный обухом по голове. Кого угодно, но только не Глаголева. Мне кажется, что если сильно примется отстаивать Глаголева Убугунов, то он может это сделать, конечно при большом наличии высокой порядочности. Получив такое известие, я не хотел даже ехать на обед, устроенный представителями монгольского Ученого кружка. Ведь такое внимание представителям Монголо-Тибетской экспедиции со стороны только что народившегося Ученого комитета Монголии — явление незаурядное. Не ответить положительно на их любезность нельзя было. Я собрался и поехал со своими спутниками.

За ¼ часа до 2 часов к нам прибыл Жамцарано на автомобиле для нас и для моих старших спутников (вт[орая] машина). Мы покатили в сообществе Бадмажаповых. У ворот гостиницы «Монголия» мы были почтительно встречены представителями монг[ольского] Ученого комитета и с ними вместе поднялись наверх, в залу-столовую, где стол уже был накрыт чисто, по-европейски. Кроме ваз убранством столовой служило пианино! В скором времени собралась вся компания в 20 человек и разместилась согласно расставленным карточкам. Во главе стола сидел престарелый типичный монгол — председатель Научкома, vis-a-vis — Ц. Г. Бадмажапов. На почетном месте сидел я, имея по правую руку Цецен-хана, а по левую — Жамцарано. Мои спутники — ст[аршие] помощники — сидели также на сравнительно почетных местах, среди монголов или бурят. Был здесь и Данзан, и ученый переводчик с маньчжурского на монгольский язык, и председ[атель] Отд[ела] нар[одного] образ[ования], бурят, большой любитель говорить! Прелестная компания составляла оживленный стол. Обед был на славу, с хорошими закусками и винами, включительно до шампанского! Говорились, конечно, речи. Первую произнес председатель Ученого комитета, вторую я, ответную! В речах с монгольской стороны отмечалась то обстоят[ельство], что Россия освободила Монголию, взяла под свое покровительство и дает возможность жить и немножечко преуспевать в отношении достижения культурности и так называемых благ цивилизации. Ныне Ученый комитет Монголии приветствует членов Монголо-Тибетской экспедиции, своих старших товарищей на терр[итории] Монголии, благодарит за посещение Научного отдела и выражает искреннейшие пожелания высоких успехов в деле научного исследования Центральной Азии. Мы отвечали благодарностью за гостеприимство, за допуск к научным работам в области естествознания и этнографии, в частности в достижении изучения души, духовной стороны человека. Говорили мы, говорили монголы, говорили буряты, всех нас объединила красивая, чистая наука, не знающая страстей, не знающая привилегированных сторон и т.д. Все мы были искренни. За последними бокалами шампанского прекрасно сказал Жамцарано, подчеркнув постоянный успех в экспедициях Козлова, фанатика своего дела, и Монголо-Тибетская экспедиция, ведомая им, непременно достигнет исключительных результатов.

В 6—7 часов публика разъехалась по домам в тех же автомобилях. Мне было хорошо, когда я забывал «историю Центра», но, как только она приходила мне на память, я страшно грустил, грустил до боли. Никак не мог себя представить в дальнейшем походе без Глаголева. Радостное состояние меня оставило, а я им располагал все время.

28/X, Ө. Погода скверная, облачная, холодная, северо-северо-западный ветер несет снеговую пургу, бр-р, а мы все еще ни с места. С утра меня навещают монгольские князья и чиновники: Цэрэн-Дорчжи, Цецен-хан и другие. Я старался особенно внимательно принять упомянутых лиц, моих старых, хороших знакомых. Они же мне поднесли при плате счастья (голубом) [подарки]: первый — серебряные вазы новейшего китайского изготовления, а второй — такой же маленький из 4 предметов китайский сервиз. Так было сердечно и трогательно. Цецен-хан присовокупил еще и свою маленькую фотографическую карточку (которой только и располагал). Около часа си-

дели у меня эти славные разумные люди, симпатично относящиеся к моей научной экспедиции. Мы единодушно беседовали об исследованиях стран, об ученых учреждениях, о музеях. Кстати, сообщили, что на будущий, 1924, год Российская академия наук будет справлять свою вторую вековую годовщину существования. В заключение мы пожелали друг другу здоровья, всякого благополучия и новой встречи при возвращении из путешествия. Прочие двое чиновников одарили меня по куску хорошей китайской чесучи (в будущем для летних костюмов).

Проводив монгольских друзей, я призвал к себе двух младших спутников, на которых выпал жалкий жребий вынужденно оставить экспедицию. Мужественный Савельич, как мы все его звали, долго не в состоянии был проронить ни одного слова, затем произнес очень твердо: «За что же?». Пока я беседовал с Саранцевым, мужественный Савельич, неизменный новый друг моего Телешова, вытирал слезы, обильно капавшие из его глаз. Больно было мне видеть такую трогательную картину. Я задумался над положением экспедиции, организованной с разрешения и при поддержке Совет[ской] России. С самого начала почти до конца организации эксп[едиции] в России все шло прекрасно и предупредительно. Но с июня месяца вкрались непонятные неожиданности: «Назначается в экспедицию такой-то с такими-то; паспорта отобрать, проверить и таких-то участников экспедиции оставить», очевидно, за счет поступивших или неожид[анно] назначенных «партийных». И с того времени пошло все, что называется, шиворот-навыворот. Присутствие «незваных гостей» расстроило нашу цельную прекрасную экспедиционную семью. Младшая моя братия приуныла, стала бояться проронить лишнее, в дружеской беседе с товарищами, слово. Китайского паспорта Россия не в силах добыть для экспедиции. Оставляют Монголо-Тибетскую экспедицию на произвол судьбы и еще больше — не выпускают ее на светлый научный простор Азии, на изучение неведомых ее уголков.

Куда направятся мои «забракованные», ни в чем не повинные спутники? Зачем мешают нам планомерно работать? Они бы спросили себя, а кто действительно больше любит и дорожит Россией: те или те, скромные труженики науки, которые, не глядя ни на что, идут только с беззаветной любовью к природе и такой же преданностью великой, всегда чистой науке. Таким образом, ко всем невзгодам и лишениям прибавилось более худшее, неожиданное, поражающее душу нашей экспедиции самым нечеловеческим образом.

Долго мыслил сам с собою, долго болел сердцем, в особенности после того, как воочию убедился, как сильно загрустил отряд моей ученой семьи-экспедиции.

29/X, ♑. В конце концов, составил и отправил в Москву следующую депешу:

«Москва. Совнарком. Управделами Горбунову. Экспедиция уже приступила к научным исследованиям, прошу сохранить ее стройную целость, всеми силами отстояв талантливого помощника, моего будущего последователя Глаголева, затем препаратора Савельева и заведующего транспортом Саранцева. Козлов». Увидим, что последует на такое обращение нач[альника] эксп[едиции] к Центру? Посмотрим, с какими новостями прибудет ко мне от Юдина Д. М. Убугунов? В прежние времена всякий спрос нач[альника] от-

вст[ственной] правит[ельственной] экспедиции горячо принимался к сердцу Центром, и тотчас все делалось с целью обеспечить ей успех. Всегда считались только с мнением облеченного властью, большими полномочиями начальника экспедиции. Строго полагали, что только он один берет на себя высокоответственную задачу, на месте может определенно сказать, что хорошо, что дурно, кто из участников экспедиции дорог и полезен, кто — наоборот, и т. д. и т. д.

Прибыл Убугунов, мы переговорили с ним, и я поехал к Юдину. Там получил сообщение, переданное из Центра. Черт знает что такое. Долго-долго беседовал с этим хотя и молодым, но достаточно обстоятел[ьным] человеком, который убедил меня в том, что он составит должную телеграмму в Центр за подписью своею и Убугунова. Я поведал Юдину, что со своей стороны я уже послал телеграмму Горбунову.

Таким образом, явилась независимая от нас задержка в выступлении экспедиции. Чтобы сберечь верблюдов, числом 57, я нанял монголов-пастухов и под наблюдением своих трех чел[овек]: Телешова, Эрдэниева и Пахомова завтра утром отправляю их на пастьбу, в урочище Бугук. Сам я остаюсь с прочими спутниками в Урге в выжидательном отношении.

Сегодня приходил ко мне предс[едатель] или, точнее, представитель Ургинского народного дома с просьбою прочесть лекцию для русской колонии и знающих русский язык монголов и бурят о Хара-хото и задачах предстоящей экспедиции в Тибет.

Тем не менее у меня имеется достаточно свободного времени для экскурсий, и первую из них я намечаю в ближ[айший] из дней, до лекции (которая предполагается в воскресенье, в 2 часа, 4/XI). Хочу непременно дать дело моим препараторам и возможность пополнить зоологические коллекции моей экспедиции.

В 9 часов вечера, когда я записывал метеорологические наблюдения, вдруг обнаружился проблеск пожара: в спальной комнате, у изголовья Глушки, загорелась занавеска. Однако благодаря своевременно принятым мерам беда миновала, и через полчаса все недоразумение было ликвидировано, все успокоилось.

30/X, ♂. Вначале ясное утро вскоре превратилось в полуясное и даже опять облачное. Густые облака, по обыкновению, приходят с запада. Температура ночи падает все больше и больше. Постепенно надвигается поздняя осень, говорящая о зиме, о ее предстоящих тяжелых невзгодах.

Моя Пшевочка усиленно систематически занимается с тибетцем Галсаном изучением тибетского языка.

Сегодня в 1 час дня отправились на пастьбу наши верблюды. Предполагали это сделать ранним утром, но местное ГПУ было так внимательно и несообразительно, что продержало до ½ дня, да и то благодаря настойчивости и энергии Кондратьева. Глаголев и Помытов, проводив верблюдов до моста гэгэнского, затем повернули домой.

Грустно и больно мне было видеть расставание Савельева с Телешовым. Прощаясь со мною, Телешка, указав рукою в ст[орону] Савел[ьева], сам заплакал.

Итак, обречены на ожидание будущего. Завтра-послезавтра, вероятно, что-либо получим из Центра. Ужель назначат кого-либо взамен отставленных?

Прямо нет сил смотреть на далекие, южные, манящие к себе горы. Кажется, я совершенно изверюсь в людях.

Вечером у Цокто Гармаевича собрался кружок знакомых при наличии трех моих спутников и певцов и певиц — монголов. Исполнялись монгольские песни очень талантливым монголом, еще молодым (начал[ьник] местной милиции), а также madame Жамцарано. После ужина публика засиделась до поздних часов, мы улеглись спать уже в ½ первого ночи. Теперь на Глаголева я смотрю особенным образом, не как прежде, нет-нет и заболит сердце при мысли, а вдруг возьмут его от меня. Во всем остальном составе нет такого человека, к которому я отношусь с такими любовью и уважением, как к Сергею Анатольевичу. В Глаголеве есть что-то очень многое родственное, мое, я не знаю, что именно, но непременно есть. Кажется, действительно он нисколько не подозревает, что ему готовится судьбой.

31/X, ☿. Кончается октябрь, видно начало того месяца — ноября, в который я впервые пустился сорок лет тому назад в путешествие с Н. М. Пржевальским. Холодно, но очень бодро было тогда. Холодно, и грустно, и темно теперь при самом начале выступления в далекий путь моей последней экспедиции. Что предвещает сие, не знаю, но только в одно и то же время больно и свободно на душе. Когда же наконец разрешится вопрос о нашем выступлении в путь, когда пришлют нам из Китая китайские паспорта? Много советов сыплют нам со всех сторон наши старые и новые знакомые.

Ясное, прозрачное утро, по северному скату Богдо-улы стелется тонкая золотистая дымка. Резиденция Богдо тонет в утренних лучах солнца. Она близка к священной горе, она видит и чувствует всю прелесть прелестной соседки, молчаливой, нарядной, вечно дремлющей. Мне сильно недостает вида, постоянного вида на Богдо-ула. Мой дневник был бы несравненно поэтичнее и богаче, если бы я вкушал чистую прелесть чистой девственной красавицы при виде ее внешности.

Под вечер явился ко мне монгол, коммунист Данзан, и поднес мне оригинальную табакерку с футляром в сопровождении голубого хадака. Хитрая бестия этот новоиспеченный тип монгола, который успел побывать в Японии, за что и известен в народе, в Урге, под именем Япон-Данзан. Как ему хочется скорее осилить русский язык и приобрести побольше полезных сведений!

Вечера у нас проходят тихо, однообразно, и часто бывает так, что в десять часов вечера наш дом-обитель отходит ко сну, разве за исключением лишь одной моей Пшевочки, занимающейся нередко до 11часов ночи, даже позднее.

Ноябрь (1923 г.). 1/XI, ♃. Сегодня первый день ноября месяца, последнего осеннего месяца. Недалеко зима, которая возьмет нас очень скоро в свои суровые сибирские объятия. Правда, теряешь равновесие, покидает тебя энергия, оставляет поэтическое настроение. И не живешь, а прозябаешь. Опять тянутся угрюмые дни, опять беспросветная ночь. Несравненно было бы продуктивнее быть на Сангине, дачном месте, и добыть там образцы орнитологической фауны.

Морозы крепчают с каждым днем. Сегодня, несмотря на облачность, minimum около –11°С, виноват R. «Цельсия» же будет несравненно больше, ниже.[52] Сегодня день чисто осенний, серый, холодный. Небо с низкими неприветливыми облаками. Меня навестил молодой чиновник-монгол и поднес кусок отличной шелковой белой материи (конечно с голубым хадаком и даже визитной карточкой).

Сегодня Убугунов взял три паспорта и повез их в наше русское представительство. В моей экспедиционной семье кошмарное состояние: грусть, тоска, боль сердца. Интересно, чем разрешится наше дело, что мы получим из Центра? Я думаю, тем, о чем так догадывается Убугунов, — заменой моих избранников людьми партийными.

Серый день, короткий горизонт гармонируют вполне с нашим грустным настроением. Телеграмм нет. Прислушиваешься ко всякому «шороху». Сколько сплетен зарождается по поводу нашего замедленного оставления Урги.

Бесконечно жаль мне всегда бывает тех трех моих спутников, которые обречены к возвращению в родные места. В других случаях, в особенности после возвращения из путешествия, так стремишься домой, а теперь...

Сегодня вечером я долго сидел у своих спутников. Мы говорили об Азии, о ее далеких от нас местах, говорили о Цайдаме, о Тибете, о растит[ельном] и животном богатстве этих мест. Мысль переносила нас словно в действительность. А вечера большие, долгие, еще больше ночи тяжелы своею бесконечностью. Такие настроения создаются только неопределенностью, ожиданием.

2/XI, ♀. Серое, мрачное утро, окрестность сливается в одно, тоже серое, некрасивое. В воздухе полная тишина, не слышно и не видно даже воробьев и красноклювых клушиц, постоянных посетителей нашего двора (у меня перед окном).

Мечтаем о Сангине, о знакомстве с районом ископаемых, имеем большое желание настрелять птичек в зарослях Толы.

Надо выяснить вопрос о китайском серебре, остававшемся на хранении в консульстве, а потом в Монгольском банке в Урге. Орлов прислал странную телеграмму. Надо непременно разобраться в этом вопросе, пока имеются под рукой люди, прежде служившие в Монгольском банке и консульстве и находящиеся здесь теперь.

День преждевременно становится сумрачным, ветер прежнего направления крепчает, поднимает в воздух пыль и омрачает окрестность. Холодно становится, как зимою. Животные — быки — сгорбились и повернулись спинами навстречу ветру. Что день грядущий нам готовит, что завтра встретим мы — участн[ики] экспедиции? Почему не получаем мы ни одной пачки корреспонденции? Михно очень беспокоится.

Вечер весь мы с Пшевочкой провели у своих, в юрте, мирно беседуя о странах, лежащих впереди, к югу от монгольской столицы. Было так мило, так уютно. Все понимали друг друга, все одинаково стремились вперед, и все единодушно сетовали на бесцельную длительную остановку в Урге. Занятно было в полутьме видеть лицо нашего ламы Галсана, вполголоса певшего буддийские псалмы для Кондратьева. Этот невольный тибетец, наш спутник, учитель тибетского языка моей Пшевочки, поедет совместно с нами в Тибет до Мур-усу, верховья Ян-цзы-цзяна. На него падет завидная

участь. Он умный, принадлежит к [состоятельному] классу людей Тибета и невольно льнет к юрте моих старших сотрудников.

3/XI, ♄. Полуясное утро, мороз доходит свыше –10°R, над долиной Толы поднимается, или, точнее, стелется, туман. Пора, давно пора Тибетской экспедиции сняться с якоря и направиться к юго-западу, в глубь Сев[ерной] Монголии. Что принесет сегодняшний день? Пока что Центр молчит! Тем временем экспедиция получила пакет с 21 письмом в адрес членов экспедиции, в том числе и некоторую сумму денег в американских долларах (63) в жалованье участн[икам] экспедиции — сибирякам. Я получил четыре письма частного характера: три из России и Харбина и одно из Южной Франции. В общем, все обстоит по-прежнему. Надо надеяться, что скоро получим еще две-три троицкосавские почты-отправления.

Прибыл Эрдэниев с пастьбы верблюдов, там обстоит все благополучно: люди здоровы, верблюды наедаются, так как корм хороший, и перекочевывать не представляется необходимым. Однажды к стойбищу подходил волк.

Вечером к нам и Бадмажаповым прибыли Байковы, с которыми (плюс Кондратьев) мы засиделись до полуночи. Ночь звездная, со слабым дуновением ветерка с севера. Здесь планеты и звезды горят словно бриллианты.

4/XI, ☉. Превосходный день по освещению, но очень холодный! На горизонте кое-где лежат или медленно плывут тонко-перистые облачка.

Сегодня мне предстоит прочесть в Урге лекцию для слушателей, главным образом соотечественников (в местном Народном доме). Очень интересно знать, какие и сколько соберется слушателей в Урге на, может быть, последнюю лекцию о минувшем блестящем, дорогом моему сердцу путешествии «Хара-хото». С именем этого вечно сонного друга всегда-всегда будет связано и имя мое. Может быть, этому угасшему городу суждено будет всегда озарять мое имя географа.

В 2 часа я и моя Пшевочка укатили в Народный дом на нашу лекцию. Публика собиралась оживленнее обыкновенного, и я приступил к исполнению своей обязанности. 1½ часа о Хара-хото, перерыв и 20 минут о задачах предстоящей экспедиции. В общем, я доволен. Аудитория слушала внимательно, кто-то сказал с замиранием: «Интересно и жутко было слушать». Говорили очень интеллигентные, молод[ые], красивые представители России о Куку-норском плавании,[53] о нападении тибетских разбойников.[54]

После лекции Пшевочка и я укатили к бурятке Содбоевой — жене моего прежнего спутника. Она уже ранее была осведомлена о нашем прибытии, а потому и приготовилась. В юрте, уютно обставленной, было симпатично. В центре ее была сложена небольшая печь, все время блестевшая огнем, на котором готовились кушанья. Буддийский алтарь, по обыкновению, располагался напротив входа, и перед [ним] горела лампада (одна из многих, стоявших рядом, незажженных). Около алтаря часто сидел старец-лама, один из родств[енников] хозяйки, и по временам возжигал курит[ельную] благовонную свечку, которую потом укладывал в лежачем положении перед кумирами. У стены юрты, с боковыми коврами, стояли по сторонам кровать и бол[ьшой] стол для трапезы. За этим столом мы и угощались. Угощенье было чисто по-русски: с винами, закусками, пельменями, чаем с пирожным и конфектами и даже ананасом, забытым быть поданным к концу обеденно-

го угощения. Мы пили чай, беседовали, слушали монгольские песни, исполнявшиеся племян[ницей] хоз[яйки], самой хозяйкой и гостем, молодым бурятом, потерявшим голос. Правее алтаря висели портреты родных, знакомых, свои, среди которых в рамке восседал и я в парадной форме полковника русской службы (сн[имался] в 1910 г. после путешествия для раздачи всем моим спутникам «на память об экспедиции»). Около нас, кроме хозяйки, услуживали родств[енник]-бурят и молоденькая, симпатичная племянница хозяйки Катя, прекрасно говорившая по-русски, так как она училась в русской школе, хотя знает и монгольский язык (устно и письменно). После всяких угощений мы стали собираться домой, когда нам поднесли хадаки — платы счастья. Мой хадак большой, как «большому начальнику», сказала Содбоева, «покровителю семьи его спутника». Распоряжением хозяйки мы были доставлены на лошади ее родственником-бурятом.

Бадмажаповы оканчивали ужин, пили чай, от которого мы также не отказались. Тем временем прибыл и С. А. Глаголев. Оказывается, он и прочая молодежь все-таки пришли послушать меня (кот[орый] уже раз?), и Сергей Анатольевич сообщил мне, что и на этот раз он услышал новое — о Демиденко, исчезнувшем с ночи и работавшем у восточ[ной] стены крепости, ища заветный колодец. В 10 часов вечера мы все разошлись по своим углам, и я улегся спать.

5/XI, ♑. Утро облачное, серое; небо сплошь укрыто снеговыми облаками; воздух холодный-холодный и чуть-чуть дышит северным движением.

Что-то принесет мне сегодняшний день? Хорошо, что ответа нет так долго — по-моему, это к лучшему! Говорят, что и письмеца сегодня принесут членам экспедиции, а эти последние также должны принести нам что-либо интересное! Когда настанет то время, что утихший было лагерь вновь оживится с мыслью о движении вперед, вперед, вперед!!! Будем ждать и сильно надеяться на хорошее!

Сегодня мы получили небольшую почту! Весточки с родины приближают к ней. Лично я ничего не получил, если не считать официального пакета. Из рук вон погода: солнца давно не видели, тепла также не ощущаем, один северо-западный [ветер] дует почти непрестанно и чем сильнее, тем больше охлаждает воздух и наполняет его тучами тонкой пыли. В такую погоду очень грустно и не знаешь, что делать, ходишь из угла в угол, а если призадумаешься, то непременно о Москве и с нею связанных больных вопросах.

С 4 часов дня настала буря с северо-северо-восточным ветром, сначала пыльная и позже 9 часов — снежная. Ветер попадает в комнаты через трещины, мои спутники испытывают «удовольствие» в плотной юрте, в которой тем не менее «поднимаются в облака» и ветер свободно врывается вовнутрь помещения. Холодно теперь с верблюдами в открытой степной равнине, на юго-западе массива Богдо-ула, еще холоднее, нежели в городе, а живут пастухи в палатке, а не в юрте.

6/XI, ♂. И сегодня небо серое, короткий горизонт; Богдо-ула тонет в серых облаках, воздух холодный, тихий. Даже не слышно лая собак, обычного в другое время дня, в особенности по ночам.

Сегодня надо непременно ждать ответа из Центра, иначе я не могу представить себе, до какой поры он будет тянуть. Времени прошло доста-

точно, чтобы переговорить исчерпывающим образом о вопросе с моими спутниками. Ясно, что решение опрометчивым не могло быть: Н[иколай] П[етрович] в союзе с Кам[еневым] и Рык[овым] (очень заинтересованными экспедицией) не допустит первоначального решения — удалить трех лучших спутников!

Сегодня я познакомился с молодым монгольским чиновником Балдан-Дорчжи, назначенным сопровождать экспедицию по монгольским владениям диагонально к ЮЗ, через главные урочища: изгиб Толы, приток слева Мухур, куре Барун, верховье р. Орхон, верх[овье] Туин, Ламэн-гэгэн-хит, далее через систему Монгольского (Гобийского) Алтая в урочище Шара-хулусун (маршрут Ладыгина, «восьмерка»[55]), оттуда в горную область Эма-шань, известную ставку ламы-временщика, грабившего караваны и погибшего наконец благодаря энергичному Балдан-Дорчжи, по поручению монгольского правительства ликвидировавшему самого ламу и его разбойничье гнездо.[56] Вот до этого места Балдан-Дорчжи и согласился проводить экспедицию. Весь этот маршрут простирается около тысячи (скорее больше) верст по очень интересной местности, в большинстве своего расстояния новой, неисследованной. В заключение Балдан-Дорчжи поставил меня в тупик своим деловым вопросом: «Когда будем выступать?». Пришлось сказать: «Приблизительно, примерно через неделю». Ведь действительно, пока обстоит дело с Центром так неопределенно, ничего нельзя сказать, ничего нельзя решить! Таким образом, получается выжидат[ельный] образ действия.

Опять неприятная встреча с Убугуновым, который во что бы то ни стало торопит с выездом отозванных в Россию моих дорогих спутников. По этому поводу поговорили о деталях. Я старался быть сдержанным, но не могу, потому что он некультурный тип. А разве можно говорить о серьезных делах с типом некультурным. О наука бедная, с кем приходится тебе иметь дело!

После этого, подумав, я отправился к В. И. Юдину, и с последним у меня нашелся приятный общий язык. С ним я договорился до положительных результатов. Принята выжидательная политика.

Вечером, по обыкновению, не засиживаемся, разве Пшевочка только до 11 часов.

7/XI, ☿. Утро тихое, ясное, морозное, –12°R. На солнце отрадно, в особенности при виде священного массива, залитого южным солнцем.

Сегодня праздник на Руси и здесь. Еще вчера днем представительские дома наряжались и снаружи, и внутри. Юдин, говорят, дает обед монгольским и своим высшим представителям учреждений. Мы тоже собираемся сегодня есть плов, который я лично давно не ел (только в Кашгарии); кстати, среди моих спутников Касимов умеет его стряпать и кушать, как дунганин. Мои спутники почти все отправились на парад! Придут, расскажут о своих впечатлениях. Тем временем я получил приглашение на обед в Русское представительство. Как всегда, В. И. Юдин был очень мил и корректен; званых было немного, но зато все званые были знакомые и порядочные люди. Обед удался на славу, затянулся до ½ 7-го, когда стали разъезжаться. Всегда у порога много слов: выяснилось, что мы можем продлить удовольствие вечером на радиостанции, чтобы слушать оперное исполнение, [передаваемое] на далекое-далекое расстояние. Нас мило доставили на машине и обещали вновь прислать специально в наше распоряжение, чтобы попасть

на R[adio]. Таким образом, в Монголии невольно празднества следуют одно за другим: то русское, то монгольское, то в честь Тибетской экспедиции. Очень интересно то обстоятельство, что за обедом я сидел в центре стола, vis-a-vis с Юдиным, имея слева Цецен-хана, а справа — предст[авителя] Тибета.

После представительского обеда мы заехали было домой, а затем компанией в прекрасном автомобиле отправились на Radio послушать оперное пение, но этого последнего нам не удалось получить. Нашей станции систематично не давала работать японская, непрерывно работавшая иногда в контакте с соседней. Так очень большая праздничная компания, проведя на станции около 1½—2 часов времени, возвратилась домой. Мы поехали первыми и были уже в постели, когда услышали шум автомоб[илей], возвращавшихся восвояси. Ночь была прелестная: звезды и планеты горели как бриллианты. Едва ли кто из местных когда-либо любуется дивной красотой местного неба.

8/XI, 2. Утро ясное, тихое, морозное. Окна одеваются ледяными узорами, над Ургой сплошной дым от отопления всех жилищных уголков.

Наше ожидание ответа из Москвы превратилось в хроническое. Притупилась та острая боль, которая появилась вначале так болезненно. Прекрасный день всегда располагает отправиться в лес на охоту-облаву, ведь здесь почти всегда в субботу собираются компании с этою целью.

Вечером пришли Содбоева и ее хорошенькая племянница Катя (Долма), давшие возможность записать Кондратьеву серию песен. Часа два мой композитор записывал напевы, а затем, после ужина, доставил удовольствие дамам своею прекрасною, мастерскою игрою на пианино.

9/XI, ♀. Опять прекрасный день, день позднеосенней Центральной Азии — ночью морозно –15–17°С, днем несколько выше нуля (оказывается, ниже).

Наш Убугунов мечтает съездить на охоту на Баин-гол или куда еще. Мечтаем и мы, но только не о горной, а о долинной — Сангин-охоте с целью пострелять птичек для коллекции. Д[окто]р Шастин наблюдал Scol[opax] solitaria! Сангин сделался излюбленным местом для охот любителей-ургинцев.

Сегодня Юдин прислал три дорожных свидетельства на отъезд моих спутников в Москву, назначая день отъезда 12/XI. Меня это предложение удивляет. Мы определенно ждали получения на наши телеграммы ответов Центра, чтобы только тогда принять решение. Какой абсурд зря отправить участников экспедиции за несколько дней до получения ответа, а вдруг случится так: сдва выедут мои спутники, как тотчас мы получаем ответы на наш запрос, в которых указывается, что такой-то или даже все намеченные остаются. В таком возможном случае что прикажете делать? Догонять телеграммой в Троицкосавске или даже в Верхнеудинске, утомлять непроизводительно людей и тратить зря экспедиционные средства, которые и так тратятся в громадном количестве, ибо все страшно дорого в центре, где мы так упорно без конца сидим. Когда же наконец придет желанный час, который возвестит нам прекрасное, светлое: вперед! К завстному югу! Когда это светлое взойдет на нашем грустном горизонте?

Ночь облачная, холодная, надвигается зима: в ящиках t внутри –2,5°С.

10/XI, ♄. Утро тихое, облачное, но не серое. Дым поднимается к небу. Сегодня пишем бумаги, приготовляем коллекции (зоологические) к сдаче в наше представительство для дальнейшего отправления в Петроград. В то же время подготовляем все для наших невольно отъезжающих.

Вечером я уже получил энергичный протест Представительства о том, что, несмотря на третье предложение отправить моих участников экспедиции, трех, я тем не менее не подчиняюсь и не собираюсь вовсе это сделать! Приходится подчиниться судьбе, узел затягивается, не знаю, что из всего этого выйдет. Ужели мы не получим ни от кого ничего? Так наш вопль и остался неуслышанным. Для чего же тогда наш посредник в Москве — Горбунов?!

11/XI, ☉. Сегодня в 11 часов утра назначены переговоры с Представит[ельством] (Кондратьев). Утро полуясное, не холодное (–8°R). Надо собирать спутников в дорогу! Решил отправить их в четверг, 15 ноября. Какая ждет страшная минута! Многое нужно подготовить: деньги, бумаги, предметы снаряжения, продовольствие и проч. Необходимо телеграфировать в Центр, попросить разрешения хотя бы перенести бивак из города Урги в долину реки Толы, чтобы наконец бездействие превратить в интересное, полезное времяпрепровождение в недрах Монголии. Там все объединимся — одним духом, одним желанием, интересом. Там будем жить жизнью путешественников.

Спутники мои, обреченные на отъезд, усиленно собираются. Нельзя не дать им всего того, что они имели раньше. С особенным удовольствием я снаряжаю моего незаменимого Сергея Анатольевича, хотя мне и очень грустно, но делать нечего. Хотелось бы видеть моего достойного помощника при отличном занятии в области исследовательской географии.

Весь вечер я провел в юрте «старших» мальчиков, где узнал, что отпущенные «со двора» старики мои Телешов и Бохин не вернулись вдвоем: Телешка дома, по дороге где-то хлебнул, а Бохин совсем не появлялся. Что мне делать с ними?! Наказывать жалко, и им очень стыдно; оставлять так — потворство им и разврат другим, юным мальчикам. Бохина следует простонапросто высечь!

12/XI, ☽. Серое, облачное утро. Островки голубого неба красиво выделяются среди громад кучевых облаков. Богдо-ула укрыта сплошь белым саваном. Уж не жду я больше ничего из далекого делового Центра! Что за причина неполучения ответа? Ужели Коля Горбунов не получил ни одной телеграммы?!

Возвратился Убугунов с облавы в урочище Баин-булак-гол. Не стрелял. Видели немало косуль, в результате: монгол убил козу, а прочие промахнулись. Был и волк.

Убугунов направился в Представительство похлопотать с вопросом об отъезжающих.

Я отправил телеграмму в Москву следующего содержания: «Москва. Совнарком. Управдел[ами] Горбунову. Экспедиция лишилась* трех незаменимых участников: Глаголева, Саранцева, Савельева, отозванных [в] Моск-

---

* Была «обезличена», лишается.

ву. Прошу разрешить немедленно выступить [на] юго-запад работать [в] теплой зоне [у] подножия [Гобийского] Алтая и ждать там присылки необходимого китайского паспорта. Козлов».*

Мой композитор более и более входит в фавор: его пригласил высший командный состав поиграть на концертном рояле. Мне приятно, что там будут Ринчино и Косич, оба любезно оказывавшие те или иные услуги экспедиции.

Сегодня погода чисто зимняя. Равнина окрестная посеребрена тонким слоем снега. Морозы крепчают. Так и выйдет, что наше выступление совпадет с 21/XI, выходом Н[иколая] М[ихайловича].[57]

Вечер-спектакль в Урге, спектакль бурятский. Я вовремя получил 5 билетов, и наша совместная с бадмажаповской компания прекрасно провела время. Была сыграна пьеса «Бурятская свадьба». Исполнители знакомые: mad[ame] Жамцарано, Галан (артист своего рода). Хороша заключительная сцена: картина весны, на берегу реки, кукует кукушка, молодая вспомнила родину, голубое небо и яркое солнце (родины), запела. Грусть пересилила, и она покончила с собой, река ее приняла в свои объятия. Роль молодой исполнила mad[ame] Жамцарано.

В заключение пели бурятки, неважно, некрасиво. Этот отдел великолепно закончила супруга Ринчино (корейка по рождению и русская по воспитанию и образованию), спев несколько красивых корейских песен до частушки включительно. Восторг всеобщий: виновница скрылась под град аплодисментов. Первая песнь была так музыкальна, что я прослушал бы ее еще несколько раз. Пение сменилось танцами: бурятскими, русскими. Смешанная молодежь веселилась вовсю. Я успел со многими знакомыми перемолвиться словом. С некоторыми познакомился. Одно обстоятельство несколько удивило меня: это почти полное отсутствие монголов — 2—3 и все.

В полночь мы оставили Нардом[58] и по дороге к дому потерпели аварию: сломалась ось, дурак монгол-часовой окриком (трубным) испугал лошадь, та бросилась, закружилась и попала во двор тюрьмы. Скандал форменный, сломали в нескольких юртах боковины-ребра. Моих спутников, кучера Цокто Гармаевича взяли под стражу, и только заступничество Бадмажапова спасло дело. Долго смеялись мы своему неожиданному, непривычному положению!

13/XI, ♂. Полуясное, холодное утро. Постепенно, исподволь надвигается зима. Однако днем на солнце очень тепло, тает, хотя здесь при крайней сухости воздуха снег, скорее, испаряется, нежели тает.

Когда стоишь долгое время на месте и видишь мимо проходящие караваны, невольно завидуешь им. Тогда даль особенно сильно, особенно мучительно, особенно властно зовет тебя! Когда же и чем разразится наше теперешнее томительное выжидание?! Должно же это случиться!

Дни за днями, вечера за вечерами идут посменно друг за другом, проходит драгоценное время, а мы все сидим в городе, словно в тюрьме, любуясь лишь на девственную чистую красоту священного массива; невольно и часто приходит на мысль дума о поездке в Богдо-ула. По-моему, совершенно непростительно, проводя такой долгий срок, не съездить в глубину священ-

---

* Эта телеграмма седьмая.

ных, нетронутых недр ургинской святыни. Что там находится из растит[ельной] и животной жизни? Никто и ничто не нарушает местной святыни, и только один-два отшельника-монаха на вершине святыни воскуривают фимиам. Но они нисколько не нарушают, а лишь дополняют тихую, безмятежную гармонию стройной тишины массива Богдо-ула.

Покойся и торжествуй, по-своему лучший, чистый уголок Центральной Азии. Любуясь тобою, всегда невольно вспоминаешь мудрого из мудрых Ундур-гэгэна. Эта личность поистине заслуживает признательности истории вообще, в особенности же истории естественных наук.[59]

14/XI, ☿. Облачность преобладает днем, чистота неба — ночью. Однажды в глубине массива я наблюдал в темноте ночи яркий мигающий огонек. Уйдя к себе, я долго-долго думал, кто его зародил. Как сильно я хочу внутрь девственного леса, насладиться чистой лаской любви природы, ее любовью несравненной. Бесконечно хочу уйти от людей и забыться там. Как жаль, что я не воспользовался свободным временем после приезда, когда было не так холодно! Девственная природа нашей планеты, в частности монгольский уголок, священный массив Богдо-ула, первый на пути моей Монголо-Тибетской экспедиции, чарует меня, единственный, на котором здесь мой взор спокоен и отдыхает так полно, как отдыхал только на берегу Тэтунга у Чортэн-тона и в дивном, прекрасном Каме. Пока только я, очарованный, стою у порога родной мне по мысли Монголии.

Сегодня мне было грустно видеть, как в моем присутствии Глаголев сдавал Кондратьеву дела экспедиции. Как я себя буду представлять без этого незаменимого помощника. С каким удовольствием я всегда встречал Сергея Анатольевича, приходившего ко мне дважды или трижды в день с докладом. Не верится, чтобы этот человек, к которому я так привык и привязался, не вернется в экспедицию в самое короткое время. Даже не могу себе представить экспедицию без моего этого первого помощника и первого избранника (летом в Саблино, 1922 г.) в число будущих главных спутников.

Вечер у нас был прощальный. К ужину были приглашены мои отъезжающие спутники, все три, но пришли двое — Глаголев и Саранцев, Савельич уже спал, Пшевик, Кондратьев и Павлов весьма некстати были в Центрсоюзе,[60] где К[ондратьев] «разделывал» на концертном рояле. (Какое свинство не пригласить Иду Павл[овну] и вернуться домой в 1 час ночи!) Таким образом, наличие милой И[ды] П[авловны] за ужином до некоторой степени скрасило отсутствие Пшевика. Грустные Г[лаголев] и С[аранцев] понемногу ободрились, и в заключение Г[лаголев] и И[да] П[авловна] мило исполнили несколько вещей на мандолине и пианино. Лучшими, приподнятыми чувствами мы были воодушевлены при прощании с отъезжающими. И все-таки как сильно недоставало вечером Пшевика, который, между прочим, должен был в особенной степени скрасить прощальный вечер. По поводу всего происшедшего я сильно волновался: мне было обидно за моих мальчиков и за себя, за моего чуткого всегда Пшевика, но здесь так опрометчиво поступившего. Воображаю, как она теперь скорбит душой!

15/XI, ♃. Тяжелый день, прощальный день! Тяжело, больно с момента вставания с постели. Невольно вижу грустные лица, в особенности милое

лицо Сергея Анатольевича. Все озабочены, все собираются. Воображаю, какая боль и горечь в груди у моих лучших, отъезжающих спутников. Кому понадобились места в экспедиции, кто явится стать на пустые три или две вакансии? Какая мрачная завеса в данный момент висит над головой и сердцем экспедиции? Какой день явится предвестником решения дальнейшей судьбы экспедиции? Близкое будущее чревато оригинальными явлениями. С твердостью духа будем их ожидать!

Бесконечно мучителен день: трогательное прощание со спутниками, снабжение их всем необходимым в дорогу от шуб и валенок до белья включительно. Требование спутников (трех) возвращения в Москву и к месту службы стоило экспедиции (снаряжение 330 руб. зол[отом], на руки 225 плюс продовол[ьствие] 10 янч[еней] или долларов плюс столько же 225 долларов и 310 долларов) только 1100. Если еще прибавить сюда предметы научного характера, как то: часы (25), бинокль (75), буссоль (35), планшет (10), то еще 145 дол[ларов] = 1245 кит[айских] дол[ларов], или в круглой цифре 1300.

Эта сумма должна быть истребована от Главнауки. Последняя может внести [этот вопрос] в НКИД с просьбою известную сумму выплатить экспедиции в Ургe. Черт знает что такое! НКИД властно требует возврата участников экспедиции в Москву, не заботясь о том, чтобы такая перетасовка, ни на чем деловом не основанная, оплачивалась не за их счет. Сумму в 1300 китайских долларов или, что то же самое, золотом истребовать от Главнауки. Мучительная картина проводов, все сумрачны, многие со слезами на глазах. Три лошади и телега под багаж, которого получился большой воз. Больно, мучительно больно видеть все это безобразие, знать, что все делается зря, бестолково, даже преступно, и тем не менее делать. Откровенно скажу, что все делается исключительно на провал экспедиции. И ничего, ничего не выйдет толкового. путного из нашей экспедиции! Как блестяще она началась и какие две раны, мучительные раны, она уже получила на своем пути: одну еще в Петрограде, когда навязали «украшение» ученой экспедиции, другую — здесь, в Урге, когда вырвали из ее среды самых лучших, толковых людей.

Грустное чувство не покидает меня ни на минуту, это несвойственно моей сильной натуре. Это худое предзнаменование!

Рядом с моей экспедицией в Урге имеется налицо готовая к выступлению другая, называемая ургинцами «таинственная», миссия в «страну лам и монастырей».[61]

16/XI, ♀. Серое, снежное утро. Кругом бело. Воздух мягкий, тихий! На душе грустно, мучительно тяжело! Готовится смена пастухов верблюдов. Посылаются капканы и проч. К полудню погода разгуливается, показалось голубое небо, яркое солнце и летние красивые слоистые облака.

Уехали: Симуков, Котик, Канаев. На биваке опустело, народа мало.

Вечером в русском батальоне[62] я прочел лекцию: «Три яркие страницы, главные моменты, Монголо-Сычуаньской экспедиции». Аудитория была исключительно военная, молодая, приличная, читать было хорошо. Гром аплодисментов и троекратное русское «ура» вырвалось из молодых грудей на приветственные и благодарственные слова представителя — командира, сказавшего речь в мою честь. Молодой (бывший ш[табной] нач[альник])

военный, только что прослушал лекции в Военной академии, передал мне, между прочим, что хорошо знает своих профессоров Снесарева и Новицкого и что первый из них рекомендовал мои труды для изучения Азии: Монголии и Тибета. В общем, я остался совершенно доволен и вернулся также на парочке лошадок в сопровождении маленького блондина. На лекции выяснилось, что один молодой, приличный военком третий раз слушал меня.

По возвращении домой мы сели ужинать, а после в нашей комнате вели интимную беседу (как всегда, втроем). Наш друг очень сведущ, и ему всегда видные монголы передают новости. Наряду с тем, что нынче в Монголии в 150 вер[ст] радиусом к югу выпал мощным слоем снег, причиняющий номадам бедствия, поведал и о том, что слышно интересного со стороны Китая и со стороны Тибета. В Китае возгорелись неприятности из-за якобы незаконного захвата власти Восточным округом — Цао Кунь (военный). В Тибете, по обыкновению, враждуют партии: русофобская* с партией англоманов. Говорят, идут бои. Все это не проверено, и на таком большом расстоянии события из малых превращаются в очень большие. Если еще справедливы сведения на западе о фашистах, то станет понятным задержание нашей экспедиции на месте и недача ответов на наши запросы. До того ли теперь России?!

Наши соседи, учитывая подходящий момент, спешат [со] своим отъездом. В конце концов, можно получить от Центра самое невероятное решение.

Ночная буря разразилась принесенным снегом.

17/XI, ♄. Снег, снег и снег, все бело вокруг, горизонт короткий, дали исчезли.

В 4 часа ночи разразилась снежная буря с ВЮВ, к утру стихла, и начал падать обильный снег. Падение этого осадка не прекращалось долго, до полудня, и позднее все покрылось снежным покровом.

Помытов (в сопровождении Гомбо Бадмажапова) поехал отвезти подарки двум лицам: кн[язьям] Чжамьян-гуну и министру юстиции Соном-Дорчжи (бывшим в отсутствии). Почти весь день-деньской падал снег, сначала при тихой погоде, затем при ветре и наконец даже при буре, стихшей к полуночи. Вечер в субботний день мы провели довольно интересно в хорошо знакомой нам компании знак[омых] Бадмажаповых.

Беседуя с Ринчино, я получил подтверждение о неспокойном состоянии Тибета, вызванном главным образом тем обстоятельством, что совет военачальников вышел с обращением к ламам: «У вас в монастырях огромные богатства, а у нас в стране необходимо поднять на большую высоту наши войска, дайте нам возможность улучшить наши боевые средства». Мирно начавшееся заседание представ[ителей] военных с предст[авителями] лам вскоре приняло бурный характер. Оппозиционные [ламы] твердили как и прежде, так и теперь: «При первой необходимости мы, ламы, поддержим нашу желтую религию и в первых рядах бойцов пойдем на неприятеля!». Благоразумные военные с тактом и достоинством пытались доказать жрецам, что Будда учил не копить богатств, довольствоваться малым, а ламы в основе пренебрегают его высокими принципами. В результате — ожесто-

---

* *По-видимому, описка. Следует читать «русофильская». (Прим. сост.)*

ченный спор, драка, суд. Вражда вынесена на улицу и т.д., и т.д. Постановлением суда несколько человек казнены; несколько сильно, несколько меньше оштрафованы. Говорят, поплатился также и мой друг Намган! Далай-лама соблюдал нейтралитет, замкнувшись в своем красном дворце.

Передавали также, что и со стороны Синина, в соседнем Амдо, не спокойны все те же ламы и с их решения знаменитые буддийские монастыри Гумбум и Лавран стали в большую оппозицию!

Нголокам[63] наконец китайские войска поддали как следует, смирили горных заносчивых дикарей! Кто-то первый из счастливых географов попадет в очень интересный горный район, образованный Амнэ-мачином и верхним теч[ением] Хуан-хэ? Лето провести там очень интересно, как интересно взглянуть и на то гнездо нголоков, куда никто из европейцев не допускался.

18/XI, ☉. Серое, облачное утро. Тихо, кругом бело. На пышном снеговом покрове контрастно выделяется лесная зона священного массива, словно темная гигантская лента складками прикрыла рельеф Богдо-улы.

Праздничный день однообразен, монотонен. Бездействие совершенно надоело. Никто не может спокойно делать даже самое интересное дело. Жизнь стала очень однообразна. Думаешь о наших: «Как-то они подвигаются к родному северу!».

При заводе звездного хронометра, уже в конце самого завода, что-то соскользнуло, треснуло. Хронометр стал! Надо заметить, что всегда при заводе этого хронометра, во второй половине, чувствовалась ключом какая-то неловкость и раздавался звук, похожий на то, будто пружина своим одним кольцом соскакивает с места или что-нибудь в этом роде. Во всяком случае, дело неважное, единственный звездный работник и тот выбыл из строя. В России хронометров, кроме самых необходимых, нет, выбирать не представлялось возможным. С самого начала казалось: звездный хронометр ниже критики, с такими астрономическими часами вдаль отправляться не следует. Другое дело — средние хронометры, их два, и оба в хорошем состоянии, в особенности Ericson № 194, с которым, вероятно, и придется работать от начала до конца путешествия.

19/XI, ☽. Серые, полуясные или даже облачные дни стали постоянным достоянием Урги. Холод также увеличивается, если не с каждым днем, то, во всяком случае, с каждой последующей неделей. Зима идет!

Дни за днями следуют однообразной чередой. Холод и снег являются неизбежно. Убугунов сообщил мне, что слышно о скором приезде «вашего коллеги и друга» Свена Гедина в Ургу. Известный путешественник (шведский) зондировал почву в Китае: возможно ли ему выступить из этой страны в Центральную Азию и, конечно, главным образом в Тибет. Насколько известно, Китай не согласился с таким предложением исследователя Центр[альной] Азии и Тибета.

20/XI, ♂. Утро ясное, прозрачное, морозное. В 9-м часу я обыкновенно сижу в столовой и пью чай. Гремит телефон. Оказывается, С. Гедин уже с вечера в Урге, а сегодня имеет большое, непременное желание навестить меня. Я так и ожидал и с своей стороны очень хочу увидеть и обнять моего

старого приятеля. Хочу видеть и говорить с ним. Если он интересуется мною, стоящим во главе Тибетской экспедиции у порога самого путешествия, то и я не менее того интересуюсь Свен[ом] Гедином. Есть очень много точек соприкосновения у обоих географов как по части своей прямой специальности, так и по другим, общеевропейским вопросам: ведь мы с ним не виделись много лет.

Милый Свен Гедин прибыл ко мне в 12 часов, обедал и просидел до 4½ часа. Мы говорили — не наговорились. Среди общего разговора я уловил очень много интересного, полезного для моей экспедиции. Совершенно правильно С. Г[един] побывал в Америке, от которой в восторге, хотя американцев и ругал. Затем объявился в Китае (Шанхае, Пекине, Калгане), виделся с Караханом и прибыл в Ургу. Здесь, наутро, звонил ко мне, чтобы условиться о свидании. Мои старшие и младшие спутники в восторге от моего друга. С. Г[един] в общем не так много постарел: явилась в висках седина, морщины и проч. Только теперь в нем стали обнаруживаться черты, характеризующие в нем примесь иудейской крови. А так еще совсем молодец и мил сердцу моему: ведь никто так сильно не поймет, как мы одни себя понимаем, ведь он так долго жил под небом Азии, так много видел и описал картин природы. Лучше всех прочих очаровывался или горевал, восхищался и разочаровывался природой и человеком. Так и не могли мы вдоволь насладиться беседой. Решили назавтра свидеться с ним у нас же, сфотографироваться и показать ему наш бивак и наше снаряжение, познакомить с персоналом экспедиции.

Не забыть отметить то обстоятельство, что С. Гедин всеми силами старался доказать мне с помощью чертежа Сканд[инавского] полуострова и его окрестностей, к чему Россия стремится — к захвату незамерзающего порта (в соседстве теплого Гольфштрема) и проч. Если бы Россия дружила с Германией, тогда это предположение не могло [бы] иметь места.

Самое важное, я укрепился в мнении относительно дальнейшего плана действия по отношению моего путешествия.

Очень интересно, что в Америке С. Гедина очень просили из всех его путешествий составить один том страниц в 400—500, с иллюстрациями конечно и с выдержкой самых интересных эпизодических страниц, с одной также картой с нанесением всех маршрутов его путешествий. По-моему, это очень интересно не только для шведского, но и для русского путешественника.

Все это необходимо принять к сведению, и мне надо сделать будет так: маленькое введение, немножко биографии, знакомство, конечно, с Пржевальским. Путешествие IV и т.д. Затем, после Пржевальского, мой более самостоятельный путь и деятельность, а потом исключительно самостоятельные экспедиции. Все в сумме должно быть довольно занимательным. Помнить непременно!

21/XI, ☿. Прекрасное утро, ясное совершенно, t воздуха –20,3°С. Как постепенно надвигается зимняя стужа, и выпавший обильно снег продолжает лежать многие дни. Цайдамские монголы, возможные наши спутники до Цайдама, начали упорствовать, нервничать немножечко. Нам надо стараться приблизить их к себе, удержать в качестве проводников, погонщиков и пастухов наших верблюдов. Получили почту, сами отправляем; странное

явление — мой первый пакет на имя Михно все еще лежит в канцелярии конс[ула] Шахова. Черт знает что такое, надо воздействовать при помощи Кондратьева непосредственно и через него и Юдина вдвойне. Вот в чем проявляется забота наших дипломатов!

Явился Убугунов доложить о подготовке облавы на коз и волков в урочище Баин-булак. Запевалой в этом отношении является мол[одой] охотник Кандиков. По его подсчету, будет около 13—14 человек охотников и столько же загонщиков. Интересно, как мы попадем туда, какой способ передвижения будет нам наиболее подходящим. Вероятно, потребуются верховые лошади.

В 2 часа дня прибыл ко мне мой друг С. Л. Гедин, уже отобедавший в квартире своего соотечественника д-ра Ларсона. Тем не менее он посидел с нами за обедом, выпил две рюмки вина и чаю, полюбезничал с дамами (Пшевочкой и Идой Павловной). Я сказал маленькую речь в честь своего друга, и мы пошли к нам, в лагерь. Все были в приподнятом настроении. Худяков с винтовкой стоял на часах и мог сказать в ответ на приветствие по-шведски, чем очень заинтересовал моего друга. Мы снимались на всякие лады: вдвоем, со всеми спутниками и т.д. С[вен] Л[юдвигович] зашел в юрту старших моих помощников, затем написал им свой автограф, в заключение лично ознакомился со всем нашим вьючным богатством экспедиции, сказал любезное слово на мое новое ему приветствие. Мои спутники ликовали, я также очень радовался. Тем временем д-р Ларсон явился и увез нашего дорогого гостя. Его, конечно, здесь чествуют, он действительно редкий гость!

Расставаясь, мы высказали пожелание назавтра встретиться у него и у нас вторично или в третий раз! Как приятно, что наше однообразное времяпрепровождение немножко поразнообразилось! «Со снимками в руках я пущу интересную весть о нас обоих, право, мой друг Петр Кузьмич», — сказал С. Л. Гедин.

Таким образом, все моя Тибетская экспедиция очень скоро освоилась с моим другом и стала считать его нашим другом-гостем. За исключением двоих, Симукова и Канаева, все мои спутники видели и знают С. Л. Гедина. Завтра он будет также нашим гостем.

Вечер мы всей компанией (мы и Бадмажаповы) провели у наших знакомых по дороге в Ургу и здесь, у заведующего монгольской аптекой Е. Ч.

22/XI, 2. Погода серая, кругом значительной для здешних мест толщей залегает снег! Этот осадок продолжает падать и днем в самой тонкой форме снежинок.

Сегодня 2, или 8-й день, как укатили наши «отозванные», но ответа еще нет. Думаю, что быстро они ехать не могли по двум причинам: снег и тяжелые телеги. Вот узнаем сначала из телеграммы, а потом и из письма моих спутников.

В 12 часов я навестил моего друга С. Л. Гедина у Ларсона, где я застал нашего представителя В. И. Юдина. Затем, просидев у швед[ского] путешеств[енника] ¼ часа, мы оба направились к нам обедать. Тут, по обыкновению, много говорили о родных вещах, и мой друг среди беседы, урывками, очень мило ухаживал за Идой Павловной. Болтали о том, между прочим (сам С[вен] Л[юдвигович]), что хорошо было бы теперь на пути в Москву,

по крайней мере до Верхнеудинска, иметь с собою хорошенькую спутницу, русскую, для практики в русском языке: ведь как никак, а в Москве Свен Гедин не отвернется от приглашения прочесть лекцию для ученой публики, с одной стороны, и широкого народного общества — с другой. Потом мы оба покатили в магазины китайских товаров и, объехав очень многие из них, только очень немного приобрели: нефритовые вещицы и фиников. В одном из магазинов, а именно в последнем, между прочим, немало говорили по поводу Москвы и Троицкосавска. С[вен] Л[юдвигович] желал бы получить от меня письмо для П. С. Михно, как председателя Отделения (местного) РГО. Сказано — сделано будет завтра. С[вену] Л[юдвиговичу] показалось очень неприятным известие о том, что я собираюсь в ♀ на охоту-облаву. Я не знаю, как лучше поступить с охотой: по-моему, неделикатно не остаться на два лишних дня с С. Л. Гедином, чтобы как следует сказать ему «до свидания». Ведь всякая лишняя беседа моя с ним непременно дает мне что-либо очень интересное. Например, говоря о бурханах вообще, С[вен] Л[юдвигович] сообщил мне, что в Пекине, в Немецком посольстве, у одного из членов он видел что-то необычайно знаменательное, а именно у «Вильгельма» имеется дивное собрание по буддийскому культу. У него собрано все, всякий номер, имеющий какое-либо выдающееся значение. Не Гомбоевское ли у него собрание?! Гомбоев — тов[арищ] Шишмарева, свыше 40 лет сидел в Пекине и коллекционировал предметы буддийского культа.[64] Вообще всякий порядочный человек, побывавший в Пекине, невольно дразнит меня и толкает непременно при первой возможности побывать в столице Китая, тем более что и мой учитель Н. М. Пржевальский был там и хорошо отзывался о Пекине!

Вечером здоровенный мороз, свыше 20°С. Вот так-так! Почему монгольский мороз не трещит, не стучит, как у нас в России?

23/XI, ♀. Морозное утро, моя Пшевочка озабочена дежурством! Прибыл Кондаков. Облава не устраивается: Ежо в отсутствии, к тому же стоят крепкие морозы, многие из участников охоты-облавы отказались.

Вел большие переговоры с цайдамскими монголами: в связи с холодом и отсутствием достаточного корма верблюды худеют. Необходимо определенно вырешить время, обстоятельства и условия нашего следования в Цайдам в сопровождении цайдам[ских] монголов. Нельзя не использовать счастливый случай иметь в качестве проводников знающих цайдамцев.

Много и довольно искренно убеждал Убугунова, чтобы он энергично встал на защиту вопиющих вопросов экспедиции, вдумчиво изложил бы их в телеграмме за подписями Ю[дина] и своей Чичерину. Довольно морить участников экспедиции и ее кораблей пустыни в молитвенном, столичном пункте, пора наконец отправить нас выполнять наш долг. В Петрограде томили месяц, здесь продолжают томить второй и третий, в результате невольно обрекают экспедицию зря переносить зимние невзгоды и лишения и непроизводительно тратить ограниченные средства экспедиции. Последняя рассчитала момент выступления из монгольской столицы в сентябре и к холодам была бы в центре пустыни, с успехом работая на пользу прямой своей задачи.

Не верю в быстрое разрешение вопросов экспедиции. Верно, все дело испортят, исковеркают. Надо послать верблюдов далеко, но, главное, надо

всем устроиться в долине Толы, сберегать лучшие силы людей и животных. Надо Галсана предупредить о том, чтобы донир прибыл к нам на свидание и для переговоров о вопросах первостепенной важности. Надо д[они]ру что-либо показать из подарков для Тибета вообще и для его представителя в частности.

В 1 час дня я наконец получил телеграмму следующего содержания: «Доехали. Все благополучно. Вспоминаем [с] благодарностью. Глаголев». Она была сегодня же и отправлена. Я и все мои спутники страшно рады. Много ли нам надо! После 2 часов дня, согласно уговору, я отправился к С[вену] Л[юдвиговичу], который сам, вследствие недоразумения шофера Ларсона, куда-то укатившего, прибыл пехом ко мне и по телефону сообщил о своем положении. Мы встретились у нас, обменялись карточками (группами), и я за чаем просидел со своим другом некоторое время; еще большее мы потратили с ним на выбор и покупку нефритовых принадлежностей (у одной прекрасной монгольской княгини). Кроме нефритовых предметов у нее также продавались золотые с бриллиантами кольца и коралловый мундштук. Видимо, деньги нужны детям степей; однако княгиня, кроме того, имела ценные золоченые с камнями украшения на голове, волосах (рога) и на изящных, безукоризненно чистых пальцах рук: на правой — золотое кольцо с рубином, на левой — золотое с бирюзой. Княгиня при расставании обещала ко мне приехать; не знаю, соберется ли?! За чаем мы мило беседовали втроем (Ларсон, Гедин и я). Мой друг очень благодарил меня за фотографии. Действительно, вдвоем я и он превыше всех похвал, да и групповые одна другой лучше. Я поднес С[вену] Л[юдвиговичу] всех по одной, за исключением «вдвоем», которых дал целых четыре. Одну ему, прочие три в его полное распоряжение.

Завтра мой друг прибудет к нам попрощаться, вероятно, около 3—4 часов дня. Так неудержимо, повинуясь общему закону, катится колесо жизни.

Будучи у своих мальчиков, мимоходом навестил дежурного Пшевика. Я застал у своих Убугунова. Когда он с нами один — он очень мил и хорош, и невольно чувствуется, что он один из нас! В дороге, в одной юрте мы скорее еще больше поймем и поверим друг другу!

Завтра, в 10 часов утра, обещал зайти ко мне Ларсон (полюбоваться на инт[ересные] вещицы).

Мороз за 30° чувствуется во всей прелести: быстро катишь в автомобиле и мерзнешь изрядно. Все и всё по-зимнему. Моя соседка, любимица, красавица Богдо-ула, спит спокойно под снеговым покрывалом. Но ночь сегодня ясная, морозная, с Луной — еще того поэтичнее. Моя красавица при яркой полной Луне действительно выглядит завороженной, дивной, обаятельной! Что чувствуют в это время отшельники-ламы на скалистых плечах Богдо-улы?

24/XI, ♄. Опять ясно, тихо, чувствительно морозно, –32°С. Окрестность вся, и долина, и горы, спрятаны в снегу. Солнце только светит, но не греет. Что ожидает нас впереди? Невольно напрашиваются мысли, в совокупности рождающие телеграмму с содержанием: «Москва. Совнарком. Каменеву. Вторая длительная задержка экспедиции Центром поставила ее [в] катастрофическое положение: зима, обильный снег, морозы 40 градусов, вынуж-

денная зимовка в долине Толы, в 150 верстах [к] юго-западу [от] Урги. Вынужденное пребывание (экспедиции) [с] шестьюдесятью верблюдами в дорогом столичном центре вызвало излишние траты. Ввиду этого и сверхсметных расходов [по] отправке [в] Москву отозванных трех спутников испрашиваю пополнение сумм [в] количестве пяти тысяч рублей [в] золотой валюте, каковые прошу перевести телеграфом [в] Ургу, [в] Представительство, для экспедиции. Козлов. Убугунов».*

Заказал китайцу-фотографу 5½ дюжины фотографических снимков экспедиции.

Был mr Ларсон с визитом, рассказывал, как старожил, много интересного!

Около 3—4 часов дня заехал С. Гедин попрощаться со всеми нами. Как всегда, он был мил, любезен, интересен! Но далеко не таким был мой хозяин Бадмажапов, который чуть не с первого дня, точнее с первого знакомства, невзлюбил С[вена] Л[юдвиговича]. Может быть, невольным образом чувствовал, что швед особенно внимателен и почтителен к Иде Павловне. Побеседовав с ним за чаем, мы (он, я и Содбоева) покатили на автомобиле на его квартиру (к Ларсону). Там сначала осмотр вещей, принесенных на продажу, потом чай и милая беседа! Наконец настало трогательное, искреннее прощание. Я обещал написать дважды для Шведск[ого] географического общества: из Цайдама и из Тибета! Мой друг сам переведет пошведски и вообще будет выразителем-докладчиком о деятельности Тибетской экспедиции перед Шведским географическим обществом. На мой вопрос: «Где увидимся?» — С[вен] Л[юдвигович] ответил: «Может быть, в Тибете, вернее в Швеции, в Стокгольме. Если в Тибете, то где? Теперь Лхаса потеряла прежнее обаяние!».[65] О Йонгхасбенде мой друг заметил как о согбенном старце, тощем, подтянутом. Еще два-три-пять-десять слов, еще объятие, и мы расстались. Я отправился домой. Так или иначе, но история путешествий будет иметь на своих страницах момент свидания шведа и русского в центре Монголии, к тому же отличная фотография послужит лучшим украшением и дополнением к отмеченному событию!!!

Дома я долго мечтал в связи со встречей со Свеном Гедином, вспомнились прошлые, лучшие, молодые идеальные годы географической деятельности, вспоминались частые свидания в Петрограде в Географическом обществе, в лучших салонах; вспомнилось дружеское свидание у меня в Столярном,[66] в день, когда Свен Гедин поднес в Царском державн[ому] покровит[елю] РГО свою известную брошюру, за что был исключен из списков членов не только Русского, но и Английского географических обществ.[67]

25/XI, Ө. Серое, белое, чувствительно морозное утро. Ветер с ЮВ пронзительный, в долине Толы стужа адская. Мой друг уже катит к северу! Счастливый ему путь! Удачи!!!

У меня совещание о приискании лучшего уголка для лагеря пастухов и пастьбы верблюдов. В совете значащий голос Цокто Гармаевича с его ургинским монголом. Во всяком случае, это необходимо! Явился Дан[иил] Мих[айлович] Убугунов. Мило переговорили о нашем положении. Удивляемся молчанию Центра. Убугунов решил предложить себя дежурить, и он

---

* Эта телеграмма девятая.

первый раз вступает на дневное, на весь день-деньской, с утра до вечера. Был Галсан, с ним мы выбирали подарки для трех местных тибетцев: донира, кончун-сойбона[68] и так называемого 3-го.

Около 3 часов объявилась ко мне с визитом интересная чета (княжеская), сам молодец, симпатичная княгиня, убранная в золото и драг[оценные] каменья, в сопровождении казначея с вещами (для продажи). Говорят, этот князь Цецен-ван, богатый прежде, страшно разорен китайцами: из табуна в 10 000 голов 6000 лошадей угнано гаминами. У этого князя я видел дивный прозрачно-зеленый мундштук из нефрита, и вообще у него много-много интересных вещей! Обещал в дальнейшем привезти на показ очень редкие табакерки из нефрита и кое-что еще.

Когда мы его угощали, объявился донир, представитель Тибета, по имени Чжойни-Лусан-Чиндэ в сопровождении Галсана (нашего). Лусана также угостили, как могли, вином и чаем со сластями. Потом, по отъезде княжеской монгольской четы, мы с Лусаном обстоятельно обо всем дальнейшем переговорили. Он даст мне в дорогу открытый лист, приг[одный] по Тибетской территории, и еще письмо ко двору Д[алай]-[ламы], которое, в свое время, мы отошлем по принадлежности только с берегов Мур-усу вместе с письмом моего петроградского друга-забайкальца.[69] Чжойни был поднесен подарок: парча и несколько золотых предметов, ведь в Лхасе у Лусана родной брат премьер-министр, который, может быть, очень пригодится. Кажется, и сам Лусан мечтает о поездке в родной Тибет, в Лхасу. Но это только заветная мечта, как и наша!

Погода чисто зимняя, мрачная, неуютная! Все кругом или вокруг бело-серо!

В заключение и Галсан был одарен парчой и маленькими золотыми безделушками. В экспедиции этот человек несет много обязанностей, помимо преподавания монгольского и даже тибетского языка.

26/XI, ♑. Солнце давно не показывается нам, серо-бело, ветрено, холодно! Наша жизнь опять монотонна, однообразна. Опять лучшим развлечением нашим будет курьер с письмами, опять придется писать самим больше, чем следует. А ответа нет, я думаю, что, может быть, нет Горбунова на прежнем месте (см. пис[ьмо] К.[70]).

Между прочим, очень интересные данные сообщил мне мой друг об американской экспедиции (по свед[ениям] в Амер[ике] и Пекине). Прежде всего экспедиция Andrews'a не популярна в Америке, она очень дорого стоит, так как в Пекине нанят большой дом со службами, в котором проживают непрерывно семьи членов экспедиции и сами члены зимою, когда ведут обработку научных материалов.

Живя на месте долго, нет-нет да и узнаешь что-нибудь про местную жизнь, про лишний штрих из многочисленных эпизодов. В минувшее время, при жизни покойной жены Богдо-гэгэна (энергичной, честолюбивой, властной), супруги-святые порою втихомолку (с небольшим штатом) отправлялись в недра Богдо-улы и там охотились. Он и она стреляли, а еще бывало и так, что вдвоем священные люди уезжали в укромный уголок Толы, ловили рыбу, пили шампанское (пикник), а в заключение предавались забавам. Брали с собою пушку и холостыми зарядами стреляли на очень близком расстоянии в таз, в его нижнюю часть, поставленную в вертикаль-

ном положении; в таз сажали ламу (одного из провинившихся), и. когда следовал выстрел, тогда и таз, и лама кувырком отлетали на известное расстояние от пушки, зрители зело предавались смеху! Ныне Богдо-гэгэн — «темный», с большими очками чуть-чуть видит, постарел, но тем не менее имеет очень молоденькую и очень хорошенькую Богдо-ханшу. Он стеснен в средствах и произволе и уже через край не дурит! Живет, кажется, почти исключительно на народное приношение! А многочисленный придворный штат лам также состоит на его иждивении. Живет Богдо-гэгэн, говорят, почти всегда в юрте, богато с коврами обставленной и очень чисто содержимой! А дом, дом, скорее, служит в виде музея, представительства. В доме даже не музей, а кладовая с музейными редкими и дорогими предметами. Строго говоря, имущество хана, веками накопленное, очень большое, запас золота также не поддается учету вне двора, тем не менее это богатство признается пока богатством законным Богдо-гэгэна, и оно от гэгэна не отбирается!

Дальнейшее такое положение (неопределенное) становится невозможным. Я собираю совещание, на котором категорически заявляю, что так продолжать жить экспедиции, с выделением части отряда на пастьбу, в палатке, с одной стороны, и хороших верблюдов (гобийских) класть на снег[овой] покров, притом мало накормленных, недопустимо. Нужно сейчас же, немедленно, почти всем (за исключением меня и секрет[аря] с человеком) с имуществом экспедиции сняться и перенестись переходов за 5—6 вниз по долине Толы, в менее снежном и более защищенном от ветра месте обосноваться, хорошо устроиться, экскурсировать с целью добычи птиц и зверей, а главное с целью сбережения верблюдов, которые начали худеть сильно. Надо зимовать — необходимо сберечь самое дорогое в экспедиции, ее передвижные средства. Пройдут нудные декабрь и январь, самые холодные месяцы зимы, настанет февраль, солнце поднимется, пойдет к нам навстречу, увеличатся дни, и мы пойдем по направлению заветного юга. Сколько я думаю нынче, как никогда!

Иногда, даже часто, не сплю ночами много часов. Не только Тибет, но в настоящем нашем положении далек и мало возможен Цайдам.

27/XI, ♂. Ясно, тихо, –32.5° С. В воздухе ни звука, тишина абсолютная, иней серебрит усы и бороду. Пшевик собирается в Сангин, в долину Толы, но собирается, что называется, «вдруг», сорвавшись с места. Не знаю, какой толк выйдет из этой ее поездки. Нужно будет сразу отметить состояние долины и прилежащих гор в растительном, животном и этнографическом состоянии или отношении.

В 9 часов утра выглянуло солнце при морозе в –37° С. Бр-р-р, холод так холод. С большим имуществом (450 пудов), с неопытными малышами пускаться в путь я считаю невозможным! Вынужден устраивать зимовку для Тибетской экспедиции в Монголии.

Около полудня я получил через посредство Юдина, срочно, следующую телеграмму (переданную шифром) от Горбунова: «В связи с осложнением международных отношений правительством РСФСР решено временно отложить отъезд Вашей экспедиции, не предрешая сейчас срока нового выступления, который определить пока трудно. Поэтому предлагаем участникам Вашей экспедиции, кроме сибиряков, выехать в Москву и в Петроград.

Сибиряков нужно рассчитать. Груз экспедиции оставьте в надежном месте в пределах Советской России под охраной надежного человека. Политкому Убугунову и его сотрудникам сдать мандаты через Вас полпредству СССР в Монголии и вернуться в распоряжение Иркутского исполкома. Дополнительных кредитов на расходы, связанные с отсрочкой отъезда экспедиции, предоставлено не будет, почему Вам надлежит соблюдать максимальную экономию средств. Что касается живого инвентаря, то, если можно, продайте его безубыточно или сдайте в аренду, имея в виду неопределенный срок, на возможно выгодных условиях. Полпредство СССР в Урге и консульство в Алтан-булаке окажет Вам максимальное содействие. Всем советским органам в Троицкосавске, Верхнеудинске и Иркутске предложено оказывать максимальное содействие обратному проезду Вашей экспедиции и надежному сохранению имущества. О нуждах телеграфируйте. Надеюсь на полный успех экспедиции в следующем году».

Ну вот наконец, чем разрешилась наша нудная, сложная задержка. Было над чем призадуматься. Созвано совещание, на котором сначала высказались, а потом и зафиксировали свое постановление (на следующий день).

28/XI, ☿. Ранним утром мы, все старшие, в сборе, включительно до Убугунова, пришедшего на совещание первым. Я едва все материалы, все мысли, высказанные мною, моими помощниками и Ц. Г. Бадмажаповым, привел в одно целое. Недоставало только моего Пшевика. Каждый из нас высказался по поводу проектированной мною телеграммы, принятой дословно. Вот ее текст: «Москва. Совнарком. Управдел[ами] Горбунову. Обсудив всесторонне [с] членами экспедиции ее положение, решили ходатайствовать перед правительством [о] разрешении остаться [в] полном составе [в] Монголии до весны. Тем временем могут уладиться международные осложнения. [В] случае удовлетворения ходатайства будем зимовать [на] лучших пастбищах окрестностей Урги и продолжать научную работу, поддерживая постоянную связь с полпредством [в] Урге. Если весною дальнейшее продвижение не вырешится, то просим разрешения предстоящим сезоном работать на территории Внешней Монголии. Продажа или сдача [в] аренду шестидесяти верблюдов равносильна потере половины их стоимости. Перевозка имущества зимой [по] обледенелой горной дороге только [в] Троицкосавск сопряжена [с] риском и требует огромных расходов. [В] противном случае представляется возможность сдать на хранение все снаряжение полпредству [в] Урге под наблюдением участника экспедиции. Козлов. Убугунов».

Вот чем вырешилось наше совещание вечером (вчера) и утром сегодня. В 11 часов утра я и Убугунов уже были у Юдина. Но совещались только двое: Юдин и я. От начала до конца В[италий] И[ванович] согласился со мною на мои доводы в Центр и пожелал мне счастливого разрешения и приятной телеграммы. Мою телеграмму он послал шифром на счет представительства.

Чувствует ли моя Пшевочка нашу тревогу за дальнейшую участь экспедиции? Недаром я вчера в душе так сильно протестовал против ее непреклонного решения ехать в Сангин понаблюдать птичек и пострелять их в коллекцию. Все ладно, но меня смущает страшный холод, а тут вдруг представляется возможность охоты-облавы на прежнем месте (Баин-булак). Кажется, я поеду!

Дело сделано. Телеграф понес на дал[екий] северо-запад наши мечты и стремления! Как-то там поймут нас и как откликнутся? Будем терпеливо выжидать многозначащего, почти все решающего ответа.

Вечером заходила Леночка, сидела, беседовала, нащупывала мое настроение. Заметив с моей стороны внимательное отношение, выпросилась съездить на пастьбу верблюдов с ночевкой. Разрешил, пусть прокатится, ведь Пшевочка же уехала на несколько деньков в Сангин. Справедливость!

Незадолго до прихода Лены явился посланец от пом[ощника] воен[ного] министра с хадаком, с карточкой, гласящей: «Князь Максаржав, товарищ Военного министра и помглавком Монгольской народной армии» — и вручил мне отличную вазу-одиночку из очень порядочной фалани[71] (клуазоне). Если теперь поедем в Россию, то очень скоро, преждевременно, доставим дары местной монгольской аристократии.

29/XI, ♃. Ясно, светло, мороз –37,5°С. Вот так здорово! Еще задолго до рассвета я просыпаюсь и мечтаю, мечтаю. Луна уже давно скрылась за нашим домом, перевалила за него. Теперь яснее прежнего, что исключительно в связи с надвигающимися к весне событиями, военными конечно, вызваны мои военные спутники-специалисты. В Центре судили, рядили с вопросом об экспедиции и в конце концов вылили все в последней ко мне телеграмме.

Разрешат ли нам зимовать и производить научные работы или нет? Разрешат ли сдать на хранение в Монголии наш багаж и проч.? Так или иначе последует ответ на наш запрос! А когда? Через неделю или иначе? Посмотрим, что будет?! Вот тебе и новенькое дельце, как говорит мой друг С. Н. Родионов.

Получено письмо с приложением одной птички — Cinclus'a, которому моя Пшевочка дает очень интересное описание из собственного наблюдения в очень холодные дни на р. Толе, в урочище Сангин, имеющей кое-где незамерзающие ключи. Там все вытравлено монгольским скотом кочевников, кочующих по долине Толы.

Завтра собираюсь и я навестить мою отшельницу и заодно по вечерам побеседовать с Першиным, а главное, конечно, побродить вдоль и поперек долины Толы в Сангине.

Прибыл из пастушеского лагеря Худяков и привез, между прочим, верблюда, заболевшего чесоткой. Еще одно удовольствие. Корм, говорят, порядочный, верблюды наедаются порядочно! По ночам приходят волки, устраивают концерты, приходится их попугивать выстрелами и т.д.

Ждем для переговоров Гочитского относительно вопроса о верблюдах. Верблюдов надо пристроить, но пристроить неубыточно для экспедиции. Но как можно только что купленное в большом масштабе безубыточно ликвидировать, тем более большой, богатой экспедиции Русского географического общества или правительственной. Принципиально все же мы договорились с Гочитским на условиях, более или менее приемлемых для экспедиции, и довольно растяжимых комбинациях. Все будет, конечно, зависеть от содержания телеграммы по существу. На этом и покончили наши принципиальные предварительные переговоры.

30/XI, ♀. Серо, облачно, ветрено от юго-восточной части серого горизонта. Над северным склоном Богдо-ула, на снежном белом фоне, очень характерно, словно темной складчатой лентой, раскинулась древесная зона.

Павлов, Горбунова, Телешов и К° собираются ехать на смену пастушеского лагеря и замены палатки теплой юртой! Буду собираться и я, просто прокатиться. Я думаю, что меня Гусев соберет в дорогу.

Сегодня я отправил подарки двум тибетцам: Кушу-чамбала и кенчунсойбону, лицам духовного звания, командированным сюда управлением далай-ламской канцелярии. Подарки этим лицам будут поднесены Кондратьевым и Галсаном.

Затем, быстро собравшись, я отправился в Сангин, урочище, расположенное в долине Толы, с мелким лесом, состоящим из тополя, лозы, дикой яблони и другой растительности, служащее для ургинской аристократии дачным уголком. В Сангинс Тола особенно характерно разбивается на рукава, среди которых там и сям, в выемках, залегают ключи или родники, вода которых отрадно остается открытой в течение всей зимы. На откр[ытых] водах, в защищенных растительностью местах ютятся в крепкие морозы дупель-отшельник (Scol[opax] solitaria) и оляпка (Cinclus). Забавно и весьма интересно, как эта оригинальная птичка или летит вдоль открытых вод, следуя извилинам источника, или плавает, нередко погружаясь в воду до полного исчезновения. Зимнюю монотонность нарушают изредка голоса чечеток, голубых синиц, овсянок и немногих других. В высоте можно видеть вдоль высоких и низких гор орлов-беркутов, ястребаперепелятника, а в глубине мрачных гор или утесов, как здесь выражаются, таятся филины.

Все в один голос говорят: превосходно здесь летом. И действительно: долина с зеленью и лентами вод, горы, превосходный воздух, а с вершин гор какие очаровательные далекие виды! В Сангине именно сближаются высокие отроги гор, изредка посылая в нее большие или меньшие ручьи, превращающиеся в дождь в настоящие бурные потоки.

На левом берегу Толы, в некотором отдалении от значительных гор, расположилась зоотехническая, или противочумная, станция, удовлетворительно, говорят, оборудованная таким знатоком своего дела, как бывший ветеринарный инспектор Забайкальской области А. А. Дудукалов.

Вот на этой-то станции, среди лиц, ее обслуживающих вообще и в частности на попечении моего старого знакомого Д. П. Першина, я и моя Пшевочка расположились для производства зоологич[еских] или орнитологических исследований на несколько дней.

Нам была отведена хорошая комната из общей уютной теплой квартиры в два окна, белая, чистая, с прекрасным видом гор, обращенных на полуденную сторону. Кормили нас сытно, частью станционным, частью привезенным с собою из города. Неделя для Пшевочки и три дня для меня промелькнули быстро, незаметно. Вставали мы не рано, около 8—9 часов утра, пили чай и в 10 часов уже отправлялись в экскурсию. Как нарочно, мои три дня погода стояла по-здешнему довольно мягкая, синева неба ласкала глаз, благодарное солнышко согревало душу и тело, являлось бодрое настроение, и ни за что бы не уехал в город! Тут больше мысли и самая мысль чистая, светлая, глубокая. Вы спокойны, уравновешены, много читаете, много и лучше пишете, а по вечерам, за самоварчиком, интересно беседуете с пытливым, разносторонне грамотным человеком. И в конце концов не чувствуете ни одиночества, ни томления, ни грусти и далеки от желания отправиться на месяц-другой на север, в Москву и в Петроград.

Если еще прибавить, что за этот промежуток времени мне удалось проштудировать около 200 крупных страниц очерков Забайкалья и Тункинского края[72] с разнообразными словесными замечаниями самому автору, то станет понятным, как полно и интересно я провел времечко в уютном Сангине, где все так мило, просто, привлекательно и уютно! Могу думать, как хорошо и полезно жить здесь натуралисту в течение круглого года, в особенности в период весенних и осенних перелетов птиц, или летнего сезона, или брачного периода птиц. Необходима лишь лодка или верховая лошадь, готовая перевезти тебя с берега на берег в любое время.

Таким образом 3-дневное пребывание в Сангине прошло замечательно скоро, дорога туда проходит в западно-юго-западном направлении, согласно долине, и первые ¾ пути идет по правому берегу, постепенно приближаясь к реке. Монастырь Гандан остается к северу. Красивая дорога, или, точнее, она красится несравненным видом Богдо-улы, и время передвижения до станции проходит не утомительно! Конечно, совершенно иное впечатление должно было получиться и получится летом, когда река Тола жива и собою оживляет оба берега в растительном и животном отношениях. Я лично любил бродить не только вдоль рукавов реки и ключевых источников, но также и вдоль или у подножий гор, на скалах которых усаживались хищники, сокола и другие, или же те хищники дозором пролетали вдоль горных скатов в поисках добычи. Мне удалось видеть гордо пролетавшего беркута и бол[ьшого] сокола вдоль гор, окаймляющих дачу Ц. Г. Бадмажапова.

К себе домой я и мой спутник (Пшевик) возвратились только 3/XII, к вечернему чаю. Бадмажаповы, пользуясь нашим отсутствием, привели в порядок и согрели свою квартиру!

4/XII, ♂. Ясное свинцовое небо, мороз с леденящим ветром (от ЮВ) пронизывают до костей, несмотря на –20°С, страшно холодно! Холодно и утром, и днем, в особенности же вечером.

Вчера собиралась компания: супруги Байковы и А. А. Дудукалов, интересно рассказывавший нам о настроении в Китае. Странно, как я начал опять завидовать всем тем, кто далеко (из Урги) уезжает, в особенности в юго-западном направлении. Вот и сегодня при приеме тибетца-лхасца Кушу-чамбала мне вдруг сделалось очень грустно. Опять для меня Лхаса недосягаема, даже недосягаем Тибет! В таком случае я льщу себя надеждой побывать в Монголии, в области Гобийского Алтая, Хара-хото и Наньшаня, с таким сосредоточиванием своих естественно-исторических задач, чтобы в их центре-базе было впервые мною посещенное озеро Хара-нор и его питающие могучие ледяные вершины величественной, вечно снеговой группы Шаголина Намдзил. Сколько там интересного, неизученного, сколько ледников, альпийских лугов, форм растительной и животной жизни!

Кушу-чамбала воскресил интересное прошлое и заставил содрогнуться при моих дорогих мечтах о настоящем! Ужели Тибет, Мур-усу, Тан-ла, как продолжение водораздела Голубой (Меконга), или, что то же самое, «позвоночный столб» Тибета, для меня только мечта, мечта! Тяжело об этом подумать, а еще больше серьезно признать, что это возможно! Иди же скорее, телеграмма, объявляй нам все, что решил Центр, что предстоит делать моей родной Тибетской экспедиции! А ведь скоро узнаем, что нам нужно делать. Хотя я и подготовлен ко всему, но все же должен сказать правду, что хочу

одного лишь движения вперед, хочу путешествия, без которого мое избалованное чувство жить не может. Моя все еще юная мечта вечно манит меня в горные и надзвездные края!

Чем в конце концов разрешится страшное, томительное ожидание участников экспедиции? Сегодня, между прочим, я с С[ергеем] А[лександрови]чем Кондратьевым вырабатывал план-схему могущей быть небольшой экспедиции (11 человек), с караваном в 25 верблюдов и 5 лошадей с целью изучения Центральной Монголии, Хара-хото и прилежащего к Ю[жной] Монголии Нань-шаня, его района с тибетским характером, дающим начало Тэтунгу, Бухайну, Сулэй-хэ и другим речкам внешнего и внутреннего бассейнов.

5/XII, ☿. Серо, облачно, но t падает. На душе так себе. Устраиваю небольшой совет, а именно: я, Кондратьев и Убугунов. Говорим о предстоящем положении, т.е. о продаже верблюдов, о сокращении штатов и о пристройстве нашего имущества-снаряжения в отличном помещении русского Представительства. С этой целью мои оба старших спутника, члены совещания, отправляются к Юдину, а вдруг там уже получено известие из Центра. Хотя, по моим соображениям, телеграмма нами может быть получена не раньше ♃ или ♀, если думать, что она должна была быть результатом вторника, его Совнаркомского заседания! Итак, опять ждем. Но, вероятно, недалеко то время, когда мы узнаем решение участи нашей экспедиции. А я — должен буду ехать или нет!

Сегодня я и Пшевик получили по письму: я — от милейшего П. С. Михно, а Пш[евик] — от П. П. Сушкина! Михно описывает проезд через Троицкосавск моего приятеля С. Л. Гедина. Все им очень довольны. О Глаголеве вскользь также П[етр] С[аввич] пишет несколько слов: на границе у моих спутников отобрали деньги и наган, в Троицкосавске все это было им возвращено с условием: наган сдать для экспедиции в В[ерхне]удинске.

Вечер мглистый, звезды видны сквозь серо-дымчатую пелену; не холодно, температура около –11°С. Приятно гулять. С полночи ветер изменился, из западного перешел в восточный, со снегом. Мощность снегового осадка увеличивается, пожалуй, кое-где пойдут на санях. Бедные кочевники, тяжело их положение: корм скрыт. Нам также неважно, ведь у нас большое количество верблюдов. Как-то нам удастся ликвидировать наш дорогостоящий живой инвентарь?

6/XII, ♃. Бело, уныло, ветер с восточной стороны крутит и задувает. Мы расстались с лошадьми, двумя, моей и Елизаветы Владимировны, которых отправили в родной табун. Максимку также отдали Бадмажапову. Кроме верблюдов на пастьбе и Мурзилки с нами, у нас нет ничего живого. Сегодня-завтра надо ждать телеграммы. Тем временем будем готовиться выполнить приказ из Центра.

Сегодня велись переговоры Кондратьевым с коммерческими предприятиями относительно верблюдов, их продажи целиком всех с седлами, также зондировалась почва относительно размена серебра — ямбов или гамбургских слитков на кит[айские] доллары. Ныне кит[айские] доллары имеют хождение везде среди монголов: и в Монголии, и на Куку-норе, в Цайдаме

и даже в Тибете. Ныне, таким образом, китайский доллар имеет преимущественное значение, как ранее наш не только серебряный рубль, но и кредитные, в особенности почему-то сотенные.

Павлов сидит в пастушеском лагере, экскурсирует и добыл: трех альпийских клушиц, пару Accentor fulvescens, голубую синицу (Cyanistes) и ♀ Cinclus'a. По его донесению, у верблюдов все благополучно, животные наедаются, людям в юрте живется недурно! Верблюды здоровы, сыты. За топливом ездят на Толу.

К моему спокойствию, наконец, желтый цайдамец увел верблюда-«затворника».

Вечером мы одни, без хозяев, ушедших на вечер к провизорам. <...>*

Вновь небо яркозвездное, и воздух к вечернему наблюдению охладился почти до –15°R. Назавтра опять заморозит как следует.

Мой композитор становится все более и более популярным; его собственная музыка чарует всех. Больше и больше внимания и больше похвал.

7/XII, ♀. Всегда просыпаешься с одними и теми же мыслями: какой и когда прибудет ответ! А дни бегут за днями не переставая, неудержимо! Небо бледное, кое-где по горизонту слоистые облака, особенно мощные над священным массивом Богдо-ула, который невозмутим, и угрюм, и сед! Никогда не устает глаз смотреть на гору эту, никогда мысль не отказывается погружаться в глубину прошедшего, ко времени первого ургинского перерожденца Таранаты, и всегда в целом Богдо-ула притягивает к себе! Чарует!

Прекрасный ясный, холодный день, дали открыты вовсю! Северные горы на полуденных скатах открывают яркие блестящие вершины, тогда как северный, снежный, теневой, холодный скат Богдо-ула угрюм и дик, молчалив, сонлив, безмятежен.

Вчера я с К° пересмотрел всю подарочную парчу, имевшуюся налицо, кроме, конечно, той, которая была или послана в числе прочих драгоценных подарков в Тибет Далай-ламе и его свите в виде приветствия, или частями подарена тибетским чиновникам (Тибет[ское] представительство), или кому-либо из духовных особ Монголии. Ведь полный штат больших и влиятельных лам имеется при особе Богдо-гэгэна!

Препаратор Канаев сделал чучело Graculus graculus, по-моему, очень удачно! Поза — птица сидит на ветке и готова слететь вниз. Всем нравится.

Вечером беседовал с Кондратьевым о результате его хождений и переговоров со всякими учреждениями и их представителями относительно продажи верблюдов. Скоты, отказываются от слов, данных неделю тому назад, подсиживают, норовят все получить даром, воспользоваться случаем. Свинство, нет ни одного благор[одного] человека.

8/XII, ♄. Серо, ветрено (с востока), очень прохладно! Вчера была на западе красная полоса, красиво гармонировавшая с бледным тоном небес.

Под вечер прибыла Содбоева, с которой я с интересом беседовал о делах житейских: как дорого взымут здесь, ссужая мелких торговцев креди-

---

* *Далее опущены два предложеня со сведениями личного характера. (Прим. сост.)*

том (7% месячных, да еще с непременным солидным обеспечением кредита). Ей, Содбоевой, в таких случаях приходилось всегда отдавать кредитору убранство ее головы (национ[альный] бурятский [головной убор]). Все это ловкой буряткой докладывалось мне с целью выманить у меня поддержку: нечего делать, пришлось ссудить ей сто китайских долларов. Нынче очень развита в Кяхте и Троицкосавске скупка бурятами (прожив[ающими] в Урге) серебра и мехового платья. Там покупают, расходуются в большой дороге, а здесь продают, главным образом богатым монголам, любителям «похварсить» по-праздничному и слыть богатеем в окрестности. Монголы любят европейские серебряные изделия и с охотою рядятся в купеч[еские] мех[овые] одеяния.

Вечер до поздней ночи проведен нашей компанией на спектакле в Нардоме Урги. Играли знакомые, распоряжались также знакомые, обсыпали конфетти, давали чай опять знакомые и всё mad[ame] Юдина. В общем всё: и самый спектакль с приложением, и музыка, и танцы, и продажа — удалось на славу. Все ели, пили (главным образом чай со всякого рода отличными тортами) как следует. Видел знакомых, подкрепил знакомство, любовался долго танцами, в особенности понравилась мне лезгинка (Лидия Федор[овна] с мужем) и парочка детей (он и она), исполнившие номер русской. Прекрасно плясали оба. Как-то сон сам собою исчез, я любовался на молодежь с юношеским задором. Мне было страшно уютно и тепло с девочкой, сверкавшей живыми, проницательными черными глазками. Вспомнился Баин-булак и все с ним связанное. Маленькое живое существо способно дать своеобразное милое очарование, убаюкать душу нравственно и духовно! Физически — с милым, привязанным ко мне существом и духовно — в тесном общении с природой (лес, гора, ручьи ключевые) и животным, в частности орнитологическим, миром!

Вчера же возвратились с пастьбы мои старшие мальчишки. Много интересного, любопытного сообщил мне, более других вдумчивый, ботаник Н. В. Павлов. Вся моя молодежь пришла пёхом и Леночка в том числе.

Сегодня же укатил в заветную страну мой буддист-спутник Шакдур Эрдэниев вместе с небольшим караваном гэгэна-тибетца. Сильно порывался уехать наш Галсан, но ему подрезал крылышки донир — представитель Тибетской миссии Чжойни-Лусан-Чиндэ. А мы, мы все еще стоим на месте и ждем «у моря погоды», лишь С[ергей] А[лександрович] добыл ...*

9/XII, ☉. Утро: ясно, холодно! Вчера, возвращаясь около трех часов ночи со спектакля, я любовался чудным зимним небом! Созвездие Ориона неописуемо, вся прочая, сравнительно малая компания перевернулась, опустилась, изменила положение настолько, что сразу даже и не разберешь топографии неба! Почти все осведомлены об отсрочке нашего выступления в далекий путь.

Родственник Эрдэниева, племянник, принес приветственный хадак от паломника. С нами обедал (пельменями) А. А. Дудукалов, предложивший мне воспользоваться его лошадью съездить в Курень, или город. Я поехал, прошелся вдоль базара, сделал визит Щаповым, у кого застал лишь милую

---

* *Далее следует неразборчиво сокращенное латинское название птицы. (Прим. сост.)*

Анну Ивановну. Отца и дочери не было дома, они хоронили кого-то. Нагулявшись, я поспешил идти посмотреть «новый уголок», к счастью, повстречал юных друзей и в их сообществе провел час-другой за чашкой чая и заедочками. Как жаль, что там, сверх неприятного ожидания, встретили голодную постороннюю публику, глазеющую и, конечно, готовую судачить! Вот вам сибирские выворотни, или «дубье», как они называют друга друга в подходящих случаях. Да, я должен сказать что-то очень приятное этой стервозе. Какое свинство, самого себя стыдно до мозга костей, и много-много дней будет неприятно вспомнить совершившееся. Признается ли в глупостях человек самому себе? Или он говорит на страницах своего дневника похвальное себе слово? Грустно, грустно становится мне, когда я подумаю, что у меня до сих пор прорывается страстность!

Вечером беседовали по поводу сведений, полученных от С. Н. Павловой. Оказывается, что Горбунов не знал ничего и эти отрывочные сведения о С[ергее] А[натольеви]че [Глаголеве] упали на него как снег на голову. «Я совершенно, ничего не понимаю, — сказал Горбунов, — и не знаю, в чем они нуждаются и о какой говорят поддержке, что там случилось?!»[73]

Бадмажаповы вернулись поздно, после китайского обеда они, оказывается, заехали к Байковым. Вообще, на окраинах публика живет недурно и старается не скучать, не грустить.

10/XII, ♑. После тихой, морозной, звездной ночи наступило такое же утро.

Все исписалось, не знаешь, о чем и говорить, приходится повторяться, с одной стороны, и терпеливо ждать телеграфных ответов — с другой. Есть и еще более важное дело — это предстоящая продажа экспедиционных верблюдов.

Погода серенькая, по горизонту сплошные снеговые облака из гор или, точнее, наоборот: снеговые горы из облаков. Бело и пустынно. Тихо. Изредка лишь проронят оригинальный свист красноклювые клушицы. Очень хочется выйти на простор из ургинской клетки, желаю поехать на Баинбулак с целью подстрелить лесных и горных птичек, послушать вой волков, рев гурана, прислушаться к дыханию и прелести мировой жизни, жизни чистой природы.

Вечером у меня были и Першин, и Батуев Николай Иванович. Последний — восточник, знает меня по моим работам, пришел познакомиться и выразить свое чувство уважения и проч. Очень интересный человек, осведомивший меня относительно Пекина, Тяньцзина, их интересными для меня обитателями и характеристиками. В заключение очень мило предложил свои услуги вообще по оказанию исполнения поручений в области пополнения снаряжения экспедиции. Н[иколай] И[ванович] пописывает в английских-американских журналах, дает им известные любопытные сведения.

С вечера Пшевочка ушла в юрту ночевать: она ночная дежурная.

11/XII, ♂. В 8 часов пришла с дежурства моя Пшевочка, говорит: «Очень хочу есть и пить чай!». А удовлетворив себя первыми, захотела спать! Вполне естественно!

Прежняя монотонная картина монгольской зимней природы: серо, бело, однообразно. Перед домом нашим тянутся в долину и из долины Толы ве-

реницы караванов с предметами торгового обмена Монголии с Китаем. Тут же, между Калганом и Ургой, поддерживается постоянное автомобильное сообщение. Случается, конечно, что автомобили портятся, и тогда пассажирам не особенно сладко и приятно, в особенности где-либо вдали от станций. И это явление более или менее обычно зимой. По словам А. А. Дудукалова, пережившего такую аварию в монгольской степи, положение пассажиров в таком случае может быть близким к катастрофическому!

Мой Кондратьев в последние дни занят усердно переговорами относительно продажи верблюдов, но тем не менее не забывает и своих основных занятий — добычи материалов в области монгольского поэтическо-духовного творчества.

Моя Пшевочка работает по изучению тибетского языка с Галсаном (тибетцем).

По части продажи верблюдов у нас прибавилось покупателей на одну единицу, а именно объявилась солидная китайская компания, члены которой уже побывали на нашем пастушеском лагере, самым тщательным образом обследовав верблюдов. Таким образом, торгуются четыре компании: три русские и одна китайская. День-два, и, пожалуй, мы можем расстаться с нашими животными. Необходимо только выручить за них не только червонцами, как наиболее выгодно предлагает Цен[тро]с[оюз] или, точнее, Госторг,[74] но и серебром, хотя бы в количестве примерно 30—50% стоимости (прод[ажной]) вербл[юдов].

Последним был у меня вечером Павлов Н. В., доложивший о своих материалах, собранных по части священного массива Богдо-ула. Ночью падал снег, тонкий.

12/XII, ☿. Холодное, полуясное утро; дым над Ургой стелется в юго-восточном направлении. Над Богдо-улой лежит высокое и длинное, вдоль всего массива, сплошное серое слоистое облако, под которым священная гора выглядит еще суровее, сумрачнее. Дали открыты в северном направлении, где горизонт замыкается хребтом Тологойту, по вершинам которого ярко блестят солнечные лучи.

Получили Михновский пакет с небольшим числом писем. Я — от С[ергея] А[натольеви]ча и Володи. Отрадно было знать, что наши доехали благополучно: один вечер и ночь в дороге, при снеге вокруг и полной Луне, очаровательны. Также приятно было слышать от Володи, что мать С[ергея] А[натольеви]ча навещает моих детей, а дети милую Зин[аиду] Петр[овну]. Очень я рад, что получил наконец весточку от самой Олечки, да и Пшевочка тоже. Муська живет-поживает очень хорошо: умна, сыта, чиста, игрива.

Сегодня мило беседовали за столом и вручили наконец хозяйке милой понравившуюся ей вещицу. а то Цокто в этом отношении водил ее лишь за нос! Я почему-то начинаю мечтать о поездке в Россию, в Петроград и Москву! Мечтать и понемногу собираться, хотя мои сборы весьма несложны, а все же!

Сегодня весь день я не видел ни Кондратьева, ни его приятелей-купцов!

Морозы начинают вновь усиливаться и, пожалуй, дойдут до хорошего minimum'a.

В ночь на 13/XII minimum выразился около –27°R, или около –33°C.

13/XII, 2. Ясно, прозрачно, очень холодно. Почему-то необычно тянул слабый ветерок с востока-юго-востока, а в 9 часов утра уже направлялся строго с противоположной [стороны].

Говорят, что 6/XII выехал из Москвы представитель в Монголию, некто Васильев со свитой. Не поручено ли ему что-либо важное передать мне? Во всяком случае, приятно будет познакомиться с ним. Что за лицо, облаченное властвовать в сопредельной с Россией Монголии, стране первобытных номадов.

Что доложит мне сегодня наш Кондратьев, которого вчера я так и не видел?

Пока что вопрос еще не решен с верблюдами: нет телеграммы из Иркутска.

Вечер мы с интересом провели у милых Жамцарано, которые симпатично устроились рядом с Цецен-ваном, на набережной р. Толы. Жамцарано, как почти все здесь, в Ургс, имеют помещение в заграждении, словно в крепости. Впечатление более приятное получается от тех жилищ, в которых дома выходят на улицу, тогда высокий частокол создает впечатл[ение] забора, не более, иначе — маленькая крепость, посередине которой устроен домик для хозяев и рядом, с одной стороны, юрта (очень уютная, там ночуют, там хозяйка живет большую часть, а хозяин занимается и принимает, в особенности русских, в доме, построенном и обставленном, до библиотеки включительно, на русский лад). Нам с Пшевочкой очень понравилось у Жамцарано: они нам показали немало интересных снимков (три из коих подарили — виды в Эрдэни-цзу[75]) и приняли весьма гостеприимно, по-русски.

Лично мне было весьма назидательно прослушать Жамцарано, его впечатление относительно современных событий и настроений не только в Европе, но и в Америке и Китае. С весною возможны такие события, которые не позволят нам ничем иным заняться, как перекочевкой к северо-западу. Таким образом, может быть, нам придется разбрасывать наше имущество по частям в Урге, Троицкосавске, Иркутске и мне самому смотреть за имуществом в выжидательном положении.

В ½ 10-го часа вечера мы возвращались домой при чудном звездном небе, все мои друзья-созвездия кивали мне всевозможными блестящими оттенками. Неописуема в своем дивном очаровании была картина звезд, составляющих Орион! Звезды в плеяде так ярки здесь, что их насчитываешь на 2—3 звезды больше, нежели у нас в Пулково или, шире, на севере.

14/XII, ♀. Сегодня, даже по-старому, декабрь месяц, первое число, зима в полном разгаре и снега гораздо больше обыкновенного (среднего). Ясно, холодно, монотонно. Священная соседка, могучая, холодная, снежная, спит безмятежным сном.

Вчера и сегодня делал патроны к «Гано» и имел очень неприятный разговор с мальчиками по поводу так называемых подъемных. Мальчики признались в том, что их смутил Худяков. Вот подлец какой! Недаром я так не хотел его брать в спутники: слишком бывалый, с одной стороны, и эгоист, старый испорченный холостяк — с другой, привыкший себя любить и ценить превыше всех похвал.

Как трудно продать верблюдов, их хомуты, которые в первое лето съест моль и проч.

Не знаю, что выйдет, — наши представители «союзов», «торгов» и прочие только за нос водят, в конце концов, пожалуй, купят китайцы. А

потом «наши» будут говорить: «Вот нам не продали, а мы давали больше, нежели китайцы. Все так поступают в правительственных организациях. Вот вам и справедливость!». Сказанным только что я поставил в известность Кондратьева, болеющего душой за всю эту многодневную историю.

Почти решили с верблюдами, продаем их богатому дунганину, который завтра должен внести задаток и пригнанных верблюдов принять по внесении всей остальной суммы. Если не удастся почему-либо продать дунганам, останется один выход — продать их Госторгу.

Вот каковы наши обстоятельства: сдав верблюдов, будем пристраивать охотн[ичий] груз и в то же время снаряжать к отправлению часть наших спутников.

15/XII, ♄. Ясно или почти ясно, очень морозно и проч. Холод больше и больше проникает в окна домов в виде сплошных ледяных наслоений!

Вчера забежала в наш двор собака с пеною у рта, люди кричали: «Бешеная собака!». Прежде чем ее угнали (в откр[ытые] ворота), она успела перекусать одну собаку, а с другой обнюхаться! Вообще говоря, собак множество здесь, и не редки случаи бешеных, которых уничтожают уличные добровольцы и прочие монгольские «блюстители порядка».

Делал патроны, которых теперь у меня более нежели достаточное количество.

Минувшей ночью на южном участке неба, вост[очнее] созвездия Орион, падал беспрерывный поток звезд больших и малых величин, одинаково исчезавших за Богдо-улой.

Вечером были Мжецкие: соседи привезли из Пекина елочные украшения, подходит праздник.

Ждем верблюдов с пастбища. Как-то мы их ликвидируем?

16/XII, ☉. Полуясное, ветреное утро. Мечтаю отправить своих спутников (лишних) к северу! Температура довольно высокая, –10°R, между тем юго-восточный ветер делает погоду неприятной. Не в связи ли колебания почвы и обилие снега с нынешним колебанием температуры в Монголии?

Прибыли верблюды: все обстоит благополучно. Худяков убил молодого ♂ узерека (из стада в четыре головы). Обильный снег нарушил равновесие животной жизни в Монголии. А там, на юге далеком, благодатном, там тепло, прозрачно и бесснежно!

Общий вид верблюдов вполне удовлетворителен, они подтянуты, отлично «вывязаны». Жаль их от всей души номада. Помню отлично, в каком радостном состоянии были все мы, когда появились впервые наши «корабли пустыни», как сильно интересовались все мы всеми ими. Чувствовалось приближение начала далекой дороги.

Как внимательно относились к ним на пастьбе, постоянно думали о лучшем их сбережении для Цайдама и проч., и вдруг — их, этих незаменимых в путешествии по Центральной Азии караванных животных, отнимают у нас! [Нет], мы сами их продаем — [вынуждают]!

Объявился министр юстиции, очень порядочный человек, строгой жизни, некурящий, непьющий, один из продавцов нам верблюдов. Мне он очень понравился, человек, с которым можно и интересно разговаривать.

Днем я навестил Д. Р. Ринчино: приятный, обстоятельный человек и всегда интересный собеседник. С ним о многом деловом переговорил, выяснил взгляд на предстоящее, заручился возможностями содействия и проч. До приезда представителя России воздержусь от принятия каких-либо реальных шагов. Словом, мое совещание с Р[инчино] носило интересный и приятный характер, и я получил в этом отношении удовлетворение. Позднее мы с Цокто Гармаевичем навестили симпатичнейшего Павла Никол[аевича] Шастина, благополучно перенесшего тяжелую форму болезни, переданной ему больным монголом. Нынче Шастин находится на пути к полному выздоровлению. И в физич[еском] и в нравственном отношении ему легко: с ним жена и двое сыновей, прибывших из Иркутска, и проч.

Вечер мило провели у симпатичных Байковых, до 12 часов н[очи] с лишком.

17/XII, ♑. Погода мягкая, не похожая на монгольскую, в особенности днем, когда ясное южное солнце греет до начала таяния. Ушли верблюды с нашего двора к другому хозяину. Жаль и очень жаль, когда чуть не прощаешься с ними.

Теплый, приятный день меня всегда манит к ясному заветному югу, я не смогу переносить дольше разлуки с Южной Гоби, Нань-шанем, высоким далеким Тибетом. Кто усладит мою душу, кто удовлетворит мою пытливость?

Наконец-то увели со двора наших верблюдов в так наз[ываемый] Госторг. Там им вначале приготовили мягкую подстилку и корм — полный отдых, внимательное отношение, затем, вероятно, поставят на работу — везти вьюки в Калган и обратно!

Вечером от монот[онного] времяпрепровождения играли «в дурачка».

Погода по-прежнему продолжает стоять для здешних мест довольно мягкая, температура редко спускается ниже –20°R, чаще стоит выше, даже на утренней заре. Ночи превосходные: тихие, дивно-прозрачные, яркозвездные. Млечный Путь, созвездия Орион, Орел, Лебедь, Вега — одно сплошное небесное очарование.

Поздним вечером, от 9 до 11¼ часа я доставил огромный интерес и высокое удовольствие двум милым девушкам Цокто Гармаевича — Марусе и Нате, показав им стереоскоп с видами, типами и образцами государственного достояния в области художественного творчества, равно познакомив с улицами и выдающимися зданиями столицы, иностранных городов, парадами войск и проч., проч. Чуткие девушки были в неописуемом восторге и благодарили.

18/XII, ♂. Приятное утро, хотя порывистый, меняющийся в направлениях ветер и портит его. Ясно, по горизонту проносятся в виде кружев тонкоперистые облачка. Дали открыты. Приближается новый ранний праздник, отдаленных учеников решили уже отпустить!

Мой спутник Бохин подыскал себе место в своей области — делопроизводителем по санитарной части. Если не будет пить или за ним будет надзор, выйдет на стезю настоящего работника.

Кондратьев продолжает успешно работать! Канаев понемногу делает птиц (на шкурки). Прочие, кроме ночных дежурств, празднуют. Галсан собирается в Верхнеудинск к хамбо-ламе.

Сегодня меня навестил кончун-сойбон — энергичный, простой, толковый, но очень много уступающий в воспитанности, деликатности и прирожденной тактичности дипломатической моему старому приятелю кончун-сойбону, входившему в состав походной свиты Далай-ламы в Урге в 1905 г.

После обеда я с Цокто Гармаевичем отправились в его м[инистер]ство вн[утренних] д[ел], побывали в 3 кабинетах: в 1-м, в очень бол[ьшой], жарко натопл[енной] комн[ате] (все это китайский ямынь) сидели несколько человек за низк[ими] письмен[ными] столиками, писали, прочитывали вместе, сверяли, вдумчиво смотрели в бумаги и проч., во 2-й комн[ате] — то же самое, только здесь отд[еление] м[инистер]ства юстиции творило суд, в 3-й, собственно в юрте, подобающе обставленной отдел[ьно] для трех лиц — предс[едателя] или самого министра, тов[арища] мин[истра] и Цокто Гармаевича, сидящ[его] рядом, за одним столом с управл[яющим] министерством. Здесь происходили нотариальные формальности с выдачей и скреплением документов. У входа, [у] китайских ворот, толпилось немало народа, преимущественно монголов, и как включение стояла русская женщина.

После осмотра учреждения МВД мы поехали в город, или Курень, как говорят здесь, и здесь усердно заходили из одной лавки в другую: покупали к празднику материи, услады всякого рода, омулей, убранства на елки и проч. В совокупности я истратил около 60 долл[аров] и вернулся вместе с Цокто Гармаевичем в карете, на извозчике-китайце.

На этот раз в городе отмечено мною немало крашеных, иногда цветистых, нарядных девушек. Все эти маленькие «дамы света» или состоят наложницами у китайцев, или же живут в собственных юртах, более или менее прилично обставленных, вполне самостоятельно и торгуют собою. «Дома проституции» здесь нет, и поэтому в центре религиозном, администр[ативном], торговом при массе пришлых мужчин женщин мало, они в высоком спросе и т.д. Нравы свободны, болезни венерические в полном ходу. С этим несчастием местные средства справиться не в силах, и молодежь гибнет в цвете лет. Когда сидишь дома, в приятном тихом пункте, не видишь городской толчеи, пестрых компаний, цветистых, рогатых уборов, не слышишь шума городского, то, попав в город, поражаешься всему и скоро устаешь.

Ныне в Урге торговля очень развита: вы, не имея буквально ничего, можете получить на местном базаре все, что вам не только необходимо, но и предметы роскоши во всякого рода отделах. Товары привозят преимущественно из Тяньцзина. Несмотря на отсутствие жел[езно[дор[ожных] сообщений, Урга не чувствует большого неудобства, так как между ней и Калганом развито порядочное автомобильное сообщение. Таким образом, торговля с Россией всегда будет под большой угрозой конкуренции с Китаем и через его порты с американскими и европейскими товарами. Монголы не желают проведения в Ургу жел[езной] дор[оги] ни с ЮВ, ни с севера.

На базаре, как в клубе или на Невском, я встретил немало знакомых. Между прочим: из Сангина — Карнакова, из урочища Баин-булак — Ежо; с последним столковались относительно поездки в леса и горы. Предположено отправиться туда, к северу, завтра.

19/XII, ☿. Сказано — сделано. Сегодня с утра меня собирают в экскурсию зоологическую на несколько дней. Хочу насладиться тишиной, видом

лесо-горных зон и хочу погулять и послушать шум гор и леса и голоса пернатых, хочу посидеть в лачужке и насладиться деревенской идиллией. Жажду видеть гордый полет царственного хищника, слышать унылое гуканье филина, металлический звук розовой птички Uragus sibiricus. Хочу видеть мерцание костра, огонек на склоне гор (собственно не огонек, а свет), вой волков и проч.

Вчера вечером невольно я вздрогнул во время осмотра в стереоскоп снимков из минувшего путешествия, в частности Алтай: караван, мой Ванька милый* и все прочее воскресло, ожило и породило массу наиприятнейших дум. Надо взять их у Цокто Гармаевича, они мне нужнее, и дороже, и роднее, нежели моему спутнику по Монголии и Каму.

Итак, мне нужно повидать Кондратьева, дособраться и вместе с Иосифом Яновичем Ежо отправиться в знакомый путь по Сельбе, вверх к снегам, к лесам, к кручам гор.

23/XII, ☉. Итак, выехав из Урги в ☽, 19/XII, я только в ☉ к обеду возвратился домой, где нашел все благополучным. Таким образом, целиком я провел три дня в общем вполне удовлетворительно: добыл 5 чечеток, синицу Poecile borealis, черного дятла, ♀, щура и 3 сорок, всего 11 птиц! Последний день, накануне отъезда, был дивный: тихий, ясный, теплый. Я убил на биваке трех сорок одним выстрелом (№ 6 дроби), позднее синицу, потом трех чечеток, также одним выстрелом, и в заключение, на соседнем перевале, щура. После ужина я долго не уходил с прогулки со двора: горы и лес красиво озарялись лунным светом, тишина была полная. Побродив вокруг, я уселся у подножия сенного стога и долго-долго любовался лучшим звездным районом. Семизвездный Орион поднялся над средней вершиной, выплыл из-за нее последовательно всеми звездами. Чуткая собачка, сибирка, молчала. Окрест стояла жуткая, абсолютная тишина. Я долго, до поздней ночи, не мог заставить себя уйти спать. Да и там, в скромном помещении, на полу, мы долго беседовали с Ежо об охотах на медведей и тигров, прежде нежели отошли ко сну, в область Морфея. А в самом начале охот[ничьих] или звериных рассказов Т[аисия] П[авловна] курьезно поведала мне, как их «буланку» на заре медведь хватил за морду, не давая ей возможности уйти от непрошеного гостя. «Курьезно было наблюдать в сумерках утра на заре, по тревоге монгола, — говорила Т[аисия] П[авловна], — как молодой медведь очень быстро повертывался, строго следя за движением лошади; высокая лошадь всхрапывала, поднималась на дыбы, но он ловко держал ее на месте и, конечно, достиг бы своей цели — задавил бы, если бы не крики десятка голосов из всей мочи, на что мишка рассерчал и поплелся в соседний бургасу, или бургасетник, сплошным насаждением залегавший и теперь от края до края через урочище — обитаемый участок Ежо».

Ночью я выходил в то время, когда бледная-бледная Луна стояла в зените: тишина оставалась прежняя, ни одного звука не нарушало зимнего горного покоя.

Наш путь туда, в Баин-булак, далеко не носил характер прогулки: мы выехали поздно на измученной лошади, на дровнях, наспех приведенных в

---

* *Гавриил Иванов. (Прим. сост.)*

свой вид моим Гусевым. Навстречу нам дул ветер со снегом. Я был в бодром состоянии, и мы за 3½ часа только добрались до тепла приюта. Мне было радостно, но лучшее состояние мое испортил Л. Шастин (везде присутствующий), молодой парень, бездельник, любитель пострелять во что хотите и вот, по временам, делающий набеги на Баин-булак и на Сангин.

20/XII, на другой день моего приезда в Баин-булак, погода продолжала стоять отвратительная: северный ветер с порывистыми вихрями плюс снег дополняли неприятное состояние атмосферы. Ежо и Л. Шастин отправились за водой, по дороге набрели на гурана, и Ш[астин] даже стрелял, но неудачно. После завтрака Ежо и Л. Шастин поехали вверх по Баин-булакскому ущелью, вернулись поздно. Ежо убил гурана, Шастин надавал промахов. К сумеркам пылкий охотник укатил восвояси с притороченной ляжкой гуранины в дар за услуги старшему охотнику.

Ночью продолжал ветер дуть с большой силой, иногда уныло завывал. Я был наверху, за сосновым перевалом, нашел стайку чечеток, из которых одним выстрелом убил парочку. Птички фунтиками упали и утонули в снегу. Зайдя домой, в жилье, я отправился на ключ, не замерзающий в течение зимы, но покрывающийся наледью и дающий возможность птичкам, и даже скоту, утолять жажду. Вверх и вниз тянулись сплошные заросли балго-мото или другого какого-либо кустарника.

Мимо меня стремительно с вершин северо-восточных гор пролетел сорокопут (небольшой, неконтрастный в окраске), скорее бледно-серый, с пестринами, и скрытно пролетел до одинокой сосны, на вершину которой и уселся. Я скрал его на хорошее расстояние, но старый патрон испортил дело: подстреленная птичка пропала для коллектора. Выяснилось лишь, что сорокопут здесь, в Монголии, зимует! Но какой вид? Осталось пока невыясненным (Lanius mollis).

21/XII, ♀. Ранним утром было холодно и неприятно, тем не менее мы собрались на охоту, на облаву: я, Ежо, стрелки, три также конных монголабурята — загонщики. Меня подмывали два обстоятельства: лисицы и волки; первые ютились вблизи, в порослях смешанного леса, на северном склоне второстепенного увала, вторые подразумевались в лесу, прилежащем к большой дороге, у устья Б[аин]-б[улакского] ущелья, там, где находились остатки трупа лошади. Таким образом, облавным способом мы провели весь холодный, с северным ветром и вихрями снежными день! Истомились, продрогли, в результате я ни разу не выстрелил. Ежо же такую закатил канонаду, что хоть святых уноси! Он безрезультатно настрелялся вволю по козам и катал-катал на всякие расстояния!

О дне 22 и 23/XII, об охоте и приезде домой, я уже написал. Васильев скоро прибудет и привезет нам, вероятно, решение Москвы. Госторг успел сбыть наших верблюдов.

24/XII, ☽. Мрачное, холодное утро и весь день! Скверно в природе, тяжело и на душе, страшно тяжело, так гадко, мерзко, как давно-давно не бывало. Был с докладом К[ондратьев]. Кое-что выпросил для праздника. Позднее заходил Убугунов, как обыкновенно, побеседовал и ушел к себе. Он тоже надеется на приезд В[асильева], которым разрешится наша дальнейшая судьба. Иначе, конечно, и быть не может.

Мои старшие почти все ушли смотреть шаманку, о которой было так много разговоров. Гусев кое-что собрал для праздника. Пишу, а на душе черт знает как больно скребут кошки. Что и почему — не знаю, поживем, увидим. Что-то не пишут мои «скитальцы» во главе с Глаголевым?

Бадмажаповы укатили всем своим гнездом на елку к бабушке Эккель встречать праздник по-немецки. Я один пойду к своим славным милым соседочкам М[арине] и Н[ате]. Они будут дома гадать! Самым вечером мои возвратились, и мы пошли в юрту старших на елку. Было очень мило: огоньки елочки (кедра), конфекты, мятные пряники, картинки-птички и золотой дождь невольно уносили к родным очагам, на далекий север! Думалось: вспомнят ли нас там, откуда так сердечно провожали экспедицию, поймет ли меня моя одинокая душа в С[мольном], славная Ж[енеч]ка, ведь сегодня день ее ангела. Почему-то я много-много раз ее вспомнил! Интересно знать, когда мое общее послание дошло до моих друзей вообще и до славной, бедной, одинокой девочки! Потом, невольно, я вспоминаю мой родной уголок на Смольном, в № 6.[76] Как-то мои поживают и сколько раз их мечта прилетит ко мне, в далекую Азию! Вспомнят также и некоторые из моих географических друзей-единомышленников далекого скитальца. Ведь именно в этот день, как равно и в день кануна Нового года, принято вспоминать далеких и близких друзей. Многие из них знают наш зимний (невольный) пункт и вспомнят и очень-очень пожалеют. Мечта, мечта, обними всех моих друзей тепло и крепко и сообщи им мои сердечные, горячие чувства и мою дружескую любовь к ним. Все передай!

Настала ночь, я улегся около 11 часов, а мой Пшевик — около 2 часов ночи. Луна озаряла Ургу и особенно картинно массив Богдо-ула.

25/XII, ♂. Морозное, полуясное утро, ветер с ССЗ крепкий, пронизывающий. Все вокруг спит беспробудным сном зимы. Движений по улицам не видно, за исключением пешеходов. Вновь открылись дали, белые, безжизненные, холодные.

Скоро, скоро выяснится положение моей Тибетской экспедиции: праздниками, двадцатыми или последними числами старого года, последними днями декабря месяца, мы уже будем знать если не все, то очень многое от Васильева, будем знать, чем встретит нас Новый год!

Теперь неизвестное ожидание, завтра-послезавтра глубокие думы о предстоящем известном! Но что, однако, задержало выход (своевременный) экспедиции в глубь Монголии? Ведь теперь экспедиция должна была бы быть в прекрасном интересном урочище Шара-хулусун, а так сиди и жди у моря погоды! Теперь не можешь сказать, где и что будет с нами на предстоящий 1924 год! Мы с Пшевочкой до 2 часов дня сидели у себя, обедали в компании с А. А. Дудукаловым, который, между прочим, пригласил нас к себе в ☉, вечерком. Он говорил о Сангине, о снежной туда дороге, говорил о большой юрте, которую торгует, и проч.

После обеда мы пошли к своим в юрты поздравить спутников с праздником и посидели у старших. Я ушел раньше, Пшевочка оставалась до самого темного вечера. К[ондратьев] придумал глупую игру в «кроликов»: все улеглись на животах, головами в центр и лежат, а он спустя известный промежуток спросил: «Ну, что, хорошо вам?». Общий хохот, сознание глумления — и игра окончена.

За столом у Цокто Гармаевича долго беседовали с Б[орисом] Ив[ановичем] Меркуловым, потом чтение Лермонтова.

26/XII, ☿. Васильев еще в Троицкосавске. Мороз крепчает, –34,5°С. Ночь тиха и спокойна. При ярком лунном свете ни одного метеора. По мере поднятия дневного светила в воздухе становится отраднее. Все же южное солнце очень ярко и в холодный воздух вносит много-много оживления. Богдо-ула погребена снегом, и как контрастно выделяется на белом фоне ее растительная или древесная зона, словно складчатая лента.

Вчера, между прочим, я написал в альбом Маринке мал[енькое] стихотворение.

Сегодня Канаев будет препарировать крупных птиц, добытых мною в Баин-булаке.

Надо навестить кое-кого: Ринчино, Байковых, провизоров.

Моего композитора просят устроить концерт или принять глав[ное] участие в концерте — играть на рояли. Не сегодня же?! Надо перенести за начало Нового года.

27/XII, ♃. Утро особенно ветреное, холодное, ветер садкий, крепкий при –27°R! Удовольствие не из особенных. Да, с поворотом солнца к северу началась формен[ная] зима. Два-три месяца будет еще очень и очень холодно. Очень любопытно, сколько времени пролежит мощный покров снега?! Как тяжело кочевникам, сколько останется у них скота?

Сегодня экспедиция устраивает обед, на который кроме всех своих приглашены Бадмажаповы (супруги). У нас закуски (консервы) и пития: водка, коньяк, кр[асное] вино и мадера; еда — плов, сладкое — компот, к чаю — печенье и пастила. Кажется, все, чем угощаем, — это экспедиционные запасы. Мои спутники стараются вовсю, чтобы не ударить в грязь лицом!

Приготовлений и искреннего желания сделать хорошо было много. В заключение или даже за чаем будет музыка — очень хороший граммофон с интересными пластинками.

Наш обед прошел весьма удовлетворительно: было сытно, чисто, аппетитно приготовлено и все были вместе в приподнятом состоянии. После чая со сластями и слушания граммофона мы все разошлись. Телешка подвыпил. Остальные все — молодцами.

Вечер мы провели в театре, в Нардоме, на пьесе «Химка», удачно (но очень долго) сыгранной местной труппой во главе с А. В. Байковым (доктором). Вернулись домой в 1 час 40 минут ночи, без одеяла-ковра, уворованного с дрожек во время обогревания кучера в помещении Н[ар]д[ома].

28/XII, ♀. Проспали долго — до ¼ 10-го часа утра. Облачно, серо, туманно, юго-восточный ветер принес влагу, облака, снег и повышение температуры. Праздники проходят довольно скоро и тем не менее очень монотонно! Кроме своего ограниченного кружка знакомых, мы никого не видим. Сегодня вечерком мы, между прочим, навестили Ринчино и очень приятно провели у них вечер. Мне удалось еще разок напомнить ему о бумаге для тибетца Галсана на ружья, их хранение и перевозку до места назначения. Д. Р[инчино] обещал, но по этому делу он лично должен предварительно переговорить с дониром. На этом мы и порешили! За ужином нас угощали

настойкой из брусники, очень вкусной, но и очень крепкой. В заключение я выпил полный стакан арцы — страшно кислого молока, говорят, замечательно полезного человеку вообще. Одновременно с арцой пить ничего нельзя! Иначе получится то, что называется «фридриком-хераус»!

Вечер был превосходный: тихий, ясный, не холодный, и Ринчино (супруги) проводили нас до самого дома! Наш хозяин все еще отсутствовал. Надо полагать, увлекся картами.

Дома у себя мы скоро отошли ко сну. Я почему-то много и долго видел во сне Бильдерл[инга].

29/XII, ♄. Как ночь, так и утро ясные, прозрачные, довольно холодные. Нас поднял с постели ровно в 9 часов утра неожиданный приход Ц. Ж. Жамцарано. Оказывается, он был поставлен в недоумение посещением (не заставшим) его Елизаветой Владимировной и думал: «Зачем я ей, не случилось ли чего с Петром Кузьмичом» (т.е. со мною) и проч. Все это очень мило, здесь еще более сказался симпатичный человек, каким в действительности и есть милый Ц. Жамцарано.

Уже 11-й час утра, а хозяина нет дома. У него сегодня по случаю дня рождения сына Гавы елка, собрание детей! Гавушке сегодня два года: мальчик растет, мужает, дает понять, что обладает недюжинным характером и способностью говорить и мыслить!

Итак, праздники идут, оканчивается старый, 1923, год, подступает Новый. Что-то он даст моей Тибетской экспедиции! Будущность неизвестна!

Цокто Гармаевич объявился к обеду, после которого по-праздничному почти весь дом спал, и только к 4 часам все поднялись, оживились и стали ждать гостей, их приезда. Собралось много больших и мал[еньких] детей на елку. Дети веселились, прыгали, танцевали, ели, пили и после 7—8 часов вечера разъехались по домам. Остались старшие, которые по-своему пировали (с шампанским) до полуночи. Все были оживлены, веселы, разговорчивы. Я выпил около трех бокалов шампанского, хотелось веселья, и я был весел.

30/XII, ☉. –21.1°R, ясно, почти тихо. Зима дает себя чувствовать. Все спали долго. Теперь мы встаем позже 9-ти ежедневно и около ½10-го—10 часов оканчиваем чаепитие. Ко мне приносили на продажу различные ценные вещи (добытые у троицкосавцев перекупщиками-бурятами, преимущественно бурятками). За сколько они должны сами купить ценности, чтобы оправдать значит[ельные] накладные расходы? Теперь, говорят, всякого рода ценности очень охотно приобретаются монголами. Так всегда: одни богатеют, другие разоряются. Прежде в Ургу китайцы привозили много всякого рода ценностей (нефрита, изделий из слоновой кости и проч.), имея в виду главным образом большой спрос на все это со стороны двора Богдогэгэна. Ныне обстоятельства изменились, и в Ургу везут, скорее, предметы, с одной стороны, повседневного обихода, а с другой — повседневного спроса. Короче сказать, по части буддизма — нефриты, изделия из слоновой кости — за истекшие три месяца мною ничего не добыто! Ничего нет интересного, ничего не несут по части дорогого зел[еного] нефрита. Ни одной не приобретено хорошей, интересной металлической статуэтки.

Вечер мы всей нашей компанией провели у милого Дуду. Кроме нас и брата А[ндрея] А[лександровича] были Бердиевы; в общем, было мило и любопытно. Вернулись домой около 11 часов.

Ночь была превосходная, тихая, ясная, звездная. Орион и Сириус неподраж[аемы]!

31/XII, ☽. Канун Нового, 1924, года! Серенькое, холодное утро! Пшевочка пришла с дежурства. Как и где мы будем встречать Новый год — пока неизвестно, но мне очень хотелось бы встретить с моими мальчиками вместе! А где шкура медведя? Почему Гусев не доложил мне о ней! Ее надо отдать кому-нибудь! Возить не следует.

Позднее явилось ко мне двое монголов от министра финансов и поднесли мне испорченную (съемкой) шкуру молодого медведя и кусок (часть) зуба огромного ископаемого животного. Этим ничтожным подарком я был очень доволен. Интересно только получить точные данные о местонахождении того и другого. Ведь зоологические находки тогда только и интересны, когда известна их дата.

Еще позднее Е[лена] П[етро]вна побывала у Васильева, немножечко ознакомилась с ним и теми поверхностными взглядами, которые он усвоил об экспедиции и ее географических интересах. Вас[ильев] привез ей письма и подарил несколько куропаток, настрелянных по дороге в Ургу, около зимовок или станций.

После того как он сориентируется, он примет меня (примерно 5-го или 6-го).

В[асилье]в — охотник, имеет ружье a la Winchester[77] и жаждет поохотиться. Между прочим, он выразил желание познакомиться с членами Тибетской экспедиции!

Сейчас 9½ часа вечера, я пишу дневник, моя Пшевочка ушла в экспедицию, которой отпущены заедочки и усладеньки, и запивочки. Новый, 1924, год мы, таким образом, встретили со своими мальчиками в бол[ьшой] юрте. Сначала я зашел в малую юрту, поднял чарку, сказал здравицу: «За благополучие и успех экспедиции», побеседовал с ними и отправился в большую юрту. Меня сопровождали Телешка и деж[урный] Помытов. Со своими старшими товарищами я пробыл около двух часов, развесив их поровну от момента Нового года. Ели, услаждались, пили вкусные запивочки, мило беседовали и много пили кофе и чаю со сластями. В сборе были все — так было мило и приятно!

Вернулись домой ровно в 1 час ночи. Начался новый, **1924 год**, год високосный!

1924 г. 1/I, ♂. Ясно, морозно (–22.3°R), прозрачно-прозрачно! Что год грядущий мне готовит? Увижу ли я, с одной стороны, Россию, с другой — Хара-хото и Нань-шань и т.д.? Исполнится ли моя заветная мысль, хотя бы отчасти приблизится? Вот вопрос, неотвязно стоящий передо мной!

Днем ко мне заехали Дуду и Георг[ий] Ник[олаевич] Бердиев, направившиеся дальше к Васил[ьеву]. Я лежал как простуженный. Позднее говорил с Абидуевым, который уступил мне три слоновой кости (изящной работы) коробочки. Совсем же поздно, во время вечернего чаепития, мимоходом из конс[ульства], от Васильева, зашел милый Ц. Ж. Жамцарано, сообщивший мне много интересного о беседе с вновь прибывшем консулом. Мне предстоит свидание с Васильевым не ранее пятого января. Это очень интересно. В этот же день нами получена почта — письма из разных уголков России и

Сибири. Между прочим, жалуется Михно на предстоящую перекочевку Музея и библиотеки Тр[оицкосавско]-Кяхт[инского] отд[еления] Русского географического общества в В[ерхне]удинск и на то, что его ближайшие сотрудники уже назначены к увольнению от службы. В заключение просит моего «авторитетного заступничества». Есть мысли: обратиться с письмом к Шокальскому, далее просить Васильева оставить все по-прежнему, как лишний культурный показатель России, ее науки по изучению стран на границе с молодой самостоят[ельной] Монголией.

Пока же надо написать П. С. Михно, успокоить его хотя бы немножечко.

2/I, ☿. Ясное, прозрачное, холодное утро! Зима в апогее своего могущества. Не знаю, где я так сильно простудился, немного нехорошо самочувствие и кашель, в особенности сильный, почти непрерывный в постели.

Сегодня я получил подарок — карточки (фото) от супругов Цецен-ванов (обедневших).

Удивительно, как деликатны и честны в данном слове культурные или верхние слои монгольских представителей. Ведь они несут традиции и благородство с дородством.

Сегодня двое моих спутников, Телешов и Степанов, отбыли из экспедиции домой. Первый, вероятно, навсегда, второй — до указания ему срока «явиться» на сборный пункт. Сегодня я долго обсуждал план моей экспедиции, ее возрождения и решил таким образом: часть участников, менее пригодных, распустить, а другую — наиболее надежную — оставить. Самое крайнее число оставить, а именно человек 12, считая в том числе и руководителя экспедиции. Тогда список участников экспедиции будет такой: я, Пшевочка, Кондратьев, Павлов, Симуков, Даниленко, Канаев, Степанов, Гусев, Пахомов и (может быть) Глаголев и Горбунова. Если еще прибавить сюда переводчика монгольского и китайского языков и троих пол[ит]. ком[иссаров], тогда составится 16—17 человек — достаточная сила для парирования всякой случайности. Вот за кого я буду стоять и кого поддерживать.

Пришло неожиданное приглашение в Мандал на охоту за волками — с одной стороны.

С другой — привезли нам билеты на кабаре (в пользу Нардома). Моя домашняя компания осталась довольна вечером в Н[ар]д[оме] и оживленно знакомила меня на утро следующего дня. Бал-маскарад был интересен: приз получила маска «Черт» — женщина. Вообще костюмы были очень интересные, блестящие, преимущественно, конечно, иностранцев.

3/I, ♃. Ясное, холодное, прозрачное утро. Вершины окрестных гор горят серебристым, искристым блеском. Природа зимняя имеет свою оригинальную прелесть. Прекрасно!

Сегодня у меня был очень интересный гость — Доной-бэйсэ (Сайнойонского хошуна), учитель Сайн-нойона, проживающий у северо-восточного подножия Бага-богдо. Мы с ним обменялись подарками: он мне поднес зубы ископаемого животного, найден[ные] в окрестности урочища Ходату, горы Хонтэ. Из этой горы выходит на юг речка Холт, по обрывам, сопровождающим ее течение, и находят такие зубы, и данные экземпляры найдены там же. Интересно для восстановления истины, что р. Аргуин-гол

своим устьем образует солончаки, среди этих солончаков, в урочище Хобур, есть колодец. От этого колодца по бокам глинистых выступов попадаются кости (в красных и зеленых глинах) огромных позвоночных. Нужна певцовская книжка «Из Алтайской станицы...».[78] Для сведения сообщил Донай-бэйсэ, что если в известной местности попадется тот или иной костяк, позвонок, то следует идти с лопатой в известном дальнейшем направлении, чтобы найти все части, слагающие целое животное.

К северу от урочища Хотату (Ходату) имеются огромные намогильные памятники больших размеров. Гора Уоша очень интересна большими провалами — пустое место в виде храмов. Пастух однажды провалился. Очень любопытное место (у окр[аины] Хара-нур). Оригинальные камешки вроде почек (красных) или черепков посуды.

Позднее мы много говорили по поводу предстоящих экспедиционных изменений — состава, программы и проч. Все это по поводу предстоящих переговоров с Васильевым. Я выработал предстоящий персонал экспедиции после его сокращения в Урге и в связи с коренным изменением программы научного изучения Центральной Азии.

4/I, ♀. Вчера с вечера падал тонкий снег, недолго, затем тонко-перистые облака исчезли, и небо вновь заблестело звездами. Наутро –24.6°R.

Однообразно, монотонно идут дни за днями в Урге, словно катится колесо жизни по одной и той же равнинной дороге. Мои мальчики собираются в Мандал, в рекогносцировку, проверить показание мандальцев о большом количестве вокруг их селения волков, диких коз и пернатой дичи. Кажется, завтра трое из моих спутников, а именно Конд[ратьев], Павлов и Котик, укатят на охоту. Я им очень завидую, в особенности если действительно они увидят волков или настреляют мне интересных птичек и птиц для орнитолог[ических] коллекций. «Елена Прекрасная» ушла к Васильеву узнать, когда полпред примет меня.

Сегодня я читал в местной газетке[79] о чествовании С. Гедина Москвой в Доме ученых.

В юрте произошел курьез: показывая разл[ичные] фотографии, С. А. Кондратьев дал товарищам фот[ографию] своего отца, со словами: «А об этом жиде, что вы скажете». Мальчики, и в их числе и моя Пшевочка, дали, каждый в отдельности, очень нелестную характеристику. Так, например, Котик сказал «гробовщик», Андрюша: «Этот тип не может хватать с неба звезд и в отношении музыки он, вероятно, играл всю жизнь только лишь на флейте». И только моя Пшевочка случайно не села окончательно в лужу: из-за лени думать она ответила: «Мне не интересно думать об этом человеке!». И только тогда, когда Пш[евочка], показав мне [эту] самую фотографию А. А. Кондратьева, узнала истину, она, а через нее и остальная публика, ужаснулась по поводу происшедшей неловкости. Так часто в жизни бывает недоразумение, всегда надо побольше думать, прежде нежели решить!

5/I, ♄. Сегодня небо полуясное, воздух морозный, почти тихий; мои мальчики собираются на охоту. Убугунов отправился к Васильеву. Старый знакомый ямщик Димитрий (кяхтинец) предлагает услуги: свезти троих спутников через Троицкосавск в Верхнеудинск, временная остановка в Троицкосавске предлагается Д[имитрием] в его доме. Кажется, последний

вопрос пройдет полностью. Мои мальчики в полдень втроем укатили в Мандал.

Убугунов вынес впечатление от А. Н. В[асилье]ва, что он не уполномочен сказать об определенном решении прав[ительст]ва об экспедиции, но что В[асильев] заверяет, что на основании его запроса прав[ительству] с указ[анием] определенных мотивов (что может быть после ознакомления Васильева с персоналом экспедиции) Вас[ильев] непременно в скором времени получит ответ для экспедиции. По мнению В[асильева], нужно экономить средства и без указаний п[равительст]ва не ездить или строго выполнять приказ Центра отправиться всей экспедиции. Ел[ена] была у В[асильева], отвезла ему письмо Уб[угунова]; вероятно, [дана] политич[еская] окраска состава экспедиции. В[асильев], между прочим, показал Л[ене] халат подарочный с золотыми драконами, спрашивал совета, [что] подарить здешн[им] монг[ольским] властям. Еще сведение, что В[асильев] располагает пятью охотничьими ружьями: четырьмя обыкн[овенными] центральными и одним типа «Винчестер».

В конце концов В[асильев] пригласил Лену на охоту за 20 верст, в окрест[ности] Урги. На первой ночной смене дежурства стояла моя Пшевочка. Ночь холодная.

6/I, ☉. Утро типичное зимнее, холодное, со слоистыми облаками, опоясывающими весь горизонт. Пшевочка и Цокто Гармаевич с утра едут к астрологу, везут ему дар — парчу и т. д. Интересный ответ, пророчество: в Тибет не пойдете, кроме мечты и мысли; зимой вообще будете сидеть в Да-Куре; если выступите весной, что вполне возможно, в Монголию, то экспедиция будет на высоте своего положения; не надо по ночам много думать, а надо спать. Ехать домой не следует!

Убугунов был особенно внимателен и откровенен. Дословно передал содержание бумаги, изложенной по поручению А. Н. Васильева. Это, собственно, характеристика (в политическом отношении) состава экспедиции. Вас[ильев] сказал: «Такая оценка лиц послужит экспедиции большим плюсом». В Центре вопрос был поставлен таким образом: «Быть или не быть! Вернуть экспедицию или не вернуть!». Убугунов доказывал необходимость поездки в Москву представителей экспедиции. В[асильев] стоял за обратное. Убугунов, изложив все мне, убеждал меня (искренно) быть твердым с В[асильевым] по отношению нашей поездки в Центр.

7/I, ☽. Ясно, холодно, северо-, северо-западный пронизывающий [ветер] при –24.7°R. Прозрачность открывает дали.

К 11 часам у[тра] я отправился по делам и с визитом к А. Н. Васильеву. Он не заставил меня долго ждать, принял в обычном кабинете. С первого взгляда и поклона он мне понравился, в нем много ласки и того качества, которое наз[ывается] подкупающим и располагающим, и человек делает вас искренним. Представительный, лет около 45, он, скорее, полный, мускулистый и с внешностью, которая скоро запоминается (с энергичным, двойным подбородком). Мы приступили (после общих любезных фраз) к делу! Мне хотелось скорее услышать интересные сведения. На что А[лексей] Н[иколаевич] с сожалением заметил: «Я не уполномочен, у меня для вас нет исчерпывающих данных, я лишь в самые последние ¼ часа был

ориентирован Н. П. Горбуновым об экспедиции. Я не слышал определенных фраз: идти или не идти экспедиции, точно так же на Вашу телеграмму, Ваше предложение последовало молчание. Значит, толковать можно и „за", и „против". «Я,— говорит В[асильев], — не нахожу нужным вам ехать, я собрал достаточно данных, союзников экспедиции, которые помогут ей двигаться вперед и оправдать доверие правительства. Все, кого я ни спрашивал (представительство, монгольское правительство, другие органы-учреждения и лица и мое исследование в области жизненных условий экспедиции), все говорят о порядочности экспедиции с разных точек зрения. Поэтому если и надо кому ехать, так это только Е[лене] П[етровне]. Она, хотя и не партийная, тем не менее заслуживающая доверие в известном круге, как сестра влиятельного человека. Мне некоторые (Юдин) говорили, что экспедиция принесла с собою культуру. Другие (монг[ольские] служащ[ие]), что среди членов экспедиции имеются люди — специалисты в муз[ыкальном] творчестве, как например Кондратьев, которого монгольское правительство с удовольствием приняло бы к себе на службу». Далее вопрос перешел к охоте, ружьям и т.д. В заключение А[лексей] Н[иколаевич] доверительно беседовал со мною как с человеком, знающим Монголию, монголов; я делился различными советами, как по отношению характеристики лиц, так и по отношению обычаев и даже вкусов в отношении того, как и что более всего может нравиться правящим кругам и проч., проч. Васильев также заметил, что ему будет интересно как-нибудь вечером видеть меня среди его компании или он сам, в свою очередь, зайдет или заедет ко мне в экспедицию для ознакомления с нею.

А[лексей] Н[иколаевич] кое-что показывал мне из подарков представительства. Выяснилось, что я могу помочь ему в отношении таковых, которыми располагает Тибетская экспедиция. Как, напр[имер], «Коньки с жемч[ужинами]», могущими быть достойными для поднесения ханше Богдо-гэгэна.

Вечером, около 11 часов, возвратилась от В[асильева] Леночка, по обыкновению очень довольная его сообщениями и определенным взглядом на Тибетскую экспедицию. Он, В[асильев], полагает нужным отправить в Центр только одного человека, а именно Е. П. Горбунову. Ни мне, ни Убугунову этого не следует делать, по крайней мере пока. Конечно, возможно, что Центр вызовет, но может быть и так, что этого не последует, и больше за это!

8/I, ♂. Небо облачное, t понизилась до –14.5°–10°R. Думаю о своих мальчиках, сегодняшний день из всех дней лучший для охоты! Завтра, думаю, они приедут, очень интересно будет знать, как они нашли Мандал и как поохотились. Сбылись ли мечты юных охотников? Был Убугунов, наморщил лоб при известии, что консул находит нужным командировать в Центр Е[лену] П[етровну].

Ко мне заходил Дадиани, по обыкновению очень милый и услужливый, принес прекрасное издание Hermann Consten о Монголии,[80] с превосходными иллюстрациями. Затем Д[адиа]ни вручил мне газеты, два номера, с описанием чествования С. Л. Гедина! Надо заехать к Дадиани, поблагодарить его за внимание. Наш Убугунов направился к консулу по поводу того, с его стороны, взгляда на командировку лица экспедиции в Центр. Уб[угунов] не удовлетворен назначением к отъезду в Центр Л[е-

ны], находит неподходящей. И Убугунов принес тот же взгляд А[лексея] Н[иколаеви]ча: следует отправить в Москву только Е[лену] [Петровну]. Наши три спутника: Худяков, Касимов, Помытов — усердно готовятся в обратную дорогу. Эта категория людей причиняет мне много хлопот и беспокойств.

Моя охотничья компания возвратилась, привезя с собою десятка два птиц, в том числе воронов, куропаток серых, сойку Брандта и Leucosticte giglioli 11 экземпляров. Они все в восторге, они все загорели, много видели красоты и проч., кроме того, Кондратьев убил козу (из винтовки), Котик только любовался группой на расстоянии 300 шагов. Молодец, мальчик!

9/I, ☿. Серое, скорее ясное утро, с сильным северо-северо-западным ветром. Несмотря на не низкую t воздуха (–16.7°R), все же крайне холодно. Экскурсия моих спутников выяснила, что там можно устроить облаву и с большим успехом поохотиться на коз.

Мечтаем об облаве генеральной, не знаю, что выйдет. Вечером сегодня до некоторой степени все это выяснится. Пока что наша экспедиция редест — уже семи человек нет в самое короткое время. Еще раньше выбыло из строя 3, следовательно, нет уже почти половины. Не знаю, что будет с Убугуновым. А он со своею женой, не приносящей никакой абсолютно пользы экспедиции, стоит экспедиции довольно порядочно! Вот на днях это выяснится. Наконец-то узнаем все это. Вот теперь и посмотрите, какую сложную несогласованность учинил Центр, задержав экспедицию в столице Монголии на всю зиму, обрек ее на бездействие. Вместо того чтобы идти вперед, работать, изучать Центральную Азию, приспособляться, мы обречены на бездействие, порождающее меланхолию, тупость, вялость и проч.

Очень стремлюсь узнать, что принесет мне и экспедиции этот 1924 год, его зимнее начало? Ну говори, ты, моя вещая судьба, укажи ты мою звездочку.

В климатическом отношении начало года ознаменовалось некоторой мягкостью, довольно частой ясностью и прозрачностью воздуха, открывающей широкие далекие горизонты. Кажется, и наше душевное настроение за этот период также пока что довольно удовлетворительное.

Я лег спать довольно поздно, без малого в 12 часов ночи. Автомобили не гудели.

10/I, ♃. Ясно, прозрачно, холодно, –21.4°R, ветер северо-северо-западный, глубокая зима. Бадмажаповы вернулись домой довольно поздно, около 2 часов ночи. Они были в двух домах, хотя приглашение получено было от четырех знакомых (и ко всем к четырем часам). Вообще я могу заметить, что в Урге, в глухом, далеком углу, публика старается жить весело. Вечера с картами, вкусные обеды с обильными излияниями, костюмы и проч. — самое обыкновенное явление. Скука, безделие порождают у дам сплин: здесь нередки самоубийства на почве супружеских или других недоразумений! Господами положения, если не считать консульства, являются иностранцы: американцы, англичане, немцы и немногие другие.

Будущее Урги как торгового центра громадное. Интересно, кто будет во главе? Случайно имел свидание с Меркуловым и друг[ими] двумя обитателями Урги, интересными с точки зрения охоты или охотн[ичьих] наблюдений ♀ Урги и Улясутая. Здесь, в Монголии, северная граница географиче-

ского распространения Vultur monachus. Наконец поняла местная публика наши интересы к зоологическим изысканиям и старается в этом отношении быть полезной.

Первый раз после Нового года, его встречи, я наконец пошел прогуляться в наш лагерь. Видел собачью семью: волчица, охотничья собака, разрешилась от бремени несколько дней тому назад четырьмя щенками и сегодня, лежа неудобно на взрыхленных войлоках и нежась на солнце, придавила одного из щенят до смерти! Какая злая волчица, как напряжено ее внимание ко всему окружающему.

Наш багаж в порядке, все удобно, прилично!

Какое удовольствие быть теперь в юрте младших спутников: тишина, приличие, все лица дышат ласковым приветом, все милы, ни тени угрюмства. Вся компания (последняя), «милая троица», как удачно назвал ее наш П[авлов], [как] на подбор — никуда не годится, как только в сыск, ну и компания — один другого лучше! И сколько всевозможных претензий — не оберешься!

Лучшим и полезным развлечением здесь являются облавы. Вас[ильев] согласился последовать нашему примеру — ехать поохотиться в Мандал и Сугу-нур. Говорят, там очень хорошие нетронутые места и имеются не только козы, но и волки. И облава обещает быть (в субботу в Мандале, в ☉ в Сугу-нуре) очень занимательной.

11/I, ♀. Погода порядочная: t не низкая, −18.5°R (на заре), небо ясное, Богдо-ула дремлет, вершины окрестных гор (главных и второстепенных) горят и искрятся серебром. Итак, едем: надо толково собраться в путь, надо протереть (на вс[який] случай) мое «Гано». Сборы несложные, мы (я, Павлов, Е[лена] П[етровна] и Андрюша) готовы и в 4 с лишком часа отправляемся в путь. Нас принял в свой автомобиль И. Г. Салтыков. В Курене мы нашли автомобиль А. Н. Васильева с его компанией: Меркулов, Кандаков и друг[ие] — и мы покатили кружной (западной) дорогой в Мандал. Нам предстояло пересечь северный хребет (с пер[евала] Тологойту) в более западной пониженной части, что мы и сделали довольно успешно. За перевалом мы шли быстро вдоль северн[ого] подножия пройденных гор и южных отпрысков других, второстепенных, залегавших к северу. Таким образом, наш маршрут шел к северо-востоку, в[остоку] и юго-востоку. Невзирая на вечер и темноту, мы катили очень быстро и через три часа общего движения достигли Мандала — русского поселка на Харе. В Мандале мы приютились у гостеприимных Воробьевых (местных богатеев). Сюда тотчас явился председатель с секретарем представиться Васильеву. Выяснены также тотчас были и охотничьи вопросы с целью назавтра с зарею следовать на охоту.

Еще до спанья к нам пришли ряженые: Максимовы и члены семьи Воробьева.

Анна Иннокент[ьевна] Максимова — учительница, очень миловидная и чрезвыч[айно] симпатичная. Любительница попеть и поплясать, до «русской» включительно. Затем мы рядком на полу улеглись спать! Было чисто, опрятно, тепло. Будильник поднял охотников в 6 часов утра, а через час мы уже катили в северные горы. Мороз трещал, небо было чисто, в утр[енних] сумерках ясно выделялся волк, перебежавший нам (или нашу) дорогу! Весь наш охотничий состав — верховые и сидящие в розвальнях с интересом

и удовольствием смотрели за удиравшим волком, по временам останавл[ивавшимся] и смотревшим в нашу сторону, затем с большей быстротой бежавшим в гору, за гребень. Проехав 8 верст по ущелью и миновав стойб[ище] монголов, мы начали 1-ю облаву. Лесные скаты ютили дик[их] коз, волков и лисиц. Ни 1-й, ни след[ующие] 2-й и 3-й загоны не были удачны — козы были, но вне наших позиций, и мы во весь день ни одного не сделали выстрела.

На нашем ночлеге нам сделалось еще грустнее: один из шоферов катал детей-учеников в автомобиле и так несчастливо, что опрокинул одну из девочек (пассажирок) на крепкую снеговую дорогу, от чего у бедного ребенка произошло сотрясение мозга. Олухи окружающие ничего не нашли лучшего, как принести больную в то же помещение, в котором располагалась и комп[ания] охотников.

Дитя лежало на кроватке, а у ее постели стояли или сидели ее грустные родители. На всех нас, в особен[ности] же на А. Н. Васильева, все это произвело тяжелое впечатление. Тем не менее составленная программа строго выполнялась, и мы отправились на собрание, где предполагалось чествование Алексея Николаевича. В помещении школы, у еще не убранной елочки, стоял стол у стены, куда просили сесть полпреда. Народ собрался со всего селения Мандал (Большого, или Верхнего, и Малого, или Нижнего) и наполнил комнату. Мы (ост[альная] наша компания) сели рядом, слева от В[асилье]ва. Предс[едатель] Исаев открыл собрание призывом к приветств[ию] большого советск[ого] работника, вождя русских в глубине Монголии и проч. На приветствие встал Алексей Николаевич и очень определенно, выразительно и толково сказал речь. Говорит он красивым голосом, очень картинно, вразумительно.

В заключение речи Алексей Николаевич указал, чтобы мандальцы жили спокойно, работали, честно и добросовестно относились к своим младшим собратьям, стоящим неизмеримо ниже по развитию, — монголам и очень помнили, что они не у себя дома, а на территории (правда, очень дружественной нам) Монголии. Посоветовал русским внимательно относиться к их соседям, уважать местные обычаи и стараться заслужить полного доверия, тогда, на взаимных симпатиях, нетрудно жить в мире и согласии.

Манд[альцы] были рады, довольны и от души громкими рукоплесканиями приветствовали Алексея Николаевича. Казалось, все кончено. Но Алексей Николаевич заметил, что он еще желает сказать слово. Все напряглись. «Здесь, среди нас, есть один человек, который является гордостью России, — путешеств[енник] П. К. Козлов, великий русский ученый, который хорошо известен и за границей, имеет много почетных иностранных наград, написал немало книг, переведенных на заграничн[ые] языки. Он здесь случайно вместе со мною на товар[ищеской] охоте, но его путь очень далекий, в глубину Центральной Азии и Тибета. Пожелайте ему успеха, поприветствуйте его так, как только что приветств[овали] меня». Раздается: «Просим, просим Петра Кузьмича!». Я пошел за стол, в соседство Алексея Николаевича, и сказал также слово, характ[ер] которого следующий: «Счастливый случай дал мне возможность навестить и познакомиться с мандальцами. Я счастлив вдвойне, что нахожусь здесь с представителем России, посланником В[асильсвым], прибывшим сюда, в сердце Монголии, согласовать отношения этой страны с Россией, вести многочисл[енные]

дела и поддерживать интересы русских». Мое слово было [встречено] приятно, с симпатичным рукоплесканием и восторгом.

Зайдя на минуту к учительнице, в ее скромный уголок, мы отправились домой, а еще через полчаса в розвальнях, также вместе с Алексеем Николаевичем, катили вниз, в Сугу-нур. Там мы нашли приют в д[еревне] Смертина, в лучшем помещении, и после чаепития быстро улеглись. С местными двумя лучшими охотниками, Тугариновым и Борисовым, я уже успел познакомиться в Мандалах, куда они специально прибывали на собрание. С ними, как и с мандальцами, мы должны были начать охоту с утренней зарей следующего дня, т. е. 13/I.

Так действительно и случилось. Тем же порядком охотничий табор направился вниз по главному ущелью. Слева тянулись крутые, с острыми гребнями горы, ютившие в складках участочки леса, справа сбегали скаты менее круто, но зато сплошь занятые лесом, преимущественно из высокоствольных лиственниц. В этой области от запада к востоку или СЗ и ЮВ через ряд второстепенных боковых ущелий сделано было 3—4 загона. Самым интересным и добычливым был первый. Коз было много, шли они спокойно на нижние номера, стреляли четыре охотника: два с успехом, два с нулем, конечно юнцы. Я и В[асильев] стояли в верхней зоне. Солнце успело позолотить верхний пояс гор. Воздух дивно прозрачен. Тишина нарушена: палят много, зверь бежит по скатам и гребнем. Прелестная, грациозная, сильная пробежка козы просто поражает своими гигантскими прыжками. Иногда среди однообразного бега коза вдруг, словно мячик, подпрыгивает будто на одном месте чуть не с удвоенной высотой. Чудна тогда она! Залюбуешься ею невольно и невольно позавидуешь вольному существу. С вершин увалов и гребней открывались горизонты очень далекие, заполненные большим и высоким скоплением гор. Я и Алексей Николаевич много раз открыто выражали свой восторг по этому поводу. День прошел быстро. По возвращении на дер[евенский] стан пообедали и стали собираться домой! Но один автомобиль оказался с недочетом: лопнула головка большого винта, и сама машина застряла в Мандале. Тогда А[лексей] Н[иколаевич] на салтык[овском] авт[омобиле] со своей свитой направляется домой и обещает прислать к нам подкрепление. Наша, или, точнее, моя, компания из шести человек была разделена так: троих я оставил на месте, а сам-три переместился в Мандал, в обитель хорошую Воробьева. По-старому мы тут и встретили Новый год! Я играл в «дурачка» с членами семьи Лаврентия Яковлевича.

14/I. Погода по-прежнему прекрасная, ясная и днем, и ночью, дали открыты. Ночью небо очаровательное, звезды горят и искрятся, планета плывет торжественно. Я стрелял Mont[icola] giglioli на гумне и одним выстрелом дробью № 10 из «Гано» положил двадцать экземпляров, один лучше другого (12 ♂ и 8 ♀). Птичек было много, они кормятся даром и зимой, и осенью (на снопах). Местные обитатели говорят: «Это наши разорители, массой они съедают два-три снопа в сутки». Тут же рядом обитают полевые воробьи, рогатые жаворонки, красноклювые клушицы, сороки и немногие другие. Осторожный Corvus corax пролетает лишь далеко стороной.

После обеда я съездил в вост[очные] горы поохотиться, но ничего, за искл[ючением] коричневой сойки, не видел, с чем и вернулся домой. Все было здесь по-прежнему: никто не приехал.

Моя спутница Е[лена] П[етро]вна поохотилась за сер[ыми] куропатками по китайским пашням. Вечер мы все со своими хозяевами провели у милой А. Ин. Максимовой. Здесь мы наблюдали ряженых, их танцы, слушали пение и проч.

15/I, ♂. Ранним-ранним утром я ездил в зап[адное] ущелье на волков. Было морозно, ясно, хотя мол[одая] Луна уже зашла. К сожалению, мы ничего не видели! Приятно было вернуться в тепло и уютность, главное в тепло, так как сидя в розвальнях чувствовался сильный холод.

Вскоре прибыл посланец из Урги от В[асильева] со всем для нас необходимым. Угрюмость с шофера спала, он оживился и быстро приступил к исправлению и приведению в порядок машины. Покончив с этим, он с Л[аврентием] Я[ковлевичем] укатил в Сугу-нур за нашей компанией.

Там Андрюша С[имуков] экскурсировал в зарослях, окаймляющих реку, стесненную береговыми увалами. Растит[ельность] ущелья богата следующими формами: ива (Salix), несколько видов густ[ых] зар[ослей], лиственница (Lar[ix] dahurica), береза (Betula verrucosa, B[etula] humilis), тополь (Populus), черемуха (Prunus Padus), жимолость (Zun. coerulen), бояр[ышни]к (Cr[ataegus] sanguinea). Экскурсия Андрюши дала следующих птичек: Picus leuconotus, дятла малого сибирского, Sitta eur[opaea] uralensis, сойку коричневоголовую, синицу Poec[ile] borealis, чечеток и длин[нохвостую] синичку (Acredula), ворона (добыт Меркуловым).

Мы тотчас снялись и укатили. Воробьеву оставлено мое седло! Он должен его хранить и беречь. В мои наезды я буду им пользоваться, в мое отсутствие — Сарочка.

Наш обратный путь случайно вышел очень удачным. Мы попали на Халцзан-дабан, быстро его миновали, еще быстрее катили по ущелью р. Сельбы и прибыли домой в 6 ½ часа вечера. Приятно было окунуться в тепло и радушие Пшевочки.

Поздним вечером (были Байковы) наконец мы улеглись спать. Я проснулся поздно и не в силах был отделаться от образов и обстановки Мандала.

16/I, ☿. Та же погода, та же удивительная прозрачность воздуха. Я приводил в порядок птиц, записи и проч. Завалил препаратора работой, и такой работы хватит еще надолго, на несколько дней.

Вновь я имел возможность вручить А. Н. Васильеву один из казен[ных] подарков, а именно золотые часы (будто бы для воен[ного] мин[истра] Монголии). Рад, что имел возможность второй раз выручить нашего представителя. Может быть, выручу и еще, и еще. Должен заметить, что я делаю это не исключительно для представителя, а из личных к нему симпатий! Из личных симпатий к А. Н. Васильеву.

Алексей Николаевич пожелал слушать музыку нашего композитора, поэтому назначен на 18/I в кв[артире] Салтыкова концерт Кондратьева на единств[енном] концертном рояле Вязигина, того Вязигина, в доме которого мы проживали в Троицкосавске.

Усиленно препарируем птиц, привезенных из охотничьей поездки.

Вечером написано деловое письмо Н. П. Горбунову. Не знаю, какой толк выйдет из поездки его сестры в Москву и когда-то она наконец поедет?

17/I, ♃. Утро ясное, барометр начал сильно падать. Вечером запад покрыт облаками. Давно не было ветреной погоды. Наша жизнь монотонна, однообразна. Ноет Убугунов, скучает молодежь без экскурсий. Там, в лесу и горах, действительно чувствуешь, что живешь здесь совершенной чистой жизнью, вдали от обыденной скверны житейской. Туда невольно влечет вас ваша мечта, душою вы там постоянно и лишь грешным телом здесь, в гор[одской] клоаке.

Теперь у меня такая программа: прежде всего отправить Е[лену] П[етровну] в Россию и самому с двумя спутниками отправиться опять в Мандал и Сугу-нур. Посадить Пшевочку на месте, а самому с Тугариновым и Борисовым совершать экскурсии в сос[едних] горах. А пока что надо написать Шокальскому и в Зоологический музей Академии наук. Надо также написать родным, друзьям и близким знакомым. Надо также все привести в порядок по части орнитологических сборов.

Часа в 4 стали появляться облака на западе. Барометр стоит низко. Луна в области тонко-перистых облаков. Что будет завтра, что будет показывать барометр?!

Пожалуй, живя здесь, в Урге, испишешь полностью этот дневник, но чем?

18/I, ☿. Почти ясное небо, прозрачно, холодно, юго-восточный ветер дует с ночи. День начинает прибывать. Сегодня отправляю письмо Володе и наконец Е[вгении] Ил[ларионовне]. Давно-давно я не писал моему юному другу. Там, в Смольной обители, меня, пожалуй, совсем забыли. Теперь в центре России нашумел мой коллега Свен Гедин. Я от души рад, что он вынесет от России чувства восхищения. Год назад я переживал в Москве то же самое, достаточно вспомнить многократное повторение лекции «Хара-хото».

Сегодня мы также продолжаем препарировать птичек и преимущественно Leucost[ticte] giglioli. Вчера было сделано ровно двенадцать: так растет орнитологическая коллекция. Стоит лишь написать самому письмо одному из друзей, как вдруг получаешь сам от него. Так было сейчас со мною: я писал и пенял Е[вгении] Ил[ларионовне], и едва только была сдана почта, как принесли мне пакет с письмом от моего юного друга.

Жизнь течет по-прежнему — однообразно, монотонно! То сидишь в городе, то едешь в горы-леса с целью поэкскурсировать, поохотиться. Там — природа и ее дикое население, тут — люди и их проявления.

Вечером будем слушать своего товарища Кондратьева, дающего концерт. Собирается местная публика с представителем во главе.

Этот вечер прошел хорошо: Кондратьев играл превосходно! В заключение предложен был ужин, за которым присутствовала вся публика, человек тридцать. В общем было мило и оживленно: честь и слава хозяину И. Г. Салтыкову. Вернулись домой (на машине) около трех часов ночи. Небо блестело ярк[ими] звездами. На таких вечерах, в беседе, публика знакомится и изучает друг друга.

19/I, ♄. Барометр пошел вверх, ветер северо-северо-западный, в результате мороз –24.1°R.

Моя Пшевочка собирается на экскурсию в Сангин. Милый А. А. Дуду делает все, чтобы ее поездка вышла лучше и продуктивней. Интересно, что в

зимнее время все же публика ухитряется проникнуть в Богдо-ула, хотя в нынешнем году снеговой покров северного склона большой мощности.

Какое счастье быть теперь в центре Гоби, в Бара-хулусуне. Чувствовать себя независимым, свободным человеком, видеть экспедицию за работой, ликующей и проч. Когда будет такая счастливая минута, когда я буду детски радоваться среди далекой чистой природы Центральной Азии? И буду ли когда?

Сейчас вторая половина января, а там и февраль, солнце выше, день дольше, а в марте полетят птицы. Если бы я теперь находился в Гань-су или в очаровательных уголках Кама, или где-нибудь в Ю[жном] Тибете, я испытывал бы полное удовлетворение.

В 1 час дня укатила моя Пшевочка в Сангин, собирается в Баин-булак Павлов. Я только мечтаю об облаве там же. Там все знакомо: и природа, и люди.

Как жаль, что я не был осведомлен заранее: автомобиль прибыл и я мог бы съездить в Баин-булак!

Целый вечер я сидел один, читал, перебирал, думал. Прислал Запарин (Вас[илий] Петр[ович]) лисицу. Я заплатил 25 рублей и думаю из нее сделать ковер в подарок Ц. Г. Бадмажапову.

20/I, ☉. Погода прежняя, хорошая, гон будет порядочный. Что-то убьют.

Сегодня мне надо заехать к Дадиани, отдать книги и журналы и дать «Тибет и Далай-ламу» в благодарность. Он — выразитель местной мысли, очень мил и любезен со мною. Пора, однако, заняться писанием писем: Шокальскому и т.д. А время идет и идет вперед. Недели за неделями, месяц за месяцем. Скоро 4 месяца как экспедиция проживает в столице Монголии. Мне не удалось вовремя съездить в священный массив Богдо-ула.

Весь день сижу за писанием бумаг в Москву (Горбунову) и в Петроград — Шокальскому. Ему посылаю мою статью «Монгольский заповедник»,[81] копию письма на имя Горбунова, статью Кондратьева о его музыкальной работе в Урге[82] и мое письмо общего характера. В писании не заметил, как прошел день, а вечером возвратились с облавы мои спутники. Большая охота в общем малоудачная: стреляли немало, а убили одну козу (бедную, по ней стреляло много стрелков). Коз было очень много, но, говорят, загонщики сплоховали.

Ежо так рысь и не убил: она разгуливает в его охотничьих владениях!

Ночь ясная, холодная. Луна светит так ярко, что, кажется, можно читать.

21/I, ☽. Утро также ясное, холодное. Снег на Богдо-уле искрится. Непременно нужно весною, когда снег уменьшится, поехать в Богдо-ула, посмотреть характер этой горы не только на северном склоне, но даже и на южном, до мон[гольской] Маньчжурии, хотя меня занимает главным образом самый массив Богдо-ула.

Все продолжаю писать для России, заканчиваю отчеты, строчу Михно и своим. Вот они не наговорятся с участницей моей экспедиции Е. П. Горбуновой! Для Олечки кроме письма посылаю флакон духов «Экспедиция» и малую толику «возможности»![83] Написал им всем трем, вышел настоящий пакет, а не письмо.

Моя Пшевочка прислала мне, как всегда, прелестное, милое письмецо. Молодец она у меня, ею только и любоваться (во многих, многих отношениях). Прислала она также и малого пестрого дятла, ♀, подстать привезенному из Сугу-нура, ♂. Рад, что там хорошо. Все ее окружают любезным внимани-

ем, в особенности симпатичный Дуду, который и сопровождал ее в Сангин. Мой Пшевик там телом, а душой со мною — так по крайней мере видно из ее письма ко мне, всем она интересуется, что происходит на главном биваке: и что застрелил Н[иколай] В[асильевич], и как собирается Лена?

С Леночкой мы занимались весь вечер, обо всем толково переговорили и все, что главное, отметили, а она записала к себе в дорожную книжку.

За ужином я познакомился с Геранцевыми. Он очень симпатичный человек, симпатично мне передал наилучший привет от серба Вильмаровича, который, судя по словам Павла Ивановича, хотел меня видеть, проводить в экспедицию и проч.

22/I, ♂. С вечера был значительный мороз –23.2°, но к утру слегка уменьшился –21.7°R. Вероятно, причиной юго-восточный ветер, который на этот раз не принес с собою облачности. Сегодня будем закупоривать ящики для отправления в Россию. Надо обстоятельно снабдить Леночку всем, до финансовой части и писем включит[ельно].

Сегодня был у меня Смертин Иннок[ентий] Петров[ич] из Сугу-нура. Он поведал мне, что Борисов, согласно обещанию, отправился на промысел за кабаргой и попутно займется изысканием берлоги. Это интересно и приятно слышать. С И[ннокентием] П[етровичем] я уговорился насчет пребывания у них на столе и квартире моего Пшевика. Равно также и за доставку его туда на паре лошадок, в санках с задком, на следующей неделе, примерно в середине. Смертин поведал, между прочим, о том, что больная девочка уже выздоровела, но зато в Мандалах много больных детей в школе: большой жар и рвота. Кроме детей там имеются больные взрослые. Воробьев пьет уже два месяца, ревнивец побил свою жену, за которую было вступилась мать, он и старухе поддал, а наутро пошел извиняться: «Ничего не помню, пьян был!».

Сегодня день не присутственный. Мои готовят в путь Леночку, которая хлопочет с отъездом. Кроме экспедиции ей еще даются различные поручения знакомыми лицами или для себя, или для их учреждений.

Вечером у Бадм[ажапова] были Дуду и американцы до 12 часов ночи.

Ночью было тихо и t не низкая, к утру падал снег, а потом вдруг поднялся крепкий, 2—3 [балла], ветер, дувший порывами.

23/I, ☿. Серое ветреное утро, сильный юго-юго-восточный ветер крутит, шумит и веет.

Сегодня я одалживаю Вет[еринарно]-зоот[ехническому] управл[ению] монгольского правит[ельства] 150 американских золотых долларов. Оно должно уплатить мне по первому требованию или такими же долларами, или золотом. Вот как богата экспедиция, как она может выручить не только людей, но и учрежд[ения]!

Скверная погода. Что-то делает моя Пшевочка, может быть, стремится домой?

Сегодня собирается компания, или караван автомобилей, в Китай. В последнее время вообще поступают так: одиночки ехать боятся из опасения застрять в дороге или из-за поломки, или зарыться в обильном снегу. Большой компанией выгоднее почти во всех отношениях. Но забавнее всего следует караван автомобилей с торговцами-китайцами! Он всегда бывает перегружен, усталые китайцы засыпают и падают словно воробьи.

В 11 часов утра Леночка принесла из консульства известие о смерти Ленина. Важный момент в истории России, а мы так далеки от центра, от важных известий! С нетерпением будем ожидать официальных известий.

Удастся ли Леночке выехать вовремя, что так важно, чтобы не сидеть дорогой! Вот и Пшевочка — обещала прибыть сегодня и не прибыла. Что ее задержало?

В ¼ 11-го, вечером, явились ко мне «Ел[ена] Прекр[асная]» с заявлением, что ее отъезд отложен до ☉, 27/I. «Так, — говорит она, — будет вернее, лучше посидеть дома, в Урге, нежели в В[ерхне]удинске». С этим доводом не согласиться нельзя. Ночь ясная, ветреная, по небу красовались вертик[альные] огненные столбы вокруг Луны.

24/I, 2. Ночь и утро очень морозные. Над Богдо-улой серебристый инееобразный туман. Я поехал в город, чтобы побриться и купить услад для Верочки. К сожалению, неудачно: магазины и парикм[ахерская] закрыты на два дня. Вечером в 6 часов в Нардоме собрание по случаю смерти Владимира Ильича. Интересно будет знать, как это большое событие и связанное с ним последствие — выборы председателя СНК пройдут в Москве и кто будет стоять вторым предс[едателем] СНК?

Мы живем на окраине города и пользуемся лучшими сторонами этого: во-первых, дышим чистым воздухом, во-вторых, не видим многолюдства. Поездка в город, или Курень, — для меня лично целое событие. Мороз. Всюду пешие и конные, базар переполнен пестро одетой монгольской публикой. По окраинам, в улицах картины утра: сплошь «орлики» отправл[яют] нужду и подле — собаки-санитары. К таким уличным картинкам я давно привык, но свежему человеку должно быть очень неприятно. Омерзение. И как исцеление от таких пакостных впечатл[ений] — это обратить взор на вечно чистый, вечно гордый вид северного склона Богдо-улы. В этом священном массиве таится что-то глубокое, таинственное, сказочное.

Наконец-то прибыла из Сангина моя Пшевочка, привезшая четырех птичек, среди маленьких имеется один большой крохаль, Mergus, добытый из пары. Кроме того, Пшевик стрелял, вероятно, по ястребиной сове, но неудачно! Птица лишь остановилась в воздухе, оправила, встряхнула крылышками и продолжала лететь в прежнем направлении. Ни отшельника, ни черного Cinclus'a она не видела, несмотря на самые тщательные поиски. Вообще говоря, зимою на Сангине в широком даже смысле птиц очень мало! А все же от времени до времени необходимо туда заглядывать — все нет-нет, да и подметишь новое!

В 6 часов вечера мы были в Нардоме на собрании, посвященном памяти покойного Ленина. Помещение было переполнено, кроме русских было много бурят и монгол. Под председат[ельством] полпреда В[асильева] собрание выслушало телеграммы и вообще все к этому времени пришедшие из центра сведения. Затем Старков и два представителя монг[ольского] прав[ительства] — Данзан и «Молодежь»[84] — сказали речи. Несколько утомительны были для русских монгольские переводы, а монголам — русские. В заключение произнес хорошую по содержанию и красивую по выразительности живую речь А. Н. Васильев, разбудивший внимание собрания. Вернулись домой в 9 часов 25 минут вечера.

Ночь тихая, холодная, лунный свет давал бледное небо, звезды не мерцали.

25/I, ♀. Утро еще более морозное, –29°R, да еще с юго-восточным ветром.

Мои спутники по ночам долго-долго сидят, а холодными утрами долго-долго спят. Ничего не поделаешь — всегда бывает так на зимовках в городах, но не в лесах и горах! Невольно вспоминаю лучшую из зимовок — в Каме, в Лун-ток-ндо, где мы все вставали ко времени 7-часового метеор[ологического] наблюдения и все много, продуктивно работали, поэтому зима прошла быстро. А здесь, в Урге ...!

Я выезжал в город прогуляться и купить немного услад для И[ды] П[авловны] и для себя.

Получили почту: из дома от своих, от О. Н. К[узнецовой] и от Лиленьки Родионовой из Парижа.

Моя Муська очень хорошо чувствует себя, она с детьми, которые ее радуют, в тепле и удобстве. Прекрасные известия всегда бодрят человека, поднимают дух, энергию. Хочется улыбаться, и невольно улыбаешься и в свою очередь тотчас отвечаешь.

Мой Пшевик получил два письма от своих. Мамик скорбит, болеет сердцем и очень просит Пшевика ее навестить. Как приятно видеть такую искреннюю дружбу у своих родных. И это у Пушкаревых всегда бывало, это прелестная черта у них в крови. Мой Пшевик приуныл и тянется в Харбин. Кстати, подходящий случай — Бадмажапыч едет в Тяньцзин, значит, находится лучший попутчик!

Вечером мы немножечко развернулись: по случаю отъезда, по случаю избрания своего в поч[етные] члены Американского музея естественной истории. Ц. Г. Бадмажапов угостил нас за ужином шампанским, я с подъемом — готов сказать речь и проч.

26/I, ♄. Вчера и сегодня смертельный холод: t воздуха свыше –20°R с пронизывающим ветром от востока или запада вдоль долины. Богдо-ула спит в торжественном покое, покрытая темной лентой древесной растительности. Овал ее — серебристо-белый, снежный. Сверху — чистый, прозрачный воздух, холодный, как холодна зимой сама красавица, священная гора Богдо-ула.

Юго-восточный ветер свирепеет все больше и больше. Воображаю, как тяжело, холодно на воздухе всем участникам процессии. Как тяжело говорить на леденящем воздухе. Мимо нашего дома проследовали войска. Траурные знамена колыхались. Все направились к консульству, где два оратора, Васильев и Старков, произнесут последние в этот день речи.

Моя Пшевочка с раннего утра хлопочет со своей поездкой в Харбин, не знаю, что из этого выйдет: теперь она направится южным, кружным путем.

У меня сегодня был мой приятель-охотник Иван Дмитриевич Тугаринов из Сугу-нура. Я его хорошо принял, говорил и условился насчет предстоящей охоты. Снабдил всю мою охотничью компанию, всех троих, бумагой на право охоты и даже патронами, по 15 на каждого. Уверен, что они постараются сделать все от них зависящее, чтобы мне доставить возможность хорошо поохотиться у них!

После участия в процессии мои спутники возвратились домой сильно продрогшими от стужи. Также с большим трудом, прозябший, забежал к нам Дудукалов, шедший с процессией от Нардома. У консульства [Ва-

сильев] произнес речь не длинную, но, как всегда, живую, обстоятельную и очень образную — отдыхаешь и наслаждаешься всегда, слушая его слово! Приятно знать, что полномочный представитель России в Монголии А. Н. Васильев [все] более и более завоевывает себе симпатии. Тот, кому приходится видеть его и говорить с ним, тот становится его сторонником.

27/I, ☉. Всю ночь дул пронизывающий юго-восточный ветер, небо было тусклым, только главные звезды, и то мало, мигали и искрились. За всю прошедшую, бол[ьшую] часть зимы такого леденящего холода, какой стоит теперь, не бывало.

Все трое собираются в дорогу, мой Пшевик, Леночка и Ц. Г. Бадмажапов.

Сегодня день рождения нашей хозяйки Иды Павловны, все приподнято-мило.

Около 2—3 часов дня мы с Пшевиком навестили Шастиных и Байковых.

Тем временем А[лексей] Н[иколаевич] вновь похитил нашу «Елену Прекрасную» и увез в Сангин, на охоту! Пшевик и Цокто усиленно собираются. Ночью мороз и прочие невзгоды. Я снабжаю Пшевика: до Калгана 53 кит[айских] дол[лара], в дорогу 100 к[итайских] д[олларов] + 50 америк[анских] долл[аров]. Ц. Г. Бадмажапова прошу купить мне нечто по части нефрита, слоновой кости и буддийских статуэток. Условлено, что если не будет достаточно моих 50 амер[иканских] доллар[ов], то Цокто Гармаевич может истратить, при наличии интереснейших предметов, и часть своих денег. Пшевик обязан по возвращении из поездки возвратить мне все деньги, израсходованные из моих «экстраординарных средств» экспедиции.

Гости разъехались после ужина, около ½ 11-го часа. Мои продолжали собираться и уговариваться. Мой Пшевик просит переслать ему две почты из России и столько же раз написать ему о моем житье-бытье с экспедицией в Ургe. Ночь. Спим.

28/I, ☽. Встали в 8 часов, ясно, холодно, –22.7°R, дым тянется к ССЗ, ветер с ЮЮВ. В 9 часов мои уже в полной готовности. Со стороны автомобилей и прочего пока тихо!

Не знаю, удастся ли мне хорошо, вовремя отправить завтра мою Е[лену] П[етровну], не уверен! Тогда нас останется совсем немного, всего 8 человек, кроме Убугуновых.

В 3 часа мой Пшевик и Цокто Гармаевич оставили Ургу и покатили на ЮВ, в Калган. Оба уселись, каждый в свой автомобиль, рядом с шофером. Как-то вдруг стало грустно-грустно и пусто, чувствуешь, что самый близкий, родной человек уехал далеко-далеко. Это не то, что моя милая Пшевочка уезжала только по соседству в Сангин и проч. Здесь она уехала далеко и надолго! Что-то произойдет за это время, около 1½—2 месяцев. День будет дольше, солнышко поднимется выше и немножечко согреет студеную землю, в воздухе повеет весной, организм человека возродится, и впервые сердце улыбнется весенним лучам солнца. Ужели к тому времени мне не развяжут крылья и я не в состоянии буду летать по Центральной Азии так же свободно, бодро, с подъемом, радостным ликованием и сознанием, что я смогу что-либо сделать и сделаю! А время бежит и бежит непрерывной чередой, Вселенная живет! После полудня объявилась Е[лена]

П[етровна], она ничего не стреляла, тогда как А[лексей] Н[иколаевич] убил оляпку ♂ и стрелял по зайцу. Они там ночевали, и Васильев выразил желание ездить туда нередко, по праздникам. Леночка усиленно собирается, кажется, скоро отправится. Итак, понемногу многие разъехались!

Я снарядил Е[лену] П[етро]вну обстоятельным образом: амер[иканскими]* долларами, серебр[яными] кит[айскими] дол[ларами], банк[нотами] и проч. Она взяла мои пакеты и проч. Кажется, автомобиль будет загружен изрядно. Ранним вечером, усталые, мы улеглись. В доме стало пусто, холодно, крикливо!

29/I, ♂. Ночь тихая, полуясная, утро облачное. Мы провожаем в дал[екий] путь Елену Петровну. С города снялась сизая дымовая завеса и северным дуновением унеслась сначала к подножию, а позднее и в средний, и в верхний пояс Богдо-улы, словно жертвенный фимиам. Даль мало открыта, мешает серая пслена. По долине там и сям караваны; на боковых возвышениях орел словно санитар.

Я думаю о Сангине, следовало бы там просить убивать животных на открытом месте, немного вдали от построек, для привлечения хищников. Собираюсь туда!

Где-то следует теперь моя Пшевочка! Что-то она хорошее думает! Забыл напомнить ей внимательно за всем наблюдать: за природой Гоби, ее проявлениями и заносить к себе в книжку. Ведь действительно она много-много увидит интересного и поучительного: широкие горизонты, антилоп, больдуруков.

Сейчас у меня были: Кондр[атьев], Убугунов и Андрюша, беседовали о разных историях и о том, между прочим, что все довольны тому обстоятельству, что наконец-то Е[лена] П[етро]вна уехала: значит, к цели ближе. Кто мечтает отдел[аться] от экспедиции, кто, наоборот, всеми силами желает оживления экспедиции (все, кроме Убугунова). И он, строго говоря, желает благополучного разрешения вопроса об экспедиции, но очень не желает принять в ней деятельное участие, а отделаться от нее и уехать восвояси.

Много говорят в Урге о пожарах, о том будто бы, что гэгэн предсказал 12 пожаров и ламы всеми силами силятся поддержать престиж Богдо, хотя бы за счет спокойствия и благополучия граждан Урги. Было четыре пожара, на одном из которых, под видом спасателей, появились жулики-монголы и положительно все имущество Лушниковых разворовали. Следующие два пожара намечены в нашем районе: аптека и дом наш, в котором я и жена живем вместе с хозяевами. Аптека и русск[ие] доктора уже давно стоят поперек горла ламам, которые из-за этого несут большой убыток, а дом Цокто — потому, что в нем есть кое-что пограбить! Спокойствие нарушено — опять ночное бодрствование, опять тревога и проч.

Вечером, по обыкновению, был Кондратьев. Он милый, хороший, невольно вызывает меня на интимность, на воспоминания из скитальческой жизни. Чтобы зажечь интерес, вспоминаю мое первое участие в 4-м путешествии Пшевы, моего родного Пржевальского. Вспоминаю все до мельчайших подробностей из его охот, работ и быта, говорю даже о нем, как о

---

* *Слово* амер[иканскими] *написано над строкой. (Прим. сост.)*

человеке, о путешественнике, о стрелке, о бесконечно преданном и любящем природу дикую, чистую, которая производит на чистого сердцем человека обаятельное впечатление. Как живой встает в таких случаях мой друг-учитель, и я, благодаря исключительной памяти, помню до мельчайших деталей все: что говорилось им и даже как говорилось; что он подчеркивал, что любил, кого и как любил; как располагал к дружбе и каким великим искренним другом всегда сам первый являлся он, этот светлый, энергичный образ путешественника-фанатика. Весь вечер и ночь полны Пржевальским, хочется говорить о нем, хочется думать, вспоминать несравненное ни с чем общение с Николаем Михайловичем. Всегда мой дух и теперь в общении с ним. Дух Пшевы редко прилетает ко мне во сне, но когда он является, то зато всегда так сильно, реально, как наяву, и люблю же я его во сне, словно продолжаю жить с ним. Странно, что задаю ему вопросы, как будто равному, хотя с большим почтением, сравниваем Гань-су с Камом, мою и его книги, мои и его удачи на охотах, любуемся красотою альп[ийских] хребтов и видами новых форм птиц.

Ночь тихая, довольно высокая температура, со снегом, покрывшим землю сухим слоем около 1 фута толщиной. Как хорошо, что было вполне спокойно.

30/I, ☿. Утро тихое, облачное, с прекрасной охотничьей порошей. Вот теперь бы быть в Сангине! Богдо-ула пребывает в грусти, ее плоская вершина окутана густым слоистым облаком. В общем, сегодня серый, тихий, настоящий зимний день. Хорошо!

В ½ 10-го часа утра появилась первая «ласточка» с пути наших (Таэрша). «Благополучно, едем дальше. Козбад[85] хорошо сформировали». Будем ждать дальше новых «ласточек».

Удивительно хорошая погода, –10.7°R, только бы быть в Сангине и гулять с ружьем! Пожалуй, сегодня я не попаду туда, хотя стремление было очень большое. Черт бы их побрал совсем, моих доброжелателей. А потом будет не то и может быть холоднее, и меньше времени! И так всегда. Пожалеешь, да и только.

Вечером Дуду заверил меня, что он найдет способ завтра доставить меня (хоть на истомленных конях и к ночи) в Сангин. Ужасно досадно, и, вероятно, раньше я был избалован аккуратностью меня окружающих. Я привык сам сдерживать слово по отношению к окружающим, но зато привык и к строгому выполнению слова, данного мне кем бы то ни было!

Пожарная паника начинает проходить, власти призывают население к спокойствию, и кто будет тем не менее распускать панические слухи, тому грозит наказание. Куреньцы, в особенности многосемейные, срывались с мест и перекочевывали на окраины города, в юрты.

31/I, ♃. Холод и ясное небо. Ида Павловна с Верочкой стряпают усиленно, Гава всем мешает. Убугунов рано пришел проведать нас и страшно удивлен, что я не уехал, а обычно сижу за столом и строчу дневник. Сегодня, как и третьего дня, куреньский дым тихо, плавно поднимается на священный склон Богдо-улы.

Наконец-то звонит телефон, Дуду сообщает: «Лошади готовы в 1 час дня, и Вы можете ехать в Сангин!». Это хорошо — можно собраться.

3/II, ☉. Около 3 часов дня я уже дома, прибыл вместе с Дуду, милым Анд[реем] Алекс[андровичем]. День прелестный, прозрачный, ясный, тихий и довольно теплый. Мы пробыли в дороге около двух часов и едучи любовались северным склоном Богдо-улы.

Ну, а теперь по порядку, с полудня 31/I. Около 1 часа дня наш Дамба доставил меня в Ветер[инарное] управлсние, где меня [встретил] А[ндрей] А[лександрович] и, напоив чаем (с вареньем) и усадив меня в городскую тележку, благословил в дальнейший путь.

Ехали мы отлично, прекрасная погода располагала к лучшему настроению. Всю дорогу, 18 верст, мы сделали менее нежели в два часа. Мой возница Роман хорошо знает свое дело, везет, не вступая в разговор, а я мечтаю о Калганском пути, о картинах, которые предстоят Пшевочкину наблюдению. Мне очень грустно в ее отсутствие: она почти с каждым днем все дальше и дальше, она в теплом климате, видит и наблюдает все новое, главное, видит то, чего я не видел! Видит в самом начале путешествия то, что наблюдал в 1-е Центральноазиатское путешествие мой незабвенный учитель Н. М. Пржевальский![86] В Сангине меня встретили Аннушка и д[окто]р Некипелов Александр Павлович, эмбриолог, славный малый, но страшно худющий. Мне отвели комнату, так называемую для А[ндрея] А[лександрови]ча и вообще гостей.

Разобравшись и попив чая, я с ружьем прогулялся по знакомым местам в восточном направлении. Общее впечатление таково: глубокая зима клала свою мертвенную печать на все окружающее, обилие снега, холод, абсолютная тишина по отношению к дикой животной жизни. Северные склоны белы, южные утесы мрачно-темны, внизу по Толе клубится пар над ледяными накипями, темная большая дорога змеей протянулась вдоль долины реки, ее левым берегом. С А[лександром] П[авловичем] обошли всю станционную усадьбу. Видел лошадь с раной на ноге. Загадочное ранение: больше всего мыслят, что это зубы волка.

Вечером свод неба представлял очарование, окрестные горы приблизились, и совершенную тишину воздуха ничто не нарушало, не слышно было и лая собак. Гуляя до позднего вечера, я наблюдал медленное перемещение небесных светил.

Спал я в Сангине несравненно лучше, нежели в Урге, аппетит также сильнее. На следующий день, первого февраля, в ½ 10-го часа утра я пошел на экскурсию, держа путь вниз по Толе. Шел среди зарослей кустарников и кор[невищ] тополей-тограков. Мертвечина полная, кроме сорок, ничего, и только у открытых вод второстепенных русел я видел оляпку. Идешь, останавливаешься, прислушиваешься. Любуешься темно-бурыми шершавыми пустынными склонами северных гор или переводишь взор на южные, укрытые снегом. Там и сям вблизи вас картинно стелется над рекой густой туман, поднимающийся над открытыми водами Толы. Следую дальше: вдали осторожно бежит местный малый заяц (L[epus] tolai). Кстати, этого охотничьего зверька ургинские охотники совершенно выбили. Теперь он здесь страшно редок, иногда в течение дня не приходилось ни разу встретить, проходя исключительно в области древесной растительности.

У окраин долины, с с[евера] и ю[га], тонкой нитью нанизаны следы кумушек-лисиц.

У любимого моего и Пшевика места, невдалеке от ключевых вод, у окраины чащи лесной, я остановился, держа наготове ружье («Гано»). Вдруг

справа сорвался тетеревятник и мимо меня понесся вверх. Удачным выстрелом я добыл первого в этом путешествии сильного, стремительного крылатого хищника.

Обойдя вокруг места, знакомые по прежним охотам, я пошел в обратную сторону и добыл водяную оляпку! Птичка в одиночестве ютилась на прозрачных водах. Странно: зимою, на большом морозе — [воды], катящиеся звонко по камешкам, и самая птичка то юркнет под воду, то усядется на камешках, низко припадая поклоном к поверхности воды! Не за горами и март месяц, в солнечные, теплые часы которого раздастся нежная звонкая песнь этой оригинальной, живой, милой птички. Ее нужно беречь для наблюдений.

Вторая моя экскурсия после обеда в обратном направлении, к утесам южных отрогов, была неудачна: я не стрелял, а только наблюдал табунок серых куропаток на кормежке у каменистых подножий гор. Это, кажется, единственный табунок доверчивых птичек, оставшийся после ужасных, ретивых преследований со стороны охотничков ургинских. Куропаток стрелять я не находил нужным: пусть хоть одна стайка оживляет местность.

Вечер был удивительно прекрасен, очарователен. Я с Некипеловым долго не могли заставить себя уйти в дом. Дневное светило едва только скрылось за горы, как огненно-золотистая заря разлилась по западной части горизонта, создав на востоке свой дивный отблеск в нежном сочетании голубого и розового тонов. Вершины отдаленных северо-восточных горных скоплений также отражали на себе великолепие неба! Почти до полуночи я то гулял в сфере обширного двора, то выходил в открытую долину и прислушивался к окружающей меня природе, ее тишине. Звезды горят и искрятся, переливаясь яркими световыми тонами. Тихо кругом: на небе пронесется метеорит, внизу слышится отдаленный лай собак, оберегающих покой номадов.

Я чувствую себя бесконечно счастливым в тесном общении даже с зимней природой Монголии, природой небесной и земной, ведь одна другую сменяет, одна очаровательна днем, другая ночью. По-нашему, по-человеческому, одна живет днем, другая чарует своею красотою ночью.

Второй день полностью, **2/II** (с крепким ветром, дувшим от востока), я также провел в экскурсиях до обеда и после обеда. На этот раз я пошел прямо к сев[ерным] утесам по зарослям Толы, наперерез ее долине. Меня манили обрывистое, освещенное солнцем подножие каменных гор, вплотную прилежащая растительность и уютность в этой части долины во время ветров. Недаром тут же ютятся и номады со своими стойбищами. Обширный район, осмотренный мною, ничего не открыл не только интересного, но и неинтересного, кроме обычных сорок, держащихся у стойбищ, и изредка пролетавших осторожных Corvus corax. Неподалеку от излюбленного места я сначала завидел бекаса-отшельника, а потом и заслышал прелестную голубую синицу. Птичка сначала перелетала с дерева на дерево и наконец, усевшись прочно и уютно в верхних ветвях (на вершине боковой), начала оживленно петь. В сильной песне чувствовалась жизнь, какой-то задор, и вдруг безжалостный натуралист прицеливается и — стреляет, убивает милое создание. Иногда от души жалко прелестной птички, ее жизни, но делать нечего. Жадность пополнения орнитологической коллекции, желание видеть интересную птичку в своем собрании все пересиливает.

Вечерняя экскурсия была также в области древесной растительности, но совершенно безрезультатна: я наблюдал парочку синиц (голубых) и зайца,

смертельно перепуганного моим появлением у самого обрыва, в норе которого и ютился монгольский косой. Там и сям среди местного леса бродил монгольский рогатый скот.

По возвращении с экскурсии я нашел в доме оживление: прибыли из города Дуду и «Митяй» (Першин). Мне вручили три письма из России на имя мое и Пшевика и письмо-доклад Кондратьева. Оказывается, в день моего выезда в Сангин экспедицию навестил А. Н. Васильев и пригласил на обед к себе в тот же день совместно с Дудукаловым и Першиным Кондр[атьева] и Павлова, а на охоту (на суб[боту], воскр[есенье] и понед[ельник]) Андрюшу. Обед был настоящий, представительский, и хозяин был очень мил. Видимо, Алексей Николаевич очень симпатизирует моей экспедиции и ему нравятся мои спутники. Всегда чувствуется при общении с ним его искреннее желание видеть Тибетскую экспедицию, имеющую право идти туда, куда влечет ее любящее сердце путешественника — начальника экспедиции.

Особых писем из России не поступало. Мне пишет мой Володя, Пшевику — его друзья А[лександра] Фе[доровна] и Фишер. Вот и все! Сашке надо написать нагоняй за ее манеру пис[ать] письма моему славному Пшевику, дивные глаза которого (глубокие, живые, с огоньком природы) Сашка не бережет, а старается утомлять бог знает как.

До поздней-поздней ночи, даже в постелях, мы беседовали с милым Дуду. Тут же я мысленно решил не оставаться до ☽ в С[ангине], а ехать в Ургу завтра, в компании с А[ндреем] А[лександровичем]. Лучшего случая нельзя было и дождаться. Дуду — молодец во многих отношениях, он весь с большим своим умом уходит в его любимое дело, под стать ему молодой доктор-ветеринар Некипелов и полный контраст — «дядя Митяй», для развлечения.

В воскресенье прекрасным утром я пошел в соседние утесы. Ни звука, ничего, кроме табунка сер[ых] куропаток на своем обычном месте. Только поднявшись на вершину утесов, я наблюдал во всей красе и полноте окрестный сонм гор, до скоплений на далеком северо-востоке включительно. Тем и закончились мои экскурсии на этот раз в С[ангин].

После обеда с пельменями и чаем, чаем прекрасным, мы с А[ндреем] А[лександровичем] покатили вверх по долине Толы в священную столицу Монголии. Солнышко нежило, гора-соседка Богдо-ула будила многие мысли, связанные с заповедником Монголии, и мы незаметным образом прибыли домой.

В доме Цокто Гармаевича сонное царство, в моей комнате сплошной дым, в подсвечниках пепел, на полу сор — это Никола-ботаник, не ожидавший моего раннего, преждевременного приезда. Заместитель Кондратьев еще с утра уехал с «Драгоценным» в Тэрэльчжи с такой же целью — поэкскурсировать по лесу и горам. Вместо мною назначенного наблюдателя Симукова в комнаты явился Павлов. Буду ждать результатов от Андрея. Что он доставит?

Приятно было видеть семью Иды Павловны: она справляла накануне моего приезда до утра день рожд[ения] Верочки, с молодежью. В празднике деятельное участие принимал и Павлов, между прочим, в компании с И. П. Эккелем, братом хозяйки дома. Но водка вышла с бензином.

Я хотел спать и рано улегся. Так было приятно лечь в свою постель, теплую, мягкую, уютную после жесткой кровати в Сангине.

День на редкость приятный, ясный, тихий, довольно теплый, на солнце –4—8°С и снег немного таял. Однако с вечера мне долго не спалось. Я встал и прозанимался с орнитологическим журналом до полночи. Погода стояла тихая, но небо уже было заволочено облаками.

4/II, ♑. Встрено, облачно, серо, дали закрыты. Опять пошла однообразная работа: разговоры с препаратором, измерения и записи добытых птичек, писание дневника и проч. Как-то охотятся все охотники и экскурсант? А время бежит, приближаются большие местные праздники — Цаган-сар.[87] Народ принаряжается, везут угощения и украшения, цветы. Посмотрим на монгольско-китайский праздник.

К полудню стихло и t поднялась до –3—5°R.

Мне принес Павлов статью Лисовского о развалинах старинного монаст[ыря] в верховьях р. Толы. Кажется, представляет интерес не только местного, но и общего характера![88] Давно не был в бане, поэтому сегодня помылся как следует, благо не было жарко натоплено, как это всегда бывает при массе моющихся, сегодня же мылись только семья Иды Павловны и я.

С редким удовольствием просмотрел мою любимую маленькую книжечку о Н. М. Пржевальском,[89] останавливаясь на так называемых «вкусненьких» местах. Так называл поэтические места своих книг наш дорогой Пшева.

5/II, ♂. Утро облачное, небо наполовину покрыто слоистыми облаками, в промежутках облаков залегают чудные лазоревые пространства. Богдоула тиха, мрачна и невозмутима. Сегодня начало великого праздника буддистов — Цаган-сара. Жаль, что мы далеко живем от монастырей и храмов, иначе слышали бы их церковную музыку.

Около 4 часов дня возвратился с охоты А. Симуков, удачно подстреливший двух гуранов. Васильев А. Н., к сожалению, по-прежнему остался без «поля». Коз вообще было много, стрельбы также, но прочая публика надавала промахов, за исключением одного счастливца, убившего третьего козла. В горах Симуков наблюдал хищника, который преследовал высоко в воздухе стайку птиц, не терпевших соседства этого пернатого.

Получили газетку, из которой узнали о состоявшемся назначении на место председателя СНК. Избран А. И. Рыков. Каменев Л. Б. остался на своем прежнем месте.

В этом же номере имеется заметка о монгольской музыке (из ст[атьи] Кондратьева). В течение всего дня из стороны в сторону снуют нарядные, в пестрых цветистых костюмах [монголы]. Говорят, что сегодня, т.е. в 1-й день Ц[аган]-сара, все именитые монголы на поклонении и принесении новогодних поздравлений хутухте. На второй день им или министрам принято делать визиты. На третий день ездят друг к другу женщины. Монгольские модницы стараются надеть на себя все лучшее и дорогое.

Таким образом, в 1-й день едут друг к другу наши соотечественники — буряты. И сегодня в доме Цокто Гармаевича я имел возможность видеть много лиц интересных и неинтересных. Один был бесконечно любезен и внимателен ко мне, заметив, что за мою книгу он некогда поступился 3-леткой, кобылкой. Назидательно. И он в заключение называл меня своим учителем. По общению чувствовалось, что он «с головой».

Весь день, от начала до конца, гости, гости и гости: сначала буряты, а потом русские.

С полночи появились слоистые облака, подул [ветер] с ССЗ, и температура понизилась почти до –20°R.

6/II, ☿. Облачное, серое, холодное утро.

Сегодня, как и вчера, было много гостей — исключительно монголы и буряты, по большей части приходили большими или меньшими компаниями, но, редко, были и в одиночку. Так, например, знатный чиновник в собольей шапке, с пером и гунским [шариком].

Произошла смена поваров: Пахомов сдал (исправно), Симуков принял (до 7/III с.г.).

Визитеров продолжало прибывать все больше и больше. С компанией своих собратьев был и Убугунов. Интересно, между прочим, какого мнения держатся многие из наших знакомых, причем один из них, по своему положению стоящий близко к обоим лагерям, заверял моих друзей, что результат зимовки экспедиции в Урге и отозвание трех достойных нужно приписать исключительному этому человеку. А до сих пор и я, и большинство моих спутников были совсем иного мнения. Вот тут и разберись!

Около трех часов дня вдруг подкатил автомобиль с двумя нарядными княгинями: одна из них жена Цецен-вана, кстати очень симпатичная. И все они, монголы, с отличными зубами; и у Цец[ен]-ханши, и у супруги министра юстиции наряды стоят огромных денег. Преобладают: жемчуг, драг[оценные] каменья, масса золота (отчего убранство костюма очень тяжелое) и в заключение — прекрасные, темные с сизым отблеском соболя. Цец[ен]-ханша мило говорила, беседовала, и обе держали себя с достоинством. Для удобства в языке их сопровождала мадам Жамцарано. Тем временем у Бадмажаповых перебывало много мужчин, немногих из которых не допускали дальше кухни, так как они были невменяемы и не могли стоять на ногах без поддержки друг друга.

Благодаря прекрасной погоде вообще и монгольскому яркому солнцу улицы полны самых цветистых, самых разнообразных нарядов. Среди преобладающих пеших движутся в разных направлениях экипажи, конные и даже автомобили. Множество зевак второй день дежурят у дороги, соединяющей дворец Богдо-гэгэна со старейшим монастырем Урги Майтреи, куда Богдо ежегодно выезжает в праздник Цаган-сар. Вообще храмы полны народа, всюду музыка и пение буддийских лам.

К вечерней заре все утихает, улицы, по крайней мере на окраинах, пусты. Устанавливается чудная тишина и внизу, и вверху. Любитель тайн природы не может отказать себе в великом удовольствии погулять под звездным пологом неба. Сколько различных высоких мыслей зарождается тогда в его голове. Невольным образом он уносится выше, к торжественному величию Вселенной, ее многочисленным звездным мирам. Легко становится на душе и сердце, словно чище становишься хоть на некоторое время и с самыми лучшими, благими стремлениями идешь в свою комнату, чтобы отойти ко сну, хотя последний еще долгое время не в состоянии смежить глаза вам — так сильно впечатление вечернего звездного неба Монголии.

Иногда бывает так: чудно прошел день, еще прелестнее проходит и вечер. Совершенно случайно, по просьбе детей, открыли граммофон, прибыл

дядя Ваня, любимый детьми, да и всеми, милый Ив[ан] Павл[ович] Эккель, стали ужинать и засиделись до половины ночи. Непринужденный разговор оживил нашу маленькую компанию, вызвал дружескую беседу. Появилось шампанское, еще больше способствовавшее искренней беседе. Ведь вот правда: среди, по-видимому, банального разговора вклиниваются замечательные вещи и ты, случайно, в силах бываешь разгадать иногда долго не разгадываемое!

7/II, ♃. Утро прекрасное, солнце, прозрачности воздуха очень много. Уже по вершинам северных гребней и на верхних южных склонах появляется больше и больше темных, свободных от снега пространств.

Как и вчера, сегодня много гостей. Буряты-земляки явились гурьбой, человек 25, все молодежь: мужчины, женщины, девушки. Преобладающий цвет одеяний — синий. Мне весьма приятно, что все эти буряты прямо подходят и говорят: «Ноин Козлов, мы все Вас знаем, и большие, и малые, и поздравляем Вас с Цаган-сар. Вы наш!». Очень приятно, что более развитые буряты всегда говорят одно и то же: «Мы вашу книгу читали!».

Не знаю, не видел, какой вид орла летает вдоль долины Урги, питаясь отбросами на мусорных кучах, вдоль вершин оврагов и по самим оврагам. То он кружит над постройками, то садится на забор консульства. Однажды А. Н. Васильев стрелял даже в этого хищника, к сожалению безуспешно. Леночка и Иван Павлович Эккель также видели этого хищника на самом близком расстоянии. Наконец сегодня по моему подсказу Канаич пошел и набрел на него в овраге. Чудак-человек был без ружья и, конечно, пошел опять той же дорогой. Интересно, чем это кончится? Главное, какой вид Aquila et Haliaetus? Канаев ухлопал и, оказывается, Hal[iaetus] albicilla (молодой экземпляр). Птица поедала, как собака, всевозможные отбросы.

Когда заря на западе погасла и на темном фоне неба стали контрастно выявляться Юпитер и молодая Луна, я с Идой Павловной поехали с первыми визитами на 3-й день сначала к Аюшевым, затем к Жамцарано и, наконец, к моей симпатии — Цецен-хану! Дольше других мы, конечно, пробыли у милой madame Жамцарано, которая угостила икрой (паюсной), свининой и сладким пирогом в сопровождении прекрасного, легкого вина. Мне было весьма отрадно слышать, что и Ринчино, и Жамцарано весьма мило справлялись о моей Пшевочке и просили написать ей их дружеские, праздничные приветы.

Еще не было семи часов, как мы возвратились домой вполне благополучно.

С каждым разом я все больше и больше проникаюсь преданностью и даже любовью к красивому, породистому Цецен-хану, к нему и его симпатичной княгине. Это в высшей степени порядочные люди, гордящиеся своею традиционной порядочностью.

Что произойдет в нашей однообразной монотонной жизни сегодня, какая почта придет? Какие новости, какие слухи? А время все идет, идет и движется вперед!

8/II, ♀. С полночи подул с ЮЮВ ветер, по обыкновению принесший сплошную слоистую облачность. Наш орлан за ночь замерз в коридоре. Следует Канаеву прогуливаться в гористой местности, прилегающей с юго-востока, а главным образом с СВ, куда и должно ежедневно экскурсировать. Надо шире знакомиться со всем окружающим.

Наша Е[лена] П[етро]вна удачно попала на поезд и теперь в скором времени будет в Москве.

Надо скоро ждать и телеграммы от моего спутника Пшевика из Харбина и с дороги письменных донесений о характеристике местности и богатстве животной жизни.

Получил телеграмму из Харбина, что-то там действительно неважно, кажется мамик вздумал перестараться. Сведение тревожное, если не сгущены краски, на что мамик в прежнее время был мастер. Надо спокойно ждать известий от моего Пшевика. Когда-то они прибудут? Точно так же и ургинская почта не дала нам ничего, кроме 1 письма Кондратьеву. Надо надеяться, что наша почта в недалеком будущем доставится курьером.

Сегодня я навестил А. Н. Васильева, который, как и надо было ожидать, принял с отменным вниманием и доверием. В каждую встречу с этим располагающим к себе человеком узнаешь что-либо приятное, интересное. Любопытна его очень удачная характеристика Коли Павлова: недостает энергии и мл[аденческая] строптивость, малодушие.

Современные события могут благотворно подействовать на общий ход экспедиции. В высшей степени интересно в настоящее время быть поближе к центру и заграница. Интересно также, кто после Англии откликнется России ее признанием, что сделает дремлющий Китай? Полагаю, он не замедлит это сделать, его подтолкнут молодые прогрессивные силы, вполне и давно сочувствующие молодой России. Все это я говорю, конечно, глубоко думая об участи моего самого дорогого, родного детища — экспедиции.

Экспедиция должна жить и будет жить: я в это верю и буду жить такой верой. Но что может произойти с теми, которые в большинстве без всего определенного в Харбине или по линии КВЖД вообще![90] Эта компания еще живет иллюзиями насчет защиты Америки.

На ст[анции] Сангин (Ветер[инарное] упр[авление] монгольского правительства) дал две наши винтовки и наган с 3 пачками патр[онов] на в[инчестер] и на [наган], конечно во временное пользование.

Продолжаю знакомиться по случаю праздника с монголками и бурятами. Меня продолжают занимать богатые, оригинальные костюмы монг[ольских] княгинь. Сегодня две такие дамы (с красивыми, безупречно чистыми руками) долго сидели, пили вино, чай, ели печенья, одна из них изящно курила, и обе были весьма веселы и словоохотливы с молодым, красивым юношею-бурятом. Уезжая, они усиленно просили к себе И[ду] П[авло]вну и меня в придачу и увезли с собою юношу (посадили в свой экипаж). Одна из княгинь — молодая вдова.

После четырех часов дня мы (И[да] П[авловна] и я) все же успели сделать и сегодня три визита. Продолжительный и первый к Ринчино, где закусили и отведали запивочек (брусничных), а главное чайку с усладами. Ринчино милы, любезны, симпатичны, я всегда бываю там с удовольствием. Еще два визита (русский и бурятский), и мы дома весь вечер, который с нами разделил Ин[нокентий] Лавр[ентьевич] Салтыков, много порассказавший из своей одиссеи за революционный период. Всю ночь дул ветер и нес снежную поземку.

9/II, ♄. Серо, холодно, снежно, бр-р-р. Богдо-ула скрыта снежным туманом.

Ник[олай] Вас[ильевич] с Андреем отнесли Васильеву седло от экспедиции, за что Алексей Николаевич очень трогат[ельно] благодарил. Конечно, от времени до времени я или кто-либо из моих спутников воспользуемся любезностью Алексея Николаевича и прокатимся на лошадке полпредства, носящей кличку «Экспедиционная»! Собственно, мне следовало бы заехать с визитом к Цэрэн-Дорчжи, он очень хороший!

Вдруг объявилась Воробьева из Мандал, сообщившая все про свой далекий уголок. Я ее угостил обедом, чаем с печеньем, и, думаю, наша хозяйка в Мандалах осталась довольна! Я обещал заехать к ним на целый день попутно в Сугу-нур.

Около 3—4 часов дня мне доложила Барановская о письме Пшевочки для меня.

Черт бы их побрал, так называемых цензоров проклятых, теперь они будут держать письмо, пока не протрезвятся от обильных возлияний в годовой, главный, единственный праздник Цаган-сар!

Молодежь Иды Павловны собирается к танцевальному вечеру. Все подбирает, чистит, подметает, сдвигает. Котика своего, сильно простудившегося, я беру к себе в комнату. Но грустно, грустно, что не могу получить вовремя очень интересного для меня письма Пшевика моего родного, как он следовал наперерез пустыне Гоби по направлению Калгана.

Все же мне удалось вечерком урвать времечко и заглянуть к выдающемуся человеку Монголии Цэрэн-Дорчжи, этому умному, тактичному, уравновешенному государственному человеку, деятелю. Мы с ним беседовали непосредственно, мило, прекрасно за чашкой монгольского чая. В окна виден всякий человек, появляющийся откуда бы то ни было. Меня, вошедшего во двор, встретил молодой человек в красном халате, а когда мы беседовали, будто бы невзначай, словно прогуливаясь, прошла мимо нас, умело бросив взгляд, очень интересная, с жгучими глазами, лет 18—19 девица в лиловом, может быть даже дочь хозяина.

По возвращении к себе увидел, что здесь начала собираться молодежь, в числе которой были и мои спутники, Павлов и Симуков (Котик, как инвалид, в моей комнате), вернувшиеся к себе в юрту в ½ второго, а все прочие, несмотря на уход старших, бесновались все громче и громче, бог знает до какого бы времени, если бы я не заметил, что, дескать, пора, довольно. Кажется, прыгали, шумели, кричали ровно до 3 часов ночи, когда вдруг все смолкло, и как было приятно, когда после шума, стука, взвизгов все смолкло мгновенно. Довольны ли мной? Не знаю!

Наутро следующего дня **10/II, ☉**, казалось, на меня все надулись и пуще других — Верочка! Вероятно, им не было приятно мое вмешательство. Это было видно по ответу молодежи: «Ваших уже нет, они ушли!».

Сегодня ясно, прозрачно, холодно! Мороз с ветром, около 25°R, что касается направления ветра, то ничего не можешь сказать, ибо он меняется часто и дует с самых различных сторон, будто весной!

К 12 часам дня я и Н[иколай] В[асильевич] направились в Учком по приглашению Ц. Жамцарано, на обед! Но, в сущности, это был только предлог. Обедом мотивировалось приглашение с целью успешнее привлечь на заседание известных лиц для принятия участия в заседании (можно сказать, годовом) членов местного Ученого комитета. Мой друг остроумно заявил, что молится в юрте, наедине все праздники, а в сущности он глубо-

ко обдумывал мероприятия, которыми смог бы скорее поднять местный Ученый комитет. Таким образом, едва собрались все, за малым исключением по случаю болезни, ученый секретарь Ц. Жамцарано сказал: «Мы рады и счастливы, что в Урге случайно пребывает Петр Кузьмич, воспользовались этим, и вот теперь мы вместе можем побеседовать о нашем умственном житье-бытье. Прежде всего доложу, что наш ученый кружок увеличился: в него избрано еще четверо членов (своего рода членов Монгольской академии наук, я бы так сказал). Эти лица все вам, Петр Кузьмич, знакомы»; двое прирожденные монголы — министр иност[ранных] дел (очень живой, восприимчивый, породистый человек) и м[инист]р финансов (знающий мое имя, как сам сказал, с детства), затем двое бурят — всем известный по своему положению в Монголии председатель Военного совета Дорчже Ринчино и Батухан.

Мне стала еще более понятна наша задача, и после моего приветствия новых членов Ученого комитета и замечания, как прекрасно поступил Учен[ый] комитет привлечением таких лиц, как двое членов правления Монголии, Ц. Жамцарано начал излагать по пунктам все то, что в совокупности поставило бы отсталую Монголию в ряд с Россией. Таких последовательных, систематически вытекавших один из другого, набралось около сорока вопросов. Ж[амцарано] читал их сначала по-русски, затем переводил членам-монголам. После двух-трех сказанных мероприятий мы имели общение. В заключение я подчеркнул, что если все предложенное выполнить (на что потребуются не только годы, но и десятки лет), то Ученый комитет Монголии станет в ряду таковых в цивилизованных странах. Не надо только бояться, что в Ученом комитете доминирует не монгольский язык. Когда-то, в самом начале и на протяжении свыше 100 лет, в РАН главенствовал язык немецкий с сильной оппозиционной немецкой партией. А когда русские сами подросли, впитав в себя целиком европейскую цивилизацию, в РАН стала исключительно национальная, русская партия — великое торжество самих русских, так смотрите и вы, монголы, не пугайтесь вторжения в ряды ученых членов вашего Комитета, это неизбежно, но это приведет вас к цели! Чтобы подбодрить членов-монголов, я им сказал, вернее подчеркнул, значение чистой жемчужины Монголии Богдо-улы как монгольского заповедника. В этом отношении монголы стоят впереди нас не только русских, но и европейцев, в доказательство привел им несколько ярких примеров (о зубрах России, о бобрах России, о бизонах Америки и проч.).

Последним попутным предложением моим было: «Скорейшего создания национального художественного, а потом и естественно-исторического музея». Ведь как-никак, а человек запечатлевает скорее и прочнее все реальное, в особенности если это реальное хорошо, ценно, интересно и в высшей степени привлекательно. Вспомните музеи России. А ведь росс[ийские] музеи — краса и гордость страны и зависть Европы и Америки, создание русского мыслительного творчества и, в частности, создание работников в широком целом Российской академии наук. В ее недрах собиралось все ценное не столько в матер[иальном], сколько в научном, историческом отношениях. У меня осталось невыраженным, про себя, до будущего раза, сказать или, точнее, подсказать членам-монголам, что у них в Монголии, у подножия жемчужины Богдо-улы имеется своеобразный, оригинальный музей, созданный капризной прихотью и народным богатством Монголии, их

монгольским иерархом Богдо-гэгэном, музей из его личных вещей или предметов. Его дворец русской архитектуры может быть в будущем «Национальным музеем».[91]

Кроме того, много красят отдел изучения дикой девственной природы предметы естественно-исторического характера, в частности зоологические объекты: чучела зверей, птиц, витрины жуков, блест[ящих] мух, разноцветных бабочек и проч. Тибетская экспедиция должна что-нибудь из своих законченных работ принести в дар нарожд[ающемуся] естеств[енно]-историч[ескому] музею, так сказать, положить пробный камень в деле сооружения народного памятника по изучению царств природы.

В высшей степени приятно было посидеть два-три часа, с избытком, на заседании Ученого комитета (монгольского). По крайней мере лично я вынес самое отрадное впечатление, под которым и возвратился домой!

Потом, уже вечерком, мы (И[да] П[авловна] и я) сделали визиты: вдове, супруге Эрдэни-вана, и Джон-вану (китаефилу). Первых двух застали дома и порядком посидели у супруги Эрдэни-вана. Она угостила нас как следует вкусными плоскими пирожками с мясом. Из вин было плохое китайское, вонючее, которое монголы пьют много-много. Вообще по части питий монголы разве малым уступят русским. Джон-вана мы не застали дома и по возвращении домой, после приема с визитом супругов Шастиных, как усталые канунным днем, рано отошли ко сну: от 9½ часа вечера до 8 часов следующего утра.

Мороз с ветром заставили вновь вспомнить о зиме, ее невзгодах.

11/II, ☽. Мороз и ветер упорно поддерживают стужу Монголии. Теплый, словно весенний, проблеск погоды миновал словно сон! Горизонт сократился, священный массив будто в снежной мгле. Писем все нет ни с той, ни с другой стороны.

Наконец объявился Кондратьев, прибывший еще накануне вечером с отчетом о его экскурсии в горы и леса и верхнюю часть долины р. Толы. Его поездка-прогулка оказалась довольно успешной в орнитологическом и этнографическом отношении. Он осмотрел главным образом долину Толы вверх и прилежащий к ней с севера горно-лесной район (с кедровником). Жил три дня отшельником в лесу, с костром и шалашом. В заключение удачно познакомился с бурятом, показавшим ему интересную пещеру, затем местонахождение одной каменной статуи, по-видимому буддийского пантеона, и проявившим осведомленность о целой группе статуй, находящихся не так далеко от первой. Короче, экскурсия вышла очень удачной. Жаль, конечно, что К[ондратьев] не охотник и привез тушки птиц без выбора и неважные или даже совсем разбитые тушки, с другой стороны, не подошел к сове, не скрал ее и промазал по беркуту!

Случайно из его доклада выяснилось, что пастухи-мальчики также наблюдали сову, но не сказали о своих наблюдениях ни слова. Не знаю, скоро ли мне удастся их натаскать научно и передать им нужное чутье наблюдателя. В этом отношении Кондратьев и мой Пшевик стоят выше прочих на целую голову. Из серии птиц, привезенных Кондратьевым, я сделал Cinclus'a (у которого весь низ, т.е. шея, грудь, брюхо, — белый), Канаев — двух Sitta europea baicalensis и уродливого (клюв крючком) полевого воробья — Passer montanus.

Н. М. Пржевальский.

Полковник Генерального штаба
П. К. Козлов. 1912 г.

Е. В. Козлова. 1912 г.

Перед началом экспедиции. *Слева направо сидят*: П. Саранцев, К. Даниленко, П. К. Козлов, Б. Овчинников, неустановленное лицо; *стоят*: П. Савельев, А. Симуков, Н. Касимов. Весна 1923 г.

Отъезд Монголо-Тибетской экспедиции из Петрограда. 25 июля 1923 г.

Богдо-Ула; справа зимняя резиденция Богдо-гэгэна (Хан-музей).
Современная фотография.

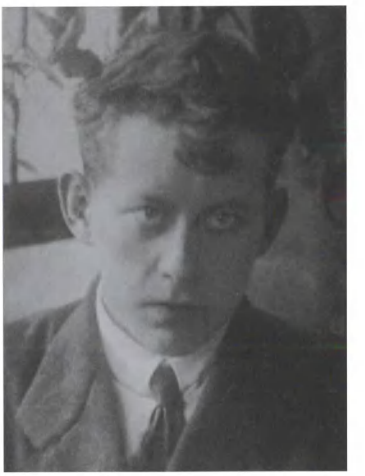
Ц. Г. и И. П. Бадмажаповы.

Е. П. Горбунова. 1924 г.

С. А. Кондратьев. Урга, 1924 г.

К. К. Даниленко.

Далай-лама XIII.

Агван Доржиев.
Санкт-Петербург.

Тибетский донир в Урге. 1923 г.

А. А. Дудукалов.

П. К. Козлов. Урга, 1923 г.

Е. В. Козлова. Урга, 1923 г.

Свен Гедин и сотрудники Монголо-Тибетской экспедиции. Урга, ноябрь 1923 г.
Слева направо первый ряд: Ш. Эрдэниев, А. У. Бохин, П. Е. Помытов, Е. П. Горбунова, Е. В. Козлова, П. К. Козлов, С. Гедин, П. П. Телешов, Д. М. Убугунов, В. А. Гусев, М. В. Степанов, В. М. Худяков (?). *Второй ряд*: Н. В. Павлов, С. А. Кондратьев, К. К. Даниленко.

Нахождение каменной фигуры Кондратьевым в долине Толы, вверх от Урги около сорока верст, Жамцарано приписывает VII веку и проявляет высокий интерес к пещере с субурганом.

Котик понемногу поправляется, но зато Павлов совершенно слег, он давно недомогал.

Так третий день я не могу получить письма — черт знает что такое. Ужели придется обращаться за содействием к самому А. Н. Васильеву: только этого недоставало. И почему еще я до сих пор не получаю телеграммы от моей Пшевочки, удивительно!

Не знаю, почему-то С. А. Глаголев так сильно ждал моего приезда в Петроград, что поэтому не писал мне, а ограничился прекрасным письмом к С. А. Кондратьеву.

Ночь холодная, ясная, с северо-северо-западным ветром. Вернулись зимние холода и невзгоды.

12/II, ♂. Прежний холод, адский, с ССЗ — резкий ветер. Вероятно, настал знач[ительный] период с холодом! Стужа эта напомнила самые холодные минувшие периоды.

Наконец-то я получил письмецо, очень интересное, от моего родного Пшевика. Для меня очень интересно то сильное впечатление, которое Пшевик получил при виде пустыни Монголии — Гоби. Ее поразила мертвенность, однообразие, жуть мертвой страны. Автом[обили] с гудками, скелеты животных, телеграфные столбы оскверняют девственную чистоту пустыни, с островами матрацевидных выходов, напоминающих юному путнику недавние лекции по истории земли — геологии. Цзерены, волки; один волк стоял у самого автомобиля, глядел: серые глазки, опущенный хвост. На гудок волк лишь насторожился, сосредоточился, поднял уши и только. Теперь мой Пшевик, вероятно, уже среди своей родной семьи. Буду ждать ее вестей.

С[ергей] А[лександрович] приводил ко мне для ознакомления старика-бурята, показавшего моему спутнику много интересного в историческом отношении. Я поблагодарил его и нанял к нам на службу в качестве разыскивателя подобных интересных мест! Пока что этот бурят с С[ергеем] А[лександровичем] отправился к Жамцарано для беседы по этим же вопросам.

Замечательно вороваты городские монголы-ламы. Нельзя оставить на прилавке ничего: ни покупок, ни тем более деньги. Даже один мерзавец и тот смело проделывает воровство в то время, когда купец занят с вами, а он, он улучает минуту, чтобы незаметным образом стащить и, как ни в чем не бывало, выйти из лавки. Так было со мною в магазине Кабанова. Пока мы стали смотреть посторонние предметы — бумагу и проч., зашедший монгол в красной одежде взял из 11 долларов, внесенных за вино, два к себе в руку, да и был таков. На мое удивление к Кабанову по этому поводу он заметил: «Целые фляги с бензином воруют, не то что деньги с прилавков». Изъян мы разделили поровну.

Сегодня я написал моему родному Пшевику письмо через П. И. Геранцева, едущего по комм[ерческим] делам в Тяньцзин. Счастливый, пересечет Гоби!

Вечер очень содержательно проведен мною вместе с Идой Павл[овной] и Верочкой у Салтыкова. Кроме нас были товарищи хозяина и два монгола:

министр финансов с приятелем. Забавно было смотреть, как монголы не столь интересовались хорошей игрой Иды Павловны, как самой техникой игры. Они положительно всюду смотрели и сверху, и снизу, и на педаль, трогали пальцами рук молоточки и проч. Умора! В этом отношении большим ребенком был именно приятель м[инист]ра фин[ансов], и оба они долго, втихомолку беседовали о столь диковинном музыкальном инструменте, как концертный рояль. После ужина и милых слов мы отправились восвояси столь же прекрасно-быстро, как и прикатили сюда (в автомобиле). Салтыков был любезен!

Вечером и ночью температура воздуха стояла низкой, ниже –23°R, форменная зима.

От Цокто получена телеграмма из Тяньцзина: его дела хороши, сам здоров, в Т[яньзине] пробудет до 20/II. А что же моя Пшевочка молчит, когда же наконец я получу ее весточку? Надо думать, что она отстанет от компании Бадмажапова.

Забыл было отметить, что во время праздников я наблюдал на морозном воздухе открытый китайский театр. Исполнители — монголы на ходулях, костюмы и грим также китайские, женщин нет, их заменяют мужчины. Музыка — главным образом барабан, страшно потрясающий воздух своим боем. Театр бродит от одного богатого дома к другому, наперед высылает красные карточки-предупреждения. Принято, обыкновенно, угощать актеров, играющих во дворе или просто на улице, перед домом, запруженным многочисленными зрителями, одни из которых попадают во двор, запертый, другие же ограничиваются смотрением в щелочку или слушанием музыки.

13/II, ☿. Утро холодное. После 8—9 часов небо, стоявшее чистым, стало понемногу покрываться перистыми облаками. Впечатление настоящей глубокой зимы.

Сегодня Канаев наблюдал интересное явление у ворона с голубем. Первый, словно хищник, преследовал второго и, догнав, ударом своего сильного клюва в спину сшиб несчастного голубя на землю, где начал теребить его или, точнее, ударять тем же клювом в голову. Канаев, сколь мог, стремительно бросился освобождать голубка. Ворон озлился, нехотя отступил 2—3 шага и гневным взглядом сердито протестовал против защитника. Тем временем препаратор схватил голубка, значительно пострадавшего от нападений C[orvus] corax, и понес его к себе в юрту. Ворон с большой неохотой и злобой взмахнул крылами и полетел вверх, а потом вскоре скрылся из глаз наблюдателя.

Наш полпред дипломатически избегает приглашать меня, что называется, на вечеринку, — ему не очень приятна моя нелюбовь ни к спиртн[ым] напиткам, ни к куреву. А сам он, как оказалось, настоящий русский человек и по-русски выпивает, хотя и стоик.

Сегодня я одарил бурята-проводника в верхней Толе. По уговору он должен через месяц приблизительно прибыть к нам с другими данными или, может быть, болес полными первыми. Согласно его обещаниям, он постарается подбить на такие же изыскания и своих знакомых монголов или сам их хорошо порасспросит! Итак, мы принимаем выжидательный образ из-за упорной глубокой зимы.

Несколько, два-три, часов вечерних своей компанией мы провели хорошо у Геранцевых. Пошел я главным образом за тем, чтобы попросить П[авла] И[вановича] опустить мое письмо к Пшевику в Тяньцзине, куда он на ближайших днях уезжает.

14/II, 2. Утро серенькое, по небу рассыпаны слоисто-кучевые облака, ветер слабый, конечно, тянет от ЮЮВ. Священный массив скрыт от наблюдателя не только гребнем, но и верхним и даже средним поясом. По-прежнему ургинский дым около 8—9 часов утра свертывается в обширный длинный сверток и сначала стелется по долине, поперек ее, а потом поднимается и на склон Богдо-улы. И так изо дня в день. А ведь в благодатных странах теперь уже весна или пахнет весной! Ведь сегодня как никак 1/II по старому стилю! На Лобноре уже отрадно!

Был Дуду[калов] А. А., привез мне 300 кит[айских] сер[ебряных] долларов за 150 зол[отых] амер[иканских] долл[аров]. Пожалуй, ему следует некоторую толику возвратить обратно, около 15 долларов или даже ничего. Как жаль, что я не знал об отъезде его брата в Тяньцзин, тогда мое письмо к Пшевочке уже пошло бы. Хорошо еще, если поедет Геранцев. Собственно, он и дал мне толчок к писанию письма. А нам что-то нет вестей ниоткуда.

15/II, ♀. Опять серо, ветрено, очень холодно. Богдо-ула сумрачна, стоит и хмурится в снежной мгле. Когда же наконец настанут более светлые, отрадные дни, когда на ярком солнце будет таять снег, засеребрится и зашумит капель с крыш, когда голуби будут нежиться на солнышке, воробьи усиленно чирикать, а их заклятые враги, кошки, лукаво подкрадываться к ним? Теперь недалеко и время прилета пернатых, недалек тот период, когда потекут вешние воды, потемнеет поверхность земли и понесутся стаями утки, гуси и другие плавающие или голенастые птицы. Весна! С этим прекрасным словом связано представление о самом лучшем, радостном, живительном времени года. И в благодатных странах весна уже началась. Я желал бы теперь находиться с экспедицией или в Гань-су, или, еще лучше, в богатом, очаровательном Каме, в бассейне верхнего или даже среднего Меконга.

К обеду прибыл к нам пан Ежо и, между прочим, сообщил очень интересные данные о развалинах в горах, к востоку от Бороты. Постройки — пещеры, ряд комнат, в которых найдены: на стенах шелковые обои, в самих комнатах золотые предметы до вазы включительно, нефритовые мундштуки, пуговицы — золотые, а в соседней комнате — скелеты людей (взрослых и маленьких) и проч. Золотую вазу монголы поднесли Богдо-гэгэну! Раскопки были приостановлены из-за обстоятельств, самых малоподходящих для продолжения раскопок.

Затем я, С[ергей] А[лександрович] и Лисовский имели совещание по вопросу возобновления в Монголии ряда метеорологических ст[анций], начиная с первоклассной станции в столице Монголии.

Наконец получена почта, столь долго ожидаемая, и я нахожусь в некотором удовлетворении (из Харбина, Иркутска, Троицкосавска и других мест). Не забыли нас и наши спутники-забайкальцы Телешов и Степанов, описавшие весь путь до дома.

Письмо мамика прекрасное во всех отношениях. Воображаю, как все они рады приезду Пшевочки. Пшевочка оживится, отдохнет душой и телом!

А я счастлив и доволен развертыванием наших интересных планов работ предстоящей весной. Ведь все это проходит под моим ближайшим руководством. Я совершенно не замечаю, как бежит время, на душе спокойно, почты ждешь с нетерпением. Я на месте сосредоточения экспедиции, все со мною делятся своими впечатлениями и проч. И самые всевозможные вопросы при моем участии разрешаются быстро! Подле меня прекрасный юноша — мой любимый спутник Котик, мне лучше с ним. Маленькое развлечение, с одной стороны, с другой же — полезное комнатное лечение от сильной простуды, которой опрометчиво подвергся милый мальчик!

Весь вечер я провел наедине с самим собою. Мысли и близкие, на месте, и далекие, словно в путешествии, все время роились в моей голове, до глубокой ночи я не мог сомкнуть глаз. Невольно мысленно побывал в Петрограде, в Харбине. В заключение не мог расстаться с Тибетом, не мог уйти от этой думы. Истоки Голубой и к ЮЮЗ — до заветной цели!

16/II, ♄. По-прежнему холодно, небо чисто, тянет струя прямо с севера! Сегодня день рождения младш[ей] девочки И[ды] П[авловны] Вали и лекция А. Н. Васильева на современную тему: «Рабочий кабинет Англии признал С[оветскую] Россию».[92] Когда откликнется Е[лена] П[етровна]? Упорно молчит, не извещает меня даже о приезде в Москву.

А Пшевочка очень хитро сделала, попросив Михно переслать ей письма, — это называется свинством. Главное, не сказать мне по этому поводу ни слова.

Получено письмо от Леночки. Оно вместе с другими пролежало в кармане шофера. В 11 часов утра явилась ко мне Тоня, бур[ятская] девушка, с приглашением И[ды] П[авловны] и меня к Содбоевой в гости, обедать. Это так водится на праздниках Цаган-сар. По случаю дня рождения Вали И[да] П[авловна] не смогла поехать со мною, мне пришлось ехать одному. Прибыв в ½ 1-го, я оставил гостеприимных старых друзей только в ½ 5-го. Так я поступил потому, что не хотел возвращаться обратно из Куреня раньше, нежели окончится лекция Васильева. Однако таковая отменена — никто не знал об этом своевременно, и, конечно, произошло неприятное недоразумение, раздавались недовольные голоса. А так у Содбоевой я прекрасно провел время. Помимо обеда и радушного гостеприимства вообще, время было скрашено присутствием, между прочим, двух миленьких племянниц Содбоевой — Кати, моей любимицы, и Тони. Они плюс молодая нарядная монголочка очень приятно пели свои национальные песни, те песни, мотив которых очень хорошо усвоен композитором экспедиции.

После продолжительного пребывания за столом хотелось освежиться воздухом двора, где светило яркое солнце. И тут со мною мило погуляли хорошие буряточки. Между прочим, славный юноша — брат Тони, студент Института восточных живых языков в Петрограде,[93] не отставал от нас. Удивительное явление: молодежь, рожденная в крайне континентальном климате (Монголии, Тибете), не может безболезненно переносить сырой или даже влажный климат в приморских городах. На моих глазах немало отошло молодежи в вечность, особенно неустойчивыми всегда являлись тибетцы, которые хронически заболевали физически и нравственно и вскоре помирали. Так было с несколькими юношами-тибетцами, один из которых был некоторое время учителем тибетского языка у моей Пшевочки.

Вечер я прекрасно, по обыкновению, провел с семьей Иды Павловны и ее братом, с одной стороны, и моими двумя спутниками — С[ергеем] А[лександровичем] и Котиком — с другой! От самой Содбоевой мимо Нардома до моей обители меня сопровождал студент, брат Тони. По дороге я узнал от него, что Донба написал стихотворение «Богдо-ула».

17/II, ☉. Прекрасное, ясное тихое утро. День обещает быть хорошим. У меня был местный портной с примеркой. Васильев и К°, около десяти человек с нашим Павловым, паломничали по Бага-тэнгэри-ама на перевал. Там любовались на оба вида — северный и южный. Снега много, валунов и огромн[ых] камней также. Седловина глубока, по сторонам высятся каменные вершины. В нижней зоне прекрасные высокоствольные ели и лиственницы, в верхней можно было ожидать лучшего насаждения. Из животной жизни, помимо многочисленных следов копытных и хищных, видели бурундука (не отмеченного при описании массива Богдо-ула).

Я с С[ергеем] А[лександровичем] навестили Убугуновых, живущих действительно в очень скромной обстановке. На пути к дому заехали к Жамцарано, с которым очень интересно беседовали на тему всевозможных развалин. Жамцарано — источник сведений об Урге и ее прошлом. Помимо тех памятников и замечательных мест в историческом отношении, как на востоке от Урги — пещера с субурганом и могила с каменным человеком (памятник) в Баин-дабан-ама, так и на севере — Цзун-модо, с усыпальницей царевны (к великому сожалению, испорченной невеждами, разломавшими ломами потолок и проч.). Наш Жамцарано сообщил еще очень интересное сведение, а именно: на запад-юго-запад, вниз по Толе, до ее южного излома, в углу с песками таятся кое-какие постройки. Не так давно компания мест[ных] монголов с предметами для раскопок земли и камней приступила было к откапыванию жилищ. Нашли черепичную кровлю и стали с азартом вести раскопки дальше, как вдруг этих самозваных «археологов» окружил конный монгольский отряд и перепорол жестоко за их попытку извлечь богатства. Говорят, по сторонам, в песках там и сям валяются горшки и другие прочные глиняные изделия. Вообще же говоря, надо признать, что Монголия очень богата всякого рода историческими памятниками и хранилищами богатств. Тот же Жамцарано сообщил нам, что прежде всего в хошунах знают про клады, но почему-то боятся их извлекать. Саин-нойон-хан за самозваные раскопки кургана в его владениях также сильно выпорол искателей богатств. Хорошо помню беседу с Хонда-ваном, его живой рассказ о богатствах субургана, хранящегося на его земле, о том, что там имеются образцы исторических памятников в виде самых разнообразных предметов. Но любопытнее всего сундуки, от времени до времени извлекаемые из пещер в вершинах гор. Спрятанные богатства почему-то нередко извлекались родными предков. Ж[амцарано] передавал такой случай: он удивлялся, как прочно был прикреплен тремя железными обручами сундук, хранивший золотые, очень ценные вазы и парчовую одежду. Это было сравнительно недавно. Найдя сундук, монголы снарядили отважную компанию в другом месте и приступили к розыскам: сделали (из решетки юрточной) сиденье, укрепили его арканами и начали вместе с монголом спускать по скале к месту, где, по предположению, имелось входное отверстие. Неумело начатое дело потерпело крушение: сиденье с монголом перевер-

нулось и сам он полетел вниз, в пропасть, убившись насмерть. Остальная компания сочла все это за недоброе предзнаменование и прекратила дальнейшую попытку извлечь из вершины скалистой горы клад.

Пока что мой усердный С[ергей] А[лександрови]ч умело, толково собирается в Цзун-модо с разведоч[ной] целью.

Не забыть там холм, по-видимому не природный, а исторический, своего рода чандомын (у южного подножия Гурбун-сайхана). Необходимо позондировать почву! Таким образом, в последнее время я и Кондрат[ьев], оба мы, с интересом заняты опросами о местностях, чем-либо очень интересных, с памятниками исторического прошлого.

18/II, ☽. Как ночь, так и утро очень ясные, прозрачные, t воздуха все еще опускается до –21.5°R, но днем, в тиши, на солнце, весьма приятно, немножечко тепло! Богдо-ула в целом производит чарующее впечатление! Какая-то необъяснимая прелесть имеется в ней, в этом сочетании темной ленты — зоны растительной — с безупречно чистым снегом, снеговым покровом и нависшим над Богдо-улой лазурным небом. Безмятежно спит и сурово молчит священный массив Монголии. Многие пытливые ламы с благоговением, по-своему, вперяют взор (созерцательный) в Богдо-улу и воскуривают фимиам этому священному массиву.

Вскоре затем ко мне пожаловали двое представителей Тибета поздравить с Цаган-саром и возложили на мои руки хадаки — платы счастья. Как водится, я предложил им чая с печеньем и повел речь о событиях в России и Тибете. Оба они энергично заявили, что в русских газетах о Тибетской революции и бегстве Д[алай]-л[амы] из Лхасы говорится неправильно. «У нас на родине, в Тибете, все обстоит благополучно. Об этом нам поведали только что прибывшие из Тибета двое наших соотечественников».

Кондратьев работал успешно в Учкоме по сбору сведений о находках в Цзун-модо. Этот мой спутник всегда меня радует и является всегда желанным, не то — Павлов!

День ясный, прозрачный, однако с леденящим крепким западным ветром!

Вечер еще более привлекателен своею глубокой прозрачностью и блеском светил. Однако с полуночи подул юго-юго-восточный ветер и закрыл весь небесный свод слоистыми облаками. Опять серо, безжизненно, дали скрыты! Вновь холодно, вновь зима.

С вечера я долго читал «Архив революции».[94] Все воскресает в памяти. Это очень интересная литература. Казалось, в революции все тонет, однако история идет своей дорогой, несмотря ни на какие пертурбации, и заносит на страницы своей книги все происходящее и все попадающее в ее световое зрение... Как никак, а личности М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, с одной стороны, и А. В. Колчака — с другой, навсегда останутся в истории самыми светлыми, выдающимися, лучшими примерами разума, стойкости, патриотизма. Какой бы то ни было беспристрастный читатель всегда воздаст должное памяти этих великих сынов России.

19/II, ♂. Серо, холодно, дали скрыты. Все же надо надеяться, что через месяц солнышко Монголии улыбнется нам и, несмотря на еще большую весеннюю ветреность, оно сделает свое дело и южный нагретый воздух еще больше двинет весну! Пока же так неприятно холодно, что даже экскурсии

окрест Урги неприятны и ничего-ничего, кроме воронов, кам[енных] голубей, красноклювых клушиц и полевых воробьев, не видно! Мои мальчики ходят в ближайшие предгорья, но безуспешно. Там же нередко наблюдают и Васильева с его оруженосцем, упражняющихся в стрельбе по бутылкам. С. А. Кондратьев усиленно готовится к экскурсии. Я просматриваю предварительные отчеты так называемой Орхонской экспедиции:[95] какая масса каменных баб — намогильных — везде по долинам рек и их пазухам. Но нас интересуют более другого рода исторические памятники — развалины или единичные могилы вроде усыпальницы царевны или засыпанных песком жилищ. Вот что нас более всего привлекает и составляет задачу наших предстоящих исследований.

20/II, ☿. То же, что и раньше, — холодный пронизывающий ветер с северо-запада и унылая тишина кругом. Короче, холодно и мертво, ни одного приятного звука.

Получил донесение от И. Д. Тугаринова: они компанией добыли две кабарги, колонка, беляка, глухаря, но берлоги не нашли, уехали опять, жалуются на обильный глубокий снег и спрашивают, что делать с дичью, переслать ли.

Сегодня обещали доставить письмо моей Пшевочки из Калгана, привезенное Котовым и сданное, как водится, через таможню в охранное отделение (цензура).

В 1 час дня отбыла на север в урочище Цзун-модо ученая экскурсия во главе с моим ст[аршим] помощником Кондратьевым. Последнему сопутствовали Пахомов и пан Ежо.

Холодновато, тем не менее я надеюсь, что экскурсия сделает все возможное и успешно выполнит задачу первого ознакомления с местом нахождения интересных в археологическом отношении развалин, что-то [вроде] целого небольшого городка.

Несколько позже объявился монгол, вероятно лама, одетый в нарядный желтый шелковый тарлык, от двора Богдо-гэгэна с целью повидать Цокто Гармаевича и через его посредство добыть русского врача. Я посоветовал ламе отыскать приличного бурята в качестве переводчика и отправиться вместе с ним к доктору Шастину предложить последнему поехать вместе ко двору больного сановника. Что выйдет из этого — не знаю.

Ну вот я и получил второе письмо с дороги в Харбин от моей Пшевочки. На этот раз она прекрасно дает характеристику южной половины дороги из Калгана. Оказывается, лессовая соленая пыль и хунхузы-грабители[96] довершают «прелесть» пустынно-степной дороги. В Калгане дышится легче: впереди железнодорожный путь и скорое сообщение с Пекином, Тяньцзином и даже отдаленным Харбином. Не знаю, удастся ли мне что-нибудь получить еще, может быть, по почте из Харбина? Во всяком случае, моя Пшевочка много увидит и еще столько же услышит от родных и друзей в Харбине и при свидании со мною много-много мне расскажет о путевых впечатлениях. Важно, чтобы мой спутник-ученик все толково занесла бы в свой журнал.

Уже совсем вечером нам сообщили по радио, что вечером будет полное лунное затмение. Когда мы вышли во двор, оно уже давно началось, так как около ¾ диска (лунного) было скрыто, а в 5 h 26 m 0 s по хрон[ометру] E[ricson] 194 (20/II) или 10 h 30 m 0 S «по ургинскому» времени Луна скры-

лась совершенно и была в таком состоянии на протяжении одного часа семнадцати минут, когда наконец юго-западный край вновь стал открываться. Ночь была ясная и почти тихая, лишь по временам дул переменный слабый ветер. Иногда на Луну находило тонкое маленькое облачко и на несколько десятков секунд закрывало совершенно лунный диск и его сферу. Когда же Луна плыла в прозрачном пространстве, то она все время виднелась в форме очень бледного диска, точь-в-точь как это бывает с солнцем, когда оно видится через атмосферу, сильно насыщенную тончайшей, лессовой, пылью.

С самого начала и до конца лунного затмения местные ламы с участием простых обывателей неистовствали: звонили в бубны, барабаны, тарелки, гудели в раковины, и рядом там и сям гремела трескотня бомб и ружейных выстрелов. Иногда все вместе, с дикими воплями монголов и китайцев, составляло чудовищную какофонию. Все это проделывалось с целью уничтожить дракона, проглотившего Луну, и скорейшего возвращения ночного светила. Монголы все же верят в благополучный исход всякого затмения (и солнечного, и лунного, и полного, и частичного), потому что дракон — это воздушное чудовище, не имеет желудка, и проглоченное им светило очень скоро освобождается, чтобы иметь возможность освещать путь человечеству. Около полуночи, еще лучше, позднее, Луна уже успокоила своим видом ургинское буддийское население. Все смолкло, и воцарилась обычная мертвенная тишина над всей обширной долиной реки Толы.

21/II, 2. Утро серое, ветреное, холодное. Юго-юго-восточный ветер принес сплошную облачность. Геранцев возвратил мне письмо на имя моей Пшевочки: он не поедет или поедет значительно позднее, советует направить его через некоего Серебренникова.

Ну вот и прекрасно: шофер автомобиля № 1 поедет прямо в Харбин и был так любезен, что согласился не только взять письмо, чтобы опустить его в почт[овый] ящик Калгана или Тяньцзина, но даже лично доставить его в Харбине по назначению.

Почты нет. Сегодня бурятский вечер; за исключением И[ды] П[авловны], мы, взрослые, до Маринки включительно, были на этом, любимом мною, вечере. Как и всегда, вечер начался спектаклем из духовной жизни лам (бурятских). Здесь ярко показана несимпатичная черта лам[аистского] духовенства — брать со всех большую плату в виде той или иной головы скота, также определенный намек лам не допускать к лечению собратий русских врачей и проч. или, даже допустив их, не давать возможности принимать лекарств русских, заменяя их ламскими. Осуждается недостойное поведение всего духовенства, не говоря уже про лам-ховураков — самого порочного элемента, и т.д.

В общем, вечер удался, хотя на спектакле многие скучали, но зато танцы выручили лучшим образом. Буряты любят и умеют веселиться, они мастера на русские игры, а танцуют самые модные танцы мастерски. Среди бурят были и русские и один мой спутник — большой любитель потанцевать. Мне приятно было быть среди Жамцарано, Ринчино и других. Было немало и монголов, они с большим интересом смотрели на танцующих, в душе завидуя им.

Вернулись домой около трех часов ночи. Мои юные друзья были в восторге.

22/II, ♀. День серенький вначале, позднее, что называется, разгулялся, а вечером была прелестная погода, в особенности во время зари и позднего вечера. Невозможно обойти молчанием звездного, ярко-звездного неба!

Васильев ввиду праздничных дней укатил на охоту на три дня вниз по долине Толы. С ним уехал и мой Павлов, которому вменено в обязанность взять помимо винтовки еще и дробовик с целью настрелять птичек. Не знаю, что выйдет из этой поездки, но думаю, что что-либо и привезут, в особенности из птиц.

Днем была у меня буряточка Тоня, докладывавшая о возможности приобр[етения] коллекции.

Вечер, не поздно, я в компании с И[дой] П[авловно]й и Верочкой провел у Байковых, они милые. Возвращаясь домой, мы наблюдали массу собак и невольно вновь любовались небом.

23/II, ♄. Сегодня военный праздник. Погода прекрасная — ясная, тихая, и, вероятно, днем будет дов[ольно] тепло. Мы ждем почты — говорят, идет обильная, очень тяжелая, и вследствие снежной пурги, стоявшей несколько дней, она запаздывает. А ведь здесь, в Урге, письма имеют большое значение, их ждешь не дождешься, они есть общение с далеким миром.

Напрасно мы ждали почты: никому — ничего, если не считать единственной застарелой весточки из Петрограда от трех девиц от конца декабря или начала января. Что-то такое делается с письмами? Это непонятно, ничем нельзя объяснить. Ни одного письма никому из состава Тибетской экспедиции! Меня еще более тревожит молчание в связи с приездом в Москву Е[лены] П[етровны]. Может быть, почему-нибудь в годовщину утверждения Тибетской экспедиции, а именно 27/II,[97] я получу что-либо от Н[иколая] П[етрови]ча? Во всяком случае, когда-нибудь и что-нибудь я получу. А ведь теперь уже скоро придет весна и забьется сердце. Надеюсь, в марте повеет первым теплом, первым вестником весны.

Был парад войскам по случаю шестой годовщины русской новой армии. На параде русском присутствовали в небольшом количестве и монгольские войска с музыкой. Русский батальон, говорят, прошел довольно стройно. На парадах вообще строятся в такой последовательности: в головной части — русская воинская часть, за нею военное училище или, точнее, военная школа, за которой идут монгольские цирики. Пока все это что-то балаганное, может быть, после большего времени что-нибудь и образуется, пока же, откровенно говоря, довольно слабо.

Последнее время погода стоит ясная и сравнительно слабоветреная. По ночам по большей части тихо и морозно, до –20.0°R с лишком. Все еще нет так называемых приятных теплых дней, когда слышится звонкая дробь капели, когда громко чирикают воробьи и в голубой выси красиво рисуют круги гордые хищники.

24/II, ☉. Ясное, прозрачное, холодное утро, юго-юго-восточный [ветер] струит эфир. Сегодня мне очень грустно, сильно-сильно недостает моей милой Пшевочки. Да, она прекрасная, и заменить ее никто не может никогда-никогда. Она единственная в своем роде, и зачем только я написал ей: «Можешь остаться в Х[арбине] дольше, с расчетом прибыть домой к первому апреля», когда теперь все еще тянется нудный, холодный февраль.

А на Лобноре уже весна, пролет птиц и все то, что с ним тесно связано! Мы не на шутку стали беспокоиться неполучением писем. Здесь что-то недоброе творится. Вероятно, у кого-либо открылся зуд почитать чужие письма, и под благовидным предлогом цензуры он оставляет у себя — глумиться. Иначе нельзя себе представить, чтобы, например, Павлову или другим членам экспедиции не писали из дома.

Сегодня, после полудня, Канаев убил прекрасного сокола типа Hierofalco (вероятно, H[ennaia] hendersoni или H[ennaia] saker). Птица была замечена в соседнем дворе, по всей вероятности промышлявшая голубей, но сама попала на пополнение орнит[ологической] коллекции Тибетской экспедиции. Препаратор заслужил приз — коробочку в 25 шт[ук] советских папирос из моего, еще петроградского, запаса (ученый паек). Павлов позавидует. Посмотрим, что он привезет из 3-дневной охотничьей поездки.

Андрюша получил из Москвы телеграмму в ответ на письма, свезен[ные] Леночкой.

Вечером возвратился Павлов с охоты. В результате: тетеревятник, вероятно ♀, и два зайца. На этот раз комп[ания] охотилась в мал[ом], или, точнее, Нижнем Сангине, отстоящем от Урги, говорят, свыше 50 верст. Характер местности H[ижнего] Сангина тот же, те же заросли, открытые родниковые воды и проч. и, конечно, с большим количеством животн[ой] жизни: порядочно зайцев, больше вообще птиц. Запела Acredula, играют вовсю беляки, но все еще очень холодно, за исключением защитных мест, тех уютных мест, куда не проникают ветры, но зато проникают лучи монгольского яркого солнца. Здесь, в горно-лесной Монголии, еще долго-долго будет холодная погода.

Вечер с нами провел И. Г. Салтыков, было мило, непринужденно, играли, танцевали и даже выпили шампанского. Лично я всегда с удовольствием выпиваю два бокала этого вина, приводящего в прекрасное состояние, но только в прекрасное, не дикое, какое принимают сибиряки после 12—20 рюмок водки, стольких же рюмок разных вин [и] в придачу бутылку целиком шампанского. Ну и пьют же в столице Монголии на русскую славу*!

25/II, ☽. Прежняя ясная, прозрачная атмосфера, холодная, как зимой ночью и в тени, и немного согревающаяся на полудневном солнце. Прямо не могу дождаться теплых, приветливых дней. Температура низкая упорно держится не только ночью или на заре, но даже и днем, в тени, прозрачность сухого воздуха необычайная.

Что-то поделывают мои «археологи» на севере? Чем они меня порадуют к весне? В какую форму выльются все мои радужные ожидания? Мои золотые научные мечты! Ведь иногда бывает так: не было бы несчастья, не получишь счастья. Или несчастье — дело счастья! Поживем — увидим. Я живу ожиданием результатов на мои задания не только моим спутникам, но и моим охотникам, местным, которых я снабжаю свидетельствами на право охот-экскурсий и еще даю им охотн[ичьи] припасы.

Более или менее однообразной чередой продолжают тянуться дни нашего пребывания на зимовке. Только и живешь писанием, чтением, поездками в Сангин или в горы с целью зоологических изысканий или результатов от

---

* *Так в тексте. (Прим. сост.)*

возвратившихся из экскурсий моих спутников. Пятница в неделе особенный для экспедиции день — день раздачи писем. И так изо дня в день или из недели в неделю. Вот одна весна может вывести экспедицию из зимней спячки, только она одна внесет радостное оживление в наше зимнее прозябание.

26/II, ♂. Ясность, прозрачность, ветер с ССЗ, и, как результат всего этого, холода продолжают упорно стоять всю последнюю треть февраля. Весна еще далеко, лишь один переменный ветер немножечко напоминает о ее будущем приходе. Природа же в своем целом — и в горах, и даже в долинах — спит крепко. Однако, как сказано выше, синицы (голубая и Acredula) уже поют по-весеннему.

Сегодня объявились мои охотники сугу-нурские с добычей: ♀ кабана, Putorius, два экземпляра кабарги ♂ и ♂, белка, а из птиц — пара глухарей, столько же рябчиков, столько же соек, кедровка. Всего 12. Наиболее интересны для коллекции Putorius и глухари. Последние очень темные, а на расстоянии даже черные и, кажется, размерами превосходят таковых российских. Мои охотники рябчиков и белку добыли путем стрельбы из ружей, все остальное поймали в западни, почему немного с изъяном, ♂ глухарь, маленькие птички, которым поломаны ножки, и только колонок (Putorius) весьма удачен. Я удивляюсь, как сугунурцы поймали в западню кабана, ♀, матерую, жирную! Вероятно, мастера своего дела. Обещают мне еще поработать, теперь знают, что мне надо и из млекопитающих, и из птиц.

Таким образом, наша зимовка выходит в общем очень плодотворной и не только в одном зоологическом, географическом, но, может быть, даже помимо этнографического, и в археологическом отношении. Я жду и буду ждать от Кондратьева интересных донесений. Кстати, сегодня он сообщает, что по случаю метели (в прошлом) и худых дорог (в настоящем) он может задержаться больше, нежели рассчитывал, поэтому просит не беспокоиться его запоздалым возвращением. Очень мило и корректно, как и всегда так поступает мой достойный спутник. Сегодня же мне прислали приглашение, печатное на красной бумаге, на завтра к 4 часам дня на раут в ЦК партии (или на банкет).

Совершенно неожиданно для меня прибыл ко мне бурят Бадма Ванчин Вампилов, заведующий гаражом Богдо-гэгэна с целью, по его признанию, познакомиться со мною. Посидел, побеседовал и, между прочим, показал мне электрический фонарь его собственного изготовления. Как видно, Вампилов — самородок-техник, страшно любит и специально занимается электротехникой. В конце концов, я выразил желание побывать у него и, кстати, познакомиться с домом самого ургинского духовного владыки, с домом, так сильно напоминающим дом старого консульства русского в Урге. Не знаю, что в нем осталось, но думаю, что-нибудь еще имеется после ограбления дворца гаминами, красными китайцами, долгое время жившими и хозяйничавшими в нем. Говорят, много уворовано денежных ценностей, слитков серебра и массивных изделий из золота. Плуты-китайцы бесконечно жадны на ценности и столь же жестоки при расправе с врагом. По наблюдениям моего учителя и моим личным, китайцы очень скверные люди, в особенности они гадки, когда чувствуют свое превосходство в грубой силе. Мне кажется, что такая характеристика в целом применима к простым китайцам. Класс же так называемый благородный,

образованный, куда выше и лучше. Эти люди воспитанны, и им присуще чувство деликатности и даже гостеприимства. По крайней мере я вынес такое впечатление при моих многократных свиданиях с правящим классом в провинции Гань-су, в городах Синине, Лань-чжоу-фу, с одной стороны, и с предст[авителями] Китая в меньших городах, как Гуй-дуй, Донгэр, Лань-чжоу, Са-чжоу и других. Вот в настоящее время они сильно кочевряжатся на запрос наших русских дипломатов по вопросу выдачи Тибетской экспедиции паспорта!

27/II, ☿. Сегодня на заре –23.5°R, воздух дивно прозрачен, небо глубокое и очень голубое. Цирики с 9 часов уже шествуют по улицам Урги на парад! Мои спутники с раннего утра за работой со зверями и птицами по части их препарирования. Опять наша комната будет представлять из себя зоологический музей.

В ½ 11-го утра взвод монгольской артиллерии выехал на окраину города, у д[ома] Цокто Гармаевича, и стал обстреливать северо-восточные ближайшие вершины высот. Стреляли шрапнелью, которая эффектно разрывалась по скату и вершинам прицельных высот! Лошади и прислуга монгольские, начальники также. Тут же наблюдали 2 монгольских чиновника с перьями на шляпе и с колчаном стрел за спиною (у одного из них).

С моими охотниками мы установили приблизительную таксу за все доставляемое ими в хорошем виде в отношении как млекопитающих, так равно и птиц.

В 4 часа дня я отправился на званый обед ЦК партии, устраиваемый по поводу 3-летия Монгольской нар[одной] армии.[98] Я опоздал, там пировали с 2 часов, ибо парад окончился сравнительно очень рано и публику, бывшую на параде, пригласили к столу в общем министер[ском] собрании. Я вошел, даже стало неловко, пир в полном разгаре. Много столов по углам и один — центральный, за которым восседала знать. Меня также усадили за знатный стол, где председ[ательские] места занимали всю западную сторону стола. Туда вошли: Вас[ильев], Цэрэн-Дорчжи, Ринчино. Слева почему-то ухитрился прилепиться Д[адиани]. Во всяком случае, я скоро вошел в унисон! За мной стали ухаживать, кланяться. Слева, за соседним столом, я увидел м[инист]ра финансов, справа, в отдал[ении] — Цец[ен]-вана, между прочим отлично сказавшего: «Феодальный век отошел, высокое звание вана я сбрасываю» — и прочее в этом роде. Говорили многие, и их затем качали, в особенности новых военных, как русских инструкторов, так и коренных, из монголов. Батухан произнес удачно слово в мою честь, назвав Пшеву и меня гл[авными] виновниками сближения Монголии и России на почве широкого просвещения и знания. Предс[едатель] союза молодежи также сказал короткую, но умную речь, заключив ее: «Вы, Петр Кузьмич, наш великий учитель!». Аплодисменты влили воодушевления, и меня подхватили качать. Такого ощущения я не испытывал с 1914 года, лета, прекрасного вечера-ночи, проведенных мною среди моих родных лейб-екатеринославцев.[99] Молодежь качала и на руках донесла меня до экипажа у ворот лагерного собрания нашего полка. Помню, как умилен я был тогда лаской, чистой лаской юных офицеров, которых я обнял (слева и справа) и поцеловал их в головы. Хорошо сохранилось в памяти улыбавшееся мне лицо кричавшего «ура» красивого, мужественного юноши Орлова, сына

старика подполковника, коренного екатеринославца, второго после меня, точнее даже старше меня, но так считалось, старше — кто старше в чине. Я был полк[овником], а Е. В. [Орлов] — подполк[овником], то меня ставили во главе и тогда же поднесли мне жетон «старейшего» — двухглавого орла с распростертыми крыльями чудной работы Овчинникова, с цепочкой для надевания на форму! Вспомнилось дивное, прекрасное время, когда я был в радостном настроении по случаю скорого выступления Тибетской экспедиции в дал[екий] путь!

Обед был оживленный. Тут я впервые увидел настоящих монголов в форме, по-русски одетых военных, с большим запасом знания русских слов и всеми силами старающихся познать культуру русских и скорее стать рядом с ними. Во всех углах говорили, во всех углах и посередине ели, пили. Подавали китайцы свой китайский обед из многих-многих блюд. Рис был финалом. Среди вин в заключение пили шампанское. Вас[ильеву] был поднесен красный хадак, на нем чарка красного вина. Его также качали и вынесли к выходу. Монгольская музыка играла с Джугуржипом во главе (на специальном возвышении для муз[ыкантов]).

Всех обедавших пригласили на вечерний спектакль, монгольский. Я поехал на спектакль в обществе с Вас[ильевым], с собою взял Котика. Полпр[еда] встретил марш и приготовленное почетное место рядом с Цэр[эн]-Дорчжи. Я также сидел по соседству. Спектакль на тему, вышучивающую окружающих Унгерна (его коменданта), затем показана Красная Армия. Монгольская воен[ная] школа, ее молодежь, стройные гимнастич[еские] упражнения.

В 10 часов обратно домой с В[асильевым] же. По дороге выяснилось, что В[асильев] хочет ехать в Цзун-модо, прокатиться на охоту и поговорить с русскими колонистами. Пригласил меня, Павлова и своего Меркулова. Я принципиально согласился.

28/II, 2. Ночь дивная, свод неба торжественен, Богдо-ула невозмутима, лес темен, снег ослепительно чист, бел и искрится. Долина шлет со стороны города дым, красиво стелющейся по скату священного массива.

Препараторы все еще возятся с обработкой шкур зверей и птиц. В общем все хорошо.

Итак, за исключением кабарги, мы все уже отпрепарировали. Таким образом, воспользовались всем, за исключением самки рябчика, которая пошла исключительно в еду. Заплатил я охотникам, помимо подарков, еще 30 китайских серебряных долларов, снабдил их новой бумагой, именной, на три месяца. Мне думается, что эти мои знакомые охотники все сделают, чтобы добыть новый орнитологический материала для Тибетской экспедиции. Им заказана вновь медв[ежья] берлога, грызуны, летяга, Putorius и проч., и из птиц — мелкие, средние и крупные. С этой целью дано Борисову и два сорта (№ 3 и № 10) дроби. Обещали из птиц: Uragus'ов, сов, орлов, ястребов и других хищников, кроме того, белую куропатку или мал[ого] тетерева. Распрощались честь-честью, как подобает, чтобы в будущем иметь корреспондентов на своей стороне.

Сегодня ровно месяц прошел с тех пор, как уехала моя родная Пшевочка. Первая неделя еще кое-как прошла, я не особенно грустил, но вторая дала себя почувствовать как следует, остальные две были сплошной гру-

стью. Кажется, я буду это переносить второй месяц, его недели и столько недель придется мне ожидать одному! Близится весна, день большой, солнце поднимается выше и выше и опускается постепенно все дальше к северу. Отрадно чувствуешь себя на ярком солнце, которое заметно с каждым днем несет с собою больше и больше тепловой энергии. В такие часы на монгольском солнце весь живешь и хочешь общения с другом, с тем родным человеком, который лучше других и глубже других поймет тебя, твою душу, стремящуюся только к зав[етному] югу!

Во время ночи, в постели, долго не спится, мысли убегают далеко: то в родной край, к детям, то на восток — к Пшевочке, то к заветному югу, через Хара-хото в Нань-шань, Цайдам и как финал — Тибет в целом с оригинальной природой и таким же оригинальным человеком. Как высок дар человека — ум и мыслительная способность! Какую полноту жизни он дает!

Нередко, помимо вашей воли, он уносит вас в далекий край, родит вновь воспоминание о верхнем Тэтунге, о могучих хребтах, сильных реках и речках, о шумных серебристых водопадах, с прекрасными радугами, о том, какие там животные формы: звери, птицы. Как сильна жизненная энергия тех гор и лесов и прорезаемых их водных артерий, в сумме сочетающихся в одну стройную гармонию! Чувствуется, так бы и полетел в тот край, полный душевного и умственного очарования, полный прелести весеннего пробуждения природы в царствах животном и растительном! Удастся ли нынче, в Тибетскую экспедицию, быть в таких девственных, богатых, очаровательных уголках альпийских гор, когда человек сам себе завидует!

29/II, ♀. Погода давно установилась ясная, прозрачная и сравнительно тихая, приятная днем при высоко стоящем солнце и холодная-холодная ночью, когда неизменно в глубоком небесном пространстве улыбаются земле ночные светила. Мои спутники сегодня получили несколько писем из Москвы. Москвичи поверили всем на слово и замолчали. Я же из Петрограда ни звука, но зато очень забавное письмо я получил из Парижа, от русского эмигранта сибиряка-писателя Г. Д. Гребенщикова с вырезкой из русских газет в Париже его фельетона «На Памире». Гребенщиков взывает с просьбой об установлении переписки личной или с женой — Пшевочкой.

День на редкость прекрасный. Немного пригревает, и шероховатая поверхность снега тает. Чувствуется приближение весны, она объявится во всей силе не ранее как через месяц, т. е. с первых дней апреля нов[ого] стиля.

Сегодня готовлюсь вовсю к поездке на охоту, на север, в Цзун-модо на несколько дней. Как хорошо было бы с такой чудной погодой последних дней в компании!

Что даст нам эта далекая экскурсия в компании с Васильевым? Интересно знать, свидимся ли мы с нашей археологической экскурсией с С. А. Кондрат[ьевым] во главе?

Тиха монгольская ночь, звезды блестят словно алмазы, ни один звук не нарушает торжественного молчания.

1/III, ♄. Утро такое же, та же прозрачность и глубина светлого утреннего неба! В 7 часов утра –21.1°R. Богдо-ула в безмятежном покое. Я поднялся в 6 часов и жду заезда А. Н. Васильева. Он попросил нашу трехлинейку

(Андрюшину), из которой, оказывается, он уже поупражнялся при встрече с моим спутн[иком] на экскурсии.

Как и говорено было заранее, В[асильев] прибыл к нам очень аккуратно, и мы в 7 часов 20 минут утра покатили на север ущельем-долиною р. Сельбы и старым путем через перевал Халцзан докатили сначала до долины Мандал, перевалом и курсом СЗ вступили на большой тракт и очень успешно достигли ст[анции] Борота, владения Василихи. Дорога местами была поразительно избита ухабами, выбоинами, так что нас бросало черт знает как и раскачивало по-морскому.

Большое затруднение в пути представляли подводы с грузом: мукой, железом, сырьем. Дорога очень оживлена, и встречных или попутн[ых] было много. Кругом снег, солнце прогревает ощутительно, показались первые струйки воды по колеям, и дорога почернела. По ней держалось много Otocorys brandti.

Из ворот вначале мы было поехали на восток и ЮВ на автомобиле — напрасно: узкая дорога застопорила машину, долго откапывались и, наконец, взяли две пары быков и со смехом и криком вывезли авт[омобиль] на прочный путь в Борота. Нас же две подводы отвезли к 8 часам в Цзун-модо. Дорога шла вначале широкой долиной, затем постепенно втянулась в восточно-юго-восточном направлении в лесистое, красивое ущелье, чуть не в его голову, и мы достигли прекрасного селения с богато построенными домами и заводом по золотой промышленности. Это создание общества Монголор[100] во главе со знаменитым Гротом, душою предприятия. Здесь разрабатывались коренные кварцевые породы с богатым содержанием золота. Из Цзун-модо («Сто деревьев») мы поднялись к перевалу, абс[олютная] выс[ота] котор[ого] выразилась по нашему анероиду в* <...> футов. Дорога превосходная, сделана инженером с партией рабочих в 200 человек в три недели и стоила 6 тысяч рублей. Эта дорога мне напомнила Кавказскую (Военно-грузинскую) по удобству. А какой крутой скат и какова сила леса! Едешь и чувствуешь большой нравственный подъем! Девственность, чистота леса, красота видов неописуемы! Глядишь и не наглядишься, не налюбуешься всеми панорамами с перевала кругом. Цзун-модо — обособленная горная группа, с гребнем в **<...> футов абсол[ютной] высоты и в окружности почти столько же имеет верст, как и Богдо-ула, разве немного поменьше, 80 верст. Растительность — лес и кустарники. Сосна, ель, береза. В особенности много высокой стройной сосны. Камен[ные] обнаж[ения] по гребням, реже залегают выходы по скатам гор. Кабаны, маралы, косули, волки, лисицы, какие-то пищухи с громким свистом. Глухарь, косач, рябчик, голуби (C[olumba] rupestris), клесты, дятлы: черный, зеленый, пестрый (большой, малый) и трехпалый. Сойка, синицы, хищники: Astur. Из синиц я добыл одну очень интересную гаечку. Темную-темную. Она, Poecile, держится по высоким соснам и изредка вместе с Parus maior и серыми гаечками залетает в соседство до-

---

* *Далее в тексте рукописи оставлено место для цифрового показания анероида. (Прим. сост.)*

** *Далее в тексте рукописи оставлено место для цифрового значения высоты гребня. (Прим. сост.)*

мов, в садики. Она мне не известна. Кроме того, там есть беляки, а из птиц Uragus sibiricus и некоторые другие. Горы скалисты, лесисты, очень круты. С вершин гребней открываются или соседние пади, или далекий горизонт, кроме того. Растительность вообще очень богата на тех и на других склонах.

За перевалом — постройки [для] добычи золотых руд, песка, хаты для рабочих и смотрителей и убогие помещения для китайцев. Скат очень крутой, вокруг стоит лес, выходят скалы. Спустившись к подножию, в долину с кустарником, я встретил группу курганов с провалом. Холмы древнего происхождения с глубокими могилами! Таких групп, говорят, три, в недалеком соседстве одна от другой. Одна из таких групп и была обследована — разрыт один курган. Извлечены очень интересные находки — колясочка, золотые украшения, лаковые изделия, волосы, вазы и проч. Интересен орнамент на золотых украшениях. Надо попытать счастья. Более всего интересен человек, опред[елить] которого является возможность благодаря присутствию скелетов. Большая часть добытых предметов отправлена в Иркутск, в отдел РГО, меньшая, но ценная — золото — припрятана в карманы. Мне сообщил один из рабочих, что много было предметов первой необходимости (преимущественно жел[езные] предметы вроде топоров, лопат, столярн[ых] предм[етов] и проч.). Во всяком случае, все это очень интересно!

Интересна весной и вся вокруг лежащая местность: и горы, и долина. В первом случае лес вековой, во втором — обильный высокий и низкий кустарник. С точки зрения красоты живой, сильной природы здесь удивительно хорошо! Так, кажется, и поселился бы там сам для очень интересной жизни и научной деятельности. Охота прекрасная.

Небольшое население, в особенности представитель «Монголора» Алексей Алекс[андрович] Кузнецов с его милой семьей, представляет отличный тип русского человека во всех лучших отношениях. Выходец с Урала, А[лексей] А[лександрович] проявил в Монголоре большие знания и распорядительность по разнообразным работам на приисках. Ныне он один — глава, хранитель приисков и оборудования и живет тем еще, что работает в области сельского хозяйства: у него имеется заимка. В горах Цзун-модо много ягод: земляники, смородины, брусники. Последняя ягода очень славится в окрестности. В Цзун-модо масса отличных домов пустующих. Вот где полезно и приятно жить летом: воздух, солнце, аромат полей, красота форм и красок. Что может быть лучше всего сказанного! Пока что из всего осмотренного мне понравились два уголка: Сугу-нур и Цзун-модо, один другого дополняет и в общем даст очень много поучительного, прекрасного.

Таким образом, я с К° прибыл в Цзун-модо вечером 1-го, затем, на следующий день, была рекогносцировка за кабанами и экскурсия за птичками. Кабаны угнаны монголами-охотниками, о птичках сказано выше. Больше прочих наблюдались клесты, с писком пролетавшие вдоль лесных скатов гор. По ущелью, дну его, заросшему кустарником, ютятся зайцы-беляки, но их добыть не удалось, главным образом из-за глубокого снега.

А. Н. Васильев тем временем знакомился с бытом русских колонистов в Монголии. Здесь, в Цзун-модо, было устроено им собрание для выяснения нужд по засеванию полей пшеницей, ярицей и овсом.

3/III, ☽. С раннего утра мы покатили по горной дороге на прииск, лежащий у южного подножия перевала. Дышалось прекрасно под впечатлением созерцания красивых горных видов. Два часа на протяжении восьми верст мы поднимались. Какой богатый, густой, высокоствольный лес залегает на всем пути! Иногда, с верхнего пояса гор, открывалось селение — прииск Цзун-модо, иногда видели долину р. Борота и окружающие ее горные увалы.

У перевала мы видели пролетавшими пару вьюрков, может быть клестов, пару тетерок и одного, средней величины, хищника. В наблюдении природы мы скоро спустились к постройкам прииска и здесь, в сторожке, основали базу. Собрались на охоту и разошлись во все три стороны. Лично я спустился к курганам, на дно долины, к месту, где, вероятно, будет сосредоточена наша археологическая деятельность. Осмотрел эти курганы, конечно, лишь с внешней стороны. Меня очень поразила их форма, а именно: курган с провалившимся верхом, и только одна часть по борту кургана осталась. Странное погребение. Тем интереснее поглубже ознакомиться с этими памятниками.

Обратно я медленно поднимался к табору, любуясь лесом и пернатым миром в нем. Дятлы (черный, большой пестрый, м[алый] пестрый) барабанили вовсю, синицы пели на разные лады, Loxia свистели и большими или меньшими группами или стайками перелетали в поперечном моему пути направлении. Небо своею лазурью ласкало глаз.

На таборе мы все сошлись, кто раньше, кто позже, поели, попили чаю. Никто, за исключением В[асильева], стр[елявшего] по рябчикам, и Мерк[улова], стр[елявшего] по козе неудачно, не разрядил ружей.

Обратно мы очень скоро, под гору, докатили до селения Цзун-модо, где и нашли опять прекрасный приют. Отдохнув, вечерком до заката солнца мы пошли с ружьем по селению, в большей своей части стоявшему в запустении, пострелять птичек. Я добыл второй экземпляр интересной темной чайки. Вечер у Кузнецовых обыкновенно мы проводили уютно.

4/III, ♂. Еще с вечера начало небо хмуриться, звезды скрылись и стал падать снег, утром тоже. Мы с 7 часов готовы выехать. Нас повезли на двух парах вниз по мягкой дорожке. Катили успешно. По дороге до Борота наблюдали зимующего пестрого Buteo и вниз по дороге к Урге, в двух местах, сокола типа Gennaia или Hierofalco (saceroides).

В Борота мы пересели в автомобиль и около 3—4 часов дня уже прибыли в Ургу. Дорога прежняя, местами была хороша, и мы катили до замирания духа, местами же бились от встряски машины или стояли из-за перемены шины. Увидев Ургу, хотелось попасть скорее домой. Здесь нашли все благополучным. Я получил два письма от Пшевочки, столько же от Цокто Гармаевича и в придачу прелестный шоколад, специально приобрет[енный] в Тяньцзине.

Наши сидят в Калгане из-за автомобиля, нового, английского, на который не были готовы надлежащие бумаги. Бедная Пшевочка обречена на сидение, воображаю, как она истомилась непроизводительной, нудной остановкой в Калгане. И почему не приехала с Юдиными?

Вечером я беседовал с Кондратьевым по поводу его интересной рекогносцировки и о планах наших будущих работ на местах залегания интерес-

ных курганов. Нам было легко говорить, мы понимали друг друга, так как видели одни и те же интересные места.

Ночь облачная, с ветром, стало холодно, а к утру опять около –20°R, ясно.

5/III, ☿. Вновь ясно, прозрачно, но еще очень холодно. Явилась Воробьева с молочн[ыми] продуктами к масленице. Мне так и не удалось с ней поговорить из-за недосуга. Объявился Ежо, которого мы окончательно подрядили на археолог[ические] работы и дали ему 55 китайских долларов на покупку иноходца. Таким образом, он едет вновь с Кондратьевым на работы. Днем занимался пополнением орнитологических заметок, а вечер мило провел в сообществе И[ды] П[авловны] у Геранцевых, на блинах. Там были и супруги Соловьевы.

А. Н. Васильеву дана во временное пользование наша трехлинейка с принадлежностями и с соответствующим запасом патронов. Был у меня В. Г. Дадиани.

6/III, ♃. Утро ясное, холодное, –22.6°R. Я поднялся рано с целью написать навстречу моей родной Пшевочке приветственное письмо и написал, и послал его к автомобилю полпредства, направл[яющемуся] в Уддэ, но посланный уже не застал машины, отошедшей на ¼ часа раньше. Постараюсь письмо отправить с Геранцевым, едущим в Калган вместе с Дудукаловым, завтра, в ♀, 7/III, и тогда мне будет спокойнее.

Утром у меня перебывали все мальчики, за исключением только П[авло]ва, не могущего меня радовать своим холодным отношением к делу. Меня очень удивило, как он на экскурсии может или спать, или писать письма своей жене. Это меня огорчает, и я сегодня с Кондр[атьевым] не на шутку долго беседовал по этому поводу. Для той же цели, ради которой он поехал, — помочь пострелять птиц, он ничего не сделал, не разрядил даже ни разу ружья, ни по птичке, ни по зайцу!

С Сергем Александровичем мы долго и мило строили планы наших работ на курганах в Цзун-модо. Мы оба живем этой мыслью и этим делом и нередко общаемся с Ц. Жамцарано. Последний — источник знаний и всегда что-либо порасскажет очень интересное, относящееся к нашим перспективам, к нашим вопросам. И он живет одними мыслями с нами в области предстоящих наших работ. «Очень интересно все это», — говорит всегда он.

Около 4 часов дня я направился с визитом к Юдиным, у которых просидел более часа, Ц. М. [Юдина] была в отсутствии — навещала школу, и первое время мы были вдвоем с Юдиным, который рассказал мне много поучительного и интересного о городах Пекине и Т[янь]цзине. Мне, конечно, было приятно говорить с ним о их свидании с моей Пшевочкой, о их совместном пребывании в общей гостинице в Калгане — в «Калгане» и проч. В[италий] И[ванович] передавал, как они бывали вместе в столовой, как слушали прекрасный граммофон с голосами итальянцев и проч. и как в заключение Цокто Гармаевич определенно говорил о скорой выправке документов на автомобиль и проч. и о том, что они скоро прибудут в Ургу. А между тем «воз и ныне там»! Бесконечно жаль мне мою бедную Пшевочку! Воображаю, как она скорбит, и как мрачно настроена, и какие строчит письма своим в Харбин.

Потом прибыла и Ц. М. [Юдина], которую я так искренно, ласково благодарил за ее милое внимание ко мне. Удивительно милая она, и я чувствую к ней большую симпатию.

Кондратьев собирается на археол[огические] работы, Павлов — бездельничает и ждет легкой прогулки. В[асильев] берет его в свою служебную поездку на запад, я соглашаюсь на это, но с обязательством, чтобы П[авлов] не смотрел на поездку как на прогулку, а непременно как на научн[ую] рекогносцировку, с обязательством привезти кое-каких наиболее интересных птиц и схему маршрута с описанием местности, бол[ьших] пунктов, современного быта монголов и как отозвалась обильная снегом зима в Монголии на благополучии монгольского населения..

7/III, ♀. С раннего утра облачное небо вскоре стало разъяснивать, хотя все же холодно и зима не упускает своих прав медленно идущей здесь весне. Снега в горах и их долинах масса, словно он еще не сдвинулся с места. Тепловой энергии почти совсем нет, и когда объявятся первые вестники — пролетные птицы в С[еверной] Монголии — не известно!

Ну вот и почтовый день ни мне, ни Пшевочке ничего не принес. Вообще пакетик очень скудный, всего три письма. Я принес к себе одну только телеграмму от Леночки из Москвы. «Ждите, положение выяснится», и только. Будем ждать!

Жамцарано сообщил нам, что верхнее, или горное, течение речки Сугунур весьма интересно: не снято, не изучено и стоит того, чтобы Тибетская экспедиция занялась ее исследованием не только в географическом, но и в естественно-историческом отношении. Недаром же нам сугунурцы все-все по части ест[ественно]-ист[орических] коллекций добывают именно с верховьев или самих истоков этой горной речки. Мне кажется, что моя Пшевочка может принять от меня подобного рода командировку! Так[ая] ком[андировка] ей вполне по плечу!

Какая обида: Дуду не смог спрятать письмо от зорких глаз ц[ензуры] и возвратил мне письмо на имя моей Пшевочки. Бедное дитя, и в этом ей не повезло.

Дни бегут, томление Пшевочки в калганской дыре продолжается. Чувствую сильный гнев моего родного мальчика, моего спутника (все это относится к Е. В. Козловой).

Вечер до поздней ночи (3 часа) проведен мною и двумя моими старшими спутниками у милого А. Н. Васильева. Приглашение последовало на блины. Званых было много, с дамами. Ринчино, Жамцарано, Батухан, Цецен-хан (с супругой). Короче, было все лучшее, старшее, симпатичное. Блины и все прочие приложения были на славу хороши. Говорились милые речи, подзадоривавшие к поднятию рюмок с прекрасным вином. До поздних часов сидели за большим столом, вкушали под звуки песен дополнительного, домашнего стола с молодежью. Вечер удался лучшим образом. Много беседовали, столько же ели и пили и не менее того занимались в гостиной, играли. Короче, веселились все на славу! Честь и слава хозяину. Мой Сергей Александрович играл на рояле, конечно превосходно!

Как-то так бывает, что наряду с хорошим случается и нехорошее или неудачное. Нашу тележку и кучера разбил автомобиль — «удовольствие»!

Мой П[авлов] не в меру напился и должен был, при помощи Лис[овского], преждевременно исчезнуть — скандал!

8/III, ♄. Утро полуясное, небо покрыто тонко-перистыми облаками, конечно, ветер из северо-северо-западного превратился в юго-юго-восточный, точнее после тихого состояния ночью подул слабый [ветер] с ЮЮВ.

Все хорошо, даже отлично, только нет со мною в эти дни моего бедного Пшевика. Когда же он обнимет меня, когда будет смотреть своими живыми глазками прямо в мою душу! Удивительно, как тяжело без него и как только в такие минуты, часы и дни ценишь в должном отношении заслуги незаменимого человека.

А весна, по всей видимости, еще далеко-далеко. Тем не обиднее для Пшевочки. Нет худа без добра. Она там, на юге, в Калгане сможет увидеть что-либо дополнительно. Пшевочка, милая моя, умница хорошая, лети ко мне скорее-скорее. Ведь я же чувствую твое стремление ко мне!

Время не только идет, но даже бежит, движется, движется. Как великая Вселенная не может быть в покое, так и сердце человека не может жить в покое. И в первом, и во втором случаях с приостановлением движения происходит катастрофа. Да, вероятно, пройдет еще целый месяц, прежде нежели проснется зима навстречу грядущей весне. Снега так много, холод так упорно держится, что трудно ожидать скорой теплой весны.

Вечер праздничный мы (И[да] П[авловна], я, С[ергей] А[лександрович] и Вер[очка]) провели у провизора, кушали блины. Вечер прекрасный, накануне выли волки в такую же тихую, ясную полночь! Madame Байкова тучнеет довольно успешно, пожалуй, осенью разродится и разрешится!

9/III, ☉. Настоящая и окончательная масленица — с утра тихо, прозрачно, ясно. Вас[ильев] и К° отправились в Сангин: кто верхом, кто в автомобиле. Я не дождусь Пшевочки.

Около 10 часов утра наконец получена телеграмма из Уддэ: наши едут и, вероятно, объявятся завтра дома. Рады, восторженны, заказали баню. Наконец-то можно положительно сказать, что прибудут скоро. Что-то расскажет мне моя Пшевочка о дороге, о весне, о Китае, о своих в Харбине. Жду и жду ее.

В 4 часа дня, или, как теперь принято говорить, в 16 часов, я прогулялся в наш лагерь. Еще очень холодно, о тепле помышлять рано, может быть, действительно его еще не дождешься даже через месяц. Заметно немного, что снег начал испаряться со стороны южных склонов, скаты кое-где темнеют и только. Несравненно было лучше, мягче и теплее, и ярче на протяжении тех первых дней марта, когда мы экскурсировали в своего рода знаменитое урочище Цзун-модо (с пам[ятниками] старины).

Сегодня воздух необычайно прозрачен. В таких случаях стараешься смотреть на соседний священный массив Богдо-ула. Помимо прочих ярких красок рельефно заметен и золотистый красивый тон сплошных участков лиственничных зарослей.

В пернатом мире прежнее затишье: все оседлое, ни экземпляра нового!

Как раз сегодняшний день наша орнит[ологическая] коллекция обогатилась видом не бывшей еще у нас ушастой совы, Asio otus, добытой А. Н. Васильевым при помощи легавой собаки в густых зарослях Толы, в Н[ижне]м

Сангине, где сова ютилась в парочке, на земле. Вероятно, этот же вид наблюдался осенью моими спутниками в пастушеском лагере, в одном из ущелий (южном) долины реки Толы.

Вечер проведен мною с моими двумя спутниками и двумя старшими дочерьми Иды Павловны по случаю масленицы на ученическом спектакле «Спящая царевна». Прошло все очень мило. Народу — масса, приятно сердцу русскому. В заключение танцы. Я возвратился домой еще далеко до окончания вечера, около часа ночи.

Как всегда, ночь была великолепна: с вечера рядышком украшали небо молодая Луна и красавица Венера, потом очаровательный блеск планет и звезд монгольского свода.

10/III, ♃. Холодное, ясное-ясное утро. Несмотря на еще, по-видимому, полную зиму, все же в воздухе замечается что-то чисто весеннее, помимо даже того, что день стал значительным, солнце поднимается высоко и запад играет красивыми тонами красок. Интересно, между прочим, что в то время, когда в Урге ветер и холодно, в Сангине тихо и солнце пригревает настолько, что становится вообще очень приятно, в особенности среди зарослей тальника и других кустов.

Наконец-то я побывал у парикмахера, вымылся в бане и целый день ждал моей Пшевочки! А ее все нет и нет!

Кондратьев запасался продуктами в предстоящую экскурсию.

11/III, ♂. Ветер порывистый со всех сторон! Небо ясно, за исключением восточной части горизонта, на котором лежит гряда кучевых облаков. Опять жду Пшевочку мою! Вскоре с утра, около 9 часов, небо постепенно стало заволакиваться облаками. Сильные порывы почти северного (северо-северо-восточного) ветра взметали пыль и несли ее в полуденном направлении. Очень холодно, какая-то словно леденящая стужа. Воображаю, что теперь делается в горах, хотя бы у Ежо, на Баин-булаке. А мы все продолжаем ждать наших: во всяком громком стуке на улице, в каждом автомобиле мы желаем видеть приезд наших калганцев. Когда же, действительно, они, наконец, приедут? Это черт знает что!

Сегодня Канаев подстрелил черную с серым поясом у основания шеи и туловища ворону, которая уже несколько раз наблюдалась в Урге и однажды на южном склоне перевала Халцзан-дабан. Очень оригинальная раскраска птицы.

Сегодня же препаратор экспедиции уезжает на некоторое время к Ежо, в урочище Баин-булак, с целью поэкскурсировать там и добыть по возможности птичек, которых еще или совсем нет, или очень мало в орнитологической коллекции экспедиции.

Усиленно ждем наших — мою Пшевочку и Цокто Гармаевича. Не знаю, уже пятый час, а их все нет!

И[да] П[авловна] решила долго не ложиться спать, с вечера и до поздней ночи спать ей не хотелось, и она читала. Что же касается меня, то я избрал другую участь — я крепко спал. Мне надоело ждать, тем более что я переживаю интересное время — возрождение деятельности экспедиции: одного спутника командировал, двоих-троих снаряжаю в большую, отвстственную командировку, на ведение археологических изысканий.

Кромс того, я нередко представляю экскурсии моей охотничьей сугунурской компании.

12/III, ☿. Что день грядущий нам готовит? Который из ближайших дней нам принесет весну? Пока же все приходится отмечать в метеорологическом журнале –20.8°R, такое показание как раз падает на сегодня, при ясном небе и слабом юго-юго-восточном ветре. Местные старожилы сулят нам тепло с начала предстоящего апреля.

Но вот загудел гудок автомобиля со стороны долины Толы, по Калганской дороге. Это наши с поднятыми, махающими руками пронеслись к таможне. Ровно 10 часов утра. Как хорошо! Я (с Гус[евым]) пошел встретить. Они такие радостные, задорные, на лице Цокто Гармаевича некоторая усталость, мой же Пшевик — совершенным молодцом. После некоторых таможенных формальностей мы покатили домой. Спросы, расспросы, Гавушка испугался отца, забился в переднюю и стоит у порога.

Наши, главным образом конечно Цокто Гармаевич, укупились порядком. Мне привезли подарки: нефритово-золотые модные запонки, отличные, закр[ытую] чашечку клуазоне, гоб[ийский] камешек с выпуклой рыбкой и фигурку «пара уток» из нефрита, фигурку китайца из слоновой кости и т.д. Задержка вышла из-за худой дороги от Чойрэна, где лежал сплошной снег, и т. д. Помощи ждать неоткуда, откапывались многократно, выбились из сил. Иногда даже погибают люди, ночевки-уртоны[101] из рук вон плохи! Татары чуть-чуть не погибли.

Да, впрочем, забыл было отметить, что Пшевочка в общем очень довольна поездкой и привезла всем нашим большим и малым мальчикам по безделушке.

Около 3—4 часов дня был у меня А. Н. Васильев, с которым, как всегда, мило беседовали о всякой всячине, но больше всего о птичках и просматривали наличные коллекции, равно литературу по зоологии. Посмотрел Алексей Николаевич и своих птиц, подаренных экспедиции.

День вообще был необычный: много видели, много беседовали, а в заключение — ужин и пития. Чудных вин привез Цокто Гармаевич и отличного сладкого шампанского. Я люблю последнее, и на мою долю его пришлось несколько бокалов. Я был в очень хорошем расположении духа. И. П. Эккель способствовал еще большему его подъему.

13/III, ♃. Погода продолжает стоять холодной, ясной, довольно тихой. Может быть, чуточек-чуточек становится температура выше, солнце дольше держится на небе, и весна приближается. Я пишу, рядом со мною сидит моя родная Пшевочка, она внимательно штудирует отчет Кондратьева о его поездке в Ц[зун]-модо. Невольно чувствуется, что Пшевочка довольна всем тем, что нас сопровождало из работ в ее отсутствие, и ей самой хочется скорее приобщиться к эксп[едиционной] деятельн[ости].

С. А. Кондратьев продолжает усиленно снаряжаться в археологическую экскурсию.

Вечером у нас был Жамцарано, с которым мы беседовали долгое время по вопросу предстоящих работ в Цзун-модо. Как и я с Кондратьевым, он живет предстоящим: что мы найдем в курганах (начатых и новых, и не в одном, а во всех трех местах расположения курганов). Он продолжает ин-

тересоваться и восточным районом — кэрэксурами, и западным — погребенным в песке селением, и большими керексурами в Таретс или другом каком-либо урочище. Надо помнить, что по мере наших работ, по мере их течения не упускать случая быть в контакте, в общении с Жамцарано, надо знать, что только этот единственный человек в курсе мест расположения сокровищ, еще не известных, не только не исследованных. Монголия, вообще говоря, богата всевозможными памятниками старины, и благо представляется возможность — надо всесторонне использовать реального представителя монгольского Учкома.

Из Баин-булака Канаев прислал трех клестов двух ♂ и ♀ и пару гаечек ♂ и ♀, это очень интересно. Совершенно верно, что в горах снега очень много, холодно, словно зимой, но это не значит, чтобы тут, в окрестных горах, не исследовать местн[ости] в орн[итологическом] отнош[ении].

14/III, ♀. Ночь и утро ясное, прозрачное, прохладное, если не сказать совершенно холодное. Только термометр с каждым днем дает меньшие (на градус или даже менее) показания холода. В этом наблюдается медленное, постепенное приближение к весне. Рогатый жаворонок начинает понемногу ликовать, петь и даже драться друг с другом (самцы).

Сегодня получили маленькую почту с 5 письмами (4 — для мальчиков и 1 — для меня). Пишет мне Володя и Н[адежда] С[тепановна]. Я переведен в первую группу или 5 по обеспечению.[102] В Петрограде волнуются за участь экспедиции вообще и за мою в частности. Когда же наконец попадет Ел[ена] в Петроград со всеми моими письмами и поручениями? Когда Географическое общество будет поставлено в известность?

С раннего утра я и моя Пшевочка засели за препарирование присланных Канаевым птичек и к полудню, или, точнее, к часовому наблюдению, всех их отпрепарировали.

Мои дневные прогулки с целью наблюдения за приближением весны по-прежнему ограничиваются долиной Толы и красивым северным склоном с глубокими лесными ущельями Богдо-улы и заходом в юрту проведать моих мальчиков. Совместно мы строим планы и предположения на весну по устройству наблюд[ательных] пунктов пролета [птиц] и проч.

По вечерам я очень люблю беседовать о прошлых наших путешествиях и перспективах настоящего. Как в недалеком минувшем моим лучшим собеседником был мой любимый спутник Глаголев, так теперь мне очень приятно иметь общение с вдумчивым Кондратьевым. Оба они стоят друг друга, но Павлов иной человек, на него я смотрю как на специалиста и только.

15/III, ♄. Бодрит меня весеннее яркое солнце, прозрачный воздух, вечерняя заря и южные склоны отд[ельных] гор, постепенно сбрасывающие с себя зимний снеговой покров, бодрит и радует меня также мягкая небесная лазурь!

После часа дня солнце впервые растопило дорогу настолько, что она впервые нынче превратилась в мокрую грязную ленту, с крыш побежали струйки, голуби нежились, склоны гор на солнце темнеют, снег частью испаряется, частью тает. Воздух прозрачен.

Сегодня я с Пшевочкой мастерили патроны — сделали около сотни, главным образом для ее ружья. Я наготовил себе достаточное количество.

Так как впереди предстоит охота на весеннем пролете, то я запасаю дроби еще пуд целый. Все это и прежний основной запас, конечно, израсходуется, только лишь останется, как всегда остается, больший или меньший запас сам[ой] мелкой дроби — дунста, или № 12, но его надо беречь тщательно и остаток никому не отдавать, а увозить обратно: ныне этой дроби в России и днем с огнем не достанешь. Какое большое счастье, что экспедиция располагала еще прежними семью пудами дроби, в том числе и изрядным запасом дунста, да еще отличной бумагой для гербария.

16/III, ☉. Прежняя отличная погода — ясная и нехолодная, ветер переменный. Сегодня предстоит мне писательская работа: Комарову, [Бялыницкому]-Бируле, Володе и Ору Собенникову.

Когда-то возвратится мой Канаич и прибудут мои сугу-нурские охотники и с какой добычей?

Приятно видеть и чувствовать приближение весны — сегодня тает как никогда, солнце, поднимаясь выше, дает себя знать.

Дни идут, в общем, однообразной чередой, ничего особенного до начала пролета птиц. Пшевочка моя была у Ринчино М. Н., а меня навестил Вас[илий] Петр[ович] Бурдуковский.

17/III, ☽. Полуясное утро, ветер тянет с юго-востока, на улице пока что серенько. Возвратился Канаев и порадовал меня и Пшевочку привезенными им птичками, новыми для списка нашей орнитологической коллекции: кукшей, очень инт[ересной] мал[ой] синицей и белошапочной овсянкой, кроме того, отличным экземпляром кедровки. Из виденного, но не добытого можно отметить, вероятно, луня — темного со светлой головой (камышового, но как он забрался в высокие горы — не понимаю). Вообще говоря, препаратор экспедиции очень много выходил и недаром: все добытое превыше похвал. Я уверен, что, будучи в Сугу-нуре, Канаич значительно пополнил бы список ущелья-уремы, нежели тот, который у нас пока имеется. Сегодня я закончил писание писем, четвертое — на имя Оры и его матери.

Наш Цокто Гармаевич разъезжает на хорошем автомобиле, на который пришлось получать немало бумаг и оплачивать всякие возможности. Иногда и я с Пшевочкой пользуемся автомобилем, чтобы прокатиться или доехать до известного места.

Все чаще и чаще приходится говорить о предстоящем весеннем перелете птиц, а также и о предстоящих археологических изысканиях в системе гор Цзун-модо.

Уедут ли мои спутники в тот день, т. е. 19/III, как было намечено, или опоздают?

Вечером, уезжая надолго в горы, С[ергей] А[лександрович] играл на концертном рояле (Вязигина). Главными слушателями являлись мои мальчики и М. Н. Ринчино. Уже довольно поздно вся компания, случайно собравшаяся (и наша, и Цокто Гармаевич), прикатила домой.

18/III, ♂. Минувшая ночь прекрасная, ясная, тихая, утро также. Невольно я наблюдаю за состоянием гор, их южных скатов. С каждым днем они выглядят темнее и темнее. Интересно, как будет проходить весна в Монголии именно в этом обильном снегом году? Действительно, снега

огромное, для Монголии невероятное количество, в особенности в горах. Но здесь снег испаряется, и когда его немного — трудно заметить, как и когда его не стало. Теперь же при баснословном обилии снегового осадка, часто сбитого в сугробы, вероятно, произойдет то, что весною происходит у нас в России: солнце вдруг растопит скопившиеся массы и вода хлынет неудержимо, образуя ручьи, реки! Как все это отразится на нашей археологии?!

Совершенно случайно я получил сегодня от П. С. Михно книжку с включением в нее трех писем: одного от Михно и двух из Петрограда. Странный человек Володя — читает мои письма с комментариями и складывает их под спуд, не мог додуматься прислать, и это уже в который раз. Пишу, что этого не должно делать, подсказываю (если сам не смог додуматься).

Сегодня против дома, занимаемого нами, разлилось целое небольшое озерко воды. В то же время северо-северо-западный ветер сильно крутит и вздымает на дыбы тончайшую пыль.

Под вечер впервые наблюдались пролетными даурские галки, большой стаей, в 500 особей, направлявшиеся от востока к западу вдоль долины реки Толы.

Вечер провели в юрте экспедиции, в беседе о предстоящей весенней деятельности экспедиции: о перекочевке, пролете птиц, археологических раскопках, о письмах и т.д. Между прочим, я открыто заявил о возможности перевода В. Гусева в высший разряд вторых помощников (младших), проведя в жизнь его повышение с 1 мая н[ынешнего] г[ода].

19/III, ☿. Ясно, прозрачно вверху, внизу, по горизонту, пыль. Вчера были впервые наблюдаемы и добыты кам[енные] воробьи Petronia petronia, позднее — парочка Prunella fulvesc[ens], а еще позднее сегодня добыта овсянка Emb[eriza] godlewskii, державшаяся вместе с рогатыми жаворонками по сухим оврагам. Идет усиленное приготовление в дорогу моих спутников во главе с Кондратьевым. Я приготовил целых пять писем, не знаю, сумеют ли сдать по назначению, в особенности важное письмо-отчет на имя Комарова?

Вечером с Ежо, а потом с Кондратьевым я долго-долго беседовал по поводу предстоящих работ в Цзун-модо, внимательно останавливаясь на каждой в отдельности группе работ курганных и в отдельности на каждой из групп самих курганов. Распрощались! Я остаюсь пока на главном биваке, буду ждать приезда моих сугунурцев-охотников, затем — руководить мальчиками-препараторами по отношению наблюдения пролетных птиц.

20/III, ♃. Сплошная тонкая облачность. Барометр упал как никогда-никогда весной н[ынешнего] г[ода], а именно 647.0. Температура –13.0°, чувствуется приближение равноденствия. Интересно знать, в какую форму выльется возмущение в нынешнем году?

Сегодня укатили в 7½ часа утра мои археологи в Борота и Цзун-модо. Они (Кондратьев, Гусев и Ежо) снаряжены прекрасно. Повезли с собою до десяти пудов всякого груза и сто китайских серебряных долларов на расплату. Помоги им Бог — Христос и Будда. С большим интересом я буду следить за их работой. Теперь на нашем биваке останется очень мало народа, соб[ственно] в юрте всего 4 чел[овека] (если уедет бот[аник] Павлов).

Два охотника-препаратора, Канаев, Симуков, поваром — Пахомов, свободный Даниленко.

Сегодня подсчитал экспедиционные суммы к весне, к 21-му марта: серебряных больших (5) китайских ямбов 30 шт[ук] (около 4 пуд[ов]), гамб[ургских] плиток чист[ого] сер[ебра] 105 шт[ук] по 3 ф[унта] = 4+4=8 пуд[ов] ([всего 4+8=] 12 п[удов]), золотом 4000 руб., амер[иканских] зол[отых] бум[ажных] долл[аров] 2000, английских фунтов 300. Всего в запасе сер[ебра] и зол[ота]: сер[ебряных] кит[айских] дол[ларов] 11 000, кроме 12 пуд[ов] серебра в слитках. На текущем счете: цельных 1350 + от Гост[орга] 1000 = 2350 + мел[ких] 300 кит[айских] с[еребряных] д[олларов] = = 2650 и 100 сер[ебряных] рус[ских] банк[овских] рублей.

Около 3 часов дня мною получено извещение об избрании меня монгольским Ученым комитетом, своего рода Монгольской академией наук, в свои почетные члены. Этим избранием я очень доволен. Откровенно говоря, со времени 1914 года, со времени мировой войны я не имел счастья, насколько мне известно, получить какое-либо приятное для меня избрание. Это первое избрание после долгого периода мне очень и очень лестно, главное приятно, что это от Монголии. Это все мой дорогой друг Цыбен Жамцаранович Жамцарано. Надо в самое близкое время выразить ему мою признательность!

Под вечер я и Пшевочка навестили Жамцарано, там застали Цецен-хана с хозяином, игравшими в шахматы. При входе нашем и приветствии игравшие прервали свое занятие, гость-сосед невидимкой исчез. Мы сели беседовать на минутку, показалась и Б[адмажаб] С[акидева], но она, извинившись, удалилась, кажется, на женское заседание.

Опять беседовали с Ж[амцарано] по поводу Цзун-модовских раскопок. Странные вещи расск[азал] нам Ц[ыбен] Ж[амцаранович]. Нередко в могильниках Монголии искатели платятся жизнью; в частности, на Орхоне была с большими трудностями разбита покровная кора, от времени сцементировавшаяся так прочно, что содержала могилу герметически. Трое искателей богатств погибли: двое по дороге в Ургу, а третий — в самой Урге. Найденные ценности окуривались в огне, обливались спиртом и приобретались главным образом китайцами. Из этого можно заключить, что микробы в подходящих для них условиях могут существовать тысячи лет. Как известно, путем исследования достигли возможности определить время беспрерывного существования микробов в 4000-летний период, а может быть, и больше.

Ночью северный ветер принес тонкую снежную пыль, барометр сильно поднялся вверх — может быть, всем этим только и ограничится равноденственное возмущение атмосферы.

21/III, ♀. Ясно, прозрачно, по вершинам гор стелются слоисто-кучевые облака, ветер бежит с вершины Сельбы, вероятно, в горах на заре утренней еще очень и очень холодно. Начало второго часа, а все еще холодно. Сегодня мало тает, небо красивое, глубокое, нежно-голубое, по горизонту плывут кучевые облачка, и в зените тоже маленькое, островком, несется к югу через голову Богдо-улы. Я получил одно письмецо из Петрограда от моего юного друга. Там болеют душой за Тибетскую экспедицию, у всех одно глубокое убеждение, что научная экспедиция непременно состоится; существует, говорят, огромная вера в мою силу, мой успех и мою беззаветную

любовь к географической науке — все это сильно и жизненно, поэтому экспедиция моя осуществится или, точнее, будет с весны еще сильнее жить, верят и живут с этою верой. Откровенно говоря, я и сам верю, я и не задумываюсь над жизнью экспедиции — ведь она же живет, я чувствую это, строю планы работ как в отношении изучения живой природы, так равно, если не в большей мере, и в отношении памятников старины. В высшей степени интересно, в какую форму выльются наши археологич[ескис] изыскания не только в Цзун-модо, но и в пустыне Монголии, в песках у излома Толы?

Погода стала серенькая, прохладная, вчера и сегодня **22/III, ♄**, горизонт сократился значительно, хотя темных пространств и пятен прибавилось очень много, южные скаты гор выглядят пестрыми. Летят или держатся на месте даурские галочки — отдыхают! Вышла маленькая задержка развития весны, но зато после равноденствия атмосфера успокоится и весна пойдет вперед более быстрыми шагами.

Весна, весна! Люблю я бесконечно твою молодую прелесть! Иди скорее! Богдо-ула сумрачна, вершина покрыта кочевым облаком, на скатах крутит пурга, ветер, конечно, юго-восточный, несущий в течение всего года в Ургу осадки.

Для равноденствия, как и следовало ожидать, день плохой, с холодным северным ветром, в горах что-то ужасное: дует, плюет, горизонт короткий.

Мой Пшевик укатил в Сангин на три дня понаблюдать за птичками и проч. Я гулял вдоль еще спящей долины Толы. Ветер, неприятно. Вечером долго читал «Архив революции». Опять встают мрачные, кошмарные картины, словно вчера все это было.

Мои друзья Бадмажаповы все разъезжают по гостям. Вечером были на чудном китайском обеде, с которого И[да] П[авловна] привезла нам, оставшимся, усладенек и запивочек. Чуткая женщина!

23/III, ☉. Картина словно зимняя: холодно, бело, идет, а не падает снег, гонимый северо-северо-западным ветром. Однако весеннее равноденствие високосного года дает себя чувствовать!

Бедные мои археологи и бедный Пшевик: ни копать, ни наблюдать. Вероятно, денек-другой постоит мразь, а затем настанет и приятное, радостное просветление.

Сегодня имелось большое желание с обеих сторон, у меня и Кондратьева, поговорить, но я никак не мог добиться, несмотря на любезность и предупредительность г. Давыденко. После моего обеда я посадил на телегр[афный] телефон Котика, поручив ему постараться установить связь с нашими археологами, может быть, и добьется положит[ельных] результатов. А сугунурцы все еще не едут! Или рано?!

Днем я прокатился к Бердиеву, посидел, побеседовал с ним по поводу современных событий. Г[еоргий] Н[иколаевич] познакомил меня со своими читинскими сотрудниками. Провожая, дал мне понять, что он не прочь составить мне компанию в Цзун-модо и проч. Попутно я зашел к Богдановым — к маме и дочке и пил у них чай с малиновым вареньем. Потом, в заключение, я зашел (все рядом — в центре) к моим милым Щаповым и с удовольствием просидел с ними вместе около ½ часа. Какая славная их дочечка

Оля, которую я в 1905 г. держал буквально ребеночком на руках и боялся уронить, а Граня и Ваня были мал[енькими] детьми. С того далай-ламского времени эти люди для меня милы и дороги. Что-то есть особенно симпатичное в патриархально настроенной личности Анны Ивановны. При виде щаповского уголка я невольно всегда вспоминаю то русское внимательное отношение и гостеприимство, которыми они всегда меня окружали, вспоминаю Далай-ламу, его министров, которых я здесь принимал, вспоминаю цзун-сунитских[103] влиятельных монгольских князей, которые делали визиты мне со своими боярски одетыми женами и девицами. Тут со Щербатским мы прекрасно и интересно жили, навещая друг друга.

Любопытно знать, в какой интерес выльется мое нынешнее долгое пребывание в Урге — столице Монголии? Увижу ли я на этот раз кого-либо из очень поучительных для меня людей, с одной стороны, и что даст мое настойчивое исследование недр земных, тех уголков, которые созданы рукою исторического человека?

Пока что приходится питаться слухами, будто едет сюда «фокус сил» Тибета, не разделяющий симпатии части своего народа к англичанам, поэтому направился сюда. Далее, очень интересно, будто бы направляется в Лхасу по вызову англичан, Таши-лама из Ташилюмбо,[104] для того чтобы, по желанию англичан, занять свободный престол Далай-ламы.

Весна помимо красоты собственного возрождения еще несет с собою красоту и силу всяких возможностей! Сила пытливости, жажда новых знаний неисчерпаемы.

Павлов мой укатил с утра с А[лексеем] Н[иколаевичем] в Нижний Сангин. С чем-то все они возвратятся обратно? Полагаю, если увидят моего Пшевика с добычей, то таковую привезут вместе со своей. Так и не удалось установить связи с Кондратьевым. Еще меня немного удивляет: на каком основании мой Симуков не возвращается с охотн[ичьей] экскурсии? Обыкновенно я бываю спокоен, но на сей раз меня волнует его невозвращение!

Оказывается очень просто — Симуков забрел очень далеко в ту часть долины, где имеется островок свящ[енного] леса, а это довольно далеко, кроме того, он еще поднялся в соседние горы и там, в лесу, нашел перо хищника, вероятно Bubo sibiricus, и долго любовался красивыми спиралями полета в небе гордого хищника, королевского орла. Только на обратном пути он понял, измерив собственными ногами, как далеко ушел он и какое вообще прошел расстояние в верстах (выйдя из дома в ½ 8-го утра и возвратившись к себе в лагерь в ½ 8-го вечера).

Вечер, до ½ 10-го часа, я в компании с Бадмажаповыми провел хорошо у А. Г. Геранцевой.

24/III, ☽. С полуночи поднялся ветер, все увеличивающийся, и к утру принял размеры совершенной бури, несшей с севера тучи мелкого снега, во многих местах сбившегося в огромные, до 3—5 футов, сугробы снега. Сильные порывы бури крутят, визжат и барабанят по крышам или заплотам дранями или досками, непрочно прибитыми. В такое время тяжело двигаться караваном и еще в большей степени тяжело животным кочевников, не имеющим крова. Маленькая попытка к пробуждению природы вновь парализована, впрочем, здесь обычны климатические невзгоды.

Пшевик сообщает из Сангина, что там все поет — настоящая весна, кругом жизнь и голоса. Объявились турпаны, приблизились бол[ьшие] дрофы. Она добыла ♀ Ur[agus] sibiricus, ♀ Parus major, белоголовую овсянку, а Павлов* — Pr[unella] montanellus et Ur[agus] sib[iricus], самку же.

Компания, чуждая по духу моей Пшевочке, очень ее стесняла, и она, вероятно, была очень довольна, когда высокие гости оставили моего спутника в покое. Сегодня легко предсказать холодную ночь, и на заре завтра температура опустится значительно ниже последних минувших дней. Интересно, сколько времени простоит холод и когда пойдут «за днями дни тепла и радости»? Будем терпеливо ждать!

25/III, ☽. Холод, облачно, снег кругом лежит, барометр еще упал, ничего приятного. Весна, ее проблеск мелькнул словно во сне. Не знаю, что делают мои археологи, но орнитолог в Сангине, вероятно, ворчит на погоду!

Сейчас получил первую весточку от Кондратьева, который сообщает, что дорога неважная, чинились, доехали все же благополучно, но не знает, как доберутся ост[альные] до Верхнеудинска, так как не осталось ни одной...** (в запасе). Отметили кэрэксуры и в тот же день направились дальше, в Цзун-модо.

Около полудня ко мне заходил Убугунов и сообщил: 1) что китайцы в ответ на ультиматум предложили Карахану требование в 3-дневный срок оставить Китай, территорию Китая.[105] 2) Что в ответ на запрос к Горб[уновой] последняя ответила: «Скоро вырешится, надеюсь!». После этого я в компании с Бадмажаповым уехал на китайский обед. Там был и Бербридж. Обед отличный, вкусно, весело, оживленно!

На биваке ко мне явился Канаич в объятиях с двумя даурскими галочками.

Вечер частью проведен мною среди моих спутников, частью у себя дома за чтением «Архива революции». Обстоятельный труд, богатый материал для истории русской революции.

26/III, ☿. Ясное, прозрачное утро, тянет струя от юго-востока. Богдо-ула в безмятежном покое. Сегодня днем, вероятно, температура значительно поднимется — посмотрим! Нет! Весна где-то задержалась, у нас весны нет, одно холодное недоразумение! С горя я читаю «А[рхив] р[еволюции]», укладываю птичек, таким образом готовлю новые посылки для отправления в Петроград, в музей РАН.

Написал письмо в Харбин, О. Н. К[узнецовой]. Все честь честью. Сломанное ложе [ружья] отдал столяру-китайцу посадить на металл[ический] стержень и срочно заклеить!

Уже в темноте прибыла из Сангина в К° с Васильевым моя Пшевочка. Последние дни ей надоело там сидеть, так как погода изменилась к худшему, птичек новых не было, книг или науч[ной] работы она не взяла с собой в надежде пробыть на станции не более двух суток. Ну, я очень рад возвращению домой моего Пшевика.

---

* Павлов из-под носа выпустил Bubo, а сколько было разговоров, как хорошо было бы его добыть! Это ведь всегда так — где хвастовство, там в результате — ноль.

** *Далее в тексте пропущено слово. (Прим. сост.)*

С вечера великолепное было небо, унизанное ярко блестевшими звездами. Позднее, за полночь, тишину воздуха нарушил юго-восточный [ветер], принесший густые облака и пыль.

27/III, ♃. Утро из рук вон неприятное: холодное, ветреное, серо-грязное. Первой радостной улыбки весны как не бывало. Что-то поделывают мои археологи? Пожалуй, скоро начнут ожидать моего приезда. Лично я ожидаю сугунурцев и ими очень интересуюсь. Ужели они не приедут и в следующее воскресенье — ведь будет месяц со времени их отъезда! Сегодня весь день дул крепкий ветер, почти буря, неслась густая пыль, слепившая глаза и омрачавшая воздух, барометр упал как никогда. Неприятный вой бури в ночи, когда на крышах слышится стук полуоторванных драней и какой-то неистовый вой! К полночи стихло, свод неба открылся вовсю. Затем, после небольшого затишья, подул северо-северо-западный [ветер], к утру превратившийся в настоящую бурю со снегом и пылью. В каких тяжелых условиях скот кочевых монголов! Мне всегда в таких случаях его очень жаль.

В бурное время никогда и ничего больше не делаешь, как только читаешь книги или пишешь. Но и то и другое надоедает. Ходишь буквально из угла в угол. Наши соседи не сидят дома, всегда ведут открытый образ жизни: то обеды, то вечера, конечно, у своих! И так изо дня в день.

28/III, ♀. И сегодня бурный день: утро серое, пыльное и в то же время снежное. Стук драней и завывание бури. Как, однако, долго воздух не может успокоиться, прийти в себя. Что значит равноденствие, какое возмущение принесло оно. Ведь целую неделю держится непогода, стоит холод, облачность, буря, пыль. Все это друг друга или сменяет, или дополняет. Живо вспоминаю я весну в оаз[исе] Са-чжоу (1894 год — как это было давно, 30 лет! Какой я уже старый по возрасту, а между тем сам не ощущаю и не замечаю этого), когда вдруг среди разгара прекрасной весенней погоды, когда кругом вас ликуют массы птиц, когда канун такой чудный, прекрасный, в особенности вечером, и вдруг шум и гам, свистит и крутит, и все тотчас попряталось на целых два-три дня. Так и здесь теперь: движение или пробуждение весны парализовано. Приятное состояние воздуха будто во сне. Все затихло, замерло. И не видишь, не знаешь конца.

Еще термометр в тени показывает немного ниже нуля, 27/III даже выше — это впервые нынче плюс, тем не менее вследствие ветрености и облачности воздух такой холодный, пронизывающий, что впечатление получается словно настоящее зимнее.

Нынче почта не принесла ничего, за исключением одного письма. Значит, и в этом отношении тихо, а как ждешь этого почтового дня. Ужасно обидно, если ожидание ничем не оправдывается!

К ночи разъяснело совершенно и стихло.

29/III, ♃. Полуясно, небо сплошь убрано перистыми облаками, холодно очень, –14.0°R. Это в самом конце марта месяца! На следующей неделе уже настанет второй месяц весны. В воздухе не тем пахнет, и все вновь затихло, приуныло. Даже не верится, что скоро полетят птицы, так как кругом сплошной, глубокий снег, в особенности в Богдо-уле.

Приходили тибетцы и так неудачно. Однако я с ними побеседовал кое о чем и, между прочим, о Хара-хото. Не знаю только, понравилось ли им мое глубокое хозяйничанье со знамснитым субурганом. Тибетцы лишь сегодня уразумели историю открытия богатого содержанием Хара-хото. Удивлялись очень богатству письмен и образцам художества. А. Н. Васильев сегодня пригласил прокатиться в Сангин (Верхн[ий] и Нижн[ий]) по случаю хорошей, теплой, ясной погоды.

Погода действительно мягкая, немного весенняя, в тени ни тепло, ни холодно. С крыш по желобам журчат капли воды. Но барометр опять стоит низко да еще имеет склонность к большему понижению. Вероятно, причиною тому юго-восточный [ветер], приносящий всегда облачность и понижение температуры и давления.

Итак, в ½ 2-го часа дня за мною заехал в авт[омобиле] А[лексей] Н[иколаевич], и в компании с ним и его свитой мы покатили в Сангин. Так как я давно не был на воздухе, мне было приятно вдыхать аромат полной грудью. В наблюдениях всякого рода мы незаметно прибыли в Сангин (станцию), а затем и в Н[ижний] Сангин. Дорога от ст[анции] до Нижнего Сангина чудесная, ровная как скатерть, снега не было, только на сев[ерном] склоне он залегал нетолстым слоем. Кругом паслись верблюды и рог[атый] скот. Незадолго до Н[ижнего] Санг[ина], вправо, мы заметили на открытой степи шесть штук дроф (Otis dybowskii), кормившихся; они были столь непугливы, что дали возможность палить в них из винтовки. Лично я не сочувствовал стрельбе и остановке из-за дроф, так как в душе очень спешил в Н[ижний] Сангин, с которым я еще не был знаком. В 5 часов дня были у цели и разошлись на охоту. Мне очень понравился арык открыт[ой] воды со студ[еною] прозрачною влагою. Он бежал в корытообразном русле, во многих местах загаженном трупами погибшего скота. На прилежащих лужайках, по кустам, много держалось мел[ких] птиц: Ember[iza] leucocephala, E[mberiza] cioides, Prun[ella] montanella, синица, дятлы и вновь прилетные полевые жаворонки. Там и сям летали по три особи C[asarca] casarca, тоже в этот день прилетевшие. Мелкие птички страшно оживлены и поют вовсю.

Мои спутники по поездке увлекались стрельбой по белякам, а я на выстрел десятым номером дроби сразу взял четырех Alauda. Жаворонки были в стайке, штук 30—40 особей, и кормились на луговой площадке. Долина Толы в месте Н[ижнего] Сангина очень привлекательна, широка, с кустарником и рукавами, по сторонам утесы гор, сопровождающих течение Толы.

В темноте мы все возвратились в В[ерхний] Сангин, ужинали, после чего Алексей Николаевич укатил в Ургу, на заседание, с тем чтобы прибыть на ст[анцию] Сангин на сл[едующий] день, в 1 час, на пирог.

Я остался ночевать и беседовать с Д. П. Першиным о всякой всячине и, между прочим, о Гребенщикове, сибирском писателе, который, как изв[естно], написал мне интересное письмо-обращение. Першин сравнивает Гребенщикова с Короленко! Позднею ночью мы уснули.

30/III, ☉. Утро рассвело полуясное, довольно тихое и вначале прохладное, потом, на солнце, сразу обогрело, и полились звуки в кустарниковой заросли синиц, овсянок, завирушек и стук дятлов. По мягко-голубому фону неба лежали тонко-перистые облачка. Солнце пригревало ощутительно и повергало в приятную дрему. На луговых площадках кормились прол[етные]

полевые жаворонки и издавали отдельные строфы из общей летней песни. Над долиной описывала спирали пара орлов-беркутов. Без взмаха крыльев она поднималась выше и выше: орлы начали ликовать. Со значительной высоты они стрелою, с шумом бури спустились на вершины гор, соседних с долиной Толы, и уселись дружно по соседству! Самая любимая мною птица — это королевский орел, олицетворение силы, смелости, зоркости, ловкости и ума. В общую гармонию необходимо включить благородство, большой клюв, могучие лапы, богат[ырскую] грудь.

С Parus major в мешочке я пошел к дому. Пронеслись турпаны, крохали. Я спешил к дому, ибо гулял ровно четыре часа, а мне предстояла еще поездка-экскурсия в Н[ижний] Сангин. После сытного обеда мы покатили в автомобиле.

Как и накануне, та же картина. Те же просторы, зовущие вдаль, те же 6 дроф, но уже умные птицы не подпускали к себе на расстояние какого бы то ни было выстрела. Снимались и улетали далеко-далеко. К вечеру погода нахмурилась, стемнело, похолодало, начал падать снег. Из монгольских юрт блестели огни к небу. В стороне жилищ плавно протянул могучий орел поперек ущелья, спешил в северные горы, в утесы! Там, говорили мне монголы, их приют, в соседстве ютятся филины с весны, оригинально гукающие и наводящие ужас на робкую душу! Невольно мы постояли у юрт (в ожидании прихода А. Н. Васильева) и смотрели на хозяйство номадов, на то, как ловко и любовно монголы отделяют молодняк коз и баранов от старых матерей.

Наконец мы торопливо несемся к востоку, по направл[ению] Урги, которую успешно и достигаем, но предварительно откушав в любез[ном] станц[ионном] доме В[ерхнего] Сангина.

Поздно, но очень приятно было окунуться в домашнюю обстановку бадмажаповского дома.

31/III, ☽. Поднимаемся рано, на улице сумрачно, свежо, ветрено. На Богдо-ула лежат облака. В 9 часов утра мы уже принимаем тибетцев и ведем с ними беседу о далекой заветной стране. Между прочим, тибетцы напомнили мне, что в этом, 1924-м, году Д[алай]-ламе 49 лет, что это число в летосчислении человека нередко бывает фатальным, равно и число лет 81, кто имеет счастье дожить до такого возраста. «Хотя, — замечают мои тибетцы, — наш вел[икий] Д[алай]-л[ама] счастлив своим умом, тактом, обаятельностью, он имеет громадное большинство, стоящее за его спиной, за него, и очень малую часть, могущую стать в оппозицию, это всегда и всюду левые — либералы, подкупленные английским золотом. В ближайшее время пришли тревожные слухи из Тибета, будто Д[алай]-л[ама] покинул Лхасу, стремится в Монголию, Таши-лама едет в Тибет — этого не может случиться: так мы глубоко мыслим. Но вот как иногда бывает со счастьем и несчастьем, откуда может последовать неожиданная угроза: в Лхасе образована полиция, она страшна и непонятна, в особенности ламам. Ламам она ненавистна, они не могут понять, зачем их, которые часто встают по ночам и идут в храмы, по дороге останавливают, властно, иногда даже грубо, требуют пропуска. По-видимому, уж не такой большой повод к неудовольствию, а между тем неудовольствие очень великое. На такой почве не создаются симпатии, а антипатии и проч.».

Только теперь, после того, когда я узнал, что Д[алай]-л[аме] ныне 49 лет, мне становится ясным, почему именно мне, предст[авителю] Тибетской экспедиции и хорош[ему] знакомому Д[алай]-л[амы], необходимо к этому или в этот знаменательный день поднести ему (изыскав случай подходящий) богатый, вдумчивый подарок, состоящий из 49 предметов: 7 наименований и по 7 каждого наименования, т.е. 7×7 = 49. В свое время, еще в Москве, беседуя и выделяя именно 49 вместе с моим другом-единомышленником А[гваном] Д[оржиевым], я не спрашивал, почему именно 49, а не 50: мой друг предоставлял мне это самому узнать впоследствии, как я действительно и узнал здесь, в Урге, от представителя Тибета.

Вслед засим объявился мой сугунурец Борисов с зоологическим материалом: двумя кабанами ♂, белкой, беркутом, парой тетеревов, 16 рябчиками и до десятка других мелких птиц, в большинстве повторных экземпляров. Наряду с научным материалом добывается от сугунурцев и пищевое, мясное, довольствие. Я расплатился с Б[орисовым] и поручил ему доставить летягу, альпийских хорьков, а из птиц — всякого рода ночных хищников и других орлов (не беркутов), хотя это трудно втолковать простому человеку, да еще такому смиренному, каким является Бор[исов]. И наконец, в этот же день объявился Ежо, черт бы его драл, иногда, целыми днями никого нет, и тут вдруг столько привалило, да еще с различным материалом, который необходимо пересмотреть, рассортировать и записать. Не знаю, какой толк будет с археологией: что-то все увеличивается в дороговизне и все математ[ические] выкладки Кондр[атьева] ни к чему не привели — расход во много раз увеличится против сметы. Я даже лично не читал еще донесений К[ондратьева], мне их прочел Пшевик, который напрасно тратит время в рассматрив[ании] приемов снимания шкур с больших птиц.

Решаю отправить на раскопки еще и Павлова, который там будет на месте, а Андрея командирую на ст[анцию] Сангин. Надеюсь, он толково выполнит мои указания по отношению наблюдения и добычи птиц для пополнения зоолог[ических] коллекций.

Погода из рук вон плохая, черт знает какая бурная. Вот тебе и милое пробуждение природы. Тут все живое погибнет, пропадет без остатка. И когда это настанут прелестные ясные дни?

1/IV, ♂. Вот вам и апрель месяц, обманное число. Ни тепла, ни просвета. Такое состояние в корень изводит: холод, сумрачно, в воздухе завывает буря со снегом и пылью.

Вчера и сегодня мои препараторы, и настоящие и будущие, сидят за препарированием птиц и зверьков. Ц. Г. Бадмажапов уступил мне экземпляр Putorius'a, ♀, добытую через посредство Ежо. Сегодня почти все зоологическое будет отпрепарировано. Приятно знать и видеть все с любовью сделанное. Среди дел я получил записочку от Алексея Николаевича, который приглашал меня к себе по делу. Все еще раз говорит, что полпред любит и хорошо относится к экспедиции и вдумчиво согласовал с намер[ениями] экспедиции телеграфное обращение в Центр. Я не могу относиться иначе, как с большими симпатией и искренностью к Алексею Николаевичу, который в моем представлении был, есть и будет, вероятно, впредь лучшим союзником экспедиции.

Кажется, дела России в Китае вновь продолжают налаживаться, и по всем видимостям полпред поедет в Пекин, а раз так, то мое обещание дать возможность Павлову увидеть столицу Китая и быть временным спутником Васильева остается в силе. В таком случае вакансия Андрея в Цзун-модо остается за ним в полной мере и силе. Вот только не знаю, как мне быть с наблюдательным пунктом в Сангине. Этот пункт лучший, один из самых полезных.

Итак, вечером я снарядил в дорогу в Ц[зун]-модо Андрея, последний повез письмо, деньги и припасы. Мне приятно, что А[ндрей] очень серьезно отнесся к своему назначению и наутро 2/IV, ☿, заботливо, скоро собрался и в начале 8-го утра уже покатил по назначению!

С вечера морозно, холодно, кое-где на небе проглядывают звезды. Сегодня, забыл было сказать, отмечена первая плиска типа Motacilla, прилетевшая первого апреля.

2/IV, ☿. Мороз –17.0°R, слоистые облака, тихо, барометр стоит удовлетворительно! Как сильно хочется хорошей погоды, радостной, весенней! Пора ей уже наступить!

Мне очень приятно, что удалось приобрести второй экземпляр Putorius и именно ♀ к тому ♂, который первым был добыт в Сугу-нуре. Кажется, это именно тот альпийский восточносибирский тип, или раса, о котором просил А. А. [Бялыницкий]-Бируля.

К 10 часам утра небо освободилось от облаков, за исключением горизонта, по которому располагались кучевые светлые облака. Солнце еще не в силах согреть сильно промерзшую в последние дни землю. На днях, в бурную погоду, двое моих спутников усердно гоняли лисицу в соседстве лагеря экспедиции. Говорят, что лисиц вообще в самом близком соседстве с Ургой немало. Зверь этот держится в северных отрогах гор и по ночам бродит у домов ургинских обывателей, затем уходит или к северу, или на юг, в ущелья Б[огдо]-ула.

Сегодня мне вручена полпредством следующая телеграмма: «Главнаука Наркомпрос[а] просит телеграфировать, где [в] данное время экспедиция Козлова, предложить ей телеграфировать [о] состоянии экспедиции письменно, срочно прислать отчеты. Завглавнаукой Н. Петров». Через час времени я ответил так:

«Москва. Главнаука. Наркомпрос. Тибетская экспедиция вынуждена была зимовать [в] Урге, сосредоточив[шись] [на] исследовании монголов и природы окрестностей столицы радиусом сто верст. Изучено местное музыкальное творчество, собраны коллекции — этнографическая и естественно-историческая, периодически отправляемые [в] Петроград. Ведутся археологические раскопки и наблюдения пролета птиц. [В] мае месяце экспедиция предполагает перекочевать [на] юго-западный излом Толы. Подробности письмом. Козлов». Надо приступить к писанию отчета.

Сегодня барометр вновь падает, холодно словно зимою, тем не менее объявились и на этот день нежные птички, плиски, держащиеся вблизи жилищ по дворам или заборам! Непременно нужно быть на пролетном пути, на станции Сангин, так как птицы могут приб[ывать] ежедневно.

Ночь тихая, ясная, звездная, холодная. На рассвете –16.0°R. Все объято холодом и снегом. В такое состояние погоды Богдо-ула выглядит суровой, недоступной.

3/IV, ♃. Утро ясное, ни одного облачка на голубом небе, и в то же время все сковано морозом. Воображаю, как тяжело должно быть прилетным птичкам вроде нежных форм Motacilla. Сегодня, между прочим, еще замечено два вида пролетных, а именно Circus (коричневый) в парочке и одиночка Milvus melanotis. Сообщил мне также один бурят, заслуживающий внимания и доверия, что с неделю тому назад он лично наблюдал стайку серых гусей, направлявшихся вверх по р. Сельбе к северу. Птицы держались невысоко над землей и издавали свой обычный крик.

Сегодня я любовался белыми плисками, доверчиво ютившимися у нас во дворе, подле кухонных отбросов. Все мы, т.е. мой верный спутник Пшевик и я, целый день и вечер строчим донесение в Москву на имя Главнауки. Пшевик составляет очерк орнитологической фауны района, прилегающего целым полукругом со стороны севера к долине Толы, в частности, дает биологические данные каждого из добытых в коллекцию экспедиции видов, останавливаясь побольше или подчеркивая наиболее существенное. Я строчу отчет, характеризующий общую деятельность экспедиции, выполняемую по моему указанию. Говоря о настоящем или прошедшем, я набрасываю, в общих чертах конечно, и предстоящую деятельность! Для согласования Главнауки с РГО я пишу небольшое письмо В. Л. Комарову, ознакомляя РГО с запросом Главнауки и моим ответом по телеграфу этой последней.

Сегодня вечерок надо посидеть и построчить секретарю РГО, а завтра после обеда начать переписывать письмо-отчет в Москву.

Прекрасное настроение испортил мне наш Павлов своей нетактичностью и даже невежеством: собранный по моему поручению материал он от своего имени посылает без моего ведома в ученые общества.

Мы улеглись спать ровно в полночь после того, как все было исполнено.

4/IV, ♀. Сегодня приятное утро, тихое, ясное. Вокруг нашего дома воздух застыл — тишина абсолютная. Белые дали открыты. Южные скаты гор во время минувших бурных снежных дней вновь покрылись белым основательным покровом снега. Однако сегодняшний теплый день распустил воды, растопил снег и оголил значительно полуденные скаты северных гор. Писем сегодня почти не было, если не считать Павлова и Пахомова, получивших местные письма. И я, и мой Пшевик сегодня, как и вчера, усердно сидели за писанием отчетов. У меня остается не много работы впереди, пожалуй, завтра и окончу. Не знаю, чем заняться в дальнейшем.

Подле нашего лагеря ежедневно происходит учение монгольских цириков, а в долине — молодежи, монгольских юнкеров, одетых дов[ольно] прилично, щеголевато!

Вечер очень тихий и теплый, всего лишь –1.1°R. Впервые нынче так.

5/IV, ♄. Утро серое, почти тихое, t только –5.5°. Это, как говорят сибиряки, подходяще. При таком состоянии атмосферы надо ожидать скорого прилета птиц, а с ним и оживления. Сплошная облачность продолжает одевать весь небосклон слоистыми формами облаков. Я и моя Пшевочка оканчиваем наши донесения в Главнауку. После обеда Пшевик и Павлов взяты Васильевым в Сангин. Павлову, помимо орнитологических указаний, предложено остаться в Сангине на несколько дней, чтобы отметить вновь при-

бывшие пролетные формы птиц. Следует ознакомиться не только с богатством долины, открытой и лесной или кустарниковой, но также и с горами, сопровождающими течение реки Толы. В горах непременно, обязательно можно найти филина и орлов, это мое глубокое убеждение, подтвержденное и показанием окрест кочующих монголов.

Вечером наконец объявился mr Маршалл со своим одним спутником-сотрудником, с тремя машинами. Он долго пробыл в дороге по случаю бурь и других невзгод пустынного пути. Оказывается, там, на юге Гоби, в южной половине, тепло, сухо и атмосфера в бурю до того насыщается электричеством, что машина — автомобиль накаляется до невозможности и шоферам в ту пору приходится к металлическим частям авто прикасаться, предварительно надев на руки основательные перчатки. Наибольшему скоплению в воздухе электричества, конечно, способствует тонкая легкая пыль из классического в Китае лесса, который долго носится в атмосфере и сильнее и более привлекает в воздух электричество. Металлические части до такой степени накаливались, что с них сошла краска или лак, которыми покрывают железо для красоты и прочности. Из зверей Маршалл наблюдал лишь двух волков и небольшое количество пролетных птиц.

Погода до самой ночи на редкость стояла прекрасная, тихая и теплая.

6/IV, ☉. Превосходное утро, ясное, тихое, довольно теплое. Настоящее весеннее настроение! Что-то пронаблюдают мои спутники в Сангине, чем-то они порадуют меня?

Сегодня и вчера переписывал письмо для Главнауки к себе в журнал — так, на всякий случай. Вдруг откликнулась Леночка: «Выезжаю десятого. Горбунова».

Опять видим, как летят серые гуси, пара турпанов, Circus, Aquila или Haliaetus albicilla. Была, между прочим, у меня Воробьева из Мандала, заказал ей на пятницу тройку лошадей за нами двоими до Сугу-нура. Саре послал мою книжку на память. Поедем не спеша, с ночевкой в Санзайке, а потом тихо на Халцзан и в Мандал. Следовательно, с понедельника моя Пшевочка не спеша будет собираться в далекую или, вернее, не так далекую, но очень продолжительную поездку на станцию наблюдательную за птицами. Она сумеет использовать и время, и прекрасное место. Мне надо обстоятельно собраться также: надо и денег, и патронов, и продуктов. Ведь я смогу прибыть как раз вовремя к моим археологам. Вот не знаю, как быть с Павловым, куда его послать? Будет видно по теперешнему, настоящему пребыванию в Сангине. Следует внимательно выслушать Пшевочку, а затем и Павлова. Думается мне, что там сегодня и вчера было очень интересно! Послушаем сангинцев.

В Сангине весна дает себя знать: боковые ручьи, открытые и скрытые, шумят вовсю, снега в долине нет, на южных скл[онах] также, имеется он только, ежедневно сокращаясь, на крытых, с пазухами, склонах гор. Привезла Пшевочка плиску, гол[убую] синицу и парочку тростниковых стренаток. Видела прилетных Scolopax, стреляла турпана, наблюдала серых гусей и чирка (Павлов), кроме того, в воздухе ликовали на значительной высоте хищники типа Buteo. Один из них издал оригинальный звук — отрывистый шум, словно падающий снаряд, и все это высоко в голубом небе!

7/IV, ☽. Ночь великолепная, тихая, яркозвездная и довольно теплая, лишь на восх[оде] солнца t понизилась до –4.0°R, но потом стала быстро повышаться. За вчерашние, минувшие сутки много поубавилось снега, южные склоны почти совершенно оголены, да и нижний пояс Богдо-улы в значительной мере попестрел.

С А. Н. Васильевым произошла мал[енькая] неприятность — он упал на ледяную скользкую поверхность, на ружье, причинившее ему сильную, тяжелую боль.

Днем довольно тепло. Все время, даже до ночи и самая ночь с температурой выше нуля на 2°R.

Сегодня консул алтан-булакский доставил нам большую почту. Мне не так много, но зато моей Пшевочке и Кондратьеву с Котиком около десятка. Не знаю, почему в общем нашем пакете не оказалось писем или корреспонд[енции] Павлова, впрочем, этот тип всегда состоит при особом мнении.

Вечером мечтал о доме, о детях, о Петрограде. Всегда так после получения писем, после духовного общения со своими друзьями, родными и знакомыми.

8/IV, ♂. Облачно, тепло. Все небо, в особенности горизонт, обложено тучами, зловещие скопления облаков несутся с ССЗ. Барометр стоит ниже среднего. Мы с Пшевочкой всерьез собираемся в лесные горы, в шумные ущелья, берем много зарядов и проч. Очень хорошо, что удастся отправить корреспонденцию. Получили известия, знаем, что наша Елена была раньше в Петрограде, теперь едет опять туда и привезет мне что-либо.

Наконец писание отчетов и писем окончено. Мы их отправим монгольской почтой, а личный пакет на имя Михно сдадим консулу в Алтан-булаке для препровождения по назначению.

Сегодня из рук вон бурная погода, ветреная, облачная, мрачные тучи и отдельные слоистые или кучевые облака напоминали таковые летом, во время надвигавшейся грозы.

Вечер я со своими спутниками провел в симпатичной семье доктора Байкова, где по случаю новоселья собралось немало гостей, все знакомые, следовательно, было, что называется, мило, непринужденно. Хозяйке поднесено было от экспедиции за симпатичное отношение вообще и доктора-врача в частности на память нечто из собрания ценностей экспедиции: кошечка каменная с глазами из драгоценных камней.

9/IV, ☿. Облачность вообще в начальной трети апреля преобладает. До прихода вчерашних мрачных туч с севера было довольно тепло. Северный вет[ер] и тучи сразу понизили температуру ниже нуля. Весна вообще идет со значительными задержками, и это обстоятельство чисто нормальное для весны Центральной Азии. Достаточно взглянуть на описание весеннего пролета птиц в Са-чжоу и в низовье Эцзин-гола, на озере Сого-нор.

В 10 часов утра явился ко мне Убугунов, улыбающийся. Он уже побывал у А. Н. Васильева и получил свое: он освобожден от Тибетской экспедиции, ее службы и 13/IV собирается отбыть к себе в Иркутск. Тотчас вслед за Уб[угуновым] вошел Вася со словами: «Петр Кузьмич, машина готова за Вами, Алексей Николаевич ждет Вас как можно скорее». Едем.

Алексей Николаевич встречает любезно: «Убугунов свободен, м[ожет] ехать в Иркутск. Главное наблюдение за экспедицией поручено полпреду. Нач[альник] экспедиции и полпред имеют право менять состав в отношении прибавления членов экспедиции, ее участников. Лишнее имущество экспедиции сдать полпредству. Вопросы всякого характера, касающиеся экспедиции, обязан устроить или облегчить к устройству полпред». Относительно политкомисс[ара] экспедиции: вместо Убугунова Алексей Николаевич обещал обдумать хорошенько и снестись с Читой.

Пользуясь любезностью Чичаева, я сдал ему для вручения П. С. Михно письмо.

Дополнительные переговоры с Алексеем Николаевичем выяснили следующий взгляд пр[авительст]ва на экспедицию: экспедиция не должна втягиваться большими расходами в Монголию, она должна быть Тибетской и экономить силы и энергию, и матер[иальные] средства только на экспедицию в Тибет!

Это весьма приятно знать вовремя. Следовательно, надо так поступить — надо minimum взять с собою багажа, все взвесить, рассчитать, чтобы ничего не было бы лишнего, вместе с тем чтобы было достаточно на экскурсию такого рода: Урга — излом Толы, это первое, второе — излом в Ихэ или Багабогдо, где база и проч., третье — часть на базе, часть в легкую экскурсию на Сого-нор и Хара-хото, четвертое — обратное следование через базу в Ургу (или только эксп[едиционным] транспортом — коллекциями или даже всей экспедицией). Средств должно быть немного, но эту экскурсию следует выполнить всенепременно! Следует вдумчиво разработать план и составить научную программу. Я ясно представляю себе все, всю картину! Где теперь владетельный бэйсе Бага-богдо?

В заключение: Алексей Николаевич — лучшая кладовая при прежн[ей] почте в расп[оряжении] экспедиции. Велик[олепное] реш[ение]! Следует лишь ее очень внимательно и всесторонне осмотреть!

Ружье, трехстволку Кузнецова А. А., удалось разыскать, и это также великолепно!

Павлов привез бекаса или дупеля-отшельника, пару уток-крякв и пару свиристелей.

В настоящее время долины Толы очень оживлены прилетными плавающими: гусями, утками, турпанами, имеется немного бекасов, бел[ых] плисок и немного других (история с филином).

От Убугунова принята часть его обмундирования, часть оставлена ему и его спутнику. Но вот, что относительно сум и оружия, имевшихся на руках у политкома Тибетской экспедиции?!

Ночь полуясная, я возвратился от Васильева во 2-м часу ночи и все-таки не наговорился!

10/IV, 2. Утро полуясное, свежее, однако уже после 9 часов температура сразу стала подниматься. По всему видно, что сегодняшний день будет настоящим весенним днем, теплым. Я встал, по обыкновению, в 7 часов утра; Богдо-ула просыпается, темных островидных бликов немало. Понемногу, но очень планомерно движется весна вперед!

Приходится отметить, что с каждым последовательным днем становится теплее и теплее. Тучи тонких, перистых облаков, местами слоисто-

кучевых. Речка в городе гремит серебристой водой, красиво катящейся по валунам. Ложный круг опоясывает солнце диаметром в 100 светил. Мухи по стенкам юрт, в воздухе кружатся коршуны. Скаты гор темнеют все больше и больше. В воздухе стоит или носится дымка пыльная, грязная. Придут ли за нами лошади из Мандала?

Сегодня я снарядил очень обстоятельно Убугуновых в дорогу до Иркутска: 180 китайских долларов, 100 серебр[яных] русских рублей (из них 50 он должен возвратить из моск[овского] содержания!).

Долина Толы между городом и священным массивом полна юртами обитателей. Все тянутся на простор, чистоту и лучший воздух. То же замечается везде по горным ущельям. Сегодня настроили сачки, зарядили морилки, поймали первую муху! Приготовились в дорогу, но что-то не объявляется мандальская тройка.

Итак, вместо ясного неба, высокого стояния барометра сплошная облачность и низ[кое] пок[азание] давления. Ночи тихие, облачные.

11/IV, ♀. Серенькое утро, на свету прошел дождь, а затем и снежная крупа.

Надо подчеркнуть, что все автомобили по Калганскому пути бывают перегружены китайцами до невозможности: сидят буквально китаец на китайце, тогда как по отношению к некитайцам автомобили идут и должны идти неперегруженными, с нормой в 3 человека, не больше. Вы, влад[елец] автом]обиля], не можете взять более двух ни одного человека.

Сегодня расстались с Дан[иилом] Мих[айловичем] Убугуновым честь-честью, по-хорошему. Ему подарен цейсов[ский] бинокль. Он обещал постараться возвратить в экспедицию задерж[анный] Троицкос[авским] ГПУ наган с принадлежностями. В заключение при расставании обещал помнить экспедицию, следить по газетам о ней и писать нам и в газетах хорошее, светлое из ее деятельности.

Павлов уезжает в Сангин с А. Н. Васильевым — прогуляться, понаблюдать и отметить весенние явления. Мы, я и Пшевик, направляемся в Мандал, Сугу-нур и Цзун-модо. Как-то доберемся и проч. Предварительно надо получить письма.*

---

* *На этой фразе (л.190) 1-й дневник заканчивается. Оставшаяся часть тетради № 1 содержит продолжение 4-го дневника (л. 190об.—227об.) и копии двух писем П. К. Козлова: первое — без указания адресата от 1 июня 1924 г. из Суцзуктэ (л. 228—230об.) второе — заведующему Главнаукой Наркомпроса из Урги от 5 апреля 1924 г. (л. 231—238 об.).*

Весна 1924 г. в Монголии

1/VI 1924. Сугу-нур и Суцзуктэ

Спешу поделиться с Вами достижением Тибетской экспедиции.

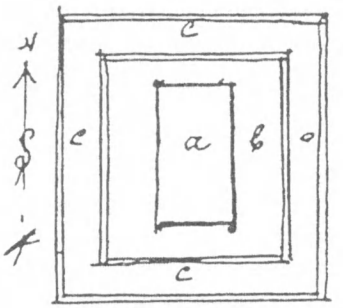
Еще в феврале-марте месяцах, исследуя Монголию в географическом и естественно-историческом отношениях, Тибетская экспедиция открыла в живописной местности, в урочище Ноин-ула, две или даже три группы могильных курганов, по-видимому очень древних, в которых хранились и продолжают храниться до наших дней останки китайских принцев, вероятно и самих императоров: подробное изучение точно установит. Некоторые из этих курганов нами разработаны, некоторые еще продолжают разрабатываться. Тибетская экспедиция уже обогатилась содержанием исторических памятников. Имеются роскошные вышивки: фигуры людей, животных, орнаменты; также отдельные ковровые картины — замечательные типы. Много отдельных, исключительно из черных волос, кос с футлярами из шелка и с талисманами, много и без футляров; вызывает исключительное любопытство густая молодая женская коса, перевязанная и заплетенная на конце красными шелковыми шнурками. Очень интересны также ковры (под гробницей) с накладными изображениями лося, мамонта, рыси крылатой и многих других, нередко мифических животных. Найдена равно и бронза, и керамика с печатью, и самая гробница, хорошо сохранившаяся. Из отдельных предметов заслуживают наибольшего внимания: изюбрь, или олень, — деревянное изображение с металлическим основанием рогов, остатки седел, многие деревянные округлые вырезки, прозрачные полуотделанные плоские образцы камней до нефритов включительно, великолепно сохранившаяся сетка из конских волос, мудро сплетенная, словно украшение для лица шамана или китайского актера, и проч. Материи вообще почти исключительно шелковые, цветные с узорами и с разбросанными среди них китайскими иероглифами. Мой знакомый китаец-книжник некоторые из иероглифов прочитывал, разбирался, над другими становился в тупик.

Курганы более или менее значительных размеров,* хотя есть между ними и маленькие, словно детские или простолюдинов, но все они до сих пор сохраняют основное прямоугольное или квадратное расположение, выраженное рядом больших бесформенных камней, отторженных от ближайших коренных горных пород, и круглым, довольно высоким валом из земли с более или менее глубокой воронкой посредине (кургана). Самое погребение покоится на глубине 5—7 сажен[ей] на дне кургана и состоит из очень капитальной деревянной, обтесанной по бокам постройки с двойным или тройным бре-

---

* Разработанные экспедицией курганы имеют: a) в длину по каменным очертаниям около 200 футов, в ширину — 150 футов, или b) в длину около 150 футов, в ширину почти столько же (очертание квадратное).

a — гробница,
b — главное помещение,
c,*c*,*c*,*c* — коридоры.

Схемат[ический] черт[еж] погреб[альной] постройки.

венчатым потолком с целью противостоять тяжелому давлению земляного покрова. В центре погребения, внутри, так сказать, имеется прямоугольное помещение с очень основательной гробницей посередине, поставленной (см. приложенный схематический чертеж) от севера к югу. Вокруг погребального помещения расположены коридоры с колонками, обтянутыми шелком, а соседние стены украшены художественной вышивкой с изображениями человеческих фигур, лошадей, птиц и проч.

Основную часть коллекций везу сейчас в Ургу, другая часть остается в лагере, на месте раскопок новых курганов. В мое временное отсутствие, пока идут подготовительные работы, руководить раскопками остается мой старший помощник С. А. Кондратьев с партией трех моих младших помощников и артелью китайских опытных рабочих.

Все три группы курганов, повторяю, расположены в дивной, очаровательной по красоте местности. Кругом курганов лесные скалистые горы; между горами — пади или ущелья с речками, окаймленными древесной и кустарниковой растительностью. Синее небо и яркое-яркое солнце дополняют картину.

Таким образом, здесь сосредоточено и изучение природы, и сбор ее характерных образцов. Коллекционирование вообще растений, млекопитающих, птиц, всех или почти всех отрядов насекомых ведется широко и очень успешно. Богатое, красивое, большое урочище Ноин-ула, превосходная летняя погода способствуют продуктивности работ.

Члены монгольского правительства идут экспедиции навстречу. Еще более того — успешному достижению научных результатов экспедиции способствуют наши соотечественники — А. Н. Васильев, Ц. Ж. Жамцарано, Д. Р. Ринчино и др. В двух других пунктах Монголии — в верховье или даже в истоках р. Хара, в урочище Сугу-нур (ущелье с гольцами) и в долине реки Толы, с массивом Богдо-ула включительно, ведется также изучение монгольской природы. Во всех пунктах экспедиции, кроме того, велся и продолжает вестись дневник весенних и летних наблюдений и сборов пролетных и гнездящихся пернатых.

По мере накопления фактического научного материала коллекций естественно-исторических (археологические пока воздержусь) последние периодически отправляются в Ленинград для скорейшей точной обработки.

Вот, в общих чертах, картина деятельности и достижений вашей научной Тибетской экспедиции. Все мои наличные спутники один другого лучше, хотя имеются и очень талантливые исключения. Живем мы друж-

но, работаем до упоения, и если будет продолжаться так и дальше, то можно надеяться, что экспедиция посильно исполнит долг перед Родиной.

1/VI 1924. Суцзуктэ.

Урга 5/IV
1924

Заведующему Главнаукой Наркомпроса.

Тибетская научная экспедиция от времени до времени посылает о себе известия в Русское географическое общество, будучи уверена, что оно знакомит Главнауку как с общим состоянием экспедиции, так и с ее научной деятельностью. Отныне экспедиция будет считать своим непременным и приятным долгом одновременно посылать свои донесения в Географическое общество, Российскую академию наук — ее специальные музеи и в Главнауку, ее Заведующему.

В самых общих чертах я позволю себе остановиться на всем ходе экспедиции, начиная со времени ее возрождения до последних дней, останавливаясь более подробно на существенном.

Тибетская научная экспедиция учреждена Совнаркомом 27/III 1923 г., сроком на три года, считая с 1/III по 1/III 1926 г.

Выбор спутников (21 человек) и организация экспедиции, ее очень сложное снаряжение внутри России на трехлетний срок заняли почти четыре месяца. В двадцатых числах июня 1923 г. экспедиция оставила Москву и своим наличным составом и московским снаряжением прибыла в Петроград с расчетом отправиться на восток по северной Сибирской магистрали в конце июня. Однако повторная проверка заграничных паспортов и отозвание двух участников экспедиции обратно задержали наше выступление на целый месяц, введя экспедицию в непроизводительные материальные расходы и не дав ей возможности вовремя прибыть в пограничный исходный пункт экспедиции. И только благодаря целому ряду телеграфных ходатайств в Совнарком экспедицию наконец выпустили из Петрограда 25 июля.

Экспедиция направилась почтовым поездом, удобно разместившись личным составом в классном вагоне, снаряжением — товарном, предоставленных в распоряжение путешественников правительством.

Следование экспедиции по Сибирской магистрали до города Верхнеудинска, затем на пароходе вверх по течению быстрой реки Селенги до Усть-Кяхты и в заключение один перегон на лошадях до г. Троицкосавска, или слободы Кяхты, носило характер приятной прогулки. Не успеваешь, бывало, сосредоточиться вниманием на особенностях одного ландшафта, как уже является другой: картины Урала, Западной и Восточной Сибири мелькали словно в калейдоскопе. Мы попадали совершенно в иной мир по природе и коренным обитателям, в мир с иной окраской неба, более ярким солнцем и замечательно красивыми синими далями.

На границе отечественных владений и Монголии пришлось прожить около месяца, прежде нежели справились со всеми дополнительными вопросами оборудования экспедиции. В свободное время мои спутники экскурсировали в окрестностях лагеря, иногда переступая границу и углубляясь в лесную или степную области, и почти всякий раз возвращались с большей или меньшей добычей, с тем или иным научным успехом.

Тут же был преподан участникам экспедиции и традиционный курс практической стрельбы из винтовок и револьверов.

Все правительственные учреждения Троицкосавска охотно шли навстречу с целью оказания всемерного содействия научной экспедиции. Местное отделение Русского географического общества во главе с его просвещенным председателем П. С. Михно широко и гостеприимно открыло свои двери для представителей Тибетской экспедиции. На большие и малые его заседаниям мы являлись не только в качестве слушателей, но нередко и в качестве докладчиков на темы, тесно связанные с нашими минувшими или предстоящими географическими задачами. Лично мои лекции о научных достижениях в связи с открытием мертвого города Хара-хото привлекли все пытливое население города и читались не только в зале Географического общества, но и в большой аудитории Народного дома. Небольшой, но превосходный и интересный краевой музей отделения РГО всегда манил к себе моих юных спутников, будил их чуткие сердца и зажигал священный огонь «научного очарования».

Таким образом, быстро, незаметно мелькнуло время пребывания в Троицкосавске, и 26 сентября экспедиция двинулась в Ургу. Я с тремя спутниками направился налегке и поэтому быстрее, нежели экспедиционный транспорт, охраняемый большинством моих спутников, следовавших походным порядком, с ночевками на берегу рек или речек в белых шатрах Тибетской экспедиции.

От Троицкосавска до столицы Монголии — Урги расстояние в 350 верст горного пути, протянувшегося почти в меридиональном направлении. На этом пространстве залегают, поперечно, три горные цепи, из коих средняя, под названием Манхадай, является главной, доминирующей, северная и южная — второстепенные. Между горами простираются долины, с реками или речками, принадлежащими бассейну Селенги. Это один из лучших уголков Монголии, богатый ценными ископаемыми, лесом и степными или альпийскими пастбищами номадов. Горные хребты ютят в себе пышную флору и разнообразную фауну и одинаково привлекательны как для ботаника, так и для зоолога. К сожалению, мы здесь проезжали в позднеосеннюю пору, к тому же очень торопились, имея в виду предстоявшее скорое выступление из столицы Монголии в дальнейший путь, с караваном верблюдов.

Неоднократно посещенная мною Урга — столица Монголии, ее административный и духовный центр, встретила и приютила меня, как старого знакомого. Для нас двоих было заботливо отведено помещение в доме бывшего моего спутника-друга Ц. Г. Бадмажапова, рядом с этим домом расположился лагерь экспедиции, в просторном дворе, в заранее поставленных двух больших юртах с видом на жемчужину Монголии, ее священный массив Богдо-ула.*

В ближайшие затем дни, в половине октября, я нанес визиты членам монгольского правительства, среди которых были и мои хорошие давнишние знакомые. Согласно древнему здесь обычаю, я поднес всему правящему классу при платах счастья почетные подарки.

---

* Монгольскому заповеднику Богдо-ула посвящено мною специальное описание, копия с которого в самом непродолжительном времени будет доставлена Главнауке Русским географическим обществом.

Покупка 55 или 60 отличных верблюдов и вообще организация большого, богатого каравана не встретила затруднений, наоборот, нашла у моих монгольских друзей живой отклик и содействие, и в течение двух-трех недель, к первому ноября 1923 г., Тибетская экспедиция была вполне готова начать настоящее путешествие. Заусловлены были и лучшие, опытные проводники частью из местного населения, частью из обитателей далекого, попутного в Тибет Цайдама. Все радовались, не знали устали, все упивались поэзией предстоявшего странствования, красотами величественных хребтов Нань-шаня и Тибета... и вдруг известие: «Экспедиция должна на некоторое время задержаться в Урге»! И потянулись беспросветные нудные дни, недели, месяцы томительного ожидания. Тем временем объявились позднеосенние невзгоды природы, а затем вскоре и зима вступила в свои права. Зима с небывалом по обилию снегом, пургой и леденящей стужей. Мое обращение в Центр об ускорении разрешения отправиться в путь было больным воплем в пустыне. Вскоре горе еще более усилилось: экспедицию лишили ее трех участников, на одного из которых — старшего ученого помощника, моего заместителя, географа-геолога С. А. Глаголева — я уже привык смотреть как на моего достойного будущего последователя.*

В конце концов экспедиция получила из Центра (27 ноября 1923 г.) следующее телеграфное распоряжение (см. в дневнике).**

На эту телеграмму экспедиция на следующий день ответила таким образом: см. днев[ник].

Опять потянулись болезненно-нудные дни, а зима встала во всей своей силе и неприглядности: караванное движение вдруг прервалось. Чтобы избежать катастрофических явлений, экспедиция, с болью в душе, вынуждена была ликвидировать своих «кораблей пустыни», продав их, при содействии Госторга, с убытком около 30% действительной стоимости.

В разгар наших тяжелых переживаний, в двадцатых числах ноября месяца, проездом из Китая в Россию,*** прибыл в Ургу мой старый друг-коллега, шведский путешественник Свен Людвигович Гедин, с которым мы встретились самым дружественным образом. В течение недельного пребывания в монгольской столице он ежедневно был в нашей экспедиции дорогим гостем. Живые беседы уносили нас всегда в далекий Тибет. Свен Гедин приковывал мое внимание увлекательными рассказами о Западном Тибете, я, в свою очередь, зажигал в нем интерес к красотам и новизне очаровательного Кама — Восточного Тибета. И как я был счастлив в тесном общении с моим другом — неутомимым исследователем Центральной Азии и Тибета. Редко кто так, в беседе о далеких, родных для нас обоих странах,

---

* В свое время об этих трех участниках экспедиции, отозванных в Россию, я телеграфировал Главнауке, прося ее возместить экспедиции 1500 руб. в золотой валюте, израсходованных на заботливое снаряжение в далекое зимнее странствование наших ни в чем не повинных товарищей, но отклика не получил.

** Следует заметить, что все сношения Тибетской научной экспедиции с Совнаркомом производились и производятся пока исключительно через управдел[ами] Совнаркома Н. П. Горбунова, который, таким образом, является посредником, живой связью Т[ибетской] экспедиции с Совнаркомом.

*** Или точнее — из Америки через Китай и Россию домой, в Швецию.

мог глубоко понять друг друга, как понимали мы, я и Свен Гедин, один другого. У меня с ним родственные души, оттого мы понимаем и любим один другого как никто! Мои спутники были умилены и счастливы, но и я признаю, «что познакомились со Свен Гедином и наблюдали обоих нас вместе, ухаживающих друг за другом, как влюбленные»!

В ожидании дальнейших распоряжений из Центра экспедиция составила себе программу научных работ в Монголии и тотчас же приступила к выполнению этой научной программы.

Географ-этнограф и в то же время композитор С.А.Кондратьев нашел лучшее применение своей специальности и при горячем содействии своего рода непременного секретаря монгольского Ученого комитета Ц. Ж. Жамцарано приступил к изучению души номадов — их музыкального творчества. В результате его работ составился сборник в 150 монгольских народных песен и коллекция монгольских музыкальных инструментов.*

Другой мой ученый помощник — ботаник Н. В. Павлов также усердно работал и продолжает работать в области своей специальности; очерк его исследований (ботанических) при сем прилагаю.

Также прилагаю и зоологические, в частности орнитологические, наблюдения, веденные в Монголии, и список собранных птиц моего помощника Елизаветы Владимировны Козловой.

Начав изучение Монголии сначала на месте, в Урге, и ближайших ее окрестностях, я постепенно расширил район научных исследований до глубины ста верст внутрь страны. Таким образом, экспедиция, можно сказать, неожиданно для себя, натолкнулась на ряд исторических памятников Монголии, представляющихся то в виде древних могильных холмов, сосредоточенных в долинах речек, то в виде развалин, погребенных песками. К исследованию одних из них мы уже приступили; к раскопкам других — приступим позднее, по перенесении базы экспедиции вниз по долине реки Толы, в глубину Монголии.

Из всех отделов, изучаемых Тибетской экспедицией, полнее других обогатился зоологический, да это и не мудрено, так как в его накоплении принимают большее или меньшее участие почти все наличные участники экспедиции. Пока сборы млекопитающих и птиц представляются преобладающими: первых, крупных и мелких, 13 видов, или форм, в количестве приблизительно 30—50 экземпляров; вторых — около 70 видов, количеством до 300 экземпляров.** Для более точного определения и скорейшего изучения вообще зоологические сборы экспедиции периодически благодаря содействию Русского полпредства в Монголии отправляются в Петроград, в Зоологич[еский] музей Российской академии наук.

В области математической и физической географии следует указать на произведенный ряд поверочных астрономических наблюдений для определения географических координат Урги и на систематическое ведение метеорологических наблюдений на одном и том же месте, непрерывно в течение свыше полугода.

---

* Статья С. А. Кондратьева: «Монгольская музыка» в копии будет доставлена РГО Главнауке одновременно с моей статьей «Гора Богдо-ула».

** Орнитологическая коллекция растет, в особенности в последнее время, в последние дни — начала весеннего пролета пернатых.

В ночь с 20 на 21 февраля (1924 г.) в Монголии, в частности в Урге, наблюдалось полное лунное затмение: в 22 часа 30 минут Ургинского времени Луна скрылась совершенно и была в таком состоянии на протяжении 1 часа 17 минут, или до 23 h 47 m 0 s, когда наконец юго-западный край ночного светила стал открываться. Ночь была ясная и почти тихая, лишь по временам чувствовалась слабая тяга воздуха. Иногда на Луну находило маленькое перистое облачко и на несколько десятков секунд скрывало лунный диск и его сферу. Когда же Луна плыла в прозрачном пространстве, она выделялась в виде очень бледного диска — точь-в-точь как это бывает с Солнцем, когда оно нами наблюдается через атмосферу, сильно насыщенную тонкой лессовой пылью.

С начала и до конца лунного затмения местные ламы и простолюдины — монголы, китайцы неистовствовали: стучали в бубны, барабаны, звонили в тарелки, гудели в раковины, а рядом там и сям взрывались бомбы и гремела трескотня ружейных выстрелов; если прибавить к этому дикие людские вопли, то нетрудно представить себе чудовищную какофонию, покрывавшую собою всю Ургу и долженствовавшую воздействовать на дракона, проглотившего Луну, скорее извергнуть ее наружу. Монголы верят в благополучный исход всякого затмения — солнечного, лунного (частичного, полного) потому, что дракон, или воздушное чудовище, не имеет желудка и проглоченное им светило скоро освобождается, чтобы озарять путь человечеству.

В лице российского полномочного представителя в Монголии — Алексея Николаевича Васильева — экспедиция нашла своего доброго гения, который в значительной мере облегчил нам наши зимние невзгоды и который давал и продолжает давать возможность Тибетской экспедиции более планомерно и более успешно развивать наши научные экскурсии в близком и далеком расстоянии в различных направлениях от монгольской столицы.

В заключение очерка прошу Вас пожелать Вашему детищу — Тибетской научной экспедиции скорейшей свободы действия; она, надеюсь, всеми силами ума и энергии постарается оправдать широкое доверие родной страны, ее правительства. Великие и малые достижения в области всякой науки являются светочем, привлекающим внимание человечества!

П. Козлов

P. S. Очень хотелось бы знать, в каком объеме и какого рода желательны Вам очерки или периодические отчеты о состоянии и деятельности Тибетской научной экспедиции. Не откажите сделать соответствующие указания.

В случаях крайней спешки или значительных по объему отчетов я буду вынужден отправлять таковые или Главнауке, или РГО поочередно с просьбой к получившему учреждению копиями познакомить с известиями экспедиции учреждение, неполучившее. Надеюсь на скорый отклик. Привет из Монголии.

П. Козлов

Примечание. Помимо отчетов Павлова и Козловой прилагаю еще два фотографических снимка Тибетской экспедиции (персонал Тибетской экспедиции и я с С. Гедином).

ДНЕВНИК
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ПО НАБЛЮДЕНИЯМ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ РГО

1923—1926 гг.

№ 2

Монголия, Сугу-нур. Июнь 1924 г.

Весенний период — новая деятельность

1924 г./ IV месяц.* Долго и нудно тянулась зима. Сидя в комнате и изредка навещая своих спутников в юрте, я вел систематически метеорол[огические] наблюдения, берег и заводил хронометры и от времени до вр[емени] делал вылазки на экскурсию то близко (к Ежо), то и очень далеко (Мандал или Сугу-нур). Так разнообразилось времяпрепровождение. Очень кстати удалось свести знакомство (на облавах на коз) с лучшими охотниками Тугариновым и Борисовым (Сугу-нур), пристегнуть их к Тибетской экспедиции и заставить добывать в нашу зоологическую коллекцию зверей и птиц. Экскурсии по Толе в Сангин, Богдо-улу или даже вверх по течению монгольской южной реки вносили в экспедицию много оживления, в особенности с приездом в Ургу А. Н. Васильева в качестве полпреда в Монголии. С первого знакомства с Тибетской экспедицией Алексей Н[иколаевич] стал в положение ее «доброго гения». Будучи любителем природы, прирожденным охотником, В[асильев] очень скоро, сразу, как говорят, примкнул к Тибетской экспедиции и в ее сообществе стал экскурсировать в близких и далеких окрестностях столицы Монголии.

Во время таких наших поездок найдены были и курганы, привлекшие внимание и силы Тибетской экспедиции на долгое-долгое время.

Первые четыре дня марта я провел в компании с А[лексеем] Н[иколаевичем] по поездке в Цзун-модо и тогда же навестил урочище Суцзуктэ с могильными курганами, расположенными в нижнем поясе гор, по легким скатам, сбегавшим к долине речек и ручьев. Монгольская природа при ярком солнце была еще в приятной дремоте, воздух чист и прозрачен, небо синее-синее.

Думалось о весне, и эта мысль заставляла вспомнить невольно Эцзин-гол, Нань-шань и далекие-далекие теперь для нас Куку-нор, Цайдам, Тибет!

Но время шло, весеннее солнце поднималось все выше и выше. Настал апрель. Получена телеграмма от Главнауки, с которой установилась связь. Еще сильнее, еще властнее потянула к себе в объятия монгольская природа! Власти разрешили летнюю работу в Монголии, политкомом экспедиции назначен наш добрый гений, и все воодушевилось кругом. Я больше был не

---

* Начало этого дневника, этой тетради, или книги, я начал в Сугу-нуре с 25/ IV с.г. Весну, проведенную большею частью на месте и меньшею частью в разъездах и пребывании на раскопках в Суцзуктэ, описал по конспекту в дорожной книжке.

в состоянии сидеть на месте: меня тянула в соседство моя суцзуктинская группа, приступившая к археологическим изысканиям.

Мы с Пшевочкой энергично собрались и в пятницу (после получения и сдачи почты) покатили на север, сначала в Мандал, а потом и в Сугу-нур. Мы оставили наш бивак в Урге 11 апреля с целью недели через две возвратиться обратно, но вышло так, что в Ургу я попал спустя около двух месяцев.

В эти два месяца много, много было видено, наблюдено и сделано.

Священный массив Богда-ула еще был скован сплошь белым покровом снега. Встречные ветры дули холодные, пронизывающие, но в тихое состояние дня и безоблачного неба солнце пригревало ощутительно. Была настоящая ростепель, с шумом катилась вода, периодически завывал ветер и снежной мглой слепил глаза. Дорога была отчаянная, несчастные лошади часто топтались на месте, не будучи в силах тащить большую, нагруженную телегу. Езда была настоящим адом. Мы подвигались вперед иногда по две, даже по одной версте к северу и только в глухую полночь прибыли к спасителю-греку, согревшему и накормившему нас.

Наутро, **12/IV,** ветер продолжал свирепствовать, метель взвивалась хлопьями, на колеса накатывались огромные снежные круги, лошади брали бросаньем вперед, рвали постромки. Мы сделали одну версту, выбрались на большую дорогу и в зимовье Верхн[ие] Санзайки стояли до 2 часов. Тут скопилось много народа — встречного и попутного, в хате столпотворение, большинство лежат, бродят лишь за нуждой или затем, чтобы посмотреть зябнувших лошадей. По грязному земляному полу прыгает теленок. Самовары не сходят со стола.

Сговорившись, артелью в 8—10 телег, поочередно прокладывая дорогу, мы с большим трудом поднялись на Халцзан. Тут вздохнули свободно, скоро оправились и стали спускаться; чем ниже, тем становилось суше, снег почти отсутствовал, и мы с успехом катили вперед. А вот и долина Мандал, обо, мы боремся с последним каменным препятствием, наблюдаем S[axicola] oenanthe (а по Сельбе накануне, при последних лучах солнца, в теневой стороне ущелья слышали гуканье филина*) и вскоре поднимаемся на твердую материковую дорогу и еще скорее катим к Мандалу, который вскоре показался нам. Лошади зачуяли близость дома и ходко подвигались вперед. Не могу, не в силах выразить приятного чувства, с которым мы попали в теплый и гостеприимный дом Воробьева. Уютность, еда, питье, а затем крепкий сон дали нам новые силы на следующий день, в воскресенье, который мы целиком провели в Мандалах, — дневали, как принято выражаться в экспедиции.

13/IV, ☉, дневка в Мандале. С вечера я еще гулял по двору: не мог оторваться от наблюдения красоты звездного неба и абсолютной, приятной-приятной тишины. Утро холодное, ясное. Долина молчит. Вскоре запели полевые жаворонки — на душе стало приятно. В беседе о нашем пункте Сугу-нур нам подчеркивают его прелести: горы, речка, лес, скалы — все сочетается в одну красивую картину. «Мы бы никогда не расстались с Сугу-нуром, если бы там было широкое угодье с пастбищем», — заметил Лав-

---

* Пигалица-чибис в долине Мандал.

ре (Воробьев). Около 9 часов утра протянула стая (в 40 штук) серых гусей (Ans[er] segetum); показались утки и стая даурских галок вперемежку с черными воронами. Там и сям одиночкой парит или быстро проносится T[innunculus] tinnunculus. Свежо очень, на болотах основательный лед сплошным покровом, на соседних горах, в падях, снег. Моя Пшевочка отправилась на охоту в вост[очные] лесные пади, добыла чекана-плешанку, видела мельком большого сокола и, оступившись на косогоре, слетела вниз, зашибла себе колено.

Селение Мандал — большее из всех поселений в долине с этим названием, в нем около 20 домов; около 6—8 домов в Ниж[нем] Мандале и чуточек менее селение Сугу-нур — 5—6 домов. Эти три поселка объединяются в один сход в случаях собрания, которые и происходят в Верх[нем], или Бол[ьшом], Мандале. В каждом из этих селений имеется свой богатей; так, в В[ерхнем] Мандале — Л. Я. Воробьев, в Н[ижнем] Мандале — Н. П. Вильский и, наконец, в Сугу-нуре — И. П. Смертин.

Среди поселян есть трудолюбивые люди, но большинство — лентяи, любят выпить и для развлечения уезжают «зверовать». Из богатеев здорово пьет мой так называемый, приятель Лавре Воробьев. Кажется, в пьянстве он прогрессирует!

14/IV, ☽. Ранним полуясным свежим утром Лавре сам отвез нас в Сугунур. По дороге мы пересекли широкую долину с речкой Баин-гол, которая в верховье и истоках своих заключена в прекрасном лесном ущелье, принимающем слева и справа много второстепенных падей.

В Сугу-нуре нас ожидали Тугариновы, едва не откочевавшие на верх[нюю] Толу. Тугаринов поднес мне только что убитого интересного тетеревятника, а Борисов, сосед его, — белку. Мы устроились в низкой халупе отлично; приятно было видеть и чувствовать кругом себя симпатичные взгляды очень хороших людей, каковыми оказались Тугариновы. Уступив нам свою хатку, хозяева бол[ьшую] часть дня и буквально всю ночь проводили у соседей Кочетовых.

Тугаринов и Борисов — охотники-промышленники — еще теснее вступили в наш союз и стали положительно сверхштатными участниками Тибетской экспедиции, сопровождая меня или мою Пшевочку во время охотничьих экскурсий в долину или горы. Пролет птиц усиливался. Так потекла наша жизнь в Сугу-нуре изо дня в день.

С первого дня нашего приезда в Сугу-нур мы часто наблюдали пролетных орлов (степных) и орланов. Эти большие хищники всегда наблюдались или парящими в голубом небе, или пролетавшими через долину, в частности [через] наше селение. Я не раз стрелял по ним, птицы несколько суетились, иногда даже опрокидывались в воздухе, но затем, оправившись, летели дальше. Орлов и орланов немало было в долине Мандал, где они охотились за гусями и утками. Интересно, между прочим, что пролет этих хищных птиц тесно вяжется с пролетом гусей и уток.

По вечерам, да и в другое время нередко я любовался гольцами Сугунура, серебристо блестевшими на солнце. Туда, по дороге к ним, много живописных мест — с лесом и дикими скалами. Там, в верхней зоне растительности, имеется кедр, или, как здесь говорят, кедровник. Неудержимо манят меня картины растительной и животной жизни на всем протя-

жении Сугу-нура до его угрюмых гольцов. Мысленно я много-много раз побывал там!

Ель, сосна, лиственница, кедр по горам и в зоне верхнего или среднего пояса гор, тогда как пониже — береза, осина, черемуха, дикая яблоня, персик и целый ряд ягодных и неягодных кустарников. Прекрасные луга, речка с каменистым ложем и скалы дополняют прелесть и красоту ущелья Сугунур. Из животных здесь более или менее обыкновенны: изюбрь, косуля, кабарга, медведь, волк, лисица, заяц, тарбаган, скалистая пищуха и другие еще более мелкие грызуны. К хищным относятся: рысь, колонок, или альпийский хорек, и проч. Кроме того, в лесу обыкновенны белка и летяга, а в степи суслик и ст[епная] пищуха (Lagomys ogotona) и самый интересный зверек, с точки зрения неизученности, тушканчик, хомяк, полевка и домашняя или полевая гуменная мышь. Рыб здесь четыре формы: линок, хайриус, налим и мал[енький] изящный усач. Из пресмыкающихся и земноводных суть: жаба, лягушки, ящерицы и змеи. Пока что мы к концу июня добыли порядочно экземпляров, однако принадлежащих исключительно к одной и той же форме гадюки.

Что касается списка птиц, то он значительно обширнее. Начнем с вороньей семьи — черный ворон, черная ворона, галка даурская и галка темная, грач, красноклювая клушица, сорока, сойка, ореховка, кукша, затем рогатый жаворонок, жаворонок монгольский и два прилетающих гнездиться (в поле), белые и желтые плиски, коньки, Corydalla, овсянки, дрозды — три, чечетки, краснохвостки, славки, мухоловки, пеночки, вертишейка, дятлы, вьюрки, чеканы, воробьи, ласточки,* кукушка, коршуны, луни, сарычи, сокола, орлы, совы, филины, речная скопа, орланы и немногие другие.

Список далеко не совершенный — оседлые перемешаны с пролетными и гнездящимися. Странно, что степные орлы, орланы, речная скопа — почти все только пролетные, на гнездование остаются очень немногие. Все в один голос твердят мне, что привольная, широкая долина Хары дает приют многочисленному населению в области как млекопитающих, так равно и птиц. Однако будем последовательны, будем вести дневник в хронологическом порядке.

15/IV, ♂. С одной стороны, зеленая травка и солнце, с другой — снег и ветер!

Порою холодно, словно зимою, и жаль, бесконечно жаль тогда прилетных птиц. В бурном, холодном воздухе носится пара серых журавлей, орлы, турпаны, утки, гуси, в особенности последние — по вечерам.

Днем очень часто погода самая переменная, то тихая с солнцем, то бурная, пасмурная, когда падает снежная крупа. В тихие, ясные проблески небо ярко-синее и своею красотою поражает наблюдателя.

Мелкие птицы летят вообще низко и очень быстро.

16/IV, ♀. Серое хмурое небо, северный, пронизывающий ветер, холодно, неуютно.

---

* Говоря о ласт[очках], надо упомянуть стрижа, козодоя, удода, синиц и синичек, клестов, свиристелей снег[овых], дрофу, перепелов (на осеннем пролете), куличков, уток, турпанов, журавлей, пол[евых] воробьев.

Земная поверхность мерзлая. Вверх и вниз по ущелью двигаются в телегах, верховые и пешие. Кроме русских, бурят и монголов здесь встречаются и китайцы-земледельцы. У окраины построек здесь стоят юрты монголов и бурят. Резко бросается в глаза, что китайцы всегда живут с женщинами — преимущественно с монголками, но не редкость встретить и русских, живущих с китайцами; правда, это элемент худший, отбросы человеческие; на таких «кит[айских] дам» смотрят с презрением.

При всяком удобном случае раз в неделю здесь можно найти оказию — едут в город Ургу, можно заказать привезти что-либо вместе со сдачей и получением почты. Урывками мы наблюдаем пролетных птиц то у себя дома, то на речке Сугу-нур, стоящей еще во многих частях своих подо льдом. Первый дрозд Turd[us] ruficollis, одиночкой. Сегодня же первая мухаблестянка, первый жук-дровосек (в хате), Saxicola oenanthe. Наблюдались танцы у серых журавлей. Серые гуси (доподлинно известно по добытым экземплярам) — Anser segetum. Вечером стая более нежели в сто особей неслась на Сугу-нур, окружила его, немного пролетела было вверх по ущелью, но, испугавшись гольцов и лож[ного] (восточное) направления, повернула обратно к западу-северо-западу и скрылась в направлении Хары.

17/IV, ♃. Ветер с севера, облака, холодно, но как только выглянет солнце, становится тише, иногда совсем тихо и тепло. Я отправился в долину Мандал на пролет птиц, поохотиться, садился у устья Баин-гола, а мои Тугаринов и Борисов уезжали вверх и вниз по долине, стараясь нагнать на меня уток или гусей. Укрытий нет, сидеть холодно и видно или заметно для пролетной осторожной птицы. Редко-редко летали пролетные странники близко к верному выстрелу. Обыкновенно видишь, что издали вереница гусей идет на тебя, но по мере приближения распознает и сворачивает в сторону. В выси кружат орлы; вблизи кормятся дрофы; еще ближе, на болоте, штук до 12, врассыпную кормятся чибисы; вдали темнеют полосами — это гуси и утки, то сидят, то темными полосами или треугольниками скользят по горизонту. Объявились грачи. Мы проезжаем у самого аршана и едва заметных следов мельницы времен Унгерна. Говорят, отличная была мельница, но монголы растащили ее по частям, так как святой ключ якобы осквернялся техникой или техническими нечистыми силами.

Чаще других хищников в долине наблюдался степной орел (пожирающий утку или гуся). На обратном пути среди селения китайцев и лесным склоном видели серого волка.

18/IV, ♀. Минула неделя с нашего оставления Урги. Минувшая ночь облачная, дов[ольно] теплая. Утро с дождливой физиономией. Кругом тихо, абсолютно тихо в этом глухом углу.

Впервые здесь наблюдался Uragus sibiricus; очень много пролетных гусей. Тетерева токуют вовсю: по утрам в особенности, хотя по вечерам тоже живо. На заре кричал филин. Зелень все больше и больше пробивается из земли. Будучи на экскурсии на противоположных горах, или, как выражаются тут, в «утесах», вверху, я слышал симпатичный клекот орлов, пары, при встрече друг с другом.

К вечеру стал падать мокрый снег и в течение ночи покрыл землю на один дюйм толщиною.

19/IV, ♄. Мокрый снег падает весь день. На болотах много гусей; из вновь прибывших: серая цапля, серебристая чайка, вновь Turd[us] ruficollis, Circus голубой, Buteo ferox(?), Circus коричневый. Сегодня познакомился с домом Вильского Никандра Павловича. Семья очень предупредительна, любезна и гостеприимна. По случаю падавшего снега мы долго засиделись, беседуя о Хара-хото. Я так давно не говорил вообще, что с удовольствием прочел простым людям лекцию. Странно, что слушали «с затаением души», по выражению хозяйки. Я говорил живо!

20—21, ☉, ☽. Эти оба дня прошли, можно сказать, даром. Охоты и наблюдений не было, сидели в хатке. Грустно. Во второй день дул крепкий норд, дошедший до напряжения бури, с липким, мокрым снегом. К вечеру все вокруг было бело: толщина снегового покрова в долине выразилась двумя вершками. В час ночи я выходил на воздух. Что за ночь была — диво: горы, словно зимою, белы и фантастичны, Луна с безоблачного неба картинно и торжественно озаряла землю.

22/IV, ♂. Холодно, горизонт в кучевых или слоисто-кучевых облаках; солнце словно силится высвободиться из них. Слышу рассказы обывателей: «Сколько животных погибло от минувшего снежного бурана — ужасно! И так было тяжело от обильной снегом зимы, а тут еще и весенние климатические невзгоды!».

Прекрасен вечер и ночь с яркой-яркой Луной серебристою.

23/IV, ☿. В пути через Лавре и Вильских в Суцзуктэ. Утро в Мандалах ясное, но очень холодное, тем не менее жаворонки поют, тетерева токуют. На болотах масса гусей, преимущественно полевых (segetum), гусь-лебедь крайне редок и держится в стороне, маленькими группами; величина и плавность лебяжья выдают характеристику этого оригинального не то гуся, не то лебедя. К вечеру, с приездом Андрюши (Симукова из Урги), мы перебрались в Н[ижний] Мандал, к Вильским. Очень кстати подвернулся Борисов и увез кое-что из продуктов Пшевочке. Захватил также и ♀ дрофы, и отличный экземпляр серебристой чайки.

Остальное время вечера мы снаряжались в Суцзуктэ, верхом в 3 коня и 1 под вьюк. Под меня Вильские дали их иноходца!

Нас прекрасно покормили и ужином, и завтраком в дорогу (очень рано). Между прочим, на мое замечание, что вчера или сегодня я видел пару очень больших серо-голубых журавлей, Вильский (старик) ответил: «Да, такие бывают! Но очень редко бывает еще очень большой белый журавль». Не стерх ли? Большой же серо-голубой, может быть, антигонский? Белый журавль наблюдался однажды.

24/IV, ♃. Ранним, дов[ольно] ясным, но холодным утром мы покатили верхом, с вьюком, держа направление на СЗ, на Суцзуктэ — Цзун-модо. Мы диагональю пересекли долину — реку, вскоре затем вступили на большую дорогу и катили ею до первого сворота к западу, по Хунцалу, затем свернули к северу, по речке Цзурумтэ, и ею и перевалом Цзурумтэ мы достигли сначала курганов Суцзуктэ и вскоре за курганами — и самого лагеря Тибетской экспедиции в Суцзуктэ.

В Мандальской долине, невзирая на множество плавающих, в особенности гусей, сидевших тысячным скоплением, было очень мертво. Рядом с нами пролетел орлан. У первых обнажений и щебневой покатости мы насчитали более двадцати больших дроф, кормившихся врассыпную и не обращавших на нас внимания.

В долине Цзурумтэ, у фанзы китайца, я впервые в эту весну видел Upupa epops; стрелял по нему неудачно и только гулом испугал и прогнал в соседн[ие] к востоку горы. Далее, в степной части, снега, как и в Мандалах, не было, но по мере поднятия вверх по Цзурумтэ делалось влажнее и наконец снежно, чем выше, тем основательнее. Вверх уходили массивные горы, острые гребни их, темнели леса, а с вершин передовых гор показывались нам и оставляемые нами все дальше и дальше С[угу]-н[урские] гольцы.

В сухой части Цзурумтэ я отметил пару орлов-беркутов, на болотах — пару пигалиц-чибисов, резвившихся пробудившейся весной, а повыше — Tinnunc[ulus] tinnunc[ulus]. Суслики и пищухи то и дело показывались на боковых сухих скатах гор, равно и чеканы.

По дороге встретили на телегах партию россиян, ехавших из Троицка* в Ургу!

Еще через несколько верст подъема по Цзурумтэ мы вошли в зону леса и крутым, каменистым ущельем поднялись на перевал того же названия. Вблизи перевала, к западу, через ручей от дороги, залегает группа цзурумтинских курганов во главе с одним на востоке, расположенным доминирующе на скате. Этот большой курган был найден моим спутником Симуковым и по его имени назван Андреевским. К западу, в общей группе, во главе опять-таки залегает разработанный курган, носящий название Баллотовский. Там работала небольшая партия наших рабочих-китайцев. Заглянув туда, я последовал дальше подъемом и спуском Цзурумтэ к Суцзуктэ. По дороге, на сев[ерном] склоне Цзурумтэ, я наблюдал следы косули и очень явственный, ниткой, след старого глухаря. На Суцзуктинской группе курганов я также недолго задержался, так как было обеденное время и я поспешил круто подняться вверх, в лагерь моих спутников. Больше всех был рад моему приезду Ежо, вольнонаемный служащий Тибетской экспедиции, которого я отпустил домой перед праздником Пасхи. Чадолюбивый отец был так рад, что, как школьник на каникулы, помчался восвояси!

Наша группа в Суцзуктэ чувствовала себя как дома и очень удобно расположилась в одном из многочисленных домов золотого прииска. Монгольское правительство еще заранее сделало по этому поводу распоряжение, добавив, что заведующий транспортом и общим имущ[еством] приисков Кузнецов вправе выдавать эксп[едиции] необх[одимые] ей инструменты.

25/IV, ♀. Облачно, всюду вокруг основательная толщь снегового покрова, местами по обрывам и ложбинам он сбит буквально до 5—7 и даже десяти футов. Это в горах, в области верхнего, а иногда и среднего пояса гор. Местами снег тоньше, однако редко тоньше фута. Снег мокрый, оседает к земле.

---

* В прежние времена всегда говорили: «из Кяхты», а ныне: «из Троицка», сокращенное от Троицкосавска.

Наконец, прибыл А. А. Кузнецов. Полпред поручил мне вручить А[лексею] А[лександровичу] его трехстволку, освобожденную А. Н. Васильевым из-под строгого ареста. Хорошее ружье пришло в неузнаваемый вид. Тем не менее владелец его был обрадован в высшей степени, не верил глазам своим и, держа в руках его, тихо проговорил: «Это только мог сделать полпред, больше никто. И как я искренно благодарен А. Н. Васильеву, поеду домой, обрадую своих и повешу мою трехстволку на ее прежнее место Но, конечно, сначала надо ее полечить-почистить. А какое она была раньше чудо! Ведь выписал себе сам по личному заказу, берег, холил!».

Отправились мы все на Суцзуктэ вниз, к передовому кургану, спустились в его шурф, на глубину 4—5 саженей. Там смотрим, наблюдаем, говорим. На дне шурфа сыро, промозгло, неуютно; каплют крупные капли, валится земля, камни, но со всем этим свыклись, не обращают внимания. Рабочие — китайцы, недавно сменившие партию русских, у которых и с которыми было много недоразумений. Китайцы же лучше: тихи, медлительны, но постоянны и трудолюбивы. Разговаривая на дне шурфа, мне показывают обнаруженное дерево — крыша погребальной постройки. Дальнейший план работ — спокойное, осмотрительное углубление вдоль и вниз постройки.

Я пошел в глубину соснового леса. Чудно, хорошо: кругом горы, скалистые зубцы и лес, лес без конца. Горизонт — также горы и лес. Но как молчалив этот лес, какая жуткая тишина вокруг — ужасно. Лес молчит — тишина. Однако на утренней и вечерней заре несутся голоса птиц, в особенности по скату соснового насаждения, редких сосен, вблизи и у самого лагеря Тибетской экспедиции. Здесь шумит ручей, пригревает солнце, отсюда открывается на юг широкая, далекая панорама гор; никогда глаз не устает любоваться ею. Интересно, что мои спутники при китайских рабочих, работающих сдельно, осмотрев работы и сделав соответствующие указания, могут работать каждый по-своему. Один-другой идет на охоту и на промысел: надо пополнять орнитологическую коллекцию и надо в то же время обзавестись, пополнить запас продовольствия. Надо вести метеорологические наблюдения, надо заносить в дневник особенности местной монгольской природы. Кондратьев со своими спутниками со всем этим удачно справляется и очень остроумно проводит вечера за полезным чтением.

У скалистых частей гребня Суцзуктэ прокричал или, точнее, прогукал филин, позднее пронесся первый порыв ветра, затем второй, третий. Лес шумит, а красавица Венера льет на нашу обитель яркий, очень заметный сноп света. Чуден вечер, вновь кругом абсолютная тишина, ни одного звука, даже ручей и тот смолк.

В течение минувшего дня пролетали стаи гусей и одна пара серых журавлей.

26/IV, ♄. Отличная погода, тихая, ясная. День Великой субботы. Вчера с вечера я беседовал с моими спутниками о давности образования курганов, и мы не можем не верить тому, что эти курганы, и Цзурумтэ, и Суцзуктэ, вероятно, очень древние. Малый показатель времени у нас имеется вроде исполинов-сосен, которым насчитывают около 200 лет!

Из пролетных продолжают лететь случайные и около нашего лагеря, например, серые гуси. А так, вооружившись биноклем, с высоты можно наблюдать дов[ольно] часто гусей в строгом пролетном порядке. Мои спут-

ники устроились замечательно хорошо, вдали от сует мира. Здесь только природа, только дело и больше ничего. Редко-редко забредет сюда случайный прохожий. Все целиком мои мальчики ушли в дело: с утреннею зарею просыпаются, с вечерней ложатся спать; нестрижены, небриты и совсем просты в отношении туалета. Я им завидую и с удовольствием приезжаю сюда периодически. Синее небо, горный прозрачный воздух, тишина абсолютная, одиночество тоже. Поднимешься на гребень перевала, залюбуешься панорамой кругом: горы, горы и горы. Хребет Манхадай с гольцами на востоке, теперь сплошь белыми, великолепен. Хребет Тологойту, к югу с горно-лесным мягким характером, также привлекателен. Всюду кругом горы своими отрогами сплелись между собой и образовали массу больших и малых, близких и далеких ущелий. Все переплетено, исковеркано, изломано по отношению к равнинному рельефу. Наблюдаем у перевала Суцзуктэ парящего высоко светлого Buteo, сначала одного, потом в паре, а у нашего лагеря — первую порхающую бабочку-крапивницу. Много мух, темных или зеленоватых. Набежит порывистый ветер, затрясет верхушки сосен и успокоится. На южн[ых] склонах начинают появляться проталины, темные, свободные от снега площади.

Меня пригласил Кузнецов встретить Пасху с его семьей, тоже в медв[ежьем] углу по тишине и малолюдству.

Откровенно говоря, я вначале даже запротестовал против того, чтобы куда бы то ни было уходить из своего лагеря, но потом, подумав немного, я согласился, тем более что я не остался встречать праздник в Сугу-нуре с моим Пшевиком. Дело на первом месте. А раз там не остался, не было больших оснований оставаться с мальчиками. Я решил тем охотнее, что мои спутники дружески советовали мне для разнообразия немножко прогуляться. С. А. Кондратьев вызвался даже проводить меня до Баин-гола половину расстояния. Мы пошли. На вершине Суцзуктэ остановились и не могли всласть налюбоваться общим далеким видом и опять-таки Сугунурскими гольцами. Их яркая, серебристая белизна еще отливала красивым розоватым оттенком.

Вскоре за перевалом мы встретили Васю, 12-летн[его] сына Марчука (сторожа приисков). Вася несет обязанности отца тем легче, что мы живем на приисках. Вася, между прочим, обслуживает нас, славный мальчик. Он нес кулич и пасху моим спутникам с расчетом сегодня же, еще накануне торж[ественного] праздника, возвратиться домой. Поговорили, я посоветовал С[ергею] А[лександровичу] взять праздничную снедь и возвратиться к оставшимся товарищам, а сам, вместе с Васей, отправился в Цзун-модо. Так мы и расстались с Кондратьевым. Однако очень глубокий и скользкий снег с водой под ним давал себя знать. Но мы вниз шли недурно, в особенности после Баин-гольского перевала. В 2—3 верстах от стана, в самом глубоком снеге (7—10 футов), мы нашли, словно в яме, лошадь, лежавшую в траншее и заржавшую при виде нас. Вася оставил ей сено, и теперь она поедала его. Китайцы должны прийти сюда артелью, проторить дорогу и вывести по ней несчастного жеребца. Мы дошли, любуясь знакомыми красивыми видами, немножечко раньше заката солнца. Я был рад встретиться с симпатичными людьми и перед сном успел помыться в баньке. Так уютно, мило, симпатично показалось мне накануне великого христианского праздника, который я очень люблю еще с детства.

В Цзун-модо снега оказалось меньше, и он лежал главным образом на северных склонах, тогда как южные были в большинстве случаев свободны от снега. Из птиц по дороге видели только одних пестрых дятлов. Я был в общем очень доволен всем, что видел и что меня теперь окружало. Помимо моей воли мои мысли убежали далеко-далеко по пространству и по времени.

27/IV, ☉. Пасха — весенний торжественный праздник встречен мною в Монголии, в прекрасном, живописном ущелье Цзун-модо, в гостеприимной русской семье Кузнецовых. Родной уклад жизни, обстановки, белая скатерть покрывает стол, уставленный куличами, цветными яйцами, всякой мясной, рыбной снедью. Все как дома. От кухни несется запах, разжигающий аппетит. Встречаюсь с членами семьи — христосуемся, все честь-честью, кушаем на славу. Чаепитие и граммофон. Сколько приятного напомнил мне этот инструмент. Граммофон в экспедиции в Центральной Азии, в далеких степях Куку-нора.[106]

С утра день был серенький, к вечеру выглянуло солнце, осветило горно-лесные скаты. С А[лексеем] А[лександровичем] мы стояли два вечера на тяге — безрезультатно! А хорошо было стоять и наблюдать, как погасает день, загорается заря, меркнет свет и вспыхивают звезды. Слышать, как поют дрозды, овсянки, как голосят бекасы, кулички, гогочут гуси.

Настает чудная ярко-звездная ночь. Гуляешь по деревянному тротуару, смотришь на горизонт, на горные скаты и прислушиваешься к приятной, убаюкивающей тишине.

28/IV, ☽. Ночь мелькнула быстро — я отлично спал; утро тихое, полуясное. После чаепития беру ружье и иду вверх по самому южному ущелью — Инженерскому ключу. Цзун-модо — среднее, лучшее ущелье, богатое высокими, крутыми, запирающими выход гривами, вершинами и их седловинами, богатое красивыми видами, в особенности красиво там, где Ц[зун]-модо, в свою очередь, делится на части, у основания или подножия крутых скатов, с вековыми соснами. Даже обитатели Ц[зун]-модо оценили этот уголок — уезжают сюда на пикник.

Южнее главного ущелья имеется самое левое (по течению), южное, ведущее на перевал Баин-гол и далее — в Цзун или прямо в Суцзуктэ. Это южное ответвление от Ц[зун]-модо, его приток слева, также не лишено красоты и оригинальности. По этому ущелью мы всегда пользуемся великолепной дорогой, ведущей в Суцзуктэ.

Мне хотелось познакомиться с правым притоком, северным ущельицем, куда солнце ранее всех и дольше всех заглядывает и где поэтому более темных, свободных от снега мест. Я пошел по дну ключа, а потом поднялся на искусственную дорожку и ею достиг моста через ручей. В лесу тихо; кроме овсянок, ничего, только в глубине леса, на скате, встретил парочку кукш и осиротил одну из них. С такой маленькой добычей возвратился, как гов[орят], домой, угостился здесь, посидел на лавочке перед домом с милыми хозяевами и их соседкой Е. Н. Жуковой и отправился восвояси. Теперь, в гору, я уже ехал верхом, пользуясь спокойной лошадью любезного А. А. Кузнецова. Меня сопровождал Вася, долженствовавший увести обратно моего коня. Под Суцзуктэ я добыл бурундука.

Благодаря ясному, прозрачному воздуху я вновь любовался с перевала видами вокруг, но главным образом видом на Манхадай, на его гольцы (Сугу-нурские).

На биваке все по-прежнему. Рабочие-китайцы доставили из Ц[зун]-модо машину и качали воду из основного разрабатываемого нами кургана, впоследствии обогатившего Тибетскую экспедицию интересными, ценными археологическими находками.* Погода стояла прекрасная, я долго сидел на террасе и весь входил в сосновый лес и его таинственную прелесть. Что-то таинственное, прекрасное скрывается в его глубоких недрах.

29/IV, ♂. Серое, облачное утро. Я уже приготовился в путь в Сугу-нур, уложил длинный ящик с птицами, приспособленный на вьюк. Приехал Кузнецов, обедаем и спускаемся вниз, я попутно осматриваю курган, беседуем, решаем, в какое время возвратиться мне опять на раскопки, и уезжаю — тороплюсь в большее тепло, бесснежие. Так и вышло: за перевалом Цзурумтэ вскоре мы вышли из области снега. За лесом стало лучше. Пылали желтые травы, я с Гогой потушил пожар. После временной остановки по сухой дороге мы успешно подвигались вниз.

Еще успешнее покатили тройкой в тележке от китайца-земледельца. На этом участке дороги было отлично, и мы еще засветло прибыли к Воробьевым, несмотря на поздравительный заезд к Вильским. В В[ерхнем] Мандале нас ожидали и угостили «честь-честью». Заодно я навестил и Е[вгению] Я[ковлев]ну, и А[нну] И[ннокентьевну] — учительницу: в школе была репетиция спектакля.

Долина Мандал была полна пролетными пернатыми.

30/IV, ☿. Бледно, облачно, дов[ольно] холодно. Еду в Сугу-нур. На скате к Баин-голу, у дороги, сидел степной орел, у кочки с камышом. Ветер дул сильный, и строгий хищник подпустил меня в телеге на верный выстрел. Прекрасный экземпляр оказался с одной лапой, другая, у кисти, была оторвана капканом или отбита выстрелом из ружья.

Дома не все благополучно. В мое отсутствие мой Пшевик на перекладине оступился и бухнул в речку по грудь, если не выше; долго барахтался, волновался, тем более что в руках было ружье, на себе патронташ, бинокль, мешок для добычи. Ведь могло быть гораздо хуже, нежели то, что случилось, нежели холодная, нежелательная, преждевременная ванна. Пшевик признался, что он перепугался [от] неожиданности.

Пшевик отделался сравнительно легкой непродолжительной простудой и опять вскоре экскурсировал как ни в чем не бывало. Она добыла: Certhia famil[iaris], Anthus macul[atus](?), Querquedula et Mergus merganser. Таким образом, наша коллекция растет.

Вечером упражнялись в стрельбе в цель из винтовок: я попал неск[олько] раз отлично и, конечно, был очень доволен. Дома спал так крепко (не просыпался, не переворачивался на бок), как давно-давно не спал. Так приятно настроила меня моя Пшев[очка].

---

* В мое время дошли до края крыши погребения — собственно говоря, до погребения, до южного, хорошо сохранившегося коридора.

1/V, ♃. Прекрасная погода, но утро холодное, по берегам речки ледяные забереги.

Пшевочка с Борисовым верхом отправились вниз по Сугу-нуру, экскурсировать. Я остался дома привести в порядок главным образом орнитологические коллекции, и местные, и привезенные из Суцзуктэ. Мои мысли и думы — с археологами.

Меня навестили Вильские, старики и одна из дочерей, симпатичная Васса. Позднее возвратилась Пшевочка с добычей — курицей (дрофой) и серым журавлем, были по дороге и орлы, и Пшевочка стреляла их, но не могла убить — крепки. Замеченные степные орлы всегда наблюдались сидевшими у мест тарбаганьих или сусликовых нор. Наблюдались также и удоды, и кулички Charadrius.

Вечер облачный, теплый, такая же и ночь.

2/V, ♀. Утром моросил дождь, тетерева токовали поздно, их голоса раздавались часов до 10. К полудню выкатилось солнце и стало греть ощутительно. Снег в лесу тает, горные ручьи бушуют. Пшевик на болоте стрелял бекасов, а мы с Тугариновым препарировали степного орла и бол[ьшого] кроншнепа. Погода, видимо, установится хорошая. Вечер и ночь превосходные, теплые. Опять Charadrius.

3/V, ♄. Утро облачное. Первые цыплята вышли на свет. Вдоль речки протянул большой кулик, позднее чирок. Я с Борисовым еду в экскурсию вниз, почти повторяю маршрут Пшевочки. Следуем у подножия «утесов», или южного склона отрогов, сопровождающих правый берег долины Сугунура. Нас соблазнил сидящий на утесе беркут, к которому мы и стали направляться. Пока мы были в сфере его зрения, он сидел спокойно, но едва мы скрылись — беркут слетел и направился прямо на нас, однако держась высоко, шагов 80—100. Я все же выстрелил — беркут красиво опрокинулся и полетел дальше, словно ни в чем не бывало! В соседнем еловом отъемнике, впервые в эту весну, я наблюдал и добыл краснохвостку (Ruticilla aurorea); внизу, у сухих глинистых, каменистых оврагов наблюдал компанию удодов, громко голосивших в окрестности. Подальше в глубину долины наблюдали: Tinnunculus, скопу речную, пролетавшую по всем изгибам речки, серебристую чайку, степ[ных] орлов, стайку больших кроншнепов и в заключение дроф, одного петуха из которых подстрелил в нашу коллекцию. У аршана я убил желтую плиску. Кругом, вдали и вблизи, проносились утки и гуси. Погода испортилась, с ветром стал падать мокрый снег с СЗ. Тем не менее я еще убил серого полевого гуся и красиво, на далеком расстоянии, свалил с высоты черного аиста.

Среди орнитологических наблюдений мы не забыли отметить и собрать первые лиловые цветы, высоко по вершинам и южным склонам гор, это иргюль, очень любимое косулями растение, за которым они выходят на увалы (Anemona pulsatilla).

Подле одного монгольского стойбища, в 100 саженях выше по логу, лежал покойник-монгол, прикрытый бельем, словно простыней; голова его находилась на скате, сверху вниз и вдоль второст[епенного] маленького ската, или лога.

Вечер ясный; небо ярко-звездное.

4/V, ☉. Облачно, холодно, земная поверхность мерзлая, вот вам и май месяц: «Май — коню сено дай, а сам на печь полезай!». Почему-то невольно я вспоминаю моих археологов в Суцзуктэ.

Вечером, около 5—6 часов, я пошел вниз по речке и на первых шагах удивился неожиданности: на меня налетела, через голову, пара красивых гусь-лебедей. Выстрелом по передовому ♂ я красиво свалил сверху. Эта была лучшая из моих охот в эту весну. Хотя вспоминаю другую такую, когда я охотился с Т[угариновым] и Б[орисовым] в Мандальской долине, когда я выстрелом картечью № 28 вышиб наповал старого гуся ♂ на расстоянии 120 шагов из небольшой стайки, а другой гусь, тяжело раненный, сильно подбитый, унесся с постепенным склонением к земле и отдалением от родной стайки.

В свободное время у нашей хатки или в ином месте, даже во время передвижения пешего или конного (верхом или в экипаже), я любил смотреть в голубое небо, по красивому фону которого гордо описывают спирали царственные пернатые — орлы. Какой красивый, сильный, без взмаха крыльев полет, какая высота и какой (редко-редко) стремительный полет от высоты облаков к земле во время преследования добычи!

Детишки нашего соседа резвятся у окон с пришедшими из многочисленного Воробьевского гнезда, где матерью является очень симпатичная женщина Леонтьевна.

Крохаль, а несколько позднее речная скопа пронеслись вверх по речке, вдоль течения.

Корова соседа справа чуть-чуть не утонула в оросит[ельной] канаве — компания рабочих вытащила.

Ночь облачная, кругом прохладно, неуютно, до тепла далеко.

5/V, ☽. Утро серое. На соседнем, напротив нас, поле опустилась стая серых полевых гусей, ходит, кормится, не обращая никакого внимания на ближайшую дорогу, оживленную проходящими. Погода из рук вон плохая: то и дело валит мокрый снег, который однообразит все окружающее под белый цвет. Скучно тогда сидеть в жалком, мало уютном помещении, читаешь или пишешь. Лишний раз сядешь за писание писем и с первой оказией отправишь целый пакет на родину. Из Урги сам лично также ждешь присылок корреспонденции, но они всегда бывают бедны, тем не менее не упускаешь случая воспользоваться поездками в Ургу наших знакомых, местных поселян.

Вечером Б[орисов] доставил экземпляр Astur из Мандал (В[ерхнего]), серый, больших размеров, очень жирный, добытый еще в минувшем апреле, 14-го, при помощи ловушки, поставлен[ной] на зверя, но, так как птица хорошо сохранилась, попала в нашу орнитологическую коллекцию. Б[орисов] принес в дар мандальской (от Исаева) рыбы и усердно просит меня быть крестным отцом его дочери-малютки, отказываться неудобно. На берегу речки вместе со стайкой рыжегорлых дроздов ютился одиночкой T. fuscatus. По мокрому лугу птица прыгала с поднятым слегка кверху сильно рыжим хвостом.

6/V, ♂. Небо в слоистых облаках, сквозь которые кое-где видны полоски синей лазури. Вершины гор курятся, или дымятся, словно вулканы, — там еще серебрится снег.

Очень часто, помимо моей воли, моя мысль уносится к археологам, словно мы неразлучны и находимся в постоянном духовном общении, по крайней мере с моей стороны.

Кутим-пируем у Б[орисова] на крестинах. Народа собралось порядочно, кроме здешних приехали из В[ерхнего] Мандала Воробьевы, Сахарова, Максимовы — 6 чел[овек]. Восприемницей была Сарочка — дочь Воробьева; она же привезла нарядную рубашечку и крест малютке, нареч[енной] Анной. Священника заменила милая Леонтьевна, которая вымыла и окунула младенца в воду, налитую в корытце; окуная трижды младенца, я произнес: «Исповедую едино крещение!» — тем обряд крещения и окончился. Гости сели за стол; ведь в этот день (по старому стилю) было 23/IV — «Георгия». Мальчик Б[орисова] — именинник; заодно с крестинами совместили и именины. Надо заметить, что ребенку исполнилось ко дню крещения около пяти месяцев. В общем, все прошло хорошо, событие удалось если не на славу, то все же на удовольствие. Случайно зашли ко мне две монголочки, мать и 12-летняя дочь, бедные, просившие подаяния. Они мило посидели, поговорили с достоинством и собрались уходить. Я поднес им сереб[ряную] монету, кот[орую] улыбающаяся девочка приняла с приседанием. Мать и дочь шли вверх по ущелью, к богатым монголам.

Вечером, в полной темноте, мы наблюдали далеко вверх по ущелью, в лесных увалах, прилежащих к левому берегу речки, пожар. Сначала при ярком огне, рассыпанном звездой гигантской, мне почудилось, что это необычайный фейерверк. К счастью, обильный мокрый снег быстро справился с пожаром, от которого не осталось и следа.

7/V, ☿. Кругом облачно и снежно, гадко, бр-рр! Пора собираться в Суцзуктэ к своим. В соседстве селения Сугу-нур, в ближней пади, волк задавил корову и много съел мяса. Наш Б[орисов] несколько раз ходил сторожить этого зверя и даже стрелял по нему, но неудачно — волк удрал, и остатки коровы поселяне как ни в чем не бывало, по-монгольски, слопали во здравие. Волков здесь много, в особенности зимой, эти звери свободно заходят в ограды дворов и похищают скот обывателей.

8/V, ♃. Прекрасный вид на гольцы Сардык, или, точнее, Сугу-нурэн-сардык, как говорят монголы. Зона леса-кедровника, над нею альпийские луга, сплошь засыпанные снегом. Все ущелье по дну приятно зеленеет; на южных склонах еще более, нежели прежде, выделяются лиловые цветы иргюля с золотым сердцем (в середине).

Сегодня утром я «сидел» на падали: сторожил волка. В голубой выси кружили орлы и коршуны; вблизи никто не опускался, никто не пролетал. С вершины ущелья контрастно выделялись Мандальская и Сугу-нурская долины и серебристо блестели воды речек, сливающихся вместе. Соседние или окрест лежащие горы виднелись отчетливо с их темными ущельями и острыми гребнями.

Мой Пшевик экскурсировал вверх по речке-ущелью и добыл вертишейку.

Прелестная заря на западе, а еще более очарователен ее отблеск на востоке, на отдаленном крае горизонта, на снеговых полях Сардыка. Как выяснено теперь, Сугу-нурэн-сардык не бывает белым от присутствия на нем снега лишь в течение двух летних месяцев — июня и июля и, может быть,

части августа месяца; в остальное же время года он всегда убелен яркобелым, блестящим на солнце снегом.

Ночь облачная, тихая и темная-темная, в какую ни зги не видно.

9/V, ♀. Серо и облачно кругом. То и дело раздается на реке могучий грохот от мощных льдин, лежащих половинными частями над водой или висящих в воздухе, отливая нежной голубизной, и падающих вдруг на воду. Мы энергично собираемся в Суцзуктэ. Как ни странно, а манаток набралось порядком; берем с собою и деньги — почти весь запас. Мы оживлены, деятельны, кругом кипит работа.

Между тем погода становится все хуже и хуже: мокрый снег валит не переставая, северо-западный крепкий ветер усугубляет невзгоды. Павел повез нас парой в большом ходке, и мы сильно промерзли, облепленные снегом, и только в Мандале, у Воробьевых, в теплом, уютном помещении согрелись и забыли мокрые дорожные невзгоды. В Мандалах нас всегда гостеприимно встречают и провожают, и не только одни наши старые знакомые Воробьевы, но и новые — Сахарова и Максимовы.

10/V, ♀. Холод и вместе с тем ясное, прозрачное небо. Едем в Суцзуктэ по поверхности, белой от вчера выпавшего снега. По знакомой дороге (до китайца в телеге, а дальше верхом) ведем наблюдение животной жизни. По горам пасутся табуны лошадей, по скатам гор — рогатый скот. Бараны сбиты вокруг жилищ-юрт, расставленных для защиты от ветров кругом, с заграждением промежуточных свободных пространств. Повыше, в долине Цзурумтэ, мы следили за дрофами и орлами, тех и других было в долине Цзурумтэ немало, и я несколько раз палил, но безрезультатно. Так досадуешь потом, что задерживаешь движение, устаешь, мочишь мокрым снегом сапоги, а через них и ноги и торопишься затем наверстать упущенное и время, и пространство.

Наконец знакомый лес, перевал Цзурумтэ и по другую сторону его, на скате, встреча с А. А. Кузнецовым и Гусевым. Обмениваемся приветствиями и проч. Они нас радуют сообщением об интересных, богатых находках в главном кургане Суцзуктэ. Мы еще с большим стремлением направляемся вперед, к своим мальчикам, симпатичный лагерь которых достигаем в течение следующего получаса времени. Мой спутник Пшевик быстро по дороге знакомится с одной и другой группой курганов, с общим характером местности, с крутым подъемом по направлению к перевалу Суцзуктэ. Любуется превосходным парковым насаждением сосны и незаметно приближается под сень наших археологов, в соседство вечно бурлящего и грохочущего горного ручья. Встреча, обмен новостями, знакомство, беглое, конечно, пока, с приобретением птичек, зверьков, насекомых. Об археологии также пока бегло, вкратце — до следующего дня. Сегодня я только внимательно выслушал доклад Кондратьева, поясненный чертежом, что шурф кургана вывел к погребальной постройке, на крышу южного коридора погребального помещения.

Чудный, дивный, ясный звездный вечер, такой вечер, когда хочешь весь целиком уйти в ночную природу леса, скал, шумящего монотонно ручья и того звездного мира, который зачаровывает человека, все его духовное существо или чувство, и подчиняет исключительному своему, не сравнимому ни с чем обаянию.

11/V, ☉. Небо облачное, серое. Слышится песнь горихвостки (Rut[icilla] aurorea). Мальчик Вася усиленно старается поймать в ловушку полевок. Их два вида, по внешности темная и бурая, они держатся у изгородей, у норок, и силятся перебежать из более низких в верхние, а потом под пол нашего жилого помещения. Подле нашего лагеря пролетают из стороны в сторону Tinnunculus alaud[arius], у убитого и отпрепарированного экземпляра в желудке обнаружены первые зеленые ящерицы. Экскурсии моих спутников за ящерицами по скату гор подтвердили наше предположение. Под вечер я пошел в так наз[ываемое] рябчиковое место и на южном, теплом, сухом каменистом скате спугнул лесного кулика, или вальдшнепа (Scol[opax] rusticola). В этот же день дважды подняли эту интер[есную] птицу и мои спутники на травян[ом] скате.

С вечера мы много говорили по поводу наших раскопок, их научн[ых] результатов. Все, что по этому поводу доложено было мне, и все то, что я лично видел из находок, а я видел и любовался очень многим, показывает, что мы сделали очень важное дело. Художественные шелковые ткани, шерстяные вышивки, бронза, керамика, деревянные изделия, камни, множество кос, седла и металлические изделия — все в сумме говорит за открытие нового, далекого прошлого, по-видимому китайской народности, за их глубокий оригинальный способ погребения. Дошли до погр[ебального] помещения, его главной постройки с гробницей, у которой, к сожалению, открыта массивная крышка и покоится в продольном виде, прислоненная к восточной стене глав[ного] помещения. Мы подошли к погребению с юга или юго-западного угла, попав через крышу в южный коридор.

В конце концов, я решил дать командировку С. А. Кондратьеву в Ургу; к тому же это так было необходимо и в личном отношении для моего товарища, работавшего на раскопках в течение более двух месяцев непрерывно.

12/V, ☽. Ранним утром, в 3 ½ часа, пешком, налегке, Кондратьев отправился в путь, его проводил до перевала Цзурумтэ Андрюша, отправившийся затем по соседству проверить ток глухарей. По обыкновению, вся компания археологов всегда встает в 6—6 ½ часа, к утреннему метеорол[огическому] наблюдению. Здесь кроме термометра имеется еще анероид (очень хорошо приспособленный тысяч до 9 футов). Помимо этого, археологическая группа работает в области ботаники и зоологии, коллектируя и то и другое образцово и в надлежащем количестве. Наш приезд сюда прибавил рабочих — научных рук, в особенности в области зоологических исследований. Елизавета Владимировна почти ежедневно начала экскурсировать, научно наблюдать и изучать живую природу, и коллект[ировать], и препарировать. Кроме того, лично я также много уделял [внимания], помимо главного занятия археологией, еще зоологическому отделу, много способствовал расширению общей деятельности в Суцзуктэ. Для более обстоятельных сборов по отделу насекомых мною было поручено Кондратьеву привезти сюда из Урги Даниленко, сменить его с завед[ования] метеорологией и складом имущества экспедиции, тем более что в Ургу, как говорят, наконец вернулась запоздавшая Горбунова. Поездкой в Ургу Кондратьев отдалял срочную поездку мою в этот город, так как он кое-что из моих давно намеченных дел мог исполнить толково.

С отъездом С[ергея] А[лександровича] на меня легло целиком все дело в Суцзуктэ, руководство по нему. В то время как Елизавета Владимировна и Андрей экскурсировали в окрестностях Суцзуктэ, мы с Гусевым целиком уходили в археологию. Наблюдали, руководили, извлекали, мыли, сушили, приводили в систему записи, укладывали находки в ящики. Как раз теперь работы по извлечению находок сосредоточены в западном углу, или западной стороне южного коридора. Мы работали вдвоем с Гусевым, к нам подоспел А[ндрей], третий, и мы успешнее начали извлекать сокровища. Очистили весь южный коридор, до ковра включительно. Между прочим, извлекли длинные, дов[ольно] прозрачные камни и очень любопытный сосуд — нечто вроде ночного горшка, из дерева, покрытого лаком (буроватым), с пробкой. Затем много извлекли кос (отдельных, группами, в футлярах и без таковых). Очень любопытна с футлярами и с талисманами; еще того интереснее одна коса, черная, молодая, по-видимому женская, почему-то целиком отделенная от головы и перевязанная красными шелковыми шнурками посередине и на конце (раздвоенном). Вновь стали попадаться шелковые материи и узорчатые вышивки. Шелковый широкий китайский костюм с собольей оторочкой, с подкладкой ваты, внутри очень много собольей шерсти, отделившейся от кожи. Много круглых деревянных изделий; имеется и орудие для добывания огня — первобытное. На ковре изображение лося, мамонта, мифических тигра и буйвола и другие. На спине у бегущего лося, страшно испуганного, со страдальческим выражением глаз, сидит хищная крылатая рысь, впившаяся зубами в спину сохатого. На матерчатой вышивке интересны изображения стрелка с копьем и стрелою и огромной птицы со змеей в толстом хищном клюве.

Наряду с работами в головном кургане Суцзуктэ у нас производилась заключительная разведка в так называемом Баллотовском шурфе, в главном помещении кургана. Там погреб[альная] комната 2 саж. × 1 саж. В коридорах, кроме илистого песка, ничего; под капитальным полом также. На Баллотовском шурфе мы брали уроки — учились для последующих работ. Всякое побочное обстоятельство, изучаемое нами, могло пригодиться нам в ведении работ в новых курганах.

Хотелось выполнить программу: закончить Баллот[овский] курган и перейти на Суцзуктэ, к этому мы стремились. Суцзуктэ-курган, конечно, приковал все наше внимание.

Между прочим, пошел второй месяц, что мы оставили Ургу, а собирались на неделю-другую. Прошел первый дождь, объявилась белая Gentiana. Ночь облачная.

13/V, ♂. Облачно, свежо, t воздуха 0.5°С, в 7 часов начал падать снег. Все в серых облаках, таких серых, какие бывают у нас на севере России осенью. Мимо нашего крыльца-балкона не прошел, а быстро пробежал под гору рабочий китаец с 1½ пуда муки за спиной, принесенной им за 8—9 верст из Цзун-модо. Надо заметить, что из 9 верст расст[ояния], 8 — на вершину перевала и только 1 верста — вниз к лагерю! Правда, этот китаец самый сильный из всей китайской рабочей артели. Он попьет чаю, выкурит трубочку и отправится на нелегкую земляную работу вновь поднимать и относить бадью или вертеть ворот с тяжелым грузом. Должен признать, и это общее мнение, что китайцы-рабочие несравненно выгоднее русских во многих, если не сказать, во всех отношениях.

Прибыл А. А. Кузнецов, усердно служащий интересам Тибетской экспедиции. Он всегда, даже экстренно, вызывался мною, когда мы в дальнейших технических вопросах, что называется, становились в тупик. В этом я должен сознаться. Так теперь он также вызван срочно помочь нам советом: нас притесняет вода, сыплется земля и камни, все в липкой грязи, сверху падают капли воды, словно дождь, а главное — мы не можем попасть к видимой нами гробнице. Мы выработали план: пробить брешь в южной стене, проникнуть внутрь, сделать подпорки в наиболее опасных местах и начать выемку земли — песчаного ила или илистого песка со всем тем, что внутри этой липкой массы имеется. Так мыслили и потому еще, что тут же вверху, у потол[очной] перекладины, было окно, ранее, может быть, сделанное хищниками. Подходы же с востока или запада не внушали к себе доверия, так как западный коридор закрыт был распавшимися бревнами западной стены, а восточный тоже походил на западный, но этот вверху имел отверстие, достаточное лишь для ползущего человека. Именно в таком только положении, проникая вовнутрь гл[авного] помещения к гробнице, А. Д. Симуков стоял там в воде на ¼ арш[ина] и зажженной свечой озарял мне всю внутренность главн[ого] погреб[ального] помещения и самую гробницу в ней. Все, повторяю, было мокро и покрыто липкой грязью: сырость страшная, холод. Непременно следовало еще наряду с вышесказанным усиленно откачивать воду. Решив так, мы все с нетерпением ожидали Кузнецова, его взгляда, и когда приходилось от К[узнецова] выслушать именно то, к чему нас приводила наша небольшая опытность, то мы торжествовали, ободрялись и становились более сильными и более решительными.

14/V, ☿. Снег кругом, словно зимою. Утром я с Симуковым и Гусевым на кургане: спустились на дно шурфа и обсуждаем его положение. Водяные капли как холодный дождь; местами обваливается земля — мокрая, склизкая; порою летят камни, что уже и небезопасно. Ставим подпорки, заделываем бреши, откачиваем воду и вновь начинаем продолжать выемку, очищение. Пока что единственная южная стена, уже отчасти прорубленная, дает нам возможность расширять ее отверстие и через это отверстие проникать в помещение, непосредственно к гробнице. Так постепенно от южной стены ничего, в смысле перегородки, не осталось. Из водянистой илистой грязи китайцы и мои спутники продолжают кое-что извлекать, как напр[имер] камни, волосы и проч. Заглядываем: копать начали в погребальном помещении; под гробницей поперечные подставки, в свою очередь покоящиеся на ковре того же типа и того же рисунка, что ковер, лежавший в южном коридоре.

После обеденного времени я отправился домой, в лагерь. Погода стояла дивная, солнце и небо синее ласкали душу. На соседнем ключе-роднике кричал гуран. Я оставался в лагере до конца, до времени его оживления людьми. Меня сменила на раскопках моя помощница. До самого вечера в лагере я был сам-друг с мальчиком Васей, да и это живое существо норовит быть сам с собой. Таким образом, в помещении лагеря я один работаю, наблюдаю, созерцаю. Вокруг абсолютная тишина, в соседстве — в лесу и скалах, также. Безмолвие здесь и безмолвие далеко-далеко кругом. Только к закату солнца все возвращаются в лагерь; половина наша и половина китайская оживают. Впрочем, ненадолго, на ½—1 час, на ужин и проч., как настает здесь новая ночная, еще более жуткая тишина.

15/V, 2. Ночь и утро превосходные: тихие, ясные, дов[ольно] теплые, чисто ранневесенние. Чудится, скоро объявится лесной кулик — вальдшнеп! Тишина. Лишь ручеек однообразно рокочет, погружая мысль в какой-то смутный сон. Все ушли на работы; Андрей — раньше всех, на охоту. Будет правильнее выразиться, не на охоту, а на промысел. Нет мяса, и его нельзя купить, мясо приходится здесь добывать ружьем, путем охоты. До сих пор было в этом отношении совсем удовлетворительно: мои спутники словно приносили продовольствие из собственных хозяйств. Посмотрим, как будет идти дальше.

Первые шмели на солнце и на согретой поверхности земли, рядом с ручейком.

Я поймал отличную пчеловидную муху; воздух полон жужжанием насекомых. Впервые блеснула красивой окраской своих крыльев бабочка-крапивница. Голоса птичек звонки, мелодичны. Мои спутники принесли из юго-западного угла помещения: кости, костюм с остатками мускулов, четыре образца полуотделанного, прозрачного камня, обрывок ковра (повторение).

Работы на Цзурумтэ, на так называемом Баллотовском шурфе, мы должны были после тщательных повторных строгих проверок прекратить — ничего!

Обычно вечерком мы переживаем дневные впечатления по виденному и сделанному. Наши китайцы-рабочие все более и более проникаются интересом к раскопкам и часто по этому поводу говорят и между собою, и с моими спутниками. Они сожалеют о наших затратах, справедливо отмечают, что в курганах с воронками раньше нас побывали хищники. Мало того, что они похитили материальные ценности и нарушили порядок, так важный при описании погребения, они раскрыли гробницы, бросили в сторону их крышки, они грубо забросали могилы и этим впустили много сырости и проч., чем в целом подвергли гибели и скорому уничтожению погребальные предметы. Далее, китайцы говорят, что следовало поискать могилу с плоской кровлей, нетронутую, в окрестностях, говорят, таковая имеется под названием «императорская». Мы найдем человека, китайца, который может показать вам таковую. На самом деле оказалось, что это монгольская старинная могила с камнем на плоской поверхности. На этой могиле, при устье долины Суцзуктэ, у подножия гор, вечно возносят молитвы буддисты, и эта могила, со своим специальным названием, давно известна в Монголии и часто бывает посещаема молящимися номадами.

В течение всего дня шел довольно успешно лов насекомых. Днем, повторяю, на ярком и теплом солнце дышалось легко, прекрасно и настроение нравственно-духовное — превыше всех похвал. В стороне громко, отрывисто кричал гуран.

Среди дел и наблюдений мне все же удалось пострелять из винтовки — отлично!

Поздний вечер был поэтический; ночь такая же — весенняя очаровательница!

16/V, ♀. Едва показалось из-за гор солнце, последнее сразу пробудило всех и вся — тотчас начался лов насекомых. Наш мальчик Вася то и дело входил ко мне с закрытым сачком, чтобы освободить его от содержимых в нем жужжащих пленников. Я выхожу на террасу, стою и любуюсь пре-

лестью весеннего утра и долго-долго не могу заставить себя уйти в комнату и заняться обычным делом. Дали, далекие панорамы гор, их цепей, темных и синих, высоких и низких, каменных и лесистых, приковывают все ваше внимание, зачаровывают и не дают ступить шагу отсюда. Только деловой оклик кого-либо из спутников, вдруг сконфуженных, выводит вас из задумчивости и повергает к действительности. В такие созерцательные минуты становишься несравненно более чистым, глубоким, восприимчивым только к одному прекрасному.

При виде этих близких панорам, при большей вдумчивости воскресают картины могучей природы Нань-шаня, Куку-нора, Тибета. Так и полетел бы туда, к истокам (еще не изученным) Ян-цзы-цзяна стрелою, чтобы видеть там горные цепи, ни с какими более не сравненные ни по высоте и дикости гребней, ни по пространству простирания, ни по красоте их, в особенности в часы восхода и заката дневного светила. Душа и сердце переполнены блаженством и упоением. Да, ловишь себя наконец, вот где скрываются те чары, которые будят прекрасное прошлое, пережитое в далеких поэтических уголках Азии, чтобы всегда-всегда вспоминать с любовью и восторгом странническую жизнь и никогда не упускать случая попасть туда вновь при каких бы то ни было обстоятельствах.

После обеда я отправился на работы. В шурфе на месте погребения все открыто, грязно (липко) донельзя, камни падают, вода сочится, все держится только на подпорках. После осмотра и соответств[ующих] указаний я отправился (верхом на лошади Марчука, случайно подвернувшегося к нам) в Цзурумтэ на осмотр курганов, расположенных в соседстве Баллотовского, немного лишь к юго-востоку. Меня повел китаец, наш рабочий, по имени Чэн-фа. Он прямо привел на так называемый Монгольский курган, немногим уступающий по величине Баллотовскому. Тут имеются явные следы недавних работ (около 10 лет тому назад); был громадный настил, обгорелый, рухнувший в пропасть,* отвальная земля, кости, материи, керамика, даже небольшие кусочки фалани китайской и блестки золота. Я и Чэн-фа, мы оба, увлеклись сборами всего перечисленного на протяжении остатка дня.

Подле нас в небе ликовала пара сарычей, несколько раз пролетавшая по опушке леса; гуран неистово кричал, словно изрыгал свой гнев на кого-то, куковала кукушка.

На вечернем совещании и Гусев, и Симуков с тревогою докладывали, что в нашем разрабатываемом Суцзуктинском кургане, в его шурфе, много воды, она положительно сочится ручьем и страшно мешает заключительным работам. Необходимы меры.

Сегодня у нас в комнате чисто, вымыли пол впервые, приятно на него постлать войлок и другие походные постельные принадлежности. После 9-часового метеорол[огического] наблюдения ложимся спать. Завтра охота на азиатских глухарей. Не спится мне, так, легкое полузабытье.

17/V, ♄. Просыпаюсь в 2 часа ночи, кругом все спит, везде тишина, облачно, темно.

---

* Воронка, огромная, глубокая-глубокая, стояла с грязной водой.

В 3 часа я и Андрюша в дороге, следуем на ток. Мой спутник отыскал ток, знает его и определенно, уверенно ведет меня на него. В стороне от дороги перекликаются ушастые совы, далеко пронеслось эхо крика гурана.

Мы свернули с дороги и по тропе прошли с ¼ версты, в гору подымался хвойный и лиственный лес.* Мой Ан[дрей] остановился, прислушался и с радостным видом дает знать, что уже слышит токование. Продвинулись сотню шагов вперед и были вблизи самого глухариного «бала»: токовало три глухаря. Тонкий щелк, словно учащенный щелк пальцами (мой спутник подражает ему), раздавался непрерывно. Три глухаря разметались неподалеку друг от друга, шагов на 60—70, самое большее 100, и своими точками обозначали вершины углов одного треугольника. Сначала птицы сидели частью на земле, частью в середине длинных тонкоствольных берез; позднее, после выстрелов, несколько обеспокоенные, они уже усаживались на вершины сосен.

Во время токования глухарь словно не слышит выстрела, в особенности если охотник пуделит, и только вид самого охотника пугает птицу, заставляя ее переместиться (недалеко), чтобы затем начать вновь токовать. Токование** вообще иногда длится до первых лучей солнца, в особенности если глухарей не один, а несколько и им никто не мешает, сами же они друг друга настраивают энергично петь — «подзадоривают». Раз избранного места глухари крепко держатся — привыкают к месту своих игр. Тонкое внимание и строгость, присущие охотникам за нашими глухарями, в здешних местах излишни. Напрасно я в начале охоты за первой птицей соблюдал все правила, впрочем, я тотчас же понял, что это излишне, и вместо подскакивания просто ускоренно шел, останавливался, прислушивался, выглядывал из-за деревьев. Таким образом, к первому глухарю я приблизился шагов на 20, ко второму на столько же. Первый сидел в середине березы, сажени 1½—2 над землей, второй — на вершине, самой вершине сосны, шагов на 15 от земли, не более. Скажу откровенно, первая убитая птица на току в Монголии, в районе наших археологических раскопок, доставила мне огромное удовольствие. Может быть, это не совсем правильно. Мне кажется, что повышенное нравственное состояние души дается не исключительно только убитым, добытым глухарем, которым приятно полюбоваться как результатом и финалом, но вся обстановка глухариной охоты на току от начала до конца, в тесной связи с оттенками состояния весенней природы, все в совокупности действует чарующим образом на впечатлительную, чуткую душу охотника, оставляя надолго восхищение.

Песнь монгольского, или, точнее, азиатского, глухаря не так сложна и состоит исключительно из щелканья, которое вначале обыкновенно следует медленнее, а затем, когда птица «экстазирует», сливается в одно сплошное неразрывное учащенное целое.

По своей общей окраске местный глухарь темнее, и, может быть, металлически-зеленое блестящее оперение полной груди этой птицы интенсивнее, нежели то у глухаря российского. Вес ♂ взрослого от 8 до десяти фунтов.

---

* Полоска неба на востоке едва светлела.

** Токование, или песнь глухаря, очень напоминает щелканье кастаньетами.

В 8 часов утра мы дома, пьем чай. Прибыл А. А. Кузнецов с двумя глухарями у седла. Наш приятель ночевал в лесу, в месте глухариного тока; вечером на току убил одного петуха, а затем на утренней заре сегодня второго! Кроме того, он доставил в нашу орнитологическую коллекцию ястреба-перепелятника. Кузнецов сделался в буквальном смысле нашим человеком: он отлично усвоил себе представление о работе Тибетской научной экспедиции и в области охоты старается использовать подвертывающиеся случаи добыть то или другое с целью внести лепту в общую сокровищницу экспедиции.

Осмотр раскопок совместно с А[лексеем] А[лександровичем] убедил нас доставить машину и начать откачивание воды в шурфе непрерывно, очищать погребальное помещение и извлекать остатки из него.

Мы уже подошли к самой гробнице, видим, чувствуем, осязаем ее, с досадой смотрим на снятую крышку, поставленную рядом с гробницей, у западной стены. Строим различные предположения насчет того, например, какие предметы могут встретиться внутри гробницы, может быть, там заключены еще один-два других гроба, металлические [предметы], может статься, еще что?!

Тем временем Гусев с двумя китайцами возвратились с Монгольского кургана и доставили найденную там дополнительно керамику, остатки китайской фалани, кости, кажется, верблюда и мал[енькие] тонкие пластинки золота.

Ночью прошла настоящая гроза с громом и молнией. На заре дождь!

18/V, ☉. Сегодня день праздничный, и я позволил китайцам истопить общую баню и хорошенько вымыться. В общежитии китайцев настоящая парикмахерская, оно неузнаваемо, некоторые из китайцев сидят на воздухе и работают, главным образом, по части ремонта одеяния. Заодно приводим в порядок и мы себя, и у нас китаец Чэн-фа за брадобрея и проч. За этот день отдыха и приведения себя в порядок китайцы были очень благодарны и совсем не считали за работу задание: утром и вечером этого дня выкачать из шурфа воду с той целью, чтобы на понедельник ее не накопилось бы такое количество, которое мешало бы производству дальнейших работ по части выемки.

Ждем, усиленно ждем назавтра Кондратьева с Котиком и подкрепления нашего пищевого хозяйства, очень хочется сладенького, и столь же ждешь всегда писем.

Я долго сидел на террасе, невольно шло в голову сравнение Сугу-нура с Суцзуктэ и нашей жизни в этих симпатичных, красивых пунктах.

После обеда я занялся препарированием глухаря. Собственный трофей — приятно!

Погода вполне удовлетворительная, снег заметно тает или испаряется, его мало даже в отдаленных высоких горах.

Рядом, в соседней комнате — двух, приготовлено помещение для разбора коллекций.

19/V, ☽. Сегодня я повторил охоту на глухариный ток, но уже не столь счастливо, тем не менее удовлетворение получил полное; уже токовала только оставшаяся пара, третий умолк навсегда. На противоположной стороне долины, у ключа, неистово изрыгал гнев гуран. Вообще говоря, в Мон-

голии, в частности в районе, где Тибетская экспедиция сосредоточила свои научные работы, глухарь довольно обыкновенен. Он держится все же не только вдали от человека, но и вдали от его кочевий и стад — в горных увалах, богато поросших лесом, кустарником; он любит бруснику, брусничные угодья, словом, до некоторой степени места тетеревиные, но только еще выше и еще диче, и предел, которым граничит глухарь в вертикальном отношении, это кедр, кедровые заросли и каменные россыпи, где глухарь попадает на острый зубок и в цепкие лапки благороднейшего из малых хищников — соболя.

На обратном пути с глухариного тока я прошел новой дорогой, более прямой, и очутился как раз у места работ группы Суцзуктэ. Сегодня с риском и напряжением физических сил извлекают по частям гробницу. Нет никакой возможности вытаскивать доски колоссальных размеров и бол[ьшой] тяжести целиком, с болью в сердце пришлось их наискось пилить и по частям извлекать на дневную поверхность. На доске крышки видны орнаменты бывших золотых и шелковых украшений. Очень любопытно, что покровом доски в виде украшения служил шелк с художественной тонкой вышивкой. Любопытен и довольно загадочен узор из разноцветных (до золотого включительно) тонких штрихов, какое-то индийское и китайское сочетание: орнамент индийский, животные в виде драконов — чисто китайские. Опять попадаются частями волосы, керамика, кусочки материй (шелк) и проч. Невольно чувствуется во всем работа проклятых хищников.

Однако вода сделала и продолжает еще делать свое разрушение: становится более и более трудно работать. Вся основа погребальной постройки на ладан дышит, вот-вот, кажется, все рухнет, загремит — и капут, все полетит насмарку. Строго говоря, все держится только на наших подпорах.

Как приятно после шурфа очутиться среди света, тепла и живых, ликующих голосов.

В нашем близком соседстве пара коршунов, носится с писком, точь-в-точь как в Хара-хото некогда, плиски, те и другие, и неделимая парочка краснохвосток R[uticilla] aurorea, заботящаяся по розыску места для колыбели — гнезда.

Наконец, возвратился Кондратьев с Котиком. Мальчик по-праздничному и по-летнему радостно нарядился в горы, на привольное, заманчивое летнее пребывание в Суцзуктэ.

Приезжие с письмами, газетами, продуктами внесли новую, городскую атмосферу, сначала даже мало или совсем неприятную, в особенности по отношению всех тех рассказов, которые тесно сплетены с поездкой и возвращением в Ургу нашей Е[лены] П[етровны]. Главное, там, в Центре, будто бы составилось представление о нашем всем несвоевременном. Наша Тибетская экспедиция не несет на своем лице ни быта, ни окраски, ни уклада современного. Мы — остаток, осколок старины и проч.[107] Да сама географическая наука в самом широком смысле, спрошу я, несет ли она какие-либо новшества или она остается на прежних очень высоких началах требования и проч. Ведь такая научная большая Тибетская экспедиция есть экспедиция мировая, на нее все смотрят, многие с доверием и надеждою, какой тон и уклад прикажете держать, чтобы Тибетская экспедиция РГО могла бы выдержать испытание лиц, стоящих во главе первоклассных гео-

графических обществ Запада и Америки. Долго я был в тесном единении собственных мыслей и только в самых глубоких местах и грезах призывал на общение и помощь бессмертный дух моего учителя.

Письма моих друзей, знакомых содержали интерес общего характера; некоторые из писем несли ласку, утешение, бодрость, все почти сходились на одной и той же мысли о моей счастливой звезде. Мне становилось легче, чему в значительной степени, между прочим, содействовал мой незаменимый друг-спутник, мой добрый, умный Пшевик. Мне было от души жаль его, и вместе с тем я им гордился — он сильно страдал из-за меня. Он лучше всех и глубже всех понимал меня и ценил мою подготовку, любовь и беззаветную любовь и преданность как к самому путешествию, так еще больше к географической науке и географическим достижениям. Никому и никогда я не поверял столько географических мыслей, сокровенных тайн географических и естественно-исторических, ни с кем не восхищался с такою силою красотами азиатской природы, в частности Кама или Восточного Тибета, как, после Н. М. Пржевальского, только со своим единственным Пшевиком. Пшевик дорог и незаменим мне еще и тем, что он единственный, хорошо изучивший моего учителя и его бессмертную идею «исследования Центральной Азии».

Кое-что о делах, наиболее существенное, я иногда получаю от моего сына Владимира, который дов[ольно] нередко бывает в Географическом обществе, видится с его представителями, общается с ними и проч. Возможно, что он периодически бывает также и в Зоологическом музее Академии наук, куда мы также пишем, но главным образом мы отправляем наши зоологические коллекции, и члены музея могут ему сообщать о наших научных достижениях.

Володя пишет мне, что Ионов передал ему относительно продажи моей книги «Хара-хото», что этой книги распродано половина. Многие, очень многие приходят, спрашивают, любуются, но высокая цена (при тяжелой работе заработок незначительный) не дает возможности позволить читателю дать много денег за книгу. Во всяком случае, надо надеяться, что книга, по словам зав[едующего] Госиздат[ом] в Петрограде, будет распродана к моему возвращению из Тибетской экспедиции. Вспоминаю по этому поводу наш разговор с Ионовым. «Вы вернетесь, — говорит он, — и мы с вами напечатаем популярную книгу; это дорогое издание сократим и в тексте — живой, эпизодический рассказ, и в рисунках — оставим одни клишевые рисунки. Завод сделаем несколько тысяч — 5—10, и будет хорошо!». С этим нельзя не согласиться и этого нельзя не приветствовать! Ведь о другом издании, именно таком, параллельном первому, нарядному, большому изданию говорилось, я даже верил в возможность напечатать 3 тысячи, но Ионов заупрямился, пожалел денег, бумаги, а потом сам очень сожалел, что не рискнул!

Будем надеяться на все предстоящее хорошее, счастливое. Все же я верю, что «Хара-хото» скоро разойдется у нас и появится мое детище за границей, тоже в хорошем, приличном наряде. Поживем, может быть, и дождемся счастливых научных результатов.

Я иду одной моей научной дорогой, беззаветно люблю путешествия и географическую — естественно-историческую науку; так же беззаветно, с упоением, люблю природу — чистую, девственную, дикую природу Цен-

тральной Азии и Тибета. Каждый поверит мне, что для меня научная Тибетская экспедиция все — самый высший дар и достояние. Наука, ее достижения и престиж России на должной высоте. По маленькой горсточке русских путешественников, по ее проявлению характерных особенностей во время путешествия туземцы оценивают самый народ, к которому путешественники принадлежат. Этого никогда не надо забывать: это обстоятельство очень важное.

В первый приезд в Ургу надо обстоятельно поговорить об экспедиции с А. Н. Васильевым, являющимся ее политическим комиссаром — представителем.

20/V, ♂. С раннего утра все мои спутники на экскурсии. Интересный день. С приходом кого-либо в лагерь надо отправиться и мне на курган. С этим интересным «господином» плохо: он начал упрямиться, в нем обвалился потолок, с большим трудом удалось извлечь последние находки и часть гробницы, а именно: две доски крышки гробницы, одну доску, верхнюю, из восточной стороны гробницы, и все. Кроме того, часть ковра из-под гробницы, аналогичного ковру, извлеченному из южного коридора погреб[ального] помещения. Гробница из капитальных досок вековой лиственницы.

Я и Кондратьев совершили обход и обстоятельный осмотр курганов. Курганы все зарегистрированы, измерены и значатся под номерами. В конце концов, я решил начать работу новую в таком порядке: продолжить раскопку Нижнего кургана, взять новую задачу по разработке кургана одинокого, на восточном скате, в группе Цзурумтэ, курган Андреевский. Между делом надо попытать счастья в раскопках самых маленьких курганов. Из курганов, кроме Андреевского, по моему мнению, замечательны: первый — в лесу, через ручей, на ЮЗ, в группе Цзурумтэ — Кондратьевский. Его характер[истика]: большой, с глубокой воронкой, сильно наполненной водой, резко выраженный каменный борт. Второй курган доминирует в группе Суцзуктэ, в западном крыле. Вблизи этого кургана, немного выше к подн[ожию] гор, расположена площадка, с которой открывается очаровательный вид на все четыре стороны, в особенности же вид на юг, на всю полуденную сторону, где горы с острыми скалами, поднимающимися в красивом беспорядке на фоне хвойного и лиственного леса, чередуются с дикими каменными гребнями и россыпями. На крутых каменисто-лесистых склонах, где многие пики положительно тонут в пышной растительности, очень часто стелется сизая дымка и рядом с нею, выше, золотятся и искрятся прощальные лучи дневного светила. И это все очарованный исследователь наблюдает с места курганной площадки. И чудится ему, что в Европе, в Швейцарии например, на таком бы месте непрем[енно] вознесся бы замок. Действительно — этот уголок нельзя описать с настоящей живой точностью.

21/V, ☿. С ночи крепкий ветер, преимущественно с ССВ, наутро сплошной туман. Барометр повышается. Работы — раскопки — в Цзурумтэ начинаются, в Суцзуктэ — на Нижнем кургане продолжаются (он был заложен почти одновременно с Верхним, добычливым, но некоторое время стоял в бездействии). Энтомологические сборы идут своим чередом, специальным собирателем я назначил Даниленко (конечно, под наблюдением С. А. Кондратьева). Этот юноша (или мальчик, как я со своими старшими помощниками

называю студенческую молодежь, а у этого мальчика есть имя Котик, которым мы его также называем) между делом, в ненастные, как сегодня, дни помогает в археологическом отделении: подбирает керамику, которой порядочное количество обнаружено в Монгольском кургане. Надо заметить, что все мы работаем по мере возможности и работаем все, твердо помня, наказ Н. М. Пржевальского: «Мало желать, надо уметь!».

Сегодня впервые наблюдали другую по голосу (воркованию или боботанию) кукушку и первую добыли (Елизавета Владимировна) очень интересную чечетку. Весь день стоит холод, только 3°С выше нуля. А. А. Кузнецов уверяет меня, что он слышал и наблюдал пролетных, на тяге, вальдшнепов. Кузнецов же привез нам первое известие о смерти богдо-гэгэна Чжэбцзун-дамба-хутухты.

Вероятно, на монгольскую народную массу это событие произведет сильное горестное впечатление. Темный, необразованный, неразвитый народ бывает особенно силен в вере и обычаях предков. Монголы как во всех случаях своей жизни, так и в этом будут смотреть на лам, этих авторитетов: как ламы, в свою очередь, будут реагировать на смерть Чжэбцзун-дамба-хутухты. Что касается правящего класса, в частности министров монгольских, то эти последние под некоторым воздействием своих «цивилизованных» советников давно решили, что восьмое перерождение богдо-гэгэна, а именно современное, есть вместе с тем последнее. Исходя из этого, сам собою возникал приемлемым в Монголии принцип республики. К этому все и раньше, еще при жизни хутухты подготовлялось, теперь же вопрос республики в Монголии — вопрос времени. И в самой столице страны, где власть опирается на военную или реальную силу, нельзя ожидать ничего неприятного. Это мое личное глубокое убеждение.

Кругом туман, мокрый снег, бр-рр, холодно! Странно, почему здесь голубых сорок* нет, ведь есть же здесь тальниковые и другие береговые заросли, есть простор. А хорошая, живая, неглупая птица! Много голубых сорок я наблюдал в Вост[очном] Нань-шане, затем в Каме и в последний раз в Гуй-дуйе, по тальниковым зарослям широкой, привольной, многоводной Хуан-хэ, или Желтой реки, в Китае. Везде эта птица живет компанией, обществом себе подобных, везде держится одинаково.

Порою, разнообразя свой труд, я с глубоким интересом сортирую и окончательно укладываю наши археологические находки Верхнего кургана Суцзуктэ. Хочу наиболее существенную часть отвезти в Ургу, показать знатокам и любителям; надо немножечко подразнить тех господ, которые еще заранее обрекали наши начинания, наши предстоящие трудные задачи на провал. Верю, бестии отопрутся от своих слов!

Ночь холодная, –2.8°С. Охотники жалуются, что подходить к зверю или птице в лесу очень трудно, все под ногами хрустит, ломается — нет приятной мягкости, а гураны ревут! Полевые тетерева-косачи токуют вовсю, глухари также — заманчиво!

22/V, 2. Утро очень свежее, даже холодное. Я на глухарином току. Токует очень осторожно один глухарь, другой — мой «крестник», с перешиб-

---

* Нет, почему они отсутствуют?

ленным крылом, пропал для меня даром. Я не стрелял, вполне удовлетворен и без стрельбы одним лишь наблюдением весеннего утра в лесистых горах Монголии и наслаждением внутреннего своего «я».

Шел домой мимо курганов, возле одного из них прилег, смотрел в глубину лазоревых, или лазурных, небес, завидовал царственным пернатым там и с любовью прислушивался к различным голосам мелких пташек, их становится все больше и больше. Рядом с этим ласкают глаз и новые свежие цветы растений. Жизнь весенняя полна дыхания, чудится, будто чувствуешь ее биение, трепет, аромат! Несказанно красива сама по себе весна везде, а в живописной горной местности просто очаровательна! Недаром все так любят это время года.

Андрюша возвратился с экскурсии и с раскопок поздно, принес огромного гурана с красивыми большими рогами, с черепом, приобщенным к общей зоологической коллекции. Кроме гурана (на мясо) А[ндрей] был обвешан рябчиками, вообще он возвратился с добычей, но извинялся и ругал себя за многие выстрелы впустую! Я люблю Андрея; этот юноша не знает усталости, вдумчив и пытлив. Поощрение старшего товарища для него всего ценнее, ласковое слово тоже.

Мой Пшевик ежедневно экскурсирует то к перевалу и дальше, то вниз на Суцзуктэ. И всякий раз, кроме наблюдений и заметок всяких приносит и самих птичек, которых потом охотно препарирует дома. Повторяю, я с большим удовольствием провожу время на Суцзуктэ. Кроме приятных сердцу моему археологии и естественных коллекций и всякого рода научных изысканий здесь приятные сами по себе люди во главе с заведующим группой Кондратьевым. Их не стесняешься, с ними охотно делишься всевозможными мыслями; они, что и я сам, мы понимаем друг друга, мы радуемся и горюем вместе, тогда легче дышится, легче живется.

Пшевик принес желтую плиску и дрозда, и это интересует всю группу, один от другого поучается, узнает название научное, повадки птички и добывалась ли она раньше. У нас как-то мило выходило, когда всякий по возвращении в лагерь делился впечатлениями с окружающими.

Ночь превосходная — тихая, ясная. Чувствуется ароматная струя, дыхание леса, рядом несутся голоса животной жизни. Невыразима внутренняя радость, юношеский трепет всего внутреннего существа человека. Как далек в эти минуты от повседневной, будничной жизни, от мелочных забот! Громкое ликование чувствуешь во всем себе!

Забыл было отметить, что у меня был китаец-книжник В. В. Смирнов, в значительной мере обрусевший, променявший свою родину на Монголию, а обычаи и уклад жизни — на русские таковые.* Зная в значительной мере свой родной литературный язык и историю Китая и интересуясь ею постоянно, в то же время Смирнов изучил русский язык и грамотность и всегда тянется к вам с той или иной мыслью для разъяснения и обобщения. Смирнов был бы для меня интересен всегда, но теперь, когда экспедиция археологией задела старину Китая, В. В. тем более желателен для разговора именно на темы прошлого Китая. Естественно, поэтому, когда вдруг

---

* Конечно, В. В. Смирнов женат на русской, живет в русском доме, по-русски, одевается также по-русски и досуг свой разделяет с русскими же.

неожиданно явился ко мне Смирнов на раскопки и стал вежливо просить разрешения ознакомиться с техникой работ, местом погребения и находками, я пошел ему навстречу. При ознакомлении на месте со всем у В. В. явилось ко мне немало вопросов, и наоборот, и мы целый день провели в беседе, тесно связанной с нашими находками и древним погребением китайских принцев. На многих материях и предметах С[мирнов] читал [надписи], переводил мне на русс[кий] язык; от многого отказывался незнанием, ссылаясь на древнекитайское письмо. Во всяком случае, в беседах с В. В. я получил очень много поучительного и разъяснительного. Конечно, Смирнов некомпетентное лицо, я это отлично знаю, но он сведущ, и на месте, здесь, он полезен беседой, так как невольно может навести на тот или иной полезный вопрос и запрос. В. В. почтительно приветствовал меня с успехом в области освещения темных мест истории прошлого Китая и Монголии, заметив на прощанье: «Теперь я скажу о виденном мною у вас всем тем на Боротах,* которые басни распространяют и смущают народ о якобы баснословных ценностях, находимых в земле экспедицией Козлова, об удивительных людях, живущих в подземелье, в домах двухэтажных с барской обстановкой на глубине пяти-семи саженей, на дне курганов!».

23/V, ♀. Ясное, тихое утро; превосходно чувствуешь себя в лесных горах. Не только мы, я и мой чуткий Пшевик, понимаем и ценим это, мои спутники — большие и малые мальчики — нередко всем своим существом проникаются сознанием личного счастья и довольства. И какая превосходная школа — такая жизнь, в особенности для талантливых, любящих природу молодых, сильных, неизбалованных и неиспорченных натур. Из них могут выйти даровитые люди и в качестве помощников, и даже в качестве самостоятельных или, как принято нынче выражаться, в качестве ответственных работников на тернистом научном поприще.

Сегодня пятница, в Урге почтовый день, получают и отправляют почту.

К нам прибыл наш хороший знакомый, единомышленник, наш, можно сказать, соучастник по археологическим работам — А. А. Кузнецов. К тому же он охотник и всегда старается узнать, что в этом отношении нового у нас, какие интересные птицы добыты для коллекции, не может ли и он быть полезным, на что надо обратить внимание и т. д. Со своей стороны и Кузнецов докладывает об охотах и нередко действительно привозит птиц в дар для пополнения орнитологических сборов.

Интересно, между прочим, рассказывал Кондратьев о том, как он подстрелил козу, как та коза постепенно, тихо двигалась с простреленным и развороченным животом, как она, идя у заграждений, у валежин, задевала выпадавшими постепенно внутренностями, сначала большими частями, а затем малюсенькими, наконец освободилась от них совершенно, до детеныша своего, немного недоношенного включительно, пала сама мертвой. Идя по ее окровавленному следу, можно было видеть на пне, например, одну часть внутренности, на валежине — другую, на вершине кочки —

---

* Раскопки Тибетской экспедиции сосредоточены к востоку, в 30 верстах от большой Кяхтинско-Ургинской дороги, на которой стоит симпатичная станция Борота, служащая отдыхом и ночлегом проезжающим в ту или другую сторону.

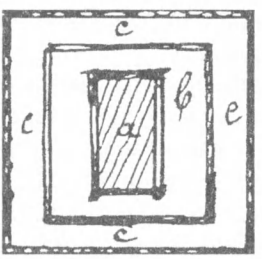
третью, последовательно меньшие и меньшие, вплоть до самой козы. На протяжении значит[ельного] времени тяжело раненная косуля угасала. Наши знакомые охотники, слыша это все, заметили, что это обычная история с козами и каждый из них лично знаком с такими примерами.

Печать на дне сосуда.

Белки, убиваемые в эту пору, все еще имеют отличную зимнюю шерсть, чудную по красоте и мягкости. Этот зверек нынче здесь редок, появляется в большем или меньшем количестве осенью, ко времени поспевания кедровых орехов, в зависимости от обилия последних получается и количество белок.

Сегодня среди керамики нашлись образцы части посудин, черных, обожженных, грубых по внешности, с печатями дна или печатями на дне, конечно снаружи. Эту надпись показывал я Смирнову, Смирнов не в силах был справиться с этой задачей, он только сказал, что «дело это разберут специалисты, которые скажут вам большое спасибо за предоставленную им возможность видеть таковые иероглифы и разбирать их».

a — гробница,
b — главное помещение,
c, *c*, *c*, *c*, — коридоры.

Схемат[ический] чертеж погребальной постройки Верхнего кургана группы Суцзуктэ (на востоке).

Все это, конечно, в высшей степени интересно и теперь, и еще больше тогда, когда скажут слово специалисты по доставлении находок в центр России.

Пшевик весь день на экскурсии, на Суцзуктэ, в уреме, за мелкими птичками, наблюдает их повадки, изучает пение и... стреляет их. Под вечер и я направился в лес послушать глухариный ток, токование самцов и посмотреть на участие самок, но ветер и дождь помешали. Я ничего так и не наблюдал, и ничего не слыхал. Вернулся в лагерь в буквальном смысле без ничего, без интересной строчки в дневник.

Серое, хмурое небо спустилось на землю и сократило и без того местные короткие сумерки. Когда я всходил на террасу долины по крутой лесенке, капли дождя сильно барабанили по крыше. Мой Кондратьев, при свете огня, возился с укладкой гербария. Я рассказал, как, возвращаясь с неудачного глухариного тока, неожиданно для себя в глухом лесу поднял стройную косулю, которая как ужаленная вскочила и, сделав два-три грациозных прыжка, остановилась. Я смотрю, и она смотрит, в ста шагах, на меня. Достаточно было с моей стороны маленького движения рукой, как

косуля, прыгнув раз, легкими последующими скачками быстро исчезла в чаще леса.

Андрей готовится на заре на глухариный ток. Вслед за дождем и рядом с ним пришла гроза: грохочет гром, сверкает молния. Мы шутим, ложась спать, а спим как убитые.

24/V, ♄. Андрей ушел на глухариный ток рано, но его, конечно, никто из нас не слышал. Возвратился же он ровно в 6 часов утра и в ответ на мое обращение к нему: «Ну что, как?!» — он стал так громко выражать свой гнев на сарычей, испортивших ток, что невольно все проснулись. Кондратьев даже не на шутку рассердился, что мальчик плохой, он не только не убил глухаря, но даже нас убивает своим неестественно громким голосом.* Шутя таким образом, мы все, один за другим, встали и принялись за чаепитие. После чего Кондр[атьев] с Гусевым отправились на съемку курганов. Остальные принялись каждый за свое дело. Я начал собираться, как обещал Кузнецову, к нему в Цзун-модо. Погода порядочная, барометр стоит высоко. В сопровождении мальчика Васи я отправился с ружьем и всякого рода морилками. В глубине леса несколько раз я отметил пеночек и славок. Однажды вблизи перевала, по скату гор, покрытому высокоствольными лиственницами и соснами, наблюдал группу, 3—4 особи горлинок, Str[eptopelia] orient[alis], перелетавших на недалеком расстоянии вдоль склона гор. Видя наше преследование, горлинки скрылись вниз, в глубь леса.

Небо отливает мягкой синевой, воздух струит аромат, местами вступаешь в струю благоухающего соснового леса, и всей грудью вдыхаешь его в себя. Идем успешно и всякий раз, проходя в верхнем поясе, любуемся далями на восток и запад. А с перевала Баин-гол уже видно Цзун-модо в зеленой дымке. В Цзун-модо березка распустила листочки и Rododendron пышно расцвел алым цветом. По-местному, багульник украсил собою все горные скаты и создал еще большее очарование. Как красива, сказочно красива и богатырски здорова весна в горах. Солнце, небо, шумная, серебристая, кристаллически-прозрачная речка и дивная, чистая, девственная, юная зелень цветистая, все с красивым рельефом сливается в стройную гармонию.

Я люблю Цзун-модо и всякий раз, приближаясь к этому симпатичному уголку, чувствую новый прилив радости, радостного настроения. Зеленая дымка и изумрудная луговая прибрежная зелень также сильно ласкают глаз наблюдателя.

В Цзун-модо даже домики приличные, культурные, не портят впечатления от сильной красивой природы. Сложная сеть серебристых ручейков искусно переплелась с кустарником, тонет в нем и в целом дает лучший приют мелким птичкам до бекаса-барашка включительно. Тут же чаще других попадаются на глаза белые и желтые плиски, куличок-перевозчик, камышевки, жулан, Ruticilla aurorea, а вечером, на тяге, и вальдшнепы.

Нечего и говорить, что в Цзун-модо я был встречен словно родной: милые Кузнецовы все сделали для этого. Прежде всего, у них великолепно в чистом домике, культурно обставленном, а еще лучше в свежем май-

---

* Следует читать так: он глухаря не убил, но зато нас убивает своим громовым возгласом.

ском садике, где мы сиживали за столом, за обедом и чаями, и мило-мило беседовали.

Вечером я и А. А. Кузнецов отстояли «тягу», но безрезультатно: не протянул ни один. К[узнецов] пришел в отчаяние, в особенности после моего замечания, что «у вас даже и бекасов-барашков нет». Сиб[ирский] бекас токует, как и наш, но голос его не бекасовый, а куликовый, что и дало мне повод в первый вечер отрицать присутствие в Цзун-модо бекасов-барашков.

Ночь прекрасная, весенняя, я превосходно спал.

25/V, ☉. Прелестное утро: солнце светит и греет по-летнему, с гор и долины несется утренний свежий аромат зелени. Дышишь полной грудью и улыбаешься природе, солнцу, небу лазурному всем своим человеческим существом. В воздухе жужжание насекомых и весенние ликующие песни птиц. На заре и позднее Алексей А[лександрович] охотился на бекасов, одного убил и принес мне как заверение, что здесь именно токуют по зорям и в ночи именно бекасы, а не какие-либо кулики или кулички.

Я с Васей (мальчиком) совершил далекую экскурсию, сначала по ущелью Цзун-модо, затем его оставили, круто поднялись к северу, с напряжением достигли дороги, искусственной, золотопромышленников, и с нее обозревали все видимое верхнее и нижнее пространство. Я в восторге от дикой красоты всего ущелья Цзун-модо, в особенности запирающих ущелье крутых, недоступных каменных гребней и грив. Крутизна верхнего пояса страшная. Красиво вообще по всем вершинам гребней, по выступам верхних террас, где ютятся домики з[олото]приискателей, но не менее красиво внизу Цзун-модо, у подножия крутобоких горных скатов, где прелестное расширение в долину облагораживают высокоствольные лиственные деревья, поэтизируют уголки, манящие под свою тень усталого обывателя.

После осмотра верхнего пояса мы начали спускаться в северную падь, падь Инженерского ключа. Все по дороге было пусто, уныло, ни одного ликования птички.

Думалось мне: такая живописная, такая богатая местность — горы и лес, и ничего!

Вокруг нас пролетали мухи, бабочки и жуки.* Кое-что в этой области мы собрали и постепенно, незаметно для себя, вернулись домой, в квартиру Кузнецовых.

Здесь, в садике, в свежей зелени, пред роскошной горной природой, как живой картиной (природы), мы, счастливые, отдыхали и вкусно кушали обед и чай с гостеприимными хозяевами. Под вечер запел местный камчатский соловей, а цветущий неподражаемо Rhododendron распустил аромат. Затем слышу голос пеночки. Я восторгаюсь, но мысль моя, независимо от воли, унеслась на Суцзуктэ.

Приближается закат солнца, в глубине ущелья легла тень, увеличивающаяся каждые 5—10 минут, воздух похолодел, ручей громче зажурчал. Бекас пронесся дугою в тени. Пора идти на тягу. Сегодня занимаем лучшие места. Вечер великолепный, как и у нас на далеком северо-западе. На запа-

---

* Между ними промелькнул сравнительно малый махаон Papilio.

де горизонта яркая, красочная заря, тень более и более отвоевывает место, выше и выше ползет по скату; наконец, блеснули последние лучи и там. Тетерева токуют, по соседству со мной на вершине ели поет дрозд, рядом овсянка, словно вторит первому певцу.

Внизу, в глубине уремы, звонче и выразительнее токуют бекасы. Прелестный на редкость денек погасает. Вверху еще вечер, внизу — темная ночь, селение спит!

Мы возвращаемся домой, в теплую, светлую комнату, беседуем. Кузнецов сам не свой: дивится, что были на лучших местах и ни один вальдшнеп не протянул, тогда как за неделю до моего прибытия сюда он стоял и слышал трех долгоносиков, протянувших по правилу с циканьем и корканьем. Я в восторге, в радостном настроении, в таком состоянии, как бывал только в горах Гань-су (Вос[точный] Нань-шань).

26/V, ☽. Прекрасное, ясное, теплое утро. Я с Васей возвращаюсь на Суцзуктэ. Тихо, медленно поднимаемся в гору, на фоне свежей листвы берез и красных, заливших собою весь склон Rhododendron'ов. Через наше ущелье протянул лениво-медлительно беркут и уселся на сухое одинокое дерево на крутизне. Спрятавшись в гущине молодых березок, мы с Васей любовались этой царственной птицей; она сидела совершенно спокойно, но в то же время чутко, внимательно следя за всем и прислушиваясь ко всему. Малейший треск, едва слышный, выводил птицу из задумчивости, она вытягивала шею, медленно повертывала голову и, следя взором, вся превращалась в слух, в напряженное внимание (ко всему окружающему). На обратном пути, через два часа, [когда] мой мальчик шел или, точнее, отводил верховую лошадь, доставившую меня на Суцзуктэ, величественная птица по-прежнему сидела на прежнем, том же дереве и так же держала себя. Вероятно, орел-беркут, перед тем как прилететь на отдых-покой, скушал целого тарбагана или зайца. Его отлет был более легким, живым, энергичным, нежели прилет. Находясь всегда около нас, живя среди леса и гор, мальчик чутко прислушивался ко всем нашим словам, наблюдениям и часто поражал меня меткостью своих замечаний, своей сноровкой в горах и сообразительностью, умением выйти из затруднений. Он сразу понимал, что нас интересует, что нужно нам, и действовал с такою вдумчивостью, что всегда получал похвалу и поощрение. Найти же ящерицу, никогда не упустить случая поймать насекомое или подметить интересную птичку для нашего орнитолога в привычке, всегдашней привычке у мальчика! Ко всему отмеченному он был крепкий, выносливый, нравственный и очень заботливый о семье, в частности об отце своем (кстати сказать, большом лентяе, суровом). Все это я привел с целью охарактеризовать сибиряка — 12-летн[его] мальчика, лучшего из детей, показаниям которого сразу доверяешь. Он цельный, чистый, наивный, но он очень застенчив и конфузлив, стыдясь своей безграмотности.

На дальнейшем пути в гору мы убили рябчика, сидели на перевале Баин-гол, любовались близкими и далекими горами, их гребнями и прихотливо переплетенными ущельями. Любовались страшною крутизною скатов, могучих лесных и каменных выступов, любовались прелестными мягкими лужайками далеких долин. Невольно моя мысль, мои грезы уносились в глубь Центральной Азии, в Вост[очный] Нань-шань, в богатый, очарова-

тельный Кам, на берега верхнего Меконга. Душа в одно и то же время и ликовала, и грустила.

Едва мы достигли самого верхнего, так сказать, перевального пояса или даже грани гор у нашего перевала Суцзуктэ, как нашим глазам на всем полуденном пространстве, горном, представилась унылая картина: все лежащее впереди и даже сверху — горы и небосклон заволочены тонкой дымовой завесой, все мрачно и вместо душистого ароматного воздуха — горькая гарь, результат лесного пожара в окрестности. Говорят, что это сделали (с умыслом или по неосторожности?) китайцы в урочище Дадахэ; разбирай теперь, а казус налицо, эта неприятность, это омрачнение абсолютно чистого, прозрачного воздуха и прелестного синего неба будет продолжаться значительное время. А я только что предполагал сделать серию фотогр[афических] снимков.

Спустившись с перевала в соседство нашего археологического лагеря, я прежде был встречен моим Пшевиком, а затем и Андреем, убившим в мое отсутствие самку изюбря, или оленя, в коллекцию. А[ндрей] стоял сияющий и рассказал мне процесс самой охоты, кажется в урочище Бальджэ, его излюбленном месте охоты. Зверей было, больших и малых (вероятно, самка с детьми), три или четыре. Посмотрел я шкуру, уже отпрепарированную, и череп и поздравил моего отличного спутника с успехом. Отличного, вкусного мяса было до 4 пудов, не только нам было обеспечено мясное продовольствие на предстоящее время, но даже порядочную толику его получили и китайцы, помогавшие в перенесении симуковских трофеев на бивак экспедиции.

Мой Пшевик тем временем добыл несколько интересных птичек, и вообще в лагере успешная, интенсивная деятельность шла, не прерываясь. В высшей степени этому обстоятельству содействовала и покровительствовала великолепная погода. Тепло, словно летом, и такое же жужжание насекомых, которыми полны красивые, освещенные солнцем уголки, как например наш уголок с журчащим ручейком и изумрудными полянками, сопровождающими его течение. Мои спутники в самых легких костюмах с улыбками на лицах. «Хорошо!» — говорю я им. «Очень хорошо!» — слышу я в ответ от милой юношеской (студенческой) молодежи. Без пояснений, краткие, выразительные обращения нам очень понятны, мы научились понимать один другого с полуслова, и с некоторыми из старших мальчиков нередко бывает так, что мы встречаемся аналогичными фразами.

Под вечер я иду проведать глухариный ток, мне очень желательно самому послушать токование этой великолепной птицы, заменяющей у нас в России и в Сибири фазана, именно вечером. Спускаюсь медленно вниз, под сень высоких стройных сосен, прохожу у работающей китайской артели на Нижн[ем] Суцзукт[инском] кургане, слышу из уремы выстрел моего орнитолога, изучающего славок и камышевок. Медленно поднимаюсь в гору, по знакомым лесовозным и траво- или сеновозным дорожкам и достигаю района тока, в частности огромного валуна с лишаями, над которым в обнимочку стоят три, словно родные сестрицы-подростки, сосны. Солнце еще светит порядком, хотя оно вблизи отдаленных гребней, их выдающихся вершин. Усаживаюсь, рядом со мною прогудел шмель, пролетела муха, и без приглашения пристраиваются у меня и на мне самом докучливые кома-

ры; вот мелькнула маленькая птичка, перелетела близко, но не могу разобраться, какая именно, будто из мухоловок. Вдали ревет гуран, он ревет отчаянно во всякое время дня и тогда, когда его обеспокоят вдруг. Обыкновенно, прокричав, извергнув гнев, гуран удирает подобру-поздорову. Тем временем солнце село своим нижним краем на отдал[енный] гребень гор; березки искрятся переливчатым светом, тени увеличиваются, бежит ветерок, склоняет теневую группу березок и пропадает вдали. Посвежело, пахнуло прохладой, и вдруг знакомое громкое хлопанье крыльями, сопровождаемое тихим коханьем, — это глухарки прилетели на бал, весенний праздник. Вслед за «дамами» объявились глухари, с мягким шумом пролетевшие ниже, полукругом. Прислушиваюсь — и ничего, кроме двух глухарей, громко садившихся на деревья. И только двадцать минут спустя после их прилета, когда на землю спустились сумерки, тишина нарушилась: сначала щелкнул раз-другой и маленько трелью один, немного спустя защелкал сразу трелью второй, концерт начался, чем дальше, позднее, тем оживленнее и оживленнее. Порою глухариные песни, их учащенное щелканье сливались в одну песню, порою одна от другой песни отделялись, походило что-то на оригинальный дуэт. Я совершенно забылся, не хотелось уходить, а тем более стрелять, и я очень сожалел, что моя дорога домой должна лежать как раз через самый центр тока (на сей раз глухари разместились ниже) и я должен непременно обеспокоить птиц, нарушить их спокойное веселье. Однако вставать надо, уже темновато в лесу. Попробовал ступить шаг-другой — порядочный шорох и треск. Мыслится, непременно вспугну, непременно обеспокою птиц. Я пробовал было миновать их подскакиванием и, кажется, в этом отношении достигнул немного. Вдруг глухарь сорвался, захлопал крыльями и исчез. Другой, не знаю когда, переместился, защелкал выше, выше моей засадки, у камня с тремя соснами. Довольный тем, что один токует в совершенной для себя безопасности, я спокойно пошел вниз, к дому. Прислушавшись еще раз, я еще более спокойно продолжал свой путь — токовали оба глухаря и с прежней азартностью. Глухариной песне вверху вторили внизу совы.

Предстоящую ночь проводят в лесу, дальше Андреевского кургана, Кондратьев и Котик. Мы, словно лесные или, точнее, горно-лесные обитатели, кичимся своим завидным положением, своим тесным, интимным дружеским общением, тесным сближением с девственной природой. Андрей собирается на свой специальный глухариный ток.

Всегда так, когда происходят подготовительные археологические работы, когда рабочие, как кроты, углубляются на дно кургана, тогда представляется возможность нескольким участникам Суцзуктинской группы заняться почти исключительно в области изучения живой природы или в области рекогносцировок для нахождения новых намогильных курганов. Таким образом, сеть курганов сильно расширилась благодаря экскурсиям не столько с целью розыска намогильных холмов, сколько специальных, ради охоты, добычи мяса.

27/V, ♂. Превосходное утро: в 7 часов утра t возд[уха] 17.0°С. Пшевик добыл пеночку, белобрового дрозда и мухоловку и теперь сидит за их препарированием. Я также препарирую, хотя, признаться, предпочитаю вторую половину работы первой, т.е. охотно набиваю и успешно это делаю. Ведь как-никак на своем веку препарировал немало птичек, их надо считать ты-

сячами экземпляров, и теперь иногда я с охотою занимаюсь этим делом, в особенности с интересными птицами и птичками, последних я предпочитаю первым, мелких — крупным.

Погода восхитительная. Мои мальчики среди дела и природы. Мои «робинзоны» ночевали в лесу и питались убитыми рябчиками. Говорят, под утро, когда костер угас, изрядно мерзли.

Гусев у перевала Суцзуктэ собрал чудные орхидеи, на целый лист (гербарный) — удивительно красно-розовые цветы, таких роскошных растений у нас более не будет.

Дома, у себя в лагере, сплошной сбор насекомых. Мальчик Вася то и дело вбегает в комнату с сачком, прося освободить его. Едва выйдешь из комнаты на террасу, как уже, кроме их жужжания, другого ничего не слышишь. Вот идеальные условия для научной жизни. Природа роскошная, простор и приволье: никто не мешает работать и совершенно нет никаких соблазнов ни для кого из нас. Природа и дело, дело и природа, и только; к тому же установилась погода на редкость превосходная. Нельзя забывать и монголов правящего класса, нельзя не быть благодарными и нашим передовым людям в Монголии: Васильеву, Жамцарано, Ринчино и другим, все они идут нам навстречу.

А какие вечера и утра — обаятельные, очаровательные, мешает лишь дымовая завеса как результат лесного гибельного пожара. А между тем негодяи для сухостоя, который можно безбоязненно вывозить из леса, поджигают прелестные участки с роскошным живым лесом. Неизвестно, когда монголы наладят свое лесное хозяйство хоть немного, да и не только лесное, все отрасли сельского хозяйства! Ведь только единств[енные] ресурсы: лес и естественные богатства недр земных, и все. Это народное благо, и богатство необходимо беречь, как берегут все зеницу ока, чтобы потомство не проклинало, а лишь благословляло.

Сегодня, между прочим, к нам заглянули из Цзун-модо местные обитатели — супруги. Муж на первых порах раскопок принимал участие в работах русской рабочей артели, его жена, странная женщина, слывет в народе «заклинательницей змей», она больше своего мужа интересовалась всем решительно, что видела и наблюдала у нас. Через несколько часов, благодарные, они отправились восвояси.

Однако время моего пребывания здесь подходит к концу: завтра с вечера или послезавтра с утра-полдня надо ожидать Георгия с лошадьми или даже самого Лавре. Последний много расспрашивал меня про раскопки курганов, про находки. Пожалуй, сам приедет!

28/V, ☿. Погода прежняя — превосходная; омрачает очарование дня дымка лесного пожара. У моих спутников бодрый ликующий вид. Это состояние их в полной мере присуще и мне. Пшевик и я вчера слышали голос ястребиной кукушки, а Андрей даже ее видел самую, заметив про себя: «Да это, наверное, кукушка». Да, она неотличима от обыкновенной кукушки, ее отличает один голос да несколько иначе скрашенных подхвостных перьев; некоторые находят отличие еще в глазном белом кольце, точнее окаймл[ении] глаз.

Я начинаю понемногу собираться в отъезд, в Сугу-нур, который мы покинули 9/V, ровно три недели прогостили мы с Пшевиком в Суцзуктэ. Провели все это время с восхищением.

Сами собою роились мысли в голове об археологических работах, находках. Пользуясь временем свободным, я начал строчить письмо П. С. Михно; из этого письма вышел маленький отчет, донесение, тогда я еще повторил его, может быть с ничтожным изменением начала и конца, Ю. М. Шокальскому, оставив целиком основную часть письма, касающуюся раскопок. Пока писал еще два-три маленьких письма родным и знакомым, надумал повторить донесение это об археологических достижениях и в Главнауку.

Мой Пшевик* также начал серьезно готовиться в дорогу, в Сугу-нур, к своим птичкам и начатым там специальным орнитологическим наблюдениям.

На курганах все обстоит благополучно: Андреевский углублен на 2 саж[ени], Нижний Суцзуктинский — на 3. Последний мокр настолько, что смена рабочих по ночам откачивает воду; вообще этот курган, младший брат основного, не внушает к себе доверия.

Завтра непременно объявится у нас наш возница, кажется, и оконч[ательный] срок подходит. К тому же с нашей стороны все уложено, налажено. Оставить можно Суцзуктэ с легким сердцем.

29/V, 2. Погода прежняя, отличная, хотя барометр падает. Подвернулся случайно Чухломин. Ему навязали поручение: сдать Е[лене] П[етровне], только что проехавшей в Ургу, почту, а от нее доставить тоже почту, но главным образом, конечно, несколько энтомологических ящичков. Прибыл А. А. Кузнецов, и мы с ним в компании произвели обзор работ на курганах; равно я познакомил его и с моей основной дальнейшей программой работ по раскопкам, подчеркнув, какие именно курганы в дальнейшем, по моему мнению, надо начать разрабатывать. Все это нами было проделано до обеда, а в самый обед, к его концу, прибыла тройка во главе с хозяином, Л. Я. Воробьевым. Нам доставлена была почта из России и конфекты чудные — свежие, шоколадные, из Китая. Это баловство-внимание было оказано нам двоим (мне и Пшевику) милым нашим А. А. Дуду, только что возвратившимся из далекой, долгой поездки в Китай, Тяньцзин. Письма всегда приближают к местам и друзьям, отстоящим далеко-далеко в городах или других центрах. Вороб[ьев] привез несколько писем личного и официального характера. Наскоро ознакомились с вестями. Угостили спутников конфектами как следует. Я нежно распрощался с прелестным уголком, заглянул издали, с бивака и по дороге, на любимые места, и мы укатили в наш тоже очень симпатичный Сугу-нур.

Чем ниже, чем степнее, тем дорога более и более улучшалась: мы катили отлично. Внизу Цзурумтэ, не доезжая китайца, я с тяжени убил сарыча Archibuteo. На всей этой долине теснились войлочными юртами в стойбищах монголы с многочисленными стадами баранов, рогатого скота и проч. А вот и Хунцал, и большая трактовая дорога, по которой еще успешнее катили к хорошо знакомой долине Мандал. Вся она открылась северной половиной, открылся и Сугу-нур, и его высокие, далекие, дикие гольцы. Так как Цзурумтэ и Хунцал (в особенности) стояли едва-едва с водою (в омутах), то мы рискнули прокатить на пересечение долины Мандал, прямо

---

* Пшевик наблюдал здесь, в Суцзуктэ, вальдшнепа, летевшего р[анним] утр[ом]/ночью над баней с циканьем и корканьем. Я и Андрей, в один и тот же день, см. выше, поднимали лесного долгоносика, он срывался из-под ног.

к аршану, и что же? Вышло вполне благополучно, удачно нашли подходящий, удобный брод и быстро были у аршана, от которого катили, словно по большой дороге.

Миновав переправу, я удачным выстрелом, на 70 шаг[ов], сшиб в воздухе красиво парившего T[innunculus] tinnunculus'a.

К сумеркам мы благополучно достигли своей цели — мы были в Сугунуре, который, между прочим, привыкли называть домом. На столе и окошке стояли цветы, везде было чисто, аккуратно, предупредительно. Нас ждали и нас ценили! Все это было сделано, само собою, по подсказу внутреннего «я» наших хозяев.

Ночью было жарко в нашей хатке, не спалось долго-долго, только к утру я забылся усталым сном.

30/V, ♀. Великолепная погода: ясно и очень тепло с утра. В согретом воздухе реют и щебечут ласточки, прилетевшие сюда с неделю тому назад. Дети опять стали являться ко мне, то и дело таща всякого рода «бухарочек и метлячков с медуницами», т.е. с жуками, бабочками, шмелями.

Прибыл к нам Воробьев, доставил бидон, патроны, усладеньки и письма. Мы с ним условились о времени, в которое я должен отправиться в Ургу, а именно 5 июня, в четверг.

Вечером подвернулся случай выписать энт[омологические] ящички, коробки для гнезд, морилки и, конечно, почту!

По вечерам проносятся летучие мыши, но их почти невозможно стрелять из-за темени.

31/V, ♄. С раннего утра по небу мчатся грозовые, бурные тучи, в конце концов разразившиеся ничем: как неожиданно появились, так быстро, внезапно и исчезли. Вокруг нас приятная сплошная зелень. Вода в Сугу-нуре высокая,* любители-рыболовы усердно охотятся за линьком и хайриусом. Дети продолжают с любовью таскать насекомых; вновь перевернули все камни и коряги и вновь исследуют ручейки и болота — один перед другими желают отличиться. Я в сопровождении Тугаринова съездил по знак[омому] ущелью (в котором был 1-й загон коз с А. Н. В[асильевым]) вверх посмотреть на гнездо сарычей. Путь знакомый, удобный, хотя немного крут в гору, тяжел. В ущелье и в прилежащей части долины Сугу-нура все залито цветущими растениями, черемуха разносит благоухание. Повыше аромат переменился из цветк[ового] в древесный, и небо — небо, на которое невольно смотришь, поднимаясь по крутизне, не поддается описанию, так живо-художеств[енно], привлекател[ьно].

В болот[истой] части дна ущелья на грязи по дороге отпечатан след большущего кабана. Повыше горный скат, и таковые всюду кругом. Вот места стоянок моих и моего соседа А[лексея] Н[иколаеви]ча. Все воскресло в памяти: и выстрелы внизу, и бежавшие грациозн[ыми] прыжками козы вверху, по крутым скатам. Мы поднялись еще выше — в область самого верхнего пояса гор, в северный склон, с массою огромных валунов, с лишаями и брусничником среди леса и камней; еще одна грива, приметная

---

* От усиленного за последние дни таяния снега в гольцах.

одинокая сосна — и мы у цели. Гнездо темной шапкой в середине дерева едва заметно: его выдали сарычи, тотчас взмывшие вверх и с писком улетевшие в противоположном направлении. Мы с Т[угариновым] уселись было в разных местах, но ничего не вышло, несмотря на то что птицы и прилетали, но не подлетали в меру выстрела — можно было только их видеть самих и чувствовать их тревогу! Гнездо располагалось у основ[ания] толстой ветви, на ЮВ, на лиственнице, на 3—4 сажени от земли. Размер самого гнезда, сделанного грубым способом из сухих ветвей, до 1½ арш[ина] в длину и ¾ арш[ина] в ширину; лоток с тонкими веточками и стеблями, на которых покоилось два яйца. С одной стороны, высокое положение местности давало возможность любоваться широким горным красивейшим кругозором, с другой — сидеть в глубине кустарников и высоких рододендронов с массою комаров, надоедливых кровопийц, — как-то не совмещалось одно с другим. Наше внимание, конечно, главным образом сосредоточивалось на Buteo, а пришлось вести войну с кровопийцами. На красных цветах усаживались шмели и гудели немилосердно: этих медоносов я насчитал три вида и столько же средних или мелких птиц, выдававших свое присутствие весенне-летним, живым и ликующим пением.

В заключение мы поднялись на гребень гор и прямиком — ущельем последнего загона — возвратились к себе домой, навстречу сильному ветру, принесшему мрачные тучи, посылавшие отдел[ьные] кр[упные] дожд[евые] капли.

Июнь, 1, ☉. Холодно, сыро, серо, бр-рр! Над горами тучи. Сугу-нур бушует, гремит. Любители азартно ловят рыбу. Какая красота в горах от цветущих дик[их] персика и черемухи! Ущелье-долина полна благоуханием. По климатическим весенним холодным невзгодам сегодняшний день напомнил мне весеннюю прохладу и проч. Куку-нора. К вечеру, еще даже и раньше, небо вновь ликовало, в особенности ко времени заката солнца. Впервые над Сугу-нурским ущельем повисла очаровательная дымка — огненно-фиолетовая, та дымка, которая наводит мысль на другие, далекие страны, далекие воспоминания и в целом производит чарующее впечатление. Вы, читатель, понимаете ли, что такое синяя, или фиолетовая, или огненно-золотистая дымка в горах? Она, эта дымка, заставляет вас трепетать духом, ликовать и быть более чистым и глубоким.

2/VI, ☽. Барометр стоит высоко: погода прекрасная, ясная, тихая, теплая. Все тонет в зеленых тонах. Я пишу, сортирую и тщательно укладываю археологические и зоологические коллекции. Я собираюсь в Ургу, я давно не был в городе! Давно не видел людей, не говорил, не общался с ними. Пишу мал[енький] доклад-отчет, исключительно об археологических достижениях; пишу и письма, частью офиц[иального], частью личного характера.

Вечер очень холодный, а днем жарко: жужжание насекомых, щебет ласточек — какой контраст. Прибавьте к этому ароматическое благоухание развернувшейся жизни природы, ее возрождение весеннее, полное. Прибавить еще, что уже птенцы Casarca ...* Гольцы, высокие вершины Манхадая, их сравнительная близость дает себя чувствовать!

---

* *Далее пропущено слово. (Прим. сост.)*

3/VI, ♂. Утро прелестное. Все еще и еще более зеленеет, растительность сильная, пышная. Кругом жизнь, что называется, бьет ключом. Вильские прислали в дар дикого поросенка-кабаненка, добытого еще в первой трети мая, в Баин-гольском ущелье вместе с кабанихой.

Мой Пшевик днем обычно на экскурсии. Я — дома, вожусь со всякими приготовлениями в дорогу, и вдруг, неожиданно, пришлось быть судьей — судить монгола-богатея и бурята-бедняка, лодыря. Первый чуть не бьет второго, неотступно требуя за дохлого бычка живого буруна; дикий монгол рассвирепел, ругательски ругается и собирается взять на аркан, как коня, и вести бурята в суд. Бедный взмолился ко мне — отстоять его от жестокой расправы. Пришлось воздействовать на ту и на другую стороны и, примирив, распустить подобру и здорову по домам. Бурят земно кланялся, благодарил, шепча: «Русский сильнее и важнее жестоких диких монголов!».

День прямо жаркий. Павел Борисов уехал проведать сарычей, поймал мне несколько шмелей. Тем и кончилась его экскурсия к сарычам, которые при приближении П[авла] к гнезду взмыли и все время носились с писком в голубой выси неба.

Первая змея, серая, в коллекцию и первая лягушка и жаба (во время пахоты) доставлены Павлом.

Вечер и ночь дивные. Погода становится лучше и привлекательнее.

4/VI, ☿. Очаровательное состояние воздуха продолжает быть. Прямо не хочется покидать время расцвета жизни природы в нашем Сугу-нуре. Детвора с жуками и мухами не забывает меня, наоборот, чувствуя мой отъезд, усиленно и учащенно навещает меня: что значат усладеньки!

Монголы привезли русским колонистам строгий наказ: «Ни в каком случае не отпускать лошадей в луга, а держать их заарканенными вблизи домов селения!». Иначе штраф и другие послед[ующие] наказания. «Ох, тяжело стало жить!» — в один голос завопили наши русские отшельники в Монголии.

За мною заехали Воробьевы: отец с дочерью, возвращавшиеся с Хары, и мы, втроем, около 6—7 часов уже прибыли в Мандал, под вороб[ьевский] гостеприимный кров! С собою взяли для Урги и птиц (два ящика), и столько же, если не больше, археологии.

Евг[ения] Яков[левна] не преминула пригласить меня к себе вечерком и угостить от души и сердца. Не могу забыть ее ласки, внимания и столь же вкусно-приятного сливочного крема — этой действительно вкусной усладеньки, которую так любил и к которой так приучил меня мой милый, мой незабвенный учитель и друг Н. М. Пржевальский, мой нежный Пшева.

И здесь, в Мандалах, дети сугунурцев или там жившие прибежали ко мне с жуками.

Перед спаньем я долго гулял в широкой долине, обставленной горами, любовался чудной природной обстановкой, упивался созерцанием неба, ярких светил и, только вполне насладившись лаской природы, особенный, с особым настроением пошел спать, забыться до зари!

5/VI, ♃. С зарею все поднялись, сготовились и, напившись чаю, в 4½ ч[аса] утра отправились в путь до Урги. Отличная, сухая, оживленная дорога спорилась: мы ехали втроем с хозяйкой-молочницей и скоро докатили до

подножия Халцзана. Успешно поднялись на его вершину, немного посидели здесь в тени деревьев и еще успешнее спустились и у ю[жного] подн[ожия] х[ребта] остановились чаевать.

Солнце пригревало порядком, а слабый периодический ветер не в силах был ослабить удушливого состояния. После чаепития по каменистой дороге р. Сельбы ехать было тряско, в особенности на примитивной телеге, и я скоро начал уставать, прося Лавре избирать более мягкие места дороги, не считая каждый камень, на который он так искусно наезжал. Наконец в 1 час дня мы были у дома-склада Тибетской экспедиции. Дома оказался Павлов с двумя юношами, Е[лена] Прекрасная витала в свящ[енном] массиве Богдо-ула, как бабочка, от цветка к цветку, собирая не нектар, а самые растения сверху до низа, с цветком и корнем к себе в папку, или решетку. Через час-два я почувствовал, что нахожусь в душной (не экспедиционной) атмосфере: мои спутники в городе — это небо и земля с таковыми среди чистой, девственной природы. Там я не волновался, глядя на них, живя и работая с ними, там я восхищался и восторгался. Вид, готовность и настроение городских меня поразили, и я тотчас свое настроение, как улитка, спрятал в скорлупу и спрятал на все время пребывания в городе *<...>. Да, подумал я, вот так современная экспедиция! Вот мои избранные спутники, готовые на все и «преданные мне и интересам экспедиции и душой, и телом» **<...>.

6/VI, ♀. То же, что и вчера, как по отношению к природе, ее климатическим состояниям, так и по отношению к людям, участникам Тибетской экспедиции. Воздух сух и до пресыщения наполнен тонкой пылью. Люди злы и смотрят исподлобья — выведены из спокойного равновесия бездельем. Зараза перешла от старших к младшим. Сильным виновником во всем этом является ботаник экспедиции (ни к черту не пригодный к ответственному руководительству: все ищет у всех популярности). Глаголев и Кондратьев оба — иные люди: с нравственными устоями, благородством, дисциплиной и любовью к интересам науки вообще и к научным задачам Тибетской экспедиции в частности. «Тяжела шапка Мономаха», и тяжела, как никогда.

Едва узнали о моем прибытии в Ургу с находками из Суцзуктэ Жамцарано и Барадийн — ученики С. Ф. Ольденбурга по востоковедению, как тотчас явились ко мне. Интересно было поговорить с этими людьми науки. За поздним временем я показал им только ковер с фигурами мифическ[их] и немифических животных. Впечатление громадное: новая тема, новое веяние, откуда, когда и что за люди? Условились смотреть все главное на понедельник, так как я хотел поехать на дачу к Бадмажаповым, в Сангин, вниз по Толе. Мне было весьма отрадно встретиться в Урге с Барадийным. Последний и Жамцарано — два ума много значат!

Странно, что ни мне, ни Пшевику нет писем, словно нас забыли. Чаще и аккуратнее всех прочих пишет мой Володя. Что-то у меня душа неспокойна. Лена ведет себя отвратительно. Пахомов нетерпим, ровный Канаич испорчен влиянием старших. Между собой у этой ургинской братии хамство наз[ывается] товариществом.

---

* *Далее опущено 4 предложения личного характера. (Прим. сост.)*

** *Далее опущено 2 предложения личного характера. (Прим. сост.)*

7/VI, ♄. С удовольствием оставляю Ургу, меня везет молодой человек по фам[илии] Крыжановский, сын colonel'я, весьма сдержанный, корректный. Погода из рук вон плохая, холодная. Цоктоша мой мерзнет и молчалив, словно воды проглотил и держит ее во рту.

Холод загнал всех нас в юрту, где милая хозяйка учинила генеральную стряпню «колдунов»; они уже готовы, и мы приступаем к еде. На воздухе не по-дачному (приволье, тепло и расположение гулять), все прячутся в теплое одеяние (но не у всех оно имеется). Мне и моему спутнику отведено так называемое красное помещение. Легли и уснули крепким спокойным сном. Забыл было отметить, что к ужину прибыл вдруг хороший Дуду, с которым не только приятно всегда видеться, но и приятно говорить, как с умным человеком. Мы с Пшевиком привыкли Андрея А[лександровича] давно считать своим другом, своим человеком. Мы с Дуду много и хорошо работали, с ним много пережили, много, глубоко думали. Теперь всегда-всегда нам бывает радостно с ним встретиться, иногда словно даже как со своим родным.

8/VI, ☉. Серое небо, прохладно, бурно, лишь изредка проглядывают окошечки лазоревого красивого-красивого неба. Пошел гулять по дачному уголку и насчитал порядочно птичек. Все они льют радостные, весенние голоса, возносят со всеми живыми существами хвалу, гимн соседнему священному массиву Богдо-ула. Птица-камышевка, Carpodacus, чечевица, корольковая пеночка, крикливый подкоренник, мухоловки, чеканы, кукушки, сарычи, соколы, орланы и гордые орлы. Моя ближняя соседка — горихвостка (Rut[icilla] aurorea), которой незатейливое пение почти ни на минуту не затихает. Люблю я весь род Ruticilla до Chimarrhornis leucocephala включительно за живость, проворство, доверие представителей к человеку. Между прочим, в саду дачи я убил бол[отную] камышевку и наблюд[ал] древесную голенастую (?), как тать прятавшуюся в чаще и срывавшуюся невидимкой.

Обед или, вернее, послеобеденное время, время нашего отбытия в Ургу, затянулось. Совершенно нежданно-негаданно мой друг посвятил меня в его супружескую интимную жизнь, посвятила меня в это же и хорошая И[да] П[авловна]. Достаточно было обменяться одной-двумя мыслями в этом отношении, и мы стали братьями по духу. Вернувшись в Ургу, домой, мы до полуночи проговорили по душам и пришли, в общем, к тому неотложному заключению-решению, которое я дружески подсказал супругам. Кажется, вовремя я остановил моего друга от опрометчивого шага. Если это так, то я буду всегда рад и счастлив.

9/VI, ☽. Встал, как всегда, рано. Сверх ожидания Елен дома. Мы подвели расчеты, оказывается, она издержала казенных денег больше, нежели я принципиально согласился выдать ботанику и препаратору экспедиции на их 3-месячную научную поездку в Хангай. Мне очень грустно, что началось лето, но ни Ел[ен], ни Павлов ничего еще не сделали, если не считать тех немногих растений, которые они в совокупности собрали в окрестностях Урги. Я свиделся с А[лексем] Н[иколаевичем]. Поговорили доверительно о делах, о перспективах, о достижениях научных, о том, чтобы Тибетская экспедиция подготовила и сдала материальный отчет политкому Тибетской экспедиции, т.е. ему же, А. Н. Васильеву. Очень точно охарактеризовал

А[лексей] Н[иколаевич] моего Павлова, кот[орый] сопр[овождал] В[асильева] в Пекин: «Надоел он мне, этот ботаник ваш, кроме своей специальности, другого он не желает, не хочет знать и с точки зрения дипломатической — ребенок». «Как жаль, — продолжает В[асильев], — что П[авлов] сгноил пять орлов, убитых при возвращении в Ургу; обиднее всего то, что ведь сам их препарировал, гордо замечая, что он отлично знает препарировку птиц», и т. д.

Тут же и теперь же мы решили сегодня поехать в Цзун-модо и далее в Суцзуктэ для ознакомления с археологией Тибетской экспедиции. А[лексей] Н[иколаевич] поведал мне его план, а именно: им желательно было, жел[ательно] было В[асильеву] и его компании (Геккеру, воен[ному] attashe в Китае, Елен и Павлову), навестить Тибетскую экспедицию и познакомиться с раскопками, зная твердо, что я там, на месте. Когда же узнали о моем приезде в Ургу, смутились и не знали, как быть, а В[асильеву] хотелось раск[опки] Тибетской экспедиции показать воен[ному] attashe и проч. Я решил быстро поправить это дело предложением включить в число едущих и меня. Это только и требовалось. «Кого же мы возьмем, Петр Кузьмич?» — обращается ко мне с деликатностью А[лексей] Н[иколаевич] Я отвечаю: «Хотя П[авлов] вам и надоел (слышу среди моего разговора: «Да, и я хотел, чтобы поехала с нами Е[лена] П[етровна]»), но для пользы дела П[авлов] необходим. Он посмотрит на сборы растений К[отика] и К°, подскажет деловито и проч., что же касается Е[лены] П[етровны], то она еще успеет познакомиться с Суцзуктэ. Тут не дело, а просто женское любопытство, и только». Ну, да, впрочем, Е[лена] П[етровна] горевать особенно не будет, может быть, она, случайно, в душе даже будет довольна. В[асильев] тонко намекает на вдруг вспыхнувшую обоюдную дружбу у Елен с его юристом-товарищем, следовавшим очень долгое время, из-за распутицы, совместно с Еленой Петровной от Москвы до Урги.

Около 4—5 часов дня мы выезжаем, погода бурная, то и дело солнце скрывается набегающими с севера, от хребта Тологойту, слоистыми или сл[оисто]-куч[евыми] облаками. Вдруг становится холодно, резкий ветер вас [продувает] до костей, несмотря на полушубок. Справедливо избегая каменистого пути по Сельбе, мы катим самой мягкой, самой западной дорогой на Хуху-обо, но зато и самой длинной. Скоро достигаем перевала, спускаемся с него и катим до большого караванного пути с целью скорейшего достижения сначала Борота, что на большой, Ургa—Кяхта, дороге, а потом, часам к 10 ночи, и Цзун-модо.

Среди прекрасного, успешного хода по гладкой дороге, однако уже в сгущенные сумерки, вваливаемся всеми колесами машины в грязь, и стоп машина; все меры, могущие быть вовремя поданными, не привели ни к чему! Тем временем ночь, темная ночь спустилась на монгольскую грешную землю, и мы решили затребовать быков и катить вперед. Павлова, как виновника, сбившего шофера неудачным советом «вправо!», командировали в ближайшие юрты, на лай собак. Долго-долго тянулось время, пришла полночь, и только тогда наконец объявился Павлов с Андрюшкой в сопровождении монголки и 4—5 больших быков. Вскоре пришло подкрепление и людьми, и животными. Впряглись все силы, загудела машина, раздались принудительные выкрики, повисло в воздухе щелкание бича... машина ни с места. Мы легли спать кто как мог: кто в машине, кто на берегу злосчастного ручья, в нансеновских мешках.[108] Павлов ушел в юрту, к монголам.

Я сначала погулял, полюбовался чудным звездным небом, а потом ушел в автомобиль. Полушубок меня спас, дал тепло, а стенка сиденья послужила подушкой, и, согнувшись калачиком, я проспал до утра. Шофер и Андрюшка мерзли.

10/VI, ♂. До десяти часов ясного, тихого утра провозились мы, прежде нежели смогли вылезть из грязи; завязли так основательно, что только 6 сил[ьных] лошадей смогли вместе с быками и дружным усилием бурят вырвать наконец машину из цепкой липкой грязи в болоте. Вдруг автомобиль двинулся, двинулся и ровным ходом поднялся на крепкий зеленый берег. Все оживились. Спасибо бурятам, среди которых находился и симпатичный мол[одой] человек, юноша Николай, отлично говоривший по-русски. Это был сын Ц. Г. Бадмажапова. Прочие буряты через Николая узнали меня и сразу стали почтительными, подходили с поклонами и выражениями почтения и уважения. Геккер снял фотографию: группу бурят с участием полпреда и путешественника.

Весело, быстро катили мы вперед и еще более радостные прибыли в знакомый дом Василихи. Тут помылись, поели, попили вдосталь чаю* и стали собираться в Цзун-модо. Было очень тепло; в Боротовской долине мы отметили следующих птиц: серую цаплю, турпанов, скопу, коричневого луня, много куликов и куличков, белых и желтых плисок и немного других. До Ц[зун]-модо узкой дорогой, обставленной пышными луговыми травами, местами сплошь состоявшими из золотого ковра купальниц, мы доехали скоро и вполне благополучно. Вскоре по выезде из Борота на влажном лугу, на ручье, кто-то узрел утицу, а затем и юных утят — малюсеньких, но бойких, стремящихся удрать что есть мочи. Однако большинству из них этого не удалось, и они попали в руки членов нашей компании. Уже строились планы, что с ними делать: кушать, растить и т. д. Я заступился за малюток и вымолил им свободу и избавление от грозившей беды.

В Цзун-модо, в семье Кузнецова, переполох: большой гость с компанией, а хозяин в отсутствии! Ничего, все обошлось тихо, спокойно, хорошо. За А[лексеем] А[лександровичем] снарядили нарочного в ночь, а к раннему утру, едва мы только поднялись с постели и шли умываться, гостеприимный Кузнецов уже расхаживал по двору и раздавал те или иные распоряжения по части нашего общего передвижения в Суцзуктэ, к месту лагеря «Тибетских археологов».

11/VI, ☿. Мой Павлов еще с вечера, вчера, верхом отправился с мешком за плечами в Суцзуктэ к товарищам, с которыми он давно не виделся, не знал он также и самих археолог[ических] работ, как они ведутся и что добыто. Но, конечно, его главною целью посещения С[уцзуктэ] и района была ботаника, ботанические сборы. В этом отношении он должен был обстоятельно разобраться, окинуть взглядом специалиста ботанические сборы.

---

* Тут же я впервые побеседовал с Анатолием Ильичом Геккером, мы долго гуляли по двору, беседовали. Результатом чего было — я ему подарил «Тибет» мой и он, в свою очередь, обещал серию гоб[ийских] снимков.

Как ни странно, но я лично был хорошо ориентирован о работах в С[уцзуктэ] мальчиком Васей. Он сообщил мне, что Нижн[ий] Суцзу[ктинский] курган брошен: вода вытеснила и проч. А[лексей] А[лександрович] дополнил картину работ, и я уже был достаточно ориентирован. С вечера вчера я был на тяге, но — ничего. В[асильев] и Г[еккер] сидят в лесу.

С приездом А[лексея] А[лександровича] все оживилось, все стало интересным. Большую часть времени мы проводили в садике, в особенности за едой и чаепитием. Кузнецовы были милы, внимательны и гостеприимны.

После обеда автомобиль повез нашу компанию на перевал, в С[уцзуктэ]. Мы ехали сравнительно медленно с целью иметь возможность любоваться прекрасными видами, в особенн[ости] при следовании вдоль самого и по самому гребню [гор] в С[уцзуктэ]. Здесь невольно всегда остановишься и весь уйдешь в наблюдение, главным образом восточ[ной], немного юго-восточной стороны горизонта с дикими величеств[енными] гольцами — камен[ными] верш[инами] и гребнем хр[ебта] Манхадай.

Машина превосходно поднялась и спустилась в наш лагерь. Все разбрелись по сторонам, за исключением А[лексея] Н[иколаевича], который большую часть провел в нашем домике, рассматр[ивая] наши сборы или слушая рассказы о прилежащей местности и охотах. Под вечер мы с ним в сопровожд[ении] К[ондратьева] объехали два района курган[ных] групп: Суцз[уктэ] и Цзурумтэ. А[лексей] Н[иколаевич] во все входил, а Андреевский курган видел во всем ходе работ, так как спускался на глубину шурфа — около 4 саженей. Показал я также В[асильеву] и вновь начатые курганы, и те, которые поставлены на очередную работу. Вечером сидели на террасе и любовались дал[екими] и близк[ими] видами. И все непременно возились с косулькой, пойманной в лесу нашим мальчиком Котиком. Козочка очень скоро освоилась, заходила всюду, понимала ласку и тянулась к ней; в результате всего она лежала рядом с А[лексеем] Н[иколаевичем], свернувшись калачиком, под самым боком. Одновр[еменно] с козочкой тут жили бурундук, еж и зайчонок — наст[оящий] зоологический питомник.

Вечером мои мальчики воспол[ьзовались] фонарями машины и наловили ночных бабочек (ловля прод[олжалась] всю ночь).

12/VI, 2. Мои спутники, окончив лов бабочек, шли спать, а А[лексей] Н[иколаевич] с Кузнецовым уходили в экск[урсию], на охоту. Я продолжал ознакомление, в частности, со всеми отд[елами] естествознания и велел приготовить Г[усеву] птичек для увоза в Мандал и дал[ьнейшего] отправл[ения] П[авловым] в Сугу-нур. В свою очередь, мне удалось доставить в Суцз[уктэ] порядочно предметов, настоятельно необходимых здесь как нашим мальчикам, так еще более китайцам-рабочим.

Из С[уцзуктэ] я взял ящик с колл[екцией] птиц, шкуру изюбря с черепом, затем змею и ящерицу. Тут же настрочил записочку как сопровождение птичек для моего Пшевика в Сугу-нур.

Едва возвратился А[лексей] Н[иколаевич] с охоты — неудачной, но довольный наслаждением красот местности, тишины и благоухания среди природы, — он заторопился с отъездом. Наскоро перехватив мяса и попив чая, мы покатили новой дорогой, нашей обычной, в Мандал. Я немного побаивался при мысли, как пройдет машина по лесу, по камням на про-

тяж[ении] примерно верст пяти-шести, ведь я один был только знающим эту сокращенную дорогу, но все благополучно миновало.

Ехали мы быстро, в особенности когда очутились в степи, в ее долинах Цзурумтэ и Хунцал, а за ними уже и обширная, привольная долина Мандал.

От Н[ижних] Мандал по болотцу наша машина хорошо прошла, ведомая опытным М. Н. Вильским.

В В[ерхнем] Мандале, у Лавре, имели отдых, подкрепл[ение] сил с чаепитием, а затем в обратный путь домой — тем же мягким, окружным на западе, путем. Везде, где только представлялась возможность, где попадалось что под руку из дичи, А[лексей] Н[иколаевич] стрелял сам или его спутники.

Погода вновь испортилась, но дороги все были оживлены и грузами, и легкими экипажами, и многочисленными монгольскими всадниками.

Около 4 часов дня мы уже были в Урге: этим всем наша поездка и окончилась!

13/VI, ♀. С утра дождь: облака ползут по северному склону Богдо-улы. Я покоюсь на мягкой походной кровати, предоставленной мне в юрту любезностью А. Н. Васильева и хлопотами Павлова. Н[иколай] В[асильевич] перебирает, просматривает хороший ботанический сбор в Б[огдо]-уле Е[лены] П[етровны] и серьезно думает и работает по части предстоящего разъезда в Хангай. Я готовлю для отправл[ения] через посредство полпреда коллекции в Зоологический музей РАН, а именно: бидон со спирт[ованными] объектами и три ящика птиц, за исключ[ением] сборов Канаева, еще не определенных и не этикетированных и пока хранящихся в коридоре дома Ц. Г. Бадмажапова (заваленного штукат[уркой] и проч[ими] ремонт[ными] предм[етами]).

Под вечер ко мне собралась большая компания: Жамцарано, Барадийн, англичане — mr Маршалл, Г. М. Бэрбидж, супруги Вильямс, датчанин д-р Кребс,* Н. П. Шастина и люди Востока, знакомые Жамцарано и Барадийна — буряты из Верхнеудинска и Читы, все с целью осмотра археологических находок в Суцзуктэ. Очень восторгались и дов[ольно] толково разбирались в виденном англичане — mrs Вильямс, как художница, и д-р Кребс. Нечего уже и говорить о моих старых приятелях. Жамцарано и Барадийн в восхищении сравнили Суцз[уктинские] курганы с Хара-хото. «Это своего рода Хара-х[ото], — сказали они, — но это еще плюс, как нечто новое, оригинальное». «А вы, Петр Кузьмич, благодарить должны печатно монгольское пр[авительство], ведь всем запрещено, только вам разрешено», — сказал Жамцарано. В заключение все мои посетители благодарили и приветствовали меня с исключительным успехом! Павлов прочел мою статью при всех вслух. Жамцарано был доволен, что монгольскому прав[ительству] выражена благод[арность], а еще большая В[асильеву], ему и Ринчино.

14—17/VI, ♄—♂. Наконец, вернулась прежняя отличная погода — ясная, теплая, живительная. Я мечтаю о поездке в Сангин. Хлопочу, чтобы

---

* Д-р Кребс при знакомстве моем с ним заявил хорошим русским языком, что он имеет мою хорошую книгу «Хара-хото».

скорее сдать все 4 места коллекций в полпредство, так как собирается в Центр курьер и он может что-либо (не все, конечно, зараз) увезти в Москву.

Милый А. А. Дуду взял меня с собою в автомобиль и быстро доставил прямой дорогой в С[ангин], на дачу Бадмажапова. Еще издали заметив, детишки, а потом и сама И[да] П[авловна] выбежала навстречу и ласково ввела к себе в юрту, накормила, напоила и отвела помещение для отдыха в красном домике. Вечером я гулял с И[дой] П[авловной], и мы много говорили о моих беседах с ее мужем и их результатах. В конце концов, оба довольные и оба удовлетворенные достигнутыми результатами, разошлись спать. Старших девочек Цокто Гармаевич взял с собою «прокатиться по Монголии». Луна красиво озаряла дачный уголок и дремлющую реку, ее рукава, моих друзей. Изредка проносились над белыми юртами маленькие и большие лет[учие] мыши.

С утра ☉ объявилась Тоня Богданова, подруга Марины, и она помогала мне собирать насекомых, а затем я стрелял или только отмечал для стрельбы птиц: Carpodacus, Cuculus, Saxicola, Ruticilla, Linota, Petrocincla saxatilis, Sylvia, камышевки, пеночки, овсянки, плиски и немн[ого] других, в том числе мухоловки, дрозды. Из хищников: кобчик, чеглок, пустельга, сарыч, Gennaia и орлы-беркуты, красиво и гордо кружившие в лазури.

Сегодня, в ☉, Луна еще поэтичнее освещала тихую обитель Сангина.

Серое утро ☽. Чеканы с молодыми; я подстрелил старика и птенца. Затем двух камышевок, чечевицу, Emb[eriza] aureola, Petr[ocincla] sax[atilis], кукушку (на грусть детям) — и все. Любезн[ым] Дуду я был своевременно доставлен в город. Опять пыль, грязно, мои «неприятные» участники; возня с серебром, его обменом и проч. Переговоры личного характера с Гомбо и Мадаевым.

17/VI, ♂. Ветер то юго-восточный, то юго-западный. Моя экскурсия дала 8 птичек, наполовину весьма интересных. Ружье английское «Ментон» оказалось выше похвалы (для стрельбы по птичкам в коллекцию). Много новых хлопот с серебром у Госторга. Приобретение женского княжеского головного убора, весьма худож[ественно] сдел[анного], через посредство Жамцарано для этнограф[ического] отд[ела] коллекций экспедиции. Переговоры с Мадаевым о пенсионном содержании заведующ[его] складом и метеорол[огическим] отделом Тибетской экспедиции. В совокупности еще много-много провозился я с сортировкою и укладыванием моего и Пшевика имущества, выдворенного вон из ремонтируемого дома Бадмажапова.

18—20/VI, ☿—♀ и **21/VI, ♄**. Эти все дни последние хлопоты, посещение друзей и отъезд домой! Бердиеву сдано в его Госторг 46 гам[бургских] плиток (3 ф[унта]), а взято от него 1600 китайских дол[ларов] плюс, через Андрея, 200, итого 1800 к[итайских] дол[ларов]. Следует произвести с ним расчет!

Днем, в ♃, я навестил милых Юдиных и Дадиани. Ц[ецилии] М[оисеевне] я подарил чучелку, удачно сделанную Ampelis garrulus, от которой она в большом восторге. Всюду, где я бываю у знакомых, меня силятся выспросить елико подробно о наших раскопках в Суцзуктэ, об их результатах, о находках. У Юдиных был за чаем одновременно и консул Шахов.

Юдина Ц. М. страшно просила известить их о времени, в которое будет возможно навестить меня на месте раскопок, позвонить им (телефонограм-

ма). Я обещал, и нужно это помнить! А у себя: П[авлов] напрасно ищет популярности у товарищей — ее нет! Пахомова решил удалить на все страны света! В 6 часов утра 21/VI уехал из Урги. Долго не покидало меня тяжелое чувство.

...Давно, давно я не брал дневника в руки, и это была большая ошибка. Правда, я ехал в С[угу]-н[ур] на 2 недели, а просидел с наездами в Суцзуктэ (место раскопок) равно два месяца, занося в м[аленькую] книж[ку] конспект наблюдений. Сегодня я вновь пишу.

25/VI. 1924 г. Прекрасное ущелье-долина Сугу-нур, где мы сидим с Пшевочкой с ранней весны — половины апреля (1924). Здесь прекрасно: кругом лесные скалистые горы. С юга северный склон дышит ароматом леса и цветных ковровых лугов. На севере южные склоны отрогов круто обрываются скалистыми боками, на их более пологих скатах едва дымится зелень, в пазухах приютились группы лиственничных деревьев. На востоке высятся отдельные вершины угрюмых гольцов — это восточное продолжение главного остова Кэнтэя, откуда громко струится Сугу-нур, тремя отдельными ветвями вливающийся в Мандал, или, точнее, принявший Мандал, и, круто повернув к северу, создает верховье реки Хара. Гольцы Сугу-нурские манят нас давно, с этою частью Манхадая надо непременно обстоятельно познакомиться. Мечтаю об отдельной экскурсии туда, в глубь альпийского хребта. Ведь еще так недавно Сугу-нурские гольцы блестели и искрились белизной снега, сплошного снегового покрова. Зной, сухой теплый воздух нынешнего лета иссушили гольцы, обнажили их; они покрываются ковром карликовых растений и еще сильнее манят к себе. В мае месяце с перевала Суцзуктэ я всегда любовался этой частью Манхадая. С вершины Суцзуктэ белая грива Манхадая видна на большом своем протяжении, но плоская трехзубчатая вершина его отлично запечатлена мною и с Суцзуктэ, и с точки нашего селения в Сугунуре. Я ее хорошо знаю, и стоит лишь закрыть глаза, как она в полной прелести встает в моем воображении. Вниз по долине Сугу-нура местность становится мягче, горы понижаются и раздвигаются. Слева боковой увал оканчивается характерным плоским луговым холмом, с обо на вершине. Это святое заповедное место. У северо-западной окраины этого холма с обо выбегает могучий родник чистой прохладной воды, вливающий свои воды (через ¾ версты) в Мандал, справа. От обо, с вершины холма, открывается еще более очаровательный вид на окрестность: перед вами обширная пастбищная долина, серебрящаяся лентой реки, дающая приют двум русским поселкам и множеству юрт номадов — монголов, бурят. Там и сям бродит скот — рогатый, бараны и табуны лошадей. Долина несет речку Мандал (и по ней и поселки Верхний Мандал и Нижний Мандал). Поселяне — это наши соотечественники-забайкальцы, обрабатывающие землю, разводящие скот и занимающиеся охотой в соседних горах. Весной и осенью долина р. Мандал кишит пролетными плавающими и голенастыми пернатыми, на тех и других охотятся пролетные же орлы. Гуси и утки отдыхают здесь не только сотнями, но даже и тысячными скоплениями. В период валового пролета в Мандальской долине маленький птичий базар, тогда как на Харе, все говорят, большой птичий базар, куда охотники спешат тогда со всех концов.

С вершины холма, продолжаю, открывается вид и на Хару, и на Сугунур, и на гребни Суцзуктэ, куда я нередко уезжаю и где так долго прожива-

ет моя археологическая группа во главе с С. А. Кондратьевым. Если обратить взор на юг, то наблюдатель видит, как далеко убегает Мандал, постепенно склоняясь к ЮЗ окрест Тологойту, откуда и берет свое начало. В этом районе очень характерно сцепляются или сливаются своими отрогами Манхадай и южная цепь, одна из трех Ю[жного] Кэнтэя, залегающего между Троицкосавском и Ургой — столицей Монголии. Если сюда присоединить еще священный массив Богдо-ула и участок долины реки Толы от Урги до Сангина (в широком смысле), тогда получится в общих чертах огромный район Монголии, в котором сосредоточила свои научные наблюдения, изучение и сбор естественно-исторических образцов Тибетская научная экспедиция.

К лету, к июню месяцу, возвратились в экспедицию и отсутствовавшие так продолжительно ее участники: Е. П. Горбунова из Москвы, Н. В. Павлов из Пекина, куда он сопровождал полпреда в Монголии А. Н. Васильева.

Горбунова осталась — изменила Павлову — в Урге для сборов флоры в Богдо-уле.

Павлов в двадцатых числах июня в сопровождении старш[его] препаратора Канаева и местного ламы Дорчжи — проводника, очень обстоятельно снарядившись, отправился в научную экскурсию в Хангай, в верховье и истоки Орхона, с одной стороны, и Байдарика и оз. Цаган-нор — с другой. Ботаник экспедиции заглянет также и в междугорную (Монгольский Алтай — Хангай) долину, богатую палеонтологическими находками. Во всяком случае, я ожидаю от Павлова, его большого разъезда, значительных результатов.[109]

Будучи в Урге с 4/VI по 20/VI, как раз в период снаряжения Н[иколая] В[асильевича] в большую дорогу, я лично помог ему очень быстро покончить с вопросами капитального снаряжения и выработки программы и маршрута самого разъезда.

Сам же я в ♄, **21/VI,** в 6 часов утра на тройке Лавре с Гогой-ямщиком покатил к себе в симпатичный Сугу-нур. Погода стояла хорошая. Пыльная, нудная Урга скоро осталась позади. Мы ехали дов[ольно] успешно, прямиком; там[оженный] пост не задержал нас. Выбирая мягкую дорогу, мы ходко подвигались вверх по Сельбе, хотя местами камни давали себя чувствовать. Теперь дорога эта отлично мною изучена. Минуем красный златоверхий храм, за ним выше — тибетский, так называю я по архитектуре и по горному уступному расположению; за ним лесок, а напротив — гэгэнский уголок, где пок[ойный] 8-й Богдо-гэгэн в молодости отдыхал от зорких глаз и нудных наставлений старых воспитателей-лам. Еще выше, с востока, входит ущелье Шарга-морите, замечательное со времени погребения в нем праха Дархэ — своего рода жены Богдо. Там, повыше, отмечаем заимку и наши с Ежо облавы на коз, а там и урочище Санцзай, и красивое дачное место грека-кроликовода. Здесь я имел ½-дневный отдых, собирал бабочек, мух с подростками-дачницами. Тут меня отлично накормила и приютила в отсутствие грека русская «гречанка» (тоже за греком — другим) Нюша. И мне отрадно вспомнить этот уголок. Он вспомнился мне по-другому, когда весной я и Пшевочка с этим же кучером плелись по глубокому рыхлому снегу. Чудная, летняя погода, солнце и синее небо заставили очень скоро забыть городские передряги, невзгоды. На душе становилось легче, приятно думалось о тихом уголке Сугу-нура.

После основательной выкормки лошадей мы скоро поехали на перевал, откуда оставалась последняя, лучшая половина пути до остановки в Манда-

ле (Верхнем). Я знал, что в Мандале уже не встретят меня ни Сарочка, ни Евфр[осиния] Ст[епановна], ни сам Лавре (пьяница, но толковый, отличный человек). Вся эта компания находилась в Урге. Никак не могла Степановна отправить свою дочь на воды из-за кутилы отца и мужа, пожелавшего охранять спокойствие сердца дочери на курорте. Хорош спутник дочери, не просыхавший от пьянства, не пускающий жену к хозяйству!

Отчасти я виню и себя в этом деле: зачем я вновь дал ему вперед 100 китайских с[еребряных] дол[ларов] за поездки мои и моих спутников, согласно [плану] командировок в район работ Тибетской экспедиции? С такого рода мыслями мы спустились вниз, в долину верхнего теч[ения] Мандала, отметили обо и заветную скалу с деревцами, а внизу, при завороте из ущелья, — обо на высоком боковом отроге, доминирующем над долиной Мандал.

Тут разделение дорог: и в Троицкосавск, или Кяхту, и в столицу Монголии.

Луга отливали изумрудом, речка и болотца серебрились, а в горах странно темнело от набегавших на солнце мал[еньких] облаков. Мы еще быстрее покатили по ровной и почти мягкой дороге: лошади, очевидно, знали, что отдых недалеко. Сугу-нурские скалистые отроги, сбегавшие к правому берегу того же названия, приближались и выделялись все более контрастно! Знакомая картина. Удлик, Баин-гол, дорога в Сугу-нур.

Лихо прокатили мы с Георгием последнюю версту у селения и самим селением. Бич взвивался вверх, дорога пылила, голос Гоги громко выкрикивал: «Ей, вы, милые!», соседи в замирающих позах смотрели на проезжающих, здороваясь с улыбкой. А вот и тесовые ворота растворились, и мы въехали в широкий чистый двор Лавре. Едва выпили чаю, переменили лошадей и еще быстрее помчались в Сугу-нур. В каких-нибудь ¾ часа мы уже были на месте: моя Пшевочка приняла меня в объятия, Тугариновы также с искренностью приветствовали меня, даже собака Гароль прибежал навстречу, узнал знакомое лицо и с визгом полетел впереди тройки!

Спокойствие и радость наполняют душу и создают умилительное настроение.

Приятно потекли день за днем в нашем уголке в Сугу-нуре. Едва немножечко поделились, обменялись новостями, как я стал знакомиться со сборами коллекции. В субботу (в день приезда) осмотрел: жуков, бабочек, мух, шмелей и клопов; позднее принялся за более вдумчивое знакомство со сбором птиц, зверьков (скал[истая] пищуха), змей и лягушек. Не наговориться с Пшевочкой, с нашими милыми хозяевами, с лучшими людьми из соседей. Опять появились милые личики детей, толпившихся у входа в нашу халупу и ждущих очереди с жуками, бабочками, мухами и проч. Они уже прознали, что я вновь привез конфект и буду вознаграждать ими за «мурашек и метлячков». Опять ребятишки забегали с коробочками и бутылочками вокруг Сугу-нура и с азартом гоняются за бабочками и мухами или смиренно роются в навозе или под камнями, которые верст на пять в окружности нашего жилья взворочены. Опять стали приносить на удилищах змей, пока что всего одного вида гадюку.

Легли на землю сумраки, долина озарилась лунным светом, и я долго вдыхал в мою, казалось, раскрытую грудь, ароматную струю тихого воздуха.

Наутро, **22/VI, ☉**, я проснулся рано и принялся, по обыкновению, за укладку насекомых, которых обыкновенно выдерживаем сутки, в особен-

ности жуков, склонных ожить в постелях ящика и натворить там много неприятного. Потом я стал приводить в порядок птиц, их окончательно завертывать и укладывать для отсылки в Петроград.

После обеда, после сильного жара, в ½ 4-го я в сопровождении Тугаринова поехал через Баин-гол к Вильским, в Н[ижний] Мандал. По дороге, на устье Баин-гола, на болотах, я встретил пару кроншнепов (больших) у гнезда; одного из них, а именно ♂, убил влет; и ♂ и ♀ усиленно старались отвести меня от месторасположения гнезда. Рядом с кроншнепами ютился бекас, взлетевший после того, когда я его заметил и устремился глазами.

У Вильских мы просидели около 1½ часа, ведя беседу о гольцах и о поездке туда. Оказывается, Вильские (отец и сын Михаил) бывали там, и вот Мих[аил] предлагал свои услуги доставить меня к гольцам, в альпы, в качестве проводника. Он был [там] и потому хорошо знает дорогу даже на самые вершины, чего не в состоянии дать мои егеря: ни Тугаринов, ни Борисов.

Обратно мы ехали тем же путем, но уже позднее. Солнце склонилось к горизонту, а потом и совсем скрылось за горы, когда мы пересекали долину Б[аин]-гола. Аромат трав и цветов с жадностью вдыхался грудью. Мелкие птички пели не умолкая. На душе было легко-легко и приятно. Мысль убегала далеко.

Приятный вечер, а затем и ночь, которую мы целиком проводим во сне.

23—25/VI, ☽—♂—☿. Эти три дня прошли дов[ольно] однообразно: живем хорошо, погода, с обывательской точки зрения, прекрасная, тепло, сухо. Ребятки носят дань насекомыми, за что аккуратно получают в награду конфекты. По просьбе Пшевочки я съездил к месту гнезда ремеза и добыл ♀, с которой вместе привез и искусно затканное гнездо — мешочек на веточке. Жарко и тьма насекомых.

При возвращении домой я застал дочь Вильских, прибывшую со снедью и получившую от меня для родителей, в долг до осени, тридцать сер[ебряных] китайских долларов.

На сл[едующий] день, ♂, мы с Пшевочкой «делали птичек» — приготовляли чучела и выдували яйца птиц, взятые с гнездами. Затем я командировал в Суцзуктэ Георгия, ямщика, на двух верховых за Симуковым, который должен отправиться в Ургу в роли заведующего метеорол[огической] ст[анцией] и складом Тибетской экспедиции. В Ургу же должна отправиться недели на две и Елизавета Владимировна. Погода по-прежнему прекрасная, продолжают пополняться ящики с насекомыми и банки со спиртом: Георгий привез тушканчика и змею — все одного и того же вида. Однако я ее положил, чуть ли не шестой экземпляр, других что-то не попадает. Я очень доволен, что попал наконец тушканчик, о котором, как и о филине, мы так много говорили и продолжаем говорить. Может быть, попадут и еще грызуны.

Весь следующий затем день, ☿, мы напрасно прождали возвращения Георгия с А[ндреем], они объявились только утром в ♃, вследствие того, что в лагере в Суцзуктэ отсутствовали Кондратьев с Гусевым, уехавшие на озеро в окрестности Борота. К[ондратьев] так и не возвратился: Симуков вынужден был оставить Суцз[уктэ] и выполнить мой наказ.

Упало несколько капель дождя и только, а какие мощные тучи ходили кругом — ужасно! Вообще следует подчеркнуть, что после обильной снегом зимы и богатой осадками ранней весны местная земля не получала вла-

ги. Все кругом страшно высохло, поля выгорели, и лишь заливные луга еще радуют глаз сочностью и пышностью своих трав. Впервые, в ☿, вечером я наблюдал на севере горизонта зарницу, радугу под вечер и слышал на СЗ гром и лягушачий концерт.

Если не будет влаги и поливки и дальше — население останется на бобах, без собственного хлеба. Мой самый милый и самый близкий спутник Елизавета Владимировна усердно собирается в дорогу, в Ургу, с расчетом побывать и в Сангине с пользою для дела. Она возобновит все в памяти и в живом наблюдении.

26/VI, ♃. Утро мрачное, прохладное. По вершинам гор и склонам верхнего пояса ползут медленно клиновидные кучевые облака. Ветер едва струит с запада, в противоположность вечеру, когда почти всегда дует с востока, со стороны гольцов, по ущелью вниз. Едва выкатилось солнце, стало очень тепло, а вскоре и жарко: воздух наполнился вдруг жужжанием насекомых, полилась чудная песнь или щебет ласточек.

Топот копыт возвестил о приезде Андрея. Встретились. Пошли спросы и расспросы. А[ндрей] доложил о работах и состоянии курганов. Кург[ан] А[ндреевский] дурит, на дне закрывается все большим камнем. Решили оставить в покое до моего приезда. Курган «у трех сосен» прорыт на 3 саж[ени]; в маленьком, на глубине сажени, что-то извлечено. В общем, все обстоит благополучно. Из птичек есть что-то новое, как например сова или Petrocincla saxatilis; из растений в гербарии имеется до 150 №№, насекомыми значительно обогатились почти все отделы. Китайцы продолжают тянуть свою земляную кропотливую работу. Прекрасно.

Таким образом, А[ндрей] с нами целый день. Я отправляю теперь ящик с птицами № 15 и наказ изготовить в Урге еще два места, мягкий тюк с костями (4 шкуры: 3 кабана и 1 олень с ногами) и ящик со шкурой и скелетом волка, 4 черепов каб[анов] и череп изюбрицы. Из последних плюс мал[енькая] косуля с черепом и кабаненок с черепом, может быть, составят не одну, а целых две посылки, тогда получится 4 посылки опять для Петрограда. Мы будем потом готовить только бидон спиртовых сборов — грызунов и пресмыкающихся, тоже для отсылки в Зоологический музей, в Петроград.

В 6 часов приехал на паре за Елизаветой Владимировной тот же Гога и доставил второго тушканчика, пойманного, говорят, бурятом Топха. Это прекрасно: следует заметить, что этот зверек с белым косым ремнем (под шлеей), быть может, и новый, но, конечно, не родом, а только видом! Лиха беда начало: будут поступать и эти зверьки, как было с первыми змеями — сначала ни одной, а потом — избыток; пришлось их убивать, ведь мы взяли в коллекцию всего около шести экземпляров.

Итак, я остался в полном одиночестве в Сугу-нуре, как недавно оставалась моя спутница Пшевочка. Ведь вот я мало ценю этого прекрасного человека, незаменимого товарища и друга, а как он хорош, как искренно сердечен, прост, мил, участлив — трудно даже и сказать. Интересно, что произойдет за этот период времени, что я сделаю, что напишу, сколько соберу в области птичек, зверьков и другого. Будущее покажет!

Тихо спустилась на землю июньская летняя ночь. Небо укрыто плотно перисто-слоистыми облаками; все тихо кругом, только в соседнем горном лесу слышен крик гурана да вблизи нас, испуганно взлетев, просвистит зуек.

Еще более тихо-тихо, до жути, ночью, когда в соседних дворах чуется присутствие домашних животных или по их храпу, или по звону колокольчика.

27/VI, ♀. Утро облачное, упало несколько капель дождя и только. Облака из дождевых переделываются в перистые, затем в тонко-перистые, все более и более исчезающие с неба. Солнце сильнее пригревает, воздух наполняется жужжанием.

Мои спутники, вероятно, уже порядочно укатили вверх по Мандальской долине, и хорошо им ехать, пока еще не так жарко. Они думают об Урге, о первых минутах приезда туда, о складе, о почте, о встрече со знакомыми. У меня тихо и спокойно, я делаю обычное дело. Прежде всего, ложась в 9½—10 часов вечера, я всегда встаю в 6—6½ [часов] утра; умывшись, записываю состояние атмосферы, пью чай (с легким завтраком: пара яиц в мешочек), укладываю в ящички насекомых, пишу дневник и в 8 часов отправляюсь в экскурсию или с сачком в руке, или с ружьем.

Сегодня какой-то странный день, непохожий на предыдущие, сплошь облачный, томный, сухой; в особенности такое явление обнаруживается в 2—3 часа дня. До обеда по лесной и кустарниковой зарослям острова я с Васей ловил сумеречных бабочек, появившихся вдруг в значительном количестве. Были тут и очень интересные мухи, правда в единичных или немногих экземплярах. Сухость воздуха страшная, на высоких степных увалах потрескалась земная поверхность, растительность выгорела. Сейчас три часа дня, мои спутники, с Пшевочкой во главе, вероятно, уже в Урге.

Между 4—5 часами дня сгустились тучи и упало на жаждущую землю всего несколько десятков капель. Тучи ушли вверх по ущелью, через которое красовалась эффектная радуга. Воображаю, как зазеленели бы луговые и лесные скаты да и вообще вся долина, если бы выпал хоть небольшой дождь.

Хорошо, уютно, мило в Сугу-нуре. Никто не мешает работать, и никто почти не заглядывает. Днем очень часто, мелодично щебечут ласточки, под вечер или ранним утром вдруг слышите и видите журавлей-красавок. Удивительно, как доверчивы эти птицы, словно домашние, и стрелять их просто грех. Такая интересная птица, парочками, она лишь украшает и дополняет прелесть местности, где держится. Обыватели очень часто, проезжая вблизи самих птиц, поют: «Журочка-журочка, попляши, твои ножки хороши!».

28/VI, ♄. Ночь облачная, очень прохладная. Дождевые тучи висели над Сугу-нурским ущельем, но дождя так и не было. Гольцы в тучах. Сегодня утром Никифор принес большую, свыше аршина длины, серую змею с двумя ремнями по спине. Вчера на пашне он убил двух однообразных, но брошенная им значительно (на ½ арш[ина]) превосходила принесенную; ту он перерубил острием лопаты, с которой работал по орошению поля. Понемногу люди привыкают к тому, что за зоологические объекты, в особенности по моему заказу, как например змею или тушканчика, я плачу тотчас же по ½ долл[ара] за экземпляр. Поняли, но не все, во всяком случае начали тащить усиленнее прежнего.

Утром впервые наблюдалась нынче роса, и роса обильная. Оводов, комаров и мошки — масса, едва солнце встанет, как животные уже бегут с поля под защиту построек или рек; с жадностью, стремительно несутся дом[ашние] животные прямо в воду, более или менее глубже.

Мои спутники сегодня совершили экскурсию вверх по речке-ущелью и собрали порядочно бабочек, мух, клопов, жуков. Из бабочек отменно хороши Parnassius (бол[ьшой], или крупный, с 3—4 красными кольцами на каждом из основных крыльев). Среди клопов, мух и жуков также имеются очень интересные, новые для нашей энтомологической коллекции виды. Стараются лучше и полнее учинить сбор не только Тугариновы, но и юная, только что поступившая в услужение к нам девушка Васиша, которая у нас вообще известна под сокращенным именем Вася.

Вечером я прогулялся к гнезду, вверх по Сугу-нуру. К несчастью, арык прорвал берег именно вблизи распол[ожения] гнезда, и я многократно погружался в воду выше колена. Едва затем выбрался и в обход по косогору наконец вышел из затопляемой полосы. Птичку я действительно видел, но она ютилась в чаще, над водой, и подстрелить ее было трудно. Она, во всяком случае, могла попасть в воду, а подстрелить на близком расстоянии очень трудно. Оглядываясь на гольцы через узкую, глубокую часть ущелья, я не мог оторвать глаз от фиолетовой или сизой дымки, висевшей над ущельем. Невольно вспомнился Алашань, всегда в это время чаровавший глаз своим западным склоном, утопавшим в дымке.

Перед спаньем у самого дома я ежедневно слышу свист куличка-зуйка, прилетающего или отлетающего с грязи; почему-то ему полюбился именно этот уголок, подле нашего дома, и вот на протяжении нескольких дней кряду он аккуратно появляется.

29/VI, ☉. Хмурое, облачное небо, дов[ольно] свежо: в 7 часов утра терм[ометр] показал только 13.2°С. Ранним утром объявился Георгий (кучер) и доставил мне письма от Пшевика и Андр[ея]. Мои спутники благополучно добрались до места, учинили что нужно и делают свое дело. Да, паршивец Павлов: как я и чувствовал, он распропагандировал П[ахомова], да и П[ахомова] ли только. Все это надо принять к сведению и поставить моих лучших спутников в известность. Пшевик прислал мне также газеты от Дадиани.

Как и предыдущий, вчерашний лов насекомых оказался успешным: поймано, между прочим, четыре Parnassius'a. Ввиду сего Тугариновы сегодня уехали с ночевкой вверх по ущелью. Две милые девочки Воробьевых усердно ловят жучков и мух в коробочки и скляночки и, радостные, приходят ко мне с добычей в надежде на вознаграждение усладенькой. Сухость воздуха по-прежнему крайняя.

Между 2—3 часами дня у меня были Воробьева и Сахарова, первая привезла расписку и предметы, присланные Пшевочкой со склада; вторая просьбу, масло и живого тушканчика, ♀, третьего по счету! Этот экземпляр самый нарядный; очень жаль было душить его хотя бы наполовину, а затем полуживым опускать в банку со спиртом.

День ни ясный, ни полуясный. Сплошная облачность, а между тем ни капли дождя — абсолютная засуха! Весь посев ни к чему — все засеянное выгорело. Говорят, так было и в минувшем году: до начала июля ни одного дождя, а потом лил сплошь, не переставая. «Ургинская газета» отмечает засуху повсеместно в Монголии. Идущие последовательно [тяжелые] зима, весна и лето вконец доконают население.

Ночь необычайно тихая, теплая; дождевые тучи обложили все небо.

30/VI, ☽. Сегодня последний день первого летнего месяца. Дождь пошел с зарею: хорошо, приятно. И дождь спокойный, ровный — такой, какой нужен на протяжении нескольких суток. Зелень, хлебные поля оживут, очистятся от пыли и грязи. Общий тон зелени уже сразу изменился — стал чистым, изумрудным. Здесь и дождь падает, и наступает ненастье не по-нашему: у нас быстро образуются тучи и полил чуть не ливень или даже ливень, здесь же дождь собирался и все походило на него около трех суток. Теперь интересно, сколько же времени продолжится дождливое состояние?

К 9 часам утра дождь, видимо временно, перестал; по скатам и гребням гор поползли облака. Воздух необычайно чист и приятен. Внизу китайские хлебные поля, словно по мановению волшебного жезла, ожили, отрадно, свежо зазеленели. Воздух полон голосов певчих птиц, в особенности жаворонков, повисших в небе.

Ровно через один час дождь вновь пошел, такой же спокойный, ровный, и шел не переставая довольно долго — до утра следующего дня и даже гораздо позднее, после приост[ановки] вновь пошел.

К обеду возвратились из леса наши Тугариновы, им помешал дождь, начавшийся с зари. Во всяком случае, вчера им удалось собрать и бабочек, и мух, и немножко клопиков. После обеда Ив[ан] Дм[итриевич] не утерпел — отправился проверить сомнительные звуки в скалах и, о радость! — увидел старое, а может быть, и теперешнее гнездо с массою костей и перьев всяких птиц, а вскоре затем и самих виновников, сначала одного, а потом и другого. Один сидел так близко от проходившего Тугаринова, что он мог различить его огромные яркие глаза и щелканье толстым хищным клювом. Когда перестанет дождь, тогда мы с Т[угариновым] направимся оба, чтобы скорее добыть ту птицу, которая так давно составляет нашу мечту и проч., ведь всего, как говорят, два шага, рядом с домом. Сколько раз я проходил близко, вплотную, и никогда не видел. Что значит ночная птица! Ночью же ее видел Борисов на смертинском частоколе.

Население возрадовалось, едва пошел дождь, но уже через несколько часов падения дождя завопило о его прекращении: дело в том, что у населения не дома и не домики, а хатки на курьих ножках и крыты почти только пологом неба. Поэтому едва спорый дождь прошел, как местные хатки потекли, как решето, буквально как решето. Еще наша халупка дольше всех прочих противостояла дождю, а именно до самого вечера, до поры, когда нужно было ложиться спать. Я увидел сначала в одном месте протечку, потом в другом, третьем. Вместо спанья пришлось очень долго возиться с перестановкой вещей с одного места на другое; кое-что прятали под стол, под кровать; самую кровать и ящик пришлось покрывать брезентом. Ветер выл всю ночь, дождь лил не переставая, ночь темная-темная. Сугу-нур буквально загремел, загрохотал. Я, да и многие из обитателей не могли сомкнуть глаз в течение всей ночи, казавшейся бесконечной.

1/VII, ♂. Утро дождливое, ветреное. Кругом мокро, грязно. С[угу]-н[урцы] возятся со своими мокрыми манатками, а я нет!

До 9 часов утра дождь шел не переставая, по величине средний (со мною дождемера нет), и в общем в течение суток смочил землю как следует и вовремя. Земледельцы ликуют и теперь вновь полны надежды на светлое будущее! Миша Вильский был у меня сегодня, просил винтовку поохотить-

ся в Баин-голе, я дал вместе с патронами — проявил свое великодушие. Этот молодой хозяин (и кузнец, и плотник) говорил мне, что в последние 3—4 дня поставил себе непременной задачей полить поля и, работая вдвоем во всю энергию, сумел только полить две десятины, а теперь — «благодать!» Китайцы просто улыбаются и кланяются при встрече.

Дождь, как и полагается, понизил температуру воздуха. Слышно, что бараны за ночь в значительной мере погибли от мокроты и стужи (у соседа из стада — 30 голов). После 9 часов утра все же не перестает, как говорят, «идет не идет» — каплет по капле. Сугу-нур продолжает греметь пуще прежнего — валит желтую мутную воду.

Я продолжаю возиться с просушкой наших вещей; многое не избежало участи быть подмоченным, главное, нет прежнего благодетельного, яркого и жаркого солнышка.

Ненастье принесло нам холодную погоду: ветер, облачность, пониженную температуру. Вместе с тем ненастье, дождь оживили растительность, и древесную, и травянистую.

Сугу-нур так поднялся, как не запомнят старожилы: велик, стремителен, бурлив.

Вечером, при закате солнца, появились на небе ярко-красные полосы, особенно сгущенные при горизонте; с закатом дневного светила краски поблекли, а позднее и совсем исчезли.

2/VII, ☿. Утро облачное, хмурое, ветреное; ветер дует с СВ. Сугу-нур успокаивается, воды меньше. Зелень обмылась и своим мягким изумрудом ласкает глаз.

Написал письма Пшевику, Евг[ении] Яковл[евне] и Любимову; написал также и Леночке. Ко мне приезжала с продуктами молочного питания, творогом и сметаной, Васса Вильская. Хотя я и отправил письма в Мандал, а не поехал сам, как хотел вначале, я сегодня поступаю так, как предполагал, я еду сам, лично, в Н[ижний] Мандал.

Прокатился верхом в Мандал — приятная прогулка. Очень хорошо было обозревать горизонт с вершин увалов, своего рода перевалов, и так же приятно было ехать широкой богатой долиною Баин-гола. После дождя поднялись и попышнели травы. Дивный воздух, речка все еще катит много воды, которая внизу, среди болот, серебристо сверкает своею блестящею поверхностью, в особенности там, в Мандальской долине, где Баин-гол вливается в общую струю только зарождающейся речки Хары, притока Орхона.

Из птиц видел длиннохвостых орланов Haliaetus leucoryphus.

Со мною бежал все время рядом Гароль, прекрасный охотничий пес Тугаринова.

Из-за временного холода ни насекомых, ни тушканчиков не наблюдалось.

Любовался я лишь гольцами (Сугу-нурскими). На их вершинах появились пятна свежего снега, вероятно, он выпал во время ненастья: внизу падал дождь, вверху снег.

Ночь с полночи ясная, дов[ольно] прохладная, обильная роса.

3/VII, ♃. Утро ясное, тихое — первое после ненастья. По голубому небу там и сям рассеяны тонко-перистые облака. Вид кругом превосходный: не

только северные склоны с лесом, но и южные, степные, оживились и позеленели; голые, пустынные утесы воспрянули. День превосходный, воздух довольно тих или немного движим и очень прозрачен. Тепло: в тени, в 11 часов утра 22.0°С. Опять очень много появилось оводов — бич животных.

Сейчас ориентировал точку отправления — сел[ение] Сугу-нур, у моста через оросительную канаву. Оказывается, ущелье Сугу-нур имеет 76.0° направл[ения], или, иными словами, на вост[ок]-сев[еро]-восток; главная, видимая нами из Сугу-нура вершина также 76°. И сегодня лежат на вершинах те же светлые пятна только что выпавшего снега. Трудно удержаться от чувства, манящего вверх к гольцам, к кедру и альпийским лугам. Возвратится Пшевочка, и мы махнем туда. А сегодня я думаю уехать с ночевкой вверх за 15 [верст], посмотреть, пособирать!

Посадил в спирт двух лягушек: одна с красными пятнами на брюхе, другая — с однообразно серым.

Около 2 часов дня я с Тугариновым уехали вверх по Сугу-нуру, следуя преимуществен[но] правым берегом, трижды переправились, а считая и Сугу-нурскую переправу — 4 и очутились на левом бер[егу] Сугу-нура и правом — р. Кремлюк, при устье последнего, и имели здесь превосходную стоянку почти в течение двух дней. Поднялись очень, падение Сугунура большое. По мере поднятия вверх, большего проникновения в глубину гор и ущелья последнее делается каменистее и уже. Речка катится по галеч[ному], реже песчаному ложу и то несется прямо вдоль какого-либо берега, то описывает зигзаги посередине или у одного из берегов. К правому берегу круто обрываются каменистые отроги почти без лесной растительности, а лишь с трав[янистой] или кустарниковой. Зато в боковых, побочных ущельях, или пазухах, стелется часто хороший хвойный лес, рядом с превосходными луговыми или пастбищными скатами. Левый берег или, точнее, горный скат слева Сугу-нура мягкий, покрыт сплошной лентой сосны и лиственницы. Посередине долины, ее дна, нередко встречаются, словно парковые, насаждения лиственницы, тополя или осины, березы, черемухи, дикого персика и дик[ой] яблони и множества кустарников и пышных луговых трав. Вся растительность местами густо переплетена между собою, и незаметно, что разрезается стоячими, прозрачными водами протоков, красиво извивающихся по всем направлениям. Вскоре после дождя или на утренней заре, при обильной росе, пышная растительность распространяет опьяняющий аромат; невольно дышишь полной грудью и не надышишься. Тишине вторит неумолчный гул или шум речки, брызжущей по валунам. Дикость в лесу полная, вековые великаны лежат то вдоль реки, то поперек, образуя местами в виде плотины или моста запруду. Дивных, очаровательных мест по ущелью немало. Там и сям едешь и невольно остановишься полюбоваться или общим видом, или видом ущелья, его дна или только одного из скатов, или парковым уголком с рекой, или непроходимой чащей, или, наконец, вековым великаном-лиственницей, или ее остовом — пнем, в середине проросшим шиповником, — натуральная кадка с цветами. Но голосов птиц и вообще проявления животной жизни очень мало; в глубине леса по большей части полное безмолвие.

Незаметным образом мы прокатили очень скоро расстояние в 15 верст до Кремлюка и несколько красивых мест миновали с сожалением — поче-

му не здесь остановка? Итак, в Кремлюке* мы расположились своим охотничьим лагерем. На восток уходили гольцы. Они теперь видны контрастнее, чувствуются леса из кедра, над которыми доминируют альпийские луга и россыпи. Эти альп[ийские] луга и россыпи влекли меня к себе неудержимо, так было жаль, что я теперь не к ним еду, это удовол[ьствие] еще впереди. А речка грохочет и грохочет! На юг убежало и скрылось в лесных горах ущелье Кремлюк; говорят, оно также берет начало в юго-восточном простирании Манхадая, оно велико.

В общем, над нами простирался синий полог неба, по сторонам скалы или сплошной хвойный лес, а посередине на дне грохотала речка.

У самого лагеря вокруг паслись лошади, трещал огонь костра. И рядом, именно рядом, у самой палатки, производился богатый сбор насекомых, бабочек и мух. Повыше был расположен табор монголов-охотников, вначале струсивших при виде нас. Это промышленники за изюбрями, сидят 7—10 дней, караулят на солонцах. Однако — напрасно: зверь не появлялся ни в одном месте, ни в другом. Монголы просили нас не стрелять хоть этот вечер. Мы им уступили, хотя следовало палить и по иволгам, и по скопе. Потом мы этих птиц уже больше здесь не видели, мы сожалели тем более, что монголы просидели и эту ночь впустую, а на следующий день они же стреляли по тарбаганам.

Чудный вечер и дивная ночь стояли во время нашей первой ночевки. Я несколько раз просыпался и, открыв только глаза, любовался южной половиной неба. Звезды не изменяли свой обычный ход и перемещались. Какая-то птичка (или соловьиная камышевка, или сам соловей) несколько раз пробовала петь. Эта песнь в ночной тиши, в горах, казалась неестественной! И опять тишина.**

4/VII, ♀. Солнечное утро с ярко-синим небом заставило подняться нас в 6—7 часов. Впрочем, это касается меня лично. Мой спутник, неутомимый Тугаринов, поднялся с зарею и отправился вверх по Хэрмлюку с целью убить какого-либо зверя на мясо. Однако охота оказалась безрезультатной: Т[угаринов] никого не видел, не слышал, если не считать нескольких обычных для Сугу-нура птиц, к которым наш доморощенный препаратор (больших птиц и зверей) в достаточной мере присмотрелся.

С его возвращением наш бивак оживился, ярче запылали костры, их у нас два — для варки чая, у самой палатки, и дымокур, под защиту которого бегут лошади с пастбища от оводов. После прохладной ночи с появлением дневного светила температура быстро повышается, к 10 часам становится жарко, и мир насекомых живет во всю энергию, воздух буквально переполнен их жужжанием. С восходом солнца первыми открывают лет бабочки-белянки, вечером они заканчивают собою деятельность дневных бабочек, эти последние с 9 до 5 часов ликуют вовсю. Почему-то меня больше всего привлекали к себе большие аполлоны (Parnassius). Только, бывало, появится эта интересная бабочка над лугом, как тотчас же, схватив сачок, бежишь

---

* Точнее, Хэрмлюк — ущелье, богатое белками.

** Следует отметить также ночное токование азиатского бекаса-барашка — почти в течение всей раннелетней короткой ночи.

навстречу или в догонку за ней. Я переживал почти всегда сильное впечатление при виде опис[анной] бабочки: словно интересные зверь или птица, и с большим волнением ее ловишь, нежели прочих бабочек.

Со стороны речки то и дело неслись оригинальные голоса куличка-береговика серого. Под его неумолчные крики-свисты в течение целого дня я наловил немало бабочек, еще больше мух всяких родов и видов. Только вечером, когда солнце садилось за горы и в тучи, я, усталый, прекратил ловлю; последними были пойманы средний или даже малой величины шмель и пчелка.

Соседи-монголы проехали мимо нас с убитым тарбаганом и вскоре устроили себе прекрасный мясной ужин. Набежавшие к сумеркам тучи и как результат их — переменный ветер заставили наших изюбристов отложить мечты о солонцах и предаться раннему спанью.

Предыдущая ночь была прохладная, с обильной росой. Настоящая же — теплая, душная — стояла сухая, с обильными комарами. Тьма была непроглядная, и мы дов[ольно] рано улеглись спать.

Я пробовал гулять в области расположения двух биваков — нашего и монгольского, но ничего не вышло. Полюбовался ночными светлячками, коих было порядочное количество по кустарничку, одевающему кочки. Кочкарник этот напомнил мне отчасти тундру с низкорослой березкой и с белыми куропатками.

5/VII, ♄. На заре стал накрапывать дождь; небо было обложено густыми облаками, обещавшими продолжительное ненастье. Мы встали, сварили чай, попили горяченького красного напитка и стали собираться домой несколько ранее предполагаемого срока. Мы рассчитывали до обеда еще поохотиться на насекомых и еще половить рыбы на удочку, но дождь и мокреть в траве и кустах помешали, хотя почувствовалось вдруг, что дождь будет непродолжительный — соль была суха, облака поднялись выше и поредели, даже показались светлые, прозрачные уголки неба.

Тем не менее мы завьючили коней и пошли в обратный путь. Дождь вновь полил, словно сквозь сито. Я ехал на сером иноходце довольно скоро и через половинное расстояние пути уже был вне сферы дождя. В области Мандальской долины было совершенно светло, только оглянувшись назад, на гольцы, вспоминалось минувшее ненастье. Я ехал и невольно вдыхал полной грудью аромат, душистый аромат растительного свежелетнего, обмытого дождем покрова. Опьяняющий сильный запах действовал прекрасно на общее состояние организма. Порою я сильно пришпоривал иноходца, собака, прижимая уши, бежала во всю прыть. Таким образом, мы докатили в ½ 7-го к своей хижине, где были радушно встречены не только обывателями Ир[иной] Ник[олаевной] и Васишей, но и С. А. Кондратьевым, пришедшим пешком с Суцзуктэ еще накануне к нам.

Небо было облачное, по временам падал дождь, по временам светлело.

Мне также чувствовалось, что К[ондратьев] явится. Слишком неопределенное положение получилось с отъездом Андрея в отсутствие старшего.

Действительно, много неотложных вопросов накопилось для нас обоих, чтобы прибыть на свидание. Археология в таком состоянии: Анд[реевский] курган молчит, там работы приостановлены, на № 23, «у трех сосен», пройдено свыше 4 саж[еней], почва — навал, что дает основание надеяться на находку погребального помещения.

Разрыли малый курган, который имел 1½ саж[ени] в глубину. В общем, бедный по содержанию. Приступили к рытью такого же второго, неизвестно, что он даст! Затем я вновь подтвердил мое желание разрыть курган, так называемый средний (по размерам). Таковы, в общих чертах, результаты моих переговоров с моим заместителем.

В заключение я снабдил Кондратьева всем, в чем чувствовал нужду наш археологический пункт. Помимо основной задачи, этот район усердно ведет сборы естественно-исторические и, по докладу К[ондратьева], еще более обогатился интересным и ботаническим, и зоологическим материалом. Еще раз я подчеркнул моему усердному помощнику важность наших раскопок и сосредоточение на них всего нашего внимания. «Не забывайте, — было моим последним наказом, — что самая главная задача Суцзуктэ — это археология, все остальное, до изучения живой природы включительно, есть побочное, второстепенное наслоение. Это следует всегда помнить».

6/VII, ☉. Ранним ясным утром, когда мой С[ергей] А[лександрович] снаряжал свой ящик для Суцзуктэ, прибыла домой моя Пшевочка. Ее поездка была вполне благополучна, а приезд очень кстати, так как многое из привезенного попало в Суцзуктинский отдел снабжения.

К сожалению, по части писем было очень бедно: чувствовалось, что нас забыли в далекой Центральной России. Последняя почта буквально принесла только два письма: мне от Володи и Котику из дома, от родителей. Я много думал именно в последнее время, как отнесутся «власть имущие» к судьбе моего сына — студента. Мыслилось, что если будет плохо — Володя телеграфирует. Между тем чувствовалась за собою нравственная сила — научные заслуги, которые действительно были приняты к сведению, как равно и активность самого моего сына. Эти два фактора должны были спасти положение студента — и спасли.[110] Мне так и думалось!

В 11 часов утра С. А. Кондратьев (через Мандал) на обратных укатил к себе. В В[ерхнем] Мандале ему удалось по ург[инским] ценам докупить, главным образом, необходимое для китайцев-рабочих.

Около 3 часов дня я навестил Вильских, согласно их приглашению, по случаю: хозяйка — именинница. Миша В[ильский] сидел на солонцах неудачно: изюбрь приходил, но учуял и был таков. Поправить Мишино «счастье» захотел его младший брат Иван, которому, между прочим, не повезло с первой невестой — отказала; уже сговоренное дело не состоялось. Потом я зашел к Толмачевым — родным путешественника по Северу, горного инженера.

В заключение я докатил до В[ерхнего] Мандала, побыл у Воробьевых, у Евгении Яковлевны и вечерком, по холодку, возвратился к себе в Сугу-нур с малым сбором насекомых. Мы мечтаем о поездке в гольцы и о снаряжении. Скорбим по скорому отъезду Тугариновых на верх[овье] Толы.

Переживаем впечатления Пшевочки, полученные от ее поездки в Ургу и Сангин, от встречи с Бадмажаповыми, Дуду и другими, о ее плаваниях по Толе, о птицах Канаева и птичках своих и моих, добытых в Сангине. О складе имущества, о Ел[ене] Прекрасной, о ее измене интересам экспедиции, об Андрее-хранителе и проч.

Так закончился воскресный день. Ночь наложила печать тишины и спокойствия.

7/VII, ☽. Ясно или, точнее, полуясно. Облака, словно туман, стелются вдоль речки вниз по ее течению. После чаепития я обычно укладываю бабочек. Позднее вчетвером, я, Пшевик и два егеря, Туг[аринов] и Бор[исов], отправляемся штурмовать обитель филина. Крутые утесы дают себя чувствовать, солнце здорово припекает. У норы-пещеры мас[са] остатков еды — утки, пищухи, мыши и проч., от недоеденного пахнет, будто от падали. Мы по плану, составл[енному] заранее, все сделали и приступили «наступать», но никого не видели.

Весь южный склон отрога освещен до ослепления; решили повторить «наступление» к вечеру, когда утесы спрячутся в сумраке.

Днем великолепно вымылись в бане, одевались у порога примитивной постройки, стояли босыми ногами на горячем камне, согретом солнцем, не зная и не чувствуя, что под этим самым теплым камнем таится холодное, живое, извилистое тело серо-пятнистой змеи — гадюки. Детеныш такой змеи недалеко, у первой хатки в тени, лежал под брюхом большой косматой дворняги. Хозяин извлек эту мал[енькую] змейку и доставил нам, а мы положили в банку со спиртом.

Сегодня энтомологический лов почему-то небогатый, встречается все старое, известное. От времени до времени необходимы более далекие экскурсии, не говоря уже о настоящих, за десятки верст — такие новые места обогащают новыми объектами.

Кондратьев прислал весточку о благополучном прибытии домой, в Суцзуктэ, и о том, что в кургане № 23 дошли до погребального помещения, по-видимому разграбленного. Теперь он лично примется за детальное изучение погребения и за осмотр всего того, что будет в будущем попадать под руку.

Совсем под вечер в компании с Т[угариновым] и Б[орисовым] я отправился на филинов, которых мы вскоре и обнаружили, но не там, где предполагали, а несколько западнее, на вершине горного отрога. Оттуда бóльшая размерами и светлее по окраске ♀ улетела еще далее на запад, тогда как более густо желто-коричневый ♂ направился вдоль горного ската на восток. Дважды-трижды садился свечою на выдающийся камень, но тотчас срывался (бесшумно) при приближении охотника. Так мы вернулись ни с чем, решив на следующий день в третий раз отправиться за «суровыми» птицами.

Вечер и ночь были довольно прохладные, тихие; филин, по-видимому, молчал.

8/VII, ♂. Едва взошло солнце, как стало пригревать как следует, а в 8—9 часов утра уже очень жарко, и в утесах в это время трудно-терпимо при хождении. Я и Борисов, мы много вы́ходили как раз тот участок, где накануне вылетели вечером филины; в результате — ничего. Я поймал вверху утесов несколько экземпляров интересных жуков, еще не пойманных в нашу коллекцию, и вернулся домой. Б[орисов] еще хотел попытать счастья и отправился на поиски Bubo на восточную окраину утесов, как раз туда, в те скалистые южные отроги, в которых накануне перемещался ♂ Bubo.

Неожиданно для всех нас в ночи вдруг заболел И. Д. Тугаринов: открылась старая внутренняя болезнь, выражающаяся в сильной острой боли левого бока. Некоторые приступы боли так сильны, что повергают больного почти в беспамятство. Очень жаль нам обоим прекрасного нашего спутника на экскурсиях, но не знаешь чем и как помочь? Хотя, со своей стороны, мы

предлагали выписать и доставить сюда всем ургинцам известного как искусного врачевателя доктора П. Н. Шастина. Ирина Николаевна поблагодарила за сочувствие, но говорит: «Немножко еще подождем — не впервой, авось и так пройдет!».

Сегодня китайцы принесли змею целой компанией, с веселым шумом. Я посмотрел и говорю: «Такие есть — не надо!». Они в один голос затвердили: «Хорошая, очень хорошая, мы долго ловили, далеко несли, возьмете — принесем других, темных, теперь мы знаем, где их надо искать!» — ничего не поделаешь, пришлось взять и вручить китаезам монету! Вообще говоря, как и вчера упоминал, настало время их максимального количества, в известных местах змей, серых гадюк, можно наловить столько, сколько нужно, змеи любят держаться у южных каменисто-глинистых обрывов, у их подножий, у каменных горячих плит.

Вечерком мы начали было вести сборы по поездке в гольцы, но тучи все более и более сгущались, а потом, от 7 до 8 часов, с ЮЗ пришла победоносно сильная гроза. Очень часто юго-западный горизонт неба до значительной высоты озарялся гигантской молнией, однотонной. На бледно-огненном общем фоне прорезалась ярко-огненная змея, красиво деля общее огненное небо на две части. Звуки грома не производили соответствующего впечатления: гроза подходила очень издалека и гром всегда потрясал много времени спустя после вспышки молнии и не сильно. Там, на месте, вероятно, была иная картина, там несколько ударов, вероятно, были катастрофического характера. Вечерний сбор насекомых и охотн[ичья] экскурсия из-за дождя не состоялись.

Дождь мелкий, очень спорый шел всю ночь, не перестал и утром.

9/VII, ☿. Земледельцы угодили богу вод, источнику орошения: влага сыплется с неба, как из рога изобилия. По горам ползут облака, горизонт короткий, все окутано мглой, зелень ласкает глаз, животные на пастбищах благодушествуют. Будем терпеливо ожидать просветления воздуха. Жаворонки, не взирают ни на что, поднимаются в облачную высь и поют так же звонко и ретиво, как и на солнышке.

Уже 3 часа дня, а дождь моросит не переставая, «бусит», говорят сибиряки-поселяне. До 1 часа дня было совершенно тихо, но позднее начал подувать порывистый ветер с разных сторон, тем не менее облачность и дождь прежние и так же по вершинам гор ползут или стелются кучевые облака. Кругом мокреть страшная, еще больше в лугах или в местах, поросших лесом или кустарником, где ветром сбрасываются не только отдельные капли, но и целые струи воды (нередко за шею).

Растительность во всех, даже в возвышенных местах оживилась и сделалась пышною.

Пожалуй, Сугу-нур опять зашумит и погрязнеет. Русло сплошь каменистое из окатанной гальки, его ширина до десяти саженей, в высокую воду заливается сплошь, в низкую — вода суживается, русло у берегов оголяется саженей до 7; глубина в местах бродов от 1 до 1½ и 2 футов, тогда как в высокую — до 5 или даже до 7 футов, и переправа невозможна не только из-за глубины, но, скорее, из-за страшной быстроты течения. Русло вообще часто дробится — делится на большие и малые рукава, затейливо изрезанные в своем стремлении ко дну долины. Берега частью низменные, частью

возвышенные, крутые, мало или даже совершенно недоступные без помощи технических средств. Мостов на всем протяжении Сугу-нура не имеется, лодок также, тем не менее рыболовы есть и успешно промышляют за рыбой на всякого рода крючки и ивовые морды, расставляемые в заездки. Рыбы: хайриус, линок, налим и усач.

Наша хатка благодаря ремонту крыши не течет, не печалит нас, как прежде, о чем я всегда с грустью и тревогой вспоминаю. Дождь падал сутки.

В ночи Сугу-нур зашумел сильнее, но все же не так, как в минувший раз, когда тащил и деревья, и землю, оторванную или подмытую у берегов, и гремел на всю окрестность.

10/VII, 2. Утро почти ясное, теплое. В воздухе отрадно, на лугах аромат и много влаги. Птички ликуют пуще прежнего. Пожалуй, можно собираться в дорогу — в разъезд к гольцам. Начинаем собираться как следует: все перебираем, откладываем, ведь, может быть, пробудем в отсутствии от 7 до 10 дней. Надо все это время использовать лучшим образом, надо побольше понаблюдать, побольше собрать, надо выполнить эту поездку самым лучшим, самым вдумчивым образом, чтобы на нее приятно можно было взглянуть. Только бы нашим спутником на все это время были счастье и всегдашняя лучшая погода.

В 10 часов утра прибыла к нам Ев[гения] Як[овлевна] Сахарова по личным делам, я, кроме того, навязал ей свои официальные и личные и обязал ее привезти мне из Урги почту и кое-какие мелочи. Со своей стороны для Ев[гении] Яковл[евны] я все сделал, что следовало сделать, и написал в спутники два аттестата.

В 1 час подул юго-юго-западный или, точнее, западно-юго-западный [ветер] при куч[евых] облаках и t 18.8°C. Гипсотерм[ометр] — t 95.5°. Воздух очень прозрачен.

Что обещает дать нам наша, по-видимому, очень интересная поездка? Только была бы отл[ичная] погода.

За время отсутствия моего здесь накопится масса всякого рода дел, а может быть, привезут и почту, и еще что-либо интересное.

После второго, повторного дождя природа, и дикая, и культурная, ожила и отливает сплошным изумрудом, выглядит здоровой, пышной, привлекательной. Крепкий западно-юго-западный ветер быстро выполнит свое назначение — подсушит землю и даст нам возможность сразу с успехом приступить к выполнению нашей задачи.

Сегодня, между прочим, я снял 4 или 5 пластинок, из них 3 типами, 1—2 видами на долину Сугу-нур, с прилежащими на левом берегу скалами, на первом плане лошади нашего домовладельца — Тугаринова.

Не знаю, удачно ли съездит за сарычами наш Павел. Сарычи поместились со своим гнездом в верхнем поясе боковых отрогов, на лиственнице, на ветви с ЮВ, на высоте 3—4 саженей от земли среди густого леса и еще более густого подлеска в виде высоких и наск[альных] кустарников. К северу открывается скат с лесом; к востоку и западу гривы и тоже с лесом, к югу, вблизи, — вершина отрога, но также очень густо покрытая лесной лиственнич[ной] растител[ьностью].

Я когда-то сидел там, кормил собою комаров; вокруг, по красн[ым] ододен[дронам], садились шмели.

Поездка в гольцы. 11/VII, ♀. Давно меня манили к себе дикие гольцы, суровые вершины хребта, верхний пояс кедра, и альпы, и каменистое, крутое, с шумным падением вод ущелье! И вот наконец цель, давно желанная, достигнута! Я, мой верный спутник Пшевик и егерь-промышленник Павел Борисов — наличный персонал разъезда; три верховых и четвертый вьючный конь — караван. Вооружение — винтовка и два центральных дробовика; припасы по ботанике, зоологии и проч. С нами палатка (прекрасная), спартанская кухня и проч.

Программа и маршрут: маршрут проходит Сугу-нуром, его левым притоком — Верьей, далее — правым притоком последней — речкой Безымянной, к соседству гольцов.

Так как в поездке на пути и даже в стороне из населения никого нет, то пришлось всем самым необходимым нагрузиться полностью. Ночные морозы обязали взять меховое одеяние-постели.

Выступаем в 8½ часа утра. Нас провожают милые Тугариновы, с которыми мы вместе прожили ровно три весенних-летних месяца, но они нас не встретят; они, как и мы, — скитальцы, перекочуют на верховье р. Толы вместе с Кочетовыми (как неразлучники). Сторожить наш уголок остается одна молодая милая девушка Василиса, которую мы для сокращения зовем Васей или Васишей. На ее молодое юное попечение остается все несложное и небольшое имущество. Впрочем, научное собрание — большое, в особенности в отделе млекопитающих и птиц, а равно и всех отрядов насекомых.

Итак, в ясное чудное утро мы в пути. Следуем правым берегом весь первый переход по знакомой для меня местности. Впечатление от дороги прежнее, хорошее, оно уже передано выше. Одно обстоятельство немножко задерживало нас в пути — это многочисленная перевьючка: наш вьюк сваливался на бок. Потом, конечно, все урегулировалось, пошло как надо.

Растительность обдавала ароматом, речка звонко шумела, горы и небо ласкали глаз.

Наше место стало похожим на бывший бивак, не было лишь самого главного — моего коша, моего шалаша: его сперли на соседнее бивачное местечко буряты-охотники на солонцах. Один из них еще тут проживал и в наш приезд сюда, [а сейчас] спал крепким сном. Впрочем, здесь спят все хорошо, в особенности спят крепко днем те, кто ночью чутко сидит на гольцах, на солонцах и караулит изюбрей. День мелькнул незаметно, на землю спустились сумерки. Тишина абсолютная, только неумолчно гремит речка, на которой наш Павел словил пару славных хайриусов и линка. Ночь звездная, прохладная.

12/VII, ♄. Ясно, тихо, обильная роса. Я укладываю вчерашний сбор насекомых, а Пшевик экскурсирует с ружьем за плечами. Выступаем, как и накануне, и идем вверх — тут же, вблизи, переправились на правый берег и им шли весь переход до Верьи.

По-прежнему правый берег долины Сугу-нура скалистый, сухой, обрывистый и, чем выше, тем с более частым залеганием отторженных и скопленных в массу больших и малых темно-серых или даже совершенно темных глыб (между прочим, в них любят ютиться и ютятся всюду каменные пищухи, а в верхнем поясе, в гольцах, — соболя), а левый — суровый темно-зеленый, снизу доверху убранный лесом. Какая противоположность

одного берега (южного склона) другому (северному склону)! Может быть, один дополняет другой. Оба сливаются в гармонию. Падение дна реки стало еще более выразительным, крутым. С севера и юга начали впадать притоки, громкие ручьи, чаще с юга, с полудня. Речного шума значительно прибавилось.

В общем, правый берег выше, левый — ниже; речка преимущественно жмется к левому берегу, или краю долины, или катится серединою и только в редких случаях бурлит у правых, нависших обрывов. Оригинальны и богаты растит[ельностью] и лугами пазухи правой стороны, где сложный рельеф местности дает возможность приютиться и лесному, и луговому участкам. При таких урочищах имеются следы кочевок монголов или бурят, тут много скелетов павших домашних животных. Тут они пасли свои стада, но обильная снегом зима нанесла кочевникам бедствие — многие лишились значительной части скота, иные совершенно обнищали.

У одной из таких стоянок номадов, в расширенной и приподнятой терасе правого берега, речка стремительно несется прямо на вас, стоящего на краю обрыва, ее рамками служит с той и другой стороны все тот же хвойный и лиственный лес. За вами тотчас Сугу-нур довольно круто поворачивает к югу и вновь теряется в зарослях. Стремительность и шум речки, высокий берег создают красивый уголок.

Гольцы понемногу приближаются: коричневые вершины выделяются контрастнее, равно отчетливее вырисовываются и кедры, стелющиеся по крутизнам гольцов.

Наконец и устье Верьи, зимовье. Долина скругляется, расширяется, и одна из малых речек, однако держащих направление к ВСВ, т.е. как и Сугунур, его продолжение под названием Прямая, становится бедной водой. Зато другая — приток Сугу-нура величаво катит свои в два раза большие воды и, слившись с Прямой, образует общую внушительную струю в 7—8 саж[еней] ширины при глубине в местах бродов 1—1½—2 фута. Эта левая данница Сугу-нура, Верья, привлекала наше внимание целиком. Недалеко от устья, мы видим зимовье, т.е. бревенчатую хибарку — приют русских, приезжающих поохотиться зимой или по орехи осенью. Место привольное, кормное, и русачки до него докатывают даже в телегах или санях.

Мы лично, миновав зимовье, прошли саженей 70—80 и остановились на правом берегу Верьи, там, где стоит группа лиственниц, у самой воды; даже палаточка приютилась между деревцами, да и весь бивак был расположен довольно скрытно. Вверх убегало и сжималось в узкое глубокое ущелье все то, что называлось Верьей. С востока вдоль правого берега красиво ниспадал луговой увал с выступами скал, окаймленными лесом. Скалы располагались в уступном порядке, амфитеатром, и вдали так поднимались высоко, что уходили в облака и за облака. Через них виднелась одна из вершин гольца, на которой долго-долго затем не погасали лучи солнца. В то время, когда у нас, в долине, были сумерки, а в соседнем ущелье ночь, голец играл красно-фиолетовым отблеском и давал возможность наблюдать темные ленты кедра, венчающего собою древесную растительность. Я ежедневно, когда не было туч и скрывавших голец облаков, любовался в это время далеким и высоким гольцом. Уже и тут чувствовалась дикость, жуткая тишина, а там, думалось мне, настоящая девственность, нетронутость. Там царит вечный покой, вечное немое безмолвие.

Вечером пронесся невидимкой большой гуран от испуга, полученного неожиданностью присут[ствия] людей. В ближайшую ночь, одновременно почти с нашим приходом, прошел по соседству с нами медведь. Мишка, видимо, не хотел навестить наш лагерь и подобру-поздорову отправился в соседнюю падь.

Ночь облачная, тихая. День, в общем, порядочный, в который я собрал кое-что из насекомых.

13/VII, ☉. Утро серое, облачное, в месте устья или слияния речек только что прошел кабан, его след приходится рядышком со следом медведя. Мой Пшевик вечно неутомимо экскурсирует по кустам и пышным травам в соседстве Верьи. Тут немало мелких певчих птичек: славки, пеночки, соловьи, чеканы (Pratincola), вездесущие Otomela, ореховки, плиски (белая и желтая), перевозчик, крохаль (с птенцами, проплыл скрытно под береговыми нависшими ветвями ерника*) и немного других, вроде большого пестрого дятла или черноухого коршуна.

В жаркое время дня П[авел] устраивал дымокур, чтобы облегчить страдания лошадей от оводов и прочих насекомых, а для меня был период наиусердного лова насекомых. Тут были почти одни и те же формы бабочек (Parnassius, Colias, Vanessa и др.), но зато жуков и мух прибавилось. С нами заодно увлекался ловом насекомых и наш П[авел], на которого приятно бывало смотреть, когда он, с сачком в руках, быстро преследовал аполлона. «Ну и хитрый же какой, и сильный, и вдруг взовьется вверх, словно птица, насилу поймал!». «Вот тебе кусочек сахара, садись попить чаю». И тут, за чаем, наш П[авел] озирается по сторонам, следит, наблюдает!

Около 2—3 часов дня падал дождь, много мешавший вообще нашим экскурсиям и почти ежедневно именно в этот период времени поливавший нас. Также часто мы наблюдали и любовались радугой, иногда очень эффектно перекинутой дугой над дикой частью ущелья.

П[авел] охотился в соседнем лесу, принес красную косулю,** только что вылинявшую. Говорит, что она ловко побила его (раненная смертельно в шею) задними ногами, как палками, по рукам, когда охотник брал эти ноги в руку, чтобы другой всадить охотн[ичий] нож в сердце дикарке. И косуля несколько раз ударила П[авла], прежде нежели он справился с нею.

Днем в белых кучевых облаках или в лазоревой синеве неба кружился орел-беркут. А вечером я опять любовался гольцами, их таинственностью, малодоступностью, дикостью. Голец просто-напросто пылал в огненном зареве отблеска заката. Такие минуты и такие картины меня захватывают всегда всего, целиком.

Сумерками летала мышь, которую П[авел] напрасно силился поймать в сачок, словно бабочку!

По случаю тихой теплой облачной ночи я хорошо ловил ночных бабочек. П[авел] поздно возвратился с лошадьми, которые стремились оставить нас одних и удрать домой.

---

* Низкорослой, темной березки, стелющейся сплошным ковром, по которому очень трудно пробираться не только пешему, но и конному. Местами без ножа или топора нельзя совсем пройти.

** Павел, между прочим, принес большой череп с рогами лося (не доставш[ийся] охотнику).

На утро назначен легкий разъезд к гольцам, в их соседство, с целью подыскать уютное местечко для бивака на несколько дней. Наметили сделать так: съездить налегке вдвоем, я и П[авел], проверить и изучить тропу и в конечном пути избрать уголок для остановки.

14/VII, ♑. Утро такое же, как и накануне. По соседству несутся голоса соловья, пеночки и славки. Пшевик мой уже экскурсирует по страшно мокрым кустам и высокой траве — все силится достать для изучения красивого горного темного маленького Pratincola. Мы с П[авлом] уже в дороге и у места крутого подъема на горный скат прощаемся с Пшевиком. Мы более и более втягиваемся в дикое глубокое ущелье. Тропа вьется змеей по луговому скату и меж огромных валунов и кустов, то поднимаясь, то опускаясь. Камни-глыбы так скучены, что в одном месте я сильно ушиб ногу (ее придавила к глыбе лошадь, силою напрягавшаяся взять крутизну). Рев реки на глубине ущелья, падение воды по валунам заглушают голос. На противоположной стороне крутой скат весь сплошь занят хвойным лесом. Красиво ущелье, и дико оно здесь как нигде. Только вверху полоса светлого голубого неба, внизу — тьма и сырость, холодная сырость погреба. Над пучиной летят одна за другой две речные скопы, Pandion haliaetus, высматривая добычу. Поочередно птицы посидели у вершины сухой лиственницы, ворочая головами в наблюдениях за проплывавшей рыбой. Мы следовали вперед, то спускаясь на дно Верьи, то опять поднимаясь на крутой скат ее правого берега. Порою на низких уютных террасах наблюдали остатки кочевий монголов, когда они укрывались от свирепых гаминов — красных китайских войск. Слева высились нагромождения глыб и участки лесной растит[ельности], справа тянулась беспросветная тайга, лес, лес и лес хвойный. Порою впереди в открытое, будто гигантское окно [пространство] выглядывали вершины гольцов. Вот наше ущелье превратилось в долину, вот Верья ушла на ЮВ, приняв Безымянный приток с востока, вот вид на три камня Гурбун-чулу, венчающие вершину гольца. Это направление, ведущее в то же самое время и к перевалу Верья—Хэрмлюк, это тот путь, которым в крайнем случае можно воспользоваться, чтобы не повторять прежнего маршрута; но этот путь вместе с тем более неприветлив и более недоступен. Этот район Гурбун-чулу дов[ольно] хорошо известен всем манд[альцам] в широком смысле, которые приезжают сюда ежегодно за орехами. Периодически орехов здесь бывает очень много, за орехами следует белка в большом количестве (ущелье Хэрмлюк — беличье), а за этой последней и промышленники.

Мы шли вперед вдоль течения Безымянной. Вся долина была сплошь устлана ерником, стелющимся сплошным серым ковром. Все, что в недрах ерника хранится, недосягаемо для вашего глаза: вы ничего не увидите. Порою только на вершине кустарн[ика] покажется та или другая птичка, гнездящаяся в гущине кустов. Вдоль течения речек стоят группами или даже одиноко высокие лиственницы. На 6-й версте ответвляется ущельице к СВ, с ручьем, громко и шумно ниспадающим в речку; здесь следы пребывания человека — золотоискателя. Здесь же брод, и тропа перебегает на левый берег, а вскоре и опять на правый, его крутой скат, и вьется так до следующего ущелья (8 верст, 40 и 44°), открывающего вид на вершины ближайших (12 верст) гольцов, их скатов с кедрами и всю дикость, им (гольцам) свойственную.

Тут еще большая речка, а за нею через две версты по главной магистрали продолжается все тот же характер, только долина суживается и перед самым сужением принимает с ЮВ приток от вершины гольца, а другая вершина отстоит к СЗ, мы к ней и направились и в урочище «Три дерева» остановились «чаевать». Это урочище мы наметили для места нашего последнего, близкого к гольцам лагеря. Отсюда предполагалось налегке совершить одну или две легкие (без вьюка) экскурсии.

На прекрасном корму здесь наши лошади благодушествовали. П[авел] варил чай, я занимался ловом насекомых. Повсюду раздавался свист или громкий писк каменной пищухи. На частое присутствие кабана указывали следы, рытье и купание или лежка в лужах, среди кустов, на протяжении тропинки. С места «Три дерева» можно наблюдать все типичные стороны долины, ущелья гор, их крутых скатов с глыбными россыпями. Чем выше, ближе к гольцам, тем таких россыпей больше, в вершинах гольцов сплошь россыпи. В россыпях обитают соболя, но нечасто. Обильны здесь пищухи, за которыми охотятся совы и сарычи. Из прочих птиц здесь можно указать лишь на одинокого бекаса, кулика-черныша, многочисленных кедровок или ореховок, орла-беркута и мелких птичек, отмеченных для Верьи.

Ознакомившись в общих чертах с новой, очень интересной местностью, ее особенностями, главным образом в естественно-историческом отношении, я с П[авлом] довольно ходко направились на главный бивак, на Верью. Было поздно, к тому же падал дождь, гремел гром. От ливня стояли под лиственницами и к 4—5 часам, едва прояснело солнце, вернулись к заждавшейся Пшевочке.

Ночь была для меня очень печальная — я заболел колитом.

15/VII, ♂. Как и ночь, утро очень холодное, 2.8°С. Речка стремительно катится по валунам и монотонно шумит; ветер то приносит речной гул, то его задерживает, смягчает, во всяком случае присутствие ее не забываешь. Я невольно совершаю нежелательные прогулки в кусты. Отличное состояние духа меня оставило: его словно никогда не было. Долго думал, как горю помочь, и ничего не придумал — лекарств никаких! Есть лишь спирт для сбора коллекций; взял его две чайные ложки с 4 воды, и получилось препротивное лекарство (водки я никогда не пил). Вот это единственное, что я принял, но главное — диета, вот что было моим обстоятельным лечением. Я охранял лагерь и только.

Мой неутомимый Пшевик возвратился с экскурсии с отличным экземпляром Pratincola, П[авел] привез несколько экземпляров жуков и мух из ущелья Верьи, с ее крутого склона, на котором еще только вчера мы собрали с ним первый сбор крупных Bombus'ов. Собственно говоря, ради них он и поехал туда, но как раз в этом отношении безрезультатно. Позднее я фотографировал нашу стоянку.

И сегодня, как и в предыдущие дни, от гольцов неуклонно приходят грозы и поливают наш район большим или меньшим дождем, вслед за которым проглядывает вновь яркое, горячее солнце. Вечер страшно прохладный, как и вся ночь, 3°С. Вода погрязнела и повысила уровень реки вдвое.

У меня окончательно выяснился колит; следовало тотчас же послушать совета Елизаветы Владимировны и спешить в Сугу-нур. Мне же казалось, что вдруг мне лучше, легче и я смогу поправиться при условии сохранения

диеты. У нас были белые сухари и отличный чай с сахаром. Я не мог допустить мысли возвратиться от гольцов, не выполнив строго всей принятой на себя научной задачи... И я распорядился наутро «вьючить!» и двигаться вперед, в урочище «Три дерева».

16/VII, ☿. Утро прекрасное — тихое, ясное. Речка не шумит, а, что называется, гремит, да еще как! Мы выступаем в 8 часов и достигаем места стоянки в 11 часов, в пути — 3 часа.

Путь по крутизне ущелья мы совершили удачно, но на каменной, глыбной россыпи с нами произошла неприятность: наша вьючная кобыла оступилась, попятилась назад и провалилась, зажалась большими, острыми глыбами, на дне этих отторженцев. Долго билось животное, силясь выскочить на свободу, помаялась и только с помощью П[авла] вскочила и перепрыгнула через глыбу на другие, более удобно залегавшие валуны. Устроившись, мы пошли успешно с детальными наблюдениями в пути.

От зол[отого] прииска к Гурбун-чулу шли строго в полуденном направлении; ключ бежал от СВ. Мы временно остановили наше [внимание] на первых (с СВ) вершинах гольцов. Они были так близко, так соблазняли нас остаться в них, этом ущелье, что трудно было удержаться. Однако мы ограничились одной лишь цифровой засечкой азимута 44°, общим наблюдением плоской седлообразной вершины и пустились вслед далеко ушедшему с вьюком нашему П[авл]у. Последний скрылся за горным увалом и успешно шагал среди ерника к урочищу «Три дерева», три лиственницы. На пути к нему контрастнее вырисовывались вершины гольцов на восток и на ЮВ.

На всем нашем пройденном сегодня расстоянии мы никого не встретили: ни зверей, ни птиц, ни интересных, ни неинтересных. И только попив чаю, каждый из нас принялся за свое дело: я за лов насекомых, мой Пшевик за кипячение гипсотермометра, определение температуры воды в речке, за своих любимых, унаследованных от меня птичек, за их наблюдение и препарирование. П[авел] неизменно своею заботою опекал костер, кухню и склад седел и вьючных принадлежностей; на кухне поварил, сбрую, в особенности путы и треноги, чинил и, только будучи вполне свободным, отправлялся на охоту.

К северу от нашего лагеря вздымались круто горные кряжи — отроги хребта, на их крутых боках залегали пятнами темно-серые россыпи — приют пищух и соболей.

Мой Пшевик ходил за птичками, но принес с собой пищуху.

Дождь и сегодня не забыл спрыснуть нас, а гром — громко разнести свои раскаты.

Вечер облачный, прохладный; долго кричали совы, пролетая вдоль ската.

17/VII, ♃. Ночь и утро также ясны, очень прохладные и очень обильные росой. Еще на заре пищухи свистят вовсю. Мне кажется, что только их одних и слышен голос, только пищухи нарушают полное безмолвие в этой угрюмой, скучной местности. Впрочем, дважды-трижды протянул Milvus melanotis, поперек его пути, быстро перебирая крыльями, пронесся Tinnunculus glandarius, и вдали издал тонкий свистящий клекот сарыч. Не обращали ни на кого внимания — это горихвостка Ruticilla aurorea и жулан, Otomela, которые в отдельности по-своему приветствовали утро своими голосами.

Однако состояние моего здоровья не улучшилось, а, как ни больно сказать, ухудшилось, я серьезно призадумался и стал, словно в последний раз, жадно любоваться скатами и вершинами гольцов. Как и прежде, они хранили холодную неподвижность, мертвый покой. По ним стлались или кедры, или альпийские луга или торчали еще более мрачные скалистые выходы. Красил их вечерний час заката, оживлял сизой дымкой или золотым пурпурным отблеском заката, «лучом румяного заката». Последний и первый лучи дневного светила приветствовали начинающийся и кончающийся день, суровые, дикие вершины и хребет — все гольцы оживлялись и становились торжественными. Вот тут-то невольно всякий почувствует несказанную красоту и величие природы.

Еще и еще хотелось ближе и подольше посмотреть на этот храм природы, вдумчивее, глубже вникнуть в него, а тут — холодный рассудок щемит сердце и подсказывает — смотри, будет поздно! С тяжелой болью я заставил мой дух смириться, подчиниться необходимости и решить: непременно и немедленно повернуть обратно.

Одновременно разразились две грозы — на западе и востоке, сверху и снизу речки. Мы занимаем нейтральную зону и совершенно спокойно начинаем снимать лагерь и вьючить наши походные манатки. Тучи щадят нас и не только на месте, но даже на протяжении первой половины дороги. Но зато от зол[отого] прииска до самой стоянки на Верье дождь не переставал кропить нас как следует. Мы были мокры, кругом нас — кусты, трава, дорожка или тропа также, и я не понимаю, как мы без каких бы то ни было приключений миновали не только второстепенные, но даже и главный, высокий, изобилующий острыми высокими глыбами скат. И только когда мы спустились в нашу Верьявскую долину и приблизились к месту нашей обсиженной станции, солнце улыбнулось нам! Мы наскоро развьючили лошадей и устроили наш лагерь. Только не мы, не я, — я мягко лежал благодаря заботам моего юного спутника, который, собственно, вместе с буквально мокрым П[авлом] ставил палатку и вообще устраивал бивак. Только теперь я всецело стал подчиняться разумному совету моей умной Пшевочки. Она написала еще сегодня вечером письма Бадмажапову, доктору П. Н. Шастину и нашему отшельнику ургинскому Андрею. А П[авел] назавтра, рано-рано должен их отвезти в Сугу-нур для дальнейшего направления.

Вечером приплыл туман, выкатился, как из гигантского мешка, [из] ущелья речки. Позднее над лесным скатом картинно поднялась Луна и озарила наш лагерь. Павел думал о поездке в Сугу-нур, заодно к своей семье, и хлопотливо собирался. И очень остроумно сушился у большого лиственничного костра, который он от души любил. Я погрелся, позавидовал всем здоровым, простился с П[авлом] и ушел в палатку спать.

18/VII, ♀. Ясно, тихо, сыро и очень прохладно. После вчерашнего дождя сушимся: все из палатки вытащили, самую палатку подняли за подол и подвесили к кустам. П[авел] уехал в 5½ часа утра. Две лошади пасутся по горному луговому скату. Пастбища вообще здесь пышные, богатые. Вьючная кобыла привязана у лагеря; те кони не уйдут и так, а эта убежит. В жаркое время дня они сами возвращаются в лагерь, становятся подле друг друга — навстречу, чтобы удобнее отгонять одному от другого насекомых. Именно становятся так, чтобы голова лошади, стоящей рядом, приходилась у хвоста

соседней. Эта, махая хвостом для себя, по-видимому, помогает еще более соседке, спасая ее морду от надоедливых оводов и мух. Оводов тут два, по крайней мере если не три вида. Очень интересен большой желтоватый овод, таежный или хребтовый, как его называют здешние обитатели. Сегодня мой Пшевик кухарит, я с трудом передвигаю ноги и с еще большими усилиями действую сачком, ловя наиболее интересных и под силу моим слабым теперь движениям [насекомых]. И здесь Пшевик помогает мне: ей удалось в самое короткое время поймать пять или шесть аполлонов, один краше другого. Опять стоим на самом берегу речки и слушаем ее неумолчный рокот. По-прежнему унылые берега оживляют крикливый куличок-перевозчик и белая с желтой плиски. Время идет неудержимо.

В 2 часа дня вдруг объявился П[авел], он сделал 60 верст расстояния с 1—2-часовым отдыхом дома. Все поручения Елизаветы Владимировны он исполнил. По приезде в Сугу-нур он направил вскоре Васишу с письмами в Мандал, с приказом немедленно ехать в Ургу за доктором. Наши Тугариновы только на два часа раньше оставили свое насиженное место. Вася их застала еще в Мандале в хлопотах и проч.

В наше отсутствие в гольцы ко мне приходила бумага — приглашение от гл[авы] монгольского правительства на совещание. Слышно, что кто-то побывал у меня, в Суцзуктэ, на раскопках.

Отдохнув некоторое время и взяв кое-что из нежной провизии для больного, П[авел] укатил к нам. По дороге обратно в наш Верьявский лагерь П[авел] наблюдал огромное количество всякого рода насекомых, в особенности мух и бабочек на цветах зонтичных растений.

Завтра направимся вниз, к дому. Вечер и ночь совершенно ясные, тихие.

19/VII, ♄. В 5½ часа утра вдруг громкий удар с молнией грозы прямо над нашей палаткой разбудил нас и заставил немедленно вставать! Кругом все обложило серыми или темными облаками. Вначале сильный, дождь вскоре перешел в медленный, тонкий, слабый. Речка зашумела громче. Я принял Olium ricini — приятно!!! Тем временем дождь перестал или перешел в очень слабый, облака поднялись, поредели, выглянуло солнце. Мы в пути: идем вниз довольно успешно. Отсюда вообще дорога, даже тележная, хорошая. Мы рассчитывали на ясную погоду и на успешную ловлю попутно насекомых. Но периодически дождь все же падал и мешал нам. Тем не менее в конечном результате мы совместными усилиями собрали немало мух и аполлонов. Даже я, больной, легко работал сачком с лошади, так как в ненастную погоду мухи, бабочки и жуки висели на цветах (преимущественно зонтичных) крепко, как гроздья, разве только некоторые жуки падали при слабом прикосновении к ним сачка, как переспевшие ягоды.

В интересной работе, часто заманчивой, мы быстро миновали наш старый стан — Хэрмлюк и продолжали подвигаться с прежним успехом. От долины Сугу-нура подымался пряный, ароматный воздух, вконец опьяняющий путника. Казалось, у меня стали прибывать силы. Мы, не доходя до сел[ения] Сугу-нур шесть верст, переправились вброд с правого на левый, или наш, берег. И какое счастье: ровно через ¼ часа вслед за нами пришел высокий дождевой вал, прибавивший [воды] в речке, и заставил ее потемнеть-погрязнеть и пуще прежнего загрохотать по каменному ложу.

Наш лагерь уютно приютился вблизи речки, в тени лиственниц и соседстве прекрасных покосных лугов, благоухающих ароматом множества цветов, на которых держалась наша добыча. У самой палатки я не мог не поддаться соблазну и ловил шмелей и всякого рода шмелевидных и пчеловидных мух. Мой П[аве]л укатил в Сугу-нур сказать, что мы по соседству, и поздним ночным временем объявился в наш лагерь.

Пшевик на экскурсии вспугнул красную косулю в 50 шагах; та, вскочив, медленно подвигалась вверх по косогору, зорко наблюдая за нарушителем ее покоя, ушки двигались, прогоняли мух, умные добрые глаза ни на миг не переставали зорко наблюдать за охотником, который стоял словно изваяние, но лишь только он пальцем провел по лицу с целью освободиться от непрошенных кровопийц, как косуля стрелою понеслась среди кустов и скрылась словно призрак.

Ночь ясная, прохладная, обильная росой.

20/VII, ☉. Ясно, тихо, холодно, росяно. Вода сбывает, становится тише и прозрачнее. Я попил чаю и уложил вчерашний обильный сбор насекомых. Прибыл посланный с письмом милого доктора Шастина, ночевавшего с К° в нашем уголке. Шастин молит приехать к нему, так как машина до нас не доберется, коня нет, а идти пешком — «говорят, болото по дороге, и дороги через болото не знаю». Славный человек какой.

Мы быстро собрались с Пшевиком и поехали в сопровождении посланного, который по дороге нам немало помогал. П[авла] я оставил в лагере, на месте. Все мне чудилось, что я приеду сам лично, чтобы дополнить богатый, разнообразный, интересный полный сбор насекомых. Но — увы, это не могло осуществиться. Долина полна жизни, жизнь ароматов. Яркое солнце, знакомая долина, исхоженные боковые ущельица сменялись одно за другим, даль прояснялась и расширялась. Наконец и желанный вид на наш тихий уголок. Задвигались, засуетились новые люди. А вот и сам симпатичный П. Н. Шастин, вручает письма, газеты. Говорим. Оригинальная встреча-свидание. «Какая борода, похудел!» — невольно проронил П[авел] Н[иколаевич], когда увидал меня, покидающего седло и рыжую кобылу.

После некоторого времени доктор предложил мне лечь, выслушал, ощупал, посмотрел язык и сказал: «Колит! Теперь этому заболеванию многие подвержены; у меня, — говорит Павел Николаевич, — и дочь, и два сына тоже больны в этом роде, но, конечно, странно, здесь, в долине, заболеть так». И тотчас же д[окто]р приготовил мне порцию Olium ricini на вине; я проглотил, даже не поморщился, и немножечко прилег. Продиктована мне была диета и проч.; в подспорье слабительному мне было оставлено некот[орое] количество прекрасных порошков Tunnalbin'a, по три в день, и т.д. Привезена была и кружка [Эсмарха].

В заключение К° наша, с д[окторо]м во главе, на машине Ц. Г. Бадмажапова, тою же дорогою направилась обратно в Ургу. Все так быстро произошло: Шастин из Урги, мы с гольцов, чтобы свидеться в Сугу-нуре, что минувшее кажется сном.

Мы предались чтению писем, газет. Правда, мне в последнее время мало пишут, также не балуют известиями и моего Пшевика. В газете «Правда» помещена на видном месте телеграфная заметка об археологических

открытиях моей экспедиции. Эту заметку милый П[авел] Н[иколаевич] прямо подложил мне, как больному, поднес первое нравственное утешение.

Вслед за ургинской компанией прибыла к нам из Мандал Евг[ения] Яковл[евна] Сахарова с нашими посылками, письмами и газетами же, направленными из Урги Андрюшей.

Новые разговоры, чтение и общение. Самое важное — привезли деньги для Суцзуктэ.

Из писем я получил из Петрограда два: одно от Достоевского, другое от Комарова с немецким письмом — предложением издать мой последний труд «Хара-хото» на немецком языке.

Под вечер мой Пшевик съездил в лагерь на Сугу-нур и перевел наш бивак в Сугу-нур. П[авел] усердно выполнил задание: наловил насекомых порядком.

Таким образом, наша поездка в гольцы окончена: наш караван возвратился восвояси.

После привольного спанья среди чистой природы хатка наградила кровопийцами.

21—22/VII ☽ и ☌. Эти два дня ничем особенным не были отмечены. Я лечился, поправлялся, строго выполнял предписание врача под наблюдением, самым внимательным, Пшевика. Теперь мы уже спали в соб[ственной] палатке, поставленной тотчас после 1-й ночи с кровопийцами, на лугу, на отлете из селения, — и как чисто, крепко и привольно спали. Я ложился вслед за вечерним метеорол[огическим] наблюдением — в десятом часу; мой Пшевик приходил позже. Вставали к 7-часовому утреннему наблюдению, пили чай и приступали к своим очередным повседневным занятиям. Наша девушка Вася понемногу осваивала свой труд, привыкала к уходу за нами и от времени до времени прыгала с сачком и приносила, радостная, сияющая, новые виды бабочек, мух и жуков. Мой Пшевик не забывал экскурсий, а я — писания дневника, приведения его в порядок после разъезда к гольцам.

Погода продолжала стоять сухая, ясная и днем дов[ольно] жаркая, с обилием мух, лезущих прямо в глаза, в нос, в уши и залетающих даже в рот. Первая земляника.

При всяком удобном случае мы поддерживаем связь со складом в Урге, с Симуковым, который старается пересылать нам все необходимое из припасов и корреспонденцию.

23/VII. Ясно, тихо, прекрасно. С раннего утра прозрачный воздух переполнен жужжанием насекомых. Всюду кругом голубое небо. Мух масса, в особенности вечером, к которым примешиваются гнусные комары. Тяжело все делать, тяжело экскурсировать. Около 3—4 часов дня над гольцами повисла гряда жемчужная из светлых кучевых облаков — красиво!

Вася принесла, между прочим, шесть отличных желтоватых экземпляров аполлонов.

П[авел] побывал в обоих Мандалах, сдал письма Воробьевой, а от Вильских привез в подарок свинины, масла и, что всего вкуснее и приятнее для меня, — земляники от милой их дочери, тоже Васи, которая сообщила мне очень интересные сведения о журавле-красавке и о дрофе, прирученных.

Вильские всегда любезны к нам и с нами и всегда стараются оказать нам внимание и гостеприимство. Почти всегда приглашают нас к себе погостить.

Вечер тихий, теплый, в палатке ютилось несколько ночных бабочек.

24/VII, ♃. Облачное, серенькое утро. Мой Пшевик укатил вверх по прав[ому] берегу Сугу-нура в охотн[ичью] орнитологическую экскурсию. Я отправил П[авла] в Суцзуктэ для установки связи с археологической группой, послав К[ондратьеву] подкрепление и проч. Очень хочется пообщаться, узнать, что там делается, каких достигли результатов не только путем раскопок, но и путем живых изучений, наблюдений и сборов по части монгольской природы. Кстати, в обмен на отправленное: деньги, бумагу для растений и энтомол[огические] ящички (2) — нам могут прислать птиц, млекоп[итающих] и гадов. Все это исподволь будет определено и вообще приведено в порядок и уложено для сдачи в дал[ьнейший] путь к СЗ. Итак, список №№ птиц, с присланными конечно, дойдет до 150 — ничего!

Павлов наконец-то прислал первую очередную весть о своем планомерном движении и работах как в области ботаники, так и в области зоологии (орнитологии) и немножечко энтомологии.

Сегодня слегка дождь полил сухую землю, воздух освежел, t понизилась, небо сплошь облачное, хотя запад в значительной мере посветлел и солнце уже полусветит: и светит, и греет.

Сегодня мне удалось привести в порядок текущую часть моего этого дневника. Дело в том, что в горы с собою я его не брал, ограничиваясь лишь конспектным писанием в самой дороге, и только по возвращении к себе в Сугу-нур я эти наблюдения занес сюда на протяжении 13—14 последних страниц.

Облачная погода понижает сбор насекомых иногда до целого нуля.

Сверх всякого ожидания погода к 5 часам дня исправилась и дала возможность добыть десятка полтора бабочек и мух; попались интересные экземпляры малых аполлонов.

Сегодня я написал С. Н. Родинову; это второе [письмо], первое третьего дня написано Комарову.

Изредка приятно также почитать и газеты. Урга прислала мне в дебри несколько номеров московских газет «Известия» и «Правда».

Следовало отметить, что в наше отсутствие мандальцы доставили нам парочку Dipus, ♀, мать с детенышем; последних было два, но мать одному из них — мертвому прогрызла череп.

Вечер и ночь были дивно ясными с абсолютной могильной тишиной (в горах и долине).

25/VII, ♀. Ясное, тихое, прозрачное утро; появилась роса. Дали открыты вовсю, ни единого облачка, ни единого пятнышка нет на чисто-голубом небе. Жаворонки давно смолкли, их песни сменились заботами по воспитанию детей. Сегодня год, что мы оставили Петроград.

Как сиро и одиноко стало в Сугу-нуре с отъездом отсюда Тугариновых и Кочетовых; нам недостает очень наших Тугариновых, к которым мы с Пшевочкой так привыкли. Приятно и то, конечно, что, в свою очередь, и они нам платили взаимностью и вниманием. Бывало, не видя Т[угариновых], посмотришь на кочетовскую хатку и там непременно увидишь кого-

либо из супругов или у окна, или подле дома-хатки; теперь окна у этой хатки заколочены.

Тем отраднее бывает видеть и слышать кого-либо из мандальцев; они нас не забывают и нередко заглядывают сюда. Ведь тут их недвижимость, а там — скот, который пасется в привольной пастбищной мандальской долине. Тут и хлебные поля, и жалкие огороды. Сегодня один из молодых людей привез пару змей, но все одно и то же; тем не менее большую по размерам, в линянии, я взял в коллекцию. Воробьев получил вознаграждение за свой лов.

Поспела, говорят, в горах земляника; знакомая молодежь приносит ее мне в виде подарка. Какой аромат всегда выделяется от этой благородной и полезной ягоды. Жаль только, что местные обитатели срывают землянику в недозрелом, еще зеленоватом состоянии.

Начал показываться на нашем дворе махаон — редкая для здешних мест яркая бабочка. На эту бабочку обращено особенное внимание, и она поэтому держит себя очень строго.

Ласточки реют в воздухе, щебеча свой симпатичный напев; стрижи с визгом проносятся из одной стороны в другую. Сегодня лес и скалы молчат, словно в вечном покое, завороженные.

Днем воздух не дрогнет: в 2 часа температура воздуха 26.5°С. На солнце ощутительно жарко.

Мы сидим преимущественно в хатке, с раннего утра до поздней ночи открытой настежь.

Наш П[авел], вероятно, охотится в Суцзуктэ. Завтра к вечеру его можно будет ждать обратно. Вместо Тугаринова мы оба начинаем привыкать к Павлу, в особенности после разъезда в гольцы.

Приезжали Вильские (старики), побеседовали с нами за чашкой чая, привезли кое-что из продуктов и гостинца в виде земляники от моей любимицы Васиши. Старику я дал свою винтовку, поохотиться в ущелье Баингол. Как-никак, но мне всегда бывает интересно побеседовать с этими сведущими, бывалыми людьми. Среди всякого праздного разговора что-либо попадется и очень интересное (вроде сказ[а] о змеях).

При расставании, как водится, они очень просили к себе — «всегда с нашим удовольствием».

Ночь ясная, яркозвездная, тихая, только с вечера ежедневно недолго тянет горный бриз.

26/VII, ♄. Видимо, сухая, ясная погода установилась: и сегодня с утра солнце припекает как следует. Росы не было, горизонт очень широкий. Растительность в своей пышности дошла до maximal'ных размеров. Пора косить, но здесь, по монгольскому уставу, косьба трав начинается с начала августа нов[ого] стиля. Буддисты косьбой норовят minimum уничтожать живые создания, водящиеся в траве, как-то гнездование и вывод птицами молодых, а главным образом — мир насекомых.

Приезжала из Мандал «семейская», доставила письмо д[окто]ра Шастина и кое-какие припасы — неостроумно доставила из Урги мясо (бычье), которое теперь уже подванивает. Кто его заказал?

Из письма П[авла] Н[иколаеви]ча видно, что наш Тугаринов очень болен: у него язва в желудке. Таким образом, на его участие по поездке в Монгольский Алтай нет никакой надежды.

Сегодня, кажется, один из жарких дней — 32.2°С, тихо, тонко-перистые [облака] на ½ неба.

Под вечер возвратился из Суцзуктэ наш Павел, привезший с места раскопок четыре ящика с коллекциями: археологией (керамика) и зоологическими образцами (млекопитающими, птицами (54), ящерицей, змеями и проч.). Вся основная археология, целиком вся ботаника и тек[ущие] сборы птиц и млекоп[итающих] остаются до поры до времени на складе в Суцзуктэ. Кондратьев в своем отчете пишет об извлечении находок из кургана № 23, что у трех сосен, о работах и нулевых результатах в мал[ых] курганах и существенном, на будущую задачу, новом заложении средней величины кургана и самого большего, № 25, доминирующего над правым крылом группы Суцзуктэ. Теперь, следовательно, недели через две может быть выемка очень интересного кургана, в котором мне лично не нравилось одно обстоятельство — слишком глубокая воронка в этом интересном кургане № 25.

Текущий сбор зоологический нового особенно не прибавляет, но зато дает значительное приращение материала вообще; увеличивается список каждого или почти каждого отдела, в особенности орнитологического. Там дело сбора коллекций поставлено вес[ьма] удовлетворительно. За весь летний период группа Суцзуктэ даст большой материал, помимо основной своей археологической задачи, в естественно-историческом отношении. Так, изо дня в день, понемногу, Тибетская экспедиция научно работает, накопляет богатство и строит научное здание.

По дороге в Суцзуктэ П[авлу] удалось убить из винтовки двух орлов, сданных в Суцзуктэ.

Вообще говоря, в долине Цзурумтэ, где проживают кочевники, П[авел] наблюдал немало орлов и стрелял еще по двум-трем, но безрезультатно. Жаль ему, по его словам, темного большого орла, который сидел высоко на камне и по которому он дал «непростительный» промах.

27/VII, ☉. Полуясное, теплое, тихое утро. С раннего утра мы с Пшевиком приступили к разборке, научному определению и сортировке суцзуктинских естественно-исторических сборов. Я возился с млекопитающими и змеями, Пшевик, по-видимому, засядет на несколько дней за определение и описание птиц. Еще новое занятие, и время бежит-бежит.

Почта «полевая» принесла единственное письмо мне (от Володи) и телеграмму Кондратьеву. Володя сильно беспокоится, что жалованье за май не прислали; письмо его от 28/VI — пора!

Сегодня после обеда очень хочу проехать с П[авлом] вверх, пособирать насекомых и понаблюдать. Проехал, жара смертельная, на солнце свыше 40°С, ни малейшего дуновения ветерка. Весенних ликующих голосов птиц также не стало, видели испуганно снявшегося и переместившегося недалеко в траву бекаса и кукушку, молчаливо сидевшую и перелетевшую затем через поляну, и только; а вчера в такое же время у дома быстро пронесся, сопровождаемый крикливой процессией мелких пташек, сокол-чеглок. В общем, невзирая на расслабляющую истому, собрали порядочное количество бабочек, преимущественно Parnassius (больших и малых, бледных и контрастных). Помимо бабочек собрали мух, большей частью осовидных; в жаркое время с ними надо быть очень осмотрительным и очень осторожным. В конце концов, при пересадке мух

из сачка в морилку непременно будешь ужален осами или шмелями, а то и просто укушен любой мухой.

Любопытное явление я наблюдал, перебирая спиртовых змей. Обычного типа гадюка длиною несколько менее аршина проглотила полевку, Microtus, целиком, толще себя. Зверек лежал посередине общей длины змеи с нераздавленным черепом, отчего гадюка была необычно толста. В общем, все змеи, взятые мною в коллекцию, равно и все прочие, которых я не брал, не оплачивал за ненадобностью, все местные змеи заключали у себя под кожей много жира.

Сегодня день еще более жаркий, нежели вчера. Теперь бы только косить!

Вечером, около вечернего наблюдения, до поздних часов ночи на СЗ играла зарница.

Ночь была необычайно душная, сухая, жаркая, сопровождавшаяся массою мух и комаров, положительно не дававших покоя и возможности уснуть!

Необычайное явление произошло у нас в селении: у Смертина украли лошадь; черт знает что за безобразие! Обыкновенно здесь тишь да гладь, и вдруг воровство чуть не среди белого дня: встрепенулись, не могут понять, что и как, кто и откуда, а лошади нет как нет.

28/VII, ☽. Как и ночь, утро пасмурное, сухое и очень душное, со всеми неприятными явлениями. Мой Пшевик с раннего утра экскурсирует вверх по долине Сугу-нура, для этой цели в ее распоряжении серый иноходец, немного тяжеловатый, но зато очень смирный. Вчера, например, с седла на нем я успешно ловил аполлонов и других бабочек.

Вчера и сегодня вожусь с упаковкой и сортировкой коллекций, больше всего с птицами.

Только что уехала симпатичная женщина Евг[ения] Яков[левна], обязательно поддерживающая нашу связь с Ургой — складом и метеор[ологической] станцией. Она привозит нам всякого рода подкрепление и письма; в свою очередь, отвозит в Ургу и нашу корреспонденцию. Теперь, сегодня, привезла деньги, а увезла корреспонденцию и новый заказ на продукты и присылку почты — писем и газет. В Китае, читаем в газетах, наводнение, но ведь это повторяется в низов[ье] Хуан-хэ ежегодно: прорываются плотины, заливаются поля и наряду с ними бедное (по бол[ьшей] части) земледельческое население. Между известными районами прекращается, временно конечно, связь на время б[олее] или м[енее] продолж[ительное].

Сегодня китаец принес интересный вид большой, равномерной толщины на всем протяжении [змеи], до заднего прохода; отсюда вдруг начинается утонение до сам[ого] хвоста. Это второй такой экземпляр, добытый в Сугунуре, первый был добыт Никиф[ором] Воробьевым.

Сегодня после дождя стало заметно прохладнее: в 7 часов было 25.4°C (в 13 часов 21.4°C), выше, нежели в 13 часов; такая духота до дождя и такая прохлада — после.

Пересортировал спиртовые коллекции и уложил ящик с птицами (63 №№, считая и белку с пищухой) для отправки в Ургу и далее в Петроград, в Зоологический музей РАН.

Так весь день занят, и время бежит незаметно: один день сменяет другой!

Необычайное оригинальное и вместе с тем эффектное зрелище на небе я наблюдал сегодня около восьми часов вечера. Сквозь перистые облачка

солнце посылало последние лучи на гряду противоположных светлых кучевых облаков, окрашивая их в огненно-розовый цвет, переливавшийся подобно опалу. Словно караван, гряда причудливых облаков подвигалась над горизонтом, вдоль гребня гор, к северо-востоку. На смену передовых выступали последующие вершины, такие же очаровательные по красоте. На протяжении пяти минут этот юго-восточный угол небесного свода приковывал к себе все мое восторженное внимание. Едва солнце скрылось за надвинувшимися более мощными облаками, как очаровательное явление исчезло.

Ночь облачная, с порывистым ветром от гор. С вечера летали ночницы и всю ночь комары. Все говорят, что в долине Мандал ни комаров, ни оводов нет и мандальцы счастливы.

29/VII, ♂. Облачно, серо, падает мелкий дождь, горизонт короткий, в воздухе полная тишина. Надо вызывать Кондратьева для приведения отчетности в порядок и сдачи ее в полпредство. Еще более необходимо заглянуть в Баин-гольское ущелье с целью ознакомления с его общим характером и пособирать насекомых. Это необходимо; там, между прочим, имеется сумэ.

Приготовлен второй ящик к отправлению в Ургу и далее в Зоологический музей РАН (с маммалией).

Теперь на очереди стоят спиртовые коллекции: желательно два бидона заделать в один ящик.

Как приятно было узнать, что у нас, в Сугу-нуре, воровство лошади явилось вымыслом; хозяин лошади с плеча стал вопить: «У меня украли лучшего коня». Сосед ему вторит, что очень поздно его злые собаки лаяли отчаянно и сам он видел во тьме проходившего подозрительного человека подле домов обывателей. А сегодня вдруг лошадь нашлась у баин-гольских китайцев, забравших ее к себе во двор во избежание излишней потравы.

С раннего утра, вернее с ночи, падает дождь, обложило кругом; просвета нет, к вечеру дождь как будто еще усилился. Он не сильный, он, как говорят наши сибиряки, «споркий», подходящий, самый такой, какой нужен для поливки наших хлебов, — это кстати, отлично! Появилась желанная, приятная прохлада. Можно будет выспаться, не будет кровопийц.

Всю ночь с незначительными перерывами шел дождь. Стало грязно, сыро.

30/VII, ☿. Горы в облаках, дождь продолжает сеять. Вчера вечером в палаточке пойманы две ночницы, и это случается ежедневно. Вся растительность обмыта, уснащена влагой, пропитана ею до полноты. По густой, высокой траве шагу ступить нельзя, чтобы не вымокнуть настолько, как будто окунулся в воду с ног до головы. Кровопийцы исчезли. В 9 часов утра смотрю на долину Сугу-нура и прилежащие к ней горы: в тишине все словно застыло, воздух не дрогнет, облака стоят неподвижными.

Дождь перестал падать. Невольно чувствуешь, что поворот будет скоро в обратную сторону.

В 10 часов утра облака поднялись значительно, на небе появились голубые красивые озерки, те голубые окошечки, которые всегда в душе приветствуешь после ненастья. Сугу-нур еще тих, еще дождевая горная волна не докатилась до нас, но это скоро произойдет. Сугу-нур сам об этом известит, он загремит с такою силою, шумом, что нельзя не знать, что грозный Сугу-нур «катит».

Здесь, в горах, в сильное ненастье обыватели бывают отрезаны от окружающих: в одну сторону не пускают Сугу-нур, Мандал; в другую — соседний Сугу-нуру на юге Баин-гол. Все эти речки переполняются дождевыми водами и представляют из себя временное серьезное препятствие. Но затем, вследствие крутого падения, спуска, вследствие коротких сравнительно расстояний убыль высокой воды так же скоро дает себя знать, сколь скоро и появляется. Тем не менее обыватель считается с большим или меньшим ненастьем и поступает в соответствии с развитием этого последнего. И сейчас вновь, как не так давно, весьма кстати дождь — земледельцы ликуют, их лица сияют радостной улыбкой. Позднее полудня Сугу-нур загремел, но не так сильно, как предполагали. Не всегда бывает так, что когда падает дождь, то этот дождь гольцового происхождения, он может быть местного или бокового, противоп[оложного] гольцам, и тогда Сугу-нур не очень поднимается, но когда гольцы и местное действуют совокупно, как это было однажды, — Сугу-нур становится неузнаваем, Сугу-нур гремит, и переправы вброд прекращаются. В конце концов день разгулялся совершенно, на солнце стало тепло и даже жарко, в воздухе появились насекомые, и я усердно и успешно ловил их. Дали, равнинные и горные, открылись, и опять стало привольно и радостно кругом. Опять можно любоваться вершинами гольцов и тем щетинистым гребнем у Цзурумтэ и Суцзуктэ, где сосредоточены раскопки Тибетской экспедиции.

Был у меня Ф. Н. Воробьев, отец нашей девушки Васи, некогда богатый человек, много рассказывал интересного из прошлого и настоящего. Он отец большой взрослой семьи, с прекрасной женой, с детьми, много исполняет поручений экспедиции как здесь, так и в Мандалах и даже в Урге. Никто не собрал для меня или экспедиции столько змей, сколько собрали вместе отец и сыновья Воробьевы.

Какие крепкие сибиряки! Главе семьи 61 год, и он хоть бы что — совсем молодец. В равной степени молодцом выглядит и его Леонтьевна — мать 10 детей.

До 6 часов вечера можно было заниматься, и довольно успешно, кошением сачком по пышным цветущим растениям всевозможных мух и клопов. А сколько их еще разлетается из сачка и нередко бесследно, когда собираешь их в морилку. Следует придумать способы и приемы, как поступать наиболее продуктивно, извлекая часто богатую жатву путем кошения. Одних мух и клопов собиратель тщательно складывает в морилку, другие его кусают самым неотвязчивым образом. Особенно надоедливы и упорны к кусанию всякого рода насекомые перед дождем.

Я твердо уверен, что в отделе мух, как и в минувшее путешествие, в сборах настоящей Тибетской экспедиции непременно будут новые виды, а может быть, и роды. Ведь так детально Монголия, в частности район, занятый Тибетской экспедицией, никогда в естественно-историческом отношении не подвергалась исследованию. В отделе жуков и бабочек новые виды трудно отыскать, но не невозможно.

Позднее 6 часов пришла грозовая туча с запада, гремя и сверкая неб[есным] огнем. Сделалось темно прежде времени. Сухость воздуха исчезла, словно во сне.

Ночь полуясная, тихая, прохладная. Тишину ночи нарушает и будит гремучий Сугу-нур.

31/VII, ♃. Ясно, тихо, тепло, воздух полон жизни ликующего мира насекомых.

Павел наш еще вчера, несмотря на ненастье, укатил в северный горный район, верст за 25.

Сугу-нур притих, шума волн его мы опять не слышим; но, как пышны, богаты травы в долине и горах, трудно себе представить. Я все мечтаю о поездке всей нашей компанией в ущелье Баин-гола. Пшевик поэкскурсирует за птичками, П[авел] с винтовкой за зверями, и я с Вассой займемся ловом бабочек, мух и других насекомых. Издали виденная в целом падь «Богатой реки» меня продолжает манить к себе и по-прежнему очень интересовать.

Сегодня утром, когда я обычно укладываю насекомых, наловленных накануне, я любовался этими последними: появились новые бабочки — сумеречные и ночницы, появились или добыты просто интересные мухи, каких раньше не было, а среди шмелей также пойман в одном экземпляре одноцветный — золотой, новый! Клопы появились, не замечаемые раньше; вот только по части жуков нового, не собранного ранее пока что не встречается.

Наконец объявился налицо Воробьев Л. Я., благополучно возвратившийся с ключей (с вод газовых). Говорит, дочь, ради которой он ездил, очень поправилась, отдохнула, порозовела. Мальчик Сахаров Алексей приехал в компании с дядей Лавре и привез мне в коллекцию трех молодых Dipus'ов. Жаль, что мать ушла, не поймана, хотя в наших сборах самочки тушканчиков имеются.

Отъезжающему Воробьеву я сдал три ящика с экспедиционными коллекциями (два с зоологией — млекоп[итающие] и птицы, один, тяжелый, с археологией — керамика) с наказом послать или, точнее, направить их оказией в Ургу, на склад Тибетской экспедиции, в частности Симукову. Во избежание недоразумений снабдил посланного бумагой.

Пшевик ушел в соседние южные горы собрать или пополнить собранные растения.

Таким образом, сегодня конец июля, а с 25/VII пошел другой год, как экспедиция оставила Петроград.

Ночь тихая, довольно или почти совершенно (позже 9 часов вечера) ясная, Сугу-нур спокоен.

Планеты и звезды первых величин ярко-ярко блестят на чистом безоблачном небосклоне.

1/VIII, ♀. Итак, сегодня уже 1 августа — начало последнего летнего месяца. Интересно, какая будет погода предстоящей осенью? Если обычная для этой страны — сухая, ясная, то возможность производства всякого рода научных исследований может продлиться не только до половины сентября, но даже и позднее недели на две. Интересно также, что даст нам этот предстоящий месяц в совокупности научных изысканий: полагаю, что месяцы июль и август должны быть самыми продуктивными, потому что на этот период целиком все мои группы и я сам лично могу работать максимально, так как все на местах — это во-первых, во-вторых, богатство растительности и животного мира максимальное. Если счастье не отступится от нас и на последний месяц деятельности — сентябрь, то можно будет ожидать от экспедиции посильного успеха, посильного вклада в науку.

Погода великолепная, день разгуливается на славу, воздух абсолютно чист и прозрачен.

Мой Пшевик с ранней зари на орнитологической экскурсии, в одном из второстепенных боковых лесных распадков (небольшой пади) правого берега Сугу-нура, в новом месте.

Сегодня ждем с дальней экскурсии нашего Павла Борисова, очень интересно, как она разрешится, чем?

Пшевик возвратился ни с чем и ни с кем, кроме запаса наблюдений и туесочка с букетом земляники, собранной на вершине увала, т.е. высшей точке своей экскурсии. Из замеченных птичек заслуживает наибольшего внимания поползень Sitta, пищуха Certhia familiaris fulnilui, и немн[огие] другие. Виноват, Пшевик подстрелил отличную, совершенно вылинявшую белочку, ♂, темную, с серебристым налетом и с белым брюшком.

После обеда я пошел на соседний остров и сделал большую глупость. Самое жаркое время, тишина, мух и всякой, в этом роде, гадости масса, а я хотел отличиться, показать свою бывалую удаль и стал ловить всю эту кусающую дрянь, конечно, извелся, очень не везло вообще, несколько интересных экземпляров выпустил уже из сачка, а пойманных испортил (тяжелыми шмелями и осами легких бабочек) и, в конце концов, в душе выругав себя, как я только умею это делать, раскислый, как толстовские бабочки, возвратился домой и, переодев сорочку и умывшись, сел за стол, чтобы строчить эту маленькую вставку в общую дневную запись.

П[авел] возвратился в 4 часа дня со степным орлом в коллекцию и красной козой на мясо.

Около 6 часов дня с СЗ пришла гроза и полила обильным дождем землю. К 10 часам в[ечера], однако, все тучи исчезли с неба и оно блестело вновь яркими звездами. Ночь была прохладная, с порывистым горным бризом. До позднего вечера я с П[авлом] провозился со степным орлом.

2/VIII, ♄. С раннего утра солнце светит вовсю, небо нежно-привлекательное, голубое, воздух прозрачен, как только может быть прозрачным в горах после грозового дождя. Кругом мокро, сыро, все до крайности насыщено влагой.

Мы (я и П[авел]) доканчиваем препарирование степного орла. П[авел], еще только начинающий помощник, все работает по указке; другое дело Тугаринов, тот вполне обучен и усвоил в теории и на практике умение препарировать бол[ьших] птиц, в особенности хищников.

Приготовляемся в горы, в экскурсию в Баин-гольское ущелье с целью ознакомиться с этим богатым уголком в естественно-историческом и других отношениях.

Выехали в 11 часов утра: я, Пшевик, Васса, Павел с сыном. Мы трое верхом, П[авел] с сыном в телеге, нагруженной палаткой и походными принадлежностями. Провизии взяли на 3 дня. Для меня лично этот путь в Баин-гольское ущелье очень знаком. Горы и долина-ущелье на виду для всякого проезжающего. Не было знакомо в деталях ущелье от своего устья и далее, выше. Хотя все ущелья от главной оси системы Кэнтэя — Сугу-нур и Баин-гол — одно на другое похожи, разница в размерах.

Мы поднялись на вершину перевала горного отрога, отделяющего Сугунур от Баин-гола, и тотчас свернули влево, к ВЮВ, мимо сложной сети арыков, вдоль этих канав, орошающих поля с пшеницей. Миновали кит[айские] постройки, затем пышные, богатые луга, граничащие с посева-

ми, втянулись в ущелье и им прошли, нашим же, правым берегом, версты три, мимо столба с изображением Будды, мимо разрушенного буд[дийского] храма и там, где выдувные гранитные ниши *... подошли к самой дороге у переправы через Баин-гол, на лев[ом] берегу остановились.

Еще ¼ часа, и наш несложный бивак был готов; далеко белела наша палаточка. Таким образом, по моему определению, мы сделали 7½ версты пути. Место нашего лагеря было превосходное: с одной стороны бежала прозрачная речка с высокими, уступами нагроможденными береговыми скалами, с другой — залегала поляна с разноцветными душистыми травами, и у самой речки и родника — лесная растительность.

Баин-гол берет начало в главной части Кэнтэя, в южных склонах хр[ебта] Манхадай. Направление его, как и Сугу-нура, близкое к восточному, 75°, 78°. Дно каменистое, крутое, извилистое, окаймлено древесной и кустарниковой растительностью. Местами долина расширяется, местами сужается. Левый, южный, склон носит степной характер, правый, сев[ерный], склон — сплошь лесной. Долина очень богата лесом и сенокосами и вполне оправдывает свое название «Богатая река». В наше время ширина водной части простиралась в месте брода саженей 4—5, при глубине около одного фута; имеются быстрые каменные перекаты, но есть и тихие глубокие места — омуты, в которых держится та же рыба, что и в Сугу-нуре, преимущественно линок и хайриус. Эти два вида всегда излавливали мои спутники, и П[авел] прекрасно их приготовлял, точь-в-точь как готовят шашлык — на вертеле. Необходимо подсолить обе половины рыбы (ее разрезают вдоль) и непременно приготовлять, собственно жарить, на легком огне, чтобы не подсушить. Удачно приготовленный линок или хайриус — лакомое блюдо, сочное, приятное, вкуснее жаренного в масле на сковороде.

С места, едва мы только разбили лагерь, как стали заниматься каждый по своей специальности. Ведь у самого лагеря место великолепное и для ботаника, и для зоолога по всем отделам этой науки. Лично я усердно занялся ловом насекомых, мой Пшевик — охотн[ичьими] экскурсиями на птичек. Подле нас в синеве неба кружили орлы-беркуты, реже пролетали степняки Aqu[ila] orientalis, коршуны Milvus melanotis надоедали и не прочь были стащить что-либо съедобное. Однажды протянул вверх по долине Circus. Там и сям отмечались черн[ые] вороны, в скалах-нишах — филины, на выступах — пустельга. Подле утесов веселой компанией носятся стрижи и ласточки (нескольких видов), у самой речки куличок-перевозчик и белые с желтыми плиски, в лесу — пеночки, овсянки, в степи, по гривам — выступам скал — чеканы. Вот тот несложный мал[енький] список птиц, попадающихся на глаз всегда, если упомянуть еще про кам[енных] дроздов, дроздов вообще и синиц и синичек до долгохвостых включительно, то и будет чуть ли не полный список, за исключен[ием] пернатых, обитающих в верхн[ем] поясе гор: дятлы, ореховки, тетерева, глухари, сойки, клесты, Uragus sibiricus и немн[огие] другие, как Hennaia et Buteo, Archibuteo. П[авел] ушел на охоту с целью добыть мяса козы и т.д.

За ловом и другими делами не заметили, как угас день. По небу загрохотал прор[ок] Илья, стал сеять дождик; температура возд[уха] стояла вы-

---

* *Далее слово неразборчиво. (Прим. сост.)*

сокой, было тихо, душно, и ночных бабочек на палатку, освещенную свечой, налетела масса; к сожалению, разнообразия было мало — вида три, не более. Особенно многочисленной была бабочка иссера-голубая, ее можно было изловить до ста экземпляров. Меньшая по количеству, но изящная желтая стояла второй, и наконец, совсем в редкость были знач[ительная] по размерам, словно совушка, и совсем маленькая — стальная плоская, и все.

3/VIII, ☉. Утро рассвело прекрасным, теплым, ясным. После чая все разошлись, каждый получил задание. Я остался на биваке, вокруг которого и ходил, и бегал — ловил мух, шмелей, бабочек и в этом достиг вполне удовлетворительного успеха. Я начал было горевать, что не захватил лишнего ящичка для укладки насекомых, но потом, при известном размещении части насеком[ых] в коробку, части в морилки (4), все обошлось хорошо.

Мои Пшевик и П[авел] положительно рыскали за филином, но неудачно: шельмец удачным взлетом из травы и скал срывался так, что его ни разу не удалось подстрелить, всегда он избегал выстрелов. В недрах скал, в нишах, ламы, вероятно соседнего монастыря, находили время молиться, воскуривать фимиам. Это местечко, видимо, посещалось и теперь продолжает посещаться молящимися. Здесь устроено собрание цац, подвешены хадаки, молитвы, есть интер[есное] для номадов изображение лошади и изречение. В извест[ный] праздник принято изображение лошади на бумаге бросать в степи с холмов,[111] где ветер подхватит бумажечки и разнесет в степи или пустыне, и, может быть, попадут такие кони на заблудившихся в степи и помогут им спастись. Я спрашиваю: «Кто разорил храм?». Получаю в ответ: «Гамины», т.е. красные китайцы, которых так удачно прогнал и разгромил «барон» Унгерн.

Около 3—4 часов дня я произвел три фотографических снимка вблизи нашего лагеря с долиной речки и скалами, отвесно ниспадающими к громкому прозрачному Баин-голу; затем с П[авлом] мы также разыскивали филина, а потом, более успешно, ловили аполлонов.

Второй день прошел для нас так же удачно, как и первый.

Сегодня наш бивак посетили: русские, наши соседи и Вильский Ваня, монголы и вновь русские — красноармейцы, осматривавшие покос. Ваня наловил нам очень быстро рыбы в подарок, и мы, таким образом, имели сытный, вкусный ужин.

Ночь была свежая, спалось отлично: палатка успешно уберегла от комаров и друг[их] кровопийц.

4/VIII, ☽. Наступил третий и последний день нашего пребывания на Баин-голе. Утро такое же отличное, как и вчера. Впрочем, сегодня чувствовалась особенная жара, сухость, духота. Позднее ветер поправил дело и прогнал лишних комаров и мошку, но какие-то кусаки-мухи все же остались, облачность усилила духоту, и стало очень тяжело; тем не менее мы и этот день, до ½ 5-го часа дня провели у живописных скал с большою пользою для дела.

Все собирали, ловили, укладывали. Васса и Кеша усиленно, между прочим, собирали красную смородину и, не боясь последствий, поглощали ее в большом количестве. Это среди дел. Вася много и хорошо ловила и бабочек, и мух и удачно отыскивала жуков, хотя самую большую пользу она

приносила энтомологии тем, что замечательно умела «косить» насекомых. Каких только мух и клопов она не приносила мне в общую коллекцию! Можно смело сказать, что среди ее лова, вероятно, найдутся новые формы, новые вид и подвиды.

В мое отсутствие на охоту мимо нас проехали Вильские — мать и дочь. милая Вася, которая прислала мне в дар с братом Ваней кузов дикого крыжовника, собранного ею вверху по Баин-голу, что-то верст 15 выше нашего лагеря. Вообще, я должен заметить, что Вильские — очень милые люди: внимательные, гостеприимные — просто прелесть! И постоянно они присылают мне всякого рода гостинцы: мясо, рыбу, ягоды. Я не знаю, сумею ли я лично отблагодарить их, в частности В[ассу] Н[икандровну] за ее исключительную любезность и доброту!

Итак, в 5-м часу мы прощаемся с обсиженным местечком у дороги между речкой (шумной) и тихим-тихим родником. Прощайте, художественно расположенные скалы, лес, гремучая речка и ароматный луг с массою всевозможных цветов, давший нам так много интересного по части беспозвоночных.

Обратный путь почему-то мы выполнили скорее. А вот почему — в передний путь от 11 часов до 1 часа, на ярком, жарком солнце, летало немало бабочек и мух; мы развлекались ими, ловили, останавливались. Теперь же от 5—6 часов само по себе прохладнее, к тому же небо было сплошь укрыто облаками, и мы почти ничего интересного в течение всей дороги не видели, за исключением Васи, которая наткнулась на махаона и умчалась за ним, к сожалению безрезультатно. Papilio, вообще говоря, очень строгая бабочка, в особенности горная форма, machaon montana, и поймать ее очень и очень нелегко.

Вася после неудачи с махаоном быстро поехала вперед подготовить чай и проч., а мы не спеша объявились ровно в 6 часов. Тотчас я принялся за разбор и укладку бабочек, шмелей и, главное, мух, которых накопилось до 4 рядов (свыше 200 экз[емпляров]), бабочек до 5—6 рядов, или около сотни с лишком, клопов — ряд, сто экземпляров, шмелей немногим менее ста экземпляров. Итого — около ½ тысячи, считая с жуками; таким образом, надо признать поездку в Б[аин]-гол весьма удачной.

До 9 часов вечера я сидел не вставая и успел сделать очень многое, но не все: за клопов и жуков, например, совсем не принимался, это пришлось привести в порядок на следующий день, да и то просмотреть, что было сделано сравнительно наспех накануне.

Вечером едва удалось поставить нашу палатку и привести нашу «спальню» в порядок, как пошел дождь, смочивший землю и переставший только к нашему ночному путешествию в белый шатер, на возвышенном втором берегу — берег[овой] террасе Сугу-нура.

Ночь была темная, душная, облачная, и дважды кропил дождь. Мне не спалось, может быть, потому, что я выпил стаканов пять дов[ольно] крепкого чая (после рыбы и езды домой с Баин-гола).

5/VIII, ♂. Полуясное утро с массою комаров и мух! Я вновь сижу за жуками и клопами — все привожу в порядок, всем восхищаюсь. Вновь переживаю удовольствие. Сосед-китаец, мельник, тащит свою добычу (на крыше мельницы) — змею, очень интересную, с утолщением посередине. Оказывается внутри целая птичка — ласточка на взлете. Несколько позднее он же

тащит на удилище другую змею — серую, обычную для здешн[их] мест, их у меня достаточно — до 10, я отказываю ему. Тогда китаец, проверив мое мнение и сказав: «Так и надо!» — тотчас ударом палки в голову покончил со змеей. Затем, очень любопытно, китаец начал тою же палкою вертеть змею и извлек из нее одна за другою двух таких же птичек-малюток, как и в первой змее. Здесь, в Сугу-нуре, змей очень много, ныне их убито и взято в спирт до 30 экземпляров.

У змеи, доставленной мне из Суцзуктэ, извлечена мышь, полевка Microtus.

Сегодня случайно, как-то странно заслали нам одно письмо и телеграмму для моего Пшевика, от своих. Папику лучше. Не знаю, что должен ожидать В[ладимир] В[ладимирович] — новый состав служащих на В[осточную] китайскую ж[елезную] д[орогу] уже прислан. Не грустит и не печалится один лишь ребенок Димулек.

Павел и Вася наша уехали в Мандал по нашим и своим делам. Что-то нового они привезут нам, мы ждем разных продовольственных подкреплений, писем, газет, известий!

В зависимости от всего этого надо [решить, как] поступать со связью с группой Суцзуктэ: следует ли вызывать сюда Кондр[атьева] и готовить отчет в Ургу в Сугу-нуре или прямо ехать в Суцз[уктэ] нам, т.е. мне в сопровождении моего Пшевика, чтобы там быть в самое любопытное время и там же готовить, среди других занятий, нудный денежный отчет!

Сегодня много дневных часов гремел гром, сверкала молния. Гроза пришла со стороны Суцзуктэ, со стороны работ моих археологов. И теперь, ½ 7-го, все в тучах или облаках.

Прошел слух, будто возвратившийся из поездки в Кобдо или Заин-шабэ полпред уже успел прокатиться к моим мальчикам, кстати, показать [Елене] Прекрасной этот уголок Тибетской научной экспедиции. Ведь уголок курганов теперь, после оглашения о работах, стал «интересным».

Уже совсем стемнело, возвратились наши и почти ничего не привезли, кроме сигарет для С[ергея] А[лександровича]. Евг[ения] Яковл[евна] отсутствует в Цзун-модо по исправл[ению] орудий (сельскохоз[яйственных]). В ее отсутствие заболел ее сынок Миша очень тяжелой болезнью. Лавре, единств[енный], кто мог бы толково посоветовать, если не лечить, пьян уже вторую неделю. Бабушка умоляла наших прислать совет и лекарства: она одна дома и положительно потеряла голову, а сын пляшет на улице, припевая: «Ивушка-ивушка, зеленая моя...». Степановна в отчаянии, грозила: «Перестань, окаянный, ведь завтра Петр Кузьмич приедет!». Вот каковы обстоятельства!

Подтвердилось, что в Суцз[уктэ] приезжала комп[ания] с Васил[ьевым] и Ринчино во главе, на двух автомобилях.

Ночь почти ясная, тихая, очень прохладная.

6/VIII, ☿. Утро серое, облачное. Солнышко силится прорваться сквозь слоистые облака. В Сугу-нур прибыла целая толпа монголов, сборщиков податей, или, что то же самое, сборщиков за землю, за пастбища и проч., проч. Я собираюсь в Мандалы — Верхний и Нижний.

Выехал, отличная погода, знакомая пересеченная дорога до В[ерхнего] Мандала. Ароматический воздух, благоухание. Небо красивое, нежно-голубое, солнце яркое, горячее. Цветы по ковру заливных лугов самых раз-

личных оттенков. Не слышно лишь прежних ликующих голосов птиц. Приезжаю в Мандал, останавливаюсь сначала у Воробьева, затем у Сахарова, где больной мальчик Миша. Последний сильно мается, держась за живот. Старуха причитает, мать отсутствует. В отсутствие докторов принимаюсь лечить сам, как в новгор[одской] деревне: кладу мальчику на живот компресс, потом сажаю в ванночку, после ванночки мальчик попросился в постель и в ней приятно забылся. Из еды я позволил пить только молоко и чуть-чуть сухарей (белых, конечно). Оставил мальчика улыбающимся.

Евфр[осиния] Степ[ановна] угостила меня чаем и заедочками — сметаной, яйцами, и усладеньками — медом и вареньем. Сарочка после вод значительно поправилась, потолстела и загорела.

На обратном пути я заехал в Н[ижний] Мандал, где Вильские встретили меня словно родного: угостили жарким со свежим огурчиком. Признаться, об огурцах свежих я уже давно забыл. К чаю было подано кроме сахара еще и варенье, правда кислое, пожалели сахара, а может быть, его и не было совсем, как это нередко бывает в деревне.

На обратном пути я также ничего по дороге не видел, как и в передний путь. На этот раз в воздухе толпилось много насекомых, которые жужжали на все лады.

У дороги то и дело вспархивали полевые жаворонки — большой и малый.

Сегодня наш поставщик змей — китаец вновь принес змею, интересную, однообразно толстую, серую, которая, вероятно, охотилась за птенцами.

Погода хорошая; мне кажется, я уеду в Суцзуктэ, как и предполагал 8 авг[уста], в пятницу!

Наш Павел отправился в лес, по ягоды — дик[ий] крыжовник! Завтра мы будем собираться в дорогу.

Вечер чисто астрономический: я поучал Васю топографии неба. Она очень толковая дев[ушка].

7/VIII, 2. Превосходное, ясное, тихое утро. До чая уложил маленький сбор насекомых. Прибыл неожиданно сосед Ив[ан] Петр[ович] Смертин одолжиться денег на уплату «суя».

Я весь, и сердцем, и умом, или рассудком, у своих мальчиков на Суцзуктэ. Думаю, что и они меня начали поджидать усиленно: завтра ровно две недели, т.е. время, на которое и по истеч[ении] которого мне следовало бы быть на археолог[ических] раскопках. Мои хозяюшки, Елизавета Владимировна и Вася, весь день хлопочут и возятся с кулинарией: варят варенье, кисель, молодую картошку; усиленно заботятся, усиленно «берегут», как выраж[аются] в Новгор[одской] губ[ернии], меня.

П[авел] возвратился в 2 часа дня с молодым коричневым Circus'ом. Подстрелил его в ущелье 1-го загона; птица сидела на вершине дерева, одинокой. Поблизости других каких-либо пернатых, за искл[ючением] пташек, не было.

П[авел] устал от жаркой, душной погоды и массы докучливых кусающих мух.

Около 5 часов дня я с Павлом отправились к соседним скалам правого берега Сугу-нура и, несмотря на то что солнце спряталось за тучи и подувал дов[ольно] крепкий ветер, наловили около трех десятков насекомых. Наиболее интересными были мухи, попались не бывшие в нашей коллекции виды. Аполлоны уже отцветают, поблекли и в значительной мере истрепа-

лись, как большие, так и малые. Тем не менее несколько экземпляров и тех и других я взял в общую сокровищницу материалов экспедиции. Начал накрапывать дождь, пришедший с СЗ, и мы поехали домой.

Дождь не перестал, а, наоборот, принял значительные размеры: падал всю ночь.

В такую погоду ночные бабочки охотно летят на свет белой палатки и становятся добычей естественников. До спанья я поймал около пятнадцати экземпляров. В преобладающем количестве были обычной свинцово-серой окраски ночницы.

В общем, ночь была душная, богатая кровопийцами. и спалось плохо, утомительно.

8/VIII, ♀. Как и ночь, утро угрюмое, с нависшими серыми облаками, посыпающими дождем. По скатам гор ползут отдельные бесформенные облака. Грязь и сырость изрядные. Не знаю, удастся ли нам сегодня выехать в Суцзуктэ, остановится ли к полудню дождь?

Мой Пшевик до 1 часа ночи не спал, писал, доканчивал орнитологический отчет для П. П. Сушкина. Отчет вышел и по размеру, и по качеству внутреннего содержания очень обстоятельный и очень интересный.

Что касается до моего отчета «Общий очерк» или, точнее, «Очерк верховья р. Хары и прилежащей части Кэнтэя»,[112] который еще только в голове, но не в чернильнице, то с ним надо справиться, сидя на раскопках. Было бы очень интересно набросать занимательную картину летней деятельности Тибетской экспедиции и в археолог[ическом], и в естеств[енно]-истор[ическом], и географическом отношениях. У меня скопляются мысли, одна другую теснит, но если сосредоточиться на них, перелистнуть все страницы дневника, тогда, надо надеяться, что-либо интересное будет, что-либо занимательное выйдет.

Пока что мы накапливаем научный материал, он у нас растет и развивается. Надо во что бы то ни стало приготовить — обшить чехлами — два бидона спиртовых коллекций с грызунами, змеями, лягушками и ящерицами. Змей собрано порядочно. Мне кажется, за исключением ужа или черной змеи (как здесь называют ужа), у нас все собрано. Один экземпляр лучше другого. Преобладает типичная форма степной гадюки.

Долго боролось солнце с облаками, но вничью: силы, видимо, равные. Только к 3½ часа дня победа, видимо, становится за ☉: облака поредели, на голубом просторе несется величаво и столь же величаво озаряет землю солнце, долгое время служившее в представлениях наших предков божеством всесильным. Народы приморские и теперь в солнце чувствуют все, в особенности во время подъемов и опусканий дневного светила за горизонт голубых волн. Словно живая, полная высокой поэзии сказка, картина: служительницы алтаря или престола, возносящие на струнах арф, на берегу моря, прощальный гимн солнцу. Скрывается в море последний луч, он тонет в высоких голубых волнах и одновременно с ним тонут звуки струн арф в сумерках. Я живо помню эту дивную картину, которую удачно изобразил чуткий художник, но кто этот вдохновенный мыслитель на полотне? Я не могу назвать его имени. Не столь отдаленные наши предки величали солнце Даж-богом.

Нет, видимо, Лавре или его заместитель не будет сегодня, или же если и будет, то поздно очень, с расчетом следовать в путь лишь на другой день.

Павел не может сидеть на месте, его тянет лес, охота, и, распрощавшись с нами, он уезжает в лес на ночевку.

9/VIII, ♄. Утро ясное, но по дну долины Сугу-нура лежит или тихо стелется туман, словно облачко, медленно ползущее вниз, вдоль течения речки. По скатам отдаленных отрогов гор красиво прицепились облачка. Воздух чист, прозрачен и свеж. Мы с Пшевиком поднялись в 6 часов утра, а Лавре прибыл за нами в 7 часов, еще ровно час сборов и чаепитие, и мы в дороге, прямиком на Суцзуктэ. Сверх всякого ожидания облачность пересилила, голубое небо исчезло, и мы довольно долго, ¾ дороги, ехали под тонким, редким не дождем, а скорее каплями дождя. И только лесной частью Цзурумтэ мы ощутили порядочное тепло; воздух быстро согрелся и наполнился жужжанием насекомых. Тут же показались большие серые орлы, по одному из которых я стрелял, к сожалению безуспешно. Не знаю, не стану уверять, был ли это орел, а может быть, и один из орланов. Общая окраска в профиль хорошо изобличала светло-серый цвет крыла, с продольными еще более светло-серыми пятнами. Не пятнами — а настоящими полосками, чуть ли не двумя. Внизу, в степной части этой же долины, я видел на вершине отрога или боковой гряды орла, в самой долине пару снизу дов[ольно] светлых Archibuteo и тут же рядом, на мокром лугу, пару бекасов, стрелою переместившихся шагов за двести вверх по долине.

Кочевники-монголы на этот раз высоко поднялись со своими стойбищами и скотом. Цзурумтэ была оживлена кочевниками. Везде встречались монголы.

Мы незаметным образом поднялись на перевал Цзурумтэ, спустились в долину к курганам Суцзуктэ и далее медленно-медленно взобрались вверх к лагерю. Тут были ласковы с нами наши спутники во главе с С[ергеем] А[лександровичем]. Они вышли к нам навстречу. Я и Пшевик, оба мы, были также рады и счастливы видеть наших горных отшельников. Пошли спросы и расспросы. Оказывается, здесь была ургинская компания с А[лексеем] Н[иколаевичем] во главе, попутно из Цзун-модо в Ургу, около ¾ часа, и, так как ни меня, ни К[ондратьева] не было здесь, они, попив чая, укатили по направлению в Мандалы. Наш полпред интересовался гораздо больше естественно-историческими сборами, нежели археологией.

Попив чая, а вскоре и пообедав, С[ергей] А[лександрович] познакомил меня с ценнейшею частью археологических находок — золотыми художественными изделиями в виде орнаментов, серег, колец и лаковых, с узорами, настольных чашечек.* Эти предметы, помимо своей материальной ценности, представляют высокий научный интерес. Любопытно и то обстоятельство, что из кургана № 23, что у трех сосен, извлечена полностью гробница. Говоря в общем, этот курган таит на глубине около 5 саженей погребальную постройку, совершенно такого же типа, как и в Суцзуктэ, различие лишь в размерах и в южном коридоре, задняя стенка которого вплотную слилась с южной стеной самого погребения, в котором покоится гробница. Обстановка помещения более бедная, нежели в С[уцзуктэ].

---

* Отдельные части (бортики с узором) мы уже и ранее находили в прежн[их] курганах и в Суцзуктэ, и в Цзурумтэ, но там были маленькие части, а здесь, в кургане № 23, целые чашечки.

Тем не менее шелковые материи иного типа. В присоединении к ним узорчатых вышивок, прежних шелковых и деревянных предметов, до длинного грубого ковша включительно, олений рог, китовый ус и керамика послужат прекрасным дополнением к находкам в Суцз[уктинском] 1-м кург[ане] (головном). Это уже будет последовательным накоплением археологического материала.

Сбор естественно-исторический, в частности зоолог[ия]—энтомология и ботанический, не оставляют желать ничего лучшего. Очень богат подбор бабочек, мух и жуков. Несмотря на близость Сугу-нура, Баин-гола и даже отдал[енных] гольцов, здешнее и наше разнятся иногда порядочно и отличным образом дополняют друг друга.

Прелестный вечер дал возможность всласть налюбоваться небом и землей, горными видами. Из планет ярки, очаровательны Сатурн, Марс и под утро прекрасная Венера.

Летали летучие мыши, живущие на чердаке дома, и кричала сова, перемещавшаяся у гребня отрогов и самого перевала. Дивная ночь! Опять я нравственно в восхищении.

Уже с вечера Кондр[атьев] и Котик собираются усиленно в двухдневную экскурсию в окрест[ности] Суцзуктэ. Оба довольные, счастливые, жизнерадостные. Сергей Александрович сильно похудел, но бодр и силен как в физическом, так и в нравственном отношении!

10/VIII, ☉. Погода превыше всех похвал, ясная, прозрачная, с периодическим переменным ветром. Дали открыты вовсю. Не могу насладиться прелестью окружающего. Опять по выходе на воздух, на простор душа восторгается и сам весь ликуешь. Надо будет заняться снимками фотографий. Мои все с утра в расходе — мальчики в ущелье в горах, к СЗ, мой Пшевик — за перевалом Суцзуктэ, в ущелье Баин-гол. Я с утра укладываю энтомологический сбор, потом вновь просматриваю птиц, шкуры и шкурки зверей, археологию; временами выхожу на воздух и любуюсь далями и говорю с моим любим[ым] спутником Гусевым.

С нами пришли Лаврент[иевы] кони — серый иноходец и рыж[ая] выс[окая] кобылица, мы подвижны.

Как приятно иметь всегда при себе дневник и писать сразу без конспекта, как этого не было в течение моего первого долгого пребывания и в Сугу-нуре, и в Суцзуктэ. Сегодня я полагаю сделать смычку, дописать те несколько дней, которые я провел в Урге, перед Сугу-нуром, и иметь перед собою дневник в полном порядке. Это очень много значит и облегчает при всякого рода справках! Жду возвращения из экскурсии моего Пшевика.

Мой Пшевик возвратился только к часу дня, сияющий, довольный всем виденным. Привез с собою узелок с грибами и птенца камчатского красношейного соловья.

Из Цзун-модо нам доставил бутылку кипяченого молока муж заклинательницы змей — странной женщины. Вот так-то — одну бут[ылку] молока за восемь верст, и хоть бы что!

Как хорошо и приятно здесь быть еще и потому, что нет или почти нет оводов и других, в особенности комаров, надоедливых насекомых. Здесь свежее и ветренее.

Около 4 часов дня, едучи к себе домой, нас навестила М. П. Кузнецова, доставившая мне два пакета с письмами и бандеролями. Я получил прежде всего очень интересное донесение от Андрея, затем из Заин-Шабэ от Павлова. Последний прислал птиц около 50 экземпляров. Растения не прислал, хотя пишет, что высылает. Получил я также очень интересное письмо от П. С. Михно и письмо от моего сына Володи. И тот и другой, по-видимому, очень рады успехам Тибетской экспедиции, в особенности в отношении археологических достижений. В заключение имею официальное обращение предс[едателя] Вост[очно]-Сибир[ского] отдела РГО П. К. Казаринова о поддержании его ходатайства перед полпредом об оставлении Восточного отдела при Иркутском университете. Последнее само собою очевидно. У нас завязываются бóльшие и бóльшие связи с народами Востока: монголами, тюрками, китайцами, тибетцами, а посредников так мало, будто даже нет совершенно, поэтому закрывать Вост[очный] отдел в Иркутске, в центре Сибири, ни в каком случае недопустимо. Я глубоко убежден, что А. Н. Васильев именно так и посмотрит и приложит все свое авторитетное влияние поддержать основательное, законное ходатайство Иркутского университета спасти Восточный отдел.

Во всяком случае, с этим вопросом надо неотложно обратиться к Васильеву.

М. П. [Кузнецова] привезла нам также необходимого сахара и масла сахаровского приготовления.

Долго я прочитывал корреспонденцию ко мне, но значительно дольше придется посидеть над письмами в ответ. Непременно надо скорее написать Володе, который особенно ценит мои сообщения.

К вечеру, несмотря на высокое стояние барометра, погода испортилась. Жаль моих спутников: их мочит дождь с вечера и всю ночь. Неприятно ночевать в лесу, когда со всех дерев кругом падают капли дождя и везде кругом сыро, мокро! Мне кажется, если солнце не выглянет скоро, мои мальчики приедут обратно домой.

Перед дождем уныло, неприятно кричала сова на гребне лесистого увала-гребня. Ее никто не беспокоил. А позднее на огонь влетела в наше помещение лет[учая] мышь, мы тотчас прикрыли дверь, и я ее изловил сачком для насекомых. Ловили ночниц.

11/VIII, ☽. Мы в облаках, кругом ничего не видно далее двадцати-тридцати саженей, сеет дождь, бр-рр. Как чувствуют себя мои несчастные мальчики? Под дождем, конечно, работа на шурфе замедляется, а мы недалеки от погребальной постройки — не свыше сажени, за которой можно натолкнуться на кровлю погребения. В высшей степени интересно, что нам даст этот, № 25, самый большой, передовой к горам холм? Несколько — два-пять дней, и мы до некоторой степени будем знать, что он хранит, кого скрыл.

Так как барометр стоит высоко, то надо надеяться на скорое просветление воздуха.

Сегодня я вновь перечитал письмо нашего дорогого П. С. Михно. Он весь горит географической и естественно-исторической наукой. Он поддерживает живую связь с нашим американским эмигрантом, горн[ым] инж[енером], путешеств[енником] по Сибири Ин[нокентием] Павл[овичем] Толмачевым. И таким образом дает возможность мне и Толмачеву знать

друг о друге. Следует написать вновь, отсюда же, и Михно, и Шокальскому, и Володе моему. Здесь это удобно сделать, здесь прекрасная светлая комната с удобным столом и светом и красивыми видами из окон.

Сегодня же я детально просмотрел найденное в главном помещении и в гробнице: серьга, кольцо, амулет, голова животного, янт[арная] бусина. Интер[есный] камень с изображением головы лежал подле гроба. Крышка гроба, по-видимому, была разбита и частями (сгнившими) лежала в разных местах главного помещения. Лаковые чашечки стояли одна подле другой,* рядышком, у северной стороны гробницы. Мелкое пластинчатое золото и золото в орнаменте было разбросано зря в западной половине главного помещения. Олений рог тут же. Длинные матерчатые полоски найдены в восточном коридоре, у нижнего борта наружной стены. Совершенно отсутствовали косы, волосы, седла и проч. По всему вероятию, тут покоилась женщина.

Грубый длинный деревянный ковш найден в одном из коридоров, в восточном, в его южном углу.

Наша пленница ночная, летучая мышь, помещена в тонкую провол[очную] клетку и, по-видимому, чувствует себя удовлетворительно — съела четырех ночных бабочек-сатиров.

Мои экскурсанты вымокли до нитки, ночевали в лесу, вчера убили козу и, недов[ольные] погодой и слабым успехом, вынуждены были вернуться на бивак преждевременно.

Погода понемногу разгуливастся. Затем вновь небо заволоклось тучами, хотя дождь не идет. Облака подняты высоко, и под ними горизонт виден на далекое расстояние.

Пшевик после обеда ушел на экскурсию к СЗ, туда, где по вечерам кричит сова.

Подготовляем отчет; в связи с этим накапливаются вопросы, на которые можно ответить после совещания с бухгалтером полпредства. Вероятно, придется Кондратьеву поехать в Ургу, устроить все это и окончательно подготовить отчет к отправлению и сдаче.

К вечеру из весь день нависавших облаков пошел дождь, к 10 часам он усилился настолько, что всюду лило и капало, и такой сильный шел всю ночь.

С вечера вновь влетела в наше помещение л[етучая] мышь, была изловлена и посажена в спирт в компании со вчерашней, просидевшей сутки в тюрьме (клетке) и съевшей за это время восемь дневных бабочек (с великою жадностью).

12/VIII, ♂. Из рук вон скверная погода: облака нависли, дождь продолжает лить, горизонт короткий. После недавней прекрасной и затем сносной погоды настала сплошь дождливая, превратившая землю в невылазную грязь (по дорогам). Хотя мы, живущие на крутом луговом скате, грязи не видим и мало чувствуем, но зато мы переживаем более неприятную невзгоду: нас одолели блохи (большие, крепкие, сильно кусающиеся). Несколько экземпляров местных блох посажено в спирт и приобщено к коллекции зоологической. Их было и до дождя немало, но все же было сносно, вчерашнюю же, или минувшую, ночь мы не спали до зари — зажи-

---

* Чашечки стояли поперечно.

гали свечу, трясли усиленно белье свое постельное, наконец искали тщательно незваных кровопийц с целью безжалостно казнить их. Усталые, истомленные, мы лишь утром забылись крепким сном. Наше белье все сплошь носило следы многочисленного пребывания блох. Мерзость ужасная.

Около обеденного времени прибыл А. А. Кузнецов, от которого я узнал, что в Цзун-модо приезжали в субботу Юдины, Дадиани и Алекс[ей] Георг[иевич] Шахов компанией осмотреть Ц[зун]-модо и познакомиться с местом расположения археологических изысканий и самими находками Тибетской экспедиции. Между прочим, А[лексей] А[лександрович] привез письмо от Е[лены] Петр[овны] для С. А. Кондратьева. Письмо это целиком относится ко мне, так как А. Н. Васильев справедливо негодует на то, что Тибетская экспедиция, в частности я, не представила ему до сих пор обещанного отчета о суммах, израсходованных Тибетской научной экспедицией! Для А[лексея] Н[иколаевича] представление нами отчета весьма важно, так как он направляется в Центр и в качестве политкома Тибетской экспедиции должен представить от нас отчеты — и денежный, и политический, и научный! Совершенно не понимаю того обстоятельства, что А[лексей] Н[иколаевич] думает, будто бы я избегаю встречи с ним из-за того, конечно, что у меня не готов отчет! Это неправильно. Я думал об отчете, я своевременно доставил его Кондратьеву в Суцзуктэ, я и мои ст[аршие] помощники жили и работали в разных местах Монголии, на долю мою и Кондратьева выпала большая интересная научная работа не только в археологическом, но и в естественно-историческом отношении, все мы горели желанием использовать лето самым максимальным образом. В Ургу же, где склад и можно достать всякого рода справки, заглядывали крайне редко, на самое короткое время, с массою всевозможных дел и поручений. В довершение всего этого комната в д[оме] Бадмажапова, которой я располагал всю зиму и в которой все мое и часть эксп[едиционного] имущества было в образцовом порядке и легкости в нужный момент нахождения всего, что нужно, эта комната из-за ремонта дома, в мое отсутствие, целиком была изъята (в имуществ[енном] отношении) и перенесена в склад экспедиции, где по частям сунута куда попало, где была та или иная пустота. Тут не придерживались системы, порядка и распределения по группам, в особенности в отношении бумаг, записей, книг, — тут валили все без разбора. Пришлось немало времени истратить только на то, чтобы хоть немного разобраться со всем этим по частям и прибрать. Даже мои неприкосновенные ценности и те были открыты, так как все ящики, при наличии ключей до кассового включительно, были открыты и также наполнены тем или иным имуществом. В течение недели, иные дни с утра до вечера, я возился с розыском и переукладкой имущества своего, Пшевика и казенного, которым я в данный момент пользовался, чтобы привести в мал[ую] систему, положить на свое место и пользоваться тем или иным предметом. Правда, я все решительно находил ценою потери дорогого времени и это все складывал в самые различные места, не всегда как надлежало бы. Поэтому здесь среди счетов не все документы использованы, не все приложены, и потребовалось время и совместная моя с С. А. Кондратьевым работа для приведения денежн[ого] отчета в такой примерно вид, в котором можно было его представить куда следовало. К тому же письмо Е[лены] П[етровны] нисколько не ускорило отчет, он у нас был готов, как готов был на след[ующий] день, 13/VIII, ехать в Ургу и Кондратьев. Е[лена] П[етровна] ввела нас в заблужде-

ние еще и временем, в течение которого А[лексей] Н[иколаевич] будет в отсутствии по служебной поездке на запад. Она все время твердила мне, что в качестве спутника полпреда она отлично осведомлена, что маршрут их путешествия так велик, что они пробудут в пути от 1½ до 2 месяцев, тогда как на самом деле Васильев возвратился после 2—3-недельного отсутствия из Урги.

Но все это пустяки. Я не оправдываюсь, я виню себя. Отчет следовало приготовить в законченном виде еще зимою, чтобы иметь полную возможность сдать его по первому требованию Васильева или, по крайней мере, через двухнедельный срок. (Ведь А[лексей] Н[иколаевич] политком Тибетской научной экспедиции!)

Путешествие — живое дело! Мы привыкли думать о работах научного характера, а не об отчетах денежных с самого первого шага. И конечно, если бы экспедиция не была задержана, а направилась вперед, в глубь Монголии и Тибета, отчеты пришлось бы вести или подготовлять периодически, на стоянках, а вернее — после путешествия. Тем более что к этому я был приучен в прежние мои путешествия. За мои успехи я был более чем наделен РГО доверием и более, чем записная маленькая книжечка по отделам трат денег, ничего не имел. В этой книжечке я был хозяином, сразу видел все наши расходы и наличную сумму, легко ориентировался и всегда по ней мог сдать отчетность в самое короткое время кому угодно! Теперь я, конечно, научен и буду знать и очень своевременно буду в состоянии представлять отчеты периодически, скажем за ½ года, а то и ранее.

На этом об отчетности Тибетской экспедиции можно и покончить: пора перейти к другому. Письмо Е[лены] Прекр[асной] меня обидело, обидел и А[лексей] Н[иколаевич], доверяющий таким б[абам], какой является наша «невольная» спутница, занимающаяся в экспедиции всем чем угодно, только не своим специальным делом участника экспедиции. Хорошо было бы, если бы мы все стали заботиться о кормежке голодных монголов, а свое великое, святое для нас дело оставили заброшенным. Полагаю, что такой образ действий недопустим. А если я не навещал А[лексея] Н[иколаевича] вообще в Урге, не шлялся к нему, как это делали Е[лена] П[етровна] и П[авлов], то находил это для себя неприличным. Зная, что В[асильев] часто занят и у меня имеется постоянная работа, без приглашения я не ходил и не имел желания ходить. Но при случайных встречах, в особенности на охотничьих экскурсиях, мне всегда доставляло удовольствие общество и общение с А. Н. Васильевым. Это видели все и более других вдумчивый и чуткий А[лексей] Н[иколаевич]. Ведь только А[лексей] Н[иколаевич] дал возможность легко вздохнуть и мне, и членам экспедиции. Исключительно только благодаря аттестации В[асильева] об экспедиции я и мои спутники были счастливы иметь возможность работать все нынешнее лето, в течение которого можно было заявить о наличии нашей энергии, силе и способности, и подготовленности к научным работам.

Нескольких усердных часов было достаточно, [чтобы] закончить дело по отчетности и иметь возможность К[ондратьеву] собираться в дорогу. Ввиду письма Е[лены] П[етровны] несколько усложнилось дело, не с отчетом конечно, а с тем, что А[лексей] Н[иколаевич] якобы обижается, якобы хотел меня лично видеть перед своим отъездом в Москву. Это включение расширило план нашей схемы по поездке К[ондратьева] в Ургу и проч. Наконец, все подготовили, отчет окончен, как мы могли и были в состоянии здесь, вдали от склада экспедиции, это сделать. Я написал письмо А[лексею] Н[иколаеви-

чу], командировал Кондр[атьева] с полномочиями и с отчетом и полагаю, сделал все, что должен был сделать на месте начальника Тибетской экспедиции. Пользуясь поездкой С[ергея] А[лександрови]ча, я смог написать лишь одно частное письмо на имя моего сына Владимира.

Как водится, вечерком мы дружески беседовали, шутили, смеялись, тем более что погода, холодная, ветреная, загнала всех по норам — все жив[ые] существа, и мы спокойно могли ничего не делать: ни ловить «летучек» — мышей, ни класть в морилки ночных или сумеречных бабочек. Вследствие того же обильного дождя мои рабочие-китайцы сегодня не работали на раскопках, а праздновали для нас и работали исключительно на себя по приведению в порядок своей износившейся в трудных земляных работах одежды и обуви. Ведь надо помнить — у китайца нет ни воскресений, ни других наших праздничных дней, он обречен на работу постоянно, ежедневно. Он знает, что у него в году есть один праздник — «Белый месяц», и он его, священнодействуя, празднует от начала до конца. Его работа не быстрая, с подъемом или упадком, как у русского, а последовательная, монотонная, уравновешенная, как время, идущее по хорошим часам.

У нас в комнате вымыли пол, высушили его, настлали сена и устроили постели.

Эту прохладную ночь мы с Пшевиком спали значительно лучше, нежели прежде.

13/VIII, ☿. Утро прохладное, ясное, прозрачное. Мы встали ранее обыкновенного и в 8 часов уже проводили в путь С. А. Кондратьева: он отправился верхом на моей рыж[ей] кобылице до Мандал, там ее сменит на экипаж и отправится далее в Ургу. В Урге пробудет столько, сколько это окажется необходимым в связи со сдачей отчета и со свиданием с Васильевым. Может быть, и мне предстоит ехать в Ургу для свидания с А. Н. Васильевым.

Все это, конечно, выяснится с первых дней пребывания К[ондратьева] в Урге, будет ли мое присутствие там необходимо, С[ергей] А[лександрович], конечно, постарается поставить меня в известность!

Только 9½ часа утра, барометр стоит высоко, но и облака сплошь укрывают все небо на знач[ительной] высоте. Не знаю, что выйдет дальше из погоды, она нам нужна очень, в особенности для интересных заключительных раскопок в большом, доминирующем кургане № 25!

Пока на один-два дня я мог бы съездить в Ц[зун]-модо, и А[лексей] А[лександрович] меня очень приглашал к себе, а потом и К[узнецова] не будет, и я не смогу оставить Суцзуктэ ввиду выемки из № 25.

Совершенно не знаю, как пройдет сегодняшний и завтрашний день и какова будет погода!

Хочется видеть у нас нашего П[авлова], чтобы он пожил с нами и поездил по окрестности с целью охоты и промысловой, и охотничьей! А все же хорошо было бы видеть на месте раскопок компанию — Юдиных, Дадиани и Шахова.

Очень доволен я, что вчера удалось привести в порядок спиртовые коллекции со змеей — степной гадюкой, скалистой пищухой, тремя ящерицами и двумя экземплярами л[етучих] мышей.

Теперь можно начать собираться или не собираться в Ц[зун]-модо! Ведь мы обещали это сделать, и, конечно, милые Кузнецовы будут непременно ожидать нас к себе, непременно!

Около 11 часов утра я и Елизавета Владимировна оставили наш археологический лагерь и в сопровождении мал[ьчика] Васи Марчука направились в Цзун-модо, к Кузнецовым. Я ехал верхом на иноходце, мой Пшевик с В[асей] в тряской тележке, на коне Марчука. Медленно поднялись на перевал и медленно следовали с перевала, в особенности первые 2—3 версты, открывающие далекие красивые горизонты. С каким-то особенным трепетом я весь ушел в наблюдение величественного верхнего пояса с каменным хребтом Манхадай или гольцов, я узнал многие его вершины, они стали словно родными для меня. Кинул взгляд я также и на долину Мандал, и на горную часть нашего урочища Сугу-нур, а в заключение стал внимательно изучать детали прилежащих к нашей дороге нескольких ущелий с востока. У наших ног эти ущелья зарождались и убегали вниз, более или менее падая и расширяясь. Теперь очень основательно изучена красивая Цзун-модовская дорога, тем не менее она настолько привлекает к себе, что в наблюдение ее уходишь весь и путь проходит скоро. Я люблю, кроме «вдоль гребня», еще и красивую верхнюю часть дороги, когда она переходит на западный склон и красиво вьется двумя коленами, прежде нежели вступит на Баин-гол.

Далее уже следует смотреть и остается смотреть только виды на Ц[зун]-модо и ехать все вниз и вниз по одному и тому же склону, в дальнейшем сопровождающему вниз течение речки Цзун-модо. Сначала маленький, словно карточный ряд домиков, Цзун-модо с каждым новым выступом приближается и увеличивается. Падение окрестных гор вообще очень крутое. Растительность пышна до maximum'а, но животной жизни не заметно. Кроме крика сарыча и постоянно взлетавших у дороги овсянок, да еще случайной одинокой кукушки, мы никакой другой птички не видели, но много раз слышали свистящий протяжный голос черного дятла Picus martius.

А вот и мост плотинный, а вот и самое селение Цзун-модо, и домик симп[атичных] Кузнецовых. Нас тепло встретили, уютно устроили и накормили вкусным обедом. Веяло праздничным: раздавались звуки граммофона и в откр[ытые] окна уносились далеко в ущелье, навстречу ароматическому благоуханию.

После чаепития погода уже изменилась, ясное небо уступило облачности. Тем не менее я отправился с сачком «косить» насекомых и часа в 1½ накосил немного менее сотни экземпляров, преимущественно всяких видов мух. При возвращении домой встретилург[инскую] обитател[ьницу], симпатичную очень В. Н. Орловскую, в компании с которой отлично провели вечер у Кузнецовых. В противопол[ожных] горах кричала сова.

В заключение теплого вечера я проводил В. Н. [Орловскую] до ее уютного уголка, но мы не сразу расстались, а несколько раз прошли вверх и вниз по тихой, безлюдной улице. Было хорошо как-то и не хотелось уходить. Природа прекрасная, девственная усиливает впечатление, располагает к лучшему и дает возможность видеть людей в более симпатичном, привлекательном состоянии.

14/VIII, 2. С утра облака везде кругом. Мой Пшевик давно ходит с ружьем и своим выстрелом, ранним, заставил многих пробудиться. Потом вкусный чай с заедочками и усладеньками, и Пшевик укатил домой с целью попутно заглянуть, с охотн[ичьей] целью, в Баин-гол. Однако погода пор-

тилась, и вскоре пошел дождь — она должна была торопиться только домой, куда и прибыла в знач[ительной] степени промокшая.

Я оставался до вечера в Цз[ун]-модо и до обеда кое-что собрал, но очень немного, мешал все тот же дождь. А[лексей] А[лександрович] поднес мне экземпляр пойманной им в комнате лет[учей] мыши. С этим хорошим толковым человеком мы, как всегда, много беседовали о всякой всячине. После обеда с газетами под мышкой я отправился навестить милую В. Н. [Орловскую], у которой провел много времени, симпатично беседуя и так, и за чайком. Просматривая газеты, она вдруг заметила мне: «А мне Юдины говорили, что они читали в „Известиях" вашу статью о раскопках в Суцзуктэ». Потом мы пошли к нам, В. Н. захотела проводить меня. Всей компанией попили чаю с превосходным земляничным вареньем. Я быстро собрался и, попрощавшись дружеским образом (я всех расцеловал), укатил к себе домой. Облака висели очень низко, иногда, в области перевала, я проезжал в их серой, влажной дымке, горизонт был закрыт. Местами, в первой половине дороги, меня даже поливал слегка дождь. На бол[ьших] цветах, как маленькие грозди, висели шмели, и я преспокойно брал их, полусонных, прямо в морилку. Таким образом, к 7 часам вечера я уже был среди своих, где Вася Гусев встретил меня с пластинчатыми золотыми находками, извлеченными из кургана № 25!

Вечером за ужином и чаем беседовали, а в 9 часов вечера все разошлись спать. Мне не хотелось: я был отчасти под впечатлением доклада Гусева о состоянии кургана № 25, его дна, до которого дорылись в мое отсутствие; с другой же стороны, я находился под обаянием пребывания в Цзун-модо. Мне было приятно мысленно пережить вновь: ведь там приятный отдых, усугубленный встречей с В. Н. [Орловской], которая, между прочим, рассказала мне кое-что интересное.

До 11 часов ночи я не расставался с интересными, давно читанными повест[ями] Карамзина.

15/VIII, ♀. Утро полуясное, очень влажное, даже сырое. На этом месте влетела в комнату со стуком в стекло Rut[icilla] aurorea ♀, см[отрю], бедняжка отброшена на лавку, лежит вверх брюшком с поджатыми ножками, я взял ее в руки, она тяжело дышала. Я положил ее на плоскую кровлю на солнышко, отдохнув, птичка вспорхнула и полетела с веселым криком.

Я встал в ½ 7-го часа, Пшевик также. Гусев с раннего утра на раскопках. После чая и я туда отправился, Пшевик поехал за х[ребет] в охотн[ичью] экскурсию на птичек.

Новой, диагональной, тропой вниз я скоро достиг кургана № 25. Там спустился на дно шурфа, на глубину 4.46 сажени. Сыро, полутемно, прохладно, грязно — липкая земля, камни и вода. На полу в хаотическом состоянии полусгнившие доски от гробницы. Под досками там и сям лежало пластинчатое золото, медные пластинки со следами лака и пестик из меди, двухсторонний. По углам остатки войлочного, с вышивками, ковра, по-видимому лежавшего сплошь под гробницей. На западе стена из сгнивших обт[есанных] бревен. По-видимому, мы попали на глав[ное] погребальное помещение, несколько севернее; таким образом, южная часть и боковые коридоры находятся под землей, их придется откапывать, углубляться, в особенности в южном направлении. Что даст нам этот курган? Тут найде-

ны: керамика, волосы и обрывки грубой матерчатой вышивки с орнаментом по сторонам. Видимо, были две урны, одна* большая с зерном. Веревки, обрывки войлоков и проч. Пойду вновь туда, там один Гусев, надо облегчить его работу. Интересно!

Сегодня нас навестил торговец зеленью: из Суцзуктэ доставил молодой картошки, луку и проч., проч.

Раскопки постоянно подвигаются: дополнительные черепки дадут возможность составить два сосуда, две погребальные урны. На одном из них, на дне, а может быть, и на дне обоих сосудов лежал внизу кирпичный чай, сверху чая — зерна чумицзы, или просо. Урны с орнаментом по бокам. Интересно найти все части сосудов, и дно, и бока. Мы уже видим по бокам оригинальный орнамент, а внизу, снаружи надо ожидать оттисков с печатей. Интересная, но только в малом лоскутке материя с крестами, находившаяся на гробнице, по-видимому на ее верхней доске или крышке. Много длинных пластинок, золотых, разбросанных на полу, там же, где и гробница.

Сегодня пришлось много крепить и вдаваться в стороны, к востоку, западу, или в продолжение помещения, к югу. В высшей степени интересно найти хотя бы часть ковра, если уж не весь, под гробницей, чтобы видеть, какой на нем узор: тот ли, что был на ковре Суц[зуктэ], или иной какой?

Уже стемнело, как прибыл с возом груза для Тибетской экспедиции наш Павел. Привез он также и письма от Кондратьева и Симукова. С[ергей] А[лександрович] проехал тогда благополучно в Мандал днем, 14/VIII, а вечером уже был в Урге. На следующий день виделся с В[асильевым] и установил с ним контакт. Мне можно не приезжать в Ургу, но свидание в Боротах желательно, о чем я буду извещен своевременно, примерно через неделю. К[ондратьев] должен провозиться с отчетом и, сдав его, только тогда может думать о дороге.

Монгол при раскопках, чахар,[113] предлагает свои услуги по осмотру курганов на Харе, вдали от дороги. Он говорит: «Там курганы без воронок, а следовательно, без хищничества, там для вас может быть большая польза. Я вам покажу те курганы!»

С разными вопросами, с думами и рассуждениями в связи с приездом Павла мы просидели вечером дольше обыкновенного и только в 10—11 часов улеглись спать. Луна озаряла лагерь.

16/VIII, ♄. Утро полуясное, свежее. Гусев ушел рано на раскопки; я ухожу сейчас. Надо решить вопрос с поездкой-рекогносцировкой на Хару, выяснить, какого типа курганы там — кэрэксуры или действительно курганы давнего погребения, аналогичные курганам Суцзуктэ. Я решил командировать Пшевика в сопровождении Павла как спутника в дороге и монгола в качестве проводника.

Котик, с целью добычи охотился вчера и сегодня с Марчуком неудачно, вчера видели коз, а сегодня Даниленко стрелял по изюбрям шагов

---

* Урны-сосуды с чаем и зерном — чумицзой стояли в северной [части] гробницы таким образом: большая — посередине, меньшая — рядом, восточнее. Позднее найдены в вост[очной] стороне черепки от двух дополнит[ельных] черных простых сосудов, по-видимому, того же назначения, что и первые, — жертвенные.

на 200. Мои иногда глупые мальчики все еще думают, что они уже наст[оящие] охотники и могут заправски охотиться. Вспоминаю времена Пшевы, экскурсии, охоты, вспоминаю, сколько времени учился я в экспедициях, а ведь, если вспомнить, много ли я изюбрей убил, — только двух, ♂ и ♀. А сколько я охотился и в компании, и в одиночку! Охота на аргали также трудна!

Пшевик энергично собирается на охоту, в экскурсию на реку Хару, с целью самого тщательного осмотра и изучения намогильных курганов. Посмотрим, что выйдет из этой ее командировки — первой! Она должна отдать отчет в полном географическом и естественно-историческом отношении, помимо археологии.

Мой спутник-зоолог Е. В. Козлова укатила с П[авлом] и монголом-проводником в полдень через Цзун-модо на Хару. Надо пожелать им счастья и полной удачи. Только бы постояла хорошая погода и Павел с проводником-монголом оказались бы на высоте положения.

Работы на дне кургана № 25 продолжаются: с подпорками, удалось добраться до южной стены, далее, в том же направлении, пока, кроме массы камней, другого ничего не обнаружено. На дне глав[ного] всего помещения, кроме сгнивших частей гробницы, пола, извлечено много частей полусгнивших ветхих одежд покойника. Одежды шелковые, с признаками соболя, выкрашены в прочные цвета — черный и красный. Немало попадает кусков и той шерстяной ткани, редкой, с узорами по краям, но без рисунков или изображений какого бы то ни было предмета, как это было на образцах из Верхнего Суцзуктинского кургана.

В земле или, точнее, грязи, среди кусков дерева, материй попадались полоски золота, а в войлоке, остатки ковра под гробницей, был найден второй медный пестик и там же одиночная бусинка янтаря. К вечеру начали пробираться в западный коридор погребального помещения; на первых порах камни, камни и камни.* В общем, этот курган имеет несколько иного размера погреб[альное] помещение, а именно: оно не квадратное или близкое к квадратному, а прямоугольное — длинное; в этом отношении оно напоминает Баллотовский курган в гр[уппе] Цзурумтэ. Пока что он дал сравнительно мало, но дов[ольно] достаточно для истории курганов этой группы. Дал урны и пестики, дал много полосок золота. По намекам на одежду надо полагать, здесь покоился мужчина, чиновный.

Китайцам-рабочим начинает надоедать наша земляная работа: просят прибавки, мотивируя желанием идти на сенокос, подышать чистым воздухом и поработать в чистоте.

Барометр упал, погода обещает быть дождливой. Какое упорное продолжение ненастья; едва-едва прорвется ясный или чаще полуясный день, как вслед за ним непременно два-три дня с дождем. Подходит сенокос, не знаю, как он пройдет; если так, как теперь, то не будет зеленого ароматного сена, а будет сено бурое, с прогорклью. Все обижаются, что монголы странно не дают косить луга вовремя, а ежегодно запаздывают, и это обстоятельство в большинстве случаев ведет ко вреду, не более.

---

* Еще когда я ставил на очередь для раскопки курганы № 23 и № 25, тогда уже предсказал С. А. Кондратьеву на предстоявшее обилие бол[ьших] и малых камней в кургане № 25.

Благодушествует один лишь скот номадов — травы, а следовательно, пастбища, прекрасные, и гнуса меньше, много дней и ночей скот живет в прохладе и очень сыт, «заправляется».

Ночь* тихая, облачная, к утру пришел сплошной туман.

17/VIII, ☉. Горизонт сокращен сильно, чуть не полностью; воздух прохладный, появились желтые листья на деревьях. Чувствуется конец лучшего времени года и начало осени. В прежние времена осень в Азии считалась лучшим временем — сухой, ясной. Осени ждали, осенью я сам путешествовал, но замечал, что более тепло, ясно и сухо не в Монголии, но в Вост[очном] Туркестане, в Кашгарии. Монголия по сухости и ясности походит на В[осточный] Туркестан своею пустынною частью — Гоби и югом Алаша, с песками на западе и хребтом Алашанем на востоке (см. мою «Монголия и Амдо»).

Очень интересно будет проследить, какая осень настанет в текущем году? Впрочем, всегда мыслится, всегда чувствуется в дождливое время, что дождь преобладает, ясного состояния неба и сухости нам более не дождаться, и, наоборот, всегда более радужные перспективы человек строит в период прекрасной погоды.

Мой Пшевик на Харе, Гусев на раскопках, Даниленко с Марчуком на охоте, К[ондратьев] в Урге, и лишь я один в лагере Суцзуктэ.

Ожидая возвращения Котика с охоты домой, я написал два письма: профессору Петри и Т. Н. С[тепурс]кой, от которой почему-то не получил ответа на посланную ей [фотографию] группы участ[ников] экспедиции. Между тем меня очень тянуло на курган № 25, не знаю почему, но я думал о нем не переставая; в конце концов командировал к Гусеву мал[ьчика] Васю, узнать общее состояние работ. Вася быстро совершил такую утреннюю прогулку в пер[едний] путь бегом, вниз по косогору, в обратный шагом и доставил мне ряд очень интересных бронзовых предметов,** заметив, что там, на шурфе, их есть порядочно. И в заключение, по возвращении Котика, Гусев просит меня прибыть на шурф № 25. Едва успев немного ознакомиться с найденным, я ускоренно пошел туда, куда меня тянуло с раннего утра мое чувство. Быстрее, чем когда бы то ни было, я достиг места работ, места расположения кургана № 25, хотя по дороге еще поймал любопытную шмелевидную муху. Тут все сидели за обедом, я быстро подошел, поздоровался. Против обыкновения, все уча-

---

* А накануне, вечером, от 6 до 7 часов, было что-то ужасное: северо-западный высокий шторм гнал облака над гребнями гор с ужасающей силой. Гонимые облака рвались, видоизменяли свои фантастические очертания. Лес шумел, стонал, преклоняя непокорную голову; на юге, над отдаленными лесными горами, в свобод[ных] от туч пространствах небо переливалось от лучей солнца: сначала бледно-желтые, потом оранжевые и, наконец, розовые уголки, порою сцепленные вместе и двигавшиеся с неимоверной силой, с неимов[ерной] быстротой. Так прод[олжалось] ½ часа; упало неск[олько] круп[ных] кап[ель] дождя, и облака исчезли, буря стихла. Таких явлений я никогда еще не наблюдал.

** Все эти предметы находились у середины северной стены, впрочем ближе к восточной. Например, два предмета формою подошвы или лодочки. Какое их применение? Они могут сцепиться основан[иями] друг с другом.

стники работ были с улыбками на лицах. Это на всякого рода раскопках всегда так бывает, это заурядное явление. Тут не приходится жить ровным, спокойным темпом, нет: тут живешь то с упадком духа, как вчера, то с радостным подъемом, как сегодня.

В северной стороне погреб[ального] помещения и в северо-восточном углу, в месте намека на коридор, сегодня утром найдено очень порядочное количество бронзовых предметов. Вероятно, у северной части гробницы кроме трех урн (большая посередине и меньшие по бокам) еще стоял таз с кувшинчиком. Возможно, что таз, или подставка-блюдо, имел ряд ножек, на которых стоял и представлял собою стол. Тут же найдены две весьма интересные вещицы, это: край металлического блюда с очень любопытным орнаментом и очень большой величины бусина из янтаря, двойная, с отверстием для нанизывания. Потом тут же, в дополнение к первым двум медным пестикам, попался третий, дефектный.

Сегодня, между прочим, через наш уголок проехали цзунмодовцы из Урги, где они работали, теперь торопятся поспеть домой к началу сенокоса.

Чувствую сердцем всю мою Пшевочку на месте самостоятельных работ по поездке на р. Хару!

В 3 часа ушел Котик на раскопки в помощь Гусеву. Опять я один дома, в лагере.

Около четырех часов ко мне приехали В. Н. Орловская и А. А. Кузнецов. Пока мы беседовали и рассматривали находки, явились Гусев, Котик и кит[айцы]-рабочие: сегодня окончили работу несколько раньше обыкновенного ввиду праздника и хороших находок в кургане № 25. У восточной стены, под изогнутым бревном, удачно сохранившим бронзу, найдено 18 весьма похожих на подсвечник подставок, затем накладки вроде колпаков,* большие и малые стаканчики, а на дне и крае общего помещения остатки истлевшего ковра, на манер такового в кур[гане] Суцзуктэ, описанного, с изображением лося, рыси крылатой и других мифических животных. Собрана по частям и дополнительная керамика, и отдельные, пока необъяснимые, любопытные, металлически-деревянные предметы, с неизв[естной] целью употреблявшиеся. Подобран и 4-й пестик (дефектный). Мы говорим «пестик», а может быть, и орудие защиты, точно так же как и длинные, массивные, по размеру ноги примерно, оригинальные предметы, неизвестные по своему мог[ущему] быть применению.

Два круглых, словно жестяных предмета: большой (вроде крышки) и меньший (вроде кокарды или пуговицы) — у северной—сев[еро]-вост[очной] [стены], как и керамика (дополнительная). Говоря вообще, сегодня день один из самых удачных по количеству и разнообразию находок бронзовых предметов, плюс уголок художеств[енного] блюда и большая бусина (янтарная), прозрачная-прозрачная.

Длинные узкие предметы найдены вблизи урны. Таз на ножках (13) по северо-восточному коридору, стаканчики в в[осточном] кор[идоре], тут же,

---

* Любопытно отметить, что когда разрыхлили грунт с остатками одежд покойного и костями от скелета, хлынул удушливый газ, заставивший на время выбраться из погребения — дна кургана — на свежий воздух.

но южнее, кастрюлька с ручкой, отпаявшейся. «Подсвечники» и «колпаки» — по всей вост[очной] части коридора.

Под вечер мои гости после угощения шоколадом (на радостях) стали собираться домой, я поехал проводить их до того места у извилистой дороги по гребешку, откуда впервые показывается Цзун-модо. Погода была на редкость прекрасная: тихая, ни одного облачка. Гольцы, или дикий могучий Манхадай, открывались огромной полудугой, красноватой, высоко поднятой, запиравшей горизонт и то горное скопление, которое залегает частью со стороны Манхадая, частью Ноин-ула, своими отрогами примыкающими друг к другу почти вплотную, оставляя неширокое сравнительно место для долин и ущелий, речек и ручьев. Я никогда так контрастно, так хорошо не видел гольцов, как сегодня: гребень выделялся красноватым валом, зоны леса темнели, и ущелья совершенно терялись во мраке или, наоборот, виднелись до мелочей — в зависимости от их освещения. Вид на юг и ЮЗ также был далекий и также богатый горами, близкими и далекими (Тологойту), но здесь вид смягчался широкой, мягкой, тонувшей в изумрудной зелени долиной. Под обаянием дивной погоды, очаровательных далей и общей картины природы, а также под впечатлением содержательных находок мы были прекрасно настроены и вели оживленный разговор до философского рассуждения о «фокусе сил вселенной» включительно! Жаль было даже расстав[аться] и преждеврем[енно] уезжать. Тут я один в тесном общении со своими мыслями и переживаниями при виде красот вечерней природы. Чуден вечер, чуден вид с высоты на всю видимую часть величеств[енного] Манхадая.

Теперь уже потух огонь заката и световые полосы изменились: внизу лежала голубая или даже темно-голубая полоса, выше — розовая. Световые полосы сливались незаметно, постепенно переходя от голубого к розовому, от темного к яркому. Тишина стояла абсолютная, прозрачность совершенная; в соседних, более темных ущельях играла сизая или фиолетовая дымка. Такие вечера обыкновенно не забываются.

Я вернулся домой, вскоре поужинали и разбрелись по своим ночным углам. Встаем рано, в особенности неутомимый Гусев, который ежедневно встает с зарею и с рабочими приступает к раскопкам.

18/VIII, ☽. Как и ночь, утро превосходное: ясное, тихое, прохладное:* в 6 часов температура воздуха 6.0°С. Я проснулся в ½ 7-го часа — Гусева уже не было, он своевременно ушел на археологические работы, он знает свое дело, проникся интересом и совершенно незаменим при такой, требующей глубокого внимания и аккуратности, работе.

Интересно, что даст в заключение весьма содержательный курган № 25.** Ведь он много дал нового, не виденного ранее материала. Он дал бронзовые предметы, какие-то загадочные, непонятно, для чего они были сделаны и на

---

* Сегодня наблюдался (нашими людьми) первый иней, посеребривший слегка луговой покров. Иней — предвестник осени.

** Следует отметить, что с южной стороны у кургана № 25 сохранилось в целости отличное заложение на протяжении 8—9 саженей от вершины могилы для поднятия покойника и следования с ним к месту могилы.

что применялись; но уже чувствуется приближение его конца. Как хотелось бы найти дополнительную часть к интересному первому куску блюда. Прежде всего орнамент, совершенно новый, по крайней мере для меня, части его непонятны — круглы и продолговаты, да и самый металл какой-то очень тяжелый, серебристый сплав.

Как и вчера, сегодня я также послал мал[ьчика] Васю на место раскопок, узнать, что и как. Не могу, хочу знать все, хочу быть в полном курсе лихорадочной деятельности ведения археологических раскопок. Мечтаю я также и о Гуджиртэ, о третьей группе намогильных курганов, расположенных в 5—6 верстах к ЮЗ от нашего лагеря. В той группе придется выбрать 1—2 кургана и разработать их для истории, для полноты картины. В то же время не хочется даром бросать начатого Мокрого, или Нижнего, кургана С[уцзуктэ], на который столько потрачено сил, средств и в котором уже почти дошли до дна и только вода не дает производить самые интересные заключительные работы; вода с боков сильно сочится, заливает дно и мешает работать.

А что же не возвращается монгол-проводник? По его словам, он должен был прибыть еще вчера, возможно, что он оставлен моим Пшевиком еще на некоторое время в ее дальнейшее распоряжение. Во всяком случае, я очень интересуюсь разъездом моего спутника Пшевика и его результатами.

Наконец возвратился и проводник-монгол с письмом от Пшевика. Как и следовало ожидать, курганы оказались типичными кэрэксурами, не больше. По долине Хара много кроншнепов, летают также и цапли (серые). Мой спутник, отпуская проводника, решил пробыть на Харе еще полностью два дня, а в среду, 20/VIII, возвратиться к себе в лагерь, в Суцзуктэ. И Пшевик, подобно мне, с 16 на 17/VIII, наблюдал еще вечером 16 августа интересную картину облаков и эффектного освещения неба, по которому с запада мчались всевозможные бесформ[енные] рваные облака, а между участками облаков алело или желтело переливающееся море. То был смерч в небесных сферах.

Археологические изыскания в № 25 в последний день работ на нем дали: дополнительные бронзовые, «a la» подсвечники (в опрокинутом виде), фигуры, до 35, считая и дефектные, равно кастрюльку с ручкой и новые бронзовые стаканчики и обломки фигур (очень оригинальных). В заключение — немного кусков и кусочков, преимущественно коврового типа, а равно и подобные прежним рваные кусочки разноцветной шелковой материи, сцепленные между собою словно в книгу. Интересно, что такие материи иногда встречались на поверхности жертвенных предметов,* и в отдельности конечно.** Покончив с курганом № 25 (в посл[едний] день еще добавлены две деревянные палочки со следами работ на них), партия китайских рабочих под руководством Гусева перешла для работ на Мокрый

---

* Как, наприм[ер], на чае и крупе, сверху. Интересно, что в общем хаосе среди досок гробницы и прочих предметов лежали части шелк[овой] шир[окой] одежды, а среди одежд — две-три кости. Когда это все было обнаружено из-под грязи, то вдруг воздух испортился и сделался тяжелым, удушливым — скопление последних газов.

** Едва взяли последние предметы из бронзы и отошли от ниши, как загремели вниз камни. «Вовремя окончили», — заметил Гусев и стал с китайцем выбираться на свет дневной. Вслед за этим обвалы участились. Могу сказать утвердительно: «Очень опасное дело раскопки!»

шурф — Нижний курган Суцзуктэ. В нем, конечно, имеется вода, но не хотелось бы его оставлять недоделанным, неоконченным.

Сегодня хорошая погода, с далями, и я снял четыре фотогр[афических] снимка (3 вверху, 1 внизу). Буду ждать возвращения Гусева и его вечернего доклада о подходе к работам на Мокром. На Мокром только успели подготовить машину и другие принадлежности для откачивания воды. Воды там много. Я не знаю, пока трудно себе представить, возможно ли нам справиться с нею, сумеем ли ее откачать! А откачивать будем на протяжении ближайших дней. Ведь так много потрачено внимания, сил, средств — необходимо довести до конца, тем более что Мокрый своими размерами близко подходит к таковому этой же группы Верхнему, обогатившему экспедицию своими сокровищами. В Мокром имеется слабый намек на искусственное сооружение подхода к могиле с юга. Но зато такой подход, такое заложение прекрасно сохранилось до сего времени у кургана № 25. Вообще, с кургана № 25, к югу, востоку и западу открываются живописные виды. Строго говоря, с севера такой же красивый вид, как и с других сторон. Короче, кругом, на все стороны света № 25 дает восхитительные виды.

Ночь тихая, ясная, не такая прохладная, как предыдущая. Две совы кричали на разные лады.

19/VIII, ♂. Я и Котик поднялись до зари, с зарею отправились в Гуджиртэ с целью осмотреть последнюю, третью группу намогильных курганов. Последние своею верхнею частью, в числе 12 могил, расположены на скате восточного склона перевала, отделяющего Цзурумтэ от Гуджиртэ. Курганы этой последней группы небольшие, по отношению к бол[ьшим] курганам Ц[зурумтэ] и С[уцзуктэ] эти будут средние, расположены они на скате, повторяю, последовательно в одном направлении, на расстоянии 15—20 шагов друг от друга. Несколько ниже, около версты, вдоль и справа от дороги, разбросанно тянутся курганы этой же группы числом 25, таких же в общем небольших размеров, на вид более древние (впрочем, это мое мнение). Познакомившись с курганами Гуджиртэ,* их характеристикой, мы направились прямиком в Цзурумтэ, к двум поодаль стоящим курганам: к отдаленному (на ЮВ) и затем к кургану Кондратьева, что в лесу. Дальний меня не прельщает, симпатичнее К[ондратьевский]. Но прежде нежели остановиться на каком-либо с целью его разрабатывать, я еще раз хочу просмотреть всю группу Цзурумтэ, ту группу, в которой непосредственно залегают Баллотовский и Монгольский курганы.

У Кондратьевского кургана** я наблюдал тетеревятника, несшего с протяжным призывным писком в когтях какую-то добычу. К птице, несколько раз усаживавшейся на деревья, низко над землей, никто не подлетал. Заметив людей, тетеревятник очень насторожился и незаметным образом исчез. Вокруг нас то и дело шныряли проворные бурундучки, полосатость и пуши-

---

* Тотчас за перевалом Гуджиртэ мы встретили врассыпную, вероятно, целый выводок рябчиков. Рябчики свистели, перекликались между собою. Их писк подобен писку европейского.

** У К[ондратьевского] кургана оригинальное заложение — подход с юга не в виде покатости, а в виде провала. Гусев по окончании здесь обычных раскопок советует покопаться, посмотреть, мне же кажется, что это размыв от таяния снега и дождей.

стый хвост которых еще издалека выдают этого зверька. Бурундук встречается нередко в глубине леса, там, где другого существа не заметишь и не услышишь в течение целого дня.

Погода отличная, воздух прозрачен, дали на редкость красочны, привлекательны. Днем на ярком солнце еще продолжает чувствоваться лето: тепло, порхают бабочки и жужжат другие насекомые. Небо нежного голубого или ярко-синего, очень приятного и красивого цвета.

Из-за воды, просачивающейся в северо-западный угол Мокрого кургана, мы принуждены были его оставить в полдень. После обеда я сделал последнюю попытку откачать машиной воду, спуститься лично вниз и вновь посмотреть на северо-западный угол. Ничего хорошего! Как и прежде, вода струйкой восполняла убыль, откачанную машиной. Тогда я распорядился немедленно перекочевать китайской артели рабочих с инструментами за перевал Цзурумтэ, к месту расположения Кондратьевского кургана, и сам с Гусевым также направился туда.

Пока рабочие прибыли на К[ондратьевский] курган, я его замерил и на дне воронки, как раз в середине,* сделал квадрат, в сажень, для шурфа, по углам поставил колышки, затем снял его фотографию. Как хотелось бы, чтобы этот снимок был удачен! В заключение я с В[асилием] А[ндреевичем] успел набрать грибов и поймать прелестную муху, по окраске схожую со мхом, у нас еще не отмеченную в списке коллекции. Тем временем прибыли китайцы с имуществом, очень быстро устроились здесь по-домашнему, развели костер и оживили этот тихий, долго спавший уголок. Ввиду дальности расстояния (около 4—5 верст, на ½ версты далее Андреевского кургана) китайцы хотят здесь прочнее устроиться, об этом мечтает и мой Гусев. А как симпатично и тихо в этом лесу, у К[ондратьевского] кургана. Китаец Василий громко заметил, что этот курган расположен в самой лучшей, красивой и уютной местности.

Около 4 часов дня погода нахмурилась, небо посылало с севера и СВ мрачные тучи, но они все рассеялись!

Вечером возвратился наш «археолог» Гусев, заявивший, что успешно приступили к начальным работам. Вскрыли пласт дерна и земли, под ними нашли тонкую каменную дощечку, продырявленную по краям-углам, вероятно, с целью прикрепления к какому-либо предмету, к стойке или указателю, например. К сожалению, дощечка-пластинка, или плитка, в разбитом виде.

Одно обстоятельство — безводие — может представить затруднение. В самом конце мая здесь все было мокро, влажно, в воронке держалась вода (на дне, конечно), в логу, соседнем, струился ручеек и большой шурф золотоискателей стоял до верха с водой, в которой в июне мои мальчики плавали. Если не удастся разыскать воды, как не удалось при первых дов[ольно] тщательных поисках, то придется ее доставлять из ближних мест, на лошади, перед этим неудобством, конечно, мы не станем останавливаться.

20/VIII, ☿. Минувшая ночь ясная, тихая и еще теплее предыдущей. По обыкновению, с вечера кричала сова, которая иногда ночует на крыше конюшни, по крайней мере в этом месте она наблюдалась в утреннем полусвете

---

* Квадрат расположен строго в середине кургана.

в день нашей экскурсии в Гуджиртэ. Утро тихое, ясное, приятное; [однако] барометр стоит низко, не знаю, что станется с погодой. У нас обыкновенно зачастую бывает, казалось бы, наоборот всем правилам, а именно: барометр падает или стоит низко — погода хорошая, барометр высоко — непременно небо в тучах и накрапывает дождь. Гусев, по обыкновению, с раннего утра на раскопках. Я мечтаю сегодня часов в 10 утра отправиться в Цзун-модо с целью встретить Пшевочку и побывать у друзей. Не удастся ли получить, наконец, известие о выезде А. Н. Васильева из Урги в Иркутск или Москву. А то ведь с прибытием Кондратьева из Урги в Суцзукте мне и Пшевику надо приготовляться в отъезд, восвояси, в Сугу-нур. Ведь за нами имеется одна поездка в гольцы, а потом я вновь хочу быть на выемке кургана К[ондратьевского], только что мною заложенной вчера. Таким образом, на одном месте долго сидеть не приходится — все в движении. А я еще не принимался за писание известий в Географическое общество и Главнауку. Материалы имеются, об этом следует обстоятельно подумать. Может быть, надо что-либо набросать в дорогу и А. Н. Васильеву для вырешения предстоящих перспектив для Тибетской экспедиции.

В начале 8-го в направлении Цзурумтэ, вероятно в местах предполагаемой воды, раздались два винтовочных выстрела: надо полагать, что стрелял наш В. А. Гусев по козам. Давно не убивали ничего для мяса, за исключением зайца, подвернувшегося под выстрел Котика.

Не по зверю, а по небольшой птичке дважды стрелял Г[усев], в первый раз Г[усев] перешиб кукше кончик — вершину крыла, отчего кукша потеряла способность летать. Вторым выстрелом (пулею же) он вырвал весь бок несчастной птицы, тем дело и кончилось. Гусев проявил излишнее усердие в силу того обстоятельства, что не узнал, какая именно птица: ему казалась очень интересная, невиданная, и таких кукш Г[усев] встретил значительную, около десятка особей, стайку, очень шумную, крикливую, беспокойную.

Кукша — лесная птичка, покажется на глаза, как и гол[убая] сорока, и исчезнет надолго; вы можете ходить за нею несколько дней и можете не встретить ни разу.

Как и предполагал, в начале 11-го утра я поехал в Цзун-модо, достиг благополучно цели, обогнав одного, с ношей, китайца. В полдень я был уже в доме Кузнецовых и с удивлением узнал, что моего Пшевика с разъездом в Цзун-модо не имеется. Сначала я не особенно беспокоился, предполагая, что он вернется позже и не непременно через Цзун-модо, а может возвратиться и прямой дорогой, через Бальджу. Ведь разъезд удален от дороги к востоку с лишком на 20 верст, вверх по Харе. Таким образом, ему по диагонали ближе к Суцзуктэ, нежели к Цзун-модо, считаясь с горами, в обход.

Между прочим, в Цзун-модо я наловил насекомых, пользуясь исключительно услугой одной пинцетки. А сколько бы я наловил сачком? Полагаю, мною упущено до 3—4 очень интересных форм мух и шмелей. Этих насекомых я ловил почти исключительно на желтых, золотистых цветах, растущих островками по долине и скатам вдоль селения.

В 6 часов я распрощался с Цзун-модо, а в ½ 8-го уже был дома. Поперечно, с СЗ по гребню Суцз[уктинских] гор, шла на ЮВ темно-синяя грозовая туча; пока я ехал, она уходил на ЮВ и постепенно разрежалась. Вид на гольцы был местами угрюмый, местами мягкий, привлекательный, все ущелья с лесом, россыпями и альпийскими лугами как на ладони.

Уже ночью, в темноте, на ЮВ сверкала молния и доносились слабые раскаты грома. Упало немного дождя, и к 9 часам, ко времени вечернего наблюдения, небо стояло вовсю ясным.

21/VIII, 2. Проснулся рано, в ½ 6-го. Мне уже больше не спалось. Явственно, будто кто-то сказал мне (мне вдруг представилось): наши без лошадей и, может быть, без винтовки — их обокрал проводник-монгол, мнимый дежурный от м[онгольского] пр[авительства] на раскопках Тибетской экспедиции, который не является больше, как уехал якобы домой за продов[ольствием], обещав возвратиться на дежурство во вторник. Как-то странно вел себя этот чахар и в глаза почти никогда не смотрел. Мне не покажется нелепым мое предположение, когда я даже вдруг увижу разъезд возвратившимся домой в исправности.

Мои продукты в обрез. Разве питаются охотой? Но П[авел], размазня, любит спать, это не Ив[ан] Туг[аринов], очень заботливый человек в дороге. Если разъезд не объявится сегодня к полдню, то я начну беспокоиться не на шутку, тогда мое предположение, внушенное мне чем-то внутренним, может действительно оказаться правдой. Главное, исчез монгол-проводник, словно в воду канул, тогда как должен быть здесь, налицо!

На всякий случай я командировал мал[ьчика] Васю (в 7 часов утра) за его отцом в Цзун-модо. Он приедет, я с ним посоветуюсь и с полудня — если мои не вернутся — командирую Марчука с ковригою хлеба на Хару, в предполагаемое место стоянки разъезда Пшевика. Несчастный случай может быть. Чахар-монгол не прибыл, и неизвестно, прибудет ли он вообще.

Работа на Конд[ратьевском] кургане на первых порах подвигается сравнительно медленно, прежде всего немало тормозит отсутствие воды поблизости. Воду нужно брать чуть не дома, за четыре версты; второе обстоятельство, понижающее успех работ, — сокращение и болезнь рабочих. Жаль собирающегося уходить Чан-хо, плотника, и забол[евшего] ногой Мишки. К утру на сегодня было углублено до ½ сажени. На этом углублении в северо-восточном углу обнаружена огромная каменная глыба; с ночи ее обложили дровами и подтопили с целью сегодня легче разбить на части и извлечь за борт сруба. Надо мне побывать на К[ондратьевском] кургане и лично все посмотреть!

В полдень я на раскопках: углублено на 2 аршина; гранитная (серый, крупнозернистый, выветрелый) глыба еще лежит в северо-восточном углу. Делают сруб, его поднимают, шурф становится глубже, изредка встречаются камни, сланцы. Местность вокруг редеет от спиливаемых сосен или лиственниц на квадратн[ый] колодезь, сухой валежник также подбирается на дрова. Грибы растут.

К 4½ часа дня возвратилась из своего разъезда Елизавета Владимировна, через Цзун-модо, вполне благополучно и успешно: привезла 10 экземпляров птиц, из них 4 не бывших в нашей коллекции, привезла и насекомых, которыми также пополнила списки жуков (9), мух (3) и т. д.

Приезд моего Пшевика внес оживление: появились новые рассказы о Харе, богатой всякого рода жив[отной] жизнью, до комаров и мошки включительно. В общем, долина и река Хара произвели на моего спутника хорошее впечатление, и ее тянет туда вновь, в особенности к предстоящему осеннему пролету. Теперь она добыла преимущ[ественно] куликов.

Вслед за моим Пшевиком объявилась партия монголов с чиновником во главе, присланная из ближайшего на Харе управления хош[унного] начальника Батыр-вана с целью ознакомиться с находками Тибетской экспедиции и донести обо всем этом в Ургу. Молодой, дов[ольно] приличный монгол, дворянин, как значится в бумаге, бойко прочитал мою бумагу, с достоин[ством] держал себя, внимательно относился ко всем моим заявлениям, выражая чувство восторга к нам по поводу наших изучений Монголии, и в заключение заметил: «Если вам нужны покосы, то напишите в Ургу, вам отведут таковые немедленно».

Ко времени отъезда монголов возвратился с раскопок Гусев, донесший об удалении большого камня из шурфа путем раздробления его на ряд больших и малых кусков (раб[ота] трудная).

Как никогда, сегодня наш лагерь был оживленным, многолюдным, шумным. Все время неслись голоса, смех и говор. Лошадей скопилось также порядочно. Марчук сильно благоволит к экспедиции и очень ухаживает за мной лично.

Ночь тихая, ясная и все еще дов[ольно] теплая. Лес и скалы молчат, дивно хорошо.

22/VIII, ♀. Ясно, тихо, прозрачно. Хотя Гусев и отправился на археол[огические] раскопки, но мы его возвращаем обратно к нам: надо укупоривать ящики, разгружать лагерь от коллекций. Вместо Г[усева] командирую на курган Даниленко: ему надо привыкать к таким работам. Пока что погода стоит замечательная, можно сказать, по-осеннему прекрасная.

Не знаю только, когда вернется мой Кондратьев, который страшно рад, что попал наконец в городскую обстановку и среди дел может и поиграть на рояле, и развл[ечься] в шахматы! Скверно то, что не знаешь, когда он возвратится домой, еще хуже того, когда посдет А[лексей] Н[иколаевич] в Центр и развяжет мне руки неотложным свиданием с ним (осенью мне надо быть в Петрогр[аде]).

Завтра надо отправить П[авла] домой и попутно отправить с ним кое-что громоздкое.

Идет работа иного характера: сортировочная и упаковочная археологических коллекций. Котик сменил Гусева, последний, незаменимый, мастерит ящики для упаковки.

Я лично сам сортирую, записываю, веду заметки общего характера, кроме специальной регистрации всех предметов того или иного кургана, веденной В. А. Гусевым, который выбирает предметы в кургане непосредственно.

Параллельно с этим я пытаюсь составить краткий, но выразительный отчет о летней научной деятельности Тибетской экспедиции, ее участников и результатах, достигнутых ею, а потом станет на очередь и писание специальных отчетов. Лично я должен написать общий очерк археологических изысканий в Суцзуктэ и изучения монгольской природы в области ботаники и зоологии в связи с полными, систематически собранными коллекциями.

Непременно следует написать об археологических достижениях в Монголии С. Ф. Ольденбургу.

Елизавста Владимировна и Гусев весь вечер привязывали номера и записывали расположение найденных в кургане № 25 предметов. Причем

неоднократно становились в тупик перед некоторыми из них, не умея надлежащим образом назвать предмет или определить его назначение.

Над гребнем перевала и вдоль него, в виду нашего лагеря, высоко неслись разрозненно, группами и в одиночку со своим обычным карканьем черные вороны. Вероятно, здесь было несколько семей с молодым поколением, так как мы насчитали свыше 50 особей.*

Сумерки погасли, в лесу настоящая тьма, на полянах серо, и только в воздухе, на фоне чистого неба, чуточек светлее. Как раз в такое время раздались в долине и повисли в воздухе раскаты двух выстрелов; это выстрелы нашего П[авла], ушедшего еще с раннего вечера на коз, нам нужно мясо. Но он стрелял по филинам на открытой поляне, у моста Суцзуктэ, пониже курганов. Первого филина он «поднял» в горах Цзурумтэ и пригнал его в дол[ину] Суцзуктэ, к нему вдруг подлетел другой, и они, словно летучие мыши, кружили над охотником, внимание которого было привлечено тонким звуком птиц, звуком, редко издаваемым филином.

Ночью с ЮВ, снизу, проходила гроза. Гремел гром, сверкала молния; туча рассеялась, бросив на нас немного разрозненных капель, и опять стало невозмутимо, как всегда ночью, даже не кричали совы и не рычал гуран.

23/VIII, ♄. Туман покрыл собою всю окрестность: и горы, и ущелье, и долину; свежо и ветрено с СВ. Однако к 8 часам утра он начал подниматься, сбиваться в кучу и поплыл вниз по Суцзуктэ; над нами появились голубые и светлые полоски неба и чуть-чуть блеснули первые лучи дневного светила. Мои спутники заспались. Я их будил всех, за исключением Котика, своевременно ушедшего на раскопки вместе с рабочими-китайцами.

Скоро объявится осень, полетят на теплую чужбину птицы. Серые журавли уже начали табуниться до 50—80 особей, наблюдаемых Елизаветой Владимировной в долине Хары, кулички-зуйки также.

Однако днем на ярком монгольском солнце еще очень тепло и привлекательно по-летнему: слышится жужжание насекомых, усаживающихся на ярких высоких цветах. Небо синее, дали красочны, и по вечерам над узкими высокими ущельями эффектно колышется фиолетовая или сизая дымка. В такой обстановке, в живописных горах, дышишь полной грудью, полон чистых, высоких восторгов и набираешь, а не тратишь энергию и силу. В таких случаях я часто глубоко думаю о жизни и невольно завидую самому себе.

После обеда Зимирев Иван попутно из Урги доставил нам почту, газеты и известие от С. А. Кондратьева, который обещает прибыть к нам на днях. С[ергей] А[лександрович] полюбил прекрасный уголок С[уцзуктэ] и весь тянется в его объятия после душного, людного города. Его миссия довольно успешна, но ему приходится работать и в области дипломатии — урегулировать, сглаживать, примирять для успеха общего дела. Возможно, что К[ондратьев] будет сюда на машине с В[асильевым], если позволит погода и дорога. С[ергей] А[лександрович] уже немного слышал о наших успехах в кургане № 25 и, конечно, всей душою радуется этому! С[ергей]

---

* Это явление я отмечаю потому, что никогда не наблюдал его: обыкновенно ч[ерные] вороны держатся парами, в одиночку и редко три-четыре вместе.

А[лександрович] полностью наш, как выражался про меня или Робика* наш Н. М. Пржевальский.

В «Известиях» (московских) напечатана моя статья из С[уцзуктэ] о первых археологических достижениях Тибетской экспедиции.[114] Приятно, что без единого пропуска и с чертежом погребального помещения, гробницы и т.д. Прочтя статью в лучшей газете, меня многие вспомнят: кто тепло, кто холодно, с маленькой досадой, завистью. Так уж сотворен свет, а еще больше — так уж сотворен человек. Многие из моих ярых слушателей лекций о Хара-хото, невольно подумают про себя, а то и скажут: «Ну вот, наш Козлов по возвращении в Россию вновь будет читать нам лекции о своем путешествии и своих открытиях», — это тоже, как водится.

Странно, что писем я не получил ни одного, тогда как моя Елизавета Владимировна имеет их целых пять — и из России, и из Маньчжурии, а мне так никто и не пишет! Забыли даже друзья мои.

А сегодня мы все пишем и пишем. Я — краткие отчеты о летней деятельности Тибетской экспедиции: Географическому обществу (Шокальскому), Академии наук (Ольденбургу) и в Главнауку — ее Заведующему![115] А под вечер, вроде отдыха и разнообразия, я и мой Пшевик поехали на Кондратьевский курган посмотреть, насколько углубились, что и как, и проч. Солнце и красивые горно-лесные виды, и дали через долину С[уцзуктэ], и горы на ЮЗ очаровывали и ласкали нас. Не живешь, а весь горишь высоким поэтическим восторгом. Дали меня волнуют, дали через ряд поднимающихся или простирающихся поперечно горных цепей и уходящих в стороны и сливающихся с далеким горизонтом. Едешь и любуешься встречными, хотя и давно знакомыми картинами. Так сильно они хороши! А вот и наш курган в лесу. Еще издали сквозь лес видишь струйку дыма, тянущуюся к небу. Работают китайцы и наш Котик. Я осматриваю, спускаюсь в шурф, наблюдаю мерзлоту, от 2 аршин начавшуюся и на 3 арш[инах] окончившуюся. Предел, до которого дошли мои сокращенные числом китайцы. Их тянет сенокос, полевые работы и связанный с этим временный повышенный заработок. «Ничего, — говорят остальные, — будем работать и оканчивать этот шурф».

Среди обломков камней попался гранитный осколок, острием своим напомнивший каменное орудие — нечто вроде топора или другого колющего дерево орудия. Его не взяли.

Вечером отправили П[авла] на «филинов». В сумерках он уже палил: бах-бах... бах-бах... В результате три ушастые совы: старая и две помоложе, если одна совсем не юная.

Что за ночь, что за небо расстилалось над нами! Небо горело сплошь всеми своими мирами, Млечный Путь отливал серебром, а ночь, природа горно-лесная молчали. Молчали так, что можно было слышать или чувствовать дыхание и вздох леса, погруженного в дрему. Ни одного звука, ни одного шелеста листа, ни одного крика совы.

24/VIII, ☉. А сегодня с зарею дождь, туман, и все великое очарование минувшей обаятельной ночи исчезло. Сидим и продолжаем писать и письма-отчеты, и дневник.

---

* *В. И. Роборовский. (Прим. сост.)*

Гусев и Павел препарируют сов, ма[льчик] Вася затопил печь, чтобы согреть нас и просушить воздух. Этот мальчик сходил за перевал, в Баин-гол, и принес грибов, которых нынче много. Васю сопровождала молодая собака, взогнавшая на дерево колонка рыжего Put[orius] eversmani, и мальчик с досадою говорит: «По случаю дождя был без ружья и не добыл для вас интересного зверька в коллекцию!» Так все настроены обогащать сокровищницу экспедиции — науку!

А небо, хмурое небо, все плачет и плачет, все роняет слезы на грешную землю.

К полдню погода изменилась к лучшему: солнце яркое и небо синее улыбнулись нам и разлили привет и ласку по скалам, цветистым лугам и высокоствольным зарослям сосен и лиственниц. Ароматное благоухание, как живительный нектар, разлилось по лугам и под сенью смолистых сосен. Спускаются на землю сумраки, багровеют вершины и гребни горных цепей. Воздух тих и спокоен. Я с Пшевиком окончили наши отчеты, и часть из них я уже окончательно закрыл. Оставил открытым письмо в Главнауку на случай сомнительного приезда в наш уголок полпреда А. Н. Васильева. Или, может быть, вдруг мне придется скакать в Борота для свидания с ним на его пути в Москву. Надо ждать или самих, или какой-либо вести каждую минуту!

Сегодня окончательно миновали мерзлоту в К[ондратьевском] кургане. Уже прокладывают вглубь вторую сажень. Павел ушел попытать счастья на охоте — добыть козу или еще что-нибудь: мяса все еще нет, питаемся только грибами. И тем не менее мои спутники всею душою привязались к Суцзуктэ и любят его природу, простор и приволье. Они отлично изучили не только соседние, но и отдаленные ущелья гор; они хорошо знают, в каких местах держится тот или иной зверь, та или другая птица, принадлежащая к горной или степной области, и большинство моих спутников, поочередно, будут жить именно здесь с большою пользою и для себя, и для дела. Лично я также избрал бы себе этот уголок и для наблюдений, и для охоты, и для писания и, может быть, даже немного работал бы в области археологии.

Павел явился совершенно усталый в ночи, но убил козу и сову уральскую, к сожалению, на этот раз винтовочной пулей испортил ее, сделав негодной для препарирования.

25/VIII, ☽. Прекрасная ночь, ясная, тихая, под утро превратилась в мокрую, дождливую. Утро с низкими, ползучими вдоль гор облаками, готовыми ежеминутно разрешиться дождем. Павел с Котиком отправились за козой, оставленной на месте ее убиения, — тяжело было тащить в лагерь. Мой Пшевик собирается в Сугу-нур навести порядок и отпустить Павла в Ургу по вопросу покоса: ему необходимо заготовить на зиму сено. А я — я сижу непроизводительно из-за несостоявшегося еще свидания с А. Н. Васильевым, которому желательно передать многое на словах и познакомить с научным отчетом, приготовленным для отправления с ним же в Москву, равно и другие таковые в Ленинград.

Ровно в полдень укатил мой Пшевик к себе в Сугу-нур с целью перебрать все свое имущество, взять с собою в Суцзуктэ на новую базу книги и проч. и скоро — дня через три — вернуться сюда для продолжения ведения своих специальных наблюдений над птицами. Отсюда же она в сопровождении Павла и, может быть, со мною поедет на Хару систематически вести

наблюдения над птицами и их перелетом (осенним). Не могу сказать, как я хочу тоже скорее в Сугу-нур и менее желаю попасть в Мандал. И когда еще только смогут выбраться и в тот и в другой, чтобы прибыть в Суцзуктэ и в Борота? А тут, как на грех, опять скверная погода (из рук вон плохая).

Скорблю, зачем отпустил в дорогу моего Пшевика и П[авла]. Дождь, вначале слабый, превратился в большой, бесконечный и, конечно, промочит насквозь не умеющих устроиться в дороге людей. Зачем отпустил, теперь душа будет не на месте; черт бы подрал такую дикую погоду и этот мерзкий, противный дождь; ругаешь себя, ругаешь и П[авла], который со своей козой задержал более своевременное, утреннее, выступление в далекий путь! А противный дождь идет и идет без конца, даже со снегом. Ну и денек выдался, черт бы его побрал, ругается мой Пшевик дорогой и ворчит на меня, зачем Кизошка не удержал ее на месте, а подверг без пользы невзгодам мокрым! И с ее стороны будет справедливо. Только к позднему вечеру мокрая пурга прекратилась и температура воздуха понизилась до нуля. Небо сверкнуло звездами, белая пелена на земле и деревьях придала местности много таинственности. Я стоял и много думал, сравнивая прекрасное, вечно юное лето с юными сильными годами человека. В таких мечтах и грезах я уже ночью закончил мое письмо для отсылки в «Известия» — будто прочитал лекцию для невидимой, далекой большой аудитории.

26/VIII, ♂. Утро тихое-тихое, полуясное, а вскоре и совершенно ясное. Солнце делает свое дело, посылает тепловую энергию. Зародился один, другой порыв ветра, верхушки дерев зашумели.

Еще будучи в постели и потягиваясь, я невольно вспомнил моего Пшевика, его путешествие под ветром и мокрым снегом до Мандал. Кто его согрел и приютил и как он чувствует себя сегодня, глядя на синее небо и яркое солнце, какие мысли роятся в его юной, разумной голове после первого снега и мороза по отношению к движению пернатых? Сегодня я переписываю письмо в Москву — мою лекцию народу. Котик отправился на шурф, В. Гусев работает вокруг меня, а Вася-маленький еще с вечера командирован в Ц[зун]-модо, за хлебом. Тихо кругом, только порывы ветра и шум дерев заставляют поднять глаза и оглянуться на лесной скат, залитый солнцем и блеском капель воды на лугу. Что день грядущий нам готовит?! Увидим ли, услышим ли кого? Кого так ждем? С раннего утра и до обеда я писал письмо в «Известия»; собственно, переписывал и лишь конец, строк в двадцать, написал вновь и написал ладно, немножко с огоньком.[116] Погода разгуливается все больше и больше — вновь солнце и небо своею теплотой и красотой согревают и ласкают нас. Тотчас после обеда объявился у нас А. А. Кузнецов, а вслед за ним и милая В. Н. Орловская. Я им обоим очень обрадовался — это мои друзья. В. Н. направляется с дачи домой, в Ургу, на службу. И везет с собою свою прелестную дочечку Галю и ее подругу.

Приезд Орловской был более нежели кстати: она любезно взяла от меня корреспонденцию, мои письма-отчеты о деятельности и результатах Тибетской экспедиции. Я послал пакет со своим кратким отчетом и двумя статьями в РГО на имя Шокальского, копию с отчета С. Ф. Ольденбургу, о также копию в Москву и письмо в «Известия», о чем и о котором мною упоминалось выше. Еще пакет с отчетом Елизаветы Владимировны и моим приветственным маленьким письмецом в Троицкосавск, П. С. Михно. Все это

В. Н.[Орловская] взяла в свой портфель, чтобы поступить в Ургe как сложатся обстоятельства: или просто сдать на почту, или послать с курьером, который сдаст их на почте Верхнеудинска или же все вручит А. Н. Васильеву, на его пути в Москву. Короче, удалось и сложилось счастливо: письма написаны и сданы для отправления по назначению!

В. Н. [Орловская] с девочками посидела у нас немного, попила чайку и распрощалась; какой это милый и чуткий человек! Какое счастье встретить на пути своем такую душу, которая невольно одарит вас улыбкой и самого заставит то же сделать. Прощание было самое трогательное, сердечное, дружеское. В. Н. [Орловская], словно метеор, блеснула, озарила и исчезла! Чувствует ли меня моя Пшевочка в эту минуту и понимает ли она меня, что мне хорошо и было бы еще легче и прекраснее, если бы я знал, что вчерашний день, его невзгоды прошли для нее вполне благополучно, что она не заболела. Так всегда или очень часто в жизни случается, что на радостный чистый горизонт настроения набегают вдруг тучки, небесные странницы, и омрачают настроение. Не надо падать духом! Иди вперед навстречу буре жизни — дождешься и просвета, и ласковой тишины.

С укладкой археологии, последних находок, мне так и не удалось сегодня побывать на кургане, знаю только одно, что с уходом нескольких человек рабочих, почти половины, наш последний шурф спускается на глубину туго. Приходится нам самим помогать рабочим — ничего не поделаешь.

Прекрасный вечер, синее небо, солнце давали возможность любоваться на гольцы, на гребень Манхадая, укрытого сплошь белым-белым снегом; красота гор была поразительная. Вообще, весь день, вечер и первая половина ночи были удивительно как прозрачны и хороши. И вдруг в глухой ночи совершенно неожиданно забарабанил по крыше дождь, заставивший моих мальчиков бежать с постелями под защиту домика. Холод надвигается.

27/VIII, ♀. Утро, как и ночь, холодное: t воздуха 2.3°С; небо наполовину в слоистых облаках, а между тем барометр стоит очень высоко — почти 625.0.

Я оканчиваю свой предварительный отчет, Гусев — укладку археологических коллекций, Котик пребывает на раскопках Кондратьевского кургана. Казалось бы, теперь всего удобнее было бы мне прокатиться в Ургу с коллекциями, представить отчет В[асильеву], потолковать по душе с ним и проч., а потом поехать в Сугу-нур, ликвидировать там все дела, манатки перевезти временно к Воробьеву и т. д. Или так: теперь, сейчас, съездить в Сугу-нур, а через неделю возвратиться на Суцзуктэ, ко времени выборки кургана, поохотиться на Харе и долине Мандал, проследить осенний пролет и тогда к настоящей осени вернуться в Ургу, чтобы устроить там склад Тибетской экспедиции, а самому собираться в Россию.

Сейчас, в начале четвертого, я только что возвратился с К[ондратьевского] кургана, где при мне извлекали землю из шурфа, постепенно углубляя и разбивая на части огромным молотом гранитные (к[рупно]-з[ернистые] серые) глыбы. Вообще, следует заметить, что с 5—6 аршин глубины шурфа в К[ондратьевском] кургане стало обнаруживаться много угля и много больших и малых камней, нередко даже гранитных глыб. Ввиду тяжести и большой величины такие глыбы предварительно разбиваются, а в исключительных случаях и обжигаются в течение ночи, чтобы глыба разрыхле-

ла и не так сильно противостояла ударам молота. Вместе с тем замечено, что с той же глубины и сама почва, песчано-глинистая, стала постепенно делаться более влажной. С моим уходом с кургана рабочие стали готовить крепление — деревянный сруб, а завтра, может быть, около обеденного времени будут продолжать внедряться в курган. Наша теперешняя тропа проходит непосредственно через Баллотовский курган, и я им постоянно интересуюсь. Меня поражают его огромные размеры — этот курган (30×30), говоря вообще, самый большой из всех виденных нами на всех трех группах, открытых экспедицией. Затем по величине следует курган Монгольский, стоящий на ЮВ, в близком соседстве с Баллотовским. Наш Верхний С[уцзуктинский] 24×26. Такой же величины был и № 25, и Кондратьевский. Надо помнить, что во многих, преимущественно больших курганах, с юга имеется покатое заложение (оно встречается и у средней величины курганов). Нетрудно представить себе, что это заложение является насыпью после того, когда совершено закрытие кургана. Как раз с южной стороны делалось последовательно углубление в погребение. Затем яма в основании, в месте постановки погребального помещения, для удобства работы (при установке всей погреб[альной] постройки с коридорами) обыкновенно делалась значительно шире самого погребального помещения. Материал на постройку, вероятно готовый, срубленный снаружи, сносился на дно кургана тем же, углубленным последовательно, южным заложением. Теперь свободное пространство между наружными стенами постройки и материковой землей заполнялось огромными камнями, на манер тех, которые теперь залегают на нашем пути ко дну кургана, к самому погребению. Боковые камни-глыбы вместе с тройным бревенчатым потолком (а в Баллотовском кургане с шестерным) устраиваются с целью противостоять сильнейшему давлению мощного земляного покрова. Более всех других в настоящее время я интересуюсь курганом в группе Цзурумтэ, например Кондратьевским. Сохранилось ли в нем в таком состоянии, как в Балл[отовском] или нашем Верхнем С[уцзуктинском] кургане, погребальное помещение и постройка вообще — гробницы и коридоры?

Что-то к нам никто не появляется: пожалуй, завтра объявится и Пшевик, и С. А. Кондратьев. Узнаем новости, привезут газеты, письма. А пока будем ждать, писать письма, читать! Вечером к нам прибыл новый мальчик Павел, проездом в Ургу из Ц[зун]-модо, с ночевкой. Мы решили воспользоваться им: Гусев едет с ним до Мандал. Необходимо обзавестись мукой. Ни у кого — ни у нас, ни у китайцев — ее нет, а без хлеба не проживешь. Поэтому я командировал нашего лучшего хозяйственного человека устроиться с мукой; заодно на него возложены и другие попутные поручения. Гусев и Паша должны уехать на заре.

28/VIII, 2. С раннего утра, с 4 часов пошел дождь, вскоре превратившийся в мокрый снег. Туман, облака ползут вдоль гор, а влага падает и падает. Скверно очень. Ужели близость планеты Марса может косвенным образом влиять на состояние погоды? Не знаю, когда вернется моя Пшевочка и Кондратьев и что, собственно, делается у нас в лагере? А эта, др[угая], все плачется на судьбу свою...* Никто и никогда из путешественников не дол-

---

* *Далее опущено два предложения личного характера. (Прим. сост.)*

жен брать с собою женщины, ни в каком случае. Моя Пшевочка, точнее мой Пшевик, есть исключение, а на такое счастливое исключение рассчитывать в большом и трудном деле, как путешествие, не приходится.

Да, очень и очень интересно, в какую законченную форму выльется наше путешествие, в какую научную форму, в конце концов?

Ввиду дождя и стужи китайцы так и не вышли на работу, к тому же число их сокращено наполовину уходом их товарищей на сенокос и другие полевые работы, таким образом, сами собой выявляются причины медленного углубления Кондратьевского кургана.

У гребня перевала Суцзуктэ сегодня обнаружены свежие следы кабана. Этот ночной зверь уже напомнил о себе с неделю тому назад — или не больше ли? — рытьем на его излюбленном плоском косогоре, ниже кругом лежащих курганов группы С[уцзуктэ], на востоке, вблизи моста. Обыкновенно чушки после рытья-покормки идут валяться в болотистую речонку Суцзуктэ.

Печать апатии и вялости накладывает на человека серый, дождливый день: горизонт короткий, всюду мокро, ветер пронизывает — бр-рр..! Все спряталось, притихло, а еще вчера днем, на солнце, летали мухи и шмели, которых я ловил без всякого с их стороны стремления улететь с цветов (красных, что на высоких стеблях стоят группами), к коим они совершенно вплотную пристали, ухватясь всеми своими ножками. Обыкновенно я брал насекомых пинцетом и спокойно клал их в морилку; упав на дно банки, на вату, шмели только там начинали проявлять движение своего тела и тотчас засыпали навсегда. Я теперь хорошо понимаю выражение «сонные мухи» — оно для меня очень понятно и выразительно!

Ночь полуясная, тихая, очень прохладная, сырая, промозглая — неприятная.

29/VIII, ♀. Утро, как и ночь, с [низкими] облаками, готовыми ежеминутно вспрыснуть и без того сырую землю. Прежнее очарование от солнечной погоды, синего неба и сухого воздуха исчезло. Не завидую я всем тем, кто живет теперь на сенокосе. Я думаю: и проклинает же русский обыватель монголов, которые дотягивают своим разрешением косить луга до осенней мокрой поры, когда нужна другая спешка — убирать хлеб с полей. Лучшее же время — начало августа или даже последняя треть июля месяцев упущены зря; а ведь тогда не только состояние погоды лучше, но и самые травы достигают своего полного расцвета, сочности и пышности. Я отказываюсь понимать монгольский народ в целом: с одной стороны, не стесняется учинять в своем основном строе коренную ломку, с другой — упорно отстаивает нелепый взгляд, нелепый предрассудок, чем, конечно, наносит огромный экономический ущерб сел[ьскому] хозяйству. Отсталые, упорные, им надо энергичных реформаторов по всем отделам управления, иначе ничего не выйдет.

Барометр стоит отменно хорошо, высоко: 628.0, t 11.2°C, при t наружного воздуха в 6.0°C, а погода — отменно скверная: что хотите, то и делайте с ней.

В лагере я один: Вася-маленький еще ждет выпечки хлеба в Цзун-модо, Даниленко ушел со значительным опозданием на работы — раскопки. Вот парень, которого надо сильно вздуть! Нерадивый, неряха, нечистоплотный. Мне кажется, у родителей душа не на месте, они не могут быть спокойны за

такого сына, ибо им, самым близким людям, лучше всего знать качества своего первенца, избалованного московской маменькой вконец.

Ну кто же ко мне в лагерь объявится первым? Надо ли ждать сегодня из Урги или, вследствие почтового дня, только завтра? Будем терпеливо ждать и посматривать в сторону благодатного юга. При таких началах погоды надо ждать скоро пролета птиц, да он, вероятно, уже начался. Приедет Пшевик, скажет. Воображаю, как он волнуется.

Около 10 часов мимо нашего лагеря проехала верхом бой-баба из Суцзуктэ, что на большом пути.

После обеда один бурят из Цзурумтэ, несчастный, заблудился, что называется, в трех соснах и молил меня показать ему дорогу в Цзун-модо. Вскоре за ним прибыла и моя Пшевочка, благополучно совершившая самостоятельный переезд от Сугу-нура до археол[огического] лагеря. В Сугунуре сравнительное благополучие: имеются маленькие недоразумения с Васей, ее экскурсия в чужой огород, за морковью. В хатке нашей и свежо, и сыро. Надо скорее спасать коллекции, перевозить их в лагерь или в Мандал, в сухое помещение, это все непременно. Но Васильев упорно держит меня в Суцзуктэ. Надеюсь, сегодня-завтра этот вопрос разрешится. Сахарова, Воробьевы и Вильские были внимательны, любезны и предупредительны. Гусев доставил в лагерь 8 пуд[ов] белой муки на жеребце Вильских. Едучи домой, он наблюдал в степной или средне-нижней частях долины Цзурумтэ орланов, по одному даже стрелял. Вообще, необходимо отметить, что в этой части нашей окрестности всегда держатся орлы и я их всегда наблюдал и наблюдаю. Летом тут много скота, их трупы, достаточно тарбаганов и сусликов и пищух — пищи достаточно, и орлы держатся или в самой долине, на ее дне, поедают что-нибудь, или, чаще всего, сидят темными точками по вершинам гребней или боковых отрогов гор. Эту долину следует назвать долиною орлов или долиной пернатых, крылатых хищников. Наш П[авел] двух орлов A[quila] orientalis здесь убил, кроме того, здесь же я наблюдал и королевских орлов, или беркутов, и орланов (того и другого) и в средней, и в верхней, и в нижней частях долины. Днем у нашего лагеря сегодня летала ушастая сова. Что касается археологических раскопок, К[ондратьевского] кургана в частности, то работа идет по-прежнему не спеша. По докладу Д[аниленко], вчера было углублено 2.2 саж[ени], словом, работают на третьей сажени. Из общих наблюдений заслуживает внимания следующее: среди немного влажной земли встречается, как и прежде, достаточное количество земли с камнями или просто камней, больших и малых, и еще больше углей, плотной массой слежавшихся в черный слой. Что это все знаменует, пока неизвестно, хотя камней, углей и деревьев (кусков бревенчатых) было немало в лучшем и богатом нашем кургане Верхнем в группе С[уцзуктэ], нашем первом успехе в археологии.

Объявился мал[ьчик] Вася совсем поздно. Вечер и ночь бесподобные по прозрачности и блеске звезд (яркости).

30/VIII, ♄. Дивное утро: ярко-синее небо и горячее солнце. Опять воздух наполнен жужжанием насекомых, ожил животный мир, ожил, в частности, и человек. Сенокос в полном разгаре. Сегодня я жду Кондр[атьева] одного или даже в компании с А[лексеем] Н[иколаевичем] на его машине или с возницей В. Н. [Орловской]. Луговой покров по горному скату не-

много увядает, зазолотился. Дивная, очаровательная прозрачность воздуха, синее небо, яркое солнце и дали заставили меня подняться к штольне, продвинуться немного на той же высоте и снять вид на дол[ину] Суцзуктэ с пашнями и далее через них на горы, замык[ающие] долину с ЮЗ.

Интересно, какие две посылки присылал Павлов из разъезда на имя Учкома и представительства через посредство мандальца С. И. Сахарова? Сегодня лов насекомых чудесный — мух, шмелей, ос и клопов.

Гусев и я в 1 час дня отправились на К[ондратьевский] курган. Там работы идут дов[ольно] успешно. Почва более и более влажнеет, показывается вода, в особенности под большими камнями. По-прежнему больших и малых камней много, как много и спрессованных кусков угля. На глубине около 2½ сажени, в юго-восточном углу, найдены три медных предмета со шляпками и крючками, с одной стороны, и деревянной лакированной вставкой в пустоту — с другой, напоминающих более всего гвозди; вблизи — шляпки с отверстием, между шляпкой и крючком, через которое продет (истлевший) ремешок.

Сегодня дошли вглубь почти до трех саженей, лом ощупывает на глубине одного аршина дерево. В отверстия, проделанные щупом, выступает вода, между тем почва только влажная и ее легко извлекать. По всему вероятию, кровля погребальной постройки не глубже одного аршина. Хотя это может быть и вершина только кровли.* Во всяком случае, разгадка этого вопроса не за горами. Предстоящие два-три, еще лучше пять дней весьма заманчивы — мы в эти дни узнаем последовательно очень много, прежде всего на какую часть погребения вышли, какова прочность этого погребения, в общем, можно утвердительно сказать, что мы немного научились работать: мы знаем, как закладывать шурф, как следует его крепить и как последовательно подходить к горизонтам, в которых можно надеяться что-либо встретить, а затем — как осторожно, систематически следует извлекать и самые сокровища.

По возвращении с кургана я получил от возницы Орловской письмо от Андрея с телеграммой на имя Елизаветы Владимировны. Страшная телеграмма из Харбина от 26/VIII гласила: «Отец скончался в 1 час ночи». Ни письма, ни телеграммы я не показал моему Пшевику, тем более что А[ндрей] писал, что С[ергей] А[лександрович] приедет или в субботу вечером, или в ☉ днем, т.е. или сегодня, или завтра, и привезет письма. И я добавил — Пшевику и телеграмму. Но самого существенного не прибавил: с кем приедет К[ондратьев]? Один? С В[асильевым]? Или с кем-либо еще? Удивительный человек А[ндрей], так и не мог догадаться письмо и телеграмму адресовать на мое имя. Кажется, А[ндрея] мудрено назвать оболтусом, а выходит так. Надо его подтянуть — ужели он сам не мог догадаться!

Итак, милого папика, превосходного человека, уже больше нет, нет самого великого друга моего Пшевика, ее папика. Мир праху твоему!

Сегодня по окончании работ промер глубины Кондратьевского кургана — 3.35 сажени.

31/VIII, ☉. Утро серенькое, нисколько не похожее на вчерашнее. Мелкие пташки стайками тянут к югу, чуть-чуть оглашая воздух своими голосами.

---

* Или, точнее, ее гребня.

Близится полдень, а туман ползет и стелется вдоль гор, падает дождь, то вдруг остановится, с востока и ЮВ пробивается что-то светлое и рядом опять, словно облако, туман.

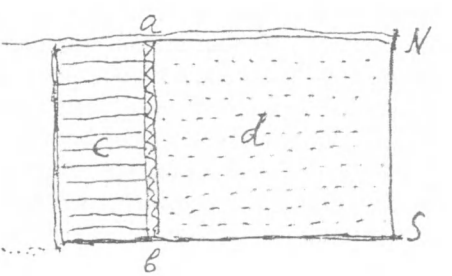
Мал[ьчик] Вася успел сходить за грибами с ружьем и принести, рядом с корзинкою с грибами, еще и серого зайца. Большая радость от первой добычи. Кровью этого самого зайца я вымазал лицо у нашего Васи — посвятил его таким образом в охотники: отныне он наш охотник. Юный охотник невольно чувствовал, что что-то такое небывалое произошло и он хотя мальчик, но уже причислен к сонмищу охотников. Уходя, он произнес: «Надо почистить винтовку!»

Шестой час (вечера), а К[ондратьева] и никого другого с ним или без него нет. Ни на что не похоже!

Ни писем, ни газет нет, а ведь целые сутки с большим лишком прошли с тех пор, как проехал из Урги возница Орловской, с которым я наказывал доставить мне именно корреспонденцию. Конечно, если бы не моя обязательная поездка в Сугу-нур, то я бы сидел здесь спокойным образом и делал свое дело. Мой Пшевик укатил в Цзун-модо. Этакие «подлецы-черти» — все уезжают и приезжают, а я сиди на месте безвыездно. Ведь правда, можно выругаться, да еще как! Интересно, что мне доложит о шурфе Даниленко? Гусев при возвращении заглядывал туда — там продолжали крепление, хотя и оканчивали его. Предстояла новая выборка земли из шурфа, в восточной стороне что-то похоже было на маленький провал, пустоту. Во всяком случае, завтра к вечеру что-нибудь узнаем о расположении кровли погребального помещения, а затем каждый последующий день будет интереснее предыдущего! Ничего не поделаешь — приходится терпеливо выжидать и больших и малых событий. Посмотрим — интерес близок! Подождем! Какие березовые бревешки видны?

Ночь яркозвездная, великолепная. Земная поверхность сильно посеребрилась инеем.

1/IX, ☽. Как и ночь, утро прекрасное: прозрачное, чистое, на голубом небе ни единого облачка. Земная поверхность сильно посеребрилась инеем. На биваке со мною никого, кроме двух молодых собак, отличных сторожей бивака. Пшевик и В. Марчук в Цзун-модо, Д[аниленко] на шурфе, Гусев отправился за грибами. Урга молчит, а дали — дали дразнят, помимо воли уносят далеко — в Тибет, в звездную степь Одонь-тала, на Мур-усу или, лучше того, в верхний Меконг, в несравненный по богатству и очарованию природы Кам, тот Восточный Тибет, который только немного затронут исследованием как в географическом, так и в естественно-историческом отношениях. А сколько интересного, неразгаданного он хранит!

В полдень возвратился мой Пшевик из Цзун-модо, подковав иноходца. После обеда, около часу дня, я с Гус[евым] отправился на К[ондратьевский] курган. Шурф проник до вершины, или кровли, погребального помещения, причем так (см. рисунок): матица «ab» приходится не в середине, а на

½ арш[ина] к западной стене, поэтому выглядит в плане так — восточная стор[она] погреб[ального] помещения под потолком на 2 арш[ина], западная — на 1 арш[ин], про другие стороны, т.е. северную и южную, пока мы ничего не знаем. Когда мы стали подходить к кровле, показалась вода. Воды откачали порядком, ее уровень понижается, но не так быстро, очевидно, площадь погребального помещения с коридорами значительная, и надо полагать, что указанная площадь именно целиком с водой. На юго-восточной кровле найдены волосы, посередине — две нефритов[ые] пластинки с дырочками и три металлич[еские] трубочки с отверст[иями], наполн[енными] лакир[ованным] деревом, с одной стороны, и крючком — с другой. Тут же тонкие пластинки золота, кусочки [ткани] с соболиной шерстью, обрывочки ковра-войлока и материй и только, если не считать сердцевидную, с красным лаком, тонен[ькую] пластинку. Глубина шурфа от основания воронки две с половиною сажени. В общем, глубина погребений в Цзурумтэ меньшая, нежели в Суцзуктэ, по крайней мере согласно нашим изысканиям. Убрав землю с потолка и примерно узнав ширину от одной стены кор[идора] (нар[ужной]) до другой, от восточной до западной, а именно пять арш[ин], мы сняли верх потолка с более открытой, ...,* стороны и начали откачивать воду и приготовлять скрепы.** Я поехал в лагерь и по дороге снял вид с могилами с восточ[ной] ст[ороны].

Погода стоит отменно хорошая, но чувствуется приближение осени: лучи золотятся, листва на березах также, дни стан[овятся] короче, ночи длиннее и прохладнее, по утрам иней. Внизу рытья кабанов прибавляется с каждым днем, теперь уже не одиночки разгуливают, а целые общества. Изрыто одновременно на огромном протяжении.

Вода не прибывает в шурфе, завтра надеемся немного вскрыть в вост[очной] половине нижнего потолка и начать выкачивать воду из погребального помещения. Опять начинается самый интересный период, стадия.

Вечером, в темноте, прибыл наконец Кондр[атьев] пехом из Суцзуктэ. А. Н. Васильев с К° доставил С[ергея] А[лександровича] на автомобиле, а сам направился далее, в Цзун-модо, а назавтра будет около 3 часов дня за мной с целью доставить меня в Ургу. Кондратьев привез мне письма: Комарова, Володи, Санакоева, Т. Н. Степурской. Секр[етарь] Географического общества уведомляет меня, что Горбунов обижен неполучением писем, в экспед[ицию] назначены настоянием (усиленным) С. Ф. Ольденбурга четыре специалиста: минералог, почвовед, этнограф-археолог и археолог из Эрмитажа. Все четыре — на содержание экспедиции. В Ургу прибыли мои приятели, совершенно неожиданно, тибетцы Агван Доржиев и Галсан.

Целый ряд дел и свиданий с лицами по делам экспедиции требует моего наличия в Урге. Нужно свидеться и с Жамцарано, Ринчино, Бадмажаповым и другими. Нужно устроить наши манатки. С собою я повезу бронзу, керамика же уже отправлена в Ургу.

---

* *Далее неразборчиво латинскими буквами указание стороны света. (Прим. сост.)*

** Следует отметить, что потолок нижний только у погребал[ьного] помещения, потол[ок] верхний — и у коридора. Как раз над стеной погреб[ального] [помещения] и кор[идора] лежат каменные глыбы, и, конечно, между наружн[ой] стен[ой] кор[идора] и материком — вновь глыбы из камня.

2/IX, ♂. Ночью на звездное небо набежали тучи с ЮВ, которые бросили на землю несколько кап[ель] дождя.

Утро ясное с потугой от севера. Строго говоря, Суцзуктэ, наш лагерь и постройки вообще расположены в цирке, выемке гор, у перевала того же имени. Цирк обращен, открыт на юго-восток, таким образом защищен с севера перевалом, с востока и запада боковыми увалами-гривами. Зимою здесь должно быть в отношении холода гораздо мягче, нежели в соседней окрестн[ой] местности.

Я собираюсь в город, нужно быть к 3 часам дня готовым ехать с А. Н. Васильевым на автомобиле. А как жаль двух обстоятельств, во-первых, того, что из Сугу-нура не вывезены нами коллекции и сам он, как станция, все еще не закрыт. Было бы хорошо, если бы все наше имущество хранилось в Мандале, у Воробьевых, и мы не держали бы на содержании лишнего человека. Сколько-то мне времени придется прожить в Урге? Немного или много? Я хочу немного. А оттуда прямо заеду в Сугу-нур. Во всяком случае, втор[ого] обстоятельства я не застану: шурф и курган К[ондратьевский] будет выбран, очищен. И что моя партия будет делать потом — неизвестно. Во всяком случае, следует открыть этот вопрос, поставить его на очередь. А именно — что будут делать китайцы или их можно будет распустить?

С[ергей] А[лександрович] осмотрел курган, и, по его мнению, потолок сложный, многорядный, наподобие потолка в Баллотовском шурфе. Между каждым потолком порядочное, около 5—6 вершков, пространство, может быть пустое.

В ½ 4-го прибыл А. Н. Васильев со свитой и начал торопить меня с отъездом, заметив, впрочем: «Надо посмотреть Ваши археологические находки». С В[асильевым] был Кобдоский консул Лихачев. Эта компания внимат[ельно] осмотрела, выпила чаю, причем А[лексей] Н[иколаевич] любезно предложил к чаю красного вина, немного побеседовали и в 5 часов были в дороге, а в 7 миновали Мандал с целью вечером быть в Урге. Погода стояла чудная и днем, и вечером. Мы успешно поднялись на Халцзандабан, и мол[одой] серп Луны скрылся за гребень горы. Поднимаясь на х[ребет] и еще по долине Мандал к нему, мы часто попадали в горячие струи воздуха, на южном склоне Халцзана и далее — в холодные. Окончательно стемнело. По Сельбе мы ехали ощупью и у самого устья Шаргаморитэ попали в болотистый луг, где просидели до ½ 9-го часа утра, когда снялись и около 10 часов уже были благополучно в Урге. А[лексей] Н[иколаевич] пошел пешком, и вышло неловко — я и не поблагодарил его за его большую любезность и внимательность по отношению ко мне.

Андрюша был на месте, и у него все оказалось благополучным. Я устроился в юрте со столом, с удобством, осмотрел многие ящики, птиц Павлова, Е[лены] П[етровны], достал все нужное и стал чувствовать себя как всегда — «дома». Завтра начну писать письма и отчеты: надо написать и Н. П. Горбунову, и частные маленькие письма друзьям, и домой — Володе.

Свиделся с Ц. Г. Б[адмажаповым], все мило, хорошо. Гомбо оставил долг, Мадаев — подарок, интересное гау (из Алаша), жаль, что стекло треснуло. В этом гау сидела бронзовая статуэтка бодисатвы Ваджрапани (редкая форма). См. мою [книгу] «Монголия и Амдо...», стр. 219. Это надо помнить и при возвращении из путешествия в моей кум[ирне] устроить именно так, а не иначе.

Вечер, 5 часов, сижу дома, пишу дневник. Андрюша отправился к Жамцарано установить с ним связь и пригласить к ознакомлению с поздними археолог[ическими] находками курганов № 23 и № 25. Кроме Андрея, Цокто Гармаевича и случайных лиц у него, я пока никого не видел.

Но зато долго любовался Богдо-улой! Ее «наш» северный склон выжжен, к тому же лежит печать осени, от этого священный массив не [так] красив и привлекателен, как в другое время. Но всегда, глядя на Б[огдо]-улу, думаешь, что хранится под твоею девственною одеждою?

В городе словно военное положение — вечером ходят патрули и проч.

Столуемся мы, я и Андрюша, у Ц. Г. Бадмажапова, с которым вообще мне всегда приятно и интересно беседовать: слишком много вопросов общих и переживаний в Монголии. Так, например, сегодня вечером за ужином Цокто Гармаевич мне сообщил об антилопе сайге, что она из всех антилоп вообще самая быстрая и на автомобиле ее не догонишь, не то что другие ее сестры — Ant[ilope] gut[turosa] et A[ntilope] subgutturosa, которых догнать и загнать не представляет больших трудностей. Эта антилопа имеет свою границу на востоке — почти мерид[иан] Улясутай, точнее западнее его, и, конечно, появляется изредка, в единичных экземплярах, на востоке. Затем в районе южного излома реки Толы Цокто Гармаевич наблюдал нынче, в конце августа, массовое скопление цаган-цзере Ant[ilope] gutt[urose]. В одной замкнутой глубокой долине он был поражен картиной животного царства: только одних антилоп в количестве около 3000 особей, не менее, скорее больше, самцы преобладали на окраине и были очень оживлены и подвижны. В заключение рассказа мой приятель сообщил: «Это был словно митинг у животных, антилоп». Они собрались сюда, вероятно, со всей близкой и далекой окрестности, так как на дальнейшем своем пути мой Цокто Гармаевич нигде или почти нигде их не встречал, если не считать одиночки-другой.

В Урге, на складе Тибетской экспедиции, я нашел полный порядок и самого Андрея Симукова молодцом. Отрадное чувство встало при этом. Как непохоже на все прежнее, летнее. Небо и земля! Тогда я был нравственно болен, теперь здоров и жизнерадостен. Да, нечего сказать, только один Павлов отравлял мне жизнь и способствовал тому же у своих младших товарищей. Мне улыбается судьба, несмотря на ряд новшеств по отношению к Тибетской экспедиции, по отношению включения в ее состав без моего ведома и согласия четырех специалистов, ревизии денежных средств и ценностей Тибетской экспедиции. Все это ново, но оно не страшно! И в этом положении имеются свои прелести, и в этом можно только приветствовать всех и вся. Давно пора за ум взяться, чтобы прекратить прежние безобразия.

Уже поздним вечером я получил письмо от А. Н. Васильева, страшно занятого, что с утра пятницы он к моим услугам, а до того занят, занят и занят (в связи с приездом многих лиц, и русских, и иностранцев до англичан и американцев включительно!). Мне это также на руку: я постараюсь подготовить почту и проч. и учинить свидание с Д[оржиевым] и другими очень интересными для меня людьми. Также хочется показать и наши археолог[ические] ценности и своим, и американцу!

4/IX, 2. Утро серое, облачное, пыльное, довольно прохладное. Облака, как подрезанные снизу, лежат на середине Богдо-улы, ее скате. После кра-

соты природы у Цзун-модо в Урге скверно, ургинская пыль, грязь ужасны. Хотя, строго говоря, я так занят и так пришит или к столу, или к складу, или к свиданиям с А. Н. Васильевым, что, откровенно говоря, не замечаю ничего другого, к тому же у меня прекрасный помощник, который все выполняет и делает меня спокойным и по отношению к служебным делам, и по отношению к человеческим отношениям.

Вот теперь еще без ¼ 9, виноват, 10 часов, а мы давно за делом: я за писанием, А[ндрей] — в командировке в город по разным вопросам и к разным лицам.

От 11 до 12 часов у меня сидел мой тибетский друг Агван Доржиев, с которым мне всегда бывает радостно и хорошо! После приветствия Доржиев ознакомился с нашими результатами в области археологии. По этому поводу он сказал мне много лестного: «Много путешественников было в Монголии, много писалось, много собиралось, а самое ценное оставалось неизвестным. Стал изучать Козлов С[еверную] Монголию и сразу своей проницательностью и знанием нашел, чтобы порадовать всех — ученых и не ученых. Что значит уметь и знать свое дело!» Д[оржиев] также сообщил, что имеет письмо от Д[алай]-л[амы], осведомлен о получении всего того, что он, между прочим, отправил от моего имени и проч. Грустно мне было узнать, что мой друг Намган изменил тем принципам, которым служил так усердно и умело. Н[амган] задарен англичанами и стал верить им, думая, что Россия не воскреснет и Тибету нечего от нее ждать хорошего! Следовательно, можно подружиться и с бывшими врагами Тибета — англичанами, привыкшими давно к мысли овладения Тибетом с целью стратегической, и политической, и торговой.

Сегодня у меня будут гости осматривать археологические ценности: Andrews и Жамцарано. Приемный день. Действительно, после 2 часов прибыл ко мне сразу приобретший известность американский исследователь Монголии Эндрюс. Это немол[одой], но очень энергичный человек, настоящий тип американца. Он сказал: «Счастливый для меня день, день знакомства с выдающимся, как Пржевальский, мировым путешественником». Говорил о своих исследованиях, о результатах, о предстоящей большой деятельности, причем экспедиция его будет разделена на самостоят[ельные] отряды по специальностям. Предп[олагает] начать из Калгана, не заезжая в Ургу, с апреля 1925 г. Исходным пунктом предназначена Цзасакту-ханская ставка, откуда направление на юг. «Ну, — заключает Эндрюс, — не знаю, чем увенчаются наши большие труды». Говорил также, что в Америке печатается его колоссальный труд в [12] томах,[117] по специальностям. Причем мне обещано все в одном полном экземпляре. Эндрюс с живым интересом осматривал и расспрашивал о моих раскопках в Суцзуктэ. Его интересовало: где, когда, что, как велика площадь и многое другое. 1½ часа мы живо беседовали. В заключение выразил в изысканно-делик[атной] форме желание снять меня, а я попросил его, кроме того, и сняться с ним. Он, конечно, начал с карточки: «Хочу иметь Вашу фотографию!» Завтра прибудет в 2 часа дня. К этому времени надо быть свободным. Я выразил сожаление, что со мною нет Елизаветы Владимировны, жены, Эндрюс уже слышал о ней от Маршалла. Тогда Эндрюс, кланяясь, сказал: «Пожалуйста, выразите вашей жене мой учтивый, хороший привет». С Эндрюсом была свита: толстяк Ларсон, член анг[лийской] миссии Vereker и еще один тип. Эндрюс отлично управлял машиной.

При самом отходе американца прибыл Жамцарано и внимательно осмотрел все, что было по части бронзы. Относительно Эндр[юса] сказал: «Он нечестен. Обещал при начале работ дать Монголии всего по экземпляру, что только будет найдено, но ничего не дал. Мы ему не позволим в дальнейшем работать. У нас на это будет к тому времени в руках закон о недопущ[ении] иностранц[ев], их исследований недр земных в Монголии». И меня просил не начинать новых раскопок. Все же начатое, открытое, вроде Мокрого, следует окончить. На этом мы договорились.

Вечер провел у Геранцевых, в баньке которых отлично вымылся. Гер[анцев] привез из Тяньцзина для меня открыток и материи на костюм. Темной ночью, под руку с Цокто Гармаевичем, я вернулся домой, дописал письмо Володе и целиком настрочил Пшевочке, разобрался в каракулях мамика и только тогда лег спать, но не спалось мне. Погода скверная, серая, холодная, моросит дождь, кругом неуютно. Бр-р! Все мои мысли исключительно на раскопках.

Была Воробьева, выпросила взаймы 50 долл[аров] на уплату за сенокос. Дал, иначе нельзя было. Собрал все мои экономии в кучу, расплатился с долгом Ц[окто] Г[армаевичу] (160), Воробьевой 50 и еще сто с лишком дал на руки Андрюше, на расходы. Пожалуй, еще соберу около 200 долларов с собою на раскопки, тогда будет совсем удовлетворительно.

5/IX, ♀. Холодно, серо, грязно. Богдо-ула, как и вчера, верхним поясом скрыта сл[оисто]-куч[евыми] облаками. Андрюша ушел по делам: сдавать и получать письма, с письмом же к Воробьевой и многими другими поруч[ениями]. Я жду машины, чтобы укатить в город побриться, а затем прямиком направиться к А. Н. Васильеву.

Я съездил в город, привел себя в порядок и потом поехал к В[асильеву]. Сверх ожидания, он очень занят, перенесли переговоры на сегодня, вечер, 10 часов. Пока что будем видеть, принимать американского путешественника Эндрюса. Мои снимки сегодня вышли довольно удовлетворительно. Посмотрим, как меня снимет Эндрюс. А С. Гедин, оказывается, издал книгу, но мне в Монголию еще не прислал экземпляра, а мне интересно ее видеть.[118] Ларсон обещал показать — такая книга имеется у него в Калгане. Сегодня узнал, что В. И. Юдин заболел, лежит в Калгане.

Долина реки Толы застраивается, возводят длинные казармы.

В 2½ часа дня, как и обещал, прибыл Эндрюс с двумя аппаратами, снимали меня одного, потом с ним, по нескольку раз. Очень хотелось (бы), чтобы эти снимочки вышли хорошо. Опять мило беседовали о путешествии и работах в нем. Эндрюс застал меня за уборкой птиц, их завертыванием в бумагу и тотчас устремился их осматривать. Спрашивал названия некоторых и очень подолгу любовался, говоря, как прекрасно отделаны, художественно, так хочется посмотреть и подержать в руках таких отличных птиц. Спрашивал, кто у меня этим отделом ведает и кто делает так художественно. Собственно, у нас много препараторов, но настоящих 3—4, сам я всегда смотрю и часто поправляю, но мой Канаич все-таки очень хороший и толковый препаратор — его работы часто нисколько не приходится поправлять, а лишь любоваться ими.

Сегодня куплено у Геранцевых материи на штаны участникам Тибетской экспедиции.

Долго провозился с завертыванием птиц, их подготовкой к окончательной упаковке для отсылки в центр — Петроград, а еще не все сделано, еще впереди птицы разъездов и проч. Хочу скорее попасть в Мандал и Сугунур. Надо закрыть Сугу-нур, а главное — все перевести в сухое место, иначе будет плохо. Не погубить бы то, что такими усилиями было собрано в течение целого лета, с первого весеннего пробуждения. Если все собранное представить, то будет много и естественно-исторических, и археологических коллекций!

Вечером я отпустил Андрюшу в баню и затем в столовую напиться чаю, а сам направился к Цокто Гармаевичу. Тут сидели И. П. Эккель, Маршалл и милый Дуду. Первый раз после лета ужинали в нов[ой] столовой — бывшей нашей комнате. Теперь ½ 10-го, а в 10 часов В[асильев] обещал прислать за мной перевозочное средство, чтобы ехать к нему! Вот это будет интересно, только очень поздно: в такое время обыкновенно я привык ложиться спать! Ночь чудная: ясная, тихая, звездная. Луна спокойно и ровно озаряет землю. И тем сильнее хочется в горы, в Суцзуктэ, домой к себе, к синему небу и красочным горам, соснам и лиственницам золотым.

С ¼ 11-го до ½ 2-го ночи с большим интересом я провел у полпреда, бóльшую часть времени наедине с ним и только малую, за ужином, в неб[ольшом] интимном кружке А[лексея] Н[иколаеви]ча. Говорили последовательно и обо всех вопросах Тибетской экспедиции. Прежде всего об отчетности, потом о том, как А[лексей] Н[иколаевич] отстранил навязанного было Хабаровском партийного участника[119] и как потом Х[абаровск] жаловался в Совнарком на полпр[еда] в Монголии, требуя возмещения прогонов (1600 руб.). Однако Совнарком решил мудро, в пользу А[лексея] Н[иколаевича]. Затем, о командировании в Ургу, в экспедицию, 4 ученых участников-специалистов на полное иждивение экспедиции и даже на покрытие их расходов от Центра до Урги из средств Тибетской экспедиции.

А[лексей] Н[иколаевич] искренно любит природу, любит птиц, зверей, но его душа далека от археологии, и он не учитывает самолично важности истории человека, поэтому считает и считал бы достижения Тибетской экспедиции в том только случае высокими и соответствующими заданию, если бы экспедиция направилась бы в Тибет! Тибет! С этим звуком связано высокое представление народа о его экспедиции. Об этом нашумели много и у себя, и за границей. По-настоящему Тибетская экспедиция обязательно должна быть в Тибете, только тогда она «исполнит всецело долг перед Родиной!». Договорились, что если после свидания с приезжей публикой я вынесу впечатление о необх[одимости] и возможн[ости] проведения именно Тибетской экспедиции, то я телеграфирую шифром или просто А. Н. Васильеву, в Москву.

За ужином Васильев, как всегда, был очаровательно любезен и гостеприимен и, конечно, угостил отличным белым вином, специально для гостя-путешественника. В передний и обратный путь меня доставили на быстрой лошадке, в американке. Патрулей не было, мой возница на редкость внимателен.

Ночь тихая, яркозвездная, красный Марс величаво плыл по небу над массивом Богдо-улы. Торжественно и чудно было вокруг. Далекий, высокий мир миров уносил мысль вашу в беспредельное пространство. Глубоко-чисто настроенный, я не хотел уходить в темную юрту. И только поздний ночной час заставил изменить намерение и уйти, чтобы просмотреть отчет, проверить его!

6/IX, ♄. Ясно, тихо, прохладно! После чая я ушел к Жамцарано, захватил с собою открытки храма (внутренней обстановки). Ему дал возможность просматривать их, а сам — сам занялся осмотром этнографических парадных одежд монгольской ханши (Цецен). Кроме нарядов — табакерки, нефритовая и сердоликовая, две. Много говорил я с Ж[амцарано] по поводу наших археолог[ических] достижений. Вспоминали литературу, решил просмотреть Палладия и проч.

У Жамцарано встретил Шостаковича, физика, и с ним установил связь для проверки инстр[ументов], главным образом для проверки барометров. Так бегут дни за днями, в планомерности и последовательности, и как страстно я хочу скорее достигнуть своего любимого места — Суцзуктэ. Да, страстно хочу!

Просматривал труды членов духовной миссии в Пекине[120] — очень интересные! Но нет того, чего так искал, — нет указаний на могильные холмы в ближ[ней] окрестности Ц[зун]-модо. Трудно допустить, что эти курганы [могилы] павших в бою воинов. Для воинов на поле брани вырывать такие глубокие постройки и без военных атрибутов. Хочется, действительно, скорее получить разгадку такой загадочности. Когда я смогу сказать словами Пшевы: «Ну, холм погребальный, скоро тайна твоя будет открыта!» Ну и что же моя Пшевочка, что она думает делать, ведь я не могу, просто не в силах скоро приехать. Как она поступит?

В 4½ часа дня прибыл ко мне вторично мой тибетский друг Аг[ван] Доржиев, много мы с ним говорили о Тибете, о Д[алай]-ламе, о Намгане, о наших возможностях, достижениях и проч., проч. Хамбо-лама получил два экземпляра н[агана] с соответствующим числом патр[онов] для самого Д[алай]-л[амы] и для молодого ком[андира] арм[ии] Намгана. Первому, кроме того, как духовному главе Тибета — два куска лучшей золотой парчи и несколько золотых предметов с драг[оценными] камнями: коробочка, ножичек, карандаш, вставка и ряд изящных драгоценных брелочков и золотых монет (в коллекцию), при больших, дорогих, почетных белом и нежно-голубом хадаках. Намгану часы золотые, портсигар золотой с бриллиантом, цепочку, брелок и ряд других маленьких изящных предметов.

Агв[ан] передавал мне полученное из Лхасы известие, что там была английская (ученая) экспедиция, во главе с генералом.[121] Если ученая, то мы узнаем, конечно, из геогр[афического] англ[ийского] журн[ала].[122] Вечер я прекрасно провел у моих старых хороших знакомых А. И. и А. Д. Щаповых. Многое было вспомянуто: как я бывал ежедневно у Дал[ай]-ламы, как навещали меня, в свою очередь, его министры и проч., посещение меня князьями Вост[очной] Монголии (Цзун-сунит и проч.). Вспомнился мой художник Кожевников и его гадкая плутовская проделка,[123] и многое-многое другое. На моих глазах выросли дети Щаповых, и та дочечка Юлечка, которая теперь милая взрослая красивая девица.

7/IX, ☉. Ночь великолепная, небо яркозвездное. Утром солнце светило вовсю и давало приятное тепло. Еще с вечера я узнал, что Эндрюс в великом горе: его теснят, не хотят допустить к новым работам и, главным образом, на него озлоблен и негодует сильно предс[едатель] Учкома Жамцарано. Много нужно было потратить такта и дипломатии, чтобы устранить между Эндрюсом и Учкомом всякие трения, сблизить их настолько, чтобы

вначале и Эндрюс, и Жамцарано поехали со мною на раскопки, затем Эндрюс мог войти в Учком и надеяться на получение разрешения на предстоящую свою экспедицию с весны, апреля, 1925 года. Для этого Эндрюс сделает доклад о результатах прежней поездки, затем сделает подарки из собранного и торжественно пообещает дать всего по экземпляру из предстоящей экспедиции. Тогда можно надеяться на самое главное — получение разрешения на производство работ! На производство новых палеонтологических раскопок в Монголии.

А. Н. Васильев укатил в Цзун-модо поохотиться на уток. Я поеду во вторник или среду. В[асильев] привезет мне письмецо от моего Пшевика. Я буду знать, что у нас делается, а главное — каковы результаты в отношении раскопок. Не живешь, а кипишь. И как сильно я люблю такую живую, что называется, лихорадочную жизнь! Не замечаешь, как бежит время.

Погода устанавливается превосходная, осенняя азиатская.

Вечерком я побыл вновь у Жамцарано, условился с ним насчет приема нас с Эндрюсом днем и нашей общей поездки на арх[еологические] раскопки, в Суцзуктэ, приблиз[ительно] во вторник. Заехал я также навестить Байковых и Гженжецких. Посмотрел птенца первых, поговорил со всеми ими, немножечко порассказал им о наших достиж[ениях] науч[ных] и укатил к себе.

Погода стоит великолепная, на западе играла и пламенела дивная заря.

8/IX, ☽. Утро тихое, ясное, t воздуха 2.5°. Вчера был Шостакович, знакомился с нашим барометром и вообще постановкой метеорологического дела в экспедиции. Среди посетителей (вчерашних) с целью осмотра находок был Дадиани. Он вручил мне из отрывного календаря от 5/VIII листок с изречением на обрат[ной] стороне выдержки из описания Хара-хото, с предисловием прекрасных четырех строк Полонского: «Царство науки не знает предела, всюду следы ее вечных побед — разума, слово и дело, сила и свет!»[124] Выдержка о Х[ара]-х[ото] сделана хорошо, опрятно и читается приятно![125]

Андрея командировал в город и к х[амбо]-ламе, сам уложил ящик птиц (70 экзмпляров, еще заяц, колонок и Lag[omys] с тремя черепами). Забегал Цокто Гармаевич, рассказывал, как предстоит устроиться с визитами и как соберемся ехать в Цзун-модо. После обеда предстоит мне с Эндр[юсом] и Маршаллом поехать к Жамцарано с визитом. Я хочу успеха этой поездке к нам, на раскопки. Готовимся, все идет как следует! Получен пропуск, написано все, что следовало. Вечерком побуду у Васильева, получу от него письмо Пшевочки, буду знать, что у нас делается, и проч. Со своей стороны у меня есть чем порадовать моих отшельников на Суцзуктэ. Завтра увидимся.

Васильев дипломатически укатил на Хару поохотиться, поэтому не возвратился, я не видел его ни поздно сегодня, ни рано на следующий день. Пришлось возвратиться домой от Вас[ильева] и готовиться к утреннему отъезду в место экспед[иционных] раскопок. Все это было сделано и очень обстоятельно переговорено с Ц. Г. Бадмажаповым о сложных и несложных вопросах. Ночь прекрасная.

9/IX, ☌. Утро полуясное, барометр сильно упал с вечера. Утром также неважно, а по горизонту поползли перистые облачка. Эндрюс, Жамцарано и я собрались в дорогу в 7 часов утра, а в 8 часов уже отправились от места

распол[ожения] электр[ической] ст[анции], куда Ж[амцарано] забегал за дождевиком. Едем на прекрасной машине Эндрюса дов[ольно] успешно. С северо-запада более и более сбиваются снеговые свинцовые тучи. Навстречу идут обозы, главным образом с лесом, на быках. Выше ущелья Шара- или Шарга-моритэ и в нем самом — покосы, сено стоит в копнах. Дорога тяжелая: подъем вверх по многочисленным камням. С вершины перевала Халцзан Эндрюс восхищался широкими горными видами, раскраской листвы: зеленая и желто-золотая слились — одно восхищение. Очень быстро покатили с Х[алцзана] и у его подошвы встретили с письмами ко мне человека из Ц[зун]-модо. Успешнее и успешнее катили мы вниз по ущелью и по долине Мандал.

В Мандале, у Воробьевых, мы имели часовую остановку, поели и попили чая. Сметана, масло и яйца с белым хлебом фигурировали в смысле угощения. После отдыха покатили успешнее, ветер с СЗ задувал вовсю, в воздухе полетели белые мухи!

Наконец мы у цели — напротив К[ондратьевского] кургана; гудим вовсю. Крапит дождь, а мы идем по урочищу Цзурумтэ, осматриваем курганы. А вот и самые раскопки. Китайцы вертят ворот, внизу Котик и Вася-китаец. Прекрасная картина: гробница в юго-восточной [стороне], она вся видна, ее бережно окапывают, отделяют кругом от земли, выбирают содержимое, очистят низ и потом коридоры.

Эндрюс тотчас вслед за мной спустился вниз и видел обстановку дна кургана. Какой он молодец: умница, живой, увлекающийся, говорит с жаром, его глаза горят огнем научного интереса. Просто, коротко — он очень понравился мне!

Долго, живо и много толковали мы: он о своих интереснейших ископаемых у подошв Ихэ-Бага-богдо, Арца-богдо и других. Толковали о рыбах в озерах этой долины, о том, что Центральная Азия — старинный, сухой материк — лучше и дольше всех сохранилась и уберегла памятники прошлого животного мира. Говорили о его сборах mammalia, о 13 видах Lagomys, о многих других. С другой стороны: о нынешних моих раскопках, о том, к какой эпохе они принадлежат. Жамцарано, С. Б. Бадмажапов полагают — времени Канси или эпохе П[етра] Великого. Много говорили о Хара-хото, Эндрюс восхищался им. Мои и его интересы сплелись в области исследования маммалии, в частности грызунов. Ну, кажется, все об этом. Теперь об отношениях Эндрюса с Ц. Ж. Жамцарано. Кажется, все удовлетворительно. Эндрюс написал доклад-письмо для представления правительству и копии Жамцарано. В нем излагает свои отношения и благодарность монгольскому правительству, его обязательства перед монгольским Ученым комитетом, связь с ним, обмен литературой и проч., проч. Мы — я и Эндрюс — восхищаемся друг другом.

Погода из рук вон плохая, облака ползут низко, идет дождь, затем к вечеру дождь сменяется снегом. До поздней ночи падает снег, после полуночи показались звезды, изредка на полуоблачном небе. К утру мороз, –2.0°С. Мои гости согреваются у огня, на кухне, у них мокрые ноги. Спали на сене. Жамцарано кряхтит, охает от ревмат[ических] болей.

10/IX, ☿. Утро ясное, теплое, снег энергично тает, с крыш течет, словно весной. В мое отсутствие Пшевик добыла уральскую сову, перепелятника и мухоловочку. Прочие спутники работают успешно. Однако дело с курганом

затягивается: работы имеется дней на 10, если не больше, и все. Итак, сегодня я увижу Сугу-нур, Васю, наши сборы. Возьму все наше имущество и перевезу частью в Ургу, частью в Суцзуктэ, но прежде всего, конечно, расположу их в Мандалах. Надо взять и письма к Пшевочке.

В 10 часов утра погода совершенно просветлела. Небо голубое, солнце яркое и теплое. Снег исчез, и американцы и я взялись за фот[о]аппараты и сделали много снимков. Снимались группы, и почти во всех группах имеется наличие Эндрюса и меня. Мои спутники в восторге. Они видели, с какою симпатией относимся мы друг к другу, как мил и внимателен ко мне Эндрюс и наоборот. От всей души жаль только Жамцарано, который охает и стонет. Ему тяжело — ревматизм и боли в животе. Я пишу, а он воспользовался случаем и ведет разговор через посредство Елизаветы Владимировны с Эндрюсом. Затем, около 11 часов, мы пешком, следуя всем изгибам дорожки, пошли на перевал. Дорогою, на заворотах или иначе, откуда можно было, мы останавливались и любовались видами. Дали чаровали нас, они убегали беспредельно, а близкий лес шумел, шелестя позолотой. И на Суцзуктэ, и на Мандал, и на Бальджу далеко-далеко уносились виды. Гребень Манхадая был суров, его посеребрил снег: весь гребень белел чистым белым осадком и почему-то казался особенно высоким, грандиозным. Долго мы любовались им, мечта и мысль сравнивали этот хребет с хребтами далекого высокого Тибета!

К обеду мы возвратились домой. Эндрюс, по-видимому, был в хорошем расположении: посвистывал, напевал. Покушали. Прощаемся и покидаем прелестный уголок, как водится — обещания писать друг другу. И это, конечно, будет исполнено, так как с обеих сторон искреннее желание общаться. Котик и мал[ьчик] Вася нас проводили до шурфа и при подъеме на гору, в ее крутом месте, помогали подняться. Чем дальше, тем больший простор, лес оканчивается, начинается степь, долины несут воду в сторону нашего движения. Мы катим великолепно. В Цзурумтэ кочевников почти нет, остались лишь норковые обитатели, за которыми охотились орлы, сарычи и пустельга.

В Н[ижнем] Мандале чуточек остановились у Вильских, в Верхнем чаевали у Сахаровой. Хозяйка отсутствовала на пол[евых] работах, принимала бабушка. В 3 часа мои гости сказали мне «до свидания».

Плавно и быстро понеслась машина, в этой технической «возможности» чувствовалась гордость! Я один. Сугу-нурские высоты манят меня не переставая, я спешу устроиться и ехать.

Наконец около 6 часов дня я уже в Сугу-нуре. Меня встретила Вася с чистой и дов[ольно] сухой нашей хаткой, мои опасения насчет сырости и проч. излишни. Вася быстро устроила творожники, накормила, напоила меня прелестным чаем и сдала мне свои сборы насекомых. Мне приятно, радостно!

Явился Павел, поставил мне палатку и проч. Вечером ко мне собралась моя компания. Мы беседовали, рассматривали фотографии, вспоминали гольцы, поездку в Баин-гол и проч. Все разошлись, но я еще долго сидел за работой — писал, просматривал, читал письма Пшевика и проч. Палатка, наконец, приютила меня, она стоит напротив дома. В ней было довольно холодно, я спал под меховым одеялом, и какая благодать — никакое противное насекомое не беспокоило меня! Ночью, в особенности к утру, сильный иней.

11/IX, 2. Раннее полуясное утро: t воздуха 1.7°С, обильный иней. Осень настоящая, золотая.

Пью чай, мирно беседую с нашей Васей: сегодня она именинница, и я хочу устроить ей праздник. Дети при виде меня забегали и стали искать насекомых. Поздно! Они засыпают, их жизнь прекратилась. Другое дело рыбки, и рыболовы наши вовсю их ловят, из р. Сугу-нур надо добыть всех представителей, начало положено хайриусом. Линки очень большие — отправляю на кухню! Думаю, при усердии рыболовов я добуду все, что необходимо в коллекцию. Позднее принес Сеня пару пескарей и пару мальков, таким образом здесь еще прибавляется одна форма. Собака поймала бекаса, вероятно молодого, его надо препарировать.* Сегодня я поймал узкую длинную муху, а ребята — бабочку-крапивницу и два-три вида жуков-поздников.

Погода портится, небо укрыто облаками. Летят кулики (Tot[anus] glottis) и бекасы.

Павел не нашел муки, хозяева в домах отсутствуют — все на работах. Одновременно приходится и косить, и поля убирать, рабочие в большом спросе, в цене.

Пока что я убрал птиц, немного пересортировал спирт[овые] коллекции и начал собирать рыб. Необходимо также и дополнить фотографические снимки ущелья и общего вида сел[ения] Сугу-нур. Надо приготовить в дорогу Павла, снабдить всем, чем можно, и написать Пшевочке письмо.

Змеи, ящерицы и другие такие формы уснули, и их больше не встретить нынче. Теперь, может быть, чем-либо обогатит лишь осенний пролет птиц и немного млекопитающие вроде грызунов и проч.

Какой прекрасный вечер: тихий, ясный, яркая Луна и красноватый Марс плыли на одном меридиане, первая выше, второй значительно ниже. Еще чудеснее было ночью: кругом абсолютная тишина, казалось, даже горы и те заворожены молчанием, и только одна речка уныло рокочет, струясь по каменному ложу, но и ее монотонный шум нисколько не нарушает гармонии ночной горно-лесной природы. Ярким огнем горела к утру на востоке красавица Венера.

12/IX, ♀. Прохладное утро: t воздуха –3.0°С, луговая поверхность обильно прикрыта серебристым инеем.

Павел в скором времени отправится в путь в Суцзуктэ с большим транспортом всякой всячины, главным образом со всем тем, что необходимо нашему орнитологу с собой на Хару, в место наблюдения осеннего пролета птиц. Небо в тонко-перистых облаках, солнце в 7 часов утра значительно греет. Я хочу ясного неба, необходимого для снимков (и дальних, и ближних). Тонко-перистые [облака], может быть, уйдут, как небесные легкие странники! По крайней мере, надо снять два снимка: сел[ение] Сугунур и гольцы.

Павел прекрасно уложил телегу и отправился в Суцзуктэ ранее 10 часов (в 9 часов 20 минут). Я переуложил лучшим образом два бидона за №№ 3 и 4.** В 3-м: 5 Dipus, 1 Bubo, 3 Rana, 1 Lagomys rut[ila](?) и 6 змей (двух видов) — экземпляров шестнадцать. В № 4: 3 Dipus, 1 Bubo, 2 Rana,

---

* Scolopax (Gallinago): ♀, длина 23.5 цм, размах 36.0, разница 1.5 цм.

** Бидон № 1 ушел в Петроград в июне с грызунами, ящерицами, змеей или двумя, Lagomus rut[ila](?), голубой сорокой и дуп[елем]-отшельником.

1 Lagomys rut[ila](?), 12 змей (двух видов), 7 Vesperugo (два вида), 2 ящерицы и черепов — экземпляров 29, а всего в двух бидонах 45 экземпляров (к сдаче в полпредство) для Петрограда, в Зоологический музей Российской академии наук...*

Сегодня тепло, ловим ос и других двукрылых. Попалась бабочка-белянка, я стрелял по коричневому Circus'у, неудачно; поймал зато на пашне (старой) тарантула.

Очень приятная погода, жаль, что не совсем чисто небо. Сороки заглядывают в селение.

Сегодня в воздухе несется жужжание насекомых, проносятся бабочки, а из птиц, кроме отмеченного коричневого луня, еще и Milvus melanotis.

До обеда я снял селение Сугу-нур немножечко в облаках (тонкоперистые). После обеда гулял на острове и в огородах. Удалось поймать несколько мух и шмелей и добыть скворца (Sturnus).** Между 3—4 часами, когда солнце стояло на западе, я снял последнее стекло с видом на гольцы через ущелье Сугу-нур. Хотелось, чтобы этот снимочек вышел удачным, каждый фотограф любит, когда его снимочки бывают хороши, как например суцзуктинские и баин-гольские.

Днем стоял штиль, ветер не шелохнул ни разу, и перистые облачка долгое время стояли в зените распущенным веером. Вершина (столовидная) гольца была видна отчетливо. Интересно, как будет стоять завтрашний день? Закат и его на востоке отблеск были отличные. Парил красивый темный орел!

Палаточки нет, в ней я спал отлично. Вася устроила мне [постель] в телеге под навесом, на свежем сене, может быть, и ничего будет. Ночь дивная по тишине и яркости планет, Луна взошла дивно и мягко озаряет сугунурский уголок.

13/IX, ♄. Как и ночь, утро ясное, тихое, на земле иней, t воздуха –1.7°С, прозрачность воздуха большая, однако надо думать о перекочевке сначала в Мандал, а затем и в Ургу.

Моя Пшевочка, вероятно, энергично собирается в дорогу на Хару наблюдать пролет птиц. Кондратьев укатил в долину той же Хары. Котик и Гусев занимаются своим делом по части кургана. Погода вполне благоприятствует.

Сегодня периодически ловим ос и мух, укладываюсь и урывками фотографирую вновь наш сугу-нурский уголок, Васю и сугу-нурских многочисленных детей! Собираюсь также проехать вверх по Сугу-нурскому ущелью. Пришел ветер с юга, небо чисто.

Сейчас 5 часов дня. Мы (я и Вася) только что возвратились из экскурсии вверх по Сугу-нуру. Как назло, небо подернулось перистыми и пер[исто]-слоистыми облаками. Мой любимый куст шиповника, вышедший из лиственничного пня, словно из горшка, был в тени высоких лиственниц, пришлось долго ожидать, прежде нежели я его снял и тоже в тени; масштабом служит мой спутник — Вася. На обратном пути я снял речку в долине, где она катится плавно, среди осиновых и березовых золотистых зарослей.

---

* *Далее два слова неразборчиво. (Прим. сост.)*

** Sturnus: ноги коричневые, клюв темно-бурый, радужина светло-бурая. Одиночка, замечен на окраине селения.

Сегодня, ♄, везде баня, надо и мне сходить помыться. Завтра воскресенье, необходимо написать Лавре письмо о том, что во вторник я оставлю Сугунур, перекочую в Мандал с ночевкой, а в среду, 17/IX, при наличии хорошей погоды, на заре отправлюсь в Ургу. Тем временем подъедет и Теплоухов или еще кто другой; может быть, в компании с ним, на автомобиле, я и отправлюсь в Суцзуктэ.

Сегодня впервые наблюдал, как осиновый лист с шумом осыпался с дерева — порывистый ветер сразу обнажил его. Птички табунятся и несутся к югу или, местные, перелетают с одной стороны долины на другую. Сороки по утрам, словно часовые, сидят на выдающихся по высоте кольях изгородей, обнесенных вокруг селения. От времени до времени высоко в голубом небе, вдоль гор, гордо, величественно кружат орлы — степной или королевский беркут.

Сегодня воздух сух и прозрачен, ветер то и дело меняет направление: сначала дул с севера, гнал облака, потом — с юго-востока, затем — с юго-запада, а после 8 часов подул нормально, с востока, бриз от гольцов, вниз с гор! Переложил стекла, один негатив с отломанным уголком: так был приготовлен и заделан!

Я видел, как косят: влажная трава в одной только нижней трети, две верхние трети — сухие! По косогорам, говорят, совершенно сухие травы — немного полежат, и можно складывать в копна. Луна слабо освещает наш тихий уголок.

После полуночи дул юго-восточный, довольно теплый ветер, ночь облачная.

14/IX, ☉. Утро облачное, t воздуха, в 7 часов 14.2°. Сегодня воскресенье, может быть кто-либо и заглянет! Строго говоря, завтра можно было бы ехать, но уж решил во ♂, пусть так и будет, еще не пойманы линьки, налимы и не все аккуратно уложено.

Линок пойман в колл[екцию].

Сегодня необычно теплый день, словно летом: температура воздуха, в тени, в 1 час дня, 24.4° при ветре — с полудня; при этом ощущается крайняя сухость — ветер пустыни. Необычен по количеству и лов насекомых, в особенности по части шмелей, пчел и всякого рода пчел[овидных] и непчел[овидных] мух. Эти насекомые держатся по огородам, на высоких желтых цветах, по крайней мере я ловил исключительно на этих цветах и в огородах. Линок берется хорошо на удочку, бабочки лишь изредка (Colias), из птиц — сокол-чеглок, Falco subbuteo.

Четыре часа, учинил подсчет: поймал шмелей 30 экземпляров, мух 90 экземпляров, клопов 5 и бабочку 1. Итого 126 экземпляров.

Для осеннего, сентябрьского дня более нежели достаточно! Может быть, завтра удастся что-либо поймать. Весь день ветер, главным образом с ЮВ, отд[ельные] порывы достигают силы 3 [балла], северные лесные склоны гор удивительно красивы — наполовину золотые, точнее золотистые, наполовину зеленые, вперемежку. Осень. По окончании сенокоса и уборки хлебов все охотники-промышленники отправятся далеко в гольцы «белковать». Хорошо было бы отправиться вместе с Павлом, заодно.

Под вечер Воробьева прислала мне с Сеней, ее племянником, письмо от моего Володи. В нем Володя сообщает, что в газ[ете] имеется заметка о

том, что экспедиции Козлова в помощь командированы РАН Руденко С. и Крыжановский — минералог. Эти оба специалиста — мои знакомые по Русскому музею. Пишу и слышу, как прибежал сильный порыв с СВ, все дрожит, и в воздухе кружат поднятые вверх части крыши соседней хатки.

В 9 часов вечера t нар[ужного] воздуха 18.9°С. День по высокой температуре — небывалый. С вечера, позднее 9 часов, стал накрапывать дождь и периодически даже переставал, но с полуночи пошел сильный, перед утром сменившийся снегом. Мерзость ужасная.

Я спал на откр[ытом] воздухе, точнее в сарае, вставал, перемещался, заходил в хатку, передвигал стол и проч., чтобы уберечь [вещи] от дождя.

15/IX, ☽. Всюду бело, облака спустились низко, снег продолжает падать. Вот какой контраст: вчера ловили насекомых, жужжавших в воздухе, а сегодня — зимняя картина, мокрый снег валит с ветром, производящим шум по-зимнему. Стайка береговых ласточек искала приюта под кровлей и, не найдя его, с жалобным криком исчезла в южном направлении.

Лавре прислал мне ответ на мой запрос «приготовить тройку на заре в среду»: «Лошади будут готовы в указанный срок: для Вас всегда готов и в огонь, и в воду!» Прекрасно, остается только собираться, что я и делаю! Набралось всего очень много, хорошо, что еще по дороге, а именно в Мандалах, надо оставить для Суцзуктэ и кое-что из ургинского. Мандал не Сугу-нур, лежит не на стороне, а на прямом автомобильном нашем пути в центр археологических раскопок.

Полдень, в воздухе наблюдается маленькое просветление. Дай-то бог, а как иначе сказать!

Я работаю, укладываю манатки, коллекции, наконец, пишу, а соседка сидит — должно быть, ей весело!

Уложен ящик и для Зоологического музея РАН с двумя бидонами и сверху одним черепом Canis lupus.

Интересно будет узнать от Андрея, за каким номером пойдет ящик с бидонами?

3 часа дня, солнце силится выйти наружу, но не может, а пора бы. К вечеру погода должна улучшиться, а небо проясниться. За ночь за ½ следующего дня дорога хотя отчасти должна просохнуть, а там еще больше на среду — 17/IX, когда я мечтаю об Ургe. В 5 часов дня я уже окончательно собрался в дорогу: все уложено, аккуратно отобрано, что нужно в Ургу, с собою, а что и в Суцзуктэ. Во что бы то ни стало нужно захватить с собою в Суцзуктэ какие-либо мои книги, в крайнем случае нужна книга «Хара-хото».

Как жаль, что последний день пребывания в Сугу-нуре и я не могу вполне насладиться, погулять, взглянуть еще разок на наши (с Пшевочкой) заветные места. Очень грустно мне быть здесь без моего милого друга, без моего славного, энергичного спутника, без моего Пшевика. Как желательно видеть и иметь удачными снимки и здесь, в Сугу-нуре, и в Суцзуктэ: это прибавит удовольствия и усилит воспоминание. А погода все еще плохая, из рук вон!

Ночь тихая, облачная. В горах снег, и чем выше, тем основательнее; гольцы укрыты сплошь белым, чистым, основательным слоем снега. На западе и юго-западе, при горизонте, отрадно синеет небо. Только тут, в ущельях главного хребта, холод и снег.

Ночью на юго-востоке неба, как бриллиант, горела ярким пламенем планета.

16/IX, ♂. Утро серое, облачное, прохладное, даже в долине белеет тонкий слой снега. На благодатном юге светлеет и, может быть, теплеет. Итак, сегодня день отъезда, сегодня я покидаю хороший, интересный пункт Сугунур, от души мне жаль расставаться с ним. Может быть, судьба меня доставит в этот богатый, красивый, интересный уголок, чувствую, что здесь не все сделано, не все осмотрено, измерено и многие поучительные части ландшафта не запечатлены на фотографии. Главное, нужно как следует посмотреть на главную ось Кэнтэя, хребет Манхадай, в районе Сугу-нур — Баин-гол, участок гольцов.

Если не поеду в Россию осенью—зимой, то непременно съезжу с Павлом в гольцы как следует.

Сугу-нур — исток Хары, дивное, дикое ущелье. Речка Сугу-нур бежит, гремит, грохочет по валунам. А Верья, словно Дарьял, повыше нашей стоянки, под елями, там, где мы так долго прожили, где стрелял Пшевик птичек, Павел — коз, а я ловил насекомых и откуда в вечерние часы любовался вершиною гольцов, на которых долго-долго продолжали играть огненно-золотистым блеском вечерние лучи дневного светила. С именем Сугу-нур тесно связаны Хэрмлюк, Верья, Гурбун-чулу, Хонгор и другие. Тут гольцы, россыпи, тут царство лося, изюбря, соболя, медведя, скал[истой] пищухи, кабана, а из птиц — глухаря, рябчика, кедровки и королевского орла — Aquila chrysaetus. Звери, птицы, хребет, ущелья, синее небо и вечно яркое, теплое солнце в связи, тесной связи, с грохотом речек и монотонным журчанием невидимых ручейков создают в целом волшебный сказочный мир, о котором никогда-никогда не забудешь. Как не забудешь и экскурсию на Баин-гол, веселую, шумную, молодую, в полный разгар лета, богатую сборами, не говоря уже про поездку в далекие суровые гольцы, которые всегда уносят мою мысль в Н[ань]-шань и Тибет! А компания у веселого костра, чаепитие, рассказы о промыслово-охотничьих приключениях, случайный гуран пронесется в виду бивака, кабан устроит логовище или ночью в вашем близком соседстве проложит огромный след медведь — все это в целом создает лесную бродячую прелесть, о которой много и много раз перескажешь товарищу-другу в часы страннических мечтаний. Мечта и мысль — вот чему я завидую на протяжении всей моей жизни.

Все готово в дорогу. Прощальный обед. Награждение девушки Васи и соседки Улиты. Устин Воробьев везет большой воз манаток наших в Мандал. Погода разгуливается; на горах снег, юго-восточный [ветер] сильно дует и сушит землю, в долине тепло, ближайшие скаты гор красиво пестрят золотистой листвой и зеленью хвои елей и сосен, пестрят осенней раскраской леса. После Сугу-нура, после ущелья с коротким горизонтом, Мандал поражает своим широким простором, многочисленностью населения. На общем просторе резко выделяются два селения — Верхний и Нижний Мандал, а между тем и другим и всюду кругом рассыпаны юрты номадов. В одном направлении — к восточным горам — жмутся пашни, блестя, словно шашками, отдельными площадями, в другом — пасутся огромные скопления домашних животных. В Мандале я остановился у Воробьева и навестил его сестру Е. Я. Сахарову.

Сегодня впервые, говорят, замечены пролетные гуси. Я лично наблюдал при закате солнца, когда воздух стих и на небе не было ни одного облачка, четыре гуся-лебедя тянули на юг. Вечер был просто очарователен, и закат долго и красочно горел; я гулял до поздней ночи, любуясь красотою неба и прилежащей к Мандалу ночной горной картиной; взошла Луна и волшебными красками озарила поле моего наблюдения. Стало холодно и еще более тихо! «Насладившись лаской природы», как я писал когда-то на берегу Кукунора, я пошел спать. Но не спалось мне, чудился уголок Суцзуктэ с высокоствольными соснами и р. Хара с пролетными странниками, где теперь во всеоружии ведет наблюдение над ними мой неутомимый спутник Пшевик.

17/IX, ☿. Рано-рано я поднялся. Луна была бледна, воздух тих и спокоен и очень-очень холоден. Я выехал на тройке в ½ 6-го утра. Тележка катилась успешно по твердой мерзлой поверхности земли. По лугам серебрился иней. Вправо кормилась стайка дроф. Долина лежала в сумерках, в тени, и только гребни гор позолотились солнцем. Наконец оно выплыло, когда мы оставили долину и начали склоняться к ущелью перевала Халцзан. В этом ущелье косили и стояла копна готового сена, отдававшего душистым ароматом. Выше обо-скалы валялся в стороне костяк лошади. Его тщательно дочищали собаки (одна огромной величины, не допускавшая других), а повыше и по сторонам сидели орлы степные; один из них взмыл вверх и описал круг у самой моей тройки. На этот раз я следовал без ружья. Отлично различил Aq[uila] orientalis.

С вершины перевала я сделал первый снимок к северу. Тут, усталые, по скользкой дороге брели бурятские быки с возами сена. На перевале Халцзан-дабан мы имели получасовую остановку, затем поспешили вниз, в ущелье Сельбы. Всюду кругом лежал снег, сильно таявший и разведший черноземную почву. Снег блестел и блеском слепил глаза.

У подножия южного ската я произвел второй снимок, а у ущелья Шаргаморитэ (где похоронена гэгэнша) — третий. Немного ниже — там, где порою предавался «страсти нежной» сам перерожденец, в красивом, молитвенном месте — четвертый; в заключение несколько снимков было сделано с белого и красного монастырей левого берега Сельбы. Всего израсходовано было девять стекол (сданные 18/IX в фот[ографию] для проявления) да плюс прошлые. Не знаю, что из них выйдет. Потом я с Сергеем (возницей) поторопился домой, в Ургу, где были встречены Андрюшей. От дороги и малосонной ночи я устал, хотел спать, тем не менее заставил себя побывать у Маршалла, познакомиться с его симпатичной женой и съездить в город побриться и сдать в фотографию знакомого китайца проявить первую серию моих снимков.

Навестил, в конце концов, дом Бадмажапова и рано улегся спать. Стоило, однако, отметить, что завел дремавший хронометр [солнечный], так называемый Делленовский — спутник мой по Монголии и Каму!

18/IX, ♃. Полуясное холодное утро застало нас бодрствующими. Мы встали ранее 7 часов, Андрей подтопил печь, и стало более нежели тепло. Я немного разобрался с вещами из Сугу-нура, а потом отправился к фотографу, где выяснилось тотчас: мой люмьеровский запас устарел — сходит эмульсия, но зато великолепны новые «Сигма»; более нежели наполовину отличные снимки. Имеем Сугу-нур, имеем группы, американскую и сугу-

нурскую, имеем детей и проч. Два-три снимка — просто одно очарование. Я доволен. Оказывается, нужно снимать только [пластинами] «Сигма», [они] свежие. Отчего это я не положил именно «Сигму», а положил старого, испытанного товарища «Люмьера»? Утром, в субботу, увижу результат снимков ущелья Сельбы.

Потом я укатил к А. Н. Васильеву, отвез ящик с двумя бидонами и черепом волка. Как водится, у В[асильева] долго засиделся, а перед В[асильевым] сидел и беседовал с Юдиным. Все обстоит благополучно! В[асильев] вдохновляет. С ним говорил откровенно, говорил по всем вопросам и о Павлове, что этот тип не сделал съемки. Затем узнал, что едут в автомобиле четверо новых работников — специалистов из Петрограда, во главе с Теплоуховым. Может быть, завтра, в ♀, я их увижу.

Что они скажут мне, чем порадуют, к какой эпохе отнесут мои вторые раскопки? Страшно интересно! И всего каких-нибудь день и только день-два. Полпредство приютит приезжих товарищей, полпр[едство] даст машины, чтобы доставить членов экспедиции на ее археологический стан. Как я предполагал, так и было: А[лексей] Н[иколаевич], само собою, продиктовал именно то, что я себе представлял. Еще несколько дней, и мы поедем к нам в Суцзуктэ, посмотрим на работы, посмотрим на курганы, посмотрим на наше детище! Может быть, все обойдется и будет достойно поучительного и прекрасного. По крайней мере, у меня светло и чисто на душе. Ольденбург спрашивает, как мое здоровье?! Я думаю, всего через несколько дней он получит мое донесение целиком, а вскоре затем и большой круг читателей осведомится о деятельности Тибетской экспедиции.

Надо докончить письма и Михно, и сыну Володе — непременно поделиться надо с этими людьми.

Сегодня же получил, не знаю через кого присланный, конверт из Харбина с тремя фотографиями, исполненными художественно. На одной — сам незабвенный покойный, один, на другой — рядом, полная печали, жена, и на третьей — с горем на исхудалом лице сын Вл[адимир] Вл[адимирович] Пушкарев. Если мне до жути больно смотреть на эти фотографии, то можно себе представить, как болезненно-тяжелы эти фотографии покажутся моей Пшевочке. Как больно наказывает людей судьба-злодейка!

Как и следовало ожидать, мой спутник «Елена Прекрасная» устраивает свою судьбу — окончательно победила Всесвятского и скоро будет на бумаге тоже Всесвятская. Физически же она давно принадлежит этому симпатичному человеку! Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь. По этому поводу мы сегодня немало смеялись с А. Н. Васильевым: он дал жениха, а я — невесту. Полпр[едство] породнилось с Тибетской экспедицией! «Это все к большему добру, Петр Кузьмич», — тихо сказал один из моих друзей. Ну и что же, будем скоро приветствовать вновь испеченную публику! Может быть, изредка и зайдем к новой чете на огонек! Да благословит их Монголия и ее жемчужина — Богдо-ула! И все, что треб[овалось] доказ[ать]!

Из Алтан-булака. Мне. «Выезжаем [в] Ургу, когда придет автомобиль; с нетерпением жду встречи с Вами. Теплоухов». Это вторая телеграмма, а первая была за подписью Крыжановского с просьбой выслать автомобиль в Усть-Кяхту.

Сегодня вновь теплый вечер и слоистые облака на всем небе, наиболее мощные в его юго-восточном углу. Богдо-ула также выглядит по-осеннему,

нижний луговой пояс поблек, выжжен. Если продолжится так и далее, то он будет походить на пустыню. Особенно дик и величественен гребень в той части (восточная половина), в которой высится двумя могучими сопками священное сооружение — обо. Люблю я Богдо-улу.

В этом священном, чистом массиве есть что-то великое, привлекающее взор и что-то таинственное, привлекающее мысль. Богдо-ула! В ее честь слагаются хвалебные гимны. Сколько пытливых, глубоких взоров ежедневно смотрят на тебя и предаются созерцанию! Осенняя раскраска придает лесной зоне много прелести: береза и осина золотые и пурпуровые.

Muscicapa: ♂, длина 12.6 цм,[126] размах — 16.5 д., разн[ица] 2.8 цм. Радужины бурые, клюв и ноги темные. Птичка, вероятно, убилась о проволоку, под вечер, и мертвой упала чуть не в самые руки случайно проходившего Андрюши.

Ночью, в особенности под утро, сильный ветер со стороны северо-востока, барометр стоит низко, пожалуй, что-либо и набежит: дождь, а то и снег.

19/IX, ♀. Утро бурное: при сплошной облачности дует крепкий ветер с северо-востока. Дали открыты наполовину. Сегодня день почтовый: интересно, здесь, на месте, получу ли я что-нибудь?! На мое имя пришло два письма — от Володи и madame Такке, оба интересные. Я удивляюсь энергии пожилой женщины, которая познакомилась со мной на одной из очередных моих лекций в Москве, в здании Политехнич[еского] музея, Над[ежде] Андр[еевне] Такке, которая неутомимо переводит мою последнюю книгу на французский язык (с биограф[ическим] очерк[ом]).[127]

Преждевременно возвратился из своей неоконченной поездки Ц. Г. Бадмажапов (с испорченным желудком — продуло). Приедут ли петроградцы сегодня или не приедут? Откровенно говоря, меня более прочих интересует профессор-археолог С. А. Теплоухов. Что он скажет по поводу моих археологических достижений, «что и как», как говорят в таких случаях вообще!

Сейчас 3 часа, у меня была Е. Я. Сахарова, которой я ссудил сто долларов до осенней отработной поры, а в день приезда послал ее брату Лавре в подспорье к уборке хлеба пятьдесят кит[айских] сер[ебряных] долларов. Ничего не поделаешь — надо помогать и выручать нашего брата — русского колониста в Монголии.

Что-то интересного сообщит мне Андрюша, ушедший в консульство и к местному редактору [газеты] «Урга»?[128]

Через час Андрей пришел в сопровождении компании трех специалистов, только что прибывших на автомобиле из Центра. Приведя себя в порядок, они во главе с С. А. Теплоуховым в первую очередь направились ко мне. Пришли, я был во дворе. Представились: «Археолог Теплоухов в Ваше распоряжение, минералог Крыжановский и Б. Б. Полынов (почвовед) также». Четвертый остался по дороге выручать из таможни вещи (Боровко Г[ригорий] Осипович). Теплоухов и Крыжановский вручили мне письма от С. Ф. Ольденбурга, который просит этой милой компании, полезной для экспедиции, оказать внимание, содействие. Моя статья в «Известиях», пишет С[ергей] Ф[едорович], заставила обратить на себя внимание правительства; последнее, обсудив вопрос с ним, командировало этих специалистов для скорейшего выяснения эпохи и вообще важности моих открытий. С[ергей] Ф[едорович] все ждал присылки описаний, фотографий, реального

чего-нибудь, чтобы можно было бы, хотя отчасти, познакомиться с характером археологических находок, и ожидал непосредственных донесений и высылки части находок в Российскую академию наук.

Обменявшись прив[етствиями] и общими фразами с приезжими, я стал показывать Теплоухову находки. Он начал с бронзы, и, что удивительно, наши «подсвечники» оказались ему знакомы по миниатюрным таковым (и тоже с крючками), найденным зря* в Минусинске. Он, Теплоухов, бегло осмотрел бронзу и ящик из первого кургана, затем спрашивает: «А что, Петр Кузьмич, керамика есть? По керамике, над которой я работал, мне, лично, легче всего разобраться и найти эпоху». С[ергею] А[лександровичу] была предоставлена керамика, он с жадностью набросился на нее и определил, отнес к Ханьской династии (от 1-го века до Р.Х. и 3-го века — после). Солидные курганы, они принадлежат седой древности. Таким образом, с Теплоуховым мне очень интересно видеться, беседовать. Он меня удовлетворяет тем, чем мог удовлетворить только Центр. С этим специалистом еще более интересно проехать на место самих раскопок, все показать и ко всему прислушаться. Теперь С[ергей] А[лександрович] сказал: «Все это очень интересно, тем более что в Монголии вообще никто не производил археологических исследований в таком виде, как Вы, и самые курганы такого типа — новость!»

С минер[алогом] и почв[оведом] мы не так можем быть близки: эти специалисты должны найти для себя работу, и она, в особенности после обсуждения с Жамцарано, найдется в области изучения мест залегания полезных ископаемых. Начать с того, например, месторождения топазов, тяжеловесов, которые в большом количестве (в десятках пудов) отправляют для обработки в Россию и проч. Крыж[ановский] и Полынов просили было меня командировать их к месту Павлова, в долину озер центр[ально]азиат[ского] бассейна, но я воздержусь до совещания с Жамцарано. Всего полезнее мое первое предположение, которое должно быть им предложено.

Говорим вообще много, часто непоследовательно, перескакивая с места на место. Говорили о России, о положении науки, о полож[ении] ученых работников в Петрограде и проч. Гости мои очарованы Михно, который любит и восхищается Тибетской экспедицией, главным образом ее начальником. «О Вас, Петр Кузьмич, он говорил с особым восторгом, поклонением, любовью к Вам и проч.». Приятно!

Не успели мои новые сотрудники прибыть в Тибетскую экспедицию, как они мечтают не позже октября укатить обратно, мотивируя это тем, что одним надо читать лекции, другим работать в музее и т.д.

Надев экспедиционные полушубки, наши гости отправились восвояси, в помещение полпредства, где им отведено помещение, условившись предварительно о посещении Ученого комитета и Жамцарано на 20.00.

20/IX, ♄. Утро ясное, прохладное, 1.5°С, тихое; Богдо-ула проснулась и позолотилась лучами солнца. Погода, с обывательской точки зрения, великолепная: холодная утром и должна быть теплая днем. У нас день предстоящий расписан. Начнем действовать! Прежде всего я заехал к Жамцарано, условился с ним относительно приема приезжих и программы разговора. В общем, то

---

* *Так в тексте. (Прим. сост.)*

же начало: приехали поздно и нет времени в короткий срок сговориться и произвести хотя бы рекогносцировочные исследования. Во всяком случае, археолог приехал не напрасно — он мне нужен и очень полезен. Что же касается двух других или, точнее, второй партии, то она также пристраивается на дело очень интересное, но по указанию председателя Ученого комитета Монголии Жамцарано. Теплоухов едет со мною на раскопки, а минерал[ог] партии, вероятно, займется своим делом — поездкой на полезные цветные камни, изучением района пол[езных] ископаемых вообще. Ж[амцарано] выразил надежду, что новые сотрудники Тибетской экспедиции все сделают, что возможно, в короткий приезд свой, чтобы оставить продуктивный след пребывания на месте работ.

После свидания с Жамцарано новые участн[ики] экспедиции будут сегодня беседовать с Васильевым.

Я заехал к фотографу посмотреть проявление и печатание моих негативов; в общем, я вполне удовлетворен результатом фотографических работ. Выяснилось, что «Люмьер» устарел, сходит желатин[овая] пленка и нужно непременно работать на пласт[инках] «Сигма». Так в предстоящем будущем и будем действовать. Мне кажется, успех обеспечен!

Что же теперь будем делать? А[лексей] Н[иколаевич], пожалуй, захочет воспользоваться воскресеньем и, может быть, предложит назавтра прокатиться в Суцзуктэ, пожалуй!

Неожиданно для меня прибыл из Суцзуктэ Котик с письмами от Пшевика и Кондратьева, с наказом выслать то-то и то-то! Целый транспорт требует наш композитор на археолог[ический] склад!

Когда же наконец прибудут наши специалисты? Так я и не дождался их — очень грустно. Они новые люди и нарасхват; всем они очень интересны и каждый по-своему желает их использовать. Под вечер у меня были супруги Маршаллы — милы, любезны, искренни. Ему я уступил лучшие часы, с репетиром, за дорт-юс[129] кит[айских] сер[ебряных] долларов.

До ужина и после я любовался звездным небом: на Юпитер и Марс. Воздух дов[ольно] чист и удовлетворительно прозрачен, в особенности повыше от горизонта. Ночь холодная, под утро иней.

21/IX, ☉. Ясно, прозрачно, прохладно. Солнце, поднимаясь ввысь, светит и греет ощутительнее.

Между 9—10 часами утра отправился Андрей в Суцзуктэ с массой всякой всячины для суц[зуктинской] группы, преимущественно с продовольствием: одного только сахара пуд! Все это [роскошь] в сравнении с прежними путешествиями. Ничего не поделаешь, зато на мясо мы почти ничего не тратим — выручает охота. Однако надо же собираться в путь, на раскопки. А где «гости»? Я потерял их совершенно.

Съездил я в город, чтобы посмотреть фотографии и побриться. И совершенно был удивлен неожиданной встречей с Андрюшей, который выехал лишь в полдень. Сконфуженный, он говорил: «Старался получше уложить свой воз!» И везде так, и везде стали люди другие — насколько не похожие на прежних! Когда он доберется до Мандал, а затем к раскопкам?

День праздничный тянулся без конца: я виделся с С. Б. Бадмажаповым и Батуханом, в свою очередь бывшими с визитом у моего Бадмажапова. С. Б. Б[адмажапов] назывался дальневосточн[ым].

Вечер я провел у Маршаллов с ужином и с музыкой, играл усоверш[енствованный] америк[анский] граммоф[он].

Ночь яркозвездная, прекрасная, тихая, но дов[ольно] прохладная. Так незаметно, изо дня в день надвигается холод, сокращается день и удлиняется ночь! Идет настоящая средне- или центральноазиатская осень! Собственно говоря, пора устраиваться на зимние квартиры. В Суцзуктэ следует устроить зимовку большей партии, а здесь — одному, надежному, вроде Гусева.

22/IX, ☽. Ясное, тихое прохладное утро. Северный склон Богдо-улы почти весь горит на солнце золотом от поблекшей лиственницы, и только гребень с верхними россыпями отливает темной зеленью кедра. Теперь ясно вырисовываются породы древесные. Все — и лиственница, и береза, и осина — группируются на сев[ерном] склоне и осенью внешностью своею умирают. И нижний, и средний пояс пожелтели совершенно.

В высшей степени желательно видеть осень в лучшем, тихом, ясном, обычном ее состоянии в Монголии.

В ночь на 23/IX, в ½ 10-го часа я слышал гуканье филина в направлении к востоку, вдоль береговых высот.

Дальнейшие перспективы Тибетской экспедиции могут выясниться только в центре России. К этому и надо стремиться.

Около 10 часов утра ко мне прибыла моя компания. Поговорив, побеседовав с ней, выяснив необходимость поработать на месте раскопок с новыми курганами, с одной стороны, и предоставить возможность минералогу и почвоведу заняться их специальными целями с экскурсией вверх по Толе, [с другой стороны], мы отправились в Ученый комитет Монголии на совещание. Жамцарано был на месте, мин[истр] нар[одного] просв[ещения], гун, также, и мы достаточно переговорили о предстоящем по археологии и по минер[алогии] и почвов[едению]. Решено прежде всего съездить на место раскопок и вырешить дальнейшие шаги работ на месте, а потом уже приступить к активным работам, в зависимости от времени и средств (в пол[ном] объеме).

Меня навестил гун — министр народного просвещения и поднес мне при голубом плате счастья подарок — серебряное огниво с таковыми же двумя подвесками. Это его благодарственный визит в ответ на мои почетные подарки (в его отсутствие в Пекине).

Сегодня в Учкоме Теплоухов нас фотографировал; мы втроем сидели, приезжие стояли. Стало известным, что завтра мы отправимся в Суцзуктэ. Надо было приготовиться в дорогу, купить фотопластины, хлеба, сделать все распоряжения Даниленко. Но главное, надо осмотреть домик полпредства; этот домик в городе. Осмотрев его с Цокто Гармаевичем, я остался им очень доволен.

23/IX, ♂. Ясное, тихое утро, как и минувшая ночь. Планеты и звездные миры торжественны. С утра я готов в дорогу. Поеду с А. Н. Васильевым в сопровождении С. А. Теплоухова — археолога Тибетской экспедиции. Стекла и продовольствие закуплены. Даниленко даны известные обычн[ые] инструкции. Рано обедаю у И[ды] П[авлов]ны, любуюсь на антилопку (Gaz[ella] gutturosa), к сожалению, ее не удалось снять, и около 12 часов уезжаем. Путь на таможню через заставу, и мы в области широкой каменистой пади р. Сельбы; едем дов[ольно] быстро, правит В[асильев] и не щадит на-

ших боков. В 2 часа мы на перевале, а в 3 часа в Мандале. По дороге к селению мы засхали вверх и невзначай очутились на озерке, полном пролетными утками (кряквами, шилохвостами и чирками), по которым учинили охоту.

Пока Вас[ильев] и Тепл[оухов] стреляли, я в это время успел спокойно сфотографировать самое озерко и на его берегу, в отдалении, стойбище из двух юрт монголов.

У Вороб[ьевых] в В[ерхнем] Мандале отдыхали-закусывали, а у Вильских в Н[ижнем] Мандале ночевали. Прежде нежели заехать к В[оробьевым], мы далеко укатили вниз по верхн[ему] теч[ению] Хары, до того места, где новорожд[енная] река разрывает горы и где стремительно несется по валунам и каменистому ложу вообще. Мне было интересно взглянуть сюда, потому что в этом месте я еще не был. Теперь же я видел ее, только принявшую Сугу-нур или, точнее, Сугу-нуром положившую коренное начало как главной многоводной ветви, кое-где обставленную низким кустарником. Ширина русла Хары около 10—12 саженей, при глубине от фута-двух и ниже или выше. По высоким травянистым берегам кочевали монголы со скотом. Дороги вниз очень скверные, каменистые, обрывистые и позволительны лишь для передвижения верховым способ[ом]; тележная дор[ога] змеей поднималась влево, к СЗ, через горный кряж-отрог и вдали выходила на широкий Ург[инско]-Кяхт[инский] тракт. На обратном пути да и на пути вперед также мы отметили стаю гусей на болоте и стайку, 62, на дресв[яной][130] равнине, дроф. Там и сям сидели темными точками или кружили в голубой выси орлы, преимущественно степняки, а также выдавали свое присутствие пустельга, чеглок, коричн[евый] лунь. На болотистой речонке держалось много уток (и бол[ьших] и мал[ых]), а на болоте бекасы и кулики.

Falco subbuteo, ♂. Долина Мандал, замечено два-три раза, одиночкой. Длина 30.2 цм, размах 63.0, от хв[оста] до верш[ины] кр[ыла] 0.9 цм (кр[ыло] выходит за хвост). Радужина темно-бурая, клюв голубоватый, у основ[ания] светлее, ноги желтые, когти черные.

Вечерняя заря погасла, когда мы катили в дом Вильских, где нас приняли очень радушно. Вас[ильев] был здесь впервые, я — многократно, и мы скоро чувствовали себя здесь, как у давнишних знакомых. Разговаривали о лугах, пашнях, охотах, и наутро А[лексей] Н[иколаевич] высказал желание пострелять из шалаша на болоте.

Перед спаньем я вышел на воздух, некоторое время гулял и прислушивался к абсолютной тишине и покою. Небо мигало звездами, иногда красиво прокладывали огненную черту осколки миров и проч. И вдруг — га-га, га-га, это другого рода странники, гуси, держащие путь в ясную ночь к заветному югу.

24/IX, ☿. В[асильев] поднялся рано, до зари, и уехал на машине к месту охоты, к болоту. Мы с Тепл[оуховым] еще поспали и в 7 часов были также на ногах. Утро прежнее, прекрасное. А[лексей] Н[иколаевич] скоро возвратился, он не сделал ни одного выстрела, немного досадовал («Отчего не на Харе!») и, по обыкновению, начал торопить нас сборами в дальнейший путь, к Суцзуктэ, в центр археологических раскопок Тибетской экспедиции. Вели машину поочередно В[асильев] или шофер-осетин. Кузнецов рассчитан из-за Шарга-моритэских болот, в которых завязил машину и не сумел ее тогда же извлечь. В утреннем холодном воздухе мы катили быстро, везомые

осет[ином], а через несколько верст, уже на большом тракте, увидели кречета Hennaia, отливавшего яркой белизной груди. Гордый сильный сокол поедал добычу — куропатку, у самой дороги. Хорошо подъехали к птице, грянули два выстрела, третий вдогонку, и сокол заковылял, а через саженей 7—8 уже упал, опрокинувшись белым брюхом кверху. Ниже — его размеры.

Hennaia, ♂: длина 46.5 цм, размах 94.0, х[вост]—крыло 5.5; радужина темно-бурая, клюв голубой, у основ[ания] светлее, ноги светло-желтые, когти черные. Сокол у самой дороги, у гор дол[ины] Мандал, поедал куропатку.

Это было вблизи сухого русла Хунцала, только что выбежавшего из гор, у их подошвы (отдельный отрог). Мы очень успешно катили дальше, чуть-чуть не свалились в обрыв (или с обрывист[ого], верт[икально] подмытого берега). Опять поехали быстро и на придорожном озерке (болотистом, уже в долине Цзурумтэ) приостановились. По поверхности озера плавали утки. Тут вновь охота, вновь стрельба, в результате — пара чирят. Кругом летают орлы (ведь эта степная долина уже давно названа мною «долиною орлов», орлы, главным образом степняки, хотя встречаются и беркуты), кружась высоко в синем небе или гордо перелетая от одних гребней гор к другим. Еще выше начали попадаться сарычи, пустельга и Circus.

Уже давно виднелась на севере горная стена, покрытая лесом; лес сбегал и в долину — граница суцзуктинских охотничьих экскурсий моих спутников-отшельников. Влево, гордо выпучив светлую грудь, сидит в сторожевой позе Archibuteo (за грызунами Lagomys). Мы описываем около птицы круг, она повертывается и так занялась наблюдением вокруг, что и не догадалась об опасности: машина приостановилась, грянул выстрел и сарыч в опрокинутом положении барахтается в предсмертной агонии. «Чудесный экземпляр! — громко говорю я, неся красивую птицу в автомобиль. — Ну-с, я доволен экскурсией, не знаю, как Вы, г[оспода] охотники», — дополняю я, укладывая сарыча и внимательно рассматривая форму Buteo, которым так интересуется наш выдающийся орнитолог П. П. Сушкин.

Archibuteo, ♀: длина 61.1 цм, размах 126.5 цм, х[вост] и кр[ыло] 2.0 цм; радужина темно-бурая, клюв темно-голубой, у основ[ания] светлее, ноги желтые, когти черные. Этот архисарыч довольно обыкновенен вообще в верх[нем] басс[ейне] Хары (это касается голоногого). Наконец мы в сфере наших археологических изысканий: видим лог к западу, куда уходит дорога, проходящая очень близко на север от Кондратьевского кургана. Выше линия курганов с Баллотовским и Монгольским во главе. А вот перевал Цзурумтэ, спуск в долину Суцзуктэ, рытье кабанов и вид на курганы восточной части группы, а вот заворот крутой к лагерю у самого кургана Мокрого, и мы на минуту-другую остановились: мой С. А. Тепл[оухов] пошел взглянуть на него, на шурф в нем и подумал, вероятно: так не делают обыкновенно, а уж если выбирать землю, так выбирать совсем, дочиста, чтобы видеть все и подобрать все. Но для этого нужны колоссальные средства и проч. Наша же задача — выяснить общим рекогносц[ировочным] способом характ[ер] погребения, глубину, профиль, извлечь что необходимо и т.д., что, строго говоря, мы и сделали!

Еще ¼ часа, и мы у лагеря. Собаки лают. Оба Василия стоят и встречают нас, К[ондратьев] и Андр[ей] отсутствуют, первый на Цзун-модо, второй — на охоте. Ввиду нашего приезда К[ондратьев] приостановил окончат[ельную] выборку предметов и исследование вообще кургана, поэтому

раб[очие]-китайцы заняты работой в лагере и приготовлением дров. Вошли в домик и тотчас, до чая, стали рассматривать находки: керамика та же, одного характера, обл[омки] блюда-зеркала. Но золотая лошадка и таковая же головка мифического животного окончательно победили присяжного жреца археологической науки С. А. Теплоухова. В присутствии А[лексея] Н[иколаевича] он громко заявил: «Да, это чудесные предметы, они разрешат наш археологический вопрос, они — сама эпоха» и проч., проч. Чай и закуска готовы, мы уселись на воздухе, и А[лексей] Н[иколаевич] сказал: «За здор[овье] и успех Петра Кузьмича». Я не мог не сказать: «С большим удовольствием выпью, даже несколько глотков коньяку (который никогда не пью) за нашего доброго гения А. Н. Вас[ильева], только он один вдохнул в нас возможность, силу и право, и Тибетская экспедиция ожила, заработала и доказала свое право на существование и проч.

В заключение фотография, снимки и милый образ прекрасного человека исчез — А[лексей] Н[иколаевич] поехал в Ц[зун]-модо и далее, на простор и приволье к пернатым, на Хару. Я успел только сказать: «Если встретите моего орнитолога, пожал[уйста], привезите его ко мне, а мы потом вместе отправимся туда же». Хотя, собственно говоря, не стоит моему Пшевику производить ломку.

Теп[лоухов] с Андр[еем] отправились вниз, на осмотр Суцзуктинских курганов, всей этой группы; я остался возиться с фотографией, приведением в порядок аппарата от быстрой езды и т.д., потом занялся набивкой двух соколов. Тем временем возвратился Кондр[атьев],* с которым мы довольно обстоятельно поговорили, хотя бы в общих чертах. Беседовали до самого вечера, когда возвратились Тепл[оухов] с Андр[еем]. Тут произошло знак[омство] двух С[ергеев] А[лександрови]чей и общая беседа о наших раск[опках].

До поздн[ей] ночи мы толковали, решили, что в ближ[айшие] дни археолог ознакомится на месте со всем материалом, подъедут прочие участники и мы устроим совещание, на котором и вырешим будущие шаги, буд[ущую] деятельность Тибетской экспедиции в тесной связи с наличием всех петрогр[адских] участников. Эти посл[едние] уедут после экскурсий общего характера и увезут с собою наши планы на предстоящий год.

На этом и покончили. А среди дел мы то и дело обобщаемся** в области раскопок с Теплоуховым.

25/IX, 2. Я всегда рад пребыванию на Суцзукутэ, теперь также. Вчера еще я тихо любовался раскраской леса, далями синими и вздрагивал невольно при порывистом шуме леса, его верха. Что-то прекрасное, таинственное заключено во всем этом родном и обычном для меня явлении. После чая Тепл[оухов] и Кондр[атьев] ушли на осмотр курганов, до чуть-чуть недоконч[енного] Кондратьевск[ого] включительно. Я пишу дневник все утро, так как не писал со дня отъезда из Урги. Гусев заботливо передает все дела Симукову и собирается в Ургу. Андрей снимает Buteo, готовит его мне, делает вторую, заключительную часть — набивку. Вчера прицепилась

---

* Кондр[атьев] встретился с А[лексеем] Н[иколаевичем] в Цзун-модо и успел кое о чем поговорить; В[асильев] спросил про съемку Павлова и проч.

** *Так в тексте. (Прим. сост.)*

к раме и глядела в окно на нас Sitta местная. Говорят, их много стало, как и зел[еных] дятлов; объявились мыши (Mus) и проч. Добыт в летней шерсти колонок (со скелетом), а из птиц: баклан, подорлик, ястребиная сова и инт[ересный] лунь (C[ircus] пестрый), второй экземпляр; 1-й прислан Павловым из его поездки в Хангай и долину озер внутр[еннего] бассейна.

Мой Пшевик на Харе наблюдает осен[ний] пролет птиц и препар[ирует] вместе с Павл[ом] Борисовым.

Теплоухов больше и больше вникает в суть дела и меньше указывает недочетов в наших археологических работах. В целом он говорит так: общая часть удовлетворительна, в деталях имеются упущения. Тибетской экспедиции не по плечу детал[ьное] изучение археологии, ее задача разведывательного характера, вроде востока Толы с кэрэксурами и кам[енными] бабами, с одной стороны, и стоянки, как наприм[ер] на изломе Толы — с другой. Конечно, изучая Монгольский Алтай, его строение, флору, фауну, человека-номада, думая о перелетах птиц на оз. Сого-нор, нельзя не думать о посещении моего детища Хара-хото, нельзя. Я удивлен, почему Россия не снарядила специальной экспедиции в Хара-хото? А если еще вспомнить изучение ископаемых в области долины внутреннего бассейна!

Короче: изучение курганов можно считать почти законченным. Это «почти» устранит Теплоухов. Материала достаточно, и надо полагать, его придется сдать в руки Теплоухову, а самый [ценный] материал — факт[ические] достиж[ения] экспедиции — передать в родной Русский музей.

Завернул А. Н. Вас[ильев], попил чая, выслушал доклад Теплоухова и, в общем славный, милый, обаятельный поехал в Ургу, захватив нашего лучшего человека — Гусева. В[асилий] А[ндреевич] должен подготовить домик, багаж, многое наладить к моему приезду, чтобы скорее можно было устроиться на зимние квартиры. Полагаю, картина меняется. Мне можно остаться при экспедиции, зиму обрабатывать материал, а с весною укочевать на излучину Толы. Зимою партии можно жить в Суцзуктэ и работать и делать вылазки с Б[орисовым] в глубь Монголии, в ее центр, ее внутренний бассейн. И изучение природы, и изучение человека должны идти рука в руку!

Уехал Вася Г[усев], и сделалось одиноко. Посмотрим, как будут идти работы по препарированию млекопитающих и птиц.

А Теплоухов больше и больше входит в курс археологических достижений. Из этого всего, мне кажется, выйдет толк.

А[лексей] Н[иколаевич] видел моего Пшевика, довольного, со знач[ительным] успехом, но сама она не совсем довольна. Скоро ее увидим, посмотрим. Я соскучился по нему, по прекрасному человеку.

Под вечер я пошел гулять на вершину перевала в надежде увидеть и встретить моего Пшевика. На первых зигзагах я встретил в воздухе пролетавшую над моей головой, как птичка, бол[ьшую] летучую мышь. Тишина стояла абсолютная, и только у перевала я слышал характерный шум крыльев тетеревов, усевшихся за скалистой вершиной гребня. Позднее на фоне светлого неба бесшумно пролетела ушастая сова, и все. Погуляв немного по плоской дорожке, полюбовавшись всей панорамой, расстилавшейся вокруг, и, главным образом, на гребень Манхадая, я начал спускаться вниз. Чем ближе к лагерю, тем ночь темнее. Вдруг набежал порыв ветерка, тряхнул верхушками сосен, и пронесся характерный шелест. Этот шелест, этот шум леса на меня производят сильное-сильное впечатление, я вздрагиваю и в то же время замираю!

В домике вечером мы хорошо беседовали с Теплоух[овым] и относительно археологии, и относительно географии и орнитологии. Говорили о Географическом обществе, Русском музее, Академии наук, выставках и о том, между прочим, куда должна поступить археол[огическая] коллекции Тибетской экспедиции. Нам было тепло, уютно, и вдруг Вася заявляет: «Елизавета Владимировна приехала!» Тепл[оухов] сначала было даже смутился, но потом, потом все было мило, хорошо, как и прежде. При встрече Теплоуховым хорошо было сказано об «Аскании» Елизаветы Владимировны![131]

26/IX, ♀. Ясно, тихо, чудно, привлекателен воздух, открывающий дали. На горных склонах золотые ленты лиственничного леса. Зори пылают огненным золотом. Осень. Коллекция растет по части птиц; красиво оперенные пернатые украшают наше орнитологическое собрание на подвешенных досках суцзуктинского домика. Бойки стали Sitt'ы, дятлы и всякого рода синицы. Оба С[ергея] А[лександровича] ушли на место раскопок, и оба с увлечением занимаются археологическим вопросом. Я уверен, что Кондр[атьев] все сделает, чтобы извлечь от Тепл[оухова] по возможности все, что только можно.

Я смотрел птиц и собираюсь на Хару. Из новостей по mammalia: землеройка и мышь (Mus).

От 10½ до 12 часов дня я совершил поездку вниз, на курганы группы Суцзуктэ. Сначала снимал один за другим, сверху вниз, в выгодном положении на ССЗ, подгруппу западную, три-четыре раза; затем подгруппу восточную трижды: Мокрый курган, курган в леску и третий — курган с мальчиком на лошади, тот курган, который велик и напоминает наш разработанный первый в Суцзуктэ. Вася с лошадьми у меня фигурировал дважды: на западе и на востоке. Вот от удачи сегодняшних снимков зависит очень многое, интересное для будущих лекций и книги.

Хочу сняться сам на одном из курганов, на лошади.

Вблизи нашего бивака проследовала большая молодая шумная компания (с Лидочкой Кузнецовой).

Погода стоит чудная: ясная, тихая, теплая, сухая. Птички зимние, оседлые, Buteo.

Сегодня по душе говорил с Андрюшей, обещал ему поездку в гольцы с Павлом Борисовым. Андрей должен вести съемку, метеорол[огические] наблюдения и географ[ический] дневник; равно стрелять птиц, зверей; тех и других препарировать и проч.

Оба С[ергея А[лександрови]ча весь день на работах.

Убили рябчика, устроили обед. Я не могу никак дождаться возвращения Павла, чтобы вместе с ним отправиться на Хару, понаблюдать пролет птиц.

Прибыл Павел дов[ольно] поздно, тем не менее мы разобрали птичек Пшевика, числом 14, посмотрели, определили их, полюбовались на двух красношеек-соловьев и в беседе на самые разные темы, но преимущественно о Тибетской экспедиции, ее переживаниях и ее археологических достижениях, в частности, досидели до полуночи. И в этот вечер я поднимался на перевал и вдоль гребня прогулялся на значительное расстояние. Любовался гольцами и разделявшими нас ущельями с лесом и лугами, прихотливо извивавшимися; из птиц видел только косачей и красивобоких соек. Юго-запад переливался золотистым огнем. Чудная погода продолжает стоять уже в течение мног[их] дней.

Ночь тихая, ясная и довольно теплая. Ни звука кругом. Даже не слышно голоса гурана.

27/IX, ♄. Как и ночь, утро ясное, тихое, прозрачное, с далекими красивыми видами; как то: горные цепи на горизонте еще более стали контрастными, нежели прежде. Утром отлично полакомились рыбой (из Хары) и поехали все на Кондрат[ьевский] курган. Там рабочие производили вырезку (в восточной части вала) для ознакомления с профилем ямы-погребения, что узнается по грунту почвы и ес переходам от одной породы к другой. Оказывается, заложение производилось по очертанию известной площади, огражденной по углам камнями. Начало клали со всех сторон одновременно и копали вначале с уклоном, террасами; причем, вероятно, вначале бросали землю на соседний свободный участок, потом делали вторую террасу за счет земли, выбрасываемой на первую. Что касается южной стороны, с хвостом, то здесь, по-видимому, шло более глубокое заложение, по которому преимущественно сообщался центр ямы с материком. Хвост вообще следует проследить, следует познакомиться с характером его устройства. Затем я и С. А. Тепл[оухов] поехали в Гуджиртэ с целью осмотреть расположение и характеристику курганов в этой третьей группе, разделяющейся на две подгруппы — верхнюю и нижнюю. Верхняя расположена вдоль и поперек ската, нижняя — только вдоль. Общий вид курганов старый, по большей части расплывчатый, не столь больших размеров, как в первых двух, и тоже с включением средних и малых (может быть, для простолюдинов). Мы ехали среди лиственничных золоченых зарослей до их границы у южн[ой] дороги. Осмотрев курганы, мы пересекли долину, выбрались на степной, луговой склон и уселись на один из его выступов. На юго-востоке извивались дороги по закругленным луговым скатам; невдалеке от нас, внизу, блестело озеро или, точнее, болотистые зеркальца (площадки) воды на русле Гуджиртэ и, чем ниже, тем больше. Мы беседовали продолж[ительное] время о моем незабвенном Пшеве — Н. М. Пржевальском.

В таких случаях собеседника обыкновенно отсылаешь к своей книжке «Н. М. Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии». Лично мне всегда стоит многих нравственных страданий долгое и сильное воспоминание и рассуждение о моем друге, так как его тень, его дух встают передо мной, словно живые. Это всегда так. К тому же только на днях, с большими подробностями, я видел во сне моего славного учителя.

Обратно мы вновь проехали к Кондр[атьевскому] кургану и опять видели у дороги, на зап[адном] склоне перевала Гуджиртэ, каменно-земляную маленькую, вроде наруж[ной] печки, конуру! Вначале я полагал, что это ловушка для волков (см. мой труд «Отч[ет] пом[ощника] нач[альника] экспедиции. Разъезды в Нань-шане...». П. К. Козлов. 1899 года[132]).

Вечером разговоров было мало: все улеглись спать довольно рано — не разговаривалось.

28/IX, ☉. В течение нескольких последних дней барометр падает, дошел до 620.0, и если не повернет в обратную сторону — будут осадки, сопровождаемые ветром. Небо заполнено облаками. Хорошая погода стоит уже на протяжении нескол[ьких] дней! Ничего удивительно, что она изменится к худшему, и тогда, конечно, картина будет иная, и все наши перспективы улету-

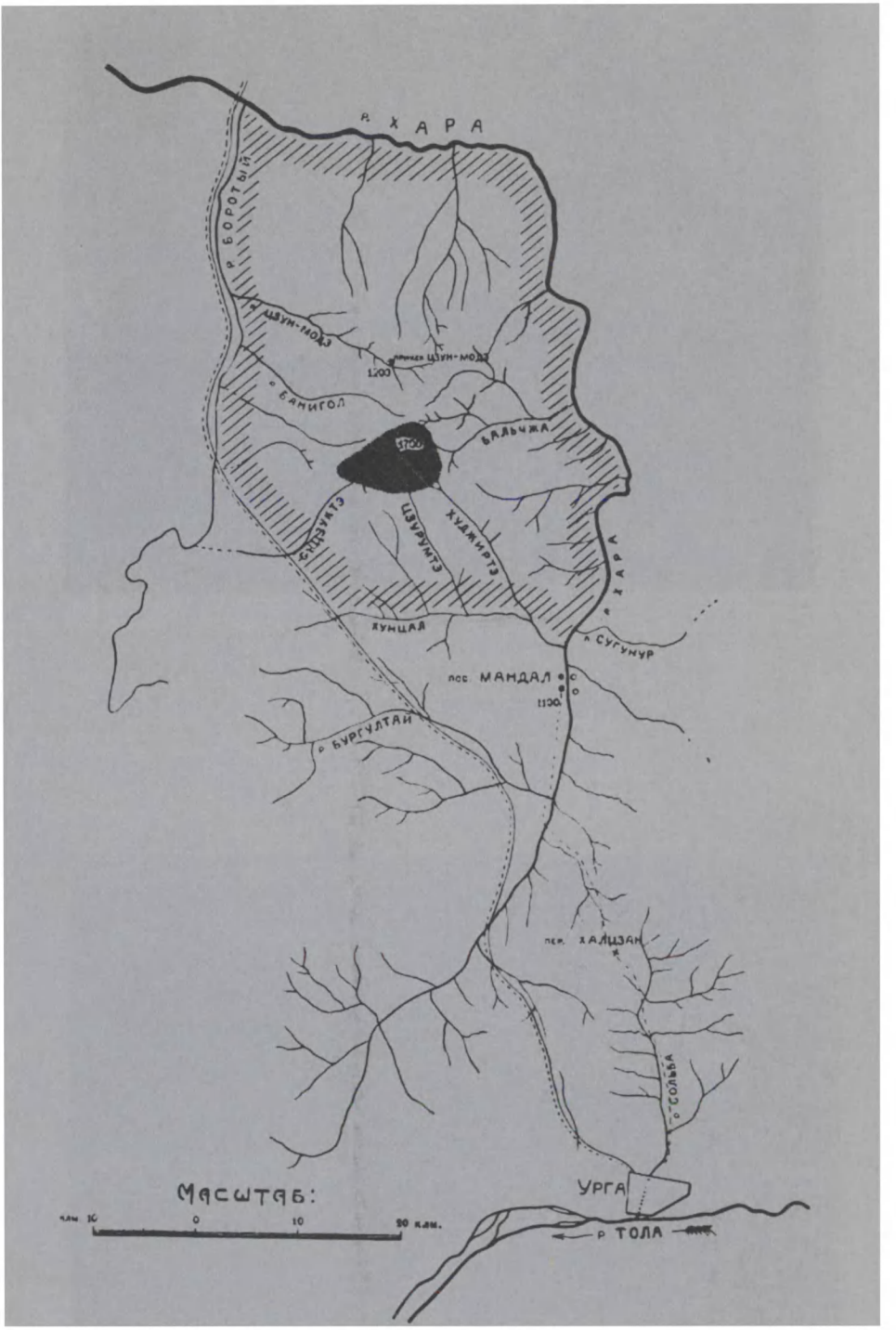
чатся. Я с С. А. Т[еплоухов]ым собираюсь в Цзун-модо. Там назначено свидание с А. Н. Васильевым и новыми приезжими участн[иками] экспедиции.

В 11-м часу утра я и Тепл[оухов] верхом отправились в Цзун-модо. По дороге мы беседовали о всяких вопросах Тибетской экспедиции, но преимущественно в области археологии. Совершенно незаметно прибыли к Кузнецову, с которым Теплоухову было интересно встретиться как с сослуживцем у Строгановых, на Урале. На монг[ольской] земле встр[етились] россияне, уральцы, и вели очень оживленный разговор.

К 2 часам дня прибыл А[лексей] Н[иколаевич] и привез целую компанию: Крыжан[овского], Полынова и Боровко; Елена [Горбунова] осталась на Цзун-модо, якобы делать профили для Полынова. За обедом, точнее за столом, в присут[ствии] А[лексея] Н[иколаевича] был поставлен на очередь вопрос: в общем выяснилось, что дала археология. Материала много, но Тибетская экспедиция вела работы не точно по методам археологии. Теплоухов все делает, чтобы получилось меньше нареканий, а чтобы их совсем устранить, необходимо ему, как специал[исту], самому раскопать курган и что для этой цели потребуется: партия в 30 человек рабочих со стальными лопатами и денег примерно около 1½ тысячи рублей. Не возражая по существу, я лишь подчеркнул, что наши сметы всегда приходилось изменять — денег выходило больше, во-вторых, время для разборки кургана также ограничено; если мы начнем разработку кургана, то ее следует и окончить! А[лексей] Н[иколаевич] заметил: «Вы, господа, сговоритесь, условьтесь, и если Петр Кузьмич согласится, а он, желая большего успеха своей экспедиции, не может не согласиться, то я наперед скажу, я буду приветствовать ваше решение и ваше начинание. Нужно действовать, пока не поздно, тем более что я собираюсь уехать в Россию». На этом покончили, и я с А[лексеем] Н[иколаевичем] и Полыновым укатили на Хару, главным образом поохотиться и отметить состояние пролета. Уток (крякв, чирков) было уже мало, тогда как гуси отдыхали и кормились на полях во множестве, тысячным скоплением. По вечерам они были на ячменных (овсяных) полях, утром, с зари, также, а позднее 9 часов летели на реку Хару. Встревоженные стаи с криком поднимались в воздух и перемещались в каком-либо направлении. Очень красиво выделялись стаи в пролетном остроугольном порядке, несшиеся на высоком расстоянии в небе! Такие стаи с прилета спускались на отдых, на простор долины, но, выстроившись в отлет, — они уносились к югу, с Хары. Много оживления вносит в долину весенний или осенний пролет пернатых.

Первый день или, точнее, вечер я потерял совершенно, так как пошел вверх, далеко на горн[ую] сопку, «за филином». Кузнецов как-то грубо отверг мое включение [в охоту] на гусей, на которых пошел сопровождать только А[лексея] Н[иколаеви]ча. До сопки оказалось 5½ версты, там водопад, и я обратно вынужден был сделать огромный крюк. Филина я не видел и ничего не видел другого, кроме нескольких уток, темного небольшого орла, коричн[евого] луня, массы сорок и немногих других. Только на горизонте виднелись стаи в линейном быстром порядке при горизонте. Усталый, я только в темноте, спотыкаясь, возвратился к машине, на бивак (часов в восемь). К этому времени возвратились А[лексей] Н[иколаевич] и Кузнецов с тремя гусями.

После чая и еды я скоро отдохнул, подсушил ноги, чулки, сапоги и скоро улегся, забылся, спрятался в мешок. Но не спалось мне; мне очень хотелось

Карта места раскопок в Ноин-Ула.

Вид на долину Суцзуктэ.

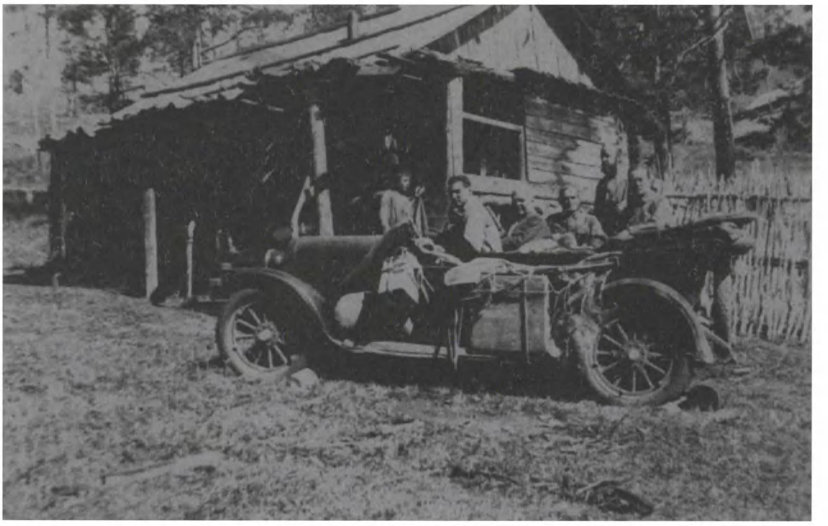
Селение Дзун-модо.

Урочище Суцзуктэ. Лагерь Монголо-Тибетской экспедиции.
1924—1925 гг.

Производство работ на кургане № 25 в урочище Суцзуктэ.

П. К. Козлов, А. Н. Васильев и С. А. Теплоухов в Суцзуктэ.

А. Д. Симуков, С. А. Кондратьев, П. К. Козлов,
Е. В. Козлова, В. А. Гусев. Суцзуктэ, сентябрь 1924 г.

Фрагмент ковра «Лось с грифоном».
Раскопки Ноин-ульских курганов.

Фрагмент ковра «Всадники».
Раскопки Ноин-ульских курганов.

Фрагмент ковра «Охотник, стреляющий в птицу».
Раскопки Ноин-ульских курганов.

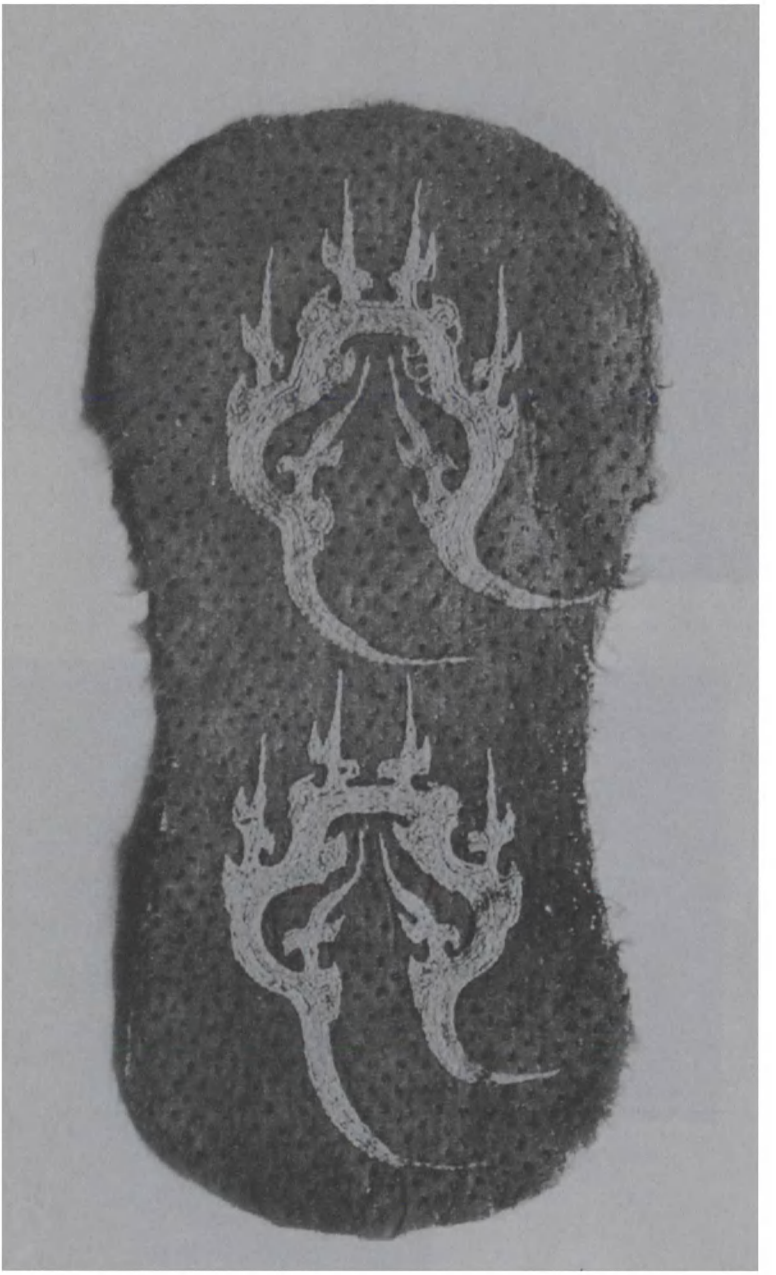
Черная лакированная чашечка с красным рисунком и иероглифами.
Раскопки Ноин-ульских курганов.

Фрагмент простеганной ткани.
Раскопки Ноин-ульских курганов.

Фрагмент ткани. Раскопки
Ноин-ульских курганов.

Вышитая стелька. Раскопки Ноин-ульских курганов.

любоваться звездным небом. Кстати, мой ближний сосед Б. Б. Полынов также расположен был говорить, тогда как А[лексей] Н[иколаевич], спрят[авшись] в мешок, тотчас уснул и захрапел. А мы долго-долго не спали: оказалось очень много общих знакомых и знакомых тем.

Я спал, просыпался, повертывался и всегда любовался звездным миром на небе.

29/IX, ☽. Чуть забрезжила на востоке заря, гоготали гуси, и мы все быстро поднялись с постелей и отправились на охоту. Пошли в 6 часов, а в ½ 7-го уже открыли канонаду. Гуси кормились по полям. Я пошел арыком, вскоре поднял стаю гусей, которая, сделав круг, повернула и налетела на меня так удачно, что я сделал хороший дуплет: оба гуся упали в арык и лежали рядом в 8 шагах друг от друга. Потом, оставив гусей, я пошел пехом по полю, среди снопов овса и пшеницы; потревоженные гуси летали в разных направлениях и попадали под выстрел мой и выстрелы моих соседей-товарищей. Во всех направлениях летали гуси, изредка показывались утки, еще реже крохали, ржанки, лунь; показалась вдруг перепелка, за которой спешно летел в линию седой лунь. Хищников, за исключением орла, небольшого, темного, почти сплошь черного, я не видел. Мои товарищи по охоте пришли к реке, я, убив еще, по счету четвертого, гуся, пошел домой. Ноша в четыре гуся была порядочная, и я должен был отдыхать по дороге несколько раз, прежде нежели благополучно добрался до дома.

Машина стояла на лев[ом] берегу, охотились на правом, нас перевозили монголы на быках, в своих скрипучих двуколках. На левом берегу, вблизи нашего лагеря, на мокром лугу паслось множество гусей и на гальке у реки в задумчивых позах стояли серые цапли, державш[ие] себя строго, так строго, что по ним даже не стреляли ни я, ни Пшевик, ни Павел и наши гусятники.

Пришли и наши гусятники. Кузнецов убил сразу трех ржанок. Мы поели, попили чаю и укатили. А[лексей] Н[иколаевич] не щадил ни машины, ни наших боков; нас толкало, подбрасывало, и мы немало страдали, пока, наконец, не выехали на торную дорогу. Во всяком случае, в 2 часа дня мы вернулись в Цзун-модо, пообедали и тотчас покатили в Суцзуктэ. По дороге у перевала встретили Елену и с ней доехали домой.

А[лексей] Н[иколаевич] в таких случаях страшно торопится домой и тут, в Суцзуктэ, стоял очень немного. Переформировались, и он с Ел[еной] и двумя ребятишками укатил в Ургу. Мы успели только сказать друг другу, что свидимся в Урге, так как А[лексей] Н[иколаевич], в конце концов, все же уезжает в Центр, где намерен немало говорить об экспедиции.

Народа у нас набралось много. Вечером имели заседание, на котором наши новые работники испросили от Тибетской экспедиции около восьми тысяч рублей на работы только на один месяц. Смета на такую сумму представлена Тепл[оуховым] и Крыжан[овским] А. Н. Васильеву. Вот мы с Васил[ьевым] и будем говорить как на эту тему, так и на тему о дальнейшей участи Тибетской экспедиции.

Спали все вповалку в нашем помещении на сене и на брезенте с войлоками.

Ночь полуясная, началось скопление облаков, но не холодно.

30/IX, ♂. Утро облачное, солнце едва пробивается сквозь облака и опять прячется. Комната полна народа и накурена целиком. Павел Борисов

уехал домой, временно. Наши все за столом, едят и пьют, чтобы затем отправиться на раскопочные работы. Я буду собираться в Ургу. Надо вдумчиво взять то или другое, надо написать о коллекциях. А[лексей] Н[иколаевич] даже начал опасаться за участь наших посылок с коллекциями. Сушкин волнуется за их непоступление и боится, не пропадают ли они дорогой. Комаров говорит то же. Его письмо очень дружественное и раскрывает все дрязги и зависть: имеется попольз[новение] присвоить открытие и проч., все, что ведется Академией против достижений Русского географического общества.

Утром приезжал для переговоров по поводу предстоящей разработки кургана А. А. Кузнецов и затем, в компании с Теплоуховым, отправился к себе в Цзун-модо для переговоров по поводу артели кит[айских] рабочих со Смирновым. Чем все это кончится, не знаю, как не знаю, что будут делать минер[алог] с почвоведом.

Сегодня я сделал (отпрепарировал) двух ржанок, Кондратьев убил из винтовки ястреб[иную] сову, пригодную для коллекции. В течение всего дня небо укрыто облаками. Я складываю археологию, и орнит[ологию], и энт[омологию]. Попытаюсь написать письмо Комарову и Бялыницкому-Бируле о наших зоологических посылках.

Весь день облачный, к ночи еще больше, а самой ночью пошел снег. С вечера мы долго беседовали, порою шутили. Ужинали чем бог послал, сообща, смешав все съедобное вместе на товарищеских началах. Боровко проявлял свои и теплоуховские негативы, которые вышли весьма удачно. Китаец Мишка привез письмо от Кузнецова: «Рабочие могут быть только через неделю».

1/X, ☿. Утро серое, облачное, мороз 2.0°C, барометр стоит хорошо — 625.5 при t 14.5°C. Снег покрыл землю до ½ дюйма толщиною — пороша, виден след, и под ногами лист не шумит. В 8 часов на небе открылись голубые полоски, а к полудню синее небо сплошным куполом одевало землю, солнце было яркое, дали уходили в бесконечность. В ожидании Теплоухова и Боровко я написал Б. С. Виноградову и препарировал ястребиную сову, которая здесь теперь стала обыкновенной птицей.

Очень удачны фотографии, снятые Теплоуховым с двух курганов группы Гуджиртэ. На этих фотографиях имеется и моя фигура верхом на белом иноходце. Снимок группы моих спутников так же удачен, как удачен и один из больших снимков Боровко с разреза кургана Кондратьевского.

Остается выбрать, поставить на очередь новый, заключительный курган из группы Суцзуктэ.

Прибыл Теплоухов из Цзун-модо на автомобиле, присланном за всеми нами. Обедаем и выезжаем в Ургу ровно в 2 часа дня, а в 7 часов вечера, едва немного стемнело, как мы в Урге. Дома все благополучно и все хорошо и обстоятельно уложено.

Я отправился к Иде Павловне, где поужинал и переночевал. Спал отлично. Ночью дул крепкий ветер с востока, кругом страшная пыль.

2/X, ♃. Серое, облачное утро с крепким вост[очным] ветром, принесшим много пыли, омрачившей воздух. С утра мы кочуем в новое помещение, в уютный домик полпредства. К сожалению, не получили грузовика, его обещают завтра, с раннего утра. Пока что мы перевезли три раза самое сущест-

венное, необходимое и, главным образом, из моего личного имущества и научные инструменты: хронометры, барометры, гигрометры, термом[етры] и другие. В общем, что-то из имущества имеется, так что можно быть и жить, тем более что постель также привезена и можно с удобством устроиться.

Сегодня получены от китайца-фотографа снимки и сданы вновь негативы для проявления и готовые — для отпечатков. Пшевик снимал удачно; у меня менее удачно. Скоро у меня будут целые серии снимков, и это необходимо, тем более что со стеклами могут произойти недоразумения. Вечером, почти в сумерках, мы ухитрились привезти еще один полный автомобиль нашего экспедиционного имущества.

Перед спаньем будем устраиваться с нашим снаряжением: хочется сделать хорошо!

Ночь холодная, с западным ветром, minimum –3.7°С. Гора Богдо-ула, гребень, укрыта снегом.

3/X, ♀. Утро полуясное, холодное, ветер дует с запада, пронизывает.

Наш охотник И. Д. Тугаринов прислал мне в экспедицию: отличные шкурки (отпрепарированные) филина, ♀ (8/IX), орла, ♀ (23/IX), орлана-долгохвоста, ♂ (12/IX), а из маммалии — лисицу, ♂, убитого 13/VIII (1924). Все это он, мой ученик, весьма удовлетворительно отпрепарировал.

Сегодня днем заходили археологи, решили человек 20 взять на работы-раскопки. Я дал Теплоухову 200 кит[айских] сер[ебряных] долларов. Нужно еще приготовить около 700—800, чтобы была одна тысяча.

Весь день ушел на перевозку имущества — склада. Перевозил некий Витте, по обязанности, но мы ему заплатили 15 кит[айских] сер[ебряных] долларов.

Настоящая почта принесла мне милое письмо и книжечку «Хара-хото»[133] с приветом от издательницы Федяевской и ее супруга. Приятные минуты знакомства и лекции по Хара-хото будят во мне самые лучшие воспоминания.

В этот же день должна состояться лекция Б. Б. Полынова на тему: «Почвы Монголии и задачи их изучения». Лекция состоялась ровно в 8 часов и продолжалась только 40 минут. После лекции мы все, с А[лексеем] Н[иколаевичем] во главе, направились в полпредство, где состоялось нечто вроде совещания. Выяснилось, что Тибетская экспедиция во что бы то ни стало должна была оплатить приезд, отъезд, прогоны, суточные и работы четырех участников, истратив на все это половину всей остававшейся к этому времени суммы.

Полпреду давали прощальный обед, на котором поднесли отличное ружье, одноствольное, с магазином в 5 патр[онов], ружье, некогда поднесенное Н[иколаем] II Богдо-хану. Теперь с футляра (дубового) и правой щеки ложа сняты лишь вензеля или гербы. Ружье при голубом хадаке.

Отъезд назначен на воскресенье, 5/X. В этот же день разъезжаются и наши две рабочие партии, Теплоуховская — в Суцзуктэ, Крыжановская — вверх по Толе, на месторождение камней.

Мне удалось познакомиться с заместителем Васильева — неким восточником,[134] глубоким человеком, который так внимательно и чутко подошел ко мне, который красиво приветствовал мои открытия и который сказал мне, что он очень желает пошире познакомиться вообще с Тибетской экспедицией и ее реальными результатами. Он довез меня до дома в полушубке А. Н. Васильева.

Ночь была очень холодная и ярко-яркозвездная, дышалось отлично, и мой восточник говорил о необыкн[овенной] яркости планет на монгол[ьском] небе и выразил мне чувства уважения и признательности за мои труды, любовь необыкновенную к Азии и интерес к Востоку и проч. Мы расстались самым лучшим образом, с интересом в предстоящем будущем.

4/X, ♄. В полночь t воздуха –6.0°С, а на заре –7.8°, при небе, сплошь подернутом тонкоперистыми облаками. Так незаметным образом надвигается холод монгольской зимы.

Надо лучшим образом использовать зиму, надо непременно глубоко подумать об этом и во что бы то ни стало доехать с Цокто до излучины и там пожить, и побродить непременно, и поохотиться, и надо в машине. Едва распрощаемся с «ликом земли» и проводим археологов, как надо будет приняться за зимние научные работы. Надо собраться, обсудить положение, выяснить средства и материальные, и духовные. Следует также по возможности все переслать из сборов по живой монгольской природе.

Теперь далее. Я был у Васильева и с ним еще раз говорил подробно о смете наших четырех специалистов. Крыжановский норовил получить с экспедиции еще плюс: его обокрали и он желал возмещения убытков от экспедиции. Решили не возмещать. И так уж очень много пришлось отдать специалистам, а именно все наше наличие: 40 ямбов серебра китайского, т.е. 2000 лан и 48 плиток гамбургского серебра по 3 ф[унта] плитка. Иными словами, около восьми пудов серебра — это за один месяц работ, после наших открытий, того, ради чего прибыла петроградская публика! Интересно, возместят ли нам в Москве все потери и убытки, нанесенные нашими невольными гостями? Пожалуй, будут выдавать за свое собственное открытие.

Наше серебро поступило в Торгпредство ценою по 1.42 кит[айских] доллара. Сегодня мы получили одну тысячу кит[айских] сер[ебряных] долларов.

Теплоухов получил от меня 1000 долларов и 150 кит[айских] сер[ебряных] дол[ларов] для Кондратьева.

Жизнь наша понемногу входит в свою колею, и мы постепенно привыкаем к нашему домику и к нашему тихому уголку. Кругом открыт горизонт перед нами: на востоке — продолжение крыла Богдо-улы, на юге — этот священный массив и на западе — его продолжение в эту сторону.

Понемногу мы привыкали к своему домику и своему новому укладу. С нами две собачки — дар нашей первой четвероногой спутницы Мурзилки. Сама она устроилась отлично в полпредстве, где ее кормят лучше нашего и балуют лаской.

Ночь облачная и довольно тихая.

5/X, ☉. Утро такое же, t воздуха –4.5°С. Над Богдо-улой синее небо, над долиной Толы дым от Урги, словно фимиам, поднимается над алтарем священного массива.

Я сегодня вышел из дома в 10 часов утра, а возвратился в 3 часа дня, проводив А. Н. Васильева в далекий путь. Все это время мною проведено в полпредстве. Я сидел с А[лексем] Н[иколаевичем] и говорил с ним. Он мне сказал: «У меня к вам просьба — возьмите или примите ружье от Павлова и передайте в полпредство; ружье и седло я возвращаю, палатку возвратил давно, через посредство Ел[ены] Петр[овны]. Если я вернусь, то, надеюсь, вы пред-

ставите в мое пользование и ружье, и седло». Итак, до свидания, А[лексей] Н[иколаевич], мы с вами расстаемся надолго! Спасибо вам сердечное за вашу дружбу и любовь к экспедиции. Много принесла она вам беспокойств и проч. Партийные говорили вам: «Вы не хотите работать с нами, вы работаете с Козловской экспедицией», и многое в этом роде. Вот вам и откровение!

Кто-то из близких провожавших заметил: «Вот идут сборы и проводы, будто человек уезжает совсем». Да, неизвестно, совсем или нет уехал А[лексей] Н[иколаеви]ч. Мы его проводили за Ургу, до высокой луговой террасы, ветер 17—18 [м/сек]. Там все восемь машин (две по дороге отстали) стали в ряд, пассажиры спешились, любитель-фотограф нас снял, и А[лексей] Н[иколаевич] стал прощаться. Тут я подумал: «Вернется ли?!» Пожалуй, вернется к зиме. И опять заживем по-прежнему, по-хорошему. Опять будем ездить далеко на охоту и в качестве научных рекогносцировок. Всегда, решительно при всяком воспоминании об А[лексее] Н[иколаеви]че, встает отрадное чувство об этом благороднейшем человеке, в полном смысле джентльмене. От лица всей Тибетской экспедиции низко кланяюсь вам, дорогой Алексей Николаевич. Вы наш друг, добрый гений и лучший из хороших разумных людей.

Сели в машины и направились в противоположные стороны, он — на север, мы — на юг. Я думаю, что маленькая частица навсегда со мною, частица или атом А[лексея] Н[иколаевиича].

Вечер я провел у Маршаллов, у них постоянным членом д-р Кребс со спутником. Много говорили о курганах, о путешествиях вообще и в частности о моих и Свена Гедина.

В 10-м часу я возвратился домой. На небе, низко спустившись к горизонту, стояла Луна.

Придя домой, я был поражен, насколько низко вновь упал барометр, хотя и дневное его показание также редкостным казалось для Урги, а именно 644.0 при t Barometer 14.6, тогда как вечером с 9 часов он показывал 638.5 при t 12.7, т.е. столько, сколько никогда не бывало. Я сказал моим двум наличным спутникам: «С полуночи начнется буря!» Так в действительности и случилось: я проснулся от стука ставен и дверей, освободившихся от крючков, в ½ 1-го часа ночи. Мы все встали, Гусев обошел домик, укрепил все, что следовало, и мы, поговорив, улеглись спать. Мне долго-долго не удавалось уснуть. Вой ветра, вьюга уносили мою мысль в далекий край Куку-нора, Цайдама, Тибета. Не помню, когда я уснул и уснул крепко, так как не слышал, как вновь вставал Гусев, чтобы закрыть ставень и окно и подобрать шелестевшие газеты, разбросанные ворвавшимся в окно ветром.

6/X, ☽. По обыкновению, мы на ногах с 7 часов утра. Буря с СЗ воет, крутит, метет мелким, как пыль, снегом; холодно очень при –7 или даже –5.5°С; горизонт скрыт, все кругом серо и бледно, за 15 саж[еней] вдаль ничего не видно. Наши спутники-профессора, вероятно, сидят дома: минер[алог] и почвовед должны были уехать еще вчера, но не уехали и не уедут теперь из-за бури. Теплоух[овская] компания собиралась заехать за Котиком в 7 часов утра, но ее нет и в 9 часов, когда я пишу эти строки. Надо полагать, что буря продлится сутки или около этого. Земная поверхность все более и более покрывается снегом, местами образуются снежные скопления, сугробики. Незавидное положение застигнутых в дороге бурей: ни лю-

дей, ни крылатых странников, еще запоздавших с отлетом. Где-то теперь мои пустынники Павлов и Канаев? Небось негодуют на азиатские невзгоды?

Так всегда — лучший день бывает кануном бури, да еще какой!

К 1 часу дня буря немного стала легче, горизонт прояснился и дали открылись. Богдо-ула обильно посыпана снегом, и лента лесной растительности выглядит темной, угрюмой.

Мои археологи, невзирая на непогоду, собираются скоро выехать; минералог — завтра.

Получил телеграмму из Москвы: «Ссылаясь ныне [на] интервью перед вашим отъездом, будем очень благодарны за описание Ваших недавних археологических открытий для американской прессы; адресуйте Москва, гостиница Савой. Корреспонденты Ассошиейтед-Пресс Америки Майлов, Милле». Да, действительно, я вспоминаю день, в который ко мне собрались в КУБУ[135] в Москве американцы-корреспонденты, я устроил чай и за чаем, держа карту в руках, поделился с ними программой предстоявшей Тибетской экспедиции.

Придется любознательным американцам что-либо написать; я вспомнил хорошо всю американскую компанию с дамами, говорившими по-русски. Все они тогда много писали и выражали желание по окончании путешествия встретиться и говорить.

Сегодня весь день холодный, ветреный, и удалось наблюдать у самого моего южного окна горихвостку, белокрылку и конька или Anthus'a, запоздавших на пролете.

Конечно, еще будут дни приветливые, теплые, ясные, с синим небом и красивыми далями, будут, но как закон температура воздуха постепенно будет понижаться, день укорачиваться, солнце идти к югу, меньше поднимаясь ввысь. К вечеру солнышко сегодня улыбнулось, и если к ночи разъяснит, то непременно ударит очень значительный мороз — это тоже закон.

Наша археол[огическая] группа выехала около 3 часов дня. Интересно, с каким содержанием будет разрыт курган, выбранный С. А. Тепл[оуховым], и какой профиль мы получим в конце концов?

Конечно, все это очень пополнит данные в связи с изучением курганов.

Под вечер заехал ко мне первым (не считая, конечно, всех моих участников и Меркулова с деньгами) Жамцарано, и я очень рад был свидеться и поговорить с ним. Будем устраивать выставку в новом помещении в тибетском стиле, войдем в него первыми.

К 9 часам стихло совершенно и звезды горели особенно ярко вместе с Луной; t прозрачного воздуха была (в 9 часов вечера) –9.2°С.

7/X, ♂. Ясно, тихо, по горам снег, t –11.7°С, холодно, как зимой, снег заровнял все ручьи и канавы. Колеса сильно обмерзают, ехать очень трудно. Все эти сведения о дорожном пути сообщил Павел и Лафа Иванович, почти одновременно объявившиеся у нас. Павел привез медвежонка прошлогоднего, убитого в Нижн[ем] Мандале. Зверь забежал в селение, гонимый монголами и бурятами со стороны Цзурумтэ, и вызвал суматоху. Старик Вильский примкнул к охотникам, и общей компанией погнались за медвежонком. Собаки монгольские также усердно гнали, но брать зверя, большего себя ростом, не решались. Загнанный мишка, ♀, плохо бежал и дал охотникам возможность подстрелить себя. Шуму и разговоров было

очень много. Медвежонок худ телом, но высокий, с хорошей черной шерстью. Убит 2/X и лежал в холоде. Вильский счел долгом прислать его мне.

Лафа Иванович привез мне письмо от Пшевочки, к сожалению очень поздно: вчера ушел автомобиль в Суцзуктэ, а Л[афа] И[ванович] приехал сюда еще третьего дня и носил его в кармане, не найдя нас. Все не находят нас: мы живем в стороне, на огородах и у самого «тенниса».[136]

Погода прекрасная, дали открыты, но снег по горам еще лежит. Завтра жду мою Пшевочку домой: у нас прекрасно и зимовать отлично при мысли, что всегда можно съездить в Суцзуктэ или в Сугу-нур, или даже в Убулун, к милым Тугариновым. Непременно сюда, в верховье Толы, надо съездить, посмотреть и пострелять.

Сегодня купил у китайца рамочку и, разместив пять снимочков моих, повесил.

Становится с каждым днем уютнее и уютнее. Я доволен и думаю, мой Пшевик тоже будет доволен. Во дворе хороший простор, можно гулять.

Почему я не написал, чтобы мне возвратили моего С. А. Глаголева? Надо попытать счастья.

Под вечер заезжал ко мне А. А. Дудукалов с Орловым. Дуду едет в Алтан-булак и вернется в понедельник, 13/X, очень желает свидеться с Елизаветой Владимировной и мной до его отъезда в Китай.

Вечер я провел очень приятно у И. П. Бадмажаповой вместе с ее братом, И[ваном] П[авлови]чем, подб[ивавшим] меня на облаву на коз в Баин-булаке, у Ежо. Надо попробовать счастья!

Ночь дивная: тихая, ясная, что наз[ывается], очаровательная. От Луны светло, словно днем. Вдали неистовый лай собак, тогда как в нашем районе собак вообще меньше. Они лениво лежат и лают зря, не вставая; не обращайте на них никакого внимания, а тем более не дразните их!

8/X, ☿. Ясно, тихо. Над долиной Толы, по обыкновению, дым, медленно ползущий и расстилающийся по сторонам. Из некоторых храмов несутся звуки буддийской музыки, то громко, то с нежной мелодией, едва слышно. На улицах замечаются нарядные американки с быстрыми лошадьми и пестро-нарядно одетые, в цветном, молодые черноокие монголки-княжны.

Я съездил к фотографу напрасно: «маргаш» — это классическое «завтра» одинаково, вероятно, на всем свете. Хотя, откровенно говоря, китаец так надул меня впервые, обычно он всегда аккуратен. От китайца я отправился в полпредство, к Юдину и проч. Подал там бумажку на новое право охоты, взял стол для Елизаветы Владимировны, по дороге подхватил у нашего старого лагеря Мурзилку и возвратился домой.

Потом, около часа дня, прогулялся на обед в так называемую русскую столовую. Вскоре объявился шофер, вернувшийся из Суцзуктэ, в сопровождении стариков Вильских. У нас, в Ноин-ула, может быть, от господ погребенных, выпал снег в ½ аршина, и подняться к лагерю не удалось, несмотря на помощь в 20 человеч[еских] (китайцев) сил. Мой Пшевик решил подождать меня, а наспех не стал укладываться и возиться с птицами. Кондратьев с Андреем отсутствовали на охоте за медведями и изюбрями. Последние ревут, нарушают утреннюю и вечернюю тишину. А из птиц очень интересны стали оседлые: тетерева токуют, синицы пищат, дятлы стучат, вообще говоря, в лесу при красивой солнечной погоде превосходно, и из

моих спутников никто в город не хочет, в особенности в благодатный охотничий сезон. Мои-то отличились — стреляли по изюбрям впустую. А там вскоре проложили след медведи, на смех и отчаяние охотникам.

Вильские очень просили меня взять их Ваню, пристроить к какой-либо партии «белковать» и проч. Сегодня же объявился и И. Д. Тугаринов из Убулуна — верховья Толы. Тугариновы (все трое и Маруся) просят приезжать к ним на охоту, они постоянно вспоминают и говорят о нас: «Приезжайте, мы хорошо устроим вас, а сами найдем себе место». Я дал И[вану] Дм[итриевичу] 15 китайских долларов аванс вперед. Этот человек, эти люди отслужат.

Под вечер секретарь Жамцарано доставил мне из дворца хана труп попки-неразлучника с просьбою отпрепарировать для Ученого комитета Монголии. Птичка была доставлена в отличной изящной клетке. Надо снять шкурку. У нас во дворе оживление: все три собаки с ожесточением гоняют сорок с мяса медвежонка. Даже санитары-птицы и те отказываются его есть.

Ночь великолепная: ясная-ясная, холодная-холодная. Зима незаметно надвигается.

9/X, 2. Ясно, тихо, морозно; иней посеребрил землю.

Ко мне уже явился Лафа Иванович за деньгами и с готовностью увезти мое письмо к моему Пшевику. Надо непременно написать, оживить, поднять присущую ей энергию и т.д.

Выезжал в город к фотографу, в Госторг и посетил лавку знакомого китайца. В Госторге я был удивлен, что Андрей Симуков мне сказал неправильно, а именно в счет 10 последних сданных гамбург[ских] плиток (59) он взял не 200 кит[айских] сер[ебряных] дол[ларов], как мне говорил, а 250 (50 при самой сдаче денег-плиток, остал[ьныс] — позднее). Надо Андрею за это внушить хорошо! Непременно какую-либо каверзу тот или другой человек, тот или иной спутник учинит!

День теплый, прекрасный, и если так продолжится, то я с Юдиным попаду в Суцзуктэ. Вероятно, там идет работа, что называется, вовсю.

Следуст признать, что нынче осень в С[еверной] Монголии превосходная: сухая, ясная и довольно теплая, в особенности днем. Это не то, что было в минувшем году. Кстати, попробую сравнить ту и настоящую хотя бы тем, что возьму последних три дня, показания барометра и температуру. Да — температура воздуха выше, ночью ниже, показания барометра близки и т.д.

Вечером вдруг объявилась наша Вася в объятиях с кузовом сметаны — принесла в подарок. Приятно было видеть и поговорить с этой милой разумной девушкой. Первое, на что она обратила внимание, это на барометры и гигрометры, висевшие на стене, а потом на карточки перед моим письменным столом. Ведь с карточками соединено столько воспоминаний и у нас, и у юной, чуткой души девочки; ведь жизнь с нами должна была произвести много новых мыслей и проч. И, конечно, произвела. Чувствуется, что она с нами видела и лучшее обращение, и лучшую пищу, и иной уклад мыслей; с нами и при нас она немножечко воспиталась и не стала такой, какой была вначале; у нее появились иные манеры, иные выражения, и всякая ошибка строго ею отмечалась. После нас опять прежняя среда, конечно, дала ей понять. Все трудности встали, как и прежде. И вот она опять случайно у нас, почувствовала прежнюю внимательность и ласку, прежние слова, выражения; девочка радостно взяла в руки мою ложку, чашку и с особенным чувством, вздохнув глу-

боко, подала мне чай, говоря: «Все прежнее, как приятно видеть!» «Завтра я приду к вам с утра, — говорит она, — пробуду долго с вами и у вас посижу, посмотрю на ваш уголок, на вас, и потом, потом уеду в Мандал».

Милая девочка, юная натура, всю тебя я вижу и всю тебя чувствую. Ты так чисто думаешь и говоришь! До свидания! Всегда будем рады видеть тебя, жизнерадостную. Как весело, беззаботно, в цветах лета носилась ты с сачком в руках, ловко ловя насекомых; редко какая муха или бабочка смогла уйти от тебя! Не забудем тебя никогда.

10/X, ♀. Как и ночь, утро с легкой облачностью, t –1.5°С. Едва выплыло над горизонтом солнце, как стало тепло, от снега вокруг осталось лишь воспоминание. Массив Богдо-ула не играет осенним расцветом — темен и холоден, дик и угрюм, молчалив, сонлив. Что интересного принесет нам сегодняшний день? Улыбку, радость или обратное? Надо всегда и ко всему быть готовым.

Получено с почты только одно письмо из Москвы (Н.Такке) и из Троицкосавска от Михно. Такке усердствует относительно марок,[137] Михно мило благодарит за доклады.

Мой Гусев день-деньской работал, ожидал в ямынах бумаг, добывал плиту к печке и проч.

Я навестил Лидочку Кузнецову, больную, а потом и общего нашего врача — милого П. Н. Шастина, которому [поднес] подарок — отличные золотые часы «П[авел] Буре»[138] на память. П[авел] Н[иколаевич] сконфузился и не хотел никак принимать подарка, говоря, что он ничего не сделал для Тибетской экспедиции. Это скромность П[авла] Н[иколаевича]. Он сделал много не только по отношению к нам, членам Тибетской экспедиции, но и по отношению к нашим друзьям и знакомым, как соотечественникам, так и монголам. Много затем мы беседовали с Пав[лом] Ник[олаевичем], и он по моей просьбе обещал навестить нашу милую больную Лидочку К[узнецову].

В беседе с П[авлом] Н[иколаеви]чем о разных вопросах он заинтересовал меня, между прочим, тем, что он видел в дворцах покойного богдо-хана или богдо-гэгэна, в особен[ности] в Зимнем дворце. «Там наверху, — говорит П[авел] Н[иколаевич], — убранство чисто царское, есть уголки музейного характера, с оружием, табакерками, всякого рода карточками, картинами, коврами и проч., проч. В одной нише сидит статуя в позе учительства — предшественник перерожденца, и там я видел молящихся». Многое из имущества покойного продается, частью на месте, частью в городских лавках. «Вам, Петр Кузьмич, необходимо побывать там и посмотреть; Вы, вероятно, найдете для себя много любопытного и занимательного».

От Шастиных я зашел к Бадмажапову, который только что возвратился из гобийской поездки, где много интересного наблюдал и в области нашей. Например, куланы им замечались на Чацеринг-худук и у южн[ого] подн[ожия] Монгольского Алтая, в особенности против массива Ихэ-богдо куланы очень обыкновенны. У Арца-богдо и горы Халцзан он видел по-прежнему много лавы, то коричневой, то черной, очень ноздреватой; тут же у Арца-богдо он поранил ногу — на него упал знач[ительных] размеров отторженец и прямо в ноги. Из птиц мой прежний спутник видел много дроф на всем своем пути. Также в беседах с монголами слышал, что в Ихэ-богдо живут удавы знач[ительной] величины, с лошадиный аркан, и опять повторились удиви-

тельные рассказы о хун-чулу — маленьком пустынном человечке и малом червяке, только попадающемся крайне редко. Вообще надо заметить, что беседы с Бадмажаповым, в особенности после его возвращений из поездок по Монголии, всегда бывают крайне любопытны и поучительны, и я люблю его видеть загорелым, полного запасом рассказов о виденном и слышанном.

К себе домой я возвратился ко времени метеорол[огических] наблюд[ений] и завода хронометров. По дороге я видел стаю монгольских собак, «свадьбу», от которой должен был немного укрываться в теневых сторонах заборов, чтобы не обратить на себя их внимание. Луна светила дов[ольно] ярко, несмотря на перистые облака.

Сегодня объявлено о прямом почтовом сообщении: Урга—Троицкосавск, ♄, ☿ и Троиц[косавск]—Урга, ☉ и ♃.

11/X, ♄. Небо с тонкоперистыми облаками. Павел не ночевал с нами, а задержался у родных, в Курене. Сегодня с утра он укатил к себе в милый Сугу-нур. Я дал ему наказ полностью, его бумаги я передам Вильским. Его партия в гольцы будет состоять из него самого, Андрея Симукова и Вани Вильского. С тем мы и распрощались! Гусев хлопочет по делам: отнес письмо к Лидочке, получил расчетные деньги от Госторга за десять плиток гамб[ургского] серебра — 222.70 к[итайских] с[еребряных] д[олларов], в дополнение к полученным Андр[еем] Симуковым (13/IX — 50 и 18/IX — 200) 250 к[итайским] с[еребряным] долл[арам]. Теперь он отправился в ямынь за бумагами, а затем отправится в полпредство с целью привезти седло, деньги и справку, когда завтра, в ☉, мы (я и Юд[ин]) едем в Суцзуктэ. Я начну понемногу собираться в дорогу и ждать приезда домой Павлова и Канаева.

Они прибыли в 5-м часу в полном здравии и благополучии, с успехом, но — многозначительное <u>но!</u> — без маршрута, который остался висеть в воздухе: Павлов не вел съемки, и отсчеты анероида некуда привязать! Необходимо сделать при помощи Лисовского хотя бы схематическую карточку, иначе я не знаю, как можно будет положить маршрут на карту. Надо что-либо делать — надо спасать положение вещей, как говорят! Принял анероид, часы с разбитым стеклом, термометр от психрометра; видел несколько птиц, лисицу и несколько грызунов (в спирту). Что за птицы вообще, узнаем позднее, когда их разложат по порядку. Также не знаю, что сделано в области энтомологии и гипсотермомии. Близкое будущее покажет.

После долгих часов наконец получил бумаги на трех участников: Тугаринова (Убулун), Борисова (Сугу-нур) и Симукова (Суцзуктэ) на зимний сезон в окрестности Урги. Только к вечеру удалось освободиться и быть дома.

Тем временем прибыл Маршалл с письмом, очень любезным, от Эндрюса, который выслал мне серию портретов, общих с ним снимков.

Как жаль, что Меркулов не привез ни денег, ни седла; то и другое очень нужно. «Маргаш», — говорят все. Однако завтра поедем в Суцзуктэ. Там сосредоточен самый высокий интерес. Последние дни погода вполне благоприятствует, и я думаю, что Теплоухов что-то уже сделал в отношении подготовительной работы. Пока я буду в поездке в Суцзуктэ, Павлов и Канаев приведут себя и сборы в полный порядок.

Несмотря на позднее время, я с Н[иколаем] В[асильевичем] все же просмотрел три пачки растений, в целом несущие настоящий характер пустын-

ных форм; те же однообразно изжелто-серые тона, которые так быстро наскучивают глазу.

Вечер и ночь очень приятные: тихие и почти ясные.

12/X, ☉. Утро полуясное, с пыльной дымкой на юго-востоке. Minimum t ночью –4.2°С. Я готов в дорогу и жду заезда машины.

В 10 часов мы едем, наш состав автомобиля: Юдин, двое военных и я. Машина быстрая, но с дефектами — без огней (света) и без тормозов. Тем не менее следуем очень быстро, быстрей, нежели обыкновенно, и в 3 часа времени достигаем селения Нижний Мандал, осилив по дороге высокий перевал Халцзан-дабан. Боковой ветер сильно донимал нас.

У Вильских мы великолепно пообедали, получили в дар пару гусей и направились дальше до Суцзуктэ. Нам везло; по дороге я показал спутникам курганы, и против нового обширного заложения, № 24, остановились и сразу осмотрели работы. Нас встретили у кургана наши археологи, и Теплоухов дал толковые объяснения. Рабочих 47 человек, площадь кургана...,* снимают верхний, мощностью в 1 сажень, пласт, состоящий из гумуса, гальки разных сортов; пока что добыты кости животного.

Теплоухов показывал снимки, очень удачные. Все оживлены, разговоров и ожиданий много. Надеемся, через неделю будет лучше, интереснее, глубже. Пока вынуто около 50 кубов земли, среди нее много больших и малых камней. Виды по сторонам очаровательные.

Ознакомившись с общим характером работ, мы пошли к машине, а эта последняя подняла нас вверх, до места самого лагеря, где мы были радушно встречены своими — Елизаветой Владимировной, Кондрат[ьевым], Васей и другими. Забыл отметить, что у кургана первым далеко вышел навстречу наш Андрюша, все время присутствующий при новых дополнительных археологических раскопках.

Наши спутники-военные поехали в Цзун-модо и далее на Хару, Юдин и я занялись осмотром лагеря и ближайших окрестностей. Вечер частью проведен мною с нашими, частью с археологами и Юдиным. У нас теперь хорошо оборудована, по-походному, и соседняя половина помещения, в которой и устроились археологи. Только вот старший из них, С[ергей] А[лександрович], простудился во время поездки в снежную бурю и теперь перемогается, а работы оставлять нельзя, народа много, спускаются вниз успешно, необходимо следить, что делается, какие очертания могилы были при ее первоначальном сооружении, надо проследить швы и проч., необходимы периодические фотографии и проч. Теперь становится очевидным наличие второго археолога, который (специал[ист] худож[ественного] отдела) и заменяет всецело С. А. Теплоухова. Снимки наших археологов просто прелесть, великолепные. И в общем, очень хорошо, что Ольденбург придумал всю эту историю.

13/X, ☽. Встаем в 7 часов утра, погода холодная, серая, по отдаленным горам, их северным склонам, лежит снег. После чая мы большой компанией идем на раскопки старой знакомой тропинкой, проложенной к кургану № 25, давшему много бронзы и керамики. На кургане повторилось более детальное

---

* *Далее оставлено место для цифрового значения площади кургана. (Прим. сост.)*

изучение обнаженных слоев и границ, указывающих пределы погребения. Уже после вчерашнего осмотра наблюдается разница — увеличение площади удаленной земли. Работа спорится, археологи на месте; от одних рабочих к другим ходит надсмотрщик Смирнов и в роли десятника подбодряет одного, понуждает другого и т.д. Все идет как следует, своим чередом. В полдень возвращаемся на стан обедать. Среди дел археол[огических] я наблюдаю, даю указания и по отношению к работам, имеющим отношение к изучению живой природы, ее животной жизни, просматриваю и укладываю коллекции. Надо ехать в Ургу, там думают об отъезде наши минералог и почвовед. Их надо, на память, угостить китайским обедом, поговорить с ними и т.д.

В компании с нами Кузнецов, которому я объявил приятное: «Возьму твоего Николая на стипендию Тибетской экспедиции в Ургу, в школу I—II ступени».[139] Тот благодарит и т.д.

Обедаем, собираемся, укладываемся. Следует отметить, что с нами еще прибыла из Мандал гостья — Вася Вильская. Таким образом, обратно автомобиль должен был принять целых 8 пассажиров со многим багажом, ружьями и проч.

Около 5 часов дня мы выезжаем, машина идет с трудом, в особенности на перевал Цзурумтэ, в его самом крутом месте, с камнями. Тут мы возимся свыше ½ часа времени и наконец выбираемся и взбираемся на вершину перевала. Обнаруживаем поломку оси и рессоры (задней); тем не менее движемся вниз по знак[омой] все улучшающейся дороге и ночными сумерками, не без труда прибываем в Мандал, где у Вильских находим и стол, и ночной покой.

14/X, ♂. Хорошо питаемся, тепло спим, а наутро (холодное, мрачное, с нависшими тучами и северо-западным сил[ьным] ветром) возимся с починкой машины, подстраиваем на ось подушку из дерева, чтобы облегчить раб[оту] рессоры. Наконец едем. В В[ерхнем] Мандале останавливаемся. В[италий] И[ванович] ведет беседу об устройстве школы, нанимает помещение на ½ дня уроч[ных] часов занятий учительницы со школьниками, ведет разговоры о снабжении школы материальными средствами, учебными пособиями. Я рад, я вдохнул эту мысль ему, представителю [России]. Школа оживет, дети отвлекутся и хоть полдня будут при учительнице набираться ума-разума. В следующую субботу обещаем вновь прибыть в Мандал по дороге в Суцзуктэ. Пьем наскоро чай, военные говорят о подряде на сено, о его доставке из долины Хара в Ургу. Я лично веду разговор с Евг[ением] Яковл[евной] и ее старушкой-матерью, и отправляемся в путь. Все это относится к 14/X, ♂, или 1 октября по ст[арому] ст[илю] — Покрову! «Покров, накрой (снегом и т.д.)».

Путь дальнейший спорится; нас подгоняет сильный холодный ветер с СВ и вид на временный белый снег, покрывший землю, горные северные склоны. Мы успешно поднялись и столь же успешно спустились и продолжаем двигаться вниз по Сельбе, к дому. Вид на Богдо-улу нас поразил обилием снега, который ярко блестел. Наконец и дом, где все обстоит благополучно.

На минуту заходят военные полюбоваться на птичек и спешат к месту службы.

На столе у себя я нахожу телеграмму за подписью востоковеда С. Ф. Ольденбурга. «Ленингр[ад]. 12/X. Академия, Географическое обще-

ство признают желательным Ваш приезд. Одновременно делаем сношение [с] полпредством [о] содействии. Ждем Вас [в] ноябре. Ольденбург».

Так я и думал, так и ожидал! Если хорошо устроишься, то непременно тебя ждет выезд. Все же надо подумать, да еще как, над вопросом — ехать или не ехать!

Сегодня китайский обед дается от Тибетской экспедиции приезжей компании из двух: Крыж[ановского] и Пол[ынова]. Нас семь человек, все мужчины, без дам: минер[алог], почвовед, Павлов, Гусев, Канаич и я с С. Б. Бадмажаповым. Обед с 5 часов длился целых три часа и вышел, в общем, очень хороший, культурный, без фрикаделек, но с белым вкусным (теплым) вином и майхало.* Закуски весьма содержательны, с числом блюд 24, и обед самый еще раза в два с большим количеством. В результате чудный, лучший чай, который весьма кстати после обильных яств. Пилось и елось сластей, с антрактом, очень много. Чай превкусный, он очень кстати для пищеварения и бодрости. Поздним звездным холодным вечером вернулись домой, долго беседуя на тему о китайцах, об их культуре и об их утонченном кулинарном искусстве.

Наш Павлов был дома и старался изощриться в учтивости и любезности.

В 10 часов мы уже отошли ко сну, и я спал очень хорошо до утренней зари.

15/X, ☿. Ночь и утро с облаками и с ясными промежутками. Температура воздуха –12.7°С. После чаепития — писание дневника, сортировка коллекций и проч. В полдень к нам заезжает А. А. Дудукалов, с которым сначала беседуем, а затем едем совместно обедать в русскую столовую. А[ндрей] А[лександрович] стремится к семье, к жене, а с женой и к детям — в Америку.

Во время обеда к нам сначала подошел Крыжановский, а немного позднее и Полынов; мы пили чай, говорили кое о чем. Наши петроградцы думают об отъезде и закупаются всякими заграничными предметами. Около 3 часов мы разошлись, каждый в свою сторону. Остальная часть дня ушла на ту же сортировку и упаковку птиц и млекопитающих. Но вечер прошел неподобающим образом, а именно: я должен был присутствовать на лекции, очень интересной, Крыжановского, который должен был читать в Нардоме о своей поездке в Горихо на Сулейман[овский] прииск, затем о применении минералов в жизни: в технике, в искусстве и т.д. Как жаль, что лекция не сост[оялась] в указанном месте и в указанное время, а была прочтена в 10-м часу в школе I и II ступени; окончилась она в полночь, когда я, по обыкновению, хорошо сплю. Ночь абсолютно тихая, светлая и очень холодная для осени, –16.0°С. Так изо дня в день, постепенно надвигается зима.

16/X, ♃. Утро ясное, тихое, холодное. Наша священная красавица Богдоула выглядит совершенно по-зимнему. Она молчалива, задумчива, угрюмо-темная, окаймленная чистым мощным покровом снега. Смотришь на нее долго-долго и проникаешься созерцанием. Опять прежнее занятие с птичками и млекопитающими; опять упаковка, укупорка птиц и грызунов.

Около полудня меня навестил Жамцарано, очень приятно было поговорить с хорошим человеком о птицах, об археологии и проч. Ж[амцарано]

---

* *По-видимому, искаженное от «махан» (монг.) — мясо, мясное. (Прим. сост.)*

принес показать и определить птиц, доставленных из Центральной Монголии (работы нашего бывшего Пахомова — спутника Казакевича). Ц. Ж[амцарано] очень просил взять его на раскопки в следующую нашу поездку с Вит[алием] Иван[овичем] Юдиным. Он желает посмотреть открытую могилу и удостовериться воочию в присутствии погребальной камеры и гробницы в связи с покойником и его атрибутами. В заключение я подарил Ж[амцарано] два фотогр[афических] снимочка. Затем я поехал в полпредство, виделся с Юдиным, говорил с ним, передал ружье Б. И. Меркулову (винчестер А. Н. Васильева) и просил его доставить нам седло.

По дороге встретил Б. Б. Полынова, все еще прихрамывающего. Он был у меня с визитом (прощальным), они едут, кажется, завтра. Потом я побывал у китайца и получил от него массу карточек и счет на 38 долларов, 90 янч[ений], и оставил ему еще 10, кажется, моих негативов для последних отпечатков. Этим я полагаю и закончить пока снимки (в будущем необходимые для книги). Мечтаю о поездке в Россию, но не знаю — удастся ли?!

Под вечер возился с Б[орисом] Б[орисовичем], отвозил его к Шастину и домой к нему, где Полынов хотел быть искренним, рассказав, каким образом он попал в командировку, как он свиделся с Ю. М. Шокальским и тот сказал ему, как своему сочлену: «Ужель борьба с Академией из-за экспедиции Козлова все еще продолжается и назначают в экспедицию Козлова лиц, вновь не спросив согласия ни председателя РГО, ни самого начальника Тибетской экспедиции; все это как-то нелепо, странно! Успех нашего Козлова уже второй раз в области археологии заставил встрепенуться членов Академии наук, разбудил их и вызвал непременное внедрение в экспедицию не только людей, могущих иметь прямое отношение к экспедиции — археологов, но и минералога и почвоведа, получивших свои специальные задания. Таким образом, выходит, что эти люди, специалисты, чувствуют себя весьма неловко, в особенности „камни и почва". Вторая, или, точнее, первая, основная группа — группа археологов делает свое дело и помогает экспедиции, хотя, конечно, она ложится бременем на средства экспедиции. „Камни и почва" обогатились за счет Тибетской экспедиции материалом для музея и, довольные, уезжают в Россию. Их поездкой сюда не могут быть недовольны, наоборот, их поездка может послужить к дальнейшей большой командировке в Монголию вообще, так как и сам Ученый комитет Монголии, [и] стоящий во главе его Ц. Ж. Жамцарано идут охотно навстречу „камням и почвам" не только разрешением, но и принятием на свой счет значительной части материальных расходов — что и требовалось доказать. И Академия наук, и командированные должны быть довольны».

И с Полыновым, и с Крыжановским мы распрощались. Последнему за его негативы я поднес статуэтку Амитаюс. Милый Шастин засзжал к нам с визитом и для того, чтобы посмотреть птиц (пока еще не завернутых в бумагу и не спрятанных в ящики для отправления в Россию).

Ночь ясная, тихая, холодная. Зима исподволь надвигается.

17/X, ♀. Ясное, тихое утро, мороз 12.0°С. Сегодня посылаю письмо Груму (Г[ригорию] Е[фимовичу] [Грумм-Гржимайло]) со специальной целью дать старику возможность полюбоваться монгольскими оригинальными марками и телеграфирую Такке о переводе 300 руб[лей] золотом на приобретение и отсылку монгольских марок.

Сижу дома, никуда не выхожу. Упаковываю птиц и грызунов, преимущественно из сборов Павлова по его поездке внутрь Монголии, Хангай и прилежащую на юге озерную долину.

Получили почту — письма и газеты «Известия» от 24 сентября за № 213. В этой огромной газете, на 3-й стр., на виду, помещена моя вторая статья: «Путешественник П. К. Козлов о своих работах в Монголии». Предупредительно Даниленко прислала нам вырезки моей статьи по экземпляру на каждого. Это все очень мило! Я читал газеты, письма (с донесением об Аскании-Нова), а также хорошее письмо Коки Барсова с переводной на рус[ский] язык статьей анг[лийского] генерала Перейра, сделавшего путешествие в 1921 году от Пекина до Лхасы, а затем от столицы Тибета в Калькутту, где в госпитале окончил дни свои. Статья эта — доклад брата покойного в Анг[лийском] геогр[афическом] общ[естве] на основании материалов путешественника. В районе Чжэрку, Чамдо, Бар-чу Перейра шел маршрутами его предшественников; среди имен англичан, американца стоит и мое имя. Маршрут Перейры очень интересен, к сожалению, путешественник по характеру своего снаряжения и подготовки, вероятно, мог только отмечать попутно свои наблюдения, как турист. Научных же данных его путешествие не принесло, да и не могло принести. Он говорит лишь о характере местности, о горах и размытых ущельях и благодаря анероиду отмечает высоты наиболее характерных и высоких перевалов или отдельных гор.

Вечером нас навестили: Меркулов, получивший бумажечку на право охоты, и П. Н. Шастин — наш врач, осмотревший меня, мое горло, и заключивший, что надо подождать с посздкой хотя бы один день. До поздних часов мы теперь сидим и занимаемся в своем уютном домике.

18/X, ♄. Как и ночь, утро полуясное с ветром самым неприятным — северо-западным. Массив Богдо-ула мрачен, его вершина и средний пояс окутаны слоистыми, густыми темными тучами; такими тучами, которые всегда посыпают землю снегом, несомым сильным порывом ветра.

Пишу В. И. Юдину мою просьбу перенести нашу поездку в Суцзуктэ с субботы на воскресенье из-за моего недомогания. Возвратился наш посланный с письмом от В[италия] И[вановича]. Оказывается, машина еще не готова, и, когда она будет исправлена, меня поставят в известность о времени нашего отъезда в Мандал и Суцзуктэ. Трудно себе представить, когда начнутся настоящие зимние холода, во всяком случае, они не за горами. И вероятно, на наших раскопках уже холодно. Во всяком случае, необходимо довести их до конца — получить настоящую картину могилы и погребальной камеры. Следует уяснить себе, как наши предки ее готовили, откуда, с какой стороны был сделан вход и проч. По всей вероятности, он был устроен с юга, где теперь указателем этого служит хвост. Очень интересно будет видеть нам, на какую глубину открыта могила, что за грунт и проч. Как идет выборка земли, обнаружится ли вода, на какой глубине и в каком количестве, и, что самое главное, что нам даст этот № 24 по нашей регистрации, курган?

Сегодня у нас был Фед[ор] Ник[олаевич] Воробьев — отец нашей девушки Вассы. Он берется доставить нашу бел[ую] лошадь (из разъезда Павлова) в Суцзуктэ. Эта лошадь там нужна, и ее есть чем кормить. Воробьев воспользовался случаем: выпросил в долг 10 кит[айских] сер[ебряных] долларов на ½ месяца и обещал быть исполнительным, получил тол[ику] патронов.

Кажется, этим людям пора понять и знать, что от знакомства и близости с нами им только хорошо и одна польза. Кажется, именно это и понял старик Воробьев (сугу-нурский).

В. И. Юдин прислал мне чуть не последние 200 кит[айских] сер[ебряных] долларов и обещание: как только машина будет в исправности, тотчас поедем на раскопки.

Ветер, дувший с утра, с особенной интенсивностью около полудня, к 9 часам вечера стих при t –13.0°С. Ночь яркозвездная, планеты горели как бриллианты, при абсолютной и невозмутимой тишине воздуха. Особенно тиха, торжественно угрюма, молчалива священная гора Богдо-ула. Она словно спит в невозмутимом покое.

19/X, ☉. Ясное, тихое, зело холодное утро, t только –20.0°С. Постарому, это первая треть октября месяца. Ни одного звука в воздухе: словно все уснуло и замерло. И опять, как и прежде, дым городской, словно фимиам, сбирается в общую длинную массу и возносится на скаты горы, словно на престол.

Сегодня написал письмо Елене, спрашиваю, сколько она собрала за минувшее лето растений, и прошу ее показать их мне.

Вдруг объявился В. И. Юдин (с инструктором), привез для суцзуктинских раскопок 800 кит[айских] сер[ебряных] долл[аров]. Мы быстро справились; я говорю «мы», потому что я взял с собою старшего препаратора экспедиции Канаева, чтобы водворить его там на весь зимний сезон для сбора пернатых. День был отличный, и очень жаль, что мы долго провозились и у меня, и в городе, прежде нежели отправились прямо к цели. Путь один и тот же, способ передвижения также. Маршрут: Сельба, Халцзандабан и долина Мандал.

В 3 часа мы стояли 5 минут на Халцзане. Анер[оид]показал 620.0, t 17.0°, t наружного воздуха –1.5°С. С перевала и долиною мы катили очень быстро, у Е[вгении] Як[овлевны] Сахаровой угостились прекрасным обедом (с чаем и сластями), у Вильских я передал бумажку на лов рыбы, а к погасанию сумерек и началу ночи мы уже поднялись в лагерь Тибетской экспедиции. По горному склону красиво мелькали огоньки.

В лагере удивились нашему позднему приезду. Теплоухов хрипит, Боровко прыгает. За столом Тепл[оухов] доложил, по карточкам, о ходе работ по углублению кургана; его страшит мерзлота, появление воды у продолжения воронки, разрыхленность грунта по меридиану. По всему видно, что грабители в погребении были и, что страшнее всего, вследствие постепенного, но ежедневного охлаждения воздуха ему не справиться с работой кургана, не дойти до погребальной камеры, а если бы это случилось, то ни в каком случае нельзя было разбирать гробницу без риска испортить содержимое, в особенности по отношению к тканям. В заключение С[ергей] А[лександрович] говорит: «Риск был начинать работу, а теперь риск ее продолжать; ко всему этому я болен, и мне нужно поехать в Ургу, показаться доктору».

У моих мальчиков оказалось все благополучно. Андрей уехал в гольцы с Павлом. С С. А. Кондратьевым мы долго беседовали по поводу наших экспедиционных вопросов.

Ночь облачная, холодная прошла для меня очень быстро.

20/X, ☽. Утро серое, холодное. Наши поднялись поздновато, хотя Боровко уже отправился на работы. После чаепития пошли и мы большой компанией, Теплоухов поехал на лошади. Вспомнились мне наши летние прогулки на курганы № 23 и № 25. Пришли. Невольно любуешься видом на Суцзуктэ и на дальние цепи гор, замыкающие горизонт. На кургане углубились, спустились; видны швы материнской породы, уступ в 2 аршина, потом новое углубление, провал постепенный — от краев к воронке. Остальное как и доложено вчера. Работают две партии: одна посуточно, другая сдельно, по кубам; последняя внимательнее и с вечера готовит себе взрыхленную почву для работы утром.

По возвращении к себе домой мы устроили заседание о настоящем и дальнейшем моментах. Тепл[оухов] высказался категорически, и его всецело поддержал Боровко, что если бы они оба знали, что здесь такой климат, то ни за что не начали бы раскопку кургана, и теперь с тревогою видят, что работы придется прекратить очень скоро, дабы не обнажать место погребения, так как гробницы разбирать уже поздно. С[ергей] А[лександрович] склонен теперь же прекратить работы, распустить рабочих и проч. Все остальные (я, Юдин, Кондр[атьев], Кузнецов) высказались таким образом: раз начаты работы, затраты произведены большие, надо продолжать, пока возможно! Конечно, в конце концов их придется прекратить прежде времени, ныне поздно.

Затем пообедали и собрались в дорогу. Теплоухов также, он очень тепло укутался. Ветер сильный; по дороге неслись тучи пыли. В Мандалах останавливались ненадолго. Прибыли домой в ночи, проблуждав порядком по Сельбе.

Дома более или менее благополучно. С собою привезли Колю Кузнецова учиться в школе. С вечера немного позанимался, а потом, в 10 часов, мы уже улеглись. Дома хорошо, уютно.

Ночь полуясная, достаточно холодная, так как дул западный ветер.

21/X, ♂. Утро серое, облачное, неприятное, бр-рр! Зимняя картина. Нет моего любимого монгольского яркого солнышка, которое часто так ласково греет и веселит, ласкает душу. Сегодня хочется получить хорошую российскую почту и узнать, каков результат первой облавы в Баин-булаке; затем заняться писанием писем Горбунову, Комарову о возможности моего приезда в Петроград и т.д., прося их позаботиться приготовлением удобств при переезде через границу и следовании с коллекциями в поезде. В 3 часа надо навестить С. А. Теплоухова и поговорить с ним обстоятельно обо всем в связи даже с нашей поездкой в Петроград.

Не могу не отметить того обстоятельства, что всякий раз, проезжая долинок Мандал, я любуюсь на тот район гор, на то ущелье, которое ютит речку Сугу-нур. Для меня в высшей степени дороги мрачные гольцы и красивые мягкие склоны с речкой Баин-гол; дорого все это, волнует душу и отдает лучшим чистым воспоминаниям прошлого. Особенно хорошо, ласково и добычливо были ущелье Сугу-нур и Баин-гол летом или поздней майской весной. Сколько цветов, птиц и бабочек, сколько непринужденного душевного покоя. Даст ли нам вновь Монголия столько вдохновения и столько научного восторга и очарования? На следующий год, с весны, я хочу оставить Ургу и двигаться прежде всего на излом Толы, к Бага-богдо, где база, откуда разъезды к северу и югу, вплоть до низовья Эцзин-гола, его озер и мосго сонного друга Хара-хото.

Из писем мы с Пшевиком получили по одному: я от Володи, а он от П. П. Сушкина. Первый, между прочим, описывает наводнение в Петрограде, имевшее место 23/IX с. г., а второй указывает на получение коллекций птиц, млекопитающих и гадов. Пришел первый бидон, пришли птички, но, очевидно, не то, на что он рассчитывал и что еще в дороге. Что бы он ни писал, все равно, а вот когда будут получены все посылки, хотя бы те, которые ушли около месяца тому назад, не говоря уже о тех, которые я готовлю к отправке или сам свезу, тогда будет иное дело; зоологи немножечко станут говорить по-другому и, может быть, отчасти будут довольны. Мне кажется, все те посылки должны вот-вот прийти в Петроград. Будем надеяться, что именно так и случится. Жаль, что это все случится по отъезде Сушкина за границу. Такова судьба коллекций, самой лучшей их части, — лежать, лежать.

Может быть, с моим приездом в Петроград все изменится к лучшему? По крайней мере, я уверен в этом.

Вечером я отправился к Теплоухову. Он был мрачно настроен, приготовил письмо мне с просьбою, чтобы я заехал к нему на совещание, но это письмо почему-то не было отправлено и дождалось меня. С[ергей] А[лександрович] заготовил телеграмму Ольденбургу, смысл телеграммы таков: «Морозы усиливаются, вынужден дальнейшую раскопку кургана прекратить (нынешней осенью) Ваш совет?» Так как телеграммы принимают только до 6 часов вечера, то мы решение вопросов о раскопках, их окончател[ьную] санкцию, отложили до завтрашнего («маргаш») утра. Но посыльного в Суцзуктэ задержим только до 10 часов утра.

Ночь полуясная, тихая, дов[ольно] холодная, ежедневно температура воздуха постепенно падает.

До моего отъезда в полпредство у нас сидела М. Н. Ринчино с подругой-медичкой, осматривали коллекции. Очень жаль, что мне не удалось показать им большую и интереснейшую часть археологии.

22/X, ☿. Утро почти ясное, приветливое. Барометр стоит высоко, как никогда; до сих пор наивысшее показание его за весь минувший год относится лишь к 27/XII, а именно (9 часов вечера) 668.4, t 11.3, t нар[ужного] воздуха –26.1°C. Самое же низшее падает на 17 ноября 1923 г. в 1 час, при t нар[ужной] –3.1°R, барометр 637.9, t 15.0°. С грустью я узнал, что не все доставлено из Суцзуктэ по части коллекций; так, например, там оставлены ковер, в частях, из Кондратьевского кургана и керамика. Распоряжаюсь немедленно доставить их сюда, в Ургу, место сосредоточения всех сокровищ экспедиции. И только тут будем приводить все в порядок и тут будем упаковывать!

Приходил Гомбо. Я ему показал все ценнейшие находки по археологии Тибетской экспедиции. Барометр стоит высоко, в соответствии с ним и погода: день обещает быть очень хорошим, ясным, теплым. Это отрадный проблеск времени. Так нередко бывает в Центральной Азии.

Продолжаю хлопотать с устройством ящиков, упаковкой коллекций: археологической, этнографической и зоологической. Упаковок два сорта: одна с собою, в поезде, другая — через полпредство.

Наш стипендиат Коля Кузнецов определен в школу I—II ступени и начал учиться, помещается же он на столе у А. П. Жукова, в центре города. Мальчик хороший, прилежный. Мне кажется, что из него выйдет толк. Будущее покажет.

Вечерком я заходил к Цокто Гармаевичу и там встретил С[ергея] Б[орисови]ча Бадмажапова, от которого узнал, что за китайский отличный обед нам придется заплатить 18 кит[айских] сер[ебряных] долл[аров] (с чаевыми поварам). И дешево, и мило! Придется то же самое устроить и по отношению теплоухов[ской] компании.

Ночь великолепная: ясная, тихая и не очень холодная.

23/X, 2. Как и ночь, утро великолепное: тишина и ни единого на небе облачка. Среди дел надо написать Комарову письмо, поставить его в известность и относительно кургана, заложенного Теплоуховым, и относительно моей поездки в Петроград (с коллекциями).

Комарову написал обстоятельное письмо обо всем. Снял фотогр[афии]: наш домик и общий вид на центральную часть соседнего монастыря Майтреи, воздвигнутого в честь покровителя скотоводов бодисатвы Майтреи. Потом я побыл в Ученом комитете Монголии, справился относительно витрин и времени устройства выставки, равно просил возобновить для Елизаветы Владимировны (со спутниками) бумажечку на право производства в окрестности Урги орнитологических экскурсий. В Ученом комитете занимается наш ботаник; его растения разложены на столе, а сам он строчит отчет о совершенной поездке. Очень жаль, что я не застал самого Жамцарано, с которым хотелось обстоятельно поговорить обо всем не только текущем, но и о предстоящем.

Фотограф продолжает работать: никак не может закончить заказа проявления и печатания, а китаец-столяр — должного количества ящиков для упаковки экспедицион[ных] ценностей. Лама-монгол доставил большую (около пуда весом) брюшину топленого коров[ьего] масла за 15.60 к[итайских] с[еребряных] д[олларов]. Даниленки телеграфируют: беспокоятся от долгого неполучения писем. Вероятно, мамаша.

Дни за днями идут непрерывной чередой, все лежит в своем русле. Ночи увеличиваются, солнце продолжает отклоняться к югу еще на протяжении двух месяцев. В воздухе тихо и спокойно.

Китай все еще не может угомониться.

Ночь отличная, тихая.

24/X, ♀. Тихо, ясно, прозрачно; вид далекий. На северных склонах лежит снег, в особенности глубокий на священном массиве Богдо-ула: тут настоящая зима.

Написал и сдаю письма; назавтра пойдут Горбунову, Комарову, — и телеграфирую в ответ Даниленкам: «Котик здоров, благополучен, спасибо за газету, привет. Козлов».

Сегодня начали появляться на небе облачка, которых не видно было совсем несколько дней. Барометр постепенно опускается. Мы делаем то же, что и раньше. Пшевик определяет и записывает птиц. У нас уже перевалило за 200 видов. Канаев добыл и пополнил экспед[иционную] орнитологическую коллекцию на 30 видов, или около 160 экземпляров. Все еще упаковываю птиц, которых в совокупности имеется свыше 600 экземпляров.

Предполагаем отправиться на Суцзуктэ утром, в воскресенье. Теплоухов ждет телеграммы (от Ольденбурга). Да, действительно очень интересно знать, что думают в Петрограде и что сделано на раскопках?

В Мандалах надо посмотреть, нет ли птичек (Leucost[icte] giglioli) и не забыть спросить у Воробьевых зверька «кузун-бузун» (черн[ый] хорек), его шкурку с черепом.

Ночь ясная, тихая, с инеем.

25/X, ♄. Тихо и слоистые облака; постепенно облачный покров подвигается на юго-восток и к 8 часам утра совершенно очистит голубое небо. У нас в комнатах топятся печи, весело пылает огонь и трещат дрова. Над Ургой дым медленно, тихо поднимается строго вверх, и только в вышине его клонит на юг-юго-восток и несет в объятия Богдо-улы. Никакой звук не нарушает тишины и дремотного спокойствия.

Сегодня окончили определение, подсчет и завертку птиц: оказывается, здесь, у нас, всех птиц 265, в Зоологическом музее Российской академии наук 105 и немногим менее находится в дороге в Петроград, таким образом, к зимнему сезону у нас имеется немногим свыше 200 видов, в количестве около 700 птиц. Млекопитающих также больше, нежели указано в отчете. Теперь понемногу будем укладывать: птиц, млекопитающих, спиртовые сборы и в заключение — гнезда, тлей и насекомых вообще, которых имеется налицо 25—26 ящиков. А самое главное — археологию и этнографию — пропустил. В конце концов, наберется немалое число мест всех в целом коллекций.

Под вечер заехал ко мне Жамцарано и просидел около часа времени, ведя беседу о предстоящем: о выставке, о выделении местному Учен[ому] комитету части археологических коллекций и, наконец, о моей предстоящей поездке в Россию. Говорили также о будущих поездках в глубину Монголии, о разностороннем ее исследовании и т.д. В заключение немало толковали по поводу того, например, откуда можно добыть людей в качестве физика-метеоролога и другого — заведующего музеем. В душе я указал на двух лучших моих спутников — Андрея Симукова, метеорол[ога] и съемщика, и на Гусева — зав[едующего] музеем. Только эти два человека, по мнению моему, наиболее могут быть пригодны для таких дел.

Мы не упомянули о старшем препараторе Канаеве, но и этот человек еще более был бы пригоден для музея и для орнитологических летних поездок по Монголии. Конечно, предварительно следует обстоятельно переговорить с каждым из них в отдельности.

У нас ночует Лидочка Кузнецова с целью отправиться завтра с нами к себе домой. Я ее занимал рассматриванием лучших художеств[енных] изданий (птиц) и стереоскопом с видами Европы, России, ее наиболее замечательных музеев и построек. Девочка, не видевшая ничего подобного ранее, была в восторге.

Ночь дов[ольно] тихая, не холодная и наполовину ясная.

26/X, ☉. Как и ночь, утро полуясное, со слабым ветром, дующим от северо-востока.

В начале 9-го часа утра пора бы ехать, тем более что Юдин и Теплоухов обещали за мной заехать рано, примерно в 7—8 часов. Погода хорошая, хотелось бы выехать раньше, чтобы прибыть вовремя на место и сегодня же успеть все осмотреть и непременно решить на месте программу дальнейшего: работать или все прекратить до предстоящей весны, о чем, конечно, придется обстоятельно толковать только в Петрограде.

Выехали около 11 часов утра. Наша компания: я, Теплоухов, Лида Кузнецова, шофер Кузнецов. Ветер дул с СЗ, или даже с ССВ, и сильно пронизывал. По знакомой, сильно наезженной дороге катили быстро, несмотря на очень каменистую дорогу. Встречных было немало и почти исключительно с дровами или сеном. Мы ехали быстро, без приключений. В В[ерхнем] Мандале имели лишь минутную остановку у дома Ф. Н. Воробьева. Здесь мне вынесли зверька — хорька большого, ночного истребителя кур, называемого бурятами кузун-бузун, а монголами двояко: или бутунь-худзю (хуцзу), что значит вонючка коричневая, или умкэ-хурунь — толстошей; название этого хорька в науке Putorius. Вероятно, это тот самый вид, который мною добыт к югу от Урги,* в пастбищной степной долине Шарахай-хундэ. Хорьком монгольским очень заинтересовался в свое время А. А. [Бялыницкий]-Бируля и просил меня на этот раз обратить на него особое внимание и непременно привезти. Таким образом, я ос[тался] дов[олен] этой находкой. Канаич ее отпрепарирует (и шкурку, и скелет). Зверек взрослый, ♂, обнаружен во дворе дома, и хозяевами вовремя добыт. Голова хорька очень любопытна раскраской (темного и светлого цветов). Все же остается недобытым экземпляр летяги, по которой, однако, стреляли, и не кто другой, как мои спутники (с Павлом Борисовым в компании) во главе с С. А. Кондратьевым.

У Вильских мы имели часовой отдых с фриштыком[140] и чаем и, конечно, разговорами о всякой всячине, включительно до бесед о гольцах, о белковании, о том, что из Руси понаехала масса охотников с правом на охоту. Об этом следует поговорить с Жамцарано. Подъезжая к нашим раскопкам, выяснили, что и тут (в Цзурумтэ) устроилась мал[енькая] партия белковать. Но успех ее неважный, промышленники добыли немного, в том числе уральскую сову (предназнач[енную] для Тибетской экспедиции), и собрались откочевать в иное место. Тем интереснее будет знать, что по этому поводу сообщат мой Андрюша и Павел.

В Суцзуктэ я с С[ергеем] А[лександровичем] оставили машину (немного выше кургана Мокрого) и пехом отправились на курган № 24. Боровко тотчас нас заметил и идет навстречу. С[ергей] А[лександрович] говорит: «См[отри], Петр Кузьмич, солома лежит нетронута, значит, до гробницы еще не дошли». Так в действительности и оказалось. Тем не менее сегодня третью сажень окончили. Общее впечатление внушительное: яма с террасами, двумя, огромная; хищники в могиле были, об этом свидетельствуют сгруженные крупные камни (под воронкой), вода и т.д. Во всяком случае, по моему мнению, погребение не должно быть далеко от уровня глубины трех саженей. По ночам здорово промерзает, воду откачивают; с утра работать очень трудно. Впечатление: не стоит останавливаться на полдороге, надо работать пока возможно, пока не так уж сильно мешают ночные морозы и холод вообще.

У моих спутников оказалось все благополучно. Кондр[атьев] и Котик возятся со списком бабочек, Канаич приготовил 15 экземпляров хороших шкурок птиц; среди последних имеется интересный, новый по списку вид дубуноса (№ 205). Мальчики живут дружно и не нарадуются на свой прекрасный уголок (позднеосенний). Еще будет уютнее с отъездом археологов. Тогда они

---

* П. К. Козлов. «Монголия и Амдо...», стр. 40.

будут исключительно одни с другом-китайцем и тоже Васькой. Мальчик Вася Марчук отправился домой, там открылась школа. Наконец-то!

Вечером я долго просидел у археологов, с которыми и ужинал. Чай пил со своими спутниками, с которыми беседовал (в постелях) до поздней ночи, потом уснули крепко.

Ночь ясная, свежая, с обильным серебристым инеем.

27/X, ☽. Утро также. Я укладываю птиц, мои мальчики — археологию и помогают мне собрать в пробирки грызунов, тлей и проч. Я говорю Кондартьеву о наших дальн[ейших] планах.

Теплоухов решил работать до конца, или, точнее, до предела возможности; но и он с Боровко, так же как и я с Кондратьевым, проникся сознанием работать до конца. С таким расчетом все трое, двое археологов и я, отправляемся на раскопки, вновь, как и вчера, осматриваем яму, ее уступы, швы, состав почвы, центр, грубо, хаотически заваленный камнями, скопившуюся воду. Наблюдаем значительную мерзлоту земли и малоуспешность работы, судим-рядим. Снимаемся на кургане: при входе и на первой террасе в северо-западном углу кургана. Решаем работать до конца кургана или до тех пор, пока буря, снег и другие климат[ические] невзгоды не положат предел. Тогда, до условной субботы, уезжать на тройках в Ургу и т.д. Меня провожают Т[еплоухов] и Б[оровко] до моего монгольского верхового коня. Мы дивимся обилию выброшенной земли — словно военные сооружения. Любуемся красивым небом и живописностью местности, и я с лучшим настроением оставляю моих археологов и сам с одинаковым (лучшим настроением) еду по знакомой тропинке вверх среди лиственного и хвойного леса.

На душе легко. Мои спутники уже уложили вещи на автомобиль, я прибыл, позавтракали и покатили вниз к долине-ручью (иссякшему). Поровнявшись с Т[сплоуховым] и Б[оровко], я вижу их прощальные жесты руками, в свою очередь сам то же делаю, машина трижды гудит, и мы скрываемся в лощину.

День чудесный, на душе легко, синее небо и яркое солнце ласкают. Легко поднимаемся на Цзурумтэ, еще легче спускаемся и катим вниз. С каждой верстой выезжаем на более удобную дорогу и наконец, в области стоянок юрт, катим, что называется, вовсю. Быстро достигаем долины Мандал. Стоим у дома Вильских 5 минут и кушаем пельмени у Сахаровой Евг[ении] Яковл[евны] и вновь быстро едем вовсю, встречая и перегоняя путников.

Таким образом, к 4½ часа, в лучшую вечернюю пору, я уже дома, я с коллекциями.

Гусев встречает у ворот, Пшевик — у дома. Как скоро и без устали! Немногим более суток, и я у себя: съездил за сотню верст, поговорил, посмотрел, поделал и опять дома.

Погода прямо на диво хорошая: типичная центральноазиатская осенняя.

Вечерком беседовали у себя дома, смотрели ящики, соображали укладку птиц, зверьков.

Ночь тихая, яркозвездная, холодная.

28/X, ♂. Ясно, тихо, морозно, –14.6°С. Дым, один дым клубится в воздухе и несется на склоны Богдо-улы. И этот день проходит однообразной чередой дома, в разных занятиях. Почта ничего не приносит. Написал я Володе мое решение приехать в Петроград не в урочное время, не по про-

грамме. Интересно, как они все отнесутся к моему известию? Павлов продолжает лукавить и всеми мерами уклоняется от взноса следуемых в Тибетскую экспедицию сорока долларов, несмотря на то что уторговал с Дуду около четырехсот и этой сделкой продолжает хвастать! Надо подналечь на этого недобросовестного человека, на этого льстеца, криводушного малого. За правило почту для себя — никому и никогда рекомендовать его не стану. Для него необходимо строгое наблюдение, иначе этот гусь может позволить себе очень многое. Недаром от него отвернулись многие из моих спутников, и еще более знаменательно, что его нигде не любят, а некоторые даже (в доме Шастиных) просили их семью оставить навсегда.

Из дворца богдо-гэгэна принесли двух мертвых попугаев зеленых. Бедные птицы — за ними, вероятно, прекратилось всякое наблюдение. Отпрепарировали.

Ночь тихая, ясная, дов[ольно] прохладная: minimum –14.0°С.

29/X, ☿. Все небо покрыто тонкоперистыми облаками, воздух тих и пока прозрачен. Барометр продолжает падать. Пожалуй, равновесие нарушится, загремят ставни, и сил[ьный] ветер завоет и заплачет. Так думаю, потому что происходит рождение молодой Луны, серебристого серпа, который всегда украшает собою синеву небес над Богдо-улой.

Утром я писал зоологический дневник, отд[ел] млекопитающих. Потом я с Пшевиком пошел к Геранцеву купить материи на костюм и мал[енькую] «усладеньку». Прошли до Бадмажаповых, где застряли — обедали. Я, между прочим, зашел к Маршаллу, поблагодарил его за починку фот[о]аппарата и т.д.

С Бадмажаповым удалось кое о чем перемолвиться на случай его поездки весной или зимой в Китай. Цокто Гармаевич просил золота рублей на 200, по курсу доллара.

На воздухе пахнет весной — тепло как летом; между тем барометр падает, быть перемене. Это всегда так бывает. Я полагаю, как ликуют наши охотники в горах!

Скоро будут готовы ящики, и начнем укладывать коллекции. Я люблю эту работу. Укладка уже приближает к чему-то. Надо написать [Бялыницкому]-Бируле о том, что я предполагаю приехать чуть не в обнимку с коллекциями.

Мне часто приходит на ум, как хорошо теперь Тибетской экспедиции: она счастливо устроилась на два лагеря. И в городе уютно, и в горах Суцзуктэ также. Можно кочевать из одного лагеря в другой. И как интересно и полезно проживают мои мальчики в Суцзуктэ, как поучительно наблюдают природу и стреляют птиц и зверей. Невольно говоришь спасибо А. Н. Васильеву. Да, этот человек много сделал хорошего для Тибетской экспедиции, дал возможность свободно вздохнуть ей и действовать.

Так нынче и зима минует очень благополучно, словно ни в чем не бывало. Не будешь видеть грустных, скучающих физиономий, не будешь чувствовать гнета и т.д. А тут еще и моя поездка в Россию. Не знаю, что и сказать на это, чем ответить: и приятно, и неприятно! Приятно — что-то интересное узнаешь, неприятно потому, что мое мнение идет вразрез с намерением ехать или двигаться вперед прежде времени: сначала надо кончить экспедицию, а потом уже поехать!

Однако от судьбы, ее предопределения не уйдешь, приходится ей покоряться!

О моих намерениях скоро узнают и в Географическом обществе, и в Академии, и дома. Кто как на это посмотрит? Как отнесутся к известию мои друзья настоящие? За эти 1½ года что произошло? Увидим и узнаем. Вообще большой интерес и в области того, например, что будет стоить, в научном отношении, наш летний сбор и в ботаническом, и в зоологическом отношениях.

Последние истекшие дни мои археологи ликуют: погода на редкость приятная. Они смогут дойти до гробницы и освободить ее, представить вниманию наблюдателя картину погребальной камеры, а потом, с чувством нравственного подъема последовательно разобрать гробницу сверху донизу. Это ли не прелесть, не высшее умственное удовлетворение? Как ни странно, но грядущий день решит все предстоящее в отношении археологии.

Весь день, вечер и ночь до 12 часов было дов[ольно] тихо и тепло при полной облачности неба. На воздухе было так приятно, что я гулял до ночи, выходя из дома несколько раз. В доме, в комнатах, не сиделось — все тянуло на воздух. Со мною гуляли, бегали и резвились все наши три собачки: мать с двумя уже взрослыми щенками. Эта собачья семья молода, а потому игрива и подвижна. Как ретиво она бросается на всякую, случайно забредшую во двор чужую собаку, поднимается вдруг неистовый лай, суматоха.

С полуночи подул крепкий ветер с СЗ и омрачил воздух тучами пыли.

30/X, 2. Облачно, пыльно, ветрено; ветер порывистый северо-западный. Над Богдо-улой свинцовые тучи. Ставни окон ударяют в стены, порою ветер со свистом нажимает.

Однако барометр начал энергично подниматься. Можно надеяться, что к полудню ветер стихнет и погода вновь будет приятная, по крайней мере нам так желательно!

Наш Павлов третью ночь не ночует дома; не знаю, где его носит, где он шляется, словно бездомный, бесприютный какой!

Сегодня я начал укладку коллекций: уложил три ящика и подготовил укладку в следующие два-три. Затем съездил к В. И. Юдину, переговорил с ним о деньгах, седле, поискали, напрасно, книг моих «Монголия и Кам» и пут[ешествия] Роб[оровского],[141] всего томов пять, выяснили вопрос о сдаче посылок курьеру в Москву и относительно возможности отправиться втроем (Юдин, Жамцарано, я) в субботу на раскопки, если, конечно, Теплоухов не объявится в пятницу, к вечеру, в Урге.

Ветер, начавшийся с полуночи, продолжал дуть до вечера и охладил в значительной мере воздух. Ночью вызвездило, было тихо, серп Луны величаво опускался к горизонту. Вероятно, температура вообще за предстоящий месяц понизится сильно!

31/X, ♀. Воздух тих, спокоен. На ЮВ перистые облачка, немного, t воздуха –17.8°С. Богдо-ула у подножия вновь посеребрена снегом, выше же она уже давно в снегу. Пользуясь случаем, отправлением посольского курьера, я послал в Москву два письма: А. Н. Васильеву (обстоят[ельное] донесение) и А. А. Собенниковой (частное). Эти письма пойдут в срочном порядке и скоро достигнут цели. В прогулке на обед в русскую столовую я встретил тибетца Галсана, от которого узнал о приезде или возвращении в Ургу хамбо-ламы. Вероятно, в скором времени с ним встретимся.

Сегодня опять отличная погода: ясная, дов[ольно] тихая, но очень холодная. Видно, последовательно надвигается самое холодное время года — зима. Интересно, что сделано в течение минувшей недели нашими археологами?

Если завтра выедем вовремя, ранним утром, то к месту прибудем в наиболее интересный момент. Это в высшей степени желательно. К этому надо стремиться!

Около 4 часов дня ко мне заходил Жамцарано поговорить о раскопках, о предстоящей выставке Тибетской экспедиции, о моей поездке в Петроград. Он советовал заблаговременно написать в Верхнеудинск Барадийну о том, чтобы Ученый отдел Верхнеудинска приютил меня с коллекциями, а также, [чтобы] молодежь при мне состояла и позаботилась приготовить соответствующий билет и помогла устроиться с многочисленными ящиками с коллекциями археологическими, этнографическими и естественно-историческими.

Едва Жамцарано ушел, как курьер полпредства привез мне письмо от В. И. Юдина. Последний сообщает мне о телефонограмме Теплоухова из Цзун-модо: «Вышли на внешнюю кровлю погребал[ьного] помещения» и просит сообщить мне и Жамцарано, что ждет нас к себе на раскопки. Таким образом, завтра утром отправляемся или вдвоем с Жамцарано, или втроем, при участии В. И. Юдина. Этому известию я очень обрадовался, значит, наши археологи доведут дело раскопки кургана до конца, что, собственно, и требуется доказать! Вечер превосходный, но очень-очень холодный.

К поездке на Суцзуктэ у меня все готово, и завтра поедем с подъемом, радостью.

Ночь ясная, тихая и довольно прохладная, на утренней заре –17.5°С.

1/XI, ♄. Утро ясное, точнее полуясное (перистые облака покрыли большую часть небесного свода), тихое. Настал ноябрь месяц, каков-то он будет? Что же касается минувшего, октября, то он в общем характеризуется довольно тихим и ясным состоянием, прохладными ночами и теплыми днями, иногда даже замечательными. В начале и конце месяца были бури, в первом случае снежная. Обычно буре предшествует и ее сопровождает, после, прекрасная погода — ясная, тихая, теплая. Именно так было в октябре — 5 и 29. За исключением бурных дней, когда по большей части шел снег, атмосферных осадков не было. Самая низкая t воздуха падает на утро 19/X –20.0°С, самая высокая –14.3° на 11 октября, 13 часов.

11 часов утра. У меня побывал Жамцарано, забегал узнать, когда мы поедем в Суцзуктэ. Он уже успел позвонить к Юдину, но последний еще в постели: вчера был прощальный вечер в честь отъезжающих в Москву военных с мин.* и нач[альником] штаба Косичем во главе. Значит, после шумно и весело проведенной ночи они все спят, черт бы подрал. А тут сиди — вот вам и порядки! При Васильеве было иначе: Ал[ексей] Ник[олаевич] являл собою раннюю птичку, поздно ложился, на заре вставал. Он жил молодой, активной жизнью. Мое и Жамцарано теперешнее положение — как бывает положение пассажиров, ожидающих запоздалого поезда, мы ходим из угла в угол, ничего не делаем и ничего не можем делать!

---

* *Так в тексте. (Прим. сост.)*

Опять объявился Жамцарано. Оба мы, сердитые, послали В. Гусева (на лошади Ц. Жамцарано) узнать, в чем же дело?! Оказывается, Юдина нет, не едет, не привезли ни седло, ни денег. С нами поступают словно с мальчиками, с детьми. Я не узнаю Вит[алия] Иван[овича], а уж Меркулов давно без головы.

В конце концов, мы выехали так поздно, что в Мандалах принуждены были заночевать и в Мандалах же у любезной Е[вгении] Я[ковлевны] получили отличный ужин и обед. К нам собралось немало народа, преимущественно молодежи. Зашла представиться и наша Васиша, все еще до мелочей помнящая о пребывании у нас в Сугу-нуре и об экскурсиях за насекомыми. Хорошо вспоминала она и ловлю змей. Заходили ко мне и те, поменьше ростом, дети, которые ловили для Тибетской экспедиции «мятлячков» и «бухарочек». Невольно вспомнились лучшие уголки и летняя хорошая пора.

Между тем наш спутник Ц. Ж. Жамцарано раскис — его, малокровного, закачало, у него заболела голова. День склонился к вечеру, и я охотно согласился на ночевку в Мандале. С нами тут же ночевал и цзунмодовец Лафа Иванович. Я и Жамцарано говорили много и долго, до 11 часов и до 2 часов ночи, с перерывом. Какой-то стук снаружи поднял всех нас от сна (крепкого). С самого нашего приезда от меня не отходила милая девочка, монгольский подросток, дов[ольно] хорошо говорившая по-русски. Имя этой дикарки Бутунцук. Живая, с огненными глазками, темными как ночь, с проворностью серны, Бутунцук ушла только тогда, как я перед спаньем сделал последнюю прогулку на воздух, выйдя за околицу.

Я любовался яркостью звезд и превосходной осенней монгольской ночью. Я люблю звездные ночи и упиваюсь ими. Монголочка не отходила от меня и все спрашивала: «А у вас там, далеко-далеко, — показывая рукою на ССЗ, — такое же тэнгэри?» Я ответил, что наша страна очень обширна и не везде одинакова, в то время как на севере теперь идут дожди, на юге ясно и сухо, как здесь у вас! ...*

Потом, в постели, я еще долго думал о юной дикарке, об их внутреннем духовном мире вообще. Значит, монголочка, сидя в стороне, наблюдала картину общения русских и завидовала этой картине. Ей самой хочется быть одной из русских девочек и заодно с ними все переживать. Тогда мне стала понятна и близость к нам, и внимательные взгляды девочки в мою сторону.

2/XI, ☉. Ранним утром, около 7 часов, когда только позолотились вершины гор, мы выехали в путь. Иней серебрил землю. Встречный ветер нашего быстрого движения проникал стужей всюду. Я весь уходил, прятался в шубу. Мы катили очень успешно и переезд до Суцзуктэ сделали, что называется, незаметно. Наш больной Ж[амцарано] чувствовал себя совершенно удовлетворительно.

По дороге, вчера и сегодня, животной жизни не наблюдалось; не видели мы ни зверей, ни птиц, которые раньше (и летом, и ранней осенью) всегда давали о себе знать и всегда попадались на глаза у дороги. Одни только пищухи там и сям быстро перебегали дорогу или от одной норки к другой. Небо было ярко-синее и ласкало душу.

---

* *Далее следуют 3 предложения личного характера. (Прим. сост.)*

Против кургана № 24 мы остановились и направились к нему. Там не замечалось никакой жизни, ни движения, не подымался вверх дым. Значит, думалось мне, все кончено. Мы проникли с юга вниз, на дно могилы. Там обнаружено все. Сияет дно погребальной камеры. Вскоре после моего отъезда археологи обнаружили верх помещения и самую камеру и, пользуясь хорошими (тремя) днями, энергично работали; все мои спутники помогали вовсю. Оказалось погребение женское; коридоров три, с юга не было, гробница небольшая; крышка состоит из многих поперечных настилок. Могила разграблена через крышу (к южной [половине]). Грабители, кроме того, пытались орудием, вроде лома, пробить стены в коридор (с востока), узнать, что там, и т.д. Поэтому ценностей нет, и в гробнице ничего или почти ничего не было: воры разгромили, разбросали все содержимое погребения, утратилась вся цена истории погребения. Яма, или могила, очень внушительная; погребение оказалось на глубине несколько большей 3½ сажени. Мы вышли на поверхность с юга и невольно засмотрелись на ЮЗ, на долину Суцзуктэ, туда убегал один из красивейших видов. Ведь, собственно говоря, оттуда и двигались сюда погребальные процессии, и эти процессии, надо полагать, были очень большие, на значительное расстояние. Воображение силится представить себе всех людей, отправлявших церемонию.

В начале десятого часа мы уже поднялись к своему лагерю, где нас встретил Кондрат[ьев]. Здесь все благополучно. Археологи показали нам добычу. В общем, предметы уже знакомые нам, но имеются и новые: так, например, очень любопытна вещица из нефрита, узорчатая, с изображением драконов, цельная; затем лаковые изделия с животными из золота, вкрапленными или прижатыми, словно инкрустация, и 12 корзин с землей, включающей в себя сплошь различные предметы. Археологам будет работы на неделю, чтобы все закончить. Ознакомившись со всеми наличными результатами, мы прогулялись вновь на курган. Теплоухов дал исчерпывающие объяснения, которые содержат суть вышеописанного, и мы с трудом, часто останавливаясь, поднялись в лагерь. Приходилось спешить непременным возвращением сегодня домой засветло. Я так люблю именно засветло, чтобы в темноте не блуждать по скверной каменистой дороге. Поговорили, условились в субботу прибыть сюда опять, чтобы забрать с собою археологов со всем их богатством. Теперь их мысли несутся в Петроград.

Уложив с десяток отпрепарированных птиц, кузун-бузуна со скелетом, пообедав, составив телеграмму на имя Ольденбурга в Петроград, мы распростились и укатили в Ургу. И на этот раз по дороге мы не встретили ни зверя, ни птички. Кроме пищух, воронов и сорок, мы ничего замечательного не видели. И теперь дорога была очень оживлена народом, следовавшим в ту или другую сторону. У Вильских мы стояли ровно десять минут, взяли Васю с мороженым молоком, а у Сахаровой — пять минут: бабушка вынесла нам 2 ф[унта] свеж[его] масла. Дорога очень спорилась, и без каких бы то ни было приключений мы доехали в начале пятого часа до Урги. У нас дома оказалось все в порядке, в полном благополучии. После дороги я долго не засиживался с книгой, и после вечерн[его] метеор[ологического] наблюдения и завода и сверки хронометров в ½ 9-го часа я уже лег спать и проспал до ½ 8-го часа, когда поднялось солнце и в щели ставен впустило свои красные лучи в нашу южную комнату.

3/XI, ☽. Утро с солнцем и пылью. С 9 часов мы уже принялись за сортировку археологии и зоологических образцов, а потом за писание и проч.

Со стороны города и монастыря Майтреи то и дело несется духовная музыка; своеобразные звуки буддийской симфонии и масса лам сопровождают останки уснувшего вечным сном гэгэна. Западный ветер и тучи пыли несколько ослабляют впечатление. Со всех сторон валят толпы цветистых паломников. Музыка духовного духового оркестра почти не смолкает; она плавно разносится ветром далеко в прилежащую степь и то усиливается, то ослабевает. Лично мне очень нравятся звуки буддийской музыки и уносят мою мечту далеко-далеко. Погода продолжает стоять отличной: ясной, тихой; температура воздуха, однако, постепенно становится ниже и ниже. Днем хорошо, так как солнце согревает атмосферу, но ночью холодно. Во всяком случае, нельзя сравнить приятность здешней осенней погоды с нашей сырой, грязной, промерзлой, зачастую случающейся именно в октябре—ноябре месяцах.

Монастырская церемония, вероятно, окончилась: звуки музыки смолкли. Прах гэгэна перенесли в монастырь Шара-сумэ. Надолго ли? До нового праздника.

Сегодня к нам заходил дважды Гомбо Б[адмажапов], главным образом по нашим экспедиц[ионным] вопросам. Сегодня же узнал, что хамбо-лама Д[оржиев] проживает в Урге в доме Гочитского (в юрте, большой, нарядной, поставленной во дворе) и что он будто бы очень желает меня видеть.

Под вечер заезжал к нам Д. П. Першин: старик-голстяк очень болеет душой за своего сына, которому почему-то не разрешают выезд за границу, в Китай. Почему?!

4/XI, ♂. Утро серенькое: солнце то покажется, то спрячется за облака, которые понемногу окутывают весь небосклон. Ветер дует с СВ и охлаждает воздух. Барометр продолжает стоять высоко, почти 660.0, т.е. выше нормального или среднего. Тем не менее к полудню погода разгулялась, выплыло на голубой свод неба солнце и одновременно озарило и согрело землю и ее обитателей. Я сидел дома, укладывал птиц, этнографию, как прибыл ко мне мой приятель Жамцарано с заявлением, что витрины к моим услугам и завтра можно готовиться к выставке. Как всегда, мы говорили много о всяких вопросах, имеющих тесную связь с экспедицией и ее перспективами. Мы оба вышли и прогулкой дошли до середины площади, когда он уклонился на юг, в Учком, а я продолжал двигаться прямой дорогой в русскую столовую, а потом — по соседству в обитель пустынника хамбо-ламы. С последним имели очень интересное свидание, с полной информацией о Тибете, о Д[алай]-л[аме], Б[анчен]-эрдэни и проч. Теперь подтверждается, что помощник П[анчен]-богдо Лапсан, сторонник Китая, продал уголок Тибета китайцам.[142] Таким образом, выходит, у Д[алай]-л[амы] — Намган, а у Панчен-богдо в Таши-люмбо — Лапсан, каждый в отдельности ведут свою политику: Намган с англичанами, Лапсан с китайцами — и тот и другой заодно с недругами народа Тибета вообще.

Как грустно, что представители самых сильных и богатых частей Тибета вместо дружбы, единства и силы ссорятся, рвут связь и дружбу, наговаривают друг на друга и этим самым выдают недругам свои больные, уязвимые места, короче, все теряют и легко подпадают под владычество англи-

чан, с одной стороны, и китайцев — с другой. За чашкой чая мы много беседовали и по экспедиционным вопросам, и по вопросам Тибета вообще и в частности по вопросам возможного путешествия в области Тибета. В заключение хамбо-лама очень просил снабдить его наг[аном] с приложением, так как ему не совсем безопасно разъезжать по Монголии. Чтобы навсегда сохранить дружбу с этим выдающимся человеком, моим верным другом, я тотчас уступил его искреннему желанию и правом представителя Тибетской экспедиции поднес ему на память «неизменного союзника» в дороге. Хамбо-лама очень растрогался и проговорил: «Я никогда не забуду дружбы Вашей и всегда смогу доказать, что я ее достоин!» О многом-многом мы говорили еще, но это многое совсем иное, и настолько иное, что я не могу доверить его специальным страницам моих путешествий, страницам чисто научного, географического характера. Наука и политика — две вещи разные. Тем более для меня — искреннего любителя первой и совершенно не любящего вторую. Одно что-нибудь, но зато от всей души.

На обратном моем пути Галсан проводил меня к дому, где Елизавета Владимировна угостила его чаем.

Сегодня же (вообще счастливый день) я узнал от Жамцарано, что Барадийн будет счастлив оказать мне в Верхнеудинске, на моем пути в Россию, всякого рода содействие (квартиру, автомобиль и молодежь — студентов для командировок в банки, на вокзал). Мне было весьма приятно обо всем этом узнать от моего приятеля. Конечно, в готовности быть любезным и предупредительным со стороны министра н[ародного] просв[ещения] [Бурятии] я никогда не сомневался.

Вечером вдруг ко мне прибыли очень приятные для Тибетской экспедиции посетители, а именно представители Бурятии, Бурятской республики: Ербанов (предс[едатель] Совнаркома), Барадийн — министр н[ародного] пр[освещения] и мой приятель Жамцарано — предс[едатель] Учкома в Монголии. Разговоров (географич[еских] и археолог[ических]) масса — это вступление к демонстрации научных, главным образом археологических, находок. Уселись в кружок и начали с бронзы, найд[енной] в кургане № 25. Лучших, более внимательных слушателей, какими оказались мои гости, не найти. Такие беседы лично я очень люблю и всегда внимательно слежу и прислушиваюсь ко всякой мысли. Нет-нет да и скажет кто-либо что-нибудь заслуживающее внимания. Мои посетители много сказали интересного. Что мне понравилось, так это вступление, или первоначальное замечание, Барадийна. Беря первую вещицу в руки, он сказал: «Г[оспода], кто их создал, какие народы держали их в руках, прежде нежели опустить на дно глубокого погребения? Посмотрите, какая работа! Ничто не ново!» Долго мы пробеседовали, попили чаю, и в заключение Ерб[анов] и Бар[адийн] громко подчеркнули их готовность оказать всякого рода содействие при моем следовании через их столицу — В[ерхне]удинск на пути в Россию.

После отъезда наших интересных посетителей, одному из которых, а именно Барадийну, я обещал подарить мою последнюю книгу, которая в сокращенном названии известна как «Хара-хото», мы с Пшевочкой еще долго не ложились спать, беседуя отчасти о посещении нас знакомыми, а во-вторых, по поводу предстоящей моей поездки в Россию. Урывками я продолжаю укладываться, собираться в дорогу.

Ночь тихая, полуясная. Я выходил уже на свету, в ½7-го, t воздуха –13.5°С.

5/XI, ☿. Как и вчера, сегодня утром на ЮВ перистые облака, сквозь которые дневное светило силится прорваться на чистое голубое небо. Богдо-ула темна, мрачна, сурова.

Кроме обычных дел сегодня предстоит устраивать выставку Тибетской экспедиции в новом здании м[инистерства] н[ародного] п[[росвещения] Монголии. Задача не из легких — суметь выделить нечто из археолог[ических] находок для Учкома. Впрочем, мы с Жамцарано по этому вопросу столковались.

В полдень я осмотрел новое помещение МНП, в частности его отделение, отведенное под Ученый комитет, в котором размещены четыре витрины для коллекций Тибетской научной экспедиции: отделов археологии, естественно-исторического и фотографий. Также желательно иметь карточку района сборов и района археологических изысканий Тиб[етской] экспедиции. Отвезли коллекции в Ученый комитет. Там энергично все подготовляют, т.е. промывают, очищают и устраивают приличный вид, чтобы потом нам самим начать раскладывать самые коллекции. Интересно, что из всего этого выйдет!

Погода резко изменилась к худшему: в воздухе тучи пыли, облачно сплошь и к довершению всего дует резкий, пронизывающий, холодный ветер. Барометр падает! Больше чем когда-либо начало сказываться приближение зимы.

Удалось устроить витрину с бронзой, медью и золотом. Ничего — картинно! Рядом — вторую витрину с большим ковром. На завтра останутся тоже две витрины на зоологию и ботанику.

Вечер я с Пшевиком провел у гостеприимных Маршаллов, где был превосходный ужин с супом, т.е. настоящий обед вечером. Закуски хорошие, два сладких блюда отличные, по части вин — мадера, красное вино и за сладким — шампанское со жженым миндалем, а затем фрукты и чай или кофе.

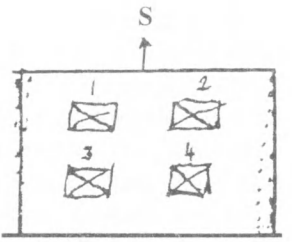
На вечере сегодня я впервые видел, как танцуют фокстрот. То, что о нем говорят — танец неприличный, вызывающий, — совершенно справедливо. Мне кажется, и современные танцы вроде фокстрота, и современная женская мода неприлично одеваться — только наполовину прикрывать свои телеса — отвечают духу времени, той разнузданности, которая вообще царит в первой четверти 20-го столетия. Мода идет строго с состоянием нравов, с их устойчивостью или неустойчивостью. Так было, и так будет.

6/XI, ♃. Как и ночь — утро серое, угрюмое, неприглядное. Вот-вот пойдет снег. А в священном массиве Богдо-ула он уже падает — там темно-серая завеса, какие обыкновенно бывают в зимнюю пору. Хорошо теперь в Алаша!

Вчера, между прочим, у Маршаллов я видел прелестного датского дога — огромного, темного, дов[ольно] добродушного и очень игривого. Говорят, ему всего два года.

Сегодня дважды я был в Учкоме и все по устройству выставки. В конце концов сделали так: 1-я витрина (юго-восточная) бронзово-золотая, в ней очень ценные и интересные находки; 2-я (юго-западная) витрина — большой ковер с вышитыми мифическими животными; 3-я (северо-восточная) витрина — двойное содержание. Восточная половина — археология: вышивки и коса, заплетенная и красным шелковым шнурком перевязанная, и волосяная сетка (мудро сплетенная). В западной половине, занятой энтомологией: внизу по 6 рядов жуки и мухи — 12 рядов (на один ящик); выше, или севернее,

12 рядов (из двух ящиков) — только одни бабочки; таким образом, по части насекомых представлено два ящичка, или 24 ряда. И наконец, 4-я (северо-западная) витрина почти исключительно с птицами. Почти — это еще две спиртовые склянки: a) с двумя змеями (степная гадюка, полосатая и удавообразная, по всей вероятности, новый вид) и b) склянка с ящерицами, жабой, лягушкой и бурой мышью.

Приятно, что наша выставка коллекций действительно размещена в новом здании м[инистерства] н[ародного] пр[освещения] Монголии (здание в тибетском стиле с плоской кровлей), в комнате слева, или с востока от парадного входа, с окнами, выходящими на главную улицу и одним — на двор МНП. Выставка готова сегодня к вечеру. Мне было весьма приятно наблюдать за приходившими из министерств монголами (компаниями). С каким увлечением они рассматривали витрины и с живостью поясняли друг другу коллекционные предметы. Кроме монголов сюда заглядывали и китайцы. Я наблюдал, что потом каждый из осмотревших выставку приводил, в свою очередь, новых зрителей и в роли толкователя сопровождал их вдоль витрин.

Теплоухов телеграфирует, просит отложить на время заказ китайского обеда. Почему? Весь день сплошная облачность, северо-западный ветер и снег, прикрывший землю белой пеленой.

Начинаю читать Иакинфа,[143] очень интересный и содержательный труд с массой нужных исследователю (современному) всякого рода сведений.

Должен отдать справедливость, библиотека Ученого комитета Монголии имеет большое научное значение и подбирается весьма вдумчиво и толково. Бывало, в Урге днем со огнем не найдешь никакой порядочной книги; ныне ученый путешественник может встретить при Ученом комитете Монголии маленький кабинет для занятий.

Ночь полуясная, с северным, не холодным ветром.

7/XI, ♀. Утро полуясное. Снег сухой, все еще прикрывает землю. Здесь он не тает, а лишь постепенно, последовательно испаряется или разносится ветром и перемешивается с пылью.

Утром я был на выставке. Позднее ко мне пожаловал хамбо-лама Агв[ан] Доржиев, с которым мы вновь говорили о Тибете, о Д[алай]-ламе и проч. В Тибете имеются монеты — золотые, серебряные; имеются почтовые марки и т.д. Мой атлас «Лошади»[144] очень понравился секретарю тибетского Д[алай]-ламы, и он нашел нужным все подписи под лошадьми снабдить тибетским переводом. Доржиеву очень приятно было познакомиться с таким богатым художественным изданием, и он заметил: «Да, Его святейшество будет не раз любоваться всевозможными породами лошадей, которых он так любит». Еще хамбо-лама счел нужным сказать, что будет превосходно, если Петр Кузьмич найдет возможным отправить в Лхасу подарок Далай-ламе в виде п[улемета] с соответствующим запасом «продовольствия». Это обстоятельство будет по достоинству оценено и никогда не будет забыто. Доржиев уверен, что судьба будет благоволить мне достигнуть Тибета, хотя бы того интересного уголка, который должен был привлечь мою экспедицию в первую голову и на долгое время своею неизвестностью. Я говорю об истоках знаменитой реки Китая Ян-цзы-цзяна — сына океана.

Последнюю часть дня* я провел на рауте в полпредстве: был ужин на два стола в самой большой комнате — гостиной. Были приглашены представители всего выдающегося в Урге. За первым столом рядом с Юдиным сидели Доржиев и Цэрэн-Дорчжи, потом Рыскулов и Ербанов; визави В[италия] И[вановича] — Барадийн, я, Жамцарано и Цецен-хан с министром иностранных дел; по бокам — военный и секретарь Цэр[эн]-Дорчжи.

Ужин был превосходный, с отличными закусками и винами и сладким. Много было разумных слов. В этот год все было стройнее и возвышеннее, с бóльшим достоинством, нежели в прошлый год. Речи всех монгольских ораторов отличались указанием на грядущую опасность со стороны Китая: китайцы непременно выступят с войной, и не позднее весны, и что монголам, конечно, никогда не справиться с китайцами без сильной поддержки России. Уповая на это обстоятельство, на то, что «за спиною Монголии стоит сильная Россия», монголы чувствуют себя сносно. Некоторые говорят даже: «Мы не желали бы быть на месте Китая, в Китае великая гражданская война, брат бьет брата, а мы, монголы, беря пример с Советской России, мирно устраиваем нашу жизнь. Советская Россия освободила нас от импер[иалистов] и капитал[истов], и с помощью Советской России мы можем достигнуть культуры».

Вечером, после беседы с С. Б. Бадмажаповым о бурханах и буддизме, я возвратился домой. Мои спутники все были в сборе. Ночь тихая, ясная и не холодная.

8/XI, ♄. Утро очаровательное: тихое, солнечное, прозрачное. Дали широки, поэтичны, и сине-голубое небо манит к себе неудержимо. Богдо-ула спит невозмутимым сном.

Сегодня у монголов великое событие — хуралдан:[145] вступление к выборам и самые выборы в местный своего рода парламент. С утра сбор всех частей и организаций на площади, вокруг трибуны. Красные знамена и флаги там и сям колышутся с утра. Духовой военный оркестр разносит свои звуки далеко по сторонам.

К 5 часам дня собрались в министерстве, где подносились приветствия монгольскому правительству по случаю великого хуралдана. Соседка Монголии — Бурятия, в лице председ[ателя] Совнаркома Ербанова, поднесла при торжеств[енной] речи бюст, портрет и сочинения Ленина; китайская колония в Урге — красный плакат с золотым чудным шитьем и т.д. Выступали с кафедры: молодая женщина-монголка, молодежь, представители бурят, киргиз, всяких оттенков монголы, выступал лама-хамбо Д[оржиев], который живо и увлекательно начал с истории великого Чингиз-хана. Старик в приподнятом настроении ходил по кафедре (что свойственно и мне лично) и с жаром увлечения говорил, подчеркивая, что во все времена из всех слоев обществ народных выступали правители или представители и в мирском, и в духовном отношениях, и история украшена такими именами, которые и теперь вызывают восхищение.

По окончании приветствий и малого промежутка между 5—6 часами нас позвали к столу, или столам, так как их стояло два во всю комнату, длину ее.

---

* Я был рад, что меня застала дома наша милая девушка Вася — собирательница энтомологии; она и на этот раз привезла мне жуков-водолюбов (тщательно уложив в коробочку).

Зашли и сели приблизительно так, как вчера в полпредстве, по крайней мере за первым столом. Столы были значительно больше, длиннее, и преобладали местные, монголы. Как и полагается, первым говорил Цэрэн-Дорчжи, затем вперемежку монгольская молодежь и представители Коминтерна, Бурятии и проч. Представитель полпредства также сказал. Особенно хорошо — содержательно и выразительно — сказал Ербанов (с переводом Ринчино). По окончании речей политических я и Жамцарано выступили с речами на тему культуры — изучения стран Центральной Азии. Я лучше других понимаю пастушеский народ, его уклад, жизнь, походный порядок, так как я сам лично прожил и воспитался простором пустынь, красотой гор, жизнью могучих рек. Народы Центральной Азии — киргизы, тюрки, тибетцы, монголы, буряты — хорошо ведомы мне, со всеми ними я работал как путешественник, но всего ближе я, конечно, соприкасался с бурятами. Буряты были у меня спутниками, и один из них — Ц. Г. Бадмажапов внес большой вклад в дело географического изучения Центральной Азии и Тибета. Он много способствовал моей славной деятельности по открытию Хара-хото и проч., проч. Только одни буряты принимали видное участие в кругу сотрудников ученых экспедиций. Прочие народы — монголы, тибетцы, киргизы — играли роль или официал[ьных] собеседников как представители, или в качестве скромных слуг — проводников. Наблюдая за деятел[ьностью] нашей, смотря с удивлен[ием] на инструменты (ученые), номады восторгались, недоумевали, глядя на многое и втихомолку произнося: «Настанет ли когда-нибудь время, что и наши будут принимать участие или работать самостоятельно по изучению своих родных мест?» Теперь дело обстоит иначе. Монголы проснулись, имеют вождей на всяком поприще, ведущем к прогрессу, имеют превосходного учителя Жамцарано, с помощью которого создался Ученый комитет Монголии. Путешественники-исследователи обязаны делать доклады, обязуются присылать свои печатные ученые труды, обязуются выделять части из своих всякого рода коллекций. От души желаю успеха юному монгольскому народу на пути к восприятию культуры. Завтра у нас научное торжество: выставка коллекций в здании МНП Монголии. Двери открыты для всех — пожалуйте! В заключение вечера-раута были исполнены номера музыки и пения. Пели все национальности: монголы, киргизы, буряты (супр[уга] Ербанова), пели русские* («Священное море Байкал»), но играли только монголы на всех своих национальных монгольских инструментах.

Вечер прошел удачно, и я был доставлен домой компанией Бурятского Совнаркома.

Лунная ночь, усеянное звездами небо Монголии создавали очаровательную картину.

9/XI, Ө. Утро ясное, тихое абсолютно и в воздухе, и среди животного мира, и в среде населения столицы. Этому спокойствию способствует, конечно, и то обстоятельство, что мы живем в укромном уголке, на окраине. Наш могучий сосед «Майтреи» спокоен и лишь изредка дает о себе знать громкой или тихой духовой музыкой из тиб[етско]-монг[ольской] буд[дийской] симфонии (что я очень люблю).

---

* и даже тибетцы.

С 10 часов утра я на выставке, которая, между прочим, сегодня только и открылась (официально). Первым аккуратным человеком был Ц[эрэн]-Дорчжи и другие. В общем, народа было порядочно: и монголы, и буряты, и русские. Те и другие и третьи обнаруживали больший или меньший интерес. Была даже одна монголочка-дама, был Дамба, председатель парламента (Великого хуралдана), были штатские и военные, молодые и старые; в общем, до сотни человек. Одни были долго, другие короткое время, те и другие делились между собою впечатлениями. Были Ербанов с женой, Барадийн, Юдин, Шахов, Надеберг* с женой, Щапов с дочкой Олечкой и т.д. Хорошо было, когда сосредоточивалось одновременно порядочно народа — чувствовалось значительное оживление. Почему-то не было ни Бадмажапова, ни Маршалла, ни Шастиных, ни Байковых с К °. Ведь прибудут же эти г[оспода] наконец!

После обеда у себя дома я уже никуда не ходил, если не считать прогулки к Цокто и Маршаллу. Первый снабдил меня «Бурят-Монгольской правдой», в которой от 29/X с. г. имеется заметка о нашей Тибетской экспедиции. Заметка эта составлена Успенским по поводу заседания Троицкосав[ского] отд[еления] РГО, на котором были доложены мои сообщения о деятельности Тибетской экспедиции и доклад Елизаветы Владимировны. Присутствующих было много, и собрание к докладам об экспедиции отнеслось очень внимательно, с интересом.

У Маршалла я пил чай и говорил с mrs о Каминских, Н[иколае] Р[обертовиче], которые вновь проживают в своем переулочке на В[асильевском] о[строве], с прежним видом на сад кадетск[ого] корп[уса].**

Свой билет на монгольско-бурятский вечер я уступил Павлову, который (и Елизавета Владимировна) был до 12 часов на этом интересном празднике в Нардоме. Были танцы и песни, чисто национальные; в антрактах угощали бутербродами, печеньем с чаем. Праздник почтили очень многие посетители торжеств Вел[икого] хуралдана. Не были, кажется, только я и великий лама — хамбо-лама Агван Доржиев.

Мой В. Гусев возился с ящиками, с их увязыванием, я — с писанием адресов.

Ночь дивная, ясная, тихая и не холодная. Погода вообще стоит дов[ольно] мягкая.

10/XI, ☽. Утро превосходное: ясное, с едва заметным дуновением ветра с севера. В 11-м часу я был в Учкоме, на собств[енной] выставке и давал объяснения Лушникову, м[инистру] и[ностранных] дел Монголии, разным посетителям. В том числе были двое мол[одых] людей — культурных и весьма благовоспитанных (один, между прочим, военный), которые настолько расположили к себе, что я давал им очень подробные объяснения лекционного характера.

Сегодня-завтра сдаем 13 номеров посылок: из них 8 на имя РГО с археологией и геологией, остальные 5 — в адрес Зоологического музея РАН, преимущественно с птицами и зверьками. Надеемся, что полпредство все сделает, чтобы научные ценности Тибетской экспедиции дошли бы до мес-

---

* *По-видимому, речь идет о А. Г. Гнадеберге, местном лесничем. (Прим. сост.)*

** В мое отсутствие у нас была мандалка Клавдия.

та назначения в благополучии и исправности. Это долг полпредства и культурная услуга Тибетской экспедиции.

Сегодня же мне удалось написать письма: А. А. [Бялыницкому]-Бируле и В. Л. Комарову (с тремя фотограф[иями] Суцзуктэ). Никак не смогу настрочить отчет (предварительный) в РГО. Это надо сделать всенепременно!

Между 3—4 часами у меня на выставке были две семьи — Маршаллы и Бадмажаповы. Последние привезли всех своих, до маленького Гавушки включительно. Не только дети, но и взрослые много внимания уделяют обозрению образцов живой природы Монголии — бабочкам, птичкам, всему тому, что на солнце блещет разноцветными оттенками и привлекает зрительное сосредоточение.

Интересную картину монгольских детей во главе с хорошенькой девочкой-подростком я наблюдал сегодня в соседнем дворе: взрослая, дикарка кокетливо наблюдала за чужеземцем, незаметно приблизилась к нему и, стоя вблизи, лукаво посматривала, закрывая лицо до глаз. Лицо монголочки было очень оживлено и много говорило тому, на кого оно смотрело. Дикарка появляется во дворе редко и, главным образом, в лучшее время дня и подолгу наблюдает через частокол за нами, за нашим двором. Я привык к этой девочке и почти ежедневно видел ее, не без интереса и удовольствия сосредоточивая свой взгляд на этом юном существе. Но еще больше ко мне привыкла девочка-ребенок, двух-трех лет, которую я иногда балую конфетой. Эта черномазка, с глазенками-вишенками, заметив меня, с криком бежит в мою сторону, протягивая ручонку. Ее пояс с погремушками гремит на весь двор, она здоровается и говорит, что меня давно не видела, куда я уходил так надолго.

С 5 до 10 часов вечера я отсутствовал дома; все это время провел на рауте у тибетцев вместе с избранной русско-монголо-бурятской компанией. Нас угостили китайским обедом как следует. Были также вина, до шампанского вина включительно. Говорились речи. В огромной юрте стояло три стола, рассчитанные на 30 персон. Прислуживали тибетцы, с дониром во главе. Машин стояло много, и публика почти одновременно разъехалась. Луна с безоблачного неба лила свой яркий отблеск, и монгольские собаки стаями попадались нам у дороги.

Гусев успел воспользоваться Кочетовым, чтобы привезти в полпредство 13 посылок для отправления с курьером в С[оветскую] Россию. Восемь посылок с археологией и один маленький [пакет] с геологией адресованы в Ленинград, в Русское географическое общество. Пять же ящиков с зоологией — с птицами, зверьками и спиртовыми пробирками — в Зоологический музей РАН.

Итак, ежедневно что-нибудь находится по части работы, и время бежит неудержимо.

11/XI, ♂. Утро серое, хмурое, облака нависли над Богдо-улой до нижнего пояса. Лошади Кочетова стоят наготове и очень скоро увезут моего Пшевика вверх по Толе. Он будет там, в Убулуне, бродить с ружьем, наблюдать и собирать образцы орнитологической фауны. Он будет по вечерам вести беседы с милыми Тугариновыми и Кочетовыми и новыми колонистами. Я завидую Пшевику, он свободен, а я окружен спутниками, делом и условностями. Но я хочу также в Убулун.

Уехал мой Пшевик, и я отправился к себе на выставку. Там уже был старший класс местной школы, приведенный Н. П. Шастиной. Ко мне явилась туда же и Е. Я. Сахарова с прежней неизменной просьбой помочь ей освободить от суда и следствия ее мужа. Ко всем она ходит, всех она просит.

Мне следовало побывать у моих археологов, порасспросить, посмотреть, поговорить. Следует также побывать и у Ербанова и Барадийна, а то выходит как-то неловко. Если не удастся сегодня, то надо непременно это сделать «маргаш!» — т.е. завтра.

Кондратьев ехал с археологами, но в Мандале отстал, так как встретил там возвратившихся из гольцов наших охотников с Павлом Борисовым и Андреем Симуковым во главе. Андрей прислал двух летяг, горностая, а из птиц: урал[ьскую] сову, двух белых куропаток,* щура и синицу (Parus ater). Буду ожидать других данных. Вероятно, по приведении всего в порядок Кондратьев прибудет ко мне, в Ургу.

Сегодня Павлов торжественно заявил о своем желании уехать в Москву для обработки гербария (сначала в Москве, а потом и в Петрограде). Я, конечно, ничего, кроме удовольствия, не имею. Ведь так будет лучше, нежели его прогонят, как ему было с моей стороны торжественно заявлено в прошлом году, когда он несколько раз напивался, что называется, «до положения риз». От Павлова необходимо взять подписку, что он обязан весь гербарий представить в Русское географическое общество.

Погода портится, становится, скорее, похожей на зимнюю, нежели на прежнюю прекрасную осеннюю.

Весь день периодически в Богдо-уле падает снег; иногда падение снега выражается полосами, похожими на полосы падающего дождя из быстро несущихся туч.

Вечером прибыл к нам С. А. Кондратьев (с Ваней Вильским). К[ондратьев] встретился с Андреем в Мандале и потому отстал от машины. Андрей доложил К[ондратьеву] о его поездке в гольцы с партией охотников-промышленников. Андрей добыл в коллекцию очень мало, но зато, судя по докладу К[ондратьева], он интересно проложил маршрут к гольцам по ответвлениям Сугу-нура. Он попал в горное поднятие — каменное болото на плато, окаймленное с одной стороны, южной, гладкими, притупленными обнажениями и с другой, северной, острыми пиками. С этого доминирующего пункта берут начало три речки: Хара, Иро и Тэрэльчжи, или то же самое — р. Тола. А[ндрей] не довел до конца свою работу на том основании, что получил предупреждение скорее возвращаться восвояси, так как Монголия экстренно снарядила карательные отряды ловить непрошенных гостей, забайкальцев, объявившихся в лесах Кэнтэя в количестве свыше 1000 человек (с лошадьми, со скарбом). Это был неожиданный охотничий набег на монгольскую белку. Охотники-промышленники имели на руках лишь копию телеграммы Красноярского охотничьего союза, что последний ничего не имеет против поездки их на монгольскую территорию с целью добычи белки. И вот снялись охотники и табором, как гунны, двинулись истреблять теплого, ценного зверька, совершенно не считаясь с мнен[ием] монг[олов].

---

* Lagopus mutus, ♀: 36.5, размах 49.0, разн[ница] 7.5 цм; рад[ужина] т[емно]-бурая, кл[юв] т[емно]-бурый, когти серые; ♀, 35.5 — 46.5 — 7.5.

Монголам оставалось одно — энергично пресечь дерзкое поползновение россиян. И вот, боясь, что наши экскурсанты, вооруженные бумагой на право экскурсии, могут попасть в общую ватагу нарушителей закона Монголии в качестве арестованных в Алтан-булаке, на границе России, им и было послано предупреждение. А[ндрей] мой еще не сумел выполнить всей своей программы изучения самого высшего пункта в гольцах, их плато, откуда зарождаются реки Хара, Иро и Тола. Любопытно, что говорит об этом месте Усов, привлеч[енный] горно-промышл[енным] золотым обществом как горный инженер для научного исследования этого интересного уголка Кэнтэя — Манхадай? Плато покрыто низким, стелющимся по земле ерником, в котором ютятся белые куропатки. В гольцах Ваня Вильский видел соболя, но ему не удалось его стрелять, а Павел Борисов, говорят, выменял белую белку на экземпляр своей темной у одного из забайкальских браконьеров. Странно, однако, что Павел, не сказав ничего, отошел своей охотой в сторону от той партии, в которой сам находился и в которой состоял А[ндрей].

Долго мы пробеседовали с К[ондратьевым] о Суцзуктэ, археологии, об охотах и экскурсиях и о наших экспедиционных перспективах. А[ндрей] просится отпустить его докончить изучение каменных болот обильного влагою района зарождения трех больших рек Монголии.

12/XI, ☿. Облачное, серое небо, иней. Физиономия вообще монгольской природы зимняя. ½ 2-го часа: сейчас я с Гусевым из полпредства, говорил с В[италием] Ив[ановичем] о наших делах и деле Сахаровой. [Юдин] обещал написать А. Г. Старкову. Удлинил срок паспорта ([помогла] Ц. М. Юдина). Имел продолжительное свидание с Теплоуховым о перспективах на показ коллекций и выделении их, в малом количестве, местному Ученому комитету. Конечно, жаль и нежелательно дробление коллекций; какой-нибудь оставленный кусочек именно и будет играть [важную] роль, именно его будет недоставать при реставрации и проч. Но мне же кажется, что РАН всегда поправит это дело. Она поблагодарит Ученый комитет Монголии за содействие Тибетской экспедиции.

В конце концов сговорились, столковались с Жамцарано: теперь можно увезти все, все обработать и в заключительном итоге отдать Ученому комитету Монголии одно из погребений с посредственным содержанием. Не считая, конечно, зоологических или — шире — естественно-исторических даяний; на этот счет мы имели дубликатные, специальные сборы.

Придется ехать и мне в Петроград и Москву и обстоятельно выяснить на месте дальнейшие шаги, дальнейшую деятельность Тибетской экспедиции. Важно также самому мне лично выслушать мнения ученых специалистов относительно естественно-исторических сборов, их значения и проч., чтобы знать, на что именно в будущем следует обратить вящее внимание.

Пока что в пятницу выставка и доклад Теплоухова в Ученом комитете. Там же и фотографическая съемка членов Тибетской экспедиции с Жамцарано включительно. В субботу будут приготовления, и в воскресенье — китайский званый обед на 8 персон. После этого, примерно во вторник-среду, наши археологи уедут, и тогда у меня будут развязаны руки. Смогу я устроиться со своим планом и сборами в Петроград, смогу сделать так, что увижу моего Пшевика до моего отъезда в далекую Россию.

В заключение сегодняшнего дня следует отметить о посещении выставки монгольской школой смешанного состава. Десятков пять воспитанников и воспитанниц во главе со своим учителем — монголом Биждором самым внимательным образом наблюдали и слушали. Я давал объяснения по-русски, заведующий школой переводил вразумительно по-монгольски, и воспитанники слушали внимательно, их темные глаза блестели, они уходили все в слух, и многие записывали к себе в книжку (памятную), чего я совсем не наблюдал со стороны воспитателей и воспитанников русской школы. Вот где будущее Монголии, подумал, вот где залог дальнейшего преуспевания и благоденствия страны.

Сегодня пришлось временно оставить дом на попечение соседей-монголов — девочки и ламы, и они очень серьезно выполняли все время возложенное на них поручение.

Как незаметно бежит время, катится день за днем быстро, только и отмечаешь утро!

Вечером были все дома, даже ботаник пришел не поздно. Кондр[атьев] приготовил несколько посылок, главным образом продовольствие и тепл[ые] вещи для нашего уголка Суцзуктэ.

Ночь великолепная: тихая, ясная и, как иногда выражаются, обаятельная.

13/XI, 2. Каждое утро начинается облачным, сегодня также, но только облачка перистые, могут быстро исчезнуть.

Вскоре день разгулялся на славу: прекрасным, ясным, прозрачным, с широкими далями. Я прокатился с Цокто Гармаевич к Ербанову и Барадийну и просидел у них значительное время. Они просили остановиться в В[ерхне]-удинске, их столице, на два дня, чтобы иметь возможность все осмотреть и прочитать лекцию для их широкой публики. Они, в[ерхне]удинцы, помогут устроиться в вагоне с многочисленными коллекциями. Это пребывание мое должно быть скрепой отношений в дальнейшем. От Ербанова я зашел к моим старым друзьям Щаповым, у них посидел, выбрал фотогр[афические] снимки, заказал другие, обещал помочь Олечке и подарил ей мой «Тибет».[146]

А[нна] И[вановна] тронула меня своею сердечностью: она хранит как зеницу ока мой подарок — малахитовую, с бордовым убранством внутри, уральскую шкатулку, поднесенную ей мною еще в 1905 году, в счастливую молодую пору, в год пребывания в Урге тибетского Далай-ламы.

При возвращении домой я встретил хамбо-ламу и с ним доехал до нашего домика, где обстоятельно выяснили вопрос с п[улеметом] для тибетского моего великого друга — Д[алай]-ламы. Этот последний и Доржиев — мои искренние друзья, с ними мне всегда хочется встретиться и от всей души поблагодарить за их всегда верную ко мне дружбу и проч.

Сегодня же заходила ко мне Е[вгения] Я[ковлевна]. Хочу знать, каковы ее дела относит[ельно] судьбы мужа.

Солнце светит вовсю, в такое время я весь уношусь к моему орнитологу, вся моя душа просится к родному Пшевику. Она теперь сидит на солнышке и делает свое дело — наблюдает хороших пернатых и добывает их в коллекцию. Что она думает, как представляет наше здесь пребывание? Ведь она чуткая и бесконечно заботится о благах Тибетской, родной для нее экспедиции.

День стоял таким приятным, теплым, а вечером подул пронизывающий ветер с востока. При закате еще можно было гулять и наблюдать дивную

зарю, но несравненно более очарователен был отблеск зари на востоке, по вершинам отдаленных гор и холмов. Тут голубой и розовый тона словно соперничали друг с другом вначале, а потом слились в одно стройное художественное целое.

Я поставил трубу и наблюдал низко над западным горизонтом Юпитер, высоко над Б[огдо]-улой Венеру и одну из ярких звезд созв[ездия] Капеллы (на востоке-сев[еро]-востоке). Холодно. Луна взошла, порядочно поднялась, и к нам прибыла компания посмотреть, полюбов[аться] в трубу. Позднее возвратились мои старшие мальчики Кондр[атьев] и Павлов. Мы легли спать в 10 часов вечера.

Ночь тихая, ясная. Луна ярко озаряла и долину, и гору Богдо-ула.

14/XI, ♀. Утро ясное и почти тихое. С севера, как вчера вечером с востока, тянет холодная струя.

До 11 часов утра я сидел и писал дома, потом отправился в Учком. Там археологи уже заняли 4-ю витрину, бывшую с птицами, и заполнили ее сокровищем кургана № 24. На первом месте, в центре, лежали на красной бумаге: вещица из нефрита с изображ[ением] дракона, затем ряд маленьких вещиц частью из золота, частью из лака (китайского, стар[инного]) и тоже с золотом. Потом, по сторонам, материи с рисунками, птицами (попарно). Тип материй тот же, но с иными рисунками; имеются и вышивки, как и наши, и кости — черепная коробка и тазовая кость, говорящая о женщине (немолодой); имеются части ковра и оригинальный чехол с концами для вязок. По стене висели фотографии и чертежи, поясняющие курган, его форму, разрез с видом (в профиль) самой ямы, погребальной камеры и гробницы в разных положениях.

Затем, около 2 часов дня собралась компания из представителей Монголии (положит[ельных] людей и молодежи) до Жа-Дамбы включительно, когда Теплоухов (с помощью переводчика — учителя) сделал маленькое сообщение об археологических раскопках в горе Ноин-ула.

Слово Тепл[оухова] дельно, за исключением вступления, в котором он много уделяет знач[ения] Баллоту! Что же Баллот сделал, как не испортил больший, лучший курган? Он такой же был хищник, как и монголы. Кто же знал о раскопках Баллота?[147] Даже археологи Иркутского государственного университета молчали, да, вероятно, и не знали толком ничего, иначе они попытались бы приехать в Монголию, ведь это так недалеко! Могу смело сказать, что [после] 12 лет [со времени] балл[отовской] порчи кургана могли впоследствии пройти 120 лет, и я не знаю еще, кто удосужился бы заняться исследованием неведомых могил.

Громко заявлять, что первый открыл Баллот, а затем обратил на курганы внимание наш маститый путешественник Петр Кузьмич Козлов — едва ли так говорить следует. Это лишь для умаления значения настоящего автора.

Надо тонко дать понять Теплоуху,* чтобы немножечко в будущем изменить редакцию доклада, главным образом его вступление или предисловие к докладу!

Мой Пшевик дал о себе весточку. Там, вверху Толы, в Убулуне ее хорошо, по-родственному приняли, но там особенной добычи по пернатым не

---

* *Так в тексте. (Прим. сост.)*

оказалось, несмотря на ее самые тщательные поиски. Общий характер местности очень близок с таковым Сангина. Лесные заросли по дну, берегам Толы, но тут преобладают выходы гранита. Имеется белозобый Cinclus, который обрадовал и внес оживление для моего Пшевика.

Там, вдали от экспедиции, мой Пшевик очень скучает, ему недостает нас или, в крайнем случае, сведений о нас. Она просит писать ей обо всем существенном, что я думаю, как поступаю, каковы мои решения по отношению к поездке в Россию, что сделали археологи и когда они уезжают, и проч. Приезжал Цокто, условились о субботе и дне обеда китайского — воскресенье.

Пока почта нас забыла, забыли друзья, родные, знакомые — мы ничего не знали. Не пишет даже мой Володя, даже он изменил своей аккуратности! Виделся с х[амбо]-ламой, решили на половинной комбинации (36 одного, 00 в заключение, остальное — после решения в Москве[148]). Дорж[иев] остался, в общем, доволен, но довол[ен] отчасти. Ведь Вел[икий] хуралдан сказал нечто об отнош[ении] России к Монголии, тут же заодно, родственно, надо и Тибету. Конечно, следует, тем более что М[онголия] близка к Р[оссии] и ей всем и всегда помогут! А инт[ересно], Тибсту — кто?

Ночь, как и предыдущие, — превосходная, ясная, тихая; Луна красиво озаряет окрестности.

15/XI, ♄. Ясно, тихо, прозрачно; на утренней заре –15.9°. Дым тянется вверх, а потом сгибается к югу и почти всегда относится к Богдо-уле, на ее северный склон.

Я в компании с Маршаллом и Бадмажаповым поехал в первый раз во дворец Богдо.

Там видел много-много интересно. В общем и прежде всего меня поразила масса всякого рода больших и малых построек, группами. Тут вы видите преимущественно китайский стиль, в особенности в постройках всякого рода кумирен. Там и сям садики около построек, видны канавки для поливки кустарников. Что особенно приятно, так это близость к монгольскому заповеднику. Из окон дворца Богдо лес близок, скалы, ущелья манят вас к себе, и с прекрасным биноклем из окон вы можете любоваться не только уголками растительного царства, но и группами коз, оленей и проч. Чистота и девственность священного массива всегда бесконечно ласкают глаз и душу наблюдателя.

Среди кумиров, среди бронзовых золоченых статуй, больших и малых, местного изготовления (Долон-нор) и статуэток тибетских и индийского происхождения не сможешь сразу и разобраться. Для этого потребуются недели, месяцы, чтобы отдать себе отчет в виденном. Я здесь, например, видел впервые кораллового Амитаюса или среди чудных зеленых нефритовых табакерок — табакерку из коралла, да еще не одну, а целое собрание их. А сколько всякого рода нефритовых (зеленых, белых, светло-зеленых или, точнее, с зелеными прослойками, или молочного цвета), это просто не поддается описанию. Хороши табакерки также янтарные и всяких типов фарфоровые и стеклянные, например красные или серые с накладными иероглифами. Говоря вообще, в большом дворце, русского стиля, с полом и отоплением (паровым) и освещением (электрическим), масса всякого рода предметов (и европейских, и китайских, и монгольских, и худож[ественных], и швырковых, и

ценных, и дряни), невольно скажешь — кунсткамера. А сколько всякого рода картин, фотографий царей, сановников! Не перечесть! В одной комнате рядом с веселым итальянцем висит раскр[ашенный] портрет анг[лийского] покойного короля Эдуарда. Много изображений Николая II. Много изображений и самого Богдо-гэгэна с его женской энергией. Множество всякого рода часов, альбомов с порнографическими карточками. Много фарфора китайского, русского, много клуазоне и т.д., и т.д. Оружие также имеется. Спальни гэгэна приличны, и их целый ряд, почти в каждом обособленном помещении. Бинокли, зеркала, музык[альные] инструменты. Я приобрел круглый местн[ый] инструмент и мундштук.

Немало также чучел животных, птиц, пресмыкающихся и земноводных. Огромный музей своего рода. Имеются жираф, удав, тропические или подтропические формы бабочек и т.д. Глаз устает смотреть на всякого рода дорогие безделушки!

Мне лично больше всего понравились два отдела: статуи и статуэтки буддийские и огромное собрание нефрита (какие чашечки! прозрачные!), в частности собр[ание] табакер[ок].

Теперь о животных. Всюду масса собак и много голубей (породистых) красивых; для собак и голубей есть специальные помещения. Кроме этого, в разных местах три или четыре больших медведя, два волка, обезьяна, огромный слон (прилично содержится);* из птиц: бурый гриф, молодой орел-степняк и только, по крайней мере согласно моим личным наблюдениям.

Интересен павильон с большущими часами (огромными), сделанными монголом. Это — гордость и богдо, и всех монголов. Вышка, пагоды, всякого рода домики, юрты, кладовые, гаражи переплетаются между собою и удивляют наблюдателя бессистемностью, редко художественностью и проч. Под стать осталась и публика, которой вверено богатство покойного богдо. Вверху и внизу дворца склады старьевщиков (немудрых антикваров).

Сегодня почта принесла: телеграмму (Петров) о согласии Главнауки на мой приезд; интересные письма от сына моего Володи и Виноградова из Зоологического музея. Наконец-то мы знаем, что́ Зоологический музей получил из наших посылок как в отношении птиц, так и в отношении млекопитающих; интересны для нас определения и в первом, и во втором случаях. Прочтя письма, в том числе и на имя Елизаветы Владимировны — Андрея Петровича [Семенова-Тян-Шанского], мне еще больше захотелось в Петроград с коллекциями: и с археологией, и с естественно-историческими сборами.

В России меня ждут, и самого меня, и мои сборы, главным образом, конечно, археологию!

Но прав ли я буду по отношению к сборам насекомых, в частности мух, или синичек, или из другой области — по части любопытной змеи типа удава?

Сегодня я послал большое донесение моему Пшевику и донесения друзей. Как приятно ей будет получить письмо Андр[ея] Петровича, его отзыв о пустыне Гоби. А мне в высшей степени приятно будет поехать к Пшевочке, поохотиться, увидеть многих и т.д. Там надо устроить своего рода праздник — свезти туда гостинцы.

---

* Не упомянул о трех косулях и дикой кошке.

Погода изменяется, барометр склонен к падению, а мне нужно несколько (5—7) отличных дней, мне нужна хорош[ая] облава.

Ночь полуясная, тихая. Дали открыты при лунном освещении. Звезды мигают и искрятся.

16/XI, ☉. Утро облачное, серое, все небо подернуто перисто-слоистыми облаками. Ночью дважды я выходил на воздух: тишина абсолютная, в особенности вверху, а внизу единственными нарушителями покоя являются только многочисленные темные монгольские собаки, которые теперь часто бродят целыми десятками и порою отчаянно грызутся. По всему городу несется собачий лай, а вверху — там мигают и искрятся небесные светила. Воздух застыл, не дрогнет. Богдо-ула невозмутима.

С утра я в Учкоме убрал две витрины: изящную (золотую с материями) часть и всю бронзу, а равно и все четыре ящичка со сборами насекомых. Потом возвратился домой и все устроил как следует: насекомых на свое место, археологию на свое.

Позднее ко мне заехал Ц. Ж. Жамцарано, просил написать ему своего рода документ на возвращение из археологических сборов содержимого одной «средней» могилы. С Ц. Ж[амцарано] мы толковали о гольцах, Кэнтэе, я ему сказал об интересе исследования высокого каменного плато в гольцах, в верх[овьях] или даже в истоках Хара, Иро, Толы, где низкорослый ерник дает у себя приют белой куропатке Lagopus mutus, где много сглаженного, рыхлого, к[рупно]з[ернистого] гранита.

Из найденных в багаже шести экземпляров «Тибет и Д[алай]-л[ама]» я сегодня подарил экземп[ляр] Ц. Ж[амцарано], а немногим ранее Ербанову и Олечке (Ольге Александровне) Щаповой. Значит, пока что у меня имеются три эти мои книжки, на лучшей бумаге с желтой хор[ошей] обложкой. Да, вот книжка есть лучший подарок — ее можно поднести кому угодно (от бедняка до царя)!

В 5 часов мы отправились на китайский обед (к китайцу Петру Иван[овичу], говорившему по-русски) и там угощались до ½ 8-го. Обед был очень хороший и такой же многочисленный или обильный кушаньями, как и первый! Ели все 8 чел[овек] (Юдин, Жамцарано, Цокто, оба археолога и нас трое) на славу, пили теплую водочку (рисовую), в заключение пили вкусный цветочный чай под китайскую музыку и пение!

Потом две машины нас доставили домой. Ночь тихая и дов[ольно] ясная. Выяснилось, что завтра в ½ 11-го утра сойдемся в Учкоме для снимков и подписания малого договора-обязательства председателю Ученого комитета Монголии.

Едва мы уехали, как подъехал к нашему дому автомобиль с Маршаллом. Милый Маршалл, наверно, желал взять меня и прокатить к ним, чтобы в кругу симпатичных англичан провести вечерок. Обидно и жалко, но поправимо.

Итак, завтра постараемся все перевезти домой: и ящик с бронзой, и ящик с ковром. Затем надо исподволь уложить два места твердых коллекций и третье мягкое. Много наберется у меня багажа: птицы, бидоны, насекомые, археология, этнография и личные дорожные манатки, всего числом мест 10—11, словом как всегда.

За археологами поеду я, сначала прокачусь вверх по Толе, а потом и замечтаю о действительности далекой.

Перед спаньем я немного возился с охотничьим снаряжением, предвкушая облаву на коз, а может быть, набежит волк или иной какой зверь. Потом пришли Кондр[атьев], позже и П[авлов].

Ночь тихая, облачная, не холодная, лай собак на всю Ургу.

17/XI, ☽. Тучи скопились почти по всему небу, в особенности в северной его части. Однако барометр начал подыматься, угрожающего ничего не предвидится. Значит, моя поездка вверх по долине Толы может состояться и даже в полной мере.

Около 11 часов утра я отправился в Учком. Там уже были археологи. Компанией в 5 человек — Жамцарано, Теплоухов, Боровко, Кондратьев и я — снялись на большое стекло. Потом редактировали СОГЛАШЕНИЕ между Ученым комитетом при министерстве народного просвещения монгольского правительства и Тибетской научной экспедицией РГО, 17 ноября 1924 года.

«1. Археологический материал, добытый Тибетской экспедицией при раскопе курганов в Ноин-уле в 1924 году, в целях возможно более полной научной обработки отправляется целиком в (Петроград) Ленинград.

2. Не позднее осени 1925 года все предметы, добытые из какого-нибудь одного погребения (среднего по богатству собранного материала), возвращаются в Монголию и передаются в музей Ученого комитета.

Председатель Учкома Ц. Жамцарано.

Начальник Тибетской экспедиции П. Козлов.

Завед[ующий] археол[огическим] отдел[ом] Тибетской экспедиции С. Теплоухов».

После подписания соглашения и скрепления его печатями мы отправились в полпредство, где с Юдиным имели разговор по расчету с археологами и размену денег (золота) тысячи на 2½ кит[айских] сер[ебряных] долл[аров]. Оказывается, сданного в торгпред[ство] серебра в колич[естве] около девяти пудов недостаточно примерно на целую тысячу дол[ларов]. Таким образом, наши материальные средства тают неудержимо. В конце концов, сколько же останется к маю месяцу предстоящего 1925 года — неизвестно?!

Надо собираться, а все некогда. В[италий] И[ванович] обещает хорошо устроить меня с коллекциями на попутной машине, долженствующей пойти в В[ерхне]удинск примерно около 3 декабря. Эту будет очень кстати. Только бы замерзли, или, как здесь говорят, «стали» реки. Непременно надо написать письмо милому Петру Саввичу Михно о моих планах в связи с предстоящей моей поездкой в Петроград и т.д., и т.д. Пока что надо собираться на лекцию Теплоухова.

В начале девятого мы уже в Нардоме, где все темно и адски холодно. Быстро осветили, пришли слушатели, оживили зал, и лектор поднялся в одну из лож. По моему мнению, С. А. Теплоухов отлично прочитал, он сделал удачное вступление к настоящей теме, он образно нарисовал историю археологической науки, первых людей, их облик, быт, потом удачно перешел к древнему и новому камню — палеолиту и неолиту, наконец к бронзовому периоду и железу. Коснулся распростр[анения] культур вдоль Енисея, минусинских богат[ейших] находок. Заметил о Монголии, о зачатках исследований в этой стране, упомянул о раскопках Талько-Гринцевича и принадлежности его находок к бедному [сословию] и в заключение остано-

вился на наших открытиях в Ноин-уле трех групп могильных курганов, о разрытых из них, о хищничестве и тем не менее об очень большом богатстве похорон, похорон аристократических людей, на что имеются ясные указания, об антропологической части остатков — черепов и других костей.

В общем, чтение С[ергея] А[лександровича] продолжалось около часа. Лектор закончил мило, сказав, что будет считать себя счастливым, если заронил искру пытливости и желаний кому-либо из слушателей, могущих там или сям в обширной Монголии подбирать археол[огический] материал и интересоваться вообще доисторической наукой — археологией.

После лекции мы попали в русскую столовую, где в ожидании машины подзакусили и попили чайку, мило беседуя со своими отъезжающими товарищами и постоянным Якобсоном.

Ночь была чудесная, тихая и ярко-яркозвездная. По дороге от Нардома мы с Теплоуховым, тихо идя, порою останавливались и изучали звездное небо. За уши щипало.

18/XI, ♂. Холодно, около –20.0°С. По небу рассыпаны барашковые облака. Так незаметно надвигается зимняя картина и она сама — белая, кудрявая красавица зима! При морозах реки скоро станут.

Сегодня я с Гусевым уложил спиртовые коллекции и бол[ьшую], основную, часть археологических. Спиртовых колл[екций] набралось два бидона и небольшая стекл[янная] банка с двумя змеями и ящерицами. Теперь со мною пойдет интересное: тушк[анчик], горностай, летяги, лет[учая] мышь, все рыбы, змеи, скалистые пищухи, мыши и малая кутора — землеройка. Не забыть шкурку кузун-бузуна! Хомячок.

Прибыл наконец Кочетов, но ему нужно пробыть здесь в течение всего завтрашнего дня. Таким образом, мы выедем только в четверг, ранним утром. Пшевик не очень доволен местом, ворчит, недоволен он и письмом дряхлого старика П[етра] П[етровича] [Сушкина], который действительно ворчит и только. Бианки, да и всякий другой на месте завед[ующего] орнитол[огическим] отделом музея РАН, никогда бы не позволил сказать того, что позволяет себе сухой хрыч — сухарь. Тем хуже для него будет, впоследствии очень любопытно будет посмотреть на него. Ужели он не понимает, что Тибет, Кукунор, Гоби (южная) немного отличны от Монголии и Козлов привозил материал по орнитологии, которым все восхищались. Я не знаю, как назвать мне кочергу с дрожащими коленами. Напрасно Пшевик волнуется, с высохшим типом не стоит говорить.

Заходили две маленькие монголочки попросить чего-нибудь (из соседнего дома).

Вечером ко мне заглянули и посидели порядком наши археологи, мне удалось их угостить рыбой. Теплоухов был мил, Боровко скучал. Они уезжают завтра, но у них еще не все собрано, не описаны ящики к сдаче в полпредство. Поговорили о том, что Тепл[оухов] возьмется обработать все археологическое собрание Ноин-улы и принципиально желает водворения наших сборов в Русском музее. Боровко горячо протестовал по существу предполагаемой передачи. «Это зависит только от Академии наук», — говорит он. Тепл[оухов] заметил, что, однако, прежде всего справляются более или менее деликатно, куда бы хотел передать сам автор. Боровко упорно не хотел понять этого и даже обиделся: как немец, он не мог понять русской души, как не понял и

Русского музея. Он упорно стоял на своем: «И у нас в Эрмитаже также имеются археологические коллекции, и Эрмитаж имеет право на собрание „Ноин-ула"». В конце концов, высказывались взгляды, что Петрограду пора иметь Музей исключительно археологический. Так мои археологи и ушли, не поняв один другого. Теплоухов имел преимущество, и я целиком разделял его вдумчивый живой образ мыслей, Боровко обижался. С обоими ими я расстался наилучшим образом, в особенности с С. А. Теплоуховым.

Ночь была полуясная, к утренней заре разъяснело, и температура воздуха спустилось до –20.5°С.

19/XI, ☿. Утро холодное, почти ясное, с легким, пронизывающим ветерком, дующим от СВ.

Около 10 часов утра приезжал Боровко за одеялом. Археологи вообще взяли до Верхнеудинска, помимо одеяла, два полушубка, войлок и валенки с обязательством из Верхнеудинска возвратить.

Итак, археологи уехали. Ближе к цели. Начинаю всерьез собираться и я, и мне пора! Странно, именно этой мыслью, мыслью о поездке в Россию я начинаю жить. Мне кажется, что поездка неизбежна, необходима и мне даже полезно и поучительно съездить. Поучительно во всех отношениях. После общения с учеными можно будет узнать многое по части добытых материалов. Выяснится в большей мере и археология, и этнография, и сборы естественно-исторических коллекций. Все это меня очень-очень занимает. И в конце концов к весне, не позже марта, я в состоянии буду вернуться обратно в Монголию, может быть, с большим запасом сил нравственных и возможностей. С экспедицией своей буду поддерживать живую связь.

Сегодня с целью прогулки я ходил в русскую столовую обедать; по дороге, на обратном пути, я простился с хамбо-ламой Доржиевым. Старик везет с собою трех тибетских мальчиков в Россию учиться; боюсь, чтобы и с этими юношами не случилось того, что случилось с их предшественниками — чтобы и они от тоски по родине не отправились прежде времени в далекое безвозвратное путешествие.

Сегодня я написал письмо М. Я. Басковой и хочу еще написать своему Володе.

Как и всегда, весь вечер я дома. Кондратьев также пришел рано, и мы втроем, у печечки, беседовали о всякой всячине, конечно из нашей жизни путешественников. Теперь больше и больше мы говорим также о моем отъезде в Петроград или вообще в Центр.

Ночь в большей, первой своей половине, ясная, тихая. В 3 часа восточная потуга воздуха накрыла все небо, барометр сразу упал на 5 делений.

20/XI, ♃. Серое сумрачное утро, все небо в слоистых облаках. Я готов в путь вверх по Толе на несколько деньков. Интересно, как сложится моя поездка, с каким результатом я вернусь?

И вот, 24/XI под вечер вернулся почти ни с чем. Ни одного выстрела. Ограничился лишь ознакомлением с верхним течением верст на 60 вверх от Урги. Видел Тэрэльчжи, Гориху и характерные башне- и матрацевидные обдутия гранитов, серых к[рупно]з[ернистых], тянувшихся отдельными цепями или залегавших по скатам гор в виде приплюснутых грибовидных выходов.

Теперь скажем все по порядку. Выехал я около 9 часов утра. Небо наполовину было облачным. Дорога шла наперерез дол[ины] Толы, как раз по Калганскому пути до самой первой станции, все еще не выходя из общей долины, но втянувшись в косу маленького болотистого ручья. Справа, с юга, тянулось восточное крыло массива Богдо-ула. Слева тянулись непосредственно береговые утесистые возвышенности, которые дорога огибает, следует у их подножия до самой реки Толы, заворачивающейся вновь к югу, к открытым мягким степным холмам.

У первой станции Калг[анского] тракта отд[еляется] так называемый маньчжурский путь, и им вдоль Толы ехал и я до урочища Убулун. Расст[ояние] от Урги — 50 верст. Убулун — приветливое, широкое место на Толе с неб[ольшим] буддийским монастырем, обитающими в нем 3—4 ламами.

Неподалеку от монастыря, вниз, ютится русское селение, наз[ываемое] по имени урочища — Убулун, из пяти хаток и юрты. В двух хатках по две семьи. Таким образом, всего населения 8 семейств. Занимаются они рыболовством, охотой или ямщиной, имеют немного лошадей и крупного рогатого скота. Все это наши забайкальские казаки. С одной семьей — Тугариновых и брат[ьями] Кочетовыми мы знакомы по Сугу-нуру. Т[угаринов] — наш охотник-проводник, Кочетов — возчик.

Мы жили в крайней зап[адной] хатке Плешкова, который на это время поселился в соседней юрте Андреева. Вид на север, на скалистые пики обточенных гранитов, превосходный. Из Убулуна туда идет широкая степная падь с перевалом под общим названием Иёло-дабан или Иёло-ама.

Погода дов[ольно] холодная. Я устраиваю облаву в урочище Цаган-булак.

21/XI, ♀. Утро морозное, –19.3°С. С вечера все было готово. С зарею отправляемся в Ц[аган]-булак, отстоящее в 12 верстах, вверх и к югу, в широкое ущелье, постеп[енно] суживающееся. Сев[ерные] склоны укрыты лесом. Две-три значительные пади, в которые и делаем загоны. Туг[аринов] и Плешков — застрельщики, остальные две семьи — загонщики. С вершин гребней открывался вид на северные высокие плато, примыкавшие к гольцам. Отлично выделялась полоса приречной заросли Тэрэльчжи, и скрытно ютилась зажатая гранитными столовыми и столбчатыми отдельностями Горихо. Ветер дул крепкий. Внизу мелькнула группа косуль и исчезла. Т[угаринов] ухитрился часть завернуть (3), другая — большая (8) — прорвалась к востоку.

Плешков единственный, который стрелял раз и убил большого гурана (без рогов).

На этом мы материально и остановились, так как следующие загоны и сегодня, и на другой день, 22/XI, ♄, нам ничего не дали. Во второй день мы перемерзли еще больше и после второго загона решили оставить зимнюю охоту и вернуться сначала к табору, а потом и в Убулун. Ночь мы провели в Ц[аган]-булаке. Спали я в палатке с Кочетовым (хоз[яин] майхана) и мальчиком-загонщиком, вся остал[ьная] компания — под открытым небом.

С полуночи подул от гор ветер и сделалось страшно холодно. Воображаю, как мерзли мои охотники на воздухе, когда и в палатке холод донимал вовсю. Пробовали класть огонь, но дым ел глаза, струились слезы и вынуждены были спать в объятиях с ветром, нежели с дымом.

Утром до восхода солнца, особенно жестоко пробирали мороз и ветер — «садкий» ветер.

Как было приятно вернуться к себе в Убулун, в теплую хатку с дымящимся или пыхтящим самоваром, с женскими угощениями печеньем и проч. Любо-дорого! По вечерам рассказы о местности ближайшей и далекой (гольцы, Кэрулен и проч.). Андреев повествовал мне о восточной местн[ости], верст за 150, где-то в области басс[ейна] верхн[его] Кэрулена, о нахождении там курганов (хлеб).* Один испорчен с юга, будто вход внутрь и будто оттуда вытащен наружу каменный сундук с цветными украшениями по бокам. Углы сундука с явным намеком на спайку, которая устраивается в деревянных ящиках.

Ночь ярко-яркозвездная, холодная-холодная, –27.1°С, первая в нынешнем году по низкой температуре.

23/XI, ☉. Ясно, холодно, уши зябнут; пар над водой открытой клубится. До 11 часов утра мы дома. Потом я с Плешковым уехали в Иело-ама. Чудное ущелье: желтое, пустынное, со стеной гор наподобие башен, замков и т.д. До перевала Иёло около пяти верст. Чем выше, тем красивее, заманчивее. Встретили стойбище богатого забайкальского бурята. В то время, когда я снимал фотографию, вышел хозяин дома с приглашением отведать чаю с дарами его скотоводческого хозяйства. Я благодарил и обещал исполнить просьбу на обратном пути с перевала причудливых гор, которые спешу при освещении снять. Стойбище богатое, в пять юрт, с одной белой, просторной, принадлежащей моему новому знакомому, в то же время и земляку Жамцарано — Будажапу Субунакову. На пути от его стойбища скалистые отдельности и фигурные, грибовидные (столбчатые) обдутия становились больше, контрастнее, и наконец мы у самого перевала Иёло — делаем на всем пути пять снимков. За перевалом — еще один, шестой. Считаем нашу задачу оконченной, тем более что небо стало покрываться облаками. За перевалом, вблизи, глубокая долина речки Тэрэльчжи, потом горы и чем дальше, тем массивнее. Полюбовавшись ими, их мощностью и простором, мы повернули домой. У Субунакова, как и обещал, мы имели остановку, чаепитие. Я пробовал снять группу семьи Субун[акова], но у меня закапризничал затвор аппарата, и до проявления десяти снимков завтра я не в состоянии сказать, каковы вообще снимки и, в частности, какова, как вышла группа приветливого хозяина. Не думаю, чтобы она была удачна.

По возвращении к себе домой (тонкие облачка исчезли) я смог сфотографировать русский поселок и две группы его обитателей: дети и охотники-промышленники. Потом успели вымыться во вновь отстроенной баньке, и я отдал распоряжение назавтра выехать в Ургу.

Ночь была полуясная, а к утру ☽ даже совершенно ясная. Перед нашими дверями (как и у монголов — на юг) стояли высоко над горами доживающий свои дни месяц и утренняя красавица Венера под ним. Это очень интересное явление, эта необычайно красивая, редко кем видимая картина утренней природы!

---

* *Так в тексте. (Прим. сост.)*

24/XI, ☽. Ясно совершенно. Мы собираемся домой, прощаемся. Нам Тугариновы подносят тайменя весом в 30 ф[унтов] и ряд налимов, словом рыбы всей до пуда — вот так подарок!

Нас хорошо кормят, поят, отлично укладывают наши манатки, и мы готовы в дорогу. Собрались почти все обитатели, чтобы сказать нам доброе пожелание в дорогу. Только сегодня впервые я услышал духовную музыку соседнего догына — монастыря.

Едем, лошади идут бойко, воздух тих, не холодно. Долина остается за нами. Мы поднимаемся на перевал и должны все время огибать с юга левые высокие горы, их подножия, прежде нежели не попадем, спустимся в долину Толы. С самого перевала и до Маймачена нас донимал холодный пронизывающий встречный ветер. Меня спасала шуба с воротником, но мой спутник, мой верный Пшевик, сильно страдал от леденящей стужи и принужден был маленьким воротничком полушубка закрывать свое лицо.

Долго-долго мы ехали, наблюдая одну и ту же картину дол[ины] Толы и белое пятнышко — радиостанцию. Этот маячок почти не приближался и дразнил лишь издалека.

По долине Толы, ее галечному руслу наша тележка загромыхала и стала считать все попадавшие ей камни. Прохожих и проезжих было немного. Одинокий всадник — лама, быстро скакавший навстречу буре, так и не мог нас обогнать, потому что заезжал обогреться во все встречные жилища. Наконец и застава-юрта, и самый Маймачен, где мою бумагу читают и перечитывают трижды, и на мое шутливое замечание выхоленному чиновнику-толстяку: «Холодно, отпускайте скорее!» — он заметил: «Скоро приедете домой, в тепло, и вам будет приятно!».

Действительно, мы скоро докатили до дома, где все было так, как нам предсказал чиновник. Мы нашли у себя письма: Пшевик — от мамы и я — от Виноградова, Кузнецовой и неизменной Такке Н. А., живущей моей биографией и переводом «Хара-хото» на франц[узский] язык. Лежала на столе также и деловая бумага в форме письма от В. И. Юдина.

Дома у нас оказалось все благополучно. Нас встретил Вася Гусев, а затем пришли и Кондр[атьев] с Павл[овым]. Начались заботы, всякого рода вопросы по делам Тибетской экспедиции, в частности встали вопросы в связи с отъездом Павлова в Россию.

Под вечер объявился и наш Павел с письмами и отчетом моих мальчиков из Суцзуктэ. Он же привез летягу, сычика и снегиря и много-много рассказов о таежной жизни. Пахнуло горным привольем, простором, и опять потянуло в ущелье симпатичного Сугу-нура. До поздней [ночи] проговорил я со своими спутниками и Павлом о местностях, привлекших внимание Тиб[етской] экспедиции на все минувшее лето, осень и зиму, а может быть, и еще больше. Почему-то одно воспоминание о Сугу-нуре, Баин-голе, гольцах Кэнтэя меня всегда детски-чисто радует и уносит меня мысленно на высокий красивый берег этой черной речки — зарождения Хары! Связь нравственная крепче прочих связей. Мне думается, что и в будущем, даже вдали от Монголии, моя душа и мое сердце часто будут жить воспоминаниями Сугунура, Баин-гола, Толы и проч., будут жить воспоминаниями богатой интересной горной группы Ноин-ула с Суцзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ.

Опять Ургa, опять экспедиция, вновь наш симпатичный славный белый домик.

Если бы не осуществилась моя поездка в Россию почему-нибудь, то я, не задумываясь, тотчас бы укатил в Суцзуктэ и зажил бы настоящей жизнью горного отшельника, своего рода жизнью певца Миларайбы. Сначала набрался бы бальзама лесного воздуха, поэтического вдохновения, съездил бы в Ц[зун]-модо к Кузнецовым, полюбовался бы видами горного пути и видом на гольцы. Все прежнее, недавнее воскресил бы в своей памяти и сел писать отчет, сначала предварительный, а потом занялся бы и подготовлением дневника как книги, к печати.

Чтение писем навевает грезы о родных местах, невольно переносишься мыслью в родные края и проч. А затем властно, в связи с мыслью о поездке в Россию, встают образы друзей, родных, знакомых. Встают самые учреждения: Академия наук, Русское географическое общество, Зоологический музей, Русский музей (с моим сокровищем Хара-хото). Со всем этим хочется встретиться, хочется делиться впечатлениями.*

Переносим свои заметки на страницы третьего дневника.

---

* *На этой фразе заканчивается дневник № 2 (л.191—429об.). На последнем листе второй тетради (л. 430—430об.) помещено окончание статьи Козлова в газете «Известия» (см. прим. 114). (Прим. сост.)*

ДНЕВНИК
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ОПИСАТЕЛЬНЫЙ
ПО НАБЛЮДЕНИЯМ ПРИРОДЫ
И ЧЕЛОВЕКА
ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ РГО
1923—1926 гг.

№ 3

Монголия, Урга
Ноябрь, 1924 г.

25/XI, ♂. Серое, облачное небо, горизонт короткий. Богда-ула в облаках и снеге до среднего пояса. Я отправился к В. И. Юдину в полпредство. В коридоре помещения стоит вышка с ящиками коллекций Тибетской экспедиции. Юдин от 9 до 10 часов берет урок английского языка. Я беседую с Шаховым о предстоящих бумагах, нужных мне в пути на родину, а с И[ваном] Ив[ановичем] [Кормилиным] толкую о времени, когда пойдут наши ящики в Петроград!

Наконец, сижу у В[италия] И[вановича] и веду речь о предстоящем пути моем на автомобиле в В[ерхне]удинск. Юдин меня заверил, что ранее нежели седьмого декабря машина не пойдет в В[ерхне]удинск и позднее 15/XII также, что мне будет предоставлено право следовать в полпредовской машине с колл[екциями] в В[ерхне]удинск вместе с курьером и еще одним типом!

Курс денег стоит такой: один рубль золотом ст[аринной] [чеканки] равен мексикан[скому] доллару, червонец также = кит[айскому] сер[ебряному] доллару. Об америк[анских] долл[арах] и фунтах ничего не известно, так как эти валюты в Урге и ее окрестностях не в ходу!

Мы расплачиваемся [с] полпред[ством], вносим ему 1000 кит[айских] сер[ебряных] долларов. В общих чертах: мы не состоим в должниках. Оконч[ательный] расчет последует позднее — после продажи наших серебр[яных] (китайских и гамбург[ских]) слитков. Пока же мы тратим или, точнее, меняем наше золото; я выдал Кондратьеву для размена две тысячи рублей золота Ник[олаевских] времен. Отдав одну тысячу, вторую получаем на наши расходы. Нам меняет приятель «К», только для него.

Пшевик и Гусев работают с птичками. Федор Воробьев принес долг и сообщил о том, что в его капкан попал большущий хорек, но его кто-то обезобразил, шкурка не годна в коллекцию, жаль. Вор сам не догадался доставить мне хотя бы полностью череп и сказать пол попавшего зверька.

Вечером все дома за работой, беседой и вечерним чаепитием. Меня лично много потешал наш Павел Борисов рассказами из своих наблюдений богдо-гэгэнского слона летом, на прогулке на Толе. Слон шел в сопровождении трех монголов-нянек с пиками сзади и по сторонам огромного животного. По дороге слон иногда останавливался, поднимал с земли замеченное и подносил ко рту или просто бросал. Но, дойдя до реки, слон зашел в воду и размахивал хоботом с такой силою, что волны хлестали в берега, потом брызгал фонтаном, поливал себя или в сторону, потом смело шел вглубь, опускался на колени, на брюхо, на спину и в последнем положении болтал ногами, словно бревнами. «Так интересно было, — заключает Па-

вел, — что я более часа времени любовался на игру невиданного мною дотоле гигантского животного!» По представлению простого народа: «Ну и чудак же был покойный гэгэн!» А вот на месте погребения его гэгэнши, по сожжении трупа покойной (в Шарга-моритэ), из золы вдруг появилось молодое женское существо — молодая, красивая подруга Богдо-хана. Так рассказывают сами монголы, говорит наш Павел.

Ночь полуясная, остаточной Луны мне не удалось увидеть.

26/XI, ☿. Утро, как и ночь, облачное, дов[ольно] тихое. Барометр упал сильно и продолжает падать. Я пишу дневник и письмо мамику (В. В. Пушкаревой), осиротевшей; давно ей не писал. Позднее ко мне заехал в машине Цокто, и мы поехали в центр города. Я сразу отправился к моему фотографу-китайцу и просмотрел проявленные негативы. К моему удовольствию, дов[ольно] удачных пять, и к неудовольствию — неудачных столько же; неудача выражается в попавшем свете на тех негативах, которые мне так любезно подсунул Крыжановский, уверяя, что «его стекла прекрасные». Мне досадно это обстоятельство, но ничего не попишешь, надо смириться и лучше всего доверяться исключительно себе!

Послезавтра, в пятницу, увидим и сами отпечатки; это очень интересно!

По дороге я зашел в парикмахерскую и постригся, а потом меня отвезли домой.

Барометр продолжает падать и, вероятно, принесет падением бурю, долженствующую начаться с полуночи и обмыть новорожденную Луну. Ведь так полагается и так будет непременно!

Павлов усиленно собирается в дорогу, хлопочет в полпредстве с бумагами и проч.

Я терпеливо буду выжидать отхода той или иной машины.

Мой Пшевик страдает болью зубов или десны, распухшей от треснувшего зуба.

Сегодня вечером мои идут на вечерний спектакль, дав[аемый] при участии Олега Першина в его пользу, на путевые расходы (в Тяньцзин). На этом спектакле собралось много народа — почти все наши знакомые. Почему-то не было Шастиных!

Я оставался дома один-одинешенек. Ночь была великолепная.

27/XI, ♃. Мой Пшевик своим ночным возвращением разбудил меня. Когда он ложился, было 2½ часа, и тем не менее небо не меняло своего превосходного вида. На заре дело изменилось: подул ветер с запада и принес с собою облака, укрывшие все небо. Барометр опустился низко; к 8 часам утра ставни забарабанили. Мои вчерашние слушатели — фотограф-китаец и парикмахер, — вероятно, вспомнят меня и что-либо скажут; мне кажется, они спросят меня, почему я мог знать заранее об изменении погоды именно на тот день, в который это случилось!

В 10 часов утра задул северо-западный ветер и принес массовое падение снега; картина зимняя, все бело, всё скрыто до расстояния в 200 шагов. Буря восточная свистит, снег крутит и т.д.

Павлову откровенно высказал о его погрешностях в отчете, дал наказ выслать в Петроград копию отчета Дуду и вручил ему, как аванс, на пут[евые] расходы 200 мекс[иканских] дол[ларов].

Сегодня повезли опечатать мои и Павлова ящики. Мои: тюк с коврами (археология), два ящика также с археологией, ящик с этнографией, ящик с птицами и 6 ящиков с бабочками. Остаются у нас пока не опечатанными еще ящик с бабочками и ящик с 2 бидонами спиртовых коллекций. Теперь моя корзинка, брюшина и, вероятно, сверток с едой.

Весь день с ветром и почти со снегом. Такого положения мы давно не испытывали. Неприятно: вдруг снег, перемешанный с пылью, затрудняет движение; окрестные горы покрыты снегом, а общий пейзаж настоящий зимний. Давно не видим солнца; Богдо-ула мрачна, темна, угрюма. За исключением темной полосы древесной растительности священного массива, кругом все бело.

Вечером мы все дома; наш Павел уехал к себе в Сугу-нур, а затем отправится в Суцзуктэ, в наш археологический лагерь. До полуночи я беседовал со своими спутниками, вспоминал Слободу,[149] Пржевальского и его двор, начиная с гренадеров, егерей, рыболова или рыбалки Устина, вплоть до повара Архипа и няни Макарьевны. Все невольно ожило и перенесло в молодое, счастливое прошлое.

28/XI, ♀. Подобно ночи, утро облачное, серое, зимнее. На всем лежит печать зимы. Соседний священный массив в белой раме, отчего темен до мрачности! Общий вид его очень строгий: словно гигантская лента, свернутая в складки, лежит полоса древесной растительности.

Наш ботаник готов в далекий путь, на родину. Вчера весь вечер прощался со знакомыми. Большой любитель шляться, словно кумушка-судачница. Около 10 часов утра тройка прикатила за ботаником, и он, уложившись со всеми манатками и семью ящичками с гербарием, собранным минувшим летом, отправился на родину, в Москву!

Скоро, может быть, уеду и я. У меня понемногу все подготовлено, и я смогу выехать в течение суток.

Сегодня я получил бандероль с 5 мал[енькими] книжечками «Харахото» В. Федяевской. Значит, Володя получил мое письмо и выполнил поручение — запас народную книжечку «Хара-хото».

С. А. Кондратьев продолжает заниматься музыкой: собирает напевы киргизов, ордосских монголов и даже тибетцев. Затем он вернется к себе в Суцзуктэ и будет продолжать работать и в области археологии, и в области естественной истории и географии.

Едва я записал дневное (часовое) наблюдение и собрался было идти обедать, как объявился Жамцарано с приглашением на банкет монгольского правительства по случаю закрытия хуралдана. Действительно, утром в разных местах города слышалась военная музыка. Мы пошли. Званые были в сборе, все сидели по местам, не было лишь Юдина и Ринчино (Дорчжи), но и они вскоре пожаловали.

За предс[едательским] столом сидел Жа-Дамба, за столом, первым для званых, во главе Цэрен-Дорчжи с министрами. Рыскулов сидел справа, Юдин — слева, я справа имел соседом мин[истра] ин[остранных] дел, слева — Жамцарано. На сцене читались протоколы последних заседаний; гости и члены хуралдана в то же время сидели за столами и пили или чай, или (преимущественно) кумыс, кстати очень вкусного изготовления.

По окончании чтения начали обносить мясом — курдюком. За почетным столом ставили блюдо с огромным жирным куском; перед присутст-

вующими за отдельными другими большими столами такие блюда с курдюком подавались на троих участн[иков].

После некоторого перерыва подали суп, что-то вроде клецек (плоских, мелких) с мелко нарубленными кусочками мяса. Тем временем подливался внимательно кумыс. В заключение чай монгольский, но с сахаром и печеньем. Во все время обеда играла музыка, аккомпанировала певцам. Речей было мало, Хуралдан распускался. Подчеркнуто было уезжающим, чтобы они отлично передали не только о важности, полезности великого хуралдана, но и о том, что более, нежели прежде, народу подобает быть в контакте с правительством и в случае чего-либо встать как один, во весь рост для защиты завоеванных прав. Надо помнить, что наши враги и внутренние, и внешние не дремлют. Там, в глубине страны, есть много недовольных, которые могут примкнуть к китайцам, и т.д. Опять та же песня: нам тяжело бороться, но мы не одни, за нашею спиною великая, сильная Россия, которая помогла начать жить Монголии, надо надеяться, что она поможет и во время великих бед, наступлений врагов из Китая. Более, нежели прежде, подчеркивается опасение Монголии со стороны Китая и недовольной части собственного населения.

В заключение, когда публика стала расходиться, был пущен фейерверк, и, что приятно, пускал умело один из многочисленных монголов (молодежь). Не обошлось без казусов: нач[альник] гарнизона не был предупрежден, произошла тревога, прибежал на мотоциклете нач[альник] военного училища и говорит: «Там, в частях, тревога, выведена в боевом снаряжении дежурная часть». Правда, трескотня и гром были сильные, в особенности под конец, иногда дробь напоминала трескотню пулеметов, а отдельные оглушительные взрывы — орудийные выстрелы.

В 8 часов вечера меня компания в автомобиле доставила домой, где мои спутники в окна кухни любовались блеском фейерверка в Монголии.

Ночь облачная, в течение ее барометр поднялся ровно на 9 мм, вероятно к морозу, да и пора! По-видимому, настанет вновь ясная погода, но с крепкими морозами по утрам и ночью; днем на солнце будет отпускать. Эта общая характеристика осени—зимы в Центральной Азии.

29/XI, ♄. Утро полуясное, с восточным холодным ветром. Мне надо побывать у Цокто и с ним вместе заглянуть к китайцу «Петру Ивановичу», купить два куска шелк[овой] материи, заодно и рассчитаться с ним за «китайский» обед! А затем следует понемногу начать писать предварительный отчет о деятельности Тибетской экспедиции в течение минувшего лета.

Я по большей части сижу дома; удалось все ящичное имущество пересмотреть и дать себе ясное представление о наличии главных запасов экспедиции.

В виде прогулки я хожу в русскую столовую обедать.

Сегодня, между прочим, я получил телеграмму за подписью Комарова следующего содержания: «Географическое общество приветствует Ваш приезд; просит выслать коллекции в адрес Общества малой скоростью». Ну, кажется, я сам лично, на месте, удачнее распорядился с доставкой коллекций, нежели подсказ милого Вл[адимира] Леон[тьевича]. Мы уже и забыли архаический способ пересылки научных ценностей всякого рода «скоростями».

Вечер, как водится, мы все дома; нас здесь четверо: я, Пшевик, Кондра[тьев] и Гусев; в Суцзуктэ — трое: Симуков, Даниленко и Канаев; Павлов (8-й) — в командировке. Во что бы то ни стало, настоящего своего, девятого, надо раздобыть и если не Глаголева, то юношу обстоятельного — студента вроде Бориса Овчинникова, а может быть, и его самого! Я не считаю наших волонтеров — Тугаринова, Борисова, Вильского, Плешкова. Эти охотники-промышленники — наши помощники, в роли, например, проводников и застрельщиков зверей и птиц. Такие люди служат лишь подспорьем в наших работах, но всецело на них положиться нельзя, они не наши в полном значении этого слова. Но таких лучших людей, как Тугар[инов] или Борисов, все же следует держаться. Как местные, они незаменимы. От времени до времени каждый из них является в наш центр как к себе домой: привозит добычу, докладывает об охотах, наблюдениях, запасается всем необходимым. Надо знать, что они все стреляют из наших ружей и нашими патронами; только Тугар[инов] имеет свою винтовку, да и то как нашу, с нашей бумагой.

Ночь ясная, тихая, довольно холодная, в особенности на ут[ренней] ранней заре.

30/XI, ☉. Такое же ясное, почти тихое, холодное (–25.1°C) утро. Солнце поднялось в 7½ часа из-за восточного крыла священного массива Богдо-ула (из-за края крыла) и дивно озарило долину Толы.

Около 10 часов утра к нам заехал Цокто, чтобы компанией прокатиться в город, к китайцам-купцам, посмотреть их шелковые ткани. Прокатились до обеда; очень холодно, как не тепло и у нас в квартире. Днем еще ничего, в особенности в валенках и с душегрейкой на себе, так как у нас, в квартире, в моей наиб[олее] теплой комн[ате], утром, когда я записываю 7-часовое наблюдение, температура 5.0°C, днем она повышается до 10.0°C, затем с ночи начинает падать. У китайцев в магазинах тепло; огонь все время поддерживается приказчиками и товаров у некоторых фирм также очень порядочно!

Я приобрел чесучи на 4 платья: на два — красной и на два — серостальной на сумму 36 долларов. Хотел еще посмотреть маленьких вещиц, изделий из нефрита, но такой лавки сами не знали, а спрошенные китайцы на сей счет не сумели дать хоть сколько-нибудь сносных указаний. Нефритовых вещиц мне хотелось приобрести для подарков моим старым друзьям вроде Достоевск[ого], Семен[ова]-Т[ян]-Ш[анского], Шокальского, Комарова, Коли Кузнецова или С. Ф. Ольденбурга. В совокупности, конечно, не на большую сумму денег. Где же нефритовая лавка? Надо спросить у всезнающ[ей] Н. П. Ш[астиной].

Как-то едет наш ботаник и когда мы узнаем что-либо о выезде в Монголию А. Н. Васильева? Интересно, кто раньше приедет сюда или кто объявится в Москве? А вдруг я еще застану в Москве Вас[ильева]?

Последними днями мы выясняем научные запасы нашей экспедиции, подсчитываем наличие энтомологических ящиков, количество листов цветной пропускной бумаги для гербария и проч. Но главным образом, конечно, мы выясняем наши материальные средства к 1 апреля 1925 года. Таковых у нас, надо полагать, останется не густо; так, наприм[ер], серебра у нас совсем нет, а из прочих валют — не знаю сколько наберется. В общих чертах

валюты таковы и в след[ующем] количестве (теперь, зап[асной] фонд до 1/IX 1925 г.): американских долларов 2000, фунтов стерлингов (английских) 300 и, наконец, в отечественном золоте примерно 1200 рублей; итого, следовательно, в общем, приблизительно у Тибетской экспедиции может статься 1200 + 3950 + 2990 = 8050 зол[отых] рублей, что с большим трудом хватит до осени (5 тыс[яч]) и на обратный путь в родную Россию (3 тысячи). Конечно, придется сильно жаться и не мочь широко расправить крылья. Конечно, можно что-либо продать, с разрешения Москвы, тогда в полной мере можем обойтись деньгами. Все это в будущем, а пока приходится ждать машины, быть готовым всегда на зов полпредства.

1/XII, ☽. Ну вот и декабрь месяц — настоящий первый зимний вестник, холод, снег, пертурбация с поворотом дневного светила к северу и проч. Здесь он приходит постепенно!

Получил я сегодня первые отпечатки со снимков окрестностей Убулуна и самого Убулуна. Хороши или удачны снимки люмьеровских негативов и никуда не годны подарочные, Крыжановского. Случайно снятые стойбище бурят, их группа у юрты, равно два вида на обточенные гранитные скалы и группа охотников (убулунских) очень удачны. Надо помнить, что выдержка при съемке должна быть более продолжительная, нежели какую я делал вообще до сего времени. В этом лучше всего меня убеждает снимок группы бурят, у их юрт — самый лучший снимок, на который я совсем не рассчитывал и считал испорченным; этот снимок имел именно бóльшую, сравнительно с другими, выдержку. Надо помнить всегда это поучительное обстоятельство.

Сегодня мы с Пшевиком учинили прогулку на обед в русскую столовую, и я засиделся более обыкновенного. Подвернулись Олег Першин, Смертин, еще один тип, совместно с В. В. Якобсоном; вели разные беседы и, в частности, одну на тему получения Тибетской экспедицией напрокат сулеймановской рояли или пианино. И сегодня же более нежели когда-либо подавали за стол симпатичные, услужливые девочки: одна чисто русская лет 16—17, другая с примесью бурятской крови чернушка, с огненными глазами, немного постарше первой — блондиночки.

Обратно я шел один, так как мой юный спутник, мой верный Пшевик, отправился к модной портнихе Марг[арите] Алекс[андровне] Надеберг. Погода прекрасная — мягкая, дов[ольно] теплая; в такую погоду следует ехать вдаль, если только надо ехать! Жаль упускать лучшее и дорогое время. Я совершенно готов, но вынужден ждать, ждать и ждать!

Вечерком я с Пшевиком навестили Першиных, послушали приятную музыку Олега, и я просил своего старого приятеля Дм[итрия] Петр[овича] уговорить Сулей[ма]нову сдать нам пианино! Не знаю, что из этого выйдет, а было бы в высшей степени приятно иметь музыкальный инструмент, чтобы легче было зиму коротать Пшевику и композитору.

Ночь наполовину, до 12 часов, ясная, наполовину — облачная.

2/XII, ☽. Утро бурное, очень холодное; на севере и юге (на Богдо-уле) свинцовые снеговые тучи, меняющие свои очертания и размеры. Северный ветер свистит, воет и колотит в ставни. Священный массив потонул в облаках и тучах. Воображаю, как тяжело в такой буран следовать навстречу ветра! Но ничего не поделаешь.

Сегодня почта принесла мне очень интересное письмо от Надежды Степановны, в котором она прекрасно описывает Володю и Олечку и умилена нашими с Володей отношениями, заключая, что наш сын скоро выйдет на научную дорогу и будет стараться быть ее достойным, как отец. Далее сокрушается о малокровии Олечки, которая не может заниматься как следует и проч., что ее беспокоят два вопроса — предстоящие высокие платежи за Володю в Университете и за Олечку по поездке в целях лечения в Духовщину,[150] что она в хороших отношениях с Алашеевыми и друг[ими] и что, самое главное, слава о наших раскопках растет все больше и больше. Полынова Володя наш видел в Географическом обществе; он говорил много интересного о находках в Суцзуктэ и проч. В связи со всем вышеизложенным мне будет очень приятно, следовательно, объявиться в России, в частности в Петрограде.

Сегодня меня прокатил до русской стол[овой] Ц. Г. Бадмажапов, а на обратном пути я прогулялся. К вечеру ветер стих, небо совершенно очистилось от облаков, и к 9 часов t воздуха спустилась до –25.8°. Ночь была тихая, ярко-ясная, и звезды чудно мигали и искрились.

3/XII, ☿. Как и ночь, утро ясное, морозное, –30.2° С. В нашей спальне только 1.5°С, а в сред[ней] комнате (большая, с багажом) 0°. Нет, вероятно, придется топить печи дважды в день, иначе придется спать в морозе! Я что-то кисну: в течение всего дня, кроме чашки чая, ничего не принимал. Аппетит совершенно отсутствует, небольшая тяжесть в голове, и я почти весь день лежал, порою даже спал. Сегодня, случайно, у нас было периодически несколько человек, например Тоня со всякого рода нефритами и проч[ими] предметами искушения; Гомбо, приехав в Ургу, просто навестил меня и осведомился о «маленьком приложении»; затем объявился Николай — курьер полпредства с бумагой (метеор[ологический] бюллет[ень]). Вечером наших двое уходило обедать к Мар[ии] Ник[ифоровне], а я с Гусевым оставался дома, вели просмотр его записей. За его усердие я ему подарил, между прочим, 23 рубля. Просил он и о семье своей — устроить ее в лучшем виде, выдавая ей все, что полагается по службе ему.

Пришла Пшевочка и поставила мне терм[ометр] — 37.5°С; я выпил чашку чая с клюкв[енным] экстрактом.

Ночь дивная по тишине и красоте блеска звездного неба, но очень холодная!

4/XII, ♃. Мороз 32.0°С, тихо, ясно! Склонность направления воздуха с СВ. Солнце едва поднимается над восточным крылом свящ[енного] массива, как уже всею яркостью своей озаряет долину Толы.

Я провел ночь удовлетворительно: спал, много ворочался, не мог дождаться, пока Гусев откроет ставни, внесет дрова в комнату и не скажет: «Температура воздуха –32.0°С, тихо ясно». Я поставил себе тер[мометр] — 37.0°С. Кажется, все как полагается; сегодня должен явиться аппетит!

Сегодня мне лучше — я не чувствую вчерашней слабости и начинает появляться аппетит.

Ненадолго заходила М. Н. Ринчино. В последний раз можно будет попользоваться концертным роялем: он будет перевезен в новый дом англичан, в дом Маршаллов, где мне с Пшевочкой проще будет его слышать.

Салтыков перестанет важничать и собирать у себя «на Вязигинский рояль» гостей!

Несколько ранее заходила Содбоева, а потом и Гомбо Бадмажапов. Все идут с теми или иными вопросами, с теми и другими просьбами посоветовать и проч.

Как и вчера, воздух тих и спокоен и так же низко охлажден. Я задаю себе вопрос, что лучше, снег и более высокая температура, или бесснежие с температурой более низкой? И останавливаюсь на последнем! Мой собеседник, скотовод, целиком разделяет мое мнение. Холод ночью, солнце днем и незакрытые пастбища снегом — вот какая погода, говорит он, нужна номаду.

Под вечер нас навестил Цокто Гармаевич, привез мне российских червонцев, которые, к чести финансистов Сов[етской] России, стоят здесь наравне с золотом и мексиканскими долларами. Кто едет в С[оветскую] Р[оссию], тот запасается червонцами, и наоборот — червонцы продают прибывшие в Монголию из России. Тот же мой приятель обещал мне цейлонск[ого] чаю.

Ночь была тихая и наполовину облачная.

5/XII, ♀. Немного серенькое, тихое утро с t воздуха около 27°С мороза. Все дальше и дальше в глубину юга отходит солнце, все выше приходится ему подниматься на восточное крыло св[ященного] массива, все позднее озарять долину столицы Монголии. Жаль, что мне не удастся лично самому отметить ту часть озн[аченного] крыла массива, по которой, самой высокой, будет всползать солнце, прежде нежели повернет к северу.

Усиленной топкой мы достигли того, что у нас в комнате к 1 часу дня температура поднялась до 9.5°С, что очень хорошо, если принять во внимание наш комнатный minimum +1.5°С. Совершенно неожиданно для меня сегодня явилось ко мне Тибетское посольство — и представитель, и посол, собирающийся в скором времени отбыть в Тибет. Посол Д[алай]-л[амы] больше чином представителя и при своем пребывании играет первенствующую роль в Монголии. На мои вопросы они давали обстоятел[ьные] ответы: а) в Лхасе, в наст[оящее] время, англичан нет; экспедиция Б[орисова] стоит в известном селении Нак-чу,[151] больше о ней ничего неизвестно.

Попили чаю, посмотрели с интересом иллюстрированные издания (природы и народов Азии), мои гости собрались уходить. Отъезжающий вынужден был выпросить подароки я согласился: ...*

На днях я получил превосходное сердечное, теплое, письмо от матери моих детей — моего старого друга, в котором она с глубоким чувством умиления отмечает мое отношение к сыну и несказанно благодарит меня за него, как залог хорошего будущего для В[олоди]. Сегодня я отправил письмо на имя Н[адежды] С[тепановны] с вложением другого листка для Володи.

Время бежит, я собрался давно в дорогу, и — ни с места. Конечно, впереди лежащие еще три-четыре дня мне не будут излишни: я уложу лишний ящик с птицами, но затем буду, что называется, скулить, так как настанет самое нудное время пребывания — останется только ехать!

---

* *Далее неразборчиво сокращения четырех слов. (Прим. сост.)*

Вслед за последней строчкой моего дневника я получил от В. И. Юдина письмо следующего содержания: «Сегодня мною получена от Горбунова из Москвы следующая телеграмма: «Передайте Козлову: ждем Вашего приезда. Коллекции и вещи экспедиции пошлите через полпредство». Сейчас я болен и лежу в постели. Думаю, что дня через два мы сможем с Вами сговориться. В. Юдин».

После некоторого соображения становится ясным: возможно скорее собираться в дорогу со всеми манатками — коллекциями и вещами — и скорее следовать до В[ерхне]удинска и далее.

Б. С. Виноградов любезно прислал брошюру с описанием нового вида Salpingotus — S. crassicanada nov sp. (изд[ание] Лейпцигское).[152] А мамик бедный — два письма с описанием устройства на новой квартире, пока без определенных занятий, с грустными видами на будущее. Счастье, что В[ера] В[ладимировна] имеет железную энергию и беззаветную веру в промысел! Это ее спасители. Тяжело действительно с больными сыном (кормильцем) и внуком.

Ночь тихая, ясная, холодная! Моим спутникам, «шляющимся», сделано внушение.

6/XII, ♄. Утро ясное, холодное, тихое; дымная завеса окутала весь город!

Сегодня идут мои домашние сборы в дорогу: бумаги монгольские, всякого рода мелочи, письма, деньги, бумаги и проч. С понедельника будут описывать в полпредстве и опечатывать последние ящики с коллекциями и т.д. Именно хорошо выехать в среду, 10/XII, с расчетом вовремя прибыть в В[ерхне]удинск. Если два дня дороги в Кяхту, то один день — до В[ерхне]-удинска. Пятница — отдых вечером, а суббота — знакомство с музеем и библиот[екой], в заключение лекция, конечно популярная, для широкой публики.

Я сам себя лечу, не знаю, что будет. Странно, что у меня не появляется аппетит; когда же он есть, тогда лучше себя чувствуешь. Погода хорошая, ее физиономия такова, что будто она летняя, с дымкой, но стоит выйти на открытый воздух, как она заявляет о себе действительностью — холодом.

Только что окончился урок тибетского языка: Галсан много говорил о Тибете, о тибетцах и опять об экспедиции Б[орисова], что она застряла там, где, как известно, или немного севернее, томился Н[иколай] М[ихалович] в течение 19 дней, ожидая решения дальнейшей участи своей экспедиции.[153] Как никак, тибетцы разбираются: им втолковали англичане, что русские — «красные» и что с этим приходится считаться. «Кто их там разберет — все они одинаковы».

Спустилось за горы дневное светило, неб[есный] свод на западе убран перисто-слоистыми облаками, красиво переливающимися темно-лиловыми тонами. Знач[ит], Луна в достаточной мере освещает окрестности — видно как в сумерках.

Ночь облачная, тихая.

7/XII, ☉. Утро такое же, дым поднимается вверх! Горизонты короткие. На ЮЮВ перистые облачка красиво золотятся. Такие картины по небу всегда зимою наблюд[аются] в Монголии. Сегодня с утра у меня двое тибет-

цев: кенчун-сойбон и неизменный Галсан, который поведал, что кен[чун]-сойбон принес нам показать гау, их тип; могут ли они быть пригодны для меня, т.е. представляют ли интерес или нет. Завтра вновь объявится, непременно, а то ведь я скоро уеду — это они отлично знают! Интересно очень, что мой Пшевик написал тибетское письмо и оставил на столе. Явились тибетцы и прочли его, сказав, что все хорошо поняли и очень довольны, что она сама написала.

А Пшевик мой отправился к Богдо, во дворец, с целью осмотреть пианино для Мар[ии] Ник[ифоровны] Ринчино. Тибетцы у меня сидели недолго: справились, обменялись обычными фразами и отправились восвояси. Еще не успел я написать заметку в дневнике, как пришла ко мне Катя (бурятточка) — прелестная, музыкальная девочка. Она сидела долго, никому не мешая, никого не стесняя, и когда явился Кондратьев, то спела несколько монгольских песен, неподражаемо! Таких песен я еще не слышал и не ожидал искусства от моей любимицы, с каким она выполняла эти песенки; Катя — просто маленькая певица: своим приятным голоском, в полсилы, она просто чаровала, бесподобно выделывая флейтовые звуки — то высокие, то низкие. Я потом очень сожалел, что не воспользовался случаем спокойно прослушать милую культурную девочку! Затем приехали к нам Маршаллы, долго сидели за чаем и разговорами; я показал им кое-что из ценностей и самому Маршаллу подарил золотое перо-вставку, на манер гусиного, на память. Маршалл был тронут этим малым вниманием. Потом мы всей компанией дошли (доехали в машине) до р[усской] столовой, а потом я в комп[ании] с Маршаллом поехал в полпредство, где вместо Юдина беседовал с Шаховым по вопросам моего предстоящего отъезда в Россию. Ш[ахов] обещал все выяснить и, что можно, приготовить завтра утром. Боялся он одного — полной невозможности подачи машины. Машина не могла быть готова в срок, т.е. к 10/XII, а тогда, пожалуй, надо ждать несколько дней в Урге, чтобы не сидеть неделю в Верхнеудинске.

А тем временем, совершенно неожиданно, нагрянула с севера снежно-пыльная буря: шумит, гудит, стучит по кровле, всю дорогу занесло, ни зги не видно.

Вечер мы провели очень мило у симпатичных Маршаллов: и она, и он просто прелесть! Нас доставили домой на машине. Цокто Гармаевич еще остался немного посидеть.

Так занятно, разнообразно прошел день. А вот Вильских нет и нет!

Буря продолжалась до полуночи, когда и прояснело.

8/XII, ☽. Утро ясное, с порядочным северным, холодным, пронизывающим ветром. Дали бесконечны. Ровно в 8 часов выкатилось солнце, свет которого расплылся широко вокруг светила, словно рябь воды от брошенного камня на ее поверхность.

Как сложится сегодняшний день и выяснится ли день моего отъезда в Верхнеудинск?!

А холода и снега действуют вовсю. Пожалуй, в это время увидишь все зимние невзгоды и прелести на своем меридиональном пути от Урги до Верхнеудинска. В такое время священный массив Монголии угрюм и торжествен.

Около 10 часов утра Кондратьев побывал в полпредстве, где ему выдали на мое имя удостоверение для беспрепятственного следования в Сов[етскую]

Россию, сказав, что машина будет предоставлена в мое распоряжение до В[ерхне]удинска, вероятно, в четверг, т.е. 11 декабря, не раньше.

Около полудня я побывал в Учкоме, хотел видеть mammalia Казакевича и Пахомова, но у них еще коллекции не разбирались, обещали приготовить к моему осмотру «маргаш».

Потом ко мне в квартиру явились двое, она и он; посл[едний] — врач (животных) с просьбой содействовать к приготовлению шкуры медведя (из сада Богдо) на чучело и сам[ого] чучела.

Последовательно объявился Миша Вильский с ящиком птичек и других коллекций. Как полагается, его задержали в постах и потащили в «суй» — таможню, откуда он был извлечен вскоре Кондратьевым.

Разборкой, определением, этикетировкой мы все занимались не только с птичками и зверьками отпрепарированными, но и со спиртовыми экземплярами.

При всем этом вышла маленькая неприятная история, а именно: белую белку, вымененную Павлом у охотн[иков]-промышл[енников], Борисов, в присутствии Андрея, сдал Вильским для отправления ко мне. Но ее и сейчас не оказалось, а она была передана Вильским около месяца тому назад. Кто во всей этой истории повинен, неизвестно — болван Андрей наш, или болваны Вильские, или осел непроходимый, тот тип, который «любезно» взялся доставить от Вил[ьских] начал[ьнику] Тибетской экспедиции в Урге, неизвестно, но белки нет, она не отпрепарирована и, может быть, уже исчезла или томится в заключении в охранке!

Я строго требую расследования вопроса в полном объеме и готов ругнуть на чем свет стоит всех русских головотяпов, причастных к беличьему вопросу.

Ночь тихая, ясная, студеная.

9/XII, ♂. Морозное, тихое, ясное утро: картина полной зимы в Монголии. Иней, солнце вначале слабо, но затем, по мере поднятия вверх, ярче озаряет долину и окрест[ные] горы, искрящиеся отблеском. Что произойдет в течение следующего дня, т.е. этого, переживаемого?

Свезены наши ящики, опечатаны и доставлены обратно. Также получили и часть теплых вещей, которыми мы снабжали в обратный путь наших археологов.

Юдин прислал письмо, что воздержится от посылки автомобиля. Пока что этот тип редко когда исполняет данное слово. Советует обратиться за перевозочными средствами к председ[ателю] Воен[ного] совета. Обращусь, не знаю, что из этого выйдет.

Говорят, действительно в Верхнеудинск направл[яются] три легких и одна тяжелая машина и почти без нагрузки. Если это так, то полагаю, что найдутся места и для коллекций, и для меня в военных машинах; полагаю, что Д. Ринчино, по моему мнению, сделает все зависящее от него, чтобы мне было и хорошо, и удобно и чтобы я мог быть спокойным и за груз.

Долго сидел у меня Жамцарано; толковали без конца обо всякой всячине, но преимущественно о Тибете, отъезжающем кенчун-сойбоне, о маммалии К[азакевича] и Пах[омова], о том, что надо отвезти интересную часть ее в Зоологический музей Академии наук для скорейшего определения и изучения. После обеда отправились в музей и там все осмотрели.

Я наметил взять в изуч[ение] Виноградова девять тушканчиков и пару любопытных небольших, скорее даже маленьких, сурков.

Мой Кондратьев собирается в Суцзуктэ, с собою берет старика Намсрая.

Вечер я великолепным образом провел у Ринчино. Других посетителей, кроме меня, никого не было; я чувствовал себя очень непринужденно и не мог нарадоваться большой симпатии, вниманию и гостеприимной очаровательности хозяев. Такие вечера редко удаются, и я вчерашний никогда не забуду! Было необыкновенно просто, мило, родственно. В заключение Мария Никифоровна подарила мне в дорогу запивочек.

Ночь была превосходная: тихая, ясная, Луна мягко озаряла сонную землю.

10/XII, ☿. Тихо, ясно. Дым высоким фонтаном клубится над постройками. Солнце все еще продолжает подниматься на Богдо-улу, но скоро, скоро, через 2 недели, поверн[ет] обратно.

Около 10 часов мой Кондр[атьев] укатил к себе в Суцзуктэ. Немного спустя я получил тушканчиков и 2 грыз[уна] рода Arctomys с целью представить Виноградову для определения и изучения. Потом я верхом отправился в Полномочное предст[авительст]во СССР, где с Юдиным имел переговоры по поводу предстоящего моего отъезда в связи с отправкой коллекций. Оказывается, через неделю, вслед за мной, отправится и транспорт с коллекциями.

Теперь остается терпеливо ждать посланного из штаба монгольской армии; я надеюсь, что Ринчино все сделает, чтобы благополучно доставить меня в Верхнеудинск, иначе я не понимаю!

Яркое монгольское солнце заливает окрестность, слепит глаза; в затишье оно греет ощутительно. Воробьи роются в соломе, кам[енные] голуби — по сухому лугу, где много упавших семян. Но солнце, яркое монгольское солнце — какая благодать!

В конце концов, Юдин — свинья: ни одного обещания мне не исполнил. Уверил: «Петр Кузьмич, я устрою вас отлично, вы один, с удобствами едете в нашей машине, все ваши коллекции пойдут вслед» — и вдруг: «Я машину не пошлю даром разбивать, А[лексей] Н[иколаевич] не телеграфирует. Вам лучше всего переговорить с Ринчино, с воен[ным] вед[омством], оно посылает три машины за Косичем в Верхнеудинск!».

Вечером мой Пшевик прогулялся к Ринчино и подарил от моего имени мою «Монголию и Хара-хото», чему он был немало удивлен, говоря: «А я полагал, что это так говорят из вежливости, обещая поднести книгу, и тут Петр Кузьмич так быстро исполнил свое обещание!». Позднее мы сошлись с Пшевиком у Бадмажаповых, где по случаю моего отъезда в Россию они устроили ужин с шампанским. Вся семья выразила мне все свое внимание и дружбу, и я, очень сердечно распрощавшись, оставил милых людей на сравнительно долгий срок. Ночь приятная, мы в машине скоро доехали домой.

11/XII, ♃. Сегодня юго-восточный ветер принес перистые облака, рассыпанные по голубому небу; дали широки, Богдо-ула по-прежнему мрачна, темна и сумрачна.

Вчера была Евг[ения] Як[овлевна] Сахарова и говорила, между прочим: «Всегда с особым волнением, радостью ждут Вас все наши в Мандале. На днях Вас почему-то ждали вместе с В. И. Юдин[ым]. Все принарядились,

наряд[илась], и Бутунцук вымылась, надела лучший тарлык, подпоясалась цветистым поясом и часто выходила навстречу всякому стуку к воротам».

Прелестная монгольская девочка, преданная, словно друг, всегда стоит подле меня, когда я бываю в Мандалах, и никому не дает права за мной ходить и услуживать. За ее верность и преданность, как и девочке Уле, я просил Е[вгению] Я[ковлевну] передать на предстоящий праздник: Ул[е] на Р[ождество] Х[ристово], а Бутунцук — на Цаган-сар по сер[ебряному] кит[айскому] или мексиканскому доллару.

Как и предыдущий, этот день, в общем, прошел в вынужденном бездействии. Немного разнообразят наше монотонное житье-бытье тибетцы, которые приходят выбирать всякого рода парчу. Странно, что у монголов утрачивается мода на этот предмет, за исключением нарядных или праздничных шапок, у них парча никуда не идет! А между тем в России ее выделку прекратили. По словам хамбо-ламы, для Тибета англичане по русским образцам начали выделывать всевозможные сорта как по рисункам, так и по качеству. И ныне, и в будущем русские издел[ия] в Тибете утрачивают свое первенствующее значение. Интересно, сегодня подсчитаем оставшееся наличие парчи — какие куски, какого качества и каких цветов остается из всего того запаса парчи, который слагался покупкой в Москве теперь и моим бол[ьшим] остатком из заготовки 1914 г.

В апреле же надо подвести наличие подарков вообще и в частности, наличие не «экстраординарных» подарков, а простых, наших.

Ринчино дал ответ на запрос о машине — «маргаш!». Мы сидим дома.

Ночь тихая, ясная, менее холодная, –27.8°С.

12/XII, ♀. Ясное, тихое утро, лишь тонкоперистые облачка плывут над гребнем Богдо-ула и дым печей Улан-Батор-хото стелется над долиной. С новым названием города вместо Урги — Улан-Батор-хото настоящая история: ведь монголы все равно наз[ывают] Да-Куре, а слово Урга никогда не произносят. Удобство кратких названий неоспоримо, а тут совсем обратное явление: вместо Урга, вместо одного слова, к тому же малосложного, придумали трехсложное — удобство, нечего сказать! А главное, это назв[ание] — для столичного почтово-телеграфного пункта. Возьмите посмотрите вокруг: где еще найдете многоэтажное название? Только монгольские бараньи головы могли придумать такое название. Впрочем, они ведь обезьяны — они переняли манеру от русских.

Прибыл утром Галсан, впрочем, он ежедневно бывает у нас, нередко по нескольку раз. Он расплатился с нами наконец за последнее долговое обязательство, внеся 401.75 кит[айских] с[еребряных] д[оллара]. Он же принес мне впервые и золотую тибетскую монету «20», или на наши деньги 15 руб[лей] з[олотом].

Монета эта очень интересная, со львом и многим писанием на тибетском яз[ыке], дов[ольно] массивная. По окружности испещрена поперечными (вертикальными) черточками, будто у наш[их] монет.

Сегодня тщательно пересмотрели всю парчу, ее оказалось десять кусков. Из этого общего запаса имеются три куска неприкосновенных: один, у которого брали часть, — для Д[алай]-л[амы], другой — начатый — для Намгана и третий целиком налицо — бухарская парча, по розовому фону золотой узор, крупноклетчатый. Эту парчу в посл[еднюю] минуту хотели взять тибетцы.

Горбунов, через Юдина, телеграфирует, чтобы я, помимо наличных коллекций, еще взял бы с собою денег 2500 рублей на выплату за работы специалистов.

Под вечер я навестил Жамцарано, потолковал с ним по поводу его тушканчиков и вообще грызунов, взятых мною на определение и изучение в Зоологический музей Академии.

На обратном пути я зашел к Ринчино; они уже снарядили к нам свою няню, попавшуюся мне навстречу. Машина для меня назначена и выйдет в путь в воскресенье утром. На целый день ее задержал Юдин, который просил захватить его курьера с бумагами. Так, следовательно, все идет своим порядком, и день моего отъезда приближается. Скоро! У нас все готово. Остается Гусеву завтра столковаться лишь с шофером, а мне лично с Юдиным или вообще с полпредством о том, чтобы курьер в воскресенье утром был бы доставлен к нам в дом, где будет устраиваться погрузка автомобиля и откуда машина направится в путь.

Вечером мы дома втроем. Пшевик написал много писем в дорогу.

С первой половины ночи было ясно и тихо, со второй — появилась облачность.

13/XII, ♄. Утро с облачным небом и зимним видом. Вчера прибыл Тугаринов с Марусей.

Он в К° с Плешковым гонял рысей (двух). И если бы не несчастье с Гаролем, который, как волк, попал в капкан и, освобожденный из него, еще долго страдал с запухшей пер[едней] ногой, может быть, был бы с добычей. У него просрочена бумага, надо возобновить. В заключение Тугаринов добыл ястреба-тетеревятника и сычика, но, дурень, не захватил с собою, а оставил дома «до большего накопления».

Все было бы удовлетворительно и приятно, если бы не было только такой нелепой телеграммы Горбунова. К чему это? Ужели Совнарком не в силах был принять дополнительную стоимость на свой счет, а то выходит как-то неблагородно!

Что ждет меня в городах Петрограде, Москве?

Утром В. И. Юдин еще раз хотел задержать меня до вторника — ни больше ни меньше. На что я решительно запротестовал и категорически заметил: «Если не в воскресенье, то я совсем не еду!» Ответ пришел: «Машина завтра будет подана утром. Не откажите по дороге заехать к Рыскулову взять дипломатическую почту!» Кажется, дело налаживается, буду рад и счастлив выехать завтра, «маргаш»! А сегодня пока пойдем с Пшевиком в Учком посмотреть птичек.

Были у меня с прощальным визитом тибетцы, поднесли на память тибетский глиняный, очень оригинальный, чайник и красные тиб[етские] сапоги. Затем, золотую монету «20» и набор тибетских почтовых марок — все это в сопровождении белого газового хадака. Помимо прежних подарков, я поднес им книгу «Тибет и Далай-лама» в желтой обложке. На этом и распрощались.

Через год кенчун-сойбон пришлет в Ургу с ответн[ыми] подарками казначея — молодого тибетца, родного своего брата, помимо общ[их] должных предме[тов] — 15 золотых, он пришлет одного малого тибетского бурханчика.

Галсан принес негатив — снимок тиб[етских] солдат в Лхасе, просил дать ему оттиск и мне несколько экземпляров.

Заходили с Пшевиком в Учком посмотреть птичек, их десятка 3—4, большинство обыкновенных. Среди всех, пожалуй, два вида наиболее интересных: это бекас или дупель и какой-то вьюрок — с брюха серый, с темным горлом, основательным клювом.

По дороге в русскую столовую видели мандальцев: Воробьиху и их прежн[юю] девушку Клавдию.

Вася Гусев озабочен последними сборами меня в дорогу.

Погода стоит великолепная, сухая, ясная; облачность с небес исчезла, воздух чист и прозрачен, дали обширны, картинны, уносят мысль твою далеко-далеко. Вероятно, такое же прекрасное состояние погоды будет и вечером, когда Луна озарит сонную землю!

Заготовлены две телеграммы, которые должны быть отправлены тотчас после моего отъезда в путь:

1) Ленинград. Демидов 8а. Шокальскому. «Сегодня выезжаю, [в] Верхнеудинске два дня, выеду курьерским 21. Привет. Козлов».

2) В[ерхне]удинск. Совнарком. Председателю. «Сегодня выезжаю, прошу обеспечить малое купе курьерским, [в] воскресенье, 21, [в] вагоне Ленинград. Привет Вам, Барадийну. Козлов».

Уже поздно ко мне заходила Воробьева с докладом о хозяйстве, о житье-бытье в деревне, о запасах намолоченного овса, о том, что и как ведет себя сам глава Воробьев, много ли пьет, и проч. Но что самое важное она мне повествовала, так это об ужасном пьянстве в Мандалах летом, когда все мужики перепились, взялись за топоры и дубье и пошли друг на друга. В результате сговорились вынести постановление: изгнать водку из Мандал, ее свободную продажу. Этим постановлением одна баба — продавщица водки изгнана, но другая все же осталась, по-прежнему и торгует, спаивает публику как ни в чем не бывало!

Явился Казакевич, принес указания дат к грызунам, преимущественно к тушканчикам.

Ночь тихая, облачная, во второй ее части падал снег, к утру прикрывший землю полудюймовым слоем.

14/XII, ☉. Утро серое, мрачное, небо сплошь укрыто слоистыми облаками; Богдо-ула видна сквозь мглу силуэтом. Вид моего Пшевика очень сосредоточенный.

Итак, сегодня в дорогу, сегодня 1 декабря старого стиля — настоящая зима.

Еще 10—11 дней, и солнце закончит поступательное движение к югу. Я еще буду в пути к цели, а оно будет двигаться к нам, северянам, удлинять день, светить и понемногу согревать холодную землю.

Около 11 часов утра, после того как все было обстоятельно уложено, я укатил с шоф[ером] Тарасовым. На крыльях [автомобиля] вещей было мало, главным образом все тщательно было уложено на место главного сиденья. Мы поехали через Куку-обо, т.е. западный перевал, и потом, после некоторого расстояния, начали склоняться к СВ, отсекая боковые отроги, и наконец выехали на большой, главный тракт со столбами и лихо покатили к СЗ. Дорога спорилась, и мы еще засветло прибыли в Бороты, где Василиха отлично приютила нас. Мы угощались пельменями и пили чай с молоком.

После ужина я немного гулял на морозном воздухе; светила Луна на востоке, над Ц[зун]-модо, и моя мысль невольно унеслась сначала к Кузнецовым, а потом и к моим мальчикам, в Суцзуктэ, где главенствовал Кондратьев.

Василиха долго беседовала со мною и, между прочим, сообщила, что ее дочь Леночка учится в Ц[зун]-модоской школе, открытой около полутора мес[яцев] тому назад.

15/XII, ♑. Ночь холодная, ясная, тихая. Поднялись в 4 часа, а несколько позже 5 часов уже покатили вперед, вверх, мимо китайских хуторов. Старались всеми силами не упустить дороги влево, кружной, наиболее удобной, взамен краткой, но крутой, каменистой, вдоль столбов, [провешенных на] Манхадай.[154]

Обогнули главную ось, спустились и переправились через Хару все еще до рассвета, и только [когда] втянулись в горы северной Хары, стали бледнеть звезды, подул холодный резкий ветер, а вскоре и позолотился восток. Встречный ветер пронизывал здорово! Вначале прекрасная, дорога вскоре испортилась: снег перемешался с песком, высокие желоба тормозили движение. Медленно двигались по кустам и по косогорам, затем вновь покатили успешно и достигли вершины последнего увала со спуском в долину р. Иро.

Отсюда, с высоты, южная долина Иро выглядит погруженной в котловину; сама река капризно извивается змеей, будучи окаймлена тальниковой зарослью. Тут некогда, на заре моей юношеской деятельности, я лично наблюдал голубых сорок. С изумительной быстротой мы спустились вниз и вскоре затем достигли стана на Иро. Знакомое лицо хозяйки Всеволодовой меня встретило очень ласково. Она с извинением говорила, что осенью допустила нас (меня и Пшевика) спать в сарае и что, когда разразилась буря, то она бережно, стараясь не тревожить нас, приходила навесить плед, боясь простудить нас! Вспомнили голубую сороку и проч. Появилась взрослая миловидная дочь хозяйки Дуня, которая отлично знает П. С. Михно, и много говорила о том, как он летом, с датчанином, экскурсировал в окрестн[ых] горах за растен[иями], камнями, насек[омыми] и змеями и что все удивлялись юношескому подъему, влечению к изучению природы и проч. Петра Саввича. Говорила, что сам Михно неустрашим по излавливанию змей и проч. В конце концов, Дуня выражала мне свою крайнюю тоску: здесь, вдали от всех родных и молодых знакомых — отсутствие знаний и уменья производить сборы, а также отсутствие книг и людей «благородных, образованных», отсутствие занятий подходящих, — словом, тоска, грусть и усыпление какого бы то ни было интереса к познанию и высоким идеал[истическим] запросам.

Дуня работает на машинке, служила в учрежд[ениях], до штаба монгольского военкома включительно, где ей немного платили за труд. А так, в русских учрежд[ениях], должна была работать даром. Она просила очень помочь ей добыть место в Урге или ее окрестностях, просто невыносимо дома, тем более что отец пьет, играет в карты, скандалит и ругается ужасно. По отзывам Михно, девочки Всеволодовы превыше похвалы и достойны внимания. Мальчик, бывший реалист, также очень хороший отрок и в хороших руках мог бы достичь прекрасного.

Тут же на Иро обнаружилось, что наша машина не может идти дальше, что чего-то недостает, не подает она масла и проч. Я почему-то не обращаю внимания.

Почти вслед одна за другой пришли в Иро с севера две машины: госторгская и в[ерхне]удинская, с Устюжаниновым, едущим в Ургу сменить Шахова. Уст[южанинов] выражает удовол[ьствие] по поводу знакомства со мною, передает мне привет от Васил[ьева], говоря, что он скоро не вернется, так как он только что взял месяч[ный] отпуск, стараясь прокатиться в Германию. Уст[южанинов] привез также мне письмо от М. М. Завадовского, просительное — содействовать обогащению москов[ского] Зоолог[ического] сада животными Монголии. Один молодой тип, с тонкими чертами лица, много беседовал со мною по поводу музея Троицкосавска и просил дать ему мой отзыв о нем и его хранителях. На прощанье он просил меня прокатиться на Восток: в Хабаровск, Владивосток и другие города для чтений лекций о моих путешествиях и об археологических находках в Хара-хото и Ноин-ула. Пока мы толковали, наши три шофера совокупными усилиями заменили запасной частью часть испорченную, словом привели машину в стройный порядок. Две машины быстро унеслись на юг, по направлению Урги, с целью ночевать в Бороте, а мы... мы остались ночевать, так как ночью я не считал удобным проехать с неопытным Тарасовым, это во-первых, а во-вторых, мне очень не хотелось поздним временем беспокоить и консула, и моего симпат[ичного] друга Михно.

Так как уже было 9 часов, то я попил чаю, а предварительно хорошо поужинал мясным картофельным супом и улегся спать. Наш автомобиль и вещи караулили семейские.

Ночь полуясная, холодная, прошла сравнительно скоро.

16/XII, ♂. Утро такое же холодное, туманное, с серебристым инеем. В 8½ часа мы в пути, едем быстро, миновали перевал, спустились по крутизне в долину Ибицык и еще быстрее пронеслись поперек ее степной части, миновали быстро поселок-станок и понеслись зоной соснового леса, одного участка, потом другого, наконец покат[или] в долину оз. Дзургучей и через два часа общего движения вступили в монгольское селение Алтан-булак, где у дома русского консульства остановились.

Старков Алекс[ей] Григ[орьевич] и его жена Екат[ерина] Вас[ильевна] еще были в постели, секретарь Лихачев шел умываться, когда я поднялся во 2-й этаж дома. Тут некий бурят ходил в столовой, и тут же была мал[енькая] дочь, 3 лет, Лидочка, которую я приманил шоколадом и научил просить родителей устроить ей на предстоящий праздник елочку.

Консул Старков встретил меня внимательно, гостеприимно, угостил завтраком, чаем, и, пока все это продолжалось, он распорядился на постах и таможнях оказать мне полное внимание к скорому и беспрепятственному следованию через границу в Кяхту, на родную землю!

Радостно забилось мое сердце под впечатлением вида на Кяхту, на символ родины. Я очень быстро достиг г. Троицкосавска, дома моего друга П. С. Михно, семьей которого был встречен как родной. Под кровом Михно я остановился на все те два дня, которые уделены были Троицкосавску.

За столом я уже дал обещание прочесть лекцию на следующий день. день накануне отъезда в далекий путь, в центр родины. Но еще прежде

нужно остановиться в Верхнеудинске, в центре Бурятии и сделать осмотр музеев и прочитать лекции. За гостепр[иимным] столом Михно мы все переживаем, все вспоминаем. И радостно, и тепло мне.

Обласканный дружбой и вниманием друзей-географов, я спокойно отхожу ко сну. Приятен и сладок сон! И ночь проходит быстро-быстро. Ночь ясная, жгучеморозная.

17—18/XII, ☿, ♃. Утро холодное, ясное, с широкими далями, с синими на юге горами! У меня посетитель Сахаров, которому я передаю посылочку, которому я говорю о житье-бытье его семьи, состоянии хозяйства и проч. Потом появляется Тарасов с целью запастись бензином. Я и П[етр] С[аввич] стараемся воспользоваться случаем, едем в музей и смотрим сокровища — мал[ую] часть из Балл[отовского] кургана: два (поменьше размером) наосника, 1 навершник, мелкие кусочки золота, два обр[азца] шелковой серой ткани, прядь нежных каштановых волос, куски нефрита (плитки), пряжку золоченую и немногое другое, вроде бронзового ломаного стаканчика. Тут же, в музее, я внимательно остановился на осмотре находок Талько-Гринцевича, его богатого по разнообразию содержания находок и на осмотре подъемного материала П[етра] С[аввича] в окрестности Троицкосавска. Потом мы отправились в музей Город[ского] училища, осмотрели наши вещи, взяли еще ящик с моим имуществом (бел[ый], дер[евянный], может быть с ...* и Хартертом) и отправились осматривать археол[огический] подъемный материал, богатый по количеству и разнообразию орнаментов и выразительности!

Обед. Писание дневника, письма Пшевочке, мысли о лекции, новой лекции о новых научных достижениях.

В 8 часов вечера в компании с Михно и Успенским я отправился в Нардом; настроение бодрое, приподнятое. К нам в соседство примыкают идущие на лекции. В толпах фразы: «Я его уже слышала, отличный лектор» — и проч. Входим, передняя полна молодежи, входим в зал, началось движение, аплодисменты, меня узнали. Всюду народ, многие стоят. Мы, состав Географического общества, поднялись наверх, на сцену. Еще большее впечатление, электричество способствует. П. С. Михно открывает заседание, объявляет тему собрания-заседания, произносит горячую приветственную речь в честь путешественника. Аплодисменты; встаю я и начинаю читать! Новая тема с осторожным включением задержки экспедиции в Ургe. Взамен Тибета работа в Монголии, открытие могильных памятников. Богатые, интересные находки в связи с результатами исследования живой природы. Мой путь с докладом и коллекциями в Центр — Ленинград, Москву. По дороге, в Троицкосавске и Верхнеудинске, лекции, доклады, знакомство с народившейся Бурятской республикой, с музеями, предстоящая встреча со старыми и новыми знакомыми. Я говорю горячо, с подъемом; отмечаю перерождение, перестройку взглядов, воззрений и миросозерцаний монголов, их любовное отношение к русским. Моя выставка в Урге и привлечение народных масс Монголии к ее обозрению. Учащаяся молодежь и ее стремление [к] знанию русского языка, грамотности, чтобы подняться до сознания культуры, цивилизации.

---

* *Далее слово неразборчиво. (Прим. сост.)*

Я окончил, публика восторженно благодарит, аплодирует!

П. С. Михно предлагает слово любому из слушателей. Последовали вопросы — устные, письменные, весьма обстоятельные. Я удовлетворял требования. Спрашивали, как я нашел, не было ли каких письмен, какой величины кости, черепа людей, какой они расы, племени, все ли везете, все ли позволило монгольское правит[ельство] взять, приезжали ли монголы на место раскопок и как вообще они относились к экспедиции, и т.д. В заключение несколько слов с обещанием на обратном пути, в марте, вновь прочесть лекцию об изучении и определении научных результатов Тибетской экспедиции как в области археологии, этнографии, так одинаково и в области естеств[енных] историч[еских] богатств по изучению живой природы Монголии.

По возвращении с лекции мы своей географ[ической] и личной сем[ьей] Михно поужинали и за чайком с усладеньками мирно поделились впечатлениями от засед[ания] Географического общества, вынесенного в большой зал Нардома. До полуночи мы не спали, а я лично и того позже, я писал дневник, еще раз переживал впечатления, дописывал письмо моему Пшевику, а потом, около часа ночи, я улегся на мягкой, чистой постельке в гостиной и крепко-крепко спал. Так закончился день моего сообщения, день 1-й лекции на родной земле.

18/XII, в 2, встал, по обыкновению, в 8 часов и сразу начал приводить свои манатки в порядок. На лету беседуем с П[етром] С[аввичем] и Успенским. Как и ночь, утро ясное, холодное, с туманом, но все еще нет настоящих сибирских «клящих» морозов и «садких» ветров. Все хлопочут, говорят; у всех милых членов семьи П[етра] С[аввича], до милой дев[ушки] Фимушки, приподнятое настроение! Готовится завтрак. Я пишу и в свою очередь беру бумаги в портфель П[етра] С[авви]ча. Он дает мне много поручений всякого рода. Я заканчиваю укладку, собираюсь с мыслями и в конце концов иду навестить моего старого приятеля М. А. Бардашева. Ничего себе старик, скрипит! Сильно обрадовался и много брюзжал о том, что его все забыли, денег нет, живет впроголодь. Мне думается, если бы он [жил] по-буржуйному, как прежде, то его не было бы теперь! А так, вот видите, еще хочет жить, рассуждает и пеняет на богатых знакомых, Швецова, что тот не платит ему тысячу рублей за коляску, в свое время взятую у него.

Наконец дома, укладываем автомобиль. Завтракаем. Прощаемся, и я (в 11 часов 20 минут утра) выезжаю. До дор[оги] [по] р. Чикой следовали по материку, а дальше — частью по льду, частью островами, поросшими или только травами, или с примесью кустарников, преимущественно тальника, пока наконец не добрались до Селенги, по которой быстро неслись как по ледяной дороге. Последняя оживлена главным образом обозами с сырьем, мясом, шкурами в с[еверном] направлении и мукой и бочками с керосином — в южном.

По льду Селенги со свет[ом] фонарей мы катили, несмотря на ночь, очень быстро и в 8 часов вечера, под покровом облачного неба, прибыли в В[ерхне]удинск. Огни последнего показались вдруг, мы ехали у моста и под мостом. Нашлись благодетели из встречных, которые окликом вдруг остановили нас, предупредив о наличии большой проруби.

Еще ¼ часа, и мы в центре города, у здания с колоннами, Совнаркома, где как раз шло заседание в полной мерс. Головачев, по расп[оряжению] предс[едателя], указал нам на отель «Централь», в котором мне забронирован [номер] на время моего пребывания в Верхнеудинске. Я укатил туда.

После целого дня пути очень приятно было наконец вступить под теплый, чистый и светлый кров, попить чаю, покушать и улечься в мягкую кровать с двумя белыми простынями. Лег, немного помечтал и забылся до утра прекрасным крепким сном.

Ночь тихая, облачная, да еще с туманом.

19/XII, ♀. Утро сплошь облачнос, тихое, падает снег, кот[орый] вскоре прикрыл землю незнач[ительным] слоем. Погода мягкая, приятная. Около 9 часов утра я уже пил чай и читал свежую газету! На первой странице заметка «Из Монголии» о моем приезде в Троицкосавск, чтении лекции в Нардоме и о выезде в Верхнеудинск.[155]

После 10 часов я пошел прогулкой в Совнарком, поговорил с Головачевым, управдсл[ами] Совнарк[ома], осведомился о Ербанове, о том, что он меня примет в 1 час, и пошел гулять по главной улице. Зашел, конечно, в книжный магазин, осведом[ился] о географ[ических] книгах и путешествиях: ничего нет, заслужив[ающего] внимания. Изданий Географического общества нет и в помине. Сказали мне (конечно, не зная, кто я), что много спрашивают книг Козлова, что у них было порядочно про Тибет и Мертвый город, но что все это продано, а новых изданий не поступило. Потом я зашел на телеграф и почту, подал депешу Пшевочке в Ургу: «Все хорошо, целую, поблагодари Ринчино!» — и там же, по соседству, купил марок. Должен сказать, после долгого отчуждения от родины приятен отечественный комфорт. Всюду много народа, приятные родные красивые, симпатичные молодые лица.

Из телеграфа я направился вниз, в Совнарком, строго к 1 часу, и Ербанов был на месте. Тотчас меня любезно принял, много говорили с ним об Урге, о Великом Хуралдане, о том, что монголы проснулись и, ведомые русскими, стремятся постичь тайны культуры и цивилизации, и проч., проч. М[ихей] Ник[олаевич] сказал, что заказал мне купе и т.д. с оплатой из Читы, в мягком вагоне. Поговорили также о лекции, о ее организации, о месте и о часе и распрощались. У председат[еля] приличный кабинет!

Навестив Ербанова, я отправился к Барадийну, с кот[орым] чувствовал себя свободнее, дружнее, откровеннее. Б[адзар] Б[арадийнович] поднес свою статью «Статуя Майтреи в золотом храме в Лавране»[156] с теплой надписью! Б[арадийн] обещал помочь найти Степурскую и передать мою просьбу зайти ко мне, но, кажется, забыл это сделать — ушел к оставленному заседанию, а потом взялся за другие дела. Я пошел под падавшим снегом к себе домой и приятно мечтал. Верхнеудинск после Монголии, Урги, показался мне больш[им] городом.

Пришел к себе домой, Маша подала мне стакан чая, и я его выпил с удовольствием. Тотчас прибыл ко мне молодой бурят с просьбою взять его в автомобиль до Урги. Я охотно объяснил ему, что бурятику со мной не по дороге, так как я следую на север! По моему совету, бурят направился в «Метрополь» поговорить с моим шофером.

Немного позднее ко мне пришли двое от местной газеты: один с целью интервью, а другой — бурят-художник. Первый — русск[ий] уродец, но бойкий. Действительно, пока я говорил ему, первому репортеру, второй, художник, писал с меня портреты; написал он их несколько, и один дов[ольно] похож и удачен. Репортер поведал мне, что его товарищ — собственно карикатурист и кар[икатурист] очень удачный, очень порядочный, мастер своего дела.

Расставшись с этими двумя типами, я подготовил некоторые из вскрытых ящиков (троицкосавских) и переуложил корзиночку — «постоянную спутницу», потом заказал себе с важностью ужин из трех блюд, а именно: закуску омуля, хариуса по-польски, с яйцами, и глазунью. Все это приготовлено было хорошо, и я начал с аппетитом кушать. На хариусе меня застали мои стар[инные] приятели Барадийн и Цыбиков, которые вначале было смутились, не снимали пальто и хотели уходить. Я властно удержал их, налил им по рюмке-другой портвейна с удельным ярлыком, а потом заказал самовар, и мы за чайком мирно, приятно беседовали о Тибете, о Лавране, о Лхасе, о Каме. Как интересна, со стороны, должна была быть наша компания. С такими людьми, что называется со своим братом, незаметно летит время, и мне было очень грустно, когда Цыб[иков] и Бар[адийн] ушли от меня.

Впрочем, мне удалось поговорить с ними относительно моего передвижения на вокзал с моими многочисленными манатками в ночи! Может быть, поможет Ербанов назначением мне в помощь прежде всего машины, а затем и человека.

Мой доклад назначен на завтра, в 7 часов, на съезде учителей, чтобы таким образом использовать мои сведения на цели воспитательно-просветительные.

Значит, мне предстоит два дела: прочесть лекцию и вслед, в ночи, устроиться в курьерском поезде! Марка большущая, одному справиться не легко — постараемся!

Завтра непременно надо дать телеграмму Родионову в Иркутск, чтобы он явился к поезду. А пока что помечтаю, и надо устраиваться бай-бай! Надо «посмотреть погоду» и еще сегодня заготовить телеграмму для Сени и завтра письмо для моего далекого Пшевика.

Ночь полуясная и совершенно ясная во второй своей половине.

20/XII, ♄. Утро ясное, тихое, горизонт сокращен туманом, солнце выглянуло красным. Итак, сегодня лекция и сегодня последний день пребывания в В[ерхне]удинске.

Сейчас пойду на телеграф с депешей С. Н. Родионову: «Выезжаю [в] воскресенье экспрессом, приезжайте свидеться, захватите вазу». Ну а Саше Вишнякову придется написать с дороги, равно и Даниленко, с просьбою к последнему выслать в Петроград денег рублей 300.

Начатое письмо к Пшевочке надо будет сегодня и окончить.

Сейчас от нашего отеля, нагруженная до переполнения, отправилась машина в Ургу!

Но когда же придут наши ургинские машины? Я ими заинтересован, чтобы видеть ящики с коллекциями, числом 13. Может быть, одна из этих машин и свезла бы меня на вокзал.

Нач[альник] станции в Верхнеудинске очень мил; вообще все на моем пути встречные люди, с которыми мне приходится сталкиваться по дел[ам]

Тибетской экспедиции, необычайно милы и предупредительны. Вечером ко мне заходит Барадийн, и мы вместе с ним направляемся в техникум. Это заново отделанное здание, на горе, очень солидных размеров. У самого подъезда нас встретили воспитанники, стоявшие по лестнице и внизу, в вестибюле.

Наверху, в классах, в аудитории, везде многолюдство. Теперь здесь, в Верхнеудинске, съезд учителей, и они, конечно, приглашены на мою лекцию. Мы переходим и занимаем вместе с председателем Ученого комитета Бурятии почетные места, приходят Ербанов, Цыбиков, другие.

Открывается самое заседание. П[редседатель] Ученого комитета повествует о том, что сегодня «среди нас присутствует на пути из Монголии в СССР извест[ный] путешеств[енник], занимающийся всю свою жизнь изучением природы и людей Востока, что он так добр, несмотря на дорогу, путевые трудности, все же согласился прочесть нам лекцию, поделиться с нами научными достижениями, сборами ценнейших материалов. Мы его будем слушать прежде, нежели услышит Москва, Ленинград и проч. Такое редкое явление, такого крупного мирового человека мы чествуем, мы должны это отметить, мне думается, я прав, если скажу сегодня, в столь знаменательный день, что мы единогласно изберем его в почетные члены нашего бурятского Ученого комитета!». Дружные, долгие аплодисменты покрыли собою молодую переполненную аудиторию. Затем: «Путешественник П. К. Козлов, покрыт сединами и, несмотря на это, с юношеским увлечением работает по изучению народностей и природы Востока, он работает и своею живой, интересной работой, поднимающей завесу с неведомой Центральной Азии, увлекает своих учеников-спутников. Нам, бурятам, ученый-исследователь Козлов дорог еще и потому, что в рядах его экспедиций всегда участвовали и наши собратья, на больших или меньших началах! Слово предоставляется путешественнику П. К. Козлову!».

Я вхожу на кафедру, огненные взоры обращены на нее, на меня. Я тронут вниманием Бурятии и начинаю с благодарности к ней, в частности к предс[едателю] бурятского Ученого комитета. Я искренно приветствую свободную, достойную Бурятию, желаю ей скорее приблизиться к культуре России, к культуре Запада. Ее представители в ученом мире уже успели завоевать себе посильную известность. Имена Жамцарано, Цыбикова, Барадийна известны ученому миру. С другой стороны, из имен моих сотрудников имя Ц. Г. Бадмажапова также немало говорит о заслугах перед Русским географическим обществом, перед наукой.

Я отмечаю открытие Хара-хото при значительном участии бурятов и т.д. Потом перехожу к описанию научных исследований живой природы горной Монголии и к самому интересному, захватывающему моменту экспедиции — открытию исторических могил в горах Ноин-ула, работам над этими могилами и научным результатом раскопок. Говорю, как заинтересовалось вдруг высшее общество, трудовой народ научными достижениями. Российская академия наук немедленно приняла близко к сердцу открытия археологического характера Тибетской экспедиции и добилась у прав[итель]ства разрешения: снять археологов с текущих работ и направить их (С. А. Теплоухова и Г. О. Боровко) в помощь Тибетской экспедиции. Далее, о самих открытиях, о находках, о характере могильных курганов, их глубине, где покоятся погребальные камеры, и пр. Но самое интересное —

находки в области керамики, бронзы, всякого рода деревянных изделий, кос черных волос, тканей из шелка, с орнаментами и проч. Наконец, золотые и янтарные изделия, предметы обихода, охоты, убранства лошадей верхового порядка, сетка, мудро сплетенная из волос лошади, и очень любопытный большой ковер (под гробницей).

Молодежь, сельскоучительский съезд и другая публика в связи с преподавательским персоналом бурят-техникума была многочисленна и необычайно внимательна, она просто пожирала лектора своим вниманием, пытливостью и вдохновляла его. Лектор привлек сердца молодежи, зажег огонек стремления к прогрессу, науке и т.д. Я был настроен великолепно и говорил с увлечением, увлекая и слушателей. Не редко отмечал в своей лекции имена Цыбикова, Барадийна — ученых паломников-буддистов к святыням Лхасы, Лаврана, Гумбума.

Кончить лекцию удалось необычайно поэтически: «Несмотря на седины, молод душою и чист сердцем и способен восторгаться и красотою неба, и его ночными светилами, и тем, что у нас называется "лес шумит, солнце греет и ласкает, и нежит", и не хочется уйти с красивого места, с вершины перевала Суцзуктэ, который открывает широкие горные и долин[ные] дали. Счастлив человек, живущий в тесном общении с природой, проникающий в ее тайники, подслушивающий поэтический лепет ее ручейков, улыбку красных зорь, подсматривающий и наблюдающий, как первый луч утра играет на главных вершинах гор, как он же вечером сверкает, искрится, то розовея, то синея, прощаясь с высшими точками гор, этой лестницы, ведущей к небу и приближающей к глубокому смыслу жизни и созерцанию — миросозерцанию. Из страны мрака, холода, тумана всегда хочется на широкий простор, к солнцу, к далям, к звездному небу. Одна мысль о путешествии новом всегда озаряет и вдохновляет меня: мое сердце юношески бьется и всего меня, мой еще крепкий организм, оздоровляет, и на крыльях мечта словно уносит в край счастья, в край девственной природы и воздуха, согретого и освещенного, прозрачного воздуха, с удивительно ярким солнцем. Пока я буду в состоянии любить и понимать природу, до тех пор мое сердце будет отвечать желаниям, связанным с путешествием. Не могу, не в состоянии сказать вам, как я люблю чистую, девственную природу, дали и научную жизнь».

Лекция была живая, поэтичная, захватывающая и наградила путешественника горячими симпатиями всей аудитории.

После лекции я чувствовал себя в родной среде. Мне предложил пред[седатель] Ученого комитета, Ербанов, Барадийн, Цыбиков и другие ознакомиться с внутр[енней] жизнью техникума. Мы обошли все помещения: классы, физич[еский] кабинет, библиотеку, учебн[ые] пособия, заглянули в дортуары,[157] в столовую. На всем пути нас сопровождали приветливые лица, улыбки. Особенно было приятно и интересно среди бурятской молодежи встретить четырех тибетских мальчиков, с огненно-темными глазами. Они слились с северными собратьями, они носят одну и ту же форму. На мое приветствие «Дэму арро?» — они радостно ответили мне «Дэму, дэму ин».[158] Милая Батука также была в восторге, что я узнал и поздоровался с ней, этой симпатичной, грациозно танцующей девочкой.

В заключение я смотрел спектакль (сцена с картинными полосами — занавесами, исполненными художн[иками]-бурятами), сцену из бурятской жизни. Этот сюжет написан воспитанником техникума. Как водится, при

заболевании члена семьи (на этот раз 12-летн[его] мальч[ика] тифом), горящего в высокой температуре, приглашают шамана — «пошаманить, прогнать духа», служащего причиной болезни; и вот начинается шаманство, чем дальше, тем громче, экстазнее. Вместе с шаманом, его «чарованием», сидят соседи и угощаются вином, закусками, а бедный мальчик все горит-горит и мечется в высокой температуре.

Я просидел два акта, поблагодарил за гостеприимство и ушел к себе в «Централь»-отель в сопровождении Барадийна и Цыбикова. На душе было легко-легко.

Дома я скоро закончил укладку, попивая чай, ужиная и проч. Мне обещан автомобиль, аккуратность в разбужении и т.д. Ровно в 12 часов я лег и быстро уснул. У меня было все уложено, связано, мне только надо было по стуку в дверь Эрнеста-слуги проснуться и одеться, и, покуда я одевался, все мои вещи великолепно были вынесены и уложены в машину. Предупредительный шофер прекрасно меня доставил на вокзал, живо перенес мой багаж, и у меня оставалось одно желание: поблагодарить внимательного человека за услуги. Сразу чувствуется, что у председателя Совнаркома М. Н. Ербанова и автомобиль, и шофер составляют одно стройное целое.

Следует отметить, что содержателю отеля «Централь» я подкинул мои мех[овые] вещи в холодной дороге — шубу и экспедиционное одеяло — на хранение до обратного пути. Мих[аил] Фед[орович] Безденежный обещал сберечь все упомянутое, а Маруся, славная девушка, [отдала] еще и остатки пельменей!

21/XII, ⊙. Ровно в 4 часа утра голос Эрнеста «Машина подана» разбудил меня. Пока я одевался, вещи, коллекции были погружены, до рыбы включительно, и я отлично покатил на вокзал. Погода облачная, мягкая. На вокзале были сонные пассажиры. Вскоре принесли дымящийся паром большой самовар и горячие пирожки, сообщили, что курьерский идет с небол[ьшим] опозданием; значит, есть возможность получить утреннюю местную газету! В газете статья с портретом путешественника.[159] Полная дама Мар. Павловна приветствует меня, угощает кофе с пирожками и говорит о том, как проезжал здесь С. Гедин, шутник такой: «Сидя со мною рядом, — говорит М[ар]. П[авловна], — берет мою руку в свою и лепечет: "Какая прекрасная дэвушка!.." Та в отчаянии: "У нас так не принято даже с простыми горничными, а не только с дамами порядочными, к кот[орым] я могу причислить и себя!" С. Г[един] заметил: "А почему же нельзя?!"». М[ар]. П[авловна] показала мне прекрасный портрет нашего оперного певца Шаляпина. «Вот, Петр Кузьмич, я позволю себе просить и Вашу фотографию на память, мне будет очень приятно!». Открылась киоска* с книгами, журналами и газетами. Милый Гавриленко поднес мне интересную книжечку С. Далина «Молодежь в революционном движении в Монголии»[160] с трогательной надписью: «Гордости народа русского (СССР)». Надо отплатить ему «Тибетом».

Романов, сотрудник ГПУ, меня усадил, устроил мои коллекции и раскланялся отходящему поезду. Мне было очень приятно ехать в курьерском поезде, мягком класс[ном] вагоне (в поезде с рестораном).

---

* *Так в тексте. (Прим. сост.)*

Я осмотрелся, устроился, внимательно обошел с осмотром весь мой багаж в 18 мест и с удовольствием записался на завтрак в вагон-салон. Там, думалось, посмотрю на едущую публику! Рядом же со мною помещались деловые типы, много говорившие вначале по поводу ст[атьи] Троцкого «Уроки Октября».[161] Ехала семья из Харбина, с диплом[атической] почтою, ехал (до Н[ово]николаевска) Мих[аил] Нарсесович Нарсесов, ехал мол[одой] профессор Якубов, впрочем редко заглядывавший к нам, во II класс, боясь быть оштрафованным. Моим соседом в ресторане был Нарсесов (за одним столом), через стол сидели китайцы — двое мужч[ин] в евр[опейских] кост[юмах] и мать с дочерью. Особенно мила была 15—16-летняя китаяночка, очень живо игравшая с одной или другой сибирской кошкой.

Поезд быстро, плавно несется. Пейзаж то горный, то долинный мелькает словно в калейдоскопе. Сидишь или стоишь у окна, часами любуешься и думаешь. Много дум роится о том, что и впереди, и позади. Мои любимые места Монголии все удаляются, родные — приближаются. Замелькал голубыми пятнами среди леса Байкал. Красавец сибирский, ты еще не спишь, по твоему необъятному простору бегут высокие волны. Едем дальше, дальше к западу — вон он открылся вовсю. Как красивы снегом укрытые горные цепи! Их главные вершины сияют, искрятся и тонут на далеком сев[ерном] востоке в темно-голубых волнах «священного моря».

Поезд шумит, грохочет, извергает клубы дыма, но он не в состоянии заглушить рева, стона и гула волн Байкала. Байкал жив и дышит, и ревет, и стонет, только северная даль молчит. В синем небе строго тянется прибрежная, северо-восточная серебряная горная гряда. В ней, в этой гряде, прячется Ангара с ее камнем «шайтана», или, точнее, «шамана».

Я уснул, вероятно убаюканный Байкалом; я проспал все тоннели, ст[анции] Байкал, Ангару до приезда в Иркутск, где меня словно кто-то разбудил и я быстро встал!

Ко мне входят в купе мой старый друг-сибиряк и затем, минуту-другую спустя, двое студентов-делегатов от группы оставшихся на вокзале студентов-востоковедов (местного университета). Энтомолог С. Н. Родионов мне был очень приятен, мы успели обменяться мыслями, взглядами, дважды обняли друг друга. Мой приятель ввиду выдворения музея из здания Мерецкого получил свои коллекции на руки, библиотеку также. Совершился ненужный круговорот, и все вошло в прежнее «испакащенное» русло. С[емен] Н[иколаевич] дает мне право передать Зоологическому музею РАН желание создателя подарить его зоологический музей, а самого Родионова оставить корреспондентом музея. С[емен] Н[иколаевич] готов дальн[ейшие] сборы насекомых направлять в музей же и т.д. Студенты получили от меня очень немного на свой юный привет, большая часть времени уделена мною Род[ионову].

Прощай и Иркутск, поезд помчался дальше. Ввиду запоздания он сократил часовую стоянку наполовину и силится наверстать еще, чтобы не быть посрамленным, чтобы не опоздать еще, а, напротив, нагнать до предела. Ночь вновь усыпила меня. После четырехчасового спанья в В[ерхне]удинске я никак не могу прийти в себя, не могу выспаться. Поезд качает, качает и клонит к дремоте!

22/XII, ☽. Утро морозное, полуясное! Тепло, мягкость приятные остались над Байкалом. Мы бежим среди гор, гор и гор, то высоких, стесняю-

щих горизонт, то далеко отступивших к северу или югу. Станции положительно мелькают! За завтраком новые лица — англичане, во главе с шефом «Торг[ового] дома в Урге», с его представителем в Китае и Монголии mr Махнотом. Говорим, удивляемся встрече. Махнот никак не предполагал, что можно с удобствами прокатиться от столицы Монголии до Сибирской железнодорожной магистрали. Англичане и китайцы, курящие и некурящие... а поезд спешит и спешит на Запад!

Говорят о праздниках, о Новом годе. Читаем свежие газеты. Переводим время — часы; мы все ложимся рано и еще раньше встаем. Интересно замечают проводники: «В пути на восток публика спит долго; а в пути, как теперь, на запад — встает с ночи и то и дело бегает с чайниками за кипятком».

В поезде времени много, хоть отбавляй, я вздумал настрочить письма, а потом и весточку в «Известия». Тем временем мелькнули Красноярск, Тайга (Томск в стороне), Омск. После ночи начали подыматься на предгорья Урала, а потом и на спину последнего, а затем и его оставили. Ночью проснешься — поезд бежит, стремится на запад.

Публика хорошо ознакомилась по вагону и встречает новые лица в ресторане. Тут народа больше; рискуешь не получить себе место!

26/XII, ♀. Таким образом, докатили и до Вятки, где я должен покинуть экспресс. Молодежь, соседи успели узнать меня, прониклись уважением и изъявили полное желание вынести мои манатки на перрон станции Вятка. Тут и ГПУ (начал[ьник] в г. Вятке), и нач[альник] поезда все сделали, чтобы лучше усадить меня в почтовый! Мое письмо с дороги укатило в Москву.

Симпатичный начал[ьник] станции Эссен Конст[антин] Ник[олаевич] подошел, представился и уверил в готовности устроить меня в почт[овом] лучшим образом. Так в действительности и случилось. Пришел почтовый, мой багаж втащили, разместили, тем временем я выпил предлож[енный] К[онстантином] Н[иколаевичем] чай с лимоном и пошел в вагон. Оставалось только поблагодарить Эссена и записать в «памятку» на обратном пути подарить ему на память «Тибет и Далай-лама».

Наконец, осталась позади и Вятка, поезд пошел с незначительным опозданием. Тут и в окрестностях зима стоит настоящая: снег, холодно; превосходный санный путь!

На следующий день, **27/XII, ♄**, мы уже говорим о Вологде, как завтра станем произносить приятное слово — Петроград. Погода: небо серое, угрюмое, мрачное. Мое любимое солнышко осталось далеко. Как я привык в Монголии к солнцу, как я люблю его! Вот этот север холодный, осень и зима петроградские всегда были ненавистны мне: недаром я особенно подчеркивал то счастливое пребывание в Центральной Азии, которое мне давало возможность вместо гнилой погоды пребывать в сухости и солнечных лучах.

Тем временем мы катим вперед, время не ждет нас; Вологда приближается, я опускаю в почтовый вагон письмо Вишнякову. На вокзале съедаю тарелку любимых мною щей или борща, беру кипяток, приготовляю чай и гуляю до последнего звонка. Только тут ценишь настоящим образом свободное движение и открытый воздух, который после вагона кажется замечательно чудным, свежим, словно бальзамическим. В поезде я невольно вспоминаю узников и лучше понимаю их наказание, ужасное нак[азание].

Поезд пошел, огни мелькают все реже, меньше, тусклее, и мы во тьме ночной.

Я долго смотрю в широкие окна вагона — любуюсь искрами, умирающими или в воздухе, или [при] падении на снег, а мои мысли несутся и на север — к предстоящему, и на юг — к оставленной экспедиции. И то и другое и приятно, и дорого.

Убаюканный качкой, усыпленный мечтами, приятно забываешься на всю долгую ночь.

28/XII, ☉. Северное, хмурое небо; снега почти нет. Проходим Волховстрой, масса высоких миллионных сооружений. Близится Центр: телег[рафные] столбы сверху донизу унизаны проволоками, чувствуется и наблюдается больший порядок. Новые лица, новые костюмы, дети. Семья пут[евого] инженера едет на новое место: через Петроград в Туркестан, в Ташкент.

Наконец и Петроград! Ровно две недели пути, и я перелетел более, нежели семь тысяч верст. Невольно вспоминаю мое первое путешествие по Сибири до Кяхты; оно исчислялось месяцами и утомляло гораздо более, нежели самое путешествие на вьюках.

Приближаемся! Вагонов больше и больше, их целые города, наконец — перрон, замелькали встречники, напряженно всматривающиеся в окна, а вот и Володя, и Глаголев.

Приветствие. Маленькие, краткие разговоры, выносим багаж. Предложение подвод. Лихой ярославец бойко читает адреса на ящиках, приветствует, читал в газетах и знает экспедицию Козлова РГО. ГПУ оказывает содействие.

Выезжаем на площадь. Володя направляется с извозчиком домой, я и Глаголев также, но на траме 12. Мелькают знакомые дома, улицы, бегут встречные трамы, машины, чувствуется город, большой город. Небо хмурое, серое, солнце нет, а для меня это большое лишение; солнца бодрит, прибавляет энергии и т.д.

Наконец трам остановился у самого нашего дома! Выходим, идем. Та же перспектива, те же лица. Еще не стали подниматься вверх, как едет Володя с вещами, идут дворники во главе с Митрофаном, работавшим во дворе.

Наконец и дома. Вносят багаж; тщательно осматриваю, считаю — всего 18 мест. Общий вес, мне думается, около 15 пудов.

Нас ждали, обед готов, и мы садимся за стол с компанией С. А. Глаголева. Общее впечатление мое — вполне удовлетворительное, несколько приподнятое.

Моя комната — в нашей с Пшевочкой спальне, одна моя кровать на месте кровати Пшевочки, ее диван (плюшевый) под чехлом. Обо мне позаботились — все чистенькое! Уют, чистота и приятность. Для меня готовится ванночка. Володя — по-прежнему в соседстве с нами, мать и дочь в прежней нашей столовой. Жильцов — ни единого.

Вместо собачки, фокса Муськи, курчавый, бело-коричневый песик, ♀, под кличкой Мирта.

Думаю, сильно думаю о моей родной Пшевочке, думаю о посылке телеграммы, о том, что «Доехал отлично, целую!» Но когда ко мне придут вести из Монголии?

Пообедали. Глаголев тотчас ушел. Мы остались одни. Я вынул из брюшины и корзины подарки: шелк[овый] красн[ый] кусок Оле, анг[лийская] материя «одеяло»[162] Володе и ½ куска стальной шелковой материи на платье Н[адежде] С[тепановне] — матери моих детей; от Елизаветы Владимировны ей, кроме того, и большая, если не сказать огромная рыба, из Толы — в 33 ф[унта] таймень!

Странно, что я нисколько не устал после большой дороги, лег только после 10, даже около 11, но спал неважно: не могу отрешиться от впечатления поезда и воспоминания В[ерхне]удинска, Байкала, Иркутска. Мысль убегает еще дальше, в глубь Монголии, в красивое Ноин-ула, в столицу Монголии Ургу! Вспомнилась сильнее всего моя Пшевочка. Ведь она более всех других болеет душой за участь экспедиции. Она только всею силою души заботится о благе и счастье, и успехах экспедиции.

29/XII, ♑. Наутро я ей послал краткую, но выразительную телеграмму.

Опять нет солнца. Сегодня я говорил по телефону и узнал, что наши все ящики покоятся в В[ерхне]удинске, в ГПУ, что ГПУ пытался неоднократно доставлять ящики, даже по одному, для сдачи дипломатическим курьерам, но последние, из-за их громоздкости, отказывались от них. Поэтому «воз и ныне там!». Это несправедливо! Больших, длинных ящиков немного, большинство средних, но есть и совсем маленькие (в два бидона). Просто не желали и не умели, и, вероятно, не хотели сделать! Этого я никогда не ожидал!

Пришлось идти в Смольный и по прямому проводу говорить с Горбуновым, просить его заставить по телеграфу ускорить высылку коллекций Козловской экспедиции прямым путем, в Петроград (через Вятку, Вологду). Как обидно, ведь сколько надо ждать! Никто-никто не сказал мне ни единого слова о том, что наши ящики с коллекциями застряли в В[ерхне]удинске, даже Романов, который слышал от меня о них, что эти коллекции должны быть вместе со мною в Петрограде.

30/XII, ♂. Небо хмурое, горизонт короткий, оттепель; сыро и неприятно!

Вечером я в Географическом обществе: мой первый выход. Делаю доклад об истекшей деятельности Тибетской экспедиции и о достигнутых ею результатах; свой доклад иллюстрирую фотографиями и планами профилей разрезов курганов. Говорю о том, что все естественно-исторические сборы Тибетской экспедиции, по традиции, я самолично передаю на определение и изучение в Зоологический музей РАН или в Ботан[ический] сад. А вот что мне прикажете делать с археологическими находками? В ответ на это Совет постановил единогласно: «Передать все археологическое в Русский (этногр[афический]) музей, туда, где покоится уже дар РГО — Хара-хото П. К. Козлова. Об этом музей был поставлен в известность».

Настал Новый, 1925, год. Мои все спали, а я... я — читал, писал.

Мои мысли убегали далеко от действительности и всю окутывали мою родную Пшевочку, моего лучшего друга-спутника, уносились затем в Тибет, на верховье и истоки Ян-цзы-цзяна, Меконга и Салуэна. Чудились мне то горные, белоснежные цепи, то альпийские луга, граничащие с высокими рододендронами, то, наконец, глубокие, извилистые ущелья, с вечным шумом быстрых, прозрачных вод, создающих, с одной стороны, волшебную

гармонию, с другой — чарующие глаз радуги. Завидую мечте и мысли: они стрелою уносятся в иной край, с другою природою, с ярким солнцем, синим небом и людьми, одаренными бурным темпераментом.

У нас обедали Глаголев с своею мамашей; было мило, вспоминали экспедицию. Вечером собрались знакомые, преимущественно молодежь: Васильевы, мои А[лександра] Ф[едоровна], Мар[ия] Яков[левна], Алашеевы. Ларичка прекрасно пела, совсем по-другому; ее ставит по-настоящему учительница пения! От ее пения я положительно в восторге! Очень жаль, что мне не удалось с нею перемолвиться.

Поздней ночью меня оставили одного, и я отдался моим любимым мечтам и грезам!

Мне надоедают всякого рода репортеры (из газет, журналов). Я устроил у себя в квартире, в одной из комнат, выставку археолог[ических] находок. Фотограф снимал ее всячески. Не знаю, что выйдет? Снимал он и меня в различных положениях и в различной обстановке. Обещал доставить мне образцы.

Все идет своим чередом. Я вижусь с С. Ф. Ольденбургом и у него в квартире, и в кабинете, где встретил совет старейших «мудрецов-ученых», в числе коих были: энергично подошедший ко мне поздороваться А. Е. Ферсман, Карпинский, Стеклов и друг[ие], заседавшие с С[ергеем] Ф[едоровичем] по предст[оящим] важным делам в связи с его командировкой в Москву, в Госплан. Академия наук хочет помочь Якутии,[163] с представителем которой я недавно познакомился у С[ергея] Ф[едоровича] на его квартире.[164] У себя дома Ольденбург обаятелен, хотя он мил со мною везде.

Я видел у С[ергея] Ф[едоровича] много чудно изданных работ Штейна. Для этого английского путешеств[енника], исследователя Центральной Азии, ее истории, прошлого, С[ергей] Ф[едорович] взял мою книгу «Харахото» для посылки вместе со своими трудами в Лондон.

Периодически беседую обо всем с моим милым Пшевиком — пишу ему.

Забыл отметить, что в Совете РГО видел моих дорогих друзей: Колю Кузнецова, Андр[ея] Достоевского, который чуть не задушил меня в своих радостных объятиях, а также (впервые) Шокальского, Комарова, Грумм-Гржимайло (последний дряхлеет сильно). Как они все, чувствую, дороги и приятны мне, скажу больше — они родные, близкие!

Урывками посещаю Зоологический музей и уже сдал ему энтомологию, mammalia и орнитологию. Из энт[омологии] менее прочих отделов интересен отд[ел] жуков, да это и не мудрено — жуков собирали кое-как, бабочек тоже; но среди мух, шмелей и клопов много-много интересных форм. Бабочки еще не смотрены, mammalia также, как не смотрены пресмыкающиеся и земноводные, чему виною, главным образом, растянутые праздники (по нов[ому] и стар[ому] стилям). Кузнецова, Царевского и Виноградова нет совсем — они справляют каникулы. Но, вероятно, прибудут скоро, тогда все и выяснится.

Время бежит неудержимо. На ходу пишу Пшевочке и еще кому-либо.

По обыкновению, с Андр[еем] Петр[овичем] С[еменовым]-Т[ян]-Ш[анским] обменялся прелестными открыточками.

Вот еще не сговорился только с А. М. Соколовым. Даже видел хмурого, убитого горем нравственным Мирика; но говорить с ним, а тем более помочь не удалось. В этом отношении, может быть, сумеет что-либо сде-

лать искренний друг мой Шуренок, т.е. Ал[ександра] Фед[оровна]. Она моя и сердцем, и душою и часто — мечтою и мыслью. Так ли она думает по отношению ко мне? Только теперь я понимаю, почему ее любит мой Пшевик!

А небо по-прежнему хмурое, серое, с крыш течет вода, я тоскую о солнце, о сухом, живительном воздухе.

Сговорились и видимся с Теплоуховым, вместе с ним и Баранниковым обошли «Хара-хото». Тут все выглядит приличным, выглаженным, исправленным. Поставлены витрины с миниатюрами, цацами, мод[елью] субурганов, штампами, ксилографами и проч.

В Русском музее я люблю бывать! С. А. Теплоухов показал мне мой х[ара]-хотоский материал: керамику и всякого рода обиходные предметы, кот[орые] составят два щита или ряда полок, уже вынесенных к Монголии, в соседнее помещение, справа, у стены; тогда как место для ноин-ульских археологических находок приготовлено посередине.

В ☉, **4/I,** я никуда днем не выходил. С утра у меня был фотограф; солнышко впервые улыбнулось нам. Заходили Косяковы, Стоговы — обозревали нашу орнитологию. Но как сильно и напряженно я ждал вечера, ждал общения с милой А[лександрой] Ф[едоровной] и другим нашим другом — М[арией] Я[ковлевной], и недаром. Среди них мне легко, и я отдыхаю душою. Среди них, в их тесном общении, витает и произносится очень часто имя моего родного Пшевика.

Даже накануне я поехал было по Пшевиному поручению к проф. А. М. Соколову, но его не нашел на Можайской, он уже перебрался на Стремянную (5), а дождь меня полил изрядно. Пушка стреляла, вода в Неве поднималась! Мне оставалось одно: зайти по дороге к А[лександре] Ф[едоровне], я и зашел и, невзирая на ее препир[ания] и убежд[ения], что ей надо возиться к завтр[ашнему] дню, я ничему не внял и вместе с нею под гром пушечных выстрелов покатил в траме ко мне. И как было уютно, мило, дружески хорошо.

В ☽, **5/I,** я был у С. Ф. Ольденб[урга] и рассчитывал разбирать птичек, но вышло иначе: С[ергей] Ф[едорович] передал мне письмо — ответ Державина по поводу устройства Олечки в Царском Селе на отдых в течение месяца, и так как следовало срочно Олечке моей отправиться к докт[ору] и т.п., то вместо музея я поехал домой, где и остался уже, а О[лечка] и В[олодя] с письмом укатили по назн[ачению].

Только на другой день, тоже с утра, я побывал в музее, разобрал и рассортировал птиц числом 211, равно и зверьков и с удовольствием, приятностью еще более убедился, что действительно наше орнитологическое собрание представляет большой интерес не только указанием новых географических данных для тех или иных видов, но что некоторые формы, как Lanius, а еще больше и определенно бол[ьшая] серая гольцовая сова, — новые в своей подвидности и что целый ряд факт[ических] данных свидетел[ьствовал] о громадной важности нашей теперешней орнитологической коллекции. Я тотчас сообщил обо всем этом орнитол[огу] экспед[иции].

Вечер этого дня, ♂, вместо А. А. Достоев[ского] проведен у Элиаш вместе с супругами Ольденбург, Вревской и членами семьи Над[ежды] Ми-

х[айловны]. Приятно и мило было побеседовать за чашкой чая с С[ергеем] Ф[едоровичем] и ближе познакомиться с его женой (ур[ожденной] Головачевой), с которой вспомнились невольно мои друзья сибиряки-забайкальцы и яркое всегдашнее солнце.

Среду, 7, я просидел дома. Напрасно вечером ждал: мой теплый луч не проник ко мне. Меня навестил лишь А. А. Кондратьев, передавший мне: сто монет, ноты и камертон. Мне приятно было видеть отца моего лучшего спутника, за отношение к которому, чисто отеческое, дружеское, меня так благодарил А[лександр] А[лександрови]ч. Решили еще свидеться, и А[лександр] А[лександрович] привезет хронометр, в ходу.

Таким образом, ежедневно находится что-либо новое и новое, и, повторяю, время проходит очень быстро, незаметно!

Между прочим, из Киева получена телеграмма сл[едующего] содержания: «Украинская академия наук приветствует возвращение славного путешественника. Президент Липский».

8/I, 2. Накануне я получил из Урги от Пшевика телеграмму: «Полпредство обещает отправку коллекций не ранее двадцатого (января), боюсь новых отсрочек». Это известие огорчило меня... и я думал.

Утро серое, но уже немного морозное, сухое; по дороге скользко! С утра я за писанием. В полдень в Смольном через прямой провод говорю с Кремлем, прошу полпредство в Урге ускорить отправку коллекций, прошу сообщить Верхнеудинск, отправил или нет хранившуюся у него 1-ю партию коллекций, и т.д. Очень скорблю, что я не знал о последнем обстоятельстве, иначе было бы это дело сделано и колл[екции] не лежали бы там зря.

В 6 часов я отправился в Географическое общество, там делал доклад Дубянский. Мы уговорились быть вместе с С. А. Теплоуховым, чтобы, во-первых, посмотреть помещение для выставки, во-вторых, свидеться с Шок[альским] или Комаровым и переговорить с тем или другим по некоторым вопросам предстоящего устройства выставки.

Шокальский, как и надо было ожидать, всецело пошел навстречу. С его стороны желание Русского музея приготовлять коллекцию для выставки в самом Русском музее не встретило никаких препятствий. Теплоухов всем этим был очень доволен, и мы уговорились с ним в самом близком времени начать соединение наших археологических сборов в одном месте — в здании Русск[ого] музея.

Пользуясь пребыванием в помещении РГО, я поднялся наверх к шкафам, мне принадлежащим, и там посмотрел на запас книг моих, главным образом на «Хара-хото». В крайнем правом помещении, к моему удивлению, оказалось только два экземпляра. Помню, в мною начатом пакете было пять [книг], отсюда я в свое время вынул 3 кн[иги]: Моласу, Грумм-[Гржимайло] и себе (домой), но отлично помню, что еще должен был остаться пакет полностью, и именно не только в этом же шкафу, но и на той же полке, где ютились две книги, рядом, немного влево! Где они? Я не знаю, мне грустно, и все мои соображения по поводу поднесения некоторым забытым людям или новым встречным едва ли осуществятся. Мне хотелось бы, и я до некоторой степени обещал это сделать в отношении Ербанова, Цыбикова, Вишнякова и Насонова — автора «Диких баранов старого света».[165]

Ужели в шкафах Географического общества не найдется этих пяти книг? Если нет — будет печально, тогда я не в состоянии буду поднести мой последний труд всем поименованным выше, а лишь тем из них, кто наиболее нуждается в них и кому я более обязан, как например Ербанову, Цыбикову и Насонову, а бедная Вишня моя останется без подарка.

Обратно из Общества мы вышли вместе с Теплоуховым и в [трамвае] № 13 докатили до Смольного; он направился к брату, в гости, а я к себе домой. Я немножечко спешил, чтобы прибыть раньше моих двух милых друзей, обещавших у меня быть после своих «заседаний». ...*

9/I, ♀. Утро еще более морозное, выпал снег, который продолжает падать больше и больше. Кругом бело, чисто. Я не выходил, не говорил ни с кем по телефону, а только писал и читал. Сегодня я получил первое письмо от 18/XII от моего Пшевика: собиравшиеся уйти машины, так и остались в Урге и я бы прождал коллекции долго-долго. А. Н. Васильев не приезжает или, точнее, не выезжает из Москвы. Странно, что там, в Урге, не могут решиться пустить машину для дела, тогда как для своих родных или друзей машина командируется экстренно!

На улице полная, жуткая тишина и темно-темно, только изредка мелькнет один-другой трам, прошумит, осветит движущимся огоньком, и вновь тихо и темно, будто так всегда и было.

Нас навещают интересующиеся коллекциями; ходят группами и реже в одиночку, смотрят, делают замечания, выражают удивление по поводу необычайно тонких тканей из шелка, блестящих, газообразных, со стрельчатыми (ромб) узорами.

Уже 10 часов вечера, от меня ушла посетительница — певица. В воскресенье, надеюсь, ее услышу! А те из Смольного, что обещали, не пришли!

Перечитываю письмо Пшевика, очень интересное и содержанием местным и вестями издалека! Интересно про пилингов,[166] про их смелость проникнуть в минист[ерст]ва Лхасы. Но что всего интереснее, что ламатибетец, много раз бывавший у нас в Урге кенчун-сойбон, по мнению Галсана, неизвестно, какой из двух сторон в Тибете держится, т.е. русской или английской. Прочтя письмо полностью вторично, невольно перенесся в Ургу, в нашу монгольскую жизнь и атмосферу! Пшевочка властно мои мечты направила в ее русло! Воображаю, с каким интересом она всегда ждет и читает мои листочки, как и я здесь, она там так же чувствует и мыслит! Она меня, а я ее — мы друг друга очень хорошо понимаем!**

Сегодня никто не нарушал моего однообразия. Перед спаньем я прошел с письмом к Пшевочке за ворота: мне хотелось, чтобы мои листочки понеслись скорее к месту. На улице пахнуло свежим влажным воздухом, падал снег, дули ветерки с разных сторон, порывами, над Смольным колыхался, как призрак, большой флаг. Я, вдохнув св[ежего] воздуха, пошел спать.

10/I, ♄. Серое, сырое утро, t 0°, воздух влажен, чист и очень вкусен. После комнаты не надышишься!

---

* *Далее в тексте пять предложений личного характера. (Прим. сост.)*

** Получил новое огромное письмо из Вологды от А. Евг. Вишнякова.

Моя мечта, моя скиталица-мысль меня оставила, едва я проснулся, и улетела к заветному вост[оку]-юго-востоку, где осталось все мое и моя «душа номада». Мечтою моею, как лучом яркого восхода, я всю обвиваю мою родную Пшевочку. Она чистая, прекрасная и за меня ежедневно посылает улыбку угрюмому зимой, священному массиву Монголии Богдо-ула.

Не знаю, чем мне заняться сегодня? Если бы не таяло, я бы отправился в экскурсию на Литейный, богатый и теперь случайными хорошими книгами.

Второго моего дневника нет со мною, и мне грустно, пришла пора, когда я могу взять его в руки и начать готовить отчет о речках Сугу-нур и Баин-гол, главных данниках Хары. Может быть, следует написать письмо А. Н. Васильеву, или нет? Ведь я писал ему.

Сейчас принес мне фотограф оттиски с фотографий археологических находок Тибетской экспедиции. Я очень доволен: один снимок лучше другого, а их всех девять: два моих портрета (в полушубке) и за столом, с находками; снимок с ажурной этнографической коробочки из слоновой кости (Китай). Остальные снимки с археологических находок: сетка, мудрено сплетенная, женские косы в футлярах, кусочек ковра и несколько снимков исключительно бронзовых предметов, не поддающихся определению, для какой цели они служили. Кусочек ковра со сценой «драка мифических зверей, животных» вышел замечательно удачно, также и мой портрет у столика с археологическими бронзовыми находками. Бывают минуты приятные, как эта, когда я смотрю на снимочки с находок моей экспедиции и моя душа — душа номада — ликует. Ведь скоро от меня отберут мое сокровище, увезут его в музей, потом на выставку в Геогр[афическое] общество, потом вновь, навсегда, в музей, и я останусь лишь в обнимку со снимками.

Как похожи периоды возвращения из экспедиций: живо встают образы снимков с хара-хотоских объектов, постоянные посещения репортеров и проч. Теперь, после приезда из Монголии, после привоза коллекций и проч., опять снимки, опять зашевелились фотографы, забегали репортеры; мне весело, приятно, и я улыбаюсь. Чего же больше. Но как будут довольны мои большие и малые мальчики, как почувствует себя хорошо-хорошо моя единственная, моя родная Пшевочка.

Вечер я прекрасно провел с моими друзьями — А[лександрой] Ф[едоровной] [Бедняковой], и М[арией] Я[ковлевной] [Басковой] в доме последней, в ее очень симпатичном уголке — гостиной, обставленной предметами искусства. Более всего прочего мне понравилась акварель, длинная, с красочным золотистым закатом, разлитым по всему краю неба, выше горизонта. Эта акварель живо перенесла меня в мою любимую Асканию-Нова, в столовую и гостиные, где на стенах висела и постоянно подолгу привлекала мое внимание именно серия таких красочных пейзажей, принадлежавших талантливой кисти одного и того же художника.

Семья М[арии] Я[ковлевны] была радушна, мила и располагала к непринужденности, в особенности сама очаровательная хозяйка, выдающаяся русская женщина, в обществе которой я люблю бывать. Конечно, вечер был еще более привлекателен присутствием нашего лучшего друга (и в то же время друга хозяйки), милой Александры Федоровны, которая родственна по духу моему Пшевику! С Александрой Федоровной я пришел к М[арии] Я[ковлевне], с нею мы и ушли домой. Погода была приятная, мягкая, температура, вероятно, была около нуля. Улицы сравнительно оживлены,

залиты светом электрич[еских] фонарей. Мне не хотелось скоро расставаться, но [позднее время] — без 10 минут час ночи — заставило прыгнуть в посл[едний] трам.

Дома, у себя на столе, в кабинете я нашел телеграмму за подписью Горбунова.

«Правительством назначена комиссия для рассмотрения отчетов Монгольской экспедиции и дальнейших планов ее работ. Комиссии поручено заслушать отчет о работе экспедиции и рассмотреть план дальнейших ее работ, выяснить все организационные вопросы, рассмотреть финансовый отчет и решить вопрос о распределении коллекций. Подробности письмом НР 82/6. Управделами СНК СССР Горбунов».

Для меня ясно, что эта телеграмма в сущности ответ, заключение на мой последний отчет Горбунову (Главнауке, Академии наук, Географическому обществу). Но все это могло быть рассмотрено и разобрано менее официально, при большем внимании и привлечении к делу членов Совета не Академии наук, а Русского географического общества. Теперь же, когда вопрос был так горячо поднят об археологических находках Тибетской экспедиции, в связи с решением Совета членов РГО о передаче их в Русский (этнографический) музей, конечно, в состав комиссии, назначенной правительством, могут войти, влиться члены, на которых единолично сделает указание Непременный секретарь Академии наук. Письмо именно и укажет, кто входит в состав комиссии. С[ергей] Ф[едорович] сильно позаботился о привлечении в комиссию таких лиц, которые большинством голосов могли бы решить вопрос, главным образом, конечно, об участи археологических коллекций и непременном включении в состав экспедиции для дальнейших работ (в особенности если правительство прибавит средств) кого-либо из специалистов, считаясь не с мнением Совета РГО, а с мнением Академии наук.

11/I, ⊙. Едва я окончил мысль по поводу телеграммы Горбунова, едва попрощался с отъезжавшей в Детское Село моей дочкой Олечкой, как повалила ко мне публика, самая разносторонняя. И благотв[орительная] дама (бывшая кн[ягиня]) Чавчавадзе-Ахматова, и Калинин, и фотографы с аппаратами, и родственники спутников, и вновь фотограф для снимков с археологических находок и т.д. Все это очень интересно, но эти люди мешают заниматься, а вот и мой секретарь А[лександра] Ф[едоровна] и вслед за ней и генерал Артамонов — путешественник по Кавказу, Закасп[ийской] области, но более всего прославившийся по Абиссинии и Нилу, который переплывал эту реку, кишащую крокодилами. Артамонов был в сопровождении своей милой дочери Мери.

Потом заходила Леля Водолаго, землячка из Гришнева, потом Рогалев и Зинаида Михайловна. Прекрасное впечатление оставили Артамоновы, ведь он был молодым современником моего незабвенного учителя Н. М. Пржевальского.

Моя Олечка доехала в Ц[арское] Село отлично и встречена с распростертыми объятиями.

Сегодня надо подумать о письме моей родной Пшевочке, написать ей, а потом надо завтра поговорить по телефону с Теплоуховым и Комаровым. Пшевочке будет приятно знать о нашем уголке в новгор[одских] лесах, о речках и болотах с клюквой и брусникой. Как милы и желанны теперь для

нас эти хорошие люди, среди которых есть и такие, какие никогда не видели в глаза железной дороги или машины, как они наивно говорят.

Теперь я с нетерпением буду ожидать присылки Кремлем письма с подробностями.

Вечер я целиком провел у соседей Алашеевых: Лара и ее учительница занимали гостей пением. Первая отлично исполняла номера, с душой, придающей выразительность, в особенности «Цыганка»; вторая брала мастерством, техникой (хорошо исполнила «Риголетто»).

12/I, ☽. Еще с вечера и ночи настала оттепель, потекла вода, особенно обильно с крыш.

Утро темное, с туманом, скрывающим все вокруг. Невольно себя чувствуешь скверно; погода стоит гнилая — осенняя петроградская, какой я не в силах переносить, в особенности после сухой, залитой солнцем атмосферы Монголии.

Интересно, приехали из отпуска те зоологи, с которыми мне еще не удалось встретиться? Мне очень интересно пообщаться с Виноградовым, Царевским, Кузнецовым и его едином[ышленниками].

Сегодня день проходит уныло, сонливо, однообразно. Только художник-фотограф заходил ко мне и зарисовал разрезы курганов, их погребения, погребальные камеры. Он же смотрел ткани и восхищался их высоким качеством и еще пуще того изображениями человека и животных.

Погода из рук вон плоха, все сыро, мокро, прюкло, как говорит моя Пшевочка.

Ребят нет дома, и тоска, скука дает о себе знать. Нет сил сидеть дома, не с кем перемолвиться. Поэтому появление поздним вечером Володи из Университета вносит своего рода оживление. По его словам, нынче, тотчас после каникул, собралось немало студентов. Даже служители отметили, что не ожидали со стороны молод[ых] такой аккур[атности]. Мой Володя на геологическом отделении. Это я приветствую. Надо с ним поговорить. Как студент-геолог, он смог легче получить себе отделение для химических анализов! Иначе приходится очень долго ждать очередности. Конечно, химики получают первыми, за ними следуют геологи и уж потом только естественники вообще.

Я никуда не ходил, просидел весь день дома, погода сырая, мокрая.

13/I, ♂. Туман, сырость, мерзость. После монгольской сухости и прозрачности, после всегдашнего, почти ежедневного солнышка, страшно оживляющего природу, человека, здесь, в Петрограде, очень и очень тяжело! На физическое состояние ложится печать духовного утомления, пассивности, даже уныния. Бывало, в Урге поднимешь взор к окну и видишь чистое бледно-голубое небо, солнце и красивую гору Богдо-ула, смотришь — не насмотришься на этот алтарь природы!

Одну весточку из далекой Монголии я получил, буду надеяться скоро получить еще.

Сегодня, в постели, пришла хорошая мысль: снять фотографию с моих старинных китайских ваз, выставить их вместе с нынешней этнографией в отд[еле] археологических находок. А сегодня — посмотреть что-либо для снимков из буддийских статуэток.

Так изо дня в день проходит время в занятиях, подобных таковым в Монголии, а время, «математическое время», идет своим законным путем, не останавливаясь!

Как и ожидал, пришел к обеду А. А. Достоевский. Он много говорил о безработных вообще и в частности про себя, что второй год живет без службы, продает имущество, даже такие вещи, которые следовало бы поберечь как память.

Мне не удалось побывать в О[бщест]ве, где меня ожидали Шокальский и Теплоухов. Не дождавшись, они прислали мне пакет с письмами из Москвы и от себя.

Дом Ученых, или КУБУ, очень мило выразил готовность меня принять во всякое время и только заблаговременно известить или письмом, или телеграммой.

А вот и «подробности письмом» (от Н. П. Горбунова), привез[енные] С. Ф. Ольденб[ургом].

«Проток[ол] СНК СССР № 82.

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР об образовании комиссии для рассмотрения отчетов и планов Монгольской экспедиции П. К. Козлова

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Для заслушивания отчетов о работах Монгольской экспедиции П. К. Козлова и для рассмотрения планов дальнейших работ этой экспедиции и связанных с этим организационных вопросов образовать комиссию под председательством Управделами СНК СССР Н. П. Горбунова, в составе: акад[емика] С. Ф. Ольденбурга, ак[адемика] А. Е. Ферсмана, представ[ителей] Г[еографического] о[бщест]ва, по выбору этого О[бщества], ак[адемика] В. Л. Комарова, дир[ектора] Зоол[огического] муз[ея] А. А. Бялын[ицкого]-Бирули, геол[огов] А. А. Борисяка и И. П. Рачковского, чл[ена] Ученого комитета Монголии Б. Я. Владимирцова, полпреда СССР в Монголии А. Н. Васильева, двух представ[ителей] Наркоминдела и одного представ[ителя] Наркомпроса.

Предс[едатель] СНК Союза ССР Рыков, Управд[елами] Н. Горбунов. Секретарь Фотиева. 8.0I.1925 г. Москва, Кремль. 10.01.1925.

Петру Кузьмичу Козлову, академику С. Ф. Ольденбургу, А. Е. Ферсману, В. Л. Комарову, геологу А. А. Борисяку, И. П. Рачковскому, дир[ектору] Зоологического музея А. А. Бялыницкому-Бируле, чл[ену] Ученого комитета Монголии Б. Я. Владимирцову, Русскому географическому обществу.

Препровождая при сем постановление СНК СССР об образовании комиссии для рассмотрения отчетов и плана работ Монгол[ьской] эксп[едиции] П. К. Козлова, уведомляю, что первое заседание комиссии назначается на 31 января с. г. в г. Ленинграде в 2 часа дня в малом конференц-зале Академии наук.

Повестка дня намечена следующая:

1) Общий доклад П. К. Козлова о работах экспедиции и о достигнутых результатах. 2) Доклад Н. В. Павлова о ботанических работах экспедиции. 3) Докл[ад] проф[ессора] В. И. Крыжановского о минералог[ических] работах экспед[иции] в районе Урги. 4) Докл[ад] Б. Б. Полынова о почвенных изысканиях в районе Урги. 5) Доклад профессора С. А. Теплоухова и со-

доклад Г. О. Боровко о результатах археологических раскопок в районе Урги. 6) Предположения П. К. Козлова о дальнейших работах экспедиции.

Управделами, предс[едатель] комиссии Н. Горбунов».

Вот в какую вышеописанную форму вылились «подробности письмом». В общем, я удовлетворен, за исключением одного горестного эпизода — оскорбления предс[едателя] РГО и самого Общества.

Только бы дали возможность устроить выставку колл[екций], археол[огических] преимущ[ественно], с вкл[ючением] этнографии Монголии и Китая, прочесть доклад публичный в РГО, и экспед[иция] имела бы возможность свободно и продуктивно работать в будущем.

Ю. М. Шокальский личным письмом приглашает меня прибыть на общее собрание, 14/I.

14/I, ☿. Погода из рук вон плохая: мокрая, темная, туманная, брр!

Я говорю только по телефону. Какое громадное культурное удобство! Говорю с С. Ф. Ольденбургом, который стоит твердо на мнении передачи археол[огических] колл[екций] в Эрмитаж, исходя из того предпол[ожения], что в Эрм[итаже] уже имеются тождественные собрания и вообще имеются богатые археолог[ические] ценн[ости] по В[осточной] Сибири и что он советует мне с целью ознакомления с содерж[анием] отд[ела] археол[огии] побывать в Эрмитаже. С[ергей] Ф[едорович] говорит, что будет устроена выставка в РГО: «Вы там, в этом Обществе, прочтете публичную лекцию».

Потом я поговорил с Боровко, с которым и условился на завтра на свид[ание] в Эрмит[аже].

В заключение мне приятно было побеседовать с Б[ялыницким]-Бирулей. Последний сразу ответил, что по получении им уведомления от Кремля он уже распорядился на этот счет по отношению своих сотоварищей: предложил в отделах сделать учет полученному, а зав[едующим] отд[елами] специалистов поставил в известность об изготовлении ими критических научных отзывов по доставленным в их кабинеты коллекциям Тибетской экспедиции П. К. Козлова.

Вечером, в 8 часов, я был на заседании Географического общества, где моряк Н. Н. Матусевич сделал доклад о «Сооружении Полярной геофизической обсерватории на Новой Земле и Маточкином Шаре». На этом заседании председатель РГО Ю. М. Шокальский приветствовал мое временное возвращение из путешествия, богатого по своим научным результатам, в особенности в области археологии.

Тут же, в О[бщест]ве, я составил схему, набросок моего доклада 29/I, в четверг, приурочиваемого ко времени открытия выставки (археолог[ических] находок и этнографических колл[екций], Китай — бронза).

Поздним вечером я на 13-м и на 12-м трамах докатил до дома, где, по обыкновению, еще долгое время говорил с Володей, который сегодня был (помимо Универс[итета]) еще в Акад[емии] наук на веч[ернем] засед[ании] ботаников (ботанических лекциях).

15/I, ♃. Опять, как и прежде, тает, t воздуха 1.5°R, на улицах лужи воды, иногда падает снег мокрый, тогда с труб поливает, что называется, во всю

ивановскую. Скверно очень: похоже на весну — конец марта или начало апреля. Вода в Неве открыта и так высока, что, вероятно, скоро загремит пушка, к тому идет. Вот так и январь, maximum холода и обилие снега! Сырость, а с нею мерзкое настроение.

В начале 10-го часа я уже выехал в Академию наук, к Сергею Федоровичу. Вагоны трамов полны народа, я к этому не привык, ибо обыкновенно выезжаю из дома значительно позднее, когда народа меньше.

У Сергея Федоровича сидел Штернберг, и мы втроем беседовали, рассматривая снимки с фарфора моей экспедиции. Шт[ернберг] интересовался очень всякого рода предметами из волос, относя их преимущественно к предметам культа. Не меньше того его занимали изделия из дерева, лака и т.д. Я просидел у Сергея Федоровича около часа.

Молас сообщил мне, что В[ладимир] Ил[ьич] Крыжановский меня просит хотя бы на одну минуту, а если в запасе будет пять минут, то я смогу обозреть его геолого-минерал[огическое] собрание в Монголии, в Урге, ее окрестностях, главным образом к востоку, в басс[ейне] Толы. Я зашел, осмотрел и получил полное удовлетворение не только от количества, но и от внутреннего научного содержания. Топазы отличные и выставлены художественно, материал большой, разносторонний, ценный. В[ладимир] И[льич], зная, что РГО устраивает выставку коллекций Тибетской экспедиции, предлагал свои услуги по его специальности. Но выставка предполагается исключительно археологическая, с незначительным включением материалов по этнографии (из Китая, в отделе старой темной бронзы).

Потом я отправился в Эрмитаж, где Боровко показал мне собрание из Сибири археол[огических] находок исключительно из золота и всё звери, звери и звери, изобр[ажение] человека незначительное. Крылья, рога, веточки и проч. на животных в значительной мере напоминают таковые в изображениях на ковре находок Тибетской экспедиции из Ноин-ула. Очень ценно замечание Боровко, что на тканях изображения животных, однотипных с зол[отыми] изображениями так называемого Петровского времени, отмечается впервые лишь благодаря находкам П. К. Козлова. Б[оровко] еще раз подчеркивал важность находок «греческ[ого] искус[ства]».

Мне нелегко было путешествовать, так как у меня желудок не в порядке, и по возвращении к себе домой я вынужден был принять Oleum ricini. У нас сидели madame Тихонова Кл. Фед. со своим молодым красивым братом. Визит, кажется, предназначался исключительно для встречи с Олечкой. Кроме того, приехала Маня Калинина, а уже вечерком меня обрадовала своим прибытием милая Алекс[андра] Федоров[на].

Совсем уже вечером, после изв[естного] воздействия Ol[eum] ric[ini], я поехал к Артамоновым и бар[ону] Остен-Сакен. Та и другая семьи живут вместе. Я провел живо и интересно в кругу дов[ольно] близких мне людей. Они не были уверены в моем посещении, так как шел дождь вперемешку с мокрым снегом, дул западный ветер и периодически стреляла пушка. Среди беспросветной ночной тьмы выстрелы казались не особенно приятными. Я невольно вспомнил Ольденбургов. Они, наверно, беспокоились на протяжении всей ночи.[167]

Прощание с Артам[оновыми] и Ост[ен]-Сак[ен] было трогательное. Я обещал Л[еониду] К[онстантиновичу] поговорить с представителями РГО относительно его рукописи «Путешествие в Африке». Но особенно мила,

мила и занимательна была хорошая, воспитанная Мария, я всегда в восторге от ее изысканности и благородства.

16/I, ♀. Мы с Володей проснулись от утренних выстрелов пушки: вода все еще прибывала в Неве, дул ветер, который вскоре разогнал все облака и очистил наконец небо.

Какое радостное чувство овладевает мною при блеске дневного светила, при блеске теплого яркого солнца. Оно все еще низко над горизонтом, и высокие коридоры зданий, называемых улицами, скрывают самое солнце, но и то отрадно, радостно при виде безоблачного серого неба. Барометр энергично пошел вверх, но температура воздуха продолжает оставаться выше нуля на 3°С!

Утрецом пришло письмо, второе по счету, из Монголии от моей милой Пшевочки. Она — одна, сильно тоскует и всеми силами хочет заполнить пустоту времени. Главное, Гусев не в состоянии развлечь ее, и она жалуется на малое количество получаемых ею писем. Что касается до меня, то я пишу не мало и не редко. Мне кажется, что теперь она получает чаще и от меня, и от своих друзей, вроде Алекс[андры] Федор[овны], Марии и т.д. Надо склонить к хорошему письму и Мелеранскую О. А., у которой мы завтра будем.

Были у меня германский консул и Боровко. Первый любовался и, главным образом, интересовался находками: и бронзой, и золотом, и тканями. Между прочим, он вручил мне очень интересное письмо от Фильхнера с уведомлением о выходе в свет моего труда «Монголия и Амдо» на немецком языке.

Вскоре затем я отправил все археологические сокровища в Рус[ский] музей для приготовления их к выставке в одном из залов Русского географического общества. Немного спустя я и сам отправился в Р[усский] музей, где совместно с Теплоуховым сидел в кабинете директора и вел с С. И. Руденко разговор. С[ергей] И[ванови]ч прежде всего указал мне на все колл[екционные] ящики, только что доставленные сюда от меня со строгим наказом сдать только в кабинет директора.

Как представитель музея, С. И. Руденко высказал много лестного и приятного и по поводу Русского географического общества, и по адресу меня лично, стоящих в близком отношении с музеем. «Р[усский] музей, — гов[орит] С[ергей] И[ванович], — тронут вниманием и благодарит за новый дар РГО», в частности за мой археологический дар, и, конечно, приложит все старания к тому, чтобы приготовить археол[огические] находки к выставке и устроить самую выставку (в РГО), что музею будут и приятны, и желательны мои посещения и мои наблюдения и указания при подготовке коллекций к выставке.

Из Русского музея я направился к А. П. Сем[енову]-Т[ян]-Ш[анскому] обедать и очень мило провел с ним весь вечер. Много толковали и о Монголии, и о жизни в П[етрограде], много беседовали о изящ[ной] литературе, о Пушк[ине] увлеч[енно] и т.д. А[ндрей] П[етрович] мило толковал о произведениях (лирических) моего Пшевика, много читал нам или цитировал Пушкина, Яковлева, А.Д.С.Т.Ш., молодого модного поэта современного, я бы сказал оригинального: «стук, бряк, бац...» — что-то в этом роде; наконец, читал последние свои произведения, которые, и некоторые из яковлев-

ских, очень воодушевили меня, подняли мое настроение, заставили лишний раз вспомнить мою далекую Пшевочку и т.д.

К полуночи я возвратился домой, где с Володей успел немного перемолвиться прежде, нежели бухнул в постель.

Погода продолжает упорно держаться ненормальной, с t выше нуля, ветрами, сыростью и т.д. Уровень Невы выше ординара. С вечера немного подстывало, но к половине ночи вн[овь] тепло.

17/I, ♄. Небо светлее, видны полоски или клочки голубого неба, суше, на душе легче.

Все еще нахожусь под приятным впечатлением вечера у Андрея Петровича (С[еменова]-Т[ян]-Ш[анского]), все еще в моих ушах и в сердце отдаются лучшие цитаты А[ндрея] П[етровича] из Пушкина (по поводу Елены Раевской), Яковлева, нового соврем[енного] поэта и чтение произведений своего поэтического творчества.

Сегодня нужно обязательно написать Пшевочке, Тихомировым и предупредить Штернберга.

Порадовал меня Воробьев (фотограф) тем, что его снимок «стол с археологией» вышел удачно!

Письменные задания я все выполнил, вот только придумал новое — телеграфировать Пшевочке приблизительно так: «29 читаю мой доклад Обществу, одновременно [устраивается] выставка археологии. 31 заседание Комиссии [под] председательством Коли в Академии. Когда высланы коллекции? Откликнись!» Это надо сделать примерно не позже вторника. Итак, minimum 20 слов. Ничего не попишешь, зато сколько осведомленности!

Сегодня никуда не выходил, за исключением того, чтобы опустить письма (2 закр[ытых] и 1 открытку).

Днем была дов[ольно] хорошая погода, с ясным, голубым небом и открытыми далями, к вечеру набежали с ЗСЗ тучи, закрыли небо, а затем вскоре пошел дождь: нечего сказать — погода!

Володя возвратился из Университета ранее обыкновенного и говорил, что уровень Невы выше нормального, но склонен к падению. Сегодня мой сын хорошо решил задание по химии!

Сейчас жду Шурочку и Марусю, чтобы посидеть с моими друзьями на диване, прежде нежели всем вместе отправиться к О. А. Мелеранской на чашку чая (часов около 8½).

Вечер у О. А. Мел[еранской] был на редкость прекрасный. Даже по дороге к этой милой, симпатичной женщине, через двор наш и по всей лестнице, на 5-й этаж, мы шли и резвились по-юношески, в особенности вдохновленная Шурочка. От начала (10 часов) до конца (1 час ночи) нам всем было приятно-весело. Хозяйка много позаботилась о том, чтобы вечер вышел как следует. Меня тронула русская гостеприимность Ол[ьги] Алекс., ее внимание — приготовить ужин по вкусу «азиатского гостя», даже с рюмкой старой мадеры! Вот странность какая: я никогда ничего не пил до 35—40 лет и только с сединой начал понемногу пробовать. Мне нравилось более и более, теперь я могу за ужином выпить рюмочки две-три с удовольствием, но только хорошего вина!

У О[льги] А[лекс.] очень уютно, чисто, чувствуется порядочность человека! Но главное, она действительно любит мою Пшевочку. «Таких людей, как

ваша Пшевочка, я не знаю больше, — говорит О[льга] А[лекс.] мне. — Я люблю ее больше всех людей на свете!» Долго мы засиделись. У О[льги] А[лекс.] прекрасные акварели цветов кисти ее сестры. О[льге] А[лекс.] я еще не подарил ни одной книги, это надо сделать, она трижды достойна этого, недаром ее любит крепко моя «исключительная» избранница, моя Пшевочка.

Мои спутницы дурили за столом, дурил и я. Они положили мне в карманы услад, и это было назавтра очень кстати. Спал я прекрасно до 9 часов утра, не просыпаясь!

18/I, ☉. Утро ясное, тихое: на небе ни одного облачка, барометр поднялся высоко! Пожалуй, будет перелом на зимнее, но этого все-таки нет и нет! Тем не менее небо ясное, воздух прозрачен, дали глубокие.

Я получил письмо от Пшевочки с приложением донесения от Кондратьева и письма от «Рабочей газеты» и редактора журнала «Хочу все знать»[168] с просьбой написать статью для последнего о современной Монголии, с фотографиями. Я ответил на это письмо. Потом поехал с визитом к Макшееву и профессору А. М. Соколову. В обоих случаях неудачно: первого, разбитого параличом старика, оберегают и к нему никого не пускают, второго — второй раз не могу найти вследствие небрежности курьера, передавшего по телефону неправил[ьный] адрес! Как это неприятно вообще, когда с бумажкою в руках ищешь кого-нибудь и не находишь. Будучи неприятно настроен, я возвращался домой ранее, чем следовало. Я обещал вернуться домой только к 12, к ванне и затем к спанью, так как после визитов предполагал провести вечер у нашего общего друга Александры Федоровны. Однако мне не хотелось ехать домой, и я, несмотря на ранний-ранний час (вместо 8 только 5¾), все же зашел к Александре Федоровне и был рад, застав ее дома. Тут я провел время, как всегда, самым лучшим образом. Много говорили о Пшевочке.

По возвращении к себе домой Володя мне передал, что меня навещали мои смолянки.

19/I, ☽. Сумрачно, мокро, течет, t воздуха 3.0°R. Туман, дали скрыты, горизонт короткий. Тем не менее к полудню небо очистилось от облаков, стало светло, приятно, запад зардел пурпуром. И народа на Невском было очень немного — чувствуется по народу, что это не столица. Да и на тротуарах нет той сплошной массы, какая бывала прежде.

Я отдал Олины часы «Буре», сказали: «8 руб., через 10 дней!». Потом я пошел в Рус[ский] музей. Встречаюсь с Миллером: «Петр Кузьмич, вы привезли новость: ковер невиданный, это первое явление. Теплоухов показывал мне его минусинские находки, в числе прочего — иглу из кости мамонта (палеолит), горшки и проч., все это очень и очень интересно!».

Затем мы пошли в кабинет, где исключительно археология. Ковер уже разложен на столе, «Всадники» также, но зато верх ящика, ткани переворошены так, что сердцу было больно. Я дал понять Тепл[оухову], что так не полагается поступать, оттого у них возможны случаи битья и вообще порчи археологических находок во время их доставки в музей и в музее, пока не определится место, где они водворятся окончательно.

От времени до времени буду навещать музей и смотреть приготовление коллекций к выставке. Обещают также изготовление и увеличение некото-

рых фотографических снимков «видов раскопок», или, точнее, «общих видов, где сосредоточены могильные поля», и несколько диапозитивов к моей лекции. Словом, все понемногу приготовляется.

Очень хотел повидать или поговорить с Ионовым, но он еще отсутствует, в Москве.

Погода весенняя, дует ветер с визгом, снега нет, вместо него — ледяная поверхность скользкая, вода. Черт знает что! Ужели нынче в районе Петрограда не будет зимы? Ужели и вправду, как я высказался, что причиною такому явлению — близость Марса? Морозов то же думает, здорово!

Вечер, с 9 до 11¼ часа, я провел с удовольствием и интересом у Н. М. Элиаш, где собралась исключительно учащаяся молодежь — слушател[и] Географ[ического] института. Среди них я встретил двух семиреченц[ев], а одну студентку даже из самого города Пржевальска. Она меня хорошо помнит по моему последнему в нем пребыванию с целью возложения венков на могилу моего учителя.[169] Более она помнит «мою красивую речь», которой способствовала общая картина и со стороны залитой солнцем долины, окаймленной снеговыми цепями гор, и со стороны массы различного народа, собравшегося отдать должное светлой памяти Н. М. Пржевальского. Вспомнился вечер в собрании, моя лекция, обед, закончившийся избранием меня тогда в почетные граждане Пржевальска, потом танцы до глубокой ночи. Присутствовали и киргизы, называвшие Н[иколая] М[ихайловича] богатырем. Да, огромная долина с голубым Иссык-кулем, красиво отражающем в себе, в своем зеркальном лоне снеговые вершины гор «Небесного хребта», могучие, царственные пернатые, высоко-высоко пролетающие в прозрачном воздухе, бесконечные горные дали и дивные красочные закаты, или еще величественнее: лунные ночи, когда белые цепи гор и поверхность огромного озера серебрятся и переливаются и искрятся — волнуют все существо ваше.

На вечере у Н[адежды] М[ихайловны] с особой симпатией и в некоторых случаях с любовью произносилось имя моей Пшевочки. Она духовно с нами присутствовала (я даже возил с собою (в портфеле) ее светлый, изящный образ — дорогой мне образ юного моего друга).

Мне сопутствовала все время наша милая Александра Федоровна, проводившая меня до дома. Прекрасный, глубокий человек, это чистое существо, и я люблю его всей моей пылкой душой, люблю так, как всегда хотела, чтобы я полюбил Александру Федоровну, моя Пшевочка.

20/I, ♂. С вечера подморозило, разъяснело, дул крепкий ветер с СЗ, и чувствовалось: холодно. Утро такое же: совершенно ясное, прозрачное с морозцем в −1.5°R, с ветром, пронизывающим надлежащим образом. Мне предстоит несколько строк написать Пшевочке, поговорить по телефону и съездить в музей (Зоологический) и Географическое общество. Не знаю, как все устроится? Сегодня, между прочим, получен геог[рафический] журнал за январь — очередная книжка английского Географического общества со статьей в честь Васко-да-Гамы и его портретом.[170]

В Зоологическом музее интересно беседовал с Б[ялыницким]-Бирулей и Виноградовым, в особенности с последним, по вопросу о сборах Казакевича — грызунах. Очень интересны: Euchoreutes naso, Cardiocranius и Allactaga. Мы говорили о желательности замены этих форм другими и т.д. Гово-

рили о сборах Тибетской экспедиции, которые находятся еще в дороге к Петрограду.

Потом я долго сидел в орнитологическом отделе с Серебровским. Он еще выразительнее подчеркнул относительно совы гольцевой — типа [strix] uralensis, что желательно добыть [столько], сколько только возможно, потом Lanius (mollis), вероятно новый подвид; в высшей степени желательны дополнительные экземпляры его и кукши и даже сороки с Leucosticte giglioli.

Да, очень любопытны будут сборы все: и птиц, и млекопитающих, и гадов с пресмыкающ[имися].

После музея я был в Географическом обществе, виделся с близкими друзьями своими, говорил с ними. Комаров принес 1000 повесток-приглашений на мой доклад и археологическо-этнографическую выставку. Эти повестки мы уже начали раздавать, народа собирается порядочно!

Очень мило поступил Кристи: командировал инженера в здание Географического общества с целью исправить топку, чтобы в вечер моего доклада не мерзнуть ни лектору, ни слушателям.

Заходил путешеств[енник] по Африке Л. К. Артамонов с ходатайством о напечатании своих трудов, приносил рукописи, карты, фотографии. С Артамоновым мы ехали по домам.

Погода сухая, отличная, закат прозрачный, золотой, все стали бодрее, на улицах чище.

Когда можно будет ожидать телеграммы от моей Пшевочки? Может быть, придется телегр[афировать] и в Верхнеудинск Ербанову?

Вечер я провел дома в писании письма и чтении.

21/I, ☿. Утро серое, облачное, t воздуха –1.2°R, барометр стоит высоко.

Я собираюсь в Царское навестить мою больную дочь Олю. Ко всем невзгодам она имеет сухой плеврит, а потому лежит. Я не знаю, что с ней делать. При встрече с С. Ф. Ольденбургом надо будет спросить его совета, как начать хлопоты об устройстве ее в Крыму на месяц или иначе. Может быть, после Крыма возможно только остаться в Смоленской губернии, не севернее.

Утренняя почта принесла мне три письма, от О. Н. Кузнецовой, Павлова и Вишнякова. Вскоре затем я поехал в Ц[арское] Село навестить мою дочурку Олечку! Она лежала с плевритом. В Царском воздух отличный, опьяняющий! После обеда меня страшно кренила дрема, я лежал и пролежал мои золотые очки. Не знаю, кто догадается доставить их по принадлежности — Виктор или Над[ежда] Степ[ановна]? Там познакомился с отдыхающими, случайно был и доктор (его посещения в ☿ и ☉).

Возвратившись домой, я надеялся застать у нас А[лександру] Ф[едоровну] или по крайней мере видеть ее у меня несколько позднее — не тут-то было!

Получил телеграмму за подписью Гусева: «Коллекции отправлены 17, Елизавета Владимировна [в] Суцзуктэ». Пошел было в Смольный — и тут неудача!

Странно, что мой Володя не вернулся к 4 часам дня, как обещал мне, а теперь ½ десятого! Если бы он был дома, то непременно командировал бы его куда-нибудь вроде А[лександры] Ф[едоровны], за ней! Сегодня мне

очень скучно: что-то с Пшевочкой? Ведь она в Суцзуктэ? Вообще, как там поживают, что поделывают, как велика их добыча по зоологии: зверей и птиц?

Весь вечер я занимался дома, очень жаль, что не видел Фишер, жду как-нибудь Мери.

22/I, 2. Иней, ясно, прозрачно, тихо! Настроение природы чисто весеннее. На университ[етском] термометре, на солнце, Володя наблюдал 8.0° выше нуля (а в Москве 10°). Удивительное явление — оно очень знаменательно! Лучший, исключительный показатель.

Сегодня у меня были с визитом: Г. А. Косяков (с ходат[айством] о принятии в число спутников моей экспедиции Баурмана — техника), затем Элиаш и Фишер, а немного позже и три смоляночки с Н. В. Образцовой во главе. Фишер и Н[адежда] М[ихайловна] много интересовались моей Пшевочкой, им я читал выдержки из ее писем.

Потом я, наконец, навестил семью моего спутника Гусева и нашел ее в полном благополучии и порядочности. Гусева сама сняла большую квартиру, в которой сдает другим жильцам две комнаты, платою за которые покрывает всю квартиру.

Из посторонних у Гусевой были две очень милые женщины, ее сестры, одна из которых — миловидная полька, другая же замужем за эстонцем, оэстонилась и обрусела в то же время. Я с удовольствием побеседовал с этими женщинами, родными моего спутника, который всеми силами старается принести экспедиции пользу.

Но особенно мне приятно было навестить моих старых культурных друзей, известных под общим именем Шведерских. Именно семья Шведерских мне так близка, что я вправе считать ее за своих родных. Все они сильно обрадовались, сплотились около меня, и мы тесным, дружеским кружком провели очень мило несколько часов. Милая Нина в Висбадене получила мое письмо, была очень тронута и прислала мне ладанку как символ тесного, дружеского, постоянного единения духовного со мною.

Лиля — с хорошею дочкою, Тамарик мой — с сынком-младенцем. Первая меня проводила до Невского в милой дружеской беседе обо всех и обо всем понемногу.

Я обещал поддерживать с ними мою прежнюю тесную связь. Они явятся на лекцию. Вечер закончил в компании с А[лександрой] Ф[едоровной] у нашего общего друга Марии Яковлевны Басковой, в симпатичной семье которой я чувствую себя всегда прекрасно и непринужденно!

Ночь с густым туманом и сплошной облачностью; температура воздуха около нуля.

23/I, ♀. Утро также туманно, облачно, барометр тем не менее стоит страшно высоко!

Что-то падает в виде тонкой крупки, серо, темно, солнышка нет. Что-то я не получаю известий из Урги или вообще из Монголии. Моя Пшевочка сидит в Суцзуктэ.

С утра я отправился в Зоологический музей РАН, по дороге встретил Виноградова Б. С., с которым имел разговор по поводу грызунов Жамцарано. Б[орис] С[тепанович] справедливо надеется, что и другая часть остав-

шихся грызунов в Урге, на руках Казакевича, должна представлять интерес, что и их желательно также выписать в музей. Всегда человеку мало!

В музее, с Н. Я. Кузнецовым, я просмотрел весь сбор энтомологии, в частности чешуекрылых, и в общем остался в полном удовлетворении, как и в первый раз. Николай Яковлевич подчеркнул, что сбор дневных бабочек дов[ольно] полон — около 75%, что среди него также есть много интересного, поучительного, что же касается до сбора ночниц, то в этом отношении желательно много дополнений — сплошных ночных ловов (исследов[аний] стацион[арного] хар[актера]). Среди этого сбора Тибетской экспедиции периодически, когда ловили всю ночь на фонарь, обнаруживались очень любопытные ночные бабочки; а в общем, в отделе самом главном — пробел.

Кузнецов не мог сразу сказать, без предварительного исследования, о пятидесяти формах бабочек. Конечно, есть очень интересные, возможны новые виды или расы. За многих бабочек очень благодарил и исключительно почти за ночниц. Та из них — серая, которая была на Баин-голе в одну облачную ночь так многочисленна в палатке, [летела] на свет, длинноножка — представляет собою одну из любопытнейших. Несколько видов, нами представленных в большом количестве, здесь известны как большая редкость. В заключение мы друг друга благодарили, и Н. Я. Кузнецов обещал не только написать дополнительную инструкцию, но и сделать подбор с опред[елением] бабочек, в особенности «видных», для подарка Ученому комитету в Монголии. Я обещал его председателю Ц. Ж. Жамцарано.

Во время просмотра бабочек и раздачи повесток-билетов на мою лекцию мне вдруг заявили, что прибыло в музей две посылки с моими сборами из Урги. Я очень обрадовался, энергично пошел посмотреть, какие ящики именно, и узнал: один — с птицами, другой — со спиртовыми (два бидона) коллекциями. Первый ящик я с Серебровским быстро разобрали; во время этой разборки он часто выражал восхищение, в особенности по поводу Monedula (пестрой), дятла черного, хищников — Gennaia и других, в совокупности четырех форм.

Общее число шкурок птиц — 67, что со всеми ранее присланными составит около 400 экземпляров, или около 135—140 видов, короче, половину всего собранного орнит[ологического] материала. Теперь я уже представляю себе, что могут сказать по поводу сборов птиц и mammalia зоологи: скажет хорошо Виноградов, скажет хорошо Серебровский. Самое высокое удовольствие путешественнику — это прекрасный отзыв о его трудах в путешествии присяжных жрецов науки, кабинетных специалистов. Меня в дальнейшем очень интересует осмотр Виноградова и Царевского в их специальных сборах — грызуны, лет[учие] мыши, змеи, жабы и проч. Это надо постараться узнать сегодня же, в особенности подогнать Царевского.

После Зоологического музея, пользуясь отличн[ым] состоянием неба, я с А. П. [Семеновым]-Т[ян]-Ш[ан]ским прогулялся до Морской, восхищаясь красотою неба на западе. «Опал!» — восклицает А[ндрей] П[етрович], когда мы были на горбу Дворцового моста. Такие картины вызывают воспоминания о поэтических образах современного поэта, автора «Тяжелой лиры» Владислава Ходасевича, произведшего на меня, в передаче А[ндрея] П[етрови]ча, сильное впечатление. Так и слышатся его «однорядки».

Потом я достиг Русского музея, где восхищался разглаженными тканями, их промывкой предварительной, реставрацией ковра, лаковых чашечек и проч. Все это меня сильно бодрит и радостно настраивает!

24/I, ♄. Ясное, прозрачное утро, t воздуха –4.1°R, полное отсутствие снегового покрова. Ясность и свежесть всегда бодрят человека: чувствуешь себя крепче, сильнее духом.

Я вновь побывал в Русском музее, отдал 12 негативов для увеличения. Это все виды местности, характеризующие собою рельеф с могильниками, и местности, в которых изучалась растительная и животная жизнь Монголии.

С другими музеями и лицами я говорил по телефону. А. П. Баранников обещал помочь устройством отдела выставки «Этнография Китая» (бронза, преимущественно вазы, статуэтки и т.д.). Надо поговорить об этом с Теплоуховым в понедельник утром.

Был у «Буре», был в книжных магазинах, заходил в другие кое-какие магазины. Все дорого, за исключением изданий высшего порядка, вроде «Русских портр[етов]», «Царской охоты»[171] и т.п.

Наконец, удалось поймать по телефону А. М. Соколова и сразу свидеться с ним. Я у него обедал и просидел до вечера. Какой это сведущий*, умный и в то же время милый господин, в полном смысле культурный. Под стать ему его жена, оба составляют одно красивое целое. Полагаю, что бывать у него — удовольствие и, собственно, большой интерес для осведомленности! Там же я познакомился с француженкой, женщиной в горе, предлагавшей купить «Перде».[172] Надо помнить и об этом!

Вечер мой закончился в Смольном среди юной молодежи, где наряду с приятным отдыхом души получается некоторое оригинальное понятие о «смол[ьнинской] жизни».

Н[адежда] С[тепановна] уехала к нашей больной Олюше в Царское.

25/I, ☉. Барометр стоит высоко, а между тем ночью, под утро, выпал снег, прикрывший поверх[ность] земли и крыши белой пеленой.

Утренняя почта принесла мне денежн[ый] перевод в размере 21 рубля за мою посл[еднюю] ст[атью] в «Известиях».

На воздухе очень приятная погода, легко дышится; пожалуй, опять буд[ет] оттепель!

Около 1—2 часов дня у меня была девица Алла Влад. Свириденко, взявшая книгу «М[онголия] и Амдо» для Саши Вишнякова. В среду, 28/I, он может уже получить ее; то-то обрадуется. Милой девушке Свириденко за ее любезность я подарил мой «Тибет и Д[алай]-л[ама]» с автографом.

Сидел дома и занимался просмотром работы [по] ю[го]-з[ападному] Кэнтэю проф[ессора] (геолога) Усова.

Потом навестил семью Михневич, Тихоновых и уютно, тепло провел вечер у нашей Александры Федоровны. Нас навестила Маня Калинина и, по обыкновению, с ночевкой. Она хотела дождаться фотографа.

---

* Высокая осведомл[енность] А. М. [Соколова] подтв[ердила] мой запас в эт[нографическом] отнош[ении], накопл[енный] в Монголии, в Урге.

26/I, ☽. Утро полуясное, немного свежее, t –2.5°R. Земная поверхность белая.

Получил очередное письмо от моего Пшевика и донесение от моего ст[аршего] спутника В. Гусева. Прочтешь — мечтою вновь окунешься в родную, милую обстановку и опять ждешь с большим нетерпением новых известий!

Как водится, около 10 часов утра после ознакомления с содержанием писем принимаешься за писание дневника и разговоры, деловые конечно, по телефону.

Разговорами обыкновенно и намечается ваша дневная деятельность: выедешь и посетишь Русский музей, затем частенько Зоологический или к вечеру Географическое общество, настает темный с огнями вечер — дневная деятельность прекращается.

Теперь мы все готовимся к выставке, а я, кроме того, и к докладу. Ежедневно, просыпаясь, я весь мысленно ухожу в доклад. Мне рисуется большая и малая залы нашего помещения Общества. В первой соберется публика для слушания лекции, во второй выставка коллекций привлечет взор и душу наблюдателей. Я вижу себя в празднично настроенной среде наших представителей Географического общества, представителей Академии наук, представителей самых различных учреждений и просто отдельн[ых] самостоятел[ьных] лиц.

Сегодня сверх ожидания набралось много дел. Прежде всего я заехал в Русский музей. Там шла работа по рассортировке и приготовлению археологических находок: материи после мытья гладятся, подшиваются, рубашка готова, шапка также. Материи складываются в папки, золото — на отдельные лоточки. Все так бережно, аккуратно. Не нравится мне лишь манера самого Теплоухова, который, говоря с вами, перекладывает папки с места на место и перебирает материи в опрокин[утом] положении, отчего последние мнутся, и С[ергей] А[лександрович] в досаде говорит: «Вот помял, надо проутюжить вновь», а ведь от нового глажения горячим утюгом ткани непременно портятся, сгорают! Отдал я сделать несколько диапозитивов (опять фот[ографу] Русского музея А. А. Гречкину).

Потом я поехал в «Секцию научных работников», к Вас[илию] Сем[еновичу] Никитину, который встретил меня так приветливо, дал анкетные листы для заполнения и предложил написать заявление о выдаче мне по четвертой категории соответствующего пособия.

Далее мне предстояло пехом прогуляться к Крыжановскому, к этому «бойкому человечку», как его все называют у нас в Урге, т.е. все те, с кем ему приходилось встречаться.

Он один говорил за всю академическую компанию, вытягивал экспед[иционные] средства и выпрашивал помощь по случаю того, что его где-то обворовали, и все через Горбунова, подлизываясь к последнему.

С приятным чувством я возвратился к себе домой и занялся своим делом. Ко времени чаепития пришла А[лександра] Ф[едоровна], а вскоре явился москвич-корреспондент от журнала «30 дней» с просьбой дать для страниц последнего статью и рисунки.

Статью я написал в два небольших присеста, в 6 стр[аниц], под заглавием «Искусство в живописных горах Монголии» и приложил к ней 6 фотографий: меня с Эндрюсом и относящихся к археологическим раскопкам.[173]

Спать лег в 1 час ночи; сплю, по обыкновению, хорошо, дов[ольно] крепко.

27/I, ♂. Утро ясное, хорошее; солнце пригревает камен[ные] стены и вызывает капель. Утром дописываю обещанную статью. Урывками говорю по телефону, начинаю неизменно с С. А. Теплоухова, чтобы его застать непременно дома. Спросил я также С. М. Пергамент, та мне тотчас радостно доложила о приходе в [Зоологический] музей целых четырех посылок в ящиках. Прекрасно. Надо ехать, что я тотчас и делаю.

Погода чисто весенняя; на воздухе, в особенности на солнце, благодать!

Тороплюсь в музей, где и разбираем ящики: два с птицами, два с mammalia. Мне помогают Серебровский и Бор[ис] Карл[ович]; Виноградов один возится со зверьками, их черепами, скелетами. К нам подходит интересующаяся публика. Птиц «прилетело» 133, что с прежними составит ровно 530 экземпляров, в колич[естве] видов около 160(?), может быть больше!

Очень интересна глухарка петухоперая, добытая И[ваном] Д[митриевичем] на месте гнезд[ования] Buteo. Также любопытны: мал[ые] ястреба, Emberiza, или Emb[eri]z'ы вообще, белоспинный дятел, дятлы вообще и непременно полуночники. П. В. Серебровский просил пополнить колл[екцию] (если можно) всеми перечисленными интересными видами, равно никогда не упускать случая с малыми совами, хотя, откровенно говоря, мы и сами все это отлично знаем!

Вернулся домой, пообедал и вскоре покатил в Географическое общество, где нашел два письма-предложения об одном и том же из Лондона. Оказывается, и за границей поняли, что я был в Хара-хото, привез (будто бы в первый раз) такую огромную библиотеку и проч., проч. Просят фотографий и текста.

Изготовили мне диапозитивы к предстоящему докладу в ГО. Изготовительница диапозитивов все та же энергичная, умная старушка Шпаковская, работница Педаг[огического] музея в Соляном городке. Она получила за диап[озитивы] только по 85 коп., тогда как все прочие мастера спрашивают не менее целого рубля и неаккур[атны] в сроке.

Белый зал в Географическом обществе приведен в порядок, в малом зале работают от Русского музея. Все подготавливается, словно в Географическом обществе большой праздник, да оно так и есть! Мы попробовали диапозитивы — вполне удовлетворительны, только лукавит и портит все дело фонарь, его объектив, имеющий много «ржавчин», как гов[орит] Никита.

Чудное впечатление от высокого зала — светлого или белого, залитого массою света! Но мне все кажется, что в нашем парадном зале слабо развита акустика. Придется всею грудью напрягать легкие. 54 диапоз[итива] на час! После лекции осмотр археологических коллекций и этнографии. Рус[ский] музей работает не покладая рук! Надо отдать ему полную справедливость.

28/I, ☿. Сегодня месяц, как я прибыл в Петроград! Как быстро промелькнуло время, и что-то за этот период минуло отрадное, интересное. Двинуты коллекции, и часть, около половины, уже получена музеем и в моем присутствии разобрана! Это очень важно, прежде всего для ознакомления, в каком виде приходят наши посылки, во-вторых, в общении со спе-

циалистами по поводу того, какие формы из маммалии и орнитологии наиболее интересны и чем и на какие из них обратить сугубое внимание и т.д. Желаю, чтобы в мое пребывание все коллекции пришли полностью в том же порядке, в каком они приходят теперь!

Погода продолжает стоять прекрасная, чисто весенняя: небо отрадное, живое, поднимает энергию, воздух чист и прозрачен. Едва поднимется солнышко, как уже согреваются стены и дают таяние льда и снега. Птицы щебечут по-весеннему.

Журнал «Хочу все знать» просит статей и фотографий о раскопках и о современной Монголии. Надо будет написать. Не надо забывать и Ученый комитет Монголии.

Наш Ю. М. Шокальский вчера не пришел: бедный, он ушибся на улице. Вот не вовремя! Комарова также не было. По слухам, С. Ф. Ольденбург сел в ...* и предался (вы думаете созерцанию — нет!) писанию отчета на торжественное Годовое заседание РАН, долженствующее теперь бывать 2 февраля. Вот так, заседания пойдут сплошным чередом: то в помещении Географического общества, то в помещении РАН

Послал Ербанову телеграмму: «Коллекции получаются, благодарю; порядок высылки прошу сохранить до последних ургинских ящиков включительно. Козлов».

Погода продолжает стоять дивная, весенняя: в тени прохладно, на солнце пригревает. Чаще, нежели прежде, продолжают обращаться к моим близким за билетами на лекцию; пожалуй, публики будет много!

В 5—6 часов я был на выставке, которая завтра должна быть готова. Тут работали все, во главе с С. И. Руденко. Более и озабоченнее других хлопотал Теплоухов с витринами, с расположением ценностей в них. Баранников взял на себя труд приготовить колонку-стол с бронзой Китая и небольшим количеством буддийских статуэток. Приготовлены также щиты для планов, фотографий и некоторых рисунков руб[ах] и самих руб[ах] или костюмов. Показаны будут и черепа, и другие кости, и керамика.

Вечером неожиданно появились: сначала корреспондентка от газеты «Правда», петрогр[адская], а потом и Снигиревский, знакомый еще по Аскании-Нова, поговорили о заповеднике!

Ночь ясная, со слабым западным ветром, с оттенком весеннего запаха.

29/I, 2. В 9-м часу утра небо покрылось слоистыми облаками, t воздуха −0.5°R.

В последние дни, по крайней мере на протяжении недели, еще лежа в постели, я думал о предстоящей моей лекции. Передо мной вставали картины природы, населения Монголии, как коренного монгольского, так и пришлого, главным образом русского. Ярко и выразительно вставали красивые горы Ноин-ула, их три ущелья, с тремя группами могильных полей, или курганов. Вспоминались наши общие поездки с А. Н. Васильевым на археол[огические] раскопки, в школы, в охотничий уголок Сугу-нур и проч.

Сегодня рано окончательно сформировался план моей лекции. Я прошел в своем представлении все главные мысли, на которых придется оста-

---

* *Далее слово неразборчиво. (Прим. сост.)*

новиться, отметил себе самое главное — вступительное слово, начало, и сразу успокоился.

«Собираясь в путешествие, всякий исследователь прежде всего берет в руки карту или даже несколько таковых и подбирает по библиографии литературу страны и т.д. Всматривается в расположение маршрутов, стараясь пойти новой, еще никем до него из европейцев не пройденной дорогой» и т.д. Днем побывал в Русском музее — распред[елял] надписи к увеличенным фотографиям. Затем пошел привести себя в порядок — постр[ичься] и побр[иться] — и в таком виде предстал пред лицо директора Публичной библиотеки «дяди» Радлова.

Милый, симпатичный старик! Мне так приятно было его видеть и побеседовать немного о всякой всячине. Он, между прочим, очень интересовался политикой Китая, а в заключение пожелал скорейшего успешного окончания нашего путешествия и возвращения домой! Меня очень тронуло его отменно теплое отношение и уважение к моей Пшевочке.

Около 6 часов дня я получил наконец прекрасное радушное письмо из Стречно от наших деревенских простых искренних друзей. И Пшевику также будет приятно прочитать его.

Наконец, лекция. Приезжаю. Народ валит валом. Все переполнено: и задн[ики] большие зала — белые двухсветные, и малые, и даже лестница. Мы кружком пробираемся через библиотеку и появляемся в белом зале с тыла. Чудно-хорошо!

Шокальский произносит приветственное слово. Я вхожу на кафедру. Начинаю. Надо заметить, что едва меня заметили идущим в зал, публика начала аплодировать — чувство приятности и т.д. Глубокое внимание. Нарядный зал, нарядное собрание. Хоры полны, оттуда машут и т.д.! Необычайно торжественно. Читаю, показываю диапозитивы. Оканчиваю. Аплодисменты, долгие, долгие аплодисменты. Шокальский призывает к вниманию, обещает повторение лекции, вновь благодарит публика, и мы частями направляемся на выставку. Выставка прекрасная. Тут масса народа, главным образом знатоки. Кто чем интересуется. С. Ф. Ольд[енбург] «Всадников» назвал жемчужиной, Орбели тает перед ковром, тканями и гобеленами — эллинизмом, Л. Я. Штернберг ставит выше всего палочку для добывания огня (трением). Некоторых людей нельзя оттащить от фотографий. Владимирцов занят исканием письмен! Скольких лиц видел я старых и новых знакомых, никак не сможешь дать себе отчета. Жданова П. Н. сказала, что была бы помоложе влюбилась бы в Петра Кузьмича, который такой молодец (на 40 лет выглядит). Вот какие комплименты говорят мне! Там, с хоров, нежно и ласково машут и улыбаются и сбегают вниз ко мне, чтобы перемолвиться словечком. «Дядя» Э. Л. Радлов приплелся и внимательно слушал, сидя рядышком с А[лександрой] Ф[едоровной], в конце лекции он поцеловал меня. Ольденб[ург] и Ферсман также были вместе с Карпинским и многими, многими другими. И все-таки многих-многих знакомых я не видел, а они, наверное, были. Сколько-сколько всяких разговоров и мыслей разнес народ по домам после моей лекции! Отклик, вероятно, будет передан и в Москву, и в другие города. Прекрасно. Но бедные мои спутники! Они не скоро, не скоро узнают и увидят меня. Они теперь волнуются, они ждут не дождутся, и т.д.

30/I, ♀. Утро серое, облачное. Я занимаюсь текущими делами.

Прибыли две очередные посылки из В[ерхне]удинска, и обе с млекопитающими. Надо заметить Андрею, как плохо он уложил черепа в огромн[ый] ящик, с пустотой, проложенной рогожами, в это помещение с легкостью можно было положить столько же еще.

Потом я отправился в Русское географическое общество, где нашел только Г. Н. Соколовского и Павлова, с которыми и побеседовал о текущем моменте, а затем с Соколовским направился в Географический институт на Годичный акт.

Тут было замечательно хорошо! Дочитывал отчет Григорьев, его сменил Советов, а потом блестяще прочитал опытный лектор Шокальский на тему: «Географ — как исследователь природы». Ю[лий] М[ихайлович] читал вдохновенно, логично, умно и красиво!

В заключение как председатель сказал слово А. Е. Ферсман, по обыкновению превосходно, и очень мило приветствовал меня! Гром рукоплесканий огласил зал заседания. Я ответил на приветствие удачно! И вновь «юность чистая, красивая» ответила аплодисм[ентами].

Вечер закончился, для меня по крайней мере, концертным отделением, поставленным весьма удачно, за которым я отправился домой! До трама меня провожали студентки, назвавшие меня счастливым из счастливых! Теперь этот милый эпитет я слышу ежедневно! Хочу, чтобы моя путеводная звездочка еще долго горела над моим жизненным горизонтом! Чтобы судьба устроила возможность подольше поработать на просторе Центральной Азии!

Ночь прошла спокойно, я спал отлично. Днем приходили всякого рода корреспонденты.

31/I, ♄. Та же погода, что и прежде; то же непонятное зимне-весеннее настроение. Я принимаю корреспондентов, получаю многочисленные письма, предложения написать статьи и проч., прочесть лекцию то там, то здесь.

В 2 часа дня началось заседание Правительственной комиссии в малом конф[еренц]-зале Российской академии наук.

Оно длилось до 6¼ часа. Все высказались. Результат отличный. Н[иколай] П[етрови]ч очень мило со мною встретился, отозвал в сторону, доверительно предложил экспедицию в Тибет?! Но я пока сказал: «Об этом всесторонне в Москве, а пока будем говорить о стационарных пунктах: Х[ара]-х[ото] — Цайдам». А из Цайдама уже будем летать к Бурхан-будда и за этот величественный хребет. Будем исследовать природу наземную и внедренную! Будем искать древнюю историю человека! Будем производить метеорологическую кривую постоянных колебаний и т.д.

Между прочим, Н[иколай] П[етрови]ч сказал: «По отзыву Ольденбурга, Ваши коллекции в три раза стоят дороже затрачен[ных] средств на экспедицию!».

P.S. Идя на заседание в Академию наук, у ворот я встретил президента ее, А. П. Карпинского и на мой вопрос: «Куда же Вы, А[лександр] П[етрович], идете, пойдем за заседание!» — он ответил: «Меня не пригласили!»

1/II, ☉. Слоистые облака сплошною массою покрывают небо, падает снег, несомый южным ветром, t воздуха немного (1.5°R) выше нуля. Серо,

темно, скверно. Вновь давно-давно не видно благодатного солнца, и, как прямой результат этого явления, у меня понемногу падает бодрость духа.

Смотришь в окно и видишь зимнюю вьюгу, а м[ежду] тем настал уже февраль месяц.

Итак, на вчерашнем заседании не присутствовали Васильев и Крыжановский. А[лексея] Н[иколаевича], наконец, заставили властно покинуть столицу и ее удобства и отправиться к месту службы в Монголии, в Ургу; у Вл[адимира] Ил[ьича] горе: его младший брат в дороге скончался.

А. Н. Васильев едет туда временно, с целью все дела передать новому полпреду, за которого Васильев ручается, что он будет продолжать проводить идеи старого полпреда. В 12 часов я отправился в Географическое общество, но по дороге зашел к милым Соколовым. А. М. лежит, его окружают банки (банки-грелки), он спокоен и с лицом, не выражающим никакого страдания. Милая Вера Венедиктовна меня заставила или, точнее, расположила не стесняться, я минуточку посидел и обещал во вторник прийти к ним обедать!

В Географическом обществе я уже застал Н. П. Горбунова в отделе выставки Монголо-Тибетской экспедиции. Она нарядна, жива, опрятна. Объяснения давал С. А. Теплоухов. Отдел ваз представил я. Обозрев все, Николай Петрович обратился ко мне, как к автору, и спросил: «Петр Кузьмич, а Вы какого мнения насчет определения Хара-хото, т.е. в Русский музей или Эрмитаж?». Я ответил, что стою целиком за Русский музей, преемственно! Да, вот и Ю[лий] М[ихайлови]ч также энергично отстаивает позицию Русского музея. Комаров также! Мне думается, что и сам Николай Петрович склонен разделить наше мнение, но говорит: «Почему же так сильно С[ергей] Ф[едорович] поддерживает Эрмитаж?»

После обозрения Ноин-ульской выставки, по предложению Руденко, мы поехали в Этнограф[ический] отд[ел] Русского музея, где обозревали собрание Хара-хото. Между осмотром и я, и Шокальский, и Руденко успевали перемолвиться-перебросить словом. Затем Горбунов уехал, а я с Шокальским отправился в Художественный отдел Русского же музея, являющегося лучшим музеем (художественным) в России. Затем прогулялись с Шокальским до Морской и Невского, где расстались — я ушел к Спиридону [Козлову].

От нас, от Русского музея, Горбунов покатил к Ольденбургу для обозрения Минералогического музея, а затем и для посещения [вместе] с ним Эрмитажа, его Петровских коллекций,[174] имеющих, по-видимому, близкую связь в изображениях животных, в особенности фантастических грифонов и проч., то, что я называл «крылатой рысью». Таким образом, выходит, что Николаю Петровичу показывает так называемая географическая группа одно, академическая же группа с Эрмитажем — другое. Очень интересно, к какой группе примкнет Н. П. Горбунов? Руденко и Теплоухов спокойны: Сергей Иванович поднес Горбунову издания музея и заявил, что в следующей, очередной книге, так же изданной, будет вначале продолжение работ по Хара-хото, а потом и обработка ноин-ульских археологических находок.

Вечером ко мне заходила, ненадолго, наша преданная личность Александра Федоровна.

2/II, ☽. Серое, облачное утро, t при[мерно] 0°. Я все время строчу статью для агентства Рейтер о раскопках моей Тибетской экспедиции. Выби-

раю в заключение фотографии, 5; думаю о торжественном заседании РАН. Ко мне мимоходом заходит Н. В. Павлов, которого снабжаю правом заказать диапозитивы для его специального доклада, а также даю записку к Ольд[енбургу] на получение книги Насонова: «Бараны старого света».[175]

Поставил точку в статье в Лондон и еду на заседание Российской академии наук. Приезжаю, меня сажают в первом ряду между Н. П. Горбуновым слева и дочерью Карпинского справа. Вблизи, во 2-м ряду, сидела представительная княг[иня] Голицына, имевшая справа американца.

Первым читал отчет за минувший год С. Ф. Ольд[енбург]; он читал увлекательно и интересно! Вторым читал Омелянский, который усыпил многих, в особенности старичков, и очень надоел моему соседу слева, который поэтому много говорил со мною, дав мне возможность слышать из разных отраслей только интересное! «Много мне пришлось пережить из-за Вашей экспедиции, много пережили и Вы, ведь было так, что правительство решило вернуть Вашу экспедицию». В заключение Н[иколай] П[етрович] говорит: «Но я этого не сделал, я ее не вернул. Теперь конец венчает дело, спасибо Вам за успешное выполнение принятой на себя задачи».

Поздним временем, когда вышли все, я еще был в горячей беседе с Ольденбургом в присутствии Ферсмана и Орбели с Моласом. Вся эта компания доказала мне, что я был прав и тактично вел доклад и о предстоящем моем путешествии, и о видах на будущую стационарную исследовательскую работу экспедиций! Моя задача — поступательное движение вперед со станциями детального исследования в Монгольском Алтае и Вост[очном] Цайдаме! Потом говорили о том, чтобы ноин-ульские коллекции передать непременно не в Русский музей, а в Эрмитаж. Н[иколай] П[етрович] решил воздержаться. Он вынес впечатление, что между претендентами на коллекции, между государственными хранилищами нет согласованности!

А пока меня очень и очень просят в Эрмитаж для большего ознакомления с их коллекциями, которые так близко подходят к мотивам моих ноин-ульских арх[еологических] находок.

3/II, ♂. Серое, облачное утро, t ниже, на стеклах пар, по всей вероятности, сбудется предсказание физиков относительно падения температуры вообще. Довольно! И так переместился или, точнее, переместились полосы тепла и холода: в то время, как тепло на севере, на юге как раз холодно и снежно, нежные деревья погибли, на Кавказе необычайный снег, снежные заносы.

Вчера я отправил телеграммку в Монголию на имя моей родной Пшевочки: «Доклады прошли блестяще, выставка великолепна, шестого еду [в] Москву, даль открывается, целую, откликнись!» А вторую в Москву: «Седьмого приеду. Прошу приготовить уголок!»

Кокушка Барсов мило заехал ко мне, привез газеты и уведомил о времени, когда меня примет его сестра — зубниха.*

Утренняя почта принесла мне дорогую весточку от моего родного мальчика Пшевика, которая отлично описывает его житье-бытье и события в нашей Монголии. Ярко вижу и карточки-портреты меня с Эндрюсом, и новую чету Юдиных, и Галсана, рассматривающего герб на солнечном фо-

---

* *Так в тексте. (Прим. сост.)*

не, и Пшевика с револьвером в огороде, с собаками и т.д., и ужас Гусева, вернувшегося из китайского театра и узнавшего о подступе воров. Сегодня Пшевик узнает о великолепной выставке. Очередным письмом донес и Вася Гусев о делах и состоянии склада.

Выезжал в Русск[ий] музей, оттуда по телефону узнал, что на выставку прибыла публика, но ее не пускают, потому что еще не прибыло лицо (из Русского музея) для объяснения выставки.

Потом зашел в угл[овой] магазин на Невском, где видел 4-ликую Тару; пожалуй, ее надо купить, так как эта статуэтка вообще очень редкая.

У «Буре» готовы часы — взял. Публика этой часовой фирмы так и не слышала лекции.

Вновь купил себе калоши: мои новые сперли в глав[ном], Невском, подъезде Академии наук.

В «Огоньке» помещен я с Эндрюсом и три изображения статуэток.[176] Канальи — надписи перепутали: Арьябало назван Тарой, и наоборот. Воробьев так и говорил.

Сегодня я обедал у моих друзей Соколовых и сторговал отличное бескурковое ружье 12-го калибра за 150 рублей (червонных) с плюсом, если доставят принадлежности. Обещал обедать в день лекции у них же в половине 5-го часа дня и затем, не спеша, отправиться на выставку. А главное, на лекцию! Ожидается больший порядок, конечно!

Вечером у меня были девочки: Шура, Мери, Таня Корнилова и смолянки Н. В. [Образцова] и Женя [Константинова].

Володя вернулся из Географического общества дов[ольно] поздно: там читал Самойлович об экспед[иции] на Новую Землю.[177] Диапозитивы и лента были отличные, живее прочего был представлен птич[ий] базар (кайры).

«Красная газета», ее редакция, задержала моего Володю долго, прежде нежели Ол[ьденбург] выдал снимки, кстати сказать удачные. Имеется также и мой головной портрет!

4/II, ☿. И сегодня облачное, серое утро и t стоит выше нуля на 1°R. Небо сплошь свинцовое, земная поверхность едва запорошена снегом. Мои мысли, моя мечта частью в экспедиции с моим родным Пшевиком, частью уносятся в Хара-хото и низовье Эцзин-гола, частью — далеко-далеко в Тибете: я вижу перед собою Бурхан-будда и чувствую плоскогорье Тибета во всей совокупности с верховьем и истоками, пока совершенно неведомыми истоками Голубой реки, или по-китайски Ян-цзы-цзяна.

Еду к зубнихе, очаровательной К. Н. Барсовой. Она внимательно смотрит и изучает мою «пустоту» во рту. Как я и предполагал, мне можно поставить два или три зуба впереди; это обстоятельство поможет мне в речи и во внешнем виде вообще, не будут падать крохи, как в дыру. Но непременно надо будет всегда помнить и строго помнить, чтобы не допускать того, что я легкомысленно допускал, а именно грызение костей и сухарей.

Попутно я заехал в Эрмитаж, где меня встретили Орбели и Боровко и вновь всячески доказывали мне, какое важное приращение коллекций будет именно для Эрмитажа, если последний получит «ваши ноин-ульские достижения» и т.д. Я ответил: «Г[оспода], мне не надо убеждений — их у меня достаточно, и я более чем склонен идти по одному и тому же пути с вами, но достигайте цели культурным способом. Я, как и Н. П. Горбунов, должен

буду воздержаться от голосования, мне и так выпало много счастья и очарования по поводу превознесения коллекций на высоту!»

А если вспомнить Русский музей и мой заданный им вопрос: «А где же Докшит из Хара-хото?», то я невольно вижу страдание на лице у Алексея Петровича Баранникова. Сей последний имел мужество сказать: «Да, Петр Кузьмич, он пострадал... немного!» — «А вы, А[лексей] П[етрович], говорили мне что все спасено!»

Около 9 часов вечера ко мне приехала Лиля Шведерская и душевно поведала мне все свое горе. Оно велико: ее муж в тюрьме на десять лет, тем не менее по моей просьбе она сыграла нам несколько моих любимых вещиц и исполнила их бесподобно! Ее музыка переносит меня всегда в далекий, чудный край и создает самую лучшую мечту и грезу! Становишься более чутким и более лучшим, чтобы воспринять только прекрасное!

Володя возвратился из Университета поздно.

5/II, 2. Утро полуясное, приятное, t при нуле.

Сегодня у меня лекция, а потом — вечерний отдых с Лилиной дивной музыкой. Скоро отправлюсь в город приобрести билет, потом зайду навести красоту, потом все устрою по телефону. Сегодня Володя придет рано, чтобы помочь мне в подготовительных работах и по предмету предстоящей лекции, и по подготовке к поездке в Москву.

Сейчас получил приятное известие о выдаче назначенного мне по IV разряду (категории) денежного обеспечения начиная с января месяца текущего 1925 года.

Морозит! Я купил билет до Москвы, жаль, что мешают собираться спокойно в дорогу. Выглянуло солнышко, видимо, приближается зима, еще и еще морозит! Погода устанавливается: барометр пошел вверх, t — вниз. Идет запоздалая зима! А солнце, верное закону, все подвигается к северу и по мере продвижения поднимается все выше и выше! А что у нас теперь в Монголии — в Урге и Суцзуктэ?

Обедал у милых Соколовых, он лежал в постели, в спальне, В[ера] В[енедиктовна] у себя в столовой, с гостем; она — очень глубокая женщина, плюс умница, и мне очень приятно их общество. Я чувствую, что мне очень будет тяжело вдали от них и я сам буду к ним стремиться!

Вышли на улицу с целью следовать в Географическое общество в траме, но снег под ногами и Луна — ночная странница, вызвавшая улыбку на лице моей спутницы В[еры] В[енедиктовны], заставили взять подвернувшегося извозчика и покатить в милой беседе с В[ерой] В[енедиктовной] в Демидов [пер.]. У подъезда толпа, в вестибюле и на лестнице также, взоры и просьбы ко мне: «Дайте возможность попасть на вашу лекцию!» Провожу, устраиваю! Вдруг, милый, дорогой человек — Маруся Моллер, художница, в курсе наших хара-хотоских открытий, пришла и просит лучших билетов, поближе. Ей же удается показать мне самому и выставку. М[аруся] в восторге от гобеленов, от всего, кажется включительно до автора.

Наконец 8½ часа Ю. М. Шокальский говорит слово, публика аплодирует при моем появлении на кафедре. Стихло, и я в добрую минуту начал. ½ часа ушло на вступление, затем толкование диапозитивов, и в заключение — опять слово, законченное благодарностью моим славным молодым спутникам — сотрудникам Тибетской научной экспедиции.

Бурный взрыв аплодисментов! Пришлось раскланиваться и благодарить! Потом Шокальский сказал, как высоко чтут имя Петра Кузьмича за границей, о переводе его книги на немец[кий], франц[узский] языки и проч. В заключение еще раз пригласил к чествованию путешественника.

Потом перевалило за 10, начались всякого рода представления из слушателей, были новые, были и старые знакомые.

Вечером наслаждался музыкой Лили и у нее же ночевал. Сколько ласки, внимания, дружбы; в успехе познаешь глубже людей и больше их любишь, свою радость, частицу этой радости передаешь другим.

6/II, ♀. Полуясное, теплое, весеннее утро, тает, и солнце светит. Я с Лилей катим в траме, на площадке, к Тучкову [мосту]. Я выхожу на углу Гребецкой к зубнихе, там мне устраивают, что нужно. Я собираюсь уходить, звонок — и моя Лиля в передней: «Петр Кузьмич, мама звонила, Вы забыли документы!»

Действительно, я забыл несколько полосок стенограф[ического] отчета.

Мы вновь с Лилей, она усаживает меня в трам. Милое, последнее, на ходу прощание.

Через ½ часа я в Зоологическом музее. Вскрываем ящик с 8 птичками и млекопитающими. Все просмотрел и много переговорил с П. В. Серебровским. Он намерен остроумно описать Lanius mollis elixaveti и только благодарен и признателен. Прошу П[авла] В[ладимировича] вскрывать птичек, сортировать, подсчитывать и писать мне обо всем этом.

При мне, таким образом, прибыло 10 ящиков. Это отлично.

Потом я собираюсь, приходит Мери, уверяет в дружбе и любви не только к Пшевочке, но и ко мне! Верю этой милой, чистой (по-английски) благовоспитанной девочке. Пришла А[лександра] Ф[едоровна]. И эта занимается, словно Пшевочка, ее не видно и не слышно!

В ½ 8-го часа вечером мы (я, Володя и Александра Федоровна) покатили на вокзал. Александра Федоровна угостила фруктами — целой корзиночкой! На вокзале оказался Теплоухов, а немного позднее и моя милая Лиля (с усладеньками и цветочками). Удивительно, как все это мило, приятно! Время бежит, звонки раздаются, трогательное прощание, и поезд плавно уводит к югу. Погода весенняя, мокрая, теплая, на улицах лужи. Поезд несется вдаль.

После Любани я зашел в вагон-ресторан, где подсел к компании из Исаченко и Полынова, съел яичницу и выпил ½ бут[ылки] «нарзана» и ушел спать. Спал крепко, проснулся в Клину и т.д.

7/II, ♄. Приехали вовремя. В КУБУ я был встречен всеми самым лучшим образом, словно родной им! Меня приютили, вкусно накормили, и стало уютно-уютно.

У меня отдельная комната, с гостиной, примыкающей вплотную и служащей мне для приема гостей. У меня были американцы, приветствовавшие меня по телеграфу в Урге. Я показал предст[авителям] америк[анской] прессы все, чем располагал.

Потом я поехал на заседание Подкомиссии в Кремль, в кабинет Н. П. Горбунова. По дороге встретился с Шокальским и Комаровым, и в компании дошли до места. В секретарской меня очень радушно встретили,

с некоторыми я уже был знаком, многочисленные барышни меня расспрашивали и просили показать снимки.

Прибыла наконец и другая, академическая, компания, и мы пошли заседать. Говорили немного, деловито. Вырешили напечатать возможно скорее статью-брошюру об археологических раскопках с 10 фотог[рафиями], 5 цветн[ыми] таблицами и 70 рисунками клише в тексте! Она будет во многих экземплярах с целью послать и за границу, и, конечно, окупится, так как такую книжечку, страниц в 100, купят очень многие!

Поговорили и относительно моих начинаний, т.е., первое, лето в Монгольском Алтае с разъездами по радиусам; второе — имея базу в Цайдаме, развернуть работы не только к западу и востоку, но и к заветному югу, до истоков Ян-цзы-цзяна. На это предприятие испрашивается дополнительный кредит в размере 20 тысяч червонных рублей, исходя из такого расчета: 5 т[ысяч] золотом на первый год и 15 т[ысяч] на второй. На этом, в общих чертах, и покончили.

Ник[олай] Петр[ович] предложил мне поехать с ним на берлогу, обойдено два медведя. «А еще у меня, — говорит Николай Петрович, — имеется столько же. Оставьте ваш телефон, я вам сообщу что и когда».

Берлин предупредил о возможности свидания в ♑ (т.е. 9/II) с Чичериным, которому я сделаю доклад о содеянном, о состоянии экспедиции и буду просить разрешение включения в состав Т[ибетской] экспедиции Глаголева и Овчинникова.

Пока что свиделся с друзьями-сибиряками, и с Ориком Собенниковым едем завтра в Барвиху. Но я могу получить также и неожиданное приглашение к Ник[олаю] Петр[овичу] на охоту, на медведей. Поэтому мне в Барвиху ехать не представляется возможным, к тому же надо поговорить и с К. М. Даниленко. Необходимо выяснить, сколько имеется у К. М. Даниленко средств Тибетской экспедиции, сколько он накопил!

7/II, ♄. Почему-то вчера я не смог в течение долгого-долгого времени уснуть и не потому, что в соседней комнате раздавались смех и хохот взрывом и отчаянный шум, а просто так, от бессонницы. Но зато на заре уснул богатырским сном! И вдруг — рано вставать, будит Люба.

8/II, ☉. На улице тепло, сухо — весна. По небу тянут слоистые облака, там и сям видны голубые пространства неба. Хочу отправиться к Даниленко — они, наверное, так ждут! Из петроградских друзей я написал пока лишь одной Лиле Шведерской, от которой, в свою очередь, жду самой первой весточки. Посмотрим.

У Даниленко я был встречен и принят самым лучшим образом, словно родной. Много говорил, беседовал со всеми членами семьи об экспедиции, об Урге, о моих всех спутниках, а также и о том, как я проводил время по дороге из Монголии в Петроград, и о 5-недельном пребывании в с[еверной] столице России. Говорили также о лживом и лицемерном ботанике экспедиции, о его изменчивости после пребывания в Петрограде и т.д.

От Даниленко мною было взято 1000 черв[онных] рублей, что с прежними (300) составит, таким образом, 1300 черв[онных] рублей, необходимых мне на расплату с участниками-специалистами (2325 ч[ервонных] р[ублей]). Другую, недостающую, часть червон[ных] рублей я постараюсь

добыть от О. В. Собенникова, чтобы затем передать ее С. Ф. Ольденбургу (по принадлежности: Полынову, Крыжановскому, Теплоухову и Боровко). С чувством полного удовлетворения я провел у родителей моего Котика три часа времени, прежде нежели дружески распрощался с ними, дав слово при возможности всегда заглядывать к ним на «огонек».

Вечером я отправился к моим старым друзьям Загоскиным-Пржевальским и просидел у них в различных общениях до 11. Бедные, я их с трудом разыскал. Они сидят в грязи и тесноте, в конуре, и их квартира, скорее, напоминает склад мебели и всякого хлама, нежели изящно-художественно обставленный особняк, какой они имели (собственность) в Левшинском переулке. Ох ты, судьбинушка!

По возвращении к себе, до спанья, я зашел к соседям, Ольденбургу и Ферсману, и с ними разговорился до ½ 1-го часа ночи. А[лександр] Евг[еньевич] был на пути в далекую Америку, затем Сандвичевы острова и в душе мечтал возвратиться домой через Китай и Монголию: Калган — Урга (частью Гоби).

Спал неважно: долго не мог уснуть и только часа в 3—4 забылся крепким сном до утра, до ½ 8-го часа.

9/II, ☽. Утро серое, сплошь облачное, я не выходил никуда из дома. Хочу прогуляться только в вечеру. Сегодня я написал письмо в экспедицию моему славному Пшевику. Ко мне утром явился Боря Овчинников, обрадовался, много говорил со мною о своем житье-бытье, о наших спутниках, преждевременно возвратившихся из Монголии, говорил о Св[ене] Гедине и об Обручеве, о лестном отзыве шведск[ого] путешественника обо мне и т.д. В заключение очень просил к себе как-нибудь вечерком на чашку чаю!

Затем говорил по телефону с Берлином о предстоящем свидании меня с Чичериным, причем меня предупредил Л[ев] Еф[имович], что Чичерин принимает своих русских только по ночам, в глухое время, в которое он сам не спит, страдая бессонницей.

По телефону же беседовал с Даниленко: приготовил ему небольшую заметку на страницы «Известий» в завтрашнем номере.

Принципиально выяснилось время моего доклада в здании ЦЕКУБУ — 17/II, во вторник, и намечены переговоры на прочтение лекции в моем любимом Политехническом музее, в его огромной, лучшей в Москве, аудитории.

На ходу, при встречах, мы всегда мило беседуем (сосед с соседом) с С. Ф. Ольденбургом.

Верный своему призванию, призванию номада, сегодня я перекочевал на новое местечко, в комнату М. Г. Красевой, заведующей хозяйством, в которой чувствую себя отлично!

Обедал у себя в КУБУ за 85 коп., обед из трех блюд — очень порядочный.

Потом помог Даниленко составить статью. Навестил вечерком с деловой целью моих друзей-сибиряков. Отдал им фунты разменять по 9.15, спешно, конечно, чтобы расплатиться с четырьмя учеными-специалистами, которым в общей сложности внесено через посредство С. Ф. Ольденбурга 2325 рублей.

Пытаюсь помочь Собенникову устроиться в Монголии и развернуть свои экономические способности.

В заключение получил прелестное письмо от моего большого друга — Лили Ухт[омской]-Шв[едерской]. Оно согрело меня и еще больше расположило к ней, к ее тяжелому горю!

Одновременно были у меня Артамонов и ректор Смоленского университета Вл[адимир] Вл[адимирович] Станчинский (один из помещиков Смолен[ской] губ[ернии]). Последний просил приехать в Смоленск, чтобы прочесть лекцию в Университете, познакомить земляков с моим последн[им] путешеств[ием] и его результатами.

Одновременно с этой компанией ко мне вдруг явилась прелестная девица Катя, сестра или кузина моего Андрюши Симукова, и взяла от меня два письма для Милочки. Симпатичная Катя посидела у меня некоторое время, выпила стакан морсу и, получив два яблока (для себя и для Мили), отправилась восвояси.

10/II, ♂. Утро полуясное или даже совсем облачное, немного подморозило. Ко мне явился Вася Собенник[ов], вручил бумажечку для монгольской миссии и т.д.

Я поехал с визитом в монгольскую миссию, виделся с Данзаном и Сампилоном, говорили «об уверениях в дружбе» и т.д. В заключение я попросил за В. А. С[обенникова] и пригласил эту компанию на мой доклад, имеющий быть во ♂, 17/II.

Потом я отправился в Наркомпрос: виделся счастливо с М. Н. Покровским, беседовал с ним о достижениях моей новой экспедиции. М[ихаил] Н[иколаевич] на мой доклад об орудии для добывания огня первобытным способом заметил: «Это орудие играло ритуальную роль».

Ф. Н. Петров был занят, у него шло заседание. С ним будем говорить завтра, в 12 часов, а потом я отправлюсь в Наркоминдел для переговоров с дипломатами.

На ходу я поговорил кое с кем и, между прочим, с репортером туркестанской газ[етной] прессы, назначив ему на 9½ часа утра, завтра.

Обедал дома хорошо, сытно: борщ, курица с рисом и бел[ым] соусом и кисель с молоком. Потом немного было прикорнул, но разбудил зов девушки к телефону — беспокоил некий кавказец, любитель приключений, завед[ующий] отделом журн[ала] «Огонек». Он поведал сначала пространную одиссею о своем прошлом, а потом попросил материала для приложений к «Огоньку», на книжечку с картинками и т.д.

Одновременно прибыл и мой старый приятель В. Л. Попов, которого я был искренно рад видеть. Попов в предст[оящую] субботу читает [доклад] в Доме ученых и просит меня председательствовать по собранию и докладу о Сибири, в особенности Восточной, и о важности изучения ее с целью всестороннего исследования, до производительных сил страны включительно! Я охотно согласился. С Поповым мы порядочно побеседовали и расстались в надежде на скорое свидание.

Вечер я мило провел у младоженов у Р. А. и моего Бори Овчинниковых. Идеалисты, они проводили меня до самого дома, я взял у них отличную открыточку Соломко, а им обещал подарить парочку снимков (группу со Свеном Гедином и мой последний портрет с коллекциями по археологии). Овчинниковы, в свою очередь, обещали мне подарить их общую фотографию.

У себя дома я был приглашен к телефону К. М. Даниленко для заслушивания содержания телеграммы из Цзун-модо: «Очень рада, буду ждать существенного результата; работы протекают удовлетворительно».

За мною установлен внимательный, нежный уход со стороны всех служащих КУБУ! Просто трогательно: вдруг Нюша приносит мне мороженое — это ужасно!

Сейчас почему-то вспомнил одно маленькое упущение: С[ергей] Ф[едорович] при расставании поручает мне выразить Елизавете Владимировне его привет, а я забыл или не догадался этого сделать по отношению к его жене, Елене Григорьевне.

11/II, ☿. Утро серое, непривлекательное, на крышах белая пелена снега, на улицах вдоль тротуаров — струйки воды. Минувшей ночью я спал удовлетворительно.

Теперь у меня больше нет соседей-петроградцев: последним уехал С. Ф. Ольденб[ург].

Когда же, наконец, я получу письма от своего Володи и А[лександры] Ф[едоровны]? Помню также и славную семью Соколовых. Но больше всего на свете грущу об экспедиции, о горах Ноин-ула, о моем Пшевике и прочих мальчиках-спутниках.

После некоторого занятия я отправился к 12 часам дня в Главнауку, где имел свидание с Ф. Н. Петровым. Он, усталый после утреннего заседания, тем не менее мило и толково говорил со мною по поводу успехов экспедиции и дальнейшего плана работ, советовал поручить дополнительные хлопоты нашему представителю Даниленко. Мне кажется, К[онстантин] М[атвеевич] будет заниматься только выхлопатыванием сумм, потребных на выдачу содержания участникам Тибетской экспедиции за время четвертого года деятельности, в 1926 году. Петров справедливо заметил: «Начнем все обращения за деньгами только после того, когда вы выясните вопрос с дипломатией о той или иной возможности направления вашего маршрута». «О Глаголеве, — продолжает он, — вопрос должен, по моему мнению, принять положительное решение». «Как красиво вы пишете, Петр Кузьмич, — беседует далее Петров, — я получил Ваши письма, кажется два, и читал их с большим интересом».

От Ф[едора] Н[иколаевича] я направился к Берлину и беседовал с ним довольно долгое время: о наших достижениях, о лекциях, о письмах с дороги, о предстоящих работах и, главным образом, о направлении нашего маршрута и о характере предстоящих работ как в течение первого года или лета, с базой в Монгольском Алтае, так и в течение второго лета, 1926 г., со станцией или будкой (метеорология) в Цайдаме, откуда Тибетская экспедиция может проложить полуденное направление к верховью Ян-цзы-цзяна, а потом вверх по нему, до подлинных истоков одной из главнейших рек Китая.

Говорили о Св[ене] Гедине, о возможности сосред[оточения] работ этого швед[ского] путешеств[енника] в соседстве — в истоках Салуэна. Некогда я с ним работал одновременно на параллели Тибета, теперь возможно расположиться районами исследования в широтном направлении — от юга к северу.

Говорили также и о начальнике Америк[анской] экспедиции в Монголии Эндрюсе. По поводу вообще американцев мы сошлись в мнении, допуская их скрытность: работать в научном отношении и в то же время зорко

следить за местонахождением благородных металлов, от науки перейти к экономике, а от этой последней к захватам в свои руки «золотых концессий». Вот почему Тибетская экспедиция, уходя в Монгольский Алтай и далее, должна сдать район своих работ с могильниками в близком соседстве приисков золота, чтобы, увлекаясь русскими успехами, американцы не переступили бы границы нашей научной зоны и экономического влияния, тогда нам будет плохо: в дальнейшем не только американцев, но никаких других европейцев не выкуришь. В крайнем случае необходимо заручиться согласием монгольского правительства не допускать никаких исследователей севернее границ пустыни Монголии — Монгольского хребта, кроме русских, долженствующих явиться сюда в качестве соседей-учителей.

Глубоко, вдумчиво мы толковали о первой базе и о второй. В течение первого лета не может встретиться недоразумений, что же касается отдал[енной] базы в Цайдаме, до пути туда, то, будучи опытным, надо стараться проникнуть к подножию Бурхан-будда по возможности скрытно, это во-первых, а во-вторых, следует заблаговременно приискать цайдамских проводников.

Жаль, что я с Берлином не посоветовался относительно Глаголева: какие шаги надо предпринять, чтобы успешнее и скорее иметь на него все мои права начальника экспедиции [или] на помощника-спутника. В заключение Л[ев] Еф[имович] предупредил меня о скором моем свидании с Чичериным.

По уходе к себе домой я вскоре действительно получил извещение о свидании назавтра, в 12 часов ночи.

День закончился для меня у сибиряков, у Лар. Мих и Л. Н. с компанией Собен[никовых] и Молч[ановых], с одной стороны, и москвичей — дяди Триф[она] Ильича — с другой. Были на московских блинах!

У гостеприимных людей все было мирно, симпатично, располагающе к хозяевам. Я и мои два молодых единомышленника, Ора и Леон[ид] Лушников, распрощались в ½ 12-го и вовремя уже были у себя дома. Эти молодые люди проводили меня до ворот КУБУ. Почему-то мне очень хотелось спать, и я улегся в самом начале первого часа.

12/II, 2. Серое небо, весенний воздух, немного подстыло. Я все еще не получаю писем из Петрограда — ни от Володи, ни от А[лександры] Ф[едоровны] и К°. Тем отраднее весточка от моей единственной и несравненной Лили, такая же сердечная и теплая, как от моего друга-ученика Пшевика.

Сегодня в общем день намечается очень интересным. Посмотрим, а потом надо будет начать действовать! Написал и отвез Берлину спешную докладную записку о принятии своевременных мер по уходе Тибетской экспедиции с места ее археологических раскопок, закрепления за Россией права на них и вообще права над Северной Монголией с науч[ной] точки зрения.

В 1 час дня я получил первое письмо от Александры Федоровны, очень близкого друга моего Пшевика.

День чисто весенний: снег тает, бегут ручьи, чирикают воробьи и пригревает солнышко. От встреченного военного из Урги узнал, что Васильев укатил в Монголию с дочкой и с компанией в 10—12 человек служащих Русско-Монгольского банка (в Урге).

После обеда ко мне заходила Тина Загоскина с дочерью Катей, посидели за просмотром фотографий видов, типов, но главным образом за расспросами и видами снимков с курганами и снимков с археологических находок. Вероятно, интерес появился у моих друзей после того, как они прочли статью в «Известиях» — «Тибетские достижения».[178]

Вслед за Загоскиными я принял М. И. Кондратьеву, которая произвела на меня самое отрадное впечатление. С ней у меня нашелся общий язык, общий интерес. С захватывающим чувством она слушала меня и с умилением рассматривала фотографии, семь из которых, те из них, что б[олее] или м[енее] связаны с ее С[ергеем] А[лександровичем] или Суцзуктэ, она получила от меня в подарок и радовалась, словно дитя! Я обещал побывать у нее, ее родителей, вечером, в воскресенье, это так понятно. Хотя, конечно, я буду и у Пржевальских и Загоскиных, а также и у Даниленко. Тиночка просила в воскресенье к себе, обедать, ну, а вечером у М. И. Кондр[атьевой].

Так бесконечно вертишься как белка в колесе.

У меня топчется на месте Боря Овчинников, не знаю, что мне с ним делать!

Вечером я отправился к Собенниковым и там был до 11 ночи, поспал, отдохнул и поехал к Чичерину.

Наконец я увидел Георгия Васильевича Чичерина, познакомился с ним и проговорил о Монголии и Тибете около одного с ¼ часа. Вышел на улицу, было без ¼ 2 часа, а домой возвратился и лег спать ровно в 2½ часа ночи или утра, как хотите, так и называйте. В общем я вынес впечатление, что Чичерин очень боится, осторожен в своих действиях и типичный дипломат, себе на уме: «Как бы не осложнить международных отношений из-за Монгольской экспедиции». Его доводы вертелись на том, что китайцы ни за что не хотят согласиться на общение монголов внешних («окрашенных») с внутренними и под угрозой европейцев, в особенности англичан, никуда не пустят. Поэтому, даже в Хара-хото не пустят, не только в Цайдам и т.д. Г[ригорий] В[асильевич] много сообщил мне очень интересного про Тибет, про вражду лам с военным миром, с Намганом, который является ярым сторонником англичан, получая от них все для своей молодой армии. Ламы восстали, арестовали Намгана, наказали его и в конце концов посадили под арест в одну из высоких башен. На Тибет оказывают давление с двух противоположных сторон: с одной, восточной, китайцы, захватив в руки Ташиламу, с другой, с южной, англичане, помогающие непосредственно самому Далай-ламе.

Из всего этого выходит страшное разногласие, раздор, распри, гражданские козни. Нечего и думать о Тибете политическом, даже этнографическом — Лхасе. Больше, нежели прежде, я верю только себе, моим лучшим знаниям и Монголии, и Тибета. Пусть только не мешают мне и больше верят в мою искренность и мои знания. Не надо меня здесь держать, на виду; надо всем нужным снабдить и отправить к месту экспедиции, к моей душе, к моим милым спутникам.

Я получил через Володю письмо от моего Пшевика, из Суцзуктэ; оно полно чистого восторга и любви ко мне. Все мои спутники дрожат от нетерпения услышать все то, что происходит в Петрограде и Москве в связи с лекциями, комиссиями, коллекциями, перспективами, открывающимися возможностями и т.д., и т.д. Мой Пшевик умоляет меня продолжать писать ему так же подробно, как я писал с дороги; он, естественно, опасается не-

достатка времени у меня в Петрограде и Москве, где я так занят и окружен такою массою людей, пристающих ко мне со всякого рода разговорами, просьбами, лекционными перспективами и т.д. Не живу тихо, спокойно, вдумчиво, а горю в огне: пишу, читаю, принимаю людей самых разных типов — и старых, и молодых, и муж[чин] и женщ[ин], и знатных, и простых, живо тянущихся ко мне, к моей экспедиции, ее научным открытиям, достижениям. Тянутся, сидят, слушают и просят лекций, лекций без конца.

13/II, ♀. Серо, мрачно, тепло, на улицах лужи и ручьи вдоль тротуаров. Ко мне пришел Саранцев, милый, славный, приличный. Мы с ним заговорились, я показал ему фотографии, чертежи и сказал существенное; он мой, как и прежде. Сияет, улыбается и готов следовать за экспедицией куда угодно!

Вслед за уходом моего мальчика я получил прелестное, сердечное, теплое, дружеское письмо от моей очаровательной Лили, которая, между прочим, пишет: «Только для Вас одного буду играть, для Вас одного будут дрожать струны моей души в шопеновской "Колыбельной" или "Ноктюрне"». Чудный, несравненный человек эта Лиля, надо удивляться тонкости ее чувств и изгибам очарования души, любить ее самой чистой, самой лучшей, возвышенной любовью. Нежная, прекрасная Лиля, моя золотая мечта! Мне всегда хочется о ней думать и хочется говорить: она одно сплошное очарование и восторг!

От Лили же срочной почтой я получил просьбу с доверенностью на получение ее документов и еще два письма, тоже из Петрограда, от М[арии] Я[ковлевны], очень хорошее, и Т. Корниловой — с восторженностью о лекции.

Заходил ко мне туркестанец с просьбой написания небольшой статьи для их турк[естанской] газеты, а также и 6 фотограф[ических] снимков. Назавтра я обещал им, туркестанцам, что-либо послать.

После 6 часов я отправился к Пржевальскому Е. М., старику 82 лет, родному брату моего незабвенного Ник[олая] Мих[айловича]. Бедный Е[вгений] М[ихайлович] только и говорит о насущном хлебе, о прибавке пенсии. Действительно, ему за его труды по педагогике было назначено 75 руб. в месяц, а ныне выдают лишь только 40, и жить-то ему осталось немного, хотя бы в течение этого года давали бы старику полностью!

От Евг[ения] Мих[айловича] я отправился к Даниленко, с которыми прекрасно провел вечер. С этими людьми всегда найдется общий язык, общий интерес, и они очень удивлены непоявлению у меня нашего ботаника. Интересно, что будет дальше?

Погода продолжает стоять ранневесенняя, промозглая, неприятная и без солнца. Да, в Монголии лучшее благо — сухость, прозрачность и много-много солнца. К солнцу я так привык, оно шлет бодрость, силу и самое лучшее настроение.

14/II, ♄. Вторая неделя идет, что я нахожусь в Москве, и думается, будто ничего еще не сделал. Когда удастся сдвинуть «тяжелый камень» дипломатии, и только тогда представится возможность начать действовать в положительном смысле по вопросу снаряжения в Монголию. Собственно говоря, снаряжение заключается, главным образом, в получении денег и

разрешении взять прежних двух спутников, задержанных или отозванных в самом начале путешествия. Необходимо начать по этому поводу переговоры с Горбуновым.

Говорил сегодня с Ник[олаем] Петр[овичем], он согласился с тем, что Ч[ичерин] очень осторожен и мало решителен, и посоветовал мне, прежде чем начать какие-либо шаги по экспедиции, обратиться в ГПУ и переговорить с Трилиссером. Так и сделаем, не знаю только, что из этого выйдет.

Сегодня заходил ко мне В. Ф. Новицкий. Бедный, какой он больной, худой и бледный! Тем не менее мне было очень приятно видеть и говорить с ним — ведь он путешественник, знает Монголию, Вост[очный] Туркестан, Ладак и Индию. Очень просил к себе как-нибудь вечерком, вероятно, у него собрался бы кружок так называемых военных специалистов-профессоров. Мне лично хотелось бы видеть Балтийского, Мартынова, Снесарева, Попова и других.

Является ко мне Собенников, чтобы вместе пойти к Калганову и к моим Пржевальским. Увы! Я этого не могу сделать: меня пригласили на заседание по изучению Северной Азии (Сибири), на доклад профессора В. Л. Попова «Географический очерк Сибири в связи с проблемой дальнейшего изучения», почетным председателем этого заседания. Вторым докладчиком выступил Махоткин по вопросу «Охота и охотничий промысел в Сибири». Открыв заседание, я сказал вступительное слово в характеристику нашего путешественника, исколесившего на протяжении 13 лет (1901—1913) Алтай, Саяны, Урянхайский край и С[еверо]-З[ападную] Монголию для изучения в географическом, бытовом и экономическом отношениях. По окончании доклада Попова и немногих замечаний, высказанных мною и геологом Черновым, собрание просило меня сказать несколько слов по поводу моих последних археологических результатов. Н. М. Кулагин был душою этого обращения, говоря: «Чувствуется что-то колоссальное, приковывающее к себе открытие, совершенное Вами, скажите хоть немножечко!».

Я только чуточек приподнял завесу над нашим сказочным достижением, и присутствующие превратились в одно спокойное глубокое внимание. Взрыв восхищений покрыл залу, все встали и благодарят. «Во вторник будет лекция Петра Кузьмича, кто же на нее попадет? Раздавят, будет вторая Ходынка», — слышались замечания по сторонам. Я поблагодарил. Мои друзья торжествовали.

Второй докладчик живо, с оттенком юмора, доложил о современном состоянии охотничьих промыслов в Сибири, о частичных бойнях сохатого, о варварских охотах многих сибиряков вообще, о том, к чему мы должны стремиться в будущем, чтобы Сибирь «как мировой запас пушнины», могущий диктовать указы в промысл[овом] отношении, не истощалась зверем, а, наоборот, планомерно пополнялась в хищнич[еских] районах и целесообразно расходовала богатство там, где оно процветает. Надо урегулировать охотничье дело, нужны законы, достойные люди, порядки, грамотная охотничья литература, журналы; нужно, чтобы промышленники сами играли видную роль в сбережении охотничьих промыслов, охотничьего хозяйства, держа последнее на должной высоте.

Поучителен случай с японцами-браконьерами за котиками. Япоши под благовидным предлогом в лодочках с керосином и многими втулками с паклей на случай пробоин пробираются к месту лежек ластоногих и — или

просто добывают их, или обливают места лежек обильно керосином, запаха которого котики не выносят и откочевывают (нередко) на территории, принадлежащие японцам. Этого только и ждут хищники-японцы, тут же, никого не боясь, добывают мирного, беззащитного котика. Доклад вызвал прения, оживленную беседу.

Много лиц ко мне подходило, среди них встречены две сестрицы, урож[енки] Керчи, — Нина Евгеньевна Бок и историчка Лариса Евгеньевна, которые сразу записались в число моих восторженных почитательниц. И странное дело: мои археологические находки вызвали в одной из них (с огоньком, искрой божьей) — Нине Евгеньевне воспоминание об археол[огических] сокровищах, еще не тронутых пытливым человеком, там же, в соседстве их дома, в Крыму, неподалеку от известных керч[инских] археол[огических] сокровищ.

В тесном, живом, интересном общении с южанками, в их компании из четырех человек, в том числе и Махотки, я засиделся до поздней ночи. Вокруг пели, плясали, взвизгивали, стучали, бегали, пудрились девы и жены непорочны из компании пировавших, прибывших с Гагрского курорта. Преобладали женщины (оголенные), много было и мужчин, по бол[ьшей] части расфранченных, черных, курчавых, горбоносых — американских русских, медиков. И доктора, и их «немощные», усталые пациентки так разошлись, что их веселье превзошло все степени последней, позднейшей моды.

Только в 2 часа ночи я лег и быстро уснул, спал крепко до 8, а потом, после прогулки — облегчения легкого, еще валялся в постели час. По обыкновению, в постели утром я много думаю и о предстоящем, и о минувшем.

15/II, Ө. Серое небо, дали закрыты, на улицах лихорадочная работа по скалыванию и уборке льдистого, мокрого снега. Весело работают мужики, бабы, искусственно создавая весну. Езда только на колесах. Я опустил письмо Лили и пишу донесение в Монголию, в родную мою экспедиционную семью на имя Пшевика.

Борис с утра принимает и сегодня «пытает» расспросами Майорова о туркменских исторических памятниках. Все тянутся ко мне — источнику археолог[ических] сокровищ.

Жду К. К. Федяевского, этого милого и интересного человека.

В условленное время прибыл К[онстантин] К[онстантинови]ч; встретились очень дружественно, вспоминали прошлое — наши лекции, наши сборы в путешествие, вспоминали, как Вера Михайловна Федяевская, как педагог, читала детям лекции о моем Хара-хотоском путешествии, как она вслед за тем вскоре написала книжечку о Мертв[ом] городе и издала ее только через год и что она ходко продается и завоевывает себе популярность в детской и педагогической среде. Говорили о том, что очень желательно в таком же роде выпустить продолжение, две последующие книжки, с таким же интересным описанием: а) плавание по озеру Куку-нор и б) разбойничье племя луцца в Амдо и сражение с ним. Предлагал я также и то, чтобы выпустить для детей или малограмотных все три периода вместе, вроде одной книжечки, объемом около 100 страниц. К. К. Федяевскому эта моя мысль очень понравилась, и он ее передаст своей жене.

Подошел к нам представитель журнала «Огонек», который также старается популяризовать нашу Тибетскую экспедицию на страницах не только

«Огонька», но и в виде приложения такой же книжоночки, как книжка «Хара-хото» в переделке Федяевской. Кстати, он же эту книжечку вынул из портфеля и говорит о ней, как об очень хорошей, удачной современной книжечке, кот[орая] интересна не только детям, но и взрослому читателю, так как о Хара-хото говорит все самое существенное.

Потом ко мне позвонила Ванда Ивановна Бекнева, а потом вскоре и приехала навестить меня. Мне приятно было вспомнить Наркомпрос, Гринберга и мою командировку в Сибирь зимою в 1920/21 г. и то участие к успеху ее, которое тогда выразила чуткая В[анда] Ив[ановна].

Обедал я у Алевт[ины] Влад[имировны] Загоскиной, для меня была приглашена и Л. Н. Пржевальская. Как всегда, у Загоскиных было приятно, интересно и родственно. К вечеру пришли знак[омые] молодые, и она, Ольга, пропела несколько вещиц итальянских и русских. Пение скрашивалось прелестным аккомпанементом Алевтины Владимировны. Вообще она, Тиночка, наша Тиночка, замечательная музыкантша, пианистка.

В ½ 10-го вечера я и Пржевальская Л. Н. отправились восвояси. По дороге Л[юбовь] Н[иколаевна] очень серьезно рассказала мне о своем тяжелом состоянии и очень просила меня помочь ей, взяв в экспедицию ее сына Николая (Пржевальского).

Вдруг мне представился Н[иколай] М[ихайлович], мой Пржевальский, Пржев[альский] и Козлов. А здесь мы видим: Козлов и Пржевальский. А ведь это хорошо, и ужели только случайно: нет ли здесь более глубокого, нет ли здесь того, что буддисты называют перерождением, продлением идеи, перевоплощением тела, духа, их форм в бесконечность?! Надо посмотреть Колю, и надо все это хорошенько продумать, но все это возможно!

Расставшись с Пржевальской, я поехал на [трамвае] «А» к Милитине Ивановне, куда прибыл в самом начале 10-го и прямо за стол, за которым, между прочим, сидели и мои Павловы.

Мы прекрасно побеседовали, сначала за чайком, а потом в симпатичной комнате Милитины Ивановны, где много прекрасного, уютного, где на столике, за которым постоянное место М[илитины] И[вановны], стоит прелестный портрет моего Сергея Александровича К[ондратьева]. Тут именно сидел я рядышком с М[илитиной] Ив[ановной]. Мне было очень приятно и хорошо-хорошо. Моя мысль-мечта унеслась далеко — туда, где теперь пребывала моя экспедиция, вся моя душа!

Павловы уехали раньше, им далеко. Надо навестить и место, где работает Ник[олай] Вас[ильевич], и прокатиться в их монастырскую, далекую-далекую обитель.

16/II, ♑. Сегодня немного подстыло, но та же непроглядная тьма, серое небо; на улицах скалывают обледенелый снег и еще более ускоряют весну!

Интересно, получу ли я сегодня почту? Я желаю иметь вести из Петрограда от Лили, Володи и Географического общества.

По телефону говорю — по вызову Берлина с ним. Видимо, Ник[олай] Петр[ович] заинтересовал Чичерина, так как последний желает видеть снимки с коллекций и вообще знать, во что оценены научные результаты Тибетской экспедиции, что по этому поводу сказали Академия наук (Ольденбург) и Географическое общество (Шокал[ьский] и Комаров). По телефону говорил с Трилиссером: впечатление приятное, культурное (в четверг в 12 часов).

Приходила Е. В. Кожевникова просить книгу «Хара-хото» для Дейча на время, придется попросить у Бори Овчинникова.

Потом я направился в НКИД, отвез фотографии с археологических раскопок. Познакомился там с немцем, весьма удовлетворительно говорящим по-русски, приятелем Фильхнера. Он — B. Wanrick (Ванрик) — просил статью с фотографиями для немецкой газеты или журнала и обещал мне выписать книгу или труды д-ра Тафеля — дневник в Тибете![179]

Там же, в НКИД, мне звонили из кабинета Н. П. Горбунова, просили скорее дать план моего предстоящего путешествия с расчетом, конечно, на два года.

Этот план надо возможно скорее составить, всенепременно!

Обедал я у моего друга В. Л. Попова, в его прекрасной, гостеприимной семье, в компании с генералом Захаровым и его супругой Алекс[андрой] Иванов[ной]. Красиво, хорошо говорит Захаров, человек с головой, и умом, и искрой божьей. Молодежь была очарована моими рассказами как на лекции-докладе [Виктора] Лукича, так одинаково и дома, в семье В. Л. П[опо]ва.

Мило, просто, непринужденно тянулась наша беседа до поздних часов. Все сговорились прийти на лекцию, послушать меня подольше и посмотреть на картины.

Прощание было самое трогательное: молодой цветник — грации пошли провожать меня вниз, в вестибюль большого здания, некогда бывшего охотничьим клубом.

По возвращении к себе домой я нашел телеграмму из Урги от Пшевика: «Возвратилась [в] Ургу, жду твоих вестей». На что я тотчас же ответил: «Снаряжение берегите. Терпеливо ждите хорошего. Телеграфируйте [о] работах [в] Мокром и Шестом. Жемчужинами признаны „Всадники" и „Ковер". Полагаю, что такого содержания телеграмма заставит моих старших сотрудников понять, чем я заинтересован, и приложить все усилия к исполнению всех моих, продиктованных Кондратьеву наказов при расставании с ним, когда он уезжал в Суцзуктэ.

Сегодня же было получено от моих два донесения: от Пшевика и Кондратьева. Какой странный Кондратьев, не понимает меня, о самом интересном, о работах в Мокром и Шестом курганах, как и вообще об археологии, он не говорит ни слова.

Пшевика донесение самое содержательное, и оба рассказывают об экскурсии Андрея.

17/II, ♂. Серое, безжизненное утро, небо сплошь в слоистых облаках, на улице морозит, на окнах влажная пелена.

Сегодня день моей первой лекции в Москве, в белом колонном зале Дома ученых. Воображаю, какая будет публика и как будет торжественно! Глубоко чувствую, что с каждым днем вести о моей экспедиции шире и дальше расходятся в глубь страны.

Бедная администрация КУБУ плачет: ей отказано в присутствии на моей лекции. Ввиду этого на предложение М. Г. Красевой показать картины и их объяснить вечером в среду я не смел отказаться — согласился.

Усиленно поступают просьбы и заявления присутствовать на моей лекции со стороны как соотечественников, так и европ[ейских] представительств, со стороны, например, герман[ского] посол[ьства].

Говорил по телефону с Н. П. Горб[уновым], он предлагает прежде всего план экспедиции вручить в НКИД тов. Чичерину, заручиться его визой на плане, и только тогда можно будет надеяться на проведение его в жизнь.

А небо все серое, сижу и пишу всякого рода планы экспедиции с сильным желанием проникнуть в Цайдам, в соседство вершин хребта Бур[хан]-будда.

Л. Е. Берлин говорит (по телефону): «Г[еоргий] В[асильевич] очень интересуется Тибетской экспедицией, и нужно завтра доставить план ее дальнейших шагов».

В течение дня я никуда не выходил. А в свое время начали собираться мои друзья и знакомые, масса народа: и барышни, и офиц[еры] Ген[ерального] штаба, и публицисты, и дамы. Все у меня раздевались, и мои дорогие Пржевальские-Загоскины.

В ½ 9-го часа началось чтение; белая белоколонная зала полна народа. Среди присутствующих особенно ценно монгольское посольство и якутские представители. Из-за массы народа было очень жарко и душно и мне говорить было значительно труднее, нежели это было в прохладном большом белом зале Русского географического общества в Петрограде.

Картины были хороши, так как фонарь действовал прекрасно; их надо было показать и рассказать. Внимание было полное. Когда я упомянул о монголах, о их внимательном и предупредительном отношении к Тибетской экспедиции, о том, что успеху экспедиции в значительной мере содействовало именно их отличное отношение и помощь в отводе в наше распоряжение приисковых помещений и отпуске тех рабочих инструментов, которыми раньше пользовались золотоискатели, то со стороны публики раздались аплодисменты.

Ровно в 10 часов вечера я окончил. Публика долгое время рукоплескала. На эстраде показались сначала монголы, а затем якуты. И те и другие благодарили меня. Публика, в приличествующих местах, вновь аплодировала.

Бедных желающих многих не пропустили, некоторым я оказал содействие.

Между прочим, были: Милочка, Катя, Даниленки и мой не один друг географ-археолог, были также и две необыкновенно симпатичные сестрицы, в особенности Нина Евгеньевна Бок. Но кто мне оставил роскошную сирень, душистую, приятную, можно только догадываться, вероятно, грации Попова. Замечательно чуткие люди они: надо чтобы одна из них, Наташа, протанцевала — ведь она будущая звездочка из балерин.

При мне были мальчики: и Саранцев, и Борис, и его Рая.

18/II, ☿. Серое, грустное небо! На улицах местами чисто, местами грязно, езда в трамваях — наказание, все переполнено, и № 34 ходит сравнительно редко!

Я побывал у Берлина, сдал ему план моих намерений, финансовый отчет за прошлое и виды на будущее! Всего 3 листа, Л[ев] Еф[имович] обещал мне взамен по 2 копии.

Обратно я купил книгу и дроби с картечью, всего около 2½ пуда весом. Надо по списку посмотреть: гильзы, пистоны и другие охотничьи принадлежности, желательно не брать много, а ограничиться крайне необходимым.

По возвращении к себе нашел Н. И. Кравченко, который с меня срисовал портрет для «Рабочей газеты». Одовременно сидела у меня Евг[ения] Вас[ильевна] Снесарева.

Получил много писем и телеграмму из Смоленска с просьбою прочесть лекцию, просят также заголовок и время, когда приеду! Не знаю, что делать! Здесь же обращаются с просьбой прочесть лекцию о последних археологических открытиях в Монголии по радио. Для этого придется ехать на радиостанцию.

Приезжала ко мне из деревни одна юная почитательница с целью прослушать лекцию, читаемую мною сегодня в то же время, как и вчера, в белоколонной зале Дома ученых. Одна из родственниц В[севолода] И[вановича] [Роборовского] — Леля, на глазах которой снаряжалась экспедиция.

Лекция эта прошла хорошо, среди служащих Д[ома] ученых вклинились и профессора, и студенты, и немногие из случайных посетителей.

Обедал я у своего старого друга А. Е. Снесарева, профессора Военной академии, и по дороге, вместе с Евг[енией] Вас[ильевной], навестили расслабленного Вас[илия] Фед[оровича] Новицкого. Жена его мало изменилась, но вместо дочери Наташи — маленькой девочки я уже встретил Нат[алию] Вас[ильевну], вышедшую замуж за военного (Соллогуб).

Около 12 часов ночи мне очень захотелось спать, и я выпроводил всех, за исключением Бориса Овчинникова, ушедшего от меня позднее, когда я был уже в постели.

19/II, 2. Облачно, неприятно, падает мокрый снег, покрывший землю белой пеленою. Воды и грязи много, больше прежнего. Так, видимо, и не дождаться морозных, сухих дней!

Сегодня я читаю в Политехническом музее о своих новых археологич[еских] открытиях в Монголии. Интересно, как публика отнесется к моему детищу Ноин-ула? В дальнейшем, вероятно, придется читать «Хара-хото и Ноин-ула».

Как раз на этом месте пришел ко мне представитель студенч[еской] молодежи [с просьбой] прочесть лекции именно о Хара-хото. Еще, следовательно, надо глубоко подумать о том, как читать лекции: читать ли их в отдельности, т.е. «Хара-хото» само по себе и «Ноин-ула» само по себе, или читать то и другое вместе, т.е. в первой половине «Хара-хото», во второй — «Ноин-ула». Предстоящая лекция разъяснит мне, даст ответ, что и как, а пока будем действовать!

В назначенное время я был в ГПУ у Трилиссера, беседовал с ним более часа. Пока что выяснили общий план нашего продвижения вперед. Если все идет только в положительном смысле, то ничего, но если под нашей наукой иностр[анный] отд[ел] будет иметь «непотребное» — это уже скверно. Пока, впрочем, работы намечаются только в области Внешней Монголии в течение года, на это время исключена всякая возможность иметь всех излишних, но вот в дальнейшем могут причинить неприятности экспедиции. От этих неприятностей избавь нас, Будда!

Возвратился к себе домой, говорил по телефону с моим юным другом Н. Е. Бок. Удивительно хорошее, разумное, глубокое, чуткое, с искрой божьей существо!

Получаются письма, являются желающие путешествовать, много, много.

Но вот близится время лекции. Зашел к Собенниковым, эти дуются — Петр Кузьмич забыл, не хочет бывать! Я забираю моих Загоскиных и в компании с ними еду в Политехнический музей. Здесь все хорошо, но не

наблюдается того, что было в Русском географическом обществе в Петр[ограде] или в Доме ученых в Москве, ни того, что наблюдалось в прежнее время в Политехническом на «Хара-хото».

Тем не менее народ валил, прежних знакомых много, все приветливо улыбаются, немало монголов, калмыков и проч. Монголы просят показать картины и рассказать с переводом на их родной язык все интересное, существенное. Сразу почувствовалась старая, хорошая-хорошая атмосфера.

До перерыва я читал «Хара-хото» — напряжение и внимание полное, перерыв — и буря восторга, иду в лекторскую, и сюда со всех сторон потянулась публика.

Кого-кого только не было: и толстый Кожевников, и студенты, и курсистки — все!

Вторая часть лекции еще интереснее, дело идет о погребении, о раскопках могил — о чем-то новом, и публика еще внимательнее, еще глубже входит в суть дела, оканчиваю, и масса обступает с вопросами. В конечном результате — много новых знакомых, много новых просителей в экспедицию.

Из иностранцев были представители Норвежского, Английского и Германского посольств.

По окончании лекции я свиделся с С[офьей] С[ергеевной] [Даниленко], А. Н., Катюшей, Федяевскими и покатил в автомобиле к своим Загоскиным, у которых за едой и чашкой чая хорошо отдохнул.

20/II, ♀. Серо, мглисто, облачно — ранняя весна.

Я дома, пишу, занимаюсь! Потом, позднее, ко мне заехала Катя — ныне Екатерина Ивановна, интересная, культурная женщина, превосходно сохранившаяся. Все прекрасно воскресло в памяти: как Катя, чудная девушка, проживала у нас в свои ранние годы, годы учения и воспитания, как уже она возросла и расцвела ко времени моего возвращения из Монголо-Камского путешествия. Своею грациозностью, изящностью и привлекательностью она мало походила на девушек своей среды, были даже неловкости, когда к ней обращались как к барышне. Ее манеры, порядочная грамотность всегда ставили ее в ряд культурных молодых, изящных девушек. Мне приятно было ее вспомнить, еще приятнее видеть на своей лекции (прекрасно одетой) и пригласить к себе, и вот она пришла ко мне, и мы имели возможность встретиться друзьями и много-много поговорить — как мило, как хорошо, как трогательно. И что очень странно: незадолго до нашего свидания (Катя написала мне и сама принесла письмо) она прочла в газетах обо мне, сильно обрадовалась и тотчас явилась. Она была движима теми же чувствами, что и я. Катя воскрешает во мне лучшие годы, силу и вдохновенность.

Катя меня проводила до Университета, до ботанического кабинета, где мы и расстались, условившись свидеться в воскресенье!

В бот[аническом] кабинете, в гербарном отделе я нашел Н. В. Павлова и его друзей, занимающихся и заведующих гербарием в связи со всем относящимся к ботанич[ескому] кабинету Москов[ского] университета. От всего виденного в нем, от самих людей я пришел в восторг. Меня поразила и библиотека Университета, новый отдел, и в частности та ее часть, специальная ботаническая, которой ведает замечательный человек Дмитрий Петрович Сырейщиков.

В конце концов, я пришел в полное удовлетворение от обзора гербария и восторгался виденным всем в бот[анической] части библиотеки. Тут портреты ботаников, путешественников, тут же уники по части выдающихся ботанических изданий! От некоторых из них я просто пришел в восторг — так они прелестны, хороши, в особенности меня поразили орхидейные (из тропиков). В заключение я позволил Н[иколаю] В[асильевичу] выделить дубликаты в дар ботанич[ескому] кабинету Москов[ского] унив[ерситета], как я это делал и продолжаю делать по отношению к Зоологическому музею того же Университета.

Мне дали книгу для занесения своего автографа с небольшой соответствующей заметкой. На этом и кончилось мое первое пребывание в бот[аническом] отделе Моск[овского] университета.

Я поехал (в автомобиле) к моим новым друзьям — Нине Евгеньевне Бок и ее семье. Здесь я впервые, кроме двух сестер, вижу их очень симпатичную мамашу, которая с Н[иной] Евг[еньевной] составляет одно: действительно, Н[ина] Е[вгеньевна] не только похожа лицом, но и манерой говорить, и движениями. У Н[ины] Ев[геньевны] я обедал, и, что интереснее всего, я видел карту Керченского морского побережья с урочищем Яныш-такиль, очень богатым археологическими залежами вроде курганов, пещер и проч. Как обитательницы Яныш-такиль, Бок очень много сообщили мне интересного и поучительного и, скажу откровенно, очень заинтересовали археологическими ценностями, хранящимися под тремя домиками (точнее, под одним, и теперь определ[енно] известно, под каким именно), в виде входа с дверью в подвальное помещение. Дверь была дов[ольно] прочная, с замком, она была обнаружена при работах [на] фундаменте для возведения постройки.

По деловитости, с которой меня знакомили Н[ина] Евг[еньевна] и ее близкие, чувствовался интерес, привлекший меня к себе целиком. Я займусь знакомством (путем литературы) с Керченским краем и, может быть, подойду вплотную к неразгаданным, неразрешенным, загадочным вопросам археологического характера по отношению именно к Керченскому району!

Вернувшись к себе, я хотел немного отдохнуть, прежде нежели идти к сибирякам, — не тут-то было: все время народ, народ и народ!

Наконец мои друзья — Лукич (Попов) и Матвеич (Захаров), в компании с которыми я и отправился к Захаровым мило провести вечерок. Там уже были все мои друзья по Генерал[ьному] штабу, тут за столом красиво сказали и Захаров, и Попов, и сердечно-тепло — Балтийский вообще и, в частности, о Елизавете Владимировне. Очень позднею ночью, в 2 часа, мы разошлись восвояси. У меня на душе было тепло и светло!

21/II, ♄. Та же облачность и серая атмосфера.

Я говорю с Берлином: он меня осведомляет, информирует и о Монголии, и о Китае, и о том, что Чичерин поручил Карахану убедить Китай выдать пропуск, и т.д. Но что пройдет несколько дней, прежде нежели можно получить ответ, и самый ответ, скорее всего, должен быть положительный!

Говорил также и с К. М. Даниленко. Этот собирает литературу освед[ительного] характ[ера].

К обеду пришла милая Н[ина] Евг[еньевна] и написала мне в мой дневник все свои симпатии, восторги, вдохновения и надежды светлые (на предстоящие работы).

В то время, когда Нина Евгеньевна писала, пришла Верочка Загоскина.

Проводив и ту и другую, я отправился к своим сибирякам-друзьям, где просидел до 11, а дома немного, но мило провел время с секретарем О[бщест]ва по изучению Северной Азии. Между прочим, был и мой страстный почитатель С. С. Никонов.

22/II, ☉. Еще с вечера морозило, а на восходе солнца было 11.0°R. Ясно, погода сухая, все быстры в движениях; в тени холодно, на солнце приятнее.

Ко мне являются рано: сначала бурят, затем корреспондент от РОСТА, потом Федяевские, затем мои мальчики Саранцев и Боря. Федяевские отобрали 40 диапозитивов для чтения в школах, детям. Кажется, она, Вера Михайловна, углубляется в мое новое археологическое достижение! И она успеет все это сделать интересно.

Потом я и Ал[евтина] Вл[адимировна], мы вместе, отправились к Алексеевой на блины, и я был рад увидеть Соню, Лелю и познакомиться с семьей Сониной — ее сыном с женой-девочкой. Прокатились в автомобиле, потом попили чаю у Загоскиных, и я пришел домой, так как ждал к себе нашу Е. И. К[онстантинову], с которой и провел по-дружески остальную часть вечера. Я ее проводил по отличной морозной погоде до Зубова [переулка] и приехал домой на [трамвае] № 34.

Ночь морозная, ясная, после мокрети, в сухом воздухе чувствуешь себя отлично.

23/II, ☽. Ясно, тихо, морозно, –11—12°R. Интересно, сколько продлится такое время и какое состояние погоды теперь в далекой Монголии? Когда я получу известия! Может быть, они и лежат у меня в Петрограде, но мой Володя не шлет их ко мне, в Москву?

Сегодня я побывал в ЦИК, в Бюро информации, в «Метрополе». Познакомился, через Ек[атерину] Ник[олаевну] Лебедеву, с целым рядом лиц, могущих быть полезными для Тибетской экспедиции.

Между прочим, был и в кабинете Ольги Давыдовны Каменевой (сестры Троцкого), которая приняла меня прекрасно. Она светская дама, с воспитанием и тактом. Обещала в отношении разрешения информ[ации] полное содействие.

Попутно, на Петровке, я купил цветы (розу в горшке) и коробку конфект для Верочки Загоскиной (сегодня день ее рождения); у них я был на обеде и вечере (с пением и гостями).

До обеда меня навестила моя большая любимица Н. Е. Бок, которой пока не удалось рисовать.

Наконец сговорился с Феоктистовым (помощн[иком] управделами Совнаркома), обещая прочесть совнаркомцам лекцию 13/III, в пятницу, по возвращении из Петрограда.

Я думаю, мой Пшевик очень ждет моего телеграфного извещения о времени выезда в М[онголию].

У Загоскиных обедало несколько самых близких человек, но вечером собралось немало родных и друзей. Некоторые из них пели (и женские и мужские голоса); приятнее других молодой баритон, не знаю по фамилии.

У меня желудок не в порядке, что в знач[ительной] степени отразилось на общем состоянии моего настроения. Катя даже спросила, почему я грустен.

24/II, ♀. Холодно, мороз около 10°R, облачно, сухо и пыльно.

Сегодня надо быть осведомленным по отношению к моим делам (экспедиции); мне наконец очень захотелось в Петроград, к себе домой, захотелось увидеть друзей. До отъезда непременно надо телеграфировать моему Пшевику всю программу мою.

Сегодня встретил С. Ф. Ольденбурга, который изменил несколько мою программу пребывания в Петрограде и Москве и перенес мою лекцию-радио на целую неделю позже, а именно на 17/III. Дело в том, что С[ергей] Ф[едорович] предложил мне прочесть лекцию в РАН о моих научных результатах последнего путешествия (1923—1925 гг.) в Монголии и еще раз напомнил о моей статье общего характера как вступительной или передовой, за которой последуют специальные или описательного характера объектов археологической коллекции.

Ввиду маленького недомогания, боли в желудке, я весь день не выходил из дома, если не считать утренней прогулки с целью опустить письмо в ближайший ящик.

Сегодня днем состоялся сеанс: меня рисовали одновременно двое — Нина Евгеньевна и Н. И. Кравченко; в то же время подле меня сидела стенографистка и писала мою статью для журнала «Хочу все знать».[180] По обыкновению, у меня обедала Н[ина] Евг[еньевна]. К этому чуткому, глубокому, содержательному человечку я привыкаю больше и больше.

Чтобы наверстать сидение дома, я многим звонил по телефону, так, например: Берлину, Трилиссеру, Даниленко и другим. Мне много помогает Борис Овч[инников], заменяет секретаря и, зная всех и все, много приносит облегчения и спокойствия. К нему я очень привык.

Вечером у меня долго был Л. К. Артамонов, в присутствии которого у меня немало перебывало народа и главным образом за тем, чтобы или выпросить статью со снимками, или проситься в путешествие. Володя Пржевальский (внук) приводил двух молодцев-товарищей, на выбор.

Являются представители всякого рода журналов с целью издавать мои труды в популярной форме, особенно настойчиво пристает ко мне представитель от журнала «Земля и фабрика». Артамонов вовремя ухватился за мою биографию и сумеет лучше других популяр[изировать] меня в книжках журнала «Земля и фабрика».

К. М. Даниленко передал мне содержание телеграммы Пшевика: «Брат очень болен, разреши мне поездку [в] Харбин». Я отвечаю тотчас же: «Выезжаю [в] Монголию 18», или, точнее: «Предполагаю выехать [в] Монголию 18 марта, разрешаю тебе выехать [к] больному брату, надеюсь на содействие тебе наших друзей. Козлов». Телеграмму эту сдал очень внимательный и любезный ко мне Л. К. Артамонов, с которым я расстался около ½ [часа] ночи.

Зайдя на десять минут к С. Ф. Ольденбургу, главным образом чтобы узнать, не пришли ли коллекции из Монголии, я скоро улегся спать до утра. Спал хорошо, но аппетита все еще нет!

25/II, ♄. Погода продолжает стоять нормальная, недостает лишь снега, и с сухих, пыльных мостовых взлетает, и клубится, и несется по улицам пыль, словно в пустыне.

Посоветовался с Ольденбургом по поводу письма Евг[ения] Мих[айловича] Пржевальского, Сергей Федорович предлагает непосредственно об-

ратиться только к Луначарскому; только он может что-либо сделать, иначе никто не поможет! Прочитывая письмо Евг[ения] Мих[айловича], Ольденбург заметил: «Это еще хорошо, что Пржевальскому и столько дают, другим, многим, и этого нет!»

В Петрограде, говорят, много снега, ездят на санях, словом, настоящая зима.

Сегодня светит солнце, так приятно; тянет на воздух, и мне очень хочется есть!

Был у меня Н. В. Павлов, я с ним условился относительно статьи, точнее, маленькой вставочки для статьи моей общего характера, его пояснения с ботанической точки зрения.

Удалось поговорить с близким Ербанову человеком. Может быть, Ерб[анов] посодействует успешному продвижению коллекций моей экспедиции из Монголии. Ербанов сегодня со скорым уезжает в Верхнеудинск.

Мне очень хочется в Петроград, я чувствую, что меня там ждут и друзья хотят видеть.

Около часа ко мне обычно прибыла моя дневная радость — светик Нина Евгеньевна, в ее обществе всегда уютно и тепло. Она писала, а я... я валялся, отдыхал и поправл[ялся].

Меня беспокоили телефоны, являлись просители. Позднее приехал секретарь от журнала «Хочу все знать», привез мою статью, продиктованную стенографически. Статья набрана превосходно, ее приятно читать. Затем я убедился, что очень хорошо скопированы фотографии с археологических объектов, и мне обещаны секретарем новые снимки.

Интересно и приятно отметить, что необыкновенный интерес проявляется прессой к успехам моей новой Тибетской экспедиции, ее археологическим сокровищам (научным ценностям). Целая серия обращений «написать статью с фотографическими снимками с археол[огических] коллекций».

Трогательно-мило относятся ко мне все окружающие, но особенным теплом, вниманием меня наделяет мой юный друг Н[ина] Е[вгеньевна]. Она писала, читала, мило говорила о керченских раскопках и сильно трогала мою пытливую душу. Около 6 часов я проводил ее до Зубова [переулка] и усадил на [трамвай] «В». Таким образом, с 6 и до 9, до времени моего отхода к Даниленко, я был дома. Меня навестил Попов, с которым беседовали по поводу предстоящей экспедиции Общества [по изучению] С[редней] Азии в Алтай, его снеговую могучую группу Табын-богдо, или «Пять святых», о которой так много, после П. Г. Игнатова, писал исследователь Алтая, покойный В. В. Сапожников.

Тем временем подошел секретарь журнала «Хочу все знать», вручил мне рукопись как результат расшифровки моей речи стенографисткой. Первый раз я остался стенографисткой очень доволен. Шесть с лишком страниц дают яркое представление о наших археологических исследованиях в горной группе Ноин-ула. Вполне удовлетворительными оказались и все переснимки с моих снимков с археологических сокровищ.

Вечер я мило провел у Даниленко: они группировались вокруг меня и ласково-ласково смотрели в мою сторону. Среди беседы у нас не было противоречий! Мы дышали общей атмосферой и одинаково чисто и глубоко любили все то, что называется экспедицией. В заключение мы втроем — С[офья] С[ергеевна], К[онстантин] М[атвеевич] и я — подсчитали накопле-

ния, и я взял на этот раз 880 руб. 30 коп., что с прежними (1300) составит 2180,30 руб., которые пошли целиком, даже не хватило, на покрытие последнего счета «4-х специалистов» — 2625 рублей.

Поздним вечером я возвратился и в ½ 2-го был уже в постели. Моя мечта унеслась к моим самым дорогим существам и здесь, и в Монголии.

26/II, 2. Морозно, ветрено! С утра заглянул Борис, потом Федяевский (с диапозитивами); он сказал, что его жена, В[ера] М[ихайловна], трижды использовала диапозитивы, трижды читала и была вполне удовлетворена вниманием детей. На девочек сильное впечатление произвел рисунок — Елизавета Владимировна верхом с ружьем на белой лошади. Они спросили: «А она хорошо стреляет?». Всеобщее внимание было привлечено Андрюшей, когда он пролез в погребальное помещение со свечой в руках.

Появились вдруг Миля и Катя, которых я заставил смеяться над рассказом о Павлове. Девочки усадили меня в трам № 34, я поехал купить на завтра билет, а затем навестил мою старую знакомую, «вдохновительницу» счастливого прошлого Е. И. К[онстантинову], которая угостила меня всем тем, что я люблю, и я возвратился домой к 1 часу дня. Так нужно было!

Я привык в это время или немного позже всегда видеть у себя исключительного человека Н. Е. Бок и с нею делиться позднейшими впечатлениями. Мы говорили о многом-многом. Тут же мы обедали, ко мне продолжали приходить всякого рода просители или по делам, или мечтающие попасть в путешествие. Был и Артамонов, желающий использовать мои литерат[урные] труды с журн[алом] «Земля и фабрика».

Потом я всех попросил удалиться, оставить меня одного, ибо у меня лекция. Но отдохнуть как следует так и не удалось: все время до отъезда меня очень беспокоили.

Наконец в без ¼ 8 часов, в сопровождении Верочки Загоскиной, Нат[алии] Даниленко и Бориса, моего секретаря, я поехал в Исторический музей на заседание Научной ассоциации Востоковедения и Общества филологов. Тут была тесная компания специалистов и кружок моих знакомых-друзей.

В ½ 9-го я начал после вступительного приветственного слова Бороздина мое небольшое вступление о Тибете; затем живое исследование природы Монголии, ее растительный и животный мир, гольцы и пик их Хан-Кэнтэй, делящий водоразделы бассейнов Северного Ледовитого (через Хару, Иро и Толу) и Великого, или Тихого, океанов (через Кэрулен). Потом перешел исключительно к раскопкам. В заключение, после перерыва, сказал (гораздо живее, вдохновеннее) о благодарности и признательности спутникам и, конечно, несколько слов о предстоящей, второй части нашей Монголо-Тибетской экспедиции.

Бороздин предложил вопросы... и полились потоки «истых» археологов, не полевых работников, а кабинетных трутней — больных, раздражительных, ничего другого не знающих, кроме археологии, не воспитанных, не умеющих вести научные беседы. Даже самое обстоятельное доказательство мое в пользу внимательного отношения к делу и способ изложения — самый спокойный — малому научили бешеных москвичей. Им даже лень проехаться в Ленинград: вези им непременно в Москву все сокровища, им, дескать, нужно изучить их и коллекциям от этого не будет будто бы вреда.

Вот до чего договорились желчные «копатели»-завистники, что такое сокровище не ими найдено.

В конце концов, я пожелал им скорейшего открытия «археологического музея», тогда не будет места таким, например, выступлениям, какое имеет место со стороны Эрмитажа и Русского музея (Этнограф[ического] отдела). Мои оппоненты смирились, узнав еще и о том, что в недалеком будущем выступит со специально археологическим докладом С. А. Теплоухов. Больной, косоногий, хромоногий, этот злой на язык, некультурный человек потом извинялся за свою невоспитанность, каялся в заранее составленном определенном противоречии и т.д. Бороздин еще раз высказал теплую благод[арность]... раздались гром[кие] рук[оплескания].

После лекции я уехал к П. П. и Е. Н. Лебедевым, где очень мило провел время до ½ 3-го часа ночи. С удовольствием слушал пение, музыку и еще с большим интересом и вниманием беседовал с прекрасным юным существом Татьяной Федоровной Хвощинской, отличавшейся помимо красивых тонких черт, в особенности в профиль, еще и замечательно красивым тембром голоса, тембром, редко-редко встречаемым у людей, тем более у женщин! Мы расстались очень мило, потом обменялись приветами и общим желанием иметь на память карточки. «Есть люди с чувством и умом!»

27/II, ♀. Сегодня я уезжаю (вечером) в Петроград. Сегодня надо говорить по телефону и раз выехать из дома в город далеко, а другой, в конце дня, зайти попрощаться в Нащокинский пер[еулок].

Встал рано, в 9 часов, попив чаю, принялся за дела. Ровно в 10, даже немного раньше, пришел мой добрый гений — Н[ина] Евг[еньевна], привезла чудную доху (ее покойн[ого] мужа). Я с удовольствием ее приобрел за 150 руб.; она великолепная, стоит вдвое дороже.

Необыкновенно уютно мне всегда бывает вместе с моим юным другом, моей Ниночкой, и тяжело, когда она уходит куда-либо. Так было и сегодня, правда временно!

Я поехал к 12 часам к Трилиссеру и пробыл там до 1½ часа дня. Трил[иссер] был еще любезнее и внимательнее. С ним приятно говорить, он и я — мы оба наметили себе программу; он не мешает мне, наоборот, поддерживает и считает экспедицию научной. В заключение полагает возможным отпустить и Глаголева, и Колю Пржевальского.

Потом я покатил к себе, в КУБУ, в комнату М. Г. [Красевой], где нашел моего друга за книгой. Теперь можно было пообедать, покушать блинков и полакомиться усладеньками, а тут, один за другим, начали навещать меня, прощаться со мною. Пришла Милитина Ивановна, Коля Пржевальский. Этот мальчик очень понравился моим юным друзьям. Он должен будет доставить книжечки моему чуткому другу: «Пшеву»[181] и «Хара-хото». Ниночка прочтет и то и другое и еще больше будет в курсе обо мне. Какой это прелестный человек, как он глубоко мыслит, широко видит, чисто и красиво любит, какая прелестная в нем душа! Мне дороги-дороги ее преданность и любовь ко мне.

Мы все собираемся на вокзал, моя любимка укладывает все мои «ашурочки» в сак[вояж], бережно складывает монеты, камеи, письм[енные] принадлежности. Умело упаковывает книги, завертывает плакаты, и мне мило, дорого, я радостен и горд любовью друга.

Наконец едем в автомобиле на вокзал. Мне легко чувствуется. Порою оглядываюсь и смотрю в глубь машины — там сидит мое уютное созданьице, а ближе — ее милая сестрица! Последняя не скрывает своих лучших, глубоких чувств, говорит, что я доставил ее сестре исцеление, и она сама, и мать — все вместе благодарят меня.

Наконец вокзал, благодарю Федора Скворцова, иду вместе с друзьями в вагон. Сидим, приходит Артамонов, дает письмо, чашечку чудную для Елизаветы Владимировны, говорим с ним по поводу издания «скриж[алей]» и т.д. Моя любимка все со мною — я это чувствую и не могу подавить в себе волнения. Наконец надо прощаться. Самой последней со мною — Ниночка, и мы долгое время не можем оставить друг друга. Еще и еще дарим один другому и дружбу, и ласку, и внимание. Теперь две минуты, последний сигнал к отходу, и я едва вижу родной силуэт, она говорит: «Вас не видно, не видно лица, оно в тени». — «А мне Ваше видно, я читаю на нем все». Белый платочек — и все осталось! Я сел и весь ушел в себя. Бережно осмотрел и уложил мои манатки.

Только после Клина соседи мои начали укладываться, я тоже. Хотелось все аккуратно уложить: одну шубу под бок, другую в изголовье.

Я спал тревожно, хотя в ночи, как следует, в 3 часа гулял, осмотрелся, проверил имущество. Что-то было неприятно: на минуту воцарилась в вагоне темнота — ничего не видно! Потом вдруг засветило электричество вовсю, и щемящее чувство вновь уступило бодрости.

28/II, ♄. Под Москвой темный, обнаженный покров, а под Петроградом сплошь белый снег! В Любани пьем утренний чай с пирожками. Я гуляю, потом все толпимся у вагона. Воодушевление полное — цель близка! Один из нас громко говорит: «А у меня шубы и шапки нет, нет и кашне, и перчаток!» Сам побледнел, лицо вытянулось, что хотите, то и говорите! На воздухе серо, облачно; здесь, в вагоне, прюкло.

Заговорили все. Обвиняют проводника, не предупредившего с вечера о «возможности» и т.д. Господин в сером пошел в вагон-ресторан — ничего! Призывается путевой ГПУ — ничего. Пиковый вид у серенького, долго спавшего наверху. Он тоже не спал ночью, когда потух свет и боялся, но так как свет вновь засверкал, то усыпил всякое подозрение, и никто, собственно, не знает, где мог быть вор и когда он стащил меховое одеяние.

Так, вероятно, часто бывает в поездах; мне думается, что и я очень опрометчиво поставил под лавочку мой корич[невый] кожаный саквояж. Его не трудно было спереть вору из соседней перегородки, так как стенка, разделяющая нас, не была сплошной.

Меня встретил Володя, и я с ним уселся на извозчика и по снежку хорошо прокатились до нашего дома, где меня ласково встретила и Н[адежда] С[тепановна], и наша курчавая Мирра. Тут тихо, тепло, уютно. Я думаю, что можно будет отдохнуть!

Кушал блины, суп и сладкое и немного отдохнул, больше всего нуждаюсь в покое. Вымылся в ванночке, поговорил с Лилей, у них завтра обедаю, и, может быть, поедем в балет — давно-давно я не видел чудесных и легких балерин. В балете можно забыться и немного отдохнуть!

Конечно, я успел написать маленькое письмецо моему нежному другу, который теперь так сильно нуждается в моей нравственной дружеской поддержке.

Вечерком зашли ко мне Мери и Ал[ександра] Фед[оровна], которые просидели со мною около часу. Мери я дал поручение — перевести английское письмо от путешеств[енника], побывавш[его] в Хара-хото.[182]

Мне очень хотелось спать, и я уснул словно убитый, проспал до 7-ми утра, и так было приятно, что наконец выспался за все ночи московские и в дороге. Ведь хорошо же чувствуешь себя после тишины, уюта, тепла и лучших воспоминаний! Я все время чувствую моего маленького, но в то же время большого, сильного моего друга Нину Евгеньевну! Чувствует ли ее дух, что я так часто и сильно его призываю к себе! И мне так радостно смотреть на ее прелестный портрет (стоя), где в глубоких глазах таится много скрытого, неразгаданного! Спи безмятежно, и тепло, и уютно, мой новый друг, если ты так же сильно и хорошо думаешь обо мне — мне больше ничего не надо! А я... я всегда в тесном общении с тобою!

Март, **1/III, ☉**. Серая, приятная погода! Вокруг бело, воздух прозрачен. На душе легко! Поступают письма, запросы, спросы, просьбы — написать, прислать с фотографиями и т.д. Надо поговорить, конечно по телефону, со многими лицами, со многими учреждениями. Пока что праздник — масленичное воскресенье. Я отправился около 3 часов дня к Соколовым: посидел, поговорил с ними. Условился относительно ружья, бурхана и т.д. Обещал прийти обедать в понедельник, распрощался и укатил к моим Шведерским.

Сюда немного опоздал — милая Лиля пробовала ворчать! Но все обошлось прекрасно, дружески. Что значит мой друг, очень юный человек, и очень меня любит, как и я его взаимно. Надо только во что то ни стало помочь ему в отношении участи его мужа.

После обеда мы (я с Лилей и Ринаст) отправились в балет, на бенефис Люком — очаровательницы, подвизающейся на сцене уже пятнадцать лет!

В общем было хорошо, и меня немало интересовало все в этой области, тем более что я не был в балете на протяжении ближайших десяти лет.

Приятно смотреть на молодых, сильных танцоров, в особенности на танцовщиц — их проворство и грация превосходят всякое воображение, иногда красивая, спевшаяся в этом отношении пара положительно очаровывает наблюдателя.

В ложе было очень жарко — пришлось пить или есть мандарины и апельсины.

В полночь наша компания возвратилась восвояси, и я с великим удовольствием остался ночевать в уютном уголке Шведерских; с Лилей много говорили-беседовали.

2/III, ☽. Облачно, падает снег, немного тает. Я завтракаю и пью кофе с друзьями. Затем иду с Лилей попутно до трама и вместе с ней следуем по Большому [проспекту], до Барсова. Здесь со мною занимается Клавдия Николаевна, затем Кока провожает меня до трама, я поручаю ему известить о моем приезде С. А. Глаголева, чтобы последний зашел ко мне для переговоров.

Еду домой, говорю по телефону со многими лицами, учреждениями. Странно, что посылки из Монголии перестали прибывать, а мне важно было получить их при себе.

Обедал и порядочно просидел у милых Соколовых. Ему я поднес Дархэ (ногон),[183] а ей «Русский путешественник».[184] По возвращении к себе говорил (по телефону) с Лилей и немного занимался писанием. Не знаю, как я справлюсь со всем тем, что я принял на себя по части писания статей для журналов и конспектов для словаря — «Тибет» и «Х[ара]-хото»?[185] Назавтра, в частности, предстоит много езды и разговоров (и в Академии, и в Географическом обществе).

В 12 часов лег, спал отлично, так как на душе было светло и легко!

3/III, ♂. Облачно, немного морозно! Володя ушел рано (в Университет), он серьезно занимается. Могу беспристрастно сказать, что он строгий, выдержанный человек, в нем заложено много прекрасных основ. Из него получится человек в полном значении этого слова; я его ценю и очень люблю; общение с ним приятно.

Около 11 часов утра я отправился в Академию наук; Ольденбург болен, температура 38.0, без голоса. Вручив Крыжановскому его письмо Горбунову и переговорив с Моласом относительно дня моей лекции в Академии наук, я поехал в Главнауку, в Мраморн[ый] дворец. Тут имел свидание с М. П. Кристи, а потом с его бухгалтером, вручив последнему счет на 2500 рублей, израсходованных на археологические раскопки. Тут встретились некоторые вопросы, решить которые может лишь Теплоухов, производивший расчеты с дополнительной партией рабочих.

Позднее я говорил с Никитиным, просил его относительно продления (на месяц) пребывания моей дочери Ольги в Ц[арском] Селе. Никитин ответил любезным согласием, но выпросил за это лекцию для ученых работников в КУБУ!

Нужно написать заявление и в Научную секцию, и для Московск[ого] ЦЕКУБУ.

Утром я получил приятное дружественное письмо от милой Нины Евгеньевны.

От 5½ до 7 часов я был в Географическом обществе; сюда прибыло 8 ящиков с археологическими коллекциями. Шокал[ьскому], Комар[ову] и Соколов[скому] я доложил о пребывании в Москве и многое другое о предст[оящих] переговорах к отправл[ению] в Монголию, в путешествие.

Мои ожидания и мои надежды на друзей Географического общества, что они примут к сведению мое открытое заявление о низких нормах и ставках участников экспедиции, ни к чему не привело. Они этому не вняли: пришлось просить теперь написать в Кремль! Но они очень извинились, сказали — виноваты, не подумали!

Вечер я провел у Мар[ии] Ник[олаевны] Ивановой, очень мило. Кстати, были Евг[ения] Адол[ьфовна] [Моллер] и Наточка, и мы много-много вспомнили из далекого прошлого и, конечно, всего того, что так близко соприкасалось с экспедициями (сборы в путеш[ествие] и возвращение на родину).

4/III, ☿. Сегодня холоднее, –9—10°R, санная дорога отличная, облачно и дымно, горизонты короткие. Через день я уезжаю к К. Н. Барсовой исправлять зубы! Сегодня был второй раз, третий придется на пятницу. Необходимо все сделать до отъезда в путешествие или до Москвы. Это все-непременно!

По возвращении к себе домой я стал говорить с учреждениями и лицами по телефону. Прежде всего Теплоухова направил в Главнауку для рассмотрения счетов по разработке «его» кургана, затем просил его содействовать напечатанию [снимков с] предметов, добытых в Ноин-ула. Имел потом переговоры с Зоологическим музеем, получившим два ящика со сборами из Монголии. Пожалуй, в мое пребывание в Петрограде придут все залежавшиеся в Урге коллекции. Надо только выяснить сегодня с Серебровским, что же именно пришло, какие птицы, пробирки?!

Потом я говорил с Никитиным по поводу предстоящей лекции: ее назначили на ближайший понедельник, а в Академии наук — на ближ[айшую] среду (коллективную).

Время летит быстро, еще быстрее кажется в связи с моим скорым отъездом, когда впереди находится серия неразрешенных или окончат[ельно] не разрешен[ных] вопросов.

Вечером собрался у меня небольшой кружок друзей и знакомых, просидевших до полуночи. Это чуть ли не впервые после моего возвращения из Москвы.

Мери и Кока написали мне письмо для американца, посетившего в 1923 г., осенью, Хара-хото и по этому поводу написавшего мне большое письмо с предложением выслать фотографии с находок.

Мне необходимо получить счета обратно (из Главнауки, от Рытникова) до отъезда в Москву, также необходимо переговорить с Никол[аем] Яковл[евичем] Марром относительно археол[огических] коллекций, что и как?! Куда следует направлять ящики с находками, только что прибывшие из Урги?

5/III, 2. Бесконечная облачность, однообразная серенькая погода, t то понижается до –8 или даже –10.0°R, то вновь подходит к нулю. Снег валит хлопьями, гонимый дов[ольно] сильным южным ветром. Вчера стояла превосходная санная дорога, сегодня прибавилось много за ночь выпавшего снега, который тормозит движение вообще. Обычно по утрам я говорю по телефону с С. А. Теплоуховым и часто дов[ольно] основательно по вопросам археологического характера и другим экспедиц[иям].

В полдень я отправился в Русский музей с компанией друзей (Шведерские, Ухтомс[кие], Ринаст, Соколова и их друзья) осмотреть Хара-хото и буддизм вообще. Заодно посмотрели снимки с моих ноин-ульских археологических находок.

Погода разгуливается: светлеет и прозрачнеет. Мне положительно некогда писать и обстоятельно готовиться к отъезду в Монголию, в мою Монголо-Тибетскую экспедицию! Меня донимают всякого рода просители: кто статьями и фотографиями, кто, чтобы его взяли с собою в путешествие, то вдруг появляется Достоевский, то неожиданно Н. Элиаш; последняя кстати и некстати говорит, что она всегда содействует моему сближению с Сержем, т.е. с С. Ф. Ольденбургом. Серж все еще лежит, но надеется скоро встать.

Беседовал с Руденко по поводу участи ноин-ульских коллекций. С[ергей] И[ванович] говорит, что он предоставил этот вопрос судьбе, говорил с Н. Я. Марром — представитель Академии материальной культуры, тот не знает где хранить эти коллекции. Мне кажется, что ноин-ульские сокровища дробить не следует, их нужно держать в одном целом, стройном, нераз-

рывном. Так как Рус[ский] музей уже регистрирует и регистрировал коллекции, то, по моему мнению, ему подобает и последние ящики также просмотреть и сделать списки и, может быть также, как и все предыдущее, реставрировать!

Вечером ко мне приезжала Лиля и осведомила меня о своем тяжелом положении. Бедная молодая женщина, она является и труженицей в доме — зарабатывает хлеб английскими уроками, и несет тяжелый нравственный крест!

6/III, ♀. Прежняя облачность, снег, t –3.0°R. На воздухе все же очень хорошо, так как не тает и не льет с крыш, что в последнее время так надоело!

С утра был у К. Н. Барсовой: она все подготовляет места в корнях для нов[ых] зубов. Затем, прямо направился в Смольный, к Л. С. Зеликс[ону], моему знакомому по Нар[одному] образ[ованию], когда я числился там. И много говорил с ним относительно смягчения тяжелой участи мужа Лили. Л[азарь] Са[муилович] посоветовал написать ему письмо с изложением ходатайства о переводе из «Крестов»[186] в колонию, советовал написать, между прочим, о том, что в привилегированном сословии [он находится] всего только с отца-самородка, получившего звание по последней теткиной ветви, что не опасен в социальном положении и в смысле служебном при сов[етском] правительстве [был] активен.

Никитин и К° КУБУ горячо заботятся об успешном проведении моей лекции (в Капелле), об успешном сбыте билетов, о фонаре и т.д.

Больше и больше поступает ко мне писем со стороны молодежи, желающей путешествовать; даже 16-летний Миша Бобров обратился ко мне с просьбой принять его в спутн[ики].

Снег кружит и падает, словом, установилась настоящая зима (и здесь, и в Москве).

В 8 часов вечера получена за подписью Кондратьева из Урги следующая телеграмма: «Мокрый (курган): очищена внутренняя камера, найдено много нефрита, тканей, оригинальные предметы, большой ковер, в орнаменте иероглифы и мелкие изображения грифона, рыси, пятнистого оленя. Разработку продолжаю. Кондратьев». Перед «Кондратьев» стоит милое выражение: «приветствую Вас!» Да это успех, большой успех! Получив это радостное известие, я от души хотел поделиться им с Шокальским и Комаровым, но у них нет телефонов. Тогда я позвонил С. И. Руденко. Одновременно сообщил и моему другу Лиле и написал в Москву Н. П. Горбунову и Н. Е. Бок очень милое, дружественное письмо! Последняя искренно порадуется за меня.

Недаром я так настойчиво, так упорно писал и телеграфировал моему Пшевику, чтобы Кондратьев обратил особенное внимание на этот курган и курган № 6. Мысль эта меня сильно преследовала и не давала покоя; я даже сердился на Кондратьева, когда он расписался в письме только об Андрее, его экскурсии, замалчивая мой наказ о курганах, и тогда же писал и телеграфировал Пшевику о непременном и скором приведении в исполнение моего первоначального наказа.

Кто знает, ведь Мокрый мог быть не тронутым грабителями; последние даже, вероятно, и не смогли в этот курган проникнуть!

Новый успех, новое очарование и радость, и новое научное достижение!

Мне кажется, все мои спутники поймут меня, мою исключительную настойчивость к достижению намеченной цели и порадуются нашему общему успеху в Мокром кургане.

7/III, ♄. Погода прежняя: облачная, снежная, слегка (–2.0°R) морозная.

В 9 часов утренняя почта принесла несколько писем из Москвы и телеграмму из Урги от моего Пшевика (через Даниленко), который пишет: «Благодарю, выезжаю четвертого, помни про Учком. Пшевик».

Это все знаменательно, в особенности в связи с донесением Кондратьева.

Даниленко прислал интересную вырезку из газеты от 5/III «Монголы — русским ученым». В связи с 4-й годовщиной монгольской народно-революционной партии Ученый комитет Монголии на торжественном заседании шлет в лице известного исследователя и путешественника Козлова привет всему ученому миру СССР. Монгольский Ученый комитет уверен, что «взаимоотношения научных работников СССР и Монголии еще больше укрепят дружбу обоих народов».

Удивительно как мило и хорошо со стороны председателя Ученого комитета Жамцарано! Потом были письма от Элиаш (городское) и Алексеенко из Москвы (нев[есты] моего Андрюши).

Сегодня о нашем новом успехе в Ноин-ула узнают очень многие. Интересно, какое впечатление произведет на публику и на специалистов? Я думаю написать письмо Чичерину Г. В., порадовать его новыми научными достижениями в Ноин-ула.

В 2 часа дня я отправился в Ц[арское] Село, куда прибыл около 4 часов и был на вокзале встречен моей славной дочуркой Олей и Н[адеждой] С[тепановной]. В компании с О[лей] я поехал в школу, к заведующей, где уже ожидал меня целый кружок педагогов и приготовленный к обеду праздничный стол. После некоторого времени мы сели обедать. Обед отличный, по моему вкусу, прошел очень мило и оживленно.

После обеда ушли прогулкой в зд[ание] прежней гимназии, и в одном из порядочных залов состоялась моя лекция. Зала была полна слушателями. Мое появление на кафедре отмечено приветственными аплодисментами. Я читал с картинами около 1½ часа, внимание полное, много картин дают большое представление и переносят к действительности! Говорил, как обычно, плавно и под конец вдохновенно! Как и ожидали многие, чтение прошло гладко, интересно и вызвало восхищение. Это обстоятельство всегда угадывается приятными, улыбающимися лицами слушателей.

После чтения я с Олей успел заехать в ее обитель, где немного отдохнул, сидя возле постели полубольной милой Ольги Александровны Фишер (одной из дочерей ботаника). Олечка напоила меня чаем, дала возможность отдохнуть и перемолвиться с Фишер и вовремя подсказала о том, что пора ехать! Мы сели и через минуту покатили восвояси. По приезде домой я получил сердечное письмо от моего нежного, согревающего душу друга Ниночки. Она всегда вдохновляет меня и смягчает мой порыв, направляя мою несокрушимую энергию в настоящее русло.

Перед спаньем поговорил с бедной, исстрадавшейся Лилей, она просила о письме.

После поездки в Царское и лекции мне очень хотелось спать, и я лег около 11 часов. Спал великолепно и встал, как всегда, в ½ 9-го.

8/III, ☉. Утро, залитое солнцем, светло и тихо. После снега воздух очень прозрачен.

Утренняя почта принесла мне большущее, тройное письмо из Монголии от моих спутников — Пшевика, Кондратьева и Андрюши. Первый на десяти страницах описывает в общих чертах общее положение и, в частности, останавливается на изложении своего орнитологического отдела; второй пишет про жизнь в Суцзуктэ и, в частности, про работы в Мокром; Андрюша описывает пребывание в гольцах. Ему, между прочим, повезло на охоте за изюбрями: стрелял 17 раз, убил трех изюбриц и ни одного рогача. Желает иметь на память одну из шкур из трех экземпляров трофея! Донесение блестящее.

Надо послать им телеграмму, приветствовать, благодарить, все они заслужили похвалы, все оправдывают мое доверие и надежды на будущее.*

Вчера звонил Никитин в мое отсутствие. Интересно, о чем он хотел говорить? Странно, что я не имею представления, как у них идет осведомление о лекции. Ведь в понедельник нет утренней или дневной газеты, кроме одной «Рабочей» и очередной вечерней «Красной газеты». Да, очень интересно знать, сколько соберется публики слушать меня?

Прелестная погода: солнце светит, дали открыты, воздух прозрачен, заря красочная.

Поехал прокатиться, навестил Александру Федоровну, с которой в компании прошел до Басковых, у которых засиделись, заставили изготовить чай и разориться на усладеньки. Сидя на диванчике и разговаривая, я, между прочим, узнал, что А. Ф. Б[едняк]ова может помочь Лиле тем, что она имеет родственника, состоящего в хороших отношениях со всерос[сийским] ст[аростой] К[алининым], и что Александра Федоровна готова написать ему, чтобы он принял меня в Москве и внимательно меня выслушал. Может быть, что-нибудь будет хорошее.

Сегодня я написал письмо моему другу в Москву Н. Е. Бок, которая очень томится и жаждет скорейшего моего приезда туда, ждет не дождется, я это чувствую. И такие же мои чувства, вероятно, ей также передаются.

9/III, ☽. Облачно, серо, но воздух по-прежнему чистый, прозрачный, барометр повышается, t воздуха –5.0°R. Мягкая, зимняя погода.

Сегодня пишу А. А. Бялын[ицкому]-Бируле просьбу снабдить меня всем необходимым в предстоящем путешествии, а именно: ящиками для насек[омых] и мышьяком для препарирования птиц.

Надо ожидать телеграммы от моей дорогой Пшевочки во время ее проезда через Верхнеудинск или тогда, когда она доберется до дома в Харбине.

Я выезжал в Русский музей, получил часть фотогр[афических] снимков, часть оставил негативов и почти готовых снимков и дал пока в уплату 10 руб., а 4 руб. еще остались до изготовления и сдачи всего заказа.

Обедал дома, говорил по телефону с учреждениями; приходил и обедал у нас А. А. Достоевский, который без дела терпит большую нужду. Я дал ему вновь червонец и начатую четвертушку табака (запас от пайка учено-

---

* «Урга. Экспедиция. Кондратьеву. Всех приветствую, поздравляю, благодарю. Верхний оставьте. [Об] окончании работ [в] Мокром телеграфируйте. Еду [в] Москву четырнадцатого, [о] выезде [в] Монголию телеграфирую».

го), А[ндрей] А[ндреевич] с жадностью выкурил самодельную папиросу и успокоенный поехал восвояси.

После отдыха я поехал с В. С. Никитиным в Певч[ескую] капеллу, где состоялась моя предпоследняя в этот приезд в Петроград лекция о путешествии в Монголии и об археологических открытиях в горах Ноин-ула (в 1923—1924 гг.).

Сверх ожидания публики было немного из-за неумелой организации и осведомленности и из-за очень краткого времени и понедельника — дня лекции (без выхода газет); но зато, говорят, публика была самая отборная, ученая (Секция научных работников).

Как всегда, и эта лекция дала мне новые знакомства и новые темы, нов[ые] запросы.

По окончании лекции я с Лилей поехал к ним с ночевкой, предварительно мы сидели за чаем у Марг[ариты] Эмил[ьевны] (Тамарика) в компании с гостями и, усталые, ушли спать.

10/III, ♂. Утро холодное, ясное. Я еще был в постели, когда Володя по телефону передал содержание телеграммы Кондратьева: «Поздравляем: извлечена неповрежденная глиняная урна высотою 90 сант[иметров], диаметр горла 32, наибольшего сечения 60, высота последнего 50, емкость 130 дециметров. Внутри немного чюмицзы и угля. Кондратьев».

Увлеклись мои мальчики с описанием размеров урны — ни к чему. Это выходит смешным: первая телеграмма такая интересная и содержательная, а вторая — жалкая.

Позавтракав у Лили, я поехал к К. Н. Барсовой, моей зубнихе, хорошо знающей свое дело. Зубы надо наладить всенепременно, а то даже говорить иногда неудобно и трудно.

Приближается время моего отъезда, дел масса, никак их не окончить.

Я был в Географическом обществе на выставке. Сюда пришла публика, слушавшая меня накануне в Певч[еской] капелле. Тут же, между прочим, я познакомился с одним ученым германцем (женат[ым] на русской культ[урной] женщ[ине]), проявившим большой интерес к моим археологическим находкам Ноин-ула, а равно и прошлым — в Хара-хото.

Дома у себя я обедал и принимал представителя журнала «Вестник знания» П. П. Сойкина, который единственный допущен, как частный издатель, за свое хорошее прошлое по изящным и полезным изданиям.

Совсем вечером я имел беседу (по телефону) с Ю. М. Шокальским и В. Л. Комаровым. Ни тот ни другой не в состоянии завтра присутствовать на моем докладе в Академии наук, так как оба как раз участвуют в заседаниях: первый — Морской академии, второй — Ботанического сада. Шокальский обещал добыть мне на 1926 г. «Nautical almanach». Он и Комаров будут в ♀, 13/III, в Географическом обществе и просили меня потолковать накануне моего отъезда (через Москву, с остановкой) в Монголию, а может быть, и в далекий, высокий Тибет!

Надо поговорить с музеем о дост[авке] коллекций, начать собираться в дорогу, написать в «Вестник знания» и т.д., и т.д. Просто тяжело привести все-все в исполнение.

Меня больше всего тревожит вопрос: сумею ли я проскочить до разлива в Ургу? Это самое существенное.

Долго вечером сидела А. Ф. Беднякова, много толковала о Пшевочке и т.д., обещала написать Мире и вызвать ее ко мне на свидание, так и случилось.

С вечера начал падать снег, кругом серо-бело, температура около 5.0° мороза.

11/III, ☿. Утро с метелью, с ветром; я, по обыкновению, к 10 часам у зубного врача. Потом, попутно, забегаю в Смольный и передаю Л. С. З[еликсону] письмо с приложением приглашения на мой доклад в Академии наук.

Позднее, за обедом у себя, встретил Миру и немного говорил с ней; в то время, пока я был на телефоне, она строчила письмо для моей Пшевочки.

Телефон же облегчил мне переговоры с финансовым отделом Главнауки. Мне обещали прислать квитанцию в приеме от меня оплаченных документов на сумму 2540 руб. 41 коп. Крыжановский еще не прислал мне счетов, заверенных Российской академией наук, на погашение убытка от покражи его имущества на даче. Удивительное дело, кто смог бы в таком случае просить субсидии от экспедиции! Кому я не скажу об этом, все удивляются, а Ю. М. Шокальский даже возмутился и очень просил меня снять копию с письма Крыжановского на имя Н. П. Горбунова.

Снег валит хлопьями, ветер дует с юга, трамы ползут по-черепашьи.

Пришла вся занесенная снегом Маня Калинина. Давно мы ее не видели; она, оказывается, деревенщина, а проникла со своими родными на хоры Географического общества и могла слушать мою первую лекцию.

А сегодня я читаю в Петрограде (ныне, вероятно) последнюю лекцию.

Останутся чтения только в Москве, в количестве двух лекций (считая и радио).

Просто некогда заниматься делом, некогда писать, некогда укладываться! В 6 часов я и Володя поехали в Академию наук. Снег обильно падал, гонимый ветром, по сторонам лежали сугробы, трудно было пройти. Наконец мы в Академии. Холодно, малоуютно в большом конференц-зале; народ только что начал собираться. Александра Федоровна уже была там, ей чувствовался холод.

В ½ 8-го С. Ф. Ольденбург открыл заседание и сказал выразительно приветственное слово. Его смысл сводился к тому, что в дальнейшем дважды в месяц в Ак[адемии] наук будут проводиться доклады по экспедициям, как большим, так и малым.

Потом выступил я с общим докладом о деятельности Тибетской экспедиции. Впрочем, следует сказать слово: едва я появился на кафедре, как публика встретила меня аплодисментами, мне было очень приятно! Уже создавалась родственность между лектором-путешественником и аудиторией!

Я читал ровно час (с ½ 8 до ½ 9-го) и читал, говорят, увлекательно!

Меня сменил Полынов, Крыжановский, затем антракт, и на кафедру взошел Теплоухов, читавший очень вяло, а его сменивший Боровко, прыганьем от кафедры к фонарю и обратно и пользовавшийся шпаргалкой, совершенно расхолодил слушателей, которые открыто толпами уходили с его лекции; правда, время было позднее, многие устали, чувствовали потребность в отдыхе, зала пустела.

В антракте всю залу фотограф снял (я был на кафедре), потом сняли бол[ьшую] группу, затем меня и меня с Ферсм[аном].

В общем, я был очень доволен и с милой Лилей поехал к ней, в семью, с ночевкой. Там был ужин, чаепитие, а потом беседа с Лилей и прекрасный сон до утра.

12/III, 2. Морозное, солнечное утро. Лиля не отпускает меня дольше обыкновенного, мне трудно расстаться с этими милыми людьми. Мать Лили меня растрогала своею искренней преданностью. После завтрака я укатил, будучи провожаем Лилей, к моему зубному врачу, где все закончил, рассчитался (40 рублей) и поехал в Географическое общество на свидание с Гриневичем Конст[антином] Эдуард[овичем]. Последний был с женой (очень симпатичной). При нас прибыла большая родственная компания, счастливо получившая толковое объяснение объектов выставки. Мне было приятно видеть эти лица, они культурные, с интересом смотрели, слушали объяснение и очень мило улыбались!

Обедал я у своих дорогих Соколовых. Кроме меня был внушительный «дядя» Влад[имир] Федорович, с которым вместе мы и вышли от своих симпатичных знакомых.

Меня навещают наши старые знакомые и родные: сын моей отдал[енной] тетки Марии Назаровны и мой племянник Ваня, сын сестры Анюты. Всем им в настоящее время я могу подарить только книжки мои о путешествиях в Центральной Азии и Тибете.

Вечерком у меня собралась милая компания моих по большей части друзей: Лиля, Мери, Ал[ександра] Фед[оровна], Барсовы К. Н. и Кока, Таня Корнилова, землячка (из Гришнева) и Сергей Анат[ольевич] Глаголев. Лиля чудно-чудно играла, с душой и сердцем, и все благодарили меня за доставленное удовольствие. Я лично несказанно люблю Лилину музыку и ею набалован очень. Во всей полноте я ее оцениваю всегда вдали от Петрограда, в особенности мне недостает в путешествии тех возвышенных звуков, действительно звуков, идущих от сердца моего любимого существа, Лилиных звуков, ее исключительных вещей, которые она играет только для меня и как дивно-божественно исполняет их! Звуки Лилиной музыки потрясают всю мою внутренность, мою душу, мое глубокое «я»! Под впечатлением таких звуков я долго-долго не в силах уравновеситься.

Все гости разошлись парами, я тоже проводил Лиленьку до Садовой (и отлично!).

13/III, ♀. Морозное, полуясное утро, даль открыта, на душе легко и в то же время грустно-грустно. Завтра придется расставаться со всеми самыми любимыми существами; завтра сердце дрогнет, душа замрет и только святое дело — путешествие даст силы перенести предстоящую разлуку!

Выехал из дома рано, купил билет и покатил дальше, в Академию наук, где говорил с С[ергеем] Ф[едоровичем] относительно статьи и фотографий и относительно счета Крыжановского. Академия наук написала Н. П. Горбунову, прося в копии сообщить мне для сведения и для доклада А. Н. Васильеву. Может быть, придется внести эту сумму, но зато сделаю все, что полагается, с целью вполне оформить [материалы].

Распрощался я с Ольденбургом, просил определить монеты и выслать их в Москву. Далее я поехал в Мрам[орный] дворец, в Академию матер[иальной] культуры с целью сдать 7 ящиков археологических находок Тибетской

экспедиции. Там (по телефону) имел беседу с Н. Я. Марром по поводу выдачи права и материалов для профессора Гриневича (будто бы имеющего в виду выпустить труд без ведома Академии материальной культуры). Я ответил Марру, что это не так, что Гриневич собирается писать только популярную статью для одного из многочисленных отеч[ественных] журналов.[187]

В конце концов все посылки (семь) вскрыты в моем присутствии, и все перебрано. Я не думаю, что встретятся затруднения относительно наших записей. Надо только строго помнить мое торжественное обещание, данное за моею подписью Учкому. Иначе русским экспедициям в будущем не будет оказано должного содействия.

В Географическом обществе я распрощался сердечно и с Комаровым, и с Соколовским, и другими. Ю[лий] М[ихайлович] был болен немного, валялся в постели, пришлось поехать к нему и поговорить по душам. Как и меня, его занимает исток Ян-цзы-цзяна, и я думаю его непременно посетить и по возможности полнее изучить. Необходимо побыть и в Бурх[ан]-будда.

С целью исключительного отдыха и прощанья я поехал к моей милой Лиле. Сначала мирно беседовали, потом мой нежный друг отлично играл, а потом бай-бай, но долго-долго, мучительно долго мне не спалось.

14/III, ♄. Сегодня ровно три месяца прошло с тех пор, как я покинул Ургу, экспедицию. А ведь три месяца много-много времени: сколько сделано, сколько разобрано, пересмотрено — не перечтешь; много прочитано лекций, много дружб, знакомств, много новых мыслей, много мечты и много новых грез!

Но как больно и тяжело мне расставаться с моим другом Лилей, как жаль ее одинокую оставить! Трудно сказать. Мое сердце сжимается, мысль тонет в чудном, прекрасном пережитом, и глубоко-глубоко вздыхаешь при мысли предстоящего одиночества.

Лиленька проводила меня. Я уселся в трам и покатил, а она — прекрасная, вдохновенная, какие глубокие умные глаза, как я люблю их всею моею душою и сердцем. Самый чудный, дивный, обаятельный этот человек, мой нежный друг, моя Лилечка.

Погода отличная. Я укладываюсь. Володя помогает, со всеми (по телефону) прощаюсь.

Забегала Элиаш, взяла Пшевочкин портрет в зеленой раме (портретный профиль — юный). Потом были Ал[ександра] Фед[оровна] и Мери; с последней я распрощался совсем. Вскоре затем зашла В. А. Фишер. Ее сменили С. А. Глаголев и Кока Барсов. К этому времени у меня все было уложено, и мы в 7 часов с небольшим уже отправились на вокзал. Оказывается, в скорый поезд пропускают значительно ранее, нежели за ½ часа.

Меня прибыли проводить: Лиленька, Н. М. Элиаш, Алек[сандра] Федор[овна], Мария Яковл[евна] с дочкой, Ривош (супруги), Глаголев, Барсов и в заключение мой Володя.

У нашего вагона стояло много народа, так как уезжала mlle Eberman в качестве невесты к жениху (Б. А. Васильеву) в Пекин. Вас[ильев] состоит при консульстве в Китае, поэтому большинство, кроме родных и близких, были представители Азиат[ского] музея РАН. Мне было тяжело немного,

но я старался пересилить себя. Глубже чувствовалась разлука с бедной, совершенно осиротелой Лилей. Она прекрасная, милая, принесла мне письмецо, цветочки — чудные, душистые и конфект. Растрогала она меня совершенно: мне было грустно, больно, тяжело-тяжело, словно я действительно уезжал на край света. Много раз я прощался с ней. Наконец все прошло, и поезд отошел.

Я сел, прочел письмо, но предварительно устроил цветы в большой сосуд. Э. Э. [Шведерская] теперь ехала домой в тяжелом состоянии души, а К[озлов] катил к югу!

15/III, ☉. Погода солнечная, морозная. Под Москвой мало снега. Меня встретили Борис и Федор Скворцов (шофер), а компания комсомольцев вынесла мои девять мест как ни в чем не бывало. Я довез в автомобиле Елену Александровну Эберман. Для нее и отца оказались комнаты, приготовленные у Крымского моста.

Меня ждала моя комната, и в воскресенье народа было мало. Борис звонил по телефону, главным образом относительно чтения лекции.

В 8 часов я с Эберманами и Борисом поехали на Поварскую, 25. Там не все было готово, за исключением самой публики, вовремя занявшей свои места. Не было рамок для фонаря, пришлось их раздобывать, и лишь в 9 часов начался доклад!

По отзыву моих друзей (приехала как раз к лекции и моя Н[ина] Е[вгеньевна]), я в этот вечер был, что называется, «в ударе» и читал живо, увлекательно, образно. Многочисленная аудитория встретила мое появление приветствием и сразу расположила к себе.

Масса картин, как в калейдоскопе, пронеслась перед слушателями, и сама лекция окончилась. Дружный взрыв рукоплесканий был финалом лекции. Эберманы укатили к себе, а я с Н[иной] Е[вгеньевной] к себе, на Пречистенку, и засиделись до поздней ночи. Мне всегда бывает так отрадно общение с этим моим другом.

Периодически мне удавалось порядочно поговорить с К. М. Даниленко по поводу всякого рода вопросов о заметках в печати, о больших и малых статьях русской и иностранной прессы, а также и о житье-бытье и позднейших достижениях экспедиции. С К[онстантином] М[атвеевичем], словно с родным человеком, всегда интересно и приятно беседовать.

16/III, ☽. Полуясно, морозно. Борис зашел рано, я все время (с ½ 11-го утра) у телефона. Говорю с Кремлем, с НКИД, с Главнаукой. Еду, наконец, к Берлину, знакомлюсь с содержанием ноты монгольскому правительству. Нота интересная, выражает благодарность монгольскому прав[ительству] за мою экспедицию, которая благодаря содействиям всякого рода со стороны монголов достигла высоких научных результатов. П[равительст]во выражает надежду, что монголы и впредь будут относиться к Тибетской экспедиции Козлова весьма доброжелательно. Со своей стороны все обещания-соглашения, данные экспедицией монгольскому пр[авительству], в частности Ученому комитету, будут выполнены: Тибетская экспедиция выделит часть своих научных богатств нарождающемуся музею Учкома.

Германское посольство известило меня, что там имеются две мои книги на немецком языке и что их необходимо получить мне.

Звонили отовсюду телефоны, приходили Л[юбовь] Н[иколаевна] и ее сын Коля.

Вечером я съездил к Беднякову К. Н., партийному работнику, с целью искренно попросить его стать на защиту несчастных, отбывающих строгий режим наказаний почти ни за что. Я решил всеми зависящими от меня средствами спасти мою Лилю, ее спокойствие и ее высокое искусство. Супруги Бедняковы встретили меня любезно и предупредительно, через ¼ часа я уже чувствовал себя как среди своих близких знакомых. Бедн[яковы] вос[приняли] мою просьбу как существенную, подбодрили меня и посоветовали написать по поводу Лили обращение к М. И. Калинину, что я и сделал.

Дни пробегают в хлопотах и будто в ничегонеделании!

17, ♂. Раннее весеннее настроение. В воздухе солнце, сухость, в тени очень морозно. С утра звон в телефоны — разговор. Сегодня вместо радио я ограничиваюсь поездкой к Трилиссеру, часовой беседой с ним по поводу предстоящего путешествия. Потом меня быстро отвезли в машине в ЦЕКУБУ — домой, для доклада Обществу о программе моего путешествия в Центральную Азию и о дополнительном успехе в Мокром кургане. Передал я также и привет, и пожелания молодому Обществу изучения Урала, Сибири и Д[ального] Востока, привет Русского географического общества.

Пока дела носят выжидательный характер. Ничего не поделаешь!

Меня не забывают желающие путешествовать и письменно, и личными представл[ениями]. Точно так же не оскудевают известия из-за границы по поводу интереса к моим археологическим изысканиям.

18, ☿. Праздник Парижской Коммуны. Светло, морозно. Вдоль улиц, у домов, пестрят красные флаги. Трамы выходят позднее — в 9 часов.

Ко мне явились сестры Н[ина] Е[вгеньевна] и Л[ариса] Е[вгеньевна] работать и просто так — Саранцев, Боря и Миля Алексеенко (н[евеста] Андрея).

Я имел разговор с Милей о ее материальных средствах. Ей тяжело пользоваться чужим, тем более что родные Андрея не сочувствуют этому, а стан[овятся] враждебными.

Я завтракал у милых Даниленко, говорил с ними о делах и расчетах по Тибетской экспедиции, о наших перспективах вообще. К[онстантин] М[атвеевич] передал мне много иностранных вырезок и просил мои письма от иностранцев на время, для представления в редакцию.

Во время праздника Коммуны обеда в ЦЕКУБУ не было. Я направился обедать к Загоскиным и как сожалел, в первый раз сожалел, что легко пошел, хотя, откровенно говоря, мне очень не хотелось идти! Алевтина Владимировна сделала мне форменный скандал, а затем его повторила в бол[ьшей] степени Люб[ови] Никол[аевне] Пржевальской. Позднее мы громко говорили втроем, я — сдержаннее других. Причиной раздора послужил мальчик Коля Пржевальский, 16 лет, который, по мнению Тины, не пригоден [для экспедиции] и он будет «уничтожен в самом зародыше», а, по мнению матери и моему, Коля вступает на отличный, определенный путь! Таким образом, весь вечер мне был отравлен, и я пришел к рабо-

тавшей по эксп[едиционным] вопросам милой Нине Евгеньевне немного взволнованным и рассказал ей все по порядку. Интересно, как реагируют на это дочери Тины — Верочка и Катя? К первой из них мать относится пристрастно (отрицательно), ко второй — наоборот!

Только исключительно чуткая и отзывчивая дружески ко мне Н[ина] Евг[еньевна] успокоила меня своей культурностью, теплотой и высоким (несравненным) вниманием. Я только смеялся в душе над высшей бестактностью Тины.

19/III, 2. Погода морозная ночью и даже днем в тени, тогда как на солнце тает! Вчера вечером, будучи в доме по Нащок[инскому], 6, у Собенниковых, я получил письмо от геоботаника (по орхидеям) dr Rudolh Schlechter'a, который приветствует меня от имени своего и имени географ[ической] науки в Германии, о[бщест]ва «Землеведения».[188]

Теперь для меня ясно, что и кто писал из «Землеведения» с приветом и предложением высылать журнал (с января 1925 года). Всех занимает моя книга на нем[ецком] языке.

Был Н. В. Павлов, к которому я отправлюсь с Мил[итиной] Иван[овной] Кондратьевой в воскресенье, в 5 часов.

Я говорил с Кремлем, с Луб[янкой], с Главнаукой, говорил с Монгол[ьской] миссией, куда меня пригласили на субботу, к 6 часам, покушать и поговорить побольше.

Заходила также Е. В. Кожевникова, которой я вручил «Тиб[ет] и Д[алай]-л[аму]» для Дейча, ее друга. Приехала затем Н[ина] Евг[еньевна] и принялась за работу, а я отправился к Собенниковым обедать, кушать пельмени (сибирские). Тут встретил Вольдемара Мальмберга.

По возвращении к себе я был удивлен присутствием Махотки, накурившего в моей комнате и мешавшего заниматься делом моему секретарю! Его выставил!

Вскоре явился Гога Вишняков, а потом и Артамонов, сильно наскучивший мне своими второстепенными нудными вопросами.

Явились и с предложениями прочитать лекции и поступить в ряды спутников. В конце концов надоели мне настолько, что я вынужден был сказать: «Г[оспода], оставьте меня в покое! Мне пора немного отдохнуть!»

Была также и Леля Пржевальская, просила забежать на минуту попрощаться.

Последней заходила Лариса Евгеньевна Бок и прочла набросок для газеты. Кажется, этим день может считаться оконченным. Посмотрим!

Вечер проведен у докт[ора] Россинского, в соседстве КУБУ. Туда я отправился с Н. Н. Волковой, мол[одой] библиотекаршей ЦЕКУБУ. Пили чай, немного говорили, хозяин играл на виолончели, а хозяйка старалась досконально узнать тайны «двора на Пречистенке, 16».

20/III, ♀. Погода хорошая, полуясная, немного морозная, немного с весенним оттенком. Надо писать статьи, надо говорить по телефонам с учреждениями, а Кремль молчит! Мои спутники доносят о том, что «успешно покончили с Мокрым и приступили к работам в № 6, или Верхнем». Что, они не поняли моей телеграммы: «Верхний оставьте»?

Днем занимался дома, писал, говорил по телефону с учреждениями и отд[ельными] лицами. Под вечер направился было за покупкой дроби — неудачно: магазин закрыт!

В 7—8 часов вечера у меня сидели: Попов, а потом Борис и Рая Овчинниковы, задержавшие меня почти на час. Жена Б[ориса] уезжала в Путивль к родным и заходила проститься. Начал я было, наконец, заниматься, но через короткое время вынужден был сговориться с Н. П. Горбуновым, который пригласил меня к себе вечерком.

Народа собралось порядочно, и мы провели прекрасно время: была скрипочка и рояль и была юная дама с отличным голосом и симпатичной манерой пения. Среди москвичей выделялись петроградцы — Гриля [Горбунов] с женой. Мне в высшей степени было приятно чувствовать и понимать, «какое отличное отношение питает ко мне народ русский, как мило принимает меня Москва, ее всевозможные слои населения».

Во время моих лекций мне приятно видеть улыбающиеся лица, приветливые улыбки, рукоплескание при появлении на кафедре. Внимательное слушание. Мои знакомые заявляют о легендах, создавшихся вокруг моих экспедиций: о трудностях и преградах, и тем не менее Козлов великолепно все исполняет и привозит с собой несметное научное сокровище, восхищает ученых-специалистов, вдохновенно читает лекции, «создает повышенную атмосферу» и т.д.

Много занимаюсь, работаю, принимаю посетителей, письм[енные] предложения принять того или другого в путешествие, а время летит!

В 3 часа ночи я возвратился из Кремля от гостеприимного Н. П. Горбунова.

21/III, ♄. Серо, облачно, падает снег. Моя Ниночка уже отправилась по делам — волнуется, хлопочет, пишет, думает о лекции.

Я собираюсь в Кремль, там проводится сегодня ассигнование экспедиции и вообще учреждается сама она на новых началах: из пассивного состояния должна перейти в активное. Что-то теперь делают мои спутники, что они думают по отношению ко мне, к Тибетской экспедиции, ее прошлому, настоящему и будущему? Что?!

В ½ 12-го часа я был в Кремле, у Николая Петровича Горбунова. Наше дело — продление экспедиции — прошло с ассигнованием добавочных 22 тысяч рублей. Не знаю, как я получу эту валюту, хотелось бы так: в золоте 15 тысяч, в америк[анских] долл[арах] 4 тысячи и 3 тысячи в червонных рублях. Это все необходимо получить теперь же! Н. П. Горбунов отлично провел наш вопрос в ЦИКе. Со мною председатель держал себя очень вежливо и деликатно! Мне было предоставлено предс[едателем] слово. Я поблагодарил Горбунова открыто, при всех, сделал увеличение оценки материал[ов] экспедиции за счет Мокрого кургана. Поблагодарил за новое доверие правительства и распрощался.

В канцелярии просил о бумагах: охран[ной] грамоте нам и Даниленко, о деньгах, о машине полпредской в Верхнеудинск к 1 апреля и о бумаге на бил[ет] и багаж.

Потом я отправился купить дроби, пять книг «Хара-хото» и сдал телегр[амму] Глаголеву, чтобы он прибыл ко мне не позже вторника, так как в среду мы едем в Монголию. У себя, в КУБУ, удалось немножечко отдох-

нуть перед последн[ей] лекцией в Воен[ной] академии (по-старому — Генерального штаба). Не знаю, сколько у меня соберется багажа и почему Глаголев не присылает нам карточек? Может быть, Трилиссер вернет его прежн[ий] заграничный паспорт?

Как жаль, что я опоздал с покупкой дроби, в особенности мелких номеров. Так и следовало ожидать: весной устраиваются экскурсии не только ботанические, но и зоологические, в частности орнитологические.

Я озабочен тем, как аккуратно справиться с самыми важными, существенными вопросами.

А тут еще Васька Гусев так поздно сообразил с квасцами, всю зиму перебирал имущество и не мог вовремя сказать ничего толкового. Это жаль, и очень жаль.

Еще того больше жаль моей комнаты в Урге, в полпредовском домике. Письмо моего Пшевика о Тибете и Д[алай]-ламе повергло меня в большое уныние. Жаль мне также и моего друга Намгана. Так судьбы переменчивы![189]

Вечером я прекрасно провел время в Военной академии, прежней Генерального штаба, которая имеет научное географическое отдел[ение] с задачами широкого характера. Вот в ряды этого научного отдела меня и избрали в почетные члены. Я прочитал обширной военной аудитории последнюю мою лекцию в этот приезд. Все было хорошо, только вдруг я получаю телеграмму: Эндрюс умер от роковой прогулки верхом на лошади, когда упал и сильно искалечил свое могучее (правое) плечо!

Сейчас узнаю обратное: мой друг Эндрюс поправляется. Во всем этом извращении факта виноват только один человек — мой бестолковый Борис, который, в конце концов, извел меня совершенно (своею необдуманностью и горячностью). Вчера прервал мою лекцию, ненужным образом одернул меня и т.д.

Получил прелестное письмо от моего юного друга Лили, которая, как и я, тоскует и надеется, что я смогу что-либо сделать, чтобы облегчить ее печаль и вел[икое] горе.

22/III, ☉. Ясное, дов[ольно] теплое утро. Я выспался отлично: бодр и хорошо настроен! Был Федяевский, прочитал статью для книжечки детского возраста, составленной его женой, Вер[ой] Мих[айловной]. Для иллюстр[ации] дет[ской] книжки я дал мой портрет и три других фотографии с видами местности и находками в Суцзуктэ (или горы Ноин-ула).

Потом зашли офицеры Ген[ерального] штаба Захаров и Балтийский с офицерами-фотографами, снявшими меня одного и в компании с моими друзьями. Вчера в Академии (Военной) также снимали меня в группе с профессорами и слушателями В[оенной] академии.

В ½ 12-го часа я отправился было на Лубянку, но трам повернул у Воздвиж[енки] и пошел блуждать по всем окраинам. Процессии по Нариманову заставили потерять зря много времени и не достигнуть цели. Я ехал, местами бежал, шлепал по грязи, волновался и в конце концов, сильно усталый, вернулся домой. Мой полушубок меня огорчает, делает меня мокрым, вялым, сердитым и заставляет менять рубаху!

Получил прелестное письмо от моего старого друга Л. Ф. Шведерской, матери моей Лили.

Что же в заключение мне подарит сегодня воскресный день? Неизвестно!

Наконец, я съездил в Даниловский монастырь и навестил Павловых. Потом побывал у Кожевниковых, где застал всю семью в сборе. Как всегда, К[ожевниковы] были ласковы и гостеприимны. М. А. поднесла в дорогу жестяночку меда для моей Пшевочки. А Г[еоргий] А[лександрович] обещал устроить дело с квасцами в кол[ичестве] 1 пуда.

Последними я навестил Сорокиных на Тверской, 40, от которых поехал домой, где застал за работой двух сестриц Н[ину] и Л[арису] Е[вгеньевну]. Тем и окончилось посл[еднее] воскресенье.

23/III, ☽. День серый. Сегодня предстоит решить много дел к подготовке в дорогу. Сегодня же и посещение Монгольской миссии и Лубянки, надеюсь, последнее.

Между тем ко мне являются по делам все больше и больше: заглянул Артамонов с целью записать ряд вопросов, приходил Кожевников, мой друг Н[ина] Евг[еньевна] — это свой человек. Она со мною постоянно, помогает, пишет. Борис то вертится тут, то исчезает! Павлов пишет всякого рода проекты по Хангаю!

Даниленко заботится устроить свои дела так, чтобы легче, без проволочек, собирать бумаги и получать деньги участникам Тибетской экспедиции. Он со мною был в Главнауке и всего или почти добился для облегчения проволочек.

Там же я говорил по телефону с Луначарским об общем желании свидеться: назначено свидание на завтра, но едва ли оно состоится. Слишком много дел впереди, и я звоню часто к Е[вгении] Ив[ановне], а та посылает в другие места подталкивать наши бумаги на получение денег для Тибетской экспедиции.

Наряду со всем этим идет пополнение [запасов] экспедиции: квасцы, мышьяк, клюквенный экстракт, и только вечером немного думаешь о записях или укладке.

В ½ 8-го вечера я уже был в Монгольской миссии, где как обычно меня встретили любезнейшим образом и где, между прочим, я видел мельком забегавшего Олега Першина. У моих друзей монголо-бурят все честь честью: стол убран празднично, сами очень нарядные. Посидели, поговорили, затем приступили к трапезе.

Я сидел рядом с madame Сампилон, напротив ее мужа, председательское, хозяйское место занимал Данзан. Стол был прекрасно, соблазнительно, вкусно убран, и мы вскоре за него уселись! Все шло мило, непринужденно: мы вспоминали Монголию, Бурятию, мою экспедицию, американцев, Бадмажаповых, Цокто и Иду Павловну, их радушие, гостеприимство и возможность …*.

Мы тут кушали на славу: икра, семга, балык, белорыбица, омары, селедка, с одной стороны, и всякого рода ростбиф, ветчина, телятина, свежие огурцы, соус провансаль — с другой. Лучшие вина, сладкий пирог, фрукты, чай. Периодически тосты за успех Тибетской экспедиции, за процветание Монголии, за их представительство!**

---

* *Далее два слова неразборчиво. (Прим. сост.)*

** При расставании Данзан вручил мне кусок белой чесучи и саба с лучшими пожеланиями, а Борису — цветного шелку на рубаху (для защиты от жаркого монгольского солнца).

Борис остался, а я уехал на Лубянку и там имел разговор с Трил[иссером]. Мы нарисовали всю картину нашего путешествия севернее и южнее Цайдама.

В заключение вечер проведен у Даниленко, весьма и весьма симпатично. Мы учинили расчеты и всякого рода соображения, я обещал выдать Котику из сумм его личных около 17 рублей, или, точнее, серебряных долларов. Вернулся домой около 1 часа ночи.

24/III, ♂. Погода прежняя — облачная, сырая, дов[ольно] теплая. По сторонам улиц лужи и струи вешних вод. День предстоит очень боевой, надо массу дел сделать, начав с Кремля. Прежде всего поехал в кабинет Н. П. Горбунова, где Евг[ения] Ив[ановна] передала: «Надо развить всю энергию, чтобы Вы, Петр Кузьмич, смогли уехать, завтра, 25/Ш, в ♀. Вот Вам: бумажка на билеты, бумажка на багаж в вагоне, при себе. Но Вам необходимо сейчас отправиться в НКИД заручиться подписью Чичерина, его визой, иначе постановление об экспедиции не будет действительно».

В НКИД я просидел свыше 3 часов и добыл право на деятельность в 1925 году, второе право мне будет выслано тотчас после получения положит[ельных] данных от Карахана.

Н[иколай] П[етрови]ч лучший друг и лучший гений экспедиции: он выдает право получить мне 1000 черв[онных] рублей на дорогу! И этим самым развязывает экспедиции руки.

При первой возможности я получу через полпредство в Урге 7500 руб. в золот[ой] монете, 3½ тыс[ячи] в америк[анских] долл[арах] и 1000 руб. (червонцы); все это на первонач[альный] год, 1925; а в следующем будет получено следующее: 7500 руб. в зол[отой] монете, 500 руб. в америк[анских] долларах и 2000 руб. в червонцах. Таким образом, правительство отпускает нам в подспорье всего 22 000 рублей.

Приехал мой Глаголев и доставил мне великое удовольствие, он опять наш: помогает работать, оживленный, вдохновенный, и не верит еще в счастье свое, в путешествие. До поздней ночи он укладывал мое имущество, беседовал с сестрицами и проч., проч.

А я провел вечер «проводин» у Собенниковых, вся прежняя компания, все — друзья. Заедочки, усладеньки на диво, запивочки тоже, до шампанского включительно! Вернулся домой в 1 час, здесь трое, с Глаголевым во главе, работали.

25/III, ♀. Погода прежняя, солнечная на ¼, на ¾ облачная. У меня с утра народ. Глаголев команд[ируется] за билетами, за паспортами. Борис вновь накренделил. Ему попало — внушено и, в конце концов, ничто не помогает!

Надо вдумчиво, планомерно устроить дело, все предусмотреть. Народа собирается много проводить на вокзал, обещает быть и Монгольская миссия!

Глаголев должен купить билеты, получить паспорта, завизировать в Монгольской миссии и т.д. Я пишу, Н[ина] Ев[геньевна] оканчивает отчеты или заметки о путешествии, об археологических находках. Прибыл и Артамонов, мой биограф, кое-что записавший с моих слов и еще получивший дополнительные фотографические снимки для биограф[ического] очерка (около 15 экземпляров).

Захаров и Балтийский хлопочут о снимках, привозят их, пишут мне на память и дают в свою очередь мне для написания им нескольких слов. Странно, почему не зашел ко мне Виктор Лукич Попов и Снесарев?

Нина Евгеньевна и я усиленно укладываемся, спешим. Я неоднократно звоню в телефон: ищу Глаголева, а он запутался, заблудился в М[алом] Гнезд[никовском], разыскивая Монгольскую миссию! А потом должен был прямо направиться на вокзал.

А мы что делали? Ниночка и Лора спешили с перепиской последних статей, в которых начали достигать известных успехов. Прибыл Борис: пора было заняться последними сборами вещей, их укладкой и отправиться на вокзал. Не к месту толклись у меня сначала Артамонов, все просивший книг для писания моей биографии, а потом профессора — Балтийский Александр Алексеевич, Петр Матв[еевич] Захаров со снимками меня вместе с ними. Равно мне мешали, не менее прочих, вызовы по телефону.

Наконец я с Ниной Евгеньевной энергично укладываемся, является Борис, начинаем укладку автомобиля (не Федора, а другого шофера), худшего, на который едва-едва мы уложились и должны были поехать. Я досадовал на то, что осталось очень мало времени, а у нас еще многое не было сделано! Нина Евгеньевна очень помогла, и мы наконец выехали. Я предполагал по дороге заехать к Е. М. Пржевальскому, проститься, но не рискнул этого сделать потому, что чувствовал с самого начала тихий ход второго автомобиля Дома ученых. И я был прав: едва мы докатили до Тверской, у нас случилось несчастье: машина встала от засорения провода бензина. Время бежит, негодный шофер «надулся». Н[ина] Евг[еньевна] быстро исчезла и так же быстро подкатила на наемном автомобиле. Перегрузились вмиг и быстро понеслись по Театрал[ьной], Лубянке и т.д. по направлению к вокзалу (Ярославскому).

Здесь нас заждались провожающие, и мы, при содействии двух носильщиков и толпы, протискались к своему вагону № 3 и все втащили. Только осмотревшись кругом, я направился на перрон и начал разговаривать с моими друзьями и знакомыми и родными моих спутников. Всех набралось много: Нина Евгеньевна, четверо Даниленко, столько же Пржевальских, во главе с Люб[овью] Ник[олаевной], матерью моего Коли Пржевальского, затем Ора (с поручением передать золото в Красноярск и Троицкосавск и С. Н. Родионову), Хлыбов, Борис, Лора, едва не опоздавшие, в заключение супруги Захаровы (она, прощаясь, тихо и мило сказала: «Милый Петр Кузьмич, не забывайте!») и милый А. А. Балтийский. И тут еще я подписал несколько карточек на память! С нами тут же толпились Олег Першин и молодой Ноев, отъезжавший на Амур.

Наконец третий звонок, прощание же сделано по второму, поезд направился. Взволнованный Борис бежит возбужденно за уходящим поездом.

Я начинаю приводить в порядок свои манатки. Один мой сосед «наверху» перескочевывает, мне свободнее, я знакомлюсь с читинцами и совершенно удовлетворительно еду!

С **26/III по 31/III**. Дни за днями бегут своим чередом! Где теплее, где холоднее. Около Омска много снега. К Красноярску его меньше, но холод усиливается.

Первые дни я занят срочным писанием. Писать приходится немного — только во время редких, недолгих остановок. Написал друзьям, прочитал статьи и одну из них послал в Ленинград в «Вестник знания».[190] Посланы телеграммы в Иркутск (С. Н. Родионову), в Верхнеудинск — Ербанову.

В Красноярске, ранним утром, свиделся с Борисом Хомзе и вручил ему Орино золото.

В Иркутске приехали на вокзал Родионов и Казаринов П. К. С первым удалось переговорить и вручить ему сто рублей за прекрасные золотые часы для подарка, со вторым же исключительно я беседовал по географ[ическим] вопросам и нашим археологическим достижениям. Казаринов много писал, чтобы доложить совету Отдела Географического общества и, может быть, что-либо поместить на страницы газет. Солнце светит ослепительно ярко, но холодный северный ветер дает себя чувствовать!

Мы едем отлично, с небольшим опозданием. Не доезжая до Байкала, за ст[анцией] Михалево, видели следы недавней катастрофы с поездом, шедшим на Иркутск. Горная лавина слева силою массы своей опрокинула и перевернула поезд. В результате много жертв (убит[ых] и раненых). Мы следуем, кое-где соблюдая осторожность, тихо-тихо, местами катим вовсю. За нами вслед также скатился обвал не менее могучий, но мы уже были вне опасности. Дамы всяких возрастов чуть не плакали и все причитали: могло быть с нами горе!

Наконец, в полночь 31/III, наш поезд остановился у перрона «Верхнеудинск». Мы распрощались с читинцами. Начальник ГПУ Абрамов оказался на вокзале и дал нам свой автомобиль переместиться в отель «Централь». Приятно было устроиться в уютном, теплом помещении.

На ходу Абрамов проронил мне: «Надоели мне ваши коллекции, Васильев телеграфировал мне об оказании Вам содействия, а Бор[исов] уже возвратился в Ургу из далекого Тибета».

Усталые, мы с удовольствием отошли ко сну, да и пора была — часы показывали начало второго. Странное дело, мне долго не спалось, я не мог уснуть. А когда уснул — случилась неприятность: у меня заболел желудок (может быть, от двух кусочков колбасы), я ночью гулял, не имея к тому никакого желания.

1/IV, ☿. Около 9 часов утра ко мне позвонил Барадийн. Поздоровались. От него узнал, что дорога в Ургу скверная, что надо или ожидать, или торопиться. В заключение Б[адзар] Б[арадийнович] сказал: «Ваша "половина" возвратилась и в данное время уже находится в Урге. Вы прочтете нам что-либо? Очень хочется Вас видеть!».

Погода немного весенняя: ветер пронизывающий и солнце. День, вообще, полуясный.

Надо навестить Ербанова. Принял он меня лучшим образом, к нему я отправился совместно с Б. Б. Барадийным, навестившим меня в первую голову. Ербанову я поднес свою книгу «Хара-хото». Надо будет то же сделать и по отношению Г. Ц. Цыбикова, и по отношению Амагаева.

Лекцию читать не буду, вместо нее дадим отчет в местный журнал с 2—3 фотограф[ическими] снимками.

Машину нам дают монголы за известную плату! Надо непременно торопиться домой, в Ургу.

У меня голос неважный, к тому же тяжесть в голове и, в общем, всего организма.

Был Гомбожап Цэбекович Цыбиков, беседовали о предстоящем, о прошлом, о Бурятии, о Монголии и об отдаленном Тибете! Много толковали о Тибете, о Б[орисове]. Интересно, между прочим, что Б[орисов] был вежливо, деликатно сконфужен Д[алай]-л[амой], будто бы поставившим вопрос: «Вы бурят и так плохо говорите по-бурятски!» Вот и понимай как знаешь! От умного, тонкого политика Д[алай]-л[амы] это, конечно, может исходить всецело! Ну-с, узнаем еще больше от наших близких в Ургe. Все это не за горами или, точнее, не за очень высокими горами!

С нас хотят получить за автомобиль свыше трехсот рублей — это дорого. Почему так?! Только бы не сесть в дороге: ведь монгольская машина не сильная, это не «Додж»!

Совершенно неожиданно для меня позвонила мне Татьяна Николаевна Степ[урская] взволнованным голосом. Спрашиваю: «Как Вы поживаете!» Она, всегда ликующая, говорит: «Не спрашивайте!». — «А почему же ваш голос так мило, радостно звенит?!». — «Ведь я же говорю с самим Петром Кузьмичом!». Т[атьяна] Н[иколаевна] прочла в газете о моей лекции, и ей хотелось по этому поводу поговорить, побеседовать со мною, и она позвонила.

Мне лучше, я с удовольствием пью чай с сухарями. Небо укрыто слоистыми облаками, около 1—2 часов дня в воздухе летали «белые мухи», ветер стих, прозрачно, а вчера, на Байкале, у ст[анции] Танхой, играла густая красная заря, солнце было в слоистых облаках, и сквозь их отверстие, словно в прорванное отверстие, глядел красочный уголок, неподражаемо красиво игравший на стеклах окон селения. Красотою Байкал не отличался, его поверхность была бела, северные горы и верхний пояс южных также, лишь средний и нижний пояса Хамар-дабана контрастно темнели в виде могучей полосы на склоне гор. Кругом расстилалась безжизненная мертвая равнина.

Сегодня в Ургу уехала «военная дама» с ребенком в автомобиле, верстах в шести от города машина провалилась в воду. Ее вытащили лошадьми проезжавших по Селенге крестьян. Пострадавшие заехали в соседнее селение, обогрелись, обсушились и покатили дальше. А мы все сидим и ждем у моря погоды!

2/IV, 2. Полуясно, морозно, немного ветрено. Сегодня мы должны всенепременно двинуться в путь к благодатному югу! Голубое небо, яркое солнце вливают лучшее настроение, и человек невольно начинает улыбаться. Опять повеяло чем-то живительным, радостным. Опять буддисты, хамбо-лама, его интересные рассказы про Д[алай]-л[аму], про путеш[ествие] Б[орисова].

Как всегда, Агваша очень интересуется моими планами, соображениями по части путешествия в Тибете. Его советы, подсказы всегда имеют огромное значение. Итак, Б[орисов] побывал в П[ота]ле,[191] видел и говорил с Д[алай]-л[амой] и проч., хотя и был задержан со своим отрядом в Нак-чу на известное, месячное время. Один из его спутников, кажется толстый Мухарайн, не выдержал высокого давления атмосферы — скончался! «А я боялся,— говорит мой друг,— могло случиться иначе, могли тиб[етцы] прикончить и т.д. Что было бы тогда?! Меня обязывают писать рекомендации и проч.».

По части моих соображений Агваша говорит. «С истоков Ян-цзы-цзяна Вам необходимо послать двоих людей из своего отряда: одного бурята-переводчика, другого цайдамского монгола в столицу Тибета с письмами к Д[алай]-л[аме] и его заместителю, наместнику Лончен Шокан. Прежде всего к последнему, он доложит Д[алай]-л[аме], и оба они сообразят, как надо поступить в дальнейшем по отношению к вашей экспедиции и к Вам лично!».

Сегодня Агван Д[оржиев] пришел с Барадийным. Первый принес ряд писем и одно из них для Лончен Шокан. С хамбо-ламой пришлось попрощаться. Он поднес мне в дорогу плат счастья — хадак и сказал: «В знак благополучия и с пожеланием непременного свидания после путешествия».

С Барадийным разговор был иной. Прежде всего я вручил ему еще две фотографии для журнала как приложение к моей статье, второе — обстоятельно толковали о конструкции исследовательского института в Монголии,[192] в частности о приезде в Монголию помимо минералога и почвоведа еще и археолога Б. Я. Владимирцова. В заключение же я очень просил Барадийна и его компанию подыскать мне юношу-бурята вроде моего Цоктошки 1899 года, который бы, с одной стороны, обслуживал экспедицию в роли переводчика, с другой же — сам учился, как путешествовать по Центральной Азии с целью ее изучения в природных, человеческих и других отношениях. Если это не удастся здесь, то надо просить Жамцарано, но такого человека подыскать для экспедиции непременно надо.

Вслед за буддистами ко мне явилась милая Танюша, доставившая мне большое удовольствие своею чуткой привязанностью. Она обрадовалась встрече со мною, словно с родным и самым близким человеком.

Глаголев доставил известие, что машину чинят, будет готова к 4 часам дня, но мы все же сегодня не выедем, а только завтра. Завтра, т.е. 3/IV, пойдет утром грузовик по материку, за грузовиком пойдем и мы, по реке же ехать уже становится невозможным без риска.

Между 2—3 часами дня ко мне зашел наш бывший сотоварищ Д. М. Убугунов, мило пробеседовавший со мною около часа времени. Его очень занимал вопрос, как меня встретили Петроград и Москва, как оценены результаты Тибетской экспедиции и какие перспективы нас, путешественников, участников Монголо-Тибетской экспедиции, ожидают в будущем. Все это он узнал и вновь выразил удовольствие по поводу успехов, достигнутых Тибетской экспедицией.

Ну, кажется, всерьез мы завтра отправимся в наш дальнейший путь! Даже и без грузовика.

Вечером меня навестила Т[атьяна] Н[иколаевна], которая просидела около двух часов. Ее муж — из Новгор[одской] губ[ернии], Старор[усского] уезда, знает и многократно проезжал Залуческую волость, зовут его Вас[илий] Захар[ович] Захаров. Это не тот ли молодой блондин, который ораторствовал в Старо[-Барском] и в Стречно,[193] в школе? Он и зав[едующий] хлебным сбором, пьяный бородач, часто объявлялись в Старо, останавливались в лавровском доме и изредка заглядывали ко мне.

Легли спать сравнительно рано, еще раньше мы встали на следующий день.

3/IV, ♀. Ночь ясная, холодная, воздух прозрачен! Мы на ногах с 5 часов утра и в 7 уже покатили по Селенге. В 4 верстах, на протоке, провалились в

воду, долго пачкались и только при содействии совнаркомовской машины извлеклись наружу и переместились в город в тот же отель «Централь»! Глаголев отправился к Ербанову.

Мне же удалось сговориться с Абрамовым. Оказывается, третий день в пути из Урги Борисов и еще некий спец. Последний заказал даже на завтра комнату, а между тем еще не объявился и в Троицкосавске. Мне предлагают вновь подождать, а время уходит; ответ или сведение о путниках ожидается с минуты на минуту и от этого зависит, куда прибудут автомобили. Надо решить, как поступить. Если автомобили сумеют добраться до Верхнеудинска, то на лучшем из них мы и поедем, если машины останов[ятся] в Троицкосавске, то тогда мы отправимся на лошадях до Троицкосавска, а оттуда на одной из указанных машин. Выходит, следовательно, что мне нужно было выехать 11/III, а не 25, т.е. ровно на две недели раньше, только тогда было бы хорошо!

За сегодняшний день удалось лишь полюбоваться окрест лежащими горами. Действительно, Верхнеудинск лежит среди горного кольца, река Селенга изломом к западу, а затем СЗ и СВ на ее дальнейшем продолжении придает много красоты и оживления; обступающие Верхнеудинск горы высоки, лесисты и дают много главных и второстепенных ущелий.

Город Верхнеудинск довольно приличен, оживлен и насчитывает около 25 тысяч населения, преимущественно русских. Бурят сравнительно мало, около 500—600 человек, которые принадлежат отчасти правящему, отчасти учащемуся классу. На улицах немало приезжающих инородцев из улусов. Город Верхнеудинск основан не так уж давно.

Могучая река катит свои воды быстро среди гор или по долинам шириною до 100 сажен, при глубине среднего уровня от 1 до 1½ саж[ени], дно каменистое, галечное или песчаное, или же лессовое. В долинах имеются невысокие острова, поросшие ивой и сочными луговыми травами. Глинистые берега то и дело обрываются в воду, иногда вместе с кустами или деревьями.

Из рыб в Селенге водятся: осетр, таймень, сиг, омуль, изредка щука, окунь, чебачки, налимы. Самая добычливая рыба в Селенге — это осетр и омуль. Иногда случается поймать осетра весом до 4 пудов, чаще же знач[ительно] легче, в среднем около 1 пуда. Вскрывается Селенга в начале мая, а становится в начале декабря.

6/IV, ☽. Сегодня, после трех дней тряски в извозчичьей бричке от Верхнеудинска до Троицкосавска, я наконец прибыл в дом моего старого друга П. С. Михно. Меня ждала телеграмма Кондратьева о находках в Верхнем и о свидании в Борота, может быть даже его поездке со мною в Ургу! Приблизились, появился шофер, предлагающий услуги доставить нас по свежей, им проторенной дороге в Ургу. С П. С. Михно я встретился самым лучшим образом, как и с его семьей. К сожалению, мамаша, Кл[авдия] Дмит[риевна], очень больна: сегодня должен быть консилиум.

В общем, я очень рад, что наконец добрался до границы с Монголией. Завтра буду говорить по телефону со Старковым, который передал Глаголеву поздравление с приездом на границу Монголии после успешного пребывания в России.

Позднее я получил телеграмму из Верхнеудинска о том, что буду говорить с ним, в частности с ГПУ, вероятно, об автомобиле, о моем даль-

н[ейшем] продвиж[ении] в Ургу. Завтра намечен мой доклад в отделении Русского географического общества, с диапозитивами. Мест[ное] отд[еление] во главе с П. С. Михно много старается об этой публичной лекции.

Ко мне, конечно, является публика, имеется телеграмма от Кондратьева.

С 4/IV по 6/IV мы были в пути от Верхнеудинска до Троицкосавска: первый день прокатили отлично по льду Селенги (70 верст) и ночевали в Сел[енгинске] на левом берегу реки, в доме одного из наших ямщиков; второй — прокатив Ст[арый] Селенгинск, мы ночевали в дер[евне] Мыльниково (90 верст) и третий — ехали севернее покосного пути, в объезд, на 5 верст дальше, зато по лучшему пути (55 верст). Всего мы прокатили 205, или, точнее, 215 верст. Меня растрясло, я набалован автомобильной ездой, как в передний зимний путь, когда я совершенно не устал!

Какое упущение сделано всеми нами: никто не поинтересовался ознакомиться с Селенгой (в Верхнеудинске), прочностью ее льда, тогда, конечно, не было бы той наивной аварии, которая произошла с нами. Мы прокатили бы свободно на всем протяжении Селенги, потом по Чикою через Мыльниково и, конечно, были бы в один день в Троицкосавске и скоро, и без утомления.

Относительно посещения Старого Селенгинска, памятника генералу Якобий и вида на белое пятнышко, по диагонали, на СЗ, на Бестужевское кладбище[194] следует более подробно сказать в своем месте, а теперь будем рассказыв[ать] о современном.

Местные власти готовы оказать мне всяческое законное содействие. Так, например, сегодня была получена телеграмма, чтобы сегодня же, в 9 часов веч[ера] мы говорили с Верхнеудинском по прямому проводу. Так и было: в означ[енное] время за мною заехал начал[ьник] штаба ГПУ, и я с ним вместе отправился на телеграф, откуда мне и удалось переговорить с заместителем Абрамова. Из Верхнеудинска направится автомобиль (новый, сильный, с опытным шофером Поповым) в среду, 8, в 5 часов утра и будет предоставлен в мое распоряжение. Помимо шофера едет дипломат[ический] курьер. На этом предложении я и остановился.

7/IV, ♂. Морозно, полуясно, по небу с востока лежат сплошные перистые облака, тогда как на западе небо нежно-голубое.

Сегодня следует послать телеграмму в Ургу, Цзун-модо, Кондратьеву о выезде из Троицкосавска.

Я успел отдохнуть и чувствую себя вполне удовлетворительно, что значит: приближаюсь к родным, экспедиционным владениям, прозрачному воздуху, яркому солнцу и голубому небу! Чувствую и представляю себе хорошо, как в настоящее время должно быть симпатично на нашем археологическом лагере в урочище Суцзуктэ.

Сегодня, около 11 часов утра, я прогулялся до аптеки с целью поговорить со А. Г. Старковым. Последний собирается на мою лекцию и, конечно, обещает все сделать по моему проезду через границу Монголии.

Сегодня же наконец я написал в Бостон, Елене Варнек-Козариновой, своей соотечественнице, с препровождением для журнала Antlantic Monthly статьи о раскопках в Сев[ерной] Монголии с приложением 5 фотографий: лось, грифон, бронза, Андреевский курган и курган из группы Гуджиртэ. Моим друзьям юным: Лилюше, Ниночке и Володе — я также написал.

Написал я и Виноградову Б. С., прося его выслать список грызунов монгольского Учкома.

Новая история: чинят препятствие моему паспорту, не имеющему визы. Придется, вероятно, телеграфировать А. Н. Васильеву: «Содействуйте скорейшему пропуску [через] границы». Бедный С. А. Глаголев захлопотался в этом отношении.

Вечером почти или вслед за подачей электричества состоялось мое сообщение с диапозитивами. К сожалению, фонарь с керос[иновой] лампочкой и плохой серый экран не дали сносных изображений, в силу этого пришлось почти каждый рисунок, каждую фотографию пояснять, и так как было душно и жарко от большого скопления слушателей, то в общем мне было очень трудно говорить. Отчасти мешали и ребята, коих было масса, и они, тесня один другого в искании более удобного места, чтобы видеть картины, производили шум, вызывавший со стороны старших громкие протесты. П. С. Михно, как и всегда, открыл заседание и сказал теплое приветственное слово! Чувствовался большой подъем со стороны собрания: ведь на такой маленький город, как Троицкосавск, несколько сот* человек — большая аудитория.

Возвращаясь домой, П[етр] С[аввич] заметил о публике, уходящей группами по всем направлениям, что «расходятся словно из церкви в светлую заутреню»!

После ужина и вкусного чая у милой хозяйки я и Глаголев отправились на телеграф, так как было без 10 минут 10 часов. Там мы быстро дозвонились, и я переговорил с заместителем Абрамова. Заместитель А[брамова] мог меня слышать хорошо, это самое главное, у меня же в трубке очень трещало, и я слышал неотчетливо, тем не менее на мою основную просьбу — дать мне пропуск для следования в Ургу — я услыхал: «Все будет сделано, утром Абр[амовым] будет сообщено Шахову об этом». В заключение я опять сказал об автомобиле и опять услышал от заместителя Аб[рамова] прежнее: «Завтра утром автомобиль выйдет из Верхнеудинска в Троицкосавск».

Луна почти полная, и ночь ясная, прохладная. На небе выделяются только светила больших величин. Я ушел к себе, и С[ергей] Анат[ольевич] тоже, предварительно, впрочем, кого-то навестив.

8/IV, ☿. Ясное, морозное утро. Я встал со здоровой головой, бодрый, с лучшим настроением в ожидании всего только прекрасного. Что день грядущий нам готовит? В какую форму выльются все наши ожидания? Я искренно желаю только одного — ехать к себе в экспедицию.

Вчера, между прочим, в Верхнеудинск ушел госторгский автомобиль с 8 человеками и с соответствующим количеством багажа. По словам С[ергея] А[натольевича], компания пассажиров была более нежели навеселе! Интересно, как все эти люди доберутся до цели, как проедут по речкам?

Сегодня, между прочим, удалось написать письмо и в Бельгию, Н. Э. Шведерской.

Вчера, на моей лекции, я познакомился с датчанином Hamo, служащим на телеграфе (датско-русско-монгольском), а сегодня он пришел ко мне с

---

* П[етр] С[аввич] и его компания определяют в 600—700 человек.

аппаратом с целью сделать несколько снимков с моей персоны. Снимал он и в комнате (меня одного), и на воздухе, во дворе, у крыльца в компании с П. С. Михно и С. А. Глаголевым. Сильный, здоровый, румяный датчанин оказался большим любителем лошадей и собак. По словам П[етра] С[аввича], датчанин давно, очень давно желал познакомиться со мною, и вот теперь ему удалось это сделать.

П. С. Михно оставлены 63 (в 9 коробочках) диапозитива Тибетской экспедиции.

Из Троицкосавска же благодаря невольному сидению мне удалось ответить на очень любезное письмо из Германии от dr. Rudolf Schlechter'a с включ[ением] о Мокром кургане. Со своей стороны мною обещано еще написать более подробно с фотографиями из самой Монголии, с места работ Монголо-Тибетской экспедиции.

Вероятно, сегодня вечером удастся навестить датскую колонию (по приглашению Хамо). Что же до сих пор не является ко мне мой С. А. Глаголев? Опять недоразумения?! Или что еще? Пора бы все это окончить.

Ну-с, кажется, все устраивается вполне удовлетворительно, Абрамов телеграфирует Шахову: «Путешественнику Козлову оказать всевозможное содействие к его успешному следованию в Ургу». В 10 часов прибыл из Верхнеудинска автомобиль с Бабковым. Но ехать было трудно, рискованно, ввиду этого Бабк[ов] желает осмотреть его новую машину, чтобы в дороге было бы спокойнее. Слышно также, что прибыл сюда и грузовик со 100 пудами клади.

Вечер, до ½ 12-го часа, я с компанией географов провел время у милых датчан: ели, пили, беседовали, смотрели фотографии, слушали пианиста Олега Першина.

Ночь великолепная: ясная, тихая и слегка морозная.

9/IV, ♃. Утро чисто весеннее, воздух насыщен свежестью, бодрящею весь организм. Не хочется идти в комнаты. По обыкновению, встаем в 7 часов утра, невольно любуюсь отдаленной на юге цепью темно-синих гор.

Я вспомнил вчерашний вечер у датчан, их самих, обстановку, уют; все они получают от своего правительства очень приличные оклады и живут припеваючи. Хамо имеет возможность содержать в самом лучшем виде пару лошадей, собак и т.д.

Сейчас я прогулялся к своим, они спали мертвецким сном! Виделся с Бабковым, решил выехать сегодня же в 4 часа дня (16 часов). Почему-то шоферу хотелось непременно выехать только назавтра, но я сказал: «Хочу и надо непременно выехать сегодня, т.е. в ♃, 9/IV».

Придет Глаголев и последние вещи уберет, завяжет, и мы будем вполне готовы!

Выехали на Ургу около 4 часов дня. Абрамов со своей стороны сделал все, что требовалось. Я тотчас пришел в хорошее состояние, вздохнул свободно, и на душе сделалось приятно!

В этот день мы проехали по мокрой снежной дороге только одну станцию, до Ибицыка, здесь ночевали у знакомого мне толстяка, который старался быть как можно любезнее (со мною).

10/IV, ♀. Встали очень рано и с лунным светом (полуясно), по морозцу покатили к перевалу Цаган-дабан, за которым катит свои прозрачные воды

р. Иро. Поднялись, как одинаково и спустились, удачно и в 7 часов утра уже были на следующей за Иро станции! На заре бежал волк, по которому дипломат безуспешно стрелял.

В этот второй день мы прокатили семь станций. На станции Борота пили чай, отдыхали и я тщетно ждал Кондратьева. Он не явился; я очень сожалел и думал, что К[ондратьев] просто не управился, так как телефонограмму мог получить с опозданием.

К вечеру погода испортилась и в 60 верстах заставила нас заночевать.

Мы ехали в двух автомобилях: Бабкова (наш) и госторгском. Какое удобство ехать в автомобиле! И быстро, и не устаешь.

11/IV, ♄. Погода облачная с северо-западным ветром; изредка падают снеговые мухи. Мы торопимся: выехали в 6 часов утра, а в 9 часов уже были в таможне. Чтобы скорее отделаться, я направился было к Д. Р. Ринчино, но последний уже отсутствовал дома: у него жена лежит в больнице после неудачной операции. Тогда я обратился в Учком, к Жамцарано. Последний очень быстро справился с нашей задачей и дал возможность нам отправиться восвояси.

Через пять минут мы были дома, в соб[ственном] гнезде. Нас встретили собачки наши, четыре, и, наконец, Гусев с белым стариком-китайцем. Дома оказалось все в большом порядке. Гусев очень обрадовался и понемногу, последовательно доложил мне обо всем. Жаль, что я так и не свиделся с Кондратьевым. Моя лучшая комната на юге свободна, и я очень обрадовался этому обстоятельству, хотя, откровенно говоря, мои спутники все сделали, чтобы и в большой тесноте лучше устроиться. Что же касается маленькой комнатки, то из нее Пшевик ухитрился уютно устроить не только симпатичную спаленку, но и кабинетик. Просто не хочется разрушать этот уголок.

Я с приезда уже начал понемногу вносить свои манатки.

Первым, кто забежал ко мне, был тот же Ц. Ж. Жамцарано, которому я и вручил многочисленные письма. Наш Павел Борисов также оказался налицо и рассказал мне подробности поездок его вместе с моим Андреем Симуковым, о которых я не был осведомлен.

Потом вдруг ко мне является Андрюшка из полпредства за палаткой для А[лексея] Н[иколаеви]ча, собирающегося назавтра отправиться в Китай, в Пекин. Я тотчас поехал в полпредство и нашел всю компанию Васильева и его самого — толстяка. Со всеми перезнакомился, переговорил с А[лексеем] Н[иколаевичем], до подробностей [включительно], и увлек его к себе. Вас[ильев] очень интересовался всем решительно: смотрел фотографии, обращения заграницы к нашим статьям с фотографиями, любовался немецкой книгой моей «Хара-хото» и т.д. В заключение поговорили о том, чтобы экспедиция была обеспечена китайским паспортом на продвижение в глубь Центральной Азии.

Между прочим, А[лексей] Н[иколаевич] просто влюбился в привезенное мною «Перде» и учинил со мною сделку на следующих основаниях: дает мне ружье 16-го калибра (ценою рублей в 50) и компенсирует доплатой деньгами, исходя из моего представления. Жаль только, что его письмо не застало меня: я был у Ц[окто] Г[армаеви]ча, а В[асильев] на следующее утро так рано уехал, что зашедший с моим письмом Гусев уже не застал его. В письме определялась доплата в 200 долларов.

Я действительно хорошо провел вечер у Бадмажаповых и мог потолковать с Цокто Гармаевичем.

Ночь ясная, холодная, обещающая отличное утро и такой же день.

12/IV, ☉. Ясно, тихо, приятно! Массив Богдо-ула великолепен — темен, контрастен, с пятнами снега по ущельям. Дали безграничны, настроение прекрасное, бодрящее. Действительно, рано направленный в полпредство Гусев уже не застал автомобилей — они укатили в Калган за полчаса до прихода моего спутника. Делать нечего. Я сижу дома.

Меня навестил представитель местной «Ургинской газеты» Дадиани, и мы с ним порядочно побеседовали. Он сообщил мне, что РОСТА обратился к нему с запросом: «Что известно Д[адиани] о дальнейших работах Тибетской экспедиции Козлова в отношении археологических изысканий?». Д[адиани] передал мне, что сообщил главным образом о находках в Мокром кургане.

Вскоре затем я отправился к Маршаллам. У них по случаю Св[ятой] Пасхи обедал. Ужасно неприятно чувствую, что совершенно из головы улетучилось письмо Каминской к mrs Маршалл и я о нем не вспомнил, уезжая из Петрограда, тщательно складывая все поручения в одно место. И как раз забыто поручение именно того человека, которому так хотелось от души угодить.

У Маршаллов была целая компания с Бербриджем во главе. После обеда мы засыпали в гостиной под музыку граммофона, его новых и старых пластинок. Затем всей, или почти всей, наличной компанией (мужской) мы отправились ко мне. Англ[ичан] и америк[анцев] интересовали мои фотографии и книги. Книгу «Хара-хото» в двух экземплярах я тут же вручил и самому Бербриджу, и его приятелю, очень интересующемуся литературой о Центральной Азии и Тибете. Мою книгу в немецком издании мои гости очень подробно рассматривали.

Гости ушли,* я немного занимался со своими спутниками, собирающимися поехать в Суцзуктэ с моим таежником Борисовым. Пусть там познакомятся с моими уже испытанными сотрудниками, поработавшими со мною около 1½ лет и достигшими такого высокого успеха! Глаголеву в особенности важно окунуться во всю работу и обстановку экспедиции!

Под вечер я отправился было (с письмом Дорж[иева]) к Ринчино повидать, поблагодарить за себя и за Пшевика, выразить сочувствие в его горе — тяжелой болезни нашей общей любимицы Марии Никифоровны. У Ринчино я никого не застал, кроме деток и барышни-бурятки, их родствен[ницы]. Далее я с письмом же для Жамцарано отправился к этому моему приятелю. Он был дома, тут же сидел и Гочитский, и я невольно заметил: «Вот не знал, что увижу вас, для вас также имеется письмо от хамбо-ламы Доржиева». С Гочитским я говорил в пользу Собенникова, его устройства в Урге, в Монгольском кооперативе.

Сегодня, оказывается, в Нардоме монгольский спектакль. Жамцарано собираются отправиться, уговорили и меня [пойти] вместе с ними. Мне

---

* Следует упомянуть о телеграмме Пшевику, отправленной через посредство милого Маршалла. Я разрешил моему спутнику прожить со своими до первого мая! Еще успеем все сделать.

удалось с Ц[ыбеном] Ж[амцарановичем] побеседовать и по поводу археологии (в прошедшем и будущем), и по поводу всяких тибетских вопросов, и по моим предстоящим планам.

Мне всегда бывает приятно беседовать с этим единственным здесь настоящим восточником. Жамцарано чутко прислушивается ко всяким начинаниям Академии Российской в связи с работами в Монголии и, кажется, с интересом ждет Владимирцова в Монголию. Но надо отметить, что в дальнейшем вывоз археологических сокровищ из Монголии куда бы то ни было невозможен: богатство Монголии — для монголов. «Только для экспедиции Козлова было сделано исключение, только для него одного, нашего старого друга», — сказ[ал] Ж[амцарано].

Спектакль монгольский был очень интересен. Народа было много. Я с Жамцарано очутился в роли почетного гостя — ученые представители в Монголии, ее просветители! Многие из видных буряток, в том числе и madame Жамцарано, были нарядно одеты по-русски! И Б[адмажаб] С[акидева] угощала меня шоколадными конфектами. Я просидел два акта, виделся со знакомыми, ко мне прибежала поздороваться радостная Катя, спросившая: «Как Вы, Петр Кузьмич, съездили?» и т.д. Эта милая буряточка обещала зайти ко мне завтра.

Привыкшего рано ложиться, меня стало клонить ко сну, и я ушел на втором акте.

Ночь была ясная, немного свежая. По приезде домой я тотчас же уснул.

13/IV, ☽. Ясное, тихое утро. Богдо-ульский горный массив темнеет, очищается от снега, снег держится только по главным вершинам и глубоким частям ущелий. Пока что из пролетных птиц отмечены: даурские галочки, сарычи — обыкновенный и темно-бурый, турпаны, утки-кряквы, Milvus melanotis и серые гуси. Около недели тому назад наблюдались орлы или орланы — Haliaetus.

Вместе с моими спутниками я был в Учкоме, отдал 2 кор[обки] вполне определенных и прелестно приготовленных или расправленных бабочек.

Потом зашел к моим др[узьям] Бадмажаповым и там поговорил о валютах и о возможности отправить в глубь Монголии моего экспедиционного препаратора. Написал довольно обстоятельное письмо Кондратьеву, которое вместе с прочими отвезут Гл[аголев] и Коля.

Получил письмо от Пшевика, который уже не так скорбит, как прежде, все понемногу улучшается, и его мамик с Дод[иком] и Димушкой, может быть, останутся проживать в Харбине. Этого, откровенно говоря, я очень и очень хочу! Дай-то Творец Вселенной!

Что-то мои спутники задержались в городе — 3-й час, а они все не возвращаются? Что-то там в горах, у моих отшельников? Какова погода, какова дорога?

Мой Пшевик, возможно, возвратится с Дуду. Это будет самое прекрасное!

Завтра я напишу ему, через брата Дуду, письмо в Харбин. Пшевик благоразумный, приедет ко мне раньше определенного времени и возвратится не один, а с хорошим спутником. В таком духе я и напишу Пшевочке, а то, пожалуй, некогда будет и поговорить с ней обо всякой всячине. Интересно, что из всего этого выйдет?!

Около 6 часов вечера уехали мои спутники в Суцзуктэ. Не знаю только, когда они доберутся до дома? Поехали, в особенности Глаголев, с подъемом! Оттуда прибудет Канаев с письмами и с живым докладом. Посмотрим. Меня теперь интересует, когда Е[вгения] Я[ковлевна] выполнит мое поручение, когда будет сюда мал[енькая] дикарка, чтобы порассказать, и посмешить, и потешить меня!

Мне необходимо приняться за работу, за писание отчетов в Россию!

Вечер я сидел дома и немного разбирался с бумагами и письмами.

14/IV, ♂. Утро полуясное, немножко серое, и дует юго-восточный ветер, вокруг тихо, даже не видно коршунов. Я начинаю привыкать к местной жизни, уютности и тишине, меня окружающей. По временам отрываюсь от писания дневника и смотрю с любовью на священный массив Богдо-ула: он полон таинственной прелести, но еще холоден!

Сегодня я получил издание Ученого комитета Монголии, брошюрку (1925) «Закон об охране памятников старины» на монгольском, русском и английском языках (Улан-Батор-хото, русско-монгольская типография).

Вдруг объявился И. Д. Тугаринов с маленькой данью — рыбой и яйцами. Очень приятно мне всегда видеть этого симпатичного человека. Он рассказывает, что снег почти весь исчез и начали с каждым днем прибывать пролетные странники! Одновр[еменно] с серыми объявилась и парочка гусей-хрипунов. Интересна теперь долина Толы, ее переход от зимней к весенней картине.

Около 5 часов дня я получил от моего Пшевика весточку, направленную через Верхнеудинск. Бедный мой спутник очень волнуется, что я уже проехал по направлению к Урге, а он все сидит там, у мамы, и ничего не знает! Интересно, где же он теперь? Моя телеграмма застала его еще в Харбине или нет? Но тогда почему же Пушк[аревы] не отвечают? Ведь они знают, в чем дело, так как телеграмму, наверное, вскрыли.

К вечеру заехал Бадмажапов, немного поговорили с ним, и я поехал к ним ужинать.

Небо было усеяно яркими звездами, город спал тихим, безмятежным сном, даже не слышно было лая многочисленных монгольских псов, лежавших по вершинам [куч] отбросов.

15/IV, ☿. С утра полуясно, дымка, t выше нуля.

Я напрасно прождал тибетского донира, так и не явившегося в течение всего утра. Напрасно прождал со мною и Ц[окто] Г[армаевич], кстати присутствовавший бы во время переговоров. Тогда я воспользовался наличием моего прежнего спутника и поговорил с ним о предстоящих работах в Монголии. Бадм[ажапов], бывавший здесь, отлично подсказал мне наиболее интересный маршрут в области котловины озер и севернее, в горах Хангая, преимущественно в области Сайн-ноинского аймака. Оттуда можно проложить линию поперек гор на юг, до низовья вод Эцзин-гола, с поездкою в Хара-хото.

Одновременно будет исполнен Глаголевым разъезд к СЗ в область гор Хангая.

Заходили ко мне Тугариновы: он с Марусей получили подарки (кольцо и платок — для дочери и жены) и отправились восвояси. Для Тугаринова

надо исхлопотать бумагу на последующие экскурсии с охотничьей целью в окрестн[остях] Урги, по Толе.

Наконец объявился Донир — представитель Тибета, с ним всегда приятно видеться. Первым его обращением ко мне было: «В Лхасе все благополучно и по отнош[ению] Д[алай]-л[амы], и по отношению его ставленника во главе правительства Тибета Намгана». Я смеюсь, обращаясь к дониру, приглашая его совместно со мною в Лхасу.

Сегодня после 4 часов дул сильный, или крепкий, северо-западный ветер, наполнивший воздух тучами пыли. Настоящая весна: сухая, ветреная, пыльная, с меняющимся часто направл[ением] ветра. Заметно сокращаются белые пятна снега на Б[огдо]-уле; пыль крайне неприятно действует! Весь день ветер, в особенности с полудня до полуночи, от СЗ перешедший постепенно в бурю. Пыль положительно окутала весь окрестный воздух.

16/IV, 2. Пыль держится в воздухе, сокращает горизонт, ветер дует от СВ.

Что-то мой Пшевик молчит, не дает отклика. Ничего не понимаю и не знаю, где-то он теперь, мой спутник.

Для моих старых охотников-таежников и препарат[оров] Тугаринова и Борисова испрошены соответствующие права — документы на беспреп[ятственное] продолжение охотничьих экскурсий в Монголии.

Не знаю, как мы будем справляться с деньгами в Монголии? Предстоят большие траты.

С утра до полудня пишу и занимаюсь, потом кое-что делаю по части завертки и укладки птиц, которых, плюс мелкие зверьки, набралось порядочно! Так изо дня в день!

Сегодня целый день занимался составлением и переписыванием статьи для посылки Ольденбургу для предварительного отчета об археологических открытиях Ноин-ула.

Сегодня я впервые наблюдал вереницу в остроугольном строе только что прилетевших серых журавлей; птицы огласили город и, сделав 2—3 круга, продолжили лететь, придерживаясь прежнего северо-западного направления.

Сегодня же я пустил [звездный] хронометр (...* 2001) в ход, он делает отсчеты правильно, но звук ударов значительно слабее моих [солнечных] хронометров Ericson'a.

Вечерами, да и днем в особенности, я сижу дома, никуда не выхожу и не хочется.

Регулярно ложимся спать после завода и сверки хронометров и после записей метеорологических наблюдений в 9 часов.

17/IV, ♀. Что день грядущий нам готовит, приедет ли сегодня наш препаратор, привезет ли он что-нибудь интересное и в области археологии, и в области животных — зверей или птиц? Ужасно грустная картина возрождения природы, ее весны; может быть, это отчасти объясняется моим пребыванием в городе, где пыль и зловоние нечистот в это время составляют

---

* *Далее название хронометра неразборчиво. (Прим. сост.)*

maximum! Другое дело в степи, на берегу речки, как Мандал или Сугунур, или в лесных горах Суцзуктэ, или вообще Ноин-ула.

На Богдо-уле снега остается чуть-чуть на самых высоких гребнях или в северо-западных глубоких ущел[ьях].

После полудня сплошная пыль и северо-западный ветер, значительно понизивший температуру. Говорят, стоит настоящая типичная зима-весна, переходное время к теплому, лучшему месяцу маю. Сухость страшная, и ветер порождает массу пыли, поднимаемой в воздух и скрывающей горизонт.

Мой Вася то и дело совершает прогулки в город, а я, я сижу и пишу. Сегодня окончил вторую часть: «Животная жизнь гор Ноин-ула», или «Очерк животной жизни Ноин-ула». Завтра примусь за первую часть; не знаю только, как озаглавить мне общую статью, будет ли удобно сказать: «Исторические памятники в Северной Монголии». К этой статье необходимо выбрать интересную серию фотографий, конечно с видами местностей Ноин-ула.[195]

А что же ко мне не идет моя юная гостья — монголочка, дикарка степи? Наконец она пришла, ее доставил Гусев. Евг[ения] Яковл[евна] извинялась, что не могла ни на кого оставить свой дом. Дикарка с интересом слушала граммофон!

Одновременно я получил телеграмму от Барадийна: «Нашел подходящего сотрудника, 21 год, [если] угодно — переводите сто [рублей]. Предложение Б[адзара] Б[арадийновича] приемлемо, мы уже толково беседовали об этом в Верхнеудинске. Я много думаю о Павлове, о его участии в экспедиции, и чем думаю больше, всесторонне, тем определеннее прихожу к результату — не брать в экспедицию.

Ночь облачная, прохладная в сравнении с предыдущими.

18/IV, ♄. Утро серое, прохладное, t –1.8°C, горизонт короткий, дымка пыли, ветер северный, сл[абый]. Не могу дождаться никакого ответа от моих горняков. Завтра светлый праздник. Где мой друг-спутник и что поделывают мои дорогие друзья Л[иля] и Н[ина]? Вероятно, и та и другая в тяжелом состоянии грусти и печали. Неужели никто не облегчил хоть немножечко великую, бесконечную, беспросветную скорбь Лили — ни З[еликсон], ни Б[едняк]ов?

Все еще холодно, сухо, печально вокруг, и весенних проблесков нет и нет. Б[огдо]-ула пока мрачна. Тем не менее желание, весеннее желание выбраться из Урги на степной или горный простор великое. Не могу идти в полпредство, не получив никаких известий из Суцзуктэ.

Тем не менее я все же заставил себя поехать туда и сразу встретился с Линде Фед[ором] Ник[олаевичем], который попросил меня к себе побеседовать о наших общих делах, а главным образом о Тибете, Цайдаме, высотах, влияющих на организм (Тан-ла), о Б[орисове], об Ань-си, о русском представителе в этом мал[еньком] городке Китайской магистрали в В[осточный] Туркестан и Джунгарию, о представителе для связи и т.д., об ускорении получения бумаги (через Карахана) на свободное продвижение моей экспедиции в далекий теперь Цайдам и т.д. Говорили о литературе Тибета и Монг[олии].

Я уехал, взяв пока, в счет будущего прихода из Москвы, 500 сер[ебряных] дол[ларов].

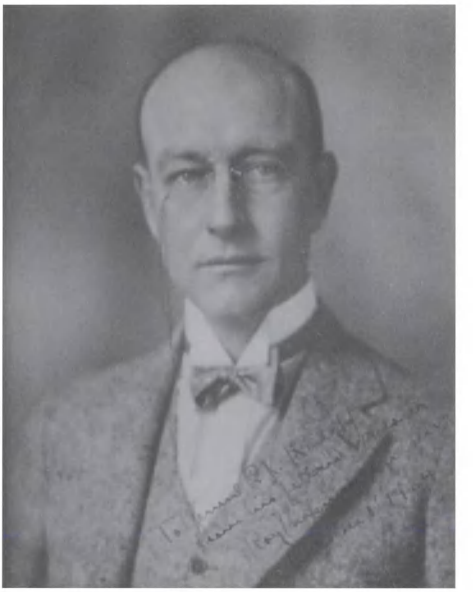
Н. П. Горбунов.

А. Н. Васильев. 1925 г.

А. А. Кузнецов.

Р. Ч. Эндрюс. 1924 г.
На фотографии дарственная надпись
Р. Ч. Эндрюса П. К. Козлову.

На выставке, организованной Монголо-Тибетской экспедицией в Ученом комитете Монголии. *Сидят*: Ц. Ж. Жамцарано, П. К. Козлов, С. А. Теплоухов. *Стоят*: С. А. Кондратьев, Г. И. Боровко.
Урга, ноябрь 1924 г.

П. С. Михно, П. К. Козлов, С. А. Глаголев. Кяхта, апрель 1925 г.

П. К. Козлов и А. Н. Васильев (*справа*) во дворе советского посольства в Пекине. В руках П. К. Козлова только что пойманная в фонтане посольства змея, май 1925 г.

Доклад П. К. Козлова в Академии наук в Ленинграде. 11 марта 1925 г.

В перерыве лекции П. К. Козлов в Академии наук в Ленинграде. 11 марта 1925 г.
Слева направо: *сидят* акад. Ф. И. Щербатской, П. К. Козлов, акад. А. П. Карпинский, акад. С. Ф. Ольденбург, акад. А. Е. Ферсман.
Стоят: археолог С. А. Теплоухов, геолог В. И. Крыжановский, проф., почвовед Б. Б. Полынов, археолог Г. И. Боровко.

П. К. Козлов, А. А. Балтийский, В. Л. Попов.
Москва, зима 1926/27 г.

С. Н. Родионов в своем саду. Иркутск, 1909 г.

П. М. Никифоров, К. П. Никифорова, А. М. Соловьев,
П. К. Козлов. Улан-Батор, январь 1926 г.

К. К. Даниленко.

С. А. Кондратьев и В. А. Гусев. Суцзуктэ, 1924 г.

Благодаря заботам милой Иды Павловны мы прежде всего с куличом и красными яйцами и помылись в баньке (геранцевской).

Мой юный московский друг, милая Н[ина] Евг[еньевна] прислала мне телеграфный праздничный привет — удивительно трогательно, тепло, мило! Мысль невольно унеслась к родному далекому светлому СЗ: моя Н[иноч]ка словно живая встала в моем представлении — изящная, красненькая, с чудным профилем, ясной улыбкой на устах и всегда чудной манерой говорить; все воскресло, восстали в памяти последние незабываемые дни. Писание, разговоры, укладка. Мамаша и две дочурки в укромном уголку светлой мраморной столовой Дома ученых! Все как будто только вчера.

На живой, родной привет я ответил тем же — телеграммой, которая попадет в ручки чуткой, глубокой Н[ины] Е[вгеньевны] в день самого [Воскресения], в день Светлого праздника.

Потом Гусев принес несколько писем с почты, в том числе одно, синий конверт, и от моего спутника Пшевика, родного моего. Чувствует ли он тоску мою и ту грозовую тучку, которая вместе с его приездом приближается к нам обоим? Чувствует? А я сегодня, под Светлый праздник, не сомкнул глаз. Будто вспомнился конец 1910 года.

Ну, будет что будет, а время вечности покорно мировому закону, идет вперед ровно, последовательно.

19/IV, ☉. Итак, две Пасхи подряд мне суждено было провести в Северной Монголии: Пасху 1924 г. в горах и лесах Ноин-ула, в археологическом уголке; Пасху 1925 г. — в Урге. Где же и при каких обстоятельствах я буду проводить Пасху 1926 г.? В Цайдаме (Тайчжинер)? Да, [хотелось бы] в виду могучего с севера Тибета хребта Бурхан-будда.

Утро тихое, ясное, приветливое. Б[огдо]-ула в торжественном величии спокойна! Но мой мятежный дух возмущен, стремится на юг, в Тибет, в голубую, чистую, светлую даль! Чтобы не видеть и не чувствовать атмосферы «разгони печаль глубокую мою»! Не знаю, пошлю или не пошлю, но думаю о такого рода телеграмме: «Приветствую, целую, приготовься разогнать печаль мою. Автомобиль Дуду [в] Хайларе». Поймет ли Пшевик?

Мы трое на складе в белом доме: я, Вася Гусев и старик-китаец. Тишина. С Суцзуктэ ни звука, словно там все вымерло! Я терпелив, буду ждать, сегодня уже неделя!

Позднее прибыл ученик Коля Кузнецов, стипендиат экспедиции. Теперь он молодцом — выправился, а вначале, что называется, хромал по арифметике; в мое отсутствие с ним занимался репетиторством мой спутник Пшевик.

Около 11 часов утра я направился к моим друзьям Бадмажаповым, где засиделся, обедал, христосовался со всеми, но поднес золотые яички только старшим девочкам — Верочке и Маринке, грациозной балеринке.

В ½ 3-го вернулся домой и отправил туда же, к Бадмажаповым, Гусева.

Погода хорошая, но потуга от северного горизонта дает себя чувствовать. Вечером, при ясном тихом воздухе, я много гулял во дворе с собачками, которые ссорились с красноклювыми клушицами. Последние — очень интересные птицы, забияки, дразнят сами собак или играют с ними. Клушицы с писком у меня перед окнами то копаются в пыли и мусоре, то тащат прутики в гнезда, под углы крыш и стен. Мне очень нравится оригинальный писк или крик клушицы — какой-то голосистый!

20/IV, ☽. Ночь ясная, прохладная, утро тоже. Только далеко-далеко к югу чувствуется тонкая пыльная дымка.

Отправил телеграммы в Верхнеудинск Барадийну о согласии на предл[оженного] спутника и моему Пшевику в Харбин с просьбой телеграфировать о своем выезде.

До путешествия к Цокто Гармаевичу, до 12 часов дня, я усиленно занимался с отчетом, окончил его, и на душе стало легче, только беспокоит вставка, которая не дает возможности приступить к печатанию на машинке.

Обедал у Цокто, там был лишь один тип с визитом. В городе все еще по-праздничному, столы с яствами и питиями. На улице русские по большей части бродят, ничего не делая, в новых пестрых платьях.

Около 2 часов дня ко мне заехал Жамцарано с целым рядом интересных запросов по поводу научных экскурсий по Монголии от Учкома. Я согласился наполовину уступить Учкому Монголии моего Кондратьева. Последний, выполняя задания Учкома, в то же время выполнит и мои научные поручения, иначе я не сохраню его содержание от Главнауки. С другой же стороны, Жамц[арано] обещал удовлетворительно устроить Кондратьева материально и натурой. Жамцарано просидел у меня несколько часов и, как и в прежние посещения, много интересовался Петроградом, Академией наук, Институтом для изучения Монголии и т.д. Узнав, что бур[ятский] Ученый комитет предлагает мне молодого бурята в спутники в роли переводчика монгольского языка, но главным образом для выучки путешествия со мною, Жамцарано не хочет отстать и на мое замечание к нему: «Следовало бы и Вам об этом позаботиться, тем более что мне нужно два переводчика: один на месте, при мне, а другой — в разъезды моих старших помощников» — Ц[ыбен] Ж[амцаранович] ответил: «Найду и я молодого полукультурного бурята, возьму из своего же Комитета помощ[ника] или даже заведующего библиотекой».

Потом мы еще гуляли с Жамц[арано], и я ему передал в завещание один из курганов, который, по моему крайнему разумению, должен быть с богатым, ценным научным содержанием. Курган, о котором я говорю, находится на одинаковом расстоянии как от Верхнего (к ЮЮЗ), так и от Мокрого (к ВСВ), большой, со шлейфом; он изображен на фотографии, на нем кони. Его надо немножечко заснять и спросить С[имукова] отметить его номер на плане кург[анов].

21/IV, ♂. Что обещает принести этот день — облачный, серый, с пыльным горизонтом? Что даст сегодняшняя почта? Очень интересно! И принесет ли что телеграф из Харбина?

Мне немного неприятно, тяжело — не понимаю. Надо быть готовым ко всему на всяком месте, не говоря уже про научную, ответственную экспедицию в настоящее время.

Обедал у Бадмажаповых, бесздовал с Цокто о всяких вопросах и о том, между прочим, что ему удастся раз-другой в предстоящее лето навестить мою экспедицию где-либо в Сайн-ноиновском аймаке или вообще в области долины озер, или южнее, в системе Монгольского Алтая! Намекнул я ему и о предстоящей перспективе Кондратьева. Удивительно умно разрешился этот вопрос. Я, конечно, сильно убежден, что К[ондратьев] будет нравственно страдать и за себя, и еще больше за меня. Я немножечко догадывался [по

отношению к Елизавете Владимировне], а теперь, когда я вспоминаю то, что мне случайно подвертывалось видеть или будто нарочно, случайно происходило, я ясно представляю, что это делалось по тонкому расчету. Например, музыка, игра на рояле будто для компании, а на сам[ом] деле только вдвоем; сговор на вечер будто на одного меня, а когда я пришел — Р[инчино] удивленно спросил: «А Елизавета Владимировна?». А Елизавета Владимировна передала мне, что меня одного ждут. Видимо, ей хотелось иного общества. Откровенно говоря, дневник есть своего рода «святая святых». Зачем же в него заносить интимные стороны? Так, при поездке моей в Россию, в беседе как-то вечерком с С. Ф. Ольденбургом в Доме ученых, в Москве (мы жили рядом, в комнатах), он говорит мне нечто ужасное: «М. М. Березовский не оставил настоящих дневников, а какие-то тетради или просто лоскутки бумаг. И везде-везде у него доминировало — что бы Вы думали, Петр Кузьмич?! — задает мне такой вопрос Сергей Федорович. — Не знаете, конечно, и я бы никогда не ответил, зная М[ихаила] М[ихайловича]. А он — он всюду расписывал порнографию, да ведь какую! Я тщетно искал, — замечает Ольденбург, — над чем можно было бы отдохнуть, но напрасно — ничего светлого не нашел. Правда, М[ихаил] М[ихайлович] был оригинал; холостяки по большей части бывают оригиналы, это их характерная черта!».

В полпредстве я условился насчет автомобиля с целью моей поездки в Мандал или далее, по направлению в археологический лагерь моей экспедиции. Там же я узнал о справке Н. П. Г[орбунову], как и в чем перевести сумму в 15 500 рублей для экспедиции Козлова. По счастью, подвернулся директор Монгольского банка, и мне удалось установить с ним приличную сделку!

Весна сухая, пыльная, неприятная, с постоянным ветром с той или иной стороны.

Вечер спокойно, мило, хорошо я провел у гостеприимных ургинц[ев] Геранцевых.

22/IV, ☿. Утро полуясное, ночь также. Богдо-ула в тумане, на западе пыль. И сегодня очень плохо, прямо не понимаю, что со мною: совсем не сплю. Это потому, что я не имею подле себя ни горняков, ни Пшевика, не говорю, не общаюсь с теми людьми, которым необходимо так много сказать! А время бежит и бежит, как жаль его. Если мне удастся завтра отправиться в Суцзуктэ, то будет уже лучше: я, во-первых, развлекусь, а во-вторых, начну исследование дела с одной из сторон, ближе к конечной цели. В уме моем постоянно мой Пшевик. Ночью для него сочинил следующую [телеграмму]: «Будь строга, не распускайся, спеши, нужна, откликнись!».

Весна понемногу движется, жаль времени золотого, потом настанет горячка-спешка. Итак, я опять до некоторой степени в ожидательном положении.

Около 5 часов дня ко мне явился молодой шофер Эльсин из полпредства, по распоряжению Линде, с которым мы и договорились о предстоящей поездке в Суцзуктэ на завтра.

Я страшно рад и за себя, и за нашего воспитанника Тибетской экспедиции Колю Кузнецова, которого я беру с собою! Мальчик сильно соскучился по дому и жаждет видеть родной уголок — красивое ущелье Цзун-модо. Итак, завтра едем, а сегодня вечерком — у Бадмажаповых. Много и сильно думаю о моем спутнике Пшевике: как он приедет? вовремя ли? и т.д. Сегодня не удалось Марш[аллам] перевести точно с русского на английский

язык [мою] телеграммку [Пшевику]. А перевели ее, не придав того глубокого смысла, каким она отличается: «Торопитесь вернуться, очень нужны, отвечайте!». Вот что вылилось из моего текста: «Будь строга, не распускайся, спеши, нужна, откликнись!».

Пока что среди дел, среди кошмара я набросал черновик «Хара-хото» для словаря Гранат. В общем выйдет около трех печатных страниц, точнее 2—3, что и требуется доказать.

Теперь, не зная, что будет впереди, в Суцзуктэ, я настроен отлично, что и требуется, и, что самое важное, в приподнятом настроении начинаю собираться в поездку в мой любимый, мой славный, вдохновенный уголок.

Вечерком я отправился к моим друзьям Бадмажаповым попрощаться по случаю моего отбытия в горы. Сверх ожидания там все парадны и накрывается стол полностью. Мне оставаться не хотелось, меня уговорили, и в общем я провел отлично время, я немного рассеялся, что мне в последнее время столь необходимо!

В ½ 12-го я ушел первым, никто не имел поползновения уходить, гости, что называется, только разошлись! Потешал доктор Байков своими рассказами, в общем было, как полагается, много выпито.

Один из гостей, толстый, вульгарный, но, кажется, ничего себе — он доставил меня в автомобиле домой, ко мне. Это он охотно делает второй-третий раз. Вася Гусев еще не спал. Ложась, я обнаружил наган моего Пшевика не вычищенным после стрельб?!!

23/IV, 2. Ночь полуясная, утро сплошь облачное, сухое, на горизонте дымка. С 6 часов мы на ногах. Ходит в лучшем настроении мал[ьчик] Коля. Что-то будет там?!

Ровно в 8 часов, как и предполагал, я выехал в Суцзуктэ. Погода хорошая, и мы катили великолепно, избрав кружную дорогу через перевал Сангин.

Около 1 часа дня мы уже были на месте, у своих. Мне было еще раньше приятно прокатиться наконец у суцзуктэских могил, от того поля, которое летом красиво пестрит на общем фоне девственности. Я говорю в прямом смысле поле — поле китайцев.

У наших курганов, в частности Верхнем, или Шестом, виднелись люди. На мой зов пришел Кузнецов, случайный приезд которого совпал с моим!

В общих чертах А[лексей] А[лександрович] познакомил меня с планом работ. Подошли К[ондратьев] и Гл[аголев]. И они, и я — мы крайне удивлены: я — неимением от них весточки, они — неполучением обст[оятельного] письма или даже двух писем (Глаголев).

Мы направились в лагерь. Я вошел в домик и был удивлен, я не узнал его внут[ренней] отделки, распределения. [Кондратьев устроил] уютный уголок для «гостьи» — рядом со своим, обособленным от прочего мира. Я смотрю находки — чудные; спрашиваю фотографии, справочники, интересуюсь картами, планами, профилями, диаграммами. Среди всего прочего мне вспомнилась Москва и К°. Я сказал тихим голосом К[ондратьеву]: «Зачем вы дали повод болтать о Елизавете Владимировне, самый близкий вы человек!» — и еще что-то проронил внутрь себя, словно проглотил. Началось то неприятное, что отравляет жизнь и заставляет терять веру в людей.

Невольно вспомнился мне мой отъезд в Россию, когда я никак не мог сплавить К[ондратьева] в лагерь С[уцзуктэ]. На мое обращение к Пшевику

по этому поводу та пожимала плечами, но ей ведома, конечно, была причина. Еще резче встала картина: мое желание, а именно что К[ондратьев] должен был пробыть в С[уцзуктэ] месяц, тот месяц, который проводила Елизавета Владимировна в Урге, затем они должны были поменяться местами — Елизавета Владимировна приезжает в С[уцзуктэ], К[ондратьев] на тех же подводах направляется в город. Каждому в отдельности определялась деятельность! Елизавета Владимировна в свое время прибыла в С[уцзуктэ], но Кондратьев не подумал вернуться в город, мало того, он даже Елизавету Владимировну удерживал пожить в С[уцзуктэ] еще дольше и вызвал у нее невольное возражение.

Кондратьев заметил: «Вас никто-никто не любит» (каждый может так думать — и К[ондратьев], и даже Елизавета Владимировна, и каждый может предполагать, что только его одного любят все).

В связи с этим мне было непонятно, почему вдруг К[ондратьев] обратился ко мне с просьбой интимного характера: зайти (без письма! — что вызвало слезы у М[илитины] И[вановны], заметившей: «Н[иколай] В[асильевич] находит время писать еженедельно!») к его любимому человеку, которому он дал право носить его фамилию. Откровенно говоря, мне было как-то чуждо, непонятно, странно все это; но тем не менее я согласился принять такое поручение, что не свойственно мне вообще.

Пошло тяжелое-тяжелое, неприятное дальнейшее времяпрепровождение. Я не узнавал себя — сделался вялым, я ничего не мог есть, но чая пил много.

Мы (я и К[ондратьев]) долго-долго не спали и говорили, я лежал, он, К[ондратьев], сидел у ног моих, поодаль, в той Котика комнатке, где все время в С[уцзуктэ] проживала моя Елизавета Владимировна и, может быть, иногда сиживала вместе с К[ондратьевым] за его философской болтовней. Круги... окружности... два круга...

Я сказал К[ондратьеву], что был у меня Жамцарано, передал бумагу — желателен участ[ник] Тибетской экспедиции для определения по Кэрулену, его монастырям, астрономических пунктов: широты и долготы. «Учком субсидирует, снарядит, даст помощников, а я — говорю — дам содержание Главнауки (т.е. его [этот человек] будет продолжать получать)». Можно будет также прийти на помощь разъезду тем, что экспедиция выделит хронометр и еще другие какие-либо инструменты. Я предложил Жамцарано: «На это место очень был бы пригодным К[ондратьев]». — «Да, это верно. Мы К[ондратьева] можем вообще хорошо устроить, — продолжал Ж[амцарано]. — Он будет основателем музыкал[ьной] школы, поставит астроном[ическое] дело и т.д., и т.д.».*

На все это К[ондратьев] посмотрел как на подходящий с моей стороны случай отдалить его от прямых работ Т[ибетской] экспедиции и заупрямился, говоря: «Я пойду в разъезд с Глаголевым, и мы оба, вдвоем, сможем сделать очень многое в отношении научных данных».

Наконец я так раскис, что сказал: «Сон меня осилил», и я действительно уснул.

---

* Что касается материалов изучения [Монголии] в разъезде или на месте, то они должны быть приобщены к материалам экспедиции.

24/IV, ♀. Ночь тихая, ясная, небо глубокое, прозрачное. Утро также ясное.

После чаепития К[ондратьев] и Г[лаголев] отправились вниз по С[уцзуктэ], до пашен, держась подножия гор справа. Таким образом, они миновали могильные курганы и исчезли надолго.

Я занялся спокойным укладыванием археологических ценностей — они одно очарование. Сама собою приходила мысль о боязни К[ондратьева] приниматься за раскопки М[окрого] и В[ерхнего] (собственно продолжение работ, давно начатых экспедицией) в такое февральское время, когда движение грунтовых вод сделалось минимальным.

До обеда я уложил почти все — и археологию, и зоологию.

При встрече с К[ондратьевым] мы оба сказали: «Как тяжело, как больно, после вчерашнего, да и вообще на душе страшно тяжело!» Я немного ходил, гулял, но у меня не было того замечательного настроения и подъема, каким я всегда заражался в С[уцзуктэ] в прошлую весну, когда ручеек да шум леса ласкали всю душу вашу.

Этот день мы как-то мало разговаривали, разговор вообще не клеился, говорили только о работах в Верхнем или о пробуждении природы, первых растен[иях], бабочках, мухах, жуках, птичках. Редко кто затрагивал меня и располагал говорить на тему моего пребывания в Центре. Молодежь иногда оживлялась — шутила, резвилась, ходила на охоту (вместе с Колей).

Так прошел день, я любовался с крылечка красивыми знакомыми видами лесистых гор, голубым, чистым небом и заманчивою далью на юго-западе.

Ночь чудная, звездная, немного прохладная, я спал с некоторой тревогой, часто просыпаясь, и во все это время с приезда в Ургу (из России) я глубоко скорбел, что со мною не было моего единственного здесь друга, моего Пшевика, умного, прекрасного. Если бы он был здесь и еще я вовремя бы получил письмо от К[ондратьева] из С[уцзуктэ], ничего бы не было того, что произошло и что явилось результатом происшедшего!

25/IV, ♄. Ясное, прозрачное, прохладное утро. После чая я поручаю Котику нарисовать урну (срисовать нашу находку). Около 11 часов за мной и К[ондратьевым] Кузнецов прислал лошадок под седлом, и мы поехали самым лучшим уголком в Ноин-ула, по хорошо знакомой дороге. Сначала К[ондратьев], впрочем, упрямился, по его словам, ему не хотелось ехать, нагонять тоску на других. [Но] на мое приглашение: «Поедемте, С[ергей] А[лександрович]» — голенастый согласился.

Поднявшись на перевал и следуя немного дальше, я просто был очарован родной мне панорамой. Еще до перевала я восхищался моим «панорамным» снимком, мне открывалась даль то на Суцзуктэ, то на Мандал вдоль Цзурумтэ!

Но больше всего я восхищался, конечно, гольцами, колоссальным валом, едва посеребренным в верхнем поясе. Гольцовый хребет угрюмо тянулся от СЗ на ЮВ. Прозрачный воздух давал возможность рассматривать детали. От наших ног убегали вниз лесные склоны, там золотились степные участки ущелий. Все было перепутано, изломано в горах, и все-все дышало жизнью. На СВ, в среднем поясе гор, клубился к небесам могучий столб дыма, словно дымился вулкан! Мы оба напряженно следили за зрелищем: это горели луговые скаты с пересохшей высокой травой. На склоне пригрева выбивалась из земли зелень, по ней у дороги-тропинки взмывали бабочки: крапивница, траурница, павлиний глаз, красно-темная, коричневая и,

может быть, даже перламутровка. Солнце ласково пригревало, небо рождало на вашем лице улыбку, вам чувствовалось дивно хорошо в тесном, живом общении с природой и ни с кем, ни с кем не хотелось говорить. Мы ехали молча, перекидываясь отдел[ьными] фразами.

Сначала любовались видами на востоке, потом на западе и, наконец, на самый уголок Цзун-модо. Все ниже и ниже мы погружались в каверн; гать-мост, косогор, поляна, и наконец мы у дома нашего А. А. Кузнецова. Встреча, разговоры. Коля-ученик уже давно ловил рыбу на удочку. Я преимущественно беседовал с А[лексеем] А[лександровичем] о моем пребывании в Центре. Он говорил, как они очень часто вспоминали меня, в особенности читая вырезки из газет.

Нас угостили праздничным обедом, куличом, пасхой, красными яйцами, мы вкусно ели, сладко пили, угощались сладеньким земляничным вареньем, пили чаек и т.д. А[лексей] А[лександрович] заводил граммофон. Потом мы пошли гулять далеко вниз...*

Вечерком ужин, чай, музыка; музыка до поздних часов и карты «в дурачка».

Еще с вечера было сказано о завтрашнем дне, вставании и проч.

Чудная звездная холодная ночь лежала над Цзун-модовским ущельем и селением. Тихо рокотала горная речка, кругом все спало, и сонную ночную тишину ничто-ничто не нарушало.

Сидя с Лидочкой на лавочке, мы долго любовались вечерней зарей, закатом и дымкой в ущелье гор.

26/IV, ☉. Ясное, прохладное утро. Мы на ногах в 6 часов. М. П. [Кузнецова] упитывает нас блинками. Все так мило, симпатично! Я говорю с А[лексеем] А[лександровичем] о следующем моем приезде, когда непременно побываем на Харе с целью посмотреть птичий мир — гусей преимущественно и пострелять их. Весною, говорят, стреляют так часто, так много, что стволы ружей накаляются до невозможности держать их руками. Правда, очень интересно побывать на Харе и полюбоваться этим!

Затем, распрощавшись с гостеприимными Кузнецовыми, мы укатили домой. По еще морозному, или, точнее, холодному, свежему воздуху чувствовалось бодро! Мы говорили мало: о рабочих наших и самих раскопках, о времени, которое понадобится на весь остальной процесс работ, и т.д. ...**

Теперь я очень строго, очень определенно говорю всем тем, кто думает, собирается или даже уже путешествует, чтобы все твердо помнили: никогда не брать с собой в путешествие (людное) баб.

Тем временем мы уже у своего симпатичного домика. Я вижу Глаголева, здороваюсь и говорю с ним. Забочусь о сборах домой, укладке автомобиля и т.д. К[ондратьева] спросил о снимках с печати Баллотовского шурфа — он не помнит и говорит, будто бы эти оттиски у Бадмажап[ова].

На этом мы и прощаемся, я с Канаевым и Колей-учеником уезжаю. Однако я успел поговорить с С[ергеем] Анат[ольевичем] обо всем, он в курсе.

---

* *Далее следуют три предложения личного характера. (Прим. сост.)*

** *Далее следуют пять предложений личного характера. (Прим. сост.)*

Глаг[олев]: «Я бы не хотел ничего знать дополнительного, кроме самого существ[а] дела, — говорит он. — П[етр] К[узьмич], вы меня заставили полюбить природу или даже повенчали с нею, мне трудно удержаться от путешествия. Дайте мне право переговорить с К[ондратьевым] и самому глубоко продумать все, и тогда только, когда Вы приедете, я бы смог откровенно все сказать Вам». Прощание было сухое, холодное, я поцеловал лишь одного Глаголева.

Мне думается, много заставил я подумать всех оставшихся в лагере, в Суцзуктэ. И о чем только все вместе и, вернее, в отдельности или по двое поговорят в мое отсутствие!

Никогда я не выезжал в таком подавленном настроении из Суцзуктэ, как теперь.

Внизу мы утопли в колее; встречные мужички с Павлом Бор[исовым] нас извлекли. Ниже и в повороте, у одного мостика, сидели также долго — вытащили наши рабочие. Зато далее, выехав на тракт, мы катили дов[ольно] быстро, успешно, глотая обильную по дороге пыль.

Доехали до Урги вполне благополучно. На пункте, в особен[ности] на таможне, «болваны» задержали и, вероятно, надолго бы, если бы я лично не побывал у Ринчино, который тотчас поручил меня заботам одного из его секретарей.

В огороде гуляла вся семья Орловых.

На столе у себя я нашел и телеграммы, и письма. Ольденбург вопит и грозит — всеми способами заставляет меня прислать мою статью. Письмо Н[ины] Е[вгеньевны] меня порадовало, или, выражаясь иначе, доставило много удовольствия.

По вечерам, по обыкновению, я невольно, не имея никого других, беседовал с Гусевым. Отправил три телеграммы: Ольденбургу, Даниленко, Павлову и, наконец, Барадийну. Первого извещаю о новых находках, Павлова задерживаю в Центре, Барадийна прошу воздержаться отправлять юношу-бурята в кач[естве] переводчика до моего письма из Урги. Павлову советую оставаться в Москве—Ленинграде, спокойно работать и ждать моего письма.

Телеграмм от Пшевочки было две из Харбина, последняя извещает: «Дуду в Тяньцзине, по приезде его в Харбин отправимся домой, т.е. в Ургу».

27/IV, ♑. Утро сухое, пыльное. Богдо-ула все еще таит под гребнями пятна снега. Мое самочувствие самое гадкое, подавленное.

Вот с утра сижу за этим дневником и строчу, а в сущности кому все это надо! «Умрешь, и все тебя забудут», — как нередко, бывало, говорил мой истинный, родной мой Пшева. Порою я раскладывал и просматривал всевозможные ткани, нефрит и проч., а равно и немногие интересные металлические предметы.

Когда же наконец выедет от своих мой спутник, мой Пшевик? Думаю, еще нескоро, слишком тяжело оторваться от родной мамы.

Пять часов; я, наконец, приготовил мою статью для «Сборника», посвященного работам по Монголии. В нее вошло описание находок не только Мокрого, но и текущей части Верхнего курганов. Последний обогатил нас униками, но, кажется, самая высокая жемчужина впереди! Еще недели две-три, и вся твоя тайна, прекрасный Верхний курган, будет открыта.

День на редкость теплый — 20.0°С в тени, горизонт короткий, небо пасмурное, серое.

Сегодня я гулял в нашем дворе-огороде, вдохнул свежего воздуха, и он вдохновил меня. Я вернулся в свою комнату и сразу написал письмо товарищам.

28/IV. После 9 часов я отправился в Учком по разным вопросам и передал оригинал моей статьи для напечатания (в сборн[ик] по Монголии) на машинке. А затем вместе с Жамцарано направился к нам, чтобы показать председ[ателю] Ученого комитета Монголии наши позднейшие находки в Суцзуктэ, в курганах Мокром и Верхнем, которые все еще разрабатываются.

Тут очень важно было выяснить следующее. Как-никак, а полной картины всех курганов, всех трех групп, не получится, если Тибетская экспедиция не включит в свои археологические изыскания еще хотя бы один курган из группы Гуджиртэ.

С этой целью я и поднял вопрос перед Жамцарано о поставке на очередь раскопки одного из курганов Гуджиртэ. Ж[амцарано] с бол[ьшим] трудом согласился допустить новые работы по археологии, да и то на самых тяжелых для экспедиции условиях, а именно все находки можно вывезти в Россию для определения, изучения, фотографирования и т.д., но затем они должны быть возвращены монгольскому Ученому комитету!

На этом соглашении мы и окончили наши переговоры вообще. Ж[амцарано] торопился на лекцию.

Теперь мы снаряжаем в Мандал и Суцзуктэ нашего почтенного товарища Гусева, который должен будет кое-что доставить в наш лагерь и привезти оттуда урну и многочисленные зоологич[еские] коллекции.

Около 1 часа дня ко мне заезжал мой приятель Ц. Г. Бадмажапов с целью полюбоваться археологическими находками. Цокто Гармаевич дал мне возможность прокатиться в его машине до Линде и Юдина. Там периодически приходится бывать. На этот раз я поблагодарил Ф[едора] Н[иколаевича] за машину, пригласил его и В[италия] И[вановича] посмотреть на наше новое сокровище и немного позондировал почву насчет предстоящей поездки моей в Суцзуктэ.

Сегодня наконец написал статью для энциклопедического словаря Гранат — «Хара-хото».

Вечер провел в семье Цокто Гармаевича, где беседовал о предстоящем нашем путешествии в гольцы, с одной стороны, с другой же — в южном направлении, к Центральной Гоби.

29/IV, ☿. Все кругом в туманной дымке, Богдо-ула словно во мгле. Сухость воздуха по-прежнему крайняя. Я не знаю, когда же и как тут будет зарождаться растительная жизнь. Я хорошо помню богатые осадки прошлой весны и сравниваю нынешнее абсолютное их отсутствие. Может быть, таким образом, мы имеем дело с двумя крайностями — с богатой влагой и полным ее отсутствием весной.

Я сильно думаю и сильно вспоминаю моего Пшевика. Что-то думает он там, наприм[ер], проснувшись утром, вспоминает ли меня, представляет меня сердитым и т.д.

В данный момент меня больше занимает Суцзуктэ и соседняя к югу пустыня.

Прогулялся в Учком. Видел, как переписывают на машинке мою статью для сборника о Монголии. Казакевич показал письмо Виноградова, интересно — два новых вида грызунов.

Вечером принесут мою статью. На завтра надолго работы — вставление латыни.

Вася Гусев отправился в Мандал и далее в Суцзуктэ, 3 мая должен вернуться.

Сегодняшняя почта, к сожалению, ничего не принесла, ни одного письма, никому! В 1 час дня ко мне прибыла компания из представительства — Линде и Юдин, немного позднее заехал Цокто. Всей этой компании я показал наши археолог[ические] ценности. Вит[алий] Ив[анович], между прочим, сообщил мне, что моими Ноин-ульскими открытиями в большой мере интересуется А. И. Иванов в компании с китайскими профессорами. Иванов от имени професс[оров] просит меня поделиться интересом. Я приготовил послать одну из статей Нин[ы] Евг[еньевны] с приложением пяти фотографий: «Всадники», леопард, косы, подошвы и вышивка «Человек со стрелою, направл[енной] в птицу». Очень прошу А. И. Иванова вызвать со стороны китайцев вдумчивые ответы по археологии Ноин-ула.

Спасибо буряту-переводчику, отлично переписал мою статью для Ольденбурга. Следовательно, на этот раз от меня уйдет большая почта и исключительно деловая, частных писем немного: Володе, Даниленко и, может быть, если успею, Павлову.

Никак не могу выбрать время на статью в «Известия», на письма Горбунову и Комарову.

30/IV, 2. Ночь прохладная, облачная, утро также. Та же характерная дымка кругом, преимущественно с юго-востока, тогда как обильная пыль исключительно на западе. Днем в долине Толы тучи желтоватой пыли, которая проникает всюду, никак от нее не убережешься. Сухость воздуха крайняя. Проблесков животной весенней жизни в городе не видно и не слышно, растительности также. Везде кругом печать мертвой пустыни. В горах немного лучше, отраднее — туда не проникает так много пыли.

После 9 часов утра ветер из юго-восточного направления перешел в северо-западное и дул с большою силой, омрачив окрестность полностью. Уровень речки Толы поднялся, вода грязная, льда остается мало, он быстро исчезает. На берегу замечены серые гуси, кряквы, турпаны и масса черных галок. Я до полудня писал письма-статьи, точнее просматривал и упаковывал их Ольденбургу и в «Гранат». Приготовил также статью с фотограф[иями] Иванову.

Теперь остается мне самому ожидать писем. Обидно, пишешь много — получаешь мало.

Около 3—4 часов дня у меня были Бадмажапов и Кандаков. Первый, как свой человек, заглядывает нередко, просто так, второй с поручением — занес приглашение на банкет, на вечер [в честь] 1-го Мая.

Ветер стихает, пыли меньше, горизонт расширяется. Погода отличная, ветер еле колышет монгольские тряпки, на солнце тепло. Вечер я провел у Бадмажаповых. Цокто с Эккелем набивали патроны. Возвращался при

Луне, около 10 часов; кое-где собаки лаяли вовсю, даже с небольшим напуском.

Первое мая, ♀. Утро полуясное и довольно тихое, лишь изредка набежит северо-восточный ветер и заколышет священные монастырские флаги. Китайцы с раннего утра работают в огороде. Массив Богдо-ула очистился от льда и снега, по крайней мере для глаза и издали. Может быть, конечно, у карнизов гребня или на глубине ущелий, в лесу, и лежат последние холодильники. Всенепременно надо съездить в Богдо-ула, с палаточкой и с аппаратом (фот[ографическим]).

Со стороны города тишина, ни одного звука, молчат и буддийские храмы.

Я понемногу работаю. Прежде всего ввел дополнение и сделал поправки в журнал «Млекопитающие», а потом засел за письмо-статью в «Известия» под заглавием «Мокрый курган»[196] и написал ее, что называется, в один присест.

Заходила Тоня; еще раз из беседы с нею выяснил, что буряты — народ очень азартный, любят играть на деньги: мужчины в карты, женщины — в лото. «Но я теперь оставила игру, — говорит Тоня, — я все желала отыграться и, в конце концов проиграв в совокупности до 200 рублей, убедилась, что, продолжая отыгрываться, можно проиграть все, что имеешь».

Одновременно заезжали Маршаллы, любезные до крайности. Она сообщила, что ее харбинские друзья, с которыми познакомилась и видится Пшевочка, в восторге от моей Елизаветы Владимировны, что она такая милая и проч. «Мне очень недостает madame Kosloff», — в заключение передала мне mrs Маршалл.

В 6 часов, как и полагалось, любезный Маршалл заехал за мною, чтобы отвезти меня в представительство, на банкет [в честь] 1-го Мая.

Я прибыл первым. Лишь один Дадиани разгуливал у консульства, к которому я также подошел, и мы гуляли на воздухе. Д[адиани] вручил мне вырезки английских газет об экспедиции, а я, несколько позднее, передал В. И. Юдину конверт для профес[сора] Иванова со статьей и фотографиями о Ноин-ульских памятниках.

По обыкновению, публика собралась к 7 часам, во главе монголов — Цэрэн-Дорчжи. Ринчино, Косич, банковские, торгпредские — все были налицо.* За столом места отмечены были карточками. Два стола, всех собравшихся было до 50 человек. Я сидел за первым столом, в почетной линии — все как полагается.

Закуски, тосты, речи, выпивание. Я сидел с некультурным м[инист]ром ин[остранных] дел, vis-a-vis с Ринчино, впоследствии я к нему и перешел (по отъезде сугубо партийных на какое-то заседание).** Говорили сдержанно, обстоятельно. Ц[эрэн]-Дорчжи сказал дважды и второй раз, под конец, весьма остроумно, а именно: «Я старый человек, всю мою жизнь служил, наблюдал, знаю наш народ и уклад его — бедный, беспросветный. Никогда не мыслил, что этому народу выпадет счастье, еще при мне, быть свобод-

---

* Не было на рауте лишь Жамцарано и Амагаева. Они оба укатили в Алтан-булак.

** С Д. Ринчино много беседовали вообще, и он меня приветствовал с успехом, также говорили о моем Пшевике.

ным. Но он вышел и горд, и счастлив, почувствовав себя свободным. Теперь весна, разгуливает ветер, образуются палы, сжигают ветошь. Мне представляется: так вот и наше отжившее, одряхлевшее, покрытое старой пылью, предрассудками, все это старое сгорит, уничтожится, и на его месте встанет молодое, сильное, новое, восприимчивое и пойдет народ по новому пути — к труду, деловитости, к свету и просвещению».

Меня, как представителя науки, обязали сказать также, и я сказал подходящее.

В заключение итог всего мило подчеркнул Линде, перевели на монгол[ьский] язык, и публика перешла в гостиные. Тут Устюжанинов открыл рояль, и полились звуки, вызвавшие живой [отклик]. Целый хор образовался у рояля, и Косич действовал во главе, его помощник — дир[ектор] банка. Интересно, как разошлись монголы: и пели, и шутки пустынные пускали в ход. Кандаков, много ездивший по степи Монголии, чудно сказал: «Петр Кузьмич, в степи, при закате и тишине, в широком просторе, едет с песней монгол — что может быть лучше всего того: монотонная степь, лошадь, сам он, его песня сливаются в одно красивое, цельное!» Я очень хорошо понял В. Я. Канд[акова].

Среди монголов была монголка — представ[ительница] женщин. Она владеет русским языком и держит себя вполне непринужденно!

Всему бывает конец, раут-банкет окончился, и мы поехали по домам, в пыли, под шум и свист бури. Канаев и Вася не спали, не держали меня долго на улице.

В гостиной, глядя на веселых, залихватских танцоров, и монголов, и русских, мне удалось перемолвиться с симпатичным человеком, Л. М., и пригласить в воскресенье к себе.

Всегда, ложась в постель, даешь себе отчет об истекшем, так и в сегодняшний вечер.

Еще сидя за столом и прислушиваясь ко всем речам, я вынес убеждение, что предстоящий год в Китае еще более, нежели предыдущие, будет чреват событиями. Возможна вспышка, революция, но ее тушить явятся в помощь к китайским имп[ериалистам] имп[ериалисты] Запада, и тогда можете себе представить, что будет. Ужели этой истории идет помощь и от нас? Кто-то говорил о транспорте 3 милл[ионов] патронов и т.д. Дальнейшее должно непременно обеспечить России дружбу не только с Китаем, но и со всеми народами Востока. Именно все это ярко сквозило во всех речах ораторов весен[него] праздника.

Ночь бурная, с юго-восточным ветром и тучами пыли. Давно не слышно труб буддийских, я по ним соскучился и их желаю, в трубных звуках есть что-то оригинал[ьное], сильное.

2/V, ♄. Утро также бурное, но теперь направление бурной струи уже восточное-северо-восточное. Сухость, пыль, мерзость ужасная; барометр стоит низко. Б[огдо]-ула темна лесной зоной и страшно пустынна степной полосой, у подножия и т.д. Наша Лери дурит.

Вдруг, неожиданно, прискакал к нам Котик с грустным известием, что Янушевский, наш рабочий на раскопках, при опускании вниз, в шурф, упал с порванным канатом и сломал себе руку. Какое несчастье для бедного человека, которому так не везет!

Позднее мне доставили три письма из Ленинграда: от Лили, Володи и РГО. Последнее по поводу заинтересовавшихся немецких иллюстрир[ованных] журналов, желающих воспроизвести фотографии с находок. Спрашивают: на каких началах это можно было бы сделать. РГО предлагает дать второстепенные снимки, не с главных объектов. Напишу Комарову завтра, все равно писать надо!

Письмо моей бедной Лили — одно сплошное горе, плач исстрадавшейся больной души! А тут мне шлет она акварель «Роза», нарисованную рукою ее мужа-узника. Что делать мне, свободному, пользующемуся широким простором степи и гор? Когда уходишь в глубь Центральной Азии, где не доходят до тебя слезы друзей, может быть, легче живется и более пользы для дела, а так — больно-больно и тяжело!

Володя пишет о текущих делах, разрешает вопросы по хозяйству и т.д., а мать мечется как угорелая из-за того, что весь свой век прожила и не научилась житейской деловитости — всегда была страшно бестолковая, бестолковой и осталась. У нее последнее и единственн[ое] средство — слезы.

Всюду вокруг стоит пыль сплошной завесой, словно дым; кругом, кроме пыли, ничего не видно! И такая погода стоит уже сколько дней, просто ужас, кошмар какой-то, а не весенняя мечта, греза, картина заката и аромат лесов. Ничего подобного!

Завтра праздник Майтреи: сегодня неслись звуки труб и других музыкал[ьных] монастырск[их] инстр[ументов]. Погода ужасная: сухость воздуха крайняя, сплошь пыль и серый пыльный горизонт!

Дотемна гуляли в нашем большом дворе-огороде с собачками; ветер дул, трубы потрясали воздух.

3/V, ☉. Небо сплошь в густых снеговых тучах, скопившихся в Богдоуле; ее верхний пояс весь укрыт как саваном, в воздухе мелькают снеговые мухи.

Пшевик молчит: ни звука — ни письма, ни телеграммы.

Сегодня праздник бодисатвы Майтреи — покровителя скотоводов-номадов. Монголы с раннего утра заполонили храмы и часовни этого бодисатвы, ламы трубят вовсю.

Погода холодная, угрюмая, как и само небо, а солнышка нет и в помине!

Обедал у Иды Павловны, ее муж на охоте. Наш Пахомов сильно помят машиной при возвращении с охоты вниз по Толе. Машина опрокинулась и придавила могучую грудь Володи.

Все охотники, которые в истекшие праздники уезжали на охоту, вернулись почти ни с чем, сильно прозябшие. Ветер гнал тучи пыли и не дал возможности ни сварить чаю, ни согреться.

Я многократно поднимался на соседний с нашим домом холмик, с которого наблюдал за массой разодетых монголов всяких возрастов и полов, направлявшихся в обход святынь Майтреи. К сожалению, я не видел самой процессии, больших лам со всякого рода атрибутами, реликвиями.

Большинство монголов были пешие, затем там и сям мчались верховые или степенно продвигались в экипажах, в таких случаях семьями, с малыми ребятами. Изредка гудели быстрые автомобили, перегруженные пассажирами.

Вечером я был у Бадмажаповых, там и ужинал; домой меня доставила машина.

Днем я навестил Маршаллов, толковал и строил с ними план моей поездки в Пекин и Тяньцзинь. Mr Маршалл соло едет в Тяньцзин и во всей поездке, вперед и назад, должен быть всего лишь месяц. Поэтому мне было бы весьма приятно, попутно что называется, побывать в Пекине, столковаться с Караханом, заглянуть в европ[ейский] Тяньцзин, встретиться там с Пшевиком и после выполнения программы с Маршаллом возврат[иться] в Ургу. А тут, как нарочно, удовольствие — флюс, раздуло правую щеку ужасно; в таком виде никуда на улицу не покажешься, не то что поедешь быстро по пустыне в машине. Так, в одиночестве, коротаешь время, иногда даже совершенно непроизводительно. Но зато, кажется, сделал все по части писания.

Едва я только крепко уснул, как Гусев своим ночным приездом разбудил нас. Ему понадобилась моя бумага, чтобы торопиться в таможню. Но там всю мою компанию задержали на всю ночь, предоставив ей юрту.

4/V, ♁. Серо, угрюмо, прюкло, t 0.6°C, ветер северо-восточный, сл[абый], тем не менее очень холодно. И везде в ¼—½ 8-го все спят. Когда, наконец, разгрузится наш коллекц[ионный] транспорт? Надо терпеливо ждать.

В ½ 10-го часа утра наконец коллекции доставлены к нам во двор. Как всегда их выручил для нас неизменно хороший и внимательный к Тибетской экспедиции председатель Военного совета Монголии Д. Р. Ринчино. Так всегда — без содействия ничего. Когда-то народятся настоящие порядки у степных номадов-монголов?

Сегодня приготовлена на зав[тра] почта, 6 писем: Даниленко (ст[аршему]), Ольденбургу, Комарову, Павлову и Е. Е. Швед[ерской]-Ухт[омской] и 7-я — телегр[амма]: «Москва. Кремль. Н. П. Горбунову. Добыты новые ценнейшие вышивки и ковер с орнаментом зверей, птиц, рыб, черепахи, змеи. Дополнительные раскопки Верхнего кургана продолжаются. Ускорьте перевод средств. Козлов».

Холодно словно зимою, несмотря на высокое стояние барометра. Объявились желтые плиски. Канаева следует отправить в Сангин, все же лучше, нежели сидеть здесь, где и стрелять нельзя. Нужно обратиться с просьбой к П. Ив. Орлову приютить нашего препаратора.

5/V, ♂. Утро серо-темное, в 7 часов t 0°, Богдо-ула у гребня посыпается снегом, посеребрело. А между тем к 8 часам уже начало понемногу светить солнце, даже через перистые облака оно дает себя чувствовать благодатным теплом.

Котик Даниленко и Павел Борисов уехали рано, мои мальчики уже начали производить сборы насекомых! Лучшее время. Сегодня наконец я ответил в Ригу, Эрчь, на его письмо-предложение для «Таймс». Очень интересно, когда оно попадет по назначению и напишет ли он мне что-нибудь?

Сегодня зашли ко мне Никитин и Мартинелли и принесли «птицу редкую», оказавшуюся малой цветистощекой гагарой Podiceps: длина 30.6 см, размах 52.0 см, длина крыла 13.2 см. Радужина красная, клюв черный, ноги темно-серые. Тола, у Сангина, 2/V, на охоте за утками. Да, невзирая ни на какую погоду, пернатые странники тянутся к родному северу!

Начал хлопоты всякого рода по поездке в Китай — в Пекин и Тяньцзин. Не знаю, что из этого выйдет, но действую очень энергично! Мне неотложно помогает В. Гусев. Но самым незаменимым помощником является всегда очень милый Д. Р. Ринчино. На этот раз он аккур[атным] обр[азом] написал письмо кому следует, и мой Гусев с ним действует!

Около 3 часов дня все небо омрачилось мрачными снеговыми тучами, пошел снег, ветер то и дело меняет свое направление, словом, все идет по расписанию азиатской весны. Прошел снег, прикрыл землю белою пеленою, осадил пыль, и воздух вдруг стал прозрачнее. Несколько дней мы не видели солнца, сегодня наконец оно ласково улыбнулось нам! После того, однако, когда прошел снег, оставшийся лежать до теплого солнца другого дня. Снег осадил пыль, промыл воздух, открыл светлые дали и сделал св[ятую] Богдо-улу очень торжественной, задумчивой, темной, с многоч[исленными] складками, короче такой, какую я ее очень люблю. Спустилась на землю ночь, воздух замер, на чистом небе плывет красиво и гордо спутница Земли — Луна; температура понижается, в 9 часов вечера –0.5°, к утренней заре –4.1°С. Иней.

6/V, ☿. Утро прекрасное — ясное, прозрачное, свежее! На северо-восточном склоне восточного крыла массива Богдо-ула в ½9-го часа все еще лежит широкий сплошной белый покров! Воздух замер, не дрогнет, даль молчит. Я очень люблю такое бодрящее человека состояние погоды! А что в такое время делается с птичками — пролетными странниками?

Нужно препаратора, во что бы то ни стало, отправить в долину Толы, хотя бы только в Сангин!

Между тем я весь ушел в мою поездку в Китай! Я строю планы, предположения, для демонстрации подбираю вышивки-ткани, нефрит, прочие оригинал[ьные] предметы, подбираю отчеты, чертежи, планы, рисунки, фотографии.

Послал обстоятельную телеграмму в Харбин Пшевику; сегодня-завтра жду ответа. Пока же остается действительно только собираться в дорогу, в ту, по которой мой Пшева начал путешествовать, начал писать первую главу «Монголии и страны тангутов».[197]

Сегодня, между прочим, возился со спиртовыми коллекциями — переложил целый бидон с 2 колонк[ами], 1 соболем, 10 мышами, Scolopax et Cinclus и тремя черепами от мелких грыз[унов] и другими. Второй бидон наложен окончательно только наполовину, его придется доложить уже выдержанным материалом. Спирт в нем исключительно свежий, креп[остью] в 96%.

Предстоит выбрать фотографии и зарядить кассеты, хочу поснимать что-нибудь в дороге, как на пути, так и на месте! И типы, и виды, и степь, и горы.

В. Гусев исключительно хлопочет с моими сборами в Китай: и с деньгами, и с документами, и с продовольствием. Я только пишу и подписываю!

Под вечер меня навестил наш целитель П. Н. Шастин, который все же находит, что у меня еще имеется опухоль, что в дороге следует быть осторожным и т.д. и в Тяньцзине необходимо вытащить эти корни — остатки зубов, которые всегда неожиданно преподносят сюрпризы.

Немножечко удалось поговорить с Ш[астиным]. Его, конечно, больше всего занимает современная жизнь внутри России, в ее больших городах.

7/V, 2. Утро самое обыкновенное, среднее; вид на Богдо-ула отличный, на ЮВ, в Калг[ане], прорыв окутан серой дымкой. Не могу выразить, как я хочу движения вперед! Хочу в Китай, в Пекин. Не забыть там навестить главу придворной китайской настоящей буддийской святыни; ведь ее настоятелем долгое время был родной брат Чжэбцзун-хутухты. Я отлично это знаю!

Приезжал Бадмажапов со всеми маленькими ребятками; последние смотрели чучела птиц, зверьков. Цокто давал мне советы по поездке в Китай, в Пекин и Тяньцзин и т.д.

Пишу инструкцию для всех моих суцзуктэских отшельников на время моего отъезда.

Так как перевод денег нам до сих пор Москвой не сделан, то пришлось вновь одолжить в анг[лийской] фирме моего приятеля м[исте]ра Маршалла 500 кит[айских] сер[ебряных] долларов.

В нашем огороде сегодня идет подсадка деревьев (Populus) вдоль гряд и в юго-восточном углу, подле уже прижившихся деревьев.

Позднее ко мне заезжал Маршалл, мы с ним еще раз выяснили наше совместное путешествие в Китай. Он характерно объяснил мне, как на пути к Калгану так называемые хунхузы грабят пассажиров. Обыкновенно эти негодяи залегают где-либо в кочках или других неудобных для автомобиля местах, не позволяющих развить бол[ьшую] скорость, и при приближении машины вдруг встают и подходят к вам, чтобы отобрать все дорогое. По соседству стоит домик, на крыше которого находится часовой. Иногда машинам велят отправиться вовнутрь такого домика, который запирают на ворота. Затем начинают все подвергать тщательному осмотру и сортировке. Пушнину, например, более ценное откладывают для себя, похуже возвращают торговцам-пассажирам. Шоферов оставляют неограбленными, даже взятое у них по ошибке возвращают обратно!

Тола почти освободилась от ледяных языков, по берегам, в низинах зеленеет трава; монголы говорят: бараны начали наедаться! Из плав[ающих] птиц — хохлатые нырки, из голенастых — зуйки. Вообще река с долиной мало оживлена пернатыми.

Сегодня М. Н. Ринчино поднесена художественно сделанная кукша. Она в восторге.

Вечер — дома, никуда. Вспомнил инт[ересную] беседу с П. Н. Шастиным об учености бурят. «Ведь только одного человека мы и знаем, — говорит Ш[астин], — это Жамцарано. Буряты быстро набрасываются на все новенькое, но скоро охладевают, не парят в вышине».

8/V, ♀. Утро темно-серое, по небу ползут свинцовые мощные тучи. Б[огдо]-ула выглядит однообразным, однотонным мощным темным хребтом. Его простирание до 20 с лишком верст; оба крыла дов[ольно] круто приспускаются и потом полого залегают, сливаются с соседними холмами других гор.

Заезжал ко мне Бадм[ажапов], взял к себе обедать, угостил отличным белым вином. Потом я отправился в полпредство, виделся с Линде, с Юдиным. Линде обещал написать Васильеву и, кроме того, может быть, телеграфирует в посольство вообще о моем приезде туда. Взял я обратно мой пакст, адресованный на имя профессора Иванова. Линде, между прочим,

спросил, заеду ли я вообще в Тяньцзин и когда вернусь обратно в Ургу. Хотел также снабдить меня грамоткой во избежание недоразумений!

При уходе из полпредства меня пригласил на некот[орое] время Юдин присесть к столу. Поодаль, в кресле, скромно сидел лама. Я узнал его, будучи знаком по Петрограду и Верхнеудинску, — он участник экспед[иции] Б[орисова]. Из Тибета возвратился через Индию, морем. Лама поведал Юдину, что Д[алай]-л[ама] отлично знает Козлова, спрашивал о нем много и то, когда Козлов приедет. Воен[ный] министр Тибета также отлично знак[ом] с нашим Козловым, показывал карточку Козлова и тоже ждет Козлова в Тибет.

Затем я прокатил к парикмахеру и привел себя в приличный вид.

Грустно, что нет ни писем, ни давно жданной телеграммы от моего родного Пшевика. Ужели все это придет, когда я буду далеко в пути на ЮВ? Вероятно!

Под вечер заходила Тоня попрощаться. Мы все собираемся. В ее компании я отправился к Ринчино поблагодарить за все! Встретился лишь с Марией Никифоровной. После пяти месяцев болезни она немножечко осунулась и потеряла, временно вероятно, всегда присущую М[арии] Н[икифоровне] бодрость, оживление. Она мило благодарила за птичку, мило вспоминала моего Пшевика, познакомила меня со своим отцом, еще таким молодцем. Перед моим уходом пришла Б. С. Жамцарано; я и с этой дамой также переговорил, что бы она сказала своему Цыбену, распрощался с обеими и восвояси.

Вася Гусев тоже шел домой от С. Б. Бадмажапова, которому с моим письмом вручил почетный подарок как члену монгольского правительства, всегда симпатично идущему навстречу Тибетской научной экспедиции. По словам Гусева, С[ергей] Б[орисович] был очень тронут!

Вечером у себя мы с В. Гус[евым] все еще продолжали укладку, легли, как всегда, рано.

9/V, ♄. Как и ночь, утро тихое, ясное, свежее, t ниже 0°. Прохладный воздух тих и спокоен. В таких случаях прелестная красавица, вечная девственница Богдо-ула особенно торжественна. На ее ущелья, скаты, гребни, сопочки — не наглядишься.

Итак, я еду! Замечательно, мало верится, а между тем эта поездка может принести очень многое! По крайней мере, много, много выяснит по отношению к нашему путешествию.

Вчера, когда у меня был Казакевич и я ему показывал карту Центральной Азии, Монголии в частности, я увидел колодец Борцзон — так и замер дух! Мой Пшева, стоя на широком, пыльном делении дорог (верхом на белом коне), подозвал меня и Роборовского и обоим нам сказал: «Хорошенько запомните эти дорожки по радиусам». Пристально глядя на меня, Н[иколай] М[ихайлович] указал: «Кизо, — эта вот дорога (указ[ал] на запад-юго-запад) идет в низовье Эцзин-гола, к торгоутам!» На слове «торгоутам» Пшева глубоко-глубоко взглянул на меня и, повернув лошадь к югу, направился обычным порядком, нас догнал караван. Давно это было, зимою 1883 года, почти 42 года тому назад, но я как сейчас вижу могучую, богатырскую фигуру Н[иколая] М[ихайловича], и, когда он направился вперед, я медленно поехал занять обычное мое место в районе головы каравана и

долго думал про себя и все вспоминал слова: «Запомните хорошенько Борцзон — схождение дорог». Ужели Пшева мог угадывать во мне, еще мальчике тогда, будущего своего преемника? О, дорогой, родной мой Пшева, сегодня надо особенно вспомнить тебя, сегодня я пойду твоим первым маршрутом, когда ты в 1870 г. отправлялся в Монголию и страну тангутов с Пыльцов[ым] в свое первое путешествие по Центральной Азии, которое так прославило тебя! Сколько раз во время нашего общего странствования в 4-е путешествие ты, могучий, вспоминал эту свою первую, счастливую экспедицию, где вы только четверо: ты, Пыльцов, Иринчинов, Чебаев, но четверо незаменимых! Стоит только вспомнить твои живые рассказы о том удивител[ьном] путешествии или прочесть твою «Монголию и страну тангутов», чтобы низко-низко преклониться перед твоею гениальностью. Ты всегда будишь во мне и воскресаешь твое великое Я, которое все во мне и со мною! Ты чувствуешь!

А вот наконец и телеграмма Пшевика — ровно за один час, только за час до отъезда. Она теперь волнуется, когда мы выедем из Калгана. А почта? Ужели не будет, ужели я ее не получу?

Пшевика телеграмма: «Очень рада встрече, если через Калган, сообщи вперед!»

Из Чойрэна я протелеграфирую о встрече в Тяньцзине. Как будет хорошо! Теперь бы получить все с почты и от полпредства. О почте в последнюю минуту сообщили, что она придет сегодня, но только через несколько часов или просто: «После обеда!».

Около 12 часов дня мне подали машину, в которой заехал mr Маршалл, и мы укатили в таможню. С моей бумагой все прошло очень скоро, но Маршалла задержали до ½ 2-го, когда мы наконец пустились в далекую дорогу.

Быстро понеслись вперед. Провожающие нас махали платками, у домов Цокто Гармаевича и Маршалла стояли группы, тоже поднимали вверх руки с платками и кричали что-то!

На минуту забежал я к Ф. Н. Линде, попрощался с компанией заседающих в его кабинете, и мы вновь покатили через Маймачен, Толою, по дер[евянному] мосту и вверх среди гор. С нами шло две машины. Я ехал на передней, вместе с Маршаллом, с лучшим шофером Виктором Посылиным.

Остановившись на время фриштыка и чаепития у Гурбу-тологой, мы затем вскоре выбрались из складок гор на простор, замыкавшийся далеко на юге плоскими увалами. Дорога часто пролегала, словно прямая нить, вдоль нити, или линии, столбов по галечной степной равнине. Глаз только и вперялся в южные высоты и любовался также горами на востоке или западе, но так как мы шли быстро, то эти встречные высоты скоро исчезали и открывались новые. Там и сям по сторонам виднелись юрты и стада монголов, но больше всего мы наблюдали в лучевых долинах тарбаганов, реже сусликов и по столбам или на придорожных возвышениях хищных птиц: степных орлов, значительно реже больших соколов. Нередко попадался Tinnuncul[us]: этот красивый, длиннохв[остый] сокол всегда наблюд[ался] пролетав[шим] или паривши в воздухе на одном месте при осматривании добычи сверху!

В каждой долине, во впадинах, колыхались синие или зеленые волны весенних соленых озерков. По ним держались плавающие и голенастые: утки, реже гуси, кулички, а на возв[ышенных] частях: монгольский жавор[онок],

жав[оронок] Otocorys, галки, вороны, серые или малые журавли и т.д. У обрывов взмывали вверх чеканы (Saxicola), удоды, ласточки, щеврицы.

Мы обгоняли или встречали караваны верблюдов — к югу нагруж[енные] сырьем, к северу — предметами Китая, потребными для Монголии.

Далеко к югу Маршалл мне указал высокие синие горы — это Чойрэн, к которому мы так усиленно стремились как первому пункту с телеграфом, откуда можно по сторонам откликнуться. Я так хотел видеть матрацевые складки Чойр[энских] гор и мы ехали так быстро, что мне казалось: исполнится мое желание. Однако расстояние огромное! Вдали расхаживали привлек[ательные] степные курицы-дрофы, а по столбам — прежние Aq[uila] orient[alis].

Понемногу заря погасла, легли на землю сумраки, а там и ночной покров, в котором при свете фонарей машин мы поднялись в горы и проезжали их суженной крутой дорогой! Наконец и ст[анция] Чойрэн. Мы расправляем свои усталые члены. Пьем чай, закусываем. Подаем телеграмму Пшевику. Завед[ующий] по фамилии узнает меня как археолога и несет мне напоказ сборы окатанных в степи камешков самых различных пород и самых разнообразных по окраске; кремнистые сланцы в виде острых осколков он считает за орудия кам[енного] века. Напрасно хозяева уговаривали нас остаться ночевать. Мы в 9 часов вечера, когда уже стемнело, как ночью, быстро покатили в область пустыни.

Действительно, впереди нас лежал настоящий океан пустыни и дорога извивалась среди высот и низин с озерками, иногда прямой стрелой!

Часов в 10—11 меня сильно клонило ко сну, я сидел один и мог свободно класть голову налево, на мягкий тюк с постелью. Впереди, рядом с шофером, сидел Марш[алл], часто бравший в рот папиросу для себя и для Посылина.

В глухую ночь, когда я сильно дремал или чутко спал, мои соседи сказали: «Волки!». Я поднялся и стал смотреть по сторонам. «Нет! — слышу новый возглас. — Это антилопы, быстро, словно призраки, исчезнувшие в пустыне».

Ночь была хорошая, ясная или полуясная, дов[ольно] прохладная от быстрого движ[ения]. Дорога плавная, спокойная, и я скоро опять наст[оящим] образом вздремнул. Среди сна слышу: «Вот, влево, станок Сайн-усу. Надо ли останавливаться?». В ответ слышно: «Поедем в Уддэ». Так и сделали.

10/V, ☉. Ночь провели в дороге, в прекрасной быстрой езде в исправном «Додже». На заре в самой дикой пустыне, усыпанной ровной разноцветной галькой, мы остановились. Восток чуточку белел, шоферы наполняли баки бензином, подтягивали веревки на вещах, облегчались, курили, шутили. Кто-то показал вблизи стоявшую, словно изваяние, газель (Gaz[ella] subgutt[urosa]), давшую нам полюбоваться собой, а затем стрем[ительно], выс[окими] прыжками исчезн[увшую] в пустыне, на юге окаймленной широким плоским гребнем — застывшей волной.

Сели и покатили. Характер пустыни оставался прежний. Теперь мы уже говорили только об Уддэ, второй телеграфной станции, которой и достигли в 6 часов утра. Тут пили чай, ели, я успел сфотографировать высоты и одну из глинян[ых] построек. Начальник ст[анции] Александр Иванович Валов с женою были любезны, гостеприимны. Он отнесся ко мне с бол[ьшим] вниманием. Оказывается, Валов в 1901 г., осенью, был на моем докладе в Тро-

ицкосавске и помнит подъем кяхтинцев, с которым они встречали и чествовали мою экспедицию. Теперь отшельники Уддэ старались услышать от нас новости мировые, а также узнать, куда и зачем мы едем, когда возвратимся и что я нашел в Н[оин]-ульских горах, в их курганах и т.д.

Уддэ расположено у подножия высот, сильно выветренных, на вершинах их стоят несколько обо, в расщелинах собирается дождевая вода. С высот открывается в полуд[енном], западном и восточном направлениях беспредельная пустыня, испещренная темными горными волнами. Абсолютная тишина царит над нею и в ней самой. Воздух застыл, природа пустыни замерла. Над общим пус[тынным] океаном повисла дымка.

Через 1½ часа мы покатили дальше в области дикой пустыни. В 30 верстах проследовали отрадным ущельем, оживленным прекрасным родником-речкой, приютившей на береговых террасах растительность — травянистую, кустарниковую и даже одно-два деревца пустынного тополя-тограка. По мере удаления к югу местность волновалась больше и больше. На вершинах высот торчали серые безжизненные выходы горных пород, на дне долин, в котловинах, стояли озерки воды, отливавшей лиловыми или изумрудными тонами. На озерках держались плавающие и голенастые птицы: турпаны, пеганки, утки; в поречных направлениях летали крачки и монгольские зуйки. С самого ран[него] утра там и сям с оригинальным криком пролетали больдуруки (Syrrhaptes paradoxus).

Около 11 часов мы миновали монголо-китайскую границу, проходящую по гребешку кам[енной] горной гряды, отмеченную рядом каменных обо и оригинальным арочным сооружением у одного огромного обо. Арка переплетена цветными материями, хадаками, у подножия ее стоит бурхан. Ветер шелестит тряпками.

Через несколько часов, перевалив ряд высот с промежуточными долинами с озерками, мы достигли станции Орлен, где отдыхали на протяжении двух жарких часов дня. Соседняя пустыня дышала жаром. Проснулись и забегали ящерицы; говорят, поползли змеи, но мы последних не видели.

В 3 часа мы катили дальше, солнце жгло наши лица. За волнами гряд мы вступили в область дна морского, где так успешно работала палеонт[ологическая] экспедиция моего друга mr Эндрюса. Оставив ее, мы бежали быстро по травянистому возвышению, обогнали несколько верблюж[ьих] караванов с монголами и монголками, приветливо кричавшими нам и махавшими руками. Нами поставлено было себе в задачу доехать сегодня до Чэпсыря, отдохнуть там до 12 часов ночи, затем следовать вперед, в Калган. Мы так и сделали.

Чэпсырь был переполнен людьми и машинами, и мы наскоро улеглись спать, а наутро **11/V, ♂**, точнее ровно в полночь, уже быстро понеслись вперед. Ехали очень хорошо, на заре одолела дрема. Показались цаган-цзере, потом — китайская культура, поля. Кажется, чуть не с каждым годом китайцы идут к Монголии и заполоняют ее полями.

Вдали серая грязная атмосфера, ряд селений китайских, сами китайцы, их заезжие обширные дома, черные свиньи, ослы, грязные, заморенные собаки. Мне показывают на сопку на отдал[енных] горах — это перевал в Калган. Мы силились проехать китайским поселением, непролазной грязью, где полки солдат ремонтируют дороги, вытаскивают автомобили из грязи и т.д. Чем более приближаемся к Калгану, тем народа и его оживления больше.

Мы спускаемся в пропасть среди китайских полей, приютившихся на клочках гор, пересекаем несколько каменистых ущелий и попадаем сначала в преддверие, а потом и в самый город Калган.

Населения — хоть отбавляй, самого цветистого, самого разнообразного. Китай — это сплошной муравейник, а Калган, частичка его, погрузился на дно котловины, окаймленной горами.

Мы быстро проследовали городом, самой насел[енной] и торговой его частью, и, выехав мимо вокзала на простор, нашли приют в «Pioneer Inn», сод[ержавшемся] «Williams». Здесь чувствуется тишина, уютность, европейская порядочность!

Калган расположен в котловине среди гор, обступающих кругом город. По вершинам расположены или устроены сигнальные сторожевые исторические башни.

До нас часто доносились вокзальные железнодорожные свистки или рожки солдат, производивших ученья в недалеком соседстве с нами.

«Pioneer Inn» стоит, повторяю, на окраине города, на возвышении, среди полей; внутри двора, расположенного «покоем», цветник и аллея из тополей. Номера имеют плотный пол-дорожку, ведущую к аллее, это извне; внутри же обставлены дов[ольно] порядочно. Стол в «Pioneer Inn» очень порядочный, но дорогой, как и все в этой модной гостинице. Посетителя просят расписаться в книге «проезжающих». После обеда желающие остаются в бол[ьшой] гостиной, где у камина курят, читают, слушают граммофон или сражаются в шахматы. Пианистам можно пользоваться порядочным пианино! Слуги, исключительно китайцы, к столу моются и одеваются чисто и служат вообще порядочно. Недоразумения бывают только лишь от незнания языка.

Раз-другой я побывал в городе на базаре, но вначале ничего существенного не нашел, в городе даже нет открыток и торгуют преимущественно или с бедным китайским населением, или с кочевниками-монголами, приезжающими в Калган на верблюдах.

12/V, ♂. Погода облачная, ветреная, все кругом тонет в тонкой лессовой пыли; даже изредка перепадавший дождь не очищает атмосферы и не открывает далей.

День прошел зря, в ничегонеделании. Бегали с детьми и няней Дуней по двору, бросали мячи. Мне иногда удавалось подбросить высоко или отдать далеко-далеко на радость ребятам. Мой Маршалл также принимал участие в играх в мяч.

Ночью, с фонарями, под дождем, мы шли на вокзал, и так как поезд опоздал, то нам пришлось пробыть немало [времени] на платформе, где зело продувало.

В самую глухую ночь мы уселись в неспальный вагон и покатили в Пекин. Ночью или на заре прокатили красивым Ханькоуским ущельем, миновали хребет и выехали в Пекинскую равнину. Дождь кропил, серое, хмурое небо сократило горизонт до крайности. Мы видели одни прилежащие к полотну дороги поля с всход[ами].

В 7 часов утра мы прибыли в Пекин, на вокзале была встречная машина от гост[иницы] «Wagons Lits», и мы верст через 6—7 докатили до центра Пекина, в сосед[ство] посольств. Маршалл мне помог устроиться в номере.

Мы умылись, позавтракали, и он укатил в Тяньцзин. Мне грустно и одиноко показалось одному, в особенности в сам[ом] начале.

Приведя себя в порядок, я отправился в Русскую миссию, расположенную вблизи гостиницы, в общем посольском квартале, и первым навестил своего старого приятеля А. И. Иванова, состоящего при Карахане. Мы встретились дружески. Иванов ничуть не изменился, выглядит молодцом, живет прилично, в саду, в особняке. Я передал ему статью-письмо с фотографиями — пакет, заготовленный было для почты. Поговорили. А[лексей] И[ванович] сразу передал мне: «Мы Вас ждали, Вам придется прочесть лекцию в Университете и в посольстве о Ваших археол[огических] работах и результатах работ в Монголии. А теперь Вы отправляйтесь к Битнеру, в нашу финансовую часть, Вам предстоит приятное получение прежних денег!»

Я отправился по указанию А[лексея] И[вановича] через двор-парк посольства, мимо так называемого «большого» дома — главной части здания, в которой живет и принимает наш представитель Карахан.

Познакомился с Битнером, от которого документально узнал о деньгах 1914 года, об исчезнувшем было китайском, в слитках, серебре, 15 пудов, о том, что это серебро было сдано в Р[усско]-Азиатский банк на имя г[енерал]-м[айора] П. К. Козлова или его наследников. Битнер доверительно подсказал мне направиться в Русско-Азиатский банк и потребовать эти деньги. Я так и сделал и на следующий день уже смог получить сумму в 8570 руб., или кит[айских] сер[ебряных] долларов.[198]

Получив деньги в китайских денежных бумагах, я, по совету Битнера же, отправился в Дальбанк — тоже русский, со служащими русскими до милого директора включительно, и там обменял кит[айские] знаки на америк[анские] доллары из расчета 1.85 к[итайского] с[еребряного] д[оллара], оставив себе на расход около 1½ тысячи кит[айских] денег.

В этот день **13/V,** ☿, справившись с банковскими делами, мы в 5 часов отправились с А[лексеем] И[вановичем] в Пекинский университет и там прочли профессорам и студентам лекцию о Нойн-ульских памятн[иках] в Монголии. Я читал по-русски, А[лексей] И[ванович] тотчас переводил на китайский. Виноват, обязан сказать, отметить внимание китайской учащ[ейся] молодежи. Едва я показался в аудитории, едва мы вошли в нее, как раздались дружные приветствия. Свою лекцию я и начал со своего приветствия и впечатления об интер[есном] Востоке, отчасти как благодарность за их приветствие.

По окончании лекции слушателям были показаны фотографии с памятн[иков] и самые образцы археологических находок. На кафедре долго происходил обмен мнениями: мне задавали вопросы, я, при любезном содействии проф. Иванова, старался удовлетворить любознательность китайцев.

Студенты гуляли в универ[ситетском] саду, когда мы с А[лексеем] И[вановичем] уходили домой.

Мне очень понравился Пекин, люди, старое, современное, мне нравилось пребывание в этом городе, и я на ходу и специально, не теряя ни минуты, знакомился с ним, с людьми, с историей города, с бытом, с архитектурой и проч.

Я немного виноват: сегодня я лишь побывал в Пекинском унив[ерситете] с целью первого общего знакомства с некоторыми из профессоров, в

особенности с тем, который заведует археол[огическим] музеем, и осмотрел внимательно сам музей. Но лекция моя была на следующий день, т.е. 14/V.

По вечерам я обыкновенно сидел дома у себя. Мне нравился чай, обстановка, когда англичане танцуют фокстрот. Мне нравилось время обеда, вечера, мне нравилась музыка, непринужденное веселье, мне нравилось смотреть людей и даже китайская своеобразная прислуга нравилась; мне нравилось все в Пекине!

14/V, 2. Прежняя облачность, серое небо, но не холодно. До 10 часов я обыкновенно бывал где-нибудь поблизости в книжных магазинах, покупал книги, в фотогр[афических] отд[елах] выбирал снимки видов, типов. В 10 часов мы всегда разговаривали с Ивановым по телефону, и мы распределяли предстоящий день. Сегодня выходило так: около 12 часов я с Ошаниным поеду осматр[ивать] храм Неба и бол[ьшой] дворец с лучшим музеем, потом буду у Карахана, затем днем лекция в Университете китайском, а вечером, после 8 часов в посольстве — на ту же тему.

Погода улучшилась: небо голубое, солнце светит и греет. Мы в автомобиле* скоро катим по оригинал[ьным] улицам столицы Китая. Мы на территории храма Неба. Это огромная парковая площадь, окруж[енная] стеною. Кипарисы сплошь обступают три храма, три молитв[енных] места. Открытая площадь для жертвопр[иношения] вся отделана мрамором, по соседству на открытом воздухе изразцовая печь, в которой сжигалась корова. Затем храм для молитв китайских императоров, сам храм Неба — удивительно оригинальное сооружение и храм для молитвенных обрядов богдо-ханов.

Дворец-музей замечателен. В нем собраны уники, драг[оценные] предметы, художество, окружавшее государей, собираемое ими: нефрит, фарфор, бронза, красный лак, клуазоне, слоновая кость, драг[оценные] камни, будд[ийские] статуэтки, реликвии, костюмы, седла и т.д. Не наглядишься, не налюб[уешься] всем этим интересным собранием. Времени мало, спешишь домой; делается грустно, что не в состоянии все видеть вдумчивым, надлежащим образом. Именно более всего сожаления у меня было от того, что я не мог попасть вторично на ознакомл[ение] с бол[ьшим], главн[ым], богатым и выдающимся музеем Китая.

Заслуживает внимания оригинальное дерево в саду храма Неба, сплетенное в виде канатов капуцинов из десяти кипарисов. По представлению китайцев, когда это дерево не будет жить-существовать, тогда больше не будет и Китая. Китай кончится.

Я очень благодарил молодого И. М. Ошанина за его любезность, он хороший чичероне.[199]

Вечером я читал в посольстве. Было симпатично, мило. Когда я рассматривал карту и раскладывал ткани из курганов, местн[ые] пос[ольские] дамы вполголоса говорили: «С какою любовью путешеств[енник] перебирает свои тряпочки!». На моем докладе было много народа: Карахан, Васильев и вся своя посольская публика. Я был рад присутствию Васильева, нашего друга, настоящего доброго гения Тибетской экспедиции. Подводя

---

* Автомобиль постоянно, ежедневно предоставлялся в мое распор[яжение] заботой Л. М. Карах[ана].

итоги успехов Тибетской экспедиции, я подчеркнул, что́ сделал для экспедиции А. Н. Васильев.

Получив лестный отклик от А[лексея] Н[иколаевича] и благодарность от соотечественников, я с профессором Ивановым на рикшах укатили к барону Сталю. Долго и далеко ехали, но, к сожалению, Сталя не оказалось дома. По возвращении к себе в «Wagons Lits» я все же получил отличный ужин с мороженым. Мне подали в отдельной комнате. Фокстрот шел вовсю, танцевали во всех комнатах. Я любовался парой танцующих китайцев. Особенно молода и грациозна была она!

15/V, ♀. Как и всегда, так и сегодня облачное утро, но потом погода разгуливается! Сегодня я свободен, и меня тормошат всякого рода английские корреспонденты. Один из них докладывал, что он нашел столицу — развалины Хубилай-хана.

Мельком видел и даже вместе, за одним столом обедал с Сатиным В., товарищем. Потом объявился барон Сталь, сожалел, что мы не застали его дома, и просил к себе! К 4 часам я с А[лексеем] И[вановичем] отправились на раут в Китайский университет.[200] Там показал подробнее находки и фотографии с Ноин-ула, много толковали; я обещал прислать фотографии с зеркала, да и вообще что-либо интересное высылать для Иванова, который не откажет поделиться с профессорами Китайского университета. Посл[едние] сомневались в наш[их] данных ([период] Ханьской династии) из-за того, главным образом, что свежи иероглифы. Нас угостили чаем со сластями и предложили мне расписаться в книге посетит[елей].

Вечер этого дня прошел интересно. Сначала мы слушали лекцию пут[ешественника] по Гань-су, Куку-нору и Ордосу Андерсона, любовались диапозитивами с его горшков (археол[огических]). Превосходная америк[анская] аудитория. Меня познакомили со Стенли и другими, приветствовали. Ужин был в загородном ресторане-саду на совесть. Приглашенных было много. Из русских было, кажется, трое: Иванов, Сталь и я.

Андерсон — молодец, его жена симпатичная. Эти люди хорошо знакомы с С. Гедином. За обедом Андерс[он] сказал отличную речь в мою честь, назвав меня знаменитым путешественником и сердечным человеком. Последнее ему известно со слов mr Эндрюса, поведавшего Андерс[ону], что я ему оказал много поддержки в Монголии перед монгольским правительством, монгольским Ученым комитетом.

Я должен был ответить и ответил. Говорили много, были видные китайцы.

Под сильным дождем мы приехали и под дождем с грозой возвращались.

16/V, ♄. Полуясное утро. Я собираюсь понемногу в Тяньцзин. Заезжает А[лексей] И[ванович] и говорит: «Вам необходимо приехать в Пекин 20/V, на раут. Так просит Карахан. Вас принимали англичане, неудобно не сделать того же русскому послу. Нужен смокинг и т.д., а пока что поедемте посмотреть клуазоне, а после обеда поедем осматривать Летний дворец».

Клуазоне я приобрел ровно за сто к[итайских] с[еребряных] д[олларов]. Потом побывали у бар[она] Сталя, полюбовался его статуэтками во второй раз. Любопытны писаные (18) дархаты, док[шиты] Тибета и проч.

После раннего обеда я покатил с А[лексеем] И[вановичем] осматр[ивать] Летний дворец с прудом, пагодами, храмами, беседк[ами], и, наконец, по-

пали в ресторан «Мрам[орный] корабль». Здесь был уже и сидел за столом А. Н. Васильев со своей многочисленной компанией, в числе которой были и видные монголы: Цецен-хан, Жа-Дамба и многие другие. Мы было расположились пить чудное белое вино, чай, как вдруг кричат: «Бол[ьшая] змея плывет в пруду». Все сбежали вниз, сбежал и я. Вскоре я извлек змею шестом на борт, и скоро она оказалась в моих руках. Я сдавил ей горло, она обвилась вокруг моей правой руки! Доктор, по моему указанию, перетянул ей ниткой шею у моих пальцев, и я спрятал ее в холстину. Правда, вначале змея была привязана у входа, и там никто не проходил, пока я ее не убрал. Нас сфотографировали, и я с А[лексеем] И[вановичем] укатили домой.

По дороге, в китайской аптеке, купили жестянку спирта и посадили в него пленницу. Она только вечером погибла, я вынул ее и распростер в ванной, сделав 3 надреза ножом, чтобы зоол[огический] объект не испортился. А в Тяньцзине затем прибавил еще 1½ бут[ылки] спирта, и змея, таким образом, отлично сохранилась и прибыла впоследствии в Ургу.

Вечером я укатил в Тяньцзин, где за мной на вокзал прибыла машина, и в полночь я уже был в прекрасной гостинице «Astor House», там, где уже проживал мой спутник mr Маршалл, в данный мом[ент] танц[ующий] фокстрот. Елизавета Владимировна телегр[афировала], что будет 18/V, утр[ом].

Даже в ночи чувствовалось, какой прекрасный европейский город Тяньцзин!

Забыл было упомянуть, что по дороге из Пекина в Тяньцзин, на первой большой станции, продают много всевозможных цветов до ярких душистых роз включительно. Со мною рядом ехала семья китайцев с девочкой-подростком и мальчиками. Девочке очень хотелось купить цветов, но родители медлили и нехотя перебирали у продавцов то одни, то другие букеты. Я пришел на помощь китаяночке — поднес ей три разных букетика, она сначала робко взглянула на меня, я улыбнулся, а она — протянула ручонки и взяла цветы, несколько раз сказав: «Спасибо — то-си!». Потом она нередко смотрела в мою сторону и, нюхая или любуясь цветами, мило улыбалась.

17/V, ☉. Я встал рано. Улица залита солнцем и оживлена нарядной публикой. Цветники изящны — от них ветерок доносит благоухание. Все несет удивительную культурность, стройность, гармонию. Приятно видеть образцовый порядок во всем и удивительную чистоту. Тяньцзин небольшой, но красивый, богатый город. На небольшом клочке земли — вся Европа и Америка. Совершенно неожиданно в Тяньцзине я видел много русских всевозможных категорий, но очень много продавщиц в магазинах, в кондитерских. В Пекине русских также немало.

Разбудив Маршалла, я пошел с ним по глав[ной] ул[ице] Тяньцзина с целью присмотреться, познакомиться с магазинами: мне и Пшевику предстояло кое-чем обзавестись, так как мы все обносились. День прошел очень быстро. Жалел я, что не имел адреса Грани Щаповой.

18/V, ☽. В этот день я встал очень рано, с зарею, так как сегодня приезд в Т[янь]цзин моего Пшевика. На день позже, чем я писал, телеграфировал и ожидал. Она, бедная, имела массу всевозм[ожного] багажа, не смела беспо-

коить им Дуд[укалова], который ехал в Маньчж[урию] один. Его, Пшевика, соседом в посл[едние] дни был интересный юрист Пергамент, с которым потом мы познакомились в Пекине.

С приездом Пшевика мы вскоре занялись покупками — приобрели все самое необходимое. Так как я был осведомлен о рауте в Пекине, то пришлось заказать смокинг, серую пару, ботинки (лаковые и простые), белые рубахи и проч. В общем, с коллекциями (нефр[иты], клуазоне и проч.), с гостин[ицей] пришлось истратить свыше 1500 рублей да еще поднести в дороге несколько ценных подарков. Дороги отличные издания «Пекин» и др.

Т[янь]цзин, как европейский город, нас мало интересовал, но жить в нем не худо.

Следующие дни **19 и 20 мая** мы много беспокоились с покупками и со сборами в Пекин, так как 20/V, в ☿, предстоял обед-раут в мою честь в Русском посольстве.

Наконец с Т[янь]цзином мы покончили: мы на вокзале и даже в поезде; нас провожал И. И. Серебренников, акклиматизировавшийся в Китае. Его жена даже говорит по-китайски, учительствует; сам он заведует русской библиотекой в Т[янь]цзине. На память о встрече он поднес мне две книжки: «Сибиреведение» и «Путеводитель по Пекину».

Ровно в 4 часа м[естного] вр[емени] наш поезд пошел на Пекин и в ½ 8-го был на месте. Мы прибыли вовремя, но нас задержали на таможне около 5—8 минут, немного поковыряли, ничего не взяли и отпустили душу с миром.

Мы быстро добрались до «Wagons Lits», получили номер, и Пшевик помог мне скоренько собраться в посольство. Оказывается, в Т[янь]цзин отправлена была телеграмма посольством о том, чтобы я непременно прибыл, так как на 20-е назначен раут в мою честь.

Мне пришлось впервые надеть смокинг, лакир[ованные] ботинки, манжеты и проч., галстук не держался и вылезал наверх, мои знакомые меня оправляли, замечая: «Это всегда так бывает впервые!» Я прибыл в полный разгар съезда. Наконец собрались все и пошли к столу. Л. М. Карахан, идя со мною рядом, говорит: «Ваше место vis-a-vis со мною».

Прекрасная столовая, изысканно сервирован стол на 30 кувертов,[201] весь усыпанный розами. Среди приглашенных были американцы, англичане, китайцы. Великолепный обед с чудными винами, с шампанским. За мороженым и шампанским с разрешения хозяина я сказал речь, которая выражала симпатии и благодарн[ость] хозяину, а также и то, что мне приятно было лично поведать о моей экспедиции то, что я уже так много раз говорил в центрах (научных) [в] Ленинграде и Москве.

Вслед за мною сказали слово представители Китая. Они преклоняются перед русскою историческою наукою, перед Владивостокским вост[очным] институтом, должное воздают русским ученым исследователям, но скорбят душою, что их маньчжурские рукописи в целом (описание Маньчжурской династии) находятся в руках русских (после Боксерского восстания[202]). Китайцам ответили, что и теперь еще вопрос, где этим рукописям надежнее храниться: в хран[илищах] Китая или хранилищах Р[оссии] — СССР. На этом и окончились прения-желания.

После обеда перешли в гостиную, где пили кофе, курили. Поговорив кое о чем и о том, между прочим, что в высшей степ[ени] желательно еще

прочесть лекцию в Китайском университете на анг[лийском] языке, официал[ьные] гости разъехались. Свой кружок, со мною и Перг[аментом] засиделся до 12 часов. Потом мило распрощались и разошлись и мы![*]

20/V, ☿. Надо отметить, что вторая моя речь за столом Рус[ского] пос[ольства] была сказана в честь китайцев, которые везде на пути моих экспедиций оказывали мне всяческое содействие и предупредительность. И если вверенные мне экспедиции достигали успеха, то рус[ская] наука обязана быть благод[арна] китайцам. Но в то время Китай еще мало проявлял стремления к европейскому прогрессу, к европейской науке, в особенности к науке географической в широком смысле слова. Надо надеяться, что в настоящее время, при нашем единении с китайскими учеными, с Китайским университетом, китайцы вообще откликнутся в полной мере оказать содействие моей настоящей, современной Тибетской экспедиции, которая нынче летом оставит Ноин-ульские памятники и направится к югу для изучения живой природы и человека Центральной Азии.

На это слово мое китайцы ответили: «Нельзя сомневаться в положительности».

Л. М. Карахан сказал: «Очень хорошо, Петр Кузьмич, это так кстати нам, и мы воспользуемся этой поддержкой в полной мере. Ученые Китая и Университет теперь стоят за Вас».

21/V, ♃. Первый день в Пекине прошел как и прежние: в разговоре по телефону с профессором Ивановым, в осмотре внутрен[ностей] дворца, где нам показывали тронную залу, где принимала мать государыня, большое помещение, где она спала, и т.д. Мы обошли всю богдо-ханскую территорию. Поражает миниатюрность всего: и главных построек, и пагод, и беседок, и цветников-садов. Говорят, такая уютность, пересеченность способствовала уединению, скрытности от глаз постоянного многочисленного люда. Повсюду пруды, иногда с застоявшейся водой, с многочисл[енными] золотыми рыбками.

В заключение, перед выходом, профессор Университета и ректор показали нам в крыше вонзенную стрелу. Это было при осаде Пекина. Стрела была пущена вождем неприятельского стана. По всем углам у помещений располагались вверху драконы, черепахи, змеиные секретари, внизу — огромные сосуды для воды и там и сям, на верхних площадках перед храмами, курильницы.

Чтобы отдохнуть после продолжительных прогулок во дворце, мы отправились в городской сад, бывший частью импер[аторской] резид[енции], и тут нашли ресторан и массу гуляющей публики, преимущественно китайцев с семьями (едят, пьют, фланируют в старых и изредка в евр[опейских] кост[юмах], а то оригинальнее всего — в смешанных). Мы заняли стол у дорожки-аллеи, ели мороженое и наблюдали за китайской жизнью в народе, на досуге.

---

[*] *Дальнейший текст (20 мая—28 мая) расположен в конце третьей тетради дневников (л. 665—670). (Прим. сост.)*

22/V, ♀. Небо полуясное, тепло. Хорошо! В воздухе запах цветов и жужжание насекомых. При осмотрах всякого рода дворцов видишь всюду цветы — камнеломки, пробивающ[иеся] сквозь черепицы, плиты и т.д. Ласточки реют, бабочки порхают. А в ванне я поймал интер[есную] сумер[ечную] ящерицу!

Дома Пшевик занимался переводом моей статьи на английский язык, а я писал биографический очерк для Битнера, по его предложению, и потом послал его к Хрисанфову.

Я съездил в центр[альный] hotel, навестил Васильева, получил от него фотогр[афические] снимки, в компании же с ним, на рикшах, возвратился к себе в «Wagons Lits». В[асильев] обещал навестить нас всснепременно.

По возвращении домой открываешь окно, куда врывается свежий, бодрящий воздух. Часто, в особенности по утрам, берешься за перо и на открытках пишешь приветы друзьям. Открытки, бумага, конверты — к услугам обитателей отеля. Внизу к вниманию вашему книжный магазин, киоски с китайскими предметами, картины на стенах, антикварный уголок европейской женщины с пушниной и т.д. Только нужны деньги.

Мой Пшевик все сидит за переводом.

Днем нас навестил А. Н. Васильев, доставивший большое удовольствие Елизавете Владимировне, как наш ургинец. А[лексей] Н[иколаевич] любезно предлагал компанию с автомобилем на так называемые западные высоты.

Дни бежали за днями страшно быстро, незаметно! Так же незаметно надвигался вечер.

За обедом мы встретили Томсонов, приехавших из Тяньцзина. После обеда мы обыкновенно поднимаемся вверх, к себе, а внизу идет вовсю модный танец фокстрот.

Ложились мы всегда в свое время — около полуночи, часто с открытым окном.

23/V. Утро приятное, теплое. Пшевик читает мне перевод с русского на английский (мой доклад). Я написал большое письмо Вере Владимировне: интересно, как она отнесется к нему?

Наконец, мне удалось побывать на китайском базаре — нечто вроде пассажа, где масса нефрита, бронзы, всяких безделушек, много антикварного. Меня больше всего интересовали, конечно, статуэтки, и я внимательно на них останавливался. Преобладали Амитаюс, Будда на алмазном престоле, Тара или Дархэ, и совершенно отсутствовали докшиты или ламы; только в одном месте, у одного продавца, я нашел отличную статуэтку «Лама на лотосе» и после долгих торгов приобрел ее за восемнадцать сер[ебряных] долларов (мексиканских).

Посещение музея-пассажа было бы не закончено, если бы я не приобрел эту симпатичную статуэтку, которая мне так с первого взгляда понравилась. Купил я ее вместе с А. И. Ивановым, который умеет торговаться.

После обеда я отправился в полномочное представительство и там прочитал лекцию о Хара-хото. Слушателей было много, мне очень хотелось заставить публику смеяться, и мне это удалось без особых трудностей: я был весел и мне все далось легко. Присутствующие соотечественники благодарили дружно.

Тут же Битнер произнес: «Получено известие, что в Японии новое землетрясение, сильно пострадали Киото и Осака, в Кобе докатились ослабленные волны».

Я ушел домой в сопровождении компании из Ивановых, Пергамента и других. Мих[аил] Яковл[евич] Пергамент на минуту зашел домой взять лучшую розу и пошел со мною к Елизавете Владимировне, где просидел с лишком за полночь: ему не хотелось уходить, а нам желательно было еще и еще послушать интересного профессора международного права.

Васильев прислал письмо, что его дамы заняты, и мы должны были подум[ать] о комп[ании].

24/V, ☉. Ночью выпал дождь, тепло-тепло. Мы пьем кофе в компании с mr Маршаллом; я очень обрадовался встрече с этим симпатичным спутником. Тут до некоторой степени выяснилась наша поездка на западные высоты, к месту могилы Сунь-ят-сена и в Летний импер[аторский] дворец, на постройку которого затрачено было свыше 40 миллион[ов] лан серебра.

Приехав в автомобиле в гостиницу, располож[енную] у подошвы, — красивую, белую, с массой цветов, от которых несется благовоние, и попив чаю, мы уселись в паланкины и с остановками поднялись очень высоко на скалистые, лесные склоны, с массой храмов и пагод, откуда открывается роскошный вид на Пекин, но мы его не видели по случаю пыльной вуали, которой был пронизан воздух. Пагоды-храмы красивы, с родниками и бассейнами с крупными хигоями. Пруды окаймлены высоким бамбуком.

Спустились, немного посидели и поехали по направл[ению] к Летнему дворцу. По дороге остановились и высоко-высоко поднялись к месту упокоения велик[ого] революц[ионера] Китая. Потом поехали дальше; по дороге, в ресторане, увешанном портретами высоч[айших] особ, обедали. Мимо нас то и дело сновали автомобили то в ту, то в другую сторону.

Наконец и Л[етний] дворец, в котором мы сильно устали, так как много ходили и очень высоко поднимались — до основания деревянной беседкообразной части дворца. Попутно очень интересовались бронзовыми беседками, установленными на бел[ом] мраморе, высоко расположенным буддийским храмом, облицованным буддами и рядом памятников, один из которых колоссален и выделяется не только вблизи, но и вдали.

Прекрасно прогулявшись, я еще успел сходить в Русское посольство поблагодарить и попрощаться с Караханом. Пшевик тем временем уже начал складывать манатки, так как за багажом должны были явиться слуги около 6 часов утра, но их усердие иногда не знает пределов.

25/V, ☽. Нас подняли страшно рано — ранее, нежели следовало, и несколько раз беспокоили то спросом указаний, то денег. Наконец мы на вокзале, в поезде и едем по направлению Калгана, на СЗ. Кругом — поля и селения, вдали тянется поперек Ханькуйский хребет. Мы приближаемся к подошве, переменяем паровоз на специальный — горный, прицепляющийся сзади, двигаемся силой давления на хвост. Это очень остроумно; прободаем 3—4 горных отрога тоннелями и постепенно достигаем вершины хребта. Тут устроена интересная стрелка: поезд у вершины доходит до тупика — станция, получает облегч[енный], или обыкновенный, паровоз с тыла и тылом — передом катит вперед, в расщелину и на северный склон для по-

степенного выхода из Ханькуйского ущелья. У тупика, при горной высокой станции, красуется монумент китайцу — инженеру-строителю этой первой дороги. Американец по воспитанию, он стоит во фраке, глядя на восток, к путнику из столицы Китая — Пекина.

Теперь поезд шел быстро. Мелькали островки полей китайцев на самых недоступных площадках, на крутизнах склонов гор. По выходе из гор опять равнина в середине с речкой и мостом, который нередко подтапливается от периодических ливней. Маршалл был свидетелем такого явления и сутки простоял на жалкой станции, прежде нежели поезд имел возможность с большою осторожностью идти дальше.

Воздух насыщен пыльной дымкой, горизонт короткий. Около 1—2 часов мы в Калгане. Нас встретили две машины, и мы вскоре вкатили во двор «Pioneer Inn», где были встречены громкими приветствиями и предупредительностью.

Тут мне вручили письмо от моего Пшевика из Харбина от 6/V с. г.

Отдохнув, вечером долго слушали новые пластинки на граммофоне, приобр[етенном] Маршаллом, английскую симфонию. Она так велика, что хватит слушать и назавтра, вечером.

26/V, ♂. Прозрачно, но сильный ветер гонит облака то от одних гор, то от других. Частые дожди мало способствуют очищению атмосферы. В пустынной степи, по нашей дороге, идут большие, сильные дожди, испортившие дорогу! Приходится ждать, отчасти из-за неисправности дорог и неиспр[авности] автомобилей.

Решаем выехать в четверг, но на самом деле выступаем в путь в пятницу, 29/V.

В Калгане мы встретили Ларсона, который поднес мне несколько интересных снимков Эндрюса в лагере моей же экспедиции.

Пользуясь свободным временем, я посещал город и убедился, что здесь, на базаре, в простых лавчонках можно купить немало археол[огических] находок, добыв[аемых] земледельцами при распахивании полей. В своей коллекции я имею два оригин[альных] образца.

28/V, 29/V. Нудно тянулись среда и четверг, к радости нашей выглянуло солнце, и мы утром, в ♀, на трех машинах покатили в пустыню Гоби!

День был серенький, слоистые облака обложили все небо. Мы поднялись на перевал у башни и покатили. В Маэтане снарядились как следует и пустились дальше. Пошел дождь, настоящий, с которым мы и прибыли в Чэпсырь.

Мокро, сыро, холодно, бррр! Еда и чай согрели, ночь дала св[ежие] силы, и мы покатили вперед до Орлена, где китайцы разбудили нас очень поздно, и мы 30/V утром до ущелья с потонувшими верблюдами и после наблюдали очень много орлов, сидевших на телегр[афных] столбах или на возвышениях вообще.

Ущелье «потонувших верблюдов» носило следы недавней высокой воды. С краю стремительно шел поток, что захватил караван верблюдов с вьюками и поглотил девять животных. Вьюки валяются повсюду в русле. Тут, во влажном песке, мы застревали; я снимал, но, так как после дождя сила света была велика, пустын[ные] снимки оказались все передержанными.

Вскоре мы миновали границу Китая и Монголии и прибыли затем в Уддэ, где А. И. Валов с женою приветливо встретили нас. Мы долго стояли.

Дальнейший переезд: вследствие необычайных ливней в пустыне грязь, в особенности в глубине впадин. Нам приходилось делать большие объезды, терять время и силы и с большим трудом удалось прибыть среди глубокой ночи в грязный Сайн-усу.

Валовы в Уддэ вместе с монголочкой будут ждать моих обещанных снимков.

С 1 на 2/VI мы сидели в грязи по нескольку раз; даже другие автомобили не в силах были вытащить погрязшие автомобили. Собственно говоря, застревала одна машина, 2-го посыльного, значительно перегруженная. Мне думается, она была перегружена из-за нас с Пшевочкой, нашего багажа. Не будь нас, часть клади была бы помещена на наши сиденья и все 3 машины были бы одинаково нагружены и шли одинаково.

С Сайн-усу, где все было налажено отлично и откуда к Чойрэну пролегает превосходная, ровная дорога, мы вначале было понеслись как стрела, среди мелко усыпанной гальки,* но скоро выяснилось, что мы так быстро следовать не в состоянии. У нас поломка и неисправность обнаруживались на каждом шагу. Самое большее, что мы ехали непрерывно, — это в течение ½ часа, а то 15—10 и даже 5 минут. Мы все приходили в страшное отчаяние; главное, дорога гладка, как пол, и ровна, как стрела, погода летне-теплая. Бывало, разгонимся, так легко, приятно, как вдруг — стоп машина.

Даже флегматичный mr Томсон и тот немного раздражался.

В конце концов, на Чойрэн, отдел[ьную] темную седловинную гору, мы долго-долго взирали и с большою радостью ее достигли уже вечерком. Приятно было размять ноги и самому отдохнуть. Обед был готов, и мы здорово поели.

Знакомые телеграфисты, так я называю семью отшельника-телеграфиста, приветливо встретили нас. Но пойти в горы, в их оригинальные ущельица не представлялось возможным из-за двух обстоятельств — прежде всего из-за позднего времени, а затем — усталости. Здесь нач[альник] телегр[афа] подарил мне сурка, только что убитого палкой в сос[едних] горах. Но снять шкурку со зверька мне пришлось самому. Мне мило помогала симпатичная девочка Паля, дочь телегр[афиста], она держала мне зверька и умно беседовала со мною, расспрашивая, откуда и куда мы едем, кто я такой, почему интересуюсь зверьками. Мы говорили о горах, о птичках, о могиле монгольской, о всякой всячине.

«Здесь, — говорит мой юный собеседник, можно сказать, ребенок, — очень скучно, редко проезжают такие хорошие люди, как вы, с которыми можно поговорить; еще реже проез[жают] с детьми — девочками. Вот когда я бываю рада, играю с ними, но зато с отъездом некот[орых] хорош[их] скучаю!» По окончании работы с сурком мы уселись с нею на качели; она, качая меня и монголку, пела с последней монгольские песенки. Я прислушиваюсь к монгольскому яз[ыку], многое понимаю. Чувств[уется] большой слух у моей юной приятельницы, а звонкий голосок мог пленить всякого.

---

* Верст за 40 не доезжая до Чойрэна, с юга, в равнинах, ровных или слегка покатых, залегают массы голышей, красивых, блестящих, которыми увлекаются пассажиры и собирают.

Потом Паля вдруг говорит: «Пойдемте, дядя, я покажу вам горы и монгольскую могилу!». Девочка крепко ухватилась за мою руку своей изящной ручонкой, и мы пошли гулять, успели немного поглядеть, но моя спутница смертельно боялась змей.

На Чойрэне мы съехались с к[омпанией] Васильева, мило встретились, перезнакомились, и моя Елизавета Владимировна примкнула к их лагерю в целях назавтра, по дороге в Ургу, стрелять соколов. С ночи мы расстались. Меня тронуло, что моя маленькая знакомка прибежала попрощаться со мною, заставила меня встать и еще немного погулять с ней, покачаться на качелях и послушать ее красивые песенки. Милый ребенок, с искрой божьей в симпатичной головке.

5/VI, ♀. Только 3/VI я имел возможность вернуться домой, в Ургу, видеть вновь мой дневник и начать писать в него сегодня. А когда же мне удастся описать путешествие в Китай: впечатление от пустыни Гоби (дна моря Хан-хай), Калгана, жел[езной] дороги через перевал Хинган, исключительное впечатление от Пекина, его исторических памятников, Тяньцзина, массы всевозможных людей? Моя 3-недельная поездка дала очень много сильных впечатлений; перед моими глазами пронеслось много картин природы — и мертвой, и живой, у меня есть сравнительный материал, и я все постараюсь описать последовательно, но это постепенно, понемногу; теперь же буду стараться писать изо дня в день, не упуская дня, а пополнить пробел удастся последовательно-постепенно.

В общем, я очень доволен поездкой, осмотром Гоби, но самое сильное, глубоко интересное впечатление я получил от Пекина. Пекин в целом и в исторических частях произвел на меня сильное, чарующее впечатление. Понемногу я начинаю видеть в себе перемену или переход от изучения природы к исследованию человека, его истории, культуры. Вот где мое призвание, но из этого еще не следует, чтобы я не имел глубокой любви и преданности к природе, в особенности дикой, девственной природе.

Меня, носителя идей и заветов учителя, одинаково чарует и природа равнин, и природа гор, в особенности гор с лесом, альпийскими лугами, ледниками и их стремительными потоками — звонкими, серебристыми звуками и голубыми, прозрачными волнами, в которых брызжут фонтаны лучей с красивыми радугами.

Быстро несясь в автомобиле, закрыв глаза, порою я чувствую рядом с собою тень Н[иколая] М[ихайловича] и его верблюдов; я невольно думал, как велика сила гения, прогресса, чтобы в период с 1870 года до наших дней изменить до такой степени средства передвижения. Пржевальский ехал, тащился в китайской телеге с Пыльцовым до Калгана около двух месяцев, тщательно изучая природу страны. Я ехал в автомобиле два дня или даже менее того — всего 43 часа. Сильно-сильно я вспомнил своего обаятельного, великого Ник[олая] Мих[айловича]. Его я вспоминаю всегда, да ведь я же всегда, находясь в путешествии, плаваю в общей с ним сфере. Верил ли мой Н[иколай] М[ихайлович], что из его Кизо выйдет путешественник — последователь своего учителя, искренний носитель его идей и заветов?

Однако остановимся на главном — на хронологическом повествовании нашего житья-бытья. будем говорить о том дне, **3/VI**, когда еще ночью, в

2 часа, быстро понеслись в автомобилях (3) все вниз-вниз по направлению к северу. Дорога пыльная, сухая, воздух прохладный, встречный ветер холодит лицо. Чем быстрее мы двигались, тем ярче мигали и светили огоньки фонарей, а мы словно утопали или проваливались в бездонную пропасть!

А восток светлел все больше и больше, светлел и загорался пламенем. Стали вырисовываться контуры деталей гор и прилежащих холмов; птички вспархивали с дороги, тушканчики ее пересекали. Наконец утренние сумерки, а за ними ранний бледный день. Хор пернатых певцов уже немного смолкал, он начался с самою раннею зарею!

Впереди шли две машины, мы, в третьей, замыкали шествие, на нас валила клубами пыль. Наш шофер игнорировал ее и не хотел понять нашего желания держать больший интервал. Он отпускал сначала вторую машину, а затем на всех скоростях несся с силой ветра до почти полного приближения к ней. Интересно было любоваться и смотреть за полетом попутных птиц; коршунов мы легко обгоняли, но по отношению к больдурукам — пасовали.

Дорога чудная: степная, крепкая и ровная, словно стрела, иногда едешь долгое время быстро-быстро и с соблюдением плавности. В таких случаях получаешь одно отдохновение и, пожалуй, нередко и вдохновение! Там и сям пролетают Syrrh[aptes] parad[oxus] или грациозно скачут Gazella gut[turosa] et subgutt[urosa].

Дали замыкались отдаленными горными грядами, словно высокими, застывшими волнами, соединявшимися в узел и вновь расходящимися по широтным направлениям. На столбах телеграфа сидели хищники — степные орлы, Buteo et Gennaia. Одни из них испуганно улетали, другие сидели начеку или совершенно спокойно, поводя головою в сторону двиг[ающегося] автомобиля. Замечено, что одна машина мало пугает птиц или антилоп, но две-три гораздо больше.

Мы не стреляли, где можно было, пускали машины во всю силу бега. К сожалению, мы долго-долго стояли из-за исправления погрешностей, преимущественно второй машины. Досадно часто бывало, едва тронемся в путь быстро, плавно, как вдруг стоп машина — мечты и грезы пропадают, сменяются грустью, унынием! Уныло смотришь на тех верб[людов], которых только перегнали с гордостью и которые теперь обгоняют нас!

Вдали виднелись высоты, они перешли в горы Гурбу-тологой, которые определ[яют] собою расстояние, говорят о приближении к цели. Опять вступили в складки гор, замелькал щетиной еловый лес — предвестник Богдо-ула, появились ущелья, народились ручьи, образов[ав] речку — чистую, серебристую, окаймленную шелковою муравою бирюзовою. Не бирюз[овой], а изумрудной луговиною, манящею к себе, чтобы разлечься на ней и утонуть в мягкой природной постели.

Еще дальше — горы, восточное крыло священного массива утопает в лесной зоне, сверху открывается вид на дол[ину] Толы. Белой точкой блестит радиотелеграф, его шесты высоко тянутся к голубому небу Мы идем все вместе, стройно и без остановки проходим через мост, долину, два поста. Мчимся по долине Толы к Урге. Вот полпредство, вот Половинка,[203] а вот и площадь Парламента — Великого Хуралдана, но главное — таможня и все ее прелести.

Впрочем, по отношению ко мне таможня была изысканно вежлива, представила полную возможность не теряя ни минуты отправиться домой.

Невольно чувствую уважение к вниманию моего приятеля Д. Р. Ринчино! Еще несколько минут, и я дома — собачки, старик-китаец, наш общий любимец Вася Гусев, рядом пара лошадей и русак со словами: «Здравствуйте, Петр Кузьмич!». Оказывается, с 28/V сидит в лагере экспедиции Кондратьев, привезший керамику и ковер, получивший подкрепление средств и продуктов и ждавший меня.

Кондр[атьев] доложил мне о работах, об оконч[ании] [разработок] Верхнего кургана, его прелестях. Мы наметили ряд вопросов к разрешению, принципиально я согласился на командировку С[ергея] А[лександровича] в Петроград с коллекциями, о которых просит Н. П. Горбунов (конечно, по подсказу С. Ф. Ольденбурга).

Мы говорим о закладке шурфа-ямы в самом верхнем, или головном, кургане ущелья Гуджиртэ. Этот курган будет последним. Последним! Мы ждем от него непременно чего-то нового из археологических находок! Занятно будущее кургана: что скрыто в его глубине, какая сама глубина и план постройки погребальной камеры? Этот месяц будет свидетелем всего этого!

В долине Толы мы встретили полпредовский автомобиль с Линде, Онищенко и другими. Успел с ними перемолвиться: с Линде о телеграммах, с Онищенко — о получении перевода или просто присланных денег от прав[ительства] в размере 12 000 руб. (7½ [тысяч] золотом, 3500 в ам[ериканских] дол[ларах], 1000 руб. черв[онцами]).

4/VI, 2. Утро ясное, прозрачное, в воздухе прохладно, дали открыты!

Ну вот, забыл было сказать о заключении вчерашнего дня. Прежде всего возвратилась в автомобиле моя Пшевочка с огромной добычей. А[лексей] Н[иколаевич] и доктор по дороге от Чойрэна до Урги убили 14 больших гобийских соколов Gennaia saceroides и 4 экземпляра сарычей мохноногих (Buteo). Дело было горячее: охотники с автомобиля стреляли птиц во время слета их с телеграфных столбов. Пер[вый] сокол был убит в 60 милях севернее Чойрэна, а последний — милях в 50 южнее Урги. До Гурбутологой было добыто 8, после — 6. Сарычей было также много, вперемежку с соколами. Несмотря на то что мой Пшевик некот[орым] ранним птицам освободил желудок и всем без исключения положил спирту (в вате — в рот и задн[ий] прох[од]), птицы испускали зловоние. Но так как эта добыча очень ценная в научном отношении, то пришлось мобилизовать все нал[ичные] силы. Я, Пшевик и Гусев — втроем тотчас засели за препарирование. Птицы были мясисты, но не жирны, в зобах некоторых из них лежало много размельченной мышиной мякоти, испускавшей зловоние. Мы работали на открытом воздухе.

И в это самое любопытное время вдруг является ко мне мой друг mr Эндрюс с компанией. «Ба! — замечает американец. — Mr Козлов при исполнении своего ученого долга». Я с восторгом обнял mr Эндрюса и расцеловался с ним! Беседа носила простой, непринужденный характер, и мы обменялись самыми последними результатами наших экспедиций, их деятельности, открыли друг другу карты на будущее и условились непременно встретиться в окрестности Бага-богдо — массива Монгольского Алтая и прилежащего к нему в северной котловине озера Цаган-нор.

И я, и Пшевик, мы вскоре же закончили препар[ирование], но Гусев до рассвета возился с птицами.

Кондратьев отпросился на шахматное состязание! И тем не менее по возвращении домой до сна снял одного сокола. «На заре, — говорит Гусев, — мы с С[ергеем] А[лександровичем] легли спать!»

Утром, 4/VI, мы все встали рано и принялись за работу с птицами. Работа шла успешнее. Я переговорил с Кондратьевым, получившим огромное подкрепление, и отправил его в Суцзуктэ; Кондратьев был все время в неловком положении. И действительно, необдуманно оставил археол[огический] лагерь (правда, там только что был заложен шурф), прибыл на паре лошадей, с человеком и жил, слоняясь без всякого дела, неделю в Урге. Лошади и человек томились в летнее время в сухом дворе. Животн[ому] нужен был корм свежий, растительный, человеку — полевая работа. Никак не научишь современных работников быть всегда умелыми, сообразительными. Уехал К[ондратьев], и мне стало гораздо легче, приятнее! Со мною, кроме Пшевика, были простые люди — Гусев и возвратившийся из Сангина препаратор Канаев (очень кстати). Работа с птицами пошла так быстро, что к вечеру все птицы были отпрепарированы. Люблю я спутников именно из простых людей (не мудрствующих лукаво): они наиболее полезны для сбора научного материала, надо лишь уметь достаточно практически подготовить их.

И как мне не вспомнить состав Монголо-Камской экспедиции. То были люди один другого лучше: Казнаков, Ладыгин, Бадмажапов, Иванов. Все эти люди отдавали экспедиции весь свой ум, силы, знание. А Иванов! Такого заведующего караваном, его хозяйством нигде больше не найдешь! И много-много раз — и в прошлом, и наст[оящем], и будущем — я вспомню моего неизменного товарища пяти центр[ально]азиат[ских] экспедиций, вспомню моего доброго ворчуна «Ваньку».

В беседе с Эндрюсом я узнал, что он отправляется в пустыню Гоби сегодня, поэтому после 1 часа дня я направился к нему. Эндрюс проживал у Маршалла. Я прибыл к обеду, и вместе с моим другом поговорили. Его очень интересовали размеры Орок-нора, характер и высота Ихэ-богдо, но больше всего вопрос: пройдет ли его машина в долине Эцзин-гола и на запад от последнего, туда, куда с еще более далекого запада забредают дикие верблюды. Чем отличаются эти последние от домашних, и как велик и далек от Гашун-нора район диких лошадей? Надо помнить, что есть Гашун-нор другой, в Джунгарии; вот там-то и обитают такэ (хор и сюр), горные и степе-пустынные Equus Przewalskii.

Расставание было самое трогательное: уверение в дружбе, преданности и свидании в горах, в области долинного соленого озера Цаган-нор.

Потом я вернулся домой и по дороге зашел к Цокто, в это время подкатил авт[омобиль] америк[анского] путешеств[енника], и мы еще раз свиделись с Эн[дрюсом]. Он меня просил выразить Васильеву глубокое уважение, привет и извинение, что Э[ндрюс] не имел времени навестить его: mr Vasilyev только что возвратился, а mr Andrews уже уезжает! Я, конечно, обещал сказать А[лексею] Н[иколаевичу] все переданное Э[ндрюсом] мне в самой лучшей форме, чтобы не оставить в полпреде СССР чего-либо об Э[ндрюсе] неприятного.

Остальную часть дня я сидел дома и писал дневник или телеграммы с письмами.

5/VI, ♀. Утро ясное, дали бесконечны, на душе легче.

Около 11 часов прибыл Цокто, поговорили немного. Цокто Гармаевич дал мне машину проведать полпреда. В полпредстве идет своим чередом работа. С А[лексеем] Н[иколаевичем], как всегда, встретились прекрасно, говорили о разных делах вообще и в особенности остановились на «новеньком дельце», на осуществлении проекта «близкого подступа к Тибету». На пункте Су-чжоу! Посадить там наблюдателя «за экономикой», иначе за дорогами — путями, ведущими в Джунг[арию] и Вост[очный] Туркестан, с од[ной] стороны, и в Собственный Китай — с другой, и за «тропой паломников» в Лхасу, неподалеку от Су-чжоу ... Нинь-ся,* Ань-си, дорогой, которой обыкновенно пользуются монголы.[204]

Принципиально, конфиденциально, набросали штрихи нашего предприятия, нашего плана поездки на машинах через всю Монголию, до сев[ерного] подножия Нань-шаня.

Между прочим, говорили и о деньгах — о серебре в Верхнеудинске. Мне кажется, что полп[редство] позарилось на присланные СНК деньги в Тибетскую экспедицию и хочет отделаться от серебра плиточ[ного], променять его на присланную валюту. Я категорически отверг это и заметил А[лексею] Н[иколаевичу], что было время безденежья в Р[оссии] [и] в М[онголии] и что вслед за его отъездом в Москву вскоре ко мне поступил ряд запросов об уступке серебра торговцам. К сожалению, я уже не располагал серебром, оно было взято полпред[ством] частью из экспедиционного склада, частью из Бердиевского торгового учреждения, кстати сказать обменивавшего нам серебро более или менее добросовестно. Исходя из курса Госторга мы и произвели расчет с Юдиным и Меркуловым в такой мере, что, скорее, эксп[едиция] переплатила полпр[едству], нежели недоплатила, в размере приблизительно 70—100 рублей. Для этой цели, для примерного погашения долга Тибетской экспедиции, ей пришлось учинить спешный обмен золота на доллары, с убытком конечно, чтобы только урегулировать финансовые взаимоотношения.

Васил[ьев] с этого неприятного для него разговора перешел скорее к существенному — к способам выполнения поездки на машинах в Су-чжоу! Предлагает совместно разделить [оплату] пробега 3 автомобилей по пустыне Гоби и ее хребтам (поперечным) на пути экскурсии.

Лучшим временем для этой цели, по моему мнению, будут месяцы август—сентябрь, осень. А[лексей] Н[иколаевич] говорит: «Мое: машины, продовол[ьствие], переводчик, проводники. Ваше — снаряжение, оружие (винтовки, наганы с соот[ветствующим] кол[ичеством] патронов), палатка, котлы, сосуды для воды и т.д.» Не имея под рукой карты Ц[ентральной] Азии, нам трудно было ориентироваться, хотя я и без карт угадал и расстояние, и направление, и распол[ожение] нужных жилых пунктов и т.д.

В заключение переговоров условились с А[лексеем] Н[иколаевичем] о свидании и более детальных переговорах у меня вечером сегодня или завтра. Кажется, действительно А[лексей] Н[иколаевич] понемногу ликвидирует наши и свои дела и собирается осенью вернуться в Россию! Ему нужно отдать и отчет денежный. Поэтому он и поднял вопрос о плиточном серебре, не проданном в В[ерхне]удинском банке.

---

* Юй-мынь-сянь.

Дома — писание, сортировка коллекций, думы-мысли о предстоящем: о снаряжении экскурсий в глубь Центральной Азии и о моей поездке с А[лексеем] Н[иколаевичем] в машинах до подножия В[осточного] Наньшаня. «Но есть ли право в кармане на посещение Китайских пределов в Монголии?» — спрашиваю я своего собеседника-спутника. «Пока нет, но К[арахан] в Пекине заверил меня, что оно непременно будет добыто в недалеком будущем».

Вечерком я с Пшевиком пошли навестить милых Ринчино, у которых запросто посидели за чайком! Д. Р[инчино] вечно занят и до и после чая должен был возиться с почтой.

Около 10 часов вечера мы были дома. Ночь ясная, прохладная. Полная Луна озаряла сонную Ургу и спящую девственную красавицу Богдо-улу.

6/VI, ♄. Полуясно, прозрачно; прохлада быстро переходит в тепло.

Почта принесла лишь два письма — мне от мадонны и Котику из дома.

Вчера я отправил две телеграммы: в Петр[оград], в Географическое общество, и в Москву — Н[ине] Е[вгеньевне] и письмо Володе. К следующей почте надо подготовить писем побольше: и Лиле, и Бедн[яковой], и А[поллинарии] А[лексеевне] [Родионовой] во Францию.

Сегодня отправил проявить снимки и вновь напечатать с негатив[ов] и позабот[ился] заказать ящики для упаковки коллекций, как археологических, так и естественно-историч[еских], преим[ущественно] зоологич[еских].

Итак, время бежит. Нас навестили Жамцарано, Дуду, с которыми приятно было поговорить о многом. Жамцарано с трепетом ждет имеющих выехать 15/VI из Москвы исследователей Монголии на средства, отпущен[ные] в РАН под чудным впечатлением резул[ьтатов] экспедиции.

Мне лично из предстоящей компании более других интересен Г. О. Боровко! Геологи — каменщик и почвовед — также входят в состав исследов[ателей] Монголии.

Давно я не ходил в столовую обедать, сегодня вместе с Пшевиком ходили, застали в ней, между прочим, Д. П. Першина, сильно одряхлевшего; он справедливо жалуется на слабость ног, отказывающихся носить его тяжелое тело.

Суп мясной и пирожки блинчатые с мясом, в придачу стакан чая — вот вам и обед! Конечно, не в этом дело, а в чистоте, ненакуренности и многолюдстве, но главное, надоедает ходить пешком свыше версты в один конец по пыли и камням.

Под вечер заехал Цокто Гармаевич, по пути к себе на дачу, чтобы захватить моего Канаича. На смену Бадмажапову приехал А. Н. Васильев, зашел было в помещение, полюбовался чучелами птиц, зверей и, так как в помещении музейного характера летом душно, попросил меня прогуляться, подышать в огороде, обсаженном деревьями. Мы забрались в глубину огорода и там, присев, смогли поговорить о деле.

Через ½ часа появился Дуду, приглашенный в нашу компанию. Еще значит[ельно] раньше прошли в помещение к Елизавете Владимировне две молодые дамы — дочь и жена А[лексея] Н[иколаевича]. Мы все направились в дом. Вскоре Васильевы уехали. Дуду — хмурый, грустный — остался. Он просидел с нами часов до 10, поужинал и укатил восвояси.

Почитав немного записки о наблюдениях птиц и зверей Пшевика, я лег спать, тогда как Пшевик еще долго занимался, но зато она и позже меня встает!

7/VI, ☉. В воздухе тепло, сухо, и дали велики, но уже присутствие пыли ощущается. Сегодня намечено посещение Маршаллов, надо с ними поговорить, поблагодарить и т.д. Надо побывать и у Жамцарано, с этим человеком общение всегда интересно и поучительно.

До 2 часов дня сидели оба — и Пшевик, и я, будучи привязанными к своим рабочим столам, занимаясь с птицами и журнальными пометками и укладыванием или приготовлением к укладке чучел, шкурок птиц. Ведь мы оба отсутствовали — и я, и Пшевик, и дел набралось бесконечно много! Примерно через недельку мы сможем разгрузиться, нам будет свободнее, представится возможность заняться приготовлениями в дорогу, с одной стороны, и посещением Суцзуктэ, с долгим там пребыванием — с другой.

Прогулялись напрасно обедать — столовая оказалась закрытой. Я ворчал, так как по камням и пыли не особенно приятно зря бродить, Пшевик молчал.

Гусев чем-то накормил нас, а сам отправился в другую, еще более грязную столовую и там пообедал. В. Г[усев] немного сердился: «Даже не сказали накануне, что на воскресенье закроют».

Оба мы отправились навестить Маршаллов около 5 часов дня и там застали всю их деловую компанию. Попили чая, послушали новые пластинки прекрасного граммофона и отправились к Жамцарано. Нас проводили до ворот, и мы все восхищались лучшею, несравненною по привлекательности горою Богдо-ула, ее богатой и пышной зоной леса, волнами обвивающего весь северный склон до подошвы или ниж[него] пояса священного массива.

На мое замечание: «Ведь здесь только и есть хорошего — это гора: чистая, прекрасная. Без нее Урга ничего не стоит, ведь правда!» На это мне mrs Маршалл сказала: «А для меня самое дорогое — это вот то направление на ЮВ, тот разлог среди гор, по которому проходит дорога в Калган и далее через Пекин, Тяньцзин в Харбин, к моим родным!»

Жамцарано оказались дома, они незадолго перед тем возвратились из прогулки в Богдо-ула и теперь немного отдыхали. Мы с удовольствием просидели до 9 часов, попили чайку и достаточно побеседовали о наших самых близких, насущных вопросах экспедиции, ее работах, результатах и даже о ее предстоящих перспективах.

Жамцарано энергично поведал мне, как он будет говорить с новыми лицами, в особенности с археологом, с Боровко. Может быть, иначе сложатся его отношения с геологами. Говорили также о предстоящей нашей экскурсии к Богдо-уле: очень хочу под ее чистую, красивую, живительную сень!

8/VI, ☽. Ночь и утро облачные, серые, со слабым ветром. На далеком горизонте пыльная дымка. Мы, по обыкновению, на ногах с 6—7 часов утра и после чая принимаемся за свои дела: Пшевик вновь возится с птицами, я пишу, Гусев — у себя.

Канаев наш опять в долине Толы, на Сангине, наблюдает и стреляет птичек.

Около полудня я побывал в полпредстве. Хотел говорить с Линде, но он и А[лексей] Н[иколаевич] заседали с двумя представителями власти Мон-

голии — Цэрэн-Дорчжи и Д. Ринчино. Вероятно, Монголии предъявлено нечто неприемлемое тем генералом Китая, который ныне проживает в Урге; его дом отмечен часовыми (солдатами-монголами). Заседание длилось несколько часов. Мне удалось переговорить о деньгах с Б. И. Онищенко и условиться с ним таким образом: мне выдадут на руки пока лишь одну тысячу (червонцами), 7½ тыс. зол[отых] обещают обменять в банке на кит[айские] сер[ебряные] долл[ары] — 1 за 1, т.е. 7500 к[итайских] с[еребряных] д[олларов], которые можно будет получить через несколько дней. 3500 в амер[иканских] долл[арах] будут находиться в полпр[едстве] и будут обменены на к[итайские] с[еребряные] д[оллары] в лучший, наиболее выгодный, момент и погасят нынешние 1000 к[итайских] с[еребряных] д[олларов] и могут служить запасом для выдачи по моему требованию в будущем.

Минувшей ночью пострадали две машины с людьми: одна, управляемая Гочитским, с бурятами, другая — полпредская с шофером Осиповым, с русскими. В обоих случаях положение тяжелое, сильные ранения, увечья. Говорят, оба водителя машин пострадали.

Я посидел у молодых дам за чайком; и Е. В. Вас[ильева], и Н. А. Онищенко были милы и любезны.

Нас навестил mr Маршалл, и я поднес ему подарок — золотой портсигар, а mr Томсону — изящную коробочку для его жены, на память, за их услугу свозить нас в Китай и обратно.

Днем мы оба продолжали заниматься птицами. К вечеру поднялся западный ветер, поднял пыль, омрачил воздух. Позднее пошел редкий дождь, очистивший атмосферу.

После 6 мы навестили Васильевых. Пили чай, беседовали, рассматривали снимки, А[лексей] Н[иколаевич] поднес мне его лучший снимок (домашний), который мне так сильно нравится.

Обратно мы свернули к Маршаллам на огонек и посидели до 10. Тем и закончился наш день.

Тучи обложили все небо; ночью полил обстоятельный дождь, смочил землю и хорошо помыл растительность. Китайцы толпятся в огородах: они очень любят огор[одное] дело.

9/VI, ♂. Полуясно, тепло, зелень выглядит нарядной. Ждем почты. Мои снимки в пустыне неважны: кое-что есть, но желательно было много лучше. Свет так силен в пустыне, что, несмотря на момент[альные] снимки, все же они с передержкой; лучше других типы. Все это обстоятельно надо принять к сведению, иначе в Монголии не получ[ится] прил[ичных] снимков.

Проверил барометры открыванием и запиранием и спиртовой промывкой трубки, шкалы и металл[ических] частей.

Сегодня в воздухе дымка, сухой туман, возможно, что это отзвук дыма от пожара леса. Только с утра не было пыли по случаю ночного дождя, но к полудню пыль вздымалась не только от машин и всадников, но даже и от прохожих. Что за страна, что за город грязи Урга; нигде я такого безобразия не видел.

Однако пора укладывать археологические коллекции, время нас не ждет, я очень хочу путешествия на юг, в область гор Монгольского Алтая и в прилеж[ащие] равнины.

Приступили к укладке, представляется возможность в один из ящиков уложить все содержимое Мокрого кургана, за исключением, конечно, керамики и целой, неповрежденной урны. Сверху археологии уложим птиц и зверьков до полноты ящика. Это будет кстати. Второй ящик попытаемся наполнить богат[ством] Верхнего кургана.

Вечер провели у Цокто. Разговаривали на разные темы, строили многие предположения по отношению к предстоящему активному путешествию.

В заключение взяли у Бадмаж[апова] костюм (тяньцз[инский], шерст[яной]) для Пшевика и в тишине и темноте ночи возвратились домой. Тяжелое впечатление вынес я, слушая подробные рассказы Цокто о крушении двух автомобилей, ведомых Гочитским и Осиповым. И всегда ищи причину и непременно найдешь ее в вине, в повышенном настроении.

10/VI, ☿. Утро полуясное, сухое, теплое; в воздухе висит дымка, сокращающая дали. На нашем огороде возятся китайцы: поливают, сажают, очищают. Любо-дорого наблюдать за этими аккуратными, любящими землю работниками.

Почта принесла несколько писем, я получил три — все очень приятные: два от Е. Е. [Шведерской] и третье, заказное, большое, деловое от Нины Евгеньевны. Письма от друзей — искренние, хорошие, любящие — всегда приносят огромное удовольствие и приближают к ним. Так и сегодня, невольно все оживилось, встало в памяти и вновь манит к родному северу!

Сегодня я с Гусевым уложил 1-й ящик для Петрограда: Мокрый [курган] — лучшая часть, ковер Верхнего [кургана] и верх заложил зверьками и птицами. 55-й готов. Надо пока укладывать мой с этнографией для О. П. и верх тоже с птицами.

После обеда зашли к Щаповым, попили чайку, поговорили о Тяньцзине, о Гране, и я очень скорблю, что не воспользовался случаем побывать у нее, познакомиться с мужем, вероятно, с ними побывал бы и в концерте, и в театре.

Около 6 часов поднялся сильный западный [ветер], принес тучи пыли и омрачил воздух.

Вечер провели дома, играя во дворе с собачками, у нас их четыре, за исключением одной, матери двух, все молодые, а одна совсем еще большой щенок, охотничья, белковая, с необычайной ловкостью носится из стороны в сторону, когда ее отпустят на свободу!

Ночь ветреная, прохладная, сплошь облачная.

11/VI, ♃. Утро такое же неприятное, как и ночь. Богдо-ула угрюма, сонлива. Я иногда задумываюсь над вопросом, почему люди не склонны или мало склонны верить в хорошее, идеальное. Почему люди смотрят тупо, безучастно и не идут навстречу тем, которые просят за человека о том, чтобы ему помогли в несчастье, почему? В наше тревожное время это обстоятельство особенно чувствуется. Как хочется иногда своим положением помочь действительно хорошим, честным людям, но ты бессилен в этом!

Заехал mr Маршалл, который был любезен доставить меня на машине в полпредство. Тут встретил А[лексея] Н[иколаевича] и Дадиани, от которого узнал о напечатании в «Известиях» ЦИК моего «Мокрого кургана». В пол-

предстве же получил 2 тыс[ячи] золотом и 1 тыс[ячу] в червонцах. Расплатился с Маршаллом и т.д.

Уложен второй ящик для Петрограда, № 59, с этнографией, но он должен храниться в помещении моей квартиры до возвращения экспедиции на родину.

Не знаю, когда сможет Васильев поехать со мною в Суцзуктэ, где я так давно был и где накопилась масса дел по всем отделам, в области которых работает экспедиция? Случайно заходил к нам Вильский, проезжавший из Хары мимо нашего лагеря. Теперь действительно интересно быть среди природы горной, степной, пустынной!

А мы сидим дома и «ждем у моря погоды»; утешаюсь, что не все!

Ночь полуясная, дов[ольно] прохладная; продолжает дуть холодный северный ветер.

12/VI, ♀. Утро также и полуясное, и прохладное, продолжает дуть свежий северный ветер. Сегодня написал два письма: в Петроград Ш[ведерской] и во Францию А[поллинарии] А[лексеевне] с Лилей. Время проходит, лагерь в горах Ноин-ула томительно ждет меня — дождется! Сегодня я просмотрел мою статью в «Известиях» ЦИК. «Новые достижения Тибетской экспедиции. "Мокрый" курган». Не убавлено ни одного слова, и, что особенно приятно, наша статья начинает собою вторую страницу, тогда как прежде мои сообщения помещались всегда на третьей странице, в середине.

Кроме того, сегодняшняя почта принесла нам бумажечку-документ от ленингр[адского] отделения Главнауки на 2540 руб. 41 коп., выплаченных Тибетской экспедиции за добавочн[ых] членов экспед[иции], и письмо от Н. Г. Бок с новым извещением о высылке статьи о нашей экспедиции.

Сам я написал сегодня три письма: два во Францию, Родион[овым], и в Петроград — Лиле.

По-прежнему обедать ходим в русскую столовую, обеды порядочные, по-походному. Днем занимаемся: я до сумерек, мой Пшевик — до 11—12 часов ночи. Накопилось много залежей — шкур, скелетов и спиртовых коллекций, которые следует привести в порядок для отсылки в Петроград или теперь, с Кондратьевым, или потом, через полпредство.

Вечерком посетила нас местная буряточка — девушка Тоня, наша старая знакомая по Урге. Ее брат, студент восточных языков в Петрограде, нередко захаживал к нам и даже одалживался.

Перед ночью, в сумерках, бегаем по двору вместе с нашими собачками — играем.

Периодически слышны оригинальные звуки монастырских труб и всего духовн[ого] оркестра. Я часто в такое время одеваюсь потеплее и гуляю долго-долго. Звуки больших труб потрясают воздух, ноты вибрируют, и все в целом родит воспоминание о пребывании в Лавране, Гумбуме.

13/VI, ♄. После 7 часов утра небо постепенно очистилось от облаков и стало нежно-голубым, красивым-красивым. Воздух заметно нагревается, так как ветер переменился, стал западным, до сего же времени дул от холодного севера. Вообще говоря, погода улучшается, становится настоящей летней. Солнце начинает пригревать ощутительно.

Сегодня получена бумажка от Н. П. Горбунова с копией письма С. Ф. Ольденбурга. Последний так или иначе не хочет упустить связь с

Т[ибетской] экспедицией и вместо РГО становится в роль опекуна. Я люблю Ольденбурга за его энергию, инициативу, за его уместные подсказы, все это хорошо, но нельзя же чересчур расписывать, что нам нужно делать, как делать и каким путем разыскивать те или другие памятники. О фонографе мы и сами думаем, а синема даже имели, но пришлось отказаться от этой затеи. Конечно, надо вновь все это наладить, нужны и пластинки фотографии. Обо всем этом следует подумать и завтра же написать и Горбунову, и Ольденбургу.

Идет упаковка зоологических коллекций для Петрограда, и мыслим о летн[ем] движ[ении] на юг.

Мы дома, никуда не уезжаем, даже не катаемся за отсутствием средств. Сидишь и ждешь, и не знаешь, когда уедешь в свой любимый лагерь — Суцзуктэ.

14/VI, ☉. Чудное утро: голубое небо, яркое солнце, тишина. Священный массив торжествен! Звуки пропеллера в высоте: летят две машины над Ургой, ее восточной половиной и маймаченом, описывают круги, спускаются над полем севернее английского дома.

В воздухе чудно-прекрасно; болит душа — грешно сидеть дома! Когда же Алексей Николаевич наконец снимется!

После обеда вдруг подул западно-юго-западный крепкий ветер, принесший массу пыли. Однако с 4 часов вновь погода изменилась к лучшему, вновь стало тепло.

Я знакомлюсь с книгами Waddell[205] и по искусству Китая. Очень сожалею, что в одном из лучших антикварных магазинов не купил круглый нефритовый диск на подставке, точь-в-точь такой, какой добыт нами при разработке Мокрого кургана. Это обстоятельство надо принять к сведению при следующей поездке или поручить купить такому знатоку, как наш Ц. Г. Бадмажапов. Вообще, я всегда бы при пребывании в Китае, в Пекине, от времени до времени заходил бы в Китайский [университет] и тщательно бы его исследовал и по части буддийских статуэток, и по части образцов нефрита.

Сегодня заходила к нашей Пшевочке по-праздничному одетая Н. П. Шастина, которая, между прочим, сказала, что ей перестал писать один из членов Тибетской экспедиции — Павлов после ленингр[адских] заседаний!

Вечер, по обыкновению, дома: гуляем в сфере нашего огорода, подернутого зеленью, и любуемся на девственную красавицу Богдо-улу. Со стороны площади слышны голоса монголов и монголок, то быстро скачущих, то тихо проходящих и останавливающихся и подзывающих к себе необычайно звонким голоском китайцев на пару-другую интимных слов. Как-то раз я стоял невдалеке, наблюдая за пролетавшей бабочкой, и слышал разговор с китайцами одной еще довольно молодой монголки, возле которой стояла совсем молоденькая симпатичная девушка. Оказывается, монголка предлагала девушку «для нежности», мотивируя свой поступок безденежьем. А деньги так нужны! Я очень задумался и пошел в д[ругую] сторону. Номадки, заметив меня, быстро исчезли.

15/VI, ☽. Как и вчера, сегодня день жаркий с раннего утра, в 7 часов — 21.2°С. Выйдешь — на солнце печет! Теперь бы, как в прошлом году, находиться «под сенью душ[истых] сосен».

Проведал Жамцарано. Он ухаживает за своей больной женой, страдающ[ей] головн[ыми] болями. Узнал, между прочим, что Владимирцов приезжает в Кяхту 20/VI, а следовательно, скоро объявится и здесь, в Урге. Геологич[еская] партия прибудет значительно позднее.

После обеда я съездил в полпредство и виделся почти со всеми главными деятелями. А. Н. Вас[ильев] еще из-за двери своим тенором или баритоном говорит мне: «Петр Кузьмич, в среду, в среду!». То есть едем на Суцзуктэ в среду! Я не совсем поверил, но сделал такой вид!

В течение дня написал несколько писем: Вол[оде], Н. Е. Басковой и Лиле. Только сейчас я вновь перечитал мою статью «Мокрый курган» и еще более доволен ею, нежели при чтении в первый раз.

Вечер провели симпатичным образом у милого А. А. Дудукалова, посмотрели на его деловое создание «Управление Зоотехнической станции» и немножечко побеседовали о Китае, Монголии и даже Америке, куда сплавал наш Дуду.

Перед сном побегали по двору экспедиционного помещения с собачками.

16/VI, ♂. Погода та же — летняя, теплая, сухая, приветливая; воздух полон живых звуков, преимущественно жужжания насекомых. Экспедиция проживает в трех пунктах: Урге, Сангине, Суцзуктэ.

Последние дни много думал о Петрограде, Москве в связи с просьбой выслать находки в Ленинград, письме Ольденбурга и предстоящем приезде «ученых-специалистов».

Обыкновенно я все важные вопросы обдумываю на свежую голову, при пробуждении. Сегодня также я проснулся позднее 5 часов утра и до 7 часов думал, редактировал телеграмму в Москву, Кремль, Н. П. Горбунову: «Верхний курган дал блестящие результаты; ценности Верхнего и Мокрого высылаю. Необходимо распоряжение полпредству Монголии и станции Верхнеудинск [об] оказании посланному экспедицией содействия. Разработку последнего кургана закончу [в] июле. [В] половине июля направлюсь [в] Монгольский Алтай. Необычайный успех вызвал необычайные траты, 12 000 получил, половину израсходовал. [В] связи [с] письмом Ольденбурга прошу срочно выслать дополнительные 10 000 золотой монетой, потребной [к] расходованию [во] Внешней Монголии. Козлов».

Вот в какую форму вылились все мною продуманные мысли об экспедиции.

Принесет ли нам что-либо интересное сегодняшняя почта из России, с родины?

Между 11—12 часами дня заезжал ко мне А. Н. Васильев предупредить, что ранним утром «маргаш» мы втроем едем в Борота, Ц[зун]-модо и Суцзуктэ; просил быть готовым к 6 часам утра. В. Гусева нет и нет: занят усиленно хлопотами о бумагах для Елизаветы Владимировны и для охотников.

Новый сотрудник поднимался по лиственничному лесу, вверх, на северный склон Богдо-улы. К сожалению, из животной жизни, кроме тарбаганов и коршунов, ничего не видел.

С запада прибегали высокие вихревые столбы пыли не только по долине, но и по горам, их северным отрогам.

Под вечер зашел пан Ежо, Иосиф Янович. Я давно хотел его наградить за огромные его заслуги перед Тибетской экспедицией по отношению к

историческим памятникам Ноин-ула. Сначала мы мило поговорили: я поведал ему историю народов, погребен[ных] в этих могильниках, и обстановку их погребений. Собеседник мой внимательно меня слушал; обещал ему подарить книжечку о Ноин-ульских памятниках, и т.д. Обещал заехать к нему на горн[ый] хутор.

Вскоре пришла моя Пшевочка, устроили ужин, в заключение которого в кратких словах я сказал Ежо, что нас сблизило; в знак моей благодарности я поднес ему прекрасные золотые часы Мозера,[206] на память. Иосиф Янович, по-видимому, был растроган, волновался и, сколько смог, выразил со своей стороны свою высочайшую трогательную благодарность. На этом вечер мило закончился.

С запада неслись темные тучи, падал слегка дождь, периодический порывистый ветер стучал в ставни.

Я окончательно собрался в Суцзуктэ, где меня заждались. Когда-то А[лексей] Н[иколаевич] заедет за мной, когда-то мы снимемся с места? Ночь промелькнула незаметно.

17/VI, ☿. Воздух после дождя тих и прозрачен. Чуть прохладно. К ½ 7-го часа утра я совершенно готов, жду Васильева. Погода вполне благоприятствует, барометр пошел кверху. Мой Пшевик дома с Гусевым.

А[лексей] Н[иколаевич] предуведомил, что отъезд состоится около 11 часов утра. Таким образом, удалось получить почту в наш адрес. На сегодня немного: письмо Пшевику и статья от Н[ины] Е[вгеньевны] в 24 страницы (пришла по случаю разр[ешения] Главнауки). Пшевик огорчен известием о болезни Володи. Мамик в отчаянии и большой тревоге за предстоящее.

Около 12 часов дня заехал за мною А. Н. Васильев с женою, и мы покатили в Цзун-модо. Правил сам полпред. Нас бросало, но тем не менее мы ехали удовлетворительно круговой дорогой; встретили Лидочку (с поросятами). На этот раз мы прямо направились на Дадэхэ, оставив к СЗ Борота. Мне было интересно узнать новую, близкую дорогу, миновав, таким образом, Боротские болота, или топи.

Дадэхэ в самое последнее время пострадало: оно выгорело известной придорожной китайской частью домов-фанз — около 10. Готовили скопом мясо дохлой лошади, и бурят, перед тем как начать есть, бросил, по обычаю, вверх жертву, обронив искру в солом[енную] крышу. Сильный ветер раздул огонек в пламя, оставившее бедных китайцев без крова, без ничего. Так от селения — китайской колонии — остались одни лишь обугленные стойки.

Через ¼—½ часа сравнительно спокойной езды, любуясь по сторонам на приветливые виды лесных крутобоких гор или внизу на поляны со сплошным огненно-золотым Trollius'ом, мы незаметным образом прибыли в Цзун-модо и, как всегда, радушно встретились с симпатичной семьей Кузнецовых.

Солнце еще хорошо освещало и согревало горные склоны, я снял вид на один из уголков селения и прилежащий горный отрог. Тем временем нас пригласили к чаю в садик, и мы благодушествовали. Вскоре затем, неожиданно для меня, объявились мои спутники — все, кроме Андрюши Симукова, оставшегося в лагере, в Суцзуктэ. Все это было кстати-некстати; кстати для меня и совершенно некстати для А. Н. Васильева и Кузнецовых. Однако мои спутники поняли свое положение и после ужина ушли домой.

Мы легли поздно; я спал неважно под впечатлением быстрых переговоров со своими старшими помощниками. Мой Кондратьев совместно с Глаголевым порешили таким образом: большую восточную экскурсию берется выполнить с изв[естной] частью спутников мой Анатольевич, в то время как Кондр[атьев] отправится в Центр, сдаст коллекции, выполнит прочие второстепенные поручения и вернется в Ургу примерно через 1½ месяца.

В центре Монголии, ее столице, при содействии Жамцарано он займется всецело музыкой. И только тогда, когда из Монгольского Алтая м[ожет] прибыть транспорт с коллекциями, К[ондратьев] соберется в экспедицию. Из Центра он должен доставить фонограф с валиками.

18/VI, 2. Погода переменная, или, точнее, небо перем[енное], то ясное, то облачное. Тем не менее ☉ пригревает порядком, и красиво плывут белоснежные грядовые облака над вершинами гор. Я снял вид от ЮВ на СЗ, тоже на Цзун-модо. Васильевы спали до ½ 11-го. Выехали в Суцзуктэ в полдень, и по приезде пришлось торопиться в хвост и в гриву. Так не полагается, я даже мало видел, мало преподал своим спутникам. Уложив наскоро археологию и птиц и просмотрев сборы растений и насекомых, начали укладывать багаж.

Андрей все еще не усвоил себе надлежащим образом препарирование птиц, а я особенным образом подчеркивал это обстоятельство. Скверно; тут, вероятно, кто-нибудь мудрствовал лукаво; Кондратьев увлекся другой, кабинетной работой. Все современные работники далеко не в достаточной мере дисциплинированны.

Общий порядок, забота об укладке нисколько не были проявлены, и идти на Хару, зная, что я могу ежедневно приехать, по меньшей мере не остроумно! Не представляю себе, что Глаголев сможет справиться с предстоящей задачей поездки вполне удовлетворительно.

Это обстоятельство меня очень заботит, и я чувствую, что выдающейся энергии, как в прежние экспедиции, нынче у меня нет и я начинаю тяготиться экспедицией.

Чуть позже 3 часов мы покинули Суцзуктэ и направились через Мандал. Красоты Ноин-ула, отдаленных на востоке гольцов производили на нас прекрасное впечатление. Я по-своему переживал все это очарование, особенно сильно, конечно, при виде ущелий Сугу-нур и Баин-гол и прилежащего к ним района все тех же гольцов.

Мандал — долина с простором, с богатыми пастбищами теперь заполнена кочевниками, их многочисленными стадами. Рядом русские селения и кочевья монголов.

Не сразу решили, куда идти — в ущ[елье] Халцзан-дабан или пуститься в круг[овой] объезд. В конце концов поехали Халцзаном, вблизи верш[ины] которого встретили тройку Воробьева, а у подножия «дабана», все на одном и том же северном склоне, на такой же отличной тройке, мы наблюдали молодую, богатую монголку, пристально смотревшую в нашу сторону.

Халцзан порядком набил бока, тем более что нас ехало, или сидело рядом, трое! К сумеркам мы наконец были дома; разгрузились, все внесли, и я тотчас разобрал археологию, главным образом открыл ящики и рассортировал самое необходимое.

Моя Пшевочка собиралась в Убулун, и я радостно застал ее дома.

Мы долго не спали, много разговаривали и много строго, вдумчиво говорили о том, что Пшевочка так хорошо отметила в своем дор[ожном] стихотв[орении]: «неосторожно детские мои шаги». Она еще так юна, девственно чиста, что ее современные типы не понимают.

19/VI, ♀. С полночи гроза, дождь, смочивший землю дов[ольно] порядочно. Как хорошо, что мы вовремя выбрались из гор, а то легко можно было перемочить наши археологические ценности. Мой бедный Пшевик собирается в Убулун и уже готов туда отправиться и отправился с китайцем-извозчиком.

С утра я писал дневник, потом рассматривал археологические находки. Особенно хорош большой подгробный ковер; очень любопытны образцы тканей с новыми рисунками всадников, оленей крылатых, петухов, два обрывка тканей с серебристыми чудесными рыбками, изображенными, словно в аквариуме, в сосуде с раструбом наверху для удобства наливания из него напитка. Повторились орнаменты в изящных шелковых тканях (ромбы), украшавших внутренн[ость] гроба. Также не менее ценен костюм, [состоящий] из широкого халата, кальсон и необычайно огромных штанов с футлярами (цветными, с прекрасн[ыми] орнаментами), оканчивающимися войлочными полусапогами. Потом следуют куски от потолочного ковра. На них цветисто изображены стрелки, метящиеся в птицу со змеею в клюве.

Не менее ценны и металлические барельефы овцебыков и диких коз; овцебыки изображены стоящими на скалах с повернутой головой, по сторонам — деревья. Изображения животных сильно напоминают таковые, хранящиеся в Эрмитаже со времен Петра I.

Боровко, вероятно, сильно интересовался бы; жаль, что он не сумел подъехать вовремя.

Перед тем как укладывать образцы археолог[ических] ценностей, я пригласил Жамцарано, который с интересом рассматривал все наши результаты работ. Восхитился большим ковром, костюмом и всем тем, что нами указано выше.

Кондратьев усиленно собирается в Ленинград и Москву. Сразу, с места начал хлопотать о документах, пропусках всякого рода и проч. А я с Гусевым тщательно укладываю коллекции. Понемногу все подвигается вперед! Одно дело следует за другим.

Около 3 часов выпал порядочный дождь, вновь смочил землю, там и сям стоят лужи. Темно-синие, серые тучи все время висят над массивом Богдо-улы, далеко по сторонам. Явился Вася Марчук, просится с нами в путешествие; надо подумать, но не сразу решать. Сегодня, между прочим, уложили археологич[еские] коллекции и закончили [укладывать] второй бидон (со змеей, сомом, ящерицами, маленькими рыбками и насекомыми).

Писанием занимался довольно долго, почти до полуночи.

20/VI, ♄. Утро почти ясное, прозрачное, природа ожила, умылась, украсилась; даже нижний, луговой, пояс Богдо-улы и тот отдает зеленоватым оттенком вместо пустынного.

В течение нескольких дней моя Пшевочка понаблюдает за жизнью пернатых на Толе. Она должна будет не только собрать орнитологич[еский] материал, но быть участницей в трудах географии, в ведении съемки, опи-

сания местности и обитателей. В целом ее труд можно представить нечто вроде самостоятельной работы.

С утра за писанием и фотографией: снял рога оленя, двор и Лидочку с Васей.

Сегодня получил два письма: от Оли (дочки) и Саши Вишнякова.

Гигрометр показывает [большую] влажность воздуха.

Кондратьев не объявился со вчерашнего вечера, вероятно, хлопочет о предстоящем отъезде.

Вася Гусев возится с укладкой и обшивкой коллекций для Петрограда.

Отсутствие моей родной Пшевочки сильно заметно — большая пустота, грустно! Опять была Лидочка с Васей, их не выпускают без монгольского паспорта. Ежо также. Говорят, последний сильно по-польски горячился, протестовал, но ничему не вняли и принудили брать паспорта.

Вечерком заходили ко мне соседки-монголки: мать с очень нарядной румяной девушкой в золотистом шелковом костюме, красиво запоясанной в талию кушаком и в русских коричневых модных сапожках; я угостил их чаем и папиросами.

21/VI, ☉. Ночь ясная, прохладная, утро сплошь облачное, воздух чист, прозрачен. Весь день сижу дома, пишу статью «Верхний, или Знаменитый курган», а также завертываю птиц и вместе с Гусевым укладываю ящики для отправления в Петроград.

Мой Пшевик прислал письмецо из Убулуна, где недурно устроился в д[оме] Тугариновых. Бедненький, сильно прозяб и подмок в дороге, но китаец был услужлив и обязателен. Теперь Пшевик охотится, исследует местность и пополняет заметки.

Между прочим, явились ко мне Онищенко и доктор, просили невода ловить рыбу в Толе на условии: треть из всей пойманной рыбы будет принадлежать мне. Но так как невод еще не вынут и не насажен, то мои гости уехали ни с чем. Доктор привез материю для [чучела] волка, чтобы сделать ковер из этого зверя.

Б. И. [Онищенко] и доктор очень внимательно осматривали образцы зоологических сборов, а Б. И., между прочим, про меня заметил: «Спит на полу»!

Утром, по пути домой, заезжала Лидочка проститься, она с Марчуком, вероятно, приехала. Вечерком я пошел к Геранцевым, вблизи их дома встретил Веру и Мар[ину] Бадмажаповых, поговорил с ними и отправился по назначению.

У Геранцевых время провел самым лучшим образом, по отношению ко мне эти люди удивительно милы, любезны, предупредительны, в особенности А[нфиса] Г[еоргиевна]; оба они проводили меня до самого дома.

Так как было около 11 часов вечера, то я вскоре и лег. Ночь полуясная.

22/VI, ☽. Чудная погода: ясная, тихая, небо нежно-голубое, солнце яркое, теплое, природа ласкает и внутреннюю, и физическую стороны человека и зовет его в южную даль, откуда нередко прибегают жаркие струи раскаленного в пустыне воздуха.

Сегодня принесли мои снимки, проявленные. Оказались прекрасными, хорошими и неудачными; последние из старых стекол. Я доволен снимками

Цзун-модо и Лидочкиными. Она, в общем, должна быть довольна своими фотографиями.

Сегодня же написал письмо Горбунову и бумагу в Совет Народных Комиссаров об увеличении ассигнования на Тибетскую экспедицию в размере 16 тысяч рублей валютой по 5 тысяч в год на обследование В[нутренней] Монголии и на обслед[ование] котловины озер Эцзин-гола.

С Маршаллом прокатился до Бутуруна и по бол[ьшой] шир[окой] Китайской улице. Сегодня отлично пообедал в русской столовой; попутно видел Вильских: Миш[ину] жену и Дору.

Днем, от 3 до ½ 6 часа, у меня были дочери Иды Павловны Бадмажаповой Верочка и Маринка; той и другой я подарил по колечку с красным камешком, а Мариночке, кроме того, и цветную ленточку для завязывания косы. Девочек угостил чаем с усладеньками; они заводили граммофон, прыгали, резвились, с интересом рассматривали альбомы, птичек, зверьков, всем радостно восхищались.

Наши писания и укладка приходят к концу, а об автомобиле ни звука; положительно не могу представить себе время, когда направится в путь мой С[ергей] А[лександрович]!

Вечером все дома, чужих, по обыкновению, никого; улеглись спать рано.

23/VI, ♂. Утро грустное, кислое, дождливое. Б[огдо]-ула укутана облаками, воздух насыщен влагой и открывает глубокие дали.

Сегодня попробую уложить ящик с росомахой и беркутом для Зоологического музея. Уложен и второй, исключительно с птицами, коих всего 181 экземпляр, 3 зверя и один скелет.

Почта принесла сразу семь писем в мой адрес, одно Пшевику и по одному — Глаголеву и Крыжановскому. Дождь периодически падает в течение дня, тучи в большей или меньшей степени не оставляют небо. По луговому откосу подножия Богдо-улы трава отрадно зазеленела.

Мои дорогие друзья прислали мне по два письма; очень благодарят за письма мои из Китая. Как мне хочется скорее получить полную свободу действия, хочется отправить Кондратьева с коллекциями; отправив, я приступлю к сортировке имущества, делению его на три части: оставить здесь, выделить для Глаголева и для Пшевика. Время идет, необходимо подговорить подводчиков в глубь Гоби.

Что-то поделывает мой Пшевик в Убулуне, Канаич в экскурсии и мои мальчики в Ноин-уле? Я им завидую. Пожалуй, следовало бы Глаг[олеву] и А[ндрею] съездить в гольцы.

Ночь тихая, ясная.

24/VI, ☿. Утро такое же. Тепло, приятно; в воздухе лишь тонкая дымка.

Сегодня я начал писать деловые письма к следующей почте. Кондратьев продолжаст бегать и закупаться, по-прежнему его привозят после игры в шахматы поздней ночью в 2 часа и позже, потом спит до 10 часов, затем несется как угорелый в город, и так изо дня в день!

Вася Гусев приготовил ящики к печати; все подготовл[ено], когда же уезжает?

Являлась девушка с Иро Д. Всеволодова просить работы, рекомендации, переписки. «Денег нет, жить не на что, выручите, Петр Кузьмич! Надо

платить за квартиру, я живу с братом, который имеет хорошее место в банке, но его заработка на двоих не хватает». Я дал ей возможность, как говорится, обернуться, одолжив им обоим 30 руб., которые Дуня обязалась вернуть по получении ее братом содержания (1 июля). Здесь, да, может быть, и везде теперь, выплачивают за труд в два приема: 15-го и 1-го.

Заезжал mr Маршалл, с которым я отправился в охранку по делу его шоферов, бр[атьев] Посылиных, которые все еще сидят под арестом.

В оба конца, в город и обратно, меня доставили автомобили; с mr Маршаллом я прокатился вперед, по городу, а потом меня домой дост[авила] машина полпр[едства].

Под вечер заходили ко мне соседки-монголки — нарядные две сестры (замужняя и девица) посидеть, выкурить папиросу, посмотреть иллюстрир[ованные] издания и т.д. Я показал им стереоскоп с видами городов, уголков природы, типы и проч., они громко выражали восторг, прибегали к просьбам пояснить им то одно, то другое.

Этот же стереоскоп унесла Тоня, как только его увидела, — сначала с целью приобретения в собственность, а потом, получив мое несогл[асие] прод[ать], с целью показать родным.

Обязательный mr Маршалл разменял нам 600 зол[отых] плиток на мексик[анские] доллары.

Я всегда дома, мы с Гусевым. Нашу компанию разделяла компания собачек.

Погода приятная, летняя, с молодой Луной.

25/VI, 2. Чудно в Монголии, далеко в ее глубине, к югу от Урги, даже во все стороны — куда угодно, но только не в самой столице Монголии. Думаю, хорошо даже в ущельях Б[огдо]-улы, в особенности прелестно в среднем и верхнем поясах, укрытых лесом, а там, с юга, в уединенном монастыре Маньчжушри, там тишина.

Заходил в библиотеку Ученого комитета, взял экземпляр словаря, говорил с Жамцарано по поводу верблюдов, по поводу оставления при Учкоме Монголии нескольких ящиков с имущ[еством] и т.д. Зашел и к Ринчино, попросил его относительно военного автомобиля, который идет в ближ[айшее] воскресенье, т.е. 28/VI, и, говорят, утром.

В банке выдают серебро в мексик[анских] долларах с условиями: часть золота, часть русского сер[ебра] и, конечно, большую часть в долларах.

Для Кондратьева все готово, не знаю только, когда он наконец уедет! Пока что он очень связывает нам руки тем, что сидит тут, тогда как его место в дороге.

Жамцарано сообщил мне о приезде проф. Владимирцова и Барадийна, буду надеяться встретиться с этими интересными для меня людьми и поговорить с ними.

Наконец явился И. И. Кормилин с Н. Н. Мартинелли для запечатывания ящиков с коллекциями, отправляемых в Петроград, в специальные музеи. Двигаемся.

Кондратьев бегал из конца в конец по городу, разыскивая военного спутника. Я с Гусевым, по обыкновению, дома, дышим огородным воздухом и невольно наблюдаем за китайцами-огородниками, постоянно сидящими в грядах.

26/VI, ♀. Ночь, как и утро, в тонких перисто-слоистых облаках, чувствуется сух[ость] воздуха. Сегодня почтовый день, сдаем корреспонденцию и получаем сами, кто счастливый. Как и следовало ожидать, сегодняшняя почта ничего не принесла ни мне, ни другим участникам Тибетской экспедиции.

Заготовлены письма: Ольденбургу, Шокальскому, Бялын[ицкому]-Бируле, Лиле и Володе, не считая соседа-забайкальца П. С. Михно. Шокальскому приложил копию письма Ольденбурга, а последнего и академика Марра Н. Я. прошу выслать мне фот[ографические] снимки с моих археологических находок в горах Ноин-ула, в С[еверной] Монголии.

Принесены отпечатки с моих негативов; Ц[зун]-модо — отлично, Лидочка также, рога оленя, монголка из Уддэ и ущелье с леском, севернее Уддэ, и даже господа Валовы, отшельники пустыни, — тоже. Не знаю, где же остались два негатива: Пшевик у обо и он же пустыне?

Под вечер посетили меня проф. Владимирцов с Барадийным. Третий спутник — Щербатской — отстал и направился в дацан.

Владимирцов с Барадийным едут на восток Монголии, в верховья рек Толы, Кэрулена проверить или найти старинные монгольские названия местностей. Продержатся около 3 месяцев, Влад[имирцов] может не попасть на торжество Академии, да и не жалеет этого.

Про Ольденб[урга] говорит, что С[ергей] Ф[едорович] весь ушел в заседания и поездки в Москву. Академия готовит отчеты, роскошно изданные.

Предвар[ительный] отчет о наших достижениях гонят на всех парах, с расчетом к юбилею Академии непременно выпустить, чтобы можно было бы дать приезжим гостям. Археол[огические] ценности сосредоточены все в Академии истории материал[ьной] культуры, теперь о передаче их не говорят и исключительно заняты описанием и печатанием.

Боровко, Полынов, минерал[ог] едут скоро сюда, в Монголию. Крыжан[овский] и прочие заняты юбилейными выставками. Следовало бы, говоря по совести, устроить в целом нашу выставку. Я напишу и Ольденбургу, и Шокальскому, дам им обоим эту мысль.

Случайно, наконец, узнал, что осенью 1923 года, в мое отсутствие, Б. Я. Владимирцов в журнале «Восток» поместил рецензию на мою книгу «Хара-хото»,[207] надо непременно теперь же прочитать ее. Хорошо, что библиотека Учкома под рукою.

Боровко останавливаться и копать в Ноин-уле не намерен; его прямая цель — объехать районы могильников, сделать рекогносцировку и т.д. Пора и нам хорошенько приготовиться и поехать в Монгольский Алтай!

Проводив гостей-друзей, я зашел к Геранцевым, а с ними к нам, и посидели в «зеленом углу».

27/VI, ♄. И ночь, и утро ясные, с восточным ветром! Восточный ветер всегда угоняет пыль на запад.

Наш музыкант опять не ночевал дома — по крайней мере не беспокоит никого и не перелезает через забор. Странно, что в мин[увшем] году К[ондратьев] порицал ночные хождения Павлова и его перелезания через забор, а нынче все это сам проделывает лучш[им] образом. Кто поручится мне за Кондратьева, который во мне лично поселил большое сомнение. Я основываюсь на том, что если К[ондратьев] при мне позволяет вести легкомысленный образ жизни, то кто же поручится мне в том, что, предостав-

ленный самому себе в Урге, на всю зиму, вдали от отряда Тибетской экспедиции, но глав[ное], конечным образом, вдали от меня, он будет жить не так? Мне могут возразить: «Васильева не будет!». На это я отвечу, во-первых, тем, что это еще вопрос, а главное, во-вторых, что в Урге так много замен[яющих] отсутств[ие] Васильева возможностей, что этот скользкий путь может быть в отсутств[ие] Васильева еще более скользким.

Во всяком случае, я буду покидать Ургу, не будучи спокойным, может так случиться: и деньги будут брошены, и время улетит, и престиж спутн[иков] К[озлова] падет.

Так или иначе, но мы с Гусевым начали работать в области приготовления транспортов для экспедиции, ее двух партий — Восточной и Западной — в Монгольский Алтай. В течение часа-двух мы пересмотрели нашу схему на один общий караван. Эту схему пришлось применить целиком, разделив на два.

Мой Пшевик прислал из Убулуна письмо: томится, голодает и грустит сильно. Во-первых, тем, что сломал ложе у своего прекрасного ружья, ружья вождя африканского племени «Базето»,* во-вторых, вдали от экспедиции в то время, когда она приступает к энергичным сборам в путь на юг, в Монгольский Алтай.

Ну, сидение ее скоро окончится. Завтра, т.е. в понедельник, 29/VI, ей свезут мое письмо, заедочек, усладенек и проч., а главное — весть, что я скоро приеду, может быть во вторник.

Действительно, очень симпатичен Юдин, черный, как цыган или итальянец.

Вечером я любовался звездным небом в трубу. Пришли Геранцевы, которые также увлеклись астрономией, и мы до поздних часов пронаблюдали** вперемежку с чаепитием и граммофоном. Сильнее и искреннее я привязываюсь к этим симпатичным простым людям! В них есть что-то особенное, сильное, русское.

Кондратьев стремится в Петроград!

28/VI, ☉. Утро полуясное, с востока ветер, силою 1—2 балла. Дали глубоки. Кажется, К[ондратьев] уедет сегодня. Васильев во ♂ обещал выпустить два грузовика. Сомнительно! Я решил отправить Кондратьева сегодня, поэтому выдал ему все: и отчеты, и деньги, и письма, и посылки. Написал Ольденбургу, Шокальскому, [Бялыницкому]-Бируле, Даниленко, Володе и большой пакет Лиле с хадаком, зол[отым] карандашом, слоновой китайской печатью и хорошим письмом. Для тщательного исправления посылаю лучшие золотые часы, Родионовские.

Теперь напишу письмо моему родному, самому любимому и близкому спутнику, моему Пшевику, крестнику Пшевы, т.е. Ник[олая] Мих[айловича], конечно в высоком значении этого слова.

Письмо написал. Его первая часть вышла не совсем приятной. Вторую напишу после. Сегодня впервые обедаю у Геранцевых. Так как Гусева надо

---

* *Так в тексте. (Прим. сост.)*

** На ЮЮВ — Юпитер, на ЮЮЗ— Сатурн, на СЗ, при горизонте, — Венера. Планеты дивные.

отпустить в столовую, а К[ондратьева] проводить, я иду домой рано, невежливым образом, но я обещаю прийти к чаю!

У ворот нашего дома след машины, четверть часа или даже меньше, десять минут, как К[ондратьев] укатил, увез в Петроград материалы и Мокрого, и Верхнего [курганов], и зверьков, и птиц, и этнографию: музыку, музыкал[ьные] инструменты, нефрит и клуазоне, увез отчеты, манатки Павлова, мои личные золотые часы, увез Лиле хадак, карандаш, слон[овую] китайскую печать, увез отчеты и письма.

Около 2 часов дня стал падать дождь, кругом все серо, однообразно, горизонт сократился до minimum'а. Наши выехали с крупными слезами дождя. Но этот дождь вскоре перестанет, так как барометр поднимается. День не для дачников — мокрый, кислый. Хорошо, что я никуда не поехал. Хорош бы я был.

По Урге разъезжают летчики; они, кажется, следуют в Китай, к 8 июля.

Погода пасмурная, дождливая, весь небосклон в темных дождевых тучах. Астрономические наблюдения наши не удались, лишь одна южная звездочка мигала и искрилась, остальные все светила были прочно закрыты.

Вышка соседнего храма была занята уже двумя мол[одыми] людьми, стерегшими нас, чтобы присоседиться к нам на случай наших смотрений в трубу.

Итак, мы только с Гусевым, вдвоем, но скоро наша компания увеличится.

29/VI, ☽. Серенькое, сплошь укрытое облаками небо, воздух насыщен влажностью. Интересно, какой ответ получим мы от Дуду? Свезет он меня к Пшевику или нет? Пшевик здесь необходим во всем своем целом.

Сегодня обещала прибыть в Ургу воздушная флотилия,[208] но не прибыла по случаю довольно бурной погоды. Тем не менее встретить редкую гостью собралась к полпредству большая компания, в целом почти вся Урга.

Тем временем прибыл шофер от Дуду в мое распоряжение, и я тотчас поехал выхлопотать для него билет на право езды в Убулун. Потом пообедали вместе с ним, и он отправился домой, чтобы все настроить, самому собраться и подать мне машину к 3 часам дня.

Лично я быстро собрался в дорогу, так как корзинка с продовольствием уже была готова. Только не было бы дождя, а то иначе всю обедню испортит! Пока небо в среднем состоянии, как говорят, ни то ни се!

Итак, я еду. Чувствует ли это мой Пшевик? И еду прекрасно! Знакомая дорога. У моста останавливаемся, шофер наливает в машину воду, я снимаю вид. Всегда приятно, когда едешь, в особенности после долгого сидения в городе.

Вот первая станция, с белым субурганом, где дорога наша делится на три ветви, а именно: южная направляется в Калган, средняя — в каменноугольные копи и третья — в Маньчжурию, вверх по течению Толы.

Менее нежели в течение двух часов я доехал до Убулуна, где был встречен всеми, во главе с моей Пшевочкой, самым радушным образом. Пшевик, конечно, все селение расположил к себе, поэтому мой приезд только вызвал удовольствие и интерес. Меня встречали улыбающиеся лица, мне кланялись, больше других радушия и внимания проявили, по обыкновению, Тугариновы, у которых мы всегда останавливаемся.

Из других семей мне и Пшевику нравилась семья Андреева, хозяин которой очень тянется к просвещению и поэтому двух своих девочек — Маню

и Калю учит в городе, не жалеет из малого бюджета выделять многое, памятуя, что «ученье — свет». По словам моего Пшевика, эти девочки усердно пополняли сбор насекомых; в самое короткое время они достаточно сориентировались и знали, что именно нужно собирать.

Я зашел к этим славным людям, своего рода колонистам, посидел с ними, поговорил, к великой радости отца и грамотной тетки, я расхвалил девочек за их работы в тетрадях, угостил их шоколадом и таким образом сразу хорошо познакомились. Восторженные девочки показали мне их маленькое хозяйство и проводили меня домой, за 50 саженей, а я сказал: «А я теперь направлюсь гулять на реку!». Девочки вдруг: «Разрешите и нам с вами!». Мы пошли и берегом реки, и полянами, и лесом; мы ходили, сидели, девочки занимали меня вовсю — срывали цветы (много шип[овниковых] роз), втыкали мне в петлицы и очень стройно пропели мне несколько песенок (новых, школьных).

Так прошел с особенным настроением вечер на берегу серебристой Толы.

30/VI, ♂. Вечер был приятный, а ночь облачная, с дождем, почти до зари. Утро полуясное и тихое-тихое, среди лесной растительности.

Встав, я пошел на берег реки, к ее завороту, где прекрасная глубокая заводь, где девочки иногда видят крупных тайменей и где всегда стоит лодка. Я полюбовался вокруг, умылся, вдруг слышу выстрел. Это пальнул мой Пшевик по китайскому скворцу, удачно. Мы рассматриваем птичку с большим интересом; это новый для списка птиц вид, здесь еще не наблюдался. Попили чаю, и я приступил к фотографированию. Не знаю, что выйдет. Снял селение, селяков, отдельно моих девочек, симпатичных школьниц, снял реку, и все.

Немало походил с моими юными почитательницами за скворцами, а в 10—11 часов мы уже распрощались и покатили домой. Почти одновременно с нами все хозяева Убулуна поехали неводить рыбу.

Домой в машине мы также хорошо доехали. По сторонам любовались горами — восточным крылом Б[огдо]-улы, скотом кочевников, ими самими, и наконец — Урга, наш дом, лагерь экспедиции, нас встречают наши препараторы, собачки, и через час-другой мы свыкаемся со своим положением, словно никуда и не уезжали.

Канаич привез птичек, среди них трех тех же интересных скворцов, и много других.

Мы пошли прогулкой обедать, там сидели вместе с Першиным, аппетитно поедавшим пирожки с бульоном. Столовая — это клуб, где можно встретить немало народа. Улицы грязны, на них стоят целые лужи грязной воды.

По возвращении к себе домой мы получили почту из Москвы и Троицкосавска; мне прислали вырезки из газет, самую газету с «Мокрым курганом», заметку о новой экспедиции моей (вернее, написанной Даниленко)[209] и т.д., выдержку из журнала «Хочу все знать» с моим портретом, чертежом и рисунками звериного орнамента и два письма: Михно и Бок. Прочтешь, и кажется всегда, что так мало, хочется большего.

Вечером мои играли во дворе с собаками, а я любовался в трубу светилами: Луной, Венерой, Сатурном и Юпитером. Чудесен был последний: по сторонам точками блестели по два спутника, и все в линию.

С полуночи дождь, воздух еще больше насытился влагой, кругом серо, небо в тучах.

1/VII, ♂. Серое, мокрое утро, нисколько не похоже на летнее утро Монголии. Мы все заняты кто чем: я и Пшевик пишем, Гусев строит ковер волка для А. Н. Васильева. Ветер гонит облака на запад, кренит деревья, завывает, стучит в ставни, и опять падает дождь!

Я и Гусев стараемся исправить ложе у ружья Елизаветы Владимировны, скрепить так прочно, чтобы можно было без ущерба стрелять. На счастье, ложе треснуло наискось, что удачнее, и не до самого конца. Скобы держат основательно; мы пустили крепкого клея, забинтовали с клеем же и в заключение наложили замшевую повязку. Мне кажется, в таком состоянии, при наличии большего внимания, ружье будет служить удовлетворительно!

Как всегда, полезна всякая новая или последовательная экскурсия. Настоящая, только что исполненная Пшевиком, дала новое в том отношении, что открыта тяга вальдшнепов в долине Толы, покрытой деревьями, кустарник[ами] и травянистой растит[ельностью], среди ряда болот, озерков и проч. Тяга по всем правилам, с корхан[ьем] и писком.

Около 1 часа дня прибыл А. Н. Васильев с вновь прибывшим спутником и заявил, что завтра прибывает флотилия и что кино хочет запечатлеть Козловскую экспедицию.

А дождь все идет и идет! Шлейф Б[огдо]-улы отрадно зазеленел! Все хорошо, отлично!

И вечер, и всю ночь до утра продолжал лить дождь не переставая.

Ваня и Василиса Вильские принесли нам молочные продукты: масло, сметану и творог, которыми мы так кстати угостили Васильева с его спутником.

По дороге с обеда я с Пшевиком зашел к Дуду поблагодарить его за автомобиль. Судя по погоде, трудно ожидать воздушных странников.

2/VII, ♃. Где-то теперь посланный с коллекциями в Петроград? Скоро можно ожидать телеграмму. Погода из рук вон плохая, в особенности для Монголии. Хотя после 8 часов с запада появилась отрадная светлая полоска, расширяющаяся больше и больше. Течение воздуха с запада гонит, сбивает серые облака в сплошную пелену. Однако в то же время аэроплан поднялся и пролетел вдоль Толы и Б[огдо]-улы и опустился к аэродрому; вылетал промяться и, может быть, навстречу засидевшимся в Троицкосавске машинам. Да, вот с такими машинами (воздушными) нельзя строго распределять время.

Воображаю, как ждут эти машины там, в Калгане и далее, в глубине Китая.

В течение дня в разное время, говорят, прилетело еще два аэроплана. Бедные авиаторы! Вероятно, им и холодно, и мокро.

Я с грустью взираю на чрезмерно дождливую погоду. Дождь систематически падает, а то и как следует льет; по улицам стоят огромные, часто глубокие лужи дождевой воды. По гребню Б[огдо]-улы все время скользят слоистые облака.

Ко мне приходили монголы говорить о верблюдах, об их найме под вьюки в Монгольский Алтай.

Наша собачка Лори едва передвигается с места, сегодня даже не выбежала, как обыкновенно, навстречу мне, чтобы получить «столовую» подачку.

3/VII. Пишу (9-й час утра), а гром постукивает, грозовые тучи скапливаются над Б[огдо]-улой.

Следует помнить, что дневник пишется не непременно тот же час, как проходит время, — далеко нет, он начинается, идет до половины (более или менее ее, в зависимости от разных обстоятельств, времени, важности происшедшего и т.д.), но всегда заканчивается (у меня по крайней мере) наутро следующего дня, как это видно из вышеприведенной строчки о погоде, о гроз[овых] тучах на Богдо-уле.

Вечер мы прекрасно провели у симпатичных наших Маршаллов. Они очень кстати заехали проведать нас, а мы только собирались к ним, я даже брился, и мы через некоторое время на машине укатили к ним. Хороший ужин, прекрасные пластинки из опер, очаровательные хозяева — все вместе создало отличное впечатление и перенесло далеко от экспедиционной повседневности. Иные выражаются, «встряхнулись!», заставили мысленно пожить по-иному, быть в опере или по крайней мере в симфонич[еском] концерте.

Дождь хлестал по автомобилю, брызги от луж далеко неслись в стороны, лениво убегали с дороги ургинские уличные псы, а мы молчаливо ехали к себе в уютный уголок, «огород», или белый домик.

Наша Лори произвела потомство — писк щенят дал нам знать об этом, лишь только мы распахнули нашу дверь в коридор!

3/VII, ♀. Утро почти ясное, но вскоре голубое красивое небо покрылось вновь облаками. Лори произвела на свет 8 малюсеньких собачек, притом одного неживого, или он погиб вскоре после рождения. Гусев отделил 6 из них и выбросил вместе с мертвым на съедение Milvus melanotis; эти санитары быстро убрали «ненужное», и, вероятно, им показалось это блюдо вкусным, так как они много раз прилетали и кружились над местом, где были выброшены щенята. Лори осталась в объятиях с двумя, заботливо оглядываясь по сторонам.

Был в Ученом комитете, видел компанию наших ученых во главе с Владимирцовым, беседовал немного и с Батуханом. Там же виделся и с монголами — возчиками вьюков. До владений Балдан-цзасака просят по тридцати долларов за вьюк. Удастся ли нанять десять для Восточной, или Глаголевской, экскурсии? Не знаю. Жаль, что нет Гомбо!

Погода из рук вон плохая; дождь стал обыкновенным явлением в Урге и окрестностях. Интересно, как глубоко он проникает к югу, в область степной и пустынной Монголии?

Сегодня маленькая почта в два письма исключительно в мой адрес (от Володи и Н[ины] Е[вгеньевны]).

Пшевик все еще сидит за определением птичек, Гусев возится с ковром из медведя. И та и другая работы скоро будут окончены, и можно будет наконец приступить к сортировке багажа.

Вот только скверно, что не едет к нам Гомбо, а он более чем нужен!

Ночью прохладно, так как ветер с СЗ и дождь все еще продолжает падать.

4/VII, ♄. Воздух насыщен влагой, стояние барометра среднее, облака постепенно редеют. Священный массив очарователен, луговой шлейф Б[огдо]-улы изумрудный, даже северо-восточные соседние холмы, поражавшие еще недавно пустынностью, отрадно зазеленели. Надо надеяться на улучшение погоды в самом ближайшем будущем. Огородная почва сделалась похожей на губку, и китайцы также просят солнца и только солнца и благод[атного] ветерка.

От 12 часов до 1 часа носились над Ургой и северным склоном Б[огдо]-улы два аэроплана, замечательно удачно. Я немало удивлен ловкостью летчиков, их умением управлять машиной в северо-западный крепкий ветер. Оба аэроплана пролетали над площадью довольно низко, немного волнуя народ.

По случаю дня рождения Джимы Маршалл Пшевик и я с 5 часов до 11 часов провели у наших друзей-англичан. Какую массу подарков получил старший мальчик Маршаллов — уйму; отмечены были и наши — изящные тюлень и собачка.

Там же, у англичан, я прочел нашу ургинскую газетку, фельетон Юдина «20 минут в воздухе». Интересно, живо! Так хочется слетать подальше, к юго-западу, в соседство массива Бага-богдо, к американской экспедиции моего приятеля Эндрюса. Это было бы весьма интересно, знаменательно и поставлено на хороший вид перед америк[анцами].

Ночь дивно-прекрасная. Почти полная Луна на чистом небе картинно озаряла сонную монгольскую столицу!

5/VII, ☉. Воздух прохладен и чист! Небо полуясное. Богдо-ула молчаливо-торжественна. С высоты полуголубого неба несутся отрывочные звуки воздушной машины. Красноклювые клушицы как угорелые мчатся вдоль от еще более громких ее звуков. Даже наши собаки и те стали неистово лаять, в особенности Индра, смыш[леная], чуткая особа.

Однако надо скорее и скорее собираться в дорогу. Ведь там, в глубине, только одно живое, чистое, хорошее, что так властно и в то же время нежно-трогательно зовет к себе!

Как пройдет для нас, для экспедиции, остаток нынешнего лета? Я от души желал бы, чтобы в Китае не было никаких таких потрясений, которые могли бы отразиться на интересах и спокойствии Монголии, в частности Урги, еще не залечившей всех ран от движения Унгерна и гаминов. Право, зачем вражда, зачем мешать народам жить так, как они сами того желают!

Около 11—12 часов дня ко мне вдруг объявились двое сравн[ительно] мол[одых] людей. Один из них — Михельс, сотрудник «Известий», секретарь о[бщест]ва «Самолет» по полету Москва—Монголия—Китай и вычислитель метеорологических данных попутных или ...* станций. Каждый в своем роде. С Михельсом я очень приятно беседовал; он много летал, наблюдал, в курсе всяких аэропл[анных] явлений. Его рассказы о полете на машине «Юнкерс» занимательны. Они читают, пишут об увиденном, отмечают картины природы, лес, долину речки, горы, облака, наконец, их собратьев — впереди, рядом или сбоку. Все 6 имеют определ[енное] назначение: пара — через Китай в Японию, пара — в Южный Китай и пара, по-

---

* *Далее неразборчиво сокращенное слово. (Прим. сост.)*

следняя, для связи — на границе Собственного Китая. Я так заинтересовался, что подал просьбу взять меня до Уддэ. Мне, конечно, было бы интереснее слетать к Эндрюсу, нанести ему визит в условиях, несколько своеобразных. Моя просьба тем энергичнее мотивировалась, что в Уддэ летит и А. Н. Васильев. Так или иначе, но его доставят обратно в автомобиле, как доставили бы и меня с ним.

В 12 часов заехал за мной Маршалл, и мы укатили в Сангин, к Бадмажаповым. В Сангине отлично пообедали, погуляли, заехали на станцию, где я взял птиц и самого препаратора до места, откуда он хотел начать экскурсию по направл[ению] к дому!

Мы прибыли в экспедиционный лагерь ровно в 5 часов, так что Елизавета Владимировна заметила: «Приехали обратно с математической точностью».

Тут я с удовольствием отметил удачную серию моих фотографических снимков.

Погода улучшается, дороги просыхают, Тола уменьшается в объеме, уровень спадает!

Около 6—7 часов вечера воздушная флотилия в количестве шести машин постепенно отделилась от земли и начала маневрировать над долиной Толы, вдоль Б[огдо]-улы и по диагоналям. Аэропланы то вздымались в голубую высь и следовали раздельно, то группировались в две колонны, плывя развернутым фронтом или «гуськом». Монголы и китайцы высыпали на крыши жилищ и любовались «бесстрашными железными воздушными телегами», укротить которые не в состоянии даже дух свящ[енной] Б[огдо]-улы. Летали: полпред, Дадиани, видная монгольская молодежь, летали и друг[ие] русские. С аэродрома ко мне прибыл Михельс и сидел до 12 часов ночи. Мы много беседовали, мой посетитель писал о планах дальнейшей деятельности Тибетской экспедиции, о результатах последних раскопок. От Елизаветы Владимировны, кроме того, он получил данные об исследовании живой монгольской природы и проч. Не удовлетворясь устным материалом, он еще взял мою рукопись для использования.

Между прочим, показал я Михельсу астр[ономическую] трубу, направл[енную] на монгольское небо, он детски восторгался красотою Луны, Юпитера, в особенности же дивною красотою Сатурна.

Проводив гостя в лунную, тихую ночь, мы тотчас отошли ко сну!

6/VII, ☽. Утро облачное, серое, над Б[огдо]-улой повисли тучи и прошел дождь, подул северо-восточный ветер, охладил воздух и еще более насытил его влажностью. Жаркое состояние осталось лишь в помине.

Монгол-кочевник должен быть спокоен-доволен: его стада благодушествуют.

Кондратьев донес телеграммой о том, что благополучно вчера проследовал со всем багажом Иркутск, едет дальше, приближается к цели, к научному центру.

После обеда в русской столовой я зашел во вновь открытую, приличную, расположенную невдалеке, в доме Прокина, и там застал Михельса, проф. Владимирцова, Барадийна и других. Тут мне показалось несравненно приличнее, уютнее. Теперь я понял, почему армянин так нехотя, едва-едва указал мне на этот ресторан; он предвидел, что если я побуду там, то уже к нему больше не загляну.

Михельс уютно устроился в уголке и по окончании обеда строчил статью в «Известия». Он прочитал мне набросок, свой «фон», на котором поведет рассказ об экспедиции в Урге и т.д. М[ихельс] сам не знает, когда они вылетят из Урги, не знает того и ее начальник Шмидт.

Вечерком заглянул к нам Маршалл по дороге из города. Ему Васильев выразил свое впечатление после полета: «Я не ожидал, что здесь так красиво, красива в общем вся местность!».

В 10 часов Михельс не пришел; не пришел и позже. Тому причиной — бурная погода.

7/VII, ♂. Ночь с крепким ветром, со сплошной облачностью, тем не менее барометр устойчив, облака (около 8 часов утра) редеют, солнце светит и греет; вот только гигрометры на большой влажности!

Между прочим, сегодня ♂ — почтовый день! Он принес мне три приятных письма от моих друзей. Ходили обедать по-прежнему в старую русскую столовую. Как-то не хочется обижать армян, не хочется перед отъездом в пустыню переменять место, к тому же лучший знаток кулинарии и вообще обедов Д. П. Першин не переменил насиженного места, говоря: «Там бьют на красоту, на белые скатерти, на внешность».

Сегодня я ел окрошку — показательное блюдо! И хоть бы что! Значит, все исправно!

Под вечер к нам приехали наши друзья Маршаллы, посидели за чайком, побеседовали. Я поднес mrs Маршалл булавку-брошь художественной работы Гана. Это произвело отличное впечатление на наших друзей.

Маршаллы имели намерение увлечь нас к себе на ужин и увлекли. Мы мило провели вечер. Нас, по обыкновению, доставили в автомобиле в наш «монастырь» белого цвета. Я привез с собою чужие фотографии, из коих одна, художеств[енная] по выполнению, мне бесконечно нравилась. Это снимок с mlle Нины, которая пережила нравственное потрясение: ей за два дня до венчания отказал жених (англичанин, впрочем, из Шотландии). Они были помолвлены около трех лет тому назад. Теперь он выписал ее в Китай, в Шанхай. По дороге, в Харбине, она остановилась у теток, окончательно снарядилась. Говорят, трогательно было смотреть на нее, стоявшую перед зеркалом в течение почти целого дня и примерявшую венчальное убранство одно за другим. Ею все восхищались, она была дивно хороша, как непорочная белая голубица, она ждала с особым чувством скорого свидания с женихом, чтобы связать себя с ним навсегда, и вдруг, за два дня до венца, ей — чистой, благородной, гордой девушке — жених отказывает (по телеграфу). Можете себе представить, что она пережила! Внешне — она плакала почти всю ночь!

Изящный портрет изящной mlle Нины висит у меня над моим письменным столом.

8/VII, ☿. Около полуночи мы улеглись спать, спали сном праведника — крепко, и вдруг, в 2 часа ночи, стук в калитку и тревожный лай собак разбудили меня. Я тотчас вспомнил «воздушный корабль» Михельса. Да, это был он за справками, за последними показаниями барометров, состоянием неба и воздуха. Михельс вручил мне мою рукопись «Верхн[ий]

курган» и получил мой и Пшевика портреты (будто бы для фельетона) в газету. Снабдил я М[ихельса] маленьким поручением: в Уддэ — передать карточки Валову и монголке, а в Пекине — привет Л. М. Карахану и А. И. Иванову.

Едва я успел уснуть, как около 5 часов вновь был поднят с постели шумным поднятием воздушных кораблей. В утренней тишине воздуха моторы громко разносили стук и грохот, потом все смолкло, я опять лег. Небо было по-прежнему сплошь облачное, тишина абсолютная, тепло. Из Уддэ получена телеграмма: облачность 1, тихо, препятствий к полету нет! Мих[ельс] замечает: «Обычно в такую погоду мы не летим, но тут надо, не дождешься лучшего!». Я сказал М[ихельсу]: «На север лететь не следует в такую погоду, на ЮВ можно».

Почти до 9 часов стояла тишина, воздух не дрогнул, но с отмеч[енного] времени подул порядочный ветер, как раз со стороны ЮВ, куда унеслись воздушные корабли; в том направлении, в разлоге гор, сгустились однотонные синие тучи.

Днем, около 12 часов, надо справиться о состоянии полета на телеграфе; интересно, что там? Да, это путешествие все еще ново, пути не изучены, препятствий (в смысле атм[осферных] агентов) масса, всего не учтешь! А сколько интересных новых ощущений и зрительных впечатлений.

Заходил для свидания со мною проф. Владимирцов, с которым всегда интересно побеседовать; от него узнал, что наконец на днях выезжают наши специалисты из Петрограда. Может быть, Кондратьеву удастся свидеться с Боровко еще в Петрограде?

Под вечер заехали к нам Маршаллы: mrs привезла несколько жуков в коллекцию, из них один, типа божьей коровки, очень интересный. Марш[аллы] увлекли нас к себе на чашку чаю — посидели, послушали музыку. Нас сменила серенькая публика.

Мы уехали, по дороге я остался у Геранцевых. Пшевик остался дома, так как Гусева я отпустил в театр (интернационал) под дождь, месить грязь и бродить по воде.

У Геранцевых я пробыл до 10 часов вечера и в сопровождении его и его слуги с трудом дошел обратно до дома. Дождь все время сеял и, в общем, мочил порядочно, сеял вечер, ночь.

9/VII, 2. Дождь продолжает моросить. Сплошь облака, Б[огдо]-ула скрыта ими. Горизонт короткий; хорошо, что воздушная флотилия снялась с Урги и полетела к цели. Думаю, что в Уддэ она немного поблуждает, прежде нежели отыщет прижатую к высоте станцию.

В ½ 11-го я отправился с Гусевым в полпредство с посылками в Петроград коллекций (отчасти археологических, отчасти зоологических). Попутно отвезли чучело турпана и шкуру-ковер волка. В полпредстве я сидел с Е. В. [Васильевой] и Н. А. [Онищенко]. От них узнал, что один из аэропланов (русской констр[укции], слабый мотором) под Уддэ расшибся, остались лишь крылья. Будто бы попал в бурный поток и не в силах был с ним справиться. Будем ждать новых известий.

Воздух пресыщен влагой, тяжелые слоисто-кучевые облака занимают большую часть неба. Мы понемногу готовимся в путешествие. Уже начинаем подговаривать подводы — на быках или верблюдах. Желательно,

конечно, возможно скорее выступить из города на берег Толы и сосредоточиться на ведении исследований — географических и естественно-исторических. После обеда мы навестили наших знакомых провизоров.

Мой Пшевик направился к Дуду писать на машинке свою статью: «Зима в Суцз[уктэ]», В. Гусев полетел к дониру тибетскому. Все заняты, все устремлены взором на юг. Я думаю, что нынче осень будет первостепенная — кормная и ясная, и мы поработаем как следует. Пока что мне очень хочется достигнуть Шара-хулусуна и там сосредоточить нашу зимовку и наблюдения над человеком и животным миром.

Понемногу начали укладываться и разбираться, говорить о проводниках, переводчиках. Под вечер, по обыкновению, к нам приехали наши Маршаллы, с ними мы долгое время любовались небесными светилами. Вечер был чудный: тихий, ясный, прозрачный. Звезды и планеты горели словно алмазы. Б[огдо]-ула спит невозмутимо!

В 11 часов поднялась Луна и озарила землю, стало еще лучше, еще привлекательнее.

10/VII, ♀. Тихо, спокойно; весь небосвод покрыт тонкоперистыми и пер[исто]-сл[оистыми] облаками.

Янушевский наконец отправился восвояси, рукой он еще не совсем владеет, в особенности пальцами. Он навсегда будет помнить наши раскопки и то, как он слетел вниз. Все это лежит на совести моего «голенастого» спутника — Кондратьева.

В нашем дворе новая картина: китайцы-рабочие устраивают теннисную площадку. Общество «спартаков» — спортивная молодежь[210] — не дождется нашего ухода, освобождения помещения.

Сегодня наконец сдали Ученому комитету зоологические коллекции: в чучелах — токующий глухарь, пара пол[евых] тетеревов на току, сойка, ястребиная сова, даурская галка, красноклювая клушица, а из млекопитающих — белка; в шкурках — птиц около 90 экземпляров, следовательно, всего около ста экземпляров, что для нарождающегося музея отлично!

Все еще пишу «Тибет» для нового словаря; это кропотливое писание надоело мне в такой степени, что даже отбило охоту писать письма друзьям.

Все продолжаем хлопотать с наймом животных для нашего пути в Монголию и усиленно занимаемся сортировкой багажа. Впереди последняя поездка в Суцзуктэ.

К 9½ часа вечера разъяснело вовсю! Звезды, планеты, Млечный Путь слились в общую блестящую картину. Еще торжественнее небо в глухую ночь — яркое и тихое-тихое.

11/VII, ♄. Утро вновь облачное, тихое, с запада накапливаются большие тучи.

Ко вчерашнему списку в Ученый комитет Монголии следует добавить: сдали на хранение нашу урну (из Мокрого) в большом громозд[ком] ящике и туда же, к ней, поставим ряд ящиков с зап[асами] экспедиции.

Когда я окончу мой «Тибет», у меня будет больше свободного времени; а я все же пишу и пишу и, кажется, завтра к вечеру буду иметь возможность видеть конец статьи, только с перечнем литературы придется посидеть. Надо помнить Кюнера и Фильхнера, их труды.

В течение дня периодически шел дождь, местный; рядом, в Б[огдо]-уле, по склонам ярко светило солнце, это на западном крыле, тогда как на восточном лежали густые облака с серыми дождевыми полосами. Чтобы чересчур не вымокнуть, я с Пшевиком забрались в хурдэ.

Перед обедом ко мне нагрянули летчики, человек пять, отвезшие багаж экспедиции и Кондратьева в Троицкосавск. Они теперь явились ко мне на метеор[ологическую] станцию экспедиции выяснить вопрос, как работает экспед[иционная] станция и что будет в том отношении с ее уходом с экспедицией в глубь Монголии. Летчики познакомились с журналом, с показаниями инструментов и, узнав о скором отбытии экспедиции, поверглись в уныние. Я их утешил, что в таком же состоянии находится и Жамцарано и им вместе, общими силами легче будет восстановить работы по метеорологии. Я их познакомлю и готов в надежные руки оставить временно и один из барометров. Я готов на такое одолжение Урге в целях иметь станцию, к которой могла бы экспедиция привязывать свои походные наблюдения.

В течение дня, периодически, я много писал и много возился с сортировкой имущества, в особенности с распределением подарков. Эта кропотливая, требующая много внимания работа даром отнимает время и как-то утомляет.

12/VII, ☉. Запад щедро шлет нам слоисто-кучевые облака. Богдо-ула в верхнем поясе укрыта ими, и там уже повисли дождевые полосы. Временем и местами даль открывается вовсю, далеко-далеко. Первая половина июля чересчур щедра на осадки, зато корма восхитительные, номады ликуют! Давно-давно мы не видели голубого неба, также давно не ощущаем сухости.

Приходила к нам Воробьева; надеяться на ее мужа о доставке в Суцзуктэ не приходится. Их лошади, все 6, оставлены на отдых, на ключах, под наблюдением Сары.

Сегодня я окончил мою статью «Тибет» для энциклопед[ического] словаря Граната. Осталось прибавить лишь список литературы, который надеюсь окончить завтра.

К вечеру заглянули к нам наши Маршаллы, посидели, попили чаю; тем временем объявился и Дуду, днем разъехавшийся с нами. Немного позже прибыл, по дороге, А. Н. Васильев, везший свою компанию прокатиться по площади Майтреи.

Затем, когда мы стали собираться отвезти домой Дуду, объявился Д. П. Першин. Его, усталого, мы ввалили в автомобиль и вместе с А[ндреем] А[лександровичем], обоих вместе, доставили в Ветер[инарное] управление. С горя Д[митрий] П[етрович] отправился к П. И. Орлову.

Мы и Маршаллы поехали к ним ужинать, где и провели порядочно вечер до ½ 12-го часа. Обратно, как всегда, нас доставил mr Маршалл на машине.

13/VII, ☽. Ночь, утро также сплошь облачные. Сейчас небо укрыто перистыми и пер[исто]-сл[оистыми] облаками. Сегодня наконец я поставил точку [в] моей статье «Тибет». Вышло что-то около листа; написал и Володе, но забыл просить его прибавить в список литературы и dr Tafel'я, труды которого так богато изданы в Берлине, может быть при содействии о[бщест]ва «Землеведение».

Теперь впереди укладка багажа и моя поездка в Суцзуктэ и Цзун-модо. Следует поменять золото на китайские или мексиканские доллары и энергичнее действовать с подводами.

Вечер чудный: тихий, облачный, теплый, специальный для ловли ночных бабочек. Мы все объединились в ловле.

Ловили с азартом, с увлечением от 10 до 12 часов ночи, ловили, пока не пошел мелкий теплый дождь. Летали исключительно серые, серебристые бабочки, реже цветистые или крупные. От времени до времени с шумом пролетали черные, жесткие, округлые жуки и, когда касались поверхности стола с белой скатертью, — опрокидывались на спину. Вторым видом жесткокр[ылых] были коричневые, мелкие.

Среди нашей ловли к нам заглянула Н. А. Онищенко извиниться за неприсылку машины; на ходу она ответила, что наша воздушная флотилия задержана в Мяо-тане и что, вероятно, нашим летчикам придется оттуда лететь восвояси. Обидно, недостойно русского имени. Столько сборов, хлопот и в результате — ничего! Да, вероятно, и мы ничего не получим по части права вступления на китайскую территорию!

14/VII, ♂. Утро превосходное: полуясное, теплое, с легким ветерком со стороны юго-запада. Вчерашний лов дал десятка 1½ жучков и без малого сотню ночных бабочек! Почта принесла мне одно письмо от Михно, который просит совета по поводу предст[оящего] 30-летнего юбилея местного отделения Географического общества.

По-прежнему сортируем имущество. Сегодня подробно договорились с ямщиком, или подвозчиком. Поедем к излому Толы, где пробудем около 7—10 дней; тем временем подыщем подвозчиков (на быках или на верблюдах) в дальнейший путь. Непременно надо идти, здесь нечего делать. Пора в далекий путь!

Приходила соседка-девочка, совсем не узнаваемая: умылась, принарядилась, с браслетом на маленькой ручонке, гордая, что ее похвалили за опрятность. Собирается уехать в степь.

Вечером дивное безоблачное небо позволило установить трубу и любоваться светилами: Юпитером, Сатурном и Венерой. Маршалл искал еще на светлом небе указанные планеты — и успешно. Я наводил трубу, и мы еще при дневном свете уже восторгались красивыми, необычными видами. Нашими гостями по наблюд[ению] небесных светил были мол[одые] приличные соседки, которые особенно восхищались величием Вселенной.

Между прочим, Маршалл получил приказ прекратить покупку баранов впредь до особого распоряжения.

Прохладный вечер не дал бабочек; пролетело всего-навсего 5—8 мотыльков, как говорит наш Павел Борисов, и все.

15/VII, ☿. Дивная погода, настоящее лето. Тепло, тихо, прозрачно! В воздухе не смолкает жужжание насекомых. Я побывал в Учкоме, поговорил с Жамцарано, отдал ему список птиц. Передаю копии чертежей разработанных курганов и в заключение завещаю Ученому комитету курган № 5 в Суцзуктэ, рядом, или, точнее, между курганом Верхним, самым глубоким и самым богатым, и курганом № 1, или Мокрым, находками из которых так удачно, так счастливо обогатилась вверенная мне Монголо-Тибетская экспедиция.

Молодой бурят очень хорошо снимает копии с наших чертежей, эти копии я подписал!

Соседка, молодая монголка, принесла нам в дар молока-кумыса (отличного, крепкого). Вообще, к нам начинают больше и больше привыкать и часто заглядывать в наш домик. Прибыли из селения Убулун наши Тугаринов и Андреев, оба в восторге от моих снимков. И все очень просят по карточке на память — надо непременно исполнить просьбу, тем более я обещал! Сегодня решил подарить монгольскому Ученому комитету, его библиотеке, следующие книги: «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии»: Млекопитающие. Т. I. Ч. 2-я. В[ып]. 1. Equus Przewalskii (Заленский); Т. Ш. Ч. I. Земноводные и пресмыкающиеся (Бедряга), 4 выпуска (закончены), Т. Ш. Ч. 2. Рыбы (3 выпуска) Герценштейна.[211] Всего восемь книг.

Погода не обещает быть хорошей, облачность неба сплошная, тихо.

Как всегда, к вечеру к нам приехали Маршаллы. Сидели, говорили, угощались сластями — свежим, ароматным земляничным вареньем, затем мы отправились к нашим друзьям и там сидели до полуночи. Домой всегда нас доставлял Маршалл лично; на рефлекторы фонарей его автомобиля летела масса ночных бабочек.

Тугаринов доставил в экспедицию свою любимую охотничью собаку по кличке Гароль. На Гароля этого, как водится, напустились наши собачки, в особенности злобно Чуфра, который все время норовил укусить, но Гароль с достоинством стоял за себя!

С 12 ночи пошел дождь, к счастью не надолго! Ночь сплошь облачная.

16/VII, 2. Утро малоприятное: сплошная облачность, серо, с востока дует ветер. На западе чище, приветливее. Погода, как говорят, так себе.

В начале 11-го часа мы проводили нашего друга, охотника Ив[ана] Дм[итриевича] Тугаринова, и Андреева, нового знакомого. Одарили их немного; кажется, они остались довольны нами, по крайней мере это чувствовалось. Тугаринов очень обрадовался, когда я сказал, что постараюсь проехать к ним на ночевку. Вот так бывает, что мы сильно привыкаем к людям.

Сегодня я был на заседании Монгольского Ученого комитета. Между прочим, помимо обычных посетителей были Владимирцов и Барадийн. Факт[ически] председательствовал Жамцарано. Прежде всего он сказал: «П. К. Козлов принес в дар библ[иотеке] Учкома богатое издание Российской академии наук "Научные результаты экспедиций Н. М. Пржевальского" — восемь объемистых книг». Потом сообщено о приглашении РАН на 200-летний юбилей, на который поедет Жамцарано с монголом, членом Монгольского Учкома. Далее оглашены новые члены Учкома. По заслугам даритель знам[енитого] Ганчжура на монгольском языке, родств[енник] богдоханов, проведен в пожизн[енные] поч[етные] члены.[212] Ольденбург и Цэрэн-Дорчжи — в почетные члены, Барадийн, Котвич, Щербатской и немногие другие — в действительные.

Скоро прибудут петроградские ученые и совершат ряд экскурсий и все, конечно, только до осени, более или менее поздней. По возвращении экскурсий начальники их доложат о результатах и съедят традиционного барашка. Ц. Ж[амцарано] заметил: «И Петр Кузьмич на автомобиле посетит нас!». Я ответил: «Только через год, осенью!».

Вечером за мною пришла тройка Вильских. Небо сплошь облачное.

17/VII, ♀. Утро серое, слезливое, моросит дождь, мы поднялись очень рано. Я еду. Погода средняя, не жаркая; все время грозит дождь, переставший ко времени отъезда. Тройка сытых лошадей дружно катит меня и Ваню Вильского. По временам мой молодой спутник свистит громко-громко, необычно, и это создает бодрящее настроение.

Отдыхали в Санзайке; удачно поднялись на Халцзан-дабан, видели много встречных, преимущественно с дровами, были и знакомые. Необычайно пышная растительность, тучные луга отдают свежестью. Небо дивной бирюзовой окраски. Вид с Халцзана на огромное скопление гор очаровательный! Всегда с нетерпением ждешь поднятия на перевал — тут оставляешь за собою и подъем каменистый, и половину трудной дороги, впереди к северу — легкий спуск и привольная долина Мандал, и для меня лично приятные русские обыватели.

Останавливаемся и чаюем у бабушки Сахаровых; ни его, ни Евг[ении] Яковл[евны] дома нет. Девушка Улита зарумянилась и старается вовсю. Притянули сюда и дикарку — монголочку Бутунцук, но эта лихая всадница только по принуждению матери побыла с нами несколько минут; затем ловко ретировалась, вскочила на лошадь и была такова. В отдалении слышалась ее обычная песенка с избитым монгольским напевом.

Мы быстро пронеслись улицей Мандала, знакомые снимали шапки, кланялись. Отметили постройку нового здания — «монополька», свободная продажа вина. В Нижнем Мандале нас встречают приветливо, с земляничным вареньем. Это богатое селение имеет и другое название — Усть-Баин-булык, так как расположено прямо на востоке, в ущелье Баин-булык.

Вскоре полил дождь на долгое-долгое время, собственно говоря, он не полил, а стал моросить осенним мелким дождиком на протяжении вечера, всей ночи и след[ующего] полудня. Спал я великолепно, меня уложили на хозяйскую кровать, устланную яманами.[213]

18/VII, ♄. Утро — бр-рр! Моросит дождь, небо серо, просвета нет. Грустно. Мне рассказывают историю основания Н[ижних] Мандал, или вообще Мандал. Первыми пионерами явились Сахаров, Вильский, Лоскутников и другие. Первый заложил хозяйство в Верхнем, вторые — в Н[ижнем] Мандале. Ныне в Н[ижнем] Мандале дворов 12, жителей обоего пола 66.

К 12 часам дня дождь перестал, облака поднялись и поредели. Я с Ваней в легком катке, парой быстрых лошадок, покатил в Суцзуктэ. Родные, хорошо знакомые картины сменяли одна другую. Пышные пастбища ютили монгольские стойбища, поодаль которых паслись огромные стада рог[атого] скота, баранов и табуны лошадей. Зелень отливала изумрудом, клочки неба бирюзой, дышалось легко-легко! А вот я и в лесу, до перевала около 4 верст и столько же или немногим менее до другого — Суцзуктэ. Эта область особенно дорога и мила моему сердцу: здесь все самое близкое, здесь открытые экспедицией археологические памятники, здесь могилы предводителей хуннов? Что-то скажут историки-специалисты?!

Огибаем урему, наблюдаем могильники. Проезжаем у Мокрого. Все, как и прежде, тихо, монотонно. Гребни гор преграждают горизонт. Среди зеленых лиственниц сереют каменные площади россыпей. Мягкая приветливая Суцзуктэ убежала далеко на юго-запад. Мы поднимаемся вверх;

не скоро замелькали домики. Не вдруг и мы достигли своего лагеря. Наконец и он; идут двое моих спутников (юных), за ними бегут собачки, яростно лают.

Знакомое крыльцо, домик. Быстро знакомлюсь с результатами работ, укладываю птичек, насекомых, гадов. Диктую наставления к сборам в дорогу, а сам готовлюсь в путь, в Ц[зун]-модо. Меня сопровождает Вася, не изменивший желания направиться с нами в путешествие! Погода хорошая, воздух и небо прозрачные. Который уже раз я следую этой красивой дорогой вдоль гребней — водоразделов речек соседних ущелий. Сколько раз мой глаз любовался гольцами, долинами и ущельями, сколько раз любовался и далью на севере, и глубоко скрытым селением Ц[зун]-модо. Опять оно, вытянутое в струнку! Опять гремучий, серебристый ручей и изумрудный кочковатый луг, опять плиски и зуйки, и неустанные славки, и чечевицы. Еще из глубины леса продолжает нестись красивое «ку-ку».

Звездная, прохладная ночь. Небесные светила горят словно бриллианты!

19/VII, ☉. Утро почти ясное, влажное; по дорогам грязь, по траве обильные капли росы. Яркое солнце; зеленые склоны гор красиво отливают изумрудом; картинно пестрят сосны и ели. Вдруг на склоны гор падают тени.

По улице изредка пройдет кто-нибудь, одетый по-праздничному!

Обедаем, собираемся в Суцзуктэ целой компанией — и верхом, и в тележке. Едут и женщина, и девица, и ребята. Нас ждут в нашем лагере. Укладываемся, едим, пьем, я фотографирую, и мы прощаемся и едем! Все кончено! Спасибо тебе, отрадный уголок! Ты дал много новых мыслей, надежд, восторгов! Ты убаюкивал нас своей лесной музыкой, поил ароматом, очаровывал красотой, гармонией. Нелегко забыть тебя! Ты, словно живой, привязал к себе и заставляешь меня болеть душой при расставании.

Ужели навсегда я покидаю этот прелестный уголок? Но зато он целиком отражен во всех наших наблюдениях, и в письме, и в картинах! Уголок этот вошел в историю!

Солнце жжет немилосердно. Мух, оводов — монгольских лесных кровопийц — масса. Мы двигаемся медленно. Поднялись на Цзурумтэ, спустились до двух сросшихся березок (одна пригнулась к земле, другая поднялась с ее горба свечой вверх; оригинально!). Всякий раз, проезжая здесь, я любовался этой живой картиной, теперь решено ее увековечить.

Поехали дальше, вниз; вот Андр[еевский] курган, рядом, справа, сплошное могильное поле. Вниз далеко ушло змеистое ущелье! Мы круто спускаемся на ЮВ. Вот и лес окончился. Степь, степь и еще степь, чем ниже, тем мы успешнее подвигаемся вперед.

В наблюдениях за кочевым народом и за горно-лесной или степной природой мы незаметным образом прибыли в Н[ижний] Мандал. Были уже сумерки. Во дворах женщины доили коров. В соседстве с селением пасся табун лошадей.

Нас встретила семья (молодая) Вильских, как всегда очень внимательно и гостеприимно. Старики с гостьей отсутствовали, были в гостях в В[ерхнем] Мандале, откуда с песнями вскоре возвратились домой. Чувствовалось праздничное настроение!

Я лег на прежнем уютном месте и с удовольствием быстро отошел ко сну! Моя молодежь перемешалась с местной и за воротами на улице еще долго проводила время за пением и игрой на балалайках.

20/VII, ☽. Утро полуясное, сухое, приятное. Мы поднялись рано. Две телеги ушли за моими последними спутниками и имуществом на Суцзуктэ, а я немного задержался и в первом, и во втором селениях. И тут, и там нужно было фотографировать и деревню, и обитателей. И тут, и там мы распрощались надолго.

Солнце значительно поднялось, когда мы катили на тройке по долине вверх. Вскоре среди юрт мы миновали то место, где в передний путь видели волка.

По-прежнему нам попадали навстречу возчики дров или обыватели на пустых подводах. Там и сям длинными нитями тянулись вереницы допотопных скрипучих монгольских телег на двух дерев[янных] колесах, везомых меланхоличными быками (быцэ).

На Халцзан, с его особенно крутой длинной северной стороны, мы поднялись пешком. Потом покатили вниз, до первой Санзайки, где попили чаю и вновь уселись в тележку, чтобы то же проделать, что и раньше, до самой Урги. Солнце жгло порядком, и только к 3—4 часам стало заметно прохладнее, а в половине 6-го часа вечера мы уже были дома. Во дворе стояла маршалловская машина. Оказывается, они вынуждены были покинуть дачу из-за сильного дождя и его дурных последствий и теперь сравнительно благодушествуют в своих просторных помещениях в городе и опять являются нашими ежедневными приятными посетителями. Мне было отрадно видеть мою Пшевочку и наших Маршаллов. Они вскоре затем уехали, пригласив нас к себе на завтра, на ужин.

Мои мальчики ушли в город поесть и привести себя в порядок.

Усталые, мы вскоре улеглись спать; небо было полуясное, воздух дов[ольно] теплый!

21/VII, ♂. Превосходное, ясное, теплое утро! Сразу после утр[еннего] чая мои спутники уселись за работу: Глаголев — за растения, Котик — за рисование планов. Оба работали усердно весь день, только лишь отдохнули в прогулке — пообедали.

Объявился наконец и мой экспедиционный переводчик — забайкалец Даши, произведший на меня, по крайней мере вначале, приятное впечатление; я вижу, что он милый, простой человек, не боится работы и среди моих помощников «образуется».

В ½ 11-го утра я отправился в банк, познакомился с директором И[ваном] Дм[итриевичем] Ивановым, который мне очень понравился и как директор, и как человек. И здесь же открыл текущий счет экспедиции со взносом 4500 рублей золотом, кроме того, внес 500 рублей (золотом же) для перевода В. В. Пушкаревой. Много говорил я с Ив[аном] Дм[итриевичем] и его ближайшими помощниками об экономике Монголии, о принятии экспедицией работы экономического характера, т.е. сборов сведений о торговле так, как это выражено было у покойного моего спутника В. Ф. Ладыгина: «Сведения о торговле в Монголии, Западн[ом] Китае и Цайдаме».[214]

Мои экономисты обещали заглянуть ко мне в пятницу утром, а пока заготовят нам программу работ по торговле в Монголии, по емкости рынка, по местным производствам.[215]

У подъезда банка я встретил Цокто Гармаевича, а немного позднее и Амора — министра сел[ьского] хозяйства. Пользуясь наличием обоих приятелей — видных, обстоятельных, — я обратился к ним с просьбой помочь мне добыть хорошие перевозочные средства по Монголии приблизительно под 20 вьюков. Амор обещал поговорить с монголами, ему подчиненными сослуживцами, и обещал о результате уведомить.

Пока я был в Суцзуктэ, нас навестил донир, долго сидел, печалился о двух вещах: во-первых, о том, что ему предстоит ехать в Россию, а потом о том, что ему никак не добыть тех золотых монет тибетских, которые необходимо внести мне, поэтому он просит разрешения заменить тиб[етскую] монету местным серебром, т.е. серебряными мексиканскими долларами. Вечером нас навестили Геранцевы и Маршаллы. Первые раньше прибыли, раньше и отбыли. Со вторыми и Цокто Гармаевичем мы вместе поехали на Половинку, к Маршаллам и т.д. Там пробыли долго, вернулись домой к полночи. С нами был в гостях и Котик.

В наше отсутствие на нашу астроном[ическую] обсерваторию приезжала полпредовская компания во главе с В. И. Юдиным и любовалась небесными светилами. В[италий] И[ванович] был особенно в восторге от наблюдения звездного неба и выражал великое желание в будущем посмотреть на Луну в ее первоначальной стадии.

22/VII, ☿. Серое утро омрачено, кроме того, восточным крепким ветром. Мы все с раннего утра за делом. С[ергей] Ан[атольевич] сегодня перебирает имущество — знакомится с запасами его хозяйства, Котик продолжает чертить, Пшевик работает по части пополнения дневника птиц. Сегодня, по моему мнению, должна собраться в одно целое наша экспедиционная компания: я жду и Андрея с севера, и Канаича с запада. Вот народа соберется много!

Сегодня же обещал заглянуть ко мне и наш приятель-тибетец, донир.

Однако пора мне подумать и о последних письмах к друзьям и родным. Нужна последовательность во всем. Нужна программа и для Глаг[олева], и для Кондрат[ьева], и для Коли Кузнецова. Почти одновременно явились Канаев и Андрей, первый из Сангина, второй из Суцзуктэ. Были опять тибетцы; дониру подарили портреты и обещали уступить кое-что «в подарок».

Во дворе настоящий лагерь — поставлены три палатки. Действует вовсю Глаголев с маршрутом к югу от столицы Монголии. С[ергей] А[натольевич] весь ушел в свое, видимо любимое, дело. Я много вожусь со всякого рода зоологическими сборами. Словом, работают все.

22/VII, таким образом, собралась вся экспедиция в одно целое, и вчера вечером бивак был очень оживлен. Экспедиция состоит из 12 человек и 5 собак. Мои спутники возились, пели. Настроены бодро!

Теперь дело стоит только из-за подвод, они объявятся, и дело готово к походу!

Ночь облачная, утром дождь — крупный, минутный, затем вновь погода вполне удовлетворительная.

23/VII, 2. Вчера были тибетцы, они страшные торгаши, хотят иметь дорогие предметы за дешевую цену. Это им никогда не удастся. Везде хорошее дорого, в особенности в Урге, где считают нормальным явлением взимать за пек[инские] или т[янь]цзин[ские] товары в 3—4 раза дороже.

По средам и пятницам по вечерам, да и днем нередко, несутся звуки будд[ийских] симфоний. Большие ударные трубы с особенною силою потрясают воздух и приносятся к нам несколько ослабленными и более нежными. Я люблю эти звуки, в них много своеобразной, оригинальной прелести, они напоминают мне звуки тибетской музыки в Гумбуме. Какое прекрасное время было в ту дивную весну, когда в 1909 г. я с Полютовым был в Гумбуме, слышал речь Д[алай]-л[амы], любовался и восхищался им, когда бродил с Намганом в окрестных горах, снимал виды и проч.! Я чувствовал тогда, что это время с Д[алай]-л[амой], в его общении, навсегда останется самым светлым воспоминанием. Так оно и есть и, может быть, в еще большей степени.

Вдруг ко мне пришла Маня [Андреева] (с отцом) из селения Убулун с молочными продуктами в подарок, в свою очередь и я одарил эту ученицу, помог ей немного одеться.

Все мои спутники работают, все ушли в дело. Работа кипит по всем отделам, по всем направлениям. Получил почту из Калгана от Китайского универс[итета] и Нины Шведерской.

В 2 часа дня с ЮЗ и запада пришла темно-синяя с грозными разводами туча, ей предш[ествовала] пыльная стена, пронесшаяся впереди тучи вихрем. Разразился дождь — ливень, и все миновало!

Итак, мы ждем наших подвод, у нас почти все готово!

К вечеру подъехали Маршаллы, сидели, беседовали, рады пребыванию в городе. Перед спаньем я беседовал с двумя первыми москов[скими] мальчиками, они очень устали и хотят домой. Если экспедиция затянется на долгое время, свыше года, они не будут в состоянии ее вынести. Тяжелое, неизвестное будущее их тяготит!

Ночь облачная с северо-восточным ветром.

24/VII, ♀. Утро такое же, небо серое, бледное, над Б[огдо]-улой нависли тучи, грозит дождем.

Заезжали ко мне Андреевы, я одарил этих хороших бедных людей, проживающих на чужбине. Потом объявился Дуду, а вслед за ним и И. Д. Иванов со своим помощником по банку. Этот очень обстоятельный человек мне нравится больше и больше.

Сам я побывал у Ринчино, посоветовался с ним относительно трех экспедиционных пулеметов и сотни гранат; все это Д[оржи] Р[инчино] советовал сдать в монгольскую армию, я так и сделаю.

В городе мои юные спутники совершенно распустились, словно вконец потеряли лицо!

Периодически дождь льет целый день, порою является радуга поперек ущелья, точнее поперек долины Толы. Идет усиленный наем животных под восточную партию.

Вечером на протяжении трех часов времени я давал ответы на запросы моего помощника Глаголева в связи с его скорым отъездом в глубь Монголии.

Начиная с самых главных и кончая маловажными вопросами я старался втолковать, «внедрить в плоть и кровь», старался напомнить Н[иколая] М[ихайловича], т.е. сказать о дисциплине, о сторожевой службе, о кочевниках, о том, чтобы вся партия держала себя на должной нравственной высоте и т.д. и т.д. Чтобы она стремилась к югу до Борцзона, а там, может быть, и до спорного урочища (в пограничном отношении) Шара-хулусун. Глаголевская партия непременно должна исследовать торгоут[скую] дорогу, непременно должна быть на озерах Эцзина, хотя бы только с севера.

О сборах зоологических по маммалии и орнит[ологии] мною сделаны указания, по ботанике, геологии, географии вообще также.

25/VII, ♄. Ночь наполовину ясная, звездная, к утру сплошь облачная, с дождем. Влажность выражена до пресыщения. Через священный массив, вдаль к югу, красуется светло-голубая полоска неба. Положение барометров удовлетворительное. Сегодня нам предстоит много похлопотать об окончании снаряжения Глаголевской партии.

Погода разгуливается, настроение поднимается, все мои мальчики за работой. Запад то и дело посылает нам тучи, то только дождевые, то мрачные, грозовые. Около 2 часов дня накрывшая нас туча вдруг разразилась ливнем с дов[ольно] крупным градом. Молния то и дело разрезала тучи во всех направлениях горизонта. Из неба лились целые потоки воды и града, вся местность превратилась в водную поверхность. Местами прекратились сообщения. У моих спутников вымокли вьючные принадлежности.

Ночь тихая, облачная, дождливая, по временам зенит искрился и горел звездами. Следует упомянуть о том, что днем у меня был В. Г. Дадиани, который получил дов[ольно] подробное осведомление не только для местной, но и для столичных газет.

26/VII, ☉. Солнце светит, греет и немного сушит сырую землю, но, кажется, едва ли высушит ее при нас. Наш двор занят лошадьми, одну возвратили Гомбо, за ним осталось 50 мекс[иканских] д[олларов]. Сегодня отправил в Москву на имя Даниленко—Кондратьева телеграмму следующего содержания: «Ждите распоряжений письмом, удовлетворяясь собственным [денежным] содержанием. Козлов».

Гомбо привел лошадь и таким образом рассчитался. Очень просил один ц[елый] ящик больших «конфект». Их ему надо привезти в пустыню Гоби.

Все складывается для дальнейшего пути!

Мы все еще укладываем наш сложный багаж. Одну, некогда любимую мою фотографию (аппарат) я оставляю. Так называемую «новую» беру с большим запасом Lumière'овских пластинок.

Идет ковка лошадей, все подбирается строго, вдумчиво.

Мне прислан номер журнала «Вестник знания», на стр[аницах] которого (в самом начале книжки) помещена статья за моею подписью «Наша научная экспедиция в сердце Азии» (в 9-й книжке с моим портретом и 4 другими рисунками: домик экспедиции, курган Гуджиртэ, «Всадники» и изображение лося с крылатой рысью). В общем, очень мило и очень прилично. К этому надо прибавить паралл[ельно] журналы: «Хочу все знать», «Тридцать дней», «Мир» и, может быть, другие, как например журнал в Верхнеудинске (Б[урятская] республ[ика]).

Прибыл наш Павел Борисов, работает как наш человек, живет с нами с целью проводить экспедицию в дорогу. Идут усиленно последние закупки, и тратится уйма денег.

Вечером, по обыкновению, объявились Маршаллы и увлекли нас к себе ужинать. Последняя культура, последние заедочки, последняя чудная симфоническая музыка.

В полночь вернулись к себе на бивак. Здесь все было тихо, спокойно. Бивак экспедиции спал, лишь один наш неизменный Гусев еще возился у себя с укладкой.

27/VII, ☽. Утро полуясное. Бивак поднялся рано. Прибыли быки первой, Глаголевск[ой], партии, а за ней вслед ввалились во двор и наши. Наш двор — сплошной бивак.

Получили сведения о приезде А. Н. Васильева и трех сотрудников Российской академии наук — минералога, почвоведов и проч.

Сегодня сдаем монгольской армии три пулемета с дисками и другими принадлежн[остями] до возвращения экспедиции, на временное хранение, затем около сорока ручных гранат в пользование монгол[ьской армии]. Все это знаменательно.

Маршаллы подарили мне ряд интересных фотографий Сангина, дачного уголка.

Что-то нет летчиков за барометром, гигрометром и термометром.

Лагерь оживлен, все работают. Сдаем последние коллекции. Сам лично сдал еще 4 ящика посылок, до № 80 включительно, плюс 3 ящика с имуществом Павлова, все это обещано (И. И. Кормилин) отправить на автомобиле 31 июля.

Видел А. Н. Васильева, немного говорил с ним; он возвратил нам палатку в неузнаваемом виде — без жел[езных] кольев, без футляра и всю выпачканную. И невзирая на все это, А[лексей] Н[иколаевич] просит одну из наших палаток дать ему.

Не знаю, почему он молчит о деньгах и книгах? О книгах, нужных мне в путешествии. Мой Пшевик сегодня наглупил: услал единств[енного] осведомл[енного] челов[ека] — Гусева, как раз нужного для заказа утерянных принадлежностей. И все вышло черт знает как неладно! Никого нельзя послать, никто ничего не умеет делать, и во всем глупят.

Вдруг зашел ко мне Жамцарано очень кстати, мы условились с ним завтра навестить Цэрэн-Дорчжи, откланяться и попросить его содействия в дорогу в виде назначения ко мне небольшого чиновника, проводника до южного излома Толы: Улхуин-булун — Тасха Сайн-ноин-хана («Встреча»). Недалеко от этой Тасхи находится чулун-мэлэхэ — каменная черепаха, и здесь же рядом в песке можно найти других каменных животных, в 10—15 шагах ряд камней — к юго-востоку — среди песков, и там эти животные. Из беседы выяснился разъезд к ЮВ—СЗ до развалин на обоих бер[егах] Толы. В изгиб Толы с ЮЗ впадает долина Холусутэн-хундэ, вверх по этой долине есть развалины. Другая долина впадает с запада — Гирильтэн-хундэ, Светлая долина, на северной стороне — каменный столб с орхонскими надписями. Урочище Улан-хада — Красная скала, от изгиба Толы на юг в 30—40 верстах. Там есть колодец и отличные пастбища, скала с надписями, погребение. Около нее был Котвич. От Улан-хада дорога разделяется на две по направлению к юго-западу.

Позднее были Дуду и А. Н. Васильев, принявший близко к сердцу мое огорчение о палатке. А[лексей] Н[иколаевич] велел в срочном порядке изготовить утерянное. Великолепно.

Дуду скулит о том, что все разъедутся и ему будет очень грустно и тяжело: мечтает ехать в Харбин, чтобы устроиться на Вост[очно]-Китайской дороге.

Вечером имели беседу: я давал наставление моим спутникам «работать на совесть!». В полпредстве, кроме Полынова, виделся с Л[идией] Н[иколаевной], художницей, желавшей лепить и рисовать меня. Едет в Монголию и австрийский художник с целью «позаняться» в окр[естностях] Урги.

Ночь дивная — тихая, облачная!

28/VII, ♂. Превосходное утро — тихое, ясное! Все на ногах с восходом солнца. «Спартаки» во главе с Преображенским фотографировали нас. Я также снял два вида с вьюками Восточной партии и ее персонал. В 9 часов все готово, и караван на быках отправился в путь! Я пошел к Цэрэн-Дорчжи в сопровождении Жамцарано. Старик, мой приятель, был искренно тронут и внимателен ко мне. Я благодарил его за содействие в прошлом по раскопкам в Суцзуктэ и просил поддержать меня в предстоящем. Ц[эрэн]-Дорчжи ответил полной готовностью и доброжелательством. Полагаю, что это было искренно!

После этого я возвратился домой, велел оседлать себе коня (Воронка) и покатил с Котиком вслед за караваном. Последний отошел очень немного, и мы скоро соединились, проводив его до места, откуда уже близок был мост (нижний). Мои спутники были бодры, веселы, хотя с оттенком серьезности — сознания за принятие на себя вел[икой] задачи.

Погода вполне благоприятствовала началу путешествия; в долине было много юрт кочевников. Всюду толпились люди в пестрых одеяниях. В одном красивом местечке, на бугорке, у самой воды, ютился огромный белый майхан с детьми-ламами, их наставники щеголяли яркостью и новизной красных одежд.

Через ½ часа мы были дома и тотчас принялись за очередные занятия.

В мое отсутствие мне нанесла визит художница Лидия Николаевна.

Наш двор значительно опустел, в нем водворилась приятная тишина. Явился Антон Шастин с приветом из Убулуна (от И. Н. Тугариновой), где ждут нас. В Убулуне превосходно: купаются по четыре раза в день.

«На огонек» к нам зашел симпатичный П. Н. Шастин. С этим приятным человеком интересно было поговорить. Он очень осведомлен. Между прочим, выясняется, что А[лексей] Н[иколаевич] несчастлив в выборе спутников! Целый ряд тому доказательств.

Тихо и безмятежно тянется наша жизнь в Монголии. Я не выношу многолюдства. Мне нравится руководство экспедицией, я сумею распределить ее деятельность для достижения наивысших результатов, но я сам лучше работаю один, самое большее два — я и мой самый близкий человек и только. Я люблю простых людей (вокруг себя), с ними легче, приятнее, здоровее.

Дождь не перестает вечером, не перестал и ночью, растительность везде пышная.

29/VII, ☿. Серо, сыро, грязно; влажность максимальная. Приятная тишина вокруг.

После 10 часов утра явился летчик-наблюдатель А. М. Борисов, представивший мне расписку на получение метеорол[огических] инструментов: ртутного бар[ометра], термометра и гигрометра. Он же показал мне запись первых наблюдений — сносно! Я ввел кое-какие указания на последующие наблюдения.

Ожидаемые столь тибетцы не пришли, не явились к нам ни утром, ни в 4 часа дня.

Я прогулялся в Ученый комитет, навестил Жамцарано и путешественников — минералогов и почвоведов. Они пеняют на два обстоятельства — на то, что их задержали (они, таким образом, опаздывают), и на потерю значительных процентов при размене червонцев на мексик[анские] доллары, а именно 10%. Конечно, это обыкновенное явление.

Явился, наконец, ко мне и проводник — монгол, старичок, бывалый; он поведет нас вниз по Толе. Мы обязаны дать ему лошадь и содержание.

До сих пор, до последнего времени все еще продолжается уборка и укладка имущества (и того, которое предназначено в дорогу, и другого, лишнего). Я буду искренно рад, когда все это окончится и когда мы будем на широком степном просторе. Но как много экспедиция тратит денег на заготовку всякого рода (для В[осточной] и З[ападной] партий)!

Через Маршаллов я получил известие об Эндрюсе: американскому путешественнику в последнее время что-то не везет! Он перебрался в Гурбунсайхан. Прикомандированные к ним (американцам) молодые люди — бурят-монголы — оставили их, демонстративно ушли из-за их будто бы надменного, гордого отношения, словно к прислугам. Мне неприятно и больно за моего друга-путешественника, который в начале лета с таким подъемом направлялся к Цаган-нору.

Под вечер ко мне прибыла скульптор — художница Лидия Николаевна, которая отметила мою живую натуру, энергию, позволявшие художнику надеяться вылепить или нарисовать [человека] с удовлетворительным сходством. Я долго беседовал с Л[идией] Н[иколаевной], показал ей фотографии с археол[огических] находок, планы, карты. Дальнейшей планомерной беседе помешали Маршаллы и полпред[овские] представ[ители], приехавшие полюбоваться звездным и планетным небом, благо был чудный прозрачный вечер. Даже монголы пришли и вместе с нашим молодым подводчиком-бурятом, как дети, восхищались всем виденным в трубу. Пришли и китайцы-огородники, и те восторгались, называя светила «чудесными-божественными».

Мы легли спать сильно усталыми, ночь мелькнула незаметно.

30/VII, 2. Дивное утро: ясное, прозрачное с красивыми глубокими далями. Чудесное утро, бодрящее дух и порождающее восхищение, в особенности при виде задумчивой, строгой Богдо-улы! Глаз никогда-никогда не устает смотреть на чистоту и девственность этого гордого, красивого священного массива. Когда-нибудь я займусь исключительно этой свящ[енной] горой.

Написал ряд писем: Володе и Олечке (тому и другой приложил фотографические снимки, Комарову также), А. А. [Бялыницкому]-Бируле, В. Л. Комарову, Кондратьеву, К. М. Даниленко. С. Ф. Ольденбургу направляю большой конверт с рисунками и планами археологических работ на Суцзуктэ

через полпредство. Еще впереди письма более частного характера и телеграмма в «Известия» ЦИК:

«Восточная Глаголевская партия экспедиции выступила 28 июля. Я выступаю первого августа. Направляемся в глубь Монголии. На южных склонах Монгольского Алтая встретимся. Предполагаю зимовать [в] котловине Эцзина или [в] Шара-хулусуне. С южной извилины Толы пришлю первую весточку».

Много возни доставил нам багаж, который остается в Урге как запасной. Сегодня будем его развозить. Частью Маршаллу: 4 ящика (4-й, 5-й, мой 9-й и спиртовой) и две наши с Елизаветой Владимировной личные сумы — всего 6 мест, и значительно больше Ученому комитету Монголии — ящики №№ 10, 12, 16, 18, 27 и 28, сумы №№ 13, 15, 16 и самодельная, сейф, дождемер Вавиловский, 2 ящика с ружьями и патронный и наганный (34). Кроме того: ящик с 6 седлами, запасные палат[очные] палки, росс[ийская] и японская корзины.

К 6 часам развезли все мое имущество, люди пообедали, В. Гусев, кроме того, ушел в баньку; мне за это время удалось снять мою прекрасную соседку и донира, затем окончить или почти окончить писание писем на родину. Так хочется еще написать мамику и милой далекой беженке Нине Шведерской, тогда все будет исполнено, останется лишь одно — стремление вперед!

По временам у нас во дворе убаюкивающая тишина! А Б[огдо]-ула во всей красе и нежной обаятельности: она ярко-нежно освещена далеко ушедшим на северо-запад дневным светилом. Трубы несут звуки не переставая.

Под вечер прибыла к нам mrs Маршалл и увезла обоих нас к себе; по дороге мы заехали и остались у Шастиных, осмотрели охотн[ичью] добычу Леонида (лосей, волков, антилоп, затем гербарий, съемку), потом побывали в цветнике (надо удивляться всему этому!) и сердечно попрощались. Шастины проводили нас до Цокто, у которого было наглухо заперто — бедный, он лежит с желудочными болями.

Мы прошли к Маршаллам — тут также хозяин лежит, у него растяжение связок от неосторожного прыжка во время игры в футбол. Здесь мы ужинали и слушали музыку. Собака Мурзилка страшно обрадовалась нам и с нами чувствовала себя лучше.

К полночи мы уже были дома, и я тотчас же улегся спать.

31/VII, ♀. Утро полуясное, сухое. Ветер дует с востока. У нас во дворе многое подобрано! Прибыл проводник в сопровождении дочери; все боятся нашей собаки Гароля. Проводник справляется о назначении ему платы. Молитвенник Ганчжуров вернулся утром.

Сданы телеграммы, заказные, простые письма, приобретены почтовые марки. Я зашел к Геранцевым и Цокто. Очень нравится моя беседа с последним. Он может нередко появляться в нашем лагере и, таким образом, служить к установлению связи. Кроме того, через него можно будет узнать о стране и маршрутах гораздо больше, полнее, нежели без его существенной помощи.

Деньги в банке взяты, паспорта визируются, но укладка замерла на одной точке. В 5 часов мы в автомобиле поехали навестить друзей и знако-

мых, но перед этим оба побыли в парикмахерской, постриглись: Пшевик по-мужски; я — под первый номер. В парикм[ахерской] встретили Боровко, уже приведшего себя в надлежащий вид. Боровко рассказал мне много интересного. Прежде всего, он встретился с Кондратьевым, который в его присутствии, в Академии истории мат[ериальной] культуры, разобрал ящики с археолог[ическими] ценностями. Боровко целиком разделил наш взгляд относительно того, что дополнительные, в особенности в Верх[нем] кургане, ценности не менее богаты и интересны, нежели это было в начале раскопок Верхнего кургана. Г[ригорий] Ос[ипович] заметил сверху ящика чучела птиц, которые затем должны были быть доставлены в Зоологический музей РАН

Относительно печатания предварительного отчета замечено следующее. «Ваша статья, — говорит Боровко, — вместе с другими вошла в отчет, но вот с доставкой ценностей Верхнего кургана отчет, кажется, приостановят — хотят ввести дополнение в виде статьи Кондратьева». Жаль, что я не догадался сделать соответствующую переделку и вставку в отчет, тогда он вышел бы надлежащим, с должной полнотой.

Что касается специального издания трудов «Ноин-ульские памятники», то, как и предполагали, они выйдут к январю 1926 г. с цветными и темными таблицами и с достаточным количеством рисунков в тексте. То издание обещает быть очень интересным и занимательным в связи с роскошью и художественностью издания.

Моего Володи Боровко не видел. Ольденбург собирался на другой день посмотреть находки. В конце концов Боровко проговорился, что он желает работать на курганах. «Вот по этому поводу, — говорит он, — у меня предстоят переговоры с Ученым комитетом Монголии».

Я в общих чертах поведал Боровко план моих предстоящих работ в походе. На этом мы и расстались с Г[ригорием] О[сиповичем] и поехали по соседству к А. И. Щаповой — семье, приятной для меня по воспоминанию 1905 г., в приезд Д[алай]-л[амы] в Ургу.

Потом кряду мы побыли у Дуду и Жамцарано. Последнему вручили две барометр[ические] трубки, запасные. Далее, заехав домой, покатили к Цокто Б[адмажапову]. С ним я уже ранее мило и вдумчиво потолковал относительно моего предстоящ[его] путешествия в Монголии и т.д. Б[адмажапов] сказал, что зима будет использована для баранов К° в долине Орок-нора и что поэтому тут будет своего рода коммерч[еско]-пастуш[еский] стан, через который м[ожно] будет поддерживать связь.

Долее прочих мест я с Пшевиком пробыл в полпредстве, где получил вкладной лист «Известий» № 155 от 10/VII со статьей (вроде фельетона на 3-й стр.) «Верхний курган», или, как сама редакция озаглавила: «Сокровища Монголии. Новые открытия Тибетской экспедиции».[216] Здесь, в кабин[ете] А[лексея] Н[иколаевича], собрались все: Васильев, Линде, Юдин и нас двое.

Весь высший состав полпредства был очень любезен и внимателен, но всех больше глава — Алекс[ей] Никол[аевич]. Нас угощали чаем. Я так хотел пить, что залпом выпил три круглые синие (для белого вина) рюмки «пекинского» пива, но чай — лучше, приятнее всех напитков.

Я говорил о маршруте, о годовом отсутствии, о связи с полпредством, о том, как они будут меня извещать, и т.д. Я советовал всегда «прежде обра-

титься к Бадмажапову и уже потом решать иначе». Уверен, что с Цокто Гармаевичем у меня будет лучшая связь.

На этом покончили, пожелали друг другу успехов. А[лексей] Н[иколаевич] заметил: «Когда будете писать мне, Петр Кузьмич, подчеркните, что желали бы вы "огласить" в печати или вообще сделать достоянием Центра».

Нас проводили, и мы покатили к Маршаллам. Сдали им еще место: ...* и подсвечник местной тибетской работы. Подсвечник изображает согнутую кобру.

Ужинали мы у Геранцевых очень мило. Здесь нас одарили бут[ылкой] коньяка в далекую дорогу. Расстались сердечно!

Витя Посылин возил нас все время и доставил домой. Дома немного помылись и быстро улеглись.

Барометр падает, облачно, моросит дождь, и так всю ночь.

1/VIII, ♄. Сегодня знаменательный день, сегодня — вперед, в глубь Монголии.

Облака клубятся и проносятся грозно над Б[огдо]-улой. Вёдро борется с ненастьем. Мы все на ногах ранее обыкновенного. Все хлопочут! Даль на ЮВ открыта и манит, но наша даль на ЮЗ пока в облаках! Барометр склонен к повышению.

Вчера получил негативы с соседкой и тибетцем — представителем, дониром, который вчера внес мне 900 долл[аров] и мило распрощался со мною и моим спутником Пшевиком, который начал недурно объясняться с тибетцами на их родном языке.

Донир вновь пришел: он забыл получить от меня расписку на вчер[ашние] 900 долларов. Какой, собственно говоря, милый этот господин! Ему не пришло в голову «не доверить», но ему расписка нужна как оправдательный документ в деньгах. «Вы мне дайте, — обращаясь ко мне сказал донир, — просто Ваш автограф и больше ничего». Мы вновь простились, крепко пожав друг другу руку.

Идет спешная укладка экспед[иционного] багажа на телеги, тучи вновь начали скопляться. Прибыли провожающие: Маршаллы с их знакомыми и Геранцевы. Это простые гостеприимные люди, в особенности Анф[иса] Георг[иевна]. Она принесла в подарок лимоны (несколько штук) и банку клубничного варенья. Я был страшно тронут, была и Зоя. Маршалл снимала нас (меня и Пшевика) неоднократно, ей компанию составили их знакомые англичане. Бедный mr Маршалл отсутствовал — он продолжал лежать в постели, как и Ц. Г. Бадмажапов. Оба человека, ведущие бол[ьшое] дело, одновременно свалились. Прощаясь с mrs Маршалл, я просил ее обнять за меня мужа. С Геранцевыми я попрощался по-братски.

Незадолго перед тем молодой Преображенский, самый деятельный из «спартаков», принес мне несколько удачных экземпляров с его снимков участн[иков] Тибетской экспедиции, всей нашей компании. Вообще, нас считают модными людьми и много снимают.

Публика разошлась, пошел изрядный дождь, но наши вещи все уже были уложены. Только в ½ 1-го часа дня дождь перестал, всюду кругом было

---

* *Далее неразборчиво два сокращенных слова. (Прим. сост.)*

мрачно, мокро; мощные тучи неслись с запада. В 1 час дня моя партия выступила. У нас 10 возов, персонал близких, ответственных людей следующий: я, мой неизменный Пшевик, В. А. Гусев, В. М. Канаев, переводчик Ганчжуров, повар Фучин-Васька, подводчик Гамбожаб и лама-проводник Шэрап-Шэрва, данный по моей просьбе правительством, в роли представителя-посредника. Не знаю, сколько он прослужит нам, но я желал бы, чтобы он ушел с нами возможно дальше и пробыл бы с экспедицией возможно дольше.

Мы пошли тою же дорогой, что и наши. Облака поднимались выше, редели, показались полоски голубого неба. Сильный северо-восточный ветер отбрасывал грозные тучи к югу, где они, конечно, таяли.

Не без труда поднялись наши быки по липкой грязи за мостом, там, где работали китайцы [и где находился] основательный пологий спуск с береговой террасы. [Встречные] монголы торопились к празднику! То и дело сновали военные к лагерю и обратно. Пробежало несколько машин с флагами, обрадованные дети кричали, хотя праздник еще состоится только в ☽, т.е. 3 августа.

Выправившись на прямую, твердую дорогу, мы с Пшевиком оставили караван и поехали лучшим шагом вперед с целью скорее попасть в Сангин, на дачу и к семье Ц. Г. Бадмажапова.

Мы держались колесного свежего следа. Местами виднелись потоки, или, точнее, следы потоков, в одном месте в порядочном количестве лежал плотною кучей град. Северо-восточный порядочный ветер понизил температуру и очистил небо. Воздух охладел к следующей заре до 5.0°С.

Мы прикатили к И. П. Бадмажаповой, семьей которой были встречены ласково. Последняя европейская встреча, угощение, я прогулялся с Вер[ой] и Мар[иной]. На прогулке, идя к дому, увидели Канаича, сообщившего мне, «что они караваном стоят в 3—4 верстах, у крайней воды, с целью назавтра направиться опять верхней дорогой». Как потом выяснилось, это было сделано неудачно.

Вечер на даче с семьей Иды Павловны прошел очень скоро. Усталые, мы рано улеглись. Мой Пшевик успел написать своему мамику в день отъезда. Когда-то теперь мы получим почту!

2/VIII, ☉. Ночь ясная, прохладная, утро также. Я встал в 6 часов с целью проводить Верочку, уезжавшую в город проведать больного Цокто Гармаевича. На лугу держалась обильная роса.

Мы пили чай в одно утро дважды: сначала в семье Симухина И. М., пораньше, потом, позднее, с семьей Иды Павловны. В 10 часов утра мы мило распрощались с празднично одетой молодежью и укатили на запад, вниз по Толе. Скоро миновали зоот[ехническую] станцию и выехали на простор.

Мы весело и бодро ехали, как кто-то из нас заметил: «Да это впереди наш караван», — всего в каких-нибудь 1½—2 верстах, рядом с дорогой.

Подъезжая ближе, мы убедились в справедливом предположении — это были наши люди! Мы радостно соединились, привели в порядок наш караван, наши ящики, попили чаю и пошли до полных сумерек. Наши до 10 часов утра прошли так немного потому, что «промаялись» при значит[ельных] подъемах и спусках, совершенно напрасных. Им следовало ехать низом, за нами, тогда бы они ушли мимо нас гораздо дальше. Теперь мы пошли по-прежнему, дорогой левым берегом. Она, как и река, вилась по долине, прижимаясь то к одному обрывистому берегу, то к другому.

Солнце порядочно пригревало, комары и мошки безжалостно кусали. Наш Гароль бежал в поисках воды. Там и сям стояли стойбища монголов.

Мы миновали старое городище, расположенное у дороги, слева. Вал, прежние стены ориентированы очень близко по странам света. Все поросло «травой забвенья». В середине — словно остатки цитадели, замка, вероятно высокого. И теперь он выше окружающего, с обо наверху. С юга — лестница, или, вернее, шлейф такой же значител[ьной] длины, как и развалины «замка» (до 10 саженей в квадр[ате], хотя длина с севера на юг много больше ширины). Кому принадлежали эти остатки построек? Говорят, по долине Толы, вниз, развалин немало. Посмотрим!

Ночевка наша прошла в Нижнем Сангине, на вершине перевала через косогор, в урочище Баэртэ, против долины с буд[дийским] дацаном с несколькими ламами.

С косогора отлично открывалось направление нашей долины — ЮЗЗ. Нас страшно донимали комары, животные наши, быки и лошади, страдали еще больше.

Течение Толы сильно стремительное, бурное. Река, ее берега — сплошь урема, хотя иногда встречаются, с одной стороны, песчано-глинистые обрывы 15—20 футов высотою. Тогда, с другой — низкая береговая терраса, богато, пышно покрытая ивняком, черемухой и другими кустарниками и буйными травами. Много стариц, проток с неподвижною водою, окаймленною высокою, зеленою осокой.

Запад играл красно-огненной зарей, отражавшей густую красноту по зеркальным полосам Толы; поднималась бледная Луна, в соседних высотах-обрывах гукал филин.

Мои спутники намаялись, прежде нежели подтянули все вьюки и телеги на косогор-перевал. Поздним вечером ели, пили чай и скоро улеглись спать. Дул ветер, ночь была холодная.

3/VIII, ☽. Утро полуясное, с восточным пронизывающим ветром. Мы идем на ЗЮЗ долиною. Слева периодически подходят второст[епенные] горки, кряжи; справа также. С косогоров часто можно любоваться красивыми видами: среди уремы сплетаются целые узоры водных ветвей, то широких, то узких, то прямых, как стрела, то змеящихся и во всех случаях блестящих, словно серая сталь.

Но вся долина очень широка, так как главные цепи высоки и далеки — верст на 30—40 отстоят северные от южных. По берегам, повторяю, тянутся гривы, часто круто обрывающиеся к реке.

Вчера, под вечер, грозы были у главных гор, с юга и севера. Мы шли по долине, в середине, и наблюдали видоизменения туч и слышали раскаты грома с молниями, яркими змеями прорезав[шими] тучи. Сегодня мы прошли всего 8 верст. По песчаной дороге, на жарком солнце, быки наши высунули языки прежде времени и отказались идти; пришлось расположиться лагерем у подножия одного из многих косогоров в том же обширном урочище Баэртэ.

Мы на террасе, значит[ельно] выше уровня долины Толы, нас немного продувает, тем не менее от кровопийц-комаров не знаешь где укрыться. По соседству с нами старица, словно пруд с камышом. Проносятся орланы, серые цапли, крачки.

Канаев убил пару отличных филинов: мать и взрослого птенца — интер[есная] добыча.

Дорогою я стрелял у норы большого хорька; к сожалению, ран[еный] зверек успел скрыться.

Мы наблюдаем ехавших монголов на праздник в лагерь. Это годовой большой праздник, с байгой[217] и многими другими увеселениями. Целых несколько дней длятся развлечения народа (с борьбой, фокусниками, с едой и питиями).

Мой Пшевик на экскурсии добыл хомячка и щеврицу.

До самой ночи нас мучали кровопийцы — комары и мошки. Луна красиво озаряла долину с рекой, наш лагерь и прилежащие скалы. В них раздавалось уханье осиротелого филина.

4/VIII, ♂. Утро ясное, росяное, прохладное. Комары и мошка отсутствовали.

Мы вышли в 6 часов 25 минут 0 секунд и направились вниз по лев[ому] берегу Толы, на пересечение или отсечение боковых отрогов, круто обрывающихся к Толе; наш же караван шел еще южнее, долиною среди отрогов (удлиненным, но более удобным путем). У догына Баэртэ мы временно остановились, чтобы дождаться нашего каравана и купить себе мяса, которое мы не ели от Урги.

До Баэртэ-догына 10 верст. Эта буд[дийская] святыня устроена на высокой террасе Толы, у дороги. Небольшой, своего рода сельский храм, с 2—3 ламами (живущими в юртах) и 7—10 мальч[иками]-учениками. Внутр[енность] дерев[янного] догына небольшая, чистенькая, с двумя рядами сидений для лам по сторонам главного прохода к алтарю. Тут много кумиров: Арьябало 10-ликий, металл[ический], Будда на алм[азном] престоле, Дархэ, Цзонхава, докшиты. Вдоль прохода висят писан[ые] бурханы, хадаки, стоят барабаны.

Проехав мимо догына, караван остановился на выступе отрога. У одного быка сорвался рог.

Мы варим мясо. Проезжие мимо заезжают к нам отдохнуть, но главным образом узнать: кто едет и куда едет? Из таких посет[ителей] симпатией пользовался с нашей стороны приличный монгол из Да-Куре, по имени Чжигмед-Дорчжэ, с женою Долгор-цзо и их спутником. Я ему показал нашу бумагу, Ч[жигмед]-Д[орчжэ] отлично и внятно читал, жена отмечала симпатией наиболее важные места. Побеседовав, они укатили в город, на праздник. Теперь они ехали словно из имения в город. И он и она — светские люди, умеют себя держать с достоинством.

Наша точка бивака великолепная: долина видна как на ладони. Древесная растительность беднеет. На нашем пути кусты окончатся сегодня, пойдет степь. Отрадно слышать издалека клекот орлана. Вероятно, послезавтра мы придем на озерки: постреляем не только уточек, но и гусей. По дороге сегодня я наблюдал стайку с выводком индийских гуссй, кроме того, Buteo и куликов.

Пройдя 8½ версты после обеда, мы остановились ночевать у песков; прошли так немного потому, что быки ушли в кусты, последние кусты, и в них скрылись. Только благодаря проводнику Шэрап-Шэрва они были найдены; выступили на час позднее.

Ночь была прекрасная: свежая и без комаров. Мы ночевали вдали от воды; к тому жс, действительно, древесная растительность окончилась. Вступили в полосу, или зону, степи.

Как приятно мы чувствовали себя вдали от комаров и мошки.

5/VIII, ☿. Утро хорошее, но для нас некоторое время было неприятное: опять быки ушли; к счастью, недалеко. Дорога крепкая, спорилась. Мы уже увидели [гору] Бичиктэ-улан-хада. Она выделялась из сонма отдаленных гор, толпившихся на ЮЗ. Мы были в степи: и растит[ельный], и животный мир говорили об этом. Появились больдуруки, монгольские жаворонки, появились степные орлы, на берегах Толы — орланы, в долине там и сям беркуты, сарычи, быстрокрылые стрижи. Местное население богато скотом, преимущественно баранами.

У одного из богатеев мы угостились кумысом. Женщина и две миловидные девушки нас долго рассматривали, улыбались, смеялись. Скот кочевников благодушествовал вовсю. С лиц хозяев по этому поводу не сходила улыбка. Река ушла к левому берегу, дорога направлялась вдоль покатости, сбегавшей от южных гор, в виду лугов и зеркала в отдалении блестевшей реки.

Обедали мы в урочище Алтан-обо. Ночевали в степи, под пологом неба, на высокой площадке. Остановились в 7¾ часа и едва успели разбить бивак, как стемнело и пошел дождь, но ненадолго. Долго мы наблюдали интересное явление: справа, на севере, стояла мрачная темно-синяя туча, прорез[аемая] молнией, на юге — несколько слабоватая, но и здесь гремел гром. Интересно, мы были в светлой полосе, разд[еляющей] грозы; однако с севера туча разрешалась и убегала вдаль к западу, охватывая полукругом западн[ый] горизонт. Выходило так, что тучи южная и северная чуть-чуть не соединились; во всяком случае, северо-западная часть дошла до нас и покрапала. Я уже наблюдаю вторично такого рода картину, она очень оригинальна.

На этом же переходе мы проходили в отдалении Далай-хутухтэн-куре, распол[оженного] у южного подножия северных гор, на роднике. Много построек, до 100 лам. Хуре — новое, созданное настоятелем. К вечеру мы отметили Таратэн-догын, на том же прав[ом] берегу.

Сегодня мы видели дважды соотечественников: Яковлев Инн[окентий] Васил[ьевич] нас догнал, он ехал в Мишик-гун, в торговую контору от Монценкопа; много поведал нам полезного. На том же месте, на привале, нам попал навстречу автомобиль; среди ехавш[их] из Мишик-гуна была женщина. И эта компания была такая же предупредительная, как и Яковлев. Между прочим, нам обещали привезти корреспонденцию. Мы шли долго на быках. Налегке, на лошадях или машине, расстоян[ие] отмерялось иначе: Яковлев выехал накануне, в 3 часа дня из Урги; автомобиль, в 12 часов дня проезжав[ший] в нашем месте, намеревался сегодня же попасть в Ургу.

Ночь была дождливая, темная, теплая. Из глубины долины долетели звуки лая псов.

6/VIII, ♃. Дорога оживлена: едут ламы — гонят на продажу в Да-Куре баранов (по 7 долл[аров]). Встречные мило приветствуют, улыбаются. Наш бивак всегда оживлен народом. Имеется предложение продать лошадей, баранов, кумысу.

Сегодня мы прошли только 13 верст (а всего от Урги — 105) и расположились на трассе, которая открывает далекие виды во все стороны. Долина во всей красе: ущелья гор на севере и на юге синеют, растит[ельность] по берегам Толы отливает свежим изумрудом. Заманчивая даль на ЮЗ теряется в дымке. Бичиктэ приближается, завтра к вечеру сулят приход в соседство реки Толы, а оттуда — только 20—25 верст, и мы у цели!

Насколько хватает глаз — всюду юрты, а поодаль — стада скота. Где много лошадей (кобылиц на привязи) — там у богатея непременно кумыс, которого пьют много-много.

Сегодня на заре в долине трещала перепелка, попавшая под удач[ный] выстрел Канаева.

Стали попадаться кроме многих пищух и зайцы (Lepus tolai), даже орлы-беркуты.

Прошли до обеда только 13 верст и на вершине косогора, на приветливой площадке, заночевали. Нам привезли массу кумыса — на целых два доллара. Пили весь день и наутро, перед отходом. Я люблю кумыс — он полезен и клонит в сон.

Тут же приводили к нам и резвых иноходцев, которых оценивают в 150—500 долларов. Монголы любят всякого рода сделки.

Бичиктэ приближается, долина Толы суживается. Наш путь подходит к реке, или, вернее, река извивается у нашей дороги.

7/VIII, ♀. Утро полуясное, в прохладе мы встаем и собираемся в путь, Пшевик поймал в палатке пищуху, которая, однако, укусила его больно за палец. Зубы грызуна настолько вцепились в палец моего «мальчика», что потребовалось некоторое усилие разнять их; в результате — нарыв от грязи. Зверька я задушил, и шкурка его пошла в коллекцию.

По-прежнему мы шли спорко по твердой дороге, только изредка спускались в грязные низины, где ход каравана замедлялся.

Незаметным образом мы прокатили половину утренней дороги вблизи самой реки и достигли весьма удачно (через 14 верст пути) красивого урочища Ульцзуйтэ-хошу. На противоположном ему, соответст[венно] правом, берегу имеется островок тальниковых зарослей. Почему этот уголок и называется Бургусутэ-булун. Над рекой вилась стая чибисов и в одиночку пролетали инд[ийские] гуси и крачки-ласточки. Интересно, что крачка одна преследовала коршуна, и так энергично, с криком, что заставила Milv[us] melanotis удалиться подобру-поздорову.

Вниз и вверх по Толе раздавались приятные звуки — клекот орланов; иногда эти птицы пролетали над нашим биваком, в особенности когда подле него валялись бараньи отбросы.

На против[оположном] берегу, правом, красовался буддийский монастырь желтого толка. На этой стоянке нас неоднократно кропил дождь (из набегавших кучевых облаков).

Именно здесь же, когда порою выглядывало солнце, очень беспокоили наших лошадей особенные шмелевидные оводы-«крючки», от которых лошади просто бесятся. Нам удалось поймать их несколько экземпляров; хотя энтомол[огическая] коллекция, вообще говоря, слабо пополняется.

В ½ 4-го часа при жгучем солнце навстречу мы выступили в путь с надеждою скорее достигнуть своего рода известного пункта — южного излома реки Толы, самого степного ее прохождения, и нового направления в леса Хангая. Но прежде чем оставить это приветливое местечко, с вершины холма которого открывается вид на ворота Толы (в северо-западном направлении) и на всю обширную долину во главе с урочищем Улхуин-булун (домик деревянный) включительно, и горы Бичиктэ, следует сказать, что напротив соврем[енного] монастыря покоятся желтые пески, говорят служащие покровом

прежнему старинному монастырю. К сожалению, жители мест[ные] не говорят нам ничего об этой интересной истории. Но я все же еще раз должен вернуться сюда, в урочище Ульцзуйтэ-хошу, чтобы, во-первых, снять вид на монастырь, во-вторых, заглянуть и исследовать эти «знаменитые» пески.

С такими мыслями я оставил ряд обо на холме и последовал большой дорогой, по-прежнему очень оживленной едущими — всадниками ламами, торг[овцами]-китайцами, мирянами с женщ[инами] и т.д. Все эти встречные мило кланялись, вежливо разговаривали и, выкурив трубочку, продолжали свой путь. Все они интересовались нами: кто мы и куда и с какою целью идем вперед. Монголы деликатны и гостеприимны.

На пути залегали тучные пастбища со свежей-свежей травян[ой] растительностью, и затем, по мере приближения к домику, начали попадаться боковые озерки с плавающими и голенастыми птицами. На западном склоне гор змеились две дороги: южная — в Мишик-гун и северная — в куре Дольце-гэгэна, и две горы особенно выделялись: Унчжюль и Бичиктэ.*

Мы достигли домиков в 7 ¼ часа вечера и дотемна успели разбить бивак (у самого домика) на верхн[ей] площадке, среди многочисленных озерков, на лев[ом] берегу прекрасной родниковой речонки в сажень-две шириною, при глубине в ½ фута.

Сумерки и ночь спустились на землю; нам было очень приятно вдыхать простор и свободу. Лично я восторгался, как ребенок, в особенности при кликах крачки, орланов, перспелов и при виде стаями через бивак пролетавших серых цапель, кроншнепов, журавлей и черных аистов.

Мы ловили на фонарь ночных бабочек, но вдруг облака поредели, всплыла из-за гор Луна, красиво озарила окрестность и выделила наш бивак. Потянуло свежестью, замерли, застыли ночные мотыльки, и мы отошли ко сну. Только мой усердный Гусев, стоя на часах, развесил фонарь и продолжал силою фонаря привлекать бабочек. Напрасно, их гнал холод, холодный воздух, усыпляющий их нежный порыв.

Тихая, убаюкивающая ночь! Изредка на севере промелькнет падучая звезда, и вновь тихо, невозмутима ночь. Всего от Урги мы прошли 131 версту по нашему маршруту.

8/VIII, ♄. Встали с прохладцей: нас не беспокоил гнус, ни комары, ни мошки. Дневка в экспедиции — это праздник, когда можно отдохнуть и выспаться!

Попили чаю, разложили багаж экспедиции, поставили 2-ю палатку, повесили барометр, словом, привели лагерь в надлежащий ученый вид! Ботаник и зоологи работают в датской палатке, мой Пшевик — при входе. Я в восторге от всего окружающего: нас навещают проезжие ламы, подле скрипят телеги с быками, везущ[ими] в Ургу шерсть, а в кудоны — предметы, необх[одимые] кочевн[икам]. Нас навестила старуха — соседка с правого берега речки (с дочкой).

Я поднялся на крышу домика, своего рода обсерваторию. На юге — ряд бол[ьших] и малых озерков с камышом, на севере также, но меньших размеров. Я любуюсь горами на юге, западе и прорывом-воротами на СЗ. В омутах

---

* Полное название: Бичиктэ улан-хада.

речки неводом Гусев и Канаев наловили мел[ких] рыб; преобл[адающим] видом явилась красноперка, подчиненным — окунь и вьюн, или усач.

Среди долины с озерами, среди общей низины, наш уголок, Улхуинбулун, является островом. Отсюда все как на ладони, и тут же мы видим и слышим птиц, которых можно указать в такой последовательности: вдоль озерок, по берегам сидят, словно статуи, чер[ные] аисты, серые цапли, журавли-красавки. На водной глади скользят турпаны, утки-кряквы, чирки; там и сям проносятся крачки-ласточки, кр[ачки] черные, ржанки, бекасы, кулики. Отмечены и гуси-лебеди, лебедь малый и другие. Кричат-стучат перепела, носятся в воздухе беркуты, сарычи, луни, а из мелких — ласточки, стрижи и немногие другие инт[ересующие] нас птицы. Удивительно стройно пронеслась стая кроншнепов.*

Отец и сын Шакдуровы окончили свое обязательство и готовятся к отъезду домой. Гомбо продал нам лошадь за 45 мекс[иканских] долларов. Теперь наше хозяйство увеличилось, у нас 7 коней. Все поедем на лошадях; кстати, имеется также лишнее седло. Гомбо, сильно желая со мною путешествовать, просился взять его с собою! Этот взгляд в полной мере разделял и отец, который заметил: «Вся наша родня и все знакомые „ходили" с вами, Гамбо мой также желает этого».

Ночь тихая, яркозвездная, в зените проносятся «падающие» звезды, или болиды. Всюду вокруг, в отдалении, лают собаки, словно в оставленной Урге, столице Монголии. Туман.

9/VIII, ☉. Сегодня я встал в 3½ часа утра, едва рассветало: я сменил с дежурства моего спутника Пшевика. Отпустил с коновязи лошадей. Вскоре, через ¾ часа, сквозь густые тучи, словно в окно, выглянуло дневное светило, впрочем ненадолго, так как туча сомкнулась и стала окрашиваться фантаст[ическим] тоном с золотою зубчатою оторочкою сверху. Солнце поднималось выше, получились голубые широкие лентчатые лучи. Я долго любовался видом неба на востоке и в то же время слушал пробуждение птиц на сосед[ней] равнине, богатой озерками и болотцами, тонувшими в пышной траве с цветами.

Ночью трещал перепел, на рассвете стали раздаваться голоса куликов, протянули гуси-лебеди, гуси индийские, по одной стайке, по направлению к Толе. Позже проснулись мартышки, или крачки-ласточки, и с обычным своим криком понеслись вдоль речки, следуя по всем ее капризным извилинам. Затем дозором, неслышным полетом, пронесся коричневый лунь. На бивак прилетали мелкие птички, но в свете сумерек я не распознал их. Небо было покрыто сплошь слоистыми облаками; комарья и мошки не наблюдалось, за весьма редкими исключениями.

Меня очень интригуют пески, что в них скрыто. Вчера, под вечер, я долго смотрел в ту сторону и силился угадать, в каком месте надо полагать скрытые песком монастырские постройки? Конечно, их надо искать на скате гор, среди логов. Нет ли где у большой горы признаков прежних субурганов?

---

* Кроме того: ржанки, бекасы, белые и желтые плиски, щеврицы и другие, незамеч[енные] берег[овые] ласт[очки], стрижи.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1923—1926 гг.

№ 4

Продолжение этого дневника начинается во время настоящего путешествия, когда экспедиция из Урги достигла южного излома Толы — превосходного урочища Улхуин-булун, на второй день пребывания и изучения этого интересного уголка, этой обширной долины, с пышными пастбищами и кочевниками-монголами с одной стороны и многочисленными озерками типа прудов с характерными водорослями и лягушками и рыбками, прудов глубиною от 1 до 7 и более футов, на которых держатся в большем или меньшем количестве голенастые и плавающие птицы. Для экспедиции лучшего уголка трудно найти. Тут можно изучать и природу, и историю человека.

Продолжение дневника среди дня **9/VIII, Ѳ, 1925 г.,** когда я с моим Пшевиком и проводником, монголом Шэрап-Шэрва, отправились в пески, лежащие от урочища Улхуин-булун на СВ в 10—12 верстах расстояния и которые как на ладони видны с места нашего бивака, так как присыпают собою подошву южных гор, сопровождающих течение реки Толы.

Мы отправились на лошадях без вьюка около 9 часов утра. Небо было серое, все в облаках. Сначала мы ехали дорогой, которую вскоре оставили, и ехали напрямик, лугом, местами дивно пахнувшим от обилия цветов и травы кашки. Много раз переправлялись через узкие, длинные старицы-озерки с тростником и желтыми цветами, лежащими словно лотос; с этих озерков и прилежащих болот вспархивали кроншнепы, улиты, бекасы и другие кулики. Украдкою проносился вдоль озерков тот или другой лунь, и много взлетало вблизи нас щевриц, или быстро удирали в норки пищухи, шерсть которых отливала красноватым оттенком.

По сторонам паслись на свободе многочисленные табуны коней или белели стада баранов; по всей долине изредка стояли небольшими (в 2—3 или 5—7) группами юрты монголов.

На половинном расстоянии к пескам залегает поперечная грядка, на вершине которой красуются обо; сюда мы ехали ровно час скорым шагом, что составляет 6 верст.

На противоп[оложной] стороне обо незаметно для нас сидел орел-беркут, поднявшийся в 30 шагах от нас: мы еще не успели сойти с лошадей. Стояло два обо. Вид отсюда на всю долину превосходный, отсюда пески выглядят еще более контрастно; виден домик и наши две белые палатки, видны отд[аленные] горы и Унчжюль и Бичиктэ улан-хада, виден прорыв и уклон Толы на СЗ, видна вся она сама и монастырь Наван-гунэ-куре, приютившийся на террасе правого берега. Отсюда, сверху, более понятно блуждание Толы в этой закругленной долине. Наши озерки — это древние старицы, это прежние русла Толы, для которой была своего рода борьба, которая (т.е. борьба) заставила склониться эту реку, переменить направление из юго-западного в северо-западное; Тола будто убоялась степи, вновь углубилась в сторону гор, леса и еще большего холода.

У главного обо в особенности держалось много мух, лошадиных оводов и шмелей: небольших, желтых, прилетавших и углублявшихся внутрь обо, по расщелинам среди камней.

Здесь мы простояли около ¾ часа, собрали образцы отмеченных насекомых; не дался мне лишь один цветистый махаон (Papilio machaon, может быть, var. montana?). Близился полдень, солнце проникало порядком, а нам еще предстоял путь в соседние пески. Собственно, говоря строго, пески уже начались тотчас у подножия горной грядки, когда мы спустились от обо вниз, к СЗ. Но тут пески на большом своем протяжении одеты мелкокустарн[иковой] (карагана) и травянистой растител[ьностью], скрепляющей поверхность песков и сдерживающей их движение, от ЮЗ к СВ пески подымаются вместе с подстилающей их покатостью, вместе с подошвой гор, у которой они лежат, оголенными, высокими, простирающимися от востока к западу, равнобокими барханами, слегка змеящимися и образующими глубокие воронки. Откуда эти пески? Ужели они зародились на этой обширной закругленной долине Толы, где эта река из юго-западного перешла в северо-западное направление, прорвав, вероятно, в очень отдаленные времена горы и образовав северо-западный проход-ворота.

Никаких намеков на следы погребенных песком построек мы не нашли, хотя имели это обстоятельство в виду и тщательно осматривали весь пройденный путь.

Поверхность песков местами была красиво испещрена следами ящериц и жуков. Местами пески разрываются и выдуванием переносятся в ту или другую сторону. В одном месте я наблюдал длиннейшие корни в виде пятисаженных нитей для добывания влаги. Только одного долгоносика я поймал в песке, и только один он и попался на глаза.

На одном деревце мы видели гнездо, на этом деревце сидел целый выводок Upupa epops.* Вдоль песков, выше и ниже, проложены тропы в ущелье к ВЮВ, куда поднимаются пески.

Из зверьков в песках мы ничего и никого не наблюдали, а из птиц, помимо отмеченных удодов, славочку пустынную, светлого сарыча и вездесущего Tinnunculus alandarius.

На этом наша первая рекогносцировка и окончилась: в песках взято до пяти образцов растений и самый песок — желтый, мелкозернистый, чистый.

Возвращаться домой было настоящее наказание: солнце палило и светило в лицо, насекомые донимали лошадей так мучительно, что они мотали головой и поднимали ноги до живота. На вершине гряды, у обо, мы вновь остановились, на этот раз удалось поймать махаона и еще ряд мух, частью уже пойманных нами в пер[едний] путь, частью новых. Теперь мы так долго не останавливались, тем более надвигалась гроза, солнце померкло, подул резкий ветер, жизнь словно замерла. Мы ехали к своим палаточкам, манившим нас яркою белизною; ведь там дом. Невольно я вспомнил моего приятеля Эндрюса, в одной из своих статей из Монголии остановившегося на разборе «дом в путешествии».

---

* На южной окраине песков, у горок и вообще пересеч[енной] местности с растит[ельным] покровом я наблюдал выводок куропаток (Perdix cinerea) на взлете.

На биваке нас встретил кроме моих спутников и монгол-сосед, подрядившийся свезти вьюки экспедиции в Мишик-гун, с остановкой на первом ночлеге — у Бичиктэ улан-хада.

Грозы в долине Толы — вещь самая обыкновенная, неприятно, когда они кропят или вносят в воздух возмущение.

После отдыха, еды и чаепития я с Гусевым рассортировал спиртовые коллекции, переменил частью спирт и все до сего времени собранное снабдил этикетами и поместил в бидон. Баночки для текущих сборов были освобождены. Надо заметить, что коллекции вообще в Улхуин-булуне накапливаются. Мой собиратель растений здесь нашел пока около 30 видов; Пшевик с препар[атором] Канаевым порядочно собирают птичек; я понемногу ловлю насекомых. А по вечерам у нашей палатки, с фонарем, идет генеральная ловля ночных бабочек.

Вот и сегодня вечером (до 10 часов) собрано около 50 экземпляров, или 5—8 видов ночниц.

10/VIII, ☽. Ночь ясная, прохладная. Утро такое же, но вскоре солнце согрело нас больше, нежели это необходимо. По-прежнему через наш бивак и по соседству проносятся крупные и мелкие, плавающие, голенастые и даже хищные птицы.

Сегодня Пшевик добыл второй экземпляр тростниковой овсянки Ember[iza] pallasi, курочку, плиску и наблюдал камышевку, которая кормила своих оперенных птенцов изящными белыми ночницами. Таких ночниц он собрал мне три в энтом[ологическую] коллекцию. Пшевик еще отметил, что плиска — настоящая обитательница камышей и прудов — живет тут и даже садится на камышинки. «Как статуи», сидели в ряд девять серых цапель, улетевших при приближении нашего орнитолога.

Наши экскурсии в районе озерок ничуть не нарушают своей правильности: ознакомление с местностью происходит ежедневно и по утрам, и по вечерам, и вдали, и вблизи. Нас продолжают интересовать пески, скрывающие в своих недрах остатки культуры, остатки сумэ. Хотя местные жители и тщательно скрывают это.

Вечер и ночь ясные, прохладные; ночниц-бабочек почти не было.

11/VIII, ♂. Утро превосходное — ясное, прозрачное, с глубокими далями. Стаи инд[ийских] гусей и гусей-хрипунов направляются с озерков на долину Толы. Одна стая гусей состояла из очень темных особей. Мой разъезд из Гусева и Шэрапа, на лошадях, выступил в 6 часов 30 минут утра. Мы ехали напрямик, держа направление на сыпучие пески в ущелье Буцзынхэ с большим по холмам насаждением тограков или буйлэсов (Populus diversifolia?) и других раст[ений], частью кустарниковых, частью травянистых.

Мы ехали спорко, миновали горку с обо и с насекомыми. Она осталась к северу; наш путь проходил по древесному, травянистому скату до вершины седловины, открывающей вид и на пески, и на их продолжение (головное) ущелья Буцзынхэ. Тут на седловине и ее скатах паслось много баранов под наблюдением подростков-всадников. Под перевалом бокового отрога, у песков, на лучших образцах полупустынной растительности паслось несколько сытых, вылинявших верблюдов на полной свободе. На пройденной местности, в особенности там, где паслись бараны, было много тарбаганов, за кото-

рыми охотились монголы. Невдалеке от себя, при спуске с седловины, мы наблюдали живую, интересную картину. В то время, когда один из монголов-охотников с ружьем подходил к товарищу с двумя лошадьми — одной, на которой сидел, и другой, которую держал, вдруг лошади чего-то испугались и стремглав понесли всадника вниз, на пересечение дов[ольно] круто ниспадавшей долины; лихой наездник-монгол дал полную свободу коням — те неслись вовсю марш-маршем, порою казалось, что они положительно не бегут, а плывут в воздухе; далеко внизу монгол осадил своих ретивых коней.

Вблизи этого места я наблюдал разрытую тарб[аганью] нору; земли выворочено много, прежде нежели добыли несчастного, сильно преследуемого грызуна.

Около 9 часов утра мы были на вершине бокового отрога, своим основанием входящего в сыпучие пески. Отсюда отлично видна была граница (верхняя) песков и еще контрастнее и ближе выделялась седловина в соединении с песками противоположного бока ущелья.

На вершине бокового отрога, у обо (везде по вершинам обо), мы задержались минут на двадцать, проведенных мною в ловле насекомых, а Гусевым в сборе растений новых номеров. В[асилий] А[ндреевич] восторгался местностью и оригинальными растениями. Отсюда он пошел пешком со сборами прямо на противоположный край, поперек песков, а я спустился вниз по луговому, травянистому, душистому скату, где изловил несколько шмелей и обошел всю верхнюю окраину песков. Внизу было много хайласов или буйлэсов и еще больше кустарников и пышных трав. Вверх уходили отличные, пышные пастбища. Сюда по многочисленным тропинкам приходят зимою, по выпадении снега, кочевники вытравлять корм.

Теперь население здесь отсутствовало, и только один скот и собаки прокл[адывали] дорогу.

Как ни странно, но я обошел большее пространство, нежели Гусев, и на условном месте его ожидал. Здесь мы сфотографировали первый широкий вид песков, сверху вниз, поперек направления барханов, и затем направились у вост[очной] окраины песков и гор по проторенной дороге. Приблизительно у середины, перед большим, оголен[ным] барханом, мы вновь сошли с коней, взяли образчик горной породы, слагающий соседн[ий] массив, углубились в пески и сняли второй вид, наряднее первого и в дополнение к этому, последнему. Попутно мы также занимались своим делом: собирали растения и насекомых. По части последних имеются очень любопытные.

Теперь у нас была на очереди вторая задача: держать направление на кумирню Наван-гунэ-курэ, что мы и сделали. Теперь уже был полдень и жара с мухами и оводами донимала нас вовсю, в особенности страдали наши кони. Мы, наконец, выбрались из песков, в которых из птиц на этот раз наблюдали: коршуна, пустын[ную] славочку и коричневого жулана.

Вниз ехали дов[ольно] ходко, только изредка я задерживал движение наше попутной ловлей блестящих Cicindel'ей. Есть не хотелось, но жажда томила вовсю, несмотря на то что мы к своим флягам с чаем прикладывались по нескольку раз.

Проводник Шэрап предложил заехать, благо попутно, к богатому монголу отведать кумысу. Мы заехали и в юрте, полной народа, угостились лучшим местным напитком, подарив хозяйке на прощанье серебряную китайскую монету. Еще через час мы были у монастыря на этом, левом, бере-

гу. Здесь Тола стремительно неслась одним глубоким руслом до 30—35 саженей шириною, при глубине, говорят, до 2—3 сажен[ей]; вода была серая, непрозрачная, довольно теплая, и на соседнем берегу была компания купающихся лам. Вблизи берега им, взрослым, было по грудь. Смельчаки забегали вверх по течению и, отдавшись силе течения, плыли, держась вблизи берега, под громкие возгласы одобрения стоящих на берегу.

На отмели стояли в воде коровы и лошади, иногда по брюхо, спасаясь от мучительных кровопийц.

Произведя фотографический снимок с монастыря с наиболее удобного места противоположного берега, так как на правый перебраться не было возможности, мы переуложили жуков, мух, оводов и бабочек и быстрым шагом направились домой, навстречу яркому, горячему солнцу.

К 4 часам мы уже были дома, на родном биваке. Солнце померкло, подул ветер, один порыв основательно потряс палатку, мы ее прикрепили как следует, чтобы уберечь барометр и ее самую от падения.

Ко мне тотчас явились в гости соседи; я принял их, угостил и поднес подарки, мало того, согласился пойти через час с Пшевиком к ним на чай. Нас угостили честь честью, даже одарили хадаками, проводили до коновязей и помогли усесться на коней.

Вечером ловили ночниц-бабочек, которые летали в большом количестве, но уже повторные экземпляры.

12/VIII, ☿. Ночь ясная, но утро серое, дождливое до 12 часов дня. Я укладывал насекомых и привязывал этикеты к птицам. Пшевик чертил планшет — все это до обеда. Потом я командировал всех по делам: Гусева с переводчиком к подводчику, проводника-ламу — к стар[ейшему] обитателю, Канаева, — верхом через долину, к горам, а мой Пшевик пошел на экскурсию за камышевкой.

Истекший день принес следующие результаты: проводн[ик]-подводчик объявился с предложением услуг проводить в исторический уголок. Мой Пшевик ничего не видел, ничего не подстрелил. Канаич добыл бекаса, камышового луня, ♀, двух Stagnaat. и T[otanus] glareolu.

Вечером, на дежурстве, Гусев убил время ловлей ночниц на яркий фонарь. Мне следовало сделать астроном[ическое] определение пункта, но я устал и после 9 часов вечерней записи метеорол[огических] данных улегся спать.

Вечер и ночь были ясные, прохладные, периодически летали крупные ночницы. Спалось отлично: не было комаров и не чувствовалось жары под меховым одеялом.

13/VIII, ♃. Свежее, отличное утро: в 7 часов в тени t 10.0°. С озера пронеслись две стайки хрипачей, или гусей-лебедей.

Я исполнил все утренние обязанности: записал 7-часовое наблюдение, уложил насекомых и собрался в разъезд-экскурсию по соседству с биваком. Мне очень желалось непременно найти чулун-мэлэхэ, и я нашел — в 3—4 верстах от дома, к югу, в превосходной равнине с обо из камней, собранных

вокруг. На одном камне сохранился уголок орнамента (может быть, от изображения Будды у верхн[его] края головы).

До обо и после оригинальное продолжение направления к горам — от СЗ на ЮВ, точно указатель, ведущий от двух (большего и меньшего) курганов-могил в соседнюю гористую сторону — к востоку. Вы объезжаете холмы со скалами из сланцев, отмечаете каменную могилу, следуете дорогой и вблизи ее, на скате, в виду восточной вершины, видите два камня из серой твердой породы, в одном из камней нетрудно отметить голову.

Возможно, что эти камни взяты с кургана-могилы, так как там остались огромные туловища, в общем напоминающие «каменных баб» в Таврии, на высоких курганах. То были скифы, может быть, и здесь проживали они? Слишком заманчивый уголок Улхуин-булун для всякого народа — номада-охотника и для скифов, конечно.

На спине черепахи имеется отверстие для памятной доски, а на остальной поверхности (темно-серой плотной камен[ной] массы) — оригинальный орнамент. Курганов три, на одном из них, где черепаха, сильный провал — черепаха вошла в землю большей своей частью. Ее необходимо поднять, чтобы иметь возможность снять фотографию.

У видной скалы мы остановились, сняли сланцевый выход, и я убил отличным выстрелом Buteo, который пролетал над головою, блестя светлой новой зимней одеждой. На солнце, снизу вверх, сарыч казался совершенно прозрачным, светлым. Осиротелый, одинокий из недел[имой] пары, напрасно клекотом звал покойного товарища. Пролетев раз-другой в соседстве, птица поднялась в отдал[ении] на значительную высоту, когда мы услышали резкий, повторный, пронзит[ельный] клекот, и наконец осирот[елый] сарыч исчез.

Изловив мух, несколько бабочек и полюбовавшись обширной прекрасной долиной, мы стали спускаться с юга скалистой горки и вскоре обнаружили две группы могил — одна в виду другой. У южного ската скал[истой] вершины залегало 7 камен[ных] могил (одна большая несет следы рытья); у соседней вершины, по восточному склону, расположены сверху вниз четыре каменные могилы и одна в отдалении к северу, наравне с нижней, 4-й могилой. Заглянув и на вторую вершину, мы спустились вниз и направились северо-западным курсом на бивак, на две белые палаточки, резко выделявшиеся на зеленом пастбищном фоне. Через версту движения от вершины, в низу долины, покоится одинокая могила.

В заключение следует сказать: на вершине плоской скалы — следы двух гнезд хищников, в особенности выделяется обрыв-скала, убеленная пометом хищников.

Таким образом, я с Гусевым возвратился на бивак к 2 часам дня. Мой Пшевик был дома, он вернулся с экскурсии в ½ 11-го с куликом-…* и двумя черными крачками, а Канаич заканчивал препарировать свою пятую, последнюю птицу вчерашней экскурсии.

Поездку нашу можно признать вполне удачной, и я наградил Жамсарано куском парчи, так как он принадлежал к ламаистскому ордену.

Не могу торопиться вперед, не закончив своих наблюдений в Улхуин-булуне в полной мере.

---

* *Далее одно слово неразборчиво. (Прим. сост.)*

Дни бегут непрерывной чередой, вообще время летит. Так всегда во время путешествия.

Сегодня наконец удалось определить φ и t^{218} Улхуин-булун. Я так доволен; давно не производил астрономических определений, давно не возился с определением звезд, и в общем, все же ничего, шло гладко, только с одной [звездой], ее наведением при кр[айнем] лев[ом] положении пришлось провозиться дольше обыкновенного.

Вечером дов[ольно] прохладно, но, как нарочно, ночных бабочек была масса, и одна из них — большая — потушила фонарь, а мелкие облепляли горящие две свечи полностью. Тушканчик не бегал, не дразнил Чуфра.

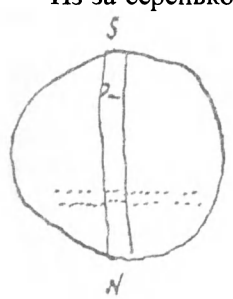
Ночь ясная, тихая, прохладная, небо глубокое, звезды яркие. Птицы темным силуэтом перемещались с южных озерок на северные болота.

14/VIII, ♀. Утро превосходное, хотя и прохладное, и росистое. Мы на ногах к 6 часам, а то и раньше. Мы стоим на большой дороге, и к нашему соседу-ламе и его соседке-бабушке (на прот[ивоположном] прав[ом] берегу речки) то и дело подкатывает проезжий люд: кто с ночевкой, кто отдохнуть часок-другой, переждать «жар» и следовать дальше. Много двигается лам или вообще зажиточного класса.

Гусев и Ганчжуров с утра на работе у чулун-мэлэхэ, подкапываются, чтобы ее можно фотографировать. Погода отличная: прохладная по ночам и утрам и жаркая днем. Настает типичное лучшее время в Центральной Азии — август—октябрь, а там температура резко падает.

Орнитолог и препаратор экспедиции усердствуют по части птиц — голенастых и болотных вообще.

Из-за серенького дня я не взял с собою аппарата и поехал в сопровождении моего Пшевика. Когда мы прибыли на место, чулун-мэлэхэ была освобождена от земли и покоилась как бы на дне земляной чаши от запада к востоку. Шея с головой отделены от туловища, все то, что было на поверхности, значительно пострадало от атмосф[ерных] явлений; серый м[елко]з[ернистый] гранит, или гранито-гнейс, сверху поломался, полопался и в виде корок (больших или меньших) отделился, отчего отсутствует левый глаз (влиян[ие], кроме того, и ветров) у черепахи, но зато в отличном состоянии все то, что покоилось под землей; справа — иероглиф, слева — змея; рельефные лапы [черепахи] выходят из-под панциря.

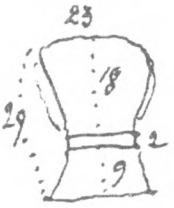
Расположено все погребение среди равнины, ровной как скатерть, усыпанной мелким гравием с растит[ельным] покровом из кипца. Погреб[ение] [ориентировано] от запада к востоку: сначала курган с вогнутым блюдом, выложенный вокруг камнем (диам[етром] 10 шагов), потом — менее вогнутое блюдо, тоже, по-моему, курган, но без выкладки камнем и, наконец, самая восточная часть — черепаха. Надо, однако, сделать промеры между частями погребения.

Я распорядился сделать разрез-профиль посередине, от севера к югу, шириною в 1 аршин.

Кирпичи лежали и стояли и верт[икально], и гориз[онтально], и под углом.

Тут много черепков и кирпичей. Урны, по-видимому, были двух-трех типов (по 1 экземпляру)

Почва — твердая, темно-суглинистая, перемешанная с песком.

Размеры черепахи: длина 74 дюйма (голова 19 д[юймов]), (самостоят[ельно] хвост 8 д[юймов]), ширина — 44 д[юйма], высота черепахи — 15 дюймов, длина спин[ного] отверстие для памятной доски — 21 д[юйм], ширина — 4½ д[юйма], глубина почти 7 д[юймов]. Вес приблиз[ительно] 60—75 пудов.

Раз[меры] большой статуи-бюста (тоже серо-темный м[елко]з[ернистый] гранит-гнейс) см. рисунок.

Две другие фигуры, по-видимому, женские; у одной на груди сложены руки.

15/VIII, ♄. Утро ясное, прекрасное. Я взял с собою четырех спутников — Гусева, Канаева, Ганчжурова и Фу-чина с инструментами, и поехали на раскопки. Я сфотографировал: черепаху, статуи и работу — первую стадию.

Погода отличная, сухая. Я всматривался в детали барельефа, того и другого. По сторонам у статуи не просто змея — а удав. Почему голова удалена на большое расстояние и брошена с другой частью у дороги? Ее надо снять, так же как и статуи, и заснять общую картину местности.

Сегодня, несмотря на жар, мы работали на протяжении целого дня, нас донимали солнце и жажда, но мы все-таки работали.

Заглянули монголы и монголки, вторые дважды, попутно, едучи за аргалом.

Не знаю, как выйдут мои снимки, хотелось бы, чтобы они вышли удачно. Я боюсь, не перепутал ли порядок? Не снял ли дважды на одно стекло и наоборот — не оставил ли стекло чистым?

Почти ежедневно мои спутники получают «по чарке» не в зачет, так как работают «без ограничений». Только в экспедиции, любя дело, можно это делать, чтобы с увлечением работать.

Вчера я наблюдал гаршнепа, сегодня много бекасов; Канаич на стойке убил 3 Ans[er] indicus.

По вечерам я и Гусев, особенно последний, по-прежнему занимаемся удачно ловлей на фонарь красавиц-ночниц. Лет начинается после 9 часов, особенно усиливается к 10—11 и замирает.

С соседнего болота-озерка несутся голоса голенастых и плавающих птиц, чаще других — кроншнеп и серая цапля или потревож[енный] турпан и какой-нибудь из куликов тревожно будят тишину, абсолютную тишину ночной долины, или тишину ночи в долине.

16/VIII, ☉. Серенькое, полуясное утро. Пшевик с зарею отправился на болото экскурсировать. Немного позднее «археологи» втроем, во главе с Гусевым, направились в долину чулун-мэлэхэ выполнять мое задание.

Я поеду туда же и к месту «головы» с фот[ографическим] аппаратом, чтобы дополнительно заснять местность. Давно я не привозил сколько-нибудь приличного сбора насекомых: внимание отвлечено в иную сторону, в сторону истории человека.

Жарко, душно, мошка и комары «заели», как выражаются мои спутники. Коровы, с поднятыми вверх и на спину хвостами, бегут как сумасшедшие; лошади мотают головами вверх и вниз, порою стуча копытами в землю или с силою ударяя по своему животу.

После 1 часа дневного наблюдения я еду к месту чулун-мэлэхэ. Это напрямик к югу, в 4 верстах, на возвышенной террасе,* представляющей из себя отличную, самостоятельную, мелкощебнистую, открытую, ровную, как скатерть, долину, пригодную для всякого рода ристалищ. И посередине такой долины, обставленной сонмом гор в большем или меньшем отдалении, расположено погребение вождя — от востока к западу, или наоборот, а там и сям как в долине, так еще больше по соседним скатам покоятся округлые каменные могилы. Со мною попутно ехал один монгол, возвращавшийся из Урги, куда он отвез свою дочь (свободная или заводная лошадка, ♀, бежала рядом). «Вот, — говорит, — ноин отвез дочку в Ургу, а ее лошадку веду домой. Вы едете к чулун-мэлэхэ? Поедемте вместе? (Хамтар-ебба?[219])».

Юрта моего неожиданного спутника лежала за болотом, к Ю, в ¾ версты от места наших раскопок. Он повел меня западной тропой через один из прудов-озерок, в котором меня обрызгали лошади, тогда как мы сами всегда пользуемся восточной, направляясь на гору-соседку.

Скоро прибыв к месту, я был встречен Канаевым, разбудившим Гусева и Ганчжурова. Прибежавший восточный ветер и облачность сделали температуру воздуха приятной.

Я осмотрел работы, с сожалением, но и интересом ознакомился с барельефом змеи, пострадавшим сильно от неосторожного удара Канаича. По-прежнему идут кирпич и толстые, груб[ые] черепки. На той же прежней, аршинной глубине, в западном крыле попался барельеф — дно от сосуда «змеи», точь-в-точь как это выражено с левой, или северной, стороны черепахи, сбоку, против отверстия для памятной доски.

Ганчжуров углубился посередине до сажени — и ничего!

Оставив Кан[аева] и Ганчж[урова] продолжать работать в прежнем направлении, я прежде всего заснял местность, каменные фигуры, рабочую партию при исполнении раскопок, а сам с Гусевым поехал к месту головы и груди — тоже каменных, разбитых и теперь лежащих в виду горок с могильниками, слева, к северу от дороги, носящей следы автомобилей. До этого места от черепахи три версты, в общем в восточно-северо-восточном направлении.

Мы уже второй раз были здесь. Из двух камней (разбитых) составили одно целое и удачно засняли. Полюбовавшись обширной долиной, убегавшей на СЗ в прорыв Толы, мы сначала заехали к «мэлэхэ», взяли своих в компанию и отправились своею обычной дорогой на бивак.

Любопытные продолжают навещать нас: и конные, и пешие, больше всего из 5—6 соседних (в 3 верстах) юрт или случайно проезжающие.

---

* Прямо к черепахе проехать нельзя из-за озерок и топи. Мы объезжали с востока, держа направление на юго-вост[очную] соседку-вершину.

Всех занимает вопрос: «Нашли ли мы золото, серебро или другие ценности?».

Надвинулся вечер, а с ним гроза и дождь. Во время грозы, с ½ 9 по 11 часов, мы сидели с Пшевиком в датской, с крышей, палатке и занимались проявлением 1½ дюжины снимков в окрестн[ости] Улхуин-булун. Нас ничто не смущало. Самые сильные, а одна даже ослепительная, молнии объявляли себя лишь мгновенными, слабыми-слабыми вспышками. Шел мелкий дождь, когда мы окончили работу, и мой Пшевик вместо заслуженного отдыха должен был стать на очередное ночное дежурство, и он встал и отбыл не только всю свою смену, но даже и знач[ительную] часть [смены] нашего Гусева, бывшего за нас в палатке нашей для завода хрон[ометров] и записи вечерн[их] наблюд[ений], а также и смотра тщательного в самой палатке, дабы дождь не подмочил чего-нибудь.

Меня очень порадовало проявление снимков, произведенных при стоянке в Улхуин-булуне. Все 18 весьма удовлетворительные, в особенности ранний (черепаха с юга) и поздний (она же с севера).

Я лег в 12-м часу ночи, мне долго не спалось, но зато потом уснул до солнца, кот[орое], впрочем, нехотя чуть-чуть улыбнулось до следующего утра.

17/VIII, ♑. Серенькое, облачное, дождливое утро, я встал к 7 часам, к утреннему наблюдению. Но негативы я вынул из воды в 5½ часа и потом, после 7 часов, все утро, до 12, возился с их просушкой и детальным рассматриванием каждого в отдельности.

С печатанием моих снимков надо подождать до прихода в Мишик-гун, но там это надо будет сделать, так как там придется писать предварительный отчет, а в «Известия» — письмо общего содержания.

Дождь периодически падает, чувствуется, хотя и малое, приближение осени: короче день, чаще ветры, несущие прохладу, смолкли ликующие голоса певчих пташек.

К нашему соседу то и дело подкатывают гости, проезжие. Сегодня чета таких монголов из Эрдэни-цзу направилась ко мне с визитом. Лама с женщиной оказались симпатичными людьми, вежливо, с тактом держали себя и проявили огромный интерес к моей книге «Тибет и Далай-лама»; от начала до конца просмотрели, прося объяснений к рисункам.

Много бекасов, гусей; мой Канаич и тех и других с успехом постреливает.

Сегодня прохладно, ветрено и кровопийцы почти исчезли, будем хорошо спать.

Второй раз здесь над болотом протянула белоснежная колпица (?), и Пшевик стрелял гаршнепа. Барометр продолжает падать, облака укрыли все небо, но мучители комары продолжают кусать, еще более нетерпима подлая мошка, которая, как москит, кусает невидимкой.

С вечера восточный ветер и дождь, лов ночных бабочек слаб, конкур[ентами] в ловле их являются летучие мыши.

Ночь темная, дождливая, душная, с комарами и мошкой.

18/VIII, ♂. Серое, дождливое, ветреное утро лучше тем, что прогнало кровопийц. Отпущенные на свободу лошади благодушествуют: спокойно

едят, а не мотают головами, не отбиваются от насекомых, наконец, не машут хвостами. Барометры упали сильно, как никогда на этом урочище. Происходит рождение Луны, и поэтому в воздухе значительное возмущение. В такую «прекрасную» погоду приходится смириться и ждать поморскому «у моря погоды». Все забиваются по своим углам, все замолкают. А нам все же надо выполнить нашу задачу до конца — это во-первых, а во-вторых, стремиться вовремя попасть на Орок-нор. Вот каковы перспективы!

Под вечер вблизи нашего лагеря по дороге через Мишик-гун прошел «чича», или автомобиль, с товарами — ящиками, сплошь заставленными на автом[обиле]. В автомобиле двое русских, бурят и монгол. Проезжих вообще по нашей дороге немало.

Сегодня вновь производили работу у черепахи, ее соседних курганов. Выясняется, что черепки и кирпич расположены кольцом в круглом большем кургане. В западной части этого кольца (320°) попался кусок (из твердой глин[яной] массы) барельефа, крылатый; вот Боровко заинтересовался бы! Этот образчик мне напомнил золотые эрмитажные находки из Сибири, гривы у мифич[еских] жив[отных]. Среди массы кирпича и больших и малых черепков очень редко встречаются части меньшей посудины, ее дна (круглого) с орнаментом; попадается немного угля, косточки, и все. Два типа орнамента, в том числе змеиный и иероглиф, а также «гривастый» барельеф — пока наиболее ценные из всего последнего собрания.

Западный курган, круглый, выложенный камнем, со сравнительно плоской, но глубокой воронкой, заснят с масштабом (Гусев). Он очень правилен; на нем в южной части два островка с дэрэсу — как раз по меридиану, посередине.

19/VIII, ☿. Этот курган сегодня начнут (т.е. 19/VIII, в среду) разрабатывать.

Ночь и утро прохладные, облачные. Жизнь животная почти замерла. Ветер северо-западный, пронизывающий; приятно лишь в одном отношении — в отсутствии кровопийц. Птиц прибавляется, главным образом плавающих и голенастых. Близится осень.* И серое, хмурое, с серыми низкими облаками небо также осеннее. Пищухи ставят запасы на зиму, но судьба им не покровительствует. И человек, и животные пищуху обижают. Мне передавали мои спутники-забайкальцы, что у них есть долина, богатая сеноставками, и осенью буряты с телегой-другой, с граблями специально отправляются за сеном пищух. Бедные животные! Вспоминаю я также, как иногда проходит караван из верблюдов по соседству с норками Lagomys, и, как бывало, при виде кучки-стожка отборного сена — запаса пищухи — на ходу верблюд сразу захватывает в свою огромную пасть, или «мямщу» по-смоленски, весь запас сена, трусит и на ходу поедает все богатство маленького животного! И тогда пищухи несчастные должны погибать или существовать впроголодь.

---

* Во вторник, под вечер, я отправился с ружьем на соседнее болото. Птиц было много; мне хочется указать под птицами бекасов, но они так осторожны, так далеко срываются от охотника, что мне не пришлось почти ни разу выстрелить. Иногда сразу, с одной болотистой площадки, поднимались 3—4 и более долгоносиков и с криком улетали на другое, более безопасное место!

Сегодня с утра отправились на раскопки четверо: Гусев, Канаев, Ганчжуров и Фу-чин.

Дома я с Пшевиком и наш проводник — лама Шэрап-Шэрва, читающий молитвы с четками в руках. Пшевик и я изловили свыше десятка шмелей, пчелок и других насекомых.

В течение дня северо-северо-западный ветер пригоняет дожде[вые] тучи, поливающие долину слабым дождем; периодически действительно дождь падает на протяжении всего дня. Особенно густые темные тучи проходят вдоль самых гор и над ними.

Обедал вдвоем с Пшевиком, прислуживает лама-проводник.

Я собираюсь к своим «археологам» посмотреть на их продолжение прежнего и на начинание.

Что-то Ц. Г. Бадмажапов молчит — обещал навестить нас, привезти почту, но что-то ни слуху ни духу. А теперь очень интересно будет получить что-либо с почтой: и письма, и газеты, и просто известия.

Сегодня день — по-старому 6 августа. Сколько с ним связано воспоминаний! Между прочим, и здесь, в экспедиции, у нас праздник — день рождения моего Пшевика. Вечер этого дня был нами отпразднован по-своему: мы ели макароны, сардины, фрукты (амер[иканские] конс[ервы]), люди выпили.

День прошел на курганах. В западном [кургане], приблиз[ительно] в южной половине разреза-профиля, на глубине двух аршин, найдены косточки, а на глубине 3 аршин их очень много покоилось в одном месте. Все они взяты. [Они] издавали запах жира и лежали в дресвяной породе. Слои земляного разреза таковы: верхн[ий], арш[инный] слой — насыпная, пылевидная, мягкая почва; под ней чередуются два харак[терных] слоя: песчаник и сцементованн[ый] галечник, чем ниже, тем галечник массивнее и крепче. В среднем кургане дело обстоит так: кольцом, на глубине ½—¾—1 аршина тянется аршин[ная] полоса то кирп[ичей] и черепков, то сплошь кирпичный настил.

Посмотрим, чем все кончится. Я решаю с западным покончить совершенно, а со средним — после разработки всего круга-кольца. И потом, после фотогр[афического] снимка, засыплем ямы — и все.

Необходимо измерить глубину, на кот[орую] черепаха погрузилась в землю, опустилась от поверх[ности] земли.

Вечер по-своему мы провели оригинально и хорошо. Поужинав, тотчас улеглись спать; сверх ожидания ночь была душная, с комарами и мошками.

20/VIII, 2. Как и ночь, утро облачное и дов[ольно] прохладное. Мои спутники, за исключением Пшевика, все на раскопках. Мною решено в большом центр[альном] кургане сомкнуть кольцо, расставить фигуры по местам, сфотографировать, отобрать находки — керамику и кирпич, приготовить их к доставке на бивак. Мои спутники отправились рано, я часом позднее в сопровождении ламы Шэрапа.

Последняя работа подвигалась скоро: кольцо сомкнуто, я сфотографировал и пол из кирпича, и разрез по меридиану западного кургана. На дне этого последнего вместе с массою мелких косточек покоилась и голова — череп грызуна, по всей вероятности типа тушканчика.

Мы бережно все косточки подобрали; более крупные лежали над мелкими в слое, превышающем слой мелких косточек на целый аршин.

Фотографии, если будут удачны, многое скажут, подскажут и место нахождения предметов, покоящихся в кургане.

Черепаху почему-то я всегда называю «бабушкой». У «бабушки» снят я и отдельно мои спутники с моим конем, первым Воронко, приобретенным у Ц. Г. Бадмажапова вместе с Серко моего Пшевика.

Пока мои спутники смыкали кольцо, я съездил с Шэрапом в юго-восточном направлении, пересекал долину с проложенной по ней дорогой к Бичиктэ улан-хада. Дорога, словно гигантская змея, извивалась поперек долины и далее еще более светлела на покатости к высотам, отделявшим долину «бабушки»-мэлэхэ от сонма гор с Бичиктэ во главе.

Я намеревался проехать вдоль долины в юго-восточном направлении, постепенно закруглявшейся к востоку, по которой там и сям живут номады у небольших озерков. Однако я решил иначе: я поднялся на соседнюю, 137°, вершину горки со сланцевым выходом и оттуда мог полнее понаблюдать не только за долиной, но и за прилежащими с юга к ней темными, дов[ольно] высокими горами с горой Ульцзуйтэ-хошу включительно.

Далеко раскинулась эта долина к ВЮВ, ограниченная зубчатым профилем гор. Шэрап поведал, что там, за горами или в горах, находится озеро под названием Харин-нор. В середине долины стояло в ряд 8 юрт с табуном кобылиц-кумысниц. Мой Шэрап хотел попить этого любимого монголами напитка, уговаривал меня посмотреть местность, но я предпочел сбор насекомых: мух, шмелей, бабочек и других, державшихся по цветам и на песке по горке и ее подножию.

Но что интереснее всего, я нашел у самой скалистой вершины, у ее западного-юго-западного подножия, там, где открывается широкий вид на долину и горы, круглую, каменную могилу, с большим камнем в верхней части окружности и с углублением поперек, внизу могилы, словно провалившимся и похожим очень на место лежки покойника. Именно здесь это выражено наглядно. Вся могила покрыта камнями, взятыми поблизости, рядом камни, крупные, как булыжники, которыми мостят улицы, но очень острые, угловатые (горные, но не речные, притом не гранита, а, повторяю, сланца). Самые мелкие камни собраны в южной половине, посередине. Диаметр могилы (круглой) — 11 шагов (больший — от верха к низу). Надо заметить, что в этой местности и по долинам, и по горам в особенности, много каменных могил. Я об этом и пишу, у меня имеются и фотографии.

Покончив со всеми моими наблюдениями, я вернулся к своим; здесь закончил последние снимки и последние наблюдения, а равно сделал и заключительные распоряжения.

И сегодня у нас был народ: приехали три молодые женщины с ребятами посмотреть на новости.

Мы уложили камен[ные] фигуры на прежние места: фиг[ура] «с ногами и задом» от черепахи отстоит на ЮВ в 27 шагах, фигура — «животное без головы с 4 ногами на земле» — к юго-западу на 27 шагов. Фигура богатыря без головы и безголовое женское изваяние со сложенными руками на животе остались как и были, или где и были, — с востока, у центрального, вскрытого нами кургана с черепками и кирпичом.

На этом наши наблюдения и исследования оканчиваются. Нам остается перевезти материал к месту бивака.

Сегодня для нас своего рода праздник: мы получили первую почту. Она пришла с автомобилем английской торговой компании благодаря заботам Ц. Г. Бадм[ажапова], приславшего нам, кроме того, и отличных белых сушеных [грибов]. Почта содержит письма и ургинские газеты, немного журналов и проч. Официальных пакетов не было. Мы узнали, что выехали из Урги Ринчино, Жамцарано; в «Известиях Улан-Батор-Хото» имеется три статьи, посвященные работам Тибетской экспедиции.

Меня удивляет, что нет ни одного письма от моего сына Володи, который меня всегда осведомляет о настроении Петрограда, академических кругов, Географического общества.

Многие из моих друзей — петр[оградских], москов[ских], французских (жив[ущих] во Франции) — откликнулись. Почта вносит оживление, разговор. Однако двое моих спутников — Гусев и Канаев не получили ничего.

Вечером с севера через горы надвинулась к нам мрачная, грозовая туча, разрезаемая яркими зарницами, грома не было слышно. Ее большее приближение к нам потрясло воздух в сильной степени и едва не сорвало нашу палатку и не разбило барометр. Красавиц-ночниц как не бывало, юго-восточные порывы [ветра] отбросили их далеко-далеко. Мы спали, часто просыпаясь: нас будил сильный ветер.

21/VIII, ♀. Утро прохладное, ясное с сильным северо-западным ветром. К 8 часам на небе не осталось ни одного облачка. Насекомых нет и в помине.

Мои спутники отправились к черепахе забрать находки: керамику и кирпич, конечно наиболее существенную часть того и другого. Пора думать о поездке дальше. Меня интересует и камень-стол, и Бичиктэ, их оригинальные уйгурские письмена. Пшевик наблюдал на болотах новых куликов, не стрелянных нами. Какие это? Очень интересно! Он добыл, наконец, камышевку и песочника, близк[ого] к T[ringa] temminckii.

День выдался на славу: ясный, прозрачный, не жаркий; на цветково-травянистых лугах продолжаем успешно ловить насекомых.

Доставлен на бивак археологический материал от «бабушки»-черепахи, или среднего кургана. Мы могли взять наиболее крупный — мелкого без конца; точно так же немного взято нами и кирпича, а именно четыре экземпляра. Керамику с орнаментами, а также кости, уголь, гвоздь и прочие мелочи — все это собрано отдельно, отдельно и пойдет с нами до Мишиккуна, откуда постараемся сплавить через любезное посредство моего друга Ц. Г. Бадмажапова. Огромный матер[иал] — черепки и кирпичи — оставили мы в самом бегло осмотренном кургане.

Сегодня я хочу сходить на озерки с моим лучшим стальным или железным другом — «Гано», хочу добыть «на стойке» гуська-другого или подстрелить интересного куличка или иную какую-либо птицу. Пшевик и Канаич, они уже давно на охоте, они изучили Улхуин-булун как следует.

Вечер чудный: тихий, ясный; по мере опускания за горы дневного светила небо стало принимать на СВ, В и ЮВ дивную голубовато-розовую окраску. Голубой цвет внизу, постепенно переходя вверх, розовел; спокойные, словно зеркальные поверхности прудов-озерок картинно отражали голубовато-розовый цвет с одной стороны и темные горы — с другой. Вначале синие горы стали темнеть; запад горит вовсю, постепенно из огненного цвета окрашиваясь в бланжевый. На южном небосклоне горит Юпитер, на

западном, близко к горизонту, — красавица Венера. Настроение великолепное, но его портят кровопийцы, которые, несмотря на свежий воздух, продолжают мучить вас немилосердно. Только наблюдение за гусями отвлекает вас. Вот тянет на СЗ одна стая, на ЮВ другая, в первом случае гогочут Anser indicus, во втором хрипят гуси-лебеди. И те и другие тянут к любимому озерку, в заводь. Подле вас на берегу, как ни в чем не бывало, резвятся чибисы, кроншнепы и разные улиты. Сзади вас с противным, пронзительным криком пронеслась серая цапля и быстро, метеором, шмыгнули чирки. Там последний, запоздалый седой лунь беззвучно летит к ночлегу.

Но вот на СЗ вдруг обрисовались две линии, колеблющиеся, а немного спустя и гоготание птиц — то гуси несутся к озерку. Сжимаешь ружье, затаиваешь дыхание и ждешь — гуси летят, планируют, переговариваются между собою, на озере им откликаются собратья, и вдруг — о ужас! огненный сноп, гром-молния, и один несчастный пловец в воздухе падает наземь. Страшная суматоха поднимается среди пернатых на минуту-другую, и потом вновь все успокаивается. А день блекнет, яркие звезды мигают и искрятся, тени слились в общие сумерки. Малюсенький серп Луны прячется за гору — пора домой, пора туда, где нас ждут, где заботливо светит нам маячок-фонарь, на который наш В[асилий] А[ндреевич] ловит обыкновенно бабочек. Но сегодня вечером их не половишь — температура 8.5°С и чувствуется свежо-свежо, в особенности с (юго-восточным) ветром. Мы спим великолепно.

22/VIII, ♄. Утро ясное, прозрачное, с глубокими далями, со свежестью, но поднимающееся солнце сразу греет вас, вам вновь хорошо, вы в душе по-прежнему улыбаетесь и благословляете судьбу, глядя на ширь и простор кругом, на синеющие горы, небо; вас заливает яркое, горячее солнце.

Около 9 часов утра мы с Гусевым идем к озерку с камышом и дважды его снимаем — вблизи и вдали. Следуем к биваку и видим картину: наш товарищ Канаич бегом переправляется по широкому плесу озерка, а гусь, выбравшись на берег, стремится удрать — напрасно, еще минута-другая, и проворный в нужных движениях Вася Канаев уже держит в руке вчера подстреленного индийского гуся. За свое счастливое усердие он премируется коробочкой папирос.

Мы втроем следуем к дому; на пути — степное озерко, кругом — мелкая травка. Озерко лежит, как зеркало, и на воде стоит, осторожно глядя на нас, серая цапля. Искушение было великое: мы третье стеклышко засняли и только щелкнули аппаратом, цапля снялась и улетела.

Солнце начало порядком припекать, в воздухе не смолкает жужжание.

Наша дорога по-прежнему оживлена, мы видим всякого рода монголов; у нашей соседки-бабушки катают лошадьми войлок. Вокруг пасется скот: рогатый, бараны и наши лошади. Вчера на охоте коровы, во главе с большим черным быком, направились было на моего Пшевика, да так серьезно, что он должен был стрелять в землю, чтобы отпугнуть дурней, что и случилось, а сам затем поспешно ретировался, ругая стадо, помешавшее ему скрасть на соседней луже интересных куликов.

Сегодня как-то особенно жарко; мои спутники у дома-бивака закинули несколько раз экспед[иционный] неводок и поймали ведро рыбешек. Неожиданно попался карась и маленькие усачи, обогатившие нашу ихтиологическую коллекцию.

Я немного прогулялся по лугам вдоль речки и изловил десятка два насекомых, Канаич стрелял на западном болоте несколько раз, Пшевик ушел также, Гусев укладывает свой сбор болотных растений и просматривает вообще свой путевой гербарий, сидя со мною в тени и прохладе, в датской палаточке. В ней очень уютно и не жарко, как в обыкновенной. Наш лагерь — две белые палаточки далеко видны на зеленом фоне прозрачного воздуха.

Сегодня вечером я также ходил на лет гусей, рядом со мною сидел мой Пшевик; гуси летели хотя и вразброд, но в порядочном количестве. К сожалению, они замечали нас раньше времени выстрела и почти все пролетали сравнительно на далеком расстоянии. Тем не менее я стрелял, еще больше увлекалась моя Пшевочка, в результате — ничего! На то и охота!

Ночь, обещавшая свежесть, была, однако, не холодная, а скорее теплая.

23/VIII, ☉. Солнце быстро разогнало облачка и совершенно очистило весь небосвод. Мой Пшевик рано отправился на экскурсию, но вот скоро будет 10 часов, но его выстрелов мы не слышали. Канаич возится с куликами; он вчера, между прочим, стрелял по Pandion haliaetus.

Сегодня утром я познакомился с китайцем-торговцем по монгольскому имени Урум-баир. Он следовал с мальчиком из Урги к себе в урочище Далай-гун. Сильно заинтересовал нас рассказами о многочисленном количестве каменных могил, о находках. На нашем пути туда он постарается многое расспросить интересное для нас и подготовить знающего монгола.

Сегодняшний вечер предполагаю дежурить у астрономического столбика с целью поймать звездочку для покрытия ее темною частью диска Луны, тогда у нас урочище Улхуин-булун будет закреплено настоящим образом. Это первая продолжительная стоянка Тибетской экспедиции.

Сегодня попытаюсь написать самые необходимые письма: Володе, Геранцевым (поблагодарить за внимание и любезность), а потом с чувством написать Е. Е. [Шведерской] и Н[ине] Е[вгеньевне], если будет время, то и М. Я. Б[асково]й.

А все же время берет свое: солнце светит и греет, но уже не жжет, как недавно по-летнему. К вечеру северо-западый крепкий ветер принес сплошные слоистые облака, которыми и укрыл небосвод. Все астрономические вожделения побоку. Температура воздуха понизилась, и сразу физиономия природы стала угрюмой, осенней. Хуже всего в путешествии ветер.

Единственное благо в это время от крепкого ветра — это отсутствие мучителей-кровопийц, животные в особенности наслаждаются этим благом.

Сегодняшний вечер никто не беспокоил гусей, с обычным криком стайки неслись к своему излюбленному большому озерку с привольным плеском и травянистой зарослью.

Ночью и с вечера по сторонам в горах стояли темные тучи, прорезаемые змееобразной молнией, раскаты грома доносились и до нас. Северо-западный ветер дул, периодически очень сильно, всю ночь.

24/VIII, ☽. Серое небо, солнце изредка прорезает густые облака, северо-западный ветер продолжает бушевать, как и ночью, t 8.0°C, так что кажется, на воздухе совершенно холодно.

Еще лежа в постели я обдумывал редакцию приветствия Академии наук. Вот два варианта поздравлений: «Тибетская экспедиция всем сердцем при-

ветствует двухсотлетие Российской академии наук, несущей высоко свое знамя и озаряющей светом истины и свою страну и сопредельные восточные окраины с их угасшей цивилизацией». Это первый, теперь посмотрим на второй — краткий и более сильный: «Из глубины Азии Тибетская экспедиция всем сердцем приветствует Российскую академию наук. Козлов». Остановимся на второй редакции.

Нужно заблаговременно заготовить письмо с телеграммой Цокто Гармаевичу, а также и ряд писем друзьям, родным и знакомым.

А ветер дует и дует, шелестит и треплет палаткой и пылью посыпает дневник. Так продолжалось весь день до вечера, когда я напрасно дежурил у трубы и искал звездочку для покрытия темным диском Луны; ветер уменьшился до слабого лишь к полуночи, когда исчезли облака.

25/VIII, ♂. Утро сравнительно тихое, ясное, но все еще прохладное.

В 9 часов я с Гусевым направился к мысу — каменистому обрыву из сланцев, ниспадающих круто к Толе, назыв[аемому] монголами Улхуин-ходэн-хошу, отстоящему от нашего лагеря в северо-западном направлении, в расстоянии семи верст по прямому направлению и в восьми, как мы ехали, кружась то влево, то вправо и заезжая на вершины попутных невысоких сопок с обо. Эти четыре сопки, составляющие группу, монголы нам назвали Улхуин-саманды. На восточной или юго-восточной из них, на вершине, красуются два обо, побольше и поменьше; между ними покоится каменная, округлая могила. На северном подножии этой горки-сопки и южном следующей покоится вторая каменная могила, несколько меньшая размерами, а именно диаметр 1 сажень, обставленная вокруг 11 порядочными по размерам камнями. Со второй вершинки я сфотографировал вид на СЗ, на прорыв, на Улхуин-ходэн-хошу.

А с самого Улх[уин]-ход[эн]-хошу открывается дал[еки]й вид, широкий по сторонам и свободный от северных гор, на порядочное расстояние, [на] восток — ближе, [на] запад — дальше, в большем тумане. Вид с вершины очаровательный: вблизи извивается протока, река Тола стремительно несется под обрывом, на вертик[альных] стенах которого, в двух местах, помечено: К. Р. 31/VIII 1924 г.; в обратном направлении, севернее, Тола катится несколькими рукавами, южнее — ее старицы, главная из коих тут же сливается с Толой, образуя прелестный островок, заросший тальником, в соседстве с этим уголком отдельная вершинка с обо. Все это изрезано, переплетено руслами со стальной водой. На против[оположном] берегу сидели на песчаной отмели индийские гуси; я очень сожалел, что уже не имел в своем распоряжении пластинок, чтобы запечатлеть эту оригинальную, красивую картину. Поодаль во множестве пасся рогатый скот кочевников.

Со всех вершин мы видели наш бивак, домик и ту обширную долину со старицами, по которой в давнее прошлое время кочевала Тола. Теперь я больше прежнего видел ее первоначальное стремление к ЮЗ, но, встретив вздутие в виде подножия гор, с Унчжюлем во главе, река должна была отвернуть в сторону наименьшего сопротивления — на запад, а потом и СЗ и своею дал[ьнейшей] деятельностью — размыванием — проторила и более прямую линию, прямое ложе, в зап[адном], а потом и в северо-западном направлении.

На вершинах и у подножий горок, по скалам и цветам — всюду держались мухи, шмели, а иногда и бабочки. На одном таком местечке, на лугу у

самой Толы, мы встретили, словно искусственный, лиловый цветник и на нем много крапивниц, баб[очек] с глазком и целый ряд интереснейших мух — от пчеловидных до комнатн[ых] или обыкн[овенных] включительно.

Сегодняшним сбором насекомых, как и вообще поездкой, я был очень доволен; собираюсь поехать к мысу и завтра, забрав с собою еще больший запас пластинок для фотографий.

По приезде домой вскоре я снял собаку — монгольского дога, принадлеж[ащего] нашей соседке, бабушке, под кличкой Тумыр. Четырехлетний Тумыр по ночам навещал наш лагерь и в первый свой визит заставил уважать себя нашего прыткого Гароля, дав ему значительную, серьезную взбучку.*

Наши собаки Гароль и Чуфра ведут себя хорошо и привыкли к походу.

Сегодняшний энтомологический сбор исчисляется в 50 интересных экземпляров. Между прочим, очень интересный Bombus — небольшой, золотой, довольно редкий — замечен нами впервые.

Назавтра вновь хочу отправиться к прорыву Толы — Улхуин-ходэн-хошу; уж очень там интересно — река, ее разветвление, обрывы, скалы и много рукавов, острова, порою заросшие тальником.

Каждый вечер дежурю у астроном[ического] столбика, у трубы, ловлю звездочку, а ее все нет. Сегодня в 9 часов свежо, температура воздуха только 4.5°С, что неожиданно вдруг кажется очень холодным. Там и сям слышен гусиный гогот — то стаи с Толы летят на ночевку в тихие заводи озера.

26/VIII, ☿. Утро прекрасное. Накануне я стоял до 40 минут 1-го часа — нес сторожевую службу; за все это время ни одна собака — ни наша, ни соседняя — не лаяла, тихо было кругом, ясно-ясно на небе, только изредка мелькнет падающая звездочка и исчезнет в мировом беспредельном пространстве. Меня сменил наш Канаич.

Как и накануне, сегодня я быстро собрался в экскурсию к мысу-обрыву, в урочище Улхуин-ходэн-хошу и выехал ровно в тот же час, в 9. Меня сопровождают трое: Пшевик, Канаев и проводник Шэрап-Шэрва. Мы все на лошадях верхом, взяли с собою чайничек и цзамбы с салом. Мы ехали определенно, к месту, нигде не задерживаясь, и скорым или ускоренным шагом прошли расстояние в семь верст в течение одного часа.

По дороге, у болот, вспугивали бекасов, цапель; в отдалении соблазнительно сидели черные аисты, серые цапли, инд[ийские] гуси и масса всевозможных куликов, чередовавшихся с утками-кряквами и чирками. Миновали стан бог[атого] монгола, подле стойбища которого, в 2—3 верстах, паслись его вылинявшие, тучные верблюды числом голов до 50—60.

Проехали мы, наконец, знакомые горки-сопки и еще через 2½ версты достигли намеченного заранее уголка на берегу Толы. Вокруг были и скалы, и отмели, и островок, и мой цветник с лиловыми цветами высокоствольной Saussurea. Тут мы расположились на верхней террасе лагерем, отпустили лошадей и развели костер. На противоположном берегу паслись мирно стада рогатого скота в отдалении от юрт. Изредка пролетали плавающие или голенастые птицы, еще реже река вдруг забурлит, зашумит, невольно заставит оглянуться с мыслью, кто тут плывет в быстром ялике.

---

* Тумыр — чудная собака, настоящий волкодав.

Лама варил чай, не дожидаясь которого все занялись своим делом. Я спустился только [на] 15 шагов с сачком в руках к моему цветнику и начал брать дань в виде бабочек, шмелей, пчел и всякого рода мух. Пшевик и Канаич пошли за скалу, вниз по течению; там имеется прекрасная старица (извивающ[аяся] змеею) и более доступный ивняк, а в незначительном сравнит[ельно] отдалении и скалы с горными гусями и филинами. Гнезда Ans[er] indicus с яйцами (до 7) были брошены из-за близкого соседства с филинами.

Долго охотился каждый из нас. Я мирно ловлю среди тишины, изредка нарушаемой выстрелами наших охотников, в 3 часа я пью чай, ем цзамбайгурил, в антрактах, кроме лова бабоч[ек] и других насекомых, снял три вида: два вниз по течению — до скалы и за скалою, с ее вершины, и один — вверх, с высоты, на разветвление Толы и ее недоступный островок леса, хорошо сбереженный в течение лета.

Мои спутники начали собираться: первым Канаич с птичками (3) — Dometicula, Otomela и Circus; затем мой Пшевик, тоже с 3 птицами — камышевкой, жуланом и Emberiz'ой; кроме того, ухитрилась без сачка поймать одну из самых крупных, темных мух, резвых на лету. Я добыл около 100 экземпляров насекомых, преимущ[ественно] мух, очень интересных, ночниц-бабочек и шмелей. Мы быстро собрались, заседлали коней и, дождавшись усердного Пшевика, покатили домой; мне хотелось вовремя попасть домой, записать все и уложить сбор.

Было очень жарко, наши лошади прямо бесились от оводов, или «крючков», и мошки, вспотели, в кочках часто спотыкались. Езда на них в такое время — сущее наказание. Правда, когда мы выехали на дорогу, склонились спиной к солнцу, подул ветер с прохладой.

На биваке у нас был всегда желанный гость — Ц. Г. Бадмажапов, доставивший нам вторую небольшую почту; несмотря на то что он уехал от Урги, но на торный путь он взял у нас наши заготовленные письма и мою телеграмму для Российской академии наук. Он нам привез и газеты, и много-много сведений из текущей жизни ургинской вообще. Особенного ничего не было. Васильев вновь укатил в Пекин; в Китай по-прежнему везется боевое снаряжение. Но европейцы в Пекине, да и во всем Китае, говорят, начеку. Цокто Гармаевича я снабдил бут[ылкой] красного вина, у него расстроен желудок.

Его спутники по автомобилю проживают, пока он вернется, у юрт монголов, один из которых взялся его проводить до нас верхом на монгольской лошади. Бедн[ый] Цокто Гармаевич у нас был в наше отсутствие четыре часа, а еще с нами час—1½ часа, пока немного не поговорили, и затем расстались. Мы оба полагаем, что на его обратном пути мы непременно встретимся где-нибудь около Мишик-гуна или в нем самом. Так не хотелось так быстро расставаться с моим другом-спутником.

По отъезде Цокто Гармаевича мы усердно занялись каждый своим делом, а вечером — но каким чудным вечером — любовались небесными светилами и необыч[айно] дивным вечером и торжественностью какою-то особенной. Вот какие прелестные вечера наблюдает путешественник!

27/VIII, 2. И сегодня погода отличная с обыв[ательской] точки зрения: теплая, дов[ольно] тихая, полуясная, точь-в-точь такая, какая нужна нам для

напечатания оттисков с наших негативов. Хочу послать в Петроград по нескольку снимков: и в РГО, и в Академию наук, С. Ф. Ольденбургу. Пусть полюбуются там нашими новыми скромными работами в области человека, его минувшего прошлого.

Целый день я провозился с этой работой, ведь другого ничего нельзя делать, по крайней мере до той поры, пока не положишь в воду (уже которую) своих готовых отпечатков.

Я пишу, мой Пшевик также; тем временем мои спутники поймали неводом ведро рыбы, и на этот раз также попался небольшой карась, пополнивший наши рыбные спиртовые сборы.

Завтра наш лагерь оживет, зашевелится, завтра надо готовиться в дорогу: вечером придут подводы, быки и т.д.

На протяжении всего дня облака гуляют по всему небу. Может быть, прогуляюсь на гусей, на лет. Однако к вечерн[ему] метеорол[огическому] наблюдению небо было чисто совершенно, даже хорошо был виден Млечный Путь.

Дежурный всегда в ночи одевается в зимнее, теплое. Иногда по ночам волки устраивают концерты.

Над Толой, ее извилистым течением, с ночи ложится туман.

28/VIII, ♀. Небо ясное, прозрачное, земля с глубокими далями.

Нас раньше обыкновенного подняли подводчики, пришедшие с быками не вечером, как обещали, а ранним утром. Бивак ожил, закопошились все; я также раньше принялся за просушку моих отпечатков с негативов. Сегодня весь день уйдет на сборы: ведь здесь прожили почти три недели, разложились.

Елизавета Владимировна составила очень обстоятельный и очень интересный очерк своих наблюдений над птицами не только по долине Толы от Урги, но и, в частности, подробный, касающийся места Улхуин-булун, места, насиженного экспедицией.

Простояв так долго на одном месте, как здесь, в Улхуин-булуне, представляешь, что будто вновь начинаешь путешествие, так все разложено, вынуто из ящиков и так далее.

А погода стоит самая замечательная, самая дивная, такая, какая бывает типичная из типичных осенних в Центральной Азии: ночью прохладная, днем дов[ольно] жаркая, сухая, с глубокими красивыми далями — синими горами и красочным закатом. Не налюбуешься на такую дивную, очаровательную погоду в связи с горно-степным простором. Прямо самому себе можно позавидовать, да я и завидую.

В дивный красочный вечер, в вечер с очаровательным нежным голубовато-розовым отблеском заката и самим золото-бланжевым закатом, на его фоне вы видите колеблющиеся линии — это летят гуси с Толы на любимые озерки. Упоительно хорошо.

Мы ужинаем, делаем последние записи и мирно засыпаем до следующего утра, вверяя свой покой и лучшие надежды бдительности ночного дежурного.

29/VIII, ♄. Тихий, прозрачный воздух — кругом спокойствие и очарование. Природа молчит, солнце постепенно более и более согревает землю.

Мы подтягиваемся, прибираемся, осматриваем вокруг, а главное, укладываемся — все это любовно делается для дальнейшего похода.

Сегодня выступаем после обеда. Интересно, что юго-западная даль готовит экспедиции, чем мы будем в дальнейшем и интересоваться, и восторгаться? Я верю во все только хорошее.

«Человек предполагает, бог располагает», — говорит русская пословица. Так мы все предполагали сегодня, после обеда, выступить, и вдруг — у нашего подводчика быки исчезли. То стадо, на которое он всегда указывал нашим людям, на их спрос: «А где твои животные?», оказалось чужим. Мало этого, у нашего Тугыржапа-подводчика утонула лошадь (в болоте) от комаров и мошки. Этот бич Сибири и Монголии загоняет животных в воду; но лошадь Тугыржапа была спутана и поводом привязана к [дереву]; повод затянул коня в тот момент, когда он силился высвободиться из топкой грязи болота.

Выступление пришлось отложить на завтра, и я с Канаевым отправился на стойку к озерку, на время сумеречного лета гусей. Вечер был прекрасен; поверхность лучшего дугообразного пруда с зарослями по краям или концам, так сильно привлекавшими гусей, турпанов и всяких пород уток, кроме того и куликов, отливала розовой сталью. Над этим дивным зеркалом природы, словно белая лента, с музыкой летели лебеди (Cygnus musicus). Мы пришли к пруду, соблюдая тишину и покой птиц, занявших собою почти всю открытую поверхность пруда.

Мы опоздали: лет гусей был в разгаре. Прилетевшие издалека бросались с высоты, ловко ковыляя на обе стороны, выражая этим свою радость.

Первым выстрелом я свалил большого инд[ийского] гусака; вторым — сильно подбил самку, но та спланировала на восточ[ный] конец пруда. Мой спутник сидел на худшем месте, но и на него налетало много и гусей, и уток; вторым по счету выстрелом Канаич отличился — сшиб сразу пару (молодых, вкусных) индийских гусей. Хрипачи также летели, но их было всегда значительно меньше индийских. Возвращались домой при свете Луны, по знакомой дороге.

30/VIII, ☉. Утро прекрасное. Быки и подводчик были налицо; мои спутники проснулись рано, мы также поднялись в 5 часов, а в ½ 6-го часа утра караван уже направился к Бичиктэ, держа путь на ЮЗ. Сначала шли долиною — болотом, озерками, потом поднялись на дресвяно-песчаный луговой скат, по которому змеилась дорога. Мы поднялись выше, наши озерки оказались словно на ладони. Превосходно открылся весь залив, его повышенная часть, где Тола вписала страницу в геологическую историю своего пути. Залив — то место, где Тола остановилась в своем поступательном движении к ЮЗ, — ясен весь, он налицо. Высокий, назидательный пример геологу. Вздутие, горное скопление, преградило дорогу, скопилось много воды, она работала в сторону наименьшего сопротивления, нашла ложбину к СЗ и понесла туда все воды, всю энергию, опять в страну холода, леса, гор, больших вод.

Тола, ее бассейн были свидетелями кочевой жизни в Монголии многих, многих народов. Их остатки — кэрэксуры, или каменные могилы, здесь обнаруживаются на каждом шагу.

Между тем мы шли вперед к ЮЗ, пересекая ряд увалов и поднимаясь выше и выше. Через 15 верст достигли последнего вершинного увала под

названием Гэрэлтэй-хундэ, где и остановились привалом на пять часов. В 10 часов солнце пригревало ощутительно. На нашем пути было много тарбаганов и монголов — охотников за ними. Эти зверьки, как свечки, стояли и издали манили и дразнили нашу собаку своим свистом. Однако ловкая охотничья собака наша задавила стар[ого] тарбагана самостоятельно, а второго схватила у норы, подстреленного моим спутником Пшевиком. Я всегда с интересом следил, как Гароль искусно крадется к тарбагану, как озирается на охотника, чтобы тот не мешкал. И вот картина: тарбаган — словно в середине, смотрит на собаку, охотник еще ускореннее крадется и стреляет; Гароль что есть духу мчится к норе, схватывает за шиворот смертельно раненного сурка и треплет его отчаянно, пока не подоспеет охотник. В синем небе кружит беркут, и вскоре, едва только мы разбиваем наш лагерь, нахально летит дозором плут коршун.

На стоянке я ловлю насекомых, спутники — кто что делает, кто был дежурным — спит. Солнце донимает вовсю. Горы Бичиктэ и Унчжюль видны словно на ладони. Луговой скат начал отливать золотистым осенним тоном ковыля. По этому фону змеятся дороги, целых три, самая южная наезжена, оживлена вовсю. По ней бегают «чиче» — автомобили. Автомобильная дорога проходит вблизи колодца горы Бичиктэ, а наша, средняя, ведет прямо к кол[одцу].

В 6 часов вечера мы здесь, у исторической стоянки, на стенах гранита которой красуются письмена, говорят, уйгурские, откуда и название Бичиктэ — «Писание».*

Тут мы чувствуем сухость и большее тепло, к тому же вода в колодце превосходная. В общем, гора Бичиктэ мне сильно напомнила гору Чойрэн на пути из Урги в Калган. Новое место, да еще такое, располагает долго с вечера не спать, быть на воздухе и прислушиваться к окружающей тишине. Луна картинно озаряла и горы, и наш маленький бивак у колодца.

Мои спутники — и русские, и монголы — долго-долго мирно беседовали, так как, во-первых, выпили по чарке крепкой водки, а во-вторых, в Бичиктэ мною решено было прожить денек-другой с целью более тщательного изучения этого массива, этого исторического уголка.

С вечера я долго не спал: слишком хорошо было. Прямо в палатку лил свет, свет яркой Луны, озарявший весь наш уголок — и бивак, и скалы с письменами, и даже внизу колодец.** Последний великолепен, богат и выложен на славу серыми гранитными плитами; вероятно, он сооружен в далекие давние времена. Он и скала с письменами могут рассказать целую историю.

31/VIII, ☽. Утро сухое, полуясное, прозрачное. С вечера был приготовлен фотогр[афический] аппарат, и теперь я с Гусевым приступили к снимкам сосед[ней], ближайшей, серогранитной скалы, одной и другой — по

---

* Не Бичиктэ-улан-хада, а Бичиктэ-дулан-хада, т.е. «Письмена теплых скал», а не красных — «улан».

** Бичиктэ-дулан-хада-худук: глубина (до воды) 7 фут[ов] 6 дюйм[ов], мощность водного слоя 2 фута, водоносный горизонт прекрасен и в качественном, и в количественном отношениях.

соседству лежащей, именно той, на которой расположены и письмена, и рисунки. Я снял всю скалу, вблизи и вдали, с биваком и с другой, соседней, между которыми покоится могила.

На восточной гладкой стене изображены, по-видимому, санскритские иероглифы, на южной — может быть, уйгурские. Именно здесь мы встретили в нескольких местах знаки, тождественные с таковыми, имеющимися по бокам черепахи — чулун-мэлэхэ и многие-многие другие. Интересны, между прочим, козлы, составляющие в целом полный рисунок (камень на вершине второй скалы); первая, окраинная, — почти вся сплошь исписанная. Мне кажется, по моим отдельным снимкам и рисункам Канаича можно полностью восстановить все письмена, имеющиеся на скалах Бичиктэ.

После фотографий и других общих исследований Бичиктэ я пошел собрать по кустарникам, прилегавшим к подножию почти отвесных скал, преимущественно на северных склонах, насекомых. К сожалению, их здесь было очень мало, гораздо успешнее потом я ловил их, в особенности осовидных, у водопоя, куда эти насекомые прилетали днем, на солнце.

Под вечер я поехал исследовать окраину Бичиктэ или ее окружность. Направившись на запад, я возвратился с востока, описав сомкнутую кривую. Я занимался розыском надписей и нашел их в недалеком соседстве, недалеком расстоянии от бивака, частью на отдельных черных (загорелых) плитах, частью на скалах. В одном месте очень интересно изображение кисти руки, отпечатанных пальцев руки богатыря и тут же знак «А». Немного влево и, главным образом, вверх, целое изречение; и то и другое я сфотографировал. Далее меня занимали кэрэксуры, расположенные группами и в одиночку у подножия гор, в горах, на перевалах, вблизи перевалов, по тому и другому скатам. Кэрэксуры — большие, малые, округлые или прямоугольные. Затем интересна конфигурация гор, их сложение. В общем, этот серогранитный массив не похож на соседние: он очень богат оголением, складчатостью, отдельностями. Он остробокий, с гребнями и отд[ельными] скалами, ниспадающими отвесно. В нем много ущелий и ущельиц — до десяти, много выемок, часто обращенных главным образом к югу, в таком случае имеются следы пребываний стоянок кочевников. Найдена на северо-западном конце, в ущелье, пещера с высоким входом, но пещера небольшая, с настилкой соломы, носившей след ночевок хищных птиц.

Гранит местами выложен словно матрицы, местами в виде отдельностей или просто скал, разбитых на трещины. Разрушение гор громадное, во многих местах видны следы обвалов, там вход в помещение, без крыши, над ними уступами громоздятся плоские скалы, словно стены, местами похожи на купола или башни (крепостные). В общем поражает бедность животной жизни. По краям горы проходят дороги: с севера — главная, автомобильная, с юга — вьючная, с обо и бол[ьшим] четырехуг[ольным] кэрэксуром. Я сомкнул кривую своего подножного маршрута в 7½ версты. Мас[сив] тянется в общем от СЗ к ЮВ и опоясан и по подножию, и в ущельях кэрэксурами — каменными могилами.

В нашем соседстве, на противопол[ожном] берегу русла, с колодцем, расположился лагерь тарбаганщиков. Это охотники-промышленники за тарб[аганами]: буряты, русские, монголы. Шкурка этого зверька, осенняя, поднялась в цене до 2 руб. 80 коп.

Утром сегодня уехал от нас домой, в Ургу, наш старик-проводник — Шэрап-Шэрва. Откровенно говоря, как лама, Шэрап был большой ханжа и много вредил, а не способствовал при наших расспросах о местности.

И здесь по ночам я и мои спутники упражнялись в ловле ночных бабочек. Из-за большой, яркой Луны я долгое время не смог зарядить мои кассеты новыми негативами, а прежние девять — все были засняты, поэтому я встал ночью, в 1 час, когда сменился с дежурства мой Пшевик. Последний рассказал забавную историю: ночью, часов в 12, к ней пришел вплотную серый волк. Пшевик у колодца с фонарем у пояса ловил бабочек. Пшевик вначале подумал, что это Гароль, промышлявший у соседей-охотников, а в действит[ельности] оказался серый волк, с темно-коричн[евыми] подпа4[инами], со стоячими ушами и почти опущенным хвостом, в 15 шагах. Потом он побежал, когда Пшевик запустил в него камнем; с соседн[его] лагеря ожесточенно лаяли собаки. Пшевик мой пожалел, что упустил редкостный случай, с одной стороны, с другой — «не дал возможности волку напиться воды».

Я переснарядил мои все 12 кассеток. Теперь у нас вновь снято 2½ коробки, или дюжина, стекол, и вновь отправился спать. Дул южный ветер, принесший еще большую облачность.

1/IX, ♂. Утро полуясное; у колодца много скота, небо подернуто облаками. Я собираюсь с Гусевым и Тумутом-проводником в экскурсию, в полуобъезд с юга Бичиктэ-дулан-хада. Сначала мы поднимаемся по луговому откосу и снимаем Бичиктэ издали. Потом едем с юга на перевал и за него, до самого западного конца, до лугового откоса, по которому картинно залегают два самых больших кэрэксура или, точнее, одна из самых больших кам[енных] могил. Расст[ояние] между ними 50 саж[еней]; северный [кэрэксур] отстоит немного к ЗСЗ, он — округлый, разрыт, яма около 1 сажени; второй, или южный, немногим меньше, квадратный, не тронутый; его я сфотогр[афировал], он перед большой скалой.

Затем мы направились обратно и на южной окраине горы вообще сосчитали 9 кэрэксуров. Первый — самый большой, мною снят 2-й и 9-й, лежащий на сам[ом] перевале, у обо (заснят вместе с проводником и лошадьми). Первый — квадратный, № 9, у перевала тоже. Заснят еще один, восточнее перевала, на мысу, перед высокими скалами. Мы поехали вниз, к письменам. Я их заснял, о них уже упомянуто выше, они с пальцами и с [буквой] «А».

Таким образом, мы доехали до бивака и севернее его, до бол[ьшого] круглого кэрэкс[ура] с востока, сняли его. Особенное скопление каменных могил мы нашли в двух местах: на юго-восточном мысу и ему противоположном мысу (в ущелье) с СЗ. В первом случае — 17 (17-й, восточный, самый большой, сняли), во втором — 36. Кроме того, найдено нами в ущ[елье] по бол[ьшой] дороге 9; таким образом, всего в Бичиктэ, по моим исследованиям, 71 кэрэксур. (Еще разрыто в разн[ых] мест[ах] 3—4 или всего 5, разных по размерам, и все неглубокие.) Теперь невольно является вопрос: кто же писал на этой горе историю народа, некогда обитавшего здесь, в Монголии, в большом количестве?

Я буду счастлив, если на основании экспедиц[ионного] материала этот интересный вопрос разрешится. Свою задачу я считал исполненной и после

обеда отдал приказ приготовляться к выступлению в дал[екий] путь, к Мишик-гуну, в юго-западном направлении.

Кажется, я уже говорил выше, что гора Бичиктэ очень напоминает собою и внешностью, и происхождением, и даже содержанием гору Чойрэн, которая также еще издали, свыше нежели за сто верст, манит к себе взор пытливого наблюдателя. Очень только жаль, что с горой Чойрэн, по независящим от меня обстоятельствам, я не знаком настолько, сколько с Бичиктэ.

Покидая Бичиктэ, я еще раз посмотрел внимательно и на письмена, и на все те многие кэрэксуры, которые лежали не только у подножия горы Б[ичиктэ], [но] и соседние, по ущелью на нашем пути, и еще раз заглянул в северо-западное ущелье с пещерой, по дороге к которому, в его глубь, расположено так много, правда незначительных по размерам, могил со стоячими каменными (гранитными) плитами, словно загородками. Затем, уже на перевале, стоя, вы видите влево — к юго-юго-западу — на степном подножии гор, точнее на слегка покатой к западу равнине, покоится та разрытая могила-кэрэксур, которая по моим исследованиям является самой большой, главной из всех бичиктинских каменных могил, а в 50 саже[нях] к югу — квадр[атная], немногим меньшая, которую я снимал. Выходит так, что с каждой из главных сторон Бичиктэ непременно имеется большой кэрэксур. Так, с западной — доминирующий (оттого и разрыт), круглый, рядом — прямоугольный (снята фотогр[афия]), с юга, на перевале, у обо — большой прямоугольный, и, наконец, с востока — также один из самых больших, одинокий, круглый; оба, и южный, и восточный, также сняты мною. Вот интересно будет видеть снимки как с самой горы, так и со скал с письменами или подошвы горы с кэрэксурами. Но это пока впереди, теперь мы идем к Мишик-гуну.

С перевала дорога убегает в том же юго-западном направлении. В эту сторону горизонт преграждается мягкими холмами, которые в центре вырастают в хребетик, тянущийся поперек — от ЮЮЗ к ССЗ. В общем же мы идем степным, волнистым простором; травы отцвели, пожелтели и отливают золотом. Мы то поднимаемся до вершин высот, то спускаемся в их промежуточную глубину; дорога змеится и блестит по вершинам и высшим скатам; каждая новая вершина, новый перевал открывают такую же картину, как и прежде. Я поднимаюсь немного (на завороте дороги) к выходам цветного, красивого мрамора, затем поднимаемся на более высокий увал — луговой, широкий, со следами остановок караванов, видим китайца, отдыхающего, как и мы, впереди и ожидающего подхода каравана быков с шерстью. Караван большой, до ста телег, на хороших быках.

На западе словно вырастает зубчатый темный массив. Это Хайрхан, дающий зарождение целой горной цепи, убегающей к западу. Мы вновь спускаемся в котловину; местность обманывает вас сокращением расстояний. Идешь — без конца долина, без конца спуск, наконец добираешься до намеченной точки в долине, при дороге, и прежде всего выбираешь место для своего лагеря, место для палатки. Отводятся в сторону лошади, облегчаешь их отпуском подпруг, сниманием тороков и т.д. В ожидании прихода каравана садишься и смотришь по сторонам в бинокль. На СВ далеко осталась темная стена северотольских гор, она кажется ниже вас, вашего положения. Теперь вокруг нас степь привольная, беспредельная. В ней тарбаганы, пищухи, больдуруки, монгольские и другие жаворонки, цаган-цзере.

Тут и там вы видите скачущих монголов-охотников за тарбаганами и непременно с тарбаганами, привязанными или притороченными к седлу.

Мы ночуем в урочище Сучжи, вблизи сухого русла, под второстепенным перевалом. Небо в облаках, дует сильный юго-западный [ветер], приносит дождь, который периодически и поливает нас с вечера до утра. Лошади пасутся под наблюдением дежурных.

2/IX, ☿. Выступаем немногим позднее обыкновенного — в 6½ часа облачного утра и успешно поднимаемся не только на первый, меньший перевал, но и на второй — главный, который также называется Сучжэн-котул. Как и всегда, огромное урочище сзади и впереди нас. Должен отметить важное для нас обстоятельство: быки второго подводчика от Улхуин-булуна до Мишик-гуна несравненно лучше, сильнее первых и везут наш транспорт со скоростью 4 версты в час. Я и Пшевик и сопровождающий нас казак Ганчжуров никак не можем, в особенности вначале, значительно отдалиться от каравана: смотришь назад — караван близко.

С перевала Сучжи мы увидели во всей красе массив Хайрхан и долину — степь с многочисленными стадами баранов, рогатого скота и лошадей, а немного спустившись к главному подножию ската и завернув немного вправо — большие группы юрт кочевников.

Тут, в виду красивого Хайрхана и в версте к северу от колодца Сучжи, в урочище Аринчи-хайрхан, мы и остановились на привал, с обедом. Мои спутники тотчас познакомились с колодцем,* обитателями и попоили наших караванных животных. Я с Канаевым пошел шагов на 600 вперед нашего лагеря с целью заснять Хайрхан. Здесь поймали змею, первую с выступления из Урги.

Тут навестил нас наш соотечественник, застрявший по случаю порчи машины на 6 дней. Предполагал через часа 2—3 от перевала прокатить до Мишик-гуна и там чаевать, а вышло иначе — жить при колодце, у монголов, и ждать присылки запасных частей автомобиля. «Скука смертельная, делать нечего, продукты на исходе». Хотя наш знакомый (сослуживец Гусева) ухитрился прислать нам сушек, кусочек черного хлеба и монпансье. Не дорого приношение, но дорого внимание.

В 3¼ часа дня мы выступили, перевалили два увала напротив Хайрхана и стали долго-долго спускаться в котловину Тухум-нор, к куре, располож[енному] при колодце и пересечении двух больших дорог: С—Ю и нашей — СВ—ЮЗ.

Словно в яме, лежали два соленых озера: меньшее на востоке и большее значительно на западе, ярко блестевшие серебром под лучами низко опустившегося к горизонту солнца. По Баин-тухумской озерной впадине проживало много кочевников с огром[ным] кол[ичеством] скота. На отличных солончаковых местах и полупуст[ынных] травах паслось немало верблюдов.

У восточного подножия Хайрхана расположены два огромных кэрэкэсура с ярко выделявшимися кругами, выложенными из больших серых камней, вероятно гранитов.

---

* Колодец с отличной водой, выложен плитами, имеет глубину (до воды — 1 фут, мощность водного слоя 4 фута) 6 футов, влага холодная, обильная, утоляющая жажду многих — и людей, и их скота.

По дороге к нам подъезжал охотн[ик]-монгол, который на наших глазах подбежал к тарбагану, стараясь заинтересовать его махалкой над головой (которой махал, словно хвостом). У монгола уже висели в тороках или притороченными два сурка («Ведь в Да-Куре — 2.15 янчана!»).

На скате с перевала, на небольшом сравнительно расстоянии мы видели у дороги 4 змеи, 3 обыкнов[енные] и одну очень интересную, с коричневыми узорами, которую и взяли, конечно, в коллекцию.

Караван прибыл к месту бивака уже в сумерки, мы остановились против монастыря. Ночь дов[ольно] прохладная, хотя тушканчики бегали, резвились, словно летом. Низко протянула стайка серых журавлей, а еще до сумерек — камышовый лунь и только.

До поздних сумерек обманчиво блестели солончаки и напрасно манили к себе жажд[ущих] собак. Ночью было тихо и в первой половине облачно, затем ясно, прохладно.

3/IX, 2. Утро такое же, но еще более прохладное. Наш сосед — догын, или маленький монастырь Баин-тухум, посещенный мною зимою 1908 г., производит приятное впечатление. Постройки храма, главные и второст[епенные], носят следы искусства и опрятности.

И малое, и большое озера соленые, без воды. Служители догына и ближ[айшее] население пользуются водою монастырского колодца. К сожалению, колодца мы не видели, а следов[ательно], не знаем его глубины и качества воды: мы здесь только ночевали и довольствовались привезенной водой из кол[одца] Сучжи.

Тихое спокойное утро; поднявшееся солнце ровно разлило свой свет над необозримой равниной, над которой по всему серому монотонному горизонту выступают большие или меньшие, темные или серые гряды гор и горок.* В направлении нашей дороги выделялся серебристой или просто светлой змейкой, перерезавшей поперечно долину, поднимаясь на юго-западную плоскую высоту, отделявшую нас от Тухум-нора, прекрасный ключ Загэстэ, до которого мы сделали 18 верст. Мы шли словно грядой, разделяющей два соленых бассейна, незначительной возвышенностью, по превосходной, ровной, гладко укатанной дороге. Тухум-нор, Ихэ, несколько иначе освещенный, отливали темной синевою и казались водным пространством. По обеим сторонам дороги, в понижениях, паслось немало откормленных «кораблей пустыни» — верблюдов. Показались, наконец, и цаганцзере (Antilope gutturosa), отдельной парочкой, на [расстоянии] ½ версты перебежавшие нашу дорогу. Но чего особенно много было, так это, с одной стороны, грызунов — тарбаганов, Lagomys, с другой — врагов последних — крылатых хищников: сарычей и больших соколов Gennaia milvipes. И сарычи, и соколы во множестве поедали пищух; первые обыкновенно подкарауливали зверьков, статуями сидя у их норок, вторые почти всегда быстро проносились в воздухе, то вверху, то над самою землею. В первом случае хищники стремглав бросались на свою добычу, во втором — ловким хватом, только опрокинувшись или, точнее, наклонившись, уже имели в своих когтях зверька. В наблюдениях такого рода, равно и за характером местно-

---

* С обычным криком, как стрела, пронеслась стая больдуруков, Syrrhaptes paradoxus.

сти, время бежит неудержимо. Мы наблюдаем влево, поднимаясь на едва заметное луговое повышение, большую группу юрт. С плоской вершины, вдали по дороге вскоре показались прижатые к горам стойбища, а в середине долины — изумрудно-зеленая площадь ключа Загэстэ.

Сюда мы прибыли к полудню, сделали 18 верст и остановились на ночевку. Отрадный ключ с дов[ольно] теплой (22.5°С) водой ветвями собирается в общий ручей, протекающий в северном направлении свыше версты. Гусев кое-что собрал по части растений, но насекомых очень мало, так как их любимые лиловые цветы Saussurea поблекли, осыпались и склонили свои головки.

На большем своем протяжении внизу ключ обставлен высокими увалистыми берегами, и в них удобно было стрелять и соколов, и сарычей, и мелких птичек. Мы пополнили здесь свою орнитолог[ическую] коллекцию: темным Buteo, двумя большими соколами, варакушкой, желтой и белой плисками, мухоловкой и немн[огими] другими. Стали обыкновенными вьюрки Давида, показался черный ворон, орлы — степной, беркут и, может быть, еще темно-бурый мрачный Fulva, — нередко кружат или сидят на скалах, вблизи дороги. Коричн[евый] и другие луни также обыкновенны здесь. И на ключе Загэстэ исключительно заполонили собою все сарычи (даже у воды) и большие сокола. Над долиною Тухум в одном месте мы видели пролетавшими над нами, нашей дорогой, стайку сарычей в 15 особей, летевших сеткой, словно галки.

Сентябрь ознаменовал себя ветрами, дующими с запада или ЮЗ не только днем, но даже нередко и ночью. Ветры в путешествии — крайне неприятны во многих отношениях, и я не люблю их. А как они мешают работать в палатке!

4/IX, ♀. Ночь ясная, прохладная, min[imum] 3.0°С, утро такое же.

Мы выступаем в ½ 6-го часа и двигаемся спорко по хорошей дороге все в том же юго-западном направлении. Неподалеку от ночевки, в середине, между нею и следующим родн[иковым] урочищем Гурбун-тэргэн, вправо от дороги, под защитою гор, устроился небольшой догын — Чортэн-догын; вокруг по покатой луговине разбросанно стоят юрты.

Пониже, вблизи нашей дороги, резко выделяются развалины круглых каменных печей, в которых, по-видимому, обжигался кирпич на постройку этого Чортэн-догына. Сюда доносятся иногда воды верхнего, упомянутого выше ключа. Повсюду волнистая степная местность с тучными пастбищами, на которых благодушествуют стада кочевников.

На первом из трех «тэргэнов» с нас запросили за барана, с возвратом кожи, 11 янченов — недурно, нечего сказать! А на последнем «тэргэне» мы заплатили всего только 6 — почти половину. Многие из кочевников-степняков — большие выжиги, а встречаются и просто плуты.

Мы расположились привалом на среднем «тэргэне» и простояли до 2 часов дня, успели сварить и съесть обед и направились дальше, чувствуя, что давно жданный Мишик-гун не слишком далеко. Однако до обеда мы сделали 12 верст, а после, до сгущенных сумерек, до прекрасного лунного света, мы сделали 16 верст, оставив за собою один, северный луговой, перевал и поднявшись на вершину южного — Наримтэн-котула, откуда наш подводчик в этот же вечер успел сбегать верхом на лошади в Мишик-гун и

сказать нам, что до последнего недалеко (впоследствии выяснилось, что только 5 верст), и наш Тумут усиленно предлагал нам сегодня же добраться до нашей и его цели — прибыть в Мишик-гун.

Теперь остановимся немного подробнее на урочище Гурбун-тэргэн и на пути не только на перевал, но и спуск в долину Мишик-гун. И урочище Г[урбун]-тэргэн, и весь путь до Мишик-гуна горно-степной, причем урочище расположено в котловине или, точнее, в ложбине с озерками болотистого характера, родниками, дающими приют монголам. Эти последние в нижнем «тэргэне» устроили большое обо или даже несколько их, не менее трех, к которым в дни праздников собирается все окрестное население.

В непосредственной близости от верхн[его] «тэргэна», у самой дороги, справа, расположена могила, на которой стоят два камня, издали напоминающие людей.

Сама могила квадратная: 5 шагов на 5, обставленная камнями, вошедшими в землю на часть своего основания; посередине стоят [высотой] до 1½ аршина самою природой отесанные камни, словно бесформ[енные] обелиски; могила грубо ориент[ирована] по странам света; столбы стоят от запада к востоку. Монголы об этой могиле ничего толкового сообщить не могли. Подводчик наш заметил: «Эти каменные столбы изображают людей». До некоторой степени с этим доводом можно согласиться.

Впереди высоко вздымались горы в поперечном направлении, поэтому они замыкали горизонт. Там и сям, по вершинам гор, равно и на северном склоне, по увалам (вершинам и скатам) выделялись выходы горных пород в самых причудливых формах — в виде юрт, столов, оград, и все это — серый к[рупно]- и м[елко]зерн[истый] гранит с рыхлой поверхностью. По мере нашего поднятия на впереди лежащие горы мы, с одной стороны, поднимались вверх, с другой — имели возможность видеть оставленную позади себя местность; более других темным валом выделялась цепь гор с Хайрханом во главе (с севера).

Солнце стояло еще не низко над горизонтом, когда я, следуя впереди, поднялся на северную цепь и пошел по ложбине к южной, наиболее высокой. Расстояние здесь в 2 версты. Таким образом, эти горы состоят как бы из двух параллел[ьных] цепей, оба склона степные, не очень круты, но значительны по расст[оянию]. Относит[ельные] высоты, в особенности южной цепи, определяются значител[ьной] высотой над морем.

На плоской вершине, в виду следующих к югу гор, граничащих с этой стороны Мишик-гуна, мы разбили бивак. Луна картинно поднялась большим красноватым диском и по мере поднятия вверх светлела и ярко-ярко озаряла наш лагерь. Порою подувал ветер, и нами чувствовался холод настолько, что мы все надели меховое платье, а дежурные, кроме того, и валенки. Особенно чувствовался холод на заре, когда вода в ведре покрылась коркой льда.

5/IX, ♄. Тихое, ясное, прохладное утро. Чувствуя ряд дневок в Мишик-гуне и его ближайшее соседство — всего пять верст, — мы встали позже обыкновенного, как на дневке, и в 7 часов 15 минут утра, записав утреннее метеорол[огическое] показание, отправились вниз, наискось, без дороги. Последних было много на обоих склонах гор, и та, по которой мы пришли и на которой ночевали, ведет прямо в монастырь Мишик-гунэ-курэ. Нам же

хотелось остановиться поближе к своим соотечественникам и поближе к озерку, к болотам. Ввиду этого наш подводчик пошел на пересечение дорог от СЗ на юг и ЮВ и по одной из них вывел нас прямо к нашим русским коммерч[еским] жилищам, к их торговой колонии.

На втор[ом] увале, на его вершине, я отметил прежде всего озерко-болото, перед ним хороший родник, берущий начало у подножия каменистых обрывов, — это влево, к востоку, тогда как на самой второст[епенной] вершинке залегает округлый каменный, большой памятник — кэрэксур. Его центр — могила в 12 шаг[ов] диам[етром], окружн[ость] же, выложенная камнями, — 80 шагов, с севера — 5 мал[ых] круглых насыпей, с юга так же, но уже вынесенных за общую каменную окружность, вне, так сказать, но рядом.

Кэрэксуров здесь вообще много, один нами отмечен и по соседству с нами (при колодце Нарини-худук).

С вершины перевала горы, огран[ичивающие] Мишик-гун с юга, словно тонули в Мишик-гунской долине, и нам очень хотелось поближе и поскорее познакомиться с этой местностью.

Придя в долину, наш караван вышел мимо китайского кудона к русскому, к русским организациям, к русскому торговому товариществу в лице «Кооперации», «Шерсти» и т.д.

У окраины кудона я встретил сравнительно молодого человека, бухгалтера предприятия, сидевшего подле нарядных ворот и курившего.

Я поздоровался с ним и спросил о зав[едующем] П. П. Бармине, которого и попросил к себе. Тот предупредительно явился, мы познакомились с ним и с подошедшим другим русским или, вернее, другими русскими, так как их было несколько человек мужчин и одна женщина. Мельком видел я и детей, рядом, по соседству, в одном и том же кудоне.

Мы условились на другой день встретиться, и я просил их показать нам уголок для лагеря. Они были любезны, предложив нам колодец Нарини-худук, в 1½ версты к востоку от своей фактории, в одной и той же общей долине. По соседству с колодцем ютится стойбище монголов в 3 юрты, стоящие в 70—80 саженях от нашего лагеря, по другую сторону колодца. Еще к ВСВ, в 1½ версты, имеется болотистое озерко с птицами (голенастыми и плавающими).

Таким образом, при колодце Нарини-худук экспедиция удовлетворительно устроилась, повесила барометр, поставила две палатки, довольна была соседством болотистого озерка и т.д. После обеда я командировал к нашим соотечественникам Гусева, который, подъехав к колонии, заметил компанию русских, собирающихся ко мне, и с ними (их четверо, во главе с П. П. [Барминым] и П[етром] Ив[ановичем] Таракановым) прибыл в лагерь. Русаки оказались предупредительными, милыми людьми, много сообщили нам интересного, и П. П. [Бармин] охотно принял на себя труд познакомить меня с местными представителями, и гражданскими, и духовными. Они сидели у меня до темноты, я показал и заинтересовал их моими снимками с археолог[ических] работ в районе Улхуин-булуна.

Погода стояла ясная, воздух очень прозрачный и днем, и ночью.

6/IX, ⊖. Утро хорошее, небо подернуто перистыми облаками, барометр систематически падает, я собираюсь навестить земляков, в широком смысле

слова — соотечественников, даже побрился и поехал к ним в предупредительно присланной за мной тележке, запряженной одиночкой. На этот раз я навестил всех, начав с П. П. Бармина и кончая очень милыми людьми — Натягановыми (он, она — Александра Алексеевна с двумя детьми: Толей и Валей), угощавшими меня весьма радушно. А[лександра] А[лексеев]на угостила меня прелестными ватрушками с чаем и дала с собой для Елизаветы Владимировны. П[етр] Ив[анович] поднес печенье и угостил фушером. Толя Натяганов показал мне свои сборы растений и насекомых.

Долго я засиделся и кое-что приобрел у Тараканова — представителя о[бщества]ва «Шерсть». Петр Иванович любезный человек, он и П. П. [Бармин] старались всячески и помогать, и содействовать экспедиции. При помощи П. П. [Бармина] я приобрел у местной монголки нечто вроде гау (сер[ебряного], с коралл[ами], носимое на шее) и условился на завтра поехать с П. П. [Барминым] к местному даргэ [поговорить] о проводнике и т.д. и заглянуть в монастырь, чтобы иметь представление о храмах и служителях при них.

Меня проводила до дома молодежь, и вслед за мной ко мне прибыли с визитом Натягановы в компании с их гостем Поповым, очень сведущим в Монголии человеком, толково продиктовавшим мне маршрут до урочища Сангин-далай или Ильдэн-ван-курэ.

7/IX, ♑. Как и предполагали раньше, я сегодня около 11 часов утра был не только у Бармина, но даже у даргэ, в его управлении, в расстоянии 6—7 верст от нашего лагеря, вниз по долине. Даргэ встретил подобающим образом, с чувством прочел бумагу из монгольского управл[ения] в Урге и тот же час взялся проводить нас в куре, познакомить с главнейшими ламами.

Мы поехали и осмотрели храмы и познакомились с монаст[ырскими] заправилами.

Монастырь основан 120—130 лет тому назад правительством в честь великого перерожденца Ундур-гэгэна, исповедует желтошапочную религию, правильнее толк, имеет по списку до 700 лам, собирающихся в дни больших праздников куре, обыкновенно же число их простирается до 200 человек, живущих, как и в Урге, в домах, группирующихся в улицы и кварталы.

Монастырь помимо главного, соборного храма и лет 6 [назад] выстроенного нового в ряд с соборным, имеет еще до 5—7 больших и малых второст[епенных] храмов, которыми ведают старейшие служители монастыря. Что особенно поражает наблюдателя — это чистота и опрятность монастыря и обилие белых субурганов, устроен[ных] жертвователями в честь и славу куре.

Мы познакомились с да-ламой — светским управителем, а также с главным — ученым; всех старейших официальных лам четыре, три из них сняты на фотографию, в это время четвертый отсутствовал. Оказывается, всех второст[епенных] отделов-храмов вместе с главными — четырнадцать.

В июле месяце, на праздник цам,[220] собирается много народа. Монастырь имеет свое скотоводческое хозяйство до табунов лош[адей] включительно. И ламы, и их гости много пьют кумыса. За отсутствием дров все в степи собирают и запасаются на зимы аргалом. Этот продукт лежит высокими, длинными грядами у монастыря (за ним) и подле всех учреждений.

После полудня погода испортилась: с севера пришла грозовая туча с громом и молнией. Полила землю обильным дождем и покрыла горы градом, выпавшим на ¼ дюйма мощностью. Не любят кочевники ни града, ни тем более снега, ни дождя не вовремя.

Наш бивак был подтоплен. Вещи подмочило основательно, пришлось долго сушиться. Следует заметить, что при Нарини-худук участники экспедиции сложили обо, материалом для которого послужили камни, везде валявшиеся в сфере расположения бивака.

8, ♂ и 9, ☿ /IX. Погода изменила нам: два этих дня лил дождь, почти не переставая, никуда нельзя выйти, сиди дома и, если имеются книги, — читай.

Ко мне приезжал с визитом даргэ со своим помощником в сопровождении П. П. Бармина. Долго сидела у меня эта компания, она хотела дождаться светлого промежутка, чтобы уехать, но такового не было. В конце концов мои гости укатили под дождем. Даргэ — молодой, в русской шляпе, сам привез мне бумагу для моего проводника в Ильдэн-ван-курэ и без оговорок. На заявление П. П. [Бармина] о «письменах в окрестности» ответил положительно, сказав, что с них будто бы кто-то снимал копии и увозил в Ургу, в министерства правительства, и что к этим маньчжурским письменам, которые прочесть никто не может, «сведет вас ваш же проводник — Вачир, ваш сосед. Для него я и передал вам бумагу. Бичиктэ, вблизи Доут-нуру».

Не знаю почему, но сведения о письменах в окрестности Мишик-гуна меня высоко занимали. И когда я потом их увидел, то понял почему. И сами письмена, и скалы — замечательны!

10/IX, ♃. В то время, когда я исключительно занимался сведениями о человеке, о его истории, об истории храмов в местном монастыре, в то время, когда я уезжал с целью сделать фотогр[афические] снимки как с самого монастыря, так и с его служителей высших, мои спутники занимались своим специальным делом. Гусев, помимо дел по каравану и хозяйству, экскурсировал в долине и ущелье гор Тармцык с целью пополнения гербария. Елизавета Владимировна и Канаев почти ежедневно, по нескольку раз, охотились на соседнем болоте-озерке и собирали, главным образом, пролетных птиц, в основном это были гуси, утки, огари, пеганки, кулики-песочники, улиты, камнешарки, плавунчики, ржанки. Там и сям выдавали себя луни, сарычи, коршуны, сокола-пустельги, ястреба-перепелятники, монгольские и другие жаворонки, щеврицы, плиски, вьюрки Давида, вороны, красноклювые щеврицы и немногие друг[ие]. По части млекоп[итающих] добыли хомячка.

Сегодня у меня были Бармин и Полуянов; первый все заботится о моей поездке к бичик. Для этой цели я спросил проводника Вачира, и мы все побеседовали. Вачир извинялся, что сразу не найдет в очень пересеч[енной] местности бичик, но все-таки отыщет их. Полуянов прощался, уезжая в Кяхту. Гости уехали, мы усердно стали собираться в дорогу.

11/IX, ♀. Утро прохладное, ясное, с инеем, слегка посеребрившим землю. Еще накануне мой разъезд в составе меня, Гусева и проводника Вачира приготовился в экскурсию к «знаменитым» письменам — истории, оставленной предками на выходах исключительно твердой темной горной поро-

ды. Мне сказали, что это «интересное» находится в урочище Дуд или Доутнуру, к юго-юго-востоку от Мишик-гуна.

Не зная ни расстояния, ни предстоящей погоды, ни, наконец, времени, которое потребуется на выполнение задачи, мы, в общем, снарядились дня на два, на три. Мы на лошадях, все нужное в дороге — и научное, и жизненное — частью на себе, частью в тороках.

Выступили в 6 часов 30 минут. Все хорошо осмотрено, налажено; проводник едет слегка впереди, я с Гусевым на недалек[ом] расстоянии сзади. Мы сразу взяли направление на ЮВ (150°), вдоль долины, граничащей на юге с горами Тармцык. Кругом богатые степные пастбища, стада скота; особенно выделяются белые или ярко-светлые пятна стад баранов. Юрты или вообще стойбища монголов прижаты к горам, к их ущельям, или вынесены в глубину впадин долин.

Местность постепенно повышается. Наша долина обставлена мягкими цепями гор на севере и юге и местами перегораживается вздутиями увалов, в особенности от южных гор. Уже с 7-й или 8-й, а то и 10-й версты успешного движения вперед мы оставляем хорошую дорогу и постепенно склоняемся к югу (после 150° берем 160°), поднимаясь по мягким подножиям гор. Долина ширится, раскрывается перед нами, и мы отмечаем первое озерко «цайдам», а потом и второе, дальнее, с тем же солено-грязным названием. На сев[еро]-востоке открылась гора Харат, на ЮВВ — Кошун-хара. Мы выше и выше, наискось, поднимаемся на горы, вступаем в их ущелья, минуем, пересекаем и, наконец, поднимаемся на мягкий, луговой, степной перевал.* За ним, в юго-юго-восточном направлении, открывался беспрерывный ряд поперечных каменистых грив, на одну из которых, самую удаленную к югу, Вачир показал, что за нею «недалеко».

И тут пастбища были богатые, места угрюмые, не населенные. Каменистые поперечные увалы, гривы нам скоро надоели. В логах опять показались бараны и тарбаганщики-охотники. Один из них подъехал к нам, поздоровался и побеседовал с проводником, конечно с целью ознакомления с русскими, зачем приехали и т.д. Между прочим, Вачир возобновлял в памяти место расположения скалистых выходов с письменами.

Тарбаганщик укатил с собакой к своим местам. На нашем пути, в одной из долин, мы отметили оригинальные низкие серые выходы гранитов всевозможных форм. Одна куча огромных глыб с шарообразной глыбой наверху включительно казалась очень оригинальной, просящейся на снимок, но я берег стекла исключительно для письмен. Проехав уже около 20 верст (12 по долине и 8 в горах), я начал глубже всматриваться во всякие выходы, лежащие на пути. Теперь Вачир волновался — он сворачивал то в ту, то в другую сторону и ехал ускоренно, иногда вскачь. Мы держались общего направления и еще больнее чувствовали растерян[ность] проводника, нежели сам он.** Уже давно показалась глубокая впадина к ЮЮВ, она прибли-

---

* Я забыл взять Aneroid и думаю, что высота этого перевала гор близка к таковой северных гор.

** Не доезжая 1½—2 верст до «бичиктэ», на вершинке втор[остепенного] поднятия, мы отметили средней величины круглый кэрэксур, восточнее немного, на обратн[ом] пути, во впадине, нашли собрание мал[ых], до 10.

жалась, показались стойбища монголов вокруг озерной впадины, и вдруг наш Вачир громко завопил: «Бичик байна!». Мы стояли у темных гладких-гладких утесов или скал с письменами. Я был очень доволен.

Меня в высшей степени заинтересовало прежде всего следующее обстоятельство: везде вокруг лежат обнажения серого выветрелого гранита и только тут, в месте письмен, мы видим оригинальные три группы темных или темно-голубых скалистых выходов, нисколько не похожих ни цветом, ни внутренним содержанием на все окружающее. Порода твердая, гладкая, обдута и отшлифована самой природой, атмосферными деятелями. Самые лучшие части скал, самые гладкие, видные, не подверженные разрушению, выбраны для начертания истории.

Все наиболее знаменательное, по моему крайнему разумению, снято. Прежде всего выдаются три письма: первое — большое, на лучшей, отвесной стене; второе, немногим меньшее изречение, начертано на гладкой, но пологой части породы напротив первого; третье изречение вверху, в одной группе глыб с первою надписью на трех языках: тибетском, китайском, монгольском или маньчжурском. В первой группе выразительная группа животных. Вообще изображения животных на всех выдающихся камнях трех групп. Со мною было шесть пластинок, и я их все заснял; прежде всего три надписи, затем совместил 1-ю и 3-ю и горного козла, изображенного на скале.

Рисунки животных сильно напомнили мне таковые на скалах в горах Дулан-бичиктэ, или Бичиктэ-дулан-хада, что означает в переводе «Письмена теплых скал». Были и другие изображения. Иногда лошади изображались по-детски, с округлой головой и чертовыми ногами; в одном месте отмечено изобр[ажение] дерева — штрихами.

Если бы у меня было не 6, а 9 пластинок, то я их все бы применил с большой пользою: прежде всего следовало снять все три группы выходов, потом дважды — изображ[ение] животных, но это, конечно, второстепенное. Главное, и самое главное, сфотографировано.

Мы пили чай и завтракали вблизи, или, точнее, у самых скал. К нам прибыло трое посетителей: сборщик аргала, бездельник-ламишка (верхом прискакал на бел[ой] лошади из сос[едних] юрт) и юная, миловидная, опрятно одетая пастушка баранов, которая охотно пила и ела с нами, прочие тоже получили.

Еще раз обойдя скалы вдоль и поперек и собрав немного жуков, мы распрощались с оригинальными скалами и еще более оригинальными интересными письменами и рисунками и направились обратно к дому. Ветер с СЗ дул с большою силой нам навстречу, но мы следовали успешно, нигде, кроме сбора голубых цветов, не останавливались. В оба раза следования я наблюдал пару орлов типа беркута, и в пер[едний] путь, по долине, Гусев изловил пару Cricetulus'ов. Кроме того, часто попадали на глаза горные вьюрки Pyrgilauda dawidiana, красноклювые клушицы и жаворонки, частью рогатые, частью так называемые чилийские и только.

Около 4 часов дня мы были у себя на биваке; нас сегодня не ждали, и потому мы не получили горячего обеда, нас накормили холодной бараниной.

Хочется скорее узнать, как вышли наши снимки с письмен и скалы, где они начертаны, и еще больше хочется знать, кто писал и что писал: вероятно, на каменных скрижалях отмечена история народа, некогда проживавше-

го здесь. Эти и попутные от Мишик-гуна до Далай-гуна снимки придется проявлять только в Ильдэн-курэ, в двадцатых числах сентября.

Осень, поздняя осень с первыми невзгодами приближается. По вечерам, ночам и утрам температура спускается низко, холодно, ветрено, и чувств[уешь] себя тяжело.

12/IX, ♄. Ночь полуясная, холодная; утро такое же; в прозрачном воздухе красиво плывут сл[оисто]-куч[евые] облака. Ранним утром к нам пожаловала «рогатая» соседка[221] с двумя детьми — попрощаться; их юрта кочует вниз, в соседство монастыря. Соседка — дочь нашего Вачира.

Я хочу прокатиться в соседнее ущелье гор Тармцык — Тымэ(н)-ама, в которое уже не раз заглядывали мои спутники, которые в восхищении от красоты гор в ущелье.

Сейчас раздался выстрел по вору-собаке, стащившей у нас ночью дневную порцию отряда бараньего мяса; собака как угорелая, с визгом удрала вниз. Надеемся, что она больше не заглянет к нам — ни днем, ни ночью. Сегодня, между прочим, я видел огромного монг[ольского] пса — высокого, длинного, высоко прыгавшего, черного, со светло-желтыми подпалинами.

Три часа времени я с Канаевым истратили на легкую экскурсию в ближ[айше]е ущелье Тымэ-ама. Оно (в устье) начинается гранитными скалами, обставленными круто по бокам. Здесь видна периодическая сила вод, грозно стремящихся по очень крутому каменному ложу. Наряду с основной породой — серым, розоватым м[елко]зернистым] гранитом при завороте ущелья, у самого выхода, со дна, справа (с востока), поднимается темное включение иной породы мощностью в 1 сажень, высотою до самого верха. Такая же прослойка со дна до верха поднимается несколько выше по ущелью, с левого берега, и такой же мощности. Боковые ущельица и их вверху пологие склоны приветливы, богаты степной растительностью и мелким невзрачным кустарником (кое-где по отторженцам от круто ниспадающих гранитных скал).

По ущелью, его карнизам луговым, вьется верховая тропа. Растит[ельный] покров носит следы увядания; по части жив[отной] жизни замечена бедность: тарб[аганы], суслики, а из птиц — орел-беркут, соколпустельга, пара бол[отных] овсянок, клушица, и только. Елизавета Владимировна, впрочем, дополняет список жив[отной] жизни альпийским коричневым хорьком, камч[атским] солов[ьем] и Anthus'ом.

При следовании поперек долины и по ущелью до сего времени видны следы июльского (28/VII, в 2 часа дня) ливня, наделавшего много бед и подтопившего всех — и людей, и животных. Наши колонисты отмечают: днем пришла с севера туча и вдруг разразилась грозой и страшным проливным дождем, казалось, вода падала гигантской струей, а не каплями, и в течение десятка минут образовались лужи, потом озера, а в конце концов — сплошное море. Вода беспредельной ширины неслась отовсюду. Я видел в ущельях высокий уровень потоков, мчавшихся в равнину, ближайшую долину. Везде лежат груды камней, ...*, отбросы монгольских стойбищ.

---

* *Далее одно слово неразборчиво. (Прим. сост.)*

Насекомых, на которых я так рассчитывал, по случаю крепкого ветра совсем почти не было. Я отметил лишь пару бабочек-крапивниц, столько же мух и Carabus'ов. Таким образом, я удовлетворился, главным образом, геологич[ескими] наблюдениями и производством трех фотографических снимков в области нижнего и, пожалуй, с натяжкой, нижне-среднего пояса гор, их ущельев.

Канаич застрелил горную щеврицу и в песч[аной] части каменистого русла поднял ст[ариннyю] металлическую стрелку. По возвращении к себе домой мы вскоре были порадованы приездом в наш лагерь Цокто Гармаевича, возвращавшегося в Ургу из своей поездки по внутр[енней] части Монголии. К сожалению, он ехал с большой комп[анией] родств[енников] служащих, главным образом с женщинами и тяжелой кладью, поэтому на этот раз не взял нашей клади — коллекций, а согласился сдать на почте несколько писем от Елизаветы Владимировны и одно (заказное) мое на имя С. Ф. Ольденб[урга], с рисунками.*

По отъезде Цокто Гармаевича мы принялись вскоре, по погасании зари, за проявление моих снимков. Отрадно проявлять, когда снимки вполне удовлетворительны, к чему мы так привыкли. На этот раз у нас все хорошо, за исключением одного снимка в темн[ом] храме главного божества — Ундур-гэгэна, который совершенно не дал ничего; очень мало, оказыв[ается], я экспонировал.

Особенно я был доволен снимками со скалами с надписями; они больше всего меня порадовали. При первой возможности их, наиб[олее] главные, надо отпечатать. К сожалению, я не располагаю достаточным количеством бумаги; глубоко скорблю, что не позаботился пополнить запасы в этом отношении в Пекине, где все такое сравнит[ельно] очень дешево.

Ночь была ясная и в своей первой половине тихая, холодная, но во второй — ветреная (с ЮЮЗ) и не такая холодная.

13/IX, ☉. Ясно, ветер дует с силою два [балла] с юго-юго-запада; дали глубоки и красивы. Я вожусь с просушкой удачных, интересных негативов, потом укладываю растения, птиц, насекомых в большой, последний, по счету 5-й, ящик для сдачи в российск[ую] колонию, в частности П. П. Бармину, для дальн[ейшей] случайной передачи в целом или по частям попутным автомобил[ям] или, лучше всего, Ц. Г. Бадмажапову.

Все эти пять мест Гусев повез по назначению. Сами мы, и я и Елизавета Владимировна, собираемся поехать к соотечественникам, поблагодарить их за все и попрощаться с ними. Сегодня вообще весь день путешественники заняты снаряжением в дальнейший путь — завтра выступаем.

Наконец, поехал было я в русскую колонию, но по дороге туда встретил ламу Дэмбир-гэлюна, ехавшего специально ко мне с приветом-подарком. Пришлось вернуться домой, принять гостя, угостить чаем, побеседовать и в

---

* Две (парные) черепахи, пара снимков с гран[итных] торсов человека, монг[ольский] сфинкс и обломки фигур с черепахой — всего шесть снимков при заказ[ном] письме на имя С. Ф. Ольденбурга взял на себя труд сдать в Урге мой приятель Ц. Г. Бадмажапов, возвращавшийся из своей 3-недельной поездки в автомобиле по Монголии, в обл[асть] Орок-нора и Ламэн-гэгэн.

заключение принять при голубом хадаке подарки: хлеб-соль, фарфоровую простую чашку и писаный бурхан (цветной) в оранжевой рамке.

Затем я попрощался с гостем, извинился, что не задержал его на долгий срок, и покатил в тележке к соотечественникам. Там нас (меня и Елизавету Владимировну) ждали. У П. П. Бармина была огромная компания, прибывшая на автомобиле из Урги. С этим авт[омобилем] прибыл и Жуков, 19 дней просидевший там (на колодце Сучжи), где мы с ним познакомились. Коммерческая компания с русскими, бурятами и монголом катила в Далай-гун. Я познакомился с ней, и она в лице бурята выразила пожелание встретиться в Далай-гуне как знакомые, притом соотечественники.

От них я узнал, что Боровко работает по моим следам — ведет раскопки и т.д. К сожалению, все приезжие не могли определенно что-либо сказать, так как никого из экскурсии Боровко, кроме простого монгола, они не видели.

Мы выпили чаю, поблагодарили П. П. Бармина и пошли к Натяганову и Анне Николаевне; Тараканова и Полуянова не было дома, они уехали. П. П. [Бармин] также пошел с нами. Он подарил мне интересную табакерку, монгольскую, которая мне нравилась. Я ее видел и держал в руках при приветствии с Дэмбир-гэлюном.

Иннокентий Михайлович и А[нна] Н[иколаевна] нас накормили сытно, любезно беседовали с нами, и первый напомнил мне о Попове, что к нему мне нужно безотлагательно заехать, ибо, уезжая к себе, Попов заметил: «Мне хочется поднести Козлову интересное „нечто", в этом мне поможет приятель монгол». Монгол давно советовал Попову в известном месте поставить хошан и начать раскопку. «Приедет Козлов, мы это и сделаем», — сказал при прощании с Натягановым Попов.

Поздними сумерками мы поехали к себе домой. Нам подарили в дорогу хлебов.

Дома пришлось повозиться с укладкой, ее одной частью, а другую оставили назавтра.

Ночь была ясная и для осеннего месяца довольно теплая.

14/IX, ☽. Утро ясное, приятное. Мы на ногах с утренней зарей. Много пришлось провозиться с укладкой, прежде нежели выступить в дальнейший путь (в 7½ часа утра).

Наконец все готово, и наш караван двинулся в путь к СЗ. Я, Елизавета Владимировна и Гусев, мы заехали вновь по дороге к нашим знакомым.

Я все забывал отметить, что вблизи русской колонии, в долине, к ЮВ, покоится большой округлый кэрэксур с высокой каменной насыпью посередине.

Гусев сделал расчеты по забору экспедиции, а мы выпили чаю и еще раз сказали «русское спасибо» и «до свидания» и покатили вслед за ушедшим караваном.

Нас сопровождает проводник из Мишик-гуна Вачир с бумагой на обратн[ый] путь.

Наш путь ведет на СЗ, туда, где с одной стороны залегает котловина с рядом озерок (более или менее соленых), с другой — вздымается цепь из разрозненных гор: Дэлгэр-хан, Баин-ундур, Халцзан (с севера) и Лама-ундур (с юга). Мы минуем местный монастырь, речонку, или ключ болоти-

стого характера, минуем «управление» — «место печати»,[222] все знакомые места и спускаемся постепенно по прекрасной щебневой дороге.

Через 14 верст мы достигли дна вышеуказанной котловины и при одном из озерок, малосоленом, в урочище Хара-тологойнэн-нур, вблизи дороги учинили обеденный привал. Поблизости залегали пресные родники, богатые пастбища, по которым стояли юрты кочевников и пасся их скот.

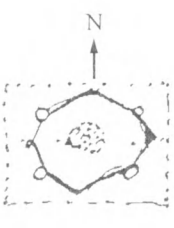
От соседей-монголов их подростки-дети принесли нам отл[ичного] кумыса и скоро, освоившись с нами, нашим сачком ловили насекомых. Радостные, восторженные, они прибегали в случаях удачного лова, в особенности если я говорил им: «Хорошо, очень интересное насекомое», и клал его в морилку.

Одна из отрадных стоянок именно эта, ее долго не забудешь. Мы стояли лагерем на берегу самого озера, имевшего свыше версты в окружности. Бóльшая часть водной поверхности была занята птицами: муз[ыкальными] лебедями [musicus], гусями — индийск[ими], хрипачами и albifrons, утками и многоч[исленными] турпанами, по берегам бегали и резвились чибисы, кулики и кулички, над водою носилась чайка — и иногда с берегов залетал кор[ичневый] камыш[овый] лунь. Елизавета Владимировна среди птиц наблюдала пеганку, но какую — осталось вопросом.*

В 3 часа дня мы выступили и шли, постепенно поднимаясь по местности, несшей прежний горно-степной характер, в соседство гор, указ[анных] выше, с Дэлгэр-ханом во главе. Мы шли до сгущенных сумерек, вползли слегка на скат перевала и в урочище Обур-гучжиртэ заночевали, привязав всех животных (и быков, и лошадей) к телегам, и, даже не поставив часовых, уснули после утомительного перехода.

Ночь почти тихая и ясная, прозрачная, я выходил в 3 часа. Остаток осв[ещенной] части Луны взошел над горами и уродливо выглядел среди ярких красавиц-звезд.

15/IX, ♂. Опять тепло, мы с восходом солнца над горным горизонтом уже выступаем в дорогу и в 7 часов утра измеряем [высоту] перевала Илэстама-хотул и температуру воздуха. С лугов, мягкого перевала любуемся Дэлгэр-ханом, который близко, справа, и видим озеро — болотистую котловину Ар-гучжиртэ, в которую стремимся, чтобы скорее разбить бивак на целые сутки. Эта котловина с родниками, солончаками и прекрасными пастбищами, с одним озерком, с населением богатых людей показалась нам приветливой, и мы все с утра ушли в экскурсии.

Гусев пошел определенно на Дэлгэр-хан. В одном из входов к этому массиву, в сторону, обращенную к нам, он встретил кэрэксур, большой, квадратный, двойной, с внутренним поперечником в 70 шагов, не считая прибавления в 6 шагов с одной из сторон.**

Гусев принес породы, образцы, слагающие массив, нашел растения и поймал до десятка сумеречных бабочек на одной из вершин массива.

---

* Пара лебед[ей] (C[ygnus] musicus) нисколько не стеснялась нашего лагеря — плавала близко и издавала свой музыкальный голос.

** Большой кэрэксур расположен у подножия Дэлгэр-хана, у северо-западной стороны.

Елизавета Владимировна ходила вверх по роднику и в соседних горах убила Turdus obscurus. Канаев экскурс[ировал] на озерко, добыл Mot[acilla] personata, а я тоже [ходил] вверх по родн[ику], где была Елизавета Владимировна, по лугам, его сопровождающим, и наловил бабочек, мух и шмелей десятка три.

Днем было очень тепло, к вечеру набежали облачка, подул ветер и стало прохладно.

Ночь тихая, облачная; с болот доносились голоса чибисов и куликов; тишина ночи ничем не нарушалась; лагерь спит также спокойным сном.

16/IX, ☿. Утро спокойное внизу и, вероятно, бурное вверху: облака быстро несутся от северо-запада и то очищают небо, то вновь покрывают его сплошь.

Сегодня мы выступаем после обеда и должны ночевать в степи без воды — это и хорошо, и в то же время нехорошо, ничего не видишь дальше своей палатки.

По мере поднятия солнца воздух согревается больше и больше.

Мы стоим в виду Дэлгэр-хана: его главные вершины, ближайшая и отдаленная, краевые вершины увенчаны большими обо, хорошо видными из нашего лагеря (за 5 верст). Вообще наш лагерь при Ар-гучжиртэ стоит в котловине, обставленной горами.

Немного впереди и вправо от дороги, на вершине степной высоты, покоится небольшая древняя могила, сажени две в длину, сажень или немногим менее в ширину, с одним грубым, гладким, плоским обелиском до 2 арш[ин] высоты, сильно наклонившимся. Мы ехали спорко, путь почти прежний — СЗ, дорога отличная, подъем мягкий, легко доступный. Мы втягивались с увала на увал со степной растительностью и только через 7 верст наконец достигли вершины перевала Гдагэн-котул, представляющего из себя глубокое понижение, седловину, среди соседних вершин с выходами горных пород.

Пока замечено, что все перевалы на нашем пути доступные, кормные и очень мягкие. Даже автомобиль легко поднимается.

По моему мнению, высота этого перевала значительнее предыдущего.* Отсюда в следуемом нами направлении, через новую долину-котловину открывается темная зубчатая гряда гор и, конечно, в поперечном направлении.

Когда мы были еще на перевале, с ЮВ пришла мрачная грозовая туча, послышались раскаты грома и змееобразно сверкнула яркая молния, полил дождь, к счастью и благополучию нашему вскоре прекратившийся. Как скоро нас смочило, так же скоро и высушило.

Над нами блестело солнце, туча же с полосами дождя унеслась к горам и по горам в северо-восточном направлении. До перевала мы сделали 7 верст; теперь спускались на расстояние 10—12 верст. На подножии горного ската отделилась дорога в прямом направлении на Заин-шаби или на ближ[айший пункт] — Эрдэни-цзу.

Мы поехали западнее, спуск продолжался еще долго; травы великолепные. На юге дымилось монгольское стойбище, в соседстве бродил скот и ярко выделилась общая долина с серебрившимся посередине озером. Вско-

---

* По невежеству проводников и моему доверию к ним, я не взял анероида в карман.

ре мы вступили на дно долины и пересекли прозрачную речонку Хайя-гол, стремившуюся от первых виденных нами кочевников. Самая речка и ее мягкая мурава манили меня расположиться здесь лагерем. Пока мы с Пшевиком соображали «что делать?», пронесся коричневый и седой лунь и вездесущий по ручейкам Tot[anus] ochropus. Размеры речки невелики: 3—5—7 футов, даже местами 10 ширины и лишь ¼—½ фута глубины, вода пресная, слегка с буроватым оттенком. Нам это место нравилось, и мы хотели остановиться, но Вачир стал убеждать нас, что в близком расстоянии расположено отличное большое озеро, вероятно, с птицами.*

Конечно, такого довода было достаточно, и мы через 10 минут на восточном возвышенном берегу любовались его блестевшей поверхностью и плавающими и голенастыми птицами, ютившимися на его воде и берегах. Гоготали гуси, издавали крик разные утки, и огари, и кулики. На северном берегу сидел орлан-долгохвост, клекот его разносился далеко по сторонам.

За соседним луговым увалом подымался дым из юрт; на увале скакали тарбаганщики.

К полному погасанию зари пришел караван, и мы поспешно, но планомерно разбили лагерь. Вскоре пошел дождь, но быстро прекратился; на озеро стали слетаться гуси и лебеди, слышно было большое оживление в птичьем ликовании. Звучно рассекали воздух утки. Одна прилетела на свет палатки и села чуть не на голову препаратору экспедиции, забивавшему шерон в хвосте нашей экспедиционной белой палатки.

Долго в ночи раздавались голоса птиц, то прилетавших, то улетавших с озера.

17/IX, 2. Сегодня погода отличная, воздух прозрачен. Я решил еще накануне устроить дневку: хочу непременно напечатать наиболее интер[есные] негативы и попробовать лодочку на первом удобном озерке; кстати, нам нужно произвести промеры его глубин и исследовать дно. Мой Пшевик был доволен более других; он захотел поплавать на экспед[иционной] лодочке и устроить день — день своих именин. Дни, чем-либо замечательные в нашей экспедиции, отмечались праздником. Лучший праздник — дневка, с одной стороны, и угощение — с другой.

Сегодня, например, люди выпили по чарке и все получили два блюда за обедом; кроме того, к чаю выдано каждому участнику экспедиции печенье сибирское, дорожное.

В 10 часов утра была впервые в это путешествие спущена лодка. Мне было очень приятно, когда она поплыла по поверхности Олун-нора. Лебеди и другие плавающие птицы тотчас снялись с озера и улетели.

В результате плавания познакомились с характ[ером] дна и его профилем, т.е. глубиною.

Прежде всего, озеро покоится словно в чаше, берега песчаные, размеры озера убывают, на что красноречиво указывает песчаный скат. Озеро вытянуто от севера к югу в виде восьмерки. Окружность — 2½ версты, глуби-

---

* Проводникам вообще не следует очень доверяться: сегодня они уверяли, что нужно идти двойным переходом — до воды далеко, а оказалось, что на 1-й воде он даже не советует останавливаться.

на — до 5 футов, наибольшая проходит у южного и западного берегов и по оси всего озера, наименьшая глубина — у северного и восточного берегов; вода пресная, можно пить, и мы пили. Ее цвет меняется в зависимости от освещения солнцем и состояния неба: всего красивее, красочнее поверхность озера бывала в период вечернего погасания зари, краски заката отражались на тихой, зеркальной поверхности Олун-нора. Сказочно красиво было озеро в это время.*

Дно озера в большей части песчаное, и лишь на юго-западном и северо-восточном углах тина и водоросли. Рыбы замечено не было, но Homarus'ы, очень живые, быстрые, добыты; также изловлены и моллюски.

Я весь день провозился с печатанием и окончат[ельной] обработкой снимков и даже не окончил этой работы. Едва выбрал минут 30 или полчаса, чтобы снять первое пробное плавание в лодочке, и снял. Все проезжие монголы подолгу останавливались, дивились, а затем заезжали ко мне в лагерь. Ламы еще больше интересовались фотографиями. Как раз в это время у меня отпечатки плавали в воде, налитой в таз и фот[ографические] кюветки. Осторожно, с лупою в руках, ламы, сквозь воду, силились прочесть надписи на скалах, но этого им не удалось сделать, они сожалели, что с ними не было одного их товарища — грамотея, он бы непременно прочел, говорили ламы. В заключение те же ламы заметили: «Мы вот ничего не можем сделать, а русские и лодки привозят в нашу страну, и фотографии снимают. Когда же мы сами, монголы, будем в состоянии все это делать?!».

Вечер был восхитительный, ярко-огненные краски отразились от неба и разлились по лону вод божественно-красочно. Наступила ночь, мы пустили ракету; монголы были удивлены и спрашивали: «Что это такое, зачем русские пустили огнен[ного] змея ночью».

18/IX, ♀. Ночь очень прохладная, ясная, к утру иней посеребрил земную поверхность. Так как у меня не все было готово по части высыхания фот[ографических] снимков, то я и занялся этим делом чуть не с первыми лучами солнца и провозился до 12 часов, до обеда, но зато все окончил и могу, при первой возможности, выслать самое существенное в Академию наук.

Тем временем зоолог наш Елизавета Владимировна сходила на речку, виден[ную] нами при вступлении в эту долину, видела там только луня, но зато собрала хороших жуков и моллюсков.

Мои спутники собрали лодку, подготовили вьюки, все пообедали и собрались в дал[ьнейший] путь. Между прочим, к нам на бивак заезжали и русаки — погонщики баранов огромных «английских» стад по направлению через Ургу в Хайлар.

Около 2 часов дня мы выступили и, несмотря на жаркое состояние воздуха, успешно осилили долину и постепенно втянулись в ущелье Сэртэнбулак. Этот ключ разливается в болота, местами же, в особенности в верховье, течет живым, журчащим ручейком с прекрасной водой. Мы окончат[ельно] вошли в ущелье и на переправе ручья, за ним уже, на косогоре разбили свой лагерь. Солнце еще не зашло, дул порядочный южный ветер, мы вскоре устроились и еще засветло поужинали цзамбой с чаем.

---

* На озеро по утрам и вечерам прибегал большой табун, «ата», лошадей на водопой.

Мой Пшевик стоял на первой смене, было несладко, время тянулось долго, Большая Медвед[ица] медленно совершала свой путь; я всегда ночью по ее ходу определяю время.

В заключение этого дня стоит сказать, что в 10 верстах пути и 1 версте к северу стоит каменная, до сажени высотою, плоская каменная плита, обставленная по 3 стор[онам] света, за исключением западного, меньшими, плоскими плитами, будто могила, точь-в-точь как это я наблюдал выше у Ар-гучжиртэ.

19/IX, ♄. Как и условились накануне, сегодня поднялись очень рано и в 6 часов утра направились вверх к перевалу Сэртэн-котул. В 7 часов были на его мягкой, луговой, с обо вершиной и стали вновь спускаться в долину-котловину с водой, речкой Шарин-гол, громко струившей чистые воды к северу. Тут были кочевники. Вообще кочевники всюду, где только вода и корм.

За этой долиной вновь подъем на перевал Ар-худук, немногим ниже первого, также с обо, с кормом и дополнительным подъемом и спуском, прежде нежели мы попадаем в долину, очень приветливую, с речкою Цаган-чулутэн-булык, приютившую у себя в конце кумирню Далай-гунэ-курэ, смотрящую своими вековыми храмами и кельями монахов на юг, на богатую, высокую гору Хайрхан с кустарником. Это в миниатюре Урга с Богдо-улой.

Монастырь* словно спрятан и вдруг, с вершины холма, по дороге открывается взору наблюдателя. Он помещен на двух соседних скатах и лощине между ними. Основан он одним видным, богатым тибетцем из Эрдэни-цзу, пришедшим сюда со свитою учеников. Монастырь процветал до 1923 года, года с ужасно обильным снегом, когда благополучию многих монголов нанесен был предел; вместе с прочими погибло и добро лам.

До несчастного 1923 года монголы благодушествовали, гремел и монастырь службами, монахов было около 1000 человек. Ныне их наполовину меньше, да и те не сидят дома, а разъезжают по гостям, этим и кормятся. Постройки наполовину заколочены.

Сам настоятель Лодой-габчжи, средних лет, большой любитель кумыса, дома не сидит, а все время разъезжает по состоятельным монголам. Его нет, некому и разрешить посещение храмов.

Теперь мне стала понятна мертвечина в монастыре. А вначале я старался за речкой расположиться биваком во избежание наплыва нежданных посетителей.

Как и прочие монастыри, Далай-гунэ-курэ имеет несколько отдельных и группой в 7 белых субурганов. Наибольший расположен на западном возвышении, словно маяк привлекающий взоры буддистов, так как на расстоянии обители совсем не видно. Имсется здесь и белый субурган на возвышении с устоями, поддерживающими помост для надгробия и в то же время служащими для прогона скота, отдел[ьных] животных, прежде чем их продать. Монголы из суеверия очень боятся, что если, не прогнав скотину под субурганом, продать, то можно навлечь на дом большое несчастие, убыль в скоте или вообще в хозяйстве.

---

* Следует отметить, что с вершин перевалов всегда открываются дал[екие] крас[ивые] виды, нередко с гор[ными] цепями. Монастырь расположен в цирке холмов, глав[ный] и втор[остепенные] храмы покоятся в низине.

Из этого монастыря в наш лагерь заглянуло лишь два-три человека, не больше, столько же мы видели и шабханзэ — монахинь, собиравших в окрестности аргал. Но больше всего тут было собак-попрошаек, или, точнее, ночных воришек, голодных, которые, невзирая на караул, ухитрились стащить из постел[ьной] сумы мешок с печеньем, прогрызть его и часть съесть.

Ночь полуясная, не столь холодная, тем не менее мы не видели ни одной ночницы. На всем пройденном от Мишик-гун расстоянии по луговым увалам мы наблюдаем альпийский цветок — растение эдельвейс; местами он сплошным ковром устилает поле.

20/IX, ☉. Небо хмурое, серое. Кругом тишина, прерываемая лаем монастырских собак. Наш лагерь пробудился до зари. Встаем и мы; любуемся Хайрханом, словно Б[огдо]-улой. Прозрачная речонка Цаган-чулутэн-булык стремится от Хайрхана; дно каменистое, ширина ложа — 1—1½ сажени, глубина ½—1 и даже свыше футов, в особенности в омутах.*

Мы вскоре вышли на свою большую дорогу и пошли по ней на запад, к высокой стене гор, у вершины которых или в верх[нем] поясе мы наблюдали еще из монастыря хвойный лес.

Вскоре дорога раздвоилась на северную и южную, первая направилась в Барун-курэ, вторая — в нашем направлении; она пестрела ровной полосой сначала по долине, затем по горному увалу, залегавшему поперек нашего движения. Луговой высокий** увал пестрел оригинальными выходами серого гранита, которые то торчали, то были сложены в груду, как мешки, рядом друг с другом, в несколько ярусов (разл[ичной], конечно, величины). Не было с собою (в руках) аппарата, к тому же стояла облачная погода, а местность вообще и гранитные остробокие обнажения в частности манили к себе. Чем дальше к югу, тем гранитные скалы делались грандиознее по гребню и рассыпаннее по скатам.

И тут меня привлекали сплошные эдельвейсы, а по долинам — тарбаганы.

Поднимаясь еще на предгорье, мы видели среди долины на севере белую площадку — соленый бассейн, а с перевала вперед долину внизу, поперечно залегавшую в направлении с юга на север, с массою болот и озерков среди них, блестевших серебрист[ыми] пятнами.

По довольно крутому мягкому склону мы успешно спустились и на сухой, высокой террасе, южнее переправы нашей, расположились биваком вблизи озерка с плав[ающими] и гол[енастыми] птицами. Эта была речка Цзэгэстэ или Цзэгэстэ-гол, о которой нам уже сообщали раньше, равно как и об озере Далай-норе вверху и листв[енном] лесе внизу или напротив, в горах с зубчатыми гребнями Дулан-ула.

Сегодня переход небольшой, всего в 14 верст; мы пришли рано, и большая часть моих спутников отправилась в экскурсию. Пшевик еще с прихода обошел соседнее болото с озерком, а после обеда отправился вниз по речке. Гусев и Канаев не могли удержаться от соблазна — поехали до вечера в Дулан-ула, уж очень манил к себе хвойный лес, скалы, в особ[енности] давно не виданный лес.

---

* Цаган-чулутэн-булык стремится среди кормной долины на север и СВ.

** Перевал через него, без назв[ания], оказался пока самой высокой точкой на нашем пути.

Что-то расскажут мои горные охотники? А пока от встречных монголов, ехавших из ущелья Дулан-ула, мы узнали, что Дондок-орус живет внизу по Цзэгэсте, верстах в 15 и что Гус[ева] и Кан[аева] они видели, встретили по дороге.

Погода неважная, и иногда падает дождь; в светлый промежуток я поймал шмеля на голубой Gentian'e. То и дело раздаются выстрелы — то палит мой Пшевик, тревожит пролетных странников — гусей, уток, различного рода куликов* и белых плисок.

Погода с каждым часом портится: усиливается ветер и приносит тучи, которые над нами разрешаются дождем или дождем вместе с градом. К 6 часам вечера холодно стало, как зимою, мы оделись в меховые одежды. Пшевик на экскурсии промерз, но зато принес очень интересного бекаса с белым брюшком.

Наши Василии вернулись из горы Дулан уже в сумерках, они очень продрогли, на пути наблюдали трех дроф, улетевших осмотрительно подальше от наших охотников. В лесной пади Дулана мои спутники встретили много юрт монголов со скотом.

Красивые, красного к[рупно]з[ернистого] гранита скалы, в особенности по гребням гор, одетые лиственницей, изредка сосной и елью со стелющимся можжевельником, подарили нашему препаратору завирушку Accentor erythropygius в 4 экземпляра и парочку огнелобых корольков. Падь вся убрана лиственницей и на дне дает место звенящему источнику.

Мои спутники поднимались и за перевал пади, и на восточную зубчатую гряду, видели озерки по долине, ниже нашего бивака и выше, и немного влево. Озеро Далай-нор порядочное, может быть вроде озера Олун-нор, лежащее среди степной равнины.**

Между тем ветер усиливался, тучи сгущались, и пошел сильный град скорее со снегом, нежели с дождем. Мои спутники прибежали к моей палатке, чтобы окопать ее и укрыть обстоятельно дерном. Ночная тьма и шум ветра усиливали впечатление. Все потом забились в палатки и коротали длинную, холодную, снежную ночь.

21/IX, ☽. Наутро долго лежали в постелях: вне палатки — бр-рр, холодно, ветер завывает по-прежнему, дождь, град, крупа, чередуясь, барабанят по палатке. С ближайшего болота-озерка доносятся жалобные крики птиц; гуси и журавли, невзирая ни на что, спешат к югу, вереница за вереницей летят с криком. У нас на биваке кормятся стайки белых плисок, доверчиво относящихся к человеку.

Окрестные горы все убелены снегом до подошвы, в особенности Дулан-ула, отстоящая от нас к северо-западу.*** Два часа дня, пишу, а холодный дождь барабанит по палатке; дождь сменяется крупой, которая еще крепче, громче стучит по полотну палатки.

---

* Из куликов замечены: Tot[anus] calidris, T[otanus] ochropus, Numenius arquatus и немногие другие.

** Красивая падь, окаймленная скалами, которые так и просятся на фотографию.

*** Следует отметить, что в лесной пади или подножии горы Дулан отмечено восемь кэрэксуров, 1 разр[ушенна]я молельня-часовня на гребне горы.

Нежно-голубые, красиво-голубые отверстия в облачном небе скрылись. Опять стужа, опять загудел ветер-ветрило. Не знаю, как будут проводить предст[оящую] ночь наши животные, а минувшую — очень дрожали, выгорбившись от холода.

Сегодня утром я предполагал съездить на север, к Попову, но отчаянная погода не пустила, надо надеяться на «маргаш», т.е. завтра. Мы все дома, лишь наш «ботаник» Гусев, с винтовочкой в руках, отправился вниз по Цзэгэстэ — «попугать гусей», как он наивно выразился мне, прося разрешения «прогуляться» немного. А мы знаем, что на языке у В[асилия] А[ндрееви]ча означает немного — верст за 7—10! и не только вниз, а за холм, туда, где он еще вчера облюбовал местечко на другом, соседнем нашему, озерке.

Сегодня, между прочим, мы говорили, где бы нам на нашем пути от Урги до сих мест было бы наименее чувствительнее от холода, и единогласно решили — в Бичиктэ, т.е. в «Письменах теплых скал», хотя предметом разговора больше всего и чаще всего бывает не то, что позади осталось, а главным образом то, что находится впереди, что предст[оит] увидеть.

К 5 часам погода улучшилась, стало светить солнце, и мы учинили практическую стрельбу из винтовок на 100, 50 и 25 шагов; результат стрельбы вполне удовлетворительный. Неумехой в этом отношении оказался наш повар — хунхуз-китаец Фу-чин. Подводчик-тарбаганщик собрал немало гильз и в конце концов выпросил разрешение выстрелить (на 50 шагов); результат посредственный.

22/IX, ♂. Утро серое, небо укрыто слоистыми облаками, которые вскоре поредели, выглянуло солнце, сразу всех оживившее. Начался день.

Я и Ганчжуров были в дороге — вниз по речке Цзэгэстэ. Мы следовали левым берегом, по косогору. Долина речки шириною саженей сто, местами больше, местами меньше, в таком же отношении и болота, сопровождающие речку. Падение последней большое, растительность, в смысле пастбищ, превосходная; она давно увяла, лишь одна голубая горечавка веселит глаз и в солнечные проблески продолжает привлекать к себе насекомых.

Вдоль речки тянут кое-какие птицы, в том числе две обособленные пары лебедей (musicus). Там, у края долины речки, кормятся шесть дроф Дыбовского, ♂ одиноко стоит и встряхивается; там, вдали, поперек нашего пути, бегут друг за другом три антилопы (Gazella gutturosa); вот они остановились у воды, попили и грациозно поскакали дальше, на скат увала.

Мы едем ускоренным шагом, влево выделяются скалы, зубчатый профиль и лесная зона гор Дулан-ула. Мы пересекаем большую дорогу, идущую вдоль горы Дулан к тому же Ильдэн-бэйлэ, минуем луговую гряду справа и все удаляемся к северу. Наконец после 12 верст пути разглядели впереди монгольское стойбище в 6 юрт на скате холма под названием Кэрсын, т.е. грудь или грудинка. Мы ускорили движение и быстро достигли означенного места. На наш вопрос, где проживает орус Дондок, представительный старик, изрытый оспой,* указал направление на север, на луговой холм, отделявший речку — приток Цзэгэстэ, на котором разбит стан в несколько юрт наших русачков.

---

* Хозяин той большой юрты, к которой мы подъехали, по имени Тубот, является лучшим знатоком этой местности, в том числе и гор Дулан-ула.

Мы покатили дальше, на холм, пересекли [его] восточнее указанного стариком места, потому и сделали крюк в пять верст, прежде нежели достигли урочища Тэсэрхай, стойбища Попова (Иллариона Алекс[еевича]).

Еще издали заметно выделялись белые, нарядные юрты, а вблизи — трубы, выведенные в отверстие из тех печей, которыми отопляют походные монгольские жилища.

Здесь меня встретил Попов, познакомил со своей интересной женой-монголкой (к сожалению, больной), затем с товарищем по коммерческим делам Ословым, проживавшим с семьей (женой и ребенком). Мне больше всех был интересен Попов, как знаток края, людей и умеющий с людьми разговаривать. Ил[ларион] А[лексеевич] указал мне на Дулан-ула, на имеющиеся в них кэрэксуры, а главное, на старика — какое совпадение! — того старика Тубота, к которому мы заезжали по дороге, как на знатока в этом месте всех интересных и не инт[ересных] исторических памятников.

Пока я принимал угощение, Попов командировал своего монгола за Туботом, и тот явился к нам. Поговорили, но особенного я ничего не узнал от старика. Между прочим, Т[убот] сообщил мне о том «каменном человеке», о котором я уже знаю от моего приятеля Ц. Г. Бадмажапова. Интересно, что от этого каменного изваяния проложена к горам такая же каменная тропа (раздельная), какие мы наблюдали от чулун-мэлэхэ.

В конце концов я пригласил Тубота к себе на бивак. Я поблагодарил соотечественн[иков] за гостеприимство, и мы уехали обратно, стараясь держаться кратчайшего расстояния.

Поднявшись на вершину холма Бага-тэг — плоскую, луговую вершину, старик показал мне кэрэксур: большую каменную насыпь, вытянутую с запада на восток. Окружности из камней не было, но сохранились следы угловых округлых каменных кладок, как у законченных кэрэксуров.

Доминирующее обособленное положение одинокой могилы говорит о том, что она принадлежит большому вождю, и невольно привлекла к себе все мое внимание. Я стал думать, гадать, как поступить мне в данном случае? Невольно спрашиваю старика: «Эта могила интересна или нет?». Он отвечает: «Очень. Мы, монголы, хотели копать, но нас смущает страх: там, по ночам, слышен шум жерновов (камней, трущихся друг о друга)».

Старик в заключение сказал: «Наш знакомый китаец уверял, что в этой могиле скрыт дом?!».

Осмотрев могилу и заинтересовавшись ею, мы поехали домой. На пути видели много следов рытья тарбаганов. Монголы, не распол[агающие] ружьями, отрывают ценных зверьков, на шкурки которых ныне такой большой спрос.

Заехав ненадолго в юрту к старику, мы общей компанией покатили домой. На всем пути нас мочил дождь, а под конец стемнело, и мы верст пять ехали во мраке ночи.

На биваке оказалось все благополучно, меня накормили сытно, напоили свежим лучшим чаем, и я отлично спал на походной постели, на земле; дождь продолжал барабанить по полотну палатки, а ветер дополнял невзгоды человека.

23/IX, ☿. Серо, серо, холодно, бр-р; туман окутал соседние горы — дальше сотни саженей ничего не видно. На более высоких вершинах гор еще лежит снег.

Немного позднее солнце борется с обильными облаками и порою, освобождаясь от них, пригревает. К полудню мы все же не расстаемся с полушубками, а между тем на голубых Gentiana держатся шмели, мухи и даже немного шумят.

Старик Тубот долго сидел в моей палатке, занимаясь рассматриванием чучел птиц, сборами рыбок, насекомых, фотографий с рисунков, с бичик, но сильнее всего заинтересовался географ[ической] картой Монголии.

От 1 часа до 3 часов пригревало, периодически настолько, что по голубым цветам горечавки — единственной живой — толпились бабочки: Hrtisae и другая, более нарядная Vanessa, а также голубые, маленькие, равно шмели и мухи разных видов. Таким образом, я и Гусев наловили несколько десятков более или менее интересных экземпляров насекомых. Гусев, кроме того, собрал штук шесть любопытных маленьких бронзовых жучков, которых пока имелся один экземпляр из Дулан-куре.

Подле нашего лагеря, выше, у дороги справа, расположен оригинальный кэрэксур, нечто вроде 6- или 8-угольника, словом такой, какого я еще не видел. В двух местах имеются плоские доски, глубоко вошедшие в землю, и два белых камня — известняк. Над этим кэрэксуром надо подумать.

Немного выше по покатости и выше, левее дороги, расположена другая каменная могила, обыкновенная, с двумя вертикально поставленными камнями, на 1 фут поднимающимися над поверхностью земли.

В нашей речке Цзэгэстэ мы поймали маленьких рыбешек и по берегу отметили оригинальное вещество, похожее на слоистую вату.

Солнце садится за горизонт неважно; в отдаленных горах гроза. Мы слышим раскаты грома, а я хочу завтра поэкскурсировать в ущелье Дулан-ула. Мне нужна непременно отличная, ясная погода, так как я желаю еще и фотографировать виды.

Ночь ясная, прозрачная и вместе с тем очень прохладная.

24/IX, 2. Ясно, холодно, иней. Я, Пшевик и местный старик, знаток, готовы в дорогу, в путь в Дулан-ула. Моих спутников еще с вечера благословил на разработку кэрэксура — ближайшей к лагерю каменной могилы. Границы камней или каменных очертаний крайне любопытны, в целом составляют 6-угольную фигуру. Основная площадь строго ориентирована по странам света. Мои сотрудники начали раскопку как раз посередине могилы.

В 8¾ часа утра моя экскурсия направилась в путь к СЗ, к горам Дулан-ула. Наш проводник повел мимо озерок, по восточному склону гор. Общий вид последнего оригинален. Мы поднялись на вершину лугового отрога, кругом широкий горизонт, местность — мягкие горные цепи с высокими дикими скалами серого гранита, между — складки более мягких луговых холмов, или гряд, тянувшихся вдоль речек или источников.* Короче, вся прилежащая окрестность к северу, востоку и югу видна словно на ладони. И вот на этой округленной вершине, в 5 верстах от бивака, расположен гигантский кэрэксур, или кэргизин-ур, как называют монголы. Округлый. Могила с каменным на-

---

* Открылось также несколько, целых три, озерок у восточного подножия Дулан-ула, блестевших голубой и зеленой окраской. Виднелись стада кочевников, в особенности стада белых баранов.

валом выложена-окружена, словно кольцом, каменным, [шириной] в один камень, кругом. Размеры большие. Насыпь также каменная. Несколько выше, уже на вершинном скате увала, подле гривы обнажений, саженях в 30—40 от «знаменитого», круглого, покоится кэрэксур квадратный или прямоугольный; первый, однако, величественнее и внушает к себе притяжение.

Познакомившись в общих чертах с кэрэксурами и остановившись на мысли: какие народы жили здесь и почему они в загробном состоянии покоились на вершинах? — мы поехали дальше вдоль по восточному склону, описывая волну. И в нижнем поясе луговых увалов, и у их подножий то и дело встречали кам[енные] могилы, конечно, знач[ительно] меньших размеров и также округлой или квадр[атной] формы. В общем, можно сказать утвердительно, мы находимся в мертвом царстве, мы путешест[вуем] в районе обильного расположения каменных могил. Эти последние и в горах, и в долинах, и при дорогах, и сгруппированы, и в одиночку.

Познакомившись с истор[ическими] памятниками, мы поднялись в верхний пояс гор, в зону лиственничного леса и угрюмых скал, и тут стали заниматься изучением живой горной природы. Мой Пшевик с ружьем за плечами отправился в лиственный лес, одевавший густо крутой склон; я стал постепенно лезть на гребень в виде крепостных стен, иногда тянувшихся вдоль не только главного хребта, но и второстепенных увалов. На самом главном гребне имеются прорывы-ворота, по которым удобно переходить с одного склона на другой. В посещенном нами районе мы наблюдали преимущ[ественно] лиственницу, немного черной березы и еще меньше низкорослых кустарников, в том числе и стелющегося можжевельника.

С вершин открывались еще более глубокие панорамы. Увидел я и озеро Сангин-далай-нор. Это вдали, а вблизи, под отвесными скалами розового или красного гранита с одной, южной, стороны, сооружен молитвен[ный] памятник новейшего происхождения, с другой, северной, приютилось несколько лиственниц, составляющих со скалами одну общую гармонию.

Здесь, на высоте, жизнь увяла, только в моем соседстве ютились красноклювые клушицы, с криком перелетавшие с одного выст[упа] камней на другие, да внизу, по острым гранитам, там и сям бегали темные пауки с длин[ными] ногами и малым брюшком.

Мне удалось снять ряд интересных снимков: горный гребень, восточный скат с лесом, скалами как на восточном, так и на западном склонах Дулан-ула. Видел я также у красных скал, у их подножия, нечто вроде молитвенного памятника, сложенного из темного кирпича.

С высот западного склона я, между прочим, наблюдал озеро Сангин-далай, расположенное в юго-восточном направлении. Оно по величине самое большое из наблюдавшихся на пути из Урги.

На этом мои наблюдения и окончились, я стал спускаться вниз по крутому склону к лошадям и проводнику; первые паслись, второй спал. С левых скал спустился мой Пшевик, много наблюдавший интересного в лиственничном лесу: дроздов, корольков, малых синиц, малую овсянку и Ruticilla; больше всего было корольков, у самцов которых головка украшена огненно-золотой короной.

На обратном пути мы не задерживались и около 4 часов дня прибыли к себе на бивак, где нас, как оказалось, заждался П. И. Громов из Дулангун-куре.

Мои спутники меня порадовали разработкой кургана. Всего на 1½ аршина [вниз] лежал покойник в виде скелета, в направлении от запада к востоку, спиною кверху, без головы, если не считать нижнюю челюсть, оказавшуюся над серединой скелета. Очень интересно то обстоятельство, что покойник был покрыт каменными плитами на всем своем протяжении. Кое-где вблизи найдены бусы, золотая вещица и немногое другое; несколько выше камней — черепок маленькой птички.

Громова я принял, немного поговорил с ним, от него же, между прочим, узнал об интересном, значительном по размерам озере Сангин-далай, где экспедиции полезно будет провести несколько дней, там много было всегда птиц, в особенности летом.

Вечер прекрасный, я долго гулял.

25/IX, ♀. С полуночи подул западный ветер, принесший облачность и прохладу. Вскоре после утреннего наблюдения прикатила к нам, что называется на белую палатку, компания бурят во главе с Дашиевым и Манчжигеевым. Мы их приняли у себя в палатке, угостили чаем, показали фотографии. Со своей стороны гости дали нам много полезных сведений на нашем дальнейшем пути. Может быть, мы даже немного изменим наш маршрут, а именно: не пойдем, как прежде предполагали, из Ильдэн-бэйлэ прямо на озеро Орок-нор, нет, а прежде направимся в Сайн-ноин, в соседство богатого монастыря этого хошуна и проживем в горно-лесной местности все первое зимнее время текущего года и только перекочуем в Цаган-сар, в котловину озер внутреннего бассейна.

Таким образом, изучу С[айн]-ноинский район, его исторические памятники и даже побуду на р. Орхон. Дашиев рекомендует мне знающего человека.*

Другой же мой гость, Манчжигеев, предложил мне свои услуги: взять мою корреспонденцию для сдачи ее в Урге. Мне это предложение было более нежели кстати, так как я давно собирался отправить С. Ф. Ольденбургу (и известить таким образом и Географическое общество) мои фотографические снимки с Бичиктэ и Доуд-нур.

Мои гости ходили со мною на наши раскопки, и Дашиев все время рекомендовал мне, с одной стороны, Сайн-ноиновский район, с другой — его служащего Цэрэна. Я, конечно, все советы как Дашиева, так и других соотечеств[енников] воспринимал, обсуждал, взвешивал с единственной целью: угадать направление, в котором мне действовать для достижения больших результатов.

При моих гостях, при их осмотре могилы костяк был обнаружен полностью, можно было видеть погребение полностью. Ярко выражена картина узора из камней сверху, на поверхности.

Гости мои укатили в Далай-гун-куре или к отарам баранов (Дашиев); мы условились назавтра свидеться у П. И. Громова.

Тем временем я должен был сделать в течение этого дня следующее: сфотографировать открытую могилу с костяком (открытым и закрытым), написать письмо к фотографиям, адресовав его на имя председателя Рус-

---

* Цэрэн из Барун-улан (Сайн-ноиновского аймака).

ского географического общества, дабы он был в курсе работ и был в состоянии доложить об этом Географическому обществу прежде, нежели передать все это в Академию наук, и 3-е — съездить (с Гусевым) в место расположения двух выдающихся по размерам кэрэксуров, каменных могил (круглой и квадратной), лежащих на луговом восточном отроге Дулан-ула.

Фотографии сделаны. К сожалению, погода была неважная, серая, нужно приноровиться к выдержке.

К письму на имя Шокальского приложено 11 снимков: 4 с письменами Доут-нуру и лучшим изображением зверей, 7 — с письменами и рисунками со скал Бичиктэ-дулан-хада.

Вечером побывали и на холмах с кэрэксурами. Верхний, квадратный, выше круглого, нижнего, на 420 шагов.*

Курганы занимают доминирующее положение над прилежащей долинной местностью. Кто были эти народы, понимавшие широкий простор, любившие кочевое приволье?

При лунном свете я с Гусевым благополучно переправились через болотное место и достигли своего лагеря, который охранялся Гаролем и Чуфрой, двумя экспедиционными собаками, друзьями каравана. Ночь была полуясная, с морозом в –3.6°С.

26/IX, ♄. Утро тихое, полуясное. Я с проводником готов к поездке в Далай-гун-курэ, Гусев и Канаев — на озеро Сангин-далай с целью предварительного ознакомления и выбора места для бивака. Сказано — сделано. Почти одновременно с места бивака отправились обе партии: моя — на северо-восток, моих спутников — на юго-восток. Я ехал с Вачиром до Далай-гун-курэ ровно два часа. Знакомая дорога. Пересекая луговой отрог с интересными гранитными выходами, я вновь любовался одной гранитной сопкой, полукруглой, сложенной будто из мешков огромных величин.

До спуска с этого лугового отрога меня сопровождал Цэрэнка, старавшийся меня расположить к себе рассказом, повторением прошлого, о многих исторических памятниках в его соседстве.

Если все то действительно окажется налицо и не испорчено хищниками, о чем говорил Цэрэн, то для экспедиции будет успех. Выйдет так, что на зимовку мы обоснуемся прежде моего предположения и сама зима пройдет для нас скорее и с большим успехом. Мы изучим не только долину Ороknора, но и богатый памятниками Сайн-ноиновский район.

Громовы меня встретили самым радушным и предупредительным образом, прежде всего вкусно и сытно накормили. Тут я застал всю ту компанию, гост[ившую] у меня, плюс Попов Иллар[ион] Алекс[еевич], приехавший, чтобы, между прочим, вновь встретиться со мною. Манчжигееву я вручил письма для сдачи в ургинскую почтовую контору.

---

* Верхний: в квадрате 37 шагов, в середине — кам[енная] насыпь из мелких валунов, по углам — как бы округлые могилы, 1 сажень в квадрате (из крупного материала). Нижний, с окруж[ностью] в 120 шагов и в 60 шагов окр[ужность] могилы, сложен из довольно крупных камней, до 20 пудов веса maximum и minimum — в челов[ескую] голову. [Ориентация] кургана в[ерхнего] к нижн[ему] — от ССЗ к ЮЮВ. Интересна насыпь из камней — продолжена от могилы почти до окружности бол[ьшого] круга.

После чаепития я с компанией отправился снимать храмы и субурганы местного монастыря, а затем и всю мою компанию знакомых во дворе Монценкопа,[223] у юрты-магазина. Был включен на снимок и мол[одой] монгол, слуга Громова, который так жаждал сняться.

Вечерком, или под вечер, я, хозяйка и Попов прогулялись по холму к отдален[ному] субургану, там посидели. Я любовался видами по сторонам: горами Хайрхан,* Дулан-ула, промежуточ[ными] звеньями между первыми и вторыми, дорожкой-змеей р. Цзэгэстэ. Сделали, сложили на память обо.

Отсюда же мне понравилась змеистая тропа-дорожка, ведшая через звенья-горы, за которыми колышет свои мягкие голубые волны озеро Далайнор или Сангин-далай. Много, много мыслей роилось в моей голове. И одна из них убегала далеко-далеко.

Вечерком, после ужина, за симпатичным дымящимся самоварчиком мы долго засиделись. Я почувствовал вокруг себя родную аудиторию и прочел, живо в рассказе, лекцию о Хара-хото.

Спали все гости в удобной, теплой юрте-магазине, на постелях с белыми простынями и наволочками. Мне казалось, что я перенесся в городскую обстановку. Симпатичная хозяйка сделала и в степи приятный уют, родной уголок.

27/IX, ☉. Сегодня у моих знакомых праздник — сегодня ☉, а мы, путешественники, давно-давно забыли праздники. Мы перешли на условия номада-скитальца: праздник для нас — дневка: побольше поспим, отдохнем от вьючки и седла. Путешественник в седле, кажется, проводит около половины из всего времени. Но зато сколько путешеств[енник] видит, сколько чувствует; ведь он вдали от суеты и всяких треволнений человеческих, зато в соседстве девственной, нередко дикой, сильной, чистой природы, в тесном общении с нею; только в таких условиях живешь прекрасно, чище, глубже, восторженнее. Люблю я такую жизнь и не променяю ее ни на что, ни на что в свете!

Опять с утра чаепитие (из ясного самоварчика), опять вкусные жаркое и печенье, опять разговор-беседа о нашем прошлом и настоящем. Мои знакомые благословляют, приветствуют мое намерение направиться в Сайнноиновский район. Теперь они все стали мыслить и думать о том, чтобы мне побольше доставить интереса, побольше найти исторических памятников, но все твердят: «Вы идете туда, где их много!».

Около 10—11 часов утра мы пошли гулять по монастырю. В одном из второстепенных храмов раздавалось пение и стук в колок[ол] и барабан. Мы вошли в храм: один лама и хаворак отправляют богослужение. Из главных кумиров было изображение ламы Ундур. По улицам монастыря чувствовалось безлюдие, тишина; только в соседстве с нами прошла старая вереница шибганзэ да взрослая девушка-дикарка, все время старавшаяся спрятаться от невольных пытливых взоров иноземцев. Кое-где сидели ламы с мирянами, первые перебирали четки, произнося втихомолку «ом-мани-

---

* П.И.Громов превозносил этот свящ[енный] массив: в нем высокие гран[итные] скалы, восточные и западные ущелья, весь склон, обращ[енный] к монастырю, богат пышными, до пояса, травами, масса цветов, а по ним — бабочек и других насекомых.

падмэ-хум». Окружность монастыря, или лингор,[224] — молитвенный обход святыни — мною наблюдался во всякое время дня, но преимущественно по вечерам. После прогулки и покупки цветной далембы и шнурков у Громова нас пригласили к столу обедать. Потом вновь симпатичный самоварчик, после которого я с Вачиром откланялись и покатили домой, третий раз по одной и той же дорожке.

И этот раз мы ехали ровно 2 часа. В 3—4 часа дня я уже был дома. Странное чувство: до перевала через увал мои мысли витали везде — в Далай-гунэ, Урге, дал[екой] России, но с перевала, когда вдали, внизу, блеснули родные палатки, весь ушел в экспедицию.

На биваке оказалось полное благополучие, среди моих спутников был Дашиев и Цэрэн. Первый передавал мне второго. Тут я увидел, между прочим, машины-сенокосилки; в экспортной компании были с[ельско]х[озяйственные] орудия для приготовления сена, но монголы пришли в ужас, испугались, что русские выкосят все сено, и запретили сенокошение. Теперь эти машины везли на место расположения район[ного управления] — в Уйцзэ-ван.

Цэрэна и стадо баранов с дойной коровой с теленком мы получили в Тибетскую экспедицию.

Дашиев уехал, а мы стали энергично собираться с целью назавтра выступить в дорогу на озеро Сангин-далай.

Ночь настала быстро, я еще не все привел в порядок. Звезды и молодая Луна ярко блестели на безоблачном небе. Лагерь рано отошел ко сну.

28/IX, ☽. Серое, облачное небо, слоистые облака низко спустились над горами. Гуси усиленно тянут к теплому, далекому югу.

Мы скоро справились и в 6½ часа утра направились в путь, вверх по речке Цзэгэстэ-гол, речке с болотистой долиной. Местность несла тот же характер: с востока разливались от гор мягкие холмы и скаты, с запада шла речка. Наш путь проходил наперерез покатых к речке увалов, таким образом, мы поднимались, следуя направлению речки СЗ—ЮВ.

Через 13 верст движения экспедиция достигла Сангин-далай, и на его северо-восточном берегу, напротив молитвенного сооружения на зап[адном] берегу озера, разбили наш бивак.

Мы стояли в обширной долине, обставленной выс[окими] горами; перед нами расстилалась дов[ольно] обширная гладь пресноводного бассейна, по берегам и на зеркальной глади которого держалось еще до сего времени порядочное количество плавающих, голенастых и других пернатых. Особенно красиво колыхались на голубых волнах белосн[ежные] лебеди, утки стаями, в виде островов, покрывали собою поверх[ность] озера. Турпаны или огари выдавали себя на каждом шагу, на возв[ышенном] берегу сидели большие бакланы, в воздухе носились большие и малые чайки, чибисы, на соседних болотах раздавались голоса улитов — красноножки и Ochropus, вдоль озера беззвучным полетом пролетали коричн[евый] или седой лунь, реже — враг уток — орлан-долг[охвост].

Одиночками тянули через озеро серые или серебристо-белые красавицы цапли. По биваку доверчиво расхаживали или порхали белые плиски, черные вороны, за которыми вначале бегали наши собаки. По обрывам, разрыхл[енным] береговым отвалам ютились овсянки, рядом, на болоте, щев-

рицы. По косогору — жаворонки полев[ой] и рогатый. На бивак откуда-то вдруг явился скворец (Sturnus).

Мы не утерпели и спустили нашу лодочку просто прокатиться, произвести рекогносцировку, проплыть на против[оположный] берег. В воде масса сосенки Hyppures vulgaris. Озеро мелкое: 2—3 фута равномерной глубины, дно у северного берега илистое, у южного — песчаное, крепкое, там же озеро значительно чище. На острове, при выходе из него Цзэгэстэ, красуется часовня с кам[енной] плитой с Гаруда[225] со змеею, исполненными красками.

Размерами озеро порядочное, в окружности без малого около десяти верст, цвет воды голубой, реже другой какой, как например серый, в облачное небо. Ниже по повор[оту] речки или по берегу последующих трех небольших озерок стоит обо-кэрэксур, с которым надо поближе познакомиться. По берегам Сангин-далай превосходные пастбища и следы стоянок монголов.

Утром, с прихода на озеро, погода стояла хорошая, полуясная и довольно теплая. Я видел несколько мух (с красн[ыми] головами), собирался их ловить, как вдруг с полудня подул ветер от севера горизонта, принес стужу, а к вечеру и снег. Последний падал до полуночи и укрыл земную поверхность в долине на 2 дюйма, а в горах значительно больше; холодно стало, как зимою. Но на воде, вероятно, знач[ительно] теплее, так как там еще держатся стаи птиц.

29/IX, ♂. Утро, зима, вокруг снег и холод. Прежде всего принялись за откапывание палаток и багажа. Проглянуло солнце, дорожки по биваку освоб[одились] от снега, по склонам гор открылись проталины. Высоко в небе с криком быстро-быстро неслась стая птиц, не понял, что за птицы, а очень интересно. Сангин-далай словно в раме из белого металла. Под ногами хрустит снег, температура воздуха ниже нуля. Наш Цэрэн направился с нашим пакетом к себе в контору в Уйцзэ-ван и с поручением нанять быков или верблюдов или перевозочные средства вообще для перекочевки в Сайнноиновский аймак, в частности в урочище Барун-улан, в соседство долины реки Орхон.

С нетерпением и интересом я буду ожидать возвращения Цэрэна.

Наш багаж снят с телег и устроен на лугу в виде квадрата с навесом в середине для спанья Ганчжурова и Фу-чина (китайца-повара), устроено заграждение и для печи.

Тем временем солнце сделало свое дело, снега в долине осталось немного; на южных горных скатах попестрело, и лишь северный склон и гребни обильны им.

Мой Пшевик отправился в экскурсию по берегу озера от бивака на восток. Мои пловцы пересекли озеро поперек в середине, от выдающегося мыса на северном берегу. Любуюсь в бинокль стальной, голубой скатертью водной поверхности. Испуганные птицы вдруг снимаются и темной сеткой перемещаются на более безопасное место.

Около 2—3 часов дня у двери палатки на пригреве солнца я поймал двух мух: темную с красн[ой] головою и золотистую, длинную, с брюшком с поперечными чертами. Над нашим биваком с шумом бури пронеслась с криком «нэк-трое, нэк-трое» стая.

На нашем биваке много черных воронов, подбирающих отбросы; сначала наши собаки ретиво на них бросались, прогоняли, но, видно, это занятие собакам наскучило. Мы видим: и враги, и недруги, и птицы, и собаки в близком соседстве гложут или питаются костями, между тех и других бегают белые плиски.

В 1 час дня t воды в озере 9.0°С, поверхность — стальная, свинцово-голубая.

В 3½ часа дня я проплыл через соседний залив к молельне, снял ее и прилежащую часть озера с северо-восточными горами со снегом. Поверхность озера отливала красивой сталью.

Мои спутники пересекли озеро в самом широком месте; везде глубина около 3 футов (больше или меньше), на дне встречаются омуты — там знач[ительно] глубже, нежели 3 фута. Замечена у северного берега небольшая рыбка, которую вообще трудно добывать из густых водорослей по озеру.

Из птиц Пшевиком на юго-восточном берегу отмечены: одиночка голубок, C[olumba] turtur orientalis, стайка гусей-хрипачей (?) и три серых, в остальном все по-прежнему — красиво, одиноко, тихо.

За 1 час или даже за полчаса до заката солнца, когда его лучи скользят по водной поверхности, озеро очень нарядно и привлекает взор подолгу, в особенности когда еще оно погружено в абсолютную тишину, когда краски заката художественно переливаются из конца в конец.

Сегодня мы произвели расчет и выдали заслуженную сумму с наградными нашему подводчику от Мишик-гуна и проводнику Вачиру за услуги от Мишик-гуна (тому самому, который водил меня к Доутским скалам с письменами).

Вечером я гулял с собаками вдоль северного берега Сангин-далай. Поверхность бассейна была тиха и блестела, словно гигантское зеркало; там и сям плавали птицы.

Ночь была тихая, ясная, морозная (minimum –7.0° С). Озеро замерзло; у берегов толщина льда была около ½ дюйма. Посередине были полыньи с птицами.

30/IX, ☿. На ясной, тихой, морозной заре, еще до солнца, кричала сова, пролетая над нашим биваком. Мороз, серебристый иней. По горам лежит снег, горизонт возвышенный, белый, словно зимою.

Наши монголы сегодня уехали восвояси. Долго служили нам, привыкли. Ночью вдруг объявился наш Цэрэн; оказывается, он подрядил животных до места нашей зимовки, через пять суток долженствовавших прибыть к нам для погрузки. Всех животных 11, ценою по 5 янчан за каждую из 11 телег.

Мой Пшевик рано отправился в горы, на ВЮВ. Я произвел два снимка озера (вчера один — [сфотографировал] молельню). Еще нужно снять устье, лодку и кэрэксур-обо; хорошо было бы все снять одновременно, так как пластинки тают, быстро убавляются.

Пошел ветер с юго-запада, развел волнение; волны ломают лед, дадут возможность моим спутникам произвести измерение и промеры глубин Сангин-далай.

Я завернул высохшие чучела птиц. Пообедаю и посду к Пшевику половить последних насекомых. Около 10 часов утра, на снегу, я поймал длинную желтую муху, у палатки.

Сегодня я побывал в юго-восточном направлении* у подножия гор, там, где шумно струится из гор Ихэ-булык, по берегам которого монгольская девица пасла баранов и рогатый скот. Словно из земли вырос монгол с укрючиной (длинной) для ловли коней. Очир проводил меня до бивака, желая посмотреть имущество русских, их бивак, лошадей, но главное, конечно, лодку, которая скользила по поверхности вод Сангин-далай, в ней плавали мои спутники, производившие промеры. Затем я поехал к месту двух обо. На возвышении земля звенела, словно мы ехали по мосту. Нет ли здесь общего с выпучиванием берега? Откуда создался возвышенный берег? Почему поверхность возвышения, на котором стоят обо, звенит? Какая там, на глубине, пустота? Может быть, она образована водой и т.д.?

От СЗ залива под вечер я снял вдоль моего берега, на ЮВ, по оси озера, затем у нашей пристани сфотографировал Пшевика.

Мои пловцы дали сведения: по оси, в длину, озеро имеет две версты, в самом широком месте 1 верста, глубина от 2 до 4 футов, наиб[ольшая] глубина проходит вблизи возвышения с молельней, в общем же глубина озера 3 фута, дно сверху илистое, но через 3 дюйма залегает песок. Рыбы добыть трудно.

Исследователи озера подстрелили серых гусей (Ans[er] anser), голубку и Emberiza.

Вечер тихий, прозрачный; запад горит огнем, дневное светило скрывается за горы, восток наряжен в нежно-голубой и нежно-розовый цвета, незаметно сливающиеся один с другим. Воздух застыл, озеро засыпает, не шелохнет; темно-бронзовые блики с зеркальной поверхности озера исчезают. Лишь там и сям в ночи слышится голос плавающей птицы.

Мы долго сидели у палатки, любуясь красотою неба, озера и прилежащих гор. Осенняя природа, сегодняшний ее день, составляла в себе самой гармонию. Давно не было у нас такого превосходного вечера. Я уходил вдаль от бивака, садился в одиночестве и прислушивался к окружающей меня тишине, она никем не нарушалась.

1/X, 2. Сегодня ровно два месяца, как мы выступили из Урги. В общем, я очень доволен результатом истекшего времени и пройденного пространства. Что ожидает нас впереди? Между прочим, и в предстоящем районе мне, может быть, удастся что-либо сделать по части исторических памятников. Буду надеяться. Подобные обстоятельства бодрят меня и вселяют лучшие настроения.

Небо ясное, воздух чист, прозрачен, барометр падает, ветер переменный, порывистый от южного горизонта.

Наконец перебраны сборы спиртовых коллекций в пробирках, собранных на пути от Мишик-гуна до Сангин-далая.

Мои спутники забросили невод трижды и поймали несколько экз[емпляров] карасей, затем небольшой величины десятка два серебристой мелкочешуйчатой рыбки и наконец мален[ького] полосатого усача, а драгой за-

---

* В подошвах ближайших гор мой Пшевик добыл 3 маленьких грызунов (типа Microtus), светлых.

хватили целый водный мир с водорослями: молл[юсков], креветов, прыгунчиков насекомовидных, червей и слизняков. Теперь до некоторой степени можно иметь представление об озере, его размерах, глубине, качестве воды и жив[отной] жизни.

К вечеру подул юго-западный ветер, дов[ольно] порядочный (2 [балла]), озеро нахмурило брови, посинело и взъерошилось невысокими частыми волнами. Соседние горы освободились от снегового покрова; по-прежнему сухость страшная, и озеро вновь похорошело, приняло вид, какой имело в день прихода экспедиции.

На противоположном берегу порою видны путники, двигающиеся то в одну, то в другую сторону. Второй день идет, как мы на озере стоим в одиночестве. С нами нет ни подводчиков с животными, ни монголов-проводников, нет также и гостей. Тихо, одиноко.

В 5 часов 45 минут (м[естного] вр[емени]) вечера, когда солнце скрылось за горы, а Луна еще не взошла или не поднялась над горами (для наблюдателя в долине), между ними, над болотом, вблизи озера, стояло слоистое облако (высотою около 1000 метров, приблизительно, конечно), красное, как ярко-густо-красная бархатная материя. Мы все любовались таким невиданным явлением природы. Минут через пять-десять окраска облака и соседних выступов облаков, почти соприкасавшихся с первым чудным облаком, стала тускнеть и темнеть, а через ¼ часа облако походило на темный бархат.

Все время было тихо и почти ясно, лишь одна десятая часть небесного свода была заполнена на румяном, или, точнее, темно-румяном, западе слоистыми или перисто-слоистыми облаками.

С полуночи подул крепкий ветер на всю остальную часть ночи; крепкий северный [ветер] неприятен.

2/X, ♀. Утро бурное, северный [ветер] не успокаивается, а, наоборот, усиливается; небо мрачное, серое, понемногу бросает сухой, тонкий снег; озеро — серое, бледно-свинцовое — бр-рр! На заре я вышел из палатки, лошади, отпущ[енные] на пастьбу, еще были близко (от палатки), идя к юго-востоку, вдоль берега озера. Косогором направляется к биваку серый волк: высокий, длинный, поджарый, с опущенным хвостом, шерсть светло-желтая. Зверь обнюхивал землю, приблизился к самому биваку. Фу-чин, ранее всех вставший (как повар), застыл взглядом на сером, предполагая, что идет собака.

И только наш разговор (меня с Фу-чином) испугал зверя, повернувшего назад, в горы. Наши собаки и охотники бросились в погоню и выстрелом окончат[ельно] прогнали непрошеного гостя.

Вот и полдень прошел, а ветер не успокоился, продолжает дуть, палатка дрожит, трепещет, бьется краями о землю, словно силится оторваться и полететь за озеро. Птицы кормятся на биваке, в особенности черные вороны.

По мере приближения вечера холод и невзгоды увеличивались. Пуще всего донимал ветер; плавающие и голенастые птицы, запоздалые, с тревогою летали над волнующимся бассейном. К поздней ночи ветер стих и мороз усилился, в особенности холодно было во второй половине ночи и к рассвету: –15.0°С.

Раннею ночью прибыли подводы, произведшие среди нашего лагеря суматоху, собаки страшно лаяли. Гусев выстрелил в горы. Подводчики со

страха завопили. Вскоре все успокоилось, быки были на месте, майхан поставлен, и огонь освещал фигуры монголов-подводчиков. Их четверо, плюс подрядчик. И здесь, в глухой степи, подрядчик!

3/X, ♄. Холодно, ясно, прозрачно. Озеро сковано льдом в 1 дюйм толщиною. Иней основательно посеребрил землю. Лебеди и другие плавающие птицы с тревогою разыскивают открытую воду. Все они сгруппировались на малом озерке.

Вблизи нашего бивака пронеслась интересная птица, Пшевочка ее подстрелила — Charadrius, еще не бывшая в нашей коллекции.

Вот уже озеро изучено полностью и наскучило: экспедиция желает перемещения.

До обеда все время была подготовительная укладка, а после — укладывание вещей и вьюков на телеги. Все тщательно и предусмотрительно сортируется, примерно взвешивается и только потом устанавливается, и везде во главе мой Гусев, сильно напоминающий Гавр[иила] Ив[анова].

Я доволен, что удалось вновь перебрать спиртовые коллекции и заготовить свободное помещение для предстоящих новых сборов.

Не знаю, приедут ли наши гости: Громовы и Попов? Очень интересно вновь повидаться и побеседовать, как прежде, в Далай-гуне.

Ледяная поверхность озера Сангин-далай сегодня, вероятно, не растает, а раз так, оно еще прочнее скуется льдом, так как мороз будет только усиливаться, идем к холоду — пора на зимовку. И действительно, тепло было около полудня не дольше двух часов, затем вновь захолодело. Вдоль гор пронесся довольно светлый степняк — орел. Несколько позже, при вечерней заре, лебединое семейство тревожно и долго летало, отыскивая открытые воды.

4/X, ☉. Ночь холодная или студеная-студеная и вместе с тем ясная, прозрачная, тихая. Дважды я выходил ночью, Луна и Большая Медведица совершили большой путь, холодно.

Ночной покой никто не нарушает. Только всхрапнет или потянется лошадь, встанет или ляжет вьючное животное или навзрыд заговорит наш Ганчжуров,* и опять тишина абсолютная. Даже Сангин-далай молчит и его пернатые обитатели также.

Но лишь выкатится благодетельное солнце, как сразу все оживает, в какие-нибудь полчаса-час светило всех приласкает, всем улыбнется. Молчаливо лежавшая на льду в нашем близком соседстве лебяжья семья вдруг, при появлении солнца, начала издавать свои обычные голоса.

Мы с зарею на ногах: все видим, все наблюдаем и приветствуем ясный, тихий день. Монголы сильно мерзли в течение ночи, теперь отходят. Все дружно работают, и в 7 часов 10 минут утра наш караван на новых животных (упрямых сарлоках) двинулся наперерез озерной долины, к горам, на северо-запад, в монастырь Ильдэн-бэйлэ-курэ.

Мы обогнули озеро с сев[еро]-зап[адной] стороны, по болоту и прозрачной речке, неглубокой, шириною в 2—3 саж[ени], несшей бурливо серебри-

---

* Мой спутник Ганчжуров во сне очень часто говорит, сам не помня, конечно, что.

сто-прозрачную воду (соверш[енно] открытую). Каменное обо было влево. Вскоре наши собаки погнались за цаган-цзэре (одиночк[ой]) и прогнали ее. В этом отношении наши псы заслуживают большое порицание: они сами не ловят и не дают возможности охотиться нам с ружьем.

На дальнейшем пути, все 20 верст, мы постепенно поднимались, сначала по широкой, открытой долине, затем, подойдя к южным горам и луговым холмам с мелкими выходами сланцев и мрамора справа, мы втянулись в расширение ущелья и очень долго шли наперед сухого каменного русла, струившегося в ст[орону] озерной долины.

Оглянувшись назад, мы видели за озером словно выросшие горы, это порою хорошо выделялись Цзун-хайрхан и Дулан-ула. Но ярче всех блестело озеро со своими небольшими придатками по сторонам. «Прощай, Сангин-далай», — хотелось сказать озеру, когда мы входили в ущелье речки, стремившейся от Ильдэн-бэйлэ-курэ. Тут много паслось сарлыков, они двигались за нами вверх, до воды. Один светло-грязный домашний як имел все повадки дикого: подойдя к обрыву, он рогами обрывал землю, затем в свежую пыль ложился спиною (на крутом косогоре) и катался по сторонам; встав и отряхнувшись, он долго и громко хрюкал (почему дикому собрату и дано назв[авние] Grunniens, т.е. хрюкающий).

Сегодня 4/X, сурки залегли 27/IX, но в теплое, солнечное утро, сегодня, около 10 часов утра, сурок в открыт[ой] долине, поднявшись на задние лапки, свистел, как обычно, и привлек к себе наших собак. Суслики еще достаточно энергичны и с быстротою птицы носятся по луговым скатам гор. Зато же и попадают часто в острые когти Aq[uila] orientalis, осторожно проносящегося, нередко над самою землею, чтобы невзначай схватить прыгуна. Ну и боятся же суслики своего крылатого врага. Вдруг — ни одного. Ищите в голубом или сером небе орла-степняка.

Мы стоим ниже Ильдэн-курэ, на правом берегу прекрасной речки, в 3 верстах. Куре сжато в прямоугольник, прилепившись к подножию гор, в верхн[ем] поясе, на северном склоне, убранном лиственницей.

Издали впечатление от мон[астыря] неважное: бедн[ые] постройки, не видно поряд[очного] храма, хотя наши возчики — ламы этого монастыря — и сравнивают его с Далай-гун-курэ.

Сегодня здесь после полудня дов[ольно] тепло: в палатке жарко, на солнце летают мухи. Отсюда видна Дулан-ула, все мы вертимся на бисс[ектрисе] Цзэгэстэ. Когда уйдем из этой бол[ьшой] открытой долины?

Мы ходили в соседние горы, к скалам, слож[енным] из сланца и мраморн[ой] прослойки. У подножия скал, в груде отторженцев, держалась компания корольков. Везде эти маленькие птички. То их находим на кочках болот Сангин-далай, то в голых скалах Ильдэн.

В горах заря погасла незаметно. Спустилась на землю ночь, которая прошла дов[ольно] скоро. Ночная облачность исчезла к утру. Вообще здесь было не только не холодно сравнительно с Сангин-далай, но даже и тепло. Добыта овсянка (Emberiza).

5/X, ☽. Ясное, не холодное утро. Мы в пути с солнцем. Четыре версты прошли до монастыря. Еще вчера с вечера в бинокль я видел пестрые, богатые постройки монастыря. На месте они оказались лучше, и я снял монастырь издали и вблизи; в последнем случае — центральную часть с храма-

ми. Последних девять; в главном, говорили ст[аршие] ламы, большое изображение Майтреи и Богдо-гэгэна. Монастырь расположен на возвыш[енной] береговой террасе речки Горхон-гол, катящейся от перевала, где мы стоим, своими чудными, прозрачными водами. Все постройки смотрят на юг, на встречные горы. Вообще, монастырь спрятан в горах, и это обстоятельство придает ему красоту, прелесть. На соседней высокой горе Хангэ, в сев[ерном] распадке, уцелел густой лес из лиственницы, вероятно посаженный ламами, наложившими запрещение вырубки.

Мне кажется, летом этот уголок с монастырем очень красив, чудна тогда прозрачная, звонкая речка Хоргон-гол, или Горхон-гол, сколько тут цветов, птиц, насекомых. Много оригинальности придают высокие субурганы и молельни, рассыпанные по луговым холмам с севера. Монастырь находится в ведении да-ламы, гэскуя и нирвы (казначея). Лам взрослых до 500, подростков и мальчиков-ламишек около 300 человек. Когда я с Пшевиком фотограф[ировал] главные храмы, в соседстве раздавались звонкие голоса ребят-учеников. Тут же, при монастыре, стоят большие дер[евянные] постройки, принадл[ежащие] Ильдэн-бэйлэ, но теперь они утратили былое значение и приходят в ветхость. Среди построек красуется большой белый субурган, без головы, разрушенной гаминами. Вообще гамины своим грабежом с огнем оставили злую память. Из торговцев при этом монастыре ниже, в уютном месте, выгодно устроилась торговая китайская компания до 20 человек.

Тут, в монастыре, мы несколько задержались, так как наши возчики были отсюда и они должны были здесь кое-чем запастись в дорогу. Мы этим обстоят[ельством] воспользовались, произвели две фотографии и кое-какие наблюдения.

По расск[азам] да-ламы, монастырь, имеющий свыше ста лет возраста, был пышен, имел много золоченых дорогих бурханов, но гамины их уворовали, и «больно нашему великому ламе, основателю Ильдэнской обители». Однако ныне монастырь в удовл[етворительном] состоянии, так как у него и казна в порядке, и порядочное количество скота: баранов, лошадей, сарлыков.*

Познакомившись с монастырем, мы пошли вверх по речке, в общем к западу. Слева — северные склоны гор, их скаты местами золотились от зарослей лиственницы, справа — южные склоны гордились альпийскими пастбищами. Тут от высоких гор, вроде Асхэтэ, спускались пади с горн[ыми] ручьями; в падях много юрт со скотом: бараны и сарлыки.

8/X, 2. С 5 по 8/X я не открывал дневника и не писал потому, главным обр[азом], что 6/X мы весь день шли, сделав с быками 33 версты; бивак разбили, и сумерки сменились ночью; следующий день,7/X, весь ушел на мою боковую экскурсию к Бичиктэ-хайрхан. В этот день мы с Гусевым и Цэрэном сделали 50 верст. На пути засняли 5 пластинок: с монастырем, горами, дол[иной] речки и лучшим из самцов д[омашних] яков. За эти два дня я очень устал, но зато много видел очень интересного. Сегодняшний переход

---

* Вообще говоря, местные монголы более всего из скота держат баранов и сарлыков (дом[ашних] яков). Словно в Тибете, также порою ездят верхом на них.

только в 15 верст. Мы стоим на правом берегу Онгиин-гола, в долине, обставленной темными, скалистыми по гребням, пустынными горами. Все притоки идут с севера, слева, так как там проходит от запада к востоку и [от] ЗСЗ к ВЮВ хребет, часто покрытый в верхнем поясе снегом. Таким образом, за три описываемых дня я прошел частью с караваном (48 верст), частью налегке (50) всего 98 (33+50+15), или около ста, верст, осмотрел большой район, любопытный в географическом и историческом отношениях. Обо всем этом мне и придется сказать сначала в общем, а затем в частности. Начнем по порядку, от местности у перевала Абайтэ-дабан, где мы стояли вблизи перевала и нижней границы лиственничного леса, растущего по сев[ерным] склонам. Высота Абайтэ-дабан и ниж[ней] границы лиственницы совершенно одинакова. Верхняя граница леса также измерена, она включает начало каменных россыпей.

Отсюда мы (я, Пшевик и Гусев) экскурсировали в заросли леса; я и Пшевик — в ближ[айшие] соседние, Гусев — за соседний к северу гребень, как раз в то ущелье, которое было последним справа на нашем пути к перевалу и которое чуть-чуть не искусило нас, не заманило к себе. Я воздержался, хотя Цэрэн, наш новый спутник, заманивал нас его лесами, аршанами; предстоящей охотой, «бичиктэ», но мы, стремясь в местность Барун-улан, здесь ввиду холодов не задержались.

Гусев наблюдал козуль, следы волков, видел беляков-зайцев, а из птиц: синиц, белоспинных дятлов, поползней и немногих других. Принес образец горной породы с гребня. Я убил парочку поползней, Sitta, а Пшевик — ястребиную сову; оба видели еще щевриц.

Вблизи нас то и дело двигались люди: монголы со скотом или с вьюками — шерстью. Но интереснее всего: мы наблюдали косьбу ножами осенней сухой травы монголами. Потеха: номады, словно дети, работали, конфузясь нас.

Здесь же навестил нас и представитель Монценкопа, проживавший за перевалом, к ССЗ, в складках гор, в 4 верстах, при кумирне Ахай-бэйсэ. Нам было не по пути заглянуть в этот небольшой, значительно уступавший Ильдэн-курэ, буд[дийский] монастырь.

6/X, ♂. Как всегда в походе, с зарею бивак живет, движется. Выступаем рано и очень скоро достигаем перевала, откуда две дороги: к СЗ — в Ахай-бэйсэ и к ЮЗ, в нашем направлении, на Онгиин-гол. Мы шли 10—13 верст в области горного узла высоко, перешли два хребта-водораздела у юго-восточного подножия хребта, засыпанного снегом, и неудержимо стремились в долину главной речки в окрестности Онгиин-гола. Мы сначала шли в очень холодной, высокой местности, где две особенности: первая — область залегания по степной местн[ости] серых гранитов в виде то стен (форменных), то матрацев, то бóльших или меньших сопок; между этими шатрами, или гранитным лагерем, там и сям струятся речки (болот[ного] характера).

На перевале (втором, несколько ниже, к югу) — кладбище (кэрэксуры). Одну большую могилу кто-то копал. И вдоль дороги к Онг[иин]-голу, и в долине этого последнего — везде кэрэксуры квадратные и круглые, с камнями.

В этой местности сильно вытравлен корм; жителей много, и их серые, как и общий фон местности, стойбища, прижатые к горам, совершенно не заметны, лишь многочисленные стада скота их выдавали.

За вторым спуском или вторым перевалом Цаган-дабан ([название] — от светл[ых] гранитов) вскоре отметили у подножия горы со снегом молельню — домик-субурган. Издали эта русского типа постройка нами была принята за русский барак, но, когда подъехали вплотную, убедились в противном. Это сооружение одного благочестивого ламы.

Внутри дер[евянной] дощатой постройки — белый субурган с металл[ическими] украшениями, входа внутрь нет совершенно; фунд[амент] обнесен досками, словно решеткой, сквозь которую смотрят снизу вверх на субурган. Молящиеся совершают круговое хождение с причитанием о благе скотоводства и т.д. Для номада скот — все благосостояние.

Незадолго до Онг[иин]-гола мы пересекли интер[есную], быструю, прозрачную речонку, берущую начало в горах с лесом, скалами, верхний пояс которых примыкает к историческому месту с долиной, речкой, горой и перевалом Бичиктэ.*

Миновав речку и обогнув мыс горного увала, заслонявшего вид на западную часть долины Онгиин-гол, мрачной, темной, безжизненной, с одной только быстрой, кристальной речкой с каменным руслом, мы натолкнулись на большой головной круглый кэрэксур рядом с двумя квадратными (к западу, у подн[ожия] увала), а за ним — на большое могильное поле, обставленное острыми плитами. Еще две версты к югу — и мы на самом берегу, левом, Онгиин-гола [напротив] темной отвесной скалы на правом, в урочище назв[анием] Хара-хушу — «Птичий клюв».

Я с Пшевиком и Ганчжуровым прибыли в 1 час, а караван — около 6 часов вечера, ко времени сумерек. Все мы промерзли и проголодались страшно. Сюда к нам прибыл наш Цэрэн с письмом от Дашиева, который уверяет в готовности аккуратно поддерживать с нами связь по теч[ению] Онг[иин]-гола.

Полуясная ночь со сравн[ительно] высокой температурой прошла быстро, мы спали крепким сном.

7/X, ☿. Утро тихое, ясное, слегка прохладное. Я с двумя спутниками, Гусевым и Цэрэном, готов в экскурсию к письменам Бичиктэ-хайрхан. Встав, как на дневке, попили чаю, снарядились и в 8½ часа утра отправились в путь — сначала вверх по Онгиин-голу, далее, вскоре перевалив два-три отрога, мы попали в ущелье речки Уптэн-гол — левый приток Онгиин-гола, вступив в долину в месте расположения небольшой кумирни Хуйтэн-хурул, красиво расположенной у подошвы горы из красной породы. С восточной стороны обители выбегает прозрачный серебристый ручей, извиваясь вдоль скалистого обрыва в сторону главной магистрали. При нашем проезде около монастыря мы никого не видели, за исключением 2—3 человек лам да стольких же старух шибганцзэ, собиравших аргал. Вначале Уптэн-гол несет такой же пустынный, мрачный, бедный характер, как и Онгиин-гол, но по мере удаления вверх, к главной оси Хангая, местность улучшается, пастбища становятся широкими, богатыми. На протяжении среднего и верхнего течения уже залегают площади лесной лиственничной растительности. Сама речка многоводная — 3—5 саж[еней] шириною при глубине один и бо-

---

* Об этом ниже — о Бичиктэ-гол, Бичиктэ-хайрхан, о Бичиктэ-дабан.

лее футов, с очень быстрым, стремит[ельным], громким течением и, как все горные речки, с каменистым дном. Далеко в верху гор по этому ущелью, или пади, выделялась луговая высокая вершина Чжисэ-ула с молитвенным обо, к которому летом собираются во множестве монголы.

Уптэн-гол служит границей аймаков — к западу Сайн-ноина, к востоку или ЮВ — Уйцзэ-вана. Как раз мы здесь встретили много кочевников, только что снявшихся со своих хангайских пастбищ и направлявшихся на юг, в сторону Гоби, на зимовку. Перекочевки номадов — шумное движение. Одна группа состоит из вьюков на сарлыках (телеги), верблюдах; в ней следует домашний скарб, женщины, дети, старики, старухи. Другая группа — табун лошадей, которым управляют 2—3 сильных, ловких монгола с длинными дерев[янными] дротиками для ловли любой из лошадей, когда это потребуется. Эта группа шумная, живая: лошади бегут в ту или другую сторону, ржут, гоняются друг за другом, монголы скачут, орут или поют. Любо-дорого смотреть, когда монгол во весь мах, не разбирая камней, рытвин, несется по ущелью; порою чудится, что это призрак.

Верст через 10 Уптэн-гол принимает слева, с востока, интересный приток Бичиктэ-гол, такой же широкий, многоводный, с такой же просторной, луговой долиной, которая через 15 верст, на востоке, замыкается Бичиктэ-дабаном с горой Бичиктэ-хайрхан.

Последняя долго нас дразнила: в прозрач[ном] воздухе она казалась близкой, а на самом деле отстояла далеко. Слева красовались золотистые заросли лиственницы, справа также; и слева, и справа залегали богатые травянистые угодья и паслось много стад и баранов, и сарлыков.

Около полудня мы наконец достигли цели, прибыли к Бичиктэ. Однако эти письмена в сравнении с доут-[нур]скими письменами, по моему мнению, ничего не стоят. Здесь исключительно или почти искл[ючительно] известная молитвенная форма ом-мани-падмэ-хум. Имеются, впрочем, и немногие другие, но они написаны так зажато в трещинах и так, что наблюдателю приходится смотреть главным образом словно на потолок. Словом, я не сделал ни одного снимка с бичиктэ-письмен, а ограничился фотографир[ованием] самой горы (образ[ец] которой имеется в нашей геологической коллекции).

На горе, в курчавых выемках, держались горные голуби и Acc[entor] coll[aris] вместе с поползнем. У подножия горы стояло до десятка юрт, подле которых плотничали китайцы, широко пользуясь наличием лесного материала — лиственницы, залегающей или покрывающей собою ущелья восточного Хангая. Мы уже в Хангае.

От горы Дулан-ула Хангай простирается к юго-западу дов[ольно] однообразным хребтом с плоскими, притупленными вершинами и дает много богатых лесов и роскошных пастбищами ущелий. Много воды, много трав летом, а зимой — в теплую Гоби, к югу.

Обратно я поехал той же дорогой, что и в передний путь, удлиненной, а не прямой, короткой, о которой сказано выше. На этом пути по-прежнему наблюдались во множестве кэрэксуры и оригинальные, с вертикал[ьными] стенами, скалы. Это преимущественно твердая, кремнисто-сланцевая порода, дов[ольно] крепкая с одной, поперечной стороны и слабая в продольном отношении, разбивающаяся по слоям.

Снято также ущелье Уптэн-гол общего характера с кэрэксуром и баранами.

Затем мы уже ехали спокойнее, не торопясь и не волнуясь, и к погасанию зари прибыли на бивак. Наши палатки давно, за 5 верст, открылись нашим глазам.

8—10/X, 2—ъ. Эти три дня экспедиция двигалась вверх по Онгиин-голу на протяжении около пятидесяти верст, в общем к ЗЮЗ, и расположилась лагерем в замечательном историческом месте, покоящем сложную группу могильных курганов, расположенных у южного подножия Хангая, на зарождении речки Онгиин-гол.

Лагерь экспедиции приютился ближе к горам, у морены, сползшей из ущелья Битютэн-ама, там, где начинается нижняя граница лиственницы и где бьет из земли прозрачный источник с температурой воды (11/X) в 15.5°С. Курганы лежат на версту-полторы ниже, в равнине, граничащей с южными луговыми мягкими увалами.

Первый день замечателен главным образом тем, что мы отметили на береговых скалах Онгиин-гола, между урочищем Хара-хошу и реч[кой] Уптэн-гол, на левом берегу, письмена с рисунками и сфотографировали их в двух местах тремя пластинками. На нижней по теч[ению] скале Ганчжуров нашел тибетское письмо с красными (красочными) письменами, на верхней более мелким шрифтом написано по-тибетски или по-санскритски и китайски; тут же имеются рисунки атрибутов будд[ийского] храма и первообразное изображение человека черточками и точками. В послед[нем] случае имеется и изображение умелыми штрихами Будды, но все письмена и чертежи спрятаны так, что солнце или солнечный свет не касается их, притом некоторые спрятаны в углублениях, и я не уверен, даже буду удивлен, если те снимки дадут что-либо.

С нашей дороги отлично был виден маленький монастырь Хуйтэн-хурул, до него было около 4 верст по прямому направлению — и заворот влево ущ[елья] Уптэн-гол с его красными скалами. Дорога по нашему пути неоднократно пересекала каменистое ложе реки, которая громко бурлила быстрым течением и ярко-серебристо сверкала своей змееобразной поверхностью; местами, наоборот, речка отливала густой синевой, словно мягким бархатом* или сталью. Прилежащие горы на всем протяжении, до оси Хангая, имели унылый, дикий, пустынный характер. Ни жизни растительной, ни жизни животной: печать смерти отражалась от верху до низу скатов.

Идя среди мирного населения, мы уже с неделю не несем ночных дежурств, поэтому в течение долгой ночи достаточно отдыхаем от дневных напряженных трудов.

Второй переход был также удачен. С раннего утра Елизавета Владимировна отличными выстрелами добыла пару превосходных филинов. Затем Гусев, еще накануне ездивший в кумирню Сайн-ноин-курэ, насмотрел пару кэрэксуров, удачно расположенных по скату. Я поехал к этим кэрэксурам и сфотографировал их на фоне буроватой пустынной горы. Отсюда, от кэрэксуров, со знач[ительной] высоты, я со своими двумя спутниками, Елизаветой Владимировной и Гус[евым], любовались видом долины Онгиин-гола, посередине которой красовался большой, богатый монаст[ырь] Сайн-

---

* Описание общего характера Онгиин-гола я дам впоследствии в виде целого очерка.

ноин-хана. На ярком солнце будд[ийская] обитель контрастно выделяла массу богатых, светлых, красных, блестевших золотом храмов. На юго-западе, на домин[руюшем] холме, темнело обо, словно маяк-башня. Общим фоном богатого монастыря был хребет Хангай, сверху посыпанный снегом, а по скатам, в ущельях, отдававший золотом лиственничной заросли.

Монастырь так богат и чудесен, что я не удержался и во время дороги заснял его и общим видом, и в деталях; поднялся даже к величеств[енному] обо и его увековечил. Я был в чудесном, приподнятом настроении и работал вовсю.

Заехал также на пути и в Монценкоп, к зав[едующему] С. К. Верхотурову. Откушал чашку чая, кое-что приобрел в его лавке, условился о почте и т.д. и в заключение убедился, что В[ерхотуров] и К° кое-что сделают для экспедиции полезное в смысле исследовательском.

Мы пошли дальше, за монастырь и еще сделали 8 верст, а с прежними 9—17, прежде нежели расположились лагерем в урочище Шорongэн-ама. Мы шли по кладбищу кэрэксуров, из коих некоторые — гигантских размеров.

Могильное поле по всему теч[ению] Онгиин-гола, но maximum кэрэксуров и вообще могил залегает от самого монастыря до верховья и истоков назв[анной] реки. Нами отмечено гранитное изображение (у одного кэрэксура покоится торс, и у другого — голова) человека, голову которого приспособили к молитв[енному] обо и молятся голове, вероятно как голове Будды или другого святого из многочисленного буддийского пантеона. Гранитное обширное поле с могилами доходит до самого южного подножия Хангая в виде курганов Олун-сумэ, которыми я намерен скоро заняться. Тибетская экспедиция попала в самый центр истории археологии Монголии. Надолго-надолго хватит ей заниматься исследованием кэрэксуров, курганов, письмен и других памятн[иков]. Я счастлив, что начал эру больших исследований у Кэнтэя и теперь и у Хангая.

Третий день, и переход привел нас к подножию Хангая, на истоки Онгиин-гол, к месту расположения, надеюсь, «знаменитых» курганов.

Этот переход труден очень по обилию камней и кэрэксуров, заполняющих долину-косогор сплошными острыми более или менее крупными темными ноздреватыми камнями на протяжении сплошных пяти верст расстояния.

Как и говорил раньше, наш новый спутник Цэрэн привел экспедицию в любопытный уголок. Лагерь расположен на луг[овой] террасе, у подножия большой морены, в соседстве дивного источника с молитв[енным] обо, с видами на южный склон хребта Хангай, его многих ущелий. У ног лагеря сбегает лиственничный лес по каменистому болоту в северо-восточном направлении.

Семья Цэрэна рядом с нами, на нижней луговине. Таким образом, он живет и дома, и в то же время с нами.

Мне думается, что эта стоянка принесет экспедиции много-много нового материала. Багаж сложен между двумя палатками, кухня устроена внизу, там «клуб», посетители. Цэрэн подарил мне собаку Барху при голубом хадаке.

Так мы начали наше житье-бытье в урочище Битютэн-ама.

Ветер дул от ЮЗ почти весь день, посыпал дождь и снежная крупа.

11/X, Ө. Превосходное ясное, прозрачное, тихое утро. Елизавета Владимировна и я умылись водами аршана. Она с ружьем пошла в «наше»

ущелье, а я с Гусевым, с фотогр[афическим] аппаратом снял источник и поехал на курганы. Дивный вид и характер последних. Они вытянулись в одну линию поперек долины, будучи прижаты одним концом (малыми курганами) к луговому увалу-подножию, а главным — в открытую часть долины.

Курганы большие, обложены прочным кирпичом, закругленные или квадратные, разбитые на четыре группы. Первые три обнесены земляным валом; четвертая состоит из отдел[ьных] курганов. Общее число бол[ьших] и малых курганов с включением и мелких восточных около 30. С западной стороны имеются до сих пор следы, где брали землю на кург[анную] ограду или самые могилы, их 2-саж[енные] насыпи.

Могилы в общем вид свой сохранили, но главный [курган] пострадал тем, что его ограда в значительной степени разобрана (кирпич) монголами для их нужд. Так, например, тут имеется стойбище монгола, который из кирпичей устроил ограду для загона своего скота.

Сняв два вида, общий и в деталях третью группу [курганов], где начну копать, я с Гусевым стали осматривать курганы и в течение часа собрали интересный подъемный материал в количестве 15 предметов, исключит[ельно] вылепленых из глинистого материала, но не керамику, которую мы не брали пока. У нас имеются: часть лица с лев[ым] глазом и рубчатой прической (что-то греческое), барельефы и большие и малые части любопытных целых изваяний. Все это наводит на мысль, что курганы таят интересный, богатый материал и могут украсить труды Тибетской экспедиции новым лавром. Я, по крайней мере, уповаю на это. На лице моего скромного, но понимающего смысл спутника В[асилия] А[ндреевича] играла улыбка — мы поздравили друг друга с успехом и сегодня уже организовали партию в 3 человека монголов в помощь нам при предстоящих раскопках.

Пшевик вернулся из ущелья угрюмым: кроме Sitt'ы и ястр[ебиной] совы, ничего не видел, но наш успех его оживил, он стал улыбаться и оживился рассказом из общей деятельности экспедиции.

В[асилий] А[ндреевич] старается приготовить все для сегодняшнего веч[ерне]-ночного проявления моих снимков. Имею большое желание видеть результат фотографирования в колич[естве] около двух дюжин стекол.

Вокруг нас оживленная картина жизни номадов, их скота, их общего обихода.

Весь вечер, до 11 часов, я с Пшевиком возились с проявлением двух дюжин пластинок, которые, в общем, вышли весьма удовлетворительно. Напугала нас было ключевая (аршан) вода, от которой составы давали чуждый запах, это во-первых, а во-вторых, та из двух частей проявителя, которая всегда после растворения ее в обыкн[овенной] речной воде делается прежней, — превратилась в чистый, прозрачный зеленый цвет. Закрепитель оставался цветом прежним, но запахом походил на нечто сладкое (монпансье).

Ночь ясная, со слабым ветром от западных гор, сверху по ущельям Хангая, но не холодная, немного ниже 0, лишь на заре –1.5°С, но лишь блеснут лучи солнца — сухой воздух скоро нагревается и наш дом, белая палатка, уже вновь после ночной стужи балует и ласкает вас и светом, и теплом.

12/X, ☽. Так, именно так было сегодня утром, когда я до зари вынул негативы из воды для просушки. Немного провозившись с ними, пересмотрев

вдумчиво, я с партией во главе с моим незаменимым Гусевым поехал на работу, на курганы. Уже вчера намечен был «третий», или «средний», курган со специальным валом, замыкающим, собственно, не один, а три кургана. К западному, или головному, самому большому из трех, мы и приступили с исследовательской работой, начав копать с юга. Впереди, к востоку, рядом расположены, словно братья, два кургана меньшей величины, причем северный обильно покрыт бóльшими или меньшими камнями, тогда как южный, слегка закругленный, травянистый, кроме размера, ничем не отличается от основного, главн[ого], который мы начали разрабатывать.* Сделав все, что следует, мы приступили к работе в количестве 5 человек. Сейчас же начали обнаруживаться всякого рода барельефы и украшение черепичных крыш с любопытным орнаментом.**

Вечером возвратились мои «археологи», усталые, но очень довольные первыми шагами нашей исследовательской деятельности. После моего отъезда с курганов они продолжали копать и находить дополнит[ельные] предметы: барельефы или даже части (ухо) больших изваяний.

Сегодня я опять проявлял с моим Пшевиком последние 19 заснятых пластинок; результат отличный. От Урги много израсходовано пластинок, и почти все в весьма удовлетворительном состоянии. В дальнейшем придется экономить, снимать исключительно «нужное». А иногда невольно переступаешь правило или запрещение: подвернется хороший уголок и не думаешь, не в силах удержаться, чтобы не заснять его, не говоря уже про Хангай, его характерные части, особенности или наши новые, хангайские курганы. А я еще почти ничего не имею по части снимков этнографического характера, у меня нет ни типов, ни обстановки. Только монастыри и их храмы я до сих пор не пропускал.

13/X, ♂. Утро облачное, сухое, и солнце сквозь пер[исто]-сл[оистую] завесу греет исправно. Я сортирую и сушу негативы. К 9 часов утра, в тени, они отлично высыхают, вынут[ые] из воды в 6¼ часа. Необходимо писать и деловые, и частные письма, но все что-то мешает. Сегодня, например, вдруг пришла соседка с нашей Цэрэнихой засвидетельст[вовать] почтение и, как водится, принесла дары своего скотоводческого хозяйства: сухой творог, молоко и проч. Пришлось принять ее, отдарить и как внимание — показать «сонин» — новость. Такими «сонин» у нас служат иллюстр[ированные] книги, просматривать которые с объяснением рисунков большие любители и монголы, и монголки и не устают на протяжении часов. Моя последн[яя] и предп[оследняя] («Хара-хото» и «Тибет») книги пользуются большим вниманием и популярностью. Соседи здешние, вообще говоря, относятся к

---

* Справедливость требует отметить, что поверхн[ость] главного кургана имела едва заметное понижение вроде мелкого блюда.

** Положив начало, я отправился с аппаратом заснять дополнительные снимки и с курганов, и с соседних гор Хангая. Сделал первое измерение абсол[ютной] высоты хангайских историч[еских] памятников. Они ниже нашего лагеря у аршана на несколько футов. От них чудесный вид на все четыре стороны, и невольно думаешь, кто эти знатные покойники и когда они жили здесь? Легенда вплетает в фокус истории знаменитого Арсалана, который после поражения бежал и по дороге умер.

нам весьма приветливо. Конечно, большую роль в этом отношении играет аттестация нас нашими соседями — семьей Цэрэнки.

Отец и два сына вместе с моими Гусевым и Ганчжуровым с утра уехали на курганы. Мой верный себе и дикой девственной природе Пшевик также рано отправился (верхом на своем Серко) в горы, в одно из соседних ущелий Хангая с целью ознакомл[ения] с его животной жизнью. Вчера препаратор Канаев охотился в южном, а сегодня Пшевик в северном. Канаич принес ястр[еба]-перепел[ятника] и синюю славку, вспугнул с лежки трех волков и побеспокоил ястребиную сову и корольков. Не знаю, какое вынесет впечатление от гор Хангая Пшевик, а преп[аратор] К[анаев] — неважное.

Пора обедать, записывать часовое метеорол[огическое] наблюдение и отправляться на курганы (с фот[ографическим] аппаратом).

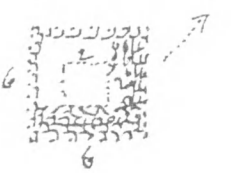
Тем временем небо покрылось сплошными тучами, я задержался с отъездом до 3 часов дня, когда наконец отправился, но без аппарата, так как небо было серое.

Наши развалины — действительно развалины храмов и, может быть, помещения старейших лам. Сегодня в начатом помещении обнаружен каменный порог и при входе в помещение несколько обрывков березовой коры с монг[ольскими] письменами, а также золоченые и крашеные кусочки земли, нечто вроде длинного гвоздя, и немногое другое.

С самого верха всех помещений залегают обломки глиняной посуды и части бурханов или барельефы, их большие или меньшие обломки, попадается также и уголь.

Ввиду скверной (холодной, ветреной) погоды мы раньше окончили наши работы по раскопке и возвратились домой. У обо нашего района сидел, в закрытии, орел степной. Днем же мои спутники видели бурого грифа, ягнятн[ика] бородат[ого] и орла-степняка. Пшевик вернулся с экскурсии с парой пищух (Lagomys).

14/X, ☿. Ночь полуясная, с западно-юго-западным ветром, утро также невеселое — серое, облачное. Однако потом стало разъясневеть, и я с Цэрэном поехал в горы, на ЮЗ от бивака, к могилам управителей Сайн-ноионовских владений. Эти могилы залегают высоко, чуть не у самого гребня, на высоте 9000 футов над морем. Там альпийские луга выше границы леса и всегда прохладно: и летом, и зимой. Могилы, словно у подножия гранитной горы, увенчанной обо, на покатой во все стороны луговой площадке. Они обнесены частоколом из лиственницы, правда не все, а лишь часть их. Обнесенных 6, открытых столько же.

Среди могил есть очень старые, по крайней мере две; одна «Арсаланская» ,[226] выложенная плотно камнем, с квадратом 2×2 в середине, где имеется дерн и сама гробница,* другая, более древняя, с потонувшим камнем и провалившимся срубом.**

Могилы с оградой помещены или в середине (ограды), или с боков, или в углу, между соседними стенками. Все они прикрыты камнями, на некото-

---

* Намечена к археологическому исследованию.

** Эта могила будет поставлена на раскопку в первую очередь.

рых и по соседству имеются религиозные атрибуты — модели субурганов преимущественно, и проч. В некоторых оградах красуются у северных стен, под устроенным навесом, дерев[янные] рамочки с изображением святых или начертанием религиозного содержания. Последнее нужно взять в коллекцию.

По словам Цэрэна, до 1922 года при могилах было всегда дежурство человек в 50, главная обязанность которых заключалась в охране памятников. Новейшие могилы покоят останки ханов (Сайн-ноин), поэтому управл[ение] делами аймака заботливо относилось к сохран[ности] могил. Ныне 3 года, как стража отсутствует, ограды рушатся, украш[ения] могил порочатся, ломаются (указывают на случайных пастухов), и очень скоро памятники прошлого оголятся, будут в открытой местности, в соседстве многочисленных обо.

Подъем к могилам страшно крут, и ни на чем другом нельзя проехать, как только на верховом животном — лошади или быке. Здесь часто мы наблюдаем всадников (на сарлыках) в одиночку и группами. Мне очень желательно иметь такую кавалькаду на фотографии.

Сделав общие, поверхностные наблюдения над шариль-могилами, я с Цэрэном пошли на вершину соседней горы Шарлэ-магнэ, увенчанной тремя, разбросанными на порядочное расстояние, обо. Идти в разреженном воздухе было трудно. Поднимаясь выше и выше, мы любовались широкой панорамой: далеко к востоку убегал Онгиин-гол, на юге резко выделялась плоская, трапециевидная, доминирующая в этом районе гора под названием Хан-кокшун-ула, святая, заповедная, привлекающая к себе паломников. Гора эта богата лесной и травянистой растительностью. [Ее вершина]-трапеция резко выделяется и высоко встает над прилежащим сонмом гор.

Между тем погода все более и более портилась, небо покрылось тучами, пришедшими с СЗ. Подул резкий, холодный ветер, посыпалась крупа, а затем более неприятный снег. На плоскогорье мы чувствовали себя неважно, а главное, меня брала досада: я не мог сфотогр[афировать] в лучшем виде хребет по гребню.

Я беседовал с Цэрэном о местности, на которой мы теперь находились, части хребта Хангай. В частности, уголок, на котором мы сидели, имеет назв[ание] Арсалан-магнэ, включая все прилежащее небольшое плато. К СЗ и северу Хангай уходил вдаль. Мы отметили на гребне 3 перевала: первый по нашему ущелью Битютэн-ама — Битютэн-дабан, очень крут и труден для вьючных животных; следующий за ним, дальний, идет по ущелью Хэтрун-дабан, лучше, доступнее; и наконец, 3-й, отдаленный, проходит ущельем Барун-улан, назыв[ается] Улан-дабан, которым пользуются для перевозки вьюков. Записал все, прозяб, мне захотелось возвращаться к могилам, где у нас привольно паслись кони на нетронутых пастбищах. Между тем очень хотелось получить снимок с окружающих гор, вершин хребта Хангая, убеленных снегом, но там, вдали, светило солнце, а нас накрывала тень облаков, и изредка падали снежинки.

Мы стали спускаться с точки, которая определилась в 9300 фут[ов], на 300 футов вниз, к нашему стану. Снег стал падать еще обильнее, кругом все слилось в серый непроницаемый свет, и мы, что называется, ощупью стали спускаться по скату соседнего ущелья к горе Чандомын (Чандомын — великий лама Сайн-ноин-куре), у восточного подножия которой залегала оди-

нокая могила с прахом одного из сердитых, жестоких ханов, которого ламы не допустили к общей, братской могиле, а приютили «в изгнании». Эта гора, как и соседняя к северу, при входе в ущелье Хурэндэль-ама — Хурэнтологой, увенчана курчавыми, разрозненными головами-скалами из плотной серовато-бурой породы (что-то вроде сланцев).

Минуту постояв у «жестокого» хана, его могилы, с трех стор[он] еще обнесенной, а с 4-й открытой (к горе), мы поспешили домой. Снег перестал, блеснули лучи солнца, которые вскоре и высушили нас. Это внизу, а там, у могил, еще продолжал завывать ветер и кружить снегом.

Сегодня на развалинах Олун-сумэ работы не производились. Ганчжуров и Канаев вернулись из гор с маленькой добычей беляка, белки и рыжебрюхой краснохвостки Ruticilla erythrogaster.

Пшевик работал дома, Гусев также. Все понемногу написали письма, чтобы назавтра отправить их Верхотурову для дальнейшего движения по назначению.

Мне удалось написать Горбунову,* моему Володе и Н. Е. Бок, а также и М. Я. Басковой.

15/X, ♃. Утро почти ясное с нордом, что сильно отражается на степени тепла. Я и Пшевик совершили нашу обычную утреннюю прогулку на аршан, измерили его температуру, умылись и в сопровождении собак Гароля и Чуфры возвратились в палатку. Гусев собирался в курэ Сайн-ноин. Пришлось его напутствовать поручениями, дописать и упаковать письма и т.д.

Совершенно неожиданно привезли нам на продажу юрту, и мы ее купили за 70 янчанов. В надежде на наши войлоки эта юрта сослужит нам должную службу. Вернется Гусев и сделает ее нашим домом с печкой и т.д.

Соседи нас не забывают, то и дело приходя с дарами своего скотоводч[еского] хозяйства, в замен получают наши угощения и любопытствуют на наш уют, на наши предметы, на наш обиход.

Сегодня на развалинах Ганчжуров и семья Цэрэна с отцом во главе. И сегодня погода после 2—3 часов дня испортилась: ветер, крупа, дождь действуют совместно или чередуясь.

Пшевик и Канаев на экскурсиях в северных ущельях. Первый возвратился ни с чем — стрелял лишь, и то неудачно, Acredula, Канаев добыл экземпляр нарядного самца Rutic[illa] erythrogaster'a. Барометр падает, погода портится. Гусев усхал в курэ Сайн-ноин еще до обеда.

16/X, ♀. Ночь облачная, ветреная, к утру начал падать снег в виде то крупы, то тонких снежинок.

По мере приближения к полудню небо то открывало голубые окна, то их затягивало вновь серыми, однотонными облаками, когда снег падал вовсю. К вечеру его слой был в 3 дюйма толщиною, пришлось откапывать проход вокруг палатки и между нашими жилищами. Животные жались к лагерю. Ночь темная, ветреная со снегом. Бр-рр! А тут еще непрошеный и

---

* Николаю Петровичу я приложил фотогр[афии]: черепаху со знаком и письмена (2-е, Доут-нуру), подчеркнул о высылке 5 тысяч золотом и о повышении ставок сотрудникам Монголо-Тибетской экспедиции.

нежеланный ночной волчий концерт, поднявший вой и лай собак во всей ближайшей окрестности.

В течение минувшего дня не удалось даже взяться за дневник: эти строки пишу задним числом. К 2 часам дня возвратился из курэ наш В[асилий] А[ндреевич], сдавший наш пакет для отправления в Ургу и далее и доставивший мне три номера «Ургинских известий». Больших новостей он не доставил никаких, не привез также и хлеба насущного, на что мы так надеялись. Говорят, много проезжих было: одной женщине не успеть на всех управиться. Приходится отсиживаться на цзамбе с бараньим салом да на баранине, «хони-махан», с постоянным одинаковым супом.

17/X, ♄. Утро настоящее зимнее: под ногами хрустит снег, в воздухе, на заре, –10.7°С. Поднявшееся солнце начало было обогревать землю, но очень скоро подул пронизывающий ветер, нагнал с СЗ туч, и теплый проблеск солнца — как во сне. Скверно, неуютно, чернила мерзнут, «коряво как-то». Еще хуже ночью: в нашей белой спальне немног[им] выше температуры наружного воздуха: там –10.7°С, а у нас –7.0°С.

И все-таки мои зоологи-охотники не усидели дома. «Все равно, — говорят они, — холодно, но на охоте, на ходу и теплее, и интереснее, пойдем!». Канаев отправился несколько ранее Пшевика и через ¼ часа уже открыл пальбу из винтовки.* Елизавета Владимировна пошла позднее, как всегда с «гладким» ружьем.

Фу-чин занят своей стряпней на кухне. В[асилий] А[ндреевич] возится на биваке, силится избавиться от излишнего снега, а также пытается привести в порядок наше зимнее жилье — юрту. Ганчжуров и Цэрэн отправились к монголу в сос[еднее] ущелье подрядить юрту в аренду для моих спутников и для кухни. Когда все это наладится, я буду спокоен.

Позавчера, 15 (3) октября, мне исполнилось 62 года. Какой я уже старик! И несмотря на седину, на те годы, которые лежат на трудовых плечах, очень счастлив, что еще творю мое любимое дело!

К полудню мои охотники возвратились на бивак. Первым прибыл Канаев, стрелявший волка на дов[ольно] близком расстоянии, ранил его в брюхо, волк упал и стал зубами хвататься за раненый бок. Препаратор тем временем успел еще трижды выпалить — безрезультатно. Волк, большой, красивый, удрал с другим меньшим, который шел сзади, в хвосте большого зверя, ♂. Жаль, что новичок-охотник после первого удачного выстрела не поспешил приблизиться к зверю на еще более [при]цел[ьный] выстрел, тогда бы волк, наверное, остался бы в добычу Канаеву.

Елизавета Владимировна добыла наконец Acredula и наблюдала дрозда, крапивника, корольков, Rut[icilla] erythrogaster, и еще более интересную птичку, равно и стайки чечеток и немногих других.

Погода не исправляется, продолжает быть очень бурной: ветреной и снежной.

Недельки через две нам надо устроить облаву: оцепить лес в одном, а потом и в другом ущелье. Загонщиками возьмем монголов, а в стрелки станем сами, пять человек (помимо гостей).

---

* Препаратор Канаев обычно экскурсирует с дробовым ружьем, но сегодня — с винтовкой.

Вечер и ночь в особенности были очень холодные, спали при –8.5°С, ничего себе! Пшевик и я с головою уходили в меховые одеяла, оставляя узкую щелочку для дыхания, к утру подушка и одеяло укрывались инеем.

Еще на дворе было достаточно светло, а из ущелья Хэтрун уже неслись завывания волков.

18/X, ☉. Восхитительное утро: ясное, теплое, minimum ночной t –12.3°С, северо-западный ветер несколько раз силился ослабить приятное впечатление — напрасно. На нежно-голубом небе ни одного облачка, солнце сильнее и сильнее пригревает землю; у камней мокро — снег тает энергично. Сороки и чер[ные] вороны покинули ночлег на деревьях и волнистым полетом (сороки) спускаются к стойбищам.

Сегодня мои именины: мы с Пшевиком прогулялись на ключ (аршан) и хорошо вымылись. Вода превосходная, ее температура остается прежней 15.1°С. Еще издали, при приближении к аршану, вы уже слышите его мелодичное, приятное журчание, и вам хорошо, легко, отрадно на душе.

Ранним утром явились на наш бивак мать и дочь — соседки, из семьи Цэрэна. Я подарил девочке «Маше»* кусок красивой розоватой, лучшего качества, далембы. Счастливый 10-летний ребенок озарил свое бронзовое личико широкой улыбкой и, сделав знак матери, поспешил с подарком под мышкой к себе в юрту. Не прошло и 10 минут, как Маша явилась ко мне в палатку с большой тарелкой, верхом наполненной маслом. На лице по-прежнему играла улыбка. Ее радость и счастье передались и мне.

Канаев ушел искать подраненного волка; его выстрелов не слышно. Тогда как Елизавета Владимировна, выстрелив дважды в соседнем маленьком ущелье, возвратилась домой, принеся горностая и горную щеврицу Accentor montanellus. Горностая монголы зовут «ууй».

Теплое-теплое, ясное-ясное солнышко ласкает всех нас и оживляет бивак, воздух тих и спокоен, прозрачность еще большая, нежели прежде.

Ко времени обеда прибыл неожиданно Даниленко с переводчиком Ринчино в сопровождении Богданова и доставил мне обильную почту и сведения-отчет о работах Восточной, Глаголевской, партии. Из письма Ц. Г. Б[адмажапо]ва я узнал, что в Ламэн-гэгэн проехал Томсон, взявший почту и обязавшийся доставить ее экспедиции. Б[адмажапов], между прочим, сообщает, что, по словам Юдина, полпредство получило охранную грамоту от китайского пр[авительст]ва для моей экспедиции. Это, конечно, отлично, но жаль, что п[олпред]ство не побеспокоилось передать ее Цокто Гармаевичу, тогда бы я ее получил и мог бы действовать.

Глаголевская партия, в общем, выполнила мою программу до посещения Хара-хото включительно. Затем, так как она не имела права на посещ[ение] Хара-хото, а тем более зимовки на Эцзин-голе, должна была отступить к северу, в сос[едние] горы Ноин-богдо и тут расположиться, командировав двух участн[иков] ее ко мне для связи и т.д. Окрестн[ости] Ноин-богдо неважные, пустынные. Научной работы мало! Корма для лошадей нет. Эти животные могут погибнуть.

---

* Девочку-монголку зовут Давахант, а я ей дал имя Маша, и она отлично знала его и, заслышав этот мой возглас, торопливо шла, а то и бежала ко мне.

Глаголев сообщает, что соскучившийся Даниленко своим тоскливым видом производит неприятное впечатление на всех и внушает его товарищу своему Симукову. Глаголев далее убедительно просит меня не возвращать ему Д[аниленко]. Но чем особенно удивил меня С[ергей] А[натольевич], так это желанием на 2—3 недели поехать домой! Можете себе представить это обстоятельство! Как можно рассматривать такое обращение к начал[ьнику] экспедиции?!

Так неожиданно свалилось на меня большое дело: необходимо прежде всего выручить грамоту и деньги; если последние еще не переведены, то ускорить перевод.

И это все выпало в день экспед[иционного] праздника. Только письма из России и газеты с описанием юбил[ейных] торжеств Российской академии наук скрасили общий фон и отвлекли мое внимание от главного, неотложного. Получены мною: от Володи — 3, от Олечки — 1, от Н[ины] Е[вгеньевны] и ее мат[ери] — 5, от Лили — 1, [Бялыницкого]-Бирули — 1, от ученицы В. А. [Глищинской] — 1, В[еры] В[ладимировны] — 1, Шестак[ова] — 1, Мытн. — 1 и т.д.

Сегодня же мы перешли и в юрту, в ней тепло, и я читал газеты до 10 часов вечера; затем, в постели, еще долго не спалось, и я обдумывал, как лучше поступить с делом.

19/X, ♑. И сегодня такой же превосходный день, что и вчера: сухо, ясно, тепло. Снег понемногу освобождает земную поверхность, открывает ее и создает, вероятно, прежнее отрадное впечатление.

Мне необходимо приняться за писание в полпредство о грамоте, деньгах и устройстве моих спутников — одного на север, на родину, а другого — на ЮЗ, в партию Глаголева, которому, кроме того, необходимо послать обстоят[ельную] инструкцию на будущ[ее] и письма.

В полпредство я написал или, точнее, продиктовал. Теперь засяду за писание писем и бумаг для Цокто Гармаевича, Даниленко, Глаголева и чека на 200 кит[айских] сер[ебряных] долларов. Так много уходит времени на всякого рода писание. Все сидят дома, за исключением двух присяжных охотников — Канаева и Ганчжурова, ушедших на весь день в горы, по аргали. Зверей самих не видели, но наблюдали их свежие следы в области верхнего пояса гор, вблизи гребня. Там же на полуденном пригреве вдруг заметили стайку в 5 штук горных индеек, но так как охотники промышляли за зверем, то были с винтовками и крайне сожалели, что видят отличную, интересную птицу, а стрелять нельзя, но это обстоятельство учтено и принято к сведению. Канаич специально теперь направится за Tetraogallus altaicus.

Подарены хозяйке 2-й юрты ножницы, которые ей так нравились.

Ночь ясная, дов[ольно] прозрачная, с западным ветром.

20/X, ♂. Ясно и приятно по-прежнему. Ветер из западного перешел в южный, воздух прозрачен, с глубокими красивыми далями.

Мои «археологи» на раскопках во главе с Гусевым. Елизавета Владимировна самостоятельно производит съемку развалин. По отправке моих двух спутников в Ургу я займусь как следует приведением в порядок намеченных разъездов, охотн[ичьих] экскурсий и производством снимков.

Десятый час утра: пора прекратить топку печи и сидеть в юрте, пойду в летнее белое помещение, в палатку, где и светит, и греет дневное светило и где удобнее писать и другим делом заниматься.

Написал письмо офиц[иальное] в полпредство, Глаголеву и частные Володе, Олечке, Антигоне, Лиле и Лидочке с матерью.

Котика снабжаю открытым листом до Москвы и обратно (в апреле) в экспедицию. Даю ему 120 рублей червонных и 30 серебр[яных] мексиканских долларов (всего 150 рублей в аванс). Буду ждать его донесений и с дороги, и из Москвы. Между прочим, и о состоянии нашей кассы вообще и моей лично в частности. Поручаю ему привести бумаги фотогр[афической].

Мои работают на развалинах усердно, что-то добыли интересное, но все было в огне и ветхо так, что смотреть, наблюдать и интересоваться приходится самим работникам на месте.

Последние дни погода стоит восхитительная, словно летняя: тихая, ясная, теплая.

Мои работники привезли с раскопок интер[есный] глиняный барельеф с лицом человека, улыбающегося во весь рот, с жемчужиной или третьим глазом во лбу, кроме того, остатки от перен[есенных] невзгод — слипшиеся листы книги с золотым письмом. Весь вечер я интересовался этими находками, одновременно снабжая и напутствуя Даниленко в дорогу. Мою инструкцию он записал к себе в дорожную памятную книжку. В общем он — не избранник Н[иколая] М[ихайловича]! Нет, у него много лени и разгильдяйства при большом, болезненном самомнении. Вот посмотрим, как он выполнит мое поручение и командировку.

Ночь почти тихая, ясная, температура не низкая, очень приятная, здоровая.

21/X, ☿. Утро такое же хорошее, как и предыдущие. Мои спутники, участники Глаголевской партии, Даниленко и Ринчино, собрались, получили от меня массу бумаг, денег и наставлений и укатили в пункт английской торговой компании, к Дашиеву (Уйцзэ-ван), чтобы там попасть на одну из экспортных машин и, таким образом, скорее добраться в Ургу, к главной, законченной цели. Долго, мешковато собирались глаголевцы, один из них — Ринчино сломал седло при падении с лошадью. Пришлось ему дать наше запасное, с тем чтобы произвести обмен на Эцзин-голе. Даниленко освобожден от револьвера до обратного вступления в Ургу, когда направится в экспедицию. Наконец они уехали, развязали нам руки.

Моя партия большей своей частью направилась на развалины, каждый продолжать свое дело. Канаев ушел охотиться на уларов, хочется добыть ему оригинальную птицу. Я поехал фотографировать и заснял три пластинки при отличном свете: наше ущелье — Битютэн-ула, далее — раскопки основания храма и, наконец, общий вид ущелья Хурэндэль-ама с лесом и частицей убеленного снегом гребня с одной стороны и горою Хурэн-тологой и Чандомын с могилою ламы — с другой. На очереди стоят два снимка — развалины субургана и бивак снизу вверх. Тогда можно заложить все 12 кассет, потребные в будущем, при поездке к камню и на канаевские озера с кумирней. Пока что следует заняться снимком с субургана, завтра же — бивак или соседку-гору.

Субурган и гора-соседка в южном склоне ущелья Хэтрун сняты. Дюжина вся. Придется вечером, в юрте, переснарядить кассеты, истратить еще

одну коробку. Чувствую, что не хватит запаса пластинок, придется командировать Гусева в Ургу.

По окончании работ мои «археологи» принесли кое-какие предметы: повторный барельеф и в таком же роде глиняный знак из санскрита, но самой дорогой находкой справедливо должен считаться металлический буддочка.

22/X, ♃. Ночь тихая, за периодическими исключениями, когда дул западный ветер. С вечера в нашем соседстве гукала «выпь» (так почему-то хочется сказать: выпь). Но нет, это совсем не выпь — этой болотной птице в горах нет места. В соседстве нашего лагеря гукал филин, ему вторило завывание волков.

Гусев уехал в горы, в северные ущелья, на охоту; Канаич занят препарированием парочки синиц Poecile, добытых им вчера в кедровнике; мой Пшевик вычерчивает план развалин Олун-сумэ.

Я дочитываю газеты «Правда» и «Красная», высланные мне моим сыном как номера, посвященные описанию юбилея Российской академии наук. Сегодня с ран[него] утра небо укрыто на ¾ свода барашками, немного прохладнее. Позднее барашки исчезли, на смену им небо затянулось тонкой вуалью, очень удобною для фотографирования типов на открытом воздухе, на солнце.

Сосед нам усердно поставляет топливо. Теперь оно мало расходуется, но настанут холода, придется топить в течение дня и долгих, нудных вечеров. Соседи нас не забывают. Сегодня в юрте соседа Цэрэна добыта полевка, Microtus. Это третий зверек, считая за таковых белку, горностая и Lagomys (горную).

Гусев вывершил ущелье Барун-улан; лесу больше, указал как на особенность на очень каменистое ложе речки. Значительная речка берет начало в верхнем поясе хребта из озерка до ¾ версты в окружности, защемленного большими отторженцами — гранитными глыбами, лежащими и на дне озера; вода темно-голубая, озеро глубокое, заметны креветы, быстро шныряющие у берегов.

В лесу много следов — волчьих, лисьих и особ[енно] заячьих, следов косули немного. В альпийской части хребта проложен след аргали. Наблюд[ениями] общего характера и геологич[ескими] образцами благопол[учно] окончилась экскурсия Гусева.

Ночь тихая, ясная, горный ночной покой нарушался гуканием филина и воем волков.

23/X, ♀. Утро полуясное, со слабым северо-западным ветром. Я с Цэрэном еще с вечера готовы в путь. Мы вдвоем верхом; у меня у седла приторочена в сумках «фотография», у Цэрэна — чайник и принадлежности для еды и питья. До развалин Олун-сумэ мы едем с Елизаветой Владимировной, которая остается там для окончания снимков плана развалин. Дальше едем я и мой спутник; он потрухивает на Савраске Фу-чина, я — на моем Воронке с хорошим шагом. Общее направление пути — ЮЮВ, параллельно оси хребта (в отмеченном районе). Таким образом, нам пришлось пересечь несколько горных отрогов и долин, лежащих между ними. Два конечных отрога с перевалами — Ихэрэн-дабан и Барун-чулутэ дали себя

почувствовать, но дали возможность и насладиться широкими видами, открывавшимися с их вершин. Но не следует забегать вперед — надо излагать по порядку. Наша задача — памятники.

Мы пересекаем долину с массою гранитных валунов, сплошь залегающих в руслах (главном и второстепенных), равно и в промежутках, на всем пространстве, где продолжает или продолжала распространяться деятельность горной речки. Теперь в речке Хурэндэль-гол воды не было, местами лежал, словно стекло, лед и пятна еще не испарившегося снега.

Маленький луговой плоский увал открыл нам вид на следующую к югу долину, со звонкой, каменистой, дивно-прозрачной речкой Шурунгэн-гол, с аршаном* справа, у места переправы и с правым же притоком, впад[ающим] ниже — Цаган-гол (а в этот последний, справа же, Буянтэ-гол). Аршан обложен черной лавовой породой, в большом количестве сосредоточенной не только здесь, но и вверх, по левобережной террасе Цаган-гола, где вновь — могильное кладбище кэрэксуров. В одном месте лежала куча камней в закругл[енном] прямоугольнике, и от нее уходили к востоку от обоих краев торчмя поставленные камни (к горам). И народ не трогает эти каменные столбы.

Цаган-гол круто падает, стремительно несется в период дождей, теперь же замер. Шурунгэн-гол катил много воды при выходе из ущелья главного хребта Хангая. Упом[янутая] речка словно вырывается из кам[енных] ворот, за которыми тотчас, на северном склоне, имеется сплошное насаждение лиственниц, а на южном — каменные россыпи и мелкий низкий ерник. По долинам обеих речек в укрытых местах ютились монголы со скотом, преимущественно сарлыками и баранами.

Почти у самой дороги нашей по Цаган-голу, под обрывом, проживал в богатой юрте так называемый лама-бурхан. Вот про этого ламу идет слух, что он некогда копал в гоби, подле управления — тамага. Поддевал крючками ковры и другие интер[есные] ткани. Но будто бы в самом любопытном месте управл[ение] запретило археологу-ламе раскопки, на этом его попытка и окончилась. Собств[енно] говоря, мне следовало заехать к этому «бурхану». Говорят, что лама работал из корысти: там [якобы] таится денежное богатство — «цаган-мунгу».

Мы спешили, дорога на перевал Ихэрэн-дабан тяжелая, с крутым падением. Наконец мы у обо, анероид показал 555.5, t 12.8, температура наружного воздуха 4.8°С. Нам открылась на востоке даль с горным лабиринтом: прямо на 90° прорыв, знакомый нам, на дол[ину] Онгиин-гол. На ЮВ, над горами, тройной головой доминировала гора Джаргалантэ-хайрхан, за которой, в том же направл[ении], за новым скоплением гор покоилась ставка Уйцзэ-вана. Сайн-ноин-курэ был скрыт второстепенными горами, уходящими от нас. Вблизи преграждала вид следующая горная возвыш[енность], отрог,** за которым уже вблизи лежал южный перевал Барун-чулутэ, той же абс[олютной] выс[оты], что и Ихэрэн-дабан. Вид с перевала Барун-чулутэ также очарователен. Тут, словно в раме из боковых гор, выделялась знакомая нам по поездке на могилы Хан-кокшун-ула со своей плоской тра-

---

* Аршан монголы наз[ывают] Цаган-гол-имэнэ-аршан.

** А тот отрог с подножием, где зарожд[ается] родник, называется Ихэ-булык.

пецией на вершине. Я ее тотчас узнал. Здесь она выделялась контрастнее, мы приблизились к этому массиву на 20 верст, но он все еще далек.

На вершине перевала лежал снег, на северных склонах также, тогда как полуденный скат совершенно был свободен от него. Мы начали спускаться на дно ущелья: спуск крут, но удобен. Как раз он привел нас к юрте, но мы теперь не остановились в ней, повторяю, мы спешили к памятникам, до которых оставалось около 10 верст. Мы прежним скорым ходом двигались по луговому каменистому ущелью, потом его оставили и поехали косогором, более и более уклон[яющимся] на юго-восток, пересекая луговые скаты с севера и дороги — вначале в Ламэн-гэгэн (из С[айн]-н[оин], конечно), а затем в Хотухтэ-лама, спустившись в долину ручья, текущего от больших гор с запада, куда впало русло и нашего ущелья.

Вот в этой-то долине, в соседстве больших упомянутых дорог, и покоятся те могилы с памятниками, о которых с первого дня знакомства говорил мой новый сотрудник Цэрэн. К ним теперь мы и подъехали ровно в 1 час дня, сделав ровно 30 верст от дома-бивака. Еще издали я узнал место памятников по нескольким выдающимся каменным предметам, а когда вплотную подъехал — эти предметы напомнили мне Улхуин-булун, место каменной черепахи. Те же гранитные изваяния, тот же торс мужчины и двух женщин, и два изваяния животных, и край гранитной плиты, обрушившейся в яму, вырытую хищниками. Плита — с прекрасно сохранившимся орнаментом, художественно высеченным на сером граните. От места памятников, словно линия телегр[афных] столб[ов] в миниатюре, проложены столбы из кремнистого сланца, поставленные в землю вертикально, по направл[ению] на восток, в прил[егающие] горы, там они и теряются. Общее впечатление от памятников грустное: все челов[еческие] изваяния без голов, с отломанными руками и друг[ими] частями.

Огромная сидячая фигура мужчины с поясом, как и ближ[айшая] женщина, у которой сложены на груди руки. У мужч[ины] прав[ая] рука у груди, левая покоится на ноге (ее кисть с пальцами уцелела). У отд[ельной] женщины, опуст[ившейся] на корточки, что-то в руках (отбито), затем много обломочного серого гранита и от плиты с орнамент[ом], и от фигур (человеч[еских] и жив[отных]), затем я отыскал конец четырехуг[ольного] гранитного бруса с письменами — сверху и сбоку, с двух сторон, от времени пострадавших. Все, мною отмеченное, сфотографировано.

Очень хочется запечатлеть остатки всех сохранившихся в Тармэлэн-хошу памятников. Неприятно действуют на вас зияющие отверстия (ямы) там и сям и масса обломков от изваяний наших предков. Монголы-хулиганы все изуродовали и в насмешку на мужской торс сложили камни на место головы и спереди, как перед ламой, поставили гранитный брус (на манер с письмом) и наложили на него всевозм[ожных] камешков больших и малых размеров.

Трудно отдать себе отчет, где, какая фигура стояла, а главное — где покоилась тяжелая, с орнаментом плита и письмена на гранитных серых брусах.

Долина с памятниками уходит к СВ, в общее ложе зарожденного Онгин-гола. На ЮЗ среди общих гор — продолжение Хангая — выгодно поднимается Хан-кокшун-ула, с лесом, прекрасными пастбищами и т.д. Мне очень хочется побывать в ней. Мне кажется, в прошлом она могла быть использована как доминирующий, богат[ый] массив.

Мне иногда приходит на мысль следующее: и развалины Олун-сумэ, и могилы Шарлэ-магнэ в верхнем поясе гор — все это связано с историей первых ханов Сайн-ноинов.

Познакомившись с местом памятников, сфотографировав его и измерив абс[олютную] высоту, я поехал с Цэрэном обратно, стараясь не забывать понукать лошадей.

Под перевалом, у одинокой юрты, мы учинили привал от 3 до 4 часов дня, согрелись, поели цзамбы, выпили чаю и двинулись далее. Сумерки нас застали внизу Цаган-гола, но молодая, яркая Луна светила хорошо, и мы держались дороги. Мой Воронко, молодец, отлично запоминает дорогу. Отпустите повода, и он вас, лучше вас самих, доставит до бивака.

Не следует упускать не отмеченным большого свир[епого] одинца сарлыка, которого мы наблюдали и в передний, и в обратный путь: бык-производитель, или «пенсионер», пасся совершенно свободно, не боясь волков. Говорят, что, наоборот, таких «дяденек» боятся сами волки. При нашем следовании вблизи сарлыка он злобно стоял, подняв голову, и сделал несколько устрашающих шагов в нашу сторону.

Луна клонилась к гребню Хангая, в 8 часам вечера мы благополучно возвратились на бивак. Уют дома, теплая юрта, еда, питье, спутники-слушатели заставили забыть невзгоды 60-верст[ного] горного пути верхом. В 10 часов я улегся спать, но долго-долго не в силах был сомкнуть глаз: всевозм[ожные] мысли роились в голове, наяву вставали картины только что совершен[ной] поездки, не давали покоя предки в граните, их письмена, орнамент, их кремнист[ые] дороги, теряющиеся в соседних к востоку горах. Надо бы спросить великаншу Хан-кокшун-ула: что она видела за свой долголетний возраст? Кто располагался станом у ее подножия, кто из предков поднимался на ее заманчивую вершину?!

24/X, ♄. Облачно, туман в ущельях. Однако облака скоро поредели, появилось солнце, но прежнего, недавнего тепла еще нет, веет холодком. Зеленые мухи летают на солнечном пригреве. Мой Пшевик укатил верхом на Серко в сос[еднее] ущелье.

Гусев, Канаев и Цэрен раскапывают субурган, удаляют обломки, очищают фундамент, но что-то долго они не возвращаются, ужели не окончили моего задания?

К 1 часу наконец наши возвратились, принесли первые, незначител[ьные], но любопытные находки, дошли до фундамента, очистили землю, разбросали камни. Исключительно гранит — валуны. Огромные камни заложены в фундаменте, который небрежно, неграмотно ориентирован по стор[онам] света.

После обеда мы пошли вчетвером с собаками. Я сфотографировал, и мы продолжили работу. Вскоре Канаич на северо-восточном углу обнаружил большой запас травы, запрятанный по щелям субургана полевкой. Ниже он извлек цацу — маленькое глин[яное] изображение Ц[зон]-х[авы], затем части верхних чел[юстей] голов грызунов. Вскоре у юго-западного угла среди промежутков камней, в рыхлой, тонкой почве я нашел второе изобр[ажение] Ц[зон]-х[авы]. Цэрэн на юго-восточном углу извлек жука, под стать тому, который был добыт при раск[опках] разв[алин] Ол[ун]-сумэ.

Пшевик возвратился из Улан-ама (барун) с трехпалым дятлом и синицей (Poecile). Мой спутник видел, кроме того, козу, доверчиво пасшуюся в 150, а потом и в 10 шагах, и только тогда, когда изящная козуля убедилась в коварных замыслах охотника, скрадывавшего ее на картечный выстрел, Capreolus pygargus быстрыми прыжками грациозно исчезла, а наш орнитолог глядя на козочку и подкрадываясь к ней, думал: какая хорошая, пушистая, мягкая, красивая шерсть, вот бы мне такую блестящую, серую шкурку — пригодилась бы!

25/X, ☉. Ночь ясная, дивно прозрачная. Звезды как алмазы горели и искрились, по временам подувал зап[адный] ветер, тишина и спокойствие разливалось повсюду.

Сегодня замечательно тихий, теплый день, по крайней мере его начало. Дали открыты отчетливо. Пора идти на благодатный родник, аршан, умыться.

Мои «археологи» ушли давно на субурган, Пшевик препарирует новую синицу, вчера ею добытую, а затем займется и дятлом.

Сегодня надо снять бивак, самый полный — с юртами и палатками на фоне горной морены-соседки и лесного верхнего уголка Битютэн-ама. Половина 10-го часа утра, освещение боковое, воздух очень прозрачен, фон великолепен: амфитеатр — морена и отдаленный лес, на полном биваке собаки, укрощаемые поваром, и монголы (соседи-гости) верхом на быках. Мне очень хочется, чтобы бивак вышел отлично, потому что он и обстановка типичны, поучительны: горы и бивак у их подножия, по соседству с аршаном.

На субургане, между прочим, добыт очень забавный хомячок — Cricetulus и мумия мыши.

Сегодня один из лучших дней по мягкости и прозрачности. Просто восхищение! Наши собаки, наконец, начинают сближаться, обнюхивать друг друга (я говорю о Гароле и Барху — новичке). Чуфра боится новичка: отлично памятен урок, когда он попался хвостом в крепкие зубы Барху, когда он визжал, орал, барахтаясь в стороны, как повешенный. Тогда я немного струсил — мне казалось, Барху раздробил ему ногу, никак не предполагая, что Чуфра попался хвостом.

Ну и чудесный день выдался сегодня: тихо, тепло, бесподобная прозрачность воздуха. Наши соседи понемногу откочевывают вниз, как они говорят, в гоби. Мы в соседстве с Цэрэном и еще немногими монголами, там и сям живущими вокруг нас.

Мне необходимо побывать в лесном ущелье Барун-улан, чтобы заснять лес и горное каменистое озерко. Если погода не изменится, то завтра непременно поеду. До поездки к Верхотурову непременно нужно написать статью, письма и проявить мои интересные негативы, а потом и напечатать наиболее заслуживающие научн[ого] внимания.

Сегодня на субургане работы продолжаются и вместе с тем оканчиваются. Оказывается, в субургане заготовила запас сена в зиму семья хомячков. Их поймано всего 6, 7-й успел удрать «подобру-поздорову».

На глубине ½ аршина от поверхности земли, которая оказалась рыхлой, сырой, лежали закладки в виде круглой массы, с хадаками и бумажками, совершенно истлевшими. Под круглые реликвии был подложен камень-гранит с красными подписями. Закладки покоились с севера и юга, посе-

редине означ[енных] сторон. Субурганов было два: 1 саж. × 1 саж., в припайку друг к другу; первым был построен северный, вторым южный, [у] северного [субургана] стенка к югу была выбелена.

Ночь ясная, с постоянным своим спутником — западным ветром. На утро сделано распоряжение: я и Канаич, вдвоем, верхом отправимся в вершину Барун-улан для ознакомления с общим его характером, а также альпийским озером и гребнем Хангая. Обратно мечтали подняться на гребень, перейти в соседнее к югу ущелье Хэтрун, каковым и возвратиться на бивак; мы так и сделали.

26/X, ☽. Несмотря на некоторое падение барометра, утро такое же прекрасное, как и предыдущие. Попив чая, умывшись в теплом, благодатном источнике, ровно в 8 часов утра я с Канаичем отправились к СВ, вдоль подножия гор, южного подножия Хангая.

Как известно, этот хребет тянется от СВ к юго-западу довольно однообразным плоским валом, не имея особенно выдающихся вершин. Ширина хребта до 15 верст, как раз половина относится на юг, более выжженный, более бедный склон, однако летом в его ущельях приветливо и очень корм[но]. Луговые травы поднимаются до россыпей верхнего пояса, выше верхней границы древесной растительности.

Основная выгода полуденного склона та, что на нем снега или совершенно нет, или он имеется временно. Зимою здесь преобладает сухость, летом — дожди и туманы. Основной породой считается лиственница и кедр, вспомогательными — осина, реже береза в каменных россыпях, а по дну ущелий делает урему кустарник, растущий сплошным насаждением. В альпах произрастает на верхней границе леса пигмейный кустарничек (с красными ягодами в конце октября).

Перевалив несколько луговых увалов и каменных, валунных русел, мы вступили в ущелье Барун-улан. Ниже нас, на лужайках у бугров, под их защитою, стояли стойбища монголов. В каждом ущелье имеются две дороги — лесная и степная (северная и южная). Я имел желание познакомиться с лесом, его характером, поэтому поехал северной стороной. Вначале рос кустарник и лиственница, затем через некоторое расст[ояние] началось включение кедра. Ущелье падало больше. Абс[олютная] высота гребня выражается 9000 фут[ов], подошва хребта у аршана, у подножия серед[инной] морены — 6875 футов. Следов[ательно], всего падения на 7½ версты — 2125 футов, или на 1 версту — около 300 футов, это, конечно, в среднем. Чем выше, тем падение большее, внизу — склон меньше.

Дорогами лесными пользуются почти исключительно монголы — истребители леса. Лес изводится зря, неэкономно, неумело, можно сказать, варварски; больно смотреть. И немудрено: лесничих нет, присмотра никакого. Прежде за неразрешенную рубку наказывали смертной казнью.

Вследствие того что Хангай в сравн[ительно] недавнее прошлое имел ледники, ныне во многих местах, в каждом значит[ельном] ущелье имеются морены и нередки так называемые моренные озерки, которые в верхнем поясе принято называть альпийскими. В Барун-улан таких озерок несколько и в нижнем, и в верхнем поясе. Причем в последнем, у подножия россыпей, ниспадающих от гребня, покоится наибольшее по размерам, а именно около версты в окружности.

Дно и берега большей частью каменные, меньшею — крупнопесчаные. Вода прелестного голубого цвета, пресная. Из жизни отмечены креветы. Очень прочно покрыто льдом, за исключ[ением] юго-восточного прибрежья, где лед тонкий, недавний, с полыньями. Между горами и озером стелется в колках кедровый лесок, из меньших, словно больных кедров. Озерко, в общем, глубокое (у северо-западных берегов), у юго-восточных — мелкое. В эту сторону среди камней имеются площадки с отличным лугом, на луговом возвышении — обо. Несколько к югу гребень вертикально ниспадает и страшно разрушается, тут тянется сплошная стена, закрытая у подножия собственным обломочным материалом, и тут же, в котловинке, обставл[енной] кам[енными] глыбами с луговым дерном, покоится второе, меньшее озерко.

Лес всюду и листв[енный], и кедр[овый]. Первый отливает золотом, второй — приятной мягкой зеленью, какою-то голубоватой, темно-голубой зеленью. Кедр вымахал до 70 футов в вышину, растет группами и в одиночку, наиболее богатые, пышные экземпляры располагаются по скатам, в соседстве гранитных валунов.

Но какая особенность лесных гор — страшная бедность животной жизни; во многих местах веет могильной тишиной. За все время я наблюдал трех беркутов, ястр[ебиную] сову, сорок, трехпалого дятла и оживленную, приятную стайку длиннохв[остых] синиц да слышал голоса чечеток и только. Из животных форм — ни одной.

Тем интереснее нам показался большой одинец як, или сарлык, огромный, с длинной, ниспадавшей до земли, словно густой бахромой, шерстью, пасшийся в среднем поясе гор один на широком приволье-просторе.

Познакомившись с характером полуденного склона Хангая, его ущельями, жизнью, мы решили действительно вернуться другим ущельем, отстоящим к югу, — Хэтрун-ама.

Засняв «знаменитый» кедр, мы временно разделились. Канаич пошел вниз за лошадьми, благодушеств[овавшими] на отл[ичном] корму на поляне, я же постепенно стал подниматься к гребню, облегчив товарища на ружье, которое я вместе со своим фотограф[ическим] аппаратом тащил в гору.

Я шел медленно, присаживался и любовался горами, ширью, растилающейся к востоку. Как на ладони виднелась долина с кумирней С[айн]-н[оина] и горное скопление на юго-востоке и юге. Это вдали, а вблизи, на СВ, такая чудная картина, которую мне захотелось увековечить. Глубоко внизу стелется лес, дальше встает посеребренная вершина Хангая с другими частями гребня, замыкающими горизонт. Последняя пластинка запечатлела мне эту горную картину, которую нельзя никогда забыть. Сняв, мы усладились шоколадом и последовали дальше, выше лесной зоны, альпийским лугом.

Вершина гребня, плоская по-прежнему, кое-где имела, словно искусственные, матрацы серого, легко разрушаемого гранита, образец которого взяли в геолог[ическое] собрание.

Вскоре с лугового увала, его вершины, мы уже видели ущелье Хэтрун, особенность которого заключалась в страшной крутизне лесного участка, меньш[ем] количестве кедра и знач[ительно] большем протяжении самого ущелья в глубину гор. В этом месте вершины Хангая отходят к западу много дальше, нежели в месте ущелья Барун-улан.

Мы удачно скоро спустились на дно ущелья и наезженной дорогой прибыли на бивак (около 3 часов дня); Елизаветы Владимировны еще не было дома. Она вывершила свое любимое ущелье, именно это, которым мы возвратились, и привезла пару чечеток, овсянку Годлевского и интер[есную] полевку. Совсем поздно в наш лагерь прибыл интер[есный] монгол-охотник с Орхона. Его привел к нам Цэрэн как своего знакомого. Последний приобрел винтовку, желает получить право на охоту, но написать заявление об этом в тамага [не может]: в его местности поблизости нет грамотного, поэтому он и прибыл к Цэрэну. На биваке я смотрел в астрон[омическую] трубу, искал звезд для покрытия темной частью диска в целях долготы и был рад случаю показать звездное небо номаду. Я начал с Луны, подвел и дал нов[ому] знакомцу, тот впился весь в диск Луны, молчит, его спрашивают: «Что видишь, хорошо ли?» и проч., он безмолвствует, и только спустя время, когда Луна вышла из поля зрения, монгол отстранил голову от трубы и впился глазами в лик Луны. «Сонин-байна!» — проронил номад. Юпитер со спутниками не произвел такого сильного впечатления, какое он вынес от Луны.

Этот монгол-охотник приглашает меня к себе познакомиться с письменами на памятнике одного из кэрэксуров, а также и поохотиться на аргали (Ovis sp.). Кажется, все это приемлемо. Решил назавтра обдумать как следует.

27/X, ♂. Сегодня небо подернуто тонкоперистыми облаками и холоднее, нежели всегда. Что-то у меня не ладится, не клеится дело; все идет не так, как хотелось бы. Так, например, я никогда не снимаюсь, сегодня хотел сняться с Пшевиком, с собаками. Черт надал мне взять в руки хлеб[ные] колобочки, раззадорившие собак и меня вместе с ними, и Гусев — неумеха — не выждал и снял, конечно, все это ни к черту — пластинка испорчена.

Покончив со своими делами, после обеда, за чаем, я принял орхонского монгола и как следует познакомился с ним. Мы решили, в конце концов, сделать так: он поступает ко мне на службу поставщиком своего охотничьего промысла, стараясь добыть по части животных все то, что меня интересует, и не так крупные формы, как мелкие. Я выдаю ему бумагу и охотничьи принадлежности. Помимо аргала и улара, он постарается и в области исторических памятников. Между прочим, он сказал мне, что лет 40 тому назад к столбу «бичиктэ» приезжали русские, двое, мужчина и женщина, но что он в то время был 12-летним мальчиком, не знает, что они там делали. Не Клеменц ли?

Послезавтра, т.е. 29/X, в, 2, двинемся в бассейн р. Орхона, на северный склон Хангая.

Однако еще неизвестно, какая будет погода? Барометр падает, а погода давно стоит прекрасная, может быть, изменится: выпадет снег и т.д.

Итак, сегодня будем проявлять первый раз в юрте, с теплом. Проявит[ель] и закрепитель были согреты, вода приготовлена заранее. В 6 часов я с Пшевиком сели за работу: я проявлять, она закреплять. Нам предстояло занятие с 20 пластинками с самыми разнообразными видами: работой на раскопках и памятниками. В 8 часов мы все благополучно окончили, я был доволен хорошим результатом, такие снимки проявлять очень интересно.

Ночь сплошь облачная, иногда подувал ветер, то обычный — западный, то юго-западный.

28/X, ☿. Утро такое же облачное, с западным ветром, барометр упал до 580.3, так он еще ни разу не показывал, анероид идет с ним согласованно — также стоит низко, но вчера стоял еще ниже, а именно 568.1. Сегодня его показание около 570.

Мой Пшевик уехал на развалины: нашлись вопросы по окончании вычерчивания планов. Гусев собирается в дорогу, Канаич экскурсирует, вблизи бивака убил Falco aesalon, которого у нас в эту экспедицию еще не было, кроме того, Uragus sibiricus et Scolopax solitaria. Таким образом, список птиц понемногу пополняется.

Облачность полная, холодно, температура в 1 час дня ниже нуля на 3.1° С, в воздухе кружат «белые мухи» — тонкий, сухой снег. Вероятно, завтра в соседних ущельях объявится немало птиц, в особенности мелких, как например синицы, корольки, крапивники и немн[огие] другие.

А вчера на солнце наблюдались мухи: зеленые и одна пчеловидная (поймана).

К вечеру Гусев и я собрались окончательно: сделан запас на целую неделю не скупясь, отобраны также и кое-какие подарки — и более ценные, и более необход[имые], к числу последних относятся ножи, ножницы, зеркальца, мыло (ручное, хорошее). В нашу компанию входит юноша-лама, весьма симпатичный. Он располагает отличным сарлыком, которого дает в наше распоряжение под вьюк. Зато получает до места нашу верховую лошадь. Таким образом, наш разъезд состоит из двух русских (меня и Гусева) и двух монголов — ламы большого Ринчина и юноши-банди. Мы верхом, вьюк — на большом черном сарлыке.

Погода улучшилась к вечеру, небо совершенно чистое, ясное, ночью такое же.

29/X, ♃. Утро тихое, ясное, minimum –7.2°С или точнее –7.1°С. В 9 часов утра разъезд готов к выступлению, все налажено, осмотрено. Я сходил на аршан, умылся, затем нас провожают в сравнительно далекую дорогу: мы едем за перевал, на западные склоны хребта Хангая. Кроме обелиска с письменами — «чулутэ-бичиктэ», меня привлекают аргали, горные козлы, глухари, улары и так далее. До свидания, увидимся в ноябре, последнем осеннем месяце.

...Только через десять дней я вновь раскрыл дневник и (7/XI) взялся за перо с целью изложить историю наших странствований. Мы сделали около 200 верст, много видели и наблюдали природу, людей, их исторические памятники.

Оставив бивак экспедиции ранним утром 29/X, мы вернулись к 4 часам дня шестого ноября.

Нас встретили радостно и разделили наш восторг по поводу нашего доклада и результатов. Мне хотелось умыться как следует, а затем и отдохнуть, но масса самых сильных свежих впечатлений заставляла их выложить, и я делился всем пережитым с моим Пшевиком. Только в 11 часов ночи я крепко уснул до ½ 6-го, не просыпаясь.

Итак, приступим к изложению нашего странствования.

Напутствуемые лучшими пожеланиями, мы тронулись в путь прямо к западу, наперерез морены, в ущелье Битютэн, которое тянется до перевала того же имени почти десять верст. Как и другие ущелья южного склона

Хангая, Битютэн имеет дно речки страшно каменистое, круто падающее. Бока ущелья крутые: справа с лесом, лиственницей, слева — со степной частью долины, заполненной большими и малыми валунами или сплошной осыпью (по крутизнам верхнего пояса) и ерником — темным, приземистым. Уклон ущелья не одинаков — по мере поднятия кверху круче и каменистее. Можно утвердительно сказать, что плоский гребень Хангая на добрые 500—800 футов относительной высоты состоит исключительно из одних только камней. Склоны гребня и вершина плоские в 100—150 саженей, абсолютно безжизненны, поражают мертвой тишиной. И только однажды показалось живое существо: в серых камнях двинулись две серые точки с пышным белым пятном под хвостом. Эти жив[ые] существа — улары странным образом удирали. Белые пятна, ни дать ни взять, напоминали юбки, еще более в этом убеждаешься, когда видишь, как во время бега белые перья становятся пышнее и пышнее, а вздрагивающие крылья, будто платье, постепенно подбираются вверх, для удобства бега. Попробовал я было догнать этих горных обитателей — не тут-то было. Они успешно удирали бегом по огромным каменным глыбам, залегающим во множестве в верхней части гребня Хангая не только на перевале, но и по спускам с него, примерно на 1 версту расстояния. Я разумею сплошной камень, без луговых вкраплений, которые ниже и которые по мере спуска по ущельям увеличиваются.

На перевале большое обо, окруженное маленькими. Абсолютная высота Битютэн-дабан определилась в 9300 футов. Соседние вершины немногим превышали седловину с перевалом; в общем, я даю цифру средней высоты гребня Хангая в районе истоков Онгиин-гола в 9½ тысячи футов над уровнем моря.

На гребне мертвая тишина, полная безжизненность, камни и снег чередуются между собою. Но зато какие обширные горизонты открываются к востоку и западу! Первый нам знаком: тут однообразное море гор, скопление темных гигантских грядовых волн гор, среди которых выдаются две треугольные вершины, остриями вверх, одна из них, южная, Джаргалантэ, мною уже упоминалась при описании моей поездки к памятникам Тармэлэн-хошу, вторая, северная, пока остается для меня неизвестной. Среди гор извивается долина Онгиин-гола с островом — курэ Сайн-ноина. На западе картина более величественная и тоже горного характера. Над сонмом гор резко выделяются с одной стороны, южнее, Ирхит-хайрхан, Цаган-эргэ и Боро-эргэ (280°), с другой — более отдаленной и отстоящей к СЗ (315°) — линия гор во главе с Соврак-хайрхан и Гурбун-тэль — массивом, дающим зарождение реки Орхон. Из этих всех массивов Соврак-хайрхан признается наивысшим. Он — плоский, с серединной ребровой вершиной, обильно засыпан белым-белым снегом и, говорят, страшно каменист: почти и даже целиком верхний пояс состоит из россыпей крупного масштаба. По части жизни растит[ельной] и животной — страшная бедность.

Наиболее величеств[енным] кажется Ирхит-хайрхан, который строен и который красиво выделяется своим характерным конусом, блестевшим серебристым снегом. Два брата Цаган и Боро-эргэ отливали золотом, их вершины, значит[ельно] уступающие таковым упом[янутых] массивов, укрыты луговыми кормными травами. Ирхит-хайрхан зарождает две речки: с юга Улястэн-гол и с севера Тамцык-хапцагай; первая — главная, вторая — ле-

вый приток. Обе речки вырыли в высокогорном плато страшно глубокие пропасти, северные стороны которых одинаково круты, южные — сплошь состоят из камня, тогда как склоны первых укрыты лиственницей, порою красиво стелющейся на балконных выступах крутых склонов. Речка Улястэн-гол по мере падения вниз углубляет и расширяет ложе, рвет боковые выступы, оставляя ряд затейливо обточенных, вертикально ниспадающих темных скал, не только залегающих вдоль течения, но и становящихся ему преградой, когда речка невольно описывает более сложные извилины, в особенности там, где речку сжимают высокие горные отроги, горный узел, где путник наблюдает страшную крутизну, разрыв гор, узкое извилистое каменистое ложе, которое не везде освещается лучами солнца. Среди совершенно отвесных громад залегают с уклоном, с шероховатыми выступами склоны, на которых, как и на Тэтунге, ухитряются приютиться кустарники и высокие, пышные луговые травы. На дне, на ровных островидных площадях красуются рядом с кустарниками тополевые парки. Все в целом очень красиво, дико, в особенности когда наблюдаешь ущелье сверху, при спуске — крутом-крутом спуске от плато на дно ущелья. Камни, камни и камни везде кругом, и капризно извивающаяся речка, прозрачная как стекло. Приходится то и дело переезжать, переправляться вброд по гранитным валунам. Монголы, словно тангуты, с сарлыками ухитряются жить в узких, глубоких выступах-ущельицах, по которым их стада поднимаются на плато и в ближайшие пастбищные горы. В некоторых местах дикая красота: громады гор обрываются вниз, река ревет и пенится. Ветер завывает и отбрасывает в сторону могучего грифа Vultur monachus, парящего у бурых скал. Ни на минуту не можешь оторваться, сосредоточиться на чем-нибудь ином — ущелье, его сильная картина, целиком держит всего вас. ваше чувство наблюдательности. Такие места редко где найдешь и их обыкновенно всегда помнишь, как помнишь Тэтунг у Чортэн-тона или Бар-чу и Ному-чу в Каме и т.д., и т.д. Сколько прошло времени с тех пор, когда я впервые увидел Гань-су с Тэтунгом у Чортэн-тона и очаровательный Кам или Вост[очный] Тибет? Много-много времени. Несмотря на это, стоит только вспомнить эти места, как живо представляешь могучие глубокие ущелья со скалами и лесом, стремительные, прозрачные каменистые звонкие речки, их живой рокот, то очень громкий, то монотонный, тихий, как отдаленная горная музыка. Стоит вспомнить цветистое и голосистое пернатое население, рогатых диких животных или пятнистых хищников, стоит вспомнить удивительно красивые и красиво приютившиеся монастыри или там и сям разбросанные по крутым скатам ущелий бревенчатые домики с симпатичным населением. Сердцу становится больно, тоскливо, будто те ущелья самые родные, самые близкие. Да, в тех уголках проведено самое счастливое время лучшей, привольной страннической жизни. Мне часто приходит на мысль, когда я так говорю и говорю от всей души и могу говорить долго, что меня слушает дух, вечно присутствующий со мною в путешествиях, дух славного, моего самого светлого учителя-друга. И невольно скорбишь о тех местах, грустишь как будто о лучшей своей родине. Как мне понятен теперь во всех своих проявлениях мой великий Н. М. Пржевальский!

Все это навеял, разбудил дремавшую грезу высокий перевал высокого хребта Хангая, давший широкий простор на обе стороны, с сонмом гор, ущелий и рек и речек. Глубокие дали с причудливыми тонами при горизон-

тах всегда пленяют меня — я сначала переживу, восприму грандиозные картины природы, только потом оставляю их с тем, чтобы увидеть их вблизи по частям и запечатлеть и изучить полнее.

Мы спускаемся по камню и снегу на протяжении двух-трех верст; спуск крутой, лошади и человеку трудно, но трудность временная. Уже видишь и вскоре вступаешь на луг, по которому спорадически торчат первые карлики-лиственницы; впереди видишь сплошные леса, одевающие левые, северные бока ущелья Битютэн и склоны. Только на пятой версте путник у подножия гребня вступает на луговой склон, несколько мягкую тропу и успешно шагает со своим легким караваном. По мере спуска, по мере того как вступаешь в сравн[ительно] узкое, глубокое ущелье, погружаешься в пропасть, тишина нарушается, громче и громче рокочет речка и боковые бешеные ручьи, деревья становятся могучее, пышнее травы, отвеснее и грандиознее скалы. Характерно отшлифован весь правый южный скат и, конечно, только титанической силой ледника. Морены и шлифовка боковых обнажений, иногда залегающих сплошь, красноречиво говорят о сравнительно недавнем оледенении Хангая.

Мы остановились на солнечном, кормном скате попить чая, немного отдохнуть, затем с новыми силами двинулись вперед. Лесной склон начал погружаться в тень, лишь на его острых гребешках причудливо, волшебно освещена линия лиственниц с инеем, по которым золотятся и искрятся косые, пологие лучи солнца. Страшный контраст рядом: на вершине — ослепительный блеск, вниз к речке — глубокие сумраки. Проходим затем вдоль ряда озерок, небольших, с красиво извивающимися берегами, и вступаем в сплошной лес, от края и до края. Наша до того времени скромная речонка сразу глубоко погружается в ущелье с отвесными боками и начинает реветь, бешено катясь, падая по валунам. Здесь прорыв гор второстепенной цепи с вершинами Ихэ-баин и Бага-баин. Ныне речка с запада омывает третью, тоже характерную вершину — Хурун-булу, массивную, на северном скл[оне] сплошь укрытую лесом и далеко ушедшую скатом вниз по течению нашей речки, отсюда носящей название Ара-орхон. Последняя убегала с сев[еро]-запада к северу, теряясь в сближенных луговых и лесистых отрогах. В это время заря погасила небосклон над горами, голубея и розовея, а по скату гор в эту сторону легла синяя дымка. Я давно не видал такой очаровательной картины и долго стоял, никак не мог налюбоваться картиной.

Еще несколько верст, и мы значительно отдалились и от речки, и от второй линии гор. Из нее резко, картинно выделялась сопкообразная вершина, словно Фудзияма японская, словно уснувший кратер. Она гордо возносит свою каменную голову, белую от снега, и темную макушку (от скал и обо, устроенном ламами) выше лесной зоны.

Юго-западнее этой вершины залегали сложные складки главной цепи Хангая,* откуда выходили глубокие, круто обрывавшиеся ущелья, давшие место огромному каменному полю, сплошь сложенному из темной, часто ноздреватой породы, блестящей, как шлак, из больших и меньших глыб, по которым все же ухитрились проложить тропу. Темное каменное поле это

---

* По словам проводника — ламы Ринчина, — в том направлении лежит большое, до 5—7 верст в окружности, настоящее альпийское озеро.

занимает до 20 и более верст в окружности и граничит на западе, собственно не граничит, а оканчивается небольшим замкнутым болотистым озерком Хуртэ-нор, к которому с запада сбегают луговые горные скаты. При этом озерке стояло около 5—6 юрт монголов, табун лошадей которых и стадо сарлыков паслись по тем же луговым пышным увалам.

Вечерело, мне очень хотелось отдыха, но Ринчин-лама заверил, что [до места] «гага», т.е. недалеко. Мы поднялись на достаточно высокий боковой отрог, откуда красиво выделялись отмеченные нами вершины, в особенности Ихэ-баин и главная ось Хангая, убегавшая к юго-юго-западу. Мы начали спускаться круто к западу, среди леса и вскоре подошли к глубокой долине, ущелью Улястэн-гол. Сарлык наш устал, ламишка стал капризничать; однако награда в 3 янчана воздействовала, он скоро поднялся по луковому увалу и переменил усталого на свежего сарлыка. Мы перевьючились и ходко направились в Улястэн-гол и вверх по нему, восемь раз переправившись с одного каменистого берега на другой. Было темно, но чувствовалась красота горного ущелья, прозрачной, звонкой речки. Но мы думали только об одном — скорее добраться до места. Там и сям лают собаки. Лесные горы и вертик[альные] скалы, обрывающиеся к реке, делали местность ночью крайне угрюмой, и восемь верст движения по этому замечательному ущелью не казались, по крайней мере для меня, чересчур утомительными.

Наконец, крутой продолжительный подъем на террасу лугового плато левого берега, и мы вдали от камней и воды. Мы двигались к западу по скату пышных луговых увалов и еще через 4 версты, в 10 часов ночи, добрались до урочища Шибэрты, к 3 юртам.

Так было бесконечно приятно попасть в тепло, в свет и принять полугоризонт[ольное] положение, еще приятнее попить чая, поесть и отойти ко сну. Ринчин наш — зажиточный мужик, у него стойбище в 3 юрты. В одной живет он сам со старухой, в другой, такой же большой, — его женатый сын и родня — молодая женщина с детьми, и в третьей — мать нашего приятеля. Я с Гусевым поместились в юрте с хозяином.

После еды и чаепития мы с удовольствием отошли ко сну.

30/X, ♀. Утром мы встали почти вместе с хозяевами, около 7 часов. Нас напоили чаем.

Теперь можно было выйти на открытый воздух и посмотреть на местность, в которой мы находились. В общем картина очень приятная. Мы стояли в логу, по дну которого от запада к востоку, бежал ручеек; за ним, на косогоре, симпатично приютился арца или лиственничный лес, словно лучший парк, совершенно обособленный. Кругом волнистая местность с увалами, на сев[ерных] склонах которых ютится та же лиственница. Горизонт замыкается гребнями высоких увалов, частью степных, частью лесных. В сторону, откуда мы приехали, и вверх сходились глубоко врезанные в толщу плато дикие извилистые ущелья. Это Шибэрты и соседнее, а дальше и Улястэн-гол. В ту сторону к югу громоздились одна над другой террасы, желтевшие золотистой хвоей лиственницы; от низа до самого верха склонов увалов простирался лес. В укромных местах ютились стойбища в 5—7 и более юрт. По соседству, выше и ниже, тоже жили кочевники, навещавшие нас.

Этот первый день мы решили в виде отдыха провести вблизи Шибэрты и только на следующий день отправиться охотничьей партией к Хайрхану, на высокое, холодное плато с аргали и к обелиску с оригинал[ьным] орнаментом.

В 10-м часу мы оставили айль Ринчина; я пошел в мой любимый соседний лес, раскинувшийся по террасе и по граничащему с ней увалу-сиверку. Здесь ходить тяжело — место высокое. Гусев укатил верхом с двумя охотниками обозреть ближайшие горы.

По мере того как я проникал в глубь леса, я обнаруживал бол[ьше] и больше брусничника, а по нему и следы глухарей. Я начал внимательно всматриваться, и вдруг сорвался табунок, штук 5—6 серых-серых (словно рябчики) глухарок. Птицы разлетелись в стороны, и все вдруг успокоилось; я продолжаю всматриваться — с соседней лиственницы слетел глухарь и пролетел в виду меня. На солнце зеленая грудь ярко блестела.

Мне особенно бросилась в глаза незнач[ительная] велич[ина] и серое оперение самок, за ними я и начал экскурсировать. Во вторую экскурсию я скрал глухарку в ветвях лиственницы, росшей по косогору, и чисто убил ее. Да, птица по размерам малая, по оперению — светлая, серая. Вокруг меня пролетали синицы, возились у дуплистых дерев поползни (Sitta) и стучал по сухому дереву дятел, спокойно на вершине дер[ев]а сид[ела] ястр[ебиная] сова.

Мой Гусев отличился — убил лисицу (на 315 шагов) и таким же удачным выстрелом свалил козулю; спутники-монголы поднимали вверх пальцы, говоря: «Сайн!» — «Хорошо!». Этот вечер мы собирались в далекую 3-дневную экскурсию.

Погода продолжала стоять хорошая — ясная и не холодная. По вечерам мы много беседовали за чаем и тарыком, или кислым молоком, о всякой всячине, преимущественно, конечно, о дикой животной жизни и различных способах охоты.

Домашние Ринчина, его семья, ст[аршие] и младш[ие], уже успели присмотреться к нам и относились к нам прекрасно.* Всякое угощение с нашей стороны очень ценили. Словоохотливая бабушка болтала,** шутила и показывала фокусы — вращая руку у локтя.

31/X, ♄. Серое, тихое утро. Мы отправляемся большой компанией, 7 человек, все на лошадях, вьюк и дрова — на двух сарлыках. Наш Ринчин забрал с собою табун лошадей, с которым мы двигались за дов[ольно] высокий отрог гор на плато*** с озером, в соседство с одной стороны глубокого

---

* Молодые женщины не могли выносить моих рук в перчатках, с ними происходил какой-то страх, рядом с испугом. Им грезился черт с мохнатыми лапами. При виде меня, [моих] движущихся рук в перчатках они терялись, падали наземь и орали и визжали как угорелые.

** Бабушка замечательно отчетливо произносила, словно русская, тихо, ясно и прекрасно!

*** Обширная кормная долина с озером называется Соготэн-тала, Соготэн-нор, усыпанная тем же черным ноздреватым камнем. Отсюда отк[рывается] вид и на Хайрхан, и на Битютэн-дабан.

Тамцык-хапцагай, с другой — двух братьев гор — Боро-эргэ и Цаган-эргэ; местность с чудным кормом и дик[ими] баранами — аргали.

Пока мы двигались по дороге к озеру, табун распугал всех аргали в этой долине. На наших глазах быстро промчались три группы, только белые копытца мелькали.

Оставив табун пастись вокруг озера, мы, охотники, ускоренно поехали к глубокой пропасти р. Тамцык. В известных спусках с плато на дно Тамцыка аргали и яманы приходят на водопой и уходят обратно. В двух таких местах посадили в засады меня и Гусева, а сами монголы поскакали пугнуть диких животн[ых], если таковые окажутся на дне долины Тамцыка. Однако зверей не оказалось, и мы поехали выше, туда, где слева в Тамцык впадают второст[епенные] вырезки. Мы должны были занять позицию (на спуске же) так быстро, чтобы спугнутые выстрелом одного из монголов сверху вырезки козлы не пробежали бы мимо прежде, нежели мы заняли охотнич[ью] или стрелковую позицию. И действительно, едва мы успели спешиться и несколько десятков шагов сбежать вниз, как козлы уже показались далеко и глубоко на дне Тамцыка. Я сообразил, как надо действовать. Мой сосед-монгол торопит стрелять, и я выстрелил с целью пугнуть зверей, ускорить бег вверх, по их излюбленной тропе: бежит пара, затем группа с большим козлом-вожаком впереди. Огромные рожища загнуты от головы до передней холки. «Вот, — думаю, — такого дяденьку подцепить!» — и застыл в ожидании, припав к ружью, положенному на камень. Звери все еще были далековато, на 300 шагов, но дальше откладывать опасно — могут вдруг выскочить наверх, и тогда — поминай как звали! Камни то и дело падают из-под ног козлов, замедливших вдруг ход под отвесом. Я пустил первую пулю, звери приостановились, я еще и еще — козлы стоят на месте, и только после четвертого выстрела они метнулись косогором, вдаль от меня. Однако я вижу: вожак еле-еле бредет и потихоньку скрылся за первый выступ россыпей. А там, в следующем месте с вырезкой, уже сидел Гусев, который мог стрелять одного (среднего по размерам) зверя, быстро несшегося по луговому плато. Гусев в разных местах слышал шорох камней, но лишь в одном месте, на противоположном скате, видел двух-трех зверей, скоро поднимавшихся в гору. Мимо меня, на самой большой глубине, вновь бежала, на этот раз от меня, та первоначальная пара — мать с детенышем, которую я заметил в самом начале. Мой рогач успел лишь зайти за выступ россыпей и тотчас же лег, чтобы больше не вставать; пуля попала в грудь, навстречу зверю, и застряла внутри, от этого шкура не запачкалась, не окрасилась.

Мы поехали вслед за нашими быками, далеко мелькавшими на золотом фоне трав по направлению к Хайрхану. Вскоре вступили на большую дорогу,* видели валявшийся череп аргали, ускоренно поехали за сарлыками за перевал, откуда Хайрхан виден как на ладони, и приехали на место стана, в урочище Шутэ — овраг с ноздреватой, рыхлой бурой породой в виде скал-обры-

---

* Дорога большая, проходит севернее Хайрхана и небольших озерок на плато в Ламэнгэгэн. Севернее Хайрхана и дороги залегает кладбище, каменное с гран[итным] (до 2 саженей высотою) обелиском, с широким орнаментом (на трех сторонах — средн[ей] и двух ближ[них] — один общий орнамент); по соседству большой, с черной высокой насыпью (с лис[ьими] норами) кэрэксур.

вов с пещерами. Мы стали в соседстве Хайрхана и могли любоваться его северо-сев[еро]-западной стороной, которую обвивал зародившийся Тамцык.

Заря погасла, за сумерками спустилась ночь, холодная, до –20.0°С, с ветром. У меня была палатка, вмещавшая троих — меня, Гусева и Ринчина, лежавших от юга к северу. Подле палатки горел костер, варилось мясо козла и чай. Два молодых охотн[ика]-монг[ола], с косами, перед спаньем, стоя на коленях, молились, по временам кланяясь до земли в сторону запада.

Ноябрь, 1, ☉. Лунная ночь скоро миновала. Утро холодное. Пьем чай. Хайрхан первый, на кратерную голову которого полились первые лучи дневного светила.

Двое охотников-молитвенников отправились вниз по Тамцыку, придерживаясь лугового плато с темными камнями. Я, Гусев и Ринчин-лама поехали к обелиску по крайне пересеченной, богатой пастбищами местности. По дну извивалась бол[ьшая] дорога, мы же ехали выше, севернее, держась вдоль косогоров, высматривая аргали. Прежде нежели мы доехали до обелиска (юго-западнее Хайрхана), мы видели два стада диких баранов в открытой долине. Мы начали торопиться к цели, к погребениям с обелиском. Такое прекрасное с утра небо стало подергиваться вдруг облаками, тишина также нарушилась — задул северный [ветер]. Мы торопливо следовали у озера до 1 версты в окружности (севернее Хайрхана), оно было подо льдом и стонало, бухало — опускался лед.

Наконец обелиск, светлый, наклоненный к ЮВ, далеко выделяющийся над кладбищем; к западу и востоку — кэрэксуры: высокие насыпи в середине, в особен[ности] у восточных, саженей до двух, из больших, темных, нередко ноздреватых камней, посередине воронка.* Погода продолжала портиться, ветер из-за северных гор нес мрачные тучи с тонким снегом. Пришлось снимать с большей или меньшей выдержкой, измерять шагами до кэрэксуров: до западного — 300 шагов, до вост[очного] слева, северо-восточного, — 450 и вдаль и влево 500 шаг[ов]. До Хайрхана в северо-восточном направл[ении] 5 верст.

Покончив снимки и наблюдения, мы направились обратно напрямик по высоким увалам и ложбинам между ними с целью скорее встретить аргали. Мы прошли узкой долиной, отметили еще рога аргали, старые, поднялись вверх и спустились к новому, красиво изрезанному по берегам озерку,** до 1½ версты в окружности. В северо-восточном углу стекала вода в виде ручья. На запад и север спускались луговые высокие увалы.

Вскоре засим, миновав лишь еще увал и начав спускаться с него, Ринчин влево обнаружил аргали и, словно змея, прижался к луке седла и метнул обратно. Далее, не говоря ни слова, побежал к сос[еднему] гребню. Тут спешился, украдкой взглянул и сделал строгое, довольное лицо. Мы с Гусевым поднялись на кряж — два огромных рогача с манишками и третий, молодой, ♂, в сторонке. Но звери уже зачуяли нас, насторожились, пошли, кверху вздымая ноздри. Мы выстрелили с прицелом на 400, но безрезультатно.

---

* В основ[ании] воронки — ходы в лисье логовище. Обелиск серого гранита.

** Наш Ринчин-лама поведал мне, что далее (от обелиска), на Ю (ЮВ и ЮЗ), кроме того, имеются два-три таких же, как и эти озерки, что вообще в этой местности озерок немало!

Ветер продолжал свистеть и завывать и причинял нам изрядный холод. Мы поторопились на стан, куда скорее нас полетел Ринчин с целью приг от[овить] чай.

Было довольно поздно, мы промерзли, проголодались и с аппетитом принялись за обед и чай. Вскоре возвратились и монголы-охотники с ♀ аргали для нашей коллекции.

2/XI, ☽. Утро ясное, приятное. Нас тянуло в Шибэрты, но мы должны были вернуться к подножию Хайрхана, заснять его. Пока мы это делали, наши охотники далеко укатили по знакомой дороге. Когда мы спустились в долину с озером Соготэн-нор,* наши уже были далеко, в особенности Ринчин, стремившийся домой.

Я с Гусевым снял горы эргэ: Цаган и Боро; затем поехали то же сделать с Тамцыком, где впервые сидели на зверей. Тут мы заметили уларов, хорошо себя чувствовавших у края плато, наделавших лунки, кормящихся, а в случае опасности удиравших или лётом вниз, или пешком в стороны.

Теперь и мы направились домой. Табун чернел вдали, у гор, за которыми мы уже вскоре были в приятном для нас стане Ринчина. Тут тепло, обед, тарык, обил[ьный] чай, приветливые лица, остроумная бабушка.

Усталые, мы скоро уснули и уже с ночи говорили о том, что тянет домой.

3 и 4/XI, ♂ и ♀. Отдохнули. Погода приятная. Едва выкатилось солнце, как начало пригревать. Там, на плато, в соседстве гор, угрюмо, холодно; тут благодать. К нам все привыкли, еще с вечера являлись приветствовать после охоты. Сегодня облава; в соседних окрест нас ущельях с лесом устроили 3 загона. В первом и последнем, кабаньем, — ничего; во втором — выгнали пару коз и два табуна глухарей. Все шло через Г[усева], который и подстрелил козу. Тем облава и окончилась. С вершины доминирующего гребня, в дивно прозрач[ном] воздухе я наблюдал скопление гор — гигантские волны среди Хангая: Ирх[ит]-хайрхан, Совр[ак]-х[айрхан] и Гурбунтэль. Глубокие извил[истые] ущелья, скалы, лесные и степные склоны — все слилось в гармонию. Едва мы возвратились к себе на стан, как прибежала женщина с плачем, неся ребенка. Несчастной малютке, посиневшей от больного плача, не могли снять с пальчика кольцо. Обратились к нам — русские все умеют. С большим трудом мы с Гусевым выполнили долг. В эту же ночь вдруг с бабушкой стряслось неладное — вздумала помирать невовремя. Всю ночь возились с холод[еющей] старухой, которая напугала всех причитанием: плохой бог заставил умереть, не увидав сына.

На следующий день, 4, мы собирались домой. Я влюбился в соседний лесок с гривой и террасой. Пошел посмотреть, проститься с ним, пошел опред[еленно] к глухарям, нашел, поднял табун и удачно скрал глухаря на 45 шагов. Стреляю сквозь ветви — птица как-то странно полетела низом и скрылась. Я досадовал, но после обеда у лесного парка заметил какую-то птицу, пошел, кстати заглянул на то место, где стрелял глухаря, и, о радость! там же, на своей тропе, нашел его, слегка окоченевш[его].

---

* Над долиной Соготэн-тала мы дважды любовались царствен[ными] пернатыми — ягнятниками бородатыми, порой высоко парившими в синем небе!

5 и **6**, ♃ и ♀. У нас все готово. В 9½ часа — напутствие с поднес[ением] масла, хадака, и мы направились домой. Ущелье Улястэн, впавшее слева в Ара-орхон, повторяю, дивно красиво, обрывисто, скалисто. Засветло мы доехали по хорошо знак[омой] дороге до соседства с лесной горой Хурун-булу и у 5 юрт монголов, только что прикочевавших из каменного поля, заночевали. Бедные лесные отшельники страшно перепугались при виде вооруж[енных] русских и только потом немного освоились, но все время ходили гурьбой, друг с другом. Так им памятны гамины. Я сделал хозяйке подарок за ночлег, и мы подобру-поздорову, на заре, направились в путь, вверх к Битютэн-дабан. Лошади наши устали и поднялись на перевал с большим трудом. Сарлык шел прекрасно.

Перевал в горах измерили, сфотографировали. Я полюбовался видами на обе стороны, и мы начали спускаться в Битютэн-ама. Погода отличная, дали очаровательные. В 4 часа, наконец, дома, на биваке. Здесь все благополучно. Все семья Цэрэна, все Цэрэнята сбежались смотреть на нас, на наш трофей. Так приятно было после продолж[ительной] охотн[ичьей] экскурсии попасть домой, отдохнуть в тепле, в чистоте, на своей постельке.

7/XI, ♄. Тихо, ясно, приветливо. Так приятно, так уютно, так хорошо у себя дома. А что такое «дом» для скитальца, как я! Тут мне приходит на мысль интересная статья mr Эндрюса, его описание охоты на архаров и тэков в массиве Арцэ-богдо (Монгольский Алтай). Он останавливается на этом вопросе, говоря: «Сколько у меня было таких домов, как например лагерь моей экспедиции в Монгольском Алтае. Во многих из таких экспедиционных домов я был очень счастлив!». То же, если не больше, могу сказать про себя и я! Сколько было у меня домов в Монголии, В[осточном] Туркестане, Гань-су, Цайдаме, Тибете — в очаровательном Каме?! Подобно Н. М. Пржевальскому, я восхищаюсь Гань-су, но более того можно восхищаться дивной красотой ущелий с гремучими, быстрыми речками, их водопадами, их лужайками, лесом, под сенью которого разгуливают бел[ые] ушастые фазаны, зеленые всэре, куланы, где раздаются голоса всевозм[ожных] небольших и мелких птиц — это все Восточный Тибет, или Кам, о котором, как равно и о Сычуане, всегда мечтал мой незабвенный учитель, глубоко любивший и глубоко понимавший красоту и жизнь дикой, девственной природы Центральной Азии и далекого Тибета.

Мой Пшевик встал ранее меня, повесил термометр, развел огонь в жел[езной] печке, записал показания. Тем временем живительное тепло подняло температуру в юрте от 4.3° до 10—14° — какая благодать! Можно потянуться и не торопясь вставать. Потом пьем чай, едим цзамбу или тарык, позднее поднимаемся к подножию морены, к аршану, и умываемся.

Теперь можно спокойно сесть к походному ящику и писать дневник или специальные заметки или вообще заниматься чем угодно.

Все за работой: Пшевик укатил с утра в ущелье Барун-улан, Гусев возится с препарированием зверей, Канаич — птиц, я собираю заметки в походной книжечке и из конспекта пишу общий очерк экскурсии. По временам оставляешь юрту, выходишь полюбоваться простором, подышать воздухом, размять ноги от неудобного сидения и посмотреть на работу других.

Сегодня облачно, серо, но не холодно. Как-то странна для здешних мест такая погода. Вдруг отчаянно залаяли собаки — то вблизи нас прошла компания волков.

Ринчин-лама скучает от безделья. Я соглашаюсь отпустить его домой завтра, но не одного, а в компании с моими двумя спутниками — Канаевым и Ганчжуровым. Канаич должен сидеть в урочище Шибэрты и делать экскурсии: стрелять зверей, птиц и их препарировать; срок значительный — до моего приезда туда. Ганчжуров в компании с Канаевым должен умело, толково учиться охотиться за зверями, переводить, истолковывать и примерно через 10 дней возвратиться обратно. Вместе с моими спутниками я отправляю и лошадей на лучшие пастбища к Ринчину: мою и всех прочих, за исключением двух — Серко и Пегашки Г[усева], которых мы будем подкармливать и которые очень нужны нам здесь, на месте, для недалеких поездок.

Кроме подарков Ринчину в его доме, ему и его близким, теперь я подарил ему 10 янчан, хадак и 60 патронов, затем дал ему взаймы 10 янчан и снабдил документом на право иметь русскую 3-линейку с патронами для стрельбы по зверям, нужным в маммалогическую коллекцию Монголо-Тибетской экспедиции.

Пшевик возвратился из экскурсии поздно, сумерками, с розовым самцом чечетки.

Ночь тихая и вскоре ясная. Странно, что ночью лаял порою только один Чуфра.

8/XI, ☉. Тихо, ясно, дов[ольно] тепло. Мои спутники усердно заняты снаряжением в дорогу. Они довольны, горды, счастливы и верят в самое лучшее будущее, в успех их поездки.

Я побывал на благодатном источнике-аршане и, как всегда, умылся с удовольствием — вода такая приятная, не можешь удержаться, чтобы лишний раз не полить на лицо, на руки. Пока находишься у аршана, невольно слушаешь его музыку, его приятное журчание.

Сегодня с отчаянием дрались наши большие псы Гароль и Барху, и впервые победителем остался первый. Какая дрянь — местные псы: их кормишь отлично, а они всегда при удобном случае готовы стащить все по части съестного, в особенности мясо.

Сегодня имею желание печатать оттиски с моих отобранных негативов.

Вот, наконец, и готовы мои спутники в поездку к Ринчин-ламе в сопровождении самого хозяина. На прощанье Ринчин получил хадак, 20 янчан и известное количество патронов к винтовке. Очень интересно будет знать через 10 дней, когда вернется Ганчжуров, как провели время мои спутники в урочище Шибэрты и его окрестностях, главное, что добыли по части диких животных и птиц.

В ½ 10-го утра той же тропинкой, что и мы с Гусевым, наши юные охотники поднялись на морену и тотчас скрылись, словно челн, отваливший от берега, скрылся в беспредельном морском просторе.

Проводив спутников в бас[сейн] р. Орхона или за Хангай, мы тотчас принялись за текущие дела. Гусев собрал наш охотничий трофей: Capra sibirica, Canis, Ovis, Capreolus pygargus и Tetraogallus, разложил его у палатки, а Пшевик меня и Гусева с трофеями снял. Затем я приступил к печата-

нию и прочих моих негативов и этим делом увлекся не только в течение всего дня, но даже и большей части следующего.

Погода нам изменила: из дивной ясной и тихой превратилась в облачную и ветреную.

9/XI, ☽. Утро облачное, с западным ветром, слоисто-кучевые облака такие, какие у нас бывают только летом. Аршан не знает холода и ледяного покрова, он постоянен, открыт и говорлив, его температура та же — 15.1°С.

Я возился с просушкой оттисков до 1 часа дня. Не могу понять, почему мои оттиски в большинстве случаев, несмотря на удовлетворительные негативы, вышли в конце концов скверными, хоть брось их. Это обстоятельство в знач[ительной] мере меня опечалило, ибо я привык видеть мои и негативы, и оттиски — все в весьма удовлетворительном состоянии. Мне кажется, тут немалую роль играет разница температур (одно теплое, другое очень холодное), хотя, с другой стороны, «бичик» доут-нурский, так называемый № 2, вышел лучше прежних таких двух.* Вот тут и таится что-то такое, непонятное мне?!

Наш лагерь вновь осиротел на двоих участников, наша юрта ютит двух — меня и Пшевика, юрта людская также двух — Гусева и Фу-чина. Последние очень хорошо устроились и для занятий, и для спанья, уютно как-то. Приятно зайти к спутникам и посидеть там. Мой Пшевик нередко навещает товарищей и иногда читает им. Ведь мы живем отшельниками в объятиях горной природы, кругом нас на далекое расстояние нет людей. Семью Цэрэна, обслуживающую нас, конечно, нельзя считать, как нельзя считать и соседнюю Цэрэну юрту, которая поставляет экспедиции топливо в виде дров из соседних ущелий.

Не знаю, но лично для меня время летит неудержимо — день за днем и месяц к концу.

Сегодня мой орнитолог в грусти: подбил крупного сокола и не нашел его. Подбитый, он все же имел достаточно сил, чтобы отлететь на порядочное расстояние и скрыться. В. Гусев напрасно караулил волков — они не проходили вблизи его удобной засады. Промерз и с удовольствием выпил чаю вместе с нами и нашей гостьей, монголкой, женой Цэрэна.

По вечерам я и мой Пшевик читаем часов до 9—10, затем обыкновенно ложимся спать. Я с большим удовольствием и интересом читаю физическую географию Зупана.[227] Так приятно все возобновить в памяти и тут же на месте очень многое мысленно применить и в области ледниковой теории, и в области вод, но самое главное — выветривание и горообразовательные процессы в связи с залеганием и напластованием горных пород.

Сегодня же для разнообразия я взял культурно изданную книжку Анциферова «Душа Петербурга»[228] и зачитался ею. Прежде всего предисловие профес[сора] Ив[ана] Гревса — восхищение. Подход самого автора в наше время к описанию «Петра творения» удивительно продуман; в труде этом отдаешь невольно предпочтение истории — она выражена прекрасно. Хочется громко сказать: «Выпускайте таких книг как можно больше!»

---

* Один из оттисков «бичик» отправлен С. Ф. Ольденбургу (в числе многих других), второй, и тогда последний, экземпляр — Н. П. Горбунову.

В книжке Анциферова внешность и внутреннее содержание составляют гармонию.

Ночь дово[льно] прохладная, со сверкающим и мигающим звездами, темным небом.

10/XI, ♂. Превосходная заря на востоке — бланжевая, огненная — разлилась широкой полосой по утреннему небосклону. Серп умирающей Луны в зените, западный ветер порядком холодит. Мой Пшевик еще до зари ушел караулить волков; в результате промерз, никого и ничего не видел, кроме силуэтов кам[енных] глыб, контрастнее и контрастнее выступавших при рассвете утра. Он ушел слишком рано, и лучшее доказательство тому: едва сел в теплой юрте за чай и завтрак, как собаки отчаянно залились лаем и все гурьбой понеслись за стаей серых, дозором пробегавших волков в виду наших совместных стойбищ.

Начинаю мечтать об изготовлении очередной почты и о поездке в курэ Сайн-ноин.

После обеда я и Пшевик отправились экскурсировать вниз по речке и по луговым холмам левого берега реки Хэтрун в надежде найти подбитого сокола. Напрасно! Много исходили, абсолютно ничего не встретили и принуждены были раньше времени вернуться в лагерь, так как подул северо-западный ветер и пошел снег, чем далее, тем основательнее.

Первый день, похожий на осенний или даже зимний.

Гусев из-за снега также возвратился домой ранее, нежели предполагал. Снег сыпал дотемна и укрыл землю на целый дюйм толщиною. Пришлось скрыться в юрту, плотнее укрыть ее и пожарче топить, а самим взяться за единств[енное] утешение — чтение.

Уже значительно стемнело, как собаки, залившиеся лаем, известили о прибытии в лагерь посторонних. Оказывается, наш Ринчин (переводч[ик] глагол[евской] партии) прибыл из Урги со всякого рода бумагами, известиями, немногими письмами и несколькими номерами ургинской свежей газеты.

Весь вечер, до поздних часов, ушел на чтение присланного.

Из существенного было: 1) извещение о переводе 9000 рублей (7500 м[ексиканских] д[олларов], 1000 червонцев и 275 ам[ериканских] долларов) в полпредство [в] Монголии на мое имя. Из всего этого количества Цокто Гармаевич получил 2000 мексик[анских сер[ебряных] долларов, каковые при случае пришлет мне; 2) пришла китайская охранная грамота на мое имя и 11 китайских паспортов на всех штатных участников экспедиции; 3) письмо Н. П. Горбунова, извещающее о том, что на увеличение содерж[ания] участникам экспедиции рассчитывать не приходится и что Горбунов 1000 руб. намеревался передать на закупку необходимых приборов; 4) милое письмо В. И. Юдина (извещающего о деньгах и грамоте), отъезжающего в Москву. Все старые, за исключением Дадиани, перемещены, сдвинуты далеко.

Даниленко написал обстоятельное письмо, прежде нежели уехал в Москву. Цокто тоже настрочил целый доклад: обстоятельно и обо всем вдумчиво.

11/XI, ☿. Утро ясное, с пронизывающим северо-западным [ветром], белый покров везде кругом, t –15.5°C. В юрте чувствуется студеная струя в спину, в зад юрты. Я снаряжаю Ринчина. Пишу Глаголеву и высылаю ему

500 кит[айских] сер[ебряных] долларов, китайские паспорта, почту и т.д. Настаиваю на том, чтобы Глаголев непременно и в скором времени переместился в низовье Эцзин-гола, в юго-восточное прибрежье Сого-нора. Между прочим, ставится в задачу стремление к наибольшей добыче грызунов (в спирт и для препарирования и т.д.).

На этот раз писем от друзей мало. Да и не мудрено: обильная почта была только что. Володя мой извещает о Пеллио, о его отзыве о Ноин-ульских находках, о лекции, прилагает интересную вырезку из газет: «Академик Пеллио о находках П. К. Козлова». Затем следуют два хороших письма от моего московского друга и весточка от Ч[етыркина] через Троицкосавск. Удивительный человек С[ергей] С[ильвестрович]! Вот сумел же устроиться в тропиках на зоологической станции, с американцами. Это после Куйсу (на Куку-норе) и с Брусиловым на Крайнем Севере.[229] Надо ответить. Спроважу Ринчина и засяду за письма. Самые неотложные: Володе, Цокто, Н[ине] Е[вгеньевне] и мужу «мудру и красноречиву» — Дадиани. Непременно написать Геранцевым, поблагодарить милую Ан[фису] Георг[иевну] за гостинец, за внимание и теплую ласку.

Вот уже 3, или 15, часа, а белый покров сплошь лежит везде кругом, в связи с этим на открытом воздухе прохладно, предпочитаешь быть в юрте и сидеть за дневником или другим каким писанием или просто с книгой в руках.

Вчера Гусев работал на развалинах, а сегодня откапывал и «дымил» грызунов.

Ночью бушевал крепкий ветер со снегом, укрывшим землю белою пеленою. До ½ 11-го я не ложился спать и в течение одного присеста вечером настрочил статью для моих слушателей и читателей газеты «Известия».

12/XI, 2. Настоящее зимнее утро — кругом бело, серо, студено изрядно. Усиленно топим, и я сижу за писанием статьи (переписываю) и писем, их много, и местных, и далеких, на родину. Вот они: Цокто, Дадиани, Геранцевой, Громовой, Бармину (это тут); в Россию: Даниленко, Володе, Олечке, Е. Е. [Шведерской], Н[ине] Е[вгеньевне]. Утром, сделав большое напутствие Ринчину Аюшиеву, я отпустил его к Глаголеву (на уртонских). Он повез письма, бумаги-паспорта, газеты и 460 (сл[едует] 500) сер[ебряных] янчанов с приложением моего строгого наказа скорее сняться и направиться к югу, в низовье Эцзин-гола.

Гусев с Цэрэном работают на развалинах Олун-сумэ; в результате: кусочки тканей, повторный глиняный барельеф смеющейся во весь рот рожи и немногое другое. Пшевик неудачно экскурсировал, подстрелил интересного коричневого альпийского хорька, загнанного Гаролем на дерево и обезображенного другой собакой, Чуфрой, на глазах Пшевика, оторвавшего хорьку хвост, который вмиг пропал бесследно. Уж не проглотил ли Чуфра хвост от увлечения запахом Putorius? В результате горькая обида орнитолога и еще большее мое личное огорчение, когда невольно приходится убеждаться: учишь, учишь «серых» спутников всему, но не многими из них все сразу усваивается — только единицы, одинокие, стоят впереди в графе «положительных», большинство же — митяи, головотяпы. Такие любят много философствовать и критиковать.

Вечером пришла буря с северо-запада, несмотря на температуру ниже нуля только на 6—7°С, холод ощущался в большой степени. Некоторые

бурные порывы пытались опрокинуть или перевернуть наши жилища — и палатку, и юрты. А дверь юрты во все время ночи висела в воздухе, а иногда и совершенно поднималась кверху. Словом, в нашем жилище разгуливал ветер вовсю и нахолодил его до 7°, спать было не совсем тепло и не совсем уютно, но мы уже привыкли ко всем большим и малым невзгодам и нередко повторяем стереотипную фразу, выраженную только одним словом «Ничего!», при произношении которого все улыбаются.

Сегодня мы улеглись в 10 часов, ветер завывал и обнимал крепко нашу юрту, было неприятно, оставалось одно — спрятаться под меховое одеяло и дать собственной мысли безграничный простор. Она заставляет забыться сном праведника. И так изо дня в день!

13/XI, ♀. Утро с крепким северо-западным ветром и с ясным, голубым небом. Холодно очень при –10.9°С. Усиленно топим весь день. Сегодня даже не ходили на аршан умываться, а между тем небо красивое, светит солнце, даль открыта, и снег остался только в воспоминании и по гребням да в укромных местах северных склонов.

И сегодня опять я усиленно пишу, много написал писем и, между прочим, не забыл осиротевшую в сентябре Елену Евгеньевну Пржевальскую, которой легко и быстро вышло приличное культурное письмо, с оттенком души и сердца, всегда придающим глубокое, сильное впечатление.

Завтра мечтаю с Гусевым отправиться в соседнее куре к С. К. Верхотурову: хочу снять фигуру и [сделать] несколько снимков по части этнографии монголов.

Давно сравнительно не читал и сегодня первый свободный вечер я провел с книжкой «Душа Петербурга» в руках. По-прежнему она мне очень нравится.

Уже половина ноября, а я еще не покончил со всеми вопросами — так быстро, незаметно бежит время.

Итак, у меня на руках охранная китайская бумага, в кармане деньги. Эти две возможности позволят провести весну и лето в низовье Эцзина, в моем родном детище Хара-хото. По словам моих спутников, меня там помнят, отлично отзываются и говорят: «Будет хорошо, когда ваш начальник приедет к нам и вновь подружится с нашим бэйлэ, прежде они были в дружбе, вероятно, и теперь встретятся друзьями».

Наличие наших сумм: в полпредстве еще не взято американ[ских] долларов — 1800 (прежних), 275 (настоящих), червонцев — 1000 руб. (наст[оящих]), серебряных мексиканс[ких] долларов — 7500, за вычетом взят[ого] и долга 2500 остается — 5000.

Подводя итоги, я вижу, что мы свою компанию проведем до конца, т.е. до осени; осенью, в начале сентября, вернемся в Ургу и на границу. Мы будем иметь возможность кое-что довести в Центр и доставить себя, и, может быть, я, как начальник, смогу спутникам и подарить что-либо и из сумм, и из подарков по одной вещице на память об экспедиции.

14/XI, ♄. Ночь дов[ольно] тихая, небо в тонкоперистых облаках, барометры снизились.

Раннеутренняя тишина воздуха к 8 часам нарушилась нежеланным северо-западным [ветром]. Мы приготовились в дорогу и в ½ 9—9 часов выезжаем в Сайн-[ноин]-куре с почтой. По дороге, в долине Сайн-нойн-куре,

много кэрэксуров, и они отличаются от соседних и ранее наблюдаемых огромными размерами отгороженного камнями пространства, круглой или квадратной площади. Еще западнее — конгломератовые скалы; с юга, у дороги, имеются следы погребений, и у одного из них находится женская гранитная фигура. Ее голова лежала в отдалении до 500 шагов к ВСВ среди камней другого погребения. На голове лежали два голубых хадака, а перед ее лицом — медная чашечка для возжения масла. Мы взяли эту голову, перенесли к торсу и составили вместе, получив стройное целое, которое и засняли, как памятник. От этого погребения на ВСВ шла провешенная из камней дорога в ту и другую стороны.

Потом направились далее. За конгломератовой стеной, насиженной хищными птицами, расположена мал[енькая] кумирня; она очень любопытна тем, что ее алтарь-храм покоится на восточной (стороне) половине кэрэксура, вместив на главное, почетное место внутри гранитную, темную (вероятно, от времени) мужскую фигуру,* одетую цветными тканями до головного убора включительно; по бокам поставлены священные предметы с требцами[230] и черепом, хадаками, а ко лбу прикреплен маеличный камень.[231] Перед этим кумиром стоит низкий, до сажени в квадрате, стол, на котором расставлено много украшений или жертв, словно редкие шашки; немалую роль в убранстве стола играют наши бутылки или, точнее, полубутылки и даже детские игрушки.

Любезный лама и две монахини постарались за серебряную мзду раздеть кумира для того, чтобы мне заснять его. Потом они, конечно, одели его по-прежнему. Если мой снимок этого гранитного изваяния будет удовлетворителен, тогда я таким же образом попытаюсь снять кумира и в «торжественном» облачении.

Я очень сожалел, что заодно не заехал, держа направление к югу, вдоль подножия холмов, к той уединенной кумирне с многоч[исленными] субурганами, которая является достоянием тибетца-ламы, играющего видную роль при управлении всем монастырем Сайн-ноин-куре. В частности, вместе с двумя членами управления в звании [хубилгана] и да-ламы, родных братьев покойного XIII Сайн-ноин-хана, погребенного в монастыре рядом с кам[енным] домом управителя. Над его могилой-прахом возведен субурган. Все это, как и историю монастыря, следует отметить, тщательно изучив. Я намерен познакомиться с админ[истрацией] монастыря и нанести визит вдове с сыном моего старого приятеля, равно поднести всем им достойные подарки, тем более это следует сделать, так как экспедиции суждено здесь, в Хан-кокшунских** владениях, в соседстве Сайн-ноин-куре, порядочное время пожить и поработать.

В 1 час 30 минут дня мы уже были в подворье Кооператива (Монценкоп), где и расположились по-домашнему, пользуясь гостеприимством соотечественников.

Подле торговой компании ютится много бедных монголов низшего класса, обслуживающих монастырских лам, их нужды, равно кормящихся и

---

* Это божество по имени Цаган-ушхай очень популярно среди кочевого населения прилежащего хошуна.

** Хан-кокшун-улан-хошун.

от наших коммерсантов. Эти несчастные с грязными, худыми лицами, нередко испорченными венерическ[ими] болезнями, имеют ветхое жилье, одежду, и, глядя на них, чувствуешь, что они живут впроголодь. Фотография, снятая с группы низших обитателей Монголии, красноречиво говорит за них, за их общий облик, обстановку; тут и мужч[ины], и женщины, и старики, и дети.

Вечер мы с интересом провели в общении с нашими знакомыми во главе с Верхотуровым, прожившим в Монголии около 30 лет и отлично ее и монголов изучившего.

С. К. Верхотуров подробно остановился на том, в какой кабале китайцы держали монголов, как они с помощью подкупленных монгольских чиновников выколачивали долги и проч., как монгол[ьское] население являлось пастухами китайских стад животных. И все это за жалкие китайские подачки.

Несмотря на то что с китайцами, с их малой потребностью, трудно конкурировать, они обложены правит[ельством] Монголии большими налогами. Теперь их, вообще говоря, жмут, и китайцы, как ни странно, начинают прогорать и понемногу убираться восвояси. Монценкоп завоевывает монгольский рынок все более и более. Но М[онцекопу] трудно приучить к себе всецело монголов, так как китайские фирмы дают монголам все самое насущное — и чай, и материи — в лучшем и дешевом виде и на месте ведут товарообмен и т.д. Теперь монголы не кочуют в одиночку, в 2—3 юрты, а группируются в 5—7—10 жилищ, чтобы легче справиться со всякого рода несчастиями, вроде защиты от зверей (волков), а главным образом, от человеческих набегов, вроде гаминов и проч.

Сайн-ноин-ханское имущество во всем его великом объеме подверглось учету, дележу и распродаже. Вдове с сыном поступает треть, две же трети идет в народ, на его благо. В течение ноября месяца производятся торги (в управлении, в гоби, по соседству с Гун-нором) личного имущества симп[атичного] хана. Мне говорят: «Замечательные ткани, меха, драгоценные предметы продаются местному населению за бесценок. Так, например, соболья накидка (длинная) куплена бурятом за 100 с[еребряных] к[итайских] д[олларов], а массивные золотые часы одним монголом за 10, и т.д. Мне жаль, что дал[екое] расстояние не позволяет мне там присутствовать, я бы, конечно, мог приобрести мало кому нужные коллекционные предметы. Да и комиссия, производящая торги, именно так далеко, группой устраивает распродажу, что все ценное идет среди небольшой кучки лиц, счастливой непредвиденному обогащению. Наследники — родные покойного — с сокруш[енным] сердцем смотрят на все происходящее.

После отшельничества в горах мне было очень приятно провести денек-другой с соотечественниками и поговорить с ними, что наз[ывается], по душам.

Спали мы в тепле, перед тем отлично вымылись в хорошо устроенной бане; нас и наших лошадей накормили «честь-честью», словом, русские люди — везде отличные люди и с нашей стороны заслуживают похвалы и поощрения.

Старик Верхотуров в грусти, что его переводят в Заин-шаби: здесь он так много положил труда и уменья на устройство фактории не только с внешней стороны, но, самое главное, важное — ее внутреннего состояния.

15/XI, ☉. Как и у себя на биваке, так и здесь, в гостях у соотечественников, мы поднялись в 7 часов утра, а после чая с горячими праздничными пирожками занялись делами. У наших коммерсантов нет праздников, а тем более они не знают 8-часового [рабочего] дня, они на работе в течение всего дня, да это и невозможно иначе среди простора номадов. Если монгол продавец-покупатель прибыл к вам издалека, да даже и с близк[ого] расстояния, долг торговца, непрем[енный] долг, тотчас принять его и произвести с ним дело. Так поступают и коммерсанты-китайцы. С такими вопросами следует непременно считаться.

В долине Сайн-ноина было очень тепло, а при полном затишье и синем небе даже жарко оба дня, когда мы были в дороге. Опять я наблюдал много прежних кэрэксуров, много застывших лавовых форм. По всему видно, что Хангай богат вулканами, очень давно потухшими. Горы в главном хребте, и в боковых отрогах, и даже в долинных обрывах — везде имеют залежи и выходы лавовых пород.

Навстречу то и дело попадали монгольские кавалькады верхом на сарлыках. Ровно 3½ часа я с Гусевым ехал до бивака скорым шагом или иноходью 25 верст расст[ояния]. У себя нас встретил Цэрэн и Елизавета Владимировна. Фу-чин бросился разводить огонь, готовить еду и чай. Цэрэниха с дочкой прибежали меня приветствовать.

Забыл было сказать, что наш пакет с письмами в тот же день, в какой мы прибыли в Сайн-ноин курэ, спустя ½ часа времени был отправлен с попутным монголом в Уйцзэ-ван.

Дома с Пшевиком я долго делился впечатлениями о дороге и о пребывании в гостях у соотечественников, которые, в особенности С. К. [Верхотуров], так осведомлены о стране, изучать которую выпало и на нашу долю.

Ночью дул сильными порывами северо-западный ветер, порою сжимавший настолько крепко остов юрты, что она скрипела, стонала, выла. Ветер сквозь поднятую им дверь нередко врывался и в саму нашу юрту и давал себя чувствовать в полной мере. Нечего, конечно, говорить, что вода в нашей спальне всегда по ночам, когда топки не было, замерзала.

16/XI, ☽. Утро серое, облачное, холодное, солнце на заре блестело в перисто-слоистых облаках; прежнее превосходное состояние — ясное, теплое — словно кануло в вечность. Утром вдруг Цэрэн заявляет, что поведет меня к интересным письменам и что он знает еще в некоторых местах развалины построек-храмов, аналогичн[ые] Олун-сумэ.

Очень холодно, мы ведем приготовления на сегодняшний вечер для проявления моих снимков. Так постоянно находится большее или меньшее занятие, и скучать не приходится, наоборот — впереди у меня ряд дел и очень больших, и средних, и малых по писанию.

В общем, здесь на зимовке следует очень многое сделать и написать, помимо всего, отчет в Русское географическое общество в связи с географией, еще вставить частями и наблюдения естественно-историч[еского] характера. Также помимо оледенения надо сказать и о вулканах, заним[ающих] видное место по обоим склонам Хангая, и во внутр[еннем] басс[ейне] Онгиин-гола, и во внешем басс[ейне] Орхона.

К вечеру небо очистилось от облаков, ветер дул то от СЗ, то от ЮВ, к ночи сделалось очень холодно. Наша юрта многократно открывалась, верх

опрокидывался, врывался холод в виде ветра, который опрокидывал предметы вверх ногами. Кадка с проявленными негативами к утру покрылась льдом, несмотря на то что была основательно укрыта.

Я вертелся, не мог уснуть и в 4½ часа ночи встал, развел огонь, согрел наше помещение. К 6 часам 17/XI, ☌, поднял температуру настолько, что можно было вынуть негативы и начать их сушить. В общем, я доволен результатом проявления и 12 [негативов] выбрал для печати. Я очень доволен, что удовлетворительно вышли две каменные фигуры людей (и в храме на кэрэксуре, и среди открытой долины).

С утра я командировал Цэрэна в С[айн]-н[оин]-куре с подарками к трем старейшим ламам — хубилгану, да-ламе и тибетцу; всем трем по куску лучшей золотой парчи с хадаками. Равно поручил узнать, когда вдова С[айн]-н[оин]-х[ана] с сыном примет меня с визитом.

Сегодня весь день северный ветер, к счастью, к вечеру совершенно стихло. Барометр поднялся и продолжает подниматься; надо надеяться, что наконец погода улучшится. Давно пора! К следующей субботе надо готовиться в дорогу в Сайн-ноин-куре; попробую там, в теплой комнате, напечатать. Кстати, нужно будет кое-что заснять и познакомиться с указанными выше лицами.

Поздним вечером, в темноте, возвратился из куре Цэрэн; как и следовало ожидать, старейшие ламы приняли его хорошо. Братья покойного С[айн]-н[оин]-х[ана] отлично рассказывали обо меня, что их брат в Петрограде видел мою квартиру, мое богатое собрание статуэток и т.д. Ламам весьма приятно со мною познакомиться, и вот они в предстоящую субботу будут ожидать моего прибытия.

Ламам известно, что я снимал каменное божество Цаган-ушхай* в маленькой кумирне. Оказывается, эти две кам[енные] фигуры женские. Темная — шаманка, она-то вначале, по указанию шамана, была обставлена часовней, и только впоследствии благодаря почитателям и их приношениям эта часовенка была заменена настоящ[ей] кумирней.

18/XI, ☿. Ночь почти тихая со слабой, но пронизывающей холодом тягой с запада, звезды горят словно алмазы; окрест невозмутимая тишина, даже лая собак не было слышно. Minimum –23.5°C. День просиял солнцем со времени зари и обещает быть хорошим.

Гусев ушел на раскопки, их продолжение, на развалинах Олун-сумэ.

Пшевик собирается в экскурсию в одно из соседних ущелий Хангая. И только я и Фу-чин дома: я занимаюсь, пишу, Фу-чин поварит. Однако очень холодно, мой Пшевик уехал в лисьей теплой шапке, его сопровождает радостный, живой Гароль. Другая собака — Чуфра — оставлена дома. Во избежание ее ухода она привязана на веревочку у юрты. Приходили соседи-дети: вымытые, причесанные, держали себя почтительно. Девочке-подростку по имени Бьямбо я подарил ножницы и пару катушек ниток; счастливая девочка быстрыми ножками поспешила домой похвастаться перед родителями, которые только вчера так нуждались в ножницах. Сласти, как подарок, также играют немаловажную роль.

---

* Оказывается все наоборот надо понимать: темное кам[енное] изображ[ение] в кум[ирне] — Цаг[ан]-ушхай, а светлое в поле — Хара-ушхай (сердитое изображение).

Один парень каким-то образом добыл сычика и принес мне в подарок; птичка отлично выглядит, не помята, свежая; я отдарил его серебр[яной] кит[айской] монетой.

Сегодня день ясный, но слабый северный ветер держит низкую температуру, в 13 часов — –13.5°С; это много. Посмотрим, что будет дальше! Пшевик возвратился сильно прозябший — ни с чем. Поздними сумерками прибыл и Гусев, который принес глиняный барельеф, изображающий лисицу, испугавш[уюся] мыши. В[асилий] А[ндреевич] прошел к кэрэксурам и месту с «кладом», которое топот шагов воспроизводит словно в пустом помещении.

С вечера у меня был план назавтра поехать с Цэрэном к письменам.

В ночь погода изменилась, подул с СЗ [ветер], небо укрылось перисто-слоистыми облаками.

19/XI, 2. Небо облачное, воздух возмущен сильным северо-западным ветром, t –4.5°С. Я и Пшевик умывались в аршане, t которого 15.5°С, по-прежнему он мелодично журчит, о чем дает знать посетителю заранее.

Ввиду изменившейся погоды, главным образом облачности, я оставил, отложил поездку к письменам. Гусев с К° отправился на раскопки. Несколько дней прошло с тех пор, как в компании с Байгаем наш Барху удрал в соседний айль погулять с сукой, Байгай вернулся, а нашего Барху все еще нет.

Наконец, мои спутники Канаев и Ганчжуров возвратились из-за Хангая. Миссию свою в общих чертах они выполнили. Свели лошадей на прекрасное пастбище и добыли охотой двух аргали: самку и молодого ♂, а из птиц: улара, или горную индейку, снегиря, пару овсянок, в заключение — скалистую, или каменную, пищуху. Мои спутники жили у ламы Ринчина и от него, радиусами, совершали свои экскурсии. Кроме того, воспользовались случаем перекочевки юрты старухи — матери хозяина — в глубокое ущелье Тэмчин, где я убил горн[ого] козла, присоединились к ней и на Тэмчине прожили три дня, занимаясь охотой.* Тут они видели и аргали, и козла и стреляли по ним, но неудачно, стрелял Канаев и по бород[ачу] ягнятнику, так же неудачно. Только Ганчжурову удалось подстрелить (удачно) из винтовки улара.

По возвращении моих охотников на стойбище Ринчин на след[ующий] день взял их с собою специально на аргали, и они нашли стадо голов в 8, которое скрали на близкое расстояние. Звери лежали среди серых камней, и только рога аргали несколько выдавались из общей каменной массы. Конечно, аргали держались высоко, в угрюмой и холодной, но очень кормной части гор.** Эти звери не расстаются с верхним поясом гор, как и везде, и стараются быть вдали от человека.

По глухарям Канаев также стрелял, но говорит: «Мое ружье не берет эту сильную, большую, крепкую на рану птицу». Наблюдал он также и стайку серых куропаток.

---

* Мои спутники охотились в долине и видели горы и Ирхит-хайрхан, и Цаган, и Боро-эргэ.

** Мои спутники подошли к отдыхавшим аргали вплотную, шагов на 25, скрытно, приготовились, встали во весь рост и тотчас открыли по зверям пальбу. Те как угорелые бросились, за исключением двух, подстреленных.

Возвратились мои спутники верхом на сарлыках, по-монгольски, и очень довольны яками, их отличным ходом среди камней, которыми так богат Хангай на всем своем широком залегании. Ганчжуров еще стрелял неудачно по одинцу-кабану.

Мои «археологи» во главе с Гусевым сегодня добыли инт[ересную] ламскую палочку. У них еще работы по раскопкам будет дней на пять. Гусев торопится, хочет скорее покончить с этими развалинами и перейти на два небольших, но притягивающих к себе места, в которых, по преданию, что-то зарыто из ценностей монастыря.

20/XI, ♀. Ночь холодная, ветреная; к утру земля покрылась тонким слоем снега, едва заметным, чтобы только принять на себя кратковременный след зверя или птицы и быть к услугам охотника. Это то, что у нас называется пороша.

Гусев ушел на раскопки очень рано, Канаев и Ганчжуров приводят в порядок зверей и птиц. Мой Пшевик пошел поэкскурсировать в окрестности.

Я принимал соседа Намсрая, беседовал с ним о доставке сена и устройстве загородки для наших, оставшихся на службе лошадей. Таким образом, оба наши соседа — и Цэрэн, и Намсрай — обслуживают экспедицию.

Не знаю, позволит ли нам завтра погода совершить дов[ольно] важную поездку в С[айн]-н[оин]-к[урэ]? Хочется познакомиться с монастырем, стар[шими] ламами и напечатать снимки.

Вчера я написал три письма: Шестакову, Четыркину и Саше Вишнякову. Сегодня предстоит написать еще по крайней мере два — Лиле Швед[ерской], Володе и, может быть, милому Андрею Достоевскому, а также и другому Андрею — Семенову-Тян-Шанскому.

Половина 11-го, а ветер не унимается, холодно, словно зимою, приходится мне, по крайней мере, сидеть дома. Гусев преждевременно сбежал от холода домой. Его партия нашла круглое цаца с отпечатком (глина) докшита с шакти, или женск[ой] энергией. Позднее пришла Елизавета Владимировна, которую измучили впервые объявившиеся тут белые куропатки.

Ветер стихает, прозрачность воздуха удивительная, барометр повышается, надо и пора, давно пора ожидать наступления хорошей погоды. Что скажет сегодня Луна, ее темный диск? Ведь этот пункт непременно надо определить астрономически.

Ночь полуясная, с легким западным или с[еверо]-зап[адным] ветром.

21/XI, ♄. Утро полуясное, не холодное. Мы готовы еще с вечера к поездке в Сайн-н[оин]-курэ. Небо наполовину в перистых облаках, движение воздуха с запада, в ½ 10-го часа мы выступаем в путь. Цэрэн впереди, я за ним, так как моя лошадь в хвосте идет лучше, за мною, словно замыкает шествие, наш Гусев.

Я замечаю по реке, по многим веточкам зарожденного Онгиин-гола, что холод постепенно надвигается: воды в р[еках] меньше и она в больш[инстве] случаев прикрыта светлым льдом. Там и сям, в пазухах гор, их окраин, стоят группы юрт монголов, в открытых долинах пасется их рогатый скот, сарлыки, баранов очень мало.

Долина и горы. до среднего пояса включительно, свободны от снега и отливают золотистым цветом, или настоящим осенним колером.

Я так хорошо изучил местность, дорогу до бол[ьшого] соседнего монастыря, что отлично знаю ее рельеф и без часов определяю время. Обыкновенно мы едем до Монценкопа, расположенного восточнее С[айн]-н[оин]-к[урэ] версты на 2—3, три с половиной-четыре часа, зависит, конечно, от езды, так как расстояние, повторяю, 25 верст.

Погода хорошая. В 1 час дня мы в монастыре, на западной окраине которого Цэрэн обратил мое внимание на три ямы, ныне до 1 саж[ени] глубиною, а были раза в 3—4—5 глубже и служили заключением жестоко провинившимся монголам, которых в таких случаях спускали на руках при помощи веревок.

Через ¼ часа мы в северо-восточной части монастыря, в соседстве подворья — хашанов — трех старейших лам монастыря. Мы направились прежде всего к хубилгану — главе, который принял нас в отличной юрте, богато и нарядно обставленной. Хубилган сидел и, когда я вошел в его помещение, привстал, и мы поздоровались за руку. Представительный, красивый, с высоким ханским лбом, изящными, выхоленными руками, брат покойного С[айн]-н[оин]-х[ана] очень располагал в свою пользу. Он был в желтом шелковом костюме, сидел на таком же диване перед столом, вправо от него было молитвенное отделение — большой шкаф со стеклами, рядом висели образа в больших и малых рамах. Очаг отделялся экраном, за чистым опрятн[ым] очагом помещалось нечто вроде возвышения — закрытый стол, на котор[ый] ставилось все внесенное в юрту. Вдоль стен стояло много красных с золотыми орнаментами ящиков. Деревянный пол был укрыт сплошь войлоками, прошитыми и отдел[анными] (отороченными) красной тканью. Очаг возвышался на специальном приспособлении. Справа и слева от хозяина помещения места для приема.

Меня и моих спутников пригласили на левую (при входе справа) половину. Я сел на возвышение, Гусев поодаль, Цэрэн — против двери и немного к Гусеву. Едва мы сели, как тотчас нам подали чай и сласти — хлеб, сахар, финики и др. Хубилган повел речь-приветствие: как ехали, отдохнули ли после дороги и т.д. Затем заметил, что он меня знает по расск[азам] своего покойного брата. Говорили о Монголии, о Тибете, о Далай-ламе, о том, как давно я путешествую по Ц[ентральной] А[зии], и т.д., что я многомного видел и много знаю, сколько пробуду тут и куда пойду дальше, и когда вернусь на родину. Узнав, что со мною книга «Тибет и Далай-лама», попросил показать ее ему.

В заключение я сказал, что впервые здесь, прошу его разрешения на осмотр монастыря. Гэгэн был учтив и любезен, выразил на это готовность и обещал передать об этом младшему брату да-ламе. При прощании хубилган поднес мне на память гол[убой] хадак и кусок прекрасной шелковой ткани.

С лучшим впечатлением я направился к ламе-тибетцу и тоже в юрту. И тибетец жил совершенно так же, как и хубилган, разве немного скромнее обстановкой. Тибетец-лама стоял и изысканно вежливо приветствовал меня, затем, пригласив меня сесть так же, как и хубилг[ан], слева, на возвышение, сам сел на свое место, перед столом и повел рассказ, почти тот же шаблонный разговор, что и хубилган. В заключение тибетец пригласил на сегодня отобедать у него. С тибетцем мы больше говорили о Тибете вообще и в частности о Потале, Д[алай]-л[аме] и Банч[ен]-Эрдэни. Тибетец также не выпустил из рук книги с желтой обложкой раньше, нежели не окончил ее ос-

мотра. На многом останавливался, в особенности на рисунках, я делал ему толкование. Тут я заметил, что ламы очень любят нарядные издания и желали иметь мою книгу; я сожалел, что не располагаю лишними экземплярами.

Прежде чем принять обед у тибетца-ламы, я пошел к да-ламе — младшему брату покойного С[айн]-н[оин]-х[ана]. Через 5 минут я уже был в его дворе, а затем и в его нарядной, богатой юрте, обставленной совершенно одинаково с таковыми предыдущими.

Да-лама встретил меня стоя, за руку поздоровался, усадил на левое от себя возвышение и сел на свое место — диван, перед столом. Едва мы поздоровались, как он сказал, что меня давно знает, но что в последнее время никак не представлял себе, что мы увидимся. Что его брат, покойный, много говорил обо мне хорошего и т.д. Он быстро взял «Тибет и Далай-лама» и начал ее с жаром осматривать. Начал затем показывать карточки-портреты Сайн-ноин-хана и многое, связанное с именем этого человека. Вообще, далама очень живой, очень общительный человек. Мы с ним беседовали о монастыре, о его храмах, о численности (свыше 2000) лам, о пребывании здесь Далай-ламы со свитой, о многом-многом мы толковали с ним. Ему 38 лет, хубилгану за 40 и покойному С[айн]-н[оин]-х[ану] теперь было бы только 48 лет. Невольно встал мой покойный друг С[айн]-н[оин]-х[ан] словно живой — красивый и необыкновенно обаятельный.

Все прежнее с невыразимой подробностью ожило в памяти, я сказал, что не только уважаю С[айн]-н[оин]-х[ана], но почему-то даже очень люблю (люблю как друга). Это было в Урге, осенью 1916 года, в домике Агв[ана] Доржиева, в котором мы тогда жили. С[айн]-н[оин]-х[ан] улыбнулся и сказал: «Очень тронут, и, можно сказать, наши симпатии взаимны!».

Да-лама пригласил меня на завтра обедать; на завтра же будет отдано распоряжение о том, чтобы ламы не уходили, а были на местах, чтобы показать храмы. Вежливо, дружески мы расстались с да-ламой, как будто давно знавшие друг друга, условившись назавтра в 12 часов свидеться с ним, сфотографировать его, заняться осмотром храмов, а потом в виде отдыха еще потолковать с ним «за чашкой чая».

Нам надлежало отправиться обедать к тибетцу, что мы тотчас и сделали. Откровенно говоря, мне очень хотелось есть, посидеть и затем следовать к своим землякам. Обед состоял из одного блюда, нечто вроде «пельменей на пару», очень сочных, вкусных. Перед каждым из нас стояло блюдо с умело высоко наложенными пельменями, слегка дымившимися паром. Я с удовольствием ел очень много, досыта, мои спутники облизывали пальцы, расхваливая, ели до конца.

Потом мило распрощались: лама-тибетец* вручил мне два бурхана (большой и малый) Аюши, кусочек зелено-золотой парчи и гол[убой] хадак. Тибетец — пылкий южанин с тонкими чертами лица, с легкой тонкой проседью, в возрасте около сорока лет; при всем том он очень нервный и не владеет волею глаз в такой степени, как его товарищи — старейшие ламы монастыря. На нем — широкие одежды цвета бордо из тибетских шерст[яных] тканей.

---

* Хамбо-лама Гашин ведает храмом Чжуд — синим. Всех тибетцев-лам в С[айн]-н[оин]-к[урэ] семь.

По дороге домой, на северо-восточный окраине монастыря, я заехал на мавзолей С[айн]-н[оин]-хана. Это новая каменная постройка кит[айской] архитектуры, открытая на юг, похожая на храм, да она и есть храм, по стенам внутри увешанная образами (иконописью). У задней стены висят: справа — Баньчэнь-Эрдэни, слева — Далай-лама. К этой же северной стороне покойник лежит головою, а ногами — всегда к двери, к выходу, к югу.

Тут же, внутри двора, стоят четыре юрты-кумирни с ганчжирами наверху, а в центре их некогда красовалась большая юрта, в которой жил сам хан Сайн-ноин.

Сам мавзолей воздвигнут тотчас после смерти С[айн]-н[оин]-х[ана]. Саркофаг помещается внутри; в нем, в центральном отделении с дверью со стороны входа и окном на восток, виден гроб, поставленный от севера к югу на возвышении. Через гроб, по обе стороны, спускаются голубые хадаки.* Покойный хан поставлен головою к ...**.

Только в 5-м часу мы наконец добрались до здания Монценкопа и вскоре пошли прямо в баньку, где прекрасно умылись, затем, после ужина и обязательного чая, всласть наговорились с соотечественниками. К сожалению, газет не было.

Ночь была прохладная и очень ясная, Луна скрылась, когда мы приготовились ко сну.

22/XI, ☉. Утро рассвело недружно, солнце боролось с перистыми облаками. Я после чая с праздничными пирожками приступил к печатанию негативов. До самого полудня возился. Пора наконец в курень. В начале 1-го укатили, в 20 минут 1-го я уже снял мавзолей и отправился к да-ламе, заждавшемуся меня с ½ двенадцатого.

«Я давно жду вас, — заметил да-лама при нашей встрече,— не распускаю лам, чтобы показать вам храмы, они все на своих местах».

При свидании на этот раз да-лама был еще милее, непринужденнее, и казалось, что мы давно знакомы. Тут повторилось чаепитие, беседа; затем, прежде чем обедать, я просил его и ламу-тибетца сняться; хубилган был очень занят, эти же двое лам позировали: да-лама сидел, не моргнул, словно орел, но тибетец от солнца очень страдал, в сильной степени щуря глаза. Его я снял, думаю, не так удачно, как первого, которого к тому же я повторил.

Теперь мы отправились обедать. Обед состоял из двух блюд — пельмени на пару, сделанные на манер небольших пирожков, и рис с мелким мясом. В заключение чай со сластями, и так как у меня было впереди большое занятие, знакомство с храмами, а их 13 больших и 7 малых, то я начал благодарить. А еще, только мы, что называется, разговорились, да-лама сказал: «Вы словно призрак, сон; мне кажется, с нами находится мой покойный брат, ваш друг», а через некот[орое] время, вспоминая хана, да-лама заметил: «Если бы был жив мой брат, как бы он торжественно принимал Вас, не

---

* Следует заметить, что рядом с мавзолеем хана, восточнее, красуется белое здание тибетской архитектуры с золот[ым] колесом и зол[отыми] тельцами на виду — это ханская молельня, ханский храм.

** *Далее оставлено место для уточнения положения гроба. (Прим. сост.)*

так, как мы теперь!». Говоря это, да-лама заволновался, встал мне навстречу, вручил голубой хадак с бол[ьшой] иллюстрир[ованной] тибетской книгой* и очень хороший портрет покойного С[айн]-н[оин]-хана, портрет, в котором я так сильно нуждался.

При отменно высоких чувствах мы расстались, я пошел осматривать храмы в сопровожд[ении] одного из лам, уже пришедших к да-ламе за мною.

Первый храм, в который я вошел сегодня, был соборный храм Чокчэн-субэглин-догын** — большой, с плоской кровлей, тибетской архитектуры, белый. До сего времени, почему не знаю, за соборный или за самый главный я принимал храм с балконом наверху, более величественный, который называется «Зап[адным]» храмом — Барун-догын. Соб[орный] храм — старый по времени, большой, с тремя кумирами: Аюши — в середине, справа — Арьябало, слева — трехликая Тара. Храм этот под высоким духовным воздействием божества Лхамо; ему [храму] 99 лет. Этот храм во главе 7 [других], хошунный храм.

Второй храм (зеленый) — Дондэн-чойчжэль-голэй-догын или Гандан-легчит с кумирами: Майтрея, Цзонхава, Ихэ или богдо-гэгэн нескольких перерождений, докшиты. Дополнение — две юрты, в одной из которых одно золоченое большое изобр[ажение] Богдо. Третий храм — Барун-гандан, Бребун, [божество] Чжамсарэй (Улан-сахэусу); очень нарядный. Четвертый — Цзун (восточный), Шаралэн (желтый), [божество] Дуртэ-дагба. Пятый — Чжанчэн-лин, [божество] Махакала; большой, белый, тибетского типа, низкий. Шестой — Дэмпэлин (деревянный). Седьмой — Дамбэрлин [божество] Ямантака. Все это хошунные, монг[ольские] храмы. (Албанские) Восьмой — Чойрэн (белый, тиб[етского] типа), Гандан-лэнрик, [божества]: Лхамо и др. докшиты; дополн[ительно] [видели] диспут лам. Девятый — Чжуд (синий), [божество] Дамчжин-санэн-лин. (К нему мал[ый] хр[ам] с мумией и чуч[елом] птицы). Десятый — Манба, с Буддой врачевания и субурганом (с лекарствами). Одиннадцатый — Даин-кар (пророческий или оракульский), божество многорукое, Шамнын-дарьялин.*** Двенадцатый — Лам-рин [божество] Махакала; и тринадцатый — Намсилан (ханский), [божество] Улан-сахэусу; [храм] белый, тиб[етского] типа.

Кроме осмотра этих 13 больших мне удалось очень немного, бегло, взглянуть на малые, которых 7, о них будет дополнено впоследствии.

Все храмы содержатся в чистоте и порядке, сами храмы нарядны и богаты с большими, художественно исполненными метал[лическими] и писаными бурханами. Почти в каждом из больших храмов имеется копия первого большого буд[дийского] храма в Индии.[232]

Вот что я упустил и ничего не спросил, это: при каждом храме свои ламы и его настоятель? Или ламы могут быть в любом из храмов, но обязат[ельно] зачисление в монастырь С[айн]-н[оин]-к[урэ]? Этот пробел восполнить через Цэрэна.

---

* Из 650 стр., в 2-х частях, с 33 акварельными рисунками, под названием «Чжодон-па» составлен[ый] на основании истории 8000 перерожденцев.

** Первый храм, в который я вошел впервые в С[айн]-к[урэ], был личный храм Сайн-ноин ханов.

*** *Слово* Шамнын-дарьялин *надписано сверху. (Прим. сост.)*

(Ламы состоят при изв[естных] храмах, но могут бывать и в больших, других; как например в Чокчэн-догыне или Чойрэн, самом крупном, по счету лам около 1 тыс[ячи], тогда как во всем монастыре их свыше двух тысяч человек; в каждом храме свой штат.)

В конце концов я очень устал и жаждал отдыха.

Еще раз распрощавшись с да-ламой, мы уехали в родную колонию. Тут, после монгольских угощений, мне захотелось чая, чая и чая (русского). В то же время докончил фиксаж моих отпечатков и принялся первые из них, пролежавш[ие] в воде 8 часов, наклеивать для просушки. Говоря откровенно, эта работа надоела мне смертельно, потому, главным образом, что она не удовлетворила меня. Не знаю почему, но я не мог добиться хороших результатов; полагаю, что виною этому — время года, зима, как для самих снимков, так и для их проявления.

С вечера долго не спалось мне, к тому же хозяин, любитель поговорить, продолжал меня знакомить со своим делом и со своим нежеланным переводом. Его назначали в Заин-шабэ играть вторую скрипку, а он привык работать здесь и в течение двух лет порядочно изучил свой район. Выяснено: очень много упущений происходит из-за неполного доверия к районн[ым] завед[ующим].

23/XI, ♑. Ночи отличные: звездные, но ветреные, прохладные.

После всех больших и малых дел, после очень раннего обеда мы в ½ 11-го оставили наших соотечественников и направились по юго-западной диагонали долины к белым субурганам, украшающим отдал[енную] бедную обитель, устр[оенную] тибетцем, хамбо-ламой.*

Мы показались на вершине ближайшего холма и нарушили покой лам, восседавших на террасе, обращенной к югу. Помимо субурганов, белых как снег, манящих путников издали, тут приютилась маленькая обитель желтошапочников. Монастырский двор — это квадрат в глубине между холмами. С севера — горный кряж, увенчанный также белым субурганом; еще два-три больших надгробия (и тоже белых) вдоль дорог, ведущих к монастырю. В соседстве пробегает родник, которых здесь несколько. Небо было ясное, и дул сильный юго-юго-западный ветер. Я снял общий вид кумиренки, отстоящей на ЮЗ от главн[ого] монастыря С[айн]-н[оин]-х[ана] в трех верстах.

Затем мы повернули к кумирне на кэрэксуре, куда прибыли минут через двадцать. Солнце светило с юга, и мне пришлось снимать также с этой стороны, немного, впрочем, с ЮЮЗ. Сделав и это последнее задание, мы стали собираться домой, как никак, а шел 3-й день, что мы покинули бивак, который особенно тянет, когда видишь ущелья южного (нашего) склона Хангая. Тут только я заметил, что вертик[альная] рама моего прекрасного [фото]аппарата ослабла и дает движение в стороны. Неприятно, эти последние снимки могут быть неудачны.

Мы выправились на дорогу и поехали скорым шагом домой. Немного не успели нас догнать наши соседи — Цэрэн и Намсарай, замешкавшиеся в

---

* Мал[ую] обитель с белыми субурганами устроил не тибетец, а настоятель С[айн]-н[оин]-курэ, хубилган, и назвал ее риид — убежище отшельников.

курене. Они так и не догнали нас до самого бивака и прибыли позднее. По дороге мы видели монгольскую девицу, нарядную, представител[ьную], пасшую сарлыков. Пастушка, сидя на камнях, вышивала цветную ткань с яркими красными и желтыми цветами, может быть для суженого.

По всей долине паслось немало скота, в особенности у подножия гор Хангая. Одна группа юрт, не замеченная раньше, стояла вдоль Хэтруна — только что перекочевала вновь в наше соседство. Многие тронулись было в Гоби, но опять вернулись.

На биваке все оказалось благополучным. Мой неутомимый Пшевик добыл горностая (в соседних камнях) и парочку снегирей, а Канаев — Carpodacus roseus.

Так изо дня в день течет незаметно наше житье во владениях Сайнноин-хана. Днем, на солнце, еще можно разгуливать в осенней курточке, а вечером непременно надо надевать полушубок, так как вечером, в особен[ности] ночью, холод дает себя знать.

24/XI, ♂. Утро ясное, прекрасное. Еще лучше день — t выше нуля (3.7°) в тени. Елизавета Владимировна и Гусев были на раскопках развалин Олун-сумэ, где подвели итог записям для плана развалин. Я сидел дома, писал, читал, приводил в порядок птичек. Впереди такая же работа со шкурами животных, привезенных из-за Хангая. Около 2 часов дня я был на аршане, было очень тепло, лед у кадки растаял, мы умывались.

По-прежнему воздух очень прозрачен, и к востоку дали убегают за самый широкий горизонт. Порою вечером заходит Цэрэн, и мы беседуем о близкой и далекой окрестностях. Не забывают нас и соседи вообще, дом как Цэрэна, так и Намсрая, в особенности дети.

Опять будем ждать очередную почту и сами готовить тоже очередную, как частную, так и официальную, со статьями. Мне нужно, между прочим, ответить madame Вахтеровой, тогда я буду несколько успокоен по отношению собственной совести.

Не успеешь оглянуться — день уже прошел, солнце ходит низко, ведь в следующем месяце оно повернет на лето, а зима — на мороз. Как я люблю весну и солнце, яркое, горячее, высокое. Люблю максимум энергии дня, которая дает нам много дани.

25/XI, ☿. И сегодня ясно и приветливо, и сегодня в тени на открытом воздухе t 4—7°, т.е. выше нуля. На аршане также приветливо и также толчется мелкая мошка. Дети Цэрэна бегают босиком, а малыши выскакивают из юрты в чем мать родила, стоят на солнце или играют, оттого они и бронзовые.

Сбежавший неделю тому назад наш лютый пес Барху (с цепью) до сих пор не возвращается.

Мои орнитологи экскурсируют: и Елизавета Владимировна, и Канаич. 3 часа — а их все нет дома. Гусев сегодня на новой раскопке у кэрэксуров с партией наемных работников. Я благословил его попытать счастье. Цэр[эн] говорит: «Башня бережет ценности Олун-сумэ».

Сегодня же утром девочка Намсрая принесла мне в дар «пенки в сметане». Есть примета, что все новые начинания в этот день будут сторицею вознаграждены. После 3 часов ветер стал бушевать в виде сильных порывов, к счастью скоро замирающих. Начинается возвращение из экскурсий.

Первым явился Канаев — «без ничего», он ограничился наблюдением над лисой и хищной птицей. Елизавета Владимировна много экскурсировала, даже в заросли кедра, слышала звонкую трель гаечки и вообще оживление мелких лесных обитателей.

Гусев работал там (вблизи от дома), где некогда работала партия монголов — любителей легкой поживы, но работа «строгим начальством» была запрещена. Работавшие во главе с «чином» настолько перепугались, что наскоро засыпали всю ту землю обратно в образов[авшееся] углубление. «Любители» чаяли найти клад Олун-сумэ и горевали, что им не удалось довести начатое «по указанию шамана» дело до конца.

Чудный день породил такой же дивный вечер. Тишина. Закат горит, переливается и наряжает в нежно-голубой и розовый тона восточный небосклон. В горах сумерки, в ущельях ночь, у подножия гор длинные тени. Взгляните на юго-западную часть горизонта — две планеты спорят в великолепии освещения. И Юпитер, и Венера сошлись близко, невольно наблюдаешь их вместе. Они всецело овладевают вами.

Меня лично в высшей степени успокаивает звездный мир, красивое небо и кругом дикие, мрачные ущелья высокого хребта. Тишина, ни звука. Но когда в такое время сидишь у аршана, когда его светлые струи переливаются, серебристо трепещут и журчат, словно поют колыбельную песенку, тогда уносишься мыслью далеко-далеко от действительности, уходишь в самого себя и забываешься от повседневной суеты сует.

Вечером, сидя в теплой юрте, я долго беседовал с Цэрэном о старине, о памятниках, о местном ювелире-ламе, который в то же время шаман, в экстазе открывший тайну хранения ценностей Олун-сумэ и указа[вший] даже место их нахождения, увенчанное, словно памятником, глыбой серого гранита.

Завтра хочу сходить туда и лично осмотреть то место, где 10 лет тому назад начали было копать монголы, в количестве до 10 человек, среди коих, между прочим, были и тот же шаман, и один дворянин, и наш Цэрэн.

Ночь ветреная, облачная; перед утром пошел тонкий снег, далеко уносимый ветром. В нашем жилье-юрте прекрасно, мы хорошо чувствуем себя в постели, когда t 2—3° выше нуля, в крайнем случае 0°; но неприятно спать при –7, –12, –15°С.

26/XI, 2. Облачно, серо, снежно; навстречу ветру очень холодно. Снег в виде нашей поземки линиями, или, точнее, полосами, уносится далеко-далеко. Под утро я всегда прислушиваюсь к своеобразному стуку в ночной тишине, стуку от разбивания в ступе кирпичного чая, который дробится перед тем, как его опускать в котел или чашу. Этот стук дает мне знать, что пора вставать, вешать термометр, затоплять печь, так как уже начало седьмого часа.

Обыкновенно у монголов встают хозяйки — женщины, разводят огонь, варят чай, и тогда уже встают и остальные члены семьи. Скот их покоится у жилищ. Обыкновенно, когда заслышишь этот стук, невольно мыслишь: Цэрэниха встала, утро!

Невзирая на такую погоду, Гусев с рабочими ушел на раскопки. Все страшно заинтересовались ими; даже некоторые из прежних участников просят принять их в компанию. Посторонние из любопытства подъезжают к месту не ближе 100 шагов, чтобы не осквернить «серьезное занятие», и издали осведомляются, как проходит работа.

Все внимание сосредоточено на месте, под названием Белый камень.

В нашем жилище по ночам обнаруживает себя незаконный обитатель — грызун, который вчерашней ночью поедал крошки в тарелке, а сегодняшней — отгрыз ноги у трехпал[ого] дятла, лежавшего на полу, в юрте. Птичка на следующий день препарируется, и вот тебе картина — она без ног! Пришлось выбросить и придумать западню на вора.

Утром из баранов на привязи один «мудрец» сбежал; на него отправился с охотой препаратор, и вот раздался выстрел по домашнему животному, которое в горах может удрать далеко и исчезнуть бесследно. Вспоминаются многочисл[енные] истории с баранами в прежние путешествия (Хурху — застрелено 8 баранов, в Алтын-таге — 3, 4-й ушел гулять по «белу свету»).

До обеда я прогулялся к «Белому камню», отстоящему от нашего бивака всего в 1½ версты по направлению к востоку, вблизи правого берега речки, на луговой поверхности. Меня сопровождали обе наши собаки — Гароль и Чуфра, которые очень резвились и бегали, в особенности первая, охотничья собака, вскоре открывшая место раскопок.* Мои работники не падают духом, энергично работают, они уже углубились почти до сажени, извлекли остатки обгорелых бревен, которыми учиняли пожог первые исследователи. Гранит носит следы обтесанности и в основании, и по бокам. Цэрэн хорошо помнит, что камень покоился в некотором порядке, как памятник, и для устойчивости под его неровности по сторонам были подложены небольшие камни.

Надо помнить, что ленивого монгола трудно заставить взяться за работу зря, бесплатно, без приказа, а тут — целая группа людей объединилась и усердно заработала. Должны были быть веские доводы в положительности предприятия, в уверенности в успех, иначе номады ни за что не приступили бы к работе. Будущее покажет, а пока надо попытать счастья, надо поработать, чтобы не было угрызений совести.

Ветер дул всю ночь с незначительными промежутками затишья. При ветре (крепком) страшно холодно и только одна юрта спасает тебя. При умелом подкладывании дров в юрте сидишь довольно спокойно и занимаешься своим делом.

Уже поздно, мне подают «бичик» с монгольским адресом. Оказывается, это письмо мне от управляющего тамага Хан-кокшун-улэн хошуна, моего старого знакомого Чимит Дорчжэ, который узнал о моей экспедиции от моего спутника Аюшиева, следовавшего в Глаголевскую партию. Чимит Дорчжэ проживает в долине главных массивов Монгольского Алтая Ихэ и Бага-богдо. В свое время, в начале путешествия, свиделся со мною в Урге, подарил мне зуб ископаемого, взамен получил парчу и все время ожидал моего прихода к себе, чтобы оказать мне содействие в моей исследовательской работе в долине озер Ор[ок] и Цаг[ан]-нор.

Теперь он узнал о моем пребывании в С[айн]-н[оин]-х[анских] владениях, напоминает о себе, спрашивает о моих дальнейших планах и вновь предлагает свои услуги экспедиции. Я очень обрадовался и с удовольствием установлю с ним пока письменное сношение.

---

* Сегодня, между прочим, Чуфра от холода вскочил на юрту и показал в дымовое отверстие свою черную рожу. На мой грозный «Ты что!» собака бросилась прочь и, как ни в чем не бывало, улеглась у людской юрты.

27/XI, ♀. Ясно, ветрено, холодно. Ветер продолжает дуть с севера, снег сбит в сугробики. Вчера мои «археологи» при работах у Белого камня обнаружили присутствие дождевых червей (на глубине от двух аршин и ниже). На холоде они дов[ольно] скоро погибали.

Ночью в ловушку попал наш неведомый обитатель — хомяк. Посажен в спирт.

Сегодня ночью у нашего соседа Намсрая волки задавили лошадь у самого дома, она была заарканена в 70 шагах от юрты хозяина; кругом скот, собаки. Серые удачно воспользовались ночною бурей со снегом и не только задавили лошадь, но и большую часть трупа сожрали. Да, великие беды кочевникам причиняют звери и климатические невзгоды.

После бури день выдался очень хороший, сравнительно теплый, тихий. До самого вечера я писал, корректировал статью для «Вестника знания». Многое сгладил, дополнил, пояснил и в заключение написал следующее: «В самое последнее время я был счастлив получить китайскую грамоту на свободное продвижение экспедиции на юг, в пределы Китая. С чувством глубокой признательности вспоминаю наше представительство в Пекине, в частности полпреда Л. М. Карахана и его ближайшего помощника, моего старого друга, профессора А. И. Иванова, сделавших все от них зависящее для обеспечения дальнейших успехов экспедиции. Никогда не забуду теплого привета, внимания и предупредительности ко мне со стороны нашего полпредства в Китае во время моего пребывания в Пекине весною 1925 года».

Гусев со всеми Цэрэнами работает у Белого камня, что называется, вовсю. Как хотелось бы, чтобы его энергичное начинание не осталось безрезультатным; тогда я с бóльшим правом осуществил бы мое искреннее желание, справедливо увеличив его содержание в Москве.

Мой Пшевик, которого я несправедливо сегодня обидел (извиняюсь трижды), уехал на уларов в сопровождении все того же неизменного Цэрэна. Вообще говоря, пока Цэрэн служит настолько, насколько он в силах это сделать. Хочу послать Цэрэна с почтовым пакетом, хотя на этот раз очень малым. Посылается, главным образом, статья на стр[аницы] журнала «Вестник знания» в прилож[ении] 5 фотографий,* также пишу и Володе,** ставлю его в курс посланного на Стремянную, д. 8 [А. М. Соколову]. Вечером же я написал ответ в тамага Чимит Дорчжэ, устанавливаю с ним связь, очень хочу получить от него ответ.

Часа в 3—4 вблизи нашего бивака гордо, плавными кругами, пронесся бур[ый] гриф.

Ночь ясная, со слабым юго-западным ветром. В полуночи и к утру собаки неистово лаяли.***

28/XI, ♄. Ясно, почти тихо и пока совершенно тепло, никак не похоже на конец ноября. Гусев на раскопках «клада»; Канаев и Ганчжуров отправились в экскурсию, в ущелье Барун-улан. Там, в укромном месте, хотят устроить шалаш с целью охот и наблюдений за волками и другими дикими животными.

---

* Бивак (у дома), Тола с обрывом, камыши, черепаха и восточный край Бичиктэ.

** Володе послана [фотография] «я с Гусевым и охотн[ичьими] трофеями».

*** Вероятно, на волков, намеревавшихся забрать лошадиные остатки.

Наши соседи ежедневно навещают нас; из юрты Цэрэна ходят и он, и она, и их девочка «Маша», а из другой юрты, от Намсрая, являются только две девочки — подросток Бьямбо и совсем маленькая. Цэрэны доставляют тарык, Намсраи — урюм, или пенки. Эти два молочных продукта составляют у монголов лакомые блюда. Говоря вообще, кочевники «купаются» в молочных продуктах, но мясо норовят употреблять в исключ[ительных] случаях, когда скотина пропадет, буд[ет] задавлена зверем. В таких случаях они говорят: «Это Бог дал!».

Сегодня я лечил соседку Намсараиху от болезни горла — результат страшной простуды. Поставил ей горчичник к шее, к вер[хней] части груди и снабдил двумя порошками аспирина для принятия перед сном с помощью теплой воды или хара-цая (черного чая).

Постепенно все небо укрылось облаками, на воздухе дов[ольно] тепло. В то же время барометр и анероид круто падают. Интересно, в какую форму все это выльется? Я не ожидаю бурана, но может выпасть обильный снег или еще что-либо случится.

Сегодня в 13 часов дня t воздуха выше 0 — 1.5°С; тепло так, что я соблазнился не только умыть руки и лицо, но даже и ноги, и впечатление только прекрасное.

Что-то скажут мне вечером охотники и мой «археолог»? Один выстрел был слышен.

Помимо двух заказных писем в «Вестн[ик] знания» и в Русское географическое общество ([с фотографиями] «орнам[ент]» и «две бабы») я еще успел написать четыре частных письма: Володе и А. П. Сем[енову]-Т[ян]-Ш[анскому] и в Париж и Ниццу моим милым друзьям — Апол[линарии] Алекс[еевне] Родионовой и ее дочери Лиле. Вообще говоря, я пишу довольно много, но получаю сравнительно маловато, хотя некоторые хорошие, искренние мои друзья пишут аккуратно и их вести — одна сплошная радость.

Прекрасный день и большое, энергичное падение барометра служат явным доказательством приближения бури. Мы ее ждем, и действительно, ровно в полночь она пришла и стала неистовствовать — рвать, метать, сжимать юрту, парусить палатку, поднимать дверь, открывать верх в нашем жилище и во все щели дуть и нести тонкий, словно пыль, снег. Пришлось мне вставать и будить моих спутников, которые, тепло одевшись, возились с полчаса, прежде нежели укрепили юрту и палатку и прикрыли багаж брезентами. Вьюга «дует, плюет на меня».[233]

29/XI, ☉. Вьюга снежная крутит и воет всюду, снег задувает во все щели юрты и положительно все засыпал в палатке слоем до полуаршина. Перед палаткой образовался настоящий сугроб снега. Бедные собаки забились в дрова, в их выемки, но на ночь их приютили мои спутники в юрте, вместе с собою.

В такие бураны тяжело кочевникам и их животным. И тем и другим сильно достается, и те и другие, в особенности последние, гибнут.

В такое бурное время остается одно: сидеть в юрте, топить печь, удалять снег и поправлять в том или ином углу войлока, которые, как клавиши, попеременно поднимаются. К нам в юрту заходят греться наши соседи по дороге к скоту, пасшемуся в горах.

Холодно; какой злой, губительный ветер зимою. Осенью его переносишь легко, но зимою это бич. Смотри и смотри за животными, даже за табуном, а то исчезнет далеко.

К ночи было стихло, но затем через час задул северо-северо-западный ветер с прежней силой, и так до утра.

30/XI, ☽. Как и вчера, так и сегодня погода отвратительная: северо-северо-западный ветер воет и крутит, рвет ваше жилище; и люди, и животные — в борьбе с природой, с ее невзгодами. Солнце только светит и то сквозь пелену перистых или слоистых облаков. Зловещая поземка.

У меня уже третий день как готовы пакеты к отправлению в Саин-ноин и далее, но я не в состоянии их отправить из-за снежного леденящего шторма.

До сих пор не можем очистить палатку от обильного, приставшего ко всем коллекциям, снега. Снег как-то мало испаряется и вместе с этим пристает к предметам.

Итак, дни бегут за днями незаметно, время, покорное общему закону движения, мировому движению, не прерывается, течет, течет ровно, плавно с дневным светилом.

Мы живем сравнительно недурно: дневной уют вполне удовлетворительный, стол так же, мы постоянно дышим здоровым горным воздухом, только нудные ночи длительны, тоскливы и утомительны. Вечерами читаем, беседуем своим кружком или с посетителями, которые крайне редки, а в худую погоду и совершенно не показываются. Днем пишем, приводим в порядок весь фактический научный материал.

Ужели к вечеру не угомонится шторм, принесший столько леденящей стужи, холода?

К ночи стало спокойнее: я вышел на воздух засветло и гулял около 1½ часа непрерывно. Вскоре, после того когда я вышел, на сев[еро]-востоке, из-за гор поднялась Луна; сначала ее покрывали тонкоперистые облака, но когда она поднялась над горизонтом порядочно, то уже плыла по чистому небу, ярко озаряя окрестность. Горные скаты слегка искрились, и мне думалось, если бы бежал волк или иной зверь, то его не только можно было видеть, но даже и стрелять.

Нагулявшись вдоволь, я долго читал и пробовал было сделать набросок для Вахтеровой. Не знаю, пока что-то ничего не выходит.

Зачитываюсь Анри Бергсоном «Творческая эволюция».[234] Наряду с этой умной книгой читаю Лапшина «Художественное творчество»[235] и в то же время штудирую, возобновляю в памяти «Физическую географию» Зупана. Мечтаю о новых статьях для «Известий» и Русского географического общества (в виде отчета с фотографиями).

Декабрь — 1, ♂. К утру ветер ослабел и вскоре почти стих на время, чтобы периодически, слабо, подувать с запада. По мере поднятия солнца становилось теплее, можно было, наконец, командировать Цэрэна с пакетом в Сайн-ноин-курэ в 9 часов утра. Мои спутники возятся с имуществом экспедиции. Минувшая буря пересыпала тонким снегом все вещи. Надо удивляться, как снег проникал в закрытые ящики. Приведение вещей в порядок потребовало целого утра, но зато теперь вновь все в надлежащем виде.

За время бури мы не навещали нашего благодатного источника, а сегодня впервые обнаружилось, что он имеет ледяные заберега у камней и наша фотографическая кадка совершенно обмерзла льдом. Но сегодня так тепло, что, пожалуй, аршан освободится от заберегов. Солнце низко-низко над горизонтом.

От начала до конца простоял отличный день; мы умывались в юрте, по-домашнему. Людям удалось весь багаж перенести вплотную к своей юрте и в выемке багажа приютить собак с входом на юг, чтобы их не донимали так сильно северный и северо-западный ветры.

Вечером я долго гулял по площадке бивака. Луна поднялась, вокруг нее было halo малого диаметра.[236]

Неожиданно для нас объявился Цэрэн из С[айн]-н[оин]-курэ. По дороге, в овраге речки, он утонул с конем в рыхлом снеге, до головы. Дорога мертва, караваны стоят. Цэрэн вовремя прибыл, наш пакет Бадмажапову укатил в Уйцзэ-ван со случайным татарином, служащим английского экспорт[ного] о[бщест]ва; письмо Чимит Дорчжэ отправят при первой возможности. Верхотуров все еще сидит и ждет у моря погоды.

2/XII, ☿. Ночь с ветром от севера, но порою бывали абсолютные затишья. К утру вновь стал дуть непрерывно северо-западный ветер, однако температура воздуха все еще стоит немногим ниже вчерашнего, равно и барометр во вчерашнем положении.

Несмотря на ветер, Гусев отправился на работы к Белому камню.

Мой Пшевик поехал обозреть свой район, точнее одно из его ущелий — Хэтрун.

Я, по обыкновению, дома чем-либо занимаюсь. Сегодня, наприм[ер], между прочим уложил в энтом[ологический] ящик «Жуки» три экземпляра Carabus'ов, изловленных вчера в юрте, вблизи очага. Цэрэнята с радостью прибежали ко мне с криком: «Хорхой, хорхой!».

Наш сосед Намсрай оставил нашу компанию, снялся своим несложным скарбом и на сарлыках перекочевал в устье соседнего ущелья Хэтрун. Старое место стойбища Намсрая слилось с общим темным фоном кочевья, но тем не менее глаз привык на извест[ном] месте видеть жизнь, движение и не получает удовлетворения, скользя по пустоте, тем более к нам постоянно приходила от отца девочка-подросток.

Мой Пшевик возвратился из экскурсии в соседние ущелья — ничего! Ездить после недавно выпавшего снега просто наказание. Елизавета Владимировна в одном таком месте с валунами упала с лошадью; хорошо, что еще удачно, легко отделалась. Снег сровнял неровности, и можно попасть в каменном русле впросак.

Гусев после бури нашел свою яму, заполненную снегом, который предохранил на дне землю от замерзания.

Вечер прекрасный, легкий ветерок с запада не приносит неприятности. Полуденные склоны гор постепенно освобождаются от снега; дали глубокие, воздух удивительной прозрачности. Ночь ясная, спокойная; в юрте сравнительно нехолодно, а спать под меховым одеялом, не укутывая головы, приятно.

3/XII, ♃. Ясно, западный ветер слабый, порядочно холодит атмосферу; солнце низко над горизонтом и пригревает немного только в полдень, нахо-

дясь в зените. Действительно, к полудню согрело выше нуля в тени, к 13 часам до 2.6°С. На солнце благодать. Право, такие прекрасные дни бывают только ранней осенью. В воздухе тишина, ни звука; солнце повергает в дрему, недостает лишь жужж[ания] насек[омых]. Сквозь полотно палатки нагрелось внутри нашего летнего помещения до 10.0°С выше нуля; так как в палатке достаточно и естественного света, то я иногда днем предпочитаю заниматься именно в палатке, а не в юрте.

Около 2—3 часов дня я прогулялся к Белому камню, где мои спутник и рабочие копают. Что-то нет надежды на положительный результат. Решил, когда перевернут камни, лежащие боком с запада и севера, и когда ничего существенного не окажется, тогда «закрою лавочку», пора заняться другим.

Нужно съездить на место распол[ожения] письмен, а затем осмотреть более древние развалины, нежели Олун-сумэ — развалины первой постройки Ламэн-гэгэн, развалины, в которых нет будто бы дерева, а главным образом глина, так как тогда под страхом смерти запрещена была рубка какого бы то ни было леса.

Сегодня перебрал 9-й ящик, вынул книги для чтения и всякого рода справки. Вероятно, долгое время нам не придется заниматься фотографией, кроме разве экстраординарных случаев. Но непременно следует сделать список негативов со времени выступления из Урги.

Весь вечер мы с Пшевиком читали академ[ические] брошюры «Сборник трудов Орхонской экспедиции» Радлова. Этот сборник конспективно содержателен и интересен. Ядринцев вторгался и в наш район, но частично. Так, например, он был у места черепахи, видел и рисовал скалу с бичиктэ, вблизи колодца, отметил 6 кэрэксуров из 71 и в верховье Онгиин-гола наткнулся на погребение «Маниту» 35 лет тому назад. Ныне разбитый обелиск с письмом или знаками «руническими» еще стоял над погребением дов[ольно] высоко, этим, собственно, он и привлек внимание Ядринцева. Но район, в котором мы теперь работаем, по-видимому, никем не затронут.

До позднего времени я и Пшевик не спали, все читали, беседовали и в конце концов захотели есть, вскрыли маленькую кор[обочку] сардин, а позднее и банку с чудными фруктами «дюшес»; поели, усладились, улыбнулись на все это и вспомнили дал[екий] Петроград, наших самых близких друзей.

4/XII, ♀. Ночь и утро ясные и дов[ольно] спокойные. По-видимому, день обещает быть хорошим. Гусев на раскопках, Ганчжуров собирается за хреб[ет] Хангай за сеном. Я и Пшевик возимся с животным миром — млекопитающими и птицами. Позднее предполагаю приняться за сортировку негативов и их список (со вр[емени] выступления из Урги).

С раннего утра до 15 часов дня я сидел за млекоп[итающими], их занесением в книгу, а затем упаковкой их и птиц для окончательной укладки и отправления. Кто знает, может быть, мне лично удастся съездить в Ургу, тогда бы я мог там многое-многое сделать и, между прочим, даже отправить коллекции и т.д.

Наконец мой Гусев покончил с исследованием места у Белого камня — напрасно монголы, в особенности Цэрэн, уверяли меня в скрытых памятниках под землей, я им больше не верю, несмотря на то что сами они бол[ьшой] партией усиленно работали над теми же поисками, но им преждевременно запретили работать.

Вечером я с жаром рассказывал, между прочим, об окончаниях путешествий, в которых я принимал участие, о том, как чувств[овал] себя путешеств[енник] перед приближ[ением] границы, как отмечались встречи соотечественников, о приемах, оказанных экспедициям в пограничных городах, и т.д., о расставании участн[иков] экспедиций, о беспроигрышной лотерее для спутников и т.д.

Во всех таких случаях ярко, выразительно выступает образ незабвенного Н. М. Пржевальского, истого гениального путешественника. Мне больше и больше приходит мысль, когда я буду свободен от обязательных экспедиционных писаний, заняться изложением воспоминаний и, главным образом, в фокусе повествований иметь среди всех участн[иков] экспедиций и Пшеву.

5/XII, ♄. Ночь облачная, с 22 часов уже начал падать снег при тихом состоянии воздуха. В полночь подул норд, понеслась поземка — настоящая зима. Утром та же картина: все серо, горизонт короткий, бр-рр. Ветер крутит, метет. Мы в юрте усиленно топим, а ветер усиленно выдувает, выносит тепло. В такое время даже заниматься плохо. Сортировать вещи также не приходится, так как поземка все заметает снегом. Так сидишь и коротаешь время, в лучшем случае можно читать. Самое неприятное состояние — это крепкий ветер с поземкой, холодит страшно.

Вечер и ночь такие же бурные. С вечера я написал письмо Верхотурову, спрашиваю его совета, как поступить с моей поездкой в Ургу, где всего удобнее найти машину, и т.д. Со мною Елизавета Владимировна и коллекции, которые можно будет отправить из Урги в Петроград. Было бы хорошо, если бы мне удалось выехать через неделю, тем временем можно будет окончательно собраться в дорогу, главное — уложить птиц и зверей, насекомых и т.д.

6/XII, ☉. Утро ясное с северо-западным холодным, пронизывающим насквозь ветром. Зима пришла неожиданно, словно украдкой и сразу наложила свою печать на природу.

Цэрэн, несмотря на холод, укатил в С[айн]-н[оин]-к[урэ] с моим пакетом. Может быть, привезет какую почту или хотя бы только одни газеты.

Как и вчера, сегодня усиленно топим, только тогда и сносно сидеть и что-нибудь делать в юрте. Усиленно подготовляем коллекции для укладки, мастерятся ящики (для коллекций). Перебираю и заодно составляю список негативов и часть отбираю с собою. Вот с этим списком негативов пришлось повозиться немало: рассортировать, подобрать и, наконец, записать. В дальнейшем это занятие может идти проще: к заведенному теперь списку можно будет лишь вставлять снятые пластинки. Здесь я проявлять больше не буду; минеральная вода источника, попадая в русла речек, несет известный процент своих частиц и снабжает воду ненужными примесями.

7/XII, ☽. Погода продолжает стоять скверная: ветреная, холодная, ко всему барометр продолжают сильно падать. Что-то привезет нам наш Цэрэн из С[айн]-н[оин]-к[урэ]? В полдень уложил ящик с зоологическими коллекциями: со зверьками (лисицей, колонком, сусликом, двумя горностаями et Lagomys), птицами (76 — больших, средних — 36, маленьких — 40) и три ящика (полных) насекомых — жуков, мух, шмелей, клопов и бабочек (сбора

минув[шего] лета 1925 г.). Кроме того, готовы: бидон (преимуществ[енно] с грызунами), тюк со шкурами Capra, Ovis et Capreolus. Впереди предстоит собрать арх[еологическую] колл[екцию], негативы, тибетскую книгу и другое; не забыть непроявл[енные] [пластинки] и самый аппарат! А также всякого рода мелочи, отмеч[енные] в шпаргалке.

Пшевик возвратился с экскурсии, принес экземпляр Otocorys, ♂, с длин[ными] ушками. Окрест нас единично продолжают встречаться белые куропатки.

К вечеру возвратился Цэрэн, и, можно себе представить, забыл в лавке Монценкопа письмо Верхотурова и сам лично не слышал его наказа, по которому можно было бы определить содержание письма. По намекам выясняется: В[ерхотуров] советует нам прибыть к нему в С[айн]-н[оин], откуда он своими средствами постарается доставить меня и Елизавету Владимировну в Уйцзэ-ван, на автомобил[ьный] тракт.

Барометр продолжает падать, температура по-прежнему высокая, ветер, словно весной, то и дело меняет направление.

Мой препаратор, в то же время порядочный рисовальщик, Канаев срисовывает с наиболее характерных находок Олун-сумэ своего рода изображения, чтобы мне взять их с собою в Ургу для отчета в Академию наук. Гусев всецело сидит за укладкой коллекций. Мой Пшевик пишет историю развалин, точнее описывает развалины Олун-сумэ, сидит над второй их частью, тогда как первая — планы — им уже приготовлена.

Ночь полуясная, теплая, ночной minimum –3.8°C.

8/XII, ♂. Утро серое, небо сплошь в сл[оистых] облаках, ветер переменный. Чтобы не навлечь на себя больший гнев, Цэрэн еще с вечера приготовился в С[айн]-н[оин]-[курэ], а на рассвете уже укатил к С. К. [Верхотурову] с целью сегодня же возвратиться обратно с его письмом. Итак, снаряжение в дорогу идет усиленным темпом; я очень хочу общения с людьми.

Цэрэн возвратился дов[ольно] рано с письмом Верхотурова, готового все сделать, лишь бы меня доставить на большую автомобильную дорогу.

Погода из рук вон отвратительная.

Верхотуров прислал с другим письмом молодого человека Самарина, имеющего палаточное представительство вблизи, по соседству с тамаганом — управлением Хан-кокшун-улэн-хошуна, с просьбою снять его и приготовить 4 снимка для получения паспорта. Со своей стороны я поручаю Самарину передать мою благодарность Верхот[урову], обязать его написать в Уйцзэ-ван о моем скором приезде туда с целью на одном из автомобилей уехать в Ургу и т.д. Кстати, за его снимок я обязал Самарина побывать в тамагане и передать от меня Чимит Дорчжэ мой привет и мою просьбу о том, что если еще есть нефрит[овые] и другие предметы, котор[ыми] при жизни пользов[ался] покойный С[айн]-н[оин]-хан, то я прошу таковые подержать до меня, воздержаться от продажи, так как мне хотелось бы иметь их и в коллекцию, и себе лично на память о моем лучшем монгольском друге. Кроме всего этого, я поручил Самарину купить для экспедиции две пары (старых и молодых) кошек, которых немало в окрестности расположения его стойбища. Причем этих диких зверей надо сохранить до моего туда прихода непременно в тушках. По словам самого Самарина, это мое поручение ему исполнить нетрудно и он постарается

теперь же заказать монголам-охотникам означ[енных] дик[их] кошек и одного крупного самца рыси.

Вечером кр[епкий] ветер принял размеры бури и охладил воздух до –23.5°С, адский холод. Буря шумела, стонала и крутила тонким снегом так, что положительно все затмевала. В нашей юрте-спальне было 12.0° мороза; у людей еще холоднее.

9/XII, ☿. Ясно; ветер стихает, но холодно, настоящая зима. Будет ли просвет? Все же сегодня день, в общем, порядочный; я много времени — все лучшие, светлые часы — провозился с фотографией, и какая обида — ничего! Давно дал зарок — ни в каком случае не работать, не проявлять, не печатать зимою, трата времени и материалов. А тут как раз нужно собираться в дорогу, все укладывать, и вот — не приходится, а необходимо завтра допечатать «17 вертикальных строк» [письмен] — и дело будет окончено.

Погода не может установиться, ясных дней мало, ветер и облачность преобладают. Неприятно вообще, холодно. Вдруг к вечеру набежал туман — спустился с соседних гор. Ночью периодически дул ветер, облака уходили и вновь приносились с сев[еро]-запада.

Вчера ночью в нашей юрте было –12.0°, плюс ветер, иногда сильно ощущавшийся нами.

10/XII, ♃. Серо, ветрено, ветер северо-западный, порядочный. Готовясь к поездке в Ургу, я предварительно съездил на развалины Олун-сумэ, отобрал найденный материал и сделал соответствующие указания Гусеву. В мое отсутствие Г[усев] побывает и на развал[инах] Лам[эн]-гэгэн, и в месте скал с письменами.

Ужасно не повезло Ганчжурову в его поездке за сеном. Погода из рук вон скверная, холодная; в горах, да еще с таким поручением, ужасно! Однако он может вдруг объявиться на месте. Пока привезено будет сено, наш Серко с аппетитом ест овес; когда его подводят к месту дачи овса, он быстро идет и нетерпеливо ждет, иногда стучит даже копытом (пер[едней] пр[авой] ногой).

Пока я писал выше строки о Ганчжурове, он привез сено на 8 быках, перенес много невзгод, лишений, во время бури ночевал в лесу, но без костра, который развести при всем желании нельзя было. Г[анчжуров] видел стайку бел[ых] куропаток, внизу, по уреме, наблюдал также и волка, далеко и из-за пурги (снежной) стрелять с расчетом на положительный результат не удалось.

Целые дни, а нередко и ночи ветер и преходящие облака, укрывающие все небо.

Сегодня укладываем наиболее интересные, типичные образцы археологических находок в Олун-сумэ, равно и субургане. Все делаем с намерением 12/XII направиться в С[айн]-н[оин]-к[урэ].

Барометр наконец начинает подниматься, ветер стихает, небо проясняется. У нас теплеет.

11/XII, ♀. Мы поднялись ровно в 2 часа ночи. Прискакал нарочный из С[айн]-н[оин]-к[урэ] от Верхотурова с письмом о приходе автом[обиля] из Уйцзэ-ван и о том, что машина в пятницу, в полдень, уходит обратно. Что делать? Всех поднять на ноги и начать готовиться в путь! Так как у нас бы-

ло все подготовлено, все уложено и в ящики, и в мешки, то мы последнее дело быстро окончили и в 7 часов уже покатили в С[айн]-н[оин]-к[урэ]. Я ехал впереди, скорее, мои — Пшевик, Ганчжуров и Чэватор сзади, наш багаж, главным образом коллекции, шел на двух сарл[ыках] во вьюках. В ½ 11-го я уже был на месте, и едва вступил во двор — увидел машину, а переступив порог — и шофера Посылина. На его улыбку я ответил своей, широкой, в особенности когда он передал мне известие, что привез деньги (1800 дол[ларов]), письма и посылки. Через ½ часа прибыл и мой транспорт. Я пробежал некоторые письма, газеты и проч. Едва прибыли наши — сели обедать, а затем переснаряжаться на автомобиль. Ганчжуров должен был увести на бивак экспедиции деньги и посылки.

Мы покатили в юго-восточном направлении в Уйцзэ-ван. Общий хар[актер] местности — гористый, пустынный и почти безлюдный. Мы пересекли три горных отрога, лежавших нам поперечно. Между ними залегали долины с языками, теряющимися в ущельях; кое-где блестели скованные льдом ручьи, на жалком корме паслись бараны, трусившие автомобиля, собаки старались перегнать нас, но этого им не удавалось.

Наконец, еще один горный, темный, безжизненный кряж (со следами вулканич[еского] происхожд[ения]) с тремя субурганами на вершине, и вашим глазам представляется курэ Уйцзэ-ван. На первом плане — постройки средней руки монастыря, на втором — торговые фирмы русских, Монценкоп, «Шерсть», китайцев; русских мало, китайцев много.

Мы на квартире у английской фирмы. Нас встретил mr Миллер, поломавший машину. Его шеф, mr Tomson, хотел укатить на верблюде, впрочем, счастливо подвернулся автомобиль торгпредства, который и увез счастливца в Ургу. С Томсоном ушла наша последняя почта.

Вскоре я принял представ[ителя] Монценкопа Хаткулина, а затем и предст[авителя] «Шерсти» Таликова. Все эти милые отшельники страшно рады видеть проезжих русских. Я в восторге от Гр[игория] Гр[игорьевича] Таликова, которым интересуются монголы, а он ими. «А какие здесь горы? Лавовые? Из потоков? А каковы результаты Ваших раскопок в Олун-сумэ?»

Напротив английского здания колодец, глубиною свыше 3 саж[еней], на вкус вода хорошая.

Погода приличная, небо в ярко-красных полосах, перистые облака, свежо. Вокруг торговых фирм ютятся бедняки-монголы.

После ужина мы вскоре же улеглись спать; свой малый сон прежней ночи мы восполнили, так как спали от 7 часов вечера до 7 часов утра.

12/XII, ♄. Утро ясное, тихое, свежее. Я хочу сегодня снять вид монастыря и прилежащих к нему горных кряжей с тремя субурганами. Около полудня я прогулялся к монастырю, народа было масса, все ламы. При южной окраине монастыря как раз расположен кэрэксур. В центре обители расположены рядом: храм Чойрэн тибетской архитектуры с выпуклыми золочеными знаками-барельефами, среди них имеется и санскритский; восточнее — новый вычурный храм цвета светло-серебристого, тогда как Чойрэн окрашен в красный цвет.* На юг открывается через горный островидный кряж безграничный

---

* В Уйцзэ-ван [сделано] два снимка: уголок монастыря и группа наших во дворе.

простор — серый, дымчатый, почти равнинный, лишь слегка волнистый, тянется далеко-далеко в полуден[ном] направлении. Северная половина вся заполнена горами. Уйцзэ-ван служит границей перехода гор в равнину.

По дороге я зашел в Монценкоп и к Таликову; к сожалению, последнего не застал. У Таликова оригинальная юрта — большая, высокая, из досок; говорят, что она легко переносима. Внутри нее чистота, уютность, опрятность; для Монголии такое помещение на редкость прекрасное.

И здесь, в Уйцзэ-ване, очень много собак исключительно темной окраски; всюду грызня, лай. Наши механики непрерывно два дня возятся с исправлением мотора второго автомобиля и к вечеру второго дня привели его в порядок.

Небо покрывается облаками. Очень нежелательно большее ухудшение погоды. Не имея барометра, нельзя предвидеть заранее ее ухудшение. Ночью от СЗ тянуло слабым ветром.

13/XII, ☉. Утро серое, холодное; на юге слоистые облака, на ЮВ перистые, сквозь которые солнце выглядит расплывчатым диском.

Сегодня наши механики соберут машину, попробуют ее, а вечерком будем укладывать наш багаж. Очень хочется скорее добраться до цели, прибыть в Ургу и действовать среди интересных людей.

В 2 часа дня я с Таликовым отправился осмотреть храмы. В общем они мрачны и сравнительно с С[айн]-н[оин]-хановскими бедны. Большинство бурханов писаные или затканные, среди них имеются весьма ценные и интересные. На двери, обеих половинках, изображены preta[237] с каймой из черепов внизу. Это во второст[епенном] храме, малом, двойном, при переходе из дер[евянно]-кам[енного] храмика в мол[итвенную] юрту.

При годовом летнем празднике Майтреи на площади против соборного храма стоят, словно мачты, рамы из самых выс[оких] лиственниц для развешивания шелково-золоченого бурхана Майтреи. Это вроде [как в] Цзунхите в хребте Алашань.[238]

На юго-вост[очной] окраине монастыря красуется дерев[янный] столб высотою в 1 сажень, на верху этого столба, на ¼ аршина ниже от вершины его грубое изображение из дерева семенника — члена с яйцами. Это сооружение сделано было вследствие того, что с вершины горы Ноин-ула* по ночам прилетала в монастырь ведьма, искушала лам и была виновницей оставл[ения] ламами монастыря и перехода в степь, в быт кочевника-семьянина. Старейшие ламы долго судили и рядили, как избавиться от такого дьявольского наваждения, в конце концов и придумали такое сооружение, чем и избавились от нежелат[ельного] нашествия ведьмы. Теперь ведьма хотя и летает, но она вполне удовлетворяется семенником столба. Жаль, что я увидел семенник дов[ольно] поздно и не успел его снять.

На обратном пути необходимо заснять в северо-восточной окрестности Уйцзэ-вана погребение и каменный столб с рисунком человека, равно не преминуть исследовать горячий ключ, в котором монголы купаются с целью излечения от ревматизма. Конечно, и семенник.

Ночь облачная с юго-восточным ветром прошла сравнительно скоро.

---

* Гора Ноин-ула расположена к ВЮВ от Уйцзэ-вана, в 17 верстах; она одинока, высока, темна, на вершине увенчана обо.

14/XII, Ɔ. Мы поднялись дов[ольно] рано, в 5½ часа, а выехали ровно в 9 часов. Утро облачное, с тем же юго-восточным ветром. С нами поехал Г. Г. Таликов, завед[ующий] «Шерстью». Наш курс на СВ. Гора Ноин-ула осталась южнее. На западной окраине дол[ины] Онгиин-ула, немного севернее от нашей дороги, среди степной равнины, имеется одинокая могила жены Таликова, умершей в августе, 7-го, от паралича. Бедный муж сошел с машины и с рыданием припал к еще свежей могиле жены. Тяжело даже со стороны смотреть на искреннюю, тяжелую скорбь жалкого, убитого горем человека.

Общий характер местности следующий: по мере удаления к ССВ вырастали горы, а полуденную же сторону они мельчали; между отрогами извивались долины. Через 15—18 верст миновали Онгиин-гол, шедший в камен[ном], местами делящемся на несколько рукавов ложе. Вода струилась под крепким льдом. Там и сям стояли стойбища монголов в 5—7 и 10 юрт, а вокруг бродил их скот. Местами дорога пролегала в виде темной, набитой, змееобразной ленты, местами она совершенно терялась или была едва заметна. Мы ехали спорко; только трижды застревали в плотных сугробах снега, в логах или лощинах. Во избежание новых застреваний нам приходилось делать большие объезды снеговых залежей, но это обстоят[ельство] все же давало нам возможность сберегать время.

В общем местность полупустынная, горы темны, безжизненны и лишь долины отливают желтизной кормовых, съеденных наполовину трав. В немногих местах имеются колодцы, числом четыре на протяжении 150 верст. Как раз в середине дороги стоит кам[енный] столб, но я к нему не подходил (¼ в[ерсты] в снегу.). А в 50 верстах от Мишик-гуна, севернее дороги, стоит каменное изваяние человека с головой, сзади подперта гранитная выветрелая плита со слабо выраженным орнаментом. От этого места по направлению в горы, на восток, уходил провешенный каменный путь, теряющийся в соседних горах. Голова фиг[уры] была обмотана истрепавшимися гол[убыми] хадаками. Левою рукою фиг[ура] поддерживала отвислое брюхо, правою же ухватилась за сердце. Изваяние грубое. На голове низкая, объемлющая лоб шапка, низко спускающаяся через затыл[ок] и шею. Особенность фиг[уры] — это поясной ремень с высокими, короткими бляхами (на манер кавказских) и с подверткой, вроде монгольской, от огнива, справа. Еще ниже спускаются, словно ремни ...*

Фотографирование я отложил до обратного следования (и столба, и фигуры), теперь было очень поздно. В сумерки мы были уже в Мишик-гуне у своих, русских.

Из дикой животной жизни мы отметили лишь стадо в 5 голов цаганцзере.

Сюда попали на именины (Полуянова), где находилась вся компания, тут же обитал с семьей и Попов. Милый П. П. Бармин приютил мою компанию, Елизавета Владимировна поместилась у Поповых, а я у П. И. Тараканова.

Отсюда я предполагаю забрать все коллекции. Это получится порядочный транспорт.

---

* *Далее предложение не закончено. (Прим. сост.)*

Небо сплошь укрыто облаками: мож[ет] пойти снег, еще хуже, если подует ветер; все это нам нежелательно, нам нужно звездное небо и тихое состояние воздуха. Ровно через час мои желания в полной мере исполнились: воздух был тих, небо блестело звездами, Млечный Путь узкой скатертью проходил через зенит. Тем временем именины протекали шумно, весело, с вином и картами.

Я улегся сравнительно рано, в 11 часов, но моя компания бодрствовала до трех.

15/XII, ☿. Утро полуясное, холодное, с юго-восточным пронизывающим ветром. До 9 часов провозились с укладкой дополнительного груза — коллекций, которые все, числом до пяти ящиков, мною были взяты, — а также и приведением в порядок машины. К нам прибыл только один молодой человек из «Шерсти», причем такой спутник, который усердно помогал в случаях откапывания машины из глубокого снега. В ½ 10-го утра авт[омобиль] понесся к кумирне, а затем на СВ по большой дороге вдоль урочища Гурбун-тэргэн. Прекрасно вспомнилось прошлое, те же картины местности, что и прежде. Наша дорога в самой долине терялась, будучи занесена снегом, путь авт[омобиля] проходит выше, косогором. Вот выехали на торную крепкую дорогу и до Тухума катили вовсю. И долина с белыми солончаковыми пятнами озер, и отдаленный Хайрхан быстро приближались. Какая громадная разница в движении на быках и на послед[нем] слове техники! Небо и земля!

Поднимаемся к узлу волнистого плато, отмечаем сончжэ; вдали виднеется массив Бичиктэ и его соседи. И тут, по вершинам и скатам увалов, снег — мелкий в долинах, в логах и оврагах — очень глубокий. Особенно тяжело приходилось передней машине прокладывать и разыскивать путь, но Посылин — молодец, знает свое дело, и мы смело несемся вперед. На половине дороги, у Бичиктэ, мы основательно зарылись в крутом овраге в снег. Машина погрязла до верха; жаль, что я ее не снял во время работ по откапыванию.

Тут, у Бичиктэ-дулан-хада, невольно вспомнилась теплая пора нашего первого здесь пребывания и интересного изучения любопытных скал с письменами не только у колодца, но и в других укромных местах.

Едем вновь; нежно-розовый и голубой тона неба сливаются в очаровательную световую гармонию. Нежно золотятся отдал[енные] вершины северных цепей Толы — зрительное настроение сообщается вашему внутреннему «я»; впечатление души — вам легко, радостно, приятно, ваша мысль уносится далеко-далеко и в прошлое, и в настоящее, и даже в будущее.

День погас, легли сумерки, вскоре незаметно перешедшие в ночь. Мороз крепчает, в воздухе будто туман, холодно, в особенности если несемся навстречу ветру. Свет фонарей изменяет положение местности; думаешь — нет равнины, кажется, спускаешься вниз или быстро поднимаешься в гору. А время — строгий математик — идет закономерно, но вам кажется, что оно остановилось, вам хочется добраться до места, но не тут-то было. Никто ночью не узнает местности, нам кажется, что мы уже давно миновали урочище Баэртэ, с догыном в стороне, где предполагали ночевать, и беспокоимся, что не туда попали, пробуем останавливаться, пешком и прожекторами изучаем местность — ничего!

В конце концов, делаем 6—8 миль назад и среди дороги ставим палатки, располагаемся на ночь. Весело затрещал огонь, но дым, едкий дым, режет глаза, вам не уютно, холодно (t –30.0°C), бр-рр; вы хотите скорее добраться до Урги.

Ночь тихая, ясная и длинная, длинная — бесконечная.

16/XII, ☿. Поднялись далеко до рассвета, холод еще более увеличился, висел туман; все кругом было покрыто инеем. Звезды мигали, словно переговаривались одна с другой. Между тем становилось светлее, все сориентировались, узнали место. Мы стояли в открытой степи, не доехав до догына еще верст 10. Оказывается, очень хорошо сделали, что вернулись вчера на настоящую дорогу: мы были на овражистой, летней [дороге] и могли заехать в трущобы. Теперь мы весело катили навстречу солнцу. То и дело показывались монголы, двигавшиеся то в одну, то в другую сторону. Высшие, белые вершины гор причудливо раскрашивались огненно-золотыми лучами, розовый и голубой тона сливались в художественную гармонию. Улыбка раннего утра действует на мою душу восторженным образом. Мне легко!

Мы катим вовсю, дорога спорится, так как становится более и более наезженной. Вот показались выступы гор, круто обрывающихся к Толе, а за ними далеко виднеются и сангинские вершины, знакомые «треугольники», уносящиеся в голубую высь.

От Сангина, от зоотехн[ической] станции пошла темная, пыльная дорога и вереницы обозов; чувствуется приближение населен[ного] центра. Что касается красавицы Богдо-улы, то она давно уже дала возможность любоваться собою. Невольно вперяешь взгляд в ее лесные ущелья. Мы так свыклись с мыслью, что скоро докатим до Урги, что забыли совершенно оглядываться назад на машину Миллера, а он как раз и бухнул в русло, закопался одной стороной глубоко-глубоко. 8 миль мы катили назад, чтобы спасти этого несчастного шофера: Посылин удачно вытащил утопленницу из снега (4 веревки, скрученные в общий жгут, дважды порвались, как ниточки).

Золотятся и искрятся ганчжиры на кровлях храмов и дворцов Да-курэ, приближается город; вот мы и у заставы. На наши машины садятся монголы-цирики, мы катим среди пестрой, широкой торговой улицы. Я отмечаю новые здания. Таможня также в новом месте, ближе к Толе, рядом с широко развернувшимися в общую линию ветер[инарной] станцией-управлением и Монценкопом. Какой контраст после тишины степной Монголии! В таможне новые порядки, новые правила, тут действует охранка, смело роясь в вашем портфеле и имея бол[ьшое] желание порыться в коллекц[ионных] ящиках.

Нетерпение вырваться из таможни выросло до больших пределов; наконец мы катим в дом Цокто Гармаевича,* где надеемся встретить приют. Мой спутник-друг уже нашел для нас прекр[асную], чистую, теплую комнату с видом на Б[огдо]-улу в доме английской экспортной компании. Мы хорошо устроились: чистота, уют, прекр[асная] еда, письма и газеты — все вместе подействовало на нас самым благотворным образом. У Марш[аллов] —

---

* По дороге я отмечаю нарядн[ые] здания, то широкие, то высокие: университет, В[оенный] штаб, Воен[ное] училище и, что лучше всего, — сквер с мол[одыми] деревцами.

ужин, чай, сласти и музыка, забываешь сразу Монголию, путешествие и его зимние невзгоды. А спанье в мягкой, чистой постели, в теплой комнате вдохнуло светлую струю оздоровления.

17/XII, 2. Проснулся в 7 часов: тихо, ясно; 30-градусный мороз теперь не страшен. Сажусь за стол, уже уложенный книгами, бумагами, пробирками, негативами, статуэтками, и любуюсь строгой красотой моей любимой Б[огдо]-улы. Еще лежа в постели набросал план этого первого дня в Урге. Непременное посещение полпреда Никифорова и знакомство с соврем[енным] положением вообще. В связи с посещ[ением] полпредства — непрем[енное] свидание с Дадиани, который любезным письмом уведомил меня о уже вышедшей книжечке «Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова»[239] и [о том], что она превосходно издана, с богатой иллюстрацией, и т.д. Ясное дело, мне страшно хотелось увидеть эту книжечку, как родное детище.

Утром, около 11 часов, я еду в полпр[едство], знакомлюсь с Никиф[оровым], его женой, Соловьевым-секретарем и с места в карьер читаю в кабинете свои впечатл[ения] с демонстрац[ией] фотографий. Тут же сидит Дадиани, сказавший, что у него имеется книжечка и что он покажет ее мне.

Никифоров и его сотрудники мне понравились своей деловитостью, серьезностью. На мое предложение, по прежнему примеру, отправить коллекции, Ник[офоро]в заметил мне: «Тут лежит много каких-то ящиков с датами, вероятно, это ваши вещи, оставленные до прих[ода] экспедиции обратно в Ургу, не знаю. Хорошо, что вы сами налицо и этот вопрос выясните!». Побеседовав немного, в общих чертах, с П[етром] М[ихайловичем], который, между прочим, просил прочесть ему, как полпр[еду], с К° лекцию, я расстался с ним и пошел с Соловьевым и Дадиани посм[отреть] ящики и получить книжечку. Идем. Отворяется дверь сарая: в углу сгружены все мои ящики числом ...* Мне стало больно-больно сердцу, и я громко разразился далеко не лестным отзывом по поводу васил[ьевской] клики. Меня успокоили, что ошибку и небрежное отнош[ение] к коллекциям экспедиции Козлова исправят и скоро, с первой диппочтой (теперь она идет через Калган), повезут «несчастные» ящики.

Поговорили немного и о суммах, хранящихся для экспед[иции] в полпредстве, и о другом, и я распрощался с Соловьевым и вместе с Дадиани пошел домой. Книжечку, конечно, я уже держал в руках, перелистывал, умилялся ее внешнему виду и выпросил у Д[адиани] для себя. Странно, что не выслали эту книжечку для моей экспедиции или мне лично, это грешно и недопустимо. Дадиани, кроме книжечки, снабдил меня еще и газетами, и вырезками с заметками о моей экспедиции или имеющими к ней близкое отношение. Проводив меня до дома и согласившись взять мои письма для опуск[ания] в ящик в Москве,** Д[адиани] оставил меня, и

---

* *Далее оставлено место для указания количества ящиков. (Прим. сост.)*

** Явилась потребность написать: Володе, Ольденбургу (вставку «Верхний курган») и Берлину о скорейшей доставке коллекций в Петроград.

я весь ушел в ознакомление с книжечкой и вырезками из газет (кстати, я был в одиночестве). К нам стали заглядывать наши знакомые, прослышавшие о нашем приезде. Тут же объявился и наш стипендиат Коля Кузнецов, занимающийся нынче весьма удовлетворительно, в компании со своей сестрой Лидочкой. Пахнуло знакомым, насиженным, словно родным.

Обедаем у Бадмажап[овых], утром чай и ужин получаем у Маршаллов.

Свои ящики разобрал, приготовил все к дальнейшему привед[ению] в порядок (фотогр[афии] и колл[екции]).

18/XII, ☿. По-прежнему холодно; еду к парикмахеру, фотографу и Кузнецову. Фотограф-китаец с русской женой встретили будто родного. Мне было очень приятно; несмотря на зиму, все же обещает мне приготовить много снимков.

Направляюсь в Учком и там вижу одного библиотекаря; знакомлюсь с фотографиями Боровко, который побывал у черепахи и у горы Бичиктэ, беру атлас Орхонской экспедиции Радлова и иду пехом, конечно, к своему другу Жамцарано. Последний согнулся в три погибели. Однако при виде меня, при выслушивании моего повествования и демонстрации фотогр[афических] снимков со скал с письменами, рисунками, орнаментами мой друг оживился, глаза засверкали огоньком, брови запрыгали, и мы говорили без конца. Он легко перевел, бегло читая письмена одни и другие, и выпросил экземпляр с письмом в 17 строк. Урочище это называется Доут-нуру, или «Звонкое озеро», а самые скалы с письменами и рисунками — Доутайн-хара чулу — «Звенящие черные камни».

Пришлось открыть ящики личного имущества и кое-что извлечь из них, так, например, подарки для новорожденной и моего крестника — ребенка англичан Маршаллов, ребенка, которого крестил я вместе с моим америк[анским] другом Эндрюсом.

Готовлю вышеуказанные письма для Дадиани в дорогу. Морозно по-прежнему.

19/XII, ♄. Полуясное небо, туман и дым поднимаются над Толой и на склон Б[огдо]-улы. Этот массив угрюм, задумчив по-зимнему; снеговой фон и фон темной древесной или лесной зоны выделяются контрастно. Веет мертвой тишиной, безжизненностью. Я очень рано еду, с нетерпением, к китайцу-фотографу. Мои проявленные негативы «шибко-шибко хорошо» порадовали меня; выяснился недочет в моих негативах последних серий: мы их мало держали в проявителе, а некоторые не додержаны и в закрепителе, тут виновником явился всецело мой Пшевик, который теперь скорбит из-за всего этого.*

Китаец-фот[ограф] в неделю даст коробку или дюжину с тремя отпечатками с каждого негатива. Далее я направился с другой дюжиной пласт[инок] к харбинцу-фот[ографу] и от него потребовал также выполнить в неделю не менее дюжины. Следующий ♃ будет для меня до некоторой сте-

---

* Дело в том, что летом вода теплее, проявл[ение] и закрепл[ение] гораздо интенсивнее, нежели осенью—зимой.

пени решающим в смысле огорчения или сносного состояния при виде отпечатков в двух мастерских.

Отсюда я смогу, может быть, послать отчет в Географическое общество с приложением новых оттисков. Из Куреня я прокатил на извозце в торгпредство и там почувствовал, что с меня хотят получить сторицею за все поездки на раскопки, отправл[ения] посылок и т.д. Это второй неприятный сюрприз, если считать оставление коллекций за первый.

Вчерашний и сегодняшний вечера подряд мы провели у гостеприимных Шастиных (первый вечер по случаю визита, второй — дня Н[ины] П[авловны] и Николая). На сег[одняшнем] веч[ере] видел педагогов с Чибисовым во главе, они передали мне очень приятное сведение о нашем воспит[аннике] Коле, который учится выше среднего.

Праздник Нины Павловны прошел удачно и музыкой на пианино и многост[рунной] гитаре усладил слух.

Мы вернулись с Маршаллами позднее полуночи; один из англичан, Картер, свалился в снег, поскользнулся у дома [Бадмажапова], чем вызвал звонкий смех, разбудивший Бадмажапова.

20/XII, ⊙. Погода прежняя: полуясная, тихая, холодая. Вчера я получил от полпреда Никифорова любезное приглашение на чашку чая вместе с Елизаветой Владимировной (в 6 часов дня на сегодня). С утра пишу дневник, не заполненный с Мишик-гуна. Праздник. Многие узнали и продолжают узнавать о нашем приезде и навещают нас. Вдруг объявились Борисовы из нашего Сугунура. Куме я подарил крестик (золотой для моей крестницы) и 3 доллара на платьице и игрушку. Павел поведал мне о том, что он ничего не знал о моем приезде, иначе позаботился бы привезти мне зоологические объекты, так как он наблюдал новые формы: черную пищуху, сову и любопытную маленькую, в рост поползня, птичку в дол[ине] Верьи.

Расставаясь с моим охотником, я дал ему наказ добыть, непременно, все то, что он указал мне и что находит интересным вообще из всего им встреченного на охоте.

Потом нас навестил Дуду, которого мы всегда рады видеть и которого любим и с которым не наговоримся. Перед самым отъездом в полпредство зашел и П. Н. Шастин, перед которым пришлось извиниться.

Мы поехали (я и Елизавета Владимировна) без десяти 6 часов и были приветливо встречены семьей П. М. Никифорова, у которого уже сидели Михельманы, и вскоре прибыли Онищенко, Семеновы и Соловьев тотчас после или вслед за нами. У ярко пылавшего камина меня расположили говорить о путешествии, и тут же, с места в карьер, П[етр] М[ихайлович] предлагает взять машину и мне лично прокатиться с коллекциями до В[ерхне]удинска. Я поблагодарил за внимание, но не счел нужным ехать лично, а настоятельно просил немедленно их отправить в сопровождении надежных лиц и всякого рода охранных грамот.

Затем нас пригласили к столу, собственно хозяйка, а П[етр] М[ихайлович], извинившись, направился в торпредство, где шел оживленный праздник по случаю 20-летия революции[240] с ужином и танцами, чтобы показаться там. Я просил разрешение после нашего чая показаться на народ.

Но затем жалел, что это сделал, так как мне устроили шумную овацию с горячими речами и т.д. Тут я многих видел и посмотрел на веселящуюся,

танцующую молодежь. В конце концов я отлично устроился в комнате шахматистов и мог поговорить и с Соловьевым, и с другими нужными мне лицами о делах моей экспедиции. Елизавету Владимировну и меня мило угощала Дуня Всеволодова — наша юная должница. В результате переговоров с Соловьевым я составил конспективное телеграфное сообщение для РОСТА. Только не знаю, в таком ли оно виде попадет в печать, на столбцы газет? «Экспедиция Козлова обогатилась новыми ценными результатами, зимует в двух районах Монголии: Глаголевская партия [в] низовье Эцзина, отряд Козлова [в] южном Хангае. Глаголев прошел пустынным маршрутом в Монгольский Алтай, новым путем проник в Хара-хото, собрал интересный археологический материал и занялся изучением торгоутов. Козлов на всем своем пути долиною Толы, районах Мишик-гуна, Сангин-далай, Восточного и Южного Хангая шел непрерывным полем исторических памятников, связав свои исследования с работами Радловской экспедиции [в] бассейне Орхона. Экспедиция Козлова открыла много письмен, орнаментов на камнях, монолитных скалах, равно гранитные памятники, развалины больших монастырей, усыпальницу 13-поколений Сайн-ноин-ханов, покоящуюся на гребне Хангая, и обогатилась новыми археологическими данными. Весною Козлов направится в Хара-хото. Транспорт археологических и естественно-исторических коллекций экспедиции прибыл [в] Ургу — Улан-батор».

Этот текст я составил тотчас по возвращении к себе домой с праздника, в 10—11 часов вечера. Барометр падает, небо в слоистых облаках.

Дни бегут со страшной быстротой, просто не замечаешь их.

21/XII, ♑. Утро туманное и над Ургой дымное; дым стелется вдоль долины Толы, взбегая на грудь и плечи Богдо-ула. Солнце приветливо озаряет монастырские золотые кровли и курчавую голову Богдо-улы. Я было сел за дневник, как преждевременно прибыл за мною Юдин сказать, что сегодня готовятся машины в Верхнеудинск, на которые будут грузить наши коллекции; мне необходимо проверить их номера и сделать осмотр их общего и частного состояния. Поехали, открыли сарай, и я начал производить осмотр; мне помогали комендант Л. И. Юдин, шофер Ежов, рабочий. Мы быстро очистили угол, разложив ящики и тюки по полу амбара-сарая; все ящики оказались сравнительно в приличном состоянии, но не все в последовательном порядке, а именно должны были быть с № 60 по № 80 включительно, т.е. 21 место. На самом деле их обнаружилось лишь 19, так как налицо не оказалось двух номеров — № 63* и № 66. Стали писать, составлять охранные грамоты и часть из ящиков (последние номера) опечатывать: летом мы очень торопились и не успели этого сделать.

Какая горькая обида! Все эти сборы — и звери, и птицы, и растения, и рыбы, и змеи, и ящерицы, и насекомые, и камни — должны были быть в Зоологическом музее Академии наук, а археология в Российской академии

---

* По осмотре моей пам[ятной] книжки оказалось, что № 63, с соболем, уже в Зоологическом музее Петрограда, что известно из письма А. А. Бялыницкого-Бирули, но № 66 не нашелся. С чем он — узнаю только по присзде домой, на бивак в Хангай. 3 ящика Павлова также оставлены.

ист[ории] матер[иальной] культуры разобраны и поверхностно определены, а не тут в сарае, где подвергаются всякого рода явлениям отрицател[ьного] характера. Но нечего делать, надо покоряться необходимости, надо работать над тем, что имеется налицо. Составляем опись и т.д.

Я долго беседовал с Соловьевым, между прочим, о комнате, освобожд[аемой] Дадиани.

Полпредству неприятно, что Козлов живет в английской концессии. Ну, пока что, пока в комн[ате] Дадиани проживает консул из Кобдо, а я здесь сортирую коллекции, мне не грешно пожить и на английской территории.

Вдруг получена телеграмма из Заин-шаби от Симукова — это золото тоже ползет, тоже тянется на родину, на отдых. Ни у одного из Глаголев[ской] партии нет силы духа и той любви и пламени, которые были свойственны Роборовскому или мне. Такие оболтусы, как Андрей и Даниленко, не смогли выдержать до конца своей марки, словно у них нет сил ни физических, ни нравственных. Подобные вещи на меня, наприм[ер], действуют очень неприятным образом.

Сегодня я отлично вымылся в бане Цокто Гармаевича, новой, хорошо оборудованной; мы как-то немножечко пообчистились, стали благороднее.

Ну, кажется, я теперь догнал день дневника, и можно писать не задним числом, а непосредственно.

22/XII, ♂. Ясно, свежо, дым стелется в северо-восточном направлении. Над вершиною Богдо-улы проносятся слоистые облака; весь северный склон этого массива в снегу.

С утра я отправился в полпредство, где видел Бубновского (из пролетариев) — консула в Кобдо, отличившегося чрезвычайным пьянством и буйством, за что был изрядно побит сотрудниками Монценкопа.

У одного из зданий полпредства грузили, точнее, закончили погрузку моих научных коллекций; все ящики уложены отлично, надо надеяться, что они дойдут превосходно. Машины, три, все ушли в 11 часов утра. Затем я побывал в канцелярии полпр[едства] и получил два чека (на 2500 руб. золотых и 1000 черв[онных] рублей) на сумму 3500 руб., что с 2 т[ысячами], ранее взятыми, составит в сер[ебряных] дол[ларах] 4500 руб. В компании дам меня доставили к дому Цокто Гармаевича к обеду; мои спутницы (3) укатили в город за покупками к большому празднику. Моя Елизавета Владимировна и missis Marshall тоже в городе.

Шофер полпредства Ежов просил моего содействия устроить его жену к матери Иды Павловны, чтобы брать у нее уроки музыки на пианино.

Как жаль, что не пришел китаец-столяр для получения размеров на ящики под укладку коллекций экспедиции.

Чай пили у Цокто Гармаевича, а ужинали у Маршаллов. По возможности не упускаю ни часа времени, чтобы его не использовать для дела по новому снаряжению ящиков с коллекциями для Петрограда.

У Бадмажапова виделся с Дуду, который пригласил нас с Бадм[ажаповым] в субботу вечером.

Ночь полуясная, морозная. Спим в тепле, превосходно.

23/XII, ☿. Ясно, тихо, холодно. Утром работаю по писанию делового письма [Бялыницкому]-Бируле. И почту, и косточки грызуна, и почву, в

которой они лежали, — все отправляю вместе с птицами теперь же в Зоологический музей. Параллельно надо написать Володе и о тибетской книге (если пойдет), и о геологических №№, оставшихся от [Бялыницкого]-Бирули.

Приезжал Меркулов, чтобы получить данные о Юм-бэйсэ как центре для устройства наблюдательного пункта, впоследствии консульства, распростр[аняющего] влияние до китайских владений, до Внутренней Монголии.[241] Это — личное обращение ко мне П. М. Никифорова, надо сделать.

Потом в компании с mr Маршаллом я направился в банк, где был принят его директором И. Д. Ивановым самым лучшим образом. С ним и Михельманом удалось кое о чем побеседовать. Новое помещение банка прекрасное, внешность базируется на прочном фундаменте, на прочных финансовых богатствах.

За стаканом чая время бежало незаметно, Тугаринов говорил о своих охотничьих (неправдоподобных) удачах. Тем не менее он привез огромного аргала из Монгольского Алтая, из окрестности оз. Тугурюгин-нор. Иванов и он, в конце концов, склонились этот экземпляр (и шкуру, и череп с рогами) по моему указанию и через мое посредство передать Зоологическому музею Академии наук.

В банке, как таковом, я произвел следующее: по чекам полпр[едства] (2½ тысячи зол[отых] и 1 тысяча черв[онных]) я положил на мой текущий счет 2200 сер[ебряных] мекс[иканских] долл[аров]. Теперь у экспедиции имеется фонд в 3000 с[еребряных] м[ексиканских] д[олларов], и я хотел, чтобы он таким оставался до самого конца нашего путешествия. Остальное, т.е. 1000 червонцев и 300 с[еребряных] м[ексиканских] д[олларов], я получил на руки, что следует отметить в аванс Гусеву.

Маршалл доставил меня к Цокто Гармаевичу обедать, остальное время я работал дома, а мой Пшевик занимался у Жамцарано, который переводил надписи на скалах Доут-нуру или Доутайн-хара-чулу. Вот интересно будет их тут же, в дневнике, отметить!

Дата: в 1501 году речь была произнесена, а в 1505 году записана на камнях.*

Надпись, выгравированная на скалах Доутайн-хара-чулу (Мишик-гун), перевел с монгольского Ц. Ж. Жамцарано:

В год белой Курицы, первой осенней Луны 21-го числа Цокто-Тайчжи (находился) на горе, что к северу от Цэцэрлика Хангай-хана (охотясь по северным горам Цэцэрлика Хангай-хана).

Выехав на облаву на своем покрытом бронею коне Халтыре,** поднявшись на вершину, он смотрел на восток и печалился сердцем (очень сильно опечалившись сердцем), тоскуя о своей старшей сестре Калготе (произнес сии слова и заплакал). Заплакав, сказал сии слова:

---

* Монгольские письмена заключают в себе несколько мыслей, высказанных некогда известным борцом за староверческое учение красного толка Цокто Тайчжи. Будучи изгнан из пределов родного хошуна вследствие религиозной борьбы, он сильно тосковал о своей любимой сестре, оставшейся на р. Ононе, и в сердечной печали предавался философским размышлениям, которые были записаны и выгравированы его последователями на темных скалах, похожих на «драгоценную медь».

** Халтыр — масть лошади: светло-гнедая с желтоватой мордой.

«Хотя и есть разница между местопребыванием Тэнгери-хана наверху и великими святыми на земле, но в своем счастье и любви (в смысле милосердия, — прим. переводчика) они одинаковы.

Хотя и есть разница в местонахождении бодисатв в пещерах Агиниста* и пребывающих на золотой земле людей, имеющих сердце Боди, — но в деле милосердия и сострадания они одинаковы.

Хотя и есть разница (различие) между законами и порядком добрых тушемилов — великих ханов на земле и судилищем Эрлик-хана (в потустороннем мире), но в суждении о правде и неправде они одинаковы.

Есть разница между местонахождением и телом человека, тщетно ищущего себе пропитание, и хищным зверем, бродящим по лесам и горам, но в убийстве и удовлетворении своего голода они одинаковы.

Хотя и есть внешняя разница между человеком, ворующим чужое вблизи и вдали, и волком, бродящим вокруг двора и высматривающим добычу, но в алчбе своей (своем стремлении к еде) они одинаковы.

Хотя и велико расстояние между Халхой и Огнютской землей, хотя и далека моя сестра Калгота на Ононе от меня, кочующего (больного сердцем кочевника) по Орхону и Толе, но тоска и любовь соединяют нас (во взаимной тоске и любви мы одинаковы).

Если мы даже и не увидимся в этой жизни, то в будущей (жизни), в каждом перерождении мы будем помогать друг другу во всех делах, подобно тому, как нежная мать помогает своему ребенку».

Сии слова, произнесенные с горькими слезами, запомнил сопровождавший Цокто-Тайчжи Ирхэ и записал в книгу. Через четыре года, в год Мыши, 18-го числа первой Луны, свитские Данчэн-хя и Хуэн-батор вырезали слова его на скале.

Продолжение рядом, на соседней, покатой скале (8 вертикал[ьных] строк):

«Поклоняюсь бурханам: Самандабадри, Аминдева и Шигемуни! Поклоняюсь Хэ-ваджре, Дагини-Эхэ и Бадзар-бани! Поклоняюсь высшему Тэнгрию, хану и ханше и всем благо дающим людям! Ом-мани-падмэ-хум! (6 раз).

По указу Джалайрского Цокто-Тайджи, внука хана, в поколении Чингис-хана, Дайчэн-хя и Хуэн-баатор, вдвоем, по случаю Хутухту-хана, по прошествии с рождения Чингис-хана года водяного Коня 464 года, в год деревянной Мыши, начинающий цикл, и в великий белый день 15-го (числа) месяца огненного Барса, начинающего месяцы, на скале, подобной драгоценному нефриту, написали».

Заключение Ц. Ж. Жамцарано в письме: «Надписи на камнях разобрали, и грубый перевод даю. Год нужно исправить на 1624. По-видимому, надпись относится к этому времени и принадлежит князю Цохор Цокто. Ц. Жамцарано».[242]

3-я скала-утес по-санскритски и по-тибетски: «Ом-мани-падме-хум», а по-монгольски: «Написал младший брат Дайчин-хя».

Вечер проводили и ужинали у своих, Бадмажаповых. Ночь облачная.

24/XII, 2. Утро также облачное, с северным ветром и снегом. Серо, мрачно. На улицах торгового города масса народа с покупками. Все торо-

---

* Агиниста — рай.

пятся, хлопочут; меня доставили к китайцу-фотографу в 9½ часа, и, как всегда, он доставил мне много приятного. Снимки или отпечатки с моих негативов скверные — никуда не годятся, думают другие. Но, нет! Действительно, очень и очень хорошие; я его благодарил, хвалил и был радостно настроен. Другое ожидало меня у ж[ида] Юдовича, который не только скверно и грязно отпечатал, но даже поломал один негатив — вот скотина!

Пришлось искать другого мастера в лице немца Мюллера — не знаю, как он выполнит мою задачу? На всякий случай я дал ему 13 негативов с баллом 3, за исключением двух-трех, весьма удовлетворительных. А китаец получил 15, преимущественно хороших.

Пока готовлю транспорт коллекций, мои мастера что-нибудь сделают для меня к понедельнику, 28 декабря. Тем временем непременно надо побывать у Тугаринова, посмотреть каменного или дикого барана — шкуру с белой грудью и черепом.

В общем, сегодня я много занимался, писал, укладывал, опять сортировал и коллекции, и подарки. Мистеру Маршаллу поднес для его жены в подарок очень интересную камею. Он же (Маршалл) пришел ее купить у меня (для подарка жене). Надо помнить, что Маршалл дал возможность нам прибыть в Ургу с небольшим транспортом коллекций и отправить их в Ленинград для изучения и определения.

Была у меня и Маня Андреева из Убулуна — она учится (и хорошо) и всегда выступает на актах и праздниках школьных, так как она прекрасно читает стихотворения. Сегодня случайно узнал, что строгая, справедливая учител[ьница] — жена такого нечестного шофера П[осылина], который, довезя от Троицкосавска до Урги, дает счет от Верхнеудинска до Улан-Батора! Удивительные люди эти шоферы, недаром они не пользуются доброй славой.

Канун праздника — поворот ☉ на лето — ознаменовался легким возмущением атмосферы. Мы ужинали у Маршаллов, а затем Елизавета Владимировна у них же помогала убирать елку; я присутствовал недолго, сидел большей частью у себя и писал до полуночи.

Погода исправилась: стихло и прояснело, Луна и звезды ярко озаряют землю. (Однако пора спать.)

Рождественский сочельник благополучно прошел. Мороз трескучий.

25/XII, ♀. Праздник Р[ождества] Х[ристова]. Ясно, морозно, ветрено. Мысль далеко-далеко на родине обнимает милых друзей. Она же убегает и к родному биваку в Хангае, в соседство аршана, и в низовье Эцзин-гола, в Хара-хото и т.д.

Мы у Маршаллов с 8 часов утра обычно пьем кофе, едим. Позднее идем в гостиную, на елку, она в северо-западном углу, до потолка. По углам висят диагонали гирлянд; все взоры устремлены на елку и под елку, на разноцветные узлы. Первыми получили много пакетов дети, за ними взрослые. Мы нашли в своих пакетах: я — кашне и большую кор[обку] конфект, Пшевик — флакон отличных духов. Полезное, изящное, вкусное и сменялись с удовольствием. Mrs Маршалл заметила мой вкус (духи) и старалась запомнить это на будущее время.

Я любовался тем, какое впечатление производила на детей та или иная игрушка, тот или иной предмет (и как они устремлялись глазами и на свои, и на подарки других).

В 12 часов нам сказано: «Будем обедать, будем лопать холодные закуски!», а там начнется шумный детский праздник, там будет кинематограф!

Денег выходит много-много. И мы невольным образом считаемся с праздником, его неизбежными лишними расходами.

Я обедал у своих Бадмажаповых и только вместе с их семьей. Елизавета Владимировна помогала mrs Маршалл, у которой и закусывала. Съезд детей начался в 2 часа, набралось их 43 (да еще мамы и няни и т.д.). Около 3—4 часов времени возились с детьми: то их занимали играми, то угощением, то раздачей подарков, то кинематографом. В конце концов многих развезли, многие ушли или укатили своими средствами.

Между тем я успел навестить моих друзей Геранцевых и побесед[овать] с ними. Они, конечно, такие же славные, что и прежде. Их принудили закрыть их предприятие! «Становится не в моготу от налогов и "отношений"».

Потом я возвратился к Маршаллам и весь вечер провел с ними и за их праздничным обществом. За столом сидело 14 человек, все были самые близкие люди, и все они отлично знакомые или даже близкие (как Бадм[ажапов]) нам.

После ужина танцы и игры затянулись до 1— 2 ночи! Праздник удался.

26/XII, ♄. Ночь звездная, тихая, холодная; 27-градусный мороз дает себя чувствовать. Утро такое же; после праздника все спят долго-долго. Пойду в Учком.* Б[огдо]-ула также тиха, спокойна и вся находится под голубым небом и косым солнцем. Вскоре я поехал в Учком, где на самое короткое время виделся с Лисовским и условился на продолжительное свидание в понедельник. Жамцарано был у себя дома; он участвовал в заседании с Цэрэн-Дорчжи, с которым мне также необходимо свидеться и потолковать о путешествии, о его прошлом и предстоящем.

Побывали мы затем и у донира, с которым должны обстоятельно поговорить завтра, уже у нас. Донир неожиданно растерялся и вместе с тем обрадовался. Был, как всегда, очень приветлив и любезен. С ним ютился в юрте его собрат — высокий тибетец.

Ко времени веч[ернего] чая прибыл Андрей, вручивший мне донесение от Глаголева и немного сориентировавший меня вообще о деятельности Восточн[ой] партии моей экспедиции. Андрей Симуков был в пути ровно месяц и сначала стремился в южный Хангай, на бивак экспедиции, где отдыхал двое суток, и должен был вернуться в тамага для получения цзары на следование в новом направлении — в Ургу. Мой спутник устал, разбился на ноги.

Вечер мы провели у Дуду, где нашли время поговорить по душам и вдвоем, и втроем при участии Цокто. А[ндрей] А[лександрович] собрал всех своих сослуживцев, 30 человек, и угостил на славу, говоря: «Ведь это бывает только один раз в год!». Дуду, его сангинцы должны были назавтра ранним утром направиться в Сангин, где предстоял в тот день осмотр противочумной станции.

---

* Говорят, еще вчера выходил туда долго болевший Жамцарано.

Мы, Пшевик и я, возвратились домой в ½ 1-го и на кухне нашли веселую компанию (интернационал), справлявшую по-своему праздник с пением, выпивкой и т.д.

Мы долго не смогли уснуть, но зато, уснув, проспали до позднего утра — ½ 9-го, когда, по обыкновению, ходим на утренний завтрак — чай.

27/XII, ☉. Утро полуясное, по небу там и сям лежат перистые облака, в долине Толы туман; температура воздуха на заре прежняя — около –30.0°С; здорово, изрядно холодно.

Китаец доставил еще три ящика под черепа и птиц (не забыть уложить книгу и об этом своевременно поставить в известность Володю) и снимает размеры на последний заказ в 3 ящика. Следует укладывать коллекции, чтобы не задержать Андрея с отправлением в В[ерхне]удинск и далее.

Зимние невзгоды усиливаются: снега становится больше, морозы крепчают. По-прежнему обедаем у моего друга Ц. Г. Бадмажапова. Сегодня тут встретили Ив[ана] Дмитр[иевича] Иванова, с которым всегда приятно говорить; я всегда от него получаю сведения о Китае и т.д. Итак, Фын-юй-сян успешно продвинулся до Тяньцзина, его соперник отброшен; что произойдет дальше — учесть трудно. По улицам Урги продолжают двигаться транспорты на пополнение Фын-юй-сяну.

После обеда у нас были Шастины и Андрей, который живо повествовал о путевых впечатлениях его партии, а до обеда мы принимали нашего тибетца — донира с его высоким спутником. Новое дело с Тибетом: туда отправлен караван с самым существенным для Тибета и его молодой армии. Начинают завязываться будто «дружеские» отношения и сношения.

Андрей мне доложил об общем состоянии Вост[очной] партии и, в частности, о Глаголеве и Котике; последний имеет больше шансов за невозвращение в экспедицию. Глаголев еще очень мало практически подготовлен к путешествию; может быть, сам Андрей наиболее пригоден для путешествия. О Павлове слышно, что он стремится в Хангай с молодежью, на лето.

Андрей желает побывать у своих с месяц и хочет вернуться в Сого-нор к началу пролета птиц. Сумеет ли быть человеком с волей и характером или поддастся уговорам его двоих наушников, в особенности того, который причинил мне столько неприятностей и раз и навсегда отдалил от себя?

Ужинали у Маршаллов и сравнительно рано вернулись домой и залегли спать.

28/XII, ☽. Серое, облачное, туманное, холодное утро, бр-рр! Неуютно, несимпатично на улице, так бы сидел в своей теплой комнате и никуда не выходил, а писал, писал.

Сегодня ровно год, что я приехал в Петроград с коллекциями, докладом. Как было приятно, высоко, жизненно! Сколько было энергии, подъема; с каким увлечением я разбирал коллекции (в музеях Русском и Зоологическом), с каким настроением выступал с докладами, лекциями, сколько приобрел новых, молодых расположений, симпатий, лично, воочию убедился в важности открытия археологических научных ценностей, узнал также и оценку сборов по исследованию живой природы Монголии, Юго-Западного Кэнтэя или Ноин-ула и т.д.

Утром я поехал к китайцу-фотографу получить исполненное и отвезти новую коробку, и на этот раз он меня своим исполнением сильно порадовал. Выяснилось, что слабые негативы следует выполнять на матовой бумаге; попробуем это произвести со столбами, полученными от Мюллера и другими — Улястэн-гол и т.д.

Заглянул на аргали тугариновского — хорош; надо будет взять его для Зоол[огического] музея; надо привести шкуру в полный порядок и отправить, а череп приобщить к черепу Capra sibirica — огромному бородатому козлу.

Далее я поехал в библиотеку и музей Учкома, виделся с Лисовским, смотрел картограф[ический] материал, в том числе и на верховье Онгиингола (Уптэн-гол) и рядом с ним приток; чувствую потребность в поездке на соседние биваку горячие ключи. Мимоходом взглянул на наш склад; к сожалению, ящики нужные стоят глубоко в общей группе и достать нужный, № 27-й, не так-то легко! Это надо сделать завтра.

Жамцарано в восхищении от византийского орнамента на гранитной плите; повторяется влияние и связь Востока с Западом. Это то же, что и связь «всадников», равно и «крылатого льва», и «человека со стрелою, направленной в птицу, держащую змею в клюве», с греческим творчеством.

Книга да-ламы — это 8000-ная Праджня-парамита[243] с интересными акварелями.

Надо заказать китайцу напечатать все на матовой бумаге и по изготовлении тотчас отправить через Государственное географическое общество в Академию наук, Ольденбургу. Хотя последний на мои многократные посылки фотографий и просьбы ответить, хотя бы с маленьким пояснением и указанием, упорно молчит. Может быть, ответит на фотографии: две кам[енные] бабушки и визант[ийский] орнамент (плита). Пока надо действовать, надо стараться все исполнить.

Ужинали у Маршаллов; я раздал им и другим снимок нашей компании в Уйцзэ-ване.

29/XII, ♂. При тихом воздухе приветливо светит солнце, по небу там и сям лежат кучевые или перистые облака; Урга окутана дымом в виде сплошной вуали; на улицах видны монголы верхом на верблюдах.

Андрею дал поручение направиться к Тугаринову, а потом в Учком для сверки маршрутов и ознакомления с картографическим материалом Учкома вообще. Далее — снять шкуру, точнее, ее отпрепарировать, отделив рога, и т.д.; Андрюша должен был подготовить мне ящик № 27, снять его вниз, чтобы мне возможно было попасть в него и достать негативы, последние семь коробок.

Я с утра направился в полпредство, прямо в отдел[ение] 1-го секретаря Соловьева, сдал ему статью для местной газеты, подготовил почву для отправки нового транспорта и Андрея Симукова на Верхнеудинск. Сказал и о комнате, получил паспорта, а в заключение подал заявление на изъятие моих переводных сумм в виде американских долларов в количестве 1800 + 257 = 2057. Теперь в полпр[едстве] остается экспедиционных 3000 мекс[иканских сер[ебряных] долларов, или янчанов, которыми надеюсь погасить все долги, которые торгпредство скопило, расплачиваясь за счет

экспедиции более нежели щедро (а в отношении автом[обиля] Бабкова — расточительно*).

С Соловьевым удалось немного поговорить, в области охоты П[етр] М[ихайлович] и он — охотники за куропатками, невзирая ни на какую погоду.

Сообщение В. И. Лисовского о любопытных столбах с тюркским (?) орнаментом вблизи пер[евала] Цаган-дабан (рядом с Дулан-ула, Северо-Восточный Хангай). Может быть, придется поехать туда с целью заснять, кстати, и письмена.

По дороге в полпр[едство] я встретил доктора с отморож[енным] на охоте лицом. Я спрашиваю: «Почему вы пехом, да еще так далеко?» Д[ктор]-охотн[ик] с печалью заметил мне: «Теперь мы люди маленькие».

Васильев сидит в Верхнеудинске, заносы держат и т.д.

Полпр[едство] подвезло меня в город, к фотографу; я сдал и пленки, и мою новую серию негативов и на глянцевой, и на матовой. Китаец обещал многое сделать к пятнице; вот будет хорошо!

Сегодня отдал подарочные фотографии и здешним, и кудонцам Громовым.

Гавушке 4 года, у Б[адмажаповых] елка со многими детьми. Цокто Гармаевич пришел от шума к нам. Мой Пшевик усердно упражняется на пишущей машине. Я занят укладкой. Итак, дни за днями идут непрерывной чередой. Пишем, китаец усердно готовит фотографии, часть которых необходимо послать в Академию наук и Географическое общество. Затем самое существенное — это сдача коллекций к отправлению, выяснение вопроса с фотографиями и получение денег с полным расчетом с пол[предством] и торгпредством.

30/XII, ☿. Утро приветливое: ясное, тихое. Над священным массивом проходит перистое облачко, а вдоль Толы стелется туман, дым. Тишина действует на душу прекрасно. Сегодня хочу быть в Учкоме и городе вообще.

А солнышко уже движется к северу. Как оно согреет нас нынче и что-то оно принесет нам? Настоящая зима — ровно-холодная, дов[ольно] сухая с t –27—30 °С.

Сегодня я достал наконец последний запас моих лучших люмьеровских пластинок, последние семь коробок, которые повезу к себе, в экспедицию. Шкуру с черепом аргали перенесли в Учком, в музей, для работы — препарирования. Экземпляр отличный, дважды стоило его выцарапать из рук обывателей-охотников.

Мой Пшевик знакомится с работами Боровко и с картографическими данными Учкома.

Был тибетец-донир, между прочим давший любопытное определение трем бурханам, изобр[аженным] на стр[аницах] моей книги «Хара-хото»: 294 стр. — Цзэ-цумбэ-гэле, на стр. 473 — Тиринпочэ, второе перерождение, и на 503 стр. (с бородой) — Тиринпочэ, третье перерождение.

Мой приятель обещал доставить мне что-то особенное: 1-го Тиринпочэ и Будду (фарф[орового]).

---

* Члены экспедиции, со мною во главе, доехали до Урги из Троицк[осавска], а счет подан и оплачен от В[ерхне]удинска до столицы Монголии.

В дополнение к уже написанным письмам Володе и Комарову пишу еще Володе (с двумя фотографиями — пески с раст[ительностью] и озерко (мое) на старице Толы, в Улхуин-булун) и [Бялыницкому]-Бируле (по поводу нового тронш-сколя).

Получено приглашение встретить новый год у Д. Д. Михельмана, где соберется большой круг, там будет и полпред, и представители представительств вообще.

Когда мне пришлют мои книжечки с ноин-ульскими памятниками? И когда выйдет в свет вторая, специальная работа с цветными таблицами и с двумя текстами (русским и английским)?

31/XII, 2. Погода прежняя, с бледно-голубым небом и низкой t воздуха; по-прежнему долина р. Толы и Урга по утрам тонут в тумане-дыме. Я очень сожалею, что здесь, вдали от храмов, мы не слышим духовной музыки монастырей, их храмов; особенно симпатичны бывали звуки буре — больших труб — живые, дрожащие звуки. Надо побывать там, надо зайти к двум соседям, старым знакомым, следует передать и карточку соседке.

Наконец я уложил последние ящики с коллекциями. Всех мест девять.* Теперь вопрос с фотографиями и писанием писем, статей, отчетов.

Сижу в Урге, в домашней обстановке, а все мои помыслы на биваке, в экспедиции, у аршана и морены с ущельями: Битютэн, Хэтрун, Барун-улан, подле развалин монастырей.

Итак, живу в Урге, доживаю старый и встречаю Новый, **1926-й год**! Что-то он мне принесет?

До самого вечера и весь вечер с ужином я просидел в кругу своих друзей, в доме Маршаллов. Я упустил одно обстоятельство — не напомнил об автомобиле, посланном Михельманом. С другой стороны, мне хотелось самый Новый год встретить в русском кругу, вместе с П. М. Никифоровым. Без ¼ 12 или, точнее, 0 часов я был там, где объединились и монголы, и русские. Да-дамба был одет по-русски, прочие монголы в своих национал[ьных] одеждах, равно их женщины. Меня усадили между русскими и монгольскими женщинами — vis-a-vis с Ник[ифоровым], Да-дамбой и друг[ими] монголами. Ужин оканчивался, мы приступали к сладкому — мороженому. Подано было шампанское, полились речи об экономике, о политике, о дружбе и помощи России Монголии, о взаимной связи, о науке, о культурном воздействии русских на монголов и т.д. Встали из-за стола, перешли в другие комнаты, к камину, и запели, вперемежку с русскими и монголы. Чаем и сластями, и беседой о всяких вопросах закончился вечер. Вместе с монголами, всегда разъезжающимися первыми, уехал и я; Никиф[оров] и К° также собиралась, но в самую последнюю минуту его с К° задержали — я уехал один, к Маршаллам. Там еще был огонек и продолжали веселиться, я пошел и поздравил Марш[аллов] и их гостей с Новым годом и в играх просидел с ними около часа. Только в 3 часа ночи я был дома, где уже спала Елизавета Владимировна. Она,

---

* 1) Мягкий тюк со шкурами, 2) ящик с птицами, зверьками, костями грыз[унов], насекомыми (3 ящ[ика]), 3) тоже, кроме костей грызуна, 4) два спир[товых] бидона, 5) геология, 6) черепа, 7) растения, 8 и 9) археология (с № 81 по № 89).

Бадм[ажапов] и Шастины ушли около 1 часа врем[ени] начавшегося 1926 года. Вот каким образом я встретил Новый год!

Коллекции из Урги, в январе 1926 г.: № 81 — геология, № 82 — тюк со шкурами аргали, сарыча и козули, № 83 — ящик с 2 бидонами (грыз[уны], змеи, ящ[ерицы], рыбы), № 84 — птицы и проб[ирки] с костями грызунов, насек[омые], 3 ящ[ика], № 85 — птицы, насек[омые] 3 ящ[ика], № 86 — зоол[огические] черепа, № 87 — ботаника, № 88 и 89 археология.

Год 1926-й 1/I, ♀. Тихое, ясное морозное утро. Удивительно прочно, как-то упорно в Монголии стоит погода день в день одинаковая, ее главное состояние — холод, утренние и вечерние красочные зори. На бел[ом] снегу мягко играют голубые и розовые тона. Богдо-ула пребывает в покое, спит; неважно себя чувствуют в глубоком снегу звери.

Утренняя поездка в Курень к китайцу Фу-ши-зуй, к немцу Мюллеру все с одним и тем же — с негативами; хочу в этом отношении сделать все, что возможно. Мюллер взялся усилить «столбы», может быть, что-нибудь и получится.

Прогулялся я и к В. П. Бурдуковскому, посидел, за чайком поговорил о своем путешествии, передал 4 письма* для отправления и т.д. Остальное время провел частью у себя, в переговорах с Андреем о его поездке в Москву, частью (с ужином) у Маршаллов. Спать улегся в 10 часов вечера.

2/I, ♄. Ясно, тихо, туман-дым внизу и голубое небо сверху. Солнце чуточек поднимается — хорошо! Надо скорее все кончать и думать, и собираться в дорогу, домой, к себе в экспедицию.

С Цокто Гармаевичем говорил о Верхотурове, Дианове; просил найти мне подходящего спутника-бурята или русского со знанием монгольского языка.

Коллекции упакованы, надо завязать и отвезти их в полпредство.

Донир так и не пришел, а я его ждал в течение всего дня; с Цокто говорил о Дианове, о бурятах молодых, в особенности о их возможности поступить ко мне в экспедицию, говорил я также и о Верхотурове как очень деловом работнике.

День прошел зря, в ничегонеделании, если не считать окончательной подготовки коллекций.

Вечером Цокто Бадмажапов отсутствовал, с mr Картером ел китайский обед, был на спектакле в Нардоме и в заключение принес 6 писем для mr Muller'a.

Маршалл в охранке видел много писем, в том числе и «секретный» пакет на имя полпреда.

Монотонно ужинали у Маршаллов, вернулись к себе около 11 часов вечера. Хочу к экспедиции.

3/I, ☉. Погода выровнялась, успокоилась; тихо, ясно, морозно. Дни за днями проходят однообразной чередой. Скоро начнет одолевать скука, явится томление из-за отсут[ствия] активности.

---

* Послал письма: Володе, [Бялыницкому]-Бируле и Глищинской. Елизавета Владимировна — своим в Харбин.

День на редкость прекрасный: солнечный, с мягким пригревом, день, в какие я любил бывать в Сангине или Убулуне, бродить с ружьем в лесу или под обрывами на солнцепеках, в тиши, когда на старых стойбищах поднимается пар и в группах стоит рог[атый] скот и когда веселая процессия голубых синиц с трелью проносится среди отдельных тополей или волнистым, извилистым путем промчится над открытыми водами темный Cinclus или, реже, дупель-отшельник. Нагулявшись вдоволь, бывало, тихо бредешь по берегу Толы, местами клубящейся паром или вздымающейся ледяными волнами, скрывающими серебристые гроты, в которых втихомолку дают концерты волшебными звуками водяные оляпки.

Сегодня Никифоровы укатили в Сангин, и наше свидание не состоялось; П[етр] М[ихайлович], вероятно, недурно поохотится, а женщины погуляют по обширным учреждениям зоот[ехнической] станции.

Гора-соседка контрастна: темный лес, словно мантия, укрывает ее лишь с вершины и спины, оставляя шлейф в нежно-белом, чистом, невинном снеговом убранстве.

Около 3 часов дня пришел наконец донир, в сопровождении простого тибетца, которого предложил нам в услужение; этот тибетец говорит по-монгольски и нам очень кстати.

Донир — большой политик, наедине с нами он очень откровенен и искренен, но когда в посредники вступает даже Цокто — недоверчив и подозрителен. Сегодня мы толковали о том, насколько я смогу удовлетворить в известном отношении нужды Тибета в связи с желаниями Д[алай]-л[амы]. Донир очень стремится использовать меня, мое влияние и запасы экспедиции, и конечно, пока мы находимся в глубине Монголии. Ввиду этого он не прочь прийти мне на помощь в приобретении здесь, в Урге, бурханов и других интересных культовых и бытовых предметов буддистов. Ему удобнее проникнуть через своих монголов-приятелей за все условности, которыми оцеплен дворец богдо. Его человек в скором времени должен быть у нас, на биваке, и облегчить наш вьюк в некотором отношении. Мне предстоит выяснить с Андреем количество патронов, коими располагает Восточная партия, и сделать наказ Глаголеву (уже сделан, впрочем) беречь патроны.

4/I, ☽. На заре лежавшие по горизонту облака исчезли, лишь длинное, перистое лежит над плоской вершиной Богдо-улы, стремясь к движению к югу. Сегодня mr Маршалл разразился критикой по отношению поведения своей молодежи. Я бы их взял в свои крепкие руки! Не прав Маршалл, не подтягивая вовремя своих младших товарищей; эти последние, предоставленные себе лично, не могут должным образом обуздать своих молодых порывов.

Пшевик отправляется в город и к Жамцарано; я поеду в полпредство с ящиками с коллекциями. Вчера, между прочим, я начал писать статью для «Известий», это будет второе послание.

В половине января могу видеть напечатанное в «Известиях» первое письмо, а в феврале или даже конце января и второе — до Мишик-гуна.

Сегодня я был в полпредстве, беседовал с Соловьевым об отсылке коллекций и увозе до Верхнеудинска Симукова. Торгпредство готово доставить и коллекции, и моего спутника Симукова, взяв плату за провоз последнего в размере 70 долл[аров]. Говорили и о комнате, бывшей Дадиани, и моем пере-

селении в нее, так как она вымыта, приведена в полный порядок и т.д. Придется собрать свои манатки и перекочевать в родную колонию полпредства. Впереди много дел по части сборов в дорогу к себе, в экспедицию.

Вдруг прибыл ко мне выздоровевший Жамцарано с культ[урным] монголом Бадмажапом — мол[одым] чел[овеком] — и заставил вскрыть ящики с археологией, чтобы ознакомиться с их обликом. Его больше всего заинтересовало санскритское старинное клише, затем монгольский молитвенный текст на бересте, барельеф с лисицей и мышью и т.д. Менее — глиняная цаца Дэмчок (Самвара). «Да, — говорит Ц[ыбен] Ж[амцаранович],— Петр Кузьмич, вам и на этом пути удалось собрать нечто выдающееся, как например орнамент Византии на гранитной плите и старин[ное] санскр[итское] клише; статуэтка старинная, вроде будды, также любопытна». Жамц[арано] обещал написать определения этих арх[еологических] находок и возвратить два моих фотогр[афических] оттиска с 8 стр[оками] верт[икального] монгольского письма и другим. Итак, культурный молодой человек не бурят, а чистой княжеской монгольской крови. Кочевье его отца-князя — в верхнем течении Селенги. Он очень приятен в обращении.

После отъезда интересных людей я ушел в баню к Цокто Гармаевичу, а ужинал у англичан.

5/I, ♂. Прекрасная ясная погода установилась окончательно: день в день тихо, не студено, не ветрено и очень приятно на ярком солнце. Убаюкивающее состояние получаешь при виде в окно спящей красавицы Богдоулы, белого подножия этой горы и долины Толы. Но всего красивее вечером, когда дневное светило опускается за левое, западное крыло священного массива, когда ярко-огненные, золотые, красочные лучи наряжают сос[едние] горы в нежные, голубой и розовый, тона, сливающиеся в гармонию, ласкающую глаз наблюдателя. И Пшевик, и я, мы оба часто любуемся световыми картинами заката Монголии и невольно восторгаемся обилием солнца в этой стране сухого воздуха, в стране синих дымок и глубоких далей.

А обещанной машины за коллекциями все нет и нет; между тем мы ее ждем с утра, с 10 часов, а сейчас ½ 12-го. Ничего не поделаешь, ничего не попишешь — такова наша судьба.

6/I, 2. Погода прежняя, очаровательная, даже не слишком холодная. С раннего утра я в городе у фотографов — немца и китайца; однако все это скоро окончится, к половине января мы будем готовы к отъезду в экспедицию. Надо непременно до отъезда все вопросы по экспедиции, большие и малые, закончить, равно написать всем письма, не говоря уже про отчеты в Географическое общество и Ольденбургу и, конечно, с отличными фотографиями. Володе также надо послать две очередные фотографии.

Дважды засзжал ко мне Жамцарано, привез определения, дополнения и оттиск с печати, найденной в большом так называемом Баллотовском кургане группы Цзурумтэ. Просил черный оттиск отправить в Париж, Пелио, который этот оттиск с печати ждет и очень интересуется им, как дополнением Ноин-ула.

Дополнительная справка гласит другое о времени и имени князя — Цохор Цокто. Последний был очень известный борец за красношапочное уче-

ние и действовал энергично не только в Халхе или вообще в Монголии, но даже совершал походы на Куку-нор и в Тибет и всюду защищал свою старую веру от быстро распространявшейся новой, желтошапочной секты Цзонхавы. Как и подобает, Цохор Цокто действовал силою оружия, от которого, как известно, и сам пал в Каме. Я только наметил, вскрыл этот интересный вопрос; буду надеяться, что он найдет специалистов, которые могут расширить наши краткие сведения и прольют яркий свет на историю борьбы I и II веков со времени гелюг-па.[244]

В прежние времена религиозный вопрос стоял выше всего — фанатически наэлектризовывал и давал возможность вести массу куда угодно, словно теперь на политическую борьбу.

Андрей торопится с отъездом в Москву, что вполне естественно, так как у него мало времени. Заходили Лисовский и Лида. Первый тоже едет в центр — Ленинград; он, между прочим, сообщил, что там и сям имеются столбы с цветным орнаментом и т.д. У него получены данные о картографии и т.д. Лида уверяет по-прежнему в любви и преданности всех членов семьи Кузнецовых.

Надо помнить о палеолите (Эндрюса) и новой форме козы или антилопы в горах Монгольского Алтая до обоих подножий включительно.

Долго, до поздней ночи, писал я, точнее переписывал, вторую статью в «Известия». Кругом соседи готовились к празднику, не спали, стряпали вкусные заедочки, усладеньки. Я попивал чай и прозанимался до 1 часа ночи, намеченное окончил.

Ночь перед Рождеством тихая, ясная, звездная, прекрасная. На крыльце я мечтал, мечтам и грезам давала вдохновение все та же девственная красавица Богдо-ула.

7/I, 2. Праздник по-старому, и он ярче, нежели был праздник по-новому. Однако будет так, что старые примкнут к новому или, вернее, — новые разделят пиршество со старыми, на их празднике. Простой люд в городе, не говоря уже про деревню, исключительно празднует по-старому.

А что же полпредство? Молчит, то приглашало и подчеркивало, а теперь молчит.

Обедаем у Ц. Г. Бадмажапова, затем я снабжаю полным довольствием Андрея Симукова в дорогу — командировку в Москву, даю ему там, в Центре, месяц. Андрей на руки получил 75 серебр[яных] янчанов и 100 червонцев (в аванс); я дал ему только письмо для Олечки с 3 червонцами и только. Почему не пишет мне К. Даниленко или Олечка? Не понимаю! Надеюсь, Андрей разъяснит мне детали, и только Андрей один может вернуться ко мне, в экспедицию!

Сегодня приготовлены на почту для сдачи на завтра два заказных письма со статьями для «Известий» ЦИК (Москва) и журнала «Вестник знания», последнему 7 фотографий.*

---

* А именно: 1) Хангай, ущелье Битютэн-ама, 2) Сайн-ноин-курэ с белым храм[овым] собор[ом], 3) храм на кэрэксуре, 4) Хара-ушхай с оригинальной прической, 5) барельеф «смеющ[аяся] рожа», 6) византийский орнамент и 7) мавзолей-усыпальница 13-го (последнего) Сайн-ноин-хана.

А все же старый праздник вылился в более реальную форму, нежели новый. Мы побывали у Трапезникова, Посылина (днем), а вечером у Геранцевых отлично провели время.

С Павл[ом] Иван[овичем] много говорили по поводу археолог[ических] предметов в Калгане, на базаре-барахолке.*

Ночь тихая, ясная, морозная. Орион великолепен; Млечный Путь в виде широкого морского простора. Ни труб монастырских, ни лая собак, как в белом доме, здесь мы не слышим.

8/I, ♀. Погода прежняя — хорошая, но очень холодная; тихо, прозрачно. Я стремлюсь в город, на почту и в Ученый комитет; надо вручить Жамцарано оттиск с тибетскими письменами. Ц[ыбен] Ж[амцаранович] сказал, что этот оттиск следует послать проф. Владимирцову, что он интересен, и т.д. Потом я отправился взглянуть на наш белый домик; там стоят высокие щиты для игры в теннис. Навестил также соседку-монголочку и вручил ей карточку. К сожалению, виновница отсутствовала, и пришлось разговаривать с матерью, которая на все лады рассматривала снимок и благодарила очень за подарок и память.

В полпредстве я узнал наконец, что мне причитается и что я должен уплатить за всякого рода издержки еще со времени раскопок в Ноин-ула. Цифры в общем приемлемые, за исключением убытка на серебре при ликвидации его торпредством в Верхнеудинске. Неожид[анная] плата за автомобили в Суцзуктэ, фальшивые счета Бабкова (шофера) и т.п. Но всего неприятнее оплачивать нашу сотрудницу Елену Прекрасную, когда она была вне экспедиции и фактически не оставляла своего жениха Всесв[ятского] ни на час, а жила с ним в полпредстве и кормилась, изменив экспедиции, не поехала и с Павловым.

Помещ[ение] для нас готово, и мы завтра перебираемся в комн[ату] Дадиани; не знаю, что принесет нам новое место? Там будем усиленно заниматься писанием и отчета в Географическое общество, и частных писем. Там ближе и удобнее разговаривать и по поводу отправления коллекций, и по поводу автомобиля для следования к месту экспедиции. Очень хочется еще получить тут статью мою в «Известиях», прочесть ее.

Что-то удивител[ьные] сообщения из Китая: Фын-юй-сян бежит, Чжанцзо-лин — в Калгане.

Вечер с ужином прекрасно провели у милых Шастиных в ком[пании] с Маршаллами и Бадмаж[аповым]. Вернулись домой около 2 часов ночи и тотчас завалились спать. Звездное небо мигало и искрилось.

9/I, ♄. Погода та же: тихая, ясная, держится устойчиво. Дым стелется над городом; особенно выделяется по высоте здание монгольской гимназии.

Мы ждем подводу, а потом, ее отправив, будем ждать машины, чтобы окончательно переехать.

Как и ожидали, так и случилось: сначала прибыла подвода, забравшая наши ящики, а потом и машина, на которой я отвез манатки (3 ящика) бота-

---

* П[етр] Ив[анович] Геранцев обещал приобрести первую партию археол[огических] находок пахарей в окрестн[остях] Калгана.

ника, запечатал ящик № 27, осмотрел череп аргали, и по возвращении к Маршаллам и, распрощавшись с ними, мы с Пшевиком с личным имуществом покатили в полпредство.

Здесь, в помещении старой почтовой конторы, в комнате, [ранее] заним[аемой] Дадиани, приведенной в порядок, мы и расположились на время, необходимое для пребывания в Урге, с целью закончить все вопросы, с которыми связано время пребывания экспедиции в глубине Монголии. Сегодня постараюсь быть в полпредстве у П. М. Никифорова и выяснить с ним принципиально о деньгах и машине до Сайн-ноин-курэ.

Необычайная тишина царит тут, в новом месте, и другая часть Богдоулы представляется наблюдению. Посмотрим, как мы будем жить в дальнейшем? И сколько времени проживем, как снарядимся и когда, наконец, отбудем к себе, в Хангай?

Никифоров возится с монголами и днем и вечером, в праздники ездит на охоту стрелять куропаток. Свидание мое с ним состоится завтра (о коллекциях, деньгах и автомоб[иле]).

Вечером я был у Бурдуковского и отлично провел время в беседе о районе Заин-шаби.

10/I, ☉. Зима во всей прелести: холоде, снеге и т.д. Самое глухое зимнее время. Как летом или осенью стоит долгое время ясное, тихое, теплое, так теперь зимою установилась определенная погода на долгое время; зело, изрядно холодно.

Мой Андрей, вероятно, едет и едет в Москву, несется стремительно. Что-то он сообщит мне из В[ерхне]удинска о прежнем транспорте, о его приходе в Верхнеудинск и дальн[ейшей] отправке?

Восточный, точнее сев[еро]-восточный, очень холодный, страшно пронизывающий ветер с утра, с 9 часов дует с силою 2 [балла]; небо укрыто слоистыми облаками, сквозь которые солнце светит слабым рассеивающим светом. Скучно ничего не делать, сидеть сложа руки или занимаясь пустяками, только разве для того, чтобы что-нибудь делать. Холодно.

Мы все время дома, и если я хоть на немного ухожу то к В. П. Бурдуковскому, то к П. М. Никифорову, то Пшевочка неотлучно сидит дома, читает и пишет. В 6 часов вечера я был у Никифорова и достаточно успел с ним и К[лавдией] П[етровной] поговорить. П[етр] М[ихайлович] сообщил о приезде Васильева и о том, что он вечером прибудет к нему; поставлен также в известность, что и я буду; В[асилье]в также выразил желание видеться со мною.

П[етр] М[ихайлович] мои вопросы, с которыми я обратился к нему, разрешил скоро и положительно. За доставку коллекций на автомобиле до Верхнеудинска (не тех, которые уже доставлены, не подлежащие доставке, а сданные в канцелярию теперь) плата взиматься не будет. Как и предполагалось, Никиф[оров] хотел Симукова отправить с последними коллекциями.

Автомобиль до Сайн-ноина обещан, и я надеюсь его получить сравнительно скоро.

За чаем объявился А. Н. Васильев, как всегда толстенький, розовый и хорошо, красиво говорящий. При мне беседа шла на тему экономики. В[асильев] вскользь отметил о Чичерине, Карахане, Красине, о Раковском, не справившемся со своей задачей.[245] П[етр] М[ихайлович] заметил: «Туда, в Лондон, нужен не политик, а глубокий коммерсант». Караханом довольны и т.д.

С Васильевым едет и Линде — оба в распоряжение Карахана. А[лексей] Н[иколаевич] сказал: «Со мною приехал и Кондратьев, сказавший мне только по дороге, что он назначен работать самостоятельно». «В Москве, — продолжал Васильев, — у меня дважды был Даниленко». А[лексей] Н[иколаевич] спросил у него: «Вы совсем?». Котик ответил: «Нет, я жду телеграммы Петра Кузьмича, когда я должен выехать». Васильев, между прочим, заметил, что он продолжает состоять членом Монгольской комиссии,[246] которая деятельно работает и которая не должна умереть! Ник[олай] Петрович весь ушел в новое дело: в воздушное сообщение России (Москвы) с Западом или даже с Северным полюсом; Горбунов здоров, в отпуску за границей отдохнул, в [Монгольской] комиссии любим и т.д.

Следует и мне сообщить Горбунову о ходе работ экспедиции и, конечно, приложить несколько фотографий.

Вернулся я в 11-м часу, в начале, и скоро залег спать; спим и едим хорошо.

11/I, ☽. Ночная облачность и тонкий снег с вечера быстро исчезли. Уже в 11 часов ночи свод неба горел яркими звездами и широким, словно море, Млечным Путем. Сегодня предполагаем учинить фотографические снимочки нашей компании: Никифорова, Дубр[овской] и нас двоих.

Около часа дня я был у Никифоровых, отдал перевод надписи на скалах, затем они пришли к нам с Соловьевым, рассматривали издание книг, брошюр, фотографий; нас сняла Елизавета Владимировна. Кл[авдия] Петр[овна] была мила, оставалась у нас дольше, пока не прислал за нею П[етр] М[ихайлович]. Между прочим, madame Никифорова просила запросто к себе пить чай и обедать. Остается очень мало времени до отъезда, а все же мы побываем там, у них. Завтра надо непременно проявить мои снимки на воздухе.

Вечерком зашел А. М. Соловьев и просидел у нас дов[ольно] долго, беседуя на разные темы и рассматривая и книги мои, и фотографии. В его распоряжение дано 15 фотографий* и оттиск с печати, найденной в кургане Б[аллотовском]. Он взял для ознакомления мою книгу «Хара-хото». Соловьев очень оживленно и интересно говорил о Семиречье, о внезапных там грозных явлениях природы, видоизменяющих местность и причиняющих населению немало бедствий. Вспомнили также и развалины городов: скрытого волнами Иссык-куля (юго-восточный берег) и развалин между Токмаком и Пишпеком. После настоящего путешествия следует мне принять командировку от Географического общества и прокатиться по отделам и отделениям его, вроде: Оренбург, Семипалатинск, Верный — это, с одной стороны, и по [восточной] линии до Владивостока — с другой.

Ночью нам не давали спать щенята своим писком и воем.

12/I, ♂. Серое, облачное небо, Б[огдо]-ула скрыта в своем верхнем поясе. Но все же я надеюсь, что днем, попозже, солнце Монголии справится с

---

* 1) Бивак экспедиции, 2) мои спутники (4) ведут раскопки, 3) черепаха с рис[унком], 4) характ[ер] «долины черепахи», 5) козлы на скале, 6) письм[ена] и животн[ые] в середине Бичиктэ, 7) ладонь [с] «А», 8) храмы Далай-гун, 9) скелет под плитой, 10) обнажен[ия], 11) [монголы]-заходырцы, 12) «бабушка» Цаган-ушхай, 13) группа [каменных скульптур] без голов, 14) визант[ийский] орнамент, 15) кедр.

тонкою облачностью и освободит небо; последнее опять будет голубым, глубоким, а дали — широкими, бесконечными.

Почта вчера принесла два письма на имя Пшевика, другим — никому. Мне кажется, здесь уже должны быть «Известия», в которых могла бы быть моя первая путевая статья.

Пришли два письма из курэ Сайн-ноин: одно от Верхотурова с просьбой о паспортах в полпредстве, другое — от моего сотрудника Гусева с донесением о его поездках на развалины и к письменам. Просьбу монценкоповцев надо исполнить.

Сегодня я получил от полпр[едства] новых 100 мекс[иканских] долл[аров] на мелочные расходы и поехал с ними в город к фотографу-китайцу, которому за исполнение всего экспедиционного заказа уплатил 65 дол[ларов]. Исполнение китайца отличное. Ему новое задание: проявить и напечатать снимки нашей группы.

На обратном пути к себе я заехал к Цокто Гармаевичу и Маршаллам; очень приятно было их вновь увидеть. А вечером у нас были наш Дуду и те же Маршаллы, с которыми свидание всегда быв[ает] приятно.

Погода продолжает стоять та же: уравновешенная, тихая, ясная, прозрачная, холодная.

Дни за днями не идут, а просто бегут непрерывной чередой.

13/I, ♀. И ночь, и утро те же. Даль широкая, глубокая и небо голубое манят к себе, хочу всею душою в Хангай, на бивак экспедиции. В виде дневника пишу моему Володе и прилагаю два фотографических снимка с черепахи.

Сегодня я был радостно удивлен, придя в канцелярию полпредства, где делали опись и накладывали печати на ящики и тюки с новыми, только что привезенными коллекциями экспедиции, которые намечены на завтра к отправлению в Верхнеудинск и далее по назначению. Я радовался, как ребенок, такой приятной неожиданности. Соловьеву вручил маленькую статью-очерк в виде предпосылки к переводу текста монгольского письма в 17 верт[икальных] строк. В заключение Анат[олий] Мих[айлович] пригласил к себе вечерком на чашку чая.

Дал знать о себе и Кондратьев, намеревающийся вручить мне письма, документы и другое и желающий получить от экспедиции свое личное имущество, известное мне лишь по ящику № 10.

Сегодня я снял на три пластинки моих соседей в доме полпредства, обслуживающих Елизавету Владимировну и меня в самых необходимых, насущных отношениях. Мы становимся здесь своими людьми.

Объявились три девицы: Зина, Нина и Агаша, близкие родственницы моего спутника Филиппа. Нине, родной сестре Фил[иппа], я дам 10 янчан в счет жалованья для старухи матери.

Нас лучше и лучше обставляют: сегодня, например, принесли лампу с зел[еным] абажуром на стол.

Необходимо написать письмо Михею Никол[аевичу] Ербанову о том, чтобы он взял под покр[овительство] посылки экспедиции, направленные в Верхнеудинск и далее в Ленинград, в музеи Академии наук. Нужно внести плату за стипенд[иата] Колю, за ящики, за баранов, датчанину за кольца и т.д.

А тем временем стоит холодная-холодная зима, клящая стужа, трескучие морозы.

Вечер мы с удовольствием провели у Соловьевых вместе с Никифоровыми. Анат[олий] Мих[айлович] был любезен, внимателен; видимо, на него мои печатные труды произвели должное впечатление. Подобно большинству, он в восторге от поэтических мест красивых уголков природы.

По возвращении к себе я еще зашел к соседу Соколову, у которого был Опевалов, и после недолгого рассматривания денежной выписки прих[ода] и расх[ода] экспед[иционных] сумм я невольно втянулся в лекцию о Харахото. Мои слушатели были слишком внимательны.

За чашкой чая мы невольно вспомнили Новый год «по-старинушке»; хозяину именно так очень нравилось. Вообще я должен сказать, что мои симпатии к Соловьевым увеличиваются.

Улегся я только в 2 часа ночи, после вынимания снятых пластинок из кассеток.

14/I, 2. Солнце ярко, весело пробивает свои благодатные, живительные лучи в окна. Стекла сплошь убрались за ночь в ледяные узоры — ледяные орнаменты самых непонятных времен.

Я встал рано, в 8 часов утра, и написал письмо Мих[ею] Ник[олаевичу] Ербанову, прося его взять под свое покровительство новую серию отправленных в Верхнеудинск коллекций в количестве 10 мест. Затем, в 10 часов, с компанией во главе с Никифоровым я отправился во дворец Богдо-гэгэна. В нем, кроме бурханов, незначительного числа ваз и никуда не годного хлама, — ничего! В одной из теплых юрт устроена канцелярия. Говорят, что бóл[ьшая], лучшая часть имущества разошлась по рукам, меньшая — уложена в ящики, составленные в кладовые, опломбированные до поры до времени. На лучшую пару ваз, высоких, с золотым драконом по белому фону, с золотою печатью внизу, нам указывали как на драгоценность, оцениваемую в 100 тысяч мекс[иканских] сер[ебряных] долларов. Мы, в общем, промерзли; ничего интересного не видели, не только не приобрели. Ни часов, ни нефритовых изделий мы на этот раз не видели.

Зверинец, некогда большой, ныне состоит из одной пары волков и одного черного медведя.

На этом наше посещение уголка Богдо и окончилось.

Наши экспедиционные коллекции пошли в Верхнеудинск с отличным молод[ым] челов[еком] в кач[естве] сопров[ождающего]. Я успел побывать у китайца-фотографа, взять заказ и дать новую работу; заглянул также и в Учком, где дал поручение брату Баира в выдаче Кондратьеву его имущ[ества] с ящ[иком] № 10 и в получении, в свою очередь, от композитора всего привезенного им на мое имя.

Встретился с Цыбеном, поговорил, узнал о его скорой поездке в окрест Заин-Шаби по семейным делам. С ним напрашивался в дорогу Кондрат[ьев], но Ж[амцарано] отклонил его просьбу мотивированием состава едущих — преобладания женщин, родного, дружного кружка. Жамц[арано],* между прочим, сказал мне, что в Учком выслана посылка с 50 экз[емплярами] книжек о Ноин-ульских археолог[ических] находках с целью раздачи лю-

---

* Сообщение Жамцарано: в районе Монгольского Алтая новый вид дикой козы «Хитагар-боро»!

дям, наиболее просвещенным и наиболее интересующимся Ноин-улой. Когда же наконец Серж, важный господин, пришлет для моей экспедиции родную мне книжку?!

Как раз когда я писал верхнюю строку, мне уже подали милое письмо от С. Ф. Ольденбурга, в котором он сообщает, что большими, в 17 строк, письменами очень заинтересовался Б. Я. Владимирцов. С[ергей] Ф[едорович] наконец, уведомляет меня о высылке экспедиции 15 экземпляров книжки.

Вечером я был в торгпредстве и, к ужасу моему, узнал, что экспедиция потеряла свыше 3000 сер[ебряных] мекс[иканских] долларов, с одной стороны, в падениях курсов валют, с другой — непредвиденно высоких и неожиданных счетах, представленных мне распоряжением Васильева.

Завтра сдам письмо Володе, получу посылку — книжки и отправлюсь в Монценкоп купить фотограф[ической] бумаги и зайду в управление справиться о дороге, а в банк — о рогах Ovis.

15/I, ♀. Состояние неба — ясное, низкая t — ниже 30.0°C — продолжается изо дня в день. С каждым днем окна больше и больше покрываются льдом с причудливым рисунком. Тихая погода исправит дороги; надо думать и собираться в дорогу.

Долго-долго мы вели подсчеты с С. С. Соколовым, в результате на мою долю приходится получить всего-навсего только 3917 мексик[анских] сер[ебряных] долларов 37 центов. Из них намечено уже к расходу: 140 Марш[аллу] (за кор[ову] и баранов), в аванс Цокто 150, с прежнего остатка (200), в аванс полпредства 100, за ученика Н. Кузнецова 180 + 35 = 215 д[олларов]. Если еще прибавить мелочные, неизбежные, повседневные расходы и уплату за машину, за доставку меня со спутниками в Сайн-ноин-курэ, то едва-едва останется, если только останется, 3000 мек[сиканских] сер[ебряных] долларов, кот[орые] я целиком забираю с собою в путешествие. Думается мне, что этих денег при экономии будет достаточно на все самое необходимое.

Я так и не дождался Соколова и не мог с ним отправиться в банк, так как некому было подписать чек на мою сумму. Я поехал на почту, где и сдал письмо (заказное) Володе.

Потом мне удалось найти две книжечки и картинки, посмотреть на снимки, навестить опекаемых девиц (Кузнецову и Андрееву) и стипендиата Колю, встретить тибетца-донира, поговорить с ним и т.д. В заключение на извозчике за 1 доллар приехать домой.

Вечером ко мне объявился Всесвятский с бумагами и письмами и т.д. от Кондратьева. Я получил всякого рода списки, ден[ежные] отчеты, пожелания, интересное письмо от Ольденбурга и т.д. и непременное, пламенное желание К[ондратьева] выдать ему сумму с его имуществом (белье и проч.).

Книжечки так и не удалось получить здесь, они оказ[ались] в Троицкосавске, надо посылать повестку с моим автографом о получении в Троицкосавск. Лавров в полпредстве обязался это устроить мне через посредство дипкурьеров и шоферов, передних и обратных, Урга — В[ерхне]удинск.

16/I, ♄. Я встал в ½ 8-го. Погода ясная, морозная, горизонт в бледно-розовых тонах. Мне надо было прогуляться к В. П. Бурдуковскому, вручить ему письмо (Лиле Шведерской). У него выпил чаю, поговорил, на обратном пути зашел в типографию, исправил корректурные оттиски нашей статьи,

пришел домой и разбудил Пшевика, а затем прочитал листы для Географического общества и подобрал фотографии.

Затем я с Соколовым отправился в банк, где И. Д. Иванов принял меня отменным образом, и мы все, что полагалось, сделали.* Я получил 1000 червон[ных] рублей, мекс[иканскими] долларами 2852. И все наши пока суммы. Из червонных я истратил 300 (пер[евел] в Харбин), а из мекс[иканских] долларов: 148 Маршаллу + Цокто аванс 150 + за стипендианта Колю Кузнецова 215, всего 513. Это крупными. Да мелочами около 87 м[ексиканских] д[олларов], и в общем выйдет 600. Принимая во внимание плату за автомобиль до Сайн-ноин-курэ около 300—400 м[ексиканских] д[олларов], получим в расходе 1000 м[ексиканских] д[олларов].

Таким образом, чтобы обеспечить себя средствами на все лето, необходимо взять из моего текущего счета (в 3000 м[ексиканских] д[олларов]) 750 м[ексиканских] д[олларов], тогда будет со всеми расходами у меня на биваке по меньшей мере 5000 м[ексиканских] д[олларов], что вполне должно хватить на летнюю экскурсию.

Теперь на очереди большое дело — передать по списку полпреду на хранение ценности.

Заезжал к нам Цокто, пригласил к себе ужинать: у него праздник — день рождения, 1926—1879, следовательно, ему ныне 47 лет, здорово!

У Цокто собралась компания, целиком исключительно та, которая была у Маршалла и у Шастина. Ели, пили, развлекались! Я уехал первым в 1 час ночи. Пшевик остался ночевать у Бадмажаповых.

17/I, ⊙. Забыл отметить, что вчера, до отъезда к Цокто, я был у Никифоровых, где шел урок монголо-русского языка, было много монголов и монголок. Русские учатся монгольскому языку, монголы — русскому; в перерыве пьют чай. Как раз к такому времени я и пришел; монголы узнали меня, потянулись здороваться и в заключение в мою честь говорили восхваления моим способностям, энергии и любви к Центральной Азии.

Погода немного меняется, облачно. Хотя есть склонность к улучшению, прежней ясности и т.д.

Было бы хорошо выехать около 23—25/I; не узнаешь, когда лучше, но хочется получить книжки, чтобы иметь возможность раздать ее друзьям и увезти спутникам.

Надо писать, надо укладываться, надо крепче думать о поездке в Хангай.

Около 10 часов утра объявился Меркулов: он пристраивается с нами до Уйцзэ-вана. Отчасти это будет лучше в некоторых отношениях: во-первых, пойдет приличная машина с надежным шофером, во-вторых, не так уж будет чувствительно дорог автомобиль. Значит, определеннее собираемся в дорогу. Меркулов штудировал мой труд «Монголия и Кам». В то же время прибыл и В. П. Бурдуковский с визитом; оба они интересовались моими фотографич[ескими] снимками, в особенности письменами.

Позднее прибыл Пшевик, а затем и донир с предметами лхасского происхождения вроде гау, чернильницы, пепельницы, прекрасной статуэтки

---

* Тогда у нас будет в Урге: у Цокто 200 м[ексиканских] д[олларов], в банке на тек[ущем] счете 2250 м[ексиканских] д[олларов] и в полпредстве 11480 червонных рублей.

«Будда» из собрания Д[алай]-л[амы] с печатью и вачиром (на лотосе). Кроме того, одна нефритовая табакерка (китайской работы).

Ветер от запада, очень холодно, студено; опять дорога будет заметена.

Вечер очень хорошо провели у добрых, прекрасных стариков Бурдуковских.

17/I написал Нине Евгеньевне и приложил статью в «Ургинских известиях» и две фотографии: погребение с краем плиты и аршан.

Ночь яркозвездная, с нависшим туманом над городом и обычно очень холодная.

18/I, ☽. Тихо, ясно, очень холодно: над священным массивом лежит слоистое облако. Вскоре, с 9 часов утра, поднялся пронизывающий зап[адный] ветер. «Ну и холод же адский», — слышу я из уст россиян, живущих в Урге и недавно приехавших сюда.

Поехал в город на специальной машине и сделал следующее: 1) внес Кабанову за содержание нашего стипендиата Николая Кузнецова за 9 месяцев по 20 руб. = 180 (с сентября 1925 по май включительно 1926), еще за 2-е полуг[одие] 35 руб., всего 215 м[ексиканских] долл[аров]; 2) в банке взял с текущего счета 750 мексиканских долларов, привез домой 2750, да немного раньше 852, всего м[ексиканских] д[олларов] 3602. Полагаю, что мне хватит окончить экспедицию, как я предполагаю, до сентября или в сентябре, а на дорогу все же придется просить заблаговременно у Н. П. Горбунова, а Ольденбурга известить и просить поддержать ходатайство.

Потом я был у Маршалла и взял от него ящики № 4 — Елизаветы Владимировны и мой, № 5, с подарками, № 9 — мой, № 11 — спиртовый. Ему на этот раз в амбар общий сдано: 1) ящик с черепом и рогами Capra sibir[ica] и 3 ящика (однотипных) с археологией. Мелочи от него взяты.

Вернулся домой и занимаюсь укладкой. Думаем выехать в субботу, 23/I; П. М. Никифоров обещает полное содействие. С ним надо переписать ценности, подарки и т.д.

Сегодня закончен пакет в Географическое общество с приложением 15 фотограф[ических] снимков.

Написал также и В. Ант. Глищинской, которой даю поручение побывать у Pelliot в Париже и вручить ему три интересных снимка.* Моей ученице, кроме того, газету (2) со стат[ьей] об экспедиции.

Заходил Меркулов, очень торопит. Пожалуй, выедем в субботу, хотя морозы крещенские.

Надо обстоятельно написать письма и загородные, и здесь, Жамцарано и Лаврову.

У нас на биваке сидит посланный от Глаголева, что ему надо? Верно, выперли из Х[ара]-х[ото].

Сегодня я получил «Кругосвет»,[247] сборник для детей и юношества со статьей В. М. Федяевской: «Новые раскопки П. К. Козлова» (с моим порт-

---

* В. А. Глищинской для проф. Pelliot: оттиск с печати кургана Б[аллотовского], Хараушхай и плита с орнаментом. К. П. Никифоровой: черепаха, греч[еский] орнам[ент], я и Елизавета Владимировна у юрты, Пшевик на лодке на оз. Сангин-далай и друг[ие].

ретом на фоне Суцзуктэ, бронзовые «тюльпаны» и косы). Все три журнала надо показать Никифоровым, а также и Соловьеву.

Сегодня у нас смертельно холодно, я пишу дневник и написал своей ученице в Париж.

Пшевик возвратился ко времени вечернего чаепития; мы занимались до ½ ночи. Мороз изрядный; сегодня пойду к летчикам ознакомиться с их записями.

19/I, ♂. Тихое, ясное утро, солнце поднимается значительно выше, освещает и греет дольше. На душе отрадно. Я сделал утреннюю прогулку к В. И. Бурдуковскому, отнес заказное письмо в Географическое общество, по дороге, в типографии, мне дали продолж[ение] статьи.

В ноябре 18-го, минувшего года умер у себя на родине Телешов. Мир праху хорошего человека! Окидывая взглядом его прошлое, со времени III путешествия Н. М. Пржевальского и кончая моей Хара-хотоской экспедицией, вспоминаешь яркое участие Пантелея Прокофьевича в каждом из пяти научных походов в Азию (с Пржевальским — два, с Певцовым (как продолжат[елем] Н[иколая] М[ихайловича]), со мною — два) и невольно лишний раз проникаешься любовью, уважением и признательностью к памяти этого незаурядного человека, так много способствовавшего научным успехам экспедиций, в особенности в отделе зоологии, в частности орнитологии. Мир праху твоему, скромный труженик. Имя твое неразрывно будет связано с именами русских исследователей природы Центральной Азии и далекого, высоко Тибета!

Утром отвезли ящик № 5 с ценностями в полпредство. Затем я поехал в город, сдал пакет в Географическое общество, в Учкоме распорядился о допуске Кондратьева в склад для розыска его личного имущества. Потом я поехал к фотографу-китайцу и Мюллеру, к Лидочке и в лавку.

Долго сидел и занимался дома, а с 6 часов в полпредстве переписали ценности и опечатали их. Навесили два замка. Пили чай и слушали музыку Устюжанинова.

Готовим статью в местный ургинский журнал и для Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества.*

Сегодня в общем дов[ольно] порядочно устал от самых разнообразных дел. На площади вдруг встретил тибетца-донира, который испугался моего крутого поворота на полпр[едовской] машине, и, только приблизившись к окну и рассмотрев меня, он вдруг просиял и улыбнулся.

Послезавтра, в четверг, обещал прийти к нам; пора и нам всем готовиться в дорогу.

20/I, ☿. Холодно, ясно, прозрачно. Внизу над Толой и городом стоит туман-дым. Пора укладываться, пора приготовляться в дорогу. Пшевик уже доставил пельмени, мороженые щи и другое продовол[ьствие] в дорогу; может быть, кто-нибудь побалует и сладким (вкусным).

Сегодня написал Федяевской, Володе моему, пишу — не знаю, что выйдет, — Ольденбургу.

---

* П. С. Михно из снимков прилагаю к отчету: черепаху, оз. Сангин-далай (ЮВ), монголы-заходырцы, развалины Олун-сумэ и Ирхит-хайрхан.

Обедали у Никифоровых; писали, снаряжались, готовились; пили какао у соседей.

Вечер прощальный хорошо посидели у своих Бадмажаповых, потолковали, распростились. Времени впереди немного, а дел не уменьшилось — пора все кончать и думать о дороге.

Ночь тихая, лунная, только ехать в машине и мечтать, мечтать.

У себя дома мы еще занимались около часа, до тех пор, пока не погасло электричество. Морозы стоят день в день клящие, тяжелые, нудные; скота у монголов погибло много.

21/I, 2. Погода прежняя: сухая, тихая, студеная.

Мы заканчиваем все свои дела, все писания, укладываемся, собираемся окончательно. Я днем фотографировал дам молодых и низших служащих — дважды.

Приходил донир, торговались, рядились, в конце концов сошлись. Но он не доставил пробку в табакерку, пожалуй, и в дальнейшем не доставит, надует: будет нехорошо!

Отправил статью «Вести из Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова»[248] с заключительным очерком о монголах Монголии.

Завтра день неприсутственный; не знаю, как мы справимся со всеми делами, укладкой. Сегодня все письма закончены, пожалуй, их можно будет сдать В. П. Бурдуковскому, а затем направлюсь к Маршаллу, куда придет и Пшевочка, попрощаться, поблагодарить за гостеприимство и внимание.

По дороге к Маршаллу я зашел к В. П. Бурдуковскому, отдал ему 5 простых и 1 зак[азное] (Михно) письмо и сердечно распрощался с милыми, славными, почтенными старичками до сентября.

У Маршаллов сидели долго, беседовали; он осведомил о китайских событиях, о взятии приступом Тяньцзина, положив до 30 тысяч убитыми. Говорят, жестокие бои впереди.

После ужина вновь сидели, и потом mr Marschall нас отвез домой в объятиях с тортом. Завтра предстоит много дел с укладкой, печатанием, сдачей ящиков в полпредство.

22/I, ♀. Погода та же, что и прежде: ясная, тихая, холодная. 3/I minimum –37.5°C. В январе вообще t держится постоянно –30—33.0°C; воздух прозрачен, по холмам, их вершинам, равно и по дорогам, снега мало, в оврагах полно и он плотен.

По случаю дня, посвящ[енного] памяти Ленина, людей полпр[едства] и торгпр[едства] не было, поэтому ничего не удалось сделать. Дважды я уезжал в город: в Учкоме опечатал сумы, в городе получил счета и часть готовых портретов Пшевика, которые подарил Маршаллам и Цецилии [Юдиной]. Написал Володе дополнения и просьбу Ольденбургу о выдаче моему сыну для меня новых 15 экземпляров [книги]. Навестили и попрощались с Бурдуковскими. Конец вечера провели у Никифорова, вместе с ним одним, за интересным разговором. П[етр] М[ихайлович] поведал нам его любопытную одиссею.[249] Надо удивляться несокрушимой энергии человека — способно работающего.*

---

* *Так в тексте. (Прим. сост.)*

Едва вернулись домой, как к нам заехал наш Дуду, просидевший с нами около часа. По отъезде нашего друга мы занялись прежним делом — писанием статьи, дневника и составлением телеграммы в Кремль и Географическое общество о том, будет ли продолжена и увеличена ставка сотрудникам экспедиции с января—марта наступившего 1926 года.

«Москва, Кремль, Управделами Совнаркома. [В] Урге пробыл месяц. Сегодня уезжаю [в] экспедицию. Отправил [в] Академию наук 30 ящиков научных ценностей и отчеты. Предполагаю работать [в] Южной Монголии до осени. Прошу сообщить: увеличены ли ставки сотрудникам экспедиции и до какого времени обеспечена их выплата Центром. Козлов. Никифоров».

Володе заготовил заказное письмо с «подкреплением», на всякий случай, на март и апрель.

23/I, ♄. Погода прежняя, надо уже оканчивать все дела и собираться в дальнейшую дорогу. Пора, пора! С утра я был в полпредстве, виделся с Никифоровыми, Соловьевым; опечатали дополнительные 3 красн[ых] ящика: № 4 (...*, книги и Елизаветы Владимировны и мое платье, часть белья, ботинки), № 9 (личный, мой) и № 11, (спиртовой). Цокто передали небольшой ящик с тибетскими предметами — «Буддой», etc.

Готовимся к отъезду, но Меркулов задержался с разными вопросами, пожалуй, сегодня только погрузимся, а уедем рано утром завтра.

Приезжал Цокто, распрощались. Лаврову я оставил еще просьбу: 3 экземпляра книжки отправить в Пекин для Карахана, Иванова и библиотеки Пекинского университета.

Во избежание недоразумения с прекращением (могущим случиться) выдачи содержания высылаю Володе подкрепление в размере 2-месячн[ого] (старого оклада) содержания, хотя подсказываю прежде всего базироваться на обязательной поддержке Географического общества.

Бадмаж[аповы] были удивлены при виде меня, при моем к ним появлении вечером. Тут же я и ужинал; Пшевик отправился к Маршаллам, немного прикостюмиться, нечто вроде японки. Потом в ¾ 10-го часа вечера отправились и мы, я с М. В. Эккель, которую никто не узнал (в виде цветочницы). Я вошел в залу — она полна, костюмы интересны. Наряженные ходят с бумажками в руках, смотрят на стены, в углы, на окна, камин, на потолок — словно мух ловят. Музыка, танцы, забавные занятия, призы, прекрасное угощение, сладкие конфекты, вина, чай. Мы уехали вслед за 1-й компанией около ¾ 3-го часа ночи. В 3 часа уже были в постели, спали до ½ 9-го часа, когда энергично поднялись.

В общем, праздник у Маршаллов удался — был хорош, весел, сытный, с усладами. В заключение гостей фотографировали, кажется удачно, на большом стекле.

24/I, ☉. Ясно, прозрачно, потуга от востока, сверху Толы. Морозно. Уже ½ 10-го, пока ничего не слышно, все тихо кругом. Наши тяжелые ящики погружены в машину еще вчера. Меркуловские, говорят, также. Пора бы видеть у дома машину! До свидания, Урга!

---

* *Далее одно слово неразборчиво. (Прим. сост.)*

Так постоянно смена мест живит человека (раскрыл дневник 26/I, ♂, 1 час, в Мишик-гуне).

Наконец подана машина, последняя укладка вещей под себя, рядом с собою и т.д.

Пришли Клавдия Петровна Никифорова и Бор[ис] Вас[ильевич] Опевалов; бедные, они мерзли, пока не ушла машина. Сердечно расстались и укатили к Меркулову забрать нашего спутника. П[етр] Мих[айлович] Никифоров и Анатолий Михайлович Соловьев с утра отсутствовали — на охоте на куропаток, у моста.

У дома Меркулова стояла большая компания провожавших, тут были и Соркин с фотографическим аппаратом (представитель местной газеты), и Россомаха Сергей Андреевич (заведующий гаражом торпредства), оказавший вместе с комендантом Урги,* донцом, полное внимание и содействие по проводу нас через заставы.

Вначале мы было поехали через мост Толы, к лагерю, но вскоре убедились в невозможности проехать по летней дороге в Сангин из-за обилия снега в оврагах; пришлось вернуться на нижнюю сангинскую дорогу (лавируя у застав) и покатить обычным путем. Но было уже поздно. В Сангине выпросили дров, так как праздн[ичный] день не дал возможности купить древесных (крепких) углей на базаре. Солнце стояло низко. Мы ехали хорошо, но овраги со снегом нас сильно задерживали, и мы мою программу — доехать до Баэртэ-догына — не выполнили, заночевали в складках горных холмов левого берега Толы, в урочище Цаган-баргусутай, в айле из трех юрт. В одной разместился я с моим спутником Елизаветой Владимировной, в другой, соседней, — Меркулов с шофером. Члены хоз[яйских] семей уплотнили 3-ю юрту.

С нами пельмени, щи мороженые с мясом, хлебы всякие, печенье. Мы едим вкусно, сытно. Устраиваемся в юртах более нежели сносно, но главное — отличные и шофер, и машина.

25/I, ☽. Ночь и утро ясные, холодные. Наши номады-хозяева получили по 2 янчана, страшно были рады и просили наперед не миновать, а останавливаться в их айле. Ранним утром на нашем стойбище кормились серые куропатки; Меркулов и шофер Антоний в каких-нибудь 10 минут настреляли их до десятка (словно домашних куриц). Ужели можно гордиться таким охотничьим успехом?

Солнце красиво позолотило вершины и северные склоны больших и малых гор, горных цепей, где там и сям переливались нежные голубые и розовые тона, очаровательно красивые, мягкие, теряющиеся в бесконечности горизонта.

Скоро миновали догын, долго ползли до Улхуин-булуна, рассматривая по сторонам остров кустов (тальника), гунэ-курэ на севере и пески сыпучие на юге, в которых мы тщетно искали арх[еологические] находки. Наконец, полностью открылась долина извилины Толы и далекий на север прорыв ею

---

* Молодой сравнительно человек Доржеев (калмык), удивительно любезный, внимательный, сильно осведомленный обо мне, моей деятельности, все сделал вместе с С. А. Россомахой, чтобы оказ[ать] мне внимание.

гор. Вспомнилось до мелочей все прошлое пребывание летом, детальное исследование местности. Тогда было тепло, комары, наши экскурсии, успешные сборы, в особенности на Улхуин-булун, подле домика, где экспедиция прожила целых три недели; всему радовалась душа! Я даже въехал на нашу площадку, и сердце забилось! Вышла старуха, лама, из поля («по аргал») прибежали девочка Далма (дикарка старухи) и 16-летний сын ламы (с собакой) по имени Таши-Дондок, по-юношески сильно обрадовавшийся встрече со мною. За этого симпатичного юношу уже просили и отец, и тетка-старуха взять его до Мишик-гуна-курэ, где он числится и живет и учится при монастыре. Мальчик обрадовался возможности следовать в автомобиле с нами, сел на бенз[иновые] баки рядом со мною. Отец быстро притащил манатки — два места; автомобиль загремел, и мы покатили. Бичиктэ вновь манила меня. Кое-где снег, кое-где черная дорога, и мы, в общем, катили чудесно.

Бичиктэ-дулан-хада заставила меня быстро вспомнить мое летнее здесь исследование, и опять душа всколыхнулась, сердце забилось приятно, и я глубоко-глубоко вздохнул. Солнце спускается к горизонту, мы катим вовсю; снега еще больше, зима сильнее наложила печать. И вот и Сучжи — знакомая долина, и Хайрхан — взъерошенный, каменистый, бесплодный. Еще два-три перевала по знакомой дороге «с охотниками на тарбаганов и змеями двух видов», и мы увидели к югу безграничный простор через впадину Тухум-нор на море застывших в недвижимом покое горных волн, теряющихся за горизонтом. Вниз, к котловине озер, мы катили быстро-быстро, так как туда вела отличная дорога, это, во-первых, а во-вторых, там нас ожидал уютный ночлег в юртах без дыма благодаря трубам, завезенным ламами.

Несмотря на позднее время — погасание зари, — к нам в юрты набралось немало лам, не знающих, куда девать им время, и мешали, стесняли нас до самых последних минут, когда мы стали укладываться спать. Хозяин трусил из-за целости нашего имущества и предложил лишние мелочи спрятать в амбар. «Там надежнее будет», — заметил он. Усталые, мы рано улеглись спать, в 8 часов, и спали до 7 часов, ровно 11 часов.

Утром следующего дня, 26/I, вторник: солнце выкатилось обычно и вначале согревало слабо, незаметно; мы не очень торопились с отъездом, так как нам предстоял перегон лишь до Мишик-гуна хорошо знак[омым] путем.

Хорошо устроившись, подкрепившись пельменями, чаем с печеньем, одарив хозяев юрт, мы в 9 ¼ часа утра выехали по направлению к благодатному югу.

Солнце поднималось выше и выше, дорога то спорилась, то тормозилась по подножию гор и оврагам все тем же плотно сбитым снегом. Мы лавировали по сторонам, поднимаясь иногда на плоские вершины, и ими обходили снежные скопления. В Тухумской впадине мы и теперь отметили сарычей* в отличном свежем, светлом оперении, контрастно выделявшихся на солнце белыми тонами перьев.

Наконец, с вершины Нарини-ула мы увидели вблизи, у подножия южного склона (очень короткого, крутого) монастырь Мишик-гун-курэ, сбежали к нему, миновали, повернули на восток и скоро очутились у Монценкопа.

---

* Buteo (Archibuteo) hemilasius.

Новые тесовые ворота растворились, мы въехали и были встречены нашими соотечественниками: Барминым, Полуяновым, Поповым и девочками Гутей и монголочкой.

Сошлись их восточные сослуживцы: монголы, буряты и подрядчик стройки — китаец. Все устремили взоры на нас. Мы прежде всего зашли к П. П. Бармину в его юрту, где умылись, попили чаю и побеседовали, прежде нежели меня перевели в отд[ельный] домик, где с большою приятностью я устроился и сел за чистый пис[ьменный] стол, чтобы изложить все то, что к этому времени у меня накопилось. А завтра — завтра переезд в Уйцзэ-ван-курэ.

Мой симпатичный мальчик Дондок ни на шаг не отходит от меня — так сильно привязался; забегали и девочки получить подарки — усладеньки.

Здесь я надписал и подарил фотографии всем монценкоповцам и шерсть скупающим русским.

Ночь ясная, лунная, очень прозрачная и дов[ольно] холодная, хотя, в общем, здесь гораздо мягче климат, нежели в Урге и севернее, здесь лучше, привлекательнее, так как фон желтовато-темный. До 12 часов ночи я сидел, читал Гуте книжечку и помогал ей разбирать буквы, словно в букваре. Эта милая девочка до 15-летнего возраста еще не научилась читать, а тем более писать. Так тянется к просвещению, так жаждет знать больше, нежели ее окружает. Мне хотелось помочь ей хоть чем-нибудь, и я читал ей стихи и рассказы.

27/I, ☿. Утро ясное, ветреное, студеное; самое неприятное, по моему мнению, это ветер. Мы собираемся в путь. Выезжаем в 10 часов утра. Мальчика довозим до монастыря, прощаемся с ним, он благодарит. Мы быстро катим и выезжаем на торную, с автом[обильными] шинами, колейную дорогу, очень пересеченную; долины и гривы чередуются часто, в оврагах снег, но немного; в общем, катим быстро. Попутн[ые] или встр[ечные] караваны редки, придорожные стойбища также. На нашем пути на волнистой поверхности часты выходы рыхлых, выветрелых гранитов (серых), по большей части сложенных матраце- или мешкообразно. По низинам залегает порядочный корм, блестит лед озерок или родников.

Из зверей изредка видишь цаган-цзэре, из птиц — черных воронов, рогатых и монгольских жаворонков. Попутно останавливаемся у каменной мужской фигуры, ее снимаю. Не знаю, что получится, солнце едва светит сквозь слоистые облака.

За 50 верст до Уйцзэ-вана мы обогнали караван на верблюдах (54), полпредский, во главе с Б. И. Меркуловым, получившим задание организовать центр в Юм-бэйсэ, откуда делать разъезды, преимущественно к югу: один — по Эцзину, другой — западнее, вплоть до В[осточного] Нань-шаня, его северного подножия.

От самого Мишик-гуна до Уйцзэ-вана мы ехали хорошо, успешно и только в глубоком логу сбились от объездов от снега, далеко уклонились в сторону. По счастью, помогли монголы, указав направление к ССЗ, и мы верст через 5 выехали на дорогу.

Онгиин-гол стоял подо льдом, протянувшись двумя узкими рукавами. После кочковатых болот, твердых, как камень, мы выехали на твердую, гладкую, как пол, хрящеватую, ровную, как струна, дорогу и понеслись с высшею скоростью. Навстречу играла вечерняя заря нежными, хотя и блск-

лыми переливами. Мы приехали вовремя, засветло. У «Шерсти» нас встретил помощник Таликова и всех приютил в деревянной юрте.

Прекрасно, чисто, тепло, уютно. Передал я письмо Маршалла в английское отделение. Видел также и представителя Монценкопа; словно окунулся в родной уголок. Нашелся тут также и монгол-проводник к гор[ным] источникам и памятникам-погребениям. Интересно, что даст нам завтрашняя поездка на север? Не забыть учинить снимок с деревянного столба, так называемого «семенника».

И здесь мягко, не холодно, не садко. В Урге холодно, жутко холодно, еще неприятнее кажется многоснежие, туман, конца не видно зимним невзгодам, бр-рр, бр-рр, а здесь приятно, легко-легко.

С вечера и ночью сплошная облачность, отчего температура воздуха еще выше.

28/I, 2. Утро облачное, ветреное; собираемся в Сайн-ноин-курэ, в наш Монценкоп. Только по дороге постараюсь заснять «семенник» — очень уж он интересен и поучителен. По дороге еще что-либо встретится любопытное. Надо лишь быть очень внимательным. Для полного изучения этой местности необходимо будет приехать сюда специально.

Удивительные монголы: они хотят поехать в Ургу в качестве пассажиров в автомобиле и за это предлагают по 3 янчана с человека. А попробуйте у них что-либо купить — какую несуразную цену запрашивают они за все, даже самые маленькие предметы.

В начале 11-го часа утра я с Елизаветой Владимировной и монголом поехал в Сайн-ноин-курэ. Машина имела только груз экспедиции: деньги, консервы, книги и другие мелочи до фотогр[афических] пластинок включительно.

По дороге я остановился у монастыря (его юго-восточной окраины), где стоит деревянный столб «семенник», заснял его, а потом мы покатили дальше. У вост[очной] окраины обители поднялись на вершину гряды (к подн[ожию] которой прижат Уйцзэ-ван), увенчанную 3—4 субурганами, обо. Полюбовались по сторонам и поехали дальше.

Общее направл[ение] пути — СЗ. Характер местности — горный, дов[ольно] каменистый, пустынный. Собственно вдоль нашей дороги тянутся две поперечные, параллельные между собою цепи, между ними дорога — долина. В южной цепи мы перевалили по перевалу Уртэн-дабан, в северной — по Сэдэльхэйн-дабан; оба они хотя и луговые, но дов[ольно] крутые, высокие, в особенности северный перевал (к С[айн]-н[оин]-к[урэ]) горной цепи с характерной красноватой вершиной.

Между горами отмечены речки от юга к северу: Ихэ-булык, Хапцагай-гол, Ондэльт-гол.* Первая речка Ихэ-булык мною наблюдалась еще давно, в истоках, при поездке моей с Цэрэном на погребение с гранитной плитой с греческ[им] орнаментом.

Хотя нас и ждали, но мы объявились как снег на голову. Монценкоповцы в один голос припевали: «Как же это так мы проглядели, а часто-часто выходили

---

* Тут будет уместно отметить и назв[анис] речки, составл[яющей] пр[авый] прит[ок] Онгиин-гола — Тармал, своим болотом причин[ивший] большое неудобство при следовании к Монценкопу (из Уйцзэ-вана).

и всматривались по направлению Уйцзэ-вана!» Нас встретили ласково, предупредительно, гостеприимно. Особенно старик С. К. Верхотуров. Прежде всего бережно перенесли мои вещи, затем я осведомился о моем лагере; в ответ на это, вместе с благоприятным ответом, мне подали два письма от Гусева (от 4 и 25/I). Сообщения о лагере и донесение от Глаголева меня порадовали. Я удовлетворен, мне очень приятно. На мой вопрос, имеются ли здесь два ящика с коллекциями, Верх[отуров] показал мне таковые; я поспешил их снабдить соответств[ующими] адресами, опечатал их и тотчас сдал шоферу Ант[ону] Ант[оновичу] Гериху, едущему обратно в Уйцзэ-ван. Успел написать также и полпреду, и Россомахе и дал им сообщение о нашем следовании на место.

При подъеме на вершину последней горной гряды я был восхищен, как ребенок: я увидел знакомые вершины Хангая, курэ Сайн-ноин, но главное — родные горы, ущелья. Так легко, отрадно стало сердцу, несмотря на то что Хангай морщил лоб, хмурил брови и извергал туман, по его челу катились и перекатывались слоистые облака, но он был родной.

Вечер, половина десятого. Чувствую волнение моих спутников на биваке экспедиции. Вася Гусев не живет, а горит жизнью экспедиции в связи с моим приездом.

Как-то устроят третью часть «статуи» мои спутники? Хорошо бы ее тоже послать.

Около 10 часов вечера, точнее в ½ 11-го, усталые, мы вскоре уснули на полу, на войлоках.

Ночью, около 4 часов, я проснулся под впечатлением сна: видел шкурку препарированного зверя, будто бы эту шкуру я поправлял в складках; на пол, из головы, опрокинутой вниз, сочилась кровь. Шкура, средней или даже малой величины, была очень влажная. Вдруг, в середине, она задвигалась. Под ней шевелилась змея, вскоре выползшая вправо, в сторону; вид этого пресмыкающегося меня поразил страшно — он состоял из головы и очень короткого хвоста, острием поднятого вверх и напоминавшего мне осеннего монгольского сверчка. Перед этим сном я видел супругов Ольденбургов в чересчур важном, высоко аристократическом виде, словно в тогах, с лицами восковых фигур. Но в отличие от сегодняшнего тот сон меня не разбудил, не нарушил покоя. Пшевик ночью многократно видел «деда» Радлова.

Ночью подувал ветер, небо облачное посыпало тонким снегом.

29/I, ♀. Полуясно, не холодно, ветер дует с сев[ero]-сев[ero]-вост[ока].

Развевается новый красный флаг.

Мои спутники, наверное, энергично действуют, волнуются; Гусев прибирается, чистится; наше помещение приводится в порядок и т.д.

Я проснулся только в 4 часа. Прогулялся, потом долго не мог уснуть; близость моей экспедиции меня волновала, я весь ушел в ее существо. Вместе с тем я думал о том, с какой сказочной быстротой в машине мы перенеслись из столицы Монголии к месту бивака экспедиции. Еще так живо впечатление Урги, не забыты уют, общение с миром, и вдруг я вновь среди дикой, девственной природы, я счастлив, сердце радостно бьется.

Мне думалось также, в какую форму могла бы вылиться телеграмма в Центр из экспедиции.

«Путешественник Козлов благополучно вернулся [в] экспедицию. Обе его партии Хангайская и Хара-хотоская продолжают работать успешно.

Обратным автомобилем полпредства начальник экспедиции прислал в Ургу гранитное изваяние женщины Хара-ушхай в скифском одеянии с оригинальной прической».* Пошлю А. М. Соловьеву.

Около 11 часов прибыл автомобиль с 8 человеками торговой экспедиции Меркулова с целью вымыться в бане. Мне это было на руку, так как позднее немного приехали Канаев с Цэрэном, доставившие основание Хара-ушхай и ящик с тремя этажами коллекций: геологической, археологической (субурганы Битютэн-ама) и костями человека (Цзэгэстэ). Верхотуров смастерил ящики (под все три части [Хара]-ушхай). Я написал заказное письмо Шокальскому с просьбой поддержать мое ходатайство перед Совнаркомом о повыш[ении] ставок и продлении выдачи содержания до осени и т.д.; в крайнем случае просил выдавать жалов[анье] трем ленинградцам: мне, Елизавете Владимировне и Глаголеву, в крайности — только двум первым лицам.

Обо всем этом поставил в известность сына Володю, сообщив ему и о поездке до Хангая, просил высылать содержание Елизаветы Владимировны ее матери, в Харбин (если дадут). Затем написано очень обстоятельное письмо А. М. Соловьеву. Надеюсь, он поставит меня в курс обо всем, а главное — о привозе Герихом научных ценностей в Ургу, о принятии их полпредством для хранения впредь до моего возвращения в Ургу.

Компания пообедала, выпила водки, вымылась в бане и затем стала собираться в дорогу. Мои новых два места были хорошо уложены. Мне кажется, что в общем я сдал груз весом в 15 пудов, что в значительной мере облегчит наш караван, с одной стороны, с другой — спасет его от могущих быть в дороге, при следовании с караваном, случайностей.

Будет приятно знать, что посылки и письма дойдут аккуратно и вовремя.

Таким образом, я написал очень порядочно и здесь, в Сайн-ноин-курэ. Только одно обстоятельство немного огорчило меня: ко мне в комнату без разрешения вошел пьяный сотрудник из «Шерсти» Уйцзэ-вана и никак не хотел оставить меня в покое, не выспросив, не осведомившись обо всем, о таких делах, о которых ему не подобало бы и знать!

Но кто мне больше всех помог — так это милый, усердный старик Верхотуров. Он положительно специалист на все руки, он чуть ли не сам и делал ящики, и увязывал, и крепил, и опечатал их. Он как нянька. Сегодня, между прочим, отлично вымылись в бане и мы все трое (Канаев). Я кое-что приобрел из тканей (цветной далембы), гвоздей, папирос и сахара.

После полудня погода установилась прекрасная, в особенности к вечеру. Ночь превосходная: яркозвездная, светлая, прозрачная, так и манит к себе на открытый воздух. Завтра поедем в глубь гор, к нашему прекрасному Хангаю, его подножию, к морене, аршану и т.д. Завтра увижу мой родной бивак.

30/I, ♄. Ночь и утро прекрасные — тихие, ясные, морозные. Зори приятные, красочные. Верхотурову дал еще взаймы 100 м[ексиканских] д[олларов]. Володе (через Заин-Шаби заказным) посылаю 120, что с прежними составит 300 р[ублей] черв[онцами]; полагаю, Володя обеспечен по 1 июня. Мои укладываются, я пишу, скоро поедем, душа моя там — в горах, у аршана, на биваке.

---

* На обратном пути непременно надо взять гранитного монгольского сфинкса.

После завтрака, после лучших пожеланий мы уехали восвояси; наши ящики шли на телеге, мягкие спальные принадлежности на сарлыке. Налегке я с Елизаветой Владимировной ехали сравнительно скоро. Тотчас за монастырем нас догнал лама, ехавший к брату, кочевавшему в окрестностях Олун-сумэ. Толковый человек, мы с ним легко объяснялись. Он помог нам следовать лучшей дорогой, к северу, оставив острые лавовые камни к югу. Этот лама, оказывается, отлично знал меня потому, главным образом, что он является лучшим другом Чимит Дорчжэ; этот последний своими симпатичными рассказами обо мне и внушил моему спутнику уважение ко мне. Так, в компании с ламой, мне дорога показалась короткой; лама даже не поехал сразу домой, а проводил меня до места лагеря. Нас, видимо, ждали: на биваке были помимо моих спутников еще и соседи. По сторонам, на возвышениях, глазели вновь прикочевавшие монголы, еще не видевшие меня.

Лед был посыпан землей, камни на нашем пути убраны; мы подъехали к биваку в сопровождении собак, которые еще издали узнали нас и радостно прыгали, визжали и лаяли. Мое сердце усиленно билось, и я, сойдя с лошади, всех моих спутников перецеловал. Лама, сопровождавший нас, был свидетелем всего этого.

Все в нашем уголке, вне и внутри, носило следы заботы, внимания, всюду было чисто, аккуратно. Войдя в юрту, я увидел все родное — будто я и не выходил из нее далеко, пришел-вошел и сел на свое обычное место. На лице моего верного спутника Пшевика сияла торжественная улыбка, она уселась на свое место у красного ящика-стола и только сказала мне: «Кизоша! Как хорошо, уютно у нас; как приятно открыть ящик, увидеть свои экспедиционные предметы, почувствовать их запах!». Оба мы радовались, как дети! Чистоту и чуткость глубокую нам придала, конечно, природа Хангая — гребень, ущелья, лес. Я всем был доволен и в душе только улыбался.

Филипп Вторушин, гонец и спутник Глаголева, доставил мне сообщением моего старшего помощника скорее успокоение и радость, нежели иное что. То, что Глаголев живет на Эцзине, в соседстве бэйлэ, который его принял хорошо и не чинит препятствий, — меня успокаивает и т.д. И мне очень понятна тревога бэйлэ, он боится неудовольствия со стороны Китая и китайцев, поэтому он был только прав, настаивая на доставке бумаги — охранной грамоты. Все остальное идет своим чередом. Вторушин — молодец!

Теперь мне рисуется картина предстоящего таким образом: прежде всего я должен снарядить во всех отношениях Вторушина — письмом, грамотой, деньгами и т.д., потом заняться неотложными текущими делами по экспедиции.

Нужно обстоятельно выяснить, сколько у нас налицо к 1 февраля матер[иальных] средств, сколько в серебре, м[ексиканских] д[олларах], сколько в бумагах — америк[анских] долларах, английских фунтах, в червонных рублях, сколько будет всего, и непременно теперь же следует выяснить, какую примерно сумму я должен иметь в Урге в м[ексиканских] д[олларах] для расплаты с 7 вольнонаемными.

Бедная семья Цэрэна высыпала навстречу целиком; девочка «Маша», чистенькая, уцепилась за мою шею. Немного позднее, к обеду, прибежала Мьямбо и то же сделала в виде приветствия, что и «Маша».

Усталые, богатые впечатлениями, мы легли рано, около ½ 11-го, но долго-долго лично я не мог сомкнуть глаз. Ведь еще так недавно мы с Елизаветой Владимировной жили жизнью культурных людей, имели общение с та-

ковыми, думы, мысли и дела уподоблялись их делам, мыслям и т.д. Холодная, снежная столица Монголии приводила в ужас всех тех, кого мы видели и которые знали о нашем предстоящем отъезде в глубину Монголии. И теперь мы, словно в сказке, переместились на юго-запад, в наш родной бивак, родные ущелья и источники Хангая, в соседство юрт номадов; номады сплошь кругом, во всех укромных уголках ущелья.

Только далеко за полночь я сомкнул глаза, повернувшись предварит[ельно] на правый бок, и тотчас уснул.

31/I, ☉. Тихо, ясно, прозрачно. Солнце еще не вышло из-за гор, когда я встал, — я дежурный в первую очередь. Какая сравнительно с Ургой здесь мягкость климата, какое-то убаюкивающее, будто ранневесеннее настроение; я вновь улыбаюсь.

Около 10 часов Пшевик мой прогулялся на аршан, уселся на табуретку у юрты и стал писать. Ему также было приятно нежиться, получать ласку яркого солнца и любоваться синим-синим небом.

Я с утра стал писать Глаголеву, настрочил целых 6 стр[аниц]. Помимо всех деловых вопросов, в виде осведомления скопировал ему телеграмму и полностью перевод со скалы с больших, в 17 строк, монгольских письмен. Пишу и писанием укрепляю дух моего старшего ученика, который, надеюсь, все поймет и будет стараться оправдать все мои надежды. С[ергею] Анат[ольевичу] я послал с [книгой] Потанина карты, 20 м[ексиканских] д[олларов], чернил и прочие мелочи, но главным образом я послал китайскую грамоту. Верю, что все будет хорошо!

Порою меня прерывают текущие дела. Прибыл с визитом вчерашний лама-спутник; я его принял честь-честью, за чаем показал снимки этих мест и людей. Лама всем интересовался, в нем чувствуется своеобразная высокая культурность. Среди своих знакомых он узнал да-ламу и хамбо-ламу — тибетца. К последнему наш гость проникнут большим уважением и очень просил его карточку; в будущем я ему обещал.

Около 1 часа дня, и я пошел на аршан умыться. Там солнце еще сильнее пригревало, нежило, ласкало. Я сел и любовался широким простором, тишиной, лазоревым глубоким небом, и мне казалось после холодной Урги, что я перенесся в далекий теплый край.

Наш приезд в лагерь, ликующая теплая природа внесли великое умиление и объединили всех. Все стараются, работают, улыбаются теплу и синему небу с мыслью в конце лета увидеть и конец нашему дальнейшему продвижению на юг, пора будет и повернуть к северу.

Вечером я гулял по косогору, горам, и по каменистому ложу ущелья, встретил монголку с приветливым ко мне поклоном. Из разговора я узнал, что, не видя меня, она уже осведомлена о моей добродетели и проч. из многочисленных докладов ее «кукут» — детей, которые успели получить от меня кое-какие лакомства. Женщина рассталась со мною, соблюдая вежливость и почтение.

Забыл упомянуть, что наряду с наблюд[ением] от аршана синего неба я видел бурых грифов, которые прилетают на трупы задавленных волками животных.

Видимо, клящие морозы остались позади: температура воздуха становится мягче и мягче.

1 февраля, ☽. Солнце ходит значительно выше, день увеличивается, сегодня воздух пахнет весной. Пшевик укатил на охоту в Хэтрун. В палатке днем приятно, тепло. На аршане чудесно: я умывался словно в комнате, раздевшись до рубашки, приятно и тепло. Все мои спутники оживают, ликуют, все радостно думают о весне.

Еще с вечера, вчера, я позвал к себе в юрту Вторушина и много толковал с ним. Сегодня окончательно напутствовал его в дорогу и распростился, Вторушин покатил домой. Ведь там, в низовье Эцзина, значительно теплее, нежели где-либо в Центральной Монголии.

Днем пишу, беседую с Васей Гусевым, сортирую коллекции, руковожу общим состоянием.

Сегодня, 1/II, поблагодарил моих спутников за службу минувшего года, пожелал успеха на предстоящее грядущее полевое теплое время, поднес по традиционной чарке.

Второй раз прибыли монголы за получением сведений об экспедиции. Приняли, угостили чаем, показали бумагу и написали состав экспедиции, вооружение, вьюки и предстоящее продвижение экспедиции в марте (начале) к югу, навстречу теплу и солнцу.

Кажется, один из посланных монголов сговорился везти нас на верблюдах до Гун-нора. Во всяком случае, все это скоро вырешится.

Сегодня девочки, дети Цэрэна и Намсрая, наших соседей, получили подарки — серебряные с красными камешками колечки. Рады безумно, все любовались и благодарили.

Волки в нашем близком соседстве поедают падаль; в первую ночь с нашего приезда их было особенно много, Гароль и Чуфра неистово лаяли, порою отбегая от лагеря в направлении падали — ночного пира серых.

2/II, ♂. Ночь тихая, ясная, утро тоже; t воздуха только –11.0°. Необычайная приятность в воздухе и прежние очаровательные тона неба при утренних и вечерних зорях. Сегодня хочу выяснить полное наличие всех экспедиционных сумм во всех валютах, за этот вопрос примемся с утра. Серебра в м[ексиканских] д[олларах] — 5110,* денег в бумагах — 7740 (червонцами); итого 12 850.

Мне кажется, что при наличии счастья и удачи нам будет достаточно этих средств на все, даже с трудом пополам и на возвращение, по крайней мере до Верхнеудинска, а то и до России — родины.

Сегодня я написал К. М. Даниленко о том, чтобы он в случае отказа Главн[ауки] высылал содерж[ание] из экспед[иционного] запаса.

Сегодня я гулял по предгорьям Хангая, по морене, ее вершине с целью насмотреть точки для производства фотограф[ических] снимков. Насмотрел: бивак (с юртой и палаткой), морену, ущелье Битютэн, вид на СЗ на острую вершину и вновь на аршан, потом, позднее, — Барун-улан, кроме прежних

---

* 5110, кроме того, только что послано 200 м[ексиканских] д[олларов] Глаголеву, да Верхотуров обязан нам отдать 250 м[ексиканских] д[олларов]. Америк[анских] долларов 1978, английск[их] фунтов 250, червонными рублями 1690. Кроме того, расходовано червонных рублей 500; 425 м[ексиканских] долларов, новеньких, лежат слева в ящике № 3. Всего, при счастливом курсе, может быть около 13 тысяч.

Пшевочкин кедр и вообще кедровник вместе с лиственницей, гребень, а также дорога в Сайн-ноин и развалины Олун-сумэ. Впереди на очереди усыпальница С[айн]-н[оин]-х[ана] (и на горе, и внутри мавзолея), субурганы и храмы.

Вечером, между прочим, я сделал внимательный осмотр имеющимся со мною подаркам. Выяснилось, что их еще порядочно и совершенно приличных, так, например, имеются четверо золотых часов, золотой портсигар, каменные дорогие предметы и т.д. Порядочно колец, браслеты, мелочи, ножи и ножницы, зеркальца (дорогие, золотые) и т.д.

В ведении Гусева в ящиках хранятся также ножи, ножницы, парча и бинокли.

С вечера стал подувать западный ветер, и как ощутителен он в юрте — чувствуется движение воздуха. Интересно, какая погода будет завтра? Барометр стоит удовлетворительно. Ночь с западным ветром, небо с тонкоперистыми облаками. Собаки молчали.

3/II, ☿. Небо покрыто сплошь перисто-слоистыми облаками, тихо и очень приятно. Пшевик минувшей ночью караулил волков — напрасно, ни один зверь не приходил. Цэрэн на быке усхал в С[айн]-н[оин]-к[урэ] с письмом для К. М. Даниленко и с приветом Гэлэнтэю и вдове, к которым я намереваюсь заехать с подарками.

Итак, время, покорное всеобщему математическому закону, бежит и бежит.

Пока что не можем не радоваться мягкости климата в Хангае, его прекрасным южным ущельям. Интересно, что будет дальше, до нашего отхода отсюда, до начала марта?

Мне хочется побольше заснять, но потом, немного погодя, когда в горах будет меньше снега, когда и скалы, и лес, и луга будут выделяться рельефнее.

Гусев возится с укладкой археологического материала, добытого в Олун-сумэ. Пшевик ездил далеко к югу, вдоль подножия Хангая, сворачивал к Чандомыну, в его шершавые скалы в напрасных поисках кекликов, затем он доехал до отдаленного на юге ущелья, запираемого гранитными, нагроможденными одна на другую скалами, воротами, там искала добычи — ничего! Но зато осталась довольна красотой этого ущелья.

Под вечер Канаич пошел было на грифов, круживших над остатками задавленной волками лошади, но некий монгол с собаками помешал. Тогда мой препаратор пошел в Бит[ютэн]-ущелье осматривать кулёмки; тут оказалось интереснее — в одну из них попался колонок, ♀, очень пушистая, рыжая, нарядная. Зверь, очевидно, попал в ловушку недавно, сегодня.

Облака почти исчезли с неба, только на востоке горизонта они имеются, вероятно, сбиты западным, хотя и слабым ветром.

В юрте моих спутников оживленный разговор, смех, вероятно, они хорошо настроены. Ведь недалек и конец экспедиции — август, в сентябре возвратимся в столицу Монголии.

Ночь почти тихая, ясная, по временам только подувал западный ветер; тихо вокруг.

4/II, ♃. Тихо, ясно, солнце прекрасно видно на самом горном горизонте.

С утра было совершенно ясно, я ходил на ключ умываться; солнце искусительно пригревало, синева неба манила на простор. Я заснял три

пластинки.* Даль убегала вовсю. Для меня лично общий пейзаж неприятен потому главным образом, что по луговому фону рассыпаны пятна снега, снега я вообще не люблю, за исключением гребней выс[оких] альп[ийских] гор.

Вот что интересно: когда я с Гусевым ходил по морене и дальше к югу, вдоль окраины гор, нам было только удовлетворительно со стороны тепла, но лишь только мы начали подходить к биваку, под защиту гор, морены, мы вдруг почувствовали на себе гораздо большее тепло, да и на земной поверхности заметно было частичное таяние снега. Однако едва солнце приблизится к горизонту, уже не говоря о том, что оно скроется, как становится очень прохладно и чем позднее, тем значительнее, в особенности с ветром.

Вечером возвратился Цэрэн из поездки в Саин-ноин-курэ; между прочим, он был у ханши, которая ждет нашего посещения и которая прислала мне и Елизавете Владимировне по голубому хадаку.

Ночь ясная, с порядочным западным ветром, стихшим лишь утром, в 8—9 часов.

5/II, ♀. Едва ветер стих, как солнце греет ощутительно.

Вчера видел дархана и в то же время шамана, у него странные глаза. Говорят, что это целое поколение шаманов: и дед, и отец, и нынешний, современный, сын.

Благодаря хорошей погоде я заснял две пластинки: наше отдел[ение] и юрту моих спутников, перед которой все они расположились, словно при отправлении своих обязанностей.

Просматривал счета — целое большое, сложное дело. Нашлась кассовая книжка, в которую всенепременно следует заносить и приход, и расход денег по категориям.

Весь день небо голубое и дов[ольно] яркое, теплое солнце; на биваке сугробы снега тают.

Мечтаю о поездке на развалины монастыря Ламэн-гэгэн. Но барометр начал падать — я не люблю этого состояния. За время ночи оба показателя давления атмосферы упали до minimum'а нормального падения. В результате — северо-западный ветер и легкая облачность. Придется на время отложить поездку на развалины.

6/II, ♄. Маленькое возмущение атмосферы, равновесие нарушено: пошел северо-западный ветер и, как результат последнего, перисто-слоистые или только перистые облака.

Я отменил поездку на развалины, вместо нее занялись счетоводством, подсчетом, распределением, всякого рода записями и точным подсчетом наличности.

Прибыл человек, монгол конечно, из тамага с запиской Вторушина о том, что верблюды могут быть присланы за нами в каком угодно количестве и в какое потребно время, только необходимо о том и другом

---

* 1-я — соседние вершины, 2-я — ущелье Битютэн и 3-я — вид на морену и горы Хангай.

знать заблаговременно, так как казенные верблюды на пастьбе, неблизко; от Хангая (аршана) до ближ[айших] окрестностей управления хошуна, где мне заблагорассудится остановиться, цена за каждое животное 10 янч[анов].

После совещаний я вынес такое постановление: тронемся на юг, в дальнейший путь 20 марта, т.е. через 42 дня, на 17 верблюдах, преимущественно под вьюки.

Полагаю, за этот период я справлюсь со всей намеченной программой, выполню все. Тем временем будет теплее, и мы с весенним проблеском тепла двинемся в путь. Представляю себе возможным побывать и за Хангаем, в бассейне Орхона. Вероятно, удастся дать о себе знать в виде небольших статей и писем, а то потом, по мере удаления к Эцзину, на это можно надеяться все меньше и меньше.

Днем небо было довольно ясное, но к вечеру с СЗ, по обыкновению, пришли облака. Странное дело: барометр продолжает падать, а погода стоит прекрасная; вероятно, завтра окончится падение, и тогда спокойно можно будет приняться за предстоящие экскурсии.

7/II, ☉. Ночью и на заре еще бушевал порывистый северо-западный [ветер], к 7 часам, однако, все стихло, и голубое небо и яркое местное солнце приветствовали наступивший день. Пахнет весенним воздухом.

Около полудня я прогулялся на минеральный источник — аршан; он гремит, ласкает слух человека своей неумолчной гармонией звуков. Я люблю там посидеть, предварительно умывшись; со мною часто ходят собаки. На восток, далеко, убегает долина Онгиин-гола, виден конгломератовый мыс справа, за которым красуется кумирня-часовня с Цаган-ушхай внутри нее, далее расположен монастырь, а за ним скопление гор, сопровождающих течение Онгиин-гола в среднем районе этой речки.

На аршан помимо людей приходят около полудня и сарлыки, и лошади, чтобы напиться. Из птиц приходится наблюдать пока только оседлых сорок, черных воронов, красноклювых галок, которые стали чаще и звонче перекликаться между собою, и табунки чечеток; ярко-красные головки и грудки самчиков этих маленьких птичек выгодно отличаются от скромных серень-ких самочек; чечетки проворны и говорливы.

Мой Гусев все возится с финансовым отчетом. Канаич стреляет птичек в Битютэн-ама, а Пшевик, по обыкновению, отправился верхом на Серко в Барун-улан.* Орнитолог, в общем, несмотря на бедность этой части Хангая, собрал много интересных орнитологич[еских] данных.

Гусев принес кирпич темный, слегка обожженный, 1 экземпляр, весом около 30 фунтов, размерами 7—8 × 6, толщина 1 вершок, второй экземпляр уже был на биваке — сырец, толщиною в 2 вершка 7—8 × 4—5. Следует заметить, что обожженный кирпич служил в Олун-сумэ для полов помещения и стен (внутри) или стоек, тогда как из сырца выкладывались стены вообще и даже так называемый фундамент.

Ночь облачная, с западным или северо-западным порывистым ветром.

---

* Пшевик был с Гаролем, отыскавшим в лесу белку, которую орнитолог подстрелил для кол[лекции].

8/II, ☽. Облачно, северо-западный ветер; барометры продолжают постепенно опускаться, непрерывно уже с начала февраля, на протяжении недели. Погода обывательская, но не для астронома или фотографа. А все же солнце поднимается, и день увеличивается; уже не стало нудных, длительных вечеров. Облачность не пускает нас выполнить нами намеченные экскурсии с целью заснять интересное.

Нас навестил сосед-монгол, табунщик, с целью познакомиться с нами. Кстати, он кочует с Цаган-сара на близкое расстояние из ущ[елья] Битютэнама в Хэтрун, к голове источника-аршана с малыми субурганами, сложенными из плоских каменных плит.

Из С[айн]-н[оин]-к[урэ] доставлена бандероль с «Ленингр[адской] правдой» от 1/I 1926 г. с отчетом о XIV партийном съезде, вылившемся в такую острую форму! Это первая присылка через Цэцэрлик (Заин-Шаби).

По мере приближения вечера становилось холоднее; около 3—4 часов начал падать снег в виде крупы, после небольшого промежутка вновь, более обильно, к 8 часам земная поверхность забелела сплошь. Между тем облака исчезли, небо заискрилось яркими звездами, ударил мороз в –21.5°C, а наутро minimum –27.0°C при северо-северо-западном ветре. Было очень, очень холодно, так холодно было только дважды-трижды в минувшем январе месяце.

Мы спали при –15.5°C; ветер, движение холодного воздуха в значительной мере и неприятно ощущалось. Мое дежурство: вставать рано, первым и разводить огонь.

9/II, ♂. Бр-рр! холодно! Ясно, ветрено. Все то, что оголено, быстро стынет, за уши ощутительно пощипывает. Я усиленно занят топкой с раннего утра: сколько бы ни положил лучших, сухих дров — тепла мало, оно уносится холодным движением воздуха; у стен юрты форменно дует. Да, сегодня денек в пути тяжелый, и очень тяжело, в особенности навстречу ветру — садкому, пронзительному.

Теперь как-то странно вспомнить еще более или совершенно такую холодную Ургу, но там — там теплые комнаты, уют. Это, однако, не значит, что я завидую ургинцам — нет, я просто только сравниваю. Ибо очень хорошо знаю, что такой холод у нас скоропроходящ, ведь достаточно лишь стихнуть ветру, что недалеко, и у нас будет «благодать». Нет! Ни на что я не променяю Центральную Азию, ничто и нигде мне не заменит ее яркосинего неба и также прекрасного, искрящегося, ослепительного, живительного солнца — ничто! Я это хорошо знаю!

Из ущелья Хэтрун, из леса, из расставленной в нем кулемки, Канаич принес очень интересную полевку, может быть особую расу? Ловушек вообще расставлено немало как в ущельях, так и в прилежащей долине Хангая, но добыча зверьков крайне ограничена. Может быть, к весне будет от кулёмок больший успех?

Вечером я впервые поведал план* предстоящей летней деятельности экспедиции, а именно: 20/III мой Западный отряд снимется и пойдет на юг, в окрестности озера Гун-нор. Тут произведет археолог[ическую] ре-

---

* Впервые, в целях выяснения стоимости, я решился обнаружить мой заповедный план.

когносцировку и, вероятно, оставит работать — копать — Гусева и Цэрэна; постарается завязать добрые отношения с Чимит Дорчжэ, а через этого последнего иметь связь с Монценкопом, или, иными словами, общение с Ургой. Далее я с остальной компанией двинусь на оз. Орок-нор и организую там лагерь таким образом, чтобы было удобно проводить наблюдения.

В конце пролета птиц, в начале мая, я с частью моих спутников направлюсь на юг, мимо массива Ноин-богдо в Хара-хото. Гусев в числе других будет со мною; он недели в две непременно окончит свою археологическую задачу и мне будет нужен в Хара-хото более, чем кто-либо другой. Оба мои московские мальчики, Андрей и Котик, пойдут со мною. По приходе в соседство моего детища, на бивак Глагол[евской] партии, я все осматриваю, отбираю научный сбор, привожу его в порядок, укладываю и отправляю в виде транспорта с обратными животными на склад, в дол[ину] оз. Орок-нор.

Транспорт вверяется Глаголеву, который должен примкнуть к разъезду Елизаветы Владимировны и с нею вместе отправиться в Шара-хулусун, или «Желтый камыш», давно манящий к себе моего орнитолога. Шара-хулусунская партия поедет в июне, к началу августа вернется.

Таким образом, ее деятел[ьность] выльется в полное изучение пути и самого урочища. В то же самое время я со всеми наличными спутниками займусь доисследованием «мертвого города». В августе, начале, и мы повернем к Орок-нору; Ор[ок]-нор будет точкой, в которой соберется экспедиция воедино. К этому времени, или точнее к 20—25 августа, мы переберемся в Уйцзэ-ван, где должен будет стоять автомобиль полпреда, который возьмет меня и моих двух-трех спутников для следования в Ургу. В Урге придется поработать в подготовительном отношении, чтобы всей экспедицией долго не засиживаться и около 12—15 сентября двинуться к родным пределам.

Вот каким образом, в общих чертах, рисуется заключительная деятельность Монголо-Тибетской экспедиции.

Ночь ясная, прохладная, с частыми порывами северо-западного ветра.

10/II, ☿. Ясно, прозрачно, свежо, minimum –23.8°C. В 9 часов утра уже приятно на воздухе и пахнет свежей, нарождающейся весной. Атмосфера невыразимо прозрачна и открывает далекие и близкие знакомые экспедиции виды.

Как и предполагал, сегодня около 10 часов утра съездил к светлым известняковым скалам, заснял их двумя пластинками панорамным способом: влево — северный склон с лесом, вправо — полуденный, луговой, каменистый, в середине или с внешних боков — скалы и непременно в обеих серединах — сходящиеся скаты. Взяли геолог[ический] образец, пошли к дому; у восточной подошвы Чандомына, у открытой по сторонам могилы «сердитого» ламы остановились и засняли ее с горой.*

---

* Осенью 1925 г., когда я проезжал здесь с Цэрэном, еще стояла ограда, от которой ныне остались два бревнышка; следы прямоуг[ольной] ограды видны, как видны и следы (по снегу) сворованных бревнышек.

На нашем дальнейшем продвижении к дому мы остановились в виду ущ[елья] Барун-чулу, его горы Кюрэндэль — это вдали, а вблизи, внизу монгольское стойбище из двух юрт — и засняли всю эту картину.

Затем мы спустились в соседство юрт, поздоровались с собирательницей аргали, подарили для ее чжалхэн-кукут конфетку и кус[ок] китайского леденца-сахара; последовали своим путем до переправы через обледенелый поток Барун-чулу. Тут мой спутник отделился, направился вверх по солнечному скату указанного ущелья с целью затем, вверху, перейти в наше — Битютэн-ама, коим и спуститься к биваку.

Я же продолжал путь домой, куда прибыл в начале 2-го, точь-в-точь к обеду. В передний путь мы ехали, держась окружной луговой, мягкой дороги, и вот, уже спускаясь по косогору лев[ого] крыла светлых скал на снежном островке мой спутник обнаружил свежеразрыхленную норку большого хорька и его крупные следы по снегу. Это обстоятельство принято к сведению. Обратный мой путь жался к горам.

День на редкость прелестный: синее небо и яркое солнце не оставляют желать ничего лучшего. Вечер был также порядочный, но с полуночи стал приходить легкими порывами северо-восточный или северный ветер, и к утру появилась перисто-слоистая облачность, постепенно окутавшая все небо. Ветер стал усиливаться и быстро охладил воздух.

11/II, 2. Как превосходно было вчера в течение всего ясного дня и как неприятно сегодня: облачно, ветер, стужа, бр-рр. Этак, пожалуй, и не выберешься в С[айн]-н[оин]-курэ, а пора бы, и давно.

Вечером, вчера, я долго провозился с фотографией — переснаряжал и перекладывал пластинки. Барометр опять падает, видно, действительно приближается весна, весенняя пора.*

Ввиду дурного утра я не сразу решил о поездке в С[айн]-н[оин]-к[урэ], хотя сборы для этой цели были исполнены накануне. Однако, в конце концов, поехал в обществе Елизаветы Владимировны; одновременно пошел и наш экспед[иционно]-коллекц[ионный] маленький транспорт (4 ящ[ика]) на быках с Фу-чином и Цэрэном.

Вначале было порядком холодно, к счастью северо-западный ветер дул нам в спину. Часа через два, когда мы были на самом берегу Онгиин-гола, облака очистили все небо, ветер стал стихать, и мы чувствовали себя превосходно. Следуя по берегам речки, я вновь наблюдал интересные, отвесно падающие обнажения больших валунов, сцементированных глиной и щебнем и лежащих наподобие мешков с мукой. Такие отвесные берега — мысы — преобладают на заворотах речки.** Хангай белел от снега, и я снял речку с видами на Хэтрун и Бар[ун]-чулу.

---

* На этом месте я стал писать утром 15/II: вчера вечером мы — Елизавета Владимировна и я — возвратились из С[айн]-н[оин]-к[урэ], где пробыли 3—4 дня, фотографировали, проявляли, печатали. Теперь последовательно, изо дня в день, надо заполнить дневник описанием, главным образом, пребывания в дни Цаган-сара в С[айн]-н[оин]-курэ.

** На фотографии вышла могучая от массы (по всему дну русла-долины) льда река, явившегося в течение зимы благодаря обильным наслоениям воды.

Далее мы успешно подвигались до самого монастыря, на северной окраине которого временно остановились, чтобы заснять давно интересовавшую меня серию субурганов.*

Еще ¼ часа, и мы во дворе гостеприимного Монценкопа, окруженные соотечествен[никами]. Верхотуров С. К. отсутствовал, и я с Елизаветой Владимировной отлично приютились в его комнате.

Первый вечер мы возились с интересным проявлением до 1 часа ночи; результат очень хороший. Я чувствовал себя превосходно: чисто, просторно, уютно и на душе спокойствие и благодать. Спал я немного, с перерывами, чувствуя себя совершенно бодрым.

12/II, ♀. Утро серенькое, прохладное; мои пластинки вынуты в 7 часов, а в 10 я уже начал наиболее нужные печатать. Как приятно работать, возиться с фотографией, когда вы имеете прекрасные снимки, умело проявленные и т.д. Рассеивающий свет способствовал выразительному, мягкому печатанию.

Тем временем подходил полдень — время, в которое меня с Елизаветой Владимировной ожидали представители монастыря. Нам дали поесть. Солнце завладело голубым небом, и благодатный свет красиво озарил и Хангай, его снежные, белые вершины, и прилежащую долину с большим монастырем. Храмы с золотом блестели и искрились, я уносился мысленно далеко на юг, в Гумбум, в особенности же в Лавран, богатый и пышный, красиво расположенный в лесистых горах буддийский монастырь.

Елизавета Владимировна по случаю «желудка» нам изменила, я поехал только с Цэрэном и прежде всего к да-ламе, с которым встретились дружески. Да-лама вышел далеко навстречу в парадном, блестящем золотом одеянии и был удивлен отсутствию «абгай» — моей жены.

В отличной юрте мы побеседовали за обычным чаем. Д[а]-л[ама] не преминул осведомиться о моей поездке в Ургу и о новостях в Китае. Насколько смог, я осведомил моего приятеля, который, между прочим, отлично знает положение вещей, так как, в конце концов, сказал мне (соблюдая тонкую деликатность): «Япония помогает Цзан-цзо-лину, Россия — Фынюй-сяну?»

Осмотр книги Цыбикова[250] мы отложили на время моих визитов к хубилгану и ханше с наследником. Я направился туда с камерой и по совету да-ламы сначала к бокше. День на редкость разгулялся — тепло, пригревало настолько, что воробьи сильно трещали.

Хубилган был более строг и сдержан, тем не менее любезен и предупредителен: речь велась о том, как я зимой съездил в Да-курень, все ли у нас в России благополучно, какие новости, доволен ли я вообще и т.д. Здесь мне был предложен вкусный чай.

---

* Жалел я, что чуть-чуть мы опоздали к виду хорошей фигуры лам (16), [прямоугольной], в центре сжигавших минувшее зло 1925 г. (на открытом воздухе, перед монастырем). Под звуки буре маски стройно делали построение на обратном движении к храмам. Я так и не смог снять ни общего вида. [прямоугольного], ни всей массы пестрых лам, так как мальчишки ламы меня обступили со всех сторон, плотным кольцом, но главное, мы не попали вовремя.

Потом мы вышли на воздух, перерожденец на мое предложение снять его охотно согласился (после того, как видел мой снимок с да-ламы). Мы выбрали солнцем освещенный уютный уголок. Гэгэн хорошо сидел, но в самом начале, когда он сел на возвышение из столика с подушками и хотел откинуться на резную дверь, с ним чуть не произошло несчастье, а именно: дверь вдруг распахнулась и мой гэгэн уже готов было упасть спиной глубоко вниз, лицо его исказилось; к счастью, его ламы и мой Цэрэн вовремя подхватили хубилгана за руки и этим удержали от падения. Я стоял с аппаратом в руках, в расстоянии сажени, и моя помощь, при всем искреннем желании, могла не поспеть своевременно. Тем не менее гэгэн избежал неприятного казуса, скоро овладел собою, и я его тотчас снял.

Потом зашел к нему в юрту, выпил чаю и откланялся; у меня предстоял еще визит к вдове покойного Сайн-ноин-хана с наследником.

Погода была изумительно приятная, синее небо и яркое солнце располагали к неге. Вот мы и у двора ханши, нас ожидали; едва я проник в ограду, как забегали люди в красных одеждах и тотчас от юрты, очень богатой, большой, навстречу мне показались и ханша, и прелестный 13-летний мальчик — наследник.

Мы все направились в юрту, ханша осведомилась о Елизавете Владимировне. Мы, наконец, внутри юрты, застланной коврами, пышной кумирами, с двумя парадными половинами (разделен[ными] очагом): справа — для самих хозяев, слева — для гостей, тут стояли два европ[ейских] стула. Попили чаю, ханша предложила мне по случаю радостной встречи из серебр[яного] кубка белого, прозрачного напитка, сильно напомнившего мне вкусом кумыс. Подавая чашку напитка, наследник возложил на мои руки хадак. Я выпил и сказал приличное слово (собственно, держа напиток еще в руках). Сделав это, я, в свою очередь, поднес милым хозяевам подарки: ей коралловый браслет, наследнику же — серию каменных животных — зверей и птиц, ножичек и бумаги с карандашом для рисования и письма. По-видимому, хозяева были довольны; я очень сожалел, что у меня под рукой не было стереоскопа с видами и типами России и заграницы.

Далее я предложил моим друзьям сняться; снялись мальчик соло и мальчик с матерью.

В заключение меня угостили вкусными манту, чаем, и я, очень удовлетворенный, поехал домой; меня тянула фотография — печатание. Хотя я вернулся уже поздно, приятно было отдохнуть, а вскоре, когда стемнело, заняться и проявлением трех пластинок.

До ужина и чаепития я с Пшевиком проявили пластинки одна другой удачнее. Сегодня канун Цаган-сара, и в ночи, и с вечера в храмах молились.

13/II, ♄. Ночью погода испортилась, подул северный [ветер], застучали ставни, небо подернулось серыми, мрачными облаками, сделалось очень холодно.

Между тем с утра народ везде нарядный, и странно — монголы то и дело заходят к нашим соотечественникам и поздравляют их, как и своих собратьев, меня и Елизавету Владимировну также. В числе прочих объявились две нарядные, симпатичные девушки, и я сфотографировал их.

Этот день я сидел дома, печатал, хотя также неважно, тем не менее все окончил вовремя, все снимки зафиксировал и вечером пошел в баню и отлично вымылся.

По вечерам, за ужином и чаем, мы беседовали в обществе Чижовых и Савельевны; нас баловали вкусными яствами, печеньем к чаю, а главное — своим чутким вниманием. Чижовы справедливо сетовали, что нет книг, нечего читать, в особенности Клавдии Александровне. Да, в таком углу да без интереса извне — волком взвоешь! Наш приезд сюда, по-видимому, внес большое оживление и разнообразие.

Вечер и ночь даже я сушил мои промытые отпечатки. Фотография поглотила все время, и я лишь смог написать одно обстоятельное письмо моему сыну Володе с приложением свежей фотографии — каменного человека с брюшком, поясом и т.д.

14/II, Ө. Погода опять прекрасная: небо голубое, солнце яркое, и красивая даль зовет к себе. Сегодня воскресенье — наш отъезд домой. Я строчу письма — доканчиваю Володе маленькое письмо с препровождением трех фотографий, готовлю В. Н. Орловской и пишу обстоятельно В. П. Бурдуковскому по поводу посылки корреспонденции экспедиции через Цэцерлик или Заин-шаби и заведующему почто-телеграфным отделением Цэцерлика о выдаче корреспонденции экспедиции местному Монценкопу и т.д. Закончив все эти дела, покушав, мы в 11-м часу покатили домой.

По дороге я лично хотел вручить снимки и хубилгану, и ханше с наследником, в то же время меня интересовали некоторые детали монастыря, я желал их увековечить, тем более что на фоне монастыря ярко выделялся гребень Хангая* со свежевыпавшим снегом. Я искусился: снял с мусорной кучи общий вид — центр монастыря, затем с вышки — вид на сложное сочетание храмов — части красного, соборного, так называемого «зеленого» и двух роскошных юрт между двумя последними храмами, а в заключение 3-й снимок — с места ставки хана.

И только потом я навестил и гэгэна, и ханшу с сыном. У первого был я один, у второй с Елизаветой Владимировной. И там и там было предложено угощение, и там и там оказано большое внимание.

Хубилган был, видимо, доволен [фотографией], показал всем приближенным, а мне тихо заметил: «А я полагал, что мое лицо выйдет испуганным, после истории с моим счастливым непадением». Хубилгану я показал и снимок ханши с сыном, который также обошел всех присутствующих: гэгэну приходили на поклонение ламы подчиненного ему большого монастыря Сайн-ноин-курэ.

У ханши мы засиделись дольше, так как она вышла к нашим лошадям и лично попросила зайти к ней Елизавету Владимировну. Мальчик встретил меня еще во дворе и очень обрадовался снимку, спрашивая в то же время: «А где же я, снятый один?». Ханша, как и меня вначале, очаровала моего Пшевика, именно своей природной благовоспитанностью и необыкновенным радушием. Как мне, так теперь и Елизавете Владимировне она предлагала ее приют к нашим услугам на какое угодно время.

---

* Собственно фоном монастырю был светлый хребет Хангай, а не монастырь этому последнему.

Деликатно осведомившись о том, будем ли мы кушать, останемся ли обедать, она искренно предлагала нам все свои легкие угощения. Елизавете Владимировне предложена была почетная чарка прозрачн[ого] напитка с хадаком.

Мило распрощавшись, мы отправились к лошадям, стоявшим вне ограды. Нас проводили, дали нам время усесться верхом, тронуться домой, и только когда мы скрылись за угол ограды, хозяйка с сыном ушли. Теперь нам открылся во всем белом наряде наш родной Хангай, манивший нас к себе, домой, под симпатичное крыло Битютэн-ама, к вечно живому, прекрасному аршану.

Три однообразно томительных часа езды верхом, приближавших нас постепенно к дому и дававших возможность глубоко всматриваться во все складки Хангая, казались нам сильно утомительными. В 4 часа дня наконец мы были на своем биваке, среди своих спутников и соседей, членов семьи Цэрэна.

«На биваке экспедиции все благополучно», — прочел я на лицах моих спутников, среди которых находился и сосед с таб[уном] лошадей, которыми мы пользовались при поездках.

Вечером с участием Цэрэна у нас было заседание по поводу предстоящей моей с Елизаветой Владимировной экскурсии за Хангай, в уроч[ище] Уптэн, в бассейн Орхона и его верхних лесов и скал. Попутно вначале мы заглянем на развалины мон[астыря] Ламэн-гэгэн, а на обратном пути исследуем проход в Хэтрун с водопадом на стороне внешнего бассейна в этом ущелье, с водопадом, который низвергается со значительной высоты, производит гул, слышный издалека, — грозное явление среди тихой природы. Говорят, этот водопад поглотил много лан серебра, так как до новейшего времени по распоряжению свыше китайцы-чиновники присылали специальные 100 лан ежегодно в жертву грозному водопаду, его водяной неиссякаемой энергии. Мне эта экскурсия, ее перспектива, очень нравится, и мы к ней скоро будем готовиться. Там, в Уптэне, имеется подотделение Монценкопа, следовательно, своего рода приют; им воспользуемся, посмотрим и самую реку Орхон, и «скалы могучие» с прибоем быстрины, в которой не раз успешно ловил тайменей Николай Алексеев (из отделения Монценкопа в Сайн-ноин-курэ).

Ночь тихая, ясная и все еще очень холодная, длительная.

15/II, ☽. Утром по голубому небу, словно морская рябь, прокатились и разлились тонкоперистые облачка, потом, постепенно превратившиеся в пер[исто]-слоистые и, наконец, исключительно в слоистые.

Около 10—11 часов утра по приглашению Цэрэна мы навестили его семью-юрту и приняли праздничное угощение. Семья готовилась нас встретить по-настоящему, и мы с удовольствием отведали и пельмени, и фушер, и хлеб с чаем, и все-все, как говорят, «чем богаты, тем и рады».

По возвращении к себе каждый занялся своим делом. Я писал, с целью отдыха-перерыва гулял на аршан, умылся минеральной водой, вновь писал, Пшевик стирал, Гусев шил футляр. Мой Канаич ушел в Хэтрун, который подарил ему на Цаган-сар трех птиц: трехпалого дятла, синицу-гаечку и очень редкую здесь Certhia — маленькую, с ярко-рыжим надхвостьем.

Небо окончательно нахмурилось, позднее часа стало серо и ветрено, северо-западный ветер посылает чаще и чаще холодные порывы. Барометр

начал с высоты падать, но постепенно и медленно-медленно — никак не может установиться ровная погода, чувствуется весенняя нервная дрожь, трепетание. А ведь это только хорошо и всегда понятно чуткой, энергичной натуре (в скобках — мне).

После 1 часа дня облачность из пер[исто]-слоистого состояния перешла в слоист[ое] и даже в с[лоисто]-куч[евое] (на ВСВ), в то же время ветер дул с разных сторон, порывами. К сумеркам облака поредели, а в 9 часов (21 час) на западе выглянули звезды. Такому состоянию неба предшествовали особенно крепкие порывы ветра со стороны запада или северо-запада. Вследствие облачности и частых потуг с юго-запада было нехолодно, вместо обычных –18° только –10.5°; в нашей юрте, всегда теплой к вечеру, утром было на 1° выше нуля.

16/II, ♂. Утро дов[ольно] ясное, только на востоке лежат полоски перистых облаков.

Пишу, пополняю метеорологические данные, смотрю кассовые отчеты, вожусь с фотографией. День, по мере течения, становится все более и более серым, мрачным, холодным. Каждую минуту может разразиться снегом или даже бурей; дали скрыты, на всем лежит отпечаток грусти, мертвечины.

Так и случилось: около 8 часов вечера подул крепкий, 2—3 [балла], северо-западный [ветер], принеся с собою тучи мелкого снега, прикрывшего и забелившего землю. Позднее 9 часов северо-западный ветер сменился ненадолго западным ветром, разрядившим, а потом и совсем прогнавшим сл[оисто]-кучев[ые] облака.

Около полуночи вновь задул и зашумел с прежней силой северо-восточный ветер, охладивший к утру воздух до –22.0°С, что с крепким, сильным ветром казалось нестерпимо.

17/II, ☿. Только к 10—11 часам утра, когда солнце поднялось значительно и ветер почти стих, темепература стала повышаться, и на воздухе быть стало приятно. Снег или сбит в сугробы и овраги, или унесен и развеян по открытой долине. Небо нежно-синее, солнце яркое, дали открыты во всю ширь и глубину.

Гусев неудачно промышлял вчера и сегодня за хорьком в соседстве Цаган-чулу. Умный зверек не поддался приманкам и заклепкам с дымом — вовремя скрылся. Животная жизнь вообще в последнее время будто замерла.

Как результат сил[ьного] ветра и выпавшего снега днем на солнце холодно, а в тени –10.9°С. Понадобится тепловая энергия на протяжении нескольких дней кряду, чтобы согреть воздух до прежней высокой температуры, напоминающей проблеск весны, в крайнем случае ее приближение.

Сегодня я распорядился, чтобы начали подготовление к моей поездке за Хангай, в Уптэн, как по части снаряжения предметов и продовол[ьствия], так и по отношению к животным.

Я решил выехать в субботу, 20/II; ночевка будет в соседстве с развалинами кумирни, туда меня будет сопровождать Гусев, долженствующий вернуться обратно на бивак экспедиции на следующий затем день. Со мною едут за Хангай Елизавета Владимировна и Цэрен, и только.

Вечер и ночь превосходные; до поздних часов, до времени сокрытия Луны за горы, я наблюдал ее, ища звезд для покрытия, но их не было — ни

малых, ни больших, ни вблизи, ни даже вдали, по направлению наблюдаемого светила. Завтра попытаем счастья, покараулим, а затем отправимся за Хангай.

18/II, ♃. Раннее утро отличное, но все же прохладное, однако по мере поднятия солнца, при тишине воздуха, становится отраднее, главным образом теплее.

Около 10—11 часов утра на соседней вершине морены на фоне синеголубого неба верхом на Серко, с двумя собаками я снял моего орнитолога, моего спутника Пшевика. Этим снимком закончил ½ дюжины кассеток, последних.

Сегодня идут общие сборы в экскурсию за Хангай, сегодня заряжу мои все кассеты, из коих возьму с собою 6, плюс пластинку в запас; то же в свое время проделаю и при экскурсии к Ринчин-ламе, в Шибэрты.

Во время снимка над мореною от СЗ к ЮВ пронесся большой сокол Gennaia saceroides, долго, в течение зимы, никому из наблюдателей экспедиции не показывавшийся на глаза.

Усиленно собираемся в дорогу через развалины, за Хангай.

Пшевик экскурсировал в Хэтруне, многократно скрадывал стайку свиристелей — напрасно! Глупые вообще, птицы здесь очень боятся человека и за 100, а то и дальше шагов снимаются и далеко улетают; так много раз мой орнитолог напрасно подбирался к Ampelis garrulus — они, как назло, вовремя для себя снимались, извели в конец охотника.

Вскоре после сумерек и до 9 часов я с Гусевым тщетно «ловили» звезды под неосвещенный диск Луны; как и предыдущие разы, и теперь — ничего. А небо дивное — глубокое, Луна, как важная красавица, гордо несется на полном и широком-широком просторе.

С полуночи набежали облака вместе с потугой от сев[еро]-запада. К утру все небо в перисто-слоистых [облаках].

19/II, ♀. Порывистый, слабый, но холодный от северо-запада [ветер]. Барометр в ночи упал на 5 [делений]; что делать? Этак ничего путного не дождешься, а время уходит. Решил ехать! Не сегодня, так завтра настанет просвет желанный, и на развалинах, и на Хангае нам нужна хорошая погода.

...*Хуже всего, когда не сразу можно решить: ехать или не ехать? В таком случае лучше отложить выезд на время, согласуя его с показанием барометра. С другой же стороны, когда все налажено к выезду, то трудно заставить себя принять выжидательный характер. Короче, желание двигаться вперед боролось с невольной приостановкой. Небо и солнце казались неустойчивыми по отношению к своей желанной чистоте, привлекательности и теплому, приятному блеску. Порывистый северо-западный ветер прогонял сначала только немногие перистые облака, но затем и слоистые, густые, к полудню, когда мой разъезд уже был в дороге, окутавшие все небо и посыпавшие снегом.

---

* Сегодня 5 марта, и я только теперь раскрыл дневник, чтобы его заполнить по конспекту, веденному в пути.

Долина реки Толы.

Монгольское стойбище в Гоби.

П. К. Козлов и Е. В. Козлова.
Улан-Батор, 1925 г.

Гранитная черепаха.

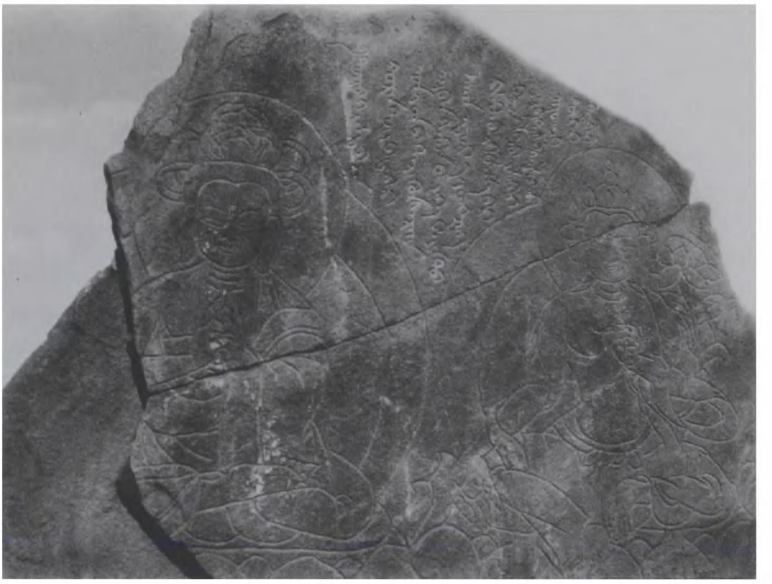
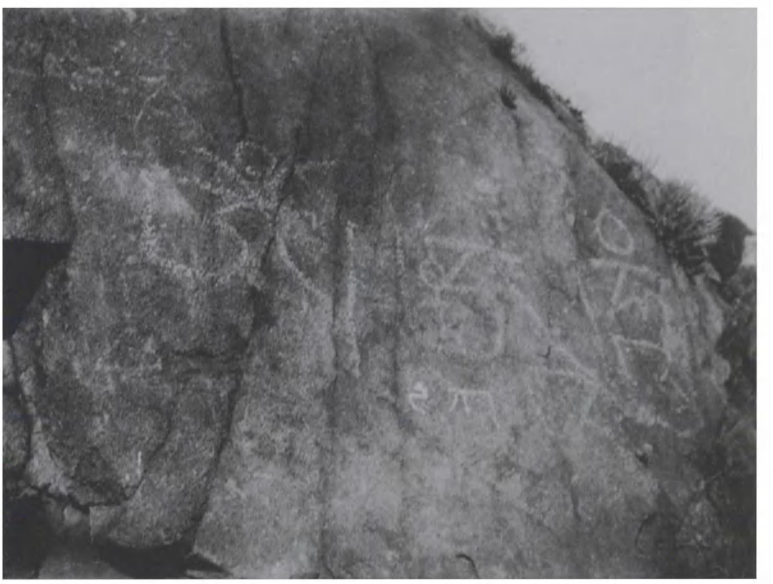

Рисунок на каменной плите.

Бичиктэ-дулан-хада. Камень с буддийской молитвенной формулой «Ом-мани-падмэ-хум».

Морена в ущелье Битютэн-ама. Восточный Хангай.

Береза в ущелье Битютэн-ама. Восточный Хангай.

Монгольские девушки из Сайн-ноин-курэ.

Монголы Сайн-ноин-курэ.

Сквозной субурган
при Сайн-ноин-курэ.

Мавзолей Сайн-ноин-хана.

Гэгэн — настоятель
Сайн-ноин-курэ.

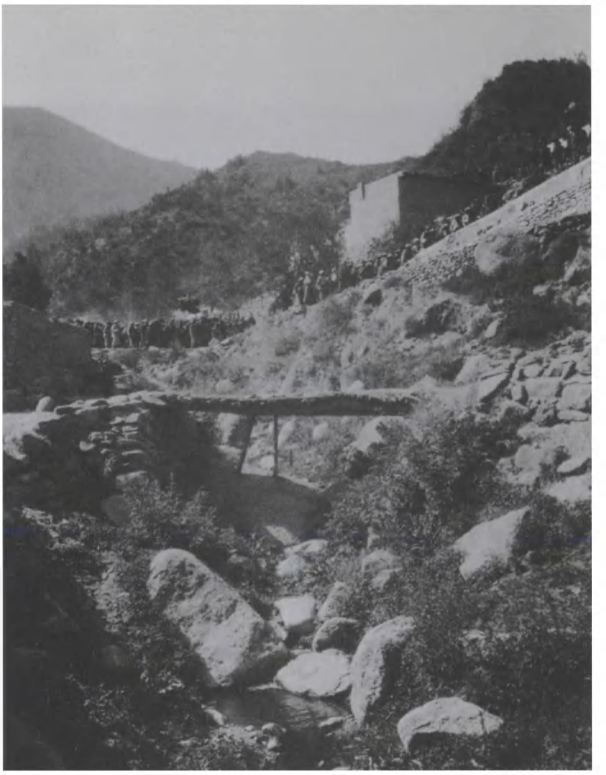
Группа монголов Сайн-ноин-курэ. В центре председатель президиума
Малого Хурала Монголии П. Гэндэн. 1 марта 1926 г.

Обо на южных высотах у Сайн-ноин-курэ.

Намогильные памятники в долине верхнего Орхона.

Монастырь Цзун-хит. Процессия с реликвиями.

Зимовка в Хангае в 1925—1926 гг. Лагерь экспедиции.

Каньон реки Орхон.

Водопад Уланцеу в верхнем течении Орхона, названный
П. К. Козловым «Водопад Экспедиции».

Образец выветривания гранита в Южном Хангае.

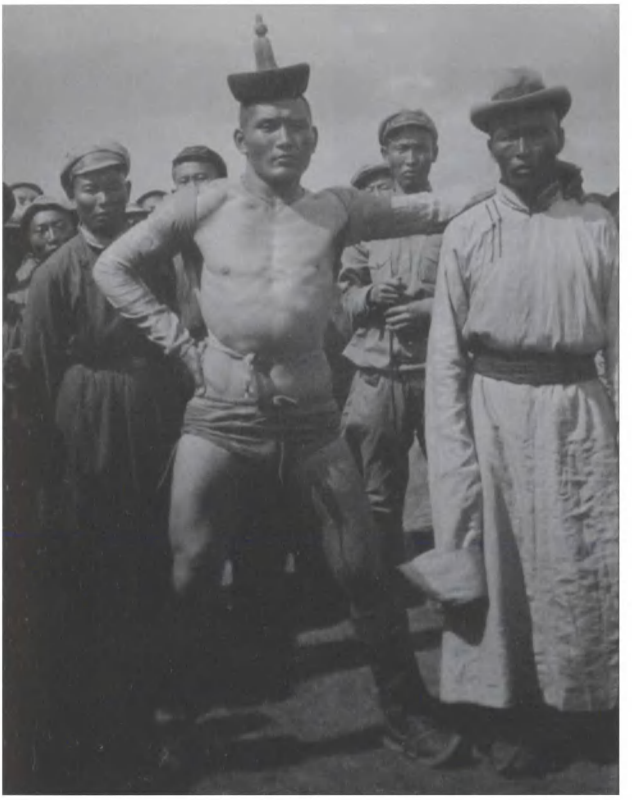
Массив Ихэ-богдо. Развалины ханского мавзолея.

Монгольский мальчик.

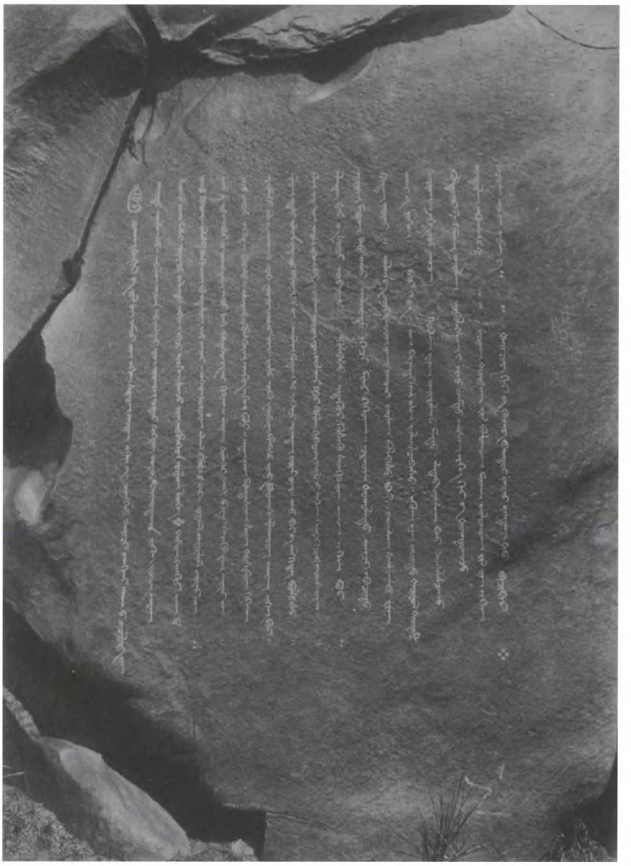
Монгол-шаман Цэдэн-Пунцук в одежде ламы.

Монгольский богатырь.

Жена монгольского чиновника.

Скала с 17 строками Цокту-тайджи.

Монастырь Цзун-ридэ. Восточный Хангай.

Каменная фигура. Хангай, ущелье Ихэ-модо.

Каменная фигура в кумирне недалеко
от Сайн-ноин-курэ.

Лагерь Е. В. Козловой на западном берегу Орок-нора.

Стойбище Чонбиля Дорчжэ. Северная Гоби.

Состав разъезда: я, Елизавета Владимировна и Цэрэн. До монастыря Цзун-ридэ — места развалин Ламэн-гэгэна — нас провожал Гусев, уже побывавший на развалинах во время моего отъезда в Ургу. Я и Елизавета Владимировна были верхом на лошадях, Гусев и Цэрэн ехали на сарлыках, один вьюк — наше дорожное одеяние и еда — был везом третьим быком. Моя задача заключалась, как и говорено выше, осмотреть развалины, проследовать затем вдоль подножия Хангая до речки-ущелья Уптэн-гол, пересечь Хангай по перевалу этого ущелья и очутиться в долине реки Орхон, т.е. из внутреннего бассейна проникнуть во внешний. Далее ознакомиться с верхним течением исторической реки и лесной зоной, сопровождающей долину правого берега Орхона, осмотреть водопад и теснину (по свед[ениям] монг[олов]) и в заключение пересечь Хангай в новом (между Уптэном на СВ и Битютэном на ЮЗ) месте.

Сначала наш путь шел в северо-восточном направлении, пересекая русла рек с ледяными наплывами или поднимаясь на скаты и луговые гребни, разделяющие их до места их впадения в Онгиин-гол. Соседние, знакомые ущелья, Хэтрун, Барун и Цзун-улан, мы миновали еще при сносной погоде и с вершины увалов могли следить за характером гребня Хангая. По мере удаления к СВ он словно притуплялся еще более и вместе с тем понижался. Иногда казалось, что Хангай — это просто широкий желоб с бороздами, высылаемыми в сторону Гоби, покрытыми лесом и несущими жалкие ручьи. Конечно, по отношению к первоклассным альпийским хребтам оно так и есть.

Мы держались тропинок, проложенных кочевниками, юрты или следы стойбищ их попадались на нашем пути довольно нередко; точно так же всюду по горам или долинам бродил их скот. Когда же мы спустились в ущелье речки Бурульчжутэн-гол и повернули вверх по ее течению к месту расположения вышеуказанных развалин и по соседству с ними монастырю Цзун-ридэ, погода окончательно испортилась. Северо-западный крепкий ветер крутил, завывал и обдавал нас снегом со стужей. Я посмотрел на большую дорогу, потерявшуюся за перевалом с высоким обо, еще внимательнее побродил по месту развалин, которые яснее всего выражаются в остатках капитальных стен главного храма, расположенного по склону увала, загораживающего от ветров с гор. Здесь сохранился фундамент из темного крепкого сланца и дов[ольно] основательные стены (шириною, или толщиною до ½ аршина) из глины и деревянных продольных соединений. Виден план храма, его пристроек, сбегавших от середины увала до его подошвы. Тут вместе стоят два каменных (песчаник) изваяния, всего более напоминающие львов. Пониже имеются следы других построек в виде то насыпей, то углублений; в одном месте, на курганообразном выступе, сложена куча камней с мани — это обо.

Небо было мрачно, я сделал на всякий случай один снимок, и мы поторопились под защиту живой обители Цзун-ридэ, отстоявшей в версте, к подножию гор Хангая и лесу, росшему пониже участками, или колками, а повыше сплошной лентой одевавшему скат ущелья с речкой, широко расплывшейся от ледяных образований вследствие «верховой» воды.

Мы рады были вступить в большую теплую юрту лам, чтобы поскорее согреться и расположиться на ночевку; ветер принял размеры бури; воздух омрачался снегом; кругом было серо, неуютно.

Цэрэн привел нас прямо под кров старших лам — нирв, где нас удовлетворительно накормили и где отвели правую половину для спанья и проч.

Хотелось заглянуть внутрь ущелья с девственной растительностью, имелось большое желание еще познакомиться с развалинами, отстоящими ниже в 1 версте, но бурная погода помешала это сделать, и мы принуждены были ограничиться не только на этот, но и на весь следующий день лишь посещением маленького, красиво расположенного храма под защитой горы по имени Баин-цзурхэ.

Небольшая, бедная кумиренка красиво расположена на фоне гор и леса. При ней 15 человек старших и младших монахов. Расположена и устроена дов[ольно] давно. В главном храме порядочное количество висячих матерчатых, больших и малых, шелковых, по большей части, бурханов, металлических мало: Будда, Цзонхава, Арьябало, Аюши, Майтреи, Цаган-дархэ и немногие другие, докшиты: Ямантака, Дэмчок.

Монахи помещаются зимою в юртах (5—6), летом так же или в деревянных хозяйственных, для склада имущества и продовольствия, пристройках. Питаются они вполне удовлетворительно: кашицей из проса, сваренного вместе с мясом, или лапшой с мясом, по праздничным дням готовят себе пельмени (на пару), очень вкусные, ими нас угощали.

Мы приехали в монастырь во время служения лам, их пения, чтения под аккомпанемент труб, тарелок, барабана и т.д.

Ламы не очень осведомлены о старине, не много могли сказать мне о развалинах; единственно все одинаково насчитывали соседним развалинам триста лет. Они, со своей стороны, очень интересовались нашими всякого рода предметами: часами, анероидом, термометром, фотографией и проч. Их также, пожалуй, даже больше, интриговала жидкость в красивой бутылке — коньяк, лекар[ственный] напиток наш во время путевых невзгод (холода, утомит[ельных] горных переходов), и они всячески подговаривались к разъяснению: «Что это такое ноин (господин) иногда подливает в чай себе и своим спутникам?» В конце концов я удовлетворил любопытство монахов, дав им отведать «красивого» — «шара» — напитка. Все ламы одобрили, а один из них — молодой, сильный лама — от удовол[ьствия] поднял вверх большие пальцы рук, заметив с улыбкой: «Все бы сразу выпил и, вероятно, тотчас бы и упал на месте, свалился с ног».

Конечно, ламы причитали, сетовали на бедность монастыря и жалкие приношения прихожан: «Приходится разъезжать по окрестным жителям и собирать пропитание, делать запасы продовольствия осенью на весь зимний сезон». Летом им привольнее.

Старшие ламы, вроде нирва-казначея, присылаются периодически, на три года С[айн]-н[оин]-курэ. Прилежащий лес, равно и его животный мир — звери и птицы — находятся под покровительством и охраной служителей монастыря. Растительность действительно девственная: ламы лишь собирают валежник и сухостой на дрова, чем только очищают и облагораживают ущелье. В левой пристройке монастыря среди всевозможных церковных атрибутов, балин,[251] жертвоприношений, бурханов как реликвия какая хранится ларец, говорят, с чучелами змей, по преданию переданных в монастырь как наследство от старого, перекочевавшего монастыря Ламэн-гэгэн. Ключи от ларца со змеями хранятся будто бы в настоящем Ламэн-гэгэне, откуда ежегодно приезжают ламы для отправления службы — «тризны по

развалинам», и, говорят, всегда в молитвах их фигурируют и эти змеи, которых они вынимают из ящика-ларца, точнее те, по словам других лам, змей лишь открывают, не вынимая из ларца.

При входе на паперть пристройки вы видите на цветной стене с дверью, по сторонам от нее, внизу, нарисованных масляной краской змей.

По ущелью Бурульчжутэн-гол имеется проход-перевал в высокое лесное ущелье северного склона — Хамыр, уже в бассейне Орхона. Про это ущелье мы скажем в своем месте дополнительно. По случаю снегопада весь соседний с нами склон Хангая белел этим осадком, тем контрастнее выделялся лес и ближ[айшие] скалы гребня, мимо которых змеею вилась короткая тропа, трудная для сообщения монголов друг с другом.

Как я и сказал, буря с СЗ задержала нас в монастыре весь день, 20/II, дуя постоянно со снегом, вертя и крутя воздух. Так невольно вспомнилось стихотворение Пушкина «Бесы». Однако, невзирая на бурю, Гусев отправился на бивак. Ему вменялось условие: завести хронометры и вообще неотлучно находиться в мое отсутствие в лагере экспедиции.

Гусев добрался до бивака к 1 часу дня, ко времени наблюдения температуры и т.д. Его хайнык, которому он доверился было, только дважды увлекал своего пассажира с правильного пути.

К ночи барометр начал подниматься, ветер стих и небеса почти прояснились полностью; холодно было словно зимою. Звезды горели как бриллианты.

Ввиду того что наш фураж кончился, я отправил Цэрэна с животными — лошадьми и сарлыками — в соседний айл, на хорошие прошлогодние травы, на кормежку.

21/II, ☉. Тихо, ясно, t –24.4°C. Мы собираемся в дальнейший путь. Перед самым отъездом, в 10 часов, я фотографирую; несколько позднее то же делаю на развалинах. Лам мы наградили, и они нас старались «милостиво» напутствовать в дорогу.

На перевале мы были около 11 часов утра; я говорю о [перевале] через высокий отрог, с большим обо, о перевале, который, несмотря на второстепенное положение в отроге, тем не менее превышает таковой в пониженной части Хангая по Уптэн-голу. Вот с этого-то перевала нам и открылся далекий зимний вид вперед на ущельице с лесом, залегающим в падях нашего отрога, и вид на северо-восточное продолжение пониженного, расплывчатого Хангая, сплошь засыпанного снегом последней снежной бурей; лес контрастно выделялся темной зоной, и я заснял этот вид. Потом мы стали спускаться в долину, собирающую в себя все виды соседних ущелий не только с Хангая, но и vis-a-vis с ним продолжение нашего отрога, с лесом вплоть до прорыва его окраины, где проходит речка Уптэн — наша цель. Идти по дов[ольно] глубокому, плотно сбитому снегу, залегавшему на всей дороге по обоим склонам Хангая, было трудно. Вблизи Уптэна, его устья, я видел далекую панораму к ЮВ знакомых мне низовья Уптэна и Онгиин-гола в месте впадения в него назван[ной] речки, с прилежащими горами. Видели мы (я и Елизавета Владимировна) те высокие бурые скалы, которые я фотографировал осенью, во время моей экскурсии к Чулу-бичиктэ, или Улан-чулу-бичиктэ.

К СЗ, в пройденных нами в соседстве ущельях Хангая, ютились укрыто стойбища монголов, а выше них, в среднем поясе луговых скатов гор, пасся

их рогатый скот. Между прочим, Цэрэн отметил в одном таком месте айль нашего знакомого монгола, у которого мы взяли на зиму юрту для моих спутников, в аренду.

По Уптэну нам было еще труднее двигаться по снегу без дороги, в особенности в оврагах, где животные погружались в снег до брюха. На речке и местах родников было много льда, также затруднявшего движение.

Вид на плоский Уптэн-дабан открылся почти сразу — далеко-далеко однообразной, пологой к нам белою поверхностью; мы втягивались в широкую падь, слева в которую входили скалистые отроги из сланца или лавы, справа тянулся значительный отрог, в пазухе имевший участки леса. Мы ходко подвигались, день перевалил давно за полдень, солнце ослепительно ярко светило, озаряло белую, как скатерть, поверхность земли. Вид к [перевалу] удачно мною заснят.

Около 3 часов дня мы с Пшевиком уже были на вершине перевала с высоким, из жердей, обо; определили *h*, *t*, засняли его фотографически. Проголодавшиеся наши лошади ловко разрывали копытами снег и ели желтую растительность. Над нами пролетел царственный бородач-ягнятник. Выше перевала взбегал хвойный лес, протянувшийся полукругом сверху вниз, в бассейн Орхона, и показывался излом ущелья в ту сторону, круто-круто падающего, в особенности на первых трех верстах от перевала.

Несмотря на крутизну, тут проходит тележный путь. Конечно, сильно достается и животным, и людям. Одно хорошо — перевал мягкий. Спускаясь с Уптэн-дабана по богатому лесом, красивому ущелью, мы все время любовались его видом и пышностью древесной зоны, сплошь укрывающей орхонский склон. Красивы участки кедровника, над которыми доминируют гольцевые вершины к югу от перевала.

В сторону Орхона ущелье тянется 12—13 верст, имея на дне родники, урему. В нижнем поясе, в боковых солнечных местах, начали попадаться стойбища. В сумерки мы уже были у места расположения подотделения Монценкопа, хозяйственно оборудованного и видного только с соседнего увала, словно спрятанного от взоров. Впереди открывалась широкая, просторная долина и две бурые лавовые горы на лев[ом] берегу Орхона, которые имеют на вершинах обо — молитвенные центры летом. При закате солнца эти массивы изверженной породы эффектно освещаются.

На наш стук в ворота последние скоро распахнулись, и нас приветливо встретил заведующий Мархаев Иннок[ентий] Алекс[еевич] с монголом. Так приятно было вступить в дерев[янное] помещение с кроватью, столами, табуретками, но главное, с печью, быстро согревающей помещение. Ин[нокентий] Алекс[еевич] быстро оживил уголок, быстро и весело затрещали дрова в печке, приятно и мягко озарялась наша обитель двумя стеариновыми свечами, а когда мы поели горячих пельменей и попили чаю, то чувствовали себя в самом лучшем настроении и сообщили хозяину нашу программу: прожить здесь три дня в занятиях по ознакомлению с местностью как в естеств[енно]-историческом, так и в археологическом отношениях. Предполагалось, что Елизавета Владимировна поэкскурсирует в пройденном нами ущелье, его боковых распадках, а я потолкую с местными монголами об исторических памятниках.

Мархаев любезно, с готовностью, откликнулся на мои обращения к нему по поводу предстоящего. Охотника я уже видел, а знатока камней с би-

чиктэ И[ннокентий] Ал[ексеевич] обещал доставить мне на завтра. В беседах на родные темы мы не заметили, как пробежало время, и мы отошли ко сну.

22/II, ☽. Минувшая ночь была яркозвездная, холодная, с t на утренней заре –27°; утро тихое, ясное; солнце сияло и убрало блеском приветливую долину Орхона, на которую мы любуемся, словно в окно, из устья ущелья.

Пшевик мой ушел после чая, я стал принимать монголов, которые мне сообщали о кэрэксурах и белых камнях с бичиктэ. На эту тему мы долго беседовали. Бывалый монгол, еще дов[ольно] молодой, заинтересовал меня рассказами о кладах. Около 10 лет тому назад он в компании с 17 монголами в бок[овом] распадке гор, сопровожд[ающих] долину Орхона слева, по указанию прорицателя-ламы копали погребение предка, отмеченное высоким столбом с письменами. Как раз под столбом и вырыли огромную воронку, диаметром около трех саженей, глубиною до двух, но ничего не нашли, за исключением огромного человеческого ребра. Столб они почти до половины засыпали выбрасываемой из ямы землей.

К этому месту монгол и предлагал довести меня, показать мне камень. «Кстати, — говорит он, — мы по дороге увидим еще "белый камень со змеей". Если припоздаем, [даже] выехав с места рано утром, — не беда, можем заночевать у монголов, попутно».

Ввиду того что своих животных надо было приберегать и кормить, я уже подговорил под меня и Цэрэна наемных лошадей с платою за каждую в день по 2 янчана, не считая, конечно, вознаграждения проводнику за указание памятников.

Так у меня и прошел весь день в переговорах с монголами и приготовлениях к дороге.

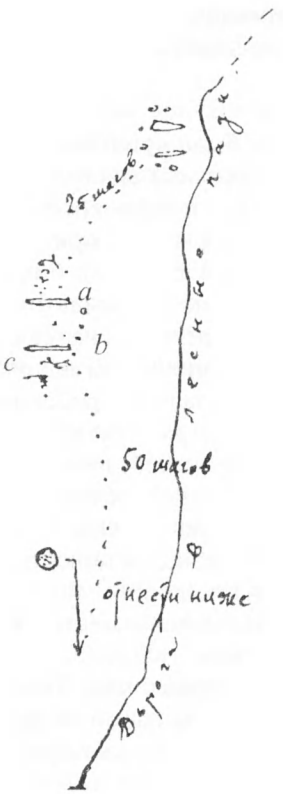
Днем, на солнце, было тепло, t 2.5°C, в комнате проснулась муха, летавшая у окна.

Вечер был замечательно приятный, ясный, тихий-тихий. Природа и люди молчали.

Пшевик возвратился в этот день со щуром и Acredula, был полон восторга от солнца и тепла.

23/II, ♂. Тихо, ясно; t воздуха –23.8°C. В половине 8-го я с проводником и Цэрэном верхом на конях двинулись в путь, на пересечение долины Орхона по диагонали в северо-северо-восточном направлении. Утром было холодновато, мороз пощипывал за уши, в особенности когда мы следовали хлынью.[252] Сначала путь наш шел прямо к темно-бурым, с обо, горам, затем, вступив в темную полосу лавы, целого потока, идущего рядом с Орхоном, вплотную прижатым к подножию северо-восточных гор, мы вступили в луговую щель с тропинками и обо и, держась ими, пересекали долину по длинной диагонали, стараясь выйти на скаты левобережных отрогов. Как раз в такой пересеченной местности мы встретили немало юрт, группами, тылом прижатых к обрывам вулканических обнажений, а вдали виднелись стада баранов и табун лошадей.

Наш проводник тщетно пытался встретить табунщика и с его разрешения переменить себе коня, так как его Гнедко уже на первых 10 верстах устал, на камнях свалил своего хозяина и вообще не обещал успешного дви-

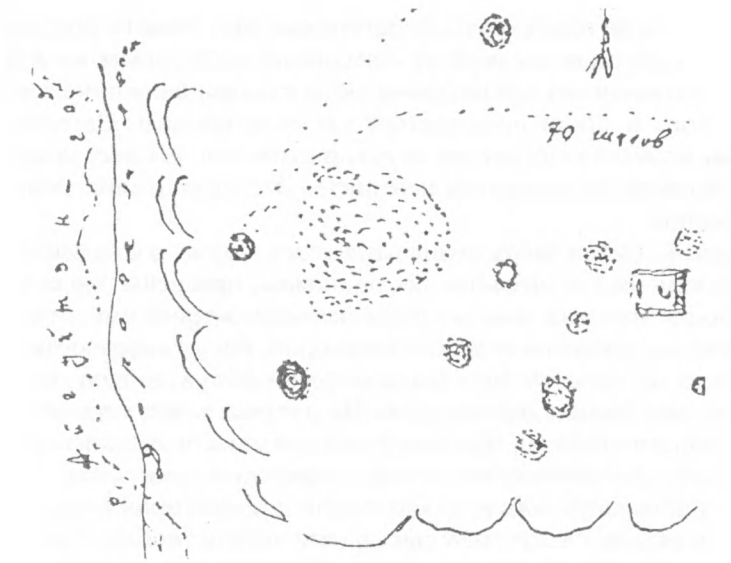

Погребение с камнями *a*, *b*, *c* с орнаментом
в урочище Санчжин-хапцагай.

жения. Тем временем мы приблизились к горе Сангин-тологой, [которая], словно остров, разделяла Орхон и лавовый поток, идущий вниз рядом с рекой. Сангин-тологой круто падает к лавовому потоку голыми камнями-сланцами и выглядит внушительной скалой, которую я назвал «скалой бурых грифов», так как здесь (оба раза) на вершине и выступах сидели грифы Vultur monachus, числом до семи. В сторону Орхона Сангин-тологой падает мягкой луговой покатостью, то же — на востоке. Сама же река именно здесь идет бурливо в каменных буровато-ноздреватых щеках и под прямым углом ломает течение из южного в восточное, ударяясь в лоб скале, производя водоворот с клокочущей пеной над бездной, в котором любят держаться крупные таймени. Об этой рыбе здесь сообщил мне наш соотечественник из Сайн-ноин[ского отделения] Монценкопа Николай Алексеев, немало изловивший этой вкусной рыбы в этом круговороте.

В скалах «бурых грифов», в их луговых восточных продолжениях, я наблюдал стайку вьюрков Leucosticte giglioli, сорок и украдкой мелькнувшего сорокопута.

За Сангин-тологой долина расширяется вниз по Орхону. Впереди, на ее луговом просторе, покоятся несколько кэрэксуров обычной величины, с одним большим во главе. Урочище с этими кэрэксурами мне назвали Ногон-даба.

Примечание: размеры сер[ого] накл[онного] камня 4¾—5 аршин; темн[ого] стоячего — около 3 аршин.

Орхон до 30—40 саженей ширины, с каменным руслом, вышел было на ширь, как левый берег поднялся огромной стеной с горой бурой лавы, ниспадающей к Орхону, с молитвенным обо на вершине. Вблизи обо, в соседстве с горами, расположены кэрэксуры. Бурая лавовая стена вновь отбрасывает Орхон по отлогой диагонали к левому, крутому берегу, с лавой, с тополями. Мой проводник Лхагба поведал мне, что там, у крутых утесов, течение еще более стремительное, еще более бурливое и омута глубже; там, вероятно, рыбы еще больше.

Вниз по Орхону, на протяжении дневного перехода, залегает посередине долины, кажется в урочище Дурубульчжин или Дур... тэг..., огромный, самый крупный в окрестности кэрэксур, с насыпью в середине ограждения, очерченного круглой(?) или прямоугольной(?) загородкой из ряда положенных один к другому камней, высотою свыше одной-полутора саженей.* По соседству лежат развалины монастыря.

Обогнув гору Сангин-тологой, или «бурых грифов», с вершины которой открывается далекий вид вниз и вверх по долине и откуда превосходно выглядит Хангай, укрытый сплошным лесом, мы направились к переправе по льду Орхона, против открытой к СЗ долины под названием Айгуйтэн-гол (идущей от левобережных — североорхонских — гор Сэнбэй-цаган-булу). Русло каменистое, из обкатанной водою гранитной гальки, сланцевой, бурой и черной пузырчатой, ноздреватой породы вулканического происхождения. Ширина русла 20—30 сажен[ей]. Лед серебристый, блестящий, скользкий, и мы прежде, нежели переправиться по нему, посыпали поверхность льда землей и песком с берегов реки.

---

* Таких размеров кэрэксур я наблюдал на истоках Орхона, в соседстве Ирхит-хайрхана и большого кладбища со стоячим обелиском.

Почти всюду луговые скаты были прикрыты снеговым покровом до 2—4 вершков мощностью, а в оврагах и косогорах до стольких же футов.

Вскоре по косогору мы вступили на большую, сильно наезженную телегами дорогу и стали подниматься по ее покатости. На мой вопрос к Лхагба, какая это дорога и куда ведет, он ответил: «В лес, за деревьями и дровами, больше по ней никто не ездит». Это делало мою экскурсию более интересной.

По мере поднятия вверх долина сужалась, горы подходили ближе, правые выше, каменистее, лесистее; их подножие, пригреваемое солнцем, местами свободно от снега, или последний лежит островками, тоньше. По таким местам, под защитой скал или косогоров, приютились юрты монголов; их скот пасся поблизости. Чем далее вверх по Айгуйтэн-голу, тем снега было больше, местность и дорога круче. Не доезжая верст двух до погребений (у горы с обо, как показал Лхагба-проводник), мы искусились заехать к богатой юрте, чтобы остановиться в ней, погреться и попить чая.

У входа в большую юрту (подле стояли две меньшие) нарядная румяная хозяйка приветливо встретила нас и пригласила войти. Вошли, хозяин встал, поздоровался, старушка уже готовила на костре (на очаге) чай; я уселся на почетном месте. Вблизи лежали выкройки из бумаги и мех, вырезанный по выкройкам, на околыш шапки; хозяйка — большая, известная в окрестн[ости] мастерица [по шитью] женских шапок. Престол для бурханов был сравнительно богат. Чай вскипел, старушка спросила: «Нужно класть соль или будете кушать с сахаром?». Мы пили с последним.

В юрту набилось много народа, преимущественно детей, которые постепенно осваивались, в особенности те из них, кто получил гостинцы (по кусочку сахара).

Выпив чая, мы поторопились к месту погребения, которого действительно вскоре и достигли. Я сошел с лошади, внимательно осмотрел всю площадь. Небо было голубое, солнце яркое, время как раз полдень. Я сделал несколько снимков: a) белого камня, b) темного, стоячего, c) позднее обоих вместе и в заключение общий вид с масштабом в виде проводника и прилежащих гор.

В 1 час дня отсчитал по а[нероиду] 596.0 (при t 8.5);* t нар[ужного] воздуха –4.6°С, при тихой ясной погоде.

На соседнем погребении поперечно лежал столб с простым, сильно пострадавшим от времени орнаментом (столб «с»); орнамент, по-видимому, на одной из сторон, лежавшей кверху, с боков ничего не было, низ остался неисследованным, так как он примерз к земле. Попытки наши перевернуть его ни к чему не привели.

Дальний, «белый», камень отстоял еще выше по А(й)гуйтэн-гол верст на 10, в узком месте ущелья, против двух участков леса, на выс[окой] вершине темной горы. Причем мой Лхагба сделался грустным и сказал мне: «Там, вверху, где мы копали, столб упал еще тогда, мы рыли как раз под ним и вокруг него. Земля набросана на него наполовину. Посмотрев здесь чего вы требуете, я нахожу, что нам туда незачем ехать: снять камень не удастся, повернуть его в промерзлой земле или тем более освободить от таковой —

---

* По сверке с барометром и прин[ятии] среднего показания будет высота местности погребения.

также; вы будете недовольны, тем более что рисунок на камне не выразителен и похож на тот, — показываст мне, — который высечен на камне „с". Лишние же трудные 10 верст, а в два конца и 20, утомят вас, и мы возвратимся домой поздно (если только возвратимся)».

Я повернул обратно в 3 часа дня или немного ранее. Нам предстояло сделать до дома 20 верст. Сангин-тологой лежал как раз посередине, на полдороге.

Гнедко проводника устал окончательно, я отдал его под Цэрэна, а с Лхагба покатил скорее в долину Орхона. Едучи, с высоты я любовался Хангаем, его могучей, богатой древесной растительностью. И вверх и вниз лесные ущелья таяли на горизонте. У Сангин-тологой я снял Орхон «в щеках», с местом могучего прибоя, где Николай Алексеев ловил рыбу. На скале «бурых грифов» эти птицы сидели, переваривали пищу. При нашем движении вперед они снялись и улетели к месту падали. Теперь они, испуганные, недовольные моим рассматриванием, лишь перемещались на недалекое расстояние; я их оставил в покое и последовал домой, держась вначале прежней тропы среди лавы, а потом, выехав из первого мощного рукава ее, повернул по диагонали, прямо к устью Уптэн-ама. Солнце было у горного горизонта. Далеко вверх по течению Орхона, над сонмом гор гордо стоял всех выше Ирхит-хайрхан; его с вершиной — потухшим кратером я сразу узнал, и мне было весьма приятно любоваться им, моим старым знакомцем. Вспомнился далекий разъезд!

Мечтая так и любуясь величественной панорамой, мы с проводником попали в тупик второго рукава вулканической породы и с трудом из него выбрались: лошади будут помнить его. В такой темной, ноздреватой, лавовой массе, залегающей местами на многие версты, очень легко попасть впросак и измучиться. Только обо, как маяки, и выведут из этого лабиринта.*

В сумерках мы уже были дома, в тепле, уюте, с удовольствием ели пельмени, пили чай и беседовали о виденном. Мой Пшевик только незадолго до меня возвратился из леса, в котором наблюдал ореховок, соек, синиц, а добыл розового вьюрка Carpodacus roseus.

Значительно позже вдруг крик: «Чоно-чоно!», т.е. «Волк, волк!». Выбежав во двор, я слышал неистовый лай огромной собаки Мархаева, нерешительно, но храбро преследовавшей серого у дома. И зверь, и собака на косогоре видны были дов[ольно] хорошо еще со двора, по косогору. Мне следовало бы подняться на сено и, положив ружье на вершину частокола, стрелять; было бы куда лучше, нежели прямо с руки, из глубины; в первом случае я бы лучше видел зверя. А так вышло, что я только прогнал волка, сильно напугал его, заставив быстро скрыться. Первая пуля легла рядом, правее, отчего зверь сделал прыжок влево и был таков.

Долго мы потом смеялись неожиданному появлению серого. А черный пес лаял всю ночь.

24/II, ☿. Тихим, облачным утром я принял проводника, заплатил ему за его труды. Он, видимо, остался очень доволен, так как сказал: «Вы выступаете завтра вверх по Орхону, я тоже поеду проводить вас до места водопа-

---

* Нам сообщил один монгол, что недавно в лавовом потоке его собака задушила дикую кошку.

да или даже в Бургусутай, до палатки* или подотделения Монценкопа». Я не протестовал. Мы понемногу готовились в дорогу. Сегодня я — дома, мой Пшевик — в лесу. Так как одна из наших винтовок была загрязнена выстрелами по волку, то я с компанией Мархаева решил пострелять из нее в цель; результаты получились весьма удовлетворительные. На выстрелы пришли соседи из ущелий.

В заключение я сфотографировал Мархаева с Лхагба сидящими на берегу речки, на фоне гор, с ружьями в руках, с русск[ой] винтовкой и местной кремневкой.

Таким образом промелькнул день, наступил вечер — тихий, облачный, теплый. За чайком и едой, под треск дров в печи мы говорили о предстоящей дороге, о водопаде, причем никак не могли выяснить, где и как падает этот «улан-чутугла» — среди леса ли, по каменной стене, или иначе. Цэрэн оказался совсем болваном, да он его и в глаза еще не видел, а лишь слышал; вот и доверяйся расспросным сведениям.

Но зато наш Цэрэнка с усердием подкармливал наших лошадей «казенным» сеном; сарлыки же отлично сами собою паслись в долине соседней речки.

Ночь полуясная, тихая. У нас все было готово с вечера, а утром Цэрэн не проспит.

25/II, 2. Ясно, тихо, только позднее пришла струя с ЮВ. Мы на ногах с рассветом. Поели, попили, завьючили, распрощались и укатили на простор долины реки Орхон, вверх. Кругом лежал слой чистого снега, но дорога со следами колеса виднелась.

Я взглянул вправо, в низ реки, словно для того, чтобы проститься со знакомыми местами. Ниже Уптэн-ама, с той же, орхонской стороны Хангая, залегает ущелье Тухум-шара-ама со сплошным лесом вверху и внизу и с маленькой часовней в глубине леса. А на вершине гребня имеются, вероятно, матрацевые отдельности, по словам Дылыкова,** словно загородки для скота, со столбами, будто сложенные сильными руками человека.

Выше Уптэн-ама, влево, ущелье Могойтэ-ама, богатое горячими, целебными ключами и змеями, оно не менее, если не более интересно, нежели Тухумское.***

Второе ущелье — Мольтэ, третье — Богутэ, четвертое — самое высокое, богатое лесом и очень красивое — Хамыр-ама, приблизительно соответствует Бурульчжутэн-ама внутреннего бассейна. Напротив имеется обо с художественно расписанным мани. Лес — лиственница — укрывает и дно, и скаты, сплошь все ущелье. При входе в него наблюдаешь, словно парковый, чистый высокоствольный лес, особенно красивый по дну и легким, пологим скатам. «Летом бы тут пожить», — не раз думалось мне.

А теперь надо было идти вверх Орхона. Уже выше ущелья Хамыр-ама и у него самого, впрочем, чаще, чем прежде, начали показываться там и сям

---

* Палаткой монценкоповцы называют малую часть своей организации, выделенную или из отделения, или даже из подотделения, в наиболее подходящий для работы пункт.

** Дылыков — мол[одой] бурят, заведующий палаткой Монценкопа в Бургусутае.

*** Для проживания и главным образом сидения в ваннах имеются деревянные постройки.

по долине, преграждая ее, выходы черной вулканической породы — хурмэ. Эти последние изводят путника и калечат ноги у животных. Там и сям виднелись стада скота, жилища номадов или они сами, гарцующие не только на лошади, но и на быке — сарлыке, реже хайныке.

Стали виднеться по диагонали долины, справа налево, к подножию северных гор, колки с лесом верст за 7—8 примерно. Там, именно там, среди высоких отдельных лиственниц, говорили мне, и находится «улан-чутугла» — гремучий водопад и каньон — отвесный, глубокий, где с шумом, глубоко на дне Орхон несет свои голубые, прозрачные воды совершенно открыто, где внизу тополь растет, как пальма, стройным деревом, где птицы плавают, ныряют и играют, словно летом. Туда теперь неслись все мои мечты. Я уже отчетливо видел гору с лесом и, словно вулкан, Баин-цаган (Ихэ-баин) по моему первому пересечению Хангая через перевал и ущелье Битютэн.

Пока же я не переставал наблюдать за новыми ущельями налево, с юга. После отмеченного богатого Хамыр-ама по порядку стоят следующие: Тымэртын-ама, Хунигэн-ама — это настоящие, большие ущелья; потом Мухотэк-ама — короткое, безводное, и наконец прекрасное ущелье Улан, или Уланэн-гол, которое по выходе в долину тотчас принимает речку соседнего ущелья Хэтрун. Подобно Уланэн-голу, Хэтрун по выходе из гор не покидает их, а жмется к подошве, скоро сливается с соседкой (красиво огибая крутой лесной горный мыс); обогащенный Уланэн-гол стремительно несется некоторое время у самой подошвы горы, но, встретив преграждения вулканического происхождения, круто сворачивает влево, к северу, и несется на протяжении версты к Орхону и чем ниже, тем стремительнее, в особенности после того, как ему удается прорвать лавовые заграждения. После этих ворот Улан, как обычно говорят монголы, склоняется больше, несется стремительнее, а за 50 саженей уподобляется каскаду, несясь с шумом, гулом, который, впрочем, заглушается ревом водопада, вдруг рожденного Уланом. Ширина Улана по ледяной поверхности около 20 и более саженей. Я не знаю, какова она бывает летом, но могу представить его в период дождейливней (июльских).

Однако я немного забежал вперед. Обратим все внимание на группу лиственниц в направлении, нами следуемом, — к юго-западу. Эти деревья становятся яснее, контрастнее, мы приближаемся к ним. Мое нетерпение росло, я подгонял коня и чаще просил Лхагба, чтобы он указал мне место водопада. Проводник долбит одно: «Близко!» — и силится показать те деревья, которые растут у самого водопада. Мы подъезжаем к первым, ближайшим нам лиственницам, которые отмечают собою интересную картину — глубокий каньон, обставленный то лавовыми продуктами, то сланцами крепкими; высота отвесных стен до 10 и более сажен[ей], по дну гремит Орхон, перекатывая свои волны по более или менее крупным валунам, воды его прозрачные, голубые, местами покрытые льдом. На береговых возвышениях — площадях — стелется тополевый парк. Мне вспомнился Улястэн-гол (головной, начальный поток отца Орхона). Каньон жмется к горам, капризно ломается, но местами идет, словно по правильной линии, ровной улицей. Общее протяжение его около 4—5 верст; в начале и в конце он постепенно сходит на нет.

В верхней половине, справа, в боковой придаток каньона и впадает Улан водопадом.

Наконец и он сам: едва вы поднялись на террасу (береговую террасу, посл[еднюю]), как вам открывается как на ладони и умирающая река Улан, и народившийся могучий, шумный, эффектный водопад, под прямым углом через несколько десятков саженей сливающий спокойно воды в Орхон.

В последнюю минуту своего существования Улан словно умышленно бежит стремглав к пропасти и очертя пенной головой бросается в пучину. Шум, гул, фонтаны радужных брызг — все слилось в одну волшебную, потрясающую душу гармонию. Долго я стоял на каменных ноздреватых плитах вершины каньона словно зачарованный, смотрел, думал и не мог оторваться от такого грандиозного зрелища. Мне хотелось разбудить фонтан, чтобы он поведал мне сказку свою.

И тут же рядом, на дне каньона-водопада, мирная площадка с парком лиственниц, по ветвям которых шныряют или спокойно сидят птицы: зимующие рыжегорлые дрозды, овсянки, синицы, пищухи Certhia, масса розовых чечевиц — Carpod[acus] roseus, чечетки, а в голубых гремучих водах ликуют гоголи, оляпки; те и другие очень оживляют реку и вместе словно с летним шумом ее вод производят очаровательное впечатление.

До водопада я ехал берегом вблизи самого отвеса каньона и все время наблюдал и любовался им. Местами, в изломах направления, вы видите зияющие трещины ноздреватой вулканической породы; эта масса склонна к разрушению, начиная его в ближайших частях к берегу. Тут целые насыпи больших и малых осколков; в таких местах каньон ненадолго расширяется, загромождается.

Около часа времени я провел у водопада: снял фотографию, записал показание анероида, *t*, измерил высоту падения (8—9 сажен[ей]), ширину водной струи, ленты самого водопада (6 сажен[ей]) и тут же назвал его водопадом Экспедиции. У этого места красуется обо.

Познакомившись с водопадом Экспедиции, мы прошли вверх около 100 саженей и у обо с мани, места переправы [через] Улан, посыпав лед[яную] поверхность землей (местами вода неслась по льду), перешли на левый берег речки. Лошадь проводника шлепнулась и растянулась, он упал и все-таки свалился в воду, чего хотел избежать. Лошадь истощенная, ослабевшая в экскурсии к памятникам, теперь положительно разбилась на ноги.

Отсюда мой караван-вьюк с Елизаветой Владимировной во главе мимо монгольских юрт и стад, благодушествовавших на отличном пастбище, пошел в ущелье левого берега Орхона — Бургусутай, в палатку Монценкопа, чтобы там устроиться, а я с проводником направился вверх по Улану, за лавовые ворота-«щеки» и оттуда, вниз по течению, заснял на фотографию эту реку. Потом последовал по отличной луговой тропе долины, наперерез ее и Орхона, вслед за своими спутниками. Отрадные пастбища, кругом горы. Долина — 3—4 версты шириною, Орхон в черных скалах, хурмэ, как называют монголы массу лавовых нагромождений, шириною до 20—25 саженей. При самом впадении Бургусутая в Орхон этот последний вступает в каньон.

Еще ¾ версты, и мы, миновав часовенку справа, в ущелье гор, прибыли к байшину — к деревянным постройкам — кладовым монголов, оберегаемым караульным. Тут приютился и торговец Монценкопа Дылыков, молодой бурят, встретивший меня радушно; тут были и наши. Елизавета Владимировна успела распорядиться, подготовить еду и чай, и я, сидя в теплой юрте, считал этот день одним из наиболее приятных, счастливых; прекрасная погода усиливала впечатление.

Вечером мы беседовали о всякой всячине, о диких кошках и составили программу на следующий день. Ночь была абсолютно тихая, облачная к утру, но в первой половине ясная.

26/II, ♀. Утро сплошь облачное, чего я так боялся и не желал. Невзирая на это, и мой Пшевик, и я не изменили начертанной накануне программы: он с Дылыковым поехал в теснину-каньон, по левому берегу, я — соло, на Гнедке, правым и прежде всего к водопаду. Пока я ехал к нему, стало немного светлеть, так как облака стали тоньше, но не поредели. [Через] Орхон я переправился удовлетворительно, но по Улану к водопаду пришлось брести по воде, так называемой верховой, бежавшей по поверхности льда. Общий колорит был серый, маложизненный.

Я прежде всего пластинку истратил на водопад, [снимал] прямо в лоб ему, силясь захватить побольше ступенчатого основания. Но напрасно, не выходило.

Потом я открыл анероид, отсчитал показание, то же сделал и у точки за лавов[ыми] воротами на расстоянии 200—250 саженей. Разница получилась значительная, падение большое. Вслед за этим я поехал вниз по каньону прежним, высоким, красивым верхом, вдоль дороги. Мне была видна Елизавета Владимировна с ее спутником, следовавшими тоже вниз, но по противоположному берегу, вдоль гор, у их подошвы.

Я следовал медленно, останавливался на мысах и выбирал наиболее характерные места для фотографирования. Незаметным образом я доехал почти до конца тоннеля, где он мельчал и переходил в обычный берег, но храня по обоим берегам «щеки». На всем исследуемом расстоянии, выше и ниже каньона, Орхон жался к северным горам, омывал, резал их подошву. Сланец и ноздреватая вулканическая порода преобладали. Всматриваясь пристально в долину или дно каньона, я хорошо мог наблюдать и скат левого берега. Там, местами, я видел стелющийся низкий можжевельник. Встречались по склонам берегов среди камней и другие кустарники, иные с ягодами, которые умели находить дрозды T[urdus] ruficollis, одиночками зимующие в теплом каньоне. На наиболее красивых [местах], оживленных шумом волн Орхона, я останавливался, садился и долго прислушивался к монотонному рокоту голубых вод; резкий крик оляпки меня выводил из задумчивости, возвращал к действительности; грезы о Тэтунге и очаровательном Каме, с гремучей зелено-пенистой красавицей Бар-чу, таяли, исчезали.

К полудню небо было одето тонкоперистыми облаками лишь наполовину, а через час-два и они исчезли. Вновь синева небес и яркость монгольского солнца ласкали и нежили, но главное — дали возможность снять два вида каньона: ниже (с деревом) и выше водопада. Теперь у меня в кассетах осталась единственная пластинка, которую я берег на обратный путь по перевалу Улан, чтобы снять лесное ущелье сверху, от перевала.

Исполнив все мои дела и наблюдения каньона и водопада, я тихо поехал домой, стараясь держаться ближе к вершине каньона с его изломами, сужениями, расширениями.*

---

* В общем, ширина каньона от 30—40 и только изредка больше сажен[ей], высота же стен от 8 до 10 сажен[ей] и выше.

Далекий запад и юг с видом на Битютэн, на его нижние лесные горы, купол и кратер вновь ласкали мой глаз и радовали душу и сердце, вместе с тем вселяли тоску, что я их, а главное, ущелье Улястэн-гол и Ирхит-хайрхан с тесниной Тамцык, не увижу. Вода и по Улану, и по Орхону, и по родникам Бургусутай катила сверху, монголы поили ею скот. На солнечном пригреве сильно резвились красноклювые клушицы.

Пшевик с Дылыковым возвратились несколько позднее с дроздом Certhia, Emberiza cioides и Carpodacus roseus. Пшевик наблюдал за гоголем и оляпкой.

За чаем и пельменями мы долго делились впечатлениями, долго беседовали вообще о богатстве Хангая и Орхона: первого — лесом и зверем, второго — пышными пастбищами. Вместе с тем мы собирались и в дорогу, домой.

Верховье Орхона очень богато вулканическими извержениями, минеральными источниками, а для археолога-историка еще больше — обилием памятников с письменами, орнаментами, часто встречающимися на местах древних погребений.

27/II, 2. Тихо, ясно, морозно, t –17.2°. Мы рано поднялись и в половине 8-го покинули Бургусутай. Нашим невольным спутником явился до лагеря экспедиции тот же молодой бурят Дылыков, едущий с отчетом о своей деятельности в С[айн]-н[оин]-курэ, в отд[еление] Монценкопа.

Мы следуем прямо к ЮВ, наперерез Орхона, его долины, речки Улан, в ущелье этого имени. До устья его оказалось 4—5 верст. Долина Орхона с пышными пастбищами — в ее середине. Как темные острова — выходы черной лавы, высшие обнажения которой увенчаны «маяком» — обо.

Изрядный ветер дул вдоль долины, сверху вниз; мы шли ходко. Нас задержала немного переправа через два широких, со скользким льдом, рукава Улана, а затем мы вновь двигались вверх по Улану дов[ольно] скоро, и не только я с Елизаветой Владимировной на лошадях, но даже и наш Цэрэн с быками с вьюком не отставал.* В полдень мы были уже на вершине Улан-дабан. Подъем хороший, но, конечно, по мере поднятия вверх более крутой; расстояние и здесь, как и в Битютене, на этом северном склоне, около 13—15 верст.

Особенность ущелья — богатство лесом в нижнем поясе, на солнцепеке. Скалами, грандиозными скалами, в подножиях и промежутках между бурыми обнажениями оно, в общем, напоминало мне таковые в Чортэн-тоне, в В[осточном] Наньшане, в Гань-су, любимом Пржевальским. По крайней мере я, поднимаясь вверх по Улану, думал и сравнивал Улан с ущельями Тэтунга.

В нижнем поясе, по дну ущелья — урема, выше, на ровных участках, залегала прекрасная тайга со всеми ее характерными особенностями, с высокоствольными лиственницами, росшими нередко как в парке, с обильным снегом, с мертвой тишиной, с отпечатками свежих следов косуль, кабанов,

---

* Дылыков замешкался дома, отстал; потом торопливо догонял нас, на льду Улана его лошадь свалилась, и он прибег к помощи монголов, которые за хвост притащили ее на боку к берегу.

зайцев и других более мелких грызунов. Лисица во многих местах проложила строгую линию, или, как говорят, нитку. Слева послышался крик кедровки, а вот и она сама, крепко сидит на ветке в полдерева; там прокричала сойка, с тонким писком пронеслась стайка чечеток, немного позднее, повыше, процессией продвигались, с остановками, длиннохвостые Acredula.

Вдали вверху блестели гольцы и темные, с сизым налетом кедры, то растущие сплошными рощами, массивами, то выделяющиеся одиночками или небольшими группами. Одиночки, словно соперничая друг с другом, выглядят тощими, карликовыми деревцами. Иногда к одинокому кедру подпаривается такая же захудалая одиночка-лиственница.

Вот нас обогнал ярко-красный лама с заводным конем, с легким полувьюком спешащий на праздник в С[айн]-н[оин]-к[урэ]. Обменявшись приветствием и обычными фразами откуда и куда, зачем следуешь, монгол стал скоро отделяться от нас, его добрые кони были мокры и извергали из ноздрей пар. Всадник выгибал спину на крутых частях подъема и механически помахивал вверх, в воздух, своей нагайкой.

В верхнем поясе, на крутизнах, по дну ущелья, стали чаще и чаще встречаться крутые каскады с тяжелым льдом на груди, засыпанным ровным чистым снегом, по которому там и сям, равно и по самым каскадам, красиво пестрели следы беляка, реже — нить лисицы. Могу представить себе это богатое, красивое ущелье летом, с массою леса, скал, направляющих течение каскадов, и шум, гул, рокот этих последних, играющих с солнцем радужными переливами. Больше и сильнее Хангай чаровал меня своими прелестями дикой, девственной, мало изученной природы.

Еще некоторое время мы переправляемся по льду большого ручья с крутым падением, взбираемся к сплошному массиву сизого кедра и вскоре достигаем верхней границы леса, а там и пустынный перевал (анер[оид] в 1 час дня 531.5, *t* +3.5, при температуре воздуха –7.9°С), на горизонте — полоски слоистых облаков, ветер северо-западный. Уныло и одиноко наверху [перевала], в соседстве камней и приземистых растений. Сос[едние] вершины уносятся в небо еще на 300—500 футов. В нашу сторону кругозор был сравнительно короткий; значительно шире и грандиознее, а потому и красивее он был в сторону Орхона: тут мы видели далеко к ЗСЗ белые вершины чуть ли не самого красавца Хайрхана или его соседей.

На границе древ[есной] растительности и альп[ийских] лугов в эту, Орхонскую, сторону я снял послед[нюю] пласт[ину]. На самом перевале встретили монгола, посоветовавшего нам свернуть с холодного, мрачного плато Хангая в Барун-улан, где проходит наст[оящая] дорога в Цзун-улан-ама.

Как на особенность сев[ерного] склона Хангая не могу не указать, во-первых, на впечатление с вершины перевала, смотрящего вниз по пройденному ущелью. Кроме красоты видишь, что ущелье словно в ложбине. Во-вторых, водораздел к СВ представляет собой не гребень, более или менее острый, сухой, а нетронутое, покатое вниз плато,* усеянное небольшими группами или одиночными лиственницами.

Сделав все необходимое на перевале, мы начали спускаться с целью держаться на Барун-улан. Это ущелье, в голове с характ[ерными] вершина-

---

* Довольно значительное по ширине. Эту особенность я нигде в горах раньше не наблюдал.

ми, хорошо знакомо нам, мы его сразу узнали, в особенности с вершины плоск[ого] увала, который открыл нам и место озерка, и заросли кедров, и дорогу в Хэтрун, где мы осенью с Канаевым экскурсировали. Словом, мы попадали в наш район, родной, хорошо изученный. Удачно по крутизне спустились и вдоль подножия ускоренно пошли к себе домой.* Наши животные также почуяли близость лагеря.

Сильно наезженная дорога пошла прямо, в глубину Цзун-улан.

Мы вскоре, с первого высокого лугового увала, увидели бивак и быстро его достигли. Все здесь оказалось в полном благополучии и порядке. Было ровно 3 (15) часов дня. Через ½—¾ часа дотащились и быки с вьюком, Цэрэном и Дылыковым.

Как все-таки приятно прибыть домой, увидеть родные лица спутников, почуять ласку собак и вкусить теплые, вкусные прелести в своем домеюрте, где ты оставил все свое дорогое, незабвенное — коллекции, дневники, книги, любимые предметы, в целом, свое собственное «я».

Я чувствовал, что мне нужно торопиться в С[айн]-н[оин]-к[урэ] на праздник, который длится ровно два дня и который уже сегодня начался с ран[него] утра, поэтому, невзирая ни на что, ни на усталость, ни на другое, третье, нужно было сегодня же собираться в дорогу с целью выступить в последний день февраля рано-рано, прибыть вовремя и на собрание тамага, и на место праздника с пляской масок. И то и другое нужно было непременно и посмотреть, и увековечить на фотографии. С таким расчетом, который знали и мои спутники, полагавшие, что я прямиком проследовал на праздник еще вчера, я сразу, с места, дал задание моему незаменимому спутнику Гусеву собираться, положив в основу, что мы (я и он) пробудем с сопровожд[ающими] нас Цэрэном и Ганчжуровым дня 2—3, в течение которых, помимо всего прочего, мы должны проявить две с половиной дюжины пластинок и сделать с них необходимые для отчетов и писем отпечатки для Москвы и Петрограда.

Работа быстро закипела, наш бивак ожил, все приняло деловое настроение.

28/II, ☉. Утро неважное, с западным ветром, с облачностью (по нашим понятиям ветер хороший, так как он разгоняет облачность и приносит вообще ясную погоду), холодно. Гусев с Цэрэном, с вьюком, укатили в 6 часов утра, я с Дылыковым — на полчаса позднее. В воздухе стоял туман, туманная изморозь. Картины прежние, характер езды тот же. Ветер продувал, хотелось скорее приюта, в особенности миновав овраг с речкой.

Наконец мыс-обрыв, за которым показалась кумирня, а вскоре мы и возле нее, где на нашем пути впереди прежде всего тамага — «печать» или управление; рассыпано несколько юрт: большие, нарядные и простые; поодаль — кони, спутанные или стреноженные; масса народа в одном месте-квадрате; трепещут красные флаги, колышутся знамена, и гудит народ. Приближаемся. Над головами народа трибуна, ораторы, совсем как в Урге или в России. В одежде народа преобладают цветные цвета — красные, синие.

---

* Мы отсутствовали девять дней и изучили большой район, среди которого тонкой нитью извивается наш маршрут в 125 верст, пройденный съемкой.

Я снимаю фотографию, и, так как холодный ветер надоел мне, я тороплюсь в гостеприимный Монценкоп поесть и погреться, тем более что танцы масок назначены позднее.

Я сажусь на лошадь и еду; бегут чиновники тамага с приглашением после митинга зайти к ним. Я благодарю, говорю их классическое «маргаш», т.е. завтра.

Еще ¼ часа, и мы во дворе Монценкопа и тотчас затем в доме. Знакомимся с новым заведующим, молодым энергичным С. В. Ленковым, с женой и сынком, и здороваюсь со старыми знакомыми Чижовыми и моим славным стариком Верхотуровым, недомогавшим после дороги. Теперь у нас было много разговоров, так как завед[ующие], новый и старый, были на съезде в Заин-шаби, где их было свыше 20 человек, вырешавших минувшее и строивших будущее благополучие Монценкопа. Как водится, было немало выпито, пожертвовано на просвещ[ение] человечества и т.д. Не обошлось без курьезов и без фотографических снимков, время провели лучшим образом. Цэцэрликская колония угостила членов съезда спектаклем, а те откликнулись «щедротами».

Однако нам нужно поесть и попить и ехать на танцы масок, поглядеть на многолюдство в С[айн]-н[оин]-к[урэ] перед соборным храмом Чокчэн, на площади с палатками и т.д. Едем! Все честь-честью. Приближаемся — народа масса! На местах столько лам! В несколько рядов опоясали окружность. По углам расположены палатки для более знатных. Там и сям ходят с бамбуковыми палками блюстители порядка, тоже ламы, и щедро наделяют ударами нарушителей, у иного даже спина нагибается от полученного веского удара. Так и хочется прочесть на лице полицейского ламы: «Честью просят». Женщины, очень нарядные, стояли в толпе перед аркой круга, где происходили танцы, разыгрывались мистерии.

Я с Гусевым и Ганчжуровым проникли в круг, сели [спиной] к солнцу. Перед нами открылся круг с масками: тремя все время стоящими и сменяющими одна другую парами по исполнении своих номеров. С двух точек я заснял 4 пластинки, пока не приноровился к приемам масок. Одна шла налево, другая направо при вступлении на окружность с кругами; каждая маска шла танцуя, описывая быстрый круг на месте, мелом очерченного круга, затем, когда маски были vis-a-vis, они сходились навстречу одна другой и кружились быстро, также на месте белых, меловых окружностей; исполнив свои па, маски уходили. Говорят, так продолжается до последней пары; потом, в апофеоз, пары выходят все разом, но это случается значительно позднее. Между тем небо подернулось облаками.

Пока я снимал, кругом происходило нечто ужасное. Мальчишки-ламы, а то и взрослые, лезли чуть не в аппарат, а блюстители порядка гнали их что было мочи. Мой Гусев видел плакавших. Мы, конечно, среди дикарей нарушили порядок благочиния. После 4 снимков мы готовы были уйти, и нам помогли это сделать высшие чины, заметив: «Будет с вас, пора и честь знать!». На открытой, доступной для всех площади мы вздохнули свободнее, к нам подходило много народа обоего пола, очень нарядного, но едва я делал попытку взять аппарат в руки, как все стрелою мчались куда попало, давя и опрокидывая друг друга. Здесь же шлялся и так называемый черный ворон, прилетевший на пиршество, — маска. Но ворон, как полагается, должен был быть в стороне, покуда пирует знать. Надоедало симпа-

т[ичному] парню-ламе носить на лице воронью тяжелую маску, и он запрокидывал ее на затылок и смотрел на свет божий своими славными, живыми, выразительными глазами, часто и мило улыбавшимися нам.

Сев на коней, мы скоро были среди своих монценкоповцев. Нам предстояло побывать в баньке, попить чайку, покушать и ночью приступить к проявлению 15 пластинок снимков. Все это мы проделали. Возились с фотографиями до полуночи, нашли, что это интересно и занимательно, когда снимки хороши.

1/III, ♑. Проснувшись утром, первым делом направляешься к кадке с негативами, берешь в руки концы с гнездами, полощешь негативы в верхнем слое воды, собственно окунаешь, удаляешь всякие соринки и вдруг — сразу извлекаешь совсем из воды. Люблю я период просушки, когда можно в тиши, последовательно, внимательно рассматривать каждый негатив в отдельности, заглядывая в справку, как экспонировал.

Едва негативы высохли, я с аппаратом, в сопровождении Ганчжурова, поехал в тамага познакомиться с его представителями.

Мой приятель Чимит Дорчжэ заболел и остался в своем кочевье. Вершителями дел теперь были прибывшие представители власти. Один, по имени Гэндэн, председатель Малого хуралдана из Урги, второй — Сурун, «дотот хамагалха анги гацзэр»[253] из Цэцэрлика. Вот с этими лицами я, главным образом, и говорил о делах экспедиции.

Монгльские власти подчеркивали, что они являются лучшими посредниками в сношениях экспедиции с народом, растолкуют ему, что мы из себя представляем, что делаем, каковы наши исследования, их конечный результат. «Монголы дики, невежественны, темны, их надо вразумлять, тогда вам легче будет среди них работать» и т.д.

Говорили также о найме верблюдов до Орок-нора, о выступлении экспедиции 20 марта. В конце концов подрядили, заусловили верблюдов до места по 20 м[ексиканских] д[олларов] за каждого, срок доставки — 16 дней. В окрестности Гун-нора экспедиция может простоять три-четыре дня, идти днем, на ночлег останавливаться засветло в более или менее лучших, кормных местах. Власти монгольские интересовал вопрос о нашем боевом снаряжении, о ружьях, наганах, о составе моих спутников; они странно смотрели на участие в экспедиции китайца в роли повара.

В конце концов, я дал монгольским представ[ителям] власти на все их запросы исчерпывающие данные, они вполне были удовлетворены и попросили меня их снять, их партию (с комсомолом). Группа вышла интересная и в большинстве нарядная, с включением женщин и девиц. После этого Гэндэн меня пригласил к себе; он жил рядом с помещением вдовы С[айн]-н[оин]-х[ана], будучи отделен хашаном.

В дов[ольно] богатой уютной юрте Гэндэн меня хорошо угостил, а потом мы разбирали книги и фотограф[ический] ящик Сайн-ноин-хана. Среди книг, главным образом изданий Госуд[арственной] думы, «Огонька» Проппера, я нашел и экземпляр моей книги по «Монголии и Тибету» с автографом, посвященным светлейшему хану.

Я был счастлив, случайно получив от Гэндэна несколько (2—3) пачек фотогр[афической] бумаги, которой у меня ни листочка и в которой я так нуждался, в особенности при наличии новых, орхонских, удачных снимков.

Гэндэн выговорил себе право получить от меня побольше снимков, на что я ответил ему готовностью вполне удовлетворить его законное желание.

Я уехал к себе домой, вечером нам предстояло вновь проявлять, и Гэндэн навязал мне сайн-ноинский чудный большой [фотографический] аппарат, с [размером кассет] 13 на 18, для исследования.

Сегодня я с Гусевым опять провозились с проявлением других 15 пластинок до полуночи, и эта серия вышла такой же удачной, как и первая.

2/III, ♂. Встаем в 7 часов и вынимаем для просушки наши негативы, любуемся ими, а затем благодаря наличию бумаги печатаем. Нас посещают знакомые монголы, полной компанией, человек в 12—15, все те, кто вошел на снимок, — женщины более любопытны, им все надо видеть, слышать, получить разъяснение. Высшие две из них дали мне свои шейные украшения, за что я им поднес кольцо и брелок. Монголки отвергли наше «красное» золото, они его не любят, не понимают, они с детства усвоили себе представление о золоте цвета солнца.

Сурун пожелал сняться отдельно, что я и сделал. Вышел прекрасно. На память я снимаю и весь состав Монценкопа. Гусев случайно повернул аппарат, и группа вышла без участия Савельевны, страшно огорченной. Зато муж ликует, он вышел героем!

Наконец наступило 3-е марта, среда, пора нам и домой. Сегодня усиленно печатаем и я пишу два письма — Володе своему и Цокто Гармаевичу, прося последнего направлять нашу почту через Заин-шаби.

Едва я закрыл конверты и сдал их г. Чижову, как вдруг объявился почтарь, доставивший и на долю экспедиции порядочное количество всяких бандеролей, пакетов, газет и частных писем. Выдающимся пакетом был пакет от Н. П. Горбунова, который пишет: «Возобновлено ходатайство о разрешении вам работать в Монголии до октября и об увеличении содержания сотрудникам экспедиции», что он об этом поставит нас в известность.

«Вест[ник] зн[ания]» прислал любезно журнал, его номера за несколько месяцев — более, за весь истек[ший] 1925 год. Могу сказать — прекрасный журнал, читая его, чувствуешь обновление в осведомлении с культурным миром, с его новостями, последними научными достижениями, видишь, что глубина разобщения нас с культурным миром будет значительно сокращена. Спасибо соотечественникам. Редакция прислала несколько [номеров] с моей статьей о Ноин-ульских раскопках. Почта была получена как раз вовремя: все наши работы были окончены и мы собир[ались] домой. Хотелось доставить удов[ольствие] и Елизавете Владимировне, на имя которой пришло целых 7 писем.

Я порадовался, получив от Географического общества его «Известия» — значит, оно живо и в этом отношении. Из частных писем меня тронуло внимание незнакомки, русской почитательницы Людм[илы] Алек[сандровны].

Мы оставили Монценкоп поздно и вернулись домой среди ночной тьмы; последние восемь-десять верст я исключительно доверился Серко, дав ему полную волю, и он благополучно доставил меня, нигде ни на йоту не сбился с дороги. До поздних часов я делился впечатлениями со своим Пшевиком. Всегда почта приносит оживление, разнообразие, новости.

4, ♃, по **9/III, ♂**. Жизнь течет на биваке однообразной чередой. Погода ясная, тихая. В последние дни испортилась: облачность, северные ветры принесли снег, понизили впечатление, забылись весенние проблески. Последние дни работаем с отчетами, статьями, письмами. Сделанный запас фотогр[афических] снимков удачно пригодился для отсылки в Москву и Ленинград.

Мечтаю вновь поработать со снимками, с проявлением, печатанием и, может быть, отправкой в Россию. Меня в этом отношении занимает снимок шамана на сарлыке верхом.

К нам приезжал Цэдэн-Пунцук 7/III в ☉, привез мне в подарок очень интересную статуэтку Будды с вачиром, найденную им лет 30 тому назад (в мол[одые] его годы) поблизости развалин Олун-сумэ. Такие приношения мне всегда доставляют большое удовлетворение. За бурхан я поднес Цэдэн-Пунцуку две амы[254] парчи, так называемой «китайской плетени». Шаман, видимо, остался очень доволен.

В этот же день Цэдэн-Пунцук устроил в юрте моих спутников в присутствии моего Пшевика представление; он шаманил оригинально, интересно, с произнесением прорицаний. Вся картина шаманства удачно изложена Елизаветой Владимировной в ее дневниках и отчетах.

В тот же день я предполагал выехать в новый разъезд на Орхон, начав с водопада и кончая Улястэн-голом, морем черной лавы и снимками Ихэбаин и купола горы Битютэн-ама — мне очень хотелось вновь видеть и пополнить мои наблюдения и впечатления долиной верховья Орхона. Меня тянут туда и памятники старины, и картины природы. Хотел бы опять видеть и Хайрхан, и Цаган, и Боро-эргэ, и глубокую пропасть Тамцык, и неподражаемую красоту и грандиозность ущелья-теснины Улястэн-гол.

Всему этому помешала испортившаяся погода и приближение нашего выступления на Орок-нор. Эта же непогода затормозила и мои экскурсии к усыпальнице и разв[алинам] Олун-сумэ.

Не могу дождаться прекрасных, тихих, теплых и ясных дней, каковые уже случались не раз, когда мы побаивались того, что можем не застать самых первых дней пролета иначе как только в дороге, но не на самом озере Орок-нор.

10/III, ☿. Полуясное, ветреное, холодное утро также не пустило меня в поездку к усыпальнице; к тому же не знаю, что случилось со мною вчера вечером, когда желудок расстроился и я почувствовал недомогание. Спал тревожно, встал с большой тяжестью во всем [теле] и болью в голове. Может быть, пройдет!

По вечерам усердно читаем «Вестник знания», этот очень богатый содержанием журнал, и мечтаем, строим планы о скором выступлении в путь.

В 2 часа дня я поднялся на морену и впервые снял вид по направлению С[айн]-н[оин]-к[урэ] через мыс соседнего, слева, отрога Хангая. На первом плане стоит наш бивак, на втором — уголок лиственниц и льда, словно озера; ведь эта ледяная площадь образовалась от ключевой воды, набежавшей за зиму в приятные, солнечные проблески. Несколько ранее, дня 2—3 [назад], я снял бивак с другой стороны и красивый вид с ледяным каскадом от аршана на фоне лесного уголка Битютэн-ама.

В такие дни, как сегодня, когда температура в тени выше нуля, до 3.9°С, невольно начинаешь бояться за скорое развитие весны. Ведь недалек день,

когда полетят птицы, а мы так далеко отстоим от нашего наблюдательного пункта — озера Орок-нор, в долине Ихэ и Бага-богдо.

Сегодня первый тихий, ясный и относительно теплый, –2.5°С, вечер. Я долго гулял, думал и мечтал об Орок-норе. Все мои помыслы и все весенние стремления там. В такое время, как теперь, думаешь: мы опоздаем на Орок-нор. Но когда вдруг подует северный ветер со снегом, тогда, наоборот, кажется, что мы готовы будем сняться лагерем прежде времени.

Всю ночь такая же превосходная погода, minimum –3.9°С.

11/III, 2. Утро с ярким теплым солнцем неудержимо манит к себе и на наш благодатный аршан. Воображаю, как будет тепло и приятно днем, в такую погоду, одно удовольствие — отправиться в экскурсию!

В 8 часов утра я в дороге на Гнедке, меня сопровождают Гусев и Сонгэн Дорчже на быках; мы держим путь вначале на развалины Олун-сумэ, фотограф[ируем] их с юга и ЮВ дважды, после чего направляемся на Ханхай, или Хангай, к месту усыпал[ьницы] Сайн-ноин-ханов. Едем медленно по каменистой дороге, а потом по каменистой и очень крутой, в обход Чандомына. Тяжело дышат кони, еще громче сарлыки, высунувшие языки. У подошвы гор я с лошади вижу, как летят в сторону мухи и тут же рядом садятся. Чем выше, тем прошлогодние травы более сохранны. На вершину, к усыпальнице, мы приехали в ½ 12-го дня. Через нас над головами гордо пролетел от гребня царственный красавец бородатый ягнятник, не шевельнув крылом; в том же направл[ении] к долине, куда следовал Gyp[aetus] barb[atus], еще немного выше, описывал в яркой синеве неба круги другой пернатый великан Vultur monachus. Почти в южн[ом] (юго-юго-восточном) направл[ении] прекрасно виднелась гора Хан-кокшун-ула, а на вост[ок]-юго-вост[ок] убегал новорожденный Онгиин-гол. Сзади, по соседству, блестел снегами голец в виде пониженн[ого] плоского вала.

Прежде всего я сделал общий снимок могил, обнесенных частоколом, затем снял одиноко стоящую в ограде, с обо. К северу (СЗ) виден священный знак, а под ним тибетские молитвы. По вершине частокола, на белой ткани, темные тибетские письмена. По углам и вершинам стен извне прибиты гвоздями оригинальные дощечки с еще более оригинальными изображениями. Перед могилами №№ 8 и 9 — три обо. Обо вообще много, без мани. В восьмом, помимо дощечек, в почетн[ой] стор[оне] (СЗ), к сер[едине] верха, под навесом висели дерев[янные] дощечки со следами изображений святых на животных. В северо-восточном крайнем углу стоят могилы с поврежденными оградами: №№ 10, 11 и 12. У первой из них, обвитой поверху матерчат[атыми] мани, божница и на юго-западном углу, снаружи, дощечка с субурганом. На могилах, по-видимому детских, по углам и краям (в середине) множество деревянных моделей субурганов, разрушенных, разбитых озорниками.

Как раз на этой, 10-й могиле мы открыли следы недавнего хищничества (с поджогами). Копали среднюю могилу и две меньшие, по углам ЮЗ—СВ (диагональ); в середине зияет ямка — полуаршинное углубление. В северо-западном углу стояли чашки (китайские) числом 4, три — однообразн[ые], сравнит[ельно] соврем[енного] или близкого к нему фарфора, четвертая — оригинальная, красная, с водяным рисунком, наподобие ствола спиленного дерева, с редкими или толстыми прослойками одинаковой ширины по всей

извилистой неправильной окружности. Все чашки более или менее повреждены, изломы совершенно свежие. Жаль, что без раскопки нельзя найти частей и видеть еще что-либо интересное, брошенное, как чашки. Может быть, хищники бросали их как разбитые, а может быть, и как малоценные вообще. Кр[асная] чашка мне очень нравится — приятная с художеств[енной] точки зрения и для европейца, приятная извне, а внутри — темно-золотая. Все чашки с красной печатью в середине дна, красная имеет несколько меньший, более благородный размер и иные иероглифы.

Три могильные группы с оградой: a) первая, b) восьмая и девятая и c) 10-я, 11-я и 12-я. Одиннадцатая ограда одна сделана иначе, нежели все другие, однообр[азно] вбитые на ¾ аршина в землю. Одинн[адцатая] имеет по углам более основ[ательные] стойки (и в середине каждой стороны), в стойках пазы для верхних и нижних переклад[ин] и то же с пазами для вставления обтесан[ных] стоек, два вершка в диаметре, редко больше. Значит[ельно] толще, до 3 вершков, стойки угловые, для большей устойчивости, в них скрепа в расщеплении сверху, двойная, в виде узких расщеплин около вершка шириною. Общая высота частокола — одна сажень, весь он из лиственницы.

Бóльшая часть могил (старых и древних, не менее 9) без частоколов, без оград, но с более или менее сильно выражен[ными] следами их; одни имеют в серединах камен[ное], другие деревянное покрытие. Наиболее массивна могила так называемая «Арсалана», ...* заметны углубления, одно отверстие дает маленькое напоминание о склепе.

Могилы, их атрибуты вместе с оградами, разрушаются, расхищаются, и недалеко то время, когда здесь будет поле со следами, обозначающими места самих похорон.

Мне думается, что предки С[айн]-н[оин]-ханов, вроде Арсаланов, были не заурядн[ыми] монголами, а такими, какие любили похороны и т.д. С этой точки зрения исследование могил самых древних, вроде могилы «Арсалана» и той, в которой обнаружен склеп, достойно поощрения. Но об этом немного позднее. Пока же надо выяснить, кто хищничал. Затем об усыпальнице надо дружески поговорить с да-ламой .

Рассуждаю вообще о могильниках Монголии: не является ли этот тип усыпальниц продолжением известных нам кэрэксуров? Общее у них одно — открытое место, широкие панорамы на истоки рек, на прекрасн[ые] пастбищные угодья и на соседство диких гольцевых вершин. В этом усыпальница Сайн-ноин-ханов превзошла самые высокие кэрэксуры (по вершинам передовых выступов Дулан-ула, с видами на Цзэгэстэ).

В заключение я сделал еще два снимка: с грабит[ельской] работой и общим видом на далекий новорожденный Онгиин-гол, ушедший по направлению к Сайн-ноин-курэ. На первом плане — могилы с оградами; на следующем, далеко внизу, вершина Чандомына и теряющееся в расплывчатом горизонте верховье Онгиин-гола.

Набросав план могил и отметив их характерные особенности, мы в ½ 2-го часа направились обратно, пробыв во второе посещение ровно два часа с энергичной, непрерывной работой.

---

* *Далее два слова неразборчиво. (Прим. сост.)*

Теперь мы избрали более прямой, но зато очень крутой, трудн[ый] спуск прямо к устью Барун-чулу, на что истратили быстрым шагом, а иногда вприпрыжку ровно 40 минут непрер[ывного] движения.

Так закончилась моя вторая поездка-паломничество к предкам влият[ьных], бог[атых] монголов.

На биваке поймали муху и несколько экземпляров мелких бабочек.

До самого вечера (весь день) погода стояла превосходная. Мы и дома любов[ались] прив[езенным] материалом.

Ночью периодически дул крепкий северо-западный ветер, понизивший t воздуха и принесший облачность.

12/III, ♂. Утро (после вчерашнего, теплого) — бр-рр! Ветреное, пронизывающее; северный или северо-западный ветер всегда омрачает весенние проблески. Позже тонкоперистые облака исчезли, очистили голубое небо, но ветер (порывистый) продолжал бушевать вовсю. Малым утешением служат барометры, которые (оба) поднимаются; нам нужна хорошая, ясная погода для снимков и поездки в С[айн]-н[оин]-курэ.

Изготовлены две статьи о деятельности экспедиции с соответственными фотографиями* как для петроградского журнала «Вестник знания», так и для одного из московских журналов вроде «Хочу все знать» или «Восток». Последняя статья — в распор[яжение] К. М. Даниленко, ему в Москве виднее, он лучше меня знает московскую публику, ее журналы.

Необходимо написать Н. П. Горбунову (для Николая Петровича два снимка — водопад и представители Малого хуралдана), Комарову (три снимка — «семенник», оба памятника и водопад с каньоном), Даниленко, Цоктоше и после другим.

Вечер; небо покрылось слоистыми облаками; в 9 часов начал падать снег при тихом состоянии воздуха. Я уложился в дорогу прямо в Монценкоп или с заездом на развалины, в ущ[елье] Бурульчжутэн, для фотографирования «львов» у «Арсалановской» [могилы]. Все зависит от состояния погоды.

Только к вечеру написал или, точнее, закончил корреспонд[енцию]: в «Вестн[ик] знан[ия]», Даниленко, Комарову, Н. П. Горбунову с приложением перечисленных фотографий. Цокто следует написать из С[айн]-н[ои]н-курэ, тогда более или мене будет всем или почти всем.

До поздней ночи возился я со всеми делами — приготовлениями в дорогу. Ночь облачная.

13/III, ♃. Утро, как говорят, ни то ни се: то солнце и голубое небо, то набегут перистые облака. Я долго колебался — ехать ли мне к «Арсаланам» или прямо в С[айн]-н[оин]-курэ?

Последнее взяло верх, и я поехал прямо в сопровождении Гусева и Ганчжурова. Проездили мы три дня и лишь на четвертый — 16/III — возврати-

---

* «Вестник знания»: Цзун-ридэ, памятники — оба стояч[их] столба, водопад Экспедиции, шаман и дети-монголы; для Москвы: Тола (извилистая, красивая), барх[анные] пески, «черепаха с козлом», водопад Экспед[иции] и кам[енный] гигант. Володе (не в счет, для показания профессору Владимирцову): Цаган-ушхай в облачении.

лись домой, к вечеру. Что же мы там сделали за это время? А вот наберитесь терпения и послушайте нас.

В первый день мы безостановочно проследовали до ближайшей к нам кумирне [на] кэрэксуре. Тут остановились. Внутри гудели самые большие трубы. Мы прошли внутрь помещения храма-часовни и засняли одетую Цаган-ушхай наряду со степными кумирами. Потом попросил двух лам продолжать их дело — «гудение в трубы», и я их снял тоже; в заключение поодаль от часовни, вправо, я снял долину Онгиин-гола с кэрэксурами. Потом поехал догонять моих спутников. Они уже миновали монастырь и успели вступить во двор ранее меня и приступить к развьючиванию, когда приехал и я. Нас встретили радушно.

Здесь для экспедиции оказалась почта: посылка с 15 экземплярами «Кратких отчетов» и два письма — от полпреда и наших, из Харбина. Никифоров пишет о чем-то казенном.

Под вечер мы мылись в бане, а вечером, до полуночи, возились с проявлением снимков. К счастью и благополучию экспедиции, снимки наши удовлетворительные.

Второй день, ☉, праздничный, сушили и печатали; я извел целых два пакета бумаги (белой и фиолетовой), зато приготовили много отпечатков для Москвы и Петрограда. Далее я снял повторную группу монценкоповцев (со мною в центре) и супругов Ленковых. Кроме того, съездил на большое обо, к югу от монастыря, на высоком холме, а вечером вновь проявлял. Я очень захотел спать и в 10 часов вечера уже отошел на покой.

Третий день, ☽, фиксировали и сушили, сушили без конца; затем распределяли карточки: частью нашим знакомым (Монценкоп), частью клали в отчеты для Москвы и «Вестн[ик] знания».

Вечером разыграли экземпляр «Кратких отчетов» в лотерею: досталась книжечка Чижову. Тогда же я сдал Чижову для очер[едной] почты в Цэцэрлик четыре заказных письма, все с фотографиями, и два простых — для Бадмажапова и Никифорова в Ургу; последнему также послал красивый вид водопада Экспедиции.

Написана бумага в Уйцзэ-ван с обращением к проезжающим в машинах взять мои ящики с коллекциями для сдачи или в Сангин, или же прямо полпреду в Ургу. Туда уже увезены Ленковым 2 ящика (до пуда весом) с археологическими находками.

Ханша прислала ответные подарки: мне — кусок шелковой ткани, Пшевочке — нефр[итовые] бездел[ушки].

Во время моих печатаний мне надоели монголы, желавшие получить изображение их святого — хубилгана, — и все они очень просили за деньги уступить его портрет. Одна молодая приличная монголка не взяла золотое колечко с красн[ыми] камнями взамен ее шейного украшения, а предпочла карточку хубилгана. Монголу-писцу я давал деньги за его труды, а он слезно просит дать ему «хубилган-бакша»; пришлось уступить.

Вот каким высоким престижем, обаятельностью пользуется святая личность потомка хана. Хубилган действительно держит себя безупречным образом и пользуется высокой популярностью как среди духовенства — лам, так и среди мирян.

Вторую бумажку я написал в тамага с просьбою: все пакеты экспедиции, поступающие от Монценкопа в мой адрес, спешно направлять вслед моего каравана по дороге на озере Орок-нор.

Погода продолжала стоять прекрасная: переходная от зимы к весне.

В заключение нам предстояло произвести расчет с Монценкопом — уплатить за все забранное или, точнее, доплатить, так как мы еще раньше внесли двойной аванс в размере 500 м[ексиканских] д[олларов].

Всего же Монголо-Тибетской экспедицией взято предметов приблизительно на сумму от 750 до 800 мекс[иканских] серебр[яных] долларов.

16/III, ♂. Утро полуясное, дов[ольно] теплое; мы заканчиваем просушку отпечатков, раздаем обещанные снимки, группы, пары, и одиночки. Пьем чай вторично, на ходу. Прощаемся. Оставляем гостеприимных соотечественников.

По дороге заезжаем с визитом к да-ламе и ханше; первого не застаем дома, у второй пьем чашку чая, даем ей и мальчику карточки; да-ламе оставили портрет его брата хубилгана.

Потом я поехал вслед Гусеву, видневшемуся на западн[ом] горизонте, шедшему с вьюком; Ганчжуров направился с бумагой в тамага.

Я догнал и перегнал Гусева, прибыв на бивак в 3 часа дня; погода была теплая. На биваке все в порядке. Орнитол[огическая] коллекция обогатилась орлом-беркутом, добытым на трупе коровы, павшей от беш[еной] собаки. Маммалия также увеличилась получением дикой кошки, ♀, с мясом, присланной Самариным.

Облачность мешает производству астрономических работ.

Воздух стал значительно теплее, приятнее. В мое отсутствие на биваке объявились первые даурские галочки. Весна идет! Мух и паучков видно больше.

Ринчин-лама, наконец, сдал нам (через Цэрэна) трех лошадей экспедиции: моего Воронка, Пегашку Ганчж[урова] и Монгола, по виду похожих на одров;[255] прочих две — Канаича и Фу-чина — задрали волки. Молодцом у нас одна лошадь — Серко Елизаветы Владимировны.

17/III, ☿. Сплошная облачность. Тепло. Приезжал шаман Цэдэн-Пунцук, нарядный, привез заказ — серебряное шейное украшение женщины.

Облачность еще более густая, сплошная, к вечеру же, когда снимал Пунцука, была заметна сл[абая] тень. Пшевик мой помогает, строчит статьи; Гусев занят укладкой ящиков. Вечереет, темнеет рано. Луна проходит заметно, но расплывчатым блином. Понемногу укладываемся и понемногу готовим последнюю почту. Надо непременно написать Володе (с фотографиями) и Нине Евгеньевне. А затем надо собираться, укладываться и мне. Теперь с почтой будет перерыв, отдых, до прихода на Орок-нор, где новое место, где начнется новая жизнь.

Погода между тем испортилась. Вместо голубого неба и яркого солнца, вместо любимых мною дымок и безграничных далей, вместо нежно-розовых, огневых зорь — серое, угрюмое, холодное небо, так сильно задерживающее энергичное движение весны.

Ночь такая же угрюмая, серая, мертвая, как и день.

18/III, ♃. Утро такое же неприглядное, как и вчера, кислое, смрадное, мрачное. Все прекрасное, воодушевляющее, бодрящее минуло, словно пре-

красный сон на молодой заре. Даже на аршан не идешь — так уныло, холодно, неприглядно. Пшевик готовит статьи.*

Мы продолжаем усердно, ретиво собираться в дорогу, ведь вечером уже явятся верблюды.

Несмотря на серую, унылую погоду, на наш аршан вдруг прилетели галочки даурские и рыжебрюхие краснохвостки; первые в стайке, вторые парочкой.

Весь день дул северо-западный холодный ветер, никуда не пришлось ни пойти, ни поехать. Вечером у астрономич[еских] инструментов и столба пришлось немало подежурить, чтобы сделать круг из трех определений звезд для γ и для времени. Висела наготове и труба для покрытий, напрасно — ничего не удалось: первые наблюдения не состоялись из-за облачности, второй порядок отчасти из-за облачности, отчасти из-за неимения звезд.

Только одни зрители, вроде шамана и двух наших подводчиков верблюдов, были удовлетворены чарующим номада зрелищем: наблюдением в трубу молодой Луны, ее зубцов и кратеров. В особенности восхищался Пунцук, который с трудом оставил трубу и удал[ился] в юрту. На шамана «Луна в трубу» произвела ошеломляющее впечатление.

Прибыли и наши верблюды; все подходит к концу. Будем вспоминать мы стоянку при минеральном аршане, приволье, простор и теплую (в смысле юрт) зимовку.

Пшевику удалось написать вторую статью в «Вестн[ик] Маньчжурии» — «Хребет Хангай и верховье Орхона с водопадом Эспедиции» с приложением четырех фотографий;** а я смог написать последнюю весточку с зимовки экспедиции моему сыну Володе, снабдив письмо тремя отличными фотографиями гор и нашего бивака зимою.***

Завтра желательна более чем когда-либо хорошая погода. Посмотрим, что будет.

Наши лошади бодры, не знаем, что с ними делать, и не знаем, на ком из них можно ехать. Решил купить Рыжко у шамана: дать ему 70 мексик[анских] долларов, плюс Монгола; Пегашку Г[анчжурова] взял Цэрэн; таким образом, налицо в экспедиции четыре коня: заслуженный Серко, одер Воронко, Гнедко и новый Рыжко. Только бы дошли они до Орок-нора, а там поправятся, выдержат!

Итак, по астрономии всю последнюю надежду возлагаю на завтрашний день.

Облачность заполонила все небо, которое плотно укрыто слоистыми облаками. Ночь полуясная, холодная с minimum t –16.1°C, с маленькой тревогой.****

---

* Для «Вестника Маньчжурии: 1) камыши, 2) Тола, 3) у заворота, 4) Бичиктэ с обо и кэрэксуром, 5) кам[енный] дед, 6) Цаган-ушхай в облачении, 7) Олун-сумэ (новый), 8) барел[ьеф] с двумя жав[оронками] и 9) два обелиска (Орхон).

** Для «Вестн[ика] Маньчж[урии]»: a) ущелье Битютэн, b) лагерь зимою, c) водопад Экспедиции и d) каньон.

*** В. П. Козлову на этот раз посылаются: 1) левое крыло Цаган-чулу (с юга), 2) зимовка и 3) бичиктэ с изображением кисти лев[ой] руки.

**** В 3 часа ночи вдруг, словно ужаленные, прыгнули наши кони и с арканами и бревешками отскочили к морене; собаки почти молчали; люди поднялись и разыскали трусов, стоявших в отдалении бивака.

19/III, ♀. Утро холодное, ветреное; пронизывающий северо-западный [ветер] делает зимнюю стужу, воздух несет туманную пыль с пылью земли. Скверно, бр-рр! По прекрасно-голубому небу рвутся на ЮВ клочья кучевых облаков.

Я пытаюсь произвести астрономическое определение по ☉; не знаю, что выйдет, но за руки мороз берет и дерет не менее ощутительно, нежели зимою. Между тем оба наши показателя погоды — и барометр и а[нероид] страшно поднялись, пожалуй, как никогда. Несмотря на крепкий ветер и низкую температуру нам все же удалось сделать ряд наблюдений по ☉ и в результате получить пункт с γ и со временем. Во время работы я и мои спутники положительно мерзли, в особенности доставалось рукам.

Сегодня с раннего утра до позднего вечера ведем усиленную топку печи, и все-таки сижу в юрте в полушубке, так как северо-западный ветер все тепло уносит вон.

Сегодня наконец кончил писание писем; кроме Володи удалось написать Нине Евгеньевне и А. И. Захаровой; я так доволен, что наконец давнишнее мое желание исполнилось: выбрал из последнего дня времечко, сел и написал сразу и оба письма — живые, интересные.

До ночи возились мои спутники с укладкой, упаковкой и с хомутанием верблюдов. В конце концов, понемногу справились. Завтра выступаем. Пошли судьба счастье и удачу!

Ночь холодная, полуясная, впечатление от стужи совершенно зимнее.

20/III, ♄. Утро ясное, или почти ясное, t воздуха –14.0°C при резком, холодном, северо-западном ветре. Вьючим; вьючка идет с затяжкой, но это в первый раз. Уверен, что дело наладится и скоро, и успешно.

Вышли на 17 верблюдах; выступили в 40 минут 11-го, пришли в 4 часа 40 минут, сделали довольно удовлетворительно 25 верст; завтра пойдем дольше.

Через посредство Монценкопа я получил две случайные почты: одна с пакетом от В. П. Бурдуковского — журнал «Экономический»[256] с нашей статьей и пачка газет; другая — с письмом И. П. Бадмажаповой и приятной телеграммой: «Экспедиция продлена до 1/X 1926 года. Оклады с 1/X 1925 года увеличены втрое».

Какое нравственное удовлетворение, какое счастье, радость и как все очень кстати получено!

Сегодня же мы добыли интересного хорька «кузун-бузун», изловленного монголом в капкан в окрестн[остях] С[айн]-н[оин]-к[урэ], в 25 верстах.

Тут же я встретил мол[одого] чел[овека] Самарина и с ним условился о предстоящей встрече. Монценкопу одолжил пятьсот мексик[анских] долларов до ½ июля текущего г[ода] с получением в Уйцзэ. Верхотуров спешно готовится к отъезду на машине в Улясутай. Я уже на пути к благодатному, интересному югу; до ¼ 12-го часа ночи работали. Ветер стих, грядущий день обещает быть хорошим; чего же нам надо — природа Монголии наша союзница.

Тихо, ясно, прозрачно.

Воскресенье, 21/III. Приветствую благодатное солнце.

Все идет так, что я должен благодарить судьбу и моих спутников. Телеграмма с поощрением СНК и ГО вливает нам новые силы на предстоящее

лето, нашу кипучую деятельность. Интересно, что и как удастся нынче нам сделать? Я лично верю всем моим существом, до высшего проявления разума, на успех экспедиции.

Караван выступил в 10 часов, я часом позднее. Перевалили высоту с обо и постепенно вышли на дорогу, ведущую в Улясутай, сначала ущельем-речкой Манитэ. У места впадения в последнюю Тармэлэн-гол трое из нас остановились и вновь засняли общий вид. После моего первого посещения здесь много изменилось, многое доразрушено.

Караван поднялся еще две версты по Тармэлэну и приютился на ночевку.

Гусев и Ганчжуров съездили, удалили снег из ямы с плитой, сделали все, что можно, чтобы на следующее утро представилась возможность удобно снять плиту и камень с письмом. Вечер был ясный, тихий и очень прохладный. Нам трудно было привыкать к холоду.

Мои спутники возились с переустройством вьюков, я — с уговором монголов не нарушать наше успешное движение и возвратить нам наших отличных двух верблюдов, которых они вдруг отобрали.

22/III, ☽. Утро тихое, ясное, прохладное. Караван, переустроившись, в 8 часов утра двинулся вперед, вверх по ущелью, к восточ[ному] склону знаменитой вершины Хангая — Хан-кокшун-ула, плоской, трапециеобразной. Подъем длился десять верст* — очень удобный, мягкий, луговой. На вершине с большим обо, измеренной анероидом, нечего смотреть. Далеких видов не открылось. Значительный отрог по обе стороны Тэлэн-дабан создал порядочные ущелья, в особенности к югу, под названием Тэлэн-гол. Вершина Хан-кокшун-ула скрыта вершинами ближ[них], передовых выступов. Но при спуске вниз, до первого ущелья справа, главная историческая гора вновь показалась — гольцом с пятнами снега. На втором ее ущелье, с черными взъерошенными скалами, я заснял его. Надо мною вились бурые грифы.

Далее я поехал по косогору, тропой. Встретил правил[ьную] попер[ечную] канаву (временем сглаженную) в 7 саженей, чистую, ровную, словно улица, с легким плоским горбом и рядом выемок-углублений вдоль «дороги» и внутри квадрата, раскинувшегося по плоскому скату до следующ[его] ущелья Ихэ-мото; сторона [квадрата] 300 саж[еней], в середине — командующий холм, у подошвы гор и по их скату расположены кэрэксуры всех трех типов погребений, в двух группах по 3—4 вместе и столько же разбросано внизу, по террасе Ихэ-мото.

Самые горы, их гребени, близки — 12—15 верст, каменисты, у северных скатов лесисты, с арцой, средней по размерам, не пышной; все же название ущелью очень пышное — «Ихэ-мото». На противопол[ожной] стороне, по такому [же] луговому скату, от гребня к руслу, покоятся следы воинских пребываний — квадрат в 200 саженей и еще ниже квадр[ат] в 100 саженей. Ныне остались следы — узоры, особенно контр[астно] выражен[ные] в 3-м [лагере], самом меньшем, разбитом на двух оврагах (кам[енистых], лет[ом] с

---

* Я отстал, вернулся в Манитэ к погребению, тут сделал два снимка — с плиты и письмен на камне. Меня сопровождал сюда, помимо Цэрэна, чин[овник] из тамага, получивший ½ суммы за доставку экспедиции на Орок-нор. Теперь он очень интересовался нашим занятием и спраш[ивал], не русские ли письмена на камне [на] моем снимке.

водой). Тут наглядно выражены посередине сторон дугообразные башни, или входы. Словно лежат на луговой покатой поверхности три гигантских ковра с двумя линейными оторочками с края. У подошвы ската до сих пор стоят развалины отличного камен[ного] помещения, где жил военачальник. (Я говорю о месте ближайшего, первого лагеря.)

Это следы лагерей китайских войск, сдерживавших напор магометанской инсурекции. Но вот вопрос: к какому времени, какому движению относится этот укрепленный лагерь?

Невольно задержавшись на этом месте, я припоздал возвращением на бивак, тем более что сегодня переход вышел в 35 верст, т. е. большущий.

Караван приютился за холмом, на прав[ом] берегу речки Цзульгэтэн-гол, впадающ[ей] в Тэлэн-гол слева, за три версты до выхода его в поперечную долину Улан-иргэ, которая хорошо виднелась с бивака, в особен[ности] ее окраин[ные], к югу темные, безжизненные горы.

На всем здесь, даже на вершинах Южного Хангая, в особ[енности] на его скатах, лежит печать дыхания сухой пустыни: все темно-красно-буро, пустынно. Гребень причудлив, в скалистых насаждениях вроде зубцов, башен, пиков и т. д. Иногда невольно мыслишь, что это не природное, а искусственное сооружение.* По дну Цзульгэтэн-гола там и сям виднелись ледяные скопления, обнаруживающие ключи. По лугам паслось много табунов лошадей, которых поили в открытых водах этой же речки, а водяные-ледяные скопления присущи, главным образом, Тэлэн-голу, где много пастбищ.

Северо-восточный ветер дул всю ночь и понизил температуру воздуха.

Вечером в юрте сосед[него] монгола мне удалось переснарядить пластинки в фот[о]аппар[ате].

23/III, ♂. Этот день мы обедали на месте, а переход, очень небольшой, в 13 верст, выполнили после часового дневного [метеорологического] наблюдения. Мы с Гусевым, верхом на верблюдах, прокатились за 12 верст по Тэлэн-голу в Ихэ-мото и там докончили осмотр стар[инного] укрепления, его следов, оставшихся на луговой покатости правых, или западно-юго-западных, гор.

Когда мы собрались снимать первый вид — «кэрэксуры», то из-за гор по чудно-голубому фону неба понеслись первые рваные слоистые белые, как вата, красивые облачка. Последующие снимки уже выполнены с облачностью, как говорят, при рассеивающемся свете.

В этом ущелье, точнее в этих горах, очень много кэрэксуров (на юго-западных и на юго-восточных склонах) — на узком сравнительно скате большая насыпь камней и оторочка в один камень к камню, совсем незначительная в окружности.

Очень много всех типов могил в устье Тэлэн-гола, на завороте дороги, на террасе справа, до плиточных [могил] включительно. За ними вскоре вы в открытой широкой луговой (степной) долине, по которой вьется большая, наезженная автомобилями дорога в Улясутай и Ургу (через Уйцзэ-ван). Вправо — Хангай, его темные, крутые, безжизненные одинцы-массивы, как Тэлэн-хайрхан или Тэлэн-дулан-ула, а в соседнем к югу хребте, Омок-дархате, — Дархатэн-обур-тологой.

---

* Гребни гор дики, остры, узки, ущелья тесны, глубоки, скаты темны, безжизненны.

Под вечер дорога спорилась; по сторонам паслись на богат[ых] пастб[ищах] цаган-цзэрэ рядом с табунами коней. В 5 верстах, к ЮВ от Тэлэн-хайрхана, далеко выделялись три плиты-столба на одиноком погребении. Две серые едва достигали в высоту 2½ арш[ина], тогда как средняя, широкая, в аршин, сравн[ительно] тонкая, вздымалась на 5 арш[ин] над землею и напрасно соблазняла, манила к себе, словно обелиск с орнаментом. На первом отличном кормном месте, у самой дороги, мы заночевали и хорошо накормили наших вьючных и верховых животных. Приставший добровольно к нашему каравану монгольский пес уже хорошо освоился и ласкался ко всем нам, а по ночам энергично сторожил, лаял и наказ[ывал] чужих собак, тогда как с коренными, экспедиционными, скоро познакомился, в особ[енности] с Гаролем. Чуфр относился к Монголу с большим или меньшим презрением и только иногда снисходил до безулыбочного нюха с черным, лохматым, большим и сильным Монголом.

В первый же день в Улан-иргэ, в соседстве бивака, мы видели несколько стад цаган-цзэрэ, пасшихся смиренно. Наши охотники не утерпели, втроем* пошли попытать счастье, и не напрасно: в виду самого бивака, на 500 шагов, убили прекрасн[ую] ♀. И полезно, и сытно: шкура с черепом поступила в коллекцию, а мясо — в котел.

Погода продолжала стоять прежняя: ясная и сравнительно тихая, холодная по ночам и мягкая, приятная, теплая, сравнит[ельно] конечно, днем, на солнце. Однако стоит подуть ветру, например от набежавшего облачка, как вдруг становилось очень холодно. Ветер пронизывал, словно зимою, впечатление весны рушилось как сон.

Дорога, словно две колеи рельсового пути, змеею извивается по дну долины или ее боковым, луговым скатам. Долина сама далеко-далеко убегает к ЗЮЗ, туда уходят и горы — справа более мощные, слева — более мягкие, меньшие, самых причудливых замковых, башенных форм, врезающиеся клином в долину Ашигэт-хат.

Не знаю, почему меня притягивает к себе этот Ашигэт-хат, словно в нем заключается нечто самое интересное.

24/III, ☿. Ночь холодная, студеная, в особенности перед рассветом. Цэрэнка выехал затемно к моему старому приятелю Чимит Дорчжэ сказать о моем приезде и о приготовлении юрты и т. д. Мы выехали в начале восьмого, солнце едва стало пригревать землю. Однако его (солнце) появление было встречено звонкими песнями рогатых и монгольских жаворонков. Особенно приятна, звонка и переливчата песнь Melanoc[orypha] mongolica, недаром этого певца китайские торговцы держат у себя в клетках на прилавках. Иногда базар буквально залит этим веселым, захватывающим пением жаворонков.

На возвышениях у дороги монгольские жаворонки один перед другим тешили нас.

На переходе трех верст мы поднялись на плоское возвышение и на нем отметили три кэрэксура; там и сям они же виднелись одиночками. Мы дер-

---

* Канаев и Ганчжуров пошли к антил[опам] прямо из-за бугра, Гусев — в обход, в открытую. Словно случайно подогнал зверей к залегшим товарищам, котор[ые] 2 или 3 выстр[елами] сразили беднягу.

жали путь к обрыву южных гор речкою Мурин-гол, впавшею в Будун в месте скалистого разрыва гор.

В этой темной, теплой теснине солнце пригревало ощутительнее, нежели в открытой долине, таял лед и вода местами шла поверх ледяной поверхности. Тут и еще более ниже, в долине, скопилась масса скота, преимущественно табуны лошадей, на водопой.

Мы шли косогором, откуда на ЗЮЗ открывался большой, простор[ный] Монгольский Алтай: Б[ага]-богдо, Хан-ула (темная), Ашигэт-хат (причудливый своим острым, с пиками очертанием) виднелись как на ладони.* Показалась и долина, на дне которой отливали желтизной участки пастбищ со стойб[ищем] и скотом монголов и очень ярко блестели ледяной поверхностью три площади бассейнов с Гун-нором, на востоке, во главе.

К Гун-нору примыкали болота, его прежние составные части. Весь этот бассейн покоился у подножия горной, пустынной (мелкосопочной) гряды, протянувшейся от востока к югу с большим или меньш[им] отклонением к меридиану.

Когда мы были в раздумье, как нам следовать к Чимит Дорчжэ, вдруг подвернулся Цэрэн (сзади) и конфузливо повел нас в надлеж[ащем] направлении: он опоздал нас встретить, ударился в наш след, мы сделали крюк в 5 верст и, таким образом, пришли позже на час с лишком к моему приятелю, айль которого разбит в укромн[ом] месте, восточнее обо — Уха-обо. Ч[имит] Д[орчжэ] уже распорядился выставить для меня парадную юрту рядом с его стойбищем. Аргал, чай (беленый) и проч. были к нашим услугам, и мы со дня прихода в Уха-обо зажили словно в Хангае, на зимовке.

Но как различны характеры этих районов: там, при Битютэн-ама, — вид на лесные ущелья и на прозрачные-прозрачные дали, здесь же воздух пронизан пыльной дымкой, сквозь которую и небесн[ые] светила вообще (ночью) и солнце видны гораздо тусклее, а отдал[енные] горы Монгольского Алтая, как Бага-богдо, блестят тускло, не по хангай-орхонски, а по-пустынному, где, весной в особенности, частые ветры, иногда с вихрями, поднимают в воздух пыль и омрачняют дали.

Незаметно спустилась на землю ночь и скоро успокоила наш мирный бивак. Мы только успели сегодня принять «хлеб-соль» и познакомиться с сыном и его (Ч[имит] Дорчжэ) женой, обещав назавтра нанести визит больному отцу.

25/III, 2. Тихо, ясно. Я и мои спутники приводим себя в порядок мытьем, бритьем, одеванием, сборами [в связи] с визитом. Хадаки и подарки приготовлены. Идем. У 5 юрт моего приятеля стоят одетые по-праздничному женщины. Нас сопровождает сын** Чимита до самой юрты отца, где уже почтительно ждет нас мол[одая] наряд[ная] и не по-монгольски красивая женщина — жена сына. Входим в богатую, большую юрту, на дом[ашнем] почетн[ом] месте которой лежит Ч[имит] Дорчжэ. Вид его ужасен: движенья

---

* Особенно очень сильное впечатление производила гора Бага-богдо. Вид на ее строг[ий] профиль, блестевшую матовым снегом [вершину] разбудил во мне воспом[инания] о М[онголо]-Камск[ой] экспедиции.

** Это второй сын моего приятеля, по имени [Чойнбыль].

вялы, голос слабый, бедняга тяжело дышит и часто болезн[енно] кашляет. Язык отвратительный, сам в легкой испарине. При виде нас заворочался и силился встать, я удержал его от несвоевременного желания, обнял и приласкал приятеля.

Далее я поздоровался с хозяйкой — приличной старушкой-шабханцзой, прифрантившей[ся], сделал общий поклон молодежи — штату Ч[имит] Д[орчжэ] и сел на почетн[ом] месте. Моему примеру последовали хозяева и мои спутники; Елизавета Владимировна села рядом со мною, но ниже, по старшинству.

Как водится, после приветствия мы осведомились об общем благополучии друг друга, я — о его житье-бытье, здоровье как самого, так и его близких, он — о моем следовании и состоянии. Старик, конечно, очень печалился на свою немощность, на свое нудное нездоровье и не мог не выразить своей особой радости по поводу вообще моего приезда, и в частности — врача экспедиции.*

Вслед за этим я стал благодарить Чимит Дорчжэ за встречу, постоянное внимание ко мне и за содействие моим юным спутникам при их передвижениях. Вместе с этим я поднес Чимит Дорчжэ на хадаке золотые часы, его сыну — золотой портсигар и принадлежн[ости] для охоты. Одновременно со мною Елизавета Владимировна вручила женщинам — старой и молодой — по куску парчи, а я дочери — золотое кольцо с рубином, а внуку — камен[ные] безделушки (животн[ых] и птиц). Кажется, никто не был забыт. На мои подношения все засуетились и больной также. Велел подойти сыну и шепнул ему что-то на ухо. Тот быстро достал европ[ейского] типа круглый шляпный лубок и подал отцу. Чимит Дорчжэ достал две, сравн[ительно] большие, низкие каменные зеленоватые чашки; одну, большую, дорогую, с письменами — китайскими печатями — поручил сыну поднести мне, а другую — Елизавете Владимировне. Потом подошли молодые супруги, по порядку: он — ко мне, она — к жене и на хадаках поднесли масс[ивные] серебр[яные] десертные ложки. Я тотчас ложки с благодарностью возвратил владельцам, а хадаки принял; прочие тоже хотели было что-то подарить, но слыша мое деликатное замечание: «Я доволен подарком главы семьи и больше не возьму ни от кого», — оставили это намерение и с улыбками возложили на наши руки хадаки — плата счастья.

Потом мы говорили о нашем свидании в Петрограде. Чимит Дорчжэ помнит сильное впечатление, вынес[енное] им у меня в кабинете, при виде большего пурбу; вспоминал Москву, Крым, заграницу, в особенности Германию, и дивился южнорусским красотам гор и моря. На мое желание снять семью Чимит Дорчжэ я встретил восторженное согласие и готовность в какое угодно время. Я всем этим живо воспользовался и снял большую комп[анию] дважды.

Пока я снимал, Елизавета Владимировна осматривала больного, знакомясь с его болезнью. Помимо всего, Чимит Дорчжэ поднес «доктору»

---

* Патентованного врача у нас, в экспедиции, никогда не было, лечил я сам или мои ближайш[ие] помощники, а в это путеш[ествие] — жена, которая осведомлена в медицине основательно.

(эмчи) чудный белый хадак. В заключение нас всех хорошо угостили (и одарили, даже спутников наших хадаками), и мы пошли к себе домой. Мне хотелось о многом поговорить со стариком, но я жалел его и не хотел утомлять. Однако на мои слова: «Спасибо вам за палеонтолог[ический] подарок», Чимит Дорчжэ сказал мне: «Я давно вас жду, вы не уедете отсюда раньше, нежели мой сын (я ему поведал все) не покажет вам, как ученому-путешественнику, не сведет вас и не покажет вам интересные места и в смысле ископаем[ых], и в смысле археологии и изучения живой нашей природы. Все эти места никто из ученых не видел, вам, первому, все покажу! Мой сын к вашим услугам, животные — и лош[ади], и верблюды — в вашем распоряжении». Я был искренно рад и искренно благодарил старика за его прекрасное отнош[ение] к экспедиции, за его желание помочь мне в исполнении моей научной задачи.

Мы ушли к себе. Вскоре пришел сын Чимита Дорчжэ, с которым мы и наметили ряд неотложных экскурсий в стороны от Уха-обо, поставив в первую очередь изуч[ение] Ашигэт-хат. С таким расчетом назавтра начали собираться в экскурсию в оригинальные остробокие горы.

Вечер был превосходный: Луна и звезды яркие озаряли землю. Была устроена астр[ономическая] труба. Долгое время чистые, близкие к природе небесной и земной номады всех возрастов, обоих полов, как дети, восхищались красотою Луны, блеском больших звезд и величием Вселенной.

26/III, ♀. В теплой, чистой юрте мы зажили прекрасно: сытно едим, крепко спим. Нас будит наш лучший спутник В. Гусев: затапливает (аргалом, дрова тю-тю!) печку и дает возможность нам в тепле встать и не торопясь одеться. Он же вешает термом[етр]. В ½ 8-го часа утра я с двумя спутниками (своим и местным) едем на ССЗ, в Ашигэт-хат. Я и сын Чимита Дорчжэ* — на конях, Гусев — на верблюде, на легком вьюке. Мы пересекаем долину с речкой Хапцагайту, за которой вскоре показались и айли там и сям, и табуны коней.

Пели жаворонки: монгольский, рогатый и полевой (недавно, 24/III, прилетевший), пролетела первая прилетная дрофа, мелькнул Petr[onia] petr[onia] и еще неведомый серый, компактный вьюрок.

Мы ходко подвигались вперед. Б[ага]-богдо величественна. Темные обрывы Хапцагайту, по словам Готоп Дорчжэ, богаты «иёло» — ягнятн[иками], орлами и другими крылатыми хищниками. В степи — открытой долине — я отметил два любопытных кэрэксура, словно курганы, присыпанные в один ряд камнями в два-три кулака величиною, с одним большим, стоячим с востока кэрэксура. Ашигэт-хат вырастал, его остробокость, обдутость делались контрастнее. По сторонам айли, ату. На один айль Готоп Дорчжэ указал как на очень богатый, где можно остановиться на отдых и для чаепития.

Я все время неотступно то следил за измен[ением] очерт[аний] Ашигэт-хата, то всматривался и вдумывался в курганную форму кэрэксуров. По-моему, эти погребения иные.

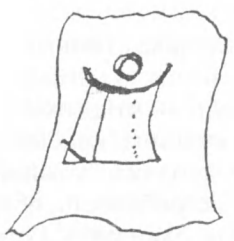
---

* Сын Чимит Дорчжэ так сразу и стал «моим человеком», моим усердным близким спутником-сотрудником.

Наконец и самые горы, их ущелья. Вдали [скалы], словно пики, башни, зубцы, головы* и т. п. формы. По скату пасутся ц[аган]-цзэрэ, словно бараны, да и держат себя смирно, как эти дом[ашние] животные. В виду нас и вблизи нас ц[аган]-цзэрэ прошли в расстоянии не свыше двухсот шагов, порою останавливались и смотрели на нас. Мне хотелось даже сфотографировать степных красавцев.

Немного продвинулись еще в глубь гор — по бокам встали обнажения гранитов, капризно обдутых и отшлифованных ветром и песком. Когда стали показываться, словно головы, вершины таких обнажений и острый, зубчатый гребень, я произвел первый снимок. Далее — отвесную стену-«голову» — второй. Здесь наш Готоп Дорчжэ привел мне монгола, ехавшего куда-то в северном направлении, и представил, как лучшего знатока этих гор, мне в дополн[ительные] спутники. Я согласился, и мы уже вчетвером поехали дальше. Этот монгол мог назвать в горах, нами исследуемых, всякую вершину, ущелье, показать любой ключ — аршан, любое обо с мани, всякую пещеру — акой — древнее убежище аскетов, подражателей, последователей Миларайбы — певца природы.

Так, например, новый спутник показал мне три рядом острые вершины и назвал их Гурбун-ондер, немного в стороне — Бурхантэ-улан-хад и т. д. Этот монгол облегчил нашу задачу тем, что, поняв, что мне нужно, он вначале соображал, а затем энергично сказал: «Хорошо, я понял, что вас интересует» — и сразу же, по порядку, начал показывать мне все нужное. Таким образом, мы подъехали к одной пещере, необитаемой, но носившей все признаки посещ[ения] или пребыв[ания] ламы. Тут стояли на досках приклеенные писаные бурханы: Будда, Аюши, Ц[аган] Дархэ, Ямантака и многие другие. Рядом лежали камни с надписями, мани. Наиболее интересовавшее меня письмо (на камне) на тибетском языке я сфотографировал. Потом мы поехали в глубь гор и там, на отвесных стенах, нашли и письмо, и изображения зверей — стилизованных козлов и проч., часть из этого я сфотографировал, часть занес карандашом в походную книжечку, из которой и перевожу в этот дневник.

На отдел[ьном] камне подле отвесн[ых] скал. И все на граните.

Способ изображений тот же, что и в Бичиктэ.

Слабосеро, не выразительно для фотографии.

---

* В одном месте, с юга, когда мы огибали этот край, я видел чудо в горах: огромный отторж[енец] стоял на массивном утесе, словно голова в шапке; мои монголы назвали ее Тангут-тологой и Чулу-байшэн. Голова человека (гиганта сказочного) и замок с башнями выдел[ялись] словно настоящие.

Куда ни посмотришь в новом ущелье — везде стоят обо, мани и т. д. Мы удачно внедрились в горы, пересекли их по ширине, поднявшись в глубокий разлог между высоко поднятыми вершинами, и везде наблюдали удивительную механическую деятельность преобл[адающих] западных или северо-западных ветров, обточивших и продолж[ающих] обтачивать гранитные скалы, обнажения, утесы. Внизу — мелкий гранитный продукт, вверху — результат работы постоянных ветров: скалы, пики, острые гребни, сглаженность массивов и острие по ребрам и гребням. Иногда видишь на верш[ине] скалы-отрога шар, на нем — нечто вроде плиты, тонкой как доска. Из одной пади в другую нелегко попасть по гладким, крупным, крутолежащим валунам.

Внутри гор, где я произвел два снимка, мне показали отд[ельно] стоящую скалу фигурою как дом с округл[ой] крышей; на верху этой скалы обо, к которому пробраться без специальных приспособлений нельзя. Как бы внутри этого «дома-скалы», среди расщелины имеется аршан,* а рядом, наверху, в нише скалы (в ее арочном проходе) приспособлен на длинной плите бурхан — некогда золоченое изображение нескольких (около 6, по 3 в двух рядах) святых из буддийского пантеона. Перед этим «домом-скалою» стоит обо, мани и т. д.

С соседнего перевальчика еще шире и вместе с тем еще более хаотичнее представляются горы как на близком, так и на отдаленном планах. Очень высоко, на вертикальных скалах, их вершинах я отметил последовательно два явления. Первое — стоял столб или обелиск, еще выше и дальше, на пике главного гребня в бинокль отчетливо выделялось обо, а подле него, с запада, стояла прислоненная плита, резко выделявшаяся своею красноватой гладкой стороной. Мне казалось, что на ней должна быть неприм[енно] надпись. Эту плиту, как и пещеру — акой Ахай-ламы, — надо помнить и в дальнейшем исследовать.

Теперь мы старались выбраться из глубины гор, из отвесных скал, выйти к подножию, по крайней мере гребня, и постепенно обойти его от зап[ада] к востоку, пересекая лога.

На юге, у крутых скал, их подножия и стоящих рядом обо и была акой Ахай-ламы. Говорят, этот лама живет в легендарном представлении, но в [пещере] остались следы его пребыв[ания], как будто он вчера оставил свою риде. В глубокой длинной нише чисто, там молитвен[ное] место, там три ряда по сотне цац, там уютно и ветер не проникает; слышен лишь его вой и свист. При выходе из пещеры, под навесом, отделение со следами кухни-очага, от которого на расстоянии десятка с лишком саженей едва заметно по гладким утесам проложена небезопасная тропа, спускающаяся круто вниз, к мягкой площади. Не зная этой тропы, не попадешь в убежище отшельника. Камни, скалы, ниши, выступы совершенно маскируют местность.

Теперь нам оставалось познакомиться с восточ[ым] ущельицем с водой, напоить лошадей, взглянуть на кэрэксуры и на Чулу-байшэн и направиться домой через долину с ледян[ой] поверх[ностью] над болотом. Мы так и сделали. Когда огибали по тропе горы с ЮВ, нам показалась характерная, в

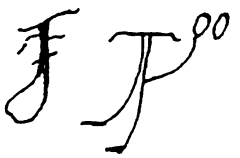
---

* Минеральный источник под названием Ашиктэ-аршан, стоявший под толстым льдом.

полхребта, головообразная вершина, поставленная словно на башню из выветрелого гранита или на замок с внутренним, вроде двора, помещением. Мне очень хотелось заснять ее, но я берег пластинки на более важные снимки, к тому же освещение не очень благоприятствовало нам. По миновании Тангут-тологой, я неоднократно останавливался и оглядывался на эту оригинал[ьную] вершину. Она вырисовывалась (с южной стороны гор) еще рельефнее, огромная глыба, казалось, была поставлена не самой природой, а человеческим искусством.

В ближ[айшем] роднике мы попоили лошадей, побегали за подстреленным Accentor'ом, одного добыли и направились вниз. Туда залегали последовательно кэрэксуры, а один был в соседстве с каменной (из плит) загородкой (до 10 шагов в длину, 7—8 в ширину и до трех в высоту), на которую мой спутник Готоп Дорчжэ указал как на такую же древнюю, как и кэрэксуры.

Мы, наконец, направились к лагерю, но, проехав версту среди сплошного кладбища, я оглянулся вправо, назад и заметил в след[ующем] соседн[ем] ущелье, выше автомобил[ьного] тракта, еще ряд погребений с плитами. Вернулся и осмотрел их, и занес в книжку иероглифы. Вверху и вправо на плите высечены следующие знаки.

На одной плите было 4 грубых изображ[ения] коня. По мере нашего следования по ущелью вниз, по дну ущ[елья] или, правильнее, долины, мы отметили около 10 высоких, кург[анного] типа кэрэксуров и плиточных могил и столько же по правому скату соседних холмов-гор (и плиточных погребений, и кэрэксуров, вершина которых едва закрыта рядом (только одним рядом) камней в 2—3 кулака величиною).

На этом мои наблюдения над памятниками и оригинал[ьным] строением Ашигэт-хат и окончились. Я должен лишь вкратце отметить, что растит[ельность] (и луговая, и кустарн[иковая]) дов[ольно] бедна, но, вероятно, летом в значительной мере оживляет горы и наполн[яет] благовонием (теперь лишь арца или можжевельник); а из животной жизни можно указать на аргали, волков, лисиц, дик[их] кошек, хорьков и грызунов. В отношении пернатых список будет полнее: царственные пернатые — Vultur monachus, Gypaetus barbatus et Aquila nobilis, затем — черный ворон, Pica, Turdus ruficollis, Linota brevirostris, Accentor, Otocoris, Melanocorypha mong[olica], Columba rupestris, Bubo, Petronia, Caccabis hukar и немногие другие.*

Я добыл в орнитологическую коллекцию экспедиции две птички: кеклика и завирушку.

Покидая горы, мы еще раз остановились на высоком курганном кэрэксуре, который я подчеркнул и поставил на вид. От него сбегали плиточные погребения с иероглифами (не записан[ными] мною).

Лошади ходко направились к дому, до которого оставалось еще около 7—8 верст.**

---

* Только однажды я видел пищуху, переб[егавшую] от одной норки к другой; песчанок незаметно, хотя бугры с их норками имеются в долине с дэрэсу.

** В сумерках собаки встретили нас вначале лаем, а затем ласковым визгом и виляниem.

Вечер прошел незаметно. Мы не покидали седла в течение всего дня, сделав 40 верст маршрута, немного устали, и в 10 часов я уже спал крепким сном.

27/III, ♄. Утро и весь день (и ночь) t не спускалась ниже нуля, а поднималась до 12.6°С, хотя северо-западный ветер ослаблял впечатление тепла. Я окончательно решил развить лично мою деятельность в области палеонтологии и археологии именно в окрестности Гун-нора, в частности урочища Уха-обо с одной стороны и Ашигэт-хат и Улан-иргэ — с другой, а озеро Орок-нор с весен[ним] на нем пролетом птиц всецело поручаю Елизавете Владимировне — орнитологу экспедиции и препаратору Канаеву, придав им в помощь Ганчжурова в роли переводчика и в то же время такого же немудреного повара.

Сегодня Елизавета Владимировна, будучи у больного Ч[имит] Д[орчжэ], вела с ним, по моему поручению, беседы о старине: о могилах С[айн]-н[оин]-х[анов], Олун-сумэ, Ламэн-гэгэн и о следах военного лагеря в Ханкокшун, равно и о том, кто был счастливцем в добыче клада в урочище Мунгу-хапцагай. Все расспросные сведения она изложила отдельно, на листах «сведения». В то же время Гусев с Готоп Дорчжэ укатили на юг, на место раскопок «кладоискателей»*-монголов, 30 человек. Им было поручено (собств[енно] Гусеву) осмотреть следы раскопок и доложить.

Ранним утром мои сотрудники укатили, а вернулись только при Луне, к 8 часам вечера. Задачи моей не выполнили — помешала речка, наполнившаяся пришедшей сверху водой, сделавшаяся невольным заграждением. Мои сотрудники были близки к цели, но принуждены были после напрасных поисков переправы вниз на протяж[ении] 6 верст вернуться обратно, сделав до 50 верст расст[ояния]. Наградой за поездку был осмотр Гусевым оригинальных выходов (к ЮЮВ от Уха-обо), залегавших по левому высокогорному берегу, различных оттенков — до создания радужного тона и при разрушении ветрами создавших много пыли, отливающей радугой.

Серо-розовый к[рупно]з[ернистый] гранит часто разграничен зеленоватой, блестящей (слюдоподобной), гладкой поверхностью (сцементованной). Очень оригинально. Необходимо мне лично побывать там и исследовать район выходов. Почему-то монголы обратили на это место свое непросвещенное внимание, и Готоп Дорчжэ считал своим высоким долгом показать нам это каменно-цветное место.

Воздух пресыщен пылью, небо покрыто пер[исто]-слоистыми облаками, ветер тянет с сев[еро]-запада.

28/III, ☉. Барометр продолжает падать, небо хмуриться, а северо-западный ветер крепчать. Между тем t повышается: в 1 час дня — 15.3°С. Пойманы первые мухи, летавшие с приятным жужжанием. По словам монголов, на ледяной поверхности соседнего озера сидели прилетные водоплавающие, в тревоге.

---

* Говорят, найдена бол[ьшая] глин[яная] баклага серебра (мягкого, как олово, — «сырого»), были остатки ковров, тканей, но все это развеяно ветром.

Елизавета Владимировна с Готопом укатила в Ашигэт-хат, в ущелье с родником и Accentor'ами, еще с утра. Мои все спутники усердно заняты перекладкой, сортировкой имущества, деля его преимущественно поровну или приспособляясь к тому, что нужно для той или иной местности; так, например, лодка со всеми принадлежностями (сетью, драгой, лот-линем) направляется на Орок-нор, зарядов партии Елизаветы Владимировны также выделяю больше. Помимо орнитол[огической] задачи, я возлагаю еще и ботаническую, и географическую вообще, и сборы грызунов преимущественно, и всякого рода насекомых до ночников включительно.

Прибыли наши верблюды: подводчики накормили и напоили этих «кораблей пустыни» как надо. Славные малые оба подводчика, их верблюды превыше всех похвал.

Итак, очень скоро, можно сказать почти с начала апреля, экспедиция будет работать одновременно в трех пунктах: 1) Глаголев на юге, в низовье Эцзин-гола, 2) Елизавета Владимировна — на оз. Орок-нор и 3) я — в окрестностях Гун-нора. В высшей степени интересно, в какую форму выльется вся работа экспедиции и какого успеха в ней достигнет последняя в своей последней стадии?

Под вечер я поднялся на соседнюю вершину Уха-обо, отстоявшую от нашего лагеря в 600 шагах к западу, и при помощи отличного бинокля в деталях рассмотрел прилежащую широкую долину, преграждающуюся на юге темной грядой, за которой еще южнее тянется цепь М[онгольского] Алтая. Ближе ко мне идет в том же простир[ании] — от СЗ на ЮВ — второстеп[енная] гряда холмов, на вершине одного из которых стоит большое обо, рядом, к З, мал[енькое], а к западу — могильная плоская закругленная насыпь; так по крайней мере мне представлялось. У подножия этого холма, к западу, и залегали три ярко-серебристых пятна льда на ф[оне] Гун-нора и на двух его соседних частях, составлявших в общем одно болото. Только в одном (северо-восточном) углу среднего бассейна виднелся маленький участок или полоска воды; птиц я не видел ни одной, лишь парочка черных пташек (габит[усом] и велич[иной] напом[инавших] скворцов) пронеслась быстро (от СЗ к ЮВ), попав в поле зрения бинокля, которым я обозревал долину болот и Гун-нора.

От обо широкая панорама открывается глазу: на юге сист[ема] М[онгольского] Алтая, на западе — Ашигэт-хат, на севере — пустынный хребет (его часть к Гоби) Хангая с доминирующей вершиной Хан-кокшун-ула. Всюду на золотом фоне долины бродили стада домашнего скота — табуны лошадей, отары баранов; в других местах разрозненно паслись верблюды; в укромных местах стояли айли.

Отсюда же я увидел и моих экскурсантов, возвращавшихся из Ашигэт-хат, — и Елизавету Владимировну, и Готопа. Мой орнитолог в восторге от самих гор Ашигэт, но не от результата охоты, так как привез лишь пищуху, завирушку и овсянку Godlewskii, да еще в придачу массу клещей, пробравшихся всюду в Елизавету Владимировну — и в платье, и в тело, в особенности в голову, в волосы, откуда вытащила не один десяток. Говорят, в нашем месте их немного, но повсюду кругом — масса: «Клещи одолели!»*

---

* У нас везде клещей много: я и мои спутники то и дело снимаем с себя (главным образом с головы) этих неприятных «тварей», как говорит наш забайк[алец] Ганчжуров.

Вечером пустили несколько ракет, чем доставили неописуемое удовольствие нашим соседям — детям монгольской природы. Действит[ельно] они, как дети, громким криком сопровождали появление и движ[ение] всяк[ой] ракеты.

29/III, ☽. По вечерам с криком носится кругом нашего лагеря сова, вероятно ушастая.

Погода прежняя — теплая, температура выше нуля круглые сутки; небо подернуто тонкоперистыми облаками, воздух насыщен тонкой пылью, дали сокращены.

Наша жизнь течет обычным порядком, Елизавета Владимировна лечит и работает в своей специал[ьности] орнитол[ога]. Наши соседи относятся к нам прекрасно. В особен[ности] сам глава, которого лечит мой Пшевик. Узнав мои интересы, Готоп Дорчжэ несет все, что было у них «заветного, старого», несут интересный подъемный материал, несут памятные изделия лучшего монгольского творчества. Мое собрание по археологии растет с каждым днем. Любопытна работа подвесок, одного из гэгэнов, любителей [искусства] (заин-банди-гэгэн, лучший, талантливый дархан), свыше ста лет тому назад.*

Я пишу, занимаюсь, принимаю гостей и их подарки — всякого рода материал: геол[огический], археол[огический]. Усердно собираю караван на оз. Орок-нор, так как подходит пора весеннего пролета птиц.

Проводив Елизавету Владимировну, надо позаботиться о снаряжении моей археол[ого]-палеонтол[огической] партии.

К вечеру караван моего Пшевика готов: 10 вьючных верблюдов, 3 верховых и 2 лошади, Серко и Рыжко-новый, на которых поедут Елизавета Владимировна и препаратор Канаев. Собаки — Монгол и Чуфр.

Странно, что Ч[имит] Д[орчжэ] трогательно попросил карточку моего Пшевика — «доктора». А мне было странно, неожиданно вдруг разделять мой караван на две части: на мою — Гун-норскую и Елизаветы Владимировны, или Орок-норскую, «историческую» и «естественную».

В сумерках мы навестили нашего больного приятеля, зашли поговорить, посмотреть на него, а Елизавета Владимировна и попрощаться. Славный Чимит Дорчжэ несколько раз повторил просьбу: подарить ему наши портреты — так культурно, чутко. Мы трогательно простились.

Все, все готово у моих орокнорцев. Им дано 1500 м[елкой] д[роби], анероид, 22 термом[етра], часы (запасные).

Ночь облачная, с частыми порывами иногда крепкого ветра, minimum –3.4°C.

30/III, ♂. Холодновато, облачно, серо и пыль по горизонту. Мы все на ногах ранее обыкновенного. Орокнорцы в озабоченном состоянии собираются в дорогу, и, как часто водится, «нет лошадей»: ночью куда-то ушли, а может быть, и пасутся поблизости. Так и вспоминаю описание Г. Н. Потанина: «Мы опоздали с выходом каравана, у нас исчезли лошади!»

---

* *Вероятно, имеется в виду ювелирное украшение работы одного из перерожденцев Зая-пандито-гэгэнов, правителей сейма (аймака) Цецерлик. (Прим. сост.)*

9 часов 30 минут, сейчас я с Гусевым возвратились с места обо, где распрощались с нашим Орок-норским отрядом, вверенным моему спутнику — старш[ему] помощн[ику] Елизавете Владимировне Козловой в составе препарат[ора] Канаева, переводчика и повара Ганчжурова при двух погонщ[иках] верблюдов, монголов.

Ко мне явился Готоп Дорчжэ, и мы с ним обсудили план наших предстоящих работ в области археологии, палеонтологии и исследов[ании] живой монгольской природы.

Во исполнение обещания Чимиту Дорчжэ и его сыну Готоп Дорчжэ сегодня я подарил им оба наших (мой и Елизаветы Владимировны) портрета «на добрую память монгольским друзьям».

Теперь с Гусевым надо приняться за новую сортировку экспедиционного имущества, что мы и начали делать и до обеда, и после него. Наш приятель уступил нам два ящика с замочками и с ящичками, довольно удобные, за десять м[ексиканских] д[олларов].

Наш лагерь заметно опустел, сократился, нет прежнего оживления. Мне лично сегодня даже очень грустно, главным образом потому, что уехала моя помощница, друг Елизавета Владимировна, охотно и легко принявшая на себя ответственную самостоятельную задачу.

Я писал и в то же время наблюдал за новой сортировкой багажа. Следовало все оставшееся разделить на три части: первую, сообразно со временем и требованиями, выделить в поле, на раскопки, вторую — для моих деловых наездов в лагерь и жизни в нем и третью оставить на базе в виде резерва на обратное возвращение экспедиции.

Барометр падает еще ниже, ничего хорошего не предвещает. Ветер меняется, меняются и облака: то перистые, то слоистые.

Сова летает вокруг лагеря с тревожным криком; собака Гароль изредка лает. С полуночи задул сердитый норд, принесший к утру снежную пургу.

31/III, ☿. Утренние показания воздушного явления таковы: t –7.0, [ветер] северный, 1—2 [балла], [облака] сл[оистые], 10. Снег. Бр-р! Все мои мысли с караваном Елизаветы Владимировны, с ней самой. Бедные мои спутники переносят весенний буран в открытой равнине, мерзнут, бранят Монголию, ее крайности. А нам на месте все же ничего: юрта и печь спасают. Монголы все время на ногах — зорко смотрят за табунами лошадей и верблюдами, чтобы не отбились от косяков. И стад[ных] баранов вовсе не отпускают от стойбищ, и поят молоком ягнят, содержимых в юртах вм[есте] с хозяевами.

Весь наш багаж, находившийся вне юрт или палаток, сплошь занесен снегом, и подле нас расположились целые сугробы. Вновь, на день-два, пришел сильный зимний холод, Сегодня я с утра до 3—4 часов дня писал письма Людмиле Александровне Алеевой, Володе, Бадмажапову и в Монценкоп, в Хан-кокшун-улэн-хошу. Надеюсь, и Ленков и Чижов откликнутся скоро и скоро же пришлют мне свои вести и почту из Заиншаби.

Топим в течение всего дня, безостановочно, а холодно так, что я сижу в зимнем полушубке, не расставаясь с ним ни на минуту. Холодно кругом,

всем плохо, все недовольны климатическими резкостями, однако нет худа без добра — исчезли мерзкие хачики — клещи, которые ползали всюду и внедрялись не только в одежду, но и в тело человека.

Ночью глубокое небо представлялось чудесным, ярким-ярким. С выхода из Хангая мы не видели такой прозрачности воздуха. Снег под ногами хрустел, мороз, однако, не трещал. Кругом стояла ничем и никем не возмутимая тишина.

Апрель 1-ое, 1926 г., 2. Утро рассвело солнцем, даль глубока, высь нежно-голубая, t воздуха ниже 0, –12.6°.

Проснувшись, я тотчас подумал: «А что мой Пшевик, как он спал в палатке, вероятно, зело мерз?». Как я, так и он мы сильно думаем друг о друге. Иначе быть не может! В[асилий] «Гусь» разжег мне печь (аргалом) и лишь ушел от меня, как ко мне уже стучатся Готоп Дорчжэ* и его сестра — девица Сандолун с серебряным домбо с горячим чаем, а Готоп Дорчжэ — со шкурою жеребенка в дар мне для подстилки в палатке.

Признаюсь, Готоп Дорчжэ надоел мне своими частыми бездельными посещениями: придет, сядет и смотрит за всеми моими действиями. Только одно спасает меня — игнорирование мною Готопа и писание. Он сидит, сидит и, наконец, зевнет раз-другой, потянется во всю ширь, встанет и молча уходит. При мне — монгольский мальчик Сухо-батыр для услуг и больше никого. Мои сотрудники заняты своим делом.

С утра мне продолжают приносить камешки и всякого рода подъемный материал в Гоби.

Около 11 часов утра я отправился с ответным визитом к среднему сыну Ч[имит] Д[орчжэ] — Чойнбыль Дорчжэ, до которого в восточно-северо-восточном направлении было всего 2 версты. Еще дальше за ним стоит обо, на вершине холма под названием Мунку-тологой.

Стояла отличная погода, но было очень холодно. Айль Чойнбыля приютился в лощине, скрытно. Хозяин ждал нас, часто поднимаясь на со-с[едний] бугор. Наконец, мы у богатой юрты и внутри нее самой. Дородная, нарядная хозяйка встретила с улыбкой и указала место, где сесть. Приветствие, чай, подношение подарков: ему — бинокль, ей — кусок парчи, мальчику — ножичек, птицу и другие безделушки, и всем, конечно, поднесено при хадаках.

Потом я снял две пластинки: чету Чойнбыля и его юрту со многими [близкими] (в пешем и конном строю).

В беседе с Чойнбылем я еще больше убедился в справедливости того научного интереса в смысле палеонтолических (ископаемых) изысканий, которые нас ожидают. И не только рыхлый материал, но и «крепкие кости», подобно камням. Да, занятная, в высшей степени занятная картина; все то, что впереди, полно великого восхищения.

---

* Всех сыновей у моего соседа-приятеля Чимит Дорчжэ три — старший Таши-Пунцук (лама в С[айн]-н[ойн]-к[урэ]), средний Чойнбыль — заместитель отца, избранник народа, старш[ий] в хошуне и, наконец, мой сотрудник Готоп Дорчжэ; дочь одна — самая младшая, подросток, 13—14 лет (бойкая, с черными, блестящими глазами).

И тут приносили ко мне всякого рода «подъемы» и в смысле геологич[еском], и в смысле археол[огическом]. Пообедав, я стал собираться домой. Хозяева поднесли мне и Елизавете Владимировне подарки: он — серебр[яную] крышку на кит[айскую] чашку, а она: мне — чжинцэ-чулу,[257] Елизавете Владимировне — белую, с серебр[яной] вышивкой шаль. Все честь-честью. Я со своей компанией укатил домой. Тут, у астрон[омического] столбика, произвел ряд или целый круг засечек, взял азимуты на все выдающиеся горы и горки, перевалы и обо, в особенности на те, вблизи которых будем работать.

Гусев все время возится с укладкой, Цэрэн — с лошадьми.

Был у меня Чойнбыль за лекарствами для малютки, а перед сном я навестил Ч[имит] Дорчжэ, посмотрел на его паховое вздутие, дал лекарства и ушел к себе на отдых.

Ночь тихая, ясная, холодная, с minimum в –11.4°С.

2/IV, ♀. Утро такое же, но не такое холодное, как вчера. На приглашение Самарина я с удовольствием откликаюсь — еду в сопровождении присланного монгола (на верблюде).

Ч[имиту] Д[орчжэ] велел сказать, что я решил не расставаться с моими спутниками и еду с ними, со всем моим лагерем и моим походным кабинетом. Готоп доложит своему отцу.

В 9 часов утра я поехал по направлению Хан-ула, т. е. азимутом 255°, держась севернее этого темного, с седлом массива. Мой дневной переход в течение 8 часов вышел ровно в 50 верст и привел в очень интересный уголок — Чамалхайнэн-худук с еще более интересными обитателями.

Сначала я шел долиною Гун-нора, некогда покрывавшего собою большую площадь, затем вступил на речку с долиною Гардин-гол, берущую начало в горном плато из сильных родников. Настоящая речка прорвала горную гряду и стремительно несется в восточно-юго-восточном направлении, впадая или разливаясь в болота.

Далее мой путь шел крайне пересеченной местностью с рядом дорог, идущих из пустыни Гоби в монастыри Сайн-ноин-курэ и Ламэн-гэгэн. То и дело попадали караваны, следовавшие в различных направлениях. Крылья гор Ашигэт-хат и Хан-ула касались друг друга.

Как уже и говорил раньше, Ашигэт сложен почти исключительно из гранитов, Хан-ула в целом из темной породы (геол[огический] сбор № 58) — роговообманковый сланец.

Поднятие вроде ряда мягких перевалов отделяет Гун-нор от урочища Чамалхайнэн-худук.* От этого последнего на ЮВ, юг и ЮЗ открываются горные цепи: самый отдаленный хребет — Монгольский Алтай с доминирующими вершинами Ихэ или Барун-богдо и Бага-богдо, видневшимися в пыльной дымке, сквозь которую сверкают лучи снегов. Ближе к нам, севернее, тянется параллельно Монгольскому Алтаю темная или бурая на вид пустынная гряда под названием Ушик-убур с долиною Куйтун. Над Ушик-убур трапецией, позади, южнее, встает отдельный массив. И, наконец, всего ближе к нам маленький горный «челнок» — Тэг.

---

* Самарин передал его название.

Глубина до воды (от поверхн[ости] земли) 1 саж[ень] ½ арш[ина], мощность водного горизонта ¾ арш[ина], прекрасного качества.

Хан-ула видна от колодца и палатки Самарина так же хорошо, как и от нашего обо — Уха-обо, такой же темной, седлообразной вершиной с обо, видным, впрочем, только тогда, когда проезжаешь по соседству. Пустыня, настоящая пустыня, убегает от Хан-ула, в особенности в южном направлении, я бы сказал, и в юго-восточном.

Именно в эту мою экскурсию я как-то сразу увидел С[еверную] Гоби и окунулся в нее.

Местами залегали больших или меньших величин камешки различных оттенков. Их собирают даже монголы и складывают и хранят подолгу, а дети играют, словно в игрушки. По сторонам, у дорог, сложено немало вышек, обообразных указателей дороги.

По части кэрэксуров бедно: ввиду Х[ан]-ула, на темных высотах, покоится темный квадр[атный] (20×20) кэрэксур, снятый мною фотографически.

Ко мне приходили монголы, знакомые соседи Самарина. Один из таких монголов, по имени Самбагарва, мне очень понравился своею любознательностью, предприимчивостью. Да и немудрено — он доктор, «эмчи». У него в ящиках сложены всякого рода, как он говорит, «материалы», пригодные для лекарств: и голова с шеей бор[одача]-ягнятника, и змея, и рыба, и летучая мышь, и камешки, и сладкие•деревца (вроде сараны), и многое, многое другое. Но что самое главное — это кости, частью окаменелые, взятые им путем раскопки камней в урочище Баин-улан-цап и целиком преподнесенные мне. В высшей степени интересные!

Вот привезу я работы для наших палеонтологов!

Местность Баин-улан-цап отстоит от Чамалхайнэн-худука на юго-восток (169°), в 40—50 верстах. Далее на юг, в 20 верстах от первых залежей костей, лежит урочище Лун-тэг, тоже богатое ископаемыми. Самбагарва все-все знает и даже камни с надписями (юго-запад), но ленив и важен, так как дов[ольно] богат.

3/IV, ♄. Утро полуясное, с ветром, позднее, небо сплошь укрылось слоистыми облаками, а ветер с СЗ дул с большой напряженностью.

Я с двумя спутниками сделал экскурсию в долину Куйтун. Обогнув черный «челнок» с запада и склонив путь к югу (из юго-западного), достиг дна Куйтуна с соленой влагой. На левом берегу, в отдалении к югу, стояла плиточная могила с изображением из гранита человека, от которого к нашему времени осталась лишь голова и основание. Все прочее (из темного к[рупно]з[ернистого] гранита) разбито монголами-хулиганами. Одного такого «остолопа» мне показал сам отец-монгол, при мне за обиду сестренки поколотивший этого повесу, 16—17-летнего сына. Меня он сразу зауважал и держался на почтительном расстоянии, когда я был у его отца, но в наш лагерь (у Самарина) не явился.

Затем, при возвращении к дому, я заехал с южной стороны Тэга, к его подножию, у которого вдоль залегали могилы с темными, из камней, насыпями. Таких могил восемь; одна из них, предпоследняя на западе, отличается высотою, простирающейся в сер[едине] до 1 саж[ени]. Южнее западной окраины лежат четыре кэрэксура: с южной квадратный, потом круглый, за-

тем вновь два квадратных. Всего мною отмечено у южной стороны Тэга 12 могил, 13-я (кэрэксур) лежит с западной окраины.

На таких наблюдениях моя экскурсия в 30 верст и окончилась. Было холодно, и мы по дороге заехали к Самбагарве, который вновь показал мне много всяких камешков.* Последние — блестящие, красиво отделанные, отшлифованные самой природой, очень занимательны.

Тут же он просил меня снять фотографию с его домашнего алтаря — бурханов и т. д.

Вечером я кое-что спрашивал у Самарина, как торговца, о закупках в Гоби сырья. Он в год приобретает шерсти: бараньей 40 тыс[яч] чинов,[258] верб[люжьей] — 10 т[ыся]ч, шкурок сурка около 3000 шт[ук], кож до 100, овчин 5000, пушнины — кошек дик[их] — 150, лисиц — 100, волков — 50. За покупку товаров выплачивает деньгами — ⅖ [стоимости], товаром (предметами необходимости) — ⅗. Самаринская палатка в пустыни Гоби считается одной из лучших.

У Самарина больше всего и дик[их] кошек, которые живут в скалистых горках, в норах и питаются преимущественно мышами — мелкими грызунами.

Ночь полуясная, с порывистым ветром от севера или сев[еро]-запада.

4/IV, ☉. Облачное с утра небо очистилось совершенно к полудню, когда я готов был выехать домой. До отъезда снял состав служ[ащих] и раб[отников] Самаринского подотделения и затем навестил Самбагарва и заснял его бурханы.

Мой путь был тот же, что и в первый раз. Только спутником был другой монгол, верхом на лошади. У Хан-ула, с запада, я остановился, снял ее. Потом с СВ тоже остановился на возвышении в виду Х[ан]-ула с кэрэксуром, который также снял. И третий снимок — вид вообще на пустыню, слабо пересеченную, с набросанными по увалам глыбами гранитов, словно на дне морском обточенных волнами. К СВ виднелся гребень Ашигэт-хата. На юге горизонт замыкался слабо выраженными в дымке горами, высотами или просто слабыми округлениями песков.

Из жив[отной] жизни отмечены в знач[ительном] количестве цаган-цзэрэ, а из птиц — сарычи (светлые снизу). При самаринском стойбище впервые в этом году наблюдалась белая плиска (прилетная).

Долину Гун-нор мы пересекли в сумерках. В ее середине паслось несколько стад ц[аган]-цзэрэ, по соседству с одним из них собаки пожирали остатки быка или лошади.

На смычке Хан-ула и Ашигэт-хат в горах, разорванных руслом сильного родника с большою струею воды (еще замершей), поили большой табун (ату) лошадей.

Когда мы поднялись на высоты Эха-обо, стемнело окончательно, и мы не сразу попали в наш лагерь, а проплутали без малого час, кружась у истинного места. На наши окрики лаяли собаки, которые и выручили нас из очень неприятного положения.

---

* Среди кварца или мрамора белого (в уроч[ище] Ашихтэ-хат, а также в Тэге) — кубики магнит[ные], железн[ые].

Я уже собирался где-либо внизу устроиться на ночевку, но судьба покровит[ельствовала] по-прежнему: я был у себя, в родном биваке, в теплой юрте. На столе-ящике у меня лежала почта, пришедшая в мое отсутствие из дома. Я не спал до 2 часов ночи, выли волки.*

5/IV, ☽. Сегодня мой сосед кочевал на новое место в направлении наших работ по палеонтологии. На месте своего стойбища оставил две юрты обслуживать нас. Послезавтра, 7/IV, поедем и мы в место наших работ, новых достижений в новой области науки. Мой самаринский спутник укатил домой, повез письмо С[амарину] и подарки Самбагарве (парчу).

Мои люди возятся с укладкой багажа, подбирают все и приводят в походный порядок. Завтра мне предстоит приготовить небольшую почту: полпреду, Володе и ученице В. А. Г[лищинск]ой, а сегодня заняться укладкой птиц и костей, привезенных из поездки в С[еверную] Гоби.

Сегодня барометр стоит неважно, дует крепкий западный ветер — обычное явление в Монголии, в особенности весной. А что с озером Гуннор? Когда оно проснется и примет прилетных странников?

Но пока кругом картина очень грустная, неважная, серая, монотонная, тихая, воздух пресыщен пылью, и атмосфера имеет желтоватый оттенок, а солнце проглядывает бледн[ым] диском.

6/IV, ♂. Ночь полуясная, с порывистым северо-западным или южным ветром. Утро тоже. По уходе юрт Чимит Дорчжэ из нашего близкого соседства у нас совершенно тихо, одиноко.

Пора переселяться и нам на новое место, пора приступить к новой деятельности. А пока что надо написать письма: полпреду и всем тем, о которых упоминал вчера.

Жду от орокнорцев весточки, как-то они там устроились и в каком состоянии нашли самое озеро и на нем проявление весенней жизни пернатых? Что же касается моей южной, хара-хотоской партии, то она так далека и так молчаливо сидит там, что подолгу забываешь о ее существовании.

Сегодня очень теплый, хотя и ветреный день. Сильный или крепкий ветер с запада не охлаждает воздуха, температура которого в тени в 1 час 17.0°, а делает его очень приятным. Показалась первая травка, которую так ретиво щиплют бараны; ползают черные маленькие Carabus, и залетают обыкновенные мухи. Весна идет, хотя и медленными шагами.

Сегодня я написал всем трем, кому предполагал, надо еще написать В. П. [Бурдуковскому] и Чижову (препроводительное). Не знаю почему, но очень хочу получить письмо от В. А. Г[лищинской] со взгляд[ом] Pelliot.

Итак, завтра с утра в дорогу, на восток — «вперед», как мне когда-то написал на фотографии друг Н. М. Пржевальского И. Л. Фатеев — «Вперед, юноша!» Да, много времени прошло с тех пор, но как сейчас вижу и комнаты (№ 5 и № 6) в Столярном, и родные близкие образы Пржевальского и Фатее-

---

* На озере Гун-нор 4/IV показались серые гуси и турпаны, тотчас улетевшие в северн[ом] направлении.

ва и слышу их оживлен[ные] дружеские беседы, голоса. Такие воспоминания дороги, приятны, но в сильной степени тяжелы и мучительны нравственно. Тяжелы и мучительны потому, что давно нет светлых ликов и умных голов моих учителей.

С вечера прибыл Готоп с верблюдами и погонщиками. Все идет как подобает, у нас все готово, и есть основание думать, что завтра пойдем в Холт, к основной своей задаче.

7/IV, ☿. Воздух дов[ольно] теплый, насыщен пылью, поднимаемой западным, северо-западным или северным ветром. Именно сегодня, с утра, дул ветер от запада, к полдню сильно крепчал и перешел в северо-западный, а после 3—4 часов, словно буря, — от севера. Даль совершенно закрылась, и мы шли, можно сказать, ощупью, в особенности вторую часть (меньшую) перехода, после перевала у Готэнтэн-сончжэ.

С места, от Уха-обо, наш караван в 13 верблюдов шел почти на восток по слабопересеченной местности полупустынного характера, тогда как я сам с Цэрэном и Готопом взял севернее, мимо обо, по направлению к колодцу Хара-нюдун-худук (5 верст). Здесь попоили лошадей и поехали к поперечным невысоким горкам, у западных отрогов которых, у их подошвы, в урочище Нарини-хадатэ был расположен айль Чимит Доржэ. Тут я посмотрел больного, подкрепился и поехал дальше — наперер[ез] черной гряде, постепенно склоняясь к востоку-юго-востоку, к большой дороге. У перевала, представляющего собою сев[ерное] подножие гор с могилой — сончжэ, мы, полюбовавшись погребением на вершине Готонтэн-сончжэ, начали спускаться вниз, постепенно заворачивая к юго-востоку. Вскоре мы вступили в русло (безводное), по которому, чем ниже, тем чаще начали встречаться глинистые или конгломератовые обрывы; иногда на конгломерате покоились всяких оттенков глины с моллюсками и остатками скелетов вымерших животных форм.

Таким образом дошли до того места, где мой приятель Чим[ит] Д[орчжэ] сам копал и подарил мне и зубы, и другие кости ископаемых. Урочище это мне назвали Холт.

Мы дошли до родниковой воды и разбили бивак. Ветер с силою бури не давал возможности поставить юрту. С бол[ьшим] трудом мы это сделали силами всех участников.

По дороге сюда мы у колодца Хара-нюдун видели труп монгола, который жрала черная собака; в соседстве сидели в трех местах бурые грифы, ожидая своей очереди. Невдалеке на трупе барана сидел степной орел.

В этот же день я наблюдал чеккана (Saxicola oenanthe(?) или isabellina), трех гусей серых и пару турпанов.

Повсюду виднелись стойбища монголов и их скот: лошади, бараны, коровы, и по-прежнему все это ютилось в укромных, защищенных от ветра местах.

Я упомянул о могиле на вершине Готонтэн-сончжэ, она историческая, хранит прах влиятельного покойника, который желал быть вознесенным на такую высоту, с которой был бы виден Пекин. На соседней вершине — большое обо и ряд второст[епенных], маленьких.

Эта вершина-могила видна нам и с места нашей стоянки в урочище Холт.*

Ночь полуясная, холодная с minimum в –12.5°С.

8/IV, 2. Утро тихое, ясное, прохладное. Я еще лежал в постели, как ко мне принесли интересный зуб (один из монголов). После чая и я отправился на рекогносцировку местности — вниз по речке, где рядом выступает обрыв, справа, № 1 (правобережный); в нем Ч[имит] Доржэ находил некогда зубы, которые недавно и преподнес мне мой приятель. По соседству с 1-м, правобер[ежным], обрывом, немного пониже, выступает другой — 1-й левобережный. В нем беглый осмотр дал: головку (верхн[юю] челюсть) грызуна, моллюсков и след (выход на поверх[ность] сбоку) порядочной кости, а вверху — остов рога (Gazella) и т. д.

Пока что с утра, во время рекогносцировки русла с обрывами, я ограничиваюсь сбором так называемого подъемного материала.

Еще вчера, подъезжая к месту лагеря, я нашел вымытый водой шейный позвонок — это первая находка. Не позвонок ли жирафа?

А сегодня: зубы, остов рога и ряд отдельных костей. После рекогносцировки мы до обеда устраивали лагерь, повесили Barometer, рассчитали подводчиков, пообедали и приступили к раскопкам вершины правобережного (№ 1) обрыва, где вскоре были обнаружены (на 6-вершк[овой] глуб[ине]) части костей животного, а по соседству, в сам[ом] обрыве, наполовину ближе к лагерю — блест[ящие] зубы и огромные клыки кабана(?). Не найдем ли дальше и головы?!

Предварительно я снял фотографию (с обрыва) общей местности. Позднее, когда солнце переместилось (в 16 часов дня), я навел, а Гусев снял меня у обрыва № 1 (левобережн[ого]).

Гусев поднимает материал с той же прежней глубины и в числе матер[иала] огромные клыки и тоже блестящие.

Сегодня к нам в соседство прибыла одна юрта — сестра Ч[имит] Д[орчжэ] с двумя детишками, малым стадом овец и ягнят с козочками, в заключение — со сворою собак (собачек 4).

Первый день раскопок меня очень удовлетворил: мы сидим на обрыве № 1, прав[о]бер[ежном]; Гусев с Фу-чином сидят на прежнем месте, Цэрэн тоже. И там, и тут большой успех. По-видимому, Ц[эрэн] — на месте головы [животного], так как он добыл много зубов и частей черепа, Гусев — много костей тоже от головы и бивни очень значительных размеров. И тот и другой по моему указанию ведут раскопки в одном горизонте.

С 1 часа дня раскопки продолжались до 6 часов (18) и дали массу материала. Пока что будем сидеть на первом номере п[равого] б[ерега], его исследовать.

Монголы (Готоп и его спутник) нам помогали. Вечером, получив награду, укатили домой.

В соседстве с нами пара турпанов — привыкают, не боятся. Утром журчала речка, которая вечером замерзла, особенно основательно к утру, когда температура опустилась до 13.5°С мороза.

---

* Как видна и рядом стоящая вершина с обо. Кругом нас вершины с обо.

9/IV, ♀. Небо ясное, воздух едва стремится от СЗ, холодно, тем не менее жаворонки проснулись с первыми лучами солнца и будят звонкой песней мертвый сон пустыни. Пара турпанов огласила воздух. Мои спутники ставят палаточку, так как моя юрта сплошь завалена находками ископаемых. Вечером сегодня надо начать их укладывать.

По-моему, в обоих случаях (Г[отоп] и Ц[эрэн]) мы наткнулись на места с головами, так как попадаются кости черепов и бесчисленные, аналогичные с подарочными Ч[имит] Д[орчжэ] зубами — блестящими, крепкими.

Надо исследовать наше русло выше и ниже лагеря, ниже наших первоначальных раскопок; это важно и необходимо сделать.

Я ходил вверх, выше начала воды: ничего интересного пока не видел по части ископаем[ых], а из птиц отмечал гуся, обыкн[овенного] здесь и по Толе, пару дроф, черногорл[ого] чекана и Accentor(?).

Мои по-прежнему работают и с успехом, в первом п[раво]б[ережном] продолжают раскопки. Попадали и теперь попадают больше кости от черепа. Сегодня найдена часть челюсти с зубами — массивная челюстная кость. Выше, вчера, она также попалась (но не такая выразител[ьная]). Впереди предстоит извлечение больших костей (в верхней части, по соседству с Гусевым).

Вообще говоря, и большие, и малые кости, и зубы, и бивни или клыки (вначале) чередовались и продолжают чередоваться между собою в первом п[раво]б[ережном] обрыве то среди сплошной, мелкой, красноватой глины (Гусев), то среди глины и конгломератов, перемешавшихся между собою настолько плотно, что раскопку производить очень затруднительно, к тому же земля подмерзает вообще, в особенности без влияния ☉ у северных сторон.

Сухость воздуха крайняя; северные ветры от северного горизонта еще больше сушат и поднимают вверх тучи пыли, которая пронизывает воздух и сильно омрачает его. Однако к вечеру в большинстве случаев ветер стихает; ночи тихие, в течение ночей пыль ложится на землю, оседает, почему по утрам всегда бывает тише и светлее и горизонт с далями глубже.

10/IV, ♄. Минувшая ночь была сравнительно нехолодная. Ясно, тонкоперистые облачка незначительные, плывут в юго-восточном направлении.

Мой Гусев перебрал палеонт[ологические] находки и начинает их укладывать. Я решил поступить так: наиболее выразительный материал, как например части от головы, наиболее крупные или с загнутыми краями, не говоря уже про зубы, зубы в челюсти или бивни, будем складывать в отдельный, лучший ящик, остальной — с подразделениями — будем складывать в ящики собственного изготовления.

Я решил сидеть именно на первом п[раво]б[ережном] обрыве до конца, только потом перейду на л[ево]б[ережный].

Меня в то же время очень интересует «важный покойник», «смотрящий» с вершины на Пекин. Не менее того интересует и каменный человек «с письменами» — меня все в этой неисследованной местности интересует, и я готов провести в ней целое лето. Хотя, говоря откровенно, общий вид серой безотрадной полупустыни или даже пустыни, почти всегда подернутой дымкой пыли, очень печален. Только один успех скрашивает обстановку, и постоянное звонкое пение жаворонков по утрам вносит приятное оживление.

Верхний слой земля — 1 арш[ин].
Следующ[ий] — конглом[ерат] — 1 [аршин].
Красн[ая] глина — остальное.

Сегодня с ран[него] утра тянут чибисы вверх по речке, стайками в 5—6, а то и меньше особей.

Сегодня же к нам едут и едут (снизу и сверху) монголы — соседи или попутные.

Настоящим днем я очень доволен, во-первых, за добычу нового материала: ног (их частей) и впервые — ребер. Кроме того (у Гусева), попадались части от головы и, по-видимому, с мозгом. Такой образец нами включен в общей палеонтол[огический] сбор. Помимо этого, назавтра оставлено интересное место с выходами костей.

Более нежели в первые дни констатировано, что лучшая сохранность костей объясняется мерзлотой, в которой вообще хранится костяк. Мерзлота начинается с ¾ арш[ина] под плотной красноватой глиной и в конгломерате, это плюс, но есть и минус — обвалы (их начало — трещины), которые ломают, дробят кости, в обвалы-трещины и проникает сырость в виде леденистого инея толщиной в линию. По крайней мере, согласно нашим наблюдениям.

Завтра попытаюсь снять и общий вид прав[о]б[ережного] обрыва, и деталь — наши раскопки. Это следует сделать! Получим своего рода показатели работ и местонахождение ископаемых.

Вечер особенно приятен: тихий, ясный и сравнительно теплый, t воздуха 5.5°С.

Я долго гулял. В соседней палатке, у моих спутников, теплится огонь, слышна их мирная беседа. Они сжились друг с другом. Чуется близость конца путешествия. Они, как и я, отлично понимают важность нашей современной, последней работы, успех которой всех нас бодрит и вселяет надежду на сознание исполняемого нами долга.

Ночью долго лаяли наши собаки — чуяли соседство волков, которые сильно подвывали и этим самым еще больше дразнили нашего Гароля.

11/IV, ☉. Сегодня утро прохладнее: minimum –2.0°; ветер северо-западный, слабый, небо подернуто тонкоперистыми облаками. Что день грядущий нам готовит?! Конечно, я думаю в области моих работ по раскопкам интересного, неведомого мне зверя — ужели огромного кабана? Ведь это будет очень интересно.

Утром в верхне-средней части были извлечены тонкие роговые кости, напоминающие копытце. Вчерашние еще стоят в мерзлой земле. Около 11 часов буду фотографировать очень интересные огромные ребра, продолжающие попадаться и сегодня.

Гусев «сидит» на голове. Таким образом, головы имеются в обе стороны.

Высота обрыва от 9—10 футов, основание, или горизонт, где лежит костяк, около 4 футов (от поверхности дна русла). В районе работ Гусева почва смыта и костяк лежит от 6 до 8 вершков от покрова, местами у самого покрова, несколько костей даже выдавались в виде маленьких бугров или возвышений. По мере удаления к головной части работ обрыв постепенно повышается. Это хорошо видно на фотографических снимках.

Сегодня же после обеда одновременно попались очень интересные косточки: у Гусева — круглая, с выступами, словно шарнир, и три тоненьких, округлых, а у Цэрэна — изящная бабка. В общем, до обеда много изъяли, но после — туго, оба подготовляют почву назавтра.

К закату солнца прибыли на наш бивак подводчики, вполне удовлетворительно доставившие моих орокнорцев на место. Елизавета Владимировна письмом от 5/IV доносит, что путь от Уха-обо до Орок-нора крайне пустынен, к тому же по дороге они выдержали сильную бурю, но что с приходом на большое озеро Орок-нор все оживились. Несмотря на то что в общем бассейн еще лежит подо льдом, а водные полосы волнуются у берегов и выхода родников, весенняя жизнь бьет ключом. Прилетные птицы в виде лебедей, гусей, различных уток дают о себе знать не только видом, но и голосами, каждый по-своему. Описывая впечатление от скопления пернатых в одном месте, [пишет] о том, что из двери палатки видна не только гладь озера, но и прилежащие горы, в особенности красива и горделива гора Багабогдо, но самое главное — видно летающих над Ор[ок]-нором множество птиц, которые ласкают глаз и радуют сердце, [от чего] приходишь в большой весенний восторг.

«Сейчас, под вечер, — пишет Елизавета Владимировна, — слышен крик лебедей-кликунов, нежное "трюк-трюк" шилохвостей и непрерывный крик свиязей. Турпаны летают все время со своим стоном. Аскания — да и только, но лучше Аскании, ибо из двери палатки открывается беспредельная гладь озера, за которым вздымается белая Бага-богдо. Чудесно, просто чудесно!».

Подводчики до конца дней были порядочными, усердными людьми, и я решил им доверить небольшой пакет в Монценкоп. Я пишу с просьбою осведомить не только Географическое общество, но и Академию, и состав Зоологического музея АН о всей деятельности вверенной мне правительством экспедиции. Помимо моего письма для Володи и препроводительной записки П. П. Чижову в пакете заключено и письмо Елизаветы Владимировны на имя ее матери в Х[арбин].

12/IV, Ɔ. Утро серенькое, грязное и потому прохладное в сравнении с предыдущими. Вначале девятого часа мы расстались с нашими подводчиками, одарив их серебр[яными] долларами. Подводчики в восторге от Орокнора, говорят: «Гадцэр сайн-байна, убустэ, усутэ!»[259] Я им показал наши находки, они «чмякали», ахали и делали свои замечания, очень удачные, между прочим, по отношению определения костей ископаемых. Все монголы, которые видят нашу добычу, в один голос твердят: «Это кости луу — дракона», удивляются.

Если бы подвернулся автомобиль, я непременно скатал бы в ту или другую сторону — и к Елизавете Владимировне, и к своим соотечественникам в Сайн-ноин или Уйцзэ-ван.

Сегодня Цэрэн принес моего подстреленного гуся, лежавшего на дне русла Холта, у заберега. Недаром он так вяло поднялся, еще хуже полетел и вскоре опустился, а я не пошел искать. То был первый гусь. Как много жизни пернатой на Орок-норе и как мало-бедно в Холте.

Сегодня наши раскопки сосредоточиваются в одной небольшой (1½ на 2½ арш[ина]) площади: сверху и снизу мы приближаемся к центру, к середине, и вот здесь именно и сосредоточено немало более или менее крупных костей — головных, шейных и конечностей. В месте головных костей мы встречаем глину, окрашенную кровяно-мозговой жидкостью, делающей глину особенно мягкой и клейкой.

Тут же лежат и роговые основания, изредка встречаются зубы. Кое-где там и сям на всей открытой нами в глине площади (2—12 арш[ин]) мы находили, между прочим, ноготки, позвонки и другие части, относящиеся к мелким животн[ым] формам. Опять встретились клыки или бивни — парочка. Найдена затылочная кость и ряд коленных чашек и берцовых костей. Идут ребра двояких размеров: толстые, массивные и знач[ительно] уступающие, но только по размерам, массивность (и тяжесть) значительные.

Как и прежде, земля остается промерзшей, в трещинах ледяная масса, с одной стороны, с другой — у краев, вы видите порванные части скелета или костяка, отошедшие к отодвинутым сторонам земли. Мне кажется, не будь этих трещин, картина и сохранность костяков была [бы] иная — более определенно выраженная и более сохранная.

Подчистив землю, оголив кости, выступающие из земли, мы оставили раскопки до следующего дня. Начинаем работать около 9 часов утра, оканчиваем в 6 часов веч[ера], с 2-часовой передышкой на обед днем. Тем временем оголенный прозернистый слой оттаивает.

13/IV, ♂. Погода прежняя — дов[ольно] тихая, ясная, если не считать тонко-тонкоперистых облачков, видимых лишь при солнце; по-прежнему даль скрыта пыльной атмосферой. Воздух положительно пресыщен тонкой пылью.

Мои спутники говорят: «Мы вдали от природы* и людей, и никто не найдет нас в этом скрытном месте». Действительно, целое событие при появлении кого бы то ни было. Сегодня приезжал Готоп Д[орчжэ] проведать нас; его отцу так же — ни хуже, ни лучше. Корм в их долине лучше, [чем в] Холте, бараны наедаются зелени, а через 10 дней будут есть и лошади, и рогатый скот. Вообще, теперь идет все на лучшее. Ч[имит] Д[орчжэ] приблизится к нам своей новой кочевкой. Готопу я подарил золотую монету стар[инной] чеканки (другой нет), он бережно ее завернул и спрятал, говоря: «У меня первая золотая монета».

Экскурсируя вверх по руслу, я нашел два сильных прозрачных родника с температурой воды в 1.0°С. Мы с Гусевым привели их в надлежащий вид, и теперь с уверенностью можно сказать, что водой мы обеспечены. Кроме

---

* Подразумевается природа красивая, богатая в смысле растит[ельности], грем[учих] вод, гор и т. д.

того, эта же вода даст возможность проявить нам наши снимки, которых набралось три коробки.*

Нет у нас только посудины, в которую можно было бы опустить проявленные пластинки для промывки.

Добыча костей «в середине» превыше похвалы, тут действительно много собралось и головных костей, и ребер и все таких больших размеров. Я снял фотографию с «середины», наиболее богатой костями.

Гусев соблазнился пойти на ц[аган]-цзэрс, шедших на наш водопой. К сожалению, неудачно: он крался к хвосту зверей, не заметив головного стада, шедшего к нему.

Воздух пресыщен пылью, с севера дует порядочный ветер.

Наши лошади неожиданно скрылись во время пастьбы в долине. Поиски в разные стороны до самой темноты ни к чему не привели.

Наш Гароль лаял до 4 часов ночи не переставая.

14/IV, ☿. Серо, облачно и пыльно, несмотря на то что наши ручьи впервые не покрылись ледяной коркой, в воздухе чувствуется большая прохлада.

Дали коротки, солнца не видно. Девятый час, а лошадей все еще нет!**

В полдень на наши ключи пригнан большой табун лошадей, ату, принадлежащий важному большему ламе по имени Ламаджаб-нирва*** (Барун-хурул).**** Этот лама нанес мне визит, был на моих раскопках, видел работу, ее результат, обедал у меня, сильно интересовался Тибетом. Мою книгу «Хара-хото» дважды перелистал, замечая: «Вот если бы я знал (умел) читать по-русски — было бы интересно прочесть и ознакомиться с такой большой, содержательной книгой». Ламаджаб бывалый, знающий человек, с особым вниманием он смотрел рисунки Гунбума, расспрашивая меня об этой святыне (так как он был в ней), о Лавране, о далеком Тибете и Д[алай]-ламе тоже.

День очень неважный — серый, пыльный, ветреный, а потому и довольно холодный. Наши успешные раскопки первого п[раво]б[ережного] обрыва пришли к концу, гнездо с ископаемыми нами выбрано. Теперь исследуем в разных местах верхнюю, бóльшую часть обрыва.***** Завтрашний день, может быть, определит дальнейшую раскопку: или будем продолжать ее в этом обрыве, или перейдем в другой обрыв — «первый л[ево]б[ережный]». Завтра будет видно.

Пока что мы наметили к раскопкам с самого начала работ три обрыва: первый п[раво]б[ережный], первый л[ево]б[ережный] и второй п[раво]б[ережный]. Этими обрывами, их раскопкой, может быть, мы и ограничимся?

---

* На экскурсии я добыл пару Accentor montanellus: ♂, [длина] 15.6, размах 19.0, разн[ица] 4.7; ♀, 15.2 — 18.0 — 4.6. Радуж[ина] бурая, клюв т[емно]-б[урый], ноги — бледно-бурого цвета.

** Они нашлись только в полдень и не так уж далеко!

*** Уйцзэ-ванский лама.

**** *Слово* Барун-хурул *написано под строкой. (Прим. сост.)*

***** Сегодня окончательно заполнили ящик со сборами низа Гусевым (ящик от жел[езной] печки).

Ввиду холодного ветреного дня я распорядился закончить раскопки ранее обыкновенного.

Зелень сильнее и сильнее пробивается из земли, это заметно ежедневно.

В нашем соседстве, помимо пары турпанов, имеются коршуны и черные вороны. Через бивак ежедневно, по многу раз, с обычным криком проносятся Syrrhaptes paradoxus. Сегодня наши певцы — монгольские и рогатые жаворонки — молчат, видимо, и им неприятна холодная ветреная погода, и им не до песен.

С вечера подувший сильный норд ночью превратился в настоящую бурю со снегом, наметшим к утру большие и малые сугробы снега и превратившим весну в зиму.

15/IV, ♃. Настоящая зима — снег. Снежная буря — пурга, вьюга — шумит, шелестит, хлопает и метет-метет по земле тонким снегом. Зги не видно. Ни звука не слышно. Бедные жаворонки смолкли, дрожат, а некоторые м[огут] и погибнуть. Только монголы неустанно гарцуют на конях, разыскивая «ату» — табуны коней и одиночных животных, отбившихся от стад. Да, в такую весеннюю бурю тяжело скотоводу, тяжело скоту, животным, и гибнет их немало.

Сидишь в юрте или палатке и невольно слушаешь стоны бури, шелест полотна палаток. Холодно, уныло, грязно. С нетерпением ждешь тишины, просвета, ждешь весенней ласки природы.

Выглянуло впервые солнце сквозь перистое облако, но не греет оно, а лишь слабо освещает. В такую погоду все сидят по юртам, только неотложная нужда выгоняет на открытый воздух, да и то ненадолго. То и дело смотришь на барометр и рад-радешенек его повышению.

В общем, апрель — дов[ольно] ветреный месяц, очень пыльный, сухой до крайности, богатый переменами. Бурному дню всегда предшествуют тихие, теплые, ясные, равно за ним и следуют такие же. Даль проясняется, солнце светит ярко, небо синее, красивое, глубокое.

Однако отсутствие гор, и леса, и громкожурчащей речки сильно сказывается.

Сверх ожидания ночь вышла во 2-й половине сплошь облачная, хотя и совершенно тихая.

16/IV, ♀. Утро, как говорят, ни то ни се. Облаков много, солнца — чуть-чуть; ни тепло, ни холодно, хотя скорее последнее, так как с востока порою несутся снежные мухи — снежинки. Впрочем, такая погода как раз под стать нашей грустной, серой местности, спрятанной от всех.

Около 10 часов утра Гусев и Цэрэн отправились вниз по руслу Холта,* имеющ[его] юго-восточное простирание. Исследуя обрывы, они особенного ничего не видели. В кон[ечном] пункте (5 верст) они отметили два значит[ельных] обрыва, в которых стоит покопаться. На обратн[ом] пути, тоже по руслу, внимательно всматриваясь, они нашли около десяти экземпляров

---

* Впрочем, под названием Холт ущелье известно в голове источн[ика], до места 5 обрывов включительно, ниже оно называется ...**.

** *Далее оставлено место для названия ущелья. (Прим. сост.)*

так называемого подъемного материала. Интересны массивная берцов[ая] кость и ряд костей, вроде ребра и других частей скелета, аналог[ичных] с наш[ими] находками путем раскопок. После обеда мои спутники доисследуют наше первое гнездо. Кое-что собрано по краям. Снята фотография на биваке. Предполагаю поработать на этом первом правобер[ежном] обрыве еще с недельку minimum.

Сегодня вечер хороший — тихий, ясный. Особенно хорошо было ночью: глубокое, прозрачное небо было украшено ярким блеском светил, молодая Луна гордо спускалась к горизонту, абсолютная тишина способствовала созерцанию.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1923—1926 гг.

№ 5

1926 год (урочище Холт, палеонтология)

17/IV, ♄. Ночь прекрасная, хотя для весны порядочно прохладная, –8.5°С. Утро также прозрачное, ясное; вскоре, по восходе солнца, пришел слабый норд, который ослабляет теплоту солнца и общее весеннее настроение.

Еще отраднее встает воспоминание о вчерашнем обаятельном вечере, такие вечера бывают редко: абсолютно тихий, абсолютно ясный и дивно прозрачный. Не можешь заставить себя уйти в юрту, не можешь оторваться от глубокого созерцания неба, звездный мир отрешает тебя от житейских дрязг и треволнений и уносит в мир чистый, беспредельный, беспристрастный! Мне тем более долго не хотелось оставлять общение с редко-очаровательным небесным сводом, красотою его многочисленных больших и малых миров, [тем более] что эти последние дни я читал прекрасный журнал «Вестник знания», на страницах которого немало интересных статей и по любимому мне отделу — астрономии. Свежепрочитанные статьи и живое общение и наблюдение звездного неба — великой Вселенной — как-то глубже открывали и раскрывали перед вами эту последнюю.

Начался день — ветер замирает, температура повышается, жаворонки в высоте ликуют, трепещут крылышками и будят своим звонким пением дремлющую землю.

Мои спутники, зная, что работать будут только до обеда, ушли на раскопки рано и ведут их с любовью, интересом и сознанием.

Теперь [они] уже дорабатывают, доисследуют обрыв первый пр[аво][бережный] вообще, а затем только мы перейдем на левый берег. От времени до времени попадается подъемный материал и не только в русле, но и по соседним скатам и равнинам. Работая в области палеонтологии, я постоянно думаю об археологии-истории, и всякий раз я еще больше думаю о ней, когда вижу гору Готонтэн-сончжэ, и тут же рядом мне говорят о хун-чулуу и т. п.

В одном из трех профилей, заложенных в первом пр[аво]б[ережном] обрыве, немного, сажени на две, выше выбранного гнезда, при первых работах здесь нашли три кости того же типа, что и в начальном гнезде. С 19/IV будем продолжать эту разработку.

Неожиданно явился Готоп за лекарством. Во время снежной бури отец его простудился: ко всем болезненным невзгодам — новая. Во время той же бури у них погибло много скота. По моему предложению, Готоп взялся показать нам места с «гнездами», но не мог этого сделать с успехом, несмотря на ряд начинаний в различных пунктах обрыва. Будем искать сами, собственными средствами.

При прощании Готоп вдруг попросил спирту — выпить. Я деликатно отказал ему в этом.

Погода из рук вон плохая — настоящая весенняя центральноазиатская, бурная и как результат бурности — холодная. Солнце тусклое, небо серое, воздух пыльный. Зелени почти нет, птички урывками слабо поют и чуть-чуть нарушают (или оживляют) мертвенность страны. Мы словно в ссылке, и с каким восторгом мы вспоминаем теперь нашу зимовку, лесной Хангай, прекрасный неумолкаемый аршан, чистоту небес. Рад я за свою Ороконорскую партию, за своего родного Пшевика, что он среди богатой, живой природы и постоянно услаждает и глаз, и слух!

Ночь полуясная, с ветром от северо-запада. Завтра Св. Пасха!

18/IV, ☉. Светлый праздник провожу в глубине монгольской пустыни, а мысль и вся моя душа там, далеко-далеко на СЗ. Вспоминаются друзья, родная природа, развитие весны, разливы рек и стойка вечером в лесу на тяге вальдшнепов.

Невольно вспоминается родная Слобода в целом, мое светлое юношество и тесное общение с незабвенным Н. М. Пржевальским, вспоминаются глухие леса, ночевки в лесу с охотниками: кумом Иваном и кумом Стефаном, вспоминается волчий концерт по соседству и рассказы из прошлых путешествий в Азии. Невольно в такие минуты размышления в моем воображении стоит одухотворенный образ Пшевы — великого путешественника и великого человека.

Встаю, умываюсь, записываю показания инструм[ентов]: баром[етра], терм[ометра] и т. д. и сажусь за чай. Что делает сейчас мой Пшевик, Елизавета Владимировна? Мысленно посылаю я ему привет! Да, вероятно, то же делает, что и я. Только у него картины иные и музыка другая, музыка тысячи пернатых!

Ко мне входят мои спутники и приносят поздравление с праздником с возложением на мои руки хадаков — в Азии по-азиатски.

Вместо символических яиц я поздравил моих спутников, вручив им по золотому. Пришла и монгольская семья, обслуживающая экспедицию, и также была одарена.

Небо серое, далеко не праздничное, с неприятным студеным ветром. Надо надеяться на все прекрасное: природа улыбнется нам, она для меня родная, близкая, может быть, что-либо и подарит нам и согреет ярким солнышком! Никогда не следует грустить, а тем более падать духом. Надо помнить, что все на земном свете скоропреходяще.

Итак, у нас начался праздник; пойду на воздух прогуляться, посмотреть.

У нас монголы-гости: один — поставщик мяса баранов, второй явился с рекомендацией от моего знакомого Ламаджаба, как знающий местонахождение ископаемых. Оба эти монгола «подпарились» к моим спутникам на обед.

А то ежедневно появляются на наш бивак проездом монголы — искатели своих, исчезнувших во время бури животных. Странные номады — не могут заставить себя воевать с несчастьями, не могут уразуметь важности, во-первых, крытых загонов для скота (на случай бури) и заготовок корма. Не имея ни того ни другого, номады ежегодно теряют значительную часть своего скота (благосостояния) непроизводительно. Монголы как дети, им непременно нужна более их самих культурная нянька.

После обеда и праздничного отдыха мы постреляли в цель.

Праздничный день всегда кажется бесконечно длинным, выводит тебя из колеи. А ветер все дует и дует, то с севера, то с запада, взбаламучивает воздух, насыщая его пылью.

Я начал писать письма и в Россию, и в глубину Монголии, двум моим партиям: Пшевику и Глаголеву. Когда же, наконец, прибудет Самарин, или он проводит праздник в С[айн]-ноине и ждет прихода почты из Цэцэрлика, чтобы побольше привезти мне писем?

Вечер довольно тихий, но небо подернуто пеленой тонкоперистых облаков.

19/IV, ☽. Серо, однообразно, небо облачное, воздух насыщен пылью, одно уныние. Сегодня все мы принимаемся за работу — праздник миновал. Пока все еще сидим на первом обрыве (пр[аво]бер[ежном]), попадается кое-что из мелких костей. Удаляем верхний, сухой пласт, под которым покоится красная глина, носительница остатков ископаемых, она, повторяю, мерзлая, и ее снимают по мере оттаивания.

Урывками я пишу письма на родину,* моему Пшевику на Орок-нор и Глаголеву на Эцзин. Моя цель — Г[лаголева] подтянуть на север, усилить раскопки и числом работников и числом районов. Время пока есть. Необходимо эту мою мысль привести в исполнение!

После полудня температура значительно повысилась, в особенности в период затишья.

От Чим[ит] Д[орчжэ] прискакал посланец с известием, что старик чувствует себя неважно: все болит и слабость увеличивается с каждым днем. Все еще сказываются последствия минувшей снежной бури: из большого табуна лошадей у Чимит Дорчжэ пало 30, да столько же кандидатов на эту участь. Кандид[атов] поднимают при помощи людей и веревок, так как они сами по себе подняться не в состоянии.

В связи с этим сын — Готоп Дорчжэ — не сможет приехать ко мне, как обещал, для сопровождения меня на вершину горы, к сончжэ, а также и к месту расположения хун-чулуу. Придется обратиться к услугам «очкастого» монгола, поставщика хона-махан для моей экспедиции, или к услугам Ламаджаба.

Вечер превосходный — тихий, теплый; пустыня мертва — ни единого звука. Долго не хотелось оставлять открытого неба: Луна спокойно с высоты наш лагерь (тихо) озаряла и в душу грустную мою надежду лучшую вселяла!**

20/IV, ♂. Утро почти ясное, дов[ольно] тихое, лишь северо-западный [ветер], порывистый, по временам колышет воздух. Монголы нас не забывают: ежедневно навещают, оживляют бивак. Прибежала Цивиль — монголка-соседка. Умоляет навестить ее больного брата.

Вчера объявилась щеврица, Anthus, парочкой, а сегодня наш бивак оживила желтая плиска-патрон и после некоторого (недолгого) отдыха унеслась на север.***

---

* Володе, Н[ине] Е[вгеньевне] [Бок], Людм[иле] Алекс[еевне], Лиле [Шведерской], Антигоне.

** Вот незаметно, сама собой, моя мысль вылилась в поэтическую форму.

*** Сегодня же Гусев на экскурсии видел в холмах с обо удода.

В эту сторону уезжал наш Цэрэн к Ламаджабу заручиться его согласием завтра совместно со мною отправиться на вершину с сончжэ, осмотреть ее, затем показать мне «камень-человека» и т. д. Ламаджаб охотно согласился, он же обещал нам во временное пользование для фотогр[афических] работ деревянную открытую баклагу. Завтра утром объявится у нас на биваке с заводною для меня лошадью.

Сегодня углубляли и расширяли проложенную по скату траншею — нельзя бросать дело, не доведенное до конца. Я понимаю лучше других, как тяжело, грустно работать, что наз[ывается], впустую. Зато приятно, наоборот, с чего мы так успешно начали в этом же первом п[раво]б[ережном] обрыве.

Гусев ушел «прогуляться» вниз по руслу Холт...Хашата, сделать маленькую рекогносцировку, с одной стороны, самого русла, его обрывов с красной глиной, с другой — с целью ознакомления с прилежащими к руслу местностями, их характером.

Гусев вернулся поздно, исследовал холмы и русло до выхода их в широкую равнину, принес 30 образцов интереснейшего, так называемого подъемного материала по части ископаемых. Я очень доволен его хорошим результатом и пригласил в свою юрту вместе поужинать. Кстати, сегодня на ужин макароны с сардинами и, конечно, Гусеву после усталости чарка водки. В оба конца Гусев шел руслом, следуя его капризными извилинами.

Барометр все падает и падает — не знаю, что будет дальше, что станется с погодой? С вечера, да и по утрам, еще лежа в постели, я часто думаю о партии Глаголева. В то же время до начала мая я еще поджидаю С[имукова] и Д[аниленко] и ежедневно надеюсь увидеть исчезнувшего Самарина.

21/IV, ☿. Падение барометра продолжается, небо в облаках, на СЗ настоящ[ие] дожд[евые] тучи, оттуда же слегка тянет ветер; дали открыты наполовину. Не знаю, что мне придется предпринять на случай приезда за мной Ламаджаба: ехать или не ехать?

Поехали прямым направл[ением] с востока-юго-востока, все время поднимались, лавировали среди гребней увалов и прилежащих ложбин. На пути, на дне ложбин, отрадно зеленели травяные всходы, на соседних им глинисто-сланцевых скалах резвились пищухи (скалистые, рыжеватые).* Наконец, после 1½ часа езды показалась вершина с обо; главной, соседней верш[ины] с сончжэ еще не было видно, она заслонялась общим массивом с обо. Обо большое окружено или, точнее, обставлено по стор[онам] гребня 7—10 малыми обо. Мы по тропинке (в кажд[ом] или почти в каж[дом] логу тропинка) поднимаемся на седловину южного (юго-западного) крыла обо, и нам представилась вблизи сончжэ — светлая постройка на соседн[ей] с обо вершине. У перевала, в затишье, я видел впервые в эту весну порхающую бабочку-крапивницу. По камням, покрывавшим земн[ую] поверхн[ость] сплошь, мы на лошад[ях] поднялись на сам[ую] верш[ину].

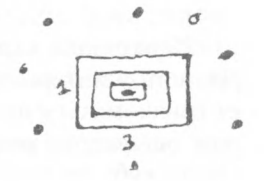
По обыкновению, тут дул ветер (южный). Эта вершина — доминирующая. Несмотря на то что вся окрестность была словно заволочена дымом, тонкой пылью, пресытившей воздух, я все же узнал знакомые мне виды: на

---

* В этот день вообще немало наблюдалось сусликов.

западе (в широк[ом] смысле) блестело льдом озеро Гун-нур, едва видн[елись] Хан-ула, Ашигэт, Уха-обо, на севере — Хангай, в частности Хайрхан и плоскоголовая Хан-кокшун-ула, на ВЮВ — наш Холт, бивак экспедиции, на СВ — море песков, которые насаждали матрац[евидные] граниты, как гигантские грибы. В ту сторону Ламаджаб показал и наличие кэрэксуров. На юге стояли и поперечно залегали темные второст[епенные] горные гряды, но [Монгольский] Алтай исчез в море пыльного тумана. У северо-восточного подножия гор, в их логах, укрывались айли, а по степи там и сям паслись табуны лошадей, стада верблюдов и баранов, по дорогам проезжали верховые монголы или тянулись небольшие караваны верблюдов.

Сделав общий осмотр панорамы, я приступил к исследованию сончжэ,* сложенной из сырцевого, цвета светлой глины, кирпича. Постройка расплылась, обдулась ветрами с зап[ада], где она ниже, нежели с востока (см. схем[атический] чертеж в саж[енях]).

Когда я смотрел с севера, то мне ясно предст[авился] профиль, напомнивший очертание субургана, в особенности с востока. Время сгладило вершинную часть, но любопытство человека не прикасалось реальным образом к постройке. По соседству, с ВЮВ, вершина с обо (харчинов, державш[их] китайский тракт). Ламаджаб, как и все монголы, с которыми я беседовал, сказал: «От стариков слышал, что тут похоронен большой начальник Хотон, скорее напоминающий китайца, нежели сановного монгола. К могиле никто не прикасался».

В заключение я делал фотограф[ический] снимок (в 12 часов) при облаках и сплошной пыли. Не знаю, что выйдет, так как, повторяю, дул с юга пронизывающий ветер.

Вслед за этим мы начали спускаться, сначала пешим порядком до первой седловины и лога с намеками на тропинку и направились тем же курсом, что и раньше к Ч[имит] Д[орчжэ]. На нашем пути залегали волнистые, с гребнями, степные увалы, бродили верблюды, принадлежащие Ламаджабу, и вдали дымились юрты монголов — айль.

Мы скоро достигли айля Ч[имит] Д[орчжэ]. Он сидел, пил чай под наблюдением своей старухи-жены. На мой вопрос, как себя чувствуешь, больной ответил: «Вот все ничего, только вот эта противная (показывая на затверд[евшую] рану в паху) штука мне не дает покоя».

Я вновь привез ему лекарств и в том числе йода, которым смазал оконечн[ости] («стонущие»).

Угостившись чаем и поговорив с приятелем, я поехал к Ламаджабу; мой чичероне отдыхал у людей Ч[имит] Д[орчжэ], у их юрт, не смея войти к старому начальнику.

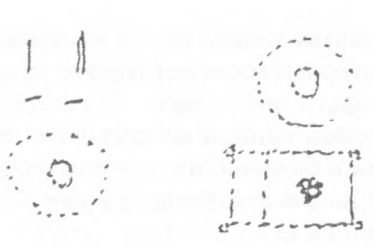
Теперь мы ехали прямо на восток северной тропою гл[авной] дороги и вскоре за [перекрестком] достигли айля моего проводника. Тут по оврагу стояло около 4—5 юрт с китайцем — одиноким торговцем.

Тут — маленький отдых с чаепитием, и мы вновь отправились к голове русла, как раз к песчаному морю с матр[ацевидными] гранитами. Ориги-

---

* Кругом сончжэ стояли обо, числом до семи.

нальная картина: волнистая покатость, на вершинах там и сям, как грибы, остатки гранитов, а вокруг к[рупно]з[ернистый] песок — результат разрушения гранитов. Проезжая у окраины разр[ушенного] кам[енного] плато, я отметил два круглых кэрэксура, стоящ[их] особняком, в виде островов. На выступе гранита — силуэты янгир-ямана, а повыше — всадн[ик] на лошади. Линии большие, светлее, нежели самая порода (с прежним приемом внедр[ения] линий); издалека впечатление полное, вблизи — изображение расплывчатое. Проехали дальше на восток, на высоте залегали четыре кэрэксура:

Плиточный кэрэксур я заснял; он на фоне гранитных матрацев, грибов. Да, в этой интересной местности, вероятно, придется еще побывать — следует ознакомиться лучше, обстоят[ельнее]. Сончжэ и обо смотрят сюда. Теперь нам оставалось следовать вниз по руслу с водой (вначале), которое зовется Цаган-хубу по соединении с правым берегом— Шибэртэ — служит продолж[ением] Холт[а]. Кое-где видны обрывы с темн[ыми] горизонт[ами] сверху, до сажени, и подстил[ающей] красн[ой] глиной с незнач[ительным] включением в нее некрупной гальки.

На берегу, возле старых стойбищ, виднеются островки из камней и костей, собранных детьми для игры. В таких местах можно встретить очень интер[есные] кости луу (драконов) и камни. Как раз один из камней, словно геолог[ический] образчик размером, мною и взят в собрание подъемного материала по Гоби: темный камень этот очень тяжелый. Он, несомненно, заключает в себе большое содержание металла.

В сумерки мы вернулись в лагерь, отметив, не доезжая, стаю журавл[ей], направл[яющихся] на север. Выше нашего лагеря, в 1 версте и в 5 [верстах], стоят айли монголов (против русл с водою). Русла в бол[ьшинстве] случаев пустые, безводные и лишь в местах родников имеют воду прот[яженностью] на 1 версту.

Я устал, полагаю, сугубо потому, что располагал очень тряской лошадью. По горам тянулись стены снеговых туч и дул пронизывающий северо-западный ветер.

22/IV, 2. Чем дальше, тем погода сквернее, отчаяннее, холоднее, ветренее, пыльнее.

Какие же могут быть раскопки и сборы образцов зоологических форм? Интересно, какая погода на Орок-норе? Да, вероятно, такая же, что и здесь!

Мои спутники пошли вниз по руслу искать счастья — собирать подъемный материал. Вчера в мое отсутствие мой монголенок Сухо-батыр нашел ряд инт[ересных] костей в воде. Сегодня и он, и мои спутники направились по сторонам за тем же сбором.

Я сижу дома и пишу и, должен признаться, мерзну больше, нежели в Хангае в марте. О Хангае в душе я часто-часто вспоминаю и буду счастлив, если судьба доставит мне возможность еще раз, летом, с моими спутниками побывать, поработать в нем. Меня сильно занимают не только череп небывалой величины (толщины, главным образом), вымытый дождевым потоком

в Ихэ-мото, и кэрэксуры, и лагерь по обоим берегам этой речки, но и сама живая природа в целом, природа знаменитой горы в Хангае — Хан-кокшунулы. Она тянет меня и на вершину к себе, к той плите, где китайцы оставили дату. Вот скоро отправлю пакет Пшевику с пакетом-наказом Глаголеву вернуться сначала на Орок-нор, а потом и ко мне. Глаголеву найдется немало работы и там, и здесь. Теперь я ежедневно жду присылки ко мне почты или Самарина и почты с ним.

Холодная погода, а главное северный или северо-западный ветер страшно мешает работать, мерзлая почва слабо оттаивает. Ввиду этого мои спутники предпочли рытью земли поиски подъемного материала вдоль русла Холта, и, несмотря на то что такого рода экскурсия повторная, она значительно пополнила наши первые сборы и сборы только вниз по руслу, ниже района, занятого нами раскопками. Попытки [идти] вверх с тою же целью ничего не дали. Очевидно, залежи ископаем[ых] не выше нашего района: только вниз от лагеря, на протяжении 5—6 верст по руслу и находили их.

Позже 10 часов вечера небо сияло звездами и Луна ярко озаряло наш уголок пустыни, наш печальный Холт.

23/IV, ♀. Облачность сплошная, на утренней заре t –6.7°C, жаворонки молчат (не поют), речка или наш ручеек молчит, укрылся под ледяное покрывало, и соседняя пустыня абсолютно мертва.

На сегодня дал новую задачу моим спутникам — начать раскопку первого л[ево]б[ережного] обрыва, где я еще в первые дни ознакомления с ним добыл моллюсков, часть черепочка грызуна и обнаружил выступавшую в серед[ине] обрыва часть кости животного.

Погода из рук вон скверная. Кажется, в минувшем марте светлых и более продолжительных [дней] было более, нежели в апреле, и тем грустнее и досаднее становится, что этих проблесков уже больше нет, или они раньше отмечались днями, а в апреле — часами. Барометр и тот не постоянен: то поднимется немного вверх, то вдруг неожиданно спустится — да еще как! Ветры и пыль настолько омрачают воздух и задерживают развитие растительности, что теряешь веру во что-либо лучшее.

Какая погода, такая и работа. Мои сотрудники не знают, что им делать: сидеть сложа руки не в их духе, а производить раскопки на ветру, отбрасывать верхний сухой грунт в первом л[ево]б[ережном] [обрыве] — удовольствие не из приятных. А дни — дни бегут быстро; апрель, как говорят, на исходе, а там — и самый лучший, приятный месяц — май!

А все же надо прогуляться на работы, а потом написать последнее письмо на север — К. Д. Михно, попросить ее принять некоторое участие в Аксинье Илляш[евич], заброшенной в незнакомый, далекий угол от своих. Впрочем, она еще дальше стремится.*

Сегодня Фу-чин или «чен», толком не знаю, экскурсировал вниз по руслу Холт в поисках костей дракона, нашел кое-что, больше, нежели в земле (в последнее время).

---

* На этот раз пишу: Володе, Антигоне (я — у черепахи, 1-ю статью, письм[ена] с ладонью), Лиле, Н[ине] Е[вгеньевне], Л. Ал. Геранц[евой], Жамцарано (лучш[ий] водопад Экспедиции), Михно, Илляшевич.

Вечер превосходный: ясный, тихий, прозрачный. Обещает отличный будущий день.

На деле же вышло иное: с полуночи задул крепкий северный ветер, принесший облака с тонким снегом и дул с ревом и свистом не только до утра, но и позже. Наша речонка окончательно перемерзла, и мы не вылезаем из шуб. Птички совершенно смолкли, и наша пустыня в буквальном смысле мертва.

24/IV, ♄. Вот какова картина нашего пустынного утра. Один рев и свист бурного ветра нарушают безмолвие. Какие же тут работы — остается сидеть дома сложив руки и мысленно негодовать на судьбу! Что-то поделывает мой Пшевик? Тоже ругает весну? А барометр по-прежнему неустойчив! Несмотря на ветреный, холодный день, вчера, например, с откр[ытого] воздуха, через верх трубы, залетела к нам пестрая, с длинным брюшком муха, тотчас попавшая в морилку. Вообще же с насекомыми плохо, на точке замерзания!

Между 9—10 часами утра вдруг прибыл Андрей, соло, Д[аниленко] остался на ближайшем уртоне, с багажом. А[ндрей] не привез ни писем, ни газет, ничего! На мои вопросы отвечает вяло, бестолково. В конце концов, выяснилось, что этот оболтус женился. Но тогда ясно, что его небольшой ум весь ушел под юбку его бабы. От него толкового ничего не добьешься. Надо ждать Даниленко: может быть, от него получу что-нибудь потолковее, удовлетворительнее. Надо постараться спокойно спросить и спокойно все от него выслушать. Но вижу, что толкового, путного я не добьюсь!

Погода под стать моим настроениям. Нет, если бы уезжал куда (и конечно, недалеко), никогда больше не взял бы таких «архаровцев», кот[орые] смотрят на экспедицию как на средство отличиться. Нет тех чистых юношеских порывов стремления в широкую даль с беспредельной любовью и преданностью к чистой горной природе и путешествию.

Вечер и ночь холодные, облака не расстаются с небом.

Цэрэна и Даниленко все еще нет!

25/IV, ☉. Тихо, облачно, 6° мороза, наша речка скована льдом. Весеннего подъема, весеннего биения сердца не чувствуется. Монотонная местность, тишина, лишь одни жаворонки боязливо, едва слышно поют.

Итак, первое известие о выезде тибетцев из Урги получено! Они скоро будут. Только бы не проехали мимо. А время бежит, бежит неудержимо. Что же, право, молчит, бездействует Монценкоп С[айн]-н[оин]-к[урэ] по отношению к экспедиции?

Не могу дождаться пакета с письмами и газетами; головотяпы-мальчишки не догадались взять их в первую очередь. Идут вторые сутки, как я мог бы разбираться в письмах и в деловых бумагах, и в газетах. Так не заметил бы время, в течение которого пришел бы вьючный верблюд с серебром и посылками. А теперь только и мыслишь, только и думаешь о том, когда все указанное придет.

Сегодня, между прочим, приехал Готоп за лекарством. Отцу лучше — есть облегчение.

Ветер свистит, завывает, по-прежнему зимний холод, улучшения — ни-ни!

Вдруг приехал монгол, верхом на верблюде. Этот «корабль пустыни» — самое лучшее средство передвижения в Гоби. Оказывается, посланец Самарина с пакетом писем. Я страшно рад, что есть интересное занятие в прочтении писем, газет и т. д., что я могу уйти целиком в общение со всем миром. Тем временем вернутся Д[аниленко] и Цэр[эн].

До полуночи я сидел, погруженный в чтение, в знакомство со всем интересным.

Между прочим, получено прекрасное донесение от моего Глаголева, у него жизнь и занятия идут прекрасным образом, отношения с туземцами (до самого главы — т[оргоут]-б[эйлэ]) также. Меня ждут, и мне необходимо побывать там самому, необходимо заснять фотографически и Хара-хото, и реку, и долину Эцзина, и туземцев-торгоутов.

Моя статья «Вести из экспедиции» от Бичиктэ до Мишик-гуна[260] напеч[атана] (на 3 стр.) фельетоном. Надо послать туда еще, но статью краткую, выразительную, более живую.

Едва я лег, как снежный бурный порыв (юго-восточный) ворвался ко мне в юрту — дверь раскрылась, верх надулся парусом, открыв широкую пасть для снега, который и валился, и падал на мою постель. Невольно пришлось поднять на ноги моих спутников и их усилиями закрыть и завязать накрепко и верх юрты, и двери. После этого стало тепло и уютно, к тому же и буря ослабела, но снег падал всю ночь.

26/IV, ♑. Утро полуясное, с юго-восточным ветром, картина настоящей зимы: вся окрестность, в особенности горы укрыты плотно (от 4 дюймов до ¼ арш[ина]), сугробы большие, мощные, по оврагам и у гор все бело как скатерть, и холодно-холодно. Боюсь, чтобы снег не причинил нам много хлопот своим быстрым исчезновением, своим таянием и разливом нашей скромной речонки, даже ручья, текущего с перерывами.

В связи с получением почты мне приходится много думать, чтобы создать программу, наиболее продуктивную для успеха экспедиции. Ведь надо согласовать работы и в Х[ара]-х[ото], и на Орок-норе, и в Холте, чтобы во всех пунктах было производительно, был бы крупный успех, нечто показательное. Холт, впрочем, уже обеспечен в этом отношении — его ископаемые остатки позвоночных выручат. То, что есть, — уже успех, и успех исключительный, по крайней мере я так полагаю.

2 часа дня, снег продолжает сыпать, ветер с севера обдает стужей, ни зги не видно. Несчастные животные, в особенности молодь! Птички появились в нашей долине и по речке: лунь коричневый, орел степной, удод, коньки, желтоголовая и белые плиски, Turdus ruficollis, Saxicola и немногие другие.

Ветер гудит, свистит и завывает! А моих Дан[иленко] и Цэрэна с багажом все нет и нет. Еще хорошо, что я сижу с почтой — письмами и газетами, а то хоть плачь, как вчера, — ни за какое дело не сядешь как следует.

Наконец, к полудню, когда разбушевалась погода, прибыли мои скитальцы в полном благополучии, но сильно промерзшие. Даниленко представил мне серебро — 910 м[ексиканских] д[олларов], затем бумаги, письма, газеты, книги, дробь, пистоны и в заключение усладенька — печенье, к сожалению в значительной мере покрывшееся плесенью, но мы его очистили. Частью

поступились во избежание заболеваний желудками, а лучшими булочками приятно полакомились! Из писем и донесений всякого рода я узнал, что мои коллекции давным-давно получены Зоологическим музеем — все, напрасно я волновался, и виновницей моего волнения явилась Ида Павловна Бадмажапова, не отправившая серию писем вместе с той телеграммой, которую я получил, кстати, накануне оставления Сайн-ноин-куре.

Таким образом, все разъяснилось лучшим образом. Моей экспедицией заинтересован весь культурный мир, все ждут донесений и фотографий о дальнейшем путешествии. Новыми научными данными захвачены все — и общества, и ученые, и прост[ые] обыв[атели].

Теперь предстоят следующие вопросы: снаряжение мальчиков в низовье Эцзин-гола и писание очень обстоятельного письма С. А. Глаголеву. Тем временем могут прибыть тибетцы, с которыми я должен отправить большую почту и наставление Пшевику. Затем встанет на очередь отправление писем в Россию, телеграмм, статей и т. д. Между тем работы, исследования должны следовать своим определенным систематическим путем. Значит, все нужно привести в стройную гармонию!

Тем временем буря продолжала бушевать, взметаясь пыльным снежным фонтаном; холод усиливался, снег сбивался в большие сугробы и заносил положительно и наш склад имущества, и вообще весь лагерь. Бедные животные и их обладатели — номады: одни потеряли других; везде по пустыне бродил отбившийся от стад скот. К нам ввалился в юрту заблудившийся монгол, искавший свои стада и детей — пастухов. Наши лошади стояли выгорбившись и, как и мы, негодовали на погоду.

Снежная буря бушевала за полночь, когда стихла и ударил мороз в −12.0°C.

27/IV, ☽. Картина зимы: все бело, уныло, холодно и мертвая тишина. Позднее стали видны там и сям, кругом монголы на верблюдах, искавшие своих угнанных бурей животных. Мы поговорили с Ламаджабом. Он наш экспедиционный поставщик перевоз[ных] сред[ств], транспорта, он лучший наш посредник в знакомстве и приискании полезных для нас людей, он же в скором времени прикочует в наше близкое соседство. Я полагаю вообще, что здесь, поблизости от нас, сосредоточатся немало кочевников с их айлями. Как жаль, что наш лагерь не расположен у самой головы источников. Надо об этом подумать хорошенько! Ведь перенестись туда уж не так долго и не так тяжело.

Ламаджаб в двадцатых числах мая доставит меня на Орок-нор — это мы так условились. Отпуская его теперь домой, я подарил ему кус[ок] парчи при голубом хадаке.

Погода стала улучшаться: солнце яркое, небо голубое, барометр пошел вверх, понемногу, проснулись и жаворонки, и кое-где слышны их отрывистые голоса.

Мои спутники, и я в том числе, приводим лагерь в порядок — откапываем, удаляем снег. И горы, и долины к полудню сильно запестрели — освобождаются от снега! Тихо, ясно.

День, в общем, прекрасный. К вечеру на открытых местах снега уже не было. Жертвою ночной бури у нас остался в недал[еком] расстоянии труп верблюда, на который слетелись бурые грифы; по одному из них стре-

лял Андрей из чужой винтовки. Потом, в течение двух часов, я беседовал с обоими мальчиками по поводу предстоящей их деятельности на Эцзин-голе.

Добыт на трупе вербл[юда] степной орел.*

Воздух до очарования прозрачен, создает глубокие-глубокие дали.

Поздний вечер давал возможность долго гулять по биваку при тишине и ярком освещении с неба Луною и звездным миром.

28/IV, ☿. Серое небо, серо все кругом, сев[еро]-западный ветер несет стужу. Вчера показалось солнце, согрело землю, барометр также сулил хорошее, а сегодня настроение весеннее совершенно отсутствует, его вновь сменила стужа. Удивительно, какой бурный апрель. На всем своем протяжении теплые проблески большая редкость. Когда же настанет весна и приласкает теплом?

Впрочем, для Монголии или вообще всей Центральной Азии и Тибета — весна очень бурная.

Все мои спутники за работой: Гусев препар[ирует] степного орла, Котик рисует, Андрей занят денежным отчетом по поездке в Р[оссию] его и Котика. Я пишу, готовлю почту. Между прочим, строчу [статью] Соловьеву и для РОСТА в сопровождении фотографий.** Нужно также написать и Даниленко, и в Географическое общество (и телеграмму, и статью). А еще не начинал писать Глаголеву и не окончил письмо для моего родного Пшевика.

К вечеру стало заметно теплее, но снег еще лежит пятнами и в оврагах большие сугробы.

Ночь облачная сплошь, не холодная.

29/IV, ♃. Утро серое, солнце борется с облаками. Жаворонки поют мало и не так жизнерадостно, как при ярком горячем солнце. Мальчики сдают отчет по командировке в Россию и понемногу собираются в низовье Эцзин-гола.

Я набросал телеграмму в полпредство для направления ее в Кремль.

«Экспедиция Козлова [в] верховье Орхона [в] феврале—марте открыла величественный водопад, глубокий каньон, большие площади лавы, памятники погребений с оригинальными, хорошо сохранившимися орнаментами и печать древнего письма. Обследовала прилежащий Хангай, богатый лесом, дикой животной жизнью, горячими целительными источниками. 20 марта Козлов оставил зимовку, направился [в] пустыню Гоби, нашел ценные ископаемые остатки позвоночных, занялся богатой добычей их (последних). Пролет птиц [на] Орок-норе наблюдает Козлова — орнитолог экспедиции. [В] июне Козлов прибудет [в] Хара-хото, где ведутся раскопки его помощником Глаголевым. (Исследование района остатков позвоночных продолжится [до] конца лета.)».

---

* Степной орел: ♂, длина (в дюймах) 30.5 д., размах 63.5 д., разница — 2.1 д. Зрачок темно-бурый, клюв темный, у основания светлее, восковица — зеленовато-желтая, ноги желтые, когти розов[ой] окр[аски].

** Восьми: 1) развал[ины] мон[гольского] Ламэн-гэг[эн], 2) камень бел[ый], 3) то же, темный, 4) оба вместе, 5) водопад Экспедиции (лучший), 6) верх[овье] Орхона, 7) я и Гусев [после] охоты, 8) Хара-ушхай и 9) оттиск с печати.

Теперь пока примусь за письмо к Глаголеву. Желательно вдумчиво, хотя и кратко, конспективно, осведомить С[ергея] А[натольевича], а главное инструктировать в его деятельности.

Сегодня Андрей охотился, убил молодого ♂ цаган-цзэрэ, а В. Гусев экскурсировал вниз, дов[ольно] далеко, и принес много интересных вещей из области остатков ископаемых. Между прочим, кость от головы с песком в неровностях, основ[ание] рогов и какой-то зуб.

А ветер дует и гудит, хотя на воздухе очень тепло, сухо и прозрачно. Вечер между тем был хороший, почти тихий, теплый; ночь также не холодная.

30/IV, ♀. Вчера вечером мои мальчики пели и пели дов[ольно] порядочно, чем подняли в других настроение и заразили желанием то же делать. Выведенный из равновесия Фу-чин запел по-китайски, конечно, и бил палочками по металлу в аккомпанемент своему голосу, круто переходившему с высоких нот на низкие, и наоборот.

Утро серое и в начале спокойное, но с 8 часов уже шумело и свистело завыванием ветра. Когда же, наконец, настанет весна и оживятся и прибрежные долины, и мир насекомых? Когда?

Сегодня я вручил мальчикам все: и деньги, и бумаги, и книги, и письма, и в заключение — напутствие! Кажется, все, что следует. Завтра они уедут.

Ночь вначале ясная, затем совершенно облачная, тихая и не холодная.

Май. 1/V, ♄. Утро серое, небо тоже, северо-западный слабый [ветер]. Мои спутники готовы в путь на верблюдах к юго-западу, на обо. Прощаюсь, говорю Котику: «До 25 июня!» — и вручаю плитку шоколада, а Андрею — пачку папирос. «До свидания, до свидания в Х[ара]-хото!». Все понемногу идет вперед. Теперь на очереди экскурсии в поисках гнезд ископаемых, первая экскурсия — на восток, вторая — на север. Затем проявление 15 снимков, окончание отчета и ожидание тибетцев.

Наступил май, Глаголев ждет! Ждет моего приезда. Пшевочка прежде времени увидит меня. Не знаю, на чем она решит: будет ли работать на Орок-норе, или будет мечтать по-прежнему о поездке в Шара-хулусун. А время идет и идет!

В. Гусев укатил дов[ольно] рано, его сопровождает Цэрэн, дома — я и Фу-чин. Задача Гусева — увидеть монастырь и исследовать место ископаемых остатков позвоночных.

Я перебрал фотографии, отложил [то], что надо напечатать и что проявить. Приедет Гусев — займемся. Написал и Додику (В. В. Пушкареву), но за статью ТАСС еще не принимался, хотя она в моей голове уже формируется. Надо полагать, что завтра, в день воскресный, наедине и засяду за эту небольшую, но содержательную заметку. Откровенно говоря, следовало бы написать и в «Известия», но только живую и небольшую! Тогда я бы был вполне удовлетворен. Ведь не знаешь, удастся или нет еще разок послать такую большую-большую почту!

Вечером в соседстве лагеря я наблюдал на нашей маленькой речке, собств[енно] даже ручейке, имеющем местами колена и расширения тихого, спокойного русла, тихой, спокойной воды, картину — живую группу пернатых. Именно в этой части речки, не стесняясь близости челов[еческого]

жилья, ютились птицы: пара турпанов и 7 песочников Tot[anus] glareola(?). И первые, и последние были разрознены на части — ♀ Cas[arca] rut[ila] плавала среди бол[ьшой], подвижной живой группы песочников, добывавших корм со дна песчано-глинистого русла или купавшихся и тщательно чистивших себе перышки, тогда как ♂ турпан тут же, на берегу, щипал зеленую травку (молодую), а меньшая группа песочников стояла на одной ноге в воде (неглубоко), спрятав под крыло голову, словно спали! Так продолжалось дотемна, когда турпаны, кем-то потревоженные, с криком улетели вниз, тогда как кулички беззаботно продолжали резвиться или стоять в застывшей позе.

Какая тишина у нас сегодня в лагере: народа лишь я и Фу-чин, только к вечеру завтра у нас лагерь оживится. А может быть, мы завтра займемся проявлением. Вот не помню, где, в какой коробке находится негатив каравана с Пшевиком?*

Ночь тихая, утренние сумерки холодные, –6.5°С.

2/V, ☉. Ясное утро, ветер северо-западный, постоянный, температура низкая, соседняя речка покрыта льдом. Даль не глубока — на горизонте пыльная дымка. С 8 часов уже стало тепло, зажужжали мухи, но все те же — темные, однообразные, попавшие уже в коллекцию. Вначале ветер, дувший от СЗ, сменился затем южным, а позднее юго-западным, дувшим до вечера. Небо все время голубое, ясное. По-прежнему наш лагерь одинок в этой дов[ольно] унылой местности, только изредка мертвенная тишина нарушается местными обитателями, многочисленными их стадами баранов или табунами лошадей, пригоняемыми на водопой. Вот нарушители нашего покоя и однообразия.

Днем дул порывами ветер вначале от юга, позднее от ЮЗ. В общем, день был в отношении погоды весьма приличным, и можно было кое-что сделать. Между прочим, я снял две пластинки для увековеч[ивания] нашего обо и места нашей стоянки в урочище Холт (от северного конца обрыва с гнездом ископасмых).

Под вечер возвратился из экскурсии Гусев. Его маршрут за два дня вышел порядочным. В пер[ый] день он держал северо-восточный курс по холмистой или волнистой местности, пересекая поперечные от СЗ к ЮВ гривы. Верст через 20 он пересек большую дорогу (ст[арую] урт[онную] китайскую, которую и я наблюдал), а через 5 верст далее пересек бол[ьшую] выс[окую] гриву с перевалом Бильгэхэн-котул, на котором отметил твердый сланец и рядом, словно включение, красная с бел[ыми] прожилками порода, сильно напоминающая яшму (образцы в геол[огической] колл[екции]), и еще через 10 верст он достиг и самого монаст[ыря] Барун-хурул, небольшого, располож[енного] под защитою горы, у ее подножия. Монастырь на русле, на возвышении, в уроч[ище] (с руслом, главным образом) Хурлэн-хундэ, уходящим на ЮВВ. Мон[астырь], основанный свыше ста лет тому назад, насчит[ывает] до 200 лам, причем бóльшая половина ученики. Всех храмов

---

* С отъездом мальчиков и другой пары — Гус[ева] с Цэр[эном] — у нас действительно настала жуткая тишина. Мальчики-юнцы вносили большое оживление своим пением, игрой и резвостью. Среди дня то и дело раздавались их звонкие голоса, смех!

здесь 3. Ламы с моими спутниками были приветливы. Один из лам скоро стал знакомым и более предупр[едителен] — это брат Ламаджаба, заранее предуведомленный. Гусев с Ц[эрэном] и ночевали у него.

На следующий день мои спутники направились к цели вниз по руслу, через 5 верст его достигли. Урочище Гэлун-цаган-ламэн, на которое все окрестные монголы указывали как на [место] залежей остатков ископ[аемых], откуда брали их для лам, приготовл[яющих] лекарства. Русло то ровно или просторно, плоско, то вдруг суживается и углубляется, становясь в то же время крайне извилистым. Вот тут-то, в обрыве, и добывали «луу». Обрывы по двум сторонам узкого, от 3 до 5 саж[еней], русла поднимаются до 3 саж[еней], в верхнем, до сажени мощностью, ярусе залегает конгломерат, под ним до уровня русла, мощностью в две сажени, красная глина, перемешанная мелкой речной галькой. Тут, в опред[еленных] местах обоих обрывов, и извлекали кости. Попробовали копать и мои спутники, к ним присоединялись и любопытн[ые] монголы,* но безрезультатно. Конечно, нелегко попасть на гнездо, монголы же узнают залег[ание] костей по их выступам из земли — обрыва (из кр[асной] гл[ины], период[ически], более всего после сил[ьных] дождей, размыв[ающих] глину или весь обрыв. В заключение мои спутники тут же и пониже стали искать по руслу подъемн[ый] мат[ериал]. Нашли и привезли. В общем, характер костей в новом месте тот же, что и у нас, в урочище Холт.

С верш[ины] обрыва монголы указали Гусеву, в том же юго-восточном направл[ении], на плит[очное] погреб[ение] с высокой, до саж[ени], серой к[рупно]з[ернистой] плитой, стоящей наклонно, без след[ов] письма или орнамента. Расстояние — 3 версты, погребение — на вершине пл[оского] холма.

Исследовав озн[аченное] урочище, мои спутники направ[ились] к дому, но не прежней дорогой, а несколько севернее, чтобы осмотреть и другое место, на которое указывали Ц[эрэну] местные монголы. Но тут — одно недоразумение: привели к белой или светлой обдутой отдельности гранита и показали на светлые камни, будто бы окаменел[ые] кости!

На этом экскурсия моего Гусева и окончилась.

Ночь ясная, дов[ольно] тихая и не такая прохладная, как предыдущая.

3/V, ☽. Почти ясно, северный [ветер] вскоре сменился западно-юго-западным, стало прохладнее. Не может воздух успокоиться; не только бурный апрель, но и май такой же, по крайней мере вначале. Не знаю, удастся ли сегодня поздним вечером заняться неотложным проявлением последней серии снимков? Необходимо это исполнить.

В полдень прибыл наконец тибетец, доставивший мне, между прочим, большое удовольствие и много радости большим письмом от моего друга Пшевика, который представил мне вместе с письмом интересный и увлекательный отчет о их результатах деятельности и о житье-бытье. Чудесно, чудесно. Мне это очень приятно, тем более что так же все удачно и в моей южной партии, у Глаголева, судя по письму последнего. Надо и это, глагол[евское], донесение отвезти Елизавете Владимировне, ведь ей очень интерссно все знать об экспедиции.

---

* Все же монголы несколько настороже: и говорят, и показывают, но осторожно, боязливо.

Итак, мой родной Пшевик в полном удовлетворении, даже в восторге, только и говорит: «Чудесно, чудесно!». Он доволен и обстановкой, и деятельностью, и своими спутниками. Чего же больше! Видела аргали и любовалась ими. Добыла ряд новых форм птичек, Канаев также. А погода у нас совершенно одинакова с погодой на Орок-норе.

С тибетцем поздоровались, он поднес мне хадак и гостинец: сахар и вино. Ну, как сильно рад мой несчастный тибетец, что после долгого блуждания наконец попал к нам. Теперь послезавтра он двинется в дальнейший путь к Гань-чжоу, затем в Синин и монастырь Гумбум, где отдохнет до сентября, а затем — по большой дороге паломников «от великой святыни в сердце Тибета», к самому Далай-ламе.

Ужели мне не удастся побывать в Тибете, его сердце? Я согласился бы поехать туда, даже пожить там, и если нужно — то и умереть там! Но предварительно написав книгу о Тибете, с иллюстрациями. А Пшевик мой другую книгу — о птицах Тибета, тогда можно было бы сказать: «Довольно! Пора на покой!». Ну, а пока надо будет действовать. Я почему-то чувствую, что мне пр[авитель]ство наше может предложить отправиться именно в сердце Тибета. И что же, эта марка по мне. Но по-другому надо снарядиться. Откровенно говоря, туда, именно туда меня сильно тянет. Пшева был вблизи Тибета, его центра с Д[алай]-л[амой], а я, его последователь, должен непременно побывать в Потале, в Лхасе, в гостях у Далай-ламы! Ох мечта, мечта, где твоя сладость и где твоя радость!

Вечером я с Гусевым проявил 17 моих последних снимков, в общем весьма удовлетворительных. Странно, что я не поставил фокус при снимке бурханов моего нового гобийского приятеля ...*, знатока мест с ископаемыми остатками позвоночных, но зато Самарин его группой останется очень доволен, об этом можно сказать заранее.

Минувшую ночь за проявлением снимков я вовсе не спал, так как провозился до утра, когда брызнули первые золотые лучи дневного светила.

4/V, ♂. Черт знает что за погода стоит, и в большей части стояла и в минувшем апреле: ветры, холод, снег чередуются друг с другом. Как раз в такую скверную пору угораздило меня заняться проявлением, и проявил с громадным трудом, и не могу никак высушить проявленных негативов в продолжении целого дня.

Сегодня наконец окончил статьи и для Соловьева, и для «Известий». Последняя вышла более отделанная, интереснее, немного подробнее. Пишу под вой и свист крепкого западного ветра, который силится сорвать покрышку юрты. По временам в воздухе носятся снежные мухи. Только и слышишь от моих спутников: «Ну и погодка в пустыне Гоби, ну и тепло же в прославленной жарами Монголии! Хоть бы пусто было!».

Вечером и ночью, выражаясь по-обывательски, холод был собачий, птички замолкли. Если некоторые из них успели положить яйца, то таковые могут замерзнуть. Вообще, весна в Монголии, в противоположность ее осени, никуда не годится. Я недоумеваю, когда, собственно, здесь настанет тепло и зазеленятся прибрежные площадки? Скот монголов, в особенности

---

* *Далее оставлено место для имени. (Прим. сост.)*

лошади, в ужасном положении. Главнос, что изнуряет в Монголии теперь, — это ветры, весною дующие все время, дуют и при малом и при большом давлении атмосферы.

5/V, ☿. Погода прежняя — ветреная, холодная. Теперь 8 часов утра, на воздухе −1.0°, с сильным пронизывающим, северо-западным ветром. Солнце гуляет по чистому безоблачному небу, в юрте у меня один градус тепла, я сижу и пишу одетый по-зимнему: в полушубке, на ногах теплые сапоги-валенки. Негативы, стоявшие в металл[ической] рамке для просушки, ночью пристыли и прикрепились к гнездам, их стенкам. Просто не знаешь, что делать!

После я начал печатать. Истратил 3 пачки бумаги — и привез[енные] Котиком, и свою пачку лучшую — всего вышло 54 отпечатка. Заготовил по неск[ольку] экземпляров: и письмена, и водопад, и шамана. Последние мои негативы так же удачны, как и предыдущие; вероятно, завтра удастся делать вчистую самые необходимые. Из последней серии очень хочу послать Горбунову и Володе, может быть, удастся это сделать и для друзей.

А ветер дует и дует. На этот раз барометр стоит отлично, а воздух все-таки не спокоен. Хотя, в общем, сегодняшний день сносный — я столько напечатал! Жаль, что нет времени погулять.

Итак, утром тибетцы укатили к себе, по крайней мере приступили к своему большому путешествию. Кое-чем я снабдил их очень существенным. До свидания, мои дорогие друзья! С большим бы удовольствием я уступил бы вам Монголию за Тибет!

Вечером затопили печь и начали просушку снимков. Я лег около 1 часу ночи — тихо-тихо было кругом, непроглядная тьма озарялась ярким звездным небом.

6/V, ♃. Барометр поднялся как никогда. Здесь уже в 9—10 часов утра солнце греет чувствительно, и я на радости сушу мои снимки на солнце. Так отрадно кругом, в лагере тишина, нас двое: на кухне — Фу-чин, у юрты — я, вхожу и выхожу, в промежутках заканчиваю письма; они давно уже готовы, но приходится или что-либо прибавить, или вложить карточки, или же и то и другое. Время летит, так [и] не заметишь, когда прибудет тепло, лето, а моя поездка послужит началом конца нашего путешествия. В такие дни, как сегодня, хочется улыбаться. В открытую дверь вижу наш самый первый обрыв и моих работающих в нем спутников.

Сегодня событие в экспедиции: готовим почту с собственным курьером в С[айн]-н[оин]-к[урэ], в наш Монценкоп. Буду надеяться, что Цэрэнка привезет и мне пакет и мы что-нибудь узнаем новое, главное, что в данную минуту творится в Китае и везде.

Период последних дней, свыше недели, был для меня очень тяжелым. В это время, в особенности последние 3—4 дня, я положительно не вставал с места и работал и с фотографией, и занимался писанием. Простых писем написано 13,* заказных 4 и в заключение телеграмма. Но зато, кажется, на-

---

* Дополнит[ельно] написано: Олечке, Иде Павловне и Вол[оде] Пушк[ареву] с мамиком. Олечке послал два снимка, Пушкаревым послал две статьи.

писал все неотложные. Главное, не забыты деловые письма или статьи: Н. П. Горбунову,* в Географич[ескос] общество,** «Известия»,*** Соловьеву и телеграмма в ТАСС.

Я очень доволен, что удалось написать [письмо] Шокальскому, хотя и не такое большое, как предполагал раньше. Из Орок-нора непременно надо написать в Географическое общество Пшевику. Надеюсь, она это сделает и для себя, и для меня.

Так время неудержимо бежит и приближает нас к цели нашей — концу путешествия.

С возвращением Цэрэна и [окончанием] разработки сончжэ пора будет отправиться на Орок-нор. Тем временем могут возвратиться и прибыть ко мне и Самарин, и одногл[азый] тибетец.

7/V, ♀. Первая минувшая ночь без мороза: зелень отрадно заизумрудилась вдоль нашей речонки, тепло, прекрасно! Теперь надо понемногу собираться к моему Пшевику. Он соскучился по письмам, по общениям с людьми, равными себе по духу, и т.д. Надо в то же время и осмотреться у себя, приготовить для китайца работы, если только он свободен и может мне и проявить, и печатать в должном количестве: проявить несколько дюжин, напечатать несколько сот! Вот так заказ! Погода позволит [ему] работать — осенью самая лучшая пора.

Сегодня вновь начаты раскопки у верхн[его] пр[аво]бер[ежного] обрыва, в середине кое-что попадается. Помимо костей, более изящных, тонких, извлечены тонкие курчавые растеньица двух сортов: одно — во втором ярусе, в мелкой гальке, лежащей непосредственно между илистым поверхностным слоем и между ниже нее лежащим пластом глины, примерно в середине, второе же растеньице лежало непосредственно в красной однообразной ровной глине, на ½-аршинной глубине ее мощности, сверху.

Одновременно ведутся раскопки и в двух других обрывах — и в лев[о]бер[ежном], и в особ[енности] пр[аво]бер[ежном], нижнем. Но тут пока ничего не обнаруживается. Будем терпеливо работать, авось дойдем и до другого гнезда — ведь лето велико, принимая во внимание сидение на одном месте.

Для меня же лично [долго] будет тянуться время только в грустной пустыне, при урочище Холт. Но раз мы пойдем то на Орок-нор, и еще глубже и интереснее — в низовье Эцзин-гола и в мое родное детище Хара-хото, на что уйдет начало — вся добрая половина лета, потом следование через Орок-нор к Холту — и другая половина лета, а следовательно, и все время нашей командировки, то последний период минет быстрее всех предыдущих и самое путешествие больше других частей будет походить на настоящее странствование.

---

* Общий вид (обр[ыв] с работой и бивак) и разраб[отка] гнезда (Гусев и Фу-чин) и Хангай.

** Общий вид (пер[вый] снимок), Гусев над гнездом и разраб[отка] гнезда ископаемых.

*** Общий сним[ок] при откапывании от снега в посл[едние] дни апреля.

Ночь с t немного выше нуля. Мне кажется, теперь зелень пойдет как следует, без морозных перебоев.

8/V, ♄. Утро серое, не холодное, с западным ветром. Кочевники тянут в наше соседство все более и более с каждым днем.

Сегодня весь день идут раскопки и все в том же месте, в том же ярусе. В красной глине продолжают попадаться кости вроде вчерашних, более тонкие, и иные, чем прежде, зубы. Мы, очевидно, подошли к небольшому гнезду, так как кости лежат неподалеку одна от другой. Может быть, таким образом дойдем до чего-нибудь очень интересного! Недалекое будущее покажет нам!

Сухо-батыр гулял версты на две ниже нашего лагеря, поодаль от русла, вправо (или к западу), и принес дов[ольно] много так наз[ываемого] подъемного материала. Одна из костей поразила меня своею толщиною. Теперь можно с уверенностью сказать, что из всего того материала, которым мы располагаем, и нами добытым из земных недр, и найденным на поверхности (в русле или выше, преимущественно вправо от него), можно получить картину исчезнувших животных форм в северной Гоби.

Гуляя в окрестности бивака, я нашел лишь одну обитаемую норку грызуна; по всей вероятности, тут ютится песчанка, надо за нею понаблюдать; точно так же следует поэкскурсировать вверх, за юрту Цивиль, по направл[ению] к сончжэ. В первых скалистых выходах я и наблюдал пищух, но каких — неизвестно, скорее скалистого типа.

Ночь тихая, облачная, барометр постепенно падает.

9/V, ☉. Как всегда, утро серое, со сл[абым] встром. Впрочем, сегодня он сменился северным и увеличился в силе. Облака поредели, атмосфера стала чище. Позднее ветер стал усиливаться больше и больше.

Гусев и Сухо-батыр направились вниз, на вчерашнее место. Может быть, что-либо и найдут.

Они возвратились с добычей — более или менее крупными и мелкими костями, что-то очень похожее на передние зубы грызунов или просто ребра, дов[ольно] тонкие.

Сегодня показалась первая ласточка, пролетевшая вверх, одиночка. Ниже нашего лагеря я вспугнул тоже одиночку — бекаса. В северном направлении протянул, опять-таки в полном одиночестве, журавль, очень похожий на Gr[us] virgo, и только!

Весь день ходят по небу красивые светлые кучевые облака, над горами висят дожд[евые] полосы.

Еще только не полных 6 часов дня, а мы совершенно готовы к проявлению. Что-то сегодня произойдет с нами? Мне бы не хотелось по-прежнему сидеть целую ночь.

Как и следовало ожидать, новый проявитель, точнее второй, несет службу прекрасно, заменяет Hydrofinon, который безупречен вообще, но не выдерживает длительности, как «Agfa» Eikonogen. Последний бесподобен, и я счастлив, что имею в запасах моей походной фотографии и два проявителя, и столько же закрепителей, в соответ[ствии] с Eikon[ogen] закрепителем я пользуюсь «Bauff-fixier», который в путешествии незаменим.

Начал проявление около 9 часов вечера, а окончил 1½ дюж[ины] к ½ 12-го часа ночи. Затем всякая уборка, приспособление и [опускание негативов] в воду, перемена последней. Все в сумме не позволяет лечь в постель ранее 1 часа ночи. После впечатлений всяких, известного подъема не так скоро засыпаешь; мечта неудержимо влечет вас за собою, иногда далеко-далеко, в особенности теперь, когда экспедиция работает тремя партиями, словно тянет невод в пустынном море. Лично я мысли даю возможность ежедневно по вечерам витать на оз. Орок-нор, послушать прибой волн и полюбоваться красивым закатом, слушая в то же время музыку вечерн[их] птиц.

10/V, ☽. Ночь прекрасная — тихая, ясная и слегка свежая; по утрам все же наша речка покрывается в тихих местах тонкой корочкой блестящего льда.

В 8 часов утра уже очень тепло, а в 13 часов в тени выше 20°С. Сухость воздуха крайняя, однако речка нарядилась в изумруд. Вдоль нее слышно жужжан[ие] насеком[ых]. Мои негативы высохли очень быстро, я немного напечатал. Может быть, придет почта, вызовет ответы, что-либо, вероятно, будет нужно для отправления, во всяком случае Володе или в Географическое общество придется написать с приложением фотографий.

Гусев мой спокойно работает, успешно сидит на гнезде ископаемых. Теперь больше прежнего решил не оставлять разработку первого правобер[ежного] обрыва. Понемногу в середине он сдает, так как мои палеонтологи за гнездом идут в глубь материка. Сегодня и вчера очень прибыльные дни — добыто порядочно зубов (крепк[их]). Забыл отметить вчера чудную картину: на гребешке пустыни, в ряд по паре расхаживали важно степные курицы — дрофы, особенно горды были петухи. Я долго в бинокль любовался этими «азиатскими страусами». Так отрадна всякая жизнь в пустыне, а проявление такой красивой всегда вызывает восторженное впечатление.

Сегодня юго-западный ветер дует весь день, несет тепло и сухость.

Вечер такой же теплый, прекрасный. Не хотелось оставлять открытый воздух! Ночь тихая, сплошь облачная. Мы начинаем ждать Цэрэна.

11/V, ♂. Утро серое, дали короткие — пыль.

Стайка крачек-мартышек Sterna hirundo протянула вверх по нашей речке. В нашем соседстве расположился айль монголов, перекочевавший сверху на быках. И сегодня весь день дует крепкий зим[ний] ветер и по-прежнему очень сухой.

Пронеслась (у обрыва), где копаем «ископаемых», мал[енькая] бабочка — светлая, с зелен[ыми] крапинками. Раскопки продолжаются в том же прежнем обрыве: идем в глубь материка, почти полукругом, идем вслед за ископаемыми, они нам указывают путь. Красная глина, хранящая их остатки и представляющая собою третий ярус, все еще находится в сильно замерзшем состоянии, да она, вероятно, никогда и не оттаивает, иначе не были бы столь сохранны остатки позвоночных.

Ежедневный ветер положительно изводит: дует и дует то северо-западный, главным образом, то со стороны запада. Насекомых чуть-чуть, ящериц и змей до сих пор не видели. Барометр стоит низко.

12/V, ☿. Барометр пошел вверх: следует ожидать лучшей погоды. Небо почти ясное, лишь на горизонте лежит полоса белых кучевых однообразных облаков.

Я поехал один на моем монголе Гнедко вверх по руслу — там я уже был вместе с Ламаджабом. Солнце порою очень пригревало, порою ветер, северо-западный, значительно ослаблял впечатление тепла. В 11 часов утра я был у цели — начала характерного гранитного поля с однообразным насаждением на нем. На мелкоразрушенном гравии — ряды бесчисленного количества обособленных, обдутых, в виде пьедестала, памятников, выходов гранитов. Никакое описание не пояснит так, как фотографии. Прежде всего южнее гранитного поля на плоском возвышении, на равнинке, залегают могилы: в середине огромный кэрэксур с квадр[атным] ограждением, за которым кругом рассыпаны (в виде пояса) кольца из камней. К вост[оку] и зап[аду] — плиточные небольшие погребения, а к СЗ, словно в отдалении, ряд больших плиточных могил. Вот эту-то плиточную (большую) могилу я и снял (на фоне гранитного поля).

Потом перешел к северному ее краю гранитного поля, откуда открылась ложбина, отдел[яющая] от площади с могилами. В середине его как бы доминирует более крупный «пьедестал-выход». Вот к этому-то пьедесталу-выходу я и направился. У его южного края — стойбище монголов, необитаемое в данное время. Я зашел с севера к этой обособленной гранитной глыбе (может быть, это сравнение буд[ет] удачнее: песок — это море, а выходы гранитов — глыбы) и у основания оставил моего коня. Отд[ельные] малые глыбы так обдуты, что я мог просунуть в них повод и привязать Гнедко. Обойдя с запада, где глыба более полога и, следов[ательно], более доступна, я поднялся на ее плоск[ую] вершину (саженей на 5—6) и оттуда, в северо-северо-западном направл[ении], на море глыб произвел снимок. Мой Гнедко попал на почетное место, но только внизу.

Тут же, при спуске, я заметил к ЮЗ, на гладком утесе изображение лося и горн[ого] козла. Рядом, в глубине скалы, следы других непонятных фигур, а совсем под ногами — следы, едва заметные, письма. Я полагаю, что глыба из этой скалы прежде стояла на виду, кверху, но потом, вслед[ствие] интенс[ивного] обдутия и выветрелости некоторых из глыб, она упала, т.е. та, которая имеет письмена, но упала [не так давно], иначе она сохранила бы письмена в гораздо лучшем, выразительном состоянии.

Пока я все это рассматривал, ко мне уже карьером прискакал монгол смотреть, конечно, за тем, что это русский здесь проделывает, но, увидев, что я интересуюсь изображением «гурюсу» — зверей и желаю их снять, самым предупредительным образом изъявил готовность помочь мне в том трудном деле (снимок на скале, дов[ольно] круто). Поставив прямо на голову монголу мой аппарат, я и снял часть скалы с интересовавшим меня изображением.

Я поблагодарил своего знакомого, он осведомился, где я живу. В свою очередь указал мне рукою на расположенный невдалеке свой айль, затем, вскочив в седло белого коня, стремительно поскакал к скрывшемуся за увалом стаду баранов. Тогда я понял, что мой монгол — владелец стада баранов, гнавший их на водопой, а может быть, и пастух.

Случайно в том же направлении, куда унесся монгол, пролегал и мой путь. Я помнил утес с изображ[ением] всадника, а пониже и изображ[ение] традиционного янгер-ямана. Приближаясь к месту этого утеса и выезжая

сверху, я был заинтересован тем, что увидел: как раз у камня с изобр[ажением] человека верхом на лошади стоял мой монгол и рассматривал этот камень, вернее то, что начертано на его южной стороне. Увидев меня, он улыбнулся и сказал: «А я только хотел бежать к вам, сказать об этом». Тут, как раз еще залегали среди камней и отчасти на возвышении два небольших кэрэксура. Мой знакомый и говорит: «Это кэрэксур!». — «Да, — отвечаю, — и этот, и другой, повыше».

Вновь с прежней предупр[едительностью] монгол держал моего коня, как при снимке кэрэксура, так и при снимке камня со всадн[иком] и горн[ым] козлом. В заключение я показал на искатель в моем фот[ографическом] аппарате монголу, тот не сразу понял, в чем дело, а потом, восхищенный, несколько раз благодарил меня, очень внимательно следя за мной и аппаратом.

Спросив, не знает ли он каких-либо иных камней с бичиктэ или зверями, и получив отрицательный ответ, мы дружески расстались, приглашая друг друга к себе «на чай».

Мои стекла были израсходованы, и я направился домой тем же, что и раньше, путем.

Над скалами-глыбами парил — дов[ольно] низко — небольшой пестрый орел, лавируя против начавшего дуть значительного зап[адно]-юго-западного ветра. Воздух был слегка насыщен пылью, и горы к ЮЗ с обо и сончжэ виднелись словно из туманной пыльной дымки.

На моем пути по сторонам залегали зеленые площади молодой травы, по которой паслись животные монголов, а поодаль на скатах стояли и юрты этих номадов. По мере приближения к биваку (всего я сделал около 35 верст) ветер все усиливался, вскоре понеслись высокие красноватые столбы вихрей самых причудливых очертаний. На одном-двух таких вихрях я невольно сосредоточ[ивал] подолгу мое внимание, так как оба они, каждый в свое время, летели в направлении моего бивака. Вот, думалось, налетит такой вихрь и сорвет палатки или юрту! Но в оба раза вихрь пронесся немного ниже. Мне нравилось смотреть на их оригинальное движение, видоизменение и все то, чем сопровождался вихрь.

Я возвратился к 1 часу дня. Гусев только что отметил метеорол[огические] показания и опять ушел на раскопки. Сегодня в гальке, выше глины, или почти там, где на ней покоится галечник, вдруг нашли белые, чистенькие косточки мал[енького] грызуна, словно тушканчика.

Вскоре (уже с 2 часов) ревела настоящая буря, прямо с запада, и несла тучи той же красноватой глины, заслонявшие дневное светило настолько, что его не было соверш[енно] видно. Вместе с тем стало прохладнее, буря сбивала человека с ног, несла вместе с пылью порядочн[ой] величины камешки, одним из которых здорово ударила моего Гусева, направл[яющегося] к палатке.

К 6—7 часам дня буря начала стихать, последовательно, с 5 часов, переменив направление из западного на сев[еро]-вост[очное]. В 7 часов стало так холодно, что мы оделись по-зимнему.

Вечернее наблюдение воздуха дало minus, и ветер стих совершенно к полуночи. Небо было ясно, на севере только, над горами, лежало длинное кучевое свинцовое облако.

13/V, 2. Утро холодное, ветер от ЮВ, небо сплошь подернуто тонкоперистыми [облаками], minimum –8.7°C, речка прочно скована льдом. Вот

уже 11 часов утра, а я в полушубке, шапке и валенках пишу в юрте и чувствую себя хуже, нежели зимою, когда я мог разводить [огонь] и греться от печи, а теперь май — как-то совестно, ведь мы же в пустыне Гоби!

Сегодня ровно неделя, как наш Цэрэн направился в С[айн]-н[оин]-к[урэ] с почтой и за почтой и что-то его нет. Мои спутники полагают, что он из-за бури опоздал, задержался: вот посмотрим, что на самом деле задержало нашего курьера? Я очень жажду почты.

Ровно в полдень наш Цэрэнка наконец прибыл, выполнив удовлетворительно возложенное на него поручение. Нашу почту вовремя сдал, и она пошла по назначению дальше, в свою очередь доставил и нам некоторую толику писем. Мой Володя верен себе — написал свое очередное донесение, написала и моя верная ученица, милая В[ера] А[нтонов]на [Глищинская]. Как быстро летит время! Мой сын Владимир нынче кончает университет и мечтает о самостоятельной деятельности, о такой же жизни. Молодцом занимается и сдает экзамены: просто мое сердце не нарадуется. Хороша и дочка Ольга — художница: вот только бы ей побольше здоровья, которого никак не найдешь в Петрограде, разве в Царском, ныне Детском, Селе. Спасибо обоим моим детям — они прекрасные молодые люди, на радость мне и матери, а нынче такая редкость в этом отношении, правда, наши дети уже не те дети, которые растут и воспитываются в теперешнее время, они другие.

Очень рад я и письму от моей Антигоны, которая, наконец, списалась с Pelliot по моим делам, послала ему снимки и оттиск с печати, найденной в Баллотовском кургане Ноин-ула. Pelliot в Нью-Йорке. Надо послать ей и оттиск с печ[ати] с Орхона.

Не забыли меня отличным сердечным приветствием и дорогая Клавдия Александровна и Мария Георгиевна, приславшие, кроме того, и вкусных усладенек. Жаль только одного обстоятельства, что я не имею газет, но со следующей почтой, вероятно, и таковые, на наше счастье, прибудут.

Мои спутники работают в прежнем обрыве, первом, которому честь и слава, — обогащает экспедицию и приносит радость нам, мне и находящимся при мне сотрудник[ам].

А холод все стоит и стоит, его не уменьшает и солнце, весь день не разлучавшееся с нами! Надо думать, что с субботы-воскресенья все войдет в свою норму. Вновь настанут теплые, благодатные дни!

Ночь в своей первой половине ясная, во второй или последней — облачная.

14/V, ♀. Речка вновь покрылась льдом, небо — сплошными свинцовыми облаками, к довершению всего холодный сев[еро]-восточный [ветер] дует с ночи. Мы по-прежнему не выходим из полушубков, вновь отапливаем юрту. Просто не верится, что уже были и скоро могут и должны быть не только прежние теплые, но еще более теплые дни. Пустыня молчит — абсолютная тишина кругом, свинцовое небо удачно сливается с общим серым фоном пустыни для подавляющего душу впечатления. Ни голоса птички, ни жужжания насекомого — ничего, лишь один ветер шумит и воет, бесится среди безбрежного простора пустыни.

Мои спутники собираются на работы к сончжэ — разгадать эту загадку, стереть белое пятно, исследовать то, что оно хранит, и заложить на старом

пепелище традиционное обо. Даже монголы приветствуют наше стремление в этом отношении и охотно пополняют ряды наших работников на раскопках. «Сами мы боимся копать, — говорили монголы моим спутникам, — а с вами вместе будем работать с полной готовностью».

В 10 часов утра совершенно неожиданно появился в нашем лагере переводчик Глаголевской партии Р. Аюшиев — паршивый бурят! Удивительное дело: тот, кого так расхваливает Глаголев, оказывается отвратительным человеком. Хорош гусь и Канаев, так хорошо отзывавшийся о нем. Парш[ивец] Аюшиев заболел сифилисом, устроил ряд спекуляций без ведома заведующего партией, словом, поставил Глаголева в самое тяжелое положение и вывел С[ергея] А[натольеви]ча из равновесия: он пишет мне какие-то несообразности, забылся, пришел в исступление. В первом же тяжелом состоянии не нашелся, растерялся и о деле ни одного слова.

Какой мерзавец: при осмотре имущества оказался у него ряд новых теплых бельевых пар. На вопрос, откуда все это, он ответил: «Подарили Даниленко, Симук[ов], Канаев». А тут еще Глаголев потворствует ему: прибавляет содержание за те месяцы, в которые выезжал Вторушин из низовья Эцзин-гола. Ничего не понимаю: как хороши и отрадны сведения моего Пшевика, который образцово ведет «свою компанию», так никуда не годятся дела Глаголева. И напрасно я так много пишу и говорю о нем лестного, напрасно ставлю его в ряды своих достойных последователей!

Надо лучшим образом обдумать все, обсудить, как удобнее выйти из этого положения. Я полагаю, что мне надо скорее ехать на Орок-нор и далее. На озере совместно с Пшевиком все обсудим. Ей лучше и легче будет принять мою дополнительную программу исследования озера и гор и в ботанич[еском], и в зоологич[еском] отношениях.

В 4 часа дня удалось сплавить Р. Аюшиева. Что за история случилась у него с С. А. Г[лаголевы]м — не понимаю. Теперь, вероятно, мальчики [Симуков и Даниленко] уже прибыли на место, на озеро Сого-нор.

Сегодня я подстрелил бекаса у нас на речке, рядом с лагерем, Gal[linago] держался в обществе T[otanus] glareola. Недалеко, на лугу, паслись журавли-красавки.* После выстрела все птицы разлетелись, за исключением бекаса, он же попадался все предыдущие дни. Темными сумерками пролетел вверх по нашей речке ♂ ...** с громким тревожным криком.

15/V, ♄. Утро дов[ольно] приветливое и теплое, но речка все же была местами подернута тонкой ледяной коркой. Ко мне приехал с ранним приветом, с большим хадаком Ламаджаб — пожелать всего хорошего в мою далекую дорогу, так как он на днях уезжает далеко, к месту пастьбы его ату, или табуна лошадей.

К нам больше и больше привыкают соседние монголы, предлагают услуги нам, приносят «луу» и готовы втихомолку показать места с ископаемыми.

---

* Gallinago: ♂, длина 27.0 д[юймов], размах 32.6, разн[ица] 1.5 сант[иметра]. Зрачок темно-бурый, клюв (окон[ечная] половина) темный, у основ[ания]: верх[ней] чел[юсти] — св[етло]-коричн[евый], нижн[ей] — зелен[ый].

** *Далее пропущено название птицы. (Прим. сост.)*

Сами мы усердно и всецело заняты снаряжением меня в дорогу.

Вдруг неожиданно пронеслась одиночка, береговая ласточка Chelidon urbica, снизу вверх по долине нашей жалкой речонки.

Вечером стало очень холодно: дул сильный ветер от северного горизонта. Облака на юге в период заката солнца сильно окрасились в огненно-красный цвет, высота освещенных облаков доходила до ¾ к зениту. Такие световые явления обыкновенно бывают в связи с землетрясениями. Такую картину золотистых огненных облаков я наблюдал в горах юго-западного Кэнтэя, у перевала Суцзуктэ. Тогда над вершинами гор облака рвались, сжимались, расширялись, словно паутина, и стремительно летели на ЮВ.

Наша монголка — собирательница аргала Цивиль — предъявила несуразную плату за свой труд. Сразу дала понять, что она не из простых, а, как покойный Пшева выраж[ался], «из гавноша». Ну ладно, мои ребятки говорят: «Мы и без нее обойдемся, рассчитаем, у нас аргал будет собирать один из рабочих по раскопкам».

16/V, ☉. Сегодня воскресенье, утро было ясное, барометр стоит высоко, около 615, а северо-западный ветер неизменно дует, несет тонкоперистые [облака], которыми и убрал все до этого врем[ени] голубое небо!

Речка, конечно, под льдом, который все еще (½ 11-го часа утра) держится и красиво искрится на солнце, ломаясь от напора [воды] в быстрых местах нашей речонки.

Устал возиться с укладкой, с распределением предметов, вещей: что нужно оставить здесь, на месте, что необходимо взять с собою и для Орок-нора, и для моих харахотосцев. Вместе с тем необходимо инструктировать и моего прекрасного во многих отношениях незаменимого «Гуся» — В[асилия] А[ндрееви]ча. Обо всем надо подумать обстоятельно. Хотя сейчас все мои мысли на Орок-норе, но тем не менее приходится думать и о Холте, и о Хара-хото! Последний — самый удаленный наш пункт, а Холт сейчас — в своем роде Ноин-ула.

Немного осталось поработать — нужно напрячь все физические и мыслительные силы. Каждый истекший месяц приближает экспедицию к родине. Впереди июнь, в течение которого я побываю и на Орок-норе, и в Харахото. В самом начале июля направлюсь я к северу, вероятно, через Орок-нор, с тем чтобы всем партиям собраться в первой трети августа, примерно в окрестности Холта, откуда пойдем в Ургу — то будут последние шаги экспедиции. Больше чем убежден, что почта будет с Орок-нора. Я не считаю сношений местного характера и сношений деловых по телеграфу. Все мои мысли, повторяю, сейчас на озере Орок-нор, подле моего родного Пшев[ика].

Когда экспедиция прибыла в урочище Холт, тут никого из монголов не было, но теперь, к половине мая, когда наша долинка зазеленела, Холт сделался оживленным местом: юрты везде кругом нас и по временам в течение дня вся речонка наша запружена скотом номадов. Животные пьют и спасаются от насекомых то под защитой обрывов, то заходят в воду. Забавно смотреть, как коровы с загнутыми хвостами галопируют из пустыни-степи к речке.

Дивный вечер: теплый, тихий, ясный. Я долго сидел у юрты и прислушивался к дыханию пустыни, ее скрытой жизни. Кругом — ни звука, лишь

изредка просвистит куличек, крикнет турпан и только. А небо чудное, глубокое небо; молодая яркая Луна гордо несется высоко над горизонтом.

17/V, ☽. Ясное, дов[ольно] тихое и нехолодное утро, однако речонка наша все еще к утру, раннему, имеет ледяные забереги, но с каждым днем меньшие и меньшие.

Итак, завтра в это время, мы (я и Цэрэн с монголом-пог[онщиком] жив[отных]) уже будем в дороге к юго-западу, к воде и горам, к широкой жизни природы Монголии.

Сухой западный ветер дует без конца при 22.0° тепла в тени; в пустыне бесятся высокие, иногда широкие, расплывчатые в основании, пыльные вихри; атмосфера пресыщена пылью. Наша речонка с долиной нарядилась в изумруд и привлекает к себе всеобщее внимание — и человека с его стадами скота, и животных диких, в особенности птиц. Нет здесь вовсе ни земноводных и пресмыкающихся, ни бабочек, ни мало-мальски интересных мух.

Интересно будет сравнить картины жив[отной] жизни здесь, в пустыне, и на Орок-норе.

Еще только 5 часов дня, а уже верблюды и мой проводник явились. Все готово, надо надеяться, что бури не случится и я смогу, как и предполагал, выступить завтра в путь. Я доволен: двигаться вперед, видеть и наблюдать — вот мое призвание. Что со мною будет тогда, когда я не буду в гармонии со всем моим существом, когда физич[еская] сторона не будет в состоянии выполнять духовного задания?!

Пришла и соседка с хадаком попрощаться, пожелать хорошей дороги, благополучия. Я согласился принять в услужение ее сына Сухо-батыра, но ее лично отклонил, хотя она очень просилась принять ее за любое с моей стороны вознаграждение и просила прощения за дерзость.

Вечер и ночь тихие, облачные, барометр падает и падает до minimum'a, 606.0 mm.

18/V, ♂. Утро то же, лагерь на ногах с зарею: все хлопочут. Меня разбудили в 5 часов утра. Выступили в 6 часов ровно. Мои спутники — Цэрэн и Цэбэн-Дорчжэ. Последний — монгол, славный малый, в роли проводника и погонщика животных.

Мы прошли напрямик от урочища Холт в долину Гун-нора и разбили лагерь в урочище Гунбуртэ на прекрасном роднике, окаймленном свежим изумрудом. Характер местности нам хорошо известен: мы перешли из долины речки в дол[ину] озера, пересекли горы Готонтэн-сончжэ значительно южнее главного угла, по двум отрогам, перевалами Убур-булык и Барунтуру. Внутр[енние] ущельица при слиянии создают еще ниже, южнее, отрадный зеленый оазис — Тумыр-булык.

Там особенно много паслось скота, хотя, в общем, по всем логам на нашем пути залегал свежий пышный корм, по которому везде виднелся скот кочевн[иков], а в укромных местах и их айли — стойбища из юрт. В ущельях гор я впервые увидел красивый лиловый цветок колюч[его] приземистого Oxitropis у дороги или рядом, вблизи. Из птиц больше всего чеканов и орлов степных. Хищники держались у трупов животных, там и сям залегавших в степи-пустыне, — результат последнего снежного шторма, слу-

чивш[егося] накануне мая. В облачном небе парили и кружились бурые грифы, у трупов, повторяю, сидели (вблизи, вдали и на самих трупах) степные орлы: очень темный, очень светлый и средний м[ежду] 1-м и 2-м — бурый. Орлы вообще в крепкий ветер сидели смирно и совершенно игнорировали и наших верблюдов, и нас — людей, впрочем составлявших одно стройное целое. Один же орел — бурый — так очень удивил всех нас: он красиво кинулся с высоты вниз, держа приспущенные когтистые лапы наготове схватить намеч[енную] жертву — суслика или пищуху. Ни того ни другой здесь не оказалось, и орел, положительно в 10 шагах от каравана, опустился и тотчас лег, слегка распустив темно-бурые крылья. Это он залег для того, чтобы скрасть у норки ее обитателя. Орел лежал малозаметным, почти вплотную прижавшись к земле. Мне, сидящему на верблюде, он был слабо виден. Проводник мой заметил: «Сильно проголодался, решил караулить пищух. Это с ними случается нередко, когда захотят полакомиться „свежинкой“».

Я лишь одно обстоятельство подчеркнул: со мною не было ружья и хорошие птицы словно чуяли и знали это. То же было дальше и с плавающими на Гун-норе индийскими гусями, г[усями] серыми, турпанами, утками и крачкой-рыболовом.*

Озеро Гун-нор лежит в котловине, поддерживает свое существование родниками. Это, конечно, довольно соленый бассейн, мелководный. В крепкий, бурный ветер оно имело низкие волны, на которых, словно поплавки, качались островами гуси и утки. Цвет воды некрасивый — серо-зеленый, но озеро все же шумело и по своим песчано-соленым берегам давало возможность пройти.

Там и сям стояли юрты монголов и темнел их открыто лежащий скарб.

Удивительно приятно было вновь увидеть Хангай: Хан-кокшун-ула, острый Хайрхан, с затейливыми вершинами и крутыми, обточ[енными] ветром гранитными стенами Ашигэт, равно вблизи высоты и Уха-обо, место нашего первого лагеря рядом со стойбищем Чимита. Почему-то особенно трогательно вспомнился тот момент, когда я наблюдал от обо за удалявшимся караваном во главе с орнитологом экспедиции Е. В. Козловой. Вспомнилась далекая темн[ая] Х[ара]-ула.

Грустная мысль осветляется моей поездкой туда же, на Орок-нор, где меня еще не ждут!

Вскоре после перевалов крепкий западный [ветер] превратился в настоящую бурю с пылью. К вечеру стихло, до 12 часов ночи стояла тишина, но потом вновь подул крепкий северо-западный ветер.

Гунбуртэ — обильные ключи, тонут в зеленой мураве, дно их русла галечное. Много было инд[ийских] гус[ей], турпанов, уток и куликов. Нас осаждали соседи-монголы и клянчили.

Чудная общая долина Гун-нор и Гунбуртэ открывает широкий простор, на севере преграждаемый Хангаем, это — во-первых, во-вторых, с одной, зап[адной] стороны Ашигэтом, с другой — нашей [Готонтен-]сончжэ, с их главными и второстепенными отпрысками.

---

* В степи-пуст[ыне] меня занимали еще кривляки (справа налево) во время полета, круп[ные] крас[ные] кулики и ящерица (Er[emiomys] przewal[skii]).

19/V, ☿. Последняя половина ночи бурная, сплошь облачная, усыпила нас так, что мы проспали. Цэрэн не был верен себе, я же проснулся на ½ часа позднее, настолько позднее мы и выступили. В этот день мы не расставались с седлом ровно 12 часов и прошли 55 верст, или иначе: достигли Тацин-гола! Это очень утомительно и для человека, и даже для верблюдов. Мы шли в общем на протяжении 45 верст по местности, мною уже описанной (поездка к Самарину). Единственно, что новое и довольно характерное: тогда я ехал севернее Х[ан]-ула, теперь южнее. С юга, со стороны глуб[окой] долины, она кажется более величественной. Последовательно я хорошо ее проследил, и теперь мы двигались и наблюдали детали, даже обо.

В прилежащей с юга долине теснились на зеленых островах номады. Характер местн[ости] тот же — степь-пустыня. От кэрэксура на мысу мы взяли не на черный мыс южных гор, а на северный, с целью скорее достигнуть цели — р. Тацин-улэн-гол, по одному из лев[ых] ее русел. Эта речка несется к югу из Хангая в долину озера, впадая в Цаган-нор (соленое). Истоки этой реки простираются к северу верст на 60—70. Дорогою видели стриж[ей] и бер[еговых] ласт[очек].

В месте нашего вступления на Тацин-гол он стремител[ьно] несется по галечному ложу то одним руслом, то дробясь на рукава. Ширина «гола» саженей 10—12—15, глубина в среднем около 1 фута, вода прекрасная, прозрачная. Берега местами скалистые, местами глинистые, берег[овые] террасы высокие, сухие, низкие, гучжирные, покрыты яркой травян[истой] зеленью.*

Ширина ущелья описыв[аемой] реки 100—200 и более саженей. Русло усажено гранитн[ыми] валунами, местами порожисто, где Т[ацин]-гол шумит и пенится. Местами имеются знач[ительные] омуты, быстрины. Там прыгала из воды серебр[яная] мелкая рыбка. Вообще, река жмется к левому скалистому берегу, который очень высок. В сумерках заквакали лягушки и долго свистели перевозчики (Act[itis] hypol[eucos]). Позднее, за полночь, тишина стояла абсолютная.

В месте нашей стоянки, выше и ниже лагеря, я снял два вида. Нижний с башнями — это начало столовидного плато, далеко сопровожд[ающего] Т[ацин]-гол и капризно обмытого. У монголов это плоское возвышение с высок[им] конус[ом] и кровлей и крут[ой] изв[илиной] [называется] Баин-айрик.

Ночь тихая с молодой Луной и массой звезд.

20/V, ♃. Утро прекрасное, тихое, ясное, лишь [слышен] рокот речки. И сегодня хороший переход — 43 версты, что всего за три дня составит 138 верст. Наш проводник говорит, что прошли половину из всего нашего расстояния.

Замечательная местность. Мы шли вниз по Т[ацин]-голу 7 верст до места теснины, где столовидная возвышенность круто обрывается в каньон, дорога отходит вправо, река влево, оба идут рядом. Приблизит[ельно]

---

* Вдоль речки, по зеленым низинам много голуб[ого] касатика, по песч[аным] площ[адям] — грызунов.

через 8 верст Т[ацин]-г[ол] сворачивает к западу, вырвавшись на сравнител[ьный] простор, где мы на него вступили лишь на 1 версту, так как наш путь поднялся вновь вправо, на плато, и постеп[енно] стал откл[оняться] от Т[ацин]-гола. Очень инт[ересное] место мы прошли, словно улицей из гранитов, пересекли их и увидели красивый простор в полуденном направлении — увидели Бага-богдо и Ихэ или Барун-богдо, всю цепь Монгольского Алтая, которая, по мере нашего споркого движения, выделялась контрастнее. В пыл[ьной] дымке мутно блестели снега, особ[енно] значит[ельно] в Ихэ-богдо. Острый угловой провал в высок[ом] массиве хорошо выделялся, как отлично вырисовывался и кратерообраз[ный] конус Бага-богдо. Это вдали, но нас очень занимала и картина ближняя, и не только Баин-айрик,* но [и] уступчатое, характерное плато (очень размытое, с заливами в обр[ывистых] берегах). В склонах или в обмытых обрывах выдел[ялось] много красных глин, красиво блестевших издали. Здесь ясно [видна] картина уступчатого дна моря, постепенно падающего в общую озерную котловину со многими озерами, до Орок-нора — нашей цели — включительно.

Местность с красной глиной называется у монголов Улан-саба (это земля гэгэнская «ламэн»). Мы прошли у черной горы с плоской вершиной, которая наз[ывается] Ширэ или Ширь и которая очень напоминает таковые в общем столовидном возвышении. Все это древнее дно так называемого моря.

Кэрэксуры отмечены по дороге и в ущелье (выс[окая] насыпь), и по косогорам, и один на вершине луговой галечной высоты, из темной лавы, который я вначале принял за обо. Это вблизи, немного западнее горы Ширэ. Именно отсюда открыв[ается] простор в долину, куда сбегает дно «моря».

Везде в горах ютились монголы со скотом. На Т[ацин]-голе я наблюдал: Ciconia nigra, тур[панов] и крачек, а в пуст[ынной] степи — орла, массу больдуруков, первых харасульт, ящериц Emomias et Phrynocephalus, а из растений в цвету касатики, карагана с золот[истыми] цвет[ами] (алтэн-карагана) и реомюрия — шандын-богоши. Остановились мы в пуст[ынном] Хуху-нуру, без воды, довольствуемся привозной.

По дороге и на месте поймали жуков (два вида, одну очень нарядную, голубую жужелицу) и три-четыре вида мух. Золотистая не далась. Несколько экземпляров пойманы у норы и места мытья, куда на влагу прилет[ели] мухи утол[ять] жажду.

Ночь прекрасная — тихая, ясная, но перед рассветом с запада пришли слоистые облака и закрыли все небо.

21/V, ♀. Серое утро, небо в слоистых облаках, сибиряки говорят «морошно»! Мы пересекаем волнистую, в общем покатую к Орок-нору равнину. Покров земли — галька и песок, много цвет[ной] караганы. Мы определенно идем на блестящее пятно — солончак. Два озерка, меньшее — восточнее, большее — юго-западнее. У первого — субурган при прекрасном источни-

---

* Над Баин-айрик доминирует вершина-конус Бугу-хайрхан, видная за сотню верст. Но еще дальше, кажется, видна Хан-ула — с перевала, на пути к Орок-нору.

ке — аршане. Здесь мы были ранее 10 часов утра, прошли 20 верст и запаслись водой с целью пройти еще большее расстояние.

Местность эту нам назвали Холбольчжин-нуру. По сторонам залегала зелень, на которой паслись верблюды, лошади, коровы и бараны. Вблизи и вдали от субургана стояли два айля. Ихэ и Бага-богдо «закурились» и почти соверш[енно] скрылись. Я снял вид, главным образом на субурган. Не знаю, кажется, даже и соседн[его] озерка не видно. Но больше всего мне жаль гор, их грандиозного контура, силуэта.

На ближ[айших] площадках пресн[ой] воды держались утки, турпаны, парочка красивых пеганок, над озером вертляво летали крачки-мартышки и чайка-рыболов.

Судя по назв[анию] аршана «Цзогэн-булык» и по устройству здесь, при нем, каменного субургана, это место до некоторой степени священное. Периодич[ески], летом, в честь Майтреи здесь молятся.

Еще мы, что называется, не вышли, как задул западный ветер, вскоре превратившийся в бурю! Мы прошли по перешейку между озерами, по мелким кучкам, состоящ[им] из кустарника с пологими мелкими барханами сыпучего песка, по поверхн[ости] которого держалась масса темно-серых жуков, спины которых были сплошь покрыты продольными линейными возвышениями. Странное дело, жучки, полож[енные] в спирт, сильно темнели, красивый серый оттенок исчезал.

Мы поднялись на столовидное возвышение, укрытое галькой; мелкие камешки и песок уносились часто разгуливающими западными ветрами. Среди различных галек попадались отшлифованные ветром и песком трехгранники и четырехгранники. Между тем буря рассвирепела настолько, что сбивала в сторону, сильно относила даже верблюдов. Цепь Монгольского Алтая исчезла совершенно, даже берег[овые] высоты приток[ов] Орок-нора, стоявшие впереди [по ходу] нашего движения, и те часто скрывались и не давали видеть себя для ориентирования. С большим трудом мы сделали 10 верст и, достигнув р. Амгэлэн-гол, притока Орок-нора, в монгол[ьском] айле нашли себе приют и возможность записать и улож[ить] насекомых.

Речка Амгэлэн-гол несется нешироким, мягким руслом по очень просторной долине, глубоко погруженной в песчано-глинистых береговых обрывах. Ширина долины от ¼ до 1 вер[сты] 200 саженей. В наше время она отливала сплошь зеленью, по которой паслись мон[гольские] стада. (Ширина глубоко погруженной, до 25 саж[еней], долины простирается около 1 версты.) Эта речка, говорят, не сливается со следующ[ей] на нашем пути в ½ перехода, а просто иначе назыв[ается] (Харюльтэн-гол) и образует речку (Шот) Чотхолун (Чооточлун) — водопад; водопадом вливается по камням в озеро О[рок]-нор.

Нас уверяют, что мы дойдем завтра к позд[нему] вечеру, к закату, в Далын-туру, правда ли? Мне что-то не верится. Если бы мы сегодня не остановились из-за бури, то завтра бы пришли вовремя, а теперь трудно сказать, когда я увижу моего родного, моего близкого Пшевика, стоящего лагерем со своей партией на ЮЗ О[рок]-нора.

Поздним вечером мы улеглись спать с намерением пораньше встать на следующий день для выполнения последнего перехода. Цэрэнка ухитрился где-то угоститься арекой.

Мне долго не спалось, но зато я уснул крепко до времени вставания.

22/V, ♄. Ясно, прохладно, предрассветный ветер дает себя чувствовать. Все спали, за исключением двух человек, проводивших нас. Мы выступили в сумерках и до красивого, словно морского, восхода солнца (над столовидным возвышением с Бугу-хайрханом включительно) успели пройти 5 верст, т.е. за час с лишком, так как движение по долине Амгэлэн несколько затруднялось неровностями, а затем и подъемом на плато с галькой. Но зато по этому плато мы шли особенно успешно не только до перевала через горную гряду Хусэ-хамыр, открывшую нам наконец долгожданный Орок-нор, но и далее к юго-юго-западу. Нетерпение наше теперь увидеть белую палатку увеличивалось. Хусэ-хамыр сильно падает в сторону Орок-нора. Террасу за террасой мы оставляли, погружаясь ниже, где за кустарниками и холмиками песка не вдруг заметили белую точку. Наконец она передо мной мелькнула, [и едва] я вскрикнул: «Цаган майхан!», как она на коротк[ое] время исчезла. Я поднялся на бугорок песка, и белая точка немного расплылась. Мои спутники радостно ее приветствовали. С этого времени мы не давали пощады нашим верблюдам и все понуждали их. Я на своем упрямце сильно измучился, но зато на версту опередил мой небольшой караван.

Теплее, отраднее становилось с кажд[ым] часом. Площадь озера драконом убегала на восток, в направлении Б[ага]-богдо, оно иззелена-серое; но лучшее впечатление вселяла в нас Ихэ-богдо — спокойная, гордая, могучая, убеленная до середины снегом.

Наконец я у родного лагеря! Палатка закрыта, владелица — начал[ьник] партии Орок-норской — на экскурсии в соседних горах по своей орнитологии.

Меня встретили ласково собаки, не только Чуфра, но и Монгол, меня это очень удивило. В это время вышли из юрты и Канаев, и Ганчжуров. Общая радость, а у моих спутников и удивление — они никак не ожидали [моего прихода], почти неожиданного.

Много говорили, беседовали, смотрели, много вспоминали. Обедал я, чаевал, разбирался, приводил себя в порядок, читал мальчикам, показывал фотографии и вот даже заканчиваю на сегодня дневник, а моей Пшевочки все еще нет!

Около 6 часов дня наконец возвратилась моя родная Пшевочка. Так отрадно видеть счастливого человека. После общих интересных обобщений она засела за письма, за их прочтение. Долго их придется перечитывать! Одних [писем] мамика около 10, да мой дневник тоже порядочный, объемистый!

Вечером долго беседовали, и я очень захотел спать. Ночь хорошая, но обильная пыль, насыщающая атмосферу, не дает полной картины.

23/V, ☉. Утро тихое, ясное, но дымка сокращает горизонт, небо серое на горизонте, как и поверхность озера. Горы завуалены, дали закрыты, фотографировать невозможно.

В соседних горах много горных козлов и аргали; звери пасутся нередко рядом с домашними животными. Туземцы еще ютятся в долине озера, но с наступл[ением] жары перекоч[уют] в горы.

На весеннем пролете было много птиц и в количественном [отношении], и в отношении разнообразия. На гнездение осталось сравнительно немного;

может быть, это явление кажущееся вследствие большой площади, какую из себя представляет озеро Орок-нор.

В общих чертах я остался доволен результатом работ Орок-норской партии.

Сегодня просмотрел и уложил 150 экземпляров птиц. Текущие сборы и сборы, еще не высохшие, дают порядочное количество птиц, грызунов мало, но интересные, насекомые только начинают оживлять собою луга, ущелья и горы вообще. Лягушки квакают почти в течение всего дня.

Ветреный вечер рано усыпил меня. Канаев еще после обеда отправился в горы, с ночевкой, а Ганчжуров был занят розыском верблюдов и проводника к торгоутам.

24/V, ☽. Утро серое с крепким западным ветром. Озеро и горы неприглядны. Мой Пшевик отправился экскурсировать по зап[адному] берегу озера. К полудню она возвратилась с мелкими птичками, а после обеда возвратился из горной экскурсии и Канаич, добывший пару Caccabis, Petrocincla, пищуху горную и друг[их] немногих, принес и жучков.

Экскурсируя в горах, Канаев набрел на пещеру, в которой добыл цацу.

Что-то странное происходит в природе: барометр падает, а вечер просто на диво прекрасен. Пыль немного улеглась, горы слегка открылись, даль расширилась, и Орок-нор затих, не шелохнется, его стальная поверхность уподобилась зеркалу. Темно-бурая стена гор и серое озеро у ее подножия красиво сливаются в общую картину. Тихо-тихо кругом, лишь в вышине заливаются пением жаворонки да вдали — на островной отмели — кричит орлан-белохвост, ему вторит мелодичный голос журавлей. Удивительно хорошо, приятно, из двери палатки открывается вид через все озеро с близкими и далекими горами. Через середину бассейна видна гордая Цзун-богдо или Бага-богдо со своим характерным куполом. На этом массиве, как и на Ихэ-богдо, лежит снег.

Сегодняшним вечером я просто очарован, не могу налюбоваться. Завтра предполагаю произвести несколько снимков на горную цепь Монгольского Алтая. Сегодня сделал лишь один снимок с соседней гряды на юго-западный край озера и прилежащие горы.

До обеда возился с птицами, уложил ящик (крупн[ые] и мелкие) до 200 зкземпляров. Но не вся еще работа в этом отношении окончена. Крупных птиц еще наберется ящик.

После того как солнце скрылось за горизонт, озеро изменило свою окраску: из светло-серого перешло в настоящий стальной, более темный у гор, и наоборот, чем удаленнее от них к северной равнине, тем светлее.

Между тем с запада надвигается на Ихэ-богдо темно-серая туча. А на востоке, над Б[ага]-богдо, [над] всем этим массивом протянулись две полосы: т[емно]-голубая снизу и розовая сверху. Над озером там и сям пролетают вереницы птиц и доносятся благозвучные голоса лебедей.

Немного позже сумерки сменяются ночью, и окрестность погружается в глубокий сон!

25/V, ☌. Тихая, приятная ночь сменилась бурным утром: крепкий западный [ветер] вскоре сменился сев[еро]-зап[адным]. Мне хочется проникнуть в горы, посмотрсть на ущелья, ознакомиться в геологическом, бота-

нич[еском] и зоологич[еском] отношениях. Хочется также произвести с гор несколько снимков и общих, и детальных; хочется снять и озеро, и бивак и т.д. Пыль и ветер! В то же время необходимо произвести промеры глубин озера. В этом отношении справедливо беспокоится начальн[ик] Орок-норской партии. Моей Пшевочке хочется вовремя покончить с исследованием озера и до жары и мучител[ьных] кровопийц перебраться в ущелье Битютэн-ама, под защиту могучего крыла Ихэ-богдо. Лодка приведена в порядок и после обеда собрана.

Мне давно хотелось поплавать по Орок-нору, который, как назло, вчера вечером был до зеркальности спокоен, а сегодня ревет и гремит, еще с утра нахмурил брови и стучит. Чайки и крачки то качаются на волнах, то борются с ветром в воздухе над бел[ыми] барашками.

Я все же попробовал с Канаевым сначала вблизи берега — юго-западного угла озера, а потом рискнули пересечь его по северо-восточный диагонали к галечной косе. Иными словами — переплыть весь западный бассейн из юго-западного в северо-восточный угол. И благополучно пересекли,* хотя волны достигали бол[ьшой] высоты, в особенности «девятый вал», но мы хорошо шли параллельно им — то поднимаясь [с] их вершинами, то повергаясь в их низину, к подножиям. «Девятый вал» всегда блестел барашками. В середине озера птиц не было, но по мере приближения к сев[ерному] берегу стали встречаться чаще и чаще. Первыми облетели наше суденышко чайки-рыболовы, ♂ и ♀, затем орлан-долгохвост. Потом крачки, вдали ныряли хохлатые чомги и т.д. Неподалеку уже от галечной косы я любовался серебристой лентой из чаек, унизывающих собою гал[ечный] берег.

Опять пронесся орлан, а затем чайки и крачки. Канаев молодцом греб и выдерж[ал] марку.

Дно Ор[ок]-нора илистое, топкое у юго-западного берега и твердое по мере удаления и углубления.

Только за сто саженей от сев[ерного] берега дно галечное и более быстро переходит от maxim[um] глубины в 2 сажени 1—2 фута к уровню берега. В общем, у сев[ерного] берега глубже и тверже. Глубина, как в равнине, постепенно увеличивается: через 100 гребков (саженей) — 3½ фута, еще 100 — 5 фут[ов], еще 100 — 7 фут[ов], 100 — 13 фут[ов], 100 — 14 ф[утов], 100 — 14 ф[утов], 50 — 14 ф[утов], 800 — 15 ф[утов], 50 — 8 ф[утов], 30 — 6 ф[утов], 30 — 30 [футов].

Выплыв на берег, у косы, уходящей к ЮЮВ и востоку, состоящей вначале из более крупной гальки (и высокой, и широкой), а потом, последов[ательно], все из более мелкой (низк[ой] и узкой), скрывающейся в воде, мы вытащили нашу ладью на серый берег (на ил) и опрокинули ее. Она слилась с общим фоном местности. Волны продолжали стучать о галечн[ый] берег: приливы и отливы их шумели двигающейся в обе стороны мокрой галькой.

Мы пошли берегом к дому. Вначале обогнули залив с реликтовым озерком, со свежим камышом, пересекли мокрую изумрудную лужайку и вступили в возвыш[енную], твердую прибрежную луговую покатость, которой по

---

* Оз. Орок-нор вытянулось в долине, окаймл[енной] подн[ожием] Монг[ольского] Алтая от запада к востоку, и косами-отмелями характерно делится на три части, или бассейна: зап[адный], средний и восточный.

тропинке успешно подвигались к западу, к дому. Рядом, севернее, на еще большем возвышении хрящевой равнин[ной] местн[ости], залегали песчан[ые] бугры с кустарником, караганом. Тут сидел долгохвост, на самом берегу тоже, а на лужайке между кочками прыгал какой-то темно-бурый дрозд, рядом пролетел скворец. Наш бивак виднелся трудно различимым пятнышком. Озеро будто успокаивалось, волны понизились, ветер стих. У встречных монголов мы взяли верблюда и лошадь и благополучно доехали домой. На северо-западном углу, на отмели, вдруг обнаружили стайку псевдо-Scolop[ax], которые, перелетая на солнце, очень краснели своими рыжими шеями и брюхами — низами. На островках сторожами сидели орланы, над озером там и сям висели в воздухе стайки уток или одиночки-крачки.

В лагере я решил на след[ующий] день с ран[него] утра отправиться продолжить и закончить промеры, начав с центр[ального] бассейна диагон[ально] на ЮВ и окончив промер[ами] восточнее, по северо-восточной диаг[онали].

26/V, ☿. Утро дов[ольно] ясное, малопыльное, но все же с западным ветром, к полудню почти стихшим. Утром, как и решено было, Канаев и Ганчжуров поехали к лодке с целью произ[вести] промеры до конца. Я встал поздно — в ½ 8-го часа. Пшевик успешно экскурсировал за вчер[ашними] красными куликами — убил пару и еще Ter. cinerea. Совсем хорошо.

Я сторожил бивак, снял [Ихе]-богдо, берег озера с каменной древней береговой грядой, на которой, в южной части, покоятся три кэрэксура. На снимке — чуточек озера. Пишу дневник, ловлю мух и наблюдаю за озером и горами. Может быть, вечер позволит снять озеро в сев[еро]-западной части. Не знаю, удастся ли, а очень нужно!

Впереди предстоит поездка в одно из ущелий Ихэ-богдо — Битютэнама, где моя Ор[ок]-н[ор]ская партия предполагает провести жаркое время. Я с удовольствием туда поеду, так как хочу, повторяю, познакомиться больше с самими горами, их строением и жизнью. Говорят, это ущелье очень узко, глубоко, на дне его имеется ...* лес** и т.д.

Приезжала монголка с северного берега получить за лошадь и познаком[иться] с нами главным образом. Являлся также и сосед-монгол, бывалый малый, выжига, он знает (но не очень твердо) дорогу на Эцзин-гол и соглашается быть моим проводником туда. Придется на нем остановиться и начать понемногу готовиться в далекую пустынную дорогу.

Озеро спокойно, тихо, не шелохнет. Подле лагеря сильный ключ, на каменистом валу — древнем берегу озера — кэрэксур. Вот лучшие знаки, по которым легко найти место нашего бивака. Пройдут года, и, вероятно, судьба занесет сюда кого-либо из исследователей-путешественников.

Ночь. Со стороны озера чуть-чуть долетают звуки лебедей. Подле палатки мелькн[ул] козодой.

27/V, ♃. Ночь довольно прохладная. Утро почти ясное и тоже не теплое, соседка [Ихэ]-богдо видна всеми своими снеговыми больш[ими] и мал[ы-

---

* *Далее слово неразборчиво. (Прим. сост.)*

** *Слово* лес *написано над строкой. (Прим. сост.)*

ми] верхними складками. Цз[ун]-богдо, по обыкновению, в пыльной мгле или тумане, ее видно только в виде силуэта. Восточная даль озера сливается с таким же серым небом. С севера и юга выступают контрастно мысы, эту контрастность создает мираж. Хорошо видны северные песчаные барханы.

Наш берег оживлен кое-какими плавающими, но лебедей нет — они лишь ночуют.

Мой Пшевик отправился в горы поэкскурсировать. Я уже сделал обход по ирисовым клумбам и песчано-дэрэсунным буграм. Поймал только одну золот[исто]-бурую муху.

Мои ребята — Канаев, Ганчжуров и монгол — еще не возвратились с работ на озере, с его отдаленного северо-восточного угла, прямо противоположного углу лагеря.

Я сделаю новую прогулку с сачком, а потом, до обеда, займусь писанием писем и проч. Важно написать полпреду, Бурдуковскому, Гусеву и близким друзьям. Вернее всего, полагаю, отправить почту с нашим монголом, а там, от Гусева, нарочным, в С[айн]-н[оинский] Монценкоп.

Над нашим лагерем постоянно парит Milvus melanotis и подбирает отбросы. Нередко с ним ссорятся наши собаки — Монгол и Чуфра, жестоко, но безрезультатно бросаясь на полезную для нашего лагеря птицу в то время, когда она ловко схватывает кость с земли (на лету!).

После 13 часов дня пришла с запада пыльная буря, озеро нахмурилось и огласилось протяжным непрерывным воем. Крачки замелькали, опрокидываясь на бок и показывая бел[ый] снеж[ный] низ. По горам потянулись тучи, вершина Барун-богдо совершенно закрыта. Почему-то Ихэ-богдо сильно напоминает мне ургинский массив Богдо-ула, кстати, именно так местные монголы и величают нашу соседку. В 15 часов она открылась — вся нарядная, в серебристом одеянии, обильный снег укрыл не только верхний, но и средний пояса словно зимою, особенно дико горды главные вершины, которых теперь прибавилось. Темная туча ушла на восток и теперь бушует в массиве Цзун-богдо, который пока скрыт в хаосе.

Елизавета Владимировна успела вернуться до начала бури, хотя крепкий западный ветер уже играл высокими столбами вихрей. Наш орнитолог доволен: Sylvia nana положила яички, целых пять, белых изящных, и на них так крепко сидела, что ее можно было взять руками. Только после нескольких принуждений (палочкой коснулась птички) Пшевик заставил S[ylvia] nana вспрыгнуть, но и то птичка остановилась сначала у края своего гнездышка. Елизавета Владимировна взяла из 5 одно яичко для выяснения, в какой стадии развития находится кладка.

Моих мальцов все еще нет! Ужели так далеко? Или они дорабатывают, доканчивают исследование озера? Я надеюсь, что Цэбэн-Дорчжэ еще вчера соединился с ними.

Канаев и Ганчжуров возвратились очень усталыми и промерзшими, но выполнили всю задачу, на них возложенную. Нашего проводника Цэбэна они не видели вовсе, и опрашиваемые по этому поводу встречные им монголы говорили то же самое — пропал монгол с 3 верблюдами.

Мои спутники по укрощ[ению] озера направ[ились] сначала по юго-восточной диагонали на южный берег, к темным обрывам. Глубина, в общем, постепенно увеличивалась. На большом расстоянии — на двух последних третях — оно имсет довольно ровную глубину — 2 сажени 2 фута. Дно

илистое, у южн[ого] бер[ега] к илу примешивается песок, немного мелкой гальки. Третья и вместе с тем последняя диагональ от южного берега к СВ проходит как раз вблизи острова Хара-доба. На этом пересечении общий характер и дна, и промеров остается прежний. Только вскоре после острова, в 200 гребках к СВ, обнаружена будто яма, глубиною в 2 сажени 4 фута. Таким образом, дно однообразно илистое, ровное, с очень незначительным понижением к котловине дна бассейна.

Остров Хара-доба в окружности имеет около ½ версты и представляет из себя фигуру 5-угольника (закругл[енного] неправ[ильно]), покоящегося на галечнике, наиболее круто обрывающемся на СВ. Внутри острова — глина с тамариском, выемки, углубления с солончаком. Тут гнездятся гуси, но их обижают орланы — поедают яйца и т.д.

Из птиц на южном берегу Канаев видел серого сорокопута, который хорошо пел. Видел также бол[отную] камышевку, а на с[еверо]-в[осточно]м берегу при поймах, низинах, очень много колпиц-лопатеней Platalea leucorodia.

Наняв трех верблюдов, мои спутники направились к дому.

Ночью играла западная буря, барабанил по палатке дождь, изрядно смочивший землю.

28/V, ♀. Утро полуясное, сырое, ветер из западного направления перешел в северо-восточное, холодно очень. Хребет сплошь укрыт снегом, почти до подошвы. «Море» шумит. Действительно, Орок-нур шумит и бьет в берег с такой силой, как это я наблюдал в Фин[ском] заливе, у Куоккалы, тоже впечатление. Пытался я фотографировать — ничего не выходит: облака обступили кругом и закрыли горы. Черт знает что за погода стоит. Равн[инный] теплый воздух вечно враждует с горным бризом. Около 10 часов утра, а нашего монгола с оседланными верблюдами все нет и нет.

Дикари-монголы наше пребывание на озере, стрельбу и охоту в горах объясняют наказанием свыше — с приходом русских, испортивших их страну вконец, здесь творится недоброе, а именно: постоянные ветры, холод, снег и дождь, много волков и т.п., а между тем это место священное.

Вчера удалось пописать немного: закончить два письма Володе и в Париж и написать полпреду. Сегодня надо продолжить это дело, сегодня же обещали прибыть и монголы для переговоров.

Наконец эта компания прибыла — около десяти человек во главе со старшим из тамага. Сей последний — Боро, т.е. «Серый»,* в нарядной шелковой курме, другие — сотоварищи — тоже принарядились в цветные шубы. Помощник старшего — в синем или голубом одеянии. Поздоровались, старший вручил мне табакерку, все прочие усиленно курили в нашей юрте, благо костер еще не потух.

Старшему я дал для ознакомления бумагу нашу. Он отлично, громко, четко читал, все слушали со вниманием. В заключение Боро сказал: «Все это отлично, но вы, пожалуйста, оставьте берег озера, оставьте горы "Богдо", не

---

* Странно назвали себя вначале монголы: Боро, Чоно-тологой. На самом деле — Дамба, Тологой-ху, Цэндэ (проводник), Олын-ку, Цзамгадэя, Дорчжэ, Санчжэ, Сонум и Чимит.

стреляйте и скорее уходите в пустыню, на север — там тоже есть и звери, и птицы, а здесь — и на озере, в голове лучшего источника, и в горах — все "богдо", все святое. Наш большой гэгэн сказал: "Все невзгоды весны — падеж скота, бурное состояние озера, холод и снег в горах — все это происходит от пребывания русских, от их многочисленной стрельбы. Постарайтесь сплавить русских, и все будет хорошо!"». Я говорю монголам: «Вы хорошо поняли смысл бумаги вашего правит[ельства]ства?» — «Да, — говорит Боро, — хорошо!» — «Значит для вас указ[ания] гэгэна выше распоряжений вашего правительства?» — «Нет, нет, мы слушаем правительство, главным образом». Среди монголов произошла большая неловкость, замешательство.

Долго бесплодно толковали о том, что они, монголы, нас не гонят, а лишь просят уступить их настоятельной просьбе: откочевать и не стрелять! А я стоял на своем: «Дайте мне скорее верблюдов и проводника на Эцзин-гол, и я уйду, но мои откочуют только в горы — в ущелье Битютэн-ама».

В заключение я передал монголам, что нужно отправить мой пакет в С[айн]-н[оин]-к[урэ], на это они ответили полной готовностью, заметив: «Приготовьте его скорее, потому что я — старший — еду в тамага и сам его отвезу. Оно пойдет быстро — день и ночь!».

Затем я усадил монголов у нашей юрты и снял их группой. Не знаю, что получится?

Вечер был очень холодный, полуясный запад горел красным и золотым тонами.

29/V, ♄. Утро полуясное, холодное. Ганчжуров состряпал вкусные лепешки с сардинами. Они пришлись по вкусу мне и Пшевику, и мы вдвоем за чаем полакомились. Потом я засел за почту, [только] окончил ее, как прибыли вновь вчерашней компанией монголы во главе с «Серым». Опять прежние нудные их просьбы. Узнав о том, что наш проводник исчез, «Серый» заявил, что он распорядится о предоставлении нам недостающих верблюдов и проводника; «Только уезжайте», — вероятно. про себя думали монголы. Я сдал пакет «Серому» и просил его немедленно прислать мне в таком же роде письма, которые очень скоро придут в их тамага для меня из Хан-кокшун-ула.

Расставаясь со мною, «Серый» просил о двух вещах: во-первых, о том, чтобы я в Урге на него не жаловался, а во-вторых, что если я вздумаю прислать ему подарок, то непременно надо отправить таковой в его тамага с надежным монголом, за моею большою печатью. На этом мы расстались!

Сегодня я снял один вид на бивак и горы с Ихэ-богдо включительно, были перистые облачка, не знаю, выйдут ли горы, но бивак, конечно, получится, равно и береговая каменная гряда. Потом, когда небо совершенно освободилось от облаков, я повторил тот же снимок, но уже без бивака, с береговой каменной гряды, южнее кэрэксура. Ровно час спустя прекрасный вид представила Цзун-богдо, сплошь в верхн[ем] и средн[ем] поясах засыпанная снегом, гораздо обильнее, нежели Барун-богдо. Я не мог удержаться, чтобы ее не снять, и снял, но снял вместе с лагерем, через площадь озера.

Сегодня дует юго-западный [ветер] от снеговых гор, чувствуется холод. А наш проводник, кажется, и взаправду удрал к себе, в наш пустынный Холт вместе с тремя верблюдами.

Пшевочка взяла целиком гнездо Sylvia nana и самую птичку — самочку (жаль разорять). Все для науки. В печати еще не было известно гнездо этой скромной пустынной славочки. Сегодня оба охотника экскурсируют за птицами, а завтра я поеду с Ганчжуровым в Битютэн-ама.

Сегодня моя Пшевочка поймала первую змею-подростка Ancistrodon halys. Как далеко этот вид распространяется? Кажется, и в Алаша-пустыне на пути к Хара-хото, здесь же и она же. Елизавета Владимировна наблюдала у палатки тонкую длинную змею на манер стрелы-змеи. Говорят, змей много в Битютэн-ама, подле источника-аршана.

На южном берегу Орок-нора Ганчжуров наблюдал на каменистой покатости до 10 кэрэксуров. В горах, на скалах, изредка можно видеть знаки вроде человека и другие, странные.

Тихий, ясный, прозрачный вечер, снега на главных вершинах матово блестят, на Ихэ-богдо снег заметно испаряется, озеро молчит, даже не шепчется с берегом. На молодом камыше в соседнем заливе приютилась парочка камышевок. Дивно торжественна белая Бага-богдо.

Перистые кружевные облачка окрашены ярко-огненным цветом. Абсолютно тихо. На озере, вблизи нашего берега, сидят орланы, плавают сер[ые] гуси с потомством, и еще продолжают носиться в воздухе вертлявые крикливые крачки и запоздалый лунь.

Тихо из-за гор поднялась Луна широким красным диском. Я уже в постели, но и тут продолжаю любоваться вечерней праздничной картиной природы. Звезды скользят по полотну палатки, мои мечты и грезы в Тибете, на ледяных венцах и в ущелье Бар-чу.

30/V, ☉. Тихое, ясное, прозрачное небо: ни звука ветерка, ни одного облачка. Мы выступили в ¼ 8-го утра и направились на ЮЗ по направлению к снегам Ихэ-богдо, в ее ущелье Битютэн-ама. Снег еще укрывал собою весь верхний пояс, но гора Цзун-богдо еще обильнее была укрыта, отчего ослепительно блестела, в особенности с 3 часов дня и позднее.

Мы ехали втроем: я, Пшевик и Ганчжуров; последний — на навьюченном верблюде, мы — на лошадях Рыжко и Серко. Местность — каменистая пустыня, полого сбегающая от хребта, с многочисленными сухими руслами, с кустарниковой растительностью. Самым неприятным явлением в дороге служат камни, избежать которые и многоч[исленные] лога трудно — нужно следовать дорожкой или тропой, теряющейся в логах.

Держа общее направление и памятуя подсказы туземцев, мы, в общем, дошли хорошо, весьма удовлетворительно. Я говорю дошли до устья ущелья. Внизу, по пескам, много хармыка, повыше — караганы и много других кустарн[иков]. Среди холмов песка (внизу) — Cynomor[ium] song[aricum]. Из животных диких видели харасульт, зайцев L[epus] tolai, а из птиц — Podoces hendersoni, которую я так давно, только в минувшем путешествии, наблюдал.

По мере движения вперед, а следовательно, и поднятия Цзун-богдо и Орок-нор контрастнее выделялись, первая своими снегами, второе формой очертаний. Оно протянулось по широте. На сев[ерном] берегу вздымаются

барханные пески, на южном —vis-a-vis — большой залив; озеро в двух местах будто перетянуто туго поясом, отчего создались сужения, но в то же время и расширения.

На север убегала пустыня, скрывавшаяся в туманной пыльной дымке.

Мой Пшевик наблюдал и охотился за птичками, я любовался и всматривался в горы, ища подходящих точек для фотограф[ических] снимков. Ганчжуров следил за тем, чтобы удобнее следовать. Для получения хребта мне пришлось приблизиться к горам, что я и сделал и произвел общий снимок. Далее, незадолго до ущелья, я случайно наткнулся на пути к Пшевику, в небольшом логу, на камень-голыш с любопытными рисунками диких животных и сфотографировал его.

Следуя к заждавшемуся нас Ганчжурову, мы ехали и наблюдали массу каменных куч, словно отдел[ьные] свежие могилы (круглые) до 1½ сажени в окружности. Эти каменные насыпи числом в несколько десятков (две-три группы) значител[ьно] отличаются от кэрэксурных насыпей, которых здесь кругом, на каменист[ом] пуст[ом] скате, имеется в достат[очном] количестве. Они имеются и в самом ущелье, как при самом входе в него, так и в глубине.

У устья ущелья с глубоко врезанным руслом, стоя на террасе правого берега, я вновь снял горы в юго-западном направлении, через русло, на снега.

Затем мы спустились в сплошь каменистое ложе реки и, проследовав вверх около 3 верст, на первом подходящем местечке, у островка-тальника и зеленой травы, на берегу звонкой, прозрачной, холодной речки и разбили свой охотничий лагерь. Две версты с лишком мы шли по совершенно сухому, безводному руслу, и только за ¼ версты появилась вода — сначала в омутах, а потом и в струе.

Ущелье, изученное нами, несет крайне дикий, каменистый характер. Очень крутое, безжизненное, пустынное, от гребня до устья 12—15 верст, в устье ширина 70—80 саженей, по мере удаления вверх оно очень сужается и от подножия гребня вскоре врезается каньоном глубиною 15—20 саж[еней] при ширине местами 3—5 саженей. Каньон тянется на 3—5 верст, дик, мрачен, на отвесных стенах — орлиные гнезда, на дне — лед и снег и серебристая нить воды, иногда падающей круто по теснине до 3 футов. Рядом встают крутые бурые сланцевые горы. Хребет сложен из гранита и близких, родств[енных] ему, многочисл[енных] пород, а также из всевозможных сланцев, мрамора или известняка. В гранитных валунах очень нередки темные, плотные м[елко]з[ернистые] включения, равно прослойки, характерны жилы длинные, мощные, до 1 фута, залегающие у горизонта, розовой окраски. Интересны конгломераты с включением или содержанием всех тех пород, из которых слагаются горы.

Растительность бедная, и ее немного. По дну кое-где луговая трава и островками, преимущественно по скатам русла, приютились ивы, тополь — одиночки или маленькие рощицы, но главное, что нас немало удивило, это береза — невысокая, развесистая, прячущая корни глубоко в камнях, растущая также по скатам. Кроме того, имеются кустарн[ики] (высокие).

Животное население гор (дикое) невелико разнообразием, но богато количеством; пониже держатся аргали, повыше — янгер-яманы. Изредка можно встретить леопарда. Волки, лисицы, зайцы и другие более мелкие

грызуны служат дополнен[ием] списка. По части птиц большее разнообразие: высоко, малодоступно держатся ягнятники, орлы-беркуты, там и сям — большие и малые сокола, филины, совы, чер[ные] вороны, также вороны, сороки, краснокл[ювые] клушицы. Из куриных: улары, кеклики и серые куропатки.

Мы наблюдали внизу ласточек, стрижей, стенолазов, трясогузок, чеканов, мухоловок, пеночек, дроздов, сорок, перепелятника, жуланов и одинокого отшельника вальдшнепа и куличков-перевозчиков. Дозором проносится местный санитар — черноухий коршун.

Несмотря на жалкое пастбище по крутым склонам гор, мы нашли здесь до 7—8 юрт монголов, живущих разбросанно. Самые верхние имели сарлыков, прочие баранов и коз, лошадей и верблюдов мало; по-видимому, это все бедняки, дикие люди, боязливые.

В скате гор имеется пещера отшельников, ныне никем не обитаемая, обо с мани и т.д.

На наш бивак заглядывало немало мужчин-монголов, но женщины не показывались. Мы провели в ущелье около суток и не полюбили его так, чтобы сюда на лето перекочевать.

Мой Пшевик остановится на другом, более близком месте, в нижнем поясе, при колодце Уул-худук. Конечно, это не речка, но, как ни странно, там, в ущелье, птиц больше, а насекомых на водопое можно добыть легче и полнее, до ночников включительно.

Около полудня, в жар, мы выступили **31/V, ☽**, к дому, сделав предварительно экскурсии: Пшевик, в соседнее, правое ущелье, а я — я вверх, с целью изучения каньона.

У каньона, напротив правой стороны гор, сбегающих к нему, по сыпавшим вниз камням я заметил стадо горных козлов. Звери, очевидно, пришли пить, но я им помешал, хотя они вели себя спокойно: одна, нижн[яя] группа — молод[ые] матки и ♂ стояли и смотр[ели] на меня, другая группа — матки с козлятами и вожаком стада держались выше, малыши подбегали к матерям и их сосали, толкая головками в живот, матери расставляли ноги, тут же были прошлогодки. Козлы стояли или прыгали по ужасной крутизне. Ужели они никогда не обрываются? А испуганные неожид[анным] выстрелом? Козлы находились от меня так близко, так искусительно, чтобы их сфотографировать, но у меня не было в руках фотогр[афического] аппарата, а лишь сачок для ловли насекомых. А мне следовало снять и каньон — уж очень он характерен! И никакое описание не даст столько, сколько снимок, фотография!

По части насекомых мне удалось добыть кое-что интересное.

В месте заграждения каньоном дороги он подошел вплотную к левым скалам, я остановился, полюбовался на впереди лежавший гребень и его скальные вершины; по дну ущелья, выше, залегало расширение. Каньон был скорее глубок[им] руслом, и по скату виднелось старое стойбище с одинокой, последней вверху, юртой, в том направлении паслась лошадь.

На этом мои наблюдения и кончились. Пшевик вернулся с птичкой, с луком, Ганчжуров насобирал немного насекомых, поднимался в сос[едние] горы с ружьем, но ничего не видел.

Три часа скорой езды вниз на пересечение камен[ной] покат[ости] пустыни, по диагонали — тропе дали нам возможность прибыть домой, солнце

ощутительно грело спины. Голодные, усталые от камней, наши животные дов[ольно] ходко шагали с мыслью отдохнуть при озере.

На биваке оказалось все благополучным. Накануне возвратился и Цэбэн-Дорчжэ, долго плутавший в розысках пловцов вокруг и около Ороknора.

Канаев добыл полуночника и желтую плиску с гнездом, а из грызунов — хомячка.

Я занялся укладкой насекомых, Пшевик — растен[иями] и птичками. Я уже определенно решил выступление нашего разъезда на Эцзин-гол на 3 июня. Все это хорошо поняли, и каждый из нас, участн[иков] этого пустынного интересн[ого] разъезда, стал готовиться к нему.

Вечер и первая половина ночи были очень теплые, душные.

Июнь месяц (1926). 1/VI, ♂. Утро — тихо, полуясно. Озеро молчит. Птицы ликуют. Животные на зеленых, прибрежных пастбищах благодушествуют. Насекомые жужжат. Темная Цзун-богдо скрывается во мгле. На биваке каждый занят своей работой: Ганчжуров энергично готовится в дал[ьнюю] дорогу, моя Пшевочка заботливо собирает нас, Канаич бухает по западному берегу озера. Вчера на стойке по Caprimulgus'ам к нему прибежал еж. Сегодня он, между прочим, также принес ежа и пару птичек — славку-камышевку и курочку болотную. Ганчжуров пропал, уехал за баранами на мясо с утра, и сейчас — 4 часа дня — нет, а тут каждый час дорог — надо обстоятельно готовиться в дорогу, в далекую пустынную дорогу!

Сегодня ветер дует с разных сторон, пыль дымкою окутала долину, Цзун-богдо скрыта. Надо написать Гусеву, так как завтра уезжает Цэбэн-Дорчжэ в наш Холт. Таким образом, Гусеву придется строчить второе письмо. Барометр падает. Особенного ухудшения погоды я не жду и продолжаю заканчивать все неотложные дела и собир[аться] в дорогу.

Требую 15 вьючных верблюдов с 9 к ним хомутами к 20 июля, в Уулхудук, к северному подножию восточного крыла Ихэ-богдо. И непременно чтобы прибыл наш Цэбэн-Дорчжэ.

Только к вечеру, наконец, Цзун-богдо едва-едва выглянула сквозь тонкую пыльную дымку. Вместо портфеля с бумагами беру тонкую папку, наскоро смастеренную из клястпапира.[261] Собираюсь вдумчиво, не торопясь, хотелось бы ничего не забыть!

Вечер превосходный, на берегу озера, уже в сумерках, Канаев добыл полуночника и летучую мышь. Ночь тихая, ясная, по-прежнему воздух насыщен пылью.

2/VI, ☿. Несмотря на низкое стояние барометра, погода продолжает стоять отличная. Озеро словно зеркало — не шелохнет, не прогремит. Горы темны и слегка заболочены дымкой.

Сейчас говорил с нашим новым проводником по имени Цэнтэ о предстоящей дороге. Выяснилось, что на другой день, 4/VI, мы можем прийти к монголам на пашни по речке Леген-гол. Оттуда попытаемся или добыть проводника на Ноин-богдо, или хорошенько расспросить дорогу. Во всяком случае, желательно выйти именно туда, откуда наши в 4 перехода достигли Эцзина. Следует хорошо, вдумчиво осмотреть это новое для меня пересечение Гоби.

Сегодня распрощались с нашим Цэбэн-Дорчжэ, отправившимся восвояси в Холт; он повел трех верблюдов и повез Гусеву письмо. Как проводник Ц[эбэн]-Д[орчжэ] отличный.

Мой Пшевик на мысу прислушивается к голосам птиц, в частности к пению камышевок, и наблюдает за ними.

Итак, завтра с зарею снимемся, как птицы, с Орок-нора и направимся на юг, за Монгольский Алтай.

Сегодня я дважды ходил с сачком в юго-западный угол озера; по мокрому солончаковому лугу, сплошь, ковром, усыпанному голубыми касатиками, держалось много больших темно-золотистых шмелей (которых я в оба раза поймал 8 экземпляров), пчелок разных и мух. Досадно, что я упустил красивого — под стать касатикам — клопа, от которого, вероятно, А. Н. Кириченко пришел бы в восторг. Интересно, что мы добудем по части насекомых южнее Монгольского Алтая до Эцзина?

В послеобеденной экскурсии за насекомыми я нашел степного орла (на берегу источника), лежавшего кверху брюхом, со сложенными крыльями; экземпляр свежий, пошел в коллекцию.

Вечер мелькнул незаметно, еще быстрее пролетела ночь, так как Цэрэн поднял меня в 3 часа утра.

3/VI, 2. Но зато мы выступили в ½ 4-го, и я мог отметить картину — румяная заря отражалась по всей зеркальной поверхности озера, сначала огненно-красной, потом последовательно золотой и золотой с фиолетовым оттенком. Немного позднее взошло солнце — точь-в-точь как на море, переливаясь двойным диском. Не в силах был оторвать глаз от такого редкого, от такого прекрасного зрелища, менявшегося по мере поднятия вверх, на ЮВ, на диагональное пересечение пустынно-каменистой покатости. С восходом ☉ стало тепло.

Наблюдая природу — дивный восход солнца, я в то же время присматривался и прислушивался к жизни на озере и на его берегах, ловил звуки. Первым, конечно, просыпается жаворонок, возвещает о грядущей заре, за его звонкой песней следуют вперемежку и голоса куликов, и песни берег[овых] мелких птичек — рогат[ого] жавор[онка], коридалл[262] и вьюрков. Вместе с трубными лебяжьими голосами пронесся клекот долгохвоста-орлана, и тут же понеслось гогатание гусей, покидающих мокрые луга, где они ночевали, и направл[яющихся] на озеро.

В утреннюю музыку вставляли свой свист всевозм[ожные] кулики, и кричали по-своему крачки. Но самыми доминирующими звуками-криками являлись крики и звуки орланов и лебедей, последние вторили первым. Дивно! Грешно просыпать такие картины.

Конечно, ради меня, отъезжающего, поднялись все на ноги: было как-то духовно-прекрасно, я восторгался всем обиходом и домашним, и деловым Елизаветы Владимировны. Так у нас было уютно, легко, приятно, и эти 12 дней, проведенных мною в лагере орнитолога экспедиции, всегда останутся у меня светлым, отрадным воспоминанием. Мой друг Пшевик своею скромностью и работоспособностью покорила своих товарищей-сотрудников и вселила в них сознание [необходимости] работать и держать себя не за страх, а за совесть. Мне было, и есть, и, надеюсь, будет удивительно приятно. [С] мнением тех, которые обычным, заурядным взглядом подумают про

себя: «Как расхваливает свою!» — я не считаюсь. В деле экспедиции к самым близким людям, даже к самому себе, я суров до крайности.

Мы поднимались к устью ущелья, которым должны были следовать вверх, на пересечение вост[очного] крыла священного Ихэ-богдо и которым некогда впервые возвратился из Сычуани Г. Н. Потанин, два часа или 8 верст по крайне пустынной, каменистой покатости от гор, по узкой тропе. Нас, как и из Холта, трое: я, переводчик Ганчжуров* и проводник Цэнтэ. Мы все на верблюдах, два вьюка также. Таким образом, наш караван (несколько облегч[енный] на Ор[ок]-норе) представлял все тех же пять верблюдов. Два из прежней партии, три — из орок-норских.**

У гор паслись на карагане немного одиноких верблюдов, спутанных или привязан[ных] бурундуком[263] к колену, и ходко подвигались в самые склоны гор сарлоки.

Спустившись в дов[ольно] глубоко врезанное в конгл[омератную] толщу сухое, камен[ное], крутое русло, мы отметили на верш[ине] прав[ой] терр[асы] обо, а посередине русла — массивную намогильную насыпь из крупных камней. Везде-везде по нашей дороге залегают эти немые памятники предков. Вероятно, они имеются во всех ущельях, направляющихся в общий басс[ейн] внутренних озер. Из-за крутого подъема мы поднимаемся медленно, тем более первый переход — животные тяжело накормлены, их нужно постепенно, исподволь втянуть в большую дорогу. Идем, солнце поднимается выше и выше, картина безотрадная — камни, камни и камни. Камни сыпятся слева; всматриваемся: в теневой, рыжей стороне гор движутся, как призраки, рыжие горные козлы. Второст[епенных] ущелий прибавилось. Трудное из них наш Цэнтэ оставил. Постепенно подвигаемся в верхний пояс; здесь скал меньше, преобладают признаки альпийских лугов. Внизу глетчер дает жалкую, но прозрачную струю воды, именуемую «булаком», выше свистят уллары, перелетают Ruticilla, Saxicola, разные пеночки.*** Сверху спускается стадо сарлыков, управляемое двумя молодыми, лохматыми монголками, которые свистом и переливчатым, вибрирующим на высоких нотах голосом напомнили мне живо тибетцев. Одна из них, постарше, окриком остановила нашего проводника и несколько минут вела с ним беседу, другая — девица — ее ожидала, оставив сарлыков пока в покое. Вблизи, западнее нашего пути, стояла одинокая юрта, там лаял пес, и лай его красиво отзывался в горах эхом.

Под самым перевалом Хустэн-даба мы встретили ламу-богомольца с котомкою-корзиною за спиною. Глухой древний старец едва тащился по косогору, упираясь палкою.

Перевал мягкий, с признаками луга, не дает широких горизонтов, будучи заслонен южными, параллельн[ыми] грядами, на юге из которых выделяется столовидная священная вершина с обо — Обонь-шандэ, рядом с источником Хустэн-булык. Абсол[ютная] высота перевала без малого (около)

---

* Цэрэна-старика, очень злого в дороге и тупого вообще, я оставил в лагере Елизаветы Владимировны за дворника-повара.

** На этот раз наш караван имеет двух тэмениц — не знаю, как они выдержат всю тяж[елую] пустынную дорогу.

*** Свист уларов оригинально совмещался с кукованием кукушки.

10 000 фут[ов]. На юг хребет падает не так много, как в сев[ерную] сторону, и состоит исключ[ительно] из розовых гранитов, сильно выветрелых, расчлененных, разбитых на отдельн[ые] и засыпавших пустын[ные] русла более или менее крупным щебнем и песком. В общем, южный склон гор — это сплошной хаос. К востоку темнела Ихэ-тыпши, к западу громоздились высокие, массивные горы, стоящие по соседству с главн[ым] столовидн[ым] гребнем Ихэ-богдо.

Юг весь представлял дикую пустыню, слегка волнующ[уюся] попереч[ными] волнами гряд желтых или темных, между котор[ыми] залегают углубления — пустынные до крайности долины, окутан[ные] дымкой. Мы (в конце концов), сделав 40-вер[стовый] трудный переход, вышли на речку Чэтэн-гол, обильн[ую] ключами, с полосками зеленого луга, с касатиками, и у красных окраинных скал Улан-хошу разбили бивак. Приятно было отдохнуть после того, как 10 часов непрерывно провели в седлах.

Чэтэн-гол берет начало от тех же вершин, которые на севере питают ущелье Битютэн-ама.

Кроме ламы у перевала на вершине я встретил миленького, прилично одетого ребенка-девочку, самостоятельно гнавшего сарлыков на другую сторону гор. Ребенку 10—11 лет, она мило разговаривала, указала рукою в сторону с глубок[им] ущельем, где был расположен ее айль. «Заходите к нам», — проронила она на ходу, держа во рту данную мною ей карамель.

В Улан-хошу мы имели хорошую стоянку. Вечером поднимались на вершину красной сопки и ориентировались вперед, но все было в пыли: гряды гор видн[елись] силуэтами. Поймали двух красив[ых] жуков, а днем, вскоре после прихода, у палатки, под большим камнем, добыл ночницу — очень нарядную, розовую.

Ночь тихая, облачная, воздух пресыщен пылью.

4/VI, ♀. Утро грозило дождем, подувал ветер, было прохладно часов до 9. Мы выступили, как и накануне, в утр[енних] сумерках и благодаря густой пыли, пресытившей воздух, шли, что называется, ощупью, но Цэнтэ и без компаса, чутьем, угадывал направление. Правда, вначале мы шли по речке, вскоре по сухому руслу, обставл[енному] справа оригинальной породой, но затем поднялись на высокий левый берег и начали уклон[яться] от речки на ЮЮВ, она же пошла на ЮЮЗ. Вблизи, даже у места оставл[ения] речки, внизу, в долине, валялись мясные остатки кулана, на котором пировал серый волк и черные или бурые грифы. Один из последних странно ковылял в гору, оказывается, он инвалид, с одной ногой. Другую потерял в капкане? Наше раннее появление нарушило пир четвер[оногих] и крыл[атых] хищников.

По руслу произрастали деревца тальника — бургусутай.[264] Двигаясь каменисто-песчаной пустыней, мы отметили на востоке горки Эрэнь-тологой* (с колодцами). Они, горки, а не колодцы, виднелись «сумрачно», силуэтом, за ними, вскоре мы очутились в безбрежном пустынном просторе и тут отметили ряд кэрэксуров.

---

* Не Эрэнь-тологой (как у Скасси), а Эрдэни-тологой (неск[олько] раз и неск[олько] мон[голов] сказали Эрдэни-тологой).

Далее мы шли положительно ощупью часа два, с 6 до 8; наконец, из пыльной мглы показалась гора Сучжи своими уступными вершинами. Проводник сказал: «Идем правильно», словно Сучжи была открыта нам. Чаще начали встречаться Gazella subgutturosa. Начался мелкий, отдел[ьными] кустиками, саксаул — характ[ерное] дерево Ц[ентральной] Азии. Так как прямо лежало сплошное насаждение этого дерева, образующее в пустыне песчаные наслоения, холмы, то во избежание трудностей мы взяли курс на юг и вскоре вышли на большой торговый тракт из Кобдо в Калган и, успешно двигаясь по нему, пересекли заросли цзака с песками и достигли урочища Цаган-тологой с многочисленными ключами, руслом, в общем составл[яющим] речку Леген-гол.

В саксауле я тотчас услышал, а затем и увидел Passer ammodendri — сакс[аульного] воробья.

В первый айль из двух юрт я с проводником заехал осведомиться, сориентироваться. Первые пустынники нас приняли приветливо: напоили «белым чаем» — чер[ный] чай с верблюж[ьим] молок[ом] — и кое-что поведали нам интересного. Старуха — мать хозяйки после прив[етствия] и угощ[ения] чаем спросила: «Это у ноина золотое кольцо? Я хочу подержать его в руках». Я дал старухе. Она благоговейно взяла кольцо в обе руки и, полузакрыв глаза, приложила их прямо кольцом ко лбу, прошептала молитву и также благоговейно вернула его мне. Потом кольцо подержала дочь, сидевшая за расчесыванием запасных волос, посмотрела и также почтительно вернула его мне, заметив: «Какое прекрасное, дорогое!». Вслед за этим старушка, глядя на футляр с фотограф[иями], спросила: «А это что?». Получив должный ответ, дочь, кстати сказать, очень симпатичная, несколько полная (я не знаю, зачем она готовила зап[асные] волосы, когда сама награждена была судьбой роскошн[ой] густой шевелюрой, красиво рассыпан[ной] по округлым молодым, здоровым плечам), вдруг лукаво мигнула и произнесла вполголоса: «Вот хорошо бы сняться!». Я просил эту семью навестить меня, так как я не хотел быть в долгу, а также принять и угостить их чаем с «усладами». Но мы остановились лагерем в порядочном расстоянии, и мои новые знакомые не навестили меня.

Мы расположились при ключе, окаймленном изумрудной зеленью, поодаль, так как непосредственно на лужайке валялась падаль — верблюд, издав[авший] зловоние. Вообще, на нашем пути при речных источниках, равно на Орок-норе и Битютэне, валялись трупы животных, портивших и своим видом, и, главное, зловонием наше настроение.

Напротив нас виднелся уголок с пашнями, с шалашом для сторожа-обитателя. Пустыня, гряда гор и горок и долины с цзаком — все тонуло в густой пыльной мгле.

Душно, жарко ощутительно, температура 35.0°С и выше. Верблюды лежат, но это лишь цветы, ягоды еще дальше, еще глубже — в песках и саксауле.

Ввиду того что наш Цэнтэ не знает дальше в Ноин-богдо дороги, я отправил его к местн[ому] цзангину с бумагой для снабжения меня проводником.

Нелегко, но все же проводника, хотя и слабо знающего дорогу, мы добыли на два больших перехода по настоящей пустыне.

При Цаган-тологой имеются небольшие пашни монголов, обраб[отанные] монгольской сохой при помощи животного — верблюда. Все здесь верблюд отправляет, как на Крайнем Севере олень. Сеют в двадцатых числах мая и только одно зерно — ячмень для цзамбы. Около мизерных, дурно обработанных полей имеются мизерные канавки для орошения. При общих пашнях, на бугре, устроен шалаш для караульного.

Солнце садилось за соседние высоты, его можно было хорошо наблюдать до последней минуты. В сумерках, записав вечернее наблюдение, мы тотчас укладываемся спать, так как встаем ранее 3 часов вместе с песней жаворонка и выступаем до восхода солнца.

5/VI, ♄. Полуясно, тихо. Впереди поперечно тянутся острые вершины гор Халтэрэ-нуру, темных, безжизненных. Проводник ждет верблюда, мы выступаем одни по его направлению. Вначале, при пересечении долины со старыми и новыми пашнями, с болот[истой] речкой Леген-гол, мы шли медленно, но за ними и за сланцевыми разруш[енными] высотами мы пошли успешно, так как залегала ровная, как скатерть, темнокамен[истая] песчан[ая] долина, по которой так хорошо отмеряют расст[ояние] «корабли пустыни». Незаметным образом мы прошли свыше десяти верст и стали было втягиваться в передовые отпрыски Халтэрэ-нура, как очень кстати догнал нас наш проводник, запаливший верблюда настолько, что тот долгое время не мог отдышаться. Проводник боялся, что мы, отклон[ившись] неск[олько] к западу, могли забраться в лабиринт корявых сланцев, из которого потом не скоро выберешься. Он, как капит[ан] корабля, сразу взял должн[ое] направл[ение] и быстро ввел в то русло — Халтэрэ-ама, по которому лежал наш путь. Мы поднимались вверх по двум сложн[ым] ущельям и их соед[иняющим] звеньям, пока не вышли к северо-западному подножию темных гор, где покоится отличн[ый] колодец того же, что и горы, названия. За колодцем вскоре мы достигли айля Гэндэна, у которого с удовол[ьствием] попили беленого чая, одарили его хозяйку и направ[ились] за нашими вьюками. Нас просили заезжать и на обратном пути. Незадолго до колодца мы встретили двух важных ламэн-гэгэнских лам, весьма приличных и толковых, с которыми немного побеседовали. Старший положением, с благородным длинным лицом и немонгольским культурным видом, удивил меня своим тактом, сдержанностью и в то же время непринужд[енной] предупредительностью. Он объезжал свои владения, свое «море» пустыни с его двугорбыми кораблями, которых у него до тысячи голов. Хороший лама сообщил мне приятное о моем маршруте до гор Ноин-богдо: по дороге имеются хорошие колодцы и немало монгольских айль.

Мы расстались с приятностью и с сожалением, что не в одном направлении следуем.

За Халтэрэ-худук мы шли все время в области расчлененных темных гор Халт[эрэ]-нуру. Эти горы (вначале, с севера, сланцевые, с отдельностями, а потом причудливо гранитные, в форме людей и животных), обдутые, обточен[ные] ветрами, то сближались и зажимали нас, словно в кольцо, то рвались и раздвигались, давая место ложбинам-долинам, по которым там и сям теснятся кочевники и их стада лош[адей] и верблюд[ов], а то и баранов, проложивших тропы к месту колодцев и источников. Мы отметили (30 верст) Хуцэ-булык-худук (худ[ук] потому, что обложено плитами место

выхода источн[ика], который, переливаясь, создает водоемы и струю, правда на нед[алекое] расстояние).

За этим источником мы вскоре пересекли второст[епенную] высоту и долго спускались по сухому, под прямыми углами ломающемуся ущелью с острыми гривами, пока наконец не достигли Хулэстэн-булыка, в тех же Халтэрэ-нуру, на луговой террасе которого и поставили свои куку-майхан. Русло наше круто падает, оно завтра выведет нас на долинный простор. По карте — один раз прегражд[ается] нам вид на Ноин-богдо поперечной значител[ьной] горной грядой.

При Хулэстэн-булыке мы нашли много стойбищ монголов со всяким скотом, даже с коровами и баранами, но главным образом с верблюдами, которым здесь настоящее царство.

Сосед-монгол пришел приветствовать нас и принес, кстати, молока для чая, но в такой донельзя грязной дерев[янной] посудине, о которой я не смею распространяться, чтобы не вызвать у случайных читателей моих строк последствий морской болезни. Но все на монгольском свете относительно! Перелив со всякого рода предусмотр[ительностью] молоко в фарфор[овую] европ[ейскую] чашку и дав ему отстояться еще, я, по крайней мере, с большим аппет[итом] утолил свою сильную жажду. Мы сегодня прошли 40 верст за 8½ часа (с чаем по дороге).

Отдохнув за чаем и записями самого главного, я, [как] всегда в жару, направляюсь половить насекомых. Сегодня поймал 4 больших, с жилками, черн[ых] бабочек (вроде сугу-н[урских], с килийным красным пятном) и осу — и только. Мешал восточный ветер. Звонко трещат сакс[аульные] сойки.

На этом лагере у нас случилось маленькое происшествие: вдруг будто бы исчез мой верховой, с седлом, верблюд с пастбища в то время, когда остальные четыре были на месте. Оба мои проводника и Ганчжуров тщетно искали, тогда я предложил то же самое сделать соседу-монголу, который заходил к нам не раз, и он в один час времени выполнил эту миссию образцово, за что получил награду. Моих же спутников, которые продолжали еще разыскивать тэмэ, пришлось собирать сигнальными выстрелами из винтовки, но так как Цэнтэ их не знал, не понимал, хотя и слышал, то тому же нашему соседу пришлось разыскать и этого последнего.

Ночь была тихая, облачная и для нас быстро мелькнувшая: мы спим мало.

6/VI, ☉. Утро такое же. Мы выступили в утренних сумерках и сразу же через узкое, каменистое ущельице оставили горы, поднялись на плоскую возвышенность и вновь взяли прежнее направление — 162° на ЮВ. Мы успешно подвигались, так как дресвяный мелкий галечник залегал на покатости, сбегавшей почти в нашем направлении. Горы как-то раздвинулись, отошли постепенно по сторонам, однако к восточному подножию проводник наш, 2-й, все время жался, не будучи хорошо осведомлен, где находится тот айль с «согдо», в котором он должен был сдать нас для дальнейшего сопровождения. Наконец — одно из камен[ных] русл с дэрэсу и тамариском и даже лужами воды, у которого имелись нестарые следы животных. Все говорило о том, что мы вот-вот увидим ожидаемый айль, так как проводник с вечера уверял нас, что до него не более 10—12 верст. Но время шло, айли встречались, но без «согдо», наш проводник начал волноваться, усиленно

расспрашивал о точном нахождении нашего будущего (следующего) проводника Дорчжэ.

Пока носился наш монгол по сторонам, щедро наделяя тошуром упрямца верблюда, кричавшего, оравшего на бегу, я ехал со своим вьюком и внимательно следил за причудливо обдутыми, выветрелыми выходами гранитов (серых, м[елко]- и к[рупно]з[ернистых]). Каких только видов, форм я не наблюдал! Тут были и башни, и замки, и люди, и животные, и грибы, и столы, и ниши самых затейливых очертаний. В одном месте стояли ни дать ни взять два шкафа.* Даже внимание моих спутников останавливалось на этих оригинальных природных сооружениях. Они мне не раз показали удачные образцы выветрелости, [в одном месте] похожие на голову гигант[ского] сурка с передними лапами, высунувшегося из норы, а в другом — на профиль человека в прежнем военном головном уборе. Я много раз думал о фотографии, но было слишком рано, а главное, тускло от сплошной облачности и густой пыли. Снимки с таких образцов выветриваний я решил непременно сделать на обратном пути и не только с выв[етренных] гран[итов], но и с зарослями саксаула или цзака.

На этом утреннем переходе по-прежнему мы наблюдали много цзэрехарасульт. Иногда выпрыгивали маленькие серые монгольские зайцы, Lepus tolai, и быстро неслись в какую-либо сторону. На юг местность падала и вместе с цзаком и сухими серыми руслами тонула в пыльной мгле.

Как маяк, стоял на одном из многочисленных обрывов сух[ого] русла наш проводник и ожидал нас с радостной вестью о нахожд[ении] «согдо», который сам тотчас будет готов сопровождать нас дальше. А теперь идем к ниже располож[енному] колодцу, где надо чаевать, отдыхать немного, а затем следовать [дальше]. Но мы уже сделали расстояние в два раза большее, нежели нам обещал наш цаган-тологоец, — прошли 25 верст.

Действительно, едва мы только освободили жив[отных] от вьюков и отпустили их покормиться, а сами на гальке сухого русла в соседстве с тремя колодцами развели костер и уселись у вещей, как нарядный, с оружием, очень приличный на вид, явился наш новый проводник на откормленном верблюде. Он угодил к нам к чаю, немного позднее явилась за водою его полная жена с ребятишками и, конечно, зашла в наш лагерь полюбопытствовать. Пришла и еще женщина с 5—6-летним мальчишкой, который был таким, как его мать родила, — даже без стрижки, и он бегал здесь, среди нас, как ни в чем не бывало. Место это называется по колодцу — Сухайт-худук. Сухайт — это растение тамариск, обильный здесь, а ниже сплошь на огромное расстояние заполонил собою саксаул. Оба эти растения, в особенности последнее, с сочными, зелеными побегами так любимо «кораблями пустыни», и эти животные здесь в буквал[ьном] смысле благодушествуют.

Как раз наш «согда» здесь и живет со своим большим стадом тымэ или тэмэ и спокоен за них. Его хозяйское владет[ельное] сердце радуется, глядя на сытых животных, на их приволье.

Наш маршрут пересекал на знач[ительном] расстоянии заросли цзака, и везде свободно паслись верблюды нашего Дорчжэ; он мне с гордостью их

---

* В этой же местности, по красн[ым] и желт[ым] караганам и проч[им] кустарн[икам], держалось очень много светл[ых], с чер[ными] жилк[ами] бабочек.

показывал, в особенности он был счастлив тем, что имеет в своем табуне верблюд[ов] таких, у которых при всех первост[епенных] качеств[ах] и величине еще стояли горбы так, как можно наблюдать это глубокой осенью. Любуясь таким верблюдом и едучи впереди своих вьюков с Дорчжэ, я спрашиваю его: «Сколько же такой тэмэ стоит?» — «Триста янчанов, т.е. мексик[анских] долларов», — ответил мне тотчас Дорчжэ на мой вопрос! Таких гигантов с высокими «кочками», или горбами, было два из 56 верблюдов каравана IV путеш[ествия] Н. М. Пржевальского, когда я шел впервые впечатл[ительным] юношей, когда меня все особенно занимало и когда я во все путеш[ествие] всегда с гордостью смот[рел] на наших темного и песочного верблюдов, причем последнего гиганта мы, все участн[ики] IV пут[ешествия] Н[иколая] М[ихайловича], называли «серебрянкой». После того как он, еще в Гоби, испугавшись чего-то, разнес ящичный вьюк головн[ого] эшелона, он уже больше никогда не позволял завьючить на себя ящики, а гордо и важно нес с легкостью самый тяжелый экспед[иционный] вьюк вообще — это серебро, в сумах внизу, разбавл[енное] чем-либо мягким, пышным, поэтому его и называли «серебрянкой». За все мои последующие путешествия «серебрянок», или «темных» верблюдов, я не видел в караванах экспедиций, участн[иком] которых был сам. Да и вообще, сколько помнится, [при Пржевальском] я таких гигантов-верблюдов не видел. А верблюд Дорчжэ мне почему-то сразу напомнил «серебрянку», поэтому и неудивительно, что он посовремен[ному] стоит 300, а тогда только 150 [янчанов].

После часа дня жара давала о себе знать ощутительно, тем более воздух томил своею густою пылью, дали тонули в пыльном тумане. Я и Д[орчжэ] ехали быстрее вьюков и часа через 1½—2 временно отдыхали, давая отдохн[уть] и своим ногам, для чего снимали обувь и тут же на песчано-каменистой теплой поверхн[ости] высушивали влажные чулки или портянки. При приближ[ении] вьюков мы вновь садились и вновь, покачиваясь на кораблях своих, следовали к югу. Равнина наша или, точнее, наш маршрут из низины с цзаком поднялся на пустын[ную] щебнегалечную террасу-плато и ею следовал до нового спуска в залив с цзаком: однообразная, монотонная, утомительная местность. По террасе-плато одно хорошо — спорко идется, спорко, успешно отмеряется расстояние. В море дальнейших злаков острый глаз Дорчжэ отмечал верблюдов и точки-юрты их влад[ельцов] или пастухов. С особенной любовью Д[орчжэ] всегда говорил и смотрел на верблюдов. Он сразу их оценивал по статям и общему габитусу. Лучшей жизни, нежели жизнь в пустыни Гоби, бок о бок с верблюдами, он себе не представляет, не понимает и не желает. Зато как глубоко он знает [и] сроднился с каждым изгибом, оттенком жизни природы пустыни, для него в ней много прелести и много-много яркой, кипучей, пестрой особенности!

Как моряк, истый моряк, любит море — великое, стихийное, так точно и номад пуст[ыни] Гоби любит свою Гоби. Я задумывался, и мне более чем кому-либо понятна чистая любовь к природе и жизни пустыни у моего хорошего знакомого Дорчжэ. Мы с ним едва только познакомились, но уже поняли и, может быть, полюбили друг друга. Да, таких Дорчжэ я никогда не забываю.

В послеобед[енный] переход мы прошли 28 верст (всего в этот день 53 версты) и с половины пути начали видеть силуэт больших гор, гигантскою

стеною преграждавших нам путь, — это Нэмэгэтэ. По словам Д[орчжэ], Нэмэгэтэ величественнее Ноин-богдо, которые лежат за Н[эмэгэтэ] и шир[окой] степ[ной] равн[иной], подобной той, в какой мы сейчас находились.

По мере приближ[ения] к Н[эмэгэтэ] последние вырисов[ывались] контрастнее и больше манили к себе.

Мы остановились на ночлег хотя еще в полосе цзака, но уже с ясно выраженным подъемом к Нэмэгэтэ. И нам, и животн[ым] необходим был отдых. Во вьюках у нас имелся достат[очный] запас воды на вечер и утро. В шестом часу вечера мы стали всматр[иваться] в бинокль на дымкой прикрыт[ые] горы. У их подножия «Цейс» открыл несколько верблюдов, пасшихся по кустарникам.

Вечер и первая полночь были необыкновенно тихи, летали ночницы, и я их несколько штук изловил. Ловя бабочек, я был невол[ьно] смущен и удивлен, когда в морилку захватил вместо бабочки с полотна палатки паукообразное, светлое, длинноногое, быстрое в движениях [существо], монголами называемое «сорвачь». Я положил его в спирт. Тем мой лов и был закончен: усталость взяла свое, и наш лагерь в пустыне быстро уснул. Ни звука, только тяж[елый] вздох верблюда или сон[ный] бред путешеств[енников] невольно внесет что-то в жуткую и в то же время обаятел[ьную] тишину ночи пустыни.

7/VI, ☽. В начале 1-го часа крепкий западный [ветер] с песком и галькой с шумом разбудил нас всех, а в половине 3-го уже поставил и на ноги, а в ½ 4-го утра мы уже вновь отмеряли расстояние к Нэмэгэтэ по увеличивающейся постепенно покатости. Теперь уже яснее вырисовались ущелья, вершины, скаты, скалистость и т.д. Ровная покат[ость] издали вблизи превратилась в сплошную сеть сухих, каменистых русл с более или менее высокими, обрывистыми берегами. Голод[ные] верблюды на ходу срыв[али] побеги саксаула.

Через десять верст мы достигли почти подножия Нэмэгэтэ — зоны колодцев и первых двух айлей, каждый в одну юрту, с верблюжатами, привязанными к лежкам больших верблюдов, и яманами. У попутной юрты мы с Д[орчжэ] остановились порасспросить и дождаться отставших вьюков. Там были слышны выстрелы охотившегося на харасульт-цзэрэ моего Ганчжурова. У владельцев юрты — у матери с взрослой дочерью — мы попили чая с вербл[южьим] молоком и поехали вверх, в ущелье Улэн-ама к удивит[ельному] горному колодцу у скал Улэн-худук, у подн[ожия] которого (да, у подножия кол[одца]) разбили свой лагерь. Когда ставили палатку, ветер дул сверху ущелья, а после подул снизу, потом с запада, позднее с прот[ивоположной] стороны и так все время менял свой курс, в конце концов уронил палатку на меня, мирно заполнявшего страницы этого дневника. Но какая сухость — сохнет не фраза, а последнее, только что написанное слово!

Колодец измерен, исследован, снят вблизи и вдали, но боюсь за успех снимков — погода неважная, а очень хочется именно тут видеть удачу. Стоит показать редкое явление в горах — присутствие или наличие артезианских бассейнов. В колодце вода не замерзает и зимой!

Горы скалисты, круты, мрачны, дики. В течение всего дня на водопой пригон[яли] стада жив[отных] для питья. На лужице и струйке, стек[авшей] вниз, мы наловили порядочно мух (более осовидных), бабочек совсем не

было, лишь потом, вдали от скал, бешено гонимые ветром пронеслись два-три махаона да на биваке нашем, у палатки, хотела посидеть маленькая пестрянка с голубыми тонами мягких красок.

Сосед наш, монгол, будущий завтрашний проводник, по подсказу Дорчжэ сразу взял приличный тон и сразу охотно вошел в состав нашего каравана. Завтра он поведет нас западным ущельем. Этим, где мы теперь стоим, нам с вьюком [пройти] не под силу, проходом вост[очным] тоже нелегко, потому что там страшно каменист и с прошлого года размыт дождем спуск, а западный — надежнее всего. Завтра увидим!

С хорошим человеком, приличным вполне, с нашим Дорчжэ мы хорошо расстались. Я заверил его, что мы на обратном пути непременно заглянем в его попутный айль!

Такие Дорчжэ не часты, и как теплы бывают встречи с ними, и как горестны расстав[ания] («Монг[олия] и Кам» — обратный путь экспедиции через Чортэн-тон (Вост[очный] Нань-шань)... лама-цорчжи (Дорчжэ)[265]).

Настал чудный вечер в горах, ямашки спустились с диких скал пониже, в наше соседство и очень просились на фотогр[афический] снимок. К сожалению, было поздно и облачно.

Я ложился, когда ненадолго залетели ночные бабочки, я их поймал, четыре экземпляра. Однажды пролетела быстро, сверху вниз, летучая мышь. Позднее — ни звука, ни силуэта.

8/VI, ♂. Прекрасное утро в горах! Сегодня я будил моих заспавшихся спутников. Выступили на ¼ часа, или 15 минут, позже обыкновенного — без 10 минут в 4 часа утра. Восток пылал огнем, отлично-контрастно вырисовывалась горная цепь на севере Халтэрэ-нуру и междугорная долина-впадина с цзаком.* Мы огибали северное подножие Нэмэгэтэ на протяжении пяти верст, когда спустились в глубокое, сухое, каменистое русло-ущелье Хонгэль-ама и им направились вверх, к югу. Падение ущелья огромное — может быть, такое же, какое имеет и пьедестал, на котором громоздится цепь Нэмэгэтэ. Сегодня великолепно открылись обе прилежащие долины-впадины Нэмэгэтэ. Как они глубоки! Так невольно, в воображении, встает картина былого моря. Ширина Нэмэгэтэ 20—25 верст. На север горы шире, около 15 верст, на юг — у́же, короче, обрывистее (10 верст) и так загорели, что ярко-ярко блестят на солнце. Порода — одна и та же, по крайней мере преобладающая. Нечто вроде лугового плоского перевала под назв[анием] Шара-хутус, без обычного обо. Далей не открывается, мягкий подъем с севера сменяется с юга каменною крутизною. На всем спуске привлекали к себе [внимание] взъерошенные, крутые, дырявые горы с загаром, много зияет отверстий с обеих сторон. И тут я наметил обязательных два фотогр[афических] снимка и на сев[ерном], и на южн[ом] склоне. На сев[ере] слева ущелье, в нижн[ем] поясе, вверху, едва сочится струйка воды, обрамленная изумрудом. Там летали вьюрки, краснохвостки, чеканы и реяли ласточки. Крутизна огромная, отчего и соответствующее название «тусулур» — водопад. Там и сям пышные кустарники, жужжат насекомые.

---

* Видна была отлично гора Алтын-ула.

В альпийском верхнем поясе перекликались звонким свистом алтайские горные индейки.

В 11 часов утра мы вышли из гор, и нам открылась широкая панорама в направлении к югу. Глубоко внизу, желобом, лежала желтоватая долина-впадина, которая замыкалась цепью гор с запада на восток со следующими названиями: Тосто, Хошу, Ноин-богдо и далеко на востоке выделялась островом гора Сэврэ. И все это благодаря прозрачности воздуха.

Немного пройдя у подножия гор к востоку, мы пришли к двум соседним колодцам Хобрэн-худук, и у вост[чного] из них, где берут соседи-монголы воду, мы и расположились лагерем.

Здесь я также успешно ловил насекомых и фотографировал виды на горы.

Пишу и не могу насладиться, налюбоваться видом на впереди лежащую даль, на долину и на цепь гор, за которой уж недалека и котловина озер Эцзин-гола.

Завтра идем на колодец Дэбсык, на котором так долго жила моя южная партия сотрудников и который отстоит от наших колодцев на юго-запад около 210°. Я очень хочу такой же прозрачности воздуха, какая сегодня, и на предстоящий день — мне это очень нужно!

В вост[очной] части гор Нэмэгэтэ, по получ[енным] свед[ениям], имеются скалы и камни с письм[енами], вернее с рисунками зверей — янгэряман, аргали и другими.

9/VI, ☿. Ночь прекрасная, яркозвездная, Сатурн бесподобен, воздух прохладен. Мы поднялись в 1 час ночи, а в 2 часа уже были в пути, пересекали долину курсом 210° в направлении Тосто.

Несмотря на камни вначале, наш путь спорился, мы хорошо прокладывали диагональ и к 7 часам утра уже достигли (23 версты) дна котловины с колодцем Оэтэлен-худук (анероид 615.0; 28.5; t 18.5, тихо, ясно). В соседстве колодца проживала партия китайцев-торговцев и монголы со скотом на значительном расстоянии друг от друга. Китайцы были далеко не почтительны, вопреки их правилам.

Караван подошел, и мы вновь продолжали наш путь, стремясь к окраине передовых желтоватых гряд гор, тянувшихся от востока к западу. Мы достигли цели через 15—18 верст, опять караван наш оставили. Я воспол[ьзовался] предложением старика-проводника зайти в первую попутную юрту, запрятанную в сложном гранитном разветвлении горных складок. Пока мой проводник осушал сосуд беленого чая, я вел расспросы хозяина о том, далеко ли до Дэбсык-худук. «А вы куда идете?». Говорю: «На Эцзин!» — «Да, ваша дорога далеко на восток, вероятно, вам нужен Дэбсык-х[удук] Н[оин]-богдо, а вы идете в Дэбсык-х[удук] Тосто, и там, и здесь имеются и Ихэ и Бага-дэбсык, ваш проводник, зная, куда вы следуете, и слыша от вас "Ноин-богдо", не должен был вас завести сюда!». Я тотчас встал, поблагодарил обитателя пуст[ынных] гор и поторопился быстрее ехать навстречу вьюкам. Мой старик до дна вылакал чай и с сожалением оставлял отдых. Мое возвращ[ение] остановило Г[анчжурова] и Ц[эрэна] как раз у горного мыса. На ходу я осведомил моих спутников, куда нас завел старик. Мы сделали 15 верст, а всего 38 по азимуту 210°, тогда как мы должны были ехать на ЮВ, а не на ЮЗ.

Мои спутники здорово побранили проводника, по его личному признанию потерявшего голову. Все мы решили ориентироваться: м[ожно] ли прямо на восток пройти к Ноин-богдо? Тропа, на которую мы вступили за 2 версты до мыса, свидетельствовала в положительном смысле. Жара увеличивалась, пройдя 3 версты, мы временно остановились напиться чая.*

Кстати, почти у всех колодцев, окаймляющих северную подошву гор, составл[яющих] Ноин-богдоскую цепь, водоносный горизонт неглубок, значительной мощности и прекрасного качества. Все колодцы используются кочевым населением, и все прочно выложены каменными (сланцев[ыми]) плитами.

Попив чая и покормив верблюдов, мы около 1 часа дня пустились вдоль окраины гор. Судьба над нами смилостивилась — послала хорошую вьючную дорогу, пролегающ[ую] у гор. С этой дороги ответвляются свежие, со след[ами] животн[ых], тропинки к айлям. Мы это обстоят[ельство] сразу учли.

Тропинки уходили дугами к югу, к скрытно в устьях расположенным стойбищам. Немного трудновато было дов[ольно] часто спускаться на дно главных, сухих, каменистых русл и подниматься на их береговые высоты. Последние, наконец, открыли нам отрадный вид на близкую, темно-бурую высокую гору Кокшун и в значит[ельном] отдал[ении] группу Ноин-богдо. Мы приближались к этому величественному массиву, точнее огромному скоплению острых пиков — «хонну», окружающему Н[оин]-богдо. Мы уже миновали обособленную темную гряду к северу Зангэт-хайрхан, так нудно, долго стоявшую у нас слева. Теперь мы желали скорейшего приближения Кокшун — очень доминирующего массива. Мы шли, пока было возможно, и остановились в 5 часов дня в соседстве с айлем ламы при отличном колодце Уэльсэн-худук, сделав в два приема 58 верст.

Наш несчастный проводник страдал, способствовал скорому розыску следующего проводника. Теперь он жалок был и нам. Мы его одарили, сдали усталого верблюда на поправку, поручив ему отвести его той женщине, верблюдом которой вначале пользовался проводник. Теперь, до Эцзина и обратно, он должен был служить нам в качестве вьючного животного с платой, установленной для всех других. Женщина к нашему возвращению на Хобрэн-худук должна поправить нашего слабого, усталого верблюда, а мы в свою очередь обязаны возвр[атить] ее верблюда в порядке и внести ей сумму за труды ее животного. Старик исчез с наших глаз. На нашем лагере ночевал лама-банди[266] в качестве следующего проводника к Ноин-богдо.

10/VI, 2. Серое небо, прохладно. Мы выступили в ту пору, когда только начало рассветать. Вскоре вырисовались на холме два силуэта хуланов, исчезнувших от нас, словно призраки. По мере рассвета даль расширялась. Картина местности была прежняя: справа горы в соседстве, слева широко расстилалась долина и сидящие на высоком пьедестале горы Нэмэгэтэ.

---

* Колодец Довэ-худук (анероид 598.0; 28.8; t 26. [Ветер] западно-юго-западный, 1 [балл], [облака] куч[евые], 3).

Своим необычайно высоким пьедесталом Нэмэгэтэ сразу напомнили Гурбун-сайхан (см. «Хара-хото»).

Но все наше внимание теперь сосредоточивалось на сонме гор с Ноин-богдо включительно. Там громоздились острые, высокие пики и целый город их, перепутанный в сложный лабиринт.

Как вчера долго нас томил Зангэт-хайрхан, так сегодня высокий массив Кокшун. Мы видели его бурые, крутые, местами отвесные спуски. Казалось, он абсолютно пустынен, но, по словам проводника, это не совсем так: внутри Кокшун имеются колодцы и, может быть, булык-ключ с зеленью. Во всяком случае, немало янгэр-яманов, питающихся растит[ельностью] на им только доступных горах.

Наконец и они миновали, приближались ханна — «пальцы» слева, а справа тянулась гряда, служащая словно восточным продолжением Кокшун, в которой лама показал проход в сумэ.

Мы шли успешно, держа направление строго на «майхан», как удачно выразился мой молодой банди, когда я и он — оба — смотрели на уснувший кратер-вулкан Ноин-богдо. Мы подвигались значит[ельно] успешнее наших вьюков и периодически отдыхали до выравнивания с караваном, потом опять шли. У прохода к сумэ, на широк[ом], сравнит[ельно] кормном месте русла, идущего от прохода, мы остановились отдохнуть и попить чая с цзамбой.

Ламу-банди я отпустил приискать ему смену, он скоро ее нашел и привел заместителя. Одаренный банди уехал, сдав нас угрюмому монголу, который и повел нас в крутом направлении к горам. Как мне вдруг досадно стало: я с банди старательно берегли строгое направление на священный массив и вдруг новичок сразу изломал, исковеркал его. Я понимаю, что он желал скорее от нас отделаться — сдать след[ующему] монголу заботу вести нас, но тогда он мог бы сказать: «Идите прямо, а я, побежав быстро вперед, выеду вам навстречу с моим заместителем», — это я принял бы как должное, вместо того чтобы колесить с вьюком в горы, да еще уверяя, что в прямом направлении нет дороги. За это угрюмец был Ганчж[уровым] наказан.

Тотчас на его место вступил старик, великолепно знающий дорогу (да почему ее и не знать здесь живущим), и повел нас в том же восточно-юго-восточном направлении. Из простора мы входили в узкие ущелья. Слева шла ханна — «пальцы» — пики, справа горы Хулэстэн-ула (Хулэстэ). И те и другие пустынные, печальные. Было жарко. То и дело поднимались на небольшие перевальчики и спускались в их понижения. Справа пришло большое, сухое и вверху приветл[ивое], с зелен[ыми] дэрэсу ущелье-русло Обо-сандэм-ама, по которому вниз удобно выйти на прямой путь наш в Нэмэгэтэ. Для меня были весьма любопытны горы Хулэстэ своею взъерошенностью, слоями, высотою, но я их не мог снять из-за неуд[обного] освещ[ения] и не мог глубже изучить, так как близкая к ним, горам, тропа для нас была недоступна с вьюками: там перевал и камни, т.е. трудно вьюч[ным] животн[ым].

Мы избрали другое: спустились влево в широкое, каменное по берегам и мелко-серопесчаное по дну русло, непременно сухое, но с отрадной поэзией зелени хайлисов (тограков), лепившихся к утесам вначале только прав[ого] берега, а потом, ниже, и по обоим берегам, когда русло уклонилось к СЗ и вошло в теснину ханна. Мы пошли вверх и сделали после чая

25 верст, а считая и утренние 23 версты, значит[ельный] переход в 48 верст, прежде нежели остановились чуточек в сторонке, к северу от русла Куку-довэн-сайр, при отличном колодце Куку-довэн-худук, где я случайно тотчас же сачком для насекомых поймал прекрасного тушканчика (в колодце).

Все время глаз нельзя было отнять от наблюдения ханна — причудливых пальцев, указыв[авших] на небо. Каких только форм в этих ханна не было: и башни, и замки, и памятники, и т.д., и т.д. Ряд таких нерукотворных построек уходил вдаль, к северному крылу Ноин-богдо.

Вечер быстро сменился сумерками, а затем и ночью; усталые, мы уже спали крепким сном.

11/VI, ♀. Облачное, очень прохладное утро. Мы в дороге ровно в 4 часа утра. Идем вверх по руслу среди его вулканических высоких берегов и только через час наконец увидели майхан — палатку Ноин-богдо. Я даже заметил с юга грандиозное, на манер сайн-ноиновского, обо. Мне было радостно, и я, приближаясь к Ноин-богдо, думал, почему это до сих пор я не побывал ни здесь, ни в Сэврэ, тоже интересном массиве. Там немало источников, тогда как Ноин-богдо абсолютно безводен и почти бесплоден. Сильнее и сильнее влек теперь к себе священный массив Ноин-богдо, так и хотелось быть вблизи него и на нем самом. В то же время я составил такой план: приближ[ается] хороший колодец, мы будем стоять на дороге в Эцзин, следует тут, при колодце, и остановиться лагерем, иметь базу. А налегке отсюда сделать поездку и в Ноин-богдо, и дальше — к камням или скалам с рисунками.

Так и сделали. Пройдя всего лишь восемь верст (это после 58 и 48 верст) и достигнув нового отличного колодца Дэлэн-усу, в сосед[стве] которого ютился айль, мы располож[ились] лагерем.

Сосед-монгол пришел познакомиться и помочь устроиться с биваком. Наш старик рекомендовал его, соседа, как хорошо знающего местность вокруг и около Ноин-богдо. Этот монгол поведал мне, что с нашими знаком по Дэбсык-худуку охотник Шароху и что при поездке туда Шароху можно будет встретить!

И этому человеку, этому новому монголу, я был рад, тем более что он согласился мне сопутствовать и в Ноин-богдо, и в Дэбсык. Если бы была хорошая, ясная погода, то мы сегодня же бы и укатили для ознакомления с этим интересным местом, которое в должной мере, вероятно, изучено моим С. А. Глаголевым в компании с его молодыми сотоварищами-сотрудниками. Но густая, сплошная облачность, с редким дождем удержала нас до завтра.

Воспол[ьзовавшись] дневкой, я заполнил дневник описанием за два предыдущих дня с маршрутом свыше ста верст и описанием сегодняшнего, словом наверстал упущенное и буду последователен. Измерил колодец, отлично выложенный сланцевыми плитами, обильный превосх[одной] водой, ловил при колодце мух. Попался тот хищник с мухой в лапках, которого я изловил в нескольких экземплярах на озере Орок-нор. А в 3 часа дня, когда разъяснело, снял вид со стадом баранов у айля и, главным образом, вид на продолж[ение] ханна (не такой выраз[ительный]), носящ[ий] здесь название Улан-дэлэлэн-хада).

Ханна в дословном переводе означает «стена», оно, собственно, так и есть.

12/VI, ♄. Утро серое, облачное. В ½ 6-го часа мы выступаем на восток, прямо к массиву Ноин-богдо, стоящему поперек долины, образуемой с севера ханна, с юга — непрерывной грядой гор, известной по названиям тех мест или урочищ, где она проходит. По мере приближения к Н[оин]-богдо этот массив становится величественнее и привлекательнее. Версты за 3 показались и второстепенные обо, окружающие главное, которое очень высоко, прочно сделано и в общем походит на субурган. Мы подъехали к подножию горы с юга, сделав 10-верстное расстояние от Дэлэн-усу. Здесь нечто вроде перевала — мягкого, лугового, с прекрасными, едва заметными спусками и подъемом. Следуя до перевала Н[оин]-ула, мы наблюдали массив во всю его длину. Во все протяжение от ЮЗ на СВ он представл[ялся] широким — майханом, с юга же он узок, кажется еще значительно выше и в верхнем поясе необыкновенно крут, словно гигантская голова со шляпой, на вершине которой, как у каски, острые обо. Цвет массива бурый, пустынный, повторяю, вид его очень внушительный! К востоку следует продолжение гор, их двух рядов, причем ханна незаметно понижается и как-то исчезает. Среди той же долины, которую временно преграждает Н[оин]-богдо на западе, на востоке свободно расположились в линию Гурбун-тушемил, отливающие тем же бурым цветом пород, вверху залегающих отвесно.

Гурбун-тушемил своею характерною массивностью, своим входом в землю невольно заставляет обратить на себя внимание. От Н[оин]-богдо хорошо видны все три «тушемила», представляющие однородную массу, разрезанную на части, отодвинутые от середины.

Полюбовавшись видом на востоке, я все мое внимание перенес вновь на Н[оин]-богдо и никак не мог насладиться его видом, сильным от него впечатлением.

С юга, повторяю, у него словно перевал, едва заметное повышение, с севера — понижение, с востока — едва заметное падение, будто равнина, природою предназначенная для скачек, бегов и т.д. У подножия массива красуется обо. Тут, в отдалении, чистые, своб[одные] от камней площади, где происходят богослужения, а затем борьба, игры, скачки и т.д., сопровождаемые едой и питьем по-праздничному. Была ранняя пора, облака еще только начали открывать небо, и я решил снять гору на обратном пути. Мне говорили монголы, что Дэбсык близок. Мы поехали, но проводник сразу показал себя не осведомл[енным] в этой местности и Дэбсык показывал лишь наугад, советуя мне взять в первом попутном айле местного человека, который лучше, толковее сведет на место. На колодце Сучжэн-худук (отличном) мы встретили айль и его толкового обитателя, который ровно через 10 минут уже сидел верхом на лошади, которой только что пользовался его предшественник.

Этот монгол, благообразный, средних лет, сразу заявил мне, что Дэбсык-худук не близко, а далеко: «До него еще дважды будет столько, сколько вы прошли сюда ко мне от Ноин-богдо». Впослед[ствии] совершенно оправд[ались] слова сучжэнца: от пер[вого] мы сделали 8 верст, а до Дэбсыка оказалось 17 верст). Мы поехали, все время поторапливая нашего нового проводника.

Путь был необычайно утомительный: каменистые большей или меньшей величины овраги не прекращались, при спусках верблюды бежали, както особенно сильно тряся все ваше тело; казалось, не будет и конца нашей

серьезной качке. Одним развлечением были «тушемилы», их отвесные, бурые стены, в некоторых местах ставшие пещерами (недоступными). Самым величественным был Дунду-тушемил, т.е. средний. Долго-долго все они тянулись. Они и южные горы лежали близко, сплетаясь подножиями и образуя ряд (бесконечный) перевалов. Перед каждым «тушем[илом]», у подошвы, колодец. Растительность только в среднем и нижнем поясах, и то скудная, пустынная.

Вост[очный] из «тушемил[ов]» я снял, кажется, попал в поле снимка и бок среднего «министра». Скопление кучев[ых] облаков мешало фотографии. Наконец, за посл[едним], вост[очным], «тушем[илом]» мы вскоре начали спускаться в камен[ное], пуст[ынно]-унылое узкое ущелье, которое долго, капризно виляло, прежде нежели вывело нас в следующее, в котором, собственно, и залегает выше Бага-дэбсык. Ихэ-дэбсык остался ниже, к северу, на нем 2 месяца прожила моя партия во главе с Глаголевым.

На Б[ага]-дэбсыке кочевников не было. Колодец имел застоявшуюся воду, в обилии покрытую навозом мелкого скота и многочисленными трупами жуков, мух и ночных бабочек. Было ½ 1-го часа дня, стояла жара, и мы принялись за откачку воды и выброс нечистот.

В соседних скалах громко кричали кеклики (Caccabis), вблизи нас ютились горные голуби, монгол[ьские] розов[ые] вьюрки, чеканы; где-то недалеко трещала Podoces hendersoni.

Утолив голод и, главным образом, жажду, Ганчжуров мой направился после ознакомл[ения] с планом искать скалу с рисунками диких животных, вскоре нашел, и мы пошли с фотогр[афическим аппаратом] снимать их. Скалы сверху донизу расписаны и все в тен[евой] стороне, к северу или востоку, уже тоже затенен[ной]. Прежде всего я ознакомился со всеми частями скалы с рисунками, чтобы решить, что, собственно, заслуживает наибольшего интереса и внимания, и остановился на 3 местах: двух вверху и одном внизу. Но в скалах, причем сильно разруш[енных], не так-то легко взять да и снять. Много пришлось провозиться, чтобы выполнить намеч[енные] снимки, тем более что в тени пришлось снимать со значит[ельной] выдержкой. Конечно, если бы я располагал временем, то тут нужно было прожить несколько дней, а не те четыре часа, которые мною были проведены незаметно.

Кроме скалы в этом же ущелье, немного пониже, слева, на берегу, лежат большие, с темным загаром камни, гладкие стены которых украшены слабым художником, все тем же стилем — гор[ными] козл[ами], мотив избитый, везде встречается и повторяется. Но на скале, и вверху и внизу, встречено и то, что раньше не наблюдалось, а именно: изображение верблюда, аргали, каких-то знаков, а также и всадников. Не знаю, что дадут снимки? Внизу, над руслом непосредственно, представлены целые сцены (и людей, и животных); к сожалению, в бол[ьшинстве] случасв время сделало свое — разрушило многое. Странно как-то: на знач[ительном] расстоян[ии], с которого нельзя снимать, изображения видны отчетливо.

За чаем у самого колодца, на разлитой воде, я собрал кое-что из насекомых, но далеко не все, в особен[ности] стремительно летающее, как например махаон или крупный шмель. К счастью, у нас и это все также уже имеется в энтомол[огической] коллекции.

В ½ 5-го мы направились обратно прежней дорогой. Солнце склонилось значительно, а через 3 часа, когда мы подъезжали к айлю нашего проводни-

ка, оно уже давно скрылось за горами. Мы заночевали у нашего толкового, симпатичного нового знакомого проводника при кол[одце] Сучжэн-булык.

В ста саженях к ВЮВ (100°), на покатости, по соседству с подошвой гор, в означ[енном] отдал[ении] от колодца, расположена линия круглых каменных насыпей числом 9; расстояние от края до края 36 шагов с промежут[ком] в 1 шаг, окружн[ость] каждого с диаметром в 2¼ шага; монгол назвал кучу камней Оболсэн-чулу (с востока на запад 280° или 100° к востоку). По словам местных обитателей, это сооружение столь же древнее, сколь и кэрэксуры.

В юрте за чаем и едой при свете костра и светильника у бурхана летали ночн[ые] бабочки; они проникали через дымовое отверстие жилища. Одну бабочку поймал я, другую — хозяин юрты-дома. Меня удивило, как аккуратно он сделал это новое для него дело. Много таких же ночниц погибло в огне священного светильника.

Я великолепно спал, мой спутник Ганчжуров тоже, несмотря на духоту, вслед[ствие] плотно укрытого дым[ового] отверстия. Так как мы не рассчитывали ночевать вне лагеря и запасов еды с нами было немного и исключ[ительно] цзамба да чай, то гостепр[иимный] монгол угостил нас мелкокрош[енным] мясом с лапшой, которыми мы отлично насытились, а оттого и спали сном праведников.

13/VI, ☉. Утро серое, облачное, а мне предстоит сегодня сделать снимки и с Ноин-богдо, и со стены «ханна». Что хочешь, то и делай! Избаловало меня солнце, почти постоян[ное], Монголии.

Облачность заставила ломать голову, придумывать «строгие» выдержки. Едва мы выбрались из ущельиц, оврагов и поднялись на простор, пред нами встала во всей красе Ноин-ула и манила к себе. Я словно сроднился, сжился с этим священным, высокочтимым монголами массивом. Мне было радостно и приятно его видеть. И с востока, и с запада он выглядит одинаково.

За версту от Н[оин]-богдо мы ее сняли (общая картина — отличная для диапозитива). Потом подошли к подножию у обо и тоже сняли и не только вместе с обо, но и вместе с темными камнями, на которых имеются те же изображения янгир-яманов.* На пластинку поместилась и вершина, столь характерная, с обо, и бока массива. Далее мы перешли южнее, на дорогу, и уже сняли профиль Н[оин]-богдо.

Последнее стекло-пластинка было заполнено (с той же выдержкой «10») видом части ханна.

Этим наши работы по поездке-экскурсии были закончены. Мы направились к лагерю, которого достигли в 12 часов дня. Цэндэ пас верблюдов, но, завидя нас, направился поспешно в лагерь.

Теперь, по выполнении экскурсии к Н[оин]-богдо и в Дэбсык, у нас остается одна мечта и стремление — на Эцзин-гол, к нашим «южным» товарищам, к С. А. Глаголеву и Коле Пржевальскому, которых я не видел около года.

---

* Несколько поодаль, севернее, у подошвы покоится порядочная могильная насыпь, вероятно одновременная с изображ[ением] на камне «звериного стиля», но странно — у такого места и одна могила. От обо Н[оин]-богдо я вновь и, может быть, в последний раз полюбовался на «тушемилов».

Вечер. Поднялся на отдал[енную] седловину, чтобы полюбоваться и попрощаться с дивной горой Н[оин]-богдо. Еще не поднялись на седловину — она уже вырисовывается своей оригин[альной] шатром-вершиной. Прощай, моя новая красавица пустыни, прощай! Тебя, как Богдо-ула, я никогда не забуду.

Особенность пуст[ынных] гор, где с успехом разводят яманов. Эти горные животные рано отъедаются и заправляются, яманы испол[ьзуют] корм в таких удивит[ельных] скалах, куда никакое другое животное не в состоянии проникнуть. Между прочим, вчера, на вершине Цзун-тушемила, я наблюдал ямашек (белыми пятнышками) и нимало не удивлялся этому обстоятельству. Там могут пастись лишь янгер-яманы и дом[ашние] козлы и козы.

Сегодня весь день небо в тучах, по временам падали капли дождя и набегали сильные пыльные порывы ветра — вихри, желая поднять и унести палатку. Монголы-пустынники ждут не дождутся благодатного дождя, так как корма совершенно выжжены.

Поздним вечером, когда следовало уже ложиться спать, я воспользовался любезностью соседа-монгола, его юртой и переменил пластинки: дюжину снятых спрятал в коробку, а прежний остаток в 5 пластинок отложил на случай, до прибытия на Эцзин-гол.

14/VI, ☽. Утро облачное с порывистым юго-восточным ветром. Мы выступили позднее обыкновенного, а именно в 4 часа 40 минут, и сразу перевалили в соседнее русло и из юго-восточного взяли юго-западное направление среди гор, которыми шли первую половину перехода, вторую — безбрежною пустынею, ровною как скатерть, по которой, словно демоны, бегали пыльные, затейливые по очертаниям вихри, а на самом отдаленном горизонте играл мираж — злой дух пустыни! Останавливаясь подробнее на описании маршрута, можно отметить, что справа, или с севера, тянулись прежние знакомые мне горы, слева же вскоре встали высокие, заслуживающие большего внимания массивы. Первый обособленный массив под названием Доробульчжин-хорун, в общем сильно напоминающий «тушемилов», красиво и затейливо выделялся вблизи нас, вторые горы — это сплошная горная цепь большой высоты — Хайлистэн, с источниками и колодцами, и, наконец, крайние к СЗ обособленные горы — трехвершинная Эрдэни, оригинальная по очертанию. Когда мы значительно удалились к равнинной пустыне — все эти горы словно слились в одну общую цепь, уходящую от СЗ на ЮВ.

При первом колодце в горах, через 10 верст пути, Ихэр(гун)-худуке, я встретил стадо голов в 12 могучих, сильных и в то же время очень ловких бегунов по скалам, аргали. Они были на дне русла, у самой подошвы гор и кормились; заметив нас, быстро насторожились и вдруг, словно ужаленные, попрыгали вверх по крутизне. Впереди бежал огромный рогач, следом за которым изящно прыгал ягненок, ничуть не отставая от главного вожака. На вершинах скал или гребней аргали на самое короткое время останавливались, затем бежали дальше. Я любовался этими красавцами, столь любимыми в свое время незабвенным Н. М. Пржевальским.

Еще дальше в горах мы отметили два колодца, на последнем, при выходе в равнину, разбивала айль только что прибывшая семья монголов. У них случилось большое несчастье. Девушка в возрасте 20 лет пасла баранов в скалистых горах. Явился волк, который перегрыз горло двадцати баранам.

Монголы нашли трупы животных по соседству с трупом несчастной девушки. Полагают, что пастушка умерла с испугу (многие недоумевают).

Выйдя в равнину, мы еще успешнее подвигались. Дорога наша шла на высокое обо на холме, 212°, к монастырю (только еще отстраиваемому мастерами-китайцами из глины и дэрэсу).

На севере тянулись горы, над которыми доминировал знакомый нам массив Кокшун. Туда приблизительно убегала торная дорога, прямая в Нэмэгэтэ — наш будущий обратный маршрут. Мне думается, что он проходит там, где мы чаевали и отпустили ламу-проводника. К югу расстилалась безбрежная равнинная пустыня, значащаяся на карте [как] «степь Алтан-гоби», с которой нам предстоит познакомиться в предстоящие два дня, что, надеюсь, приведет нас наконец на низовье Эцзина, в южную партию моей экспедиции.

Миновав кумирню Оботэн-хурул и пройдя еще версты 3, мы расположились у ворот дикой пустыни на прекрасном источнике Убур-булык, в виду отмеченного выше высокого обо с рядом меньших, расположенных вокруг.

Едва мы разбили лагерь, как нас навестил нирва монастыря, по имени Бут, в сопровождении нескольких человек, на одного из которых возложена обязанность провести нас поперек пустыни на Эцзин-гол. Нам внушительно советуют выступить рано-рано, имея большой запас воды, которую тем не менее расходовать бережливо. При успешном движении мы на другой день можем достигнуть цели. Все мы на верблюдах.

Нирва слышал, что на Эцзине проживает партия русских, а теперь познак[омился] с их начальн[иком].

Он же толково объяснил мне, что мои спутники пользовались дорогой большой вост[очной], известной под назв[анием] «сончжэн», выходящей на вост[очный] берег оз. Сого-нор (там проехали и Дан[иленко], и Симук[ов]). Мой же маршрут ляжет между озерами, в середине, он называется «модон».

В заключение нирва жаловался на опухоль правой руки и ключицы и просил лекарств. На обратном пути я обещал полечить его и, конечно, только смазыванием йодом.

Небо в облаках, ветер страшный, прямо в палатку — никак не угадаем, как ее поставить, чтобы избежать этого непрошеного посетителя, портящего путешественнику кровь. Можете представ[ить] себе, как дрожат и рвутся листы бумаги, уносятся растения, насекомые и т.д., [и] вы простите путеш[ественнника], который в такие минуты ругается как только может.

У нас все готово с вечера, главное — заготовлена вода в таком количестве, в каком нынче мы ее нигде не брали: бидон наш и лонхон нашего подводчика Цэндэ.

15/VI, ♂. Поднялись с полночи, спали только 4 часа, выступили в ½ 2-го часа ночи; небо было покрыто тучами, и лишь планета или звезда первой величины там и сям проглядывала из-за облаков. Проводник наш, молодой лама на верблюжонке, с арканом у правой ноги, чтобы им заставить юное животное лечь, направился прямиком по волнистой местности в целях через несколько верст выйти на дорогу. Верблюжонок орал, прыгал, кидался в сторону каравана. старался прижаться к верблюдам, извергал жидкость в оба конца (это была тэмэница, т.е. ♀). Неприятно было тем более, что в темноте, кидаясь в вашу сторону и прижимаясь к вашему животному, этот юнец мог столкнуть вас с косогора. Между тем наш проводник не унывал,

объяснял мне, что его животное молодое, сильное, гибкое и он хорошо на нем проедет в обе стороны. Для подтв[ерждения] слов своих он иногда запускал верблюжонка по каменистой равнине-пустыне во всю рысь и быстро исчезал от взора.

В темноте в низких складках северной окраины пустыни я заслышал лай собак: оказывается, это айль монгольских кочевн[иков]-скотоводов, проживающих на кол[одце] Боомын-худук. Поодаль имеется еще несколько колодцев, но все они имеют дурную, солоноватую воду, которую домашние животные пьют охотно, неприятно только человеку, но чего только не сделает кочевник для своих стад.

Стало светать, когда мы уже были в настоящей азиатской равнинной пустыне Гоби — безбрежной, как море, мелкокаменистой и темной от загара. Всюду кругом одинаково бесконечно, только наша узкая тропа «кораблей пустыни» местами пестрит и змеится впереди. Позднее восток заалел, там скопилось много туч в несколько рядов, темных и светлых, там, очевидно, шел дождь, и вдруг брызнули лучи, написав на небе чисто библейскую картину над горами Эрдэни и Хайлистэн-ула. Вершины гор, облака и косые лучи в совокупности создали необыкновенную картину, инт[ересное] полотно природы.

По руслам дождевых потоков сосредоточивалась пустын[ная] колючая растительность, и тут вы наблюдаете цзэрэ (Gaz[ella] subgutturosa) и хуланов, а из птиц — больдуру[ков] и саксаул[ьную] сойку. Еще когда мы были в волн[истой] местности, перед самым рассв[етом] я заслышал первые звуки в ночной, или сумеречн[ой], тиши проснувшегося жаворонка.

Хуланы ходят на водопой, как и харасульты, ночью на ключи, служащие продолжением того района Оботэн-хурул или Убур-булык, который тянется на восток-юго-восток. Вблизи, по сторонам, красуются букеты цветов оригинал[ьного] растения в Гоби, играющего светлыми меловыми и розовыми оттенками.

Однако по мере согревания солнцем клонит в сон, глаза невольно смыкаются, силишься, чтобы не задремать и не упасть с высокого верблюда. Чтобы прогнать дрему, я пользовался предлож[ением] проводника и нюхал его табак — успешно. Порою около вас жужжат мухи, садятся на платье или на седло.

Впереди вырастают озера, высоты — это мираж обманывает и забавляется с путником. Мои люди то и дело спрашивают меня: а который час, а сколько прошли, а когда будем чаевать? Томительно, однообразно тянется время, наконец ½ 12-го, в походе провели ровно 10 часов, прошли 45 верст, пора и отдохнуть привалом два часа.

Верблюды отпускаются пастись вокруг лагеря, им корма достаточно. Общими усилиями быстро варим на корнях раст[ений] чай, едим цзамбу, запиваем чаем, пишу в книжке заметки, в 1 час дня отсчитываю анероид, его показан[ия], равно барометр. Через ½ часа пришла стеною пыльная буря, все заревело, застонало. Мы еще не управились с чаем и цзамбой, в еду и питье обильно посыпался песок.

Через час ураган пронесся, сменился крепким ветром. Вместе с тем немного очистился и воздух, проводник показал на темную волну — гряду с Боро-обо, да мы сами уже увидели в далеком южном гор[изонте] озеро Сого-нор.

Опять пустились в путь; местность еще более падала по мере нашего пути к югу, к стороне котловины озер низовья Эцзин-гола.

Галька стала мельче, еще темнее, местность падала уступами, в низинах появились тощие заросли цзака, изредка тамариска и т.д. Воздух почти стих, небо освободилось от облаков, и солнце с высоты начало жарить вовсю! Верблюды ходко шагают, слышен шорох их широких мозолистых лап. Вперяешь взор в Боро-обо: оно виднеется рельефнее, а в сторону Гашун-нора играет мираж — и тоже озером.

Прошли 15 верст, а всего, следовательно, 60; с небольшой высоты с цзаковым обо, наконец, показалось самое озеро с морской соленой водой, которая отливала прелестным темно-голубым цветом. Полюбовавшись пустын[ным] простором и голубою поверхн[остью] Гашун-нора,* я поехал к своему маленькому каравану и через 2 версты распорядился остановиться на ночлег под полог[ом] пуст[ынного] неба.

Все были довольны: и люди, и животные. Мы провели в седлах 14 часов. Тихая, спокойная ночь. Теперь мы озабочены были мыслью, как и где найти нам наших товарищей? Они стан зимний переменили и должны были работать и в долине Эцзина, и в мертвом городе Хара-хото.

16/VI, ☿. Ввиду близости цели — Сого-нора и низовья Эцзин-гола — я с вечера распорядился выступить только с рассветом — в 4 часа утра. Бодрое утро. Мы некстати оставили большую дорогу и уклонились в сторону зап[адного] берега Сого-нора. Нам, конечно, хотелось скорее найти коч[евье] торгоутов и от них получить сведения о наших, о князе и т.д. Мы сравнит[ельно] быстро вышли на берег озера, полюбовались его общим видом, посмотрели на обрывистый север[ный] берег, на доминирующее обо, Боро-обо, на вост[очный] простор бескон[ечный] и на далеко уходящий юж[ный] берег Сого-нора. Потом пошли вдоль зап[адного] берега озера к югу.** Озеро жило: волновалось и шумело и посылало на нас струю воздушную своей воды, озеро пахло влагой, его поверхность была серая и бледно-зеленоватая, некрасивая. В густых, пышных зарослях камыша и тамарисков гудели рои насекомых, оводы уже десятками облепляли оголен[ные] места наших верблюдов. И конечно, кроме следов, кочевников мы не нашли — они откочевали в соседнюю пустыню, за искл[ючением] немногих, кое-где оставшихся в камышах и тамарисках. Попробовали было мы окунуться в них, в их непрох[одимую] чащу, но тотчас же эту затею вынуждены были оставить. Мы свернули к галечн[ому] плато, прибрежн[ому], и хорошо сделали, так как у его окраины мы вступили на дорогу (большую), проложенную в нашем, нужном направлении среди зарослей тамар[иска] и пышного камыша, который с жадностью срывал мой верблюд. Вскоре выехали из зарослей на открытую местность, где завидели обширные, густые камыши южного берега озера, это влево, к востоку, тогда как направо и вдали показались серые глиняные или каменные постройки монастыря и ставки торгоут-бэйлэ. Через ¾ часа мы бы-

---

* а также и сев[ерной] цепью гор, с Тосто включительно.

** На западном берегу озера С[ого]-н[ор], приблиз[ительно] в середине, лежит бол[ьшой], около одной куб[ической] сажени в объеме, отторженец из буроватой породы, взятой в коллекцию.

ли там. Молодежь-ламы строго смотрели на нас и вполголоса говорили: «Какие страшные люди пришли!».

В управлении — тамага — нас встретили приветливо и угостили чаем! Председатель передал мне письмо от С. А. Глаголева, который доносил о том, что у него делалось после возвращения Симук[ова] и Данил[енко] и что теперь, согласно моим указаниям, он с Д[аниленко] и В[торушиным], с рабочими находится в Хара-хото, а С[имуков] с Прж[евальским] — на восточной ветви Эцзина в работах по сборам и т.д. В заключение кое-какие просьбы о верблюдах и о ящиках.

Наши вьюки проследовали до сос[еднего] колодца Хурлэн-худук и под сенью больших тополей расположились лагерем. Тотчас прибыл ко мне предс[едатель] тамага, доложивший бэйлэ о моем приезде и о том, что он теперь принять меня, в больном состоянии, главным образом зрения, не может, но надеется на наше свидание при моем возвращении из Хара-хото. Пред[седатель] тамага — Чэннру.

Угощая председателя чашкой чая, я старался внушить ему, в чем я имею необходимость обратиться к ним: 1) чтобы доверчиво и хорошо, доброжелательно относились к моим спутникам, оказывая им всяческое содействие для достижения большего успеха в их научных работах, и 2) о предоставлении им своевременно верблюдов для обратного следования в Холт, к месту сборного пункта экспедиции. В заключение спросил: «Не имеют ли они ко мне каких-либо вопросов по поводу недоразумений с моими спутниками?». Председатель живо ответил: «Нет! Ваши сотрудники занимались своим делом и вели себя хорошо!».

Затем я передал Чэннру золотые часы с хадаком для вручения моему старому приятелю бэйлэ. Предс[едатель] получил, низко откланялся и поехал к начальству! Не более как через час он возвращается обратно с моими золотыми часами и своим хадаком — таким же шелковым, голубым, как и мой был к нему. Чэннру говорит: «Князь благодарит вас за память и дружбу, не хочет взять подарка ценного потому, что давно с вами знаком и это лишнее, а вот вместо вашего хадака как привет шлет свой!». Надеется, что на обратном пути его глазам будет лучше и он будет рад видеть меня, а теперь поручает своему сыну-наследнику завтра навестить «орус ихэ ноина Козлова»![267]

В обычные дела князь по старости лет не вмешивается, но в вопросах больших всегда ждут его голоса, и он его властно и разумно произносит, произносит утвердительно.

Расположившись в соседстве ставки князя и его тамага на два дня, я послал письмо моему спутнику А. Симукову с наказом прибыть ко мне сюда, чтобы 18 июня следовать вместе к лагерю партии Г[лаголева]. Ознакомившись с нею, я поеду в Хара-хото.

Пользуясь хорошим освещением, я снял вид моего маленького лагеря в тени разв[есистых] тополей. Сегодня здесь жарко, душно, пыльно. Много всякого гнуса: пауков, мур[авьев], мух, ящериц.

К вечеру стало легче, сумерками и в начале ночи — совсем хорошо до тех пор, пока вдруг не загудела буря и не застонала листва и ветви тополей, под которыми мы укрывались. Мы не спали: порывы бури с пылью обдавали нас, все было покрыто слоем лессовой пыли. К счастью, через 3 часа буря стихла, и мы крепко уснули до утра.

17/VI, 2. Серое, пыльное, сравнительно прохладное утро. Нас не забывают посетители: все, кто идет мимо нас вообще или кто следует к колодцу, заворачивают к нам, к костру, посидеть поговорить. А в 8 часов утра вдруг приехал наследн[ик]-князь, гун по имени Топшин-баир: молодцеватый, высокий, горбоносый, с приятным и умным выражением лица. Он был юн в мое первое посещение его родителя (которому ныне ровно 70 лет) и старался на меня всегда смотреть издали. Ныне он заменяет отца, и мне приятно было побеседовать с ним о всякой всячине и среди простой беседы провести основные мысли: об отношении к моим спутникам с доверием и любезностью и о предоставлении партии Глаголева верблюдов для обратного следования в Холт и т.д. На все это Топшин-баир ответил полною готовностью, заметив: «А вам разве не потребуется животных? Я предоставлю в требуемом количестве». Я ответил, что располагаю животными. Они нужны будут только для моих сотрудников. О времени, числе верблюдов и прочих деталях я буду иметь возможность определеннее говорить после ознакомления с результатами содеянного Глаголевым и [разговора] о предстоящих перспективах.

На обратном пути я буду у молодого князя, в его семье и, может быть, ее сфотографирую.

В заключение я вручил Топшин-баиру золотые часы, возвр[ащенные] его отцом, кусок золотой с красными цветами парчи и голубой хадак. Молодой князь, по-видимому, был очень тронут и очень благодарил. [Он] приехал ко мне запросто, в сопровожд[ении] лишь одного спутника. Мол[одой] князь был на прекрасной калмыцкой гнедой лошади, отлич[ающейся] тонкими чертами — статями сложения, в богатом седле. Видимо, он умеет держать себя словно природный дипломат.

От времени до времени я с Ганчжуровым, при участии добровольцев-монголов, ловили насекомых: древесных жуков, мух, бабочек, а также скорпионов и паукообразных, до фаланги включит[ельно].

Около 3 часов вдруг прискакал мой спутник А. Симуков в приподнятом, бодром настроении. По его докладу и письм[енным] донесениям С. А. Глаголева я ознакомился с общим положением дел его Восточной партии. Как я и указал, Сим[уков] с Пржев[альским] жили на Эцзине и собирали зоологич[еские] образцы по многим отделам; Гл[аголев], Дан[иленко] и Фил[ипп] проживали на раскопках в Хара-хото.

Вечер наступил быстро, а за ним сумерки и летняя ночь. Мы улеглись скоро, так как назавтра предстоял 40-вер[стный] переход, а поэтому и раннее, до света, вставание.

18/VI, ♀. Светает, воздух прозрачный и холодный, порывистый [ветер] с востока или СЗ еще более холодит.

Ровно в 4 часа мы выступаем до восхода солнца и бодро идем среди густых зарослей тамариска, хармыка, джиды, других многих кустарн[иков], а равно камыша и прочих трав. В лесу тограки-тополя, пыльно, среди тамар[исков] песчано. Воздух вскоре согрелся, стало душно, пыльно, кругом жужжат насек[омые], носятся красивые фиолетовые нарядные шмели. Начало лета: Эцзин тонет в зелени, зелени свежей, яркой. Все рукава Эцзина сухи, с сыпучим песком, лишь в омутах, в тени, стоит вода, к которой по временам приходят пить стада домашн[их] животн[ых], а по ночам и

дик[ие] обитатели. Среди русл реки иногда залегают значит[ельные] площади с тополями, обыкновенно у воды, а подальше вздымаются холмы сыпучего песка, одетого или оголенного наполовину, а то и совсем. Эти холмы то тянутся змеиным бугром-барханом, то сплетаются в сложный узел, чтобы затем опять узко змеиться вдаль. Река, словно аллея, обставлена тополями или тамариском. Издали, сверху песч[аного] бархана, вам открывается далекая панорама и вверх и вниз по течению. Все покрыто зеленью, листва тополей сливается с листвой обильных тамарисков, и только изредка проскальзывают светлые полоски ложа реки или оголенных частей бархана.

Местный торгоут ведет вас то одним берегом реки, то другим, пересекая сухое песчаное русло и стараясь вести караван более прямым путем. Изредка на пути вы видите лошадей, коров, ослов, яманов и баранов. Все животн[ые] выглядят холеными, упитанными, округлыми. Торгоуты в домашнем обиходе пользуются высококолесными телегами — арбами, на манер туркестанских арб, да и во всем другом, начиная от классич[еской] лессовой почвы и периодич[ности] воды, вызывающей жизнь у такой же растит[ельности], как тограк, тамар[иск], джида, камыш и проч., все здесь одинаково с жизнью природы В[осточного] Туркестана. Те же пресмык[ающиеся] и земноводные или почти те же, что и в стране Таримского бассейна. Хотан-дарья и Эцзин поразительно похожи друг на друга.

Изредка по Эцзину располагаются юрты торгоутов, еще чаще их старые стойбища, выделяющиеся оградами из уродливых сухих тамарисков или торай — тополей.

Жар донимает нас все больше и больше, дорога пыльная, вязкая в сыпучем песке утомляет сильнее и сильнее. Местами в густой заросли тамарисков вы едва пробираетесь, вьюки раздвигают, ломают ветви зарослей, вы склоняете голову и лавируете среди них, чтобы не оцарапать себе лицо и не порвать одежды. Трудно ехать в зарослях на высоком верблюде.

Постепенно, следуя вверх, мы пересекли средний рукав — Дунду-гол, потом два второст[епенных] русла и наконец вступили на самый восточный рукав — Онцин-гол, где и нашли наш лагерь, лагерь Восточной, Глаголевской партии. Он спрятался в зарослях левого берега, скрытно в лесу, вынеся свою кухню на старое, заросшее травою, сухое втор[остепенное] русло. Палатки совсем не было видно. Наконец, бежит Коля Пржевальский, издали приветствовавший меня. Этот юноша сильно вырос, вытянулся, но такой же худой, как и был. Показалась и экспедиционная собака Пестрый — спутница из Урги, извиваясь и виляя своим хвостом.

Лагерь партии разросся: мы поставили выше и ниже костра две палатки — белую, княжескую, выше, для меня и старый куку-майхан ниже — для обоих моих спутников. Куку-майхан тотчас сделался клубом всех желающих покурить и побеседовать. Много говорил Андрюша Ганчжурову, главным образом об охотах на аргали и янгеров.

В первый же день я успел ознакомиться с птицами, насекомыми и общим уклад[ом] спутников. Однако усталость брала свое, и я вскоре, после 9 часов метеорол[огического] наблюдения, залег спать. Молодая Луна светила через белое полотно, звезды мигали и искрились. Тихо-тихо было кругом, одни цикады своим однообраз[ным] монотонным трещанием нарушали покой ночи. Быстро смолкли голоса моих спутников, и лагерь уснул.

19/VI, ♄. Тихо, ясно, тепло и приятно. Я проснулся в ½ 7-го утра. Попил чая, кое-что посмотрел из зоологических сборов, а после 8 часов уже пошел с А[ндреем] снимать характерные особенности Эцзина. Прежде всего сняли сухое русло Онцин-гола, затем, с его левых барханов, сняли еще два вида — один к востоку, на общую растительность долины, другой — к западу, на барханы, одетые и оголенные, за которыми проходило западное русло и левобережная растит[ельная] долина с айлем на границе сыпучих песков.

У меня не было уже заложенных пластинок, и я не мог снять еще характерный вид — стену леса, обрыв и водоем. Сегодня придется переснарядить кассеты; кстати, нашлись две коробки второстепенных пластинок «Кр.», ими также можно воспользоваться как здесь, так и в Х[ара]-х[ото] и при обратном следовании на Орок-нор.

До обеда я просмотрел спиртовые сборы — эти удовлетворительнее, прочие — неважной внешности, страдает техника, за это попало А[ндрею]. За спир[товые] и, главным образом за крупную mammalia он похвален. И аргали, и янгеры хороши, но только теснят ящики, увеличивают караван.

Теперь 5—6 часов дня, в воздухе тихо, прохладно. Все было бы хорошо, если бы не масса муравьев (мелких), ковром укрывших все мои войлоки и предметы в палатке. Нет возможности отделаться от них, хотя вреда не чувствуешь, но крайне неприятно для глаза. Ан[дрей] и Ганчжуров используют куплен[ные] у местных обыв[ателей] четыре ящика и укладыв[ают] шкуры и скелеты крупных животных.

Я пишу у выхода из палатки. Ночью постараемся зарядить фотографию и завтра снимем еще что-нибудь и, конечно, наш лагерь на Эцзине, а 21-го, ран[ним] утром, направимся в Х[ара]-хото.

Торгоуты теперь смотрят по-иному! Увидели меня и поверили моим спутникам. Мы покупаем баранов, масло, сало, молоко и довольствуемся по-экспедиционному!

Вечером вблизи палатки, на тихом воздухе, мы заводили граммофон. Я слушал его с удовольствием, ведь год прошел, что он находится в Восточной партии, которая в торжественных случаях всегда заводила его как для собственного удовлетворения, так и для слушания монголами. На сей раз моим пустынным спутникам, Ганчжурову и Цэндэ, граммофон доставил высокое удовольствие. Оба они, словно дети, приходили в восторг от маршей или мужских голосов.

Наступили сумерки, Луна озарила наш тихий уголок, прежде нежели мы разошлись на покой, да и под сенью палатки еще долго слышны были голоса как в куку-майхане, так и в белом экспедиционном шатре.

20/VI, ☉. Ясное, затуманенное пыльной дымкой утро, воздух теплый, дали закрыты, дует сев[еро]-восточный [ветер], по временам в виде порывов с силою 2—3 [балла]; временами же почти стихает. У нас происшествие: исчезли утром отпущенные верблюды. Цэндэ в отчаянии рыщет по зарослям Эцзина, но пока что результатов не видно. Пришлось прибегнуть к помощи местного торгоута, который верхом на коне поскакал разыскивать. Досадно, завтра надо с утра ехать в Хара-хото, но на чем, если животные не будут найдены?

Накануне стояла такая чудная погода — тихая, ясная, довольно прозрачная, с синим небом, а сегодня — что-то странное: воздух пресыщен тонкою лессовою пылью, небо одевается то барашками, то перистыми облаками.

В периоды большего просветления и затишья я все же сделал два снимка, во-первых, со старого, покрытого травой забвенья ложа, бывшего м[естом] вост[очного] рукава Эцз[ина], с биваком экспедиции на первом плане и песчаным холмом на втором или заднем, во-вторых, снял уголок с водой и лесом, куда приходят за водой торгоуты и куда приходит скот на водопой. Глубокий водоем, вероятно, продержится некоторое время. Я сидел на возвышенном берегу водоема с двумя моими спутниками С[имуковым] и П[ржевальским] и любовался рыбками, всплывавшими к поверхности воды или подплывавшими к песчаному берегу. Мои спутники занимались ловом насекомых, а я соблазнился выкупаться, тем более что вода была довольно чистая, глубиною по грудь, а в сам[ом] глубоком месте и по шею, и можно было немного поплавать и помыться.

Около 2—3 часов дня небо и воздух внизу, казалось, прояснели значительно. На севере небо было голубое, но позднее сев[еро]-вост[очный] [ветер] усилился, вновь взволновал, всколыхнул, насытил воздух пылью, и просветление исчезло, словно сон. А верблюдов все нет и нет, Цэндэ также.

Чувствую, что мои харахотосцы ждут не дождутся моего к ним приезда. Интересно, чем-то они меня порадуют и что лично мне на этот раз подарит мой сонный город!

К вечеру вновь небо нахмурилось, а воздух насытился тонкой пылью, сквозь которую солнце светило бледным диском.

Я приготовился в Хара-хото: завтра утром еду в мой город.

21/VI, ☽. Серое, мглистое утро! С СВ слабая тяга воздуха.

Моя компания в дороге с 6 часов утра. Следуем почти к югу. Пересекаем Онцин-гол и вначале пышную растительность, которая постепенно беднеет и видоизменяется: являются песчаные холмы — живые, полуживые и мертвые. Ведь вначале куст тамариска задерж[ивает] стремл[ение] песка, который окучивает его, тамариск тянется вверх и возвышает и расширяет за собою и холм. Наступает время, когда речка кочует или беднеет водою, растит[ельный] холм заболевает, растит[ельность] хиреет, умирает, скрепа холма распадается, холм развевается, слабеет, опускается, обнажая скелет стволов, а потом и корней — холм уничтожается. Его напоминает уродливый сухой корявый остов, который стоит лишь поджечь, как он тотчас воспламенится и сгорит без остатка.

От Онцин-гола до Хара-хото 12 верст, и на всем этом протяжении за весьма узкими, редкими исключениями, по которым змеится дорога или стоят субурганы, тянутся бугры с тамариском, видны следы древних пашен, арыков, до сих пор уцелели гранитные призматические валы и т.д. И только вблизи Хара-хото с севера-сев[еро]-востока надвинулись сыпучие пески в виде бесформенной возвышенности, которые и присыпают стены, перебегая внутрь города. Путнику приходится подниматься на высокий песчаный хребет, с которого он и видит весь город как на ладони. Шпиль субургана, острием гордо поднимающийся ввысь, виден верст за 5, стена — версты за три. Но все серо, безжизненно и тонет в мглистой атмосфере, иногда сильно веет мертвечиной.

Через 4 версты мы прошли одинокий субурган, через 7 — щебневое возвышение, на котором, в расстоянии 1 версты, располагаются парные субурганы (сев[ерный] с глиняной пристр[ойкой]). Еще дальше — ближе к Х[ара]-х[ото] — целые остатки поместья. Ложа с мертвым лесом я не нашел в прежнем виде, оно осталось ниже или сев[еро]-восточнее.

Общий вид местности мало изменился. Знамен[итый] субурган своим пьедесталом выделялся на берегу возвыш[енной] островидной террасы, на на которой, собственно, и покоится город.

Как раз к этому субургану, подарившему некогда мне целое научно-художественное сокровище, я и направился. Там шла работа. Оттуда первым вышел мне навстречу мой старший помощник — сотрудник С. А. Глаголев. С ним мы вернулись на субурган, и он мне дал объяснение о работах. Пьедестал перекрещен ходами.

Далсе мы услышали призыв на чай: «9 часов», раздавшийся со стены из молодой гортани Д[аниленко]. Мы пошли через западные ворота в город. Вот оно то место, где когда-то столько времени жил, радовался, восхищался этот город, мой родной, давший всю историю своего существования! Та же мертвая внутренность, серая, монотонная, угрюмая картина, тот же песок и т.д. И так же гордо возвышается субурган.

Белый шатер экспедиции приютился у зап[адной] стены, близ южной, на развалинах храма, на предварит[ельно] очищенном плиточном (квадратном) полу. Водой пользуются из колодца, отстоящего от Х[ара]-х[ото] на семь верст к ЮЮВ, кстати совершенно доброкачественной.

В шатре меня приютили, С. А. [Глаголев] уступил свое место во 2-й пол[овине] палатки с хвостом-кабинетом, в котором бережно сложены находки Х[ара]-х[ото] — голова Будды. фрески (со ст[ены] потайн[ого] помещ[ения]), керамика и друг[ое].* Стоял ящик исключ[ительно] с археолог[ическими] ценностями, в котором хран[илось] несколько головок (больших и малых), а также и обрывки письмен, собранных главным образом в знам[енитом] субургане.

Все это я посмотрел и малую, незнач[ительную] часть отобрал с собою для показа в Урге, Жамцарано.

Я не упомянул о фигуре-статуе в 2 фута величиною, раскраш[енной], составляющей вместе с головой Будды самые ценные пока объекты находок.

Познакомился я с дневниками, съемками, графиками. Помимо доклада Гл[аголева] я просмотрел чертежи и выслушал деловое письм[енное] прилож[ение] моего помощника Дан[иленко]. Сделано то, чего так хотел С. Ф. Ольденбург. И действит[ельно], город оживает!

Позднее мы компанией отправились бродить по городу. Сначала к раскопкам у северо-западного угла дома Хара-цзян-цзюна, потом поднялись по бывшей лестнице к субурганам. Лестницы нет больше; судя по провалам, размытым углам, обвалам в воротах и башнях, здесь сравнительно недавно был ливень, потоком которого нанесено много ущерба внешн[ости] города. Хорошо, что Штейну удалось увековечить лестницу, надстр[оенные] стены и возвед[енные] субурганы. Брешь в месте личного хода за стену, в оазис, Х[ара]-цз[ян]-цз[юна]. Тут чувствуется плиточный пол, боковая

---

* Металл[ические] изделия: топор, лемех и проч.

облицовка. (Проход-брешь демонстр[ативно] делался в юго-восточной стене города.) Постеп[енно] обозрели и внутри, и вне — с востока, воспол[ьзовавшись] проходом в вост[очные] ворота, и собрали типичные образцы керамики.

Вечером беседовали о минувшем, о настоящем, о предстоящем. Мои юноши желают, между прочим, пополнить пробел — измерить при помощи плота озеро Сого-нор. Мое желание видеть пром[ер] с юга на север и с запада на восток, крестом, не дает им покоя. Говорили также о маршруте в Холт, о времени выступления (15/VII) и о исслед[овании] по дор[оге] Сэврэ.

После 9-часового веч[ернего] метеор[ологического] наблюд[ения] легли спать. Город был мертвенно тих, не слышен. Сычик не кричал с субургана, но комары были злы и надоедливы, кусали много.

Дымка и облачность не дали возможности сделать ни одного снимка.

Прежде чем уснуть, мысли, самые глубокие, о Х[ара]-х[ото], о моем Пшевике, волновали меня.

22/VI, ♂. День наступил более ясным, прозрачным, на ногах с 6 часов. Записал весь вчер[ашний] день. Надеюсь на больший успех сегодняшнего — скоро пойду снимать. Все мои спутники на работе.

Позднее удалось кое-что заснять, но ветер сильно мешал: бил в лицо и аппарат песком и мелкой галькой. Ветер сильными порывами толкал и однажды причинил вред при спуске затвора аппарата. Другое незамеченное упущение — это перемещение счетчика-указателя выдержки с «25» на «250»; не знаю, сколько снимков сделано с установкой на «250» вместо «25»; заведомо это было с суб[ургаком] и брешью (вместе взятых).

После полудня северо-западный ветер принял бурное состояние и продолжался до позднего вечера. Вулканически жили пески, их вершины, которые в действительности курились, дымились.

Там, где я спрятал статуи, — там огромные песчаные скопления, увеличившиеся примерно свыше нежели в десять раз. Снят пьедестал знамен[итого] субургана, разработанный основательно, на вершине пьедестала — мой спутник К. Д[аниленко].

С бурею облачность неба усилилась настолько, что о снимках не пришлось и думать. Утром я снял статую с большой головой, поставленной рядом. Что-то выйдет?

Перед сном при помощи спутников мне удалось переснарядить кассеты в убежище ламы-отшельника на южной, соседней биваку части стены, в «содбоевской» комн[ате], где, между прочим, оставил свой автограф и Серж Четыркин.

23/VI, ♀. Спал крепко, под легким одеялом, до 6 часов, когда все вдруг поднялись и внесли жизнь в мертвенную тишину Хара-хото. Густые свинцовые тучи окутали небо сплошь; тихо, изредка, капают капли дождя. Я подчеркиваю моим спутникам: сосредоточить все силы и внимание на колодце.

Уже 9 часов утра, а небо мрачно, периодич[ески] посыпает нерешит[ельный] дождь, барабанящий по палатке каплями.

Андрей многократно экскурсировал, но безрезультатно и лишь сегодня добыл ♂ Passer stoliczkae,* которого я сам буду набивать. Обычно после бури следует ходить на поиски предметов города; после бури больше шансов найти что-нибудь заслуживающее внимания.

Вторая половина дня была несколько светлее, с прослойками голубого неба, все же затянутого вуалью из тонкоперистых облаков. Тем не менее решил заснять и заснял: вид через развалины со стволом тополя и жерновом, пески с деревцом саксаула впереди — у сев[еро]-вост[очной] стены, внутри крепости, затем вид у южной стены с местом, под мощными песками которого на дне у стены, лежат статуи из «знамен[итого] субур[гана]».

Ворота положение солнца снять не позволили. Я (с Кот[иком]) снял лишь углов[ой] креп[остной] субурган и прилег[ающие] части стен с группой субурганов, так называемых второстепенных.

На этом мои снимки сегодня и окончатся, предстоит работать завтра, в дороге. Ведь сегодня вечером должен приехать Цэндэ, с тем чтобы завтра утром напр[авиться] на Эцзин.

Я сильно думаю об Орок-норской партии, в частности о моем родном Пшевике. Мои мысли уносятся еще дальше — в Холт, к моему одинокому труженику. Сегодня я много раз мысленно уносился к месту ископаемых, почему это?!

Андрей потерял голову, извел меня окончательно, я очень сожалею, что не уволил его еще зимою — следовало это сделать обязательно. Такого болвана надо было прогнать тотчас, когда он одному почетному члену РГО заявил: «Вот, не успели поступить в экспедицию, как попали в рассыльные!». А между тем на мой вопрос к нему: «Это ты, С[имуков], сказал?» — Андр[ей] отв[етил]: «Нет!». Значит, еще и лжец — это уж из рук вон.

В общем, я чувствую себя в Восточной партии очень тяжело, ни луча радостного, приятного. Глаголев далеко-далеко не оправдал моих ожиданий: недальновидный, слабый, без авторитета, грязный сам, развел грязь кругом. Таким людям можно работать только под наблюдением начальника. Озеро не промерил, счета экспедиции не привел в порядок! У торгоутов вызвал кличку «кукут», а не «нойон»! Мальчиков распустил, а с Пржев[альским] деспот! Ко всему этому физически слабый и не без склонности к панике.

Можете представить, как тяжело я чувствую себя. Зачем я сюда ехал, зачем! После интересной жизни и деятельности в Холте, после отрадного, счастливого пребывания в Орок-норской партии, после тяжелой знойной пустынной дороги я попал в ад кромешный. Не поощрять, а сурово наказывать надо, в особенности Гл[аголева] и Андрея — этого невежду!

В Хара-хото делается следующее: Д[аниленко] вычерчивает планы развалин — оживляет, восстановляет и т.д., повар — скромный Филька — поварит, и копает, и находит больше всех других. Я поставил, вменил в обязанность копать колодец. Рядом наткнулись на богатую кумирню и в самом начале работ нашли карниз с прежн[ими] орнам[ентированными] барел[ьефами], но глазированные. Д[аниленко] работает, в отсут[ствие] Гл[аголева] руководит всем. Андрей болтается как неудачник.

---

* Passer stoliczkae, ♂, 16.3. 20.0.4.5. Т[емно]-бур[ый], черный, местного цвета. Хара-хото.

24/VI, 2. Полуясное утро. Анд[рей] вновь раздражил меня. Случайно я потребовал ружье посмотреть, чтобы передать его Глаголеву. Ружье оказалось с изъяном: еще в Суцзуктэ потерян винт, держ[ащий] на оси замок. Какой мерзавец, утаил и от меня, и от других и отправился в путешествие с неисправным ружьем! Ведь это преступление! В Урге имеется механик, который сделал бы винт, исправил ружье, и оно служило бы как ни в чем не бывало!.. А в таком состоянии!.. Вообще, я очень сожалею, что после кондратьевской истории не раскассировал экспедицию, не сократил ее наполовину!

Ох тяжела, очень-очень тяжела «шапка Мономаха»! Довольно, хочу покоя! Пусть идут другие. Мне кажется, для меня уже довольно!

Прощай, мой сонный город, прощай Хара-хото! Не с таким глубоким чувством, как прежде, я вступал в твои стены и покидаю тебя вновь, нет, далеко нет! Не сердись на меня за мой крутой нрав, несдержанность. В твоих стенах я ругался, рычал, сердился. Тому причиною мои невежественные, недостойные спутники, которые, не стесн[яясь] тебя, сердили меня.

Уехал, последний раз я навестил мое детище.

Дорога, как и прежде, в 12 верст. Растит[ельная] полоса во всех стадиях с преобладающими холмами из песка с тамариском, мертвое ложе с сухими остовами давних тополей, полосы полей и сети арыков, там и сям — гранитные жернова или валы и т.д. Попутные субурганы фотографирую, парные и одиночку, самый крайний к Эцзин-голу.

Наконец и Онцин-гол, и наш лагерь! Глаг[олев] оказался несостоятельным: не смог дать ответа на вопрос: «На какую сумму экспедиция располагает оправдательными документами?». И вместо того чтобы мы могли говорить о текущих делах, он ушел в счета, в то мертвое, нудное дело, которым надо было заниматься исподволь, зимою!

Какое свинство со стороны природы — вчера, в Хара-хото как я жаждал яркого неба, синего солнца — ни того ни другого не было, не было и утром, сегодня, когда я снимал субурганы, а вот теперь, когда они не нужны, жарит и улыбается вовсю!

Вечер был превосходный, совершенно тихий: полная Луна ярко освещала долину, тонущую в самой разнообразной центральноазиатской растительности, щедро посыпанной пылью. После сухости в Хара-хото в долине Эцзина приятно ощущается влажность.

Коля убил парочку саксаульных воробьев и снял их, а я обоих их набил.

25/VI, ♀. Утро облачное, солнце в густых непроницаемых тучах, сквозь которые кое-где пробиваются библейские лучи, напоминающие Моисея со скрижалями.

Весь я мечтою на Орок-норе и в Холте. И там, и там меня много вспоминают. Там мне легко дышится! Чувствую, если поеду когда, например на Орхон или в Тибет, то непременно возьму с собою только простых, хороших людей вроде Гусева, Канаича, Ганчжурова. С такими людьми и легче, и приятнее, и продуктивнее.

Вот сейчас — ½ 7-го часа утра — выкатились «библейские лучи», и среди верхних туч, как среди серебристых льдов, блеснуло солнце.

Коля возвратился с экскурсии — добыл Rhopoph[ilus] наконец-то, но не Андрей (несчастный).

Надо приняться за укладку вещей в дорогу, пора-пора. Но об Андрее Симукове и Коле Пржевальском сказать надо: первого, т.е. Симукова, низвожу на степень конвойного за неиспол[нение] приказаний нач[альника] экспедиции, результатом чего было упущение по сборам научных коллекций. Симуков обязан был возвратиться на низовье Эцзина, на берег озера Сого-нора к началу пролета, т.е. в марте месяце, или совсем не являться, так как дальнейшее пребывание его не искупает тех затрат, которые вытекают в связи с его поездкой в Россию. Поэтому вместо марта его появление в партию 14 мая (и месячное пребыв[ание] в Урге) считается как ненужное, самовольное, и Симуков с 1 марта состоит в числе конвойных с содерж[анием] последних. Тогда как Пржевал[ьский] за труды и прилежание переводится, или возводится, в степень младш[его] помощника.

Приехал на ослике мальчик-торгоут и привез мне в подарок молока в медной посудине, за что был одарен. Очень жаль, что я не снял его типичный облик: 15-летний, стройный, с длинным умным лицом и черными выразит[ельными] глазами, с косой и красной повязкой на голове, как у девочки, — точь-в-точь словно красивая, стройная девушка. Мне было приятно выражение внимания, почитания. Славный мальчик, сильно напоминающий сартянца, да и общим укладом (за исключением дома-юрты), одеждой они напоминают таковых (а арба одна чего только стоит!). Мальчик обещал доставить тушканчика и показать место со змеями.

Около 6 часов дня с востока пришла высокою стеною (желтой пыли) сильная буря и сразу все привела к одному грустному знаменателю: все потонуло в пыльной тени; я не мог отсчитать [показаний] ни а[нероида], ни терм[ометра]. Буря бушевала всю ночь, сгустились тучи и послали на сухую землю немного капель дождя. Но зато пыли — тонкой, лессовой, вперемежку с тонким песком было так много, что все вещи в моей палатке вместе с постелью были покрыты основательным серо-грязным слоем, перемешанным со слоем мелких, противных муравьев. Буря выла, стонала, шумела, сильные порывы ее силились подхватить в воздух палатку, я много раз просыпался: порывы бури будили, было душно, жарко, и мои искусанные муравьями руки остро зудели. А наутро мои спутники обращали внимание на мои красные, сочившиеся волдыри. Да, ночь на Эцзине с 25 на 26/VI была не из приятных.

26/VI, ♄. Утро темное, с темными сплошными тучами, слезившимися вначале отдельными каплями, но к 6½ часа утра, когда мы выступили, уже всерьез расплакавшимися. Мелкий «осенний» дождь разошелся полностью, вместо пыли — грязная влага. Воздух свеж, гнус отсутствует! Мы идем ходко: мои спутники с удовольствием дышат при мысли об Орок-норе, хотя наш путь и стремление тянутся к горам, на Улл-худ[ук], но мы привыкли говорить о доме на Орок-норе, тем более что и партия Елизаветы Владимировны называется Орок-норской.

Коля Пржевальский, по отзывам Глаголева, тяжел, порою дерзок, но хорош в работе. Он возбужден, радостен, провожал меня бегом некоторое время. Итак, прощай и Онцин-гол.

Мы идем успешно и, что называется, напрямик, среди массы тамарисков, песч[аных] бугров-холмов с живым и мертвым этим растением. А дождь падает и падает, воздух тих, ничто не дрогнет. И лишь позднее 9 ча-

сов утра подул вост[очный] [ветер], разрядил тучи, открыл голубые оконца и обсушил нас. Наш рукав — Онц[ин]-гол — ушел далеко к востоку, а мы воспользовались подвернувшеюся большой дорогой и ею последовали дальше. Неприятно было, когда она легко терялась на песчаной поверхн[ости] и мы должны были идти некоторое расстояние ощупью, затем дело налаживалось, и мы, в общем, ходко подвигались.

Изредка на пути мы видели айли торгоутов и еще реже их стада баранов. Сытые лошади, своей торгоутской породы, подбегали к нам, фыркали и пускались словно наутек, как дикари, пересекая диагональю наш путь. Из зверей, или диких животных, я отметил одну только харасульту. По сторонам кое-где кричали фазаны, вблизи метались сакс[аульные] вор[обьи], пели Rhopophilus, и красиво-своеобразно делали на лету всевозможные эволюции живые птички-чеканы. Под конец перебежала дорогу фазанка, а через несколько шагов взлетел ее птенец, улетевший или переместившийся на далекое расстояние, его размер — величиною с куропатку.

Не доезжая до тамага, или нашего колодца Хурлэн-худук, около 15 верст, мы отметили развалины значит[ельного] монастыря, пострадавшего во время дунганского восстания 58 лет тому назад. Вместо погибших храмов торгоуты выстроили в низовье реки, в соседстве озер и центра пустыни, новый монастырь под названием Даши-тойлэн или Хошун-хит. Лам в нем порядочно, среди лам-торгоутов имеется один тибетец из монастыря Лаврана. Ламы и ламишки то и дело заглядывают к нам на бивак. На вершине пустынной серой высоты, к югу от храма, стоит цилиндрическое, с поясом, обо.

Переход от Онцин-гола до Хурлэн-худука (под сенью высоких, отдельно стоящих тограков) был очень утомителен, мы расположились лагерем только в 3 часа дня.

После чаепития мой Ганчжуров отправился в тамага установить связь с «правительством», а через час времени у меня уже был предс[едатель] тамага с приветствием от старика-князя и с его приглашением назавтра к нему в дом. «Мы постарели, узнаем ли друг друга?» — заметил старый бэйлэ. Последнему было, между прочим, доложено о том, что экспедиции нужны верблюды для передвиж[ения] хара-хотоской партии на север, в Холт, затем кое-что из продовольствия. На это мой приятель ответил: «Я об этом не стану говорить, это нужно сделать непременно. Вы [доложите] (председ[ателю] тамага) всё, и всё должны по возможности исполнить и устроить как нужно „ихэ-ноину" (т.е. мне). Завтра утром я пришлю за моим старым другом человека и лошадь». На этом первый день прихода в сос[едство] ставки бэйлэ-гуна (князь, гун) пришел к концу.

В сумерки порывы ветра прекратились, настала почти тишина. Луна полная светила на нас украдкою, температура воздуха только 17.0°С, позднее понизилась еще и дала нам возможность крепко спать до 6 часов утра.

27/VI, ☉. Утро очень приятное: ясное, нежаркое и порою (до нового порыва с востока) тихое. Тихо и безлюдно кругом. В зеленой листве тополей, служащей нам приятною сенью, беззаботно переговариваются Passer stol[iczkae] или ammodendri. Горизонт далек, по нему тянутся узкие полоски перист[ых] облаков.

Глаголев сопровождает меня. Много прочел я ему горьких истин, подтянул его и вменил ему в обязанность быть «потверже», а не гоняться бес-

плодно за популярностью, как это делал в ущерб экспедиции Кондратьев. Глаголев выслушивал и продолж[ал] выслуш[ивать] с полной корректностью и сознанием моей справедливости и в свою очередь поведал мне много-много интересного, как протекала его жизнь и деятельность, и сознался еще в неподготовл[енности] своей к такой серьезной работе. Вместе с тем он дал отличные характеристики всем участником, совпадающие с вынес[енным] мною впечатл[ением]. Совершенно иная была бы картина, если бы эти участники Монголо-Тибетской экспедиции были со мною! (Это признают все глаголевцы.) А я выношу еще большее впечатление о том, что люди вроде Гусева, Канаева, Ганчжурова лучше во сто крат в путешествии, конечно при наличии такого помощника-друга, как Елизавета Владимировна. Глаголев просится ко мне именно в такую экспедицию «учеником», с обязат[ельством] выполнять только ботанику, геологию и разъезды со съемкой.

Я пишу этот дневник, Глаголев экскурсирует в окрестности, мои младшие спутники — Ганчжуров и Цэндэ — мирно беседуют в тени тех же тограков или хайлисов.

Я телом тут, на берегах Эцзина, а душою в Орок-норской партии со своим Пшевиком, который теперь, после ознакомл[ения] с результатами Глаголевской партии, для меня еще дороже, еще научно ценнее.

Едва я поставил точку, как приезжает за мной молодой князь-торгоут, гун, с приглашением на чашку чаю. В сопровождении почетного спутника — председателя тамага и моих Глаголева и Ганчжурова я поехал в ставку гуна, находивш[уюся] в одной версте к СВ от нашего лагеря при колодце Хурлэн-худук. Подъехали вплотную к глинобитной стене, позади которой расположен ряд юрт, к двум из которых, к княжеским, ведет кирпичный настил, вроде дорожки.

Мы направились в большую юрту молодого князя, вблизи которой стояла нарядная, симпатичная, красивая жена его, мило, изысканно ответившая на мое к ней приветствие. Вошли в юрту в строгой последовательности: я, князь, мои спутники и т.д. Мигом был сервирован стол передо мной, сидящим на княж[еском] троне, и моими спутниками, сид[яшими] на шире. Поприветствовав друг друга и выпив чая, я снял князя, его черноокую и малыша (в чем мать родила), истратил две пластинки на родителей без «кукут» и с ним вместе.

После этого вновь чаепитие с «заедочками» и «усладеньками». В это время я решил переговорить о делах остающейся здесь до половины июля моей хара-хотоской партии, о доставлении ее прямо в Холт, на что, однако, вторично не последовало согласия. Торгоуты боятся и китайцев, которых не поймешь, день на день не похож, и внешних, халхаских монголов. Сначала хотели доставить только в Оботэн-хурул, но позднее согласились и на Ноин-богдо. Но еще вопрос — куда лучше направиться: в Н[оин]-богдо или в Об[отэн]-хур[ул] (тут имеются верблюды)?

Пока мы толковали обо всем этом, привели под руки моего старого приятеля — гуна. Он — развалина, к тому же на один, правый, глаз не видит совершенно и чуточку лишь, смутно, видит вблизи себя силуэт предмета. Трудно видеть такого человека, еще труднее понять его лепет. Он согласился сняться с нами, т.е. со мною и его сыном — гуном.

Не знаю только, что из всего этого выйдет? После снимка я распрощался со стариком, и вновь, вернувшись в юрту, пили чай и толковали о верб-

людах и продовол[ьствии], потреб[ном] для Глаголевской партии. Потом я пошел в монастырь и снял его и его лам — группу на паперти храма перед расписной красно-золотою дверью (не помню — навел ли на фокус?).

Вновь вернулся к молодому моему приятелю, но уже затем лишь, чтобы попрощаться и направиться к себе, в лагерь. Откровенно говоря, надоело мне все это, и я хотел домой. Но какой это дом, ежедневно новый дом! Князь засуетился, поднес мне кусок красной, с черными крестами в белом круге тибетской шерстяной ткани и в нашей упаковке кусок богатой (красно-золотой) парчи, посланной мною (гуном-мужем) гунше. Второму я воспротивился и тотчас, лично, вручил по назначению. Молодая княгиня приняла почетный богатый подарок с улыбкой. Заключительная чашка чая, и я уехал к себе в сопровождении человека гуна, несшего тибетскую ткань.

На месте, в лагере, я прежде всего записал показания анероида и термом[етра] и т.д., а потом разделся до ночного белья и сижу в нем в палатке. Вдруг — молодой гун с человеком, за могучими плечами которого чаша из даров природы в дорогу. Рис и всевозможных сортов сахар были направлены молодою хозяйкой из ее запасов. Все это пришлось нам как нельзя более кстати! Еще раз сердечно я распрощался с гуном.

Глаголев и Ганчжуров остались выяснять все детали по предъявленным мною вопросам и вернулись уже дов[ольно] поздно, когда у меня была целая компания торгоутов, из которых немало было таких, кои хорошо помнили Цокто [Бадмажапова], Гомбо [Бадмажапова], Содбоева, Полютова, Санакоева и рыжебород[ого] Г[авриила] И[ванова].

Мне было очень приятно, что моих прежних спутников торгоуты тепло вспоминали. Некоторые спрашивали, когда я вновь приеду! Странно, что и торгоуты, как и русские, не верят, что я хочу сесть на место!

Незаметно быстро мелькнуло время моего пребывания на Эцзин-голе в целом и в моем детище Хара-хото. Меня сопровождает всюду Глаголев, и сегодня также, и я все еще сильно чувствую связь с его партией. Удалось получить водовоза и 4 новых рабочих для раскопок в Хара-хото! В числе последних имеется лучший рабочий, по имени Гончик, он уже работал у нас в Хара-хото, но, заболев желудком, ушел домой. Прежде у меня воду доставляли с Эцзина на ослах и из нас и местных рабочих никто не болел. Теперь пользуются соседним, к ЮВ в 5 верстах, колодцем, который мы знали, и в результате, за исключением Д[аниленко], все переболели желудком. Я также пил воду — ничего, она терпимо свежая, только что привезенная, но когда постоит — пропитывается тяжелым, скверным запахом и вредна.

Ночь прекрасная — звездная, лунная, почти ясная и почти тихая.

28/VI, ♑. Встали с раннею зарею. Перистые облака плывут по горизонту, дует свежий восточный ветер. Мы выступаем в сторону пустыни, ведет самым низовьем опытный торг[оут]-курьер, провожает С. А. Глаг[олев]. Тут и вспоминаются важные и неважные вопросы, стараешься все сказать!

Наконец, мое последнее слово: «Будьте покрепче и не гонитесь, как Кондрат[ьев], за популярностью в большой ущерб и вред делу» (не настоял на исполнении Сим[уковым] моего приказ[ания] преп[арировать] — Симуков, в конце концов, страдает!). — «Спасибо вам за все, я очень многое хорошо усвоил, многое мне теперь ясно, не удивлюсь, если меня не будут лю-

бить!» — «И так не любят, называют тряпкой, ну уж и преемник Петра Кузьмича — никогда!» — «Да, я, — гов[орит] Глаг[олев], — желаю очень немногого, скромного — только быть участником в качестве ботаника или геолога, с трудом и того и другого, и только. Я чувствую, что не смогу ничего самостоят[ельно] сделать, не мне быть носителем, а тем более исполнителем идей Ваших!» — «До свидания! Все проведите в строгой последовательности», — громко сказал я стоявшему и смотревшему мне вслед Глаголеву.

Одни; караван ходко идет по тихой растительной долине. До нас долетают крики фазанов, запели славки, чеканы, зачирикали воробьи. Там и сям на превосх[одных] пастб[ищах] лежат или стоят лошади, коровы, ослы. Проводник, завидя вблизи дороги группу животных, стоящих неподвижно, кричит им, гонит, чтобы встали, двинулись раньше, а не вскочили вдруг, испугав караван робких верблюдов. Высокий, густой лес тянется по самому берегу (тому или другому) Модон-гатэлга-гол.

Русло шириною около 15—20 саженей равномерно глубоко опущено, всюду мелко-серопесчаное однообразие, местами, у наиболее высоких берегов, имеются большие или меньшие водоемы. По сторонам изредка стоят могучие зеленые и темно-зеленые тограки, широковетвистые, напоминающие такие же могучие дубы у нас на родине. Хармык набирает ягоды, тамариск всегда в цветном наряде. Река без воды тихая, словно мертвая. Ее оживление восторженно будет приветствоваться; через месяц она зашумит, забурлит и заживет!

В гущине зарослей — юрты. Оттуда доносится утренний лай псов, будящий тишину долины.

А вот и у самой дороги две юрты рядом. Обитатели спят. Открыли и подняли с ВЮВ войлоки, чтобы легче дышалось. Вдруг выглянуло из-за туч солнце, кровяно-красное, красивое, но странное, даже мой проводник отметил это явление и показал мне, а я давно уже заметил и наблюдаю оригинальную раскраску утром дневного светила.

Река ушла на запад, там великаны-тограки. Ран[ний] час не позволяет фотографировать. В последний раз переправляемся через песч[аное] мягкое русло, видим обо на высоте, граничащей с пустынею. Тут временно останавливаюсь, заношу наблюд[ения] в книжку, даю доллар, и дов[ольный] курьер вежливо, с пожеланиями прощается. Через час он будет дома (в 7 часов утра).

Река змеилась, русло с зап[ада] и вост[ока] поднималось к северу, в особ[енности] на западе, на востоке, вблизи обо залегало озерко-болото с зарослями трав. Тут шел пир пернатых, громче прочих плавающих кричали вездесущие турпаны. С разных сторон летели на заре на это озерко утки, крачки и те же Casarca rutila. За ним, вдоль, темнело Боро-обо. Наша большая дорога четко выделялась на камен[ной] поверхности, постепенно поднимаясь все выше и выше. Верст 10 тянулась на запад долина, показ[алось] у самой дороги и безводное русло, а затем постепенно мы очутились во власти одной пустыни. Боро-обо смотрело за нашим каждым шагом. Мы шли и ждали того места, где ночевали и свернули на Сого-нор. В 10 часов нашли это место. Я посидел, дождался каравана и пошел мерить на «корабле» моем вторую половину дороги; между тем становилось жарко, душно; через 3—4 версты отмечены островки ила с коркой песчаника наверху; я подъехал с запада и заснял вместе с цзаком и чахлым хармыком; ил иззеле-

на-светлый, до 5—8 саж[еней] высоты. После ознак[омления] с ним я поехал скорым шагом догонять караван, который плыл в вибрации миража.

Воздух был пресыщен тонкой пылью, и мы в скором времени простились с Боро-обо: оно стояло в море миража, и казалось, в его горные крылья стучали волны пуст[ынного] океана. Солнце жгло немилосердно, ветер порою обдавал жаром. То и дело смотришь на часы, чтобы сделать в первый день большую часть половины [пути]: всего пустыня в поперечнике 85 верст; мы сделали 45 и остановились в безбрежной пустыне. Только к вечеру, когда север пропустил от запада к востоку тучи, показалась гряда общей с Н[оин]-б[огдо] и Кокш[ун] горной цепи. И сегодня по временам отмечали у дороги мандал, ом-мани-падмэ-хум, а также и курьезные — карнаграфические[268] — изображения. У нас обыкн[овенно] на заборах провинц[иальных] городов (их окраин) пишут, и здесь то же самое рисуют!

Небо заболочено слоисто-кучев[ыми] и дождевыми облаками; приятная прохлада. Отдохнем ночью и на заре поплывем по северной половине тяжелой пустыни. По дороге несколько раз видел грациозных, быстрых как ветер, робких цзэрэ-харасульт.

На всем пути пустыня прикрыта черным камнем* большей и меньшей крупности. Эти камни на солнце всегда накалены, горячи, весь лик пустыни черен от загара.

29/VI, ♂. Ночь и утро тихие, облачные, Луна порою светит вовсю! Мы поднялись до зари. Ко мне в палатку пробрался еж и не уходил до тех пор, пока его серьезно не потревожили.

Мы выступили очень рано и до восхода солнца шли два часа, или 9 верст. И сегодня солнце показалось было таким же, как и вчера, кроваво-красным диском, но тотчас и спряталось за густое, свинцовое облако. Других наблюдений нет. Равнина беспредельная, безбрежная, с поднятием постепенным к северу, темная, каменистая. Темная как ночь. Тропа слабо заметна, но ее хорошо ощущает и, вероятно, хорошо видит верблюд, ни разу не сбившийся с нее. Шли очень ходко и в полдень достигли знакомого места — кум[ирни] Оботэн-хурул с ключом Убур-булык. В первый наш рейс в пустыне мы никого не встретили, сегодня же, на половинном своем переходе, попался торгоут-эцзинец, следовавший на трех молодых, очень упитанных верблюдах. Оказывается, его юрту — крайнюю к пустыне — мы видели на Эцзин-голе. Торгоут заверял, что в один день перемахнет пустыню, хотя и приедет домой глухой ночью (без вьюков): не мудрено — до его дома 80 верст!

Едва мы остановились на луговой площадке, как «облачный шатер» наш, вначале только оберегавший нас от палящих лучей солнца, вдруг разразился дождем. Через некоторое время дождь повторился и периодически повторялся много раз; изредка сверкала молния, гремел гром. Приятно наблюдать прозрач[ность] воздуха, пыль исчезла.

По ключам держалось много верблюдов, лошадей, коров и баран[ов] с яманами; все эти животные явились на водопой. Теперь 3 часа дня, ключи свободны, ни души.

---

* В пустыне растительности нет, за исключением русл от период[ических] дождей; эти русла несут кустарн[ики] (тощие) цзак, реже хармык Ephedra, карагана и другие формы.

Обо, словно величеств[енный] маяк, гордо стоит на вершине горы. Обо это мы увидели верст за 15—20 при следовании своем по пустыне, к северу. В пустыне, как в море, оно необходимо.

Мой Ганчжуров понаведался в тамага при монастыре — напрасно, нирва и помощника его налицо нет, остались старый да малый, ничего не знающие. Надежных верблюдов в тамага не имеется, вследствие тощих пастбищ, до сих пор верблюды худы и их мало. И лишь в качестве проводника для нас подвернулся тот лама, который нас привел сюда с Дэлэн-усу. Этот «старик», как его называет Ганчжуров, поведет нас прямо на север, в Улэн-худук, западнее которого, но в соседстве с ним, на кол[одце] Уэльсэн-худ[ук] мы ночевали, идя к Ноин-богдо. Другими словами, мы станем vis-a-vis Нэмэгэтэ — колодца Хабрэн-худук, на линию нашего обратного пути к Орок-нору.

Слоисто-кучевые [облака] не открывают голубого неба, таким образом, сегодня день не жаркий, а скорее прохладный, очень приятный для нас. Итак, завтра снова в путь по пустыне, равнинной сначала, а затем через ту гряду или цепь гор, которая в общем называется Ноин-богдо, хотя мы пройдем у массива Кокшун.

Прошлый раз я не отметил очень интересного явления при ключах Убур-булык, а именно: окрест этого источника залегают высоты, сложенные в основе из бурого, плотного, тяжелого материала, на котором покоится основательной мощности конгломерат. Доминирующая вершина с обомаяком, вероятно, сложена из таких же пород, так как она входит в состав этих же высот, служа им центром. Эти высоты в местах прорывов имеют стоки — русла крутых падений.

Благодаря прозрачности воздуха дали открыты вовсю. Величественно выступает цепь гор на СВ, прошлый раз, на пути от Дэлэн-усу, отмеченная мною (с Эрдэни включ[ительно]). Цепь с Тосто, Кокшун и т.д. также контрастно вырисовывается. Идем к ней.

Ночь облачная с переменным порывистым ветром, прохладная. Спали отлично (впервые после низовья Эцзин-гола, где жарко, душно, пыльно).

30/VI, ☿. Сегодня поднялись позднее на час и выступили также часом позже. Монастырская обитель спала, лаяли лишь собаки, да на соседнем лугу ржали кони в ответ на ржание лошади нашего проводника. За монастырем к северу мы тотчас вступили на дорогу (до гор довольно торную) и ею заметно поднимались вверх. Местность — каменистая пустыня, пересеченная сухими оврагами и такими же руслами северо-восточного — юго-западного простирания. Мы шли на сев[ер]-сев[еро]-запад, Кокшун (массив) приходился западнее, на восток (в северо-восточном направл[ении] от нас) шла цепь гор, несколько выделяющаяся по своим размерам и характеру. Ее проводник назвал Энгэри-инхэрн. По мере приближения к горам количество русл (сухих) и оврагов увеличилось, пошел дэрэсу и карагана. Отдельные горные гряды и высоты стали попадаться чаще и, чем ближе к горам, тем основательнее. Некоторые горные массивы по своему характеру геологии напоминали «тушемилов» (в этой Ноин-богдоской цепи, только восточнее).

Незадолго до вступления в узкое ущелье с легким, мягким подъемом я снял общий вид впереди лежащих гор с Кокшун, его вершиной включительно, но неудачно: я еще только устанавливал аппарат, как затвор щелк-

нул и, вероятно, картина смазана, а жаль, тем более что пластинка не швырковая «К.», а люмьеровская. Делать нечего! Зато, миновав Цаган-обонэн-даба, в сев[ерной] части характерных гор удалось снять удачнее. Но это была последняя люмьеровская пластинка. При первой возможности, при первом айле, надо постараться переложить дюжину пластинок (и тех, и других), чтобы уже хватило до лагеря моего Пшевика в горах Ихэ-богдо.

Ширина гор в среднем около 15 верст. Ущелье с перевалом Цаган-обонэн-даба каменистое, но с очень пологими подъемом и спуском, и мы без труда его осилили и в 1 час дня пришли к самой северной окраине их на прекрасный ключ Заталга, окаймленный изумрудной зеленью, по которой разбросан щедро золотыми пятнами ковер из Potentila. Насекомых — мух и мелких бабочек — было довольно, и я тотчас принялся их ловить.

Проходя в ущелье, мы любовались одинцом С[apra] sibirica, стоявшим высоко на скал[истом] пике, а на юж[ной] окраине гор с сухого русла вблизи нас быстро вскочили и еще быстрее понеслись наутек малютки (две) цзэрэ-харасульт; малыши страшно грациозны, в особенности в беге.

Жители на нашем пути ютились по колодцам, которых я отметил последовательно три: Щабу-гус-худук (6 верст), Талэн-худук (9—10 верст), третий не записан, вблизи окраины гор, у айля, [где] наш проводник пил чай. Надо было видеть, с какою стремительностью, в карьер, поскакал он, завидев впереди на пути юрту. Чтобы меня не задерживать, он скакал, что называется, «сломя голову».

Обо-маяк все время был виден, пока вид на него не закрылся горами. В долине, граничащей с северными горами Нэмэгэтэ, густая дымка, в которой детали утонули. А мне лично эта долина очень приятна, хотя мы в ней невольно провели несколько дней и изучили характер как окраины цепи Ноин-богдо, так и котловину и много-много смотрели на высшую (среднюю) часть Нэмэгэтэ.

С каждым днем значительно подаемся на север, к приятной партии Елизаветы Владимировны — нашего орнитолога.

Как хорошо, что сегодня у меня был взят проводник, иначе намаялись бы сильно.

Соседний на западе массив Кокшун выглядит внушительным, темным, а за ним, словно остров, тот обособленный кряж, который на пути своем от запада к востоку мы оставили севернее. Показалось в середине долины зародившееся зап[адное] крыло ханна, о котором упомин[али] выше. По Обручеву (см. его II том[269]), это есть конгломератовая гряда, тян[ущаяся] на большом прот[яжении] Ноин-богдо. Ханна на восток простирается до меридиана ...*

Ночь была очень душная, спал под легким одеялом до 11 часов, позднее долго-долго не мог сомкнуть глаз, так как до острой боли зудели и руки, и ноги в местах укусов насекомых. Не знаю, какие именно насекомые кусаются так жестоко, с ядом; наутро появляются красные волдыри, тело зудится в местах укусов, чешешь до крови — в результате мокрый лишай.

Только под утро подула прохлада от сос[едних] южных гор. Я укрылся теплым (меховым) одеялом и заснул до зари какой-нибудь часок. А тут ре-

---

* *Далее оставлено место для названия меридиана. (Прим. сост.)*

вут верблюды, раздаются голоса спутников — надо вставать, чтобы, проглотив две-три чашки невкусного чая и съев цзамбы, садиться на свой «корабль пустыни» часов на 10 непрерывно. Именно такой день подвернулся нам на начало июля месяца.

1/VII, 2. Утро полуясное, с приятным юго-зап[адным] ветром от гор на юге. Ну и выдался же денек — жаркий, нудный, тяжелый. Ехали вторую половину медленно по котловине и бесконечным балкам из красной глины внизу и конгломер[ата] сверху мощностью общей до 5—7 и даже 10 саженей, отвесно ниспадающих. Особенно скверно было в котловинах с песком и цзаком. Люди и животные прошли 12 часов врем[ени] и 47 верст расстояния. (Выступили в 6 утра, а пришли на кол[одец] Хабрэн-худук в 6 вечера.)

Я уже говорил, что в Нэмэгэтэ, в особенности в середине [хребта], высятся в ряд четырехголовые вершины — доминирующие, тут особенно высок пьедестал этих гор. По нему-то, в средней и нижних зонах, в сторону полуденной долины и врезались русла с красной глиной внизу и конгломератом наверху. Глиняные стены выходят в самую долину, где они местами расширяются настолько, что напоминают отвесные берега озер. Каменистое плато и скаты испещрены тропинками, части которых исчезли от разрушения дождевыми потоками. Пролагать прямую линию не приходится, а необходимо следовать в обход, подниматься к горам и в подгорной зоне идти по тропе, пролож[енной] кочевн[иками] от колодца к колодцу, и, конечно, так же спускаться в многоч[исленные] русла и опять всплывать наверх.

Большим переходом мы сильно утомили наших верблюдов в таком каменном лабиринте в последнем, половинном расстоянии. А вначале, с места ключа, держась по сев[еро]-зап[адной] диагонали, в равнине, покатой к середине, мы шли прекрасно и только я с Ганчж[уровым], Цэндэ уехал вдоль котловины, к «бабууке»[270] за верблюдом.

Когда мы уже выбрались из отвесных русл, я, едучи впереди, увидел верхов[ого] монгола на верблюде, быстро ехавшего в сторону. Зоркий номад тотчас заметил меня и на мой зов шапкою на подн[ятой] руке скоро докатил до меня, [пройдя] расст[ояние] в 1½—2 версты. Тем временем мой вьюк подтянулся. От ламы, разыскив[ающего] верблюдов, я узнал правильность нашего курса именно на ту Хара-тологой вершину, на которую мы все время смотрели. Лама голодный, жаждавший напиться чаю, легко присоседился к нам, поправил с Г[анчжуровым] упавший вьюк, а в лагере скоро освоился с нашим бытом и ловил насекомых; он же у нас и ночевал. При Хабрэн-худуке мы разбили лагерь на прежнем месте, в соседстве с колодцем, ниже по руслу. Со времени нашего первого здесь пребывания все еще стояла одинокая юрта, в которой проживала мать с дочерью, пасшей всегда стадо баранов и яманов.

У этих женщин и приютился старик с нашим верблюдом, прибывший накануне. Таким образом, Цэндэ напрасно проедет огромное расстояние, верст в 75, на самой крикливой тэмэнице.

По дороге, еще на равнине, в 9 часов полуясного утра я наблюдал прыгавшего рядом со мною до своей норки тушканчика; странно, что он так поздно при свете дня бодрствовал. По-видимому, это тот же вид Dipus'a, что мною добыт несколько к ЮВ, в Ноин-богдо.

Какая обширная долина с высокими горными цепями на севере и юге! Жаль только, что она сильно затуманена пылью, а я с колодца Хабрэн в пер[вый] раз наблюдал ее в полной красе, такой, на какую не налюбуешься всласть, в особенности перед [закатом] и в самый закат солнца, когда все: и горы, и долина — окрашивается фиолетовым нежн[ым] тоном и когда краски — красная, голубая, желтая — прихотливо меняются, переливаются и держат вас при горах и том небесном горизонте, который еще ярче, краше горит пурпуром.

Вчера я прозевал лов бабочек, так как у соседок в юрте переснаряжал пластинки. Пока я возился с фотографией, усердный лама у костра наловил целую чашку ночниц, другою чашкою прикрыл, чтобы пленницы не улетели, но в каком [они] ужасном виде — не скажешь! Он был часом раньше поощрен за жуков, теперь вновь хотел отличиться и, вручив мне сбор, наблюдал за мною. Велико было его разочар[ование], когда бабочки его сбора полетели в тьму подле лагеря. Г[анчжуров] разъяснил ламе, что с бабочками «надо строго обходиться, не сбивать пыльцу!».

Лама был и смущен, и, видимо, огорчен неумением, но жуков и скорпионов он с Г[анжчуровым] наловил.

2/VII, ♀. Утро тихое, облачное, долина, словно море, в густом пыльном тумане. Всюду тишина, которую приятно нарушает голос пастушки, управляющей баранами, разбредшимися кругом айля. Звонкие, серебристые трели юной номадки красиво отдаются в раннем утре.

В Нэмэгэтэ, на глазах монгола, леопард ловко схватил янгер-ямана и тотчас умертвил его, но мгновенно исчез, заметив человека, который и воспользовался добычей пестрого зверя. Леопард бросается на добычу, как кошка на мышь, — сверху и тотчас перекус[ывает] горло, жадно выпивая всю сочившуюся у животного кровь. Какое терпение, умение, ловкость нужны, чтобы поймать янгер-ямана, который всегда настороже! Леопард искусно прячется в красных камнях и быстрым прыжком овладевает животным.

Только в полдень возвратился Цэндэ. Его тэмэница настолько устала, что он вынужден был променять ее на более лучшую, но на такую же крикливую, с придачей 15 янчанов.

Утро у нас ушло как-то непроизводительно на разные соображения по поводу преодоления высоких гор Нэмэгэтэ со слабыми верблюдами. Мой прекрасный, но «инвалид» пошел без ничего. Я вначале сел на высокого [верблюда] Ламаджаба, но он после 2 верст заставил меня раз и навсегда от него отказаться: он упал на левый бок, уросил[271] и едва не придавил мне ногу. С большим трудом я высвободил левую ногу из стремени в то время, когда, барахтаясь, ламаджабовский верблюд лег как подобает. Тотчас мой ловкий Ганчжуров оседлал для меня нового верблюда, вымененного Цэндэ у местного ламы. После моего «ламаджаба», шедшего привязанным в хвосте каравана, эта крикливая, вертлявая плевака извела меня окончательно. Кроме того, своей исключительной тряской вконец разбила меня. После перетасовки верблюдов верховых верблюд с уросью достался Ганчжурову, который не пощадил его ног. Оплеванный, он все же справился с лентяем и заставил его идти как надо! Тем временем мы поднялись до самого верха гор, до места, где тропа раздваивается: южная идет на наш старый Шарахудук, северная — на вершину Улэн-даба, ведущую в то ущелье с прекрас-

ным, оригинальным колодцем Улэн-худук, вблизи которого мы стояли (с удовол[ьствием]) в передний путь, но не воспольз[овались] тогда этим перевалом вследствие крайней крутизны его со стороны подъема и пошли в обход, на запад.

Ганчжуров пробежал вперед, ознакомился на вершине со спуском и удачно посовет[овал] мне попробовать спуститься новым ущельем, сокращая этим дорогу на 10 верст. Моему скорому решению идти [к] Улэн-даба в знач[ительной] мере содействовали свежие следы монголов (мы их встретили при спуске к подошве (южной) Нэм[эгэтэ]), кочевавших на север и поднявшихся со своим скарбом по крутизне, на которой змеилась ими проторенная дорожка.*

С вершины перевала Улэн-даба открылся вид на глубокую впереди, к северу, долину с цзаком и на лабиринт крутых, остробоких ущелий, сбегавших от гребня. Преобладающий красно-бурый тон горных пород блестел ярко, но снять их не пришлось из-за облачности и главным образом густой завесы пыли, в пыли же потонула и северная долина с цзаком.

Относительно гор Нэмэгэтэ можно коротко сказать, что они высоки, скалисты, обрывисты, южные стороны блестят загаром, имеют на севере признаки луга и массу колючих трав, сильно расчленены, а потому красивы, просятся на снимок, но, к сожалению, в желан[ных] местах снять не удалось. Можно прибавить еще — безводны, богаты всякого рода пещерами и т.д. На севере и на юге открывают виды на глубокие долины, преобладающая раст[ительность] — саксаул.

В верхнем и среднем поясе тропа идет по такой крутизне, что все время вьюки приходится везти по одному, и лишь в нижнем она выходит на серо-песчаное русло, по которому, хотя [там] и крутое падение, вы быстро движетесь вперед и сравнительно быстро достигаете Улэн-худук. И теперь можно еще утверд[ительнее] сказать, что ширина гор имеет около 15 верст (в среднем).

Мне было очень приятно сомкнуть путь у колодца, посидеть у него, у скал, отметить показание а[нероида] и еще наловить несколько экземпляров мух. Все прежнее вспомнилось отрадно: и горы, и колодец, и наш кукумайхан, и та сцена у водопоя. которую я увековеч[ил] на фотогр[афии].

Я имел ¾ часа, которые все отдал колодцу, и простился с ним тогда лишь, когда наш караван вдруг показался из-за скал, сверху, успешно отмеривая шаги вниз, к выходу из гор в безбрежную, глубоко падающую к середине долину.

Я повел караван. Только всего одну юрту (выше колодца) мы отметили в ущелье. Чем ниже, тем еще скорее мы шли на север. Очень хотелось спуститься до прежней ночевки, среди цзака, но этого не удалось исполнить: 9 часов застали нас за 3 версты до нее.

Из-за пыльной мглы и полной облачности ночь не заставила себя долго ждать — мы едва успели немного устроиться с лагерем. Я не ставил себе палатку, а устроился под пологом грустного пустынного неба. С двух сторон — восточной и южной — стояли ящики, с запада — сума, вот моя и постель с комфортом, вернее спальня, так как постель: брезент, два (потолще

---

* Все же монголы заплатили крутизне дань — один верблюд лежал у тропы искалеченный, с прорванными ноздрями и не вставал.

и потоньше) войлока и меховое одеяло (под себя), легкое одеяло сверху — и все. Мои предметы (их много) — часы, анероид, компас, зап[исная] книжка, каранд[аш], спиртовка для жуков, морилка для мух и баб[очек], бинокль, очки, ножик — вблизи меня, выход из ложа — на север. Мои спутники и костер — в сторонке, в 10 саженях.

Душно, жарко, южный бриз не несет прохлады, а еще более расслабляет, в особенности когда он значит[ельной] силы и несет густую пыль. Пылью пропитано все, с этим надо смириться.

Усталые, мы скоро уснули. Однако полуночная буря с запада разбудила меня. Хорошо, мыслилось мне, что я не в палатке, последняя шлепала бы сильно и пыль большая сыпалась бы и ложилась на меня. Не помню, когда я уснул, но на зов Г[анчжурова]: «Пора вставать!» — я проснулся в 4 часа, когда кругом стояла тишина и полная мертвенная мгла.

3/VII, ♄. Нэмэгэтэ в 10—15 верстах (силуэт высокой темной стены, величественной острой гряды). Одеваюсь скоро с грустной мыслью: во мгле довести счастливо «мой корабль» до Сухайт-худука, ведь я проводник, «капитан» в пустыне песка и камня. Еще вчера, идя к саксаулу, с блестящими, словно вода, глинисто-лессовыми площадками, я ориентировался [на] одну [вершину] на ССЗ и шел по направлению к ней, сегодня верст на 5 она же была моим первым маяком до глухих недр сакс[аульных] зарослей. Окончилось все это, и мы вступили в открытую, песч[ано]-камен[ную] равнину с легким поднят[ием] (постеп[енно]) к северу и пошли на ССЗ. Перед выходом из саксаула я наблюдал много шагов (следов) лисиц, хуланов и видел Pod[oces] hend[ersoni], а самое интересное — серо-бледного сорокопута, который, сидя на вершине высокого сакс[аульного] дерева, издавал какие-то странные звуки, похожие больше всего на блеяние козленка. При виде этой инт[ересной] птицы я невольно лишний раз вспомнил моего родного Пшевика. Последние дни все мои мысли, мечты, желания — скорее свидеться только с моей Пшевочкой, которая также, вероятно, начинает уже ждать харахотосца.

Веду караван, сам — впереди на ½—1, а то и более, версты, порою оглядываюсь назад. Как струна, провешивается умственная линия [между] мной и караваном. Последний плывет медленно, равномерно. Наконец, время приближ[ает] спуск в русло с цзаком — то русло, по которому выше и ютится айль Дорчжэ, у кол[одца] Сухайт-худук.

Всматриваюсь на ВСВ по горизонту, и — о радость: обообразная темная кучка (знакомая по переднему пути с Дорчжэ) стоит и радует мою душу. Правильно! Выбрав место удобного спуска с обрыва каменистого плато пустыни, я остановился с целью дождаться каравана. А там что-то странное: струна порвалась, и [караван] уклон[ился] на запад. Это мудрец погонщик-проводник Цэндэ. Он начал увер[ять] Г[анчжурова], что я неправ[ильно] веду, наст[оящая] дорога далеко на западе! С трудом Г[анчжуров] убедил и заставил Ц[эндэ] идти к начальнику, который ждет караван. Вскоре и Г[анчжуров] зам[етил] кучку на СВВ и стал ругать Цэндэ.

При глинистом спуске с обрыва мы смертельно испугали лисицу, которая стремглав бросилась бежать; горячий охотник Ганчжуров не успел подняться вверх — лис[ица] была далеко.

Опять идем вверх по знак[омой] полосе русла с саксаул[ьными] зарослями. Через 5 верст увидели живое — верблюдов, благод[ушествующих] в

цзаке, а затем еще через такое же расстоян[ие] и айль Дорчжэ на обрыве, [поставленный там], чтобы продувало и отгоняло, уменьшало насекомых. С отрадою я с Г[анчжуровым] достигли знак[омого] колодца,* подошли вьюки, и мы быстро разбили лагерь.

Не замедлил приходом и Дорчжэ (а дети уже заметили нас раньше) с дарами природы: с сыром, пенками и горячим белым (с верблюж[ьим] молоком) чаем. Радостно встретились. Побеседовали, попили чаю; все, все, до мелочей вспомнили о первом знакомстве и пути до Улэн-худук. Вот такой наш хороший Дорчжэ. Без труда мы сговорились с ним на следующее: он должен принять на свое пастбище наших устал[ых] верблюдов, снабдить нас тремя хорошими своими верблюдами (под вьюки и меня). Мы пойдем на Орок-нор на свежих жив[отных], оттуда Цэндэ приведет его 3 верблюдов обратно и возьм[ет] отдохн[увших], отъевш[ихся] наших. За это мы ему по-приятельски щедрее платим и даем небольшой подарок (нож и ножницы).

Дорчжэ уговорил Г[анчжурова] пойти вместе на охоту — на харасульт, а я остался дома писать. Охотники караулили на водопое, стреляли на близкое расстояние, но безрезультатно; вернулись обратно поздно, усталые, и тотчас принялись с жадностью за чаепитие. Чая вообще летом, да еще в пустыне, пьется много. Этот универсальный напиток — наше единственное, незаменимое, в полной мере повседневное удовольствие.

Вечером, когда вернулись к колодцам все верблюды с пастьбы, я отметил, что здесь верблюдов свыше сотни голов, держатся они по группам: взрослые, двухгодовалые и нынешние — молодняк. Все упитанные, хорошо линяют, и подростки с малышами игривы, в особенности на побежке к стойбищу или, наоборот, — в цзак.

Дорчжэ не есть собственник верблюдов, а лишь старший, ответственный пастух этих животных, которые преимущественно принадлежат тамага Ламэн-гэгэна. Прошлый раз мы встретили в горах Халтэрэ-нуру двух лам, одного интеллиг[ентного] — старшего, объезжавшего владения монастыря с верблюдами, коих всего налицо около тысячи голов. Дорчжэ и ему подобные пастухи монаст[ырских] стад пользуются от этих верблюдов полностью молоком и шерстью: первое питает, второе выгодно продается. Китайцы платят за 6 дюжин кусок далембы (что то же самое, 2 сер[ебряных] доллара 9 фунтов).

4/VII, ☉. Ночь и утро сплошь облачные, теплые, я сплю под легким одеялом.

Для ☉ — праздника — у нас сегодня малый переход — всего в 25 верст, который мы исполнили к ½ 12-го часа, несмотря на то что выступили в 6 часов, а не в 4 часа, как при большом пер[еходе]. И сегодня я вел караван самым удачным образом: нисколько не сделал лишнего, наоборот — сократил прямой линией, почти одной диагональю на СЗ, среди пес[чано]-кам[енного] русла с цзаком, тамар[иском] или с гранитными (красн[ыми] к[рупно]- и м[елко]з[ернистыми]) выходами, в большинстве затейливо обдутыми и обточенными ветром и песком. Перед входом в Халтэрэ-нуру я

---

* Все три колодца умело выложены вместо отсутств[ующих] камней толстыми остов[ами] корн[ей] сака.

пересек горный мыс и еще больше сократил дорогу. Два крыла гор не сходятся, между ними вклинилась дорога — долина меридионал[ьного] простирания, которая и привела нас в знакомое ущелье с ключом Хулэстэнбулык. На фоне, или плане, долины отлично вырисовывалась и доминировала красная гора, остроголовая, которую местные монголы мне назвали Самсогэн-хурин-тологой. Она служила маяком и в передний, и теперь, в обратный путь. На расстоянии сорока верст от Цаг[ан]-тологой она видна контрастно и с такою же проекцией, как и с юга. От Цаг[ан]-тологой она отстоит на ЮЮВ. Эту гору мне удалось снять фотографически. Горные породы, преобладающие в Халтэрэ-нуру, — сланцы и розовые граниты.

При нашем знакомом источнике мы застали на водопое стадо баранов и яманов. Обитатели жили выше; наши тогдашние соседи откочевали, подобно улэнцам в Нэмэг[этэ]. По удалении пастухов со стадом мы были одни при хорошем источнике в кам[енном] русле. К сожалению, цвет[ущей] растит[ельности] не было, не было поэтому и насекомых.

Для праздника и по случаю [отсутствия] продуктов пришлось купить молодого барана с непрем[енным] возвращен[ием] владельцу и кожи, и головы, и внутренностей. Сравнительно давно мы не ели хони-махан, вероятно, сегодня мои спутники окажут ему честь — только бы не объелись! В этом отношении страшно за Цэндэ, который враз съедает ¼ барана, т.е. около десяти фунтов! Вот так двуногое животное! Вот так аппетит! Смотреть противно!

Сегодня, когда я с Г[анчжуровым] ходили снимать гору «темно-красную», было тепло, я приложил ладонь к темнокаменной поверхности земли и скоро отнял — было более нежели терпимо! Тогда я предложил то же сделать моему спутнику. Г[анчжуров] тотчас рванул рукою вверх. «Пошто так жарко?» — заметил он! Цельсий показал только 57.8°. В Хара-хото я мерил — там свыше 60°.

Отсюда до лагеря Пшевика в Ихэ-богдо остается всего лишь три перехода: мы усердно отсчитываем и ждем не дождемся скорее туда попасть!

Едва я записал 9-часовое метеорологич[еское] наблюдение, а мои спутники уложили верблюдов, как мы улеглись спать, хотя еще были светлые сумерки. Но лишь стемнело — залетали ночницы и летучки. Г[анчжуров] опрометью прибежал за сачком и через ¼ часа промахов наконец изловил довольно большой экземпляр. В это время я ловил бабочек, но последних было мало. Их появилось значительно [больше] в глухую ночь (в 1 час), когда я зажег свечу, чтобы посмотреть время, так как следов[ало] вставать рано ввиду предстоящего большого перехода. На свечу ко мне вдруг прилетело несколько бабочек, одна забила крылышками мне по лицу. Бедняжка также попала в морилку (а всех пойм[анных] —10).

5/VII, ☽. Таким образом, во время короткой ночи мы не получили должного отдыха и встали ранее 3 часов ночи, а в 4 часа уже направились в путь, польз[уясь] сумерками и умирающей Луной. Сегодня роль проводника исполнял Ганчжуров — в общем удовлетворительно. Знакомые горы, знакомая дорога, вдоль которой значит[ельно] прибавилось монголов со стадами, так как корм в этой местности значительно улучшился. Сегодня переход в 40 верст. Первую часть мы осилили без труда, в сравнит[ельной] прохладе, но вторую — во время жары, давав[шей] себя чувств[овать]. Дело в том, что, пройдя колодец Халтэрэ-нуру-худ[ук] (в ущ[ельс] того же назв[ания]) и на-

вестив знакомых — семью Гэндэна (встрет[или] нас замеч[ательно], приветливо), мы прошли вниз еще версты 3 и учинили 1½-часовое привал-чаепитие. В это время я снял вид на уход[ящее] вниз ущелье Халтэрэ-нуру (ама). На краешек попал и мой отдыхавший караван. Все горы кругом или бурые, пустынные (северные скл[оны]), или пуст[ынные], блестяще-черные от загара. Мертвечина и среди гор — пустынное безводное песчаное русло.

Мы приютились в тени под скалами. Солнце сразу стало припекать, и чем позднее, тем ощутительнее. Мы устали, хотя покорные верблюды шли хорошо, правда натянув бурунд[уки], тяжело дыша и монот[онно] шурша лапами.

В 3 часа наконец мы достигли благодатного — холодного, прозрачного, рокочущего (температура 7.0°С) — источника и на прежнем месте разбили наш маленький лагерь. Приятно было отдохнуть.*

На сей раз долина много зеленее, пышнее, приветливее. Жалкие пашни отливают изумрудом, в двух канавках для орошения приятно журчит вода. Кругом горы видны и на север, и на юг, хотя воздух имеет пыльную дымку. ½ 8-го часа вечера можно дышать и писать.

О пройд[енных] горах Халтэрэ-нуру следует добавить: только на запад и немного на восток уходящие крылья гор похожи своими хребтами на горы, остальное — какой-то хаос из отдельных темных или красных массивов, расположенных в беспорядке. В области гор лежат или тянутся на большое простр[анство] равнины с дресв[яным] покровом от источенных, продыр[явленных], почти соверш[енно] разруш[енных] гранитов, местами едва заметных причудливыми формами или развалинами.

Отдел[ьные] массивы видны нам отлично с места лагеря у ключа.

Завтр[ашний] и последний, 7/VII, переходы в лагерь моего родного Пшевика предстоят большие!

Какая пышная, богатая растительность всюду кругом в урочище Цаган-тологой: лук, цзак, хармык и т.д.

6/VII, ♂. По обыкновению, встали в темноте и выступили на рассвете. Крупные звезды еще горели в небе. Воздух тих, прозрачен. Мы идем по мягкой тропе, вскоре выведшей нас на большую дорогу.

Через нескол[ько] верст мы переправились через камен[ное] русло, бог[атое] ключев[ыми] источниками, и первые правобережные обнажения — скалы из базальта — вновь сняли. Еще три версты, и мы достигли знакомого урочища Улан-хошу и на прежнем пышном лугу с цветами расположились на 3-часовой отдых с чаем.

Глаз любовался южным склоном могучих гор, в особенности величествен[ным] массивом Ихэ-богдо и столовидной вершиной Пунцэн-обо, лежащей как раз на линии нашего маршрута, у зап[адного] подножия которой залегает на высоком плато Пунцэн-обонэн-худук. Это вдали, тогда как вблизи нас обступали с вост[очного], лев[ого], берега только базальты, а справа — базальты с красной глиной, ярко-ярко пестревшей, или расстилался пышный луг с красн[ыми], лилов[ыми], желтыми цветами, на которых удалось поймать десятка два интересных насекомых.

---

* Источник полукругом обступают с севера светлые глинистые холмы, почему и ключ, и прил[егающая] местн[ость] наз[ывается] Цаган-тологой.

Тут навстречу нам попались китайцы-торговцы, ехавшие в Цагантологой. И они, и мы почти одновременно снялись и поехали в против[оположные] стороны. Вскоре мы поднялись вновь на верш[ину] левого берега знач[ительно] углуб[ленного ложа Чэтэн-гола и с небольшим от нее отклонен[ием] пошли прямо на столов[ую] гору. Воздух был жаркий. По небу — чистому, синему — там и сям скоплялись красивые светлые куч[евые] облака. Я не утерпел: снял еще раз глубокую балку на фоне приблизивш[ейся] немного Ихэ-богдо.* Затем вновь пошел отмерять расст[оянис]. Впереди стоял табун хуланов, мой Г[анчжуров] стрелял, но неудачно, я лишь издали любовался свободными дикими животными, внимат[ельно] следивш[ими] за нами. После выстрела я бросился было вперед, на ЮВ, потом [хуланы] почему-то круто повернули в обрат[ную] сторону, наперерез нашего пути, все время приближ[аясь] к нам. Я даже думал о снимке с них, но они предпочли вновь направ[иться] на ЮВ и таким быстрым галопом, что очень быстро исчезли из глаз в пустыне. Там и сям проносились изящные, грациозные цзэрэ, Gazella subgutturosa. Между тем горы приблизились, я впереди на верблюде ехал успешнее, быстрее каравана: мне хотелось вовремя снять и склон гор по ущелью верхнего пояса с вершинами, и столовидную гору Пунцэн-обо. Подъем крутой, каменистый, русло с красн[ым] круп[ным] гравием разр[ушенных] гранитов. Корм луговой отличный, кое-где по крутизнам, старые стойбища номадов.

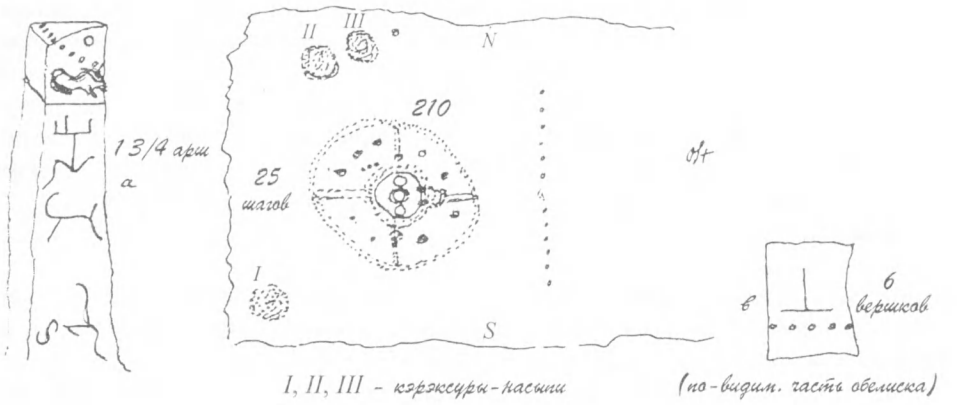
Мне удалось проехать больше крутою частью, так как кар[аван] шел прежн[ей], круг[овой] дорогой. Я снял, повторяю, верхн[ий] пояс гор, затем, поднявшись на перевал к стол[овой] горе, и эту последнюю с юго-запада и запада, где она широко обнажает свою плоскую вершину. Все снимки я спокойно сделал, спустился к колодцу, срезал [часть] зелен[ого] луга и ждал караван. Он пришел через ½ часа. Палатки не ставили, и, лишь напившись чаю, я отправился на стол[овую] вершину с целью узнать ее *h*. Медленно шел, поднялся по базальту(?) и — о диво! — замечательный памятник. Грандиозный художественный кэрэксур! Я так и ахнул: снизу ничего не было видно, несмотря на то что высокая насыпь могилы еще увенчана обообразным цилиндр[ическим] сооруж[ением]. Я внимательно осмотрел соор[ужение] — историч[еский] памятник, открыл анероид, положил терм[ометр] и стал делать каранд[ашом] в записную книжку набросок памятника.

Прежде всего это сооруж[ение] большому, важному предку покоится на большой площади — вершине столовой горы, [со стороной] в 250 шагов в квадрате, ориентир[ованном] приблиз[ительно] по стр[анам] света с несколько закруглен[ными] углами и покрытом, как и сос[едняя] местн[ость], луком среди камен[ной] поверхности.

Какие дивные виды открываются наблюдателю от мавзолея некосго хана. На севере вы видите на горизонте темно-синий Хангай, через море желтой пустыни, сильно взволнов[анной], на юге — бесконечную желтую пустын[ную] даль с рядом гор до Халтэрэ-нуру, Нэмэгэтэ с Ноин-богдо включительно, на западе — священный массив Ихэ-богдо, а на востокс — часть

---

* Интересно, какой выйдет снимок? В момент снимка [случился] вдруг сильный-сильный порыв ветра.

Б[ага]-богдо. Лучшего, поднятого на 2½ тысячи футов абс[олютной] выс[оты] места, доминирующей точки, нельзя найти, и тут — прах великого предка с насыпью из мелких лавов[ых] обломков. С востока стоит ряд обо, [числом] 13, среднее — значит[ельно] больше всех 12 (по шести по сторонам), на нем — темно-серый обелиск с начерт[аниями] на восточной стор[оне] (стороне входа к могиле) прыг[ающего] с выс[оты] вниз изюбря и ряда неведомых, непонятных знаков, [вплоть] до стилизов[анных] янгеряманов включительно.

Кто покоится под таким худож[ественным], великим лавовым холмом, чей это кэрэксур, кто и когда и в честь кого его сооружал? Тут великий вождь, вроде Чингиз-хана!

Подойдя к западному, близкому от мавзолея обрыву Пунцэн-обо, или стол[овой] вершине, я увидел колодец в зеленой раме, а повыше его плоский перевал с площадью, с многоч[исленными] обо — местом период[ических] молений лам (современных). Над колодцем вился дым от моего лагеря к немым вершинам гор. Там мои спутники заждались моего возвращения. Сурки громко свистели внизу. Я начал спускаться.

У меня роились мысли самого разнообразного характера. Прежде всего явилось сильное желание снять фотографией этот исключительный исторический памятник, который несомненно займет в ряде других монгольских древностей выдающееся положение и в будущем, в первую очередь привлечет к себе специалистов-исследователей. Это мое великое убеждение.

Вернувшись на бивак, я вызвал удивление у моих спутников долгим отсутствием. А еще большее тем моим распоряжением, что завтра выступаем не на рассвете, а только после 8 часов утра. Прежде всего я спросил Цэндэ: «Был ли он на вершине вот этой горы?». Он ответил отрицательно. Тогда я рассказал о памятнике моему Г[анчжурову], заключив рассказ тем, что завтра, в 8 часов, мы должны уже быть на вершине Пунцэн-обо, чтобы снять все, что там есть замечательного, а теперь попьем еще разок чаю и ляжем спать. Г[анчжуров] долго думал по поводу моих ему сообщений.

Палатку я не ставил и второй раз за эту поездку лег под открытым звездным небом. Мы уже забыли о минувшей жаре: тут на высоте 9 тысяч футов над морем было прохладно, отсутств[овали] насекомые и пыль.

Мои спутники давно уже спали в соседстве верблюдов, издававших ужасный зловонный запах, а я, не зная почему, не чувствовал ни усталости,

ни сонливости и долго не мог расстаться ни с мыслями, ни с мечтами, которые будто что-то живое были в тесном общении со мною! Мысли мои уносились и близко, и далеко. Близко — к моему родному Пшевику, в его лагерь, ютящийся в этих же самых горах Ихэ-богдо, и далеко — к друзьям-единомышленникам в родной Петроград. Спрашивал самого себя: какое число теперь, что знают к этому времени Географическое общество и Академия наук о моих работах, о моем личном местонахождении, о моих планах на возвращение на север?

7/VII, ☿. Дважды просыпался ночью и дважды любовался красотою и яркостью планет и больших, разными оттенками мигающих звезд. Тишина была кругом торжественная, ведь в дикой грандиозной природе все торжественно и стройно. В 6 часов я проснулся, было светло, серо, звезд ни одной, их заменили слоистые облака. Разбудив спутников, а те вскоре верблюдов, мы тем самым нарушили спокойствие раннего утра в горах. Пока пили чай, облака поредели, а к отходу на гору Пунцэн-обо уже показались и голубые пространства.

Мой спутник Г[анчжуров] невольно вскрикнул, глядя на вершину гордой, священной горы! Там гордо стоял каменный, или горный, баран (Ovis) и всматривался в нашу сторону или спокойно опускал голову вниз и щипал траву. Порою красивый дикарь смотрел в южную даль и стоял к нам в профиль, когда отлично обрисовывалась его огромная рогатая голова! Однако зверь был как-то возбужден: то и дело менял положение и подолгу всматривался в нашу сторону, однажды даже сделал несколько шагов в нашу сторону и у самого края обрыва остановился, вперив в нас свой взор. Мы шли осторожно и в то время, когда зверь смотрел в нашу сторону, мгновенно останавливались! Дикий баран направился равномерной походкой, с останов к[ами], сначала к югу, затем ЮВ и востоку и быстро исчез из глаз, но, когда мы поднялись моим вчерашним путем на вершину, там уже никого не было. Напрасно Г[анчжуров] с остор[ожностью] кошки крался вперед из-за могилы далекого, важного предка: на плоской кровле никого не было.* Он вернулся ко мне, к кэрэксуру, и долго не в силах был оторвать глаз от усыпальницы хана.

Мы сделали дополнител[ьные] измерения, наблюдения, поставили вертик[альный] обелиск и занял[ись] фотограф[ированием]. Я снял два вида: подальше и поближе, от востока к западу, на фоне облаками укут[анных] гл[авных] вершин Ихэ-богдо. Мой спутник также отметил красоту и господст[вующее] положение вершины, где пок[оился] прах хана. В поле зрения снимка вошли и кэр[эксуры], и впер[еди] стоящие обо (13), и даже один (юго-западный) втор[остепенный] кэрэксур.

С вершины главной намогильной насыпи взят образчик буро-красной породы — лавы, чем слагается вся насыпь. Плоская вершина и прилежащие ее скаты не имеют таких размеров камней. Очевидно, они были в свое время все подобраны на сооружение мавзолея. С мыслью: «Буду ли я когда-нибудь еще на этой замечательной вершине?» — я начал спускаться вниз, к биваку.

---

* Только один заяц (Lepus tolai) неторопливыми прыжками убежал к востоку, вниз по крут[ому] ск[лону] гор.

Выпив по чашке чая с сухарями, мы завьючили караван и в 9 часов пустились к ССЗ — домой.

Первые шаги наши проклад[ываем] по холмистому плато: мы спустились не старым, окружным, большим, мягким ущельем, а ближним — крутым, камен[ным], очень трудным и с радостью вступили на соедин[ение] с тем путем.

В верхнем поясе я наблюдал белокрылых вьюрков (Fringillauda), а ниже, на ближ[них] скалах, красавцев аргали, которые словно ужаленные понеслись по косогору вниз ущелья, напере[рез] серед[ине] гор. Долго, нудно мы спускались в глубокую пропасть. С самой верш[ины] и ниже в некоторых местах мы любовались Орок-нором, вырисовывавшимся во всех деталях, со всеми мысами, островом и сев[еро]-вост[очным] болотом с камышом. Сверху Ор[ок]-н[ор] представляется драконом с головою, обращ[енной] на запад.

Страшная крутизна скатов, обилие камней, сужения, каскады, обрывы — все вместе делало трудным наш путь. Тем не менее к 12 часам мы уже были у подошвы хребта. Верблюды в горах устали. Я отправил вьюки нижней, круг[овой], спуск[ающейся] к озеру дорогой, а сам с Г[анчжуровым] поехал наперерез многоч[исленным] овраг[ам] и сухим руслам меньшей кривой, по направл[ению] к Уул-худук. Вскоре начал накрапывать дождь, мочивший нас до самого места лагеря экспедиции, партии Елизаветы Владимировны. Три часа мы маялись в отврат[ительно] трудн[ой] местности, круто сбегающей от гор в равнину, к озеру. Последнее своею близостью все время сердило нас. Время идет, мы устаем более и более, а место бивака Елизаветы Владимировны как будто не приближается. Верблюды орут, ложатся, Г[анчжуров] дает мне своего, более резвого, я спешу вперед и вскоре попадаю на большую тропу у самых гор. Мне было приятно по ней ехать, я угадал, что эта тропа в конце концов приведет к колодцу. Так и случилось.

Рев моего верблюда поднял с места с лаем наших собак, которые вскоре завил[яли] хвост[ами] и рад[остно] завизжали: это были Чуфра и Монгол. Мои обращения к ним с лаской услышал Пшевик и выбежал навстречу ко мне со словами: «А я в одиночестве, мои на Орок-норе!». У Елизаветы Владимировны все оказалось в благополучии. Правда, моего орнитолога дважды укусила змея в то время, когда Елизавета Владимировна с Чуфрой откапывала руками норку якобы грызуна. Почувствовав боль, словно ожог от крапивы или укол от колючки, в левой руке, она стала работать правой, которая получила тотчас еще более сильное ощущение. Теперь из пальца сочилась тонкой струйкой кровь. Елизавета Владимировна с энергией стала работать уже копалкой для растен[ий], когда обнаруж[ила] серую полосатую змею (Anc[istrodon] halys), попавш[ую] в коллекцию. Только при виде змеи мой Пшевик понял все: и невыг[одное] удал[ение] от бивака, и то, что руки стали опухать! Да, всякие случайности бывают в путешествии, но такие редки! Две недели почти не могла работать моя Елизавета Владимировна и порою очень страдала, даже писала лев[ой] рукой, которая не так тяжело была ранена, как правая.

Как я и предполагал, в мое отсутствие Елизавета Владимировна, во-первых, перекочевала 17/VI с бер[ега] Ор[ок]-н[ора] в Уул-худук, а во-вторых, получила июньскую и июльскую почты. Последнюю — накануне моего приезда. Интересными письмами для меня оказались, как водится, письма моего Володи (4), которые ставили меня в известность обо всем, меня инте-

ресующем, так как Володя имеет общение и с предст[авителями] Географического общества, и с представ[ителями] Академии наук и музеев. Письма от друзей и знакомых также были приятны и интересны. Газеты, журналы и проч., все, что так невольно переносит тебя из пустыни в культурн[ые] края. После однообразия путешествия сразу такая масса впечатлений.

Прибыл Ганчж[уров], много позднее, с вьюком, и Цэндэ. Г[анчжуров] сбегал за 12 верст на Ор[ок]-нор и явился с Канаевым. Цэрэн — на лугах с лошадьми. Я устал от физич[еских] трудн[остей] и, переполн[енный] нравств[енно], рано завалился спать!

8/VII, 2. Прекрасно спал, вдоволь, в тихой приятной обстановке моей любимой эксп[едиционной] белой палатки. Пшевик также крепко спал, так как лег довольно поздно, не беспокоя меня. Солнце согрело наш горный уголок, ведь мы стоим высоко в горах, на нижней линии средн[его] пояса гор; озеро на СВ, внизу, глубоко-глубоко, ведь мы над ним стоим выше на 2300 футов (абсолют[ная] выс[ота] Уул-худука 7000 футов), поэтому не только весь Орок-нор, но и вся целиком обширная долина на севере, со всеми волнами гряд и равнин видна словно на ладони. Озеро с долиной с одной стороны и соседние горы с боков и с тыла — с другой просятся на снимок. Надо непременно снять все и даже группу орокнорцев — ее главу и помощников-сотрудников. Один снимок надо сделать непременно из палатки на озеро, на его западную половину, с берегом, другой панорамный, влево: на север и СЗ. Только хватило бы стекол-пластинок!

Удастся ли мне побывать в Битютэн-ама? А я так хочу видеть его в голове ущелья еще хоть раз. Единственный в своем роде глубокий, длинный каньон!

С утра вскоре я уложил геологию, показал и передал моему Пшевику привезен[ных] птичек. Беседовал с ним, моим родным спутником, о моем странствовании в жар[кое] время по пустыне, о пребыв[ании] в Хара-хото, о результатах южной партии, о свидании с торгоут-гуном и т.д. Пшевик глубоко подумал и сказал: «Тысячу верст в Гоби, летом, на "корабле пустыни" — ведь это марка! В больших предприятиях, в бол[ьших] задачах ты незаменим, ты не устаешь — легко переносишь!». Со своей стороны Пшевик доложил мне о его поездке кругом озера со съемкой и вручил мне две статьи: «Озеро Орок-нор» и «Весенний пролет птиц на Орок-норе».[272]

Я с головою окунулся в иную обстановку, в иные интересные наблюдения моей экспедиции. Все меня здесь неизменно радовало, умиляло; я отдыхал и работал с приятн[ым] сердцем. Цэндэ вручил пока 50 долл[аров]* и отправил домой в семью с наказом через 9 дней явиться с нашими верблюдами, оставл[енными] в Сухайт-худук. До вечера я читал, просматривал, а вечером со своими людьми, все вместе, дотемна, слушали граммофон — родную сердцу музыку.

Днем хотел снимать виды кругом, но постеп[енно] увелич[ивающаяся] облачность помешала это сделать, а к ночи уже брызгали капли дождя и т.д., было свежо, и я спал под мехов[ым] одеялом.

Ночью несколько раз просыпался под барабанную дробь дождя о полотно палатки.

---

* а всего 66.

9/VII, ♀. Утро раннее, плаксивое, с все увеличивающимся дождем, подняло всех нас довольно рано — в 4 часа и заставило окапываться самым серьезным образом. Облака нависли, ветер гудел, дождь лил вовсю, ручьи с шумом ринулись в долину и создали сразу серебристую сеть с большими и тонкими струями воды, понесшейся к Орок-нору. Над последн[им] висели серо-свинц[овые] тучи, как это удивительно изображено на полотне известного художника. Конечно, когда ручьи грозят ворваться в палатку, то ты не в состоянии заниматься иным чем-либо, кроме лишь наблюдения за тем, чтобы не подмокло то или иное. Душа болит за научные ценности, за сбережение коллекций! Единственно, чем можно заняться, — это чтением газет, писем и журналов. Ред[акция] «Вестн[ика] знан[ия]» опять оказала мне свое внимание присылкой №№ журн[ала], а мой Володя прис[лал] неск[олько] очень интерес[ных] №№ «Красн[ой] газеты» за послед[ее] время.

К полудню барометр начал повышаться, облака редеть, а к 2—3 часам стало уже наполовину ясно. Солнце быстро и согрело, и обсушило; открылись дали по всем трем направлениям севера: СЗ, север и СВ. Общее ненастье окончилось, но частичные [дожди] продолжались. На СЗ скопились темные тучи, гремел гром, сверкала молния, тучи украсились нитевидными дождевыми узорами. Постепенно тучи разрешились и лишь малою частью унеслись ветром к озеру. Здесь они вновь разрослись, сгустились и повисли сплетенным ковром над Орок-нором. Последний местами был открыт, местами — на востоке — сплошь закрыт и представлял поэтому оригинальное зрелище. Означенные перемены происходили быстро, последовательно, порою большую оригинальность и красоту придавала радуга то совершенно яркая, то едва заметная в перистых облаках.

Под вечер прибыл с Ор[ок]-н[ора] наш Цэрэн — больной, разбитый верблюдом. Оказывается, прославленное мирное животное «с глубокомысленными, мягкими глазами» умеет одной какой-либо ногой здорово лягаться. И вот Цэрэн, быстро проходя у одного такого милого «корабля пустыни», получил такой удар от последнего, что кубарем прокатился несколько шагов. Бедный старик, едва ходит.

Не могу налюбоваться всласть нашим местом, вернее обширною панорамою, открывающейся безбрежным простором с озером, всею его поверхностью (с дракон[овидным] образ[ом] включительно).

Ночь ясная, прохладная. Укрываемся меховыми одеялами и спим превосходно. Выше нашего богатого чудной водой колодца круто подымается короткий, единственный тальвег, что не грозит нам бол[ьшим] наводнением. Иная картина получается в длинных ущельях, когда, что называется, вмиг вода хлынет со всех концов (падей) и быстрым потоком может уничтожить вас.

10/VII, ♄. В течение ясной ночи крепкий порывистый ветер неоднократно бросался на нашу палатку и громко-громко шелестел полотном ее двери; наше жилище, укрепленное наподобие корабля снастями, шумело, шелестело, стонало и сжималось; порою дверь распахивалась, впуская к нам вовнутрь бурный поток воздуха. Но все это несравненно легко переносимо в сравнении с дождем, да еще продолжительным, обильным.

Ясное, прозрачное с глубокими-глубокими далями утро. Виден далекий синий Хангай. Видны долина и волнистые высоты на ЗСЗ, виден Тацин и

сопровожд[ающие] его оригинал[ьные] горы и столовидные возвышенности. А уже тут на первом плане наш скат гор и разрозненная северная гряда Цзэргэлэ, сложенная из рыхлой песчано-глинистой с камнями почвой, а главное озеро Орок-нор — блестящий серо-зеленоватый дракон — еще более очаровательно. Сегодня намерен заняться подготовкой к упаковке коллекций: геологич[еских], ботан[ических], зоол[огических] и археолог[ических]. Сегодня же необходимо воспользоваться редкою чистотою и прозрачностью воздуха и заснять самые главные виды: бивак, озеро и вид на ССЗ, на долину-пустыню, причем таким образом, чтобы получился из видов на озеро и соседнюю к западу долину общий панорамный снимок.

Мой Пшевик отправился с ружьем на экскурсию в соседнее к востоку ущелье. Канаев также. Вскоре около 10 часов начали появляться светлые кучевые облака, и чем позднее, тем больше. Я снял вид на СЗ, бивак и группу моих спутников, но снять озеро — самый интересный и самый красивый вид — не удалось. А под вечер (я сам виноват) упустил лучший момент, так как увлекся упаковкой коллекций.

В течение всего дня непрестанно дует порывами переменный ветер, иногда порывы бывают настолько сильные, что положительно ничего нельзя делать в палатке — все взметается кверху, бумаги и чучела мелких птичек летят, опрокидываются и катятся по войлокам, и чуть не досмотришь вовремя, то и лишишься чего-либо легкого. Ветер подхватит и по крутизне унесет далеко, высоко — не поймаешь, не достанешь.

Около 6 часов: дали на севере безграничны, по долине там и сям лежат острова темных пятен — тень от кучевых облаков. В предстоящие дни надо попытать счастье — снять западный край Орок-нора.

Во время вечерней записи метеорологии Пшевик наблюдал, между прочим, интересный высокий полет большого светлого болида. Последний черкнул, вспыхнул и погас высоко в северном небе. Его полет едва выразил мал[ое] или слабое склонение на пути — от востока к западу.

Ночь ясная, с частыми переменными порывистыми ветрами, прохладная; ни насеком[ых], ни пыли.

11/VII, ☉. Сильный, бурный порыв северн[ого] ветра вырвал жел[езный] шерон из камен[ной] почвы и быстро отбросил правую, дверную полу палатки назад. В открытую настежь палатку ворвался поток бурного воздуха и все перевернул вверх дном. Мы спали крепко [до] 4 часов утра, но вмиг проснулись и поднялись. Небо полуясное, дали открыты, поверхность озера серая, однотонная.

Сегодня, чтобы спастись от ветра при завертывании птиц в дорогу для окончательной укладки, пришлось наглухо закрыть палатку и поэтому томиться как в бане, но зато ветер не гасил свечу, не вырывал из рук бумагу и т.д.

Мои орнитологи экскурсировали в горах. Особ[енного] ничего, все одно и то же. К[анаев] принес пару вьюрков — Carpodacus. Елизавета Владимировна — несколько интересных мух, сонных, прилепившихся к зонтичным растениям. Мухи собраны просто рукою. К вечеру небо разъяснело и дали вновь открылись. Таким образом, я попробовал счастья и снял лучшим стеклом озеро. Интересно, каков получится результат? Очень желательно увековечить тот прекрасный вид в горах из лагеря экспедиции при кол[одце] Уулхудук, которым мы все любовались сверху вниз через скат гор и впереди, на

севере, лежащую разрозн[енную] гряду Цзэргэлэ, на всю поверхность Орокнора и безбрежную желтоватую пустыню, скрывающ[уюся] за горизонт.

Все время невольно смотришь только на север — на пустынную равнину с озером, на безграничный океан, так как в тылу лагеря горы — цирк, скрывающий полукругом южный горизонт.

Пока я пишу, Канаев спустился с ружьем вниз, к подошве гор и в своего рода долине (между гл[авной] гор[ой] и Цзэргэлэ), среди караганных зарослей, подстрелил для еды антилопу-харасульту. Солнце склонилось к горам, которые его скоро скроют, стала заметна в воздухе дымка.

По случаю ☉, праздн[ичного] дня, заводили граммофон и слушали то, что обыкновенно у нас, на родине. В ночной темноте, в людской юрте, я переменил в кассетах пластинки. Все еще по ночам довольно прохладно, а потому нет и лова сумеречных и ночных бабочек. Звездный мир в вышине прекрасен.

12/VII, ☽. Утро прекрасное, хотя и полуясное, по небу рассыпаны красивые перистые облака. Рано ушли экскурсировать и Пшевик, и Канаев. Я уложил ящички с насекомыми и ловил у колодца новых.

Едва я принялся за писание дневника, как снизу приехала к нам верхом на лошади (белой) молоденькая девушка-монголка с миловидным лицом в красном далембовом тарлыке, с национал[ьной] шапкой на голове. Она привезла молока. Кроме того, ей было поручено осведомить меня, что для моей поездки в Битютэн-ама с двумя спутниками верблюдов не находится, а лошади имеются. Как поступить и когда прибыть в лагерь Ганчжурову? Последний — в дол[ине] Орок-нора с лошадьми Серко и Рыжко. Я дал соответ[ствующие] указания, угостил девушку чаем и завел даже граммофон. К сожалению, музыка моя не произвела на юную номадку особенного впечатления, не заинтересовала ее. Она стала внимательно рассматривать наше жилье, обстановку палатки; увидев на красном ящике, замен[яющем] нам стол, маленькие изящные ножницы, она вдруг осведомилась, для какой цели они служат. Также мало интересовали мою гостью и фотограф[ические] снимки, лишь на группе «монголки и монголочки» в С[айн]-н[оин]-к[урэ] она остановилась и громко произнесла: «Монголхун».

Выпив чая с сахаром и с английск[им] печ[еньм], она вежливо поблагодарила и немало удивлялась вернувшейся с экскурсии Елизавете Владимировне, что она стреляет птиц. Тем не менее все принесенное орнит[ологом] экспедиции с экскурсии девушка осмотрела: и птиц, и насекомых, и растения и быстро ускакала восвояси.

Привыкли к нам орокнорцы, не боятся, не то что в самом начале, когда сильно дичились, в особенности девушки.

В течение всего дня облака не оставляют неба, тихо пробовал падать дождь. Препаратор сделал 4 птички: Otocorys, Emberiza et Carpodacus ♂. Я читаю то отчеты моих сотрудников, то журнал «Вестн[ик] знан[ия]», самые разнообразные, но всё очень интересные статьи. Пшевик вычерчивает съемку озера, рисует на основании промеров глубин профиль дна Орок-нора.

Несмотря на облачность и на раннее время дня, 5 часов, озеро Ор[ок]-н[ор] среди долины я заснял. В искателе отлично выдел[ялась] граница во-

ды (как в комн[ате]). Предельная выдержка. Опять могу только заметить: «Не знаю, что получится?».

Barom[eter] (aneroid) падает, воздух тих, не шелохнет, но что все это предвещает!

Ночь полуясная, тихая, но не прохладная, как прежние, а теплая. С вечера на севере блест[ели] зарницы.

13/VII, ♂. Утро ясное и довольно тихое, воздух прозрачен с широкими синими далями. Пользуясь лучшим состоянием атмосферы, я снял ряд видов: то в сторону гор, то в сторону озера.

Между прочим, в компании с Пшевиком и в сопровождении Чуфры я прогулялся еще глубже, нежели наш лагерь, на юг, в одно из многочисленных ущелий восточного крыла Ихэ-богдо, в ущелье — узкое, крутое, каменистое, с маленьким родником Гашун-шатнэ (сол[еный] ключ). Этот ключ — мал[енький], круто падающий родничок, отстоит от Уул-худука на 2—2½ версты к ЮЮЗ. К нему ведет тропа, пересекающая несколько отрогов, затем по нескольким ущел[ьям] приводит, наконец, в то [место], где, едва журча, струится тонкая ниточка прозрачной влаги. Ущелье узкое и страшно крутое, имеет кустарник и луг с желтыми цветами (Potentilla), по которым держалось немного насекомых: мух, бабочек, стрекоз. На водопой то и дело прилетали мелкие, хорошо знак[омые] птички, а в соседних, ниспадающих к роднику скалах монотонно, очень приятно ворковали горные голуби (Columba rupestris). Эти птицы везде в горах Центральной Азии и Тибета являются самыми обыкновенными оседлыми пернатыми.

В голове источника имеется характерная луговая терраса, в середине которой и зарождается Гашун-шандэ. Водою этого источника пользуются соседние кочевники-монголы, вытравляющие окрестные пастбища поздней осенью и даже зимою.

Среди немногих луговых представ[ителей] растительности кое-где встают перья лука, которым мы всегда, при случае, лакомились, поедая его вместе с хони-махан. Гашун-шандэ увековечен снимком и нашим пребыванием на нем. Необычайно красивый вид открывается вниз по ущелью: среди рамы скал блестит светлая полоса Орок-нора.

Мы возвратились домой к обеду, не сделав ни одного выстрела, но с маленьким сбором растений и насекомых. Солнце ярко освещало утесы скал, их россыпи, преимущ[ественно] плотные, крепкие сланцы, которые местами от загара блестят, как зеркала, но далеко не так выразительно, как в горах Нэмэгэтэ — внутри пустыни Гоби. Там загар ярко выражен на горах — скалах, утесах, пиках, обращ[енных] к югу.

После обеда я отпустил Цэрэна вниз к лошадям на смену Ганчжурову, который должен привести наемных верховых животных для моей предстоящей экскурсии в Битют[эн]-ама. Озеро ледяным зеркалом залегает у подошвы Ихэ-богдо, а за озером — светлая желтая безбрежная пустыня, то совершенно гладкая, то вздымающаяся темными волнами многочисленных горных гряд, холмов, высот, рассеянных по необозримому простору пустыни к северу.

Вечером прибыл из долины Орок-нора Ганчжуров. Он привел для поездки в горы двух тэмэнов. Итак, я уже с успехом экскурсирую в окрестно-

стях Уул-худук, вблизи и вдали от нашего лагеря. Невзгоды по тысячеверстной поездке в 35 дней верхом* по жаркой, знойной пустыне Гоби забыты. То пережито физически и умственно переварено. Я думаю о другом — о последней экскурсии в мое любимое ущелье северн[ого] склона Ихэ-богдо — Битютэн-ама, о его каньоне, а затем о возвращении в Холт и о поездке на Хан-кокшун-ула.

Между прочим, Ганчжуров привез неутешител[ьные] известия: в долине Орок-нора среди монголов паническое, тяжелое настроение, бабы воют. Правит[ельство] вдруг взяло всю солдатскую молодежь, много коней, обмундирования (одежду, седла), потребовало также баранов и многое другое. То, чего ожидали монголы, идет, движется. Побежд[енный] Ф[ын] Ю[й]-сян бежал под защиту Советов, его разгромл[енные] армии растаяли. Цз[ан Цзолин] и Упэй-фу [стали] владетелями портфел[ей] страны, господами в Пекине, действуют по-своему. Настало самое интересное время, а мы... мы отрезаны от культ[уры] пустыней, ничего не знаем. А между тем время бежит, события совершаются. По мобилизации в Монголии чувствуется, что новое пекин[ское] п[равительст]во в угоду стране с эконом[ической] и нравств[ственной] точек зрения тотчас потребовало ответа от Монголии: какой ориент[ации] последняя будет держаться впредь, не пора ли ей вернуться под знамя Китая?

Монголы и полпр[едство] забили тревогу, экстренно переговариваются с Чич[ериным] и ждут не только обещаний, но и фактич[еской] помощи! Что же, ведь время грозное, пахнет войной. Новое пр[авительст]во осенью (в сентябре) поведет поход против Вн[ешней] Монголии. Ну а что монголы, а что русские?! Грядущее чревато?! Я убежден, что мобилизация в Монголии вызвана ультимативным отношением Китая (Ц[зан Цзо-лина] и Уп[эй-фу]) к Урге!

После всего этого или в связи с этим я боюсь только одного — невольной гибели научных результатов экспедиции, таким трудом добытых в течение последних лет работы всеми участник[ами] путешествия.

Из всего этого следует, что засиживаться не приходится: надо энергично подтягиваться к центру, сборному лагерю, в Холт, поближе к источнику сведений — Монценкопу. Ведь когда экспедиция соберется в одно целое, ей легче отразить всякие стихийные невзгоды, недоразумения. На счастье (?), в этот беспокойный период экспедиция собирается направиться в указанный Холт. Харахотосцы выедут с места 16 июля, мы с 21/VII должны будем уже двигаться. Холт обо всем этом осведомлен.

Я вправе ожидать от Гусева интересных донесений с подвозчиками верблюдов 20 июля. Воображаю, что творится в настоящее время в Урге и среди монголов, и среди иностранцев (и в том числе русских). Исполнится ли наша последняя программа? Удастся ли из Холта выступить экспедиции караваном непосредственно в Ургу, а мне лично с Пшевиком и одним еще спутником на автомоб[иле] из Уйцзэ-вана с тем, чтобы в монгольскую стол[ицу] прибыть, сориентироваться и подготов[ить] все для скорейш[его] следов[ания] к границе? Такова, в общих чертах, политическая обстановка страны [во время] последних шагов Монголо-Тибетской научн[ой] экспед[иции].

---

* На справедливо прославленном «корабле пустыни» — верблюде.

14/VII, ☿. Утро хорошее, приятное, теплое, сухое, с далями, видимыми до синего Хангая (на севере).

Мы втроем — я, Канаев, Ганчжуров — на паре верблюдов утром отправились в Битютэн-ама, в гости к Ихэ-богдо! Наш путь, дов[ольно] трудный, идет вдоль подошвы хребта на запад, пересекая бесконечное количество оврагов — сотни, зато на сев[ере] открываются широкие панорамы — до Хангая.

На счастье, на всем протяжении до ущелья Битютэн-ама от нашего колодца тянется тропа, которая в сильной степени облегчает движение. Я проезжал прежде значит[ельно] ниже, теперь при устье Б[итютэн]-ама мы смыкаем наш острый угол. На нашем пути к северу лежат амфит[еатром] горы — темные и красные скалы с пятнами изумрудной зелени, известные у монголов под назван[ием] Ширэ-ундур. Особенностью этих гор (на серед[ине] ската) являются обрывы из красн[ых] горн[ых] пород (сланца), сильно напоминающие искусств[енные] сооружения: замки, башни; причем отчетливо виден фунд[амент] у «замка». Как и весь скат, Ихэ-богдо к северу (да к югу также) очень крут, почти безводен (за редким исключен[ием]).

В дальнейшем пути я отметил внизу те обрывы со стойбищем и оврагом, в котором мне посчастливилось найти камень с известным, широко распростр[аненным] в Монголии мотив[ом] рисунка янгера, аргали и других [животных]. Мы приближаемся к вершине террасы, откуда открываются виды на скалистые части гребня Ихэ-богдо, на ложе ущелья-русла Битютэн-ама. Окрест этой точки покоятся много кэрэксуров (и круглых, и угольных с преоблад[анием] [каменного] типа насыпей). Это первое кладбище (на терр[асе] прав[ого] бер[ега]).

Затем, полюбов[авшись] гребнем, скатом гор вообще, ущельем в его вершине, вы спускаетесь по косогору на дно русла каменного, крутого, по которому быстро мчится с шумом пенистая речка. Ее шум, впрочем, мы заслышали уже с вершины террасы, откуда наблюдали и прыг[ающую], с пеной, речку.

Вскоре, как раз в устье ущелья Б[итютэн]-ама, тропа переправляется на левый берег, на его первую террасу, на которой вы наблюдаете второе древнее кладбище того же кэрэксурного, с насыпью камен[ного] типа могил, что и прежде. В глубине же самого ущелья, вверх, на протяжении около трех верст, покоится третье кладбище — на каменной (береговой) террасе правого, возвыш[енного] берега, как раз там, где напротив, в середине красноватой обрывистой стороны ущелья гор ютится темным пятном пещерное жилище ламы «агуй», т.е. пещерного. Третье кладбище большое, состоит из массы мелких кам[енных] насыпей, за исключением одного погребения на возвышении террасы, вдоль ущелья, отличающегося большим в длину размер[ом]. Особенностью этого кладбища, его украшением, служат с одной, северной, стороны камень с письмом мани, с другой, южной, стороны камень с рисунком всадника, двух янгеров и двух прямоугол[ьников] с точками посередине. Эти камни я фотографировал. При этом мною замечено следующее интересное явление. И камень с мани, и камень с рисунком исполнены одинаковым способом штриховки — включением в породу белого вещества, притом в знаках молитвен[ной] формулы буддистов как будто имеется различие с соврем[енным] начерт[анием]. Исследование покажет.

Я остановился подробнее на описании могил потому, что на этот раз я глубже познакомился с ними, и теперь только я нашел оба эти камня, заставившие меня подробнее рассмотреть все это место.

Странно, что и современный пещерный лама, своего рода Миларайба, певец дикой природы, устроился тут же, в соседстве с могильниками древних буддистов, оставивших нам в назидание много рисунков янгеров и лишь слабый намек на другое — на молитву! Пещера с деревянным навесом-балконом ламы именно смотрит на кладбище предков. По соседству с каменной пещерой отшельника там и сям, по обоим берегам речки, на камнях, виднеется обычная молитвенная формула буддистов, красиво написанная белой краской. Пещеру отшельника издали мне удалось снять.

Однако на этот раз я приезжал с иною целью: мне очень хотелось прежде всего снять каньон Битютэн-ама, затем посмотреть на ущелье в разгар лета, чтобы увидеть разницу с началом лета — первым моим здесь двухдневным пребыванием в конце мая месяца. Разница, конечно, имеется, но не столь великая, как можно было ожидать в ином месте, где много зелени, много растительности вообще, а не камня, как в Битютэне, который буквально на каждом шагу. Больших два камня я привез в коллекцию: один — серый гранитный валун, художественно (плоско-круглый) окатанный в каменистом русле водою, другой — образчик-отпечаток [пород], залегающих в левобережных обрывистых горах ущелья, желтоватой окраски.

На этот раз я со спутниками остановился выше, нежели прежде, в месте, где красиво приютились береза и тополь, в небольшом ложке, омываемом быстрым, пенистым рукавом речки. По соседству стояло две юрты монголов, хорошо знакомых моим спутникам. Мой Пшевик советовал даже остановиться у одной из этих юрт с хозяйкою, симпатичною старушкою, дабы не оставлять лагеря своего без наблюдения в тех случаях, когда мы все уходим экскурсировать. Вначале я так и хотел было сделать: подъехал к юрте старухи, но она так нелюбезно, даже сердито, встретила меня, что я счел за лучшее не пользоваться ее гостеприимством, вообще обычным у номадов, а пойти в глубь ущелья и там среди природы устр[оиться].

Вскоре в лагерь наш объявилась старуха с извинением и с приношением молока. Она, как и многие теперь монголы, в бол[ьшом] горе и расстройстве — только накануне нашего приезда сюда тут было «начальство», взяло у нее сына на войну, лошадей, баранов и т.д., она еще не свыклась с только что пережитым, как вдруг приехали какие-то люди, все вооруженные. Правда, мои спутники, знакомые ей, имели ружья за плечами, как всегда, но странно то, что обезумевшая старуха мой сачок для ловли насекомых приняла за большую саблю! Но да простит ее Будда. «Добрая, милая старушка», как ее аттестовал мой Пшевик, которая почти ежедневно приносила дары своего хозяйства, на самом деле уж не такая злая, какой показалась мне в самом начале. Тем не менее к старухе богатой я не зашел, несмотря на ее усиленное приглашение, моего расположения она не приобрела, а за взятое молоко я заплатил серебряной монетой. На этом наше знакомство и окончилось. Устроившись лагерем, мы пошли (я и Кан[аев]) вверх, Г[анчжуров] остался готовить обед. Мне хотелось скорее достигнуть с фот[о]аппар[атом] излома ущелья, выступа берега, дающего возможность снять каньон вниз по течению. Каньон — очень характерное явление в этих горах. По дороге я осмотрел издали пещеру ламы и снял этот уголок в красном, огромном обрыве.

Снял, посидел тут с моим спутником, полюбовался на горы вдали, [в направлении] к гребню, где ниспадают крутые, каменистые скаты, по кото-

рым островками изумрудилась яркая, свежая зелень,* полюбовался и на соседние скалы, рыжие, как яманы, на которых в прежний раз я и наблюд[ал] рыжих янгеров. Затем я спустился на дно теснины, проник на огромный валун посередине речки и снял с него второй вид на прорыв скал, ворота, и на скат левого берега, богатый березовой зарослью. Всех снимков Битютэн-ама у меня порядочно — достаточно для характеристики этих гор.

Затем мой спутник, помогавший мне при снимках, остался охотиться на мелких птичек, а я один, «расстрелявший» пластинки, пошел вниз, в направлении к охотничьему нашему лагерю. Так как вода была высока, то при переправах я постоянно зачерпывал много воды в сапоги. Мне это удовольствие надоело, и я дал зарок следующий раз направиться вверх уже верхом на верблюде, пусть этот «корабль пустыни» мочит свои ноги, а я буду сухой сидеть на его горбах, или, точнее, мощном позвоночнике, среди горбов — жировых запасов. Вот тут-то, на обратном пути, идя посередине ущелья, по каменистому настилу, я и наткнулся на камень, издали привлекший меня своим пестрым рисунком янгеров. Я запомнил хорошо точное нахождение этого историч[еского] памятника, с тем чтобы назавтра приехать сюда снова как для снимка, так и для более внимательного исследования этого уголка.

Пещера ламы-отшельника, его балкон, смотрит как раз на меня, на камень-памятник!

В лагере я успел пообедать и попить чая, прежде нежели возвратился мой препар[атор]-спутник с четырьмя хорошими птицами: парой клестов, к удивлению, пеночки и молодой, нынешней, сороки.

Малая облачность к вечеру разрослась в сплошную, и мы надеялись на богатый лов ночных бабочек, но они не летели, а вместо них неслись на свет фонаря и так просто много-много мелких майских жуков. При желании этих рыжих Carabus'ов можно было наловить сотни.

К ночи уровень речки повысился, и шум ее течения громко, хотя и монотонно, будил ночную тишину.

15/VII, 2. Ночь была тихая, облачная; монотонный рокот речки нас убаюкивал; под пологом неба мы спали прекрасно до 6 часов утра, когда дружно, все зараз, поднялись. Следовало отметить интересное вечернее наблюдение неба накануне, когда на западе, точнее на СЗ и СВ, клубились массы слоистых облаков, густо окрашенных красным тоном, точь-в-точь как мы то же самое явление наблюдали (я и Гусев) в Холте, и тогда же я поведал Гусеву, что, [видимо], где-либо в не значит[ельном] отдалении действует вулкан, извергает массы пепла и огня и это отзвуки извержения. Торжество науки! Теперь из газет и журн[ала] «В[естник] зн[ания]» я узнаю об интенсивной деятельн[ости] одного из камчат[ских] вулканов.** Я помню дивные, интенсивно-красочные зори в Монголии, в пуст[ыне] Гоби в 1883—1884 гг., когда я впервые познал прелесть страннической жизни с Н. М. Пржевальским. Те зори вечерние были в тесной связи с землетрясением где-то в водах или островах Индийск[ого] океана.

---

* Посмотрел издали на заворот ущелья к западу, на скал[истую] его часть, где, говорят, имеются обил[ьные] ключи.

** А именно о деятельности Авачинской сопки в окрестности Петропавловска.

Попили чая, съели просовой каши, сваренной на молоке стад хозяйки-соседки, и разошлись в разные стороны. К[анаев] с ружьем отправился на поиски птичек вновь вверх по ущелью, я бродил вблизи лагеря вначале, а позже — вместе с Г[анчжуровым] верхом на верблюдах поехал к месту 3-го погребения с целью сфотограф[ировать] камень. Сняв камень с янгерами, вид (по-моему, неудачно — не додержал) на скалистую часть Ихэ-богдо, я стал изучать место старого, древнего погребения и на этом последнем нашел камень с молитвенной формулой, обращенной, вопреки обычаю, не на южную сторону горизонта, а на противоположную — северную. Повторяю, «третье», или «верхнее», погребение — самое большое из всех в Б[итютэн]-ама. Тут я сфотографировал мани, по-моему, несколько иные знаки! Большая площадь береговой террасы вся сплошь занята могилами с каменными насыпями.

Мы с Г[анчжуровым] работаем, издали любуемся пещерным жилищем и в то же время с интересом слушаем оригинальные, раскатистые звуки канаевских выстрелов в горах. К счастью, Бит[ютэн]-Миларайба отсутствует в долине Орок-нора, не слышит нарушения тишины и спокойствия в его уголке, где он, говорят, зимою живет непрерывно, получая ежедневно пропитание от соседей-монголов, коч[ующих] здесь зимою.

По окончании наблюдений мы отправились в лагерь, к себе, вместе с подошедшим к нам К[анаевы]м. В нашем лагере еще продолжала гостить подлая монгольская собака (о них мы не подумали), которая бесцеремонно сожрала все запасы нашей кухни, порвала мешки с содерж[имым] и теперь, видя наше приближение, воровски, незаметно исчезла. Мои спутники были так раздражены на собаку, что хотели ее прикончить. Но я им заметил: «Не исправить того, что случилось, а впредь будем умнее!». Пример да послужит нам в назидание! Вот страна: человек не подойдет близко к оставленному, а собака («скотина, язви ее в душу», как говорят забайкальцы) — завсегда!

Попив чая, мы стали собираться в дорогу — домой, в Уул-худук. Старушка вышла навстречу далеко от своей юрты и приглашает выпить «чаю с молоком». Это приглашение я поручаю принять моим спутникам, которые с удовольствием остаются на время у бабушки, а я один продолжаю следовать дальше, к дому. Дорога-тропа хорошо известна мне, и я в наблюдении за горами, прилежащей пустыней, а главное всей поверхностью Орок-нора, уходящей восточ[ным] краем в соседство Цзун-богдо, незаметным образом, не зная времени, достигаю лагеря, который, кстати сказать, чудно доминирует над окрестностью, ярко выделяясь белизною палатки, стоящей на колодезной террасе, на первом плане.

Заслышав орание моего верблюда, Пшевик с собаками вышла на вершину гребня меня встретить. Здороваясь, я говорю: «А я только что любовался твоим "замком с башней" в горах, кот[орый] необходимо сфотографировать — и характерно, и красиво».

Дома, в лагере, все обстоит в полном благополучии; накануне был отличный лет ночниц, и Пшевочка моя порядочно собрала красивых ночных бабочек, а я в ущелье — ничего!

Я успел поесть, попить чая, прежде нежели вернулись мои спутники, и к их возвращению наполовину уложил насекомых из числа собранного мною в поездке в горы (преим[ущественно] жуки и мухи).

Вскоре пошел постепенно усиливающийся дождь, не переставший и ко времени нашего отхода ко сну. Все же я переложил мои пластинки, заполнил кассеты свежими и выделил снятые пластинки. Теперь у меня набралось много-много (несколько коробок-дюжин) снятого материала. Страшно интересно знать, каковы они, каков результат? Что представл[яют] собою виды далекого Хара-хото, Эцзина, священ[ного] массива Ноин-богдо и К°? В равной мере меня интересуют снимки по дороге домой: Пунцэн-обо, Ихэ-богдо и многочисл[енные] виды на Орок-нор и т.д. и т.д.

Под бараб[анную] дробь дождя по палатке я не скоро уснул, боясь большего, грозного в горах ливня.

16/VII, ♀. Раннее утро, очень свежее, солнце едва пробивается из-за облаков, обильно рассыпан[ных] по небу. Мы все поднимаемся в 6 часов. Пьем чай с цзамбой и принимаемся за повседневные обычные занятия. В открытую палатку мы видим как на ладони всю северную, до Хангая, пустыню — всю с деталями, красноватую, темную, равнинную, с волнами гряд и холмов, видим горизонт с синими горами, увенчанными жемчужными, блестящими облаками, и все это в дали дальней, а у ног наших гор, за грядой Цзэргэлэ расстилается серая, вечно серая отсюда, поверхность Орок-нора.

Скоро с такой необъятной панорамой придется расстаться, правда с большим сожалением! Ганчжуров со всякого рода поруч[ениями] уехал на Орок-нор с верблюдами, возившими нас в ущелье Бит[ютэн]-ама. Нам предстоит нудная работа: приготовление всех ящиков, сум в стройные вьюки для похода в Холт, откуда, вероятно, уже направлены к нам погонщики с 15 верблюдами, которые по расписанию должны прибыть к нам 20 июля. Гусев пришлет «известия».

Сегодня направилась в поход и моя Восточная партия — харахотосцы, к родному северу. Так, по крайней мере, полагается ей согласно данной мною на прощанье инструкции.

А что-то сейчас происходит в Пекине, Урге и Москве? Я очень хотел бы знать досконально!

После дождя воздух очень прозрачен, открывает синий Хангай, Ашигэт, Хан-ула и другие горы. Вся картина пустыни Гоби до нашего Холта как на ладони; также видно русло Тацин-гола, отлично вырисовывается широкая, глубокая долина-балка этой реки в месте моей ночевки, когда буран заставил нас искать приюта в айле монголов (у молодой четы).

Заря погасла, миновали сумерки, и не замедлила спуститься на землю темная ночь. В горах по ночам мы дышим прохладой. Чуфр поймал отличного грызуна, и, когда душил его, тот издавал писк, разбудивший моего чуткого Пшевика. Отличный, интересный грызун, мощный, с большой сравн[ительно] головой и большими, крепкими лапами. Это третий экземпляр охоты нашего Чуфрика. Второй — в долине Орок-нора (в сыр[ом] месте с ирисом и также в дэрэсу), а вот первый экземпляр, также попавший в спирт, ютился высоко в горах, в каменистой почве, достаточно, впрочем, одетой дэрэсу, караганой и многими цветущ[ими] растен[иями] (с лил[овыми], желт[ыми] цв[етами]).

17/VII, ♄. Полуясное, прозрачное утро. На севере, над пустыней Гоби словно чья-то рука по волшебству подняла пыльную завесу вот уже кото-

рый день после дождя и дает возможность видеть все детали ландшафта до высокой синей стены Хангая включительно.

Утром, вскоре после чая, мой Пшевик ушел на экскурсию в соседнюю падь, на запад в Ширэ-ама, а я остался в лагере ловить на цветах немногих раст[ений] у колодца насекомых. Первой моей добычей была крупная нарядная бабочка Papilio machaon var. montana, а затем ряд меньших, а равно и мух, преимущественно типа пчелки.

У колодца сегодня я еще добыл синих, индиго, нарядных мух, которыми так интересуется А[ндрей] П[етрович].

Возвратился Ганчжуров с новостями: прибыли верблюды из С[айн]-н[оин]-к[урэ] за нами в количестве 15; возвратился из поездки за верблюдами и наш Цэндэ из Сухайт-худука в полн[ом] благополучии. Как и следовало ожидать, загнанный монголами Рыжко во время ловли в течение нескольких дней кряду подох. Нашу юрту монголы не покупают в надежде на то, что мы ее и так оставим: «Может попасть в наши руки и даром». Хитрые бестии монголы, проходимцы, жохи!

Итак, надо собираться в путь, в мой любимый, интересный, хотя и очень пустынный Холт! Вероятно, Гусев считает теперь по дням и ждет не дождется нашего приезда. По словам Ганчж[урова], у главного подводчика имеется на руках почта, но он сам лично ее вручит мне. Ввиду всего этого сегодня я снял вид на Ширэ-ундур. К сожалению, обрывы-выходы в форме замка и башни были в тени, но зато освещен центр общей картины с верхом синего неба.

Подводчики прибыли непосредственно из С[айн]-н[оин]-к[урэ]. Таким образом, Гусева они не видели и письма от него не привезли, зато доставили небольшой, но очень интересный и приятный для меня пакет с письмами из Центра и с деловой запиской от Чижова (о верблюдах не только до Холта, но и до самой Урги). Пшевик получил одну весточку от мамика, а я — три—пять, одна лучше другой, от моего родного по духу и идеям друга [Алеевой] Л. А., друга, которого я еще не видал ни одного раза, не имею до сих пор и его фотографии. Письмами милой Л[юдмилы] А[лександровны], искреннего человека, так я увлекся, что читал до глубокой ночи, порою ловил бабочек-ночниц и ночн[ых] наездников — мух, то и дело врывавшихся в палатку и летевших ко мне на свечу.

Спал некрепко, часто вставал, выходил из палатки и невольно видел у ног светлую полосу неба.

18/VII, ☉. Сегодня поднялись рано и сразу же все приступили к приведению вьюков в походный порядок: все серьезны, деловиты, сосредоточенны! Явились и оба подводчика-монгола, которые сразу же сделались своими людьми нашего лагеря. С моим Ганчжуровым они толково распределяют все по вьюкам. Это важно и ценно в дороге: раз распределил, завьючил то или другое с места, так все и должно идти дальше, в строгой последовательности. И сегодня день полуясный, с широкими, далекими видами, более и сильнее, чем когда-либо, манящими нас к родному северу — порогу родины.

Да, такого вида, как вид с колодца Уул-худук, со среднего пояса гор Ихэ-богдо, не скоро отыщешь даже в богатой прекрасными дикими видами Центральной Азии. А тут мы любуемся ежедневно и свыклись с такой обширной панорамой как с самым обыкновенным видом. Я искренно желаю в

данный момент удачи моим многочисленным снимкам вообще и в частности удачи снимкам в области Орок-нора и Ихэ-богдо.

Много народа собралось на нашем биваке: одни получали расчет и подарки за службу или хорошее отношение (между прочим, послано в тамага два почетных подарка — превосходной, богатой парчи представителям); специальные новые погонщики зачислялись на иждивение экспедиции; иные приезжали попрощаться, пожелать нам счастливого пути не только до Холта, но и до родн[ых] краев. Среди таких прежних соседей-знакомых приехала на белом коне юная, 17-летняя монголочка по имени Тольчжэ, хорошо освоившаяся со всеми нами. Я ее фотографировал (без солнца, при выдержке 5). Опять в недоумении: что-то получится из снимка? Прежде всего мне придется в Холте раза 2—3 проявить несколько коробок, чтобы знать результат напряженной, внимательной, иногда очень трудной в горах фотографич[еской] деятельности.

Теперь 3 часа дня, у нас почти весь караван в готовности, и я думаю о пути в пустыне до самого Холта. Невольно смотрю в ту сторону и думаю о наших палеонтологических раскопках в Холте. Чем-то новым порадует меня мой лучший спутник [Гусев] — вдумчивый, толковый, преданный делу экспедиции человек, между прочим искренний, деловитый любитель всякого рода раскопок: и археол[огических], и палеонт[ологических] — «хлебом не корми».

Вечером пошел основательный дождь. Наше имущество было укрыто брезентами. Вскоре, ночью, дождь перестал, облака постепенно исчезли с неба, на котором дивно заискрились, замигали, зажглись звезды. И горы, и долина с озером словно внимали торжественной тишине ночи и яркозвездному своду неба!

19/VII, ☽. Утро превосходное — тихое, ясное. Дали своею глубиною, своею безбрежностью просто чаруют; Хангай кажется особенно рельефным и особенно синим. Монгольский Алтай завораживает. Мои спутники на ногах с зарею, я и Пшевик также. Вчерашний сильный дождь к утру не оставил сырости — все было как в сухое время, лишь пыли ни пылинки и воздух дивно прозрачен! Мы выступили в 6 часов утра и вначале, по крутизне, шли очень медленно, но, миновав Цзэргэлэ и каменистую его покатость, бэль, сровнявшись с Орок-нором, пошли успешнее. Опустились до h (высоты) озера, а затем стали вновь подниматься до вершины (западной окраины) Хуцэ включительно. Мы держали курс или азимут 35° на СВ; прошли значительный профиль. Гряда Хуцэ сложена из розового кр[упно]зерн[истого] гранита и сланца, последний иногда в виде включения. Ущельица засыпаны более или менее мелким сыпучим песком.

Южнее южного подн[ожия] Хуцэ* на нашем пути залегает превосходный колодец с глубоким — полусаженным слоем воды (а до воды от поверхн[ости] земли — 1½ сажени). Этот колодец лежит в сухом русле, называемом Сайрэн-худук. Это один из превосходнейших пустын[ных] колодцев с водой, вроде дивной воды в Уул-худуке. И как много таких «ведомых» и «неведомых» колодцев! В известной подгорной зоне, в сухих руслах всегда найдешь воду, ее водоносный слой на большей или меньшей глубине.

---

* в 3 верстах.

Перевал с Хуцэ открыл нам совершенно иную картину на север и СВ, правда, мы ее видели и от Уул-худук: столовидная плоская кровля — плато — и на нем острая голова, южная и северная вырезка, та вырезка, которую с запада омывает Тацин-гол и которую я снимал с места нашей стоянки в передний путь. С видом на долину Орок-нора мы простились окончательно, но профиль Монгольского Алтая, в особенности его свящ[енные] массивы, мы будем видеть долго (когда нет пыли).

Еще 12 верст в направл[ении] ВСВ, и мы спустились в глуб[окую], широкую долину Амгэлтэ-гол (Туин-гол). На первых порах следования от перевала, впрочем и далее, мы видели вырезку Амгэлтэ-гола, а за ним и синеющую поверхность Ихэ- и Бага-нор.*

С вершины плато мы уже увидели долину Амгэлтэ-гола, там и сям отливавшую изумрудом, спорадически стояли юрты монголов и тот айль на прежн[ем] месте, у которого мы в бурю, прошлый раз, нашли приют. Только не было юрт красавицы Цэциль. Она с матерью и влюбленным в нее по уши ламой откочевала в соседство Орок-нора, вниз по речке.

Прозрачной, теплой воды в Туин-голе струилось не более прежнего; по словам кочевников и по общему виду самой долины, этот район обижен небом, забыт и не поливается. Поэтому большинство кочевников ушло со своими крупн[ыми] стад[ами] скота в Хангайские пастбища.

После гор, крутого каменистого ската подле Уул-худука здесь, на берегу прозрачной, звонкой речки, на зеленом, мягком лугу и красуется наш лагерь, я в восторге, как ребенок, и мы, почти все, ходим с великою приятностью босиком.

На воде резвятся кулики нескольких видов. Там и сям носятся крачки-март[ышки] или ласточки. По берегу важно уселось целое семейство турпанов. С обрыва важно снялся орлан-белохвост, а в выси неба льется звонкая песнь полевого жаворонка.** Прибавьте ко всему этому превосх[одный] вид на Монгольский Алтай, его свящ[енные] массивы, посеребр[енные] в гребне снегом, и вы получите некоторое представление о нашем биваке на Туин-голе.

Что-то грозно нахмурился СВ? Там скопилось много грозных туч — чем-то все это разрешится? Разрешилось все это прекрасной погодой вечера и ночи, которые были тихие, ясные.

20/VII, ♂. Утро прекрасное: тихое-тихое, прозрачное, ясное. На траве, стеблях — серебристая роса, иногда с блеском бриллианта. Мы выступили на восходе солнца, поднялись на щебневое [с] загаром плато и пошли немного правее острой вершины (СВ), а следовало прямо на нее. Из-за этого караван миновал долину с озером Холбольчжин, и, чтобы вступить в нее и произвести дополнител[ьные] наблюдения, мы вернулись, потеряв свыше 10 верст.

Главное, с досадою потеряли еще лучших 3 часа утра.*** Но все это, конечно, ничто, так как прекрасная погода и лагерь, разбитый в долине озер,

---

* Только тут я узнал от знак[омой] монголки, матери моей Цэцили, что большее озеро пресное, малое — соленое, там жив[ет] цогда.

** По временам стремительно, со свистом (стрелою) пролетят стрижи.

*** На щебневом, каменистом, загарном плато, между прочим, я наблюдал много норок кротов (их сопок).

уже с 10 часов утра дали возможность исполнить всю программу научн[ых] работ. Мы стояли у ключа и в то же время у субургана (древнего). К югу залегало соленое озерко, версту или немного более 2 верст в окружности, где производится добыча соли (у зап[адного], сев[еро]-зап[адного] и юго-зап[адного] берегов) — розовато-белых, твердых кристаллов с крепким процентным содержанием солкости.

При соленом бассейне живет цогда, отпуск[ающий] этот продукт за известную плату или даром служилому люду.

Измерена температура ключа, превосходной воды (температура воды 8.5°С); снят субурган и бивак. На соседн[ем], в 10 верст окружностью, озере была спущена лодка и измерены глубины двумя линиями — крестом, а равно и средняя температура воды поверхн[остного] слоя, равно изучено дно, качество его грунта. Общая форма озера — грубо округлая, слегка вытянутое от востока к западу. В зап[адной] окраине отделено мелководье озера косою от северного бер[ега] до подножия песч[аного] бархана. Окружность соленого бассейна около 10 верст. Берега низкие, песчаные или, реже, илистые; дно преимущественно твердое, песчано-глинистое, редко илистое — у южного и западного берегов. Наибол[ьшая] глубина 3½ фута, она же главная, преобладающая; лишь за 50 саж[еней] от берега (бл[иже] или дальше) эта цифра уменьшается на нет! С запада и севера по берегам барханы желтого мелкого песка. Наиб[ольший] бархан (с севера на юг): зап[адный] склон — полог[ий], вост[очный] — знач[ительно] круче, гребень бархана змеится и от юга к северу словно бежит вверх. Вода теплая, но часто, идя во время купанья, ощущаешь (да и глазом видишь) действующие (булькающие пузырями) ключи с прохладной влагой.

Что за полнота жизни на озере этом со стороны пернатых! Тут только мало гусей да нет совсем уток (в это время), но зато турпанов, пеганок, шилоклювов много-много, всяких куликов также достат[очно], и кроншепы, и улиты, и песочники, и зуйки, и многие другие. Мой спутник красиво вышиб из стаи краснобр[юхих] Tringa парочку, влет; птицы долго падали вниз, на воду. Держатся тут и серые цапли (одна разгул[ивала] по бархану), и чайки (?), и крачки-ласточки. Ни флоры, ни водной фауны я не обнаружил при беглом изуч[ении] озера.

С юго-запада низмен[ный] берег блестел изумруд[ной] зеленью, влажной; там летали чибисы.

Вот те немногие данные, которые удалось получить при изучении соленого бассейна.

Из людей — кочевн[иков]-монголов — я никого почти не видел. Цогда, наблюд[авший] за солью, отсутств[овал].

Ночь ясная, тихая, скоро спустилась на землю, и наш лагерь успокоился до зари.

21/VII, ☿. При ясной, тихой, а позднее и жаркой погоде караван экспедиции успешно шагал на СВ по проторенной щебне-песчаной поверхности, залегавшей от горных гряд и прежних морских обрывов (с ярко-красн[ыми] прослойками), постепенно падавших в сторону Орок-нора. На СВ поднималось высокое плато, пост[епенно] превращ[авшееся] в горы, в особенности в местах прорывов речки Тацин-гол. Елизавета Владимировна весною прошла нижней дорогой, я, в мае, — верхней, теперь мы шли средней. Мои го-

ры: я узнал и ту — «кратер» с кэрэксуром на перевале, и трапецию. Кратер я снял теперь, трап[ецию] раньше.

Дорога была удобна для движения каравана, и мы к 1 часу дня сделали 35 верст, прежде нежели останов[ились] лагерем на лев[ом] берегу прозр[ачной] звон[кой] речки. Тут она оставляет сужение гор, выходит на простор; высокие обрыв[истые] берега расступаются, в темных породах ярко выделяются красные глины.

Тут при урочище Улан-дабан имеются незначит[ельные] монгольские пашни.

Луга мало, мало и цветковых растений, не свыше десяти форм. Насекомые всегда или почти всегда в соответствии с растительностью; из птиц заметнее других зуйки, а по дороге — чеканы, славки и сойки, Pod[oces] hend[ersoni], овсянки, жаворонки.

В ½ 3-го часа сгустились тучи, пришедш[ие] с севера, загремел гром, подул порывами сначала северо-западный, потом северо-восточный [ветер] и пошел дождь, но незначит[ельный]: сил[ьный] ветер разбил тучи.

Говорят, здесь в ущелье ютится важный лама из Ламэн-гэгэн, избегающий встреч с людьми. Мы его не видели. Жители ютились выше и ниже, но не по соседству; тут был лишь мальч[ик]-лама с лопатой, наблюдавший за поливкой на лев[ом] берегу, стар[ые] пашни и оросит[ельные] канавки мы наблюдали на прав[ом] берегу в месте переправы через малую воду: 3 сажени шир[ины], глуб[ины] ½ фута, русло каменистое, местами делится, дробится на рукава. Там и сям струятся холодные источники.

Ночь прохладная, нет нудной истомы, нет и докучливых насекомых.

22/VII, 2. Утро рассвело великолепно: тихо, ясно, заря румяная, пурпурная. Мы в дороге с восходом солнца. Караван, ведомый глупцами-монголами, напрасно описал глубокую дугу, удлинил маршрут, боясь идти вдоль гор Ушук, их южной подошвы. Правда, зато я отметил кэрэксурное кладбище, свыше 10 могил с одной большой во главе, все насып[аны] камнями. Кладбище в волн[истой] долине, сравнительно на высоком, видном месте; тут, может быть, и кочевали предки. Дальше, вдоль гор, на перес[ечении] логов, на дне последних, я отметил еще два кэрэксура; потом, уже в самом южном ущелье, на верт[икали] пер[евала] Ушук-даба, отмечена большая насыпн[ая] могила и около нее 3 маленькие, насыпь — камни, в большом количестве.

Южное подножие гор и перевал Ушук-даба* измерены. Характерная светлая двуголовая гора осталась к западу, еще западнее Тацинские левобережн[ые] характ[ерные] высоты: из столовидных, обрываясь к реке, становятся дикими, скалистыми, отвесными. В месте нашего пересечения — ряд скалист[ых] отрогов. Между ними русла с дресвой; скаты ютят хорошие луговые пастбища. Горы не широки, не шире 10—12 верст;** в изв[естной] зоне по обоим склонам залегают водоносные горизонты, по крайней мере имеются колодцы с дивной, холодной, прозр[ачной], вкусн[ой] влагой.

На вершине плоск[их] лугов[ых] пер[евалов] есть цветы, но очень мало, кормовых трав в достатке. В ущельях гор. в норах, живут рыжие скалистые

---

* Ушуктэн-даба

** Местами до 15. Горы сложены из сланцев и гранитов.

пищухи и такие же, пожалуй еще рыжее, длиннохвост[ые] песчанки Gerbillus. Вся животная жизнь сосредоточена у воды, у колодцев. Я отметил птиц: сыча, белокр[ылого] вьюрка, Ruticilla, Petronia, Emberiza и немногих других, вроде Accen[tor] fulv[escens]. Насекомые уже исчезли, но днем, наверное, их было немало. К северу, через ворота ущелья, виднеется глубокая долина и синяя окраина хребта Хангай. Ихэ[-богдо] потонула; собирается это сделать и Цзун-богдо.

Сегодня, при раннем солнце, я снял красные обрывы прав[ого] бер[ега] Тацин-гола, ниже нашей ночевки (и дороги) версты на 3—4. Тут шир[окие] долины версты две, речка серебрится в глубине, в середине долины обрывы высотою от 30 и более саженей, ниспад[ающие] отвесно, в середине — красная, твердая порода. Ее мощн[ость] до 5—7 саженей, сверху и снизу темная или серая порода, перемешанная со светлым суглин[истым] илом. Издали обрывы блестят тремя цветными — темный, красный, светлый — горизонтами. Ярче всех выделяется красная порода.*

Стоит глянуть вверх по Тацин-голу, чтобы видеть мелкое море горок, словно гигант[ские] волны, над которыми резко возвышается темная, усечен[ная] конус[ом] гора, как вулкан, или вулканическая сопка. Вообще, утро много раскрыло дополнительного. На всем осмотр[енном] месте долины Тацин-гол, верст на 7 по течен[ию], луговые травы обильны; внизу я отметил ряд оросительн[ых] канавок (по пр[авому] и лев[ому] бер[егам]) и старые пашни.

Тут же виднелись верблюды, бараны, рог[атый] скот с пастухами, но самих юрт я не видел.

На юге могучий Монгольский Алтай стоит темной стеной в массивах Ихэ- и Бага-богдо!

Этот двойной, утомительный переход привел нас на кол[одец] Кирэнхошунэн-худук довольно поздно, около 6 часов вечера. С 8 часов пошел очень основательный дождь до ½ 10-го часа, внушавший нам вначале серьезные опасения. Моя палатка располагалась на дне галечного русла, и я боялся, что дождь в горах может образовать поток, могущий смыть и часть эксп[едиционного] лагеря, опромет[чиво] устроенного на дне горной (период[ически] оживл[яющейся]) речки. Много пришлось помаяться с укладкой, переноской вещей на новое место. На счастье, беда не пришла, не дошла до нас, иначе было бы плохо. Тем не менее я лег по окончании дождя, спал не раздеваясь из боязни прих[ода] потока.

23/VII, ♀. Утро тихое, ясное. По ущелью, до выхода в знак[омую] долину с господ[ствующей] Хан-ула, кое-где видны были, хотя и слабо выраженные, следы ночного дождя. Растительность выглядела чистой и влажной. Воздух прозрачен и вместе с тем напоен ароматом душистых цветковых растений.

Пробежал поперек ущелья матерый волк, который лихо гнал [нашего пса] Гуло. По выходе из Ушук-ула развернулась обширная долина, на СВ которой горизонт преграждался грядой гор Сончжэ (Готонтэн), с сончжэ включительно. Сончжэ, или намог[ильный] памятник, подлежащий в скор[ом] врем[ени]

---

* Интересно, между прочим, что на сер[единных] долинах, у речки, стоит островом горка, часть из целых обрывов и тоже трехцветная, из 3 пород.

разработке экспедицией. Вблизи этого массива с памятн[иком] на вершине и расположен лагерь экспедиции. На севере, среди долины, господствовал темный массив Хан-ула. Мы пересекали долину по диагонали на СВ, впереди далеко шли увалы (луговые, пастбищные), в середине в нескольких местах отмечены маленькие озерки с пернатым населением и ряд сухих песчаных русл. Чем дальше, тем увалы станов[ились] больше или крупнее. На последних — северных — показались зубчатые обнажения белого известн[яка] или кварца, а за ними протекает быстрая речонка сажени 2—3 шириною при глубине до 1 фута с песчано-каменистым дном, создавшая влагой приветл[ивую] пастб[ищную] долину. Эта речка есть прямое продолжение р[ечки] в Гунбуртэ из гор Ашигэт. Мы ночевали в соседстве зубч[атых] бел[ых] кварц[ев], куда я ездил для ознакомления.

Это ряд могильных насыпей из белых камней. Странно, что насыпи обращ[ены] на север (на северном склоне); западная [насыпь] однообр[азная], вытянутая вдоль высоты; в сосед[стве] малое [захоронение]; восточная [насыпь] — квадрат (25×25) с отдел[ьными] большими кусками камней по сторонам и внутри. На середине место самого погребения покрыто крупными камнями и осколками бурых гранитов.

Интересно, что гранит одевает скаты, тогда как по гребню затейливо обнажается зубчатый профиль с нишами, балк[ами], пещерами, где ютятся волки. Тут немало костей и копыт жеребят, баранов, яманов.

На высшем зубце сидел степной орел, не обращавший внимания на человека настолько, что его легко было сфотографировать.

Долина речки выше сжималась скалами; в ущельице виднелся издали бург[ас] (тал[ьник]), по лугам пестрели цветы и носились в воздухе с жужжанием насекомые.

Так как вода в речке была теплая (24.0°), то многие из нас выкупались.

В норках живут хорьки, пищухи и реже песчанки, обнар[уженные] уже поздно.

На этом переходе Канаич отличн[ым] выстрелом влет убил степн[ого] орла. На монголов произведено сильн[ое] впечатление: они восхваляли ловк[ость] моего спутника подн[ятием] вверх большого пальца пр[авой] или лев[ой] руки. Канаич был премирован коробкой папирос. Думаю, что и по отношению Aqu[ila] orient[alis] Сушкин не преминет заметить — «серия степняков».

Тиха, прохладна и приятна была лунная ночь на реке Аргуй, и все мы немножечко проспали. На душе было приятно: чувствовалась близость родного лагеря в Холте.

24/VII, ♄. Погода продолжает стоять хорошая: облака стелются в бол[ьшинстве] случ[аев] по горизонту, часов с 9—10 значит[ельно] припекает и жжет до вечера, когда резко является прохлада. Идем успешно по луговой волн[истой] пастб[ищной] местности, следов пустыни не заметно: богатые дожди превратили Гоби в степь. Сончжэ приближается, хотя и очень медленно, Х[ан]-ула, еще более темная, погрузилась в сонм гор до середины.

На дне долины продолжали залегать озерки с бог[атым] насел[ением] куликов и уток. Еще оживленнее были озерки, да и вся долина от обилия больдуруков, с шумом массами прилетавших на водопой с севера и вновь уносившихся в ту, обратную, сторону.

Показались цаган-цзэрэ. Одного, отл[ичного] ♂, подстрелил Канаев в коллекцию (летн[яя] шерсть). Мясо все ушло на увел[ичение] стола, частица всегда перепадает и монголам, оттого они напрашиваются сопровождать охотника.

Я и Пшевик, как водится, ехали впереди с жаждой скорее увидеть лагерь, Холт. Караван отстал порядком, мы одни спустились южнее и уклон[ились] от истин[ного] направл[ения] верст на 10!

И сегодня Гуло гнал от каравана огромного рыжего волка, который бежал тяжело!

На одной из остановок, в ожидании каравана, я сразу уснул и крепко спал ¼ часа. На оклик Пшевика: «Кизоша, караван рядом!» — я проснулся. Теперь только я понял, насколько я переутомился, как сильно ослабла моя несокрушимая энергия и как мне после путешествия необходим обстоятельный, продолжительный отдых для дальнейшей успешной работы! Но что значит идеальный подъем духа, нравств[енная] сторона человека. Усталости не замечаешь, пытливость, жажда [раскрытия] сокровенных сторон [изучаемой] страны бодрит ум, всякий успех божественной лаской души настолько подкрепляет тело, что устали не замечаешь. И действительно, лето: природа живет полной жизнью, пред вами растительный и животный мир ликуют, в целом создавая дивную гармонию, нельзя усидеть на месте в палатке, поднимаешься, чтобы все вокруг видеть и нужное в царстве девственной природы взять на изучение. Иногда увлечешься и увлечешь других; так и сегодня — я увлек с должн[ого] направления маршрута и Пшевика, и постоянно нас сопровождающих собак (Гуло и Чуфра), и ушли сначала к востоку, а потом и ЮВ и настолько, что шли в соседн[юю] к югу долину, полагая, что это Холт.

Ошибка разъяснилась поздно: строгий анализ ума властно заставил рассуждать. Мы попали в незнак[омую] долину с выходами разрушенных, обдутых, обточенных гранитов по легким скатам и с красными обрывами русл на ее середине.* Самая долина похожа общим характ[ером] на Холтскую, но в деталях значительно расходится; главное — вершин Сончжэ не видно близко, они в облачной тени блестят иначе, к тому же вершина с обо заградила вершину с могилой. Не доехав до лагеря верст пять, мы повернули было вновь к южной части горизонта, но, на счастье, встретили чудный ключ (в 6 верстах к югу от нашего Холтского лагеря) и тут только попили чаю и поехали дальше, еще более удаляясь от правильного направления, но вовремя поняли свою ошибку и вновь вернулись на «благодатный» источник и на нем заночевали.

Мы, конечно, были налегке, и лишь у моего Пшевика в перем[етных] сумках седла кое-что было такое, что выручило нас — дало возможность в

---

* На скалистых горных породах там и сям сидели степные орлы и настолько доверчиво к людям, что не представляло особого труда не только подстрелить их, но даже и сфотографировать.

дор[ожной] фляге для воды добыть кипяток и им утолить острую жажду!* Я ехал на верблюде, мой Пшевик на лошади, и с нами оба друга каравана — Чуфра и Гуло. Потники от седел были нашей подстилкой, седла — изголовьем, легкая одежда не в силах была согреть нас в прохл[адной] ночи, мы мерзли; кроме того, часто должны были вставать, смотреть отпущ[енных] кормиться верблюда и лошадь. И вот в таких случаях натыкаешься на новые наблюдения, видишь, что ночью, хотя и лунной, животные боятся в одиночестве отдаляться от бивака и разнородные (такие, как верблюд и лошадь) соединяются и пасутся рядом. Как-то, невзирая на холод, мы оба уснули (подле наших ног лежал Чуфр, а Гуло — рядом с войлоком). Неожиданно я проснулся, привстал, взглянул — ни коня, ни верблюда, ни Гуло! Я встал и стал всматриваться в северо-западном направл[ении]. Наконец блеснуло яркое серебр[яное] пятно — это был наш Серко! Туда я и направился; пройдя немного, я различил и верблюда, а между лош[адью] и верблюдом, мирно пасущимися, чутко, с приподн[ятой] вверх головой, лежал Гуло, сторожа животных от волков, нрав которых Гуло знал отлично.

По временам, в ночи, Чуфр ворчал, вскак[ивал] и лаял вместе с Гуло — на зверей, привыкших к водопою и подходивших ночью к источнику. Это было обычно. Необычным для меня было то, что собака по своей инициативе оберегала животных экспедиции. Когда я подошел к Гуло и ласково потрепал его по толстой шее и погладил по голове, он встал и пошел рядом со мною на бивак, куда я взял и животных — того и другого.

Водворив их рядом с собою, я вновь прилег, Гуло улегся на прежнем месте, по соседству с нами, но по-прежнему с поднятой головой, чутко прислушиваясь к окружающему. Лишь на рассвете собака эта опустила на землю голову, вытянула ноги и на боку заснула.

Я в восторге от нашего добровольца — лучшего друга каравана. Такая собака — золото!

Что же во все это время происходило в нашем лагере? Караван пришел в 2 часа дня в Холт и, не встретив здесь меня и П[шевика], смутился, еще более смутил Гусева и Фу-чина. Преданные люди вначале ожидали, предпол[агая], что мы увлеклись чем-либо: сборами, съемкой, снимками фот[ографий] и проч., но когда подошел вечер, они не на шутку заволновались, разъехались в стороны, на вершины гор, стреляли (давая сигналы) и наконец устроили фейерверк. Вспышку сильной сигнал[ьной] ракеты Пшевик мой заметил, и мы тотчас отметили направление. Оно было почти на север — 3½° и совершенно соответствовало нашим планам на утро. Это обстоятельство уже в знач[ительной] степени успокоило нас и сообщило мне степень волнения наших спутников, тех и других, и пришедших, и остававшихся!

А Луна продолжала украдкою более или менее сильно освещать наш уголок. Потревоженные кулички нередко перемещались, издавая голос, но чаще все вокруг спало креп[ким] сном.

25/VII, ☉. Под утро мы все — и люди, и собаки — уснули так, что проснулись, когда уже расцвела вся окрестная долина и осветились вершины

---

* Вода в источнике была такая превосходная, что мы ею вначале удовлетворялись и в некипяченом виде, хотя это и было вопреки нашим обычаям.

отдал[енных], более высоких гор. Не пив чая, мы скоро заседлали наших животных, мысленно поблагодарили благодатный источник, взяли азимут на блеск вчер[ашней] ракеты и спокойно направились к северу, наперерез луговым горным грядам. С вершины таковых мы через 3 версты от источника обнаружили впереди нас — на линии Сончжэ — еще в 3 верстах к северу белое яркое пятно нашей датского типа экспед[иционной] палатки. Я радостно остановился, посмотрел в бинокль, который открыл нам картину более подробную: рядом с бел[ым], ярким пятном — действ[ительно] палаткой стояла юрта и куку-майхан, словом, широко располагался наш лагерь. Еще через некоторое время большее приближ[ение] к лагерю обнаружило людей, завидевших наше возвращение и энергично задвигавшихся по биваку. Лучшее чувство сопровождало наши последние шаги к лагерю. Вот наши лошади, вот бежит навстречу наш верный пес — старый друг Гароль, вот и В[асилий] А[ндреевич], и все остальные! Чувство волнует душу, и мирный покой встречает вас в вашей юрте, в вашем «доме», где все родное в приличном виде смотрит на вас!

Все говорит за аккуратность, порядок и высокую порядочность, присущие моему достойному сотруднику В. А. Гусеву! Прежде всего здесь все в полном благополучии, здесь все дышит сознанием исполненного долга перед наукой и человеком, поставленным во главе. Умылись, приступили к хлебу, соли, чаепитию и тотчас же к осмотру всего того материала по палеонт[ологии] и естествозн[анию] вообще, который так счастливо добыл Гусев.

Огромные бивни, остовы рогов, части челюсти с зубами, кости грызунов, с одной стороны, чучела птиц и спирт[овые] объекты — с другой, наполнили мою душу восторгом — слабое выражение благодарности моему Гусеву озарили радостью его хорошее, доброе лицо. На зеркале души его один блеск сменялся другим — мы еще глубже поняли друг друга и оба с радостно бьющими сердцами открыто взглянули друг другу в глаза!

Да, много-много сделано моим сотрудником вместе с Фу-чином в мое с лишком двухмесячное отсутствие в Холте. Мы беседуем, урывками показываем друг другу коллекции, урывками вместе строим предст[оящие] заключит[ельные] в экспедиции планы и лишь вечерком завели граммофон. Обед сегодня, как и весь день, праздничный. Высокое, праздничное настроение и на лицах всех нас. Наши подводчики торопятся домой, мы стараемся удовлетворить их просьбу — пишем Ленкову в С[айн]-н[оин]-к[урэ], где наш запасной серебряный фонд и где и были заусловлены наши подводчики. Вместе с тем просим зав[едующего] Монценкопом прислать для нас еще 37 верблюд[ов] 9/VIII, чтобы большому каравану экспедиции можно было направиться в столицу Монголии, закончить экспедицию. Ведь хара-хотоская партия вот-вот прибудет к нам и сольется с общим караваном. Для всех участников экспедиции близок конец путешествия. Пора, заслуженно пора.

Но как изменился общий вид окрестностей Холт! Бывшая пустыня превратилась в цветущую степь. И из-за этого кажется, что будто и рельеф совершенно иной. Наши лошади неузнаваемы — налились, округлились, приятно их видеть мощными, сильными, готовыми подхватить и умчатся вместе с вами.

Холтский лагерь разросся: на зеленом покатом лугу, рядом с обрывом, в котором ведутся палеонтологические раскопки, стоят две белые палатки, два куку-майхана и одна юрта — мой кабинет, столовая и спальня. Мой

Пшевик имеет отдельный рабочий кабинет — большую нашу белую палатку, широко разместился в ней и чувствует себя на бол[ьшой] нравст[венной] высоте, в большом довольстве. И вновь мирно потекла жизнь на стоянке.

После интенсивного похода стоянка в хорошем месте — высокое благо. Недаром от самого Монгольского Алтая мы все часто говорили и много надежд возлагали на монгольский, пустынный раннею весной, исторический лагерь экспедиции Холт. Холт встретил и приютил нас, уходивших за новыми результатами в глубь Монголии, самым лучшим образом. Даже природа закрыла для нас свое горячее тепло и временно окружила прохладой. Соседний Хангай в нынешнее лето особенно богат осадками, а потому и богатейшими пастбищами, где скопились все кочевники. Вокруг нас — никого, за исключением двух юрт-соседей, обслуживающих экспедицию.

В наше отсутствие вообще, в частности в позднее время, в Холте идут дожди, а однажды был и ливень, когда вокруг побежали потоки и значительно подняли уровень речки. В результате обмелевшее русло дало порядочно интересного подъемного палеонт[ологического] мат[ериала].

Ночь облачная, прохладная; спалось отлично, крепко! Невзгоды забыты или почти забыты; опять я по утрам обдумываю предстоящие последние шаги экспедиции.

26/VII, ☽. Именно сегодня так и было еще в постели. Каким великим праздником кажутся нам дни отдыха — дневки; отдохнув, мысль мечтою уносится к друзьям.

Конечно, уносишься мечтою не только в храм науки, к ее служителям, но и к сердцу и душе особых избранных людей — людей-друзей, далеких и самых близких. С некоторыми из них, жертвующих для меня ночным отдыхом и желающих отдать мне все самое лучшее, сбереженное, мне особенно хочется быть в самом тесном общении, реально чувствовать на себе их обаятельную близость. Таких людей немного.

Увидит ли эти строки когда-нибудь мой исключительный друг, человек, глубокой привязанностью которого я высоко горжусь и дорожу и конверты которого так радуют, по-детски радуют [меня], того, у кого душа номада. А мне было бы приятно, если [бы] этот уголок дневника попал на глаза человеку исключительной чуткости! Тогда он скоро поймет, насколько сильно и глубоко я люблю его и с какою необыкновенной энергией он увлек меня своим несравненным, не от мира сего «я». Моего друга я всегда чувствую реально, и только подумать, что я его никогда не видел: образ его, как и голос, для меня мечта, воображение! Тем дороже, и возвышеннее, и сильнее чувство беззаветной любви и преданности к такому идеальному образу! Сознаюсь, что он завладел мною настолько, что я не в состоянии не думать о нем по нескольку раз ежедневно, а в самые сокровенные часы — по вечерам, ночам и утрам — думать иногда исключительно лишь о нем одном — альпийском ручейке, рокот и журчание которого я всегда слушаю.

Сегодня вторая дневка; все понемногу уселись или, наоборот, отправились на работу; раскопки по соседству продолжаются. Г[усев] отправился в горки, поэкскурсировать. Работая у себя в прохл[адной] летом юрте, словно в кабинете, я отдыхаю душой и телом. Необыкновенная тишина, уют создают исключительное настроение, и этим настроением я живу, я полон им, я дышу и улыбаюсь.

Мой родной Пшевик в своей большой белой палатке, из которой еще так недавно любовался на безбрежный простор пустыни, на всю огромную поверхность Орок-нора и на те горные склоны Ихэ-богдо, у ног которых тянется, прерываясь звеньями, красноватая гряда Цзэргэлэ. И все виденное только на днях теперь переживается глубже, сильнее, чувственнее.

В мое отсутствие Гусев на другой день уже перенес лагерь на сто саженей выше, на возвышенный тот же правый берег, рядом с местом раскопок, и в дождливое время имел возможность наблюдать, как катились речки по всей той луговине, где стоял наш бивак вначале, с прихода в Холт. Нужно снять место это и теперь, в июле, когда оно напоминает степь; кстати, и вид совместного нового лагеря, подле которого также красуется обо экспедиции Русского географического общества.

Хочу воплотить мечту в реальность — давно жажду видеть результат моих снимков, очень хочу в самое ближайшее время начать проявление хоть части того большого целого, которое хранится в пластинках (нескольких дюжин), видов и типов по моей поездке из Холта на Орок-нор и далее в низовье Эцзин-гола и в сердце Хара-хото.

Сегодня я чувствую себя совершенно отдохнувшим и могу даже вновь ехать за сотни верст, но лишь при одном условии: в самое интересное, новое место, к историческим памятникам, в богатое во всех отношениях ущелье, на реку с камнями, на которых красуются дикие или домашние животные во главе с человеком. Но [и] дома, в лагере, прекрасно: я работаю и вместе с тем отдыхаю и телом, и душою.

Весь вечер и бо́льшую часть ночи, до первых проблесков зари, я был в тесном общении с моим далеким и в то же время самым близким другом. Я вновь читал его письма, одно горячее, роднее другого, я жил всем моим существом с моим скификом, слушал его неумолчный шепот со мною, с моей душой номада! Мой милый альпийский ручеек шептал мне сагу про мятежное состояние его внутреннего мира. Спасибо письмам и мечте моей и грезе, обвившим моего несравнен[ного] друга самым крепким образом, я люблю его, как детище чистой девственной природы.

27/VII, ♂. Утро серое, не гобийское; по небу мчатся тучи, дует холодный северо-западный [ветер], и мы в теплых, осенних куртках: ни мух, ни других кровопийцев нет, в прохладе спится и дышится легко. Кони и верблюды наши вполне благодушествуют на хороших пастбищах подле воды. Я много ем и часто чувствую себя голодным — лучший признак вполне удовлетворительного здоровья; еще неделя, и, мне думается, я вполне приду в порядок и все сделаю по части коллекций и дальнейшего следования к родным пределам.

Все мы чувствуем, что конец путешествия очень близок, все сжились и понимают друг друга, как самого себя. Большинство, если только не все, рады этому концу странствования, рад и я, но только условно: мне жаль расставаться с Центральной Азией, с Монголией всегда. И если бы только было возможно слетать на аэроплане в умственные центры родной страны месяца на три, пожить там, сдать научный материал, пообщаться с друзьями науки, со специалистами, поделиться сведениями с широкой публикой с кафедр больших аудиторий, написать хотя бы краткий отчет и затем, после нежной ласки исключ[ительно] родн[ых] др[узей], вновь отправиться в заоблачный Тибет, к фокусу сил буддизма. Ужели я не увижу Лхасы после дружеских

отношений с Далай-ламой? А ведь там, в окрестностях и в долине Кха-чу, в горах, лесах, кустарниках и в альпах много-много неведомого, неизученного. Любил и люблю я суровый Тибет, люблю и его оригинальную природу и своеобразного человека. Всегда, сидя дома, на родине, я мечтою и грезой уношусь в Тибет — к природе и культуре Тибета. Чувствую, что за нынешнее путешествие я полюбил еще и Монголию: Хангай, Монгольский Алтай. И там, и там много пережито прекрасных минут, часов, дней. С именами Ирхит-хайрхан, Орхон, Улясутай-ама, с одной стороны, и Ихэ-богдо, Битютэн-ама, Пунцэн-обо, Ноин-богдо, Эцзин-гол, Хара-хото — с другой, связаны самые лучшие, самые возвышенные воспоминания. Чувствую, что эти воспоминания часто будут будить меня, как говорил мой учитель, «вновь променять удобства и покой цивилизованной обстановки на суровую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь».

Сегодня, как и вчера, мои спутники за раскопкой соседнего, пожалуй, «знаменитого» обрыва. Вчера добыли сравнительно немного, но имеются интересные дополнения. Сегодня добыча слабее, рабочих рук на раскопках меньше, к тому же ведутся подготовительные работы по удалению — снятию — верхнего горизонта обрыва. Последней пластинкой в кассете я снял обрыв после дополнител[ьной], в мое отсутствие, двухмесячной раскопки. Мои сотрудники работали и в других обрывах и даже совершали близк[ие] и дов[ольно] далекие экскурсии в окрестн[ости] ущелья-долины, но или совсем ничего не находили там, или находили малую толику. Скорее успех нередко сосредоточивался на поисках «подъемного» материала, в особенности после обильных дождей или ливней.

С вечера до 2 часов ночи я провозился с проявлением 1½ дюжины фотограф[ических] пластинок, в общем результат вполне удовлетворительный! К нашей серии снимков прибавятся очень любопытные, добытые на всем маршруте по направлению к Центральной Гоби, к Хара-хото.

Ночь очень ветреная, облачная, а потому прохладная. Спим отлично, окрестную тишину часто нарушают волки, вызывающие со стороны нашей своры дворняг неистовый лай.

28/VII, ☿. Как и ночь, утро серое с осенним небом и прохладой. Невзирая на это, мои спутники, компанией, укатили в соседн[ие] на СЗ горы, в их ущельице с травянистой растительностью, уносящее с ЮЗ ключевые воды. Имеются также и полукустарники.

Понемногу приходится приводить в порядок сборы коллекций. Наряду с этим мечтаю небольшую почту отправить и в Россию, и в Ургу — в полпредство. Впереди еще предстоит проявление трех дюжин пластинок различных категорий из различ[ных] мест.

Ввиду влажности воздуха просушка негативов тянется долго. Едва-едва к полудню подсохнет первая часть, а вторая — к вечеру, не раньше, так как будет вынута в 11 часов.

Между тем дождь, пошедший с 10 часов, не прерывался в течение всего дня и напоил землю в низинах словно губку. Наиболее сильный был около 11—12 часов, когда вдруг пришли с шумом грязные потоки от гор и сразу подняли уровень нашей речонки, которая грозно неслась в пустынную впадину. Обыкновенно после таких потоков в первые светлые проблески идем «гулять» по руслам в надежде собрать что-либо в области палеонтологии.

Мои экскурсанты в горы промокли до нитки, но все же привезли несколько №№ цветковых растений. В юрте у меня грустно: нет дневного света. По случаю дождя верх закрыт, и я довольствуюсь дверным освещен[ием]. Составил телеграмму с изложением последней деятельности экспедиции, но за письма всякого рода еще не принимался. Вечерком собрался кружок в мою юрту, чтобы послушать граммофон, в дождь его звуки мягче, приятнее.

Анероид и ртутный барометр упорно следуют книзу. В течение всей ночи падал дождь.

29/VII, 2. Серо, прохладно: t воздуха только 11.0°С. Горизонт потонул в этом сером воздухе, дождь, мелкий и споркий, продолжает ссять непрерывно. Такой дождь у нас называют «осенний, мелкий». Стада кочевников благодушествуют. В Хангае, вероятно, осадков еще больше.

Мои негативы еще до сих пор не все высохли, а барометр и а[neroid] еще больше упали. Нужен ветер, чтобы разогнать слоистые облака, открыть голубое небо, которое мы сравнительно давно не видели.

От скуки надо засесть за писание писем, и конечно, первое письмо исключительному человеку-другу!

Вот уже 1 час, солнце, невидимое для нас уже который день, перевалило за полдень, а дождь, не переставая, идет и идет, беспрерывно сыплет! Пора бы и перестать, а то прервал нашу интенсивную работу в экспедиции.

Сухо-батыр принес отличную крупную кость ископ[аемого], вымытую дождевым потоком из обрывов. Мои спутники ходили вниз по руслу и также кое-что принесли по части подъемного материала ископаемых остатков позвоночных.

К вечеру наконец дождь перестал лить, его сменил крепкий северный ветер, значительно охладивший воздух. Всю первую половину ночи я с Пшевиком провозился с проявлением пластинок, известных под литерой «К» и тоже снятых во время моей поездки в Хара-хото. Сверх ожидания и на этот раз все вышло удовлетворительно, а некоторые даже отлично. Так приятно, что имеются и биваки, и горы, и долины и, наконец, более или менее удачный снимок с Орок-нора (из гор).

30/VII, ♀. Ночь прошла без дождя, утро также, облака по-прежнему окутывают небо, а ветер продолжает шуметь, гудеть по-зимнему, в особенности это сильно чувствуется из закрытого помещения, [такого] как юрта, когда в последней сидишь часами за проявлением негативов, или, точнее, пластинок.

Пшевик с Гусевым отправился исследовать место гнездования Prunella kozlowi. Канаич сидит в моей юрте и переводит на кальку образ на шелке из Хара-хото. Я наблюдаю за сушкой негативов и в то же время пишу несколько писем, деловых, в связи со скорым выступлением экспедиции к Урге.

4 часа дня, сейчас закончил писание писем и деловых, и частных; в общем лично моих немного, всего несколько писем.* Дождь не идет, изредка

---

* Соловьеву общего характ[ера] в связи с возвращ[ением] в Ургу, Даниленко (как и Соловьеву с конспект[ом]), Ленкову в Монценкоп и моим друзьям: Людм[иле] Алекс[андровне] [Алеевой], Антигоне, Володе — сыну (также с консп[ектом] для РГО).

светит солнце, но облака не оставляют открытым небо, и ветер — крепкий северный — дует и шумит по-зимнему.

Завтра бивак опустеет: уезжают мои «археологи» с Гусевым во главе на вершину с сончжэ, их подвезет Цэрэн, который затем направится в Сайнноин-курэ, в Монценкоп.

Странные русского изготовления фот[ографические] пластинки: после проявл[ения] и закрепл[ения] долго не сохнут!

Сегодня мой Пшевик с успехом — рад и счастлив, что нашел гнездо с почти полной скорлупкой нежно-голубого яичка, почти бирюзового, Prunella kozlowi — редкой, еще не изученной птички. Теперь каждый участник экспедиции воспитан, со смыслом старается что-либо принести в общую сокровищницу.

Наконец, пакет с письмами сдан для отправления с Цэрэном в С[айн]-н[оин]-курэ. Будем надеяться, что и Ц[эрэн] привезет что-нибудь для нас с почты, по крайней мере я жду вестей. Гусев с остальными спутниками энергично готовится в археологическую экскурсию. Мы успели сжиться вновь с Холтом, словно жили [здесь] постоянно и непрерывно. А между тем только одни сухие пластинки с видами и типами, снятыми за май, июнь и июль, красноречиво говорят о далеком маршруте.

Мне приятно, что под счастливый, успешный конец путешествия дело идет само собой — «по рельсам»: не надо никому подсказывать, а лишь регулировать.

Ночь такая же облачная, как и предыдущие, с той лишь разницей, что не было дождя, а потому воздух еще более охладился.

31/VII, ♄. С зарею мои спутники поднялись на ноги и около 5—6 часов уже уехали на вершину с сончжэ за тем, чтобы снять некогда сооруж[енную] на ней постройку в виде кирпичного (сырцевого) субургана. Время слегка разрушило эту постройку, сбочило; мне кажется, что виною этому дождь и ветры. Мои спутники получили задание: научно снять, разобрать ее и ознакомиться с тем, что в ней хранится. Вероятно, они поработают несколько дней собственными руками, тем временем потекут августовские дни и наш бивак оживится и харахотосцами, и Цэрэном с почтой, и общими усилиями будем готовить большой караван в Ургу — домой, на родину!

Солнце борется с облаками, голубое небо просвечивает. Долина то освещена, то в тени облаков под угрозою дождя. И так весь день.

Мой Пшевик экскурсировал вниз по руслу: в отношении интер[есных] птиц — бедно, но зато кровопийц-мошек хоть отбавляй, жестоко кусаются, причиняют ощутительный вред не только человеку, но и животным, главным образом раскусывая, точнее, внедряясь в обнаженные или даже открытые места.

Я сижу дома, регулярно навещая производимые рядом палеонтолог[ические] раскопки. Смотрю сборы коллекций, перебираю их, но чучела птиц задерживают: от сырости, причиненной дождем, они отошли, сделались мягкими, влажными, словом приняли, как в сам[ом] начале, такой вид, который вообще не укладывается из опасения порчи.

6 часов дня, на СЗ опять постукивает гром, но счастье, что остальное небо почти ясно и, скорее, обещает полное удовлетворение. Надо признать, что июль месяц вообще самый дождливый в Монголии, так было и в ми-

нувшем году, когда экспедиция в Ургe готовилась к походу в глубь Монголии и когда мы, как раз в этот день,* выступили в путь — вниз по долине Толы, к ее извилине.

Сегодня ко мне приезжал так называемый «очкастый» монгол (он периодически носит очки на плоском носу) — наш поставщик мяса, привозил дары скотоводческого хозяйства. Кстати, в ужасном, грязном состоянии. Когда они будут чистоплотнее? А теперь от животного состояния недалеко ушли!

Фу-чин и ламишка в течение своих рабочих часов добыли порядочно костей и даже зубы.

Вечер тихий, сравнительно теплый, на свечу и белую палатку летят ночн[ые] бабочки, маленькие, желтоватые, и неизменная мошка. Соседняя окрестность замерла.

Август 1/VIII, ☉. Утро почти ясное, во всяком случае с ярким монгольским солнцем, с широкими далями, с росой. Воздух застыл в мертвенной тишине, если не говорить о том, что он же переполнен жужжанием насекомых.

Я и Пшевик собираемся на ключ «благодатный», на котором мы не так давно ночевали. Хочется снять гранитные разрушенные выходы, самый ключ и понаблюдать на нем.

При утренних лучах солнца сончжэ видна вся полностью: она все такая же, в размере и очертаниях не меняется. Вероятно, мои сотрудники начали ее разрабатывать с западной, противоположной нашему лагерю стороны. Интересно наблюдать за нею ежедневно!

Итак, наступил август месяц, конец которого приведет экспедицию в Ургу, а мысленно и к дому. Об этом уже многие знают.

Для праздничного дня, ☉, я и Пшевик счастливо съездили на ключ «благодатный», до которого при более тщательном измерении вышло без малого десять верст. Побыв немного на источнике, мы продвинулись приблизительно в том же южном направлении еще верст пять, где сплошное поле выходов серого гранита, сильно разрушенного или обточенного временем и другими атмосферными деятелями. У гранитов этих, на возвышении, расположен кэрэксур с кольцевою оторочкою, близкой к насыпи и с целой серией каменных гирлянд, расположенных к югу, и по углам, и посередине, конечно, вне кольца. К югу одинокая гирлянда вынесена еще дальше. Масштабом кэрэк[сура] служит всадник. Пшевик в гранитных обнажениях, в песчаных площадках наблюдал норки грызунов, за которыми, вероятно, промышлял хорек,** также имевший здесь, среди грызунов, свою нору, из которой сдва показал голову, как был подстрелен орнитологом экспедиции. Этот экземпляр оказался отличным ♂, старым и уже совершенно вылинявшим.

Пшевик старательно отпрепарировал хорька, его шкурку; череп положен в спирт, прочие кости также взяты. Ламишка принес мне сверх нормы два куска ребра ископаемых. В соединении составляют одно большое, во-

---

* Впрочем, мы выступили с проливным дождем 1 августа, ровно год тому назад.

** На пути к ключу «благодатному» мы наблюдали несколько табунков степ[ной] курицы, или дрофы (Otis dyb[owskii]). В общем, птицы эти — монгол[ьские] страусы — дов[ольно] доверчивы, так как их здесь никто не стреляет. В этот же день там и сям видели степных орлов, а в гранитн[ых] обнаж[ениях] ютились сычи.

гнутое. Таким образом, изо дня в день накопляется, растет общая сокровищница научных ценностей экспедиции. Банди был щедро мною поощрен для еще большего стремления к поискам.

Около 4 часов дня я снял Гуло при искусном содействии Фу-чина. Очень хочу получить отличный снимок с этой типичной караванной монгольской собаки.

На протяжении всей второй половины дня северо-западный угол горизонта был в грозовых тучах и вечером также, но еще эффектнее вырисовывается яркая молния и внушительнее будто бы гремит гром. И всему виною, конечно, синий могучий Хангай: он зарождает тучи, грозу и исключительно он дает материал для атмосферных осадков. Надо укрываться — гроза приближается в наш район!

Гроза миновала без дождя, воздух дрожал от ударов, гром и темно-темно-синие тучи эффектно прорезались молнией.

Несмотря на облачный, теплый, тихий вечер, бабочки не летели на свет.

2/VIII, ☽. Утро полуясное, тихое, теплое, с массою мошки и в то же время с обильной росой. Чимит Дорчжэ прислал меня проведать и, как водится, приветствовать дарами молочного хозяйства. Зная, что лагерь собирается воедино всей экспедицией, в моем распоряжении собств[енная] юрта и несколько палаток, мой приятель просит вернуть его юрту, которой я пользовался с конца марта, со времени моего прихода в айль прекрасного человека. Ведь, откровенно говоря, виновником нашего успеха по ископаемым является только Чимит Дорчжэ, который вполне заслужил не только то, что он получил, но и то, что ему предназначено вручить при моем скором пребывании у этого человека.

Бедный Чимитка, как я его часто заочно называю, до сих пор болеет, а от его личного недосмотра его хозяйство падает во время ливня, бури. Его хозяйство — верблюды, лошади, бараны — отчасти поубавилось. Правда, у него всего этого много, но если стихийно начнет все убавляться, тогда — плохи дела, ничем не удержишь богатство, оно растает.

Сегодня попытаюсь проявить последние второразрядные пластинки, а затем спокойно закрою «лавочку» с лабораторией — пора, довольно!

Мои мысли витают оживленно везде: и в центре Монголии, и в России, и в Европе, и Америке.

Наконец, от Гусева получено первое известие с места раскопок сончжэ. Разработка ведется с большим трудом. Вместо кирпичной кладки — бетонное сооружение из прочно сцементованного светлого суглинка ярусами в 2—2½ вершка. Для ускорения работы мои спутники делают поперечный разрез в 1 сажень ширины и сегодня углубились на одну сажень. Возможно, что в течение 3/VIII дойдут до основания фундамента. По вечерам мои спутники собирают растения и насекомых.

Колодец с водой в 2 верстах от места работ, палатка же расположена в 1 версте — как раз в середине между вершиной с сончжэ и колодцем.

Меня приглашают приехать не ранее 4/VIII.

Сегодня мой Пшевик занимал гостей-монголов музыкой граммофона. Монголки слушали и отдавали предпочтение голосовым пластинкам.

Я весь почти день возился с переукладкой и окончател[ьной] укладкой птиц и зверьков. Впереди еще много работы, главным образом со спирто-

выми сборами и опять же с птицами. К 10 часам вечера закончил при помощи Пшевика проявление 19 пластинок, за исключением четырех (трех слабых и одной сорванной мною). Остальные 15 вполне удовлетворительные, среди которых, между прочим, имеются и перворазрядные, вроде, например, источника, групп, долины р. Тацин-гол, статуи (с головой Будды отдельно) и видов долины Эцзин-гола. Я вполне удовлетворен. Нет только хороших снимков бивака на оз. Орок-нор.

3/VIII, ♂. Ночь (минувшая, конечно) полуясная, под утро с СЗ пришла грозная туча, и в 4—5 часов у нас прошел форменный ливень в продолжение каких-нибудь ¼ часа. Благодаря каменистой и песчано-каменистой почве в Холте, благодаря покатой поверхности вообще влага тотчас исчезает.

Хангай вечно окутан свинцовыми и темно-свинцовыми тучами, по вечерам там ежедневно гремят грозы. Я полагаю, и у нас, в Холте, облачность и осадки исключительно хангайские. В Хангае сырой или влажный воздух с более низкой температурой, нежели здесь, в особенности в теплые ясные дни, поэтому Хангай и посылает от себя к нам холодные, влажные струи — облачность и дождь. В связи с этим, с одной стороны, в Холте постоянная ветреность (преимущ[ественно] от севера и СЗ и СВ, реже) — от Хангая, с другой — обилие в текущем году кормовых трав, на которых благодушествуют стада кочевников в осеннее время, когда здесь нет мошки и когда монголы оставл[яют] Хангай и едут в эту «гоби».

В Холте я люблю солнечные дни с крепким ветром, угоняющим ужасную мошку, которая своими укусами производит мучительную боль, в особенности по ночам, когда человек согревается. Места укусов нестерпимо зудят, и нет сил удержаться от чесания, чем, конечно, вы расцарапываете кожу до появления лишайных волдырей.

И еще лишний раз хочется подчеркнуть, что лучшее время в Центральной Азии — солнечное, тихое — наступает в сент[ябре] и проходит через всю осень. Осенью и номады с их стадами в полном смысле благодушествуют.

Раскопки богатого обрыва — первого правобережного, давшего нам почти все палеонтологическое богатство, — все еще непрерывно продолжаются, ведутся с неослабною энергией потому, что ежедневно дают нам материал. Помимо красной глины, которая всегда выручает, вчера в верхнем галечном ярусе, при обрывании его, найдены кости грызуна типа тушканчика.

Вот блеснуло солнце. не знаю, надолго ли? И опять дождь, и вновь солнце; в течение дня несколько раз покажется солнце и столько же вспрыснет дождь.

И сегодня раскопки дали отличный результат: когти хищника и, между прочим, вновь бивни, и это все в третьей группе (богат[ого] обрыва) — наверху красной глины, под галечником. С особым рвением работают мои спутники при всяком новом успехе, новых находках.

От сончжэ прибыл Ганчжуров, подтвердивший еще раз, с каким огромным усилием приходится вести раскопки сончжэ: словно все это сплошной монолит. Зато естест[венно]-истор[ические] сборы, между прочим растен[ия], насек[омые] и даже птички, прибывают.

Вечер довольно прохладный, ночниц-бабочек не было на свет в палатке или юрте. Ночь еще более прохладная, так как в последней половине своей она была ясная.

4/VIII, ☿. Небо голубое, без единого облачка, тепло и тихо; дали открыты беспредельно! Чудно, хорошо в степи-пустыне, словно на даче, только не у человека, а у матери-природы. На душе светло и легко. В такие минуты самому себе завидуешь, в такие минуты хочется вслух призывать к себе в тесное общение самых исключительных, самых близких людей, чтобы живо воспринять их теплую, нежную, как нежная утренняя зорька в Монголии, близость. В такие минуты я невольно не только вспоминаю, но и (думается и чувствуется мне) живу реально с моим несравненным, единственным, близким таким другом, который имеет родную моей душе душу скифа!

На утренней такой заре Ганчжуров уехал на раскопки сончжэ. Мой Пшевик работает у себя в белой палатке. После утрен[него] чая я убираю высохшие за ночь негативы, из них два еще с темными сочными пятнами в середине. Затем, считаясь только с 12 наличными листочками печатной бумаги, я из всей новой серии выбираю самые неотложные, лучшие и нужные негативы и приступаю к печатанию с них. Который уже раз благодаришь судьбу, что она устроила меня чисто случайно с бумагой покойного моего приятеля Сайн-ноин-хана, иначе что бы я делал, в каком положении был бы? А рассчитывать на присылку Совнаркомом лучшей, французской бумаги, к которой я так привык, не приходится. Жаль, что Д[аниленко] ограничился покупкой только 2 пакетов (24 [листа]) для напечатания 24 оттисков; хотя та и неважная бумага, но типы на ней печатать можно. Сейчас у меня в кюветах купаются 12 бумажечек, по 4 в кюв[ете]; так легко и скоро такую толику напечатать. Из них по меньшей мере треть, т.е. 4 отпечатка или, нет, 3 — четверть, уйдет моим эцзинцам — торгоутским гунам — их изображения; остальные 9 суть: два оттиска — статуя Авалокитешвары и голова Будды, затем два снимка внутри стен Хара-хото (на СВ и СЗ), посл[едний] с субурганом, Орок-норская партия, Глаголев с лучшим рабочим Гончиком, Д[аниленко] на верху разрезанного до основания пьедестала «знаменит[ого]» субургана, ламы на портике будд[ийского] храма при ставке гуна и 12-й — работа у «богатого» обрыва с ископаемыми остатками позвоночных. И все. Следовательно, придется в Урге использовать готовность, искусство и силы моего знакомого китайца во все время пребывания экспедиции в столице Монголии, чтобы, во-первых, китаец проявил бы мне около 5 коробок (60 снимков), во-вторых, с наиболее важных из этих негативов отпечатал в количестве 3—4 экземпляров на негатив и, в-третьих, сколько успеет, отпечатал бы из прежних и теперешних, на короб[ках] которых написано моею рукой «напечатать в Урге».

Три гунских снимка нужно будет послать через тамага Хан-кокшунулэн нирве Оботэн-хурул, они родственны или близки друг другу. Остальные оттиски надо будет показать в Урге в полпредстве, Учкоме и моим пытливым приятелям. Некоторые, как «Орок-норская партия» или «Глаголев с Гончиком», придется отдать по принадлежности.

Погода продолжает стоять отличная — не налюбуешься на окружающую местность. Время бежит неудержимо, скоро явятся мои сотрудники из

Хара-хото. Пожалуй, одновременно с ними приедет и Цэрэн с почтой (большой или маленькой). Опять оживление.

Сегодня мой Пшевик прекрасно отпрепарировал скелет большого хорька, им убитого. Кстати, экземпляр этого хищника на редкость хороший, крупный, ♂, далеко не под стать самке, подстреленной нашим поваром Фучином из винтовки.* Третьего дня Пшевику также повезло: во время экскурсии за птичками в русле (удал[енного] на юг) Холта он нашел подъемный материал превосходной сохранности — белый, обмытый водой и временем зуб ископаемого; такие же зубы мы находили на другой день нашего прихода в Холт и тоже как подъемный материал.

Ветер, солнце на редкость высушили все в нашем лагере: и коллекции, и багаж, и все наши помещения — монгольские юрты и наши родные белые, как снег, русские палаточки. На месте, в палеонт[ологическом] лагере, позволяешь себе роскошь в виде юрты, в которой я имею лучший рабочий кабинет, и как хорошо, удобно в юрте. В ней, словно в комнате, — много места и, что всего дороже, днем, на жгучем солнце, не жарко, а ночью не холодно в ветреную, дождливую пору. Чувствую, что по воздуху, далям, зорям, юртам Монголии невольно буду, непременно буду, тосковать, в особенности по горным цепям, их ущельям, сизым горным дымкам, а главное, буду тосковать по свободе дикой и такому же дикому безбрежному простору степей и пустыни Центральной Азии.

Вечером, до спанья, у меня сидел Пшевик и заводил граммофон. Так как я и он были лишь вдвоем, то могли «пускать» любимые наши пластинки с лучшими певцами (итальянск[ими] и русскими), скрипочку и другое, а не бередить свои уши бравурными [мелодиями], так нравящимися нашим людям.

Было дов[ольно] прохладно, лишь около 10.0°С, и ночницы почти не летели. В 22 часа ночи Хангай послал на ЮВ грозную, темную, как могила, тучу, мирно прошедшую через наш лагерь.

5/VIII, 2. После вчерашней «вечерней симфонии» мне долго не спалось. Помимо моей воли мысль властно, неудержимо унеслась на родину, ко всему лучшему, услаждающему душу: к музыке, художеству и другим высшим искусствам, к науке, музеям и друзьям ума и сердца. Мысленно побывал чуть не везде и видел всех дорогих мне людей.

Пустыня-степь тиха, темна, только небо горит, искрится и светлеет своим Млечным Путем. Изредка вспыхнет болид и огнем очертит свою небесную дорогу.

Утро тихое, ясное, на горизонте перистые облачка почти не заметны. Мошка шумит и пытается укусить.

Мы собираемся к сончжэ: Пшевик — с ружьем, я — с фотогр[афическим] аппаратом, морилкой и спиртовкой и гостинцем ребятам.

Наш путь лежал на ЗСЗ, все время постепенно поднимаясь к Готонтэнсончжэ. Так как прямо ехать очень трудно из-за крутизны горных отрогов, то мы старались держаться логов или русл и таким образом прекрасно достигли первой цели — поднятия на ближ[айшую] вершину с обо —

---

* Наряду с таким делом Пшевик искусно починила мой дождевик.

центр[ального] большого и составл[яющих] круг небольших второст[епенных]. Отсюда сняли вершину с сончжэ. У сончжэ нас ждали наши спутники Гус[ев] и Кан[аев]. Ганчжуров с сачком в руках ловил на изумрудной площадке внизу бабочек. Завидя нас, он вовремя поднялся, и мы втр[оем], ведя в поводах лошадей, достигли вершины. Какой безбрежный горизонт кругом! Каждый раз, что я бываю тут, я с неослабным интересом смотрю вокруг. Виден Монгольский Алтай, его главные священные массивы, не говоря уже про Ушук, острую верш[ину] у Тацин-гол, Ашигэт, Хангай. Темная Хан-ула также о себе напомнила, как напомнило озеро Гун-нор на ЗЮЗ и ряд мелких дожд[евых] басс[ейнов] на таком же отдалении к ВСВ; наш лагерь двумя белыми пятнами палаток как на ладони.

Работы по раск[опкам] закончены: мои сотрудники сделали в монолитном сооружении саженный поперечный разрез сверху донизу — ничего! Дошли до материк[овой] лугов[ой] поверхности с обыкн[овенным] каменным обо, исследуя все, заслуживающее внимание. Очевидно, в прежние времена, как команд[ная], доминирующая вершина, она была избрана для сигнальной башни,* ведь в Китае сведения передавались путем зажженной соломы по всем главным башням Великой стены, шедшей от западн[ых] или северн[ых] «варварских» сторон, обитаем[ых] номадами. Вне Велик[ой] ст[ены], вероятно, и устраивались на выдающ[ихся] верш[инах] сончжэ — глин[яные] башни. Такими сончжэ богат Вост[очный] Туркестан. Сончжэ и цончжэ я наблюдал в пустыне по направлению от Хара-хото в Алаша-ямынь.

В заключение я снял еще два вида сончжэ — вид с востока, с ЮВ с обо и моими сотрудниками и разрез сончжэ. На этом мы сончжэ и оставили. Вероятно, у туземцев она будет иначе называться впредь в связи с нашей попыткой к раскопкам. Ветер, в особ[енности] бури и дожди период[ически] округлят неровности, а время в своем течении сотрет все эти следы с лица земли, но пока, в нашем масшт[абе] времени, монол[ит] сончжэ долго-долго будет светлеть пятном на западной вершине гор Готонтэн с придатком сончжэ.

Мы спустились к ВСВ на ключ, точнее к лагерю моих сотрудников, пообедали с ними, ознакомились с «инт[ересной]» птичкой и грызун[ом]. Первая действит[ельно] интересна: если не самая P[runella] kozlowi, то однотипная, и я нисколько не удивлюсь, если она будет новым подвидом P[runella] kozlowi; грызун — Microtus. По дороге на главный бивак в Холте мы в 1 версте ниже палатки моих сотрудников нашли прекр[асный] ключ, водой которого так успешно пользовались мои «археологи».

Аналогичный источник я и Пшевик сегодня же наблюдали в пер[вый] путь к сончжэ. Он, источник наш, лежит в небольшом отдал[ении] к югу и сопровождается богатыми лугами с преобл[адающими] голубыми Gentiana'ми и такими же прелестн[ыми] синими шариками.

Дома у нас, в «богатом» обрыве, опять большая находка в том же 3-м, отд[аленном]. И, как и прежде, гнездо вверху красной глины, тотчас за гал[ькой] с грав[ием], под ними. Гнездо это содержит нечто роговое, конусообразное, эта находка будет запакована отдельным пакетом.

---

* Сигналы приняты в Китае с древн[их] времен путем передачи их ночью при помощи факелов. Это по отнош[ению] сончжэ в Готонтэн тем более вероятно, что по соседству с ней еще и до сих пор видны следы «да-луу»!

Погода начинает портиться. Завтра мои спутники должны будут собраться воедино, даже прибудет Цэрэн; нам останется одно — поджидать харахотосцев — Глаголева с его товарищами.

Вечер тихий, облачный и довольно теплый. Пшевик и я очень рассчитывали на богатый лет ночниц. Увы, их почти совсем не было: мы поймали вдвоем лишь около десяти бабочек, тогда как у сончжэ Гусев в этот вечер один добыл около 40 экземпляров. Вообще, ключ у сев[ерного] подножия этого массива много дал интересного экспед[иции] по части фауны.

6/VIII, ♀. Ночь сплошь облачная, утро плаксивое: мелкий, осенний дождь пошел с зари и непрерывно бусит в течение всего дня. В такую погоду сидишь сложа руки или придумываешь себе подходящее занятие. К сожалению, книжки все прочитаны, по крайней мере те, которые были в нашей партии. Я говорю о книжках беллетр[истического] характера, специальные не читаются, они лишь хороши как справочники.

К обеду вернулись мои «археологи» с сончжэ, привезли бабочек, мух, жуков (Гусев) и пару Accentor'ов и столько же горных или скалистых пищух Lagomys и одну Microtus, очень интер[есную] (Канаев). Остается ожидать Цэрена, а потом харахотосцев.

После обеда я часа два был занят просмотром и укладкой гусевских насекомых. Хороши и в порядочном количестве ночн[ые] бабочки, днсвных — очень мало. У обо, где Канаич нашел жел[тую] стрелу, он же видел быстро пронесшегося Parnassius'a, но добыть его не удалось, да и видели его только однажды, мух почти три ряда и ½ ряда сам[ых] обыкн[овенных] Carabus'ов.

Грустно-грустно сидеть в юрте во время дождя, даже лишен возможности иметь обычный свет, идущий к вам с небес, так как вместо солн[ечных] лучей к вам посып[ались] капли дождя, поэтому сидишь, словно в пещере, и получаешь свет через входное отверстие, а верх закрыт.

По случаю дождя и прохлады бабочки не залетали ни к Пшевику в палатку, ни ко мне в юрту, и только Гусев, сидя в датской палатке и занимаясь штопкой собств[енного] белья при сильном свете фонаря, которым он иногда действовал как прожектором, ухитрился поймать до десятка ночниц. Дождь продолжал сеять!

7/VIII, ♄. Солнце ¼ часа просвечивало сквозь пелену тонкоперистых облаков, барометры упали как никогда, между тем дождь перестал, подул порядочный западный [ветер], сквозь слоистую облачность на горизонте все же замечалось некоторое улучшение погоды, чувствовался небольшой просвет, расширение горизонта. Дождь, ненастье не только надоело, но оно положительно не дает возможности сортировать, приводить в порядок имущество экспедиции, готовить караван. Ведь сегодня 7-е, а 11-го — в поход, за это время надо все наладить, всем собраться, а Цэрэн с почтой пропал, провалился сквозь землю. Конечно, сегодня приедет, но с чем?!

Дождь сменился крепким западным ветром, дующим в течение всего дня, небо хотя и покрыто сл[оисто]-кучев[ыми] облаками на ¾, но [солнце] все же от времени до времени проглядывает и улыбается. В это время особенно дорогое и приятное для нас — солнце, оно и ветер все высушили! И барометр, и анероид упорно продолжают стоять низко.

С удовольствием прочел работы Пшевика: a) «Озеро Орок-нор», b) «Весенний пролет птиц на Орок-норе» и c) «Гнездящиеся и оседлые птицы отрогов Ихэ-богдо». Все три статьи написаны живо, сознательно, в них чувствуется не только знание природы, но и любовь автора к птицам, и озеру, и горам Монгольского Алтая, ко всему исследуемому им району. Особенно ценно наблюдение о горной индейке-уларе.

Ганчжуров с утра уехал за покупкой баранов, а Цэрэн правда пропал.

Гусев уложил мне ящичек с характерными образцами палеонтологических находок. По дороге — в Ургe, Троицкосавске, В[ерхне]удинске и Иркутске — покажу друзьям; кроме того, в поезде к дому, когда располагаешь свободным временем.

Постепенно, обстоятельно укладываются коллекции: и естеств[енно]-ист[орические], совр[еменные], и ископаемые.

Вечер, в особенности ночь очень прохладные. А все же мне очень надоело сидеть и ждать Цэрэна с «известиями». Под вечер я пошел с Чуфриком — маленькой собачкой — погулять вверх по правому берегу Холта, его долине, покрытой ирисами, и вдруг на полянке обнаружил интересного хомячка, которого быстро и изловил. Серовато-рыжий грызун, таким образом, попал в спиртовую банку как зоологический объект. Мне кажется, он в значительной мере заинтересует Б. С. Виноградова. Кстати, где нынче летом работает этот молодой, талантливый ученый? Ужели в соседней со мной Алашаньской пустыне, как писал об этом П. С. Михно? Цэрэна все нет и нет. Под утро я так крепко спал, что проснулся в ½ седьмого вследствие прихода ко мне в юрту Пшевика, заметившего: «А ты все еще спишь!»

8/VIII, ☉. Кстати, сегодня праздничный день, что в экспедиции никак не может привиться. В путешествии праздник — когда успех, когда дневка в прекрасном месте, когда мы достигаем цели — приходим в намеченный пункт и т.д., когда, наконец, почта, как именно случилось сегодня, около 10 часов утра, когда вдруг в нашем лагере объявился монгол-нарочный из Сайн-ноина с пакетом, направленным к нам завед[ующим] Монценкопским отд[елением] в этом богатом районе.

Наш С. В. Ленков, с трудом нанявший для экспедиции верблюдов, обязан доставить караван груза экспедиции в Ургу, но на неделю позднее, нежели я предполагал, не 11, а 18 августа.

Может быть, это будет к лучшему: к 18/VIII, во всяком случае, прибудут мои сотрудники из Хара-хото, а мне все же необходимо побывать в Ханкокшун-ула, в ущельях этого интересного историч[еского] массива. Нарочный из Монценкопа доставил мне небольшую, но приятную почту из России и даже из-за границы — Парижа. Моя чуткая, родная мне юность, молодежь меня не забывает.

Я знаю, как поживает моя талантливая ученица В. А. [Глищинская], каково настроение на Большой Пушкарской,[273] что делают в данный момент мои дети и т.д. Но так как нарочный монгол спешил с обратным отъездом в С[айн]-н[оин]-к[урэ], то, конечно, нельзя было писать многое, самое необходимое. Вместо письма удалось написать конспект и мне, и Пшевику. Получив семь писем, я все же ответил на пять писем, и еще одно было почти готовое (Л. А. А[леевой]), его также, с добавочной страницей, послал,

и вышло указанное число пять. Детям мог написать лишь одно письмо — общее. И то хорошо: я и этого не вправе был ожидать.

Номер «Вестн[ика] зн[ания]» очень содержателен. «Ургинские известия»[274] также, кстати, знакомят нас с повседневными переживаниями глухих провинциалов, заброш[енных] судьбою [в Монголию] русских. Во всяком случае, почта оставила по себе известное впечатление и заставила уйти глубже в свое «я» и в мир созерцания. Сегодня мечтою, мыслями я, по крайней мере, буду очень далеко от пустынного лагеря в Холте. Независимо от воли побываю и в уголке Гарибальди, и на Крымском Афоне, и в любимом мною Петрограде.

Счастливая мысль может в мгновенье слетать куда угодно и к кому угодно. Будут ли когда-нибудь человеч[еские] разумные существа сноситься друг с другом, если, конечно, не мысленно, не мечтою, а такими совершенными чувствами, чтобы глубокое сердечное или душевное чувство одного человека в тот момент, когда оно для другого человека чувствовалось, было бы им почти реально воспринято?!

Гусев и препарат[ор] Канаев экскурсировали вверх и вниз по долине; первый принес молодого, на взлете, степного орленка и интер[есных], хотя и немного, мух и шмелей, второй собрал жуков десятка три и то кстати — нужно докончить ящик и закрыть его.

В общем, больше всего богат и интересен будет (да и есть) отдел с ночными бабочками, которых нынче собирали так усердно, как никогда ни в одной экспедиции, в которых я принимал участие.

9/VIII, ☽. Погода никак не может наладиться: ветер и дождь или чередуются между собою, или действуют вместе. Вновь все сыро, и солнца давно нет, не только нельзя произвести астрономического определения, но даже выбрать несколько ясных минут, чтобы снять намеченные последние виды.

Начали усердно перебирать, сортировать имущество и заканчивать укладку ящиков как с коллекциями, так и [со] всякого рода вещами.

Около 2 часов дня, наконец, прибыл в наш лагерь Фил[ипп] Вторушин с целью связи с Глаголевской партией, которая скоро расширит наш лагерь.

После моего отъезда они ничего не добыли по части археологии и с большим трудом поймали единственного Salpingotus'a, предварительно его изуродовав. Строгое мое приказание, единственное, с грехом пополам исполнено!

Барометры идут вверх, но погода не исправляется, если не считать того, что перестал падать дождь. Как я был спокоен сердцем и душой до прихода харахотосцев, до сообщения о их скором приходе, и вдруг известие — письмо, что идут и, может быть, завтра объявятся, — омрачило мой внутренний мир.

Все мои спутники, за исключением К. Даниленко, по моему отъезду из Хара-хото страдали желудками. Всех сильнее, упорнее болел Глаголев; говорят, он самый слабый из всех товарищей своих по Восточ[ной] партии. Не знаю, что они сделали за дорогу, что добыли. Д[аниленко] вел съемку, Г[лаголев] — исследования по ботанике и геологии. А Коля Пржевальский чем порадует меня по части насекомых?

Ночь прохладная, облачная. Бабочек совсем не было видно, летали лишь те, которые почему-либо пристроились на житье в юрту или палатку.

10/VIII, ♂. Под утро моросил дождь; барометры поднялись довольно высоко, но еще не до верхнего предела; в воздухе как-то неустойчиво, какая-то непонятная мгла — не то пыльная, не то влажная. Тихо, но это необычно: вероятно, скоро подует ветер, угонит облака, откроет голубое небо и яркое живительное монгольское солнце, которое согреет и высушит и землю, и все, на земле находящееся.

И сегодня с раннего утра мы с Гусевым убираемся и в караван, и в свой легкий горный разъезд. Кажется, не спеша, последовательно приведем все в порядок. Мне очень важно все же ознакомиться с караваном Глаголева, с тем, что там имеется по части научных данных, что ими сделано по дороге из Хара-хото в Холт.

Между тем дождь падает и падает, давно не видим солнца, а с ним и сухости воздуха. Как-то все остановилось на одной точке. Но я думаю и надеюсь, что из такого нудного состояния наша экспедиция очень скоро выйдет: сначала снимусь я, а затем и главный караван, с которым я еще увижусь по дороге в Ургу в Уйцзэ-ване, в конт[оре] Монценкопа.

Сегодня Сухо-батыр принес мне найденную им в покатой равнине, вправо, ниже лагеря, интер[есную] кость.

Вечер, дов[ольно] теплый, дал возможность поймать около 40—50 экземпл[яров] ночных бабочек.

11/VIII, ☿. Небо покрыто тонкоперистыми облаками, чувствуется улучшение погоды.

В 8 часов прибыли наконец мои харахотосцы в полном благополучии. Так как по дороге жителей не было или почти не было, а дождь намочил аргал, то мои спутники не имели мяса и не могли добыть даже кипятка, а поэтому и чая. В полном смысле в спартанской обстановке сделали бол[ьшой] обратный путь, очень интересный (путь), со съемкой и наблюдениями географического и естеств[енно]-историч[еского] характера.

Из грызунов кроме Salpingotus kozlowi в Монгольском Алтае добыта полевка Arvicola. Из растений собрано все, что попадало под руку, преимущ[ественно] пустын[ные] и пуст[ынно]-степн[ые] формы. Геология изучалась в такой же мере, и перес[ечение] всех гор можно отметить серией образцов горных пород. Что касается истор[ических] памятников на камнях, то можно отметить следующее: а) любопытный рисунок звериного стиля с рядом людей; б) янгеры и люди на камнях у восточного подножия Ноин-богдо; в) плита рядом с обо — мани, другие, непонятные знаки.

В общем надо признать, что Глаг[олевская] партия с Хара-хото и маршр[утом] к нему и от него выполнила задание, хотя и не в такой мере, как было мне желательно. Чувствуется недостаток общего руководства, часты увлечения деталями в ущерб общему характеру дела. Но так как этот глагол[евский] материал есть дополнительный к моему первому, целому, то [можно сказать, что задание выполнено] сносно!

Сегодня у нас вроде праздника: роздан сахар, папиросы, материи. Вечером пустим последние ракеты и запустим граммофон. Будет выпито — кто пьет — по традиционной чарке, а кем-то будет скушано сладенькое, вродс консерв[ированных] груш и т.д. Усладимся все.

Вот только бы Цэрэн приехал вовремя. Ужели эта каракатица и тут опоздает!!! Вечером я выслушивал доклады о деятельности моих старших

и младших сотрудников. Значит[ельно] позднее у нас составился кружок любителей пения, и мои спутники исполнили несколько номеров своих родных песен. В заключение был сожжен последний эффектный фейерверк!

12/VIII, 2. Прекрасное, ясное, теплое утро. Провожу астрономическое наблюдение. Не знаю, удастся ли сделать полностью.

Приехал наконец Цэрэн: почты нет, верблюдов не нанял из-за перекочевки туземцев (из Хангая в Гоби), но зато привез продуктов: муки, хлеба, услад!

Пока что удалось произвести точно φ по [Гильдебрандту]; вот теперь остается одно наблюдение — вечернее солнечное время после 3 часов дня, а затем уже будем караулить [звезду] с Луной, ...*

Хотя барометры устойчивы, но заходили с[лоисто]-к[учевые] облака. На севере и СВ мрачные грозовые тучи — там гроза, гром и молния.

Туземцы располагаются вдоль долины речки Холт своими стойбищами — айль со скотом: рогатым, баранами, верблюдами и лошадьми. Вдруг большое оживление. До сих же пор мы были одни-одинешеньки. Но почему так рано монголы кочуют из Хангая? В прошлом году это явление мною наблюдалось только в конце сентября. Мне кажется потому, что нынче Гоби, ее северная часть, изобилует кормом.

Нам нужно во что бы то ни стало с приходом в Ургу иметь на руках готовый денежный отчет на 60 000 рублей с целью отослать его с К. Даниленко в Москву Н. П. Горбунову. Остальной, на сумму 26 тысяч рублей, должен быть сдан по возвращении экспедиции на место, в Центр, Москву или Петроград.

Мы живем в грозе и буре, вокруг нас сверкает молния, гремит гром, падает дождь, а сегодня в 3 часа и град величиною с грецкий орех!

Когда сойдемся, говорим об отчетности: у всех одна и та же забота — все подобрать, подсчитать и представить мне для подписи и направления с Даниленко в Совнарком. Все мы немало удивлены Кондратьевым, изъявшим из описи или собрания оправдательных денежных документов документ Горбуновой якобы для исправления и не оставившего об этом в бумагах никакого следа. Преступная небрежность! И странно, что такие люди кичатся аккуратностью. Интересно, как он поступит с недостающей, хранимой в его личном ящике, серебрян[ой] гамбург[ской] пластиной в 5 фунтов веса?

13/VIII, ♀. Ясное, прекрасное утро. Отдариваю-награждаю семью, родственную Чимит Дорчжэ; вся она — и мать, и сын — обслуживали экспедицию.

Затем я произвел целый ряд фотогр[афических] снимков: Пшевика 2 группы наших, бивак, я со спутниками у обрыва «богатого» и Гусев, Фучин, Сухо-батыр (люмьер[овские] пласт[инки]).

Теперь производится последняя укладка вещей личных, но главным образом коллекций и заканчиваются сборы в мой легкий разъезд в Хангай, к

---

* *Далее слово неразборчиво. (Прим. сост.)*

массиву Хан-кокшун-ула. Вслед за мной, спустя дня 3—4, выступит караван экспедиции. Числа 20-го или очень близко к этому дню мы должны все сойтись, чтобы вновь разделиться.

Если полпредство пришлет машину (20/VIII), то я с Пшевиком на следующий день поедем в Ургу через Мишик-гун и т.д., за нами пойдет караван экспедиции. Это будут последние шаги Монголо-Тибетской экспедиции.

В Урге надо повидаться со многими: с полпр[едом], Жамцарано, Бадмаж[аповым] и многими другими, но прежде всего по приезде надо дать работу китайцу-фотографу.

По обыкновению, в свободное время я выслушивал доклады моих спутников. Сегодня Глаголев читал мне выдержки из своего путевого дневника из разных мест, я завертывал в бумагу чучела птиц, по временам я взглядывал на листы его съемки. В общем, я получил удовлетворение. Глаголев — вполне сформированный работник-географ.

Даниленко набросал обстоятельную схему местности Хара-хото до долины Эцзин-гола, крайнего восточного рукава Ихэ-гол.

Под вечер у нас случилось приключение: наши большие псы Гуло и Гароль сцепились не на шутку, и, конечно, все мы принялись их разгонять, вернее растаскивать — ничего! Полбидона вылили воды — не помогло! Ганчжуров, всегда во всем смелый, решительный, быстро схватил Гуло за ошейник и удержал его таким образом на месте; в этот момент волкообразный Гароль рванулся вперед на недруга и, хватая его за голову, мгновенно схватил зубами за руку моего Ганчжурова и с таким остервенением зажал мертвой хваткой, что пришлось применить большую силу для расцепления пасти; в результате — у Г[анчжурова] оказался прокусанным насквозь палец.

Я собственноручно отхлестал тошуром Монгола, а хитрый «волк» удрал, но ему позже все-таки досталось. Во время кормежки этих и остал[ьных] собак экспедиции больш[ие] всегда рычат, и только под угрозой палок, с которыми стоят Фу-чин и Филипп, у них не доходит до схватки, но сегодня у обоих псов — заклятых врагов — наконец терпение кончилось, произошел бой!

14/VIII, ♄. Серое, облачное небо. Лагерь поднялся около 5—6 часов для сборов меня в путь. Мой караван состоит из 4 вербл[юдов] и 3 лошадей под верхом у моих проводников и погонщиков, в том числе и мой слуга Цэрэн едет на лошади; я и Гусев восседаем на верблюдах. У нас два больших вьюка со всякого рода манатками. Оставляем лагерь в 6 ¾ часа утра.

Вьюки и проводн[ики] с подводчиками уже держат путь по долине Холт вверх. Мы прощаемся со всеми остающимися спутниками. Ганчжуров много хлопотал и помогал левой рукой, правая — на перевязке. Пшевик заботливо советуется со мною, как быть с Ганчж[уровым] в дальнейшем. Мы с Пшевиком особенно дружески простились: мне было легко на сердце, ведь через несколько дней увидимся. Наш путь порядочный, мы делаем крюк к сев[еро]-зап[аду], тогда как караван пойдет прямо на СВ, на Уйцзэ-ван, а мы — в Хангай, на его священный высокий массив Хан-кокшун-ула.

Хорошая, сравнительно мягкая дорога все время шла по долине от Холта до перевала, вверх, к тем поперечным грядам на СЗ, которые всегда вид-

нелись на горизонте с места нашего лагеря. Наполовину этот путь был знаком для меня, я был на выходах гранитов, сильно выветрелых и обдутых, фот[ографировал] их и кэрэксуры с юго-востока. Теперь мы эти гранитные обнажения обходили с востока, они касались нашей долины; у ее края и края гранитов залегало древнее кладбище с плиточными квадратными погребениями и с обычными кэрэксурами — насыпями с кольц[евой] или прямоуг[ольной] оторочкой из камней, отдельных валунов или чаще остробоких, с голову величиной.

По дну долины местами струился прозрачный родник и в соседстве залегал богатый луг с пышным ковром голубых горечавок, шариков, красных Oxytropis'ов, желтых хохлаток и т.п., но подходившие к нам вплотную крутые желтые сланц[евые] скаты несли уже значительно беднее луговой покров, с полным отсутствием цветов. Над горами вился степной орел. В боковых распадках виднелись юрты и вблизи их стада бел[ых] баранов и других жив[отных].

По дороге, выше соленого ключа Дахэ, ютилась также одинокая, бедная юрта. Вскоре затем мы легко поднялись на мягкий луговой перевал гор, откуда как на ладони увидели прямо перед собой ближ[нюю] к нам часть Хангая со священным массивом на гл[авном] плане.

Спуск, несколько более крутой вначале, впоследствии с доступ[ной] покат[остью] успешно вел нас вниз. Впереди на изумрудных площадках мы видели стойбища монголов и их стада скота. Через 4 версты от Дахэ-дабан (до него 18 верст) мы спустились к источнику в урочище Залагэн-сучжи и тут же, на правом, приветливом косогоре, в близ[ком] сос[едстве] с юртами разбили лагерь. Сосед-монгол тотчас принес нам молока и других молочн[ых] продуктов и пообещал к вечеру изготовить тарык.

Гусев после чая, когда я писал и собирал насек[омых] — жуков, прогулялся в сос[едние] северо-восточные горы Зала[гэн], скалистые, привстл[ивые], и собрал несколько форм растений, пополнивших наш общий гербарий этого года.

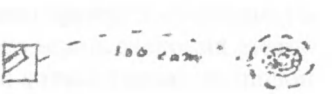
Ночь тихая, облачная, но не прохладная, тем не менее насекомых не летало, и мы превосходно проспали до зари. Впрочем, с вечера мы половили ночниц.

15/VIII, ☉. Утро почти сплошь облачное. Мы выступили на целый час раньше, нежели накануне из дома, если лагерь можно назвать домом, домом путешественника. Наш путь постепенно склонялся из СЗ в СВ и в то же время опускался на дно поперечной долины Улан-иргэ, той самой, в которой пониже мы ночевали в конце марта в передний наш путь в сев[ерную] Гоби, в урочище Уха-обо, владения нашего друга Ч[имит] Дорчжэ. Прозрачный воздух давал возможность прекрасно видеть Хангай, Хайрхан и Ашигэт-хат. Мы держали направление на ущелье Тэлэн-гол с многими ущельями слева, с запада, от восточной стороны массива Хан-кокшун-ула.

Снизу, по диагонали к нам, несся на молод[ой] откормл[енной] лошади некий лама, пожелавший знать, кто мы, куда идем и т.д., и понесся дальше.

Отрадное чувство появилось во мне при виде автомобил[ьного] пути от запада к востоку, который мы пересекли и который одной стороной, правой, убегал в Уйцзэ-ван, куда через несколько дней пойдем и мы и откуда, может быть, на «чича» тоже покатим к родине.

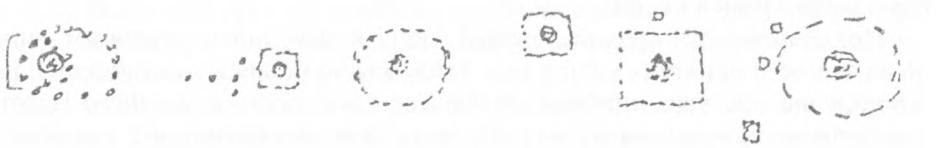
Приближаясь к Тэлэн-голу, мы стали встречать монголов, кочующих в Гоби, в наши края и южнее — на р. Аргуйн-гол с пастбищным простором. Группы номадов одна за другой виднелись насколько глаз хватало и насколько открывала долина-ущелье Т[элэн]-гол. Пестрые шумные компании, в ларях по сторонам верблюда стоят дети и

смотрят. По сторонам гарцуют с батиками* и ловко, на карьере, набрасывают на шею лошади петлю! Лихие молодые всадники — «скифы», монголы.

И тут же рядом** путник отмечает могилу наст[оящего] скифа, располож[енную] от запада на восток с промежутком в сто саженей. Затем, через несколько верст, по вступлении в Тэлэн-гол, его левый берег, мы отметили целый ряд древних могил: и типа кэрэксуров с насыпями и кругл[ыми] или прямоуг[ольными] отороч[ками], и могилы плиточные и т.д. Последние и кэрэксуры также не только располагались вдоль речки, на высокой террасе, но даже взбегали на скаты гор. Отмечены: большие, малые, круглые, квадратные, вместе, поодиночке и т.д. и т.д., много, много.

В наблюдениях, с одной стороны, за пересел[ением] народов, с другой — за могилами их предков*** скоро идет время и пространство: в 11 часов утра мы уже миновали устье ущелья Ихэ-мото и вскоре достигли на правом бе-

регу Тэлэн-гола богатой ставки (с табуном) Ч[имит] Дорчжэ. Я заехал в ожидании каравана к моему приятелю и успел с ним перемолвиться словом за чашкой чая. Меня предупредительно встретили хозяйка и ст[арший] сын-лама вне юрты, а в юрте, на кровати-диване не лежал, а сидел мой приятель Ч[имит] Дорчжэ с лицом значительно более здоровым, нежели то было в мои прежние, весенние посещения.

Не успели мы устроиться биваком в соседстве с Ч[имит] Дорчжэ, как к нам явились молодые женщины моего приятеля с тарыком и другими молочными продуктами в виде приложения. Тарык очень кстати, я его люблю с европ[ейской] приправой — сахаром и корицей.

Кругом нас зеленел ковер луговых трав с блестящим золотым узором из Pedicularis. Когда погода немного прояснела, я с Гус[евым] и с фотоаппаратом пошли на соседнюю плоск[ую] каменную вершину — команд[ующую], или долин[ный] холм, внутри укрепл[ения] лагеря и на южной стороне холма, ниже вершины, сняли плиту, гладко отшлифов[анную], серую, ее размеры: высота 5 четвертей, ширина 3¼ и толщина 1 четверть. На ней, вверху, три крупных китайских иероглифа, по-моему означ[ающие] «династия». Ниже 17 верт[икальных] строк текста, может быть, изложена история укрепл[ения] лагеря и значен[ие] его.

---

* *Батик — бадак, баток — плеть, хлыст (Даль В. И. Толковый словарь... Т. 1). (Прим. сост.)*

** Еще в долине.

*** Жалко, что облачн[ость] и мелкий дождь помешали увековечить их виды.

Мой Гусев сияет, много собирает растений, не бывших у нас в гербарии, и вдруг из верхн[его] пояса Хангая приносят пышные Gentian'ы (голуб[ую] и палевую (от посл[едней] Гусев пришел в дет[ский] восторг), пышные головки лилового лука, оригин[альные] зонт[ичные] и другие. Может быть, погода позволит завтра все это не только увидеть, но и собрать. И еще приятнее — позволит снять горные виды: скалы, лес, повторить снимок с плиты и т.д.

К вечеру небо сплошь ярко-голубое, красивое. Все по сторонам очень контрастно.

Лама, сын Чим[ит] Д[орчжэ], дважды вечером любовался в мой отличный бинокль на Луну и звезды. Мой Гусев справедливо заметил, что «его не оттащить было бы от нашей трубы».

Вечер и ночь очень прохладные: в 21 час — 4.2°C, ночной minimum 3.0°C, тихо, [облака] сл[оистые].

16/VIII, ☽. Еще накануне нами была решена экскурсия на сегодня в соседн[ее] ущелье Ихэ-мото.

Утро полуясное, тихое, росистое. После 7-часового метеорол[огического] наблюдения мы поехали втроем верхом на лошадях. Моими спутниками были Гусев и Готоп.

Поднявшись на правобережный скат, я искусился утренним видом на айль моего приятеля и снял его. Затем мы поднялись к китайской плите с надписью, где уже упражнялся Чэватор (сын моего служащего Цэрэна) в переписке надписи на бумагу. Не знаю, как он справится с задачей, но я хотел бы ее списать в подспорье к моим двум фотограф[ическим] снимкам.

Потом мы спустились на нижнюю террасу левого берега, усеянн[ую] множеством кэрэксуров, а среди последних нашли, с помощью Готопа, два лежавших на расстоянии ста саженей изображения и оба их сфотографировали. Первое — грубое изображение лица человека с усами; камень — серый гранит, высотою в 5 четвертей, шириною 2 четверти, толщиною 5 вершков; второй камень — гранитная же (сер[ая] м[елко]з[ернистая]) плита в 7 четвертей *h*, ширины в плечах — 8 вершков, в поясе — 7, при толщине камня в 4—5 вершков. Вторая фигура без головы, художеств[енно] отделана, чувствуется женщина, держащая правой рукой у груди сосуд, а левой, слегка согнутой, она оперлась на собств[енный] пояс с бляхами скифского типа, причем таким образом: большой палец пропущен под пояс, а четыре прочих, слегка согнутые, обнимают пояс сверху — снаружи. Я, может быть, поступил неправильно, что фотогр[афировал] фигуры стоя. Мне казалось, что они лежа выглядели рельефнее, в особенности большая фигура без головы, у которой я отметил левую руку целиком (лишь при лежачем положении*). Ныне на этой богатой кэрэксурами ровной камен[ной] площади монголы валяют войлока. Тут стояли юрты: и на терр[асе], у ее ближ[него] к воде края, и по самому руслу Ихэ-мотонэн-гол, на некотором возвыш[ении], у обрыва террасы. Тотчас за террасой, вверх по речке, вздыма-

---

* После снимков обе фигуры, как накануне и плита с письмом, были положены в прежнее состояние.

ется красная гора, снятая с кэрэксурами по ее восточному скату мною еще весною; с западной, точнее юго-западной стороны, у вершины, расположено совершенно недоступное человеку гнездо большого хищника, у которого кружились три Gypaetus barbatus, а один из них даже опустился и сел [вблизи] гнезда. Мы наблюдали птиц (царств[енных]), не останавливая лошадей. По-видимому, птицы не боялись, привыкли к часто проезжающим здесь кочевникам.

За «скалой ягнятников», выше по ущелью, мы любовались лиственницей, росшей на северном склоне гор, слева, а прямо перед нами тянулся почти поперечно плоский гребень массивной, главной вершины Ю[жного] Хангая — священной у кочевников горы Хан-кокшун-ула. Там имеется обо и иногда ламы совершают богослужение. Плоским, пустынным, однообразным валом залегает эта вершина Южного Хангая.

Вскоре мы достигли леса, состоящего исключительно из лиственницы, с прекрасным лугом, всевозможными пышными травами, бывшими в полном цвету. Очень ласкала глаз горечавка — синяя, палевая, голубая; затем, чудные колокольчики, целый ряд ромашковых, от белого и розового до золотых, яркая гвоздика и много-много других. Мой Гусев разрывался на части и в течение нескольких часов собрал новых для гербария видов около 70. Приятно было смотреть на доморощенного ботаника. Его лицо горело восторгом, он смотрел только на пышно одетую землю! «А зонтичные, зонтичные — какие пышные!» — восклицает Гусев.

Над цветным, душистым ковром луга везде порхали бабочки, преимущ[ественно] перламутровки и лишь изредка мелькали всегда вызывающие интерес Parnassius, которых мы изловили двух, а видели всего только трех.

Помимо бабочек, жужжали мухи, гудели шмели. Но что касается пернатых, то в этом отношении была страшная бедность: над лесом с криком носилась пара коршунов, да на опушке его перелетала по крайним дер[евьям] щеврица; только однажды из глубины лиственниц до моего слуха донесся писк синицы, и все. Выше леса, в альп[ийской] области, по камням я отметил одиночек: чекана и каменного, или горного, дрозда Petrocincla saxatilis.*

По ярко-синему небу носились красивые, светлые кучевые облака, часто закрывая солнце. Для того чтобы произвести ряд фотогр[афических] снимков, пришлось иногда подолгу выжидать для выбора подходящего момента. Я снял вид на Хан-кокшун-ула дважды: от ниж[ней] границы леса и из недр его на плоский гребень самого священного массива.

Виды на окрестность широкие, далекие, горные, долинные, луговые, каменистые — прекрасные. Просто не хотелось уезжать из леса — чистого, здорового, не опошленного человеком.

Облака таяли, синее, ярко-синее небо завладевало куполом земли, и красота получилась невыразимой.

Обратный путь сделан скорее. Я снял «скалу ягнятников», а на плите с надписями лежал, усердно доканчивая переписку, Чэватор. Дома у себя мы тотчас принялись за сортировку и укладку добытого, ценного в научном отношении материала.

---

* Сойдясь все у опушки леса, у лагеря, мы видели в 50—70 саж[енях] от нас пробегавшего волка.

Лама Лабсан-даши от нас не отходит: всем интересуется, обо всем спрашивает.

Вечером Гусев пытал счастья охотиться за ягнятником, сторожил его и трижды видел, но все на далеком расстоянии, и выстрелить не удалось. Скала так крута, розовый гранит так скользок, что Гусев, едва спустившись (на животе) с кручи, говорит: «Хорошо, что вы не видели, иначе мне попало бы».

К ночи температура опускается так низко, что о ночных бабочках, их ловле, мы уже забыли.

Minimum ночи 0.5°С, поверхность земли посеребрилась инеем.

17/VIII, ♂. Тихо, ясно, прохладно. Воздух дивно прозрачен! Тишина в горах, лишь одна речка — быстрая, студеная, прозрачная — неумолчно рокочет по каменному крутому ложу.

После утреннего метеор[ологического] наблюдения я навестил моего соседа-приятеля, побеседовал с ним. Он мне пожелал быть еще большим человеком. Вероятно, и Холт сыграет в этом отношении немалую роль! Мое обещание в свое время прислать ему книгу о моем путешествии его тронуло. Он верит в то, что его внуки будут читать по-русски такую книгу и вспомнят и меня, и моего приятеля, их деда!

В заключение Ч[имит] Дорчжэ получил приветственный подарок — кусок превосходной золотой парчи и ряд золотых подарков: кольцо с камнем, браслет и подвеску. Его дворня — многочисл[енные] женщины, девушки, внуки — все получили по серебр[яному] доллару каждый. Все были довольны, приветливы и радостны и проводили меня до моего лагеря. Из всей семьи лучший член — это сам Чимит Дорчжэ. Это впечатление навсегда у меня сохранится, такие люди в Монголии редки!

Прощаясь со мною, Ч[имит] Дорчжэ сказал: «Как я рад, что Холт сохранился в неприкосновенности до Вас! Получили ли ответ на Ваше известие об этом и т.д. и т.д.». Я крепко пожал руку моему приятелю и сказал: «Всегда буду помнить тебя как друга!». У Чимит Дорчжэ поволока закрыла глаза, я с грустью вышел, не надеясь больше встретить его когда-либо.

В девятом часу я с Гусевым и Чэватором укатили на ЮЗЮ, в ущелье Бага-таргиль Хан-кокшун-улы, к зубчатому гребню из розового гранита, к глыбам отторженцев и превосходному, хотя и небольшому участку леса, кустарников и пышных трав. Лошадей оставили у опушки, а сами в течение 5 часов непрерывно экскурсировали, по разу возвратившись на бивак. Погода вполне благоприятствовала нам, и мы с наслаждением экскурсировали, изучали горы, их растит[ельную] и животн[ую] жизнь. Здесь было все, что и в Ихэ-мото, но прибавление вышло порядочное по части растений — 23 вида. Тут немало кустарн[иковых], пышные зонтичные и другие. Я изловил 13 экземпляров аполлонов, 10 темных некрупных бабочек, порядочно других мух, немного шмелей; Гусев также удосужился поймать 3 Parnassius'a и несколько мух (хотя и без сачка). Мы оба очень довольны — ведь это последние прекрасные дни среди дикой, чистой матери-природы.

Птиц для наблюдений прибавилось немного: Otomela, Ruticilla и пеночка — и только. В заключение, прощаясь с лесом, скалами, полянами с Parnassius, я снял один из таких видов. Прощай, синий, интересный, богатый Хангай, прощай! Всегда с удовольствием вспомню тебя и улыбнусь!

Всегда скажу тебе, холодный красавец, отец Орхона, большое спасибо, что показал твои тайны!

Гребень Хангая, в частности Х[ан]-к[окшун]-ула, имеет в виде стенковых отдельностей, невысоких башен розово-гранитные большей или меньшей мощности выходы.

Едва я вернулся из экскурсии, как тотчас ко мне пришла красивая жена Готопа — сына Чимит Дорчжэ — и принесла хорошего, вкусного тарыка. Это приношение третье, ежедневное!

Из всех молочных продуктов монголов я люблю только тарык, притом из цельного молока. Тарык хороший я ем с удовольствием, конечно при условии наличия сахара и корицы. Сегодняшний тарык был вкуснее, сметаннее предыдущих. Полагаю, что это по случаю подношения семье Ч[имит] Дорчжэ новых богатых подарков.

Назавтра место стойбища Ч[имит] Дорчжэ и нашего лагеря освободится, снимемся оба.

Ночь ясная, прохладная: в нашу открытую палатку неоднократно пробирались незваные посетители — монгольские голодные собаки и каждый раз будили, нарушали сон. Рядом со мною, с моею постелью, на такой случай лежала моя нагайка, а у моего соседа — кучка камней. Иногда мы оба враз задавали вору, и он, как тень, молча исчезал. А то ночью же подходил вплотную к двери палатки с наклонен[ными] рогами як и, пристально всматриваясь, порывался атаковать цаган-майхан. Этому «господину» Гусев ловко влепил в башку. От такого удара як мгновенно исчез и больше не появлялся. Но собака — вороватая, голодная — навестила нас внутри палатки вторично. При такой обстановке не очень выспишься, а вставать приходится рано. В горах превосходно спится и аппетит ужасный, самому совестно, сколько поедаешь мяса, а мои спутники — молодые! При этом я невольно вспоминаю изречение на этот счет Н. М. Пржевальского: «Ну и жрут же мои казаки, по целому барану в день!» — и готов сказать то же самое!

18/VIII, ☿. Тихое, ясное утро, луг посеребрен инеем, даль безгранична, гребни гор на ярко-синем фоне неба очаровательны. Действительно, и айль соседа, и наш лагерь оживились с первыми лучами солнца.

Между нами находится табун лошадей — наблюдаешь воочию жизнь степных коней. У нас все готово. Идет Готоп Дорчжэ попрощаться и принести лучшие пожелания.

В 6 часов 30 минут мы в пути — сначала немного вниз по Тэлэн-голу, а затем вьючною или верховою тропою идем на восток, в ущелье, наперерез многим отрогам гор.

Характер гор приветливый, богатый пастбищами; внизу виднеются старые стойбища, где травы особенно пышны. Через 8—9 верст пути разделились: один ушел на СВ в Сайн-ноин-курэ, другой продолжал держаться прежнего направления — на восток и вскоре взбежал на перевал Батэриндабан, открывший далекий вид на восток, куда устремлялась долина с реки Ихэн-хубу. Этот маршрут направляется в друг[ой] монаст[ырский] пункт — Уйцзэ-ван-курэ.

Отмеченная речка вскоре слилась с другой, пришедшей слева, с СЗ, под названием Шибэрты, и они образовали новую, большую, гремучую, прозрачную [реку] Уртон-гол, по которой мы шли все остал[ьное] время и ос-

тановились лагерем. По пути мы встретили компанию монголов с одним мол[одым] служ[ащим], монголом же, одетым по-русски, наполовину в военном, [в кителе] с петличками, как у китайцев.

Птицы показывались только хищные: степной орел, орел горный (fulva) и пестрый, сильный, типа беркута, похожий по белизне в крыльях и хвосте на Buteo.

Горы, и на севере и на юге, высокие, в гребнях скалистые (роз[овый] гранит); по северному склону скалистее, нежели по южному. По северному стоят матрацы, оригинальные: огромная округлая глыба наверху, спускающаяся восточным концом в пространство (как цеппелин). Многое по дороге просилось на фотографию. Но я не мог себе позволить этого. Экспедиция близится к концу, и фотогр[афические] запасы иссякают.

На р. Уртон-гол, в Урт[он]-ама, пройдя 25 верст, мы остановились лагерем. Нам предстояла на сей день еще экскурсия на ССЗ, за 7½ версты, на горячие ключи — Хурумтэн-халюн-усу, куда мы — я, Гусев и проводник Мьямбо — верхом на лошадях, после чая и цзамбай-гурил, направились. Горячий ключ с t в 55.5°С в целом очень интересен. Помимо ключа целительного вокруг раскинулось огромное древнее кладбище кэрэксуров. Все это в широкой долине, вблизи южной подошвы высоких гор с обо. Долина поката в северном направл[ении], а потом и в восточном и юго-восточном, куда и убегают воды.

До отъезда на гор[ячий] ключ у места остановки мне удалось днем подстрелить тушканчика (Dipus), который сейчас же был прорезан в [нескольких] местах живота и опущен в банку со спиртом.

Итак, после чаепития и завтрака я с Г[усевым] и проводн[иком] отправились верхом на конях на ключи. Дорога шла на ССЗ через горную гряду красн[ых] гранитов, теряющуюся в общей долине с восточной Даэргэн-гол. Почти столько же, сколько мы поднялись, настолько и спустились вновь к той же долине, имевшей заливное углубление, слегка покатое, на котором издали зеленел луговой оазис со скотом и юртами, и обообразным возвышением. Это и было место — гор[ячий] ключ Хурумтэн-халюн-усу.

Долина обставлена высокими горами, увенчанными обо. Выделяющиеся горы — массив на ЮЗ — мне назвали Асцэн-хайрхан с профилем: Гор[ячий] ключ по выходе пахнет сернистым водородом, затем этот запах утрачивается, вода приятная на вкус, очень прозрачная. Тут же расположены целител[ьные] каменные ванны, размерами приспособленные для купанья (сиденья) одного человека. Таких ванн 10, четыре действовали, в них купались ламы-монголы. Эти ванны были прикрыты маленькими войлочн[ыми] палатками, прочие шесть стояли открытыми; t действовавших ванн такова: 27.7°, 34.2°, 43.7° и 31°С; t стоявших открытыми: 37.0°, 37.9°, 26.8°, 47.8°, 41.1°С. К ваннам направлены желоба-канавки для наполнения их свежей водой.

Ниже ванн общий теплый ручей, из которого (дополнительного) берут воду для еды и питья и в котором на моих глазах монголка соседней юрты полоскала белье. Окрестная, ближ[айшая], площадь каменистая, в ней выступает вода (более или менее теплая); тут, говорят, много змей лежат, свернувшись в кольца (в жаркую погоду). Мы старались найти хоть одну из них — напрасно. Цветк[овых] раст[ений] не было, насекомых также, а из птиц — одна только комп[ания] турпанов.

У места выхода ключа построен (сложен) из плиточных и других камней жертвенный престол, а перед ним красуются бурханы и мани, высеченные в камнях, на каменных плитах. Одну такую поврежденную, но интересную плиту с надписью я снял; другой вид — общий, с субурганом.

Субурган — в стороне, к западу, на возвышении, в расстоянии 60 шагов от ключа. Будущий исследователь должен уделить району с горячими ключами и древнему кладбищу большее внимание.

Мои же наблюдения на этом и оканчиваются. Анероид даст нам *h* местности.

Вечер тихий, прохладный, сухой. Ни мух, ни бабочек-ночниц не летало. Мы рано уснули.*

19/VIII, 2. Тихое ясное утро; с восходом солнца наш караван пошел на Уйцзэ-ван восточным курсом.

Вначале мы пересекли широкую долину, в западном и северо-западном углу которой распол[агались] горячие ключи, в ее середине, в виду высоты-горы Абцэг-хайрхан. Долго шли к отд[ельно] стоящ[ей] горе Арбэн-хирэн-тологой. Корм превосходный, в соседстве домашнего скота паслось стадо, голов в 200—300, цаган-цзэрэ, державшееся свободно, не пугливо; рядом, в стороне, белела крупной точкой дрофа. С высоты, у подножия Ар[бэн]-хир[эн]-тологой, открывался безбрежный простор на долину Даэргэн-гол, которую мы оставили и вступали в горы, на восток уходящие к Уйцзэ-вану. Пересекая отроги и долинки-ущелья, то сухие, то с источн[иками] (двумя), и описав дугу к СВЮ, мы руслом подошли к монастырю, жившему в это время праздничным настроением. Кругом виднелись палатки (кукумайханы), юрты, между ними гарцевали пестрые, в нов[ых] нарядах монголы, монголки, ламы. А вот и сам монастырь, и его праздн[ичное] убранство, а там, ниже — торговая колония: китайцы, монголы, русские, буряты. Вступаем в здание Монценкопа — тут уже имеются письма и посылки, но не из Урги, а только из Сайн-ноин-курэ.

Тут же я получил подтверждение** о приходе каравана экспедиции в У[йцзэ]-в[ан] и о том, что он разбил лагерь вдали, на речке Онгиин-гол: что накануне в Монц[енкопе] были два моих спутника и т.д. Тут надо было отдохнуть, осмотреться, поговорить с соотечественниками, проч[итать] номера газет.

Позднее ко мне прибыл Д[аниленко], и мы после обеда у гостепр[иимного] Ш. отбыли домой, в лагерь. Здесь все благополучно. Моему Пшевику сегодня исполнилось 34 года, я ей, кстати, привез вкусненьких усладенек, заедочек.

Голова шла кругом от всех своеобразных впечатлений!

Подул холодный ветер, пришли облака. Ночь холодная, полуясная, дала отдых, покой.

---

* Вблизи нашего лагеря, на косогоре, монгол тренировал лошадь на бега: быстро скакал вокруг кам[енных] могил.

** Впервые я узнал, что мой караван выступил из Холта 17 августа, на ночевке — в Уртон-ама.

20/VIII, ♀. Встал позднее 6 часов, солнце осветило всю долину Онгиин-гола, наш белый лагерь. После чая все заняты своим делом: кто ушел с руж[ьем] на птиц, кто сушит растен[ия], кто переб[ирает] имущ[ество], а я строчу эти строки и слышу гудение мотора: бежит машина в Ургу с тремя дочерьми служ[ащих] Монценкопа. Их провож[ают] родит[ели], Таликов и предст[авитель] Монценкопа, которые все, проводив отъезж[ающих], навещают меня. Сидим за чашкой чая, беседуем. Слышим выстрелы Пшевика, внизу шумит Онг[иин]-гол, особенно громко утром и вечером, в нем выс[окая] вода — по стремя лошади. Машина быстро проскочила и помчалась на вост[ок]-сев[еро]-восток.

Надо побывать на празднике, надо повидаться с предс[едателем] Мал[ого] хуралдана Гэндэном, надо снять кэрэксур. Нужно готовиться в дорогу к Урге. Если сегодня не придет машина за мною — я поеду с караваном, авось встречу автомобиль, кстати Онгиин-гол останется уже за нами.

После обеда я с Ганчж[уровым] направился в курэ. У холма, с ЮВ—ЮЗ, располож[ены] кэрэксуры. Много встречного люда, пестро, по-праздничному одетого, следуют взад и вперед. Вот двое монголов в карьер едут прямо на нас, на всем скаку, один — в красном — вылетел из седла от того, что лошадь ковыльнула, попав ногой в нору, и покатился по камен[ной] равнине. Как ужаленный, понесся конь, быстро сбилось седло под брюхо, отчего он начал описывать волну и бить задними ногами, и только через версту он освободился от непр[иятной] ноши.

Несчастный, с окровавлен[ным] лицом всадник тяжело плелся с седлом в руках, а конь был изловлен его товарищем.

В курене мы видели борьбу монголов, отличившиеся получали в награду шляпы. Мимо нас прошел [в] 4-взводн[ом] построении (в 8 кон[ей]) кавал[лерийский] дивизион в 300 солдат. Сигналы отдавались раковиной (монастырской) и в рожок, команды — по-русски. Цирики были одеты в свое национальное одеяние (с саблями через плечо).

Затем я снял общий вид монастыря Уйцзэ-ван-куре (с ЮЗ на СВ) на фоне холма. Монголы разъезжались с праздника по своим айлям. А мы посетили сначала Монценкоп, отдали пакет с фотогр[афиями] торгоут-гунов для отправления по назначению через посредство тамага в Сайн-н[оин]-курэ. И Монценкоп, и «Шерсть»[275] я просил в случае появлен[ия] автомобиля за мною гнать его в шею вслед каравана экспедиции, с которым я направился в Ургу.

Вечер, собрание монголов, преимущ[ественно] молодых, во главе с предс[едателем] Мал[ого] хуралдана Гэндэном я посетил вовремя. Оно состоялось в оригин[альном] здании — доме-юрте «Шерсти». Таликов был пьян, с трудом держался на ногах.

Мое появление было шумно встречено: Гэндэн, мой старый знакомый, сразу разжег собрание кратким, но сильным словом. Все объединились приветствовать мое возвращение из путешествия с большим успехом. Это первое приветствие еще в самой стране, чуть не центре моих изысканий. Я искренно был тронут и сказал несколько теплых слов в честь монголов, и главным образом в честь Гэндэна, который ½ года тому назад очень много помог мне в Сайн-н[оин]-курэ.

Странно, что этот общ[ественный] деятель новых взглядов выручил меня прекр[асной] бумаг[ой] для печатания оттисков негативов. После моего

слова вновь сказал бол[ьшую] речь Гэндэн. Смысл ее таков: среди нас нахо[дится] большой человек и большой ученый Козлов. Он лучше всех знает не только нашу Монголию, но и З[ападный] Китай, В[осточный] Турк[естан] и дал[екий] Тибет. Свет Козлова освещает нас. Его книги наши внуки будут читать на родном языке. Заслуги Козлова надл[ежащим] образом оценит наше будущее поколение. Но мы все счастливы, что видим Козлова среди нас, слышим его живое слово и никогда сег[одняшнего] дня не забудем! Ура! Я ответил кратко: «Серд[ечно] благодарю за внимание, за ласковый привет; он дорог особенно потому, что он первый и в той самой стране, в которой экспедиция работала. Этот первый привет я не забуду и скажу о нем и в Урге, и в Ленинграде, и в Москве — сердце России».

Речей говорилось много, еще больше было выпито кумысу и водки (российского изготовления). Среди [речей] монголов отрадно было отметить симп[атичное] слово русского студ[ента]-ветерин[ара] IV курса (Омск) С. П. Малокотина. К этому времени меня сменил в собрании Глаг[олев], а я отправился домой. До лагеря нашего 8—9 верст. Ко мне подпарился мол[одой] монгол, ехавший с праздника, с которым я доехал до самого нашего бивака, где были только что приехавшие из Урги двое ветеринаров — Бенерацкий и южн[ого] типа молодой человек по имени...*

Я возвратился домой в сумерки, в компании со случайным молодым монголом, айль которого приходился вниз по Онгиин-голу, верстах в 4—5 от нашего лагеря.

Еще подъезжая к лагерю, я видел мелькание огней-фонарей машины, в полной уверенности, что это автомобиль, тот, которого мы все так нетерпеливо ждем. Но нет — это монгольское Ветерин[арное] управл[ение], в которое едут гасить чуму д[окто]р Бенерацкий и молодежь. От них мои спутники узнали, что в Мишик-гуне находится Онищенко, направл[яющийся] сюда и далее в Цэцэрлик для установки контакта в работе по торгпредству.

21/VIII, ♄ и 22/VIII, ☉. Замечено в продолжение этих двух дней и продвижения на СВ на 67 верст от Онгиин-гола, что с удалением от Хангая сухость увеличивается, t вообще поднимается, слоистые облака нередко укрывают все небо, в особенности по вечерам и ночью, но до дождя не доходит: от 9—10 часов утра до 2—3 часов дня небо иногда бывает совершенно открытым и чисто-голубым.**

Общий характер местности — горно-степной, к северу тянутся в широтн[ом] направлении те же самые горы, нередко очень значит[ельные], которые мы в прошлом году, идя к Хангаю, наблюдали в их северных склонах, более скалистых и более внушительных, тогда как их южные скаты значительно мягче, ниже или более пологи и продолжительно спускаются в ближайшие лога. К югу местность выравнивается. В глубоких логах, поперечных нашему пути, отрадно зеленеет луговая растительность. Тут источники, тут и колодцы, кочевники не у дороги, а в некотором от нее отдалении, выше или ниже.

---

* *Далее оставлено место для имени. (Прим. сост.)*

** Сегодня, переправ[ляясь] через Онгиин-гол, ко мне подъехал с одн[им] из ветеринаров мой приятель Чойнбиль Дорчжэ.

При воде и лучшей растительности ютится, конечно, и животная жизнь — млек[опитающие] и птицы. При колодце Дэрт-худук добыта интересная полевка Arvicola, а из птиц — Pratincola maura, вероятно пролетный чекан. Птицы вообще начинают двигаться к югу: кроншнепы, сер[ые] цапли, плиски и даже маленькие пеночки, а также и индийск[ие] гуси. Немало степных орлов.

По возвышенностям лежат серые или розоватые граниты многих видов, до порфиров включительно, в виде простых и сложных, высоких и низких матрацев. Поверхность усыпана гравием, который издали скрыт зеленым лугом. Пышен дэрэсу. Ботаник Глаголев на пройденном расстоянии отмечает около 30 видов растений (все имеются уже в гербарии), корм хороший.

С вершин высот попутных сегодня, 22/VIII, мы видели на севере, в ущельице, небольшой будд[ийский] монастырь Дархэн-хит. Там, вероятно у источника, отрадно зеленела лужайка, к востоку от кум[ирни] ютилась или час[овня], или субург[ан], или обо, но непременная принадлеж[ность] или дополн[ение] монастыря.

За тарбаганами усердно охотятся монголы, по утрам кругом слышна их стрельба.

Вчера мы прошли 32 версты, сегодня — 35 и разбили лагерь у самого обелиска, а моя палатка — у могильного холма, густо поросшего дэрэсу. Обелиск около 1 сажени в высоту, широкий, без следов орнаментации или письма.

Вследствие сухости источники все пересохли, колодцев с водой, расположенных по дороге, вообще мало. Второй раз мы стоим при дороге вдали, до 1 версты, от воды, которую привозим на верблюдах.

Сегодня я убил степного орла (по дороге, в выходах гранита), а Канаев — вьюрка, пеночку и индийского, или, правильнее горного, гуся. Луга все еще зелены, и осени не чувствуется. Елизавета Владимировна и на сегодня отличилась: к двум экземплярам вчерашней бол[ьшой] полевки (Arvicola) она прибавила столько же другой — маленькой формы. По-моему, и та и другая очень интересны. Не удивлюсь, если один из этих видов окажется новым!

Вечер очень теплый, сухой, со светом Луны, поэтому ночных бабочек не было. После длительных переходов мы устаем и в 9 часов вечера отходим ко сну, так как встаем в 4 часа и в новый поход!

23/VIII, ♂. И сегодня по прекрасной дороге, среди мягких луговых увалов двигались успешно. Погода отличная — ясная, теплая, кочевников и воды больше. Пройдя 7 верст, в том же северо-восточном направлении, на юг, в 5—6 верстах, увидели будд[ийскую] кумирню Цзойлин-сумэ — небольшую, небогатую, с одним лишь храмом, посвященным имени бодисатвы, с 150 ламами, исповед[ующими] учение желтошапочников.

На этом переходе местность сильно пересеченная, с более глубокими логами, с озерками и зеленью. В местности Гэлэн-хошу или Бурла-хошу я вновь сфотографировал каменного человека рядом с Д[аниленко] для масштаба. К[онстантин] К[онстантинович] набросал прав[ый] бок — часть ремня-пояса хун-чулу с огнивом и орнамент на плите, прислоненной к этому изображению. Теперь у нас имеется достат[очно] рисунков для определения этого редкого по сохранности хун-чулу. Осторожно, оберегая голову кам[енного] изваяния, — это святость, реликвия, на которую молятся монголы — возлагают

хадаки и одеяние, а хулиганы вставляют в рот (вернее, прикрепляют ко рту) папиросы, зерна риса, пшена или сахар.

Хун-чулу вблизи автомобильной дороги, вправо или к ЮВ, с рядом кам[енных] плит, убегающ[их] на восток. Пройдя долину, мы втянулись в холмы, приблизившись, таким образом, к гранитной высокой гряде, за высшим перевалом которой, южнее, мы достигли отрадного источника с розовыми скалами, с богатой, пышной растительностью, с прекрасной водой. На сегодня переход малый — всего 26 верст. Препараторы и сам орнитолог — Елизавета Владимировна — экскурсировали за птицами (бекас, мухоловки, завирушки (?), пеночки). Николай (Коля) Пржевальский бегал за насекомыми с сачком: изловил нескольких жучков и мух.

Сегодня у нас в лагере гость — соотечественник А. И. Мясников на пути в Мишик-гун из сумэ, только что описанного, на прекрасном коне, на котором сегодня же прибежит в Миш[ик]-г[ун] (60 верст). С ним я послал письмо и офиц[иальную] бумажку на имя Онищенко с просьбой оказать содействие к доставлению меня на машине в Ургу. Может быть, Онищенко в Мишик-гуне? За его отсутствием поручил Мясникову просить о том же моего приятеля Н. И. Бармина. Авось, что-нибудь и получится: не Бармин, так Тараканов, надеюсь, помогут мне.

Глаголев и Гусев по вечерам, да и днем, приводят в порядок денежный отчет. Сколько с ним хлопот, возни из-за того, что сменялись мои заместители, не приведя их в должный порядок: один — по неумению, незнанию, другой — по халатности.

Андрей Сим[уков] стрелял в скалах, по ручью, в результате — ноль.

Памятники — кэрэксуры — продолжают попадаться небольшие — круглые или квадратные — по ту и другую сторону перевала, на скатах гор.

Вечер хороший, Луна картинно озарила наш лагерь и ущелье со студеным ключом. Глубокие тени у скал и бивака придают таинственность, располагают вместе с Луной к созерцанию; такие вечера всегда будут манить к себе и мое бренное тело, и мою душу номада.

24/VIII, ♂. Серое, сплошь облачное утро, прохладно. Вьючка идет быстро; выступаем, как и вчера, ранее 6 часов утра. Идем успешно. Местность пересеченная. Пройдя около 1½ версты, отметили справа у дороги высокий круглый кэрэксур. Перевалы открывают широкие виды-панорамы, между горами — долины: большие, глубокие, с водой в виде озерок, болот и т.п.

Именно со второго перевала я увидел такую картину: поперечно лежит долина озер, которая и заставила нас держаться авт[омобильной] дороги — описывать огромную дугу на ЮВ, прежде нежели следовать должным направлением к СВ. В этом заливе ютилось много монгольских стойбищ.

В этом же месте мы встретили первую машину (английскую) после Уйцзэ-вана, шедшую далеко на запад. К сожалению, недолго побеседовали с пассаж[ирами] о насущных вопросах. По части машины для меня они ничего не сказали. Как жаль, что [их] машина ночевала в 12 верстах от нашего лагеря, а как было бы интересно [находиться] вместе: тогда бы я успел просмотреть «Известия» Центра, а так пришлось лишь на страницы взглянуть и кое-что, по заголовкам, пробежать, например: «Упэй-фу в Пекине». Все это имело бы смысл после ознакомления с известн[ыми] вопросами более подробно.

Впрочем, скорбеть не о чем: скоро и мы будем в Урге, у источника новостей, скоро получим и письма, и газеты, и журналы, скоро окунемся в повседневность и вновь пожалеем о наших лучших страннических днях, пожалеем очень о свободе и просторе девственной Центральной Азии.

Кажется, я останавливался со встречным автомобилем недолго, а между тем караван наш ушел далеко-далеко; исподволь его пришлось догонять долгое время. Тем временем Канаич поохотился на длинном озере на пестрозобых песочников и убил их три штуки. На поверхности плавали гуси горные, утки-кряквы, во множестве турпаны, а из голенастых, кроме отмеч[енных] 3 песочн[иков], препаратор видел нескольких улитов, чибисов и т.д.

Через несколько верст дальн[ейшего] движения мы вступили в любопытную местность с полем матрацевидных гранитов, обдутых, обточенных, сглаженных наиболее рельефно со стороны господствующих ветров и бурь в стране — с сев[еро]-сев[еро]-запада и запада.

Как льдины в Ледов[итом] океане, среди водной пустыни держатся разбросанно выходы гран[ита]. Общее поле их уходит южнее Тармцыка, как раз в ту зону, которую я отчасти пересекал и наблюдал в мою экскурсию к «знаменитым» монгольским письм[енам] на диабазовых скалах, стоящих островом-включением в общем море гранитов.*

Удивительно монотонный характер пройденной местности, вплоть до источника Шанэг. Говорят, да оно так и должно быть, что назавтра нам остается до Мишик-гуна совсем недалеко, сравнительно, конечно, с таким переходом, как сегодня — в 37 верст!

Между прочим, на этой стоянке была поймана пестрая полосатая змея Anc[istrodon] halys — очень обыкновенная в Сев[ерной] и Центральной Монголии, но мы этим экземпляром не воспользовались, потому что в коллекции нашей их совершенно достаточно.

Вечер и ночь облачные, мы спали крепко и на заре след[ующего] утра, по обыкнов[ению], поднялись.

25/VIII, ☿. Бр-рр, как неуютно: ветрено, облачно, холодно! В 6 часов утра караван экспедиции в пути, у гор, пересекая кам[енные] гривы, отроги, вдавшиеся в равнину. Вскоре, начиная от самого бивака, отмечаем первый кэрэксур — круглую, высок[ую] насыпь; через версту — второй и почти на меридиане с ним, к северу, в 1 версте, третий. Горы вскоре оканчиваются, спускаемся в покатую долину, с перевала видим Мишик-гунэкурэ. Желание скорее прийти на место увеличилось. Оставив караван следовать прямо на Нарини-худук, я с Пшевиком взяли направл[ение] к северу, т.е. строго восточное, и вскоре достигли колонии соотечеств[енников], торг[овых] фирм Монценкоп, «Шерсть» и т.д. Одни из моих знакомых были на месте, другие уехали временно или совсем, иные — сюда перекочевали, словом, мы отметили соврем[енное] состояние этого пункта.**

Пока мы навещали знакомых и попивали чай с очень вкусным печеньем, к средним воротам (Натяганова) подкатил автомобиль, изъявивший согла-

---

* На гранитных выходах мы опять видели сычика.

** Я был очень доволен приезду ко мне моего прекрасного проводника к «знаменитым» письменам Вачира.

сие доставить меня в Ургу! Моя мечта осуществилась. Мои спутники быстро, умело изготовили мой автомобильный багаж пудов в 25, с местами ценными и нужными мне тотчас по приезде в Ургу, и перевезли их на трех вьючных верблюдах в торговую колонию и даже сами уложили с помощью шофера в машину. Из собак мы с собою взяли нашего маленького Чуфра. Такова его судьба быть вместе с нами. Интересно, что Чуфр вместе со спутниками нашими отправился в лагерь экспедиции, но поздним вечером вдруг возвратился к нам, пробежав сначала степью, а затем и через кордон многочисленных монцеен[оповских] собак.

Наши соотечественники нас приютили, угостили и успели перемолвиться с нами кое о чем. Вопиющее зло в Монголии — монополька, юрты-кабаки. Не покупают водки только состоятельные монголы, так как у них в достатке и кумыса, и самогонки, но средняки и бедняки пьют напропалую, «до последней лошади пропивают»!

Монгольскому правительству надлежит обратить внимание на это зло!

Итак, с ночи у нас все готово в дорогу. Погода отличная — ясная, прохладная.

26/VIII, 2. Мы встали с зарею, а в 6 часов утра уже помчались к родине! Каким уютом показался нам автомобиль, его удобства, мягкость, плавность и быстрота движения.

Замелькали вблизи знакомой дороги урочища, ручьи, разрушенные матрацевидные граниты, и открывались последовательно цепи гор на СЗ, север и СВ; все, что тянулось на юг, — тонуло во мгле.

Мысли и думы сменяются: вместе с караваном в Монголии они чередуются с мыслями нового характера, с мыслями о России. Первые уступают место вторым. Долина и горная цепь одна за другой сменяются новыми видами; дорога прекрасная, иногда идем со скоростью 50—60 верст, нигде не останавливаясь. Лишь один раз сменили покрышку (впрочем, не на этот раз, а в поездке уже из Урги в Суцзуктэ, с профессором-китайцем Юй-Южень — археологом, схавшим из Москвы в Китай). Даже не пили чая и только в сухомятку съели черствых фушо, состряпанных нашими экспедиционными поварами.

Наши шоферы везли нас лучшей, верхней дорогой, южнее Сангина. Сангинский уголок мелькнул нам только издали, а за ним ярким белым узором на зелени пестрел лагерь цириков. Спуск к мосту, холодная, прозрачная Тола, недавно бушевавшая, надменная Богдо-ула с некрасивыми обгорелыми пятнами, Гандан и вся Ургa с дворцами Богдо-хана, блестевшими золотом, — все развернулось перед нами, все слилось в яркую, пеструю картину, отразившую смешение В[остока] с Западом. А автомобиль катит и катит, несется, что есть мочи, боясь опоздать в таможню. А вот и она, кормилица монгольского правительства, содержательница всех новых начинаний монголов и т.д. Она в новом месте, на окраине города, преобразилась — имеются даже с постройки из камня русской архитектуры.

И в этой таможне, во дворе, много русских, провожающих два автомобиля с отъезжающими на родину, в Центр. Тут мелькают знакомые лица: неизм[енный] Волоссович — инструктор, лица друзей: Маршалла, всей семьи Шастиных, ветеринаров, редактора Калинникова и многих других, словом, чувствовалось, что о приезде нашем из степи сразу все осведомлены. Привет-

ствия, спросы и расспросы, прощания с отъезжающими не дали возможности торопить таможню. К тому же любезный Волоссович все делал, чтобы с нами монголы поступили корректно. К нашему автомобилю подошел один лишь цирик, потребовавший бумагу. Старая монгольская грамота разрешила все формальности, и мы благополучно понеслись в полпредство. А. М. Соловьев приютил нас своем уголке, а вечерком накормил и напоил вкусным чаем в теперешнем доме. У себя дома мы читали немногие письма, газеты, журналы. Ночь мелькнула быстро-быстро, а ночь лунная, звездная.

27/VIII, ♀. Навестив полпредство ранним утром (благо оно начинает работу с 8 часов), я поспешил к моему китайцу-фотографу. Этого я желал больше всего в Урге. Так хотелось скорее получить результат моих фотограф[ических] снимков в центре Гоби и в дороге при последних шагах экспедиции. Подвернулась машина — и я у фотографа, а затем у парихмахера, где встречаюсь с Маршаллом, который и увозит меня сначала в Учком к Жамцарано,* а затем к себе, обедать.

Удалось на 10 минут заглянуть и к Ц. Г. Бадмажапову, установить с этим другом связь.

Второй вечер в Урге проведен нами с большим удовольствием у друзей Бурдуковских. Симпатичная Марфа Александровна — лучшая хозяйка в Урге — угостила нас отменными заедочками.

И опять ночь тихая, ясная, прохладная; соседка-гора завораживает красивой мечтательной таинственностью, понятной только истым буддистам, погружающимся в созерцание.

Забыл сказать, что утром, между прочим, удалось получить из торгпредства два пакета с письмами, печатной фотографической бумагой, журналами и газетами. Страшно приятно и радостно все большее общение с культурными знакомыми, друзьями.

28/VIII, ♄. Раннее солнечное утро, голубое небо, почти осенняя прохлада, день необычайный по своей программе для меня. Я приехал и имел полное основание на отдых, как вдруг ранний привет Жамцарано с предложением показать китайскому профессору Юй-Ю-женю (археологу) ноин-ульские памятники старины — курганы на месте. Попив наскоро чаю, я воспользовался попутной машиной и совместно с китаистом поехал к фотографу. Мои снимки меня порадовали — восторг да и только! И среди первой серии оказались очаровательные виды, [такие] как каньоны в Битютэн-ама, вид от источника Гашун-шатдэ на Орок-нор и вид на вершину Хан-кокшун-ула с лиственницей на первом плане у нижней границы лесной зоны.

Китаец-китаевед, рассматривая все это, главное внимание сосредоточил на снимке с надписью на плите, на китайском языке, с любопытной историей, со сказанием о прекрасном городе, следы которого мною изучены, о городе XIII века, находящемся в глубине Монголии, у восточной подошвы священной вершины Хангая — Хан-кокшун-ула. Не мог я отдаться целиком

---

* С Ц. Ж. Жамцарано я всегда рад свидеться. Передал ему копию надписи на плите; в компании с китайцами он справится с нею и, как и монг[ольские] письм[ена], отлично переведет на русский язык.

вдумчивому рассматриванию интересных негативов: над моей душой стоял китаец, с ним я отправился к археологу Юй-Ю-Женю и там решил поехать в Суцз[уктэ].

Во втором часу дня по большому тракту покатили две машины за Суцзуктэ, по прямой дороге через Дадахэн в Цзун-модо, где нашли обычный приют у Кузнецовых.

Юй-Ю-Жень сидел со мною в машине, я отделен был лишь одним переводчиком, молодым человеком, воспитывавшимся во Франции и России и знакомым с двумя этими языками. Второй автомобиль составляла свита Юй — молодые китайцы, один из которых говорил на монгольском языке; всех же китайцев было восемь человек.

Погода стояла отличная, ясная; ночь в горах Суцзуктэ особенно красива.

29/VIII, ☉. Немногим позднее 7 часов утра я с китайцами отправился в Суцзуктэ по той же дивной горно-лесной дороге, что и прежде. Летняя пора, летняя зеленая одежда гор и долин с ярким солнцем и голубым небом в связи с красотой пейзажа действовали на всех нас бодрящим, живительным образом. На поворотах исторической дороги, на перевалах китайцы останавливались, любовались видами, я фотографировал. Особенно долго мы стояли на вершине Суцзуктэ: глаз не мог оторваться от Ноин-ула, Кэнтэя и близких, хорошо изученных ущелий Суцзуктэ, Цзурумтэ, Гучжиртэ. У скал, на перевале, я снял группу с Юй-Ю-Женем во главе, отсюда же я им показал и нашу большую дорогу, на которую выбегает суцзуктинская малая, но все же автомобильная.

Начали спускаться вниз, идем медленным ходом, делая петли, описывая змею, огибаем домик наш, бывший свидетелем наших радостей и видевший все курганное богатство! Чем ниже, тем скат с дорогой положе. На крылеплощадке стоит все время Вася Марчук, вспомнивший сравнительно недавнее счастливое житье с нами в этом районе.

А вот вдали и 6-й курган, а через минуту мы останавливаемся и у самого Мокрого кургана. Какая буйная растительность и как поредел лес! Поднимаемся на вал кургана и спускаемся к воронке. Все воскресло в памяти: и даже наша борьба с Мокрым, когда сюда привозились из Ц[зун]-м[одо] машины, насосами которых выбрасывали воду.

На этом «нефритовом» кургане я вновь увековечил моих гостей-китайцев. На все их многочисленные запросы по раскопкам в связи с находками, перелистывая книжку, изданную Академией наук, я давал объяснения, словно читая лекцию. Китайцы слушали с глубоким вниманием, в особенности сам Юй-Ю-Жень, вставляя ценные сравнения с Древним Китаем.

Потом мы направились к знамен[итому] кургану 6-му, или Верхнему, обогатившему экспедицию греческими или византийскими вышивками.* Тут много-много беседовали и долго рассматривали деревянные остатки усыпальницы. Попутно осмотр произвели и другим, не тронутым нами кур-

---

* Любопытно, что В. Марчук, указывая мне на костер у Мокр[ого] кургана, у места смычки дорог, оттенил следующее: «Тут вот Бронский (мужик) с товарищем топорами зарубили 2 кит[айцев] и женщ[ину] (русскую) и все трупы бросили в Мокрый курган (предварит[ельно] подняв в нем дерев[янный] щит, его закрывавший».

ганам, равно я прочел им лекцию о трех курганах: у 3 сосен — № 23, женском — № 24, раскрытом по всем правилам и во всю ширь и глубь саженными уступами, и № 25 — богатый бронзой. На этот раз, в заключение, один молод[ой] человек китаец неоднократно снимал нас, т.е. всю компанию со мною, а то мне обычно приходится делать снимки.

Теперь все казалось оконченным, и мы стали собираться в обратный путь. Вниз по Суцзуктэ ехали без задержки, по временам задерживая стрем[ительный] ход плавн[ым], медл[енным] движением с целью беглого осмотра курганов, располагавшихся по пологому скату, вдоль пути.

Слева, на юге, вздымались скалы, окаймленные лесом, а у подошвы гор яркой цветистой полосой тянулся увядающий багульник. Впереди желтели хлебные посевные площади.

У большой дороги, у станка Суцзуктэ, мы расположились отдохнуть и попить чайку. С самоваром хлопотала та русская женщина, которая накануне объяснила нам прямую дорогу в Дадэхэ. К нам подходили китайцы, монголы, русские; со всеми этими людьми китайцы были вежливы, деликатны, предупредительны, в особенности сам Юй-Ю-жень, любивший, угощавший и ласкавший детей — случайную грязненькую, но с золотыми кудрями, окаймлявшими красивое личико, девочку, помогавшую хозяйке. В фотографическую группу вошел и этот ребенок, стоявший рядом с почтенным археологом.

Обратный путь в Ургу промелькнул довольно скоро. Китайцы остались у себя дома, я тоже поспешил домой, в полпредство, обогнав конный караван «камснщика» — минеролога А[рсентьева], направлявшегося в Гориху и далее на Онон для сбора и дополн[ительного] изучения залеж[ей] самоцветов. А[рсентьев] заехал ко мне, любезно доложил по 10-верстке мне свой маршрут и укатил, у минералога караван был в большом порядке.

Теперь я начал серьезно думать о скорейшей перекочевке в «наш белый домик с огородом» и все просьбы настоятельно направил в полпр[едство], к Куклину, для осуществления их.

В этот же день я познакомился с местными педагогами и их представителем Черемховцем.

30—31/VIII, ☽—♂. Однообразной чередой потянулись дни в Урге. Все хорошо, но мне очень недостает моего каравана, моих спутников: как-то одиноко, неуютно. Всюду надо быть и хлопотать или мне, или Пшевику, даже некому согреть чай, и в ☽ без чая и завтрака действовали и я, и Пшевик.

Великое спасибо нашим друзьям Бурдуковским, кормившим нас эти два дня — и ☽ и ♂ — не только очень сытно, но и очень вкусно. За гостеприимным столом с этими людьми забывались все невзгоды, и только одно «созвучье слов живых» сближало, единило нас.

31/VIII домик был готов или почти готов, и мы вечером уже перекочевали в него, расположились просторно, привольно. И здесь воздух хорош и тот же несравненный вид на Богдо-улу, на девственную могучую лесную зону этого священного массива. Из моей комнаты туда глядят два окна (со ставнями, закрываемыми на ночь).

Устроившись, мы отправились к армянам, в столовую, и там отдохнули за чаем, возвратились к себе в б[елый] дом в сопровождении Чуфра под звездным красивым небом.

Сентябрь (1926 г.) 1/IX, ☿. Раннее утро, долины и горы кругом залиты солнцем. Первым человеком, переступившим наш порог, был Гомбо Бадмаж[апов], мой прежний спутник, который с нами пил чай.

До 13 часов дня я отсутствовал, счастливо проводя время: на почте, у фотографа Мюллера, в магазине Монценкопа и даже у «пьяного» китайца-фотографа (перед тем испортившего мои хорошие снимки небрежным проявлением в пьяном виде). В заключение пообедал у армян и на извозчике вернулся домой, захватив к себе попутно тибетца-донира. Пшевочка отправилась обедать на моем извозчике, привезя обратно секрет[аря] Юй-Ю-Женя.

Вообще, сегодняшний день — день приема. Около 3 часов приехал Ц. Ж. Жамцарано, с которым вообще мы, что назыв[ается], никогда не в состоянии наговориться. Много беседовали, смотрели фотографии, карты, планы. Тем временем прибыли Соловьевы, немного позднее Маршалл и т.д. Я уже демонстрировал всем им (но главным образом, конечно, Жамцарано) палеонтологические коллекции. Образцовый небольшой ящик содержал в себе столько интереса и научной привлекательности, что я не удивился предложению Жамц[арано] устроить в Университете или Учкоме выставку наподобие Суцзуктинской [в ноябре 1924 г.]. Даже я и мой Пшевик любовались остатками позвоночных, словно впервые, так как они здесь выглядят несравненно более интересными, чем там, на месте раскопок.

Мне думается, что выставка может быть очень интересной и поучительной. И я пойду навстречу предложению моего старого друга.

Так незаметно промелькнул первый день того прекрасного месяца, в котором увидим родину! Вечер был дивный, небо блестело яркими звездами, и Млечный Путь залегал широкой, словно «небесная дорога», полосой. На душе было радостно, приятно, и наш родной тихий уголок располагал к одной лишь мечтательности, к созерцанию.

Ложимся спать мы рано, по привычке в путешествии, встаем также рано — в 6 часов.

Итак хотя и понемногу, но мои фотографии в работе — негативы печатаются, прочие вопросы подготовляются, дом вымыт, двор просторен, и я лишь жду оживления их моими спутниками. Надеюсь, все это скоро исполнится, и работа с подгот[овкой] коллекций закипит вовсю!

Дружественная семья Бадм[ажаповых] перебирается в город и т.д. С петроградцами увидимся, а я уже установил связь с Полыновым и другими. Со всеми ими приятно было встретиться.

2/IX, ♃. Наступила лучшая пора в Монголии, лучшая погода — ясная, теплая днем, прохл[адная] по ночам. Настала обаятельная осень. Я в детском восторге всегда от осени не только Монголии, но и всей Центральной Азии и Тибета — сухо, солнечно, тепло! Об осени Центральной Азии я всегда тоскую в Петрограде. Осень Азии сильнее прочих времен года манит меня властно променять родину и покой культуры на свободу и приволье пастушеских стран.

Сегодня нас навестил милый В. П. Бурдуковский с предложением: не нужно ли чего нам? Удивительно милая семья этого приятного русского человека, гостеприимного, радушного; он, его жена и дети составляют трогательное целое, которого никогда не забудешь. Вот прибудет экспедиция, и мы будем в состоянии навещать вновь наших старых друзей.

По временам мы наблюдаем воздушные полеты ургинских летчиков: смело и уверенно поднимаются они не только над долиной, но и над прилежащим высоким массивом. По-видимому, обыватели совершенно привыкли к таким явлениям в монгольской столице.

Погода продолжает стоять отличная: ясная, теплая, сухая — типичная осенняя. И сегодня мы заглянули в Монценкоп, где кое-что взяли для нужд экспедиции.

Завтра придется навестить моих фотографов, а сегодня буду ждать спутника из экспедиции.

Сегодня на страницах местных «Известий» в виде фельетона появилась статья: «Результаты Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова», а немного раньше — содержательная заметка: «Приезд путешественника П. К. Козлова» (28/VIII). Все как следует!

В 5 часов прибыл Д[аниленко] с письмом от Глаголева, доносящего о движении каравана вообще и в частности о приходе экспедиции в Ургу завтра, т.е. 3/IX, от 1 до 2 часов дня.

В караване все благополучно: он двигается 6 дней, с завтр[ашним] 7 и 2 дневки, итого 9. Растений собрано порядочно, но другие отделы пополнились слабо. Весь караван — и люди, и животные — в порядке, друзья каравана — собаки — также.

Итак, завтра, 3/IX, в ♀, караван придет; экспедиция соберется воедино и заработает.

Вечером ко мне зашли китайцы и вовлекли к Юй-Ю-женю, чтобы еще раз побеседовать на тему о суцзуктинских или ноин-ульских погребениях. Мой знакомый прочел печать из Баллот[овского] кургана. На ней изображено имя китайской женщины Си-эр-хо-ень.* Юй-Ю-жень заметил: «Вероятно, владетели воровали через хунхузов себе жен из Китая», а я говорю: «Могли получать в жены китайских принцесс, подобно тому как это было с Алаша-цин-ваном, отличившимся в войнах с врагами Китая», с чем мой приятель вполне согласился.

Юй также интересовался Орхонской печатью, которая, между прочим, не китайская.

В заключение оба мы выразили сожаление предстоящему скорому расставанию и обещали друг другу писать. Юй подарил мне его портрет (московский) с надписью. В 10-м часу мы окончательно расстались: Юй со свитой провожал меня до ворот дома.**

Ночь прежняя, отличная: ясная, прозрачная.

3/IX, ♀. Утро такое же приветливое. На заре, среди мертвой тишины, раздались звуки пропеллера военного аэроплана. Молодцы летчики, работают на славу. Под шум пропеллера я проснулся и мысленно составил текст телеграммы в Центр — Кремль, Н. Горбунову. Затем я отправился к одному фотографу и другому. Попутно встретил молодых спутников Юй-Ю-женя

---

* Имя женщины Си-эр-хо.

** По мнению Юй-Ю-женя, военный город Китая в Хан-кокшун-уле находился в тесной связи с Хубилай-ханом.

и увлек их к Мюллеру, чтобы дать два суцзуктинских снимка моему знакомому археологу.

Далее я пошел к Жамцарано в Ученый комитет, чтобы с ним и другими лицами встретить Монголо-Тибетскую экспедицию. Встретил Лисовского, показал ему березу в Монгольском Алтае, в ущелье Битютэн-ама. Последний немедленно сообщил об этом Полынову, который тотчас прибежал ко мне с приветствием и просьбой показать снимок с березы.

До Лис[овского] и Пол[ынова] я успел переговорить с Жамцарано. Ц[ыбен] Ж[амцаранович] относится ко мне дружески и заверяет, что отношения ко мне будут исключительные со стороны монгольского правительства, так как Козлов — неизменный исследователь Центральной Азии, он работал и в прежние времена, работает и ныне, заставляя Запад и Америку уважать его и следить за его работами, за его достижениями. Ж[амцарано] полагает, что договор будет приемлемый даже со стороны СССР и что мы редактируем Договор сообща — Ж[амцарано] и я.

Тем временем объявился Симуков с известием о приближении каравана экспедиции. Мы знач[ительной] компанией пошли его встретить: я, проф. Полынов, Лисовский, представители Учкома во главе с Жамцарано и т.д. Представители полпредства опоздали.

Караван стройным порядком вошел в город, приблизился к таможне, и здесь, по распоряжению правительства, каравану дали знак свободно двигаться к дому. Караван вытянулся, участники заняли свои места, собаки также побежали, хотя их уже держали теперь на привязи. Жамцарано, Полынов и другие провожали экспедицию до дому. Мои гости любовались и верблюдами, и общим снаряжением каравана.

Постепенно мои спутники внесли имущество в дом, его комнаты и кладовые, и мы устроились самым лучшим образом и зажили оседло!

Вечерком к ним заходил кое-кто, между прочим Нина Павл[овна] Ш[астина], принесшая букет цветов. Весь же вечер я и Пшевик с удовольствием провели у наших гостеприимных друзей Бадмажаповых, откуда прогулкой прошли среди пустых улиц с лающими собаками. В этот же вечер отправлена телеграмма Управделами СНК СССР: «Экспедиция благополучно возвратилась [в] Ургу, посильно выполнив свою задачу. Исторические, палеонтологические успехи превзошли ожидания. Переснарядив караван, выезжаем [на] автомобилях [с] тяжелым научным грузом [в] Верхнеудинск. Прошу сообщить, сделаны ли соответствующие распоряжения [в] Верхнеудинск и будут ли переведены средства [в] Ургу на переезд экспедиции [в] Центр. К[озлов]». На прощанье с Бадмажаповыми я подарил Верочке и Маринке граммофон.

4/IX, ♄. Еще с вечера минувшего дня погода испортилась, небо покрылось тучами, наиболее мрачными и густыми над Богдо-ула, упало несколько капель дождя, но позднее ветер сильными порывами разогнал всю облачность и открыл звездное небо. И сегодня ветер воет, стучит ставнями и несет пыль, небо полуясное, Б[огдо]-ула мрачна.

Все спутники получили задание, спокойно работают. Гусев собирает имущество воедино. Из Учкома, из полпредства, от Ц. Г. Бадмажапова свозят в наш «штаб».

Отправляются телеграммы. Два адреса: Ленинград, Географическое общество [и] Ленинград, Академия наук. «Путешествие окончено — экспедиция возвратилась [в] Ургу. Караван перегружен научными ценностями. Хара-хото исследован полностью. На вершине Монгольского Алтая открыт мавзолей хана, а в Хангае — остатки китайского военного города времен Хубилай-хана. Каменная плита хранит китайские письмена истории этого города. Палеонтология превзошла ожидания. [В] половине сентября экспедиция направится [в] Ленинград. Козлов».

Надо направить и заметку А. М. Соловьеву для ТАСС, немного, чуть-чуть лишь видоизмененную. И сегодня был у меня Жамцарано, читал проект договора моего с Учкомом. В общем, договор приемлемый!

По распоряжению Горбунова изъята часть нашего имущества из склада в Учкоме — ружья, наганы, патроны, кроме того, еще и седла (?).

Вечером ко мне прибыл Г. И. Боровко. Он получил задание раскопать один из курганов группы Суцзуктэ и даже на началах строгого выполнения договора с Учкомом, т.е. полного возврата последнему всех добытых коллекций, после их научной обработки. Причем Боровко уже доставил известную опред[еленную] часть колл[екций] согласно договору. Мне лично было очень приятно свидеться и побеседовать, пообщаться с петроградцем, с человеком, который в курсе всего научного, в курсе положения как самих археологических находок в курганах Н[оин]-ула, так и разработки и издания их.

Гремел гром, сверкала молния, падал дождь, ночь темная, мрачная.

5/IX, Ө. Серо, облачно, дождливо и сыро. Расстаемся с верблюдами, лошадьми. Караван растаял, траты в городе большие, надо скорее собираться в отъезд! Фотограф понемногу выполняет заказ. Я вернусь в Ленинград с запасом снимков. Около 10 часов утра ко мне собралась хорошая компания наших петроградцев, плюс местные «учкомы» и Шастины. Всех объединили сборы ископаемых и трубчатоухий (Salpingotus). Компания просидела у нас до 12 часов, и сразу снялись и укатили на машине.

П. П. Бармин прислал мне тушку корсака: скелет и мясо. Надо ему написать благодарность.

После обеда меня попросили сняться в центре группы съезда учителей в Урге. Тут я познакомился с новыми представителями банка, с редакт[ором] журнала «Хозяйство Монголии». Просят моих лекций, статей и т.д., вообще интересуются экспедицией; все относятся к нам с уважением и предупредительностью.

Позднее меня навестили Верочка и Маринка Бадмажаповы, которым я вручил дополнительное приложение к граммофону — пластинки.

Мой Пшевик занимается на [пишущей] машинке — строчит статьи для журналов.

Вечер мы отлично провели у милых Шастиных, где были участники и других экспедиций во главе с Полыновым и Боровко, был также у Ш[астина] и Маршалл.

Дождь не мелкий осенний, а дов[ольно] крупный, упорный лил и льет не переставая.

Как неудачно сложилась поездка моего приятеля Цокто Гармаевича в кочевье его брата Гомбо, тем более что он поехал с женою и малыми детьми!

6/IX, ☽. Дождя нет, но воздух влажен, Б[огдо]-ула укрыта в в[ерхней] полосе густыми слоистыми облаками, солнце с трудом просвечивает, немного согревая грязную поверх[ность] земли. Мои спутники при исполнении своих работ, сортировка багажа пока идет медленно.

Заезжали на минуту все мои приятели: Полынов со спутником, Боровко. Б[орис] Б[орисович] любезно предлагает машину, Боровко простирается в любезности дальше: он просит уступить ему моих спутников Вторушина и Фу-чина для раскопок.

Маршалл привез мне свой прекрасный портрет.

Мои мальчики в Монценкопе оделись очень прилично в счет будущих выплат. Хлопочем с паспортами и другими вопросами, заботимся о переснаряжении каравана. Интересно, во что нам обойдется перекочевка из Урги в Верхнеудинск, а также теплушка с грузом и спутниками от Верхнеудинска до Петрограда и Москвы, другими словами — до конечного пункта?

Как бы то ни было, каждый день приближает нас к заветной цели — родине.

Вечером все дома и все за делом до ночи, а дождь льет и льет; сыро, прохладно.

7/IX, ♂. Темно-синие тучи укрывают Б[огдо]-улу, влажно, прохладно.

Очередная работа идет усиленным темпом. Мои нештатные спутники получили расчет, но все живут с нами, все продолжают находиться на нашем иждивении. Мне очень отрадно видеть их в хорошем, здоровом состоянии, нарядными.

Нештатные за усердие, честность, самоотверженность получили награду в размере 75 мексиканских долларов каждый.

Меня продолжают навещать знакомые и незнакомые по самым различным вопросам, с различными предложениями антикварных археологических предметов. Сегодня у бывшего князя Мэргэн-гуна приобретен золоченый женский наряд [для] волос, с камнями, уступленный экспедиции за 200 мекс[иканских] долларов (хапчар наряден, красив по блеску камней на фоне солнечного золота и интересен тонким орнаментом); вместе с цэцэн-ханским богатым нарядом он представляет этнографически высокий интерес.

Жамцарано продолжает почти ежедневно навещать меня; с ним всегда интересно и нередко поучительно углубляться в тайны минувшего прошлого Монголии. Его спутник, молодой человек типа студента-востоковеда, бывший Мэргэн-гун, между прочим, отметил очень интересное животное, вроде жирафа, на скале в горах Цэцэрликского аймака,* Аршан-улан-чулутэн-гол. Сколько еще остается в Западной Монголии неведомого, неизученного!

Вечер лучшим, дружеским образом проведен нами (Елизаветой Владимировной и мною) у милых Бурдуковских.

Вторая половина ночи ясная, звездная, с красивым Млечным Путем, прохладная.

---

* Цэцэрлик-мандал, хошун Аршан-улан-чулутэн-гол.

8/IX, ☿. Видимо, ненастье окончилось: солнце — яркое, теплое — красиво катится по нежной синеве неба. Дали бесконечно широки, Б[огдо]-ула торжественна, горда, хотя и с печатью ран от пожара в виде темных, неприятных на глаз островов.

Мои спутники частью дома, частью в командировках по городу по делам, в связи со снаряжением каравана с научными ценностями в дорогу до В[ерхне]удинска.

У меня лекция для учительской конференции — первая после второй или последней части нашего продолжительного, свыше нежели трехлетнего, странствования.

Совнарком ответил по существу: деньги пока не переведены. Хотят знать, сколько нам необходимо, кладя в основу minimum. Я полагаю, что до В[ерхне]удинска доберемся, а дальше — нет, нет [средств] не только на оплату за провоз, но и на закупку продовольствия.

Телеграфирую в Кремль: «До В[ерхне]удинска экспедиция доедет [на] собственные средства. Прошу перевести [в] Верхнеудинск 3000 червонных рублей при условии оказания существенного содействия [по] переезду [по] железной дороге. К[озлов]».

Свезено все наше имущество в один дом — «штаб» нашей квартиры.

В сегодняшнем номере «Известий Ул[ан]-Бат[ор]-хото» пишут про экспедицию, достижения ее, про Юй-Ю-Женя и меня — интересно!

В 5 часов Цокто Гармаевич доставил меня на учител[ьскую] конференцию, где вначале нас сняли, а затем я прочитал лекцию о путешествии с демонстрацией палеонтологических объектов. Все прошло довольно мило; меня провожали до машины.

Среди дня я видел Онищенко, с которым договорился относительно 4 машин для транспорта экспедиции. Б. М. [Онищенко] обещает взять пониженную плату.

Ночью погода испортилась — полил дождь.

9/IX, ♃. Дождь продолжает падать, ни на что не похоже для Монголии — сыро, сыро, прохладно, бр-р!

Та же очередная работа по сортировке и укладке багажа все продолжается. Цокто Гармаевичу отдана лошадь Серко Елизаветы Владимировны для пользования, но главным образом с целью сбережения на будущее, как лошадь из гнезда Бадмажаповых.

Объявился д[онир] Тибетский с прелестными двумя национальными гау (золочеными, с бирюз[овыми] камешками), за которые я заплатил ему 50 долларов.

Послана московским друзьям приветственная телеграмма.

Монценкоп отпустил экспедиции, ее участникам, платья и обуви на сумму 1284 доллара. Если у нас хватит средств, то мы отнесем справедливо эту сумму на счет казны. Все мои спутники — и штатные, и нештатные — продолжают жить у меня и все вместе довол[ьны].

Вечер я и Пшевик до 10½ часа провели у знакомых Геранцевых. Милая отличная хозяйка угостила нас на славу жареными цыплятами, сладкими блинчиками и другим. Хозяин с фонарем в руках любезно проводил нас до дома. Дождя не было, но небо было по-прежнему укрыто густыми тучами.

Монгольский прожектор бдительно ведет ночное наблюдение за подступом к Урге неприятеля.

10/IX, ♀. Богдо-ула в верхнем поясе укрыта темно-синими тучами; картина глубок[ой] осени. Духовная монастырская музыка потрясает влажный воздух и волнами разносятся звуки труб.

Удивительно быстро я получил из Москвы от Н. Е. Б[ок] ответную телеграмму, в [течение] суток. Жамцарано доставил мне перевод с китайской плиты. Переводили с китайского на монгольский окитаившийся монгол и кантонский китаец, а с монгольского на русский — Ц. Ж. Жамцарано.

Полдень, солнце выкатилось из-за туч, запад очарователен нежной голубой окраской.

Были в городе, кое-что приобрели: альбом для карточек и еще кое-что по части питания в дороге. Навестили также нашего приятеля тибетца, предложившего мне замечательных два бурхана: одного в высшей степени оригинального, представляющего лотос с 8 лепестками (дакинь), а в середине, на лотосе, Будда со сложенными ладонями рук, затем статую, в сидячем виде, Будды, золоченую, тяжелую, индийской работы, и в заключение большие, или крупные, нефритовые шарики для четок. Все это мне очень понравилось, и я с удовольствием приобрел в коллекцию экспедиции (за 320 м[ексиканских] долл[аров]).

Тем временем была получена телеграмма из СНК: «Сколько едет народа и количество пудов груза?» Ответил: «Народа 6 человек, груза 300 пудов, я — седьмой, должен ехать с ценностями и хронометрами в экспрессе, в малом купе».

Меня навестил Евстифеев — какой-то странный и оч[ен]ь медлительный человек. А вечер я с Пшевиком провели у наших друзей Бадмажаповых, как всегда, прекрасно.

Другие друзья, Бурдуковские, прислали букет цветов и вкусных заедочек-усладенек. Вообще, по части цветов нас очень балуют и отм[еченные] Бурдуковские, и Шастины, и Геранцевы.

Ночь прелестная, только наблюдать! Но свежесть, прохлада все увеличивается.

11/IX, ♄. Серебристый иней, капли блестят на траве жемчугом. Все продолжают заниматься снаряжением в дорогу. Тихо, сосредоточенно, корректно, прилично держат себя мои спутники; гляжу на всех, и мое сердце наполняется спокойствием.

Не хочу, чтобы были у меня разжалованные: Андрею отпущены все его прегрешения. Он остается здесь и сразу же едет на Байдарик в компании с немцем.

Мой Пшевик нравственно страдает: борется сам с собою, как ему поступить — ехать ли в Петроград, к себе, или в Харбин — утешать маму?

Погода дивная — типичная осенняя в Центральной Азии. Тихая, ясная, с глубокими далями, теплая днем и очень прохладная ночью, когда в нашу астрономическую трубу любуются наши хорошие знакомые: Соловьевы, Геранцевы, соседи-монголы, уч[еный] секр[етарь] Ц. Ж. Жамцарано и многие-многие другие. Надо навестить Лисовского и Полынова. С последним попрощаться.

12/IX, ☉. Синее, красивое небо, яркое солнце; дремлющая святая Богдоула умиляет меня всегда. Я хорошо настроен: горд и счастлив, спокоен и бодр.

Пришли навестить меня братья Дорчжэ Ринчино. С ними поговорил, чуть не прочитал им лекцию о научных достижениях Монголо-Тибетской экспедиции.

Хорошая погода должна подсушить дорогу. Я хочу расстаться с Монголией в лучшую пору, осеннюю, и непременно при блеске яркой природы.

Около 11 часов утра мы с Пшевиком отправились с визитом к Б. Б. Полынову и Г. И. Боровко и там пробыли порядочное время. Б[орис] Б[орисович] с Лисовским показывали нам фотографии (хорошие), Боровко демонстрировал привез[енные] Ученому комитету археологические ценности из Ноин-ула. Наряднее прочего всего выглядел подгробный ковер со звериным орнаментом.

Подходил час обеда, и мы на автомобиле укатили обедать к нашим Бурдуковским, у которых, как водится, время провели прекрасно. Оттуда я направился домой, а мой Пшевик — к Всесвятским, где неожиданно встретил очень интересных людей — семью Рерих, путешественников из Индии, через Мал[ый] Тибет и Каракорум (по «пути скелетов») в Вост[очный] Туркестан и Россию! Из Москвы — сюда под названием «Австрийской археологической экспедиции».

Сегодня, 12-го, пойман в палатке хомячок и посажен в спирт.

Вечер незаметно прошел в занятиях по приему знакомых и той же укладке вещей, а ночью я вновь любовался очаровательным звездным небом, в частности: Юпитером, Сатурном, Марсом, молодой [Луной] и отдельными звездами первой величины.

Спим прекрасно, но почему-то все мы немного простужены.

13/IX, ☽. Видимо, погода установилась прекрасная: солнце с утра светит и греет. А сильный, мощный, ретивый «юнкерс» потрясает воздух своим смелым, уверенным полетом, словно гигантский орел с распростертыми крыльями парит над только что проснувшейся долиной Толы с ее столичным городом Ургой!

Сегодня день вообще очень интересный: вдруг объявился Ив[ан] Дм[итриевич] Тугаринов. Любопытна была встреча у него с Гаролем. Вначале Гароль было не узнал [его], а потом на голос И[вана] Д[митриевича] «Гаролька!» последний взвизгнул и бросился на старого хозяина с лаской, долго ласкался, отгонял от И[вана] Д[митриевича] Пестрого и с удовольствием отправился домой на поводу, стараясь скрыться от солнца под телегу. С И[ваном] Д[митриевичем] приехала милая, умная девочка Маня Андреева; оба они были одарены нами, в особенности мой старый служащий Тугаринов.

И я, и Пшевик, мы сильно привязываемся к людям, вот и этих простых людей мы проводили (да и встретили также), как самых близких родных.

Проводив их, мы встретили друга-тибетца донира в сопровождении слуги с тяжелой ношей за плечами. Ноша — это индийской работы чудный бурхан, тяжелая, 2-пудовая ноша — статуя Будды Сакия-Муни. Я установил ее на ящике и любуюсь дивным изваянием индийского великого учителя.

П. К. Козлов и Е. В. Козлова у своей юрты на зимовке в Хангае.
1925—1926 гг.

Развалины военного укрепления Хубилай-хана.

Лагерь П. К. Козлова в месте палеонтологических раскопок.
Северная Гоби, Холт.

Палеонтологические раскопки. Северная Гоби, Холт.

Эцзин-гол. Лагерь П. К. Козлова.

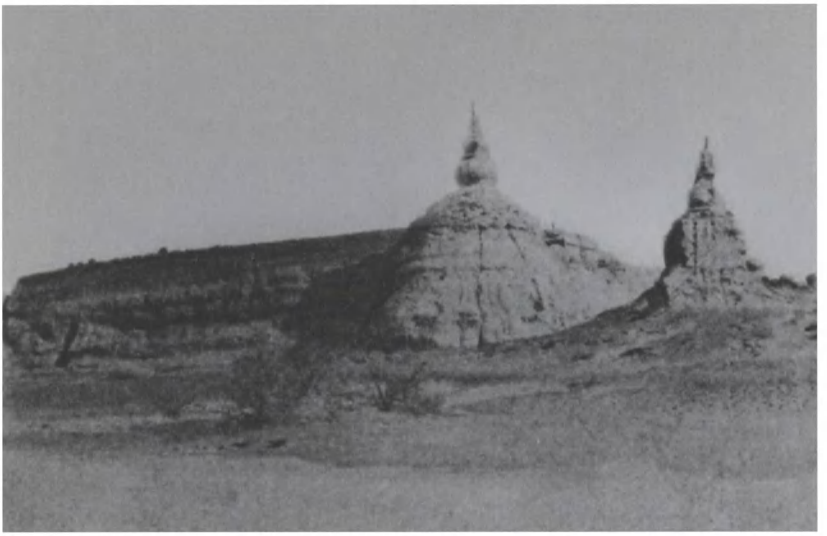
П. К. Козлов и Восточная партия экспедиции на Эцзин-голе. Июнь 1926 г. *Сидят слева* от Козлова: С. А. Глаголев, В. А. Гусев, К. К. Даниленко; *справа* — А. Д. Симуков, *сзади* — Н. В. Пржевальский.

С. А. Глаголев и торгоут Гончик. Эцзин-гол.

Торгоут-гун Даши с женой.

Хара-Хото (с северо-запада).

Статуя и голова Будды
из Хара-Хото.

Ламы на портике храма монастыря на Эцзин-голе при ставке Торгоут-гуна.

Возвращение каравана экспедиции в Улан-Батор.

Обо в честь Монголо-Тибетской экспедиции.

Ноин-Ула, перевал Судзуктэ. Китайский археолог Юй-Ю-жень
со спутниками. 28 августа 1926 г.

Улан-Батор, Ученый комитет Монголии, 13 сентября 1926 г. *Слева направо стоят*:
Ю. Н. Рерих, Е. В. Козлова, Ц. Ж. Жамцарано, Н. Н. Поппе, Б. М. Куплетский,
С. А. Глаголев, В. И. Лисовский. *Сидят*: Г. И. Боровко, Б. Б. Полынов, Н. К. Рерих,
П. К. Козлов. *Внизу*: Н. Гомбодчийн(?), неустановленное лицо.

П. К. Козлов и Е. В. Козлова перед полетом на «Юнкерсе».
Улан-Батор, 14 сентября 1926 г.

Встреча Монголо-Тибетской экспедиции в Ленинграде. Сентябрь 1926 г.
Слева: акад. В. Л. Комаров, *в центре*: П. К. Козлов, В. П. Козлов, О. П. Козлова,
Е. В. Козлова, С. А. Глаголев.

Доклад П. К. Козлова о результатах Монголо-Тибетской экспедиции в Русском географическом обществе. 1926 г.

П. К. Козлов и Ю. М. Шокальский. Петергоф, Дом отдыха ученых. 1935 г.

Тибетцев оставили на попечение В. Гусева, а сам я (с Пшевиком и Глаг[олевым]) поехал к нашей русской колонии в Учком сниматься в группе с путешественниками. Среди последних был и Рерих с сыном; с Ник[олаем] Конст[антиновичем] я встретился дружески прекрасно и немножечко, но очень интересно, на ходу, поговорил с туристом.

Н[иколай] К[онстантинович] отметил, что в английских газетах, в Индии, нередки заметки обо мне; их меньше в Америке, но то, что пишут, то все приятное для меня. После снимков я с Пшевиком отправился обедать. По обыкновению, мы пошли в отдельную комнату, где, между прочим, встретили приятную даму Евд[окию] Сем[еновну] Котову, с которой скоро познакомились, заговорили, а затем Пшевочка моя даже пошла к ней в дом, писать на машинке.

По возвращении к себе домой я застал у нас молодого человека из аэростанции. Он предложил мне и моим спутникам, сам-три, назавтра полетать на «юнкерсе». Я с удовольствием согласился и своим примером увлек Пшевика, Котика и Колю Пржевальского.

Заходил Опевалов Б. В., передал письмо и просил вновь взять его посылку брату. Я, конечно, согласился, тем более что молодые супруги Оп[еваловы] оба — милые люди.

Опять любовались звездным небом. Из чужих был только мальчик Натяганов.

Пшевик явился в темноте, и я объявил ему о радостной вести «лететь назавтра».

14/IX, ♂. Ночь и утро очень ясные, дов[ольно] тихие. Около 8 часов утра мы вчетвером отправились к ангару. Там летчики работали над шаром в воздухе, его движением в воздухе. Светлый шарик, словно снежинка, едва-едва передвигался вверх и к востоку.

Наконец, прибыл командир отряда А. А. Он и Соловьев Ал. Влад. отлично объяснили нам устройство машин — и военной, и тяжелой, типа «юнкерс». 4-местная каюта вместила на парадном месте Д[аниленко], К[олю Пржевальского], Пшевика, меня — всех нас четверых. Вдруг мы отделились от земли и поднимаемся выше и выше, делаем заворот к западу и несемся вдоль Т[олы] и города.

Чувствуется дуновение ветра и в то же время подъем в высоту нашего аппарата! Урга под ногами; огороды, дворы и фигурные участки построек; Тола маленькими змейками вьется далеко внизу! Красивы [монастыри] Майтреи и Гандан, очаровательны дворцы Богдо-гэгэна, горевшие и искрившиеся золотом.

Б[огдо]-ула понизилась, уменьшилась, а виды к северу — полукругом, бесконечны.

Новые мысли зародились в голове, новые ощущения, новые преклонения перед достижениями авиации. Летчик и механик — это волевые душа и сердце с головой; аппарат — есть разум, нет не разум, а только организм, а разум с сердцем и душой в тесном сродстве, слиянии.

Вот так и полетел бы на далекий-далекий ЮЗ, в Тибет, в Лхасу! А ведь это не мечта одна, тысячу раз нет!

После полета нам предложили чай с закусками; за чаем мы очень оживленно и очень серьезно говорили, конечно принципиально, о предстоящем

для России полете в сердце Азии. Ведь теперь все мировые рекорды в этом отношении: и через моря и океаны, и по сушам осуществлены, остается один на долю нашу — это полет в Тибет!

Странно или не странно, но эта тема оживила, объединила, зажгла весь наш кружок, мы все говорили и все много думали об этом. В заключение я сговорился с летчиками о заседании на дому, в экспедиции, на завтра.

Рассомаха доставил нас в экспедицию, где мы вместе осмотрели груз экспедиции и условились его распределить на 5 машин: 4 легких и 1 грузовик.

Приехала Лида из Цзун-модо с подарком и получила отдарок.

Началось [о]печатывание наших многочисленных ящиков — красных, белых, сум и т.д.

Наши знакомые продолжали навещать нас, в особенности по вечерам, для наблюдения звездного неба: планет Ю[питера], С[атурна], М[арса] и Луны с яркими звездами.

Вечер дивный, какой-то особенно упоительный, тихий, чистый, божественный, с ярким и в то же время мягким и нежным красным оттенком.

15/IX, ☿. Еще в постели я уже слышал шум пропеллера в ранней тишине воздуха. Синее небо, яркое, теплое солнце довершают картину. Б[огдо]-ула застыла мертвенным спокойствием. По ее темному фону золотились лиственницы и березы. Дивно хорош этот священный массив Урги, она жемчужина страны и гордость истых буддистов.

Приходил тибетский донир, поднес мне гау и старинную тибетскую цацу, а в заключение принес еще и тибетскую книгу, написанную золотом, завернутую в желтую шелковую ткань.

В течение 2—3 часов у меня происходило совещание с тремя летчиками по поводу предстоящего полета на 2 аэропланах через Монголию, Наньшань, Цайдам, Тибетское нагорье в Лхасу. 12 человек участников, из них половина моя, половина — летчики и механики и т.д. Обязательно хирург и аптека! (На всякий случай, вчера я упустил это обстоятел[ьство] из виду.)

Стоимость предприятия — с базами, бензином и т.д. от 5 до 7½ сот тысяч, а с подарками, экстраординарными, до 1 миллиона. Прокладка маршрута по диагонали Урга—Лхаса, СВ—ЮЗ, через Чацеринг-худук, Согонор, Су-чжоу, Аньси, Цайдам, Мур-усу и т.д. Вслед за летчиками приходил полпред в Тибет (бурят), с которым я долго-долго беседовал по поводу его миссии. Он старался получить от меня широкую ориентировку.

Пришла Пшевочка, и я с нею отправился к Рериху, нанести ему визит; интересный он человек, интерес несут и его сын и жена — участники путешествия из Индии, через Тибет в Вост[очный] Туркестан и Россию. Любопытна легенда обо мне в Хотане — Карашаре — «богатырь Козлов».

В сегодняшнем номере «Известий У[лан]-Б[атор]-хото», на 2-й стр[анице], вверху напечатана под жирным заголовком «К истории китайского города, открытого П. К. Козловым в Хангае» целая интересная статья, конечно по моим источникам.

Вся моя семья экспедиционная вечер угощалась у моих друзей Бадмажаповых с участием Шастиных и Маршалла с К°.

Мих. Огородников принес в мое отсутствие карточку — большой снимок со мною и учит[ельской] конференцией в Улан-Батор-хото. Группа очень удачная, и все в целом с надписью мило.

16/IX, 2. На диво продолжает стоять погода: самая типичная осенняя, прекрасная! И вид на Б[огдо]-улу очаровательный. Вот что мне жалко оставить, по чем я буду искренно скорбеть душой — это по красивой, задумчивой Богдо-уле, ее растительности, окраске и профилю с глубокими впадинами.

На сегодня составлена целая программа, во что бы то ни стало ее надо выполнить! Она велика, но ничего не поделать! Видимся и общаемся с Ц. Г. Бадмажаповым.

Поехал я с Елизаветой Владимировной в банк, перевели в Харбин 600 (500 моих) м[ексиканских] долларов. Там я с большим интересом беседовал с Л. Г. Гавриловым, передал ему статью (вторая половина экспедиции). Но главное, я решил, наконец, все же дать хотя бы малую серию (в 15 экземпляров) фотографических оттисков Гаврилову на устраиваемую банком «Фотографическую выставку». По минов[ению] выставочного периода Л. Г. [Гаврилов] обязан хранить мои снимки до моего востребования.

Перед дорогой вымылись в Воробьевской бане.

Поехали к Бурдуковским обедать, к Шастину и Геранцевым — прощаться. Дома нас ожидала приятная телеграмма от Географического общества: «Совет Географического общества приветствует Вас с блестящим окончанием экспедиции. Специалисты с нетерпением ждут коллекции в Ленинград для обработки и изучения. Привет всем сотрудникам (экспедиции)». Председатель Шокальский, секретарь Комаров.

Я и мои спутники тронуты дорогим вниманием родного Географического общества. Успели также среди дня заглянуть и к Соловьевым, но, к сожалению, не видели замест[ителя] полпреда, занятого по важному вопросу с министром иностр[анных] дел Монголии.

Вечером вся экспедиция была на китайском обеде, не присутствовал лишь В. Гусев. Из гостей наших были: семья Ц. Г. Бадмажапова, Всесвятский и Першин, случайно была и наша любимица Лидочка Кузнецова.

В начале 10-го часа мы уже были дома и до полуночи возились с расчетами и сортировкой и укладкой имущества.

Забыл было отметить очень важное обстоятельство, а именно мой визит с Жамцарано к председателю [Совета] м[инист]ров Монголии, старому приятелю Цэрэн-Дорчжи. Я благодарил его и в заключение сказал: «Просто грустно расставаться с Монголией, с Богдо-ула».

А Ц[эрэн] Д[орчжи] спокойно заметил: «Вы высокий ученый, великий, неутомимый исследователь, мы с интересом и вниманием следили за Вашими успешно протекавшими исследованиями, весь мир следил за работами Монголо-Тибетской экспедиции. Но больше всех мы благодарны за изучение Монголии, за открытие Вами ее исторических тайн. Наши будущие поколения будут учиться по Вашим книгам, по Вашим научным трудам. Вы еще бодры и по ознакомл[ении] Центра с результ[атами] экспедиции Вы, наверно, опять приедете к нам!»

Я поклонился, Ц[эрэн] Д[орчжи] вышел и проводил меня до спуска к лестнице. В последний раз раскланялись, когда я уже почти спустился вниз и скрылся от взоров.

И вновь чудесный вечер, и вновь наша астрон[омическая] труба привлекла ряд компаний для ознакомления с величием и очарованием звездного неба.

17/IX, ♀. Погода прежняя — прекрасная. Все мы на ногах с зарею, укладываемся, разрешаем наши последние дела, справляемся с последними заданиями.

Периодически приезжают наши знакомые проститься с нами. Заехал и полпред — заместитель А. М. Соловьев, свозивший меня к себе еще раз. На дорогу я получил последние новые номера «Известий» ЦИК; 25 августа, на 2-й стр[анице] газеты, среди телеграмм ТАСС стоит заголовок: «Новые открытия путешественника Козлова».

Наконец, все готово, и экспедиция в 12 часов пятью машинами строит караван. Я еду впереди, за мною, последов[ательно], сначала легкие три машины и наконец грузовик.

В таможне встречаемся с Жамц[арано] и другими монгольскими представ[ителями], оказавшими экспедиции всемерное содействие. Только неизбежное промедление вышло в конт[роле] трансп[орта].

И все же в 1 час дня, пройдя все инстанции, экспедиция вышла на свободу и покатила к северу. Дорога порядочная, и мы вовремя прибыли в Борота ночевать.

18/IX, ♄. В одной хате с бурятом-содержателем мы переночевали. Кроме участников экспедиции здесь еще была семья монгольского агронома.

Утром, попив чая, я на своей лучшей машине покатил вперед, мои еще справлялись.

Так как я ехал превосходно, то в Иро уже был около 2—3 часов, хорошо позавтракал у Всеволодовых и в 5 часов был в Алтан-булаке. Несмотря на позднее время, меня очень скоро освободили, и я засветло, в 6—6½ часа был в гостинице. Тут застал экспедицию профессора Полынова, она меня приветствовала.

От консула узнал о новом огорчении: он, оказывается, совместно с другими товарищами сопровождал дополнит[ельные] Хангайские коллекции и одно из мест — мягкое, со шкурами — потерял. В этом месте находились шкуры сарча и аргали, первая от моего большего рогача.

Полынов отправил несчастную компанию в Верхнеудинск с пароходом.

Вечер я провел у Михно, как всегда, приятно и хорошо! Улегся спать рано. Все спрашивают о моем сообщении в Нардоме. Оно назначено на завтра.

19/IX, ☉. Полынов уехал утром с экспедицией. Моя Пшевочка запоздала и осталась в Алтан-булаке, при ней не оказалось паспорта.

Все звонят и разыскивают части целого — экспедиции путешественника П. К. Козлова.

Праздник. Потерялся контролер, он в городе, но у кого? И когда только соберется экспедиция? Гусев в городе выглядит хуже, нежели в пустыне Гоби.

Наконец, мы все сошлись — мои прибыли благополучно. На таможне обошлись с экспедицией весьма корректно, и я со своими спутниками мог пообедать вместе. Затем в 4 часа дня 4 машины направились в Верхнеудинск.

Я остался на вечер и ночевку — мне предстояло прочесть сегодня лекцию о путешествии.

Бурдуковский все время с нами, неотлучно.

Мое сообщение в Нардоме состоялось в 6 часов и прошло хорошо, при полном стечении слушателей. Как водится, заседание открылось теплым словом П. С. Михно. В заключ[ение] лекции шумные аплодисм[енты].

Из Нардома я пошел с представ[ителями] Общества к Михно, где был ужин и дружеская беседа. Меня одарили подношениями: розами, тортами.

У себя дома мы еще выпили чая с Катиным (очень вкусным) тортом.

20/IX, ♑. Погода облачная, ежеминутно грозит дождь. Мы выступаем в дорогу по направл[ению] к Верхнеудинску около 6 часов утра. К чаю явился милый П. С. Михно, с которым и Бурд[уковским] мы тепло простились.

Переезд до Верхнеудинска прошел благополучно, но грузовик чуть-чуть не бултыхнулся в воду! На вокзале ст[анции] Верхнеудинск не сделано СНК никаких распоряжений о содействии экспедиции. Послал телеграмму: «Прошу срочного распоряжения железным дорогам: товарный вагон [с] коллекциями экспедиции пропустить [в] Ленинград с почтово-пассажирским поездом. Козлов».

Нач[альник] станции и секретарь Ербанова Головачов оказывают посильное содействие. Надо завтра навестить моих знакомых, начав с Ербанова, Барадийна, Цыбикова и т.д.

21/IX, ♂. Серо, облачно, ночью наш вагон катали вместе с нами для установки на место, «к стенке». И тем не менее мы чувствовали себя прекрасно, только сильно перепугалась наша собака Чуфр, которая при первом толчке вскочила на лавочку к Пшевику.

Мы должны были продовольствоваться в городе, так как на вокзале «был день отдыха». Завернул я на культ[урный] съезд Бурятии, где был приглашен на его 5-часовое заседание. Встретил Д. Убугунова и других бурят, мило приветствовавших меня. На улице видел старика Галсанова, просившего меня поддержать «кроткий, красивый буддизм».

На съезде предс[едатель] Совнаркома меня приветствовал симпатичной речью, вызвавшей друж[еские] аплодисменты большой аудитории. Я был избран в почетный президиум. Должен был благодарить за привет и два-три слова сказал о впечатлении [от] Верхнеудинска, в частности их съезда после пустыни. Через одного докладчика мне предоставили слово. В течение 45 минут я сделал характеристику работ экспедиции, достижений в областях истории палеонт[ологии] и археолог[ии], а также и в ест[ественно]-ист[орическом] отношении.

Конец был так же приятен, как и начало. Со мною неотлучно пребывал Барадийн. Барадийн провожал и до прихода машины СНК не покидал меня. Мы разговорились, моего собеседника очень занимал вопрос о мавзолее, о китайском городе у подошвы Х[ан]-кокш[ун]-ула, а также о палеонтологической находке. «Итак, Петр Кузьмич, — говорит Барадийн, — опять крупный успех. Как все дается Вам!».

Я благодарю за внимание, а он: «Вас ждут высокие встречи, я читал о том, что Академия наук постановила в своем заседании устроить Вам торжественную встречу!». Ужели! Это будет с ее стороны ко мне ее первый привет!

Сегодняшний вечер все проводим дома, наводим справки о поездах, о разрешениях.

Наши гости в вагоне — Соловьев, летчик, и зав[едующий] «Красн[ой] гвардией».

Между прочим, я встретил mad[ame] Сампилон с маленьким сынком, едущую к мужу в Ургу.

22/IX, ☿. Осень. Серо, облачно; по крыше барабанит дождь. Я выезжал в город, купил икры. Навестил книжный магазин и купил ряд книг и для себя, и для спутников — чтение в далекой дороге. Тем временем выяснилось, что нам Чита разрешила прицепить наш товарный вагон к почтово-пассажирскому поезду, а начал[ьник] станции уступил заним[аемый] нами вагон наполовину под размещение экспедиции до Иркутска, куда, вслед[ствие] опозд[ания] поезда, выезжаем только 23/IX. И то хорошо: ведь мы теперь не торопимся, и наше научное богатство и под крышей, и под замком. Дождь хлещет, а мы спокойны. А ведь еще недавно «была бы иная картина!».

Обедаем на вокзале, встречаем Мар. Павл[овну], иркутян, говорим о Родион[ове], об Иркутске «гремящем». С[емену] Н[иколаевичу] посылаю телеграмму: как близкого друга просим его известить Отдел Географического общества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

П. К. КОЗЛОВ

НАУЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГРГО, ДОБЫТЫЕ И ДОСТАВЛЕННЫЕ В ЛЕНИНГРАД (1923—1926)*

Записи и съемки

П. К. Козлов.

Дневник путешествия, пять книжек	1099	страниц
Дневник метеорологический, гипсометрия и маршрут экспедиции, две книжки	200	»
Журнал астрономический, пять пунктов: Улан-Батор-хото, урочище Улхуин-булун, Битютэн-ама, урочище Холт, Хара-хото. Археологические заметки, частью в дневнике путешествия, частью в отдельной тетради . .	до 100	»
Заметки о млекопитающих, одна книжка	75	»

Е. В. Козлова.

Дневник орнитологический, две книжки	250	»
План и чертежи развалин Олун-сумэ.		
План и чертежи раскопок остатков позвоночных в урочище Холт, в Северной Гоби.		

С. А. Глаголев.

Общий дневник, три тетради	220	»
Метеорологический дневник	90	»
Элементы съемки.	87	»
Данные высот и профилей	50	»
Дневник работ в Хара-хото	50	»

К. К. Даниленко.

Материал к познанию развалин Хара-хото: таблицы 37 чертежей и планов и рукопись . . .	около 70	»

---

* *Козлов П. К.* Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923—1926 годов // Северная Монголия. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. III. С. 44—45.

А. Д. Симуков.

В гольцах Кэнтэя: карта, планы, чертежи и рукопись	60	»

П. К. Козлов.

Маршрутно-глазомерная съемка 10-верстн[ого] масштаба:		
1) по Хангаю и Орхону	200	верст.
2) от Монгольского Алтая до Хара-хото . .	400	»

Е. В. Козлова.

Маршрутно-глазомерная съемка 5- и 10-верстного масштаба:		
1) от Урги до Ю.В. Хангая и Орхона, ...	около 650	»
2) через урочище Холт в Монгольский Алтай, ...	около 250	»

С. А. Глаголев.

Маршрутно-глазомерная съемка 10-верстного масштаба: от Улан-Батор-хото через Хурху в Хара-хото; отсюда в Ноин-богдо, опять в Хара-хото, и обратный путь через Арца-богдо, Холт, Уйцзэ-ван, Мишик-гун в столицу Монголии. .	2060	»

П. К. Козловым снято до 300 с лишком *фотографических пластинок*, с наиболее характерных из которых приготовлено 150 диапозитивов.

Археологические научные ценности (их большое собрание) распределены следующим образом:

I. Все находки, добытые в Ноин-ула, в курганах: Первом, или Мокром (ткани, нефрит, неповрежденная урна и проч.), Шестом, или Верхнем, — самом глубоком и самом богатом (гобелен «Всадники», ковер с грифоном, ковер с черепахами и рыбами, костюм покойника, лаковые чашечки «шанлинь», металлическая рельефная бляха, деревянное орудие для добывания огня и многое другое), Двадцать третьем (золотые женские украшения), Двадцать четвертом (ткань с птицами на скалах, нефритовая, с драконом, пластинка), Двадцать пятом (бронза), впредь до окончания определения и изучения, сосредоточены в Академии истории материальной культуры.*

II. Из раскопок в Хара-хото: 152 номера (статуя и до 30 голов будд или бодисатв, глиняные золоченые украшения, фрески, медные, железные и бронзовые изделия, предметы домашнего обихода, монеты, керамика, кирпич, скелеты и проч.), переданы в Русский музей, его этнографический отдел,** в общее пополнение коллекции «Хара-хото». Туда же пошли и архео-

---

* В настоящее время все ноин-ульские коллекции находятся в Государственном Эрмитаже.

** В настоящее время Российский этнографический музей (Санкт-Петербург).

логические сборы: Улхуин-булун, Цзэгэстэ, Олун-сумэ, усыпальницы Сайн-ноин-ханов, каменная баба Хара-ушхай и так называемый подъемный материал (в Северной Гоби и по Орхону).

III. Все письмена, рисунки, найденные в Хара-хото, а также листы книг с санскритом, письмена на бересте, остатки клише из Олун-сумэ и дощечки с рисунками и письмом с усыпальницы Сайн-ноин-ханов переданы в Азиатский музей Академии наук СССР,* где уже хранится вся хара-хотоская библиотека, со времени открытия и первых раскопок П. К. Козловым мертвого города Хара-хото.

Этнография — буддийские статуэтки, китайские бронзовые вазы и курильницы, монгольские музыкальные инструменты, золоченые с цветными камнями убранства головы монгольской сановной женщины и многое другое традиционно поступило в Этнографический отдел Русского музея.

Геологическая коллекция экспедиции, около 500 образцов, поступила в Геологический музей Академии наук для тщательного изучения и определения. Все ископаемые позвоночные, остатки носорогов, жирафы, трехпалой лошади (Hipparion), остатки коз, оленя, крупных и мелких грызунов, гиен, сданы в Палеонтологический музей Академии наук, в ведение проф. А. А. Борисяка.

Гербарий экспедиции — 750 видов растений, или 3000 листов, и 50 пакетов семян — передан в Главный ботанический сад на определение и изучение.

С той же целью сдана вся *зоологическая коллекция* экспедиции в Зоологический музей Академии наук.

Млекопитающих 65 видов или около 600 экземпляров (большинство с черепами и скелетами); над ними работают: А. А. Бялыницкий-Бируля, но главным образом — Б. С. Виноградов, имеющий намерение приготовить специальный том в общее издание трудов Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества.

Сборы птиц — 300 видов, в количестве 2000 экземпляров — описываются орнитологом экспедиции Е. В. Козловой под руководством академика П. П. Сушкина.

После обработки млекопитающих и птиц дневники этих обоих отделов традиционно перейдут в архив Зоологического музея.

Небольшое собрание рыб поступает на определение проф. Л. С. Берга.

Пресмыкающиеся и земноводные: змеи, дневные и сумеречные ящерицы, лягушки, жабы, общим числом около сотни экземпляров, находятся на изучении С. Ф. Царевского.

Над многочисленными насекомыми, коих свыше 20 000 экземпляров, работают зоологи-энтомологи: А. П. Семенов-Тян-Шанский, В. В. Боровский, Ф. Д. Плеске, А. А. Штакельберг, А. С. Скориков, А. Н. Кириченко, Н. Я. Кузнецов и друг[ие].

---

* В настоящее время Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН.

МАРШРУТЫ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1923–1926 гг. под начальством П. К. КОЗЛОВА
Маршруты П. К. Козлова в 1923–1924 гг.
» П. К. Козлова в 1925–1926 гг.
» С. А. Глаголева в 1925–1926 гг.
» Е. В. Козловой в 1926 г.
Зимовка экспедиции 1925–1926 гг.
50 0 50 100 150 200 250 км
105
115
50
45
40
С С С Р
Кяхта
Чикой
Онон
Ира
Хилок
Цзун-модо
Сушукто
Сутэ-нур
Боротай
Мандал
УЛАН-БАТОР (УРГА)
г. Богдо-ула
Тола
Керулен
ХР. ХЭНТЭЙ
ХР. ЭРЭН-ДАБА
ВЕРХ. БАЯН-УЛА
Улхуин-булун
кол. Эрдени-худук
Баян-барат
Чойрэн
Удэ
Бэйпин
г. Бичикта-дулан-хала
Далай-гун
оз. Тукум-нор
Мишик-гун
г. Дулан-ула
Идьдэн-бэйле
ур. Хара-хушу
Сайн-ноин
Уйцзэ-ван
г. Хан-кокшун-ула
г. Ашигэт-хан
оз. Гун-нор
ур. Холт
ХР. ХАНГАЙ
ХР. УШКЭ
Аргалинтэ
оз. Халбольдж
ур. Далын-туру
оз. Орок-нор
гора Ихэ-богдо
г. Бага-богдо
ур. Цайган-тологой
ГОБИЙСКИЙ ОГДО
ХР. ГУРБУН-САЙХАН
ГОРЫ НЭМЭГЭТЭ
ХР. НОМГОН
ХР. ИХЭ-АРГАЛИНТЭ
ХР. ХУРХЭ
г. ТОСТУ
г. ХОШУ
г. НОЙН-БОГДО
Обогэн-хуруй
кол. Дэбсык-худук
СТЕПЬ АЛТЫН-ГОБИ
кол. Олон-худук
оз. Гашун-нор
оз. Сого-нор
кол. Холойн-гашун
кол. Сайрен-худук
Хара-хото (разв.)
ГОБИЙСКИЙ АЛТАЙ
ХР. ДЭЛГЭР-ХАНГАЙ
кол. Иртын-гологой-худук
кол. Сучжи-худук
125 0 125 150 км
Удэ
Дабаньшань
оз. Далой-нор
Баотоу
Гуйсуй
Калган
Юндинхэ
Бэйпин (Пекин)
Тяньцзинь
Баодин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо А. П. Чехова к Е. М. Литваревой от 27.10.1888 г. Цит. по: *Чехов А. П.* Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1987. Т.16. С. 498.

[2] *Чехов А. П.* Соч. Т.16. С. 236—237. П. К. Козлов цитирует А. П. Чехова с незначительными неточностями.

[3] Пшевик, Пшевочка — таким именем (в мужском или женском роде) Козлов ласково называл свою жену Елизавету Владимировну Козлову (Пушкареву) в память о своем учителе Н. М. Пржевальском. Познакомившись с юной Е. В. Пушкаревой летом 1910 г. на французском курорте Berck Plage, Козлов нашел в ней родственную душу, живо откликнувшуюся на волновавшие его проблемы. В одном из писем (23.10.1910 г.) он ей писал: «Как ты наполнила мою жизнь, как ты оживила и приблизила ко мне моего Пшеву. <...> Ты явилась, словно перерожденец Пшевин <...>». (Архив музея П. К. Козлова. Ф.1. Оп.6. Д. 35).

[4] Сан-Галли — чугунолитейный и механический завод Ф. К. Галли в Санкт-Петербурге; основан в 1853 г. В 1920-е гг. — завод «Кооператор».

[5] Cyan-calli (лат.) — цианистый калий, использовался для морения насекомых.

[6] Имеется в виду парча торгового дома «А. и В. Сапожниковы» в Москве, славившаяся своим высоким качеством.

[7] Летом 1914 г. полностью сформированная и снаряженная экспедиция Козлова, в задачи которой входило исследование Центрального Тибета и дополнительные раскопки в Хара-Хото, была отменена из-за начавшейся войны.

[8] Серебряные слитки различного веса и формы широко использовались в качестве платежного средства в Монголии и Китае. Выпуск серебряных монет начался только в 1890 г., однако серебряные слитки оставались в употреблении до начала 1930-х гг. Гамбургское плиточное серебро было, как правило, более высокого качества, чем китайские ямбы.

[9] Имеется в виду Далай-лама XIII Тубтен Гьятцо (1876—1933). Козлов встречался с тибетским иерархом дважды. Первый раз — в Урге, в июне—июле 1905 г. (подробно эту встречу он описал в своем ургинском дневнике: АРГО. Ф.18. Оп.1. Д.153). Вторая встреча состоялась в феврале—марте 1909 г., в монастыре Гумбум во время Монголо-Сычуаньской экспедиции (см.: *Козлов П. К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920. С. 52—86; *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.—Пг., 1923. С. 496—507). О Далай-ламе XIII см.: *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета / Избранные труды. Новосибирск, 1981. Т.1; *Bell Ch.* Portrait of a Dalai Lama. The life and times of the Great Thirteenth. London, 1946. 2nd ed. 1987; *Tookan Tada.* The Thirteenth Dalai Lama. The Centre for East Asian Cultural Studies. Tokyo, 1965.

[10] Пржевальский Николай Михайлович умер в г. Караколе (Киргизия) в октябре 1888 г. во время последних приготовлений к очередной, V Центральноазиатской, экспедиции. По его завещанию, был похоронен на берегу оз. Иссык-куль. Позже, в 1893 г., на могиле установили ставший знаменитым памятник (по проекту генерал-майора А. А. Бильдерлинга, друга Н. М. Пржевальского; архитектор И. Н. Шредер) в виде скалы, на вершине которой сидит орел, держащий в клюве оливковую ветвь и попирающий когтями карту Азии.

[11] Вероятно, речь идет о книге великого князя Романова Николая Михайловича «Русские портреты XVIII—XIX столетий». СПб., 1905—1909. Т. 1—5.

[12] Имеется в виду Геологический и Минералогический музей РАН. В 1920-е гг. располагался в Петрограде, в здании Таможенного ведомства (наб. Тучкова, 2).

[13] Die Vögel der paläarktischen Fauna. Sistematische Übersicht der in Europa, Nord-Asien und der Mittelmeerregion vorkommenden Vögel von Ernst Hartert. Berlin. B. 1.1910. B. 2—3. 1921—1922.

[14] По-видимому, речь идет о Ю. М. Шокальском, который жил в это время в Петрограде на Торговой ул., 27 (АРГО. Ф. 1—1924. Оп. 1. Д.1).

[15] Несмотря на отказ, Б. Овчинников и Н. Барсов продолжали добиваться от НКИД разрешения на участие в экспедиции. Об этих попытках и о своих чувствах Овчинников сообщал в письме Козлову от 30 августа 1923 г., уже после отъезда экспедиционного отряда из Петрограда: «<...> Чувствуешь, что ты выброшен из колеи общественной и академической жизни <...>. Приезжал как-то Барсов в Москву, но ничего не получил приятного и уехал. А мне на днях из НКИД сказали, что Барсову категорически отказано, а мне (по всему видно) отказали по недоразумению, а отказаться от своей резолюции и разрешить вновь Иностранный отдел <...> считает, наверное, как компрометирование и дискредитирование справедливости их решений <...>. Никакие просьбы Берлина ни к чему не привели (по правде сказать, он только раза 2 беседовал и то ленился очень). Ни мотивировки, ни объяснений, ни оправданий, ни звука лишнего — ничего оттуда не получили. "Святая Святых, — т. Берлин сказал, — ничего не поделаешь". Каждый день был в НКИД — не получилось путного. Они, видно, хотели на наше место кого-нибудь "вклеить" в состав экспедиции. Была придирка ко мне (однофамилец какую-то неприятность мне наделал!) и, как видно, и к Барсову заодно <...>. Берлин сказал, что уже вклеили Вам кого-то в состав экспедиции <...>. До последних дней я надеялся, что Вас догоню!» (АРГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 502. Л. 28, 30 об., 31).

[16] Т.е. буквой «П», по названию этой буквы в кириллице.

[17] Наркомат путей сообщения выделил экспедиции 2 вагона: один пассажирский («классный») и один товарный.

[18] При подборе участников экспедиции Козлов руководствовался принципами своего учителя Н. М. Пржевальского: «<...> всякий желающий отправиться со мною должен знать, что он будет исполнителем того, что ему предложат делать, личных желаний <...> не допускается. Такой деспотизм, по моему мнению, необходим для успеха дела» (цит. по: *Козлов П. К.* Николай Михайлович Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии. СПб., 1913. С. 19).

[19] «Записки Уральского общества любителей естествознания» издавались с 1874 г. К 1923 г. было выпущено 38 томов.

[20] В 1920—1921 гг. Наркомпрос и Наркомзем командировали Козлова в Сибирь для налаживания связей с отделами РГО и инспекции охотничьих хозяйств. С этой целью он побывал в Барнауле, Красноярске, Иркутске, Омске, Верхнеудинске, Троицкосавске и других городах Сибири.

[21] «Чайка» — первое научно-исследовательское судно, построенное в 1916 г. по чертежам В. Ч. Дорогостайского специально для изучения оз. Байкал. См.: *Дорогостайская Е. В.*

Начало организации стационарных исследований на Байкале // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1989. Вып. 3. С. 72—75.

[22] Имеется в виду КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога (сейчас Китайская Чанчуньская железная дорога); построена Россией в 1897—1903 гг. в Северо-Восточном Китае. С 1924 г. по 1935 г. и с 1945 по 1952 г. КВЖД находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1952 г. советское правительство передало права на КВЖД китайскому правительству.

[23] Речь идет о Монголо-Сычуаньской экспедиции Козлова 1907—1909 гг., в ходе которой был открыт «мертвый» город Хара-Хото на юге пустыни Гоби, и американской Центральноазиатской экспедиции Музея естественной истории в Нью-Йорке под руководством Р. Ч. Эндрюса (1921—1929 гг.).

[24] Бурят-Монгольская АССР (с 1958 г. Бурятская АССР) образована 30 мая 1923 г.

[25] По-видимому, речь идет об оружии и боеприпасах экспедиции.

[26] Речь идет о сборе средств в пользу пострадавших от Великого Кантосского землетрясения (Восточная Япония) 1 сентября 1923 г., унесшего жизни 120 000 японцев. Особенно сильно пострадали города Токио и Иокогама. См.: *Павлович М.* Тихоокеанская проблема и землетрясение в Японии // Новый Восток. 1923. № 4.

[27] Теплые дружеские отношения с рядом кяхтинских купцов (Лушниковы, Молчановы, Швецовы, Собенниковы и др.) завязались у Козлова еще во время его участия в IV Центральноазиатской экспедиции Н. М. Пржевальского 1883—1885 гг. О жизни дореволюционной Кяхты, о купеческих семьях и их культурной и просветительской деятельности см.: *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Л., 1924.

[28] Монголы, в силу особенностей своего быта, отправляли естественные потребности открыто, не стесняясь постороннего присутствия. Поэтому вид мужчин и женщин, сидящих «орликами», был типичным для Урги.

[29] От boy (англ.) — мальчик-слуга.

[30] Хан-Хай — гипотетическое море, которое, по представлениям древних китайских географов, находилось на месте современной пустыни Гоби. Гипотеза о существовании «Монгольского» моря была опровергнута В. А. Обручевым.

[31] Деревянные колокольчики.

[32] По-видимому, речь идет о Синьхайской революции 1911—1913 гг., свергнувшей Цинскую (Маньчжурскую) династию в Китае. Поводом для воспоминания, возможно, послужило то, что русское правительство отклонило в 1911 г. проект очередной экспедиции Козлова в Центральную Азию ввиду нестабильной политической ситуации в Китае.

[33] По-видимому, искаженное «баодзы» («паодзы») — китайские пельмени.

[34] *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция РГО в Нагорной Азии 1907—1909. М.—Пг., 1923.

[35] Китайские солнечные высотные часы из слоновой кости с бронзовыми деталями, XIX в. Находятся в экспозиции музея П. К. Козлова в Петербурге.

[36] Клуазоне (фр. cloisonne) — ваза, сделанная в технике перегородчатой эмали.

[37] См.: *Першин Д. П.* Барон Унгерн, Урга и Алтан-булак. Самара, 1999.

[38] Имеется в виду один из субурганов в Хара-Хото, названный «знаменитым» благодаря обширности и уникальности сделанных в нем находок. См.: *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. С. 299—301.

[39] Курень (монг.) — стойбище. Монгольское название Урги — Богдо-Курень или Да-Курень (Священное или Большое стойбище). Здесь: центральная часть города с торговой слободой, правительственными учреждениями, телеграфом.

[40] Донир — тиб. mgron gnyer. С. Ч. Дас переводит этот термин как «the receiver of guests, an officer whose duty it is to introduce others to the king or to the great lamas of Tibet» (Das S. Ch.

A Tibetan-English Dictionary. Calcutta, 1902. Repr. Delhi, 1991. P. 288). Аналогичным образом у Ю. Н. Рериха это «ведающий приемом гостей, распорядитель праздника, master of ceremonies» (*Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. М., 1984. Вып. 2. С. 185). Термин употреблялся также в смысле «уполномоченный» или «представитель» далай-ламского правительства.

[41] Правильно Цзан. Под Центральным Тибетом обычно подразумевают две провинции — Уй и Цзан.

[42] Цайдам — географ. область Китая, западнее озера Кукунор. Курлык — один из 5 хошунов, на которые делился Цайдам.

[43] φ (астр.) — географическая широта местности.

[44] Универсальный астрономический прибор для определения географических координат местности.

[45] Habitus (лат.) — характер, телосложение, конституция.

[46] Имеется в виду охотничье ружье фирмы Гонно (Гоно), изделия которой высоко ценились в России, наравне с изделиями лучших английских оружейников. Август Гонно имел мастерскую, обслуживавшую старейший петербургский оружейный магазин братьев Лежен. См.: *Сабанеев Л. П.* Охотничий календарь. Справочная книга для ружейных и псовых охотников. Изд. 3-е. М., 1904; *Маркевич В. Е.* Ручное огнестрельное оружие. СПб.: «Полигон», 1994; Наша охота. Л., 1989. С. 338—339.

[47] Речь идет о серебряных слитках несостоявшейся экспедиции П. К. Козлова 1914 г. См.: прим. 198.

[48] Червяк, насекомое (от монг. хорхой). Здесь: таинственное существо, по представлению монголов не имеющее головы и ног и настолько ядовитое, что одно прикосновение к нему может вызвать смерть. Животное это водится якобы в отдаленных частях пустыни Гоби. С просьбой поймать «хорхоя» монголы обращались и к Эндрюсу. См.: *Эндрюс Р.* По следам первобытного человека. Л., 1926. С.30.

[49] Четверть — старинная русская мера длины, равная примерно 18 сантиметрам.

[50] Кудон, худон (монг. хөдөө) — сельская местность, провинция. Здесь: двор, хутор.

[51] Эти сведения содержатся в письме первого секретаря посольства СССР в Монголии В. И. Юдина Козлову от 27.10.1923 г.: «Многоуважаемый Петр Кузьмич!

Вчера вечером я получил из Москвы телеграмму следующего содержания: "Находящихся в составе Козловской экспедиции: Овчинникова, Барсова, Саранцева, Глаголева, Савельева и Налетного немедленно вернуть в Москву. Экспедиция должна задержаться выходом впредь до дальнейших указаний". Насколько мне известно, часть указанных в телеграмме лиц не числится в составе Вашей экспедиции и были оставлены в России при формировании состава экспедиции. Сообщая об этом, я прошу Вас отдать распоряжение о приостановлении в канцелярии Полномочного представительства паспортов указанных в телеграмме лиц, предупредив последних о необходимости их выезда в Москву в возможно кратчайший срок. Что касается причин дальнейшей задержки экспедиции, то если я в ближайшие 2—3 дня не получу никаких указаний от моего Правительства, — я сделаю запрос. Уважающий Вас В. И. Юдин» (АВП РФ. Ф. 183. Оп. 4. Папка 107. Д. 28. Л.146).

[52] R — измерение температуры по шкале Реомюра (шкала, один градус которой равен $^1/_{80}$ разности температур кипения воды и таяния льда при нормальном атмосферном давлении; в шкале Цельсия (С) один градус — $^1/_{100}$ этой разности).

[53] Кукунор (монг. Хух-нур — Голубое озеро) — бессточное соленое озеро в горах Наньшаня (провинция Цинхай, Китай). Козлов исследовал это озеро во время Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907—1909 гг. См.: *Козлов П. К.* Монголия и Амдо... С. 310—363.

[54] См.: *Козлов П. К.* Монголия и Амдо... С. 423—430.

[55] Речь идет об исследованиях В. Ф. Ладыгина и А. Н. Казнакова во время Монголо-Камской экспедиции П. К. Козлова 1899—1901 гг. См.: *Козлов П. К.* Монголия и Кам. СПб., 1905. Т. 1. Ч. 1.

[56] Джа-лама, настоящее имя Лувсан Дамбижанцан (Дамбин-Джанцан) (?—1923) — астраханский калмык, объявивший себя в начале 1890-х гг. внуком легендарного ойратского князя XVIII в. Амурсаны и выступивший с пропагандой идеи независимости Внешней Монголии. В 1920—1921 гг. тесно сотрудничал с бароном Унгерном. Ликвидирован осенью 1922 г. в результате операции, разработанной Государственной внутренней охраной (ГВО) МНР. О нем см.: *Майский И. М.* Современная Монголия. Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительских обществ «Центросоюз». Иркутск, 1921. С. 254—258; *Даревская Е. М.* Материалы П. Садецки-Доббс о Джа-ламе // Взаимоотношение народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Международной научно-практической конференции, 12—15 октября 1995 г. М.; Иркутск, 1995. С. 98—102; *Ломакина И. И.* Голова Джа-ламы. Улан-Удэ; СПб., 1993.

[57] Речь идет о IV Центральноазиатской экспедиции Н. М. Пржевальского 1883—1885 гг.

[58] Народный дом открыт в Урге в 1921 г. как культурно-просветительское учреждение по инициативе советского консула А. Я. Охтина.

[59] Существует предание о том, что Ундгур-гэгэн издал указ, утвердивший святость и неприкосновенность Богдо-улы, ее лесной и животной жизни.

[60] Центросоюз — Всероссийский центральный союз потребительских обществ. Занимался экспортом сельскохозяйственных продуктов и импортом продуктов широкого потребления.

[61] Речь идет о секретной экспедиции НКИД в Тибет под руководством С. С. Борисова в 1923—1925 гг. См.: *Андреев А. И.* От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине 20 века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага, 1997.

[62] Речь идет о частях Красной Армии, оставленных на территории Монголии по просьбе Народного правительства после разгрома войск Унгерна. Были выведены из Монголии в 1925 г. См.: Советско-Монгольские отношения. 1921—1974. М., 1975. Т. 1.

[63] Нголоки (ngo-log, mgo-log (тиб.) — мятежные) — тибетское племя в северо-восточной части Тибета; отличалось воинственным и непокорным нравом, проявлявшимся по отношению к властям как Центрального Тибета, так и Китая.

[64] По-видимому, речь идет о буддийской коллекции секретаря германского посольства в Пекине барона фон Штернбурга. О коллекции Н. И. Гомбоева см.: *Даревская Е. М.* «Несколько дополнений и уточнений о дочери Н. А. Бестужева и ее семье» // Сибирь. 1983. № 4. С. 120—125.

[65] Очевидно, Козлов и Гедин намекают на утрату столицей Тибета в начале XX в. окружавшего ее ореола таинственности — следствие изоляционистской политики тибетских властей. Этому в большой степени способствовала англо-индийская военно-дипломатическая экспедиция в Лхасу Ф. Янгхасбенда в 1903—1904 гг.

[66] В Столярном пер., д. 6, находились меблированные комнаты «Виктория», в которых П. К. Козлов подолгу жил, приезжая в Петербург, до августа 1912 г., когда он женился на Е. В. Пушкаревой. Здесь же до него останавливался и Н. М. Пржевальский.

[67] В 1912 г. С. Гедин опубликовал в Стокгольме брошюру под названием «Ett varningsord», которая в том же году была переведена на русский язык под названием «Брошюра С. Гедина "Слово предостережения" и полемика, вызванная ею в Швеции» (СПб., 1912). В ней Гедин указывал своим соотечественникам на опасность, которую якобы представляет для них Россия, стремящаяся на протяжении двух веков пробиться к Атлантическому океану. Свою точку зрения он подкреплял хорошо известными историческими фактами — борьбой Петра I со шведа-

ми на Балтике и присоединением Финляндии к России в 1809 г. Появление этой брошюры оттолкнуло от С. Гедина многих его русских друзей. За этой книгой последовали две другие, в том же крайне антирусском духе. См.: *Столыпин А.* 420 000 книг клеветы на Россию // Новое время. 1912. 17 февраля—1 марта. № 12907.

[68] Кенчун-сойбон, кончун-сойбон, кхенчунг-сойбон — гибридное тибето-монгольское словосочетание. «Кхенчунг» (тиб. mkhan-chung) лама-чиновник 4-го класса (по определению американского историка М. Голдстейна. См.: *Goldstein M. C.* A History of Modern Tibet, 1913—1951. The Demise of the Lamaist State. Berkeley; Los Angeles; London, 1991, p. 843). «Сойбон» («сойбун») происходит от «сойвон» (монг.) — прислужник. По-видимому, кхенчунг-сойбон — лама-чиновник высокого класса, лично прислуживающий Далай-ламе. По воспоминанию Козлова, «кхенчунг-сойбон», бежавший из Лхасы вместе с Далай-ламой в 1904 г., выступал в роли переводчика во время его бесед с правителем Тибета в Урге летом 1905 г. См.: *Козлов П. К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920; *В[оронов]ъ.* П. К. Козлов (Русский исследователь Центральной Азии) // Русская старина. 1911. Т. 146. Май. С. 238.

[69] Вероятно, имеется в виду Агван Доржиев.

[70] Автора письма установить не удалось.

[71] Фалань (кит. fa-lang от fo-lang — Византия) — эмаль. Техника изготовления эмали была заимствована Китаем у византийских мастеров в конце эпохи Юань (XIII—XIV вв.).

[72] Вероятно, речь идет об отчете В. Л. Комарова «Поездка в Тункинский край и на озеро Косогол в 1902 г.» (Известия РГО. 1905. Т. 41. Вып. 1. С. 23—154).

[73] Н. П. Горбунов явно лукавил, поскольку был прекрасно осведомлен о делах экспедиции. Решением Политбюро ЦК от 18 октября 1923 г. ему поручалось совместно с В. М. Молотовым, И. С. Уншлихтом, Г. В. Чичериным «подыскать и провести назначение комиссара экспедиции (нового, взамен Д. Убугунова. — *Ред.*), который смог бы фактически экспедицией руководить, дав ему политические полномочия <...>» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 371. Л. 7). А 23 ноября Н. П. Горбунов направил в Политбюро записку с проектом постановления об экспедиции Козлова, в которой говорилось: «В связи с осложнившимся международным положением, трудностью подыскания политического главы экспедиции и необходимостью ее полной реорганизации, мы просим Политбюро принять следующее постановление: 1) отложить экспедицию на год и пересмотреть весь ее состав, 2) на расходы, связанные с отсрочкой, отпустить дополнительный кредит» (Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 739. Л. 45—46; Там же. Постановление об отзыве экспедиции от 24 ноября 1923 г. Л. 43).

[74] Госторг — Государственная торговая импортно-экспортная контора, организованная в феврале 1922 г.

[75] Эрдэни-Цзу (Эрдэни-Дзу) — первый буддийский монастырь во Внешней Монголии, построен в 1586 г. на месте древней монгольской столицы г. Каракорума.

[76] Смольный пр., 6, кв. 32. По этому адресу проживали родители Е. В. Козловой — В. И. и В. В. Пушкаревы. Здесь Козлов поселился вместе с женой в августе 1912 г. Сейчас в этой квартире находится мемориальный музей П. К. Козлова.

[77] Название нарезных охотничьих ружей, выпускавшихся американской фирмой стрелкового оружия, основанной О. Ф. Винчестером.

[78] Так называется 1-я глава книги М. В. Певцова «Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая» (Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1883. Кн. 5).

[79] По-видимому, речь идет об «Ургинской газете», издававшейся полпредством СССР в Монголии в 1923—1924 гг.

[80] *Consten H.* Weiderplatze der Mongolen im Reiche der Chalha. Berlin, 1919—1920. Bd. 1—2.

[81] *Козлов П. К.* Монгольский заповедник Богдо-ула // Известия РГО. 1924. Т. LVI. Вып. 1. С. 169—173.

[82] *Кондратьев С. А.* О работах по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. в Урге // Известия РГО. 1924. Т. LVI. Вып. 1. С. 173—176.

[83] По-видимому, речь идет о деньгах.

[84] По-видимому, речь идет о С. Буяннэмэхе (1901—1937), или Бавасане, — руководителях Монгольского союза молодежи в начале 1924 г.

[85] Козбад — Е. В. Козлова и Ц. Г. Бадмажапов.

[86] Первое путешествие в Центральную Азию (Ганьсу — Ордос — Северный Тибет) Н. М. Пржевальский совершил в 1870—1873 гг. В самом начале путешествия ему пришлось отправиться из Урги в Пекин для получения китайского паспорта. См.: *Пржевальский Н. М.* От Кяхты до Пекина. Из путевых заметок // Известия ИРГО. 1871. Т. 7. № 4. С. 139—149.

[87] Цаган-сар (монг. — белый месяц) — праздник монгольского Нового года, отмечаемый по лунному календарю; приходится на первый день первой весенней луны.

[88] По-видимому, речь идет об отчете В. И. Лисовского «Поездка к развалинам старого монастыря в верховьях Толы». См.: Архив РГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 105.

[89] Вероятно, имеется в виду книга П. К. Козлова «Николай Михайлович Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии» (СПб., 1913).

[90] Речь идет о русских специалистах КВЖД, большинство из которых работало здесь еще с дореволюционных времен. Вопрос о КВЖД обсуждался в это время на советско-китайских переговорах, проходивших в Пекине.

[91] Речь идет о бывшей зимней резиденции Богдо-гэгэна (Зеленый дворец), расположенной на правом берегу р. Толы. Дворец построен в традициях китайской культовой архитектуры в 1893—1912 гг. В настоящее время здесь располагается филиал Государственного центрального музея Монголии («Хан-музей»).

[92] Пришедшее к власти в Великобритании в начале 1924 г. лейбористское правительство во главе с Д. Р. Макдональдом уведомило Москву нотой от 2 февраля о своем признании СССР «как правительства де юре тех территорий бывшей Российской империи, которые признают его власть».

[93] Имеется в виду Петроградский институт живых восточных языков (ПИЖВЯ, с 1924 г. — ЛИЖВЯ). Основан осенью 1920 г. в Петрограде как востоковедное учебное заведение практического профиля. С 1927 г. преобразован в Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе; закрыт в 1938 г.

[94] Архив русской революции / Сост. И. В. Гессен. Берлин, 1921—1937. Т. 1—22.

[95] По-видимому, речь идет об издании: Сборник трудов Орхонской экспедиции Академии наук. Т. 1—6. СПб, 1892—1903. Т. 1; *Радлов В. В.* Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Академиею Наук экспедиции для археологического исследования бассейна р. Орхона, с приложениями. СПб., 1892. Т. 5; *Ядринцев Н. М.* Отчет и дневник путешествий по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г. СПб., 1901.

[96] Хунхузы (кит. хунхуцзы — «краснобородый») — участники вооруженных банд в Маньчжурии с середины XIX в. по 1949 г.

[97] Проект Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова был утвержден на заседании Совнаркома 27.02.1923 г.

[98] По-видимому, речь идет о подготовке к празднованию 3-летия образования МНРП (1 марта 1921 г.) Официальным днем рождения монгольской народной армии считается 18 марта 1921 г., когда монгольские партизанские отряды, сформированные при содействии Красной Армии, одержали победу над китайскими войсками, оккупировавшими Кяхтинский Маймачен.

[99] После окончания в 1887 г. Санкт-Петербургского пехотного юнкерского училища Козлов был произведен в подпоручики и переведен в 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский Его Величества императора Александра III полк.

[100] Имеется в виду русско-бельгийская золотопромышленная компания «Монголор»; учреждена в 1900 г.

[101] Государственная уртонная служба — система почтово-пассажирских станций (уртонов) существовала в МНР до конца 1940-х гг.

[102] Все ученые и научные работники в первые годы Советской власти подразделялись на 5 категорий, в соответствии с которыми они получали заработную плату и продовольственные пайки. Высшей являлась 5-я категория.

[103] Цзун(Дзун)-Сунитские влиятельные князья — т.е. Восточно-Сунитские. Сунит — княжество в южной Монголии.

[104] Таши-лама, или Панчен-лама Чокьи Нима, VI (chos-kyi nyi-ma) (1883—1937) — второй после Далай-ламы иерарх буддийской церкви в Тибете, имевший резиденцию в монастыре Ташилхумпо, недалеко от Шигадце (южный Тибет), бежал в декабре 1923 г. в Китай по причине недовольства налоговой политикой, проводимой Далай-ламой. До конца 1926 г. проживал в Пекине.

[105] Речь идет о двух нотах Л. М. Карахана (от 16 и 19 марта 1924 г.) Пекинскому правительству в связи со срывом советско-китайских переговоров о восстановлении двусторонних отношений. Поводом для них послужил отказ Пекина ратифицировать соглашение, подписанное Л. М. Караханом и Ван Чжентином 14 марта. В этих нотах советский представитель решительно потребовал от китайской стороны подтверждения подписанных документов в трехдневный срок.

[106] См.: *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. С. 324.

[107] По возвращении из Москвы в Ургу Е. П. Горбунова отправила Козлову в Суцзуктэ письмо с рассказом о своей поездке (15.05.24 г.): «Многоуважаемый Петр Кузьмич, мне не хотелось сообщать Вам письменно о том, о чем следует поговорить устно, потому пишу о результатах своей поездки очень кратко. Не писала Вам из Москвы, потому что письма читаются очень усиленно; кроме того, определенное решение получилось непосредственно перед самым моим отъездом обратно, и телеграмма была отправлена в ту же минуту, когда дело было решено, без всякого промедления. Когда я приехала, я узнала, что экспедиция задержана не временно, но полная ее ликвидация прошла по всем инстанциям еще в ноябре месяце, и нашего возвращения ждали, не считая нужным отвечать на телеграммы. Таково было положение дела. Я поняла, что нужно развить максимальную энергию, чтобы добиться хоть каких-нибудь благоприятных результатов, и начала действовать и сама непосредственно, и косвенно через брата, которого воодушевить снова и доказать ему необходимость возрождения экспедиции было очень трудно. Пришлось выступить с докладами в нескольких учреждениях. Я наткнулась на полную осведомленность, поразительно точную, и очень недоброжелательное отношение к Вам лично. За нами наблюдали, что вполне понятно, и можно было предполагать давно, с первого дня нашей поездки и вплоть до Урги, как и за Вами в Харбине. Не нравился общий уклад нашей экспедиционной жизни, всего ее строя, не современный, Ваше обращение с людьми, не нравились более крупные вещи, о которых писать я не буду, а скажу лично, и что послужило отчасти причиной для запрещения двигаться за пределы Монголии. По мнению лиц, от которых зависит судьба экспедиции, экспедиция должна быть выразителем идей советской России, а не осколком старины. В научную работу не вмешиваются. Хотя и интересуются ею очень, но внешность и дух, внутренний уклад считают неподходящим, не соответствующим современности. В общем должна сказать, что летняя работа отвоевана с громадным трудом и на нее будет обращено очень большое внимание при рассмотрении осенью дальнейшей нашей судьбы...» (АРГО. Ф.18. Оп.3. Д.177.)

[108] Речь идет о спальных мешках, по-видимому аналогичных тем, которыми пользовался Ф.Нансен во время своих путешествий. Нансеновской мешок был двухспальным, сшитым из оленьих шкур. «Спать в таком мешке гораздо теплее, — писал Нансен, — люди согревают друг друга; кроме того, один двуспальный мешок куда легче, нежели два односпальных. Против общего спального мешка выдвигалось возражение, что один из нас, ворочаясь во сне, будет мешать спать другому, — но мы этого неудобства не испытали» (*Нансен Ф.* «Фрам» в Полярном море. Ч. II // Соб. соч. Л., 1940. Т. III. С. 22). Что собой представляли спальные мешки, о которых пишет Козлов (т.е. из какого меха они были сшиты и были ли одно- или двуместными), неизвестно.

[109] Н. В. Павлов и В. М. Канаев выехали из Урги 23 июня, вернулись 11 сентября 1924 г. Подробно о результатах этой поездки см.: *Павлов Н. В.* По Монголии. Очерк экспедиции 1923—24 и 1926 гг. Хабаровск, 1930. С. 147—257.

[110] По-видимому, речь идет о возможности бесплатного обучения Владимира Козлова в Ленинградском университете, поскольку в 1924 г. был принят декрет «О взимании платы в высших учебных заведениях РСФСР» (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1925. № 1. Ст.10). Право на бесплатное обучение имели получавшие стипендии Наркомпроса и других организаций, беднейшие крестьяне и безработные, бывшие воины Красной Армии, работники просвещения и их дети. В 1924/25 учебном году свыше 35% обучавшихся в ЛГУ студентов уже платили за обучение (см.: *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917—1925). Л., 1984. С. 139).

[111] Французские миссионеры-лазаристы Гюк и Габе описали сходный обычай, который они наблюдали в 1844 г., в Амдо (в монастыре Гумбум): в 25-й день каждого месяца ламы поднимаются на высокую гору и разбрасывают «бумажных лошадей» (кусочки бумаги с нарисованными на них оседланными конями) в «помощь путешествующим» (*Гюк.* Путешествие через Монголию и Тибет к столице Тале-ламы. М., 1866. С. 197—198). Как и когда появился этот обычай, неизвестно, но едва ли его можно считать древним ввиду того, что бумага в Монголии получила широкое распространение лишь благодаря русско-монгольской торговле. Китайская бумага была дорогой и использовалась лишь для записи религиозных текстов и составления документов.

[112] Статья вошла в «Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного русского географического общества 1923—1926 гг.» // Северная Монголия. Л., 1928. Т. III.

[113] Чахары — одно из монгольских племен, проживающих во Внутренней Монголии.

[114] Известия. 1924. 15 июля. № 159. «П. К. Козлов о своих работах в Монголии (письмо начальника Тибетской экспедиции путешественника П. К. Козлова)».

[115] Главнаука — Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса РСФСР. В 1923—1927 гг. заведующим Главнауки был Ф. Н. Петров.

[116] Текст, который является окончанием статьи «Путешественник П. К. Козлов о работах Тибетской экспедиции. Письма из Монголии», опубликованной в газете «Известия» (24.09.1924. № 213), помещен на последнем листе второй тетради дневников (л. 430—430 об.):

«... Подведя итоги летней деятельности и результатов Тибетской экспедиции, невольно чувствуешь себя счастливым, преисполненным чувства горячей любви и благодарности к своим старшим и младшим сотрудникам, к своим молодым спутникам, которые изо дня в день, невзирая ни на что — ни на какие невзгоды, свято и беззаветно выполняли и выполняют свой долг. Одни из них умело и самоотверженно работали на дне курганов, спускаясь в шурф на глубину шести-семи саженей, и в полусвете, холоде, грязи, с риском для жизни самым тщательным образом производили выборку научных сокровищ кургана. Другие среди живой, часто красивой природы, в горах или степи, не зная устали, неделями и месяцами экскурсировали с планшетом или ружьем в руках, с копалкой для растений или сачком для

насекомых. И во всех случаях с успехом, радостью или горечью мои спутники смело возвращались в главный лагерь, твердо зная, что их успех, радость или горечь — успех, радость или горечь всей экспедиционной семьи. О юность, чистая, красивая, я узнаю тебя! Ты вся горишь огнем очарования при виде красот дикой горной природы Азии, ты вся полна восторгом при всяком новом луче познания, сильная, жизнерадостная, ты молодишь других!

Путешествие и научная жизнь среди чистой девственной природы и широкого простора крепят, роднят, сближают людей, делая их друзьями-братьями и в то же время более, чем где-либо, воспитывают и приучают к сознательному и беззаветному выполнению своего долга.

26/VIII 1924. Суцзуктэ.

П. Козлов».

[117] Американский музей естественной истории предполагал опубликовать результаты Центральноазиатской экспедиции в 12 томах, под общим названием «Природоведение Центральной Азии». Однако работа не была выполнена в полном объеме, вышло только 7 томов (см.: *Гольман М. И.* Изучение истории Монголии на Западе. XIII — середина XX вв. М., 1988. С. 103—110). Итоги деятельности экспедиции обобщены самим исследователем в труде: *Andrews R. Ch.* The New Conquest of Central Asia. N.Y., 1932.

[118] Речь идет о книге: *Hedin S.* Vrån Peking till Moskva. Stockholm, 1924, — вышедшей одновременно и на немецком языке: *Gedin S.* Von Peking nach Moskau. Lpz., 1924.

[119] Речь идет о решении Дальбюро ЦК РКП(б) направить сотрудника хабаровского ГПУ Бузулаева в Ургу для зачисления в состав экспедиции Козлова. Полпред А. Н. Васильев, однако, откомандировал Бузулаева обратно, обосновывая свое решение следующими аргументами: «Из отношения ГПУ от 7 мая не видно, на какую работу предназначался в экспедицию т. Бузулаев. Из личной же беседы с последним выяснилось, что он должен был, по предположению ГПУ, работать в качестве сексота, формально числясь в экспедиции научным работником. К сожалению, сам т. Бузулаев не мог указать нам, в какой научной области он мог бы работать в экспедиции. С другой стороны, — и это главное — надобности в наличии сексота в составе экспедиции совершенно никакой нет. <...> по соглашению с Москвою был освобожден от своих обязательств т. Убугунов, назначенный с момента формирования экспедиции ее политкомиссаром. С этого момента политический контроль над экспедицией был передан Полпредству СССР в Монголии, который и по сие время осуществляется нами. Кроме того, Полпредство получает об экспедиции сведения также от ряда лиц и в том числе от сестры Управделами Совнаркома СССР т. Горбунова — Е. П. Горбуновой, состоящей членом этой экспедиции <...>» (АВП РФ. Ф. 183. Оп. 4. Пап. 107. Д. 28. Л. 88, 89).

[120] Духовная миссия в Пекине была основана Россией в 1727 г. в соответствии с Буринским трактатом 1727 г., подтвержденным Кяхтинским договором 1728 г. (фактически существовала с 1716 г.). Миссия одновременно являлась и дипломатическим представительством России. В таком качестве она просуществовала до 1861 г., когда ее дипломатические функции перешли к учрежденному в Пекине российскому посольству. В дальнейшем выполняла лишь духовно-религиозное назначение. Закрыта в начале 1950-х. Миссия прославилась главным образом благодаря научным трудам своих руководителей и сотрудников в области синологии (И. Бичурин, П. И. Кафаров (о. Палладий), В. П. Васильев). Большинство из них опубликовано в Трудах Пекинской духовной миссии. См.: История российской духовной миссии в Китае. Сб. статей / Ред. С. Л. Тихвинский. М., 1997.

[121] Речь идет об английском бригадном генерале Джордже Перейре (George Pereira), бывшем военном атташе британской миссии в Пекине. Перейра много путешествовал по Восточному Туркестану, Китаю и Тибету в начале 1920-х гг. В октябре 1922 г. посетил Лхасу, где встречался с военным министром Тибета Царонгом II. Умер в конце путешествия. См.: *Younghusband Fr.* (ed.) Peking to Lhasa: the narrative of journeys in the Chinese Empire made by the late Brigadier-General George Pereira. London, 1925.

[122] Речь идет об издании Лондонского Королевского географического общества (The Royal Geographical Society, London) «The Geographical Journal».

[123] Летом 1905 г. приехавший в Ургу из Троицкосавска вместе с П. К. Козловым художник Н. Я. Кожевников (преподаватель Троицкосавского реального училища) получил разрешение Далай-ламы XIII написать его портрет, при условии, однако, что этот факт не будет предан огласке. Кожевниковым были выполнены 3 карандашных портрета тибетского первосвященника, один из которых предназначался в качестве подарка русскому императору (см.: *Леонов Г.* История двух портретов // Азия и Африка сегодня. 1984. № 5). По возвращении в Санкт-Петербург Козлов с удивлением узнал, что в Монголии продаются фотографии Далай-ламы и что последний выражает большое недовольство по этому поводу (АРГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 94. Л. 8, 8 об.). Виновником случившегося оказался Кожевников, который, вернувшись в Троицкосавск, нарисовал по памяти еще один портрет Далай-ламы. С этого портрета и были сделаны фотографии, пользовавшиеся большим спросом у бурятов и монголов (см.: *Ломакина И. И.* Великий беглец. М., 2001. С. 139—150).

[124] Цит. по: *Полонский Я. П.* Полное собрание стихотворений: В 5 т. СПб., 1896. Т. 1. С. 262—263.

[125] Архив музея П. К. Козлова. Папка «Газетные вырезки». Л. 49 (листок из отрывного календаря от 5 марта 1924 г.).

[126] Цм от Zentimeter (нем.) — сантиметр.

[127] Судя по письмам Н. А. Такке к Козлову (АРГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 671; Архив музея Козлова. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37), инициатором перевода книги «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» на французский язык выступил Вильнуази (Villenoisy) (в 1927 г. избран президентом Дельфийской академии (Academie delphinale) в Гренобле). Н. А. Такке удалось договориться о публикации своего перевода с издательством Geuthner в Париже, однако книга, по неизвестным причинам, так и не увидела свет.

[128] Правильно «Ургинская газета» (1924—1925). С 1925 г. — «Известия Улан-Батор-хото».

[129] Дорт-юс — в тюркских языках (например, уйгурском) означает «400».

[130] Дресвяная от дресва — крупный песок, гравий (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I).

[131] Речь идет о книге Е. В. Козловой «Аскания-Нова. Зоопарк в южнорусских степях». (Пг., 1923. 134 с.).

[132] *Козлов П. К.* Отчет помощника начальника экспедиции П. К. Козлова // Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского. СПб, 1899. Ч. II.

[133] *В. М. Федяевская.* Мертвый город Хара-Хото, открытый русским путешественником П. К. Козловым. Л., 1924. (Серия «Наука для всех»).

[134] Речь, по-видимому, идет о В. А. Казакевиче, в то время студенте ЛИЖВЯ, находившемся в командировке в МНР по линии НКИД (1923—1925). В отчете правлению ЛИЖВЯ (от 01.09.1925 г.) Казакевич писал: «Как студент института ВЦИК, т.е. ЛИЖВЯ, со дня своего приезда был привлечен полномочным представительством СССР к информационной работе по Наркоминделу. В порядке этой работы мною написаны: "Краткий очерк современного положения степной Монголии", "Буряты-эмигранты в Монголии" и несколько других мелких статей, напечатанных в бюллетене НКИД и органе полпредства "Известия Улан-Батор хото". Вместе с тем я исполнял некоторые поручения полпредства и одно время занимался переводом для него. Посещая во время своих поездок районы совершенно необследованные и главным образом пограничные с Китайской республикой, я обязан был по требованию Главного штаба Монгольской армии представлять в его распоряжения все материалы, имеющие военное значение, что до сих пор мною и делалось» (ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 6. Д. 15. Л. 61—62).

[135] Имеется в виду гостиница ЦЕКУБУ — Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР.

[136] По-видимому, у теннисных кортов.

[137] Речь идет о письме Н.Такке от 20 сентября 1924 г. с просьбой выслать монгольские почтовые марки. См.: Архив РГО. Ф.18. Оп.3. Д.671.

[138] Часовая фирма «Павел Буре» была основана в 1815 г. в Санкт-Петербурге (Невский пр., 23).

[139] В соответствии с послереволюционной реформой народного образования в России школы подразделялись на школы I ступени (1—5 класс), II ступени (6—9 класс), или I—II ступени (1—9 класс).

[140] Искаженное от Frühstück (нем.) — завтрак.

[141] Труды экспедиции Императорского РГО по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 г.: 3-х частях: Ч. 1. Отчет начальника экспедиции В. И. Роборовского. СПб., 1900; Ч. 2. Отчет помощника начальника экспедиции П. К. Козлова. СПб., 1899; Ч. 3. Научные результаты экспедиции В. И. Роборовского. СПб., 1899.

[142] По-видимому, в сообщении Козлова речь идет об англичанах, а не о китайцах, поскольку все отношения между Тибетом и Китаем после 1912 г. были прерваны. Какие-либо сведения о продаже Панчен-ламой части принадлежащих ему земель в Южном Тибете китайцам через своего приближенного Лапсана в исторической литературе отсутствуют. В то же время известно, что в соответствии с англо-тибетской договоренностью о демаркации индо-тибетской границы, так называемой «линии Макмагона» (1914 г.), часть исконно тибетской территории с городом и монастырем Таван (в Ассамских Гималаях), площадью около 2000 кв. миль, должна была отойти к англо-индийским владениям. Это вызвало большое недовольство в Лхасе, особенно среди консервативных монашеских кругов, и привело к ряду антибританских выступлений в начале 1920-х гг.

[143] По предположению Е. В. Козловой, речь идет о труде «Записки о Монголии, сочиненные Иакинфом, с приложением карты Монголии и разных костюмов». Т. 1, 2. СПб.,1828. См.: *Козлов П. К.* Путешествие в Монголию. 1923—1926. Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой. М., 1949. С. 55.

[144] Речь, по-видимому, идет об издании А. А. Бильдерлинга (сост.) «Иппологический атлас для наглядного изучения верховой лошади» (СПб., 1889).

[145] Хуралдан — высший законодательный орган в МНР. 1-й Великий Народный Хурал, проходивший в ноябре 1924 г., провозгласил Монголию Народной Республикой и принял первую монгольскую конституцию.

[146] *Козлов П. К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920.

[147] В 1913 г. А. Баллод сообщил о своих находках в ВСО РГО, который затем переправил его письмо в Музей антропологии и этнографии АН. Баллод просил специалистов оценить «случайно встреченные» им предметы, чтобы они не были «похоронены для науки» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 26). Однако Академия наук не проявила интереса к информации Баллода. См. также: *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX—начале XX века. Иркутск, 1994. С. 219. П. К. Козлов узнал о находках Баллода только осенью 1923 г., в Урге.

[148] По-видимому, речь идет об оружии. См. Дневник № 4, запись от 3 января 1926 г.

[149] В Слободе (ныне г. Пржевальск Смоленской обл.) находилось имение Н. М. Пржевальского. Здесь в 1882 г. состоялось знакомство Козлова, в то время конторщика местного винокуренного завода, с прославленным путешественником.

[150] Духовщина — гор. в Смоленской обл., место рождения П. К. Козлова.

[151] Наг-чу или Нак-чу-ка (тиб. Nag-chu-ka) — тибетское селение в 150 км к северу от Лхасы, главная застава с таможней при въезде во владения Далай-ламы.

[152] *Vinogradov B.* A Second interesting Species of Mongolian Gerboa of the Genus Salpingotus Vinogr. (Salpingotus crassicauda sp. n.) // Zoologischen Anzeiger. Bd. LXI. S. 150—152.

[153] Н. М. Пржевальский был задержан тибетцами по дороге в Наг-чу, у горы Бумза в ноябре 1879 г. в ходе III Центральноазиатской экспедиции 1879—1880 гг. Караван путешественника простоял в течение 18 дней, ожидая разрешения на въезд в Лхасу, но, так и не получив его, вынужден был повернуть назад.

[154] Провешать дорогу — обставить ее для приметы вехами: камнями, столбами (*Даль В.* Словарь...).

[155] Бурят-Монгольская правда. 1924. 19 декабря. № 285 (383).

[156] *Барадийн Б.* Статуя Майтреи в золотом храме в Лавране. Л., 1924. (Bibliotheca buddhica. XXII).

[157] Dortoir (фр.) — спальная комната.

[158] Речь, видимо, идет о тибетских юношах, направленных Далай-ламой для обучения в Россию, прежде всего «для ознакомления с техникой порохового и ружейно-артиллерийского дела». Благодаря ходатайству А. Доржиева и председателя СНК БМ АССР М. Н. Ербанова перед НКИД и РВС СССР (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 715. Л. 11—13) юные тибетцы как «делегированные тибетским правительством» были позднее (1925 г.) зачислены слушателями ЛИЖВЯ. Козлов приветствовал тибетцев на амдоском диалекте тибетского языка, что означает «Как поживаете?». Ответ: «Дему, дему ин» — «Очень хорошо». См.: *Andreyev A.* Soviet Russia and Tibet: The debacle of secret diplomacy, 1918—1930. Leiden. 2003. P. 207—213.

[159] Бурят-Монгольская правда. 1924. 21 декабря. № 287 (385). *В. В.* По Монголии. С. 3. (С карандашным портретом П. К. Козлова).

[160] *Далин С. А.* Молодежь в революционном движении в Монголии. М.: «Новая Москва», 1924.

[161] Статья Л. Д. Троцкого «Уроки Октября» была впервые опубликована в виде предисловия к книге «1917» (М.; Л., 1924), которая вышла из печати в канун Октябрьских торжеств и вызвала резкую критику советской партийной верхушки.

[162] Вероятно, имеется в виду модная в то время клетчатая шерстяная ткань («шотландка»).

[163] Руководство Якутской АССР обратилась в апреле 1924 г. к АН с просьбой провести комплексное изучение естественных производительных сил республики. Это предложение было рассмотрено на общем собрании Академии наук 3 мая 1924 г., и принято решение об образовании Комиссии АН по изучению Якутской АССР, которая впоследствии и занималась координацией и руководством научно-исследовательской деятельности в Якутии.

[164] По-видимому, речь идет о М. К. Аммосове (1897—1938), председателе СНК и ЦИК Якутской АССР.

[165] Речь идет об издании: *Насонов Н. В.* Географическое распространение баранов Старого света. Пг., 1923.

[166] Пилинг или пилин (тиб. phi-lin или pyi glin-pa) — иностранец, чужеземец, европеец.

[167] Речь идет о предупредительных выстрелах орудий Петропавловской крепости, оповещающих жителей о подъеме воды в Неве. Обычай этот возник еще во времена Петра I и держался вплоть до начала 1930-х гг, когда пальба из пушек была запрещена. Козлов беспокоился об Ольденбургах, поскольку они жили на Васильевском острове, на набережной Невы, около моста Лейтенанта Шмидта (7-линия, д. 2).

[168] Журнал «Хочу все знать» с подзаголовком «Научно-технический журнал для новых рабочих» выходил в Москве в 1923—1932 гг.

[169] Последний раз П. К. Козлов побывал в Пржевальске (Караколе) в 1913 г., в 25-летнюю годовщину смерти Н. М. Пржевальского.

[170] *Prestage E.* The Fourth Centenary of Vasco da Gama // The Geographical Journal. Vol. LXV, No. 1, January 1925. P. 1—4.

[171] По-видимому, речь идет об издании: *Кутепов Н. И.* Царская охота на Руси. Исторический очерк. СПб., 1896—1911. Т. 1—4.

[172] Речь идет об охотничьем ружье английского мастера XIX в. Дж. Пердея.

[173] *Козлов П. К.* Что скрыто в курганах Монголии // 30 дней. 1925. № 2. С. 15—18. (Иллюстрированный ежемесячник «30 дней» — орган Союза советских писателей, издавался в 1925—1941 гг.).

[174] Имеется в виду Сибирская коллекция Петра I, первая историко-археологическая коллекция в России, уникальное собрание сибирских художественных изделий VI в. до н.э. — IV в. н.э., многие из которых выполнены в так называемом «зверином стиле». См.: Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: В 3 т. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. Книга вторая. СПб., 2001. С. 307.

[175] См. прим. 165.

[176] *Козлов П. К.* В песках монгольской пустыни // Огонек. 1925. № 10 (101). С. 12—13.

[177] В. Р. Самойлович совершил экспедицию на Новую Землю, Землю Франца-Иосифа и Северную Землю летом 1930 г.

[178] Достижения тибетской экспедиции. Известия. 1925. 10.02. № 33 (2366).

[179] По-видимому, речь идет об издании: *Tafel A.* Meine Tibetreise. Eine Studenfahrt durch das nord-westliche China und durch die Innere Mongolei in das östliche Tibet. Bd.1-2. Berlin, Stuttgart, 1914.

[180] *Козлов П. К.* Археологические открытия экспедиции П. К. Козлова // Хочу все знать. 1925. № 3. С. 8—11. Статья датирована 23 февраля 1925 г. и кроме иллюстраций содержит карандашный портрет Козлова художника Н. Кравченко, карту, план гробницы в кургане № 6, фотографии 2 погребальных ковров.

[181] *Козлов П. К.* Николай Михайлович Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии. СПб., 1913.

[182] Речь идет о письме Лэнгдона Уорнера (Langdon Warner) — американского археолога из Гарвардского университета, посетившего в ноябре 1923 г. вместе со своим коллегой Хорасом Джейном (Horace Jayne) Хара-Хото во время поездки по западной части провинции Ганьсу. Уорнер в упомянутом письме Козлову от 25 января 1925 г. описывал плачевное состояние «мертвого» города, полузанесенного гобийскими песками, рассказывал о своих раскопках там, обещал прислать фотографии всех найденных предметов (АРГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 104).

[183] Дархэ — Дар-Эхе (ногон) (монг. Ногоон-Дара-ехе) — так называемая Зеленая Тара (санскр. Съяма-тара). Наряду с Белой Тарой (Цагаан-Дара-ехе) — одна из двух «спокойных форм» наиболее почитаемого в ламаистском пантеоне женского божества — Тары. Земным воплощением Зеленой Тары считалась жена 8-го (последнего) Богдо-гэгэна Монголии, тогда как русские монархи (начиная с Екатерины II) почитались буддистами Бурятии и Монголии как инкарнации Белой Тары.

[184] *Козлов П. К.* Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-Хото. СПб., 1911.

[185] Имеются в виду статьи для энциклопедического словаря «Гранат» (издание Российского библиографического института «Гранат»). В словарь вошла только одна статья П. К. Козлова «Хара-Хото» (Т. 45. Ч. II. б/д. С. 129—133). Статья «Тибет» написана Г. Е. Грумм-Гржимайло (Т. 41. Ч. VIII. б /д.).

[186] «Кресты» — бытовое название петербургской тюрьмы. Построена в 1892 г.

[187] *Гриневич К.* Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова // Красный журнал для всех. 1925. № 6. С. 376—379.

[188] Речь идет о Географическом обществе в Берлине «Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», основанном в 1828 г. под покровительством А. Гумбольдта.

[189] Письмо Е. В. Козловой с рассказом о Тибете и Далай-Ламе не сохранилось. Вспоминая своего тибетского друга Намгана (Царонг Шапэ) Козлов, очевидно, сожалеет о его переходе в стан «врагов Тибета» — англичан. См. запись от 4 сентября 1924 г.

[190] *Козлов П. К.* Наша научная экспедиция в сердце Азии // Вестник знания. 1925. № 9. С. 609—617.

[191] Потала — Зимний дворец Далай-ламы в Лхасе, построенный 5-м «Великим» Далай-ламой в XVII в.

[192] Имеется в виду рассматривавшаяся на заседании Комиссии СНК по предварительным итогам деятельности Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова идея о создании научно-исследовательского учреждения, координирующего работу советских ученых в Монголии. Однако этот проект так и не был реализован. Функции планировавшегося Института полностью перешли к Комиссии СНК по научному изучению Монголии, впоследствии Монгольской комиссии АН СССР.

[193] Старо-Барское и Стречня — деревни в Новгородской области, где отдыхал П. К. Козлов.

[194] Декабристы, братья М. А. и Н. А. Бестужевы прибыли в Селенгинск 1 сентября 1839 г. после освобождения из тюрьмы Петропавловского завода. Н. А. Бестужев умер в 1855 г. и похоронен недалеко от своего селенгинского дома. Позднее там же были похоронены и некоторые другие представители рода Бестужевых.

[195] Статья была озаглавлена «Северная Монголия. Ноин-Улинские памятники». Опубликована в издании: Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова. Л., 1925. С. 1—12.

[196] *Козлов П. К.* Мокрый курган. Новые достижения Тибетской экспедиции. Известия. 1925. 24 мая. № 117.

[197] [*Пржевальский Н. М.*] Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной Нагорной Азии Н. Пржевальского. Т.1. СПб., 1875; Т. 2. СПб., 1876.

[198] Подробно все перипетии с деньгами несостоявшейся экспедиции П. К. Козлова 1914 г. изложены в письме Полномочного представительства СССР в Пекине на имя Н. П. Горбунова от 28 марта 1926 г.: «<...> 11 июня 1914 г. хорунжий Бадмажапов передал на хранение генеральному консулу в Урге депозит, принадлежащий полковнику П. К. Козлову и состоящий из 4-х ящиков серебра весом в 20 пудов. В 1915 г. один из ящиков был найден пустым, а оставшиеся три ящика были сданы на хранение в Монгольский национальный банк. Депозит этот предназначался на расходы по экспедиции П. К. Козлова в Тибет и выдан был Географическим обществом. В 1920 г. Китайский банк в Монголии принял вышеупомянутый депозит, обязуясь выдать отделению Русско-Азиатского банка в Тяньцзине серебро того же достоинства. 5 ноября 1920 г. Русско-Азиатский банк в Пекине известил Российскую миссию, что им открыт текущий счет на имя Козлова на сумму мексиканских долларов 8.319-85, полученных от "Банк оф Чайна", под условием, что вклад будет выдан до востребования с нарастающими процентами П. К. Козлову или его законным наследникам» (ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 4. Д. 41. Л. 103).

[199] От cicerone (ит.) — проводник.

[200] Козлов имеет в виду Пекинский университет.

[201] Couvert (фр.) — столовый прибор.

[202] Боксерское восстание (или восстание Ихэтуаней) — народное антиимпериалистическое восстание в Китае 1899—1901 гг. Подавлено в результате совместной интервенции европейских держав, США, Японии и России.

[203] Половинка — квартал в Урге, где располагались все монгольские правительственные учреждения.

[204] В 1925—1927 гг. в НКИД и ОГПУ разрабатывались планы создания советского торгового агентства в одном из трех городов центрального Китая: Су-чжоу (провинция Цзянсу), Ша-Чжоу или Лань-чжоу (провинция Ганьсу). Одной из целей агентства должно было стать поддержание связи с Тибетом.

[205] *Waddel L. A.* Lhasa and its mysteries. London, 1906.

[206] Мозер — речь идет о часовой фирме «Мозер Г. и К°», основанной в 1826 г. в Санкт-Петербурге.

[207] См.: [*Владимирцов Б. Я.*]. Восток. 1923. Кн. 3. С. 171—175.

[208] Речь идет о воздушном перелете по маршруту Москва—Пекин (10 июня—13 июля 1925 г.). Участие в перелете приняли 6 самолетов: 2 «юнкерса» германского производства и 4 советские машины различных типов. Командовал перелетом начальник и комиссар военно-воздушных заведений РККА И. П. Шмидт. См.: *Шмидт И. П.* Великий перелет Москва—Пекин. М., 1926.

[209] Достижения тибетской экспедиции // Известия. 1925. 10 февраля. № 33.

[210] Первые физкультурные кружки «Спартак» возникли в 1922 г. в России по инициативе Н. И. Подвойского, председателя Высшего совета физической культуры (1921—1923), председателя Спортинтерна (1921—1927). Кружки «Спартак» создавались по всей стране на предприятиях, в школах, в клубах. См.: *Подвойский Н. И.* Какая физическая культура нужна пролетариату. 1923; *Подвойский Н. И. и др.* Физическая культура пролетариата в СССР. Научно-методический комитет «Спартак». Пг., 1923.

[211] «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии»: Т. 1. Млекопитающие. Ч. 2. Копытные. Вып. 1. Equus Przewalskii. Обработал В. Заленский. СПб., 1902; Т. III. Ч. 1. Земноводные и пресмыкающиеся. Обработал А. В. Бедряга. Вып. 1. СПб., 1898; Вып. 2. СПб., 1907; Вып. 3. СПб., 1909; Вып. 4. СПб., 1912. Т. III. Ч. 2. Рыбы. Обработал С. Герценштейн. Вып. 1. СПб., 1888; Вып. 2. СПб., 1889; Вып. 3. СПб., 1891.

[212] По-видимому, речь идет о Наинту-ване, подарившем монгольскому Ученому комитету экземпляр Данчжура (не Ганчжура) и избранном в благодарность за это пожизненным членом этого учреждения.

[213] Имеются в виду шкуры козла.

[214] *Ладыгин В. Ф.* Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899—1901 гг., снаряженной ИРГО в Центральную Азию // Известия ИРГО. 1902. Т. XXXVIII. Вып. IV. С. 341—465.

[215] Монгольский торгово-промышленный банк обратился к П. К. Козлову с просьбой собрать сведения по интересующим банк вопросам в области производства и сбыта сырья и скота; снабжения районов Монголии товарами; развития кустарных промыслов; денежного обращения. См.: АРГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 450 (письмо Монгольского торгово-промышленного банка от 24 июля 1925 г.).

[216] *Козлов П. К.* Сокровища Монголии. Новые открытия Тибетской экспедиции // Известия. 1925. 10 июля. № 155.

[217] Байга — у киргизов и монголов праздник, сопровождающий поминки по умершему родственнику, основу которого составляют скачки на лошади. Здесь, скорее всего, речь идет о народном празднике надом (монг. эрийн гурван наадам) — «три игрища мужей» (соревнования в трех национальных видах спорта: борьбе, стрельбе из лука, конных скачках). См.: Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989. С. 237—249.

[218] *t* (астр.) — звездное время.

[219] Правильно: Хамтаар ябья (явья) (монг.).

[220] Цам (тиб. Чам) — буддийская мистерия. В Монголии, Бурятии, Туве Цам приурочивался к летним праздникам буддийского календаря.

[221] Имеется в виду прическа замужней монголки, в которой волосы укладываются с помощью специальных приспособлений в виде рогов.

[222] Имеется ввиду какое-то государственное учреждение — тамага (от монг. тамга — печать, штемпель).

[223] Монценкоп — Центральный потребительский кооператив МНР, учрежден летом 1921 г. в Урге. К концу 1924 г. имел 108 отделений в наиболее крупных пунктах Внешней Монголии и собственных уполномоченных в Тяньзине, Калгане и других городах Китая.

[224] Термин «лингор» заимствован из тибетского языка, где он означает круговую дорогу вокруг Лхасы.

[225] Гаруда — в индийской мифологии царь птиц, ездовая птица-вахана Вишну солярной природы.

[226] По-видимому, Козлов предполагает, что это могила вождя кукунорских монголов Арсалана, погибшего во время похода в Тибет (ок. 1635 г.) для искоренения господствовавшей там буддийской желтошапочной секты.

[227] *Зупан А.* Основы физической географии / Пер. со 2-го немецкого изд. под ред. Д. Н. Анучина. СПб., 1899.

[228] *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга / Предисл. И. М. Гревса. Л., 1925.

[229] Речь, по-видимому, идет о встрече С. С. Четыркина с Г. Л. Брусиловым на Крайнем Севере в 1910 г., когда он был участником экспедиции В. А. Русанова на Новую Землю, в то время как Г. Л. Брусилов занимался собственными гидрографическими исслсдованиями в Северном Ледовитом океане. О С. С. Четыркине см.: *Кравклис Н. Н.* Путешественник Сергей Четыркин. Смоленск: «Полиграмма», 1999.

[230] Возможно, «требцы» — это искаженное «требки» — ветошь, лохмотья, рубище (см.: *Даль В.* Словарь...).

[231] Вероятно, имеется в виду майоличный камень.

[232] Речь идет о храме Махаводхи в Бодх-гайе (Индия). Возведен вблизи того места, где, по преданию, Будда Шакьямуни достиг просветления (нирваны).

[233] Цит. из стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» («Мчатся тучи, вьются тучи...»). *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1948. Т. III. С. 226.

[234] *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с 3-го франц. изд. М. Булгакова. М., 1909 (1-е русское издание).

[235] *Лапшин И. И.* Художественное творчество. Пг., 1922.

[236] Гало (греч. hálōs — круг, диск) — световое кольцо вокруг дисков Солнца или Луны.

[237] Прета — голодные духи, одна из шести категорий живых существ, по представлению буддистов, наряду с богами, асурами, людьми, животными и обитателями ада. Изображаются обычно с огромным животом и тонким горлом. П. К. Козлов, очевидно, путает «прета» с «идамами» — медитативными божествами.

[238] См.: *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото... С. 214—218.

[239] Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 58 с.

[240] Имеется в виду Первая русская революции 1905 г.

[241] Внутренняя Монголия — южная часть исторической области расселения монголов; присоединена в XVII в. к Китаю. С 1947 г. автономный район Китая с административным центром Хух-Хото. Северная часть Монголии называлась Внешней Монголией или Халхой. Ныне — территория государства Монголия.

[242] Подробное исследование об этих надписях см.: *Владимирцов Б. Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи / Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 221—271.

[243] Имеется в виду наиболее популярное сочинение махаянского буддизма о пути совершенствования бодхисатвы Чжа-дон-па (тиб. brgyad-stong-pa, буквально «Восьмитысячная», т.е. состоящая из 8 000 стихов). Праджня-парамита — название знаменитой махаянистской сутры «Высшей мудрости».

[244] Речь идет о борьбе двух основных буддийских школ — сакья («красношапочная») и гелуг («желтошапочная») в XVI в.

[245] Х. Г. Раковский возглавлял советскую делегацию на переговорах в Лондоне, проходивших в апреле—августе 1924 г. Позиция Раковского на этих переговорах вызвала критику со стороны Наркомата иностранных дел. Подписанные Раковским договоры в силу так и не вступили в результате отказа от их ратификации обеими сторонами.

[246] Имеется в виду Комиссия по научному изучению Монголии СНК, образованная 31 марта 1925 г. С 1927 г. по 1953 г. Комиссия функционировала в системе АН СССР первоначально под названием Комиссия по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, позже — Монгольская комиссия АН СССР.

[247] «Кругосвет» — сведений о таком издании не имеется.

[248] *Козлов П. К.* Вести из Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества // Известия РГО. 1926. Т. 58. Вып. 2. С. 93—110.

[249] См.: *Никифоров П. М.* Записки премьера Дальневосточной республики. М., 1963.

[250] Речь, по-видимому, идет о книге: *Цыбиков Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.

[251] Балины — символические жертвы из теста.

[252] Хлынь — самая тихая рысь (*Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956).

[253] Прав. «Дотоод хамгаалах анги газар» (монг.) — Государственная внутренняя охрана (ГВО) МНР.

[254] Ама (тюрк. ham) — рулон, кусок.

[255] Одер — изнуренная старая лошадь.

[256] Речь, по-видимому, идет о журнале «Хозяйство Монголии. Экономический журнал» (Улан-Батор, 1926—1931).

[257] Чжинцэ-чулу — от byin-chhe (тиб.) — святой и чулуу (монг.) — камень.

[258] Чин — китайская мера веса, равная 0.8 золотника.

[259] Правильно: «Газар сайн байна увстэй, устай» (монг.) — Хорошая местность, покрытая травой.

[260] Вести из экспедиции П. К. Козлова // Известия. 1926. 13 февраля. № 36 (2667).

[261] От Kleisterpapier (нем.) — клейкая бумага.

[262] Coridalla, совр. Anthus — коньки.

[263] Бурундук — верблюжий повод (*Даль В. И.* Словарь...).

[264] От бургас (монг.) — ива (тальник).

[265] См.: *Козлов П. К.* Монголия и Кам. Т. I. Ч. 2. Кам и обратный путь. СПб., 1906. С. 652—653.

[266] Банди — послушник (низшая степень буддийского монашества). Употребление в сочетании с «лама» — неверно.

[267] Правильно: «Орос их ноен» (монг.) — Русский большой ноен.

[268] От carnal (англ.) — телесный, плотский. То же, что порнографический.

[269] По-видимому, речь идет об издании: *Обручев В. А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии. СПб., 1901. Т. 2.

[270] По-видимому, к монголу, которого звали Баавуу.

[271] Уросить — упрямиться, упираться (*Даль В. И.* Словарь...).

[272] Статьи Е.В.Козловой «Озеро Орок-нор» и «Весенний пролет птиц на Орок-норе» вошли в ее монографию: Птицы юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби. Л., 1930.

[273] В доме № 67 по Большой Пушкарской в Петербурге жили друзья Козлова Шведерские и Ривош. (Этот дом принадлежал Шведерским до революции.)

[274] Имеется в виду газета «Известия Улан-Батор-хото».

[275] Имеется в виду советская экспортно-импортная организация «Шерсть», действовавшая в Монголии в начале 1920-х гг.

СПИСОК НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ* И РАСТЕНИЙ**

Латинское название в работе П.К. Козлова	*Современное латинское название*	*Общепринятое русское название*
	Млекопитающие	
Allactaga	Allactaga	Пятипалые тушканчики
Arctomys	Marmota	Сурки
Arvicola	Arvicola	Водяные полевки
Antilope gutturosa	Procapra gutturosa	Дзерен
Antilope subgutturosa	Gazella subgutturosa	Джейран
Canis	Canis	Волки
Canis lupus	Canis lupus	Волк
Capra	Capra	Козлы
Capra sibirica	Capra sibirica	Сибирский горный козел
Capreolus	Capreolus	Косули
Capreolus pygargus	C. capreolus pygargus	Сибирская косуля
Cardiocranius	Cardiocranius	Пятипалые карликовые тушканчики
Cricetulus	Cricetulus	Серые хомячки
Dipus	Dipus	Мохноногие тушканчики
Eremiomys przewalskii	Eolagunus przewalskii	Пеструшка Пржевальского
Euchoreutes naso	Euchoreutes naso	Длинноухий тушканчик
Gazella	Gazella	Газели
Gazella gutturosa	Procapra gutturosa	Дзерен
Gazella subgutturosa	Gazella subgutturosa	Джейран
Lagomys	Ochotona	Пищухи
Lagomys ogotona	Ochotona pallasi	Монгольская пищуха
Lagomys rutila	Ochotona rutila	Красная пищуха
Lepus tolai	Lepus tolai	Заяц-толай
Microtus	Microtus	Серые полевки

* Составлен при участии Е. А. Шаповал.

** Составлен при участии А. Е. Бородиной-Грабовской.

Латинское название в работе П.К. Козлова	*Современное латинское название*	*Общепринятое русское название*
Mus	Mus musculus	Мышь домовая
Ovis	Ovis	Бараны
Putorius	Mustela	Хорь
Putorius eversmanni	Mustela eversmanni	Степной хорь
Salpingotus	Salpingotus	Трехпалые карликовые тушканчики
Salpingotus crassicauda nov.sp.	Salpingotus crassicauda	Жирнохвостый карликовый тушканчик
Salpingotus kozlovi	Salpingotus kozlovi	Карликовый тушканчик Козлова

Птицы

Accentor	Prunella	Завирушка
Accentor collaris	Prunella collaris	Альпийская завирушка
Accentor fulvescens	Prunella fulvescens	Бледная завирушка
Accentor erythropygius	Prunella collaris erythropygia	Альпийская завирушка
Accentor Kozlowi	Prunella	Завирушка
Accentor montanellus	Prunella montanella	Сибирская завирушка
Acredula	Aegithalos	Толстоклювые синицы
Actitis hypoleucos	Actitis hypoleucos	Перевозчик
Alauda	Alauda	Жаворонки
Ampelis garrulus	Bombycilla garrulus	Свиристель
Anser albifrons	Anser albifrons	Белолобая казарка
Anser anser	Anser anser	Серый гусь
Anser indicus	Eulabeia indica	Горный гусь
Anser segetum	Anser fabalis	Гуменник
Anthus	Anthus	Коньки
Anthus maculatus	Anthus hodgsoni	Пятнистый конек
Aquila	Aquila	Орлы
Aquila chrysaetus	Aquila chrysaetus	Беркут
Aquila nobilis	Aquila chrysaetus	Беркут
Aquila orientalis	Aquila rapax orientalis	Степной орел
Archibuteo	Buteo	Канюки
Archibuteo hemilasius	Buteo hemilasius	Мохноногий курганник
Asio otus	Asio otus	Ушастая сова
Astur	Accipiter	Ястреб
Bubo	Bubo	Филин
Bubo sibiricus	Bubo bubo sibiricus	Филин
Buteo	Buteo	Канюки
Buteo ferox	Buteo rufinus	Канюк-курганник
Caccabis chukar	Alectoris chukar	Кеклик
Caprimulgus	Caprimulgus	Козодой
Carpodacus	Carpodacus	Чечевицы
Carpodacus roseus	Carpodacus roseus	Сибирская чечевица
Casarca	Tadorna	Казарки

Латинское название в работе П.К. Козлова	*Современное латинское название*	*Общепринятое русское название*
Casarca rutila	Tadorna ferruginea	Огарь
Certhia	Certhia	Пищухи
Certhia familiaris	Certhia familiaris	Обыкновенная пищуха
Charadrius	Charadrius	Зуйки
Chelidon urbica	Delichon urbica	Городская ласточка
Ciconia nigra	Ciconia nigra	Черный аист
Cinclus	Cinclus	Оляпки
Circus	Circus	Луни
Columba rupestris	Columba rupestris	Скалистый голубь
Columba turtur orientalis	Streptopelia orientalis	Большая горлица
Corydalla	Anthus	Конек
Corvus corax	Corvus corax	Ворон
Cuculus	Cuculus	Кукушки
Cyanistes	Cyanistes	Подрод синиц-лазоревок
Cygnus musicus	Cygnus cygnus	Лебедь-кликун
Dumeticola	Tribura	Пестрогрудая камышевка
Emberiza	Emberiza	Овсянки
Emberiza aureola	Emberiza aureola	Овсянка-дубровник
Emberiza cioides	Emberiza cioides	Красноухая овсянка
Emberiza godlewskii	Emberiza godlewskii	Овсянка Годлевского
Emberiza leucocephala	Emberiza leucocephala	Белошапочная овсянка
Emberiza pallasi	Emberiza pallasi	Полярная овсянка
Falco	Falco	Сокола
Falco aesalon	Falco columbarius	Дербник
Falco subbuteo	Falco subbuteo	Чеглок
Falconidae	Falconidae	Соколиные
Fringilla	Fringilla	Юрки
Gallinago	Gallinago	Бекасы
Gennaia	Falco	Сокол
Gennaia milvipes	Falco cherrug milvipes	Балобан
Gennaia saceroides	Falco cherrug saceroides	Балобан
Gentiana	[Ceyx] gentiana	Зимородок
Gerbillus	Gerbillus	Карликовые песчанки
Graculus graculus	Pyrrhocorax graculus	Альпийская галка
Grus virgo	Anthropoides virgo	Журавль-красавка
Gypaetus barbatus	Gypaetus barbatus	Бородач
Haliaetus	Haliaetus	Орланы
Haliaetus albicilla	Haliaetus albicilla	Орлан-белохвост
Haliaetus leucoryphus	Haliaetus leucoryphus	Орлан-долгохвост
Hennaia	Falco	Сокола
Hennaia hendersoni или H. saker	Falco pelegrinoides	Шахин
Hierofalco saceroides	Falco cherrug	Балобан
Lagopus mutus	Lagopus mutus	Тундряная куропатка

Латинское название в работе П.К. Козлова	*Современное латинское название*	*Общепринятое русское название*
Lanius	Lanius	Сорокопуты
Lanius mollis	Lanius excubitor mollis	Серый сорокопут
Lanius mollis elixaveti	Lanius excubitor	Серый сорокопут
Leucosticte giglioli	Leucosticte arctoa	Сибирский вьюрок
Linota	Acanthis	Коноплянки
Linota brevirostria	Acanthia flavirostris brevirostris	Горная чечетка
Loxia	Loxia	Клесты
Melanocorypha mongolica	Melanocorypha mongolica	Монгольский жаворонок
Mergus merganser	Mergus merganser	Большой крохаль
Merula	Merula	Черный дрозд
Milvus melanotis	Milvus migrans	Черный коршун
Monedula	Corvus monedula	Галка
Monticola giglioli	Leucosticte arctoa	Сибирский вьюрок
Montifringilla	Montifringilla	Вьюрок снежный
Motacilla	Motacilla	Трясогузки
Motacilla personata	Motacilla personata	Маскированная трясогузка
Muscicapa	Muscicapa	Мухоловки
Numenius arquatus	Numenius arquata	Большой кроншнеп
Ochropus	T[ringa] ochropus	Черныш
Otis dybowskii	Otis tarda	Дрофа
Otocorys	Eremophila	Рогатый жаворонок
Otocorys brandti	Eremophiala alpestris	Рогатый жаворонок
Otomela	Lanius	Жуланы
Pandion haliaetus	Pandion haliaetus	Скопа
Parus ater	Parus ater	Московка
Parus montanus	Parus montanus	Пухляк
Parus major	Parus major	Большая синица
Passer ammodendri	Passer ammodendri	Саксаульный воробей
Passer montanus	Passer montanus	Полевой воробей
Passer stoliczkae	Passer ammodendri stoliczkae	Саксаульный воробей
Perdix cinerea	Perdix perdix	Серая куропатка
Petrocincla saxatilis	Monticola saxatilis	Пестрый каменный дрозд
Petronia petronia	Petronia petronia	Каменный воробей
Phrynocephalus	Phrynocephalus	Круглоголовки
Pica	Pica	Сорока
Picus leuconotus	Dendrocopus leuconotus	Белоспинный дятел
Picus martius	Dryocopus msrtius	Желна
Platalea leucorodia	Platalea leucorodia	Колпица
Podiceps	Podiceps	Поганки
Podoces hendersoni	Podoces hendersoni	Монгольская саксаульная сойка
Poecile borealis	Parus montanus	Буроголовая гаичка
Pratincola	Saxicola	Чеканы

Латинское название в работе П.К. Козлова	*Современное латинское название*	*Общепринятое русское название*
Pratincola maura	Saxicola torquata	Черноголовый чекан
Prunella kozlowi	Prunella	Завирушка
Prunella montanella	Prunella montanella	Сибирская завирушка
Pyrgilauda davidiana	Pyrgilauda davidiana	Монгольский земляной воробей
Querquedula	Anas querquedula	Чирок-трескунок
Rhopophilus	Rhopophilus pekinensis	Пекинская камышевка
Ruticilla	Phoenicurus	Горихвостки
Ruticilla aurorea	Phoenicurus aurorea	Сибирская горихвостка
Ruticilla erythrogaster	Phoenicurus erythrogaster	Краснобрюхая горихвостка
Ruticilla leucocephala (Chaimarrhornis)	Chaimarrhornis leucocephalus	Водяная горихвостка
Saxicola	Saxicola	Чеканы
Saxicola oenanthe	Oenanthe oenanthe	Обыкновенная каменка
Saxicola isabellina	Oenanthe isabellina	Каменка плясунья
Scolopax	Scolopax	Вальдшнеп
Scolopax rusticola	Scolopax rusticola	Вальдшнеп
Scolopax solitaria	Gallinago solitaria	Горный дупель
Sitta	Sitta	Поползни
Sitta europaea baicalensis	Sitta europaea	Поползень
Sitta europaea uralensis	Sitta europaea	Поползень
Sterna hirundo	Sterna hirundo	Речная крачка
Streptopelia orientalis	Streptopelia orientalis	Большая горлица
Strix uralensis	Strix uralensis	Длиннохвостая неясыть
Sturnus	Sturnus	Скворцы
Subbuteo	Falco subbuteo	Чеглок
Sylvia	Sylvia	Славки
Syrrhaptes paradoxus	Syrrhaptes paradoxus	Саджа
Tinnunculus alaudarius	Tinnunculus tinnunculus	Пустельга
Turdus fuscatus	Turdus fuscatus	Бурый дрозд
Terekia cinerea	Xenus cinereus	
Tetraogallus	Tetraogallus	Улары
Tetraogallus altaicus	Tetraogallus altaicus	Алтайский улар
Tinnunculus tinnunculus	Falco tinnunculus	Обыкновенная пустельга
Tinnunculus glandarius	Falco tinnunculus	Пустельга
Totanus calidris	Tringa totanus	Травник
Totanus glareola	Tringa glareola	Фифи
Totanus glottis	Tringa nebularia	Большой улит
Totanus ochropus	Tringa ochropus	Черныш
Tringa temminckii	Calidris temminckii	Белохвостый песочник
Turdus obscurus	Turdus obscurus	Оливковый дрозд
Turdus ruficollis	Turdus ruficollis ruficollis	Краснозобый дрозд
Upupa epops	Upupa epops	Удод
Uragus sibiricus	Uragus sibiricus	Длиннохвостая чечевица
Vultur monachus	Aegipius monachus	Черный гриф

Латинское название в работе П.К. Козлова	*Современное латинское название*	*Общепринятое русское название*
	Земноводные и пресмыкающиеся	
Ancistrodon halys	Agkistrodon halys	Обыкновенный щитомордник
Eremias	Eremias	Ящурки
Homarus	Homarus	Бокоплавы
Phrynocephalus	Phrynocephalus	Круглоголовка
Rana	Rana	Лягушка
	Насекомые	
Bombus	Bombus	Шмели
Carabus	Carabus	Жужелицы
Cicindela	Cicindela	Жуки-скакуны
Colias	Colias	Желтушки
Papilio machaon montana	Papilio machaon montana	Махаон
Parnassius	Parnassius	Аполлон
Vanessa urticae	Vanessa uricae	Крапивница

Литература

1. *Иванов А.И., Козлова Е.В., Портенко Л.А., Тугаринов А.Я.* Птицы СССР. М.; Л., 1953, 1954, 1956, 1960.

2. *Степанян Л.С.* Конспект орнитологической фауны СССР. М.: Наука, 1990.

3. *Hartert E.* Die Vögel der paläarktischen Fauna. Sistematische Übersicht der in Europa, Nord-Asien und der Mittimeerregion vorkommenden Vögel von Ernst Hartert. Berlin. Bd. 1. 1910. Bd. 2—3. 1921—1922.

4. *Bowdler Sharpe R.* A hand-list of the genera and species of birds 1899—1909.

Латинское название в дневниках П.К. Козлова	*Современное латинское название*	*Общепринятое русское название*
	Растения	
Anemona pulsatilla	Pulsatilla	Сон-трава, прострел
Betula	Betula	Береза
Betula humilis	Betula humilis Schrank	Береза низкая
Crataegus sanguinea	Crataegus sanguinea Pall.	Боярышник
Cynomurium	Cynomurium songaricum Rupr.	Циноморий джунгарский
Ephedra	Ephedra L.	Эфедра
Gentiana	Gentiana L.	Генциана, горечавка
Hippuris	Hippuris vulgaris L.	Хвостник
Juniperus caerulen	Juniperus sp.	Можжевельник (*монг.* арц, арча)
Larix dahurica	Larix dahurica	Лиственница даурская
Oxytropis	Oxytropis DC.	Остролодочник, окситропис
Populus	Populus	Тополь
Potentilla	Potentilla	Лапчатка

Латинское название в дневниках П.К. Козлова	*Современное латинское название*	*Общепринятое русское название*
Prunus padus	Padus asiatica Kom.	Черемуха азиатская
Rhododendron	Rhododendron sp.	Рододендрон
Salix	Salix sp.	Ива (*монг.* бургас)
Saussurea	Saussurea DC.	Соссюрея, горькуша
	Nitraria L.	Селитрянка (*монг.* хармык)
	Caragana	Карагана
	Tamarix L.	Тамариск (*монг.* сухай)
	Eleagnus L.	Лох
	Reaumuria songarica (Pall.) Maxim.	Реомюрия
	Achnatherum splendens (Trin.)	Дэрэсу
	Ulmus	Вяз (*монг.* хайлас)
	Populus diversifolia Schrenk	Тополь разнолистный (*монг.* тограк)
	Cotoneaster melanocarpa	Кизильник черноплодный (*монг.* иргюль)
	Trollius asiaticus L.	Купальница азиатская
	Haloxilon	Саксаул (*монг.* цзак)

МОНГОЛЬСКИЕ, КИТАЙСКИЕ, САНСКРИТСКИЕ И ТИБЕТСКИЕ ТЕРМИНЫ*

абгай (*монг.* авгай) — пожилая женщина
агуй (*монг.*) — пещера, подземелье
айл, айль — группа юрт, кочевье в степи
аймак (*монг.* аймаг) — основная административно-территориальная единица Монголии
аккой — *см.* агуй
аргал — сухой навоз, помет животных, используемый кочевниками как топливо
арека (*монг.* архи) — молочная водка
арслан (*монг.*) — лев
арц (*монг.*) — арча, можжевельник
ату (*монг.* адуу) — лошадь, табун лошадей

баин, баян — богатый, состоятельный
байшин (*монг.*) — дом, здание
банди (*монг.* бандь) — послушник, низший буддийский монашеский сан
бичик, бичиктэ (*монг.* бичиг) — письмо, письмена
бодхисатва, бодхисаттва, бодисатва (*санскр.* bodhisattva) — в буддизме: существо, стремящееся к просветлению
богдо (*монг.* богд) — святой, премудрый, титул главы буддийской церкви в Монголии
бокша, бакша (*монг.* багш) — учитель
булак, булык (*монг.* булаг) — ключ, родник
бургас (*монг.* бургаас) - ива
бурхан — скульптурное изображение буддийского божества. будды
бэйлэ — 3-я княжеская степень (в маньчжурскую эпоху)
бэйсэ — 4-я княжеская степень

ван (*кит.*) — 2-я княжеская степень
вачир (*санскр.* vajra) — ритуальный короткий жезл или скипетр

гамины (*кит.* га-мин) — солдаты китайской республиканской армии
ганджур (*тиб.* bka' 'gyur) — буддийский канон, свод сочинений в 108 томах

---

* См. также Указатель географических и топографических названий.

ганжир — шпиль, позолоченное навершие буддийского храма
гау (*тиб.* ga' u) — ладанка, амулетница
гоби (*монг.* говь) — полупустыня, степь
гун (*кит.*, *монг.* гүн) — 6-я княжеская степень
гунэ-курэ (*монг.* гүн хүрээ) — главный монастырь
гурбун (*монг.* гурав) — три
гурюсу (*монг.* гөрөөс) — антилопа
гэгэн, геген (*монг.* гэгээн) — один из высших санов буддийского духовенства
гэскуй, гэбкуй — храмовый блюститель порядка во время совершения богослужения, благочинный

даба, дабан (*монг.* даваа) — горный перевал
дакини (*монг.* дагинь) — женское божество — носительница мудрости (праджня), буддийская фея
далай-лама (*монг.* далай — море (мудрости) и *тиб.* blama — лама) — титул главы буддийской церкви в Тибете
да-лама (*монг.* даа лам) — лама-настоятель монастыря
далемба — хлопчатобумажная материя
даргэ (*монг.* дарга) — председатель, начальник
дархан — мастер, занимающийся каким-либо ремеслом
догын (*монг.* дуган) — буддийский храм
докшит — гневное буддийское божество, хранитель веры
домбо — кувшин, большой чайник
донир, дхонир, dhonir (*тиб.* mgron gnyer) — букв.: распорядитель церемоний, *зд.*: лама — духовный представитель Далай-ламы в Монголии
дунду (*монг.* дунд) — средний

захадыр (*монг.* зах дээр — на рынке) — название торговой части Урги

иёло (*монг.* ёл) — ягнятник, хищник
иргюль (*монг.* яргай) — кизильник черноплодный

керексур, кэрэксур (*монг.* хиргисин ур) — курган, древняя могила
кудон, худон (*монг.* хөдөө) — сельская местность, степь
куку-майхан (*монг.* хөх майхан) — синяя палатка
кукут (*монг.* хуухэд) — дети
курма (*монг.* хүрэм) — теплая куртка, меховой жилет
курэ, куре (*монг.* хүрээ) — большой монастырь
кхенчунг (*тиб.* mkhan chung) — лама-чиновник 4-го класса в Тибете

лан — денежная единица, содержащая 37,3 г. серебра
лонхон, лонхо (*монг.* лонх)— стеклянная бутылка, флакон
лу, луу (*монг.*) — дракон

магнэ (*монг.* магнай) — лоб
майхан — палатка, шатер
мандал — символическое ритуальное изображение Вселенной. Также круглое блюдо с символическими изображениями для сбора жертвоприношений
мани — название шестисложной буддийской молитвы «ом-мани-падмэ-хум»
маргаш (*монг.* маргааш) — завтра
модо, мото (*монг.* мод) — дерево

нирва (*тиб.* gnyer ba) — казначей монастыря
ноин, ноён (нойон) — старинный монгольский титул князей
нор, нур (*монг.* нуур) — озеро

обо (*монг.* овоо) — священная груда камней, место совершения религиозного ритуала
оготоно (*монг.* оготно) — полевая мышь
орус (*монг.* орос) — русский
панчен-лама (*от* пан, *сокр. санкр.* pandita — *ученый, тиб.* chen — великий и лама — лама) — титул второго (после далай-ламы) буддийского иерарха Тибета
пилин, пилинг (*тиб.* phi lin, pyi glin pa) — чужеземец, европеец
пурбу (*тиб.* phur pa) — ритуальный кинжал

риде, риид, ритод (*тиб.* ri khrod) — горное убежище отшельника, пещера

сайн-ноин, сайн-нойон (*монг.*) — титул феодала, возглавлявшего один из четырех аймаков Внешней Монголии (Халхи)
сарлок, сарлык (*монг.* сарлаг) — як
согдо *см.* цогдо
сойбун (*монг.* сойвон) — прислужник
сонин (*монг.*) — новость, известия, газета
сончжи, сончжэ (*тиб.* gsang mje) — тайное место, *зд.*: намогильный памятник, расположенный высоко в горах
субурган (*монг.* суврага) — в буддизме: ритуальное сооружение в виде пирамиды, служащее для захоронения мощей или поставленное в честь какого-либо святого
суй (*кит.*) — государственная пошлина
сумэ (*монг.* сум) — буддийский храм
сухайт (*монг.* сухай) — тамариск

тайчжи, тайджи (*монг.* тайж) — тайджи, низший княжеский титул
такэ (*монг.* тахь) — маленькая лошадка
тал — равнина
тамага (*монг.* тамга) — печать; *зд.*: административный орган, управление
тараки, тороки, тораки (*монг.* таар) — мешок
тарлык (*монг.* тэрлэг) — халат без подкладки
тарык (*монг.* тараг) — кислое молоко, род простокваши
тограк (*от монг.* тоорой, тураанга) — тополь разнолистный
тошур, ташур (*монг.* ташуур) — кнут, плеть с коротким кнутовищем
тусулур (*монг.* туслуур) — водопад
тушемил (*монг.* түшмэл) — крупный чиновник, сановник
тэмэ (*монг.* тэмээ) — верблюд
тэнгэри (*монг.* тэнгэр) — небо

улан, улэн (*монг.* улаан) — красный
уртон (*монг.* өртөө) — почтовая станция, перегон между уртонами
урюм (*монг.* өрөм) — пенка

фушер, фушо (*от монг.* хуушуур) — жареные пирожки

хадак (*тиб.* kha btags) — шелковый или тонкий хлопчатобумажный шарф, который преподносится в дар почетному гостю
хайлас (*монг.* хайлаас) — вяз

хайнык, ханык (*монг.* хайнаг) — помесь коровы с яком
хамбо (*монг.* хамба, *тиб.* mkhan po) — настоятель монастыря, ученая степень
ханна (от *монг.* хана) — стена
хан-чулуу *см.* хун-чулуу
хапчар (*монг.* хавчаар) — заколка для волос
хара (*монг.* хар) — черный
харасульта (*монг.* хар сүүлт) — антилопа-дзерен
хашан (*монг.* хашаа) — загон, изгородь, двор
хит (*монг.* хийд) — монастырь в Монголии
хичик (*монг.* хачиг) — клещ
ховурак (*монг.* хувраг) — буддийский послушник, ученик монастырской школы
хони-махан (*монг.* хонь — овца, махан — мясо) — баранина
хорхой (*монг.*) — червяк
хошан (*монг.* хошоо) — памятник
хошун (*монг.*) — административно-территориальная единица Монголии, входящая в аймак
хубилган (*монг.* хувилгаан) — в монгольском буддизме: высокий лама-перерожденец
худон *см.* кудон
худук (*монг.* худаг) — колодец
хун *см.* гун
хун-чулуу (*монг.* хүн — человек, чулуу — камень) — каменная баба
хурал (*монг.*) — большое собрание, заседание, съезд
хуралдан (*монг.* хуралдаан) — заседание, собрание, съезд, ассамблея
хурмэ (*монг.* хүрмэн чулуу) — базальт
хурэ *см.* курэ
хутухта (*монг.* хутагт) — титул перерожденцев (хубилганов) высшего ранга

цаган (*монг.* цагаан) — белый
цаган сар (*монг.*) — букв. «белый месяц», Новый год по лунному календарю
цайдам — солончаковая местность
цам (*тиб.* 'cham) — театрализованная буддийская мистерия
цаца — небольшая по размеру статуэтка буддийского божества из глины
цзаган-цзере (*монг.* цагаан зээр) — антилопа-дзерен
цзак (*монг.* заг) — саксаул
цзамба (*монг.* замбаа) — поджаренный ячмень или ячменная мука, основной продукт питания в старой Монголии и Тибете
цзамбай-гурил — блюдо из ячменной муки (цзамба)
цзангин (*монг.* занги) — низшее должностное лицо
цзара (*монг.* зар) — извещение, приказ
цзянь-цзюнь (*кит.*, *монг.* жанжин) — генерал, главнокомандующий
цирик (*монг.* цэрэг) — воин, солдат
цогдо, цогда (*монг.* цагдаа) — милиционер, охранник
цончжэ — *см.* сончжэ

чжалхэн-кукут (*монг.* жаахан хуухэд) — маленькие дети
чича (*монг.* чийчээ) — автомобиль
чоно — волк
чулун-мэлэхэ (*монг.* чулуун мэлхий) — каменная лягушка
чулуу, чуллуу, чуулуу (*монг.* чулуу) — камень
чулуу-байшен (*монг.* чулуу байшин) — каменное здание
чутугла (*от монг.* цутгах — лить, цутгалан) — устье реки, приток, место слияния рек
чюлутэ-бичиктэ (чулуутай бичиг) — надпись на камне

шабханцза, шибганцза (*монг.* шавганц) — послушница, монахиня
шара (*монг.* шар) — желтый
шариль (*монг.* шарил) — букв. мумия; забальзамированное тело хутухты или другого высокого лица
шире (*монг.* ширээ) — стол

эмчи (*монг.*эмч) — врач, лекарь

яман (*монг.* ямаа) — коза
ямынь, ямун (*кит.*) — присутственное место
янгер, янгир, янгэр—яман (*монг.* янгир ямаа) — горный козел
янчан, янчань, янчень, янчен, янчин (*монг.* янчаан) — китайские или мексиканские доллары, имевшие хождение в Монголии в 1920-е гг. до введения национальной валюты

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ П. К. КОЗЛОВА 1923—1926 гг.

Общие работы

1. *Андреев А. И.* Почему русского путешественника не пустили в Лхасу. Новые материалы о Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923—1926 гг. // Ариаварта. 1996. Начальный вып. С. 199—223.
2. *Андреев А. И., Юсупова Т. И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923—1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51—74.
3. *Глаголев С. А.* Из воспоминаний о Петре Кузьмиче Козлове // Земля и люди. Географический календарь 1960. М., 1959. С. 258—261.
4. *Гранина А.* Последняя экспедиция. Иркутск, 1958.
5. *Гриневич К.* Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова // Красный журнал для всех. 1925. № 6. С. 376—379.
6. *Житомирский С. В.* Исследователь Монголии и Тибета П. К. Козлов. М., 1989.
7. *Козлов П. К.* Вести из Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества // Известия РГО. 1926. Т. 58. Вып. 2. С. 93—110.
8. *Козлов П. К.* В песках монгольской пустыни // Огонек. 1925. № 10.
9. *Козлов П. К.* Дары Монголии // Советская Азия. 1930. № 3—4 (33—34). С. 165—184.
10. *Козлов П. К.* Из монгольских пустынь. Экспедиция П.К.Козлова // Экран. 1926. № 43. С. 13.
11. *Козлов П. К.* Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923—1926 гг. // Северная Монголия. Т.III. Комиссия по научному изучению Монгольской и Танну-Тувинской республик. АН СССР. Л., 1928.
12. *Козлов П. К.* Монголо-Тибетская научная экспедиция // Новый мир. 1926. № 6. С. 133—141.
13. *Козлов П. К.* Монгольский заповедник Богдо-ула // Известия РГО. 1924. Т. 56. Вып. 1. С. 169—173.
14. *Козлов П. К.* Наша научная экспедиция в сердце Азии // Вестник знания. 1925. № 9. С. 609—617.
15. *Козлов П. К.* Письмо к Председателю Географического Общества // Известия РГО. 1924. Т. 56. Вып. 2. С. 175—176.

16. *Козлов П. К.* Путешествие в Монголии. 1923—1926. Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой // Записки ВГО. Новая серия. Т. 7. М., 1949.
17. *Козлов П. К.* Северная Монголия. Ноин-Улинские памятники // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925. С. 1—12.
18. *Козлов П. К.* Три года по Монголии // Огонек. 1926. № 44.
19. *Козлов П. К.* Хребет Хангай и верховья Орхона с водопадом экспедиции // Вестник Маньчжурии. Вып.6. Харбин, 1926.
20. *Козлов П. К.* Что скрыто в курганах Монголии // 30 дней. 1925. № 2. С. 15—18.
21. [*Кондратьев С. А.*] Дневник С. А. Кондратьева, участника экспедиции П. К. Козлова в Монголию. 1923—1926 // Бюллетень Общества востоковедов РАН № 3.М., 2000.
22. *Кондратьев С.* Необычные случаи на охоте и рыбной ловле. М., 1960.
23. *Михельс В.* У путешественника П. К. Козлова // Экран. 1925. № 31. С. 12—13.
24. *Мурзаев Э. М.* Петр Кузьмич Козлов (последняя экспедиция) / В сердце Азии. М., 1990. С. 7—26.
25. *Овчинникова Т. Н.* П. К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964.
26. *Павлов Н. В.* В последней экспедиции. (100 лет со дня рождения П.К.Козлова) // Природа. 1963. № 12. С. 99—103.
27. *Павлов Н. В.* По Монголии. Очерк экспедиции 1923—24 и 1926 гг. Хабаровск, 1930.
28. *Павлов Н. В.* Путешественник и географ П. К. Козлов. М., 1940.
29. *Р. Ч.* Археологические находки в Монголии // Красная панорама. 1925. № 4 (46). С. 4.
30. *Шастина Н. П.* Из воспоминаний о Монголии / Книга братства. М.; Улан-Батор, 1971. С. 196—208.
31. *Юсупова Т. И.* Академия наук и Монголо-Тибетская экспедиция 1923—1926 гг. П. К. Козлова // Институт истории естествознания и техники. Годичная конференция 2000 г. М., 2000. С. 458—460.
32. *Юсупова Т. И.* Экспедиция П. К. Козлова 1923—1926 гг. и ее вклад в становление Ученого комитета Монголии // Петербургская АН в истории академий мира. Материалы международной конференции. СПб., 1999. С. 27—32.
33. Die Koslow-Expedition // Die Umschau. 1927. Heft 5. S. 87—89.
34. Expeditions and explorations. The Mongolian-Tibetian expedition of 1923—26 // The Soviet Union Monthly. 1926. Vol. I. № 11. P. 260—261.

Специальные исследования

1. *Бернштам А. М.* Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение // Известия АН СССР. Отд-е общественных наук. 1937. № 4. С. 947—968.
2. *Бернштам А. М.* Изображение быка в находках Ноин-улинских курганов // Проблемы истории докапиталистического общества. 1935. № 5—6. С. 127—130.
3. *Боркин Л. Я., Мунхбаяр Х., Орлов Н. Л., Семенов Д. В., Тэрбиш Х.* Распространение рептилий в Монголии // Рептилии горных и аридных территорий: систематика и распространение. Л., 1990. С. 22—138.
4. *Боровка Г. И.* Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925. С. 23—40.
5. *Владимирцов Б. Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Статья первая // Известия АН СССР. 1926. VI серия. Т. XX. № 13—14. С. 1253—1280.

6. *Воскресенский А. А., Кононов В. Н.* Химико-технологический анализ большого ковра № 14568 // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т. 11. Вып. 7—9. С. 76—93.
7. *Воскресенский А. А., Лукашевский В. А.* Анализ шерстяных тканей из кургана № 6 раскопок П. К. Козлова. Там же. С. 99—107.
8. *Воскресенский А. А., Тихонов Н. П.* Технологические методы исследования археологического материала // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т. 11. Вып. 7—9. С. 1—10.
9. *Головчинер В.* Исследование ковра со стороны техники обработки его вышивкой // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т. 11. С. 94—99.
10. К вопросу об очистке древних тканей // Журнал заседания Института археологической технологии. Л., 1926. 19 с. (Материалы по методологии археологических технологий. Вып. VIII).
11. *Клейн В. Г., Хвальковский В. Н., Воронков Н. В.* Шелковые монгольские ткани из раскопок П. К. Козлова // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т. XI. Вып. 7—9. С. 11—75.
12. *Козлова Е. В.* К орнитофауне Центральной Азии // Ежегодник Зоологического музея. 1928. Т. XXIX. С. 271—278.
13. *Козлова Е. В.* Птицы юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и центральной Гоби // Материалы Комиссии по научному исследованию Монгольской и Тувинской народных республик АН СССР. Вып. 12. Л., 1930.
14. *Кондратьев С. А.* Музыка монгольского эпоса и песен. М., 1970.
15. *Кондратьев С. А.* О работах по изучению монгольской музыки в октябре—декабре 1923 г. в Урге // Известия РГО. 1924. Т. LVI. Вып. 1. С. 173—176.
16. *Кононов В. Н., Казакевич В. А.* Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-ула. М.; Л., 1937.
17. *Крыжановский В. И.* Поездка в Монголию за самоцветами // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925. С. 51—58.
18. *Лубо-Лесниченко Е.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н.э.—III в.н.э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л., 1961.
19. *Павлов Н. В.* Виды Potentilla окрестностей г. Урги в коллекциях Монгольского музея // Известия Главного ботанического сада СССР. 1926. Т. XXV. Вып. 1. С. 44—50.
20. *Павлов Н. В.* Хангай и Северная Гоби. (Предварительный отчет) // Известия РГО. 1925. Т. 57. Вып. 1. С. 111—140.
21. *Павлов Н. В.* Типы и производительность кормовых площадей Прихангайского района Монголии. (Предварительный отчет). Там же. С. 141—168.
22. *Полынов Б. Б.* Исследование почв // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925. С. 41—50.
23. *Теплоухов С. А.* Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925. С. 13—23.
24. Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т. II. Вып. 7—9. 102 с.
25. *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940.
26. *Тревер К. В.* Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг. Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. № 9—10. С. 40—47.

27. *Birula A.* Zoologische Ergebnisse der von P. K. Kozlov in Jahren 1925—1926 ausgefuhrten Expedition nach der Mongolei. I. Skorpione und Solifugen // Ежегодник Зоологического музея АН СССР. 1927. С. 201—218.
28. *Boroffka G.* Griechische Stickereien aus der Mongolei // Die Antike. Bd. III. H. 1—4. Sonderabzug. Berlin—Leipzig, 1927. C. 66—69.
29. *Trever K. V.* Excavations in Northern Mongolia (1924—1925) // Memoris of the Academy of History of material culture. V. III. Leningrad, 1932. 75 c.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А. А. — командир авиаотряда «Добролета» в Урге 945

А. Д. С. Т. Ш. *см.* Семенов-Тян-Шанский А. Д.

Абидуев [Г.] — переводчик в Урге.

Абрамов — сотрудник ОГПУ в Верхнеудинске 468, 471—474

Алаша-цин-ван — китайский князь, правитель южно-монгольского княжества Алаша 938

Алашеевы Аркадий Александрович, Любовь Петровна — петербургские (ленинградские) знакомые, проживали в одном доме с П. К. и Е. В. Козловыми (Смольный пр., д. 6) 379, 401, 407

Алеева Людмила Александровна — знакомая П. К. Козлова по переписке 893, 915

Александр III (1845—1894) — российский император (с 1881) 963

Александра Федоровна *см.* Беднякова А. Ф.

Александров [П. А.] — заведующий секретариатом президиума Петрогубисполкома 26

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал от инфантерии, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего (1915), после революции создал, а затем возглавил Добровольческую армию 134

Алексеев Николай — сотрудник Монгольского центрального кооператива (Монценкопа) 734, 742, 745

Алексеевы Соня, Лиля — знакомые П. К. Козлова в Москве 444

Алексеенко Меланья Алексеевна (Миля) — жена Симукова А. Д. 430, 454, 461

Алексей Николаевич *см.* Васильев А. Н.

Амагаев Матвей Иннокентьевич (1897—1944) — председатель ЦИК БМ АССР (1923—1924), уполномоченный Коминтерна в МНР (1925—1929) 468, 491

Амар Анадын (1886—1941) — монгольский государственный деятель, до 1928 г. возглавлял (в разные годы) МИД, МВД, МНХ, премьер-министр МНР (1928—1930; 1936—1939), председатель Комитета наук МНР (1930—1932), председатель Президиума Малого хурала (1932—1936) 547

Аммосов Максим Кирович (1897—1938) — председатель СНК и ЦИК Якутской АССР (1925—1928) 968

Амор *см.* Амар А.

Андерсон *см.* Andersson J. G.

Андреев — русский колонист в Монголии (пос. Убулун) 366, 367, 532, 543

Андреев Александр Иванович — филолог, историк, к. и. н., научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН 14, 15, 960, 968

Андреева Маня — дочь Андреева, русского колониста в Монголии 695, 710, 944

Андрей, Андрюша *см.* Симуков А. Д.

Андрюс Р. Ч. *см.* Andrews R. Ch.

Антигона *см.* Глищинская В. А.

Анциферов Николай Павлович (1889—1958) — историк, краевед 657, 658, 972

Арсалан *см.* Арслан.

Арсентьев А. (1880—?) — минералог, проф. геологии Владивостокского ун-та, исследователь Монголии 936

Арслан — один из племенных вождей кукунорских монголов в XVII в., сын князя Цогто Тайджи 630, 758, 972

Артамонов Леонид Константинович (1859—1932) — до революции офицер Генштаба, путешественник, действительный член РГО; совершил ряд экспедиций в страны Ближнего Востока и Африки. В середине 1920-х гг. работал инженером в Московском комитете государственных сооружений и Московском военно-инженерном управлении 496, 410, 415, 433, 445, 447, 462, 465—467

Артамонова Мери (Мэри, Мария) — дочь Артамонова Л. К. 406, 411, 416, 428, 450, 452, 458, 459

Аюшев Ринчино — бурят, переводчик в Монголо-Тибетской экспедиции 659, 674, 815

Аюшевы — жители Урги 124

Бабков — шофер в Урге 474, 475, 699, 705

Баваасан (?—1924) — один из руководителей Монгольского союза молодежи, член Президиума ЦК МНП 962

Бадмажапов Гава (1921 — ?) — сын Бадмажапова Ц. Г. 100, 118, 150, 699

Бадмажапов Гомбожаб (Гомбоджаб) Гармаевич (Гомбо) (1886—1937?) — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг., брат Бадмажапова Ц. Г. 74, 222, 294, 338, 348, 379, 535, 549, 866, 937, 940

Бадмажапов Николай — сын Бадмажапова Ц. Г. 219

Бадмажапов Сергей Борисович — бурят, сотрудник Министерства юстиции МНР 301, 312, 339, 352, 497

Бадмажапов Цокто (Цогто) Гармаевич (1879—1937) — бурят, участник Монголо-Камской экспедиции П. К. Козлова 1899—1901 гг.; в 1920-е гг. сотрудник Минюста и Монценкопа. С 1931 г. проживал в СССР 32, 38, 41, 42, 44—47, 49, 50, 54—59, 61, 64, 60, 67, 71, 77, 80, 83, 87, 90, 91, 94—96, 98—104, 106, 115—117, 121—123, 130, 135, 140, 145, 146, 149, 150, 152, 155, 156, 161, 171, 216, 217, 221, 222, 235, 245, 247, 293—295, 297, 300, 308, 310, 312, 313, 324, 329, 330, 333, 339, 343, 353, 354, 358, 360, 362, 376, 377, 379, 380, 382, 384, 394, 465, 470, 475, 476, 478, 482—484, 487, 489, 490, 496, 498, 515—517, 520, 522, 537, 547, 553—557, 576—578, 581, 583, 600, 610, 635, 636, 658, 659, 678, 687, 689, 690, 692—694, 696, 697, 699—705, 708, 710, 711, 714, 715, 755, 759, 760, 776, 866, 919, 934, 937, 939, 940, 942, 943, 947, 962, 970

Бадмажапова Валя — приемная дочь Бадмажапова Ц. Г. 132

Бадмажапова Вера (1909—1995) — приемная дочь Бадмажапова Ц. Г. 114, 118, 121, 126, 129, 137, 148, 481, 527, 528, 556, 939, 940

Бадмажапова (Эккель) Ида Павловна (1890?—1963) — жена Бадмажапова Ц. Г. 72, 77, 80, 86, 90, 91, 98, 112, 113, 115, 116, 118, 121, 122, 124, 125, 126, 128—130, 132, 133, 136, 137, 146, 148, 149, 217, 222, 313, 322, 327, 333, 465, 481, 483, 493, 528, 556, 692, 763, 802, 808

Бадмажапова Марина, Маруся — приемная дочь Бадмажапова Ц. Г. 94, 98, 99, 136, 222, 481, 527, 528, 556, 939, 940

Бадмажапова Ната — приемная дочь Бадмажапова Ц. Г. 94, 98

Байков А. В. — врач в Урге 35, 47, 53, 66, 86, 90, 94, 99, 116, 137, 165, 300, 354, 484

Байкова — жена Байкова А. В. 142

Балдандорж Дашийн (1894—1938) — начальник Главной внутренней охраны (ГВО) Монголии (с 1921), член ЦК МНРП 68

Балдан-Дорчжи *см.* Балдандорж Д.

Балдан-цзасак — монгольский князь 535

Баллод (Баллот) А. Я. — техник золотопромышленной компании «Монголор» 16, 359, 967

Балтийский Александр Алексеевич (1870—1939) — до революции подполковник Генштаба, секретарь Общества ревнителей военных знаний; в 1920-е гг. преподаватель военно-учебных заведений 436, 443, 467

Банчен (Баньчень, Банчэнь, Банчэн)-эрдэни *см.* Панчен-лама

Барадийн Бадзар Барадийнович (1878—1937) — бурятский монголовед, тибетолог, нарком просвещения БМ АССР (1923—1926), член БурЦИК (1923—1930) 31, 216, 221, 345, 349, 352, 354, 356, 358, 387, 392—396, 468, 470, 480, 482, 488, 529, 530, 534, 537, 543, 949, 968

Баранников Алексей Петрович (1890—1952) — востоковед-индолог, ученый хранитель Русского музея (1921—1930), проф. ЛИЖВЯ (1921—1938), проф. Петроградского (Ленинградского) ун-та (1922—1952) 402, 418, 420, 427

Барановская — служащая полпредства СССР в МНР 126

Барбот де Марни — знакомые П. К. Козлова в Кяхте 36

Бардашев Михаил А. — житель Кяхты, до революции директор частной гимназии в Кяхте 391

Бармин П. П. — сотрудник Монценкопа 594—596, 600, 601, 659, 685, 718, 931, 940

Барощи де Эльс — знакомая П. К. Козлова в Кяхте 36

Барсов Николай Николаевич (Кока) — студент Киевского Высшего техникума внешних сношений, входил в первоначальный состав участников Монголо-Тибетской экспедиции 13, 14, 24, 27, 335, 957, 959

Барсова Клавдия Николаевна — зубной врач в Ленинграде, сестра Барсова Н. Н. 426, 450, 451, 453, 456, 458

Бартольд Василий Владимирович (1869—1930) — востоковед, акад. АН* (1913) 27

Баскова Мария Яковлевна — петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козлова 365, 401, 402, 405, 411, 412, 416, 435, 455, 459, 580, 633

Баскова Н. Е. — петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козлова 523

Батуев Николай Иванович — сотрудник Управления русского советника при монгольском правительстве (1914—1917) 90

Батухан Эрдэни (Батуханов Н. Ф.) (1888—1942) — бурят, первый министр народного просвещения МНР (1921—1929). С 1929 г. проживал в СССР, преподавал в КУТВ, позже в ЛВИ 127, 147, 312, 535

Батыр-ван — монгольский хошунный чиновник 282

Баурман — житель Ленинграда 416

Бедняков К. Н. — сотрудник ОГПУ в Москве, родственник Бедняковой А. Ф. 461, 480

Беднякова Александра Федоровна — преподаватель, подруга Козловой Е. В., проживала в одном доме с П. К. и Е. В. Козловыми (Смольный пр., д. 6) 121, 402, 406, 410—416, 418, 419, 422, 424, 426, 428, 432, 433, 450, 455, 457—459, 517

Бедряга А. В. — зоолог, сотрудник Зоологического музея АН 543, 971

Безденежный Михаил Федорович — владелец отеля «Централь» в Верхнеудинске в 1920-е гг. 396

Бекнева Ванда Ивановна — сотрудник Наркомпроса 438

Бенерацкий — ветеринарный врач в Монголии 929

Бербридж *см.* Бэрбидж Г. М.

Берг Лев Семенович (1876—1950) — биолог, географ, акад. АН (1946) 950

Бергсон Анри (1859—1941) — французский философ, представитель интуитивизма 677, 972

Бердиев Георгий Николаевич — представитель Госторга в МНР 100, 101, 155

Березовский Михаил Михайлович (1848—1912) — натуралист, исследователь Восточного Туркестана, участник экспедиций Потанина Г. Н. в Центральную Азию 483

Берлин Лев Ефимович (1897—после 1974) — референт Восточного отдела НКИД (1921—1926), ген. консул в Кантоне (1926), первый секретарь полпредства в Монголии (1926—1927), проф. Московского института востоковедения (1938—

* Здесь и далее: действительный член (ординарный академик) РАН (с 1991 г.; до этого: Императорская АН, до 1917 г.; РАН, до 1925 г.; АН СССР, до 1991 г.).

1944), проф. МГУ (1944—1955) 429, 430, 432, 433, 438, 440, 445, 460, 688, 957

Бестужев Михаил Александрович (1800—1871) — декабрист, с 1839 г. на поселении в Селенгинске 960, 970

Бестужев Николай Александрович (1791—1855) — декабрист, с 1839 г. на поселении в Селенгинске 970

Бианки Валентин Львович (1857—1920) — орнитолог, сотрудник Зоологического музея АН 364

Биждор — учитель в Урге 358

Бильдерлинг Александр Александрович (1846—1912) — барон, генерал-майор, начальник Николаевского кавалерийского училища, друг Пржевальского Н. М. Автор проектов памятников Пржевальскому Н. М. в Петербурге и на берегу оз. Иссык-куль (Киргизия) 100, 957, 967

Битнер А. В. — сотрудник финансовой части полпредства СССР в Пекине 502, 508, 509

Бичурин Никита Яковлевич (в монашестве Иакинф) (1777—1853) — китаевед, членкорр. АН (1828), глава 9-й духовной миссии в Пекине (1808—1822) 351, 965

Бобров Миша — юноша, петербургский (ленинградский) знакомый П. К. Козлова 453

Богданова Тоня — дочь русских колонистов в Монголии 222

Богдановы — русские колонисты в Монголии 155, 635

Богдо-гэгэн Чжэбцзун (Джебдзун)-дамбахутухта VIII (1870—1924) — глава буддийской церкви и теократический правитель Монголии (1911—1924) 49, 50, 52, 54, 55, 64, 81, 82, 88, 105, 117, 123, 128, 131, 135, 139, 202, 323, 348, 360, 361, 382, 496, 623, 709, 933, 945, 962, 969

Бок Лариса Евгеньевна — сестра Бок Н. Е. 437, 462, 465, 467

Бок Нина Евгеньевна — знакомая П. К. Козлова в Москве 7, 437, 440, 441, 443—451, 453, 460—463, 465—467, 472, 480, 481, 488, 490, 517, 520, 521, 524, 533, 534, 580, 633, 636, 659, 712, 761, 763, 795, 799, 943

Борейко В. Е. — украинский историк 12

Борисов А. М. — летчик, участник перелета Москва—Пекин (1925) 552

Борисов Павел — русский колонист в Монголии (пос. Сугу-нур) 109, 111, 113, 141, 161, 177, 179, 181, 182, 188, 189, 191, 215, 226, 236, 238, 241—250, 251, 255—258, 260, 261, 272, 273, 281—284, 286, 290—292, 302, 303, 305, 307, 317, 318, 321, 326, 330, 336, 341, 356, 357, 368, 373—375, 377, 383, 475, 476, 479, 488, 494, 542, 550, 690

Борисов Сергей Степанович (1889—1937) — сотрудник Дальневосточного секретариата ИККИ (1921—1922), Восточного отдела НКИД (1922—1933, 1935—1937), начальник Тибетской экспедиции НКИД СССР (1923—1925) 16, 380, 381, 468, 469, 471, 480, 960

Борисяк Алексей Алексеевич (1872—1944) — геолог, палеонтолог, акад. АН (1929), организатор Палеонтологического ин-та АН 408, 955

Боро — монгольский чиновник 837, 838

Боровко (Боровка) Григорий Иосифович (Осипович) (1894/5—1941) — археолог, историк античного искусства, позднее — палеонтолог. В 1920-х годах работал в Петрограде (Ленинграде) в ГАИМК (1919—1930), Эрмитаже (1921—1930), Институте истории искусств и др. 17, 310, 320, 322, 336, 337, 363—365, 394, 409—411, 426, 430, 457, 517, 518, 530, 539, 554, 575, 601, 689, 699, 940, 941, 944

Боровский В. В. — орнитолог, сотрудник Зоологического музея АН (ЗИН) 955

Бородулин — поставщик меховой одежды для Монголо-Тибетской экспедиции 24

Бороздин Илья Николаевич (1883—1959) — археолог, востоковед, сотрудник Московской секции ГАИМК 447, 448

Бохин Александр Уварович — фельдшер, участник экспедиций П. К. Козлова 1899—1901, 1907—1909 гг. и Монголо-Тибетской экспедиции (август—октябрь 1923 г.) 14, 31, 35, 37, 45, 57, 94

Брусилов Георгий Львович (1884—1914?) — исследователь Арктики, лейтенант флота, участник гидрологической экспедиции в Северном Ледовитом океане на судах «Таймыр» и «Вайгач» (1910—1912), руководитель экспедиции на шхуне «Св. Анна»

(1912—1914). Судьба экспедиции неизвестна 659, 972
Бубновский — советский консул в г. Кобдо 692
Бузулаев — сотрудник хабаровского ГПУ 963
Бурдуковская Марфа Александровна — жена Бурдуковского В. П. 934, 936
Бурдуковский Василий Петрович — управляющий Почтовой конторой в Урге 152, 701, 706—714, 733, 763, 781, 826, 934, 936, 937, 941, 943, 944, 947, 949
Буре Павел (Поль Леопольд) — создатель семейной часовой фирмы (с 1888 г. Торгового дома) в Санкт-Петербурге 412, 413, 426, 967
Бут — монгольский лама, нирва монастыря 850
Бутунцук — монгольская девочка 346, 385, 544
Буяннэмэх С. (1901—1937) — один из руководителей Монгольского союза молодежи в 1920-х гг. 962
Бэрбидж Г. М. — сотрудник английской торговой фирмы в Урге 157, 221, 476
Бялыницкий-Бируля Алексей Андреевич (1864—1937) — зоолог, зоогеограф, член-корр. АН (1923), директор Зоологического музея АН 57, 152, 162, 322, 341, 343, 355, 408, 409, 414, 455, 530, 532, 552, 955, 636, 691—693, 700, 701

Вавилов Николай Иванович (1887—1943) — генетик, растениевод, географ, акад. АН (1929), президент (1929—1935) и вице-президент ВАСХНИЛ (1935—1940), президент РГО (1931—1940) 5, 17
Валов Александр Иванович — начальник телеграфной станции в Уддэ (Монголия) 499, 511, 530, 539
Вампилов Бадма Ванчин — шофер Богдогэгэна 139
Ван Чжентин — глава китайской делегации на советско-китайских переговорах в Пекине в 1923—1924 гг. 963
Варнек-Козаринова Елена — знакомая П. К. Козлова в Бостоне (США) 387
Василиха — хозяйка постоялого двора на ст. Борота 143, 219, 387
Васильев Алексей Николаевич (1878—1941) — первый полномочный представитель СССР в МНР (1924—1925), ген. консул в Мукдене (1925—1926), торговый представитель в Персии, Турции, Египте (1926—1929), управделами АН СССР (1929—1930), юрисконсульт торгпредства в Париже (1931—1935), директор Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (1935—1937?) 92, 97, 99, 101—105, 107—110, 114, 116, 117, 121, 122, 124—126, 128, 132, 133, 135, 137, 140, 141—148, 150, 156, 159, 160, 161, 163, 165—167, 169, 174, 177, 184, 201, 211, 213, 217, 218, 220, 221, 224, 260, 263, 265, 267—269, 272, 280, 282, 283, 285, 287, 290, 291, 293—300, 309, 312—314, 316—317, 320—325, 334, 343—345, 355, 377, 384, 389, 404, 405, 408, 421, 424, 433, 458, 473, 475, 481, 503—505, 508, 509, 512, 514—525, 531, 534, 537, 538, 547, 550, 551, 554, 555, 583, 699, 706, 707, 710, 965
Васильев Борис Александрович (1899—1937) — востоковед-китаист, проф., сотрудник Азиатского музея АН (ИВ АН СССР) 459
Васильев Василий Павлович (1818—1900) — китаевед, акад. АН (1886) 965
Васильева Е. В. — жена Васильева А. Н. 519, 524, 525, 539
Васильевы — петербургские (ленинградские) знакомые П. К. Козлова 401
Васко да Гама (1469—1524) — португальский мореплаватель, проложивший морской путь из Европы в Южную Азию 414
Вася, Васиша *см.* Вильская Васса
Вася *см.* Марчук Вася
Вахтеров Василий Порфирьевич (1853—1924) — педагог, методист начальной школы, крупный деятель народного просвещения, один из учителей П. К. Козлова в Духовщине (1875—1879). В 1923—1924 гг. лектор на педагогическом факультете 2-го МГУ 9
Вахтерова Эмилия Орестовна — жена Вахтерова В. П. 672, 677
Вачир — проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 596—599, 601, 604, 614, 618, 932

Верхотуров С. Кузьмич — сотрудник Монценкопа 628, 633, 642, 660, 662, 663, 678, 680—682, 701, 708, 720, 721, 724, 731, 753, 763

Вильмарович (Велемирович) — сотрудник Монголэкс (1915—1917) 113

Вильнуази *см.* Villenoisy

Вильская Васса (Вася, Васиша) — дочь Вильского Н. П. 188, 226, 228, 231, 234, 239, 246, 248, 250, 255, 256, 258, 259, 260, 290, 302—304, 307, 328, 332, 346, 347, 352, 534

Вильские 187, 215, 248—250, 382, 383, 543, 545

Вильский Иван — сын Вильского Н. П. 235, 258, 328, 330, 356, 357, 534, 544

Вильский Михаил Никандрович — сын Вильского Н. П. 221, 226, 230, 235, 383

Вильский Никандр Павлович — русский колонист в Монголии (пос. Мандал) 179, 182, 188, 226, 326, 327, 377, 521, 544

Вильямс, супруги — англичане, знакомые П. К. Козлова в Урге 221

Виноградов Борис Степанович (1891—1958) — зоолог, сотрудник Зоологического музея АН 322, 361, 368, 381, 384, 401, 407, 412, 416, 417, 473, 490, 915, 955

Винчестер О. Ф. — основатель американской оружейной фирмы, производившей нарезные охотничьи ружья 961

Вишняков Александр Евгеньевич — знакомый П. К. Козлова в Вологде 393, 398, 403, 405, 415, 418, 527, 666

Вишняков Георгий Евгеньевич — брат Вишнякова А. Е. 462

Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931) — монголовед, акад. АН (1929) 408, 523, 529, 530, 535, 539, 543, 705, 710, 759, 971, 972

Водолаго Леля — землячка П. К. Козлова 406

Волкова Н. Н. — библиотекарь ЦЕКУБУ в Москве 462

Володя *см.* Козлов В. П.

Волоссович М. О. — журналист, сотрудник Управления русского советника при монгольском правительстве (1914—1917) 933, 934

Воробьев — фотограф в Ленинграде 412

Воробьев Лаврентий Яковлевич (Лавре, Лаврэ) — русский колонист в Монголии (пос. Мандал) 107, 109, 110, 113, 178, 179, 182, 211, 212, 221, 224, 250, 260, 262, 263, 287, 305, 306, 310, 387

Воробьев Никифор — русский колонист в Монголии (пос. Мандал) 213, 252

Воробьев Устин — русский колонист в Монголии (пос. Мандал) 307

Воробьев Федор Никифорович — сын Воробьева Н. 254, 335, 341

Воробьева Василиса (Васса) — дочь Воробьева Ф. Н. 229, 248, 254, 261, 335, 336

Воробьева Ефросиния Степановна — жена Воробьева Л. Я. 126, 146, 225, 260, 261, 297, 305, 387

Воробьева Сара — дочь Воробьева Л. Я. 110, 190, 225, 261, 541

Воробьевы 187, 189, 190, 191, 235, 254, 261, 290, 294, 301, 314, 340

Воронов — редактор журнала «Русская старина» 961

Вревская — жена Вревского М. С. (1871—1929), физико-химика, чл.-корр. АН (1929) 402

Всеволодова Дуня — дочь русских колонистов в Монголии 388, 528, 529, 691

Всеволодовы — русские колонисты в Монголии (пос. Иро) 388, 948

Всесвятский Петр Васильевич — (1884—1938), юрист, сотрудник полпредства СССР в МНР (1924—1930), Верховного Суда СССР (1930—1936), Наркомюста Казахской ССР в Алма-Ате (1937) 309, 705, 710, 944

Вторушин Филипп — наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции 722, 724, 726, 815, 854, 855, 861, 916, 919, 941

Вязигин Савва — кяхтинский купец 35, 110, 152

Габэ Жозеф *см.* Gabet Joseph

Гавриленко — житель Верхнеудинска 396

Гаврилов Л. Г. — служащий Монгольского торгово-промышленного банка в Урге 947

Галли Ф. К. — основатель чугунно-литейного и механического завода в Санкт-Петербурге «Сан-Галли» (1856) 956

Галсан — тибетский лама в Урге 63, 65, 79, 80, 85, 91, 94, 99, 294, 344, 349, 381, 382, 385, 386, 404, 425

Галсанов — житель Верхнеудинска 949

Гамбожаб — монгол, наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции 556

Ган Карл — художник-ювелир, основатель ювелирной фирмы в Санкт-Петербурге (Невский пр. 26) 538

Ганчжуров — переводчик в Монголо-Тибетской экспедиции 554, 556, 571—573, 576, 590, 609, 617, 621, 625, 627, 631, 633, 634, 636, 656, 665, 666, 675, 679, 682, 683, 752—754, 760, 761, 764, 766, 773, 776, 823, 825, 826, 828—832, 834, 837, 841, 843, 845, 848, 849, 855, 857, 862, 864—866, 869, 871—876, 878—882, 885, 886, 888, 889, 891—893, 910, 911, 913, 915, 919, 928

Гарибальди Джузеппе (1807—1882) — народный герой Италии, один из руководителей борьбы за независимость и объединение Италии 916

Гашин — тибетский лама из Сайн-ноин-курэ 668

Гедин Свен *см.* Hedin Sven Anders

Геккер Анатолий Ильич (1888—1938) — советский военачальник, военный советник в Китае (1922—1925), комкор (1935) 218, 219

Геранцев Павел Иванович — фельдшер в Урге 113, 129, 131, 136, 146, 156, 297, 527, 530, 705

Геранцева Анфиса Георгиевна — жена Геранцева П. И. 527, 555, 659

Геранцева Зоя — дочь Геранцевых П. И. и А. Г. 555

Геранцева Л. А. — владелец магазина в Урге 799

Геранцевы 129, 156, 297, 527, 531, 539, 547, 553, 555, 580, 942, 943, 947

Герих Антон Антонович — шофер в Урге 720, 721

Герценштейн Соломон Маркович (1854—1894) — зоолог, сотрудник Зоологического музея АН 543, 971

Гессен Иосиф Владимирович (1866—1943) — один из лидеров кадетов, адвокат и публицист. Эмигрант, в 1921—1937 гг. издавал в Берлине «Архив русской революции» 962

Гженжецкие — польские колонисты в Урге 300

Глаголев Сергей Анатольевич (1893—?) — участник Монголо-Тибетской экспедиции, выпускник Географического института в Петрограде 13, 15, 18, 24—27, 30, 32, 33, 35—37, 39, 40, 42, 48, 49, 60, 61—64, 67, 70, 72, 73, 79, 87, 90, 91, 98, 102, 128, 151, 172, 216, 220, 327, 377, 399—401, 429, 448, 450, 458, 459, 463, 466, 470, 471, 473, 474, 476, 478, 484—488, 525, 528, 546—548, 636, 637, 659, 691, 693, 697, 702, 712, 720—723, 729, 744, 795, 796, 799, 801, 802, 804, 806, 815, 846, 848, 849, 854, 855, 859, 861—867, 910, 914, 916, 917, 919, 929, 931, 938, 945, 953, 954, 959

Глаголева Зинаида Петровна — мать Глаголева С. А. 91, 401

Глищинская Вера Ант[оновна] (Антигона) — петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козлова 28, 636, 701, 711, 781, 799, 814, 906, 915

Гнадеберг А. Г. — лесничий в Урге 354

Голдстейн М. *см.* Goldstein, M.

Голицына Мария Константиновна — вдова Голицына Б. Б. (1862—1916), князя, физика и геофизика, одного из основоположников сейсмологии, акад. АН (1908) 425

Головачев (Головачов) Илья Федорович (1890—1938) — управделами СНК БМ АССР 392, 949

Головачева (Ольденбург) Елена Григорьевна (урожд. Клеменц) (1875—1955) — жена Ольденбурга С. Ф. 402, 432

Гольман Михаил Исаевич — д. и. н., зав. сектором Монголии ИВ РАН 965

Гомбоев Николай (Найдак) Иванович (1837/38—1905) — бурят, переводчик монгольского, китайского и маньчжурского языков, управляющий Почтовой конторой при Российской миссии в Пекине (1872—1903) 78, 960

Гончик, Гончак — наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции 866, 911

Горбунов Григорий Петрович (1894—1942) — зоолог, гидробиолог, исследователь Арктики, брат Горбунова Н. П. 463

Горбунов Николай Петрович (1892—1938) — советский государственный и партийный деятель, секретарь Ленина В. И., управделами СНК РСФСР и СССР (1920—1928), акад. АН (1935). Друг детства Е. В. Козловой 12, 13, 15, 17, 18, 24—28, 62, 63, 70, 81—83, 105, 110, 112, 137, 172, 393, 394, 337, 339, 381, 386, 400, 406, 408, 409, 412, 419, 423—426, 428, 429, 436, 438, 439, 440, 451, 453, 457, 458, 463, 464, 466, 677, 483, 487, 490, 494, 514, 521—523, 528, 633, 657, 658, 707, 712, 755, 759, 808, 809, 918, 938, 940, 961, 965, 970

Горбунова Елена Петровна (Елена, Елена Петровна, Елена Прекрасная, Лена) (1888—1973) — сестра Горбунова Н. П., член Монголо-Тибетской экспедиции. В начале 1920-х гг. училась в Женском медицинском институте и Географическом институте в Петрограде. В 1924 г. вышла замуж за Всесвятского П. В. До 1930 г. жила с мужем в Монголии, где работала при советском полпредстве; с 1937 г. — в Алма-Ате, преподавала в школе, позже в Казахском государственном педагогическом институте им. Абая 13, 24, 27, 37, 64, 65, 89, 90, 101—107, 110—114, 116, 117, 124, 125, 132, 137, 138, 147, 151, 157, 164, 192, 199, 212, 216, 217, 219, 221, 224, 231, 235, 260, 267, 268, 294, 309, 320, 321, 324, 330, 336, 637, 705, 785, 918, 963, 965

Готоп Дорчжэ — сын Чимита Дорчжэ 766—771. 773—777, 782—784, 787, 793, 795, 800, 922, 925

Гочитский Дашпилон Циден-Еши (Цэдэн-Иш Д.) (1895—1941) — бурят, в 1920-е гг. работал в аппарате правительства Монголии, председатель правления Монценкопа 84, 476, 519, 520

Грабовская-Бородина Алиса Евгеньевна — ботаник, к. б. н., куратор гербария Центральной и Восточной Азии БИН им. В. Л. Комарова РАН 975

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882—1964) — сибирский писатель, автор романа «Чураевы». В начале 1920-х гг. эмигрировал в США 142, 159

Гревс Иван Михайлович (1860—1941) — историк-медиевист, культуролог, проф. Петербургского (Ленинградского) ун-та 657

Гречкин — фотограф Русского музея 419

Григорьев Андрей Александрович (1883—1968) — географ, геоморфолог, акад. АН (1939) 423

Григорьев Александр Васильевич (1848—1908) — помощник председателя ИРГО, секретарь РГО (1883—1903), член Совета РГО (1903—1907) 423

Гринберг Захар (Захарий, Зорах) Григорьевич, (1889—1949) — зам. наркома просвещения Союза коммун Северной области (1923), впоследствии зам. нач. сектора планирования науки Госплана, член правления Исторического музея в Москве, зам. директора Оружейной палаты 438

Гриневич Константин Эдуардович (1891—1970) — археолог-антиковед, историк искусств, директор Керченского (1919—1921) и Херсонесского (1924—1927) музеев 458, 459, 969

Громов П. И. — коммерсант в Монголии 612—616, 621, 659, 699

Грот Виктор Ю. — барон, директор-распорядитель русско-бельгийской золотодобывающей компании «Монголор» 143

Грумм-Гржимайло Григорий Ефимович (1860—1936) — географ, путешественник, исследователь Западного Китая, Монголии, Тувы, Тянь-Шаня 27, 334, 401, 403, 969

Гусев Василий Андреевич — участник Монголо-Тибетской экспедиции, препаратор. Позднее работал в Противочумном институте в Иркутске 13, 31, 35, 45, 85, 97, 98, 101, 102, 150, 153, 191, 193, 194, 196, 198, 206, 211, 220, 226, 264, 271, 274—280, 282, 284—292, 304, 316, 317, 325, 329, 333, 340, 342, 346, 354, 357, 364, 368, 373, 376, 379, 386, 387, 411, 415, 416, 419, 426, 475, 476, 480, 484, 488, 490, 492, 494, 495, 497, 514, 515, 518, 520, 523, 524, 526—532, 534, 535, 539, 540, 550, 553, 556, 561, 562, 567—576, 579—581, 586, 588, 590, 592, 594, 596—598, 600—602, 607—609, 611, 614, 620, 621, 623—625, 627, 629—631, 633, 634, 636, 638, 641,

645, 646, 650—660, 663—667, 672, 673, 675, 678, 679, 681, 682, 693, 708, 720, 724—727, 729, 734—737, 739, 752, 753, 755, 757, 760, 761, 764—766, 769, 773, 776—778, 783—789, 795, 796, 803—807, 809, 811, 813, 816, 826, 832, 833, 862, 865, 887, 890, 892—894, 901—904, 906, 907, 909, 913—926, 931, 939, 945, 947, 948

Гэндэн Пэлжидийн (1895—1937) — государственный и партийный деятель МНР, председатель Президиума Малого хурала (1924—1927), секретарь ЦК МНРП (1928—1932), премьер-министр МНР (1932—1937) 754, 755, 834, 828, 929

Гюк Эварист *см.* Huc Evarist Regis.

Давыденко — служащий телеграфа в Урге 155

Да-дамба Н. *см.* Жадамба Н.

Дадиани В. Г. (Генкин-Дадиани Иосиф Исаевич) — политический обозреватель полпредства СССР в МНР, сотрудник «Ургинской газеты» 105, 112, 140, 146, 222, 229, 269, 299, 300, 476, 491, 520, 537, 549, 658, 659, 688, 689, 692, 702, 706

Далай-лама V (Великий) Наванг Гьятцо (1617—1682) — светский и духовный правитель Тибета, при нем построен дворец Потала в Лхасе — резиденция далай-лам, основатель духовной иерархии панчен-лам 970

Далай-лама XIII Тубтен Гьятцо (1876—1933) — светский и духовный правитель Тибета 11, 13, 15, 16, 31, 46, 50—52, 81, 88, 95, 134, 156, 160, 161, 296, 348, 351, 358, 380, 385, 434, 464, 469, 470, 479, 497, 548, 554, 574, 667—669, 702, 712, 788, 807, 905, 956, 961, 963, 966—968, 970

Далин Сергей Алексеевич — сотрудник Дальневосточного секретариата Коминтерна, Восточного отделения Исполкома КИМ (1921—1924), преподаватель КУТВ (1927), историк 396, 968

Даль Владимир Иванович (1801—1872) — русский писатель, лексикограф, автор «Толкового словаря живого великорусского языка» 921, 966, 968, 972, 973

Дамбадорж (Дамба) Церен (1899—1934) — монгольский партийный и государственный деятель, председатель ЦК (МНП) МНРП (1924—1928) 354

Данзан Солийн (1873—1924) — председатель ЦК МРП и зам. председателя правительства, министр финансов (1921—1924), с 1923 военный министр и главнокомандующий МНА 50, 59, 61, 114

Данзан Ажвайн (Япон-Данзан) (1895—1932) — монгольский государственный и партийный деятель, посол МНР в СССР (1924—1925) 64, 431, 465

Даниленко Константин Константинович (Котик) (1905—1931) — участник Монголо-Тибетской экспедиции. По ее окончании учился в ЛИЖВЯ 13, 24, 35, 36, 40, 73, 102, 103, 106, 126, 132, 133, 141, 154, 165, 192, 198, 199, 201, 210, 218, 220, 235, 264, 272, 274, 275, 278, 282, 284, 285, 287, 289, 290, 292, 301, 302, 304, 312, 313, 325, 339, 341, 377, 393, 430, 443, 485, 492, 494, 546, 551, 635—637, 658, 659, 692, 697, 704, 707, 729, 796, 800, 801, 803, 804, 808, 815, 851, 854, 855, 859—861, 866, 906, 911, 916, 918, 919, 927, 930, 938, 945, 953

Даниленко Константин Матвеевич — журналист, сотрудник редакции газеты «Известия» ВЦИК, уполномоченный Монголо-Тибетской экспедиции в Москве, отец Даниленко К. К. 429, 430, 432, 434, 435, 440, 442, 445, 446, 460, 461, 463, 467, 488, 490, 494, 531, 533, 549, 552, 724, 725, 759

Даниленко Наталия — сестра Даниленко К. К. 447, 467

Даниленко София Сергеевна — мать Даниленко К. К. 334, 339, 440, 442, 446, 467

Даревская Елена Марковна — историк-монголовед, проф. Иркутского государственного университета 960, 967

Дас С. Ч. *см.* Das S. C.

Дашиев — бурятский эмигрант в Монголии 613, 616, 625, 637

Дейч Александр Иосифович (1893—1972) — писатель, переводчик, автор книг для детей 439, 462

Демиденко Влас — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 67

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — русский поэт 28

Державин Николай Севастьянович (1877—1953) — филолог, ректор Петроградского (Ленинградского) ун-та (1922—1926), председатель Рабочей коллегии ЛенинградКУБУ, акад. АН (1931) 402
Джа-лама (Лувсан Дамбижанцан, Дамбин Джанцан) (1860—1922) — астраханский калмык, сыграл видную роль в освобождении Западной Монголии (Кобдоский район) от китайского владычества. После 1918 г. основал собственный хошун на китайско-монгольской границе и занимался грабежом 960
Джейн Хорас *см.* Jayn Horace
Джон-ван — монгольский князь 127
Джугуржип *см.* Дугаржав Магсар Хурцын
Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926) — советский государственный и политический деятель. С 1917 г. председатель ВЧК (ГПУ, ОГПУ), нарком внутренних дел РСФСР (1919—1923), одновременно (с 1921) нарком путей сообщения, с 1924 г. председатель ВСНХ СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1924 г. 14—16
Дианов — сотрудник Монценкопа 701
Додик *см.* Пушкарев В. В.
Дондок-орус 608, 609
донир (дхонир, dhonir) *см.* Чжойни-Лусан-Чиндэ
Доной-бэйсэ (Донай-бэйсэ) — учитель Сайн-ноиновского аймака 102
Доржеев — калмык, комендант Урги 716
Доржиев Агван Лобсан (1853/54—1938) — бурят, религиозный и политический деятель, дипломат, идеолог и лидер обновленческого движения бурятского ламаистского духовенства. В 1920—1930-е гг. выступал в роли неофициального представителя Тибета в СССР. Член РГО (1902) 14, 46, 94, 161, 294—296, 299, 344, 348, 349, 351, 352, 354, 358, 360, 365, 385, 469, 470, 476, 668, 961, 968
Дорогостайская Е. В. — дочь Дорогостайского В.Ч., автор публикаций о нем 957
Дорогостайский Виталий Чеславович (1879—1938) — зоолог, проф. Иркутского университета 32, 957
Дорчжи — монгольский лама, проводник Павлова Н. В. 224
Дорчжэ — проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 838—842, 874, 875
Достоевский Андрей Андреевич (1863 — 1933) — секретарь РГО (1903—1914), зам. председателя отделения статистики РГО (1929—1931). Племянник Достоевского Ф. М. 27, 248, 377, 401, 402, 408, 452, 455, 456, 666
Дубровская — сотрудник торгпредства СССР в Урге 707
Дубянский Владимир Андреевич (1877—1962) — ботаник, географ, специалист по растительности пустынь 403
Дугаржав Магсар Хурцын (1893—1944) — монгольский общественный деятель, музыкант, композитор 141
Дуду *см.* Дудукалов А. А.
Дудукалов Андрей Александрович (?— ок. 1934) — ветеринар, с 1899 г. заведующий Читинской противочумной станцией, затем ветеринарный инспектор Забайкальской обл.; помощник начальника Монголэкса (П. К. Козлова) по ветеринарной части (1915—1917), зав. Ветеринарным управлением МНР (1920-е гг.). С 1931 г. проживал в Москве 42, 85, 86, 89, 91, 98, 100, 101, 111, 113, 115, 118, 119, 121, 131, 146, 147, 212, 217, 222, 235, 298, 327, 333, 343, 374, 477, 481, 506, 517, 523, 532, 534, 540, 541, 548, 551, 554, 690, 692, 696, 708, 715
Дылыков — бурят, сотрудник Монценкопа 746, 748—750, 752
Дэмбир-гэлюн — лама 660, 601

Е.Ч. — заведующий аптекой в Урге 77
Евстифеев — житель Урги 943
Ежо Иосиф Янович (Иоганнович) — польский колонист в Монголии (пос. Цзунмодо) 55, 95, 96, 97, 131, 135, 146, 149, 153, 161, 177, 183, 224, 327, 523, 524, 527
Ежо Таисия Павловна — жена Ежо И. Я. 55, 96, 224
Ежов — шофер в Урге 691, 692
Екатерина II Великая (1729—1796) — российская императрица (с 1762) 969

Елена, Елена Петровна, Елена Прекрасная, Лена *см.* Горбунова Е. П.

Енукидзе Авель Софронович (1877—1937) — советский политический и государственный деятель, секретарь Президиума ЦИК СССР (1922—1935) 962

Ербанов Михей Николаевич (1889—1938) — государственный и партийный деятель БМ АССР. Председатель СНК БМ (1923—1927) и ЦИК БМ (1924—1927), первый секретарь Бурятского обкома ВКП(б) (1928—1937), член ЦИК СССР (1924—1937) 349, 352—454, 356, 358, 362, 392—396, 403, 415, 421, 446, 468, 471, 708, 709, 949, 968

Жадамба (Жа-Дамба, Да-дамба) Наваандоржийн (1899—1938) — монгольский государственный и партийный деятель, советник полпредства Монголии в Москве (1922—1924), зам. председателя ЦК МНРП (1924—1928), с 1929 сотрудник МИД МНР, до 1937 г. торгпред МНР в СССР 359, 375, 505, 700

Жамцарано Б. С. *см.* Сакидева Бадмажаб Цереновна

Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1880—1942) — монголовед, организатор науки в Монголии, ученый секретарь Ученого комитета (1921—1931), сотрудник ИВ АН СССР (1932—1937) 17, 42, 48, 49, 59, 61, 92, 100, 101, 126—128, 133, 136, 146, 147, 150, 151, 154, 169, 173, 211, 216, 222, 293, 295—297, 299—302, 311—313, 326, 328, 333, 334, 339, 340, 341, 344—346, 348—350, 352, 353, 357, 362, 363, 367, 375, 383, 386, 394, 416, 417, 470, 475—477, 482, 485, 489, 491, 496, 517, 518, 523, 525, 529, 541, 543, 550—552, 554, 570, 578, 689, 693, 694, 696, 697, 702, 703, 705, 709, 712, 799, 859, 919, 934, 937, 939—941, 943, 947, 948

Жамьян Онхудын (Джамьян-гун, Чжамьян гун) (1864—1930) — председатель Ученого комитета Монголии (1921—1930) 74

Жданова Н. П. — петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козлова 422

Житомирский Сергей Викторович — писатель, автор книги о П. К. Козлове 15

Жуков А. П. — русский колонист в Монголии 601

Жукова Е. Н. — жительница пос. Цзунмодо 186

Завадовский Михаил Михайлович (1891—1957) — зоолог, директор Московского зоосада (1923—1927), проф. МГУ, академик ВАСХНИЛ (1935) 389

Загоскина Алевтина (Тина) Владимировна — племянница Пржевальского Н. М. 434, 438, 444, 461

Загоскина Вера Дмитриевна — дочь Загоскиной А. В. 444, 447

Загоскина Катя — дочь Загоскиной А. В. 434, 444, 461

Загоскины — 430, 434, 438, 441, 442, 444, 461

Заленский Владимир Владимирович (1847—1918) — зоолог, акад. АН (1897), сотрудник Зоологического музея АН 971

Запарин Василий Петрович — русский колонист в Монголии 112

Захаров Василий Захарович — муж Степурской Т. Н. 470

Захаров Петр Матвеевич — генерал-майор, в 1920-е гг. преподаватель Военной Академии РККА 439, 443, 467

Захарова Александра Ивановна — жена Захарова П. М. 763

Зеликсон Лазарь Самуилович — уполномоченный НК РКИ по Северо-Западной области, член ЦКК (1924) 453, 457, 480

Зимирев Иван — русский колонист в Монголии (пос. Цзун-модо) 283

Зонз С. 24

Зупан Александр (1847—1920) — немецкий географ, проф. Бреславского университета 657, 677, 972

Иакинф *см.* Бичурин Н.Я.

Иванов Алексей Иванович (Ивин) (1878—1937) — китаевед, переводчик, профессор ЛИЖВЯ (1920—1922). В 1923—1927 гг. жил в Китае, преподавал в Пекинском университете. После возвращения в СССР преподавал в КУТК 490, 491, 496, 502, 505, 507—509, 539, 675, 715

Иванов Гавриил Иванович — унтер-офицер, участник экспедиций: Пржевальского Н. М. 1883—1885 гг., Певцова М. В. 1889—1890 гг., Роборовского В. И. 1893—1895 гг., Козлова П. К. 1899—1901 и 1907—1909 гг. 96, 515, 621, 866

Иванов Иван Дмитриевич — директор Монгольского торгово-промышленного банка в Урге 546, 548, 693, 697, 711

Иванова Мария Николаевна — петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козова 451

Игнатов Павел Григорьевич (1874—1902) — географ-озеровед, исследователь Алтая 446

Ида Павловна *см.* Бадмажапова (Эккель) И. П.

Илляшевич Аксинья — дочь Илляшевич С. П. 799

Илляшевич София П. (Софи) — знакомая П. К. Козлова в Иркутске 32, 33, 799

Ионов Илья Ионович (1887—1942) — революционный поэт, первый руководитель издательства Петросовета (первого советского издательства в Петрограде) 200, 414

Иринчинов Дондок — участник четырех Центральноазиатских экспедиций Пржевальского Н. М. 52, 53, 498

Исаев — русский колонист в Монголии (пос. Мандал) 108, 189

Исаченко Борис Лаврентьевич (1871—1948) — микробиолог, ботаник, директор Главного ботанического сада АН (1918—1929), зав. кафедрой микробиологии Петербургского (Ленинградского) университета, акад. АН (1946) 428

Йонгхасбенд, Янгхасбенд *см.* Younghusband F.E.

Кабанов — владелец магазина в Урге 129, 712

Казакевич Владимир Александрович (1896—1937) — монголовед, сотрудник Азиатского музея (ИВ АН СССР), участник нескольких экспедиций в Монголию 334, 383, 387, 414, 417, 490, 497

Казаринов Пантелеймон Константинович — краевед, преподаватель Иркутского ун-та, председатель ВСО РГО 265, 468

Казнаков Александр Николаевич (1871—?) — помощник П. К. Козлова в Монголо-Камской экспедиции 1899—1901 гг. До революции директор Кавказского музея в Тифлисе 515, 960

Калганов — знакомый П. К. Козлова 436

Калинин [Алексей Михайлович] — инженер 406

Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — председатель ВЦИК и ЦИК СССР (1919—1938), с 1938 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР 455, 461

Калинина Мария — знакомая П. К. Козлова 410, 418, 457

Калинников Анатолий Дмитриевич (1899—1937) — участник экспедиции Майского И. М. в Монголию (1919—1920), сотрудник полпредства СССР в МНР (1925—1930), преподаватель ЛВИ (1930—1937) 733

Каменев Лев Борисович (1883—1937) — зам. председателя СНК СССР (1923—1926), председатель Моссовета (1918—1926) 14, 15, 24, 79, 122

Каменева (урожд. Бронштейн) Ольга Давыдовна (1882—1941) — жена Каменева Л. Б., сестра Троцкого Л. Д.; заведующая Театральным отделом Наркомпроса (1918—1919). Позднее работала в Моссовете 444

Каминская — жена Каминского Н. Р. 476

Каминский Николай Робертович — ученый-садовод, сотрудник Ботанического сада АН 354

Камынина Надежда Степановна (1870—1942) — первая жена П. К. Козлова 151, 379, 380, 400, 415, 418, 449, 454

Канаев Василий Михайлович (Канаич) (1903—?) — препаратор, участник Монголо-Тибетской экспедиции 13, 24, 45, 73, 77, 88, 94, 99, 102, 124, 128, 130, 138, 149, 151, 152, 154, 157, 216, 221, 224, 235, 297, 326, 330, 333, 336, 339—341, 377, 478, 487, 492, 494, 515, 517, 528, 533, 547, 556, 557, 560, 562, 567, 569, 570, 572—574, 576, 578—580, 582, 583, 585—587, 599, 600, 603, 607, 608, 614, 631—638, 641, 643, 644, 646, 655, 656, 665, 666, 672, 673, 675, 681, 721, 725, 727, 728, 734, 752,

761, 766, 773, 775, 776, 807, 815, 823—827, 832, 862, 865, 882, 884, 885, 888, 889, 891, 899, 900, 906, 913, 914, 916, 930, 932, 964

Канси (Кан-Си) (1654—1722) — император (с 1662 г.) династии Цин в Китае. При нем завершилось завоевание страны маньчжурами 301

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, историк 271

Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889—1937) — зам. наркома иностранных дел (1918—1920, 1927—1934), полпред в Китае (1923—1926) 15, 51, 58, 76, 157, 466, 480, 494, 501, 503, 504, 506, 507, 509, 517, 539, 675, 706, 707, 715, 963

Карнаков (Корнаков) — секретарь полпредства СССР в МНР 58

Карнаков — русский колонист в Монголии (пос. Сангин) 95

Карпинский Александр Петрович (1846 — 1936) — геолог, акад. АН (1896), первый выборный президент АН (1917—1936) 27, 401, 422, 423

Картер — сотрудник английской торговой компании в Монголии 690, 701

Касимов Надыр (Насир) Юсуф (1900—?) — участник Монголо-Тибетской экспедиции, переводчик китайского и тюркского языков 14, 24, 52, 68, 106

Катин 949

Катя — племянница Содбоевой 132, 382, 477

Кафаров Петр Иванович (в монашестве Палладий) (1817—1878) — архимандрит, ученый-китаевед, глава двенадцатой Российской духовной миссии в Пекине (1840—1878) 299, 965

Кебке Иоган Генрихович — владелец фабрики корабельных принадлежностей в Санкт-Петербурге, изготавливавшей палатки и другое экспедиционное снаряжение 24

кенчун-сойбон (кончун-сойбон) — тибетский чиновник, один из представителей Далай-ламы в Урге 81, 85, 95, 382, 383, 386, 404

Кириченко Александр Николаевич (1882—1941) — энтомолог, сотрудник Зоологического музея АН 833, 955

Клеменц Дмитрий Александрович (1848—1914) — археолог, этнограф, революционер-народник 645

Кожевников Григорий Александрович (1866—1933) — зоолог, зав. Зоологическим музеем МГУ 442, 465, 546

Кожевников Николай Яковлевич — преподаватель Троицкосавского реального училища, художник 299, 966

Кожевникова Е. В. — знакомая П. К. Козлова в Москве 439, 462

Кожевникова М. А. — жена Кожевникова Г. А. 465

Козлов Владимир Петрович (1897—1971) — сын П. К. Козлова от первого брака, ученый-почвовед, окончил Петербургский (Ленинградский) ун-т. Принимал участие в переиздании трудов отца 28, 91, 111, 121, 151—153, 200, 216, 235, 265, 266, 269, 293, 294, 297, 305, 309, 320, 338, 342, 360, 361, 375, 379, 380, 399, 402, 407, 409, 411—413, 415, 426—428, 432—434, 438, 444, 449, 451, 457, 459, 472, 490, 493, 517, 523, 530, 531, 535, 541, 542, 552, 553, 578, 633, 636, 637, 659, 666, 675, 676, 688, 693, 697, 700, 703, 708, 710, 713, 714, 721, 733, 759, 761—763, 781, 786, 795, 799, 804, 808, 810, 814, 827, 881, 882, 906, 964

Козлов Иван — племянник П. К. Козлова 458

Козлов Спиридон — брат П. К. Козлова 424

Козлова (в замуж. Мясоедова) Ольга Петровна (Оля) (1903—1982) — дочь П. К. Козлова от первого брака, художник-иллюстратор 28, 91, 112, 379, 400, 402, 406, 410, 415, 418, 451, 454, 527, 552, 636, 637, 659, 704, 808, 814

Козлова (Пушкарева) Елизавета Владимировна (Пшевик, Пшевочка) (1892—1975) — вторая жена П. К. Козлова (с 1912 г.), зоолог, орнитолог, д. б. н., сотрудник ЗИН АН СССР. Участник Монголо-Тибетской экспедиции — по всему дневнику

Кока *см.* Барсов Н. Н.

Колчак Александр Васильевич (1874—1920) — адмирал, исследователь Арктики: в 1916—1917 гг. командующий Черноморским флотом. В 1918 г. объявил

себя Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим 134
Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945) — ботаник, акад. АН (1920), секретарь РГО (1918—1931), президент АН СССР (1936—1945) 12, 17, 152, 153, 163, 248, 249, 293, 322, 337, 339, 354, 376, 377, 401, 403, 406, 408, 415, 424, 428, 438, 451, 453, 456, 459, 490, 493, 494, 552, 700, 759, 947, 961
Кондаков В. Я. — переводчик при посольстве СССР в МНР 58, 107, 490, 492
Кондратьев Александр Александрович (1867—1936) — астроном, ученый секретарь Главной (Пулковской) астрономической обсерватории АН, отец Кондратьева С. А. 103, 403
Кондратьев Сергей Александрович (1896—1970) — участник Монголо-Тибетской экспедиции, возглавлял археологические раскопки Ноин-Ульских курганов, занимался исследованием музыкального фольклора монголов, работал в Учкоме МНР (1925—1931); после возвращения в Москву заведовал музыкальной частью Московского Драматического театра и был дирижером Центрального театра Красной Армии 6, 14, 16, 18, 24, 37, 38, 42, 45, 49, 53, 59, 63, 65, 66, 69, 70, 72, 85, 87—89, 91—94, 96—98, 102, 103, 105, 106, 110—112, 117, 121, 122, 125, 128, 129, 131, 133, 135, 139, 142, 145—148, 150—153, 155—157, 161, 165, 169, 171, 184, 185, 192, 193, 198, 199, 201, 203—206, 210, 216, 220, 224, 226, 234, 235, 249, 252, 260, 263, 266—270, 272—275, 278, 280, 282, 283, 288, 290, 291—294, 304, 312, 315, 316, 318, 322, 324, 327, 331, 336, 337, 341, 342, 347, 356—359, 363—365, 368, 375, 377, 382, 384, 388, 413, 434, 438, 439, 453—456, 471, 472, 475, 477, 482, 484—487, 513, 515, 521, 525, 528—532, 537, 540, 544, 547, 549, 553, 554, 707—710, 713, 865, 866, 918, 962
Кондратьева (Клягина-Кондратьева) Милитина Ивановна (1896—1971) — переводчик, автор публикаций по архитектуре Монголии, жена Кондратьева С. А. 434, 438, 448, 485
Константинова Евгения Илларионовна — петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козлова 27, 28, 30, 35, 98, 111, 426, 444, 447
Корзухина — домовладелица в Урге 43
Кормилин Иван Иванович — сотрудник полпредства СССР в МНР, консул в Улясутае (с октября 1925) 373, 529, 559
Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии, в июле—августе 1917 г. — Верховный главнокомандующий. В декабре 1917 г. совместно с генералом Алексеевым М. В. организовал Добровольческую Армию и стал ее первым главнокомандующим 134
Корнилова Таня — петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козлова 426, 434, 458
Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — писатель, публицист 159
Косич Д. И. (?—1937) — начальник штаба 5-й Армии и Восточно-Сибирского военного округа 35, 71, 345, 384, 491, 492
Косяков Георгий Антонович — проф. Ленинградского горного института и Ленинградского института путей сообщений, проживал в одном доме с П. К. и Е. В. Козловыми (Смольный пр., д. 6) 402, 416
Котвич Владислав Людвигович (1872—1944) — монголовед, член-корр. АН (1923) 543, 550
Котик *см.* Даниленко К. К.
Котов — сотрудник полпредства СССР в МНР 135
Котова Евдокия Семеновна — жена Котова 945
Кочетовы — семья русских колонистов в Монголии (пос. Сугу-нур) 179, 239, 249, 354, 366
Кравклис Нелли Никаноровна — смоленский краевед 972
Кравченко Н. И. — художник, сотрудничал с «Рабочей газетой» в Москве 440, 445, 969
Красева М. Г. — служащая гостиницы ЦЕКУБУ в Москве 430, 439, 448
Красин Леонид Борисович (1870—1926) — с 1920 г. нарком внешней торговли, од-

новременно полпред и торгпред в Англии (с 1924 во Франции) 706

Кребс Карл — датчанин, организатор датской сельскохозяйственной экспедиции в Северную Монголию в начале 1920-х гг. 221, 325

Кристи Михаил Петрович (1875—1956) — уполномоченный Главнауки в Петрограде (Ленинграде) (1918—1926), заведующий Акцентром. Позднее директор Третьяковской галереи 415, 451

Крыжановский — польский колонист в Урге 217

Крыжановский Владимир Ильич (1881—1947) — геолог, минералог, сотрудник Геологического и Минералогического музея АН, впоследствии директор Минералогического музея АН СССР 17, 306, 309—311, 320, 321, 323, 324, 333, 334, 374, 378, 408, 410, 419, 424, 430, 451, 457, 458, 528, 530

Кузнецов — шофер советского полпредства в Урге 314, 341

Кузнецов Алексей Александрович — сотрудник золотопромышленной компании «Монголор» 144, 166, 183, 184, 185, 186, 191, 194, 198, 202, 204, 206, 207, 209, 212, 219, 220, 267, 269—271, 275, 280, 286, 320—322, 332, 337, 340, 369, 388, 484, 486, 487, 524, 935

Кузнецов Коля — сын Кузнецова А. А. 332, 337, 338, 481, 483, 484, 487, 547, 689, 708, 710—712

Кузнецов Николай Иванович (1864—1932) — геоботаник, член-корр. АН (1903), член Совета РГО 27, 377, 401

Кузнецов Николай Яковлевич (1873—1948) — энтомолог, сотрудник Зоологического музея АН 401, 407, 417, 955

Кузнецова Лида — дочь Кузнецова А. А. 318, 329, 330, 341, 487, 524, 527, 528, 530, 704, 710, 946, 947

Кузнецова М. П. — жена Кузнецова А. А. 265, 487

Кузнецова Ольга Н. — знакомая П. К. Козлова в Харбине 115, 157, 368, 415

Куклин — сотрудник полпредства СССР в МНР 936

Кулагин Николай Михайлович (1860—1940) — энтомолог, член-корр. АН (1913) 436

Купайгородская Анжелина Павловна — историк, д. и. н., сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН 964

Кутепов Николай Иванович (1851—?) — историк, автор книги «Царская охота на Руси» (Тт. 1—4, 1896—1911) 969

Кушу-чамбала — представитель Далай-ламы XIII в Урге 85, 86

Кюнер Николай Васильевич (1877—1955) — востоковед, автор трудов по истории и этнографии Китая, Японии, Кореи 540

Лабсан-даши — монгольский лама 924

Лавров [И. И.] — зав. конторой Центросоюза в Урге 710, 712, 715

Ладыгин Вениамин Федорович (1860—1923) — участник Тибетской экспедиции Роборовского В. И. 1893—1895 гг. и Монголо-Камской экспедиции Козлова П. К. 1899—1901 гг. С 1912 г. старший коммерческий агент КВЖД в Харбине 38, 68, 515, 546, 960

Ламаджаб (Ламачжаб, Ламачжап) — монгольский лама 788, 794—797, 802, 806, 812, 815, 872

Лапиров-Скобло М. Я. (1888—1947) — специалист-электротехник, с 1918 г. — управделами и член коллегии научно-технического отдела ВСНХ, руководитель электро- и радио-техническими институтами ВСНХ и Наркомата почт и телеграфов (1923—1929) 15

Лапсан — тибетец, сподвижник Панчен-ламы 348, 967

Лапсан — тибетский лама в Урге 51

Лапшин Иван Иванович, (1870—1952) — философ, проф. Петербургского ун-та, в 1922 г. выслан из России 677, 972

Ларсон Франц Август *см.* Larson F. A.

Лафа Иванович — русский колонист в Монголии 326, 328, 346

Лебедев Петр Петрович — преподаватель Военной Академии РККА 448

Лебедева Екатерина Николаевна — жена Лебедева П. П., сотрудник бюро информации ЦИК 444, 448

Лежен (братья) — владельцы оружейного магазина в Санкт-Петербурге 959

Лена *см.* Горбунова Е. П.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) — первый глава советского правительства (СНК) (1917—1924), председатель СТО (с 1919), член ЦИК и ВЦИК 114, 352, 714

Ленков С. В. — сотрудник Монценкопа 753, 760, 776, 902, 906, 915

Леонов Геннадий Абрамович — востоковед-тибетолог, специалист по буддийскому искусству 966

Леонтьевна — жена Воробьева Ф. Н. 189, 190, 254

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — русский поэт 99

Лидия Николаевна — художница в Урге 551, 552

Лиля *см.* Шведерская Э. Э.

Линде Федор Николаевич — сотрудник полпредства СССР в МНР, полпред (1925) 483, 489, 490, 492, 496, 498, 514, 518, 554, 707

Липский Владимир Ипполитович (1863—1937) — ботаник, член-корр. АН (1924), акад. (1919) и президент АН УССР (1922—1928) 27, 403

Лисовский Всеволод Игнатьевич — инженер-мелиоратор, сотрудник Управления русского советника при монгольском правительстве (1914—1917), сотрудник Ученого комитета Монголии; участвовал в создании картографического отдела, музея, библиотеки. В 1927 г. вернулся в Россию, работал в Новочеркасском сельскохозяйственном институте 59, 122, 131, 148, 330, 696, 697, 699, 704, 939, 944, 962

Лихачев — секретарь консульства СССР в Алтан-булаке 294

Лодой-габчжи — настоятель монастыря Далай-гунэ-курэ 606

Ломакина Инесса Ивановна — петербургский журналист, писатель 966

Лончен Шокан (Blon-chen Zhol-khang) (?—1926) — премьер-министр («лончен») Тибетского правительства 470

Лоскутников — русский колонист в Монголии (пос. Мандал) 544

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — нарком просвещения (1919—1929), акад. АН (1930) 446, 465

Лушников Леонид — представитель купеческой семьи Лушниковых 354, 433

Лушниковы — купеческая семья в Кяхте, имела свои предприятия и в Монголии 117, 958

Лхагба — проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 743—747

Любимов 231

Люком Елена Михайловна (1891—1968) — балерина, педагог, танцевала в Мариинском театре (Санкт-Петербург) 450

Магсаржав С. Хатан-батыр (1877—1927) — товарищ военного министра (1921—1924), с ноября 1924 г. военный министр МНР 84

Мадаев Арья (Арьяшка) (?—1937?) — участник Монголо-Камской 1899—1901 гг. и Монголо-Сычуаньской 1907—1909 гг. экспедиций П. К. Козлова 14, 32, 35, 222

Мадаев Буянты — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг. 32

Майлов — корреспондент Association Press в Москве 326

Майоров — знакомый П. К. Козлова в Москве 437

Майский Иван Михайлович (1884—1975) — историк, дипломат, акад. АН (1946) 960

Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937) — один из основателей и лидеров лейбористской партии Великобритании, премьер министр (1924 и 1929—1931) 962

Макмагон *см.* McMahon H.

Максаржав *см.* Магсаржав С.

Максимова Анна Иннокентьевна — учительница в пос. Мандал (Монголия) 107, 110, 187, 190, 191

Макшеев Федор Андреевич (1855—?) — главный редактор журнала «Русский инвалид», генерал-лейтенант от инфатерии, член РГО и Исторического общества 413

Малокотин Сергей Павлович — студент Сибирского ветеринарного института в Омске 929

Мальмберг Владимир (Вольдемар) Константинович (1860—после 1925) — ис-

торик искусства, археолог, специалист по античной пластике 462
Мамик *см.* Пушкарева В. В.
Манчжигеев — бурят, проживал в Монголии 613, 614
Маркевич В. Е. — специалист по русскому огнестрельному оружию 959
Марр Николай Яковлевич (1864/1865—1934) — востоковед, лингвист, акад. АН (1912), председатель ГАИМК 452, 459, 530
Мартинелли Н. Н. — сотрудник торгпредства СССР в МНР 494, 529
Мартынов Евгений Иванович (1864—1938) — военный историк, генерал-лейтенант 436
Мархаев Иннокентий Алексеевич — сотрудник Монценкопа 740, 741, 745, 746
Марчук — сторож золотопромышленной компании «Монголор» 272, 274
Марчук Вася — сын Марчука 185, 192, 194—196, 205—208, 211, 220, 270, 274, 277, 281, 285, 286, 289, 292, 302, 308, 318, 331, 342, 526, 527, 545, 935
Маршалл — англичанин, владелец торговой компании в Урге 48, 164, 296, 298, 312, 313, 325, 330, 343, 350, 354, 355, 360, 362, 379, 382, 476, 483, 491, 494, 496, 498—500, 505, 510, 515, 518—521, 528, 529, 535, 537—541, 543, 553, 555, 687, 689, 690, 692, 693, 695—698, 700—702, 705, 708, 710, 711, 715, 719, 933, 934, 937, 940, 946
Маршалл Джема — жена Маршалла 536, 538, 539, 553, 555
Маршаллы 541, 543, 546—548, 550, 552, 553, 555
Матусевич Николай Николаевич (1879—1950) — гидрограф-геодезист, проф. Военно-Морской академии 409
Махнот М. — сотрудник английской торговой компании в Монголии и Китае 48, 398
Махоткин Гордей Дмитриевич (Махотка) (1889—1931) — председатель охотопромышленной секции Общества по изучению Сибири, Урала и Дальнего Востока 436, 437, 462
Мелеранская Ольга Александровна — подруга Е. В. Козловой 44, 412
Менжинский Вячеслав Рудольфович (1873—1934) — зам. председателя (1923—1926), председатель ОГПУ (1926—1934) 14, 15
Меркулов Борис Иванович — секретарь торгпредства СССР в МНР 99, 106, 110, 141, 145, 326, 330, 334, 335, 346, 516, 693, 711, 712, 715, 716, 718, 721
Мжецкие — польские колонисты в Урге 93
Миларайба (Миларепа) (1040—1123) — тибетский поэт-отшельник, автор сборника «Гурбум» («100 тысяч песен») 770, 889, 891
Милле — корреспондент Association Press в Москве 326
Миллер — сотрудник английской торговой компании в Монголии 369, 683, 687
Миллер Александр Александрович (1875—1935) — археолог, этнограф, зав. Этнографическим отделом Русского музея 413
Мира, Мирик — подруга Козловой Е. В. 401, 457
Михельман Даниил Давыдович — председатель правления Монгольского торгово-промышленного банка в 1920-е г. 690, 700
Михельс Владимир Андреевич — журналист, корреспондент газеты «Известия», участник авиаперелета Москва—Пекин (1925) 536—539
Михневич [Николай Петрович] — сотрудник Артиллерийской академии РККА 418
Михно Клавдия Дмитриевна — мать Михно П. С. 471, 799
Михно Петр Саввич (1867—1937) — краевед, музейный работник, председатель ТКО РГО, участвовал в организации краеведческих музеев Читы и Троицкосавска, совершил несколько экспедиций по Забайкалью и Монголии 32, 35—37, 39, 40, 65, 77, 78, 87, 102, 112, 132, 153, 166, 171, 212, 265, 266, 286, 309, 311, 329, 363, 388, 389, 390, 391, 471—473, 530, 533, 542, 713, 714, 915, 948, 949
Мозер — владелец часовой фирмы (Торгового дома) «Мозер Г. и К°» в Санкт-Петербурге 524, 971
Молас Борис Николаевич (1877—?) — юрист, заведующий Секретариатом АН (1923—1929) 403, 425, 451

Моллер Евгения Адольфовна — вдова генерал-майора Моллера, петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козлова 451
Моллер Маруся — художница 427
Молотов Вячеслав Михайлович (1890—1980) — советский политический деятель, в 1921—1930 гг. секретарь ЦК ВКП(б) 961
Молчановы — родственники кяхтинского купца, совладельца торгового дома «Собенников и бр. Молчановы» (Кяхта) 54, 433, 958
Морозов Николай Александрович (1854—1946) — русский революционер, ученый, почетный акад. АН СССР (1932) 414
Мухарайн (Мухрайн) Булат — бурят, член Бурревкома (Чита), участник Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (август—сентябрь 1923 г.), Тибетской экспедиции НКИД Борисова С. С. 1923—1925 гг. 14, 31, 37, 469
Мьямбо — монгол, проводник Монголо-Тибетской экспедиции 722, 926
Мэргэн Гомбоджаб (1906—1940) — монголовед, сын монгольского князя Мэргэнгуна, учился в ЛИЖВЯ (1924—1927), в Сорбоне (1927—1929) 941
Мюллер (Миллер) — фотограф в Урге 695, 697, 701, 713, 937, 939
Мясников А. И. — русский коммерсант в Монголии 931

Надеберг (Гнадеберг) Маргарита Александровна — жена (?) Гнадеберга А. Г. 378
Надежда Степановна *см.* Камынина Н. С.
Наинту-ван — монгольский князь, член Ученого комитета Монголии 971
Налетный Марк Васильевич (1893— ?) — участник Монголо-Тибетской экспедиции, кинооператор 14, 24, 33, 34, 959
Намган (Ченсал Намган) *см.* Царонг.
Намсрай — наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции 384, 666, 671, 672, 675, 676, 678, 724
Нансен, Фритьоф (1861—1930) — норвежский исследователь Арктики, общественный деятель, почетный член ИРГО (1896), лауреат Нобелевской премии Мира (1922) 964
Нариманов Нариман Кербалай Наджа-оглы (1870—1925) — государственный деятель, писатель, с 1922 г. председатель Союзного Совета РСФСР, один из председателей ЦИК СССР 464
Нарсесов Михаил Нарсесович (1884—?) — политэконом, проф. Высшего Зоотехнического института 397
Насонов Николай Викторович (1855—1939) — биолог, зоолог, акад. АН (1906), директор Зоологического музея АН (1906—1921) 403, 404, 425, 968
Натяганов Иннокентий Михайлович — сотрудник Монценкопа 595, 601, 932
Натяганова Александра Алексеевна — жена Натяганова А. А. 595
Некипелов Александр Павлович — ветеринарный врач Зоотехнической станции в Сангине (Монголия) 119—121
Никитин 494
Никитин Василий Семенович — секретарь экспертной комиссии ЛенинградКУБУ 419, 451, 452, 455, 456
Никифоров Петр Михайлович (1882—1974) — член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) (1920—1922), полпред СССР в Монголии (1925—1927), в 1928—1936 гг. председатель Госплана в Средней Азии, ректор Московского института востоковедения, ответственный сотрудник аппарата Совнаркома СССР, зам. Наркомснаба 688, 690, 693, 699, 700, 702, 706, 707, 709, 711—716, 760, 973
Никифорова Клавдия Петровна — жена Никифорова П. М. 706, 707, 712—714, 716
Николай II (1868—1918) — последний российский император (1894—1917) 30, 323, 361
Никонов С. С. — знакомый П. К. Козлова в Москве 444
Нина Евгеньевна *см.* Бок Н. Е.
Новицкий Василий Федорович (1869—1929) — географ, путешественник, военный историк 74, 436, 441
Новицкая Наталия Васильевна — дочь Новицкого В. Ф. 441
Ноев 467

Образцова Надежда Викторовна — петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козлова 426
Обручев Владимир Афанасьевич (1863—1956) — геолог, географ, акад. АН (1929), писатель 430, 870, 958, 973
Овчинников Борис Михайлович (1903 —?) — геолог, входил в первоначальный состав участников Монголо-Тибетской экспедиции, секретарь П. К. Козлова 13, 14, 24, 27, 377, 429—431, 434, 437, 438, 440, 441, 444, 445, 447, 460, 461, 463—467, 957, 959
Овчинникова Раиса А. — жена Овчинникова Б. М. 431, 440, 463
Огородников Михаил — знакомый П. К. Козлова в Урге 946
Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — индолог, исследователь Китайского Туркестана, акад. АН (1900), непременный секретарь АН (1904—1929), директор Азиатского музея АН (1916—1930), ИВ АН СССР (1930—1934) 13, 16, 17, 216, 284, 286, 293, 310, 331—333, 338, 339, 347, 377, 401—403, 406, 408—410, 415, 421—426, 430, 432, 438, 445, 446, 451, 452, 457, 458, 479, 483, 488, 490, 494, 514, 521—523, 530, 531, 543, 552, 554, 584, 600, 613, 657, 688, 698, 703, 710, 712—714, 720, 859
Оля *см.* Козлова О. П.
Омелянский Василий Леонидович (1867—1928) — микробиолог, акад. АН (1923) 425
Онищенко Б. М. — зам. торгпреда СССР в МНР 514, 519, 527, 690, 929, 931, 942
Онищенко Н. А. — жена Онищенко Б. М. 519, 539, 542, 690
Опевалов Борис Васильевич — сотрудник полпредства СССР в МНР 709, 716, 945
Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961) — востоковед, акад. АН (1935), директор Эрмитажа (1934—1951) 425, 426
Орлов — сын Орлова Е. В. 140
Орлов Аркадий Александрович — генеральный консул России в Урге (до 1920), в последствии эмигрировал в Китай (Тяньзинь) 58, 65
Орлов Е. В. — подполковник 1-го лейб-гренадерского Екатерининского имп. Александра III полка 141
Орлов П. И. — житель Урги 327, 488, 494, 541
Орловская В. Н. — сотрудница советского представительства в Урге 270, 271, 275, 286, 287, 290—292, 733
Осипов — шофер полпредства СССР в МНР 519, 520
Ослов — коммерсант в Монголии 610
Остен-Сакен [Константин Львович] — сотрудник Ленинградского гидрологического института 410
Остроумов Борис Васильевич — председатель правления КВЖД (1923) 37, 38
Очир — монгол 619
Ошанин Илья Михайлович (1900—?) — сотрудник полпредства СССР в Пекине (1920-е), позже преподавал в Московском институте востоковедения, КУТВ, д. филос. н., проф. 503

Павлов Николай Васильевич (1893—1971) — ботаник, участник Монголо-Тибетской экспедиции, акад. АН Казахской ССР (1946) 13, 17, 18, 24, 27, 33, 37, 40, 42, 48, 54, 56, 59, 72, 88, 89, 91, 102, 103, 107, 112, 113, 121, 122, 125, 126, 133, 134, 137, 138, 141, 146—148, 151, 153, 156, 157, 161—167, 173, 174, 216—219, 221, 223, 224, 229, 265, 269, 294, 309, 311, 316, 324, 326, 330, 333, 335, 343, 344, 354, 356, 357, 363, 368, 374, 377, 408, 415, 422, 425, 442, 443, 446, 462, 465, 480, 485, 488, 490, 494, 522, 530, 532, 550, 691, 697, 705, 964
Павлова С. Н. — знакомая П. К. Козлова в Москве 90
Павловы 438
Павлович Михаил Павлович (Вельтман М. Л.) (1871—1927) — востоковед, гл. редактор журнала «Новый Восток» 958
Палладий *см.* Кафаров П. И.
Панчен-лама VI, Чокьи Нима (Банчен-эрдэни, Таши-лама) (1883—1937) — духовный глава Тибета 156, 160, 348, 667, 669, 963
Пахомов Владимир Панкратьевич — участник Монголо-Тибетской экспедиции, конвойный 63, 102, 123, 135, 154, 163, 216, 223, 229, 383, 493

Певцов Михаил Васильевич (1843—1902) — путешественник, исследователь Центральной Азии, генерал-майор 10, 713, 961

Пеллио П. *см.* Pelliot P.

Пергамент Михаил Яковлевич (1866—1932) — правовед, проф. Петербургского университета (1906—1911), в 1920-х гг. преподавал в Институте народного хозяйства и Ленинградском ин-те советского строительства им. М. И. Калинина 506, 507, 509

Пергамент Софья Марковна (1881— ?) — сотрудник (делопроизводитель) Зоологического музея АН 420

Пердей Дж. — английский ружейный мастер XIX в.

Перейра Джорж *см.* Pereira George

Першин Дмитрий Петрович (1861—1936) — сибирский журналист, общественный деятель, директор Русско-Монгольского торгово-промышленного банка в Урге (1915—1918), в 1920-е гг. заведующий хозяйственной частью противочумной станции в Сангине (Монголия) 47, 84, 85, 90, 121, 159, 348, 378, 517, 533, 538, 541, 958

Першин Олег Дмитриевич (1900—?) — музыкант, сын Першина Д. П. 348, 374, 378, 465, 467, 474

Петр I Великий (1672—1725) — русский царь (с 1682 г.), первый российский император (с 1721 г.) 301, 526, 961, 969

Петри Бернгард Эдуардович (1884—1937) — этнограф, археолог, краевед, проф. Иркутского ун-та, сотрудник ВСО РГО 274

Петров Федор Николаевич (1876—1973) — начальник Главнауки Наркомпроса (1923—1927), председатель ВОКСа (1929—1933) 162, 361, 432, 964

Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, акад. АН (1920) 27

Плеске Федор Эдуардович (Дмитриевич) (1858—1932) — зоолог, орнитолог, директор Зоологического музея АН (1893—1896) 955

Плешков — русский колонист в Монголии (пос. Убулун) 366, 367, 377

Подвойский Николай Ильич (1880—1948) — советский партийный и военный деятель; в 1919—1927 гг. начальник Всеобуча и ЧОН, председатель Спортинтерна 971

Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — историк, акад. АН (1929), заместитель наркома просвещения РСФСР (1918—1932) 14, 431

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — русский поэт 960

Полуянов — сотрудник Монценкопа 601, 685, 718

Полынов Борис Борисович (1877—1952) — почвовед, геохимик, акад. АН (1946) 17, 310, 311, 320, 321, 333, 334, 408, 428, 430, 457, 530, 551, 937, 939—941, 943, 944, 948

Полютов Ефим Павлович — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг. 866

Помытов (Памытов) Лаврентий Ефимович — участник Монголо-Тибетской экспедиции, переводчик монгольского и тибетского языка 14, 51, 63, 74, 101, 106

Попов — шофер в Верхнеудинске 472

Попов Виктор Лукич (1864—?) — исследователь Монголии, совершил экспедиции в Монголию и Туву в 1903 г. и 1910 г. 431, 436, 439, 443, 446, 463, 467

Попов Иван Иванович (1862—1942) — председатель отделения этнографии ВСО РГО (с 1897), автор популярных статей и очерков о Монголии 958

Попов Илларион Алексеевич — коммерсант в Монголии 595, 601, 609, 610, 614, 615, 621, 685, 718

Посылин Виктор — шофер в Урге 498, 499, 554, 683, 686, 687, 695, 705

Посылины, братья 529

Потанин Григорий Николаевич (1835—1920) — путешественник, исследователь Центральной Азии и Сибири, общественный деятель 723, 775, 834

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — князь, ген.-фельдмаршал, фаворит Екатерины II 25

Преображенский — один из руководителей «спартаковского» движения в Урге 551, 555

Пржевальская Елена Евгеньевна (Лёля) — дочь Пржевальского Е. М. 462, 660

Пржевальские 430, 434, 436, 438, 440, 467
Пржевальская Любовь Николаевна — мать Пржевальского Н. В. 438, 460, 461, 467
Пржевальский Николай Михайлович (Пшева) (1839—1888) — путешественник, исследователь Центральной Азии, генерал-майор, почетный акад. Императорской АН (1878) 9, 10, 13, 14, 18, 24, 25, 45, 53, 59, 64, 71, 76, 78, 117—119, 122, 200, 221, 273, 283, 296, 319, 375, 381, 406, 414, 438, 467, 488, 497, 498, 512, 531, 543, 549, 637, 648, 655, 680, 713, 750, 781, 794, 840, 850, 890, 925, 956, 959, 960, 963, 967, 968, 970, 971
Пржевальский Владимир Владимирович — внучатый племянник Пржевальского Н. М. 445
Пржевальский Евгений Михайлович (1844—1925) — брат Пржевальского Н. М., математик, педагог, автор ряда научных пособий по аналитической геометрии, механике, алгебре, тригонометрии 435, 445, 446, 467
Пржевальский Николай Владимирович (1908—?) — участник Монголо-Тибетской экспедиции, внучатый племянник Пржевальского Н. М. 18, 438, 448, 460, 461, 467, 477, 486, 846, 854—856, 858, 861—863, 916, 931, 945
Прокин — житель Урги 537
Проппер Станислав Максимилианович (1855—1931) — биржевой маклер, издатель «Биржевых ведомостей» (1880—1918) и журнала «Огонек» (1899—1918). После революции эмигрировал 754
Пушкарев Владимир Владимирович (Додик) (1889—1926) — брат Козловой Е. В., юрист, до революции служил в Министерстве финансов; после революции работал в Русско-Азиатском банке в Шанхае, позже — член правления КВЖД. С 1922 г. жил в Харбине 477, 524
Пушкарев Владимир Иосифович (папик) (1858—1924) — отец Козловой Е. В., врач, закончил Медико-хирургическую академию, действительный член Общества русских врачей. До революции врач Главного управления уделов, затем заведующий больницей завода им. Ленина (Невский судостроительный и механический завод) (до 1922 г.). С 1922 г. жил в Харбине 260, 291, 309, 961
Пушкарев Дмитрий (1920—1942) — сын Пушкарева В. В., племянник Козловой Е. В. 477
Пушкарева Вера Владимировна (мамик) (1859—1942) — мать Козловой Е. В.; окончила школу фельдшериц при общине св. Георгия, работала в Боткинских бараках. После революции фельдшер амбулатории завода им. Ленина (1920—1922) 115, 125, 131, 374, 381, 477, 508, 524, 636, 808, 961
Пушкаревы 33, 478
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — русский поэт 411, 412, 739, 972
Пшева *см.* Пржевальский Н. М.
Пшевик, Пшевочка *см.* Козлова Е. В.
Пыльцов Михаил Александрович — помощник Пржевальского Н. М. в 1-й Центральноазиатской экспедиции 1870—1873 гг. 498, 512

Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) (1837—1918) — востоковед-тюрколог, этнограф, акад. АН (1884), директор Азиатского музея АН (1894—1918). Организатор и руководитель ряда экспедиций (1885—1891), в том числе Орхонской экспедиции АН в Монголию (1891) 679, 689, 691, 720, 962
Радлов Эрнест Леопольдович (1854—1928) — философ, член-корр. АН (1920), директор Петербургской публичной библиотеки (1917—1924), проф. Петербургского женского педагогического института 422
Раевская Елена (1804—1852) — дочь генерала от кавалерии, члена Государственного совета, героя войны 1812 г. Раевского Н. Н. (1771—1829) 412
Раковский Христиан Георгиевич (1873—1941) — председатель СНК Украины (1918—1923), полпред СССР в Великобритании (1923—1925) и Франции (1925—1927) 706, 973
Рачковский Иван Петрович (1878—1961) — геолог, специалист в области геологии и тектоники Центральной Азии, сотрудник

Государственного геологического института, ученый секретарь, затем зам. председателя Монгольской комиссии АН СССР 408

Рерих Николай Константинович (1874—1947) — художник, путешественник, писатель. С 1918 г. в эмиграции. В 1924—1928 и 1934—1935 гг. совместно с Рерихом Ю. Н. совершил экспедиции в Индию, Китай, Монголию и Тибет 944—946

Рерих Юрий Николаевич (1902—1960) — востоковед, сын Рериха Н. К. 944, 945, 959

Ривош Н. и С. — петербургские (ленинградские) знакомые П. К. Козлова 459, 450, 452, 974

Ринаст *см.* Ривош Н. и С.

Ринчин — монгольский лама, проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 646, 651, 653, 654, 656, 658, 659, 665, 736, 761

Ринчино Мария Никифоровна — жена Ринчино Э. Д. 71, 100, 124, 152, 338, 379, 382, 384, 476, 496, 497

Ринчино Эльбек Дорчжи (Дорж(е) Ринчинович) (1888—1937) — бурят, активный деятель национального движения, панмонголист; с 1921 г. советник Монгольского правительства и член Военного совета, член ЦК МНРП, председатель РВС МНА. В 1925 г. направлен Коминтерном на учебу в Институт Красной профессуры, по окончании которого (1927) работал в КУТВ 71, 74, 94, 99, 100, 125, 127, 136, 140, 147, 169, 211, 221, 260, 293, 353, 375, 383—386, 392, 475, 476, 483, 488, 491, 494, 495, 514, 517, 519, 529, 548, 578, 635, 637, 944

Роборовский Всеволод Иванович (1856—1910) — путешественник, участник двух экспедиций Пржевальского Н. М. (1879—1880 и 1883—1885) и экспедиции Певцова М. В. 1889—1890 гг. В 1893—1895 гг. возглавил Тибетскую экспедицию РГО (совместно с П. К. Козловым) 10, 283, 344, 441, 497, 692, 966, 967

Рогалев — знакомый П. К. Козлова 406

Родионов Семен Николаевич (1865—после 1935) — купец, потомственный почетный гражданин г. Иркутска, любитель-энтомолог, член ВСО РГО, после 1920 г. хранитель городского краеведческого музея, научный сотрудник Восточно-Сибирского филиала Института защиты растений СО АН СССР 26, 30, 32, 33, 84, 249, 393, 397, 467, 468, 531, 950

Родионова Аполлинария Алексеевна (урожд. Лушникова) — жена Родионова С. Н. 517, 521, 676

Родионова Юлия (Лиля) — дочь Родионова С. Н. 115, 521, 676

Рокхилл *см.* Rockhill William

Романов — сотрудник ОГПУ в Верхнеудинске 400

Романов Николай Михайлович (1859—1919) — великий князь, внук императора Николая I, историк, генерал от инфантерии, почетный акад. Императорской АН (1898), председатель РГО (1892—1917) 957

Россинский Дмитрий Михайлович — врач в Москве 462

Россомаха (Рассомаха) Сергей Андреевич — зав. гаражом торгпредства СССР в Урге 716, 720

Руденко Сергей Иванович (1885—1969) — антрополог, этнограф, зав. Этнографическим отделом Русского музея (до 1931), сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР 411, 421, 424, 452, 453

Русанов Владимир Александрович (1875—1913?) — полярный исследователь, в 1907—1911 гг. совершил ряд экспедиций на Новую Землю, последняя его экспедиция 1912 г. пропала без вести 972

Рыков Алексей Иванович (1881—1938) — член Политбюро ЦК ВКП(б) (1919—1930), зам. председателя СНК (1922), председатель СНК СССР (1924—1930) 15, 122

Рыскулов Турар (1894—1938) — зам. наркома по делам национальностей РСФСР (1921—1922), уполномоченный Коминтерна в Монголии (1924—1925) 352, 375, 386

Рытников — вероятно, Рыдник Л. А. — бухгалтер, сотрудник Ленинградского отделения Главнауки 452

Сабанеев Леонид Павлович (1844—1898) — зоолог, натуралист. Издатель и редактор журнала «Природа» (1873—1877), с 1878 г. «Природа и охота» 959

Савельев Петр Семенович (1890 — ?) — участник Монголо-Тибетской экспедиции, препаратор 13, 15, 24, 60, 62, 63, 70, 72, 959

Сайн-ноин-хан XIII Намнансурэн (1877—1918) — один из крупнейших владетельных ханов Внешней Монголии 102, 133, 661, 664, 666, 668—672, 681, 704, 732, 754, 911

Сакидева (Жамцарано) Бадмажаб Цеденовна — учительница, жена Жамцарано Ц. Ж. 59, 64, 71, 123, 124, 477, 497

Саловаров Николай Иванович — председатель Троицкосавского уездного исполкома, член президиума ЦИК БМ АССР 39

Салтыков Иннокентий Лаврентьевич — служащий Центросоюза в Урге 107, 110, 111, 125, 129, 130, 138, 380

Самарин — коммерсант в Монголии 681, 761, 763, 778—781, 795, 796, 799, 801, 807, 809, 819

Самбагарва — монгольский эмчи-лама 779—781

Самойлович Рудольф Лазаревич (1881—1940) — геолог, полярный исследователь, директор Института по изучению Севера (1925—1930), начальник спасательной экспедиции на ледоколе «Красин» (1928) 426, 969

Сампилон Даши — общественный и государственный деятель Бурятии и Монголии; советник монгольской миссии в Москве (1921—1926), министр экономики и торговли МНР, член торговой делегации МНР в Германию (1926—1929). Выслан из МНР в 1929 г. 431, 465, 950

Сампилон — жена Сампилона Д. 465

Санакоев Матвей — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг. 293, 866

Сандолун — сестра Готопа Дорчжэ 777

Сапожников Василий Васильевич (1861—1924) — ботаник, географ, проф. Томского ун-та, исследователь Монгольского Алтая 446

Сапожников Владимир Григорьевич — владелец московского торгового дома «А. и В. Сапожниковы», а также фабрики шелковых и парчовых тканей 956

Саранцев Павел Михайлович (1898—?) — участник Монголо-Тибетской экспедиции, конвойный 13, 15, 24, 31, 32, 34, 36, 39, 60, 62, 70, 72, 440, 444, 461, 959

Сатин В. — сотрудник полпредства СССР в Пекине 504

Сахаров Миша — сын Сахаровой Е. Я. 260

Сахаров С. И. — русский колонист в Монголии (пос. Мандал) 255, 261, 291, 390, 544

Сахарова Евгения Яковлевна — жена Сахарова С. И. 187, 190, 191, 215, 229, 231, 235, 238, 248, 252, 260, 290, 302, 307, 310, 336, 342, 346, 347, 356—358, 384, 385, 478, 480, 544

Свириденко Алла Владимировна — знакомая П. К. Козлова 418

Селиванов — инженер, сотрудник Читинского отделения Приамурского отдела РГО 38

Селиванова А. Н. — жена Селиванова 33

Семенов Борис Сергеевич — знакомый П. К. Козлова 31, 33

Семенова Екатерина Константиновна — жена Семенова Б. С. 31

Семенов-Тян-Шанский Александр Дмитриевич (1890—1979) — внук Семенова-Тян-Шанского П. П., окончил Петербургский университет (1914), военное училище (1914), был мобилизован в Красную Армию (1919—1920), с 1921 г. в эмиграции (Финляндия, Франция), в 1943 г. принял сан священника 411

Семенов-Тян-Шанский Андрей Петрович (1866—1942) — энтомолог, сотрудник Зоологического музея АН, член РГО (с 1889), поэт, переводчик Горация. Обрабатывал энтомологические коллекции Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 27, 361, 377, 401, 411, 412, 417, 666, 676, 955

Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827—1914) — географ, статистик, общественный деятель, почетный акад. Императорской АН (1873), вице-предсе-

датель и глава РГО (с 1873) и Русского энтомологического общества (с 1889) 10, 893
Семеновы 690
Сергей Александрович *см.* Кондратьев С. А.
Сергей Анатольевич *см.* Глаголев С. А.
Серебренников Иван Иннокентьевич (1882—ок. 1940) — иркутский журналист, историк, с 1920 г. в эмиграции в Китае 506
Серебровский Павел Владимирович — зоолог, сотрудник Зоологического музея АН 415, 417, 420, 428, 452
Симуков Андрей Дмитриевич (1902—1942) — участник Монголо-Тибетской экспедиции. После ее окончания остался работать в Ученом комитете Монголии. Занимался географическим исследованием страны. Автор «Географического атласа МНР» и других работ по географии и этнографии Монголии 13, 24, 28, 32, 46, 73, 77, 102, 103, 107, 110, 117, 121, 122, 123, 126, 138, 143, 156, 161, 162, 182, 183, 192—197, 203, 205, 212, 218, 219, 226, 227, 229, 234, 235, 245, 248, 255, 265, 272, 291, 294—297, 299, 300, 306, 308, 310, 312, 315, 316, 318, 327, 328, 330, 336, 340, 341, 356, 357, 383, 423, 430, 439, 447, 455, 475, 482, 524, 525, 528, 547, 636, 692, 693, 697, 698, 701, 702, 704, 706, 729, 796, 800, 803, 804, 814, 851, 854—858, 861—863, 866, 931, 939, 943, 954
Симухин И. М. — служащий золотопромышленной компании «Монголор» (с 1901), сотрудник Управления русского советника при монгольском правительстве (1914—1917) 556
Синицын Илья Дмитриевич — кяхтинский купец, потомственный почетный гражданин Кяхты, один из основателей Кяхтинского краеведческого музея, зам. председателя ТКО РГО 35, 36
Синицына Серафима Яковлевна (урожд. Немчинова) — жена Синицына И. Д. 40
Скасси Август Иванович (1845—?) — геодезист, топограф, путешественник, участник экспедиции Северцова Н. А. 1877—1878 гг. на Памир и Потанина Г. Н. 1883—1886 гг. в Монголию 835
Скворцов Федор — шофер в Москве 449, 460
Скориков Александр Степанович (1871—1942) — зоолог, энтомолог, сотрудник Зоологического музея АН 955
Смертин Иван (Иннокентий) Петрович — русский колонист в Монголии (пос. Сугу-нур) 109, 113, 179, 252, 261, 378
Смирнов В. В. — китаец, живший в Урге 203—205, 322, 332
Снесарев Андрей Евгеньевич (1865—1937) — военный деятель, востоковед, начальник Академии Генштаба (1919—1921), проф. Московского института востоковедения (1921—1930), одновременно проф. в ряде военных академий 74, 436, 441, 467
Снесарева Евгения Васильевна — жена Снесарева А. Е. 440, 441
Снигиревский Сергей 421
Собенников Василий Ал. — совладелец торгового дома «Собенников и бр. Молчановы» в Кяхте 431
Собенников Ор Васильевич — сын Собенникова В. А. 32, 152, 429, 430, 433, 436, 467, 468, 476
Собенникова А. А. — жена Собенникова П. А., брата Собенникова В. А. 28, 36, 344
Собенниковы 333, 434, 441, 462, 466
Советов Сергей Александрович — декан Географического института в Ленинграде 423
Содбоев Бавасан — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг. 866
Содбоева — жена Содбоева Б. 66—68, 88, 89, 132, 133, 380
Соднам Дорчжи — тибетец, брат ургинского донира 50
Сойкин Петр Петрович (1862—1938) — петербургский (ленинградский) издатель, владелец типографии и издательства (с 1892), издатель журнала «Вестник знания» 456
Соколов Александр Матвеевич (1866—после 1933) — профессор, инженер-технолог 401, 402, 413, 418, 424, 426, 427, 432, 450—452, 458, 675
Соколов С. С. — служащий Монгольского торгово-промышленного банка в Урге 709—711

Соколова Вера Венедиктовна — жена Соколова А. М. 424, 427, 450, 451, 458
Соколовский Григорий Николаевич — помощник Ученого секретаря РГО (1920—1930-е годы) 423, 451, 459
Соллогуб — военный, муж Новицкой Н. В. 441
Соловьев Анатолий Михайлович — первый секретарь полпредства СССР в МНР 146, 688, 690—692, 698, 699, 702, 707—709, 713, 715, 721, 803, 807, 809, 906, 934, 937, 940, 943, 947, 948
Соловьев Ал. Влад. — летчик 945, 950
Соломко [С]. — русский художник 431
Сонгэн Дорчже — монгол, проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 757
Соном Дорчжи — министр юстиции Монголии в 1923 г. 74
Сорокины — знакомые П. К. Козлова в Москве 465
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878—1953) — советский политический и государственный деятель, с 1922 г. ген. секретарь ЦК ВКП(б) 14
Сталь фон Гольштейн Александр Августович (1877—1937) — барон, индолог, синолог, буддолог, этнограф, приват-доцент Петербургского университета. После революции жил в Пекине, работал научным сотрудником Китайско-Индийского исследовательского ин-та Гарвардского ун-та 504
Станчинский Владимир Владимирович (1882—1942) — биолог, проф., в 1920 г. принимал участие в создании Смоленского ун-та, где до 1929 г. преподавал зоологию, зам. по научной части директора заповедника Аскания-Нова (1929—1933) 430
Старков Алексей Григорьевич — уполномоченный Коминтерна молодежи в Монголии (до 1925 г.), позже советский консул в Алтан-булаке 114, 389, 421, 472
Старкова Екатерина Васильевна — жена Старкова А. Г. 389
Стейн А. *см.* Stein M. A.
Стеклов Владимир Андреевич (1863—1926) — математик, акад. АН (1912), вице-президент АН (1919—1926) 13, 401
Стенли — американский ученый в Пекине 504
Степанов — участник Монголо-Тибетской экспедиции, конвойный 102, 131
Степурская Татьяна Николаевна — учительница в Троицкосавске, затем (с 1924 г.) в Верхнеудинске 274, 293, 392, 469, 470
Стоговы — петербургские (ленинградские) знакомые П. К. Козлова 402
Столыпин А. — петербургский журналист 961
Строгоновы — владельцы заводов на Урале 320
Субунаков Будажап — бурят, проживал в Монголии 367
Сулейманов Н. Н. — кяхтинский купец 378
Сунь Ят-сен (1866—1925) — вождь Синьхайской революции (1911—1913), первый (временный) президент Китайской республики (1912), основатель партии Гоминьдан (1921) 509
Сурун — сотрудник ГВО Монголии 754
Сухо-батыр — монгольский мальчик 777, 798, 810, 817, 906, 917, 918
Сушкин Петр Петрович (1868—1928) — орнитолог, акад. АН (1923), сотрудник Зоологического музея АН, научный руководитель Козловой Е. В. 25, 87, 262, 267, 315, 322, 338, 364, 899
Сырейщиков Дмитрий Петрович (1868—1932) — ботаник, хранитель гербария Московского университета 442

Такке Надежда Андреевна — доктор медицины Парижского университета, переводчик 310, 329, 368, 683—685, 719—928, 966, 967
Таликов Григорий Григорьевич — сотрудник советского экспортно-импортного кооператива «Шерсть» в Монголии 683—685, 719, 928
Талько-Грынцевич Юлиан Доминикович (1850—1936) — врач, антрополог, археолог, палеоэтнограф, исследователь Центральной Азии 363, 390
Тараканов Петр Иванович — сотрудник советского экспортно-импортного кооператива «Шерсть» в Монголии 594, 595, 601, 685, 931

Тарасов — шофер в Урге 387, 389, 390
Тафель А. *см.* Tafel Albert
Таши Пунцук — монгольский лама, сын Чимит Дорчжэ 777
Таши-лама *см.* Панчен-лама
Телешов Пантелей Прокофьевич (Телешка) — забайкальский казак, участник двух экспедиций Пржевальского Н. М. и трех П. К. Козлова (1899—1901, 1907—1909 гг. и Монголо-Тибетской экспедиции — август—октябрь 1923 г.) 35, 36, 43, 57, 62, 63, 70, 85, 99, 101, 102, 131, 713
Теплоухов Сергей Александрович (1881—1934) — археолог, антрополог и этнограф; сотрудник Этнографического отдела Русского музея и ГАМИК 17, 309—323, 325, 326, 331, 336—342, 344, 345, 347, 351, 357, 359, 363—365, 394, 402—404, 406, 408, 413, 417, 419, 420, 424, 428, 430, 448, 451, 452, 457
Тихвинский Сергей Леонидович (р. 1918) — историк, акад. АН (1981) 965
Тихоновы 412, 418
Тихонова Клавдия Федоровна — петербургская (ленинградская) знакомая П. К. Козлова 410
Толмачев Иннокентий Павлович (1872—после 1931) — геолог, географ, палеонтолог, путешественник; исследовал Сибирь (Кузнецкий Алатау, Таймыр) и Чукотку. Эмигрировал в США в начале 1920-х гг.
Толмачева Евгения Александровна — дочь Карпинского А. П. 27, 425
Толмачевы — родственники Толмачева И. П. 235
Томсон — сотрудник английской торговой компании в Монголии 508, 511, 635, 683
Тоня — племянница Содбоевой 132, 133, 137, 379, 491, 497, 521, 529
Топшин-баир — гун, сын эцзин-гольского Торгоут-бэйле 855
Трапезников — житель Урги 705
Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович (1883—1940) — сотрудник ВЧК—ОГПУ (1921—1929), 2-й зам. Менжинского В. Р., возглавлял ИНО ОГПУ, член ЦКК (1927—1934), член президиума ЦК ВКП(б), член ВЦИК (1930—1934) 436, 438, 441, 445, 448, 461, 464, 466
Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940) — советский политический и государственный деятель; член ЦК (1917—1927), член Политбюро ЦК ВКП(б) (окт. 1917 и в 1919—1926). Выслан из СССР в 1927 г. 397, 444, 968
Тубот — монгол, проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 609—611
Тугаринов Иван Дмитриевич — русский колонист в Монголии (пос. Сугу-нур) 109, 111, 115, 135, 177, 179, 181, 189, 213, 214, 225, 226, 229—233. 235—239, 246, 249, 250, 256, 281, 323, 327, 328, 330, 355, 366, 368, 377, 386, 420, 478, 479, 527, 543, 693, 695, 698, 944
Тугаринова Ирина Николаевна — жена Тугаринова И. Д. 551
Тугыржап-подводчик или Чжугыржап — наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции 585
Тумут — монгол, проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 588, 593

Убугунов Даниил Михайлович (1897—1938) — сотрудник Дальневосточного секретариата Коминтерна (1921), политкомиссар Монголо-Тибетской экспедиции (1923—1924). По освобождении от должности занимал ряд ответственных постов в БМ АССР 14, 26—28, 31, 32, 39, 40, 44, 48, 49, 52, 54, 60, 62, 63, 65, 68, 69, 70, 75, 77—80, 83, 87, 97, 103—106, 116—118, 123, 133, 157, 165—167, 470, 949, 961
Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (1886—1921) — барон, генерал-лейтенант, один из руководителей борьбы против советской власти в Забайкалье и Монголии 55, 57, 181, 258, 536, 958, 960
Ундур-гэгэн (Дзанабазар Гомбодоржийн) (1635—1724) — глава ламаистской церкви Внешней Монголии (Халхи), первый ургинский Джебзун-Дамба-хутухта. Считается перерожденцем знаменитого тибетского ученого-историка Даранаты (Таранаты) 49, 71, 595, 600, 615, 960
Уншлихт Иосиф Станиславович (1879—1938) — с 1921 зам. председателя ВЧК—

ГПУ; с 1923 член РВС РСФСР, зам. председателя РВС СССР и зам. наркомвоенмора (1925—1930) 961
Уорнер Ленгдон *см.* Warner Langdon
Упей-фу, Упэй-фу *см.* У-Пэйфу
У-Пэйфу (1874—1939) — китайский генерал, глава военной проанглийской группировки 887, 931
Усов Михаил Антонович (1883—1939) — геолог, акад. АН (1939) 357, 418
Успенский [Сергей Александрович] (1882—?) — сотрудник Кяхтинского краеведческого музея, член ТКО РГО 354, 390, 391
Устюжанинов [И. И.] — сотрудник посольства СССР в МНР 389, 492, 713
Ухтомские 452

Фальц-Фейн Фридрих Эдуардович (1863—1920) — землевладелец, создатель акклиматизационного парка-заповедника Аскания-Нова в Крыму 12
Фатеев Иосаф Львович — товарищ Пржевальского Н. М. по Варшавскому юнкерскому училищу и Академии Генштаба 781
Федченко Борис Алексеевич (1872—1947) — ботаник, систематик, географ, зав. Гербарием Ботанического сада АН, профессор Ленинградского ун-та (1925—1931) 27
Федяевская Вера Михайловна (1875—1956) — педагог дошкольного образования, автор научно-популярных книг для детей и юношества, в том числе о путешествиях П. К. Козлова 323, 375, 437, 438, 442, 444, 447, 464, 712, 713, 966
Федяевский Константин Константинович (1867—1942) — экономист, специалист по учетно-финансовым операциям. С 1922 г. возглавлял валютный и кассовый отделы Наркомфина, впоследствии занимался преподавательской работой, муж Федяевской В. М. 437, 442, 444, 447, 464
Феоктистов — помощник Управделами СНК СССР 444
Ферсман Александр Евгеньевич (1883—1945) — минералог, геохимик, акад. АН (1919), вице-президент АН (1927—1929) 401, 408, 422, 423, 425, 430
Фильхнер В. *см.* Filchner W.
Фишер Ольга Александровна — подруга Козловой Е. В., дочь Фишера фон Вальдгейма А. А., директора Ботанического сада АН 121, 416, 454
Фишер В. А. 459
Фотиева Лидия Александровна (1881—1975) — секретарь Ленина В. И. (1918—1924), секретарь СНК и СТО (1918—1930) 408
Фу-чин — повар в Монголо-Тибетской экспедиции 556, 572, 576, 609, 617, 620, 634, 638, 657, 663, 664, 730, 761, 783, 799, 804, 805, 808, 809, 901, 902, 908, 909, 912, 918, 919, 941
Фу-ши-зуй — фотограф в Урге 701
Фын(Фэн)-Юйсян (1882—1948) — китайский политический и военный деятель, генерал, член Гоминьдана. В октябре 1924 г., командуя группой войск генерала У-Пэйфу, поднял восстание и занял Пекин. В октябре 1925 г., после преобразования своих частей в Национальную армию (Гоминьдан) с помощью советских военных специалистов, начал военные действия против фэнтянской (прояпонской) милитаристской группировки, возглавляемой генералом Чжан Цзолинем 697, 705, 731, 887

хамбо-лама *см.* Доржиев А.
Хамо *см.* Hamo
Ханда Дорж, цин-ван (1871—1915) — монгольский князь, активный участник движения за независимость Монголии, министр иностранных дел Автономной Монголии (с 1911), один из руководителей монгольской миссии в Петербург в 1911 г. 133
Хара-цзян-цзюн — правитель Хара-хото 859
Хаткулин — сотрудник Монценкопа 683
Хвощинская Татьяна Федоровна — знакомая П. К. Козлова в Москве 448
Хлыбов 467
Ходасевич Владимир Фелицианович (1886—1939) — поэт, с 1922 г. в эмиграции 417
Хомзе Борис — знакомый П. К. Козлова в Красноярске 468
Хонда-ван *см.* Ханда Дорж, цин-ван

Хрисанфов — сотрудник полпредства СССР в Пекине 508
Хубилай-хан (1215—1294) — монгольский великий хан (с 1260), внук Чингис-хана 504, 938, 940
Худяков Виктор Матвеевич (1886 — ?) — член Монголо-Тибетской экспедиции, конвойный 13, 24, 29, 77, 84, 92, 93, 106

Цао Кунь (Цао Чжуншань) (1862—1938) — один из руководителей чжилийской группировки китайских милитаристов. В октябре 1923 г. избран президентом Китая, но в 1924 г. был свергнут 74
Царевский Сергей Федорович (1887— ?) — зоолог, герпетолог, сотрудник Зоологического музея АН 401, 407, 417
Царонг (Намган) (1886—1959) — более известен как Царонг Шапэ, или Царонг государственный и военный деятель Тибета периода независимого существования Тибетского государства (1913—1951), главнокомандующий тибетской армии (1913—1924), член Национальной ассамблеи (Кашаг) 75, 296, 299, 348, 385, 434, 464, 479, 548, 965, 970
Цецен-хан (Цэцэн-хан) Наван-Норин (Наванэрэн) — один из крупнейших владетельных ханов Монголии 58, 59, 61, 69, 81, 92, 102, 123, 124, 140, 147, 154, 299, 352, 505
Цзан цзо-лин, Цзан Цзолин *см.* Чжан Цзолин
Цзонхава (тиб. Tsong kha pa) (1357—1419) — тибетский средневековый религиозный деятель, основатель школы гелуг (известной также под названием «желтошапочной») 641, 704
Цивиль, Цэвиль — монголка 795, 810, 815
Цокто Гармаевич *см.* Бадмажапов Ц. Г.
Цокто Тайчжи (Цокто-тайджи Эрхива) (1580—1637) — политический деятель Внешней Монголии (Халхи), борец против маньчжурских завоевателей, поэт 693, 694
Цохор Цокто — монгольский князь XVII в. 694, 703, 704
Цыбиков Гомбожаб Цэбекович (1873—1930) — востоковед, ученый секретарь Буручкома (1924—1927), проф. Иркутского ун-та (1928—1930). В 1899—1902 гг. под видом паломника совершил путешествие в Тибет 393—396, 403, 404, 468, 469, 731, 949, 956, 973
Цэбэн-Дорчжэ (Дорчжи) — монгол, проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 817, 826, 832, 833
Цэдэн Пунцук — монгольский шаман 756, 761, 762
Цэнтэ, Цэндэ — монгол, проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 827, 832, 834, 835, 838, 849, 851, 857, 858, 861, 865, 871, 872, 874, 875, 876, 879, 882, 893
Цэрэн (Церен, Церэн) — наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции 613, 614, 616—618, 623, 624, 625, 628, 631—635, 638, 640—642, 645, 655, 657, 659, 663—667, 670—681, 619, 721, 722, 724—726, 729—732, 734, 735, 737—741, 746, 750, 752, 761, 762, 764, 766, 767, 778, 782—784, 786, 787, 789, 796, 800, 801, 804—806, 808, 809, 811, 814, 817, 819, 821, 834, 843, 882, 883, 886, 907, 912, 914, 915, 917—919, 922
Цэрэндорж Балингийн (1868—1928) — премьер-министр Монголии (МНР) (1923—1928) 48, 59, 61, 126, 140, 141, 352, 353, 354, 375, 491, 519, 543, 551, 696, 947
Цэрэн-Дорчжи *см.* Цэрэндорж Б.
Цэциль — монголка 895, 896

Чавчавадзе-Ахматова — княгиня 406
Чайнбыль (Чойнбыль) Дорчжэ — сын Чимита Дорчжэ 777, 778, 929
Чебаев — участник I Центральноазиатской экспедиции Пржевальского Н. М. 1870—1871 гг. 498
Чепланов Н. Н. — житель Верхнеудинска 33
Черемховец — педагог в Урге 936
Чернов Александр Александрович (1877—1963) — геолог, участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг., один из открывателей Печорского угольного бассейна 436
Четыркин Сергей Сильвестрович (1876—1938) — путешественник, участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907—1909 гг., экспедиции на Новую Землю В. А. Русанова (1910). В 1919 г. эмигрировал в США, участвовал в экспедициях американского натурали-

ста В. Биби (William Beebe) (1924, 1925) и др. 659, 666, 860, 972
Чехов Антон Павлович (1860—1904) — русский писатель 23, 956
Чжамьян-гун *см.* Жамьян О.
Чжан Цзолин (Чжан-Цолин) (1876—1928) — глава военной группировки в Китае 705, 731, 887
Чжигмед-Дорчжэ — монгол 558
Чжойни-Лусан-Чиндэ (Лупсан Чойндэн) (донир) — духовный представитель Далай-ламы XIII в Урге 50, 79, 81, 89, 99, 479, 540, 547, 553, 555, 696, 697, 699, 702, 710, 711, 713, 937, 942, 944, 946
Чибисов — педагог в Урге 690
Чижов П. П. — сотрудник Монценкопа 733, 753, 755, 760, 776, 786, 893
Чимит Дорчжэ — монгольский чиновник, управляющий «тамага» (присутственного места) Сайн-ноиновского аймага МНР 674, 675, 678, 681, 722, 729, 754, 766—769, 773, 775—778, 781—784, 787, 795, 797, 818, 907, 918, 920—922, 924, 925
Чингиз-хан (Тэмуджин, Темучин) (ок. 1155—1227) — основатель и великий хан Монгольской империи 352, 694, 879
Чихачев Петр Александрович (1808—1890) — русский географ и геолог, почетный акад. Императорской АН (1876) 11
Чичаев Иван Андреевич (1896—?) — консул в Урянхае (1923—1925), Улясутае (с 1925), позже в Сеуле (с 1930) 166
Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936) — нарком иностранных дел РСФСР, позже СССР (1918—1930) 14, 15, 16, 18, 78, 429, 430, 433, 434, 436, 438, 440, 454, 706, 887, 961
Чухломин 212
Чэватор —- наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции, сын Цэрэна 683, 922—924
Чэн-фа — китаец, наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции 196, 198
Чэннру — монгольский чиновник 854

Шакдуровы, отец и сын — проводники в Монголо-Тибетской экспедиции 562
Шаляпин Федор Иванович (1873—1938) — русский певец 396
Шаповал Елена Анатольевна — орнитолог, ст. хранитель коллекции ЗИН РАН 975
Шароху — монгол-охотник 846
Шастин Антон Павлович — сын Шастина П. Н. 551
Шастин Леонид Павлович — сын Шастина П. Н. 97, 557
Шастин Павел Николаевич (1872—1953) — врач, приехал в Монголию в июле 1923 г. для организации системы здравоохранения; в 1937 г. вернулся в СССР; в последние годы работал в пионерлагере Артек (Крым) 69, 94, 116, 128, 135, 237, 245, 247, 248, 250, 329, 334, 335, 495, 496, 551, 690, 697, 701, 705, 711, 933, 940, 943, 946, 947
Шастина Нина Павловна (1898—1964) — филолог, монголовед, сотрудник ИВ АН СССР, дочь Шастина П. Н. 221, 356, 377, 522, 690, 697, 701, 705, 939
Шастины 354, 374
Шахов Алексей Георгиевич (Островский Моисей Маркович) (1897—1938) — уполномоченный НКИД в Алтан-булаке (1922—1923), консул в Алтан-булаке (1923—1924), зав. консульской частью полпредства СССР в Монголии (1924—1925), помощник зав. отделом Экономического права НКИД (1925—1926), зав. консульским отделом полпредства СССР в Польше (1926—1930), помощник и зав. консульским отделом НКИД (1931—1938) 77, 222, 267, 269, 354, 373, 382, 389, 474
Шведерская Лидия Францевна — петербургская домовладелица 458, 464, 637, 713
Шведерская Маргарита (Тамарик) — дочь Шведерской Л. Ф. 416, 456
Шведерская Нина — дочь Шведерской Л. Ф. 416, 473, 548, 553
Шведерская Эмилия (Лиля) Эмильевна (Е. Е.) 416, 427, 428, 429, 430, 433, 435, 437, 438, 449, 451, 453, 454, 456, 458, 459—461, 464, 472, 480, 493, 494, 517, 520, 521, 523, 530—532, 580, 636, 637, 659, 666, 710, 795, 799
Шведерские 416, 450, 452, 974
Швецовы — кяхтинские купцы 54, 391, 958
Шестаков Петр Николаевич — участник экспедиции П. К. Козлова 1899—1901 гг. 636, 666

Шишмарев Яков Парфентьевич (1833—1913) — русский консул (генконсул) в Монголии (1863—1911) 78
Шмидт Исай П. — комиссар военно-воздушных заведений РККА, руководитель авиаперелета Москва—Пекин (1925) 538
Шокальский Юлий Михайлович (1856—1940) — океанограф, картограф, президент РГО (1917—1931), член-корр. АН (1923), почетный акад. АН СССР (1939) 5, 12, 16, 17, 27, 28, 102, 111, 112, 222, 265, 284, 286, 334, 377, 387, 401, 403, 408, 409, 421—424, 427, 428, 438, 451, 453, 456, 457, 459, 530, 531, 614, 721, 809, 947, 971
Шостакович (Шестакович) Владимир Болеславович (1870—1942) — геофизик, директор Иркутской геофизической обсерватории (1917—1929) 299, 300
Шпаковская — сотрудница Педагогического музея в Соляном городке в Ленинграде 420
Шредер И. Н. — архитектор, автор памятника Пржевальскому Н. М. на Иссык-куле 957
Штейн А. *см.* Stein Mark Aurel
Штакельберг Александр Александрович (1897—1975) — зоолог, энтомолог, сотрудник Зоологического музея АН (ЗИН) 955
Штернберг Лев Яковлевич (1861—1927) — этнограф, член-корр. АН (1924) 410, 412, 422
Шурман *см.* Schurman J. G.
Шэрап-Шэрва — лама, проводник в Монголо-Тибетской экспедиции 558, 565, 567, 568, 576, 577, 582, 588

Щапов Александр Дмитриевич — коммерсант, домовладелец в Урге 89, 299, 354, 358, 520
Щапова Анна Ивановна — жена Щапова А. Д. 52, 89, 90, 155, 156, 299, 358, 520, 554
Щаповы Граня, Оля, Юля — дочери Щаповых А. Д. и А. И. 52, 156, 299, 354, 358, 362, 505, 520
Щербатской Федор Ипполитович (1866—1942) — востоковед, индолог и тибетолог, акад. АН (1918) 156, 530, 543

Эберман Елена Александровна — художница, невеста Васильева Б. А., сестра Эберман В. А. (1899—1937), исследователя и переводчика арабской и персидской поэзии, сотрудника Азиатского музея (ИВ АН СССР) 459, 460
Эдуард VII (1841—1910) — английский король с 1910 г. 361
Эккель Иван Павлович — брат Эккель (Бадмажаповой) И. П. 54, 57, 121, 124, 150, 297, 327, 490
Эккель Ида Павловна *см.* Бадмажапова И. П.
Эккель М. В. — мать Эккель (Бадмажаповой) И. П. 98, 715
Элиаш Надежда Михайловна — филолог-русист, член Сказочной комиссии РГО 402, 414, 416, 452, 454, 459
Эльсин — шофер полпредства СССР в МНР 483
Энгельгардт — сестры, племянницы кн. Потемкина Г. А. 25
Эрдэни (Эрдэниев Шагдар) — бурятский лама, участник Монголо-Тибетской экспедиции (август—октябрь 1923 г.) 14, 50, 63, 66, 88
Эрдэни-ван (Эрдэни Чжонон-ван Ширнин) — монгольский князь, участник тройственных переговоров 1915 г., член монгольской делегации на советско-монгольских переговорах 1921 г. 127
Эрчь *см.* Urch R. O.
Эссен Константин Николаевич — начальник железнодорожной станции в Вятке 398

Юдин Виталий Иванович (1892—1966) — представитель НКИД при советских частях в Монголии (1921), первый секретарь полпредства, поверенный в делах, зам. торгпреда СССР в Монголии (1922—1925). В дальнейшем — преподаватель КУТВ, музейный работник в Москве и Удмуртии, лектор ИВ АН СССР в Москве 42, 50, 51, 53, 58, 60, 62, 63, 68, 69, 77, 78, 82, 83, 87, 105, 145, 146, 267, 269, 270, 297, 309, 327—332, 334—337, 340, 344—346, 352, 354, 357, 362, 363, 368, 373, 375, 381, 382—385, 425, 489—491, 496, 497, 516, 531, 536, 547, 554, 635, 658, 691, 959
Юдин Л. И. — комендант советского представительства в Урге 691

Юдина Цецилия Моисеевна — жена Юдина В. И. 88, 146, 147, 222, 357, 714
Юдович — фотограф в Урге 695
Юй-Ю-жень — китайский археолог 933—938, 942
Юсупова Татьяна Ивановна — историк, научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН 14

Ядринцев Николай Михайлович (1842—1894) — этнограф, археолог, исследователь Сибири и Монголии 679, 962
Якобий (Якоби) Иван Варфоломеевич (1726—1803) — с 1783 г. генерал-губернатор Иркутский и Колыванский 472
Якобсон В. В. — знакомый П. К. Козлова в Урге 364, 378
Яковлев — поэт. По-видимому, один из псевдонимов Маршака С. Я. (1887—1964) (Яковлев С.) 411, 412
Яковлев Иннокентий Васильевич — сотрудник Монценкопа 559
Яковлевы — жители Иркутска 32
Якубов — профессор 397
Янгхасбенд (Йонгхасбенд), сэр, Френсис Эдвард *см.* Younghusband F. E.
Янушевский — польский колонист в Монголии, наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции 492, 546

Andersson, J. G. — шведский геолог и горный инженер, советник китайского правительства 504
Andrews, Roy Chapman (1884—1960) — американский палеонтолог, руководитель Центральноазиатской экспедиции Американского музея естественной истории (Нью-Йорк) (1921—1929) 42, 81, 296, 297, 299, 300—302, 330, 419, 425, 426, 432, 464, 500, 510, 514, 515, 535, 552, 566, 655, 689, 704, 958, 959, 965

Bell, Charles, sir (1870—1945) — английский дипломат, сотрудник Политического департамента Индии, политический резидент (Political officer) в Сиккиме, Бутане и Тибете (1904—1921 с перерывами); глава миссии англо-индийского правительства в Тибет (1920—1921); автор книг о Тибете 956

Consten, Hermann — немецкий монголист 961

Das, Sarat Chandra (1849—1917) — индийский ученый, путешественник-разведчик, несколько раз тайно посещавший Тибет по заданию индийского Топографического бюро (1879, 1881—82). Составитель первого англо-тибетского словаря (1902) 958

Filchner, Wilhelm, von (1877—1957) — немецкий тибетолог, путешественник. В 1925—1928 гг. возглавлял экспедицию в Китай и Тибет 411, 439, 540

Gabet, Joseph — французский миссионер-лазарист, аббат; в середине 1840-х вместе с Гюком Э. совершил путешествие из Монголии в Тибет, посетил Лхасу (1846) 964
Goldstein, Melvyn C. — американский тибетолог 961

Намо (Хамо) — датчанин, служащий на телеграфе в Троицкосавске 473, 474
Huc, Evarist Regis (1813—1860) — французский миссионер-лазарист, аббат. В середине 1840-х гг. вместе с Габе Ж. совершил путешествие из Монголии в Тибет, посетил Лхасу (1846) 964
Hartert, Ernst — немецкий орнитолог, автор Определителя птиц (1910, 1920—21) 26, 390, 957
Hedin, Sven Anders (1865—1952) — шведский путешественник, исследователь Среднего Востока и Центральной Азии (Персия, Восточный Туркестан, Тибет, Монголия) 75—80, 87, 103, 105, 111, 172—174, 297, 325, 396, 430—432, 504, 960, 965

Jayne, Horace — американский археолог, хранитель восточной коллекции Пенсильванского (ныне Филадельфийского) музея. Вместе с Л. Уорнером (Warner L.) совершил две экспедиции по Монголии и Китаю (1923—1925) 969

Larson, F. A. (1870—1957) — шведский миссионер в Монголии, глава торговой

компании «Larson & K°» в Монголии (1920-е гг.) 77, 79, 80, 510

McMahon, Henry — министр иностранных дел Британской Индии, глава британской делегации на Симлской конференции (1913—1914) 967

Pelliot, Paul (1878—1945) — французский ориенталист, синолог 569, 703, 712, 781, 814

Pereira, George — английский бригадный генерал, путешественник. В октябре 1922 г. побывал в Лхасе 335, 965

Prestage, Edgar — автор статьи о Васко да Гаме в журнале Geographical Journal (1925) 968

Rockhill, William Woodville (1854—1914) — американский дипломат (посланник США в России, Турции и Китае, 1909—1914), востоковед-тибетолог, исследователь Центральной Азии; совершил два путешествия в Тибет (1888, 1891—1892). Почетный член ИРГО (1907) 9

Schlecter, Rudolf, Dr. — немецкий ботаник 462, 474

Schurman, Jacob Gould — посол США в Китае в 1920-е гг. 38

Stein, Mark Aurel (1862—1943) — английский археолог и путешественник, исследователь Центральной Азии 401, 859

Tafel, Albert (1877—1935) — путешественник, исследователь Центральной Азии 439, 969

Tookan, Tada — японский ученый, автор книги о Далай-ламе XIII 956

Urch, R.O. — представитель лондонской газеты «Таймс» в Латвии 494

Villenoisy — президент Дельфийской Академии (Academie Delphinale) в Гренобле (с 1927) 966

Younghusband, Francis Edward (1863—1942) — английский путешественник, исследователь-разведчик, писатель. В 1880—1890-е гг. совершил ряд поездок по Азии (Индия, Китай, Туркестан, Маньчжурия) и в Южную Африку. В 1903—1904 возглавил дипломатическо-военную экспедицию в Тибет 80, 960, 965

Waddell, L.A. — майор Индийской медицинской службы, участник экспедиции Ф. Янгхазбенда в Тибет 532

Wanrick B. — немецкий корреспондент П. К. Козлова 439

Warner, Langdon — американский археолог, хранитель коллекции азиатского искусства в Художественном музее Фогтс в Гарварде. В 1923—1925 вместе с Х. Джейном (*см.* Jayne, H.) путешествовал по Монголии и Китаю 969

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Список слов, наиболее часто употребляющихся при образовании географических и топографических названий Монголии** (в русской транскрипции)

ам, ама — падь, проход в горах, устье ущелья
аршан — минеральный источник

бага — малый
барун — западный, правый
булаг, булак, булык — родник, источник
булун — излучина реки, залив
бэль — горный склон, косогор, подножие горы

гол — река, иногда заболоченное озеро (или сухое русло реки)
гуджир, худжир — солончак, солонец

даба, дабан — высокий горный перевал
далай — море, иногда большое озеро; основное значение — обширный
дзун — восточный, левый

ихэ — большой, великий

нор, нур — озеро
нуру — хребет

обо — одинокая вершина, горка, холм с обо

сайр — сухой овраг, русло, водоток, наполняющийся водой во время ливней
сардык — голец, снеговая вершина

таг, тэг — террасы в малодоступной части горы
тологой — холм, вершина (дословно голова)

ул, ула, ол — гора

хад (хат), хада — скалистая вершина, утес, скала
хамар — мыс, выступ между соединяющимися долинами
хобур — скудный, маловодный колодец
хото — город
худук — колодец
хундэ, хундэй — широкая долина, межгорная вытянутая котловина
хушу — мыс, утес

шанда, шандэ — мелкий, неглубокий колодец

эрги, эргэ — крутой берег, яр, обрыв

---

* В указатель не включены часто встречающиеся географические названия Монголия и Урга (Да-Курень, Улан-Батор-Хото).

** Вопросы образования монгольских географических названий и их транслитерация подробно рассмотрены в работе Э. М. Мурзаева «Монгольская народная республика» (М., 1952).

Принятые сокращения

арх. — архипелаг;
влк. — вулкан;
г. — гора;
гор. — город;
дер. — деревня;
дол. — долина;
кол. — колодец;
котл. — котловина;
о. — остров;
обл. — область;
оз. — озеро;
пер. — перевал;
пос. — поселок;
прол. — пролив;
р. — река;
р-н — район;
ст. — станция;
уроч. — урочище;
ущ. — ущелье;
хр. — хребет

А(й)гуй (А(й)гуйтэн)-гол 743, 744
Абайтэ-дабан 624
Абиссиния 406
Абцэг-хайрхан 927
Авачинская сопка, влк. 890
Алаша 274, 294, 350
Алашань, хр. 229, 274, 829, 915
Алаша-ямынь 913
Алтай, горная система 96, 436, 446
Алтан (Алтын)-булак, гор. 40, 83, 309, 327, 357, 389, 491, 948, 958
Алтан (Алтын)-таг 674
Алтан (Алтын)-ула 842
Алтан (Алтэн)-обо, уроч. 559
Алтан-гоби, степь 851
Амгэлтэ-гол 895
Амгэлэн-гол 821, 822
Амдо, сев.-вост. часть Тибетского нагорья 11, 50, 75, 437
Америка 76, 81, 92, 125, 127, 172, 200, 303, 430, 505, 523, 909, 939, 945
Амнэ-мачин, хр. 75
Амур, р. 467
Ангара, р. 32, 33, 397
Англия 15, 125
Ань-си (Аньси), гор. 480, 516, 946
Ара-орхон, р. 649, 655
Арбэн-хирэн-тологой 927
Аргуин-гол 102, 921
Аргуй, р. 899
Ар-гучжиртэ, котл. 602, 603, 606
Аринчи-хайрхан 590
Арсалан-магнэ 632
Ар-худук 606
Арца (Арцэ)-богдо, хр. 301, 329, 655
Аршан-улан-чулу(тэн)-гол 941
Аскания-Нова, заповедник 11, 335, 405, 421, 786, 966
Асхэтэ, г. 623
Асцэн-хайрхан 926
Афон (Крымский), см. Новый Афон
Ахай-бэйсэ, монастырь 624
Ашигэт-хат 766, 767, 769, 771, 773, 774, 778, 780, 797, 818, 892, 899, 913, 920
Ашиктэ-аршан 771
Ашихтэ-хат, уроч. 780

Бага-баин, г. 649
Бага-богдо, г. 42, 102, 166, 301, 514, 536, 674, 757, 767, 769, 778, 786, 820—823, 829, 879, 895, 898
Бага-дэбсык, кол. 843, 848
Бага-нор 895
Бага-таргиль, ущ. 924
Бага-тэг 610
Бага-тэнгэри-ама 133
Баин-айрик, плато 819, 820
Баин-булак (булык), уроч. 55, 58, 69, 70, 77, 83, 88, 90, 95—97, 99, 112, 149, 151, 252, 254—259, 264, 270, 307, 327, 337, 368, 405, 417, 525, 544
Баин-гол 41, 181, 185—187, 206, 215, 225, 226, 231, 250
Баин-дабан-ама 133
Баин-тухум, котл. 590, 591
Баин-тухум, монастырь 591
Баин-улан-цап, уроч. 779
Баин-ундур, г. 601
Баин-цаган, г. 747
Баин-цзурхэ, г. 738
Байдарик, р. 224, 943
Байкал, оз. 32—34, 397, 400, 468, 469, 957
Бальджэ (Бальджа), р. 280, 302
Бара-хулусун 112
Барвиха 429
Барнаул, гор. 31, 957
Барун-богдо, г. 778, 820, 826, 828
Барун-гандан 670

Барун-догын 670
Барун-туру, пер. 817
Барун-улан, ущ. 617, 624, 632, 638, 642—644, 655, 675, 700, 724, 727, 737, 751
Барун-хурул-курэ 68, 607, 688, 805
Барун-чулу 730, 759
Барун-чулутэ, пер. 638, 639
Бар-чу, ущ. 335, 648, 749, 829
Батэрин-дабан 925
Баэртэ, уроч. 557, 686
Баэртэ-догын 716
Безымянная, р. 239, 242
Бельгия 473
Берлин, гор. 962
Бильгэхэн-котул, пер. 805
Битютэн-ама, ущ. 628, 632, 637, 642, 646, 647, 649, 655, 700, 704, 721, 724, 725, 727, 728, 747, 750, 756, 762, 767, 824, 825, 827, 829, 836, 882, 885—892, 905, 934, 939
Битютэн-дабан 632, 651, 655
Бичиктэ, горы 585—587, 589, 609, 613, 625, 626, 686, 689, 707, 717, 770, 801
Бичиктэ-гол 626
Бичиктэ-дабан 626
Бичиктэ-дулан-хада 559, 560, 561, 565, 567, 577, 578, 586, 588, 598, 614, 686, 717
Бичиктэ-улан-хада, см. Бичиктэ-дулан-хада
Бичиктэ-хайрхан 623, 625, 626
Богдо-ула, г. 41—45, 47, 49, 50, 53, 58, 64, 67, 70—72, 75, 79, 81, 84, 86, 88, 91, 93, 98, 112, 115, 117—119, 121, 125, 127, 131, 133, 134, 141, 142, 148, 151, 157, 158, 160, 162, 164, 169, 171, 177, 178, 216, 217, 221, 224, 295, 297, 298, 309, 310, 311, 313, 323, 324, 326, 329, 332, 335, 339, 340, 342—344, 350, 352, 354, 356, 360, 362, 373, 375, 378, 384, 385, 405, 407, 476—481, 483, 486, 489, 491—497, 517—523, 526, 528, 529, 533—537, 539—541, 552, 553, 555, 606, 607, 687—689, 691, 692, 696, 700, 702—704, 706, 707, 826, 850, 933, 936, 939, 941, 942, 944—947, 962
Богутэ, ущ. 746
Боомын-худук 852
Боро-обо 852, 853, 867, 868
Борота (Боротай), пос. 41, 131, 143, 145, 153, 204, 218, 219, 226, 286, 387, 389, 471, 475, 523, 524, 948
Борота, р. 145
Боро-эргэ 647, 652, 654, 665, 756
Борцзон (Бордзон), кол. 497, 498, 549
Бостон, гор. 472
Ботай, уроч. 37
Бугук, уроч. 63
Бугу-хайрхан 820, 822
Будун, р. 767
Бумза, г. 968
Бургусутай 746, 748, 750
Бургусутэ-булун 560
Бурла-хошу 930
Бурульчжутэн-ама 746, 759
Бурульчжутэн-гол 737, 739
Бурхан-будда, хр. 12, 423, 426, 430, 459, 481
Бурхантэ-улан-хад 770
Бурятия (БМ АССР) 38, 349, 352, 353, 390, 394, 465, 469, 549, 949, 958, 960, 969, 971
Бухайну, р. 87
Буцзынхэ, ущ. 567
Буянтэ-гол 639

Великобритания 15, 962
Верхнеудинск (с 1934 г. Улан-Удэ), гор. 27, 30, 31, 33, 35, 38, 39, 69, 78, 83, 87, 94, 102, 103, 157, 170, 201, 287, 345, 349, 358, 363, 365, 373, 381—384, 387, 390—394, 397, 400, 403, 415, 423, 446, 455, 463, 468, 471—474, 478, 480, 482, 497, 516, 523, 549, 690, 691, 695, 697—699, 702, 705, 706, 708—710, 724, 915, 939, 941, 942, 948, 949, 957
Верья, р. 239—242, 244, 245, 690
Висбаден, гор. 416
Владивосток, гор. 389, 707
Вологда, гор. 398, 400
Волховстрой, гор. 399
Восточный Туркестан 274, 436, 480, 516, 655, 913, 929, 944, 946, 965
Вятка, гор. 28, 398, 400

Галич, гор. 29
Гандан, монастырь в Урге 20, 52, 86, 933, 945
Гандан-легчит 670
Гань-су (Ганьсу), кит. провинция 112, 117, 131, 139, 208, 504, 648, 655, 750, 962, 971
Гань-чжоу (Ганьчжоу), гор. 13, 807
Гардин-гол 778
Гашун-нор 515, 853
Гашун-шандэ (шадтэ, шатдэ, шатнэ) 886, 934
Гдагэн-котул, пер. 603
Германия 76, 389, 474, 768

Гималаи 967
Гирильтэн-хундэ 550
Гоби, пустыня 42, 47, 94, 112, 117, 126, 129, 164, 274, 361, 363, 430, 489, 510, 512, 515, 516, 528, 549, 626, 672, 737, 774, 777—781, 798, 801, 803, 807, 809, 814, 832, 840, 852, 882, 886, 887, 890, 892, 899, 905, 918, 920, 921, 934, 948, 958, 959
Гобийский Алтай, хр. 71, 86
Голубая, р. см. Ян-цзы-цзян
Голштрем см. Гольфстрим
Гольфстрим, течение 76
Гориха (Горихо) 333, 365, 366, 936
Горхон (Хорхон)-гол 623
Готонтэн-сончжи (сончжэ) 782, 793, 817, 818, 898, 900, 901, 912, 913
Гришнево, пос., Смоленская губ. 406
Гуджиртэ 277, 278, 280, 319, 322, 368, 472, 489, 514, 549, 935
Гуй-дуй, оазис 140, 202
Гумбум, монастырь 11, 75, 395, 521, 548, 731, 788, 807, 956, 964
Гунбуртэ 817, 818, 899
Гун-нор 662, 724, 729, 754, 767, 773, 774, 778, 780, 781, 797, 817, 818, 913
Гурбун-ондер, г. 770
Гурбун-сайхан, хр. 134, 552, 845
Гурбун-тологой 498, 513, 514
Гурбун-тушемил, г. 847
Гурбун-тэль, г. 647, 654
Гурбун-тэргэн 592, 593, 686
Гурбун-чулу 242, 243, 244, 307
Гэлун-цаган-ламэн, уроч. 806
Гэлэн-хошу 930
Гэрэлтэй-хундэ 586

Дадахэ (Дадахе, Дадахэн, Дадэхино), пос. 524, 935, 936
Далай-гун 580, 599, 601, 621, 707
Далай-гунэ-курэ 606, 613, 614, 616, 622
Далай-нор 607, 608, 615
Далай-хутухтэн-курэ 559
Далын-туру 821
Дархатэн-обур-тологой 765
Дархэн-хит 930
Дарьял, р. 307
Дахэ, родник 920
Дахэ-дабан 920
Даши-тойлэн (Хошун-хит), монастырь 864
Даэргэн-гол 926, 927
Детское село см. Царское село
Джаргалантэ-хайрхан, хр. 639, 647
Джунгария, ист. обл. 480, 515, 516
Дзун-модо см. Цзун-модо
Дзургучей, оз. 389
Довэ-худук 844
Дольце-гэгэн-курэ 561
Донгэр, гор. 140
Доробульчжин-хорун 850
Доут(доуд, дуд)-нуру 596, 597, 613, 614, 633, 689, 693
Доутайн-хара-чулу 689, 693
Дулан-бичиктэ 598
Дулан-гун-курэ 611, 612
Дулан-ула 607—612, 614, 615, 622, 626, 699, 787
Дунду-гол 856
Дунду-тушемил, г. 848
Дурубульчжин, уроч. 743
Духовщина, гор. 9, 379, 967
Дэбсык-худук 843, 846, 847, 849
Дэлгэр-хан (Дэльгэр-хан), г. 601—603
Дэлэн-усу, кол. 846, 847, 869
Дэрт-худук 930

Европа 92, 127, 201, 340, 505
Екатеринбург, гор. 29, 30
Енисей, р. 33

Забайкалье, Забайкальская обл. 38, 85
Загэстэ, родник 591, 592
Заин-шаби (шабэ), гор. 260, 265, 603, 662, 671, 709, 721, 728, 733, 753, 755, 776
Закаспийская обл. 406
Залагэн-сучжи 920
Залучье, пос., Новгородская обл. 470
Зангэт-хайрхан 844, 845
Заталга, родник 870
Званка, имение Г. Р. Державина 28
Земля Франца Иосифа, арх. 969

Ибиунк, р. 41
Ибицык 389, 474
Иёло-ама (дабан) 366, 367
Ильдэн, г. 622
Ильдэн-бэйлэ-курэ 613, 621—623
Ильдэн-ван-курэ 595, 596, 599, 609, 624
Илэст-ама-хотул, пер. 602

Индийский океан 890
Индия 436, 497, 670, 944—946, 972
Иркутск, гор. 26, 30—32, 34, 37, 52, 83, 92, 94, 131, 144, 165—167, 280, 393, 397, 400, 468, 537, 915, 950, 957
Иро, р. 41, 948
Ирхит-хайрхан, г. 647, 654, 665, 713, 743, 745, 750, 905
Иссык-куль, оз. 25, 414, 707, 957
Ихэ-баин, г. 649, 650, 747
Ихэ-богдо, г. 166, 301, 329, 515, 674, 757, 778, 820—826, 828, 829, 834, 835, 870, 876—878, 880
Ихэ-булык 619, 719
Ихэ-гол 919
Ихэ-дэбсык, кол. 843, 848
Ихэ-мото, ущ. 764, 765, 799
Ихэ-мотонэн-гол 922
Ихэ-нор 895
Ихэн-хубу, р. 925
Ихэр(гун)-худук 850
Ихэрэн-дабан 638, 639
Ихэ-тыпши, г. 835
Ишим, гор. 30

Йокагама, гор. 958

Кавказ 406, 425
Калган, гор. 43, 48, 76, 91, 94, 116, 126, 135, 145, 146, 148, 296, 297, 308, 430, 496, 498, 501, 509, 510
Калькутта, гор. 335
Кам, юго-вост. часть Тибетского нагорья 38, 49, 50, 72, 96, 112, 115, 117, 131, 172, 200, 202, 209, 214, 648, 655, 704, 711, 749, 842
Кама, р. 29
Канск, гор. 32
Каракол, гор. 414, 957
Каракорум, горн. сист. 944
Карашар, гор. 946
Кашгария, ист. обл. 68, 274
Керчь, гор. 437
Киев, гор. 403
Киото, гор. 509
Киргизия 957
Кирэн-хошун-худук 898
Китай 10, 15, 19, 37, 58, 75, 76, 91, 92, 95, 125, 140, 157, 172, 202—204, 212, 252, 326, 343, 348, 352, 398, 405, 409, 410, 413, 421, 422, 430, 432, 434, 443, 475, 492, 494—499, 503, 506, 507, 509—512, 516, 519, 522, 523, 528, 532, 534, 536—538, 583, 675, 697, 705, 722, 731, 808, 887, 913, 929, 933, 934, 938, 956, 958, 959, 961, 965, 970
Клин, гор. 428, 449
Кобдо, гор. 52, 260, 692, 836
Кобе, гор. 509
Косогол, оз. 961
Кошун-хара, г. 597
Красноярск, гор. 31, 398, 467, 468, 957
Кремлюк, р. 232, 233
Крым 415, 437, 768
Куйсу, о. на оз. Куку-нор 659
Куйтун, дол. 778, 779
Куку-довэн-сайр 846
Куку-довэн-худук 846
Куку-нор 66, 87, 186, 196, 308, 325, 363, 437, 504, 659, 704, 959
Куку-обо 387
Куоккала, пос. 827
Кха-чу, р. 905
Кэнтэй (Хэнтэй), нагорье 223, 256, 257, 262, 356, 357, 368, 418, 628, 697, 816, 935
Кэнтэй-хан, хр. 447
Кэрсын, холм 609
Кэрулен (Керулен), р. 367, 447, 485, 530
Кюрэндэль, г. 730
Кяхта, гор. 14, 33, 35, 41, 52, 54, 88, 170, 183, 218, 225, 381, 389, 399, 523, 958, 962

Лавран, монастырь 75, 393, 395, 521, 731, 788, 864, 967
Ладак, 436
Лама-ундур, г. 601
Ламэн-гэгэн, монастырь 68, 600, 635, 640, 652, 679, 682, 726, 734, 737, 738, 773, 778, 803, 875, 897
Лань-чжоу-фу (Ланьчжоу), гор. 139, 140, 971
Леген-гол (Лэгин-гол) 832, 836, 837
Ленинград (Петроград), гор. 14, 15, 17, 19, 24, 26, 28—30, 56, 70, 73, 78, 80, 82, 85, 91, 112, 128, 132, 137, 142, 151, 153, 154, 157, 162, 165, 169, 170, 173, 200, 227, 249, 252, 255, 282, 285, 298, 303, 304, 309, 311, 332, 337—340, 342, 345, 347, 356, 357, 361, 363, 365, 374, 379, 386, 390, 393, 394, 398—400, 407, 411, 414, 420, 429, 433, 438, 440, 442, 444—449, 452, 457, 468,

470, 476, 482, 488, 492, 497, 506, 513, 517, 520—523, 526, 527, 529, 532, 534, 539, 578, 584, 664, 679, 680, 688, 692, 695, 697, 704, 708, 752, 756, 760, 768, 814, 880, 916, 918, 929, 937, 940, 941, 943, 947, 949
Лимэн-гэгэн-хит 68
Лобнор, оз. 131, 138
Лондон, гор. 401, 420, 425, 706
Лун-ток-ндо 115
Лун-тэг, уроч. 779
Лхаса, гор. 5, 13, 16, 18, 80, 86, 134, 160, 299, 335, 351, 386, 393, 395, 404, 434, 479, 516, 807, 904, 945, 960, 961, 965, 967, 970
Любань, ст. 428, 449

Маймачен Кяхтинский 40, 962
Майтреи, монастырь в Урге 52, 123, 339, 348, 353, 945
Мандал 102, 104, 105, 107, 108, 109, 111, 113, 126, 143, 164, 167, 177—179, 181—183, 187, 191, 212, 215, 220, 221, 223, 224, 228, 231, 246, 248, 250, 252, 254, 260, 261, 263, 269, 272, 285, 287, 290, 294, 297, 301—308, 312, 314, 315, 329, 332, 335—337, 340, 342, 346, 356, 385, 387, 480, 486, 489, 490, 505, 524
Мандал Верхний 108, 179, 187, 189, 190, 221, 223, 225, 235, 260, 302, 307, 314, 332, 341, 544, 545
Мандал Нижний 108, 179, 221, 223, 231, 260, 302, 307, 314, 326, 331, 544, 545
Манитэ, р. 764
Манхадай (Манхатай), хр. 41, 185, 187, 214, 220, 223, 233, 257, 270, 276, 287, 302, 307, 357, 388
Маньчжурия 37, 44, 112, 284, 506, 532, 762
Маньчжурия, ст. 38
Маточкин Шар, прол. 409
Маэтан (Мяо-тан) 510, 542
Меконг, р. 11, 12, 86, 131, 132, 209, 392, 400
Минусинск, гор. 311
Михалево, ст. 468
Мишик-гун (гунэ)-курэ 593, 685, 717, 932
Мишик-гун 559, 561, 567, 574, 575, 578, 583, 589, 590, 592—594, 597, 601, 607, 618, 619, 690, 691, 693, 702, 716—718, 801, 919, 929, 931, 932
Могойтэ-ама 746
Модон-гатэлга-гол 867
Мольтэ, ущ. 746
Монгольский Алтай, хр. 18, 25, 38, 42, 58, 68, 224, 250, 317, 329, 425, 429, 432, 433, 482, 514, 519, 523, 525, 530, 531, 534, 553, 655, 674, 691, 693, 704, 767, 774, 776, 778, 797, 820, 821, 823, 824, 833, 894, 895, 898, 903, 905, 913, 915, 917, 939, 940
Москва, гор. 14, 15, 17, 18, 24—28, 30, 53, 62, 67, 69, 70, 73, 77—80, 82, 85, 91, 92, 97, 103, 110—112, 125, 132, 142, 147, 162, 163, 170, 218, 224, 268, 280, 285—288, 298, 310, 324, 326, 344, 345, 356, 357, 375, 390, 394, 398, 401, 404, 408, 413, 416, 422, 423, 427, 430, 434, 435, 439, 442, 444, 445, 449, 451—458, 460, 463, 470, 480, 484, 486, 488, 492, 496, 506, 517, 523, 526, 530, 533, 547, 637, 658, 675, 688, 701, 704, 706, 707, 715, 752, 756, 759, 760, 768, 892, 918, 929, 933, 941, 943
Мунгу(тэ)-хапцагай 773
Мурин-гол (Мурэн) 767
Мур-усу, р. 13, 65, 81, 86, 292, 946
Мухотэк-ама 747
Мухур, р. 68
Мыльниково, дер. 472

Наван-гунэ-курэ 565, 568
Нак-чу (Наг-чу) 380, 967, 968
Нань-шань (Наньшань), хр. 13, 86, 87, 94, 101, 142, 172, 196, 202, 208, 307, 319, 516, 517, 718, 750, 842, 946, 959
Наримтэн-котул, пер. 592
Нарини-ула 717
Нарини-худук 594, 596, 932
Нева, р. 968
Нижнеудинск, гор. 32
Нил, р. 406
Нинь-ся, гор. 516
Ницца, гор. 676
Новая Земля, о. 409, 969
Ново-Николаевск (Новониколаевск), гор. 31
Новый Афон, пос. 916
Ногон-даба 742
Ноин-богдо, г. 635, 729, 832, 836—838, 841, 843—847, 849, 850, 865, 868, 870, 871, 878, 892, 905
Ноин-ула, г. (Кэнтэй) 5, 168, 169, 276, 327, 359, 363, 364, 368, 389, 394, 400, 421, 432, 441, 446, 454, 456, 464, 479, 481, 486, 490, 504, 521, 524, 528, 530, 697, 703

Ноин-ула, г. (Хангай) 684, 685, 705, 710, 814, 816, 847, 935, 940
Ному-чу 648
Нью-Йорк, гор. 814
Нэмэгэтэ (Нэмэгэту), хр. 841, 842, 844, 845, 851, 869—874, 876, 878, 886

Оболсэн-чулу 849
Обонь-шандэ 834
Обо-сандэм-ама 845
Оботэн-хурул, монастырь 851, 852, 865, 868, 911
Обур-гучжиртэ, уроч. 602
Одонь-тала, степь 292
Олун-нор 694, 605, 664, 681
Олун-сумэ 18, 628, 633, 638, 641, 659, 663, 672, 673, 679, 682, 683, 713, 725, 727, 756, 757, 762, 773
Омок-дархате, хр. 765
Омск, гор. 31, 37, 398, 929, 957
Онгиин-гол 624, 625, 627, 628, 632, 639, 640, 647, 663, 666, 679, 685, 697, 718, 719, 727, 730, 737, 739, 757, 760, 927—929
Ондэльт-гол 719
Онон, р. 693, 694, 936
Онцин-гол 624, 625, 856—858, 862—864
Ордос, геогр. обл. 504, 962
Оренбург, гор. 707
Орлен, ст. 500
Орок-нор 18, 515, 575, 600, 613, 614, 674, 729, 754, 756, 757, 761, 764, 773—775, 786, 787, 795, 798, 799, 801—804, 807, 809, 811, 815—818, 820—824, 827, 829, 832—834, 836, 857, 862, 863, 869, 875, 881—887, 891, 892, 894—896, 904, 906, 910, 915, 934
Орхон, р. 60, 68, 154, 224, 231, 613, 617, 645, 647, 656, 663, 691, 694, 727, 734, 737, 739—743, 745—751, 756, 762, 803, 814, 905, 925, 962
Осака, гор. 509
Оэтэлен-худук 843

Париж, гор. 142, 676, 703, 712, 827, 915
Пекин, гор. 15, 18, 51, 58, 76, 78, 81, 90, 146, 162, 218, 224, 299, 313, 395, 459, 475, 494—496, 500, 504—510, 517, 518, 539, 583, 600, 675, 715, 782, 784, 892, 931, 960, 962, 965, 970
Пермь, гор. 29
Петроград см. Ленинград
Петропавловск, гор. 890
Пишпек, гор. 707
Пржевальск (Киргизия) см. Каракол
Пржевальск (Смоленская обл.) см. Слобода
Пулково 92
Пунцэн-обо 878—880, 905
Пунцэн-обо(нэн)-худук 877, 892
Путивль, гор. 462

Рига, гор. 494
Россия 11, 13, 26, 60, 62, 66, 68, 76, 83, 84, 91, 92, 94, 95, 101, 108, 113, 116, 125, 127, 132, 134, 172, 193, 201, 209, 212, 235, 284, 287, 296, 307, 310, 311, 317, 334, 340, 343, 349, 352, 355, 360, 365, 368, 369, 379, 380, 383—85, 394, 471, 478, 483, 484, 495, 516, 523, 616, 636, 659, 700, 707, 724, 731, 732, 752, 756, 795, 802, 803, 863, 905, 909, 915, 929, 933, 934, 944, 946

Саблино, пос. 92
Сайн-ноин, аймак 478, 482, 550, 613—615, 617, 626, 632, 633, 639, 640, 706, 725, 726, 728, 729, 734, 787, 795, 800, 802, 808, 814, 827, 885, 893, 902, 907, 915, 925, 927, 928
Сайн-ноин-курэ 627, 628, 644, 647, 658, 660, 661, 663, 664, 666—668, 670, 671, 677, 678, 680—683, 704, 706, 708, 710, 711, 719—721, 725, 733, 738, 751—753, 756—759, 763, 777, 778
Сайн-усу, ст. 499, 511
Сайрэн-худук 894
Салуэн, р. 11, 12, 400, 432
Самсогэн-хурин-тологой 876
Сангин 64, 65, 69, 82—86, 95, 97, 98, 111—114, 116—119, 121, 125, 138, 148, 149, 155, 157, 159, 161—164, 177, 216, 222, 224, 235, 360, 484, 494, 495, 515, 518, 523, 537, 547, 550, 556, 557, 696, 702, 716, 760, 933
Сангин Верхний 159, 160
Сангин Нижний 156, 159, 160
Сангин-далай-нор 595, 612—619, 621, 622, 687, 691, 712, 713
Сангин-тологой 742, 743, 745
Сандвичевы о-ва 430

Санзай(ка) 164, 178, 224, 544, 546
Санчжин-хапцагай 742
Са-чжоу, гор. 140, 158, 165
Саяны, горн. сист. 436
Северная Земля, арх. 969, 972
Северный Ледовитый океан 447, 932, 972
Селенга, р. 33, 34, 170, 171, 391, 469, 470, 471
Селенгинск, гор. 970
Сельба, р. 54, 96, 110, 143, 163, 178, 216, 218, 224, 308, 309, 313, 332, 336, 472
Семипалатинск, гор.707
Семиречье, геогр. обл. 707
Сибирь 102, 170, 209, 399, 409, 436, 438, 575, 585, 957, 960, 967
Синин, гор. 75, 140, 807
Скандинавский п-ов 76
Слобода, пос. 9, 375, 794, 967
Слюдянка, ст. 33
Смоленск, гор. 430, 441, 972
Смоленская обл. 9, 415, 430, 967
Соврак-хайрхан, г. 647, 654
Сого-нор 165, 166, 317, 659, 697, 815, 851—853, 860, 863, 867, 946
Соготэн-нор 651, 654
Соготэн-тала 651, 654
Сончжи, Сончжэ см. Готонтэн-сончжи
Старая Русса, гор. 19, 470
Старо-Барское, дер. 470, 970
Старый Петергоф, гор. 19
Старый Селенгинск, гор. 472
Стокгольм, гор. 80, 960
Стречно, пос. 19, 470, 970
Сугу-нур (Сугунур) 107, 109—113, 115, 126, 144, 147, 152, 162, 164, 167—169, 177—181, 187, 188, 198, 211—214, 220, 223, 224, 225, 228, 230, 232, 235, 238—240, 243, 245—247, 249, 252—257, 259, 261—264, 270, 280, 285, 286, 287, 290, 292, 294, 297, 302—308, 314, 375, 405, 421, 434, 490, 690
Сугунурэн-сардык 190, 223
Сулэй-хэ, р. 87
Сухайт-худук 839, 874, 882, 893
Суцзуктэ 168, 170, 177, 182—186, 188, 193, 195, 198, 199, 201—203, 205, 207—210, 214—216, 218, 220—223, 226, 229, 231, 234, 235, 243, 246, 249—251, 254, 260, 261—264, 269, 271—278, 280, 282—287, 289, 291, 293, 294, 296, 298—306, 308, 309, 312—318, 375, 377, 379, 384, 388, 395, 415, 416, 427, 439, 455, 464, 476, 477, 480, 481, 483—486, 488—490, 515, 518, 521—525, 540—544, 546, 547, 551, 552, 705, 816, 862, 933, 935, 936, 940, 965
Сучжи, г. 717, 836
Сучжи, кол. 591, 601
Сучжи, Сучжэн-котул, пер. 590
Сучжи, уроч. 590
Су-чжоу, гор. 516, 946, 970
Сучжэн-булык 849
Сучжэн-худук 847
Сычуань, провинция 655, 834
Сэврэ, г. 843, 846, 860
Сэдэльхэйн-дабан 719
Сэнбэй-цаган-булу, г. 743
Сэртэн-булак 605
Сэртэн-котул, пер. 606

Табын (Табун)-богдо 446
Тайга, гор. 30, 31, 398
Тайчжинер 481
Талэн-худук 870
Тамцык (Тамцаг)-гол 652—654, 750, 756
Тамцык-хапцагай 647, 652
Тангут-тологой 770, 771
Тан-ла, пер. 86,
Танхой, гор. 33, 469
Таратэн-догын 559
Тарете, уроч. 151
Тарим, р. 856
Тармал, Тармэлэн-гол 719, 764
Тармцик (Тармцык) 596, 597, 599, 932
Тармэлэн-хошу 640, 647
Тарнов (Тарнув), гор. 11
Тасха 550
Тацин-гол 819
Тацин-улэн-гол 820, 883, 892, 895, 896, 898, 910, 913
Ташилхумпо (Таши-люмбо), монастырь 156, 963
Ташкент, гор. 399
Таэрша 118
Тибет 5, 6, 10—16, 19, 24, 40, 50, 52, 65, 74, 75, 79—81, 86, 88, 94, 108, 112, 132, 134, 142, 156, 160, 172, 196, 200, 201, 292, 296, 298, 299, 307, 380, 381, 383, 385, 390, 392, 393, 426, 432, 434, 439, 447, 456, 459, 464,

468—470, 476, 479—481, 497, 504, 516, 574, 623, 530, 648, 655, 658, 667, 668, 697, 702, 704, 713, 754, 788, 803, 807, 809, 829, 862, 886, 904, 905, 929, 937, 945, 946
Тибетское нагорье 11, 12, 13, 15, 18, 23, 52
Тихвин, гор. 28
Тихий океан 447
Токио, гор. 958
Токмак, гор. 707
Тола, р. 48, 50, 52, 53, 60, 65, 66, 68, 70, 79, 80, 82, 84—86, 90, 92, 119—122, 128—130, 133, 136, 137, 148, 150, 151, 153, 155, 159, 162, 164, 166, 167, 169, 173, 177, 216, 224, 235, 239, 295, 297, 313, 317, 323, 324, 327, 328, 356, 362—366, 368, 377, 379, 400, 410, 447, 478, 479, 490, 493, 494, 498, 513, 514, 518, 526, 527, 530, 532—534, 537, 542, 548, 550, 552, 553, 557, 559, 560, 562, 565—567, 569, 573, 581—584, 675, 686, 687, 689, 691, 694, 697, 699, 700, 702, 703, 713, 715, 716, 757, 784, 908, 933, 944, 945, 962
Тологойту, г. 41, 45, 91, 107, 185, 218
Томск, гор. 398
Тосто (Тосту), г. 843, 853, 869
Троицкосавск (с 1934 г. Кяхта), гор. 14, 31, 35, 38—41, 44, 69, 78, 83, 87, 88, 92, 99, 103, 110, 131, 170, 171, 183, 224, 225, 286, 329, 330, 339, 355, 357, 362, 389, 390, 392, 467, 471—473, 533, 534, 541, 659, 695, 699, 710, 915, 957, 966
Тугурюгин-нор 693
Туин-гол 68, 895
Тумыр-булык 817
Туркестан, ист. обл. 339, 856
Тухум-нор (ихэ) 590, 591, 717
Тухумская дол. 592, 686, 717
Тухум-шара-ама 746
Тымэ-ама, Тымэртын-ама 599, 747
Тэг 778—780
Тэлэн-гол 764, 765, 920, 921, 925
Тэлэн-дабан 764
Тэлэн-дулан-ула 765
Тэлэн-хайрхан, г. 765, 766
Тэмчин, ущ. 665
Тэрэльчжи (Тэрэльджа), р. 121, 356, 365, 366
Тэсэрхай, уроч. 610
Тэтунг, р. 72, 87, 142, 648, 749, 750
Тюмень, гор. 30
Тяньцзин, гор. 90, 95, 115, 129—131, 145, 146, 212, 374, 494—498, 502, 504—508, 512, 518, 697, 714, 970, 972
Тянь-Шань, горн. сист. 25

Убулун, пос. 327—330, 355, 359, 360, 366, 378, 525—528, 531—533, 543, 548, 551, 695, 702
Убур-булык 817, 851, 852, 868, 869
Уддэ, ст. 146, 148, 499, 511, 530, 537, 539
Удлик 225
Уйцзэ-ван 616, 617, 637, 639, 663, 678, 681—684, 698, 711, 718—721, 729, 760, 763, 765, 787, 887, 917, 919, 920, 927, 931
Уйцзэ-ван-курэ 925, 928
Улан-барун-ама 642
Улан-гол (Уланэн-гол) 747—750
Улан-дабан 632, 897
Улан-дэлэлэн-хада 846
Улан-саба, дол. 820
Улан-хада 550
Улан-хошу, уроч. 835, 877
Улан-чулу-бичиктэ 730
Улан-эргэ (иргэ) 765, 766, 773, 920
Улхуин-булун, уроч. 560, 562, 565, 567, 569—571, 574, 578, 580, 584, 590, 594, 640, 700, 716, 717
Улхуин-саманды, сопки 581
Улхуин-ходэн-хошу 581, 582
Ульцзуйтэ-хошу 560, 561, 577
Улэн (Улан)-худук 841, 869, 873, 875
Улэн-ама 841
Улэн-даба 872, 873
Улястэн, ущ. 655
Улястэн-гол 647, 648, 650, 698, 747, 749, 756
Улясутай, гор. 106, 295, 763—765, 905
Унчжюль (Унчжуль), г. 561, 565, 581, 586
Уоша, г. 103
Уптэн-ама 734, 745, 746
Уптэн-гол 625-627, 697, 737, 739
Уптэн-дабан 740
Урал 29, 30, 35, 144, 170, 320
Ургинский р-н 16, 48
Уртон-ама 926, 927
Уртон-гол 925, 926
Уртэн-дабан 719
Урум-баир 580
Урянхайский край 436
Усть-Кяхта, пос. 33, 35, 170, 309

Уул-худук 831, 832, 863, 881, 882, 884, 886, 887, 891, 893—895
Уха-обо 767, 773, 774, 779, 782, 786, 797, 818, 920
Ушик-убур, г. 778
Ушук (Ушуктэн)-дабан 897
Ушук-ула 898, 913
Уэльсэн-худук 869

Финляндия 961
Финский залив 827
Франция 60, 517, 521, 578, 935
Фудзияма, влк. 649

Хабаровск, гор. 298, 389
Хабрен-худук 869, 871, 872
Хадату (Ходату, Хотату) см. Ходату
Хайлар, гор. 481, 605
Хайлистэн-ула 850, 852
Хайрхан, г. 589, 590, 593, 606, 607, 615, 651—654, 686, 717, 751, 756, 797, 818, 920
Хайя-гол 604
Халтэрэ-ама 837, 842, 877
Халтэрэ-нуру 837, 838, 875—878
Халтэрэ-худук 837, 876
Халцзан, г. 601
Халцзан-дабан 110, 143, 149, 164, 178, 181, 216, 294, 301, 308, 329, 331, 336, 525, 544
Хамар-дабан 469
Хамыр-ама 739, 746, 747
Хангай, хр. 18, 60, 217, 221, 224, 317, 335, 465, 478, 560, 625—632, 639—641, 643—650, 654, 656, 663—665, 671, 672, 679, 691, 695—697, 699, 704, 706, 708, 711, 720—728, 730, 733—737, 739, 747, 750, 751, 756, 757, 762, 764, 765, 767, 774, 777, 794, 797—799, 803, 809, 818, 819, 878, 882, 888, 892—894, 898, 903, 905, 906, 909, 910, 912, 913, 918—920, 922—925, 929, 934, 940, 946, 962
Хангэ, г. 623
Хан-кокшун-ула 632, 639—641, 661, 674, 681, 757, 764, 773, 774, 776, 797, 799, 818, 828, 887, 911, 915, 918—920, 923—925, 934, 937, 949
Хан-Кэнтэй см. Кэнтэй-хан
Хан-ула 767, 778—780, 797, 819, 820, 892, 898, 899, 913
Ханькуйский хр. 509
Ханькуйское ущ. 509
Хапцагай-гол 719
Хапцагайту, р. 769
Хара, р. 41, 107, 169, 180, 215, 223, 231, 262, 272, 273, 275, 281, 283, 285, 287, 300, 303, 304, 307, 308, 314—318, 320, 331, 337, 356, 357, 362, 368, 388, 405, 447, 487, 521, 525
Хара-доба, о. на оз. Орок-нор 827
Хара-нор (нур) 86, 103
Хара-нюдун, кол. 782
Харат, г. 597
Хара-тологой 871
Хара-тологойнэн-нуру 601
Хара-ула 818
Хара-хото, мертвый город 10, 12, 13, 18, 42, 59, 63, 66, 86, 87, 101, 142, 159, 166, 171, 182, 199, 221, 284, 300, 301, 317, 323, 353, 389, 394, 400, 402, 420, 423, 424, 426, 427, 434, 438, 441, 450, 452, 456, 477, 478, 508, 538, 615, 630, 635, 660, 691, 695, 699, 707, 709, 712, 729, 788, 801, 803, 804, 809, 816, 829, 845, 853—855, 857—862, 866, 876, 882, 892, 904—906, 911, 912, 915—917, 919, 940
Хара-хошу (хушу) 625, 627
Харбин, гор. 30, 37, 38, 48, 66, 115, 125, 131, 132, 135, 137, 146, 148, 157, 291, 309, 397, 445, 455, 482, 488, 495, 510, 518, 551, 701, 711, 721, 760, 786, 943, 947
Харин-нор 577
Харюльтэн-гол 821
Хашата 796
Хинган, хр. 512
Хобрэн-худук 843, 844
Хобур, уроч. 103
Ходату (Хотату, Хадату), уроч. 102, 103
Холбольчж, оз. 895
Холбольчжин-нуру 821
Холт 18, 102, 782, 783, 787, 789, 796—799, 801, 805, 806, 809, 816, 817, 829, 832, 854, 855, 860—862, 865, 887, 890, 892—894, 899—904, 907, 910, 912, 913, 915—919, 924, 927
Холусутэн-хундэ, дол. 550
Хонгор 307
Хонгэль-ама 842
Хонтэ, г. 102
Хотан, гор. 946
Хотан-дарья, р. 856
Хотухтэ-лама 640

Хошу, г. 843
Хошун-хит см. Даши-тойлэн
Хуан-хэ (Хуанхэ), р. 10, 75, 202, 252
Хуйтэн-хурул, монастырь 625, 627
Хулэстэн-булык 838, 876
Хулэстэн-ула 845
Хунцал 212, 221
Хуныгэн-ама 747
Хурлэн-худук 854, 864, 865
Хурлэн-хундэ 805
Хуртэ-нор 650
Хурумтэн-холюн-усу 926
Хурун-булу, г. 649, 655
Хурху, хр. 58, 674
Хурэндэль-ама 633, 637
Хурэндэль-гол 639
Хурэн-тологой 633, 637
Хустэн-булык 834
Хустэн-даба 834
Хусэ-хамыр 822
Хухо-тологой 41
Хуху-нуру 820
Хуху-обо, пер. 218
Хух-Хото, гор. 972
Хуцэ, г. 894, 895
Хуцэ-булык-худук 837
Хэрмлюк 233, 242, 246, 307
Хэтрун-ама, ущ. 635, 637, 643, 644, 658, 672, 678, 700, 724, 728, 730, 734, 736, 737, 747, 752
Хэтрун-дабан 632

Цаган-баргусутай, уроч. 716
Цаган-булак, уроч. 366
Цаган-гол 639, 641
Цаган-гол-имэнэ-аршан 639
Цаган-дабан 474, 625, 699
Цаган-нор 224, 514, 515, 552, 674, 819
Цаган-обо (нэн)-даба, пер. 870
Цаган-сар, котл. 613, 728, 836
Цаган-тологой 837, 876—878
Цаган-хубу, р. 798
Цаган-чулу, р. 735, 762
Цаган-чулу (тэн)-булык 606, 607
Цаган-эргэ 647, 652, 654, 665, 756
Цайдам, геогр. обл. 12, 13, 18, 50, 53, 58, 65, 76, 82, 87, 93, 142, 172, 325, 423, 425, 429, 432, 433, 434, 454, 466, 480, 482, 655, 945, 946, 959
Царское (Детское) Село 80, 402, 406, 415, 418, 451, 814
Центральная Азия 9, 10, 12, 13, 19, 20, 27, 38—40, 46, 47, 53, 61, 69, 72, 74—76, 93, 98, 103, 106, 108, 112, 165, 172, 186, 196, 200, 208, 274, 301, 313, 318, 320, 376, 380, 394, 398, 423, 461, 476, 483, 497, 507, 516, 517, 543, 571, 584, 655, 667, 711, 713, 728, 803, 836, 893, 904, 910, 912, 932, 937, 939, 943, 957, 961, 962, 965—967, 969, 971
Цзогэн-булык 821
Цзойлин-сумэ 930
Цзульгэтэн-гол 765
Цзун-богдо, г. 823, 826, 828, 829, 831, 832, 891, 898
Цзун-модо (Дзун-модо) 16, 133—135, 141, 143—146, 148, 150, 153—155, 162, 167, 177, 182, 185—187, 193, 206, 218, 219, 260, 263, 267, 269—271, 273, 276, 280, 281, 286, 288, 290, 292, 293, 296, 299—301, 316, 320, 388, 432, 472, 483, 487, 523—525, 528, 530, 542, 545, 935, 946
Цзун-ридэ, монастырь 737, 759
Цзун-тушемил, г. 850
Цзун-улан-ама 737, 751, 752
Цзун-хайрхар, г. 622
Цзун-хит 684
Цзурумтэ 182—184, 187, 191, 192, 195, 196, 201, 206, 207, 211, 212, 220, 221, 254, 263, 273, 278—280, 283, 288, 290, 293, 301, 302, 305, 326, 341, 342, 368, 486, 545, 546, 935
Цзэгэстэ-гол 607—609, 615—617, 622, 721, 757
Цзэргэлэ, г. 884, 885, 892, 894, 904
Цзянсу 970
Цинхай 959
Цэцэрлик (Цэцэрлэг), гор. 693, 728, 733, 754, 760, 775, 929
Цэцэрлик-мандал 941

Чамалхайнэн-худук 778, 779
Чамдо, ущ. 335
Чандомын, г. 632, 637, 725, 729, 757
Чацеринг-худук 329, 946
Черемхово, гор. 32
Чжалантунь, гор. 33, 37, 38
Чжисэ-ула 626
Чжэрку 335
Чикой, р. 391, 472

Чита, гор. 14, 38, 43, 166, 221, 950
Чойрэн, г. 499, 586, 589
Чойрэн, ст. 150, 498, 499, 511, 512, 514
Чокчэн-догын (Чойрэн) 670, 671, 683
Чортэн-догын 592
Чортэн-тон, монастырь в Каме 72, 648, 750, 842
Чотхолун (Чооточлун), р. 821
Чулу-байшэн 770, 771
Чусовая, р. 29
Чэпсырь, ст. 500, 510
Чэтэн-гол, р. 835, 878

Шаголин-Намдзил 86
Шанхай, гор. 76, 538
Шанэг, ключ 932
Шара-сумэ 348
Шара-таш, уроч. 30
Шарахай-хунде 341
Шара-худук 872
Шара-хулусун, уроч. 68, 98, 540, 549, 553, 729, 804
Шара-хутус, пер. 842
Шарга (Шарго)-моритэ, ущ. 55, 224, 294, 301, 308, 314, 374
Шарин-гол, р. 606
Шарлэ-магнэ, г. 632, 641
Ша-чжоу, гор. 971
Швейцария 201
Швеция 80, 172, 960
Шибэрты (Шибертэ) 650, 651, 654, 656, 736, 798, 925
Ширэ, г. 820
Ширэ-ама 893
Ширэ-ундур, скалы 888, 893
Шорongэн-ама 628
Шурунгэн (Шуругин)-гол 639
Шутэ, уроч. 652

Щабу-гус-худук 870

Эма-шань, горн. обл. 68
Энгэри, г. 869
Эрдэни 850, 852, 869
Эрдэни-тологой 835
Эрдэни-цзу (дзу), монастырь 574, 603, 606
Эрэнь-тологой 835
Эха-обо 780
Эцзин-гол (Эдзин-гол) 10, 12, 13, 18, 165, 337, 426, 478, 497, 515, 528, 549, 553, 635, 637, 659, 660, 691, 695, 718, 722, 724, 727, 774, 795, 801, 803, 809, 815, 825, 827, 831—833, 843, 844, 846, 849—851, 853—858, 861—863, 865, 866, 868, 892, 904, 905, 910, 919

Юй-мынь-сынь, гор. 516
Юм-бэйсэ-хошун 60, 693, 718

Якутия (Якутская АССР) 401, 968
Ялу (Ялуцзян), р. 38
Ялуторовск, гор. 30
Ян-цзы-цзян (Янцзы, Янцзыцзян), р. 10—12, 23, 65, 196, 351, 400, 426, 429, 432, 459, 470
Яныш-такиль, уроч. 443
Япония 39, 509, 536, 731, 958, 970
Яссы, гор. 11

Berck Plage, гор. 956

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	—	Архив внешней политики РФ
Акцентр	—	Управление научными учреждениями Академического Центра Наркомпроса
АН	—	Академия наук
АРГО	—	Архив РГО
БИН АН	—	Ботанический институт АН
БМ АССР	—	Бурят-Монгольская АССР
Бурревком	—	Бурятский революционный комитет
ВАСХНИЛ	—	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
ВОКС	—	Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ВО ОГПУ	—	Восточный отдел ОГПУ
ВСНХ	—	Высший Совет народного хозяйства
ВСО РГО	—	Восточно-Сибирский отдел РГО
ВЦИК	—	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	—	Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ	—	Государственный архив РФ
ГВО	—	Государственная внутренняя охрана МНР
Главнаука	—	Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений Наркомпроса РСФСР
РГО (ИРГО, Г(Р)ГО, ВГО)	—	Русское географическое общество (1845—1850; с 1993); Императорское Русское географическое общество (1850—1917); Государственное (Русское) географическое общество (1917—1938); Всесоюзное географическое общество (1938—1993)
ГПУ, ОГПУ	—	Государственное политическое управление (1922—1923), Объединенное государственное политическое управление (1923—1934)
ЗИН АН	—	Зоологический институт АН
ИВ АН	—	Институт востоковедения АН
ИККИ	—	Исполком Коминтерна
ИНО ГПУ	—	Иностранный отдел ГПУ (ОГПУ)
КВЖД	—	Китайско-Восточная железная дорога
КИМ	—	Коммунистический интернационал молодежи

КУТВ	—	Коммунистический университет трудящихся Востока
КУТК	—	Коммунистический университет трудящихся Китая
ЛВИ	—	Ленинградский восточный институт
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛИЖВЯ	—	Ленинградский институт живых восточных язков
МВД	—	Министерство внутренних дел
МГУ	—	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИД	—	Министерство иностранных дел
МНА	—	Монгольская народная армия
МНП	—	Монгольская народная партия (1921—1925)
МНРП	—	Монгольская народная революционная партия (с 1925)
МНР	—	Монгольская Народная Республика
МНХ	—	Министерство народного хозяйства
Монголэкс	—	правительственная экспедиция по заготовке скота в Монголии для нужд действующей армии (1915—1917)
Монцекоп	—	Центральный потребительский кооператив МНР
Наркомзем	—	Народный комиссариат земледелия
Наркоминдел, НКИД	—	Народный комиссариат по иностранным делам
Наркомюст	—	Народный комиссариат юстиции
Наркопрос, НКП	—	Народный комиссариат просвещения
НК РКИ	—	Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
РВС	—	Революционный военный совет
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории
РККА	—	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РОСТА	—	Российское телеграфное агентство
СНК, Совнарком	—	Совет народных комиссаров
СО АН СССР	—	Сибирское отделение АН СССР
СПбФ АРАН	—	Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СПбФ ИВАН	—	Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения АН
СТО	—	Совет труда и обороны
ТКО РГО	—	Троицкосавско-Кяхтинское отделение РГО
Учком, Монучком	—	Ученый комитет Монголии
ЦГА СПб.	—	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦЕКУБУ, КУБУ	—	Центральная комиссия по улучшению быта ученых, Комиссия по улучшению быта ученых
ЦИК	—	Центральный исполнительный комитет
ЦКК	—	Центральная контрольная комиссия
ЧОН	—	Части особого назначения

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 5

П. К. Козлов и его Монголо-Тибетская экспедиция 1923—1926 гг. (*А. И. Андреев, Т. И. Юсупова*) 9

Условные обозначения 20

Географический дневник Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. № 1 21

Дневник географический и описательный по наблюдениям природы и человека Тибетской экспедиции РГО 1923—1926 гг. № 2 175

Дневник географический и описательный по наблюдениям природы и человека Тибетской экспедиции РГО 1923—1926 гг. № 3 371

Географический дневник Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. № 4 . . . 563

Географический дневник Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. № 5 791

ПРИЛОЖЕНИЯ

П. К. Козлов. Научные материалы Монголо-Тибетской экспедиции ГРГО, добытые и доставленные в Ленинград (1923—1926) 953

Карта маршрутов Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923—1926 гг. 956

Примечания 958

Список названий животных и растений 977

Монгольские, китайские, санскритские и тибетские термины 984

Краткая библиография Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923—1926 гг. 989

Именной указатель 993

Указатель географических и топографических названий 1025

Список сокращений 1037

Научное издание

ПЕТР КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ

ДНЕВНИКИ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1923—1926

(Научное наследство. Т. 30)

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Научное наследство»
Российской академии наук

Редактор издательства *Н. А. Никитина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Е. И. Егорова*
Корректор *Е. Я. Лапинь*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 10.06.03. Подписано к печати 29.11.03.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 87.4. Уч.-изд. л. 88.2.
Тираж 1500 экз. Тип. зак. № 3017. С 5

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-027094-6

